РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ТОМЪ I.

Ааронъ — Императоръ Александръ II.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя **Императорскаго** Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Госуд. ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
36281-46

1935. X. 1591.

Въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ, въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, въ 1876 году, была высказана мысль о желательности изданія русскаго біографическаго словаря.

Первымъ и крупнымъ шагомъ къ осуществленію этого желанія послужило напечатаніе двухъ томовъ «Сборника», заключающихъ шестьдесятъ тысячъ именъ отечественныхъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ труда и жизни.

Сознавая, для дальнѣйшаго успѣшнаго достиженія Высочайше указанной Обществу Августѣйшимъ Предсѣдателемъ цѣли, необходимость объединенія направленныхъ къ ней усилій, Предсѣдатель Общества, А. А. Половцовъ, принялъ на себя лично завѣдываніе этимъ дѣломъ, коему выразили готовность содѣйствовать лица и принадлежащія, и непринадлежащія къ Обществу.

Представляя нынѣ русскому обществу первый томъ біографическаго словаря дѣятелей, заслужившихъ право на память въ потомствѣ, редакція, по мѣрѣ силъ своихъ преодолѣвающая встрѣчаемыя ею трудности и препятствія, сознаетъ неизбѣжныя несовершенства и недостатки своего изданія; она надѣется, тѣмъ не менѣе, что тѣ, коимъ дороги успѣхи отечественной исторіи, сердцу коихъ близка наша государственная и народная слава, снисходительно отнесутся къ настоящему тому и, ознакомясь съ нимъ, оцѣнятъ искреннее трудолюбіе осуществителей пожеланія на пользу Россіи пламенно любившаго ее Царя.

Ааронъ, епископъ корельскій и ладожскій, до постриженія Аѳанасій Владиміровичъ *Еропкин*ъ, въ схимѣ Алипій, род. около 1663 г., постриженъ 6 авг. 1691 г., умеръ 1 мая 1740 г. Какъ дворянинъ древняго рода, онъ началъ службу при царскомъ дворѣ и въ 1686 г. пожалованъ въ стольники, но затѣмъ, съ утратою власти правительницею, царевною Софьею Алексѣевною, добровольно отрекся отъ свѣта и, въ бытность митрополитомъ въ Новгородѣ преосвященнаго Іова, питавшаго къ нему чувства дружбы, изъ намѣстниковъ Ниловой пустыни, и затѣмъ Крестнаго монастыря (1700 г.), возведенъ въ санъ архимандрита Иверскаго валдайскаго монастыря (въ январѣ 1704 г.). 27-го декабря 1708 г. Ааронъ переведенъ настоятелемъ Юрьева монастыря, а 24 янв. 1714 г. рукоположенъ въ епископа корельскаго, викарія Новгородской епархіи. Послѣ кончины, 3-го февраля 1716 г., митрополита Іова, Ааронъ управлялъ епархіею пять лѣтъ, до назначенія архіепископомъ новгородскимъ Ѳеодосія (Яновскаго), а затѣмъ отошелъ на покой въ Нилову пустынь. 29 января 1728 г., Ааронъ вызванъ былъ снова на должность викарнаго Новгородской епархіи, которою управлялъ въ то время архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, но вслѣдствіе возникшихъ между ними недоразумѣній, въ 1730 г. отпущенъ вторично въ Нилову пустынь. Живя тамъ, онъ написалъ въ 1735 г. прошеніе къ Императрицѣ отъ имени ниловскихъ монаховъ, изъ которыхъ многіе пострижены были безъ указа, о чемъ сдѣлалось извѣстно Св. Синоду и что составляло въ то время тяжкое преступленіе. Императрица отдала прошеніе Ѳеофану. Вмѣшательство въ дѣло ниловскихъ монаховъ навлекло на Аарона строгость усиленнаго надзора, продолжавшагося до самой его кончины.

Строевъ, «Списки іерарховъ» кол. 38, 46, 52. Рачинскій, «Нилова пустынь». В. Успенскій, «Краткій очеркъ жизни Аарона Еропкина, еп. корельск. и ладож.» Тверь. 8°. 1890. 165 стр. Письма къ нему Ѳеофана Прокоповича, напеч. въ соч. И. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время». Спб. 1868, стр. 583—586.

Ааронъ, въ 1720 г. игуменъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря; 10 марта 1721 г. переведенъ въ г. Переяславль, настоятелемъ Борисоглѣбскаго монастыря „на горѣ"; съ временнымъ закрытіемъ его въ 1725 г., переведенъ въ Карашскій Воскресенскій монастырь, Ярославской епархіи, гдѣ и умеръ въ 1730 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 207, 713, 373 и 984.

Ааронъ, до постриженія Андрей Дмитріевичъ *Морякин*ъ, архимандритъ, намѣстникъ Александро-Невской лавры, изъ мѣщанъ, род. въ г. Карачевѣ 30 ноября 1780 г., умеръ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, 18 апрѣля 1844 г. Почти безъ посторонней помощи научившись грамотѣ, Морякинъ много читалъ, въ особенности, медицинскихъ и ветеринарныхъ книгъ. Сперва онъ занимался леченіемъ животныхъ, а потомъ перешелъ къ врачеванію людей, довольно удачно, простыми средствами. На 26 году отъ роду, Морякинъ ушелъ въ монастырь и черезъ четыре года постригся въ Бѣлобережской пустынѣ. Четыре года спустя, Ааронъ уже завѣдывалъ на Валаамѣ покупкою хлѣба для обители. Въ 1820 г. Аарона приняли подъ-экономомъ въ архіерейскій домъ, въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ 26 февраля 1821 г. при митрополитѣ Михаилѣ онъ возведенъ въ санъ іеромонаха. Преемникъ Михаила, Серафимъ назначилъ Аарона (18 января 1826 г.) строителемъ Перекомскаго новгородскаго монастыря и (1827 г.) игуменомъ Отней пустыни, оставляя при себѣ въ Петербургѣ. Въ это время лечебная практика Аарона расширилась и породила молву, заставив-

шую его сложить игуменство и удалиться въ число братіи въ Юрьевъ монастырь (1829 г.), но съ наступленіемъ холеры (лѣтомъ 1831 г.) митрополитъ вызвалъ Аарона опять въ лавру, надѣясь пользоваться его врачебными совѣтами. Въ 1835 г. Ааронъ назначенъ экономомъ лавры, 25 марта 1839 г. возведенъ въ санъ архимандрита Зеленецкой пустыни, а 3 ноября 1842 г. назначенъ намѣстникомъ лавры. Послѣ кончины митрополита Серафима, 17 января 1843 г., опредѣленіемъ Св. Синода 31 декабря 1843 г., Ааронъ назначенъ настоятелемъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Рязани. Болѣзнь не дала ему возможности выѣхать изъ Петербурга, и онъ скончался на 64 году жизни.

Дѣла архива Александро-Невской лавры объ Ааронѣ и формулярный его списокъ.

Ааронъ, до постриженія Алексѣй Захаровичъ *Нарциссовъ*, епископъ архангельскій, род. въ 1771 г., умеръ 15 января 1841 г., въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ съ 14 сентября 1830 г. на покоѣ. Получивъ образованіе въ Московской духовной академіи, Нарциссовъ назначенъ катехизаторомъ и проповѣдникомъ въ ней. Въ отчетѣ академіи Св. Синоду за 1807 г. о дѣятельности его сказано слѣдующее: „Катехизисъ и евангелія воскресныя публично въ недѣльные дни во весь годъ толкованы были нѣмецкаго языка учителемъ Нарциссовымъ, который написалъ систематическій курсъ онаго катехизическаго ученія, съ пріобщеніемъ по сличности истолкованія воскресныхъ евангелій чрезъ цѣлый годъ, представивъ оное занятіе въ московское академическое правленіе“.— Этотъ курсъ съ толкованіемъ евангелій, написанный прекраснымъ языкомъ, былъ первымъ литературнымъ трудомъ Нарциссова. Прочитавъ его переводъ книги „Зрѣлище креста Христова“, митрополитъ Платонъ одобрилъ эту книгу для печати резолюціею 30 декабря 1808 г.: „Содержаніе благоразумно, переводъ чистъ, дѣлаетъ похвалу трудившемуся, достоинъ видѣть свѣтъ, а я о таковыхъ трудолюбцахъ радуюся“. Содержаніе „Зрѣлища креста Христова“ составляютъ переводы статей І. Тица: „Умирающій Мессія, совершенный нравоучитель“; І. Даублера: „Утѣшеніе мученика, почерпаемое изъ жизни Іисуса“, и Лактанція: „Распятый Іисусъ“. Въ 1810 году Ааронъ постригся, а въ 1812 назначенъ ректоромъ Пензенской семинаріи съ настоятельствомъ въ пензенскомъ Спасскомъ монастырѣ; въ 1815 г. переведенъ въ Нижеломовскій казанскій монастырь, а 1821 г. назначенъ настоятелемъ Толгскаго монастыря и ректоромъ Ярославской семинаріи. На епископство въ Архангельскъ Ааронъ рукоположенъ 14 февраля 1826 г., но на каѳедрѣ былъ недолго. По доносу священника Калинникова, посланному къ оберъ-прокурору и заслушанному Св. Синодомъ, найдено противозаконнымъ благословеніе преосвященнымъ Ааромъ закладки англиканской церкви (11 іюня 1828) въ Архангельскѣ и, по резолюціи Государя Императора, сдѣланъ ему выговоръ, о чемъ онъ извѣщенъ письмомъ митрополита Серафима, отъ 8 ноября того же года. Спустя годъ, испросивъ увольненіе на покой, Ааронъ получилъ въ управленіе Донской монастырь (14 сентября 1830 года). Живя тамъ, онъ продолжалъ заниматься сочиненіями и переводами. Въ 1831 г. Ааронъ перевелъ съ англійскаго: „Пища ежедневная для христіанъ, или книга, содержащая въ себѣ обѣтованія, и подкрѣпленія, и утѣшенія, заимствованныя изъ Священнаго Писанія, на каждый день года“; въ 1835 г. тоже съ англійскаго соч. Рич. Бакстера: „Воззваніе къ новообращеннымъ“ и въ 1841 г. того же автора, „О вѣчномъ покоѣ святыхъ“ (въ сокращеніи). По смерти Аарона, въ 1845 г. издано переведенное имъ съ нѣмецкаго изъ сочиненій Іерузалема— „Руководство къ познанію Спасителя міра“. Изъ оригинальныхъ проповѣдей Аарона изданы отдѣльно только двѣ, произнесенныя въ Петербургѣ: первая—въ 1821 г. въ недѣлю Православія, о томъ, что Христосъ не ложный Мессія, а вторая — въ 1822 г., въ день рожденія Императора Александра I (12 декабря).

Смирновъ, «Исторія Троицк. семинаріи», стр. 415. «Др. и Нов. Россія», т. I, 1876 г., стр. 392—5, ст. Морошкина.—Отзывы о талантѣ и литературныхъ достоинствахъ трудовъ преосв. Аарона находятся: въ «Обзорѣ духовн. литературы» Филарета, кн. 2, стр. 176—7 и въ статьѣ (некрологической) о немъ въ «Москвитянинѣ» 1842 г., т. III, стр. 278—9. Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 345, 815, 975—7. Юрій Толстой, «Списки архіереевъ», № 253 (стр. 33). Катал. Смирдина сына, стр. 2, 9 и 12; «Роспись книгъ», стр. 51.

Ааронъ, монахъ, съ 1695 по 1722 г. затворникъ Борисоглѣбскаго переяславскаго монастыря, род. въ 1688 г.; привлеченъ былъ по дѣлу о ростовскомъ архіе-

реѣ Досиѳеѣ, какъ предсказыватель. При первомъ дознаніи, въ 1718 г., Аарона оставили въ покоѣ, найдя, что съ 13 лѣтъ затворенный одинъ, въ башнѣ, онъ разстроилъ умственныя способности. Это подверждается и темными, малопонятными отвѣтами его при допросахъ. Но при второмъ разборѣ процесса онъ найденъ въ здравомъ умѣ и посланъ, для безвыходнаго пребыванія, въ Соловецкій монастырь; отсюда онъ исчезъ, неизвѣстно куда, 26 іюня 1726 года.

«Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Син.», т. II, ч. I, стр. 348—52.

Ааронъ, архіепископъ архангелогородскій и холмогорскій. Въ 1734 г. назначенъ въ настоятели московскаго Чудова монастыря, переведенный сюда изъ ярославскаго Спасскаго монастыря, и опредѣленъ членомъ Св. Синода. Въ 1735 г. 23 августа назначенъ архіепископомъ въ Архангельскъ, а 28 декабря посвященъ въ епископы въ присутствіи Императрицы Анны и оставленъ въ С.-Петербургѣ на годъ для присутствованія въ Синодѣ. 10 іюля 1736 г. онъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ прочими членами Синода (кромѣ Ѳеофана), при присягѣ взятаго къ допросу архіепископа тверскаго Ѳеофилакта Лопатинскаго. 1 ноября присутствовалъ при допросахъ въ тайной канцеляріи предмѣстника своего, чудовскаго архимандрита Евѳимія Калети, лишеннаго сана и умершаго въ крѣпости въ 1738 году. Затѣмъ отправленъ въ епархію, и вскорѣ (7 мая 1738 г.) скончался.

Дѣло архива Св. Синода, 1735 г., № 117. Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 814; Ю. Толстой, «Списки архіереевъ», № 47.

Абаза, *Платонъ Никандровичъ*, дѣйств. членъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи, род. въ 1798 г., умеръ 27-го января 1862 г., въ Харьковѣ. Съ 1823 г. находился въ отставкѣ съ чиномъ ротмистра. Извѣстенъ какъ практикъ сельскій хозяинъ, овцеводъ и писатель по сельскому хозяйству. Статьи его: въ 1838 г.—„О пользѣ учрежденія выставки овецъ въ Харьковѣ“, въ 1844—„Свѣдѣнія объ овцеводствѣ“ (въ имѣніи автора), въ 1860—„Конныя грабли“ и „О выставкѣ тонкошерстныхъ барановъ“, а въ 1861 г.—„Причина объѣданія овцами одна у другой шерсти и средства отвращенія этого зла“.

«Родосл. Сборникъ» Руммеля, I, стр. 6. Палимпсестовъ, «Сборникъ о сельскомъ хозяйствѣ юга Россіи» 1830—1868 гг. (Одесса. 1868), стр. 665—667. Энцикл. Слов. I, стр. 14. «Газета Сельск. Хоз.», 1862 г. № 46. Словарь Толля, I, 2.

Абазинъ, съ 1680-хъ годовъ полковникъ казачьяго Браславскаго полка, въ Заднѣпровской половинѣ Малороссіи, боецъ за православіе и народность противъ поляковъ, татаръ и турокъ. Ближайшій соратникъ гетмана Самуся, Абазинъ съ нимъ и Паліемъ разбилъ поляковъ подъ Бердичевымъ. Послѣ ссылки Палія въ Сибирь, Абазинъ не подчинился Мазепѣ, и еще разъ, подъ Браславлемъ въ 1695 г., разбилъ татарскихъ мурзъ. Онъ назывался браславскимъ полковникомъ и послѣ 1700 г.

«Архивъ Юго-Зап. Россіи», ч. III, т. 2, стр. 369, 751—2 стр. «Лѣтопись Самоила Величко», т. II, 550 и т. III, 219. «Лѣтопись гадячскаго полковника Григорія Грабянки», стр. 241 и «Самовидецъ», 291.

Абаканъ, князь бурятскій, при красноярскомъ воеводѣ Петрѣ Протасьевѣ, убилъ русскихъ, посланныхъ къ нему съ подарками въ 1650 г., а въ 1653 году самъ просилъ принять его въ русское подданство, давъ шертъ.

«Дополненіе къ Актамъ Историч.», т. III, 389—90, т. IV, 180; сказка Самсонова, отписка воеводы Скрябина къ воев. Аѳан. Пашкову.

Абакумовъ, *Андрей Ивановичъ*, сенаторъ, д. т. с., род. 30 ноября 1772, умеръ 12 іюня 1841 г. Сынъ купца, Абакумовъ былъ опредѣленъ въ службу нижнимъ чиномъ въ Преображенскій полкъ, въ писаря, 12-го апрѣля 1787 г. и 15-ть лѣтъ несъ тяжелую службу до производства въ первый офицерскій чинъ. Получивъ дома нѣкоторое образованіе, выказывая большія способности и успѣшно выполняя разныя порученія начальства, Абакумовъ произведенъ черезъ годъ послѣ коронаціи Александра I, 25 сентября 1802 г., въ подпоручики, съ назначеніемъ въ штатъ генералъ-инспектора войскъ въ столицѣ, графа Татищева. При немъ и при преемникахъ его по должности (графѣ Толстомъ, Вязмитиновѣ и кн. Лобановѣ-Ростовскомъ) Абакумовъ состоялъ завѣдывающимъ продовольствіемъ столичныхъ войскъ; въ 1803 г. онъ переименованъ въ гражданскій чинъ 9 кл. Упорная глазная болѣзнь заставила Абакумова въ 1809 г. выйти въ отставку, съ чиномъ 7 класса. 13 апрѣля 1811 г. онъ вновь поступилъ на службу по провіантской части, коммиссіонеромъ, а 25 мая 1812 г., ему ввѣрено завѣдываніе провіантскимъ депо при арміи. Служа подъ начальствомъ

*

помощника генералъ - провіантмейстера Канкрина и пользуясь его широкими полномочіями, Абакумовъ вполнѣ оправдалъ довѣріе начальства. Во все время движенія отъ границъ нашихъ до Москвы и обратно, до Вильны, ополченцы и регулярныя войска находили по пути слѣдованія провіантъ и фуражъ. Государь лично убѣдился въ этомъ, находясь въ Вильнѣ, черезъ которую два раза проходили наши и непріятельскія войска, и пожаловалъ усердному и распорядительному провіантмейстеру, 6 декабря 1812 г., орденъ Владиміра 4 ст. 6 февраля 1813 г., при выступленіи за границу русскаго авангарда, Абакумова назначили оберъ - провіантмейстеромъ. Дѣйствія его при выполненіи новыхъ, еще болѣе трудныхъ обязанностей были настолько одобряемы всѣми во время похода русскаго войска по Германіи и Франціи,что, послѣ торжественнаго вступленія въ сдавшійся Парижъ, Абакумовъ назначенъ военнымъ совѣтникомъ 25 апрѣля 1814 г., какъ сказано въ грамотѣ, „за усердіе и особенную дѣятельность по продовольствію авангарда въ теченіе трехъ кампаній“. Вслѣдъ затѣмъ, 27 мая 1814 г., онъ получилъ орденъ св. Анны 2 ст., 16 марта 1815 г. произведенъ въ полевые генералъ-провіантмейстеры, а 18 сентября того же года получилъ чинъ стат. сов. По возвращеніи въ отечество, Абакумовъ, исправляя неоднократно должность генералъ-интенданта арміи, 4 ноября 1816 года опредѣленъ генералъ-провіантмейстеромъ Главнаго Штаба и директоромъ провіантскаго департамента Военнаго Министерства. Опредѣленіе на эту должность Абакумова совпало съ обнаруженіемъ злоупотребленій по счетамъ за хлѣбъ. Интендантство требовало изъ государственнаго казначейства больше, чѣмъ показывали въ своихъ вѣдомостяхъ поставщики; за удовлетвореніемъ получателей, излишки раздѣлялись между чинами провіантскаго департамента. Абакумову пришлось, по вступленіи въ должность, разслѣдовать эти злоупотребленія, послѣ чего виновные были преданы суду. Управленіе Абакумова являлось совершенною противоположностью съ предшествующимъ: онъ не только не требовалъ ничего сверхъ положеннаго, но и успѣлъ сдѣлать значительную экономію. Это засвидѣтельствовано Высочайшею грамотою при пожалованіи ему ордена Владиміра 2 ст., 19 августа 1821 г. Въ д. с. с. Абакумовъ произведенъ 5 апрѣля 1819 г., а нѣсколько ранѣе, 14 февраля, ему пожалована въ аренду, мыза (16 гаковъ) Платенгофъ, Дерптскаго у. Съ воцареніемъ Императора Николая I произведенный въ день коронаціи, 22 августа 1826 г., въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ сенаторомъ, Абакумовъ управлялъ еще годъ провіантскою частію, получивъ Высочайшее благоволеніе за устройство продовольствія войскъ, собранныхъ въ Москвѣ для торжества коронаціи. При открытіи войны съ турками, онъ 12 апрѣля 1828 г. назначенъ главноуправляющимъ продовольственною частію дѣйствующей арміи. Въ день рожденія своего, 25 іюня 1828 г., Императоръ Николай I пожаловалъ Абакумову табакерку со своимъ портретомъ за безостановочное и во всѣхъ отношеніяхъ исправное довольствіе войскъ. Къ кампаніи 1829 г. вызванъ былъ другой спеціалистъ по провіантской части, сенаторъ В. К. Безродный, которому поручено было контролировать дѣйствія Абакумова. Безродный ограничилъ кругъ своихъ обязанностей наблюденіемъ, по порученію Дибича, за отчетностью канцеляріи Абакумова. Обслѣдованіе Безроднаго не открыло злоупотребленій и, несмотря на временныя неудовольствія, Абакумовъ не только благополучно кончилъ турецкую кампанію, получивъ новую милость Государя 4 декабря 1830 г.—продолженіе аренды на 24 года, но и назначенъ начальникомъ провіантской части въ польскую войну, съ пожалованіемъ, 4 февраля 1831 г., — по особому ходатайству Дибича — ордена св. Александра Невскаго. Зная ходъ дѣлъ того времени и взгляды Цесаревича Константина Павловича на дѣла Польши, нельзя придавать особеннаго значенія неудовольствію Великаго Князя на Абакумова за дѣятельность его по обезпеченію продовольствіемъ арміи во время Польскаго возстанія, хотя, конечно, неудовольствіе это могло повліять на оставленіе Абакумовымъ поста провіантмейстера арміи, 30 іюня 1831 г. Воротясь въ столицу, Абакумовъ не переставалъ въ Сенатѣ приносить посильную пользу, занимая должность первоприсутствующаго во 2-мъ отд. 3-го департамента, до самой кончины своей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при торгахъ по питейному откупу, онъ присутствовалъ въ 1-мъ департаментѣ Сената, оберегая выгоды казны.

Формулярный списокъ въ спб. сенат. архивѣ. «Русская Старина» 1878 г., № 2, ст. Карновича. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ». «Русская Старина», т. 46, 115—16, т. 45, стр. 29, т. 43. 531—2, т. 29, 903—9, т. 28, стр. 420; т. 27 стр. 771; т. 21 стр. 258; т. 32, 298, 564—5 и 18. Письма къ Дибичу Императора Николая I и отвѣты фельдмаршала Его Величеству. «Русск. Архивъ» 1878 г., кн. II стр. 162—63. Воспоминанія Маевскаго въ «Истор. Вѣстникѣ», т. I, 481. (прим. Геттуна) и т. VI, 333. Записки С. П. Шипова; «Разсказы изъ былаго времени» Ѳ. Н. Виницкаго, въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», 1874 № 1, стр. 85.

Абамеликъ, родъ армянскихъ духовныхъ, возведенный царемъ Ираклiемъ Грузинскимъ въ князья (таваде) третьей степени, когда Елена Абамеликъ, дочь свящ. Семена Охановича, сдѣлалась супругою царевича Давида Ираклiевича. Братъ этой грузинской царевны, *Давидъ Семеновичъ*, князь Абамеликъ род. въ 1774 г. и умеръ 23 окт. 1833 г. Вступивъ въ русскую кавалерiю, за отличiе въ войнахъ съ французами производимъ былъ въ чины и вышелъ въ отставку, разстроивъ здоровье, въ чинѣ генералъ-маiора. Онъ былъ командиромъ л.-гв. Гусарскаго полка и особенно отличался въ бояхъ при Аустерлицѣ и Бородинѣ. Отъ брака съ Маремой Екимовной Лазаревой (умерла въ 1844 г.), оставилъ трехъ сыновей и трехъ дочерей.

Абамеликъ, княжна, *Анна Давыдовна*, (см. *Баратынская*).

Абамеликъ, князь, *Семенъ Давыдовичъ*, род. въ 1815 г., умеръ 25 апрѣля 1888 г. съ 1830 г. воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и 6 декабря 1835 г. произведенъ въ корнеты л.-гв. Гусарскаго полка. Изъ полковниковъ въ 1859 г. Абамеликъ вышелъ въ отставку генералъ-маiоромъ; онъ весьма успѣшно занимался живописью; за картину „Св. Стефанъ Пермскiй“ удостоенъ Академiей Художествъ званiя художника. Абамеликъ писалъ портреты, выполнялъ также историческiя картины и церковную живопись для храмовъ въ своихъ имѣнiяхъ.

«Русская родословная книга», I, стр. 54—55. Формулярный списокъ кн. Д. С. Абамеликъ.

Абашевъ, *Дмитрiй Николаевичъ*, сынъ извѣстнаго дѣятеля по агрономiи Н. А. Абашева, род. въ 1829, умеръ въ 1880 г. Образованiе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ, въ 1851 г., со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Съ 1854 по 1857 г. служилъ старшимъ учителемъ естественныхъ наукъ въ 4-й московской гимназiи, избранный въ члены Московскаго общества испытателей природы, помѣстилъ въ бюллетеняхъ его: „Recherches sur la dissolubilité mutuelle des liquides“ въ 1857 г., а въ слѣдующемъ—напечаталъ свою магистерскую диссертацiю: „Изслѣдованiе о явленiяхъ взаимнаго растворенiя жидкостей“. Получивъ степень магистра химiи, Абашевъ опредѣленъ адъюнктомъ въ университетъ св. Владимiра, а въ 1859 г. отправленъ за границу на 1½ года съ ученою цѣлью и, затѣмъ, уволенъ отъ службы по болѣзни. Въ 1865 г. назначенный доцентомъ агрономiи Новороссiйскаго университета, Абашевъ въ 1868 г. защищалъ въ Харьковскомъ университетѣ диссертацiю на степень доктора химiи: „О тепловыхъ явленiяхъ, обнаруживающихся при соединенiи жидкостей“. Съ 1869 Абашевъ состоялъ экстраординарнымъ, а съ 1870 г. ординарнымъ профессоромъ агрономической химiи, въ Одессѣ, гдѣ служилъ до 1879 г.; съ 1875 г. состоялъ вице-президентомъ общества сельскаго хозяйства южной Россiи. Писалъ Абашевъ вообще немного. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1864 г., № 7, помѣщенъ его разборъ: „Химiя въ приложенiи къ земледѣлiю и физiологiи растенiй“, Ю. Либиха“ и 1865 г., № 4, „О земледѣлiи въ Англiи“; кромѣ того, въ „Запискахъ новорос. унив.“ напечатаны статьи: „О механическомъ анализѣ почвы“ (т. IV) и „Замѣчанiя на разборъ профессора Соколова“.

«Біографія словарь профессоровъ унив. Св. Владимiра», Кiевъ, 1884 г., стр. 1—2.

Абашевъ, *Николай Ивановичъ*, смоленскiй помѣщикъ и писатель по сельскому хозяйству, род. въ 1802 г., умеръ въ шестидесятыхъ годахъ. Отецъ профессора Д. Н. Абашева, одинъ изъ первыхъ, по времени, сотрудниковъ журнала „Сельское Хозяйство“. Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ статьи: въ 1827 г.—„О легчайшемъ способѣ жать и убирать съ поля колосовыя растенiя“ и въ 1829 — „О кошенiи хлѣба косами“. Вторая статья его, переработанная по новымъ опытамъ, издана отдѣльно въ 1832 г., подъ заглавiемъ: „О кошенiи ржи короткими косами“. Президентъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, членомъ котораго былъ Абашевъ, въ рѣчи своей, произнесен-

ной въ 1833 г., засвидѣтельствовалъ важную заслугу его, сказавъ, что онъ „съ успѣхомъ возобновилъ и привелъ въ исполненіе мнѣніе Петра Великаго, замѣнить въ Россіи серпы хорошими косами, для жатвы хлѣба“, чтобы облегчить труды земледѣльца. Въ 1855 году, Абашевъ издалъ, какъ результатъ 30-лѣтней сельскохозяйственной дѣятельности, „Практическое руководство къ усовершенствованію сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ Россіи“ (Спб. 8°, 176 стр., 4 табл. черт. и 17 рис.). Въ „Трудахъ Имп. вольн.-эконом. общества“, членомъ котораго былъ Абашевъ, указано, что „книга эта богата безчисленными наставленіями и указаніями“.

Энцикл. Слов., т. I. 23. «Земледѣл. Газ.» 1855 г., №№ 101—103. «Отеч. Зап.» 1856 г., № 2, отд. 3. 67—70. «Русск. Бесѣда» 1856 г., т. 2, 142—152. «Труды Имп. вольн. эконом. общ.» 1855 г., т. 2, № 6, стр. 53—55.

Абдулъ - Хаиръ, въ православіи *Андрей*, сынъ сибирскаго царя Кучума, взятый въ плѣнъ въ бою близъ озера Чили-Куль, 1 августа 1591 г., воеводою кн. Кольцовымъ-Мосальскимъ. Отвезенный въ Москву, онъ принялъ тамъ православіе въ 1599 г. Къ отцу своему, Кучуму, потерявшему уже владѣнія и скитавшемуся въ Бухарѣ, онъ еще въ 1597 г. писалъ, дѣлая предложеніе покориться царю Ѳеодору Ивановичу и воспользоваться его милостями. Съ грамотою Абдулъ-Хаира отправлена была и царская грамота, въ которой Кучуму предлагалось даже управленіе Сибирью, въ качествѣ русскаго присяжника.

«Собр. Госуд. Грамотъ», т. II, стр. 131—4.

Абд-ылъ Лат'ыфъ (Абд-эль-Летифъ), младшій сынъ, отъ дочери Темира (Нуръ-Салтанъ) казанскаго царя Ибрагима, умеръ въ 1478 г. Абд-ылъ-Лат'ыфъ въ 1485 г. назывался казанцами малолѣтнимъ, а въ 1497, по просьбѣ самихъ казанцевъ, государь Иванъ III сдѣлалъ его казанскимъ царемъ. Абд-ылъ-Лат'ыфа возвели на казанскій престолъ воеводы московскіе, князья С. Д. Холмскій и Ѳ. Палецкой, принявъ присягу народа на подданство великому князю московскому. Черезъ два года, пришелъ къ Казани Шибанскій царевичъ Абалакъ, но былъ прогнанъ войскомъ нашимъ, подъ предводительствомъ князя Ѳедора Бѣльскаго. Этотъ случай заставилъ государя Ивана III удержать въ Казани своихъ воеводъ съ войскомъ; необходимость этого доказалъ также наѣздъ ногайцевъ подъ предводительствомъ Ямгурчая и Мусы-Мурзы, державшихъ нѣкоторое время Казань въ осадѣ (1500 г.). Спустя еще два года, Иванъ III убѣдился, что Абд-ылъ-Лат'ыфъ передъ нимъ лукавитъ, дѣйствуя втайнѣ враждебно и притѣсняя сторонниковъ русской партіи въ Казани. Одному изъ нихъ, князю Калемету, Иванъ III велѣлъ схватить Абд-ыла за городомъ и привезти въ желѣзахъ въ Москву. Плѣненнаго бывшаго царя казанскаго Иванъ III послалъ въ заточеніе на Бѣло-озеро. Это оскорбило его вотчима, хана Менгли-Гирея, и жену его, мать Латыфа. Ханъ просилъ виноватаго пасынка прислать къ себѣ, и Иванъ III, освободивъ изъ заточенія Латыфа, сталъ держать его въ Москвѣ. О присылкѣ его къ себѣ въ Крымъ Менгли-Гирей упорно настаивалъ, держа цѣлый годъ посла московскаго Заболоцкаго. Когда же Латыфу дали полную свободу и отвели помѣстье Каширу, великій князь, по приговору думы своей, удержалъ его въ своей службѣ; съ своей стороны, Менгли-Гирей заключилъ новый договоръ о нерушимости стараго союза Москвы съ Крымомъ. Въ 1510 году Нуръ-Салтанъ пріѣзжала въ Москву повидаться съ сыновьями Магометъ-Аминомъ и Латыфомъ, бывшимъ передъ тѣмъ въ свитѣ государя во Псковѣ. Въ 1512 г., когда крымскіе царевичи совершили наѣздъ на русскіе предѣлы, Абд-ыль-Лат'ыфъ снова былъ заключенъ и освобожденъ только по смерти Менгли-Гирея, по просьбѣ его преемника, при подтвержденіи договора съ нимъ, 9 ноября 1517 г., получивъ опять Каширу. Вскорѣ затѣмъ (19 ноября 1517 г.) Абдылъ-Латыфъ неожиданно умеръ въ Москвѣ, лѣтъ 40 отъ роду.

Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., томы IV, VI, VIII, стр. 260—263, 19 ноября 1518. У Карамзина, смерть Аб. Лат. 8 ноября (прим. 177, т. VII). Соловьевъ, т. V., 364. Карамзинъ, т. VI (изд. Эйнерлинга), стр. 146, 168, 178, т. VII, стр. 17, 21 и прим. 177. Словарь Старчевскаго, т. I, стр. 12. Энциклопедическій Словарь, т. I, стр. 45. Арцыбашевъ «Опытъ», II, 181, пр. 646.

Аберда, *Николай Николаевъ*, крещеный калмыкъ, воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ, граверъ, ученикъ Клаубера, род. въ 1800 г., умеръ послѣ 1850 г. Работы его встрѣчаются въ коллекціи Д. А. Ровинскаго. Находясь на службѣ, по выходѣ изъ Академіи онъ не гравировалъ, а былъ учителемъ рисованія въ Гатчинскомъ сиротскомъ и женскихъ институтахъ.

Форм. списокъ въ спб. сенат. архивѣ и «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Художествъ», т. I.

Абисдаль (см. *Габихтсталь*).

Абихтъ, *Адольфъ Ивановичъ*, старшій сынъ профессора виленскаго университета, род. въ 1793, умеръ 2-го августа 1860 г., ординарный профессоръ патологіи въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1810 г. со степенью кандидата. 30 іюля 1811 г. магистръ философіи, съ 1815 г. докторъ медицины, 5-го іюля 1816 г. утвержденъ въ этомъ званіи и опредѣленъ управляющимъ гинекологическою клиникою при университетѣ. Въ 1820 г. посланъ за границу для приготовленія къ профессурѣ, на три года (по 2 апрѣля 1823 г.). Онъ путешествовалъ по Германіи и Франціи, слушалъ курсы въ Вѣнѣ и Парижѣ. 1-го сентября 1823 г. получилъ каѳедру главнаго курса патологіи въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1827 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ, а съ закрытіемъ университета, съ 1 сент. 1832 г., состоялъ профессоромъ Вилен. мед.-хир. акад. до закрытія ея. Оставшись и послѣ того въ Вильнѣ, Абихтъ поступилъ членомъ медицинскаго общества; состоя сначала секретаремъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ его, Абихтъ пользовался лестною репутаціею перваго медицинскаго консультанта въ Литвѣ. При погребеніи Абихта, Викшемскій, произнося надгробное слово, этотъ періодъ дѣятельности его охарактеризировалъ словами: „Абихтъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе медицинской практики въ Вильнѣ. Не было ни одного важнаго заболѣванія, которое обошлось бы безъ участія его въ консиліумѣ. Общественное мнѣніе и довѣріе молодыхъ врачей давали ему рѣшающій голосъ въ самыхъ запутаннѣйшихъ вопросахъ практической медицины, такъ что послѣдній періодъ его жизни можно назвать другою профессурою, не менѣе важною, чѣмъ первая". Изъ сочиненій Абихта извѣстны: «Institutiones therapiae generalis», Vilna, 1840; писанныя по-польски „Замѣчанія по части патологической анатоміи, какъ основанія медицинской системы" и „O jadach i sposobach ich leczenia". Въ 1829 г. онъ перевелъ на польскій языкъ сочиненіе Орфилы: „Sposoby ratovania w przipadkach otrucia smierci pozorney".

«Пам. кн. Вилен. губ.» на 1861—2, 140—2. Формул. спис. въ спб.сен., арх.; дѣло о родѣАбихтъ въ арх. деп. герольдіи. Krebel, «Russlands naturhistorische und medicinische Literatur», Iena, 1847.

Абихтъ (Abicht), *Іоганнъ Генрихъ* (Иванъ Крестьяновичъ), профессоръ Виленскаго университета по каѳедрѣ философіи, род. въ Фолькстедтѣ, близъ Рудольфштадта, 4 мая (нов.. ст.) 1762 г.; умеръ въ Вильнѣ 16 апрѣля 1816 года. Сынъ учителя, Абихтъ, подготовленный родителемъ, былъ лучшимъ ученикомъ рудольфштадтской гимназіи и блистательно окончилъ курсъ въ 1784 г. въ Эрлангенскомъ университетѣ. Послѣ этого онъ два года занимался, какъ гувернеръ, въ семействѣ Шалля, готовя вмѣстѣ съ тѣмъ диссертацію „De philosophiae Kantianae ad theologiam habitu", за которую удостоенъ степени магистра въ 1786 году. Докторомъ философіи признанъ онъ былъ въ 1790 г. за сочиненіе „Versuch einer Metaphisik des Vergnügens nach Kantischen Grundsätzen zur Grundlegung einer systemat. Thelematologie und Moral", 1789. Съ полученіемъ степени доктора философіи, Абихтъ занялъ должность адъюнкта, а затѣмъ и экстраординарнаго профессора философскаго факультета въ Эрлангенскомъ университетѣ, прославившись сочиненіемъ „Phylosophie der Erkenntnisse" 1791 и изданіемъ (вмѣстѣ съ Борномъ) въ 1789—90 «Neues philosophisches Magazin zur Erläuterung und Anwendung des Kantischen Systems». Въ 1784 г. Абихтъ предпринялъ изданіе философскаго журнала, гдѣ развивалъ свои идеи о мірозданіи; въ 1796 г. назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ. Репутація ученаго побудила русское правительство предложить Абихту въ виленскомъ университетѣ каѳедру ординарнаго профессора логики и метафизики; и 4 авг. 1804 г. онъ, принявъ предложеніе, прибылъ въ Вильну, гдѣ 14 сентября 1805 г. перешелъ въ русское подданство. Курсъ философіи онъ обработалъ на латинскомъ языкѣ —„Initia philosophiae propriae, sic dictae", 1814 г. Кромѣ указанныхъ сочиненій, Абихтъ въ Германіи получилъ премію Берлинской академіи за отвѣтъ на вопросъ: „Какой имѣла успѣхъ метафизика со временъ Лейбница и Вольфа?". Это сочиненіе названо въ „Allgemeine Deutsche Biographie"—„Hermias, oder Auflösung der die gültige Elementar-Philosophie betreffenden Aenesidemischen Zweifel", 1794 г.

«Allgemeine Deutsche Biographie», I, 21. Формулярн. списокъ и проч. бумаги въ дѣлѣ о дворянствѣ рода Абихтовъ, въ архивѣ д-та герольдіи. Энциклопедич. Слов., т. I, стр. 87.

Абихъ, *Германъ Вильгельмовичъ*, академикъ Императорской Академіи Наукъ, знаменитый геологъ, посвятившій 42 года изслѣдованію кавказскихъ горъ, сынъ прусскаго горнаго совѣтника, род. въ Берлинѣ 29 ноября (11 декабря) 1806 г., умеръ въ Вѣнѣ, 19 іюня (1 іюля) 1886 г. Любовь къ знанію, рано пробудившаяся въ немъ, не вдругъ намѣтила предметъ занятій цѣлой жизни. Поступивъ въ Берлинскій университетъ, Абихъ занялся наукою права, для изученія которой перешелъ въ Гейдельбергскій университетъ; оставивъ его и воротясь на родину, Абихъ уже въ Берлинскомъ университетѣ предался всецѣло изученію геологіи, минералогіи и неорганической химіи. Въ ту пору — въ концѣ 1820 годовъ — Берлинскій университетъ, въ лицѣ своихъ профессоровъ, представлялъ замѣчательный подборъ ученыхъ. Кромѣ Гегеля, Гумбольдта, и историка Ранке, въ Берлинскомъ университетѣ преподавали географъ Карлъ Риттеръ и геологъ Леопольдъ фонъ-Бухъ, путешественникъ по разнымъ частямъ Европы, развивавшій свою теорію вулканическаго происхожденія горъ. Абихъ сдѣлался любимымъ ученикомъ фонъ-Буха и, получивъ степень доктора философіи (1831) за диссертацію „О шпинелѣ“ (De spinello), занялся изученіемъ вулканическихъ образованій. При этихъ занятіяхъ развились основныя качества его характера и знанія: тщательность всесторонняго изученія предмета, беззавѣтная преданность наукѣ и осторожность въ выводахъ. Съ 1833 г. Абихъ находился въ южной Италіи и Сициліи; цѣлые три года онъ обслѣдывалъ вулканы: Везувій, Этну и Стромболи. Въ „Лѣтописяхъ“ Поггендорфа напечатаны его первые труды, и отдѣльно изд. въ 1837 г. „Erläuternde Abbildungen geologischer Erscheinungen, beobachtet am Vesuv und Aethna in den Jahren 1833 — 1834“, переведенные на французскій языкъ. На вулканъ Стромболи Абихъ поднялся во время изверженія, за отказомъ проводниковъ, одинъ. Изверженіе вулкана было въ полномъ разгарѣ, и черезъ каждыя 6 минутъ, какъ замѣтилъ Абихъ, поочередно вспыхивали кратеры. Слѣдуя этой періодичности, Абихъ сталъ перебѣгать отъ одного кратера къ другому, наблюдая явленія, до того остававшіяся неразгаданными. Результатомъ этихъ наблюденій явилась монографія Абиха, изданная въ Брауншвейгѣ, въ 1841 г., подъ заглавіемъ: „Uber die Natur und den Zusammenhang der vulkanischen Bildungen“ („О свойствѣ и общемъ ходѣ вулканическихъ образованій“), обратившая на автора вниманіе ученаго міра. Благодаря репутаціи, созданной однимъ этимъ трудомъ (1841 г.), Дерптскій университетъ предложилъ Абиху каѳедру ординарнаго профессора минералогіи въ такую пору, когда нашихъ ученыхъ сильно занималъ вопросъ о причинахъ землетрясенія, разрушившаго часть склона горы Большой Араратъ, считавшейся потухшимъ вулканомъ. Послѣ катастрофы (1840 г.), знаменитую гору посѣтилъ Морицъ Вагнеръ и объяснилъ разрушеніе вулканическимъ изверженіемъ. По пріѣздѣ въ Дерптъ, Абихъ тоже написалъ и издалъ въ 1843 г. отдѣльное сочиненіе: „О геологическихъ свойствахъ армянской нагорной страны“. Для дальнѣйшаго разслѣдованія на мѣстѣ, онъ получилъ командировку на Кавказъ, разрѣшенную ему въ 1844 г. По изслѣдованіи Арарата на мѣстѣ, въ 1845 году Абихъ не пришелъ сначала ни къ какому опредѣленному выводу касательно причинъ землетрясенія на этой горѣ. По запискѣ его о необходимости основательнаго изученія кавказскаго нагорья, Александръ Гумбольдтъ выхлопоталъ ему командировку съ исключительною цѣлью изученія Кавказа въ геогностическомъ и геологическомъ отношеніяхъ. Чтобы выполнить подобный многообъемлющій трудъ, тогдашній намѣстникъ Кавказа, князь М. С. Воронцовъ, предоставилъ Абиху мѣсто при себѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по горной части (1847 г.). Абихъ оставилъ профессуру въ Дерптѣ и переселился въ Тифлисъ, откуда и совершалъ свои экскурсіи въ разныя мѣстности Кавказа. Съ 1846 г. началось помѣщеніе Абихомъ изслѣдованій въ „Запискахъ Имп. Акад. Наукъ“, а въ 1850 г. онъ лично привезъ въ Петербургъ собранные имъ матеріалы для геогностическаго описанія Кавказа, и, въ видѣ отчета о дѣятельности за 6 лѣтъ, представилъ ихъ Академіи въ 1853 году. За эти изслѣдованія, Абихъ былъ избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ академіи. Продолжая трудиться на

Кавказѣ по обширному плану, Абихъ опубликовалъ его послѣ 13-ти-лѣтнихъ непрерывныхъ изслѣдованій въ статьѣ, названной: „Prodromus einer Geologie der Kaukasischen Länder“ („Введеніе въ геологію кавказскихъ странъ“). Сочиненіе это, напечатанное въ „Mémoires“ Императорской Академіи Наукъ, представляетъ очеркъ орографическо-геологическаго строенія Кавказа, въ связи съ горными странами турецкой Арменіи и сѣверной Персіи. Излагая строеніе горныхъ массивовъ Кавказа, представляющихъ на первый взглядъ хаотическое напластованіе всевозможныхъ породъ, Абихъ,— какъ выразился, разбирая труды его, въ 1883 г. правитель дѣлъ кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества,—„съумѣлъ прослѣдить стройное гармоническое цѣлое, подчиненное извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ законамъ“. Съ изданіемъ этого общаго плана, Абихъ приступилъ къ детальной разработкѣ отдѣльныхъ частей. Особенно замѣчательны относящіяся къ этой порѣ дѣятельности Абиха слѣдующія статьи: „О строеніи и геологіи Дагестана“ (на французскомъ яз.), „Къ геологіи юго-восточнаго Кавказа“, „Геологическія наблюденія въ нагорной странѣ, между Курою и Араксомъ“, „Геологическіе очерки Закавказья“, „Геологическія наблюденія во время путешествій по Кавказу“ и „Краткій обзоръ строенія Апшеронскаго полуострова“ (на нѣмецкомъ яз.), „Орографическіе очерки Тріалетскихъ горъ“ и „Вулканическіе типы полуденныхъ горъ“. Геогностическія изслѣдованія шли своимъ чередомъ; изъ нихъ нѣсколько описаній посвящено спеціально изученію вулканическихъ явленій, подлинныхъ или мнимыхъ. Таковы: „Землетрясенія въ Шемахѣ и Эрзерумѣ, въ маѣ 1859 г.“, „О мнимодѣйствующемъ вулканѣ близъ истоковъ Ефрата“, „Объ островѣ, вновь появившемся на Каспійскомъ морѣ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній, служащихъ къ изученію вулкановъ, извергающихъ грязь, въ Прикаспійскомъ краѣ“. Послѣ изученія вулкановъ, Абихъ обратилъ свое вниманіе на изслѣдованіе ледниковъ. Изъ статей о ледникахъ важнѣйшая — „Etudes sur les glaciers actuels et anciens du Caucase“, также какъ и „Метеорологическіе труды въ Закавказьѣ“. Обращали вниманіе Абиха и гидрометеоры, разсматриваемые въ связи съ физическимъ строеніемъ почвы. Этому вопросу посвящена статья: „О кристаллическомъ градѣ въ Тріалетскихъ горахъ“ (въ „Матеріалахъ для климатологіи Кавказа“, изд. 1871 г.). Сравнительными „Химическими изслѣдованіями водъ Каспійскаго моря и озеръ Вана и Урміи“ Абихъ внесъ цѣнный вкладъ въ гидрографію Кавказскаго края. Но какъ ни обширенъ списокъ всѣхъ печатныхъ трудовъ, выполненныхъ Абихомъ въ теченіе почти шестидесятилѣтней ученой дѣятельности, все-таки напечатанное далеко не исчерпываетъ всего написаннаго имъ; въ рукописяхъ находится не мало интересныхъ наблюденій, остающихся неопубликованными за неразборчивостью почерка. Профессоръ Щуровскій замѣтилъ совершенно справедливо, что печатныя статьи Абиха тяжело читать вслѣдствіе того, что ученый писалъ для такихъ же ученыхъ, какъ онъ самъ, а не для публики, и потому не думалъ о популярности изложенія. Въ устной передачѣ было совсѣмъ другое. Абихъ обладалъ даромъ выражаться сжато, точно, сильно и интересно, какъ это бывало въ засѣданіяхъ кавказскаго отдѣла Географическаго общества, гдѣ онъ приковывалъ вниманіе слушателей къ своимъ сообщеніямъ, длившимся иногда больше двухъ часовъ, причемъ говорилъ, обыкновенно, по-французски. Изъ числа полезныхъ практическихъ указаній Абиха слѣдуетъ отмѣтить открытые имъ: пріиски каменнаго угля (въ окрестностяхъ Кутаиса и др. мѣстахъ), желѣза и мѣди (въ Карабахѣ), каменной соли (въ Нахичеванскомъ уѣздѣ) и торфа (въ Дагестанѣ). Указавъ на богатыя залежи руды марганца на Кавказѣ, Абихъ способствовалъ и развитію вопроса о минеральныхъ кавказскихъ водахъ, участвуя въ производствѣ горныхъ развѣдокъ. Въ 1876 году, прослуживъ Россіи 35 лѣтъ, Абихъ съ пенсіею полнаго оклада удалился въ Вѣну подготовлять къ изданію свои „Геологическія изысканія въ кавказскихъ странахъ“, на нѣмецкомъ языкѣ. Первый томъ вышелъ въ 1880 г. и заключаетъ въ себѣ описаніе каменноугольныхъ образованій Аракской долины. 1-е отд. II тома заключаетъ орографическо-геолого-палеонтологическое описаніе западной половины Армянской нагорной страны, а 2-е отд.—восточной половины ея, съ приложеніемъ атласа рисунковъ и профилей. Рисунки выполнялъ Абихъ самъ, очень отчет-

ливо и даже художественно. Кромѣ того, Абихъ приготовилъ еще къ печати и 1 часть III тома, заключающую конецъ орографическо-палеонтологическаго описанія кавказскихъ странъ, но послѣдній отдѣлъ этого тома остался въ черновой обработкѣ. Согласно съ послѣдней волей Абиха, тѣло его было сожжено въ Готѣ, а пепелъ схороненъ въ Кобленцѣ, на могилѣ его матери. Вдова Абиха издала, на средства нашего горнаго департамента, въ 1887 году продолженіе трудовъ покойнаго — „Geologische Fragmente aus dem Nachlasse v. Abich". Сюда вошли: 1) Отрывки „О геологіи Керченскаго полуострова", набросанные въ 1851 г. и обработанные въ 1866 г., съ картами и профилями, 2) „Барометрическія опредѣленія высотъ въ папскихъ владѣніяхъ" и 3) „Изслѣдованіе объ островкѣ Понца". Кромѣ того, вдовою Абиха изданы: „Geologische Forschungen in den Kaukasischen Ländern". Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ вышеупомянутую 1 часть III тома геологическаго описанія Кавказа. Сотрудниками по послѣднему изданію были профессора: Зюссъ въ Вѣнѣ, Беке въ Черновцѣ и Карлъ Шмидтъ въ Дерптѣ. Въ предисловіи къ этой книгѣ помѣщенъ перечень почти всѣхъ напечатанныхъ на иностранныхъ языкахъ трудовъ Абиха. Еще болѣе полный списокъ его сочиненій помѣщенъ вмѣстѣ съ некрологомъ въ „Изв. Геол. Комит." (при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ), за 1886 г.

«Извѣстія кавказскаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. общ.», 1885—1887 г., т. IX, стр. 206—214; некрологъ, прочитанный Загурскимъ 16 января 1887 г. Портретъ Абиха воспроизведенъ фототипически при «Изв. кавк. отд.». «Кавказскій календарь» 1887 г., стр. 185. Некрологъ Абиха, написанный бар. Н. Каульбарсомъ въ газетѣ «Новое Время» 1888 г., № 3707.

Аблай Ай-хаджи мулла Кочинъ, ханъ средней Киргизской орды, преемникъ двоюроднаго брата, Аб-уль-Магметъ-хана, бѣжавшаго въ Туркестанъ. Принялъ русское подданство въ Оренбургѣ, давъ присягу на вѣрность Императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1789 г. Въ 1798 г. онъ получилъ разрѣшеніе перейти на кочевку за Иртышъ, между Семипалатинскомъ и Омскомъ, а въ 1799 г. командиру сибирской дивизіи, ген.-лейт. Нефедьеву, предписано было не брать пошлинъ съ Аблая и его подданныхъ, переходившихъ за русскую границу. Умеръ онъ въ первые годы царствованія Александра I, передавъ власть надъ Ордою сыну своему Сіулу, правившему до 1817 г.

Энцикл. лекс. Плюшара, ст. кн. Д. Эристова, т. 21, стр. 136. «History of Mongols» by H. Howarth, II, стр. 677.

Аблай-ханъ II, наиболѣе знаменитый ханъ Средней киргизской орды, потомокъ Борракъ-хана (въ 9-мъ колѣнѣ), основателя Бѣлой орды, сынъ и правнукъ Вали-хановъ, род. въ 1711, умеръ въ 1781 г. Съ 1739 г. состоялъ скорѣе въ номинальномъ, чѣмъ дѣйствительномъ подданствѣ Россіи, въ то же время считаясь и подданнымъ Китайской имперіи, казавшейся, послѣ завоеванія Джунгаріи, болѣе грозной чѣмъ русское оружіе, не появлявшееся въ глубинѣ киргизскихъ степей. Аблай при убійствѣ отца (во время нашествія Галданъ-Цыреня съ калмыками), 13-ти лѣтъ отъ роду началъ полное опасныхъ похожденій существованіе. Отогнанная къ Самарканду, нашествіемъ Галдана, Средняя киргизская орда сдѣлалась, подъ предводительствомъ юноши Аблая, предпріимчивѣе прочихъ киргизъ. Еще въ молодости онъ заслужилъ имя *Мудраго*, а затѣмъ его стали называть въ степяхъ „воплотившимся духомъ" (Арвахъ), за умѣнье выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Такъ, напримѣръ, ему удалось два раза спастись отъ Галданъ-Цыреня, послѣ убійства сына его Чарыша. Во время принятія русскаго подданства, Аблай-ханъ уже считался могущественнѣйшимъ изъ киргизскихъ повелителей, и съ нимъ, вмѣсто хана Аб-уль-Магмета, сносилось русское правительство, позволивъ ему прикочевать въ предѣлы Россіи (1754 г.), когда полководцы Богдыхана Цянь-Луня завоевывали Джунгарію, по смерти ГалданъЦыреня (1746 г.). Приближеніе къ нашимъ границамъ не удержало китайцевъ отъ вторженія въ улусы Средней киргизской орды, и киргизскіе султаны въ 1756 г. признали надъ собою китайское господство. Въ числѣ ихъ былъ Аблай-ханъ, не прерывавшій связей съ Россіею. Въ 1758 году 2.200 киргизскихъ семей перешло въ Томскую губернію, близъ Кузнецка, и ихъ стали называть *двоеданцами*, т. е. платившими дань Россіи и Китаю. Въ 1759 г., Аблай послалъ въ Петербургъ родственника своего Юльбарса, которому была выдана похвальная грамата и положено жалованье, а въ 1762 г., послѣ явки къ нему китайскихъ пословъ,

онъ послалъ сына аманатомъ въ Пекинъ и оттуда получилъ подарки, а также и право для его киргизовъ завести мѣновые дворы въ Чугучакѣ и Или. Отъ русскихъ Аблай старался держаться тогда въ сторонѣ и отказался въ 1771 году ѣхать въ Оренбургъ, для возложенія тамъ ханскаго облаченія Большой орды, съ принятіемъ присяги. Въ это время, поразивъ бурутовъ, Аблай завоевалъ нѣсколько городовъ отъ владѣтелей Ташкента и Ходжента и до конца жизни уже не оставлялъ Туркестана, гдѣ могила его, подъ мечетью Хаджи-Ахметъ-Есава, до сихъ поръ въ большомъ почетѣ у всѣхъ мусульманъ. Память о его подвигахъ у киргизовъ воспѣвается народными пѣвцами.

Howarth, «History of Mongols» II, 646—650. Энциклопедическій словарь, I, с. 88, 96 г. (статья Чокана Валиханова). Левшинъ, «Описаніе киргизъ кайсацкихъ степей», 7—2, 141—8, 157, 210—212, 222—231, 234—5, 243, 248, 253, 258, 264—9.

Абламовичъ — фамилія литовскихъ дворянъ, изъ которой извѣстны три брата, сыновья слонимскаго воеводы: 1) *Викентій Карловичъ*, докторъ медицины Виленскаго университета (31 іюля 1828 г.) за диссертацію „De Vertigine“. Замѣчательнѣе прочихъ, былъ 2) *Игнатій Карловичъ*, ординарный профессоръ физики, родившійся въ 1787 г.; 17-ти лѣтъ онъ вступилъ въ учительскую семинарію при Виленскомъ университетѣ (30 іюня 1804 г.) и, по окончаніи курса, 16 іюня 1808 г., признанъ магистромъ философіи съ опредѣленіемъ въ минскую гимназію преподавателемъ физики (1 сентября 1808 г.). Черезъ два года, его пригласили въ Виленскій университетъ (1 октября 1810 г.) помощникомъ завѣдывавшаго физическимъ кабинетомъ. Съ 1 сентября 1813 г. онъ состоялъ старшимъ учителемъ физики въ виленской гимназіи, а съ 1 сентября 1817 г. адъюнктъ-профессоромъ химіи Виленскаго университета. Черезъ годъ Абламовича отправили для усовершенствованія въ наукахъ за границу (1 сентября 1818 г.), гдѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ, преимущественно живя въ Парижѣ и слушая курсы химіи, физики и естественной исторіи. По возвращеніи въ отечество, въ 1827 г., Абламовичъ назначенъ преподавателемъ естественныхъ наукъ въ Волынскій лицей. Изъ лицея съ прочимъ персоналомъ наставниковъ Абламовичъ переведенъ въ открытый въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра, гдѣ и дослужилъ послѣдніе три года (1834—1837 г.) до пенсіи. Умеръ онъ въ Островкѣ, во время холеры 1848 г. Писалъ немало, но ничего не печаталъ. Болѣе другихъ рукописныхъ его записокъ, извѣстны написанные по порученію начальства: 1) „Проектъ преподаванія технологіи для профессіональныхъ училищъ“ и 2) „Конспектъ курса технологіи, имѣющаго преподаваться въ университетѣ Св. Владиміра“. Технологическая химія особенно занимала Абламовича, физику же въ унив. св. Владиміра читалъ онъ по Бедану и Пулье. 3) *Іосифъ Карловичъ*, докторъ медицины Виленскаго университета, род. въ 1803 г.

Формул. списки въ спб. сенат. архивѣ. 1813 г. №57 и 1821 г. №59. «Словарь профессоровъ унив. Св. Владиміра», стр. 2. Шульгинъ, «Исторія кіевск. унив.», 139. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», I.

Аблесимовъ, *Александръ Онисимовичъ*, даровитый сатирикъ и драматургъ второй половины XVIII в. Происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи и родился около 1740 г., умеръ въ Москвѣ, въ началѣ 1783 г. Образованіе получилъ самое ограниченное и еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ 1751 году, записанъ былъ въ военную службу, но дѣйствительно началъ ее лишь въ 1758 г. солдатомъ по артиллеріи; въ 1759 г. произведенъ въ подпрапорщики; съ 1760 по 1762 г., въ званіи сержанта, находился въ походахъ до Бреславля, Глогау и Франкфурта-на-Одерѣ, а также по Вислѣ; въ 1765 году состоялъ фурмейстеромъ, въ 1766 году уволенъ съ чиномъ прапорщика; въ 1767 опредѣлился въ коммиссію по составленію проекта новаго уложенія, но въ 1770 г. снова поступилъ въ военную службу и, находясь въ штатѣ генералъ-маіора А. Н. Сухотина, сопровождалъ его въ походѣ въ Грузію, Имеретію и Мингрелію, причемъ участвовалъ въ блокадѣ турецкой крѣпости Поти; въ 1772 г. возвратился въ Россію и затѣмъ, достигнувъ капитанскаго чина, служилъ экзекуторомъ при управѣ благочинія въ Москвѣ, гдѣ и умеръ. Аблесимовъ былъ женатъ; онъ жилъ и умеръ въ бѣдности, оставивъ по себѣ дочь. Литературная дѣятельность Аблесимова началась въ ранніе годы его жизни, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ А. П. Сумарокова, который покровительствовалъ ему и еще въ 1759 г. печаталъ его стихотворенія въ своемъ журналѣ „Трудолюбивая

Пчела". Подъ тѣмъ же вліяніемъ написаны „Сказки" Аблесимова, вышедшія первымъ изданіемъ въ 1769 г., съ посвященіемъ графу А. П. Шувалову. Въ 1768 году Аблесимовъ сочинилъ комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ въ прозѣ: „Подъяческая пирушка", желалъ напечатать ее въ журналѣ „Всякая Всячина", 1769 г., и поставить на сцену; но редакція журнала отклонила его предложеніе, а на театръ пьеса не была принята, повидимому, по интригамъ писателя В. И. Лукина. Зато Аблесимовъ осыпѣивалъ его прозой и стихами въ „Трутнѣ" 1769 г.; комедія же не была напечатана и не сохранилась въ рукописи. Крупные литературные успѣхи Аблесимова относятся уже къ послѣднимъ годамъ его жизни. Въ 1779 г. онъ поставилъ на московскомъ театрѣ комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ: „Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ", съ музыкой Соколовскаго; она имѣла большой успѣхъ. Содержаніе ея было взято изъ народной жизни, дѣйствующія лица говорятъ простою народною рѣчью, и самая музыка заимствована изъ народныхъ напѣвовъ; „Мельникъ" былъ игранъ съ большимъ успѣхомъ не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ исполнялся какъ на придворномъ театрѣ, такъ и на частномъ, который содержалъ Книпперъ; вообще „Мельникъ" не сходилъ со сцены до 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, даже возобновлялся позже и вызвалъ много подражаній; первое изданіе „Мельника" появилось въ Москвѣ въ 1782 г., и впослѣдствіи было неоднократно перепечатываемо. Другая комическая опера Аблесимова, въ одномъ дѣйствіи, „Счастіе по жребію", съ сюжетомъ также изъ русскаго быта, не была представлена, но явилась въ печати въ 1779 г. Наоборотъ, третья его комическая опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, „Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ", съ музыкой Эккеля, не была напечатана, но исполнялась въ Москвѣ. По свидѣтельству „Драматическаго Словаря" 1787 г., она была „довольно хорошо принята публикою; сочинитель показалъ въ оной пьесѣ подробно всѣ солдатскія нужды, какъ искусившійся въ сей части"; рукопись этой пьесы не сохранилась. Кромѣ того, Аблесимовъ сочинилъ, для открытія новаго Петровскаго театра въ Москвѣ, аллегорическій діалогъ „Странники", напечатанный тамъ же, въ 1780 году. Въ теченіе 1781 г. Аблесимовъ, при матеріальномъ содѣйствіи Н. И. Новикова, издавалъ въ Москвѣ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ: „Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нечего". Журналъ этотъ наполнялся по большей части сочиненіями самого издателя, который печаталъ здѣсь сатирическія сказки въ стихахъ (частію передѣланныя изъ его же прежнихъ сказокъ) и прозаическіе разсказы про взяточниковъ, игроковъ, кокетокъ и т. п., а также велъ полемику со своими литературными противниками, которые находили его сатиру слишкомъ рѣзкою, а тонъ его произведеній — слишкомъ грубымъ. Съ этой же точки зрѣнія нѣкоторые нападали и на „Мельника", но большинству публики пьеса нравилась своею близостью къ народной жизни. Должно, впрочемъ, сказать, что изображеніе народности въ произведеніяхъ Аблесимова хотя и отличается живостью, однако совершенно чуждо идеальной подкладки: это—писатель-реалистъ въ самомъ прямомъ значеніи этого слова, способный только изображать дѣйствительность безъ всякихъ разсужденій; но кругозоръ его наблюденій не отличается широтою. Собраніе сочиненій Аблесимова было издано только однажды, въ Смирдинскомъ изданіи русскихъ авторовъ, въ С.-Петербургѣ, 1849 г., но оно очень неполно.

Свѣдѣнія о жизни его можно найти: въ «Опытѣ словаря о россійскихъ писателяхъ», Новикова, по перепечаткѣ Ефремова, стр. 7; въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей», митр. Евгенія, ч. I, стр. 1 и 2; въ Энциклопедическомъ Словарѣ, т. 1, стр. 92 и 93 (гдѣ приведены данныя изъ его формулярнаго списка); въ журналѣ Зауервейда: «Russische Theatralien», 1784 г., откуда статья переведена въ «Лѣтописяхъ р. литературы и древности» Тихонравова, т. I, отд. 3, стр. 200 — 202. Статья о немъ Макарова въ «Репертуарѣ р. театра» 1841 г., ч. II, не заслуживаетъ довѣрія.—О сочиненіяхъ Аблесимова см. разборъ «Мельника» изъ лекцій Мерзлякова въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., № 6, и замѣчанія Незеленова въ книгѣ «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху», стр. 68, 69; кромѣ того, въ «Драматическомъ словарѣ», 1787 г., по перепечаткѣ 1881 г. стр. 77, 78, 108, 159 и 160; въ «Истор. розысканіи о рус. поврем. изданіяхъ», Неустроева, стр. 319—324; въ «Матеріалахъ для русской библіографіи», Губерти, вып. II, стр. 36—38, 58—73. *Л. Майковъ.*

Аблецъ, *Исаакъ Михайловичъ*, учитель танцевъ въ московской гимназіи,

род. въ 1778 г., умеръ въ 1828 г. Съ 1792 г. учился въ спб. театральной школѣ, откуда выпущенъ на сцену (1 августа 1796 г.) танцоромъ балетной труппы. Аблецъ, какъ искусный танцоръ, былъ замѣченъ и переведенъ въ Москву; здѣсь онъ ставилъ балеты, напримѣръ „Селикъ", дававшійся и по смерти его. Съ 21 іюля 1807 г. онъ получалъ окладъ въ 1.000 руб., обращенный ему вполнѣ въ пенсію (съ 15 апрѣля 1817 г.). Талантливый артистъ слылъ въ Москвѣ, въ двадцатыхъ годахъ, лучшимъ учителемъ танцевъ.

Формулярные списки чин. моск. учеб. скр. въ спб. сенат. арх. (1821 г. № 61). «Моск. Тел.» 1829 г., ч. 27, стр. 531.

Аблинъ, Сеиткулъ, тобольскій татаринъ, посылался гонцомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1655 и 1657—1668 гг. Въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ его посылали, подъ видомъ гонца, развѣдывать положеніе торговыхъ дѣлъ въ Китаѣ.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій: «Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россіей и китайскимъ государствомъ», изд. В. М. Флоринскимъ. 1882, Казань.

Абрамовъ, *Александръ Константиновичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Ферганской области, а затѣмъ 4-й и 13-й пѣхотныхъ дивизій, род. 28 августа 1836, умеръ 25 октября 1886 года, въ Симферополѣ. Происходилъ изъ дворянъ Новгородской губ. и воспитаніе получилъ въ дворянскомъ полку, отвуда 17 апрѣля 1854 года выпущенъ на службу прапорщикомъ артиллеріи. Въ мартѣ 1858 г. переведенъ въ сибирскую пѣшую батарею, а съ 1863 года началъ свою боевую службу въ Средней Азіи. Участвуя при взятіи крѣпости Пишпекъ, Абрамовъ награжденъ за отличіе орд. св. Анны 4-й ст., 5-го іюня 1864 г.; за отличіе при взятіи крѣпости Ауліе-ата—орд. св. Станислава 3-й ст. Въ томъ же году, Абрамовъ получилъ орд. св. Анны 3-й ст. и произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ іюнѣ 1865 г. Абрамовъ, по порученію генерала Черняева, занялъ оставленную коканцами крѣпостцу Чиназъ на Сыръ-Дарьѣ и уничтожилъ переправу черезъ эту рѣку; это военное дѣйствіе было одною изъ важныхъ подготовительныхъ мѣръ для взятія Ташкента, которое послѣдовало 15 іюня 1865 г. и при которомъ Абрамовъ особенно отличился мужествомъ и распорядительностью: онъ былъ въ числѣ первыхъ, вошедшихъ въ городъ. За отличіе при взятіи Ташкента, Абрамовъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, получивъ раньше того Владиміра 4-й ст. за отличіе при взятіи Чимкента, и кромѣ того, произведенъ въ капитаны. 24 мая 1866 г. участвовалъ при взятіи штурмомъ Ходжента, за что̀ награжденъ орд. св. Станислава 2-й ст. съ мечами. О дѣятельности Абрамова генералъ-лейтенантъ Романовскій, въ донесеніи своемъ отъ 6-го іюня, отзывался съ особенною похвалою: Абрамовъ оставался въ рядахъ войскъ, несмотря на усилившуюся отъ жаровъ болѣзнь. 14 іюля того же года, за отличіе въ бояхъ въ бухарцами, произведенъ въ подполковники и назначенъ командиромъ батареи. Послѣ отъѣзда начальника края Романовскаго въ Петербургъ, въ декабрѣ 1866 г., военныя дѣйствія возобновились весною слѣдующаго года со стороны Бухары. Командующій дизахскимъ отрядомъ подполковникъ Абрамовъ выдвинулся 25 мая за Джеланъ-утинское ущелье и занялъ оставленное бухарское укрѣпленіе Яны-Курганъ, по дорогѣ въ Самаркандъ. Послѣ успѣшныхъ дѣлъ 26 мая и 7 іюля, Абрамовъ окончательно разбилъ бухарскій лагерь 2 іюля. Весною 1868 г. полковникъ Абрамовъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ бухарцевъ, приведшихъ къ занятію 2 мая Самарканда. 12 мая Абрамовъ взялъ полунезависимый отъ Бухары г. Ургутъ. Произведенный въ томъ же году въ генералъ-маіоры, по заключеніи мира съ бухарскимъ эмиромъ, Абрамовъ былъ назначенъ начальникомъ вновь образованнаго Заравшанскаго округа. Въ числѣ военныхъ экспедицій, предпринятыхъ имъ во время управленія краемъ, въ особенности достойно замѣчанія участіе его въ междоусобной войнѣ, возникшей въ концѣ 1868 г. между бухарскимъ эмиромъ и старшимъ сыномъ его Катты-тюря. Признавъ полезнымъ, въ интересахъ Россіи, поддержать эмира, Абрамовъ овладѣлъ въ октябрѣ занятымъ мятежниками г. Карши (за что̀ получилъ орд. св. Станислава 1-й ст. съ мечами) и немедленно передалъ его во власть эмира. Такимъ же образомъ было поступлено въ 1870 году съ полунезависимыми городами Шахрисябскаго бекства—Шаръ и Китабъ: по взятіи этихъ городовъ штурмомъ (за что̀ Абрамовъ получилъ Георгія 3-й ст.) и изгнаніи непокорныхъ бековъ Джура-бія и Бабабія, передалъ города эмиру. Лѣтомъ того же 1870 года Абрамовымъ была предпри-

нята достопамятная экспедиція къ верховьямъ Заравшана и озеру Искандеръ-Кулю. Извѣстная подъ названіемъ искандеръ-кульской, экспедиція эта, рекогносцировкою мелкихъ бекствъ, подготовила послѣдовавшее вскорѣ присоединеніе ихъ къ Заравшанскому округу и оказала большую услугу наукѣ изслѣдованіемъ малоизвѣстной страны. Весьма сочувственный отзывъ объ Абрамовѣ, какъ администраторѣ Заравшанскаго округа, помѣщенъ въ книгѣ американца Скайлера, посѣтившаго Самаркандъ въ 1873 году (Schuyler: „Turkistan", I, стр. 266—267). Абрамовъ состоялъ съ 1870 г. дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества и содѣйствовалъ, насколько могъ, ученымъ изслѣдованіемъ въ краяхъ, ввѣренныхъ его управленію. Записка Абрамова о Каратегинскомъ владѣніи, сообщившая первыя извѣстія объ этой до того совершенно неизвѣстной странѣ, была напечатана въ „Извѣстіяхъ Импер. Русскаго Геогр. общества" за 1870 г. (Отд. II, стр. 106). — Получивъ за бой на Куликанскихъ высотахъ 29 іюня 1871 г. орд. св. Анны 1-й ст., а за дѣло въ верховьяхъ Заравшана — Владиміра 2-й ст. съ мечами, Абрамовъ, по умиротвореніи Средней Азіи, назначенъ 17 марта 1877 г. начальникомъ Ферганской области. Въ 1879 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 4 ноября 1883 г. назначенъ командиромъ 4-й пѣхотной дивизіи. Отчисленный замѣмъ отъ командованія, Абрамовъ назначенъ былъ членомъ коммиссіи по составленію положенія объ управленіи Туркестаномъ. По окончаніи трудовъ этой коммиссіи, получивъ Высочайшую благодарность, Абрамовъ былъ отпущенъ на годъ за границу для поправленія разстроеннаго здоровья и по возвращеніи, 3 мая 1886 г., назначенъ командиромъ 13-й пѣхотной дивизіи.

«Туркестанскія Вѣдомости» 1886 г., № 44; «Моск. Вѣд.» № 305, отъ 4 ноября 1886 г.; «Новое Время» № 3832, отъ 29 октября 1886 г. и «Гражданинъ» № 87, отъ 30 окт. 1886 г.

Абрамовъ, *Николай Алексѣевичъ*, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей сибирскаго прошлаго, по географіи, археологіи, статистикѣ и бытовой исторіи, равно и біографъ лицъ, игравшихъ роль въ недавнемъ прошломъ Сибири. Потомокъ одного изъ десяти великорусскихъ священниковъ, присланныхъ въ Сибирь въ первое время распространенія тамъ христіанства, а именно изъ фамиліи Поповыхъ, перемѣнившихъ ее на Абрамовыхъ — отъ Абрама, дьякона тобольской епархіи, правнукъ послѣдняго, сынъ священника въ г. Курганѣ, — Николай Алексѣевичъ Абрамовъ тамъ же и родился, 17 апрѣля 1812 г., умеръ 3 мая 1870 г., въ Семипалатинскѣ. Получивъ начальное образованіе въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ уѣздномъ училищѣ, онъ прошелъ курсъ тобольской семинаріи и особенно успѣлъ въ латыни, такъ что, сопутствуя академику Кастрену, могъ объяснять ему по латыни все, что̀ интересовало этого извѣстнаго финскаго изслѣдователя. Курсы духовнаго училища и семинаріи (въ 1832 г.) Абрамовъ окончилъ блистательно; кромѣ общихъ предметовъ, онъ настолько хорошо зналъ татарскій языкъ, что назначенъ учителемъ его въ семинаріи. Знаніе татарскаго языка представляло для Абрамова возможность объяснять географическія названія рѣкъ и урочищъ сибирскихъ, заняться даже монгольскою нумизматикой и собрать нѣсколько десятковъ ханскихъ монетъ. Кромѣ татарскаго, Абрамовъ хорошо зналъ и еврейскій языкъ, такъ что раньше окончанія семинаріи былъ уже лекторомъ его (1831—32 г.). Страсть къ изслѣдованіямъ проявлялась у Абрамова еще въ семинаріи. Находясь въ ней, онъ уже записывалъ и старался обстоятельно разузнать каждое явленіе мѣстной общественной жизни. Какъ лучшаго ученика, ректоръ хотѣлъ послать Абрамова, по окончаніи семинарскаго курса, въ спб. духовную академію, но, не желая оставить мать-вдову безъ помощи, Абрамовъ отказался и былъ опредѣленъ учителемъ во 2-й классъ тобольскаго духовнаго училища (1832 г.). Черезъ два года онъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка, ариѳметики, русскаго и татарскаго языковъ въ 3-мъ классѣ, съ увеличеннымъ окладомъ жалованья, при должности помощника эконома въ семинаріи. Въ 1836 г. Абрамовъ перешелъ въ учители тобольскаго уѣзднаго училища М. Н. Просв. и прослужилъ въ этомъ вѣдомствѣ 17 лѣтъ (по 20 мая 1853 г.), сперва учителемъ географіи, а потомъ (съ февраля 1842 г.) смотрителемъ училищъ въ Березовѣ, Ялуторовскѣ и Тюмени, гдѣ убѣдилъ горожанъ учредить женское училище. Получивъ за 20 лѣтъ учебной службы право на пенсію въ 350 р.

въ годъ, Абрамовъ опредѣлился столоначальникомъ въ I отд. главн. упр. Западной Сибири, въ Омскѣ (въ іюлѣ 1853 г.), но въ 1854 году, съ образованіемъ Семипалатинской области, перешелъ туда совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія, самаго труднаго и многосложнаго. Выполняя по отдѣленію свои прямыя обязанности, Абрамовъ принималъ и исполнялъ еще разныя порученія начальства; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ неоднократно исправлялъ обязанности вице-губернатора и предсѣдателя областнаго правленія. Скончался Абрамовъ совѣтникомъ Семипалатинскаго областнаго правленія. Писать о Сибири онъ сталъ еще будучи уѣзднымъ учителемъ, причемъ собралъ печатные источники о прошломъ Сибири и многія рѣдкія рукописи. Собственноручно онъ списалъ Сибирскую лѣтопись ($480^1/_2$ листовъ), а другую копію прислалъ въ даръ Императорскому Русскому Географическому обществу. Будучи учителемъ семинаріи, Абрамовъ разработывалъ въ Тобольскѣ архивы: губернскій, полицейскій и семинарскій, а также и хранилища бумагъ при Софійскомъ соборѣ и въ Знаменскомъ монастырѣ. Въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія Абрамовъ перешелъ благодаря покровительству П. А. Словцова, съ которымъ сблизила его общая страсть къ изслѣдованіямъ мѣстной исторіи. Состоя смотрителемъ въ Березовѣ, Абрамовъ занимался въ архивѣ Кондинскаго монастыря и воеводскомъ архивѣ, а при разъѣздахъ входилъ въ сношенія съ инородцами. Близкое знакомство съ татарами въ Тюмени доставило ему очень много этнографическихъ свѣдѣній. Абрамовымъ написаны въ разное время цѣлыя монографіи, каковы: „Описаніе Березовскаго края", помѣщенное въ „Запискахъ Им. Рус. Геогр. общ.", кн. 12, стр. 329—448, „Городъ Тюмень", „Митрополитъ тобольскій Филофей Лещинскій", „О введеніи христіанства у Березовскихъ остяковъ", „Нерукотворенный образъ Спасителя, называемый Тарханскимъ", „О церквахъ г. Березова". Географическое общество выбрало его въ дѣйствительные члены въ 1858 г., за десять лѣтъ передъ тѣмъ избравъ членомъ-сотрудникомъ и наградивъ 2-мя медалями. Сюда прислалъ онъ статьи: „О бывшемъ Тобольскомъ намѣстничествѣ 1782—97 г.", „Ермакъ, покоритель Сибири" и „Петръ Анд. Словцовъ", напеч. въ „Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ", 1867 (кн. IV), 1869 (I) и 1871 (IV). Въ 1865 г. Абрамовъ выбранъ въ члены-корреспонденты тобольскаго физико-медицинскаго общества и общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ; въ антропологическое отдѣленіе этого общества посланы имъ статьи „О курганахъ Тобольской губерніи" и „О Семипалатинской области". Литературная дѣятельность въ Семипалатинскѣ особенно усилилась въ послѣдніе годы жизни Абрамова. Онъ сталъ писать съ 1861 г. въ „Странникѣ", помѣстивъ тамъ сказанія о жизни св. Симеона Верхотурскаго, мученика Василія Мангазейскаго, туруханскаго подвижника Тихона, туруханскаго игумена Иліодора и „О чудотвореніяхъ отъ Абалацкой иконы Божіей Матери". Тамъ же помѣщены біографіи архіереевъ: Евлампія, двухъ Амвросіевъ и другихъ. Одна изъ самыхъ важныхъ, по содержанію, статей Абрамова напечатана въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1854 г., №№ 2 и 3. Это — „Матеріалы для христіанскаго просвѣщенія Сибири, со времени покоренія ея, въ 1581 г., до начала XIX столѣтія", которые можно прямо назвать исторіею Тобольской епархіи. Хотя напечатана была одна первая половина труда Абрамова, но былъ и конецъ, почему-то не напечатанный, а въ „Страннике" явился отрывокъ изъ начала, вторично обработанный подъ заглавіемъ: „Христіанство въ Сибири до учрежденія тамъ въ 1621 г. епархіи". Также вторично напечатаны статьи Абрамова „О введеніи христіанства у березовскихъ остяковъ" („Журн. М. Н. Пр." 1851 г. № 12 и „Тоб. Губ. Вѣд." 1857 г. №№ 11 и 12) и „Проповѣдь евангелія сибирскимъ вогуламъ" („Ж. М. Н. Пр." 1854 г. № 8 и №№ 19 и 20, 1857 г., „Тоб. Губ. Вѣд"). Въ обоихъ этихъ изданіяхъ явились также и біографіи двадцати тобольскихъ іерарховъ, еще разъ переработанныя для „Странника". Въ этомъ же журналѣ и „Тоб. Губ. Вѣд." напечатаны и описанія 5-ти монастырей, а именно: Абалакскаго, Тюменскаго, Туринскаго, Кондинскаго и Ивановскаго. Въ „Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" 1857—8 г. помѣщены біографіи правителей Сибири и знаменитыхъ ссыльныхъ: „Ермакъ, покоритель Сибири", „Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ", „Князь А. Д. Менши-

ковъ", „Князья Долгоруковы и гр. Остерманъ", „Нѣсколько свѣдѣній изъ жизни Θед. Ив. Соймонова", „Нѣсколько словъ о Денисѣ Ив. Чичеринѣ", „Генералъ Куткинъ и его жалоба министру юстиціи на несправедливыхъ судей", „Біографія генерала Глазенапа", „Петръ Андреевичъ Словцовъ" и статьи изъ мѣстной бытовой исторіи: „О сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ", „Пожары въ Тобольскѣ до 1788 г.", „Намѣстничество въ Тобольскѣ". По географіи и статистикѣ Сибири Абрамовъ написалъ цѣлый рядъ статей. Такъ, онъ описалъ сибирскіе города: Тюмень, Семипалатинскъ, Курганъ, Ялуторовскъ съ округомъ, Усть-Каменогорскъ, Копалъ, Вѣрное, а также рѣки: Тоболъ съ его притоками, Шилку, Аргунь, Чу, Или, Лепсу, Аягузъ, Караталъ. Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть о статьяхъ: „О значеніи именъ нѣкоторыхъ рѣкъ и мѣстъ Тобольской губ.", („Ж. М. Н. Пр." 1841 г.), „Озеро Зайсанъ съ его окрестностями" („Геогр. Вѣстн." и „Тоб. Губ. Вѣд."). Біографія преосвященнаго Θилофея осталась въ рукописи.

«Иркутскія епарх. вѣд.» 1874 г. №№ 8, 9, 13, 18 и 20. Статья протоіерея Сулоцкаго, въ отд. оттискѣ, 8°, 60 стр., подъ заглавіемъ: «Біографія Николая Алексѣевича Абрамова». Въ указателѣ Бѣлокурова къ «Чтенія въ общ. исторіи и древн. росс.» перечислены всѣ помѣщенныя тамъ статьи Абрамова. В. И. Межовъ «Русск. Истор. Библіографія», II, №№ 16928—16933. *П. П.*

Абросимовъ, *Егоръ Ивановичъ*, съ 1788 г. преподавалъ практическую астрономію въ Морскомъ корпусѣ до 1803 г. Въ 1799—1802 г. былъ на Бѣломъ морѣ для опредѣленія широтъ и долготъ, а съ 1802—1806 г. находился при описи береговъ Балтійскаго моря. Въ 1807 г. онъ состоялъ для астрономическихъ наблюденій въ Кронштадтѣ и въ 1808 г., въ чинѣ 8 класса и съ званіемъ астронома, исправлялъ должность инспектора въ штурманскомъ балтійскомъ училищѣ. Въ 1809 г., за труды по опредѣленію астрономическаго положенія береговыхъ пунктовъ Финскаго залива, получилъ орд. св. Владиміра 4-ой степ. Академія Наукъ въ выданномъ Абросимову аттестатѣ, по поводу разсмотрѣнныхъ его астрономическихъ наблюденій, отозвалась, что она видитъ въ Абросимовѣ «не только искуснаго, но и ревностнаго обсерватора».

Дѣла канцеляріи Адмиралтействъ-Коллегіи, отдѣлъ II, № 900. «Зап. Гос. Адм. Д-та», т. II, стр. 357—9. Шлунъ (рукописный сборникъ), V, стр. 124. *С. О.*

Абрюцкій, *Арсеній Дмитріевичъ*, воспитанникъ Горнаго корпуса, сынъ священника-законоучителя въ послѣднемъ, капитанъ корпуса горныхъ инженеровъ, род. въ 1826 г., умеръ 26 ноября 1860 г. Помѣстилъ въ „Горномъ Журналѣ" 1852 г. ч. II и 1853 г. ч. III статью: «Замѣтки о горныхъ породахъ Цыбельды».

Н. Θ. Дубровинъ, Библіогр. указ. къ «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, кн. III, № 335, стр. 62 и № 1021, стр. 180.

Абрюцкій, *Дмитрій Степановичъ*, сынъ священника, род. въ селѣ Кейкинѣ, Ямбургскаго уѣзда, 18 октября 1796 г., умеръ 21 апрѣля 1860 г., въ Спб. Изъ студентовъ С.-Петербургской семинаріи, посвященный въ 1820 г. въ діаконы, Абрюцкій черезъ три года рукоположенъ въ священники церкви дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, а въ 1824 г. состоялъ уже протоіереемъ собора въ г. Кексгольмѣ. Здѣсь онъ былъ назначенъ законоучителемъ и благочиннымъ, а съ 1831 г. переведенъ законоучителемъ въ Горный корпусъ и составилъ себѣ извѣстность учебниками Закона Божія, написанными обстоятельно, кратко и удобопонятно. Этимъ объясняется вполнѣ заслуженный успѣхъ его учебниковъ, лучшихъ въ то время и имѣвшихъ нѣсколько изданій; таковы: „Священная исторія церкви ветхозавѣтной", „Исторія земной жизни Христа Спасителя, божественнаго основателя новозавѣтной церкви" и „Уроки изъ священной исторіи ветхаго завѣта", въ первый разъ изданные въ 1841 г. Абрюцкій одаренъ былъ и даромъ проповѣди, въ сжатой, сильной и простой рѣчи. „Слова и рѣчи" его, произнесенныя во время пастырскаго служенія и законоучительства, изданы въ 1859 г., въ Спб. (8°. 348 стр.). Настоящая фамилія Абрюцкаго *Яковлевъ*. Въ семинаріи она измѣнена на „Абрюцкій".

Изъ клиров. вѣдомостей въ архивѣ спб. дух. консисторіи. Сочиненія Абрюцкаго поименованы въ каталогахъ Ольхина и Генкеля.

Абсолонъ, *Іоганнъ*, австрійскій уроженецъ, скрипачъ и учитель музыки въ Спб., род. въ 1745, умеръ въ 1815 г., камеръ-музыкантъ русской службы; въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II считался знаменитымъ виртуозомъ.

Герберъ, «Музыкальн. лексиконъ», I, стр. 7.

Абуль-Магметъ, ханъ Средней Киргизской Орды. Принявъ русское подданство, въ Оренбургѣ, въ 1739 году, тѣснимый джунгарами, два раза давалъ имъ аманатовъ въ знакъ подчиненія, и, являясь въ Оренбургъ, снова присягалъ Россіи, требуя, для защиты своей, постройки укрѣпленнаго города въ степи, среди кочевьевъ. Боясь Абуль-Хаира, онъ два раза откочевывалъ, на югъ, въ Туркестанъ, и потомъ, въ 1750 г., отказавшись отъ правленія, передалъ его сыну Абуль-Феизу; умеръ въ 1760 г. частнымъ человѣкомъ.

Левшинъ, «Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей», 2 ч., стр. 141—6, 163—4, 169, 198 и 236.

Абуль-Хаиръ, при императорѣ Петрѣ I киргизскій ханъ Меньшой орды, до 1723 г. жившій въ Туркестанѣ и выгнанный оттуда джунгарами. Въ 1731 г. онъ принятъ въ русское подданство. Въ 1732 г., на общемъ собраніи киргизовъ Средней и Меньшой орды, послѣднія присягнули на русское подданство, и въ 1733 г. Абуль-Хаиръ просилъ утвержденія за его родомъ ханскаго достоинства, а также постройки на р. Ори русской крѣпости для защиты киргизовъ, что и было причиною застройки Оренбурга. Оказывая ревность къ русской службѣ, Абуль-Хаиръ привелъ къ подданству императрицы Анны хана Средней орды, аральцевъ и каракалпаковъ, за что получилъ похвальную грамоту (10 іюля 1734 г.). Точно также онъ склонилъ присягнуть Россіи и хана Большой орды Юлбарса (3 авг. 1738 г.), добиваясь соединенія въ своихъ рукахъ управленія всѣми киргизами, чтобы идти съ русскимъ войскомъ противъ джунгаровъ. Но это не удалось: Абуль-Хаиръ едва спасся отъ возмутившихся киргизовъ Средней и Большой орды. Съ цѣлью вознаградить себя за неудачу, честолюбивый Абуль-Хаиръ тщетно домогался, чтобы возмутившіеся башкирцы признали ханомъ сына его. Въ 1741 г. Абуль-Хаира призвали на ханство въ Хиву, завоеванную персидскимъ шахомъ Надиромъ. Передъ этимъ завоевателемъ за Абулъ-Хаира предстательствовало русское правительство, съ цѣлью имѣть въ своихъ рукахъ Хиву. Шахъ обѣщалъ исполнить это и предлагалъ Абуль-Хаиру подождать его прибытія, но Абуль-Хаиръ не дождался шаха, ушелъ, потерявъ Хиву, и съ этого времени враждебно дѣйствуя противъ Россіи, убитъ въ 1748 г. въ схваткѣ съ ханомъ Средней орды Борракомъ, принявшимъ русское подданство въ 1742 г.

Энциклопед. Лексиконъ Плюшара, I, 53 — 54. «Спб. Вѣд.» 1730, 1731, 1733—6, 1738—9, 1741—3 г. Левшинъ, «Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей», т. 2, стр. 69, 75, 93—120, 148 и 177.

Абхазовъ, князь, *Иванъ Николаевичъ*, адъютантъ генерала Котляревскаго, въ 1821 году полковникъ, командиръ 44 Гренадерскаго полка; при водвореніи владѣтелемъ Абхазіи князя Дмитрія Шервашидзе начальствовалъ особымъ отрядомъ, который нанесъ пораженіе претенденту на Абхазское княжество, Азеланъ-Бею. Дойдя до Сухумъ-Кале, Абхазовъ разореніемъ непокорныхъ селеній заставилъ сторонниковъ Азеланъ-Бея бѣжать къ черкесамъ. Въ 1827 году Абхазовъ былъ начальникомъ штаба въ корпусѣ генерала Панкратьева, а затѣмъ назначенъ военно-окружнымъ начальникомъ русскихъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, въ чинѣ генералъ-маіора (въ февралѣ 1829 г.). Въ 1830 году онъ усмирилъ возстаніе горцевъ и въ 1832 году умеръ, на дорогѣ въ Царство Польское, вызванный туда на службу фельдмаршаломъ княземъ И. Ѳ. Паскевичемъ-Эриванскимъ.

«Рус. Стар.», т. VI, стр. 191, 268, 270. Дубровинъ, «Исторія войны и влад. русск. на Кавказѣ», т. VI, стр. 468—9. «Терскія Областныя Вѣд.», 1869 г. №№ 6, 8 и 10.

Аваловъ (Авала-швили), князь, *Егоръ Ивановичъ*, былъ первымъ изъ уполномоченныхъ грузинскаго царя Георгія XII, подписавшихъ въ 1800 г. въ Спб. договоръ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

«Росс. родосл. книга» (кн. П. Долгорукова), ч. III, стр. 479. Первое Полн. Собр. Законовъ, т. XXVI, №№ 19721 и 20007.

Аввакумъ Петровичъ, первый по времени и талантливѣйшій изъ расколоучителей-писателей, противниковъ нововведеній патріарха Никона, протопопъ гор. Юрьевца-Поволжскаго, род., какъ видно изъ его автобіографіи, въ 1615 или 1616 г., сожженъ въ Пустозерскѣ, въ срубѣ, 1 апр. 1681 г. Мѣстомъ рожденія своего самъ Аввакумъ называетъ с. Григорово (Княгининскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ священникомъ и рано умеръ. Мать же, именемъ Марія, пріучивъ сына съ ранняго дѣтства къ посту, вселила въ него сильное чувство религіозности, соединенное съ искренностью убѣжденія, не допускавшею ника-

кихъ уступокъ. Не смотря на выдающіяся способности, Аввакумъ, при отсутствіи правильнаго научнаго образованія, не могъ пріобрѣсти широкаго кругозора. Онъ былъ только начетчикомъ, и, не зная классическихъ языковъ, сдѣлался отрицателемъ новизны въ богослужебныхъ книгахъ, въ которыхъ по его мнѣнію, всякое измѣненіе—ересь, а всякое выраженіе, употреблявшееся изстари, должно быть свято и оставаться неизмѣннымъ, какъ догматъ. Это убѣжденіе и погубило его. Ревность къ охраненію буквы у Аввакума доходила до крайности даже и въ ошибочныхъ мѣстахъ стараго перевода богослужебнаго текста. Между тѣмъ, обстоятельства поставили Аввакума въ соприкосновеніе съ дѣломъ изданія и исправленія богослужебныхъ книгъ, при чемъ онъ явился мученикомъ раскола по убѣжденію. На 22 году жизни Аввакумъ посвященъ въ діаконы, а 24-хъ лѣтъ рукоположенъ во священники, не ранѣе 1640 г. Въ этомъ санѣ Аввакумъ явился пылкимъ обличителемъ непорядковъ въ своей паствѣ. Обличеніями своими онъ вызвалъ гоненія вліятельныхъ людей. Въ своемъ „Житіи“ — искренней автобіографіи, рисующей Аввакума вполнѣ, со всѣми хорошими и дурными качествами,—онъ разсказываетъ случаи столкновеній и съ начальниками и со случайными посѣтителями его прихода, въ родѣ „поводырей медвѣдей“. Прибывъ въ Москву, Аввакумъ нашелъ въ столицѣ почитателей. Люди вліятельные изъ духовенства, какъ, напримѣръ, царскіе духовники, протопопы Гавріилъ Нероновъ и Стефанъ Вонифатіевъ, познакомившись съ Аввакумомъ, приняли въ немъ участіе. При содѣйствіи ихъ, объ Аввакумѣ узналъ царь Алексѣй Михайловичъ и далъ ему грамоту для возвращенія въ тотъ же приходъ. Грамота, однако, не помогла; ревность пастыря „не по разуму“ возбудила противъ него, въ приходѣ, новую бурю. Спасаясь отъ нея, Аввакумъ вторично поѣхалъ въ Москву, гдѣ его поставили въ протопопы въ городъ Юрьевецъ - Поволжскій, около 1648 или 1649 г. Но въ Юрьевцѣ ревностный и неуклонно строгій обличитель возбудилъ противъ себя какъ прихожанъ, такъ и приходское духовенство, поднявшее на протопопа весь городъ. Въ бытность Аввакума въ патріаршемъ приказѣ, послѣдній окружили толпы народа, ворвались въ него и, вытащивъ Аввакума на улицу, принялись бить чѣмъ попало. Съ большимъ трудомъ удалось воеводѣ спасти его изъ рукъ разъяренной толпы, и перенести протопопа въ домъ его, причемъ для охраны была поставлена стража. Чѣмъ возбуждено это озлобленіе, Аввакумъ въ „Житіи“ не объясняетъ, но затѣмъ онъ въ третій разъ отправился въ Москву, за что упрекали его и покровители, и самъ государь, но послѣ упрековъ все-таки оставили въ столицѣ въ намѣреніи поручить на „печатномъ дворѣ правку книгъ“. Аввакумъ поселился у Неронова и сталъ „вѣдать, при отлучкахъ его, церковь“ (Казанскій соборъ въ Китаѣ-городѣ). Казалось, дѣло устроилось наилучшимъ образомъ: все, о чемъ мечталъ любознательный и ревностный Аввакумъ, давалось ему теперь легко. Онъ былъ, въ Москвѣ, у самаго источника образованія, въ почетѣ и довольствѣ и думалъ заняться общеполезнымъ дѣломъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства выяснили, что для такой цѣли протопопъ, при всѣхъ своихъ способностяхъ, научно былъ недостаточно подготовленъ. Въ это время старый патріархъ Іосифъ скончался. Правившая при немъ партія думала въ преемники ему избрать духовника государева, Стефана Вонифатьева, а самъ государь уже рѣшилъ поставить патріархомъ митрополита новгородскаго Никона, ѣздившаго въ это время за мощами Филиппа митрополита, въ Соловецкій монастырь. По возвращеніи въ столицу, Никонъ и занялъ престолъ патріаршій въ то время, когда уже противъ него были сторонники Стефана. Вступивъ на патріаршество, Никонъ началъ вводить новое, исправляя старое. Нововведенія эти стали порицаться сторонниками духовника государева. Никонъ, съ своей стороны, высказалъ неодобреніе переводовъ книгъ, исполненныхъ при предшественникѣ. Въ богослужебныхъ книгахъ были найдены погрѣшности и искаженія смысла. Вмѣсто сознанія въ своихъ недосмотрахъ, допущенныхъ по невѣдѣнію греческаго языка, справщики отнесли свою отставку къ безвинному гоненію. Вступившись за нихъ, Аввакумъ не признавалъ и возможности ошибокъ при ревнивомъ охраненіи стараго текста. Онъ думалъ и открыто заявлялъ, что „въ церкви Христосъ царствуетъ и не даетъ ей погрѣшать, не только въ вѣрѣ и догматахъ

вѣры, но ни въ малѣйшей чертицѣ догматовъ, каноновъ и пѣсней". Про всякую перемѣну въ текстѣ книгъ Аввакумъ говорилъ, что „малое бо сіе слово великую ересь содѣваетъ". Наоборотъ, обязанность справщика видѣлъ онъ въ сохраненіи стараго, въ неприкосновенности—„не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ, держусь до смерти, его же пріяхъ, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ". Такія понятія естественно дѣлали его врагомъ Никона, противъ котораго онъ открыто выступилъ въ 1654 году, когда указомъ патріарха измѣнены 12 поклоновъ, вмѣсто земныхъ, въ поясные, при произнесеніи на службахъ въ Великомъ посту молитвы св. Ефрема Сирина, съ троеперстнымъ (вмѣсто двуперстнаго, какъ было встарину) знаменіемъ креста. По изданіи этого указа, Аввакумъ и Даніилъ (бывшій справщикъ, протопопъ муромскій) сдѣлали выписки о сложеніи перстовъ и о поклонахъ, и подали царю. Государь же не обратилъ на ихъ протестъ вниманія. Тогда Аввакумъ и прочіе, согласные съ нимъ во взглядахъ на богослужебный обиходъ, начали называть патріарха *еретикомъ* и *предтечею антихриста*. Аввакума взяли со службы, во время всенощной въ Казанскомъ соборѣ, и посадили въ Андроньевомъ монастырѣ, въ палатку. Тамъ продержали его три дня безъ пищи и затѣмъ вывели на допросъ. Вмѣсто отвѣтовъ, протопопъ ругался „отъ писанія". На слѣдующихъ допросахъ повторялось то же самое. За упорство Аввакума удерживали подъ стражею и „вывозили въ крестныхъ ходахъ, противъ крестовъ", думая смирить стыдомъ. Это, однако, не помогло. Патріархъ рѣшилъ Аввакума разстричь (15 сентября 1655 г.), но государь упросилъ вмѣсто разстриженія—сослать въ Сибирь на жительство. Ссылка эта, какъ оказалось, имѣла послѣдствіемъ занесеніе въ Сибирь раскольническаго ученія. Архіепископъ тобольскій Симеонъ отнесся къ Аввакуму сочувственно и далъ ему мѣсто у себя, въ Тобольскѣ. Такимъ образомъ, Аввакумъ могъ бы жить спокойно и съ достаткомъ, если бы не поссорился съ дьякомъ архіепископа, Струною, пославшимъ на него доносъ въ Москву. По этому доносу было приказано: выслать Аввакума на р. Лену. Привезенный только въ Енисейскъ, протопопъ причисленъ, въ качествѣ духовника, къ Даурской экспедиціи, ввѣренной суровому воеводѣ, Аѳанасію Пашкову. Два такіе человѣка, какъ Аввакумъ и Пашковъ, естественно не могли жить въ мирѣ, безпрестанно враждуя и ссорясь. Въ результатѣ подобныхъ отношеній было ухудшеніе участи Аввакума. Въ „Житіи" своемъ онъ описалъ всѣ бѣды, которыя терпѣлъ отъ Пашкова, нисколько не уклоняясь отъ гоненій. Семья воеводы, съ своей стороны, что могла, дѣлала въ пользу гонимаго, дѣтей и жены его. Протопопъ же при-этомъ впалъ въ экзальтацію и всѣ непріятности, наносимыя ему, приписывалъ дѣйствіямъ злаго духа, будто бы являвшагося страдальцу. Съ этимъ врагомъ Аввакумъ велъ даже тѣлесную борьбу, получивъ якобы даръ чудотвореній. Разсказы о нихъ только усиливали расколъ, а самого Аввакума подстрекали къ самомнѣнію. Этимъ можно объяснить помѣщеніе во всѣхъ разсказахъ о пребываніи Аввакума въ Дауріи извѣстія объ изгнаніи злыхъ духовъ его молитвою. И вотъ, черезъ 6 лѣтъ, когда у протопопа созрѣла увѣренность въ чудотворной силѣ, его возвратили въ Енисейскъ, а изъ Енисейска—въ Москву. Это случилось въ ту пору, когда враги патріарха Никона искали всюду противъ него обвинителей, Аввакумъ же оказывался самымъ ярымъ и непреклоннымъ. Поэтому, по возвращеніи въ столицу, его и приняли противники реформъ Никоновыхъ, „яко ангела Божія". При представленіи возвращеннаго изъ ссылки, государь обратилъ къ нему милостивое слово: „Здорово ли протопопъ живешь; еще привелъ Богъ свидѣться!" и приказалъ дать ему помѣщеніе въ Кремлѣ, на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря. Въ первое время государь часто встрѣчался съ Аввакумомъ и говаривалъ: „Благослови меня и помолись о мнѣ!" Въ ту пору было даже предположеніе сдѣлать его царскимъ духовникомъ. Но неукротимый нравъ Аввакума скоро опять сказался. Съ партіей противниковъ Никона Аввакумъ не сошелся. У Ртищева, отъявленнаго врага Никонова, въ первое время обласкавшаго Аввакума, онъ затѣялъ споръ съ Симеономъ Полоцкимъ. Оба они, люди горячіе, въ спорѣ ни до чего не договорились, но замѣтили рознь, мѣшавшую имъ придти къ соглашенію. Послѣ этого боярыня Ѳедосья Морозова сдѣлалась горячею сторонницею Аввакума, и онъ, оставивъ Кремль и Ртищева, пере-

ѣхалъ въ домъ ея. Въ ту пору къ числу приверженцевъ протопопа, черезъ Морозову, принадлежала и царица Марья Ильинична, р. Милославская, просившая объ Аввакумѣ царственнаго супруга. Самъ государь принялся умѣрять ревность протопопа, уговаривая его „помолчать“. Но эта милость возбудила въ Аввакумѣ увѣренность, что государь въ мнѣніяхъ согласенъ съ нимъ. Придя къ такому выводу, Аввакумъ началъ ждать прямаго обращенія царя, но, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, не утерпѣлъ и написалъ свое извѣстное къ нему „посланіе“, отправивъ его съ Ѳедоромъ Юродивымъ. Государь оскорбился и, увидѣвъ, что протопопъ не унимается, пригрозилъ ему новою ссылкою. Первыми слѣдствіями царскаго гнѣва были: запретъ священнодѣйствовать и высылка въ Мезень, съ семьею, съ назначеніемъ содержанія—по грошу въ день на каждаго члена его семьи. Аввакумъ и тутъ, не смиряясь, продолжалъ священнодѣйствовать. Спустя полтора года, привезли его вновь въ Москву, на соборъ (въ февралѣ 1666 г.), отдавъ на увѣщаніе епископу крутицкому Павлу. Первое объясненіе, окончилось обоюдными оскорбленіями, и Аввакумъ былъ увезенъ, до соборнаго разбирательства, въ Боровскій Пафнутьевъ монастырь, для содержанія тамъ подъ стражею. Вскорѣ снова привезли Аввакума въ Москву и на соборѣ принялись его кротко уговаривать оставить упорство. „Долго ли тебѣ мучить насъ, соединись съ нами, Аввакумушко!“, обращались къ обвиняемому отцы собора.— „А я“, объясняетъ Аввакумъ, „какъ отъ бѣсовъ, отъ нихъ отрицался“. Тогда-то состоялось уже грозное соборное опредѣленіе 13 мая 1666 г., гласившее: «Единомышленникъ Григорьевъ (т. е. Гавріила Неронова, въ монашествѣ) Аввакумъ по освобожденіи изъ ссылки писалъ о символѣ, о сложеніи перстовъ въ крестномъ изображеніи, о поклонахъ и о прочемъ, что въ новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ напечатано, якобы неправо. Да онъ же, въ своихъ письмахъ, писалъ, что на Москвѣ во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латински, и законы, и уставы у насъ латинскіе: руками машутъ и главами кивають, и ногами топчютъ, какъ де обыкли у латинниковъ, по арганамъ. И на справщиковъ книжнаго печатнаго двора, и на священниковъ московскихъ церквей написалъ, что они пожираютъ стадо Христово злымъ ученіемъ, и образа нелѣпо носятъ, отступническіе, а не природные наши словенскаго языка. И они же не церковные чада, діаволи, родишеся ново отъ Никонова ученія, понеже не вѣруютъ во Христа вочеловѣчшася. И еще же исповѣдаютъ не воскресшаго, и царя не совершенна на небеси со отцемъ быти. И Духа Святаго не истинна глаголютъ быти; ихъ же отщепенцами и уніатами называетъ, что они ходятъ въ рогахъ, вмѣсто обыкновенныхъ словенскихъ скуфей. И причащаться святыхъ тайнъ православнымъ христіанамъ у тѣхъ священниковъ, которые по новоисправленнымъ служебникамъ Божественныя литургіи служатъ, не велитъ. Въ Патріаршей крестовой палатѣ, предъ освященнымъ соборомъ въ тѣхъ своихъ злокозненныхъ письмахъ, въ ложныхъ ученіяхъ покаянія и повиновенія жъ, Аввакумъ не принесъ и во всемъ упорствовалъ. Еще же и освященный соборъ укорялъ и неправославнымъ называлъ. И за то онъ, Аввакумъ (1666 г. 13 мая), въ соборной церкви священнаго сана изверженъ и проклятъ“. Въ Успенскомъ соборѣ на анаѳему Аввакумъ отвѣтилъ также анаѳемою.—„Какъ стригли, царица просила и отъ казни отпросила меня“, — замѣчаетъ Аввакумъ. Послѣ разстриженія, его привезли въ Угрѣшскій монастырь и тамъ отстригли бороду — „одинъ хохолъ оставили, что у поляка, на лбу“, и ночью отправили изъ столицы, опять въ Пафнутьевъ монастырь, гдѣ продержали въ заключеніи около года. Затѣмъ Аввакума еще разъ привезли въ Москву, къ бывшимъ тамъ патріархамъ Александрійскому и Антіохійскому, которые черезъ переводчика, архимандрита Діонисія, тщетно уговаривали смириться. Аввакумъ, присоединяя къ рѣзкому отрицанію упреки, такъ разгнѣвалъ, наконецъ, патріарховъ, что сами они и свита ихъ принялись бить его. Послѣ этого Аввакума послали въ Пустозерскъ, давъ 70 ударовъ кнутомъ. Здѣсь содержали его въ острогѣ 14 лѣтъ. Сожгли Аввакума за дерзкое посланіе къ царю Ѳедору Алексѣевичу, въ которомъ онъ, между прочимъ, просилъ позволенія перебить іерарховъ,—уподобляя себя пророку Иліи, а ихъ жрецамъ царя Ахава. О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Аввакумъ помѣ-

стилъ въ посланіи оскорбительную укоризну, что онъ на томъ свѣтѣ „въ мукахъ сидитъ“ за непринятіе мнѣній протопопа. Въ Великую пятницу, 1-го апрѣля 1681 г., въ Пустозерскѣ взвели на костеръ, въ срубѣ, Аввакума и трехъ его соузниковъ. Подожгли дрова—народъ снялъ шапки и всѣ замолкли. Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и съ угрозою началъ говорить: „Будете такъ креститься—не погибнете, а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ, мхомъ его занесетъ. А погибнетъ городокъ—настанетъ вѣку конецъ!“ Тутъ огонь охватилъ страдальцевъ. Одинъ изъ трехъ соузниковъ закричалъ. Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ шепотомъ увѣщевать, чтобы тотъ потерпѣлъ; самъ же онъ не произнесъ ни одного слова, хотя горѣлъ медленно.

Всѣ дошедшія до насъ въ рукописяхъ сочиненія Аввакума,—заключающія въ себѣ обильный матеріалъ для изученія не только его собственной личности, какъ выдающагося дѣятеля въ исторіи раскола, но и времени, въ которое юрьевецкій протопопъ дѣйствовалъ,—изданы впервые въ 1879 году проф. Субботинымъ въ V томѣ „Матеріаловъ для исторіи раскола“. Здѣсь помѣщены тридцать пять сочиненій Аввакума; кромѣ того, въ I томѣ „Матеріаловъ“ напечатаны еще два, такъ что общее число всѣхъ извѣстныхъ теперь и напечатанныхъ сочиненій Аввакума достигаетъ тридцати семи. Но это число, по мнѣнію проф. Субботина, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: нѣкоторыя сочиненія Аввакума или совсѣмъ утрачены, или доселѣ не отысканы, но извѣстны по указаніямъ его собственнымъ и его современниковъ. Такихъ сочиненій насчитывается восемь: четыре челобитныхъ царю Алексѣю Михайловичу, одно посланіе къ архимандриту Никанору въ Соловецкій монастырь, два письма—къ дьякону Ѳедору и воеводѣ Пашкову—и догматическія письма къ дьякону Ѳедору и Игнатію Соловнянину о Троицѣ, воплощеніи, и проч. Самое обширное и наиболѣе важное изъ сочиненій Аввакума—его „Житіе“, къ которому непосредственно примыкаетъ „Краткая записка о своемъ страданіи и страданіи своихъ соузниковъ“; затѣмъ слѣдуютъ: три челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу, два посланія, писанныхъ изъ Пустозерска, къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳеодору Алексѣевичу и рядъ посланій (18) къ разнымъ лицамъ; далѣе, семь сочиненій отличаются богословско-полемическимъ характеромъ и имѣютъ форму разсужденій о разныхъ предметахъ раскольничьяго вѣроученія; наконецъ, три сочиненія посвящены толкованію Св. Писанія. Время написанія большей части сочиненій Аввакума точно опредѣлить нельзя. Юрьевецкій протопопъ началъ свою писательскую дѣятельность одновременно съ первымъ обнаруженіемъ церковнаго раскола при патріархѣ Никонѣ. Первымъ сочиненіемъ Аввакума была челобитная (1653 г.) царю Алексѣю Михайловичу, содержавшая въ себѣ протестъ противъ распоряженій Никона о поклонахъ на молитвѣ Ефрема Сирина и перстосложеніи. Литературная дѣятельность Аввакума распадается на два періода: первый—съ 1653 года до ссылки въ Пустозерскъ, послѣ осужденія соборомъ 1667 г., второй—обнимаетъ все время его жизни въ Пустозерскѣ. Большая часть сочиненій Аввакума принадлежитъ къ послѣднему періоду его жизни и дѣятельности (въ первомъ періодѣ, въ Москвѣ, написаны главнымъ образомъ челобитныя и письма къ разнымъ лицамъ). Старѣйшіе изъ рукописныхъ сборниковъ сочиненій Аввакума относятся къ первой половинѣ XVIII столѣтія. Существуетъ нѣсколько редакцій сочиненій Аввакума, начавшихъ появляться еще при жизни автора. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ предисловіи проф. Субботина къ V тому „Матеріаловъ для исторіи раскола“.

Въ Энциклоп. Словарѣ, т. I, стр. 149—154 статья П. И. Мельникова, который приводитъ списокъ рукописныхъ сочиненій Аввакума, въ числѣ 31. «Дополненія къ Актамъ Историч.», т. V, стр. 448. (Дѣянія Московскаго собора 1666 г.) Макарій, «Исторія русскаго раскола» стр. 167 — 8 (изд. 1855 г.) Г. В. Есиповъ, «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», стр. 116—118. «Братское слово» 1876 г. «Описаніе нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій», ч. I.—Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XIII, стр. 197—207.—Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», вып. I. *С. Т.*

Аввакумъ, до постриженія Алексѣй *Львовъ*, протопопъ — іеромонахъ. Въ 1724 г. изъ Псковскихъ провинціалъ - инквизиторовъ опредѣленъ протоинквизиторомъ при Св. Синодѣ, съ возведеніемъ въ игумены Угрѣшскаго монастыря; въ декабрѣ 1731 г. опредѣленъ членомъ (судьею) московской дикастеріи и возведенъ въ

архимандриты Высокопетровскаго монастыря; въ 1735 г., за укрывательство, въ слѣдствіи по дѣлу о безпорядкахъ въ Саровской и Берлюковской пустыняхъ, отрѣшенъ отъ званія судьи въ дикастеріи и заключенъ въ крѣпость; въ 1736 г. 23 іюня лишенъ сана; въ 1739 году 8 августа состоялось рѣшеніе о немъ тайной канцеляріи: „такъ какъ преступнаго умысла и злости за нимъ не оказалось, а все учинилъ онъ съ простоты своей, то бить его, вмѣсто кнута, плетьми и отправить для посылки въ монастырское братство, куда Синодъ назначитъ".

Строевъ, „Списки іерарховъ", 173 и 207 стр.

Аввакумъ, до постриженія Дмитрій Семеновичъ *Честной*, архимандритъ первокласснаго монастыря, синологъ; съ 1844 г. членъ конференціи Спб. духовной академіи, бывшій воспитанникъ ея. Род. въ погостѣ Родикѣ, Осташковскаго у., Тверской губ., 18 сентября 1801 года, умеръ въ С.-Петербургѣ 10 марта 1866 года. Окончивъ курсъ тверской семинаріи, а затѣмъ Спб. духовной академіи, принялъ постриженіе, рукоположенъ 21 ноября 1829 года въ іеромонахи и отправился въ Китай, въ составѣ 11-й Пекинской духовной миссіи, начальникомъ которой былъ архимандритъ Веніаминъ. Съ дороги Аввакумъ писалъ очень любопытныя письма, потомъ частью напечатанныя. Прибывъ въ Пекинъ 20 ноября 1830 г., Аввакумъ былъ откомандированъ служить въ русской церкви, Успенія Богоматери, прихожанами которой были потомки плѣнныхъ албазинцевъ, составлявшіе русскую роту манджурской гвардіи Богдыхана. Для дѣтей прихожанъ этой церкви устроено было училище, гдѣ Аввакумъ, выучившись по-китайски, началъ преподавать ариѳметику, географію и православное вѣроученіе. Съ 1836 года по воскреснымъ днямъ, отслуживъ обѣдню, онъ говорилъ по-китайски проповѣди, причемъ ссылки на текстъ изъ прочитаннаго евангелія, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, раздавалъ слушателямъ. Слѣдуя инструкціи, Аввакумъ занимался въ Китаѣ изслѣдованіемъ конфуціанской и буддійской религій, изучивъ языки манджурскій, монгольскій и тибетскій, при помощи тибетскаго ламы. Подъ руководствомъ послѣдняго, Аввакумъ къ концу 1840 года перевелъ на тибетскій языкъ „Евангеліе отъ Луки", а на китайскій, для чтенія паствы своей Успенской церкви, кромѣ поученій, церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ,—соч. Мансвѣтова: „Черты дѣятельнаго ученія вѣры" (1839 г.). Съ знаніемъ четырехъ языковъ, употребляемыхъ туземными писателями въ Китаѣ, Аввакумъ занялся собираніемъ извѣстій о древнихъ обитателяхъ Манджуріи и южной Сибири и также о походахъ монголовъ въ Россію и Венгрію. Кромѣ того, онъ собиралъ извѣстія по исторіи Кореи и географіи Китая, вообще интересуясь вопросами о проповѣдникахъ христіанства до іезуитовъ и о племенахъ Индо-Китая, обитающихъ около границъ Срединной Имперіи. Почтенные труды миссіонера постоянно обращали на себя вниманіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Когда начальникъ миссіи, архимандритъ Веніаминъ, по болѣзни, просилъ уволить его отъ должности до истеченія опредѣленнаго 10-лѣтняго срока, и на прошеніе его послѣдовало согласіе, іеромонаху Аввакуму, предписаніемъ азіятскаго департамента отъ 3 іюня 1865 года, поручено было принять должность начальника миссіи до окончанія срока пребыванія ея въ Пекинѣ. Въ 1837 г. Аввакуму пожалованъ орденъ св. Анны 2 ст., а по возвращеніи изъ Китая оставленъ весь получавшійся за границею окладъ въ 1.200 руб. въ постоянную пенсію и, кромѣ того, 800 руб. какъ жалованье на службѣ азіятскаго департамента, гдѣ онъ въ первое же время по пріѣздѣ занялся составленіемъ каталога рѣдкихъ восточныхъ рукописей, собранныхъ послѣдовательно въ библіотеку, въ количествѣ 609 нумеровъ. За составленіе каталога Мин. Иностр. Дѣлъ ходатайствовало о возведеніи Аввакума въ архимандриты, что̀ и было исполнено въ 1844 г., съ назначеніемъ членомъ спб. духовной консисторіи и духовной цензуры. Кромѣ каталога,—этого капитальнаго, оцѣниваемаго только знатоками труда,—Аввакумъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ въ „Запискахъ сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. общества". Въ Китаѣ Аввакумъ доказалъ свои знанія пекинскимъ ученымъ, по случаю открытія въ г. Боадинь-фу древней надписи, изсѣченной на камнѣ непонятными знаками. Обратились къ Аввакуму, представивъ снимокъ съ загадочныхъ письменъ, и онъ разобралъ надпись, сдѣланную на древнемъ монгольскомъ языкѣ. Въ 1852 г. Аввакумъ былъ командированъ, въ качествѣ переводчика китайскаго языка, въ составъ экспе-

диціи генералъ-адъютанта Путятина, имѣвшей цѣлью завязать первыя сношенія съ Японіею. Во время экспедиціи Аввакумъ исполнялъ также обязанности священнослужителя на фрегатѣ „Паллада“. Послѣ двухлѣтняго плаванія, въ іюлѣ 1854 г., вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, по случаю разрыва съ Англіею и Франціею и вслѣдствіе измѣненія первоначальнаго плана плаванія эскадры, по перемѣщеніи команды фрегата «Паллада» на берегъ, Аввакуму разрѣшено было возвратиться въ С.-Петербургъ сухимъ путемъ черезъ Сибирь. По засвидѣтельствованію генералъ-адъютанта Путятина объ отличныхъ трудахъ Аввакума, ему присвоена была степень архимандрита первокласснаго монастыря. Но по возвращеніи въ С.-Петербургъ, въ половинѣ слѣдующаго 1855 года, Аввакумъ снова былъ командированъ, черезъ Морское Министерство, въ качествѣ переводчика, въ Иркутскъ, въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири, генералъ-лейтенанта Муравьева, поднявшаго въ то время вопросъ о присоединеніи къ Россіи Амурскаго края и требовавшаго переводчика для сношеній съ Китаемъ. Пробывъ два года въ усиленныхъ занятіяхъ въ Восточной Сибири, Аввакумъ въ началѣ 1857 года, по приглашенію генералъ-адъютанта графа Путятина, присоединился къ его миссіи, имѣвшей назначеніе въ Китай. Въ теченіе 1857—58 гг., Аввакумъ принималъ дѣятельное участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ китайцами, происходившихъ во время и послѣ окончанія военныхъ дѣйствій англичанъ и французовъ въ Китаѣ, и находился также при заключеніи Тянь-тзиньскаго трактата 1 іюня 1858 года. Въ этомъ же году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Изъ экспедиціи графа Путятина Аввакумъ воротился вверхъ по Амуру въ Иркутскъ. Но уже въ слѣдующемъ 1859 году онъ долженъ былъ, за неимѣніемъ другихъ переводчиковъ, сопровождать графа Муравьева въ экспедицію его въ Японію, предпринятую съ цѣлью переговоровъ объ островѣ Сахалинѣ. Только въ 1860 году Аввакумъ окончательно вернулся въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ жилъ въ Александро-Невской лаврѣ, занимаясь переводами. Похороненъ Аввакумъ на лаврскомъ кладбищѣ, подлѣ задней стѣны церкви Св. Духа. Почитатели воздвигли ему надгробный памятникъ съ русскою и китайскою надписями. Послѣ Аввакума остались двѣ рукописи (судьба которыхъ неизвѣстна), переведенныя съ китайскаго: „Любомудріе китайцевъ“ и „Нравственная философія китайцевъ“. Превосходная характеристика Аввакума помѣщена И. А. Гончаровымъ въ дополнительной главѣ къ сочиненію его: „Фрегатъ Паллада“.

«Каталогъ» Аввакума, напечатанный безъ имени составителя, въ типогр. Праца въ 1843 г. (8° 102 нумер. и 2 ненумерованныхъ страницы). Описанныя въ каталогѣ рукописи раздѣлены на 6 отдѣленій, пять—по языкамъ, на которыхъ онѣ писаны, а 6-е отдѣленіе картъ географическихъ и астрономическихъ, въ числѣ 19 нумеровъ. Рукописи и книги относятся къ языкамъ: китайскому (395 нумеровъ), манджурскому (60 нумер.), монгольскому (42 нум.), тибетскому (75 нумер.) и санскритскому (16 нумер.). Архивъ Ал.-нев. лавры, дѣло № 72, 1866 г. Дѣло азіятск. д-та о посылкѣ въ Китай миссіи въ 1859 г. «Русскій Вѣстникъ» 1856 г., № 8. Отчетъ Имп. Русск. Геогр. общ. за 1866 г., стр. 2—5.

Августиновичъ, *Ѳома Матѳѣевичъ*, д. с. с., бывшій съ 1868 г. исправлявшимъ должность Пермскаго врачебнаго инспектора, род. въ 1810 году; происходилъ изъ крестьянъ. Пройдя курсъ гимназіи въ Свислочѣ, онъ перешелъ въ 1830 г. въ Виленскій университетъ, а по закрытіи его, въ тамошнюю мед.-хир. акад. (1832 г.), гдѣ кончилъ курсъ лекаремъ въ 1835 г., успѣвъ издать въ это время, въ Вильнѣ альбомъ (въ листъ) хирургическихъ инструментовъ, съ объясненіями: „Instrumenta chirurgica in discentium commodum 50 tabulis depicta et lapidi incisa“. Опредѣленный въ 1840 г. въ Брянскій егерскій полкъ, отъ Вилен. мед.-хирург. академіи, Августиновичъ признанъ штабъ-лекаремъ и переведенъ старшимъ врачемъ въ 7-ю артил. бригаду, откуда въ 1842 г. уволенъ. Въ 1846 г. служилъ въ Полтавской губерніи и въ 1853 г. помѣстилъ въ трудахъ коммиссіи для описанія кіев. учебн. округа статью: „О дикорастущихъ врачебныхъ растеніяхъ въ Полтавской губ.“. (91 стр.). Въ 1861 г. составилъ (съ А. Грабовскимъ) изданное Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, (8° 26 стр.) „Наставленіе волостнымъ фельдшерамъ о помощи укушеннымъ бѣшеною собакою и заразившимся сибирскою язвою“.

А. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», I, 1 стр.

Августинъ, до постриженія Алексѣй Васильевичъ *Виноградскій*, архіепископъ московскій, род. въ Москвѣ, 6 марта 1766 г.,

умеръ тамъ же 3 марта 1819 г. Сынъ священника церкви св. Димитрія Солунскаго, въ Китай-городѣ, на Ильинкѣ. Мать онъ потерялъ, имѣя шесть лѣтъ отъ роду, а отца—имѣя восемь лѣтъ, послѣ чего остался на попеченіи брата матери. Способности Алексѣя Виноградскаго сказались рано, еще въ Перервинской семинаріи, на быстромъ усвоеніи латыни, преподававшейся слѣпымъ іеромонахомъ Арсеніемъ, хорошо извѣстнымъ митрополиту Платону своимъ умѣньемъ писать латинскіе стихи, легко дававшіеся и талантливому ученику его. Представленіе Платону устроило будущность Виноградскаго. Изъ класса риторики митрополитъ помѣстилъ его въ Заиконоспасскую академію. Здѣсь Виноградскій проходилъ курсы философіи и богословія, подъ руководствомъ тоже извѣстныхъ ученыхъ, затѣмъ іерарховъ—Аѳанасія (Иванова) и Аполлоса (Байбакова). Кончивъ курсъ академіи, Алексѣй Виноградскій назначенъ учителемъ, до вступленія въ должность ознакомившись, по волѣ преосвященнаго Платона, съ системою преподаванія въ новомъ Главномъ народномъ училищѣ (по плану *Янковича*) въ Москвѣ. Послѣ полугодоваго пребыванія при училищѣ, Виноградскому данъ аттестатъ (1786 г.) о выдержаніи экзамена по педагогикѣ. 20-ти лѣтъ отъ роду, Виноградскій приступилъ сначала къ обученію въ низшемъ классѣ по новой методѣ, заключавшейся въ произношеніи за учителемъ сперва отдѣльныхъ буквъ, потомъ слоговъ и цѣлыхъ словъ. При-этомъ, ему позволено было слушать лекціи профессоровъ въ университетѣ. Въ 1789 г. Виноградскому порученъ риторическій классъ въ семинаріи. За это отблагодарилъ онъ владыку посланіемъ 3 апрѣля, которое самъ Платонъ перевелъ по-русски, прозою, напечатавъ, затѣмъ, и латинскую оду, сочиненную Виноградскимъ на убійство епископа ѳеодосійскаго, Моисея Гумилевскаго (1795 г.). Съ этого времени митрополитъ сталъ давать Виноградскому темы для сочиненія и вопросы для разбора, называя его „полемархомъ“. Кромѣ того, черезъ руки Платона проходили тогда и всѣ проповѣди Виноградскаго, принявшаго монашество съ именемъ Августина и въ 1792 году назначеннаго префектомъ семинаріи и преподавателемъ философіи. Въ 1794 году Августинъ рукоположенъ въ іеродіаконы и іеромонахи, въ 1795 г. назначенъ ректоромъ, а 21 ноября 1798 г.—архимандритомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря. Послѣ коронаціи Павла I, при посѣщеніи Императоромъ Троице-Сергіевой лавры, Августинъ привѣтствовалъ Его Величество рѣчью и въ Высочайшемъ присутствіи производилъ богословскій диспутъ, какъ принято было тогда для всякаго торжества. Платонъ при-этомъ представилъ его Государю и, какъ ректоръ, Августинъ получилъ Высочайшее благоволеніе за „замѣченный во всемъ порядокъ“. Присутствовалъ Августинъ и при священномъ коронованіи Александра I, а затѣмъ въ своей аудиторіи рѣчью привѣтствовалъ Монарха, посѣтившаго лавру и семинарію. Состоя съ іюля 1801 г. настоятелемъ московскаго Богоявленскаго монастыря, Августинъ продолжалъ жить въ лаврѣ, при митрополитѣ, въ 1802 г. назначенъ цензоромъ духовныхъ книгъ, выходившихъ въ Москвѣ, а 25 декабря 1801 г. опредѣленъ настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря и ректоромъ духовной академіи. Въ 1803 году Августинъ вызванъ въ Петербургъ и нареченъ 6 февраля 1804 г. Св. Синодомъ во епископы. Вскорѣ затѣмъ онъ уѣхалъ въ Москву, чтобы заняться управленіемъ епархіи, такъ какъ Платону было разрѣшено предпринять, по обѣщанію, путешествіе въ Кіевъ, на богомолье. По возвращеніи митрополита, уединившагося въ своей Виѳаніи, бремя управленія дѣлами лежало на Августинѣ, хотя онъ по каждому вопросу испрашивалъ у владыки разрѣшеніе. Объ этомъ самъ Августинъ говорилъ прямо: „При Платонѣ я ничего самъ собою не смѣлъ сдѣлать, хотя бы и могъ; за мое послушаніе и терпѣніе Богъ меня и наградилъ“. Заключеніе этого отзыва не оставляетъ сомнѣнія, что епископъ дмитровскій считалъ для себя нелегкою обязанность управленія. Однимъ изъ подобныхъ случаевъ было произнесеніе, по случаю Тильзитскаго мира, въ Успенскомъ соборѣ, торжественнаго „Слова“, оставившаго въ умахъ жителей столицы, слышавшихъ его, сильное впечатлѣніе. Объ этомъ доложилъ Государю главнокомандующій въ Москвѣ, поднесшій и самое слово. Александръ I выразилъ свое удовольствіе оратору, пославъ ему драгоцѣнную панагію. Въ 1809 году, 6 декабря, Александръ I въ первый разъ послѣ коронаціи посѣтилъ Москву (съ зя-

темъ и сестрою Екатериною Павловною). Августинъ готовился къ встрѣчѣ Августѣйшихъ Особъ, но въ день пріѣзда ихъ явился самъ Платонъ и произнесъ торжественное слово, заканчивавшееся словами: „Нынѣ отпущаеши раба своего, Владыко, яко очи мои видѣста спасеніе Россіи". Удостоивъ личной бесѣды митрополита, Александръ I, между прочимъ, спросилъ его: „доволенъ ли онъ своимъ викаріемъ?"— „Совершенно доволенъ", отвѣтилъ старецъ. Когда преосвященный Арсеній (Москвинъ) просилъ увольненія и Синодъ рѣшилъ было сдѣлать Августина епархіальнымъ епископомъ воронежскимъ, Платонъ употребилъ все свое вліяніе, ходатайствуя, чтобы отмѣнить это и дать его викарію „похоронить его кости". По смерти Арсенія (5 мая 1810 г.) Платонъ просилъ о томъ же Государя, получивъ черезъ оберъ-прокурора отвѣтъ, „что въ изъявленіе всегдашняго къ нему благоволенія своего, Императоръ, согласно съ желаніемъ его, оставляетъ преосвященнаго Августина викаріемъ Московскимъ". Черезъ годъ Платонъ заболѣлъ и тогда уже, по прошенію, уволенъ отъ дѣлъ „до выздоровленія". Въ оживленной перепискѣ своей съ Августиномъ, Платонъ тогда уже подписывался „послушникомъ" его. Тѣмъ не менѣе, отвѣтъ по важному дѣлу,—какъ, напр., сдѣланное отъ лица Наполеона, епископомъ въ Блуа, Грегуаромъ, предложеніе о сближеніи церкви французской съ русскою, — принялъ на себя Платонъ. Это было какъ разъ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій Наполеона, приблизившагося съ своей арміей къ Россіи. Августинъ, какъ патріотъ, проникнутый долгомъ одушевлять паству и подкрѣплять голосомъ вѣры малодушіе, встрѣтилъ Государя рѣчью на порогѣ южныхъ вратъ Успенскаго собора (12 іюля 1812 г). Назвавъ монарха „исполиномъ, исходящимъ на путь безсмертныхъ подвиговъ и славы", онъ закончилъ рѣчь свою ободреніемъ: „Царю! Господь съ Тобою: Онъ, гласомъ Своимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны воды потопныя.—Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся; яко съ нами Богъ!" Императоръ Александръ и самъ ораторъ прослезились, и мгновенный порывъ горячаго чувства охватилъ народныя толпы. Признательный Александръ поручилъ Августину, черезъ графа Ростопчина, сочинить „молитву объ изгнаніи враговъ", тогда же напечатанную съ Высочайшаго одобренія и читанную, при колѣнопреклоненіи, во всѣхъ церквахъ московскихъ. Передъ отъѣздомъ изъ столицы, Александръ I прислалъ Августину орденъ св. Александра-Невскаго „за труды и рвеніе". Получивъ извѣстіе о приближеніи враждебныхъ силъ къ Смоленску — въ день чествованія Смоленской иконы Богоматери (28 іюля 1812 г.),— Августинъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ „Пастырское наставленіе народу", призывая его встать „на защищеніе алтарей", вооружиться „на спасеніе достоянія своего", чтобы „мужествомъ" сокрушить „силы" врага. Въ Москвѣ, въ это время, съ 14-го іюля открылъ свои дѣйствія „Комитетъ для вооруженія земскаго ополченія", уже выступившаго изъ столицы 14 августа. При отправленіи его, Августинъ опять, послѣ молебнаго пѣнія, обратился съ напутственнымъ словомъ къ ратникамъ и, когда ряды ихъ проходили мимо его, онъ, окропляя ихъ, произносилъ „Господь силъ съ вами, Господь поборетъ по васъ!". Видя, что у дружинъ нѣтъ знаменъ, Августинъ взялъ изъ приходской церкви Спаса двѣ хоругви: одну—съ изображеніемъ Николая Чудотворца, а другую—Воскресенія Христова и, отдавая ихъ ополченію, сказалъ: „Вотъ вамъ знамена; защищая ихъ—защитите церковь!" Распоряженіе объ отдачѣ Москвы французамъ безъ боя явилось слишкомъ поздно для того, чтобы внушать народу мысль о спасительности этой мѣры для перевѣса нашего оружія. Всѣ ожидали сраженія подъ столицею, въ Москву прибылъ Платонъ (28 августа). Августину, при заботахъ о принятіи мѣръ къ охраненію отъ врага всего, что было дорого русскому сердцу въ храмахъ и обителяхъ столицы, пришлось уговаривать митрополита удалиться въ свою Виѳанію. Только простившись съ нимъ, преосвященный вполнѣ отдался долгу охранителя имущества, и какъ церковный администраторъ, не смотря на всевозможныя препятствія, успѣшно выполнилъ задачу свою, убравъ ризницы и давъ средства выѣхать духовенству. Въ воскресенье, 1-го сентября 1812 г., совершивъ церковное моленіе „о лѣтѣ Господнемъ пріятномъ", послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ, Августинъ пробылъ на Саввин-

скомъ подворьѣ до вечера и только въ полночь, получивъ указаніе ѣхать на Владиміръ, съ иконами Владимірской и Иверской Божіей Матери отправился изъ города передъ разсвѣтомъ, при заревѣ огней военныхъ становъ, со стороны смоленской дороги. Къ вечеру 2-го сентября, вступилъ въ Москву Наполеонъ. Живя въ Муромѣ, Августинъ получилъ отъ Ростопчина вѣсть объ очищеніи французами Москвы 11-го октября.—20-го октября, отслуживъ обѣдню въ Муромскомъ соборѣ, преосвященный 31-го числа прибылъ въ с. Черкизово, увѣдомивъ о тотъ главнокомандующаго. Въ Москвѣ еще не было приготовлено мѣсто для его жительства, и въ Срѣтенскій монастырь преосвященный переѣхалъ лишь черезъ недѣлю (7 ноября). Въ Михаиловъ день (8 ноября), совершивъ молебствіе, Августинъ проникъ ночью въ Кремль съ небольшою свитою, ожидая тягостнаго впечатлѣнія поруганной святыни. Преосвященный и бывшіе съ нимъ не могли удержаться отъ рыданій при первомъ взглядѣ на разрушенія въ Успенскомъ соборѣ. Не легче было прочувствовать и то, что̀ сдѣлали враги въ другихъ храмахъ. Возсозданіемъ всѣхъ ихъ въ приличномъ благолѣпіи и занялся преосвященный. Перенеся съ крестнымъ ходомъ на прежнія мѣста бывшія съ нимъ святыя иконы, преосвященный получилъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны порученіе облегчить положеніе жителей столицы, потерявшихъ имущество, раздачею пособій. Съ благотворительности и началась пастырская дѣятельность Августина. Указомъ 28 декабря 1812 г. ему Высочайше повелѣно продолжать управленіе епархіею и преподаны средства для возобновленія храмовъ и духовныхъ училищъ, на что̀ училищная коммиссія пожертвовала 3.500.000 рублей. 1 декабря 1812 г., Августинъ освятилъ Покровскій соборъ и съ нимъ Китай-городъ, послѣ молебствія съ водосвятіемъ на лобномъ мѣстѣ, произнеся при этомъ слова: „Вседѣйствующая благодать Божія кропленіемъ воды сея освящаетъ древній благочестивый градъ сей, Богоненавистнымъ въ немъ пребываніемъ врага нечестиваго, врага Бога и человѣковъ осквернённый, во имя Отца и Сына и Св. Духа“. Послѣ водосвященія, крестный ходъ прошелъ по Китай-городу тремя направленіями. Самъ Августинъ шелъ по Ильинкѣ до Ильинскихъ воротъ. Всѣ три вѣтви крестнаго хода, обойдя вокругъ стѣнъ, сошлись у Варварскихъ воротъ и оттуда направились къ Кремлю. Такимъ же образомъ освященъ 12 декабря Бѣлый городъ. 1 февраля 1813 г., открытъ запертый до того Кремль—освященіемъ Архангельскаго собора, меньше другихъ пострадавшаго. Въ день освященія собора въ Чудовомъ монастырѣ (12 февраля) Августинъ роздалъ въ помощь наиболѣе пострадавшимъ пособіе, присланное изъ Петербурга, отъ частнаго общества благотворителей. Мартъ мѣсяцъ 1813 г. былъ началомъ возобновленія дѣятельности въ Москвѣ: 3-го числа открыты конторы Св. Синода, а 31-го Заиконоспасская духовная академія. Перемѣщеніе священнослужителей церквей, закрытыхъ въ столицѣ, на мѣста въ села, началось уже съ февраля. Это, впрочемъ, было временною мѣрою. Въ 1816 г. всѣ раньше состоявшіе при церквахъ въ Москвѣ перемѣщены туда вновь. Самымъ позднимъ, по трудности возстановленія, было открытіе Успенскаго собора, въ которомъ вновь росписаны стѣны. Освященіе собора совершилось 30 августа. 11 октября, въ годовщину оставленія столицы французами, совершенъ общій крестный ходъ духовенствомъ всѣхъ столичныхъ храмовъ, а 13 октября Августинъ освятилъ помѣщеніе медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ. Открытіе каждаго изъ этихъ учрежденій сопровождалось теплою рѣчью Августина. Но среди трудовъ своихъ Августинъ уже страдалъ тѣмъ недугомъ, отъ котораго умеръ 53 лѣтъ отъ роду. Возведеніе Августина въ архіепископы послѣдовало, какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ на этотъ санъ, „за оказанныя услуги во время вторженія непріятеля въ Москву и за успѣшное приведеніе духовной части въ порядокъ“. Заботами преосвященнаго начала новую дѣятельность и Московская духовная академія, получившая новый уставъ. При управленіи Августина, по обѣту Александра I, совершена также торжественная закладка на Воробьевыхъ горахъ храма Спасителя. Августину выпалъ жребій преподать и первое причащеніе Св. Тайнъ будущему Императору Александру II, родившемуся въ Москвѣ 17 апрѣля 1818 года. По причащеніи Великаго Князя Александра Николаевича, Августинъ получилъ письмо отъ его Августѣйшаго Родителя съ изъ-

явленіемъ обѣта: „во имя Александра Невскаго, воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима". Будущій преемникъ Александра I просилъ преосвященнаго „быть помощникомъ и руководцемъ въ исполненіи сего обѣта". Августинъ выполнилъ порученіе, сдѣлавъ нужныя распоряженія, но освящалъ придѣлъ его преемникъ, митрополитъ Серафимъ. Августинъ не былъ митрополитомъ, но, оставаясь архіепископомъ, въ день открытія памятника Минину и Пожарскому (18 февраля 1818 г.) наименованъ „московскимъ іерархомъ". „Это нашъ коренной московскій архіерей!", говорили москвичи. При полученіи извѣстія, что его утвердила воля Государя на каѳедрѣ роднаго города, Августинъ произнесъ слова апостола: „Благодатію Божіею есмь, еже есмь". Въ 1818 г. онъ чувствовалъ себя слабымъ и скоро утомлялся отъ движенія. Въ началѣ 1819 г. врачи уже не находили надежды и 3 марта Августинъ соборовался, самъ читая молитвы, всѣхъ благословилъ и началъ-было читать отходную, какъ вдругъ голосъ прервался и умирающій поникъ головою. Преосвященный Лаврентій дочиталъ молитву уже надъ умершимъ архипастыремъ. 8 марта совершили чинъ отпѣванія; для погребенія, тѣло Августина перевезли въ Троице-Сергіеву лавру. Библіотеку свою завѣщалъ онъ Московской духовной академіи. Писалъ Августинъ до архіерейства не мало, но изданы въ разное время лишь его латинскіе стихи, рѣчи и проповѣди. Въ рукахъ учениковъ остались его рукописные курсы „Богословія" и „Толкованія нѣсколькихъ посланій апостоловъ", которые онъ не разъ собиралъ, предполагая напечатать, но не напечаталъ, отвлекаемый епархіальными дѣлами. Статья Августина „О псалмахъ" вошла во 2-е изданіе сочиненія митрополита Амвросія: „Краткое руководство къ чтенію книгъ ветхаго и новаго завѣта". Августинъ часто импровизировалъ рѣчи, всегда производившія сильное впечатлѣніе на слушателей, при мастерскомъ произношеніи; сочинялъ онъ очень быстро, наканунѣ диктуя секретарю прямо части проповѣди, кромѣ приступа, который всегда писалъ самъ, передъ уходомъ въ церковь. Голосъ у него былъ звучный и громкій. Вспыльчивый отъ природы, онъ скоро смягчался, оказывая снисхожденіе даже и виновнымъ, но прямодушіе его иногда наживало ему враговъ. Жизнь велъ онъ простую и полную благотворительности.

Въ росписи русскихъ книгъ Смирдина (1828 г.) поименованы 6 проповѣдей преосвящ. Августина (Виноградскаго) подъ № 457, 485, 529, 581, 582 и 591, а именно: 1) «Пастырское наставленіе, произнесенное 28 іюля 1812 г. и напеч. въ 1814 г.; оно было издано и во французскомъ переводѣ. 2) Рѣчь, говоренная при возвращеніи ему хоругви, бывшей при московскомъ ополченіи, изд. 1813 г. 3) Слово, произнесенное 25 декабря 1813 г. и изд. 1814 г. 4) Слово, произнесенное въ Успен. соборѣ 12 апр. 1814 г. по случаю побѣды при г. Лаонѣ и взятія Реймса. 5) Слово передъ начатіемъ молебствія по случаю покоренія французской столицы, произнесенное 23 апрѣля 1814 г., и 6) Слово, произнесенное въ моск. Срѣтенскомъ монастырѣ 26 августа 1813 г., въ годовщину Бородинской битвы, при совершеніи поминовенія по воинамъ. Въ составъ сочиненій Августина, издан. въ одномъ томѣ въ 1856 г., вошли еще краткія рѣчи, которыя выше не упомянуты, а именно: «При нареченіи во епископа», 1804 г., «На заключеніе мира съ Франціею, въ Тильзитѣ», 1807 г., «На дни коронованія Александра I, произнесенныя въ 1809 и 1811 г. При погребеніяхъ: князя Павла Мих. Дашкова (1807 г.) и графа Ивана Андр. Остермана. Въ 1811 г. Августинъ произнесъ слова при окропленіи священныхъ одеждъ, принесенныхъ Императоромъ въ даръ Успенскому собору, а 1812 г. при освященіи храма въ Александровскомъ училищѣ и при встрѣчѣ Александра I передъ входомъ Е. И. В. въ Успенскій соборъ. Въ 1815 г. Августинъ произнесъ рѣчь, тоже напечатанную, — при открытіи библейскаго общества въ Москвѣ, а въ 1817 г.—при торжественной закладкѣ храма Спасителя. Существуютъ и переводы ея на французскій и нѣмецкій языки, какъ и рѣчи на взятіе Парижа (на франц. яз.). Въ двухъ лучшихъ словаряхъ (Энциклопед. лекс. Плюшара и Энцикл. Сл., изд. русск. учен. и литер.) статьи Ѳ. Ѳ. Сидонскаго не выдвигаютъ главнаго подвига Августина, его патріотическихъ заслугъ по возсозданію московскихъ храмовъ послѣ разрушенія французами. Письма пр. Августина къ митрополиту Платону, напечатанныя въ «Православномъ Обозрѣніи» 1869 г. (№№ 5 — 9) и 1870 г. (№ 6, 8 и 10), представляютъ много данныхъ для характеристики пишущаго, какъ человѣка сердечнаго. Преосв. Филаретъ въ «Обзорѣ дух. литературы» (стр. 423—4) даетъ отзывъ о талантѣ Августина тоже недостаточно характерный, какъ и отзывъ Венгерова въ его «Критико-біографическомъ словарѣ», стр. 39—42. Характеристика Августина, очень враждебная, но скорѣе всего составленная по слухамъ, помѣщена въ «Запискахъ» Ростопчина о 1812 годѣ. Въ «Русск. Стар.», т. 64, стр. 657 и у А. Н. Попова, на стр. 16 «Москва въ 1812 году». «Очерки жизни московскаго архіепископа Августина» съ прилож. и порт. И. С. Москва, 1841. 8° — собственно третья работа Снегирева: 1-я, по порученію московск. общ. любителей слов., читана 1823 года; 2-я—напеч. 1839 г. и наконецъ, 3-я передѣлка, напечатана 1848 г. 8° 130 стр. съ прилож. Слова и рѣчи преосв. Авг. съ 1801 по 1817 г. (3—104 стр.). Къ тексту 1841 г. есть прибавки, независимо отъ передѣлокъ и

новыхъ примѣчаній изъ бумагъ Витберга. Измѣненія (передъ изд. 1841 г.), заключ. въ напечатаніи Ростопчинскихъ афишъ. При книгѣ Снегирева, въ отд. «Слова и рѣчи», произн. Августиномъ, напечатаны: 1) Рѣчь (Александру I) 25 сент. 1801, 2) Рѣчь 5 февр. 1804 г. (при нареченіи въ епископа), 3) Слово на миръ съ Франц. 1807, 4) и 5) Слово въ день коронаціи. 15 сент. 1809 г. и 1810 г., 6) Рѣчь 20 апрѣля 1813 г., 7) Рѣчь 2 іюня 1813 г., 8) Тоже 15 авг. 1813 г., 9) Слово 30 августа 1813 г. (при освященіи Успенскаго собора), 10) Слово 23 апр. 1814 г., 11) Слово 21 іюня 1814 г., 12) Слово 25 декабря 1814 г., 13) Рѣчь въ Библейскомъ обществѣ (1815), 14) Рѣчь 15 августа 1816 г., 15) Рѣчь 1 окт. 1817 г., 16) Рѣчь 12 октября 1817 г. (при закладкѣ на Воробьевыхъ горахъ храма Спасителя) и 17) Молитва объ изгнаніи непріятелей (стр. 91 — 93). Въ 1856 году «Сочиненія Августина, архіепископа московскаго и коломенскаго» изданы Кораблевымъ и Сиряковымъ, съ портретомъ преосвященнаго. Въ числѣ источниковъ слѣдуетъ указать: прил. къ книгѣ Орлова «Историч. опис. москов. Троицк. церкви» въ Троицкой (ул.), стр. 77 — 92. «Ист. москов. епарх. упр.» Розанова и «Исторія моск. дух. акад.», С. Смирнова 1, 4, 7, 10, 97, 310.

П. П.

Августинъ, до постриженія Михаилъ Степановичъ *Сахаровъ*, изъ духовнаго званія, род. 18-го октября 1768 г., въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи; умеръ 1 января 1841 г. Учился дома и въ ярославской семинаріи, а затѣмъ былъ посланъ въ Спб., въ Александро-Невскую главную семинарію (нынѣ духовная академія), для изученія высшихъ наукъ, съ цѣлью приготовленія къ учительству. Пробывъ въ Петербургѣ съ 14 дек. 1788 г. по 30 мая 1792 г., Сахаровъ опредѣленъ въ ярославскую семинарію учителемъ: математики, географіи, піитики, греческаго и нѣмецкаго языковъ и истолкователемъ Св. Писанія. Спустя 5 лѣтъ, его вызвали въ Петербургъ читать въ ту же Александро-Невскую семинарію церковное краснорѣчіе и греческій языкъ. 19-го декабря 1797 года онъ постриженъ съ именемъ Августина, и въ апрѣлѣ 1798 года опредѣленъ ректоромъ ярославской семинаріи и архимандритомъ Толгскаго монастыря. Отсюда его перемѣстили ректоромъ рязанской семинаріи, въ іюлѣ 1800 года, а въ декабрѣ вызвали въ Петербургъ на чреду служенія и проповѣди. Въ 1802 году Августинъ опредѣленъ законоучителемъ 2 кадетскаго корпуса съ переводомъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, а оттуда въ 1804 г. въ Троице-Сергіеву пустынь, у Стрѣльны. 25-го мая 1806 года, Августинъ назначенъ, а 10 іюня рукоположенъ во епископа оренбургскаго и уфимскаго. Въ тринадцать лѣтъ управленія епархіею онъ поставилъ 216 священнослужителей, снабдилъ церковныя книгохранилища книгами на сумму болѣе 30.000 р., построилъ 46 каменныхъ церквей и рѣшилъ больше 12.000 дѣлъ. Проповѣдничество тоже не забывалось іерархомъ. Къ 10 проповѣдямъ, напечатаннымъ за время пребыванія въ Петербургѣ, Синодъ еще отпечаталъ, за первые три года его епископства 30 проповѣдей, въ Москвѣ. Любовь къ занятіямъ науками у преосвященнаго Августина была преобладающею склонностью. Въ первое же время по пріѣздѣ въ Оренбургскую епархію, онъ занялся составленіемъ „Христоматіи изъ латинскихъ писателей“ и выбралъ множество примѣровъ „для руководства въ стилистикѣ“, главнымъ образомъ, имѣя въ виду духовенство епархіальное и его подростающее поколѣніе. Этотъ трудъ, какъ и большая часть твореній его, остался въ рукописи, вмѣстѣ съ такою же «Христоматіею для церковнаго краснорѣчія», составленною изъ твореній отцовъ церкви за первые восемь вѣковъ ея существованія. Послѣдній трудъ занималъ досуги Августина въ теченіе 10 лѣтъ (1808—1818 г.). Кромѣ того, онъ составилъ „Записки къ начертанію руководства для упражненія въ словесныхъ наукахъ“, 10 частей. Два года (1810 — 12 г.) занимался онъ сочиненіемъ „Начертанія церковной исторіи отъ созданія міра до настоящихъ временъ“, въ чемъ оказывался, всѣми сознаваемый тогда, пробѣлъ среди академическихъ учебниковъ, восполненный Иннокентіемъ (Смирновымъ). Съ 1818 г., по предложенію Св. Синода, Августинъ занялся составленіемъ „Систематическаго сборника русскихъ церковныхъ законовъ и постановленій“, въ чемъ чувствовалась еще бо́льшая надобность. Для выполненія этого колоссальнаго труда, преосвященный просилъ и получилъ увольненіе отъ управленія епархіею со скудною пенсіею въ 1.000 руб. ассигнаціями. Въ февралѣ 1822 г., по ходатайству Св. Синода, ему было прибавлено еще 1.000 рублей. Для пребыванія преосв. Августину на покоѣ назначенъ Варницкій монастырь, подъ Ростовомъ, гдѣ онъ на свои средства построилъ деревянный домъ. Отсюда, для работъ по составленію собранія церковныхъ законовъ, преосвященный ѣздилъ въ Ярославль. Съ 1832 по 1836 годъ преосвященный особенно

упорно отдавался своему труду. Кромѣ русскихъ постановленій за синодальное время, Августинъ составилъ хронологическій реестръ 2.053 церковныхъ правилъ и духовныхъ законовъ, находящихся въ Кормчей книгѣ. Въ 1837 г., онъ представилъ Государю Императору составленное имъ въ 15 томахъ «*Полное собраніе духовныхъ законовъ*» и планъ предпринятаго имъ труда—составленія систематическаго «*Свода церковныхъ законовъ*». По Высочайшему повелѣнію, сборникъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ Синодѣ митрополитомъ Филаретомъ, который указалъ въ немъ на многіе недостатки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ весьма значительнымъ „для одного человѣка, не подкрѣпленнаго пособіями отъ начальства“ и достойнымъ уваженія по стремленію его къ общей пользѣ. Вслѣдствіе этого отзыва, Св. Синодъ, оставивъ сборникъ Августина въ синодальномъ архивѣ для м огущихъ быть справокъ, испросилъ Августи ну—за понесенные имъ труды и похвальное усердіе на пользу церкви, а также и въ уваженіе того, что дѣло это требовало издержекъ, ощутительныхъ въ настоящемъ положеніи преосвященнаго,—прибавку къ получаемому имъ пенсіону еще по тысячѣ рублей. Къ началу управленія Августина оренбургскою епархіею относится, между прочимъ, то обстоятельство, что по своему крайнему формализму и взыскательности онъ настойчиво преслѣдовалъ ректора своей семинаріи, переведеннаго въ 1804 году изъ ректоровъ Орловской семинаріи, архимандрита *Филарета Амфитеатрова*, и многократными представленіями въ Св. Синодъ, начиная съ іюля 1808 г., просилъ, на основаніи узаконеній, отрѣшить его отъ всѣхъ должностей по учебному и епархіальному вѣдомствамъ, послать въ монастырь и оставить ему на содержаніе половину получаемаго жалованья по званію настоятеля трехкласснаго Уфимскаго монастыря, т. е. по 200 р. въ годъ. Но Св. Синодъ перевелъ Филарета въ 1810 г. ректоромъ въ Тобольскъ, къ Амвросію, съ которымъ Филаретъ служилъ прежде въ Оренбургѣ, а Августину предписалъ, что, находя управленіе его тягостнымъ для епархіи и поставляя ему это на видъ, предлагаетъ ему впредь управлять ввѣренною паствой безъ отягощенія духовенства и не отвлекаясь судебными преслѣдованіями по предметамъ, незаслуживающимъ того, отъ важнѣйшихъ, лежащихъ на немъ, обязанностей (Дѣло арх. Св. Синода, 1808 г. № 557). Впослѣдствіи, когда отношеніе этихъ лицъ перемѣнилось, митрополитъ Филаретъ благодѣтельствовалъ Августину. Кромѣ составленія „Полнаго систематическаго свода духовныхъ законовъ православной греко-россійской Христовой церкви“, въ 6-ти томахъ, оставшагося въ рукописи, Августина въ уединеніи занимали и ученые труды. Въ рукописяхъ у его брата находились въ 1844 г. составленные Августиномъ: 1) „Библейскій словарь“, 2) „Исторія новозавѣтной Христовой церкви“, въ 6 частяхъ, 3) „Начертаніе православной греко-россійской Христовой церкви“, 4) 73 бесѣды на Дѣянія апостольскія, изложенныя по примѣру бесѣды св. Іоанна Златоустаго на тѣ же „Дѣянія“, и 5) „Боголюбивыя бесѣды на Моисеево пятикнижіе“, перев. съ греч., въ 5 частяхъ. Кромѣ 30 проповѣдей его, напечатаны: „Письма къ разнымъ лицамъ“, въ 1795 г.—лирическое твореніе „Евергетъ“ въ десяти строчныхъ строфахъ, а въ 1797 г. переведенное съ греческаго по назначенію митрополита Гавріила—„Разсужденіе о владычествѣ человѣческаго разума надъ страстями, утвержденнаго въ благочестіи“. Для себя Августинъ велъ „Записки подневныя“.

Изъ этихъ записокъ Августина частію составлены А. Зиновьевымъ «Извѣстія о жизни преосв. Августина, еписк. оренб. и уфимскаго», напеч. въ 8 кн. «Москвитянина» 1844 г. (стр. 343—9). Филаретъ «Обзоръ», II., 243—4. Ю. Толстой «Списки архіереевъ», № 198. П. Строевъ, «Списки іерарховъ». 345, 424. «Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета», дополн. томъ, стр. 605, Спб., 1887.—Дѣло архива Св. Синода 1834 г., № 1286.

Августинъ, до постриженія Андрей *Гульяницкій*, епископъ екатеринославскій и таганрогскій, род. въ 1837 году, умеръ 30 ноября 1892 года. Сынъ сельскаго священника полтавской епархіи, Гульяницкій получилъ образованіе сначала въ полтавской духовной семинаріи, въ которой окончилъ курсъ въ 1859 году, а затѣмъ—въ кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1863 году со степенью магистра богословія. Оставленный при академіи баккалавромъ по классу обличительнаго богословія, Гульяницкій черезъ годъ принялъ монашество и посвященъ въ іеромонахи. Кромѣ профессорскихъ обязанностей, Августинъ исполнялъ должности помощника инспектора и

экономa академіи. Возведенный въ 1869 году въ санъ архимандрита, Августинъ черезъ годъ былъ назначенъ ректоромъ литовской духовной семинаріи и настоятелемъ виленскаго Свято-Духова монастыря. 27 іюня 1881 года Августинъ хиротонисанъ во епископа Михайловскаго, викарія рязанской епархіи; черезъ годъ переведенъ на каѳедру епископа аккерманскаго, викарія кишиневской епархіи, а въ 1887 году назначенъ въ донскую епархію викарнымъ епископомъ аксайскимъ. Получивъ въ 1888 году самостоятельную епархію костромскую, Августинъ оставался здѣсь до 1 января 1891 года, когда былъ перемѣщенъ епископомъ въ Екатеринославъ. Во многихъ духовныхъ семинаріяхъ принято, въ качествѣ учебника, прекрасно составленное Августиномъ „Руководство къ основному богословію“. Первое изданіе этой книги появилось въ 1876 г., въ Вильнѣ; второе изданіе, исправленное и приспособленное къ новой программѣ по введенію въ богословіе для духовныхъ семинарій, вышло въ Москвѣ, въ 1887 году.

«Краткій списокъ лицамъ, служащимъ по духовному вѣдомству Православнаго исповѣданія на 1892 годъ».—Прибавленіе къ «Церк. Вѣд.» №№ 49 и 51 за 1892 годъ.

Августъ, лжецаревичъ, самозванецъ, явившійся у казаковъ на Волгѣ, въ 1609 г., и называвшійся сыномъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Казаки схватили его, привезли подъ Москву, въ Тушино, ко второму самозванцу, Лжедимитрію, который Августа повѣсилъ.

«Лѣтопись о мятежахъ», т. 14, стр. 282—3 Кн. Щербатовъ, «Росс. Исторія», «Акты Археогр. Экспедиціи», т. II, 344.

Авдей, каменныхъ дѣлъ мастеръ орнаментальный скульпторъ, выполнявшій главный входъ и фигурныя изваянія изъ камня портала соборнаго храма св. Іоанна Предтечи, сооружавшагося въ 1259 г., въ гор. Холмѣ (Галицк. королев.), по обѣту короля Даніила Романовича. Лѣтопись называетъ Авдея „Хытрець“, въ смыслѣ особеннаго искусства, выказаннаго имъ при работахъ.

П. С. Р. Лѣт., т. II, стр. 6. Энцикл. Слов., т. I, стр. 221.

Авдій, Турайскій или Туранскій, сдѣлался извѣстнымъ съ назначеніемъ въ строители Коренной пустыни въ 1780 г. Послѣ 12 лѣтъ управленія, онъ переведенъ, 6-го дек. 1792 г., также въ строители Знаменскаго монастыря въ г. Обояни и оттуда въ 1794 году назначенъ игуменомъ Молченскаго монастыря въ Путивлѣ (послѣдній игуменъ его), а 17 февр. 1796 г. назначенъ, въ санѣ архимандрита, для возобновленія, издавна запустѣвшаго, Спасо-Преображенскаго монастыря въ г. Острогѣ, возведеннаго въ 1-ый классъ. Управляя этимъ монастыремъ, Авдій и умеръ 23 сент. 1807 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 636, 640—1 и 937. Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», V, стр. 384.

Авдѣева, *Екатерина Алексѣевна*, урожденная *Полевая*, родная сестра извѣстнаго писателя Н. А. Полеваго и автора „Записокъ“ Ксен. А. Полеваго, род. въ Курскѣ, въ ноябрѣ 1789 г., умерла въ Дерптѣ, 21 іюля 1865 г. Составила себѣ извѣстность какъ писательница спеціально по домоводству, хотя напечатала нѣсколько и беллетристическихъ произведеній. Образовавшись самоучкою, Авдѣева обладала обширнѣйшимъ запасомъ разнородныхъ свѣдѣній. Еще въ дѣтствѣ перевезенная родителями въ Восточную Сибирь, она сама развила свои богатыя способности въ Иркутскѣ, все наблюдая, обо всемъ разспрашивая и для памяти записывая. Рано выданная замужъ за посадскаго П. Авдѣева, торговыя дѣла котораго требовали житья въ Кяхтѣ, Авдѣева въ 1804 г. пріѣхала туда съ мужемъ и имѣла случай въ теченіе года наблюдать, во многомъ странныя для русской, особенности быта китайцевъ. Ея молодость прошла въ странствованіяхъ по разнымъ мѣстностямъ Сибири. Проживъ въ Сибири около тридцати лѣтъ, Авдѣева воротилась въ Курскъ вдовою, съ дѣтьми и, проживая тамъ, имѣла случай опытомъ усвоить спеціальные пріемы веденія всѣхъ отраслей домоводства. Живя въ Одессѣ, Авдѣева ознакомилась съ особенностями южной Россіи. Въ Москвѣ же, находясь съ братьями, начала писать во время изданія Н. А. Полевымъ журнала. Первый самостоятельный печатный трудъ Авдѣевой изданъ въ 1837 г. Кс. Ал. Полевымъ, подъ заглавіемъ: „Записки и замѣчанія о Сибири, съ приложеніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ“, соч... *ы...ой*“. Издатель въ предисловіи увѣдомлялъ публику, что предлагаемая книга всецѣло принадлежитъ автору-женщинѣ „несвѣтской, неимѣющей претензій на авторство“, и что онъ не позволилъ себѣ никакихъ измѣненій въ ея изложеніи. Бо-

гатство и цѣльность наблюденій о малоизвѣстномъ краѣ были замѣчены и составили репутацію неизвѣстной тогда еще писательницѣ. Это первое печатное произведеніе Авдѣевой было переведено на нѣмецкій, чешскій и англійскій языки. Нѣмецкій переводъ помѣщенъ въ „Magazin für die Litteratur des Auslandes“. Съ началомъ изданія А. А. Краевскимъ „Отечественныхъ Записокъ“, Авдѣева является сотрудницею журнала, время отъ времени помѣщая въ немъ статьи разнаго содержанія. Въ 1840 г. въ „Отеч. Зап.“ напечатано ея „Воспоминаніе объ Иркутскѣ“, потомъ слѣдовали: „Старинная русская одежда, измѣненія въ ней и моды нашего времени“, „Русскія преданія—Солдатка“, „Страшная гроза“, сибирскій разсказъ, и „Очерки масляницы“. Въ „Маякѣ“ 1841 года, книга 16, напечатана статья Авдѣевой: „Взглядъ на скотоводство въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи“. Свои хозяйственныя наблюденія Авдѣева собрала и издала въ 1842 году въ 3-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Ручная книга русской опытной хозяйки“. Въ этой книгѣ, въ краткихъ указаніяхъ, преподавались дѣльные совѣты по разнымъ отдѣламъ домоводства. Успѣхъ въ публикѣ, вполнѣ заслуженный, выразился обиліемъ изданій этой книги (въ 1877 г. вышло уже 11-е изданіе). Одновременно напечатаны: „Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ“ и „Русскія сказки для дѣтей, разсказанные нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою“. Эти коротенькія семь „сказокъ“ выдержали семь изданій (1844—1879 г.). Кромѣ „Ручной книги“ Авдѣева составила по домоводству: „Руководство для хозяекъ“, „Карманную поваренную книгу“ и „Экономическій лексиконъ“, изданный въ 1848 г., въ 2-хъ томахъ. Авдѣевой еще принадлежитъ „Русскій пѣсенникъ, или собраніе лучшихъ и любимѣйшихъ пѣсней, романсовъ и водевильныхъ куплетовъ“, выдержавшій два изданія. Второе изъ нихъ, 1848 г., оцѣнили наши ученые слависты, за исправную передачу старинныхъ текстовъ. Изъ хозяйственныхъ изданій послѣдняго времени жизни Авдѣевой, необходимо указать еще на двѣ книжки: а) составленную вмѣстѣ съ Р. А—вымъ „Ручную книгу русскаго практическаго хозяина и русской практической хозяйки“ и б) „Руководство къ устройству фермъ и веденію въ нихъ хозяйства“, Спб., 1863 г.

Множество изданій *вовсе не принадлежатъ перу Авдѣевой*, хотя ея имя и выставлено въ заглавіи ихъ. Таковы: 1) «Записки для городскихъ и сельскихъ хозяевъ», 1842 г.; 2) «Хозяйка-экономка»; 3) «Новая полная поваренная книга», 1868 г. и 4) «Полная поваренная книга русской опытной хозяйки», 1875 г. *Отчасти контрафакціей*, т. е. произведеніемъ Авдѣевой, передѣланнымъ безъ ея участія другими, слѣдуетъ считать: а) *по методѣ Ек. Авдѣевой* «Новая поваренная книга». М. 1861 г.; б) «*Шестьсотъ* кушаньевъ» и пр. М. 1864 г.; в) «Полная хозяйственная книга». 1868 г.; гдѣ къ тексту Авдѣевой прибавлена статья переведенная изъ Комба; г) «*500* скоромныхъ и постныхъ кушаньевъ» и пр., 1874 г., гдѣ компиляція изъ иностранныхъ поваренныхъ книгъ бросается въ глаза, а Авдѣева, кромѣ русскаго, не знала другаго языка, зная отлично приготовленіе русскихъ народныхъ блюдъ, особенно постныхъ; д) «Вкусный и дешевый столъ»; е) «Секреты кухни» и ж) «Полная поваренная книга русской опытной хозяйки» и пр., новое изданіе, *дополненное*. Разборъ принадлежащаго собственно Авдѣевой представляетъ для біографа ея въ настоящее время большую трудность. Князь Н. Н. Голицынъ въ своемъ «Словарѣ русскихъ писательницъ» указалъ, что не все, что значится подъ именемъ Е. А. Авдѣевой, принадлежитъ ей. Энц. Слов., т. I. стр. 220. Геннади, Словарь, стр. 1, 4—5. «Записки» К. А. Полеваго.

Авдѣевъ, *Алексѣй Александровичъ*, сынъ тульскаго помѣщика, род. 2 марта 1819 г., умеръ 18 марта 1885 г.; съ 1871 г. академикъ архитектуры. Воспитывался въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и, окончивъ здѣсь курсъ, занялся архитектурою. Однимъ изъ раннихъ трудовъ его была постройка обсерваторіи московскаго университета. Въ 1853—54 г. Авдѣеву поручены были археологическія изслѣдованія мѣстности древняго гор. Танаиса, при устьѣ Дона, а съ 1856 года онъ занятъ былъ сооруженіями въ Севастополѣ. Тамъ построены имъ два храма и двѣ часовни: одна—на Инкерманскихъ высотахъ, другая—на могилѣ князя М. Д. Горчакова; храмъ св. Николая чудотворца, пирамидальной формы, надъ могилами адмираловъ, защитниковъ Севастополя, и храмъ св. Владиміра въ Херсонскомъ монастырѣ, на мѣстѣ крещенія равноапостольнаго просвѣтителя Руси. Къ сожалѣнію, Авдѣевъ умеръ, не успѣвъ окончить порученныя ему постройки. Заказывать матеріалы для храма - усыпальницы героевъ Севастополя Авдѣевъ ѣздилъ въ Италію, откуда, между прочимъ, присылалъ статьи въ журналъ „Пропилеи.“.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г. помѣщена одна изъ первыхъ статей А. А. Авдѣева: «О ма-

стерскихъ русскихъ художниковъ въ Римѣ». Перечень статей его у Д. Языкова въ «Обзорѣ», IV в., 16 стр.

Авдѣевъ, *Михаилъ Васильевичъ*, извѣстный беллетристъ, авторъ многихъ романовъ и повѣстей, род. въ Оренбургѣ въ 1821 году 22 сентября, умеръ въ Петербургѣ 1 февраля 1876 г. Получивъ домашнее образованіе подъ руководствомъ поляка Ѳомы Зана и частью въ уфимской гимназіи, Авдѣевъ былъ принятъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, гдѣ на 17-мъ году отъ роду написалъ первую свою повѣсть, помѣщенную въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русск. Инвалиду“. По окончаніи курса (въ 1842 г.) съ чиномъ поручика, Авдѣевъ опредѣленъ въ нижегородскую губернскую строительную и дорожную коммиссію. Служа здѣсь, онъ написалъ части лучшаго своего произведенія „Тамаринъ“: „Варинька“, „Записки Тамарина“ и „Ивановъ“, напеч въ „Современникѣ“ 1849—51 г. Авдѣевъ умѣлъ прекрасно развивать типы, ранѣе его намѣченные другими. Онъ не отрицалъ своей способности подражать; усматривая нѣчто другое въ своемъ прототипѣ, онъ это другое развивалъ по своему. Въ своей повѣсти „Горы“, говоря, что его упрекаютъ въ подражаніи разнымъ авторамъ, Авдѣевъ поставилъ, въ видѣ оправданія своего, слова: „На свѣтѣ столько было писано, что вовсе не хитро найти сходство. Какъ-же мнѣ знать, кому я подражаю?“ Отъ этой способности подражать, переработывая готовое, печатное, герои Авдѣева и выходили не совсѣмъ близкими къ жизни, кромѣ, впрочемъ, Тамарина, доставившаго автору извѣстность. Но нельзя сказать, чтобы и „Тамаринъ“ не былъ созданъ подъ впечатлѣніемъ „Героя нашего времени“. Впечатлительность у Авдѣева была велика, но уединенное житье въ имѣніи, въ глуши Стерлитамакскаго уѣзда, давало мало матеріала для личныхъ наблюденій, вслѣдствіе чего идеалисты, выводимые имъ въ первыхъ романахъ, односторонни и недостаточно проникнуты житейскими интересами. Тамаринъ гораздо ниже своего прототипа Печорина, который, при появленіи, вызвалъ во многихъ подражаніе своимъ порокамъ. Но подражатели идеальнаго героя ограничивались копированіемъ однѣхъ внѣшнихъ его особенностей, и эту внѣшность только и могъ подмѣтить Авдѣевъ. Въ „Ивановѣ“ Авдѣевъ выказалъ способность возвыситься до самостоятельнаго творчества. Послѣ окончанія романа „Тамаринъ“, выйдя въ 1852 году въ отставку, съ чиномъ капитана корпуса инж. путей сообщенія, Авдѣевъ написалъ рядъ повѣстей, легко читавшихся, а за ними и романъ „Подводный камень“, напечатанный въ „Современникѣ“ 1860 г. Въ этомъ романѣ выведенъ на сцену мужъ, мирящійся, безъ попытки даже къ борьбѣ, съ вѣтренностью подруги жизни, сперва влюбляющейся въ него, потомъ въ другаго и открыто высказывающей мужу свои чувства. Развитіе характеровъ такой четы, довольно искусное и съ подкупающимъ характеромъ естественности, доставило автору большой успѣхъ въ публикѣ. Въ другомъ романѣ „Между двухъ огней“, (напечатан. въ „Современникѣ“ №№ 1—3 за 1868 г.) Авдѣевъ сталъ развивать характеръ жены, безъ всякихъ стѣсненій мѣняющей предметы своей страсти, и вызвалъ отъ заступившейся за женщинъ г-жи Цебриковой нареканія въ безнравственности и тенденціозности, уже неимѣющей ничего общаго съ жизненною правдою. Послѣ этого романа Авдѣевъ написалъ нѣсколько повѣстей и комедій. Изъ послѣднихъ „Мѣщанская семья“ не безъ достоинствъ, но не имѣла успѣха. Осталась еще ненапечатанною пьеса „Шестое средство“. Въ 1875 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“ помѣщена „Переписка двухъ барышень“, произведеніе, исполненное довольно ѣдкаго юмора и отличающееся вѣрностью новаго типа героинь съ положительнымъ направленіемъ. Въ сборникѣ „Братская помощь“ при жизни автора напечатано начало большаго романа „Въ сороковыхъ годахъ“ (вполнѣ помѣщеннаго въ „Вѣстн. Евр.“ 1876 г. №№ 9—12). По части литературной критики Авдѣеву принадлежатъ этюды, напечатанные въ 1874 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Русское общество въ герояхъ и героиняхъ литературы“. Авторъ начинаетъ Евгеніемъ Онѣгинымъ и оканчиваетъ Резановымъ, героемъ повѣсти Слѣпцова „Трудное время“.

Труды М. В. Авдѣева напечатаны: «Ясные дни»—«Современникъ» 1850 г., т. 23; «Горы»—«Отеч. Записки» 1851 г., т. 79; «Нынѣшняя любовь»—«Современникъ» 1852 г., т. 33.; «Огненный змѣй»—«Отеч. Зап.» 1852 г., т. 86; «Деревенскій визитъ»—«Спб. Вѣд.» 1853 г., № 53; «Порядоч-

ный человѣкъ»—«Отеч. Зап.» 1855 г., № 3; «Приличная партія»—«Библ. для Чт.» 1856 г., № 11 и 1857 г., т. 192; тамъ же—«На дорогѣ»—рядъ путевыхъ писемъ, читающихся съ интересомъ. Авдѣевъ неоднократно излагалъ въ такой формѣ свои мысли и очерки, напр., въ «Отеч. Зап.» 1852 г. т. 84—5—«Поѣздка на кумысъ», «Дорожныя замѣтки» (на пути на Кавказъ)—«Библ. для Чт.» 1857 г., т. 144—146) 1858 г. 147—9—«Изъ-за-границы». Раньше были написаны «Письма изъ Петербурга» и «Изъ деревни» въ газ. «Кавказъ» 1855—56 г. Въ газ. «День» 1861—2 г. помѣщались корреспонденціи «Изъ Оренбургскаго края». Фельетоны свои, подъ псевдонимомъ «Пустой человѣкъ», Авдѣевъ помѣщалъ въ «Современникѣ» 1852—53 г. и въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1873 г. безъ подписи. «Письма въ провинцію» напечатаны въ «Вѣстн. Европы» № 1, 1870 г.» драма: «Мѣщанская семья» въ «Дѣлѣ» 1869 г. № 2. Полное собраніе сочиненій Авдѣева издано Стелловскимъ въ 2-хъ больш. томахъ въ 1868—70 г. Отдѣльно напечатаны: въ 1852 г. ром. «Тамаринъ»; въ 1853—«Романы и повѣсти» 2 т.; въ 1863—въ 2 ч. ром. «Подводный камень»; въ 1868 — въ 3 ч. «Между двухъ огней»; въ 1869—«Мѣщанская семья»; въ 1871—три повѣсти («Магдалины», «Пестренькая жизнь» и «Сухая любовь») и въ 1874 — «Общество 1820—70 г. въ герояхъ и героиняхъ литературы». Статьи, разбирающія творенія М. В. Авдѣева, выходили одновременно съ появленіемъ въ печати имъ писаннаго и привлекавшаго вниманіе публики. Разборы романа «Тамаринъ», въ *1852 г.* явились наиболѣе дѣльные въ журналахъ: Отеч. Зап. (№ 3 отд. VI. 16—22), «Библ. для Чт.» (т. 116 VI, 1—9) и въ «Спб. Вѣд.» № 51. О ром. «Подводный камень»: «Время» 1861 г. № 1, стр. 34—45 и въ «Русск. Инв». №№ 21—22, въ «Свѣточѣ» 1861 г. № 3 1861 г. стр. 21—40. О ром. «Между двухъ огней» ѣдко отозвался Скабичевскій («Недѣля» 1868 г. №№ 18 и 19, подъ загл. «Герои голубинаго полета»). Н. Н. Страховъ («Заря» 1869 № 4, стр. 104—119) и Н. Д. Ахшарумовъ («Всемірный Трудъ» 1869 г. № 1, стр. 33—46. В. П. Буренинъ («Спб. Вѣд.» 1869 г. №№ 37 и 70). Изъ статей, посвященныхъ жизни М. В. Авдѣева въ связи съ его твореніями, слѣдуетъ отмѣтить напечатанныя по смерти автора въ жур. «Недѣля» 1876 *г.*, «Литературный портретъ» стр. 150—155 и въ «Крит.-біогр. словарѣ русск. пис.» Венгерова, статья самого составителя этого изданія въ 1 и 2 выпускахъ, стр. 47—55 съ обширнымъ перечнемъ, библіографическихъ указаній. Біографія Авдѣева въ Энц. Слов., т. I 220—221, хороша и точна, но доведена до 1860 г., а въ словаряхъ Толля и Березина біографіи извлечены изъ предыдущаго изданія съ ничтожными прибавками, безъ всякой оцѣнки.

Авель, монахъ, до постриженія крестьянинъ *Василій Васильевъ*, въ рясофорѣ Адамъ, род. въ 1757 г., въ дер. Акуловѣ, Московской губерніи, умеръ въ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ въ 1841 г. Мистикъ и предсказыватель, съ которымъ вели корреспонденцію разныя лица, убѣжденныя въ его особенномъ дарѣ. Онъ повѣствовалъ о жизни своей подъ разными заглавіями: „Житіе и страданіе отца Авеля", „Жизнь и житіе отца нашего Дадамія", „Сказаніе о существѣ, что̀ есть существо Божіе и Божество", „Бытія книга первая" и „Церковныя потребы монаха Авеля". Во всѣхъ этихъ писаніяхъ разсказъ о дѣятельности его перемѣшанъ съ мистическими толкованіями и даже какими-то цифирными выкладками, напоминающими масонство. Въ запискахъ Л. Н. Энгельгардта говорится, что монахъ Авель, будто бы, предрекъ кончину Екатеринѣ II и за это былъ заключенъ въ крѣпость. По кончинѣ Екатерины II, Императоръ Павелъ I призывалъ его, думая освободить, но послѣ аудіенціи, послалъ его опять въ заключеніе. Освобожденный при Александрѣ I, Авель при Николаѣ I сосланъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ и умеръ.

«Чтен. въ общ. ист. и древн. росс.», 1863, IV, смѣсь, стр. 217—222. «Записки Энгельгардта», 217—218 стр. и «Рус. Старина», 1875 г. № 2, стр. 414—435 и № 4 (ст. Розанова, стр. 815—819).

Авенаріусъ, *Яковъ Александровичъ*, сынъ пастора, род. въ С.-Петербургской губерніи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1788 г.; умеръ 7 августа 1859 г. Окончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ въ 1809 г., онъ, въ томъ же году, защитилъ диссертацію „De varietate coloris ossium", и удостоенъ степени доктора медицины. Началъ службу Авенаріусъ въ русской арміи и участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 г., былъ врачемъ Цесаревича Константина Павловича, а впослѣдствіи главнымъ врачемъ почтоваго вѣдомства.

Dr. R. Krebel, «Russlands naturhist. und medicin. Literatur», Jena, 1847. *К. Феттерлейнъ.*

Аверинъ, *Иванъ Клементовичъ*, воспитанникъ Московскаго университета, сотрудничалъ въ журналахъ временъ Екатерины II и участвовалъ въ изданіи „Чтенія для вкуса и разума". Съ его подписью помѣщенъ тамъ разсказъ „Супружеская вѣрность". Онъ родился въ 1770 году. Съ университетской скамьи опредѣленъ былъ, 10 янв. 1788 г., въ Рижское ландгофмейстерское правленіе переводчикомъ, а съ 1 января 1789 г. переведенъ на ту же должность въ рижскую казенную палату. Въ 1798 г. состоялъ секретаремъ русской экспедиціи курляндскаго губернскаго правленія, начавъ службу тамъ съ 9 мая 1796 г. и съ 9 іюля зачисленъ въ 9 классъ.

Неустроевъ, «Истор. розыск. о русск. повремен.

издан.» Формулярный списокъ; «Сенатскій архивъ», т. II, стр. 33.

Аверинъ, *Козьма Ивановичъ*, любитель и знатокъ русскихъ древностей, обладавшій коллекціею археологическихъ предметовъ и рукописей, род. въ концѣ XVIII вѣка и умеръ около 1840 г. Состоя съ 14 іюля 1823 г. членомъ-соревнователемъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, онъ подарилъ обществу нѣсколько рукописныхъ памятниковъ и, между прочимъ, „Хронографъ". Въ этомъ „Хронографѣ" описаны (л. 165—170) дѣйствія Разина, выставляемаго героемъ, мстившимъ, будто бы, разореніемъ Астрахани за вымогательство воеводы („Москвитянинъ" 1841 г. VII кн.). Въ печати имѣется трудъ Аверина: „Историческія извѣстія о жизни и дѣяніяхъ протоіерея Зарайскаго Никольскаго собора, Димитрія, современника и сотрудника князя Пожарскаго"— два изданія (1831 и 1837 г).

Въ первой книгѣ третьей части «Трудовъ и записокъ общ. ист. и др. росс.» напечатано его изслѣдованіе «О крестахъ въ Зарайскѣ», гдѣ онъ жилъ. Строевъ «Библіот. общ. ист. и древн.», стр. 169. «Москвитянинъ» 1841. № 7, стр. 165—170. Въ «Словарь» Геннади пропущенъ. Венгеровъ, «Критико-біогр. слов. рус. пис. и уч.», I, стр. 66, краткія указанія. *П. П.*

Аверинъ, *Павелъ Ивановичъ*, сынъ московскаго купца, род. въ 1775 г., умеръ 21 ноября 1849 г. Учился въ Москвѣ, въ гимназіи для разночинцевъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ, но, не кончивъ курса, поступилъ на службу, въ 1794 г., въ г. Корочу, Курской губерніи, во время генералъ-губернаторства А. А. Беклешова, который скоро взялъ его въ свою канцелярію, управляемую старшимъ братомъ, Петромъ Ивановичемъ Аверинымъ. Сдѣлавъ Аверина секретаремъ своимъ, Беклешовъ уже не разставался съ нимъ, служа въ Курскѣ, Каменцѣ, Кіевѣ и въ Петербургѣ. При преемникѣ Беклешова, Обольяниновѣ, Аверинъ сохранилъ секретарскія обязанности. Съ воцареніемъ Александра I, когда Беклешовъ вновь занялъ должность генералъ-прокурора, Аверинъ, продолжалъ оставаться секретаремъ и уволенъ только съ назначеніемъ генералъ-прокуроромъ Г. Р. Державина, выхлопотавшаго Аверину въ пенсію полный окладъ содержанія. Съ этими средствами Аверинъ уѣхалъ въ Дерптъ и поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ, всегда любя науку и думая посвятить ей свою жизнь. Но эта мечта не осуществилась. Беклешовъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Москву и вызвалъ Аверина къ себѣ (въ 1804 г.) на должность правителя канцеляріи. Произведенный въ чинъ стат. сов., Аверинъ служилъ до отставки Беклешова и съ его увольненіемъ (въ 1806 г.) получилъ годовой отпускъ за границу, но изъ Кенигсберга опять вызванъ Беклешовымъ, который былъ назначенъ начальникомъ 2-й области сбора милиціи. На Аверина было возложено инспектированіе милиціи въ Псковской губерніи и Остзейскомъ краѣ. Это важное и трудное порученіе было выполнено имъ успѣшно. Онъ получилъ за это орденъ Владиміра 4 ст. и аренду, по особому представленію. Заключеніе Тильзитскаго мира пріостановило сборъ милиціи, но расформированія ея не послѣдовало, Беклешовъ умеръ въ 1808 г., въ Ригѣ. Аверину пришлось сдавать дѣла. Послѣ сдачи онъ остался жить въ Остзейскомъ краѣ, а лѣто проводилъ въ Крыму. Вновь вступилъ онъ въ службу только въ 1811 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ полиціи, Балашовѣ и, затѣмъ, при Вязмитиновѣ. Въ 1813 году, сдѣлавшись министромъ юстиціи, И. И. Дмитріевъ предложилъ Аверину мѣсто въ герцогствѣ Варшавскомъ, по гражданскому управленію. Аверина опредѣлилъ управлявшій бывшимъ герцогствомъ Варшавскимъ Ланской въ начальники области Краковскаго департамента, гдѣ не было ни одного органа русской власти, а польское населеніе считало себя въ саксонскомъ подданствѣ. Аверину удалось выполнить данныя приказанія: отобрать оружіе, выслать всѣ найденныя на лицо деньги въ Варшаву и привести городъ Краковъ къ присягѣ русскому царю. Императоръ Александръ I, проѣздомъ черезъ Краковъ, былъ удивленъ примѣрнымъ благоустройствомъ и, приписавъ все умѣнью начальника департамента, лично заявилъ ему свое полное удовольствіе. Заботливость Аверина дѣйствительно простиралась на все и даже (въ концѣ октября 1813 г.), при разлитіи Вислы австрійцы, занявшіе низменный островъ, были обязаны ему своимъ спасеніемъ. За это Аверинъ удостоенъ былъ рескрипта императора Франца (изъ Франкфурта, 5 декабря 1813 года). Дѣйствуя столь успѣшно и умѣло, особенно въ отношеніи иностран-

цевъ, Аверинъ принималъ мѣры для удовлетворенія своихъ соотечественниковъ всѣмъ необходимымъ. Это особенно требовалось при возвращеніи войскъ изъ Франціи, подъ начальствомъ Ермолова. Но въ то время, когда Аверинъ принималъ всѣ возможныя съ его стороны мѣры для продовольствія войскъ въ продолженіе четырехъ недѣль, какъ было предписано, войска оставались въ Краковской области цѣлые мѣсяцы, и главная квартира заподозрила усердіе Аверина. Это заявлено въ грозномъ письмѣ главнокомандующаго Барклая-де-Толли, обѣщавшаго подвергнуть Аверина отвѣтственности, по полевому уложенію, за преступленіе, приравниваемое къ измѣнѣ. Для осмотра госпиталей присланъ былъ изъ Варшавы начальникъ штаба Сабанѣевъ, нашедшій во всемъ наилучшій порядокъ. Выясненіе Сабанѣевымъ сущности дѣла уничтожило клевету, и фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, вызвавъ къ себѣ Аверина, принялъ его отлично и въ приказѣ своемъ поставилъ его дѣйствія въ примѣръ для подражанія другимъ. Аверинъ оставался въ Краковѣ до 1815 года. Отсюда назначили его во Франкфуртъ коммиссаромъ русскаго раіона, въ ликвидаціонную коммиссію о продовольствіи войскъ въ Германіи. Въ русскій раіонъ входили: Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Гессенскія и Саксонскія владѣнія (съ 19 мелкими нѣмецкими землями). Помощниками Аверина были назначены: генералъ Сухаревъ и медикъ Эйнерлингъ. На обязанности ихъ лежало изготовленіе госпиталей на 30.000 кроватей и заготовленіе резервныхъ магазиновъ жизненныхъ припасовъ, по маршруту движенія войскъ. Ликвидаціонная коммиссія должна была также вести и счеты всѣмъ поставкамъ отъ депутатовъ, мѣстныхъ начальствъ и по своимъ подрядамъ, при производствѣ уплатъ. Послѣ успѣшнаго веденія дѣла во Франкфуртѣ, Аверинъ переведенъ (10 іюля 1817 г.) въ Кенигсбергъ, въ ликвидаціонную коммиссію, учрежденную въ 1813 году, дѣла которой были очень запутаны. Здѣсь, заботясь объ интересахъ отечества, Аверинъ сберегъ большія суммы, не утверждая безъ провѣрки громадныхъ счетовъ мѣстныхъ подрядчиковъ, не смотря на жалобы прусскаго генералъ-интендантства. Вслѣдствіе замѣчаній, сдѣланныхъ Аверинымъ въ Москвѣ при повѣркѣ счетовъ, Канкринъ вызванъ былъ для переговоровъ по окончательному утвержденію разсчетовъ съ Пруссіею. Ратификація подписана 19 (31) августа 1818 г., и кенигсбергская коммиссія закрыта, а Аверину, окончившему въ одинъ годъ разсчеты, пожалованъ орд. св. Анны 1-й ст., ордена разныхъ нѣмецкихъ владѣтелей и двѣ табакерки. Сдавъ въ главной квартирѣ, въ Шкловѣ, отчетныя табели и суммы, остававшіяся на лицо, Аверинъ прибылъ въ Петербургъ и въ мартѣ 1820 г. назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ 1-й арміи, но отказался отъ этого назначенія, переселился въ Дерптъ, женился на Амаліи Эйнике и прожилъ въ отставкѣ около года. Императоръ Александръ I вызвалъ его въ Лайбахъ для выполненія личныхъ порученій, намѣреваясь отправить въ Италію войска для усмиренія карбонаріевъ. Аверинъ долженъ былъ завѣдывать при войскахъ продовольствіемъ. Въ день Пасхи 1821 г. онъ получилъ пожизненную пенсію. Войскъ не потребовалось, и Аверинъ, черезъ Венецію и Тріестъ, вернулся въ Дерптъ, гдѣ и провелъ время до отъѣзда жены заграницу. Въ 1822 г. Аверинъ пріѣхалъ въ столицу просить Ланскаго, министра внутреннихъ дѣлъ, дать ему мѣсто чиновника особыхъ порученій. Состоя въ этой должности, Аверинъ съ докторомъ Савенко посланъ былъ для изслѣдованія кавказскихъ минеральныхъ водъ (въ 1827 г.) Для завѣдыванія дѣлами ихъ учрежденъ былъ тогда особый комитетъ изъ трехъ членовъ: Аверина, генералъ-маіора Сазонова и лейбъ-медика Крейтона. Одновременно съ этимъ, Аверинъ былъ назначенъ членомъ комитета для разсмотрѣнія проекта измѣненія дворянскихъ выборовъ, но въ немъ участія не пришлось ему принимать за назначеніемъ волынскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Управляя съ 18 апрѣля 1828 по 6 апрѣля 1831 г. Волынскою губерніею, Аверинъ завѣдывалъ мѣропріятіями по передвиженію и продовольствію войскъ къ предѣламъ Турціи, при началѣ войны. Затѣмъ, онъ принималъ мѣры противъ вторженія польскихъ мятежниковъ, послѣ удаленія войскъ изъ Варшавы при возстаніи Польши (ноябрь 1830 г.), равно и противъ холерной эпидеміи. Утомленный всѣми этими хлопотами, Аверинъ по успокоеніи края, въ 1831 г. испросилъ увольненіе и посѣтилъ Курскъ, Петербургъ и Финляндію. 6 іюля 1833 года онъ былъ назна-

*

ченъ бессарабскимъ губернаторомъ, гдѣ и закончилась его служебная карьера выходомъ въ отставку 28 августа 1834 г. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ путешествіяхъ: въ 1840 г.—въ Швецію и Любекъ, въ 1845 г.—по Германіи, Франціи и Англіи и въ 1847 году, — по южной Франціи и Италіи.

«Раутъ» 1852, стр. 8—50, «Воспоминанія о П. И. Аверинѣ». «Руск. Архивъ» 1879 г., кн. III., с. 390 «Записки Н. С. Ильинскаго. «Московскій университетскій благородный пансіонъ», Сушкова, стр. 9. «Библіографическія записки», I, 517. «Жизнь гр. Сперанскаго», I, 53—4 и 90. «Записки С. П. Жихарева» въ «Рус. Арх.» 1890 г., кн. XI, стр. 102.

П. П.

Аверинъ, *Петръ Ивановичъ*, старшій братъ Павла Ивановича, род. въ 1760-хъ годахъ и съ 1782 г. состоялъ въ службѣ при курскомъ генералъ-губернаторѣ Беклешовѣ, правителемъ канцеляріи его. При Павлѣ I, когда Беклешовъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, Аверинъ сдѣланъ правителемъ дѣлъ канцеляріи генералъ-прокурора. Съ назначеніемъ П. Х. Обольянинова, Аверинъ получилъ должность вице-президента мануфактуръ коллегіи, а потомъ, въ чинѣ д. с. с., съ 23 апрѣля 1801 по 1803 г., былъ оберъ-прокуроромъ III департамента Сената.

«Сенатскій Архивъ», т. I, стр. 541, 587, 548, 653.

Аверкіевъ, *Александръ Егоровичъ*, тайн. сов., сенаторъ, род. 16 августа 1788, умеръ 15 февраля 1858 г. Начавъ службу (14-ти лѣтъ) сенатскимъ канцеляристомъ (6 дек. 1802 г.), умѣя только читать и писать, Аверкіевъ черезъ 3 года, съ полученіемъ перваго чина (31 дек. 1805 г.), взятъ въ канцелярію государственнаго казначея и какъ здѣсь, такъ и потомъ въ Министерствѣ Финансовъ проявилъ блистательныя способности. Десятилѣтняя служба настолько выказала его способности быстро усвоивать производства дѣлъ всякаго рода, что ему въ 1815 г. дали должность совѣтника тверской казенной палаты, а черезъ 6 лѣтъ (17 февраля 1821 г.), онъ занялъ должность, въ Твери же, губернскаго прокурора. Вступивъ въ должность прокурора, Аверкіевъ получилъ порученіе обревизовать губернскія присутственныя мѣста и, выполнивъ это, назначенъ прокуроромъ во Владиміръ, причемъ получилъ 2.000 руб. награды. Изъ Владиміра Аверкіевъ переведенъ въ 1829 г. въ начальники II отдѣленія департамента разныхъ податей и сборовъ. 7 авг. 1836 г. онъ былъ произведенъ въ д. с. с., а съ 19 апр. 1835 г. по 31 января 1838 г. состоялъ тверскимъ вице-губернаторомъ. Императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая въ 1838 г. черезъ Тверскую губернію, нашелъ Аверкіева достойнымъ поощренія и повышенія. Въ томъ же 1838 году, 13 сентября, пожалованъ ему орд. св. Владиміра 3 ст., а 1 декабря онъ получилъ должность тульскаго гражданскаго губернатора; 9-го сент. 1840 г. переведенъ губернаторомъ въ Полтаву. Здѣсь, заботливостью объ устройствѣ только-что учрежденнаго института благородныхъ дѣвицъ, губернаторъ Аверкіевъ обратилъ на себя вниманіе Ея Величества, и Государь Императоръ, при проѣздѣ черезъ Полтаву, „усмотрѣть изволилъ отличный порядокъ и устройство“ изъявивъ Аверкіеву Высочайшее благоволеніе. 14-го октября 1843 года ему повелѣно быть директоромъ департамента хозяйственныхъ дѣлъ Гл. Упр. П. С. и Публ. Зд. Въ 1848 году Аверкіевъ назначенъ членомъ совѣта Глав. Упр., а въ 1849 и 1850 гг. ревизовалъ IV и III округи этого Управленія. Въ 1853 г. получилъ въ управленіе департаментъ желѣзныхъ дорогъ, съ произв. въ тайные совѣтники и 31 дек. 1855 г. назначенъ сенаторомъ, сначала 2-го отд. пятаго департамента, а потомъ, въ 1857 г., въ департаментъ герольдіи.

Изъ формулярныхъ списковъ, хранящихся въ Спб. сенат. архивѣ.

Авиновъ, *Александръ Павловичъ*, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, род. 18-го марта 1786 г. въ наслѣдственномъ с. Василевѣ, Касимовскаго у., Рязанской губ., умеръ 31-го сент. 1854 г. въ Спб. Опредѣленъ былъ дядею, вице-адмираломъ Скуратовымъ, въ морской корпусъ, при Павлѣ I. Съ 1801 г., въ званіи гардемарина, Авиновъ сдѣлалъ три кампаніи по Балтійскому морю, и затѣмъ, въ 1803 г., посланъ для усовершенствованія на службу въ англійскомъ флотѣ (съ Лазаревымъ, Дохтуровымъ, Станюковичемъ и Унковскимъ). На англійскихъ судахъ, мичманомъ (съ 10 іюня 1804 г.), онъ плавалъ въ Сѣверномъ и Атлантическомъ океанахъ и участвовалъ въ Трафальгарскомъ бою, подъ начальствомъ Нельсона; послѣ этого боя, попалъ въ плѣнъ

къ испанцамъ и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на о. Пальмѣ. 9 окт. 1806 г., служа опять на англійской эскадрѣ, находился при бомбардированіи Булони, а съ 1808 года, возвратившись въ отечество, три кампаніи крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ и затѣмъ, съ мая 1812 г. по сентябрь 1814 г., въ чинѣ лейтенанта находился въ плаваніи у береговъ Голландіи и Англіи. Въ февралѣ 1814 г., находясь въ сраженіи при Флиссенгенѣ, Авиновъ стоялъ въ устьѣ Шельды, для защиты бывшихъ въ Голландіи войскъ нашихъ. 1815 и 1816 гг. провелъ въ крейсерствѣ, а въ 1817 г. перевозилъ дессантныя войска изъ Кале въ Россію. 4 іюня 1819 г. Авиновъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе старшимъ офицеромъ на шлюпѣ „Открытіе“ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Васильева. Цѣлью экспедиціи было описаніе сѣверныхъ береговъ Америки и отысканіе отъ нихъ проходовъ въ Атлантическій океанъ. Суда экспедиціи, изъ Камчатки, черезъ Беринговъ проливъ, прошли Ледовитымъ моремъ до 72° сѣв. шир., гдѣ встрѣтились сплошные льды, принудившіе мореплавателей воротиться назадъ. Для второй кампаніи въ Ново-Архангельскѣ построенъ былъ ботъ, ввѣренный Авинову и Галлу, которымъ поручено было описать американскій берегъ между мысами Невенгамъ и Дерби. На ботѣ плаваніе въ бурномъ морѣ представляло необычайныя трудности, такъ какъ волненіе заливало палубу, останавливая работу на цѣлые дни. Не смотря на все это, Авиновъ въ два мѣсяца прошелъ по широтѣ весь Восточный океанъ, хотя и не доходилъ до мыса Дерби, окончивъ кампанію прибытіемъ въ Петропавловскій портъ, откуда послѣдовало возвращеніе въ отечество (19 авг. 1822 г.). За эту экспедицію Авиновъ получилъ пенсію на службѣ и чинъ капитанъ-лейтенанта. Съ 1823 по 1827 г. онъ находился въ Кронштадтѣ и, командуя 84-хъ-пушечнымъ кораблемъ „Гангутъ“, поступилъ въ эскадру контръ-адмирала графа Гейдена, отплывшую въ Средиземное море. Гейденъ, какъ извѣстно, прибылъ къ Наварину, когда его уже блокировала англійская эскадра Кодрингтона. Къ 1-му октября прибыла и французская эскадра, Де-Риньи. Соединенный флотъ рѣшился войти въ Наваринскую бухту и заставить турокъ ничего не предпринимать противъ грековъ. 8 октября 1827 г. корабли двинулись по диспозиціи въ бухту, но были встрѣчены огнемъ съ турецкихъ судовъ и батарей. Это и вызвало общую канонаду турецкаго флота, числомъ орудій превосходившаго союзниковъ. Перевѣсъ численности орудій, однако, не помогъ и, послѣ четырехчасоваго ожесточеннаго боя, турецко-египетскій флотъ былъ окончательно истребленъ. Въ разгарѣ боя, на корабль „Гангутъ“ пущенъ былъ турками громадный зажженный брандеръ. Авиновъ успѣлъ огнемъ всей своей артиллеріи потопить его, не допустивъ до корабля. Затѣмъ, пущенный непріятелемъ на союзную эскадру египетскій адмиральскій фрегатъ „Лагерьеръ“ врѣзался въ „Гангутъ“, но и его Авиновъ успѣлъ пустить ко дну. За заслуги въ наваринскомъ бою Авиновъ былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга; корабль его потребовалъ очень сложныхъ работъ для исправленія, такъ что, прозимовавъ въ Мальтѣ, воротился въ Кронштадтъ только 22 іюля 1828 г. Въ 1829 г. Авинову данъ въ управленіе новый 110-ти-пушечный корабль „Петръ I“, но вмѣсто плаванія на немъ, Авиновъ былъ посланъ въ Америку, для покупки корвета съ новѣйшими приспособленіями и для ознакомленія съ усовершенствованной системой судостроенія. Изъ этой командировки Авиновъ вернулся контръ-адмираломъ (7 октября 1830 года) и, получивъ за исполненіе порученія Высочайшее благоволеніе (5 фев. 1831 г.), назначенъ командиромъ 3-й бригады 4-й флотской дивизіи, а 16 января 1834 г.—начальникомъ штаба черноморскаго флота. Въ 1836 и 1837 гг. Авиновъ крейсировалъ по Черному морю, командуя 2-ю практическою эскадрою, а затѣмъ произведенъ въ вице-адмиралы (6 дек. 1837 г.), съ назначеніемъ командиромъ Севастопольскаго порта. По вооруженію его и обращенію въ первоклассный портъ, состоя предсѣдателемъ комитетовъ о построеніи адмиралтействъ и сухихъ доковъ, онъ оказывался дѣятельнымъ сотрудникомъ М. П. Лазарева. Съ 1841 г. Авиновъ былъ военнымъ губернаторомъ Севастополя. Кипучая дѣятельность слѣдующихъ восьми лѣтъ прекратилась болѣзнью Авинова, начавшеюся съ извѣстія о смерти сына, утонувшаго въ Пиреѣ. Заслуженный морякъ назначенъ 3 апр. 1849 г. членомъ адмиралтействъ-совѣта, а въ 1852 г. произведенъ въ ад-

миралы. Здоровье его въ Петербургѣ, казалось, улучшилось и ко дню юбилея—50-ти-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ (10 іюня 1854 г.), онъ былъ вполнѣ здоровъ, но съ первыхъ чиселъ слѣдующаго сентября почувствовалъ разстройство здоровья вслѣдствіе простуды, и черезъ двѣ недѣли его не стало.

«Морской Сборникъ» 1855 г. № 1. «Воспоминаніе о жизни и службѣ адмирала А. П. Авинова» (Отдѣльн. отт. 8° 20 стр). Энцикл. Слов., т. I. стр. 243—4. Н. Ивашинцовъ, «Русскія кругосвѣтныя путешествія, съ 1803 по 1849 годъ», Спб. 1872. Формуляр. списокъ № 412 глав. морск. архива.

С. Огородниковъ.

Авиновы—Овиновы, новгородскій боярскій родъ, изъ котораго были посадниками: 1) *Григорій Кирилловичъ* въ 1417 г., дѣйствовавшій противъ разбойниковъ въ г. Устюгѣ; въ Новгородѣ въ 1433 г. онъ строилъ въ околоткѣ владычномъ церковь Св. Іоанна Златоуста каменную, „на старой основѣ". Въ 1435 г. предводительствовалъ войскомъ новгородскимъ въ Ржевской волости и въ 1436 г. посылался отводить землю въ Бѣжецкій верхъ, тогда же и заключилъ миръ съ вел. кн. Литовскимъ Сигизмундомъ.

П. С. Рус. Лѣтоп., томы III и IV подъ выше указ. годами.

У Григорья Кирилловича были сыновья: Захарія, Иванъ и Козьма Григорьевичи, тоже посадники и бояре, угощавшіе великаго князя Ивана III, во второй приходъ его въ Новгородъ. *Захарія Григорьевичъ* угощалъ великаго князя 18 дек. 1476 г. и поднесъ 20 червонцевъ и 5 поставовъ голландскаго сукна, работы Иперскихъ фабрикъ, а сынъ его *Иванъ Захаровичъ*—10 червонцевъ, тоже 5 поставовъ сукна и 2 моржевыхъ зуба. 28 декабря угощала великаго князя Ивана Васильевича III вдова Ивана Григорьевича Овинова, незадолго передъ тѣмъ умершаго, боярыня Настасья и вмѣстѣ съ сыномъ Юріемъ Ив. Овиновымъ поднесла: 8 поставовъ сукна, 30 червонцевъ, 2 моржовыхъ зуба и 2 сорока соболей. *Козьма Григорьевичъ* угощалъ Ивана III 14 января 1477 г., поднеся съ сыномъ своимъ государю: 30 червонцевъ, 4 постава ипскаго сукна и 3 моржовыхъ клыка. Въ день мятежа въ Новгородѣ 31-го мая 1477 года Захарія и Козьма Григорьевичи Авиновы были убиты народомъ, на дворѣ архіепископа, а дѣти ихъ выселены великимъ княземъ Иваномъ III въ Московское княжество. Волости же ихъ въ пятинахъ розданы московскимъ людямъ. И. А. Бестужевъ получилъ помѣстье Ив. Зах. Авинова въ погостахъ Никольскомъ, Ижерскомъ, Дудоровскомъ и Введенскомъ, въ Вотской пятинѣ.

Новгород. 2-я лѣтопись (П. С. Рус. Лѣтоп., т. III. 142). Переписн. книга Вотской пятины во «Времен. общ. ист. и др. рос.» «Родослов. книга», ч. 4, стр. 229. В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ «Родосл. Сборн.», т. I, стр. 9.

Авксентій, преподобный, пустынножитель въ Пердовой пустынѣ, въ 35-ти верстахъ отъ Вологды. Авксентій поселился здѣсь съ другомъ своимъ Онуфріемъ, въ 1499 году, въ дремучемъ лѣсу; въ которомъ году XVI вѣка онъ скончался, — остается неизвѣстнымъ. Но по сказаніямъ, во второй половинѣ XVI вѣка мощи его, подававшія исцѣленіе, уже почивали подъ спудомъ въ главномъ храмѣ пустыни, обращенномъ въ приходскую церковь въ 1764 г. Память его празднуется 2 іюня.

Филаретъ, «Русскіе Святые» подъ 12-мъ іюня. Амвросій, «Ист. рос. іерархіи», V, 517. Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», стр. 190. Верюжскій, «Историч. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи», 365.

Авксентій (до постриженія Аѳанасій *Галинскій*, сынъ протоіерея въ м. Обуховкѣ), архимандритъ (1826 г.), бывшій намѣстникъ Кіево-Печерской лавры, съ 1834 г. настоятель Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, род. 12 ноября 1782 года, умеръ 1 апрѣля 1844 г. Учился въ Кіевской академіи, въ 1814 г. постригся, въ 1817 году былъ учителемъ кіевской академіи, а затѣмъ назначенъ инспекторомъ воронежской семинаріи; съ 1819 г. состоялъ ректоромъ ея, послѣ чего былъ проповѣдникомъ Кіево-Печерской лавры. Авксентію принадлежатъ: учебникъ—„Начальныя упражненія въ проповѣданіи слова Божія, подъ руководствомъ наставниковъ" и „Слово" въ день празднованія Архангела Михаила (8 ноября), напечатанныя въ 1836 г.

«Дух. Вѣстн.» 1862 г. № 11, приб. стр. 1, къ ст. Пономарева. Аскоченскій, «Кіевъ», ч. 2, стр. 408. Каталогъ Ольхина, №№ 458—598.

Авксентьевъ, сельскій хозяинъ, получившій образованіе въ московской земледѣльческой школѣ, напечаталъ съ 1836 по 1854 годъ въ „Журналѣ Сельскаго Хозяйства": „Замѣчанія, сдѣланныя въ шелководномъ заведеніи А. Ѳ. Реброва" (1836);

„Объ употребляемомъ въ Китаѣ способѣ воспитывать шелковичныхъ червей и разматывать коконы“ (1837); „О шелководствѣ въ заведеніи А. Ѳ. Реброва, въ Кавказской области“; „Взглядъ на садоводство въ слободѣ Владиміровѣ, Кавказской области“ (1838); „Замѣчанія о шелководствѣ А. Ѳ. Реброва въ 1837 г.“ (1838); „Объ истребленіи солончаковъ, посредствамъ водопроводныхъ канавъ, въ имѣніи А. Ѳ. Реброва“ (1838); „Наблюденія надъ озимымъ хлѣбомъ въ зимнее время“ (1842); „Простые опытные способы пользованія болѣзней рогатаго скота“ (1842); „Объ учрежденіи общественной запашки, общественныхъ луговъ и общественной кассы“ (1844); „О времени посѣва хлѣбныхъ растеній“ (1854); „Наблюденія надъ болѣзнью картофеля“ (1854); „Очерки сельско-хозяйственной промышленности новороссійскаго края“ (1850).

Словари: Энциклопедическій, Толля, I, 16, Березина, т. I, стр. 56.

Авраамій, преподобный, затворникъ печерскій. Мощи его почиваютъ въ одной изъ ближнихъ пещеръ; служба ему общая съ другими пятью затворниками ближнихъ пещеръ. Память совершается въ Кіево-Печерской Лаврѣ, вмѣстѣ съ другими угодниками, почивающими въ Антоніевой пещерѣ, въ субботу, послѣ отданія праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста 14 сентября. Преставился 29 окт. 1360 г.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», изд. 1, стр. 7, и изд. 2, стр. 5. Архим. Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», т. II, ч. I, стр. 287 и т. II, ч. III, стр. 111.

Авраамій, преподобный (въ мірѣ Аверкій), архимандритъ и основатель Ростовскаго Богоявленскаго монастыря и церкви во имя евангелиста Іоанна, построенной святымъ на мѣстѣ уничтоженія чудскаго идола. Уроженецъ г. Чухломы, постриженъ въ Валаамской обители. Близъ Ростова, у озера Неро, поставивъ себѣ хижину, основалъ при ней храмъ, впослѣдствіи монастырь, названный въ честь его Авраміевымъ Богоявленскимъ. Преставился 29 октября въ построенной имъ монастырской церкви и мощи обрѣтены уже при великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ; онѣ почиваютъ нынѣ въ серебряной позолоченной ракѣ, въ соборѣ Богоявленія, построенномъ въ 1553 г.

Кн. Эристовъ «Словарь историч. святыхъ», стр. 3, изд. 2. Филаретъ, «Русскіе святые», октябрь, ст. 291. Муравьевъ, «Житія святыхъ», октябрь, ст. 422. «Полный мѣсяцесловъ Востока», т. II, ст. 288, ч. 3, ст. III. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», стр. 26 и 38.

Авраамій, святой Мирожскій, основатель и первый игуменъ Мирожскаго псковскаго монастыря (1156 г.); преставился 24 сентября 1158 г.

Арх. Сергій, «Полн. мѣсяцесловъ Востока», II. Новгор. лѣтоп. I, стр. 19. Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», V, стр. 69. Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 389. Филаретъ, «Русск. святые», сентябрь. «Истор. княж. псковскаго», III, с. 99.

Авраамій, мученикъ за христіанство, родомъ болгаринъ, изъ торговыхъ людей; преставился въ 1229 г. или въ 1230 г. Погребенъ русскими купцами въ Болгарахъ, а черезъ годъ, въ правленіе великаго князя Георгія Всеволодовича, мощи Авраамія перевезены во Владиміръ-на-Клязьмѣ и положены, 6 марта 1230 г., въ присутствіи великаго князя и епископа, въ Княгининъ монастырь, что нынѣ Владимірской Успенскій дѣвичій, въ церкви Богоматери, гдѣ и теперь почиваютъ. Церковь празднуетъ память перенесенія мощей его 6 марта, а усѣкновенія 1 апрѣля.

Степен. книга, стр. 292, 331. Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», изд. 1, стр. 4, изд. 2, стр. 2. Муравьевъ, «Житія святыхъ», мѣсяцъ мартъ, Спб. 1863. стр. 49. Архим. Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», т. II, стр. 60, 84. Энц. Словарь, т. I, стр. 263.

Авраамій, преподобный, игуменъ Палеостровскаго Рождественскаго монастыря (на Онежскомъ озерѣ), существовавшаго въ концѣ XVI столѣтія. Мощи почиваютъ подъ спудомъ въ церкви Рождества Богородицы. Монастырь Палеостровскій нынѣ заштатный. Память совершается 21 августа.

Филаретъ, «Рус. святые», авг., стр. 87. Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», изд. 2, стр. 5 и 140. Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», т. V, стр. 450—4.

Авраамій и Копрій, преподобные Печенгскіе, основали въ 1492 г. Печенгскій Грязовецкій Спасопреображенскій монастырь. Эта обитель упразднена въ 1764 г. Она находилась въ 20-ти верстахъ отъ г. Вологды, на рѣчкѣ Печенгѣ. Въ бывшей монастырской, а нынѣ приходской церкви, мощи преподобныхъ Авраамія и сотрудника его Копрія почиваютъ подъ спудомъ. Память совершается 4-го февраля.

Верюжскій, «Историч. сказанія о жизни святыхъ», стр. 363. Кн. Эристовъ, «Словарь», стр. 5. Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», V, 543.

Авраамій, Смоленскій, преподобный, родился отъ благочестивыхъ, богатыхъ и

почтенныхъ родителей во 2-й половинѣ XII вѣка, въ Смоленскѣ. У родителей его было 12 дочерей и онъ. По кончинѣ родителей, которые дали сыну хорошее образованіе, такъ что онъ могъ читать писанія отцовъ церкви на греческомъ языкѣ, Авраамій роздалъ имѣніе и поселился въ пещерѣ, за 5 верстъ отъ города, въ мѣстности Селище. Здѣсь онъ былъ постриженъ и черезъ нѣсколько времени принятъ въ монастырь Богородицы (гдѣ теперь Богородицкое село, по Рославльской дорогѣ). Въ обители, занимаясь чтеніемъ и переводомъ твореній учителей церкви, инокъ Авраамій поученіями народу сперва привлекъ къ себѣ множество почитателей; при новыхъ успѣхахъ враги оклеветали его. Клеветниками оказывались члены клира и повѣрившіе имъ вліятельные люди, которымъ Авраамій представленъ былъ учителемъ еретическихъ мудрствованій. Возбудивъ противъ Авраамія цѣлый городъ, враги его принесли смоленскому епископу Игнатію жалобы на Авраамія, требуя не только его изгнанія, но даже сожженія. Епископъ, не обвинивъ Авраамія, выслалъ его, однако, въ Крестный монастырь. Когда же и сюда стали приходить желавшіе слышать поученія Авраамія, подкрѣпляемыя указаніемъ на иконы Страшнаго суда и „Воздушныхъ мытарствъ", имъ же самимъ искусно написанныя, и начались приношенія усердствующихъ—завистники еще болѣе возстали противъ Авраамія и Игнатій выслалъ его изъ города. Тогда, пользуясь бездождіемъ и указывая на это, какъ на кару за изгнаніе невиннаго, священникъ Лазарь убѣдилъ епископа воротить святаго съ честью, въ Богородичный монастырь. Авраамій былъ возвращенъ, помолился и — полился дождь. Всѣ увѣровали въ его святость и болѣе уже не тревожили святаго учителя, возведеннаго въ санъ игумена, а потомъ и архимандрита. Проживъ 50 лѣтъ въ подвигѣ иноческомъ, Авраамій скончался 21 августа, но котораго года—неизвѣстно.

«Житіе и терпѣніе преп. Авраамія, смол. чудотворца», по рукописи смолен. семин. библіотеки отд. отт. изъ 48 № «Смолен. епарх вѣд.» 1875 г. 8° стр. 1—82. Энц. слов. 1 264—5. Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», 2—4. «Ист. рос. іерархіи», 63—65 с. Филаретъ, «Русскіе святые», II 73. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», 52 — 58, Муравьевъ, «Житія святыхъ», авг. 21, 107.

Авраамій, преподобный, Чухломскій, постриженникъ преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго, принялъ санъ священства въ Галицкой области, построилъ на урочищѣ близъ озера Чухломы обитель и преставился 20 іюля 1375 г. Въ этотъ день церковь совершаетъ память его. Обитель, имъ построенная (нынѣ заштатный монастырь костромской епархіи), именуется родецкимъ Аврааміевымъ Чухломскимъ монастыремъ. Въ соборной монастырской церкви Покрова Богородицы мощи Авраамія почиваютъ подъ спудомъ.

Кн. Эристовъ, «Словарь», изд. 2, стр. 4. Филаретъ, «Русскіе святые», іюль, стр. 118. Муравьевъ, «Житія святыхъ», іюль, стр. 191. Сергій, «Полный мѣсяцословъ Востока», т. II, ч. I, стр. 190. Энц. Слов., I—265. Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», III—748. Н. П. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи».

Авраамій, до постриженія Аверкій Ивановичъ *Палицынъ*, съ 1608 по 1619 г. келарь Троице-Сергіевой лавры, прославившійся соучастіемъ въ патріотическихъ подвигахъ ея для освобожденія отечества отъ поляковъ. Род. въ половинѣ XVI вѣка, умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ, на покоѣ, 13 сентября 1626 года. Происходя изъ дворянской семьи Палицыныхъ, Аверкій Ивановичъ началъ службу еще при Іоаннѣ Грозномъ, а при сынѣ его подвергся, въ 1588 г., со всѣмъ своимъ родомъ, опалѣ. По времени ея, можно догадываться, что Палицыны принадлежали къ партіи, въ разсчетъ которой входило разторженіе брака царя Ѳедора съ Ириною Ѳедоровною Годуновой, вслѣдствіе ея безплодія; но ни удалить царицы, ни ослабить вліянія брата-правителя, Бориса Годунова, не удалось. Борисъ, при поддержкѣ духовенства, отказавшагося признать недѣйствительнымъ бракъ по безплодію, приказалъ постричь княжну Мстиславскую и разсѣялъ партію своихъ противниковъ. Аверкій Палицынъ, отличавшійся способностями и характеромъ, вѣроятно, и въ этомъ раннемъ періодѣ своей дѣятельности оказался на столько опаснѣе другихъ, что его не только удалили, но и насильно постригли въ Соловецкомъ монастырѣ (1588 г.). Въ монашествѣ условія служебныхъ преимуществъ для него не существовали. Черезъ шесть лѣтъ въ Москвѣ при дворѣ перемѣнилось многое. Борисъ уже мечталъ о престолѣ и, устраняя обстоятельства, неблагопріятныя его видамъ, находилъ для

себя выгоднымъ сближеніе съ талантливѣйшими изъ бывшихъ противниковъ-честолюбцевъ. Въ 1594 г. и Аверкій Палицынъ, въ монашествѣ Авраамій, былъ переведенъ въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ было ввѣрено ему, въ качествѣ строителя, управленіе приписнымъ къ лаврѣ Богородичнымъ монастыремъ, въ Свіяжскѣ. Воцареніе Бориса, кажется, имѣло вліяніе на отозваніе изъ Свіяжска Авраамія и оставленіе его сперва, безъ выполненія послушанія, при лаврѣ, а потомъ порученіе управлять Троицкимъ подворьемъ, въ Москвѣ, гдѣ онъ и находился въ годъ смерти царя Бориса. Переводъ въ Москву Авраамія относится къ году опалы Романовыхъ (1601 году), причемъ съ него сняты и послѣднія слѣдствія опалы, такъ какъ предоставлено пользоваться наслѣдственнымъ имѣніемъ, которое онъ и принесъ вкладомъ въ обитель. Съ воцареніемъ Василія Ивановича Шуйскаго, Авраамій оказывается въ числѣ близкихъ къ нему людей. Благодаря этому обстоятельству, Авраамій выбранъ келаремъ лавры, оставаясь однако, жить въ столицѣ, по волѣ Государя, видѣвшаго въ инокѣ-царедворцѣ надежнѣйшаго совѣтника и человѣка, умѣвшаго принимать своевременно надлежащія мѣры. Такъ, въ 1609 году, при осадѣ Москвы поляками, остановившими подвозы къ столицѣ припасовъ, вслѣдствіе чего въ ней поднялись цѣны на хлѣбъ, возбуждавшія народный ропотъ, Авраамій, какъ келарь лавры, имѣвшей въ городѣ обширные продовольственные запасы, открылъ продажу хлѣба по дешевой цѣнѣ изъ своихъ складовъ. До того времени цѣна на хлѣбъ дошла въ столицѣ до 7 руб., а Авраамій назначилъ—по *два рубля*, и волненіе вскорѣ прекратилось. Эта услуга Авраамія была награждена рѣшеніемъ въ пользу Палицыныхъ дѣла о закладной кабалѣ, въ противность Судебнику. Милость эта была послѣднею, оказанною Авраамію царемъ Василіемъ Шуйскимъ, лишеннымъ въ 1610 году престола. Низложеніе царя могло, конечно, отразиться неблагопріятно если не на личности, то на дѣлахъ келаря. Дума, правившая въ столицѣ, удалила его изъ Москвы, нарядивъ въ члены посольства къ польскому королю Сигизмунду, подъ Смоленскъ, съ порученіемъ просить на престолъ сына его, Владислава, съ обязательствомъ принять православіе. Прибывъ въ станъ короля, осаждавшаго Смоленскъ, Авраамій понялъ, чего добиваются поляки и какъ шатка надежда на исполненіе возложеннаго порученія. Не преслѣдуя, поэтому, недостижимой цѣли, при поднесеніи лично королю подарка отъ лица лавры, Авраамій ограничился испрошеніемъ для нея возможныхъ милостей. Онъ и получилъ отъ Сигизмунда грамоту: 1) на право сбирать лаврѣ въ свою пользу половину съ приводимыхъ на продажу, въ Москвѣ, лошадей и 2) на полученіе изъ московской казны установленной лаврѣ дачи денежной, за три года недобранной. Родственнику своему, Андрею Ѳедоровичу Палицыну Авраамій испросилъ чинъ стряпчаго. Получивъ королевскія грамоты на указанныя пожалованія, Авраамій-келарь, подъ предлогомъ нездоровья, въ концѣ 1610 г., внезапно оставилъ станъ Сигизмунда, отказавшись видѣть и главу посольства, митрополита ростовскаго (Филарета Никитича Романова). Обстоятельство это, спустя девять лѣтъ, и послужило, какъ можно полагать, причиною удаленія Авраамія изъ лавры въ Соловки, съ возвращеніемъ Филарета изъ плѣна и съ нареченіемъ его патріархомъ. Съ прибытіемъ въ Москву Авраамія, патріархъ Гермогенъ, усматривая изъ поступка Сигизмунда съ великими послами тщетность надежды на охраненіе православія при занятіи поляками столицы, разослалъ первыя свои воззванія къ народу, призывавшія его къ вооруженію. Троицкая лавра приняла разсылку патріаршихъ грамотъ и доставку отвѣтовъ, несомнѣнно при участіи келаря. Авраамій своимъ разсказомъ лично видѣннаго могъ утвердить патріарха въ рѣшимости послать воззванія. Настоятель лавры и келарь ея несомнѣнно дѣйствовали единодушно какъ въ дѣлѣ составленія воззваній, такъ и въ сборѣ ополченій, когда доступъ къ заключенному патріарху поляками былъ прекращенъ. На Пасхѣ 1611 года подъ Москвою уже явились первыя дружины защитниковъ, а въ день общей свалки въ улицахъ Китая и Бѣлаго-города, когда бился въ своемъ Острожкѣ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій у Срѣтенскихъ воротъ, Авраамій былъ въ Москвѣ. Съ приходомъ дружинъ Ляпунова и Трубецкаго съ казаками Заруцкаго Авраамій находился при нихъ, но не

Госуд ... нная ... Л ... а

могъ предотвратить ссоры, кончившейся убійствомъ Ляпунова, которому Трубецкой не сочувствовалъ. Разсылка грамотъ Троицкою лаврою продолжалась уже отъ себя, и этому обстоятельству должно приписать возростаніе дружинъ при неудачахъ, слѣдовавшихъ за смертью Ляпунова, когда съ приходомъ Сапѣги и съ движеніемъ Ходкевича русскія дружины едва держались подъ Москвою. Разсылка воззваній въ третій разъ, въ 1612 году, подняла нижегородцевъ, долго медлившихъ въ Ярославлѣ. Чтобы поторопить прибытіе силъ Пожарскаго, къ нему явился Авраамій и уже отъ Ярославля не оставлялъ его стана до Москвы. Прибывъ съ нимъ въ столицу 20 августа 1612 г., Авраамій оказалъ лично большія заслуги. По прибытіи своемъ, онъ уговорилъ казаковъ не уходить, обѣщая скорую уплату условленнаго жалованья, затѣмъ,—въ рѣшительный моментъ боя кн. Пожарскаго съ Ходкевичемъ, когда кн. Трубецкой запретилъ своимъ дружинамъ принимать участіе въ битвѣ,—словами горячаго убѣжденія увлекъ полки на помощь борющимся силамъ. Когда же, съ освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ, собрался земскій соборъ, выбравшій въ цари Михаила Ѳедоровича Романова (21 февр. 1613 г.), Авраамій былъ назначенъ въ члены посольства къ нему, въ Кострому—просить принять престолъ и для того прибыть въ столицу. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича, въ 1618 году, польскій королевичъ Владиславъ задумалъ оружіемъ добыть себѣ русскій престолъ. Подойдя къ Москвѣ, Владиславъ отрядилъ партію и для захвата Троицкой лавры, въ которой находился, за отбытіемъ архимандрита Діонисія въ Москву, одинъ келарь Авраамій. Ему и принадлежитъ честь защиты обители отъ осаждавшихъ ее поляковъ. Принудивъ ихъ удачнымъ отпоромъ удалиться, Авраамій началъ мирные переговоры, закончившіе этотъ неудачный, поздній наѣздъ королевича миромъ, заключеннымъ въ лаврскомъ селѣ Деулинѣ. Это былъ послѣдній подвигъ Авраамія, въ послѣдній разъ упоминаемаго въ сослуженіи съ архимандритомъ Діонисіемъ, при заложеніи, на мѣстѣ ставки уполномоченныхъ, церкви въ Деулинѣ, увѣковѣчивавшей заключенный, при участіи лавры, миръ съ поляками. Затѣмъ, Авраамій удалился въ Соловки и умеръ въ мѣстѣ своего невольнаго постриженія, оставивъ описаніе событій смутнаго времени, съ 1584 по 1619 г. Описаніе это, всего вѣроятнѣе, начато Авраміемъ въ 1601 году, а окончено въ Соловкахъ, незадолго до смерти автора. Оно носитъ заглавіе: „Исторія въ память предъидущимъ родамъ, и пр.“.

Лучшіе и полные списки (всѣхъ 79 главъ) въ библіотекахъ: Спасо - Ярославскаго монастыря. № 796 (4°—л. 227—405), пис. въ 1660 г. и № 202 (4°—389 л.) Толгскаго монастыря, у Ярославля. У Строева была рукопись хронографа, при которой (4° 390 л. полов. XVII в.) на первыхъ 240 листахъ экземпляръ сочиненія Палицына, а далѣе замѣчательный варіантъ событій 1584—1613 гг. съ оговоркою: «Той же первой исторіи послѣднее вторымъ сказаніемъ, иже въ первой сокращено здѣ же преполнено, и гдѣ въ первой полно, здѣ же скращено писано, инаго творенія». Сергій Кедровъ, авторъ изслѣдованія «Авраамій Палицынъ» (Чтенія въ общ. ист. и др. росс. 1880 г.) напечат. и въ отдѣльн. оттиск. 58° 1—192 стр. (текстъ) и 193 — 202 приложенія, напечаталъ въ нихъ: 1) Вкладную грамоту Авраамія въ лавру: села и книгъ въ 100 рублей 1611 г. 19 февр. (стр. 193—4) и (193—202) и 2) «Утѣшительное посланіе къ архимандриту Діонисію», открытое въ рукоп. сборн. № 627 библ. Казанск. дух. акад. л. 173. Въ своемъ разборѣ трудовъ Авраамія, какъ писателя, Платоновъ, на стр. 171 книги своей «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени», замѣтилъ, что Кедровъ не совсѣмъ справедливо заключаетъ, что на «Сказаніе» слѣдуетъ смотрѣть, какъ на оправдательный документъ личнаго поведенія автора, или — на автобіографію, а никакъ не на исторію измышленныхъ дѣяній, написанную по тщеславію». Строевъ и Горскій въ «Сказаніи» видѣли сборникъ записокъ, составленныхъ въ разное время; первыя главы приблизительно относятся къ 1615 г., а конецъ—состоящій изъ пяти разныхъ частей къ 1620 г. Платоновъ высказалъ предположеніе, что «Повѣсть» 1606 г. тоже трудъ Авраамія, въ «Сказаніи» только переработанный имъ. Энциклопедическій словарь, т. I, 266—9 стр. «Библіологическій словарь П. М. Строева, изд. Бычковымъ, стр. 9—12. А. Сербинъ «Келарь Троицко-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ, знаменитый дѣятель, сподвижникъ и защитникъ русской земли въ мрачную эпоху самозванцевъ (1608—1612)», соч. А. С. Спб. 1850 г. — Отрывокъ изъ большаго сочиненія «Осада Троицкой лавры». Гл. I, 8—9—16 и (17—21). Стихотвореніе «Авраамій Палицынъ», помѣщ. въ журн. «Маякъ», глава II, стр. 23—30. Отд. брошюра 8°. Оцѣнка Авраамія Палицына, какъ историка, сдѣлана въ двухъ статьяхъ Д. П. Голохвастова, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ» и (1842 г. 8°) отдѣльно «Замѣчаніе объ осадѣ Троицкой лавры, 1608—10 г., и описаніе оной историками XVII, XVIII и XIX столѣтій» (М. 1844. 8°) «Отвѣтъ на рецензію и хронику замѣчаній объ осадѣ «Троицкой лавры». С. Ѳ. Платоновъ «Авраамій Палицынъ какъ писатель», «Рус. Архивъ».

1886 г., № 8. Р. Кедровъ. «Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. россійскихъ». 1880.

Авраамій, до постриженія Андрей *Подлѣсовъ*, царскій дьякъ въ 1627 г., родился во 2-й половинѣ XVI в., присланъ въ Троицкую лавру царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1641 г.), чтобы занять должность келаря, и былъ представителемъ лавры на коронованіи царя вмѣстѣ съ казначеемъ Симономъ (*Азарьинымъ*). Онъ былъ старымъ дьякомъ при Вас. Ив. Шуйскомъ. Въ междуцарствіе былъ соратникомъ Пожарскаго, воеводою въ его дружинахъ и оставленъ помощникомъ воеводы князя Гагарина, въ Костромѣ, по ненадежности этого лица. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ въ чинѣ обѣихъ свадебъ его и постригся въ 1633 г. Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, принявъ схиму, въ 1646 г.

Разр. кн. I, стр. 79, 196, 406; II, стр. 190, 286, 302, 352, 451 и 479. «Акты Археогр. Экспед.», III, стр. 160, 169. Бояр. книги, стр. 327.

Авраамій (*Флоринскій*), род. въ 1720 годахъ, воспитанникъ кіевской академіи, постриженъ въ 1753 году, профессоръ философіи кіевской духовной академіи и префектъ ея въ 1757—58 г., архимандритъ монастырей: Виленскаго Св. Духа 1758 — 62, Владимірскаго Царево-Константинова 1762—1773 года, Ростовскаго Борисоглѣбскаго 1773—75 г., Ростовскаго Богоявленскаго 1775—1786 г. и Ростовскаго Яковлевскаго съ 9 февраля 1786 г.; здѣсь онъ и умеръ 30 апрѣля 1797 г. Его ученый трудъ—переводъ соч. Іоанна Златоуста „Бесѣды на Евангелія отъ Матѳея и отъ Іоанна". Поученій имъ произнесено много.

Словари: митр. Евгенія, I, 10; Геннади I, стр. 5; Старчевскаго I, 46. «Кіевъ» Аскоченскаго II, 209. Строевъ, «Списки іерарховъ», 539, 671, 342, 340 и 366.

Авраамій (*Юховъ*), 3-й митрополитъ бѣлогородскій и обоянскій, рукоположенъ изъ архимандритовъ Спасо-Андроньева монастыря 13 іюля 1684 г., умеръ въ епархіи 6 августа 1702 г. Въ 1680 г. игуменъ Отроча монастыря въ Твери, съ 1681 г. въ Андроньевѣ. Онъ участвовалъ въ коронованіи братьевъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 25 іюня 1682 года.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 401, 402, 40 4, 170, 633. «Архивъ Юго-Зап. Россіи», ч. I, т. 5, стр. 55 и 437.

Авраамій, епископъ суздальскій, въ 1437 г. сопровождалъ на флорентинскій соборъ митрополита московскаго Исидора, участвуя въ его поставленіи. По возвращеніи изъ Италіи снова занялъ каѳедру. Въ 1449 г. участвовалъ въ избраніи митрополита Іоны, и, вѣроятно, вскорѣ затѣмъ и умеръ. Время поставленія его точно неизвѣстно; проф. Сидонскій считалъ его на каѳедрѣ съ 1431 по 1458 г. Несомнѣнно, что при Аврааміи послѣдовало разрушеніе соборнаго храма въ Суздалѣ (1446 г.) и начало новаго сооруженія.

Авраамію принадлежитъ описаніе видѣнной имъ во Флоренціи «Мистеріи» Благовѣщенія, напечатанное въ XVII т. (стр. 178—185) «Древней русск. вивліоѳики» Новикова. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., VI и VIII. Энциклопед. Слов., т. I (ст. Ѳ. Сидонскаго), стр. 265.

Авраамій, изъ игуменовъ Угрѣшскаго монастыря рукоположенъ въ епископа коломенскаго въ 1491 г., а въ 1496 г. участвовалъ въ избраніи троице-сергіевскаго игумена Симона въ московскіе митрополиты и въ 1498 г. въ вѣнчаніи на царство внука Ивана III, Дмитрія Ивановича, а въ 1502 г. умеръ.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI и VIII.

Авраамій, архимандритъ Андроньевскаго монастыря въ Москвѣ въ 1606—1612, потомъ Чудова (1612—1619 гг.). Былъ посылаемъ земскимъ соборомъ въ Кострому при избраніи царемъ Михаила Ѳеодоровича въ 1613 году, а въ 1614 г. царемъ былъ посылаемъ въ Ярославль, съ цѣлью уговорить казаковъ идти на Тихвинъ (вмѣстѣ съ архіепископомъ Герасимомъ и бояриномъ Лыковымъ). Въ 1619 году Авраамій еще участвовалъ въ чинѣ нареченія патріарха Филарета.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 170 и 163. «Собр. Госуд. Гр.», т. III.

Авраамій, монахъ, возобновитель разореннаго татарами Макарьева Желтоводскаго монастыря. Въ 1610 г. Авраамій правилъ монастыремъ въ санѣ строителя, до кончины своей, послѣдовавшей 5 апрѣля 1640 г. Монастырь этотъ, на Волгѣ, въ 60 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, основанъ на урочищѣ Желтыя воды св. Макаріемъ Унженскимъ, преставившимся въ 1444 г. Въ 1619 г. стали говорить о чудесахъ отъ мощей его, самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ поѣхалъ къ мощамъ Макарія на богомолье и далъ средства Авраамію достроить обитель и храмъ надъ мощами, лежащими подъ спудомъ. Отъ патріарха

Филарета Авраамій выпросилъ несудимую грамоту 1 іюня 1628 г.

Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», II, 194. Строевъ, «Списки іерарховъ», 612. «Акты Арх. Эксп.», стр. 257 (№ 175). Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», IV, 107.

Авраамій монахъ, до постриженія Аѳанасій, пустынникъ въ нижегородскихъ лѣсахъ, духовный сынъ извѣстнаго протопопа *Аввакума Петровича*. Начетчикъ, слывшій за человѣка очень знающаго, Авраамій своими проповѣдями и писаніями сильно распространилъ расколъ на своей родинѣ, живя въ Казанскомъ монастырѣ, въ с. Лысковѣ, въ санѣ іеромонаха. Призванный на московскій соборъ къ отвѣту, Авраамій принесъ повинную и, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, посланъ подъ начало въ Троице-Сергіеву лавру „ради исправленія“ (30 мая 1667 г.). Но это раскаяніе было неискреннее: Авраамій продолжалъ вести сношенія со своими единомышленниками и переписку даже съ протопопомъ Аввакумомъ. Въ 1670 году, въ январѣ, онъ скрылся изъ лавры и въ Москвѣ подалъ царю челобитную о возстановленіи старинной обрядности, какъ было до Никона патріарха. За это, въ послѣдній день масляницы, схватили его, привезли и посадили на дворѣ князя Мстиславскаго въ тюрьму. Здѣсь, приходившіе съ нимъ бесѣдовать, митрополиты: крутицкій Павелъ и рязанскій Илларіонъ (тоже сперва чуждавшійся нововведеній Никона), убѣждали его отказаться отъ заблужденій, напоминая о принесенномъ раскаяніи. Но Авраамій объявилъ себя единомысленникомъ Аввакума, съ которымъ, по растриженіи, и сослали его, наконецъ, въ Пустозерскъ, гдѣ, за предсказаніе о наступленіи царства антихриста, и сожгли 1 апрѣля 1681 г. Кромѣ челобитной, извѣстны писанные Авраміемъ „Отвѣты“ Павлу, митрополиту крутицкому и властямъ, а также „Посланіе къ нѣкоему боголюбцу“.

Энциклопед. Слов., т. I, стр. 265—6, ст. П. И. Мельникова; томъ VII «Матеріаловъ для исторіи раскола» подъ ред. проф. Субботина.

Авраамій, преподобный, архимандритъ ростовскій, основатель храма Богоявленія и при немъ обители, при епископѣ Ѳеодорѣ (бывшемъ въ Ростовѣ до 1169 г.). Въ Приволжьѣ долго держалось язычество у инородцевъ и преподобному Авраамію „Житіе“ приписываетъ уничтоженіе идола на берегу озера Неро, гдѣ онъ построилъ храмъ Св. Іоанна Богослова. Мощи Авраамія открыты при вел. кн. Всеволодѣ III, въ 1210 г. или *6718 отъ сотворенія міра*, а не въ 6518, какъ обозначено по «Житію». 29 октября 1210 г. открыты мощи его и въ этотъ день совершается память св. Авраамія.

Муравьевъ, «Житія святыхъ», октябрь, стр. 422—431. Филаретъ «Русскіе Святые» 29 окт., стр. 291. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи», стр. 1. «Четьи-минеи» Макарія (изд. 1880. Спб. октябрь, стр. 2025—31). Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», стр. I. Энцикл. Слов., I, 263 — 4 стр. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ указ. разность въ ред. житія. «Памятн. русской старины», т. I, 221—225.

Авраамъ (Аврамко), писецъ или составитель сборника лѣтописнаго, въ Смоленскѣ. Этотъ сборникъ составленъ въ 1495 году, по словамъ писавшаго, „при державѣ вел. кн. Александра (литовскаго) изволеніемъ божіимъ и повелѣніемъ господина владыки епископа смоленскаго Іосифа“. При составленіи своего лѣтописнаго сборника Авраамъ имѣлъ, какъ видно, изводы обоихъ лѣтосчисленій, т. е. мартовскаго и сентябрьскаго года и въ первомъ отрывкѣ пользовался первою новгородскою лѣтописью, вмѣстѣ съ другими, измѣняя и сокращая изложеніе. Лѣтопись Аврамки издана археографическою коммиссіею подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова и К. Н. Бестужева-Рюмина, въ 1889 году, въ Спб., и составляетъ XVI томъ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей“.

Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. XVI, стр. 320.

Авраамъ до постриженія Алексѣй Ѳедоровичъ *Шумилинъ*, архіепископъ ярославскій и ростовскій, род. 16 мая 1761 г., въ с. Быстромъ, Крутицкой епархіи, умеръ 18 апрѣля 1844 года, проживая на покоѣ въ Ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ. По окончаніи курса наукъ въ крутицкой семинаріи, въ 1782 г., Алексѣй Шумилинъ рукоположенъ былъ во священника, въ одинъ изъ сельскихъ приходовъ; въ 1784 году переведенъ ключаремъ къ крутицкому каѳедральному собору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ учителемъ поэзіи въ семинаріи, до упраздненія крутицкой епархіи, въ 1788 г. Съ этого времени онъ слишкомъ 22 года находился при церкви московскаго воспитательнаго дома, обучая воспитанниковъ Закону Божію, и наконецъ, въ 1811 г., назначенъ протоіереемъ московскаго Архангельскаго собора. 31-го августа 1812 г.,

передъ вступленіемъ въ Москву Наполеона, протоіерей Шумилинъ отправленъ былъ съ патріаршею, соборною и Троице-лаврскою ризницами и патріаршею библіотекою, дѣлами московской консисторіи синодальной конторы въ Вологду, для временнаго храненія церковныхъ вещей и документовъ въ тамошнемъ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Въ 1813 г., по освобожденіи Москвы отъ непріятеля, протоіерей Шумилинъ возвратился въ столицу съ ввѣреннымъ его попеченію церковнымъ имуществомъ. Овдовѣвъ, онъ принялъ 3 апрѣля 1813 года монашество. Нареченный Авраамомъ и возведенный въ архимандриты, онъ 6 апрѣля 1813 года былъ опредѣленъ настоятелемъ московскаго Златоустовскаго монастыря; 26 іюня 1816 г. переведенъ въ московскій Богоявленскій, а 20 декабря 1817 г.—въ Спасо-Андроніевскій монастырь. Въ 1818 году, находясь въ С.-Петербургѣ на чредѣ служенія, архимандритъ Авраамъ, 21 іюля, хиротонисанъ во епископа тульскаго и бѣлевскаго; 29 октября 1821 г. переведенъ въ Астрахань архіепископомъ, а 7 мая 1824 г.—въ Ярославль; на 1825 годъ онъ былъ вызванъ для засѣданій въ Св. Синодѣ, а 22 августа 1826 года участвовалъ въ священномъ коронованіи Императора Николая I; въ епархію свою прибылъ только въ 1827 г. 3 сентября 1836 г., согласно прошенію, преосвященный Авраамъ уволенъ отъ управленія епархіею, съ предоставленіемъ имѣть пребываніе въ ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ и управлять имъ. Въ теченіе своего 17-ти-лѣтняго епископскаго служенія Авраамъ особенно заботился о благоустройствѣ храмовъ. Въ Тулѣ онъ возобновилъ каѳедральный соборъ и увеличилъ крестовую церковь. Въ ярославскомъ архіерейскомъ домѣ воздвигъ храмъ въ честь благовѣрныхъ князей ярославскихъ Ѳеодора, Давида и Константина, и устроилъ богатую серебряную раку для мощей этихъ святителей. Кромѣ того, онъ построилъ, возлѣ холоднаго, теплый соборъ, во имя св. князей Василія и Константина, ярославскихъ чудотворцевъ; для помѣщенія соборянъ перестроилъ старый двухэтажный корпусъ въ трехэтажный и въ ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ построилъ домъ для духовнаго училища. Не менѣе заботливо относился преосвященный Авраамъ и къ управленію дѣлами своей паствы. Пройдя самъ всѣ степени церковнаго служенія, начиная съ должности сельскаго священника, онъ понималъ нужды духовенства и всегда готовъ былъ придти на помощь нуждающимся. Толгская обитель, назначенная архіепископу Аврааму для пребыванія на покоѣ, также многимъ обязана его неусыпнымъ трудамъ: при Авраамѣ этотъ знаменитый монастырь совершенно обновленъ. Изъ сочиненій Авраама извѣстны три слова: 1) о покаяніи, 2) о причащеніи и 3) на день священ. коронованія Императора Александра I. Кромѣ того, въ „Тульск. епарх. вѣд.“ за 1869 и 1870 г. напечатаны его письма, а въ „Церк. Вѣд.“ за 1890 г. — „Посланіе пастырямъ и служителямъ ярославской епархіи“.

Ю. Толстой, «Списки архіереевъ», Спб. 1872 г., № 227. П. Строевъ, «Списки іерарховъ», Спб. 1877. Лебедевъ, «Моск. арх. каѳедр. соб.», М. 1880 г. «Церк. Вѣд.» 1890 г., № 4. «Лѣтоп. о Ростовскихъ архіер.», изд. Об. люб. др. пис. 1890 г., стр. 25 и прим. 66. Розановъ, «Ист. моск. епарх. упр.», т. III, ч. 1, 29; II, 118. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ, гравир. портретовъ». 1886 г., т. I, стр. 5. «Преосвящ. еписк. тульск.», Тула, 1865 г., стр. 56–61. Геннади, «Словарь», т. I, 5. «Тул. Епар. Вѣд.» 1865 г. V. «Іерархи рост. яросл. паствы», Ярославль, 1864.

Авраамъ, архимандритъ армянскаго Вагаршападскаго монастыря въ началѣ XIX вѣка; перевелъ съ русскаго на армянскій „Русскую грамматику“ и „Разговоры“, напечатанные въ Москвѣ и Астрахани.

«Собраніе актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа», Москва, 1838 г., стр. 216.

Авраамъ, *Степановичъ*, въ 1327 г. тысяцкій новгородскій, отправленъ въ гор. Псковъ посломъ требовать, чтобы великій князь Александръ Михаиловичъ ѣхалъ въ Орду. Въ 1340 г. ѣздилъ посломъ въ Москву—поздравить со вступленіемъ на престолъ великаго князя московскаго Симеона и заключить съ нимъ миръ; въ 1345 г. поновлялъ въ Новгородѣ церковь св. Георгія „на опокахъ“; въ 1347 г. посланъ на съѣздъ, для выслушанія условій шведскаго короля Магнуса и, не принявъ ихъ, задержанъ имъ въ плѣну, продолжавшемся 3 года. Былъ вымѣненъ при размѣнѣ плѣнныхъ шведовъ въ 1350 г. и, вѣроятно, вскорѣ затѣмъ умеръ, оставивъ сына Симеона.

Энц. Слов., I, стр. 281, статья А. Ѳ. Бычкова. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., томы III, IV, V, VI, VII и VIII, подъ выше указанными годами.

Авраамовъ, *Матвѣй Абрамовичъ*, сочинитель патріотическихъ стиховъ, свя-

щенникъ въ Москвѣ, см. *Знаменскій*, Матвѣй Аврамовичъ.

Аврамовъ, *Михаилъ Петровичъ*, съ 1711 по 1727 г., первый директоръ с.-петербургской типографіи, статскій совѣтникъ, род. въ 1681 г., умеръ 24 августа 1752 г. Служба Аврамова съ 10-лѣтняго возраста—въ подъячихъ Посольскаго приказа и дьякахъ Оружейной палаты—рано выказала его способности и усердіе. 16-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ посланъ въ Голландію учиться и, проведя 5 лѣтъ за границею, въ 1702 году, Петромъ I произведенъ въ дьяки Оружейной палаты. На этомъ посту онъ выполнялъ всякія царскія порученія, удостоиваясь похвалы. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Аврамовъ сдѣлался лицомъ вліятельнымъ, породнился съ секретаремъ царскимъ Макаровымъ и пользовался общимъ уваженіемъ. Такъ продолжалось до вступленія его, при Петрѣ II, въ тѣсныя сношенія съ той партіей, которая хотѣла повернуть назадъ дѣло петровской реформы. Религіозность Аврамова вызвала излишество самоосужденія, которымъ переполнена его автобіографія, писанная въ тайной канцеляріи, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Попалъ онъ туда по случаю разслѣдованія о пасквилѣ на Ѳеофана Прокоповича, истолкованномъ имъ въ смыслѣ возстанія противъ Императрицы. Петръ I, которому Аврамовъ подавалъ свои проекты, находилъ въ нихъ долю пользы, при Екатеринѣ I авторитетъ Аврамова и въ немъ стали заискивать, а при Аннѣ Іоанновнѣ сочли врагомъ самодержавія. Въ 1732 г. Аврамова заточили въ Иверскій монастырь, за проектъ возстановленія патріаршества, не понравившійся нѣмцамъ. За время заточенія его въ Иверскомъ монастырѣ дѣло въ тайной канцеляріи шло своимъ чередомъ, и въ 1738 г. послѣдовалъ приговоръ о ссылкѣ Аврамова въ Охотскъ, со чувственно встрѣченной враждебной ему партіею. Возвращенный оттуда Императрицею Елизаветою, Аврамовъ подумалъ, что наступила опять пора подавать проекты объ общемъ благѣ. Онъ ратовалъ за свободное отреченіе отъ міра, заявлялъ о необходимости огражденія русскихъ отъ наплыва иностранцевъ, о цензурѣ, которая мѣшала бы проникать въ народъ вреднымъ чистотѣ вѣры ученіямъ; о возвышеніи цѣнности монеты, объ учрежденіи хлѣбныхъ запасовъ и выпускѣ бумажныхъ денегъ, о необходимости возстановить патріаршество. За эти совѣты въ 1748 г. Аврамовъ былъ вызванъ въ тайную канцелярію, въ которой находился болѣе 3-хъ лѣтъ, и умеръ 71 года отъ роду. Изъ разсмотрѣнія дѣлъ тайной канцеляріи новѣйшіе изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что Аврамовъ много страдалъ по недоразумѣніямъ.

Энциклопед. Слов., I, 272 — 276. Пекарскій, «Наука и литература». Въ «Невскомъ сборникѣ» 1867 г., статья Іакинеа Шишкина съ извлеченіями изъ проектовъ Аврамова. Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ». Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь» I, 84—90.

Аврамовъ, *Василій Сапунъ Тихоновичъ*, происходилъ по всей вѣроятности изъ новгородской семьи, переселенной въ Московское княжество великимъ княземъ Иваномъ III. Въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ не разъ упоминаются вотчинники *Аврамовы* или *Аврамьевы*. Въ концѣ XV в. вотчины купца Андрея Аврамова, находившіяся въ Деревской и Шелонской пятинахъ, были уже розданы великимъ княземъ въ помѣстье московскимъ дѣтямъ боярскимъ. Такая же участь постигла и владѣнія Василія Аврамова, мелкаго новгородскаго вотчинника, „сведеннаго“ въ Москву въ ряду другихъ бояръ Великаго Новгорода. Въ одной Двинской дѣльной, писанной въ октябрѣ 1499 (7008) года, упоминается Ѳедоръ Аврамовъ, бывшій на докладѣ передъ Двинскимъ великокняжескимъ тіуномъ. Впрочемъ, весьма возможно, что въ Московскомъ княжествѣ была и своя фамилія служилыхъ людей Аврамовыхъ. Въ писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины 1545 (7053) года Некрасъ Ѳатьяновъ сынъ Аврамова упоминается уже какъ старый, то-есть бывшій, помѣщикъ. Когда великая княжна Елена Ивановна вышла замужъ за Александра в. к. Литовскаго, при ней въ Литвѣ въ числѣ ея людей былъ нѣкто Сенька Аврамовъ. Онъ указанъ въ посольскомъ наказѣ 1495 года, какъ человѣкъ, которому могло бы быть поручено веденіе переписки великой княгини съ ея отцомъ. Можно думать, что этотъ Аврамовъ былъ однимъ изъ московскихъ подъячихъ. Нефедъ Русиновъ сынъ *Аврамовъ* былъ убитъ въ 1552 году подъ Казанью и записанъ въ числѣ другихъ дѣтей боярскихъ въ синодикъ Московскаго Успенскаго собора. Сапунъ Аврамовъ, подобно многимъ дру-

гимъ талантливымъ дѣльцамъ XVI столѣтія, началъ службу простымъ подъячимъ. Когда, послѣ великаго новгородскаго погрома, царь Иванъ Васильевичъ приказалъ своимъ намѣстникамъ въ Новгородѣ составить таможенную уставную грамоту о взиманіи въ Великомъ Новгородѣ на Торговой сторонѣ, въ государевой опричнинѣ, всякихъ пошлинъ, то грамоту эту „правилъ подъячій Сапунецъ Аврамовъ". Таможенный уставъ помѣченъ 17 марта 1571 (7079) года, а черезъ семь лѣтъ въ разрядахъ 1578 (7087) года Сапунъ Аврамовъ находится въ Москвѣ уже въ числѣ московскихъ приказныхъ дьяковъ. Въ 1581 — 1582 годахъ дьякъ Сапунъ Аврамовъ, какъ кажется, находился въ Пушечномъ приказѣ и въ то же время исполнилъ нѣсколько другихъ служебныхъ порученій: такъ, въ 1581 (7089) году имъ составлена Лухская десятня „денежныя раздачи", въ 1582—десятня верстальная по городу Владиміру. 5 сентября 1582 (7091) года Сапунъ Аврамовъ былъ назначенъ въ составъ коммиссіи по размѣну „полонныхъ людей" и посланъ на рубежъ на „съѣздъ съ литовскими людьми". Надо думать, что при этомъ умный дьякъ выказалъ себя съ выгодной стороны: черезъ небольшой промежутокъ времени онъ уже на службѣ въ Разрядѣ. Область вѣдѣнія Разряднаго приказа была такъ обширна, такъ близко соприкасалась съ высшимъ управленіемъ государства, что всѣ, безъ исключенія, разрядные дьяки принадлежали обыкновенно къ числу выборныхъ и испытанныхъ дѣльцовъ. Смѣнивъ дьяка Дружину Петелина около 7092 (1583—84) года, Сапунъ Аврамовъ сидѣлъ въ Разрядѣ непрерывно въ теченіи многихъ лѣтъ. Отъ 1586 (7094) года имѣется уже совершенно точное свидѣтельство: въ этомъ году князь Т. Р. Трубецкой да дьякъ Сапунъ Аврамовъ разбирали мѣстническое дѣло князя Ивана Барятинскаго съ Богданомъ Полевымъ. Съ уходомъ изъ Разряда дьяка Аѳанасья Демьянова въ 1588 году Сапунъ Аврамовъ занялъ мѣсто старшаго разряднаго дьяка, а затѣмъ послѣ Василія Щелкалова, замѣнившаго въ 1594 году брата Андрея въ Посольскомъ приказѣ, сталъ главенствовать въ управленіи Разрядомъ, что продолжалось и все время царствованія Бориса Годунова. Только въ 1603 году Аврамову пришлось на короткое время уступить первенство въ Разрядномъ Приказѣ другому лицу. 28 сентября 1602 года Сапунъ участвуетъ въ торжественной встрѣчѣ королевича Ягана еще какъ „дьякъ болшой розрядный", а 24 апрѣля 1603 года упоминается новый дьякъ Разряда Леонтій Лодыженскій, которому по указанію документовъ отведено было въ приказѣ первое мѣсто. Съ 1597 года Сапунъ Аврамовъ въ документахъ начинаетъ титуловаться *думнымъ дьякомъ*; но должно предполагать, что онъ былъ *думнымъ* и въ два-три предшествовавшихъ года. Въ теченіе своей долговременной служебной дѣятельности Сапунъ Аврамовъ разобралъ массу мѣстническихъ дѣлъ, участвовалъ въ пріемѣ цѣлаго ряда посольствъ, неоднократно скрѣплялъ царскіе наказы и грамоты. Какъ разрядный дьякъ, онъ принималъ участіе въ современныхъ историческихъ событіяхъ: мы его можемъ встрѣтить и при поставленіи митрополита Іова патріархомъ въ 1589 году и при избраніи Бориса Годунова на царство въ 1598 году. На грамотѣ этого избранія подпись Аврамова находится среди подписей *думныхъ* дьяковъ. Паденіе Годуновыхъ вызвало перемѣны въ составѣ приказовъ и Сапунъ Аврамовъ былъ замѣненъ думнымъ дьякомъ Стрѣшневымъ. Воцареніе Василія Шуйскаго вернуло Аврамова къ дѣятельности и старый дѣлецъ былъ назначенъ вторымъ воеводою въ Корелу. Сохранилась царская грамота отъ 30 авг. 1609 г. въ Корелу „богомольцу нашему епископу Селивестру да воеводе нашему князю Данилу Тимоѳеевичу *Мышетцкому* да Василью Тихановичу *Аврамову*..." Василія Тихоновича Аврамова, воеводу Корельскаго, надо различать отъ Василія Аврамова, новгородца, который встрѣчается въ числѣ подписавшихъ (27 іюля 1613 г.) приговоръ новгородскихъ — митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Никитича Большаго Одоевскаго, дьяковъ и всякихъ земскихъ чиновъ, объ отпускѣ въ Выборгъ уполномоченныхъ для предложенія шведскому принцу Карлу-Филиппу новгородскаго престола. Въ такую ошибку впали составители указателя къ Собранію Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Новгородскаго сына боярскаго Василія Аврамова можно найти въ писцовыхъ книгахъ Обонежской пятины. Въ 1583 (7091) году Василій Семеновъ сынъ Аврамова значится помѣщикомъ въ Обонежской пятинѣ

Никольскаго погоста, что въ Морозовичахъ на Мстѣ. Сапунъ Аврамовъ не пережилъ Смутнаго времени, послѣ 1609 года о немъ и его дѣятельности не сохранилось никакихъ извѣстій. Принимая въ соображеніе долговременную, по крайней мѣрѣ, сорокалѣтнюю, службу, съ полнымъ основаніемъ можно отнести смерть его ко времени около 1610 года. Какъ и другіе думные дьяки, Сапунъ Аврамовъ получалъ на службѣ большой окладъ. Помѣстья его въ Вязьмѣ, Муромѣ и Ярославлѣ описаны въ писцовыхъ книгахъ. Дѣятельность Сапуна Аврамова затемнялась все время блескомъ талантовъ братьевъ Щелкаловыхъ, и онъ не смогъ подобно имъ побороть обычную безличность дьяческой работы. Было бы рискованнымъ опредѣлять степень его талантливости, но нельзя не отмѣтить, что онъ не былъ человѣкомъ заурядным хотя бы потому, что Джильсъ Флетчеръ счелъ нужнымъ упомянуть о немъ въ своемъ сочиненіи.

«Новг. писц. книги», т. II, ст. 181, 453, 454, 468; т. IV, ст. 168, 182, 308, 442, 568. Ibidem, т. III, ст. 1, 6, 7. «Москвитянинъ» за 1846 годъ, № 9 –10, стр. 154—169. Въ арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, кн. по Новгороду — № 6, л. 416. «Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.», т. XXXV, стр. 172 — 173. Описаніе Казанскаго памятника (К. 1833), стр. 41. «Собр. госуд. грам. и дог.», т. II, стр. 52 — 62. «Др. Росс. Вивл.», ч. XIV, стр. 366. «Ежегодникъ Владимірскаго губерн. стат. комит.», т. II (1878), стр. 48 (7089); «Акты Арх. Экспед.», т. I, стр. 380 (29 окт. 7091 г.). «Книга Московскаго стола» № 19, лл. 120 и 129. «Симбирскій Сборникъ», стр. 81; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ», помѣщенная въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древн. росс.», стр. 184. «Рус. Ист. Сборн.», т. II, стр. 190–191. Сводъ свѣдѣній о дѣятельности Сапуна Аврамова въ Разрядномъ приказѣ, см. Н. Лихачева: «Разрядные дьяки XVI вѣка», стр. 495—513. Разрядная книга П. Ѳ. Лихачева, стр. 501. «Пам. дипл. снош.», т. II, ст. 467 (26 апр. 1597 г.), ст. 487 (22 мая 1597 г.). Н. П. Загоскинъ («Дума Боярская», см. прим. къ стр. 42—43) говоритъ, что Сапунъ *Аврамовъ* сталъ думнымъ разряднымъ дьякомъ съ 1588 года. Это возможно, но въ писцовыхъ книгахъ 1594 года и другихъ документахъ этого времени Аврамовъ помѣченъ простымъ дьякомъ. «Памятн. дипл. снош.», т. I, ст. 1257 (17 сент. 1593), 1352; т. II, ст. 467 (1597 г.), 487 (1597) и т. д. Турецкія дѣла, № 3 (1592—1594), л. 263 (21 окт. 1593 г.), 270 (25 ноября 1593 г.) и т. д. «Рус. Ист. Библ.», т. II, № 103, ст. 314—327. «Акты Арх. Экспед.», т. II, стр. 42. «Собр. Госуд. Грам. и Дог.», т. II, стр. 378; Д. Бутурлинъ: «Исторія смутнаго времени», т. II, прил., стр. 121—124. «Дополн. къ Актамъ Историч.», т. II, стр. 7 и 47. «Временникъ Моск. общ. истор. и древн. росс.», кн. VI, стр. 113. Писцовыя книги XVI вѣка, ч. I, отд. 2, стр. 643—645. Объ Аврамовѣ см. еще ibidem, т. I, стр. 670 и др. «О государствѣ русскомъ» Джильса Флетчера, въ русскомъ переводѣ, стр. 35. 1867. 8°. *Н. Лихачевъ.*

Авроринъ, *Василій Михайловичъ*, дьяконъ церкви Воскресенія въ Баратахъ, въ Москвѣ, живописецъ, ученикъ Алексѣя Гавриловича Венеціанова. Сынъ дьячка с. Петровскаго, Можайскаго уѣзда, пенсіонеръ митрополита Филарета въ Спб. въ 1820 годахъ. Род. въ 1805 г., умеръ въ Москвѣ, 20 іюня 1855 г. Въ Москвѣ имъ, между прочимъ, писаны были виды: „Окружности церкви Воскресенія въ Баратахъ, отъ воротъ, на монастырь ея“; „Воробьевыхъ горъ, съ казармой, отъ сторожки“; „Запрудной слободы съ домомъ Мамонова“.

Со словъ дочери Аврорина. *П. П.*

Авсеневъ, *Петръ Семеновичъ*, ординарный профессоръ Кіевской духовной академіи и адъюнктъ по каѳедрѣ философіи университета св. Владиміра (см. *Ѳеофанъ*, архимандритъ).

Автократовъ, *Серафимъ Петровичъ*, сынъ священника, род. въ Пензенской губерніи, въ 1833 г., умеръ 2 янв. 1881 г. въ Спб. Кандидатъ съ правомъ на степень магистра спб. духовной академіи (выпуска 1859 г.). Опредѣленъ учителемъ въ новгородскую семинарію, но, выйдя изъ службы по духовному вѣдомству, посланъ въ 1862 г. за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Въ концѣ 1862 года Автократовъ слушалъ въ Гейдельбергѣ Целлера, читавшаго логику и исторію философіи, а въ началѣ 1863 г., у Вундта — психологію, у Рейхлинъ-Мельдека—лекціи по эстетикѣ; кромѣ того, Автократовъ изучалъ въ это время исторію университетской жизни. Лѣтомъ 1863 г., переѣхавъ въ Лейпцигъ, онъ слушалъ Фехнера, читавшаго „О психо-физическихъ методахъ измѣренія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у обоихъ профессоровъ Веберовъ Автократовъ слушалъ курсы физіологіи, микроскопической анатоміи, остеологіи и неврологіи. Къ сентябрю 1863 года онъ переѣхалъ изъ Лейпцига въ Геттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи психолога Лотце и изучалъ относящіеся къ психофизикѣ труды Вебера, Гельмгольца и Дюбуа. Памятникомъ его самобытной умственной дѣятельности остается „Учебникъ психологіи“, изд. Неклюдовымъ въ 1866 г. Переводъ книги Гоббса „Левіаѳанъ“ появился въ Спб., въ 1868 г.

Извлеченія изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ М. Н. Пр. за границу для пригот. къ професс. званію, т. I, 449—51,—II, 60—64 и 240,—III, 46, 479—483 и IV, 94 и 572. «Ист. Спб. дух. акад.» Чистовича, т. II (прил. стр. 8). Каталогъ Базунова, вып. II и «Первое прибавленіе» къ каталогу Глазунова, стр. 32.

Автономовы, вологодскіе иконописцы XVII в., называемые также Агѣевыми, сыновья и ученики Аггея Максимова *Автономова*, иконописца, въ 1660 году уже освобожденнаго отъ работъ въ Москвѣ. Съ этого года дѣти *Аггея*, *Григорій* и *Гурій*, стали требоваться въ Москву, по нарядамъ, для работъ въ Архангельскій соборъ. Григорій потребованъ также и въ 1670 г. для расписыванія внутренности зданій въ с. Коломенскомъ.

Забѣлинъ, «Матер. для исторіи иконописи», стр. 8, 34 и 12. Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописи», стр. 127.

Агабабовъ (Ах-абаб-овъ), *Николай Ивановичъ*, армянинъ, основатель армянско-русскаго училища въ Астрахани, род. (въ Испагани) въ Персіи, въ 1754 г. и, прибывъ въ Москву, принялъ русское подданство. Въ 1804 г. Агабабовъ пожертвовалъ 50.000 рублей и испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе училища, обезпечивъ жалованье учителей доходами съ купленнаго и пожертвованнаго имъ дома въ Астрахани. Домъ стоилъ 46.250 р. и приносилъ дохода 3.700 рублей. Умеръ Агабабовъ въ глубокой старости, 7 декабря 1809 г., оставивъ попечителемъ училища старшаго своего сына Ивана. Первымъ ректоромъ училища, по выбору патріарха армянскаго, былъ архимандритъ Антоній.

Дѣло архива д-та Народн. Просвѣщ., карт. 135, № 3909. *П. П.*

Агамоновъ, *Михаилъ Андреевичъ*, подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, род. въ 1818 г., умеръ 21 февраля 1867 г., членъ общаго присутствія перваго округа путей сообщеній. Онъ былъ владѣльцемъ садоваго заведенія въ Петербургѣ, страстнымъ любителемъ цвѣтоводства, учредителемъ первыхъ цвѣточныхъ выставокъ и сотрудникомъ журнала „Вѣстникъ Садоводства“, гдѣ помѣщалъ статьи безъ подписи. Агамоновъ любилъ преимущественно хвойныя растенія и за коллекцію ихъ. на выставкѣ весною 1864 г., получилъ золотую медаль. Онъ состоялъ постояннымъ экспертомъ и членомъ правленія общества садоводства.

«Иллюстр. газета», 1867 г., № 9, стр. 143. «Спб. Вѣд.», 1867 г., № 58. Геннади, «Словарь», I, 6.

Агапитъ, преподобный, сподвижникъ преподобнаго Логгина, въ Сольвычегодскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. По собственному признанію, онъ видѣлъ въ сновидѣніи св. Николая чудотворца, повелѣвшаго идти въ пустыню и тамъ жить. Покорный велѣнію, преподобный Агапитъ пришелъ на р. Маркушу, въ 100 верстахъ отъ Тотьмы, и основалъ тамъ пустынь, куда собралась братія. Въ 1578 г. сооружены были преп. Агапитомъ 2 храма: Николая чудотворца и св. Прокопія Устюжскаго. На окончаніе и освященіе ихъ потребовалось разрѣшеніе митрополита московскаго и денежная помощь. Для полученія того и другаго преподобный отправился въ Москву. Получивъ просимое и отъ царя и отъ митрополита, Агапитъ возвращался назадъ. 21 мая 1584 г. жители с. Калинина или Камкина, ожидая найти большія богатства, убили отшельника и бросили его въ р. Уфтюгу. Найдя тѣло учителя, маркушевскіе монахи похоронили его въ часовнѣ, между храмами. Мощи Агапита почиваютъ подъ спудомъ въ церкви упраздненнаго съ 1764 г. Маркушевскаго монастыря. Описаніе жизни и чудесъ преподобнаго Агапита составлено по желанію преосвященнаго Варнавы, епископа архангельскаго, въ 1712 году.

«Вологод. Губ. Вѣд.» 1849 года, №№ 44 и 45. Амвросій, «Истор. рос. іерарх.», V, 51. Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», II, 134. Строевъ, «Списки іерарховъ», 774. Верюжскій, «Волог. святые», стр. 539—544.

Агапитъ, преподобный печерскій, поступилъ въ Печерскую обитель въ Кіевѣ, при Антоніи, былъ ученикомъ его и лечилъ больныхъ. Послѣ Антонія поселился въ пещерѣ его и подвизался въ постѣ и молитвахъ. Заболѣвъ, князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ обратился къ преподобному Агапиту, призывая его къ себѣ, въ Черниговъ. Онъ отказался выйти изъ монастыря и послалъ заочное благословеніе-наставленіе. Князь исцѣлился и пріѣхалъ въ Печерскую обитель, желая вознаградить преподобнаго, но онъ отъ этого отказался. Три мѣсяца спустя, 1 іюня 1095 г., предсказавъ себѣ кончину, Агапитъ преставился. Преподобнаго Агапита положили въ пещерѣ преподобнаго Антонія. 1 іюня чествуется его память. Житіе Агапита

разсказано во «Второмъ посланіи» архимандрита Поликарпа къ Акиндину.

Патерикъ Печерскій, изд. 1850 г. № 125—128. Филаретъ «Русскіе святые» подъ 1 ч. іюня. В. Рихтеръ «Исторія медиц. въ Россіи», ч. I, стр. 171 и сл. (изд. 1814 г.). Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», II, 145. Н. П. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи», Спб. 1882 г.

Агапитъ, до постриженія Семенъ *Вознесенскій*, род. въ 1793, умеръ 1-го января 1854 г., епископъ томскій и енисейскій съ 12 августа 1834 г. по 10 іюня 1841 г., а затѣмъ членъ московской синодальной конторы. Вознесенскій былъ кандидатомъ третьяго выпуска Спб. духовной академіи и, по окончаніи въ ней курса въ 1819 г., опредѣленъ учителемъ Полтавской семинаріи; въ 1821 г. постригся въ монашество; съ 1826 г., въ санѣ архимандрита, былъ ректоромъ сначала тульской, а затѣмъ астраханской, тамбовской и черниговской семинарій; съ 12 августа 1834 г. Агапитъ былъ первымъ епископомъ вновь учрежденной томской епархіи. По увольненіи въ 1841 г. на покой, съ назначеніемъ членомъ московской синодальной конторы, онъ получилъ въ управленіе Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь; 2 марта 1850 г. переведенъ въ Новоспасскій, а 30 іюня 1852 г.—въ Донской Богородичный, гдѣ и скончался. Строгій монахъ, онъ неспособенъ былъ угождать людямъ и потворствовать слабостямъ. Московскій митрополитъ, рукополагавшій его въ епископа, и уважавшій въ немъ человѣка строгой жизни, самъ привѣтствовалъ его рѣчью (напеч. въ „Христіан. Чт.“ 1834 г., III, стр. 324). Въ этомъ же журналѣ напечатаны двѣ рѣчи епископа Агапита: 1838 г. (II, 128) и 1846 г. (II, 340). Митрополитъ Филаретъ поддерживалъ его своимъ вліяніемъ какъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, такъ и въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда въ епархіи не полюбили строгаго къ себѣ и другимъ архипастыря. Благодаря вліянію Филарета, оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Пратасовъ поручилъ поставленному епископомъ алеутскимъ и камчатскимъ Иннокентію, при проѣздѣ чрезъ Сибирь въ свою епархію, собрать и доставить свѣдѣнія о причинѣ жалобъ на Агапита. Въ письмѣ къ графу преосв. Иннокентій, между прочимъ, сообщалъ: „Агапитъ обращался со мною по-братски. Онъ есть ревнитель совершенной правды и законовъ, въ особенности христіанскаго. Онъ, не смотря ни на какія обстоятельства и отношенія, отъ всѣхъ требуетъ точнаго исполненія своихъ обязанностей. Онъ требовалъ отъ всѣхъ вступающихъ въ бракъ знанія заповѣдей и пр. Это почли и почитаютъ притѣсненіемъ“.

Филаретъ (Дроздовъ) «Слова и рѣчи», т. III, 279 (изд. 1877). Ив. Барсуковъ, «Иннокентій, митроп. москов.», стр. 150 — 151, «Моск. Вѣд.», 1842 года, № 40, «Русск. Архивъ», 1879 г., кн. II, 142, 271—2, и 1881 г., 388, Строевъ, «Списки іерарховъ»; Чистовичъ, «Ист. Спб. дух. ак.».

Агапитъ (въ мірѣ Александръ *Скворцовъ*), род. въ половинѣ XVIII в., умеръ въ 1811 г.; послѣ постриженія въ 1782 г., назначенъ учителемъ риторики, а съ 1785 г.—піитики въ Перервинской семинаріи, гдѣ потомъ состоялъ префектомъ; съ 1787 г. игуменъ, проповѣдникъ московской Заиконоспасской академіи; съ 20 декабря 1789 г. игуменъ Голутвина монастыря; въ 1795 и 1796 г. инспекторъ Коломенской семинаріи. При Александрѣ I Агапитъ былъ ректоромъ воронежской и тверской семинарій и настоятелемъ монастырей Трегуляева и Антоніева-Николаевскаго; изъ послѣдняго монастыря уволенъ на покой. Агапиту принадлежатъ переведенныя съ латинскаго „Исповѣданія (Confessiones) блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго“, изд. въ Москвѣ въ 1787 г.

«Роспись», Смирдина № 65. Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 187, 215, 459 и 895. Филаретъ, «Обзоръ дух. литер.», II, 126. Смирновъ «Исторія Троицкой семин.», стр. 509. Геннади «Словарь», I, 6.

Агапитъ, до постриженія Петръ Ивановичъ *Введенскій*, архимандритъ Ново-Спасскаго монастыря въ Москвѣ и членъ московской синодальной конторы. Род. въ 1800 г., умеръ 28 мая 1877 г. Послѣ семинарскаго курса онъ окончилъ курсъ магистромъ въ московской духовной академіи въ 1828 году, затѣмъ постригся и былъ инспекторомъ владимірской семинаріи, а съ 1834 по 1842 г. ректоромъ виѳанской семинаріи. Въ 1842 году онъ отказался отъ училищныхъ должностей, какъ объяснялъ митрополитъ Филаретъ въ донесеніи Св. Синоду, частью по нездоровью, частью по любви къ жизни собственно монастырской. 7 августа 1852 г. переведенъ изъ Іосифова Волоколамскаго въ Новоспасскій монастырь, съ назначеніемъ членомъ синодальной конторы и благочиннымъ ставропигіальныхъ монастырей. Въ 1856 г. участвовалъ въ священномъ коронованіи Императора Александра II. Тогда же возникло предположеніе объ избраніи его въ епископы, но

онъ отклонилъ это предложеніе, а митрополитъ Филаретъ писалъ, что если бы избраніе совершилось, то не надолго, потому что онъ подверженъ природной застѣнчивости, по которой съ затрудненіемъ произноситъ поученіе въ большомъ собраніи, „хотя я"—писалъ Филаретъ—„предварительно увѣряю его, что поученіе назидательно и достойно занять вниманіе слушателей". Св. Синодомъ поручено было Агапиту исправленіе 1-й части „Исторіи Россійской іерархіи"; но что̀ сдѣлано имъ по этому порученію — неизвѣстно. Въ 1858 г., по поводу предположеннаго, по Высочайшему повелѣнію, возобновленія въ Новоспасскомъ монастырѣ гробницъ предковъ Его Величества, онъ представилъ митрополиту «Списокъ предковъ царствующаго дома Романовыхъ, съ опредѣленіемъ мѣстъ, гдѣ кто изъ нихъ почиваетъ въ Новоспасскомъ монастырѣ». Агапитъ велъ строжайшую постническую жизнь. Строгій исполнитель монашескаго устава, преслѣдовавшій неумолимо небрежность въ богослуженіи и выполненіи долга, Агапитъ отдавалъ все, что могъ, неимущимъ.

Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 144, 181, 185, 674. «Черты изъ жизни арх. Агапита» отд. брошюра. С. Смирновъ, «Исторія Моск. дух. акад.». М. 1879, стр. 453. „Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета", т. IV, стр. 154 и 321; томъ дополнительный, стр. 324.

Агаповъ, *Сергѣй Александровичъ*, ординаторъ московской сифилитической больницы, врачъ-писатель, окончившій курсъ медицинскаго факультета Московскаго университета со степенью лекаря въ 1857 г. Въ мартѣ 1865 г. командированъ былъ во временное отдѣленіе больницы для чернорабочихъ и тамъ, заразившись отъ больныхъ тифомъ, умеръ 28 мая 1865 г.

Статьи свои онъ печаталъ въ «Московской медицинской газетѣ», въ которой (1865 г. № 23) помѣщенъ и некрологъ его.

Агафи. 1) *Александръ Дмитріевичъ*, чиновникъ въ Астрахани, писалъ „басни" и напечаталъ ихъ въ 1814 г., въ Астрахани, съ посвященіемъ астраханскому губернатору Андреевскому. Всего было 12 басень его сочиненія (26 стр.), писанныхъ довольно неуклюжими стихами, составлявшими большею частью плохое подражаніе И. А. Крылову. 2) *Дмитрій Александровичъ*, отецъ предыдущаго, грекъ. Изъ Астрахани путешествовалъ по Кашмиру, Индіи и Персіи, въ 1795 г. директоръ училищъ Кавказской губерніи; произведенъ въ 8 кл. по докладу коммиссіи народныхъ училищъ. Умеръ въ томъ же (1795) году.

«Роспись», Смирдина № 8296. Формуляръ (1814 г.) въ спб. сен. арх. и тамъ же Выс. пов. (кн. 178, л. 488).

Агафоновъ, *Алексѣй Семеновичъ*, уроженецъ Сибири, синологъ, переводчикъ съ китайскаго и манжурскаго языковъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Род. въ 1746 г., умеръ 22 апрѣля 1792 г. въ С.-Петербургѣ, по другимъ свѣдѣніямъ — въ Кяхтѣ, въ 1794 году. Агафоновъ происходилъ изъ духовнаго званія и учился въ тобольской семинаріи; послѣ окончанія курса въ ней, былъ назначенъ ученикомъ въ составъ шестой духовной миссіи, отправленной въ Пекинъ подъ начальствомъ архимандрита Николая (Цвѣта) и остававшейся въ Китаѣ съ 1771 по 1782 г. По возвращеніи изъ Китая, Агафоновъ былъ опредѣленъ, вмѣстѣ съ двумя другими членами миссіи, Ѳ. Бакшеевымъ и А. Парышевымъ, переводчикомъ при иркутскомъ губернаторѣ. Въ 1787 г. вызванъ въ Петербургъ и назначенъ переводчикомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Агафоновъ издалъ много переводовъ съ китайскаго и манжурскаго языковъ. Первый его, появившійся въ печати, трудъ: „Джунгинъ или книга о вѣрности", перев. съ манжурскаго и китайскаго (Москва 1788), былъ посвященъ сибирскому генералъ-губернатору Якобію. Вслѣдъ затѣмъ появились еще слѣдующіе переводы Агафонова: „Манжурскаго и Китайскаго хана Шунь-Джія книга нужнѣйшихъ разсужденій, ко благополучію поощряющихъ", пер. съ манжурскаго, Спб., 1788.: „Манжурскаго и Китайскаго хана Канъ-Сія книга придворныхъ политическихъ поученій и нравоучительныхъ разсужденій, собранная сыномъ его, ханомъ Юнъ-Джиномъ", пер. съ манжурскаго, Спб., 1788; „Краткое хронологическое росписаніе китайскихъ хановъ; съ показаніемъ лѣтосчисленія китайскаго и римскаго, отъ начала Китайской Имперіи по 1786 г.", Москва, 1788; „Государь, другъ своихъ подданныхъ, или придворныя, политическія поученія и нравоучительныя разсужденія Манжурскаго и Китайскаго хана Канъ-Сія", пер. съ Манжурскаго, Спб., 1795. По смерти Агафонова предъидущая книга издана вторично. По отзывамъ современниковъ, переводы

*

Леонтьева считались выше переводовъ Агафонова.

«Роспись» Смирдина №№ 1126, 1253, 1300, 1301 и 3130. Кладбищен. вѣдомости С.-Петербурга 1792 г., кн. 22 Плунъ (рукописный сборникъ), II, 43 и 160—1; III, 60. «Исторія Пекинской духовной миссіи во второй періодъ ея дѣятельности», вып. 2-й. Изслѣдованіе іеромонаха Николая. Казань, 1887, стр. 260, 271, 277 и слѣд.

Агафоновъ, *Григорій Михайловичъ*, живописецъ и мозаичистъ, род. 19 января 1819 г. въ Шуйскомъ городкѣ, Тотемскаго у., Вологодской губ., умеръ 2-го сентября 1869 г., на родинѣ. Сынъ крестьянина, онъ состоялъ вольно-приходящимъ ученикомъ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ получилъ двѣ серебряныхъ медали за картину „Деревенскій мальчикъ" въ 1846 г. и званіе некласснаго художника по исторической и портретной живописи въ 1850 г. Перейдя затѣмъ на мозаику (1853 г.), Агафоновъ принималъ участіе въ исполненіи образовъ для Исаакіевскаго собора (съ 1857 г.), за что получилъ серебряную медаль на Андреевской лентѣ, по случаю окончанія собора, званіе класснаго художника 3-й и 2-й степени (1866 и 1867 гг.) и бронзовую медаль на парижской всемірной выставкѣ.

Архивъ Императорской Академіи Художествъ, дѣла 1847 года, № 35. *Н. С.*

Агафоновъ, *Иванъ Панкратьевичъ*, тайн. с., варшавскій военно-окружной медицинскій инспекторъ. Род. въ 1803 г. въ мѣщанской семьѣ, въ Астрахани; умеръ 25 февраля 1868 г. Окончивъ образованіе въ мѣстной семинаріи, воспитывался затѣмъ съ 1820 г. въ С.-Петербургской медико-хирург. академіи, откуда выпущенъ со степенью лекаря I отд. въ Елизаветградскій гусарскій полкъ (30 іюня 1824 г.). Еще въ академіи Агафоновъ исправлялъ должность ординатора клиники и награжденъ при выпускѣ серебряной медалью; въ 1827 г. сдѣланъ штабъ-лекаремъ и старшимъ лекаремъ въ полку; въ 1838 г. назначенъ лекаремъ 2-й легкой кавалерійской дивизіи; въ 1847—штабъ-докторомъ 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса, а въ 1848 г. помощникомъ генералъ-штабъ-доктора арміи. Онъ отличался примѣрною исполнительностью въ турецкую войну 1828—29 г., дѣйствуя въ качествѣ хирурга на полѣ битвы и въ лагеряхъ. Въ польскую войну 1831 г. Агафоновъ находился въ авангардѣ и былъ при взятіи Варшавы. Занимая высшіе административные посты, Агафоновъ принималъ участіе во всѣхъ учено-административныхъ работахъ по устройству военно-медицинской части въ Царствѣ Польскомъ. Постоянно занимаясь своимъ предметомъ, Агафоновъ обладалъ обширными и многосторонними знаніями. Въ 1849 г. медицинскимъ совѣтомъ Царства Польскаго признанъ докторомъ медицины, съ 1850 г. онъ состоялъ въ этомъ совѣтѣ почетнымъ членомъ. Въ 1855 г., Агафонову ввѣренъ былъ постъ главнаго штабъ-доктора средней арміи, а съ 1857 по 1862 г. онъ состоялъ генералъ-штабъ докторомъ первой арміи. Въ 1862—64 г. Агафоновъ назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ и, при образованіи тамъ особаго военнаго округа, получилъ ту же должность. Напечатана одна его диссертація „De hemitritaeo", написанная на степень доктора медицины въ Варшавѣ, въ 1850 году.

«Медицин. Вѣстн.» 1868 г. № 11 Смѣсь, ст. Архипова. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», выпускъ 1, стр. 1.

Агаѳангелъ, до постриженія Алексѣй Ѳедоровичъ *Соловьевъ*, архіепископъ волынскій и житомірскій, род. 8 февраля 1812 г., умеръ 8 марта 1876 г. Сынъ священника села Ильинскаго, Шуйскаго уѣзда, въ 1836 г. окончилъ курсъ во владимірской семинаріи и московской духовной академіи, получилъ степень магистра богословія уже постриженный (23 іюня 1835 г.), съ 20 іюня 1836 г. іеромонахъ и съ 20 августа баккалавръ по классу толкованія Св. Писанія. 8 октября 1838 г. опредѣленъ библіотекаремъ и 3 декабря 1839 г. назначенъ членомъ конференціи академіи, а въ 1841 г. соборнымъ іеромонахомъ лавры. Въ это время студенты спб. духовной академіи получили позволеніе начальства (1838 г.), для облегченія занятій по классу еврейскаго языка, отлитографировать классный переводъ еврейской Библіи, сдѣланный съ филологическою цѣлью профессоромъ Павскимъ. Въ 1839 г. этого перевода выпущено 150 экземпляровъ. Въ нихъ заключались: книга Іова, Экклезіастъ, Пѣснь Пѣсней, Притчи Соломоновы, а также большіе и малые Пророки. Въ 1841 г. состоялось 2-е изданіе этого перевода, для подписчиковъ изъ студентовъ, кромѣ с.-петербургской, еще кіевской и московской академій и, когда экземпляры попали въ Москву, іеромонахъ

Агаѳангелъ сдѣлалъ доносъ членамъ Св. Синода въ формѣ безъименнаго „письма изъ Владиміра", посланнаго къ тремъ митрополитамъ. Въ письмѣ этомъ переводъ назывался „злорѣчіемъ древняго змія", вреднымъ для употребленія христіанъ, ради отступленій будто бы отъ истины, „умолчаніемъ имени Іисуса Христа въ пророчествахъ". Доносъ Агаѳангела, съ экземпляромъ литографированнаго перевода, кіевскій митрополитъ Филаретъ препроводилъ къ оберъ-прокурору Св. Синода, гр. Пратасову, послѣ чего Павскій былъ привлеченъ къ отвѣту. Дѣло, однако, кончилось ничѣмъ. 28 февраля 1842 года Агаѳангелу поручено исправлять должность инспектора московской духовной академіи. 23-го марта митрополитъ Филаретъ утвердилъ его въ этой должности и поручилъ ему читать нравственное богословіе. Въ сентябрѣ (того же года) назначенный ректоромъ харьковской семинаріи, Агаѳангелъ 22 октября возведенъ въ санъ архимандрита, а затѣмъ изъ Харькова переведенъ, ректоромъ же, въ костромскую семинарію (1845 г.) и 20 января 1854 назначенъ ректоромъ казанской духовной академіи. Назначенный епископомъ ревельскимъ 4 марта 1857 г., Агаѳангелъ былъ рукоположенъ 31 марта; съ 6 февраля 1860 года былъ вятскимъ епархіальнымъ епископомъ, а съ 17 іюля 1866 года—волынскимъ. Въ 1868 г. пожалованъ архіепископомъ и скончался въ этомъ санѣ, въ Житомирѣ, заболѣвъ еще въ 1875 году, когда посѣтилъ въ послѣдній разъ родину, гдѣ устроивалъ церковь и училище. Памятникомъ дѣятельности преосвященнаго Агаѳангела въ Вяткѣ было основаніе училища для дѣвицъ духовнаго званія, на 270 воспитанницъ, съ содержаніемъ безплатно 60-ти сиротъ. Училище это къ 1869 году, расходуя до 37.000 руб., имѣло запаснаго капитала уже 45.000 руб., выпустивъ до 40 дѣвицъ съ правами домашнихъ учительницъ. Кромѣ того, въ Вяткѣ Агаѳангелъ устроилъ епархіальную библіотеку, въ которую пожертвовалъ много книгъ. Въ бытность ректоромъ казанской духовной академіи, Агаѳангелъ началъ издавать журналъ „Православный Собесѣдникъ", а въ Житомирѣ предпринялъ изданіе „Епархіальныхъ вѣдомостей", устроилъ при семинаріи общежитіе и основалъ училище для дѣвицъ духовнаго званія. На Волыни преосвященный Агаѳангелъ проявилъ и другаго рода дѣятельность, содѣйствуя просвѣтительнымъ цѣлямъ графини А. Д. Блудовой въ пользу православія. Въ видахъ содѣйствія этому, преосвященнымъ заведено въ Почаевской лаврѣ ремесленное училище. Любитель просвѣщенія, Агаѳангелъ былъ большимъ знатокомъ древнихъ, особенно еврейскаго, и новѣйшихъ языковъ, любилъ музыку и естественныя науки, оставаясь своеобразнымъ во взглядѣ на обязанности и права духовныхъ пастырей. Онъ отстаивалъ неограниченную власть епископа надъ подчиненнымъ духовенствомъ и признавалъ проекты комитета о духовно-судебной реформѣ антиканоническими. Вліяніе еврейства онъ не допускалъ и всячески ему противодѣйствовалъ въ управляемыхъ имъ епархіяхъ, особенно на Волыни. Вообще Агаѳангелъ проявлялъ, кромѣ послѣдняго года жизни, — когда жаловался на упадокъ силъ и лечился, — замѣчательную точность въ трудѣ и распредѣленіи времени. Кромѣ лекцій, начавъ службу наставника, Агаѳангелъ много писалъ и дѣлалъ выписки изъ всего прочитаннаго, посвящая постоянно свои досуги на чтеніе, самое разнообразное, интересуясь ходомъ науки и пріобрѣтая книги. Нѣкоторыя изъ сочиненій Агаѳангела напечатаны, но большая часть осталась въ рукописяхъ Напечатаны были: 1) „Переводъ съ еврейскаго книги Іова съ подстрочными примѣчаніями", 2) „Переводъ съ греческаго книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова", 3) „Толкованіе посланія св. Апостола Павла къ Галатамъ", 4) „Объясненіе экзегетическаго характера первыхъ семи главъ евангелиста Матѳея", напечатанное въ „Волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ", 5) Первоначальный переводъ съ греческаго „Книги правилъ", 6) „Слова Агаѳангела, епископа ревельскаго, викарія спб. митрополіи", Спб., 1859 г. 8°, 179 стр. и 1860 г. изд. въ Вяткѣ, 7) „Слова" Агаѳангела, епископа вятскаго и слободскаго. Въ проповѣдяхъ преосвященнаго видѣнъ свѣтлый взглядъ на нравственную жизнь христіанина. Разбирая внѣшнія проявленія христіанской жизни — смиреніе, трудъ, молчаніе—ораторъ ставитъ ихъ въ связь съ внутреннимъ міромъ. Всякое слово его проникнуто теплотою чувства и выраженіемъ сердечнаго участія къ положенію подвергавшихся соблазнамъ. Проповѣдывалъ

Агаѳангелъ до конца жизни, и послѣднее „Слово“ его напечатано въ „Волын. Еп. Вѣд.“, въ 1876 г., № 11.

«Волынскія Еп. Вѣд.», 1875 г. № 8. «С.-Пет. Еп. Вѣд.», 1876 г. № 77. «Моск. Вѣд.», 1870 г. № 49. «Вятск. Еп. Вѣд.», 1869 г. № 20. Ю. Толстой, «Списки архіереевъ», № 344. «Собр. мнѣній м. Филарета», т. III, стр. 62 и 68. Чистовичъ «Ист. перевода Библіи» и Письма Филар. къ Антонію. П. Знаменскій, «Исторія Казанск. дух. акад.» (1842—1870 гг.) Казань. 1891 г., стр. 104—136.

Агаѳія Владиміровна, дочь Владиміра Мономаха, выданная въ 1116 году за князя Всеволода Давыдовича. Подъ 1 февр. 1142 г. записана смерть ея мужа, а подъ 1144 г. упоминается выходъ въ замужество двухъ ея дочерей.

П. С. Р. Л., т. II, 8, 20, 291.

Агаѳія Всеволодовна, дочь князя черниговскаго Всеволода Святославича Чермнаго, вышедшая замужъ въ 1211 году за великаго князя Суздальскаго Юрія Всеволодовича и въ 1238 г. погибшая съ народомъ въ соборѣ Владиміра-на-Клязьмѣ, въ пламени, при взятіи города монголами.

П. С. Р. Л., т. II, III, IV, V и VII по указателю. М. Д. Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови», Спб., 1870.

Агаѳія (въ монашествѣ), дочь князя Мстислава, Бориса Романовича, съ 1196 г. жена Константина Всеволодовича, въ 1218 г. встрѣчала святыни, присланныя ея супругу изъ Царяграда, и постригшись, вскорѣ затѣмъ, умерла въ 1220 г. Погребена въ Успенскомъ соборѣ въ Ростовѣ.

П. С. Р. Л., т. I, 188, 199; V, 174 и VII; 12, 103, 125—6, 128.

Агаѳія Ростиславна, дочь великаго князя Ростислава - Михаила Мстиславича, упоминается, съ 19 іюля 1165 г. до 1180 г., какъ жена князя Олега Святославича, участвуетъ въ угощеніи мужемъ отца ея, въ Чечерскѣ въ 1167 г. Она пережила мужа, скончавшагося 18 января 1180 г.

П. С. Р. Л., т. II, 20, 79, 93 — 4; VII 29.

Агаѳія (во св. крещеніи), ханша монгольская Кончака, сестра хана Золотой Орды Узбека, жена князя московскаго Юрія Даниловича, привезенная изъ Орды въ Москву въ 1316 г. При разбитіи подъ Тверью войска московскаго великаго князя Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ попала со всѣмъ станомъ въ плѣнъ и, находясь въ Твери, умерла, будто бы, отравленною, какъ пустилъ слухъ ея мужъ. Но, по словамъ лѣтописи, подозрѣнія въ отравѣ не было, какъ не было на самомъ дѣлѣ и повода къ тому. Оставленная какъ надежный залогъ для ускоренія мира, княгиня Агаѳія, при мирномъ договорѣ великаго князя Михаила съ племянникомъ его, княземъ Юріемъ Даниловичемъ, должна была получить свободу въ 1318 г., но скончалась прежде того и тѣло ея перевезено для погребенія въ Ростовъ.

П. С. Р. Л., томы III, IV, V и VII подъ указ. годами М. Д. Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень».

Агаѳія Семеновна, изъ рода Грушецкихъ, царица, первая супруга (съ 18 іюля 1680 г.) царя Ѳедора Алексѣевича, скончалась 14 іюля 1681 г., неблагополучно разрѣшившись отъ бремени 11 іюля сыномъ, царевичемъ Ильею, умершимъ одновременно съ матерью. Она была дочерью московскаго дворянина Семена Ѳедоровича Грушецкаго, умершаго послѣ 1669 г., и росла, безъ отца и матери, у тетки, жены думнаго дворянина, изъ дьяковъ, Семена Ивановича Заборовскаго, до 1677 г. управлявшаго Монастырскимъ приказомъ, а затѣмъ, находившагося не у дѣлъ. Государь увидѣлъ ее во время крестнаго хода и она ему понравилась. Дядѣ приказано было, до указу, не выдавать ее замужъ. Объявленію невѣстою царскою незнатной дворянки предшествовало распространеніе И. М. Милославскимъ невыгодныхъ слуховъ о ней и о ея родныхъ, но это обратило на него гнѣвъ государя и лишь по просьбѣ царицы Агаѳіи Семеновны потомъ была снята съ Милославскаго опала. Современники указываютъ на случаи проявленія доброты царицы и на ходатайства ея передъ супругомъ за разныхъ лицъ. Современный польскій авторъ «Дневника 1-го стрѣлецкаго бунта» утверждаетъ, что она имѣла преимущественное вліяніе на допущеніе при дворѣ царя Ѳедора Алексѣевича польскаго костюма; но костюмъ этотъ допускался уже и ранѣе. Государь очень любилъ супругу, имъ избранную, и сильно горевалъ, вмѣстѣ съ подданными, утративъ ее такъ неожиданно; это видно изъ разсказа автора польскаго „Дневника“ 1682 г. Изъ родственниковъ царицы, дядя, С. И. Заборовскій, изъ окольничихъ въ 1680 г. по-

вышенъ въ бояре, а сыновья дядей ея родныхъ, Осипа и Фоки Ѳедоровичей, — Козьма Осиповичъ, Василій, Кондратій и Михаилъ Фокичи сдѣланы комнатными стольниками, но далѣе, за скорою кончиною государыни и государя, не повышались.

Берхъ, «Царств. Ѳедора Алексѣевича», I, стр. 84; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XIII стр. 249 и 330. Энциклопедич. Слов., т. I (статья П. П. Пекарскаго), стр. 441—42. «Русская родословная книга», т. I, стр. 453. Фридебургъ, «Царств. Домъ Романовыхъ», тетр. XXX и XXXI Татищевъ, примѣч. къ Судебнику изд. 1786 г. стр. 62. «Diariusz zaboystwa tiranskiego senatorow moskiewskich. w stolicy, roku 1682», изд. 1686. «Les Fastes de la Pologne et de la Russie, par d'Orvil. I. «Боярск. книга», изд. Иванова, стр. 104. С. Глинка, ч. 6, стр. 131 «Русск. Старина», 1872, кн. I, стр. 159. Theatrum Europæum, т. XII.

Агаѳія Карповна (въ монашествѣ *Анастасія*) слыла богородицею у скопцовъ до 1733 г. Поступивъ въ Ивановскій московскій монастырь, монахиня Анастасія сдѣлалась наставницею хлыстовъ. Она ѣздила изъ монастыря въ Веневскій уѣздъ и въ Волоколамскъ для устройства хлыстовскихъ сборищъ, гдѣ, вмѣсто причастія, давала хлѣбъ и квасъ. По доносу разбойника Кривоусова, заключена, судима и, приговоренная къ смертной казни (по приговору 15 ноября 1733 года), казнена въ Петербургѣ, на Сытномъ рынкѣ, въ 1734 году.

«Чтенія въ общ. ист. и др. рос.», 1872 г. кн. 3, Смѣсь, стр. 34—35; кн. 2, Смѣсь. 1874 г. кн. 3, Смѣсь.

Агаѳоновъ, *Ѳедоръ Виссаріоновичъ*, священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ г. Уфѣ, корреспондентъ комитета грамотности Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Въ Уфѣ напечаталъ въ 1865 г.: „Двѣнадцать поученій - объясненій на десять заповѣдей Божіихъ". Агаѳоновъ началъ службу на заводахъ (Усть-Катавскомъ и Міасскомъ), былъ священникомъ въ Уфѣ при церкви мѣстнаго тюремнаго замка и, наконецъ, при соборѣ; умеръ 11 октября 1867 г.

«Уфимскія Губ. Вѣд.», 1867 г. № 42. «Странникъ», 1868 г. № 1, стр. 41.

Агаѳоновъ, *Александръ Аѳанасьевичъ*, талантливый живописецъ миніатюристъ, род. въ 1790 г., воспитывался въ Императорской Академіи Художествъ съ 1798 по 1810 г. При выпускѣ получилъ золотую медаль, выполнивъ миніатюру „Велизарій съ проводникомъ".

«Сборн. матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Художествъ», т. I, стр. 400 и 522.

Агаѳонъ, преподобный, чудотворецъ печерскій, постникъ, почивающій въ дальнихъ пещерахъ, жилъ въ XII в. и предрекъ свою кончину. 20 февраля совершается его память и преподобному составлена особая молитва. По словамъ патерика, онъ исцѣлялъ болѣзни возложеніемъ рукъ.

Модестъ, архим., «Краткія сказанія о жизни и подвигахъ св. отецъ дальнихъ пещеръ Кіево-Печер. лавры», 1862 г., стр. 4—5. Филаретъ, «Русскіе святые», подъ 28 авг. Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», II, 226, 267.

Агафонъ, священникъ новгородскаго Софійскаго собора, придѣла св. Гурія, Симона и Авива; составилъ, по своему обѣщанію, „Кругъ великій міротворный съ толкомъ", получивъ исцѣленіе въ Троице-Сергіевой лаврѣ, 12 мая 1538 г., какъ значится въ предисловіи, по списку Новгород. софійской библіотеки, стр. 79—81.

«Библіологич. словарь» Строева, подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова, стр. 54—56.

Аггей, до пострижения Антоній *Колосовскій*, епископъ бѣлгородскій, род. въ семьѣ малороссійскаго казака, въ мѣстечкѣ Бѣликахъ, Полтавскаго полка, въ 1738 г., умеръ, 24 окт. 1792 г. Находясь въ кіевской академіи, онъ 21 года постригся въ монашество и сдѣланъ справщикомъ книгъ, печатаемыхъ въ типографіи Кіево-Печерской лавры, а потомъ проповѣдникомъ, въ санѣ соборнаго іеромонаха. Аггей имѣлъ даръ краснорѣчія и произносилъ много проповѣдей во время служенія въ Петербургѣ (1767—74) при церкви морскаго корпуса, состоя въ немъ законоучителемъ въ санѣ архимандрита. Здѣсь узналъ его Новиковъ и въ своемъ „Словарѣ писателей русскихъ" (Изд. Ефремова, стр. 56) говоритъ, что „проповѣди его много похваляются знающими людьми за чистоту слога и хорошее изобрѣтеніе" и что онъ „довольно сочинилъ весьма изрядныхъ поучительныхъ словъ". Изъ нихъ, впрочемъ, напечатана только одна рѣчь,—произнесенная при спускѣ корабля, въ присутствіи Императрицы Екатерины II. За время служенія при морскомъ корпусѣ, возведенный въ архимандриты въ 1771 г., Аггей сдѣланъ настоятелемъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря и 3 сентября 1773 г. переведенъ настоятелемъ монастыря нижегородскаго Печерска-

го; въ этомъ санѣ Аггей 27 декабря 1773 г. нареченъ, а 9 февраля 1774 г. рукоположенъ во епископы. Онъ правилъ бѣлгородскою епархіею 12 лѣтъ, особенно заботясь объ образованіи духовенства и основавъ семинарію, причемъ самъ входилъ во всѣ подробности преподаванія, какъ показываетъ документъ, напечатанный въ „Духовномъ дневникѣ“ 1865 г. № 3. Усердію и дѣловитости преосвященнаго не соотвѣтствовало его слабое здоровье, для поправленія котораго онъ просилъ увольненія отъ епархіи 28 ноября 1786 г. и получилъ назначеніе жить на покоѣ въ Переяславлѣ, въ Михаиловскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался.

Аскоченскій, «Кіевъ» II, 281. Новиковъ, Слов. писат. 107 (1-е изд.). Духовный дневникъ 1865 г., № 3 (прил.). Амвросій «Истор. Росс. іерархіи», I, 173. Геннади. «Словарь» I, стр. 6. Строевъ «Списки іерарховъ», 634, 611, 855; Ю. Толстой, «Списки архіереевъ», № 133 (стр. 17).

Агелютъ, *Іоганнъ Готфридъ*, род. въ Ригѣ 2 ноября 1763 г., умеръ 12 мая 1848 г. Учился въ Виттенбергскомъ и Іенскомъ университетахъ, съ 26 октября 1791 г. пасторъ въ Лембургѣ, Лифляндской губерніи. Какъ членъ лондонскаго общества Іеннера для распространенія оспопрививанія, онъ много содѣйствовалъ этому дѣлу и получилъ, за свои труды на этомъ поприщѣ, въ 1843 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, золотую медаль отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества въ С.-Петербургѣ. Писалъ весьма много на латышскомъ языкѣ; эти же сочиненія существуютъ и на нѣмецкомъ; умеръ въ отставкѣ, въ Виттенгофѣ, Лемзальскаго уѣзда.

Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller - Lexicon» I, 15; Nachträge, I, 4. *К Феттерлейнъ.*

Агентовъ, *Михаилъ Ивановичъ*, род. около 1740 г., воспитанникъ Московскаго университета и пенсіонеръ за границею (въ Кенигсбергѣ) съ 1760 г.; въ 1763 г. состоялъ переводчикомъ съ нѣмецкаго при университетѣ, а затѣмъ учителемъ нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ, подвѣдомственныхъ этому университету; послѣ 1780 г. находился въ отставкѣ. Ему принадлежатъ какъ переводы съ нѣмецкаго, такъ и оригинальныя учебныя руководства. Изъ переводовъ извѣстны: 1) изданное въ 1765 г. въ Москвѣ „Основательное и ясное наставленіе въ миніатюрной живописи“; 2) изд. въ Москвѣ въ 3-хъ частяхъ „Открытіе сокровенныхъ художествъ, служащее для фабрикантовъ, мануфактуристовъ, художниковъ, мастеровыхъ“, изъ разныхъ авторовъ. Еще въ 1770-хъ годахъ Агентовъ составилъ хорошую нѣмецкую грамматику, до 1790 г. выдержавшую три изданія. Это—„Краткая нѣмецкая грамматика, изъ разныхъ авторовъ, въ пользу россійскаго юношества“. Въ 1-мъ изданіи была одна этимологія, а со втораго изданія (1780 г.) уже прилагался и синтаксисъ.

«Спб. вѣд.», приб., публикаціи о книгахъ (1780 г. № 34, приб., стр. 441). «Словарь» митр. Евгенія, изд. Снегиревымъ, стр. 3. Шлунъ (рукописный сборникъ), III т., стр. 366.

Агинъ, *Александръ Алексѣевичъ*, классный художникъ исторической живописи и замѣчательный рисовальщикъ, изъ вольноприходящихъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ, род. въ 1818 г., умеръ въ 1870-хъ годахъ. Учился у К. П. Брюллова и Ѳ. Ант. Бруни. Ему принадлежатъ рисунки: а) къ поэмѣ Гоголя „Мертвыя души“, исполнено въ ксилографіи Евст. Бернардскимъ и б) „Священной исторіи ветхаго завѣта“, изданной въ гравюрахъ К. Аѳанасьева, членами общества поощренія художествъ—А. П. Сапожниковымъ и Ѳ. И. Прянишниковымъ, въ 1848 г. Съ 1850 годовъ Агинъ служилъ въ Кіевѣ учителемъ рисованія въ гимназіи.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Художествъ», т. II, стр. 352 и т. III, стр. 70. Указатель къ «Сборнику», сост. А. Е. Юндоловымъ, Спб., 1887.

Агнія, до постриженія Анна Андреевна *Толстая*, игуменья Осташковскаго Знаменскаго монастыря, род. въ гор. Турѣ 19 января 1793 г. и умерла въ Осташковѣ 19 октября 1886 г. Отецъ ея былъ въ Твери (1810 г.) вице-губернаторомъ. Въ 1839 году она вступила въ Тверской монастырь Рождества Христова, гдѣ въ 1844 году пострижена и наречена Агніей, а въ 1849 г. заняла мѣсто игуменьи въ Осташковѣ и не покидала его до кончины. Съ 1881 г., по болѣзненности, оставила управленіе и перешла на покой. Ея попеченіями, во время общаго пожара въ Осташковѣ (8 іюня 1868 г.), обитель, обращенная въ развалины, возстановлена съ большимъ благолѣпіемъ. На время возстановленія погорѣвшихъ зданій, по любви и уваженію мѣстныхъ жителей къ игуменьѣ, она съ сестрами помѣщена въ „Благотворительномъ домѣ Савина“. Граждане Осташкова ходатайствовали о незакрытіи у нихъ женскаго монастыря, вызы-

ваясь пожертвованіями облегчить возстановленіе его, и сдержали обѣщаніе. 25 ноября того же года былъ уже освященъ въ соборномъ храмѣ обители придѣлъ Знаменія Богородицы, гдѣ находилась чудотворная икона. Полное возстановленіе обители завершилось освященіемъ вновь отдѣланнаго собора, въ 1873 году. Во все это время старица игуменья была бодра и неутомима. Подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Агніи можно найти въ запискахъ почитательницъ ея—Прасковьи Ивановны Савиной и игуменьи, преемницы и племянницы ея, Елизаветы Васильевны Карамышевой.

Изъ этихъ записокъ и по оффиціальнымъ документамъ составленъ біографическій очеркъ «Игуменья Осташковскаго Знаменскаго м. Агнія (Толстая)» Тверь, 1887 г. Отд. отт. перепеч. изъ №№ 6—8 «Твер. Епарх. Вѣд.» 1887 г.

Агте, *Адольфъ Андреевичъ*, воспитанникъ горнаго училища въ Спб., изъ лифляндскихъ дворянъ, род. въ 1776, умеръ въ 1832 г. По окончаніи курса, 19 лѣтъ произведенъ въ шихтмейстеры 13 класса, 1 мая 1795 г., а 10 іюня 1799 г. въ бергъ - гешворены. Опредѣленъ въ штатъ Нерчинскихъ заводовъ и тамъ сдѣланъ смотрителемъ Шилкинскихъ рудниковъ, а съ 1798 г. управляющимъ этими рудниками и заводами. Въ 1799 г. ему поручена была доставка серебра въ Петербургъ. По возвращеніи изъ поѣздки въ столицу (1800 г.), онъ назначенъ управляющимъ двумя заводами (Кутомарскимъ и Екатерининскимъ), а въ 1802 году опредѣленъ на мѣсто бергъ-пробирера въ Екатеринбургскомъ округѣ, по первому его департаменту. Когда же этотъ департаментъ былъ упраздненъ, Агте въ 1807 г. опредѣленъ помощникомъ горнаго начальника и членомъ екатеринбургской главной заводской конторы, съ завѣдываніемъ лабораторіею и производствомъ амальгамированія. Во время служенія здѣсь, Агте изыскалъ средства значительно сберегать металлъ при сплавкѣ золота, съ сокращеніемъ вообще на это расходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ усовершенствовалъ процессъ извлеченія изъ рудъ послѣднихъ частицъ золота, при промывкѣ неотходящаго отъ желѣзины или черныхъ шлиховъ. Между тѣмъ, въ этихъ шлихахъ золото большею частью въ мелкихъ и легкихъ частицахъ находится скрытымъ въ колчеданѣ. Своимъ новымъ способомъ, сперва плавя свинецъ, а потомъ, посредствомъ амальгамаціи добывая золото, Агте съ 1803 по 1808 годъ доставилъ значительныя выгоды казнѣ за что въ 1816 г. получилъ награду въ 5.000 р. Въ 1825 г. Агте посланъ на Златоустовскіе заводы для разбора претензій иностранныхъ оружейныхъ мастеровъ, работавшихъ на Златоустовской фабрикѣ, а послѣ увольненія отъ должности мѣстнаго горнаго начальника Татаринова, назначенъ въ 1826 г. на его мѣсто, т. е. горнымъ начальникомъ Златоустовскихъ заводовъ и начальникомъ Златоустовской оружейной фабрики; въ 1831 г. Агте переведенъ бергъ-инспекторомъ въ Екатеринбургъ; на его мѣсто въ Златоустъ назначили П. П. Аносова. Агте пользовался репутаціей знающаго дѣло человѣка, что видно уже изъ того, что его назначили начальникомъ Златоустовскихъ заводовъ во время замѣченныхъ тамъ безпорядковъ на Міасскихъ золотыхъ промыслахъ, куда тогда же была послана комиссія для ревизіи. Управляя Златоустовскимъ округомъ, Агте сдѣлалъ важное усовершенствованіе въ золотопромывальныхъ машинахъ. Онъ первый ввелъ вращающіяся бочки для растиранія золотоносныхъ песковъ, которыя долго были извѣстны подъ именемъ *агтевскихъ* бочекъ и послужили къ дальнѣйшему усовершенствованію этихъ машинъ. За это изобрѣтеніе Агте получилъ въ 1830 г. награду въ 6.000 р. Кромѣ вышеупомянутыхъ наградъ Агте получилъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. (оба въ 1825 г.) и св. Владиміра 3 ст. (въ 1828 г.). Въ 1830 г. Агте былъ оберъ - бергмейстеромъ 5 кл. и состоялъ членомъ общества испытателей природы при Московскомъ университетѣ.

Спб. сенатск. архива дѣло (съ формул. спис.) 1820 г. № 168. Адресъ-Календарь 1830 г.

Н. Н. П.

Агте, *Николай Христіановичъ*, при отставкѣ въ 1859 г. генералъ-маіоръ, род. въ 1816, умеръ въ 1867 году. Дѣйствительнымъ студентомъ Харьковскаго университета поступилъ въ 1833 г. въ военную службу. Произведенный затѣмъ въ поручики кирасирскаго Е. И. В. Вел. Кн. Елены Павловны полка, принятъ въ военную академію (1835 г.) и окончилъ курсъ въ ней въ 1837, а въ слѣдующемъ году причисленъ къ генеральному штабу. Въ 1840 г. Агте былъ командированъ въ распоряже-

ніе оренбургскаго генералъ-губернатора, а въ 1842 — сенатора Толстаго, производившаго ревизію въ Восточной Сибири. Съ прибытіемъ Агте въ этотъ край, начинается производство тамъ правильныхъ топографическихъ работъ. Подъ его руководствомъ съ 1843 по 1845 г. былъ произведенъ рядъ глазомѣрныхъ съемокъ и рекогносцировокъ вдоль китайской границы и сняты планы пограничныхъ крѣпостей и карауловъ въ Забайкальскомъ краѣ. За это Агте былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4-й степени. Возвратившись изъ Сибири, Агте въ 1846 г. назначенъ въ коммиссію по повѣркѣ границы и возобновленію пограничныхъ знаковъ между Россіею и Норвегіею. Работы эти были приведены къ окончанію въ августѣ мѣсяцѣ того же года; вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи представленія, сдѣланнаго коммиссеію, обоюдными правительствами заключено 20 мая (1 іюня) 1847 г. соглашеніе о томъ, чтобы означенная граница была повѣряема впредь чрезъ каждыя 25 лѣтъ. За труды въ этой коммиссіи Агте награжденъ орденами св. Анны 2-й ст. и шведскаго Олафа 3-й ст. Привезенныя возвратившимся изъ сибирскаго путешествія А. Ѳ. Миддендорфомъ свѣдѣнія объ истинномъ направленіи, которое должна имѣть русско-китайская граница, согласно нерчинскому договору 1689 года, къ востоку отъ впадающей въ р. Амуръ р. Горбицы, побудили правительство снарядить, въ 1848 году, секретную экспедицію для всесторонней провѣрки данныхъ, собранныхъ Миддендорфомъ. Начальникомъ этой экспедиціи, получившей названіе Забайкальской, былъ назначенъ подполковникъ Агте. Въ помощь ему были даны: астрономъ, два топографа и два горныхъ инженера. Экспедиція, первоначальный планъ которой былъ впослѣдствіи измѣненъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Муравьевымъ, производила свои изслѣдованія съ 1849 по 1852 годъ на обширномъ и до того времени совершенно неизслѣдованномъ пространствѣ отъ Байкала до Охотскаго моря. Подробная и въ главныхъ очертаніяхъ точная карта Становаго хребта и Бурейскихъ горъ, свѣдѣнія о гидрографическихъ особенностяхъ страны и о ея геогностическомъ строеніи—вотъ важныя заслуги этой экспедиціи для географіи Восточной Сибири. Въ концѣ 1852 г. Агте представилъ въ Иркутскъ результаты своихъ изслѣдованій и карту пройденнаго пути. 22 апрѣля 1853 года самъ изслѣдователь этого новаго края докладывалъ Императору Николаю I о подробностяхъ и результатахъ путешествія. Труды Агте награждены тогда же чиномъ полковника (19 апр.). Въ 1854—6 г. онъ находился въ Абоскомъ отрядѣ, въ 1857 назначенъ начальникомъ штаба 2-й кирасирской дивизіи, а 1 января 1859 года вышелъ въ отставку, награжденный чиномъ генералъ-маіора.

Глиноецкій, «Истор. очеркъ Никол. Акад. Ген. Штаба», прил. (стр. 41, въ спискѣ 63-мъ). Форм. спис., хранящ. въ Главномъ Штабѣ. П. В. Шумахеръ, «Къ исторіи пріобрѣтенія Амура», въ «Русск. Арх.» 1878, кн. III, ст. 266 — 273. Д. Романовъ «Русск. Слово», авг., 1859, «Присоединеніе Амура». Отчетъ 1867—1868 Имп. Русск. Геогр. общ. стр. 21. «Труды сибирской экспедиціи Имп. Русск. Геогр. общества». Математическій отдѣлъ. (глава III, стр. 15, 68—83.) Спб. 1864.—«Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ». Спб. 1872, стр. 410.

Адамини, семья архитекторовъ, итальянскихъ швейцарцевъ, члены которой находились въ качествѣ „каменныхъ дѣлъ мастеровъ“ въ русской службѣ при Кабинетѣ Его Величества: *Ѳома Леонтьевичъ* и сынъ его *Левъ Ѳомичъ*—съ 1816 г., другой сынъ *Доминикъ* (Дементій) *Ѳомичъ* и племянникъ *Антонъ Устиновичъ*—съ 1818 г., внукъ *Ѳома Львовичъ*—съ 1840 г. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны: 1) *Левъ Ѳомичъ*, род. въ Бигоньо 18 сентября н. с. 1789 г. и умеръ въ Петербургѣ 9 сентября 1854 г. Онъ служилъ архитекторомъ при Императорской Александровской мануфактурѣ, затѣмъ въ гор. Павловскѣ (1817—1828), наконецъ, при различныхъ строительныхъ коммиссіяхъ, учреждавшихся для разныхъ сооруженій, какъ, напр., при департаментѣ госуд. хозяйства и публ. зданій (1830—1853), при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ—для постройки и отдѣлки домовъ у Чернышева моста и позади Александринскаго театра (1830—1835) и при Кабинетѣ: для постройки новаго каменнаго театра (1828), возобновленія Зимняго дворца послѣ пожара (1838—1840), постройки дворца для великой княжны Маріи Николаевны (1840—1845), возведенія Исаакіевскаго собора (1844), перестройки Мраморнаго дворца (1849), больницы въ память великой княгини Александры Николаевны (1845—1848), новаго дома для капитула орденовъ (1847—1850); имъ же, вѣ-

роятно, построена была и католическая церковь въ Царскомъ Селѣ, въ 1825—1826 г.г. 2) *Антонъ Устиновичъ*, род. въ Бигоньо въ 1794 г. и умеръ въ Петербургѣ 16 іюня 1846 г. Служилъ младшимъ архитекторомъ X класса въ строительной коммиссіи по сооруженію Исаакіевскаго собора, для постановки гранитныхъ колоннъ (1826—1830), по сооруженію Александровской колонны (1834), по надстройкѣ дома пѣвческой капеллы (1836), по возобновленію Зимняго дворца послѣ пожара (1838—1839), а также въ гофъ-интендантской конторѣ (1836—1844) и при государственномъ заемномъ банкѣ (1836—1842); по его же проекту былъ сооруженъ архитекторомъ Шестаковымъ Бородинскій памятникъ (1835—1837). Про другихъ Адамини извѣстно только, что *Дементій Ѳомичъ* состоялъ въ коммиссіяхъ по сооруженію дворца для великаго князя Михаила Павловича (съ 1819 г.); по перестройкѣ дворца на Елагиномъ островѣ (съ 1823) и при возведеніи Исаакіевскаго собора, а въ 1827 г. вышелъ въ отставку, черезъ два года послѣ своего отца. *Ѳома Львовичъ* род. 21 марта 1823 г., обучался у проф. К Тона (1836—1839) и въ 1844 г. получилъ званіе некласснаго художника. Былъ архитекторскимъ помощникомъ при сооруженіи дворца великой княжны Маріи Николаевны (1840—1841) и чертежникомъ при перестройкѣ Мраморнаго дворца у А. П. Брюллова (1850).

Общій архивъ Министерства Императорскаго Двора, дѣла Кабинета 1816, оп. 2—51, № 13—61; 1818, оп. 2—51, № 19—76; 1827, оп. 1—501, № 84—4; 1828, оп. 2—51, № 173—206; 1841, оп. 1—501, № 430—1 и гофъ-интенд. Конторы 1836—39, оп. 84—518, №№ 288 и 291 и 1844, оп. 81—575, № 161. Адресъ-календари 1826—51 г.г. Въ прежнихъ словаряхъ (какъ, напр., Наглера, Мейера и др.), время пріѣзда Адамини въ Россію ошибочно относилось къ концу XVIII вѣка. *Н. Собко.*

Адамовичъ, *Адамъ-Фердинандъ*, докторъ медицины, ординарный профессоръ въ бывшемъ университетѣ, а впослѣдствіи Императорской медико-хирургической академіи въ Вильнѣ. Род. въ Вильнѣ въ 1802, гдѣ и получилъ образованіе; умеръ въ 1876 г., тамъ же. Въ 1817 г. издалъ соч. „An Socrates cicuta necatus fuerit“, Vilna. Въ 1822 г. получилъ степень магистра медицины и заступилъ въ Виленскомъ университетѣ Боянуса по каѳедрѣ сравнительной анатоміи. Стараніями Боянуса и Адамовича была открыта въ 1823 г. въ Вильнѣ ветеринарная школа. Въ 1826 г. Адамовичъ получилъ степень доктора медицины за диссертацію: „Dissertatio morborum, inter animalia domestica observatorum, indicem et signa exhibens, adnexa synonimia“, которая была въ томъ же году напечатана въ Вильнѣ. Впослѣдствіи Адамовичъ переработалъ этотъ трудъ и напечаталъ подъ названіемъ: „Synopsis nosologiae veterinariae comparatae“ въ „Magazin für die gesammte Thierheilkunde“, Берлинъ, 1836. Адамовичъ основалъ музей зоотерапическихъ препаратовъ, который нынѣ находится въ ветеринарной школѣ въ Дерптѣ. Кромѣ ветеринарныхъ наукъ, Адамовичъ преподавалъ съ 1838 г. въ Виленской академіи исторію и литературу медицины. Онъ издалъ слѣдующія сочиненія: 1) O kuciu koni (при участіи Лаупмана), Wilna, 1827—28, 2 части; 2) „Nauka utrzymywania i ulepszania zuierzat z nauka poznawania wieku“, Wilna, 1836; 3) „O poznawaniu i leczeniu chorob Koni“, Wilna, 1838; 4) „Zoonowia, ozyli nauka o zyciu zwierzat domowych“, Wilna. Важнѣйшія открытія, сдѣланныя въ клиникѣ, онъ описалъ въ соч.: „Collectama medicochirurgica“, Wilna, 1838, 4 тома. Любопытныя изслѣдованія свои надъ бѣшеными животными А. издалъ подъ заглавіемъ: „Einige zoopatologische Bemerkungen“, въ „Magazin für die gesammte Thierheilkunde“, Berlin, 1840. По поводу предстоявшаго присоединенія виленской медико-хирургической академіи къ университету св. Владиміра въ Кіевѣ, Адамовичъ составилъ описаніе академическаго музея, подъ заглавіемъ: „Museum anatomicum Vilnense“, Vilna. 1842. Когда виленское медицинское общество, основанное Іосифомъ Франкомъ, въ 1805 г., лишилось поддержки университета, а впослѣдствіи академіи, Адамовичъ, желая поддержать общество, сталъ издавать: „Praktyczne postrzezenia niektòrych lekarzy“, 1846—52, Wilno i Warszawa, а по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея общества въ 1855 г. издалъ: „Rys poczatkòw i postepu anatomii w Polsce i Litwié, Wilno, 1855. Въ этомъ очеркѣ онъ помѣстилъ труды свои по сравнительной патологіи. По поводу того же юбилея Адамовичъ составилъ программу конкурса на тему о причинахъ колтуна, а въ газетѣ „Ви-

ленскій Курьеръ" помѣстилъ исторію общества. Независимо отъ трудовъ по медицинѣ, Адамовичъ работалъ надъ исторіей г. Вильны и издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Kosicol augsburski wilenski, kionika na pamiatke, trzechurekowego istnienia tegoz ko'sciola". Wilna, 1855. Кромѣ вышеисчисленныхъ работъ Адамовичъ помѣстилъ много статей въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ, издававшихся въ Россіи и за границею.

«Encyklopedyja Powszechna», Tom I, Warszawa. 1859.

Адамовичъ, *Людвигъ Флоріановичъ*, докторъ медицины, д. с. с., изъ дворянъ Игуменскаго уѣзда, Виленской губ., род. 27 апрѣля 1823, умеръ 23 мая 1887 года. По окончаніи въ 1849 г. курса С.-Петербургской медико-хирургической академіи, служилъ до 1861 года сначала младшимъ ординаторомъ севастопольскаго военнаго госпиталя, а потомъ старшимъ врачемъ Мингрельскаго егерскаго полка. 30 ноября 1863 г. получилъ степень доктора медицины за диссертацію: „О столбнякѣ, въ особенности же травматическомъ". Съ 1865 по 1883 годъ Адамовичъ служилъ старшимъ врачемъ царскосельскаго, темиръ-ханъ-шурскаго и петровскаго военныхъ госпиталей, въ 1883 г. назначенъ главнымъ докторомъ Кубанской области, а въ слѣдующемъ—врачемъ для порученій Кавказскаго военно-медицинскаго управленія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетрадь 4, стр. 2.—Д. Д. Языковъ, «Русскіе писатели, умершіе въ 1887 году», въ «Библіограф. Запискахъ» 1892, январь.

Адамсъ, *Михаилъ Фридрихъ*, ординарный профессоръ ботаники Московскаго университета и медико-хирургической академіи, род. въ 1780 г., умеръ въ 1830-хъ годахъ. Окончивъ образованіе, Адамсъ опредѣленъ (3 мая 1800 г.) натуралистомъ при грузинской горной экспедиціи и въ продолженіе этой командировки произведенъ въ чинъ 9 класса (1802 г.). Въ 1803 г. ему поручено было представить Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ экземпляръ рѣдкихъ видовъ кавказской флоры. Ея Величество удостоила Адамса нѣсколькихъ вопросовъ и въ знакъ своего благоволенія пожаловала молодому ученому перстень. Столичные ученые тоже замѣтили труды натуралиста, свѣдѣнія котораго были обширны не только по ботаникѣ, но и по зоологіи. Императорская Академія Наукъ въ 1805 году признала его адъюнктомъ по зоологіи. Въ этомъ званіи командировали Адамса въ составъ ученой экспедиціи, присоединенной къ посольству въ Китай графа Головкина. Посольство, какъ извѣстно, постигла неудача, но пребываніе Адамса въ Восточной Сибири не прошло безслѣдно для науки. Во время поѣздокъ своихъ въ Нерчинскій и Тункинскій края онъ собралъ для музея академіи значительныя зоологическія коллекціи; хотя предположенная экспедиція вдоль Станового хребта до Удскаго острога не осуществилась, но зато поѣздка его къ берегамъ Ледовитаго океана въ 1806 г. имѣла результатомъ отысканіе, по указаніямъ тунгусовъ, у устьевъ Лены, почти цѣлаго скелета мамонта, съ частью уцѣлѣвшей шкуры, который былъ перевезенъ въ С.-Петербургъ и составляетъ по нынѣ одну изъ достопримѣчательностей музея Академіи Наукъ. По возвращеніи экспедиціи, Адамсъ въ 1809 году былъ уволенъ отъ должности адъюнкта академіи и опредѣленъ въ Москвѣ профессоромъ ботаники, а съ 1811 г. состоялъ при Московской медико-хирургической академіи профессоромъ и библіотекаремъ. Въ 1814 году Адамсъ избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ. Отдѣльно издано одно только сочиненіе Адамса: „Relation abrégée d'un voyage à la mer Glaciale et découvertes des restes d'un mamout". S.-Pétersb. 1807—8. Другія его сочиненія помѣщены въ „Mémoires de l'Académie de St.-Pétersbourg", 1810, т. II. „Description novae speciei Azaleae", т. III (1812) „Description des coleoptères: Carabus Canaliculatus C. Vietinghofii", а также въ т. IX „Mémoires de la Société des naturalistes de Moscou"—Descriptiones plantarum minus cognitarum Sibiriae, etc. Въ „Запискахъ" Имп. Акад. Наукъ въ 1813 г. Адамсъ приготовилъ къ изданію и напечаталъ до VI (изъ XXII) класса „Московскую и петербургскую флору", но въ свѣтъ не выпустилъ ничего, какъ указываетъ М. Л. Максимовичъ на первой страницѣ своей брошюры: „Списокъ растеній московской флоры", Москва, 1826.

Каталогъ Rossica Имп. Публичной Библ., т. I, стр. 12 (А. № 189). Спб. сенат. архивъ, дѣло 1813 г. № 65 (св. 42). Krebel. «Russl. naturhist. Literatur».

Адамъ (*Зерникавъ*), православный богословъ и монахъ Кіево-Печерской лавры, писатель, род. въ Кенигсбергѣ, 11 (21) сентября 1652 года, умеръ въ лаврѣ, въ 1693 или 1694 году. Отецъ его—голштинецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, славянинъ по происхожденію, мать—нѣмка, урожденная Фаммъ, дочь кенигсбергскаго золотыхъ дѣлъ мастера. Зерникавъ—онѣмеченное славянское прозваніе *Черниковъ*—отнюдь не означаетъ *Черниговца*. Послѣ смерти въ 1658 г. своего отца, Адамъ воспитывался у втораго мужа матери, золотыхъ дѣлъ мастера Я. Гофмана; со смертью матери (1666 г.), Адамъ хотѣлъ оставить школу, но, видя его успѣхи, учителя убѣдили Зерникава продолжать курсъ, а затѣмъ поступить и въ Альбертинскую академію. Здѣсь Адамъ слушалъ право, политику, медицину и, главнымъ образомъ, богословіе, подъ руководствомъ ученѣйшихъ профессоровъ Дрейера и Зедлера въ 1669—1672 гг. Дрейеръ, будучи протестантомъ, училъ уважать авторитетъ одной восточной церкви, а также соборовъ и св. отцовъ. Въ Альбертинской академіи Зерникавъ прочиталъ, написанное въ Гельмштадтѣ Митрофаномъ Критопуломъ, „Исповѣданіе вѣры Восточной церкви“—и оно произвело на него глубокое впечатлѣніе. Окончивъ курсъ академіи, Адамъ занялся изученіемъ римскаго права въ Іенѣ (съ 2 іюня н. ст. 1673 г.), и раздумывая, какую бы выбрать карьеру, остановился на мысли ѣхать въ Россію, „которая тогда не имѣла наукъ, но много благопріятствовала искусствамъ“, какъ говоритъ Адамъ въ своей автобіографіи. Съ цѣлью быть полезнымъ въ Россіи, онъ, кромѣ римскаго права, занялся математическими и военными науками, читая въ то же время съ увлеченіемъ и отцовъ восточной церкви, въ собраніи книгъ одного лютеранскаго пастора. Узнавъ, что въ Оксфордѣ находятся во множествѣ творенія отцовъ церкви, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, Адамъ поѣхалъ въ 1677 году въ Англію, въ 1678 г. переѣхалъ въ Парижъ и въ слѣдующемъ году предпринялъ путешествіе въ Италію. Отсюда, черезъ Вѣну и Варшаву, онъ проѣхалъ въ Вильно, гдѣ прожилъ зиму. Въ 1680 году Адамъ явился въ Черниговъ къ знаменитому Лазарю Барановичу, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Преосвященному открылъ онъ свое намѣреніе присоединиться къ православію и ѣхать въ Москву. Но архипастырь совѣтовалъ прежде изучить русскій языкъ; узнавъ же, что Адамъ изучалъ и военныя науки, рекомендовалъ его гетману, съ цѣлью удержать въ Малороссіи. О соединеніи съ православною церковью преосвященный даже настаивалъ и, въ видахъ отреченія отъ лютеранства, Адамъ написалъ опроверженіе догматовъ протестантства, какъ исповѣданіе вѣры своей. При этомъ, онъ составилъ и опроверженіе доводовъ поляка Цѣховскаго о происхожденіи Св. Духа, что̀ сильно и давно уже занимало умъ Адама; кромѣ того, въ это время онъ обработалъ трактатъ „О крещеніи“. Писалъ еще Адамъ записки политическаго содержанія. 20 сентября 1680 г., присоединенъ преосвященнымъ Лазаремъ къ православію, причемъ произнесъ при священнодѣйствіи символъ вѣры по латыни. Уже православнымъ, прибылъ Адамъ въ Кіевъ, гдѣ, настоятель лавры, архимандритъ Иннокентій Гизель, былъ тоже обратившійся въ православіе протестантъ. Адамъ сблизился съ нимъ и, воротясь въ Черниговъ, отправился оттуда съ Димитріемъ, потомъ святымъ Ростовскимъ въ Батуринъ, гдѣ представлялся гетману, уговорившему его вступить къ себѣ въ службу. Съ 9 января 1681 г. Адамъ поселился въ Батуринѣ и, въ ожиданіи лѣтней кампаніи, могущей угрожать Батурину, составилъ проектъ укрѣпленія его по правиламъ фортификаціи. Затѣмъ, онъ думалъ ѣхать въ Москву служить царю Ѳедору Алексѣевичу, но смерть этого государя разрушила мечты Адама. Тѣмъ не менѣе, въ 1683 году Адамъ былъ въ Москвѣ, съ 6 февраля по 14 марта, и изъ видѣннаго тамъ вывелъ заключеніе, что поправить къ лучшему положеніе свое службою въ Россіи не удастся. Потерпѣвъ неудачу, онъ написалъ въ видѣ исповѣди, дошедшую до насъ „Автобіографическую записку“ и постригся въ монахи. Это совершилось, вѣроятно, осенью 1683 г., потому что автобіографія оканчивается 21 сентября этого же года. Записка эта была оставлена безъ вниманія въ концѣ XVIII в. и списокъ ея, найденный недавно, напечатанъ въ переводѣ въ „Трудахъ кіевской дух. акад.“, 1860 г., 3 кн., стр. 173—204.

Ѳ. Ѳ. Сидонскій въ Энциклопед. слов., т. I, стр. 572, составилъ статью «Адамъ Зерникавъ» толь-

ко по латинскому предисловію Самуила Мислав-скаго, прилож. къ проекту Зерникава «О исхож-деніи Св. Духа отъ одного Отца» 1682 г., напечат. по латыни, въ Кенигсбергѣ въ 2 ч., 1774—5 г. «Исторія русской литературы» Порфирьева, ч. I, 585; «Словарь» митр. Евгенія; «Труды кіев. дух. акад.», 1860 г., кн. III. *П. П.*

Адамъ, *Егоръ Андреевичъ*, инженеръ генералъ-маіоръ путей сообщенія и горнаго вѣдомства, род. въ 1794, умеръ 1860-хъ годахъ. Воспитанникъ института корпуса путей сообщенія (съ 13 ноября 1811 г.); произведенъ въ поручики 11 іюня 1812 г.; въ 1820 г. произведенъ въ маіоры и назначенъ 17 апрѣля 1822 г. управляющимъ дирекціею дорогъ, въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Съ этого времени, приведя дороги около загородныхъ Императорскихъ резиденцій въ отличное состояніе, Адамъ сдѣлался извѣстнымъ Императору Николаю I и опредѣленъ преподавателемъ въ институтъ корпуса путей сообщенія (27 іюня 1828 г.). При началѣ турецкой войны Императоръ Николай I вытребовалъ его въ дѣйствующую армію, въ главную квартиру близъ Яссъ. Отсюда онъ отправился къ Дунаю и, произведя осмотръ и съемку береговъ, а также острововъ этой рѣки, у Гирсова построилъ плашкоутный мостъ, по которому войска переправлены черезъ Дунай. Вторую переправу Адамъ устроилъ у Силистріи, а между Варною и Бальчикомъ построилъ госпиталь. Опредѣленный (22 апр. 1829 г.) директоромъ военныхъ сообщеній 2-й арміи и 31 декабря 1829 г. произведенный въ полковники „за отличіе", Адамъ съ 1831 г. находился въ коммиссіи по постройкѣ невской набережной. 17 января 1834 г. Адамъ назначенъ строить Банковскій мостъ на Екатерининскомъ каналѣ. Въ томъ же году, окончивъ гранитную набережную отъ Исаакіевскаго моста до академіи художествъ, съ пристанью сфинксовъ, Адамъ получилъ 22 мая Высочайшую благодарность, а 15 іюня орденъ Владиміра 3-ей степ. Получивъ въ завѣдываніе постройку мостовъ въ столицѣ, Адамъ 3 октября 1834 г. опредѣленъ на работы по углубленію фарватера р. Невы. По завѣдыванію мостами въ Петербургѣ Адамъ вошелъ въ близкія отношенія къ министру финансовъ Канкрину, который также считалъ себя спеціалистомъ по сооруженію мостовъ и, оцѣнивъ заслуги Адама, перевелъ его на службу въ подвѣдомственное министру финансовъ горное вѣдомство, въ которомъ Адамъ получилъ чинъ генералъ-маіора.

Формулярный списокъ въ архивѣ Министерства Путей Сообщенія 1835 г.

Аданъ (Adam), *Генрихъ-Альбертъ*, живописецъ по фарфору, род. въ 1770 году, умеръ 17 сентября 1820 г. въ Петербургѣ. Рекомендованный Лабенскимъ графу Гурьеву, Аданъ былъ приглашенъ въ 1807 г. изъ Парижа главнымъ живописцемъ и рисовальщикомъ на Императорскій фарфоровый заводъ для исполненія всякихъ работъ, наблюденія за мастерами и обученія учениковъ; онъ написалъ, между прочимъ, „Св. Семейство", хранящееся въ Эрмитажѣ.

Общій архивъ Мин. Имп. Двора, дѣла Кабинета 1808 и 1813 г., оп. 151—320, №№ 14—19 и 36—148; 1821—оп. 68—255, № 4—15.—Meyer, «Allgem. Künstler-Lexicon», 1872, I, 73. Dussieux, «Les artistes français à l'Etranger», Paris, 1856, p. 424. *Н. С.*

Адашевы—служилый дворянскій родъ, давшій Россіи трехъ историческихъ дѣятелей, изъ которыхъ одинъ пользовался особеннымъ вліяніемъ на царя Ивана IV Грознаго. Фамильное прозваніе Адашевыхъ—восточнаго происхожденія. Въ лѣтописи (Воскресенской) подъ 6891 (1382) годомъ записано: „Тое же осени бысть въ Володимери посолъ лютъ, именемъ Адашъ Тахтамышъ". Мордовскій князь Адашъ, жившій въ XV столѣтіи, сталъ родоначальникомъ мурзъ и дворянъ Акчюриныхъ. Въ турецкомъ языкѣ есть слово «*адашъ*», сокращенное изъ „ад-дашъ", съ значеніемъ соименникъ, тезка. Прозвище Адашъ не разъ встрѣчается въ русскихъ родословцахъ: въ родѣ князей Барашевыхъ-Звенигородскихъ былъ князь Иванъ Ивановичъ Адашъ, въ родѣ князей Шехонскихъ былъ князь Аѳанасій Семеновичъ Адашъ-Кривой. Среды дѣтей боярскихъ Бѣжецкой пятины въ 1572 году упоминается другой Адашевъ сынъ *Лупандинъ*. Фамилія Адашевыхъ угасла въ томъ же XVI столѣтіи, когда и появилась. По происхожденію, Адашевы не были людьми знатными. Когда послѣ покоренія царства Казанскаго въ Москвѣ былъ составленъ „государевъ родословецъ" знатнѣйшихъ служилыхъ родовъ, Адашевы попали въ него только потому, что родословная книга сочинялась какъ разъ въ періодъ ихъ наибольшаго вліянія на дѣла. Государевъ родословецъ 1555 года дошелъ до насъ

въ переработанномъ видѣ въ извѣстной „Бархатной книгѣ". Адашевы занесены были въ родословную въ самомъ концѣ ея, какъ послѣдняя 43-я глава. Краткая запись умалчиваетъ о родопроисхожденіи Адашевыхъ, но это вовсе не значитъ, чтобы въ Москвѣ не знали, кто былъ отецъ и дѣдъ боярина Ѳедора Адашева, съ котораго начинается родословная. Ѳедоръ Григорьевичъ, далеко опередившій всю свою родню въ мѣстническомъ отношеніи и неожиданно сдѣлавшійся бояриномъ на Москвѣ, былъ первый Адашевъ и основатель фамиліи, замѣнившій старое родовое прозвище новымъ семейнымъ. Цѣль такой замѣны ясна, чтобы не быть „утягиваемымъ" въ мѣстническихъ счетахъ положеніемъ родичей, такъ какъ честь Адашевыхъ по государевымъ разрядамъ далеко превысила ихъ породную честь. Но и помимо того— выдѣленіе изъ рода по новымъ фамильнымъ прозвищамъ и простая перемѣна фамилій были въ Москвѣ явленіемъ совершенно обычнымъ. Вотъ почему и глава объ Адашевыхъ въ государевомъ родословцѣ надписана „родъ *Адашевъ*", а не „родъ *Адашевыхъ*". Это—„родъ *Адашевъ*", равнозначущее съ выраженіемъ „родъ Адаша", указываетъ, что бояринъ Ѳедоръ Григорьевичъ былъ сынъ Адаша, прозвище котораго образовало новую фамилію. Такое предположеніе подтверждается наиболѣе раннимъ упоминаніемъ Ѳедора Адашева въ актахъ дипломатическихъ сношеній (13 августа 1536 года), гдѣ онъ записанъ, какъ Ѳедоръ Адашевъ сынъ *Олгова*. До насъ дошелъ въ подлинникѣ документъ, по которому можно точно прослѣдить происхожденіе *Адашевыхъ* отъ *Ольговыхъ* — это духовное завѣщаніе костромскаго вотчинника Дм. Тим. *Сунего*, писанное въ іюлѣ 1510 года и сохранившееся среди монастырскихъ грамотъ Троице-Сергіевой Лавры. Изъ этого акта видно, что бояринъ Ѳедоръ Адашевъ былъ сынъ Григорія Адаша и внукъ Ивана Головы Ольговыхъ. У Ф. П. Минюшскаго въ Новочеркасскѣ находится родословецъ XVII столѣтія, списокъ съ „Государева", въ которомъ при родѣ Адашевыхъ прямо приписано: „А *Одашевы* преже преже Ѳедорова отца Григорья слыли *Ольговы*...". Родъ костромскихъ вотчинниковъ Ольговыхъ становится извѣстенъ съ начала XVI столѣтія (по сохранившимся документамъ): Иванъ Кирѣй Ольговъ въ качествѣ тіуна государя великаго князя встрѣчается въ грамотѣ 1507 года. Сынъ этого тіуна— Иванъ Кирѣевъ сынъ Ольговъ значится въ 1556 году въ числѣ *кормленщиковъ*; онъ держалъ Троицкій станъ въ Иледомѣ, вотчинъ за нимъ числилось полчетверти сохи. Опала, поразившая Адашевыхъ, коснулась и Ольговыхъ — они были выведены изъ Костромы, но взамѣнъ родовыхъ вотчинъ, получили вотчины въ другихъ уѣздахъ. Въ 1568 (7076) году вотчинники Бѣлозерскаго уѣзда Ѳедоръ Никифоровъ сынъ Ольговъ и Михаилъ Яковлевъ сынъ Путиловъ продали вотчины свои дьяку Константину Семеновичу Мясоѣду — Вислому, причемъ каждый изъ продавцевъ упомянулъ въ документѣ, что продаваемыя вотчины пожалованы были имъ государемъ „противъ (ихъ) старинные костромскіе вотчины". Ѳедоръ Ольговъ приходился двоюроднымъ братомъ Михаилу Путилову; такимъ образомъ родъ Ольговыхъ въ половинѣ XVI столѣтія выдѣлилъ изъ себя, кромѣ фамиліи Адашевыхъ, еще другую фамилію Путиловыхъ. Нѣсколько человѣкъ Ольговыхъ попали и въ новозавоеванную Казань. 22 іюня 7091 (1583) года воевода князь Петръ Ивановичъ Ростовскій да дьякъ Грязной Ивашевъ дали („по государеве... грамоте") Свіяжскому Успенскому монастырю въ вотчину „Десятовское помѣстье *Олова*". Въ другой подобной же грамотѣ отъ 26 августа 7092 (1584) года упоминается „сыскной списокъ" Ѳедора *Ольгова*. Подлинныя ввозныя грамоты хранятся въ Свіяжскомъ Успенскомъ монастырѣ. Сами Адашевы также владѣли вотчинами въ Костромскомъ уѣздѣ. Въ 1560 году село Борисоглѣбское на рѣкѣ Солоницѣ, вотчина Алексѣя Ѳедоровича Адашева, была пожалована царемъ въ вотчину же Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву. Вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ XV столѣтіи родоначальники Ольговыхъ имѣли большія вотчины въ Костромѣ: не смотря на раздѣленіе рода на нѣсколько вѣтвей (Ольговы, Адашевы, Путиловы)—въ половинѣ шестнадцатаго вѣка представители каждой изъ этихъ фамилій владѣли еще собственными „старинными" костромскими вотчинами. Такимъ образомъ Адашевыхъ по происхожденію надо причислить къ высшему слою служилыхъ костромичей. Ада-

шевы несомнѣнно были членами рода старинныхъ и богатыхъ костромскихъ вотчинниковъ. Большинство нашихъ историковъ согласно повѣствуютъ о незначительности и бѣдности рода Адашевыхъ. Такое воззрѣніе основано на словахъ царя Ивана Грознаго. Въ письмѣ къ князю Курбскому Грозный отзывается о происхожденіи Алексѣя Адашева съ желчнымъ презрѣніемъ. „До того же времени“,—пишетъ царь,—„бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей не вѣмъ какимъ обычаемъ изъ *батожниковъ* водворившуся, намъ же такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего *отъ гноища* и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы“. Повидимому ясно, что Адашевы происходили изъ самаго простого „*всенародства*“, но слова Грознаго отнюдь нельзя понимать буквально. Въ разгарѣ полемики, мучимый жаждою мщенія, царь Иванъ старается уязвить противника и наслаждается, обзывая начальника „избранной рады“, къ которой принадлежалъ и гордый ярославскій князь, —„собакой“, „измѣнникомъ“ и „батожникомъ, взятымъ отъ гноища“.

«Бархатная книга», ч. I, стр. 153 и 197. Московскій архивъ Мин. Юст., грамоты Коллегіи Экономіи №№ 829 и 830 (Бѣлозерскій уѣздъ), № 4993 и 4994. А. Ю. Б., т. I, № 53. II, стр. 245—248. 16 іюня 1523 года Кирей Клементьевъ сынъ *Ольгова* былъ еще живъ и записанъ послухомъ (безъ подписи) въ документѣ. См. грам. Колл. Экономіи, Юрьевъ-Польскій № 14555. «Арх. ист. юридич. свѣд.», кн. III. Боярская книга 1556 г., стр. 40. А. П. Барсуковъ «Родъ Шереметевыхъ», т. I, стр. 255 и 461. Подробности о родѣ Адашевыхъ, см. Н. П. Лихачевъ «О происхожденіи А. Ѳ. Адашева, любимца царя Ивана Грознаго» («Историческій Вѣстникъ» за 1890 годъ, № 5). Князь А. М. Курбскій происходилъ изъ рода Ярославскихъ князей. *Н. Лихачевъ.*

Адашевъ, *Алексѣй Ѳедоровичъ*, сынъ боярина Ѳедора Григорьевича, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей XVI столѣтія. Сильныя впечатлѣнія, вынесенныя молодымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV изъ страшнаго московскаго пожара 21 іюня 1547 года и слѣдовавшаго за нимъ народнаго бунта, рѣзко отразились въ исторіи послѣдующаго десятилѣтія, ставшаго однимъ изъ свѣтлыхъ моментовъ русской государственной жизни. Страстная натура царственнаго юноши временно подчинилась придворной партіи, душой которой были протоіерей Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ. Оба дѣятели эти по общественному положенію не стояли во главѣ „избранной рады“, какъ называетъ князь Курбскій кружокъ вновь выдвинувшихся царскихъ совѣтниковъ, но руководили ею, какъ и самимъ царемъ, силою обаянія своихъ личностей. Самъ царь Иванъ называетъ ихъ начальниками партіи въ письмѣ къ Курбскому. Если нѣкоторые авторитетные историки, какъ С. М. Соловьевъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, указываютъ на ограниченность политическаго горизонта „избранной рады“ и отмѣчаютъ мелочность Сильвестра, то относительно Адашева, какъ человѣка, нельзя подобрать, кажется, свидѣтельства не въ его пользу. Личность эта, можетъ быть и менѣе талантливая, чѣмъ нѣкоторые изъ современныхъ ему политическихъ дѣльцовъ, сіяетъ такимъ яркимъ свѣтомъ доброты и непорочности, является такимъ образцомъ филантропа и гуманиста XVI вѣка, что нетрудно понять обаяніе ея на все окружающее. Не даромъ князь Курбскій дѣлаетъ восторженный отзывъ: „...и былъ онъ (той Алексѣй) общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявилъ о немъ, воистинну вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими человѣки“. Вліяніе Сильвестра и Адашева было такъ сильно, такъ непонятно-неотразимо, что подчинявшіеся ему впослѣдствіи объясняли все чародѣйствомъ. При опалѣ, постигшей Сильвестра и Адашева въ 1560 году, они были осуждены заочно. Новые совѣтники царя боялись личнаго допроса; они были убѣждены и высказывали это, что „...вѣдомые сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя и насъ погубятъ, аще пріидутъ!“ Слава Адашева распространилась за предѣлы Московскаго государства. Когда онъ посланъ былъ въ Ливонію, одно появленіе его произвело уже впечатлѣніе: многіе города, еще не взятые, хотѣли поддаться ему „его ради доброты“. Въ 1585 году въ Польшѣ, разспрашивая посланника Луку Новосильцева про „шурина государскаго“, Бориса Ѳедоровича Годунова, сравнивали его съ Адашевымъ. Годуновъ, какъ правитель земли и милостивецъ великой“,

какъ „ближней человѣкъ разуменъ и милостивъ“, напомнилъ вліятельному архіепископу Станиславу Карнковскому совѣтника „прежнего государя“ Алексѣя Адашева, который „государство Московское таково жъ правилъ“ и былъ человѣкъ такой же „просужей“. Самъ посолъ долженъ былъ объяснять иностранцамъ, что Годуновъ Адашеву не ровня: „и язъ ему говорилъ: Алексѣй былъ разуменъ, а тотъ не Алексѣева верста: то великой человѣкъ, бояринъ и конюшей, а государю нашему шуринъ...“. Родился Алексѣй Адашевъ въ богатой, но не особенно родовитой, семьѣ костромскихъ вотчинниковъ. Отецъ его, благодаря своимъ способностямъ и долгой службѣ, выдвинулся изъ среды сородичей и успѣлъ приблизиться ко двору. Неизвѣстно, какъ и когда Ѳедору Адашеву удалось провести во дворецъ своихъ сыновей, но первыя же упоминанія Алексѣя Адашева въ источникахъ говорятъ объ его близости къ юному великому князю. Было даже сдѣлано предположеніе, что Алексѣй Адашевъ воспитывался вмѣстѣ съ Иваномъ IV. Судя по тому, что въ 1547 году Адашевъ былъ уже женатъ на Анастасіи Сатиной, слѣдуетъ думать, что онъ былъ старше государя на нѣсколько лѣтъ. Разница въ возрастѣ во всякомъ случаѣ была незначительна, чѣмъ и объясняется сближеніе царя Ивана съ молодымъ Костромскимъ „сыномъ боярскимъ“. Два брата—Алексѣй и Данила Ѳедоровичи Адашевы въ чинѣ свадьбы Ивана IV—3 февраля 1547 года участвуютъ, какъ стряпчіе и стелютъ постель новобрачныхъ. Алексѣй Ѳедоровичъ является, кромѣ того, *спальникомъ* и по обряду идетъ съ великимъ княземъ въ баню: „А въ мыльнѣ мылись съ великимъ княземъ: бояринъ князь Юрья Васильевичъ *Глинской* да казначей Ѳедоръ Ивановъ сынъ *Сукинъ*; спальники и мовники—князь Иванъ Ѳедоровичъ *Мстиславской* да князь Юрья *Шемякинъ*, да Никита *Романовъ* да Алексѣй *Адашевъ*“. Нельзя не обратить въ данномъ случаѣ вниманія на знатность всѣхъ „мовниковъ“, кромѣ Адашева, имя котораго здѣсь упоминается впервые. Въ разрядахъ въ іюлѣ 1547 года Алексѣй Ѳедоровичъ упоминается въ числѣ *рындъ* при государѣ. Эти факты указываютъ на положеніе молодаго Адашева въ моментъ его возвышенія: онъ былъ комнатнымъ спальникомъ и стряпчимъ. Какъ всегда государевы постельничіе и подвѣдомственные имъ чиновники сближались съ особою государя и пріобрѣтали большее или меньшее значеніе въ придворномъ мірѣ, смотря по своимъ способностямъ и степени вліянія на царя. Рындою записанъ Алексѣй Адашевъ и въ разрядѣ перваго похода царя Ивана подъ Казань, но его нѣтъ уже въ числѣ рындъ въ походѣ 7058 (1549—1550) года. Естественное предположеніе, что около этого времени Адашевъ былъ повышенъ и получилъ новое назначеніе, подтверждается фактами. Князь А. М. Курбскій называетъ Алексѣя Адашева л о ж н и ч и м ъ царскимъ. Этимъ польскимъ терминомъ можетъ быть обозначена и должность постельничаго, и должность спальника. Былъ ли Адашевъ постельничимъ царя Ивана IV? Въ 1547 году упоминаются двое постельничихъ—Матвѣй Ѳедоровичъ *Бурухинъ* и Андрей Владиміровичъ *Мансуровъ*. Первый изъ нихъ сходитъ со сцены до сентября 1551 года, второй умираетъ въ 1551 году и замѣненъ Игнатьемъ Михайловичемъ *Вешняковымъ*. Вполнѣ возможно предположеніе, что Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ въ 1550 году замѣстилъ Бурухина, ставъ въ одинъ день и постельничимъ, и начальникомъ новоучрежденнаго Челобитнаго приказа. Такъ именно и толкуютъ историки извѣстную рѣчь царя Ивана IV къ народу, дошедшую до насъ въ спискахъ и съ несомнѣнными искаженіями, хотя бы, напримѣръ, въ словахъ: „и въ той день пожаловалъ въ *окольничіе* Алексѣя *Адашева*“. Источники не называютъ Адашева постельничимъ. Въ разрядахъ (рукописныхъ) подъ 7061 годомъ въ свитѣ царя помѣчены: „стряпчіе были у государя *въ избѣ з бояры*—Алексѣй Ѳедоровичъ *Адашевъ*, Игнатій Михайловичъ *Вешняковъ*“. Въ виду того, что Вешняковъ въ это время несомнѣнно былъ уже постельничимъ, можно думать, что въ данномъ случаѣ *стряпчество* соединено съ *постельничествомъ*. „Царственная книга“, описывая присягу бояръ сыну больнаго царя въ 1553 году, прибавляетъ: „да которые д в о р я н е не были у государя въ думѣ—Алексѣй Ѳедоровъ сынъ *Адашевъ* да Игнатей *Вешняковъ* и тѣхъ государь привелъ къ цѣлованію въ вечеру же“. Здѣсь опять ни Адашевъ, ни Вешняковъ

не обозначены по занимаемымъ должностямъ, но самое сопоставленіе ихъ указываетъ, что Адашевъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и Вешняковъ, т. е. постельничимъ. Въ знаменательную годину покоренія царства Казанскаго Алексѣй Ѳедоровичъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ событіяхъ: договаривался съ казанскими послами, самъ ѣздилъ въ Казань (и не разъ) сначала садить, а потомъ низводить Шигъ-Алея съ казанскаго престола. Когда началась правильная осада Казани, Адашеву поручались предпріятія, требовавшія сообразительности, знаній и энергіи. Вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Палецкимъ Алексѣй Ѳедоровичъ ставилъ *туры* (29 августа 1552 года) противъ города со стороны Арскаго поля; вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ Семеновичемъ Серебрянымъ производилъ подкопъ подъ Казанскій тайникъ, откуда осажденные брали воду. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Казани, царь захворалъ въ 1553 году горячкою. Въ минуты страшнаго раздора изъ-за присяги Алексѣй *Адашевъ* оказался преданнымъ слугою: онъ безпрекословно присягнулъ младенцу царевичу. Можетъ быть именно этотъ фактъ отсрочилъ паденіе „избранной рады“. По выздоровленіи царь нисколько не измѣнился въ отношеніи къ своему другу: въ послѣднихъ мѣсяцахъ того же 1553 года Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ былъ сказанъ *окольничимъ*. Новый чинъ доставилъ ему самостоятельное положеніе въ Думѣ. Еще въ 1552 году Адашевъ ѣздилъ съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ къ царю Шигъ-Алею въ Казань, теперь же онъ началъ управлять дипломатическими сношеніями вообще, принималъ пословъ, первенствовалъ въ переговорахъ съ ними. Все болѣе и болѣе расширялся кругъ дѣятельности этого талантливаго и симпатичнаго человѣка. Онъ получилъ въ завѣдываніе государственный архивъ, велъ государственную лѣтопись, приготовляя, что писать въ „лѣтописецъ лѣтъ новыхъ“. Едва ли можно ошибиться, если приписать ему дѣятельное участіе и въ сводѣ разрядныхъ книгъ, и въ составленіи „государева родословца“, который какъ разъ законченъ былъ родомъ Адашевыхъ. Съ 1553 и по 1560 годъ Алексѣй Ѳедоровичъ постоянно жилъ въ Москвѣ, выѣзжая только съ государемъ и всюду сопровождая его во всѣхъ походахъ. Слава Адашева все болѣе и болѣе распространялась, его вліяніе, повидимому, все крѣпло и крѣпло. Переворотъ въ судьбѣ Адашевыхъ подготовлялся медленно и незамѣтно. Немного лѣтъ продолжалась государственная дѣятельность Алексѣя Адашева, но осталась рѣзко замѣтной, „ибо“, какъ выразился Карамзинъ, „сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію царя и погибъ съ нею...“. Смерть царицы Анастасіи Романовны (7 августа 1560 года) нарушила обычный нормальный ходъ жизни царя Ивана и была послѣднимъ, окончательнымъ толчкомъ, разрушившимъ обаяніе „избранной рады“. Обаяніе это послѣдніе годы держалось только на привычкѣ и царь давно уже тяготился своими властными, входившими во все совѣтниками. Со времени своей болѣзни въ 1553 году государь затаилъ недовѣріе къ „избранной радѣ“, да и какъ онъ могъ довѣрять ей, когда она почти въ полномъ составѣ стояла въ вопросѣ о престолонаслѣдіи за князя Владиміра Андреевича. А потомъ возникли новыя недоразумѣнія. „Рада“ настаивала на покореніи Крыма, Иванъ IV и Захарьины стремились къ Балтійскому морю и желали полнаго покоренія Ливоніи. Положеніе дѣлъ становилось все болѣе и болѣе натянутымъ, Алексѣй Адашевъ не выдержалъ и, какъ говорятъ, по собственной просьбѣ въ маѣ 1560 года былъ отправленъ въ Ливонію въ качествѣ третьяго воеводы большаго полка (первымъ былъ князь *И. Ѳ. Мстиславскій*, вторымъ *М. Я. Морозовъ*)). Въ сентябрѣ того же года, по приказанію царя, окольничіе Алексѣй и Данила Ѳедоровичи Адашевы оставлены воеводами въ новозавоеванномъ Феллинѣ. Это была уже явная опала. Князь Курбскій отмѣчаетъ, что Алексѣй былъ въ Феллинѣ „антипатомъ“ (намѣстникомъ) „не мало время“. Это не малое время—очень относительно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Алексѣй Адашевъ находился уже въ заточеніи въ Дерптѣ. Точнѣе объясняетъ все дѣло рукописная разрядная книга: „...и государь царь и великій князь писалъ къ боярину и воеводе ко князю Ивану Ѳедоровичю *Мстиславскому* с товарищи, а велелъ въ Вильяне (*въ Феллинѣ*) оставити окольничева и воеводу Алексѣя Ѳедоровича *Адашева* да Осипа Васильевича *Полева* да Романа *Алферьева*. И Осипъ *Полевъ*

на Алексѣя *Адашева* посылалъ бить челомъ государю, что ему *меньши* Алексѣя быти *невмѣстно*, и государь велѣлъ Алексѣю *Адашеву* быти въ Юрьеве Ливонскомъ, а Осипу *Полеву* государь велелъ быти въ Вильяне да съ нимъ Роману Алферьеву да Григорью *Назимову* новгородцу...“ Это мѣсто разрядовъ, говорящее объ единственномъ извѣстномъ случаѣ мѣстничества Адашева, поясняетъ причину неожиданнаго перевода Адашева въ Дерптъ. Царь Иванъ не сталъ разбирать мѣстническаго дѣла: онъ просто развелъ споривших, удовлетворивъ, такимъ образомъ, челобитчика, но самое удаленіе Адашева изъ Феллина было новой обидой ему, новымъ знакомъ немилости. И дѣйствительно, гроза разразилась съ страшной быстротою: въ началѣ октября 1560 г. имѣнія Алексѣя Адашева были уже отписаны на государя, самъ онъ заключенъ въ тюрьму и начался свирѣпый розыскъ, окончившійся истребленіемъ всѣхъ живыхъ Адашевыхъ съ ихъ ближайшими родичами. Сохранилось показаніе, что будто бы уцѣлѣла отъ погрома дочь Алексѣя Ѳедоровича Анна, бывшая замужемъ за Иваномъ Петровичемъ Головинымъ, но и это еще требуетъ документальнаго подтвержденія. Между казненными были и дѣти: сыну Данилы Ѳедоровича — Тарху было только около двѣнадцати лѣтъ. Самъ Алексѣй Ѳедоровичъ избѣгъ казни. Возмущенный и огорченный, онъ не выдержалъ нравственнаго потрясенія: слегъ горячкою и умеръ въ Дерптѣ въ началѣ 1561 года, прохворавъ „недугомъ огненнымъ“ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Эта кроткая и чистая личность ярко выдѣляется среди грубыхъ нравовъ своего времени.

«Сказанія князя Курбскаго» (Спб. 1842), стр. 215, 188, 189, 92, 42, 62, 10 и 81. «Памятники диплом. сношѳ.», т. I (Спб. 1851), ст. 932—934. Н. А. Полевой «Исторія рус. нар.», т. VI (М. 1833), стр. 222, пр. 182; А. Н. Ясинскій «Сочиненія кн. Курбскаго» (Кіевъ 1889), стр. 122—123. «Древ. Рос. Вивліоѳика», ч. XIII, стр. 33, 34, 38, 253, 293, 310—312 и 316; ч. XX, стр. 38. Въ такъ называемой «тысячной» книгѣ 1550 г. Алексѣй *Адашевъ* записанъ въ *первой* статьѣ сыномъ боярскимъ изъ Костромы. «Разряд. кн.», П. Ѳ. Лихачева подъ 7055 годомъ. Ibidem, подъ 7056 годомъ, стр. 177. Ibidem, стр. 190 (7058). Н. С. Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II, кн. IV, стр. 169—170. «Описаніе Симонова монастыря» (М. 1843), стр. 70. «Собраніе Госуд. Грам. и Дог.», ч. II, стр. 45. «Царственная книга», стр. 80, 285, 286, 342. Н. П. Лихачевъ «О происхожденіи Адашева» («Истор. Вѣстн.» за 1890 г. № 5), стр. 383, прим. 2. Подробности дипломатической дѣятельности Алексѣя *Адашева* см. Никоновская Лѣтопись, ч. VII; «Лѣтописецъ Русскій»— Н. Львова (Спб. 1792), ч. V, стр. 24, 36, 165, 167, 210, 221, 281, 286, 311; «Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. LIX (подъ редакціею Г. Ѳ. Карпова); І. Гамель, «Англичане въ Россіи» (Спб. 1865), стр. 25, 26, 51; и т. д. «Акты Археогр. Экспед.», т. I, 354; Устряловъ, прим. къ «Сказаніямъ князя Курбскаго» изслѣдованію А. Н. Ясинскаго. Рукописные разряды подъ годами 7063, 7064, 7065 и 7067; «Синбирскій Сборникъ», стр. 3. Разрядная книга П. Ѳ. Лихачева, стр. 287. «Село Новоспасское» (П. Казанскаго), стр. 119—120.

Н. Лихачевъ.

Адашевъ, *Даніилъ Ѳедоровичъ*—родной братъ любимца царя Ивана Грознаго, Алексѣя Ѳедоровича Адашева. Въ источникахъ Данила Адашевъ впервые появляется въ разрядѣ первой свадьбы царя Ивана Васильевича: 3 февраля 1547 года „стлать постелю“ новобрачныхъ поручено было боярину князю Ю. В. Глинскому да казначею Ѳ. И. Сукину, съ ними „слали“ пять человѣкъ *стряпчихъ*, въ числѣ которыхъ помѣченъ и Данила Адашевъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ своимъ Алексѣемъ. Туже самую обязанность исполнялъ Данила Ѳедоровичъ и 3 ноября того же года, во время свадьбы царскаго брата князя Юрія Васильевича. Такимъ образомъ, Данила Адашевъ находится въ числѣ молодыхъ придворныхъ, среди лицъ, близкихъ къ царю. Постельничіе и тѣ стряпчіе, которые назначались ихъ помощниками, по самому роду службы были не только лично извѣстны государю, но и находились у него постоянно на виду. Рядъ походовъ на Казань отвлекъ Адашева отъ придворной службы — съ конца сороковыхъ годовъ и до самой кончины онъ почти все время провелъ въ бояхъ и разнаго рода служебныхъ „посылкахъ“. Послѣ первыхъ неудачныхъ походовъ подъ Казань Адашевъ остался въ войскахъ при воеводахъ, которымъ было поручено построеніе города Свіяжска. Въ апрѣлѣ 1551 г. воеводы двинулись въ судахъ къ мѣсту впаденія р. Свіяги въ Волгу и быстро поставили городъ. Извѣстить государя о построеніи города былъ отправленъ Данила Ѳедоровичъ; въ Москвѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого извѣщенія; тотчасъ по полученіи его стряпчій Игнатій Вешняковъ поѣхалъ съ государевымъ жалованьемъ— съ золотыми и съ приказаніемъ воеводамъ привести „къ правдѣ“ всю нагорную сторону. Свіяжскъ являлся ключемъ къ Казанскому царству; рѣшено было примы-

кающій къ нему правый берегъ Волги присоединить къ московскимъ владѣніямъ: иначе новая крѣпость была бы отрѣзана отъ Москвы. Царскіе воеводы должны были уговорить казанцевъ на тяжелую уступку и посадить на царство Шигалея (ШахъАли), который находился въ Свіяжскѣ. Переговоры продолжались только нѣсколько дней; 16 августа царь Шигалей въѣхалъ въ Казань, 17-го былъ выпущенъ русскій полонъ. Съ сеунчомъ къ государю бояре послали „Данила Ѳедорова сына Адашева да стрѣлецкаго голову Ивана Черемисинова". Въ лѣтописи записанъ даже день полученія важнаго извѣстія; именно въ ней отмѣчено, что гонцы прибыли въ Москву 28 августа. „И бысть Государю радость велія о избавѣ христіанской", прибавляетъ лѣтописецъ. Участіе Адашева въ осадѣ и взятіи Казани въ 1552 году повліяло на его возвышеніе. Весною 1553 года Данила Ѳедоровичъ получилъ самостоятельное порученіе. По поводу возмущенія казанцевъ „Арскихъ луговыхъ людей" Адашевъ посланъ былъ на Вятку, велѣно было ему съ Вятчаны и съ дѣтьми боярскими стоять по Камѣ и Вяткѣ, промышлять надъ государевыми измѣнниками казанскими и нагайскими людьми. „И Данила съ Вятчаны стоялъ по Камѣ и по Вяткѣ и по Волгѣ и побивалъ на перевозѣ во многихъ мѣстѣхъ Казанскихъ и Нагайскихъ людей, а живыхъ въ Казань къ воеводамъ прислалъ во все лѣто 240 человѣкъ". Во время болѣзни царя Ивана IV, когда произошелъ извѣстный эпизодъ боярской смуты по вопросу о престолонаслѣдіи, Данилы Ѳедоровича не было въ Москвѣ, онъ все время служилъ въ Казанскомъ краѣ и въ концѣ 1554 года (въ октябрѣ) пріѣзжалъ къ государю съ извѣстіемъ о блестящей побѣдѣ надъ возмутившимися казанцами. Вскорѣ Адашевъ былъ посланъ на воеводство. Въ разрядахъ за 1556 годъ записано: „Во Мценску воевода Данило Ѳедоровичъ Адашевъ да Григорей Жолобовъ сынъ Пушечниковъ". Въ іюлѣ 1556 года Данила Адашевъ былъ еще во Мценскѣ, а въ октябрѣ шелъ уже въ Ливонію воеводою передоваго полка, „а съ нимъ Казанскіе люди изъ Казани и изъ Свіяги и изъ Чебоксари, и Черемиса, и новокрещены..." Адашевъ вмѣстѣ съ князьями В. И. Барбашинымъ и Ю. П. Рѣпнинымъ шелъ впереди главныхъ воеводъ и, разоривъ по литовскому рубежу пространство земли вдоль на полтораста верстъ, а поперекъ на сто верстъ, сошелся съ главнымъ войскомъ подъ Юрьевымъ. Послѣ этого Адашевъ былъ посланъ въ Ивангородъ, вмѣстѣ съ бояриномъ Алексѣемъ Даниловичемъ Басмановымъ, вслѣдствіе извѣстія, что Нарва (Ругодивъ) готова сдаться. Война продолжалась весь 1557 и въ 1558 году. Нарва взята была только послѣ жестокаго приступа, въ которомъ принималъ немалое участіе и Адашевъ. Въ маѣ 1557 года Данила Ѳедоровичъ изъ Нарвы двинулся къ городу Сыренску (Нейшлосъ), подъ которымъ съ нимъ соединился главный воевода князь Ѳедоръ Ивановичъ Троекуровъ. 6-го іюня Сыренскъ сдался: „Чудское озеро все стало въ государевѣ землѣ царя и великаго князя и Нерова рѣка отъ верху и до моря". Награжденные золотыми, воеводы двинулись дальше. Разряды воеводъ мѣнялись нѣсколько разъ, смотря по тому, какія войска сходились или отдѣлялись въ особые отряды. Одно время въ передовомъ полку первымъ воеводою былъ знаменитый князь Андрей Михайловичъ Курбскій, вторымъ Данила Ѳедоровичъ Адашевъ. Часто Адашевъ дѣйствовалъ съ другими воеводами, иногда же и самостоятельно преслѣдовалъ непріятеля. Въ 1558 году воеводы Андрей Шеинъ и Данила Адашевъ взяли Керепеть, Курславль и нѣсколько разъ били ливонцевъ. Побѣды Адашева быстро выдвинули его впередъ: ему сказано было окольничество, а въ февралѣ 1559 года послѣдовало назначеніе первымъ воеводою большаго полка, то-есть главнымъ начальникомъ войскъ, посланныхъ на Днѣпръ. „А велѣлъ государь дѣла своего беречи на Днѣпрѣ и промышляти на Крымскіе улусы". Новый походъ представлялъ большія опасности: посланный для борьбы съ могущественнымъ крымскимъ ханомъ отрядъ былъ слишкомъ незначителенъ. Адашевъ выказалъ необыкновенную смѣлость, энергію и находчивость. Спустившись по Днѣпру, онъ вышелъ въ море, подъ Очаковымъ взялъ въ плѣнъ корабль, немного далѣе другой и высадился на западномъ берегу Крыма. Ханъ, очевидно, не ожидалъ нападенія съ этой стороны. Адашевъ разгромилъ все побережье, разбилъ на голову нѣсколько татарскихъ отрядовъ, пытавшихся его остановить, и съ большимъ полономъ поднялся опять въ устье

Днѣпра. Находясь у Очакова, Адашевъ дипломатично отпустилъ къ турецкимъ пашамъ всѣхъ плѣнныхъ турокъ, чѣмъ и вызвалъ со стороны „Очаковскихъ державцевъ“ личный визитъ, присылку „кормовъ многихъ“ и „государскимъ людемъ почесть великую“. Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей долго преслѣдовалъ подымавшееся по Днѣпру русское войско, но „пошелъ прочь на спѣхъ“, когда Адашевъ остановился у Монастырскаго острова и сталъ готовиться къ битвѣ. На крымскихъ людей „приде отъ Божія промысла и отъ царя православнаго государя страхъ и ужасъ“. Ханъ не рѣшился сразиться съ смѣлымъ полководцемъ. Радость въ Москвѣ была чрезвычайная, походъ Адашева былъ первымъ вторженіемъ русскихъ въ Крымъ. „Прежъ бо сего“, говоритъ лѣтописецъ, „отъ начала, какъ и юртъ крымской сталъ и какъ въ тотъ Корсунской островъ нечестиви бусурмане водворишась, руская сабля въ нечестивыхъ тѣхъ жилищахъ очервлена не бывала“. Воеводы, награжденные золотыми, были вызваны въ Москву. Въ сентябрѣ 1559 года Данила Ѳедоровичъ „съ товарищи“ пріѣхалъ въ Москву, встрѣтивъ на дорогѣ поѣздъ государя, возвращавшагося съ богомолья къ преподобному чудотворцу Сергію. „И государь ихъ за службу пожаловалъ“, прибавляетъ лѣтопись. Казалось, что талантливому воеводѣ предстоитъ блестящая будущность, но судьба рѣшила иначе: онъ погибъ въ цвѣтѣ силъ и способностей. Вернувшись въ Москву, Данила Ѳедоровичъ прожилъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ и въ декабрѣ 1559 года ему поручено было встрѣтить пріѣхавшихъ съ Днѣпра Черкасскихъ атамановъ. Въ 1560 году Данила Адашевъ былъ посланъ опять въ Ливонію: ему порученъ былъ *нарядъ*, то-есть артиллерія. Въ томъ же году, когда начальство надъ одной арміей было поручено князю А. М. Курбскому, Адашевъ былъ съ нимъ вторымъ воеводою большаго полка и участвовалъ какъ во взятіи Феллина, такъ и въ пораженіи бывшаго магистра Фюрстенберга подъ Виттенштейномъ. 30 августа 1560 года воеводы князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій съ товарищи послали къ царю извѣстіе о взятіи Феллина (Вильяна); изъ Москвы послѣдовалъ приказъ оставить въ Вильянѣ воеводами окольничихъ Алексѣя и Данилу Ѳедоровичей Адашевыхъ. Это назначеніе равнялось опалѣ. Скоро Алексѣй Ѳедоровичъ былъ переведенъ въ Дерптъ и тамъ скончался. Данила Ѳедоровичъ пережилъ брата, но не на радость. Въ 1561 году онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Тархомъ, которому въ это время, по свидѣтельству князя Курбскаго, было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Съ Тархомъ Адашевымъ угасла эта фамилія, такъ блестяще выступившая было на историческую сцену.

«Древн. Росс. Вивліоѳика», XIII, стр. 33, 39, 273 и слѣд., 310 и 316. «Разрядная кн.» П. Ѳ. Лихачева, стр. 203 и 245. «Царственная книга», стр. 172 и 184. «Лѣтописецъ Русскій», ч. V, стр. 10—11, 189, 196, 197, 209, 212, 223, 225, 229, 231—233, 279 и слѣд. Рукописныя разрядныя книги подъ 7066 годомъ. «Сказанія князя Курбскаго», Спб. 1842, стр. 92.

Н. Лихачевъ.

Адашевъ, *Ѳедоръ Григорьевичъ*, происходилъ изъ рода костромскихъ вотчинниковъ *Ольговыхъ*. Сынъ Григорія Адаша, внукъ Ивана Головы Ольговыхъ, онъ въ разное время писался Ольговымъ. Головинымъ и Адашевымъ. Будучи служилымъ человѣкомъ по происхожденію, Ѳедоръ Адашевъ въ ранней молодости поступилъ на великокняжескую службу и успѣлъ выдвинуть свой „малопородній“, молодшій родъ. Въ то время, какъ почти ничего неизвѣстно о предкахъ Адашева, его приходится разсматривать, какъ дѣятеля, вписавшаго свое имя на страницы исторіи. Первое упоминаніе Ѳедора Адашева находится въ грамотѣ 1510 года, гдѣ онъ подписался за отца и за себя: „а г духовной грамотѣ Ѳедюк Адашов сынъ Головин руку свою приложил“. Григорій Адашъ Ивановичъ Ольговъ скончался въ 1511 году и, надо думать, оставилъ сына очень молодымъ. Много лѣтъ прослужилъ Ѳедоръ Григорьевичъ въ безвѣстности. Какъ простой сынъ боярскій, онъ медленно повышался по службѣ и не попадалъ въ государевы разряды. Неизвѣстно, какъ проходилъ онъ службу; онъ встрѣчается въ 1536 году уже при Московскомъ дворѣ однимъ изъ такихъ дѣтей боярскихъ „лучшихъ“, которые, хотя въ Думѣ и не живутъ, но посылаются во всякія посылки и на воеводства по городамъ. При пріемѣ польскаго посла Никодима Техоновскаго 13 августа 1536 года записано: „А съ медомъ подчивать Никодима послалъ князь великій къ нему на подворье Ѳедора

Адашева сына *Олгова*, а съ нимъ пять сыновъ боярскихъ молодыхъ...". Судя по этому порученію, слѣдуетъ думать, что Адашевъ былъ въ это время стольникомъ. Черезъ два года Ѳедоръ Григорьевичъ получилъ важное и отвѣтственное порученіе: его назначили въ посольство въ Константинополь. Въ лѣтописи записано подъ 7047 годомъ: „Тояжъ осени, декабря 26 (1538 года), великій князь послалъ въ царствующій градъ къ Турскому Салтану Ѳедора Григорьевича Адашева, да съ нимъ подъячего Никиту Бернядинова да сокольника съ кречаты по Салтанову прошенію...". О посольствѣ Адашева упоминается въ грамотѣ (отъ ноября 1569 года) къ султану Селиму, отправленной съ гонцомъ Иваномъ Петровичемъ Новосильцовымъ въ 1570 году: „...А мы какъ учинились на своихъ государствахъ после отца своего великаго государя и мы къ отцу твоему къ великому государю посылали известити свое государьство своего ближнего человѣка Ѳедора Григорьева сына Адашева...". Въ малолѣтство Грознаго Адашеву удалось устроить двухъ своихъ сыновей стряпчими при государевомъ постельничемъ. По роду службы молодые Адашевы, бывшіе по всѣмъ соображеніямъ только на нѣсколько лѣтъ старше юнаго государя, часто встрѣчались съ великимъ княземъ и естественно съ нимъ сблизились. Самъ Ѳедоръ Григорьевичъ исполнялъ въ это время разнообразныя порученія. Такъ, напримѣръ, въ 1542—43 гг. онъ вмѣстѣ съ княземъ Романомъ Дашковымъ описывалъ Замосковскую волость въ Вохнѣ. Съ того момента, какъ Иванъ IV освободился отъ боярской опеки, началось быстрое возвышеніе Адашевыхъ. Въ 1547 году Ѳедору Григорьевичу Адашеву было сказано *окольничество*. Когда, 11 декабря 1547 года, царь Иванъ впервые выступилъ изъ Москвы, чтобы идти ратью на Казань, въ числѣ окольничихъ, его сопровождавшихъ, упомянутъ и Адашевъ. Ѳедоръ Григорьевичъ сопровождалъ государя во всѣхъ его походахъ на Казань. Въ 1550 году, послѣ неудачнаго похода, рѣшено было построеніе города Свіяжска въ 20 верстахъ отъ Казани, причемъ Ѳедоръ Адашевъ находился въ числѣ воеводъ, распоряжавшихся и охранявшихъ постройку. Тѣ же воеводы (съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Микулинскимъ во главѣ) оставлены были годовать въ Свіяжскѣ первый годъ. Когда царь Иванъ IV со всѣмъ войскомъ подходилъ къ Свіяжску, его встрѣтили за день пути всѣ воеводы съ Свіяги. А еще раньше свіяжскимъ воеводамъ была прислана (съ Ѳедоромъ Черемисиновымъ) царская благодарность. Въ городѣ принялъ царя 13 августа князь Петръ Ивановичъ Шуйскій съ товарищами. Ѳедоръ Адашевъ сопровождалъ государя къ самой Казани. Послѣ того, какъ государевы полки расположились подъ Казанью, 23 августа 1552 года, бояре и окольничіе были раздѣлены на восемь смѣнъ: велѣно было имъ по ночамъ по очереди „ездити кругъ города по полкамъ для береженья". Въ шестой смѣнѣ написаны бояринъ князь Петръ Семеновичъ Серебряной да окольничій Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ. Послѣ паденія Казанскаго царства Ѳедоръ Адашевъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Москвѣ, принимая дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Боярской Думы. Вліяніе Адашевыхъ дошло до апогея. Занимая второстепенныя мѣста въ чиновной іерархіи, они фактически стояли во главѣ управленія. Опасная болѣзнь царя Ивана, случившаяся въ 1553 году, неожиданно подорвала въ корнѣ могущество „избранной рады". Болѣзнь государя приняла настолько опасный оборотъ, что находившійся „въ приближеніи" дьякъ Иванъ Висковатый рѣшился напомнить больному о духовной. Возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Двоюродный братъ царя князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій рѣшительно отказался цѣловать крестъ малолѣтнему наслѣднику престола царевичу Димитрію. Часть бояръ стояла за князя Владиміра, открыто заявляя убѣжденіе: „Какъ де служити малому мимо стараго". „И бысть межъ бояръ", разсказываетъ лѣтопись, „брань велія и крикъ, и шумъ великъ, и слова многія бранныя". Все это происходило на глазахъ больнаго государя и производило, конечно, ужасающее, неизгладимое впечатлѣніе. „И видѣвъ царь и великій князь боярскую жестокость и почалъ имъ говорити такъ: „коли вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, инъ то у васъ иной государь есть, а цѣловали есте мнѣ крестъ и не одинова, чтобы есте мимо насъ иныхъ государей не искали". Изнеможеніе и волненіе слышится въ дальнѣйшихъ, едва ли не оффиціально записанныхъ, словахъ больнаго царя: „И

азъ съ вами говорити не могу много, а вы свои души забыли, а намъ и нашимъ дѣтемъ служити не хочете". Въ этотъ рѣшительный моментъ Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ явился выразителемъ мнѣній той боярской партіи, которая отказывалась цѣловать крестъ. Онъ „учалъ противу государевыхъ рѣчей говорити" и возражалъ такъ: „Вѣдаетъ Богъ да ты Государь! Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Дмитрею крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Даніилу съ братіею не служити; сынъ твой, государь нашъ, еще въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Даніилу съ братіею, а мы ужъ отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видали многіе". Выздоровленіе Ивана IV положило конецъ распрѣ; повидимому, все было забыто (бояре все-таки въ концѣ концовъ всѣ присягнули), но ни царь, ни родственники царицы—Захарьины—естественно не могли забыть словъ смѣлаго Адашева. По наружности все осталось, какъ было до болѣзни государя: тѣ же лица стояли во главѣ управленія, тѣ же лица оказывали вліяніе на государственныя дѣла; Адашевы получали награды и повышенія, но на самомъ дѣлѣ не доставало лишь толчка, чтобы Иванъ IV, привыкшій подчиняться совѣтамъ „избранной рады", освободился отъ своихъ руководителей и отомстилъ тѣмъ, которые лишились его довѣрія въ роковыя минуты смертнаго страха за участь сына. Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ послѣ болѣзни царя получилъ повышеніе: въ томъ же 1553 году ему было сказано *боярство*, въ слѣдующемъ (7062=1553—4) году онъ былъ отправленъ *вторымъ* воеводою въ Казань, но можно сказать съ увѣренностію, что только своевременная смерть спасла его отъ печальной судьбы сыновей. Умеръ Ѳедоръ Григорьевичъ въ 1556 году, принявъ передъ смертію монашество и имя *Арсенія*. На поминовеніе души его сыновья дали вкладъ въ Кирилобѣлозерскій монастырь—большую по тому времени сумму—200 рублей. Въ Казани, какъ память о воеводѣ Адашевѣ, осталась великолѣпно изукрашенная икона, подробно описанная въ писцовыхъ книгахъ 1566 — 68 годовъ. Долгую службу прошелъ Ѳедоръ Григорьевичъ прежде, чѣмъ достигъ высоты почестей и сталъ бояриномъ; хотя свѣдѣній о немъ мало, однако и эти немногіе факты рисуютъ его человѣкомъ большихъ способностей, настойчивымъ, рѣшительнымъ и прямодушнымъ.

«Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. LIX, стр. 44. «Лѣтописецъ Русскій», ч. IV, стр. 114. «Турецкіе статейные списки», кн. 2 (1569—1590), л 4. «Акты Археогр. Экспедиціи», т. I, стр. 279. «Разрядная книга», П. Ѳ. Лихачева, стр. 176. «Царственная книга», стр. 165, 338 и слѣд. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 305 и 258. «Древн. Росс. Вивліоѳика», ч. XX, стр. 39. Разряды подъ 7062 годомъ: «Тогожь году царь и великій князь бояръ своихъ и воеводъ боярина князя Михаила Васильевича *Глинского* да боярина Ѳедора Григорьевича *Адашева* да князь *И. А. Куракина*, да князь *Д. И. Хилкова*, да князь *ѳ. И. Кашина*. А въ городничихъ велѣлъ быти М. Д. Ласкиреву да Григорью Нечаеву сыну *Карамышеву*...» «Записки Имп. Археолог. Общ.», т. I (Спб. 1851), стр. 70. «Списокъ съ писцовыхъ книгъ 7074—76 годовъ по г. Казани съ уѣздомъ» (Казань, 1877, 8°), стр. 11. *Н. Лихачевъ.*

Адѳлунгъ, *Ѳедоръ Павловичъ* (Friedrich von Adelung), **род. 25-го февраля н. ст. 1768 года, въ Штеттинѣ; умеръ 18-го января 1843 года, въ С.-Петербургѣ.** Первоначально обучался въ штеттинской общественной школѣ, а въ 1780 г. былъ посланъ въ Лейпцигъ. къ своему дядѣ, знаменитому лингвисту І. Хр. Аделунгу, который вызвался заботиться о его дальнѣйшемъ воспитаніи; сначала онъ посѣщалъ школу при церкви св. Николая, а затѣмъ, послѣ Пасхи 1787 г., Лейпцигскій университетъ, посвятивъ себя изученію правовѣдѣнія и философіи. Собравшись защищать диссертацію „De investitura per vexillum", Аделунгъ въ 1790 г. отправился путешествовать и покинулъ мысль опредѣлиться доцентомъ при Лейпцигскомъ университетѣ. Побывавъ въ Вѣнѣ, Венгріи, Италіи и Сициліи, Аделунгъ въ 1793 г. отправился въ Ригу, откуда, вмѣстѣ съ полковникомъ графомъ Броунъ (Browne), сыномъ тогдашняго лифляндскаго генералъ-губернатора, снова началъ путешествовать, преимущественно по Германіи. Въ 1795 г. Аделунгъ переселился въ Митаву, гдѣ получилъ мѣсто секретаря въ приказѣ общественнаго призрѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ состоялъ частнымъ секретаремъ курляндскаго генералъ-губернатора графа Палена. Въ 1797 г., по приглашенію своего друга, придворнаго банкира барона Ралля, Аделунгъ поселился въ Петербургѣ и, въ качествѣ его компаньона, года два занимался коммерческими дѣлами. Въ 1800 г., онъ былъ назначенъ цензоромъ при с.-петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ, а въ слѣдующемъ году—директоромъ того же театра. Въ ноябрѣ 1803 г., Аделунгъ былъ

опредѣленъ наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ 1818 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а въ 1824 г.—начальникомъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при Азіятскомъ департаментѣ. Эту должность онъ занималъ до самой смерти своей. Состоя начальникомъ, Аделунгъ приложилъ много стараній для составленія при отдѣленіи библіотеки по части востоковѣдѣнія и нумизматической коллекціи. Литературно-ученая дѣятельность Аделунга была довольно разнообразна. Въ молодости, во время продолжительнаго пребыванія въ Римѣ, онъ ознакомился съ хранившимися, въ то время, въ Ватиканской библіотекѣ памятниками древне-германской поэзіи, о которыхъ онъ сообщилъ въ двухъ изданіяхъ: 1) „Nachrichten von altdeutschen Gedichten, welche aus der Heidelbergischen Bibliothek in die Vaticanische gekommen sind“ (Königsberg, 1796. 8°), и 2) „Altdeutsche Gedichte in Rom“ (Тамъ же, 1799. 8°). Пребываніемъ въ Митавѣ Аделунгъ воспользовался для изученія Курляндской губерніи, о которой собирался написать обширное сочиненіе, но успѣлъ, однако, напечатать одинъ только планъ подъ заглавіемъ: „Entwurf einer statistischen Beschreibung des kurländischen Gouvernements“. (St.-Petersburg, 1800. 4°). Переселившись въ С.-Петербургъ, Аделунгъ предался усиленной научной дѣятельности, которая сосредоточивалась преимущественно на библіографическихъ, лингвистическихъ и археологическихъ изслѣдованіяхъ. Онъ принималъ участіе въ издававшемся академикомъ Шторхомъ историческомъ журналѣ: „Russland unter Alexander dem Ersten“ и помѣстилъ въ немъ (томы 6-ой и 8-ой) описаніе собранія рукописей Дубровскаго. Въ томъ же журналѣ (т. 9, стр. 1—274) появилось составленное Аделунгомъ, вмѣстѣ съ академикомъ Шторхомъ, „Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ“. Второй томъ этого труда, касающійся „иностранной“ литературы и вышедшій въ 1811 г., составленъ однимъ Аделунгомъ, который перечислилъ изданныя въ Россіи, въ означенный періодъ, сочиненія на 24-хъ иностранныхъ языкахъ. Особенно плодотворна была его ученая дѣятельность по языковѣдѣнію, которымъ онъ не переставалъ заниматься до преклонныхъ лѣтъ. Изъ сочиненій его, касающихся лингвистики, слѣдуетъ назвать: 1) „Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. Présentés à l'Académie Impériale Russe“.(St.-Pétersbourg, 1811. 4°); изданное безъ имени автора, сочиненіе это вызвало протестъ со стороны извѣстнаго оріенталиста Клапрота, утверждавшаго, что большая часть матеріала въ немъ заимствована изъ рукописи, которую онъ, Клапротъ, сообщилъ Императорской Академіи Наукъ въ 1809 г.; русскій переводъ Фрейганга появился въ томъ же году. 2) „Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde“. (St.-Petersburg, 1815. 4°); появилось въ русскомъ переводѣ извлеченіе изъ этого сочиненія (32 стр. въ 8°). 3) „Uebersicht aller Sprachen und ihrer Dialekte“. (St.-Petersburg, 1820. 8°). 4) „Nachträge zu dem ersten (und zweiten) Theil des Mithridates“. Эти дополненія составляютъ значительную часть (стр. 1—272 и 361—417) IV-го тома извѣстнаго сочиненія І. Хр. Аделунга (продолженнаго И. С. Фатеромъ и вышедшаго въ Берлинѣ, въ 1817 г.), подъ заглавіемъ: „Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde“. 5) „Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache“. (St.-Petersburg, 1830. 8°). Второе значительно исправленное и дополненное изданіе этого сочиненія появилось подъ заглавіемъ: „Bibliotheca Sanscrita. Literatur der Sanscrit-Sprache“.(St.-Petersburg, 1837. 8°). Англійскій переводъ перваго изданія вышелъ въ Оксфордѣ, въ 1832 году. По археологіи Россіи важнѣйшимъ трудомъ Аделунга было сочиненіе о такъ-называемыхъ Корсунскихъ вратахъ въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ: „Die Korssùnschen Thüren in der Kathedralkirche zur Heiligen Sophia in Nowgorod“. Berlin, 1823. 4°; русскій переводъ П. Артемова изданъ въ Москвѣ, въ 1834 году (225 стр. въ 4 д. л., съ 9-ю грав.). *Корсунскими* Аделунгъ называетъ входныя двери изъ западнаго портала въ соборъ, тогда какъ, по преданію, вывезенныя св. Владиміромъ изъ Корсуня врата служатъ входомъ въ придѣлъ Рождества Богородицы; на основаніи тщательнаго разбора всѣхъ отдѣльныхъ фигуръ, изображенныхъ на этихъ вратахъ, Аделунгъ предполагалъ что онѣ германскаго происхожденія. Слѣдуетъ упомянуть еще о сочиненіяхъ: 1)

„Vorschlag zu einem Russischen National-Museum“, въ газетѣ „Der Russische Invalide“, 1817 г., №№ 100 и 101; также въ отдѣльныхъ оттискахъ: въ русскомъ переводѣ въ „Сынѣ Отечества“ того же года. 2) „Über die älteren ausländischen Karten von Russland“, въ Baer und Helmersen's Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. 4 (1840—41), p. 1—52; русскій переводъ „О древнихъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года“ помѣщенъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., т. 26, 1840 г., стр. 1—26, 73 — 98. Но наиболѣе важными являются труды Аделунга о сказаніяхъ иностранцевъ, путешествовавшихъ по Россіи. Въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ своей жизни онъ неутомимо собиралъ разбросанный по разнымъ странамъ Европы матеріалъ; частью онъ и самъ исчерпалъ, въ этомъ отношеніи, библіотеки Рима, Лондона, Вѣны и Вольфенбюттеля. Самому ему удалось издать лишь двѣ крупныя монографіи, касающіяся сказаній путешествовавшихъ по Россіи иностранцевъ: 1) „Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland geschildert“. (St.-Petersburg, 1818. 8°), и 2) „Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland. Nebst einer von ihm auf dieser Reise veranstalteten Sammlung von Ansichten, Gebräuchen, Bildnissen u. s. w.“ (St.-Petersb., 1827. 8°), съ атласомъ in folio. (Въ томъ же году появился и русскій переводъ). Кромѣ того, Аделунгъ помѣстилъ еще нѣсколько относящихся сюда замѣтокъ въ „St.-Petersburgische Zeitung“ 1840 и 1841 годовъ. Главная же часть собраннаго имъ матеріала оставалась ненапечатанною и была издана лишь послѣ смерти его, въ 1846 году, сыномъ его Николаемъ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Kritisch - literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind“. (St.-Petersburg, 1846, gr. 8°). Трудъ этотъ, при всѣхъ погрѣшностяхъ, вкравшихся въ него, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ науку и пока еще не замѣненъ болѣе новымъ подобнымъ изслѣдованіемъ. Въ виду важности этого труда, Академія Наукъ, на основаніи рецензіи, представленной академикомъ Бэромъ, удостоила полной Демидовской преміи. Русскій переводъ этого сочиненія, къ сожалѣнію, не оконченный, помѣщенъ въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ 1848, 1863 и 1864 годовъ. По смерти Аделунга осталось богатое собраніе книгъ и рукописей, о которомъ появилась статья академика Шегрена въ „St.-Petersburgische Zeitung“, 1844, № 210 (въ русскомъ переводѣ въ С.-Петерб. Вѣдом., 1844 г., №№ 231 и 232). Драгоцѣнная, въ научномъ отношеніи, коллекція эта, по Высочайшему повелѣнію 31 декабря 1858 г., пріобрѣтена за 5.000 р. у наслѣдниковъ покойнаго для библіотекъ с.-петербургскаго университета и Императорской Публичной. Въ эту послѣднюю поступилъ весь рукописный матеріалъ, который собиралъ Аделунгъ въ теченіе 35-ти лѣтъ. Онъ содержитъ въ себѣ: 1) всѣ матеріалы, оффиціально собранные академикомъ Палласомъ, для изданныхъ имъ, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, сравнительныхъ словарей, подъ заглавіемъ: „Vocabularia linguarum totius orbis“; 2) собранные Бакмейстеромъ, для предположеннаго имъ „Сравненія языковъ“, рукописные переводы изданныхъ имъ съ этою цѣлью образцовъ словъ и реченій; 3) матеріалы, собранные Мурромъ, въ Нюрнбергѣ, для неоконченной имъ „Bibliotheca glottica“; 4) составленное Рюдигеромъ въ Галле, для сравнительнаго языкознанія, и пріобрѣтенное, чрезъ посредство Фатера, собраніе образцовъ разныхъ языковъ; 5) всѣ словари, собранные гг. Меркомъ и Робекомъ въ экспедиціи Биллингса; 6) всѣ собранія словъ, составленныя каммергеромъ Резановымъ въ путешествіе Крузенштерна; 7) большое количество собраній словъ, составленныхъ въ разныхъ частяхъ Сибири и на сѣверо-западномъ берегу Америки; 8) подробные словари сѣверо-американскихъ языковъ, пріобрѣтенные чрезъ посредство Дюпонсо, и др.

Въ своихъ «Замѣткахъ о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1878 г., ч. 197, стр. 1—28) г. Е. Козубскій сообщилъ нѣкоторыя исправленія и дополненія къ труду Аделунга. «Отчетъ» о XIV присужденіи Демидовскихъ премій, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1845 г., ч. 47, отд. III, стр. 3—13. *Ѳ. Кеппенъ.*

Адельманъ (G. F. B. Adelmann), *Георгій Викентьевичъ*, заслуженный профессоръ дерптскаго университета, д. с. с., род. въ г. Фульдѣ 16 (28) іюня 1811 г., умеръ 3 (15) іюня 1888 г. въ Берлинѣ. Онъ слушалъ курсы медицин-

скихъ наукъ въ Марбургскомъ университетѣ и въ 1832 г. получилъ тамъ дипломъ доктора медицины, занявъ затѣмъ каѳедру приватъ-доцента и вступивъ въ дѣйствительные члены тамошняго общества естественныхъ наукъ. Во 2-й половинѣ 1841 г., вслѣдствіе перевода Пирогова на службу въ Спб., по рекомендаціи Хеліуса, былъ приглашенъ на каѳедру хирургіи въ Дерптскій университетъ, гдѣ и прослужилъ до 1871 г., удалившись послѣ того въ Германію съ пенсіею. Со времени занятія каѳедры онъ завѣдывалъ университетскою клиникою, что давало ему возможность наблюдать и изслѣдовать любопытные случаи развитія болѣзней. По матеріаламъ, добытымъ въ клиникѣ, написаны имъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненія: 1) Отчетъ о важнѣйшихъ болѣзняхъ и операціяхъ 1841—1842 г. 2) „Die ansteckenden Krankheiten der Geschlechtstheile, in Dorpat und dessen Umgegend", помѣщенные въ „Medicinische Zeitung Russland's", 1844 года, № 43, (стр. 337—342); тамъ же, 1846 г. № 10, появились „Über die Verbindung der Lungenschwindsucht mit Geistes Krankheiten" и въ № 49 „Cantoplastik" (стр. 388). Отдѣльно напечатано имъ къ юбилею дерптскаго университета, „Untersuchungen über Krankheits' Zustände der Oberkieferhöhle" 4°—64 стр.), sine anno. Въ войнѣ 1853 — 56 г., участвовало въ качествѣ врачей нѣсколько хорошихъ хирурговъ, учившихся у Адельмана, который и вступилъ въ службу при арміи, въ качествѣ военнаго врача 5-го класса. Онъ ввелъ въ употребленіе свой способъ наложенія гипсовыхъ перевязокъ, испытавъ выгоды ихъ на практикѣ въ университетской клиникѣ.

«Обзоръ дѣятельности Дерптск. университета 1802—63 г.», стр. 25—26. Medicinische Zeitung Russlands. Въ каталогѣ «Rossica», въ I томѣ, на стр. 12, подъ словомъ «Adelmann», указаны: «Uebersicht der in 2 Semester 1841 und im Jahre 1842 in dem chirurgischen Klinikum der Universität zu Dorpat behandelten Krankheiten und verrichteten Operationen» и «Ernst August Carus. Eine biographische Skizze», Dorpat 1854. 8°.

Адеркасъ, жена генерала, родилась въ Пруссіи и, овдовѣвъ, жила въ Гамбургѣ, въ то время (1731 г.), когда пригласили ее въ Петербургъ гувернанткой къ 12-тилѣтней принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ, единственной племянницѣ Императрицы Анны Ивановны. По словамъ Маньяна, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, опредѣленіемъ этимъ она обязана была прусскому посланнику барону Мардефельду ея родственнику. По мнѣнію лэди Рондо, лично знавшей г-жу Адеркасъ, выборъ этотъ былъ вполнѣ удаченъ, такъ какъ Адеркасъ обладала весьма обширными свѣдѣніями и вообще была личностью, выдающеюся по уму и развитію. Наоборотъ, въ „Запискахъ" Миниха помѣщенъ о ней неблагопріятный отзывъ. 28 іюня 1735 г., г-жа Адеркасъ, по распоряженію Императрицы Анны Ивановны, была внезапно выслана изъ Петербурга черезъ Кронштадтъ въ Любекъ. Подробности этой высылки описаны англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Рондо, въ донесеніи его лорду Гаррингтону отъ 28 іюня 1735 г.

Депеша Маньяна Шовелену отъ 15 февр. 1731 г. «Русск. Старина» т. 26, стр. 598, т. V (1873 г.) 8, стр. 49. «Письма лэди Рондо». XXIV и XXVI (изд. Шубинскаго), стр. 127. «Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.», (изъ донесенія г. Рондо лорду Гаррингтону), томъ 76, стр. 413, 462. Депеши № 202, отъ 28 іюня (9 іюля) 1735 г.

Адеркасъ, *Фридрихъ - Вильгельмъ-Карлъ*, род. 19 (30) іюня 1767 года, въ Бреславлѣ; умеръ 16 (28) марта 1843 г. въ Гернгутѣ. Въ 1782 г., вступилъ, въ прусскую военную службу; въ 1798 г. былъ назначенъ профессоромъ кадетскаго корпуса въ Берлинѣ. Съ 1802 по 1804 г. состоялъ редакторомъ „Denkwürdigkeiten der militärischen Gesellschaft zu Berlin". Въ 1804 г. перешелъ на брауншвейгскую службу директоромъ пажескаго корпуса въ Брауншвейгѣ. Когда же, въ концѣ 1806 г., это герцогство попало въ руки французовъ, онъ переселился въ Вернигероде къ графу Стольбергу, гдѣ жилъ до 1810 г. Въ этомъ году онъ снова поступилъ на военную службу и былъ избранъ, въ 1819 г., профессоромъ военныхъ наукъ Дерптскаго университета. Когда 1830 г. эта каѳедра была упразднена, Адеркасъ удалился въ Дрезденъ и умеръ въ Гернгутѣ.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-Lexikon», т. I, стр. 10; Nachträge, стр. 2.

К. Феттерлейнъ.

Адеркасъ, *Еммануилъ Богдановичъ*, род. въ 1782 г., умеръ въ 50-хъ годахъ. При Александрѣ I былъ членомъ сначала комитета Императорскаго человѣколюбиваго общества, а затѣмъ главнаго управленія училищъ. Въ 1852 г. Адеркасъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и затѣмъ управлялъ домомъ призрѣнія убогихъ Им-

нераторскаго человѣколюбиваго общества (Порошинская богадѣльня). Адеркасъ состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго общества испытателей природы.

Шлунъ (рукописный сборникъ), кн. VIII, стр. 465 Адресъ-календари 1810—55 годовъ.

Адлербергъ, *Владиміръ Ѳедоровичъ*, до 1829 года значится въ спискахъ *Эдуардомъ Ѳедоровичемъ*, съ 1 іюля 1847 г. графъ, министръ Императорскаго Двора (съ 30 августа 1852 г. по 17 апрѣля 1870 г.), род. 10 ноября 1791, умеръ 8 марта 1884 года. Онъ былъ младшимъ сыномъ полковника русской службы *Густава Фридриха Адлерберга* (Ѳедора Яковлевича), родившагося 24 октября 1738 года и умершаго 24 сентября 1794 года отъ душевной болѣзни, причиненной ему ужасами пожара въ Выборгѣ. В. Ѳ. былъ вторымъ ребенкомъ отъ втораго брака своего отца (съ 25 сентября 1785 года) съ Анной-Шарлоттой-Юліаной *Банковутъ* (Юліею Ѳедоровною). В. Ѳ. Адлербергъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и выпущенъ прапорщикомъ (14 декабря 1811 года), въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Принимая участіе въ компаніяхъ 1812—1814 годовъ, особенно отличился въ сраженіи подъ Бородинымъ, а также въ битвахъ при Люценѣ и Бауценѣ. Назначенный 2 мая 1817 г. адъютантомъ къ Великому Князю Николаю Павловичу, В. Ѳ. не разлучался съ нимъ до самой кончины Императора, въ теченіе 39 лѣтъ всюду сопровождая его, исполняя самыя довѣренныя порученія и замѣняя секретаря въ походахъ и путешествіяхъ. Въ 1817 г. женился на фрейлинѣ—племянницѣ друга Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Екатерины Ивановны Нелидовой,—*Маріи Васильевнѣ Нелидовой* (род. въ 1800 г., умерла 25 авг. 1870 г., статсъ-дамою Императрицы Маріи Александровны, пожалованная въ это званіе 26 авг. 1856 г.). Въ 1820 году — полковникъ, черезъ три года затѣмъ управляющій канцеляріею генералъ-инспектора по инженерной части, а при воцареніи Николая I, флигель-адъютантъ, В. Ѳ. былъ помощникомъ правителя дѣлъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о бунтѣ 14 декабря 1825 года. Въ этотъ день, утромъ, при первомъ извѣстіи о безпорядкахъ въ городѣ, Адлербергъ привезъ изъ Аничковскаго дворца въ Зимній Наслѣдника Престола. Послѣ этого, Адлербергъ былъ посланъ успокоить Императрицъ и находился при Ихъ Величествахъ до прибытія Государя. Назначенный 25-го марта 1828 года директоромъ канцеляріи начальника Главнаго Штаба, В. Ѳ. сопровождалъ Императора въ турецкую кампанію въ дѣйствовавшей арміи. 25-го іюня произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества, а 29 сентября пожалованъ въ генералъ-адъютанты. 1-го мая 1832 года состоялось назначеніе Адлерберга начальникомъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи и членомъ Военнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ году, 6-го декабря—производство въ генералъ-лейтенанты. Будучи начальникомъ канцеляріи, В. Ѳ. управлялъ неоднократно Военнымъ Министерствомъ, на правахъ товарища министра. Въ 1841 г. Адлербергъ получилъ въ управленіе почтовый департаментъ, а по смерти князя А. Н. Голицына утвержденъ (27 марта 1842 г.) главноначальствующимъ надъ этимъ департаментомъ. 10 октября 1843 года Адлербергъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи: 7 апрѣля 1846 г. пожалованъ ему орденъ св. Владиміра 1-й степени, а 22 августа 1849 г. награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Почти пятнадцатилѣтнее управленіе В. Ѳ. почтовымъ департаментомъ ознаменовалось, между прочимъ, введеніемъ у насъ почтовыхъ марокъ. По смерти князя П. М. Волконскаго (30 авг. 1852 г.), графъ Адлербергъ назначенъ министромъ Императорскаго двора и въ этой должности состоялъ 20 лѣтъ, до потери зрѣнія. Императоръ Николай I оставилъ ему по завѣщанію пенсію въ размѣрѣ 15.000 руб. въ годъ. Въ завѣщаніи этомъ Императоръ Николай I называетъ графа Адлерберга своимъ другомъ и товарищемъ. По восшествіи на престолъ Императора Александра II, графъ В. Ѳ., при Высочайшемъ рескриптѣ удостоился получить украшенный бриллiантами портретъ Императора Николая I, 8-го апрѣля 1856 года назначенъ командующимъ Императорскою главною квартирою, 26 августа получилъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, а 10 ноября—званія канцлера россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ и министра удѣловъ. Уволенный 1 января 1857 г., по прошенію, отъ должности главноначальствующаго надъ почтовымъ департамен-

томъ графъ В. Ѳ. 3-го января назначенъ членомъ „Секретнаго“ (впослѣдствіи Главнаго) комитета по крестьянскому дѣлу, а 31-го декабря—Высочайше учрежденнаго комитета для устройства быта крестьянъ удѣльныхъ, государевыхъ, дворцовыхъ и заводскихъ. Получивъ, при особомъ рескриптѣ 8-го сентября 1859 года украшенный алмазами портретъ, съ изображеніемъ Императоровъ Александра II и Николая I, графъ Адлербергъ въ 1861 году, по случаю 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, назначенъ шефомъ 22-го пѣхотнаго Смоленскаго полка и 5-ой роты лейбъ-гвардіи Московскаго. 4-го апрѣля 1865 г. графъ В. Ѳ. былъ назначенъ шефомъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка, 17 апрѣля 1870, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ занимаемыхъ должностей, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 29-го сентября 1878, въ день 50-лѣтія службы въ генеральскихъ чинахъ, назначенъ 2-мъ шефомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка.

Адлербергъ, графъ, *Александръ Владиміровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, министръ Императорскаго Двора и удѣловъ, канцлеръ россійскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ, членъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, род. 1 мая 1818 г., въ Москвѣ, умеръ 22 сентября 1888 г., послѣ тяжкой болѣзни, въ Мюнхенѣ. Графъ Александръ Владиміровичъ былъ сыномъ Владиміра Ѳедоровича и Маріи Васильевны Адлербергъ, рожденной Нелидовой. Воспитаніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ 2 августа 1836 г. Въ томъ же году, 6 сентября, онъ былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. Въ 1838 г. произведенъ въ подпоручики (3 апрѣля), а въ слѣдующемъ году (25 іюня)—въ поручики, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству. Въ 1841 г. командированъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, на Кавказъ, въ отряды войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Шамиля, и, находясь при командирѣ отдѣльнаго корпуса, генералѣ-отъ-инфантеріи Головинѣ, принималъ участіе въ экспедиціи въ Дагестанъ; приэтомъ, за оказанное имъ боевое отличіе, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ (31 октября 1842 г.). Спустя три года, произведенъ въ чинъ капитана (17 марта 1845 г.). Въ 1850 г., въ чинѣ полковника, сопровождалъ Наслѣдника Цесаревича во время путешествія по Кавказу, участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами, и за отличіе, оказанное при пораженіи чеченцевъ у р. Рошнеи, награжденъ золотою полусаблею съ надписью „за храбрость“ (30 декабря 1850 г.). Въ 1852 г. графъ Александръ Владиміровичъ временно управлялъ Дворомъ Наслѣдника Цесаревича и исправлялъ должность секретаря Государыни Цесаревны. При вступленіи на престолъ Императора Александра II, 19 февраля 1855 года, графъ Адлербергъ назначенъ флигель-адъютантомъ; 17 апрѣля того же года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества; въ томъ же году (10 іюня) ему поручено было завѣдываніе особымъ отдѣленіемъ военно-походной канцеляріи для собственныхъ дѣлъ Его Величества; 18 октября назначенъ управляющимъ дѣлами Императорской главной квартиры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1859 г., 24 января, назначенъ членомъ комитета по дѣламъ книгопечатанія, а черезъ годъ—членомъ главнаго управленія цензуры. Въ 1861 г., 16 апрѣля, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ командующимъ Императорскою главною квартирою (23 апрѣля), а въ 1866 г.—сначала членомъ Военнаго Совѣта (15 марта), а затѣмъ (28 октября) членомъ Государственнаго Совѣта и членомъ комитета для пересмотра проектовъ новыхъ военно-судебныхъ установленій. Въ 1867 г. графъ Адлербергъ временно управлялъ Министерствомъ Императорскаго Двора, а 19 октября того же года назначенъ товарищемъ министра Императорскаго Двора и удѣловъ. Произведенный 30 августа 1869 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, графъ Александръ Владиміровичъ въ слѣдующемъ году (17 апрѣля) назначенъ министромъ Императорскаго Двора и удѣловъ, а въ 1871 г. пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго съ брилліантами, при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Съ первыхъ дней вступленія вашего на служебное поприще, вы, по избранію Любезнѣйшаго Родителя Моего, были назначены состоять при Мнѣ, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 35-ти лѣтъ, почти неотлучно на-

ходились при Моей Особѣ. Въ продолженіе этого времени, постоянно обращая на себя вниманіе отличнымъ и ревностнымъ исполненіемъ какъ прямыхъ вашихъ обязанностей, такъ и особыхъ, лично Мною возлагаемыхъ на васъ порученій, вы явили несомнѣнныя доказательства глубокой преданности Мнѣ и Моему Семейству, и тѣмъ пріобрѣли Мое полное довѣріе къ вамъ и душевное расположеніе. Нынѣ въ знаменательный для Меня и всего Семейства Моего день исполнившагося 30-тилѣтія Моей супружеской жизни, Я съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю о васъ, какъ постоянномъ и ближайшемъ свидѣтелѣ Моихъ семейныхъ радостей и одномъ изъ усерднѣйшихъ и опытнѣйшихъ исполнителей Моихъ предначертаній въ дѣлахъ государственныхъ". Въ 1871 году состоялось также назначеніе графа Александра Владиміровича канцлеромъ россійскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ и предсѣдателемъ особой коммиссіи для обсужденія вопроса о замѣщеніи должностей гражданскаго вѣдомства исключительно гражданскими чиновниками. Въ 1877 г., находясь неотлучно при Государѣ во время войны съ Турціею, графъ Александръ Владиміровичъ былъ назначенъ шефомъ 44-го пѣхотнаго Камчатскаго полка. 17 августа 1881 г., по разстроенному здоровью, графъ Александръ Владиміровичъ уволенъ отъ должностей министра Двора и удѣловъ, канцлера россійскихъ орденовъ и командующаго Императорскою главною квартирою. 15 мая 1883 г., въ день Священнаго Коронованія Императора Александра III, ему пожалованы бриллiантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ: „Въ великій для Меня день Священнаго Моего Коронованія, Я съ удовольствіемъ вспоминаю, что при праздновании того же торжества въ Бозѣ почившій Родитель Мой уже считалъ васъ въ числѣ Своихъ приближенныхъ. Неизмѣнная и нелицепріятная преданность ваша Ему и всему Нашему Семейству, выразившаяся годами непрерывнаго, неутомимаго служенія, пріобрѣла вамъ чрезвычайное благорасположеніе Незабвеннаго Моего Родителя и безусловную съ Моей стороны благодарность. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Я былъ свидѣтелемъ какъ особеннаго довѣрія, съ коимъ покойный Императоръ возлагалъ на васъ порученія первостепенной важности, такъ и той усердной старательности, коею неизмѣнно сопровождалось исполненіе вами ввѣренныхъ вамъ дѣлъ. Желая явить вамъ сегодня новое доказательство той сердечной признательности, съ коей Я оцѣняю многолѣтнія заслуги ваши, жалую вамъ препровождаемые при семъ бриллiантовые знаки ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго". 2 августа 1886 г., въ день 50-ти-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ, графъ Адлербергъ былъ пожалованъ бриллiантами украшеннымъ портретомъ Императоровъ Александра II и Александра III, при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ еще разъ указывалось на важное значеніе служебной дѣятельности его, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Особенность вашего положенія, при вашихъ обширныхъ дарованіяхъ и глубокой преданности Престолу, предоставили возможность Моему Родителю лично направлять дѣятельность вашу на пользу важныхъ государственныхъ нуждъ и къ исполненію порученій, требовавшихъ особаго Монаршаго довѣрія".

Перечисленіе главнѣйшихъ служебныхъ отличій, оказанныхъ графу А. В. Адлербергу Императорами Александромъ Александровичемъ и Александромъ Николаевичемъ, даетъ лишь не полное понятіе о его заслугахъ. Состоя съ самаго ранняго дѣтства наиболѣе приближеннымъ къ Императору Александру II лицомъ и пользуясь довѣріемъ Государя, гр. Адлербергъ принималъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ его царствованія, нерѣдко и безъ облеченія этого участія во внѣшнія оффиціальныя формы. Его обильныя природныя дарованія, обширныя и разнообразныя познанія, рѣдкое искусство излагать на письмѣ мысли, и притомъ на различныхъ языкахъ, чрезвычайная преданность Государю и, въ лицѣ его, всему Царскому Семейству, не могли не снискать гр. Адлербергу милостиваго расположенія, оказаннаго ему Императоромъ Александромъ II, возлагавшимъ на него столь многія и высшаго политическаго интереса государственныя и совершенно иного характера чисто семейныя дѣла. Ко всѣмъ своимъ достоинствамъ гр. Александръ Владиміровичъ присоединялъ еще одно, въ высшей степени важное въ его положеніи: то было безпримѣрное умѣнье хранить тайну, то была рѣдкая скромность въ отношеніи своей собственной личности и

молчаливость, когда рѣчь шла объ исполненіи порученнаго ему дѣла. Въ противоположность нерѣдко встрѣчающемуся стремленію исполнителей выставлять прежде всего самихъ себя, гр. Александръ Владиміровичъ всегда стушевывалъ свою недюжинную личность, выставляя лишь исполняемую имъ Верховную волю. Вслѣдствіе такой скромности и сокровенности не скоро настанетъ время полной характеристики дѣятельности гр. Александра Владиміровича и нынѣ здѣсь остается лишь сдѣлать попытку путемъ догадокъ, а не изученіемъ въ подробности фактовъ, отвести гр. Александру Владиміровичу принадлежащее ему на страницахъ русскаго біографическаго словаря мѣсто.

Адлербергъ, графъ, *Николай Владиміровичъ*, род. въ 1819 г., умеръ 13 декабря 1892 г., въ Мюнхенѣ. Черезъ годъ по окончаніи курса въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, въ 1838 г., назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; принимая затѣмъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1841—1842 гг. и въ венгерской кампаніи 1849 года, получилъ за боевыя отличія чинъ штабсъ-капитана, золотое оружіе съ надписью за храбрость и чинъ полковника. Въ 1852 г. графъ Н. В. былъ уволенъ, за болѣзнію, отъ военной службы для опредѣленія въ гражданскую, съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и съ пожалованіемъ въ званіе камергера Двора Его Величества. 10 іюня 1853 года графъ Н. В. былъ назначенъ таганрогскомъ градоначальникомъ, затѣмъ опять переведенъ въ военную службу и во время Крымской кампаніи, съ 4 ноября 1854 по 15 мая 1856 года, занималъ отвѣтственный и важный постъ военнаго губернатора гор. Симферополя и гражданскаго губернатора Таврической губерніи. Произведенный въ 1855 году въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, графъ Н. В. черезъ два года назначенъ генералъ-адъютантомъ. Оставивъ въ 1856 году постъ таврическаго губернатора, онъ состоялъ при Императорской русской миссіи въ Берлинѣ. Произведенный въ 1861 году въ генералъ-лейтенанты, а въ 1870 — въ генералы-отъ-инфантеріи, графъ Адлербергъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1866 по 1881 годъ, былъ генералъ-губернаторомъ великаго княжества финляндскаго и командующимъ войсками финляндскаго военнаго округа, а 22 мая 1881 года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1872 году графъ Адлербергъ получилъ брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, а въ 1876—орденъ св. Владиміра 1-й степени. Богато одаренный отъ природы и прекрасно образованный, графъ Н. В. дважды совершилъ путешествіе въ Палестину. Описаніе перваго путешествія, совершеннаго въ 1845 году, причемъ графъ Адлербергъ посѣтилъ по пути Грецію и Египетъ, появилось въ 1853 году, въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Изъ Рима въ Іерусалимъ". Книга эта была благосклонна встрѣчена критикою (въ „Современникѣ" 1853 г. т. 39, отд. 4, стр. 45—52, былъ напечатанъ сочувственный отзывъ) и пользовалась въ пятидесятыхъ годахъ извѣстностью. Второе путешествіе въ Іерусалимъ графъ предпринялъ въ 1860 году; описаніе его появилось въ двухъ томахъ, въ Петербургѣ, въ 1867 г., на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „En Orient, impressions et réminiscences".

Адлербергъ, *Юлія Ѳедоровна*, рожденная *Багговутъ* (Анна-Шарлотта-Юліана), род. въ Ревелѣ 15 октября 1760 г.; умерла 20 сентября 1839 г., въ Петербургѣ. 12 апрѣля 1802 г. получила должность начальницы воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и занялась обязанностями воспитательницы съ такимъ успѣхомъ, что заслужила полную довѣренность Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Императрица, во время болѣзни г-жи Адлербергъ, по первому извѣстію пріѣзжала въ Смольный и начинала распоряжаться, говоря, что только сама можетъ замѣнить усердіе и умѣнье начальницы, которую тревожить никому не позволяла. 24 апрѣля 1824 г., Ю. Ѳ. Адлербергъ получила орденъ св. Екатерины 2 ст., съ 24 февраля того же года состоя статсъ-дамою. Въ духовномъ завѣщаніи своемъ Императрица Марія Ѳеодоровна просила Августѣйшаго Сына, Императора Николая I, „не оставлять своими милостями" Ю. Ѳ. Адлербергъ, такъ какъ, выражалась завѣщательница, ею — „доброю, достойною и почтенною, я весьма довольна". Императоръ Николай I, въ день освященія собора въ Смольномъ, во имя Маріи Магдалины (22 іюля 1835 года), пожаловалъ Ю. Ѳ. Адлербергъ орденъ

св Екатерины I степени. Она скончалась, окруженная общимъ уваженіемъ, 78 лѣтъ отъ роду.

Адлербергъ. *Доротея-Елена-Юліана*, (см. *Баранова*, Юлія Ѳеодоровна).

Источники: Svenska adelns ättar-taflor utgifna af Gabriel Anrep, I. 8, 12. D-r Arthur Kleinschmidt: Geschichte des russischen hohen Adels», 1877, 261—62—64. «Наши государственные и общественные дѣятели» (Скальковскій) 1890 г., стр. 66. «Aus der Petersburger Gesellschaft» 1875 г. 82—4. «Русск. Архивъ» 1865 г., стр. 1169. «Историч. Вѣстникъ» т. XVI, стр. 238—9. (Некрологъ гр. В. Ѳ. Адлерберга), 1888 г., кн. I, II и III. «Записки Граббе» (о Юліи Ѳ. Адлербергъ). 1888 г.. кн. I, II и III. Записки Никитенко въ «Русск. Стар.», т. 63 (533), 64 (112) и т. 33. (завѣщ. Имп. Мар. Ѳед.), стр. 122; 1890 г., февраль, стр. 497—513, статья Михайлова «Гр. Ал. Влад. Адлербергъ». «Рус. Стар.» 1875 г., т. III, стр. 460; IV, стр. 781; XI (записки Инсарскаго), стр. 304. XII, стр. 291. «Правит. Вѣст.» 1871 г., № 91 и 1888 г., № 212 (некрологъ графа А. В.). «Отчетъ по Государ. Совѣту за 1889 г.», стр. 39—44 и 67—71. Венгеровъ, «Критико-біогр. Словарь», т. I, стр. 121.

Адодуровъ, *Алексѣй Петровичъ*, сенаторъ, тайн. сов., род. въ 1757, умеръ въ 1844 г. Службу началъ каптенармусомъ артиллеріи въ 1773 г. и черезъ 10 лѣтъ произведенъ въ прапорщики (2 янв. 1783 г.). Получивъ 9 мая 1793 г. чинъ капитана, Адодуровъ назначенъ камергеромъ ко двору Великаго Князя Павла Петровича. Черезъ недѣлю по воцареніи Павла I, въ ноябрѣ 1796 г., Адодуровъ произведенъ въ полковники, а 27 марта 1798 г. въ д. с. с., съ назначеніемъ въ герольдмейстеры. 26 іюля 1799 г., отставленъ отъ службы; вновь принятый 14 іюля 1800 г., назначенъ совѣтникомъ Конюшенной конторы, въ чинѣ тайнаго совѣтника. 22 декабря 1800 года Адодурову пожалованъ командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Съ воцареніемъ Александра I, Адодуровъ назначенъ, 31 марта 1801 г., штальмейстеромъ, затѣмъ управляющимъ конюшенною конторою и, наконецъ, въ 1819 г.—сенаторомъ.

Формулярные списки въ Спб. сенат. архивѣ 1801 г. Адресъ-календари разныхъ годовъ.

Адодуровъ, *Семенъ Григорьевичъ*, „ближній дворянинъ“—какъ назвалъ его въ 1583 году царь Иванъ IV Грозный въ своей грамотѣ, которую Адодуровъ возилъ къ королю Стефану Баторію. Въ этой грамотѣ царь Иванъ IV, жалуясь на пререканія уполномоченныхъ его, предлагалъ съѣздъ, чтобы договориться и сдѣлать безобидное разграниченіе. Во 2-й грамотѣ, посланной въ томъ же году опять съ Адодуровымъ, царь уполномочиваетъ его говорить Баторію, въ качествѣ посланника, о спорныхъ пунктахъ, при разборѣ обвиненій въ насиліи, взводимыхъ поляками на русскихъ подданныхъ.

«Акты Археограф. Экспед.»: II, 238. «Др. Рос. Вивліоѳика», ч. XII, стр. 135—152.

Адодуровъ, *Василій Евдокимовичъ*, сенаторъ, сынъ дворянина изъ древняго рода, род. въ Новгородѣ 15 марта 1709 г., умеръ въ Москвѣ 5 ноября 1780 года. Первоначальное образованіе получилъ въ новгородскомъ духовномъ училищѣ, откуда привезенъ въ С.-Петербургъ и отданъ въ гимназію при Императорской Академіи Наукъ. 18-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ студентомъ. Въ 1728 году Адодуровъ выказалъ особенныя способности къ математикѣ, которой училъ Даніилъ Бернулли. У него и у академика Миллера онъ считался лучшимъ ученикомъ, и оба наставника полюбили будущаго адъюнкта. Въ 1729 году, по распоряженію Шумахера, онъ занимался при канцеляріи переводами изъ древней исторіи сочиненія Байера, для примѣчаній къ „Вѣдомостямъ“ 1728 г. и корректурою русскихъ словъ въ печатавшемся Академіею нѣмецко-русскомъ словарѣ. Въ 1731 г., Адодурова и пріѣхавшаго изъ Парижа Тредьяковскаго назначили переводчиками: перваго — съ нѣмецкаго, а втораго — съ французскаго, для тѣхъ же примѣчаній къ „Вѣдомостямъ“. 26 октября 1733 г. Адодуровъ признанъ адъюнктомъ высшей математики, читаемой Эйлеромъ. Впрочемъ, и со званіемъ адъюнкта занятія его переводами продолжались. Въ 1735 г. Адодуровъ и Тредьяковскій назначены членами заведеннаго при Академіи для переводовъ „россійскаго собранія“. Кромѣ переводовъ, Адодурову поручали и ученыя работы. Такъ, напримѣръ, въ іюнѣ 1735 г. имъ составлена записка о предложеніи Байера продолжать безъ участія Миллера „Sammlung Russischer Geschichte“. Съ 1736 года Адодурову ввѣренъ надзоръ за присланными изъ Москвы учениками, въ числѣ которыхъ находился Ломоносовъ. Адодуровъ обучалъ ихъ нѣмецкому языку, такъ какъ они назначались пенсіонерами въ Германію. Кромѣ

нѣмецкаго языка, Адодуровъ обучалъ будущихъ пенсіонеровъ: латинскому языку, математикѣ, исторіи, географіи и риторикѣ, переводя въ тоже время самъ на нѣмецкій языкъ „Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича", печатавшееся при Императорской Академіи Наукъ. За этотъ трудъ онъ получилъ прибавку жалованья по 100 р. въ годъ. Начиная съ 1737 г., Адодурову поручалось преподаваніе русскаго и латинскаго языковъ коллегіи юнкерамъ, при Сенатѣ. Къ тому же времени относится разсужденіе Адодурова объ употребленіи буквъ ъ и ь; первую изъ этихъ буквъ онъ находилъ совсѣмъ ненужною для русскихъ словъ. Въ сентябрѣ 1737 г., Адодуровъ представилъ на нѣмецкомъ языкѣ конференціи Императорской Академіи Наукъ донесеніе о своихъ ученыхъ занятіяхъ, причемъ указывалъ на намѣреніе заняться естественными науками, почему и былъ перечисленъ отъ Эйлера въ адъюнкты къ Крафту. Въ 1739 году, былъ напечатанъ сдѣланный Адодуровымъ переводъ сочиненія Крафта „Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ", а затѣмъ появился въ печати и болѣе ранній трудъ его—переводъ сочиненія Эйлера: „Краткое руководство къ ариѳметикѣ, для употребленія въ гимназіи при Академіи Наукъ". Въ рукописи остался переводъ соч. Эйлера: „Разсужденіе объ интегральной выкладкѣ". Учебниковъ, переведенныхъ Адодуровымъ, было нѣсколько и самый ранній — сост. Бильфингеромъ на нѣмецкомъ яз.: „Расположеніе ученія Его Императорскаго Величества Петра Втораго". Въ концѣ этой книги помѣщенъ проектъ Ѳеофана Прокоповича: „Какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ благороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ" и разговоры — „Смѣшанныя рѣчи, на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ сочиненныя". При „нѣмецко-латино-русскомъ лексиконѣ" (1731 г.) есть „краткая русская граматика", выбранная Адодуровымъ изъ Смотрицкаго. Переводы свои, въ „примѣчаніяхъ" къ „Спб. Вѣд.", Адодуровъ подписывалъ начальною буквою фамиліи. Въ 1739 г. начальствомъ предписано было Адодурову переводить бумаги Волынскому. Работая у него, молодой ученый былъ вовлеченъ въ процессъ кабинетъ-министра, но успѣлъ отдѣлаться отъ взводимыхъ обвиненій. Поводомъ къ обвиненію послужилъ переводъ челобитной Волынскаго Императрицѣ, къ которой, на особомъ листѣ, приложено было „Разсужденіе о бываемыхъ при Дворѣ поступкахъ". „Все оное, — оправдывался Адодуровъ,— какъ челобитную, такъ и соединенное съ оною прибавленіе сочинялъ онъ самъ (т. е. Волынскій), въ чемъ я, кромѣ переводу, не имѣю никакого участія... а когда оной переводъ уже оконченъ, и по его приказу мною же переписанъ былъ, то взялъ онъ, какъ черное, такъ и бѣлое все опять къ себѣ и повезъ съ собою въ Петергофъ, гдѣ тогда Е. И. Вел. со своимъ дворомъ находиться изволила". Хотя объясненіе это не удовлетворило слѣдователей и Адодурову предлагались другіе вопросы для отвѣта, но въ концѣ-концовъ, онъ все-таки былъ оставленъ въ покоѣ. Въ августѣ 1740 г., Адодурову поручено было преподавать въ нѣмецкомъ классѣ академической гимназіи ариѳметику и геометрію на нѣмецкомъ языкѣ. Преподавалъ онъ здѣсь, впрочемъ, не болѣе восьми мѣсяцевъ, потому что 2 апрѣля 1741 г., по докладу Правительствующаго Сената, опредѣленъ ассесоромъ въ герольдмейстерскую контору, съ 600 р. въ годъ жалованья. Служа здѣсь, въ 1743 г. Адодуровъ давалъ показанія коммиссіи, судившей Шумахера. Показанія Адодурова были благопріятны для послѣдняго, и коммиссія имѣла даже намѣреніе бывшаго адъюнкта назначить совѣтникомъ академической канцеляріи, но Императрица Елисавета Петровна не утвердила доклада ея. Затѣмъ Адодуровъ получилъ порученіе А. К. Разумовскаго приготовить его брата къ путешествію за границу. Въ 1744 г., Адодуровъ получилъ чинъ 6 класса и ему поручено было преподавать русскій языкъ прибывшей въ Россію невѣстѣ Наслѣдника Престола, принцессѣ ангальтъ-дербтской Софіи, будущей Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ 1749 г., Адодуровъ женился, взявъ за женою 1.500 душъ. Положеніе его при Дворѣ все улучшалось до ареста канцлера Бестужева, когда учитель великой княгини тоже былъ арестованъ и изъ герольдмейстеровъ, 5 апрѣля 1759 г., отправленъ на службу въ Оренбургъ, въ товарищи губернатору, съ чиномъ статскаго совѣтника. Изъ Оренбурга Адодуровъ велъ переписку съ Миллеромъ, Шумахеромъ и великою княгинею, которой былъ очень преданъ. Съ воцареніемъ Екатерины II Адодуровъ однимъ изъ первыхъ былъ вы-

ванъ въ Москву и назначенъ тамъ куратором университета, президентомъ мануфактуръ-коллегіи, а въ 1774 году пожалованъ въ сенаторы. Съ 1770 года Адодуровъ жилъ до самой кончины большею частью въ Петербургѣ, продолжая оставаться куратором Московскаго университета.

Пекарскій, «Исторія Имп. Акад. Наукъ», т. 1, стр. 503—516; 42, 44, 464, т. II, стр. 515, 589. «Записки Академіи Наукъ», т. XII, прил. 5, стр. 24—28 и 87—88. Шевыревъ, «Исторія Москов. университета», 103—263. «Записки Екатерины II», стр. 10, 31. Энциклопед. Лексиконъ Плюшара, т. I, стр. 208. Энциклопедич. Словарь, т. II, 58 — 60. Словарь Старчевскаго, т. 1, 87. Геннади, «Словарь», т. I, 8. Дѣло въ архивѣ Спб. духовной консисторіи 1770 г. № 7672. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. акад.» т. I, 5, 6, 222, II, 47, 407 и 420 стр. «Историч. Вѣстникъ», т. XXIX, стр. 558—9. «Русск. Архивъ» 1876 г. кн. II, стр. 29—30. «Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества», т. VII. Въ 1768 году Адодуровымъ были изданы «Правила Россійской Орѳографіи». Reimers—«St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts», стр. 228—236 и слѣд. «Сенатскій Архивъ», т. III, стр. 93, 159, 162, 180 и 481.

Адольскіе (Одольскіе), живописцы и иконописцы, Иванъ и Григорій, а также сынъ втораго — Иванъ Меньшой. Первые двое родились во второй половинѣ XVII вѣка и трудились до царствованія Анны Ивановны, какъ видно изъ документовъ; Иванъ Меньшой Адольскій работалъ и при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

1) Наиболѣе замѣчательнымъ изъ этихъ трехъ лицъ былъ *Иванъ Большой*, достигшій званія мастера при Московской Оружейной палатѣ. Въ 1711 году, онъ переведенъ на службу въ Петербургъ, для занятій рисунками при типографіи. Онъ училъ также рисованію учениковъ гравированія при школѣ на мастерскомъ дворѣ. Окладъ ему положенъ былъ по 100 руб. въ годъ деньгами и 25 юфтей хлѣба—натурою или деньгами, по существовавшимъ цѣнамъ. Кромѣ рисованія, Иванъ Адольскій съ Алексѣемъ Зубовымъ занимались и гравированіемъ, чернымъ манеромъ, портретовъ, причемъ онъ исключительно выполнялъ лица, а все остальное Зубовъ. На портретѣ Екатерины I, сохраняющемся въ оттискѣ въ коллекціи гравюръ Генеральнаго штаба, подписано: „персону тушевалъ Адольской". Имѣя это въ виду, дѣлаются понятными помѣты изъ трехъ буквъ на портретахъ, гравированныхъ чернымъ манеромъ, — *А. S. T.* (Адольскій (и) Зубовъ тушевали). Кромѣ гравированія, Иванъ Адольскій занимался еще выполненіемъ портретовъ на финифти Особъ Императорскаго Дома и другихъ лицъ въ царствованія Петра I, Екатерины I и Петра II. У Адольскаго съ 1721 года хранились и всѣ принадлежности живописи на финифти: *финифть сквозная* 4-хъ цвѣтовъ, *флюсы* 4-хъ цвѣтовъ, 15 цвѣтовъ минеральныхъ красокъ, а уже съ 1718 оригиналы, гравированные (въ книгахъ и на отдѣльныхъ листахъ), сданные имъ въ 1728 г., при отправленіи въ Москву. Не получая, вслѣдствіе оскудѣнія денежной казны въ петербургской типографіи, жалованья съ 1725 г., Адольскій просилъ объ удовлетвореніи его деньгами отъ придворнаго вѣдомства, перечисляя свои труды во дворцахъ—списываніе портретовъ и картинъ и портреты на финифти. Изъ этого перечня работъ видно, что въ 1721 г., Адольскій писалъ на финифти портреты Ихъ Величествъ, въ 1725 г. портреты Бутурлина и Строева, Степана Нелединскаго, Ивана Ржевскаго и С. Тургенева. Въ 1727 г., онъ выполнилъ портретъ австрійской императрицы (тетки Императора Петра II по матери) и съ этимъ портретомъ его требовали, въ мартѣ 1728 года, въ Москву, но канцелярія строеній продержала художника въ Петербургѣ до августа мѣсяца, заставивъ писать для Петропавловскаго собора иконостасные образа въ придѣлъ „Введенія во храмъ Богоматери". Дѣйствительно, находящаяся въ соборѣ икона апостола Павла принадлежитъ кисти Ивана Большаго Адольскаго. Съ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, 4 сентября 1728 года, извѣстія объ этомъ лицѣ прекращаются.

2) *Григорій Адольскій*, иконописецъ и орнаментальный живописецъ при Петрѣ I, служившій въ Оружейной палатѣ, работалъ въ Петербургѣ въ царскихъ домахъ съ Осипомъ Калугинымъ и Максимомъ Вировскимъ. Можно предполагать, что онъ старшій братъ Ивана Адольскаго.

3) *Иванъ Адольскій Меньшой* былъ тоже иконописцемъ и выбранъ въ помощники Зарудным для оцѣнки иконъ, по статьямъ, „въ конторѣ изуграѳствъ исправленія" (1724 г.). Для церкви „Введенія во храмъ" онъ писалъ образъ „Архистратиговъ Михаила и Гавріила" и требовался еще, въ 1745 г., для работъ въ придворной церкви, въ Петергофѣ.

Сост. на основ. рукописн. документовъ: а) дѣлъ

арх. Св. Синода, 1728 г., №№ 209 (294) и 210 (316); б) каб. Петра Вел., кн. 77, полул. 85, и в) арх. придв. дворц. канцел. строен., 1725 г., кн. 48, л. 959. Помѣщенная въ «Энц. Слов., сост. русск. учен. и литерат.», т. 2, стр. 60—61 статья Петрова и Д. А. Ровинскаго, выправлена здѣсь по подлиннымъ документамъ. *П. П.*

Адоратскій, *Степанъ Ивановичъ*, род. въ 1817 г., въ Казанской губерніи, изъ духовнаго званія. Послѣ окончанія курса въ казанской семинаріи, учился въ кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ (1843 г.). Воротясь на родину, былъ въ Казани священникомъ при Петровской церкви и въ 1863 г. издалъ „Собраніе словъ, поученій и рѣчей, съ присовокупленіемъ размышленій, изъясненій и замѣчаній на отдѣльные тексты священнаго писанія, и на нѣкоторыя изреченія молитвъ церковныхъ".

Аскоченскій, «Исторія Кіевской дух. акад.», т. I, стр. 215. «Систем. роспись рус. кн.» Глазунова № 1169.

Адріанъ, преподобный, *Ондрусовскій*, до постриженія дворянинъ Андрей *Завалишинг*, ученикъ преподобнаго Александра Свирскаго, первый изъ пришедшихъ къ нему въ пустыню. Бесѣды со святымъ пустынникомъ расположили Андрея отречься отъ міра. Принявъ постриженіе съ именемъ Адріана, новый пустынножитель, побывавъ на Валаамѣ, самъ выбралъ мѣсто для хижины своей, на берегу Ладожскаго озера. Здѣсь, при царѣ Василіи, отцѣ Ивана Грознаго, основалась обитель, отъ имени пустынника (по-корельски Ондрусъ — Андрей), прозванная русскими корелами Ондрусовскою. Отправившись для нуждъ обители въ Москву, преподобный Адріанъ выбранъ Іоанномъ Грознымъ въ воспріемники его дочери Анны (18-го августа 1549 года). Возвращаясь, вѣроятно, съ царскими дарами, убитъ близъ с. Обжи, въ 20-ти верстахъ отъ своей обители, разбойниками. Тѣло его было брошено въ болото, въ которомъ нашли его нетлѣннымъ 17 мая 1552 года. Мощи преподобнаго Адріана перенесены въ соборный храмъ Введенія, въ обители, въ 1828 г.

Никоновская лѣтопись, VII, 65. Филаретъ, «Русскіе святые», августъ, стр. 92—97. Е. Барсовъ, «Обонежскіе пустынно-жители», стр. 52—54. «Историко-статистическое описаніе Ондрусовской пустыни», изд. 1856 г.; «Словарь историч. о святыхъ».

Адріанъ, преподобный, до постриженія Аммосъ, основатель Благовѣщенскаго монастыря на р. Костромѣ, при устьѣ рѣки Монзы. Родился онъ въ Костромѣ, въ половинѣ XVI вѣка, постриженъ въ Спасо-Геннадіевомъ монастырѣ, удалялся изъ него въ Кубенскій и Павловъ Обнорскій монастыри, и основавъ послѣ 1595 г. свою обитель, умеръ въ ней 5 мая 1619 г., успѣвъ соорудить двѣ церкви. Построенный Адріаномъ монастырь упраздненъ въ 1764 году. Житіе его составлено около 1645 г.

Амвросій, «Исторія росс. іерархіи», VI, 1025. Филаретъ «Русскіе святые». Строевъ, «Списки іерарховъ», 881. «Словарь историческій о святыхъ» (2 изд.), стр. 8, 9. Ключевскій, «Др. рус. житія святыхъ», стр. 328. Строевъ «Рукописи Царскаго» № 118 (М. 1848), стр. 53. Н. П. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи», 12-я кол.

Адріанъ, преподобный мученикъ, игуменъ, пошехонскій чудотворецъ, род. въ г. Ростовѣ, былъ діакономъ въ Корниліевомъ Комельскомъ монастырѣ, при игуменствѣ Лаврентія (съ 1538 по 1548 г.). Игуменъ Лаврентій благословилъ Адріана и послушника Леонида идти вмѣстѣ для пустынножительства, въ Пошехонскій уѣздъ. Они отправились туда и нашли мѣсто для основанія постояннаго пребыванія, 13 сентября 1539 г. (7048 лѣта), въ дикомъ лѣсу, между селеній: Бѣлымъ, Постраболъскимъ, Шельшедамскимъ, Кештомскимъ и Ухорскимъ на р. Вотхѣ. Около построенной ими хижины собрались ученики, и Адріанъ съ Леонидомъ ходили въ Москву просить у митрополита Макарія храмозданную грамоту, причемъ Адріанъ возведенъ въ игумены будущей обители. 31 мая 1543 г. освящена первая церковь Успенія Богородицы. По обстроеніи этого храма келіями, спутникъ Адріана, Леонидъ скончался. Въ ночь на 6-е марта 1550 г., жители сосѣдняго села Бѣлаго, вооружившись, пришли въ недостроенный монастырь и убили Адріана. Тѣло преподобнаго найдено въ 1596 г. по указанію, сдѣланному (1 апр.) умиравшимъ тогда монахомъ Іоною. Время сочиненія житія Адріана слѣдуетъ относить къ 1571 г., по упоминанію о молебствіи по случаю нашествія Девлетъ-Гирея. Преподобный Адріанъ пошехонскій искусно писалъ иконы, находясь еще въ Корниліевомъ монастырѣ.

Филаретъ, «Русскіе святые», I, 51 — 54 (5 марта). «Исторія росс. іерархіи», III. 70. «Акты Истор.», III, № 141. По рукописи первоначальной редакціи «Житіе и страданіе преп. муч. Адріана» напечатано было въ «Ярославск. епарх. вѣдом.», 1873 г. № 4—10, и сдѣланъ отд. оттискъ 8°. 3—53

стр. Сюда вошло и сказаніе объ открытіи мощей, писанное въ 1626—1670 г. См. Клинцовскій подлинникъ, л. 152.

Адріанъ, святой, *Сестринскій*, основатель со св. Зосимою монастыря въ Волоколамскомъ уѣздѣ, на берегу р. Сестры. Время жизни его точно неизвѣстно.

Амвросій, «Истор. росс. іерархіи», VI, 96. «Словарь историч. о святыхъ», стр. 10 и 115.

Адріанъ (*Ангеловъ*), съ 1550 г. келарь Троице-Сергіевой лавры, ум. въ 1561 г. Онъ былъ воспріемникомъ царя Ивана Васильевича Грознаго (1530), строителемъ многихъ сооруженій въ Троицкой лаврѣ, а въ 1554—обвинителемъ игумена Артемія на соборѣ.

«Лѣтописи занятій Археогр. Коммисіи», 1868, вып. 4, стр. 79—80. «Акты Археогр. Экспедиціи», т. I, стр. 249—256.

Адріанъ, до постриженія Иванъ Ивановичъ *Тяжеловъ*, род. въ 1800 г. въ Москвѣ, умеръ въ 1870 году въ С.-Петербургѣ. Сынъ священника, магистръ VI выпуска московской духовной академіи, въ 1828 г. инспекторъ вятской семинаріи, въ 1829—архимандритъ Слободскаго Воздвиженскаго монастыря, съ 1833 г. ректоръ тамбовской семинаріи, настоятель Троицкаго монастыря въ Козловѣ (по 20 іюня 1841 года), а затѣмъ настоятель Елецкаго, Черниговскаго и Троицкаго монастырей вологодской епархіи (съ 4 окт. 1846 г.), откуда вызванъ былъ въ Петербургъ (1849 г.) и, живя на покоѣ, скончался. Написалъ нѣсколько ученыхъ трудовъ.

«Описаніе Козлов. Троиц. монастыря», стр. 45.

Адріанъ, до постриженія Андрей *Семеновскій*, подвижникъ и писатель, сынъ дьякона, род. въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ селѣ Семеновскомъ, 4 іюля 1800 г. и, пройдя курсъ только низшаго отдѣленія въ ярославской семинаріи, постриженъ въ 1826 г. Жилъ сперва въ Адріановой Пошехонской пустыни, потомъ въ Дорофеевой, принималъ на себя юродство, а съ людьми, его почитавшими, оказывался глубокомысленнымъ духовнымъ наставникомъ, какъ доказываетъ его обширная, духовно-нравственнаго содержанія, корреспонденція, изданная послѣ кончины его (въ августѣ 1853 г.). Почитатели подвижника, послѣ смерти Адріана, сдѣлали извлеченіе изъ его писемъ, разсылавшихся ко многимъ, просившимъ совѣтовъ подвижника, и напечатали въ двумъ томахъ въ Спб., въ 1861 г., подъ заглавіемъ: „Руководство къ духовной жизни старца Адріана, іеромонаха Югской Дорофеевой пустыни“ и пр. Въ этомъ изданіи находятся свѣдѣнія о жизни Адріана.

Адріанъ — имя нѣсколькихъ монашествующихъ, прозваніе которыхъ неизвѣстно.

1) *Адріанъ*, духовникъ великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича, игуменъ Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ, въ 1190 г. рукоположенъ въ епископа бѣлгородскаго и юрьевскаго, кіевской епархіи. Въ 1196—7 г. въ Бѣлгородѣ Адріанъ освятилъ храмъ св. апостоловъ и по этому случаю отъ своего духовнаго сына, на „духовномъ пиру“, получилъ дары, а въ Кіевѣ освятилъ церковь св. Василія.

П. С. Р. Лѣт., томъ II, стр. 138, 152 и 322.

2) *Адріанъ*, послѣдній патріархъ московскій, до монашества Андрей, род. 2 октября 1627, умеръ въ Москвѣ 15 октября 1700 года, на 73-мъ году отъ рожденія, какъ видно изъ надгробной эпитафіи. Годъ и мѣсто постриженія неизвѣстны. Адріанъ дѣлается извѣстнымъ съ 1678 г., когда патріархъ Іоакимъ опредѣлилъ его архимандритомъ Чудова монастыря. Управляя имъ, Адріанъ соорудилъ соборный храмъ въ честь св. Алексія митрополита, съ придѣломъ Благовѣщенія, съ особою церковью во имя апостола Андрея. Храмы Чудова монастыря, при Адріанѣ, устроены для каждаго пола особо. Устроивъ трапезную палату въ обители, Адріанъ въ понедѣльникъ, среду и пятницу, приказалъ не отворять монастырскихъ воротъ, и это выполнялось во все патріаршество его. Патріархъ Іоакимъ считалъ Адріана самымъ довѣреннымъ и преданнымъ себѣ лицомъ, и при осеннихъ безпорядкахъ стрѣльцовъ въ 1682 г., когда, за уничтоженіемъ князей Хованскихъ, стрѣльцы просили оставить имъ вины, Іоакимъ посылалъ Адріана въ Троицкую лавру, ко Двору, съ ходатайствомъ принять челобитье раскаявшихся. Послѣ этого случая, оставаясь на виду, Адріанъ, 21 марта 1686 г., рукоположенъ митрополитомъ въ Казань, гдѣ имъ сочинена книга „О древнемъ преданіи Св. Апостолъ и Св. отецъ. како подобаетъ всякому православному христіанину на знаменіе креста на лицѣ своемъ руки своея персты, и кія, слагати, и како на себѣ оный изображати“. Каѳедральный казанскій соборъ Благовѣщенія Адріанъ обогатилъ своими вкладами. По смерти Іоакима, по настоянію матери Пет-

*

ра I, царицы Наталіи Кирилловны, возведенный 24 августа 1690 г. въ патріархи московскіе, Адріанъ оказался приверженцемъ старины, чѣмъ вызывалъ неудовольствіе Государя-преобразователя. Преслѣдуя ученыхъ, Адріанъ сослалъ греческихъ учителей въ Заиконоспаской академіи, братьевъ Лихудовъ, должно быть ненравившихся московскимъ начетчикамъ и ихъ покровителямъ, занимавшимъ первыя мѣста при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Адріанъ заподозрилъ Лихудовъ въ неправославіи за ихъ сочиненія, въ разговорной формѣ „О единствѣ Восточной и Западной Церкви“ и за споры объ Евхаристіи съ бѣлорусскимъ богословомъ Яномъ *Бѣлобоцкимъ* и Сильвестромъ *Медвѣдевымъ*, заявлявшимъ, что хлѣбъ и вино становятся тѣломъ и кровію Господа Іисуса Христа по произнесеніи словъ установленія Евхаристіи. Лихуды же учили и утверждали, что обращенія въ тѣло и кровь Господа хлѣба и вина совершается при призываніи благодати Св. Духа. Мнѣніе Лихудовъ утвердили и греческіе патріархи, къ которымъ обращался Адріанъ за разъясненіями, но тѣмъ не менѣе Лихуды оставались въ ссылкѣ въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Адріанъ поручилъ также Афанасію (Любимову), отъ своего имени, составить обличительную книгу противъ отступниковъ, подъ заглавіемъ „Щитъ вѣры“. Она содержитъ всѣ документы по вопросу объ Евхаристіи, разныя нравоучительныя разсужденія, возраженія противъ еретиковъ, державшихся поповщины и безпоповщины. Сверхъ того, въ „Щитѣ вѣры“ есть „слова“ и „наставленія“ лицамъ духовнымъ и мірскимъ о должностяхъ ихъ, примѣнительно къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и образу мыслей народа, спасавшаго мимо старую вѣру бѣгствомъ въ пустынныя окраины и за границу. Проповѣдники разныхъ кривыхъ толковъ въ Москвѣ не переводились, и при Адріанѣ собирались въ столицѣ два собора: 1-й на нерукоположеннаго дьячка Ваньку Михѣева, вводившаго новые догматы касательно крещенія и другихъ обрядовъ, а 2-й противъ діакона Петра, утверждавшаго, что одинъ папа есть истинный пастырь и римская церковь одна не въ заблужденіи, греческая же церковь будто бы отступила отъ православія. Соборъ сослалъ діакона Петра сперва въ Холмогоры, потомъ въ Соловки. Туда же удаленъ былъ „за нѣкія вины“, разсмотрѣнныя особымъ соборомъ, и Игнатій, епископъ тамбовскій, лишенный епархіи въ 1699 г. Въ то время издана Адріаномъ подробная „инструкція поповскимъ старостамъ“ (благочиннымъ) и „святительское поученіе къ новопоставленнымъ священникамъ“. Въ инструкціи сказываются заботы Адріана о церковномъ благочиніи, о снабженіи церквей исправными печатными книгами и служебниками, о наблюденіи, чтобы не было священниковъ безъ письменныхъ грамотъ, чтобы мірскіе люди монашескихъ одѣяній самовольно не надѣвали, чтобы судъ отправлялся при старостахъ и т. д. Послѣднимъ трудомъ патріарха Адріана было, хранящееся въ патріаршей библіотекѣ, „духовное завѣщаніе“ его. Въ 1696 г. отъ Адріана посланы двѣ грамоты „ближнему боярину Алексѣю Семеновичу Шеину“, подъ Азовъ, и еще написаны службы: св. Донату, Ипатію, Даніилу московскому и Даніилу переяславскому чудотворцу. Когда въ 1699 г. Петръ I повелѣлъ заняться собраніемъ указовъ для уложенія, Адріанъ приказалъ выписать всѣ права и преимущества Россійской церкви, начавъ съ Номоканона, льготныхъ грамотъ Владиміра и Ярослава, а также ярлыковъ хановъ и окончивъ эту выборку временемъ подачи царю Петру I, т. е. 1700 годомъ. Петръ Великій, въ отвѣтномъ письмѣ къ Адріану далъ пункты, которыми предоставленъ патріарху церковный судъ по дѣламъ брачнымъ, наслѣдственнымъ, еретическимъ, сомнительнымъ между клиромъ, кромѣ епископа, котораго судитъ соборомъ. Церковному суду предоставленъ надзоръ надъ монастырями, церквами и ихъ имуществомъ, тогда какъ уголовныя преступленія членовъ клира должно судить гражданскимъ судомъ. За безчинія въ храмахъ рѣшено было подвергать уголовной карѣ, а въ патріаршемъ разрядѣ членовъ причта въ ихъ распряхъ судить, вмѣстѣ съ духовными лицами, и патріаршему боярину. Въ обсужденіи новаго уложенія Адріанъ лично не принималъ участія. Въ его патріаршество введено новое лѣтосчисленіе, не отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова, и новый годъ стали считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января (1700); тогда же былъ отмѣненъ совершавшійся въ Вербное воскресеніе обрядъ „шествія на осляти“.

Въ „Библіологическомъ словарѣ“ Строева и Бычкова Адріану приписывается пять разныхъ „поученій“, находимыхъ въ рукописныхъ сборникахъ, патріаршей и другихъ библіотекъ, и высказано предположеніе, что „въ 29-ти поученіяхъ неизвѣстныхъ авторовъ (Патр. библ., 4, въ тетр. № 351) быть можетъ нѣкоторыя сего же патріарха“. Кромѣ того, Адріану принадлежатъ два окружныхъ посланія, нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ любопытна грамота противъ бритья бородъ, и семь писемъ къ разнымъ лицамъ, кромѣ переписки съ Петромъ Великимъ. Въ сборникѣ Флорищевой пустыни (№ 2464, $\frac{0}{8}$, л. 225—237) помѣщено сочиненіе неизвѣстнаго о кончинѣ патріарха Адріана, съ краткимъ извѣстіемъ о его жизни и со стихомъ духовнаго завѣщанія и эпитафіей.

Во всѣхъ біографіяхъ Адріана почему-то годомъ рожденія его указывается 1636, что прямо противорѣчитъ свѣдѣніямъ, заключающимся въ эпитафіи (1700—73 = 1627). Энциклопедическій словарь, т. П. Словарь Старчевскаго, т. I. «Библіологическій словарь», стр. 12—13. Филаретъ, «Обзоръ духовной литературы», стр. 364—5. Евгеній, «Словарь писателей дух. чина», ч. I, стр. 19—20. «Черниговск. епарх. вѣд.», 1864 г., часть неоффиц., стр. 713. «Древн. Росс. Вивліоѳика», ч. XV, стр. 373. «Чтенія въ Импер. общ. истор. и древн. росс. при моск. университетѣ» № 8 (годъ III), 1848, стр. 29—36, біографія «Адріанъ» съ портретомъ и fac-simile, и 1876 г., т. II, стр. 138—143. «Критико-біогр. словарь» Венгерова, вып. 3, стр. 128—138. «Временникъ общ. ист.», статья Калачова, т. XII. Устряловъ, «Исторія царст. Петра Великаго», т. I. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. 14. «Письма и бумаги Петра Великаго», собр. А. Ѳ. Бычковымъ, т. I. Невоструевъ, «Описаніе славянскихъ рукописей», т. 3, стр. 2.

Адріанъ — Андреянъ — имя трехъ новгородскихъ сановниковъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ: 1) *Андреянъ Олферьевичъ* (Елевферіевичъ) назначенъ тысяцкимъ въ 1286, а 1293 г. посланъ съ войскомъ въ походъ „къ свейскому городу“ (къ Выборгу); въ 1315 г. убитъ сынъ его Тимофей; 2) *Андреянъ Захарьи-(ни)чъ*, посадникъ новгородскій, въ 1358 г. построилъ на Софійской сторонѣ церковь 12-ти Апостоловъ, а въ 1359 г. лишенъ посадничества возставшимъ Славенскимъ концомъ, причемъ самъ онъ изгнанъ изъ Новгорода и дворъ его разграбленъ (1360 г.). 3) *Андреянъ Поповичъ*, въ 1237 г. нашелъ тѣло убитаго монголами князя Василька Константиновича и спряталъ его, чтобы извѣстить и указать (1238 г.).

П. С. Р. Лѣтоп., томы III, IV, V, VI, VII и VIII.

Аепа — тоже что татарское *Каинъ* — имя двухъ половецкихъ хановъ, которые извѣстны въ русской исторіи по союзамъ съ русскими князьями, дѣйствуя съ ними въ качествѣ помощниковъ: 1) *Аепа Гиреневъ сынъ*, въ 1107 г. заключилъ миръ съ Владиміромъ Мономахомъ и отдалъ дочь свою за сына князя Олега Святославича. 2) *Аепа, Осеневъ сынъ*, въ 1107 г. заключивъ миръ съ Владиміромъ Мономахомъ, отдалъ дочь за сына его Юрія (Долгорукова), а потомъ, придя съ Бонякомъ къ Выреву (для враждебныхъ дѣйствій противъ нашихъ князей?), ничего не сдѣлавъ, ушелъ.

П. С. Р. Лѣтоп., томы I, II и VII, подъ указанными годами.

Ажи или Ажисъ (Agis, Agie Pierre), *Петръ Петровичъ*, французъ, орнаментный скульпторъ въ С.-Петербургѣ, членъ Императорской Академіи Художествъ. Род. во Франціи въ 1752 г., умеръ въ С.-Петербургѣ, въ 1828 г. Явился въ Россію, уже искуснымъ мастеромъ, при Екатеринѣ II. Въ 1796 г. его опредѣлили при Академіи художествъ наставникомъ въ классѣ орнаментной скульптуры. Продолжая съ успѣхомъ обучать своему искусству, особенно литью и чеканкѣ бронзовыхъ фигуръ, Ажи, по работамъ, изготовленнымъ для Михайловскаго замка, 18-го августа 1800 г., признанъ академикомъ. Труды его очень цѣнились въ художественномъ отношеніи и, по закрытіи орнаментальнаго скульптурнаго класса, онъ продолжалъ жить въ Академіи и имѣть мастерскую, работая, кромѣ Михайловскаго замка, для дворцовъ — Аничкова и Михайловскаго, а также для Казанскаго и Исаакіевскаго соборовъ. Россію оставлялъ онъ всего на четыре года, во время отпуска за границу (съ 8 октября 1804 по 19 декабря 1808 г.), считаясь все время на службѣ. Умеръ отъ паралича, не оставивъ семейства, но образовавъ нѣсколько хорошихъ учениковъ.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Ак. Худ.», т. I и II, и Указатель А. Е. Юндолова. Спб. 1887 г. Формулярн. списокъ Спб. сенат. архива 1804 г. № 66, св. 42. *П. П.*

Азанчевскій, *Михаилъ Павловичъ*, младшій сынъ Павла Матвѣевича, композиторъ, съ 1871 по 1876 г. завѣдывавшій с.-петербургскою консерваторіею,

родился въ 1839 г., умеръ въ Москвѣ, 12 января 1881 г. Воспитаніе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и началъ службу въ кавалеріи, но оставилъ ее, чтобы отдаться изученію музыки, за границею. Пользуясь совѣтами Листа, Азанчевскій изучалъ теорію музыки въ Лейпцигѣ, подъ руководствомъ Рихтера и Гауптмана (1861—2 г.). Возвратившись въ отечество, онъ съ успѣхомъ занялся музыкальными сочиненіями и написалъ, между прочимъ, музыку на слова 12 псалма, концертную увертюру, сонату, 2 квартета, 2 тріо, нѣсколько романсовъ и пьесъ для фортепьяно. Собравъ замѣчательную музыкальную библіотеку, Азанчевскій принесъ ее въ даръ спб. консерваторіи, въ которой и былъ почетнымъ библіотекаремъ.

Рубецъ, «Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ», стр. 1. «Музык. календарь-альманахъ на 1890 г.», стр. 35—36.

Азанчевскій, *Павелъ Матвѣевичъ*, ст. сов., писатель по агрономіи, помѣщикъ Бронницкаго у., Московской губ., род. въ 1787 г. Получивъ домашнее хорошее образованіе, началъ службу актуаріусомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (4 янв. 1805 г.), 7 дек. 1811 года перемѣщенъ, въ числѣ 9 чел., въ московскій архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ. Въ Отечественную войну былъ въ ополченіи, но возвратился съ начала 1813 года въ Москву. При коронаціи Николая I находился въ числѣ герольдовъ. Въ 1833 году оставилъ службу, посвятивъ досуги хозяйству и писательству. Кромѣ трехъ дочерей, Пав. Матв. имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ младшій пріобрѣлъ извѣстность.

Изъ дѣла объ Азанчевскомъ въ арх. департамента герольдіи и формул. списка.

Аззарити, *Іоаннъ Арунціій*, родомъ изъ Апуліи, медикъ, служившій съ 1721 г. при Петрѣ I, Екатеринѣ II, Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ и умершій при Елизаветѣ Петровнѣ, въ Москвѣ, въ 1747 году. Учился въ Падуанскомъ университетѣ и получилъ тамъ дипломъ доктора медицины. Съ этимъ дипломомъ, по приглашенію Саввы Рагузинскаго, принятый Петромъ I въ службу, Аззарити назначенъ былъ при госпиталѣ въ Петербургѣ преподавать подлекарямъ анатомію и препаровку труповъ. Анатомированіе великана француза (умершаго 10-го мая 1724 г.) и другія вскрытія Аззарити производилъ съ Небеліусомъ и Рихтеромъ. Свидѣтельствуя болѣзненность увольняемыхъ отъ службы за ранами (1728), онъ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ Миниху и въ 1733 г. принятъ на службу при дѣйствующей арміи, съ жалованьемъ по 700 руб. въ годъ, на должность генералъ-штабъ-доктора. Прослуживъ три года, Аззарити получилъ прибавку 100 р. въ годъ жалованья (14 іюня 1736 г.). Но, затѣмъ, въ вопросѣ о снабженіи ревенемъ врачебныхъ учрежденій при арміи, Аззарити столкнулся съ медицинскою конторою. Подъ Очаковымъ, когда смертность въ войскахъ заставила Миниха обратить вниманіе на госпитали, Аззарити, между прочимъ, отозвался, что въ недостаткѣ главнаго медикамента, какимъ тогда считали ревень, съ особенною заботливостью выписывавшійся изъ Китая, виновата медицинская контора. Произведено было изслѣдованіе конторой, которая настояла на отрѣшеніи, за клевету на нее, Аззарити отъ должности. Послѣдняя была передана Кондоиди, а съ Аззарити вычли 123 рубля за неисправную и неправильную доставку въ армію ревеня (1738 г.). 27 іюля 1742 г. Аззарити посланъ былъ „подъ арестомъ“ въ Москву, но 14-го декабря того же года освобожденъ. Живя въ Москвѣ, Аззарити занимался съ успѣхомъ практикою до самой кончины. Умирая, Аззарити оставилъ 9-ти-лѣтняго сына (1747 г.), которому, по ходатайству архіатера Бургаве, производилось въ размѣрѣ 100 руб. въ годъ пособіе „для обученія медицинѣ“.

Я. Чистовичъ, «Ист. медиц. школы въ Россіи», LXIX. «Матер. для ист. Имп. акад. наукъ», т. I, стр. 42—45. Рихтеръ, «Исторія медицины», т. III, с. 171. «Сенатскій Архивъ», II, 355. *П. П.*

Азарія, іеромонахъ одного изъ православныхъ монастырей западной Руси, жившій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, авторъ замѣчательныхъ богословскихъ трактатовъ. Первое его сочиненіе „О пресвятой Троицѣ и объ образѣхъ“ напечатано въ Вильнѣ въ 1602 г. Захарія Копыстенскій издалъ творенія Азаріи, со своими дополненіями, въ 1619 году. Сочиненія Азаріи направлены противъ учителей иконоборства въ Литвѣ: Симона Буднаго (умеръ въ 1604 г.) и Чеховича. Сочиненіе „Объ образѣхъ“ переведено вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ, въ Новгородѣ, священникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, потомъ царскимъ духовникомъ въ Москвѣ.

Рукописный переводъ отца Стефана сохранился въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря на Истрѣ, называемаго „Новый Іерусалимъ“. Печатное изданіе сочиненія Азаріи описалъ преосвященный Дамаскинъ (Рудневъ). Заглавіе сочиненія—„Вѣра единой святой каѳолической апостольской церкви на Восходѣ“. Писано оно на бѣлорускомъ нарѣчіи, въ 8-ми главахъ. Въ концѣ книги подпись автора: „Благодатію Божіею, благословеніемъ же и повелѣніемъ старшихъ отцевъ, церкви Всходной вызновцовъ, твора іеро-монахъ Азаріасъ Х(удый) рабъ Іс(уса) Х(ри)с(та).

«Чтен. въ общ. ист. и древн. россійск.», 1880 г., кн. I. Смѣсь: «Объ одной старопечатной книгѣ». Строевъ (и Бычковъ), «Словарь библіологическій», стр. 14. Сопиковъ, «Опытъ росс. библіогр.», ч. I. № 216. Евгеній «Слов. писат. духовн. чина»., т. I, стр. 21. Старчевскій Слов., т. I, стр. 97. (Въ слов. Брокгауза-Ефрона и Энциклопедическомъ нѣтъ).

П. П.

Азарія, келарь Соловецкаго монастыря, во время бунта при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ,—преемникъ Авраамія (Обрютина), когда послѣдній увезенъ былъ въ Москву, для отвѣта. Азарія, во время осады Соловецкаго монастыря, считался главнѣйшимъ бунтовщикомъ, не допускавшимъ никакихъ соглашеній съ правительствомъ.

Энциклопедич. Слов., т. II, стр., 122 (статья Мельникова). «Исторія объ осадѣ Соловецкаго монастыря».

Азлова, *Анна Ѳедоровна*, первая танцовщица спб. балетной труппы при Александрѣ I, род. въ 1786 г., умерла 12 октября 1868 г. Выпущена изъ театральной школы въ 1809 г. и, получивъ отъ дирекціи въ 1829 г. пенсію полнаго оклада, 3.000 руб. въ годъ, оставалась на сценѣ до 11 августа 1831 г.

Дѣло театр. конт. 1831 г. № 171, сообщ. И. Ѳ. Горбуновымъ.

Айвазовскій, *Гавріилъ Константиновичъ*, архіепископъ грузино-имеретинской армянской епархіи, членъ Эчміадзинскаго синода, писатель, род. въ г. Ѳеодосіи въ 1812 г., умеръ въ Тифлисѣ 8 апрѣля 1880 г. Послѣ первоначальнаго ученія въ ѳеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ родители отдали Айвазовскаго, 13-ти лѣтъ отъ роду, армяно-католическому аббату Миносу Мединги, жившему въ Карасубазарѣ, взявшемуся образовать замѣченныя въ мальчикѣ способности. Миносъ въ 1826 г. отослалъ его въ Венецію, въ общество ученыхъ мехитаристовъ, какъ членъ его; получивъ хорошее образованіе, Айвазовскій въ 1830 г. постриженъ, причисленъ къ обществу и въ 1834 г. посвященъ въ санъ священника. Въ Венеціи изучилъ онъ 12 языковъ, древнихъ и новѣйшихъ; онъ умѣлъ правильно писать также и по-русски, хотя лучше объяснялся на французскомъ языкѣ. Въ 1837 году Айвазовскій назначенъ учителемъ у мехитаристовъ, въ академіи св. Лазаря, и принималъ участіе въ ученыхъ и литературныхъ предпріятіяхъ общества. Въ 1849 г. извѣстность Айвазовскаго доставила ему должность инспектора (préfet des études) въ парижскомъ армянскомъ училищѣ, основанномъ на суммы, завѣщанныя армяниномъ С. Муратомъ. Но гоненія армяно-католиковъ принудили, наконецъ, Айвазовскаго бросить неблагодарную карьеру и уѣхать въ Россію (1857 г.), въ санѣ архимандрита. Здѣсь ему поручено было патріархомъ Нарсесомъ I управленіе нахичеванско-бессарабской армяно-григоріанской епархіей. Преемникъ Нарсеса Матеосъ не благоволилъ къ Айвазовскому, и послѣдній послѣ 8-ми-лѣтней борьбы, оставилъ не только епархію, но и управленіе Холибовскимъ училищемъ, основаннымъ имъ въ 1858 г. въ Ѳеодосіи, на средства ктитора армянскихъ церквей въ Нахичевани, Артемія Холибова, занимавшаго должность городскаго головы. Соорудивъ училищное зданіе, открывъ 6-ть классовъ въ училищѣ, имѣвшемъ 150 воспитанниковъ, Айвазовскій для печатанія книгъ завелъ типографію, издававшую журналъ и печатавшую, кромѣ учебниковъ, историческіе армянскіе источники. Удалившись отъ дѣлъ, Айвазовскій провелъ въ уединеніи около 10 лѣтъ, пока на мѣсто умершаго Матеоса не былъ выбранъ въ патріархи Кеворкъ IV, вызвавшій Айвазовскаго въ Эчміадзинъ, рукоположившій его въ санъ епископа и, возведя въ архіепископы, въ 1875 г. поставившій его въ главѣ духовной академіи, съ саномъ епархіальнаго архіерея грузино-имеретинской епархіи. Но и въ этой должности Айвазовскій встрѣтилъ враждебность всѣхъ, кромѣ патріарха, почему въ 1879 г. сложилъ съ себя ректорство въ академіи и переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ жилъ такимъ же аскетомъ, какъ и прежде, находя отраду въ постоянныхъ занятіяхъ дѣлами и литературою. Смерть его была скоропостижная. Ученыхъ трудовъ въ печати оста-

вилъ Айвазовскій очень много. Такъ, съ аббатомъ Авгаріаномъ (Ошеръ) и другимъ братомъ онъ составилъ „Академическій (армянскій) лексиконъ“ въ 2-хъ большихъ томахъ, 1836—7 г., напечатанный въ Венеціи. Здѣсь каждое армянское слово сопровождается латинскимъ и греческимъ. Въ Венеціи въ 1838 г. изданы „Историческія примѣчанія въ исторіи Арменіи“ на итальянск. яз. Въ 1841 г. въ Венеціи была написаны и изданы: 1) „Исторія Оттоманской имперіи“, 2) „Краткая исторія Россіи, съ очеркомъ статистики Росс. имперіи“, 3) перев. на армянскій языкъ соч. Сильвіо Пеллико, 4) перев. съ нѣмецкаго „Мемцоровъ“ Януса. Въ 1854 г. Айвазовскій исполнилъ и издалъ въ Парижѣ „Жизнь Іисуса — сводъ сказаній 4-хъ евангелистовъ“. Кромѣ того, Айвазовскій редактировалъ и издалъ текстъ армянскихъ историковъ въ „Bibliothèque historique arménienne“, предпринятой оріенталистомъ Дюлорье. Въ Венеціи Айвазовскій основалъ журналъ на армянскомъ языкѣ „Базмовалъ“ (полигисторъ), принимая въ немъ дѣятельное участіе. Литературные труды доставили Айвазовскому званіе члена многихъ ученыхъ обществъ внѣ Россіи. Такъ, онъ былъ членомъ-сотрудникомъ Парижской академіи, дѣйствит. членомъ Société asiatique de Paris, издававшемъ извѣстный „Journal asiatique“, гдѣ помѣщалъ свои труды. Основавъ въ Парижѣ журналъ „La Colombe du Massis“ (Араратская голубка), издававшійся на армянскомъ и французскомъ языкахъ въ 1855—57 гг., Айвазовскій перенесъ его изданіе въ 1858 г. въ Россію, въ Ѳеодосію. Тамъ же Айвазовскій издавалъ, затѣмъ, на армян., русск. и француз. языкахъ журналъ „Радуга“. Удалившись отъ дѣлъ, Айвазовскій сдѣлалъ полный переводъ басень Крылова на разговорный армянскій языкъ и съ біографіею Крылова, напечаталъ его въ Константинополѣ, въ 1871 г. Переводъ этотъ очень близокъ къ подлиннику, по свидѣтельству ученыхъ армянъ.

«Записки Имп. одесск. общ. ист. и др.», т. XII, стр. 435—43.

Айгнеръ, *Петръ* (Aigner, P.), архитекторъ въ Варшавѣ, род. во второй половинѣ XVIII вѣка (въ 1760 годахъ) и принималъ участіе въ возстаніи 1794 года; умеръ послѣ 1820 года, состоя въ русской службѣ. Онъ, между прочимъ, проектировалъ, сооруженный въ 1808 г. въ Калишѣ, легіономъ генерала Заіончека, памятникъ Наполеону I и памятникъ Копернику (1810 г.). Какъ писатель, Айгнеръ еще болѣе извѣстенъ, чѣмъ какъ строитель. Сочиненія его на польскомъ языкѣ: 1) въ 1788 г.—„Кирпичный заводъ“, по новому, изобрѣтенному имъ способу обжиганія—„Cegielnia nowa, wynalasku własnego“ съ 1 л. черт.; 2) „Строеніе домовъ изъ кирпичей высушенной глины“—„Budownictwo wieskie z cegły glinosuschoney“, 1791; 3) Краткое наставленіе объ употребленіи пикъ и косъ—„Krotka nauka o pikach i kosach, przez obywatela“, 1794 г. (вновь отпечатано въ 1831 г., въ Варшавѣ); 4) „О вкусѣ вообще и въ особенности объ архитектурномъ“—„Rosprawa o gustae w ogólnosci, a w szegolnosci w architecturze“, 1812 г.; 5) „Архитектура церковная“—„Budowy Kosciolów“, ч. I, заключавшая 4 проекта храмовъ, въ разныхъ масштабахъ съ 9 лист. чертежей, Варшава 1825 г. Какъ членъ общества садоводства въ Варшавѣ, въ седьмой части трудовъ его, Айгнеръ помѣстилъ археологическое изслѣдованіе—„О Swiatyniach u starozytnych i o slowianskich“ (О святыняхъ у древнихъ и у славянъ),—имѣвшее большое значеніе въ современной польской наукѣ.

«Allgemeines Künstler-Lexicon», 2 изд. (D. Julius Meyer) 1872. т. I, стр. 151. Энциклоп. слов., т. II, 214.

Айгуста (Анастасія) **Гедиминовна,** дочь Гедимина, великаго князя Литовскаго; въ 1333 г. вступила въ бракъ съ великимъ княземъ всея Россіи Симеономъ Ивановичемъ Гордымъ; умерла 11 марта 1345 г. Она была второй женой Симеона Гордаго.

Энциклопед. слов., т. IV, 255. Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійскаго», т. IV, стр. 137, пр. 292, 364, 372.

Айдаровъ, *Михаилъ Петровичъ*, горный инженеръ, д. с. с., помощникъ начальника Алтайскаго горнаго округа. Сынъ дворянина изъ Томской губерніи, род. въ 1815, умеръ въ 1878 году. Окончивъ курсъ въ горномъ институтѣ въ 1834 г., Айдаровъ поступилъ на службу въ заводскую химическую лабораторію въ Барнаулѣ, гдѣ съ 1838 по 1855 г. былъ управляющимъ; въ то же время Айдаровъ преподавалъ аналитическую химію и прикладную механику въ Барнаульскомъ горномъ

училищѣ. Онъ первый занялся изученіемъ металлургическихъ процессовъ Алтайскихъ заводовъ и предложилъ разные способы для нормальной ихъ постановки; за введеніе способа обработки жуковъ и крицъ въ сереброплавильномъ процессѣ Локтевскаго завода, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. Труды Айдарова по металлургіи на Алтаѣ могутъ и теперь служить для изученія заводскихъ процессовъ. Кромѣ металлургическихъ работъ, Айдаровъ занимался и практическою механикою; особый приборъ для освобожденія рудниковъ отъ воды, посредствомъ мѣшковъ, описанъ имъ въ „Горномъ журналѣ". Въ 1874 г. Айдаровъ вышелъ въ отставку. Ученые труды Айдарова помѣщены въ „Горномъ журналѣ": 1) „Геогностическій обзоръ второй нижне-терсинской дистанціи" (1836 г., ч. IV, стр. 84). 2) „Обработки жуковъ и крицъ Локтевскаго завода" (1852 г., ч. IV, стр. 1), 3) „О неулетучиваніи золота при пожегѣ роштейновъ" (1854 г. ч. II, ст. 1), 4) нѣсколько статей по заводскимъ процессамъ алтайскихъ заводовъ (1854 г., ч. II, стр. 21 и 30 и 1861 г. ч. IV, стр. 317) и 5) „Водоподъемъ" (1859 г., ч. I, стр. 519).

О способахъ Айдарова писали въ «Горномъ журналѣ» И. А. Полетика (1862 г., ч. I, стр. 424) и проф. Н. Іосса (1884 г., №№ 1—2, стр. 24 и № 3, стр. 309). *Н. Н. П.*

Айфалъ Никитичъ, двинскій посадникъ, предавшій великому князю Василію Дмитріевичу Двинскую область. Взятъ въ плѣнъ новгородцами, съ братьями своими, но на пути въ Новгородъ успѣлъ освободиться и уйти. Его преслѣдовалъ воевода новгородскій Яковъ и съ нимъ пришлось Айфалу биться въ окопахъ, на рѣкѣ Сухонѣ. Здѣсь онъ былъ пораженъ, но вторично спасся бѣгствомъ (1398 г.). Въ 1400 г. Айфалъ явился на Двину съ войскомъ великаго князя и покорилъ ему Двинскую область (1401 г.), взявъ въ плѣнъ воеводъ новгородскихъ и посадника, которыхъ, однако, новгородцы отбили, настигнувъ Айфала около Холмогоръ. Въ 1408 году Айфалъ сражался съ волжскимн болгарами, а затѣмъ разбитый монголами, удалился въ Вятку, гдѣ новгородскій ушкуйникъ Разсохинъ въ 1418 году лишилъ его жизни.

П. С. Рус. Лѣтоп., томы, III—VI и VIII. *П. П.*

Айчувакъ, ханъ Малой Киргиз-кайсацкой орды, третій сынъ Абуль-Хаира хана, род. не позднѣе 1730 г., такъ что въ годъ смерти отца былъ совершеннолѣтнимъ, способнымъ замѣнить Хаджи Ахмета въ управленіи Малой ордою (1748 г.), когда Нуръ-Али, старшій сынъ Абуль-Хаира былъ утвержденъ русскимъ правительствомъ ханомъ. Айчувакъ тогда оставленъ былъ въ русской главной квартирѣ заложникомъ и замѣненъ (1749 г.) братомъ Адилемъ, въ свою очередь замѣненнымъ болѣе младшимъ, Пир-Али. Въ 1750 г. Айчувакъ участвовалъ въ наѣздѣ на аральцевъ, подданныхъ хивинскаго хана, а съ 1759 г., ставъ во враждебныя отношенія къ управленію Оренбургскаго края, съ братомъ Эръ-Али грабилъ русскіе караваны. При вступленіи на престолъ Екатерины II, получивъ почетную награду, Айчувакъ, кочевавшій близъ Уральска, велъ себя двусмысленно во время возстанія пугачевцевъ, какъ будто не обращая вниманія на участіе подвластныхъ ему киргизовъ въ дѣйствіяхъ самозванца. Также поступалъ и Нуръ-Али, до смерти котораго (1790 г.) Айчувакъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ братьевъ. Нуръ-Али наслѣдовалъ Эрали (ум. въ іюнѣ 1794 г.), а за нимъ Ишимъ, по смерти котораго Айчувакъ (1797 г.) сдѣлался предсѣдателемъ правительственнаго совѣта, управлявшаго киргизами, и ханомъ. Черезъ 8 лѣтъ, по старости, онъ сложилъ съ себя управленіе (1805 г. 15 окт.) и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Howarth «History of Mongols» II, 660—671. Левшинъ, «Описаніе Киргизскихъ степей», ч. II, стр. 320. *П. П.*

Акакій (до монашества *Александръ*), епископъ тверской и кашинскій, род. 15 марта 1482 г., умеръ 14 января 1567 г.; рукоположенъ въ епископы тверскіе 30 марта 1522 г. Постриженъ въ монашество св. Іосифомъ Волоцкимъ и нареченъ имъ Акакіемъ, какъ свидѣтельствуетъ авторъ „Житія" Акакія Васіанъ, его духовникъ. 22 іюля 1537 г. во время пожара въ Твери, Акакій едва спасся. 19 марта 1542 г. онъ участвовалъ при посвященіи митрополита Макарія. 26 февраля 1547 г., присутствовалъ на помѣстномъ соборѣ въ дѣлѣ установленія службъ и празднествъ св. Александру-Невскому, Савватію и Зосимѣ Соловецкимъ. 15 іюля 1551 года Акакій участвовалъ въ приговорахъ на Стоглавомъ соборѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія по дѣламъ новгородскихъ

священниковъ. 24 января 1554 года, въ соборномъ посланіи въ Соловецкій монастырь, по дѣлу о заточеніи бывшаго троицкаго игумена Артемія, Акакій упоминается какъ участникъ опредѣленія и приговора, постановленнаго подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія. Въ соборной грамотѣ „О бѣломъ клобукѣ", 2 февр. 1564 г., сказано: „а тверскаго и кашинскаго Акакія епископа руки нѣтъ, потому что для великія старости и болѣзни на соборъ не пріѣхалъ, а о томъ писалъ, что онъ съ архіепископы и епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со всѣми съ ними единомышленъ". Епископъ Акакій погребенъ 27 января, рязанскимъ епископомъ Филоѳеемъ, въ Жолтиковѣ монастырѣ.

Карамзинъ, т. VII, прим. 345, 483, стр. 97. т. IX, стр. 96, 268, «Софійск. времен.», II, с. 84. «Пол. Собр. Рус. Лѣт.», VIII, с. 270, т. VI, 264, 295; «Акт. Истор.», т. I, с. 333. «Акт. Археогр. Эксп.» т. I, 203 и «Опис. рукоп. сборниковъ. Имп. Пуб. Библ.» 1882 г., с. 12. Строевъ «Опис. ст. рукоп.», стр. 132. «Рус. Арх.» 1881 г., кн. II, с. 7. «Описаніе рукоп. Соловецк. монаст». Казань, 1881 г., часть I, стр. 476, л. 360: «Какыя рѣчи реклъ бы убо къ содѣтелю всѣмъ епископъ тверскый съжжену бывшу соборному и всему двору его и всѣмъ имѣніемъ и самому граду и множайшимъ инымъ храмомъ и дворомъ и людемъ погорѣвшимъ гнѣвомъ Божіимъ въ лѣтѣ 46-мъ осьмыя тысяща Іулія 22 дня и како бы отвѣщаетъ всѣхъ Господь, имже и внимати подобаетъ съ страхомъ и вѣрою нелицемѣрною». Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 442; «Описаніе Церковно-славян. рукописей», составлено А. Ѳ. Бычковымъ, стр. 3, 12, 113.

Акема, *Филимонъ Филимоновичъ*, по голландски *Тилеманъ Лусъ Акемъ*, голландскій гость, заводчикъ, переселившійся въ Россію при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ Марселіусомъ. Когда основатель тульскихъ городищенскихъ заводовъ Виніусъ, строя заводы, нуждался въ деньгахъ, Акема и Марселіусъ дали ему ссуду, а въ 1637 году составили съ нимъ товарищество, устроившее тульскіе заводы. Тогда были выписаны изъ-за границы, съ большими издержками, до 600 голландцевъ литейщиковъ, мастеровъ молотоваго, шпажнаго и ружейнаго дѣла, ствольниковъ, замочниковъ, которые обязаны были учить этому дѣлу русскихъ людей. Въ 1644 г., Акема и Марселіусъ получили, отдѣльно отъ Виніуса, царскую грамоту, съ разрѣшеніемъ строить заводы на рр. Выгѣ, Костромѣ и Шекснѣ, безъ платежа пошлинъ въ теченіе 20 лѣтъ; они обязаны были приготовлять для казны пушки, ядра и котлы, проволоку и жесть, а также обучать этому дѣлу русскихъ; избытокъ своего производства они могли продавать и вывозить за границу. Виніусъ, видя въ Акемѣ и Марселіусѣ конкуррентовъ, сдѣлалъ на нихъ доносъ; о „многихъ неправдахъ" ихъ было сообщено голландскому правительству, которое сначала не признавало ихъ голландцами и не вмѣшивалось въ это дѣло, но впослѣдствіи хлопотало за нихъ черезъ посла Альберта Бурга. Датскій король Христіанъ IV писалъ о нихъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1648 г. имъ были отданы городищенскіе заводы, отобранные у Виніуса, вѣроятно, по окончаніи срока аренды; Акема и Марселіусъ обѣщали сдѣлать большія уступки въ цѣнахъ издѣлій съ этихъ заводовъ. Въ 1656 г. имъ разрѣшено построить Угодскій желѣзный заводъ, въ нынѣшнемъ Малоярославскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Они же взяли въ аренду у боярина Ильи Даниловича Милославскаго Протвенскій желѣзодѣлательный заводъ на р. Протвѣ, въ 90 верстахъ отъ Москвы по калужской дорогѣ; тогда же построены ими на р. Скнигѣ, въ Тульской губерніи, молотовыя фабрики при 4 плотинахъ. Въ 1662 г. у Марселіуса, за его вину, отнята была половина его заводовъ, а Акема остался при своей половинѣ. Въ 1664 году по этому поводу сдѣлано было болѣе точное распредѣленіе заводовъ: тульскіе, каширскіе и Коломенская волость взяты были въ казенное управленіе, а Протвенскій, Угодскій и Вытегородская волость оставлены за Акемой. По смерти Акемы (въ 1676 г.), заводы перешли къ родственнику его, Вахрамѣю Петровичу Миллеру.

I. Гамель «Опис. тульск. оруж. завода», стр. 12—23. Соловьевъ «Ист. Рос.», IX т., стр. 421—22, т. X, стр. 349—50. «Допол. къ Акт. Истор.», т. V, 55—61., т. VII 57 с. «Памятная книжка для русскихъ горныхъ людей на 1863 г.», статья Полетики: «Начало русскихъ горныхъ заводовъ». *Н. Н. П.*

Акила печерскій (или Ахилла?), преподобный, память котораго чествуется 28-го августа. Онъ отличался подвигами постничества, „нисколько не вкушая никогда же пищи приправленной и суровой мало", довольствуясь одною просфорою въ недѣлю. Въ кондакѣ указано, что онъ

былъ „твердъ въ бденіяхъ молитвенныхъ"; годъ кончины и число лѣтъ жизни его—неизвѣстны.

Филаретъ, «Русскіе святые», августъ, стр. 20. «Кіево-Печер. лавра» въ Кіевской старинѣ 1886 г. Сергій, «Полный мѣсяцесловъ Востока», II, 226, 260.

Акимова, *Софья Павловна*, жена актера и режиссера московской драматической труппы, рожденная *Ребристова*, знаменитая московская актриса, неподражаемая въ роляхъ комическихъ старухъ, родъ. въ сентябрѣ 1824 г., умерла 4 іюля 1889 г. Она получила хорошее образованіе и около 1842 г., выйдя замужъ, почувствовала призваніе къ сценѣ. Напрасно мужъ и родные отговаривали ее; она тайкомъ приготовилась, подъ руководствомъ актрисы А. Т. Сабуровой, и дебютировала въ роляхъ Кутерлиной, въ „Благородномъ театрѣ" и Проксагоры въ пьесѣ „Эзопъ у Ксанѳа" кн. Шаховскаго, такъ блистательно, что тогда же принятая (6 апр. 1846 г.) на сцену, прекрасно сыграла затѣмъ Клушину въ водевилѣ „Пуганица". Исключительный родъ ея дарованія опредѣлился такимъ образомъ сразу. Она прекрасно передавала роли: Исавны—въ „Бобылѣ", Марѳы Романовны—въ пьесѣ „Ѳ. Гр. Волковъ", Ѳеклы—въ комедіи „Ябеда", Бригадирши—въ „Бригадирѣ", Ѳетиньи—въ „Мельникѣ", Марѳы Власьевны Тузловой—въ „Деньщикѣ", Голендухи—въ „Костровѣ", Кузьминишны—въ „Двумужницѣ", Ѳеклы Ѳедосѣевны—въ „Парашѣ Сибирячкѣ", Домны Ивановны Сабуровой—въ „Царской Невѣстѣ", Хрюминой и княгини Тугоуховской—въ „Горе отъ ума" и графини Бредли—въ пьесѣ „Отецъ и дочь". Талантъ предшественницы своей, Божановской, Софья Павловна не просто воскресила, а подняла своею игрою до высоты, недоступной соперницѣ. Столь же неподражаема была Акимова въ пьесахъ Гоголя и Островскаго. Зная хорошо языки нѣмецкій и французскій, она помогала мужу переводами съ этихъ языковъ въ его передѣлкахъ пьесъ и сама перевела съ французскаго драму „Мать и сынъ".

«Москва» 1868 г., № 47, ст. И. Аксакова: «Двадцать два года службы С. П. Акимовой при московскихъ театрахъ», откуда взяла свои указанія «Современная лѣтопись» 1868 г. № 19. Энциклопед. Слов., т. II, стр. 329—330.

Акимовъ, *Василій Петровичъ*, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ, начальникъ 1-го Павловскаго военнаго училища (бывшаго 1-го кадетскаго корпуса), съ 18 октября 1879 г. до кончины. Род. 25 января 1835, умеръ 17 сентября 1886 г. Получивъ образованіе въ Дворянскомъ полку (нынѣ второе военное Константиновское училище), Акимовъ произведенъ въ офицеры 13 августа 1853 г. съ зачисленіемъ въ гренадерскій полкъ фельдмаршала графа Румянцева. Съ 7 янв. 1854 г. его перечислили въ резервный баталіонъ гренадерской дивизіи, потомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ и, для приготовленія къ поступленію въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, прикомандировали къ штабу командующаго войсками въ Петербургѣ. Въ 1857 г., окончивъ курсъ академіи въ чинѣ подпоручика, Акимовъ опредѣленъ въ штабъ 16-ой пѣхотной дивизіи и, состоя въ должности старшаго адъютанта при штабѣ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, исправлялъ должность начальника Варшавскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища (съ 2 января 1862 г.). Съ 10-го мая 1874 г. онъ былъ командиромъ Самогитскаго эрцгерцога Карла полка, а съ 24 февраля 1877 г. начальникомъ штаба 14-го армейскаго корпуса, исправляя (на правахъ корпуснаго командира) должность начальника штаба Нижне-Дунайскаго отряда. За взятіе гор. Меджидіе Акимовъ произведенъ въ іюнѣ 1877 г. „за отличіе" въ генералъ-маіоры. Затѣмъ, ему ввѣренъ былъ въ управленіе главный городъ Дунайскаго вилаета, Рущукъ, важный въ стратегическомъ отношеніи. Съ 4 іюля 1878 г. Акимовъ и управлялъ имъ, какъ губернаторъ, до упраздненія русскаго гражданскаго управленія въ Болгаріи, а по возвращеніи въ С.-Петербургъ былъ назначенъ начальникомъ Павловскаго училища. Попечительность Акимова о ввѣренномъ ему разсадникѣ военнаго образованія поощрена была Государемъ Императоромъ назначеніемъ въ свиту Е. И. В. О педагогической опытности покойнаго можно судить по тому, что онъ, какъ спеціалистъ, съ 1869 по 1873 г. командированъ былъ въ С.-Петербургъ изъ Варшавы для совѣщаній объ учебной части юнкерскихъ училищъ, въ коммиссію, состоявшую при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній.

Формулярный списокъ. «Историч. очеркъ Ник. акад. генер. штаба», стр. 91. Некрологъ въ «Новостяхъ» 1886 г., 20 сентября.

Акимовъ, *Дмитрій Сергѣевичъ*, капитанъ-командоръ. Поступивъ во флотъ штурманскимъ ученикомъ въ 1768 г., первыя 20 лѣтъ своей службы много плавалъ на военныхъ судахъ въ Азовскомъ, Черномъ и Средиземномъ моряхъ, а также въ Архипелагѣ, и нѣсколько лѣтъ былъ учителемъ навигаціи въ Таганрогской штурманской ротѣ. Переведенный въ 1787 г. во флотъ мичманомъ, онъ участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ при Каліакріи (1791 г.) и особенно отличился въ войну съ турками въ 1807 — 1812 г. Командированный передъ началомъ войны на Дунай, онъ сформировалъ въ Галацѣ флотилію изъ рыбацкихъ лодокъ и купеческихъ судовъ, а потомъ построилъ тамъ же канонерскія лодки, барказы и катера и командуя этою флотиліею, участвовалъ въ штурмѣ Браилова, при взятіи крѣпостей Исакчи и Тульчи (1809 г.) и въ бомбардированіи Силистріи и Рущука (1810 г.). Своею военною дѣятельностью на Дунаѣ, Акимовъ заслужилъ особенное довѣріе и расположеніе своихъ начальниковъ. При Браиловѣ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ писалъ ему: „все, что вы ни дѣлаете, всѣ ваши предпріятія не иначе пріемлю я, какъ съ истиннымъ чувствомъ должнаго къ вамъ уваженія, и главнокомандующій раздѣляетъ обще со мною мои къ вамъ чувствованія“. Въ награду за отличныя дѣйствія на Дунаѣ Акимовъ получилъ два чина и ордена св. Владиміра 4-й и 3-й степеней. 31 мая 1817 года онъ оставилъ службу и при отставкѣ награжденъ чиномъ капитанъ-командора.

Формулярн. списокъ въ архивѣ Морск. Мин. и «Общій морской списокъ», ч. Ш, стр. 24.

Н. Коргуевъ.

Акимовъ, *Иванъ Акимовичъ*, воспитанникъ, пенсіонеръ за границею, потомъ профессоръ и ректоръ Императорской Академіи Художествъ, род. въ Спб., 22 мая 1753 г., умеръ тамъ же, 15 мая 1814 г. Оставшись 9-ти лѣтъ послѣ смерти отца, наборщика сенатской типографіи, Акимовъ подалъ просьбу академическому начальству о принятіи его для обученія искусствамъ; принятый въ Академію, онъ оправдалъ милость, ему оказанную, примѣрнымъ прилежаніемъ. Рисовалъ Акимовъ лучше другихъ еще въ низшихъ классахъ и уже 18-ти лѣтъ выполнилъ по программѣ картину „В. к. Изяславъ Мстиславичъ чуть не изрубленный воинами, его неузнавшими, въ бою, открывается имъ“, удостоенную 2-ой золотой медали (1772). Ко времени выпуска (1773 г.), имѣя всего 19-ть лѣтъ отъ роду, Акимовъ написалъ, также по программѣ, картину „в. к. Святославъ по возвращеніи съ Дуная въ Кіевъ“, за которую получилъ первую золотую медаль и отправленъ пенсіонеромъ за границу. Тогда посылали пенсіонеровъ исключительно въ Италію. Получивъ незадолго передъ тѣмъ отъ Болонской академіи дипломы для своихъ членовъ, наша Академія назначила Акимова пенсіонеромъ въ Болонью, гдѣ тогда не было даже настоящихъ натурныхъ классовъ. Молодому художнику, строго выполняя инструкцію, пришлось проводить время только за копіями съ лучшихъ произведеній мастеровъ мѣстной школы, находившихся въ городской галлереѣ. Въ этихъ упражненіяхъ Акимовъ провелъ почти цѣлый годъ и не получивъ, по представленіямъ своимъ, разрѣшенія Академіи выѣхать въ Римъ, прибылъ однако туда въ апрѣлѣ 1774 г. Но и въ Римѣ постановка академическихъ курсовъ была не лучше, чѣмъ въ Болоньѣ, такъ какъ и римская академія (Капитолійская) была обществомъ художниковъ, имѣвшихъ у себя частныхъ учениковъ и отдѣльныя студіи безъ обученія анатоміи и прочимъ вспомогательнымъ наукамъ. На счастье Акимова, въ Римѣ тогда былъ знаменитый живописецъ Помпео Батони, принявшій русскаго пенсіонера весьма благосклонно, благодаря рекомендаціи Ив. Ив. Шувалова. Пользуясь совѣтами Батони, Акимовъ въ 1775 г. дописалъ картину „Прометей и Минерва“, которая находится теперь въ картинной галлереѣ Императорской Академіи Художествъ. Граціозность композиціи, конечно, не можетъ скрыть основнаго недостатка Акимова—слабость колорита, но отсутствіе колоритности маскируется довольно удачно—расположеніемъ свѣто-тѣни и мастерствомъ строгаго, академическаго рисунка. Самъ художникъ понималъ свой недостатокъ и старался побѣдить его изученіемъ колористовъ венеціанской школы. Съ этою цѣлью онъ копировалъ „Вѣру“ Гверчино. Для испытанія своей колоритности написаны Акимовымъ, тогда же, композиціи: „Эней и Дидона въ пещерѣ“, „Нарцисъ“ и „Фавнъ съ козленкомъ“—тоже пересланныя изъ Рима въ Академію и проданныя здѣсь, съ

аукціона, неизвѣстно кому. Назначеніе въ продажу этихъ картинъ доказываетъ, что совѣтъ академіи не находилъ въ нихъ особенныхъ достоинствъ. За „Прометея“ Акимовъ былъ удостоенъ званія „назначеннаго академика“ (1778 г.). По возвращеніи въ Россію Акимовъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ въ помощь профессору П. И. Соколову—обучать писанію съ натуры (1779 г.). На званіе „дѣйствительнаго академика“ Акимову дали выполнить картину по программѣ „Геркулесъ, сожигающійся на кострѣ“, которая теперь находится въ Академіи Художествъ. Онъ написалъ это произведеніе въ 1782 году и признанъ академикомъ исторической живописи. Колоритъ еще слабѣе въ этой картинѣ, но рисунокъ въ академическомъ отношеніи болѣе точенъ, такъ что опредѣляющіяся съ этого времени особенности художника уже не измѣнялись. Вслѣдствіе этого, вліяніе Акимова, какъ профессора, было замѣтно только въ рисовальныхъ классахъ, тогда какъ направленіе, данное Угрюмовымъ, болѣе живымъ колористомъ, хотя и менѣе строгимъ рисовальщикомъ, сохранялось до Брюлова въ русской школѣ живописи. Въ служебномъ отношеніи Акимовъ пользовался и большимъ вліяніемъ, и большимъ почетомъ, какъ знатокъ искусства, администраторъ и пріятный человѣкъ въ обществѣ, много читавшій и умѣвшій вести бесѣду о спеціальностяхъ всякаго рода, а не объ одномъ своемъ искусствѣ. Какъ рисовальщикъ, онъ, безспорно, стоялъ выше своихъ товарищей. Въ 1786 году, указомъ 19-го мая, Акимовъ былъ назначенъ инспекторомъ шпалерной мануфактуры, а 5 лѣтъ спустя и директоромъ ея (1791 годъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему поручено было обученіе рисованію и живописи Августѣйшихъ дѣтей Императора Павла I. Въ 1794 году Акимовъ былъ назначенъ директоромъ Академіи Художествъ. Павелъ I, покровительствуя художникамъ, къ Акимову былъ милостивѣе прочихъ и самъ давалъ ему заказы. Между прочимъ, Акимовъ написалъ нѣсколько воздушныхъ фигуръ на зеркалахъ въ Михайловскомъ замкѣ, очень хвалимыхъ современниками, но до насъ не дошедшихъ. Лучшею порою творчества были для Акимова 1790-ые годы. Тогда были написаны самыя выдающіяся произведенія этого художника, а именно: въ Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры, въ иконостасѣ — „Св. Троица“, „Вознесеніе на небо Богоматери“, „архангелы“ на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ и „Саваоѳъ“ надъ царскими вратами, въ рѣзномъ позолоченномъ сіяніи, съ серебряными облаками. Особенно изящна фигура „Архангела Гавріила“ съ райскою вѣтвью. Рисунокъ здѣсь хорошъ, какъ ни въ одной изъ остальныхъ работъ Акимова, и краски необыкновенно гармоничны и ярки. Самый колоритъ тѣльныхъ частей оставляетъ желать очень немногаго. „Саваоѳъ“ полонъ величія и достоинства, чего не встрѣчается у сверстниковъ и даже учениковъ Акимова, жившихъ послѣ него. Нельзя не видѣть въ этихъ трехъ произведеніяхъ глубокаго изученія Гвидо Рени и Караччи. При Александрѣ I работъ Акимова немного и то, что особенно хвалили современники, стояло въ художественномъ отношеніи не особенно высоко: таковъ, напримѣръ, „Подвигъ Старичкова“ на выставкѣ 1806 г. Патріотическій сюжетъ, спасеніе знамени гренадеромъ, конечно, игралъ главную роль и доставилъ легкій успѣхъ этому заурядному произведенію. При конкурсѣ на портреты Высочайшихъ Особъ для Департамента удѣловъ, гдѣ Акимовъ соперничалъ съ Левицкимъ, хотя и были утверждены эскизы обоихъ, но исполненіе заказа было окончено Левицкимъ. Акимова слѣдуетъ помянуть еще какъ собирателя сказаній о русскихъ художникахъ. Его сообщенія, показывающія степень основательности изустныхъ пересказовъ, напечатаны въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804 г. Потерявъ жену и не имѣя дѣтей, Акимовъ оставилъ Академіи Художествъ, по завѣщанію, капиталъ въ 15.000 р. ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы Академія приняла пансіонерами его воспитанниковъ, что и было исполнено. Извѣстенъ Акимовъ и какъ граверъ крѣпкою водкой.

Дѣла Имп. Академіи Художествъ. «Журналъ изящн. искусствъ» Григоровича. Рѣчь (Лобзина) на актѣ Имп. Акад. Художествъ, 1814 г. Энциклопед. Словарь, т. I, 350. Календарь на 1840 г., гдѣ указанія Григоровича далеко не точны, какъ и въ статьѣ его, въ «Энциклопед. Лексик.», т. I.

Д. Д.

Акимовъ, *Иванъ Ивановичъ*, сынъ магистратскаго канцеляриста, род. въ Спб., 7 января 1724 г., умеръ 19 января 1805 г. Въ 1736 году записанъ въ ученики академической гимназіи, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, Николаемъ.

Гимназическій курсъ тогда былъ приспособленъ, главнымъ образомъ, къ образованію переводчиковъ съ новѣйшихъ языковъ. Младшаго Акимова, Ивана, въ 1736 году опредѣлили учиться нѣмецкому языку, и въ началѣ 1740-хъ годовъ онъ уже назначался начальствомъ для переводовъ. При Екатеринѣ II Акимовъ былъ переводчикомъ при Императорской Академіи Наукъ, а потомъ при Сенатѣ, гдѣ повышенъ сначала въ секретари, а затѣмъ оберъ-секретари. Переводовъ Акимова много издано безъ подписи, такъ какъ онъ состоялъ при редакціи перваго журнала въ Россіи, издававшагося Академіею Наукъ—„Ежемѣсячныя сочиненія». Переводовъ Акимова съ подписью тоже не много, а именно: 1) въ 1763 г., съ французскаго онъ перевелъ сочиненіе Лакомба-де-Презель—„Иконологическій лексиконъ, или руководство къ познанію живописнаго и рѣзнаго художествъ, медалей, эстамповъ и пр., съ описаніемъ, взятымъ изъ разныхъ, древнихъ и новыхъ стихотворцевъ"; имени переводчика не указано; второе изданіе этой книги вышло въ 1786 г. 2) Съ нѣмецкаго переведена имъ, изданная въ 1765 г., трагедія Клейста „Сенека" подъ заглавіемъ: „Сенека, печальное позорище", въ 3-хъ дѣйствіяхъ. 3) Въ 1766 г. изданъ переводъ съ нѣмецкаго извѣстнаго древне-греческаго романа Харитона Афродисейскаго: „Похожденіе Херея и Каллирои". Языкъ переводовъ его особенною плавностью не отличается. Скончался Акимовъ на 82 году отъ рожденія въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

«Роспись» Смирдина, «Опытъ» Сопикова, Словари Геннади и Венгерова.

Акимовъ, *Иванъ Петровичъ*—обыкновенно называемый Екимовымъ и даже Якимовымъ—живописецъ портретный, миніатюрный и домашнихъ сценъ, воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ, пенсіонеръ за границею, составившій себѣ своимъ талантомъ нѣкоторую извѣстность въ Парижѣ (1776 г.). Род. въ 1748 г., умеръ 14 марта 1807 г. Оставилъ много картинъ, которыя современники его называли „домашними упражненіями". Миніатюрные портреты его кисти очень цѣнились въ свое время. Д. А. Ровинскій въ своемъ „Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ" (т. III, стр. 1714) указываетъ на гравюру Акимова съ его картины „Петръ I вынимаетъ изъ подъ ошейника своей собаки „Лизеты" просьбу", прибавляя, что эта картина писана имъ на званіе академика. Гравюра съ подписью художника (И. Акимовъ) и именемъ гравера приложена была, кажется, къ изданію „Кабинетъ Петра Великаго" Бѣляева съ посвященіемъ „Государю Цесаревичу и великому князю Константину Павловичу", что указываетъ на время исполненія ея при Императорѣ Александрѣ I.

Дѣло арх. Имп. Акад. Худ. 1808 г., № 89. Ровинскій, «Подробный слов. рус. гравир. портр.», т. IV.

П. П.

Акиндинъ, игуменъ Кіево-Печерскаго монастыря съ 1156 г. Въ 1159 г., при возведеніи монастыря грамотою великаго князя Андрея Боголюбскаго на степень лавры, съ непосредственнымъ подчиненіемъ константинопольскому патріарху, назначенъ первымъ архимандритомъ этой лавры. Скончался въ 1164 году.

Лаврент. лѣтоп. 151. «Истор. росс. іер.», II, 44. Строевъ, «Списки іерарховъ», 12.

Акиндинъ (Анкидинъ), иконописецъ, дьяконъ вологодскаго Софійскаго собора, въ которомъ въ 1645 г. подновлялъ образа.

Суворовъ, «Описаніе Вологодскаго Софійскаго собора», стр. 121.

Акинѳовы—древній русскій дворянскій родъ, ведущій начало отъ дѣтей бывшаго новгородскаго боярина и воеводы Іакинѳа (Акинѳа) Гавриловича прозваніемъ *Великаго*, убитаго въ бою подъ Переяславлемъ въ 1304 г. Сыновья его Иванъ Акинѳовичъ и Ѳедоръ Акинѳовичъ въ 1304 г., послѣ боя великаго князя Михаила Ярославича тверскаго, подъ Переяславлемъ-Залѣсскимъ, съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, ушли въ Тверь. Въ 1340 г. Ѳедоръ Акинѳовичъ оказывается уже воеводою московскимъ, командующимъ войскомъ, посланнымъ съ Товлубіемъ.

П. С. Р. Лѣтоп., томъ IV, 46, 55, 81; V, 222; VI, 95; VII, 206 и 184 и VIII, 39.

Къ тому же древнему роду, принадлежатъ:

3) *Акинѳовъ*, *Алексѣй Алексѣевичъ*, правнукъ окольничаго (1689—1692) Никиты Ивановича *Акинѳова*. Сенаторъ московскаго Сената (1822—28), род. въ 1755 г. и службу проходилъ въ московскомъ остаточномъ казначействѣ.

Формуляръ въ Спб. сенат. архивѣ, 1813 г. «Рос. родосл. книга», IV, 233.

4) *Акинѳовъ, Иванъ*, стольникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ (находился московскимъ посланникомъ въ Варшавѣ весною 1668 г.). Стряпчій съ 1640 г., стольникъ съ 1658 г., бояринъ въ 1655—1658 г. Въ 1650—54 г. воевода якутскій и енисейскій. Въ 1658—71 г. служилъ въ Пушкарскомъ приказѣ въ Москвѣ.

«Дополн. къ Акт. Истор.», томы: III, IV и V. Дополненіе къ словарю Толя. Соловьевъ «Исторія Россіи», XI, 146, 148 и XII, 34, 59.

5) *Акинѳовъ, Николай Владиміровичъ*, въ званіи камергера, попечитель акинѳовскихъ палатъ московской градской больницы; учредилъ ихъ на свой счетъ 21 окт. 1812 г. Умеръ 26 февраля 1855 г., въ чинѣ статскаго совѣтника.

Формулярный списокъ 1855 г.

6) *Акинѳовъ, Ѳедоръ Владиміровичъ*, сенаторъ, род. 1791 г., умеръ въ іюнѣ 1848 г. Былъ женатъ на фрейлинѣ Натальѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой. Въ службу вступилъ юнкеромъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ въ 1806 году, въ офицеры произведенъ въ 1807 году, участвовалъ въ войнахъ 1807 и 1812—1814 годовъ и за военныя заслуги получилъ ордена: св. Георгія съ золотою саблею, св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 4-й и 2-й степ. Въ 1817 г. назначенъ командиромъ переяславскаго конно-егерскаго полка, въ 1823 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, за отличія въ турецкой войнѣ 1829 г. награжденъ орденами: св. Владиміра 3-й и св. Анны 1-й ст. Въ 1830 г. уволенъ отъ службы. Въ 1833—1836 гг. состоялъ владимірскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1837 г. назначенъ сенаторомъ. Съ 1839 г. почетный опекунъ московскаго опекунскаго совѣта и управляющій Маріинскою больницею, съ 1841 г. членъ совѣта Екатерининскаго и Александровскихъ училищъ въ Москвѣ, въ 1843 г. получилъ Бѣлаго Орла.

Формуляръ 1846 г. въ сенатскомъ архивѣ.

Аккерманъ, чета супруговъ артистовъ въ Россіи. 1) *Аккерманъ, Конрадъ-Эрнстъ*, извѣстный въ Спб. нѣмецкій актеръ. Родился 1 февраля 1712 года, умеръ 13 ноября 1771 г. Въ турецкую войну служилъ въ русскихъ войскахъ, командуемыхъ Минихомъ; дебютировалъ въ 1740, а въ 1747 году принятъ въ труппу Гильфердинга. Съ Шарлотою Шредеръ и ея сыномъ Ф. Л. Шредеромъ, отправившись въ Москву, въ 1749 г. Аккерманъ тамъ женился на Шредеръ (ур. Бирейкель), и чета супруговъ скоро понравилась высшему русскому обществу, развивъ его вкусъ къ сценическому искусству. Играя при Дворѣ, во французскихъ пьесахъ, Аккерманъ хорошо выполнялъ, между прочимъ, роли: Тартюфа, Полифонта (въ „Меропѣ“ Вольтера), Мелифонта (въ „Миссъ Сара Симпсонъ“ Лессинга), Германа Бреме (въ „Politische Kannengiesser“ Гольберга), Гарпагона (въ драмѣ Корнеля „Скупой“), Пауля Вернера (въ Лессинговой „Миннѣ фонъ-Барнгельмъ“) и др. 2) *Аккерманъ, Софія-Шарлота*, жена предъидущаго, въ первомъ бракѣ *Шредеръ*, род. 12 мая 1714 г., умерла 14 октября 1793 г. Она превосходно выполняла роли: мольеровской Агнесы, Доринды (въ „Тартюфѣ“), Меропы, Марвудъ (въ „Миссъ Сарѣ Симпсонъ“ Лессинга), вольтеровской Альзиры, г-жи Бреме, Федры, Маргариты и матери Рахили, въ „Благородномъ сынѣ“.

Devrient, Ed. «Geschichte der Deutschen Schauspielkunst». II.

Аккерманъ, *Ѳедоръ Андреевичъ* (Friedrich Ackermann), инспекторъ третьей спб. гимназіи (1838—44 г.), род. въ 1800 г., умеръ въ 1860-хъ годахъ. Началъ службу въ Россіи учителемъ французскаго языка при Имп. воспит. домѣ (съ 1 января 1821 г.), потомъ поступилъ учителемъ нѣмецкаго языка въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (6 сент. 1821 г.) и въ училище ордена св. Екатерины (11 августа 1823 г.). Съ 3 мая 1838 г. Аккерманъ былъ учителемъ французскаго языка въ инженерномъ училищѣ, и съ 5 ноября того же года инспекторомъ 3 гимназіи; въ это время онъ издалъ (Спб. 1838 г., 8°) учебникъ нѣмецкой грамматики: „Deutsche Sprachlehre“.

Н. М. Аничковъ, «Исторія 3-ей Спб. гимназіи». прил., стр. 21.

Аккордъ, *Илья Самойловичъ* (Elias Accord), род. въ Могилевѣ, въ половинѣ XVIII в., учился шесть лѣтъ въ Берлинскомъ университетѣ и тамъ получилъ дипломъ доктора медицины. Возвратившись въ Россію, подвергнутъ экзамену въ медицинской коллегіи и признанъ имѣющимъ право производить медицинскую практику въ Россіи (30 іюня 1788 г.). Служилъ потомъ въ Кіевѣ (1796—7 г.).

Я. Чистовичъ, «Исторія медицинск. школъ въ Россіи». Спб., 1883.

Аксаковъ, *Леонтій Ивановичъ*, въ 1580—81 г. воевода въ Вороначѣ, Псковской области; въ 1584—85 г.—въ Брянскѣ; въ 1590—91 г.—въ Ямахъ-Городѣ; съ 1593 года второй воевода въ Псковѣ, а съ 1594—97 г. первый воевода въ Нижнемъ-Новгородѣ; умеръ около 1600 года. Леонтій Ивановичъ и *Михайло Ѳедоровичъ* Аксаковы подписались въ 1598 г. подъ грамотою о выборѣ въ цари Бориса Ѳедоровича Годунова. Сыновья Михаила: Протасій, Юрій, Семенъ и Ѳедоръ и дѣти ихъ служили въ XVII вѣкѣ стряпчими и стольниками.

«Акты Археогр. Экспедиціи», т. II, 43.

Аксаковъ, *Петръ Дмитріевичъ*, умеръ въ 1780-хъ годахъ въ чинѣ полковника, назначенъ, 6 ноября 1840 года, изъ оберъ-кригсъ-коммиссаровъ вице-губернаторомъ въ Уфу, но не поладилъ съ губернаторомъ и другими властями и, вызванный по доносу въ столицу, хотя и оправдался, однако, вновь не посланъ на прежнюю должность. Въ 1744 году Аксаковъ находился еще подъ слѣдствіемъ, по окончаніи котораго велѣно ему прибыть въ Петербургъ (согласно Высочайше утвержденному докладу Сената 15 марта 1744 года, когда назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ И. И. Неплюевъ). Именной указъ 28 августа повелѣвалъ Аксакову быть въ столицѣ, къ пріѣзду въ Москву Ея Императорскаго Величества. Въ Москвѣ, какъ извѣстно, учреждена была Императрицею Елизаветою особая слѣдственная коммиссія по башкирскимъ дѣламъ, и Аксаковъ успѣлъ настолько оправдать себя передъ Государынею, что указомъ 20 ноября 1745 года башкирской коммиссіи предписывалось уже не только не судить Аксакова, но и разсмотрѣть поданное имъ доношеніе „о противозаконныхъ поступкахъ и притѣсненіяхъ, дѣлавшихся башкирскому народу бывшими тамъ командирами“. Коммиссію пришлось побуждать къ скорѣйшему разсматриванію донесеній Аксакова и Именнымъ указомъ 1-го марта 1748 г. самой коммиссіи предписывалось дать отчетъ о выполненномъ ею по этому предмету. Всѣ представленія Аксакова должно быть возъимѣли силу и онъ получилъ особое порученіе отъ Императрицы разобрать кабинетъ Петра I. 7-го іюля 1756 года къ Аксакову въ помощники опредѣленъ библіотекарь Таубертъ. 16 августа 1760 г. Аксаковъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Отъ брака съ Матреною Осиповной Селивановой онъ имѣлъ сына Андрея.

Аксаковъ, *Николай Ивановичъ*, д. тайн. совѣтникъ, род. въ 1727, умеръ въ 1802 году. Службу началъ рядовымъ въ драгунскомъ Троицкомъ полку, 6 іюля 1742 г. Произведенный 30 окт. 1753 года въ прапорщики, а черезъ 2 года въ подпоручики, состоялъ въ корпусѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Пруссіи; четырехлѣтняя служба здѣсь ознаменовалась боевыми отличіями и производствомъ въ капитаны (7 дек. 1758 года). Уволенный въ гражданскую службу съ чиномъ 8-го класса (24 марта 1760 г.), Аксаковъ опредѣленъ (1 янв. 1761 г.) воеводою (городничимъ) въ г. Романовъ, Ярославской губ., которымъ управлялъ 17 лѣтъ, проявляя умѣнье вести дѣла и направлять ихъ къ выгодѣ казны. Такъ, онъ доставилъ приращенія одного питейнаго дохода (по городу и уѣзду) на 14.466 руб. $58^3/_4$ коп. въ годъ. Въ 1775 году, произведя разслѣдованіе расхищенія денежной казны костромской провинціи, нашелъ все, что считалось потерянным. Дѣйствія Аксакова во время чумы 1771 г. обратили на него вниманіе правительства, находившаго мѣропріятія, имъ придуманныя, самыми надежными средствами для остановленія развитія заразы. Такая примѣрная служба воеводы побудила намѣстника Н. П. Мельгунова назначить Аксакова совѣтникомъ ярославскаго губернскаго правленія (25 авг. 1777г). 12 марта 1785 года совѣтникъ Аксаковъ назначенъ предсѣдателемъ яросл. гражд. палаты, а въ 1793 г. произведенъ въ д. с. с. Назначенный при Павлѣ I ярославскимъ вице-губернаторомъ (30 янв. 1797 года), Аксаковъ 14 октября того же года, съ производствомъ въ тайные совѣтники, назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ (10 ноября), но, прежде чѣмъ успѣлъ туда явиться, уже 11 декабря получилъ повелѣніе остаться въ Ярославлѣ губернаторомъ. 5 апрѣля того же года Аксакову пожаловано 300 душъ въ Медынскомъ уѣздѣ. При посѣщеніи Павломъ I, въ іюнѣ 1798 года, Ярославской губерніи, Аксаковъ получилъ орденъ св. Анны 1 степ., а въ 1800 году чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Формулярный списокъ 1809 г. въ Спб. сенатскомъ архивѣ.

Аксаковъ, *Михаилъ Николаевичъ*, род. въ 1757 г., умеръ 8 іюня 1818 г. Сынъ Н. И., при Павлѣ I генералъ-маіоръ, приказомъ 8 янв. 1799 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ на мѣсто отца ярославскимъ губернаторомъ. При Александрѣ I пожалованъ въ сенаторы.

Аксаковъ, *Иванъ Сергѣевичъ*, младшій сынъ Сергѣя Тимофеевича и Ольги Семеновны, рожденной Заплатиной, род. 26 сент. 1823 года, въ селѣ Надежинѣ, Куроѣдовѣ тожъ, Белебеевскаго у., Уфимской губ., умеръ 27 января 1886 года, въ Москвѣ. По четвертому году, вмѣстѣ со всею семью, переѣхалъ въ Москву. О первоначальномъ обученіи И. С. Аксакова осталось мало свѣдѣній: извѣстно только, что къ поступленію въ учебное заведеніе его готовили дома, извѣстно также, что съ 10-ти-лѣтняго возраста онъ уже читалъ газеты, внимательно слѣдилъ за политическими событіями въ Европѣ и въ немъ, такимъ образомъ, съ дѣтства сказывался будущій писатель-публицистъ. Школьные годы свои онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ учился въ только-что основанномъ тогда училищѣ правовѣдѣнія. Пробывъ въ немъ четыре года (1838—1842 г.), И. С. Аксаковъ въ 1842 г., по окончаніи курса, вернулся въ Москву и поступилъ на службу во 2-е отдѣленіе 6-го департамента Правительствующаго Сената, гдѣ черезъ три недѣли былъ назначенъ исправлять должность секретаря. Выраженіемъ чувствъ и сомнѣній, волновавшихъ молодаго чиновника, при первыхъ шагахъ на служебномъ поприщѣ, явилось его первое крупное произведеніе въ стихахъ: „Жизнь чиновника, мистерія въ 3-хъ дѣйствіяхъ". Въ 1844 г. И. С. Аксаковъ былъ назначенъ членомъ ревизіонной коммиссіи въ Астрахани, подъ начальство князя П. П. Гагарина. Какъ чиновникъ, И. С. Аксаковъ представлялъ рѣдкое явленіе. Одинъ изъ бывшихъ товарищей его по ревизіонной коммисіи, баронъ Бюлеръ, сообщаетъ о немъ („И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", т. I, стр. 42), что „онъ занимался по 16 часовъ въ сутки, постоянно писалъ, читалъ, дѣлалъ справки въ Сводѣ Законовъ, и только по окончаніи служебныхъ дѣлъ, какъ бы для отдохновенія и забавы, принимался за стихи". Въ 1845 г., лѣтомъ, И. С. Аксаковъ получилъ назначеніе на должность товарища предсѣдателя уголовной палаты въ Калугѣ, а въ маѣ 1847 г. назначенъ оберъ-секретаремъ I-го отдѣленія 6-го департамента Сената въ Москвѣ. Но въ послѣдней должности онъ оставался недолго—лишь до сентября 1848 года, когда перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій, подъ начальство графа Л. А. Перовскаго, который, желая испытать молодаго человѣка, отправилъ его съ секретнымъ порученіемъ въ Бессарабію, для изслѣдованія тамошняго раскола. Оттуда вернулся въ Петербургъ въ началѣ 1849 года и пробылъ здѣсь до мая. 17 марта И. С. Аксаковъ былъ арестованъ и доставленъ въ штабъ корпуса жандармовъ. Ближайшимъ поводомъ къ аресту послужили письма къ его отцу, которыя „заставляли предполагать въ Аксаковѣ либеральный (противоправительственный) образъ мыслей". Арестованному былъ предложенъ цѣлый рядъ вопросовъ на которые онъ отвѣчалъ весьма подробно и откровенно (вопросы эти и отвѣты на нихъ можно прочитать въ статьѣ М. П. Сухомлинова: „И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ"). При чтеніи ихъ, Императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ свои замѣтки и, возвращая рукопись графу А. Ѳ. Орлову, написалъ: „Призови, прочти, вразуми и отпусти". 22 марта 1849 г. И. С. Аксаковъ былъ освобожденъ. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ былъ командированъ въ Ярославскую губернію для ревизіи городскаго управленія, для обсужденія на мѣстѣ вопроса о единовѣріи, введенію котораго противился ярославскій архіепископъ, а также для изученія, въ составѣ особой коммиссіи, секты бѣгуновъ или странниковъ. Въ ревизіонныхъ работахъ И. С. Аксаковъ проявилъ необычайную энергію и быстроту, открывъ много важныхъ злоупотребленій; изучая расколъ онъ собралъ не мало матеріала для солиднаго труда „О бѣгунахъ". Въ печати появилась только („Рус. Архивъ" 1870 г.) заключительная глава этого сочиненія, замѣчательнаго въ особенности характеристикою причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникла секта. Въ 1852 г. И. С. Аксаковъ былъ поставленъ въ необходимость избрать окончательно одно изъ двухъ поприщъ—служебное или литературное. Съ 1842 года онъ не переставалъ писать стихи, появившіеся въ 1886 году отдѣльнымъ сборникомъ, въ видѣ приложенія къ газетѣ „Русь", и напечатанныя, кромѣ

того, въ приложеніи къ обоимъ томамъ его переписки. Первымъ печатнымъ стихотвореніемъ былъ „Колумбъ“, помѣщенный въ № 1 „Москвитянина“ за 1845 годъ. Въ 1848 году была написана его лучшая поэма „Бродяга“, отрывки изъ которой напечатаны въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 года и въ № 10 „Паруса“ за 1859 годъ и которая до тѣхъ поръ оставалась въ рукописи. Эта-то поэма и послужила поводомъ къ отставкѣ И. С. Аксакова (См. во II томѣ переписки приложеніе къ ярославскимъ письмамъ: „Переписка съ Министерствомъ о „Бродягѣ“). Выйдя въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника, И. С. Аксаковъ переѣхалъ въ Москву къ отцу, гдѣ въ то время сплотился кружокъ славянофиловъ, и рѣшился посвятить себя журналистикѣ, въ которой ему пришлось перенести столько тяжелыхъ испытаній. Первымъ испытаніемъ было запрещеніе въ 1853 году „Московскаго Сборника“, и лишеніе И. С. Аксакова права быть впредь редакторомъ какого бы то ни было изданія. Послѣ этого въ литературной дѣятельности его послѣдовалъ значительный перерывъ, которымъ онъ воспользовался для ознакомленія съ народнымъ бытомъ въ различныхъ его формахъ и проявленіяхъ. Такъ, въ 1853 году, онъ принялъ предложеніе географическаго общества описать торговлю на Украинскихъ ярмаркахъ. Въ концѣ 1853 года И. С. Аксаковъ отправился въ Малороссію и провелъ въ разъѣздахъ по ней весь слѣдующій годъ. Результатомъ этой поѣздки появилось въ 1859 году обширное „Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ“. Оно было встрѣчено единодушными похвалами всей печати, а два ученыхъ учрежденія удостоили И. С. Аксакова почетныхъ наградъ: географическое общество, на свой счетъ издавшее изслѣдованіе, присудидо большую Константиновскую медаль, а Академія Наукъ (писалъ рецензію Н. Х. Бунге)—половинную Демидовскую премію. Вернувшись изъ Малороссіи въ Москву, въ самый разгаръ Крымской войны, И. С. Аксаковъ въ 1855 году поступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, находившуюся подъ начальствомъ князя Гагарина и дошедшую лишь до Бессарабіи. При первыхъ извѣстіяхъ о мирѣ, въ мартѣ 1856 года, И. С. Аксаковъ вернулся въ Москву, но въ маѣ того же года снова отправился на югъ, въ Крымъ, приглашенный княземъ Васильчиковымъ участвовать въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Впрочемъ, конца слѣдствія И. С. Аксаковъ не дождался: въ декабрѣ 1856 года онъ возвратился въ Москву. Въ 1857 г. И. С. Аксаковъ путешествовалъ за границею, а въ 1858 году принялъ на себя неоффиціальное редактированіе журнала „Русская Бесѣда“, оффиціальнымъ редакторомъ котораго считался А. И. Кошелевъ. Вокругъ этого органа сплотились всѣ лучшія славянофильскія силы. И. С. Аксаковъ выпустилъ III и IV томы „Бесѣды“ за 1858 годъ и шесть книжекъ за 1859 годъ. Въ то же время съ него сняли запрещеніе быть редакторомъ, и онъ предпринялъ въ 1859 г. изданіе еженедѣльной газеты „Парусъ“. По замыслу издателя, „Парусъ“ долженъ былъ служить центральнымъ органомъ славянской мысли. Но этому изданію не посчастливилось: оно было прекращено по выходѣ только двухъ первыхъ нумеровъ, между прочимъ за статью М. П. Погодина по внѣшней политикѣ и за стихотворенія самого И. С. Аксакова. Весь 1860 годъ, сопровождая больнаго брата своего Константина Сергѣевича, И. С. Аксаковъ провелъ въ заграничномъ путешествіи, главнымъ образомъ по славянскимъ землямъ, чтобы лично познакомиться съ выдающимися политическими и литературными дѣятелями западнаго и южнаго славянства. Въ серединѣ 1861 года онъ возвратился въ Москву и выхлопоталъ разрѣшеніе издавать подъ своей редакціей еженедѣльную газету „День“. Газета была разрѣшена ему безъ политическаго отдѣла и съ тѣмъ условіемъ, чтобы цензура имѣла особое наблюденіе за этимъ изданіемъ. „День“ сталъ выходить въ концѣ 1861 г., при участіи того же славянофильскаго кружка, и сразу занялъ выдающееся положеніе, имѣя въ первые годы до 4.000 подписчиковъ, что по тогдашнему времени являлось цифрой очень значительной. Одна изъ главныхъ причинъ успѣха, конечно, лежала въ первостепенномъ публицистическомъ талантѣ редактора-издателя, авторитетно обсуждавшаго славянскій вопросъ, вопросы, связанные съ крупнѣйшими реформами — крестьянской, судебной, земской, а также вопросъ польскій. Это былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ періодовъ дѣятельности И. С. Ак-

сакова: за нимъ упрочилась въ это время слава пророка славянофильства, — слава, облетѣвшая всю образованную Россію и Европу; имя его стало политическимъ знаменемъ. „День“ выходилъ до конца 1865 года, когда издатель прекратилъ его въ силу совершенно личныхъ обстоятельствъ: въ началѣ 1866 года И. С. Аксаковъ женился на фрейлинѣ А. Ѳ. Тютчевой, дочери извѣстнаго поэта. Изданіе „Дня“ шло довольно благополучно, за исключеніемъ одного временнаго отстраненія И. С. Аксакова отъ должности редактора въ 1862 году за то, что онъ отказался открыть цензурѣ фамилію автора одной корреспонденціи. Перерывъ въ журнальной дѣятельности И. С. Аксакова продолжался одинъ годъ. Съ 1 января 1867 года онъ началъ издавать новую газету „Москва“. Она просуществовала по 21 октября 1868 года, т. е. менѣе двухъ лѣтъ, и въ теченіе этого короткаго времени подверглась девяти предостереженіямъ и тремъ пріостановкамъ—на три, на четыре, и наконецъ, на шесть мѣсяцевъ, т. е. въ пріостановкѣ „Москва“ находилась тринадцать, а выходила неполныхъ девять мѣсяцевъ. Во время этихъ пріостановокъ ее замѣнялъ „Москвичъ“, отличавшійся отъ „Москвы“ только заголовкомъ, хотя и выходившій подъ номинальною редакціею другаго лица. Главными поводами административныхъ гоненій на „Москву“ послужили статьи ея противъ ген. Потапова, управлявшаго тогда Сѣверо-Западнымъ краемъ, а также статьи противъ тогдашнихъ порядковъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Во время послѣдней пріостановки „Москвы“ на шесть мѣсяцевъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, вошелъ въ Сенатъ съ рапортомъ о необходимости вовсе прекратить изданіе „Москвы“. И. С. Аксаковъ на обвинительный рапортъ представилъ объясненія; дѣло, какъ не рѣшенное по разногласію въ Сенатѣ, перешло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и И. С. Аксаковъ былъ опять лишенъ права издавать какую бы то ни было газету; это запрещеніе тяготѣло надъ нимъ въ продолженіе 12 лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени дѣятельность его сосредоточилась, съ одной стороны, въ московскомъ славянскомъ комитетѣ, а съ другой—во второмъ московскомъ обществѣ взаимнаго кредита. Въ послѣднемъ И. С. Аксаковъ съ 1874 г. состоялъ предсѣдателемъ правленія; съ этимъ годомъ совпало появленіе въ свѣтъ написанной И. С. Аксаковымъ прекрасной „Біографіи Ѳ. И. Тютчева“, второе изданіе которой вышло въ 1886 году. Въ Славянскомъ же комитетѣ, учрежденномъ въ 1858 году, И. С. Аксаковъ состоялъ сначала, при жизни Погодина, секретаремъ, а послѣ его смерти—предсѣдателемъ. Въ послѣдней должности И. С. Аксаковъ прославился, какъ ораторъ. Высшимъ пунктомъ ораторской дѣятельности его явились годы 1875—1878, когда онъ сдѣлался выразителемъ славянскихъ симпатій русскаго общества. 22 іюня 1878 года онъ произнесъ въ Славянскомъ комитетѣ свою знаменитую рѣчь по поводу берлинскаго трактата, за которую былъ высланъ изъ Москвы въ село Варварино, Юрьевскаго у., Владимірской губ., принадлежавшее родственницѣ его жены. Славянскій комитетъ въ Москвѣ послѣ этого былъ закрытъ. Въ декабрѣ того же 1878 года И. С. Аксаковъ возвратился въ Москву, но къ общественной дѣятельности приступилъ, однако, не раньше конца 1880 г., когда, благодаря графу М. Т. Лорисъ-Меликову, ему удалось получить разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной газеты „Русь“. Послѣдняя начала выходить 15-го ноября 1880 г. и просуществовала по день смерти И. С. Аксакова, съ полугодовымъ перерывомъ въ 1885 году, по случаю болѣзни редактора. Въ 1883 году „Русь“ была преобразована въ двухнедѣльное изданіе, и два года выходила въ этомъ преобразованномъ видѣ. Въ 1885 г. И. С. Аксаковъ вернулся къ первоначальной формѣ еженедѣльника. Газета эта была его личнымъ органомъ и значеніе ей давали, главнымъ образомъ, статьи самаго редактора. Среди своихъ главныхъ занятій, И. С. Аксаковъ находилъ время въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ быть товарищемъ предсѣдателя въ православномъ миссіонерскомъ обществѣ, предсѣдателемъ въ Московскомъ обществѣ любителей россійской словесности и гласнымъ Московской думы. Смерть застигла И. С. Аксакова среди самаго разгара работы: онъ умеръ скоропостижно, отъ болѣзни сердца. Извѣстіе о кончинѣ его произвело впечатлѣніе во всѣхъ кругахъ общества, какъ русскаго, такъ и западно-европейскаго. Государь Императоръ удостоилъ вдову покойнаго телеграммой, въ которой сказано:

*

„Императрица и Я съ душевнымъ прискорбіемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силъ перенести эту тяжелую сердечную потерю". Печатныя проявленія общественной скорби были весьма единодушны. Похороненъ И. С. Аксаковъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ подъ Москвой, при небываломъ стеченіи народа. Въ 1886—87 годахъ вышло семь томовъ его сочиненій, содержащихъ статьи изъ „Дня", „Москвы", „Москвича" и „Руси". Въ томъ же году вышелъ дополнительный томъ: „Изъ бумагъ оставшихся послѣ смерти И. С. Аксакова". Въ 1888 году были изданы два тома писемъ И. С. Аксакова, съ портретомъ автора, когда ему было 28 лѣтъ; первый томъ писемъ обнимаетъ годы 1839 — 1848, второй—годы 1848 — 1851. Письма перваго тома, или перваго періода, имѣютъ большею частью личное значеніе и служатъ для характеристики самого автора и всей семьи Аксаковыхъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ эта переписка можетъ быть названа продолженіемъ „Семейной Хроники". Письма втораго періода имѣютъ значеніе общественное, помимо, конечно, главнаго — автобіографическаго. Какъ ни противорѣчивы мнѣнія современниковъ о личности И. С. Аксакова, противорѣчіе это исчезнетъ въ оцѣнкѣ потомства. Пристрастные приговоры враждебныхъ политическихъ и практическихъ лагерей ежедневно болѣе и болѣе блѣднѣютъ предъ свѣтлымъ обликомъ искренняго, талантливаго русскаго человѣка, никогда ни предъ кѣмъ не покрившаго душею, ни единаго дня не принесшаго въ жертву житейской выгодѣ. Въ основѣ его идеаловъ лежала горячая неподдѣльная любовь къ Россіи и сродственной ей славянской семьѣ, любовь къ правдѣ, въ томъ видѣ какъ она ему представлялась. Были ли эти идеалы немедленно осуществимы или выражали они только вдохновенные зачатки пожеланій, могущихъ или немогущихъ перейти въ дѣйствительность, — дѣло второстепенное въ оцѣнкѣ такого писателя, какимъ былъ И. С. Аксаковъ. Правители, законодатели, воеводы рѣшаютъ ходъ событій государственныхъ; писатель высказываетъ лишь то, что накипаетъ у него на сердцѣ, и потомство не можетъ не преклоняться предъ чистотою идеальныхъ влеченій, особливо когда влеченія эти выступаютъ въ обаятельныхъ звукахъ волшебной русской рѣчи.

Д. Д. Языковъ, «Литературн. дѣятельность И. С. Аксакова», «Истор. Вѣстникъ» 1886 г., т. XXIV, апрѣль, стр. 134. — М. И. Сухомлиновъ: «И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ», ibid. 1888, т. XXXI, стр. 324. «И. С. Аксаковъ въ Ярославлѣ» (отрывокъ изъ воспоминаній) А. К. Бороздина, ibid. 1886 г., т. XXIII, мартъ, стр. 622.—«И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I и II. Москва. 1888.—Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», выпуски 7, 8 и 20; на стр. 318—319 7-го выпуска см. библіографію статей объ Аксаковѣ біографическаго и критическаго характера.—«Сборникъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ по случаю кончины И. С. Аксакова». Москва. 1886.—Сочиненія И. С. Аксакова распредѣлены по томамъ слѣдующимъ образомъ: Т. I—«Славянскій вопросъ»; II—«Славянофильство и западничество»; III—«Польскій вопросъ и западно-русское дѣло. Еврейскій вопросъ»; IV—«Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ. Свобода слова. Судебный вопросъ. Общественное воспитаніе»; V — «Государственный и земскій вопросы. Статьи о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ»; VI—«Прибалтійскій вопросъ. Внутреннія дѣла Россіи. Введеніе къ Украинскимъ ярмаркамъ»; VII—«Общеевропейская политика. Статьи разнаго содержанія».

С. Трубачевъ.

Аксаковъ, *Константинъ Сергѣевичъ*, старшій сынъ Сергѣя Тимофеевича и Ольги Семеновны, рожденной Заплатиной, род. 29-го марта 1817 года, въ селѣ Аксаковѣ, Бугурусланскаго уѣзда, Оренбургской губ.; умеръ 7 декабря 1860 г. К. С. Аксаковъ росъ подъ вліяніемъ пылкой, прямодушной, страстно любившей все родное матери и добродушнаго, увлекающагося отца. Мать К. С. Аксакова была исполнена самыхъ героическихъ и патріотическихъ стремленій, которыя внушала своимъ сыновьямъ съ дѣтства. Такимъ образомъ онъ совмѣщалъ въ себѣ, по мнѣнію брата Ивана Сергѣевича, „съ нравственными свойствами матери эстетическій вкусъ и любовь къ литературѣ своего отца". Четырехъ лѣтъ К. С. Аксаковъ выучился у матери читать и первою его книгою для чтенія была „Исторія Трои". Къ своимъ родителямъ онъ сохранилъ исключительную привязанность до конца ихъ жизни. „Между дѣтскими годами и зрѣлымъ возрастомъ—говоритъ И. С.—почти у всѣхъ лежитъ цѣлая пропасть. У него (т. е. К. С.), напротивъ, не было никакого разрыва съ младенчествомъ въ душѣ и сердцѣ. Умъ вызрѣлъ, обогатился

познаніями, но въ нравственномъ отношеніи не произошло перемѣны: та же чистота души и тѣла, та же вѣра въ людей. Этому много способствовало и то, что онъ до послѣдняго года жизни жилъ при отцѣ и матери и никогда съ ними не разлучался". Читалъ въ дѣтствѣ К. С. Аксаковъ очень много, и этимъ чтеніемъ являлись все произведенія тогдашней классической литературы, начиная съ Хераскова, Княжнина, Ломоносова. Воспитываясь до 15 лѣтъ дома (до девяти лѣтъ онъ прожилъ въ деревнѣ, а съ 1826 года поселился вмѣстѣ съ отцомъ въ Москвѣ и жилъ въ ней безвыѣздно въ теченіе почти всей своей жизни), онъ учился у Венелина латинскому языку, у Долгомостьева греческому, у Фролова географіи. Особенно любилъ К. С. Аксаковъ чтеніе русской исторіи и въ своихъ играхъ изображалъ изъ нея, вмѣстѣ съ братьями и сестрами, разные эпизоды въ лицахъ. Съ 12 лѣтъ въ немъ сказалось литературное дарованіе: въ свои драматико-историческія игры онъ то вставлялъ стихи своего сочиненія, то, увлекаясь чтеніемъ рыцарскихъ романовъ и учредивъ дружину изъ воиновъ, знакомыхъ мальчиковъ, читалъ имъ повѣсти своего сочиненія о приключеніяхъ „дружины молодыхъ людей, любившихъ древнее русское вооруженіе". Мальчикъ-энтузіастъ, оставшійся такимъ на всю жизнь, исполненный горячей любви къ Россіи, русскому народу и Москвѣ, быстро росъ въ мірѣ литературы и искусства, удивляя всѣхъ своею даровитостью. Въ 1832 году, 15-ти лѣтъ, онъ поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета, который переживалъ тогда знаменательное время, находясь на рубежѣ совершенно новой эпохи, рѣзкой перемѣны въ профессурѣ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ — Павловъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Погодинъ—внесъ новый духъ въ университетское преподаваніе; съ другой стороны, среди студентовъ начали образовываться кружки, занимавшіеся выясненіемъ вопросовъ нравственныхъ, философскихъ, политико-историческихъ. Во время пребыванія К. С. Аксакова въ университетѣ (1832—1835 г.) образовались два кружка, въ составъ которыхъ входили: Станкевичъ, поэты: Сатинъ, Красовъ и Клюшниковъ, Кетчеръ, Бѣлинскій, самъ К. С. Аксаковъ и др.—словомъ, почти всѣ члены черезъ нѣкоторое время сплотившагося во-едино кружка, извѣстнаго въ исторіи новѣйшей литературы подъ именемъ „кружка Станкевича". Въ срединѣ и концѣ 30-хъ годовъ къ этому кружку, прямо или косвенно, примыкали: Грановскій, Тургеневъ, Кольцовъ, Василій Боткинъ, Катковъ, и др. Въ 1833—1840 годахъ К. С. Аксаковъ находился подъ вліяніемъ Станкевича и Бѣлинскаго и предавался изученію нѣмецкой философіи вообще и Гегеля въ частности, о чемъ онъ подробно разсказываетъ въ своихъ „Университетскихъ воспоминаніяхъ" („День" 1862 г., №№ 39—40). Увлеченіе ученіемъ Гегеля сказалось даже въ его магистерской диссертаціи о Ломоносовѣ, появившейся въ 1846 году. Послѣ смерти Станкевича и до отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ (въ 1839 г.), К. С. Аксаковъ сблизился съ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Самаринымъ. Съ Бѣлинскимъ же, измѣнившимъ *правому* гегеліанству и начавшимъ проповѣдывать противоположныя воззрѣнія, онъ обмѣнялся нѣсколькими письмами—и они навѣки прекратили сношенія (письма Бѣлинскаго къ К. С. Аксакову напечатаны въ „Руси" 1881 года). Вообще жизнь К. С. Аксакова не богата внѣшними событіями, и послѣ разрыва съ Бѣлинскимъ проходитъ довольно однообразно до самой смерти главы славянофильства въ 1860 г. Поэтому дальнѣйшая біографія, а пожалуй, и вся біографія его есть, главнымъ образомъ, исторія хода его литературнаго развитія, исторія его ученыхъ и литературныхъ работъ. Поселившись въ Москвѣ, К. С. Аксаковъ только въ 1838 году ѣздилъ за границу, откуда вернулся черезъ пять мѣсяцевъ. Литературную дѣятельность свою какъ выше замѣчено, онъ началъ стихами. Первымъ печатнымъ произведеніемъ были стихи, читанные на торжественномъ университетскомъ актѣ въ 1835 г. только что кончившимъ курсъ 18-ти-лѣтнимъ кандидатомъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ принималъ довольно дѣятельное участіе (иногда подъ псевдонимомъ К. Эврипидина) въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ сотрудничалъ Бѣлинскій—„Телескопѣ", „Молвѣ" и „Московскомъ Наблюдателѣ". К. С. Аксаковъ помѣщалъ здѣсь небольшія рецензіи, а также стихи, по преимуществу изъ Шиллера и Гете. Позднѣе, не оставляя стихотворства, онъ сталъ помѣщать стихи въ „Московск. Сбор-

никѣ", „Русской Бесѣдѣ" и „Молвѣ". Послѣ смерти его много стихотвореній напечатано въ „Днѣ", „Руси" и „Русскомъ Архивѣ". Въ началѣ тридцатыхъ годовъ К. С. Аксаковъ написалъ драматическую шутку въ стихахъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ: „Олегъ подъ Константинополемъ" (напечатана она была въ 1858 г.). Эта шутка явилась пародіею на такъ-называемое скептическое направленіе въ русской исторіографіи, представителемъ котораго былъ проф. М. Т. Каченовскій. Какъ эта комедія, такъ и два другихъ драматическихъ произведенія К. С. Аксакова—„Освобожденіе Москвы въ 1612 году", драма въ 5 дѣйствіяхъ, появившаяся въ 1848 году и только одинъ разъ игранная въ декабрѣ 1850 г. въ бенефисъ Леонидова, а затѣмъ снятая съ репертуара, и комедія „Князь Луповицкій", писанная въ 1851 году и напечатанная въ 1856 году въ приложеніи къ „Рус. Бесѣдѣ", а въ 1857 г. въ Лейпцигѣ,—имѣютъ цѣли не художественныя, а дидактическія и важны вообще для характеристики тѣхъ или иныхъ воззрѣній автора. То же самое можно сказать и про его оригинальныя стихотворенія, въ которыхъ онъ постоянно является публицистомъ. Въ 1842 году К. С. Аксаковъ выступилъ на критическое поприще статьей, напечатанной отдѣльной брошюрой: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или мертвыя души" и въ „Москвитянинѣ" того же года, въ № 9, отвѣтилъ на разборъ этой брошюры, сдѣланный Бѣлинскимъ. Затѣмъ три критическія статьи К. С. Аксакова по литературѣ, съ подписью *Имрекъ*, появились въ „Московскомъ Сборникѣ" 1846 года: 1) о сборникѣ гр. Соллогуба „Вчера и сегодня", 2) о книгѣ проф. Никитенко „Опытъ исторіи рус. литер."; 3) „О петербургскомъ сборникѣ" Некрасова, — и затѣмъ уже въ пятидесятыхъ годахъ нѣсколько статей въ „Русской Бесѣдѣ"—„Обозрѣніе современной литературы" 1857 г., кн. I, „О повѣсти г. Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ" 1858 г., кн. 4, „О переводѣ Кронеберга лѣтописи Тацита"., ibid.—и одна большая въ „Молвѣ"—„О сочиненіяхъ Жуковскаго" 1857 г., № 11. Въ „Русской Бесѣдѣ", начавшей выходить съ 1856 г., К. С. Аксаковъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ, а въ 1857 г. редактировалъ еженедѣльную газету „Молва", гдѣ помѣстилъ много мелкихъ статей. Въ 1847 году онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка", представленную для полученія степени магистра русской словесности. Къ пятидесятымъ годамъ относятся наиболѣе важныя и существенныя работы К. С. Аксакова, историческія и филологическія, въ которыхъ его взгляды достигли своего полнаго развитія. Эти работы вошли въ составъ неоконченнаго полнаго собранія его сочиненій, изъ котораго первый томъ, какъ и другіе тоже подъ редакціей и съ предисловіемъ И. С. Аксакова, появился въ 1861 году, второй—въ 1875 г. и, наконецъ, третій въ 1880 г. Первый томъ состоитъ изъ 27 статей по русской исторіи, изъ которыхъ большинство при жизни автора не были напечатаны. Такъ, между прочимъ, здѣсь появилась впервые статья о „Богатыряхъ князя Владиміра", приготовленная для „Московскаго Сборника" 1853 года, возобновленнаго еще въ 1852 году (когда была напечатана въ немъ статья К. С. Аксакова „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности"). Но этотъ томъ былъ запрещенъ цензурой въ полномъ составѣ, состоялось распоряженіе „всѣмъ главнымъ участникамъ—братьямъ Аксаковымъ, кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ не иначе печатать свои статьи, какъ проведя ихъ черезъ Главное Управленіе цензуры въ Петербургѣ" и, кромѣ того, всѣ сотрудники сборника были отданы подъ полицейскій надзоръ (см. „Рус. Архивъ" 1878 г. № 11, разсказъ редактора „Сборника" И. С. Аксакова). Въ числѣ историческихъ статей особенно выдаются рецензіи на I, VI, VII и VIII томы „Исторіи Россіи" Соловьева, „О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ частности", „Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ", „О состояніи крестьянъ въ древней Россіи", „По поводу Бѣлевской Вивліоѳики, изданной Н. А. Елагинымъ", и др. Въ этихъ статьяхъ К. С. Аксаковъ развивалъ свои оригинальныя воззрѣнія, что складъ первоначальной русской жизни не родовой, а общинно-вѣчевой, что русское государство образовалось не завоеваніемъ, какъ на Западѣ, а добровольнымъ призваніемъ власти и что русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе земли отъ понятія о государствѣ, прибѣгая къ послѣднему только для сохраненія первой, что рус-

скій народъ шелъ путемъ внутренней правды и поэтому древне-русская жизнь, въ нравственномъ смыслѣ, достигала высокаго совершенства; что, наконецъ, русскому народу принадлежитъ особое, высокое и безпримѣрное положеніе во всемірной исторіи, какъ носителю христіанскихъ добродѣтелей. II и III томы заняты сочиненіями филологическими, причемъ весь третій посвященъ „Опыту русской грамматики"; во II томѣ обращаетъ особенное вниманіе критическій разборъ „Опыта исторической грамматики русскаго языка" Ѳ. И. Буслаева. Ученая критика въ лицѣ И. И. Срезневскаго („Изв. Имп. Ак. Наукъ" 1860 г., т. 9, вып. I), филологическія сочиненія К. С. Аксакова ставитъ ниже его историческихъ трудовъ. Въ заключеніе слѣдуетъ еще поименовать рядъ публицистическихъ статей, напечатанныхъ въ „Рус. Бесѣдѣ" и въ „Молвѣ" при жизни автора, и въ „Руси" послѣ его смерти. Въ „Бесѣдѣ"—„О русскомъ воззрѣніи", 1856 г., кн. I и II, и „Примѣчанія на народную повѣсть о бражникѣ", 1859 г., кн. 6; въ „Молвѣ"—по поводу статьи В. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи" 1857 г., № 10, „Замѣчанія на статью Даля о народной грамотности" ibid., № 35, рядъ передовыхъ статей. Изъ посмертныхъ же статей особенно замѣчательна напечатанная въ „Руси" 1881 г., №№ 26—28, записка „О внутреннемъ состояніи Россіи", поданная въ 1855 г. чрезъ графа Блудова только что вступившему тогда на престолъ Императору Александру II. К. С. Аксаковъ умеръ отъ чахотки на островѣ Занте (одномъ изъ семи Іоническихъ острововъ), куда пріѣхалъ въ сопровожденіи брата, Ивана Сергѣевича, лѣтомъ 1860 г. Для характеристики нравственной личности К. С. Аксакова особенно важны воспоминанія о немъ Н. Бицына, появившіяся въ „Русскомъ Архивѣ".

«Н. Бицынъ»—псевдонимъ Николая Михайловича Павлова, автора многихъ историческихъ и критическихъ статей, сотрудника «Руси», нынѣ живущаго въ своемъ имѣніи Каширскаго уѣзда; свои воспоминанія объ Аксаковѣ онъ помѣстилъ въ № 4 за 1885 г. «Русскаго Архива». «Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ» въ приложеніи къ I тому писемъ И. С. Аксакова.—Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь» вып. 5, 6 и 7; на стр. 201-ой пятаго выпуска приведена библіографія статей біографическихъ и критическихъ по поводу разныхъ произведеній. Для оцѣнки всей дѣятельности К. С. Аксакова важны статьи: Н. Костомарова — «О значеніи критич. трудовъ К. Аксакова по русской исторіи» («Рус. Слово» 1861 г. № 2, стр. 1—28), «Московское Славянство» («Современникъ» 1862 г., № 1 и 2), К. Н. Бестужева-Рюмина—«Славянофильское ученіе и его судьба въ рус. литературѣ» («Отеч. Зап.» 1862 г., №№ 1, 2 и 3), предисловія И. С. Аксакова къ тремъ томамъ полнаго собран. сочин. брата. А. Пыпина—«Характеристики литерат. мнѣній съ 1820 — 1850 гг.», его же — «Константинъ Аксаковъ» («Вѣстникъ Европы» 1884 г., № 3 и 4), Ор. Ѳ. Миллера — «Ученіе первоначальныхъ славянофиловъ» («Рус. Мысль» 1880 г., № 1).

С. Трубачевъ.

Аксаковъ, *Сергѣй Тимофѣевичъ*, отецъ Ивана и Константина Сергѣевичей, род. 20 сентября 1791 года въ гор. Уфѣ, умеръ 30 апрѣля 1859 г., въ Москвѣ. Въ „Семейной Хроникѣ" и „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука" С. Т. Аксаковъ оставилъ правдивую лѣтопись своего дѣтства, а также характеристику своихъ родителей и родственниковъ: первые изображены подъ фамиліей Багровыхъ, вторые—Куроѣдовы—подъ фамиліей Куролесовыхъ. Первоначальнымъ воспитаніемъ С. Т. Аксакова руководила его мать, рожденная Зубова, женщина по тому времени весьма образованная: четырехъ лѣтъ онъ умѣлъ уже читать и писать. Дальнѣйшее воспитаніе и образованіе С. Т. Аксаковъ получилъ въ Казанской гимназіи и въ Казанскомъ же университетѣ, о чемъ такъ подробно разсказано имъ въ его „Воспоминаніяхъ". Мать съ трудомъ рѣшилась на разлуку съ своимъ любимымъ сыномъ, и эта разлука чуть не стоила жизни и сыну, и матери. Поступивъ первоначально въ гимназію въ 1799 году, С. Т. Аксаковъ вскорѣ былъ взятъ матерью обратно, такъ какъ въ ребенкѣ, вообще очень нервномъ и впечатлительномъ, стало развиваться, отъ тоски одиночества, нѣчто въ родѣ падучей болѣзни, по собственному утвержденію С. Т. Аксакова. Годъ онъ прожилъ въ деревнѣ, но въ 1801 году уже окончательно поступилъ въ гимназію. Отзываясь въ своихъ „Воспоминаніяхъ" вообще неодобрительно объ уровнѣ тогдашняго гимназическаго преподаванія, С. Т. Аксаковъ отмѣчаетъ, однако, нѣсколькихъ и выдающихся учителей, каковы: воспитанники Московскаго университета И. И. Запольскій и Г. И. Карташевскій, надзиратель В. П. Упадышевскій и учитель русскаго языка Ибрагимовъ. У Запольскаго и Карташевскаго С. Т. Аксаковъ жилъ въ качествѣ пансіонера. Въ 1817 году Карташевскій породнился съ нимъ, женившись на его сестрѣ На-

тальѣ Тимофеевнѣ, на той красавицѣ Наташѣ, исторія которой составляетъ сюжетъ неоконченной повѣсти того же названія, продиктованной авторомъ незадолго до смерти. Въ гимназіи С. Т. Аксаковъ переходилъ въ нѣкоторые классы съ наградами и похвальными листами, и 14 лѣтъ отъ роду, въ 1805 г., поступилъ уже въ число студентовъ только-что основаннаго Казанскаго университета. Для помѣщенія послѣдняго была отведена часть гимназіи, а нѣкоторые преподаватели назначены профессорами, и лучшіе ученики старшихъ классовъ произведены въ студенты. Слушая университетскія лекціи, С. Т. Аксаковъ въ то же время продолжалъ по нѣкоторымъ предметамъ учиться въ гимназіи. Раздѣленія на факультеты въ первые года существованія Казанскаго университета не было, и всѣ 35 первыхъ студентовъ слушали безразлично самыя разнообразныя науки—высшую математику и логику, химію и классическую литературу, анатомію и исторію. Въ мартѣ 1807 года С. Т. Аксаковъ оставилъ Казанскій университетъ, получивъ аттестатъ съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія онъ зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университетѣ еще не преподавали. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксаковъ говоритъ, что въ университетскіе годы „дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью своей природы“. Этими увлеченіями, сохранившимися почти на всю жизнь, явились—охота во всѣхъ ея видахъ и театръ. Кромѣ того, съ 14 лѣтъ онъ началъ писать, а вскорѣ и печатать свои произведенія. Первое стихотвореніе его помѣщено было въ гимназическомъ рукописномъ журналѣ „Аркадскіе пастушки“, сотрудники котораго старались подражать карамзинской сантиментальности и подписывались миѳологически-пастушескими именами: Адонисовъ, Ирисовъ, Дафнисовъ, Аминтовъ, и т. п. Стихотвореніе „*Къ соловью*“ имѣло успѣхъ, и, поощренный этимъ, С. Т. Аксаковъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Александромъ Панаевымъ и извѣстнымъ впослѣдствіи математикомъ Перевощиковымъ, основалъ въ 1806 г. „Журналъ нашихъ занятій“. Въ журналѣ этомъ С. Т. Аксаковъ явился уже противникомъ Карамзина и послѣдователемъ А. С. Шишкова, автора „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“, отстаивая идеи перваго начинателя славянофильства. Страсть къ театру сказалось еще въ университетѣ тѣмъ, что С. Т. Аксаковъ устроилъ студенческую труппу, среди которой самъ выдѣлялся несомнѣннымъ сценическимъ дарованіемъ. Въ 1807 г. семейство Аксаковыхъ, получившее большое наслѣдство отъ тетки Куроѣдовой, переѣхало изъ деревни сначала въ Москву, а въ слѣдующемъ году—въ Петербургъ, для лучшаго воспитанія дочери въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ; и здѣсь сценическіе интересы всецѣло овладѣли С. Т. Аксаковымъ, поступившимъ, по совѣту Карташевскаго, переводчикомъ въ коммиссію составленія законовъ. Страстное желаніе усовершенствоваться въ декламаціи привело его къ близкому знакомству съ актеромъ Я. Е. Шушеринымъ, знаменитостью конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, у котораго молодой театралъ, въ разговорахъ о театрѣ и въ декламаціи, проводилъ большую часть свободнаго времени. Впослѣдствіи С. Т. Аксаковъ разсказалъ объ этомъ въ очеркѣ подъ заглавіемъ: „Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ и современныя ему театральныя знаменитости“, какъ Дмитревскій, Яковлевъ, Семенова, и др. Этотъ очеркъ, какъ и прочія театральныя воспоминанія (1812—1830), заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для исторіи русскаго театра первой трети настоящаго столѣтія. Кромѣ театральныхъ знакомствъ, С. Т. Аксаковъ пріобрѣлъ и другія знакомства—съ мартинистами В. В. Романовскимъ, старинныхъ пріятелемъ семейства Аксаковыхъ, и Лабзинымъ, а также съ извѣстнымъ адмираломъ А. С. Шишковымъ. Масонство не привлекало къ себѣ С. Т. Аксакова, сближеніе же съ Шишковымъ шло очень успѣшно, чему много способствовало декламаторское дарованіе молодаго писателя. Съ Шишковымъ С. Т. Аксакова познакомилъ одинъ изъ сослуживцевъ по коммиссіи составленія законовъ—извѣстный впослѣдствіи своими литературными связями А. И. Казначеевъ, родной племянникъ адмирала. Въ домѣ Шишкова С. Т. Аксаковъ неоднократно устраивалъ спектакли. Оставивъ въ 1811 году службу въ коммиссіи, которая мало привлекала молодаго театрала, онъ уѣхалъ сначала въ 1812 году въ Москву, а затѣмъ въ деревню, гдѣ провелъ время нашествія Наполеона, записавшись вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ милицію. Во время послѣдняго московскаго пребыванія, С. Т. Аксаковъ черезъ Шушерина близко познакомился съ цѣлымъ рядомъ московскихъ литераторовъ—Шатровымъ, Николевымъ, Ильинымъ, Кокош-

кинымъ, С. Н. Глинкой, Вельяшевымъ-Волынцевымъ, и др. Нѣсколько раньше этого времени онъ приступилъ къ переводу Лагарпова переложенія трагедіи Софокла „Филоктетъ“, предназначавшейся для бенефиса Шушерина. Эта трагедія напечатана въ 1812 г. Годы 1814—1815 С. Т. Аксаковъ проводилъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ, онъ близко сошелся съ Державинымъ, опять-таки благодаря своему умѣнью выразительно читать. Въ 1816 году С. Т. Аксаковъ написалъ „Посланіе къ А. И. Казначееву“, напечатанное впервые въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 г. Въ немъ авторъ негодуетъ на то, что нашествіе французовъ не уменьшило галломаніи тогдашняго общества. Въ томъ же году С. Т. Аксаковъ женился на дочери Суворовскаго генерала, Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной. Мать послѣдней была турчанка Игель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ, при осадѣ Очакова, окрещенная и воспитанная въ Курскѣ, въ семействѣ генерала Воинова. Игель-Сюма умерла 30-ти лѣтъ. О. С. родилась въ 1792 году. Тотчасъ послѣ свадьбы, С. Т. Аксаковъ отправился съ молодой женой въ заволжскую вотчину своего отца Тимофея Степановича. Эта заволжская вотчина—село Знаменское или Ново-Аксаково — описана въ „Семейной Хроникѣ“ подъ названіемъ Новаго Багрова. Тамъ у молодыхъ въ слѣдующемъ году родился сынъ Константинъ. Пять лѣтъ прожилъ С. Т. Аксаковъ безвыѣздно въ домѣ родителей. Семья ежегодно прибавлялась. Въ 1821 году Тим. Ст. согласился, наконецъ, выдѣлить сына, у котораго было уже четверо дѣтей, и назначилъ ему въ вотчину село Надежино, въ Белебеевскомъ у., Оренбургской губ. Это самое село встрѣчается въ „Семейной Хроникѣ“, подъ именемъ Парашина. Прежде чѣмъ переѣхать туда, С. Т. Аксаковъ отправился съ женою и дѣтьми въ Москву, гдѣ провелъ зиму 1821 года. Въ Москвѣ онъ возобновилъ знакомства съ театральнымъ и литературнымъ міромъ, завязавъ тѣснѣйшую дружбу съ Загоскинымъ, водевилистомъ Писаревымъ, директоромъ театра и драматургомъ Кокошкинымъ, драматургомъ кн. А. А. Шаховскимъ, и др., и напечаталъ переводъ 10-й сатиры Буало, за что его избрали въ члены „Общества любителей россійской словесности“. Лѣтомъ 1822 г. С. Т. Аксаковъ опять отправился съ семействомъ въ Оренбургскую губернію и оставался тамъ безвыѣздно до осени 1826 года. Занятіе хозяйствомъ не удавалось ему; притомъ подростали дѣти, ихъ надо было учить; въ Москвѣ можно было искать должность. Въ августѣ 1826 года С. Т. Аксаковъ простился съ деревней навсегда. Съ этихъ поръ до самой кончины, т. е. въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, онъ былъ въ Надежинѣ только наѣздомъ всего три раза. Переѣхавъ съ 6-ю дѣтьми на постоянное жительство въ Москву, С. Т. Аксаковъ возобновилъ еще съ большей интимностью дружбу съ Писаревымъ, Шаховскимъ, и пр. Онъ взялся за прозаическій переводъ „Скупаго“ Мольера (1828г.), переведя еще раньше, въ 1819 г., стихами „Школу мужей“ того же автора; онъ явился дѣятельнымъ защитникомъ своихъ друзей отъ нападокъ Полеваго. уговорилъ Погодина,—издававшаго въ концѣ двадцатыхъ годовъ „Московскій Вѣстникъ“ и отъ времени до времени и безъ того удѣлявшаго мѣсто театральнымъ замѣткамъ С. Т. Аксакова,—завести особое „Драматическое прибавленіе“, которое сплошь писалось имъ однимъ. Враждовалъ съ Полевымъ С. Т. Аксаковъ также и на страницахъ „Атенея“ Павлова и „Галатеи“ Раича. Наконецъ, въ „Обществѣ любителей россійской словесности“ С. Т. Аксаковъ прочиталъ свой переводъ 8-й сатиры Буало (1829 г.), обращая изъ нея къ тому же Полевому рѣзкіе стихи. Вражду съ Полевымъ со страницъ журналовъ С. Т. Аксаковъ перенесъ на почву цензуры, сдѣлавшись съ 1827 г. цензоромъ вновь учрежденнаго отдѣльнаго московскаго цензурнаго комитета; эту должность онъ получилъ благодаря покровительству А. С. Шишкова, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Цензоромъ С. Т. Аксаковъ прослужилъ 6 лѣтъ, нѣсколько разъ притомъ временно исправляя должность предсѣдателя комитета. Въ 1834 г. онъ перешелъ на службу въ межевое училище. Служба эта продолжалась тоже 6 лѣтъ, до 1839 г. Сначала С. Т. Аксаковъ состоялъ инспекторомъ училища, а затѣмъ, когда оно было преобразовано въ „Константиновскій межевой институтъ“—директоромъ его. Въ 1839 г. С. Т. Аксаковъ, разстроенный службою, которая дурно вліяла на его здоровье, вышелъ окончательно въ отставку и зажилъ довольно богато и открыто частнымъ человѣкомъ, получивъ значительное наслѣдство послѣ отца, умершаго въ 1837 г. (мать умер-

ла въ 1833 г.). Въ началѣ тридцатыхъ годовъ кругъ знакомства С. Т. Аксакова измѣнился. Писаревъ умеръ, Кокошкинъ и Шаховской отошли на второй планъ, Загоскинъ поддерживалъ чисто-личную дружбу. С. Т. Аксаковъ началъ подпадать подъ вліяніе, съ одной стороны, молодаго университетскаго кружка, который составляли Павловъ, Погодинъ, Надеждинъ и сынъ его Константинъ Сергѣевичъ, съ другой же—подъ благотворное вліяніе Гоголя, знакомство съ которымъ началось съ 1832г. и продолжалось 20 лѣтъ, вплоть до самой кончины великаго писателя. Въ домѣ С. Т. Аксакова Гоголь обыкновенно читалъ въ первый разъ свои новыя произведенія; въ свою очередь С. Т. Аксаковъ Гоголю первому читалъ свои беллетристическія произведенія еще въ то время, когда ни онъ самъ, ни окружающіе его не подозрѣвали въ немъ будущаго знаменитаго писателя. Дружба съ Гоголемъ поддерживалась и личными сношеніями, и перепиской. Отрывки изъ воспоминаній С. Т. Аксакова о Гоголѣ напечатаны въ 4-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій, подъ заглавіемъ: „Знакомство съ Гоголемъ". Подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Русск. Архивѣ" 1889 г., а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ появились ненапечатанные еще черновые матеріалы для воспоминаній, выписки изъ писемъ, многія письма Гоголя къ С. Т. Аксакову цѣликомъ, и т. п. Въ 1834 г., въ альманахѣ „Денница", изданномъ Максимовичемъ, извѣстнымъ ученымъ и другомъ Гоголя, С. Т. Аксаковъ помѣстилъ небольшой разсказъ „Буранъ", который свидѣтельствовалъ о рѣшительномъ поворотѣ въ его творчествѣ: С. Т. Аксаковъ обратился къ живой дѣйствительности, окончательно освободившись отъ ложно-классическихъ вкусовъ. Идя неуклонно по новому пути реалистическаго творчества, онъ уже въ 1840 г. началъ писать „Семейную Хронику", которая, впрочемъ, въ окончательномъ видѣ появилась только въ 1846 г. Отрывки же изъ нея были безъ имени автора напечатаны въ „Московскомъ Сборникѣ" 1846 г. Затѣмъ, въ 1847 г. появились „Записки объ уженьи рыбы", въ 1852—„Записки ружейнаго охотника Оренбургской губ.", въ 1855—„Разсказы и воспоминанія охотника". Всѣ эти охотничьи „Записки" С. Т. Аксакова имѣли огромный успѣхъ. Имя автора стало извѣстнымъ всей читающей Россіи. Его изложеніе было признано образцовымъ, описанія природы—поэтическими, характеристики звѣрей, птицъ и рыбъ—мастерскими изображеніями. „Въ вашихъ птицахъ больше жизни, чѣмъ въ моихъ людяхъ", говорилъ С. Т. Аксакову Гоголь. И. С. Тургеневъ, въ рецензіи по поводу „Записокъ ружейнаго охотника" („Современникъ" 1853 г., т. 37, стр. 33—44), призналъ описательный талантъ С. Т. Аксакова первоклассным. Ободренный такимъ успѣхомъ, уже на склонѣ лѣтъ, С. Т. Аксаковъ явился передъ публикой съ цѣлымъ рядомъ новыхъ произведеній. Онъ принялся за воспоминанія литературнаго и, главнымъ образомъ, семейнаго характера. Въ 1856 г. появилась „Семейная Хроника", имѣвшая успѣхъ необычайный. Критика разошлась въ пониманіи внутренняго смысла этого лучшаго произведенія С. Т. Аксакова Такъ, славянофилы (Хомяковъ) находили, что онъ „первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія"; критики-публицисты (Добролюбовъ), наоборотъ, находили въ „С. Хр." факты отрицательнаго свойства. Въ 1858 г. появилось продолженіе „Семейной Хроники"—„Дѣтскіе годы Багрова - внука", имѣвшіе успѣхъ меньшій. „Литературныя и театральныя воспоминанія" обратили на себя малое вниманіе, хотя заключаютъ много цѣннаго матеріала и для историка литературы, и для историка театра. Для характеристики послѣднихъ лѣтъ жизни С. Т. Аксакова важны свѣдѣнія въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ" И. И. Панаева и воспоминанія М. Н. Лонгинова („Русскій Вѣстникъ" 1859 г., № 8, а также статья въ „Энциклопед. Слов.", изд. русск. писат. и учеными, т. II). Лонгиновъ разсказываетъ, что здоровье С. Т. Аксакова пошатнулось лѣтъ за 12 до кончины. Болѣзнь глазъ принудила его надолго запереться въ темной комнатѣ, и, непріученный къ сидячей жизни, онъ разстроилъ свой организмъ, лишившись притомъ одного глаза. Весною 1858 года болѣзнь С. Т. Аксакова приняла весьма опасный характеръ и стала причинять ему жестокія страданія, но онъ переносилъ ихъ съ твердостью и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ онъ на дачѣ, близъ Москвы и, не смотря на тяжкую болѣзнь, имѣлъ силу, въ рѣдкія минуты облегченія, диктовать свои новыя произведенія. Сюда относится „Собираніе

бабочекъ", появившееся въ печати послѣ его смерти въ „Братчинѣ" — сборникѣ, изданномъ бывшими студентами Казанскаго университета, подъ редакціей П. И. Мельникова, въ концѣ 1859 г. Осенью 1858 г. С. Т. Аксаковъ переѣхалъ въ Москву и всю слѣдующую зиму провелъ въ ужасныхъ страданіяхъ, не смотря на которыя продолжалъ еще иногда заниматься литературою и написалъ „Зимнее утро", „Встрѣчу съ мартинистами" (послѣднее изъ напечатанныхъ при жизни его сочиненій, появившееся въ „Русской Бесѣдѣ" 1859 г.) и повѣсть „Наташа", которая напечатана въ томъ же журналѣ. Сочиненія С. Т. Аксакова много разъ выходили отдѣльными изданіями. Такъ „Сем. Хр." выдержала 4 изданія, „Записки объ уженьи рыбы" — 5, „Зап. руж. охотника"—6. Первое полное собраніе сочиненій, составляющихъ почти полную автобіографію С. Т. Аксакова, появилось въ концѣ 1886 г., въ 6-ти томахъ, изданное книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ и редактированное частью И. С. Аксаковымъ, который снабдилъ его цѣнными примѣчаніями, а частью П. А. Ефремовымъ, который сообщилъ изданію значительную полноту въ библіографическомъ отношеніи.

Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь» выпуски 4 и 5; на стр. 149—150 четвертаго выпуска приведена подробная библіографія біографическихъ статей о С.Т. Аксаковѣ и критическихъ по поводу разныхъ его произведеній.— «Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ», написанный И. С. и приложенный къ I тому его писемъ. Москва. 1888 г. — «Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Библіографическій указатель книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ его». Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1888 г.—Апухтинъ, А. Л. «Исторія Констан. межеваго института». Спб. 1879 г. — Н. П. Барсуковъ: «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. II, III, IV, V. *С. Трубичевъ.*

Акутинъ, *Алексѣй Никитичъ*, архитекторъ, род. въ 1782 г., умеръ въ 1840-хъ годахъ. Воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ (1788—1803 г.), за программу получилъ медаль, выпущенъ класснымъ художникомъ архитектуры и опредѣленъ, затѣмъ, состоять при Кабинетѣ Его Величества. Строилъ при ревельскомъ портѣ маякъ (1803 г.), а въ Ораніенбаумѣ госпиталь (1805 г.). Опредѣленный архитекторомъ въ Ревель, производилъ портовыя сооруженія; въ іюнѣ 1811 года опредѣленъ въ кронштадтскій строительный комитетъ, служа въ которомъ производилъ много построекъ. Въ 1830 г. завѣдывалъ чертежною морскою строительною частью, а затѣмъ, перейдя въ вѣдомство департамента военныхъ поселеній, строилъ въ Петербургѣ казармы и госпитали. Акутинъ построилъ, между прочимъ, зданіе сухопутнаго госпиталя у Смольнаго, а также зданіе при казармахъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Формул. спис. въ Спб. сенат. архивѣ 1827 г. Дѣло по морскому строит. комитету. «Отчеты» Имп. Акад. Художествъ разныхъ годовъ.

Акулина Ивановна—вторая богородица скопцовъ,—въ монашествѣ Анна, монахиня Ивановскаго монастыря въ Москвѣ, жена стрѣльца и потомъ купца московскаго Прокофья Лупкина—„искупителя" хлыстовъ. По доносу 1733 года судима особою коммиссіею и приговорена, по наказаніи кнутомъ, къ ссылкѣ въ одинъ изъ сибирскихъ монастырей, куда и отправлена въ концѣ 1733 г. На допросахъ она показала, что вышла за Лупкина молодою и, проживъ 20 лѣтъ съ нимъ, въ концѣ XVII вѣка привезена съ мужемъ въ Нижній-Новгородъ; оставленная мужемъ, она прожила здѣсь 7 лѣтъ. Сына Спиридона она успѣла уже вырастить, когда вновь явился Лупкинъ, перевезъ ее съ сыномъ въ Москву и заставилъ постричься въ Ивановскомъ монастырѣ. „Лѣтъ съ 13 назадъ—показывала она въ 1733 г. на слѣдствіи—мужъ уѣзжалъ въ Польшу и оттуда воротился богатымъ купцомъ и сталъ держать „сборища", на которыя и я ходила". Сынъ ея, Спиридонъ, былъ постриженъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ и названъ Серафимомъ. Привлеченный къ процессу въ санѣ іеродіакона и экономa Симонова монастыря, онъ былъ разстриженъ. Противъ самой Акулины Ивановны, хотя разстриженной и наказанной, уликъ въ участіи въ хлыстовскихъ дѣйствіяхъ не было, кромѣ недонесенія о сборищахъ, бывавшихъ у ея мужа.

«Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ» 1872 г., книга 2, Смѣсь, стр. 41.

Акулина Ивановна—третья богородица скопцовъ, жила во 2-й половинѣ XVIII вѣка, въ Кромскомъ уѣздѣ, и умерла около 1800 г. Дѣятельность ея по скопчеству, когда ея „корабль былъ многочисленнѣе всѣхъ", относится къ царствованію Елизаветы Петровны. При Екатеринѣ II орловскимъ кораблемъ правила уже пророчица Анна Романовна, назвавшая богомъ Селиванова, котораго Акулина Ивановна, съ ея словъ, признала своимъ сыномъ, по

немъ и называемая „богородицею“. Н. И. Надеждинъ полагалъ, что мѣстонахожденіе корабля Акулины Ивановны было около Тулы. Скопцы называли ее „царицей небесной“ и „Сіономъ горой“. Скопецъ Иванъ Андреяновъ, въ донесеніи своемъ Императору Александру I, разсказывалъ, что ихъ „искупитель духовно родился въ г. Орлѣ, отъ чистыя дѣвы, матушки Акулины Ивановны“, т. е. что онъ былъ ею принятъ въ секту скопцовъ.

«Чтенія въ Общ. Исторіи и Древ. Рос.» 1872 г., кн. 2, Смѣсь, стр. 41; 1874 г. кн. 3, стр. 310; 1870 г., кн. 2, Смѣсь, стр. 89. Варадиновъ, «Исторія Мин. Внутр. Дѣлъ», т. 8, стр. 247—260. Надеждинъ, «Изслѣдованіе о скопческой ереси», стр. 106—9. Дѣла М. В. Д. 1822 г., № 16 (стр. 42); 1826 г. № 15, донесеніе Андреянова. Энциклоп. Словарь, т. II, стр. 43. *П. П.*

Аксентьевъ, *Петръ*, казачій пятидесятникъ въ Восточной Сибири, въ 1677 году принялъ въ управленіе ясачное зимовье на р. Алазѣ, произведенъ въ дѣти боярскія въ 1683 и въ 1685 г. посланъ для промысла на р. Удь.

«Дополненія къ Актамъ Истор.», томы 7 и 10.

Аксентьевъ, *Василій Васильевичъ*, ѣздилъ посломъ отъ государя Ивана III съ вѣрющею грамотою его къ Мазовецкому князю Конраду, въ маѣ 1493 г.

«Собраніе Госуд. Граматъ и Договоровъ», V, стр. 16.

Аксеновъ, *Семенъ Николаевичъ*, авторъ учебниковъ музыки, род. въ 1784 г. умеръ въ 1840-хъ годахъ. Происходилъ изъ дворянъ, началъ службу въ 1801 г. вахтеромъ провіантскаго вѣдомства; въ 1803 году былъ писаремъ, а 31 декабря 1804 г., произведенъ въ 14-ый классъ. Продолжая служить въ томъ же вѣдомствѣ (до 6 апрѣля 1807 г.), Аксеновъ опредѣленъ 16 іюня того же года въ Горный департаментъ, а отсюда (12 января 1808 года) въ сибирскую казенную палату. Въ 1810 г. онъ вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился въ Лѣсной департаментъ, а въ 1811 г., съ чиномъ 10 класса, перешелъ экзекуторомъ въ спб. контору адресовъ, сдѣлавшись извѣстнымъ начальнику столицы, генералу Вязмитинову. 13 сентября 1819 г. Аксеновъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-кригсъ-коммиссарѣ Абакумовѣ, въ чинѣ 8 класса, а 27 августа 1823 г. — чиновникомъ особыхъ порученій при Военномъ Министрѣ и служилъ въ этой должности до 6 декабря 1827 г. Съ 4 января 1828 г. Аксеновъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій въ коммиссаріатскомъ департаментѣ Морскаго Министерства, а съ 23 апрѣля 1830 г., до отставки, членомъ общаго присутствія департамента. Онъ состоялъ членомъ-сотрудникомъ Спб. вольнаго общества любителей россійской словесности. Аксеновъ былъ замѣчательнымъ виртуозомъ на гитарѣ и, переведя съ французскаго руководство Игнатія де-Гельда—„Школа для семиструнной гитары“, исправилъ и дополнилъ его, присоединивъ „Изъясненіе способа играть во всѣхъ тонахъ октавными флажіолетами“. „Школа“ эта, изданная въ 1819 году долго считалась лучшимъ руководствомъ для желающихъ играть на гитарѣ.

№ 5404 «Роспись» Смирдина и формулярный списокъ въ Спб. сенатскомъ архивѣ 1830 г., № 48.

Аксеновъ, *Петръ Лукичъ*, при Елизаветѣ Петровнѣ ассесоръ полиціймейстерской экспедиціи (1754 г.), род. въ 1699 г., умеръ при Екатеринѣ II. Началъ службу при Петрѣ I. Онъ первый въ 1719 г. составилъ въ Камеръ-коллегіи вѣдомость прихода и расхода денежной казны въ государствѣ, и подавалъ Государю каждую недѣлю вѣдомости о движеніи суммъ, по донесеніямъ, поступавшимъ въ коллегію. Сверхъ того, Аксеновъ составилъ формы веденія отчетности по Камеръ-коллегіи. Назначенный по Камеръ-коллегіи коммиссаромъ особой отчетной конторы, онъ обучилъ присланныхъ для узнанія порядка отчетности изъ всѣхъ мѣстъ канцелярскихъ служителей. Въ 1725 году, Сенатъ опредѣлилъ Аксенова камериромъ, а въ 1731 году секретаремъ. Затѣмъ, его назначили въ коммиссію по учету адмирала Сиверса, по строенію Кронштадта, въ коммисію о счетѣ суммъ по кадетскому корпусу за время управленія имъ Миниха, Любераса и Теттау и, наконецъ въ коммиссію для разслѣдованія дѣйствій адмирала графа Головина. Сдѣлавшись извѣстнымъ по счетной части, Аксеновъ опредѣленъ въ ревизіонъ-коллегію, а изъ нея въ полиціймейстерскую канцелярію.

Дѣло Московскаго архива Минист. Юстиціи, $\frac{\text{№ общ. 21}}{\text{части. 8122}}$, листы 475—76 (сказка Аксенова о себѣ).

Акчуринъ, *Сергѣй Васильевичъ*, сенаторъ, бывшій оберъ-прокуроръ Св. Синода, сынъ секретаря канцеляріи строеній,

(*Василія Григорьевича Акчурина*, родившагося въ 1689 и умершаго около 1760 г.),—род. въ сентябрѣ 1722 г., умеръ въ декабрѣ 1790 г. Послѣ обученія въ академической гимназіи, поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ 1754 году состоялъ переводчикомъ сначала коллегіи, а затѣмъ конференціи и секретаремъ послѣдней съ чиномъ маіора. Пропзведенный въ 7-й классъ, Акчуринъ былъ назначенъ для дипломатической переписки при главнокомандующемъ арміею въ Пруссіи, графѣ Салтыковѣ и А. Б. Бутурлинѣ. При послѣднемъ онъ игралъ большую роль, являясь такъ сказать, его правою рукою. Между прочимъ, Акчуринъ производилъ въ 1761 г. допросъ генералу Тотлебену, котораго, послѣ допроса, Бутурлинъ отправилъ арестованнымъ въ Петербургъ. Когда Шуваловъ назначалъ Акчурина секретаремъ конференціи, Бутурлинъ писалъ графу М. Ил. Воронцову: „Нужнѣйшаго мнѣ человѣка отнимаютъ. Покорно ваше сіятельство прошу въ милостивое принять разсмотрѣніе, что ему всѣ секретнѣйшіи дѣла, азбуки, сочиненіе реляцій ко двору и корреспонденція иностранная поручены, отъ которыхъ я Веселицкаго отрѣшить принужденъ былъ по старости его и неосторожности. Ибо при переходѣ моемъ черезъ Одеръ небреженіемъ его цидулка, содержаніе которой при семъ прилагаю, на столѣ въ секретной канцеляріи хозяиномъ дома найдена и къ королю отослана, но австрійцами перехвачена“ („Архивъ князя Воронцова“, кн. 6, стр. 378). Изъ этого видно, что Акчуринъ, выдѣлялся изъ среды окружавшихъ Бутурлина въ прусскомъ походѣ. Тонкость и проницательность ума въ Акчуринѣ цѣнились и Екатериною II, поручившею ему исправленіе должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ которой онъ утвержденъ былъ въ 1775 г., указомъ 20 іюля имѣя чинъ д. с. с. 28 іюня 1786 г. Акчуринъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

Дѣло Московскаго архива Министерства Юстиціи, № $\frac{\text{общ. 21}}{\text{частн. 8122}}$, листы 667, 939—940, «Архивъ князя Воронцова», кн. 6, стр. 378. «Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ, хран. въ спб. сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ», т. III, №№ 10.608, 10.733 и 11.451.

Аладьинъ, *Егоръ Васильевичъ*, писатель, издатель альманаховъ, род. въ 1796, умеръ 14 августа 1860 года. Службу началъ унтеръ-офицеромъ Лубенскаго гусарскаго полка (13 октября 1812 г.); переведенный въ 1813 г. въ лейбъ-кирасиры, Аладьинъ 31 октября 1814 г. произведенъ въ прапорщики въ Нарвскій драгунскій полкъ, а 2 февраля 1816 года былъ уволенъ съ чиномъ поручика и опредѣлился (4 марта 1817 года) смотрителемъ Щигровскаго провіантскаго магазина. Затѣмъ, онъ былъ переведенъ въ Томскій магазинъ и 27 декабря 1818 г. уволенъ изъ военнаго вѣдомства. Въ 1819 г. Аладьинъ опредѣлился въ курскую казенную палату, но, прослуживъ только годъ (до 4 іюля 1820 г.), пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ здѣсь въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ, а оттуда, изъ помощниковъ столоначальника, перешелъ въ чиновники особыхъ порученій при спб. казенной палатѣ (9 октября 1823 г.) Литературою началъ заниматься въ первое же время по прибытіи въ столицу. Первымъ опытомъ его въ беллетристикѣ явилась пьеса въ стихахъ: „Быль, въ баснословномъ разсказѣ—союзъ любви и славы“, напечатанная отдѣльнымъ изданіемъ въ 1821 г. Черезъ три года Аладьинымъ издана книжка, подъ заглавіемъ: „Мои досуги“. Съ 1825 года, онъ началъ издавать „Невскій Альманахъ“, выходившій девять лѣтъ подъ-рядъ (1825—33). За изданіе это Аладьинъ удостоился Высочайшихъ подарковъ. Напечатанная въ 1825 г. повѣсть „Кумъ Иванъ“ имѣла успѣхъ. Затѣмъ Аладьинъ сотрудничалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ П. П. Свиньина, и въ то же время издавалъ отдѣльно свои „Сочиненія и переводы, въ прозѣ“ (1832—33 г.) и „Повѣсти“ 2 ч., 1833 г. Кромѣ „Невскаго Альманаха“, Аладьинъ, въ 1829 г., выпустилъ еще альманахи: „Букетъ, или карманная книжка для любителей и любительницъ театра“, а въ 1830—„Подснѣжникъ“. Наконецъ, въ 1833 г. издалъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Бергмана: „Исторія Петра Великаго“, 6 частей. Одновременно Аладьинъ продолжалъ трудиться и на государственной службѣ. Удачному составленію репутаціи способнаго чиновника помогло открытіе имъ въ 1824 г. контрабанды, доставлявшейся на купеческихъ корабляхъ; за это Аладьинъ получилъ награду въ 2.000 р., послужившіе основнымъ фондомъ на изданіе „Невскаго Альманаха“. Кромѣ покро-

вительства, оказываемаго Аладьину Императрицею Маріею Ѳедоровною, Императрица Александра Ѳедоровна давала ему порученія, щедро награждая за ихъ исполненіе. Принятый въ члены-казначеи общества любителей россійской словесности, Аладьинъ съ 1831 г. сталъ издавать „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ и за это изданіе удостоенъ награды табакеркою отъ Его Величества, а за переводъ исторіи Бергмана получилъ два перстня. Съ 1831 г., оставивъ службу при казенной палатѣ, Аладьинъ получилъ мѣсто столоначальника въ департаментѣ путей сообщенія (3 окт. 1833 г.) и, затѣмъ, назначенъ въ немъ правителемъ канцеляріи. Въ этой должности Аладьинъ получилъ порученіе управлять дѣлами комитета для составленія новыхъ правилъ отчетности и штата ревизіонной коммиссіи при совѣтѣ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Съ образованіемъ въ этомъ вѣдомствѣ втораго департамента, Аладьинъ назначенъ начальникомъ перваго отдѣленія (2 января 1840 г.), и вскорѣ затѣмъ произведенъ въ надворные совѣтники (26 января). Въ 1841 году его перемѣстили начальникомъ третьяго отдѣленія того же департамента (14 августа), а при новомъ переформированіи вѣдомства, 29 октября 1842 г., перевели въ департаментъ „искусственныхъ дѣлъ“, изъ котораго онъ, вскорѣ затѣмъ (22 декабря), уволенъ. Находясь въ отставкѣ, Аладьинъ сотрудничалъ въ „Пантеонѣ“, гдѣ, между прочимъ, помѣстилъ „Воспоминаніе о Н. И. Хмѣльницкомъ“, изданное и отдѣльно (1846, 8°). Въ это же время онъ вздумалъ переиздать „Невскій Альманахъ“, но выпущенныя двѣ книги не разошлись. Второе изданіе „Исторіи Петра Великаго“ (1840 года) имѣло большой успѣхъ, также какъ и разсказъ „Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ“ (1845 г.). Послѣднимъ печатнымъ трудомъ Аладьина былъ разсказъ: „Двадцатипятилѣтіе Николаевскаго дома престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ“.

Формулярные списки въ архивѣ Мин. Пут. Сообщенія. Геннади, «Словарь», I, 16 — 17. Энциклопедическій Словарь, т. I. Въ этихъ изданіяхъ указывались только годы смерти, безъ обстоятельствъ жизни и службы. Венгеровъ, «Критико-біографич. словарь», т. I.

Аладьинъ, *Денисъ Григорьевичъ*, дѣятель при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, московскій дворянинъ, посолъ къ польскому королю Сигизмунду, 10 марта 1613 г., съ требованіемъ освобожденія захваченныхъ пословъ. Въ 1615 году Аладьинъ былъ воеводою въ Осколѣ, въ 1616—въ числѣ защитниковъ Москвы, въ 1618 — воеводою въ Ростовѣ, до 1626—воеводою чебоксарскимъ, а послѣ того — санчурскимъ. Въ числѣ рукописей графа Толстаго значится: „Книга литовская 7121 г.“ посланника Дениса Аладьина.

«Опис. рук. гр. Толстаго», отд. I. № 243. «Акты археогр. экспедиціи», т. III, 243. «Разрядн. кн.», I, 79, 194, 205, 528, 1252—53 и 1359. «Росс. родосл. книга», ч. 4-я стр. 6. «Сборникъ Спиридова», т. 9, стр. 130 — 4. «Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ», т. III, грам. № 7, стр. 22—31. № 13, стр. 55. Соловьевъ, «Исторія Россіи», IX, 34—36.

Алалыкинъ, Темиръ, суздалецъ, сынъ боярскій, отличился въ битвѣ князя М. И. Воротынскаго съ Девлетъ-Гиреемъ подъ дер. Молоди въ 1571 г. Алалыкинъ убилъ зятя ханскаго, Иль-Мурзу, и захватилъ въ плѣнъ Дивія Мурзу нагайскаго.

«Росс. родословная книга», ч. IV, стр. 233.

Аламдаровъ (Аламдаріанъ), армянскій архимандритъ, по имени *Артемій*, бывшій преподавателемъ закона Божія и армянской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Составилъ „Краткій родійско-армянскій словарь“, изданный въ Москвѣ въ 1821 г.; тогда же Аламдаровъ издалъ переведенный съ русскаго на армянскій языкъ „Катехизисъ“, съ поясненіями и толкованіями, необходимыми для исповѣдниковъ вѣроученія армянской церкви. Аламдаровъ былъ ректоромъ армянскаго духовнаго училища въ Тифлисѣ и викаріемъ закавказской армянской епархіи.

«Собраніе актовъ, относящихся къ исторіи армянскаго народа», стр. 216—17. «Роспись» Смирдина, стр. 469 (№ 5967).

Аландскій, *Павелъ Ивановичъ*, доцентъ кіевскаго университета по каѳедрѣ греческой словесности, статскій совѣтникъ, род. въ С.-Петербургской губерніи, въ 1844 г., умеръ 28 октября 1883 г., въ Кіевѣ. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своего отца, сельскаго священника. Въ 1857 году поступилъ въ александро-невское духовное училище, а затѣмъ, въ с.-петербургскую духовную семинарію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1865 г. По окончаніи семинаріи, поступилъ въ с.-петербургскій университетъ,

на историко-филологическій факультетъ и посвятилъ себя занятію преимущественно греческою словесностью. Въ 1870 г., окончивъ курсъ со степенью кандидата, Аландскій былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ сентябрѣ 1870 г. опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ александро-невское духовное училище, гдѣ оставался до 1872—73 учебнаго года. 1-го апрѣля 1873 г. защитилъ диссертацію и удостоенъ степени магистра греческой словесности, а въ сентябрѣ допущенъ въ качествѣ приватъ-доцента къ чтенію лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ; избравъ для своихъ чтеній Иліаду, онъ представилъ въ историко-филологическій факультетъ подробную и серьезно-разработанную программу этого курса. Въ мартѣ 1874 года приглашенъ совѣтомъ университета св. Владиміра въ штатные доценты по каѳедрѣ греческой словесности и состоялъ въ этой должности до конца своей жизни. Въ 1877 году былъ командированъ совѣтомъ университета съ ученою цѣлью за границу на одинъ годъ, причемъ ознакомился съ памятниками древняго искусства во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Кромѣ предметовъ своей каѳедры, Аландскій съ 1878 г. преподавалъ, за особое вознагражденіе, латинскій языкъ, исторію римской литературы и римскія древности. Съ сентября того же года преподавалъ на кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ исторію Греціи и Рима, а также и исторію римской литературы. Аландскій написалъ слѣдующія сочиненія: 1) „Синтаксическія изслѣдованія. Значеніе и употребленіе coniunctivi въ языкѣ Иліады и Одиссеи". Спб. 1873 г., in 8°; диссертація на степень магистра. 2) „Поэзія, какъ предметъ науки". Кіевъ. 1875 г., in-8°. 3) „Филологическое изученіе произведеній Софокла". Кіевъ. 1877 г., in-8°. (Осталось неоконченнымъ). 4) „Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла". Кіевъ. 1877 г., in-8° (было представлено въ историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета въ качествѣ докторской диссертаціи, но къ защитѣ не допущено). 5) „Философія и наука". („Универ. Извѣст.„ 1877, 1, по поводу диспута проф. Н. Я. Грота). 6) „Энциклопедія и методологія классической филологіи". Кіевъ. 1872 г. Изложеніе и разборъ труда Авг. Бёка подъ тѣмъ же названіемъ. 7) „В. Е. Гернъ объ арійской семьѣ, ея строѣ и развитіи". Кіевъ. 1880 г.; по поводу книги: „The aryan household, its Structure and its development". Hearn. 1879 г. 8) „Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе". Кіевъ. 1882 г 9) „Исторія Греціи". Кіевъ. 1885 г.,— посмертное сочиненіе, изданное по распоряженію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра подъ редакціей проф. Кулаковскаго и Козлова. Сверхъ того, Аландскій помѣстилъ въ „Кіевскихъ Универ. Извѣст.", начиная съ 1874 г., рядъ критическихъ статей о новыхъ книгахъ по классической филологіи и древней исторіи (соч. Курціуса, Jolly, Дельбрюка, Шварца, Белоха, Воеводскаго и Мищенка). Развитіе ученой дѣятельности Аландскаго шло въ трехъ направленіяхъ: философско-грамматическомъ, философско-эстетическомъ и философско-историческомъ. Къ первому роду трудовъ принадлежатъ его магистерская диссертація и рецензіи на сочиненія Г. Курціуса (Das Verbum der griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt von G. Curtius 1873) и Дельбрюка (Syntaksische Forschungen. Die Grundlagen der griechischen Syntax. 1870), помѣщенныя въ „Кіевск. Унив. Извѣст.", первая за 1874, 12, и вторая за 1880, 4 и 5. Эти труды показываютъ, что Аландскій былъ въ филологіи послѣдователемъ школы Штейнталя и Дельбрюка, которая, опираясь на данныя: филологіи и психологіи, старалась уяснить явленія языка, и дѣйствительно, этой школѣ удалось пролить свѣтъ на нѣкоторые темные филологическіе вопросы. Ко второму направленію, т. е. философско-эстетическому, относятся сочиненія „Поэзія, какъ предметъ науки" (1875) и „Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла" (1877). Къ философско-историческимъ сочиненіямъ относятся: „Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе" (1882) и „Исторія Греціи" (1885). Особенно замѣчательно первое сочиненіе, въ которомъ Аландскій, основательно ознакомившись съ трудами Моммзена, Ине, Целлера, Солтау, Нитча, Петера, Ниссена, Мадвига и др., благодаря, съ одной стороны, самостоятельнымъ работамъ надъ источниками, съ другой—широкому философскому взгляду на законы

историческаго развитія, представилъ въ высшей степени поучительный анализъ методическихъ пріемовъ современныхъ изслѣдователей римской древности, весьма мѣтко указавъ при этомъ слабыя и сильныя стороны.

«Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра», изданный подъ редакціей проф. Иконникова. «Некрологъ П. И. Аландскаго». Ѳ. Мищенко въ «Универ. Изв.» Кіевъ, 1883, 12.—«Къ поминкѣ по П. И. Аландскомъ». Ю. Кулаковскаго. «Универ. Извѣст.» 1884, 3.—«Некрологъ П. И. Аландскаго», И. В. Помяловскаго («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1884, № 1.—Рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ Аландскаго проф. Козловымъ, Фортинскимъ и Мищенко. «Кіевлянинъ» и «Заря» (1883, № 235). — Венгеровъ, «Критико-біограф. словарь», т. I; здѣсь помѣщена біографія Аландскаго, составленная Ѳ. Мищенко, стр. 347 и слѣд.

Н. Ш.

Алатчанинъ (Алатчаниновъ), *Андрей Игнатьевичъ*, строитель галеръ, род. въ ноябрѣ 1700, умеръ 2 мая 1766 г. Началъ службу при Петрѣ I, ученикомъ галернаго дѣла, подъ руководствомъ выписанныхъ Царемъ изъ Венеціи галерныхъ мастеровъ. 2 марта 1731 г. пожалованъ въ галерные мастера, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Въ теченіе 1732 и 1733 гг. (до октября) строилъ галеры въ Петербургѣ, а съ октября 1732 г. по 2 августа 1738 г.—въ Тавровѣ. Вызванный въ августѣ 1738 г. въ Петербургъ, онъ въ ноябрѣ того же года посланъ въ Ново-Павловскъ для постройки 20 галеръ Азовской флотиліи. Воротясь въ Петербургъ, построилъ здѣсь 9 галеръ, а въ 1743 г. посланъ въ Або, гдѣ построилъ 6 галеръ. Позднѣе этого года онъ не оставлялъ столицы, завѣдывая здѣсь постройкою галеръ и другихъ мелкихъ судовъ. 9 іюня 1762 г. произведенъ въ чинъ бригадира съ жалованьемъ по 1.000 р. За службу мужа, по смерти его, женѣ Алатчанина, Маріѣ Андреевнѣ, „не въ образецъ другимъ“, назначена пенсія по 200 руб. въ годъ. Испорченное прозваніе Алатчанина сохранилось въ названіи Аларчина моста, близъ котораго находился его домъ.

«Общій морской списокъ», ч. II, стр. 3—4. Архивъ Спб. дух. консисторіи, исповѣдныя росписи, кн. 5, екатерингофскій приходъ, № 137. «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ», Спб., 1872 г.

Албанусъ, *Августъ* (Albanus, Iohann August Leberecht), род. 4 декабря н. ст. 1765 г. въ Беухе, около Лейпцига, умеръ 2-го октября 1839 г., въ Ригѣ. Въ 1779 г. отправился въ Лифляндскую губернію домашнимъ учителемъ, въ 1792 г. былъ назначенъ директоромъ рижскаго церковнаго училища (Domschule) и въ 1803 г.—директоромъ рижской губернской гимназіи. Въ этой должности онъ оставался до 1819 г. Кромѣ того, онъ былъ пасторомъ при разныхъ церквахъ въ Ригѣ, удостоенъ въ 1815 г. степени доктора богословія дерптскимъ университетомъ, и скончался суперинтендентомъ евангелической консисторіи въ Ригѣ. Албанусъ писалъ много статей педагогическаго содержанія, рѣчей, проповѣдей и издавалъ въ 1816 году, на русскомъ языкѣ, журналъ: „Россійское еженедѣльное изданіе въ Ригѣ“; на нѣмецкомъ языкѣ его изданія слѣдующія: 1) „Livländische Schulblätter“, Riga 1813—15, 8°; 2) «Rede zur Secularfeyer und zur Eröffnung des Dimissions-actes im Gouvernements-Gymnasium zu Riga am 5 Julius 1810“; 3) „Erneuerte Gesetzte für die Schüler der Domschule“, Riga, 1794; 4) „Das neueste Jahrzehend der Domschule“, Riga, 1803; 5) „Blatt zur Schulchronik von Riga, nebst einigen Bemerkungen und Wünschen an das Publicum“, Riga, 1802.

Некрологъ Албануса составленъ Напіерскимъ (Mittheilungen, B-d II, 167—177). Reden bei der Bestattung des Dr. Aug. Albanus. Riga 1840 г. 25 S. 4°. «Allgemeines Schriftsteller-Lexicon», I т., Митава. 1827 г., стр. 19—26 и Nachträge, Митава, 1859 г., стр. 5.

Албенскій, *Александръ Борисовичъ*, сынъ протоіерея с.-петербургской коломенской Покровской церкви, род. въ 1802 г.; выпущенный изъ семинаріи съ чиномъ 13 класса (1 октября 1821 г.), въ 1827 г. получилъ степень кандидата С.-Петербургскаго университета по филологическому отдѣленію и служилъ въ архивѣ департамента Морскаго Министерства. Ему принадлежатъ напечатанныя въ журналѣ „Сѣверный Архивъ“ историческія статьи: „Состояніе Россіи въ XI вѣкѣ“ (ч. XXV, стр. 105 и 197) и „О друидахъ“ (ч. XXIX, 121).

Формул. списокъ въ Спб. сенат. архивѣ, дѣло 1830 г., № 44.

Албычевъ, *Василій Ивановичъ*, воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ, батальный живописецъ, род. въ 1781 г.; награжденъ медалями по конкурсу.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Художествъ», т. I, стр. 441, 450—452, 566.

Албычевъ, *Петръ*, пелымскій боярскій сынъ, род. въ концѣ XVI вѣка; служилъ въ Тобольскѣ и былъ посланъ воеводою строить остроги (укрѣпленія) въ 1618 г.—Енисейскій, въ 1620—Макинскій, Маковскій, Кетскій и Намацкій. Первоначальное распоряженіе о постройкѣ остроговъ было сдѣлано княземъ И. С. Куракинымъ.

«Древняя Россійская Вивліоѳика», т. III, стр. 134.—Müller, «Sammlung Russischer Geschichte», VIII, 108—112.

Алдадановъ, *Иванъ Осиповичъ*, воспитанникъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, род. въ 1803 году. По окончаніи курса наукъ, 28 февраля 1824 года, опредѣленъ въ Грузинскую горную экспедицію, въ Баку и, состоя при ней, занималъ должность учителя чистописанія, русскаго языка и танцевъ въ тифлисскомъ благородномъ училищѣ, занимаясь въ тоже время и литературою. Алдаданову, между прочимъ, принадлежитъ, изданное въ Москвѣ, въ 1825 г. „Хронологическое обозрѣніе достопамятныхъ происшествій".

Формулярный списокъ въ дѣлѣ Спб. сенатскаго архива 1829 г., № 27 (2 ч.). «Роспись» Смирдина.

Алевизъ, фрязинъ, итальянецъ, инженеръ-архитекторъ, „мастеръ стѣнной и палатной", нанятый посланникомъ Мамыревымъ на службу къ великому князю Ивану III, уроженецъ г. Милана (Aloisio da Milano), прибылъ въ Москву 29 мая 1494 года. Въ 1499 г. Алевизъ строилъ для государя у Благовѣщенскаго собора, въ Кремлѣ, дворецъ (Грановитую палату) и на Москву-рѣку, отъ Тайницкихъ до Боровицкихъ воротъ, съ башнею надъ ними, вывелъ кремлевскую стѣну. Въ 1508 г. Алевизъ строилъ въ Кремлѣ, на площади, Архангельскій соборъ и вывелъ основаніе Ивановской колокольни (до 4 яруса). Въ это же время у Боровицкихъ воротъ онъ строилъ церковь Іоанна Предтечи, проводя около стѣнъ кремлевскихъ ровъ, съ выстилкою откосовъ его камнемъ, а также вырылъ много „прудовъ", по волѣ государя. Въ 1514 г. Алевизъ построилъ въ Москвѣ одиннадцать церквей, а именно: „Введенія, на большомъ посадѣ, за торгомъ", „Св. Владиміра, въ садѣхъ", „Благовѣщенія, въ Воронцовѣ", „Рождества Богородицы, съ придѣломъ Лазаря, на Государевѣ дворѣ", „Св. Леонтія Ростовскаго" и „Св. Петра митрополита за Неглинною": „Алексія Божія человѣка, на Чертольѣ" (на мѣстѣ храма Спасителя); „Усѣкновенія Предтечи, за рѣкою" (въ Замоскворѣчьи, по Пятницкой улицѣ); „подъ Боромъ", „Введенія на Устрѣтенкѣ" и „Св. Варвары", въ Китай-городѣ—на Варваркѣ, для торговыхъ людей: Василія Бобра, Вепря Юшкова и Урихвостова. Въ 1531 г., при взрывѣ на пороховомъ заводѣ, „Алевизовъ дворъ" взлетѣлъ на воздухъ.

«П. С. Р. Л.», т. IV, VI и VIII. Энциклопедич. Слов., т. III, стр. 60. *И. П.*

Алединскіе: 1) *Александръ Павловичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Псковской губерніи; род. въ 1775 г., воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1790 г. выпущенъ поручикомъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Въ 1794 г., во время войны противъ польскихъ конфедератовъ, участвовалъ во взятіи г. Вильны (31 іюня); въ 1798 г. выступилъ въ заграничный походъ съ войсками, отправленными на помощь Австріи противъ французовъ и, по прибытіи въ сѣверную Италію, въ 1799 г., участвовалъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: у гор. Лекко, на р. Аддѣ (14 апрѣля), при Басиньяно и Писсто, на р. По (1 мая), на рр. Тидоне, Требіи и Нурѣ (7, 8 и 9 іюня); за послѣднее сраженіе пожалованъ орденомъ св. Анны 4-й ст. Въ томъ же году, 15 іюня, участвовалъ въ ночной экспедиціи при крѣпости Тортонѣ, а съ 4 по 12 іюля находился при бомбардированіи и осадѣ Александрійской цитадели; за отличіе въ сраженіи при г. Нови (4 августа) награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Затѣмъ Алединскій участвовалъ въ знаменитомъ переходѣ Суворова черезъ Альпы, въ бояхъ 13 и 14 августа, на горѣ Фогельбергъ, при взятіи штурмомъ Урзерна и Чортова моста, за что пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и пенсіею по 300 р. въ годъ; наконецъ, 19 и 20 августа принималъ участіе въ сраженіи при Мутенталѣ. Изъ этой кампаніи Алединскій возвратился въ Россію въ чинѣ капитана. Въ 1803 г., онъ, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку, но въ 1804 году снова принятъ на службу, въ чинѣ маіора и съ назначеніемъ въ званіе кавалера при воспитаніи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей; въ 1810 г. произведенъ въ подполковники, съ переводомъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ и съ оставленіемъ въ томъ же званіи. Со-

стоя при великихъ князьяхъ, Алединскій сопровождалъ ихъ въ путешествіяхъ за границу и по Россіи: въ 1814, 1815, 1817, 1818, 1819, 1821, 1822 и 1823 годахъ. Произведенный въ 1816 г. въ генералъ-маіоры, Алединскій въ 1828 г., исправлялъ должность гофмейстера при дворѣ великаго князя Михаила Павловича въ 1841 году.

Изъ послужн. списковъ, хранящихся въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба, № 16412.

И. Ореусъ.

2) *Павелъ Михайловичъ*, сынъ переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ, род. въ 1728, умеръ въ 1731 г. Съ 14 мая 1736 г. учился при Императорской Академіи Наукъ и за знаніе нѣмецкаго и латинскаго языковъ, въ 1742 г., былъ зачисленъ „въ переводческій департаментъ". Пробывъ нѣсколько лѣтъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, перешелъ на службу въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ и изъ переводчиковъ назначенъ консуломъ въ Гельзинеръ, 16 сентября 1759 г., а потомъ перешелъ на службу въ коммерцъ-коллегію, гдѣ пробылъ до конца 1780-хъ годовъ. Умеръ при Павлѣ I.

«Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ», т. V, стр. 119—120. «Роспись» Смирдина №№ 2994 и 8802. «Словарь» Геннади, т. I. Шлунъ (рукописный сборникъ), I, 349. «Опись Высоч. указовъ», № 11733.

Алекинъ, *Семенъ Петровичъ*, актеръ и режиссеръ Императорскихъ театровъ, изъ каргопольскихъ мѣщанъ, на службу въ театральную дирекцію вступилъ въ 1827 году. Освобожденъ отъ рекрутской повинности покупкою квитанціи, по Высочайшему повелѣнію, изъ суммъ кабинета Его Величества. По испытаніи въ Императорскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ онъ выступилъ въ роли Виктора, въ комедіи „Воздушные замки", принятъ на маленькія роли. 31 декабря 1828 года назначенъ помощникомъ режиссера. Въ 1847 г. получилъ пенсіонъ и оставленъ на службѣ. Въ 1851 г. назначенъ режиссеромъ, а 17 января 1870 г. скончался. Памяти Алекина Г. П. Максимовъ посвятилъ нѣсколько страницъ въ своихъ „Запискахъ".

Дѣло о режиссерѣ Алекинѣ въ архивѣ театральной конторы въ С.-Петербургѣ. Сообщилъ Ив. Ѳ. Горбуновъ.

Алекса (Алексѣй) *Градорубъ* — инженеръ, строитель деревянныхъ крѣпостей (градовъ); въ 1276 г. посылался княземъ Владиміромъ Васильевичемъ для отысканія по р. Лоснѣ удобнаго мѣста для сооруженія укрѣпленія.

«П. С. Р. Л.», т. II, 206.

Александра Александровна, Великая Княжна, старшая дочь Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, родилась въ Царскомъ Селѣ, 18-го августа 1842 года, скончалась въ С.-Петербургѣ 16 іюня 1849 года.

Александра Брячиславна, княжна полоцкая, съ 1238 года супруга великаго князя Александра Ярославича Невскаго.

«П. С. Р. Л.», томы: III, 52 (упом. годъ 1239 г.); IV, 11 и 34; V, 174; VII, 144.

Александра Николаевна, Великая Княгиня, принцесса Гессенъ-Кассельская, третья дочь Императора Николая I и Императрицы Александры Ѳеодоровны, род. 12 іюня 1825 года, умерла 29 іюля 1844 года, въ Царскомъ Селѣ. Рѣдкая красота, живо напоминавшая какъ черты лица августѣйшей матери, такъ и покойной бабушки, прусской королевы Луизы, соединялась въ Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ съ необыкновенною даровитостью. Десяти лѣтъ она уже любила слушать Бетховенскія сонаты и симфоніи, а тринадцати исполняла классическія пьесы съ рѣдкимъ пониманіемъ. Съ двѣнадцати лѣтъ во всѣхъ ея движеніяхъ и особенно въ танцахъ начала сказываться плѣнительная грація, которою неизмѣнно любовались Императоръ и Императрица. Путешествуя въ 1839 году за границею съ августѣйшею матерью, Великая Княжна въ письмахъ къ своимъ сестрамъ краснорѣчиво описывала посѣщаемыя страны. „Я нахожусь въ сердцѣ Германіи Нюрнбергѣ", — писала она въ одномъ письмѣ,— „и начинаю понимать величіе среднихъ вѣковъ". Въ другомъ письмѣ Великая Княжна восторженно отзывалась о красотѣ Альпъ: „Я не нахожу достаточно словъ, чтобы выразить наслажденіе и счастье видѣть Альпы; онѣ оказались еще величественнѣе и красивѣе, чѣмъ я представляла». По возвращеніи изъ-за границы у Великой Княжны обнаружился замѣчательный голосъ, діапазонъ котораго достигалъ трехъ полныхъ октавъ. По совѣту графини Росси, Императрица рѣшила развивать выдающееся вокальное дарованіе дочери. Императоръ Николай Павловичъ не только охотно слушалъ пѣніе Великой Княжны,

но и самъ пѣлъ вмѣстѣ съ нею и фрейлиною Бартеневой церковныя тріо. Въ качествѣ учителя пѣнія къ Великой Княжнѣ былъ приглашенъ итальянецъ Солива, который послѣ годичныхъ занятій обратилъ вниманіе на непрекращавшійся кашель своей ученицы. Придворнымъ докторамъ не понравилось такое вмѣшательство въ ихъ дѣла, и Солива былъ уволенъ. Императрица снова обратилась къ графинѣ Росси, которая рекомендовала свою собственную учительницу пѣнія, г-жу Чека. До пріѣзда ея изъ Праги, графиня Росси сама занималась пѣніемъ съ Великой Княжной. Новая учительница, смѣнившая графиню, также обратила вниманіе на то, что голосъ Великой Княжны по временамъ производилъ тяжелое болѣзненное впечатлѣніе. Наставница Великой Княжны, миссъ Гигинботомъ, доложила объ этомъ Императрицѣ, которая пожелала, чтобы лейбъ-медикъ Мандтъ выслушалъ больную. Но враги Мандта успокоили Императрицу, вооружили Великую Княжну противъ доктора—и мысль о правильномъ, методическомъ лѣченіи опять была оставлена. Великая Княжна, которой уже исполнилось 18 лѣтъ, продолжала съ прежнею любовью заниматься пѣніемъ и музыкою, а также иностранными литературами. Лѣтомъ 1843 г. посѣтилъ Петергофъ принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гессенскій, сынъ ландграфа Вильгельма, который, будучи женатъ на сестрѣ тогдашняго короля датскаго Христіана VIII, съ давнихъ поръ жилъ въ Копенгагенѣ. Единственный сынъ Христіана VIII, вторично женатый, не имѣлъ дѣтей и не могъ передать тронъ своему наслѣднику: такимъ образомъ, принцу Фридриху, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, улыбалось счастье сдѣлаться королемъ Даніи. Принцъ провелъ съ царской семьей въ Петергофѣ цѣлое лѣто, и ему особенно понравилась Великая Княжна Александра Николаевна, отвѣчавшая принцу взаимностью. Всѣмъ казалось, что въ состояніи здоровья невѣсты произошла благопріятная перемѣна: только одинъ докторъ Мандтъ былъ противнаго мнѣнія и, къ нѣсчастью, его предсказанія оправдались. 16-го января 1844 года происходило бракосочетаніе; молодые остались жить въ Зимнемъ Дворцѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы послѣдовало ухудшеніе здоровья Великой Княгини: чахотка быстро развивалась. Весной больную перевезли въ Царское Село, а въ ночь на 29-е іюля она преждевременно разрѣшилась отъ бремени младенцемъ. Въ тотъ же день не стало всѣми любимой Великой Княгини. Погребена она въ Петропавловскомъ соборѣ, у сѣверной стѣны, недалеко отъ западныхъ дверей. Въ память Великой Княгини Александры Николаевны въ С.-Петербургѣ открыта женская больница (въ Надеждинской улицѣ) и устроенъ образцовый пріютъ съ сиротскимъ отдѣленіемъ для дѣвочекъ. Въ 1850 году, въ Царскомъ Селѣ, поставленъ Великой Княгинѣ памятникъ работы Витали.

Энциклопедическій Словарь, сост. русскими учеными и литераторами, т. III. Энциклопедическій Словарь Брокгауза-Ефрона, т. I. A. Th. von Grimm, «Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland», zweiter Band, sechstes Kapitel: «Die Grossfürstin Alexandra Nikolaewna». Портреты Великой Княгини указаны у Ровинскаго въ «Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ», т. I, стр. 6—8. *С. Трубачевъ.*

Александра Павловна, Великая Княгиня, эрцгерцогиня австрійская, супруга палатина венгерскаго, старшая дочь Императора Павла I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, род. въ Павловскѣ 29-го іюля 1783 года, умерла 4-го марта 1801 года въ гор. Офенъ (Будапештѣ), въ Венгріи. Рожденіе первой своей внучки Императрица Екатерина II встрѣтила не особенно радостно. „По правдѣ сказать", писала она Гримму 16-го августа 1783 года, „я несравненно больше люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ". Это предпочтеніе Императрица объясняла тѣмъ, что „дочери всѣ будутъ плохо выданы замужъ, потому что ничего не можетъ быть несчастнѣе россійской Великой Княжны". По отношенію къ Александрѣ Павловнѣ эти слова Екатерины II, къ сожалѣнію, оказались пророческими: высокое рожденіе Великой Княжны дѣйствительно было источникомъ горестей, извѣданныхъ ею въ печальной, быстро мелькнувшей жизни. Въ воспитательницы для новорожденной великой Княжны Императрица, по собственному своему выбору, назначила вдову генералъ-маіора Шарлотту Карловну Ливенъ. Помощницей ея назначена была г-жа Вилламова, дочь умершаго инспектора Петропавловской нѣмецкой школы въ Петербургѣ. Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна, по желанію Императрицы Екатерины, не вмѣшивалась непосредственно въ дѣло вос-

питанія своихъ дочерей: даже низшія лица, составлявшія ихъ штатъ, назначались самой Императрицей, по рекомендаціи г-жи Ливенъ. Относительно воспитанія Великой Княжны Александры Павловны сохранились только отрывочныя свѣдѣнія. Такъ, извѣстно, что въ 1787 году, во время своего путешестія по Россіи, Императрица Екатерина переписывалась съ четырехлѣтней внучкой, которую называла „Александрой Павловной“ и хвалила за успѣхи и прилежаніе. На четвертомъ году у Великой Княжны обнаружился талантъ къ рисованію; впослѣдствіи она проявила также способности къ музыкѣ и пѣнію. Посылая Гримму двѣ гравюры, на которыхъ были изображены сыновья и дочери великаго князя Павла Петровича, Императрица Екатерина писала 18-го сентября 1790 года, что Великая Княжна Александра до шести лѣтъ вовсе не была хорошенькой, но послѣ того значительно измѣнилась къ лучшему. По словамъ Державной бабушки, она сдѣлалась не только миловидной, но выросла и сложилась такъ, что казалась старше своихъ лѣтъ. „Она,—продолжала Императрица,—говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо пишетъ и рисуетъ, играетъ на клавесинѣ, поетъ, танцуетъ, понимаетъ все очень легко и обнаруживаетъ въ характерѣ чрезвычайную кротость. Я сдѣлалась предметомъ ея страсти, и чтобы мнѣ нравиться и обратить на себя мое вниманіе, она, кажется, готова кинуться въ огонь“. Тринадцати лѣтъ Великая Княжна Александра Павловна напечатала въ небольшомъ журналѣ „Муза“, издававшемся извѣстнымъ впослѣдствіи переводчикомъ греческихъ классиковъ И. Мартыновымъ, два своихъ перевода съ французскаго: „Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина“ (1796 г. іюль, стр. 24 — 25) и „Долгъ человѣчества“ (сентябрь того же года, стр. 187—188), первый безъ подписи, а второй съ подписью *А.* Когда Великой Княжнѣ было всего девять лѣтъ, Императрица Екатерина задумала бракъ ея съ королемъ шведскимъ Густавомъ IV, которому было тогда 14 лѣтъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму Императрица замѣчала, что брака этого желалъ еще король Густавъ III, съ которымъ Екатерина II въ 1790 г. заключила союзъ. При молодости Густава IV Императрица Екатерина имѣла въ виду, посредствомъ родственной связи, утвердить свое вліяніе въ Швеціи. Начались переговоры между Екатериной II и регентомъ, герцогомъ Зюдерманландскимъ, въ рукахъ котораго Густавъ IV, до 18-ти лѣтъ, былъ послушнымъ автоматомъ. Въ 1793 году Великую Княжну Александру Павловну начали уже учить шведскому языку и подготовлять къ мысли, что она будетъ женою Густава IV и королевою шведскою. Зная своего жениха по слухамъ, сколь возможно благопріятнымъ, ознакомясь съ его наружностью по портретамъ, Великая Княжна заочно полюбила Густава IV. Политическія соображенія, которыми руководствовалась Екатерина II при сватовствѣ, казались Великой Княжнѣ предопредѣленіемъ свыше и она съ дѣтской довѣрчивостью покорилась судьбѣ. Переговоры длились 4 года. Наконецъ, 13-го августа 1796 года, король и регентъ, первый подъ именемъ графа Гага, а второй—графа Ваза, въ сопровожденіи многочисленной свиты, прибыли въ Петербургъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца одни празднества смѣнялись другими. Молодые люди, повидимому, понравились другъ другу, и 11-го сентября было уже назначено обрученіе. Но дѣло внезапно разстроилось. Въ то время, когда Императрица со всѣмъ своимъ дворомъ, окруженная царственнымъ семействомъ, дипломатическимъ корпусомъ и духовенствомъ, ожидала короля для обрученія въ тронной залѣ, Густавъ IV рѣшительно отказался подписать брачный договоръ, требуя исключенія статьи о сохраненіи Великой Княжной православія. Пять часовъ ждала Императрица прибытія короля, не понимая причины его замедленія, и когда, наконецъ, ей доложили объ упорствѣ Густава IV, съ нею сдѣлался легкій ударъ, который былъ началомъ болѣзни, сведшей ее въ томъ же году въ могилу. 20-го сентября король и регентъ со свитою выѣхали изъ Петербурга. По отъѣздѣ короля переговоры о бракѣ продолжались. Какъ ни сильно было неудовольствіе Императрицы противъ Густава IV, она винила все-таки не столько его самого, сколько его воспитателей и лицъ, его окружавшихъ, которые развили въ немъ религіозный фанатизмъ и ненависть къ Россіи. Однако, эти переговоры ни къ чему положительному не привели: сватовство не удалось и послѣ смерти Императрицы Екатерины.

Прошло три года со времени неудавшагося брака со шведскимъ королемъ, и въ концѣ апрѣля 1799 года въ Петербургѣ былъ полученъ контрактъ, подписанный эрцгерцогомъ австрійскимъ Іосифомъ, о бракѣ его съ Великой Княжной. Неизвѣстно, гдѣ возникла мысль о родственномъ союзѣ между двумя императорскими домами—въ Петербургѣ или Вѣнѣ, но весьма вѣроятно что австрійскій домъ, въ виду опасности, угрожавшей Австріи со стороны французской республики, искалъ всѣми средствами сближенія съ Россіею. Передъ заключеніемъ брачнаго договора, новый женихъ Великой Княжны Александры Павловны пріѣхалъ въ Петербургъ и 20-го февраля 1799 года состоялось обрученіе. Въ октябрѣ эрцгерцогъ вторично прибылъ для бракосочетанія, которое происходило 19-го октября, въ Гатчинѣ. 12-го ноября эрцгерцогъ Іосифъ съ молодою супругою выѣхалъ изъ Петербурга. Въ замужествѣ Великая Княгиня Александра Павловна прожила только 15 мѣсяцевъ, испытавъ такія огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую сильнѣйшую и болѣе приготовленную къ борьбѣ натуру. О пребываніи Великой Княгини въ Австріи, очевидецъ ея душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, ея духовникъ, протоіерей А. А. Самборскій, въ своихъ запискахъ разсказываетъ любопытныя подробности. Первое появленіе Александры Павловны при вѣнскомъ дворѣ не предвѣщало ничего добраго. Императоръ Францъ I, пораженный сходствомъ палатины со своей покойной первой супругой (Елисаветою, принцессою виртембергскою, родною сестрою Императрицы Маріи Ѳеодоровны) не могъ скрыть волненія отъ ревнивыхъ взоровъ императрицы Терезіи, которая возненавидѣла великую княгиню. Эрцгерцогъ Іосифъ не могъ оградить, по слабости характера, свою супругу отъ оскорбленій новой родни. Обѣщанія относительно свободы вѣроисповѣданія оказались ложными. Кардиналъ Батіани и цѣлый сонмъ іезуитовъ старались совратить Великую Княгиню въ католицизмъ. Іезуиты всячески притѣсняли о. Самборскаго, обвиняли его въ неуваженіи къ католической церкви и препятствовали устройству православнаго храма въ Офенѣ, резиденціи палатины венгерской. Несмотря на всѣ происки, православная церковь была освящена и посѣщаемая въ праздничные дни Великой Княгиней, наполнялась православными изъ славянскаго населенія Венгріи. Это до такой степени раздражало австрійское правительство, что, напримѣръ, въ первые дни Пасхи 1800 года, полиція подъ предлогомъ многочисленнаго стеченія народа, разогнала почти всѣхъ православныхъ изъ храма. При беременности, Александра Павловна была довѣрена невѣжественному и грубому доктору, по приказанію императрицы Терезіи. Совѣты къ сбереженію здоровья палатины давались совершенно наперекоръ гигіеническимъ условіямъ. Беременность Александры Павловны внушала австрійскому двору опасенія изъ соображеній политическихъ. Рожденіе младенца мужескаго пола могло повлечь за собою (по мнѣнію вѣнскаго кабинета) отложеніе Венгріи отъ австрійскаго владычества. При разрѣшеніи великой княгини отъ бремени уходъ былъ, по мнѣнію о. Самборскаго, намѣренно плохой. Младенецъ (дѣвочка) жилъ только нѣсколько часовъ. На девятый день Александрѣ Павловнѣ позволено было встать, а на другой день, 4 (16) марта 1801 г., она скончалась отъ молочной горячки. До преданія тѣла землѣ, оберъ-гофмаршалъ распорядился было помѣстить гробъ въ подвалъ католической церкви. О. Самборскій настаивалъ на помѣщеніи гроба съ тѣломъ Великой Княгини въ православной дворцовой церкви, но въ этомъ ему отказали. Послѣдовало разрѣшеніе перенести тѣло изъ дворца въ подвижную (временную) церковь, устроенную въ собственномъ саду палатины, въ 4-хъ верстахъ отъ города, гдѣ и совершалось богослуженіе въ продолженіе 6-ти недѣль. Затѣмъ, тѣло палатины было предано землѣ съ подобающими почестями и по обряду православной церкви, на капуцинскомъ кладбищѣ. Въ 10-ти верстахъ отъ Офена, въ деревушкѣ, населенной сербами, былъ отведенъ участокъ земли для постройки православной церкви и для устройства при ней кладбища. Въ эту церковь, освященную 30-го августа 1801 года, въ присутствіи эрцгерцога Іосифа, былъ перенесенъ гробъ съ останками безвременно почившей 17-ти-лѣтней палатины венгерской, оставившей по себѣ въ Венгріи самыя свѣтлыя воспоминанія и снискавшей горячую любовь среди православнаго на-

селенія Офена. Стихотвореніе Державина „Эродій надъ гробомъ праведницы“ довольно живо передаетъ то сильное впечатлѣніе, которое произвела въ русскомъ обществѣ вѣсть о ранней смерти Великой Княгини Александры Павловны. Въ 1814 г., въ Павловскѣ, ей поставленъ памятникъ изъ алебастра, замѣненный въ 1815 году группою изъ бѣлаго мрамора, работы Мартоса. Онъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи былъ расположенъ садикъ Великой Княжны. Группа изображаетъ молодую женщину, какъ бы улетающую на небеса; надъ ея головой—звѣзда безсмертія.

«Сборникъ Императ. Русскаго Истор. Общества», томы IX, XV и XXIII. Я. К. Гротъ, «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ», Спб., 1884. Д. Ѳ. Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». Е. С. Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳедоровна», т. I, Спб., 1892. «Русская Старина» 1874 года, т. XII, № 4; 1879, т. XXVI и 1885, т. XLIII, стр. 233 — 246. «День» 1862 г., № 37 и «Памятники новой русской исторіи», т. II. «О жизни протоіерея А. А. Самборскаго», брошюра, изданная въ Спб., въ 1888 г. Е. П. Карновичъ, «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій», изд. 2-е. Спб. 1893, стр. 274—339. Энциклопедическіе Словари: составленный русск. учен. и литерат., т. II, Березина и Брокгауза-Ефрона, т. I. Венгеровъ, «Критико-біогр. словарь», т. I, стр. 351—354. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. I, стр. 8—14. «Павловскъ, очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877». Спб., 1877, стр. 361—362. *С. Трубачевъ.*

Александра Ѳеодоровна, Императрица Всероссійская, супруга Императора Николая I, дочь короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы-Августы-Вильгельмины, до миропомазанія *Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина*, род. 1 (12) іюля 1798 года въ Берлинѣ, скончалась 20-го октября 1860 года, въ Царскомъ Селѣ. Дѣтство принцессы Шарлотты совпало со временемъ разгрома Наполеономъ Пруссіи. Когда принцессѣ исполнилось восемь лѣтъ, королевская семья должна была оставить Берлинъ, при извѣстіи о полномъ пораженіи прусской арміи подъ Іеной. Королева Луиза съ дѣтьми искала спасенія сначала въ Штеттинѣ, затѣмъ въ Кенигсбергѣ и, наконецъ, въ Мемелѣ. Въ началѣ 1807 года королевская семья возвратилась въ Кенигсбергъ, но только на короткое время: послѣ сраженія подъ Фридландомъ Кенигсбергъ перешелъ въ руки французовъ, такъ что королева Луиза намѣревалась искать убѣжища въ Ригѣ. 27-го іюня 1807 года былъ заключенъ Тильзитскій миръ и прусскому королю „изъ уваженія къ Россіи“ была возвращена почти половина его владѣній, за исключеніемъ Берлина и важнѣйшихъ крѣпостей. Положеніе прусской королевской фамиліи было весьма тяжело, такъ какъ она принуждена была жить въ Мемелѣ, нуждаясь въ самомъ необходимомъ. Такое нравственно-тяжелое и матеріально-стѣсненное положеніе естественнымъ образомъ сближало дѣтей, и въ особенности старшую дочь, съ матерью. Преисполненная нравственныхъ достоинствъ, королева Луиза тщательно слѣдила за воспитаніемъ принцессы Шарлотты, знакомя ее съ доступными ея возрасту произведеніями нѣмецкой литературы, укрѣпляя въ ней то истинно-религіозное чувство, которое выражается прежде всего въ отзывчивости къ горю, къ страданіямъ ближняго. 15-го декабря 1809 года состоялся обратный въѣздъ прусскаго королевскаго семейства въ Берлинъ, причемъ королева Луиза сидѣла въ коляскѣ вмѣстѣ съ дочерью. Народъ восторженно привѣтствовалъ короля и королеву. Потрясенная этими радостными кликами, королева, обращаясь къ дочери, сказала: „Дорогая Шарлотта, слушай эти радостные клики и звонъ колоколовъ съ благоговѣніемъ; нѣтъ ничего священнѣе, нѣтъ ничего болѣе драгоцѣннаго и пріятнаго для монарха, какъ радостные возгласы его народа, спѣшащаго ему на встрѣчу. Тотъ, кто хочетъ заслужить это, долженъ отвѣчать любовью на любовь своего народа, долженъ имѣть сердце, способное раздѣлять его страданія и радости; главное—онъ долженъ быть съ людьми человѣкомъ“. 7 (19) іюля 1810 г. двѣнадцатилѣтняя принцесса Шарлотта имѣла несчастіе потерять свою мать. Наставницею принцессы съ 1805 г. состояла госпожа Вильдерметъ; ею были привлечены къ дѣлу образованія принцессы богословъ Гарнишъ, историкъ Вольтманъ и учитель изящныхъ искусствъ Гиртъ. Лица эти имѣли сильное вліяніе на развитіе въ своей ученицѣ того расположенія къ исторіи, литературѣ и искусствамъ, которое она сохранила навсегда. Прошло еще нѣсколько лѣтъ за уроками—и семнадцатилѣтняя принцесса Шарлотта была объявлена окончившею воспитаніе. Стройная, величавая,

она соединяла въ себѣ правильныя, строгія черты лица отца съ очаровательною привлекательностью королевы Луизы. Кротость и доброта не исключали въ характерѣ принцессы твердости, придававшей ей оттѣнокъ особеннаго достоинства.

Въ 1814 году Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи получили приказаніе отправиться къ дѣйствующей арміи во Францію. Не смотря на краткость, пребываніе въ Берлинѣ имѣло для Николая Павловича огромное значеніе: онъ увидѣлъ и полюбилъ принцессу Шарлотту, образъ которой неизгладимо запечатлѣлся въ его сердцѣ. Великій Князь открылся въ этомъ Императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму, но ни тотъ, ни другой не могли сказать ничего положительнаго, не имѣя согласія принцессы. Между тѣмъ на принцессу Николай Павловичъ также произвелъ большое впечатлѣніе, и она стыдливо въ этомъ сознавалась въ письмѣ къ своему брату Вильгельму. Тогда оба монарха рѣшили не препятствовать тому, чего, казалось, хотѣло само Провидѣніе. 5-го іюня 1817 года принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ сопровожденіи брата своего принца Вильгельма и свиты, а 19-го числа состоялся торжественный въѣздъ высоконареченной невѣсты Николая Павловича въ Петербургъ. Для принцессы были отведены покои въ Зимнемъ Дворцѣ. Посвященіе ея въ догматы православія было поручено священнику Музовскому. Торжественный обрядъ миропомазанія совершился 24-го іюня, послѣ чего будущая Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна пріобщилась св. Таинъ. 25-го іюня, въ день рожденія Великаго Князя Николая Павловича, состоялось обрученіе. Въ этотъ день былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Помазанію и благословенію Того, въ Его же десницѣ сердце царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей родительницы нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, мы совокупно съ его величествомъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III положили на мѣрѣ, избрать дщерь его, свѣтлѣйшую принцессу Шарлотту, въ супруги вселюбезнѣйшему брату нашему Великому Князю Николаю Павловичу, согласно собственному его желанію. Сего іюня въ 24-й день по благословенію и благодати Всевышняго воспріяла она православное грекороссійской церкви исповѣданіе и при свитомъ муропомазаніи наречена Александрой Ѳеодоровной; а сегожъ іюня 25-го дня, въ присутствіи нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, въ придворной Зимняго Дворца соборной церкви совершено предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе". 1-го іюля, въ день рожденія Великой Княгини, совершено бракосочетаніе. По собственному сознанію, Великая Княгиня чувствовала себя очень счастливой и съ полнымъ довѣріемъ отдавала свою жизнь въ руки Николая Павловича. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ великокняжеская чета отправилась въ Москву. Проведя зиму послѣ свадьбы въ первопрестольной столицѣ, Великая Княгиня продолжала серьезно заниматься русскимъ языкомъ съ В. А. Жуковскимъ. Рожденіе 17-го апрѣля 1818 года перваго сына, великаго Князя Александра Николаевича, сдѣлало молодыхъ родителей еще счастливѣе. До 19-го ноября 1825 года, до дня восшествія на престолъ Николая Павловича, жизнь Великой Княгини Александры Ѳеодоровны протекала, по большей части, въ тѣсномъ семейномъ кругу, въ заботахъ о дѣтяхъ. Продолжая заниматься съ Жуковскимъ, а также не прекращая уроковъ музыки и пѣнія, Великая Княгиня вела обширную переписку съ своими многочисленными друзьями. Послѣ восшествія на престолъ Императора Николая Павловича, кругъ обязанностей Императрицы Александры Ѳеодоровны значительно расширился. Помимо постоянныхъ заботъ о воспитаніи своихъ дѣтей, она приняла участіе въ наблюденіи за ходомъ женскаго воспитанія и образованія во всей Россіи. Въ 1827 году подъ ея покровительство поступили институты: Патріотическій и благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ, а послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ 6-го декабря 1828 года, подъ непосредственное покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны перешли: воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ; учрежденные въ столицахъ воспитательные дома со всѣми подвѣдомственными имъ заведеніями; училище ордена св. Екатерины; Александровское училище въ Москвѣ; дѣвичье училище военно-сиротскаго дома; харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; училища солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи; с.-пе-

тербургское и московское коммерческія училища; павловская больница въ Москвѣ и странноприимный домъ Таранова-Бѣлозерова въ Симферополѣ. Особенно внимательно слѣдила Императрица за женскими учебными заведеніями, такъ какъ ей принадлежалъ высшій надзоръ за нравственною и учебною частями управленія этими учрежденіями. Всѣ доклады статсъ-секретаря (сначала Вилламова, а затѣмъ Гофмана) Императрица удостоивала самыми внимательными резолюціями. Кромѣ того, Императрица часто посѣщала учрежденія, состоявшія подъ ея покровительствомъ — институты, госпитали и богадѣльни, причемъ въ институтахъ, обыкновенно, присутствовала на экзаменахъ. За время тридцатидвухлѣтняго покровительства Александры Ѳеодоровны надъ учрежденіями вѣдомства Императрицы Маріи они достигли замѣчательнаго развитія. Въ 1850 году „къ наблюденію за физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ и за успѣхами умственнаго образованія дѣвицъ“ Императрица Александра Ѳеодоровна, не имѣя возможности, по состоянію своего здоровья, лично часто посѣщать находившіяся подъ ея непосредственнымъ покровительствомъ женскія учебныя заведенія, пригласила Государыню Цесаревну Марію Александровну и Великую Княгиню Марію Николаевну. Заботамъ Цесаревны были ввѣрены: воспитательное общество дѣвицъ съ Александровскимъ училищемъ, а также институты: Екатерининскій, Павловскій и Сиротскій при воспитательномъ домѣ съ Александринскимъ сиротскимъ домомъ; наблюденію Великой Княгини подлежали: Патріотическій институтъ, Елисаветинское училище, женское отдѣленіе училища глухонѣмыхъ и повивальное училище при родовспомогательномъ заведеніи. Оставляя себѣ, по прежнему, высшее управленіе всѣми перечисленными учебными заведеніями, Императрица Александра Ѳеодоровна, въ рескриптахъ на имя Государыни Цесаревны и Великой Княгини, просила, по осмотрѣ каждаго заведенія, всѣ свои замѣчанія „по всѣмъ частямъ воспитанія“ доводить до ея свѣдѣнія. По словамъ главноуправлявшаго IV отдѣленіемъ, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ его циркулярѣ по заведеніямъ вѣдомства о кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны „и на смертномъ одрѣ, она, достойная преемница незабвенной Императрицы Маріи въ дѣлѣ воспитанія и благотворенія, не забыла своихъ заведеній, тридцать два года процвѣтавшихъ подъ кроткимъ, мудрымъ ея покровительствомъ, и благословила ихъ съ тою материнскою къ нимъ любовью, которая всегда наполняла ангельское ея сердце“. Рядомъ съ попеченіями о женскомъ образованіи въ Россіи Императрица Александра Ѳеодоровна въ самыхъ широкихъ размѣрахъ была въ теченіе всей жизни предана дѣлу благотворенія. Не только многочисленныя и обширныя благотворительныя заведенія обязаны ей возникновеніемъ и существованіемъ, но множество отдѣльныхъ лицъ, обращаясь къ ея человѣколюбію, находили въ ея щедрости выходъ изъ житейскихъ затрудненій. Щедрость эта была такова, что Императрица тратила болѣе двухъ третей изъ своихъ личныхъ суммъ на вспомоществованія ближнимъ. Помощь Государыни выражалась не однѣми деньгами, но въ особенности сердечнымъ участіемъ ко всякому доходившему до ея свѣдѣнія горю. Пользуясь неизмѣннымъ вліяніемъ на Императора Николая Павловича, Александра Ѳеодоровна весьма часто смягчала проявленія суровости, отличавшей эпоху, наступившую вслѣдъ за бѣдствіями революцій и революціонныхъ войнъ. Императоръ Николай Павловичъ предупредительно внималъ человѣколюбивымъ внушеніямъ своей супруги. Вообще отношенія ихъ были въ настоящемъ смыслѣ примѣрныя, и семейное счастіе царственныхъ супруговъ омрачалось лишь внѣшними событіями. Но событія эти множатся сообразно высотѣ положенія, удѣленнаго человѣку Провидѣніемъ, и тяжелый гнетъ ихъ не могъ не отразиться на здоровьи Государыни. По настоянію врачей, требовавшихъ отдохновенія въ лучшемъ климатѣ, Императрица предпринимала неоднократныя путешествія. Такъ, въ 1837 году Императрица ѣздила въ Крымъ, гдѣ прожила почти шесть мѣсяцевъ; въ 1840—выдержала курсъ лѣченія въ Эмсѣ; часть осени 1845 года и зиму 1845—1846 г. провела въ Сициліи, близъ Палермо, а весну 1846 года прожила въ Неаполѣ и Флоренціи, только въ іюнѣ возвратившись въ Петербургъ.

Но всѣ эти поѣздки не возстановляли, а лишь нѣсколько поддерживали здоровье

Императрицы, которое окончательно пошатнулось вслѣдствіе неожиданной кончины Императора Николая Павловича. По настоянію врачей, Императрица въ 1857 г. провела зиму въ Ниццѣ и Римѣ, а въ 1859 году выдержала курсъ лѣченія въ Эмсѣ и два мѣсяца пробыла въ Швейцаріи (въ Интерлакенѣ и Веве). Возвратясь въ Царское Село изъ вторичной поѣздки въ Ниццу въ іюлѣ 1860 года, Императрица не переставала хворать и 20 октября тихо скончалась; 28-го октября послѣдовало торжественное перенесеніе тѣла покойной Государыни изъ Царскаго Села въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ 5 ноября совершено погребеніе.

Избытокъ качествъ и достоинствъ, присущихъ попреимуществу женщинѣ,—достоинствъ, сіяющихъ особымъ привѣтливымъ для человѣчества свѣтомъ отовсюду, а тѣмъ болѣе съ высоты трона,—вотъ характерное впечатлѣніе личности Императрицы Александры Ѳеодоровны. Сердце, горячо любившее прежде всего тѣхъ, кто Провидѣніемъ поставленъ былъ возлѣ него, но всегда готовое придти на помощь всякому въ ней нуждавшемуся, сочувствіе ко всему возвышенному, привѣтливость нерѣдко болѣе драгоцѣнная, чѣмъ милостыня, снисходительность, незлобивость, плодящія настоящую преданность въ сердцахъ низшихъ предъ высшими не только въ хижинахъ, но и въ чертогахъ,—всѣ эти качества олицетворялись въ изящномъ, поэтическомъ образѣ, полномъ привлекательной женственной красоты. Такимъ хранится образъ этотъ въ воспоминаніи съ каждымъ днемъ уменьшающагося числа современниковъ Императрицы, такимъ запечатлѣется онъ и въ памяти потомства.

A. Th. von Grimm, «Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland», 2 тома, Лейпцигъ, 1866. «A la mémoire de l'Impératrice Alexandra Feodorovna», Paris, 1861. «Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи» (1828—1878), С.-Петербургъ, 1878 г., по порученію начальства составилъ И. Селезневъ. Энциклопедическіе Словари: русскихъ ученыхъ и литераторовъ, т. III, и Брокгауза-Ефрона, т. I. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», т. I, стр. 14—38. «Русская Старина» 1875 г., т. XII и XIII («Воспоминанія П. М. Дарагана, перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны»). «Русскій Архивъ» 1873 и 1874 годовъ, кн. 1 (письма Жуковскаго). «Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.», т. XXX. «Полное собр. сочин. В. А. Жуковскаго», изд. 8-е Спб. 1885 г., т. VII.

С. Трубачевъ.

Александровичъ, *Митрофанъ Николаевичъ*, умеръ въ Кіевѣ, въ 1881 году. Сначала писалъ на малороссійскомъ языкѣ, помѣщая въ шестидесятыхъ годахъ, въ журналѣ „Основа", небольшіе, но исполненные наблюдательности этнографическіе очерки, подписываясь подъ ними псевдонимомъ „Митро Олелькевичъ", а затѣмъ, много лѣтъ спустя, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, выпустилъ въ свѣтъ на русскомъ языкѣ начало обширнаго историческаго изслѣдованія, обѣщавшаго сдѣлаться серьезной монографіей въ литературѣ объ Украйнѣ: „Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й. Историческое описаніе, ч. 1-я. До окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ 1669 г." Главный интересъ этой книжки заключается въ совершенно новыхъ архивныхъ свѣдѣніяхъ о заселеніи Остерскаго уѣзда въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

«Кіевская Старина» 1882 г., январь, стр. 204—206. Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ II. Спб., 1885. С. А. Венгеровъ, «Критико-Біогр. Словарь», т. I, стр. 354. Энцикл. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. I, стр. 380.

Александровскій, *Алексѣй Николаевичъ*, священникъ Іоанно-Предтеченской, что на Прѣснѣ, въ Москвѣ, церкви, умеръ 11-го мая 1885 года. Имъ изданы: „Главнѣйшія молитвы, съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ", выдержавшія съ 1871 по 1883 г. семь изданій, и „Первоначальное ученіе о главныхъ истинахъ православной вѣры христіанской", появившееся въ Москвѣ, въ 1875 г.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ V. Спб., 1889 г., стр. 17.

Александровскій, *Василій Ивановичъ*, лѣкарь, род. 1-го марта 1814 г., умеръ 27-го марта 1879 г., въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Въ 1832 году изъ семинаріи поступилъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, откуда въ 1839 году вышелъ лѣкаремъ въ Суздальскій пѣхотный полкъ. Въ 1840 г. былъ переведенъ въ пятигорскій военный госпиталь, въ которомъ съ 1852 г. состоялъ старшимъ ординаторомъ. Въ это время Александровскій написалъ „Отчетъ о лѣченіи старою ртовскими минеральными водами въ курсъ 1852 г.", напечатанный въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ" 1853 г., ч. 62, и перепечатанный въ „Medicinische Zeitschrift Russlands" 1854 г.,

стр. 121. Назначенный въ 1854 г. помощникомъ главнаго доктора гродненскаго военнаго временнаго госпиталя, Александровскій въ 1863 г. занялъ должность главнаго врача горячеводскаго военнаго госпиталя, а черезъ три года—ардонскаго.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 3.

Александровскій, *Иванъ Николаевичъ*, род. въ Москвѣ 25-го августа 1824 г., умеръ тамъ же 2-го октября 1886 г., въ санѣ протоіерея при церкви Бориса и Глѣба на Арбатской площади. Дѣтство провелъ въ Голландіи, гдѣ отецъ его былъ настоятелемъ придворной русской церкви (въ Гагѣ) и духовникомъ Великой Княгини (впослѣдствіи королевы нидерландской) Анны Павловны. Въ дѣтствѣ Александровскій прекрасно изучилъ французскій языкъ. Тринадцати лѣтъ онъ поступилъ въ московскую семинарію, а завершилъ свое образованіе въ Московской духовной академіи, по окончаніи курса которой въ 1848 г., со степенью магистра богословія, въ теченіе шести лѣтъ, до 1854 г., былъ профессоромъ виѳанской духовной семинаріи, одновременно исполняя въ ней должности помощника инспектора и секретаря правленія. Въ 1854 году Александровскій былъ рукоположенъ во священники при церкви Успенія на Малой Дмитровкѣ, откуда переведенъ въ церковь Николая на Пупышахъ, а затѣмъ Іоанна Предтечи на Старо-Конюшенной. Въ санѣ протоіерея при церкви Бориса и Глѣба онъ состоялъ съ 1871 г. до самой смерти. Начавъ съ 1865 г. законоучительствовать въ школѣ живописи и ваянія и въ 3-ей классической московской гимназіи, Александровскій преподавалъ затѣмъ Законъ Божій послѣдовательно въ 4-й и 6-й гимназіяхъ, пользуясь извѣстностью одного изъ лучшихъ московскихъ законоучителей и любовью своихъ учениковъ. Проповѣди его отличались глубиною мысли, знаніемъ человѣческаго сердца и краснорѣчіемъ. Въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1861 г., кн. 12, напечатана статья его, подъ заглавіемъ: „Лицемѣріе“.

«Моск. Церк. Вѣд.» 1886 г., №№ 43 и 44. «Памяти протоіерея И. Н. Александровскаго», брошюра, изд. въ Москвѣ въ 1886 г. Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, Спб. 1890 г., стр. 22.

Александровскій, *Михаилъ Яковлевичъ*, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ, род. въ 1837 г., умеръ въ 1880 г. По окончаніи курса въ университетѣ св. Владиміра со степенью лѣкаря, поступилъ въ 1864 г. на службу въ кіевскій военный госпиталь, затѣмъ служилъ врачемъ въ 148 пѣхотномъ Каспійскомъ полку, въ оренбургскомъ военномъ госпиталѣ и старшимъ ординаторомъ арыкскаго военнаго лазарета. Прикомандированный къ клиникѣ Медико-Хирургической Академіи, въ 1870 году получилъ званіе полеваго хирурга, а затѣмъ служилъ въ ташкентскомъ военномъ госпиталѣ, въ 34-мъ Орловскомъ и 19-мъ Костромскомъ пѣхотныхъ полкахъ. Въ 1873—1874 гг. занимался въ клиникѣ Медико-Хирургической Академіи, послѣ чего за диссертацію „О развитіи бугорка въ костяхъ“ удостоенъ 11-го мая 1874 г. степени доктора медицины. Съ 1876 по 1880 годъ Александровскій состоялъ на службѣ въ управленіи ивангородской крѣпостной артиллеріи, въ 6-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ и, наконецъ, въ томъ же кіевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ началъ служить.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. IV, стр. 4.

Александровскій, *Николай Семеновичъ*, докторъ медицины, статскій совѣтникъ, членъ-учредитель московскаго хирургическаго общества, умеръ въ 1882 г. По окончаніи въ 1836 году курса въ московскомъ университетѣ лѣкаремъ I отдѣленія, Александровскій 13-го декабря 1839 г. здѣсь же получилъ степень доктора медицины за диссертацію: „De haphalographia“, послѣ чего поступилъ врачемъ во 2-ю артиллерійскую бригаду 2-й арміи. Въ 1843 г. Александровскій занялъ мѣсто особаго врача имѣній Суково-Кобылина въ Ярославской и Тульской губерніяхъ, въ 1844 г. назначенъ сверхштатнымъ врачемъ московской полицейской арбатской части, въ 1845 г.—сначала сверхштатнымъ врачемъ московской больницы для чернорабочихъ, а затѣмъ штатнымъ ординаторомъ сифилитическаго ея отдѣленія съ увольненіемъ изъ полиціи. Въ 1863 г. Александровскій состоялъ, кромѣ того, врачемъ театральной дирекціи и въ попечительствѣ о бѣдныхъ. Въ „Лѣтописяхъ московскаго хирургическаго общества“ за 1874—1880 годы помѣщено нѣсколько статей его, каковы, напримѣръ: „О перевязываніи ранъ“, „О благотворномъ вліяніи холодныхъ обертываній на

септическую лихорадку", „Два случая консервативнаго лѣченія осложненныхъ переломовъ", и др.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 3 и вып. III, стр. 1.

Александровъ, *Александръ*, псевдонимъ кавалериста-дѣвицы, писательницы *Дуровой*, *Надежды Андреевны* (см. это слово).

Александровъ, *Григорій Николаевичъ*, статскій совѣтникъ, умеръ 18-го марта 1881 года, въ Москвѣ. Съ 1826 по 1835 годъ служилъ во II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, подъ начальствомъ графа Сперанскаго, о которомъ въ „Современной Лѣтописи" 1865 г., № 18, напечаталъ статью: „Мои воспоминанія о графѣ Сперанскомъ". Въ послѣдніе годы своей жизни управлялъ московскимъ отдѣленіемъ архива главнаго штаба. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1873—1878 гг. Александровъ помѣстилъ рядъ историческихъ замѣтокъ, въ которыхъ сообщилъ нѣсколько новыхъ историческихъ документовъ по русской исторіи XVIII и начала XIX столѣтій, каковы, напримѣръ: „Духовное завѣщаніе Анны Монсъ", „Письмо А. П. Волынскаго къ князю А. Д. Меньшикову", „Мѣстничество въ исходѣ XVIII вѣка", „Собственноручная записка Императора Александра Павловича касательно военной исторіи", „Бумаги изъ эпохи 1812—1814 гг.", „Къ біографіи комика Княжнина", „Къ исторіи первой турецкой войны при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ", и проч. Нѣкоторыя замѣтки напечатаны въ изданіи П. И. Бартенева „Восемнадцатый вѣкъ".

С. А. Венгеровъ, «Критико-Біогр. Словарь», т. I, стр. 357—358; здѣсь приведенъ списокъ замѣтокъ Александрова, въ числѣ 34. «Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія», Москва, 1877 г. Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. I, стр. 5. Энцикл. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. I, стр. 384.

Александровъ, *Иванъ Петровичъ*, академикъ живописи, род. въ 1780 г., въ с. Ивановѣ, Владимірской губ., умеръ въ 1822 г., въ С.-Петербургѣ. Присланный въ Академію Художествъ своимъ владѣльцемъ, графомъ Н. П. Шереметевымъ, онъ былъ принятъ въ число ея пенсіонеровъ 30 мая 1800 г. и сдѣлался ученикомъ проф. Угрюмова. По полученіи двухъ медалей 2-го достоинства: серебряной—за рисунокъ съ натуры (28 августа 1801 г.) и золотой—за исполненіе программы „Два ученые, разсматривающіе эстампы и рисунки" (1 сентября 1803 г.), и по увольненіи изъ крѣпостнаго состоянія, онъ былъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Т. Васильевымъ, отправленъ, въ качествѣ пенсіонера, въ Китай, въ свитѣ нашего посланника гр. Головкина. Изъ составленнаго Александровымъ въ 1806 г., во время путешествія по Монголіи, альбома рисунковъ, портретъ зятя китайскаго императора, вице-короля монгольскаго Амбан-Вана, показавшійся тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, гр. Будбергу, особенно замѣчательнымъ, былъ поднесенъ Императору Александру I и поступилъ потомъ, вмѣстѣ съ 6-ю китайскими видами, работы того же художника, въ Англійскій дворецъ въ Петергофѣ. За такой же портретъ въ ростъ, написанный масляными красками, Александровъ получилъ званіе академика — 1 сентября 1807 г., послѣ чего имъ были исполнены еще портреты Рафаэля Менгса (съ оригинала этого художника) для Академіи и Императора Александра I въ ростъ для орловской гимназіи, уступленный затѣмъ графу С. М. Каменскому. Прослуживъ съ 30 марта 1808 г. по 6 іюня 1813 учителемъ рисованія въ орловской гимназіи и въ 1813—1814 гг. секретаремъ IV округа главнаго управленія путями сообщенія, Александровъ работалъ потомъ нѣкоторое время въ домѣ графа Каменскаго въ Орловской губ., гдѣ имъ были написаны 10 портретовъ членовъ графской семьи и 9 историческихъ и аллегорическихъ картинъ изъ графской жизни, а около 1818 г. вернулся въ Петербургъ.

Въ архивѣ Имп. Акад. Художествъ дѣла Правл. 1807 г., №№ 23 и 35; 1822 г., № 45; 1823 г., № 46, и презид. 1818 г., № 28; «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худ.» т. I, и «Указатель къ нему», сост. А. Е. Юндоловымъ. Въ прежнихъ справочныхъ книгахъ, какъ: «Энциклопед. Словарь, составл. русск. учеными и литерат.», Спб. 1861 г., I, 101 — 2; «Allgem. Künstler-Lex., herausgeg. von Dr. Jul. Meyer», Leipzig 1872 г., I, 286; «Каталогъ картинной галлереи Имп. Акад. Худ.». А. Сомова, Спб. 1872 г., стр. 172,—есть нѣкоторыя неточности въ годахъ, кромѣ неполноты свѣдѣній. *Н. С.*

Александровъ, *Иларіонъ Іосифовичъ*, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Въ 1807 г. поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургиче-

скую Академію, изъ которой въ 1811 г. выпущенъ лѣкаремъ хирургіи лейбъ-гвардіи въ казачій полкъ. Участвуя съ этимъ полкомъ въ кампаніи 1812 года, онъ былъ награжденъ званіемъ штабъ-лѣкаря, чиномъ коллежскаго ассесора, орденомъ св. Владиміра 4-й степени, брилліантовымъ перстнемъ и 400 рублей. Въ 1816 г. Александровъ назначенъ полковымъ штабъ-лѣкаремъ казачьяго полка, въ 1830 г. переведенъ ординаторомъ въ артиллерійскій госпиталь, служа въ которомъ, 14-го марта 1839 г., удостоенъ с.-петербургской Медико-Хирургической Академіей безъ экзамена степени доктора медицины. Съ 1842 г. былъ начальникомъ 2-го отдѣленія военно-медицинскаго департамента, затѣмъ состоялъ при главномъ военно-медицинскомъ инспекторѣ и въ 1846 г. уволенъ въ отставку. Въ медицинской еженедѣльной газетѣ „Другъ Здравія“, Александровъ напечаталъ: въ 1833 г. — „Излѣченіе падучей болѣзни чрезъ ожогу“, въ 1836 г. — „Лѣченіе брюха“, въ 1850 г.—„О наслѣдственномъ сифилисѣ“. Кромѣ того, въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ 1835 г. онъ помѣстилъ „Описаніе операціи ущемленной грыжи, произведенной д-мъ Буяльскимъ“, а въ 1836—„Ущемленная паховая грыжа, излѣченная операціей“. Въ „Трудахъ общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ“, членомъ котораго состоялъ Александровъ, напечатана въ 1836 г. его статья: „За появленіемъ рожи на животѣ исчезли сочувственные геморроидальные припадки въ ногахъ и мочевомъ пузырѣ“.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 3.

Александровъ - Уважный, *Михаилъ Павловичъ*, академикъ скульптуры, род. въ 1758 г., умеръ послѣ 1807 г. Сынъ гайдука придворнаго вѣдомства, Александровъ-Уважный былъ принятъ въ Академію Художествъ въ 1764 г., а 13 сентября 1779 г. награжденъ при выпускѣ двумя серебряными медалями за лѣпленіе съ натуры. Будучи посланъ въ Парижъ и Римъ, въ качествѣ пенсіонера, онъ прислалъ оттуда двѣ статуи своей работы: „Умирающаго бойца“—въ сентябрѣ 1782 г. и „Покоющагося геркулеса“ въ 1784 г., послѣ чего былъ признанъ назначеннымъ въ академики; званіе же академика получилъ 17 іюля 1785 г. за исполненіе программы „Давидъ, торжествующій надъ Голіафомъ“. Не находя себѣ, однако, подходящихъ занятій, онъ просилъ Академію объ опредѣленіи его на какую бы то ни было должность для выхода изъ бѣдственнаго положенія, но это ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ и онъ совершенно запутался въ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ хлопоталъ въ 1794 г., вмѣстѣ со своими братьями—неудавшимся живописцемъ Василіемъ (род. въ 1770 г. и учившемся въ Академіи съ 1776 г. по 1791 г.) и придворнымъ лакеемъ Петромъ, о выдачѣ имъ дворянскихъ грамотъ на имя Александровыхъ, представивъ доказательства о признаніи ихъ дворянами болѣе 100 лѣтъ подъ этой фамиліей, къ которой ихъ отецъ, неизвѣстно почему, присоединилъ прозвище Уважнаго. Изъ работъ Александрова извѣстны еще модель мавзолея для князя Потемкина (1791 г.) и эскизы фигуръ для биржеваго зала въ Петербургѣ (1807 г.).

Въ архивѣ Имп. Акад. Художествъ дѣла 1782 г., № 35; 1792 г., № 34; 1793, № 21; 1795, № 6, а также «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Художествъ», I, 144 и 497. — Въ «Энциклопед. Словарѣ, составл. русск. учен. и литерат.», Спб. 1861 г., I, 101, и «Allgem. Künstler-Lex. von Dr. J. Meyer», Leipzig 1872 г., I, 286,—есть неточности въ годахъ. *Н. С.*

Александровъ, *Павелъ Константиновичъ*, генералъ-адъютантъ, сынъ Великаго Князя Константина Павловича, род. въ 1808 году; воспріемникомъ его отъ купели былъ Императоръ Александръ I, лично присутствовавшій при крещеніи; умеръ въ 1857 году. Возведенный указомъ Правительствующему Сенату, 27 апрѣля 1812 г., въ дворянское достоинство, Александровъ, въ томъ же году, четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ записанъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ и, нѣсколько дней спустя, произведенъ въ корнеты. Воспитаніе и образованіе Александрова было ввѣрено извѣстному педагогу графу Моріолю, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генерала Д. Курута. Въ 1823 году Александровъ вступилъ на дѣйствительную службу и, съ производствомъ въ поручики, переведенъ лейбъ-гвардіи въ Подольскій кирасирскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества); 12 мая 1829 года назначенъ флигель-адъютантомъ и, не покидая полка, принялъ въ рядахъ его участіе въ войнѣ 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ. Отличія въ сраженіяхъ подъ

Гроховымъ и Вильною доставили Александрову орденъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ, золотую шпагу, съ надписью „за храбрость“ и чинъ ротмистра. По окончаніи кампаніи, въ 1832 году онъ тѣмъ же чиномъ былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ. Въ теченіе двухъ дней, съ 4-го по 6-е декабря 1833 года, Александровъ, переименованный въ подполковники, числился въ лейбъ-кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича полку, а затѣмъ опять вернулся въ ряды лейбъ-гвардіи Коннаго полка, прежнимъ чиномъ ротмистра. Въ 1837 году Александровъ былъ произведенъ въ полковники, въ слѣдующемъ году утвержденъ командиромъ 1-го дивизіона, а 7-го апрѣля 1846 года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества и съ назначеніемъ состоять при гвардейскомъ корпусѣ. 22 іюня 1851 года Александровъ причисленъ къ числу лицъ, состоявшихъ при Особѣ Государя Императора, 17 ноября 1855 года назначенъ генералъ-адъютантомъ, а 26-го августа 1856 года, съ оставленіемъ въ послѣднемъ званіи, произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Высшимъ знакомъ отличія онъ имѣлъ орденъ св. Анны 1-ой степени. Отъ брака Александрова (въ 1833 году) съ дочерью камергера, княжною Анною Александровною Щербатовою, родилась дочь Александра, вышедшая замужъ за флигель-адъютанта, впослѣдствіи шталмейстера Двора Его Величества князя Дмитрія Александровича Львова. У сыновей послѣдняго, князей А. и П. Львовыхъ, хранятся отрывки обширнаго дневника и другія бумаги генералъ-адъютанта Александрова

Семейный архивъ князей Львовыхъ. Послужной списокъ Александрова, хранящійся въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба. *Д. С—въ.*

Александровъ, *Павелъ Николаевичъ*, штабсъ-капитанъ корпуса топографовъ, членъ кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества, род. въ 1813 г., умеръ 7-го іюня 1851 г. Поступивъ въ батальонъ военныхъ кантонистовъ, Александровъ въ 1827 г. переведенъ въ корпусъ топографовъ и въ 1840 г., по экзамену, произведенъ въ офицеры. Отличныя работы по съемкѣ, сначала въ С.-Петербургской, Московской и Псковской губерніяхъ, а затѣмъ гор. Москвы и ея окрестностей, обратили на Александрова особенное вниманіе начальства: онъ былъ командированъ на Пулковскую обсерваторію къ академику Струве, для слушанія астрономическихъ лекцій. Для усовершенствованія въ практическихъ пріемахъ астрономическихъ наблюденій, Александровъ съ 1843 г. участвовалъ въ трудахъ экспедиціи для точнаго опредѣленія разности долготъ астрономическихъ обсерваторій—Пулковской и Московской, а затѣмъ принималъ участіе въ съемкѣ и тріангуляціи между Петербургомъ и Москвою, производившихся тогда по случаю проведенія желѣзной дороги между двумя столицами. Въ 1846 г. Александрова, состоявшаго при I отдѣленіи военно-топографическаго департамента, назначили въ отдѣльный кавказскій корпусъ топографовъ для производства астрономическихъ наблюденій при тріангуляціи Закавказскаго края, подъ начальствомъ полковника О. И. Ходзько. Изъ произведенныхъ Александровымъ въ этомъ краѣ работъ особенно замѣчательны: опредѣленіе широты и разности долготъ городовъ—Нухи и Купы, укрѣпленій—Ахты, Хозри и Кухумъ; составленіе плана минныхъ подкоповъ при осадѣ и взятіи штурмомъ укрѣпленія Салты, въ южномъ Дагестанѣ; опредѣленіе положенія горы Турчидагъ и укрѣпленія Ходшалъ-Нахи и, наконецъ, опредѣленіе меридіана и широты Шамхарскаго сигнала — первоначальнаго пункта, гдѣ былъ измѣренъ базисъ и откуда началась тріангуляція Закавказкаго края. Усиленныя занятія, особенно въ горахъ, при безпрерывныхъ переходахъ отъ томящаго зноя къ рѣзкому холоду, во время военныхъ экспедицій, и наблюденія зимою 1848 г. на Шамхарской степи сильно разстроили здоровье Александрова. Несмотря на болѣзнь, онъ совершилъ, однако, въ августѣ 1850 г. восхожденіе на вершину Большаго Арарата съ цѣлью измѣренія вертикальныхъ угловъ главныхъ пунктовъ тригонометрической сѣти и метеорологическихъ наблюденій. Но это восхожденіе стоило ему жизни: онъ жестоко простудился и, проболѣвъ 9 мѣсяцевъ, скончался.

«Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1852 г. книга I, стр. 241—246, некрологъ Александрова, написанный Уманцемъ. *С. Т.*

Александровъ, *Петръ Александровичъ*, магистръ химіи, род. 29-го іюня 1816 г. во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, умеръ

10-го ноября 1867 г., въ Москвѣ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, занимался химіею подъ руководствомъ профессоровъ Геймана, Гесса и Гебеля, а въ 1843 г. поступилъ на службу старшимъ преподавателемъ химіи въ 3-ю московскую гимназію, въ которой затѣмъ былъ послѣдовательно инспекторомъ и директоромъ. Кромѣ того, Александровъ преподавалъ (съ 1847 г.) химію и технологію въ московской земледѣльческой школѣ, технологію и товаровѣдѣніе—въ московской практической академіи коммерческихъ наукъ, механическую технологію—въ московскомъ ремесленномъ учебномъ заведеніи, въ 1852 году читалъ при Московскомъ университетѣ публичный курсъ фабричной обработки волокнистыхъ веществъ и нѣкоторое время состоялъ окружнымъ инспекторомъ московскаго учебнаго округа. Магистерская диссертація, которую Александровъ защитилъ въ 1852 г., была написана на тему: „О сѣрной кислотѣ въ химико-техническомъ отношеніи". Важнѣйшимъ трудомъ его является „Опытъ сельской технологіи", въ двухъ частяхъ, Москва 1851 и 1852 гг. Этотъ курсъ долгое время служилъ учебнымъ руководствомъ въ нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, Александровъ помѣщалъ статьи въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", составлявшемся русскими учеными и литераторами, въ „Современникѣ" („Обозрѣніе выставки мануфактурныхъ издѣлій въ Москвѣ 1853 г., №№ 7 и 8), въ „Русскомъ Вѣстникѣ" („Парафинъ и парафиновыя свѣчи"), въ „Промышленномъ Листкѣ" 1858 г.—рядъ статей о крашеніи, набивкѣ тканей и бѣленіи, въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ", „Экономическомъ Указателѣ", „Отечественныхъ Запискахъ" и другихъ газетахъ и журналахъ пятидесятыхъ годовъ—множество статей и рецензій по химіи, технологіи, агрономіи и естествознанію.

«Моск. Вѣд.» 1867 г., № 251. Геннади, «Словарь», т. I. «Энцикл. Словарь», сост. русскими учеными и литераторами, т. III, стр. 101. С. А. Венгеровъ, «Критико-Біогр. Словарь», т. I, стр. 362.

Александровъ, *Францъ Александровичъ*, директоръ кронштадтскаго реальнаго училища, род. 15-го февраля 1829 года, умеръ 13-го марта 1875 г. По окончаніи курса въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, поступилъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Получивъ здѣсь въ 1851 г. степень кандидата, Александровъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, причемъ въ 1864 г. составилъ „Начальныя основанія минералогіи", выдержавшія 6 изданій, и въ 1868 г. „Зоологію для первоначальнаго чтенія", имѣющую 3-е изданіе. Сначала, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1852—1865), Александровъ преподавалъ въ новгородской гимназіи естественную исторію, а затѣмъ былъ инспекторомъ архангельской гимназіи (1865—1866), инспекторомъ и директоромъ (съ 1868 г.) новгородской гимназіи и народныхъ училищъ. Директоромъ кронштадтскаго реальнаго училища Александровъ назначенъ въ 1873 г. Нѣкоторыя статьи его помѣщались въ заграничныхъ изданіяхъ.

С. А. Венгеровъ, «Критико-Біогр. Словарь», т. I, стр. 362 и 935, гдѣ помѣщены біографическія свѣдѣнія объ Александровѣ, полученныя отъ его сына.

Александръ Ярославичъ (*Невскій*), великій князь Владимірскій, святой, сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича и супруги его Ѳеодосіи, род. около 1220 г., былъ великимъ княземъ съ 1252 г., скончался 14-го ноября 1263 г. Въ 1228 г. Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, уѣхалъ, оставивъ тамъ сыновей своихъ Ѳеодора и Александра; удалившись оттуда въ 1229 г., они снова вернулись въ 1230 г. Конечно, въ эти годы за нихъ правили бояре; но, съ 1236 г., когда Ярославъ занялъ Кіевъ, Александръ уже является самостоятельнымъ княземъ; въ 1239 г. Александръ женился въ Торжкѣ на дочери полоцкаго князя Брячислава-Александра; начатые въ этомъ городѣ свадебные пиры продолжались въ Новѣгородѣ; послѣ ея кончины Александръ женился на какой-то Вассѣ (Василисѣ), извѣстной только по надписи на ея гробѣ во Владимірскомъ Успенскомъ монастырѣ. Татарское нашествіе миновало Новгородъ; но у Новгорода нашлись другіе враги, и борьбою съ ними прославился Александръ въ это тяжелое для русской земли время. У шведовъ были постоянныя ссоры съ Новгородомъ за прибрежья финскія; въ 1240 г., можетъ быть, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ сѣверо-восточной Руси, а можетъ быть, подъ вліяніемъ папскихъ посланій, шведскій король Эрихъ отправилъ свое ополченіе въ Неву. Со своею дружиною, съ полками новгородскими и приставшими къ нему

ладожанами, Александръ, помолясь въ соборѣ Софійскомъ, вышелъ на противника, и 15-го іюля 1240 г., встрѣтясь съ нимъ при впаденіи Ижоры въ Неву, разбилъ его на голову и ранилъ самого начальника шведскаго войска Биргера: „взложи печать на лицо острымъ своимъ мечемъ", говоритъ авторъ „Сказанія". Битва невская, въ которой новгородцевъ пало мало, а враги были поражены, получила въ глазахъ современниковъ легендарную обстановку: разсказывали о томъ, какъ старѣйшинѣ ижорской земли Пелусію явились Борисъ и Глѣбъ и заявили, что идутъ помогать сроднику своему Александру; разсказывали о невидимыхъ силахъ, избивавшихъ враговъ, подобно тому, какъ избито было подъ Іерусалимомъ войско Сеннахерима; разсказывали о подвигахъ отдѣльныхъ богатырей. Подвигъ Александра былъ утѣшеніемъ въ то скорбное время; но въ Новгородѣ усилилась партія недовольныхъ, и Александръ принужденъ былъ уѣхать зимою того же года. Между тѣмъ, нѣмецкіе рыцари, воспользовавшись измѣною бояръ, съ Твердилою во главѣ, заняли Псковъ и пустошили землю новгородскую. Когда, по просьбѣ новгородцевъ, великій князь Ярославъ прислалъ къ нимъ сына своего Андрея, то онъ не могъ совладать съ нѣмцами; тогда Ярославъ послалъ имъ Александра, который взялъ Копорье, перебилъ и полонилъ нѣмцевъ и повѣсилъ измѣнниковъ - чухонъ. Затѣмъ Александръ, соединясь съ суздальскими полками, взялъ Псковъ, захватилъ или перебилъ сидѣвшихъ тамъ нѣмцевъ и двинулся на Ливонію (въ апрѣлѣ 1242 г.). Непріятель разбилъ передовой отрядъ; Александръ отступилъ, чтобы найти выгодное мѣсто для битвы и сталъ на льду Чудскаго озера. Долго молился онъ передъ битвою и, воздѣвъ руки къ небу, говорилъ: „Суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка *велеречиваго*". Нѣмцы врѣзались въ русскія ряды клиномъ („свиньею"); Александръ, напавъ на нихъ съ боку, смѣшалъ ихъ строй, разбилъ и гналъ до поздней ночи. 400 рыцарей легло на полѣ битвы; ледъ озера покрытъ былъ кровью. Сочинитель „Сказанія" и здѣсь повѣствуетъ о невидимой силѣ, избивавшей враговъ (5-го апрѣля 1242 г.). Слава Александра, по словамъ современника, распространилась до горы Араратской и Рима. Составитель „Сказанія" повѣствуетъ, что еще до невской битвы пріѣзжалъ въ Новгородъ одинъ рыцарь Андреяшъ, изъ „слугъ божіихъ" (вѣроятно, ливонскій) и, возвратясь, говорилъ: „проходилъ многи страны и языки, не видѣхъ такого, ни въ царяхъ царя, ни въ князехъ князя". Послѣ побѣды Александръ возвратился во Псковъ, гдѣ духовенство встрѣтило его съ крестами. Съ нѣмцами былъ заключенъ миръ. Въ то время литовцы своими набѣгами начали тревожить Торопецъ; Александръ явился на помощь и въ нѣсколько дней семь разъ разбилъ разныхъ князьковъ литовскихъ. Когда въ 1246 г. Ярославъ умеръ въ ордѣ, во Владимірѣ сѣлъ братъ его Святославъ; Александръ, по сказанію, тогда былъ вызванъ къ Батыю, который прислалъ ему сказать: „мнѣ покорилъ Богъ многіе языки, ты ли одинъ не хощеши покориться державѣ моей"; поговоривъ съ нимъ, Батый будто сказалъ: „во истину повѣдаше ми, яко нѣсть подобна ему князя". Сказаніе прибавляетъ, будто жены моавитскія (татарки) пугали Александромъ своихъ дѣтей. По другимъ извѣстіямъ, Александръ и раньше бывалъ въ ордѣ. Трудно опредѣлить, въ эту ли поѣздку или какъ предполагаютъ (Иловайскій) въ другую. Александръ и братъ его Андрей должны были отправиться къ великому хану въ Монголію, откуда вывезли ярлыки на великое княженіе: Александръ—на Кіевское и Андрей — на Владимірское. Александръ въ Кіевъ не поѣхалъ, а жилъ въ Переяславлѣ или Новгородѣ. Между тѣмъ Андрей, женясь на дочери Даніила Галицкаго, задумалъ отложиться отъ татаръ или, по крайней мѣрѣ, ему приписывали этотъ замыселъ. Въ то время, какъ Александръ былъ въ ордѣ у хана Сартака, сына Батыева (въ 1252 г.), противъ Андрея высланъ былъ царевичъ Неврай, разбилъ его и Андрей бѣжалъ въ Швецію. Александръ сѣлъ во Владимірѣ. Событія эти толкуются разно: Карамзинъ полагаетъ, что татары хотѣли наказать Андрея за какое-то ослушаніе; Бѣляевъ, повторяя мысль Щербатова, приписываетъ дѣло интригѣ Святослава; Соловьевъ заподозриваетъ Александра; Иловайскій заподозриваетъ извѣстіе Татищева о томъ, будто Александръ спорилъ съ Андреемъ о Владимірѣ еще въ ордѣ. Положеніе Александра было тяжелое, но онъ съумѣлъ охранить русскую землю, насколько было возможно. Сѣвъ на княженіе, онъ

продолжалъ дѣло отца своего: собиралъ жителей, возобновлялъ города. Первое затрудненіе встрѣтилъ онъ въ Новгородѣ, гдѣ посадилъ сына своего Василія; недовольные Василіемъ новгородцы призвали къ себѣ Ярослава Ярославича Тверскаго (въ 1255 г.). Воспользовавшись споромъ сторонъ на новгородскомъ вѣчѣ, Александръ успѣлъ примирить съ собою Новгородъ и въ 1256 г. защитилъ его отъ ожидаемаго нападенія шведовъ, которые уже выстроили крѣпость на Наровѣ; узнавъ о походѣ Александра, они ушли. Александръ опустошилъ часть Финляндіи, несмотря на то, что часть новгородцевъ, испугавшись холодовъ, ушла, а оставшіеся переносили много лишеній. Новыя затрудненія ожидали Александра: отъ великаго хана получено было повелѣніе объ обложеніи Россіи данью; дѣло это сарайскій ханъ Берке, братъ Батыя, поручилъ родственнику своему Улавчею. Александръ ѣздилъ для переговоровъ и къ Улавчею, появившемуся въ Нижнемъ, и въ орду; но численниковъ татарскихъ пришлось все-таки принять (1257). Сопротивленіе этому дѣлу встрѣтилось прежде всего въ Новгородѣ: самъ князь Василій сталъ на сторону ослушниковъ и, услыхавъ о приближеніи отца, ушелъ во Псковъ. Александръ вывелъ ослушника изъ Новгорода и переказнилъ зачинщиковъ (1258). Ему стоило великихъ усилій уговорить татаръ ограничиться на первый разъ дарами и уладиться съ новгородцами, которые, впрочемъ, настояли на томъ, что дань они будутъ передавать великому князю; это дѣйствительно оказалось необходимымъ, когда появились численники и начались столкновенія съ ними (1259). Въ Новгородѣ Александръ заключилъ договоръ съ Гавзою о торговлѣ и посадилъ тамъ сына своего Димитрія. Въ 1262 г. наѣхали на Русь разные среднеазіатскіе купцы, которымъ въ ордѣ отдали на откупъ русскую дань и которые всѣми способами притѣсняли народъ, а недоимщиковъ уводили съ собою въ рабство. Владимірцы, суздальцы, ростовцы вышли изъ терпѣнія, собрали вѣче и избили притѣснителей; въ Ярославлѣ убили какого-то отступника Зосиму, который ругался надъ христіанствомъ. Неминучая бѣда ждала русскую землю; Александръ поѣхалъ въ орду, чтобы отвратить эту бѣду; современники говорятъ, что была и другая причина поѣздки: ханъ требовалъ вспомогательной рати; Александръ сознавалъ трудность собрать ее. Уѣзжая, Александръ приказалъ сыну Димитрію идти на Ливонію. Димитрій взялъ Дерптъ. Хана Александръ нашелъ въ Сараѣ; любопытно, что еще въ 1261 г. учреждена была епархія Сарская (Сарайская) — такъ татары были вѣротерпимы. Александръ съ помощью даровъ достигъ своихъ цѣлей, но возвращался въ 1263 г. уже совсѣмъ больной; онъ доѣхалъ только до Городца (Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда), гдѣ принялъ монашество съ именемъ Алексѣя и скончался. Когда, умирая, онъ видѣлъ около себя плачущихъ, то сказалъ: „удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью“. Когда митрополитъ Кириллъ узналъ во Владимірѣ о преставленіи великаго князя, онъ сказалъ: „зайде солнце земли русской“. Всѣ слышавшіе объ этомъ событіи говорили: „погибаемъ“. Гробъ его привезли во Владиміръ; всѣ жители вышли на встрѣчу въ Боголюбово. „Бысть же плачъ велій и кричаніе и туга, яко нѣсть такова бывала“. Такъ нуженъ былъ Александръ, ясно понимавшій, что сопротивляться было не время, что лучшее спасеніе было въ благоразуміи и уступчивости, что болѣе можно было выиграть политикою, — умѣвшій ладить съ татарами и тѣмъ спасшій русскую землю. Похороненъ онъ былъ въ Рождественскомъ монастырѣ. Въ 1380 г. мощи Александра найдены нетлѣнными и положены въ ракѣ, поверхъ земли; при митрополитѣ Макаріи собраны свѣдѣнія о чудесахъ его, составлена ему служба и онъ торжественно признанъ святымъ; 30-го августа 1824 года мощи его перенесены въ С.-Петербургъ, гдѣ и покоятся въ Александро-Невской лаврѣ. Замѣчательно, что папа искалъ войти съ Александромъ въ сношенія. Сохранилась папская грамота, въ которой папа лживо увѣряетъ, будто Ярославъ принялъ католицизмъ, но получилъ отъ Александра отвѣтъ: „мы знаемъ исторію вѣры съ начала міра; къ чему же намъ новые проповѣдники?“ Послѣ Александра осталось три сына: Димитрій, Андрей и Даніилъ.

Кромѣ извѣстій въ сборникахъ Лаврент., Новгородскихъ и др., объ Александрѣ имѣется «Сказаніе», вошедшее въ разные сборники, въ «Полное Собр. Русск. Лѣт.», т. V, и распространенное въ «Степенной Книгѣ». Во всѣхъ исторіяхъ Россіи тоже находятся свѣдѣнія. Отдѣльныя біографіи: Бѣляева во «Временникѣ», IV, и высокопреосвящ. Филарета въ «Русскихъ святыхъ», т. III. Ключев-

ский, «Древнерусскія житія святыхъ», 65, 238, 251, 258, 312. *К. Б.-Р.*

Александръ, преподобный, *Ошевенскій*, сынъ благочестиваго земледѣльца Никифора Ошевня, въ мірѣ назывался *Алексій*, род. 17 марта 1427 г., въ Вашеозерской волости, въ 80-ти верстахъ отъ г. Бѣлозерска, преставился 20 апрѣля 1479 г. Отличаясь съ малолѣтства молитвеннымъ настроеніемъ, Алексій на 18 году отъ роду, когда родители хотѣли его женить, отпросился у нихъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ, усовершенствовавшись въ книжномъ ученіи, чрезъ шесть лѣтъ принялъ монашество. Въ это время отецъ его получилъ грамоту отъ землевладѣльца боярина Іоанна на право поселенія въ 30-ти верстахъ отъ Каргополя, по р. Чурюгѣ, чтобы тамъ „слободу копити, жильцовъ называти, дворы ставити и оттуду и до нынѣ прозвася весь та слобода Ошевнева". Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда Александръ укрѣпился въ подвигахъ монашеской жизни, то, по просьбѣ отца и съ благословенія игумена, онъ, будучи посвященъ во іеромонаха, поселился близъ Ошевневой слободы, на рѣкѣ Чурюгѣ и здѣсь въ глухомъ лѣсу основалъ, съ благословенія святителя Іоны, монастырь. Нѣкоторые благочестивые бояре, приглашенные помогать новой обители, готовы были отдать преподобному цѣлую волость со всѣми угодьями, но онъ, не желая печалить наслѣдниковъ, отказался отъ этого дара. Выстроивъ собственными руками обитель, установивъ общежитіе, преподобный ввелъ очень строгій чинъ во всемъ. Проведя въ подвигахъ и трудахъ въ своей обители цѣлыхъ 27 лѣтъ, преподобный почилъ тамъ на 52 году жизни. Мощи его нынѣ почиваютъ подъ спудомъ въ каменномъ Успенскомъ храмѣ, Ошевенскаго монастыря, гдѣ ему посвященъ въ 1707 г. одинъ придѣлъ. Здѣсь же находятся и иконы Одигитріи и св. Николая чудотворца, принесенныя сюда преподобнымъ Александромъ изъ Кириллова монастыря.

Филаретъ, «Русскіе святые», подъ 20 апрѣля; Ключевскій, «Древнерусскія житія святыхъ», стр. 298. «Исторія Росс. Іер.», V. Евгеній, «Словарь», II, 284; «Источники русс. агіографіи», стр. 20.

Александръ, преподобный, игуменъ *Куштскій*, род. въ Вологдѣ, во второй половинѣ XIV столѣтія, преставился 9-го іюня 1439 года. Принявъ постриженіе съ именемъ Александра въ бывшемъ Спасо-Каменномъ монастырѣ, что на Кубенскомъ озерѣ, онъ удалился на рѣку Сямжу или Сянжему, гдѣ въ дикой, пустынной и болотистой мѣстности устроилъ себѣ келью. Проживъ нѣкоторое время уединенно, въ постѣ и молитвѣ, Александръ переселился на рѣку Кушту, впадающую въ Кубенское озеро, и здѣсь встрѣтилъ другого пустынника, преподобнаго Евфимія, съ которымъ помѣнялся кельями. Поселившись на Куштѣ, Александръ при помощи полюбившихъ его владѣльцевъ этой мѣстности, удѣльныхъ князей Заозерскихъ, Дмитрія и Симеона ярославскихъ, построилъ здѣсь церковь и мало-по-малу создалъ монастырь во имя Успенія Божіей Матери, въ которомъ прожилъ до кончины. По завѣщанію преподобнаго Александра, его учениками построена на Куштѣ еще другая церковь, во имя св. Николая. Куштскій монастырь, расположенный въ 45-ти верстахъ отъ Вологды, назывался Александро-Успенскимъ. Въ 1519 г. онъ весь выгорѣлъ, но вскорѣ снова былъ отстроенъ съ двумя церквами—Успенской и Николаевской. Въ 1764 г. монастырь упраздненъ. Изъ монастырскихъ зданій осталась одна Николаевская церковь, въ которой почиваютъ мощи преподобнаго Александра подъ спудомъ. Житіе его написано во времена Іоанна Грознаго.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», изд. 2-е, стр. 13. Филаретъ, «Русскіе святые», іюнь. Барсуковъ, «Источники русской агіографіи», стр. 16—17. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ» стр. 300. *С. Т.*

Александръ, преподобный. *Свирскій*, основатель Александро-Свирскаго монастыря, род. около 1448 г. въ Обонежской пятинѣ, въ сел. Мандерѣ, что на р. Ояти, отъ благочестивыхъ родителей Стефана и Вассы, преставился 30 августа 1533 года. Будучи обученъ грамотѣ, онъ подъ вліяніемъ устныхъ разсказовъ о жизни и подвигахъ монашескихъ еще въ ранней юности сталъ обнаруживать склонность къ благочестиво-аскетической жизни. На 26 году отъ рожденія Александръ ушелъ отъ родителей въ Валаамскій монастырь, принялъ монашество и цѣлыхъ 13 лѣтъ усердно служилъ всѣмъ, носилъ воду, таскалъ изъ лѣса дрова, ночь проводилъ на молитвѣ, а утро въ церкви, „никогда не допуская до души своей, что-

бы отказаться отъ приказанія старшихъ". Въ 1486 г. преподобный Александръ, стремясь къ уединенію, удалился на озеро Рощинское, близь своей родины, и поселился здѣсь въ глухой лѣсной чащѣ, въ 6-ти верстахъ отъ р. Свири. Цѣлыхъ 7 лѣтъ провелъ онъ въ строгомъ уединеніи, молитвѣ и постѣ. Никто не зналъ о подвижникѣ, за все это время не вкушавшемъ хлѣба и питавшемся исключительно травою, а иногда и землею. Случайно его открылъ бояринъ Завалишинъ, завлеченный въ лѣсныя дебри погонею за оленемъ. Подъ условіемъ тайны, преподобный сообщилъ своему посѣтителю, принявшему его за привидѣніе, исторію своей отшельнической жизни. Прошло еще 7 лѣтъ, и благочестивые подвиги сѣвернаго подвижника стали мало-по-малу оглашаться въ окрестностяхъ Свири и привлекать къ нему тружениковъ-подражателей, селившихся первоначально по-отшельнически, не близко одинъ отъ другого. Скоро преподобный сталъ строить въ 130-ти саженяхъ отъ своей хижины монастырь; сподвижники убѣдили его принять начальство надъ монастыремъ и священство. Въ 1508 г. онъ посвященъ былъ новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ во іеромонаха—игумена новосоздаваемой обители, гдѣ скоро была выстроена первая деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы. Сдѣлавшись игуменомъ, преподобный Александръ нисколько не измѣнился въ своей жизни и отношеніяхъ къ другимъ. Онъ всегда первый выходилъ на труды и больше всѣхъ трудился: мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбы, носилъ воду изъ озера, рубилъ дрова, молотилъ за другихъ рожь. Никогда онъ не спалъ даже на рогожѣ, а всегда на голой доскѣ или сидя; одежда его была ушита заплатами. Усердно заботясь о спасеніи чадъ своихъ — иноковъ, онъ приходилъ въ глубокій вечеръ къ кельѣ каждаго, чтобы знать, кто чѣмъ занятъ, умоляя братію дорожить временемъ и приближаться къ Богу смиреніемъ, послушаніемъ, постомъ и молитвою. Въ 1526 г. его стараніями былъ устроенъ въ монастырѣ большой каменный храмъ во имя Живоначальныя Троицы, братская трапеза и, кромѣ того, другія необходимыя зданія. Преподобный Александръ воспиталъ многихъ подвижниковъ благочестія, основателей новыхъ монастырей и пустыней и разсадниковъ духовнаго просвѣщенія на далекомъ пустынномъ сѣверѣ. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи онъ писалъ: „братіи моей приказываю жить въ любви о Христѣ и отнюдь не держать въ нашей пустыни опьяняющаго питья, не имѣть вражды между собою и не считаться ни въ чемъ". Святой старецъ скончался на 85 году отъ рожденія. Съ 1547 года преподобнаго Александра почитали уже святымъ и отправляли ему церковную службу. Мощи его открыты только въ 1641 г.; черезъ два года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ устроилъ для нихъ серебряную раку, въ которой они почиваютъ понынѣ.

Житіе преподобнаго Александра написано въ 1545 г. ученикомъ его Иродіономъ, который говоритъ, что онъ записалъ «о семъ блаженномъ и великомъ отцѣ то, что слышалъ отъ бывшихъ съ нимъ первыхъ отцовъ и что видѣлъ самъ». Житіе это находится въ синодальной библіотекѣ № 874. Филаретъ, «Русскіе святые» подъ 30 августа. «Источники русск. агіографіи», стр. 23—25. Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ» изд. 2-е, стр. 13—16. Ключевскій, «Древнерусск. житія святыхъ» стр. 262.

Александръ Іоанновичъ, великій князь Тверской, сынъ Тверскаго князя Іоанна Михайловича. Въ 1397 г. женился на дочери князя моложскаго Ѳеодора Михайловича, въ 1399 г. вмѣстѣ съ отцомъ получилъ Тверь, а черезъ два года Кашинъ послѣ князя Тверскаго Іоанна Всеволодовича. Послѣ смерти отца, въ 1425 г. сдѣлался великимъ княземъ Тверскимъ и въ слѣдующемъ году умеръ отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ Россіи.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. IV, 121, 360; V, 252, 263; VI, 130, 131; VIII, 70, 74, 75 и 93 стр.

Александръ Михайловичъ, великій князь Владимірскій, сынъ великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго, род. въ 1301 г., великимъ княземъ былъ съ 1326 по 28 г., умеръ 28 октября 1338 г. Александръ принадлежалъ къ даровитому роду князей Тверскихъ, упорнѣе другихъ княжескихъ родовъ боровшемуся съ Москвою за преобладаніе. Когда, по кончинѣ отца, братъ его Димитрій получилъ ярлыкъ на великое княженіе, Александръ не пустилъ во Владиміръ врага своего, Юрія Московскаго. Послѣ Александръ съ братомъ ѣздилъ въ Орду, но былъ отпущенъ ранѣе и потому не подвергся казни, подобно брату, убившему Юрія въ присутствіи хана. По смерти брата, Александръ получилъ великое княженіе, но жилъ не во Владимірѣ, а въ Твери,

Здѣсь въ 1327 г. случилось событіе, имѣвшее вліяніе на его участь: въ Тверь пріѣхалъ Шевкалъ (Чол-ханъ), двоюродный братъ Узбека. Между татарами и русскими возникли столкновенія; разнесся слухъ, будто Шевкалъ намѣренъ самъ стать княземъ и ввести магометанство. Александръ, кажется, повѣрилъ слуху, сдѣлалъ нападеніе на татаръ; Шевкала сожгли въ княжескомъ дворцѣ; избили всѣхъ татаръ, съ нимъ прибывшихъ, а также и купцовъ ордынцевъ. Наказаніе поручено было Московскому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ, который, говорятъ, самъ ѣздилъ въ орду сообщить о происшествіи. Тверская область была опустошена; Александръ ушелъ во Псковъ. Послы отъ всѣхъ князей уговаривали Александра покориться; онъ отвѣчалъ: „вамъ лѣпо было другъ за друга и братъ за брата стояти, а татарамъ не выдавати, но противлятися за нихъ за одинъ и за русскую землю". Глухи остались къ такому воззванію князья. Онъ рѣшился было ѣхать въ орду, но псковичи не пустили его. Калита прибѣгъ къ новому средству: митрополитъ запретилъ богослуженіе. Александръ уѣхалъ въ Литву и вернулся только черезъ полтора года. Княжилъ онъ потомъ мирно до 1335 г., но, соскучась по Твери, поѣхалъ въ орду. Ханъ Узбекъ принялъ его милостиво и возвратилъ Тверь. Калита былъ, конечно, недоволенъ его возвращеніемъ и въ 1338 г. снова поѣхалъ въ орду, куда былъ призванъ и Александръ. Послѣ мѣсяца пребыванія тамъ, онъ былъ жестоко замученъ: вмѣстѣ съ сыномъ его розняли по суставамъ. Тѣла ихъ были привезены въ Тверь.

Свѣдѣнія о немъ въ Лѣт. Сборникахъ; отличается отъ другихъ такъ-называемая «Тверская лѣтопись» («П. С. Р. Л.», XV) въ разсказѣ о тверскомъ избіеніи. *К. Б.-Р.*

Александръ (въ магометанствѣ *Утемышъ-Гирей*), сынъ казанскаго царя Сафа-Гирея и Сюнь-Беки или Сумбеки, родъ. въ 1547 г., умеръ въ Москвѣ 11-го іюня 1566 года и похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ, у лѣваго клироса. Оставшись послѣ смерти отца двухлѣтнимъ, Утемышъ-Гирей былъ возведенъ на престолъ подъ опекунствомъ своей матери; однако, правленіе Сумбеки продолжалось недолго: въ Казани возникли смуты между вельможами, чѣмъ воспользовался царь Иванъ Васильевичъ IV, двинувшій на Казань свои войска. Татары вынуждены были выдать Утемышъ-Гирея съ матерью и принять въ цари Шихъ-Алея, воспитаннаго въ Россіи. Князь Оболенскій повезъ плѣнниковъ въ Москву, гдѣ въ 1553 г. Утемышъ-Гирей былъ крещенъ и нареченъ Александромъ. Онъ жилъ сначала во дворцѣ, былъ обучаемъ грамотѣ и закону, а въ 1560 г. переведенъ въ особый домъ у Николы Голстунскаго, причемъ получалъ содержаніе изъ государева дворца: здѣсь Александръ и скончался на восемнадцатомъ году жизни.

Энциклопед. Лексиконъ, т. I, Спб., 1835 г., стр. 481. Энцикл. Словарь, сост. русск. учен. и литер., т. III, стр. 185.

Александръ Аввакумовичъ, воевода новгородскій, убитъ въ 1372 году. Въ 1364 году онъ ходилъ на Югорскую землю, гдѣ воевалъ мѣста по Оби до самого моря. Во время этого похода двиняне хотѣли загородить новгородцамъ дорогу, но на Курьѣ потерпѣли пораженіе. Въ 1366 году Александръ Аввакумовичъ, во главѣ отряда новгородскихъ ушкуйниковъ ходилъ на Волгу къ Нижнему-Новгороду и ограбилъ восточныхъ и московскихъ купцовъ. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ разгнѣвался за это на новгородцевъ, но они отговорились тѣмъ, что ушкуйники ходили „безъ новгородскаго слова". Въ 1372 г. Александръ Аввакумовичъ посланъ былъ защищать Торжокъ отъ Тверскаго князя Михаила Александровича, но въ первой же схваткѣ „костью паде за святый Спасъ и за обиду новгородскую".

«П. С. Р. Л.», III, 88, 90, 229, 230; IV, 65, 68; V, 230, 232; VIII, 14, 20.

Александръ Борисовичъ, бояринъ новгородскій, въ 1333 г. ѣздилъ за княземъ Наримунтомъ Гединовичемъ: въ 1338 году его посылали въ Швецію и онъ заключилъ миръ съ воеводою Петриномъ. Въ 1348 году, когда новгородцы отняли у шведовъ Орѣховъ, Александръ Борисовичъ посаженъ былъ туда воеводой, но затѣмъ попалъ къ шведамъ въ плѣнъ, изъ котораго освободился только при заключеніи мира въ 1350 году.

«П. С. Р. Л.», III, 77, 79, 84, 85, 132, 227; IV 59; V, 221, 226; VII, 212.

Александръ Ивановичъ, воевода московскій, который въ 1340 году, по приказанію хана, посланъ былъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ съ баскакомъ Товлу-

біемъ подъ Смоленскъ, но осада не привела ни къ какимъ результатамъ.

«П. С. Р. Л.». IV, 55; V, 222; VII, 206.

Александръ Ивановичъ, воевода московскій, въ 1444 году, во время набѣга Махмета Казанскаго, былъ застрѣленъ татарами около Мурома.

«П. С. Р. Л.», V. 268; VI, 170; VIII, 111.

Александръ Игнатьевичъ, новгородскій тысяцкій, въ 1415 г. участвовалъ въ избраніи владыкою Сампсона и затѣмъ провожалъ его въ Москву для хиротоніи, а въ 1426 году, во время войны Витовта съ Псковомъ, былъ посланъ къ литовскому князю „на псковское зло".

«П. С. Р. Л.», III, 106, 135; IV, 114, 204; V, 25, 259.

Александръ Климентовичъ, новгородскій бояринъ, въ 1476 году поднесъ Ивану III мѣхъ вина, а въ 1477 году, во время похода этого государя на Новгородъ, два раза являлся въ станъ его на Паозеро, въ качествѣ представителя ясырьихъ людей, умолять его о мирѣ; но посольство было безуспѣшно.

«П. С. Р. Л.», VI, 201. 209—212; VIII, 187, 191.

Александръ Константиновичъ, воевода новгородскій; былъ посланъ въ 1405 году на помощь псковичамъ, на которыхъ напалъ Витовтъ.

«П. С. Р. Л.», IV, 108, 145; V, 254.

Александръ Сампсоновичъ, посадникъ новгородскій, въ 1472 году сопровождалъ въ Москву для хиротоніи выбраннаго въ архіепископы новгородскіе Ѳеофила, а въ 1476 году встрѣтилъ Ивана III при въѣздѣ его въ Новгородъ и затѣмъ устроилъ въ честь его пиръ, во время котораго поднесъ въ даръ великому князю 40 корабленыхъ золотыхъ, 5 поставовъ ипскихъ, пѣгаго лошака и 2 бочки бѣлаго вина.

«П. С. Р. Л.», III, 142; VI, 17, 201, 204; VIII, 169.

Александръ Ѳоминичъ, посадникъ новгородскій, умеръ въ иноческомъ чину въ 1421 г. Въ 1403 году онъ отъ лица всего Новгорода цѣловалъ крестъ Смоленскому князю Георгію Святославичу, который былъ выгнанъ Витовтомъ изъ своего удѣла и затѣмъ получилъ отъ Новгорода 13 городовъ. Въ 1411 году Александръ Ѳоминичъ, предводительствуя новгородскими полками, принималъ участіе въ удачномъ походѣ противъ шведовъ.

«П. С. Р. Л.», III, 104, 109, 140; IV, 113, 107, 120, 145; V, 258.

Александръ, дьякъ великаго князя Московскаго, по торговымъ дѣламъ былъ въ Византіи около 1395 года и оставилъ краткую записку, въ которой разсказываетъ про разныя достопримѣчательности, находящіяся въ константинопольскихъ храмахъ.

Писаніе дьяка Александра напечатано въ «Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей», т. IV, стр. 357—358, и у Сахарова, «Сказанія русскаго народа», т. II, часть 8-я, стр. 70—71.

Александръ (*Бердовъ*), первый митрополитъ велико-новгородскій, великолуцкій и всего поморья. Хиротонисанъ въ архіепископа новгородскаго въ 1577 г. изъ архимандритовъ новгородскаго Юрьева монастыря, гдѣ упоминается архимандритомъ въ 1573—74 гг. Въ 1589 г. назначенъ митрополитомъ новгородскимъ и съ того времени учреждена въ Новгородѣ митрополія. Умеръ 2 іюня 1591 г. и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ, въ Мартиріевской паперти. Существуетъ увѣщательная грамота Александра о крѣпкой оборонѣ противъ враговъ—поляковъ, осаждавшихъ, подъ предводительствомъ Стефана Баторія, Псковъ. Грамота помѣчена 1 іюля 1581 г.

Амвросій, «Ист. Рос. іер.», т. I, стр. 78; Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей»; рукописъ синодальнаго архива; «Истор. Вѣстн.», т. XXXV, стр. 579; «Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. III и IV.

Александръ, инокъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, ученикъ преподобнаго Иринарха ростовскаго, съ которымъ прожилъ 30 лѣтъ (1586 — 1616) и житіе котораго написалъ вскорѣ по кончинѣ своего учителя. Одно изъ послѣднихъ посмертныхъ чудесъ, приложенныхъ къ житію, помѣчено 1653 г., а самое послѣднее 1693 г., но по изложенію ихъ видно, какъ свидѣтельствуетъ Ключевскій, что они записывались позднѣе написанія житія. Простой разсказъ инока Александра, сообщая любопытныя данныя изъ исторіи Смутнаго времени, главнымъ образомъ, о полякахъ, въ то же время яркими красками рисуетъ паденіе монастырской дисциплины и монашескіе нравы въ XVI—XVII ст.

Списки житія XVIII в. находятся въ Солов. библ. Казанской дух. акад. № 888; въ рукописяхъ Ундольскаго № 314, гр. А. С. Уварова № 838 и въ раск. рукописяхъ Моск. дух. акад. № 437. Филаретъ, «Обзоръ дух. лит.», стр. 221, и Ключевскій, «Древнерусскія житія святыхъ», стр. 323.

Александръ, епископъ вятскій и велико-пермскій, уроженецъ Сольвычегодскаго посада, род. около 1608 г., умеръ

16 октября 1679 г. Принялъ постриженіе въ монашество въ Никольскомъ Коряжемскомъ монастырѣ и былъ въ немъ игуменомъ въ 1643 г.; 7-го іюня 1651 г. переведенъ въ Спасокаменный монастырь архимандритомъ, а 3-го іюля 1655 г. хиротонисанъ во епископа коломенскаго и каширскаго. Участвовалъ на соборѣ московскомъ, собранномъ патріархомъ Никономъ въ 1655 г. по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и одобрилъ вмѣстѣ съ другими исправленную книгу „Служебникъ“ и вновь переведенную „Скрижаль“. Когда же его перевели въ новоучрежденную 5 декабря 1657 года вятскую епархію (на которую онъ прибылъ 4 апрѣля 1658 г.), то Александръ явился противникомъ исправленія книгъ и написалъ царю Алексѣю Михайловичу письмо (30 декабря 1662 г.). Въ этомъ письмѣ епископъ Александръ является злобнымъ противникомъ патріарха Никона, боярина Стрешнева и митрополита Гасскаго Паисія Лигарида. Конецъ письма, гдѣ Александръ совѣтуетъ царю собрать „истинныхъ архіереевъ“ для избранія новаго патріарха, который бы „имѣлъ возрастъ не менѣе 60 лѣтъ, въ монашествѣ находился болѣе 15 лѣтъ и былъ бы прежде въ послушаніи у искуснаго старца“, показываетъ, что епископъ Александръ, можетъ быть, не безъ честолюбивыхъ и личныхъ побужденій и цѣлей присоединился къ враждебной патріарху Никону партіи, имѣвшей въ то время особенное значеніе при Дворѣ. Но письмо это не имѣло рѣшительно никакого практическаго значенія. Когда на большомъ московскомъ соборѣ 1666 г. начался судъ надъ противниками книжнаго исправленія, то вызванъ былъ въ числѣ расколоучителей и епископъ Александръ. Обвиняли расколоучителей, главнымъ образомъ, не въ томъ, что они держались неисправленныхъ книгъ и обрядовъ, существовавшихъ до патріарха Никона, а въ томъ, что порицали исправленныя книги и обряды, какъ полные различныхъ ересей. Однако, епископъ Александръ вмѣстѣ съ Григоріемъ Нероновымъ искренно раскаялся въ своей винѣ, почему соборъ, простивъ его, возратилъ въ 1669 г. на вятскую епархію; здѣсь онъ оставался до 8 января 1674 г., когда самовольно отошелъ на покой въ Коряжемскій монастырь, гдѣ посхимился и скончался 70 лѣтъ.

Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей»; «Вятскія еп. вѣд.» 1865 г., № 17; Гиббенетъ, «Дѣло патр. Никона», ч. II, 18—27; Субботинъ, «Матеріалы по исторіи раскола», т. I, IV и VIII.

Александръ Мезенецъ, справщикъ московскаго печатнаго двора, монахъ-старецъ Саввино-Звенигородскаго монастыря. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ назначенъ, въ числѣ „шести человѣкъ мастеровъ, добрѣ вѣдущихъ знаменное пѣніе“, во вторую коммиссію для исправленія церковнаго пѣнія на рѣчь (первая коммиссія была собрана въ 1652 г.). Члены этой коммиссіи, образованной по повелѣнію Алексѣя Михайловича и составленной Павломъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ, свѣряли текстъ нотныхъ рукописей съ текстомъ печатныхъ книгъ ненотныхъ и съ текстомъ харатейныхъ нотныхъ рукописей. Александръ Мезенецъ составилъ (послѣ 1667 г.) грамматику крюковаго пѣнія, съ цѣлью ввести систему и единство въ начертаніи нотныхъ знаковъ и устранить, такимъ образомъ, произвольное растягиваніе поющими словъ, удвоеніе гласныхъ и неправильныя ударенія, вслѣдствіе чего получался диссонансъ. Грамматика Александра носила названіе: „Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ, вкратцѣ изложенныхъ съ изящнымъ намѣреніемъ, требующимъ учитеся пѣнія отъ нижайшія убо степени къ высотѣ восходящихъ даже до вторыянадесять степени, яже въ прежнемъ пѣніи писаны быша въ знаменіи“. Въ 1888 г. трудъ Александра Мезенца изданъ С. Смоленскимъ въ Казани, подъ заглавіемъ: „Азбука знаменнаго пѣнія“, и снабженъ объясненіями и примѣчаніями.

Разумовскій, «Исторія церк. пѣнія въ Россіи», стр. 79, 162 и 168; его же, «Богослужебное пѣніе православной церкви», стр. 50. «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1849 г., № 2. «Чтенія въ моск. общ. исторіи и древн. росс.», 1846 г., № 3. Филаретъ «Обзоръ», стр. 236, Венгеровъ, «Критико-Біогр. Словарь», т. I, стр. 371—373 и 935.

Александръ, дьяконъ Владимірскаго дѣвичьяго монастыря въ Нерехтѣ, одинъ изъ расколоучителей XVIII вѣка, основатель секты „дьяконовцевъ“ или „новокадильниковъ“, род. въ 1674 или въ 1675 г., казненъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, 21-го марта 1720 г. Происходя изъ посадскихъ нерехтскихъ людей, онъ до 27-ми лѣтъ служилъ дьякономъ. Читая однажды потребникъ иноческій и найдя въ немъ „проклятіе ересемъ отъ яковитъ приходящимъ“ („иже не креститъ двемя персты, якоже и Христосъ,

да будетъ проклятъ"), дьяконъ Александръ „получилъ сомнѣніе въ вѣрѣ христіанской". Сомнѣнія эти еще болѣе усилились, когда въ большомъ часословѣ онъ встрѣтилъ сугубую аллилуію. Обратившись за разъясненіемъ къ монастырскому священнику, дьяконъ Александръ получилъ только совѣтъ не читать старопечатныхъ книгъ, чѣмъ, не могъ удовлетвориться и разсказалъ о своихъ сомнѣніяхъ старицѣ Елисаветѣ, тайной раскольницѣ, временно проживавшей во Владимірскомъ монастырѣ. Она посовѣтовала ему идти въ „нижегородскія пустыни", гдѣ „истинная вѣра обрѣтается въ сокровенномъ мѣстѣ". Продавъ все имущество, Александръ, вмѣстѣ съ женой, тайно убѣжалъ въ 1703 г. изъ Нерехты. Встрѣтившись въ Ярославлѣ съ раскольникомъ, старцемъ Іоною, Александръ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ его скитъ въ чернораменскіе лѣса, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ. Жена Александра постриглась въ одномъ изъ керженскихъ женскихъ скитовъ. Проживъ у Іоны около года и научившись „разумѣнію въ вѣрѣ", Александръ жилъ затѣмъ во многихъ другихъ скитахъ, на послушаніи у разныхъ старцевъ; въ 1709 г. онъ былъ постриженъ старцемъ Лаврентіемъ въ монахи и черезъ годъ сдѣлался, послѣ его смерти, настоятелемъ скита. Постигнувъ „истинную вѣру", Александръ возсталъ противъ раскольниковъ поповцевъ, жившихъ на Вѣткѣ, за употребленіе незаконнаго мура, свареннаго однимъ изъ вѣтковскихъ настоятелей, Ѳеодосіемъ, и за неправильное троекратное кажденіе, между тѣмъ какъ слѣдуетъ кадить крестообразно. Часть раскольниковъ приняла сторону Александра и образовала новую секту „дьяконовцевъ" или „новокадильниковъ". Во время этихъ споровъ о мурѣ и кажденіи, среди нижегородскихъ раскольниковъ миссіонерствовалъ игуменъ Переяславль-Залѣсскаго, владимірской епархіи, Никольскаго монастыря Питиримъ, съ 1718 года архимандритъ Кержебельбажскаго Успенскаго монастыря. Онъ послалъ 1-го января 1716 г. дьяконовцамъ 130 вопросовъ, на которые требовалъ отвѣтовъ съ поясненіемъ причинъ — „коихъ ради винъ отодрались они отъ единства церквей". Обѣщавшись отвѣчать, дьяконовцы, въ свою очередь, послали, 16-го августа 1716 года, Питириму, 240 вопросовъ, въ которыхъ старались показать нововведенія, странности, противорѣчія въ церковныхъ книгахъ и въ образѣ дѣйствій православной церкви. Питиримъ неоднократно напоминалъ дьяконовцамъ—готовы ли у нихъ отвѣты, но раскольники всячески уклонялись отъ подачи ихъ, пока, наконецъ, не вынуждены были къ тому силою: Питиримъ задержалъ у себя діакона Александра и старцевъ Іосифа и Герасима, пришедшихъ къ нему съ просьбою не отвѣчать на присланные вопросы, и не отпустилъ до тѣхъ поръ, пока старецъ Варсонофій не далъ Питириму росписки „отвѣты поставить". Раскольники сдержали обѣщаніе, и 15-го мая 1719 г. представили Питириму, тогда уже епископу нижегородскому, свои отвѣты, писанные частью Андреемъ Денисовымъ, а частью самимъ Александромъ и его послѣдователями. Діаконовскіе вопросы и отвѣты имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи раскола, и для раскольниковъ до сихъ поръ служатъ источникомъ доказательствъ при защитѣ своихъ заблужденій. 29-го сентября Питиримъ пріѣхалъ въ с. Пафнутово, Дрюковской волости, Балахнинскаго уѣзда, и приказалъ раскольникамъ собраться для спора. Раньше этого Питиримъ прислалъ тайно, черезъ старца Варсонофія, черновое доношеніе, которое слѣдовало переписать, подписать и всенародно подать Питириму. Въ этомъ доношеніи дьяконовцы отрекались отъ своихъ отвѣтовъ („оные наши отвѣты полагаемъ ни во что, яко бы и не писаны"). Послѣ долгихъ колебаній, дьяконовцы, изъ боязни ссылки и пытокъ, подписали доношеніе. 1-го октября состоялось собесѣдованіе Питирима съ дьяконовцами, причемъ было всенародно прочитано и доношеніе ихъ. Совѣсть мучила Александра, что онъ „неправедно" приложилъ руку къ „неправому доношенію". Въ декабрѣ онъ отправился въ Петербургъ и подалъ Петру Великому новое доношеніе, въ которомъ описалъ всѣ дѣйствія Питирима и отрекался, „убояся суда Божія и вѣчныхъ мукъ", отъ подписи подъ вынужденнымъ отказомъ отъ своихъ взглядовъ. Питиримъ въ то время былъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Варсонофіемъ, который въ тайной канцеляріи сообщилъ, что Александръ подалъ свое новое доношеніе безъ совѣта скита. 12-го февраля Александръ былъ допрошенъ въ кабинетѣ Государя, а 16-го февраля препровожденъ отъ кабинетъ-се-

кретаря Макарова къ члену тайной канцеляріи Ушакову и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. 22-го февраля Ушаковъ получилъ собственноручно написанное приказаніе Петра Великаго: „Дьякона пытать къ кому онъ сюда пріѣхалъ и приставалъ и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ, а по важныхъ пыткахъ послать съ добрымъ офицеремъ и съ солдаты отъ гвардіи въ Нижній и тамъ казнить за его воровство, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ". Никакихъ сообщниковъ Александръ при допросѣ не открылъ и былъ отправленъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ ему отрубили голову, а тѣло сожгли на кострѣ. Сочиненія Александра встрѣчаются въ рукописяхъ многихъ библіотекъ. Такъ, ему принадлежатъ: „Духовное завѣщаніе" и нѣкоторыя „новокадильническія" сочиненія.

Есиповъ, «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, т. I, стр. 622—641. Александръ Б., «Описаніе нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій» т. 2, стр. 132 и слѣд. Макарій, «Исторія русскаго раскола», стр. 299—301. Ивановскій, «Руководство по исторіи и обличенію раскола». «Полное Собр. Зак.» т. 6, ст. 3522, указъ 13-го февраля 1720 г. (здѣсь подробно изложено о наказаніи Александра за клятвопреступленіе). Строевъ, «Описаніе рукописей Царскаго», №№ 279, и 280 750. «Энцикл. Словарь, сост. русск. учен. и литер., т. III. Венгеровъ, «Критико-Біогр. Словарь», т. II, стр. 363—366.

Александръ Арчиловичъ, царевичъ имеретинскій, первый генералъ-фельдцейхмейстеръ русской артиллеріи (см. *Имеретинскій*, царевичъ).

Александръ Петровичъ, второй сынъ Петра Великаго отъ перваго его брака съ Евдокіей Ѳедоровной Лопухиной, род. въ селѣ Преображенскомъ, 3-го октября 1691 г., крещенъ 1-го ноября того же года въ Чудовомъ монастырѣ, умеръ 14-го мая 1692 г. и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Энцикл. Словари—составл. русск. учен. и лит., т. III, стр. 181—185 и Брокгауза-Ефрона, т. I, стр. 393.

Александръ, до пострижения Адріанъ Ивановичъ *Подгорченковъ*, архимандритъ арзамасскаго Спасскаго монастыря, род. въ Малороссіи въ 1758 г., скончался 29 апрѣля 1845 г. Родители его хотя и происходили изъ польской шляхты, но были православнаго исповѣданія. Послѣ первоначальнаго домашняго образованія, Подгорченковъ изучалъ латинскій и польскій языки въ кіевской духовной академіи. Въ 1779 г. поступилъ на службу въ московскій департаментъ камеръ-коллегіи, гдѣ оставался въ качествѣ неимѣющаго чина до 1787 г., когда по болѣзни вышелъ въ отставку. Въ декабрѣ 1789 г. Подгорченковъ заявилъ „искреннее желаніе" поступить въ московскій Новоспасскій монастырь „съ надеждою постриженія въ монашество". Будучи принятъ въ монастырь въ качествѣ „соборнаго пономаря", онъ въ 1792 г. сопутствовалъ своему архимандриту Павлу, вызванному для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, и здѣсь въ Петербургѣ, митрополитомъ Гавріиломъ, который ему особенно покровительствовалъ, былъ постриженъ, 12 марта 1793 г., въ монашество. 1-го мая того же года рукоположенъ имъ во іеродіакона, а 5 мая—во іеромонаха. По назначеніи въ мартѣ 1794 г. архимандрита Павла епископомъ въ Нижній, Александръ возвратился въ Новоспасскій монастырь, гдѣ въ 1797 г. былъ казначеемъ, а въ 1798 г. сдѣланъ намѣстникомъ; въ слѣдующемъ году, съ паденіемъ митрополита Гавріила, уволился отъ этой должности и причисленъ къ больничнымъ іеромонахамъ. 10 мая 1810 г. Александръ возведенъ въ санъ архимандрита Арзамасскаго Новоспасскаго монастыря, который на пожертвованія заново перестроилъ. Кромѣ монастыря, ему пришлось устроить арзамасское духовное правленіе, гдѣ онъ былъ первоприсутствующимъ. Въ 1820 г. онъ открылъ арзамасское библейское сотоварищество, въ 1822 г. устроилъ арзамасское приходское училище и сдѣлался его смотрителемъ; въ 1837 г. ему же поручено было завѣдываніе и уѣзднымъ арзамасскимъ духовнымъ училищемъ.

«Душеполезное чтеніе», 1867 г., апрѣль. «Житіе и писаніе молдавскаго старца Паисія Величковскаго». Москвѣ 1847 г., гдѣ помѣщены 13 писемъ архимандрита Александра.

Александръ (*Ушмарскій*), род. около 1769—70 г., умеръ 30 мая 1807 г. Сынъ священника рязанской епархіи. Александръ образованіе получилъ въ рязанской семинаріи, въ которой и оставленъ въ 1799 г. учителемъ сперва грамматическихъ классовъ, а потомъ риторики, исторіи и географіи. Въ 1802 г. переведенъ въ новооткрытое кириллоезерское духовное училище, а въ 1804 г. въ новгородскую духовную семинарію учителемъ риторики. 2-го декабря 1803 г. постриженъ въ Кирилловомъ мо-

настырѣ въ монахи; 25 декабря того же года рукоположенъ въ іеродіакона, а 1 января 1804 г. возведенъ въ санъ іеромонаха и включенъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Александро-Невской лавры, съ оставленіемъ въ должности учителя семинаріи. Въ 1805 г. указомъ Св. Синода отъ 15 ноября назначенъ настоятелемъ Тверскаго Успенскаго Желтикова монастыря съ опредѣленіемъ инспекторомъ тверской семинаріи и учителемъ богословія. Въ 1806 г. имъ издана въ С.-Петербургѣ, in-4°, книга подъ заглавіемъ: „Лѣтопись краткая о монастырѣ преп. Саввы, иже надъ Вишерою рѣкою жившаго, новгородскаго чудотворца, съ присовокупленіемъ древнихъ граматъ царскихъ и прочихъ, данныхъ сему монастырю".

Дѣла арх. Св. Синода; Сопиковъ, № 12.946· Филаретъ, «Обзоръ дух. лит.», стр. 397.

Александръ, до пострижения Андроникъ Ивановичъ *Павловичъ*; епископъ полтавскій, род. въ 1798 году, въ Кіевской губ., Уманскаго уѣзда, въ с. Кобриновой Гребли, умеръ 8-го ноября 1874 г., сынъ священника. По окончаніи курса въ 1817 г. въ старой Кіевской духовной академіи, онъ сряду же былъ рукоположенъ во діакона въ м. Бородянку, съ оставленіемъ при кіевскомъ митрополичьемъ хорѣ учителемъ латинскаго языка; съ 1820 по 1827 г. былъ священникомъ Полоцкаго пѣхотнаго полка, Либавскаго и Малороссійскаго Кирасирскаго, съ 1827—32 г. въ м. Рыжановкѣ, кіевской епархіи, въ Звенигородскомъ соборѣ; съ 1832—53 въ Александропольскомъ полку и настоятелемъ Архангельскаго морскаго собора. Въ 1853 г., 20 іюня, принялъ, какъ вдовый, по предложенію члена Св. Синода, оберъ-священника Кутневича, монашество и сряду же назначенъ настоятелемъ Соловецкаго монастыря, гдѣ въ 1854 г., 6 и 7 іюля, во время нападенія на обитель англійскихъ кораблей, организовалъ защиту, за что былъ Высочайше награжденъ брилліантовымъ крестомъ на георгіевской лентѣ. Въ 1857 г. 17 ноября хиротонисанъ во епископа архангельскаго и холмогорскаго. Въ іюнѣ 1858 г. сопровождалъ Государя Императора Александра II изъ Архангельска въ Соловецкую обитель, и на пароходѣ, въ Бѣломъ морѣ, сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1 степени, причемъ, послѣ объясненія Государю защиты Соловецкаго монастыря, удостоился лично получить отъ Его Величества, на обратномъ пути, медаль на Андреевской лентѣ, установленную за Крымскую войну. Въ 1860 г. переведенъ на полтавскую каѳедру, въ 1862 г. уволенъ на покой и поселился въ Кіево-Софійскомъ митрополичьемъ домѣ, получая 1.500 р. пенсіи. Живя на покоѣ и тяготясь бездѣятельностью, онъ просилъ назначить его настоятелемъ сперва Соловецкаго монастыря, а затѣмъ, когда просьба его не была уважена, настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря. Но такъ какъ и послѣдняя просьба была удовлетворена только частью, съ нѣкоторыми ограниченіями, то онъ не переѣзжалъ на жительство въ Выдубицкій монастырь. Въ 1867 г. епископъ Александръ, согласно давнему желанію и обѣту, путешествовалъ въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для чего Государь Императоръ по собственному соизволенію назначилъ ему 1.000 руб. Живя на покоѣ 12 лѣтъ и не имѣя никакой общественной дѣятельности, епископъ Александръ исключительно предался молитвенно-религіознымъ подвигамъ. Онъ погребенъ въ Кіево-печерской лаврѣ, въ Зачатіевской церкви, что̀ надъ дальними пещерами.

Флоринскій, «Жизнеописаніе преосвящ. Александра», Москва, 1885 г. Дѣла въ архивѣ Св. Синода.

Александръ, до пострижения Андрей Васильевичъ *Добрынинъ*, архіепископъ литовскій и виленскій, род. около 1819 г., умеръ 28 апрѣля 1885 г., сынъ священника села Веретеи, Мологскаго уѣзда. Поступивъ изъ ярославской семинаріи въ С.-Петербургскую духовную академію, онъ окончилъ въ ней въ 1843 г. курсъ наукъ со степенью магистра и сряду былъ назначенъ преподавателемъ математическихъ предметовъ въ Новгородскую семинарію. 17 ноября 1846 г. принялъ монашество и 21 ноября рукоположенъ во іеромонаха. Въ 1848 г. опредѣленъ въ пермскую семинарію инспекторомъ и преподавателемъ историческихъ предметовъ; въ 1849 г. снова переведенъ въ новгородскую семинарію инспекторомъ и преподавателемъ философскихъ предметовъ. Въ 1851 г. назначенъ ректоромъ литовской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ и настоятелемъ виленскаго Свято-Духова монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исполнялъ обязанности: цензора проповѣдей, произносимыхъ въ православныхъ церквахъ гор.

Вильны и вообще духовныхъ сочиненій; члена попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; директора виленскаго губернскаго комитета общества попеченія о тюрьмахъ; благочиннаго монастырей Гродненской губ.; дѣйствительнаго члена виленскаго музеума и археологической коммиссіи. 21 ноября 1860 г. хиротонисанъ въ виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ во епископа ковенскаго, викарія литовскаго, въ 1868 г. назначенъ епископомъ минскимъ, въ 1877 г. возведенъ въ санъ архіепископа и переведенъ на донскую каѳедру, а въ 1879 г. назначенъ архіепископомъ литовскимъ. Будучи всесторонне образованнымъ, воспитавшись подъ непосредственнымъ руководствомъ приснопамятнаго митрополита Іосифа Сѣмашко и занявъ литовскую каѳедру послѣ знаменитаго Макарія Булгакова, назначеннаго митрополитомъ въ Москву, преосвященный Александръ являлся вполнѣ достойнымъ преемникомъ ихъ въ дѣлѣ укрѣпленія православія и развитія русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Съ этою цѣлью онъ строилъ и лично освящалъ церкви, открывалъ новыя и возобновлялъ старыя братства. Его стараніями и заботами многія церкви и причты въ краѣ обезпечены угодьями, постройками, и пр. Эта дѣятельность, въ связи съ личными свойствами епископа Александра—кротостію, сердечною простотою и привѣтливостью, а также доступностью и религіозностью, сопровождавшеюся дѣлами любви и милосердія, оставила по немъ глубокую память въ литовской епархіи.

Дѣла въ архивѣ Св. Синода.

Александръ, до пострижения Андрей *Кульчицкій*, епископъ костромской, род. около 1823 года, умеръ 16 декабря 1888 г. Сынъ священника литовской епархіи, по окончаніи курса въ 1847 г. въ литовской духовной семинаріи онъ былъ рукоположенъ 26 сентября того же года во священника къ Кобринской Петропавловской церкви и состоялъ учителемъ и законоучителемъ городскихъ училищъ. Овдовѣвъ, принялъ 3 ноября 1852 г. монашество и въ слѣдующемъ году поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1857 г. со степенью кандидата богословія, а въ ноябрѣ зачисленъ, согласно прошенію, въ пекинскую духовную миссію, гдѣ состоялъ учителемъ славянскаго языка въ Албазинскомъ училищѣ, учрежденномъ китайскимъ правительствомъ для изученія европейскихъ языковъ, и кромѣ того обратилъ въ христіанство до 78 человѣкъ. 9 марта 1866 г. назначенъ инспекторомъ полоцкой духовной семинаріи, а 20 апрѣля 1869 г. возведенъ въ санъ архимандрита; 18-го августа 1871 г. вызванъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія въ С.-Петербургъ, а въ ноябрѣ того же года назначенъ настоятелемъ православной церкви въ Римѣ; 12 марта 1878 г. былъ хиротонисанъ въ Петербургѣ во епископа туркестанскаго, а 6 августа 1883 г. перемѣщенъ на костромскую каѳедру, гдѣ и скончался.

Дѣла въ архивѣ Св. Синода.

Александръ, герцогъ Виртембергскій, генералъ-отъ-кавалеріи, бѣлорусскій военный губернаторъ, съ 2-го августа 1822 года главноуправляющій путями сообщенія, а затѣмъ и публичными зданіями, съ 5-го декабря 1826 года членъ Государственнаго Совѣта, шефъ драгунскаго полка своего имени, род. 24-го апрѣля 1771 г., въ Мюмпельгардѣ, умеръ 4-го іюля 1833 года, въ Готѣ, сынъ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго Фридриха-Евгенія и Софіи-Доротеи, рожденной принцессы прусской, родной братъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Императора Павла I. Начавъ службу въ 1789 году, герцогъ Александръ первые свои боевые подвиги совершилъ въ австрійскихъ войскахъ, принимая участіе въ 1794 г., въ чинѣ полковника, въ дѣйствіяхъ противъ французскихъ революціонныхъ войскъ, въ битвѣ при Кейзерслаутернѣ. Въ 1795 г. герцогъ командовалъ лѣвымъ крыломъ авангарда австрійской арміи и разбилъ при Гехстѣ арріергардъ Журдана; въ 1796 г. онъ особенно отличился при Оффенбахѣ и Раштадѣ, а въ 1799 г., уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, при Штокахъ, разбилъ Вандама и затѣмъ въ Швейцаріи дѣйствовалъ противъ Сульта. По заключеніи мира герцогъ оставилъ австрійскую службу и, по рекомендаціи Суворова, 7-го мая 1800 г., вступилъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ ряды русской арміи; 14-го августа того же года герцогъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, съ назначеніемъ шефомъ рижскаго драгунскаго полка. Поселившись съ семьей (герцогъ былъ женатъ на принцессѣ Саксенъ-Ко-

бургской Маріи-Антуанеттѣ) близъ Митавы, въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ помѣстьѣ Грюнгофѣ, онъ много занимался науками и искусствами, издавъ въ 1807 г. сочиненіе: „Unparteiische Bemerkungen über den Feldzug der Preussischen Armee im Jahre 1806". Назначенный въ 1811 году бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ, герцогъ въ слѣдующемъ году находился въ дѣйствующей арміи и принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ. Онъ оказалъ важныя услуги при Витебскѣ, Смоленскѣ и Усвятѣ; при Бородинѣ, когда князь Багратіонъ былъ смертельно раненъ, онъ командовалъ, по порученію Кутузова, лѣвымъ крыломъ и не допустилъ правое непріятельское обойти ввѣренныя ему войска; при Тарутинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Красномъ онъ также успѣшно выполнялъ многія важныя порученія главнокомандующаго и былъ награжденъ за Отечественную войну орденомъ Георгія 3-й степени. Въ апрѣлѣ 1813 года герцогъ принялъ командованіе надъ слабымъ корпусомъ, осаждавшимъ Данцигъ. Онъ стойко выдерживалъ всѣ нападенія выходившаго изъ крѣпости непріятеля, гарнизонъ котораго, подъ начальствомъ генерала Раппа, былъ вдвое сильнѣе осаждавшихъ войскъ. Во время перемирія корпусъ герцога получилъ нѣкоторое подкрѣпленіе и осадную артиллерію отъ англичанъ. При возобновленіи военныхъ дѣйствій, герцогъ совершенно разбилъ Раппа, вышедшаго изъ крѣпости съ 15.000 человѣкъ со стороны Питцкендорфа. Послѣ этого герцогъ взялъ послѣдовательно цѣлый рядъ укрѣпленій, защищавшихъ окрестности Данцига, отразилъ всѣ нападенія непріятеля и нанесъ ему сильный уронъ. Съ этого момента участь Данцига была рѣшена. Съ занятыхъ, бывшихъ непріятельскихъ, укрѣпленій герцогъ началъ правильную осаду, несмотря на недостатокъ настоящихъ артиллерійскихъ офицеровъ и на необходимость пріучать къ артиллерійскимъ работамъ совершенно новыхъ людей изъ ополченія, составлявшаго главнѣйшую часть ввѣреннаго герцогу войска. Осада шла весьма успѣшно, почти всѣ непріятельскія орудія были подбиты, и герцогъ полагалъ уже сдѣлать рѣшительный приступъ, какъ вдругъ генералъ Раппъ, 17-го ноября, началъ переговоры о сдачѣ города, а 21-го декабря состоялся торжественный въѣздъ побѣдителя въ покоренный Данцигъ. Герцогъ Александръ былъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени и золотой шпагой, украшенной брилліантами и лавровыми вѣтвями, съ надписью: „За покореніе Данцига". Петербургское ополченіе поднесло ему медаль съ надписью: „Его королевскому высочеству герцогу Александру Виртембергскому, благодѣтельному своему начальнику, признательное с.-петербургское ополченіе". По заключеніи мира, герцогъ снова занялъ прежнюю должность, бѣлорусскаго военнаго губернатора, а въ 1822 году назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія.

Десятилѣтнее управленіе герцога Александра вѣдомствомъ путей сообщенія было весьма плодотворно и ознаменовалось цѣлымъ рядомъ новыхъ полезныхъ сооруженій, тщательнымъ исправленіемъ старыхъ, раньше существовавшихъ, и изысканіемъ новыхъ судоходныхъ каналовъ, проведеніе которыхъ совершено преемниками этого дѣятельнаго и энергичнаго главноуправляющаго, оставившаго по себѣ прочную и славную память въ исторіи гидротехническихъ сооруженій Россіи. Въ заботахъ объ улучшеніи существовавшихъ судоходныхъ путей, герцогъ обратилъ вниманіе на системы: Вышневолоцкую, Тихвинскую, Маріинскую, Огинскую и Березинскую. Особенно важны и продолжительны были работы на Ладожскомъ каналѣ, простирающемся на 104 версты и имѣющемъ большое значеніе не только для Вышневолоцкой, но для Тихвинской и Маріинской системы: на немъ устроены четыре гранитныхъ шлюза, которые являются замѣчательными въ своемъ родѣ сооруженіями; построены два гранитныхъ водоспуска, посредствомъ которыхъ лѣтомъ запираются и сохраняются воды канала, весною же избытокъ ихъ изливается въ Ладожское озеро; сооруженъ гранитный мостъ, черезъ бассейнъ шлюзовъ. На системахъ Тихвинской, Маріинской, Огинской и Березинской сооружались новые камерные шлюзы и плотины, строились новые подъемные мосты, исправлялись бечевники. Изъ числа намѣченныхъ герцогомъ Александромъ къ сооруженію новыхъ каналовъ окончены въ его управленіе два: Августовскій, соединившій Нѣманъ съ Вислою, посредствомъ рѣкъ Бобра и Нарева, и каналъ его имени, соединившій Сухону, притокъ

Сѣверной Двины, съ Шексною, входящею въ составъ Маріинской системы. Первый каналъ, облегчившій сообщеніе между Польшею и внутренними губерніями Россіи, былъ открытъ для судоходства въ 1831 году, а второй, задуманный еще Петромъ Великимъ и несомнѣнно оживившій промышленность сѣвера Имперіи, открытъ въ 1828 году. Придавая этому каналу особенную важность, герцогъ въ 1823 году посѣтилъ и осмотрѣлъ пустынныя и болотистыя мѣста, предназначавшіяся для этого соединительнаго судоходнаго пути между столицею и Архангельскимъ портомъ. Къ неоконченнымъ, хотя и выстроеннымъ болѣе, чѣмъ на половину, въ управленіе герцога каналамъ относятся, во-первыхъ, каналъ между рѣками Волгою и Москвою при посредствѣ Истры и Сестры, а во-вторыхъ, каналъ между рѣкою Нѣманомъ и Виндавскимъ портомъ при помощи Виндавы и Дубиссы. Къ сожалѣнію, Виндавскій каналъ не былъ оконченъ даже при преемникѣ герцога, графѣ Толѣ, и въ 1838 году работы, шедшія довольно медленно, совсѣмъ остановились, пребывая въ такомъ положеніи до сихъ поръ. Стремясь къ возможно большему расширенію сѣти судоходныхъ путей Россіи, герцогъ Александръ приказалъ произвести цѣлый рядъ изысканій и составить проекты предположеннымъ соединеніямъ рѣкъ, неисполненные по недостатку матеріальныхъ средствъ. Къ числу подобныхъ относятся: проектъ соединенія Волги и Дона, посредствомъ Иловли и Камышинки, къ которому былъ приложенъ подробнѣйшій атласъ всѣхъ сооруженій и детально разработанныя смѣты каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; проектъ устройства порта въ Поти и открытія удобнаго сообщенія между морями Каспійскимъ и Чернымъ, помощью рѣкъ Куры и Ріона; проекты: улучшенія судоходства въ порогахъ Днѣпра, соединенія Западной Двины съ впадающею въ озеро Ильмень рѣкою Ловатью, улучшенія рѣкъ Дона и Луганки, отъ Луганскаго чугуноплавильнаго завода до соединенія Донца съ Дономъ, улучшенія судоходства по рѣкѣ Тоснѣ, съ цѣлью облегченія сообщеній между столицею и ея окрестностями, со стороны праваго берега Невы, и др. Памятникомъ заботливости герцога Александра о сухопутныхъ сообщеніяхъ Россіи являются, съ одной стороны, московское шоссе, длина котораго простирается до 690 верстъ и которое совершенно окончено въ годъ смерти герцога (1833), а съ другой—шоссе отъ Петербурга до Ковно черезъ Динабургъ, оконченное въ управленіе герцога болѣе, чѣмъ на половину своего протяженія. Московское шоссе несомнѣнно можетъ стать наравнѣ съ лучшими дорогами, устроенными въ Западной Европѣ. Весьма замѣчательны на этомъ шоссе мосты, отличающіеся прочностью и красотою постройки,—особенно Новгородскій на Волховѣ, длиною въ 110 саженъ и Маловолховецкій, имѣющій болѣе 100 саженъ длины; арки въ этихъ мостахъ сдѣланы изъ дерева, а устои и быки сложены изъ кирпича или плиты и одѣты гранитомъ. Нельзя не упомянуть также о деревянномъ на каменныхъ устояхъ мостѣ, построенномъ на Наровѣ, близъ нарвской крѣпости, о Троицкомъ черезъ Неву и о пяти цѣпныхъ, изъ которыхъ два перекинуты въ Петербургѣ черезъ Фонтанку (Пантелеймоновскій и Египетскій) для проѣзда экипажей, а три (два на Екатерининскомъ каналѣ и одинъ на Мойкѣ) предназначены только для пѣшеходовъ. При сооруженіи всѣхъ этихъ мостовъ были приняты во вниманіе всѣ, по тогдашнему времени, новѣйшія усовершенствованія техники инженернаго искусства. Прекраснымъ примѣромъ просвѣщеннаго отношенія герцога Александра къ успѣхамъ техническихъ знаній можетъ служить произведенный въ его управленіе первый въ Россіи опытъ телеграфнаго сообщенія между Петербургомъ и Шлиссельбургомъ. Въ главномъ управленіи путями сообщенія при герцогѣ учрежденъ совѣтъ, образованъ департаментъ и введенъ новый порядокъ отчетности. Институтъ инженеровъ путей сообщенія былъ дважды преобразованъ—въ 1824 и 1830 гг. Въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ институтъ соединенъ съ военно-строительнымъ училищемъ. Основаніе, по почину герцога, кондукторской школы имѣло цѣлью давать воспитаніе дѣтямъ нижнихъ чиновъ вѣдомства путей сообщенія и образовывать мастеровыхъ, необходимыхъ для корпуса (кондукторовъ, рисовальщиковъ, писарей и разныхъ мастеровъ). Наконецъ, по распоряженію герцога, съ 1826 года началъ издаваться (сначала на русскомъ и французскомъ языкахъ) „Журналъ путей сообщенія“, въ которомъ помѣщены многія статьи,

написанныя самимъ главноуправляющимъ. Въ 1833 году герцогъ отправился за границу, на бракосочетаніе своей дочери, но вскорѣ послѣ торжества заболѣлъ и скончался на 62-мъ году въ Готѣ. Два сына герцога, Александръ и Эрнестъ, будучи генералъ-маіорами русской службы, принимали участіе въ турецкой (1828) и польской (1831) кампаніяхъ.

«Галлерея гравированныхъ портретовъ генераловъ, офицеровъ и проч., которые мужествомъ своимъ, воинскими дарованіями или любовію къ отечеству способствовали успѣхамъ россійскаго оружія въ теченіе войны, начавшейся 1812 года». Шесть тетрадей. С.-Петербургъ, 1813. «Военно-Энциклопедическій Лексиконъ», изд. 1837 и 1852 гг. (біографія герцога Александра, написанная Адеркасомъ; изъ этого источника черпали и черпаютъ съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, всѣ наши справочныя изданія, включая послѣдній Энцикл. Словарь Брокгауза-Ефрона). «Записки касательно похода санктпетербургскаго ополченія, противъ враговъ отечества», Спб., 1814 г. «Журналъ Путей Сообщенія» 1827 г., книжки 8, 9, 10 и 11; 1832 г., книжка 24 и 25; 1833 г., книжка 26-я, и 1836 г., книжка 36-я.

С. Т.

Александръ, принцъ Гессенскій и Прирейнскій, *Людвигъ-Георгъ-Фридрихъ-Эмиль*, третій сынъ великаго герцога Людвига II Гессенъ-Дармштадтскаго, родной братъ Императрицы Маріи Александровны, род. 15-го іюля 1823 г., умеръ 15-го декабря 1888 г., въ Дармштадтѣ, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи австрійской службы. Въ 1840 г. принцъ Александръ, раньше служившій въ гессенскихъ войскахъ, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ на обрученіе своей сестры съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и вступилъ въ русскую военную службу ротмистромъ Кавалергардскаго полка. Въ 1845 году принцъ Александръ, будучи уже генералъ-маіоромъ и шефомъ 8-го уланскаго (прежде Борисоглѣбскаго) полка, по собственному желанію, отправился въ кавказскую армію и, получивъ командованіе кавалеріей, принималъ участіе, подъ начальствомъ князя Воронцова, въ первомъ походѣ противъ Шамиля съ цѣлью взятія мѣста пребыванія послѣдняго—укрѣпленнаго аула Дарго. Преодолѣвъ всѣ трудности, русскіе, занявъ Андійскій укрѣпленія, достигли этого пункта и взяли его штурмомъ, причемъ принцъ Александръ командовалъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ и былъ награжденъ за отличную распорядительность и храбрость орденомъ св. Георгія 4-й степени. Во все время чрезвычайно труднаго отступленія отряда къ Герсель-аулу принцъ раздѣлялъ всѣ опасности и лишенія, неразлучныя съ военными дѣйствіями въ горахъ Кавказа. Въ 1851 году, приказомъ отъ 2-го ноября, принцъ, состоявшій тогда командиромъ 1-й бригады гвардейской кирасирской дивизіи, по прошенію, былъ уволенъ отъ службы. Вступивъ въ 1852 году въ австрійскую службу и принимая участіе, въ 1859 г., въ итальянской войнѣ, принцъ Александръ за сраженіе при Монтебелло былъ возведенъ въ званіе фельдмаршала-лейтенанта, а за сраженіе при Сольферино (24-го іюня) получилъ австрійскій военный орденъ Маріи-Терезіи и отъ русскаго правительства орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ этомъ сраженіи принцъ выказалъ особенную находчивость, распорядительность и храбрость. Послѣ восьмичасоваго боя, сольферинскія высоты были, наконецъ, взяты французами, и австрійской арміи грозила опасность быть прорванною въ центрѣ, по неимѣнію резервовъ. Въ этотъ самый моментъ принцъ, по собственному почину, приблизилъ свою дивизію, назначенную для поддержки Шварценберга, чтобы защитить доступъ къ Кавріанѣ. Это движеніе спасло австрійскую армію. По окончаніи итальянской кампаніи, принцъ Александръ командовалъ сначала 7-мъ австрійскимъ корпусомъ (въ 1860 году), а затѣмъ въ войну 1866 года—8-мъ союзнымъ армейскимъ. Несогласіе съ главнокомандующимъ относительно плана дѣйствій повлекло за собой неудачу для союзныхъ войскъ. Въ свое оправданіе принцъ Александръ издалъ въ 1867 г. сочиненіе: „Feldzugsjournal des Oberbefehlshabers des 8 deutschen Bundesarmeekorps im Feldzuge des J. 1866 in Westdeutschland". Знатокъ живописи и покровитель художниковъ, любитель исторіи и нумизматики, принцъ собралъ въ Гейлигенбергѣ обширную монетную коллекцію, которую описалъ въ сочиненіи: „Das heiligenberger Münzkabinet", появившемся въ 1854—1864 г.

«Männer der Zeit,» Biographisches Lexikon der Gegenwart, Leipzig, 1863, II, 163. «Русскій Инвалидъ» 1860 г. № 156 (біографія принца Александра, перепеч. изъ «Uns. Zeit.») и 1851 г., № 241, «Сѣверная Пчела» 1859 г., №№ 142, 159, 160, 169, 190 и 193 (участіе принца Александра въ итальянской кампаніи). Энцикл. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. I, стр. 413. *С. Т.*

Александръ I, Императоръ Всероссійскій, старшій сынъ Цесаревича Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (принцессы Виртембергской), род. въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, 12-го декабря 1777 года; 28-го сентября 1793 года вступилъ въ бракъ съ Баденскою принцессою Луизою-Маріею-Августою, нареченною при святомъ муропомазаніи Елисаветою Алексѣевною; Наслѣдникомъ Цесаревичемъ сдѣлался 6-го ноября 1796 года; вступилъ на престолъ 12-го марта 1801 года; скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года; имѣлъ двухъ дочерей: 1) Марію Александровну, родившуюся 8-го мая 1799 года и скончавшуюся 27-го іюля 1800 года, и 2) Елисавету Александровну, род. 3-го ноября 1806 года и скончавшуюся 30-го апрѣля 1808 года.

Великій Князь Александръ Павловичъ.

1777—1796.

Послѣ тревожныхъ сентябрьскихъ дней 1777 года, когда небывалое въ лѣтописяхъ Петербурга наводненіе грозило столицѣ гибелью, настало для Императрицы Екатерины радостное событіе. Въ понедѣльникъ, 12-го декабря, въ девять и три четверти часа утра, Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, которому дано, по желанію Императрицы, имя Александра, въ честь Александра Невскаго, святаго народнаго для Россіи и для Петербурга въ особенности. Династія, наконецъ, упрочилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ для Императрицы представлялась въ будущемъ возможность назначить себѣ наслѣдника по сердцу. Крещеніе Александра Павловича совершено было 20-го декабря; воспріемниками его были заочно Императоръ Римскій Іосифъ II и король Прусскій Фридрихъ Великій. Такимъ образомъ будущій творецъ Священнаго Союза уже съ колыбели связанъ былъ духовнымъ родствомъ съ вѣнценосцами Австріи и Пруссіи. Затѣмъ начался цѣлый рядъ великолѣпныхъ придворныхъ и народныхъ празднествъ, данныхъ Императрицею и ея вельможами. „До поста осталось какихъ-нибудь двѣ недѣли,—писала въ февралѣ 1777 года Екатерина Гримму,—и между тѣмъ у насъ будетъ одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафію".

Съ первыхъ же дней жизни Великаго Князя Александра Павловича, державная бабка всецѣло предалась мысли воспитать продолжателя великихъ дѣлъ ея славнаго царствованія, называя его въ своей перепискѣ *будущимъ вѣнценосцемъ* (porteur de couronne en herbe). Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго Государя, Екатерина, какъ глава Императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по его воспитанію въ надеждѣ видѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Она лелѣяла его дѣтство, назначала ему наставниковъ и руководила его ученіемъ, сосредоточивая на немъ самую горячую нѣжность, заботливость и никогда не теряемый изъ виду династическій интересъ.

Александръ Павловичъ въ первые годы его младенчества былъ ввѣренъ попеченію генеральши Софіи Ивановны *Бенкендорфъ* (рожденной Левенштернъ), вдовѣ Ревельскаго коменданта. Выборъ няни былъ весьма удаченъ. Это была жена перваго камердинера Великаго Князя: Прасковья Ивановна *Гесслеръ*, родомъ англичанка, женщина рѣдкихъ достоинствъ; она передала хорошія привычки и наклонности своему питомцу, который пріобрѣлъ отъ нея любовь къ порядку, простотѣ и опрятности, и навсегда сохранилъ къ ней благоговѣйное уваженіе. Екатерина также отзывалась съ большимъ уваженіемъ о г-жѣ Гесслеръ; восхваляя въ 1793 году физическое и моральное воспитаніе Великаго Князя Александра, Императрица сказала своему секретарю Храповицкому: „Если у него родится сынъ и тою же англичанкою также семь лѣтъ воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола Россійскаго утверждено на сто лѣтъ. Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ".

Екатерина приступила къ дѣлу физическаго воспитанія своего внука во всеоружіи научныхъ знаній и опытности, и оно не оставляло желать ничего лучшаго. Прежде всего Императрица позаботилась о томъ, чтобы закалить здоровье своего внука. „Какъ только господинъ Александръ родился", писала Екатерина въ 1778 году шведскому королю Густаву III, „я взяла его на руки, и послѣ того какъ его вы-

мыли, унесли въ другую комнату, гдѣ и положили на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила чтобы его спеленали иначе, какъ посылаемая при семъ кукла. Когда это было сдѣлано, то господина Александра положили въ ту корзину гдѣ кукла, чтобы женщина, при немъ находившаяся, не имѣла никакого искушенія его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на канапе. Убранный такимъ образомъ господинъ Александръ былъ переданъ генеральшѣ Бенкендорфъ; въ кормилицы ему была назначена жена молодца садовника изъ Царскаго Села, и послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину его матери, въ назначенную для него комнату. Это—обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ, и занавѣсы, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы за спинкой балдахина. Комната обширна, для того, чтобы воздухъ въ ней былъ лучше; балдахинъ посреди комнаты, противъ оконъ, для того, чтобы воздухъ могъ обращаться свободнѣе вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Балюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ за разъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душнымъ; маленькая кровать господина Александра, такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія,—желѣзная безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрасѣ, покрытомъ простынею, у него есть подушечка и легкое англійское одѣяло; всякія оглушительныя заигрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ всегда говорятъ громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдятъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался никогда свыше 14 или 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметаютъ въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую комнату, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется, господина Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его пріучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ... Какъ скоро только весною воздухъ сдѣлался сноснымъ, то сняли чепчикъ съ головы господина Александра и вынесли его на воздухъ; мало-по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на пескѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ хорошую погоду, въ тѣни, защищенный отъ солнца. Тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ и на него не надѣваютъ ничего такого, что могло бы малѣйше стѣснять его въ какой-нибудь части тѣла. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то чтобы его поменьше носили на рукахъ, я дала ему коверъ... который разстилается въ его комнатѣ... здѣсь-то онъ барахтается, такъ что весело смотрѣть. Любимое платьице его, это—очень коротенькая рубашечка и маленькій вязанный очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды".

Въ заключеніе Екатерина говоритъ, что Александръ полонъ, великъ, здоровъ и очень веселъ, и не кричитъ почти никогда (il est gros, grand, bien portant et fort gai, et ne criant presque jamais).

Изъ этихъ строкъ очевидно, съ какою любовью и заботливостью съ самаго рожденія своего старшаго внука, Екатерина входила во всѣ подробности физическаго воспитанія Александра, направляя его самымъ раціональнымъ образомъ.

Не долго Александръ Павловичъ оставался одинокимъ безъ товарища. Екатерина съ нетерпѣніемъ поджидала появленія втораго внука; „мнѣ все равно,—говорила она,—будутъ-ли у Александра сестры, но ему нуженъ младшій братъ". Желанія Императрицы вскорѣ осуществились: 27-го апрѣля 1779 года у Маріи Ѳеодоровны родился второй сынъ. „Этотъ чудакъ,—писала Екатерина Гримму,—заставлялъ ожидать себя съ половины марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... но этотъ слабѣе брата и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки". Въ это время Екатерина задумала уже знаменитый греческій проектъ и потому при крещеніи дано ему имя *Константинъ*. „У меня спросили,—писала по этому поводу Екатерина,—кому быть воспріемникомъ. Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдулъ-Гамиду,—отвѣчала я; но такъ какъ турку

нельзя крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ ему честь и назовемъ младенца Константиномъ... И вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ".

Второй внукъ также поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки и, слѣдовательно, къ нему примѣнили тотъ же методъ физическаго воспитанія, какъ и къ Александру. Съ тѣхъ же поръ, какъ братья могли предаться совмѣстно своимъ дѣтскимъ играмъ, они, по желанію Екатерины, остались неразлучными.

Воспитаніе Великаго Князя Александра Императрица старалась поставить на высоту современныхъ ей педагогическихъ требованій.

Попечителемъ при обоихъ Великихъ Князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ Екатерина назначила генералъ-аншефа Николая Ивановича *Салтыкова*. Это былъ ловкій, но ограниченный царедворецъ, весьма твердо знавшій придворную науку. Отличительною чертою его характера была угодливость. По грубому выраженію одного изъ сотрудниковъ Салтыкова по воспитанію, Александра Павловича, Массона, его главнымъ дѣломъ при Великихъ Князьяхъ было предохранить ихъ отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка. Наружность его была не привлекательная. Современникъ изображаетъ его человѣкомъ небольшаго роста, съ огромной головой, невзрачнымъ и неуклюжимъ, тщедушнымъ, хворымъ, съ постоянною гримасою на лицѣ. Нельзя предположить, чтобы Екатерина придавала какое-либо особое значеніе воспитательнымъ качествамъ Салтыкова; выборъ ея былъ, вѣроятно, вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Салтыковъ былъ въ милости у великокняжеской четы, завѣдуя ихъ дворомъ уже 10 лѣтъ (съ 1773 года). Екатерина не могла не замѣтить искусства, съ которымъ пробирался Салтыковъ между подводными камнями, которыми усѣяна была дорога между большимъ и малымъ дворами. Говорятъ, что при этомъ случаѣ онъ умѣлъ умѣрять выраженіе неудовольствія, которое ему поручалось передать, а съ другой стороны—смягчалъ и отвѣты сына, докладывая о нихъ матери, такъ что обѣ враждующія стороны оставались имъ довольны. Вообще Салтыкову предназначалась роль ширмы, за которой скрывалась вѣнценосная бабушка. Притомъ, нельзя упустить изъ виду еще и то обстоятельство, что Екатерина могла положиться на эту ширму, а этимъ свойствомъ Салтыкова нельзя было пренебрегать при существовавшей тогда обстановкѣ придворной жизни.

Императрица продолжала по прежнему лично входить во всѣ подробности воспитанія своихъ внуковъ. Это видно изъ подробнаго *наставленія* о воспитаніи Великихъ Князей, написаннаго Екатериною для Салтыкова и врученнаго ему 13-го марта 1784 года при особомъ рескриптѣ. Въ этомъ рескриптѣ Императрица говоритъ: „Богу благодареніе! Неоспоримо, что природное сложеніе Ихъ Высочествъ, здоровье ихъ и качества души и ума соотвѣтствуютъ въ полной и рѣдкой мѣрѣ принятому объ нихъ попеченію. Старшему приспѣло уже время перейти изъ присмотра младенчеству сродственнаго, въ руководство отроку отродію его приличное. Братъ его по привычкѣ и горячей любви между ними, да будетъ неразлученъ со старшимъ братомъ, котораго примѣръ ему нуженъ и полезенъ". Затѣмъ Екатерина переходитъ къ самому Салтыкову, мотивируя свой выборъ слѣдующимъ образомъ: „Въ главные приставники надъ воспитаніемъ искали мы особу добронравную, поведенія основаннаго на здравомъ разсудкѣ и честности, и который съ дѣтьми умѣлъ бы обходиться пріятно и ласково. Увѣрены мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи качества, ревность ваша къ добру и испытанную вашу честность употребите въ служеніи, въ которомъ по великой его важности *будете руководимы единственно нами во всѣхъ случаяхъ*".

Въ мартѣ 1785 года. Екатерина сообщаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ извѣстіе о мѣропріятіяхъ своихъ по воспитанію внуковъ: „Господа Александръ и Константинъ между тѣмъ перешли въ мужскія руки и въ ихъ воспитаніи установлены неизмѣнныя правила (leur éducation a reçu des règles immuables); но они все-таки приходятъ прыгать вокругъ меня и мы сохраняемъ прежній тонъ, смѣю утверждать, что эти дѣти подаютъ очень великія надежды (j'ose affirmer que ce sont des enfants de la plus grande espérance)".

Назначивъ вѣрнаго человѣка главнымъ приставникомъ при внукахъ, Екатерина озаботилась пріисканіемъ способнаго испол-

нителя своихъ педагогическихъ предначертаній. Выборъ ея остановился на швейцарскомъ гражданинѣ *Лагарпѣ;* это былъ человѣкъ, преисполненный гуманными взглядами философовъ 18-го вѣка, неподкупной честности и независимаго характера.

Выборъ Лагарпа состоялся при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1782 году Лагарпъ былъ избранъ Гриммомъ, чтобы сопутствовать въ Италіи брату фаворита Александра Дмитріевича Ланскаго. Умъ и здравый смыслъ Лагарпа, по отзыву Екатерины, очаровалъ присутствующихъ и отсутствующихъ, и Императрица пожелала, чтобы онъ сопровождалъ порученнаго его попеченію молодаго человѣка до Петербурга. Путешественники прибыли въ Петербургъ въ началѣ 1783 года и Лагарпъ назначенъ состоять кавалеромъ при Великихъ Князьяхъ; назначеніе его совпало съ переходомъ ихъ отъ женскаго надзора къ мужскому. Преподаваніе Лагарпа началось съ французскаго языка. 10-го іюня 1784 года Лагарпъ представилъ Императрицѣ обширную записку, какъ бы педагогическую исповѣдь, въ которой изложилъ, какіе предметы и при помощи какихъ пособій онъ можетъ и долженъ преподавать Великимъ Князьямъ. Записка Лагарпа, дополняющая собою инструкцію Екатерины, и рѣшила его судьбу. Императрица вполнѣ одобрила записку и написала: „дѣйствительно, кто составилъ подобный мемуаръ, тотъ способенъ преподавать не только одинъ французскій языкъ". Въ слѣдствіе этого Лагарпъ былъ оффиціально признанъ наставникомъ Великихъ Князей съ увольненіемъ отъ должности кавалера.

„Провидѣніе, повидимому, возъимѣло сожалѣніе надъ милліонами людей, обитающихъ Россію",—пишетъ Лагарпъ въ своихъ запискахъ, отступивъ на этотъ разъ отъ обычной скромности,—„но лишь Екатерина могла пожелать, чтобы ея внуки были воспитаны какъ люди".

Съ первыхъ же дней появленія республиканца при дворѣ Екатерины, онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ и любимымъ наставникомъ своего царственнаго воспитанника, проявлявшаго къ нему трогательную привязанность. Чувства искренней любви и благодарности къ Лагарпу неизмѣнно сохранились въ сердцѣ Александра до конца его земнаго поприща.—„Я вамъ обязанъ тѣмъ, что я знаю (Je vous dois le peu de ce que je sais)", писалъ Александръ Лагарпу 16-го января 1808 года.—„Tout ce que je sais et tout ce que peut-être je vaux, c'est à M-r Laharpe que je le dois", сказалъ Императоръ Александръ въ 1814 году, представляя Лагарпа Прусскому королю и его сыновьямъ. Подобный же отзывъ и въ ту же эпоху слышалъ и Михайловскій-Данилевскій и записалъ его въ свой дневникъ: „Никто болѣе Лагарпа,—сказалъ Александръ,—не имѣлъ вліянія на мой образъ мыслей. Не было бы Лагарпа, не было бы Александра". Тѣ же мысли высказалъ Александръ уже въ 1796 году князю Адаму Чарторижскому, отзываясь о Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокихъ добродѣтелей, истинномъ мудрецѣ, строгихъ правилъ, сильнаго характера, которому онъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ что онъ знаетъ; ему въ особенности, утверждалъ Александръ, онъ былъ обязанъ тѣми *началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ его наставникъ.* Лагарпъ также душевно привязался къ своему даровитому ученику. По мнѣнію его, Александръ родился съ самыми драгоцѣнными задатками высокихъ доблестей и отличнѣйшихъ дарованій. „Ни для одного смертнаго", сказалъ въ 1815 году Лагарпъ Михайловскому-Данилевскому: „природа не была столь щедра. Съ самаго младенчества замѣчалъ я въ немъ ясность и справедливость въ понятіяхъ (justesse d'idées)". Вообще и тогда еще Лагарпъ не могъ безъ восхищенія говорить о питомцѣ своемъ.

Екатерина вполнѣ довѣряла Лагарпу и неоднократно выражала сочувствіе и одобреніе содержанію читаннаго имъ курса, каждый отдѣлъ котораго ею тщательно просматривался. „Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно", сказала ему однажды Екатерина, „я вижу что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло такъ же хорошо, какъ вели его до сихъ поръ".

При всѣхъ своихъ достоинствахъ Лагарпъ не былъ, конечно, чуждъ и недостатковъ; онъ самъ признавалъ себя идеалистомъ и теоретикомъ, знакомымъ болѣе съ книгами, нежели съ людьми. Только впослѣдствіи, когда, по возвращеніи въ отечество, Лагарпъ столкнулся съ жизнью и страстями человѣческими и пріобрѣлъ не-

достававшую ему жизненную и политическую опытность, онъ отказался отъ многихъ либеральныхъ увлеченій и теоретическихъ умозаключеній. Въ 1802 году онъ началъ даже усматривать величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, и въ этомъ новомъ духѣ преподавалъ Александру наставленія.

Современники встрѣтили выборъ главнаго наставника Александра не вполнѣ сочувственно. Однажды юный Великій Князь, бросаясь на шею къ Лагарпу, былъ осыпанъ пудрой съ его парика—и когда Лагарпъ сказалъ: „посмотрите, любезный князь, на что вы похожи“, Александръ отвѣчалъ: „все равно; никто меня не осудитъ за то, что займу отъ васъ“. Какъ разъ въ этомъ и ошибся Александръ. Вигель, относящійся въ своихъ воспоминаніяхъ вообще враждебно къ преобразовательной дѣятельности Александра, разразился въ нихъ слѣдующей филиппикой противъ Лагарпа, которая заслуживаетъ вниманія какъ отголосокъ мнѣнія всѣхъ тогдашнихъ приверженцевъ старыхъ порядковъ: „Воспитаніе Александра, — пишетъ Вигель, — было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины; образованіе его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего прибытія и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему самодержцу величайшей Имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка. Но не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать“.

Нѣтъ сомнѣнія, что другой современникъ Крыловъ въ баснѣ: „*Воспитаніе льва*“ также намекаетъ на неправильное воспитаніе Александра. Орелъ, воспитывая львенка, научаетъ его, къ ужасу звѣринаго свѣта, вить гнѣзда; въ заключеніе разсказа баснописецъ приводитъ нравоученіе, что важнѣйшая наука для царей знать свойство своего народа и выгоды земли своей.

А. С. Стурдза, консервативный образъ мыслей котораго достаточно извѣстенъ, высказывается болѣе снисходительно относительно Лагарпа, величая его Аристотелемъ новѣйшаго Александра; онъ признаетъ за нимъ заслугу въ томъ, что онъ внушилъ и глубоко внѣдрилъ въ сердце своего воспитанника религіозное уваженіе къ человѣческому достоинству — качество, драгоцѣнное для Монарха вообще—и незамѣнимое для самодержца. („Ce qu'il sut lui inspirer et graver profondément dans son coeur, ce fut un respect religieux pour la dignité de l'homme, qualité précieuse dans un souverain, inappréciable dans un autocrate»).

Коснувшись вкратцѣ воспитательной роли Лагарпа, необходимо сказать нѣсколько словъ и о прочихъ наставникахъ Александра.

Законоучителемъ и духовникомъ, или какъ значится въ придворныхъ календаряхъ того времени: наставникомъ въ христіанскомъ законѣ, Императрица избрала протоіерея *Андрея Аѳанасьевича Самборскаго*. Онъ занималъ эту должность съ 1784 года до обрученія Великаго Князя въ 1793 году. Прекрасный выборъ Екатерины не разъ подвергался осужденію. Донынѣ историки осуждаютъ Самборскаго въ томъ, что онъ не умѣлъ сообщить своему царственному ученику истиннаго пониманія духа православной церкви; на него смотрѣли, какъ на человѣка свѣтскаго, лишеннаго глубокаго религіознаго чувства. Обвиненія эти не могутъ быть признаны справедливыми. Неблагопріятные отзывы о Самборскомъ отчасти вызваны были, вѣроятно, отзывами Императора Александра, замѣтившаго впослѣдствіи относительно своихъ юношескихъ религіозныхъ чувствъ слѣдующее: „Я былъ, какъ и всѣ мои современники, не набоженъ“. Но этотъ взглядъ навѣянъ позднѣйшими религіозными увлеченіями Императора Александра. и еще вопросъ была-ли эта вновь обрѣтенная набожность полезнѣе государству душевнаго настроенія юношескихъ годовъ Великаго Князя. Наставленія Самборскаго преисполнены были, напротивъ того, истинно христіанскимъ духомъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся переписка Самборскаго, и нелицепріятный судъ исторіи долженъ признать, что законоучитель, избранный Великою Екатериною, который училъ Великаго Князя: „находить во всякомъ человѣческомъ состояніи—своего ближняго, и тогда никого не обидите, и тогда исполнится законъ Божій“,—внѣ всякаго сомнѣнія, стоялъ вполнѣ на высотѣ своего

призванія. Поэтому, наперекоръ вышеупомянутому взгляду, позволительно, напротивъ того, утверждать, что именно благодаря вліянію Самборскаго окрѣпло религіозное чувство Александра Павловича. Недоброжелателей и завистниковъ Самборскаго, конечно, смущало и то обстоятельство, что Императрица, во вниманіе къ долголѣтнему пребыванію его за границею, разрѣшила ему носить свѣтскую одежду и брить бороду. Послѣ этого легко было обвинять Андрея Аѳанасьевича въ нѣкоторомъ умышленномъ отступленіи отъ чистоты православія; къ тому же этому британцу, образованному законоучителю поручено было преподавать Великимъ Князьямъ и англійскій языкъ—примѣръ, едва-ли не единственный въ исторіи русской педагогіи.

Обратимся теперь къ второстепеннымъ дѣятелямъ, призваннымъ къ участію въ дѣлѣ воспитанія Великаго Князя Александра.

Генералъ-поручикъ *Александръ Яковлевичъ Протасовъ*, родственникъ графа Александра Романовича Воронцова, состоялъ при Великомъ Князѣ въ званіи придворнаго кавалера, т.-е. воспитателя. Онъ пользовался расположеніемъ Императрицы за усердное и добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей и, вѣроятно, обратилъ на себя ея вниманіе, будучи еще новгородскимъ губернаторомъ, твердымъ и человѣколюбивымъ образомъ дѣйствій при усмиреніи взбунтовавшихся въ 1783 году крестьянъ. Массонъ отзывается въ своихъ запискахъ о Протасовѣ крайне неуважительно, называя его „borné, mystérieux, bigot, pusillanime“. Дневныя записки Протасова и переписка его свидѣтельствуютъ, что отзывъ Массона не можетъ быть признанъ справедливымъ. Изъ записокъ Протасова видно, что онъ, какъ вѣрный сынъ православной церкви и строгій хранитель дворянскихъ преданій и сложившихся формъ русской общественной жизни, не сходился въ политическихъ взглядахъ съ Лагарпомъ; онъ называлъ его „человѣкомъ, любящимъ народное правленіе“, хотя, впрочемъ, съ честнѣйшими намѣреніями. Свободомысліе Лагарпа признавалось Протасовымъ опаснымъ и вреднымъ для Великаго Князя. Въ одномъ только дѣлѣ у этихъ двухъ непримиримыхъ антагонистовъ проявлялось трогательное единодушіе: въ стараніи внушить Александру любовь и уваженіе къ отцу, сблизить его съ нимъ. Когда, въ началѣ августа 1796 г., Протасовъ разстался съ своимъ воспитанникомъ, родители его благодарили Александра Яковлевича за то, что онъ возвратилъ имъ сына („Ils m'ont tous deux remercié pour leur avoir rendu leur fils“). Что же касается до нравственныхъ добродѣтелей, которыя Протасовъ старался привить Великому Князю, то едва-ли между нимъ и Лагарпомъ могло существовать разногласіе; строгость предъявляемыхъ ими требованій была одинакова. Не подлежитъ сомнѣнію, что Протасовъ своими совѣтами и внушеніями неоднократно оказывалъ благотворное вліяніе на сердце и совѣсть Великаго Князя.

Преподавателями наукъ были избраны: по русской словесности и исторіи извѣстный писатель *Михаилъ Никитичъ Муравьевъ*, по ботаникѣ знаменитый *Палласъ*, по физикѣ академикъ *Крафтъ*, по математикѣ полковникъ *Массонъ*.

Заботы Екатерины о воспитаніи Александра не ограничились выборомъ наставниковъ и сочиненіемъ извѣстнаго наставленія. Она сама взяла перо въ руки, чтобы создать полезную для внуковъ дѣтскую библіотеку. Такимъ образомъ появилась „*Бабушкина азбука*“, которая и составила библіотеку Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. Азбука заключаетъ въ себѣ повѣсти и бесѣды, пословицы и поговорки, сказку о царевичѣ Фивеѣ; кромѣ того, въ ней занимаетъ выдающееся мѣсто изложеніе событій русской исторіи отъ начала Россійскаго государства до перваго нашествія татаръ на Россію (съ 862 по 1224 годъ). Предназначая свой трудъ для назиданія внуковъ, Императрица изложила событія въ такомъ видѣ, чтобы онѣ дѣйствовали благотворно на воображеніе дѣтей и служили для нихъ примѣрами.

Приготовляясь въ исходѣ 1786 года къ путешествію въ Новороссію и въ Крымъ, Екатерина намѣревалась взять съ собою обоихъ внуковъ: Александра и Константина, чтобы познакомить ихъ съ Россіею. Цесаревичъ и Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна оскорбились этимъ намѣреніемъ и въ почтительномъ письмѣ просили оставить Великихъ Князей въ Петербургѣ. Екатерина отвѣчала: „Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время они при-

надлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое (т.-е. всѣ дочери) остаются съ вами; неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя кого-нибудь изъ своего семейства?" Царственная бабушка осталась непреклонною и отъѣздъ Великихъ Князей былъ рѣшенъ безповоротно. Но злой рокъ распорядился иначе: Великій Князь Константинъ заболѣлъ корью и 7-го января 1787 года, Екатерина должна была выѣхать изъ Петербурга одна. Однако, къ концу путешествія, Императрица вытребовала къ себѣ обоихъ внуковъ въ Москву; отъѣздъ Ихъ Высочествъ изъ Царскаго Села состоялся 22-го мая.

Любопытно прослѣдить за это время начавшуюся уже ранѣе дѣтскую переписку Александра и Константина съ державной бабушкой; она, за немногими исключеніями, велась на русскомъ языкѣ. Достаточно одного бѣглаго обзора ея, чтобы убѣдиться, насколько въ этихъ письмахъ ярко обрисовываются будущія особенности характера обоихъ Великихъ Князей. Первыя записочки Александра къ державной бабушкѣ относятся къ самымъ раннимъ годамъ его дѣтства; затѣмъ переписка обоихъ Великихъ Князей длилась въ продолженіе всего путешествія Императрицы въ Крымъ. Сравнивая между собою письма Александра и Константина, нельзя не обратить вниманія на заключительныя слова ихъ. Александръ пишетъ: „Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ и душею. Цѣлую ваши ручки и ножки (иногда прибавлялось и маленькій пальчикъ), вашъ нижайшій внукъ Александръ". Константинъ придаетъ окончанію своихъ писемъ совершенно иной оборотъ; всякія нѣжности отсутствуютъ; онъ пишетъ: „Я пребываю вашъ, бабушка, покорнѣйшій внукъ Константинъ". Во французскихъ письмахъ замѣчается тотъ же характеръ. Константинъ пишетъ: „Je suis, avec respect, votre très obéissant petit fils". Александръ же оканчиваетъ свои нѣжныя посланія бабушкѣ слѣдующимъ образомъ: „Je baise vos mains et vos pieds. Votre très humble et très obéissant petit fils".

Съ 1790 года Екатерина была озабочена пріисканіемъ подходящей невѣсты для Великаго Князя Александра Павловича. Довѣреннымъ лицемъ Императрицы по этому важному дѣлу былъ будущій государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ*. Окончательно выборъ ея остановился на дочери маркграфа Баденскаго *Луизѣ-Августѣ*. 30-го октября 1792 года принцесса прибыла въ Петербургъ въ сопровожденіи младшей сестры *Фредерики-Доротеи*. „L'aînée plus on la voit et plus elle plait", писала Екатерина Румянцову; Великій Князь Александръ оказался того же мнѣнія. По замѣчанію Протасова, невѣста, для него избранная, какъ нарочно для него создана. 9-го мая 1793 года состоялось муропомазаніе 14-ти-лѣтней принцессы Луизы, которая наречена Великой Княжной *Елисаветой Алексѣевной*: 10-го мая послѣдовало обрученіе съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, а 28-го сентября того же года — бракосочетаніе. „C'est Psyché unie à l'Amour", замѣчаетъ восторженно Екатерина въ своей перепискѣ.

Въ дневныхъ запискахъ своихъ Протасовъ 15-го ноября 1792 года записалъ слѣдующее: „Мой воспитанникъ—честный человѣкъ, прямой христіанинъ, доброты души его нѣтъ конца, тѣлесныя доброты его всѣмъ извѣстны. Невѣста, ему избранная, какъ нарочно для него создана. Если Александръ Павловичъ имѣетъ нѣкоторыя слабости, яко то—праздность, медленность и лѣнь, имѣю надежду, что хорошія его качества переработаютъ отчасти его недостатки... Если впередъ при немъ будетъ хорошій человѣкъ, не сомнѣваюсь не мало, чтобъ онъ еще лучше сдѣлался".

Нельзя не пожалѣть, что Императрица нѣсколько поспѣшила бракомъ 16-ти-лѣтняго внука; вредныя послѣдствія этого преждевременнаго шага не замедлили отозваться на неокончившемъ еще свое воспитаніе юношѣ. Любопытно прослѣдить по запискамъ Протасова замѣченныя имъ, по этому случаю, въ своемъ воспитанникѣ въ разное время перемѣны.

„Александръ Павловичъ отсталъ нечувствительно отъ всякаго рода упражненій; пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высочество отъ всякаго прочнаго умствованія... онъ прилѣпился къ дѣтскимъ мелочамъ, а паче военнымъ... подражалъ брату, шалилъ непрестанно съ прислужниками въ своемъ кабинетѣ весьма непристойно... Причина сему—ранняя женитьба и что увѣрили его высочество, будто уже можно располагать самому собою... его высочество, совершенно отставъ отъ упражненій, назначенныхъ съ учителями, упражнялся съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ... Сколько ни твердилъ я до окончанія сего года, что праздность есть источникъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, а между тѣмъ лѣнь и нерадѣніе совершенный дѣлаютъ ему вредъ. Вотъ какъ“, заключаетъ Протасовъ, „къ сожалѣнію моему окончился 16-й годъ и наступилъ 17-й“.

Въ перепискѣ А. Я. Протасова съ графомъ А. Р. Воронцовымъ встрѣчаются по этому же предмету еще болѣе рѣзкіе отзывы огорченнаго положеніемъ дѣлъ воспитателя.

Хотя Екатерина и была, повидимому, полновластною распорядительницею воспитанія Великаго Князя Александра, но она не имѣла возможности совершенно отстранить отъ него вліяніе родителя. Императрица предвидѣла это неизбѣжное зло уже вскорѣ послѣ рожденія внука, и въ 1778 году писала Гримму: „Во всякомъ случаѣ изъ него выйдетъ отличный малый. Боюсь за него только въ одномъ отношеніи, но объ этомъ скажу вамъ на словахъ. Домекайте (à bon nez salut)“. Предвѣдѣніе Екатерины, къ сожалѣнію, оправдалось вполнѣ. Со вступленіемъ Александра въ юношескій возрастъ, отцовское вліяніе неизбѣжнымъ образомъ усилилось и внесло новыя противорѣчія въ дѣло воспитанія. „Le père prend toujours plus d'ascendant sur les fils“, пишетъ Протасовъ въ 1796 году.

Для вѣрной оцѣнки характера Александра, какимъ онъ проявился впослѣдствіи, во время его самодержавства, нельзя упустить изъ вида указанное выше обстоятельство и должно принять въ соображеніе, что ему суждено было провести дѣтство и юность между двумя противоположными полюсами: геніальной бабкой и гатчинской кордегардіей. Привязанности Александра мучительнымъ образомъ дѣлились между Екатериною и его родителями. Ему приходилось угождать то одной, то другой сторонѣ и безпрестанно согласовать несхожіе вкусы, скрывая, по необходимости, свои чувства. Вліяніе этихъ впечатлѣній можно прослѣдить и въ характерѣ Александра Павловича; ему никогда не удалось отрѣшиться, во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, отъ нѣкоторой присущей ему двуличности и скрытности, соединенныхъ съ недовѣріемъ вообще къ людямъ,—недостатки, развившіеся подъ вліяніемъ обстановки, среди которой онъ возмужалъ. Такимъ образомъ въ умѣ Александра постепенно вкоренялась двойственность въ дѣлахъ и въ мысляхъ, которая преслѣдовала его затѣмъ въ продолженіе всей его жизни.

Гатчинская кордегардія привила Александру еще другое зло: увлеченіе фронтомъ, солдатской выправкой, парадоманіею. Усмотрѣвъ въ выправкѣ существенную сторону военнаго дѣла и свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, онъ впослѣдствіи перещеголялъ въ этомъ искусствѣ даже брата Константина, котораго нельзя, однако, заподозрить въ равнодушіи къ этой, излюбленной имъ уже съ дѣтства, спеціальности. Въ 1817 году Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ генералъ-адъютанту Сипягину: „Нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь... я болѣе 20-ти лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя былъ изъ первыхъ офицеровъ, а нынѣ такъ премудрено, что и не найдешься“.

Великій Князь Александръ, совмѣстно съ братомъ, ежегодно все болѣе и болѣе привлекались Цесаревичемъ къ экзерциціямъ гатчинскихъ войскъ. „Долженъ сознаться“, писалъ Александръ Лагарпу 27-го октября 1795 года, „что, къ сожалѣнію, прошлое лѣто мало доставило мнѣ времени для занятій. Главнымъ развлеченіемъ служили слишкомъ частые маневры, ученія и парады въ Павловскѣ, ибо вмѣсто одного раза въ недѣлю, какъ мы ѣздили въ предъидущіе годы, мы бывали до трехъ, а иногда и до четырехъ разъ въ это лѣто, а по вторникамъ и пятницамъ по обыкновенію; сочтите, что оставалось“. Въ слѣдующемъ затѣмъ году фронтовыя занятія Великаго Князя еще болѣе расширились, окончательно отвлекая его отъ всякихъ научныхъ занятій. „Нынѣш-

нимъ лѣтомъ могу дѣйствительно сказать", писалъ Александръ Лагарпу 13-го октября 1796 года, „что *я служилъ*, ибо, представьте себѣ, каждый день, въ 6 часовъ утра, мы должны были ѣздить въ Павловскъ и оставаться тамъ до перваго часу, а часто даже и послѣ обѣда, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ тою разницею, что въ эти дни мы имѣли время возвращаться въ Царское Село къ обѣднѣ".

Служба при гатчинскихъ войскахъ причинила Александру еще одно зло: она вызвала глухоту лѣваго уха. „Я въ молодости стоялъ близь батареи",—разсказывалъ Императоръ Александръ въ 1818 году,—„и отъ сильнаго гула пушекъ лишился слуха въ лѣвомъ ухѣ". Эти слова Государя, тогда же записанныя очевидцемъ флигель-адъютантомъ Михайловскимъ - Данилевскимъ, доказываютъ несправедливость того извѣстія, по которому виновницею глухоты Александра Павловича является, будто бы, Екатерина, желавшая пріучить внука еще въ младенчествѣ къ пушечнымъ выстрѣламъ и вызвавшая этою неосторожностью поврежденіе въ неокрѣпшемъ еще слуховомъ нервѣ будущаго Императора.

Протасовъ въ своей перепискѣ упоминаетъ впервые о глухотѣ Александра Павловича въ письмѣ отъ 18-го мая 1794 года и замѣчаетъ, что онъ упорно отказывается отъ совѣта докторовъ Рожерсона и Бека, уклоняется вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякаго пользованія лѣкарствами.

Что же это были за гатчинскія войска, въ которыхъ Александръ научился умуразуму „по нашему, по-гатчински", и олицетворявшія собою какъ бы государство въ государствѣ. Екатерина всегда опасалась для своихъ внуковъ неправильной постановки военнаго обученія: „понеже все касательно службы",—писала Императрица, вѣроятно, Н. И.Салтыкову,—„не есть и быть не можетъ дѣтской игрушкой". Но въ дѣйствительности обстоятельства сложились иначе. По какому-то необъяснимому недоразумѣнію или упущенію, Екатерина съ 1782 года допустила постепенное сформированіе и усиленіе гатчинскихъ войскъ, образованныхъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, и такимъ образомъ, среди россійской арміи, могли, на законномъ основаніи, появиться какія-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на каррикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ. Организація, обмундированіе и обученіе гатчинцевъ не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Въ 1796 году гатчинскія войска состояли уже изъ шести баталіоновъ пѣхоты, егерской роты, четырехъ кавалерійскихъ полковъ (жандармскаго, драгунскаго, гусарскаго и казачьяго) и пѣшей и конной артиллеріи. Всего, по списку 6-го ноября 1796 года, въ нихъ числилось 2.399 человѣкъ (въ томъ числѣ 19 штабъ и 109 оберъ-офицеровъ).

Личный составъ гатчинскихъ войскъ былъ болѣе чѣмъ плачевный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о Гатчинскихъ офицерахъ слѣдующимъ нелестнымъ образомъ: „Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ добровольно, обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ Наслѣдника брань, а можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли местью: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили". Изъ этой среды болѣе всѣхъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность своею лютостью бывшій прусскій гусаръ *Федоръ Ивановичъ Линденеръ*. При воцареніи Павелъ произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ инспекторомъ кавалеріи. Въ кавалерійскихъ полкахъ долго помнили его имя; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погубить. Ростопчинъ, въ своей перепискѣ, отозвался о Линдерѣ въ 1794 году въ слѣдующихъ нелестныхъ выраженіяхъ: „Пошлая личность, надутая самолюбіемъ (plat personnage, bouffi d'amour propre), выдвинутая впередъ минутною прихотью Великаго Князя. Этотъ человѣкъ очень опасенъ, будучи подозрителенъ и недовѣрчивъ, тогда какъ властелинъ легковѣренъ и вспыльчивъ".

Другой выдающійся герой среди этой своеобразной школы раболѣпства и самовластія былъ *Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ*, сдѣлавшійся, по истинно роковой случайности, еще до воцаренія Павла близкимъ человѣкомъ гуманнаго воспитанника Лагарпа. По отзыву того-же современника, „Аракчеевъ возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемыхъ, покорныхъ, хотя завистливыхъ и недовольныхъ, среди малой гвардіи, которая должна была впослѣдствіи осрамить, измучить и унизить настоящую старую гвардію".

Но всѣмъ этимъ не ограничилось растлѣвающее вліяніе гатчинской атмосферы. Независимо отъ военной выправки „по нашему, по-гатчински", какъ выражался въ то время юный Великій Князь, ему приходилось еще слышать при маломъ дворѣ рѣзкое осужденіе правленія Екатерины и нерѣдко также наставленія далеко не гуманнаго свойства. Такъ, напримѣръ, однажды, по поводу кровавыхъ событій французской революціи, Павелъ сказалъ своимъ сыновьямъ: „Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками". Подобныя нравоученія, конечно, весьма мало согласовались, или, лучше сказать, совсѣмъ расходились съ наставленіями Екатерины и Лагарпа и невольно водворяли смуту въ неустановившемся еще міросозерцаніи Александра. Стоитъ припомнить слѣдующій разсказъ. Однажды, въ 1792 году, Великій Князь Александръ вступилъ съ нѣкоторыми лицами въ разсужденіе *о правахъ человѣка*. На сдѣланный ему вопросъ, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія, Александръ признался, что Императрица („sa bonne maman", какъ онъ ее называлъ) прочла съ нимъ французскую конституцію, разъяснивъ ему всѣ статьи ея, равно какъ и причины французской революціи.

Разсмотримъ теперь, къ какимъ политическимъ взглядамъ и убѣжденіямъ привели Великаго Князя Александра воспитаніе и ненормальная семейная обстановка. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать нѣсколько свидѣтельствъ несомнѣнной исторической достовѣрности, ясность и опредѣленность которыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Обратимся къ главнѣйшему изъ нихъ, рисующему безъ всякой утайки, самыми яркими красками міровоззрѣніе и нравственное душевное настроеніе внука Екатерины. Это письмо Великаго Князя Александра къ другу своему, *Виктору Павловичу Кочубею*, отъ 10-го мая 1796 года. При чтеніи этого любопытнаго письма прежде всего поражаетъ отрицательное, почти враждебное отношеніе Александра къ правительственной системѣ своей державной бабки, съ которою онъ въ сущности былъ еще весьма мало знакомъ, не будучи къ тому же еще способенъ, по молодости лѣтъ и по своей неопытности, должнымъ образомъ оцѣнить необыкновенный геній этой государыни. „Въ нашихъ дѣлахъ",—пишетъ Великій Князь,—„господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабежъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, и Имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно-ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія, это выше силъ нетолько человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія". Впослѣдствіи Александръ отнесся съ большею справедливостью къ памяти Екатерины II. Онъ сказалъ: „Catherine était pleine de prudence et d'esprit. C'était une grande femme dont la mémoire vit à jamais dans l'histoire de Russie». Но зато Александръ усмотрѣлъ въ Екатеринѣ новые недостатки: „Quant au développement moral elle était au même point que son siècle... Nous étions philosophes et la divine essence du christianisme se dérobait à nos regards".

Не менѣе рѣзки и безпощадны отзывы Александра относительно государственныхъ и придворныхъ дѣятелей того времени. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ характеризуетъ дворъ и ближайшихъ сотрудниковъ своей бабки: „Придворная жизнь не для меня создана. Каждый день страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста". Вся эта безотрадная, по

мнѣнію Александра, обстановка, привела его къ рѣшенію отречься отъ предстоящаго въ будущемъ высокаго жребія и поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ Великій Князь предназначилъ себѣ жить спокойно частнымъ человѣкомъ.

Въ такомъ же духѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ Александръ еще ранѣе писалъ и Лагарпу (21-го февраля 1796 года): „какъ часто я вспоминаю о васъ и обо всемъ, что вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ! Но это не могло измѣнить принятаго мною рѣшенія отказаться современемъ отъ занимаемаго мною званія. Оно съ каждымъ днемъ становится для меня все болѣе невыносимымъ, по всему тому, что дѣлается вокругъ меня. Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно". (Tout le monde pille, on ne rencontre presque pas d'honnête homme; c'est affreux).

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ откровенныя бесѣды 19-ти лѣтняго Александра съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ весною 1796 года въ Таврическомъ саду и въ Царскомъ Селѣ. Эти бесѣды юнаго политическаго мечтателя свидѣтельствуютъ, что Александръ придерживался въ то время самыхъ крайнихъ политическихъ воззрѣній и сочувствовалъ несчастіямъ Польши. Великій Князь сознался, что, не раздѣляя правилъ и воззрѣній кабинета и двора, онъ далеко не одобряетъ политики своей бабки, основныя начала которой кажутся ему заслуживающими порицанія, что онъ оплакивалъ паденіе Польши.

Впечатлѣніе, произведенное на Чарторижскаго этимъ разговоромъ было чрезвычайно сильно: „Онъ не зналъ, во снѣ ли это онъ слышалъ или на яву". Александръ показался ему необыкновеннымъ существомъ, посланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и Польши; съ этой минуты онъ почувствовалъ къ нему безграничную привязанность. Такъ началась эта дружба, продолжавшаяся съ нѣкоторыми колебаніями около 30-ти лѣтъ.

Со времени первой встрѣчи въ Таврическомъ саду, откровенныя политическія бесѣды Александра съ княземъ Чарторижскимъ не прерывались и сопровождались нескончаемыми преніями. Польскому магнату приходилось даже не разъ умѣрять крайность убѣжденій, высказываемыхъ въ пылу увлеченія юнымъ мечтателемъ. Между прочимъ, Александръ утверждалъ, что наслѣдственность престола — установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая съумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію государствомъ. Чарторижскій упорно оспаривалъ эту наивную политическую ересь и кончилъ тѣмъ, что сказалъ Великому Князю, что на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, Россія отъ этого ничего не выиграла бы, ибо она лишилась бы того, кто всѣхъ достойнѣе верховной власти. Замѣчательно, что много лѣтъ спустя, а именно въ 1807 году, въ Тильзитѣ, Наполеону пришлось выдержать подобный же споръ съ Императоромъ Александромъ. Вспоминая объ этомъ на островѣ св. Елены, Наполеонъ разсказывалъ въ 1816 году слѣдующее: „Croira-t-on jamais ce que j'ai eu à débattre avec lui? Il me soutenait que l'hérédité était un abus dans la souveraineté et j'ai dû passer plus d'une heure et user toute mon éloquence et ma logique à lui prouver que cette hérédité était le repos et le bonheur des peuples".

Когда насталъ 1796 годъ, царствованіе Екатерины склонялось къ своему концу. Тридцать три года оно изливало славу и блескъ на Россію; Великая Императрица мудро довершала и совершенствовала то, что создано и начато было Великимъ Петромъ. Одно только ложилось тяжелымъ бременемъ на душу Екатерины; она не могла думать безъ страха о томъ, что Имперія, выдвинутая ею столь быстро на путь благоденствія, славы и образованности, останется послѣ нея безъ всякихъ гарантій прочнаго развитія Екатерининскихъ начинаній.

Уже съ 1780 года замѣтно было, что отношенія Екатерины къ Цесаревичу Павлу Петровичу сдѣлались крайне натянутыми. Послѣ одной бесѣды съ Цесаревичемъ, Екатерина замѣтила: „вижу, въ какія руки попадетъ Имперія послѣ моей смерти! Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ Пруссіи. Жаль, если бы моя смерть, подобно смерти Императрицы Елисаветы, сопровождалась бы измѣненіемъ всей системы русской политики".

Екатерина вовсе не была жестокою, безсердечною матерью, какою многіе пи-

сатели склонны ее намъ изобразить; но она отлично знала своего сына; предвидѣла пагубное его царствованіе и намѣревалась предотвратить бѣду, заставивъ Цесаревича отречься отъ престола и уступить его Великому Князю Александру; устраненіе Павла Петровича отъ престола являлось въ ея глазахъ *государственною необходимостью*. Затрудненія, съ которыми сопряженъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, столь смѣлый правительственный шагъ, не могли остановить Государыню. „На этомъ свѣтѣ", — писала Екатерина, — „препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію; вотъ назначеніе препятствій". Къ тому же, обстоятельства благопріятствовали новому перевороту, задуманному Екатериною. Въ то время не существовало закона, который въ точности устанавливалъ бы порядокъ престолонаслѣдія. Законъ Петра Великаго 1722 года сохранялъ еще полную силу, а по этому закону правительствующіе Государи россійскаго престола имѣли право назначить своимъ наслѣдникомъ кого имъ будетъ угодно, по собственному благоусмотрѣнію, не стѣсняясь стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, отрѣшить его отъ престола. Дневникъ Храповицкаго можетъ служить доказательствомъ, что въ 1787 году (20-го августа) вопросъ о престолонаслѣдіи уже настолько созрѣлъ въ умѣ Императрицы, что она приступила къ историческому изученію его, читала *„Правду воли монаршей"* и входила съ секретаремъ своимъ въ разсужденіе о томъ, что причиною несчастій Царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ.

Всего труднѣе было приготовить къ подобному перевороту Великаго Князя Александра Павловича и заручиться его согласіемъ, не возмущая его сыновнихъ чувствъ. Зная любовь и довѣріе, съ которыми Александръ относился къ Лагарпу, Екатерина рѣшилась воспользоваться содѣйствіемъ его въ столь щекотливомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что Лагарпъ былъ единственный человѣкъ, который могъ взять на себя подобное порученіе и разрѣшить его съ полнымъ успѣхомъ, при томъ, конечно, условіи, если бы сочувствовалъ намѣреніямъ Императрицы. Черезъ три недѣли послѣ брака Великаго Князя Александра, 18-го октября 1793 года, Екатерина призвала къ себѣ Лагарпа, чтобы сообщить ему свое намѣреніе и съ его помощью приготовить внука къ мысли о будущемъ его возвышеніи. Но честный, неподкупный республиканецъ не былъ расположенъ разыграть роль, предназначенную ему, какъ онъ пишетъ, въ дѣлѣ избавленія Россіи отъ будущаго Тиверія; онъ былъ даже возмущенъ до глубины души предстоящею насильственною мѣрою. Разговоръ съ Екатериною, продолжавшійся два часа, обратился для Лагарпа, по собственному его признанію, въ величайшую нравственную пытку; всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы воспрепятствовать Императрицѣ открыть задуманный ею планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ проникъ ея тайну.

Лагарпъ не ограничился, однако, этимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы внушить своему воспитаннику любовь и уваженіе къ отцу и рѣшился даже предостеречь Павла, не смотря на то, что Цесаревичъ въ теченіе трехъ лѣтъ не говорилъ съ нимъ ни слова и упорно отворачивался при встрѣчахъ. Это намѣреніе честнаго республиканца удалось ему выполнить только въ 1795 году, въ Гатчинѣ. Во время происшедшей здѣсь бесѣды, Лагарпъ, между прочимъ, убѣждалъ Цесаревича имѣть къ сыновьямъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо. Павелъ оцѣнилъ по достоинству безкорыстный поступокъ Лагарпа, подарилъ ему во время бала свои перчатки и до гроба сохранилъ объ этомъ разговорѣ доброе воспоминаніе.

Когда Екатерина убѣдилась, что Лагарпъ не только не намѣренъ содѣйствовать, но даже склоненъ оказать противодѣйствіе намѣренію ея назначить Александра наслѣдникомъ взамѣнъ Павла, она рѣшилась уволить его отъ занятій съ внукомъ и отпустить за границу. Это была истинная причина его преждевременнаго удаленія изъ Россіи, а вовсе не свойственный ему либеральный образъ мыслей, на который обыкновенно указываютъ историки. Великій Князь Александръ и послѣ брака продолжалъ предначертанныя Императрицею занятія съ любимымъ наставникомъ.

Въ 1794 году, во время одной изъ лекцій, Салтыковъ вызвалъ внезапно Лагарпа и объявилъ ему волю Государыни, что такъ какъ Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ, а Константинъ Павловичъ опредѣленъ въ военную службу, то занятія съ Великими Князьями должны прекратиться съ концемъ текущаго года. Великій Князь тотчасъ догадался въ чемъ дѣло и сказалъ Лагарпу, желавшему скрыть испытанное огорченіе: „Не думайте, чтобъ я не замѣчалъ, что уже давно замышляютъ противъ васъ что-то недоброе, насъ хотятъ разлучить, потому что знаютъ всю мою привязанность, все мое довѣріе къ вамъ“. Говоря это онъ бросился къ нему на шею. Протасовъ по поводу увольненія Лагарпа пишетъ 30-го ноября 1794 года, что Великій Князь „a fait quelques démonstrations pour le retenir“, но Александру Яковлевичу казалось: „que dans le fond de l'âme il n'en était pas fâché“.

Лѣтомъ 1795 года Лагарпъ былъ уже въ Швейцаріи.

Испытавъ неудачу въ своихъ переговорахъ съ Лагарпомъ, Императрица попыталась найти себѣ союзника въ лицѣ Великой княгини Маріи Ѳеодоровны, но встрѣтила, конечно, со стороны невѣстки не менѣе упорный отказъ. Въ іюлѣ 1796 года, вскорѣ послѣ рожденія въ Царскомъ Селѣ Великаго Князя Николая Павловича, Императрица сообщила Маріи Ѳеодоровнѣ бумагу, въ которой предлагалось Великой Княгинѣ потребовать отъ Цесаревича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу Великаго Князя Александра Павловича, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ Марію Ѳеодоровну скрѣпить этотъ актъ своею подписью. Великая Княгиня, преисполненная чувствами искренняго негодованія, отказалась подписать требуемую бумагу. На этомъ пока остановилось это дѣло.

Вскорѣ послѣдовали, однако, событія, которыя побудили Императрицу вступить въ личныя объясненія по этому вопросу съ Великимъ Княземъ Александромъ.

13-го августа 1796 года прибылъ въ Петербургъ шведскій король Густавъ IV. Среди нескончаемыхъ празднествъ начались переговоры по поводу предположеннаго брака его съ Великою Княжною Александрой Павловной; наконецъ, казалось, что всѣ препятствія устранены и 11-го сентября должно было имѣть мѣсто въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе. Оффиціально дворъ былъ приглашенъ только къ балу. Но въ послѣднюю минуту вѣроисповѣдный вопросъ и упрямство Густава IV все разстроили. Дворъ собрался, и пребывалъ въ тщетномъ ожиданіи грядущихъ событій. Король отказался явиться. Когда же князю Зубову пришлось, наконецъ, доложить Императрицѣ, что предположенное обрученіе не можетъ состояться, она не могла выговорить ни одного слова. Екатерина почувствовала впервые легкій припадокъ паралича. Оскорбленіе, нанесенное въ этотъ плачевный день самолюбію Императрицы, должно было отразиться пагубнымъ образомъ на здоровьи Государыни, возбудивъ въ душѣ ея мрачныя предчувствія. Это обстоятельство побудило, вѣроятно, Екатерину подумать объ ускореніи своихъ намѣреній относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Оправившись нѣсколько отъ испытанной тревоги, Екатерина имѣла по этому поводу, 16-го сентября, разговоръ съ Великимъ Княземъ Александромъ. Спрашивается, какимъ образомъ отнесся юный Великій Князь къ сообщеніямъ своей бабки? На это даетъ отвѣтъ письмо Александра, отъ 24-го сентября 1796 года, уцѣлѣвшее въ бумагахъ князя Зубова. Вотъ точный переводъ этого любопытнаго историческаго документа:

„Ваше Императорское Величество!

Я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ Ваше Величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, съ которой изволили дать собственноручное поясненіе къ остальнымъ бумагамъ. Я надѣюсь, что Ваше Величество убѣдитесь, по усердію моему заслужить неоцѣненное благоволеніе ваше, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной милости. Дѣйствительно, даже своею кровію я не въ состояніи отплатить за все то, что вы соблаговолили уже и еще желаете сдѣлать для меня.

Эти бумаги съ полною очевидностью подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя Вашему Величеству благоугодно было недавно сообщить мнѣ, и которыя, если мнѣ позволено будетъ высказать это, какъ нельзя болѣе справедливы.

Еще разъ повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства моей

живѣйшей благодарности, осмѣливаюсь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и самою неизмѣнною преданностью,

Вашего Императорскаго Величества,
всенижайшій, всепокорнѣйшій
подданный и внукъ
„*Александръ*“.

Не смотря, однако, на категорическія выраженія этого письма, позволительно думать, что видимое согласіе Великаго Князя принять престолъ изъ рукъ своей державной бабки не было искреннимъ. Это былъ только своего рода политическій маневръ, извѣстный, можетъ быть, даже Цесаревичу Павлу Петровичу. На эту мысль наводитъ слѣдующее обстоятельство. Существуетъ письмо Великаго Князя Александра Павловича Алексѣю Андреевичу Аракчееву, отъ 23-го сентября 1796 года, касающееся служебныхъ дѣлъ гатчинскихъ войскъ, но замѣчательное тѣмъ, что Александръ присваиваетъ отцу своему титулъ Его Императорскаго Величества, и это при жизни Екатерины. Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что письмо это помѣчено 23-мъ сентября, слѣдовательно написано наканунѣ вышеприведеннаго письма Великаго Князя Императрицѣ Екатеринѣ. Но какъ бы то ни было, одно не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Александръ твердо рѣшилъ поступить наперекоръ выраженной ему волѣ Императрицы и сохранить за отцомъ право наслѣдства.

Современникъ слышалъ даже по этому поводу отъ Александра слѣдующія достопамятныя слова: „Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я съумѣю уклониться отъ такой несправедливости. Мы съ женой спасемся въ Америкѣ, будемъ тамъ свободны и счастливы и про насъ больше не услышатъ“. „Трогательное изліяніе молодой и чистой души“, замѣчаетъ тотъ же современникъ.

Вообще мечты, занимавшія въ то время умъ Александра, увлекали его совершенно на другой путь, чѣмъ тотъ, который предначертала и готовила ему Екатерина. Стоитъ припомнить, что писалъ Великій Князь В. П. Кочубею, чтобы уяснить себѣ тогдашнее его міросозерцаніе. Онъ сознавался своему другу, что онъ не рожденъ для того высокаго сана, который предопредѣленъ ему въ будущемъ „и отъ котораго,—пишетъ Александръ,—я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ“. Лагарпу же Великій Князь писалъ: „я охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей“.

Между тѣмъ Екатерина готовилась всенародно объявить свое рѣшеніе. Тайна изъ Зимняго дворца давно уже проникла въ общество и не трудно было отгадать, кого Екатерина желала видѣть своимъ преемникомъ. Въ Петербургѣ начали распространяться слухи, что 24-го ноября, въ день тезоименитства Императрицы, а по другимъ извѣстіямъ 1-го января 1797 года послѣдуютъ важныя перемѣны. Екатерина готовила манифестъ о назначеніи Великаго Князя Александра наслѣдникомъ престола. Сохранилось преданіе, что бумаги по этому предмету были подписаны важнѣйшими государственными сановниками. Называли Безбородко, Суворова, Румянцева-Задунайскаго, князя Зубова, митрополита Гавріила и другихъ. Тогда же, безъ сомнѣнія, праздность Александра, на которую жаловался Протасовъ, прекратилась бы навсегда. Ему предоставили бы, безъ сомнѣнія, опредѣленный кругъ государственныхъ занятій, къ коимъ Екатерина признавала невозможнымъ допустить Павла ради его характера и политическихъ воззрѣній... Но Провидѣніе разсудило иначе.

Утромъ 5-го ноября 1796 года Великій Князь Александръ, по обыкновенію, гулялъ по набережной и встрѣтилъ дорогою князя Константина Чарторижскаго. Подойдя къ дому, занимаемому Чарторижскими, къ нимъ присоединился князь Адамъ, и они втроемъ бесѣдовали на улицѣ, когда прибѣжалъ скороходъ, сообщившій Великому Князю, что графъ Салтыковъ требуетъ его немедленно къ себѣ. Александръ поспѣшилъ въ Зимній дворецъ, ничего не подозрѣвая о причинѣ этого вызова. Оказалось, что Императрица Екатерина была смертельно поражена параличемъ. Великій Князь немедленно поручилъ Ф. В. Ростопчину отправиться въ Гатчину, чтобы извѣстить Цесаревича о безнадежномъ состояніи Императрицы; но князь Платонъ Зубовъ успѣлъ уже предупредить намѣреніе Великаго Князя, отправивъ съ этимъ порученіемъ своего брата, Николая Зубова.

Между тѣмъ Цесаревичъ провелъ день 5-го ноября обычнымъ образомъ. Утромъ Павелъ Петровичъ катался въ саняхъ; затѣмъ въ 11 часовъ онъ прошелъ въ манежъ, гдѣ одному изъ баталіоновъ его

войскъ произведено было обычнымъ порядкомъ ученье и вахтъ-парадъ. Въ первомъ часу Ихъ Высочества со свитою отправились на гатчинскую мельницу къ обѣденному столу. Возвращаясь во дворецъ, Цесаревичъ узналъ о прибытіи въ Гатчину графа Зубова. Разсказываютъ, что Павелъ Петровичъ обратился тогда къ Великой Княгинѣ съ словами: „ma chère, nous sommes perdus!“ Онъ думалъ, что графъ пріѣхалъ его арестовать и отвезти въ замокъ Лоде, о чемъ давно ходили слухи. Когда же онъ узналъ настоящую причину появленія Зубова, то быстрый переходъ отъ страха къ радости подѣйствовалъ пагубнымъ образомъ на нервы Павла Петровича. Кутайсовъ выразилъ впослѣдствіи сожалѣніе, что не пустилъ Великому Князю немедленно кровь.

Цесаревичъ не замедлилъ тотчасъ же выѣхать въ Петербургъ. Въ Софіи онъ встрѣтилъ Ростопчина, посланнаго Великимъ Княземъ Александромъ; разспросивъ его подробно о происшествіи этого дня, Цесаревичъ приказалъ ему слѣдовать за собою. Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, Павелъ вышелъ изъ кареты и обратился къ Ростопчину съ извѣстными словами, „J'ai vécu 42 ans. Dieu m'a soutenu; peut-être me donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état auquel il me destine. Espérons tout de sa bonté“.

Вечеромъ въ девятомъ часу Цесаревичъ съ Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною прибыли въ Зимній дворецъ, наполненный людьми всякаго званія, объятыми страхомъ и любопытствомъ, ожидавшими съ трепетомъ кончины Екатерины. У всѣхъ была одна дума: что теперь настанетъ пора, когда и подышать свободно не удастся. Великіе Князья Александръ и Константинъ встрѣтили родителя въ гатчинскихъ мундирахъ своихъ баталіоновъ. „Пріемъ, ему сдѣланный“, пишетъ Ростопчинъ, „былъ уже въ лицѣ Государя, а не Наслѣдника“. Хотя Екатерина еще дышала, но чувствовалась уже близость новой злополучной эры.

Цесаревичъ посѣтилъ умиравшую Императрицу и, поговоривъ нѣсколько съ медиками, прошелъ съ Великою Княгинею и въ угольный кабинетъ и туда призывалъ или тѣхъ, съ которыми хотѣлъ разговаривать или кому хотѣлъ передать приказаніе. Здѣсь же Цесаревичъ принималъ Аракчеева, присказавшаго по его приказанію вслѣдъ за нимъ изъ Гатчины. „Смотри, Алексѣй Андреевичъ—сказалъ ему Павелъ Петровичъ—служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде“. Затѣмъ, призвавъ Великаго Князя Александра Павловича и послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ ихъ руки вмѣстѣ, прибавилъ: „Будьте друзьями и помогайте мнѣ“. Александръ, видя воротникъ Аракчеева забрызганнымъ грязнымъ снѣгомъ отъ скорой ѣзды, и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ Гатчины въ одномъ мундирѣ, не имѣя съ собою никакихъ вещей, повелъ его къ себѣ и далъ ему собственную рубашку. Начиная съ этого роковаго часа, грубая и тусклая фигура Аракчеева дѣлается историческимъ лицомъ и заслоняетъ собою личность Александра.

Вѣроятно, вслѣдъ за пріѣздомъ Цесаревича, при посредствѣ графа Безбородко, посвященнаго Екатериною въ дѣло о престолонаслѣдіи, таинственныя бумаги, касавшіяся Павла, перешли въ его руки. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, князь Зубовъ игралъ также роль при передачѣ этихъ бумагъ Цесаревичу, или же при указаніи мѣста, гдѣ онѣ хранились. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрно, что еще при жизни Екатерины Цесаревичъ приказалъ собрать и запечатать бумаги, находящіяся въ кабинетѣ, и, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: „*Самъ начавъ собирать оныя прежде всѣхъ*“.

Крѣпкій организмъ Екатерины продолжалъ еще бороться со смертью до вечера 6-го ноября; наконецъ, въ три четверти десятаго часа страданія великой Государыни окончились, послѣ мучительной агоніи, продолжавшейся 36 часовъ безъ перерыва. „Россійское солнце погасло“, пишетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ. Павелъ первый былъ Императоромъ.

Цесаревичъ Александръ Павловичъ.

1796—1801.

Не теряя ни минуты, новый Государь приказалъ тотчасъ все приготовить къ присягѣ; въ двѣнадцатомъ часу послѣдовалъ выходъ Ихъ Величествъ въ придворную церковь. Здѣсь генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ прочелъ манифестъ, извѣщавшій о кончинѣ Императрицы и о

вступленіи на наслѣдственный прародительскій престолъ Императора Павла Петровича. Наслѣдникомъ объявленъ Государь Цесаревичъ Великій Князь Александръ Павловичъ. По прочтеніи манифеста началась присяга; послѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны присягалъ Цесаревичъ Александръ и всѣ прочія Высочайшія и знатныя особы. Церемонія присяги и поздравленія окончилась въ два часа пополуночи, и въ заключеніе отслужена еще панихида при тѣлѣ усопшей Императрицы.

Въ эту же ночь князь Петръ Михайловичъ Волконскій встрѣтилъ у воротъ Зимняго дворца Наслѣдника, который въ сопровожденіи Аракчеева разставлялъ новыя пестрыя будки и часовыхъ. Праздные дни Александра Павловича кончились, занятія явились, но явилось вмѣстѣ съ тѣмъ другое зло; теперь Великому Князю предстояло терять все время *на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера*, какъ онъ самъ справедливо выразился, оцѣнивая впослѣдствіи свою дѣятельность въ царствованіе Императора Павла.

На другое утро, 7-го ноября, въ девятомъ часу Императоръ Павелъ совершилъ верховый выѣздъ по городу, въ сопровожденіи Цесаревича Александра, а въ одиннадцатомъ часу присутствовалъ при первомъ вахтъ-парадѣ или разводѣ; съ этого дня вахтъ-парадъ пріобрѣлъ на многіе годы значеніе важнаго государственнаго дѣла. При паролѣ Государь ежедневно отдавалъ Цесаревичу Александру Павловичу приказы, содержаніе которыхъ причиняло многимъ нечаянныя радости, но еще чаще незаслуженную печаль. Приказы подписывались Цесаревичемъ и скрѣплялись Аракчеевымъ.

Приказомъ отъ 7-го ноября Александръ Павловичъ назначенъ полковникомъ въ Семеновскій полкъ, а полковникъ Аракчеевъ—комендантомъ города Петербурга и въ Преображенскій полкъ. На слѣдующій день, 8-го ноября, Аракчеевъ произведенъ въ генералъ-маіоры и пожалованъ кавалеромъ св. Анны 1-й степени. Отнынѣ *гатчинскій капралъ*, по отзыву Ростопчина, взялся смирять высокомѣріе екатерининскихъ вельможъ и при первомъ же вахтъ-парадѣ гвардейцамъ пришлось ознакомиться съ прелестями его цвѣтистой рѣчи, услышавъ изъ устъ его незнакомое для нихъ поощреніе, выраженное гнусливымъ голосомъ въ грозныхъ словахъ: „что же вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ—маршъ“.

Съ какими чувствами Аракчеевъ относился вообще къ Екатерининскимъ преданіямъ, можно судить по слѣдующему любопытному разсказу, сохранившемуся въ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго. Императоръ Павелъ неоднократно поручалъ Аракчееву инспектированіе войскъ по Россіи. При смотрѣ екатеринославскаго гренадерскаго полка Аракчеевъ назвалъ громогласно знамена этого полка, прославившагося въ прошлыхъ войнахъ своею храбростью, „*Екатерининскими юпками*“.

10-го ноября гатчинскія войска, вызванныя въ Петербургъ, торжественно вступили въ столицу. Военная церемонія окончилась неожиданнымъ распоряженіемъ о включеніи ихъ въ составъ полковъ лейбъ-гвардіи. Впечатлѣніе, произведенное среди гвардіи этимъ повелѣніемъ, было потрясающее. „На всѣхъ напало какое-то уныніе,—пишетъ тогдашній гвардеецъ, графъ Комаровскій.—Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою“.

Такимъ образомъ новое царствованіе съ первыхъ же дней сдѣлалось отрицаніемъ предъидущаго. Наступила новая эпоха въ русской исторіи. „Называли ее,—какъ выразился Ф. П. Лубяновскій,—гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно *возрожденіемъ*; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно и вполголоса—*царствомъ власти, силы и страха*; въ тайнѣ между четырехъ глазъ—*затмѣніемъ свыше*“. Началась безпощадная ломка всего, созданнаго для Россіи геніемъ Екатерины. „Вообще сказать можно“, писалъ графъ А. Р. Воронцовъ, „*былъ хаосъ совершенный*“.

Мысль о грозящемъ Россіи упадкѣ вслѣдствіе непрестанныхъ войнъ и полномъ безпорядкѣ въ дѣлахъ внутренняго управленія Имперіи никогда не покидала Павла во все время царствованія Екатерины. Поэтому онъ немедленно и съ превеликимъ усердіемъ принялся за подвигъ „*исцѣленія*“ Россіи. Въ одно мгновеніе все сразу перемѣнилось, и чрезъ сутки по воцареніи Павла кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ. А. С. Шишковъ свидѣтельствуетъ, что въ одинъ часъ

все такъ перемѣнилось, что казалось *настали иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе.* „Отжили мы добрые дни, кому дадутъ покой?“ говорили въ народѣ, когда распространилась вѣсть о кончинѣ Императрицы. Народное предчувствіе не обманулось. „Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать четыре года продолжавшееся, такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслась и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію“. (Записки адмирала А. С. Шишкова).

Пышный, великолѣпный дворъ Екатерины преобразился въ огромную кордегардію. Отъ появленія гатчинскихъ любимцевъ въ Зимнемъ дворцѣ, по мѣткому замѣчанію Державина, „тотчасъ все пріяло новый видъ, зашумѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеванію города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ“. Другой современникъ, князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ, пишетъ, что дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: „внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо по утру. Стуку ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ уже тотчасъ было примѣтно, сколь Государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ, слѣдуя отчасти правиламъ Фредерика, короля Прусскаго“.

Немедленно всѣ пружины установившагося государственнаго строя были вывернуты, столкнуты изъ своихъ мѣстъ, и Россія вскорѣ приведена въ хаотическое состояніе. Прежде всего была объявлена безпощадная война круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ и сапогамъ съ отворотами. Затѣмъ появилась новая уродливая и неудобная форма для русскаго воинства. „Эта одежда и Богу угодна, и вамъ хороша“, говорилъ Павелъ, привѣтствуя вновь обмундированныхъ по прусскому образцу чиновъ своей арміи.

По событіямъ, сопровождавшимъ первый день воцаренія Павла, можно было предугадать послѣдующія рѣзкія перемѣны въ государственномъ строѣ Россіи и готовиться къ необычайнымъ зрѣлищамъ. Но Павелъ съумѣлъ даже удивить своихъ приверженцевъ утонченными проявленіями злобы противъ истекшаго съ 1762 года тридцатилѣтія. 19-го ноября вынуто тѣло „бывшаго Императора“ Петра III-го, погребеннаго въ 1762 году въ Александро-Невской лаврѣ, и переложено въ новый, великолѣпный гробъ. 25-го ноября Императоръ Павелъ короновалъ покойнаго родителя собственноручно, возложивъ на гробъ Императорскую корону. Но этимъ загробнымъ апоѳеозомъ чествованіе памяти Петра III-го не ограничилось. 2-го декабря жителямъ Петербурга представилось необыкновенное зрѣлище, которое еще недавно не приснилось бы самому смѣлому воображенію: изъ Невскаго монастыря, при 18-ти-градусномъ морозѣ, потянулась въ Зимній дворецъ печальная процессія съ останками Петра III-го, а за гробомъ шествовали пѣшкомъ въ глубокомъ траурѣ Ихъ Величества и Ихъ Высочества. По прибытіи во дворецъ, гробъ Петра III-го былъ внесенъ въ залу и поставленъ на катафалкѣ въ особо устроенномъ великолѣпномъ Castrum doloris, рядомъ съ гробомъ Императрицы Екатерины. Затѣмъ, 5-го декабря, оба гроба одновременно перевезены въ Петропавловскій соборъ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовало отпѣваніе. Останки Петра III-го и Екатерины II-й были преданы землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ только 18-го декабря 1796 года, послѣ панихиды, въ присутствіи Ихъ Величествъ и всей Императорской Фамиліи.

Тревожно и грустно взиралъ Александръ на эту церемонію двойныхъ похоронъ. Мечтатель, юноша съ романическими идеями, одушевленный какою-то неопредѣленною филантропіею, сознательно уклонившійся отъ активной политической роли, предназначенной ему Екатериною, очутился подавленный ужасомъ у подножія трона, безсильный помочь и лишенный возможности отойти. Началась трагическая пора его истинно многострадальной жизни.

Перемѣны продолжали идти съ неимовѣрной быстротой; онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Всякій могъ почитать себя ежеминутно наканунѣ гибели или быстраго возвышенія. Болѣе тридцати лѣтъ продолжавшееся славное царствованіе Екатерины пріучило русскихъ по-

читать себя въ Европѣ. „Вдругъ,—пишетъ очевидецъ эпохи возрожденія Россіи,—мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкой, одѣтымъ однако же въ мундиръ прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ: Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданною властію ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ французскаго дореволюціоннаго правительства". (Записки Вигеля—„Русскій Архивъ" 1891 года).

Императоръ Павелъ чрезвычайно спѣшилъ своею коронаціею; вѣроятно, онъ вспомнилъ совѣтъ, нѣкогда данный Фридрихомъ Великимъ Петру III-му, не откладывать коронованіе, какъ средство болѣе упрочить себя на престолѣ, но совѣтъ, недостаточно оцѣненный въ то время его другомъ и почитателемъ. Поэтому Павелъ выбралъ для этого торжества самое неблагопріятное время года, весеннюю распутицу, и заранѣе возвѣстилъ о предстоящемъ торжествѣ вѣрноподданныхъ манифестомъ, послѣдовавшимъ 18-го декабря 1796 года, въ день окончательнаго погребенія Екатерины II и Петра III.

28-го марта 1797 года, въ Вербное воскресенье, послѣдовалъ торжественный въѣздъ Императора Павла въ Москву, по улицамъ, покрытымъ еще снѣгомъ. Морозъ былъ на столько чувствителенъ, что многихъ изъ придворныхъ чиновъ, ѣхавшихъ согласно церемоніалу верхомъ, приходилось снимать съ лошадей совершенно окоченѣвшими. Императоръ ѣхалъ одинъ, а нѣсколько позади его слѣдовали Великіе Князья Александръ и Константинъ. Государь почти постоянно держалъ въ рукѣ шляпу, чтобы привѣтствовать ею толпу, видимо этимъ довольную; но особенное вниманіе обращалъ на себя Цесаревичъ Александръ, котораго красота и привѣтливое лицо всѣхъ плѣнили.

Коронація совершилась 5-го апрѣля въ день Свѣтлаго Воскресенія. По окончаніи священнодѣйствія, Императоръ, стоя, во всеуслышаніе прочиталъ фамильный актъ о престолонаслѣдіи. По прочтеніи акта, Императоръ черезъ царскія врата вошелъ въ алтарь и положилъ его на св. престолъ въ нарочно устроенный серебряный ковчегъ и повелѣлъ хранить его тамъ на всѣ будущія времена.

Торжество коронаціи ознаменовано было щедрою раздачею чиновъ, орденовъ и крестьянъ (болѣе 82.000 душъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день появился манифестъ, свидѣтельствующій о заботливомъ отношеніи Императора Павла къ крестьянскому сословію; въ немъ возвѣщалось о трехдневной работѣ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни. Кромѣ того, 5-го апрѣля изданы были еще два важныя узаконенія: учрежденіе объ Императорской фамиліи и установленіе о россійскихъ Императорскихъ орденахъ.

Императоръ Павелъ разстался съ Москвою 3-го мая и предпринялъ поѣздку по Россіи, въ которой участвовали также Цесаревичъ Александръ и Великій Князь Константинъ. На этотъ разъ осчастливлены были царскимъ посѣщеніемъ: Смоленскъ, Могилевъ, Минскъ, Вильно, Гродно, Митава, Рига и Нарва. 2-го іюня Павелъ Петровичъ возвратился черезъ Гатчину въ Павловскъ.

Въ слѣдующемъ 1798 году Цесаревичъ съ братомъ также сопровождали Императора Павла въ новомъ путешествіи по Россіи, предпринятомъ 5-го мая. Сперва остановились въ Москвѣ, гдѣ происходили большіе маневры войскъ, собранныхъ здѣсь подъ начальствомъ фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, о которыхъ одинъ изъ участниковъ этихъ военныхъ упражненій отозвался слѣдующимъ образомъ: „Они были скудны въ стратегіи, жалки въ тактикѣ и никуда негодны въ практикѣ".

16-го мая Государь съ Великими Князьями выѣхалъ изъ Москвы и чрезъ Владиміръ, Нижній-Новгородъ прибылъ 24-го мая въ Казань, гдѣ оставался шесть дней. Полковникъ Л. Н. Энгельгардъ, командовавшій Уфимскимъ полкомъ, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу „ревю", назначеннаго въ Казани: „всѣ шли съ трепетомъ; я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги". Изъ Казани Императоръ Павелъ возвратился въ Петербургъ кратчайшимъ путемъ, на Ярославль, минуя Москву.

Любопытно прослѣдить теперь, какія мысли возбудило въ Цесаревичѣ Александрѣ Павловичѣ новое царствованіе. Это всего

лучше видно изъ письма къ Лагарпу изъ Гатчины, отъ 27-го сентября 1797 года, которое долженъ былъ передать знаменитому швейцарцу одинъ изъ друзей Цесаревича, *Николай Николаевичъ Новосильцовъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ воспользоваться при личномъ свиданіи совѣтами Лагарпа по вопросу, который въ то время особенно озабочивалъ Цесаревича. Въ этомъ письмѣ Александръ выражаетъ надежду со временемъ устроить судьбу Россіи на новыхъ основаніяхъ и уже по достиженіи этой великой цѣли кончить жизнь частнымъ человѣкомъ. Этотъ историческій документъ имѣетъ первостепенную важность и несомнѣнное значеніе для характеристики будущаго Императора, и, въ виду непоявленія его доселѣ въ печати, долженъ быть воспроизведенъ здѣсь въ переводѣ въ полномъ объемѣ:

„Наконецъ-то я могу свободно насладиться возможностью побесѣдовать съ вами, мой дорогой другъ“,—пишетъ Александръ.— „Какъ уже давно не пользовался я этимъ счастьемъ. Письмо это вамъ передастъ Новосильцовъ; онъ ѣдетъ съ исключительною цѣлью повидать васъ и спросить вашихъ совѣтовъ и указаній въ дѣлѣ чрезвычайной важности—объ обезпеченіи блага Россіи при условіи введенія въ ней свободной конституціи (constitution libre). Не устрашайтесь тѣми опасностями, къ которымъ можетъ повести подобная попытка; способъ, которымъ мы хотимъ осуществить ее, значительно устраняетъ ихъ. Чтобы вы могли лучше понять меня, я долженъ возвратиться назадъ.

„Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покойной Императрицѣ; онѣ лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы нравственныя и физическія стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и которыя, къ несчастію, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ, по вступленіи на престолъ, захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящи, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

„Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ, благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершились здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, не малую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь не причемъ. Однимъ словомъ, моя несчастная родина находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи и судите по ней, на сколько должно страдать мое сердце. Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, составлявшимъ мое любимое времяпрепровожденіе; я сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

„Вамъ извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, и затѣмъ несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произве-

дена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль.

„Я подѣлился ею съ людьми просвѣщенными, съ своей стороны много думавшими объ этомъ. Всего-на-всего насъ только четверо, а именно: Новосильцовъ, графъ Строгановъ, молодой князь Чарторижскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ, и я.

„Мы намѣреваемся въ теченіе настоящаго царствованія поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, какъ это только окажется возможнымъ, но выходить въ печати будутъ только тѣ изъ нихъ, печатаніе которыхъ окажется возможнымъ, а остальныя мы прибережемъ для будущаго; такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, положимъ начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ. Но когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію (constitution libre), послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидѣніе покровительствовало бы нашей работѣ, удалился бы куда-либо и жилъ бы счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своей родины и наслаждаясь имъ. Вотъ каковы мои мысли, мой дорогой другъ. Теперь мы посылаемъ къ вамъ г. Новосильцова, чтобы получить ваше одобреніе относительно всего вышесказаннаго и просить вашихъ указаній. А какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ явилась возможность имѣть васъ тогда подлѣ себя! Сколько пользы могли бы вы принести намъ— но это мечта, которой я даже не смѣю предаваться. Мы будемъ даже достаточно счастливы и тѣмъ, если вы не откажетесь передать намъ ваши совѣты черезъ г. Новосильцова, который, въ свою очередь, можетъ сообщить вамъ множество свѣдѣній на словахъ. Это отличный молодой человѣкъ и притомъ очень образованный, и особенно хорошо знающій свое отечество; я поручаю его вашему вниманію, мой дорогой другъ.

„Ему поручено, съ нашей стороны, объ очень многомъ разспросить васъ, въ особенности о родѣ того образованія (le genre d'instruction), который вы считаете наиболѣе удобнымъ для прививки и его дальнѣйшаго распространенія, и которое притомъ просвѣтило бы умы въ кратчайшій промежутокъ времени. Вопросъ этотъ имѣетъ громадное значеніе, и безъ разрѣшенія его немыслимо приступить къ дѣлу. Въ настоящее время мы очень заняты устройствомъ перевода на русскій языкъ возможно большаго количества полезныхъ книгъ, но предпріятіе наше не можетъ подвигаться такъ быстро, какъ это было бы желательно; всего труднѣе подыскать людей, способныхъ исполнить эти переводы. Я надѣюсь, дорогой другъ, что вы одобрите наши предположенія и поможете намъ вашими совѣтами, которые будутъ намъ крайне полезны. Я предоставляю г-ну Новосильцову сообщить вамъ много другихъ подробностей на словахъ. Дай только Богъ, чтобы мы когда-либо могли достигнуть нашей цѣли— даровать Россіи свободу и сохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи. Вотъ мое единственное желаніе, и я охотно посвящу всѣ свои труды и всю свою жизнь этой цѣли, столь дорогой для меня.

„Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; если бы мнѣ пришлось вновь увидѣть васъ, я былъ бы на верху блаженства. А пока вѣрьте самой чистосердечной привязанности и преданности, которыми одушевленъ въ отношеніи къ вамъ вашъ вѣрный другъ".

Письмо отъ 27-го сентября не нуждается въ комментаріяхъ; въ этой откровенной политической исповѣди уже всецѣло выступаетъ образъ друга человѣчества, того филантропическаго Александра, убѣжденія котораго, впослѣдствіи, нерѣдко смущали не одного практическаго государственнаго дѣятеля. Въ одномъ только отношеніи разсужденія Александра рѣзко отличаются отъ мечтаній его во время Екатерининскаго царствованія. Правленіе отца побуждаетъ его отказаться отъ высказаннаго имъ ранѣе намѣренія отречься отъ престола и жить частнымъ человѣкомъ на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи; новая обстановка, вызванная смертью Императрицы, даетъ его мыслямъ другое направленіе.

Близкій другъ Александра, князь Адамъ Чарторижскій, повѣствуя о событіяхъ того времени, называетъ незрѣлыя политическія разсужденія Великаго Князя: „*divagations*

politiques"; по его мнѣнію, онѣ соотвѣтствовали взглядамъ воспитанника 1789 года, который желаетъ повсюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія какъ единственную, соотвѣтствующую желаніямъ и правамъ человѣка. Князь Адамъ поясняетъ свои разсужденія еще слѣдующимъ любопытнымъ разсказомъ. Вскорѣ послѣ коронаціи Императора Павла, Цесаревичъ поручилъ Чарторижскому составить проектъ манифеста, который предполагалось обнародовать въ день вступленія Александра на престолъ. Въ этомъ манифестѣ выяснились неудобства образа правленія, существовавшаго дотолѣ въ Россіи, и выгоды, сопряженныя съ новымъ порядкомъ вещей, который Александръ намѣревался ввести въ Имперію; выяснялись также благодѣянія, связанныя съ водвореніемъ свободы и справедливости, которыми пользовалась бы впредь Россія, по устраненіи стѣсненій, препятствующихъ развитію ея благоденствія; наконецъ объявлялась рѣшимость Александра, по совершеніи этого возвышеннаго подвига, сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ признанъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ бы упрочить и усовершенствовать начатое имъ великое дѣло. Александръ остался чрезвычайно довольнымъ работою князя Адама, съумѣвшаго въ точности воспроизвести на бумагѣ мимолетную мечту своего царственнаго друга; Цесаревичъ спряталъ у себя проектъ и находилъ въ существованіи этого документа видимое успокоеніе среди огорченій этой тревожной эпохи. Содержаніе задуманнаго Александромъ манифеста, очевидно, вполнѣ сходно, по основной его мысли, со взглядами, выраженными имъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ Лагарпу; они въ то время всецѣло занимали умъ будущаго вѣнценосца и только позднѣйшее соприкосновеніе его съ суровостями и требованіями дѣйствительной жизни побудили Александра постепенно отказаться отъ увлеченій молодости, позабыть юношескія мечтанія, и сдѣлаться даже страстнымъ сторонникомъ и представителемъ совершенно противоположной, болѣе здравой политической программы.

Здѣсь нужно отмѣтить еще одно событіе изъ жизни Александра, имѣвшее мѣсто въ царствованіе Павла. Бракъ Наслѣдника оставался дотолѣ бездѣтнымъ. Наконецъ, 18-го мая 1799 года родилась въ Павловскѣ Великая Княжна Марія Александровна. 29-го мая происходило крещеніе новорожденной; воспріемниками были Императоръ Павелъ съ Великою Княжною Александрой Павловной и Ихъ Величества Римскій Императоръ и Король Великобританскій. Но Великая Княжна прожила недолго; она скончалась 27-го іюня въ Царскомъ Селѣ и 31-го числа погребена въ Невскомъ монастырѣ.

Хотя въ царствованіе Павла Цесаревичъ Александръ Павловичъ, по собственному признанію, терялъ все свое время *на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера*, но если перечислить занимаемыя имъ тогда высокія должности, то списокъ ихъ выходитъ довольно длиннымъ. Цесаревичъ былъ первымъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Должность втораго с.-петербургскаго военнаго губернатора въ царствованіе Павла занимали послѣдовательно: генералъ-отъ-инфантеріи Архаровъ, генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ и генералъ-отъ кавалеріи фонъ-деръ-Паленъ. Затѣмъ Александръ состоялъ еще членомъ совѣта и сената, шефомъ л.-гв. Семеновскаго полка, инспекторомъ по кавалеріи и пѣхотѣ въ Петербургской и Финляндской дивизіяхъ и предсѣдателемъ въ военномъ департаментѣ. Эта послѣдняя должность объявлена въ Высочайшемъ приказѣ отъ 1-го января 1798 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Е. И. В. Наслѣднику всероссійскому предсѣдательствовать въ военномъ департаментѣ. Сіе дѣлается за труды его въ благодарность". Но въ дѣйствительности всѣ эти многосложныя занятія сводились, по большей части, къ точному и строгому исполненію совершенно не имѣющихъ значенія мелочей службы и не могли приготовить Великаго Князя для предстоящаго ему въ будущемъ высокаго назначенія. Стоитъ вникнуть въ переписку Александра съ Аракчеевымъ, относящуюся къ царствованію Павла, чтобы воспроизвести отчетливую картину тѣхъ мучительныхъ заботъ и тревогъ, которыми преисполнена была жизнь Цесаревича, независимо отъ нескончаемыхъ и никогда не прерывавшихся вахтъ-парадовъ и смотровъ.

Остановимся здѣсь нѣсколько на той непостижимой дружбѣ, которая связывала ученика и почитателя Лагарпа съ гатчинскимъ капраломъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ, любимцемъ Павла

Петровича. Массонъ, близко знавшій Александра, какъ бывшій его наставникъ, предсказалъ это печальное явленіе, основываясь на вѣрной оцѣнкѣ характера Великаго Князя. Отзываясь, вообще, въ своихъ запискахъ съ похвалою о характерѣ Александра, Массонъ жалуется, однако, на то, что онъ склоненъ поддаваться чужому вліянію, и потому выражаетъ опасеніе, что какой-нибудь наглый, невѣжественный и злой человѣкъ овладѣетъ имъ и подчинитъ его себѣ.

Дружба, связывавшая Александра съ Аракчеевымъ, не есть плодъ временъ Павловскаго возрожденія Россіи; она началась уже въ концѣ царствованія Екатерины. „Безъ блистательныхъ подвиговъ, безъ особенныхъ дарованій отъ природы, не учившись ничему, кромѣ русскаго языка и математики, даже безъ тѣхъ наружныхъ пріятностей, которыя иногда невольно привлекаютъ къ человѣку, Аракчеевъ умѣлъ, однакоже, одинъ изъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ пріобрѣсти неограниченное довѣріе такого Государя, который имѣлъ умъ образованнѣйшій, и котораго свойства состояли преимущественно въ скрытности и проницательности". (Рукописный журналъ Михайловскаго-Данилевскаго). Какое-то таинственное дѣло, можетъ быть относящееся къ вопросу о престолонаслѣдіи, связало ихъ неразрывными узами. „У меня только и есть, что Богъ да вы",—сказалъ однажды Аракчеевъ Цесаревичу Павлу Петровичу въ Гатчинѣ.—„Со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка",—отвѣчалъ ему его покровитель. Императоръ Павелъ не забылъ своего обѣщанія и съ воцареніемъ его открылось для Аракчеева обширное поприще для его экзерцирмейстерскихъ дарованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался неоцѣненнымъ и необходимымъ совѣтникомъ Александра Павловича въ сложныхъ порядкахъ тогдашней службы, усѣянной на каждомъ шагу безчисленными подводными камнями. По настоятельной просьбѣ Цесаревича, Аракчеевъ съ предупредительною готовностью муштровалъ *„хорошенько"* ввѣренныя Александру войска и не оставлялъ полезными совѣтами неопытнаго еще молодаго командира. „Я получилъ бездну дѣлъ",—писалъ ему Александръ,—„изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю, какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору".—„Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою, но я молодъ и мнѣ нужны весьма еще совѣты, и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь? Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ".

Когда Александръ, въ ожиданіи путешествія съ Государемъ по Россіи послѣ коронаціи, узналъ, что Аракчеевъ будетъ съ ними, онъ тотчасъ ему написалъ: „Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть. Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня"!

Всякая разлука съ Аракчеевымъ вызывала сожалѣніе и сѣтованія Александра.

„Когда тебѣ совсѣмъ свободно будетъ, то пріѣзжай сюда. Я жду тебя съ крайнимъ нетерпѣніемъ и пребываю на весь вѣкъ искренній и усердный Александръ".—„Мнѣ всегда грустно безъ тебя", пишетъ Александръ другой разъ.—„Ты мнѣ крайне недостаешь, другъ мой, и я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся".—„Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ, съ отмѣннымъ нетерпѣніемъ жду ту минуту, въ которую съ тобой увижусь".

Не легко было, впрочемъ, въ то время Александру удовлетворять строгимъ требованіямъ своего родителя. Взаимныя неудовольствія дошли до того, что однажды Цесаревичъ заговорилъ даже въ 1797 году объ отставкѣ и повѣрилъ эту тайну Аракчееву въ письмѣ, относящемся, вѣроятно, къ августу мѣсяцу: „Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали: еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были чрезъ мою жену, такъ, какъ напримѣръ, чтобы я не сердился на него и тому подобные. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія идтить въ отставку, но къ несчастью мудрено, чтобы оно сбылось"... „прощай другъ мой, будь здоровъ и не забывай меня. Твой вѣрный другъ". Въ другомъ письмѣ, безъ числа и года, читаемъ слѣдующій разсказъ о мученіяхъ, которымъ подвергался Александръ: „Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на

лошади сидѣть, а ходить способу нѣтъ; и такъ я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель".

Въ заключеніе представленныхъ выдержекъ изъ переписки Александра съ Аракчеевымъ, приведемъ еще слѣдующія характерныя строки изъ одного письма: „Твоя дружба",—пишетъ Александръ,—„всегда для меня будетъ пріятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ". Это признаніе заключало въ себѣ не одни слова и свидѣтельствуетъ объ искренности дружескихъ чувствъ писавшаго эти строки.

Шедрыя милости, которыми Павелъ осыпалъ Аракчеева, не спасли его, однако, отъ неизбѣжной опалы. Къ несчастію для Аракчеева, кромѣ муштрованія войскъ, ему была поручена должность генералъ-квартирмейстера всей арміи. Въ свѣдѣніяхъ объ Аракчеевѣ, собранныхъ, В. Ратчемъ, говорится: „О размѣрахъ и направленіи его дѣятельности по этому званію свѣдѣнія очень скудны. Зная, однако, его корпусное образованіе и его службу, сомнѣваемся, чтобы дальнѣйшія розысканія указали на какую-либо самостоятельную дѣятельность, тѣмъ болѣе, что Аракчеевъ не былъ изъ числа людей, которые чтеніемъ расширяютъ свои познанія". Графъ Толь называетъ службу офицеровъ по квартирмейстерской части, подъ начальствомъ Аракчеева, *„преисполненною отчаянія"*. Занятія ихъ заключались въ нескончаемомъ перечерчиваніи прежнихъ плановъ, большею частью безполезныхъ, но на скорую работу которыхъ налегалъ, со свойственною ему неукротимостью, Аракчеевъ. Онъ жилъ надъ залою, въ которой производилось черченіе, и раза по два или по три въ день являлся среди офицеровъ. При малѣйшемъ поводѣ, подъ самыми ничтожными предлогами, онъ ругался позорнѣйшими словами и разъ одному молодому колонновожатому Фитингофу далъ пощечину. Въ другой разъ, въ январѣ 1798 года, гнѣвъ его разразился надъ подполковникомъ *Леномъ*, сподвижникомъ Суворова и георгіевскимъ кавалеромъ. Онъ обругалъ Лена самыми площадными словами; тотъ молча выслушалъ брань и, возвратившись домой, написалъ письмо Аракчееву и затѣмъ застрѣлился. Подполковникъ Ленъ былъ лично извѣстенъ Государю и рекомендованъ ему графомъ Румянцевымъ - Задунайскимъ и трагическая кончина его надѣлала много шуму въ городѣ. Императоръ потребовалъ письмо Лена. Сверхъ того, еще ранѣе, въ январѣ того же года, Аракчеевъ публично обругалъ въ строю преображенцовъ и щедрою рукою разсыпалъ, обходя по рядамъ, удары своей трости; чаша переполнилась—на этотъ разъ Павелъ внялъ общему воплю и временно разстался съ своимъ любимцемъ. 29-го января 1798 года подполковникъ Ленъ былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ; 1-го же февраля генералъ-маіоръ Аракчеевъ уволенъ въ отпускъ до излеченія, съ сохраненіемъ только званія генералъ-квартирмейстера. Онъ немедленно удалился въ Грузино (пожалованное ему 12-го декабря 1796 года, въ день рожденія Цесаревича Александра). Здѣсь Аракчеева засталъ новый приказъ отъ 18-го марта, по которому онъ безъ прошенія былъ отставленъ отъ службы, съ награжденіемъ, однако, чиномъ генералъ-лейтенанта.

Во время путешествія, предпринятаго Императоромъ Павломъ въ Москву и Казань, Цесаревичъ Александръ послалъ Аракчееву 7-го мая изъ Валдая слѣдующія дружескія строки: „Любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ! Подъѣзжая къ Вышнему Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь, однако же, что я виноватъ передъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но ей-Богу отъ того произошло, что я не имѣлъ ни минуты для сего времени и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобъ могъ усумниться обо мнѣ. Если ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь что сего не было. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и пиши ко мнѣ, чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же по болѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится, по крайней мѣрѣ желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ". На первый разъ опала, постигшая Аракчеева, была непродолжительна. Черезъ два мѣсяца послѣ увольненія, 18-го мая того же года Аракчеевъ вновь принятъ на службу и въ 1799 году былъ уже графомъ, командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и инспекторомъ всей артиллеріи. Но 10-го октября 1799 года быстрое возвышеніе Аракчеева снова прервалось. Высочайшій приказъ неожиданно возвѣстилъ, къ всеобщей радости служебнаго міра, что генералъ-лейтенантъ

графъ Аракчеевъ *за ложное донесеніе отставляется отъ службы*. Новая опала Аракчеева, подобно немилости 1798 года, нисколько не повліяла на дружеское расположеніе къ нему Цесаревича Александра Павловича; въ этомъ легко убѣдиться изъ письма Великаго Князя къ графу Аракчееву отъ 15-го октября 1799 года. „Я надѣюсь, другъ мой“,—пишетъ Цесаревичъ изъ Гатчины,—„что мнѣ нужды нѣтъ при семъ несчастномъ случаѣ возобновлять увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ, ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной и я увѣренъ, что ты объ ней и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится. Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоемъ ложномъ донесеніи, но никто объ немъ ничего не знаетъ и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ государеву канцелярію не входило; а Государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что Государь воображалъ, что покража въ арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наученіямъ. И такъ какъ воры уже сысканы, какъ уже я думаю тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась, послѣ чего сказалъ мнѣ: я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ. Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ пяти старыхъ штандартахъ. Тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова не говорилъ и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы... Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается“.

Въ чемъ же заключалось *ложное донесеніе* графа Аракчеева, о которомъ упоминаетъ Высочайшій приказъ? Послѣ покражи, совершившейся въ арсеналѣ, графу Аракчееву нужно было донести о томъ Государю. Но оказалось, что родной братъ графа, Андрей Андреевичъ Аракчеевъ, командовалъ артиллерійскимъ баталіономъ, содержавшимъ въ этотъ день караулъ въ арсеналѣ; графъ Аракчеевъ донесъ тогда Императору Павлу, что караулъ содержался отъ полка генерала Вильде. Государь не замедлилъ исключить Вильде изъ службы; но пострадавшій невинно генералъ рѣшился обратиться къ Кутайсову и объяснить ему безчестный поступокъ Аракчеева. Вслѣдъ затѣмъ появился вышеупомянутый приказъ объ увольненіи графа Алексѣя Андреевича отъ службы.

Вскорѣ послѣ воцаренія Павла, у него зародилась мысль о постройкѣ новаго дворца на мѣстѣ бывшаго *Лѣтняго дворца*, переименованнаго Высочайшимъ приказомъ отъ 20-го ноября 1796 года въ *Михайловскій дворецъ*. 26-го февраля 1797 года здѣсь происходила уже закладка Михайловскаго замка, отстроеннаго съ возможною поспѣшностью въ четыре года по проекту *В. И. Баженова* и оконченнаго, послѣ его смерти, архитекторомъ *Бренна*. Новый дворецъ былъ окруженъ рвами и каменными брустверами, вооруженными орудіями; сообщеніе производилось черезъ рвы по подъемнымъ мостамъ. Толщина стѣнъ замка напоминала собою крѣпость. 8-го ноября 1800 года послѣдовало торжественное освященіе замка; въ этотъ день Государь въ первый разъ обѣдалъ съ семействомъ въ своемъ новомъ жилищѣ, а вечеромъ данъ былъ большой балъ-маскарадъ, во время котораго замокъ былъ открытъ для публики, которая могла любоваться роскошью и изяществомъ убранства вновь созданныхъ чертоговъ. Но, тѣмъ не менѣе, праздникъ не удался вполнѣ, по причинѣ крайней сырости, господствовавшей въ замкѣ; въ комнатахъ образовался густой туманъ и не смотря на тысячи восковыхъ свѣчей господствовала повсюду темнота. Хотя доктора предупреждали Государя объ опасности для здоровья жить въ такомъ сыромъ зданіи, онъ, тѣмъ не менѣе, переселился въ Михайловскій замокъ со всѣмъ семействомъ 2-го февраля 1801 года; Цесаревичъ Александръ съ супругою занимали помѣщеніе въ первомъ этажѣ замка, нынѣ принадлежащемъ Николаевскому инженерному училищу; въ то время это были самые сырые аппартаменты въ замкѣ! Императоръ былъ въ восхищеніи отъ своего новаго дворца, но все-таки, не смотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, пребываніе въ немъ не было безопасно для здоровья. Вездѣ въ помѣщеніяхъ замѣтны были слѣды ужасающей сырости, которая и съ наступленіемъ 1801 года была еще столь велика, что въ спальняхъ оказалось не-

обходимымъ выложить стѣны сверху до низу деревомъ. Печи были недостаточны, чтобы нагрѣть и высушить воздухъ. Бархатъ, которымъ обиты были стѣны, во многихъ комнатахъ началъ покрываться плѣсенью; многія фрески совершенно слиняли. Въ большой залѣ замка постоянно поддерживался огонь въ двухъ большихъ каминахъ, и не смотря на это распоряженіе, во всѣхъ углахъ ея образовался сверху до низу слой льду. Густой туманъ по прежнему наполнялъ всѣ комнаты, разрушая живопись и портя мебель. Павелъ объявилъ новый дворецъ загороднымъ и затѣмъ учредилъ почту на нѣмецкій образецъ, которая два раза въ день, при звукѣ трубы, привозила письма и рапорты.

Въ Михайловскомъ замкѣ Цесаревичу Александру Павловичу пришлось испытать не мало новыхъ огорченій и душевныхъ тревогъ. Въ 1801 году Императору Павлу благоугодно было вызвать изъ-за границы въ Россію тринадцатилѣтняго племянника Императрицы Маріи Ѳеодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго, назначеннаго уже въ 1798 году генералъ-маіоромъ и шефомъ Драгунскаго полка. Воспитателемъ его былъ генералъ баронъ Дибичъ, отецъ будущаго фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. Съ перваго же представленія Павлу молодаго принца онъ понравился и завоевалъ себѣ искреннее расположеніе Государя. „Savez vous“,— сказалъ Павелъ Петровичъ Императрицѣ,— „que ce petit drôle a fait ma conquête“. Съ этого дня расположеніе къ нему Императора съ каждымъ днемъ возрастало поражающимъ образомъ; наконецъ, оно дошло до того, что Павелъ Петровичъ объявилъ Дибичу о своемъ намѣреніи *усыновить принца Евгенія*, прибавивъ, что онъ владыка въ своемъ домѣ и въ государствѣ, и потому возведетъ принца на такую высокую степень, которая приведетъ всѣхъ въ изумленіе. Закону о престолонаслѣдіи, установленному, какъ казалось, незыблемымъ образомъ самимъ Императоромъ Павломъ, угрожало вопіющее нарушеніе. Положеніе Александра Павловича становилось съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ. Не смотря на покорность, вниманіе и предупредительность сына, подозрительность и недовѣріе къ нему грознаго Родителя принимало все болѣе рѣзкія формы. Войдя однажды въ комнату Наслѣдника, Императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію „Брутъ“ Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:

«Rome est libre: il suffit
.. Rendons grâces aux dieux!»

Государь призвалъ сына къ себѣ на верхъ, и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого Царевича?

Народъ съ надеждою взиралъ на *восходящее солнце Россіи*, какъ называлъ Александра князь Платонъ Зубовъ. Уже тогда распространилась молва о благодушіи и кротости Цесаревича, такъ что не успѣвалъ онъ показаться на улицѣ, какъ встрѣчали его благословеніями и пожеланіями счастія. Извѣстно было, что Александръ всегда старался, по мѣрѣ силъ, облегчать участь всѣхъ подпавшихъ подъ гнѣвъ Родителя, и потому распространилась увѣренность, что царствованіе его будетъ благословенное, отеческое...

Съ исхода 1800 года настроеніе Павла Петровича дѣлалось все болѣе мрачнымъ; подозрительность усиливалась. Усматривая, что чрезъ вывозимыя изъ за границы книги наносится „развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“, Павелъ, 18-го апрѣля 1800 года, Высочайшимъ указомъ сенату воспретилъ привозъ въ Россію изъ за границы всякаго рода книгъ „на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, равномѣрно и музыку“. Никто не былъ увѣренъ, что будетъ съ нимъ на слѣдующій день. „Награда утратила свою прелесть, пишетъ Карамзинъ: наказаніе— сопряженный съ нимъ стыдъ“. Высочайшимъ приказомъ отъ 12-го мая 1800 года штабсъ-капитанъ *Кирпичниковъ* лишенъ чиновъ и дворянства и записанъ навѣчно въ рядовые, съ прогнаніемъ шпицрутенами сквозь 1.000 человѣкъ разъ. За все царствованіе Павла не было болѣе жестокаго приказа; въ немъ права дворянства попирались ногами и всякій могъ видѣть, какая участь ему предстояла бы, если бы онъ подвергся Монаршему гнѣву. Столица приняла небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Тайная коммиссія при генералъ-прокурорѣ Обольяниновѣ под-

вергала допросамъ съ истязаніями. Вызванныя этими мѣрами всеобщее уныніе и безпокойство были всѣми ощущаемы и вызвали убѣжденіе, что такое положеніе продлиться не можетъ. Въ Москвѣ военный губернаторъ, фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, самъ ожидая со дня на день ссылки, высказывалъ въ эти тревожные дни не стѣсняясь мнѣніе, что *эта кутерьма долго существовать не можетъ*... 9-го марта былъ въ Михайловскомъ замкѣ концертъ. Среди собравшагося Двора господствовало мрачное настроеніе. Великая Княгиня Елисавета была грустна и молчалива; Александръ раздѣлялъ ея печальное настроеніе духа. Императрица съ безпокойствомъ оглядывалась, и, казалось, размышляла надъ тѣмъ, какими пагубными мыслями озабоченъ ея супругъ. Передъ выходомъ къ вечернему столу произошло слѣдующее: когда обѣ половины дверей распахнулись, Павелъ подошелъ къ близъ стоявшей Императрицѣ, остановился передъ нею, насмѣшливо улыбаясь, скрестивши руки, и, по своему обыкновенію, тяжело дыша, что служило признакомъ сильнаго недовольства; затѣмъ онъ повторилъ тѣ же угрожающіе пріемы передъ обоими Великими Князьями: Александромъ и Константиномъ. Въ концѣ-концовъ онъ подошелъ къ графу Палену, съ зловѣщимъ видомъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ и поспѣшилъ къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ въ молчаніи и со стѣсненною грудью. Гробовая тишина царила за этой печальной трапезой, и когда, по окончаніи ея, Императрица и Великіе Князья хотѣли поблагодарить Императора, онъ отстранилъ ихъ отъ себя съ насмѣшливой улыбкой и вдругъ удалился, не простившись. Императрица заплакала и вся семья удалилась, глубоко взволнованная.

Наступилъ понедѣльникъ, 11-го марта 1801 года. Саблуковъ, бывшій конно-гвардейскій офицеръ, повѣствуетъ въ своихъ правдивыхъ воспоминаніяхъ, что, явившись вечеромъ въ 8 часовъ къ Великому Князю Константину Павловичу въ Михайловскій замокъ съ рапортомъ, какъ дежурный полковникъ по полку, онъ, къ удивленію своему, нашелъ обоихъ Великихъ Князей подъ домашнимъ арестомъ. Александръ Павловичъ объявилъ это лично Саблукову и прибавилъ: „насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ, присягать въ вѣрности..." Вскорѣ послѣ возвращенія въ полкъ, Саблуковъ получилъ приказаніе немедленно явиться въ замокъ; онъ тотчасъ отправился къ своему эскадрону, занимавшему караулъ передъ кабинетомъ Государя. Въ одиннадцатомъ часу вышелъ Императоръ, а за нимъ слѣдовалъ дежурный флигель-адъютантъ Уваровъ. Подойдя къ Саблукову, Государь сказалъ: „Vous êtes des jacobins."—Оскорбленный этимъ, Саблуковъ отвѣтилъ: „Oui, Sire".—„Pas vous mais le régiment", повторилъ Государь.—На это Саблуковъ возразилъ: „Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le régiment".—Государь продолжалъ: „А я лучше знаю. Сводить караулъ". Саблуковъ скомандовалъ: направо кругомъ, маршъ, и караулъ выступилъ изъ занимаемаго имъ покоя. Затѣмъ Императоръ сказалъ еще, что онъ велѣлъ выслать конный полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, и приказалъ Саблукову, чтобы все было готово къ выступленію въ 4 часа утра, въ полномъ походномъ порядкѣ.

Послѣ этихъ словъ Павелъ Петровичъ обратился къ двумъ ундеръ-лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но невооруженнымъ, и приказалъ имъ занять постъ въ дверяхъ, ведущихъ въ кабинетъ. Поклонившись особенно милостиво Саблукову, Государь удалился въ свой кабинетъ...

Императоръ Александръ Первый.

1801—1825.

Періодъ первый.

Эпоха преобразованій.

1801—1810.

Въ первомъ часу пополуночи, съ 11-го на 12-е марта 1801 года, графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ Цесаревичу Александру Павловичу, съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ Императора Павла...

Горесть Александра Павловича была неописанная; онъ заливался слезами... Въ это самое время князь П. А. Зубовъ разбудилъ Великаго Князя Константина Павловича и привелъ его къ воцарившемуся Императору. Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собраннымъ въ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. „C'est

assez faire l'enfant", сказалъ Паленъ, „allez régner, venez vous montrer aux gardes". Затѣмъ, новый Государь немедленно переѣхалъ въ саняхъ въ Зимній Дворецъ. Императрица Елисавета Алексѣевна осталась въ Михайловскомъ замкѣ утѣшать вдовствующую Императрицу Марію Ѳеодоровну.

Въ два часа ночи призванъ былъ въ Зимній Дворецъ уволенный съ 1800 года отъ всѣхъ дѣлъ по болѣзни *Д. П. Трощинскій*. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: „будь моимъ руководителемъ". Ему поручили тотчасъ же написать манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Александра Перваго.

Манифестъ возвѣщалъ слѣдующее: „Судьбамъ Всевышняго угодно было прекратить жизнь Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е марта. Мы, воспріемля наслѣдственно Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память Намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ возвести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ." Этими словами, вылившимися въ минуту счастливаго вдохновенія, Трощинскій воспламенилъ сердца подданныхъ искреннѣйшею любовію къ молодому Императору и успокоилъ умы, еще взволнованные пережитыми тяжелыми днями...

Присяга новому Императору и Наслѣднику, „*который назначенъ будетъ*", совершилась повсюду утромъ 12-го марта въ величайшемъ порядкѣ. Среди всеобщаго ликованія всѣхъ сословій, задумчивъ и печаленъ оставался одинъ Александръ. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатлѣніе. На выходѣ 12-го марта вся поступь его и осанка изображала человѣка, удрученнаго горестію и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Александръ разсказывалъ впослѣдствіи Р. С. Стурдзѣ (графинѣ Эдлингъ), что онъ долженъ былъ тогда скрывать свои чувства ото всѣхъ его окружающихъ, и потому нерѣдко запирался въ отдаленномъ покоѣ и тамъ, предаваясь скорби, испускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ. Въ сознаніи его, царская власть, которую онъ принялъ на себя столь неохотно, являлась однимъ тяжелымъ бременемъ. Видъ огорченнаго Императора-сына пріобрѣлъ ему сердца всѣхъ, замѣчаетъ справедливо одинъ изъ очевидцевъ 1801 года. „Послѣ четырехъ лѣтъ", пишетъ другой современникъ этой эпохи, „воскресаетъ Екатерина изъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена". (Записки Вигеля).

Близкое къ Александру лицо написало на другой день послѣ восшествія на престолъ по поводу событія 12-го марта слѣдующія правдивыя строки: „Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною... Только мысль о возвращеніи своему отечеству утраченнаго благосостоянія можетъ поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу извѣстно, въ какомъ состояніи получилъ онъ эту Имперію..." „...Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества; грустно, что это даже не можетъ удивлять... Я дышу свободно вмѣстѣ со всей Россіею". Эти слова любящаго его человѣка оказались пророческими. Дѣйствительно, чувствительная душа Александра навсегда осталась растерзанною. „Всѣ непріятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить какъ крестъ", сказалъ Императоръ Александръ.

Вся мыслящая Россія встрепенулась при извѣстіи о воцареніи Александра. Восторгъ былъ всеобщій и искренній, и, по свидѣтельству современниковъ, *выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности*. Общество какъ бы возрождалось къ новой жизни, „очнувшись отъ терроризма человѣка, который четыре года, не вѣдая, что творитъ, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство". На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день свѣтлаго Воскресенія. Природа какъ бы участвовала въ общей радости; до 12-го марта погода была сырая и пасмурная, съ воцареніемъ Александра за-

сіяло солнце на долго... Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, на такую радость! Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго Государя; молодой, прекрасный собой, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ могъ очаровать всѣхъ. Россія увидѣла исполненіе Державинскаго стиха: „*Будь на тронѣ человѣкъ*“. Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ разсѣялись какъ зловѣщіе призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность.

Графъ Завадовскій въ своей перепискѣ съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ посвятилъ оцѣнкѣ событій 12-го марта нѣсколько своеобразныхъ строкъ: „Жиды чаютъ Мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно... благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ томныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангелъ, съ стороны кротости и милосердія, царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряй по тому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя“.

Незабвенный исторіографъ нашъ Карамзинъ оставилъ въ „*Запискѣ о древней и новой Россіи*“ правдивую и краснорѣчивую характеристику правленія Павла, пронесшагося, по его словамъ, надъ Россіею подобно грозному метеору: „Павелъ,—пишетъ Карамзинъ,—восшелъ на престолъ въ то благопріятное время для самодержавія, когда ужасы французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства, но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россіяне имѣли уже Екатерину II, знали, что Государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго и естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти, считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери, умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать, отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ, соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иностранцевъ, россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервененіе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“.

Когда вѣсть о вступленіи на престолъ Императора Александра дошла до Лагарпа, онъ написалъ своему бывшему воспитаннику нижеслѣдующій привѣтъ: „Я не поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ тридцати шести милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но я радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ Монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права—не пустой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными. Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные восемнадцать мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіи нѣ-

котораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ея изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скороспостижныхъ и насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра, между благодѣтелями человѣчества и защитниками началъ истины и добра". Въ этомъ письмѣ проглядываютъ уже новыя идеи, служащія доказательствомъ поворота, послѣдовавшаго въ образѣ мыслей Лагарпа, послѣ политическаго опыта, вынесеннаго имъ за время управленія Гельветическою директоріею. Императоръ Александръ 9-го мая отвѣтилъ Лагарпу, что первою истинною радостью съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ во главѣ своей несчастной родины (malheureux pays), было полученіе письма отъ него. „Вѣрьте любезный другъ", писалъ Государь, „что ничто въ мірѣ не могло также поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо мнѣ, за познанія которыя я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили, и въ истинѣ которыхъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться. Не въ моей власти оцѣнить все, что вы для меня сдѣлали, и никогда я не въ состояніи буду заплатить за этотъ священный долгъ. Буду стараться сдѣлаться достойнымъ имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться; я пересталъ писать вамъ лишь повинуясь самымъ положительнымъ приказаніямъ, но не пересталъ думать о васъ и о проведенныхъ съ вами минутахъ... Объ одной милости прошу васъ—писать ко мнѣ отъ времени до времени и давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ постѣ, какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія... Скажу вамъ только, что болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ".

Рядъ мѣропріятій, послѣдовавшихъ съ воцареніемъ Александра, не замедлилъ оправдать надежды, единодушно возлагавшіяся въ то время на новаго Государя друзьями человѣчества. Всѣ отрасли государственнаго управленія приведены были къ 1801 году въ неописанный безпорядокъ. Поэтому первыя заботы новаго правительства заключались въ отмѣнѣ перемѣнъ, внесенныхъ Императоромъ Павломъ въ учрежденія своей матери, и въ возвращеніи сословіямъ и обществамъ присвоенныхъ имъ прежде правъ, попранныхъ неограниченнымъ произволомъ, воцарившимся съ 1796 года. Этотъ произволъ прервалъ стремленіе, обнаруженное законодательствомъ Екатерины ввести въ Россіи правильную общественную организацію и начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій, для ихъ гражданской самодѣятельности. Александръ, подготовленный воспитаніемъ къ принятію новыхъ общественныхъ идей, обнаружилъ явное стремленіе, на мѣсто произвола и насилія водворить законъ и справедливость. Онъ не побоялся даже открыто высказать, что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона. Для исполненія своихъ благихъ намѣреній Государю безотлагательно нужно было обновить личный составъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, окружавшихъ въ послѣднее время Павла Петровича. Съ этого и началъ новый Императоръ.

Генералъ-прокуроръ *Обольяниновъ* былъ немедленно уволенъ; на его мѣсто призванъ 16-го марта генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Андреевичъ *Беклешовъ*, занимавшій уже нѣкогда эту важную должность въ царствованіе Павла. Дѣйствительному тайному совѣтнику *барону Васильеву* приказано вступить въ прежнюю должность государственнаго казначея, вмѣсто дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Державина*, которому велѣно только присутствовать въ Сенатѣ. (Императоръ Павелъ уволилъ *барона Васильева* отъ всѣхъ дѣлъ 22-го ноября 1800 года, поручивъ его должность Державину. Державинъ былъ исключенъ изъ Совѣта, котораго онъ состоялъ членомъ). Ближайшимъ сотрудникомъ по внутреннимъ дѣламъ избранъ тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ *Трощинскій*; онъ былъ назначенъ состоять при Особѣ Его Величества у исправленія дѣлъ, по особой довѣренности Государя на него возложенныхъ. При немъ повелѣно быть статскому совѣтнику *Сперанскому*, съ званіемъ статсъ-секретаря (15-го марта). *Графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ* сохранилъ за собою то вліятель-

ное положеніе, къ которому былъ призванъ въ царствованіе Павла; онъ продолжалъ занимать мѣсто петербургскаго военнаго губернатора, управляющаго гражданскою частью въ Петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ, командующаго войсками петербургской инспекціи и первоприсутствующаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занималъ еще должность великаго канцлера державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Графъ Паленъ отказался только отъ управленія почтовымъ департаментомъ, который съ 13-го марта порученъ Трощинскому.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, находившійся съ 20-го декабря 1800 года въ ссылкѣ въ своей деревнѣ, былъ возвращенъ ко Двору. Императоръ Павелъ назначилъ графа Н. П. Панина вице-канцлеромъ, 7-го января 1800 года, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; 15-го ноября 1800 года графу Панину повелѣно присутствовать въ Сенатѣ, а 17-го декабря того же года онъ былъ отставленъ отъ службы и затѣмъ высланъ изъ столицы. 16-го февраля 1801 года генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сообщилъ графу Панину, что Государь снова разрѣшилъ ему въѣздъ въ обѣ столицы. Возвращеніе его въ Петербургъ сбылось однако уже въ новое царствованіе 21-го марта Панинъ явился въ Зимнемъ Дворцѣ. Императоръ Александръ принялъ графа съ невыразимою добротою, обнялъ его со слезами и сказалъ: что онъ вызванъ имъ для того, чтобы снова взяться за управленіе внѣшними дѣлами и коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ долженъ былъ сохранить за собою номинально вице-канцлерство, а графъ Паленъ оставленъ членомъ коллегіи. Императоръ былъ на столько милостивъ, что спрашивалъ графа Панина согласенъ ли онъ служить съ ними, положительнѣйшимъ образомъ увѣряя, что онъ одинъ будетъ управлять иностранными дѣлами. Никита Петровичъ отвѣчалъ, что уваженіе и довѣріе Государя суть единственные предметы его честолюбія, и что на службѣ онъ не признаетъ никакого совмѣстничества. „Если говорить о добродѣтеляхъ нашего новаго монарха“, писалъ въ мартѣ 1801 года графъ Панинъ, „и о чувствахъ, которыя онъ внушаетъ всѣмъ, кто къ нему приближается, то я бы никогда не кончилъ. Это сердце и душа Екатерины II, и во всѣ часы дня онъ исполняетъ обѣщаніе, данное въ манифестѣ“.

Между тѣмъ тѣло Императора Павла было выставлено для прощанія народа въ тронной залѣ Михайловскаго замка и 23-го марта, въ страстную субботу, перенесено въ Петропавловскій соборъ. Императоръ Александръ шествовалъ за гробомъ въ черной мантіи и шляпѣ съ флеромъ. Въ тотъ же день послѣдовало отпѣваніе и погребеніе.

Печальныя придворныя церемоніи, продолжавшіяся почти двѣ недѣли, начиная съ 12-го марта, не препятствовали однако обнародованію цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ, которыми Александръ спѣшилъ исправить вредъ, нанесенный Россіи мѣрами его родителя. Почти каждый день царскій указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ, и открывалъ свободный путь къ новой и благотворной дѣятельности. „Воспитанникъ Лагарпа, другъ просвѣщенія и свободы, врагъ этикета сказался вполнѣ“. Освобожденіе несчастныхъ жертвъ тайной экспедиціи было первымъ подвигомъ монарха, принявшаго скипетръ 12-го марта; нѣсколько сотъ человѣкъ увидѣли свѣтъ Божій и были возвращены обществу. Петропавловская крѣпость въ первый разъ опустѣла вдругъ — и на долго. Объ этомъ послѣдовалъ 15-го марта указъ Сенату, въ которомъ объявлялось прощеніе людей, содержащихся по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи. Довольно трудно опредѣлить точную цифру всѣхъ прощенныхъ и освобожденныхъ несчастныхъ и по большей части невинныхъ жертвъ истекшаго грознаго четырехлѣтія. По именному списку, приложенному къ указу 15-го марта, оказывается, что прощенію и освобожденію подлежали 153 человѣка. Но въ бумагахъ Трощинскаго (Государственный Архивъ. Разрядъ V. № 206) сохранились по этому дѣлу слѣдующія данныя: оказывается, что по спискамъ въ тайной экспедиціи числилось до 12-го марта 1801 года арестантовъ, сосланныхъ въ крѣпость и монастыри, въ Сибирь, по разнымъ городамъ и живущихъ въ деревняхъ подъ наблюденіемъ всего 700 человѣкъ. Изъ этого числа по 21-е марта, т.-е. до

погребенія Императора Павла, всемилостивѣйше прощено и освобождено 482 человѣка; затѣмъ отбирались справки по поведенію и неизвѣстности преступленій о 54 лицахъ, и неосвобожденными оставались еще 164 человѣка. Въ числѣ помилованныхъ указомъ 15-го марта находились: бывшій коллежскій совѣтникъ Александръ Николаевичъ *Радищевъ*, находившійся тогда въ Калужской губерніи, по возвращеніи изъ Сибири (въ царствованіе Павла Петровича), артиллеріи подполковникъ Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*, проживавшій въ ссылкѣ въ Костромѣ, и *Зейдеръ*, бывшій Дерптскій пасторъ, сосланный послѣ наказанія кнутомъ въ Нерчинскъ. Когда камергеръ *Рибопьеръ* вышелъ изъ каземата Петропавловской крѣпости, онъ увидѣлъ, что на дверяхъ его темницы приклеена была надпись: „*Свободна отъ поста*“, свидѣтельствующая о настроеніи, въ которомъ узники разставались съ мѣстомъ своего заключенія. Государь, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „желательно, чтобы навсегда“.

Указомъ, даннымъ военной коллегіи 13-го марта, на другой день по воцареніи Императора Александра, повелѣно: „всѣхъ выключенныхъ по сентенціи военнаго суда, и безъ суда генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, считать отставленными отъ службы“. 15-го марта эта милость распространена и на гражданскихъ чиновниковъ, изъ службы выключенныхъ или отрѣшенныхъ безъ суда и безъ законнаго изслѣдованія. По свидѣтельству А. С. Стурдзы, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права, по новому человѣколюбивому указу, простиралось до 12.000 человѣкъ.

Другіе важнѣйшіе указы Императора Александра, появившіеся въ теченіи трехъ мѣсяцевъ вслѣдъ за 12-мъ марта, представляютъ собою цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ и служатъ лучшей характеристикой наступившей новой, небывалой эпохи русской исторіи.

14-го марта—снятіе запрещенія на вывозъ различныхъ продуктовъ и товаровъ изъ Россіи.

15-го марта — манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывшимся въ заграничныхъ мѣстахъ; всѣ вины ихъ, кромѣ смертоубійства, предавались забвенію. Того же числа послѣдовалъ указъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ.

16-го марта—снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

17-го марта — отмѣна въ губернскихъ городахъ ратгаузовъ и въ уѣздныхъ ордонансъ-гаузовъ.

19-го марта—указъ, объявленный оберъ-полицеймейстеру графомъ Паленомъ, чтобы чиновники полицейскіе отнюдь изъ границъ должности своей не выходили, а тѣмъ менѣе дерзали причинять никому никакихъ обидъ и притѣсненій“.

22-го марта—о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта—отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31-го марта — объ отмѣнѣ запрещенія Императора Павла (отъ 18-го апрѣля 1800 года) ввозить изъ за границы книги и музыкальныя ноты и о распечатаніи частныхъ типографій, закрытыхъ указомъ 5-го іюня 1800 года и о дозволеніи имъ печатать книги и журналы. Того же числа объявлена роспись кавалерійскимъ и пѣхотнымъ полкамъ, коимъ Высочайше повелѣно именоваться прежними историческими именами, вмѣсто введеннаго Императоромъ Павломъ названія по именамъ шефовъ.

2-го апрѣля Императоръ Александръ прибылъ въ Сенатъ, и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть подписанные имъ въ тотъ день пять манифестовъ: 1) о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; 5-го мая Высочайше утвержденъ докладъ Сената, составленный на основаніи манифеста 2-го апрѣля, о возстановленіи статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ указами Императора Павла; между прочими и о возстановленіи свободы отъ тѣлеснаго наказанія, которому подвергались дворяне при Павлѣ, въ противность жалованной грамотѣ; 2) о возстановленіи городоваго положенія и грамоты, данной городамъ; 3) о свободномъ отпускѣ россійскихъ произведеній за границу, объ оставленіи сбора пошлинъ съ оныхъ на прежнемъ основаніи и о предоставленіи казеннымъ поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены лѣснымъ вѣдомствомъ; 4) объ уничтоженіи тайной экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ, про-

изводившихся въ оной въ Сенатѣ, и 5) объ облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій до 1.000 рублей. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя выраженія этого достопамятнаго указа: „Разсуждая, что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ Государственный Архивъ къ вѣчному забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1 и 5 департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Сердцу нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени Нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены мы въ вѣрности ихъ къ намъ и престолу нашему, и что пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей нашихъ и воли".

8-го апрѣля — объ уничтоженіи висѣлицъ, поставленныхъ въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ и къ которымъ прибивались имена провинившихся чиновъ.

9-го апрѣля — объ обрѣзаніи пуклей у солдатъ; косы сохранялись и, имѣя 4 вершка длиною, должны были завязываться въ половину воротника. „Е. И. В., дѣлая сіе облегченіе", сказано въ указѣ, надѣется что г.г. шефы тѣмъ болѣе будутъ наблюдать опрятность нижнихъ чиновъ". Только вторая война съ Наполеономъ избавила русскую армію отъ косъ. 2-го декабря 1806 года графъ Ливенъ объявилъ военной коллегіи слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Государь Императоръ, въ облегченіе войскъ, Высочайше повелѣть изволилъ: всѣмъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, исключая гвардіи и гусарскихъ полковъ, обрѣзать косы подъ гребенку; что же касается до генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, Его Величество предоставляетъ имъ поступить въ семъ случаѣ по собственной ихъ волѣ". Затѣмъ для войскъ была придумана новая форма; екатерининская форма обмундированія не была возстановлена. Широкіе и длинные мундиры перешиты въ узкіе и чрезъ мѣру короткіе; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того возвысились, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было ее поворачивать. Тѣмъ не менѣе всѣ восхищались новою обмундировкою.

13-го апрѣля—объ ежегодномъ отпускѣ Вольному Экономическому Обществу по 5.000 рублей.

23-го мая — возстановленъ законъ объ освобожденіи священниковъ и діаконовъ, впадшихъ въ уголовныя преступленія, отъ тѣлеснаго наказанія. При чтеніи этого указа Государь лично присутствовалъ въ Синодѣ.

28-го мая—указъ президенту Академіи Наукъ, барону Николаи: „дабы объявленіе о продажѣ людей безъ земли, ни отъ кого, для припечатанія въ вѣдомостяхъ, принимаемо не было". Этотъ указъ обращаетъ на себя вниманіе какъ первое осторожное мѣропріятіе Императора Александра, направленное противъ крѣпостнаго права.

13-го іюня — о возстановленіи ежегоднаго отпуска въ 6.250 руб. изъ кабинета на содержаніе Академіи Наукъ, находившейся въ совершенномъ загонѣ при Императорѣ Павлѣ. Позднѣе, въ 1802 году, приказано было еще печатать издаваемыя Академіею сочиненія на счетъ кабинета.

Въ заключеніе этого краткаго перечня, упомянемъ еще объ указѣ 26-го іюня, по которому отмѣнялись шлагбаумы по городамъ и селамъ, гдѣ отсутствовалъ военный гарнизонъ.

Къ числу первыхъ административныхъ преобразованій Императора Александра относится указъ 26 го марта, по которому существовавшій при Дворѣ *Совѣтъ* былъ упраздненъ, а членамъ его велѣно оставаться „при тѣхъ должностяхъ и мѣстахъ, гдѣ они по званію каждаго состоятъ". Въ этомъ указѣ ясно выражены причины упраздненія прежняго совѣта, который, „бывъ рѣдко занимаемъ предметами существенными, доселѣ носилъ одно имя государственнаго установленія, безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя". Дѣйствительно, при Павлѣ дѣятельность Совѣта была обращена главнымъ образомъ на разсмотрѣніе рукописей и книгъ, запрещенныхъ цензурою. 30-го марта учрежденъ *Совѣтъ непремѣнный* для разсмотрѣнія и уваженія государственныхъ дѣлъ

и постановленій. Въ томъ же указѣ назначены „на сей разъ“ членами Совѣта 12-ть главнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ. 5-го апрѣля данъ сему новому установленію *наказъ*, коимъ опредѣлены: составъ Совѣта, предметъ его разсужденій, порядокъ производства въ немъ дѣлъ, степень власти, основныя правила для его дѣйствій и образованіе его канцеляріи. Императоръ Александръ присутствовалъ въ этомъ Совѣтѣ только одинъ разъ, 16-го мая 1801 года, при разсужденіяхъ о непродажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли.

Д. П. Трощинскому въ званіи члена новаго Совѣта ввѣрено было главное завѣдываніе его канцеляріею, состоявшей изъ четырехъ экспедицій. 20-го апрѣля статскому совѣтнику Сперанскому повелѣно быть экспедиторомъ по части гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

5-е іюня ознаменовано было изданіемъ двухъ важныхъ указовъ, которые слѣдуетъ признать первымъ гласнымъ заявленіемъ задуманныхъ Государемъ обширныхъ административныхъ преобразованій:

1) Сенату повелѣвалось представить особый докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, для утвержденія оныхъ силою закона на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ.

2) Управленіе *коммиссіею составленія законовъ* поручено *графу Завадовскому*; онъ удостоился получить по этому случаю особый рескриптъ. Мотивы учрежденія коммиссіи, принятой Государемъ въ собственное вѣдѣніе, высказаны въ немъ слѣдующимъ образомъ: „Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства, и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи, государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т.-е. въ теченіи почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противуположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія“.

Указъ Сенату о представленіи имъ доклада о сущности его правъ и обязанностей раскрылъ еще болѣе намѣренія Императора Александра. По отзыву *Шторха* въ начатомъ имъ періодическомъ изданіи. „*Россія при Александрѣ Первомъ*“ (Russland unter Alexander dem Ersten — St.-Petersburg und Leipzig 1804), можно судить, какое сильное впечатлѣніе произвелъ указъ 5-го іюня на общество. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію“, пишетъ Шторхъ: „что Императоръ могъ безъ шума (ohne Aufsehen), болѣе краткимъ и вѣрнымъ путемъ получить тѣ свѣдѣнія, какихъ онъ требовалъ здѣсь столь публично и столь торжественно; мы въ правѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предпочтеніе публичному запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы испытать общественное мнѣніе и приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ. И эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ въ Сенатѣ, было всеобщее и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы“.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ 1801 году не было правительства въ Европѣ, которое было бы столько занято общественнымъ благомъ, какъ русское. Такое впечатлѣніе произвела, по крайней мѣрѣ, въ 1802 году на швейцарца *Дюмона*, друга Бентама, правительственная обстановка Императора Александра. „Если въ чемъ есть недостатокъ“, прибавляетъ Дюмонъ: „то въ исполнителяхъ, чтобы осуществить то добро, которое хотятъ сдѣлать. Люди должны быть откопаны или созданы; и въ этомъ заключается главное затрудненіе“.

При воцареніи Александра, лучшіе друзья его, за исключеніемъ графа Павла Александровича *Строгонова*, отсутствовали изъ Петербурга и пребывали за границею. Графъ В. П. *Кочубей* находился въ Дрез-

денѣ, князь Адамъ *Чарторижскій* въ Неаполѣ, и Н. Н. *Новосильцовъ* въ Англіи. *Лагарпъ* поселился въ Парижѣ. Всѣ поспѣшили собраться вокругъ своего вѣнценоснаго друга. Изъ нихъ Строгоновъ, Новосильцовъ и Чарторижскій образовали болѣе тѣсный союзъ, который современное общество называло *тріумвиратомъ*.

Чарторижскій, по прибытіи въ Петербургъ, замѣтилъ въ Александрѣ нѣкоторую перемѣну; онъ уже не думалъ, по прежнему, объ отреченіи; въ немъ сложился, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, болѣе практическій взглядъ на дѣла и проглядовало сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено будетъ осуществленіе многихъ задуманныхъ, въ порывѣ юношескаго увлеченія, реформъ.

Позже всѣхъ прибылъ въ Петербургъ Лагарпъ. Дружескія письма къ нему Императора Александра побудили бывшаго наставника Государя навѣстить наконецъ своего царственнаго друга послѣ шестилѣтней разлуки. Лагарпъ явился въ сѣверную столицу въ августѣ 1801 года и девять мѣсяцевъ провелъ почти неразлучно съ Александромъ; только въ началѣ мая 1802 года Лагарпъ вторично покинулъ Россію и выѣхалъ обратно во Францію. Лагарпъ, прибывшій въ Петербургъ въ 1801 году, былъ уже далеко не тотъ „якобинецъ“, который смущалъ русское придворное общество въ 1794 году. Опытъ восемнадцатимѣсячнаго управленія Гельветическою республикою во многомъ измѣнилъ взгляды бывшаго ея директора. Отнынѣ Лагарпъ съ негодованіемъ возставалъ уже противъ призрачной свободы народныхъ собраній и видѣлъ величайшее благо въ разумномъ самодержавіи. Предостерегая юнаго Государя отъ либеральныхъ увлеченій, Лагарпъ убѣждалъ его дорожить своею властью, видоизмѣняя ее мало по малу мудрыми и прочными учрежденіями, и указывалъ на примѣръ Пруссіи, нашедшей тайну соединить абсолютизмъ съ законностію и правосудіемъ. Всѣ совѣты Лагарпа объ управленіи государствомъ сводились теперь къ одному основному началу—*твердой и непоколебимой власти*; онъ сталъ также относиться съ меньшимъ сочувствіемъ къ крестьянскому вопросу, выставляя необходимость охранять неприкосновенность помѣщичьихъ правъ собственности. Единственный вѣрный другъ монарха, говорилъ Лагарпъ, его собственное здравое разсужденіе; онъ совѣтовалъ даже Государю въ крестьянскомъ дѣлѣ избѣгать самаго слова „*освобожденіе*“, замѣняя его выраженіемъ — „*перемѣны въ экономическомъ бытѣ*“. Лагарпъ высказывался не менѣе рѣшительно противъ расширенія правъ Сената.

Дѣятельность Лагарпа не ограничивалась одними политическими совѣтами; по просьбѣ Александра, онъ внимательно наблюдалъ за его выходами, чтобы высказать откровенно мнѣніе, въ какой мѣрѣ обращеніе Государя, умѣніе держать себя и т. п. соотвѣтствуютъ высокому званію, къ которому онъ не успѣлъ еще привыкнуть. Для выполненія этой задачи, Лагарпъ неустанно слѣдилъ за Императоромъ во дворцѣ и въ обществѣ; на площади онъ смѣшивался съ толпою, чтобы удобнѣе замѣчать каждое движеніе Государя; вынесенныя имъ во время этихъ наблюденій впечатлѣнія онъ сообщалъ Александру, присовокупляя къ нимъ свои совѣты. Новое консервативное направленіе, принятое Лагарпомъ, не примирило его, однако, съ многочисленными недоброжелателями и завистниками. Неудовольствіе противъ него многихъ вліятельныхъ членовъ русскаго общества оставалось, по прежнему, въ полной силѣ. Графъ Н. П. Панинъ, не стѣсняясь, распространялъ о немъ самые язвительные отзывы; онъ старался даже препятствовать пріѣзду Лагарпа въ Петербургъ, опасаясь вліянія исповѣдуемыхъ этимъ злодѣемъ (scélérat) ложныхъ принциповъ и софизмовъ на воспріимчивый умъ юнаго Государя. „Швейцарецъ извѣстный вамъ“, писалъ графъ Панинъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову: „ѣдетъ сюда, не взирая на сильныя представленія матери и на мои. Сей человѣкъ будетъ управлять своимъ воспитанникомъ и не допуститъ къ нему вѣрныхъ сыновъ отечества. Всѣ благомыслящіе со мною въ томъ согласны“.

Наставленія Лагарпа, въ духѣ его новѣйшихъ консервативныхъ воззрѣній, не остались безъ вліянія на Императора Александра, какъ это видно изъ словъ, сказанныхъ однажды (въ 1803 году) Государемъ, во время доклада, Державину: „Ты меня всегда хочешь учить; я самодержавный Государь и такъ хочу.“ Изъ

этихъ словъ, сказанныхъ хотя и въ минуту неудовольствія, можно видѣть, что Императоръ успѣлъ уже перейти на реальную почву и разстался съ своими юношескими политическими мечтами о какой-то *свободной конституціи*, высказанными нѣкогда съ такимъ увлеченіемъ, 27-го сентября 1797 года, въ письмѣ къ Лагарпу. Изъ намѣченной тогда фантастической программы для будущаго царствованія осуществились только предположенія, относящіяся до переводовъ *„полезныхъ книгъ“*, чтобы *„положить начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ“*, и такимъ образомъ подготовить общество къ воспринятію отодвинутыхъ въ далекое будущее реформъ.

Перечислимъ здѣсь нѣкоторыя изъ изданныхъ въ преобразовательную эпоху, по Высочайшему повелѣнію, переводныхъ сочиненій, имѣвшихъ очевидною цѣлью внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, и дать по этимъ предметамъ послѣднее слово западной науки: 1) „Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ“, соч. Адама Смита. Спб. 1802, пер. Николая Политковскаго. 2) Два перевода соч. Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, Д. Языкова (1803 г.) и А. Хрущева (1806 г.). 3) „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“ Бентама. Переводъ съ французскаго изданія Дюмона М. Михайлова. Спб. 1805. 4) „Лѣтописи К. Корнелія Тацита“. Переводъ съ латинскаго Ѳ. Поспѣлова. Спб. 1805. 5) „Конституція Англіи“, сочиненіе де-Лолма. Переводъ съ французскаго Ивана Татищева. Москва 1806. Въ посвятительномъ письмѣ Императору Александру Татищевъ проситъ Государя Всемилостивѣйше воззрѣть на переводъ сей книги „коея знаменитый авторъ занимается преимущественно изъясненіемъ средствъ, употребленныхъ въ Англіи для установленія существующаго тамъ всеобщаго и безпристрастнаго правосудія, толь любезной Вашему сердцу добродѣтели и одной изъ главныхъ и надежнѣйшихъ подпоръ престола и царствъ“. 6) „О существѣ законовъ“ Монтескье. Пер. Д. Языкова Спб. 1809.

Тѣсный кружокъ друзей Александра образовалъ особый келейный совѣтъ, который Государь въ шутку называлъ: *„Комитетомъ общественной безопасности“* (Comité du salut public). Благодаря обыкновенію графа П. А. Строгонова, по возвращеніи съ комитетскихъ собраній, записывать вкратцѣ весь ходъ совѣщаній и даже споры, для исторіи сохранился драгоцѣнный источникъ, чтобы судить о томъ, какъ велось дѣло въ этомъ Комитетѣ, и какіе вопросы были тамъ затронуты. Первое засѣданіе негласнаго Комитета состоялось 24-го іюня 1801 года, а послѣднее въ концѣ 1803 года, когда первый преобразовательный пылъ Александра уступилъ мѣсто новому увлеченію: стать во главѣ зарождавшейся европейской коаліціи противъ Франціи.

Повидимому, забытъ былъ Императоромъ Александромъ только одинъ изъ друзей юности: *графъ Аракчеевъ*. Но въ дѣйствительности этого не было. Александръ шелъ еще тогда по восходящему пути широко задуманныхъ реформъ; неудобно было возбудить подозрѣніе, что готовится нѣкоторый поворотъ на старую дорогу; нельзя было измѣнить явнымъ образомъ торжественному обѣщанію царствовать по законамъ и по сердцу Екатерины II; имя же графа Аракчеева связывало его неразрывно съ Павловскими преданіями. Всѣ эти обстоятельства обезпечивали неприкосновенность сельской идилліи Аракчеева въ Грузинѣ еще на нѣкоторое время.

Политическія соображенія побудили, однако, Александра призвать также къ дѣятельности изъ вынужденнаго бездѣйствія и нѣкоторыхъ екатерининскихъ сановниковъ; кромѣ уже выше упомянутыхъ нами Д. П. Трощинскаго и А. А. Беклешова, нужно поименовать еще графа Александра Романовича Воронцова, графа Завадовскаго, графа Моркова. Находившійся въ Англіи, въ опалѣ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ снова занялъ прежній дипломатическій постъ при великобританскомъ дворѣ, и запрещеніе, наложенное на его помѣстья Императоромъ Павломъ, снято Александромъ на другой же день по восшествіи на престолъ.

Сочувствіе Александра къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ было, конечно, неодинаковое. Къ екатерининскимъ сподвижникамъ Императоръ относился вообще недружелюбно; это подтверждается въ достаточной мѣрѣ его перепиской и другими не менѣе достовѣрными историческими свидѣтельствами. Нерасположеніе къ дѣятелямъ и къ царствованію своей великой

бабки сохранилось въ немъ и въ позднѣйшіе года жизни; его подмѣтилъ также Михайловскій-Данилевскій, который по этому поводу пишетъ: „встрѣчая на пути лицъ, служившихъ при бабкѣ его, Государь обходился съ ними сухо и почти не обращалъ на нихъ вниманія. Вообще онъ не любилъ, когда вспоминали при немъ о царствованіи Екатерины". О графѣ Завадовскомъ Александръ отзывался въ письмѣ къ Лагарпу крайне рѣзко. „Это ничтожество—настоящая овца" (un vrai mouton). Къ графу А. Р. Воронцову Государь питалъ непреодолимое отвращеніе. Все было ему антипатично въ старикѣ: устарѣлые его пріемы, звукъ голоса, протяжный и гнусливый, привычныя тѣлодвиженія. Когда онъ, въ 1804 году, по болѣзни, удалился отъ дѣлъ, Александръ радовался, какъ ребенокъ (avait des joies d'enfant). Для довершенія затруднительности положенія старыхъ сановниковъ при дѣловыхъ сношеніяхъ съ юнымъ Императоромъ, они еще враждовали между собою; стоитъ назвать Державина, Беклешова и Трощинскаго. Относительно двухъ послѣднихъ Императоръ Александръ усвоилъ себѣ особую систему дѣйствій. „Они, безъ сомнѣнія, по опытности своей въ дѣлахъ, знающѣе всѣхъ прочихъ государственныхъ чиновниковъ", сказалъ однажды Государь, лѣтомъ 1801 года, генералъ-адъютанту Комаровскому: „но между ними есть зависть. Я примѣтилъ это, потому что, когда одинъ изъ нихъ объясняетъ какое-либо дѣло, кажется нельзя лучше; лишь только оное коснется для приведенія въ исполненіе до другаго, тотъ совершенно опровергаетъ мнѣніе перваго, тоже, кажется, на самыхъ ясныхъ доказательствахъ. По неопытности моей въ дѣлахъ, я находился въ большомъ затрудненіи и не зналъ, кому изъ нихъ отдать справедливость; я приказалъ, чтобъ по генералъ-прокурорскимъ дѣламъ они приходили съ докладомъ ко мнѣ оба вмѣстѣ и позволяю имъ спорить при себѣ, сколько угодно, а изъ сего извлекаю для себя пользу".

Державинъ въ своихъ запискахъ выражаетъ сожалѣніе о враждѣ Беклешова и Трощинскаго, благодаря которой они ослабили довѣренность къ нимъ Государя „и сбили съ твердаго пути, такъ что онъ не зналъ, кому изъ нихъ вѣрить". Беклешова же онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать самодержавную. Антагонизмъ, существовавшій между генералъ-прокуроромъ и Трощинскимъ подтверждается также записками Михайловскаго-Данилевскаго, который замѣчаетъ, что Беклешовъ и Трощинскій не имѣли столько патріотизма и возвышенности души, чтобы совокупно споспѣшествовать ко благу Россіи и оправдать тѣмъ довѣріе юнаго монарха. „Сколь ни велики были способности сихъ „особъ", присовокупляетъ Данилевскій, „но онѣ не были въ согласности съ просвѣщеніемъ XIX вѣка".

Изъ краткаго очерка всѣхъ перечисленныхъ выше мѣропріятій, сопровождавшихъ въ Россіи перемѣну царствованія, очевидно, на сколько Александръ руководствовался въ то время еще своими идеальными воззрѣніями. При каждомъ удобномъ случаѣ Государь выставлялъ принципъ *законности*, которому охотно подчинялъ неограниченность своей собственной самодержавной власти, и рѣшительно отклонялъ отъ себя всякій произволъ, на который его нерѣдко вызывали. Для примѣра, приведемъ отвѣтъ Александра на письмо княгини Голицыной (рожденной Вяземской), просившей остановить взысканіе долговъ, коихъ законность утверждена была подписью ея мужа. Императоръ отвѣтилъ ей 7-го августа 1801 года, что какъ скоро онъ себѣ дозволитъ нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? „Быть выше ихъ, еслибъ я могъ", продолжаетъ Государь: „то конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ того, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ".

Такое блистательнсе начало царствованія Императора Александра не могло не возбудить къ нему сильной любви всего народа. Золотой вѣкъ наступилъ наконецъ для Россіи, пишетъ г-жа Виже Лебренъ. „Въ этомъ нельзя было сомнѣваться, смотря на любовь, почтеніе, восторгъ, съ которыми русскіе относились къ своему новому Императору. Этотъ восторгъ былъ на столько великъ, что всѣми почиталось за величайшее счастіе увидѣть и встрѣтиться съ Александромъ; если онъ выходилъ вече-

ромъ гулять въ Лѣтній Садъ или проѣзжалъ по улицамъ Петербурга, толпа его окружала, благословляя, и онъ, привѣтливѣйшій изъ Государей, удивительно милостиво отвѣчалъ на всю эту дань почтенія".

Дѣйствительно, никогда еще въ Россіи не испытывали того чувства благосостоянія, которымъ объята была Имперія въ первые шесть мѣсяцевъ царствованія Александра. „Любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе". Современникъ ко всему этому присовокупляетъ, что чувства къ Государю тогдашняго общества не могутъ быть выражены обычнымъ понятіемъ человѣческой преданности: „его любили страстно, какъ любятъ обожаемую женщину".

Въ это счастливое для Россіи время, немаловажнымъ вліяніемъ на нѣкоторыя начинанія Императора Александра пользовался также *Василій Назарьевичъ Каразинъ*. Это былъ искренній идеалистъ, свѣтлая, благородная личность, одушевленная страстнымъ желаніемъ добра своимъ согражданамъ, искреннею любовью къ Александру и непоколебимою вѣрою въ возможность нравственнаго совершенства человѣка. 22-го марта Государь нашелъ въ своемъ кабинетѣ на столѣ безъимянную записку, написанную съ увлеченіемъ, гдѣ авторъ высказывалъ великія надежды, возбужденныя въ Россіи воцареніемъ Александра, и излагалъ свои политическіе взгляды, стремившіеся къ водворенію законности, при нѣкоторомъ содѣйствіи представительства и надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ человѣческими правами. По приказанію Императора, авторъ записки былъ розысканъ. „Я бы желалъ имѣть побольше людей, которые бы такъ думали, какъ вы, и говорили мнѣ такую правду",—сказалъ Каразину Государь при первомъ своемъ свиданіи. „Съ чего начать?"—спросилъ его затѣмъ Александръ и получилъ отвѣтъ: „съ образованія народнаго". Александръ выразилъ желаніе, чтобы Каразинъ подробнѣе обработалъ свою мысль о народномъ образованіи. Явилась по этому предмету подробная записка, передѣланная впослѣдствіи въ 1802 году въ планъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Дополнимъ все вышесказанное о первыхъ недѣляхъ правленія Императора Александра выдержками изъ письма И. М. Муравьева-Апостола, отъ 6-го апрѣля 1801 года, къ графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ, по которымъ можно судить о степени общественнаго счастья и радости, преисполнившими этотъ медовый мѣсяцъ новаго царствованія: „Я бы хотѣлъ передать вамъ", пишетъ Муравьевъ, „точное понятіе о благополучіи, которымъ всѣ теперь пользуются въ Россіи, но эта задача слишкомъ превышаетъ мои силы... Но воцареніи, однимъ изъ первыхъ дѣйствій нашего ангела, нашего обажаемаго Государя было освобожденіе невинныхъ жертвъ, которыя цѣлыми тысячами стонали въ заточеніи, сами не зная, за что онѣ были лишены свободы. Замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ государственныхъ узниковъ былъ Иловайскій, казацкій атаманъ, тотъ самый, котораго отличала Екатерина II. Я былъ свидѣтелемъ, какъ этотъ почтенный старецъ въ первый разъ взглянулъ на свѣтъ Божій послѣ трехлѣтняго заключенія. Имя Божіе мѣшалось въ его устахъ съ именемъ Александра; онъ просилъ, чтобы ему дали взглянуть на сына. Сынъ былъ уже въ его объятіяхъ, но онъ не могъ его распознать: до такой степени горе обезобразило этого замѣчательнаго молодаго человѣка, который также въ теченіи трехъ лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, не подозрѣвая, что только одна стѣна отдѣляла его отъ того каземата, гдѣ томился несчастный его отецъ. Вообразите себѣ, что подобныхъ сценъ, какая произошла съ Иловайскимъ, насчитывалось до 15 тысячъ, по всему пространству Россіи, и ваше сіятельство составите себѣ понятіе, что такое воцареніе Александра. Нѣжный и почтительный къ матери, обходительный со всѣми, нашъ любезный Государь суровъ только къ самому себѣ. Въ строгости при исполненіи своихъ обязанностей онъ точно ученикъ Епиктета. Съ 7-ми часовъ утра до 11-ти онъ занятъ исключительно дѣлами государственными, и ничто не можетъ отвлечь его отъ нихъ. Въ 11 бываетъ кратковременный парадъ, и не столько для дисциплины, какъ ради удовольствія показаться безчисленному множеству народа, который всегда жаденъ его видѣть и не можетъ на него наглядѣться. Единственное время отдохновенія—отъ полудня до

обѣда, который всегда подается въ часъ. Затѣмъ онъ выходитъ пѣшкомъ или ѣдетъ верхомъ, но всякій разъ приказываетъ гофмаршалу немедленно извѣстить его, если до него будетъ дѣло кому-нибудь изъ его министровъ. Съ 5-ти часовъ пополудни онъ опять занимается дѣлами правленія, и эти занятія продолжаются иной разъ до 11-ти часовъ ночи. Вотъ образъ жизни, который предписалъ себѣ Государь, а вотъ нѣсколько подлинныхъ анекдотовъ, его изображающихъ. Онъ запретилъ черезъ полицію выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ нимъ. Одинъ офицеръ, желая поближе взглянуть на него, нарушилъ это распоряженіе. Государь приблизился къ нему и сказалъ: „я васъ просилъ не выходить изъ экипажа". Фраки и круглыя шляпы появились съ первыхъ же дней новаго царствованія. Военный губернаторъ, въ видахъ охраненія военной выправки, вошелъ къ Государю съ докладомъ, не прикажетъ-ли сдѣлать распоряженіе относительно одежды офицеровъ. „Ахъ Боже мой!—отвѣчалъ Государь—Пусть ихъ ходятъ какъ хотятъ; мнѣ еще легче будетъ распознать порядочнаго человѣка отъ дряни". Г. Трощинскій представилъ къ подписанію милостивый манифестъ, начинавшійся извѣстными словами: „По сродному намъ къ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію и пр." Императоръ зачеркнулъ эти слова, сказавъ: „Пусть народъ это думаетъ и говоритъ, а не намъ этимъ хвастаться." Другой разъ, тотъ же Трощинскій принесъ указъ Сенату съ обыкновеннымъ началомъ: „Указъ нашему Сенату".— „Какъ, — сказалъ съ удивленіемъ Государь,—нашему Сенату! Сенатъ есть священное хранилище законовъ; онъ учрежденъ, чтобы насъ просвѣщать. Сенатъ не нашъ: онъ Сенатъ Имперіи". И съ этого времени стали писать въ заголовкѣ: „Указъ Правительствующему Сенату". Г. Ламбъ, завѣдующій военною частію, возражая однажды противъ какого-то распоряженія, сказалъ: „Извините меня, Государь, если я скажу, что это дѣло не такъ".—„Ахъ, мой другъ", сказалъ Императоръ, обнявъ его: „пожалуй, говори мнѣ чаще не такъ. А то вѣдь насъ балуютъ". Я бы не кончилъ, если бы сталъ записывать вамъ подобнаго рода анекдоты нынѣшняго восхитительнаго царствованія; ихъ слышишь каждый день новые. Счастливые россіяне съ радостію и признательностію въ сердцѣ, и со слезами на глазахъ, восторженно повторяютъ всякое слово, исходящее изъ устъ обожаемаго Государя. Не могу изобразить вашему сіятельству, до какой степени всѣ въ восхищеніи" („Русскій Архивъ" 1876 года, книга 1-я). Можетъ быть къ этому времени относится нижеслѣдующая собственноручная записочка Императора Александра, найденная въ его бумагахъ послѣ его кончины и подаренная Императоромъ Николаемъ графу Дибичу (въ 1826 году): „Ты спишь несчастный и груды дѣлъ тебя ожидаютъ. Ты пренебрегаешь своими обязанностями, чтобы предаться сну или удовольствіямъ, и несчастные страдаютъ, пока ты валяешься на своихъ матрасахъ. Какой срамъ, у тебя недостаетъ храбрости, чтобы побѣдить эту лѣность, которая всегда была твоимъ удѣломъ. Встань, освободись отъ ига присущихъ тебѣ слабостей, сдѣлайся опять человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ отечества (citoyen utile de la patrie)" (Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 969).

Среди общаго восторга раздавались, конечно, и неодобрительные голоса людей, которые не могли помириться съ новыми вѣяніями. „Александру въ особенности принадлежатъ проявленія мягкаго человѣколюбія и уклончивой скромности, съ какой нерѣдко онъ пользовался своею властью: это не нравилось людямъ стараго вѣка, выросшимъ въ рабскомъ страхѣ и привыкшимъ думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала". Недоброжелатели, однако, воздерживались пока отъ слишкомъ громкаго охужденія новаго политическаго направленія и во всякомъ случаѣ составляли меньшинство. Въ неизданныхъ запискахъ *Д. П. Рунича* можно прочесть слѣдующую филиппику противъ новой эры: „Суровость Павла смѣнилась необузданною распущенностью. Либерализмъ обратился въ моду. При вступленіи на престолъ Александръ объявилъ о своемъ намѣреніи царить по примѣру своей бабки Екатерины II. Только и было разговоровъ, что о манифестѣ, содержавшемъ эту пошлую и смѣшную фразу (cette phrase banale et ridicule), да о красотѣ юнаго Императора и свободѣ, которой жаждали. Увы, что это за свобода! Александръ долженъ былъ лавировать. Его мать была недовольна имъ, дворянство тоже, сторонники

его отца питали къ нему отвращеніе (le parti de son père l'abhorrait). Тѣмъ не менѣе, когда могучая рука ослабляетъ петлю, уже было готовую затянуться, эту руку цѣлуютъ. Было назначено коронованіе. Отправились въ Москву, которая, охваченная восторгомъ, считала себя точно воскресшею. Вполнѣ вѣрно, какъ замѣчаетъ Маккіавель, что маленькія обиды постоянно болѣе чувствительны, чѣмъ большія! Запрещеніе носить круглыя шляпы и панталоны возбудило ненависть къ Павлу и среди знати, и среди не знати, между тѣмъ какъ купцы и народъ любили его. Разрѣшеніе наряжаться шутами, обмѣнъ рукопожатій, болтовня безъ удержу, заставили полюбить Александра тотчасъ по вступленіи на престолъ".

Г. Р. Державинъ также принадлежалъ къ числу лицъ, сильно предубѣжденныхъ противъ новаго порядка вещей; онъ открыто возставалъ противъ *«коверканія»*, какъ онъ выразился, всѣхъ начинаній Павла I-го, и, не стѣсняясь, изливалъ свое неудовольствіе противъ ближайшихъ совѣтниковъ и друзей Александра, не щадя даже екатерининскихъ стариковъ. Обвиненія его, направленныя противъ Беклешова, уже приведены нами выше. Относительно же друзей Государя, составлявшихъ его тайный совѣтъ, онъ пишетъ, что они ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ не знали. Увлеченіе и неудовольствіе Державина постепенно возрасло до того, что онъ обвинялъ совѣтниковъ Александра впослѣдствіи въ томъ, что они довели государство до близкой въ 1812 г. погибели.

А. С. Шишковъ, сдѣлавшійся со временемъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей Александровскаго царствованія, долженъ быть причисленъ, подобно Державину, къ числу недовольныхъ новымъ правленіемъ, хотя порицаніе его отличалось отчасти другимъ оттѣнкомъ. Онъ находилъ, что торжественное обѣщаніе Государя идти по стопамъ бабки своей не осуществилось. По мнѣнію Шишкова, „все то, чего при ней не было, и что въ подражаніе пруссакамъ введено послѣ ней, осталось ненарушимымъ: тѣже по военной службѣ приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюденія, вахтъ-парады, экзерциръ-гаузы, шлагъ-баумы, и проч., и проч.; та жъ раздача орденовъ лѣкарямъ и монахамъ. Однимъ словомъ, Павлово царствованіе, хотя не съ тою строгостью, но съ подобными же иностранцамъ подражаніями и нововведеніями, еще продолжалось". Не щадилъ также Шишковъ и вліятельныхъ людей того времени, и оставилъ въ запискахъ характеристику, вполнѣ совпадающую съ оцѣнкою ихъ Державинымъ: „Молодые наперсники Александровы", пишетъ Шишковъ, „напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежніе въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными" (Записки адмирала А. С. Шишкова.—Берлинъ 1870, т. 1-й, стр. 84 и 85).

Но всѣ эти болѣе или менѣе скрытыя чувства неудовольствія и порицанія, высказываемыя различными представителями общества, пока еще не могли затемнить общаго восторга и сочувствія.

По словамъ современника, „еслибъ Государь составилъ совѣтъ изъ 15-лѣтнихъ мальчиковъ, то и его постановленія были бы приняты какъ плоды высокой мудрости". Касаясь дѣятельности ближайшихъ совѣтниковъ и друзей Императора Александра въ эпоху его воцаренія, историки охотно прилагаютъ къ нимъ эпитеты: *«юные дѣятели»*, *«юные сподвижники»*; между тѣмъ это замѣчаніе до нѣкоторой степени справедливо только относительно *графа П. А. Строгонова*, которому минуло тогда 27 лѣтъ (род. 7-го іюня 1774 года). Что же касается прочихъ, то *Новосильцову* было около 40 лѣтъ (род. въ 1761 году), *графу Кочубею* — 33 (род. 14-го ноября 1768 года) и *князю Чарторижскому*—31 (род. 3-го января 1770 года). Всѣхъ моложе былъ Императоръ Александръ, вступившій на престолъ 24-хъ лѣтъ.

Не легко было Императору Александру управлять государствомъ и провести необходимыя преобразованія среди этихъ противорѣчивыхъ теченій, вызванныхъ непримиримымъ антагонизмомъ, существовавшимъ между приверженцами прежнихъ порядковъ и представителями прогрессивныхъ мѣропріятій. Всѣ эти затрудненія усложнялись еще послѣдствіями той исключительной обстановки, при которой совершилось восшествіе на престолъ преемника Павла.

Въ первые мѣсяцы новаго царствованія

преобладающее вліяніе выпало, конечно, на долю графа фонъ-деръ-Палена. Пользуясь молодостью и неопытностью Государя, властолюбивый графъ то принималъ покровительственный тонъ, то позволялъ себѣ вступать съ Императоромъ въ споръ и навязывать ему собственныя мнѣнія; Александръ тяготился вліяніемъ и высокомѣріемъ графа Палена, но благоразуміе требовало пока избѣгать открытаго разрыва съ могущественнымъ временщикомъ. Опытный царедворецъ былъ, однако, введенъ въ заблужденіе притворною скромностью молодаго Государя и, совершенно не подозрѣвая близости готовящейся опалы, продолжалъ дѣйствовать по прежнему. Вполнѣ довѣряя честности и прямодушію генералъ-прокурора Беклешова, Императоръ Александръ не скрылъ отъ него непріятныхъ сторонъ его сношеній съ графомъ Паленомъ. Опытный дѣлецъ ограничился отвѣтомъ: „Когда у меня подъ носомъ жужжатъ мухи, я ихъ прогоняю“. Совѣтъ Беклешова произвелъ должное впечатлѣніе и не остался безъ послѣдствій. Неизбѣжная окончательная развязка только ускорилась благодаря натянутымъ отношеніямъ, существовавшимъ между графомъ Паленомъ и Императрицею Маріею Ѳеодоровною; произошло, наконецъ, открытое столкновеніе. Вдовствующая Государыня потребовала отъ сына выбора между нею и графомъ. 17-го іюня 1801 года послѣдовалъ Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе генерала отъ кавалеріи Санктпетербургскаго военнаго губернатора и управляющаго гражданскою частію въ Санктпетербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ графа фонъ-деръ-Палена, всемилостивѣйше увольняемъ его за болѣзньми отъ всѣхъ дѣлъ“. Но опала, постигшая графа Палена, этого „ливонскаго великаго визиря“, какъ называлъ его графъ С. Р. Воронцовъ, не ограничилась однимъ удаленіемъ его отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ; къ немилости присоединилась еще ссылка, и ему приказано было выѣхать изъ столицы и удалиться въ свое Курляндское имѣніе. Графъ Паленъ безпрекословно повиновался, и въ тотъ же день покинулъ Петербургъ, съ которымъ разстался уже навсегда. Это былъ первый примѣръ рѣшимости молодаго Императора на царственномъ поприщѣ; но это важное происшествіе, какъ повѣствуетъ современникъ, едва было замѣчено людьми, еще хмѣльными отъ радости—обѣ столицы и Россія утопали тогда въ веселіи. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Немедленно послѣ удаленія отъ дѣлъ графа Палена начались правильныя засѣданія негласнаго комитета, при постоянномъ участіи самого Государя; какъ уже выше упомянуто, первое засѣданіе комитета состоялось 24-го іюня 1801 года. До тѣхъ поръ Императоръ Александръ, очевидно, не располагалъ достаточною свободою дѣйствія и долженъ былъ соображать свои начинанія со взглядами всесильнаго петербургскаго военнаго губернатора. По желанію Государя, комитетъ общественнаго спасенія приступилъ къ систематической работѣ надъ реформою *безобразнаго зданія управленія Имперіи* (réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire). Послѣ преобразованія различныхъ частей администраціи, предполагалось увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія обезпеченіемъ, которое можетъ представить конституція, установленная на основаніи истиннаго народнаго духа (et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une constitution réglée d'après le véritable esprit de la nation).

Члены комитета пользовались привилегіею обѣдать за Высочайшимъ столомъ безъ приглашенія. Послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, Императоръ удалялся. Но пока остальные гости разъѣзжались, четыре избранника вводились черезъ особый ходъ въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями Ихъ Величествъ. Туда приходилъ Государь, и тамъ, въ его присутствіе и при его участіи, происходили оживленныя и продолжительныя пренія по всевозможнымъ государственнымъ вопросамъ.

„Въ этомъ собраніи“, пишетъ князь Чарторижскій: „Строгоновъ былъ самый пылкій, Новосильцовъ самый разсудительный, Кочубей самый осторожный и искренно желавшій принять участіе въ управле-

нiи, я же самый безкорыстный и старавшiйся всегда успокоить чрезмѣрное нетерпѣнiе".

Лагарпъ никогда не присутствовалъ въ засѣданiяхъ комитета, но велъ продолжительныя бесѣды съ Императоромъ и представлялъ ему длинныя записки, которыя Государь самъ передавалъ своимъ негласнымъ сотрудникамъ; нѣкоторыя изъ нихъ получили примѣненiе въ предположенныхъ преобразованiяхъ. Такъ, напр., записка его объ устройствѣ учебной части въ Имперiи легла въ основанiе новыхъ законоположенiй объ этой части. Уѣзжая, Лагарпъ сказалъ членамъ комитета, что мысленно всегда будетъ участникомъ ихъ совѣщанiй.

Что же касается до свободы преній въ негласномъ комитетѣ, то, по словамъ графа Строгонова, возраженiя и идеи Александра не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣшались. „Вступивъ въ споръ съ Императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêtat), и благоразумнѣе было отложить возраженiя до другаго случая". Черезъ нѣсколько времени это упорство ослабѣвало само собой, и онъ опять становился способнымъ выслушивать возраженiя. По внѣшнимъ дѣламъ этотъ оптимизмъ совѣтниковъ Александра оправдался менѣе всего; оказалось, что усвоенную разъ Государемъ политическую точку зрѣнiя было всего труднѣе поколебать.

Политическiя затрудненiя, среди которыхъ начался 1801 годъ, побудили Императора Александра обратить немедленно особенное вниманiе на устраненiе внѣшнихъ затрудненiй и прежде всего на возстановленiе дружескихъ сношенiй съ Англiею. Съ этою цѣлью немедленно отмѣнена была фантастическая экспедицiя казаковъ въ Индiю, затѣянная по повелѣнiю Императора Павла и по поводу которой онъ писалъ атаману Донскаго войска, Орлову-Денисову, 12-го января 1801 года: „Карты мои идутъ только до Хивы и Амударьи рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣдѣнiй до заведенiй англинскихъ и до народовъ индѣйскихъ имъ подвластныхъ".

Между тѣмъ англiйскiй флотъ, подъ начальствомъ знаменитаго Нельсона, прорвавшись черезъ Зундъ, приблизился къ Ревельскому порту. Это обстоятельство не воспрепятствовало, однако, успѣшному ходу переговоровъ, начавшихся между великобританскимъ кабинетомъ и русскимъ. По требованiю русскаго правительства, флотъ удалился съ 6-го мая, затѣмъ послѣдовало снятiе амбарго съ судовъ англiйскихъ купцовъ и освобожденiе имѣнiй ихъ отъ секвестра. Конвенцiя же о взаимной дружбѣ окончательно заключена въ Петербургѣ 5-го (17-го) iюня 1801 года; она была подписана графомъ Панинымъ и лордомъ Сент-Геленсъ. Императоръ Александръ отказался отъ острова Мальты, не принялъ сана великаго магистра ордена св. Iоанна Iерусалимскаго, сохранивъ за собою только званiе протектора, и призналъ, что нейтральный флагъ не покрываетъ непрiятельскаго груза. (По манифесту 16 го марта Императоръ Александръ принялъ на себя званiе протектора державнаго ордена св. Iоанна Iерусалимскаго; По указу же 26-го апрѣля крестъ этого ордена снятъ съ русскаго государственнаго герба).

10-го мая послѣдовалъ указъ о возстановленiи миссiи при вѣнскомъ дворѣ. *Графу А. К. Разумовскому* приказано снова занять прежнее посольское мѣсто въ Вѣнѣ.

Первоначальныя воззрѣнiя Императора Александра на политическiя задачи Россiи лучше всего выяснились въ инструкцiи, данной 5-го iюля 1801 года представителямъ нашимъ при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ. Въ этой инструкцiи, между прочимъ, сказано: „Я не вмѣшаюсь во внутреннiя несогласiя, волнующiя другiя государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленiя ни установили у себя народы, пусть только руководствуются въ отношенiи къ моей Имперiи тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь и я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношенiяхъ".

Новое направленiе русской политики, вызванное событiемъ 12-го марта, не могло быть прiятнымъ первому консулу Бонапарту. Но на этотъ разъ уклоненiе Россiи отъ враждебныхъ дѣйствiй противъ Англiи не привело къ разрыву съ республиканскою Францiею. Для лучшаго выясненiя намѣренiй русскаго правительства, Бонапартъ поспѣшилъ прислать въ Петербургъ своего довѣреннаго адъютанта Дюрока, чтобы привѣтствовать новаго Императора; прибывъ 13-го мая, онъ встрѣтилъ здѣсь

самый предупредительный и радушный пріемъ. Это было послѣдствіемъ личнаго сочувствія Александра къ началамъ 1789 г., внушеннаго ему Лагарпомъ. „Александръ былъ въ восторгѣ", пишетъ князь Чарторижскій: „увидавъ, наконецъ, французовъ пресловутой революціи, коихъ онъ считалъ еще республиканцами. Онъ взиралъ на нихъ съ любопытствомъ и участіемъ. Онъ столько наслышался про нихъ, такъ часто о нихъ размышлялъ! И онъ, и Великій Князь Константинъ Павловичъ испытывали живѣйшее удовольствіе, именуя ихъ въ разговорѣ „гражданами" (citoyen), названіе, которымъ — такъ думалъ Александръ—они гордятся. Но это оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта и они вынуждены были нѣсколько разъ протестовать, что во Франціи болѣе не принято именоваться „гражданами", прежде чѣмъ Александръ и братъ его перестали ихъ такъ называть".

Дюрокъ былъ въ восхищеніи отъ Императора Александра и явился вообще сторонникомъ союза съ Россіею, высказавъ по этому поводу въ своихъ донесеніяхъ слѣдующій взглядъ: „Россія по своему географическому положенію и по своимъ богатствамъ представляетъ державу, союзъ которой наиболѣе выгоденъ для Франціи съ точки зрѣнія политической и торговой". Такимъ образомъ, взглядъ Дюрока на русско-французскій союзъ вполнѣ сходился съ словами, сказанными Бонапартомъ 10-го декабря 1800 года генералу Спренгтпортену: „Оба государства созданы по своему *географическому положенію* (онъ въ особенности оттѣнилъ это выраженіе) къ тому, чтобы жить въ тѣсной между собою связи". Относительно Императора Александра Дюрокъ отозвался самымъ сочувственнымъ образомъ: „Въ Императорѣ красивая и пріятная наружность соединяется съ большою кротостію и вѣжливостію; онъ, кажется, обладаетъ хорошими правилами и образованъ. Онъ любитъ военное дѣло и пользуется расположеніемъ солдатъ, которыхъ онъ часто видитъ и заставляетъ учиться, не утруждая и не утомляя ихъ. Его любитъ народъ за простое обхожденіе и за предоставленную большую свободу, столь противоположную стѣснительной жизни предшествовавшаго царствованія и суровымъ обычаямъ, господствовавшимъ при Павлѣ". 24-го мая Императоръ имѣлъ съ Дюрокомъ въ Лѣтнемъ саду замѣчательный разговоръ; въ этой бесѣдѣ, независимо отъ его политическихъ воззрѣній, отразились также нѣкоторыя черты сложнаго характера Александра: „Я всегда желалъ поддержать дружбу между Франціею и Россіею", сказалъ Государь: „это двѣ могущественныя націи, которыя доказали взаимное уваженіе и должны быть между собою въ дружбѣ, чтобы прекратить мелкіе раздоры на континентѣ. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были предложенія моему покойному родителю; я бы желалъ войти въ непосредственное соглашеніе съ первымъ консуломъ, честный характеръ котораго мнѣ хорошо извѣстенъ, избѣгая содѣйствія большаго числа посредниковъ, всегда опасныхъ. Я говорю съ вами откровенно, заявите ему объ этомъ отъ моего имени; но будьте осторожны: не нужно даже объ этомъ говорить ни одному министру. Вамъ не слѣдуетъ пользоваться почтою: ваши письма пройдутъ черезъ слишкомъ много рукъ. Скажите ему также, что я сочувствую его славѣ и что не нужно, чтобы считали его завоевателемъ... Мнѣ ничего не нужно, я желаю только содѣйствовать къ спокойствію Европы".

Дюрокъ, слѣдуя указаніямъ перваго консула, намѣревался отправиться въ Москву и присутствовать при коронаціи; съ этою цѣлью ему былъ даже открытъ особый кредитъ въ 600.000 франковъ. Александръ также желалъ, чтобы Дюрокъ находился въ Москвѣ. Но графъ Панинъ не сочувствовалъ сближенію съ Франціею и, встрѣтивъ вообще Дюрока сухо и холодно, повелъ дѣло такимъ образомъ, чтобы онъ покинулъ Россію ранѣе предстоящаго въ Москвѣ торжества.

Между тѣмъ переговоры въ Парижѣ затягивались. Рѣшено было отозвать Колычева и замѣнить его *графомъ Морковымъ*. По прибытіи его въ сентябрѣ 1801 г. въ Парижъ, первый консулъ при первой же аудіенціи сказалъ новому послу: „Обязательства, данныя покойному Императору, были чисто личныя и вызваны исключительно широкими и великодушными взглядами этого Государя; и они до того согласовались съ видами Франціи, что онъ, первый консулъ, не задумался бы для ихъ исполненія сдѣлаться намѣстникомъ Павла I-го (de se faire lieutenant de Paul premier). Но такъ какъ въ настоящее время

Императоръ Александръ возвращается къ политикѣ благоразумной и умѣренной, но не выходящей изъ обычной колеи, то и нужно придерживаться общепринятаго пути". Бонапартъ окончилъ рѣчь словами: „прежде всего заключимъ миръ, а потомъ уже будемъ говорить о другомъ" (faisons la paix d'abord et puis nous parlerons d'autre chose).

26-го сентября (8-го октября) графъ Морковъ подписалъ мирный договоръ съ Франціею, а 29-го сентября (11-го октября) заключилъ *секретную конвенцію*.

Еще до заключенія мира съ Франціею были возстановлены дружественныя сношенія съ Испаніею; трактатъ подписанъ въ Парижѣ 22-го сентября (4-го октября). Наконецъ, въ слѣдующемъ 1802 году, 15-го (27-го) марта состоялся миръ между Франціею и Англіею. Казалось, что эра революціонныхъ войнъ закончилась полнымъ примиреніемъ всѣхъ враждовавшихъ уже столько лѣтъ между собою государствъ! Послѣдующія событія не оправдали, однако, мирныхъ надеждъ, возбужденныхъ положеніемъ дѣлъ въ 1802 году.

Повидимому, секретная конвенція 1801 г., заключенная графомъ Морковымъ, предоставляла Россіи и Франціи диктатуру въ Европѣ и должна была содѣйствовать къ упроченію связи между этими двумя державами. Между тѣмъ неопредѣленность многихъ статей этой конвенціи и различіе политическихъ видовъ Императора Александра и Бонапарта открывали обширное поле къ новымъ столкновеніямъ. Они не замедлили обнаружиться по поводу двухъ важнѣйшихъ статей русско-французской конвенціи; эти статьи заключали въ себѣ постановленіе о распредѣленіи съ обоюднаго согласія земель, коими будутъ вознаграждены по Люневильскому трактату князья, потерявшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, и устройствѣ, также съ взаимнаго согласія обѣихъ державъ, дѣлъ въ Италіи.

Императоръ Александръ избралъ для своей коронаціи сентябрь мѣсяцъ, руководствуясь, вѣроятно, примѣромъ Екатерины II. Намѣреніе это объявлено особымъ манифестомъ еще 20-го мая. Отъѣздъ изъ Петербурга послѣдовалъ 31-го августа, и послѣ остановки въ Новгородѣ и Твери Ихъ Величества прибыли въ Петровскій дворецъ 5-го сентября. Государь былъ веселъ и „смотрѣлъ", по отзыву очевидца, „какъ майское утро". Когда узнали о томъ въ столицѣ, несчетное множество народа направилось къ загородному дворцу, чтобы привѣтствовать Императора. Торжественный въѣздъ въ Москву происходилъ 8-го сентября. На другой день, Государь поѣхалъ одинъ прогуляться верхомъ по Тверской; когда народъ его узналъ, къ нему кинулись и окружили его. „Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно", свидѣтельствуетъ современникъ, „какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крика, ни шуму; но сквозь легкій шепотъ услышалъ онъ вокругъ себя и „батюшка", и „родимый", и „красное солнышко", и все, что въ простонародномъ языкѣ есть нѣжно выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ народѣ освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностью. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтительномъ молчаніи; па одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы".

Погода стояла чудесная и теплая, какая рѣдко бываетъ въ Россіи. Населеніе столицы почти удвоилось; предстоящее торжество привлекло даже въ Москву множество иностранцевъ; успѣли также придти и пріѣхать толпами люди, возвращенные изъ Сибири. Повсюду среди общества и народа царствовалъ сильнѣйшій восторгъ. Коронація состоялась въ воскресенье 15-го сентября. Священнодѣйствіе совершилъ митрополитъ Платонъ, четыре года тому назадъ короновавшій Императора Павла. Въ день торжества утро не обѣщало хорошей погоды: небо было пасмурно; но при выходѣ царственной четы изъ собора порывомъ вѣтра сорвало съ неба послѣднія тучи, покрывавшія солнце, и торжественное шествіе предстало во всемъ блескѣ. Среди зрителей раздались восклицанія: „какъ онъ хорошъ, какой ангелъ!" Красота и благодушіе Александра выступали еще ярче въ присутствіи Цесаревича Константина Павловича, который напоминалъ отчасти Императора Павла. Въ лицѣ Государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости: онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ. Не съ самона-

дѣянностью и гордымъ величіемъ шелъ онъ; не страхъ внушали его взгляды кроткіе, привѣтливые, но безпредѣльную любовь, сочувствіе и готовность на самопожертвованіе. Каждый мысленно ободрялъ его: „смѣлѣе! смѣлѣе! вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа также необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе! Смѣлѣе! Богъ милостивъ, мы за тобой“ (Ковалевскій: „Графъ Блудовъ и его время“—Спб. 1866, стр. 24).

Одинъ изъ очевидцевъ народныхъ восторговъ 1801 года сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не лишенную историческаго интереса и значенія, замѣтку, свидѣтельствующую о настроеніи, проявлявшемся среди нашего образованнаго общества при коронаціи преемника Павла. „Въ этотъ день“, пишетъ А. П. Бутеневъ: „у насъ къ обѣду собралось гостей болѣе обыкновеннаго. За столомъ не прекращались разговоры о великолѣпіи торжества и о всеобщемъ восторгѣ къ Государю. Одинъ молодой преображенскій офицеръ замѣтилъ, что для полноты дѣла недоставало одного: молодому Императору, на пути въ соборъ для воспріятія царскаго вѣнца, слѣдовало бы обратиться къ собравшимся зрителямъ и спросить ихъ, желаетъ-ли русскій народъ имѣть его своимъ Государемъ. Это было бы тѣмъ легче сдѣлать, прибавилъ офицеръ, что въ отвѣтѣ не могло быть сомнѣнія. Сидѣвшіе за обѣдомъ, повидимому, не придали никакого значенія этому отзыву и только посмѣялись надъ молодымъ человѣкомъ за его увлеченіе; но я крѣпко призадумался, можетъ быть потому, что слова офицера какъ-то согласовались съ моею собственною юношескою способностью увлекаться. Нѣсколько лѣтъ позже, я особенно вспоминалъ про эти слова, соображая о томъ, какъ уже въ началѣ этого столѣтія, тотчасъ вслѣдъ за управленіемъ самымъ строгимъ и насильственнымъ, въ умахъ нашей военной молодежи могли возникать подобныя свободолюбивыя помышленія“.

Другой очевидецъ московскихъ торжествъ оставилъ намъ объ Александрѣ слѣдующій восторженный отголосокъ общественнаго настроенія того времени: „Это человѣкъ необыкновенный: въ немъ юность, красота, величество въ одной точкѣ, въ одномъ градусѣ высшаго совершенства; онѣ никакъ не раздѣльны: между ними нѣтъ и тѣни отличій того или другаго въ первенствѣ. Нашъ Государь, повторяю я, человѣкъ единственный; другаго ему подобнаго человѣка едва-ли еще возможно найти въ свѣтѣ“.

Но никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того, что тогда видѣли и чувствовали русскіе, какъ Жуковскій въ извѣстномъ стихотвореніи Императору Александру:

...‹Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился—
О! сколь плѣнителенъ ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицемъ,
Надъ прародительскимъ сіяющій вѣнцемъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!›

Награды, пожалованныя въ день коронаціи, не отличались особенною щедростью и вообще не выходили изъ разряда обыкновенныхъ; крестьянъ не было вовсе роздано, къ великому огорченію многихъ, алчущихъ сего отличія. Вотъ что отвѣчалъ Александръ одному изъ сановниковъ, просившему пожалованіе имѣніемъ: „Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность“.

Манифестъ о короноваціи даровалъ народу рядъ милостей. Но манифестъ 15-го сентября всего болѣе замѣчателенъ по вступительнымъ словамъ, составляющимъ особенность его, сравнительно съ другими документами подобнаго рода: въ этомъ вступленіи перечисляется все, что сдѣлано было правительствомъ съ 12-го марта. „Воспріявъ вмѣстѣ съ престоломъ нашимъ прародительскимъ обязанности великаго нашего служенія“, вѣщаетъ манифестъ: „и сознавъ въ душѣ своей, что съ сего торжественнаго мгновенія счастіе ввѣреннаго намъ народа должно быть единымъ предметомъ всѣхъ мыслей нашихъ и желаній, мы къ нему единому обратили всѣ движенія нашея воли, и въ основаніе его, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія нашего положили утвердить всѣ состоянія въ правахъ ихъ и въ непреложности ихъ преимуществъ... отвергнувъ

ужасы тайной экспедиціи, мы исторгнули изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы; уничтоживъ безконечныя слѣдствія и суды надъ чиновниками и всякаго званія людьми, вовлеченными въ преступленіе заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами, облегчили мы судьбу ихъ безъ ослабленія силы закона, и въ твердомъ упованіи, что сей опытъ благости послужитъ къ исправленію и обратитъ на путь истины съ него совратившихся... Тако исполняя обязанности наши предъ Богомъ, мы не мыслимъ, чтобъ достигнули уже тѣмъ совершенно великаго нашего предустановленія... Всѣми сими постановленіями мы желали только означить, сколь искренно жаждемъ мы народнаго счастія; сколь пріятно намъ удостовѣрить истинныхъ сыновъ отечества въ любви нашей къ нему и во вниманіи къ его пользамъ".

Въ день коронаціи обнародованъ былъ еще другой, не менѣе замѣчательный указъ объ учрежденіи *коммиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ*. Членами коммиссіи утверждены сенаторы, избранные самимъ Сенатомъ, а именно: князь Куракинъ, Новосильцовъ, Козодавлевъ и Макаровъ. 23-го сентября этой коммиссіи дана *инструкція*, которая по высказаннымъ въ ней мыслямъ является замѣчательнымъ памятникомъ гуманныхъ воззрѣній, одушевлявшихъ Императора Александра въ первые свѣтлые годы его царствованія. „Неоднократно до свѣдѣнія моего доходило", такъ сказано въ первомъ пунктѣ даннаго коммиссіи наставленія, „что люди, вины которыхъ важны были только по обстоятельствамъ политическимъ, и не предполагали, впрочемъ, ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общественнаго и государственнаго порядка, осуждены были какъ преступники и сосланы на вѣчное заточеніе. Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляло правительство при разныхъ его преобращеніяхъ исторгать изъ среды общества людей невинныхъ, для того только, чтобъ сокрыть свидѣтелей какого-либо происшестія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій. Такимъ образомъ именемъ закона наказывалось не преступленіе, не порокъ, но единая возможность разглашенія, и государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ ней участвовали, но кои могли или предполагать въ ней участвовать. Между тѣмъ обстоятельства, рѣшившія правительство на сію строгую мѣру, прешли совершенно, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи по забвенію, по равнодушію, по недостатку искателей, а можетъ быть и по самой неизвѣстности, куда они сосланы, и гдѣ теперь находятся. Сей родъ людей долженъ составить первый классъ въ розысканіяхъ коммиссіи, и для открытія ихъ она будетъ въ необходимости собирать свѣдѣнія съ самыхъ мѣстъ заточенія".

27-го сентября Императоръ Александръ завершилъ свои благодѣянія *уничтоженіемъ пытки*. Сенату повелѣвалось наистрожайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ Имперіи, чтобы никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній и пристрастныхъ допросовъ, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія, и чтобы наконецъ „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной".

За два мѣсяца до кончины Императора Павла изданъ былъ, 18-го января 1801 г., манифестъ, возвѣщавшій о присоединеніи Грузинскаго царства къ Россіи. Александръ не рѣшился немедленно принять мѣры для осуществленія воли своего предшественника; онъ поручилъ Совѣту разсмотрѣть дѣло, предупредивъ его о крайнемъ отвращеніи принять это царство въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли. „Послѣ долгихъ колебаній, вопросъ получилъ окончательное рѣшеніе въ Москвѣ и 12-го сентября, еще до совершенія коронаціи, обнародованъ манифестъ объ *учрежденіи внутренняго управленія въ Грузіи*. Государь, принимая на себя бремя управленія царствомъ грузинскимъ, объявлялъ, что оставляетъ подати съ земли въ пользу края и сохраняетъ народу его права, преимущества и вѣру, царевичамъ ихъ удѣлы, кромѣ отсутствующихъ. Главноуправляющимъ Грузіи назначенъ генералъ-лейтенантъ *Б. Ѳ. Кнорринъ*, и въ Тифлисѣ учреждено верховное грузинское правительство.

Въ память коронованія была выбита медаль, рисунокъ которой не лишенъ значенія, какъ всенародное выраженіе основ-

ной мысли, руководившей въ то время всѣми начинаніями Александра. На этой медали находилось съ одной стороны его изображеніе, а съ другой обрѣзокъ колонны, съ надписью *законъ*, увѣнчанная Императорскою короною, а вокругъ красовалась многознаменательная надпись: „*залогъ блаженства всѣхъ и каждаго*“.

Пребываніе Императора Александра въ Москвѣ сопровождалось еще однимъ важнымъ событіемъ. Графъ Панинъ, встрѣченный столь радушно Государемъ, послѣ 12-го марта, пересталъ управлять иностранными дѣлами. Признаки непрочности его служебнаго положенія обнаружились уже лѣтомъ 1801 года. Вмѣшательство вице-канцлера князя Куракина въ дѣла, причиняло Панину частыя и чувствительныя огорченія; вообще въ недоброжелательствѣ къ нему со всѣхъ сторонъ не было недостатка; у него, какъ у человѣка холоднаго, высокомѣрнаго и даже надменнаго было очень мало друзей. Для довершенія всѣхъ невзгодъ, политическіе взгляды графа Никиты Петровича расходились вполнѣ съ намѣреніями и симпатіями Императора Александра, и между ними водворился полнѣйшій разладъ, который усугублялся еще тяжелыми воспоминаніями недавняго прошлаго. Александръ не могъ простить Панину, что за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Павла, онъ первый завелъ съ нимъ рѣчь о необходимости установленія регентства. Въ негласномъ комитетѣ Александръ выражалъ желаніе освободиться отъ Панина, который затруднялъ его занятія своимъ упрямствомъ и былъ ему непріятенъ. Хотя при коронаціи графъ Панинъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго, но тѣмъ не менѣе ему вскорѣ не оставалось ничего другаго сдѣлать, какъ добровольно удалиться отъ занимаемой должности. Просьба, поданная графомъ Панинымъ 30-го сентября, была немедленно удовлетворена, и въ тотъ же день ему разрѣшенъ трехлѣтній отпускъ для поправленія разстроеннаго здоровья. Но графа Никиту Петровича ожидали въ будущемъ еще сильнѣйшія невзгоды; участь его, подъ вліяніемъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, была безповоротно рѣшена въ умѣ Александра въ томъ смыслѣ, чтобы никогда болѣе не допускать Панина къ участію въ дѣлахъ. Поэтому по возвращеніи графа Панина изъ-за границы въ 1804 году, въ свои смоленскія помѣстья и затѣмъ въ Москву, ему сообщено было негласное распоряженіе относительно воспрещенія пребыванія въ Петербургѣ. Это прискорбное распоряженіе побудило графа вновь подать просьбу, но уже объ окончательной отставкѣ. 19-го января 1805 года послѣдовалъ указъ, по которому графъ Панинъ *былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ*.

Послѣ удаленія графа Панина управленіе иностранными дѣлами поручено было графу Кочубею. Перемѣна въ личномъ составѣ сопровождалась еще другимъ послѣдствіемъ; съ этого времени Императоръ Александръ сталъ заниматься внѣшнею политикою съ особеннымъ участіемъ.

Еще до новаго назначенія, графъ Кочубей высказывалъ въ негласномъ комитетѣ свой взглядъ на внѣшнюю политику Россіи, который главнымъ образомъ состоялъ въ томъ, чтобы не связывать себя союзами съ иностранными державами и не заключать другихъ договоровъ, кромѣ торговыхъ. Онъ отвергалъ пользу вмѣшательства въ земельное переустройство Германіи и только совѣтовалъ соблюдать равновѣсіе между Австріею и Пруссіею, не дозволяя одной изъ этихъ державъ усиливаться на счетъ другой. Сдѣлавшись руководителемъ русской дипломатіи, графъ Кочубей остался вѣренъ прежнимъ убѣжденіямъ: держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, вмѣшиваться въ нихъ какъ можно менѣе, быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, чтобы имѣть возможность все время и все вниманіе посвятить улучшенію внутренняго положенія Имперіи. „Россія“, говорилъ Кочубей, „достаточно велика и могущественна пространствомъ, населеніемъ и положеніемъ, она безопасна со всѣхъ сторонъ, лишь бы сама оставляла другихъ въ покоѣ. Она слишкомъ часто и безъ малѣйшаго повода вмѣшивалась въ дѣла, прямо до нея не касавшіяся. Никакое событіе не могло произойти въ Европѣ безъ того, чтобы она не предъявила притязанія на участіе въ немъ. Она вела войны безполезныя и дорого ей стоившія. Благодаря счастливому своему положенію, Императоръ можетъ пребывать въ дружбѣ съ цѣлымъ міромъ и заняться исключительно внутренними преобразованіями, не опасаясь, чтобы кто-либо дерзнулъ потре-

вожить его среди этихъ благородныхъ и спасительныхъ трудовъ. Внутри самой себя предстоитъ Россіи совершить громадныя завоеванія, установивъ порядокъ, бережливость, справедливость во всѣхъ концахъ обширной Имперіи, содѣйствуя процвѣтанію земледѣлія, торговли и промышленности. Какое дѣло многочисленному населенію Россіи до дѣлъ Европы и до войнъ, изъ него проистекающихъ? Она не извлекала изъ нихъ ни малѣйшей пользы".

Не смотря на видимое одобреніе Императоромъ взглядовъ, высказанныхъ графомъ Кочубеемъ, дальнѣйшія событія не оправдали этихъ мирныхъ начинаній. Уклоненія отъ этой программы не заставили себя ждать и первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ уже въ началѣ 1802 г., который въ политическомъ отношеніи занимаетъ выдающееся положеніе въ жизни Императора Александра. Произошло событіе, опредѣлившее навсегда политическое направленіе Александровскаго царствованія, а именно: въ Мемелѣ состоялось свиданіе между прусскою королевскою четою и Государемъ. Здѣсь положено было прочное основаніе личной дружбѣ Александра къ Фридриху-Вильгельму III, дружбѣ, которой король впослѣдствіи обязанъ былъ сохраненіемъ своей монархіи. Впрочемъ, Александръ былъ уже нѣсколько подготовленъ къ воспринятію мемельскихъ впечатлѣній тѣмъ сочувствіемъ, которое онъ издавна питалъ къ Пруссіи, благодаря его военному воспитанію и унаслѣдованнымъ отцовскимъ преданіямъ. Онъ съ радостью помышлялъ, что увидитъ, наконецъ, войска, о коихъ былъ лично самаго высокаго мнѣнія; свиданіе же представляло удобный случай увеличить свои воинскія познанія объ ученіи, выправкѣ, парадѣ, которымъ онъ придавалъ большое значеніе и въ которыхъ былъ весьма свѣдущъ, по прежней гатчинской практикѣ. Графъ Кочубей не сочувствовалъ поѣздкѣ въ Мемель; она не согласовалась съ его политическою программою, заключавшейся, какъ выше упомянуто, въ томъ, чтобы держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, вмѣшиваясь въ нихъ какъ можно менѣе. Затѣмъ Кочубей опасался, что король воспользуется этимъ случаемъ, чтобы обезпечить за собою поддержку Россіи въ дѣлѣ распредѣленія медіатизированныхъ нѣмецкихъ земель въ пользу Пруссіи, которой въ то время сильно благопріятствовалъ первый консулъ. Пренія, возбужденныя, по этому случаю, въ тайномъ комитетѣ, не поколебали рѣшенія Императора. Поѣздка не была отмѣнена, но Александръ заявилъ только въ собраніи, что путешествіе его не имѣетъ никакой дипломатической цѣли, и обѣщалъ, что онъ въ Мемелѣ не коснется политическихъ дѣлъ.

Отъѣздъ изъ Петербурга послѣдовалъ 20-го мая (1-го іюня). Государя сопровождали: графъ Кочубей, Новосильцовъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой (неразлучный спутникъ Александра въ первые 12 лѣтъ его царствованія), генералъ-адъютанты: князь П. П. Долгоруковъ, графъ Ливенъ, князь Волконскій и лейбъ-медикъ Вилліе. Все это путешествіе Императора Александра, по всей справедливости, можно сравнить съ тріумфальнымъ шествіемъ. 24-го мая путешественники, черезъ Нарву и Дерптъ, прибыли въ Ригу. Не смотря на отвращеніе Государя отъ шумныхъ изъявленій усердія, народъ испросилъ соизволеніе отпречь лошадей у заставы и везти на себѣ царскій экипажъ. Весь городъ былъ преисполненъ радостнымъ восторгомъ, который раздѣляли иностранцы, туда прибывшіе. Одинъ изъ любекскихъ шкиперовъ, пробираясь съ трудомъ сквозь толпу къ коляскѣ монарха, кричалъ: „Да позвольте же мнѣ, я долженъ посмотрѣть на Государя мира (Friedens Kaiser)". Наконецъ, удалось ему приблизиться къ царскому экипажу, но въ тѣснотѣ онъ попалъ подъ колесо, которое переѣхало ему черезъ ногу. Не обращая на то вниманія, шкиперъ сказалъ окружавшимъ его: „Какая важность въ томъ, что мнѣ помяло пальцы? Мои глаза видѣли Государя мира. Я счастливъ". (Storch: Russland unter Alexander dem Ersten, ч. IV стр. 337).

Послѣ Риги Императоръ Александръ посѣтилъ Митаву. Конечная цѣль путешествія оставалась, однако, до сихъ поръ для всѣхъ тайною. 28-го мая Государь рескриптомъ изъ Полангена, на имя генералъ-прокурора Беклешова, извѣстилъ его, что такъ какъ Фридрихъ-Вильгельмъ прибылъ въ Мемель по случаю смотра своихъ войскъ, то въ этомъ городѣ произойдетъ свиданіе съ прусскимъ королемъ. 29-го мая Александръ прибылъ въ Мемель и торжественно встрѣченъ королемъ и населеніемъ. Въ продолженіе семи дней смотры, пріемы и обѣ-

ды смѣнялись балами и прогулками. Графиня Фоссъ посвятила въ своемъ дневникѣ мемельскому свиданію слѣдующія строки (Gräfin Voss: 69 Jahre am preussischen Hof): „Императоръ чрезвычайно красивый человѣкъ и поражаетъ выраженіемъ своего лица; но фигура его не хороша или, вѣрнѣе, онъ плохо держится. Онъ обладаетъ, повидимому, мягкимъ и человѣколюбивымъ сердцемъ; во всякомъ случаѣ онъ въ высшей степени учтивъ и привѣтливъ". По мѣрѣ ближайшаго знакомства, графиня убѣдилась, что въ Государѣ есть что-то обаятельное, и сочувствіе ея къ высокому гостю возрастало съ каждымъ днемъ все болѣе. Въ заключеніе она пишетъ: „Императоръ самый любезный человѣкъ, какого можно вообразить себѣ, и по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ это вполнѣ честный человѣкъ. Бѣдный, онъ совсѣмъ увлеченъ и очарованъ королевой. Я очень огорчена, что эти прекрасные дни приходятъ къ концу. Разставаясь — мы всѣ плакали". Графъ Кочубей въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову замѣтилъ, что не было знаковъ вниманія, предупредительности, къ коимъ не прибѣгали бы въ Мемелѣ, чтобы угодить Государю, «*и не напрасно*». Для окончательной оцѣнки политическаго значенія мемельскаго свиданія, приведемъ еще отзывъ объ этомъ событіи секретаря прусскаго короля, Ломбарда: „Если возможно предвидѣть событія и составлять предположенія въ политикѣ, то смѣю думать, что результаты, имъ обѣщаемые, будутъ крайне счастливые. Оба Государя возымѣли другъ къ другу живѣйшее уваженіе и дружбу. Удаленію и интригѣ, быть можетъ, и удастся охладить со временемъ эти взаимныя чувства, но я сомнѣваюсь, чтобы они могли расторгнуть принятое, кажется, безмолвное обязательство (l'engagement tacite): оставаться на вѣки соединенными интересами и дружбой. Вы поймете, что волшебница (l'enchanteresse) не мало способствовала скрѣпленію узъ, связывающихъ нынѣ обоихъ государей. Это фея, подчиняющая все силѣ своего очарованія". (Ломбардъ—маркизу Луккезини 30-го іюня (12-го іюля) 1802 года: Bailleu: «*Preussen und Frankreich*» 1795—1807. B. 2, p. 103).

И такъ, мемельское свиданіе сопровождалось для Россіи болѣе существенными политическими послѣдствіями, чѣмъ это могло казаться, съ перваго взгляда, многимъ современникамъ. Болѣе проницательный князь Чарторижскій вполнѣ предугадалъ пагубное значеніе этого свиданія для будущей политики Александра. Въ 1806 г., въ письмѣ къ Государю, онъ высказалъ по этому поводу свою точку зрѣнія съ полною откровенностью и замѣчательною ясностью: „Я смотрю на это свиданіе", писалъ князь Адамъ, „какъ на одно изъ самыхъ несчастныхъ происшествій для Россіи, какъ по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, такъ и по тѣмъ, которыя оно имѣло и будетъ еще имѣть. Интимная дружба, которая связала Е. И. В. съ королемъ, послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, привела къ тому, что вы перестали разсматривать Пруссію, какъ политическое государство, но видѣли въ ней дорогую вамъ особу, по отношенію къ которой признавали необходимымъ руководствоваться особыми обязательствами". 4-го іюня Императоръ изъ Мемеля предпринялъ обратный путь въ Петербургъ черезъ Шавли, Ковно, Вильно, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ и Псковъ.

Упомянемъ здѣсь объ одномъ случаѣ, связанномъ съ воспоминаніемъ объ этомъ путешествіи и свидѣтельствующемъ о сострадательномъ сердцѣ Александра. На пути въ Вильну, близъ Ковно, Государь, замѣтивъ народъ, столпившійся на берегу Нѣмана, приказалъ остановить коляску, подошелъ къ крестьянамъ и узналъ, что одинъ изъ нихъ, таща вмѣстѣ съ прочими барку, былъ сильно зашибленъ лопнувшимъ канатомъ. Императоръ помогъ поднять раненаго, послалъ за лекаремъ, поддерживалъ больнаго, пока ему пустили кровь, и удалился не прежде, какъ уложивъ страдальца на повозку и отправя его въ ближайшую деревню.

1802-й годъ въ исторіи царствованія Александра имѣетъ не менѣе важное значеніе и по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ; онъ ознаменовался весьма важнымъ преобразованіемъ, совершенно измѣнившимъ существовавшій дотолѣ административный строй Имперіи. Когда въ негласномъ комитетѣ обсуждался вопросъ о правахъ Сената, явилась мысль ввѣрить отдѣльныя части управленія лицамъ отвѣтственнымъ или министрамъ. Послѣ продолжительнаго обсужденія и горячихъ споровъ коллегіальное управленіе Петра Великаго

замѣнено 8-го сентября 1802 года *учрежденіемъ министерствъ*. Въ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, сказано: „Мы благоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего требовать будетъ отъ нихъ должность и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему".

Манифестъ 8-го сентября состоялъ всего изъ 19-ти статей и опредѣлялъ въ однѣхъ лишь общихъ чертахъ отношенія министерствъ къ верховной власти, къ совѣту, сенату и между собою. Все прочее предоставлялось будущимъ инструкціямъ и дальнѣйшимъ, по опыту, соображеніямъ. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь, а именно: 1) военныхъ и сухопутныхъ силъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія. Министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ и народнаго просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ въ званіи товарищей министровъ. Военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія и иностранная коллегія были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: военныхъ—сухопутныхъ силъ, военныхъ—морскихъ силъ и иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры были члены совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Прочія существовавшія доселѣ коллегіи поступили въ составъ министерствъ и преобразовались въ департаменты. Министры подчинены были верховному надзору Сената; они обязывались доставлять ежегодно отчеты, каждый по дѣятельности своего министерства, Сенату, какъ важнѣйшему верховному мѣсту. Сенатъ же долженъ былъ дѣлать свои заключенія и представлять докладомъ Государю. Введено было постановленіе, въ силу коего подпись Государя на указахъ и повелѣніяхъ имѣла быть контрасигнована подлежащимъ министромъ. Учрежденъ былъ комитетъ министровъ для совмѣстнаго обсужденія общихъ государственныхъ дѣлъ. Съ 16-го сентября 1802 года до сентября 1805 года, Императоръ Александръ, за немногими исключеніями, лично предсѣдательствовалъ въ комитетѣ. Съ 1807 года посѣщеніе Государемъ комитета совсѣмъ прекратилось. Сверхъ того сохранена существовавшая въ то время въ видѣ самостоятельной части должность государственнаго казначея. Возобновленный въ началѣ царствованія непремѣнный совѣтъ сохраненъ въ прежнемъ составѣ и продолжалъ существовать до 1801 года, утративъ окончательно всякое значеніе; онъ сдѣлался почти исключительно высшею инстанціею для тяжебныхъ дѣлъ. 8-го сентября были назначены министрами: 1) военныхъ-сухопутныхъ силъ—генералъ отъ инфантеріи и вице-президентъ военной коллегіи *Вязмитиновъ;* 2) военныхъ-морскихъ силъ—адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи *Мордвиновъ;* 3) иностранныхъ дѣлъ (съ титуломъ государственнаго канцлера)—*графъ А. Р. Воронцовъ*, товарищемъ его—тайный совѣтникъ *князь Адамъ Чарторижскій;* 4) юстиціи—генералъ-прокуроръ *Державинъ;* 5) внутреннихъ дѣлъ—*графъ Кочубей;* товарищемъ его—тайный совѣтникъ *графъ П. А. Строгоновъ;* 6) финансовъ—*графъ Васильевъ;* товарищемъ его—гофмейстеръ *Гурьевъ;* 7) коммерціи—*графъ Н. П. Румянцовъ;* 8) народнаго просвѣщенія—*графъ Завадовскій:* товарищемъ его—тайный совѣтникъ *М. Н. Муравьевъ*. Государственнымъ казначеемъ назначенъ тайный совѣтникъ *Голубцовъ*. Князь *Куракинъ* пожалованъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ.

Въ указѣ было также упомянуто, что Государь предоставляетъ себѣ впредь назначить министру юстиціи товарища. Это мѣсто занялъ дѣйствительный камергеръ *Новосильцовъ*. Бывшій генералъ-прокуроръ *Беклешовъ* не пожелалъ быть министромъ юстиціи, такъ какъ кругъ дѣятельности его значительно сокращался въ новомъ званіи. Онъ остался лишь членомъ непремѣннаго совѣта. Манифестъ о министерствахъ сочиненъ безъ всякаго участія Трощинскаго; появленіе этого учрежденія было для него совершенною неожиданностью. Вѣроятно, въ знакъ утѣшенія, Трощинскій былъ 15-го сентября наименованъ министромъ удѣловъ, съ оставленіемъ главнымъ директоромъ почтъ; кромѣ того онъ продолжалъ завѣдывать канцеляріею непремѣннаго совѣта. Трощинскій написалъ

впослѣдствіи пространную записку: «*О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія по формѣ единоличной, введенной закрытіемъ коллегій и отмѣною коллежскаго обряда и подтвержденной общимъ учрежденіемъ министерствъ 1810 и 1811 годовъ*». Въ этой запискѣ высказано мнѣніе, вполнѣ согласное съ взглядами государственныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени. Одновременно со всѣми этими служебными перемѣщеніями послѣдовало повелѣніе: статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. По справедливому замѣчанію біографа Сперанскаго, Трощинскій въ одинъ и тотъ же день лишился и своего прежняго вліянія, и правой своей руки. 26-го октября (1802 года) Императоръ Александръ писалъ Лагарпу: „Министерство образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ". Лагарпъ выразилъ сожалѣніе по поводу назначенія министромъ графа Завадовскаго. Александръ спѣшилъ его успокоить, утверждая, что значеніе его ничтожно. „Всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцова и др.; нѣтъ бумаги, которая бы не была обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды добру, которое мы стараемся дѣлать... онъ посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ". Вѣроятно, назначеніе графа А. Р. Воронцова и Державина было вызвано подобными же соображеніями. Объ отношеніяхъ Александра къ этимъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ уже упомянуто нами выше. Все это не предрекало особенной долговѣчности составу министерства 8-го сентября. Недовольныхъ реформою оказалось не малое число. Старики, привязанные къ прежнимъ формамъ, громко возстали противъ новаго установленія, сожалѣли объ исчезновеніи коллегіальнаго порядка, установленнаго Петромъ Великимъ, и сокрушались объ утратѣ Сенатомъ нѣкоторыхъ правъ.

Къ числу противниковъ учрежденія министерствъ принадлежалъ также Карамзинъ. Позднѣе онъ высказалъ свои сомнѣнія и опасенія въ «*Запискѣ о древней и новой Россіи*», въ которой, ссылаясь на правило мудрыхъ, онъ высказываетъ мысль, что „всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ, ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки". Изъ современниковъ реформы *Вигель* также отдаетъ безусловное предпочтеніе коллегіальному порядку, приписывая ему преувеличенное благодѣтельное значеніе, не оправдываемое исторіей. По его мнѣнію, „тамъ, гдѣ верховная неограниченная власть находится въ однѣхъ рукахъ, и гласъ народа, чрезъ представителей его, не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными сословіями, составленными изъ мужей болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣсколько замедляютъ ходъ дѣлъ, за то передъ Государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и такимъ образомъ облегчаютъ ему выборы". Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ: передъ кѣмъ будутъ министры отвѣчать? и приходитъ къ рѣшенію: „развѣ только передъ своею совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ нибудь изъ нихъ". Окончательно Вигель останавливается на слѣдующемъ заключеніи: „Можетъ же когда нибудь случиться, что разсѣянный Государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не весьма благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ; тогда сіи послѣдніе безъ общей цѣли и связи будутъ одни управлять дѣлами государства. Вотъ будущность, которая съ 8-го сентября 1802 года открывалась для Россіи". Конечно, нельзя отрицать, что первое образованіе министерствъ, даже если смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ незрѣлымъ, не соглашеннымъ ни съ образованіемъ учрежденнаго ранѣе непремѣннаго совѣта, ни съ правами и властью Сената и коллегій, еще оставшихся, на

первое время, въ прежнемъ своемъ составѣ и дѣйствій. По мнѣнію барона М. А. Корфа, „набросанное на бумагу въ нѣсколькихъ поверхностныхъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей исполненія, и между тѣмъ тотчасъ же приведенное въ дѣйствіе, это образованіе во всемъ носило на себѣ отпечатокъ особенной спѣшности и малой опытности составителей". („Жизнь графа Сперанскаго", т. 1-й, стр. 94).

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ послѣдовалъ *указъ о расширеніи правъ Сената*. Въ числѣ правъ и обязанностей Сената заслуживаетъ вниманія статья, по которой этому верховному мѣсту въ Имперіи дозволялось представлять Государю о такихъ указахъ, которые сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами или неясны; но когда по представленію Сената не будетъ сдѣлано измѣненія въ указѣ, то онъ остается въ своей силѣ. Введеніе въ указъ этой статьи, утвержденной не безъ нѣкотораго колебанія, имѣло въ виду ограничить произволъ министровъ, имѣвшихъ возможность испрашивать Высочайшія повелѣнія помимо Сената, нисколько не сообразуясь съ существовавшими законами. Однако, при всей скромности содержанія этой статьи, она, на первыхъ же порахъ, оказалась мертвою буквою. Въ началѣ 1803 года, Сенатъ, по иниціативѣ графа Северина Потоцкаго, убѣжденнаго въ либеральныхъ взглядахъ Императора, вздумалъ воспользоваться предоставленнымъ ему закономъ правомъ всеподданнѣйшихъ представленій. Дѣло касалось обязательнаго 12-лѣтняго срока службы дворянъ унтеръ-офицерскаго чина, объявленнаго указомъ 5-го декабря 1802 года и въ которомъ графъ Потоцкій усмотрѣлъ нарушеніе правъ дворянства, установленныхъ жалованною грамотою 1785 года. Государь на Ѳоминой недѣлѣ дозволилъ, чтобы, на основаніи даннаго Сенату новаго права, отъ него явилась депутація; ее составляли графъ А. С. Строгоновъ и Трощинскій, присутствовалъ также министръ юстиціи Державинъ. „При вступленіи въ кабинетъ Его Величества, часу въ 7-мъ вечера", пишетъ Державинъ, „хотя еще свѣтло было, но неизвѣстно для чего гардины у оконъ были завѣшены и горѣли свѣчи. Великая вездѣ была тишина, и Государь одинъ дожидался. Принялъ весьма важно самъ, при письменномъ столѣ и депутаціи приказалъ садиться, не говоря никому ни одного слова. Потомъ приказалъ Трощинскому читать бумаги... По выслушаніи всталъ, весьма сухо сказалъ, что онъ дастъ указъ, и откланялся". Указъ послѣдовалъ 21-го марта 1803 г. Въ немъ пояснено, что дарованное Сенату право входить съ представленіями противъ того или другаго указа не касается вновь издаваемыхъ или подтверждаемыхъ верховною властью законовъ, и потому Сенатъ не имѣлъ основанія къ своему представленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно высказана мысль, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло, коснувшись „частнаго распоряженія, единственно до арміи принадлежащаго".

Въ крестьянскомъ дѣлѣ Императоръ Александръ не ограничился запрещеніемъ дѣлать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли и прекращеніемъ раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ; послѣдовала попытка сдѣлать нѣчто болѣе въ пользу этого сословія. 20-го февраля 1803 года объявленъ указъ о *свободныхъ хлѣбопашцахъ*, которымъ разрѣшалось всѣмъ помѣщикамъ, кто пожелаетъ увольнять своихъ крестьянъ цѣлыми селеніями или отдѣльно съ землею по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ. Министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлялось разсмотрѣніе и утвержденіе этихъ условій. Мѣра эта была обнародована вслѣдствіе изъявленнаго графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцовымъ желанія отпустить на волю нѣкоторыхъ крестьянъ съ участками земли. Эта благая мѣра, вполнѣ согласовавшаяся съ задушевными мыслями и желаніями Императора, нашла себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, ожесточенныхъ критиковъ среди русскаго общества. Такъ, напр., Державинъ пишетъ, что предположеніе о свободныхъ хлѣбопашцахъ выдумано графомъ Румянцовымъ, „смѣю сказать—изъ подлой трусости, чтобы подольститься къ Государю, воспитанному въ либеральномъ духѣ Лагарпомъ".

Въ дѣйствительной жизни русскаго народа указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ не сопровождался тѣми благодѣтельными послѣдствіями, которыя были возможны; онъ былъ обставленъ такими стѣснительными формальностями и исполненіе его

отличалось такою боязливостью, что скромный успѣхъ, въ освободительномъ смыслѣ, былъ возможенъ отчасти только въ первое время, при свѣжемъ впечатлѣніи и подъ вліяніемъ перваго преобразовательнаго пыла.

Изъ образованныхъ въ 1802 году министерствъ, наибольшую дѣятельность выказали тогда два министерства: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Графъ Кочубей имѣлъ по организаціи своего министерства такого высокодаровитаго дѣятеля, какъ Сперанскій; поэтому ввѣренная ему часть получила первая нѣсколько стройную организацію и далеко опередила другія. Всѣ проекты новыхъ постановленій по министерству писалъ Сперанскій и писалъ такъ, какъ никто до него; старинный нашъ приказный языкъ, благодаря искусному перу его, видимо сталъ облекаться въ новыя формы. Отчеты министра Государю стали впервые печататься въ общее свѣдѣніе и, какъ пишетъ біографъ Сперанскаго, и теперь, спустя болѣе полустолѣтія, могутъ, по методѣ ихъ составленія, назваться образцовыми. Министерство внутреннихъ дѣлъ начало еще другое, небывалое до тѣхъ поръ у насъ дѣло, издавая свой оффиціальный журналъ подъ названіемъ „С.-Петербургскаго“. Александръ впервые непосредственно сошелся съ Сперанскимъ въ 1806 году, когда графъ Кочубей, во время частыхъ своихъ болѣзней, началъ посылать его съ бумагами вмѣсто себя. Эта случайность послужила къ сближенію Государя съ своимъ статсъ-секретаремъ. „Превосходный докладчикъ“, замѣчаетъ баронъ Корфъ, „ловкій и смѣтливый исполнитель принимаемыхъ повелѣній, умѣвшій на лету ловить и угадывать каждое слово, Сперанскій съ первыхъ поръ очаровалъ Государя, который тогда же сталъ давать ему разныя личныя порученія“. По министерству народнаго просвѣщенія, въ сравнительно короткое время, сдѣлано было чрезвычайно много. „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“ изложили планъ, выработанный министерствомъ для учрежденія и управленія высшими и низшими заведеніями; эти правила удостоились Высочайшаго утвержденія 24-го января 1803 года. Организованы шесть учебныхъ округовъ. Въ городахъ учреждены гимназіи и уѣздныя училища. Основаны университеты въ Казани и Харьковѣ; послѣдній созданъ на средства, собранныя заботами В. Н. Каразина. Кромѣ того преобразованы университеты въ Дерптѣ и Вильнѣ. Попечителемъ виленскаго округа назначенъ въ 1803 году князь Чарторижскій, оставшійся въ этой должности по 1823 годъ. Въ составъ этого округа вошли восемь губерній (Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Подольская и Кіевская), составлявшія области, присоединенныя отъ Польши въ царствованіе Екатерины II. Въ Петербургѣ для приготовленія молодыхъ людей въ учители гимназій, учрежденъ въ 1804 году педагогическій институтъ; основаніе же предположеннаго въ столицѣ университета состоялось позже. Покровительство и поощреніе оказано было и литературѣ. „Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ Императоръ Александръ“, пишетъ Шторхъ. „Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія Императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонораръ за большія научныя сочиненія... Въ такихъ случаяхъ, Императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи Императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета, и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ“.

Въ виду желанія, изъявленнаго Карамзинымъ посвятить труды свои сочиненію полной исторіи Россійскаго государства, Императоръ, указомъ 31-го октября 1803 г., пожаловалъ ему титулъ исторіографа и 2.000 рублей ежегодной пенсіи. Основаніемъ этого щедраго покровительства словесности, какъ уже выше упомянуто, было желаніе Государя дѣйствовать литературой на развитіе общественныхъ понятій. Вообще первое пятилѣтіе правленія Александра отличалось трудами и заботами на пользу просвѣщенія, и сопровождалось сильнымъ умственнымъ дви-

женіемъ, принесшимъ Россіи неоцѣненные плоды.

Не забыта была также цензура. Когда учреждены были министерства, цензурная часть отнесена къ министерству народнаго просвѣщенія. Послѣдствіемъ этого было снабженіе ея особымъ уставомъ (9-го іюля 1804 года), но „не для стѣсненія",—какъ именно упоминается въ докладѣ министра,—„свободно мыслить и писать, а единственно для принятія пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной". Весь уставъ состоялъ изъ 47 параграфовъ.

1803 годъ ознаменовался для столицы необыкновеннымъ торжествомъ: 14-го мая Петербургъ праздновалъ первое столѣтіе своего существованія. Въ этотъ день депутація отъ города поднесла Императору Александру золотую медаль—съ изображеніемъ на одной сторонѣ профиля Петра Великаго въ вѣнкѣ, съ надписью вокругъ: „отъ благодарнаго потомства", а на другой—Геркулеса, покоющагося на основаніи Петербурга. Указомъ 16-го мая Александръ повелѣлъ Правительствующему Сенату внести медаль съ подобающею честью и приличными обрядами въ Петропавловскій соборъ и отъ лица Россіи, благословляющей великія его начинанія, положить на гробъ отца отечества, „въ незабвенное свидѣтельство предъ грядущими вѣками, колико память его Россіи священна".

Празднованіе столѣтія Петербурга совпало съ другимъ важнымъ событіемъ. Государь послалъ графу Аракчееву въ Грузино, 26-го апрѣля, слѣдующую записку: „Алексѣй Андреевичъ! имѣя нужду видѣться съ вами, прошу васъ пріѣхать въ Петербургъ". Результатомъ послѣдовавшаго затѣмъ свиданія былъ приказъ, по которому 14-го мая 1803 года графъ Аракчеевъ принятъ въ третій разъ на службу съ назначеніемъ, по прежнему, инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ л.-гв. артиллерійскаго баталіона. Генералъ Эйлеръ вспоминаетъ по этому случаю въ своихъ запискахъ, что артиллеристы интриговали, стараясь удержать Государя отъ принятія на службу графа Аракчеева, но всѣ усилія и хлопоты остались тщетными. „Служба", прибавляетъ онъ; „сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ строгая".

Какъ уже выше упомянуто, соглашеніе Франціи съ Англіею не оказалось долговѣчнымъ. Въ 1803 году взаимныя неудовольствія привели къ новому разрыву, и на этотъ разъ борьба продолжалась безъ перерыва до 1814 года. Одновременно съ этимъ новымъ усложненіемъ въ международныхъ отношеніяхъ, произошелъ также переломъ въ личныхъ отношеніяхъ Александра къ первому консулу, вызванный главнымъ образомъ принятіемъ Бонапартомъ въ 1802 году пожизненнаго консульства. Послѣ этого рѣшительнаго шага Бонапарта на пути упроченія присвоенной себѣ власти, существовавшія дотолѣ симпатіи Государя къ главѣ французскаго правительства подверглись сразу рѣзкому измѣненію. „Завѣса упала", писалъ Александръ Лагарпу: „онъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать,—славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества и, вѣрный конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложитъ черезъ 10 лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ. Вмѣсто того онъ предпочелъ подражать дворамъ, нарушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію своей страны. Нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи. (Maintenant c'est un des tyrans les plus fameux que l'histoire ait produit)". Эти непріязненныя чувства Александра продолжали возрастать, благодаря различнымъ мѣропріятіямъ перваго консула, и окончательно превратили Бонапарта въ глазахъ Императора въ преступнаго честолюбца и завоевателя. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, личныя свойства русскаго представителя въ Парижѣ не могли содѣйствовать къ установленію дружескихъ отношеній къ Франціи. Выборъ графа Моркова для занятія этой трудной должности оказался вполнѣ неудачнымъ. Его приняли сначала съ большою предупредительностью, но вскорѣ графъ Аркадій Ивановичъ своимъ безтактнымъ поведеніемъ возбудилъ противъ себя сильнѣйшее неудовольствіе и даже ненависть перваго консула; онъ сталъ ему лично непріятенъ. Морковъ, въ свою очередь, ненавидѣлъ Бонапарта и дозволялъ себѣ сарказмы и презрительное обращеніе къ главѣ французскаго правительства. Съ каждымъ днемъ взаимный разладъ принималъ все большіе размѣры. Наконецъ, первый консулъ нашелъ себя

вынужденнымъ даже письменно жаловаться Императору Александру на графа Моркова за вмѣшательство его въ интриги страны. Дѣла въ Италіи также давали не малый поводъ къ взаимнымъ пререканіямъ. Бонапарта въ особенности раздражало участіе, выказанное Россіею, какъ онъ выражался, сардинскому царьку (roitelet de Sardaigne), которому настойчиво требовали возвратить Піемонтъ. „Это дѣло рѣшенное. Денегъ сколько хотите и сколько онъ хочетъ", сказалъ первый консулъ, „и ничего болѣе". Въ другой бесѣдѣ первый консулъ замѣтилъ Моркову, что это дѣло не должно было занимать Императора Александра болѣе, нежели сколько занимаютъ его дѣла въ Персіи. Наконецъ, въ 1803 году графъ Морковъ былъ отозванъ, но предварительно награжденъ орденомъ св. Андрея, въ которомъ онъ и откланивался первому консулу въ Тюильери; не стѣсняясь, графъ заявлялъ приэтомъ присутствовавшимъ, что считаетъ удаленіе изъ Парижа за величайшую милость своего Государя. По отъѣздѣ его, въ декабрѣ 1803 года, повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи остался старшій изъ чиновниковъ посольства Убри. Когда же въ 1804 году отрядъ французскихъ войскъ увезъ изъ баденскихъ владѣній герцога Энгіенскаго, и 9-го (21-го) марта послѣдовала его казнь въ Винсенскомъ замкѣ, то нельзя было болѣе сомнѣваться въ образованіи новой коалиціи противъ Франціи; душою этой зарождавшейся коалиціи явился Императоръ Александръ. Хотя Австрія въ это время стала обнаруживать склонность къ сближенію съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не желала немедленнаго разрыва съ Франціею; что же касается Пруссіи, то она еще болѣе уклонялась отъ всякаго рѣшительнаго шага. Александръ, въ отношеніи къ Франціи, принялъ болѣе вызывающій образъ дѣйствій; онъ наложилъ при дворѣ трауръ и выразилъ свое негодованіе по поводу этенгеймскаго событія и его послѣдствій въ двухъ протестахъ. Въ нотѣ, поданной въ Регенсбургѣ германскому сейму, Россія приглашала всѣ нѣмецкія державы протестовать по поводу неприкосновенности предѣловъ Германіи. Въ Парижѣ русскій повѣренный въ дѣлахъ вручилъ Талейрану другую ноту, въ коей Императоръ Александръ, выражая скорбь о судьбѣ, постигшей герцога Энгіенскаго, изъявлялъ надежду, что первый консулъ приметъ самыя дѣйствительныя мѣры для успокоенія германскихъ державъ и прекратитъ положеніе дѣлъ, угрожающее ихъ безопасности и независимости. Талейранъ, въ свою очередь, отвѣчалъ рѣзкою нотою, содержаніе которой наносило личное оскорбленіе Императору Александру, соединенное съ клеветою на англійское правительство.

Между тѣмъ Бонапартъ принялъ 6-го (18-го) мая 1804 года титулъ императора Наполеона и тогда съ его стороны началось еще болѣе безцеремонное обращеніе съ картою Европы, къ которому Александръ не счелъ возможнымъ оставаться равнодушнымъ. Въ отвѣтъ на эти дѣйствія Наполеона, Императоръ Александръ началъ держать въ разное время австрійскимъ дипломатамъ такія рѣчи: „Этотъ человѣкъ дѣлается безумнымъ, въ зависимости отъ малодушія французовъ. Я думаю, что онъ сойдетъ еще съ ума. Я желалъ бы, чтобы вы были на сторожѣ. Преступное честолюбіе этого человѣка желаетъ вамъ зла; онъ помышляетъ только о вашей гибели. Если европейскія державы желаютъ во что бы то ни стало погубить себя, я буду вынужденъ запереть всѣмъ свои границы, чтобы не быть запутаннымъ въ ихъ гибели. Впрочемъ, я могу оставаться спокойнымъ зрителемъ всѣхъ ихъ несчастій. Со мною ничего не случится; когда я захочу, я могу жить здѣсь, какъ въ Китаѣ". Политика берлинскаго кабинета также возбуждала сильнѣйшее неудовольствіе Александра: „Я не понимаю малодушной политики Пруссіи", сказалъ Государь австрійскому полковнику Стутергейму въ 1804 г.: „мы можемъ только насильственными мѣрами заставить ее принять рѣшеніе". Воинственному обороту, принятому русской политикой, не мало способствовало еще и слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1804 года канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ по болѣзни удалился отъ дѣлъ и уѣхалъ въ свое Владимірское имѣніе; когда вслѣдствіе этого поднятъ былъ вопросъ о томъ, кто замѣнитъ больнаго канцлера въ управленіи иностранными дѣлами, Государь болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы эту обязанность принялъ на себя товарищъ министра, князь Чарторижскій. Послѣ нѣкотораго колебанія, Чарторижскій принялъ

предложенное ему назначеніе. Рѣшеніе Государя возбудило въ современномъ обществѣ и придворныхъ сферахъ сильнѣйшее неудовольствіе. Князь Чарторижскій сознается въ своихъ запискахъ, что какое-нибудь почетное званіе не столько бы возмутило русскихъ людей, какъ привлеченіе его къ отвѣтственной государственной дѣятельности. „Полякъ“,—пишетъ онъ,—„пользующійся полнымъ довѣріемъ Императора и посвященный во всѣ дѣла, было явленіемъ, которое оскорбляло самыя закоренѣлыя ихъ понятія и чувства“. Ставъ во главѣ управленія иностранными дѣлами, князь Адамъ рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами и при содѣйствіи коалиціонной войны противъ Наполеона осуществить свою любимую мечту, съ которой онъ никогда не разставался: возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 г., при условіи династической связи съ Россіею, Планъ Чарторижскаго, по существу, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) въ европейской коалиціи противъ Наполеона, и 2) въ возстановленіи польскаго королевства, но при личномъ династическомъ союзѣ съ Россіею, съ возвращеніемъ ему польскихъ областей, доставшихся Австріи и Пруссіи при раздѣлахъ Рѣчи Посполитой. Князь Чарторижскій указывалъ Александру, что единственная политика въ грандіозномъ стилѣ, достойная такого монарха, заключается въ томъ, чтобы пробудить въ Европѣ чувство солидарности и уваженія международнаго права и, вставъ во главѣ коалиціи, поднять знамя во имя высшихъ принциповъ. Чтобы низвергнуть колосса, недостаточно присутствія одной военной силы, необходимо противопоставить политикѣ завоеванія принципы справедливости и закона. Съ этимъ знаменемъ въ рукахъ князь Чарторижскій желалъ провести Александра по Европѣ, какъ избавителя народовъ и какъ противника Наполеона, поправшаго по своему произволу династическіе законы и независимость народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чарторижскій доказывалъ, что ключемъ положенія, первымъ укрѣпленіемъ, которымъ необходимо заблаговременно овладѣть въ этой борьбѣ идеи и принциповъ: *Польша*. Слѣдовательно, надо прежде всего предупредить въ польскомъ вопросѣ инициативу Наполеона и провозгласить возстановленіе польскаго королевства. Россія сдѣлалась бы такимъ образомъ охранительницею международнаго права, порядка и свободы, и внесла бы въ міровую политику историческую справедливость и евангельскія начала. Но для осуществленія подобнаго фантастическаго плана предстояло руководителю русской политики преодолѣть, и внѣ нерѣшительнаго характера Александра, величайшія затрудненія и препятствія. Онѣ были двоякаго рода: внутреннія, исходившія отъ людей и партій въ Россіи, не сочувствовавшихъ предположеніямъ князя Чарторижскаго, и внѣшнія, выставляемыя преимущественно прусской дипломатіею. Князь Чарторижскій, убѣжденный въ томъ, что политическая обстановка требовала быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, говорилъ Императору: одинъ только Наполеонъ сознаетъ великое значеніе времени и онъ именно покоряетъ міръ тѣмъ, что сразу облекаетъ въ дѣйствія самые отвѣтные замыслы своихъ враговъ. Но Императоръ Александръ уклонялся отъ рѣшительныхъ мѣръ въ духѣ политической программы Чарторижскаго и время пропадало въ безплодныхъ совѣщаніяхъ и переговорахъ; довольствовались полумѣрами. Государь все еще не терялъ надежды убѣдить Фридриха-Вильгельма III въ необходимости добровольно присоединиться къ коалиціи, между тѣмъ какъ князь Адамъ признавалъ войну съ Пруссіею залогомъ успѣха воинственной политики, направленной противъ Наполеона.

Самымъ вліятельнымъ противникомъ Чарторижскаго и его политической системы былъ въ то время *князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ*, молодой генералъ-адъютантъ Императора Александра (князь П. П. Долгоруковъ родился 19-го декабря 1777 г., и былъ, слѣдовательно, ровесникомъ Императора Александра). Пользуясь дружбой, которою его удостоивалъ Государь, онъ старался, по мѣрѣ силъ, препятствовать планамъ польскаго магната. Однажды за царскимъ столомъ онъ вступилъ въ жаркій споръ со своимъ антагонистомъ и сказалъ ему: „Вы разсуждаете, какъ польскій князь, а я разсуждаю, какъ русскій князь“. Чарторижскій поблѣднѣлъ и умолкъ. По поводу отношеній князя Долгорукова къ Чарторижскому, въ запискахъ графа Ланжерона читаемъ слѣдующее: „Il était l'objet de calomnies que rien ne pouvait excuser. Le Prince Dolgorouky disait publi-

quement qu'il aspirait au trône de Pologne et que pour y parvenir il trahirait la Russie et son souverain; cette assertion était absurde, Dolgorouky ne l'ignorait pas, mais s'il parvenait à le faire croire à quelques personnes, son but était rempli". (Campagne en Moravie et en Hongrie 1805). Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна относилась также съ недовѣрчивостью къ Чарторижскому, возбуждая противъ него, какъ онъ утверждаетъ, гвардейскихъ офицеровъ.

Швеція первая приступила къ союзу съ Россіею противъ Наполеона, подписавъ 2-го (14-го) января 1805 года въ Петербургѣ трактатъ. Затѣмъ 30-го марта (11-го апрѣля) заключенъ здѣсь же союзный договоръ между Россіею и Англіею, и, наконецъ, Австрія, долго уклонявшаяся отъ послѣдняго рѣшительнаго шага, также приступила къ союзному договору 28-го іюля (9-го августа). Война стала неизбѣжною. Распредѣленіе русскихъ силъ, осенью 1805 года, было слѣдующее: Армія, сосредоточенная около Радзивилова, въ составѣ 50.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Кутузова, должна была слѣдовать черезъ Галицію на соединеніе съ австрійскими войсками въ Баваріи. Армія, собранная на западной границѣ у Гродно и Брестъ-Литовска, въ числѣ 90.000 человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала Михельсона, предназначалась для дѣйствій противъ Пруссіи. Она состояла изъ трехъ корпусовъ: одинъ генерала Бенигсена, въ составѣ 40.000 человѣкъ, имѣлъ цѣлью демонстрацію противъ Пруссіи, и слѣдующіе два: графа Буксгевдена и Эссена, силою до 50.000 человѣкъ (въ томъ числѣ и гвардія), должны были дѣйствовать совокупно съ австрійцами, если Пруссія дозволитъ имъ двинуться черезъ Силезію въ Моравію. Въ противномъ случаѣ генералъ Михельсонъ уполномоченъ былъ обратить ихъ противъ Пруссіи. Кромѣ того, 16.000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа П. А. Толстаго, были отправлены моремъ изъ Кронштадта въ Стральзундъ, угрожая Пруссіи съ сѣвера. На Днѣстрѣ, на Молдавской границѣ, сосредоточивался резервный корпусъ генерала Тормасова, силою до 15.000 человѣкъ. Войска на Іоническихъ островахъ, силою до 20.000 человѣкъ, предполагалось перевезти моремъ въ Неаполь. Сверхъ того, 6-го октября генералу Римскому-Корсакову повелѣно было приступить еще къ сформированію резервной арміи, долженствовавшей расположиться вдоль нашей западной границы отъ Полангена до Проскурова.

9-го сентября, въ осенній сумрачный день, Императоръ Александръ изъ Казанскаго собора отправился къ арміи, собранной на австрійской границѣ. Въ воспоминаніяхъ Ф. П. Лубяновскаго сохранился любопытный разсказъ о посѣщеніи Государемъ, за нѣсколько дней до отъѣзда, извѣстнаго въ то время старца *Севастьянова*, жившаго въ Измайловскомъ полку. Онъ умолялъ Императора не ѣздить и войны съ проклятымъ французомъ теперь не начинать — добру тутъ не быть. „Не пришла еще пора твоя", говорилъ старецъ, „побьетъ тебя и твое войско; придется бѣжать, куда ни попало; погоди да укрѣпляйся, часъ твой придетъ; тогда и Богъ поможетъ тебѣ сломить супостата". Къ несчастью зловѣщему пророчеству суждено было вскорѣ осуществиться. Александра сопровождали при поѣздкѣ въ армію оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ-адъютанты: графъ Ливенъ, князь П. П. Долгоруковъ и князь Волконскій, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ князь Чарторижскій, тайные совѣтники: Новосильцовъ и графъ Строгоновъ, и лейбъ-хирургъ Вилліе. Императоръ слѣдовалъ на Оршу, Минскъ и прибылъ въ Брестъ-Литовскъ 16-го сентября. Въ первый разъ со времени кончины Петра Великаго, русскій Государь являлся на театрѣ военныхъ дѣйствій и эта рѣшимость показалась современникамъ событіемъ чрезвычайнымъ; послѣдующія частыя и продолжительныя войны Александровскаго царствованія пріучили ихъ къ этому явленію. 17-го сентября Александръ направился изъ Бреста въ *Пулавы*, гдѣ онъ предполагалъ остановиться на нѣкоторое время. Здѣсь должна была рѣшиться судьба Европы.

Князь Чарторижскій явился первымъ въ Пулавы, чтобы предупредить свою мать о скоромъ пріѣздѣ Императора. Неожиданно ночью съ 17-го на 18-е сентября, въ два часа пополуночи, когда во дворцѣ всѣ уже спали, Александръ прибылъ пѣшкомъ, забрызганный грязью, въ сопровожденіи еврея, освѣщавшаго дорогу фонаремъ. Запретивъ будить кого-либо въ до-

мѣ, Государь приказалъ провести себя въ приготовленные для него апартаменты и тамъ, не раздѣваясь, бросился на кровать и проспалъ такъ до семи часовъ утра. Оказалось, что сопутствовавшіе Императору, въ качествѣ проводниковъ, австрійскіе чиновники, преднамѣренно устранявшіе польскихъ обывателей отъ высокаго путешественника, не зная мѣстности, сбились въ темнотѣ съ дороги и затѣмъ скрылись; къ довершенію несчастія, кучеръ зацѣпилъ за пень и сломалъ экипажъ. Государя выручилъ изъ бѣды еврей, везшій бочку съ водкой; у него оказались кремень и сальная свѣчка и онъ вызвался провести Государя по лѣснымъ тропинкамъ въ Пулавскій дворецъ, удаленный еще на полмили. Утромъ родители князя Чарторижскаго были приняты Императоромъ Александромъ. „Мы застали его", пишетъ княгиня, „въ мундирѣ прохаживающимся по комнатѣ съ сыномъ нашимъ Адамомъ. Мы выразили благодарность за честь, оказанную посѣщеніемъ нашего дома. На это онъ отвѣчалъ, что онъ намъ болѣе обязанъ, такъ какъ мы дали ему *лучшаго друга въ жизни*".

Императоръ изъявилъ желаніе познакомиться съ возможно большимъ числомъ поляковъ, и въ Пулавы стали стекаться изъ Варшавы и окрестностей, на смѣну однихъ другими, цѣлыя толпы гостей, стремившихся увидѣть русскаго Императора. Согласно общему отзыву современниковъ, молодой 28-ми-лѣтній Императоръ своею поразительною красотою и чрезвычайною любезностью производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе; видѣвшіе его мужчины становились его горячими поклонниками; женщины же были въ восхищеніи отъ вѣнценоснаго рыцаря. Императоръ отбросилъ ненавистный ему этикетъ и являлся только въ качествѣ друга семьи. Князь Адамъ, казалось, былъ тогда самымъ приближеннымъ лицомъ къ Императору, который на каждомъ шагу отличалъ его отъ другихъ и не скупился изъявленіями своей искренней дружбы и полнаго довѣрія, разсыпаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ любезностяхъ къ его родителямъ и пулавскимъ гостямъ. Каетанъ Козмянъ посвятилъ впе атлѣнію, вынесенному имъ въ 1805 году въ Пулавахъ, слѣдующій восторженный отзывъ: „Если бы Императоръ Александръ былъ частнымъ лицомъ, онъ все же оставался бы самымъ красивымъ, самымъ привѣтливымъ въ обращеніи и самымъ благовоспитаннымъ человѣкомъ въ мірѣ; поэтому, можно себѣ представить, какое очаровательное впечатлѣніе производилъ этотъ самодержецъ могущественнѣйшаго государства во всей красѣ расцвѣтающей весны, сдѣлавшійся съ начала своего царствованія предметомъ поклоненія своихъ подданныхъ и чужеземцевъ, надеждою всего человѣчества: онъ очаровывалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе окружалъ себя блескомъ пышнаго двора". Ежедневно утромъ Императоръ въ мундирѣ отправлялся верхомъ въ лагерь и производилъ смотры войскамъ. По возвращеніи, надѣвалъ статское платье и затѣмъ большую часть дня проводилъ среди собраннаго въ Пулавахъ общества. Обѣдъ происходилъ обыкновенно за общимъ столомъ въ большой залѣ дворца; князь Адамъ представлялъ тогда вновь прибывшихъ лицъ Государю, который каждому подавалъ руку; если же сидѣлъ, то указывалъ мѣсто подлѣ себя и имѣя всегда на готовѣ какое-нибудь привѣтливое слово, завязывалъ болѣе продолжительный разговоръ. Иногда Государь обѣдалъ въ семейномъ кругу, въ маленькихъ аппартаментахъ. Въ разсказахъ о пребываніи Императора Александра въ Пулавахъ приводится оригинальный къ тому поводъ: императорская свита, говорятъ, была слишкомъ многочисленна, а ея присутствіе нагоняло тоску.

Послѣ обѣда предпринимались прогулки и поѣздки въ окрестности, гдѣ изобрѣтательная княгиня Чарторижская заранѣе подготовляла какія-либо зрѣлища или сцены изъ народной жизни, чтобы развернуть и эту страницу сельской польской поэзіи передъ монархомъ, сочувствовавшимъ поэтическимъ и идиллическимъ картинамъ. Употреблено было все стараніе и искусство, чтобы Александръ всецѣло проникся польской атмосферой. Во время прогулокъ по саду посѣщали также храмъ Сивиллы, построенный въ 1798 году, гдѣ княгиня собрала памятники, относящіеся къ археологіи и исторіи Польши, съ надписью на дверяхъ: „*прошедшее будущему*". Императоръ вписалъ свое имя въ книгу посѣтителей. Продолжительные разговоры объ искусствѣ, поэзіи, исторіи, заканчивались обыкновенно воспоминаніями о минувшемъ величіи польскаго народа, испытанныхъ имъ несчастіяхъ

и правахъ его на существованіе въ будущемъ. Казалось, что мечта о возрожденіи Польши принимала съ каждымъ днемъ въ умѣ Александра болѣе осязательный образъ.

Между тѣмъ вся Польша готова была возстать противъ Пруссіи и увеличить ряды русской арміи, поджидаемой какъ избавительницы. Варшава волновалась и готовилась къ торжественной встрѣчѣ Императора. Даже князь Іосифъ Понятовскій, всегда враждебно относившійся къ Россіи, приготовлялъ пріемъ для Александра, въ своемъ замкѣ Вилановѣ, если онъ явится въ качествѣ врага Пруссіи, чтобы провозгласить себя королемъ польскимъ. Въ Варшавѣ положеніе дѣлъ между пруссаками и поляками обострилось до того, что, по современнымъ донесеніямъ, рыночныя торговки открыто говорили прусскимъ полицейскимъ чиновникамъ: „ваше царство недолговѣчно, русскіе придутъ и васъ выгонятъ". Въ дипломатическихъ переговорахъ князь Чарторижскій добился отчасти удовлетворительнаго результата. Въ Пулавы прибылъ изъ Вѣны графъ Стадіонъ; Императоръ Францъ ожидалъ спасенія отъ Россіи и можно было разсчитывать, что Австрія не воспрепятствуетъ провозглашенію Александра королемъ польскимъ въ виду предназначеннаго ей вознагражденія: Силезіи и Баваріи. Въ Лондонѣ соглашались заставить силою оружія Пруссію присоединиться къ коалиціи и Фоксъ писалъ, что если враждебныя дѣйствія откроются противъ Пруссіи, нужно ихъ вести рѣшительно и не думать объ остальномъ. Насколько Императоръ Александръ видимо, склонялся къ мысли о разрывѣ съ Пруссіею, можно судить по слѣдующему мѣсту изъ депеши Чарторижскаго графу Разумовскому отъ 28-го сентября (9-го октября): „Sa Majesté est fermement décidée de commencer la guerre contre la Prusse". Между тѣмъ Императоръ Александръ избралъ своего любимца князя Долгорукова для довѣрительныхъ переговоровъ съ прусскимъ королемъ; такимъ образомъ въ рукахъ антагониста князя Чарторижскаго сходились нити политики, прямо противоположной явнымъ намѣреніямъ Императора, клонившимся къ провозглашенію себя королемъ польскимъ. Сначала Фридрихъ-Вильгельмъ упорствовалъ въ принятомъ первоначально рѣшеніи считать за объявленіе войны всякое посягательство на нейтралитетъ Пруссіи; но когда получено было неожиданное донесеніе, что французскія войска нарушили неприкосновенность прусскихъ владѣній въ Анспахѣ, король изъявилъ согласіе на проходъ русскихъ войскъ черезъ прусскую территорію. Вслѣдъ затѣмъ Императоръ Александръ, съ своей стороны, объявилъ 4-го октября Чарторижскому намѣреніе не идти съ войскомъ на Варшаву, но немедленно отправиться въ Берлинъ, чтобы склонить Пруссію присоединиться къ коалиціи. И такъ, послѣ продолжительнаго колебанія, принято было, наконецъ, рѣшеніе, прямо противоположное видимо усвоенной русскимъ правительствомъ политической программѣ.

Недоразумѣнія съ Пруссіею кончились циркулярнымъ предписаніемъ главнымъ начальникамъ русскихъ войскъ сжечь немедленно всѣ бумаги, въ которыхъ заключалось что-либо враждебное противъ этой державы, въ особенности же проектъ декларації противъ Пруссіи. Въ Козеницахъ, главной квартирѣ генерала Михельсона, Государя встрѣтилъ графъ Калькрейтъ и здѣсь условились относительно движенія русскихъ войскъ черезъ Силезію въ Моравію. Отказомъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Пруссіи упразднялась роль, предназначенная генералу Михельсону; онъ былъ отпущенъ въ Россію и получилъ затѣмъ, въ видѣ утѣшенія, Андреевскую ленту. 13-го (25-го) октября Императоръ Александръ въѣхалъ въ Берлинъ при пушечной пальбѣ. Весь гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ, населеніе встрѣтило русскаго Государя съ восторгомъ. Ряды приверженцевъ Франціи видимо рѣдѣли, и Александръ съ полнымъ успѣхомъ далъ ходъ врожденной способности плѣнять людей. Самъ король подчинился чарующему вліянію русскаго Императора, который съ скромнымъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ ухаживалъ за королевой, сочувствуя ея патріотическимъ мыслямъ и стремленіямъ. На долю князя Чарторижскаго, сопровождавшаго Государя въ Берлинъ, выпала отнынѣ второстепенная роль; союзъ съ Пруссіею полагалъ конецъ всѣмъ блестящимъ планамъ его о возрожденіи Польши; князь Долгоруковъ торжествовалъ и безбоязненно обличалъ передъ Государемъ предательскія, по его убѣжденію, замыслы министра-поляка. Тѣмъ не менѣе успѣхъ, достигнутый въ политическомъ отношеніи,

былъ болѣе чѣмъ умѣренный. 22-го октября (3-го ноября) подписана была потсдамская конвенція, къ которой въ тотъ же день присоединилась также Австрія; присоединеніе Пруссіи къ коалиціи было только условнымъ и предстояло еще въ далекомъ будущемъ. Вообще конвенція не послужила въ пользу коалиціи, уже сильно потрясенной въ ту пору плѣненіемъ Маковской арміи подъ Ульмомъ. На слѣдующій день, по подписаніи конвенціи, Императоръ намѣревался покинуть Потсдамъ; онъ спѣшилъ къ своей арміи въ Моравію въ виду наступленія Наполеона къ Вѣнѣ. Во время послѣдняго ужина Государь выразилъ сожалѣніе, что оставляетъ Потсдамъ, не воздавши дани уваженія останкамъ великаго Фридриха. „На это еще хватитъ времени", отвѣтилъ король. Въ одиннадцать часовъ оба монарха и королева Луиза встали изъ-за стола; въ полночь они спустились въ склепъ, освѣщенный свѣчами. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія Александръ прикоснулся устами славнаго гроба, поцѣловавъ его, протянулъ руку королю и королевѣ и поклялся имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой будетъ освобожденіе Германіи.

Императоръ отправился изъ Потсдама въ Веймаръ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, гдѣ провелъ три дня, и 29-го октября, черезъ Лейпцигъ, выѣхалъ въ Дрезденъ. Вездѣ его ожидали торжественныя встрѣчи; народъ привѣтствовалъ Александра, какъ избавителя Европы. Государь намѣревался продолжать слѣдованіе въ Прагу, но продолжавшееся наступленіе Наполеона и извѣстіе о появленіи французскихъ разъѣздовъ въ Пильзенѣ, побудили его повернуть на Брославль, чтобы этимъ путемъ достигнуть новой конечной цѣли путешествія—Ольмюца, гдѣ его поджидалъ императоръ Францъ.

Въ то время, какъ совершился переворотъ въ намѣреніяхъ и цѣли русской политики, успѣхи французскаго оружія продолжали возрастать. Наполеонъ устремился къ Вѣнѣ, занялъ австрійскую столицу, захватилъ Дунайскій мостъ и выдвинулся къ Брюну. Не смотря на критическое положеніе, въ которое былъ поставленъ Кутузовъ пораженіемъ Мака, онъ со славою совершилъ свое знаменитое отступленіе въ Моравію и, соединившись съ войсками графа Буксгевдена, сосредоточилъ въ позиціи подъ Ольшаномъ, впереди Ольмюца, до 82.000 человѣкъ; изъ этого числа на австрійцевъ приходилось только 14.000 человѣкъ.

Прибывъ 6-го (18-го октября) въ Ольмюцъ, Императоръ Александръ встрѣтилъ здѣсь обстановку, далеко не радостную. Свидѣтель и участникъ событій 1805 года, графъ Ланжеронъ, пишетъ по этому поводу: „Я былъ пораженъ, подобно всѣмъ прочимъ генераламъ, холодностію и глубокимъ молчаніемъ, съ которыми войска встрѣтили Императора". Войска голодали, и это обстоятельство разстроило добрыя отношенія къ австрійцамъ: не получая ничего законнымъ образомъ, крайняя нужда заставила ихъ прибѣгать къ грабежамъ и опустошеніямъ. Такіе безпорядки развивали взаимную вражду и положили начало непріязни къ австрійскимъ властямъ. Среди войскъ двухъ союзныхъ партій зарождался антагонизмъ, который вскорѣ дошелъ до открытаго обвиненія австрійцевъ въ измѣнѣ.

Князь Чарторижскій высказался противъ намѣренія Императора Александра оставаться при арміи и совѣтовалъ предоставить Кутузову самостоятельное распоряженіе военными дѣйствіями. Совѣты Чарторижскаго не были приняты Императоромъ и произвели даже непріятное впечатлѣніе. Почтительныя представленія Кутузова еще менѣе понравились. По мнѣнію главнокомандующаго, слѣдовало избѣгать рѣшительнаго сраженія, о которомъ именно мечталъ Наполеонъ, и продолжать держаться выжидательнаго образа дѣйствій, поджидая подкрѣпленія. Такой осторожный планъ дѣйствія оскорблялъ тщеславіе Александра; дальнѣйшее бездѣйствіе въ Кутузовскомъ смыслѣ казалось Государю позоромъ. Въ дѣйствительности у Кутузова отнято было самостоятельное начальство надъ арміею, хотя онъ по имени и оставался главнокомандующимъ. Положеніе его было крайне двусмысленное. Графъ Ланжеронъ пишетъ: „Les jeunes gens qui entouraient l'Empereur le ridiculisaient sans cesse et l'appelaient le général Lambin, et il était sans pouvoir comme sans considération". Австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Вейротеръ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Александра. Обладая вообще умѣньемъ подлаживаться къ вліятельнымъ лицамъ, онъ

вошелъ также въ довѣріе къ той молодежи, которая руководила главной квартирой союзной арміи, и въ особенности къ князю Долгорукову. Вспоминая, много лѣтъ спустя, о несчастномъ днѣ аустерлицкаго сраженія, Александръ сказалъ: „Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть въ своихъ мнѣніяхъ настойчивѣе“. Едва-ли большая настойчивость со стороны Кутузова, при защитѣ собственныхъ убѣжденій, могла бы привести къ болѣе благопріятному результату. Для уясненія полной безотрадности его положенія достаточно привести слѣдующій примѣръ: Однажды Кутузовъ, испрашивая приказанія Государя относительно движенія арміи, получилъ отвѣтъ: „Cela ne vous regarde pas!“ Упрекаютъ Кутузова, что онъ, осужденный начальствовать при такой невозможной обстановкѣ, не сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго. На это можно возразить, что сомнительно, чтобы ему дозволили отказаться отъ занимаемаго имъ мѣста; колеблясь между желаніемъ пожать лавры полководца и опасеніемъ неудачи, Александръ не хотѣлъ уступить Кутузову славы, въ случаѣ успѣха, или же принять на себя отвѣтственность въ случаѣ пораженія.

Наполеонъ находился въ это время въ Брюнѣ и, сознавая затруднительность своего положенія, въ случаѣ, если война затянется, отправилъ въ Ольмюцъ генерала Савари съ письмомъ къ Императору Александру, чтобы поздравить Государя съ прибытіемъ къ арміи. Александръ отвѣчалъ уклончиво: „au chef du gouvernement français“. Появленіе французскаго генерала въ союзной главной квартирѣ принесло, однако, дѣлу коалиціи громадный вредъ. Въ сущности Савари имѣлъ порученіе высмотрѣть положеніе австро-русской арміи, въ особенности же ознакомиться съ настроеніемъ и образомъ мыслей главной квартиры, причемъ онъ долженъ былъ притворно выразить опасеніе атаки со стороны союзниковъ; не трудно было посланному вскорѣ убѣдиться въ слѣпой самоувѣренности пылкой и неопытной молодежи, съ княземъ Долгоруковымъ во главѣ, окружавшей Императора Александра; сговорчивость же, выказанная Савари къ начатію переговоровъ, послужила окончательнымъ поводомъ къ начатію предположеннаго наступленія. Относительно пребыванія Савари въ Ольмюцѣ, въ 30-мъ бюллетенѣ отъ 21-го ноября (3-го декабря) 1805 года читаемъ: „Il lui fut facile de comprendre, par la suite des conversations qu'il eut, pendant trois jours, avec une trentaine de freluquets qui, sous différents titres environnent l'Empereur de Russie, que la présomption, l'imprudence et l'inconsidération régneraient dans les décisions du cabinet militaire comme elles avaient régné dans celles du cabinet politique“. Графъ Ланжеронъ по этому поводу замѣчаетъ: „Il n'y en avait pas trente, mais il y en avait encore malheureusement trop. Du reste Napoléon a trouvé le vrai mot, il peint parfaitement la chose“. Такимъ образомъ Наполеону удалось выманить союзниковъ для желаннаго имъ боя.

15-го (27-го) ноября началось наступленіе союзной арміи; она подвигалась въ величайшемъ порядкѣ; войскамъ приказано было идти въ одну ногу! На слѣдующій день произошло дѣло у Вишау, памятное тѣмъ, что здѣсь былъ Императоръ Александръ впервые въ огнѣ. Кавалерія Мюрата была оттѣснена; захвачено 500 человѣкъ плѣнныхъ. Сначала въ веселомъ расположеніи духа Императоръ слѣдовалъ за наступавшими колоннами; но когда пальба стихла, шагомъ и безмолвно объѣзжалъ онъ поле сраженія, всматриваясь посредствомъ лорнета въ лежавшія тѣла и приказывая подать помощь тѣмъ, у кого замѣчалъ искру жизни. Опечаленный зрѣлищемъ пораженныхъ смертью и ранами, Государь весь день не вкушалъ пищи и къ вечеру почувствовалъ себя нездоровымъ. Успѣшная стычка у Вишау, въ которой 56 эскадроновъ, поддержанныхъ пѣхотою, прогнали 8 французскихъ эскадроновъ, послужила къ возбужденію еще большей самонадѣянности союзной главной квартиры.

Наполеонъ немедленно приступилъ къ сосредоточенію своей нѣсколько разбросанной арміи. Съ цѣлью выиграть время, генералъ Савари былъ вторично посланъ къ Императору Александру, съ предложеніемъ перемирія и свиданія. Пользуясь этимъ случаемъ, Савари вновь провѣрилъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ при посѣщеніи Ольмюца, относительно слѣпой самоувѣренности, господствовавшей среди вліятельныхъ совѣтниковъ главной квар-

тиры. Александръ отклонилъ предложенное свиданіе, но послалъ для переговоровъ съ Наполеономъ своего любимаго и довѣреннаго генералъ-адъютанта, князя Долгорукова. Наполеонъ, объѣзжая тогда передовые посты, встрѣтился съ русскимъ посланнымъ и вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ на большой дорогѣ. Впослѣдствіи Наполеонъ назвалъ князя Долгорукова „*un freluquet impertinent*“, „*ce polisson de Dolgorouki*“, и жаловался, что онъ говорилъ съ нимъ, какъ съ бояриномъ, котораго собираются сослать въ Сибирь. Разспросивъ о здоровьи Императора Александра, Наполеонъ сказалъ: „Долго-ли намъ воевать? Чего хотятъ отъ меня? За что воюетъ со мною Императоръ Александръ? Чего требуетъ онъ? Пусть онъ распространяетъ границы Россіи на счетъ своихъ сосѣдей, особенно турокъ, тогда всѣ ссоры его съ Франціей кончатся“. Князь Долгоруковъ показалъ видъ, что слушаетъ Наполеона съ отвращеніемъ и отвергъ сдѣланныя имъ предложенія, какъ несовмѣстныя съ характеромъ Императора Александра, не желавшаго завоеваній и вооружившагося только за независимость Европы, не питая никакой вражды противъ Франціи. Далѣе Долгоруковъ говорилъ, что Императоръ не можетъ равнодушно взирать на занятіе французами Голландіи, на бѣдствія сардинскаго короля, не получившаго вознагражденія, обѣщаннаго ему договорами. „Россіи надобно слѣдовать совсѣмъ другой политикѣ“, отвѣтилъ Наполеонъ, „и помышлять о своихъ собственныхъ выгодахъ“. Въ заключеніе Наполеонъ сказалъ: „И такъ, будемъ драться“. Князь Долгоруковъ повернулся и, не называя во время свиданія Наполеона „императорскимъ величествомъ“, сѣлъ на лошадь и отправился въ обратный путь. Упоминая въ 30-мъ бюллетенѣ о разговорѣ съ княземъ Долгоруковымъ, Наполеонъ говоритъ, что онъ не принялъ бы предложенныхъ имъ условій, даже если бы русскіе стояли на высотахъ Монмартра. Возвратившись къ Императору Александру, князь Долгоруковъ представилъ донесеніе, существенныя черты котораго заключались въ замѣченной имъ у французовъ нерѣшительности, робости и унынiи. Въ 30-мъ бюллетенѣ сказано: „Cet aide de camp put remarquer que tout respirait dans la contenance de l'armée française la réserve et la timidité“. „Нашъ успѣхъ несомнѣнный“, утверждалъ Долгоруковъ, „стоитъ только идти впередъ, и непріятели отступятъ, какъ отступили они отъ Вишау“. Такимъ образомъ, его донесенія содѣйствовали къ усиленію надеждъ на несомнѣнную побѣду; опасались только, какъ бы противникъ не ускользнулъ своевременно отъ готовившагося пораженія. Поэтому союзники рѣшили атаковать французовъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ и приняли планъ, предложенный генераломъ Вейротеромъ; онъ заключался въ слѣдующемъ: захватить путь отступленія Наполеона, обойдя его съ праваго фланга, и отрѣзать его отъ Вѣны.

Въ полночь съ 19-го на 20-е ноября собраны были у Кутузова въ Крженовицѣ главные начальники колоннъ, предназначенныхъ для атаки непріятеля. Генералъ Вейротеръ, разложивъ карту, приступилъ къ чтенію и разъясненію своей многорѣчивой диспозиціи. По словамъ графа Ланжерона, онъ напоминалъ собою школьнаго учителя, объясняющаго урокъ молодымъ ученикамъ. Кутузовъ тотчасъ погрузился въ глубокій сонъ, въ чемъ и выразилась въ этомъ случаѣ вся оппозиція плану, получившему уже одобреніе Императора Александра. Вейротеру возражалъ только одинъ генералъ—графъ Ланжеронъ. Онъ замѣтилъ: „а если непріятель насъ предупредитъ и атакуетъ въ Праценѣ, что мы будемъ дѣлать? Этотъ случай не предусмотрѣнъ“ (Le cas n'est pas prévu). Въ это время князь Долгоруковъ и другіе воинственные совѣтники Александра проводили время въ тревожномъ состояніи; опасались, что непріятель, пользуясь ночной темнотой, уйдетъ. Князь Долгоруковъ, объѣзжая ночью аванпосты, предлагалъ тщательно наблюдать, по какой дорогѣ будетъ отступать непріятель. Въ 3 часа пополуночи утомительная лекція Вейротера, наконецъ, окончилась. Пришлось разбудить Кутузова, который, отпустивъ собранныхъ генераловъ, поручилъ имъ оставить въ главной квартирѣ адъютантовъ для полученія русскаго перевода австрійской диспозиціи. Исполненіе этого перевода было поручено маіору Толю. Злополучная диспозиція была получена начальниками колоннъ только къ шести часамъ утра, нѣкоторыми же еще позже, а въ 7 часовъ вся армія должна была уже начать предназначенное ей движеніе.

Въ свитѣ Императора Александра находился также графъ Аракчеевъ. Государь намѣревался поручить ему начальство надъ одной изъ колоннъ, но графъ Алексѣй Андреевичъ пришелъ отъ предстоящей ему чести предводительствовать войсками въ бою въ неописанное волненіе и отклонилъ отъ себя столь лестное порученіе, ссылаясь на несчастную раздражительность своихъ нервовъ. Хотя нѣкоторые писатели и называютъ графа Аракчеева въ числѣ лицъ, которыя сопровождали Александра на аустерлицкомъ полѣ сраженія, но это, по всей вѣроятности, недоразумѣніе. Аракчеевъ не отваживался никогда, даже въ императорской свитѣ, показаться въ сраженіи въ чертѣ выстрѣловъ. Эта особенность служебнаго поприща графа Аракчеева блистательно подтвердилась во время войнъ 1813 и 1814 годовъ; онъ никогда не могъ возобладать надъ собою даже настолько, чтобы совершеніемъ столь скромнаго подвига уничтожить въ формулярномъ спискѣ слова: «*въ сраженіяхъ не бывалъ*».

Настало утро 20-го ноября (2 го декабря), такъ нетерпѣливо ожидаемое увѣренными въ побѣдѣ союзниками. Часа два послѣ восхожденія солнца, „le soleil d'Austerlitz“, густой туманъ покрывалъ еще мѣстность, среди которой началось исполненіе пагубнаго Вейротеровскаго плана. Въ 9 часовъ утра прибыли на поле сраженія союзные монархи. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Императора Александра, находился также тріумвиратъ: князь Чарторижскій, графъ Строгоновъ и Новосильцовъ. Подъѣхавъ къ войскамъ четвертой колонны, при которой находился безвластный главнокомандующій, и видя, что солдаты отдыхали, сложивъ ружья въ козла, Императоръ Александръ спросилъ Кутузова: „Михайло Ларіоновичъ, почему не идете вы впередъ?“ „Я поджидаю“, отвѣчалъ Кутузовъ, „чтобы всѣ войска колонны пособрались“. Императоръ сказалъ: „Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки“. — „Государь“, отвѣчалъ Кутузовъ, „потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу. Впрочемъ, если прикажете!“ Приказаніе о немедленномъ начатіи движенія было отдано. Главная причина остановки четвертой колонны, независимо отъ вытягиванія и перекрещиванія третьей и пятой колоннъ, заключалась въ томъ, что Кутузовъ, вѣрно цѣня значеніе Праценскихъ высотъ, неохотно оставлялъ ихъ и подъ разными предлогами затягивалъ движеніе. Наполеонъ не далъ союзникамъ времени привести въ исполненіе мудрыя предначертанія Вейротера. Онъ занялъ Праценскія высоты и, прорвавъ такимъ образомъ центръ союзныхъ войскъ, поставилъ тѣмъ своихъ противниковъ въ положеніе оборонительное, вовлекая ихъ въ случайный бой, со всей присущей ему безпорядочностью. „Всѣ сознавали необходимость, во что бы то ни стало, вновь овладѣть высотами; всѣ стремились къ этой цѣли; но войска находились въ неудобномъ для боя порядкѣ (походномъ); общаго плана и общаго руководства свыше не было. Слѣдствіемъ этого былъ упорный, отчаянный двухчасовой бой (съ 9-ти до 11-ти), состоявшій изъ ряда блестящихъ частныхъ атакъ, безъ внутренней связи между собою, и кончившійся разгромомъ центра“ (Г. А. Лееръ, „Аустерлицкая операція“). Слова, сказанныя Наполеономъ наканунѣ аустерлицкаго сраженія, оправдались: „если русскіе покинутъ Праценскія высоты, то они погибнутъ безповоротно“.

Утвердившись на Праценскихъ высотахъ и занявъ ихъ сильною артиллеріею, Наполеонъ перешелъ къ рѣшительному наступленію противъ обоихъ фланговъ противника, окончательно рѣшившему участь дня. Къ вечеру союзная армія очутилась на дорогѣ въ Венгрію, потерявъ до 27.000 человѣкъ (въ томъ числѣ на русскихъ приходится 21.000), 158 орудій (изъ нихъ 133 русскихъ) и 36 знаменъ и штандартовъ. Къ счастью побѣжденныхъ, преслѣдованіе французовъ было не такъ настойчиво, какъ могло бы быть. Наполеонъ съ гордостью сознавалъ превосходство своихъ распоряженій подъ Аустерлицомъ: „J'ai livré 30 batailles“, говорилъ онъ, „mais je n'en ai vu aucune où la victoire ait été si décidée et les destins si peu balancés“. До конечнаго пораженія четвертой колонны Императоръ Александръ находился при ней. Подлѣ него ранило картечью лошадь Виллье; находившуюся саженяхъ въ 30-ти позади Государя заводную лошадь убило гранатою; въ двухъ шагахъ передъ нимъ упало ядро и осыпало его землею. Смятеніе во время боя

было такъ велико, что находившіеся при Императорѣ Александрѣ лица потеряли его изъ виду, разсѣялись въ различныя стороны и присоединились къ нему уже въ ночи, а нѣкоторые черезъ день, даже черезъ два. Оттого въ продолженіе большей части сраженія при Государѣ находились только лейбъ-медикъ Вилліе, берейторъ Ене, конюшій и два казака. Маіоръ Толь слѣдовалъ верхомъ съ бѣгущими войсками четвертой колонны, и не мало удивился, увидѣвъ въ нѣкоторомъ разстояніи Императора, который ѣхалъ по полю въ сопровожденіи Вилліе и берейтора Ене. Толь не посмѣлъ приблизиться къ Государю, но ему казалось опаснымъ оставлять его почти одного; онъ не терялъ изъ виду всадниковъ, провожая ихъ издали. Незначительный полевой ровъ задержалъ нѣсколько Императора и его спутниковъ. Александръ не былъ хорошимъ ѣздокомъ и колебался перескочить ровъ, отыскивая удобный переѣздъ, между тѣмъ какъ берейторъ, перескакивая ровъ, неоднократно старался показать, насколько это легко исполнить. Наконецъ, лошадь Государя послѣдовала за Ене и препятствіе было побѣждено. Уже четыре дня, со времени дѣла при Вишау, Александру нездоровилось; теперь онъ почувствовалъ такое разстройство физическое и моральное, что не могъ ѣхать дальше. Онъ слѣзъ съ лошади, сѣлъ подъ деревомъ на землю, закрылъ лицо платкомъ и залился слезами; рѣзкій и внезапный переходъ отъ недавнихъ побѣдоносныхъ надеждъ къ послѣдовавшимъ затѣмъ потрясающимъ событіямъ былъ, конечно, весьма горькій. Спутники Государя стояли въ смущеніи подлѣ. Тогда Толь подъѣхалъ, слѣзъ съ лошади и присоединился къ нимъ. Видя продолжающуюся горесть Государя, Толь, послѣ нѣкотораго колебанія, подошелъ и старался утѣшить и ободрить своего монарха. Александръ выслушалъ Толя, отеръ слезы, всталъ, молча обнялъ его, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ далѣе по направленію къ Годьежицу. Здѣсь Государь случайно сошелся съ Кутузовымъ и, переговоривъ съ нимъ, за неимѣніемъ экипажа, продолжалъ слѣдовать верхомъ среди ночнаго ненастья, по дорогѣ въ Чейчъ; но болѣе семи верстъ ѣхать не могъ. Пришлось остановиться въ селеніи Уржицъ, гдѣ уже расположился на ночлегъ императоръ Францъ.

Государь пріютился въ крестьянской избѣ и провелъ ночь на соломѣ. Соединеніе нравственнаго и физическаго безпокойства аустерлицкаго дня усилили болѣзненное состояніе Александра; онъ жаловался на ознобъ и разстройство желудка. Вилліе хотѣлъ подкрѣпить больнаго глинтвейномъ, но не нашлось краснаго вина. Послали къ австрійскому оберъ-гофмаршалу Ламберти, который на обращенную къ нему просьбу отозвался, что императоръ Францъ почиваетъ и безъ приказанія его онъ не можетъ касаться собственнаго императорскаго запаса. Выручили изъ бѣды казаки: у нихъ оказалось немного вина; изготовили горячій напитокъ, который, съ прибавкою капель опіума, доставилъ облегченіе Государю. Послѣ успокоительнаго сна, Александръ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Чейчъ. Появленіе Государя обрадовало войска, такъ какъ разнеслась вѣсть, будто онъ былъ раненъ. Наполеонъ, съ своей стороны, не замедлилъ распространить другую басню, что Императоръ Александръ, послѣ аустерлицкаго сраженія, будучи окруженъ войсками маршала Даву, неминуемо попался бы въ плѣнъ, если бы великодушный противникъ его не предоставилъ ему возможность спастись—и все это было сдѣлано изъ уваженія къ другу перваго консула! (L'Empereur voulant respecter l'ami du Premier Consul). Ближайшій разборъ обстановки приводитъ, напротивъ того, къ заключенію, что это одна изъ самыхъ наглыхъ выдумокъ, которыми когда-либо пытались обогатить исторію. Въ запискѣ, диктованной по этому случаю Наполеономъ Фэну (Fain), онъ утверждаетъ, что положеніе, занятое маршаломъ Даву, было таково, что внѣ всякаго сомнѣнія, ни одинъ русскій не могъ бы спастись, начиная съ Императора и кончая послѣднимъ барабанщикомъ (depuis l'Empereur jusqu'au dernier tambour).

Эта записка не появлялась до сихъ поръ въ печати, и подлинникъ ея хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; она была куплена, вмѣстѣ съ собственноручными письмами Павла I-го и Александра I-го, въ Парижѣ, въ 1821 году, при содѣйствіи генералъ-адъютанта Жомини.

Военныя дѣйствія прекратились; 22-го ноября (4-го декабря) состоялось свиданіе императора Франца съ Наполеономъ, послѣ котораго заключено перемиріе для обѣихъ союзныхъ армій, съ тѣмъ, чтобы рус-

скія войска немедленно очистили австрійскія владѣнія. Императоръ Александръ предоставилъ австрійскому монарху полную свободу дѣйствій, требуя только одного, чтобы Россію не впутывали въ переговоры. Что же касается до выхода русскихъ войскъ изъ австрійскихъ областей, то Государь словесно изъявилъ на то свое согласіе генералу Савари, присланному для этой цѣли Наполеономъ въ Голичъ.

Александръ разстался со своимъ бывшимъ союзникомъ въ Голичѣ 27-го ноября и поѣхалъ черезъ Треншинъ и Тешенъ въ Россію. Въ тотъ же день Кутузовъ выступилъ съ русскими войсками черезъ Кашау и Лембергъ, и послѣ трудныхъ зимнихъ маршей прибылъ въ Радзивиловъ 26-го декабря. Гвардія возвратилась въ Петербургъ только 9-го апрѣля 1806 года.

Послѣ аустерлицкаго пораженія, князь Чарторижскій убѣждалъ Государя начать переговоры о мирѣ совмѣстно съ императоромъ Францемъ; онъ полагалъ, что Наполеонъ поставитъ Австріи менѣе стѣснительныя условія, когда онъ будетъ имѣть дѣло съ двумя союзными державами; кромѣ того, онъ совѣтовалъ, въ виду распаденія коалиціи, искать сближенія съ Наполеономъ. Доводы князя Адама не удостоились одобренія и поступлено было какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. Такимъ образомъ богатый событіями годъ безпрепятственно закончился полнымъ торжествомъ Наполеона: 3-го (15-го декабря) Пруссія заключила съ Франціей оборонительный и союзный трактатъ, принявъ отъ нея въ даръ Ганноверъ, принадлежавшій Англіи, и 14-го (26-го) декабря Австрія подписала тягостный и унизительный для себя пресбургскій мирный договоръ, по которому она окончательно утратила свое первенство въ Германіи.

Возвращеніе Императора Александра послѣдовало 8-го декабря. Вскорѣ затѣмъ, 13-го декабря, кавалерская дума св. Георгія просила Государя возложить на себя знаки этого ордена перваго класса. Старшій кавалеръ, князь Прозоровскій, поднесъ докладъ, а канцлеръ, князь Куракинъ, орденскіе знаки. Императоръ благодарилъ думу и сказалъ, что первый классъ Военнаго Ордена — награда за распоряженія начальственныя, что онъ раздѣлялъ съ войсками опасность, но не командовалъ ими, а привелъ войско на помощь своего союзника, „который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ“. Въ доказательство же своего уваженія къ Военному Ордену, Александръ возложилъ на себя только знакъ 4-го класса.

Несчастный день аустерлицкаго сраженія не остался безъ послѣдствій для нѣкоторыхъ участниковъ его. *Графу Ланжерону* Императоръ Александръ дозволилъ просить увольненія отъ службы. Генералъ *Пржибышевскій*, взятый въ плѣнъ, былъ по возвращеніи въ Россію отданъ подъ судъ и разжалованъ въ солдаты. Та же участь постигла генерала *Лошакова*. Штабъ и оберъ-офицерамъ Новгородскаго мушкетерскаго полка Государь приказалъ носить шпаги безъ темляковъ, нижнимъ чинамъ тесаковъ не имѣть, и къ сроку службы ихъ прибавилъ по пяти лѣтъ. Имена офицеровъ и солдатъ, найденныхъ въ Вагенбургѣ, были обнародованы и, сверхъ того, они лишились нѣкоторыхъ служебныхъ правъ.

Кутузовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра первой степени и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ.

Современникъ пишетъ (*Записки Л. Н. Энгельгардта*. Москва. 1867, стр. 221): „Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ Государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію“.

И такъ, 1805 годъ принесъ Александру чувствительныя огорченія. Онъ, который мечталъ о политическихъ и военныхъ подвигахъ, при первомъ же выступленіи на арену великихъ европейскихъ событій отступился отъ явно покровительствуемаго имъ польскаго дѣла, которое вскорѣ перешло въ руки Наполеона, позволилъ Пруссіи обмануть себя, не добившись отъ нея никакихъ уступокъ и существенной помощи. Стремясь къ военной славѣ и жертвуя собою на полѣ сраженія, онъ, во

главѣ русской арміи, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ ея ужасающее пораженіе, покинулъ союзника, не сблизился съ противникомъ и добровольно устранилъ себя отъ новаго переустройства Европы.

Пребываніе Александра въ Пулавахъ вызвало, конечно, горькое разочарованіе среди лицъ, введенныхъ въ заблужденіе насчетъ истинныхъ намѣреній его; но тѣмъ не менѣе оно оставило по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Очарованіе, произведенное личностью Императора Александра, было такъ велико, что заставило позабыть политическія заблужденія и огорченія минуты, поддерживая надежду, что онъ когда-нибудь, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, обратится снова къ покинутому имъ дѣлу. Незначущій самъ по себѣ фактъ служилъ тому какъ бы подтвержденіемъ. Императоръ прислалъ изъ Петербурга пулавскимъ владѣльцамъ стеклянную плиту, предназначенную для помѣщенія въ сводѣ надъ храмомъ Сибиллы. Этотъ даръ долженъ былъ служить знакомъ, что, не смотря на измѣнчивость судьбы, монархъ остался неизмѣннымъ въ своей дружбѣ и желаетъ помѣстить въ храмѣ польскихъ воспоминаній свой даръ на вершинѣ, чтобы онъ свѣтилъ свыше лучемъ надежды.

По окончаніи первой войны съ Наполеономъ, заботы Императора Александра неизбѣжно обратились къ усиленію оборонительныхъ средствъ государства. Необходимо было немедленно принять мѣры для укомплектованія арміи, сильно разстроенной продолжительнымъ походомъ и появившимися затѣмъ заразительными болѣзнями; матеріальная часть также нуждалась въ неусыпныхъ попеченіяхъ. Распаденіе коалиціи, смерть Питта, сближеніе Пруссіи съ Франціею побудили Императора искать нѣкоторой почвы для установленія пріязненныхъ отношеній съ Наполеономъ. Съ этою цѣлью, подъ предлогомъ попеченія о нашихъ плѣнныхъ, отправленъ былъ въ Парижъ ст. сов. Убри для начатія переговоровъ о мирѣ. 8-го (20-го) іюня, Убри подписалъ мирный трактатъ. Но Императоръ Александръ не ратификовалъ договора, найдя его „противнымъ чести и обязанностямъ Россіи въ разсужденіи союзниковъ ея, безопасности государства и общему спокойствію Европы“. По этому поводу 3-го сентября 1806 года послѣдовалъ манифестъ, въ которомъ Александръ выражалъ увѣренность, что подданные его соединятъ усилія свои съ нимъ, „какъ скоро *безопасность Россіи*, гласъ славы и велѣнія наши призовутъ ихъ дѣйствовать на пользу общую“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду неудовольствій Фридриха-Вильгельма противъ Наполеона, началось снова сближеніе съ Пруссіею, не смотря на двусмысленное поведеніе ея въ 1805 году. Генералу Бенигсену повелѣно было находиться въ распоряженіи прусскаго короля. Въ отвѣтъ на эти дѣйствія Императора Александра, французскія газеты стали наполняться колкими статьями противъ Россіи и шутками надъ побѣжденными подъ Аустерлицомъ. Кромѣ того, со стороны Наполеона послѣдовалъ рядъ самовластныхъ распоряженій въ Италіи, Голландіи, Германіи, гдѣ образованъ рейнскій союзъ, протекторомъ котораго сдѣлался французскій императоръ. Новое кровопролитіе становилось неизбѣжнымъ.

Послѣ полнаго крушенія политическихъ плановъ князя Чарторижскаго и предстоящаго союза съ Пруссіею ради защиты ея интересовъ и безопасности, онъ не могъ продолжать руководство внѣшнею политикою Имперіи и потому предпочелъ сложить съ себя эту тяжелую отвѣтственность. 17-го іюня 1806 года генералъ-отъ-инфантеріи *баронъ Будбергъ* былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а 2-го іюля товарищемъ его *графъ А. Н. Салтыковъ*. Попечительство виленскаго учебнаго округа осталось за княземъ Чарторижскимъ. Пруссія, ослѣпленная воспоминаніями славы Фридриха Великаго, внезапно отказалась отъ многолѣтней миролюбивой политики и 19-го сентября (1-го октября) потребовала отъ Наполеона вывода французскихъ войскъ изъ Германіи. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, Наполеонъ отправился въ Бамбергъ и 24-го сентября (6-го октября) приказомъ по арміи объявилъ войну Пруссіи. Въ восемь дней армія, монархія, нѣмецкіе союзники ея—все было сокрушено неудачнымъ исходомъ одного сраженія. Причины этого явленія извѣстны: слабость короля, нерѣшительность въ совѣтахъ, разногласіе и зависть среди генераловъ, полное незнаніе французской системы веденія войны, непринятіе мѣръ на случай неудачи, отсутствіе общественнаго духа среди народонаселенія, а среди арміи—самомнѣніе, доведенное до безразсудства.

15-го (27-го) октября Наполеонъ торжественно вступилъ въ Берлинъ, и ежедневно получалъ ключи, безъ боя, постыдно сдававшихся ему прусскихъ крѣпостей по Везеру, Эльбѣ и Одеру. Королю и семейству его пришлось искать убѣжища въ восточныхъ окраинахъ государства.

Мнѣніе, высказанное Наполеономъ, послѣ аустерлицкаго сраженія, относительно русскихъ: „Ils en ont pour trente ans sans intervenir dans nos affaires", не оправдалось. Императоръ Александръ, съ свойственнымъ ему великодушіемъ, рѣшился выручить друга и союзника, хотя послѣ пораженія пруссаковъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, вмѣсто наступательной войны, приходилось помышлять о защитѣ границъ Россіи. 22-го октября (3-го ноября) Александръ писалъ королю: „Долгомъ считаю вновь торжественно подтвердить вашему величеству, что каковы бы ни были послѣдствія вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не откажусь отъ извѣстныхъ в. в. намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ в. в. въ качествѣ союзника и узами нѣжнѣйшей дружбы, для меня нѣтъ ни жертвъ, ни усилій, которыхъ я не совершилъ бы, чтобы доказать вамъ всю мою преданность дорогимъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня этими двумя именами... Соединимся тѣснѣе, нежели когда-либо, пребудемъ вѣрны началамъ чести и славы и предоставимъ остальное Промыслу, который не преминетъ положить предѣлъ успѣхамъ узурпаціи и тиранніи, даруя торжество *самому справедливому и прекрасному дѣлу* (en faisant triompher la plus juste et la plus belle des causes)".

16-го (28-го) ноября 1806 года Императоръ Александръ объявилъ о начатіи войны съ французами. Предвидя возможность вторженія непріятеля въ русскіе предѣлы, 30-го ноября послѣдовалъ манифестъ *о составленіи и образованіи повсемѣстныхъ временныхъ ополченій или милиціи* въ 612.000 ратниковъ. Всѣ сословія государства были вызваны къ пожертвованіямъ деньгами, хлѣбомъ, аммуничными вещами и особенно оружіемъ. Синодъ, съ своей стороны, предписалъ духовенству внушать прихожанамъ, что православная наша церковь, угрожаемая нашествіемъ непріятеля, призываетъ вѣрныхъ чадъ своихъ къ временному ополченію, что не исканіе тщетной славы, но безопасность предѣловъ государства, собственное личное благосостояніе каждаго влагаютъ имъ въ руки оружіе; Наполеонъ же обвинялся Синодомъ въ намѣреніи, съ помощью ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, іудеевъ, похитить священное имя Мессіи.

Перечитывая грозное объявленіе Синода, которое преподносили тогда въ храмахъ молящемуся народу на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія погибавшей Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшаго провозгласить себя Мессіей. Въ виду подобныхъ чудовищныхъ замысловъ, приписываемыхъ Наполеону, призывъ ополченія дѣлался вполнѣ понятнымъ народу; но зато, когда впослѣдствіи война закончилась дружественнымъ договоромъ съ Франціею, послѣдній неизбѣжно получилъ въ глазахъ народной массы окраску какъ бы посягательства на вѣру и возбудилъ общее къ себѣ несочувствіе. 22-го октября (3-го ноября) корпусъ генерала Бенигсена перешелъ границу у Гродно, въ составѣ около 60.000 человѣкъ при 276 орудіяхъ. Изъ Россіи поджидали подкрѣпленія: корпусъ графа Буксгевдена въ составѣ около 40.000 человѣкъ съ 216 орудіями прибылъ въ Остроленку 22-го ноября, а корпусъ генерала Эссена, въ составѣ около 22.000 человѣкъ съ 132 орудіями, подходилъ къ Бресту въ началѣ декабря. Прусскій король подчинилъ Бенигсену единственный уцѣлѣвшій остатокъ своей арміи, 14.000 корпусъ Лестока, съ 92 орудіями, и сказалъ, что предоставляетъ жребій Пруссіи Императору Александру. Такимъ образомъ, Россія была вовлечена въ новую войну съ Наполеономъ; но одного несчастія было мало: въ октябрѣ 1806 года открылась *семилѣтняя война съ Турціей* (1806—1812 гг.) и окончательно на рукахъ Императора Александра оказались двѣ войны, не считая войны съ Персіей, начавшейся еще въ 1804 году, вслѣдствіе утвержденія русскаго владычества въ Закавказьи.

Неожиданный и рѣшительный разгромъ Пруссіи вызвалъ необходимость увеличить число войскъ, назначенныхъ на помощь союзнику. Поэтому образованную подъ начальствомъ генерала *Михельсона* днѣстровскую армію, въ составѣ пяти дивизій (60.000 человѣкъ), пришлось убавить почти на половину. Двѣ дивизіи, составлявшія корпусъ Эссена, двинуты къ Бресту; съ оставшимися затѣмъ войсками генералу Михельсону повелѣно было, *избѣгая разрыва* съ Оттоманскою Портою, занять Бессарабію, Молдавію и Валахію, чтобы принудить султана къ исполненію нарушенныхъ имъ обязательствъ.

Теперь оставалось избрать достойнаго главнокомандующаго войскъ, двинутыхъ на помощь Пруссіи. Общественное мнѣніе указывало на 69-лѣтняго старца фельдмаршала *графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго*, какъ на спасителя отечества. Подражая Суворову, Каменскій старался быть оригинальнымъ, юродствовалъ и тѣмъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. „Полагаясь на мысли всего государства", Императоръ Александръ назначилъ Каменскаго главнокомандующимъ заграничною арміею, предоставивъ ему дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ по собственному усмотрѣнію. Въ это время Императрица Елисавета Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени дочерью (3-го ноября 1806 года), нареченною Елисаветой. Императрица тѣмъ не менѣе пожелала видѣть фельдмаршала передъ отъѣздомъ его въ армію; она съ чувствомъ говорила ему о защитѣ, о спасеніи горячо любимой имъ Россіи. По словамъ Каменскаго, ему казалось, что онъ слышитъ небесный голосъ, призывающій его на святое дѣло. 10-го ноября фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Петербурга и провелъ въ дорогѣ три недѣли до Вильны, по причинѣ разстроеннаго здоровья. Изъ Вильны онъ донесъ Государю: „Я лишился почти послѣдняго зрѣнія: ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу... Боль въ глазахъ и въ головѣ; неспособенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте мнѣ, если можно, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить съ нимъ въ арміи. Истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ". Подъѣзжая къ Пултуску 7-го (19-го декабря), графъ Каменскій, въ подражаніе Суворову, сѣлъ въ телѣжку и прискакалъ въ ней въ главную квартиру, но Государю продолжалъ писать въ прежнемъ духѣ: „Старъ я для арміи; ничего не вижу... земли не знаю... дерзаю испрашивать себѣ перемѣны. Подписываю не знаю что". Семь дней фельдмаршалъ предводительствовалъ войскомъ и запуталъ до неимовѣрности всѣ дѣла, едва не погубивъ при этомъ армію. Ночью на 14-е декабря графъ Каменскій послалъ за Бенигсеномъ; когда тотъ явился, было три часа пополуночи, онъ вручилъ ему письменное повелѣніе о „ретирадѣ въ наши границы" и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Остроленку, откуда въ донесеніи Государю писалъ: „Увольте старика въ деревню... таковыхъ, какъ я, въ Россіи тысячи". Графу Буксгевдену фельдмаршалъ приказалъ бросать на дорогѣ батарейную артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ, и заботиться единственно о спасеніи людей. Начальникамъ дивизій главнокомандующій прямо отъ себя предписывалъ имѣть „ретираду" на россійскія границы, „а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ, къ Вильнѣ и ниже по Нѣману... а вошедъ въ границу послѣ такого несчастія явиться къ старшему". На наше счастье, Наполеонъ не могъ знать царствовавшей въ арміи неурядицы и приписалъ сначала перепутанное отступленіе русскихъ войскъ и безсвязность нашихъ дѣйствій какому-либо задуманному маневру. Это опасеніе вызвало со стороны Наполеона промедленіе въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ, спасшее нашу армію отъ окончательнаго пораженія. Бенигсенъ рѣшился ослушаться приказанія главнокомандующаго идти обратно въ Россію и ожидать, напротивъ того, нападенія французовъ въ занятой имъ подъ Пултускомъ позиціи. 14-го (26 го) декабря здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ побѣда осталась на сторонѣ Бенигсена. Русскія войска ночевали на полѣ сраженія, и на другой день наши разъѣзды не встрѣтили непріятеля на разстояніи десяти верстъ. Одновременно съ боемъ подъ Пултускомъ, французы въ превосходныхъ силахъ атаковали князя Голицына въ Голыминѣ и принудили его къ вечеру отступить; это обстоятельство побудило Бенигсена съ разсвѣтомъ 15-го (27-го) де-

кабря отойти къ Остроленкѣ, но тѣмъ не менѣе, въ пышной реляціи, онъ донесъ Государю, будто противъ него сражался Наполеонъ съ цѣлою французскою арміею, имѣя подъ своимъ начальствомъ двухъ маршаловъ Даву и Ланна.

Императоръ Александръ получилъ почти одновременно извѣстіе о бѣгствѣ графа Каменскаго изъ ввѣренной ему арміи и о побѣдѣ, одержанной Бенигсеномъ подъ Пултускомъ. Снова пришлось рѣшить Государю замысловатый вопросъ, кому быть главнокомандующимъ. „Трудно описать затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь", писалъ Александръ дежурному генералу графу Петру Александровичу Толстому 3-го (15-го) января 1807 года. „Гдѣ у насъ тотъ человѣкъ, пользующійся общимъ довѣріемъ, который соединялъ бы военныя дарованія съ необходимою строгостью въ дѣлѣ командованія? Что касается до меня, то я его не знаю (Quel est donc chez nous cet homme jouissant de la confiance générale, qui réunisse les talents militaires à une sévérité indispensable dans le commandement? Quant à moi je ne le connais pas). Ужъ не Михельсонъ ли, Григорій Волконскій изъ Оренбурга, Сергѣй Голицынъ, Георгій Долгорукій, Прозоровскій, Мейендорфъ, Сухтеленъ, Кноррингъ, Татищевъ? Вотъ они всѣ и ни въ одномъ изъ нихъ я не вижу соединенія требуемыхъ качествъ". Александръ не называетъ въ этомъ письмѣ Кутузова, который находился въ немилости послѣ Аустерлица; но зато Государь вспомнилъ графа Палена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Un peut-être vaudrait un peu mieux que les autres, c'est *Pahlen*. Mais quelle confiance mettre en lui après toute sa conduite... je doute qu'un homme pareil fût propre à contenir l'ordre dans une armée". Выборъ Императора Александра остановился, по необходимости, на мнимомъ побѣдителѣ Наполеона подъ Пултускомъ—генералѣ Бенигсенѣ. Графъ Буксгевденъ уѣхалъ въ Ригу и съ удаленіемъ его въ арміи водворилось единство власти. 24-го декабря послѣдовалъ указъ объ увольненіи графа Каменскаго, который засталъ его въ Гроднѣ, гдѣ онъ продолжалъ еще запутывать дѣла. „Хотя и съ прискорбіемъ", сказано въ указѣ, „но не обинуясь долженъ я сказать вамъ, что таковой предосудительный поступокъ, если бы онъ сдѣланъ былъ кѣмъ-либо другимъ, надлежало бы предать строжайшему военному суду, коего неминуемымъ послѣдствіемъ было бы лишеніе живота".

Въ исходѣ 1806 года Императоръ Александръ испыталъ еще другое огорченіе. Осенью Государь отправилъ своего любимца генералъ-адъютанта князя П. П. Долгорукова въ армію генерала Михельсона; когда же начались политическія усложненія по поводу разгрома Пруссіи, Александръ приказалъ ему немедленно явиться въ Петербургъ, куда его вызывали для совѣщанія по поводу чрезвычайныхъ успѣховъ Наполеона. Долгоруковъ поскакалъ въ столицу на курьерской тележкѣ. На шестой день послѣ возвращенія князь Петръ Петровичъ скончался въ Зимнемъ дворцѣ въ день рожденія Государя, 12-го декабря 1806 года, на 29-мъ году отъ рожденія, Александръ отмѣнилъ во дворцѣ балъ; плакалъ неутѣшно, и въ теченіи трехъ дней не выходилъ на прогулку и не являлся на разводъ. Графъ Ланжеронъ по поводу смерти князя Долгорукова замѣчаетъ „sa mort fut un bienfait du ciel pour la Russie". Графъ Ланжеронъ признавалъ вообще князя Долгорукова крайне вреднымъ для государства человѣкомъ: „C'était un homme, un général, un sujet, un citoyen aussi dangereux à son pays qu'à la société. Il ne dissimulait pas son désir de régner despotiquement sous le nom de son maître".

Одновременно съ воинственнымъ характеромъ, принятымъ русскою политикою съ 1805 года, замѣчается также новый оттѣнокъ въ управленіи внутренними дѣлами Имперіи. Нечувствительно и, можетъ быть, незамѣтно для него самого, Александръ отдалялся отъ порядковъ, съ такимъ увлеченіемъ созданныхъ имъ самимъ въ началѣ царствованія. Такъ, напримѣръ, Александръ, вскорѣ по воцареніи торжественно уничтожилъ *тайную экспедицію* и въ рѣзкихъ выраженіяхъ заклеймилъ въ манифестѣ установившійся, по этой части, прежній порядокъ дѣлъ. Между тѣмъ въ 1805 г. уничтоженная экспедиція возродилась до нѣкоторой степени изъ пепла, подъ другимъ названіемъ, чѣмъ въ корнѣ подрывались всѣ стремленія Государя къ водворенію въ Имперіи законности. Передъ самымъ отъѣздомъ Императора Александра въ армію въ 1805 году, состоялось 5-го сентября Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи *Комитета* для совѣщанія по дѣламъ,

относящимся къ той части высшей полиціи, которая имѣетъ цѣлью своею «сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченія народнаго продовольствія". Онъ состоялъ изъ трехъ министровъ: военныхъ сухопутныхъ силъ и главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ—генерала Вязмитинова, юстиціи—князя Лопухина и внутреннихъ дѣлъ—графа Кочубея. Комитету дано было секретное наставленіе въ 11-ти пунктахъ. Въ 1807 году въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ новый и болѣе рѣшительный шагъ. 13-го января учрежденъ комитетъ охраненія общей безопасности, продолжавшій свое существованіе до 1829 года. „*Комитетъ 13-го января 1807 года*" закрѣпилъ внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою. Личный составъ комитета 13-го января, при самомъ учрежденіи его, состоялъ изъ министра юстиціи князя *Лопухина* и сенаторовъ *Макарова* и *Новосильцова*; въ случаѣ нужды въ комитетѣ должны были присутствовать: генералъ Вязмитиновъ и графъ Кочубей. Для характеристики дѣятельности комитета достаточно сказать, что самымъ дѣятельнымъ членомъ его являлся Александръ Семеновичъ *Макаровъ*, который когда-то былъ преемникомъ Шешковскаго по тайной экспедиціи.

27-го января (8 го февраля) 1807 года генералъ Бенигсенъ выигралъ кровопролитный бой при *Прейсиш-Эйлау*, стоившій намъ 26.000 человѣкъ убитыми и ранеными. „Ce n'était pas une bataille, mais un carnage" сказалъ впослѣдствіи Наполеонъ генералу Бенигсену. На этотъ разъ Бенигсенъ имѣлъ дѣло дѣйствительно съ самимъ Наполеономъ. Обѣ воевавшія стороны приписали себѣ побѣду подъ Эйлау; но въ 10 часовъ вечера главнокомандующій приказалъ арміи отступить къ Кенигсбергу, а потому Наполеонъ, простоявъ девять дней на полѣ сраженія, имѣлъ право назвать себя побѣдителемъ. Прогуливаясь въ 1809 году съ ротмистромъ Чернышевымъ въ Шенбрунскомъ саду и бесѣдуя съ нимъ о войнѣ 1807 года, Наполеонъ сказалъ: „Если я назвалъ себя побѣдителемъ подъ Эйлау, то потому только, что вамъ угодно было отступить". Обѣ арміи расположились на зимнихъ квартирахъ; французы продолжали осады Грауденца и Данцига. Императоръ Александръ, по полученіи извѣстія объ Эйлауской побѣдѣ, писалъ 8-го февраля генералу Бенигсену: „C'est à vous, mon général, qu'a été réservée la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore". Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго и 12.000 р. пенсіи. Въ томъ же письмѣ онъ спрашивалъ мнѣніе Бенигсена на счетъ времени, когда прибытіе Императора къ арміи окажется всего полезнѣе. 9-го марта Бенигсенъ просилъ Императора поспѣшить отъѣздомъ; 15-го марта Его Величество отвѣчалъ, что это извѣстіе причинило ему чувствительное удовольствіе. 16-го марта 1807 года Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ армію, черезъ Ригу и Митаву. Императора сопровождали оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и генералъ-адъютанты графъ Ливенъ и князь Волконскій. Еще ранѣе сдѣланы были распоряженія объ усиленіи арміи генерала Бенигсена. Выступленіе гвардіи въ походъ началось 13-го февраля; Цесаревичъ Константинъ Павловичъ послѣдовалъ за нею. 17-я и 18-я дивизіи получили приказаніе идти изъ Москвы и Калуги къ Нѣману. 18-го марта Александръ посѣтилъ въ Митавѣ Людовика XVIII и сказалъ королю, что „лучшимъ днемъ своей жизни сочтетъ тотъ, когда водворитъ его во Франціи." 20-го марта (1-го апрѣля) въ Полангенѣ Государь былъ встрѣченъ королемъ прусскимъ. На другой день оба монарха вмѣстѣ поѣхали въ Мемель. 23-го марта (4-го апрѣля) король и королева отправились съ Императоромъ въ Кидулленъ, близъ Юрбурга, на смотръ прибывшей изъ Петербурга гвардіи. Александръ вручилъ королю строевой рапортъ и лично представляя союзнику гвардію свою, обнялъ его и со слезами на глазахъ сказалъ: „Не правда-ли, никто изъ насъ не падетъ одинъ? или оба вмѣстѣ, или никто". Первымъ слѣдствіемъ свиданія Государя съ королемъ прусскимъ было назначеніе Гарденберга министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто генерала Цастрова, поборника мира съ Франціею. 5-го (17-го) апрѣля Императоръ Александръ прибылъ въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Бартенштейнѣ, и принялъ Бенигсена чрезвычайно милостиво. Вспоминая печальный опытъ Аустерлицкаго боя, онъ предоставилъ Бенигсену дѣйствовать по усмотрѣнію, и велѣлъ отдать по арміи слѣдую-

щій приказъ, собственноручно имъ написанный: „Побѣды подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау, одержанныя генераломъ Бенигсеномъ надъ непріятелемъ, оправдали и увеличили довѣренность, возложенную на искусство его. Прибытіе Е. И. В. къ храброй своей арміи, не вводитъ ни въ какомъ отношеніи ни малѣйшей перемѣны въ образѣ начальства, подъ которымъ общее благо Европы столь ощутительно начинаетъ уже возникать. Всѣ повелѣнія выходятъ по прежнему, отъ одного главнокомандующаго генерала Бенигсена, равно какъ и рапорты доставляются прямо къ нему". 14-го (26-го) апрѣля Императоръ Александръ заключилъ съ королемъ прусскимъ Бартенштейновскую конвенцію. Еще тѣснѣе сплотился союзъ съ Пруссіею, имѣвшій цѣлью предоставить человѣчеству блага всеобщаго и прочнаго мира, обезпеченнаго ручательствомъ всѣхъ державъ. Не побѣдивъ еще Наполеона, намѣревались соорудить незыблемое политическое зданіе, которое не могло бы разрушиться при первомъ покушеніи потрясти его. Съ этою цѣлью, для утвержденія независимости Германіи, предполагалось уничтожить Рейнскій союзъ, заставить Наполеона отвести войска за Рейнъ и основать въ Германіи новую конституціонную федерацію подъ покровительствомъ Австріи и Пруссіи. Въ случаѣ присоединенія Австріи и Англіи къ союзу, имъ обѣщано было территоріальное расширеніе. Россія за всѣ пожертвованія въ пользу общаго дѣла не выговаривала себѣ ничего; мало того, 12-ою статьею конвенціи выговаривались еще независимость и неприкосновенность Турціи. Высокія договаривавшіяся стороны высказывали, что онѣ не потерпятъ, чтобы ей нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ. Любопытно, что въ договоръ могла быть включена подобная статья, если принять въ соображеніе, что Россія съ 1806 года состояла въ войнѣ съ Оттоманской Портой. Александръ въ письмѣ къ Алопеусу въ Лондонъ (отъ 19-го апрѣля) сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку этого произведенія господствовавшей тогда дипломатической романтики: „L'histoire de nos jours n'offre malheureusement que peu d'exemples de pareilles transactions, dont le but n'est uniquement que le bien général sans aucune arrière-pensée de la part des puissances contractantes, et par conséquent sans articles secrets".

Къ счастью для Россіи, другія державы не нашли для себя возможнымъ присоединиться къ конвенціи 14-го апрѣля и вступить въ предлагаемый безкорыстный союзъ. Австрія признала условія бартенштейновской конвенціи столь неумѣренными, что полагала невозможнымъ добиться предположенной цѣли даже послѣ ряда самыхъ блистательныхъ военныхъ успѣховъ. Вообще въ Вѣнѣ, по традиціонному предубѣжденію, взирали крайне несочувственно на Пруссію и на затѣянную ею войну; однажды графъ Стадіонъ въ порывѣ откровенности высказалъ графу Разумовскому слѣдующее: „Tenez, voulez-vous que je vous dise ce qu'on pense ici. C'est que vous faites la guerre pour la Prusse". Не менѣе остроумно отнесся Каннингъ къ настоятельному приглашенію приступить къ конвенціи. Онъ признался, что ему извѣстенъ проектъ Гарденберга объ организаціи сѣверо-германскаго союза; главою этого союза долженъ быть король прусскій; по мнѣнію Каннинга, при такой организаціи Германіи, военное господство въ Европѣ перейдетъ къ Пруссіи и будетъ сходно съ деспотическою властью Наполеона надъ членами Рейнскаго союза, обративъ германскихъ князей въ вассаловъ прусскаго короля.

Осмотрѣвъ различныя части арміи, Императоръ Александръ уѣхалъ въ Тильзитъ. Въ это время въ арміи начали раздаваться вліятельные голоса въ пользу мира; къ нимъ принадлежалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Прибывъ въ Тильзитъ послѣ гейльсбергскаго сраженія, Цесаревичъ горячо убѣждалъ своего державнаго брата вступить въ переговоры съ Наполеономъ; между ними разыгралась бурная сцена. Императоръ остался непреклоннымъ въ рѣшеніи продолжать войну, приказалъ Цесаревичу возвратиться къ арміи и 2-го іюня выѣхалъ въ Юрбургъ на встрѣчу прибывшимъ изъ Россіи резервамъ. Въ этотъ же день, 2-го (14-го) іюня, произошло Фридландское сраженіе, послѣ котораго не подлежало уже сомнѣнію, на чьей сторонѣ находилась побѣда. Генералъ Бенигсенъ, величавшій себя побѣдителемъ непобѣдимаго (le vainqueur de l'invincible), былъ на этотъ разъ на голову разбитъ Наполеономъ. Результатомъ боя оказались: громадныя потери—до 15.000 человѣкъ, отступленіе русской арміи за Нѣманъ и

занятіе Кенигсберга французами. Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлался окончательно безземельнымъ королемъ; вся Пруссія, отъ Везера до Нѣмана, кромѣ Кольберга, Пиллау, Грауденца и Мемеля, находилась во власти Наполеона. 4-го іюня Императоръ Александръ производилъ въ Олитѣ смотръ пришедшей изъ Москвы 17-й дивизіи князя Лобанова-Ростовскаго, когда получено было извѣстіе о фридландскомъ пораженіи. Генералъ Бенигсенъ, въ заключеніе своего краткаго донесенія, повергалъ на благоусмотрѣніе Государя мнѣніе о необходимости завязать мирные переговоры съ непріятелемъ, чтобы выиграть хотя бы нѣкоторое время, нужное для вознагражденія потерь, понесенныхъ арміею. Александръ отправилъ къ Бенигсену князя *Лобанова-Ростовскаго*, которому поручилъ веденіе этихъ щекотливыхъ переговоровъ. „Vous devez sentir", писалъ онъ главнокомандующему, „tout ce qu'il m'en coûte de passer par ce parti".

Наполеонъ давно уже сознавалъ, что ему нужно пріобрѣсти для Франціи вѣрнаго континентальнаго союзника. Событія войны 1806 и 1807 годовъ еще болѣе убѣдили его въ необходимости прочнаго ссюза съ одною изъ европейскихъ великихъ державъ. „Необходимо", писалъ Наполеонъ Талейрану, „чтобы все это кончилось системою тѣснаго союза или съ Россіею, или съ Австріею". Вѣнскій кабинетъ не съумѣлъ воспользоваться благопріятной обстановкою и пока австрійскіе дипломаты колебались и не знали, къ какому берегу пристать, фридландское сраженіе опредѣлило дальнѣйшее направленіе французской политики; къ крайнему огорченію вѣнскаго кабинета, Наполеонъ протянулъ руку примиренія Россіи и на этотъ разъ не встрѣтилъ отказа со стороны Императора Александра. „Бываютъ обстоятельства", признался Государь князю Куракину, „среди которыхъ надобно думать преимущественно о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства".

10-го іюня состоялось въ Тильзитѣ первое свиданіе князя Лобанова съ Наполеономъ. Приблизившись къ столу, на которомъ лежала карта, императоръ сказалъ, указывая на Вислу: „вотъ граница обѣихъ имперій: съ одной стороны долженъ владычествовать вашъ Государь, съ другой я". Князь Лобановъ отвѣчалъ: „Государь мой твердо намѣренъ защищать владѣнія союзника своего, короля прусскаго". Наполеонъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ излагать князю Лобанову доводы въ пользу своихъ предположеній. Князь слушалъ его хладнокровно и напомнилъ о цѣли своего пріѣзда. Замѣтивъ, что краснорѣчіе его политической импровизаціи не встрѣчаетъ ожидаемаго сочувствія со стороны русскаго посланнаго, Наполеонъ обратился къ Бертье и приказалъ ему заняться окончательною редакціею перемирія. Тѣмъ не менѣе, во время обѣда Наполеонъ опять повторилъ, что *истинная и натуральная граница россійская должна быть рѣка Висла*. 11-го іюня князь Лобановъ отправился къ Императору Александру, находившемуся въ Таурогенѣ, съ актомъ перемирія. Государь встрѣтилъ князя съ распростертыми объятіями и благодарилъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Александръ уполномочилъ князя Лобанова вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ его, княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ (назначеннымъ посломъ въ Вѣну) приступить въ Тильзитѣ къ соглашенію о мирѣ и снабдилъ Лобанова слѣдующимъ собственноручнымъ наставленіемъ: „Засвидѣтельствуйте императору Наполеону искреннюю мою благодарность за все, переданное вами по его порученію, и увѣрьте его въ моихъ пожеланіяхъ, чтобы тѣсный союзъ (union étroite) между обоими нашими народами загладилъ прошедшія бѣдствія. Скажите ему, что этотъ союзъ Франціи съ Россіею постоянно былъ предметомъ моихъ желаній, и что, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ союзъ можетъ обезпечить счастіе и спокойствіе вселенной. Система совершенно новая должна замѣнить ту, которая донынѣ существовала, и я льщу себя надеждою, что мы съ императоромъ Наполеономъ легко придемъ къ соглашенію, если только войдемъ въ переговоры безъ посредствующихъ лицъ (sans intermédiaires). Прочный миръ можетъ быть заключенъ между нами въ нѣсколько дней".

Итакъ, переходъ Россіи къ новой политической системѣ былъ рѣшенъ въ умѣ Александра, обратившагося подъ гнетомъ обстоятельствъ къ болѣе жизненнымъ задачамъ. Ради самосохраненія, Россія вынуждена была уклониться отъ принятой на

себя съ 1799 года неестественной и неблагодарной роли спасительницы Европы и снова вступить на путь прежней національной политики, завѣщанной Имперіи славными преданіями Петра I и Екатерины II. Возвратившись въ Тильзитъ, князь Лобановъ увѣдомилъ Бертье объ утвержденіи перемирія Императоромъ Александромъ. Размѣнъ ратификацій Дюрокомъ имѣлъ мѣсто въ часъ пополуночи на 12-е іюня. Дюрокъ, въ разговорѣ съ Лобановымъ, спрашивалъ, не имѣетъ-ли онъ какихъ приказаній отъ своего Государя относительно будущихъ переговоровъ. „Взаимное объясненіе монарховъ", отвѣчалъ князь, „много можетъ облегчить ихъ и ускорить окончаніе". Заявленіе это доставило Дюроку видимое удовольствіе и онъ обѣщалъ передать его Наполеону. Еще ранѣе (въ полночь съ 7-го на 8-е іюня) во время свиданія Дюрока съ Бенигсеномъ, онъ увѣрилъ главнокомандующаго, что Наполеонъ искренно желаетъ сближенія съ Императоромъ Александромъ: „mais qu'il fallait s'entendre"; онъ нѣсколько разъ повторялъ это выраженіе, которое, по мнѣнію Бенигсена, содержало намекъ на свиданіе между обоими монархами. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ договаривавшіяся стороны стремились къ достиженію одной и той же цѣли.

Король прусскій получилъ извѣстіе о фридландскомъ сраженіи въ Мемелѣ; по приглашенію Императора Александра, онъ прибылъ 9-го іюня въ Шавли, но нашелъ уже всю бартенштейновскую систему измѣнившеюся какъ бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла. Ему оставался только одинъ исходъ— послѣдовать примѣру Государя и вступить съ Наполеономъ въ переговоры о перемиріи. Желая находиться ближе къ мѣсту переговоровъ, Александръ въ сопровожденіи короля прусскаго переѣхалъ въ Пиктупёненъ. Здѣсь 12-го іюня явился къ Государю Дюрокъ, чтобы поздравить Его Величество отъ имени императора Наполеона съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и предложить свиданіе. Александръ принялъ приглашеніе, послѣ чего условились съѣхаться на слѣдующій день 13-го (25-го) іюня на Нѣманѣ.

Послѣ Фридланда Императору Александру предстояло выбрать одно изъ двухъ рѣшеній: или заключить миръ съ Франціею, или продолжать единоборство съ Наполеономъ на русской территоріи. Неудивительно, что Александръ остановился на первомъ рѣшеніи, тѣмъ болѣе, что Россія среди борьбы, поднятой въ порывѣ великодушія за чуждое ей дѣло— спасеніе Европы, осталась въ самый критическій моментъ войны безъ союзниковъ. Пруссія перестала существовать и безземельному королю съ семействомъ предстояло искать убѣжища въ Россіи. Вѣнскій кабинетъ объявилъ, что австрійскія войска ранѣе 1809 года не могутъ быть поставлены на военную ногу. Что же касается Англіи, то она отнеслась ко всѣмъ предложеніямъ Россіи съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и отказала Императору Александру даже въ скромномъ займѣ въ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, который намѣревались сдѣлать при посредничествѣ великобританскаго правительства; приготовленія же къ высадкѣ на германскомъ прибрежьѣ для диверсіи въ тылу Наполеона кончились однѣми обѣщаніями. Императоръ Александръ въ слѣдующихъ словахъ сдѣлалъ оцѣнку событій, которыя привели его къ примиренію съ Франціею: „Руководствуясь постоянно неизмѣнными правилами справедливости, безкорыстія и непреложною заботливостью о сохраненіи моихъ союзниковъ, я ничѣмъ не пренебрегъ, по мѣрѣ силъ моихъ, для поддержанія и защиты ихъ. Независимо отъ дипломатическихъ сношеній, сдѣланныхъ съ этою цѣлью, по моему повелѣнію, я два раза вступалъ въ борьбу съ Франціею, и, конечно, не будутъ меня упрекать ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ въ преслѣдованіи какихъ-либо личныхъ выгодъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ уже столько вѣковъ основывалось спокойствіе Европы, я чувствовалъ, что обязанность и достоинство россійскаго Государя обязывали меня не оставаться праздным зрителемъ окончательнаго разрушенія. Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ. Но въ томъ положеніи, до котораго ошибками другихъ доведены были дѣла,—когда мнѣ одному пришлось бороться со всѣми силами Франціи, поддержанными огромными средствами, доставляемыми ей Германіею, Италіею, Голландіею и даже Испаніею; когда я былъ совершенно покинутъ союзниками, на кото-

рыхъ я имѣлъ поводъ всего болѣе разсчитывать; наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моей Имперіи подвергаются опасности отъ сцѣпленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыхъ мнѣ невозможно было тотчасъ отвратить, — я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, неоднократно сдѣланными мнѣ въ продолженіе сей войны императоромъ французовъ. Тогда и я, въ свою очередь, предложилъ перемиріе, за которымъ, въ скоромъ времени, послѣдовалъ окончательный миръ между Россіею и Франціею".

Наполеонъ пожелалъ по мѣрѣ силъ и средствъ придать свиданію съ своимъ могущественнымъ противникомъ возможную торжественность. Съ этою цѣлью построили посреди Нѣмана, противъ Тильзита, плотъ съ двумя павильонами, обтянутыми бѣлымъ полотномъ и украшенными вензелями обоихъ Императоровъ. Французская гвардія выстроилась въ нѣсколько линій, фронтомъ къ рѣкѣ. Тысячи тильзитскихъ жителей и французскихъ военныхъ покрывали высокій лѣвый берегъ Нѣмана. Около 11-ти часовъ утра 13-го (25-го) іюня Императоръ Александръ, король прусскій, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и лица свиты выѣхали изъ главной квартиры въ Амтъ-Бауленѣ и отправились къ берегу Нѣмана по тильзитскому тракту. Государь остановился въ раззоренной корчмѣ Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ и ожидалъ здѣсь прибытія Наполеона. Оба Императора вступили въ лодки въ одно время. Государя сопровождали: Цесаревичъ, Бенигсенъ, баронъ Будбергъ, графъ Ливенъ, Уваровъ и князь Лобановъ-Ростовскій. Съ Наполеономъ находились: Мюратъ, Бертье, Бесьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ. Причаливъ нѣсколько ранѣе Императора Александра къ плоту, Наполеонъ быстро взошелъ на него и поспѣшилъ на встрѣчу Государю. Соперники подали другъ другу руки, обнялись и молча вошли въ павильонъ, сопровождаемые радостными криками войскъ и свидѣтелей міроваго событія, примиренія Россіи съ Франціею. Король прусскій оставался на правомъ берегу Нѣмана. „Я ненавижу англичанъ не менѣе васъ", было первымъ словомъ Александра, „и готовъ васъ поддерживать во всемъ, что вы предпримите противъ нихъ" (Je hais les Anglais autant que vous les haïssez, et je serai votre second dans tout ce que vous ferez contre eux).—„Если такъ", отвѣтилъ Наполеонъ, „то все можетъ быть улажено, и миръ упроченъ." (En ce cas tout peut s'arranger et la paix est faite). Бесѣда обоихъ Императоровъ продолжалась часъ и пятьдесятъ минутъ. Наполеонъ предложилъ Александру переселиться, ради удобства переговоровъ, въ Тильзитъ, объявивъ городъ нейтральнымъ; это предложеніе было принято съ удовольствіемъ.

14-го (26-го) іюня Императоръ Александръ отправился для вторичнаго свиданія съ Наполеономъ на Нѣманѣ въ сопровожденіи короля прусскаго. Въ тотъ же день вечеромъ Государь переселился въ Тильзитъ и пробылъ здѣсь двѣ недѣли. Оба Императора были безпрестанно вмѣстѣ. Вечеромъ Наполеонъ приходилъ къ Государю, одинъ, безъ свиты, и тогда начинались историческія бесѣды двухъ Императоровъ, продолжавшіяся далеко за полночь, послѣдствіемъ которыхъ было совершенное видоизмѣненіе карты Европы.

Переговоры о мирѣ вели съ русской стороны князь А. Б. Куракинъ и князь Лобановъ-Ростовской, а со стороны Франціи Талейранъ; но главное участіе въ нихъ принадлежало самимъ Императорамъ. „Мы скорѣе придемъ къ соглашенію", сказалъ Наполеонъ своему новому другу, „если вступимъ въ непосредственные переговоры, отстранивъ министровъ, которые насъ нерѣдко обманываютъ или же не понимаютъ; мы вдвоемъ въ одинъ часъ болѣе подвинемъ дѣла, чѣмъ наши посредники по прошествіи нѣсколькихъ дней. Между вами и мною никого не должно быть. Я буду вашимъ секретаремъ и вы будете моимъ". Подобный взглядъ на дѣло вполнѣ соотвѣтствовалъ воззрѣніямъ, сложившимся до переѣзда въ Тильзитъ, въ умѣ Александра, писавшему, какъ уже выше упомянуто, князю Лобанову: „мы съ императоромъ Наполеономъ легко придемъ къ соглашенію, если только войдемъ въ переговоры безъ посредствующихъ лицъ".

Вотъ обстановка, при которой начались тильзитскіе переговоры, но при оцѣнкѣ ихъ не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ, при ясно намѣченной политической программѣ, имѣлъ за собой еще Талейрана; Александръ же былъ одинъ и не располагалъ подходящими совѣтниками въ столь неравномъ состязаніи съ своимъ геніальнымъ соперникомъ. По неопытности и

склонности къ мечтательному увлеченію, Александръ не позаботился о надлежащемъ формулированіи и внесеніи въ секретныя статьи договора всѣхъ тѣхъ обѣщаній и предположеній, которыя Наполеонъ расточалъ щедрою рукою въ бесѣдахъ передъ своимъ удивленнымъ слушателемъ. Поэтому, неудивительно, что словесныя соглашенія оказались въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ писаннымъ договоромъ; случалось даже, что живое слово тильзитскихъ бесѣдъ совершенно расходилось съ мертвой буквой трактата. Можно сказать, что ихъ нерѣдко раздѣляла цѣлая пропасть. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Наполеонъ руководствовался въ послѣдующихъ затѣмъ въ 1807 и 1808 годахъ переговорахъ исключительно статьями писаннаго договора, не придавая никакаго значенія прекраснымъ фразамъ, которыя онъ высказалъ въ Тильзитѣ (les belles phrases que j'ai débitées à Tilsit), или же предлагалъ ввести въ трактатъ новыя условія, не соотвѣтствовавшія политическимъ видамъ Императора Александра.

Для поправленія безнадежныхъ прусскихъ дѣлъ рѣшено было пригласить королеву Луизу въ Тильзитъ. 24-го іюня (6-го іюля) состоялся ея торжественный въѣздъ. Пруссаки надѣялись, что ужасное униженіе несчастной королевы тронетъ побѣдителя и побудитъ его смягчить предъявленныя имъ требованія. Наполеонъ не желалъ, однако, принять на себя роль великодушнаго побѣдителя и сказалъ оберъгофмаршалу, графу Толстому: „Je ne ferai pas pour les beaux yeux de la reine de Prusse, ce que je n'ai pu accorder à l'amitié de votre empereur". Не менѣе рѣзко и положительно Наполеонъ выразился по случаю навязаннаго ему свиданія, въ разговорѣ съ графомъ Гольцемъ: „Вашъ король всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему Императора Александра: безъ него династія короля лишилась бы престола, и я отдалъ бы Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ, король долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-либо оставляю въ его власти".

Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля), а ратификація трактата послѣдовала 27-го іюня (9-го іюля). Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ договоровъ: 1) Traité de paix et d'amitié (29 статей), 2) Articles séparés et secrets (7 статей), 3) Traité d'alliance offensive et défensive (9 статей). 27-го іюня (9-го іюля) былъ подписанъ также миръ Франціи съ Пруссіею, и кромѣ того заключена особая конвенція 30-го іюня (12-го іюля) въ Кёнигсбергѣ.

Сущность тильзитскаго договора, объявленнаго тогда во всеобщее свѣдѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Наполеонъ въ угоду Императору Всероссійскому (par égard) и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы возвращалъ Фридриху-Вильгельму часть завоеваннаго королества. Изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, составлено Великое герцогство Варшавское и отдано саксонскому королю. Данцигъ объявленъ вольнымъ городомъ. Бѣлостокская область присоединена къ Россіи. Императоръ Александръ признавалъ всѣ измѣненія, произведенныя Наполеономъ въ политическомъ строѣ Европы. Герцогамъ Кобургскому, Ольденбургскому и Мекленбургъ-Шверинскому возвращены ихъ владѣнія. Россія обязывалась заключить перемиріе съ Турціею и вывести войска свои изъ Молдавіи и Валахіи, которыхъ туркамъ не занимать до окончательнаго мира при посредничествѣ Франціи. Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Англіи съ Франціей. Императоры русскій и французскій взаимно поручились за цѣлость своихъ владѣній и державъ, упомянутыхъ въ трактатѣ.

По секретному союзному договору, оборонительному и наступательному: оба Императора обязывались воевать за одно на морѣ и на сушѣ, во всѣхъ войнахъ, которыя Россія или Франція вынуждена будетъ вести противъ какой-либо европейской державы. Если Англія не приметъ русскаго посредничества, то Россія будетъ дѣйствовать за одно съ Франціею противъ этой державы. Въ случаѣ отказа Англіи, союзники одновременно пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы — запереть англичанамъ свои гавани и отозвать изъ Лондона своихъ посланниковъ, а если которая-либо изъ этихъ трехъ державъ не согласится на сдѣланное предложеніе, то Россія и Франція поступятъ съ нею непріязненно. Въ случаѣ отказа со стороны Швеціи, заставить Да-

нію объявить ей войну. Если Оттоманская Порта не приметъ посредничества Франціи въ примиреніи съ Россіею, или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то Императоры Александръ и Наполеонъ войдутъ между собою въ соглашеніе относительно избавленія отъ ига и притѣсненій турокъ всей европейской Турціи, за исключеніемъ города Константинополя и Румелійской области. По отдѣльнымъ секретнымъ статьямъ Россія уступала Наполеону Каттаро и Іоническіе острова.

До тильзитскихъ переговоровъ Императоръ Александръ смотрѣлъ на Турцію, какъ на безопаснаго сосѣда, а потому и какъ на *наилучшаго*, порицая вмѣстѣ съ тѣмъ начинанія Екатерины II относительно Востока. Чарующая рѣчь Наполеона возбудила въ его слушателѣ сочувствіе къ политическому призванію Россіи на Востокѣ. „Надо покончить съ государствомъ, которое не можетъ болѣе существовать“ (Il faut en finir d'un Empire qui ne peut plus subsister), сказалъ Наполеонъ. Но въ трактатѣ онъ условнымъ образомъ допускалъ распространеніе русскаго владычества за Дунаемъ только до Балканъ; Константинополь онъ признавалъ невозможнымъ уступить Россіи: „Это значитъ господство надъ вселенной (C'est l'empire du monde). Между тѣмъ тильзитскіе уроки принесли свои плоды и превзошли даже произведеннымъ успѣхомъ ожиданія Наполеона. Александръ не замедлилъ опередить своего союзника по указанному имъ пути и въ умѣ его вскорѣ укоренилось сознаніе въ необходимости пріобрѣтенія для Россіи проливовъ или, какъ онъ впослѣдствіи не разъ выражался, *ключа своего дома*. Конечно, можно было пока довольствоваться границами, намѣченными для Балканскаго полуострова Наполеономъ; но и эта уступка была имъ весьма искусно поставлена въ зависимость отъ принятія турками условій перемирія. Когда же впослѣдствіи Александръ выказалъ намѣреніе руководствоваться въ восточныхъ дѣлахъ словесными обѣщаніями Наполеона, а не буквою трактата, то выгодныя стороны тильзитскаго договора по восточному вопросу сразу оказались воображаемыми. Впрочемъ, уже въ Тильзитѣ, Наполеонъ по поводу словесныхъ обѣщаній, не стѣсняясь, сказалъ однажды Александру, что въ его привычки входитъ не держать даннаго обѣщанія. „Иной разъ весьма полезно кое-что обѣщать“ прибавилъ онъ. При такомъ взглядѣ Наполеона на значеніе словесныхъ обѣщаній, объяснится многое въ послѣдующемъ постепенномъ охлажденіи дружескихъ чувствъ Александра къ своему геніальному сопернику.

Болѣе выгодными и существенными оказались уступки Наполеона относительно будущихъ отношеній Россіи къ Швеціи. Онъ обратилъ вниманіе Императора Александра на географическаго непріятеля (l'ennemi géographique), предвидя, что Густавъ IV, по свойственнымъ ему упрямству и ограниченной прямолинейности, не откажется отъ англійскаго союза. Въ виду неизбѣжной войны между Россіею и Швеціею, Наполеонъ предложилъ Александру овладѣть Финляндіею. „Петербургъ слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ“, сказалъ Наполеонъ, „русскія красавицы не должны слышать изъ дворцовъ своихъ громъ шведскихъ пушекъ“.

Остается сказать еще нѣсколько словъ относительно польскаго вопроса. Александръ отвергъ предложеніе Наполеона распространить границы своей Имперіи до Вислы; но затѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не высказался противъ образованія герцогства Варшавскаго; если бы послѣдовалъ въ этомъ смыслѣ рѣшительный протестъ, то Наполеону, дорожившему русской дружбой, пришлось бы уступить. Поэтому, зная взгляды, которыми руководствовался Александръ относительно Польши, можно даже предположить, что онъ способствовалъ этой своеобразной политической комбинаціи, Наполеонъ же съ радостью осуществилъ проектъ, не оспариваемый, а можетъ быть даже внушенный русскимъ Императоромъ,—проектъ, при содѣйствіи котораго созидался на Вислѣ удобный для Франціи базисъ для удержанія Россіи на пути тильзитскихъ соглашеній. При обсужденіи этого вопроса, нельзя забывать, что Императоръ, издавна лелѣя мысль о возстановленіи Польши, затруднялся только осуществленіемъ этого проекта, который требовалъ отторженія отъ Пруссіи доставшихся ей, по послѣднему раздѣлу, коренныхъ польскихъ областей. Совершить самолично ампутацію монархіи Фридриха Великаго представлялось для Александра столь щекотливымъ дѣ-

ломъ, что онъ отказался его исполнить въ 1805 году, не смотря на благопріятную политическую обстановку того времени. Но въ Тильзитѣ явился прекрасный способъ для разрѣшенія этого, близкаго его сердцу, вопроса: стоило рукою Наполеона отторгнуть отъ Пруссіи ея польскія области, создать хотя и скромное, но самостоятельное польское государство, предоставляя всемогущему времени сдѣлать остальное и создать благопріятную почву для исправленія исторической несправедливости, совершонной Екатериной II.

Послѣ торжественнаго размѣна ратификацій тильзитскаго договора 27-го іюня (9-го іюля), Наполеонъ и Александръ разстались; Государь обѣщалъ своему новому другу и союзнику посѣтить его въ Парижѣ. „La paix générale est à Pétersbourg", сказалъ Наполеонъ послѣ тильзитскаго свиданія, „les affaires du monde sont là".

4-го іюля Императоръ возвратился въ Петербургъ и остановился въ Таврическомъ дворцѣ. На другой день Государь присутствовалъ на молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ и вечеромъ городъ былъ илюминованъ. Милиція была распущена, кромѣ подвижной части ея, которая поступила на укомплектованіе арміи и зачтена вмѣсто рекрутъ. 9-го августа появился манифестъ, въ которомъ возвѣщалось прекращеніе войны съ Франціею: „благословенный миръ паки возстановленъ". Государь изъявилъ своему народу и войску благоволеніе. По поводу предложеннаго Наполеономъ расширенія предѣловъ Россіи, замѣненнаго только нѣкоторымъ исправленіемъ границъ, въ манифестѣ значилось слѣдующее: „Въ основаніяхъ сего мира всѣ предположенія къ распространенію нашихъ предѣловъ, а паче изъ достоянія нашего союзника, признали мы несогласными съ справедливостію и съ достоинствомъ Россіи. Въ ополченіи нашемъ не расширенія пространной нашей Имперіи мы искали, но желали возстановить нарушенное спокойствіе и отвратить опасность, угрожавшую державѣ, намъ сопредѣльной и союзной. Постановленіемъ настоящаго мира не только прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной грани".

Относительно Пруссіи, спасенной отъ окончательной гибели заступничествомъ Императора Александра, въ манифестѣ сказано: „Союзнику нашему возвращены многія страны и области, жребіемъ войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя". Чувство скромности, свойственное Государю, не позволило сказать болѣе. Но въ откровенной бесѣдѣ съ маіоромъ Шелеромъ, посланнымъ королемъ въ Петербургъ, Александръ признался, что онъ въ Тильзитѣ иной разъ ставилъ интересы Пруссіи на первый планъ. Наполеонъ, въ рѣчи законодательному корпусу, отъ 4-го (16-го) августа, выразился болѣе положительнымъ образомъ и, не скрывая истины, приписалъ сохраненіе династіи Фридриха-Вильгельма III единственно дружескимъ чувствамъ, внушеннымъ ему могущественнымъ Императоромъ Сѣвера. По поводу этого вопроса, князь А. Б. Куракинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившихся событій, писалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 18-го (30-го) іюня изъ Тильзита: „Государь отказался раздѣлить владѣнія побѣжденнаго и лишеннаго средствъ союзника. Отъ него единственно зависѣло присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ всѣ польскія провинціи Пруссіи и принять титулъ короля польскаго. Наполеонъ предлагалъ ихъ Государю, но онъ имѣлъ великодушіе не пожелать этого. Россія дѣлается ангеломъ-хранителемъ короля прусскаго, который въ Императорѣ находитъ себѣ спасителя и изъ его рукъ получаетъ снова большую часть своихъ владѣній, которыхъ онъ самъ не умѣлъ сберечь и защитить". Пруссаки и во главѣ ихъ Гарденбергъ негодовали, конечно, на Александра за его, какъ они выражались, недостойный образъ дѣйствій, приписывая свое униженіе предательству Россіи. Но король оказался прозорливѣе своихъ дипломатовъ; онъ настойчиво повторялъ недоброжелателямъ Россіи: „Nein, von Alexander lass ich nicht" (Нѣтъ, я не отстану отъ Александра). Дружескія чувства его нисколько не поколебались безпощадными условіями тильзитскаго договора и дальнѣйшія событія вполнѣ оправдали проницательность Фридриха-Вильгельма.

24-го августа Александръ встрѣтилъ на Петергофской дорогѣ гвардію, возвращавшуюся изъ похода. Съ какими чувствами отнеслось къ этому торжеству рус-

ское общество, можно судить по письмамъ современниковъ.

Въ тяжелыя минуты, послѣдовавшія послѣ фридландскаго пораженія, Императоръ Александръ не поколебался принести въ жертву своему долгу и Россіи личныя чувства и привязанности; примиреніемъ съ Наполеономъ онъ обезпечилъ отечество отъ непріятельскаго вторженія и пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ для Имперіи существенныя выгоды. Но то, что было ясно и осязательно для Государя, не могло быть усвоено въ той же мѣрѣ современниками этихъ происшествій: тильзитскій миръ не обрадовалъ Россію. Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ, не оскорбили народной чести; .....тильзитскій же миръ Россія признала для себя постыднымъ. Когда послѣдовалъ въ томъ же 1807 году разрывъ съ Англіею, который вызвалъ остановку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ цѣнности ассигнацій, то союзъ съ Франціею сдѣлался предметомъ единодушнаго осужденія всѣхъ сословій государства. Неудовольствіе поддерживалось и укрѣплялось также англійскими интригами и преобладающимъ вліяніемъ, которымъ пользовались въ высшемъ русскомъ обществѣ эмигранты и нѣмецкіе недоброжелатели Наполеона. „Вообще неудовольствіе противъ Императора болѣе и болѣе возрастаетъ“, доносилъ графъ Стеддингъ своему королю, „и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать“. Изъявленій всеобщаго неудовольствія не было возможности не только наказывать, но даже и удерживать, ибо, какъ выразился одинъ современникъ, „отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ“. Все это было вполнѣ извѣстно Александру, но не поколебало его въ принятомъ рѣшеніи и въ увѣренности, что онъ сдѣлалъ все для спасенія Россіи и будущаго ея величія. Генералу Савари, присланному Наполеономъ въ Петербургъ до назначенія посла, Государь сказалъ 11-го іюля, въ первой же аудіенціи: „Il a ma parole et je la tiendrai“. Относительно противниковъ тильзитскаго союза Александръ нѣсколько позднѣе выразился слѣдующимъ образомъ: „Qu'ils ne pensent pas me faire faiblir ou me deshonorer“. Стоитъ привести еще нѣкоторыя мысли, высказанныя по этому поводу Александромъ въ бесѣдахъ съ генераломъ Савари: „Je pousserai la Russie vers la France tant que je pourrai. Ne voyez pas l'opinion dans quelques misérables dont je ne me sers point et qui sont trop lâches pour entreprendre quelque chose. Il n'y a pas ici assez d'esprit ni de résolution pour cela. —Malheur à celui qui ne va pas droit.—Il faudra bien que l'on fléchisse.—J'aime mes parents beaucoup, mais je règne et je veux que l'on ait pour moi des égards“.

При дворѣ, главнымъ и самымъ вліятельнымъ врагомъ Наполеона была вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна. Она стояла во главѣ оппозиціи и, не стѣсняясь, осуждала новую политику Александра; подобный образъ дѣйствій возмущалъ кроткую Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая въ слѣдующихъ словахъ высказала негодованіе свое 29-го августа (11-го сентября) въ письмѣ къ матери: „L'Impératrice qui comme mère devait soutenir, défendre les intérêts de son fils, par inconséquence, par amour propre (et certes par aucune autre raison, car elle n'est pas capable de mauvaises intentions) a réussi à ressembler à un chef de fronde, tous les mécontents qui sont en grand nombre, se rallient autour d'elle, l'élévent aux nues et jamais elle n'a attiré autant de monde à Pavlovsky que cette année-ci. Je ne puis vous rendre à quel point cela m'indigne“.

Среди народа тильзитская дружба возбуждала также разнообразные толки. Церковныя увѣщанія и проповѣди, начавшіяся въ 1806 году, принесли свои плоды: они распространили и укрѣпили среди народа молву, что Наполеонъ антихристъ, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила. Когда въ Россіи узнали о свиданіи Императоровъ, въ народѣ ходила слѣдующая легенда. Зашла о свиданіи рѣчь у двухъ мужичковъ. „Какъ же это (говоритъ одинъ) нашъ батюшка, православный царь, могъ рѣшиться сойтись съ этимъ окаяннымъ, съ этимъ нехристемъ. Вѣдь это страшный грѣхъ!“—„Да, какъ же ты, братецъ (отвѣчаетъ другой), не разумѣешь и не смыкаешь дѣла? Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ пригото-

вить плотъ, чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя, царскія очи". Изъ всего вышесказаннаго видно, насколько тильзитская дружба поколебала народную привязанность къ обожаемому доселѣ Александру. По поводу этой измѣнчивости народныхъ чувствъ, Вигель справедливо замѣчаетъ: „И вотъ эпоха, въ которую нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему Государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды; въ чувство какого-то омерзѣнія. Я не хвалюсь великою мудростью; но въ этомъ увидѣлъ я жестокую несправедливость русскихъ. Мнѣ за нихъ стало стыдно: такъ презираемые ими черемисы и чуваши сѣкутъ своихъ боговъ, когда они не исполняютъ ихъ желаній. Все, что человѣкъ, не рожденный полководцемъ, можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ Императоръ Александръ. Что оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею новосформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ своего государства? Что бы сказали русскіе, если бы за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ тяжкомъ для его сердца примиреніи развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ и тутъ еще явиться покровителемъ короля? Такимъ-ли бѣдствіямъ, такимъ-ли униженіямъ подвергался императоръ Францъ II? Что дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили. Лѣтъ пятнадцать послѣ того, наказаніе Божіе едва не постигнуло насъ за неблагодарность нашу къ Александру: онъ былъ долготерпѣливъ и мстителенъ и все вспомянулъ во дни славы своей. Когда вмѣстѣ со счастіемъ возвратилось къ нему обожаніе подданныхъ, на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало. Онъ думалъ, что съ нимъ можно все себѣ дозволить. Народы иногда бываютъ такъ же подлы, какъ люди".

Насталъ періодъ царствованія Александра, когда все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда притворство сдѣлалось для него необходимостью.

Тильзитскій миръ прекратилъ окончательно всякую возможность возобновленія негласнаго комитета и навсегда лишилъ членовъ его всякаго значенія. Новосильцевъ былъ уволенъ за границу, графъ Кочубей замѣненъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ. Графъ Строгановъ предпочелъ мечъ перу и, получивъ еще въ кампаніи 1807 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника орденъ св. Георгія 3-го класса, произведенъ въ генералъ-маіоры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. 30-го августа 1807 года баронъ Будбергъ смѣненъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ. Князь Лобановъ-Ростовскій назначенъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Наконецъ, 13-го января 1808 года графъ Аракчеевъ назначенъ военнымъ министромъ вмѣсто Вязмитинова. Онъ потребовалъ устраненія генералъ-адъютанта графа Ливена отъ доклада по военнымъ дѣламъ, уничтоженія военно-походной канцеляріи и хотѣлъ господствовать надъ главнокомандующими дѣйствующихъ армій. Императоръ Александръ на все изъявилъ свое согласіе.

Но Александръ не вполнѣ еще разстался съ своими юношескими идеалами; онъ чувствовалъ необходимость въ полезныхъ сотрудникахъ. Поэтому онъ приблизилъ къ себѣ *Сперанскаго*, и удостоилъ его безпредѣльной довѣренности; 19-го ноября 1807 года, до отставки графа Кочубея, Сперанскій былъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ „съ оставленіемъ при прочихъ должностяхъ по званію статсъ-секретаря". Современникъ замѣчаетъ: „благоразумный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона, изъ англичанина сдѣлался французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ Царю".

Союзъ съ Франціею, независимо отъ перемѣны въ личномъ составѣ ближайшихъ сотрудниковъ Александра, отразился на измѣненіи воинскихъ уставовъ, а также

на обмундированіи, обученіи и организаціи русскихъ войскъ. Назначивъ графа Румянцова управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, какъ сторонника французскаго союза, Александръ позаботился избрать для Парижа достойнаго представителя Россіи. Выборъ Государя остановился на генералѣ *графѣ Петрѣ Александровичѣ Толстомъ*. „Мнѣ вовсе не нуженъ дипломатъ", писалъ ему Александръ, „а храбрый и честный воинъ, и эти качества принадлежатъ вамъ". 17-го (29-го) сентября 1807 года, графъ Толстой, снабженный инструкціею Императора Александра, выѣхалъ изъ Петербурга и 20-го октября (1-го ноября) прибылъ въ Парижъ. 25-го октября (6-го ноября) послѣдовалъ торжественный пріемъ посла въ Фонтенебло, причемъ Наполеонъ сказалъ, что тѣ двадцать дней, которые провелъ съ Государемъ въ Тильзитѣ, онъ считаетъ лучшими въ своей жизни и что питаетъ величайшее уваженіе къ русскому народу.

Послѣ Фридланда, Императоръ Александръ, недовольный распоряженіями генерала Бенигсена, призвалъ въ Тильзитъ, отставленнаго въ 1806 году, соперника его графа Буксгевдена; ему была поручена армія на другой день послѣ заключенія мира, для приведенія растроенныхъ частей ея въ порядокъ. Чиновники провіантскаго и коммисаріатскаго вѣдомствъ были лишены права носить общій армейскій мундиръ; Государь поставилъ имъ въ вину, что большая ихъ часть, имѣя въ виду обогащеніе свое, возвышали цѣны на всѣ припасы, а между тѣмъ войска терпѣли во всемъ нужду, и *важныя предпріятія были тѣмъ останавливаемы ко вреду государства* (подлинныя слова именнаго указа). Главная квартира графа Буксгевдена находилась въ Витебскѣ. Осенью 1807 года Государь пожелалъ осмотрѣть ввѣренныя ему войска, которымъ предстояло готовиться къ новымъ подвигамъ на дальнемъ Сѣверѣ. Александръ выѣхалъ изъ Петербурга 29-го сентября и возвратился въ столицу 10-го октября. Путешествіе это замѣчательно еще тѣмъ, что Государь взялъ съ собою Сперанскаго, что, естественно, повело къ еще большему сближенію и упрочило его возраставшее значеніе.

Посредничество Россіи для примиренія Англіи съ Франціею не привело къ цѣли. Въ отвѣтъ на тильзитскій миръ, англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ, увелъ датскіе корабли и истребилъ верфи и арсеналы. Слѣдствіемъ этого нападенія была декларація Россіи противъ Англіи, 25-го октября (6-го ноября) 1807 года, сопровождавшаяся разрывомъ торговыхъ связей и потерею средиземной эскадры Сенявина, возвратившейся въ отечество.

На Балканскомъ полуостровѣ дѣла находились въ слѣдующемъ положеніи. Тильзитскій миръ засталъ армію генерала Михельсона въ Молдавіи и Валахіи; крѣпости Хотинъ и Бендеры были заняты, но Измаилъ не удалось захватить. Турки продолжали также владѣть на лѣвомъ берегу Дуная Журжею и Браиловымъ. Оттоманская Порта объявила Россіи войну только 18-го (30-го) декабря 1806 года. Попытка турокъ овладѣть Бухарестомъ не увѣнчалась успѣхомъ; Милорадовичъ разбилъ ихъ въ Обилешти и заставилъ отказаться отъ замышляемаго покушенія. На морѣ дѣйствія эскадры Сенявина были не менѣе благопріятны. Онъ овладѣлъ островомъ Тенедосомъ у входа въ Дарданеллы и разбилъ турецкій флотъ при Авонской горѣ. Сербы возстали подъ предводительствомъ Георгія Чернаго. Затѣмъ военныя дѣйствія прекратились. Руководствуясь постановленіями тильзитскаго трактата, 12-го (24-го) августа 1807 года подписано перемиріе. Но во время переговоровъ, 5-го (17-го) августа, скончался генералъ Михельсонъ; старшій по немъ генералъ Мейендорфъ утвердилъ перемиріе и немедленно приступилъ къ очищенію княжествъ. Хотя туркамъ, согласно перемирію, воспрещенъ былъ доступъ на лѣвый берегъ Дуная, но они вступили въ Валахію, заняли Галацъ и стали грабить жителей. Между тѣмъ Императоръ Александръ, узнавъ о смерти Михельсона, назначилъ главнокомандующимъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, придавъ ему помощникомъ, по собственной его просьбѣ, Кутузова. Вслѣдъ затѣмъ, Государь, узнавъ о ратификаціи Мейендорфомъ условій перемирія, отвергъ его, какъ несовмѣстнаго съ достоинствомъ Россіи и приказалъ пріостановить выступленіе войскъ изъ княжествъ до прибытія князя Прозоровскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начались переговоры съ Франціею о присоединеніи

къ Россіи княжествъ, Молдавіи и Валахіи; этими пріобрѣтеніями желали оправдать предъ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ союзъ, заключенный съ Наполеономъ.

Въ отвѣтъ на эти требованія русскаго правительства, Наполеонъ прикрылся условіями тильзитскаго договора и, въ свою очередь, за уступку въ смыслѣ желаній Императора Александра потребовалъ вознагражденія на счетъ Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ признавалъ за собою право не выводить своихъ войскъ изъ Пруссіи, пока русскіе не очистятъ княжествъ. Въ это время въ Петербургъ прибылъ, 5-го (17-го) декабря, 1807 года французскій посолъ *Коленкуръ*. Во время первой же бесѣды его съ Императоромъ Александромъ, 9-го (21-го) декабря, затронутъ былъ вопросъ о княжествахъ. Государь сообщилъ ему, что предложенія Наполеона, переданныя графомъ Толстымъ, огорчили его. „Никогда,—продолжалъ Александръ,—не было и рѣчи о предназначеніи Пруссіи служить вознагражденіемъ за турецкія дѣла. Императоръ Наполеонъ первый заговорилъ о Валахіи и Молдавіи, точно также какъ и о другой части Турціи. Онъ самъ назначилъ себѣ свою долю и считалъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всякихъ обязательствъ низложеніемъ султана Селима. Навѣрное не было сказано ни одного слова, которое могло бы заставить предположить, что бѣдная Пруссія должна явиться эквивалентомъ въ сдѣлкѣ, вызываемой скорѣе анархіей и революціей въ провинціяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чѣмъ выгодами Россіи. Генералъ Савари могъ передать вамъ, какъ не хотѣлось мнѣ подобнаго соглашенія; я не могу согласиться быть фактическимъ участникомъ въ раздѣлѣ жалкихъ остатковъ владѣній несчастнаго государя, возстановленнаго на своемъ престолѣ, какъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ самъ императоръ передъ лицомъ всей Европы и Франціи, единственно изъ уваженія ко мнѣ. И по закону чести, онъ не можетъ перестать быть моимъ союзникомъ, пока не будетъ введенъ во владѣніе всѣмъ тѣмъ, что возвращаетъ ему миръ... Затѣмъ уже пусть будетъ то, что угодно Господу Богу. Я нисколько не сомнѣваюсь въ намѣреніяхъ императора, но въ данномъ случаѣ требуется что либо такое, что показало бы народу и арміи, что нашъ союзъ не заключенъ исключительно въ вашу пользу. Въ вашихъ же интересахъ сдѣлать его народнымъ (il est de votre intérêt de la nationaliser). Я говорю съ вами откровенно, что это будетъ даже услугою, оказанною мнѣ лично. Императоръ, судя по тому, что онъ говорилъ мнѣ въ Тильзитѣ, вовсе не такого мнѣнія о туркахъ, чтобы оно побуждало его поддерживать ихъ. Онъ же самъ назначилъ нашу долю и свою собственную; вмѣстѣ съ тѣмъ предположено дать что-нибудь Австріи, скорѣе для удовлетворенія ея самолюбія, чѣмъ честолюбія, — вотъ каковы были его намѣренія. Онѣ не могли измѣниться, такъ какъ съ тѣхъ поръ я предупреждалъ постоянно всѣ могущія появиться у него желанія... Турки первые нарушили перемиріе. Если бы я не былъ чистосердеченъ въ отношеніи къ императору, то я могъ бы воспользоваться этимъ предлогомъ для разрыва съ ними, нисколько не посягая тѣмъ на тильзитскій договоръ».

Послѣ этой бесѣды съ Коленкуромъ, переговоры по поводу княжествъ не прекращались въ Петербургѣ; они постепенно расширились и перешли наконецъ въ обсужденіе фантастическаго проекта раздѣла Оттоманской Имперіи. Въ это время графъ Толстой оставался не только совершенно въ сторонѣ, но и въ полномъ невѣдѣніи относительно происходившихъ въ Петербургѣ переговоровъ, и къ довершенію ненормальнаго положенія дѣла долженъ былъ съ своей стороны, согласно тильзитскому договору, вести мирные переговоры съ турецкимъ представителемъ въ Парижѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти словопренія въ Петербургѣ и въ Парижѣ кончились ничѣмъ. Но они сопровождались нѣкоторымъ вредомъ для Россіи; Наполеонъ, пользуясь правомъ посредничества между Россіею и Турціею, предоставленнаго ему договоромъ, задерживалъ начало рѣшительныхъ дѣйствій противъ Оттоманской имперіи и препятствовалъ также своими внушеніями мирной развязкѣ нашей восточной политики.

Не менѣе заботъ причинялъ Императору Александру своеобразный образъ дѣйствій графа Толстаго. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, графъ началъ въ своихъ депешахъ высказывать полное недовѣріе къ дружбѣ Наполеона; не сочувствуя новой политической системѣ, установлен-

ной въ Тильзитѣ, онъ усматривалъ въ этой системѣ гибель Россіи и, предвѣщая неизбѣжность новой войны съ Франціею, совѣтовалъ заключить союзъ съ Австріею и организовать ополченіе въ Россіи. Кромѣ того, графъ Толстой просилъ отозвать его съ занимаемаго мѣста, сознавая, какъ онъ писалъ графу Румянцеву, съ каждымъ днемъ все болѣе недостаточность своихъ способностей для поприща, которое заставили его избрать. Такимъ образомъ, графъ Толстой началъ преслѣдовать политическія цѣли, не согласныя съ ясно выраженною волею Государя, желавшаго имѣть главнымъ союзникомъ Наполеона, причемъ никакая параллельная дружба (amitié collatérale) не должна была вредить дружбѣ его съ Франціею. Упорствуя тѣмъ не менѣе въ принятомъ разъ направленіи и отстраненный отъ всѣхъ важныхъ переговоровъ, графъ Толстой поставилъ себя при дворѣ Наполеона въ двусмысленное положеніе.

Бо́льшимъ успѣхомъ, сравнительно съ прочими начинаніями, сопровождались дѣйствія наши противъ Швеціи. Густавъ IV отвергъ предложеніе вступить въ союзъ съ Россіею противъ Англіи и возвратилъ Императору Александру знаки ордена св. Андрея, написавъ, что онъ не можетъ носить одинъ орденъ съ Бонапартомъ. 9-го (26-го) февраля, 1808 года русскія войска въ составѣ 24.000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, перешли шведскую границу и въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ заняли почти всю Финляндію. 22-го апрѣля сдался Свеаборгъ. Но уже ранѣе, а именно 22-го марта послѣдовалъ манифестъ, по которому шведская Финляндія присоединена навсегда къ Россійской Имперіи, а обыватели ея приняли присягу на подданство.

Однако, шведы, оправившись отъ внезапнаго натиска, сосредоточили свои силы, и, пользуясь разбросаннымъ положеніемъ русскихъ войскъ, перешли въ наступленіе; появились партизаны и народная война, при содѣйствіи пересѣченной мѣстности, быстро развилась. Успѣшныя дѣйствія графа Н. М. Каменскаго остановили успѣхи шведскаго оружія и походъ 1808 года окончился конвенціею, заключенною 7-го (19-го) ноября въ Ольківки. Финляндія на этотъ разъ была уже окончательно завоевана по рѣку Кеми, составлявшую въ то время границу ея съ Швеціею. Въ декабрѣ графъ Буксгевденъ получилъ прошеное имъ увольненіе и замѣненъ генераломъ Кнорринговъ.

Враждебное настроеніе, съ которымъ въ Россіи относились къ союзу съ Наполеономъ, привело къ странному явленію: наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ враговъ имперіи, была всѣми русскими громко осуждаема и успѣхи нашихъ войскъ почитаемы безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда, и къ тому же близкаго родственника, (королева Фридерика была родной сестрой Императрицы Елисаветы Алексѣевны), во исполненіе какъ будто не собственной, а чужой воли, исходящей отъ ненавистнаго завоевателя.

Пока Наполеонъ занималъ Императора Александра фантастическими проектами о раздѣлѣ Оттоманской имперіи и походѣ въ Индію, онъ вторгнулся въ Португалію, занялъ Испанію и принудилъ испанскихъ Бурбоновъ уступить ему въ Байонѣ свои державныя права. Затѣмъ декретомъ Наполеона отъ 3-го (15-го) іюля 1808 года, братъ его, неаполитанскій король Іосифъ, назначенъ испанскимъ королемъ, а Мюратъ королемъ неаполитанскимъ. Россія признала эти перемѣны.

Но Испанія поголовно возстала и нашла себѣ поддержку въ Англіи. Генералъ Дюпонъ подписалъ Байленскую капитуляцію, король Іосифъ покинулъ Мадридъ, и Австрія, пользуясь обстоятельствами, начала открыто готовиться къ новой борьбѣ съ Франціею. Чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Испаніи, Наполеону пришлось искать поддержки Россіи и установить съ нею новое соглашеніе. Для достиженія этой цѣли новое свиданіе съ Императоромъ Александромъ сдѣлалось настоятельно необходимымъ. Въ эту пору тильзитская дружба была уже сильно поколеблена дружными стараніями враговъ французско-русскаго союза и ошибками самого Наполеона, старавшагося эксплуатировать русскую дружбу, безъ предоставленія Императору Александру всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя были ему обѣщаны въ Тильзитѣ.

Переговоры о предположенномъ свиданіи велись при посредствѣ Коленкура, помимо графа Толстаго, который въ новомъ соглашеніи съ Наполеономъ видѣлъ только гибель Россіи (le complément de nos mal-

heurs, la perte de la Russie). Сначала Александръ поставилъ условіемъ свиданія принятіе со стороны Наполеона восточныхъ проектовъ, разработанныхъ въ Петербургѣ, но кончилось тѣмъ, что Государь согласился на свиданіе безъ предварительныхъ условій (l'entrevue sans condition). Мѣстомъ свиданія былъ избранъ *Эрфуртъ*.

2-го (14-го) сентября 1808 года Императоръ Александръ отправился изъ Петербурга за границу для своего втораго и послѣдняго свиданія съ Наполеономъ. Государя сопровождали во время этой поѣздки: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Румянцовъ, генералъ-адъютанты: князь Волконскій, князь Гагаринъ, графъ Шуваловъ, графъ Ожаровскій, статсъ-секретари: князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода) и Сперанскій, а также французскій посолъ Коленкуръ.

Императрица Марія Ѳеодоровна смотрѣла на предстоящее Государю свиданіе съ безпокойствомъ и не скрывала своихъ опасеній за благополучный исходъ путешествія; не только ей, но и многимъ другимъ казалось возможнымъ повтореніе недавнихъ байонскихъ событій. Начало поѣздки было невеселое; Александру пришлось остановиться въ Кенигсбергѣ и выслушать прусскія жалобы. Штейнъ возбудилъ опасенія Императора относительно ненасытнаго честолюбія Наполеона и вселилъ чувства состраданія къ несчастной Пруссіи. „Повѣрьте, я сдѣлаю все, что окажется въ моихъ силахъ", сказалъ Александръ. Переправившись черезъ Вислу, Государь встрѣтился уже съ французскими войсками; въ Фридбергѣ его привѣтствовалъ, 10-го (22-го) сентября, маршалъ Ланнъ, который писалъ Наполеону послѣ встрѣчи съ Александромъ: „Il n'y a pas de choses agréables qu'il ne m'ait dites pour Votre Majesté. Il m'a répété souvent et de coeur: j'aime beaucoup l'Empereur Napoléon et je lui en donnerai des preuves dans toutes les occasions". Государь, не останавливаясь, проѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ онъ провелъ два дня у великой княгини Маріи Павловны.

15-го (27-го) сентября Александръ направился въ Эрфуртъ; на дорогѣ его встрѣтилъ Наполеонъ, выѣхавшій на встрѣчу своему союзнику, окруженный блестящей свитой. Усмотрѣвъ экипажъ Государя, Наполеонъ поскакалъ галопомъ, сошелъ съ коня и обнялъ вышедшаго изъ коляски Александра. Затѣмъ Императоры верхомъ въѣхали въ Эрфуртъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ.

Наполеонъ обставилъ свиданіе всевозможною торжественностью; нѣмецкимъ королямъ, герцогамъ и принцамъ разрѣшено было прибыть въ Эрфуртъ.

Императоръ Францъ прислалъ для привѣтствія Наполеона генерала Винцента. Графу Меттерниху, сильно домогавшемуся приглашенія въ Эрфуртъ, было въ этомъ отказано.

Бесѣды двухъ Императоровъ снова возобновились, по примѣру 1807 года, но вскорѣ Наполеонъ имѣлъ случай убѣдиться, что передъ нимъ уже находится не неопытный и восторженный слушатель Тильзита. Въ мысляхъ Александра недовѣріе къ Наполеону успѣло пустить глубокіе корни. Чувствуя неизбѣжность войны съ Австріею, Наполеонъ находилъ, что единственное средство для обезпеченія мира заключается въ совмѣстномъ, рѣшительномъ воздѣйствіи Россіи и Франціи на вѣнскій кабинетъ, доведенномъ до требованія немедленнаго разоруженія. Александръ отказывался отъ угрозъ и полагалъ, что дружеское и успокоительное увѣщаніе скорѣе приведетъ къ желаемой цѣли—сохраненію мира. Обмѣнъ мыслей по этому вопросу кончился тѣмъ, что Наполеонъ бросилъ на полъ свою шляпу и началъ топтать ее ногами. Александръ улыбнулся и сказалъ: „Vous êtes violent; moi, je suis entêté; avec moi la colère ne gagne donc rien. Causons, raisonnons, ou je pars", и затѣмъ направился къ двери. Наполеонъ долженъ былъ удержать его и, успокоившись, продолжалъ бесѣду въ умѣренномъ духѣ.

Роли перемѣнились, когда Александръ началъ настаивать на полномъ очищеніи французами Пруссіи, требуя эту уступку, какъ залогъ умѣренности Наполеона по отношенію къ Россіи и Европѣ. Собесѣдникъ Государя, въ свою очередь, остался непреклоннымъ. „И это мой другъ, мой союзникъ,—отвѣтилъ Наполеонъ,—который предлагаетъ мнѣ отказаться отъ позиціи, откуда я могу угрожать Австріи съ фланга, въ случаѣ нападенія съ ея стороны, когда мои силы будутъ находиться на югѣ Европы. Впрочемъ, если вы рѣшительно тре-

буете эвакуаціи, я согласенъ, но тогда я вмѣсто того, чтобы идти въ Испанію, сейчасъ же покончу свой споръ съ Австріею.— „L'Europe me traitera bientôt en petit garçon"—присовокупилъ еще Наполеонъ. Немедленная война съ Австріею менѣе всего соотвѣтствовала желаніямъ Александра, и онъ поспѣшилъ отказаться отъ своего требованія.

Александръ явился въ Эрфуртъ уже съ убѣжденіемъ, что нарушенію мира угрожаютъ не австрійскія вооруженія, но скрытые замыслы Наполеона; стараніями *Талейрана*, этотъ взглядъ получилъ должное направленіе и окончательно окрѣпъ. Тотчасъ послѣ прибытія Государя, Талейранъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Sire, que venez-vous faire ici! C'est à vous de sauver l'Europe et vous n'y parviendrez qu'en tenant tête à Napoléon. Le peuple français est civilisé, son souverain ne l'est pas; le souverain de la Russie est civilisé, et son peuple ne l'est pas: c'est donc au souverain de la Russie d'être l'allié du peuple français".

Разладъ, начинавшійся между Александромъ и Наполеономъ, оставался, однако, для всѣхъ тайною; внѣшнія проявленія дружбы союзныхъ императоровъ не оставляли желать ничего лучшаго. Одинъ изъ свидѣтелей свиданія пишетъ, что онъ въ первый разъ въ жизни видѣлъ Наполеона, употреблявшимъ всѣ усилія, чтобы понравиться. Изрѣдка только случалось, что Наполеонъ уклонялся отъ намѣченной себѣ роли.

Во время свиданія, французскіе полки безпрерывно проходили черезъ Эрфуртъ, и Наполеонъ производилъ имъ смотры въ окрестностяхъ города, сопровождаемый при этомъ Государемъ. Это были войска, которыхъ Императоръ не видѣлъ съ тильзитскаго мира. Однажды, выѣхавъ въ поле, Наполеонъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ вдоль фронта войскъ, не заботясь нисколько объ Императорѣ, который долженъ былъ слѣдовать сзади, какъ адъютантъ. Послѣ этого Наполеонъ крикнулъ: „Les braves en avant". Нѣсколько офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ вышли впередъ и образовали большой полукругъ. Наполеонъ сошелъ съ лошади и пригласилъ Императора и Цесаревича Константина Павловича стать по правой сторонѣ, имѣя съ лѣвой Бертье съ записной книжкой въ рукахъ. Открытый еще съ одной стороны полукругъ сомкнулся присутствующими принцами и свитой. Полковой командиръ вызывалъ по очереди каждаго по имени и представлялъ его Наполеону, который спрашивалъ: гдѣ и когда онъ отличился? Осматриваемый полкъ содѣйствовалъ подъ Фридландомъ къ рѣшенію побѣды и всѣ раздаваемыя награды были какъ разъ назначаемы за это сраженіе. Одинъ убилъ собственноручно столько-то русскихъ и столько-то человѣкъ взялъ въ плѣнъ, другой овладѣлъ знаменемъ, третій захватилъ орудія, четвертый вогналъ русскій батальонъ въ воду, гдѣ онъ потонулъ... Наполеонъ выслушивалъ все со вниманіемъ и рѣшалъ затѣмъ, что слѣдовало записать Бертье, производство или крестъ почетнаго легіона; каждому представлявшемуся Наполеонъ снова предлагалъ тѣ же вопросы, такъ что присутствовавшимъ казалось, будто онъ съ намѣреніемъ хотѣлъ причинить огорченіе Императору Александру и подвергнуть его нравственной пыткѣ. Взоры всѣхъ обратились къ Императору, который съ полнымъ спокойствіемъ стоялъ возлѣ Наполеона и оставался въ такомъ положеніи, пока послѣдній изъ имѣвшихъ получить награду не окончилъ своего разсказа. Цесаревичъ удалился изъ кружка и осматривалъ выѣхавшую батарею.

Въ отвѣтъ на эти неумѣстныя выходки *„нецивилизованнаго"*, по выраженію Талейрана, повелителя Франціи, Александръ расточалъ утонченныя изъявленія своихъ дружескихъ чувствъ къ Наполеону. Забывъ однажды шпагу, союзникъ предложилъ ему свою. „Je ne la tirerai, jamais contre Votre Majesté", сказалъ Александръ, принимая ее.

Свидѣтели эрфуртскихъ празднествъ, не посвященные въ тайны происходившихъ переговоровъ, имѣли полное основаніе думать, что дружба Александра и Наполеона укрѣплена отнынѣ на незыблемомъ основаніи.

Въ Эрфуртѣ, въ разговорахъ между Императорами былъ также затронутъ вопросъ о возможномъ разводѣ Наполеона, но обоюдныхъ рѣшительныхъ объясненій, по этому предмету, не послѣдовало. Такимъ образомъ ко всѣмъ существовавшимъ недоразумѣніямъ и недомолвкамъ, присоединился еще новый, нерѣшонный вопросъ, который со временемъ могъ послужить

причиною размолвки между Россіею и Франціею.

Дипломатическіе переговоры закончились *секретною конвенціею*, подписанною 30-го сентября (12-го октября). Она заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующихъ постановленіяхъ. Наполеонъ отказывался отъ всякаго посредничества въ турецкихъ дѣлахъ, признавалъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи, предоставляя ей склонить Оттоманскую Порту къ этой уступкѣ. Россія обязывалась дѣйствовать сообща съ Франціею противъ Австріи, въ случаѣ объявленія ею войны Наполеону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзники обязались сообща открыть мирные переговоры съ Англіею, при условіи сохраненія настоящаго положенія владѣній обѣихъ Имперій.

Эрфуртскія совѣщанія сопровождались еще слѣдующими распоряженіями. Императоръ Александръ, наконецъ, освободилъ графа Толстаго отъ обязанности работать въ Парижѣ въ пользу упроченія дѣла, которое онъ ненавидѣлъ. Толстаго замѣнилъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Для переговоровъ съ Англіею, посланъ въ Парижъ графъ Румянцовъ, но эта новая попытка къ примиренію не привела къ намѣченной цѣли. Великобританскій кабинетъ отказался отъ всякихъ уступокъ въ пользу мира. Въ заключеніе Наполеонъ, желая угодить своему союзнику, уменьшилъ на 20 милліоновъ франковъ военную контрибуцію, должную Франціи прусскимъ правительствомъ.

2-го (14-го) октября Императоръ Александръ и Наполеонъ, выѣхавъ вмѣстѣ изъ Эрфурта, простились на веймарской дорогѣ—и разстались навсегда.

Коленкуръ донесъ Наполеону изъ Петербурга, что Александръ, по прибытіи въ Веймаръ, тотчасъ отправилъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ слѣдующія успокоительныя строки: „Nous avons quitté la forteresse d'Erfurt et avec regret l'Empereur Napoléon: je vous écris de Weimar".

На возвратномъ пути въ Петербургъ, Государь вторично остановился въ Кёнигсбергѣ. Графиня Фоссъ пишетъ: „Императоръ сдѣлалъ для насъ невозможное и выказалъ себя чрезвычайно преданнымъ". Опасенія ея, что „эрфуртскія комедіи" могутъ сбить съ толку слабаго друга,—не оправдались.

16-го (28-го) октября Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ.

Дружескія внушенія, которыя Александръ не замедлилъ сдѣлать въ Вѣнѣ, и успокоительное письмо Императору Францу, конечно, не могли остановить австрійскія вооруженія. Напротивъ того, видя русско-французскій союзъ поколебленнымъ, въ чемъ графъ Меттернихъ окончательно убѣдился изъ словъ Талейрана: „*Alexandre n'est plus entrainable contre vous*",—вѣнскій кабинетъ пришелъ къ рѣшенію, что если война не входитъ въ разсчеты Наполеона, она обязательно должна входить въ австрійскія соображенія. Поэтому, пока Наполеонъ занималъ Мадридъ и углублялся далѣе въ Испаніи, пожиная тамъ безполезные лавры, Австрія готовилась съ лихорадочною поспѣшностью къ разрыву, стараясь только выиграть время для окончанія своихъ вооруженій.

Въ Петербургѣ 1809 годъ начался блестящими придворными празднествами, вызванными слѣдующими событіями. 25-го декабря 1808 года (6-го января 1809 года) прибыли въ Стрѣльну король и королева прусскіе, сопровождаемые братомъ короля принцемъ Вильгельмомъ и дядею принцемъ Августомъ. Здѣсь они были встрѣчены Императоромъ Александромъ. На слѣдующій день царственные гости имѣли въ сильнѣйшій морозъ „церемоніальный въѣздъ" въ Петербургъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Гвардія размѣщена была въ городѣ, по пути слѣдованія, до Зимняго дворца. Государь и король ѣхали верхомъ. Затѣмъ, во время пребыванія прусскихъ гостей, 1-го (13-го) января 1809 года состоялось обрученіе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ—событіе, не лишенное политическаго значенія. (Торжество бракосочетанія великой княжны Екатерины Павловны состоялось 18-го апрѣля 1809 года). 19-го (31-го) января Императоръ Александръ разстался съ своими кенигсбергскими друзьями.

Въ концѣ января въ Петербургъ явился князь Шварценбергъ; онъ былъ присланъ вѣнскимъ кабинетомъ, чтобы убѣдить Государя въ цѣлесообразности вооруженій Австріи, составлявшихъ единственное средство ея спасенія. При аудіенціи 31-го января (12-го февраля), Александръ указалъ

австрійскому дипломату на существованіе союзныхъ обязательствъ между Россіею и Франціею, и предостерегъ его словами: „Si vous bougez, je marche; vous mettrez le feu en Europe et vous en serez la victime". Передавая Коленкуру содержаніе бесѣды съ Шварценбергомъ, Александръ продолжалъ убѣждать французскаго посла въ необходимости придерживаться умѣреннаго дипломатическаго воздѣйствія на Австрію; только этимъ путемъ Государь признавалъ еще возможнымъ избавить Европу отъ бѣдствій грозящей ей новой войны.

Если разговоръ Шварценберга съ Александромъ не вполнѣ удовлетворилъ посла, то нижеслѣдующія слова Императрицы Маріи Ѳеодоровны должны были навести его на другія болѣе, радостныя мысли: „Une marche combinée avec calme et sagesse, mais exécutée avec rapidité et la plus grande énergie dans tous les détails ferait bientôt ici l'effet le plus salutaire". Послѣ этого неудивительно, что Шварценбергъ высказалъ въ своихъ донесеніяхъ убѣжденіе, что только страхъ руководитъ распоряженіями Александра; въ сущности же онъ благословитъ случай, который избавитъ его отъ французской зависимости.

Между тѣмъ, желая воспользоваться зимнимъ временемъ, Императоръ Александръ повелѣлъ генералу Кноррингу предпринять наступательныя дѣйствія противъ Швеціи. Однако, миновала половина февраля— и главнокомандующій бездѣйствовалъ. Наконецъ, Государь послалъ въ Финляндію военнаго министра графа Аракчеева; здѣсь онъ получилъ указъ слѣдующаго содержанія „Нахожу нужнымъ симъ моимъ указомъ ввѣрить вамъ власть неограниченную во всей Финляндіи и право представлять сей указъ вездѣ, гдѣ польза службы онаго востребуетъ. С.-Петербургъ, 7-го марта 1809 года. Александръ". Послѣдствіемъ этого распоряженія былъ рядъ геройскихъ подвиговъ русскихъ войскъ. Князь Багратіонъ занялъ Аландскіе острова и Кульневъ появился 7-го (19-го) марта въ Гриссельгамѣ, въ окрестностяхъ Стокгольма. Барклай-де-Толли перешелъ изъ Вазы въ Умео черезъ Кваркенъ. Графъ Шуваловъ двинулся по сухому пути, черезъ Торнео въ Вестроботнію и принудилъ шведскаго генерала Грипенберга положить оружіе. Успѣхи русскаго оружія рѣшили судьбу Густава IV. 1-го (13-го) марта король былъ арестованъ и регентомъ провозглашенъ дядя его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Кнорррингъ, въ надеждѣ на скорый миръ, заключилъ съ новымъ правительствомъ перемиріе; русскія войска возвратились въ Финляндію тѣмъ же путемъ.

Еще 20-го января (1-го февраля) послѣдовало Высочайшее повелѣніе о созваніи народныхъ представителей Финляндіи въ городѣ Борго. 13-го (25-го) марта, Императоръ Александръ, сопровождаемый графомъ Румянцовымъ и Сперанскимъ, отправился для открытія сейма въ Финляндію; оно послѣдовало 16-го (28-го) марта, послѣ рѣчи, произнесенной Государемъ на французскомъ языкѣ. Изъ Борго Императоръ отправился въ Гельсингфорсъ, осмотрѣлъ Свеаборгъ и 19-го (31-го) марта торжественно въѣхалъ въ Або, гдѣ воздвигнута была тріумфальная арка съ надписью на шведскомъ языкѣ, которая въ точномъ переводѣ гласила слѣдующее: „Александру I, войска котораго покорили край, и благость котораго покорила народъ". 25-го марта Государь возвратился въ Петербургъ. Перемиріе было повелѣно прекратить и военныя дѣйствія продолжались. 29-го мая главнокомандующимъ въ Финляндіи назначенъ Барклай-де-Толли, о которомъ Государь писалъ графу Аракчееву, что онъ часъ отъ часу ему болѣе нравится.

Въ то время, когда продолжали измышлять наилучшіе способы для дипломатическаго предостереженія Австріи, она внезапно обнаружила настоящую цѣль своихъ вооруженій. 29-го марта (10-го апрѣля) эрцъ-герцогъ Карлъ съ главною арміею вторгнулся въ Баварію, эрцъ-герцогъ Іоаннъ въ Италію и эрцъ-герцогъ Фердинандъ въ Варшавское герцогство; прокламаціи призывали Германію ополчиться противъ Наполеона. 5-го (17-го) апрѣля Наполеонъ прибылъ въ Донаувертъ и съ 7-го (19-го) по 11-е (23-е) апрѣля побѣдилъ эрцъ-герцога Карла въ сраженіяхъ при Таннѣ, Экмюлѣ, Ландсгутѣ, Абенсбергѣ и Регенсбургѣ. Слѣдствіемъ этихъ пятидневныхъ побѣдъ было отступленіе эрцъ-герцога Карла на лѣвый берегъ Дуная и движеніе Наполеона къ Вѣнѣ, которая была имъ занята 30-го апрѣля (12-го мая).

Вступленіе австрійскихъ войскъ въ герцогство Варшавское сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ только 14-го (26-го) апрѣля. На слѣдующій день Императоръ Александръ объявилъ Коленкуру, что онъ считаетъ миссію князя Шварценберга оконченною и что вечеромъ будетъ отправлено повелѣніе о вступленіи русскихъ войскъ въ Галицію. „J'ai tout fait pour éviter la guerre", сказалъ Государь, „mais puisque les Autrichiens l'ont provoquée et commencée, l'Empereur trouvera en moi un allié qui marchera franchement, je ne ferai rien à demi".

13-го (25-го) апрѣля Шварценбергъ доносилъ въ Вѣну о слѣдующемъ разговорѣ съ Государемъ: „L'Empereur dit qu'il allait donner une grande preuve de sa confiance en m'assurant que rien ne serait oublié de ce qui était humainement possible d'imaginer pour éviter de nous porter des coups; il ajouta que sa position était si étrange, que quoique nous nous trouvassions sur une ligne opposée, il ne pouvait s'empêcher de faire des voeux en faveur de nos succès".

На случай войны съ Австріей, на западной границѣ была сосредоточена армія въ составѣ 70.000 человѣкъ, подъ начальствомъ *князя Сергія Федоровича Голицына*. Изъ этой арміи только 32.000 человѣкъ переправились наконецъ черезъ Бугъ 22-го мая (3-го іюня), и вступили на австрійскую территорію въ то время, когда Наполеонъ, послѣ ряда побѣдъ, уже нѣсколько недѣль, занималъ Вѣну. Съ нашей стороны началась тогда *безкровная война*. Въ дѣлѣ при Подгуржѣ, 2-го (14-го) іюля, важнѣйшемъ въ продолженіе всей войны 1809 года съ Австріею, убиты два казака и раненъ подполковникъ Стакельбергъ и казачій сотникъ. По окончаніи похода, единственная награда пожалована раненому Стакельбергу, а именно золотая шпага. Наполеонъ впослѣдствіи по поводу военныхъ дѣйствій въ Галиціи сказалъ: „Vous avez été sans couleur—on n'a pas tiré le sabre une seule fois". Въ продолженіе всей войны 1809 года настоящимъ непріятелемъ русскихъ войскъ являлись не австрійцы, а союзныя варшавскія войска, отъ совокупнаго дѣйствія съ которыми приказано было вообще уклоняться. „Союзники озабочиваютъ меня болѣе, нежели непріятель", доносилъ главнокомандующій.

Во время побѣдоноснаго движенія Наполеона къ Вѣнѣ, вниманіе его было отвлечено отъ двусмысленной роли, принятой на себѣ Россіею; но когда послѣ двухдневнаго боя подъ Аспернома, 9-го (21-го) и 10-го (22-го) мая, французы отступили на островъ Лобау и эрцъ-герцогъ Карлъ могъ провозгласить себя побѣдителемъ, то отсутствіе надлежащей союзной помощи возбудило сильнѣйшее неудовольствіе Наполеона. Слова, сказанныя имъ въ началѣ года графу Румянцову, получили печальное подтвержденіе: „notre alliance finira par être honteuse". Однако, Ваграмскій бой 24-го іюня (6-го іюля) рѣшилъ участь кампаніи. Австрія смирилась; 30-го іюня (12-го іюля) заключено перемиріе въ Цнаймѣ и затѣмъ начались въ Альтенбургѣ переговоры о мирѣ, продолжавшіеся три мѣсяца. Наши успѣхи въ Галиціи довершились занятіемъ 3-го (15-го) іюля Кракова.

Императоръ Александръ не прислалъ уполномоченныхъ въ Альтенбургъ, предоставивъ своему союзнику договариваться съ Австріею за Россію; Государь отказывался отъ всякаго вознагражденія, но напомнилъ Наполеону не забывать интересовъ его Имперіи по отношенію къ бывшей Польшѣ (la ci-devant Pologne). Пока длились переговоры съ Австріею, Александру удалось наконецъ сломать сопротивленіе Швеціи, и 5-го (17-го) сентября графъ Румянцовъ подписалъ фридрихсгамскій миръ, по которому Финляндія съ Аландскими островами присоединена къ Россіи. 6-го сентября Императоръ прислалъ графу Аракчееву орденъ св. Андрея при слѣдующемъ письмѣ: „Миръ, слава Всевышнему, заключенъ мною на предположенныхъ основаніяхъ. Чтобы не терять времени, я, отступя отъ порядка, приказалъ адъютанту заѣхать въ крѣпость съ повелѣніемъ выстрѣлить 101 пушку. При семъ посылаю то, что по всей справедливости тебѣ слѣдуетъ, а чтобы болѣе изъявить мою благодарность за всю твою службу и чтобы пріятнѣе тебѣ было оный носить, прилагаю здѣсь мой собственный, который я носилъ". Вечеромъ того же дня графъ Аракчеевъ упросилъ Государя взять орденъ обратно, что было имъ милостиво исполнено. 7-го сентября графъ Аракчеевъ удостоился получить рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Въ воздаяніе ревностной и усердной службы военнаго министра

графа Аракчеева, войскамъ отдавать слѣдующія ему почести въ мѣстахъ Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества". Графъ Румянцовъ за фридрихсгамскій миръ получилъ, 17-го сентября, званіе государственнаго канцлера.

Менѣе удовлетворительно кончились австрійскія дѣла. 2-го (14-го) октября Наполеонъ заключилъ шёнбрунскій миръ, по которому Россія получила Тарнопольскую область, а большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству; послѣднее условіе какъ разъ не согласовалось съ положительно выраженной волей Императора Александра. Отнынѣ союзъ между обѣими имперіями былъ поколебленъ въ своихъ основаніяхъ. Когда, въ 1808 году, Александръ послалъ съ письмомъ флигель-адъютанта князя Н. Г. Волконскаго въ Байону, Наполеонъ сказалъ ему за обѣдомъ: „Передайте вашему Государю, что я его другъ, но чтобы онъ остерегался тѣхъ, которые стараются насъ поссорить. Если мы въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ (Si nous sommes unis, le monde est à nous). Свѣтъ какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получитъ половину. Для этого намъ только нужно быть согласными, и дѣло сдѣлано". Когда князь Волконскій отдавалъ отчетъ въ своей поѣздкѣ, онъ разсказалъ и о сравненіи міра съ яблокомъ, сдѣланномъ Наполеономъ. Государь замѣтилъ: „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую". Послѣ шёнбрунскаго мира 1809 года, эта мысль окончательно утвердилась въ умѣ Александра и чувство недовѣрія къ Наполеону не могло уже ничѣмъ быть поколеблено. Послѣдующія затѣмъ обоюдныя старанія сохранить неприкосновенность союза и даже воскресить его съ новой силой, привели только къ новымъ печальнымъ недоразумѣніямъ, ускорившимъ разрывъ между тильзитскими друзьями. Увеличеніе Варшавскаго герцогства и вызванное этимъ возбужденіе польскихъ надеждъ, побудило Императора Александра потребовать отъ Коленкура установленія формальнаго обязательства, что французское правительство не будетъ содѣйствовать возстановленію Польши. Желанія Государя были предупреждены Наполеономъ; въ доказательство искренности своихъ намѣреній поддержать во всей силѣ союзъ съ Россіею, онъ предлагалъ вычеркнуть имя Польши изъ оффиціальныхъ актовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочилъ Коленкура подписать конвенцію, которая дала бы полное удовлетвореніе Россіи по польскому вопросу. Наполеонъ не ограничился, однако, этими изъявленіями своей дружбы. Забывая неудовольствіе свое противъ Россіи въ войну 1809 года, онъ въ рѣчи, произнесенной въ законодательномъ корпусѣ 21-го ноября (3-го декабря), сказалъ: „Союзникъ и другъ мой, Россійскій Императоръ, присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію и Валахію и часть Галиціи. Не соперничаю ни въ чемъ, могущемъ послужить ко благу Россіи. Мои чувства къ ея знаменитому Монарху согласны съ моею политикою". Кромѣ того, министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве заявилъ въ отчетѣ о состояніи имперіи, что Наполеонъ никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши.

Заявленіе Наполеона относительно придунайскихъ княжествъ имѣло для Россіи важное значеніе, въ виду неудачнаго исхода военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ въ 1809 году на Балканскомъ полуостровѣ. Кампанія началась двумя неудачными штурмами: Журжи и Браилова. Затѣмъ, совершивъ переправу черезъ Дунай, князь Прозоровскій, 9-го (21-го) августа, скончался. Его замѣнилъ князь Багратіонъ; одержана была побѣда подъ Рассеватомъ, занятъ Измаилъ, покоренъ Браиловъ, но въ заключеніе пришлось снять осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная, отказавшись отъ зимовки въ Болгаріи. Главнокомандующій просилъ увольненія; преемникомъ его назначенъ графъ Николай Михайловичъ Каменскій.

28-го ноября (10-го декабря) Императоръ Александръ отправился въ Тверь для свиданія съ Великою Княгинею Екатериною Павловною, супругъ которой былъ назначенъ новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ генералъ-губернаторомъ. 6-го декабря Государь пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ со времени коронаціи и былъ съ восторгомъ встрѣченъ населеніемъ; отпраздновавъ въ древней столицѣ день своего рожденія, Александръ въ открытыхъ саняхъ въ 12-мъ часу ночи отправился обратно въ Петербургъ. 14-го (26-го) декабря, въ 10 часовъ вечера, Государь

былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ, совершивъ переѣздъ въ 43 часа. 16-го (28-го) декабря Коленкуръ обѣдалъ у Государя и записалъ слѣдующій отзывъ Александра по поводу пріема, встрѣченнаго въ Москвѣ: „L'Empereur me parla de Moscou et des marques non équivoques d'attachement qu'il avait reçues de tout son peuple. Il en paraissait fort touché. Il me dit que cela avait été tel et d'une manière si touchante dans toutes les classes que cela lui avait souvent tiré les larmes des yeux. Il m'ajouta que ces moments avaient été pour lui la récompense la plus douce, la plus flatteuse de ses travaux".

Во время пребыванія въ Москвѣ Императоръ Александръ занимался разсмотрѣніемъ проекта учрежденія Государственнаго Совѣта, выработаннаго Сперанскимъ, который высылалъ его частями на имя камердинера Мельникова. Сопутствовавшій Государю, графъ Аракчеевъ, находился въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоящей реформы; только по возвращеніи въ Петербургъ, почти уже наканунѣ обнародованія, Императоръ сообщилъ проектъ Аракчееву. На предварительное обсужденіе проектъ былъ сообщенъ, только частнымъ образомъ, графу Салтыкову, князю Лопухину и графу Кочубею, которые одобрили его словесно и письменно. Потомъ его показывали также государственному канцлеру графу Румянцеву, котораго Государь предполагалъ назначить предсѣдателемъ Совѣта. 24-го декабря графъ Аракчевъ написалъ Государю: „не гнѣвайтесь на человѣка, безъ лести полвѣка прожившаго, но увольте его изъ сего званія, какъ Вамъ угодно". Въ отвѣтъ на эту вспышку гнѣва графа, Императоръ Александръ отвѣтилъ своему другу слѣдующимъ письмомъ:

„Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андреевичъ, что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего. Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто, вами занимаемое. Говорить обиняками было бы здѣсь неумѣстно. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія. Если до сихъ поръ вы были полезны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта, почему сія полезность можетъ уменьшиться? Сіе никому не будетъ понятно. Всѣ читавшіе новое устройство Совѣта нашли его полезнымъ для блага Имперіи. Вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы твердившіе мнѣ столь часто, что кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служить побужденіемъ,—вы, не взирая на оное, одни, забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить управляемую вами часть, въ такое время, гдѣ совѣсть ваша не можетъ не чувствовать, сколько невозможно васъ замѣнить. Вопросите искренно самого себя, какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? и если вы будете справедливы на свой счетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите. Но позвольте мнѣ, отложа здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сію привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразованіе полезное и пріятное для всѣхъ введено будетъ въ правительствѣ? Конечно, весьма дурное для васъ самихъ. Устройство Совѣта будетъ напечатано, всякій судить будетъ, что не отъ чего было вамъ оставлять своего мѣста и заключенія будутъ весьма невыгодны на вашъ счетъ. Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣлъ ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству, жаркаго и ревностнаго содѣйствія, вы одни отъ меня отходите и предпочитая лично честолюбіе мнимо тронутое, пользѣ Имперіи, настоящимъ уже образомъ повредите своей репутаціи. Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то по крайней мѣрѣ я въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы до назначенія преемника вашего, вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго требуетъ. При первомъ свиданіи вашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу-ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра".

Графъ Аракчеевъ остался непреклоннымъ въ принятомъ имъ рѣшеніи и 29-го декабря отвѣтилъ Государю, что до назначенія преемника онъ будетъ исполнять должность съ тѣмъ же раченіемъ, какъ и всегда, „но прошу Вашего Величества

избрать онаго"; что же касается мнѣній публики, то они, пишетъ графъ „столь различны, что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнѣніе въ свѣтѣ—спокойная въ человѣкѣ совѣсть; я имѣю ее и буду съ нею вездѣ спокоенъ".

Въ то время, когда Сперанскій занимался уже по личнымъ указаніямъ Императора Александра разработкою обширныхъ внутреннихъ реформъ, состоялись при его участіи два указа, вызвавшіе сильнѣйшее неудовольствіе и ропотъ лицъ, затронутыхъ новыми постановленіями. Первый изъ нихъ нанесъ чувствительное огорченіе сановному міру. 3-го (15-го) апрѣля 1809 года появился никѣмъ нежданный указъ о *придворныхъ званіяхъ*, рѣшенный единственно между Сперанскимъ и Государемъ. Этимъ указомъ повелѣвалось: имѣвшимъ уже званіе камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, которые не состояли въ военной или гражданской службѣ, избрать, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы; впредь эти званія, при пожалованіи ихъ вновь, считать отличіями, не приносящими никакого чина; наконецъ, всякому, принимаемому ко Двору въ упомянутыя званія, продолжать вмѣстѣ съ исправленіемъ придворныхъ обязанностей, и дѣйствительную службу, безъ чего онъ будетъ отставленъ. Слѣдующій затѣмъ указъ коснулся сословія чиновниковъ. Въ концѣ лѣта 1809 года Императоръ Александръ, бывъ опрокинутъ изъ экипажа при переѣздѣ, черезъ Петербургскую Сторону, съ Каменнаго острова въ Петергофъ, повредилъ себѣ ногу. Этотъ ушибъ, послѣдствія котораго Государь чувствовалъ до самой своей кончины, принудилъ его оставаться въ Петергофѣ нѣсколько времени, не выходя изъ комнаты. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы обдумать и выработать совмѣстно съ Сперанскимъ *указъ о чинахъ гражданскихъ* отъ 6-го (18-го) августа 1809 года. Изъ постороннихъ о появленіи указа зналъ одинъ только графъ Аракчеевъ. Сущность новаго закона состояла въ томъ, чтобы впредь никого не производить въ чинъ коллежскаго ассесора, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно окончилъ въ немъ курсъ, или, явясь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ. Такое же университетское свидѣтельство установлялось и для производства въ статскіе совѣтники. „Если постановленіе о придворныхъ званіяхъ возбудило противъ Сперанскаго высшее сословіе", пишетъ его біографъ, „то легко представить себѣ, какой вопль, за постановленіе объ экзаменахъ, поднялся противъ него въ многочисленномъ сословіи чиновниковъ, для которыхъ этимъ постановленіемъ такъ внезапно измѣнялись всѣ ихъ застарѣлыя привычки, всѣ цѣли, вся, можно сказать, жизнь". Ропотъ былъ такой, какъ будто бы грозила гибель отечеству, въ родѣ новаго нашествія Батыя. Сатиры, каррикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанскаго съ небывалымъ ожесточеніемъ. Указъ 6-го августа просуществовалъ, однако, не долго; общая въ немъ ломка началась тотчасъ послѣ паденія Сперанскаго въ 1812 году.

1809 годъ закончился еще слѣдующимъ важнымъ, по политическимъ послѣдствіямъ, событіемъ. Наполеонъ, ради упроченія своей династіи, рѣшился на разводъ съ императрицей Жозефиной и 10-го (22-го) ноября поручилъ Коленкуру просить для него руки великой княжны Анны Павловны, требуя категорическаго отвѣта по прошествіи *двухъ дней*. Коленкуръ исполнилъ повелѣніе Наполеона тотчасъ по возвращеніи Государя изъ Москвы, при первомъ же пріемѣ, состоявшемся 16-го (28-го) декабря. Александръ отвѣтилъ послу, что если бы дѣло зависѣло отъ него, то Коленкуръ заручился бы его словомъ не выходя изъ Кабинета. „*Cette idée me sourit*", прибавилъ Императоръ. Но, согласно духовному завѣщанію Императора Павла, судьбою его сестеръ располагала исключительно Императрица-мать. Поэтому Государь заявилъ что для полученія отвѣта ему необходимо дать десять дней сроку. По истеченіи этого времени потребовалась новая отсрочка въ десять дней и такимъ образомъ 1810 годъ начался среди оживленныхъ переговоровъ, отъ успѣшнаго окончанія которыхъ несомнѣнно зависѣла будущая судьба русско-французскаго союза.

Одновременно съ брачными переговорами разрабатывалась также *конвенція о Польшѣ*, на скоромъ утвержденіи которой особенно настаивалъ Императоръ Александръ. 24-го декабря 1809 года (5-го января 1810 года) Коленкуръ подписалъ конвенцію, вполнѣ согласную съ видами русскаго правительства, и отправилъ ее

для ратификаціи въ Парижъ. По условіямъ этого акта постановили: 1) королевство Польское никогда не будетъ возстановлено, 2) договаривающіяся стороны употребятъ всѣ средства, чтобы имя *Польши и поляковъ* никогда не присвоивалось какой-либо области, принадлежавшей прежней Польшѣ, и было навсегда изглажено изъ государственныхъ бумагъ. Остальныя статьи конвенціи касались уничтоженія польскихъ орденовъ, воспрещенія принимать русскихъ подданныхъ въ службу герцогства и обязательства не увеличивать герцогства областями принадлежавшими Польшѣ.

1809 годомъ заканчивается первый періодъ царствованія Императора Александра, которому присвоиваютъ, обыкновенно, наименованіе *эпохи преобразованій*.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Борьба съ Наполеономъ.

1810—1815.

Во время Эрфуртскаго свиданія, Императоръ Александръ обратился къ Сперанскому съ вопросомъ, какъ находитъ онъ чужіе края въ сравненіи съ Россіею? Сперанскій отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, Государь, что здѣсь установленія, а у насъ люди лучше“.—„Это и моя мысль“,—замѣтилъ Государь: „возвратясь домой, мы съ тобою часто будемъ говорить объ этомъ“. Съ этого времени, Александръ, не смотря на возраставшее бремя заботъ по внѣшней политикѣ, началъ ближе знакомить Сперанскаго съ образомъ своихъ мыслей, доставлялъ своему статсъ-секретарю бумаги, прежде къ нему поступившія, и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій. Величайшей похвалою Сперанскому,—замѣчаетъ по поводу сближенія его съ Государемъ Михайловскій-Данилевскій,—удовольствіе, испытанное Александромъ бесѣдовать съ нимъ послѣ бесѣдъ съ Наполеономъ. Довѣріе Государя не было обмануто; Сперанскій явился даровитымъ и краснорѣчивымъ выразителемъ тайныхъ стремленій Александра. Съ этихъ поръ милость къ Сперанскому стала ежедневно возрастать и вскорѣ не только все законодательство, но и почти все высшее управленіе сосредоточились въ его рукахъ. Новая, счастливая обстановка и самостоятельное положеніе вдохнули въ Сперанскаго отвагу, освободивъ его отъ постороннихъ вліяній, стѣснявшихъ до сихъ поръ его дѣятельность. Послѣ Эрфурта онъ утвердился въ мысли, что—по любимымъ его тогдашнимъ выраженіямъ—il faut trancher dans le *vif*, tailler en plein drap. „Изъ всѣхъ сихъ упражненій“, писалъ впослѣдствіи Сперанскій Государю изъ пермской ссылки, „изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое“. Обширная работа, порученная перу Сперанскаго, подвигалась съ изумительною быстротою, и къ октябрю 1809 года *планъ всеобщаго государственнаго образованія* лежалъ уже на столѣ Императора Александра. „Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, пишетъ Сперанскій, но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ вниманіе Государя, дано въ планѣ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной славы“.

Октябрь и ноябрь 1809 года прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ частей этого плана, въ которыхъ Государь дѣлалъ свои поправки и дополненія. Наконецъ, оставалось только рѣшить вопросъ, какимъ образомъ ввести его въ дѣйствіе. По этому поводу Сперанскій пишетъ въ пермскомъ письмѣ: „Блистательнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана пріуготовить вдругъ, открыть одновременно: тогда онѣ явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но В. В. предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій“.

Императоръ Александръ рѣшился приступить къ осуществленію предположенныхъ преобразованій съ учрежденія *Государственнаго Совѣта*, какъ болѣе независимаго отъ общаго круга задуманныхъ реформъ. Все прочее осталось только на бумагѣ и, какъ говоритъ біографъ Сперанскаго, „даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ сѣлаго карандаша“. Новое образованіе Государственнаго Совѣта основывалось на трехъ главныхъ началахъ: 1) въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной Императорской власти; 2) посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, а потомъ дѣйствіемъ Державной власти поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію; 3) никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія Верховной власти. Къ этимъ предметамъ занятій Совѣта, обнимавшимъ собственно законодательную часть, еще были присоединены и нѣкоторые другіе, какъ-то: 1) общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 2) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя мѣры, „когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ они подлежать предварительному общему соображенію“; 3) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіе года и чрезвычайныя финансовыя мѣры; 4) отчеты всѣхъ министерствъ. Совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи. Въ общемъ собраніи Государь предоставилъ себѣ предсѣдательство; въ отсутствіе его предсѣдательствующимъ на первый годъ былъ назначенъ государственный канцлеръ, графъ Н. П. Румянцовъ, государственнымъ секретаремъ — Сперанскій. Въ этомъ званіи Сперанскій, по степени личнаго своего вліянія, сталъ истинно первымъ министромъ. Благоволеніе и довѣренность къ нему Императора не имѣли, кажется, предѣловъ. Членовъ Совѣта было 35. Для производства дѣлъ Совѣта была учреждена государственная канцелярія, изъ статсъ-секретарей, докладывающихъ въ департаментахъ, и ихъ помощниковъ. Ближайшими сотрудниками Сперанскаго по должностямъ статсъ-секретарей въ департаментахъ Совѣта сдѣлались: *М. Л. Магницкій*, *С. А. Бижевичъ*, *А. Н. Оленинъ* и *Ѳ. И. Энгель*. Первый изъ нихъ занималъ важнѣйшее мѣсто по департаменту законовъ и былъ довѣреннымъ лицомъ Сперанскаго. *Коммиссія составленія законовъ* обращена въ установленіе, при Государственномъ Совѣтѣ состоящее. Директоромъ ея назначенъ Сперанскій. Кромѣ того, при Совѣтѣ образована еще *коммиссія прошеній*. Государственный секретарь докладывалъ дѣла въ общемъ собраніи, представлялъ журналы Совѣта на Высочайшее усмотрѣніе и завѣдывалъ всею исполнительною частью.

31-го декабря 1809 года члены Совѣта получили повѣстки собраться на другой день утромъ въ половинѣ девятаго, въ одну изъ залъ Шепелевскаго дворца. Къ 9-ти часамъ 1-го января 1810 года въ Совѣтъ прибылъ Императоръ Александръ. Государь въ предсѣдательскомъ креслѣ открылъ засѣданіе рѣчью, живо отражавшею его тогдашнее настроеніе; она была преисполнена чувства, достоинства и такихъ возвышенныхъ взглядовъ, которыя никогда еще Россія не слышала съ престола. Эта рѣчь была сочинена Сперанскимъ и собственноручно исправлена Александромъ. „Все, — сказалъ Императоръ, — что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ Мною употреблено, чтобы установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами. Вы пріемлете священную обязанность Мнѣ въ семъ содѣйствовать. Предъ отечествомъ, предъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать. Предъ сими великими именами всѣ личныя уваженія должны исчезнуть. Изочтите милліоны, кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень Моего къ вамъ довѣрія. Уповая на благословеніе Всевышняго, Мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца Моего чувствительной, чтобъ нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда Меня уже не будетъ, истинные сыны

отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при Мнѣ и Моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи". Затѣмъ Государь повелѣлъ Сперанскому прочитать манифестъ объ образованіи Совѣта, самое положеніе о немъ, списокъ предсѣдателей департаментовъ, членовъ и чиновъ канцеляріи и росписаніе дней засѣданій. Въ манифестѣ Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды;* впервые всенародно выражено сознаніе, что *положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія;* впервые возвѣщено, что *разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ* долженъ состоять въ *учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона.* Вообще же все „*образованіе Государственнаго Совѣта*" носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ, начиная съ первой главы подъ названіемъ *коренныхъ законовъ Совѣта.* Въ заключеніе Государь вручилъ предсѣдателю только-что составленный проектъ гражданскаго уложенія и планъ финансовъ (выработанный Сперанскимъ), для внесенія ихъ въ департаменты Совѣта по принадлежности; они должны были лечь въ основу работъ этого новаго учрежденія. По отбытіи Государя, члены Совѣта подписали особо установленную для нихъ присягу.

Начиная съ этого дня, Императоръ Александръ присутствовалъ въ общихъ собраніяхъ Совѣта. Рано утромъ, передъ засѣданіемъ, Сперанскій являлся къ нему съ дѣлами и журналами. Такой порядокъ продолжался въ теченіе 1810 и 1811 гг.

Открытіе Государственнаго Совѣта сопровождалось важными перемѣнами въ личномъ составѣ высшихъ правительственныхъ лицъ. Предсѣдателемъ военнаго департамента былъ назначенъ *графъ Аракчеевъ* съ увольненіемъ отъ званія военнаго министра; „лучше самому быть дядькой, нежели надъ собою имѣть дядьку", сказалъ при этомъ случаѣ Алексѣй Андреевичъ. Государь избралъ ему преемникомъ главнокомандующаго финляндскою арміею и генералъ-губернатора вновь покореннаго княжества, *Барклая-де-Толли.* Министромъ юстиціи назначенъ сенаторъ *И. И. Дмитріевъ*, вмѣсто *князя Лопухина*, занявшаго мѣсто предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ. Министромъ народнаго просвѣщенія повелѣно быть (11-го апрѣля) *графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому*, занимавшему мѣсто попечителя Московскаго университета. Министерство финансовъ, ввѣренное послѣ смерти графа Васильева, въ 1807 году, съ званіемъ государственнаго казначея Голубцову, было поручено *Гурьеву*, управлявшему съ 1805 года вѣдомствомъ удѣловъ.

Послѣ учрежденія новаго Государственнаго Совѣта, Сперанскій перешелъ къ *преобразованію министерствъ.* Манифестомъ 25-го іюля (6-го августа) 1810 года было обнародовано „*новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ*", съ подробнымъ исчисленіемъ предметовъ каждаго министерства и главнаго управленія. Въ слѣдующемъ году, при манифестѣ 25-го іюня (7-го іюля) 1811 года, было издано „*общее учрежденіе министерствъ*". Министерство коммерціи было упразднено; дѣла его распредѣлены между министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Учреждены: главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ, главноуправляющимъ котораго былъ избранъ баронъ *Б. Б. Кампенгаузенъ*, и *министерство полиціи*, въ составъ котораго отдѣлялись предметы внутренней безопасности отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Министромъ полиціи назначенъ с.-петербургскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Балашовъ.* Вслѣдствіе уменьшенія круга дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ, оно перешло отъ князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Осипу Петровичу *Козодавлеву.* Кромѣ того, образовано главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, ввѣренное оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, *князю Александру Николаевичу Голицыну* (25-го августа 1810 года).

Еще въ 1809 году (20-го ноября) послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи управленія водяными и сухопутными сообщеніями. Должность главнаго директора была возложена на Принца Георгія Ольденбургскаго. Къ нему опредѣленъ былъ съ званіемъ статсъ-секретаря *Ѳ. П. Лубяновскій*; отъ него всѣ доклады и предположенія

Принца восходили къ Государю черезъ Сперанскаго. Затѣмъ въ 1810 году (11-го ноября) послѣдовало открытіе *корпуса инженеровъ путей сообщенія.*

Немедленно послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта Сперанскій внесъ въ департаментъ экономіи *финансовый планъ*; онъ былъ одобренъ департаментомъ и общимъ собраніемъ Совѣта и постепенно приведенъ въ исполненіе. 2-го февраля 1810 года обнародованъ манифестъ, коимъ положено прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено возвышеніе податей и налоговъ. Вслѣдъ затѣмъ открыта *коммиссія погашенія долговъ* и изданы манифесты о преобразованіи монетной системы.

При всѣхъ многочисленныхъ занятіяхъ Сперанскаго, Государю угодно было привлечь его еще къ дѣламъ финляндскимъ, въ которыхъ онъ до 1812 года не переставалъ принимать самое дѣятельное участіе: 17-го апрѣля 1809 года Сперанскій назначенъ канцлеромъ Абоскаго университета. Новоприобрѣтенный край былъ образованъ въ видѣ отдѣльнаго государства, къ которому указомъ 11-го (23-го) декабря 1811 года были присоединены финляндскія земли, отошедшія къ Россіи по Абоскому миру 1743 года, равно какъ и Выборгская губернія, уже сто лѣтъ принадлежавшая Имперіи.

Вопросъ этотъ былъ уже давно рѣшенъ въ умѣ Императора Александра и вполнѣ соотвѣтствовалъ сокровеннымъ мыслямъ его о превосходствѣ конституціоннаго порядка надъ неограниченнымъ самодержавіемъ. Въ бесѣдѣ съ генераломъ Армфельдомъ въ маѣ 1811 года Александръ высказалъ свои воззрѣнія по поводу этого щекотливаго вопроса съ полною откровенностью и со свойственною ему изысканною скромностью. „Je vous jure", сказалъ ему Государь, „que ces formes me plaisent bien davantage que cet exercice d'un libre arbitre qui n'a pour base que ma volonté et qui admet un principe de perfection chez le souverain, qui n'est pas hélas dans l'humanité. Ici je ne peux me tromper que parce que je le veux bien; toutes les lumières me sont offertes—là je ne suis entouré que d'incertitude et presque toujours d'habitudes qui ont suppléé aux lois. Vous verrez, ajouta-t-il, comme je pense sur cela, là où il y a moyen d'opérer un changement dans mes États, puisque incessamment je vais réunir la vieille Finlande à vous autres et lui donner la même constitution et les mêmes formes de liberté". — Армфельдъ восторгался мыслями Александра и замѣтилъ: „Государь ангелъ; работать съ нимъ—это рай".

Присоединеніе Выборгской губерніи къ Финляндіи не произвело въ Россіи особаго впечатлѣнія. „При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коими владѣетъ Россія,—пишетъ Вигель,—нѣкоторые только посмотрѣли на то, какъ на уступку немногихъ десятинъ богатою вотчиною другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на западъ и на югъ, и до сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ".

11-го (23-го) января 1811 года обнародованъ былъ уставъ *Царскосельскаго лицея*, окончательно разработанный Сперанскимъ; цѣль учрежденія лицея опредѣлена въ образованіи юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной. Побудительной причиной къ учрежденію этого высшаго учебнаго заведенія послужило слѣдующее обстоятельство. Хотя Императоръ не вмѣшивался въ дѣло воспитанія своихъ младшихъ братьевъ, Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, всецѣло предоставленное Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но вскорѣ представился случай, въ которомъ Государь призналъ нужнымъ отступить отъ принятаго имъ сдержаннаго положенія. Императрица-мать пожелала отправить сыновей своихъ для довершенія образованія въ Лейпцигскій университетъ, чему, однако, рѣшительно воспротивился Императоръ Александръ; взамѣнъ этого ему пришло на мысль учредить въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи. Для этой цѣли отведенъ былъ дворцовый флигель, соединенный галлереею съ главнымъ корпусомъ дворца. Событія 1812 года воспрепятствовали осуществленію мысли помѣстить туда Великихъ Князей. Торжественное открытіе

Царскосельскаго лицея, въ присутствіи Императора Александра, послѣдовало 19-го октября 1811 года. Впослѣдствіи въ Царскомъ Селѣ учрежденъ еще *Благородный пансіонъ*, какъ разсадникъ для лицея; онъ былъ открытъ 27-го января 1814 года.

1811 годъ ознаменовался еще окончаніемъ Казанскаго собора. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ вѣнчанія на царство Императора Александра, 15-го (27-го) сентября, происходило торжественное освященіе новаго храма въ присутствіи Государя. Строителемъ собора былъ русскій зодчій *Воронихинъ*; вообще же работы производились подъ наблюденіемъ президента Академіи Художествъ, *графа Александра Сергѣевича Строганова*. Всѣ живописныя и скульптурныя произведенія Казанскаго собора были исполнены академиками и воспитанниками Академіи Художествъ.

Между тѣмъ внѣшнія дѣла продолжали отвлекать вниманіе Императора Александра отъ работъ, связанныхъ съ предположеннымъ преобразованіемъ внутренняго управленія Имперіи. Начавшіеся въ исходѣ 1809 года переговоры Коленкура о предстоящемъ бракѣ Наполеона съ Великою Княжною Анною Павловною не привели къ новому и болѣе прочному сближенію Франціи съ Россіею. Послѣдствія оказались совершенно иными. Послѣ ряда отсрочекъ и неопредѣленныхъ сочувственныхъ пожеланій, Императоръ Александръ сообщилъ, наконецъ, послу 23-го января (4-го февраля) 1810 года, что Императрица Марія Ѳеодоровна, въ виду молодости Великой Княжны, не можетъ согласиться на бракъ ея ранѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Уклончивый отвѣтъ русскаго двора сопровождался еще со стороны вдовствующей Императрицы слѣдующею оцѣнкой французскаго союза, сдѣлавшейся извѣстною Коленкуру: „L'empereur Napoléon ne tient pas à la Russie par principe et par sentiment, mais par besoin momentané de son concours; l'alliance actuelle n'est qu'une chose de circonstance pour paralyser le Nord pendant qu'on soumet le Midi". Наполеонъ, конечно, не дождался отрицательнаго отвѣта на сдѣланное имъ брачное предложеніе, чтобы принять новое рѣшеніе, и какъ только убѣдился изъ донесеній Коленкура въ полной непредупредительности Россіи по отношенію къ столь важному для него вопросу, онъ немедленно предложилъ руку дочери Императора Франца, эрцъ-герцогинѣ *Маріи-Луизѣ*. Австрійцы, опасавшіеся болѣе всего заключенія русскаго брака и связаннаго съ нимъ упроченія поколебавшейся съ 1809 года дружбы двухъ Императоровъ, отнеслись къ предложенію Наполеона съ нескрываемымъ удовольствіемъ. 25-го января (6-го февраля) Князю Шварценбергу пришлось рѣшить этотъ важный политическій вопросъ въ нѣсколько часовъ времени и подписать брачный контрактъ. Уклончивый образъ дѣйствій, усвоенный Императоромъ Александромъ въ переговорахъ съ Коленкуромъ, сопровождался новымъ для него огорченіемъ: Наполеонъ отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ, подписанную его посломъ въ Петербургѣ, и предложилъ для нея новую редакцію, несогласную съ видами нашего правительства, требуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы это соглашеніе оставалось секретнымъ. Отнынѣ полный разрывъ между тильзитскими союзниками сдѣлался вопросомъ времени. Изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Наполеона одинъ Камбасересъ предвидѣлъ этотъ плачевный исходъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что Франціи черезъ два года предстоитъ вести войну съ тою державою, съ которой не породнится Наполеонъ; новое столкновеніе съ Австріею не внушало Камбасересу никакихъ опасеній, но онъ страшился войны съ Россіею, послѣдствія которой казались ему неисчислимыми. (Je tremble d'une guerre avec la Russie; les conséquences en sont incalculables). Дальбергъ оцѣнилъ подобнымъ же образомъ политическія послѣдствія австрійскаго брака Наполеона, и по этому поводу писалъ Меттерниху: „Ce dont vous pouvez être sûr, c'est qu'en moins de cinq mois nous sommes en froid avec la Russie et en moins de dix-huit mois en guerre avec elle".

Возможность новаго столкновенія съ Франціею побудила Императора Александра направить всѣ усилія къ скорѣйшему разрѣшенію борьбы, длившейся уже столько лѣтъ на Востокѣ. Новый главнокомандующій графъ Каменскій, подобно своимъ предшественникамъ, не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ: русское оружіе потерпѣло на Балканскомъ полуостровѣ новыя неудачи и походъ 1810 года не

приблизилъ насъ къ желаемой развязкѣ, а именно къ уступкѣ Оттоманской Портою придунайскихъ княжествъ. Хотя открытіе 10-го (22-го мая) кампаніи на Дунаѣ сопровождалось сначала нѣкоторыми успѣхами: 22-го мая (3-го іюня) взятъ приступомъ Базарджикъ, 30-го мая (11 іюня) сдалась крѣпость Силистрія, и 5-го (17-го) іюня овладѣли укрѣпленіями Разграда,—но затѣмъ графъ Каменскій потерялъ время и средства на покореніе Шумлы. Убѣдясь въ невозможности овладѣть этою твердынею, главнокомандующій двинулъ армію противъ Рущука и 22-го іюля (3-го августа), въ день тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, предпринялъ неудачный штурмъ этой крѣпости, сопровождавшійся потерею болѣе 8.000 человѣкъ. Побѣда, одержанная 26 августа (7-го сентября) подъ Батинымъ, не поправила дѣла; хотя затѣмъ Систово, Рущукъ, Журжа, Турно и Никополь сдались, и русскіе утвердились на правомъ берегу Дуная, но графъ Каменскій, въ виду наступившаго ненастья, считалъ, однако, невозможнымъ продолжать военныя дѣйствія; большая часть арміи была снова переведена на лѣвый берегъ Дуная. Послѣдствія похода 1810 года оказались крайне неутѣшительными: армія лишилась почти половины наличнаго числа людей, а достигнутые результаты не сдѣлали Порту болѣе сговорчивою къ миру. Графъ Каменскій смертельно заболѣлъ († въ Одессѣ 4-го мая 1811 года); временное начальство надъ арміею принялъ старшій генералъ, графъ Ланжеронъ, до прибытія 7-го (19-го) апрѣля новаго главнокомандующаго, генерала Кутузова. Задача, предстоявшая старому полководцу, была не легкая; онъ долженъ былъ принудить Турцію къ заключенію мира, располагая только четырьмя дивизіями, а пять дивизій были направлены къ Днѣстру, въ виду опасности, начинавшей угрожать нашей западной границѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой невыгодной обстановки и блистательно закончилъ семилѣтнюю войну съ Портою. Кутузову удалось *«скромнымъ своимъ поведеніемъ»* выманить визиря изъ Шумлы; очистивъ Рущукъ, Силистрію, Никополь, русская армія отступила на лѣвый берегъ Дуная и расположилась между Журжею и Слободзеею. Турки, ободренные уходомъ русскихъ, перешли въ числѣ 36.000 человѣкъ Дунай и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ; успокоенные видимымъ успѣхомъ, они пребывали въ полномъ бездѣйствіи. Тогда Кутузовъ подкрѣпилъ себя двумя дивизіями, возвращенными съ Днѣстра, переправилъ на правый берегъ Дуная выше Рущука корпусъ подъ начальствомъ генерала Маркова, который, 2-го (14-го) октября, овладѣлъ находившимся здѣсь турецкимъ лагеремъ и началъ оттуда громить изъ батарей армію визиря, отрѣзавъ ему сообщеніе, отступленіе и продовольствіе. Визирь ночью спасся въ челнокѣ въ Рущукъ. Послѣдствіемъ этихъ искусныхъ дѣйствій Кутузова было перемиріе и открытіе переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ, положеніе турокъ, обложенныхъ въ лагерѣ при Слободзеѣ, сдѣлалось истинно отчаяннымъ: они гибли тысячами отъ голода и болѣзней. Наконецъ, 23-го ноября (7-го декабря) турки сдались; ихъ осталось 12.000 человѣкъ изъ 36.000, перешедшихъ Дунай. Затѣмъ главная квартира перешла въ Бухарестъ, гдѣ продолжались начавшіеся въ Журжѣ переговоры. Императоръ Александръ пожаловалъ Кутузову графское достоинство. „Conçoit-on ces chiens, ces gredins de Turcs qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte", сказалъ Наполеонъ при первомъ извѣстіи объ этомъ неожиданномъ событіи. „Qui est-ce qui aurait pu le prévoir".

Въ то время, какъ въ 1810 и 1811 годахъ война на Балканскомъ полуостровѣ продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, отношенія Россіи къ Франціи приняли окончательно враждебный характеръ. Для упроченія континентальной системы, Наполеонъ съ 1810 года началъ расширять предѣлы своей Имперіи путемъ декретовъ: послѣдовательно уничтожена была самобытность Голландскаго королевства, и присоединены къ Франціи Ганзеатическіе города, Лауенбургъ и все прибрежье Нѣмецкаго моря. „Присоединеніе требуется обстоятельствами" (la réunion est commandée par les circonstances), громогласно объявлялъ французскій министръ внѣшнихъ сношеній, по поводу этихъ распоряженій. Къ несчастью для Россіи, въ числѣ пострадавшихъ оказался герцогъ Ольденбургскій; это обстоятельство побудило Императора Александра повелѣть князю Куракину вручить Шампаньи декларацію, заключавшую въ себѣ формальный про-

тестъ противъ нарушенія существующихъ трактатовъ. Когда французское правительство не приняло протеста, Государь приказалъ отправить по этому поводу ноту ко всѣмъ русскимъ посольствамъ, для сообщенія дворамъ, при которыхъ они находились. Скрытые и явные враги тильзитской политики могли, наконецъ, торжествовать побѣду; антагонизмъ двухъ Императоровъ былъ засвидѣтельствованъ передъ Европою. Отнынѣ великодушное убѣжденіе въ необходимости спасти Европу отъ завоевательныхъ стремленій Наполена снова получило преобладающее значеніе въ политической программѣ Александра; ему казалось необходимымъ *оградить несчастное человѣчество отъ угрожающаго ему варварства.* Прусско-нѣмецкіе патріоты и іезуитско-эмигрантская колонія въ Петербургѣ дружно сплотились около Александра, стремясь къ одной общей цѣли: низверженію ненавистнаго имъ Наполеона и возбужденію русскаго національнаго чувства противъ преобладающаго вліянія Франціи. Въ этомъ же духѣ дѣйствовала Императрица Марія Ѳеодоровна. Иностранные дипломаты, которые привыкли смотрѣть на Россію, какъ на орудіе своекорыстныхъ своихъ цѣлей, страшились только одного, что борьба Россіи съ Наполеономъ не состоится. Графъ Меттернихъ не скрывалъ своихъ опасеній на счетъ возможнаго соглашенія Россіи съ Франціею, въ ущербъ Австріи и Пруссіи. Правъ, поэтому, писатель, сказавшій, что *„война 1812 года была великою дипломатическою ошибкою, обращенною духомъ русскаго народа въ великое народное торжество“.*

Къ возродившимся политическимъ неудовольствіямъ присоединилась вскорѣ еще таможенная борьба. 19-го (31-го) декабря 1810 года послѣдовало изданіе: „Положенія о нейтральной торговлѣ на 1811 г.“, коимъ дозволялся привозъ колоніальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, а издѣлія французскихъ фабрикъ частью запрещались, частью же были обложены высокою пошлиною, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты за предметы роскоши. Этимъ распоряженіемъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, незыблемость которой всего болѣе озадачивала Наполеона; одно изъ самыхъ существенныхъ условій тильзитскаго соглашенія перестало, въ дѣйствительности, существовать. Наполеонъ по этому поводу сказалъ: „вотъ большая планета сорвалась съ своего пути и принимаетъ ложное направленіе, я не понимаю ея движенія. Она такъ не можетъ дѣйствовать безъ намѣренія разойтись съ нами. Будемъ на сторожѣ и примемъ всѣ тѣ мѣры, которыя предписываетъ благоразуміе“. 16-го (28-го) февраля 1811 года Наполеонъ писалъ Императору Александру: „Votre Majesté n'a plus d'amitié pour moi“. Съ этого времени Наполеонъ, дѣйствительно, началъ готовиться къ возможному разрыву съ Россіею, въ томъ предположеніи, что она рѣшилась броситься въ объятія Англіи. Переписка между обоими Императорами потеряла дружественный характеръ и получила полемическій оттѣнокъ; вопросъ о вознагражденіи пострадавшаго герцога Ольденбургскаго поддерживалъ натянутыя отношенія, установившіяся между тильзитскими друзьями. Въ перепискѣ Шампаньи съ Коленкуромъ, французскій министръ совѣтывалъ послу обратиться, во время своихъ бесѣдъ, къ чувствительному сердцу Императора Александра: „dites lui que le souverain qu'il place dans une situation pénible est celui à qui il a dit à Tilsit et dans ce jour qu'il regardait comme l'anniversaire de Pultava: *vous avez sauvé l'Empire russe*“ (19-го февраля (3-го марта) 1811 года). Наполеонъ въ это же время (21-го марта (2-го апрѣля) 1811 года) писалъ королю Виртембергскому: „война разыграется. Она произойдетъ вопреки моимъ убѣжденіямъ, вопреки Императору Александру, противно интересамъ Франціи и Россіи. Я этому былъ уже не разъ свидѣтелемъ и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. Все это уподобляется оперной сценѣ и англичане стоятъ за машинами. (Tout cela est une scène d'opéra et les Anglais tiennent les machines)“. Относительно же вознагражденія герцога Ольденбургскаго, требуемаго Россіею, Наполеонъ высказалъ весною 1811 года слѣдующее мнѣніе: „Вы хотите получить Данцигъ? Годъ тому назадъ, даже шесть мѣсяцевъ ранѣе, я отдалъ бы его вамъ; но теперь, когда я питаю недовѣріе къ Россіи, когда она угрожаетъ мнѣ, какъ же вы хотите, чтобы я уступилъ вамъ крѣпость, которая въ случаѣ войны можетъ служить точкой опоры для всѣхъ моихъ

дѣйствій на Вислѣ?“ Между тѣмъ Россія и Франція продолжали усиленно готовиться къ войнѣ, прикрывая боевыя мѣропріятія безплодными переговорами и обвиняя другъ друга въ воинственныхъ замыслахъ. Князь Куракинъ, о которомъ нѣкогда графъ Ростопчинъ писалъ въ 1799 году, что ему слѣдовало бы, по ограниченности своей, быть нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній, или же идоломъ у дикарей, не внушалъ Императору Александру достаточнаго довѣрія среди политическихъ затрудненій, сопровождавшихъ Шенбрунскій миръ. Куракина упрекали особенно въ томъ, что онъ не умѣлъ разузнавать о событіяхъ, и сообщалъ въ депешахъ свѣдѣнія ничтожнаго содержанія. Поэтому, въ началѣ 1810 года поручено было графу Нессельроде отправиться въ Парижъ подъ предлогомъ заключенія займа; въ дѣйствительности же Нессельроде долженъ былъ сообщать свѣдѣнія изъ Парижа Государю черезъ посредство Сперанскаго и войти въ сношенія съ Талейраномъ, въ лицѣ котораго Императоръ Александръ, со времени эрфуртскаго свиданія, пріобрѣлъ тайнаго союзника для своей анти-наполеоновской политики. Прибывъ въ Парижъ, графъ Нессельроде явился Талейрану и сказалъ ему: „je suis officiellement employé auprès du prince Kourakine, mais c'est auprès de vous que je suis accrédité. J'ai une correspondance particulière avec l'Empereur, et je vous apporte une lettre de lui“. Переписка эта должна была оставаться тайною какъ для государственнаго канцлера графа Румянцова, такъ и для князя Куракина; она продолжалась безостановочно до осени 1811 года и была извѣстна одному Сперанскому.

Наполеонъ, недовольный, въ свою очередь, донесеніями Коленкура, рѣшился отозвать его изъ Петербурга, обвиняя своего посла въ томъ, что онъ совершенно сдѣлался русскимъ и забываетъ выгоды Франціи. Коленкуръ былъ замѣненъ графомъ Лористономъ, прибывшимъ въ Петербургъ 9-го мая 1811 года. Кромѣ того, вмѣсто Шампаньи, французскимъ министромъ внѣшнихъ сношеній назначенъ былъ Маре, герцогъ Бассано; въ послѣднемъ Наполеонъ пріобрѣталъ еще болѣе послушное орудіе для своихъ политическихъ цѣлей.

Прощаясь съ Коленкуромъ, Императоръ Александръ съ полною откровенностью высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ: „у меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступить съ нами какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны, я не хочу войны, мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знаетъ ея опасности. Но если на него нападутъ, то онъ съумѣетъ постоять за себя“. Императоръ Александръ повторилъ тѣ же мысли, 13-го (25-го) марта, въ письмѣ къ Наполеону:

„Повторяю, если начнется война, то лишь потому, что Ваше Величество ее желали, и, употребивъ всѣ мои усилія чтобъ предотвратить ее, я съумѣю сражаться и дорого продамъ мое существованіе“.

Въ августѣ 1811 года воинственныя приготовленія Наполеона на столько подвинулись впередъ, что онъ счелъ возможнымъ обратиться къ способу, которымъ онъ любилъ возвѣщать Европѣ, что въ умѣ его рѣшена новая война. Во время торжественнаго пріема въ Тюильерійскомъ дворцѣ 3-го (15-го) августа, императоръ разыгралъ съ княземъ Куракинымъ сцену, напоминавшую подобныя же бесѣды съ Витвордомъ въ 1803 году и съ Меттернихомъ въ 1808 году. Самымъ выдающимся мѣстомъ его грозной рѣчи, продолжавшейся два часа времени въ присутствіи дипломатическаго корпуса, слѣдуетъ признать слѣдующія слова: „Въ Россіи есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову или имѣютъ заднія мысли. Вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ, и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда онъ добѣжитъ“. Ко всѣмъ этимъ любезностямъ Наполеонъ присоединилъ еще личное оскорбленіе князю Куракину, сказавъ: „вы хотите вести дѣла, а единственный умный человѣкъ изъ вашаго посольства, графъ Нессельроде, собирается уѣхать отъ васъ“.

Послѣ выходки Наполеона, 3-го (15-го) августа, послѣдовалъ снова періодъ видимаго политическаго затишья. Обѣ враждовавшія стороны пріискивали союзниковъ. Насталъ роковой 1812 годъ. 24-го февраля (7-го марта) Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ, какъ онъ писалъ, пожертвовать влеченіями своего сердца и заключить союзный договоръ съ Франціею, что не помѣшало, однако, королю потребовать отъ французскаго правительства, въ случаѣ успѣшнаго исхода предстоящей кампаніи, уступки Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи. На это заявленіе Наполеонъ злостно замѣтилъ: „А клятва надъ гробомъ Фридриха?“ (Et le serment sur le tombeau de Frédéric). 2-го (14-го) марта, та же участь постигла и Австрію. Россія, въ свою очередь, успѣла сблизиться съ Швеціею и заключила 16-го (28-го) мая миръ съ Оттоманскою Портою. Турція уступила Бессарабію, и рѣка Прутъ признана границею между обоими государствами. Относительно разграниченія въ Азіи, Кутузову удалось мастерски провести, какъ онъ выражался, статью *темную и запутанную*, которая дозволила Россіи сохранить миръ съ Портою до 1828 года, не нарушая пріобрѣтенныхъ цѣною семилѣтней войны территоріальныхъ выгодъ въ Закавказьи. Въ ожиданіи заключенія мира, Императоръ Александръ, недовольный медленнымъ ходомъ переговоровъ, избралъ преемникомъ Кутузова адмирала Чичагова, „*homme de tête*“, какъ отзывался о немъ Государь въ своей перепискѣ; но по пріѣздѣ въ Бухарестъ, новый главнокомандующій засталъ миръ уже совершившимся фактомъ. Адмиралу оставалось только подготовить и осуществить замышляемую тогда Государемъ диверсію въ Далмацію, при помощи славянъ и содѣйствіи Турціи, съ которой предполагалось заключить союзъ. Въ собственноручной инструкціи, данной при отправленіи въ княжества адмиралу Чичагову, Императоръ Александръ писалъ слѣдующее: „Коварное поведеніе Австріи, соединившейся съ Франціею, заставляетъ Россію употребить всѣ способы, находящіеся у нея въ рукахъ, для опроверженія вредныхъ замысловъ сихъ двухъ державъ. Главнѣйшіе изъ сихъ способовъ суть славянскіе народы, какъ-то: сербы, босняки, далматцы, черногорцы, бокезцы, кроаты, иллирійцы. Венгры, недовольные ихъ правительствомъ, представляютъ намъ столь же сильныя средства озаботить Австрію. Всѣ сіи народы, бывъ соединены воедино, и подкрѣплены нашими регулярными войсками, составятъ ополченіе, довольно огромное, чтобы противустать замысламъ Австріи, произвести сильную диверсію на правомъ крылѣ французскихъ владѣній. — Цѣлью диверсіи противу Франціи, завоевавъ Боснію, Далмацію и Кроацію, должно быть направленіе славянскаго ополченія на Тріестъ, дабы, учредя изъ сего порта сношенія съ англійскимъ флотомъ, устремить старанія пробраться до Тироля, и симъ соединиться съ симъ храбрымъ и недовольнымъ народомъ, равномѣрно съ швейцарцами. Все, что можетъ возвысить духъ славянскихъ народовъ, должно быть употреблено главнокомандующимъ, какъ-то: обѣщанія независимости, возстановленіе славянскаго царства и прочее“. Всѣ эти фантастическія предположенія оказались, однако, только минутною вспышкою; самозащита и благоразуміе одержали верхъ надъ несвоевременными увлеченіями незрѣлыхъ политическихъ комбинацій. Вскорѣ Императоръ Александръ нашелся вынужденнымъ сообщить Чичагову, что онъ признаетъ полезнымъ нѣсколько пощадить Австрію, обѣщавшую Государю ограничить свое содѣйствіе Наполеону вспомогательнымъ корпусомъ въ 30.000 человѣкъ.

Сближеніе съ Швеціею состоялось уже съ конца 1810 года, вскорѣ послѣ избранія маршала Бернадота наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Онъ сказалъ присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышеву, что Императоръ Александръ можетъ смотрѣть на Швецію, какъ на свой вѣрный передовой постъ (sa vedette fidèle) и присовокупилъ, что въ какомъ бы Россія ни находилась положеніи, Швеція не двинется съ мѣста. Вскорѣ между Бернадотомъ и Императоромъ Александромъ завязалась дружественная переписка, и Наполеонъ окончательно утратилъ возможность содѣйствія Швеціи въ подготовляемой имъ борьбѣ съ Россіею.

Императоръ Александръ помышлялъ также о томъ, чтобы лишить Наполеона содѣйствія Польши, путемъ примиренія ея съ Россіею. Начались переговоры при по-

средничествѣ князя Адама Чарторижскаго. 25-го декабря 1810 года Государь писалъ ему: „Мнѣ кажется, что пришла минута доказать полякамъ, что Россія не есть ихъ врагъ, но скорѣе ихъ естественный, истинный другъ; что, не смотря на то, что имъ представляютъ Россію, какъ единственное препятствіе, существующее къ возстановленію Польши, нѣтъ, напротивъ того, ничего невѣроятнаго въ томъ, чтобы именно она-то его не осуществила. То, что я вамъ говорю, быть,можетъ, удивитъ васъ; но повторяю, ничто не можетъ быть вѣроятнѣе, и обстоятельства кажутся мнѣ благопріятными, чтобы снова обратиться къ мысли, которая прежде была моею любимою мыслью (idée favorite); подъ гнетомъ обстоятельствъ я былъ вынужденъ два раза отсрочить ея исполненіе, но эта мысль тѣмъ не менѣе запала мнѣ въ душу". Затѣмъ Императоръ Александръ ставилъ князю Чарторижскому рядъ вопросовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе заключались въ двухъ слѣдующихъ: „Имѣете-ли вы основаніе думать, что варшавцы схватятся съ жадностію за всякую *увѣренность* (говорю не *вѣроятность*, а *увѣренность*) своего возрожденія (non pas probabilité, mais certitude de leur régénération)—схватятся-ли они за нее, откуда бы она ни пришла, и присоединятся-ли они къ той державѣ, которая искренно станетъ на сторону ихъ интересовъ?"—Князь Чарторижскій отвѣтилъ 18-го (30-го) января 1811 года: „За увѣренность въ возстановленіи Польши, какъ мнѣ кажется, схватились бы съ благодарностью и предупредительностью, откуда бы она ни пришла, только бы эта увѣренность существовала въ дѣйствительности, хочу сказать, только бы способъ, коимъ она была бы предложена и подготовлена, осуществилъ надежды болѣе обширныя, внушилъ болѣе довѣрія и обезпеченій въ успѣхѣ, чѣмъ представляютъ ихъ надежды и обезпеченіе, которыми располагаютъ жители герцогства (или воображаютъ, что располагаютъ) при ихъ связи съ Франціею". Затѣмъ князь Адамъ подробно развилъ въ письмѣ своемъ условія, принятіемъ которыхъ Россія могла бы обезпечить за собою содѣйствіе поляковъ. Но даже и въ такомъ случаѣ Чарторижскій не былъ увѣренъ въ успѣхѣ и въ заключеніе съ грустью восклицаетъ: „все это кажется мнѣ слишкомъ прекраснымъ, слишкомъ счастливымъ, чтобы быть достижимымъ, и что духъ зла, повидимому, всегда готовый разрушать комбинаціи, слишкомъ счастливыя для человѣчества, разстроитъ и эту".

Предчувствія князя Чарторижскаго сбылись; любимая мысль Императора Александра снова не могла быть осуществлена по многимъ причинамъ, и Польша осталась вѣрна Наполеону, ожидая отъ него спасенія и полнаго возстановленія. Отказавшись отъ намѣренія увлечь за собою Польшу, Императоръ Александръ отказывался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ наступательныхъ дѣйствій противъ Франціи, и мнѣніе о пользѣ оборонительнаго образа дѣйствія противъ Наполеона, къ счастью для Россіи, окончательно восторжествовала въ мысляхъ Государя.

Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе, которое находилось въ тѣсной связи съ политическими обстоятельствами того времени. Императоръ Александръ рѣшился прервать преобразовательную дѣятельность Сперанскаго и пожертвовать имъ для успокоенія умовъ русскаго общества, относившагося крайне враждебно къ смѣлому реформатору. Высшій классъ раздраженъ былъ сближеніемъ съ Наполеономъ и вообще послѣдствіями Тильзитскаго мира; купечество страдало отъ запретительной системы, совершеннаго упадка курса и дурнаго управленія финансами; чиновничество вопило противъ указа, преградившаго путь къ производству въ нѣкоторые чины безъ экзамена, и печалилось, что вмѣсто произвола и неурядицы въ производствѣ дѣлъ вводились отчетность и контроль. При этомъ общемъ ропотѣ не рѣшались еще произносить громко имя Александра, но называли, не стѣсняясь, другаго, близкаго ему человѣка, виновника большей части ненавистныхъ преобразованій. Обвиняли Сперанскаго въ томъ, что онъ попиралъ ногами прошедшее, къ которому заинтересованные классы общества привыкли и которое потому считали почти безукоризненнымъ. Честолюбцы не могли помириться съ мыслью, что выскочка секретарь не только опередилъ ихъ на службѣ, но и сталъ довѣреннымъ лицомъ Государя. До чего доходила эта ненависть къ Сперанскому видно изъ отзыва о немъ одного современ-

ника: „Я раздѣлялъ всеобщее къ нему уваженіе, но и тогда близь него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра“. Въ глазахъ русскаго общества это былъ вольнодумецъ, революціонеръ, мартинистъ, иллюминатъ; вскорѣ его называли уже прямо измѣнникомъ и врагомъ общественнаго блага. Затруднительность положенія Сперанскаго усугубилась въ началѣ 1811 года еще тѣмъ прискорбнымъ явленіемъ, что прежнее единство въ мысляхъ между нимъ и Императоромъ было поколеблено. Сперанскій, конечно, хотѣлъ идти далѣе и въ особенности скорѣе Александра; они стали расходиться въ окончательныхъ цѣляхъ. Между тѣмъ на полъ-дорогѣ Государь началъ одумываться. Этому настроенію въ сильной степени способствовало еще слѣдующее обстоятельство. При посѣщеніи Императоромъ Александромъ 15-го (27-го) марта 1811 года въ Твери Великой Княгини Екатерины Павловны, Государь получилъ изъ ея рукъ записку Карамзина: „*О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ*“, съ надписью: „à mon frère seul“. Въ этой запискѣ Александръ прочелъ рѣзкое осужденіе либеральныхъ начинаній первыхъ годовъ своего царствованія. „Всѣ россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго Монарха“, писалъ Карамзинъ, „онъ царствуетъ десять лѣтъ, и никто не перемѣнилъ о томъ своихъ мыслей; скажу еще болѣе: всѣ согласны, что едва-ли кто-нибудь изъ Государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва-ли кто-нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ... Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена недовольными; жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры“. Чтеніе этой записки должно было произвести впечатлѣніе на Александра и навести его на размышленія, неблагопріятныя по отношенію къ дѣятельности Сперанскаго. Къ этимъ размышленіямъ присоединилось еще нѣчто другое: хотя въ преобразовательныхъ замыслахъ Сперанскаго, какъ справедливо замѣчаетъ князь П. А. Вяземскій, во всякомъ случаѣ не было ничего преступнаго и, въ юридическомъ смыслѣ, государственно-измѣнническаго, но, къ несчастію для Сперанскаго, было что-то предательское въ личныхъ отношеніяхъ его къ Государю.

Сперанскій былъ, къ несчастію, невоздержанъ въ своихъ отзывахъ объ Императорѣ Александрѣ, не только въ разговорахъ, но и въ перепискѣ. Въ часы, сколько-нибудь свободные отъ работы, Сперанскій любилъ поговорить о дѣлахъ государственныхъ, его тогда преимущественно занимавшихъ, любилъ выставлять на показъ свои великія познанія, свои виды и нерѣдко въ разговорахъ своихъ не щадилъ Государя, какъ разъ въ то самое время, когда онъ удостоивалъ его полной своей довѣренности и даже пріязни. Въ разговорахъ этихъ Сперанскій старался унижать и характеръ, и умъ, и заслуги Александра; онъ выставлялъ его человѣкомъ ограниченнымъ, равнодушнымъ къ добру отечества, беззаботнымъ, красовавшимся своею фигурою, свиставшимъ у окна, когда ему докладывали дѣла. Сперанскій не пренебрегалъ также шутками и насмѣшливыми прозвищами, заимствованными, между прочимъ, изъ сказокъ Вольтера. Доносились, напр., и такіе разговоры Сперанскаго: „Пора намъ сдѣлаться русскими“, сказалъ Сперанскій. Ему отвѣчали: „что же, не тебя-ли уже въ цари русскіе“, а онъ, какъ будто въ шутку прибавилъ: „а хотя бы и меня, не меня одного и васъ, мало ли людей русскихъ, кромѣ нѣмцевъ“,—намекая тѣмъ, какъ говорится въ доносѣ, на республиканское правленіе. Александру все это сдѣлалось извѣстнымъ и не могло не имѣть прискорбнаго отголоска въ чувствахъ Государя, который никогда не простилъ Сперанскому учиненной имъ дружеской измѣны. Нѣсколько мнительный и при всей своей кротости самолюбивый и злопамятный Александръ чувствовалъ себя нравственно и лично оскорбленнымъ въ этомъ тайномъ неуваженіи къ нему Сперанскаго. Въ подобныхъ дѣйствіяхъ государственнаго секретаря онъ могъ видѣть даже предательство и, во всякомъ случаѣ, имѣлъ полное основаніе признать это неблагодарностью. Такимъ образомъ, прежняя неограниченная довѣренность и сердечное расположеніе обращались мало-по-малу въ

охлажденіе, охлажденіе въ мнительность, мнительность въ сильное подозрѣніе, если не въ убѣжденіе виновности прежняго любимца.

Въ безпокойствѣ духа, въ которомъ находился Императоръ Александръ въ ожиданіи приближающихся грозныхъ событій 1812 года, онъ рѣшился силѣ обстоятельствъ принести великую жертву. Политическія соображенія подвигли Государя создать такое положеніе дѣлъ, которое, возбудивъ патріотизмъ, соединило бы всѣ сословія вокругъ него. Для достиженія этой цѣли нельзя было ничего придумать лучше обвиненія въ измѣнѣ противъ Государя и отечества, приписавъ всѣ эти козни Сперанскому. Почва для подобныхъ фантастическихъ обвиненій была какъ нельзя лучше подготовлена. Общее недовольство при оглашеніи государственныхъ мѣръ, разработанныхъ при главномъ участіи Сперанскаго, возрастало въ ужасающей степени и нашло себѣ вліятельныхъ и краснорѣчивыхъ обличителей въ лицѣ Великой Княгини Екатерины Павловны, Карамзина, графа Ростопчина и другихъ недовольныхъ мѣропріятіями правительства. Графъ Аракчеевъ, вѣроятно, тоже не бездѣйствовалъ, чтобы погубить человѣка, осмѣлившагося похитить исключительную привязанность къ себѣ Государя; независимо отъ чувства оскорбленной, ревнивой дружбы, Аракчеевъ по характеру и убѣжденіямъ своимъ не могъ не ненавидѣть человѣка въ высшей степени гуманнаго, какимъ былъ Сперанскій. Общественное мнѣніе всѣхъ слоевъ въ своемъ возбужденіи скоро дошло до признанія по всей Россіи измѣнникомъ Сперанскаго. Стали появляться нелѣпыя подметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячахъ списковъ; въ этихъ письмахъ Сперанскій обвинялся не только въ гласномъ опорочиваніи существовавшей политической системы, не только въ предсказываніи паденія Имперіи, но даже и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ... Оставалось только раздуть искру, чтобы произвести пожаръ. Дѣйствующими лицами замышляемой интриги избраны были: генералъ *Армфельтъ* (перешедшій недавно изъ Швеціи на русскую службу), французскій эмигрантъ *Вернегъ* и министръ полиціи генералъ-адъютантъ *Балашовъ*; затѣмъ этими лицами привлечены были и второстепенные дѣятели. Руководствуясь самыми разнообразными побужденіями, всѣ привлеченныя къ дѣлу лица усердно хлопотали о томъ, что давно рѣшено было въ умѣ Александра и чего они не знали, не сразу проникнувъ до пониманія истинной подкладки интриги. Среди всѣхъ этихъ враждебныхъ теченій, Сперанскій стоялъ вполнѣ одиноко, не имѣя въ средѣ правительственной и въ средѣ общественной ни чистосердечныхъ союзниковъ, ни преданныхъ единомышленниковъ. Между тѣмъ, Сперанскій никогда не злоупотреблялъ властью и нисколько не пользовался положеніемъ своимъ съ цѣлью кому-нибудь повредить и отстранить съ занимаемаго мѣста. Онъ довольствовался тѣмъ, что всѣхъ преодолѣлъ и сталъ головою выше ихъ. Не смотря на подобное добродушіе, Сперанскій все-таки ни на что и ни на кого опереться не могъ. Единственная же опора его дѣятельности, которую онъ имѣлъ въ самомъ Государѣ, измѣнила ему, по собственной винѣ. Въ пылу охватившей его лихорадочной преобразовательной дѣятельности, Сперанскій не оцѣнилъ по достоинству измѣнившейся вокругъ него обстановки, и хотя сознавалъ непрочность своего служебнаго положенія, но въ то время, когда ему уже грозила ссылка, онъ думалъ только объ отставкѣ, которая, замѣтимъ здѣсь, была самымъ милостивымъ образомъ отклонена Государемъ. 1-го (13-го) января 1812 года Сперанскій былъ даже награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Такимъ образомъ, намѣченная жертва утратила всякую возможность добровольнаго и своевременнаго отступленія.

Для возможно полной характеристики Императора Александра и условій, при которыхъ совершилось паденіе Сперанскаго, необходимо нѣсколько остановиться еще на слѣдующемъ эпизодѣ. Во время путешествія Императора Александра въ Мемель, въ 1802 году, его привѣтствовалъ въ Дерптѣ проректоръ университета *Парротъ* замѣчательною рѣчью: это привѣтствіе послужило исходной точкой многолѣтней дружбы, установившейся между Александромъ и дерптскимъ профессоромъ. Между двумя страстными друзьями человѣчества завязались небывалыя въ исторіи сношенія между подданнымъ

и Государемъ. Парротъ, ничего не искавшій и даже рѣзко отклонявшій всякое внѣшнее изъявленіе царской милости, всецѣло предался Александру со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ идеальнымъ стремленіямъ своего возвышеннаго ума и любящаго сердца — постепенно усвоилъ себѣ роль сокровеннаго ментора и какъ бы живой совѣсти своего царственнаго друга. Александръ уполномочилъ Паррота писать о всемъ, что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ; во время же посѣщеній Парротомъ Петербурга онъ приглашался прямо въ кабинетъ Государя и въ дружеской откровенной бесѣдѣ проводилъ съ нимъ цѣлые вечера. Такимъ образомъ 16-го марта 1812 года, вечеромъ (въ субботу) Парротъ былъ призванъ къ Императору Александру; это свиданіе съ Государемъ и сопровождавшую его бесѣду Парротъ описалъ впослѣдствіи (въ 1845 году) въ письмѣ къ Императору Николаю.

„L'Empereur", пишетъ Парротъ, „me dépeignit avec une colère que je ne lui avais jamais vue et un sentiment qui lui arrachait des larmes l'ingratitude de Spéransky. Après m'avoir énoncé les preuves qu'on lui avait fournies de cette trahison, il me dit: „Je suis décidé à le faire fusiller dès demain et c'est pour avoir votre avis là-dessus que je vous ai invité à venir". Je lui répondis qu'il était dans un état passionné et que cet état de son âme m'avait trop ému pour lui répondre sur le champ, mais le lendemain il aurait ma réponse et que j'avais besoin de quelques heures pour pouvoir lui donner un conseil sage".—Въ заключеніе, Александръ, прощаясь съ Парротомъ, сказалъ ему: „La lutte terrible qui va s'ouvrir décidera du sort de mon Empire et je n'espère pas triompher du génie et des forces de mon ennemi. Mais je ne ferai sûrement pas une paix déshonorante; je m'ensevelirai plutôt sous les débris de l'Empire. Si le ciel en a ordonné ainsi, parlez de moi à la postérité. Vous connaissez mon coeur". Je le lui promis dans nos derniers embrassements. Il était minuit quand je le quittai".

Двадцать четыре часа спустя, т.-е. въ понедѣльникъ утромъ 18-го марта, Императоръ Александръ получилъ отъ Паррота письмо. „La lettre portait en substance", пишетъ Парротъ, „que le crime de Spéransky n'est pas assez avéré; qu'un souverain n'est pas un juge; que dans ce cas il serait juge et partie; qu'il ne pouvait même en ce moment nommer un Comité pour le juger, tous les grands étant en quelque sorte complices de l'accusation et que le jugement devait être remis à la fin de la campagne. Je lui conseillai pour toute sûreté d'exiler Spéransky assez loin et de le faire surveiller assez exactement pour qu'il ne puisse continuer sa correspondance criminelle s'il l'avait commencée. L'Empereur m'écrivit: „Je vous remercie beaucoup pour le papier inclus dans votre lettre que j'ai lue avec émotion et sensibilité Croyez moi pour toujours tout à vous".

Между тѣмъ, когда Императоръ Александръ получилъ вышеупомянутое письмо Паррота, судьба Сперанскаго уже рѣшилась въ смыслѣ ссылки наканунѣ, въ воскресенье, 17-го марта. Дѣйствительно въ этотъ день послѣдовала, наконецъ, неожиданная для многихъ развязка. Вечеромъ Сперанскій явился въ Зимній дворецъ съ обычнымъ докладомъ. Относительно происшедшаго тогда достопамятнаго разговора, по поводу котораго Сперанскій хранилъ всегда упорное молчаніе, Императоръ Александръ сообщилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Новосильцову слѣдующее: „Le croyez vous traître? Rien moins que cela, *il n'est réellememt coupable qu'envers moi seul,—coupable d'avoir payé ma confiance et mon amitié par l'ingratitude la plus noire, la plus abominable.* Mais cela ne m'aurait pas encore porté à recourir à des mesures rigoureuses, si des personnes qui se sont donné la peine de suivre depuis quelque temps ses paroles et ses actions n'y avaient pas entrevu et dénoncé des circonstances qui faisaient soupçonner les intentions les plus malveillantes. Le temps, la situation dans laquelle se trouvait le pays, ne me permirent pas de m'occuper d'un strict et rigoureux examen des dénonciations qui me parvenaient à cet égard. Aussi lui ai-je dit en l'éloignant de ma personne: „En tout autre temps j'aurais employé deux années pour vérifier avec la plus scrupuleuse attention tous les renseignements qui me sont parvenus concernant votre conduite et vos actions. Mais le temps, les circonstances ne me le permettent pas en ce moment: l'ennemi frappe à la porte

de l'Empire et dans la situation où vous ont placé les soupçons que vous avez attiré sur vous par votre conduite et *les propos que vous vous êtes permis*, il m'importe de ne pas paraître coupable aux yeux de mes sujets, en cas de malheur, en continuant de vous accorder ma confiance, en vous conservant même la place que vous occupez. Votre situation est telle que je ne vous conseillerais même pas de rester à Pétersbourg ou dans la proximité de cette ville. Choisissez vous-même le lieu de votre séjour ultérieur jusqu'à la fin des événements qui approchent: — je joue gros jeu, et plus il est gros, d'autant plus vous risqueriez en cas de non réussite, vu le caractère du peuple auquel on a inspiré de la méfiance et de la haine pour vous" (Государственный Архивъ, Разр. VI. № 557). Вслѣдствіе высказаннаго Императоромъ Александромъ рѣшенія, Сперанскій избралъ для себя мѣстомъ удаленія Нижній-Новгородъ. Объясненіе кончилось слезами. „Когда я отъ него вышелъ,—разсказывалъ впослѣдствіи Сперанскій—на моихъ щекахъ были его слезы".

Возвратившись домой, Сперанскій нашелъ уже у себя поджидавшихъ его генералъ-адъютанта Балашова и директора его канцеляріи Я. И. де-Санглена. Въ ту же ночь Сперанскій выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, минуя Москву, въ сопровожденіи чиновника полиціи Шипулинскаго. Одновременно съ Сперанскимъ подвергся также ссылкѣ въ Вологду другъ его, статсъ-секретарь по департаменту законовъ, *М. Л. Магницкій*, который впослѣдствіи пріобрѣлъ столь печальную извѣстность въ исторіи русскаго просвѣщенія.

По прибытіи 23-го марта въ Нижній-Новгородъ, Сперанскій написалъ Императору Александру на французскомъ языкѣ письмо, которымъ не воспользовался ни одинъ изъ біографовъ и историковъ этой эпохи. По содержанію своему это письмо рѣзко отличается отъ послѣдующихъ обращеній бывшаго государственнаго секретаря къ монаршему милосердію, когда новыя невзгоды и огорченія окончательно сломили бодрость духа и самоувѣренность опальнаго любимца Александра. „Arrivé à ma destination", пишетъ Сперанскій, „il ne me reste qu'une grâce à demander à V. M., c'est celle de permettre que ma petite famille se réunisse à moi. Un enfant et trois Anglaises réunis ensemble à mille verstes de Pétersbourg ne sauraient jamais former un objet de soupçons même pour les plus ombrageux de mes ennemis. La vie m'est déjà devenue assez pénible à supporter du moment que j'avais perdu vos bontés; mais elle me serait tout à fait insupportable si je devais être séparé de ma fille, unique consolation qui me reste sur la terre. Je n'importunerai pas à présent l'attention de V. M. de ma justification. Votre temps, sire, est trop précieux et d'ailleurs il y a des objets qui pour être appréciés demandent à être vus à une certaine distance des temps et des lieux. L'unique bienfait que j'oserai solliciter pour le moment, c'est de ne pas permettre que les papiers saisis dans mon cabinet soient éparpillés ou égarés. Je suppose qu'ils ont subi déjà leur examen; je désirerais donc qu'après avoir séparé tout ce qui concerne les affaires publiques le reste fût réuni et mis en dépôt, afin que V. M. dans un temps plus opportun pût jeter un coup d'oeil sur leur contenu. Il y en a de deux sortes. Les uns regardent le plan de l'organisation générale conçu sous Vos auspices et par Vos ordres immédiats. L'original de ce plan doit se trouver dans le cabinet de V. M. et une traduction française en a été remise dans le temps par Vos ordres au Prince d'Oldenbourg. *Ce travail*, Sire, *source première et unique de tout ce qui m'est arrivé*, est d'une nature trop relevée pour permettre qu'il soit confondu avec les autres et qu'il traîne dans les chancelleries du ministère. Je serais en Sibérie, Sire, que je ne cesserai de croire que tôt ou tard V. M. reviendra aux mêmes idées fondamentales: elles ont été empreintes dans Votre coeur; ce n'est pas moi qui les ai proposées: je les ai trouvées toutes formées dans Votre esprit, et si leur exécution peut et doit être modifiée ou remise aux temps plus calmes, leur principe ne saurait jamais être attaqué. Il y a d'autres pièces en petit nombre qui traitent de sujets politiques et surtout des affaires de la Pologne. Ce sont des mémoires que V. M. m'avait demandés à différentes époques. Serait-il convenable, Sire, qu'ils devinssent à présent publics? Les archives de mon cabinet contiennent encore une suite de recherches sur les finances et sur les diverses parties des

*

administrations publiques. C'est ma propriété la plus sacrée et peut-être la plus considérable. Serait-il juste que j'en sois privé? Cependant quelle que soit la manière dont V. M. daignera envisager ces objets, je ne cesserai jamais de me reposer sur le souvenir de ses bontés pour moi, et quoique éloigné du service de l'Etat, je ne puis me défendre de me compter encore au service personnel de V. M. Je suis avec respect, Sire, de V. M. I. le plus fidèle sujet, Spéransky" (Государственный Архивъ. Разр. VI. № 557).

Ссылку Сперанскаго торжествовали въ Россіи, какъ первую побѣду надъ французами. „Не знаю, смерть лютаго тирана могла-ли бы произвесть такую всеобщую радость", пишетъ въ своихъ запискахъ Вигель. „Между тѣмъ это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіе многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли, какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому Государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ".

Графъ Нессельроде, секретная парижская переписка котораго восходила черезъ Сперанскаго къ Государю, былъ сильно встревоженъ ссылкою государственнаго секретаря, своего задушевнаго друга и главной опоры у Государя. Императоръ Александръ не замедлилъ призвать къ себѣ Нессельроде и разсѣялъ его опасенія относительно послѣдствій переписки съ Сперанскимъ; переписка эта была отослана Сперанскимъ Государю запечатанною и лежала въ его кабинетѣ. Еще ранѣе, по возвращеніи, въ октябрѣ 1811 года, графа Нессельроде изъ Парижа, Императоръ Александръ назначилъ его статсъ-секретаремъ, и сказалъ ему: „Такъ же, какъ и вы, я считаю разрывъ неизбѣжнымъ. Въ случаѣ войны, я намѣренъ предводительствовать арміями; мнѣ нуженъ будетъ тогда человѣкъ молодой, могущій слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать политическою моею перепиской. Канцлеръ, графъ Румянцовъ, старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить выборъ на васъ; надѣюсь, что вы вѣрно и съ должнымъ молчаніемъ будете исполнять это порученіе, доказывающее мое къ вамъ довѣріе".

Паденіе Сперанскаго сопровождалось назначеніемъ новаго государственнаго секретаря. Выборъ Императора Александра остановился на *А. С. Шишковѣ*. 22-го марта (3-го апрѣля) Шишковъ былъ позванъ въ Зимній дворецъ. „Я читалъ ваше *разсужденіе о любви къ отечеству*", сказалъ ему Государь; „имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ". 23-го марта Шишковъ привезъ Государю манифестъ, который былъ одобренъ и въ тотъ же день подписанъ. Этотъ первый удачный опытъ послужилъ предвѣстникомъ новаго назначенія Шишкова; Императоръ Александръ въ день отъѣзда изъ Петербурга въ армію (9-го апрѣля) обратился къ нему съ словами: „Я бы желалъ, чтобъ вы поѣхали со мною. Можетъ быть, для васъ это и тяжело; но для отечества нужно". Затѣмъ Государь подписалъ указъ, повелѣвающій Шишкову быть при особѣ Его Величества въ званіи государственнаго секретаря. Выборъ, приблизивъ пылкаго патріота, показывалъ, что правительство, готовясь къ народной войнѣ, намѣрено выдвигать впередъ людей извѣстныхъ особенною любовью къ отечеству.

Готовилось и другое назначеніе въ подобномъ же духѣ. Въ виду важности готовящихся событій нужно было подумать о замѣнѣ московскаго главнокомандующаго, престарѣлаго фельдмаршала *Гудовича*, болѣе подходящимъ лицомъ. Выборъ Государя, по совѣту Великой Княгини Екатерины Павловны, остановился на *графѣ Ѳ. В. Ростопчинѣ*, который въ это время находился въ Петербургѣ. Назначеніе это послѣдовало уже во время пребыванія Императора Александра въ Вильнѣ, а именно 24-го мая подписанъ Государемъ указъ слѣдующаго содержанія: „Дѣйствительный тайный совѣтникъ и двора Е. И. В. оберъ-

камергеръ, графъ Ростопчинъ, всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву". Черезъ нѣсколько дней, 29-го мая, состоялось новое Высочайшее повелѣніе о назначеніи его главнокомандующимъ въ Москву.

Желая имѣть при себѣ въ случаѣ отбытія изъ столицы государственнаго канцлера графа Румянцова, Императоръ Александръ назначилъ 29-го марта предсѣдателемъ государственнаго Совѣта фельдмаршала Н. Н. Салтыкова.

Въ виду войны съ Франціею русскія вооруженныя силы были раздѣлены на три арміи: *первая западная*, подъ начальствомъ военнаго министра *Барклая-де-Толли* въ числѣ 120.000 человѣкъ, была расположена между Россіенами и Лидою, имѣя главную квартиру въ Вильнѣ; *вторая западная князя Багратіона* въ числѣ 37.000 человѣкъ, стояла между Нѣманомъ и Бугомъ, имѣя главную квартиру въ Волковискѣ; *третья* армія, *резервная обсерваціонная*, подъ начальствомъ генерала *Тормасова*, въ числѣ 46.000 человѣкъ, находилась по южной сторонѣ Полѣсья, имѣя главную квартиру въ Луцкѣ, и служила для прикрытія Волыни отъ австрійскаго вспомогательнаго корпуса.

Какимъ же планомъ дѣйствій намѣренъ былъ руководствоваться Императоръ Александръ въ предстоящей войнѣ, когда благоразуміе побуждало отказаться отъ наступательныхъ предпріятій и предпочесть оборону, выжидая въ собственные предѣлы вторженія противника? Множество современныхъ записокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лица, задумывавшіяся тогда надъ рѣшеніемъ этого вопроса, сознавали, что единственный способъ веденія войны противъ Наполеона заключается въ противопоставленіи ему времени, разстоянія, суровости климата и развалинъ, въ отступленіи шагъ за шагомъ, избѣгая рѣшительныхъ сраженій, тревожа его фланги и сообщенія. Справедливость этихъ мыслей сознавали въ то время даже люди не военные; такъ, напр., графъ Ростопчинъ, еще до перехода французовъ черезъ Нѣманъ, писалъ Императору Александру 11-го (23-го) іюня 1812 года: „Ваша Имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ въ ея обширности и климатѣ... Русскій Императоръ всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ (l'Empereur de Russie restera toujours formidable à Moscou, terrible à Cazan et invincible à Tobolsk). Не смотря на то, что этотъ планъ, такъ сказать, инстинктивно носился въ воздухѣ, онъ не былъ принятъ къ руководству. Въ эту знаменательную для Россіи эпоху, въ вопросѣ о предстоящемъ образѣ военныхъ дѣйствій, генералъ *Фуль* пользовался преобладающимъ довѣріемъ Императора Александра: это былъ прусскій офицеръ, вступившій въ русскую военную службу въ 1806 году. Благодаря его вліянію, въ основу нашихъ первоначальныхъ дѣйствій въ 1812 году легъ планъ, составленный этимъ теоретикомъ. Фуль полагалъ вести оборонительную войну двумя арміями, изъ которыхъ одна удерживала бы непріятеля съ фронта, между тѣмъ какъ другая дѣйствовала бы ему во флангъ и тылъ; притомъ, по его мнѣнію, лучшій способъ удерживать наступающаго противника заключался въ томъ, чтобы расположиться въ сторонѣ отъ прикрываемаго пути, занявъ фланговую позицію. Вырабатывая свои теоретическія измышленія, Фуль совершенно упустилъ изъ виду требованія обстановки, вызываемыя громаднымъ численнымъ превосходствомъ, которымъ располагалъ Наполеонъ. Вслѣдствіе этого, принятіе идеи Фуля привело къ неумѣстному раздѣленію нашихъ и безъ того слабыхъ силъ, занимавшихъ западную границу, на двѣ арміи, и къ возведенію на Двинѣ Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, отъ устройства котораго ожидали всякихъ стратегическихъ чудесъ.

Получивъ въ началѣ апрѣля извѣстіе о приближеніи французскихъ войскъ къ западной границѣ Россіи, Императоръ Александръ призналъ своевременнымъ отправиться въ Вильну. За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга, у Государя былъ обѣденный столъ, на которомъ присутствовало много военныхъ лицъ. Послѣ обѣда Императоръ сказалъ присутствовавшимъ: „Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не

помрачимъ военной славы, нами пріобрѣтенной".

9-го (21-го) апрѣля въ два часа пополудни, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, Государь, сопровождаемый молитвами во множествѣ стекшагося на пути его народа, выѣхалъ изъ столицы. Императора сопровождали: принцъ Георгій Ольденбургскій, герцогъ Александръ Виртембергскій, канцлеръ графъ Румянцовъ, графъ Нессельроде, графъ Кочубей, оберъ-гофмаршалъ, графъ Н. А. Толстой, государственный секретарь Шишковъ, генералы: баронъ Беннигсенъ, графъ Аракчеевъ и Фуль; генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь П. М. Волконскій и Комаровскій, генералъ Армфельтъ, и др.

Въ день отъѣзда Его Величества, графъ Румянцовъ пригласилъ къ себѣ французскаго посла графа Лористона, и передалъ ему отъ Государя порученіе сообщить Наполеону, что Его Величество въ Вильнѣ, также какъ и въ Петербургѣ, остается его другомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ (son ami et son allié le plus fidèle); что онъ не желаетъ войны, и сдѣлаетъ все, чтобы избѣгнуть ее; что его отъѣздъ въ Вильну вызванъ извѣстіемъ о приближеніи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу, и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать генераламъ предпринять какое-либо движеніе, которое могло бы вызвать разрывъ.

14-го (26-го) апрѣля, въ два часа, громъ орудій и колокольный звонъ возвѣстили жителямъ Вильны о прибытіи Александра. Государя встрѣчалъ военный министръ и главнокомандующій первою западною арміею, Барклай-де-Толли; въ предмѣстіи Антоколь ожидали Его Величество виленскій магистратъ, всѣ городскіе цехи съ знаменами и литаврами, еврейскій кагалъ съ десятословіемъ и хлѣбомъ и тысячи народа. Населеніе заняло не только городскія улицы и площади, но и антокольскіе холмы, башни костеловъ, крыши домовъ. На слѣдующій день, Императоръ Александръ принималъ во дворцѣ духовенство и всѣхъ властей, а также членовъ университета, магистратъ, купечество и кагалъ. Затѣмъ, Государь производилъ смотры войскамъ и съ этою цѣлью ѣздилъ также въ Вилькомиръ, Шавли и Гродно.

Между тѣмъ въ многолюдной главной квартирѣ шумѣли, интриговали среди обстановки, затруднявшей всякую разумную дѣятельность. Одинъ изъ очевидцевъ по этому поводу замѣтилъ: „nos grands faiseurs sont à la Wellington", но, прибавляетъ онъ, въ видѣ особаго сфинкса, состоящаго изъ рака и зайца. Всѣ дружно высказывались противъ плана Фуля; каждый изъ его противниковъ предлагалъ свой планъ; но эти предложенія противорѣчили одно другому, и давали только поводъ къ постояннымъ совѣщаніямъ, которыя хотя и не привели къ опредѣленнымъ заключеніямъ соотвѣтствующимъ болѣе вѣрной оцѣнкѣ условій обстановки, но зато сильно раздражали Барклая, не одареннаго способностью говорить и спорить. Императоръ Александръ, отказавшійся отъ наступательныхъ дѣйствій въ виду союзовъ, заключенныхъ Наполеономъ съ Пруссіею и Австріею, явился въ Вильну съ неизмѣннымъ рѣшеніемъ не быть зачинщикомъ войны, но съ убѣжденіемъ въ полной пригодности и цѣлесообразности плана, выработаннаго Фулемъ.

Всѣ возраженія противъ плана Фуля, не смотря на разнообразіе мѣръ, предлагаемыхъ для исполненія, сходились въ одной общей мысли — дать сраженіе непріятелю и не отступать безъ боя. Эту мысль поддерживалъ Барклай. Главный доводъ, представляемый сторонниками этого мнѣнія, заключался въ томъ, что продолжительное отступленіе, необычайное для русскихъ войскъ, можетъ поколебать тотъ духъ, которымъ они были проникнуты и распространить среди нихъ уныніе. Но при всѣхъ разсужденіяхъ руководствовались ошибочной оцѣнкой силъ, которыми въ дѣйствительности располагалъ Наполеонъ, въ случаѣ войны съ Россіею; у насъ предполагали силы обѣихъ враждующихъ сторонъ почти равными. Обычай Наполеона преувеличивать численность своихъ войскъ, чтобы запугать противниковъ, былъ извѣстенъ Императору Александру, и онъ не вѣрилъ, чтобы чрезъ Нѣманъ перешло такое огромное количество враговъ какъ то, что впослѣдствіи дѣйствительно оказалось. Это заблужденіе было всеобщимъ и разсѣялось лишь послѣ вторженія непріятелей въ русскіе предѣлы; только тогда убѣдились наконецъ, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ силамъ Наполеона.

Получивъ извѣстіе о выѣздѣ Императора Александра въ армію, Наполеонъ, въ

свою очередь, покинулъ Парижъ и направился въ Дрезденъ. Но до отъѣзда онъ отправилъ къ Государю графа Нарбонна съ письмомъ. Главная цѣль посылки Нарбонна, независимо отъ собранія свѣдѣній, заключалась въ томъ, чтобы выиграть время, необходимое для спокойнаго сосредоточенія великой арміи, такъ какъ Наполеонъ опасался вторженія со стороны русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію или герцогство Варшавское. Нарбоннъ убѣдился на мѣстѣ въ неосновательности опасеній относительно ожидаемаго перехода русской арміи черезъ Нѣманъ. „Nous ne sommes pas assez heureux pour qu'ils y pensent", писалъ Нарбоннъ Даву. Указавъ на лежавшую передъ нимъ карту Россіи, Императоръ Александръ сказалъ: „Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ Императоръ Наполеонъ обладаетъ способностями великаго полководца, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время (j'ai pour moi l'espace et le temps). Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, который не послужилъ бы мнѣ мѣстомъ удаленія, нѣтъ такого пункта который я бы не защищалъ прежде, нежели соглашусь заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хотя одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи".

То же самое Государь высказалъ барону Штейну, вызванному имъ изъ Праги и прибывшему 31-го мая (12-го іюня) въ Вильну; онъ сообщилъ ему о своей непоколебимой рѣшимости вести войну со всевозможною настойчивостью, и охотнѣе подвергнуться всякимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, нежели согласиться на безславный миръ.

Наполеонъ, вмѣстѣ съ императрицею Маріею-Луизою, 4-го (16-го) мая, пріѣхалъ въ Дрезденъ. Здѣсь собрались почти всѣ государи Рейнскаго Союза, императоръ Францъ и король прусскій. По прибытіи графа Нарбонна, Наполеонъ, выслушавъ его донесеніе, сказалъ: „On veut la guerre; je la ferai", и немедленно ускорилъ движеніе своихъ войскъ къ русскимъ границамъ; 16-го (28-го) мая, императоръ выѣхалъ изъ Дрездена въ Данцигъ и затѣмъ постепенно приближался съ своей главной квартирой къ Нѣману.

Въ то время, какъ въ Вильнѣ ежедневно приходилось ожидать открытія военныхъ дѣйствій, послѣдовала 11-го (23-го) іюля ратификація Бухарестскаго мира. По случаю этого радостнаго для Россіи событія, Императоръ Александръ написалъ Наполеону собственноручное письмо, которое не было отправлено по назначенію вслѣдствіе вторженія французовъ, но которое тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія историка, какъ несомнѣнное свидѣтельство миролюбивыхъ намѣреній одушевлявшихъ еще и въ то время Государя. Приведемъ здѣсь содержаніе чернового отпуска этого письма, и замѣтимъ только, что въ немъ не проставлено имя лица, которому предполагалось поручить передачу письма Наполеону: „Monsieur mon frère. Fidèle à la marche que je m'etais tracée j'envoie à V. M. le „ " pour lui faire part que la paix entre la Russie et la Porte Ottomane a été signée le 15 mai à Boukarest et ratifiée par le Vizir le 26. Malgré la fâcheuse position dans laquelle nous nous trouvons l'un envers l'autre, j'aime encore à espérer de ses sentiments personnels qu'elle prendra quelque part à un évènement aussi important pour moi. Le „ " est particulièrement chargé d'assurer V. M. que cette paix en augmentant mes forces disponibles ne diminue en rien mes dispositions pacifiques à l'égard de la France. Jusqu'à présent aucun engagement ne me lie à l'Angleterre et aucune altération n'a eu lieu dans les règlements de mon commerce. Je suis toujours prêt à négocier sur les bases que le P-ce Kourakine a été chargé de présenter au duc de Bassano et si V. M. nourrit les mêmes sentiments que moi, la guerre peut encore s'éviter. Les négociateurs munis des pouvoirs nécessaires se rendront alors dans un lieu dont il sera facile de convenir (Зачеркнуто: à votre quartier général). Dans le cas contraire et où elle voudrait prolonger cet état d'incertitude, je dois lui déclarer avec toute franchise qu'elle me forcera pour mettre fin à une gêne qui pèse fort sur mes peuples, d'ouvrir nos ports aux navires de toutes les nations. Maintenant il dépend de V. M. (зачеркнуто: de prévenir ce résultat, tout comme c'est à elle) d'éviter à l'humanité les malheurs d'une nouvelle guerre" (Госуд. Архивъ. Разрядъ IV. № 238).

Вторженію Наполеона предшествовало

еще одно происшествіе, которое могло сопровождаться весьма печальными послѣдствіями. Лица свиты Государя вознамѣрились пригласить Государя на балъ; для этой цѣли избранъ былъ загородный замокъ генерала Беннигсена—Закретъ. За неимѣніемъ въ замкѣ большой залы, рѣшились для танцевъ выстроить въ саду деревянную галлерею, украшенную зеленью, что поручено было мѣстному архитектору Шварцу. Наканунѣ бала, назначеннаго на 12-е іюня, Императоръ Александръ получилъ записку, въ которой его предостерегали, что зала эта ненадежна и должна рушиться во время танцевъ. Государь поручилъ директору военной полиціи де-Санглену осмотрѣть эту постройку во всей подробности. Едва де-Сангленъ успѣлъ прибыть въ Закретъ, какъ выстроенная галлерея обрушилась; одинъ полъ уцѣлѣлъ. Архитекторъ скрылся. „Такъ это правда“, сказалъ Императоръ де-Санглену, выслушавъ его донесеніе: „поѣзжайте и прикажите полъ немедленно очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ“. Въ то время, когда всѣ веселились на балу 12-го (24-го), получено было изъ Ковны извѣстіе о начавшейся переправѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Императоръ Александръ явилъ рѣдкій примѣръ самообладанія: онъ приказалъ Балашову хранить извѣстіе въ тайнѣ и продолжалъ очаровывать всѣхъ приглашенныхъ своею изысканною любезностью. Возвратившись въ Вильну, Государь провелъ въ работѣ большую часть ночи. Призвавъ къ себѣ Шишкова, Императоръ Александръ приказалъ ему написать приказъ нашимъ арміямъ и рескриптъ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы. По изготовленіи ихъ, Государь подписалъ ихъ безъ измѣненія. Рескриптъ графу Салтыкову оканчивался достопамятными словами: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.— „Россія увлекается рокомъ“ (La Russie est entraînée par la fatalité), сказалъ Наполеонъ въ приказѣ по войскамъ при движеніи къ Нѣману. Словами: „На зачинающаго Богъ“, оканчивается приказъ Александра своимъ арміямъ. Торжественный обѣтъ Александра не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока хоть одинъ человѣкъ изъ непріятельской арміи будетъ въ предѣлахъ Россіи, нашелъ отголосокъ въ каждомъ русскомъ, возвратилъ Государю прежнюю безусловную любовь и безграничную вѣру въ него.

Немедленно сдѣлано распоряженіе для сосредоточенія первой арміи у Свенцянъ; князю Багратіону послано приказаніе идти къ Вилейкѣ, а въ случаѣ невозможности это исполнить, направиться на Минскъ къ Борисову.

Планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы прорвать центръ нашего растянутаго положенія. Для этого онъ предполагалъ главную массу великой арміи (220.000) возможно поспѣшнѣе направить противъ первой арміи, оттѣснить ее, а потомъ одну часть двинуть вслѣдъ за первой арміей, другую же направить въ тылъ второй арміи, которая сначала временно должна быть удержана на мѣстѣ, а затѣмъ атакована съ фронта 80.000 короля Іеронима, которымъ предназначено было перейти Нѣманъ въ Гроднѣ нѣсколькими днями позже главныхъ силъ. Между этими двумя массами, противъ промежутка между первой и второй арміями, должны были наступать 80.000 человѣкъ вице-короля Евгенія Богарне, чтобы разобщить наши арміи и, въ случаѣ боя, содѣйствовать главнымъ французскимъ силамъ. Распорядившись такимъ образомъ, Наполеонъ считалъ уже соединеніе нашихъ армій невозможнымъ, выражаясь по поводу ожидаемаго имъ результата со свойственнымъ ему лаконизмомъ: „Теперь Багратіонъ съ Барклаемъ уже болѣе не увидятся“.

Въ видѣ послѣдней миролюбивой попытки и съ цѣлью сдѣлать извѣстнымъ Европѣ, что война начата не Россіею, Императоръ Александръ рѣшился послать къ Наполеону генералъ-адъютанта Балашова, съ собственноручнымъ письмомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ поручилъ ему сказать Наполеону словесно, что если онъ намѣренъ вступить въ соглашеніе, то переговоры могутъ тотчасъ же начаться, однако, съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы арміи его вышли за границу, въ противномъ же случаѣ Государь даетъ ему слово, пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принимать ни одного слова о мирѣ. Наполеонъ, торжественно отступивъ въ Вильну 16-го (28-го) іюня, принялъ здѣсь Балашова; онъ отклонилъ пред-

ложенія Императора Александра и въ письменномъ отвѣтѣ, между прочимъ, сказалъ: „Dieu même ne peut pas faire que ce qui a été n'ait pas été". Между тѣмъ, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вильны на зарѣ 14-го (26-го) іюня. Въ Свенцянахъ Императоръ Александръ призвалъ къ себѣ графа Аракчеева и просилъ, чтобы онъ опять вступилъ въ управленіе военными дѣлами. „Съ онаго числа", пишетъ графъ Аракчеевъ, „вся французскаа война шла черезъ мои руки, всѣ тайныя донесенія и собственноручныя повелѣнія Государя Императора". Хотя военныя дѣйствія начались отступленіемъ русскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе не сразу покинута была мысль дать сраженіе непріятелю. По вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы, лишь постепенно пришли къ убѣжденію, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ громадной численности великой арміи. Занявъ войсками первой арміи, 28-го іюня (10 іюля), дрисскій укрѣпленный лагерь, Императоръ Александръ, 4-го (16-го) іюля, писалъ фельдмаршалу Салтыкову: „До сихъ поръ, благодаря Всевышняго, всѣ наши арміи въ совершенной цѣлости; но тѣмъ мудренѣе и деликатнѣе становятся всѣ наши шаги. Одно фальшивое движеніе можетъ испортить все дѣло, противу непріятеля силами насъ превосходнѣе, можно сказать смѣло, на всѣхъ пунктахъ. Противу нашей первой арміи, составленной изъ 12-ти дивизій, у него ихъ 16-ть или 17-ть, кромѣ трехъ, направленныхъ въ Курляндію и на Ригу. Противу Багратіона, имѣющаго 6 дивизій, у непріятеля ихъ 11. Противу Тормасова одного силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столь же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться. Въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негоціаціи же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать съ помощью Божіею переборотъ его". Такимъ образомъ съ самаго начала войны усиленіе нашихъ боевыхъ средствъ на главномъ театрѣ дѣйствій являлось настоятельною необходимостью. Къ этой цѣли были отнынѣ направлены всѣ распоряженія Императора Александра: онѣ вскорѣ совершенно измѣнили первоначальный планъ дѣйствій, потерпѣвшій полнѣйшее крушеніе, и заключались, главнымъ образомъ, въ признаніи безусловной необходимости соединенія второй арміи съ первой, и въ возбужденіи народной войны.

Въ это время адмиралъ Шишковъ заболѣлъ и не могъ выходить изъ своей квартиры. „Мысль во время болѣзни моей.— пишетъ Шишковъ,—о скорой долженствующей на семъ мѣстѣ произойти битвѣ, представлялась мнѣ ежечасно. Безнадежность на успѣхъ нашего оружія и худыя отъ того послѣдствія крайне меня устрашали. Нѣсколько дней уже передъ симъ бродило у меня въ головѣ размышленіе, что, можетъ быть, положеніе наше приняло бы совсѣмъ иной видъ, если бы Государь оставилъ войска и возвратился черезъ Москву въ Петербургъ... Чѣмъ чаще помышлялъ я о семъ, тѣмъ болѣе возрастало во мнѣ желаніе произвесть намѣреніе мое въ дѣйствіе. Но какимъ образомъ? Единственное средство было написать письмо къ Государю". Шишковъ сочинилъ такое письмо и переписалъ его на-бѣло. Оставалось придумать средство, какимъ образомъ доставить эту бумагу въ руки Императора. Быть можетъ, недоумѣнія Шишкова продолжались бы еще долго, но на другой день, утромъ, флигель-адъютантъ Чернышевъ принесъ ему приказъ войскамъ, который Государь поручалъ ему просмотрѣть и исправить. Этотъ приказъ отъ имени Государя оканчивался словами: „*я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь*". Это выраженіе привело Шишкова въ отчаяніе, но въ то же время вдругъ воспламенило въ немъ духъ твердости. Онъ подчеркнулъ эти слова и сказалъ Чернышеву: „донесите Государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ, и что онъ не можетъ сего обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова". Это случайное обстоятельство заставило Шишкова вспомнить, что однажды Государь сказалъ ему: „Вы бы трое (разумѣя подъ симъ графа Аракчеева, Балашова и Шишкова) сходились иногда и что-нибудь между собою разсуждали".

Такимъ образомъ, приготовленное Шишковымъ письмо представлялось возможнымъ подать Императору за подписью

трехъ лицъ. Балашовъ согласился немедленно. Графъ Аракчеевъ колебался; когда ему доложили, что отъѣздъ Государя въ Москву представлялся единственнымъ средствомъ спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: „что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ не въ опасности ли Государь, оставаясь дольше при арміи". Шишковъ и Балашовъ отвѣчали: „конечно, ибо если Наполеонъ аттакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ Государемъ, а если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика". Послѣ этихъ объясненій графъ Аракчеевъ подписалъ бумагу и положилъ съ вечера на письменный столикъ Государя. Она была прочитана Александромъ утромъ, и при докладѣ Аракчеева Его Величество сказалъ ему: „Я читалъ ваше посланіе". Затѣмъ, на другой день (6-го іюля) къ ночи велѣно было приготовить коляски, чтобы ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву, а Шишкову поручено написать воззваніе первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Отнынѣ борьба съ Наполеономъ получила значеніе народной и священной войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ принято было еще другое, весьма важное рѣшеніе: Императоръ Александръ, убѣдившись въ полной несостоятельности дрисскаго лагеря, рѣшился вывести оттуда армію. Вслѣдствіе этого первая армія продолжала отступленіе сначала къ Витебску, а затѣмъ далѣе для соединенія съ второю арміею, осуществившагося, наконецъ, 22-го іюля (3-го августа) въ Смоленскѣ. Надежды Наполеона не оправдались: Багратіонъ встрѣтился съ Барклаемъ.

Одновременно съ распоряженіями, сопровождавшими отъѣздъ Императора Александра въ Москву, послѣдовала также перемѣна въ цѣли дѣйствій предположенной для дунайской арміи. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ адмирала Чичагова отъ 29-го іюня (11-го іюля), онъ сдѣлалъ неожиданное предложеніе занять Константинополь и тамъ предписать законы югу Европы. „Если Наполеонъ подвигается къ сѣверу", писалъ Чичаговъ, „будемъ подвигаться къ югу; если онъ пойдетъ къ Петербургу—заставимъ его трепетать за Константинополь, который занимаетъ его гораздо болѣе". Императоръ Александръ отвѣчалъ Чичагову 6-го (18-го) іюля, что предположенія его очень обширны, очень смѣлы, но кто можетъ ручаться за ихъ успѣхъ? „Вопросъ о Константинополѣ можетъ быть отложенъ до будущаго времени; лишь только наши дѣла противъ Наполеона пойдутъ хорошо, мы сейчасъ же можемъ возвратиться къ вашимъ предположеніямъ противъ турокъ и провозгласить тогда или славянскую, или греческую имперію (et alors proclamer soit l'empire des Slaves soit celui des Grecs). Но приступать къ ея исполненію теперь, когда мы должны бороться съ столькими затрудненіями и противъ силъ, превосходящихъ наши, было бы слишкомъ смѣло и неблагоразумно". На этомъ основаніи, Государь предлагалъ Чичагову выборъ между двумя предположеніями: дѣйствовать въ тылъ непріятелю „или со стороны Адріатическаго моря, приближаясь къ Тиролю и Швейцаріи, а оттуда къ сердцу Германіи и даже къ границамъ Франціи, или прямѣе—черезъ герцогство Варшавское, уничтожая тамъ все, что устроилъ непріятель, лишая его возможности извлекать новые способы изъ своего тыла".

Появленіе Императора Александра, вечеромъ 11-го (23-го) іюля, въ Москвѣ произвело всеобщее воспламененіе чувствъ и сердецъ, разлившееся по окрестностямъ ея и по всему пространству Россіи. Государь остановился въ Кремлѣ; при немъ находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, баронъ Штейнъ, генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій и графъ Комаровскій, и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Генералъ-адъютантъ князь Трубецкой прибылъ ранѣе, будучи отправленъ изъ д. Ляхова съ воззваніемъ и манифестомъ немедленно послѣ ихъ подписанія. Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ, жаждавшимъ видѣть Царя своего, котораго съ ними еще болѣе сроднила опасность, угрожавшая отечеству. Графъ Ростопчинъ имѣлъ полное основаніе писать барону Штейну, что если онъ желаетъ видѣть Императора, обожаемаго своимъ народомъ, то предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ. Александръ, выйдя въ 9 часовъ утра на Красное Крыльцо, остановился видимо растроганный представившимся зрѣлищемъ. Государь поклонился народу, и вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные возгласы многочисленнаго народа. Но рядомъ съ

обычнымъ ура смѣшались другіе возгласы: „веди насъ куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ". Началось шествіе къ Успенскому собору, замедляемое народомъ, который не могъ наглядѣться на Государя. „На каждой ступени Краснаго Крыльца, со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ,—пишетъ очевидецъ,—хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе; окружавшія его лица порывались раздвигать ряды. Императоръ, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте, не троньте ихъ, я пройду". Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ нему и сказалъ: „не унывай! видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи. Всѣ умремъ за тебя". Онъ передалъ словами то, что было на сердцѣ у каждаго. „Находившіеся при Государѣ генералъ-адъютанты", говоритъ другой очевидецъ, „принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довести Императора отъ Краснаго Крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ, громогласное ура заглушило почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время". При вступленіи Государя въ храмъ, пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина (викарія престарѣлаго митрополита Платона), воспѣли: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его".

Въ собраніи дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ, 15-го (27-го) іюля, Москва выразила Императору твердую рѣшимость спасти Россію пожертвованіями денегъ и людей. „Нельзя не быть тронуту до слезъ", писалъ Императоръ графу Салтыкову, „видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ". По возвращеніи Императора въ Кремль, къ нему вскорѣ явился графъ Ростопчинъ съ извѣстіемъ о сборѣ подпискою купечества 2.400.000 рублей, менѣе чѣмъ въ полчаса времени. Государь сказалъ графу Ростопчину, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву и что назначилъ такого генералъ-губернатора. Прощаясь, онъ ласково поцѣловалъ Ростопчина въ обѣ щеки; при этомъ присутствовали графъ Аракчеевъ и Балашовъ. „По выходѣ въ другую комнату", пишетъ графъ Ростопчинъ въ своихъ запискахъ о 1812 годѣ, „Аракчеевъ поздравилъ меня съ полученіемъ высшаго знака благоволенія, т.-е. поцѣлуя отъ Государя „Я,—прибавилъ онъ,—я, который служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ — никогда этого не получалъ". „Будьте увѣрены,—сказалъ мнѣ потомъ Балашовъ, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и никогда не проститъ этого поцѣлуя". Я разсмѣялся въ то время, но впослѣдствіи неопровержимые доводы убѣдили меня, что министръ полиціи былъ правъ и что онъ болѣе зналъ графа Аракчеева, нежели я". Императоръ Александръ, дѣйствительно, имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ своимъ пріѣздомъ въ Москву. Въ ней изъ военачальника онъ сталъ русскимъ царемъ и почувствовалъ силы народа. За большимъ обѣденнымъ столомъ, который былъ въ этотъ день во дворцѣ, (15-го іюля), онъ нѣсколько разъ повторялъ: „этого дня я никогда не забуду".

Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, тамъ получены были мирный трактатъ, заключенный съ Великобританіею въ Эребро, 6-го (18-го) іюля, и союзный договоръ, подписанный въ Великихъ Лукахъ 8-го (20-го) іюля, уполномоченными Россіи и испанскихъ кортесовъ. Еще ранѣе, въ Смоленскѣ, Императоръ Александръ получилъ 9-го (21-го) іюля ратификацію султаномъ Бухарестскаго мира, названнаго въ манифестѣ „Богодарованнымъ".

Въ Москвѣ Императоръ Александръ рѣшилъ также окончательно цѣль дѣйствій, предстоявшихъ дунайской арміи, и положилъ конецъ, какъ мечтательнымъ замысламъ адмирала-полководца, такъ и предположенной диверсіи въ тылъ непріятелю, въ Далмацію и Сѣверную Италію. Поэтому онъ, 18-го (30-го) іюля, писалъ къ Чичагову изъ Москвы: „Рѣшившись продолжать войну до послѣдней крайности (à toute outrance), я долженъ былъ позаботиться о собраніи новыхъ силъ въ помощь дѣйствующимъ войскамъ. Поэтому, я долженъ былъ рѣшиться провести нѣсколько дней въ средоточіи Имперіи, чтобы возбудить духъ всѣхъ сословій и подготовить къ новымъ пожертвованіямъ въ

пользу святаго дѣла, которое мы защищаемъ оружіемъ. Послѣдствія превзошли мои ожиданія: Смоленскъ мнѣ далъ 15.000 человѣкъ, Москва 80.000, Калуга 23.000. Каждый часъ я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній... остановитесь на другомъ предположеніи, которое я вамъ сообщалъ: переведите какъ можно скорѣе ваши войска черезъ Днѣстръ и слѣдуйте на Дубну. Тамъ подкрѣпитъ васъ армія Тормасова и корпусъ герцога Ришелье. Такимъ образомъ составится армія изъ 8 или 9 дивизій пѣхоты и 4 или 5 конницы, и вы будете въ состояніи дѣйствовать наступательно, смотря по обстоятельствамъ, или на Пинскъ, или на Люблинъ и Варшаву. Такое движеніе можетъ поставить Наполеона въ затруднительное положеніе и можетъ дать совершенно новое направленіе военнымъ дѣйствіямъ". Въ заключеніе Государь присовокупилъ: „Ayant fini avec Napoléon, nous reviendrons à l'instant sur nos pas, mais alors déjà pour créer un empire Slave".

Адмиралъ Чичаговъ предугадалъ намѣренія Императора Александра и уже по полученіи письма Государя отъ 6-го (18-го) іюля двинулъ свою армію къ Днѣстру на соединеніе съ Тормасовымъ.

Пробывъ въ первопрестольной столицѣ восемь дней, Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 18-го (30-го) на 19-е (31-го) іюля и прощаясь сказалъ графу Ростопчину, просившему приказаній и наставленій: „я даю вамъ полную власть дѣйствовать, какъ сочтете нужнымъ. Какъ можно предвидѣть въ настоящее время, что можетъ случиться? Я полагаюсь на васъ".—„Онъ оставилъ меня *полновластнымъ*", пишетъ Ростопчинъ, „вполнѣ облеченнымъ его довѣренностью и въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи импровизатора, которому задали задачу: *Наполеонъ* и *Москва*".

Императоръ Александръ остановился на одни сутки въ Твери у Великой Княгини Екатерины Павловны и прибылъ въ Петербургъ къ 22-му іюля—дню тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Вскорѣ послѣ возвращенія на Каменный островъ, Императоръ Александръ, разговаривая съ фрейлиной Р. С. Стурдзою, коснулся патріотизма и народной силы. „Мнѣ жаль только, что я не могу, какъ бы желалъ, соотвѣтствовать преданности чуднаго народа (admirable nation) замѣтилъ Александръ—„Какъ же это, Государь? Я Васъ не понимаю", возразила его собесѣдница.—„Да, этому народу нуженъ вождь, способный его вести къ побѣдѣ; а я, по несчастью, не имѣю для того ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость протекла въ тѣни двора (à l'ombre d'une cour); если бы меня тогда же отдали къ Суворову или Румянцову, они меня научили бы воевать, и, можетъ быть, я съумѣлъ бы предотвратить бѣдствія, которыя теперь намъ угрожаютъ".—„Ахъ, Государь, не говорите этого. Вѣрьте, что Ваши подданные знаютъ Вамъ цѣну и ставятъ Васъ во сто кратъ выше Наполеона и всѣхъ героевъ на свѣтѣ".—„Мнѣ пріятно этому вѣрить, потому что вы это говорите; но у меня нѣтъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы исполнить, какъ бы я желалъ, должность, которую я занимаю; но, по крайней мѣрѣ, не будетъ у меня недостатка въ мужествѣ и въ силѣ воли, чтобы не погрѣшить противъ моего народа въ настоящій страшный кризисъ. Если мы не дадимъ непріятелю напугать насъ, онъ можетъ разрѣшиться къ нашей славѣ. Непріятель разсчитываетъ поработить насъ миромъ; но я убѣжденъ, что если мы настойчиво отвергнемъ всякое соглашеніе, то въ концѣ концовъ восторжествуемъ надъ всѣми его усиліями". — „Такое рѣшеніе, Государь, достойно Вашего Величества и единодушно раздѣляется народомъ". — „Это и мое убѣжденіе; я требую только отъ него не ослабѣвать въ усердіи къ великодушнымъ жертвамъ и я увѣренъ въ успѣхѣ. Лишь бы не падать духомъ, и все пойдетъ хорошо. (Point de découragement, et tout ira bien)".

Въ это время въ Петербургъ прибыла г-жа Сталь, которая, преслѣдуемая Наполеономъ, явилась въ Россію, какъ въ послѣднее убѣжище угнетенныхъ. Императоръ Александръ удостоилъ знаменитую изгнанницу продолжительной бесѣды, которой она посвящаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія признательныя строки: „Je fus très touchée de la simplicité noble avec laquelle il aborda les grands intérêts de l'Europe, dès les premières phrases qu'il voulut bien m'adresser. J'ai toujours considéré comme un signe de médiocrité cette crainte de traiter les questions sérieuses, qu'on a inspirée à la plupart des souverains

de l'Europe; ils ont peur de prononcer des mots qui aient un sens réel. L'Empereur Alexandre, au contraire, s'entretint avec moi comme l'auraient fait les hommes d'Etat de l'Angleterre, qui mettent leur force en eux-mêmes, et non dans les barrières dont on peut s'environner. L'Empereur Alexandre, que Napoléon a tâché de faire méconnaître, est un homme d'un esprit et d'une instruction remarquables, et je ne crois pas qu'il pût trouver dans son empire un ministre plus fort que lui dans tout ce qui tient au jugement des affaires et à leur direction. Il ne me cacha point qu'il regrettait l'admiration à laquelle il s'était livré dans ses rapports avec Napoléon„...L'Empereur Alexandre peignait cependant avec beaucoup de sagacité l'effet qu'avaient produit sur lui ces conversations de Bonaparte, dans lesquelles il disait les choses les plus opposées, comme si l'on avait dû toujours s'étonner de chacune, sans songer qu'elles étaient contradictoires. Il me racontait aussi les leçons à la Machiavel que Napoléon avait cru convenable de lui donner... Une âme noble ne peut être trompée deux fois par la même personne. Alexandre donne et retire sa confiance avec la plus grande réflexion. Sa jeunesse et ses avantages extérieurs ont pu seuls, dans le commencement de son règne, le faire soupçonner de légèreté; mais il est sérieux, autant que pourrait l'être un homme qui aurait connu le malheur. Alexandre m'exprima ses regrets de n'être pas un grand capitaine: je répondis à cette noble modestie qu'un souverain était plus rare qu'un général et que soutenir l'esprit public de sa nation par son exemple, c'était gagner la plus importante des batailles, et la première qui eût été gagnée. L'Empereur me parla avec enthousiasme de sa nation et de tout ce qu'elle était capable de devenir. Il m'exprima le désir, que tout le monde lui connaît, d'améliorer l'état des paysans, encore soumis à l'esclavage. „Sire, lui dis-je, votre caractère est une constitution pour votre empire, et votre conscience en est la garantie.—Quand cela serait, me répondit-il, je ne serais jamais qu'un accident heureux". Belles paroles, les premières, je crois, de ce genre qu'un monarque absolu ait prononcées! Que de vertus il faut pour juger le despotisme en étant despote! et que de vertus pour n'en jamais abuser, quand la nation qu'on gouverne s'étonne presque d'une si grande modération".

Тѣмъ временемъ извѣстія, получаемыя изъ арміи, продолжали быть неблагопріятными. Необходимость назначенія общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго становилась все болѣе очевидною, въ особенности въ виду разномыслія, возникшаго между Барклаемъ и княземъ Багратіономъ. Рѣшеніе этого вопроса было поручено чрезвычайному комитету, составленному изъ графа Салтыкова, генерала Вязмитинова, графа Аракчеева, генералъ-адъютанта Балашова, князя Лопухина и графа Кочубея. Въ засѣданіи 5-го (17-го) августа всѣ члены комитета единогласно постановили ввѣрить Кутузову начальство надъ всѣми арміями, предоставить ему одному власть, опредѣленную положеніемъ о большой дѣйствующей арміи, и предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положено было предоставить управленіе военнымъ министерствомъ князю Горчакову. Императоръ Александръ, хотя и неохотно утвердилъ мнѣніе комитета, однако, призвавъ къ себѣ Кутузова въ Каменноостровскій дворецъ, объявилъ ему, 8-го (20-го) августа, назначеніе въ главнокомандующіе всѣми русскими арміями и ополченіями. Государь уполномочилъ Кутузова дѣйствовать по усмотрѣнію. Одно строжайше запрещалъ ему Александръ: вступать въ переговоры съ Наполеономъ, и приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми жителями, которые въ отношеніе къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ. Назначеніе Кутузова (возведеннаго еще 29-го іюля въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости) встрѣчено было съ восторгомъ во всей Россіи; даже порицатели его сознавали, что никто не могъ замѣнить его въ то время, когда Наполеонъ неудержимо двигался въ самое сердце Имперіи.

„*Я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона*", сказалъ Кутузовъ въ тѣсномъ родственномъ кругу, передъ отъѣздомъ въ армію 11-го (23-го) августа. Прощаясь съ Государемъ, Кутузовъ увѣрилъ его, что онъ скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допуститъ непріятеля къ Москвѣ (l'ennemi n'arriverait à Moscou qu'en passant sur son corps). Узнавъ о назначеніи

новаго главнокомандующаго, Наполеонъ назвалъ его: „*le vieux renard du Nord*“. Постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ, замѣтилъ Кутузовъ, когда ему сдѣлался извѣстнымъ этотъ отзывъ.

Переѣздъ главнокомандующаго отъ столицы до главной квартиры арміи имѣлъ видъ торжественнаго шествія. Кутузовъ прибылъ къ арміи 17-го (29-го) августа и засталъ ее на позиціи у Царева-Займища, избранной Барклаемъ для рѣшительнаго боя. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, онъ сказалъ, смотря на солдатъ: „можно-ли все отступать съ такими молодцами“. Тѣмъ не менѣе, признавъ мѣстность невыгодною для сраженія и желая сблизиться съ приближающимися подкрѣпленіями, Кутузовъ приказалъ продолжать прерванное отступленіе и остановился на Бородинской позиціи, въ 11-ти верстахъ передъ Можайскомъ.

Назначивъ Кутузова главнокомандующимъ, Императоръ Александръ отправился 10-го (22-го) августа въ Або для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, желая личнымъ знакомствомъ скрѣпить союзъ съ Швеціею, заключенный еще 24-го марта (5-го апрѣля) 1812 года. Когда во время переговоровъ Бернадотъ коснулся возвращенія Швеціи Аландскихъ острововъ, Государь отвѣчалъ ему: „Съ удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу вашего высочества, если бы не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что такая уступка повредитъ мнѣ во мнѣніи народа. Для меня лучше отдать вамъ Ригу съ островами Эзелемъ и Даго, но только въ залогъ до совершеннаго исполненія заключенныхъ между нами условій“. Когда же принцъ сказалъ, что слово Императора Александра для него важнѣе всякаго залога, Государь, пожавъ ему руку, отвѣчалъ, что онъ никогда не забудетъ столь высокаго довѣрія. Не слѣдуетъ забывать, что эти слова были сказаны, когда Александръ получилъ извѣстіе о занятіи Наполеономъ, 6-го (18-го) августа, Смоленска. Очарованный увлекательнымъ обращеніемъ Императора Александра, Бернадотъ отказался отъ своихъ требованій и довольствовался прежнею уступкою Норвегіи, подтвержденною особою ковенціею, заключенною 18-го (30-го) августа. Кромѣ того, Швеція обязывалась, въ случаѣ расширенія предѣловъ Россійской Имперіи до Вислы, признать такое пріобрѣтеніе справедливымъ вознагражденіемъ пожертвованій и усилій, сдѣланныхъ въ войнѣ противъ общаго врага. Наслѣдный принцъ простеръ свою предупредительность еще далѣе и предложилъ Государю усилить корпусъ графа Витгенштейна, прикрывающаго дорогу въ Петербургъ, войсками, находящимися въ Финляндіи и предназначенными для содѣйствія шведамъ при завоеваніи Норвегіи. „Вашъ поступокъ прекрасенъ“, отвѣчалъ Государь, „но могули я принять такое предложеніе? Если я это сдѣлаю, то какимъ образомъ вы получите Норвегію“.—„Ежели успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ“, сказалъ наслѣдный принцъ, „я получу ее. Вы сдержите ваше обѣщаніе. Если же вы будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію; всѣ государи будутъ подчинены произволу Наполеона, и тогда лучше быть простымъ пахаремъ, нежели царствовать при такихъ условіяхъ“. Принявъ предложеніе наслѣднаго принца, Императоръ Александръ повелѣлъ войска, собранныя въ Финляндіи, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, отправить моремъ въ Ревель, откуда они выступили къ Двинѣ для содѣйствія графу Витгенштейну.

30-го августа (11-го сентября) въ Петербургѣ было получено донесеніе Кутузова о сраженіи 26-го августа (7-го сентября) при Бородинѣ, которое „*кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами*“. Затѣмъ главнокомандующій присовокупилъ, что, *ночевавъ на мѣстѣ сраженія*, онъ въ виду громадныхъ потерь, понесенныхъ арміею, отступилъ за Можайскъ. Потеря съ каждой стороны простиралась до 40.000 человѣкъ. По мѣткому выраженію Ермолова, „*французская армія расшиблась о русскую*“. Хотя Императоръ Александръ не былъ введенъ въ заблужденіе относительно истиннаго значенія Бородинскаго побоища, но, желая поддержать въ народѣ надежду на успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ и довѣріе къ Кутузову, принялъ донесеніе, какъ извѣстіе о побѣдѣ. Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршалы и ему пожаловано сто тысячъ рублей. Барклай де-Толли награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, а смертельно раненый князь Багратіонъ пятьюдесятью тысячами рублей.

Орденъ св. Георгія 3-й степени получили 14 генераловъ. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по пяти рублей на каждаго.

Въ Петербургѣ наступила минута томительнаго ожиданія. Между тѣмъ Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, привелъ армію къ Москвѣ и 1-го (13-го) сентября собралъ въ д. Филяхъ военный Совѣтъ. Здѣсь рѣшилась участь первопрестольной столицы. Послѣ продолжительныхъ преній, Кутузовъ заключилъ совѣщаніе, сказавъ: „Je sens que je paierai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite". Уже къ ночи графъ Ростопчинъ получилъ отъ Кутузова слѣдующее письмо: „Непріятель, отдѣлилъ колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ; невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе вынуждаютъ меня съ горестію Москву оставить. Армія идетъ на рязанскую дорогу". Такимъ образомъ графъ Ростопчинъ получилъ первое увѣдомленіе о намѣреніи Кутузова оставить Москву только за нѣсколько часовъ до появленія французовъ въ виду города; при такихъ обстоятельствахъ Ростопчинъ сдѣлалъ возможное и принялъ всѣ мѣры для зажженія столицы по выступленіи арміи. Когда, 2-го (14-го) сентября, Наполеонъ прибылъ къ Дарагомиловской заставѣ, онъ ожидалъ найти здѣсь депутацію съ мольбою о пощадѣ города, но, вмѣсто того, получилъ донесеніе объ оставленіи Москвы ея жителями: „Moscou déserte! Quel évènement invraisemblable. Il faut y pénétrer. Allez et amenez moi les boyards", сказалъ онъ графу Дарю, отправляя его въ городъ для отысканія „бояръ". Переночевавъ въ предмѣстьи, Наполеонъ, утромъ 3-го (15-го) сентября, перенесъ главную квартиру свою въ Кремль; начавшіеся уже наканунѣ пожары не прекращались, и въ ночи съ 3-го на 4-е сентября огонь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, охватилъ большую часть города. Въ полдень огонь достигъ Кремля; Наполеонъ вынужденъ былъ искать убѣжища въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ онъ оставался до 6-го (18-го) сентября, когда пожаръ началъ стихать. $^{9}/_{10}$ города сдѣлались добычею пламени

Только 7-го (19-го) сентября Императоръ Александръ получилъ черезъ Ярославль краткое донесеніе графа Ростопчина о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву. На другой день, 8-го (20-го) сентября, роковая вѣсть о занятіи французами первопрестольной столицы подтвердилась донесеніемъ фельдмаршала, привезеннымъ полковникомъ Мишо. Кутузовъ писалъ, что послѣ кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго, сраженія 26-го августа, имѣя подъ своимъ начальствомъ совершенно разстроенную армію и будучи угрожаемъ обходами съ обоихъ фланговъ, онъ, по совѣщаніи съ первенствующими генералами, рѣшился, для спасенія остатковъ арміи, оставить Москву, откуда всѣ сокровища, арсеналъ и почти всѣ имущества, казенныя и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель не остался. Затѣмъ упоминалось еще о фланговомъ движеніи къ тульской дорогѣ для прикрытія „пособій, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленныхъ" и для угрожения непріятельскимъ сообщеніямъ. Донесеніе оканчивалось слѣдующими словами: „пока армія В. И. В. цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочемъ, В. И. В. Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ".

Это печальное извѣстіе не поколебало, однако, рѣшимость Императора Александра продолжать войну. Выслушавъ донесеніе Мишо, онъ обратился къ нему съ слѣдующими достопамятными словами: „Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, скажите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, то я созову мое дорогое дворянство и добрыхъ крестьянъ, что я буду предводительствовать ими и пожертвую всѣми средствами моей Имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ непріятели думаютъ. Но ежели назначено судьбою и Промысломъ Божіимъ династіи моей болѣе не царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу стыдъ моего отечества и дорогихъ моихъ под-

данныхъ, коихъ пожертвованія умѣю цѣнить.—Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я его узналъ, онъ болѣе не обманетъ меня! (Napoléon ou moi, moi ou lui, nous ne pouvons plus régner ensemble; j'ai appris à le connaître, il ne me trompera plus)".

„Потеря Москвы", писалъ Александръ шведскому наслѣдному принцу, 19-го сентября (1-го октября), „даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны (après cette plaie, toutes les autres ne sont que des égratignures). Нынѣ, болѣе нежели когда-либо, я и народъ, во главѣ котораго имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами Имперіи, нежели мириться съ Аттилою новѣйшихъ временъ". Письмо Наполеона, отъ 8-го (20-го) сентября, изъ Москвы, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, оставлено безъ отвѣта.

Извѣщая объ этомъ наслѣднаго принца шведскаго, Императоръ Александръ прибавилъ: „Elle ne contient d'ailleurs que des fanfaronnades". Рѣшимость Государя не мириться съ Наполеономъ не раздѣлялась всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ не было недостатка. Поборники мира: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ изъявляли сомнѣніе въ успѣхѣ борьбы съ Наполеономъ. Но Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи и напоминалъ Кутузову, что онъ еще обязанъ отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы. Графъ Жозефъ де-Местръ писалъ: „Императоръ твердъ и слышать не хочетъ о мирѣ (L'Empereur tient bon et ne veut pas qu'on parle de paix).

Императрица Елисавета Алексѣевна вполнѣ раздѣляла этотъ взглядъ, усвоенный Государемъ съ самаго начала его борьбы съ Наполеономъ; она съ замѣчательною проницательностью вѣрно оцѣнила обстановку, среди которой совершались потрясающія событія 1812 года. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ ея переписка. Въ самый день Бородинской битвы, Императрица писала своей матери, маркграфинѣ Амаліи: „Nous sommes préparés à tout, à la vérité—hormis des négociations. Plus Napoléon s'avancera—moins il doit croire une paix possible. C'est le sentiment unanime de l'Empereur et de toute la nation dans toutes ses classes. Et grâces au Ciel il existe la plus parfaite harmonie à cet égard. C'est sur quoi Napoléon ne comptait pas, il s'est trompé en ceci comme en bien des choses. Chaque pas qu'il fait dans cette immense Russie l'approche davantage de l'abime. Nous verrons comment il y supportera l'hivers". 28-го августа (9-го сентября) Императрица продолжаетъ: „Si les circonstances actuelles ont des côtés pénibles par toutes les souffrances et les malheurs individuels qu'elles occasionnent, elles en offrent aussi de sublimes et d'un genre qui ne se rencontrent que de loin en loin dans l'histoire du monde, puisque heureusement pour l'humanité des époques comme celle où nous vivons ne sont pas fréquentes. Il faut voir et entendre journellement comme nous des preuves de patriotisme et de dévouement et d'une bravoure héroique dans tous les rangs militaires et civiles pour ne pas les croire exagérés. Ah, cette brave nation montre bien ce qu'elle est et ce que ceux qui la comprenaient savaient depuis longtemps, malgré qu'on s'obstinait à la traiter de barbare... Du moment que Napoléon eut passé les frontières c'était comme une étincelle éléctrique qui s'étendit dans toute la Russie, et si l'immensité de son étendue avait permis que dans le même moment on en soit instruit dans tous les coins de l'Europe, il se serait élevé un cri d'indignation si terrible qu'il aurait je crois retenti au bout de l'univers. A mesure que Napoléon avance ce sentiment s'élève davantage. Des vieillards qui ont perdu tout leur bien, ou à peu près, disent: *nous trouverons moyen de vivre, tout est préférable à une paix honteuse.* Des femmes qui ont tous les leurs à l'armée ne regardent les dangers qu'ils courent que comme secondaires et ne craignent que la paix. Cette paix qui serait l'arrêt de mort de la Russie *ne peut pas* se faire heureusement; l'Empereur n'en conçoit pas l'idée, et quand même il le voudrait, *il ne le pourrait pas.* Voilà le beau héroique de notre position. Les agréments journaliers ne manquent pas. Les sentiments et les opinions qui pen-

dant ces cinq ans avaient été réprimés, contraints et froissés à chaque instant, se dilatent journellement à présent. De tous côtés accourent des gens de tête et de mérite que la petitesse tyrannique de Napoléon obligeait de se cacher ou de fuir le continent. Enfin nous nous retrouvons ici en bonne compagnie: il règne une activité pour la bonne cause dont le bienfait est sensible à mon âme qui depuis tant d'années se meurt de l'atmosphère envenimée qui l'entourait. Les Anglais qui accourent de toute part, Espagnols et Allemands martyrs de la bonne cause — tout cela ne fait qu'une famille; on s'embrasserait avec des Turcs comme avec des frères s'ils montraient le même zèle pour le bien général". Занятіе и пожаръ Москвы нисколько не поколебали рѣшимость Императрицы; убѣжденія ея не измѣнились, и 24-го сентября (6-го октября) она пишетъ: „Napoléon en entrant à Moscou n'a trouvé rien de ce qu'il espérait; il comptait sur un public, il n'y en avait plus, tout avait quitté; il comptait sur des ressources, il n'a presque rien trouvé; il comptait sur l'effet moral, le découragement, l'abattement qu'il causerait à la nation—il n'a fait qu'exciter la rage et le désir de vengeance; il comptait que la paix serait le résultat final de tout ceci... Pétersbourg même dut - il subir le même sort, l'Empereur serait également éloigné de l'idée d'une paix honteuse... Au reste, quelles que soient encore les épreuves par lesquelles nous soyons encore destinés à passer, dès que Napoléon ne peut pas espérer la paix, de l'avis de tout le monde, il se trouvera dans une fort mauvaise position à mesure qu'il prolongera son séjour en Russie".

Вообще Императрица Елисавета Алексѣевна, всегда склонная къ высокимъ движеніямъ души, старалась нѣжною предупредительностью утѣшать Государя, во время тяжелыхъ для него испытаній „Это его тронуло,—пишетъ графиня Эделингъ,—и во дни страшнаго бѣдствія пролился въ сердца ихъ лучъ взаимнаго счастія".

Вступленіе Наполеона въ Москву побудило правительство принять мѣры предосторожности на случай движенія непріятеля къ Петербургу и сдѣлать заблаговременно распоряженія для вывоза изъ столицы драгоцѣнностей. На случай занятія непріятелемъ Петербурга зимою, усиливали укрѣпленія Кронштадта и предположено отослать въ Англію стоявшій тамъ флотъ.

Императоръ Александръ, хотя и ощущалъ глубокую скорбь, но, скрывая снѣдавшую его грусть, усвоилъ себѣ видъ спокойствія и бодраго самоотреченія, которое сдѣлалось потомъ отличительною чертою его характера. Забывая про опасности, которыя могли грозить его жизни, онъ предавался новымъ для него размышленіямъ. Изъ деиста онъ постепенно обратился въ вѣрующаго христіанина. Гибель Москвы потрясла его до глубины души: онъ не находилъ ни въ чемъ утѣшенія и признавался товарищу своей молодости, князю Александру Николаевичу Голицыну, что ничто не могло разсѣять мрачныхъ его мыслей. Князь Голицынъ самый легкомысленный, блестящій и любезный изъ царедворцевъ, незадолго передъ тѣмъ остепенился и сталъ читать Библію съ ревностью новообращеннаго человѣка. Робко предложилъ онъ Александру почерпнуть утѣшеніе изъ того же источника. Государь ничего не отвѣчалъ; но черезъ нѣсколько времени, придя къ Императрицѣ, спросилъ, не можетъ-ли она дать ему почитать Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ новый для него кругъ понятій. Онъ сталъ подчеркивать карандашемъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ собственному положенію, и когда перечитывалъ ихъ вновь, ему казалось что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣевалъ его заблужденія. „Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу", сказалъ впослѣдствіи Александръ, „и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога". Пламенная и искренняя вѣра проникла къ нему въ сердце; онъ почувствовалъ себя укрѣпленнымъ. „Про эти подробности", пишетъ графиня Эделингъ „я узнала много времени спустя, отъ него самого. Онѣ будутъ занимательны для людей, которые его знали и которые не могли надивиться внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ. Его умственныя и нравственныя

способности пріобрѣли новый, болѣе широкій полетъ; сердце его удовлетворилось, потому что онъ могъ полюбить самое прекрасное, что есть на свѣтѣ, т.-е. Богочеловѣка. Чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ".

Вотъ разсужденія, которыми сопровождаетъ перемѣну міросозерцанія непосредственный очевидецъ роковыхъ событій, видоизмѣнившихъ надолго строй европейской мысли. Въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдались слова одного мыслителя: идеи— это тѣнь приближающихся событій.

Среди безпримѣрныхъ политическихъ тревогъ настало 15-е сентября, день коронаціи Императора Александра. Сильный ропотъ раздавался въ столицѣ. Среди раздраженнаго и встревоженнаго народа могли вспыхнуть волненія. Дворянство громко винило Александра въ бѣдствіяхъ государства, и въ обществѣ почти никто не осмѣливался выступить его защитникомъ и опровергать нелѣпые слухи и клеветы, распространяемые про дворъ. Уговорили Государя, на этотъ разъ, не ѣхать по городу верхомъ, а прослѣдовать въ Казанскій соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Императрицами. Тутъ въ первый и послѣдній разъ онъ уступилъ совѣту осторожной предусмотрительности; но поэтому можно судить, какъ велики были опасенія. Царскій поѣздъ встрѣтила пасмурная и мрачно-молчаливая толпа. „Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ", пишетъ графиня Эделингъ, „когда мы вступали въ церковь, слѣдуя посреди толпы, ни единымъ возгласомъ не заявлявшей своего присутствія. Можно было слышать наши шаги, а я была убѣждена, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось. Я взглянула на Государя, поняла, что происходитъ въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣна подо мною подгибаются".

Между тѣмъ Кутузовъ, отступая съ арміею по рязанской дорогѣ, предпринялъ оттуда знаменитое свое фланговое движеніе на старую калужскую дорогу, на которое онъ уже намекалъ въ донесеніи отъ 4-го (16-го) сентября. Войска потянулись, въ виду зарева Москвы, къ Подольску и Красной Пахрѣ и оттуда отошли къ Тарутину, гдѣ заняли 20-го сентября (2-го октября) позицію за р. Нарою. Армія здѣсь безпрепятственно отдохнула, оправилась и усилилась прибывшими подкрѣпленіями. Поднялась народная война и начались успѣшныя партизанскія дѣйствія на сообщеніяхъ непріятеля. Послѣдовали также перемѣны по личному составу арміи: Барклай-де-Толли получилъ отъ фельдмаршала увольненіе въ отпускъ; его мѣсто занялъ генералъ Тормасовъ, армія котораго подчинена Чичагову. Дежурнымъ генераломъ назначенъ Коновницынъ. Кутузовъ, оставаясь видимо въ бездѣйствіи, разставлялъ сѣти Наполеону. Сознавая, что занятіе Москвы послужитъ къ гибели французской арміи, онъ всѣми мѣрами старался продлить пребываніе враговъ среди развалинъ столицы; для достиженія этой цѣли, онъ прибѣгалъ къ искусно распускаемымъ слухамъ относительно слабости и бѣдственнаго положенія русской арміи, и общаго желанія мира, составляющаго, будто бы, единственное средство къ спасенію Имперіи. Всѣ эти мѣры содѣйствовали къ удержанію Наполеона въ Москвѣ, поддерживая въ немъ надежду на полученіе мирныхъ предложеній со стороны Императора Александра.

Подобный образъ дѣйствій Кутузова не былъ встрѣченъ сочувственно ни при дворѣ, ни въ обществѣ, ни даже среди арміи. Императоръ Александръ, по прежнему, не любилъ Кутузова; очищеніе Москвы, конечно, не послужило къ упроченію довѣрія Государя къ главнокомандующему, назначеніе котораго состоялось единственно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, взволнованнаго появленіемъ непріятеля въ сердцѣ Россіи. Къ тому же, въ недоброжелателяхъ у Кутузова вообще не было недостатка. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ его противниковъ былъ графъ Ростопчинъ; въ письмахъ къ Государю, московскій главнокомандующій, осуждая бездѣйствіе и преступное, по его мнѣнію, равнодушіе фельдмаршала, называлъ Кутузова: „une vieille femme commère qui a perdu la tête et croit faire quelque chose en ne faisant rien". Поэтому Ростопчинъ совѣтовалъ отозвать этого стараго болвана и царедворца (ce vieux imbécile et courtisan). Въ письмахъ Ростопчина къ графу П. А. Толстому, встрѣчаются еще болѣе рѣзкіе отзывы. „Кутузовъ", пишетъ Ростопчинъ, „самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и раз-

вратной жизни почти въ ребячество, спитъ, ничего не дѣлаетъ". Въ руководящихъ сферахъ немногіе отдавали должную справедливость Кутузову, какъ, напр., генералъ *Кнорринг*, который по поводу обвиненія Кутузова въ томъ, что онъ спитъ по 18-ти часовъ въ сутки сказалъ: „Слава Богу, что онъ спитъ; каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды". Послѣ этого неудивительно, что переписка Императора Александра съ Кутузовымъ представляетъ не мало случаевъ сдержаннаго неудовольствія Государя, требовавшаго, чтобы немедленно были открыты рѣшительныя дѣйствія противъ непріятельской арміи. Укажемъ на два примѣра. 23-го сентября (4-го октября) Кутузовъ допустилъ въ свою главную квартиру генерала Лористона, прибывшаго къ нему съ письмомъ Наполеона. „Cette guerre singulière cette guerre, inouie doit-elle donc durer éternellement", сказалъ Лористонъ фельдмаршалу, „l'Empereur mon maître a un desir sincère de terminer ce différend entre deux nations grandes et généreuses et à les terminer pour jamais". Кутузовъ отвѣчалъ: не имѣю на то никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи слово миръ ни разу не упомянуто; „je serais maudit par la postérité", присовокупилъ Кутузовъ, „si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation". Затѣмъ Лористонъ просилъ Кутузова испросить у Императора Александра разрѣшенія ему, Лористону, прибыть въ Петербургъ, и предложилъ въ ожиданіи отвѣта заключить перемиріе. Фельдмаршалъ обѣщалъ донести Государю о желаніи Наполеона, но въ перемиріи отказалъ. Получивъ донесеніе Кутузова, Императоръ Александръ изъявилъ ему свое неудовольствіе въ слѣдующемъ рескриптѣ, отъ 9-го (21-го) октября: „Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ. При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ. Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ такою же рѣшимостью повторить вамъ: дабы сіе принятое мною правило, было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо... Всѣ свѣдѣнія отъ меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество". Другой выговоръ, полученный Кутузовымъ, былъ еще болѣе строгимъ. Фельдмаршалъ поручилъ одинъ отрядъ, сформированный большею частью изъ ополченія, генералъ-маіору князю Яшвилю, жительствовавшему въ Калужской губерніи. Между тѣмъ оказалось, что князь Яшвиль находится подъ надзоромъ полиціи, вслѣдствіе чего Императоръ Александръ писалъ Кутузову 3-го (15-го) октября: „Вы сами себѣ приписали право, которое я одинъ имѣю, что поставляю вамъ на замѣчаніе, предписываю немедленно послать Яшвиля смѣнить и отправить его въ Симбирскъ подъ строгій надзоръ къ губернатору". Посылая графу Аракчееву собственноручно написанный черновой отпускъ этого рескрипта, Государь на обложкѣ написалъ карандашемъ: „*какое канальство*". 31-го октября (12-го ноября), Кутузовъ отвѣтилъ немногими строками: „В. И. В. имѣю счастіе донести, что отставной генералъ-маіоръ Яшвиль въ деревню свою возвратился".

Еще до занятія французами Москвы, на другой день по полученіи извѣстія о Бородинскомъ сраженіи, Императоръ Александръ отправилъ къ Кутузову, 31-го августа (12 сентября), флигель-адъютанта Чернышева съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, имѣвшимъ цѣлью совокупными усиліями всѣхъ нашихъ армій запереть Наполеону выходъ изъ Россіи. Сущность плана, составленнаго Императоромъ Александромъ, заключалась въ томъ, чтобы русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ театра войны (на Двинѣ и на Западномъ Бугѣ), усилясь подкрѣпленіями, оттѣснили стоявшаго противъ нихъ непріятеля и потомъ направились въ тылъ великой арміи Наполеона, аттакованной въ то же время съ фронта нашими главными силами. Чернышевъ нашелъ главную квартиру въ Красной-Пахрѣ, на старой калужской дорогѣ. Хотя

взаимное положеніе противниковъ измѣнилось, но привезенный планъ не потерялъ своего значенія и былъ выполненъ въ его основныхъ чертахъ; но главная его цѣль загородить Наполеону выходъ на берегахъ Березины вслѣдствіе частыхъ ошибокъ исполнителей, не была достигнута.

Наконецъ, тяжелые дни, переживаемые Императоромъ Александромъ, миновали и проявилась надежда на лучшее будущее, когда 15-го (27-го) октября изъ арміи вторично прибылъ въ Петербургъ полковникъ Мишо, но на этотъ разъ съ радостнымъ извѣстіемъ о Тарутинскомъ сраженіи (6-го (18-го) октября). Посланный доложилъ также Государю о желаніи войскъ, чтобы онъ лично принялъ надъ ними начальство. Императоръ Александръ отвѣчалъ: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ, и если бы теперь внялъ только одному этому чувству, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился въ армію. Принимая во вниманіе невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи нашей, неисчерпаемыя средства Имперіи, приготовленныя мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя мною въ молдавскую армію,—я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема и что намъ остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если буду при арміи, то вся слава отнеслась бы ко мнѣ, и что я занялъ бы мѣсто въ исторіи; но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ непріятелемъ моимъ, и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь дѣтей моихъ, тогда, не смотря на мое честолюбіе я готовъ охотно пожертвовать личною славою для блага арміи. Пусть пожинаютъ лавры тѣ, которые болѣе меня достойны ихъ; возвратитесь въ главную квартиру, поздравьте князя Михаила Илларіоновича съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріятеля изъ Россіи, и что тогда я поѣду къ нему на встрѣчу и ввезу его торжественно въ столицу".

22-го октября полковникъ Мишо былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ это время участь великой арміи уже окончательно рѣшилась. Съ потерею надежды на миръ, Наполеонъ сталъ готовиться къ отступленію. Пораженіе его авангарда у Тарутина, 6-го (18-го) октября, ускорило выступленіе французовъ изъ Москвы, которое началось въ тотъ же день вечеромъ. Намѣреніе Наполеона двинуться сперва по старой калужской дорогѣ, соединиться съ авангардомъ Мюрата, и потомъ, перейдя на новую калужскую дорогу, выдти на путь, ведущій отъ Калуги къ Смоленску—привело 12-го (24-го) октября къ сраженію при Мало-Ярославцѣ. Городъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и хотя послѣ 18-ти часоваго боя уступленъ французамъ, но зато Кутузовъ успѣлъ сосредоточить къ югу отъ него, въ $2^1/_2$ верстахъ, всю армію.

Здѣсь, справедливо замѣчаетъ графъ Сегюръ, остановилось завоеваніе вселенной, исчезли плоды двадцатилѣтнихъ побѣдъ и началось разрушеніе всего, что думалъ создать Наполеонъ. Теперь фельдмаршалу предстояло рѣшить вопросъ: дать ли генеральное сраженіе для уничтоженія французской арміи, и тѣмъ покончить кампанію сразу, или же стремиться къ той же цѣли болѣе осторожнымъ путемъ. Кутузовъ остановился на послѣднемъ рѣшеніи. „*Все это развалится и безъ меня* (Tout cela s'effondrera sans moi)", говорилъ Кутузовъ нетерпѣливымъ сторонникамъ рѣшительныхъ дѣйствій. Англійскому генералу Вильсону, находившемуся въ русской главной квартирѣ онъ высказалъ свою мысль еще болѣе опредѣлительно: „Я предпочитаю построить золотой мостъ, pont d'or, какъ вы называете, моему противнику, нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить отъ него un coup de collier". Русская армія начала отходить ночью съ 13-го на 14-е октября къ Детчину; Милорадовичъ остался противъ Мало-Ярославца. Въ то время, какъ Кутузовъ рѣшалъ вопросъ о постановкѣ цѣли для дальнѣйшихъ дѣйствій, тотъ же вопросъ рѣшался и Наполеономъ: аттаковать-ли русскую армію или отступать къ смоленской дорогѣ. Наполеонъ принялъ послѣднее рѣшеніе. Такимъ образомъ, 14-го (26-го) октября обѣ арміи отступили одна отъ другой въ противуположныя стороны: Кутузовъ къ Детчину, Наполеонъ къ Боровску.

16-го (28-го) октября Наполеонъ въ Можайскѣ вышелъ на смоленскую дорогу, представлявшую до Днѣпра въ полномъ смыслѣ пустыню. Въ тотъ же день Куту-

зовъ прибылъ съ главными силами къ Полотнянымъ заводамъ, а Чичаговъ двинулся къ Пружанамъ, направляясь черезъ Слонимъ на Минскъ, оставивъ Сакена противъ Шварценберга и Ренье, оттѣсненныхъ за р. Бугъ. Только въ этотъ день измѣнилась не прекращавшаяся до сихъ поръ благопріятная погода; подулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ и термометръ палъ до 4°.

При извѣстіи объ очищеніи Москвы недовольные замолчали, а народъ, никогда не покидавшій надежды на Божью помощь, успокоился. Непоколебимое рѣшеніе Императора Александра не вступать съ Наполеономъ въ переговоры принесло свои плоды; каждый дальнѣйшій шагъ Наполеона приближалъ его все болѣе и болѣе къ погибели. Отечество было спасено.

Съ отступленіемъ Наполеона по Смоленской дорогѣ, началось параллельное преслѣдованіе великой арміи; но Кутузовъ не увлекся бѣдственнымъ положеніемъ своего противника и остался вѣрнымъ усвоенному осторожному образу дѣйствій. Онъ ни разу не измѣнилъ своей руководящей идеѣ, и остался ей вѣренъ до конца. Сторонникамъ же болѣе рѣшительныхъ мѣропріятій онъ говорилъ: „наша молодежь съ горяча досадуетъ на меня, старика, за то, что удерживаю ея порывы. Надлежало бы имъ сообразить, что обстоятельства сами собою болѣе сдѣлаютъ, чѣмъ наше оружіе. Не придти же намъ на границу толпою бродягъ“. Нерѣшительность Кутузова подъ Вязьмою и Краснымъ, ошибки Чичагова и осторожность графа Витгенштейна дали генію Наполеона возможность восторжествовать съ новымъ блескомъ надъ постигшими его небывалыми невзгодами. 14-го (26-го) ноября началась переправа французовъ черезъ Березину и Студянку, а затѣмъ жалкіе остатки великой арміи, до 9.000 человѣкъ, поспѣшно двинулись или, лучше сказать, бѣжали къ Вильнѣ, преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками. Морозы до 30° довершили разстройство непріятеля; вся дорога усѣяна была трупами людей, погибшихъ отъ холода и голода. Видя гибель своей арміи и необходимость создать новую армію для продолженія борьбы, Наполеонъ, издавъ въ Молодечнѣ 21-го ноября (3 го декабря) 29-й бюллетень, въ которомъ онъ оповѣстилъ Европу о плачевномъ исходѣ кампаніи, и передавъ начальство надъ арміей Мюрату, 23-го ноября (5-го декабря) выѣхалъ изъ Сморгони въ Парижъ.

По мѣрѣ приближенія остатковъ великой арміи къ границамъ Россіи, Императору Александру предстояло рѣшить сложный вопросъ: слѣдуетъ-ли русскимъ войскамъ остановиться на Вислѣ и довершить торжество Россіи славнымъ миромъ или продолжать борьбу съ Наполеономъ, для возстановленія политической самобытности Германіи. Государь склонялся къ послѣднему рѣшенію, которое вполнѣ согласовалось съ высказаннымъ имъ убѣжденіемъ: „Наполеонъ или я, онъ или я, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Въ концѣ 1812 года, конечная цѣль войны съ Наполеономъ была уже намѣчена Императоромъ Александромъ. Это видно изъ разговора его съ Р. С. Стурдзой незадолго до отъѣзда въ Вильну, въ которомъ Государь подѣлился съ нею радостнымъ чувствомъ по поводу счастливаго исхода событій. Александръ коснулся въ бесѣдѣ необыкновеннаго человѣка, который, ослѣпленный счастіемъ, причинилъ столько бѣдствій милліонамъ людей; заговоривъ о загадочномъ характерѣ Наполеона, онъ вспоминалъ, какъ изучалъ его во время тильзитскихъ переговоровъ. Государь по этому поводу сказалъ: „Нынѣшнее время напоминаетъ мнѣ все, что я слышалъ отъ этого необыкновеннаго человѣка въ Тильзитѣ. Тогда мы по долгу бесѣдовали, такъ какъ онъ любилъ высказывать мнѣ свое превосходство, говорилъ съ любезностью и расточалъ передо мною блестки своего воображенія. Война, сказалъ онъ мнѣ однажды, вовсе не такое трудное искусство, какъ воображаютъ, и откровенно говоря, иной разъ трудно выяснить, какимъ образомъ удалось выиграть именно то или другое сраженіе. Въ дѣйствительности оказывается, что противникъ устрашился, и въ этомъ вся тайна. Нѣтъ полководца, который бы не опасался за исходъ сраженія; все дѣло въ томъ, чтобы скрывать этотъ страхъ возможно продолжительное время. Лишь этимъ средствомъ можно настращать противника и затѣмъ дальнѣйшій успѣхъ уже не подлежитъ сомнѣнію. Я выслушивалъ, продолжалъ Государь, съ глубокимъ вниманіемъ все, что ему угодно было сообщать мнѣ по этому поводу, твердо рѣшившись воспользоваться тѣмъ при слу-

чаѣ; и въ самомъ дѣлѣ надѣюсь, что съ тѣхъ поръ я пріобрѣлъ нѣкоторую опытность для рѣшенія вопроса, что намъ остается сдѣлать". — „Неужели, Государь", сказала Стурдза, „мы не обезпечены навсегда отъ всякаго новаго нашествія? развѣ врагъ осмѣлится еще разъ перейти наши границы". — „Это возможно", отвѣтилъ Александръ, „но если хотѣть мира прочнаго и надежнаго, то надо подписать его въ Парижѣ; въ этомъ я глубоко убѣжденъ (si l'on veut une paix stable et solide c'est à Paris qu'il faut la signer; j'en ai l'intime conviction).

Кутузовъ былъ сторонникомъ совершенно противоположнаго взгляда; онъ полагалъ, что Наполеонъ теперь для Россіи не опасенъ и слѣдуетъ поберечь его для англичанъ. Еще подъ Мало-Ярославцемъ Кутузовъ сказалъ англійскому генералу Вильсону, что онъ вовсе не убѣжденъ, будетъ-ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе Наполеона и его войска; наслѣдство послѣ него не попадетъ въ руки Россіи или какой-нибудь иной изъ континентальныхъ державъ, но достанется той державѣ, которая уже завладѣла морями, и тогда ея владычество будетъ нестерпимо. Всѣ помыслы Кутузова клонились только къ спасенію отечества, а не всей вселенной, какъ твердили англичане и нѣмецкіе патріоты, смотрѣвшіе на Россію, какъ на удобное орудіе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Мнѣніе Кутузова сильно порицалось приближенными Александра и вообще людьми, судившими о военныхъ дѣйствіяхъ изъ глубины своего кабинета; это лучше всего видно изъ переписки генерала Армфельта, который посвятилъ этому вопросу слѣдующія остроумныя строки: „Nos affaires auraient pu aller encore mieux, si Koutousoff n'avait pas pris pour modèle la tortue et Tchitchagoff la girouette qui ne s'attache à aucun plan—le dernier pêche par trop d'esprit et trop peu d'expérience, l'autre par trop de prudence et trop de crainte de compromettre sa réputation. Je crois cependant qu'au passage du Niémen, Bonaparte n'aura pas grande compagnie... le froid, la faim et les piques des cosaques le gèneront. En attendant tant que cet homme existe, jamais nous ne pourrons espérer de repos; ainsi il faut une guerre à mort; notre bon Maître est de cet avis malgré tous les misérables qui voudraient s'arrêter sur la Vistule. Mais cela n'est pas le voeu de la nation qui porte cependant seule le poids, mais qui a plus de bon sens et d'âme que les têtes poudrées que nous voyons couvertes de décorations et de broderies".

28-го ноября (10-го декабря) русскія войска заняли Вильну, захвативъ 140 орудій, болѣе 14.000 человѣкъ и обширные склады запасовъ. 30-го ноября (12-го декабря) прибылъ Кутузовъ, занимавшій здѣсь нѣкогда мѣсто литовскаго военнаго губернатора. Населеніе, забывъ Наполеона, привѣтствовало торжествующаго полководца; посыпались оды, рѣчи, на театральной сценѣ засіяло изображеніе Кутузова съ надписью: „спасителю отечества".

По очищеніи Вильны, непріятель бѣжалъ въ Ковну. 2-го (14-го) декабря здѣсь явились казаки Платова и городъ очищенъ французами. Черезъ Нѣманъ перешли 1.000 человѣкъ съ 9-ю орудіями и около 20.000 безоружныхъ.

Всѣ эти поразительные успѣхи были, однако, куплены дорогою цѣною. Достаточно указать, что главная армія, выступившая изъ Тарутина въ составѣ 97.112 человѣкъ, считала по прибытіи въ Вильну въ рядахъ своихъ 27.464 человѣкъ. Изъ 622 орудій находившихся при арміи, оставалось на лицо только 200; прочія оставлены позади, въ слѣдствіе потери лошадей и убыли въ прислугѣ. 48.000 больныхъ разсѣяны были по госпиталямъ, остальные убиты въ дѣлахъ, умерли отъ ранъ и болѣзней. Такая неутѣшительная обстановка побудила фельдмаршала высказать Государю убѣжденіе въ необходимости на время пріостановить наступательное движеніе ввѣренной ему арміи и даровать ей отдыхъ. „Между тѣмъ признаться должно", писалъ въ заключеніе Кутузовъ, „ежели бы не пріостановясь, а продолжать дѣйствіе ею верстъ на полтораста, тогда бы можетъ быть разстройка ея дошла до такой степени, что должны бы, такъ сказать, снова составлять армію".

Императоръ Александръ совершенно расходился въ своихъ взглядахъ на положеніе дѣлъ съ своимъ полководцемъ и 2-го (14-го) декабря писалъ ему: „Поверхность наша надъ непріятелемъ разстроеннымъ и утомленнымъ, пріобрѣтенная помощію Всевышняго и искусными распоря-

женіями вашими, и вообще положеніе дѣлъ нынѣшнихъ требуетъ всѣхъ усилій къ достиженію главной цѣли, не смотря ни на какія препятствія. Никогда не было столь дорого время для насъ, какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. И потому ничто не позволяетъ останавливаться войскамъ, нашимъ преслѣдующимъ непріятеля ни на самое короткое время, въ Вильнѣ".

Не разсчитывая на исполнительность Кутузова въ указанномъ въ письмѣ смыслѣ, Императоръ Александръ призналъ необходимымъ лично отправиться въ армію. 6-го декабря князю Кутузову пожалованъ титулъ *Смоленскаго*. 7-го (19-го) декабря, Государь, помолившись наканунѣ вечеромъ въ 11 часовъ въ Казанскомъ соборѣ, выѣхалъ въ 9 часовъ утра изъ Петербурга. На этотъ разъ, Государь оставилъ здѣсь всю свиту, сопровождавшую его въ Вильну въ прошлую весну; при немъ находились только оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, Графъ Аракчеевъ, государственный секретарь Шишковъ, генералъ-адъютанты: князь Волконскій и баронъ Винценгероде, статсъ-секретарь графъ Нессельроде и дѣйств. ст. сов. Марченко. Баронъ Штейнъ получилъ приказаніе присоединиться къ Императору по вступленіи русскихъ войскъ въ Пруссію. Не смотря на сильную стужу, Государь ѣхалъ все время въ открытыхъ саняхъ. 11-го (23-го) декабря Кутузовъ въ парадной формѣ съ строевымъ рапортомъ въ рукѣ, стоялъ у дворцоваго подъѣзда въ Вильнѣ съ почетнымъ карауломъ отъ л.-гв. Семеновскаго полка. Въ 5 часовъ пополудни прибылъ Императоръ, прижалъ къ сердцу фельдмаршала, принялъ отъ него рапортъ и, поздоровавшись съ семеновцами, вошелъ во дворецъ рука объ руку съ побѣдоноснымъ полководцемъ. Онъ повелъ его въ свой кабинетъ и бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей. По выходѣ Кутузова изъ государева кабинета, графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія первой степени.

Генералъ Вильсонъ, непримиримый врагъ Кутузова и потому едва-ли заслуживающій безусловнаго въ отзывахъ своихъ о немъ довѣрія, утверждаетъ, что Императоръ Александръ весьма неохотно удостоилъ фельдмаршала высшей изъ военныхъ наградъ, и даже сказалъ Вильсону, что Кутузовъ не оказалъ никакой заслуги, и что пожалованіе ему Георгія первой степени не за дѣйствительное отличіе, а въ угожденіе московскому дворянству, нарушаетъ статутъ ордена. Вильсонъ передаетъ слѣдующимъ образомъ слова Государя, въ которыхъ выразились настоящія его чувства по отношенію къ Кутузову, а не оффиціальная оцѣнка его дѣятельности, какъ полководца: „Maintenant vous allez recevoir une pénible confession... Je sais que le maréchal n'a rien fait de ce qu'il eût fallu faire, rien entrepris contre l'ennemi à quoi il ne fut littéralement obligé. Il n'a jamais vaincu que par force; il nous a joué mille et mille tours à la turque. Pourtant la noblesse moscovite lui prête appui, et on insiste pour personnifier en lui la gloire nationale de cette campagne... je vais décorer cet homme du grand ordre de Saint-Georges, et manquer ainsi, je l'avoue, à toutes les règles de cette glorieuse institution... je ne fais que céder à la nécessité la plus impérieuse. Désormais, du reste, je ne quitterai plus mon armée et ne l'exposerai plus aux dangers d'une direction pareille. Après tout, c'est un vieillard. Je vous demanderai de ne point lui refuser les courtoisies que l'usage commande, et de ne pas repousser ouvertement les avances qu'il pourra vous faire. Je désire que dès ce jour toute malveillance rétrospective soit abolie entre vous. Nous commençons une ère nouvelle; il faut l'inaugurer par une vive reconnaissance envers la Providence, et par des sentiments de généreux pardon à l'égard de tous".

На слѣдующее утро, въ день рожденія Императора Александра, 12-го (24-го) декабря, Государь сказалъ собравшимся во дворецъ генераламъ: „Вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу". Въ этихъ словахъ была выражена тайная дума Императора Александра явиться защитникомъ угнетенныхъ народовъ; это высокое призваніе казалось предназначеннымъ ему Всевышнимъ Промысломъ. День этотъ ознаменовался еще манифестомъ, провозглашавшимъ для поляковъ въ западныхъ русскихъ губерніяхъ, принявшихъ сторону непріятеля, забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе. Исключались отъ помилованія только тѣ, которые останутся въ службѣ нашихъ враговъ, не желая воспользоваться объявленною милостію. Всепрощеніе разстроило намѣреніе Кутузова

представить Государю, чтобы генераловъ и офицеровъ, отличившихся въ отечественной войнѣ, наградить помѣстьями литовскихъ и бѣлорусскихъ мятежниковъ. На обѣдѣ у фельдмаршала, когда пили за здоровье Императора, при громѣ орудій, Кутузовъ сказалъ Государю, что наши артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ Императоръ Александръ посѣтилъ балъ у фельдмаршала, который, незадолго передъ тѣмъ, получивъ отъ Платова отбитыя донцами знамена, повергъ ихъ къ стопамъ Государя, при входѣ его въ бальную залу. Императоръ Александръ отклонилъ предложеніе виленскихъ жителей дать въ честь ему балъ—„потому въ настоящихъ обстоятельствахъ ни танцы, ни звуки музыки не могли быть пріятны“; согласившись же удостоить своимъ присутствіемъ балъ, данный Кутузовымъ, онъ имѣлъ въ виду единственно сдѣлать удовольствіе старику.

Дѣйствительно, Вильно ко времени прибытія Императора Александра представляла далеко не радостное зрѣлище. Городъ былъ переполненъ ранеными и больными. На всѣхъ главныхъ улицахъ были разведены большіе костры, для уничтоженія міазмовъ и очищенія воздуха. Госпиталь въ Базиліянскомъ монастырѣ представлялъ наиболѣе ужасающее зрѣлище: 7.500 труповъ были навалены другъ на друга по корридорамъ, подобно грудамъ свинца; всюду разбросанные трупы валялись и въ другихъ помѣщеніяхъ; всѣ отверстія разбитыхъ оконъ или стѣнъ были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвыхъ, чтобы предохранить живыхъ отъ доступа холоднаго воздуха. И въ этихъ помѣщеніяхъ, наполненныхъ зловредными испареніями, лежали несчастные больные и раненые, обреченные на гибель. Пріѣздъ Императора Александра былъ истиннымъ благодѣяніемъ Провидѣнія для оставшихся въ живыхъ непріятелей, которымъ немедленно была оказана всевозможная помощь; не только по его повелѣнію, но даже подъ его личнымъ надзоромъ. Государь не побоялся явиться среди гнѣздилища смерти и, не думая о заразѣ, утѣшалъ своимъ присутствіемъ тѣхъ, кого долгъ и несчастіе собрали въ эти скорбныя помѣщенія. Никто не прославилъ трогательныхъ заявленій человѣколюбія и милосердія Александра къ падшимъ врагамъ, но они не должны быть забыты потомствомъ.

Вскорѣ получено было извѣстіе чрезвычайной важности: прусскій генералъ Іоркъ заключилъ съ генераломъ Дибичемъ въ Пошерунской мельницѣ, недалеко отъ Таурогена, конвенцію, по условіямъ которой положено, чтобы ввѣренныя ему войска расположились между Мемелемъ и Тильзитомъ на пространствѣ, признанномъ нейтральнымъ на все время стоянки прусскихъ войскъ. Такимъ образомъ, отложеніе Іорка отъ корпуса Макдональда лишило французовъ въ самую критическую минуту похода 1812 года содѣйствія вполнѣ сохранившихся къ бою 16.000 человѣкъ съ 48 орудіями. Войска графа Витгенштейна, перешедшія черезъ Нѣманъ у Юрбурга уже 16-го (28-го) декабря, направились къ Кёнигсбергу и 24-го декабря (5-го января 1813 года) русскій авангардъ безпрепятственно занялъ этотъ городъ.

Не смотря на успѣшное окончаніе похода и изгнаніе Наполеоновскихъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи, Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ Императора Александра о необходимости продолжать войну въ предѣлахъ Германіи. „Вашъ обѣтъ исполненъ“, сказалъ онъ Государю, „ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта—положить оружіе“. Императоръ Александръ не внялъ ни доводамъ своего полководца, ни голосу общаго мнѣнія въ Россіи, которое было противъ войны заграничной. Отразивъ нашествіе, полагали, что съ Наполеономъ можно заключить миръ самый для насъ выгодный и что не было причины переступать за Нѣманъ, на встрѣчу новымъ случайностямъ перемѣнчиваго счастія. И такъ, война за освобожденіе Европы отъ французскаго ига, рѣшенная Императоромъ Александромъ, есть его личное достояніе, принадлежитъ ему одному. Шишковъ, сочувствовавшій взглядамъ Кутузова относительно необходимости отказаться отъ заграничнаго похода, какъ несоотвѣтствующаго выгодамъ Россіи, спросилъ князя, отчего онъ не настаиваетъ въ томъ передъ Государемъ? „Онъ“, прибавилъ Шишковъ, „по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно, уважилъ бы

ваши совѣты". Кутузовъ отвѣчалъ: „я представлялъ ему объ этомъ; но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно; когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ".

Наполеонъ, съ своей стороны, также сознавалъ всю пользу для себя отъ соглашенія съ Россіею и высказалъ по этому поводу, когда прибылъ весною 1813 года въ Эрфуртъ, во главѣ вновь сформированной арміи, слѣдующія мысли: „Всего проще и разсудительнѣе было бы войти въ непосредственное соглашеніе съ Императоромъ Александромъ. Я всегда считалъ польскій вопросъ средствомъ, а отнюдь не главнымъ дѣломъ. Удовлетворивъ Россію на счетъ Польши, мы могли бы унизить и уничтожить Австрію. Какія уступки не сдѣлалъ бы Императоръ Александръ, если бы мы, чтобы выдти изъ затрудненія, уступили ему Польшу. Посылка въ русскую главную квартиру раздѣлила бы весь міръ между нами (Une mission au quartier général russe partagerait le monde en deux)".

Обѣ стороны поступили однако какъ разъ противно своимъ истиннымъ выгодамъ.

25-го декабря 1812 года (6-го января 1813 года), въ день Рождества Христова, возвѣщено было государству благополучное окончаніе отечественной войны манифестомъ. Въ тотъ же день постановлено соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Спасителя Христа.

28-го декабря 1812 года (9-го января 1813 года), главныя силы выступили изъ Вильны, направляясь къ Меречу на Нѣманѣ. При нихъ находились Императоръ Александръ и Кутузовъ. Не смотря на гибель „великой арміи", безъ Александра Европа не возстала бы противъ Наполеона. Отважился-ли бы на это Фридрихъ-Вильгельмъ, тогда вышедшій изъ подъ вліянія Кёкеритца и Цастрова, но слѣдовавшій внушеніямъ еще болѣе ничтожныхъ Калькрейта и Витгенштейна? Пожелали бы того Францъ и Меттернихъ? Нѣтъ, Пруссія вела одновременно переговоры съ Россіею и Франціею, Австрія же довольствовалась пока занять выжидательное положеніе. Пришло-ли бы когда это въ голову князьямъ Рейнскаго Союза? Нѣтъ, напротивъ того, они не замедлили послѣдовать приказанію своего протектора и безпрекословно приступили къ усиленнымъ вооруженіямъ. Могли-ли бы германскіе патріоты что-либо сдѣлать? „Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ!" восклицаетъ одинъ изъ немногихъ правдивыхъ нѣмецкихъ историковъ, „*безъ Александра не было бы войны 1813 года*". И такъ, Германія, и въ особенности Пруссія,-всецѣло обязана своимъ освобожденіемъ и независимостью великодушной иниціативѣ Императора Александра.

1-го (13-го) января 1813 года Императоръ Александръ, съ Кутузовымъ, отслужа молебенъ, перешли съ войсками Нѣманъ у Мереча и вступили въ герцогство Варшавское; они двинулись черезъ Лыкъ къ Плоцку, который заняли 24-го января (5-го февраля).

Въ главной квартирѣ, по замѣчанію очевидца, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, произошла большая перемѣна противу того, что было въ Тарутинѣ, гдѣ всѣ ходили за просто и нерѣдко въ сюртукахъ, сшитыхъ изъ солдатскаго сукна и, вообще, жили какъ спартанцы, между тѣмъ, какъ въ Плоцкѣ находился Государь съ блестящею свитою, появилось множество новыхъ лицъ, щегольскихъ лошадей и экипажей. Всѣ проявляли величайшую дѣятельность, писали и составляли планы для будущихъ военныхъ дѣйствій; особенное вниманіе обращено было на формированіе запасныхъ войскъ и на союзъ съ Пруссіею и Австріею. Государь былъ всегда верхомъ, одѣтъ щеголемъ, и удовольствіе не сходило съ прекраснаго лица его. Въ герцогствѣ Варшавскомъ никто, однако, не встрѣчалъ насъ, какъ своихъ избавителей. Одни евреи выносили предъ каждое мѣстечко, лежавшее на дорогѣ, гдѣ проходили войска, разноцвѣтныя хоругви, съ изображеніемъ на нихъ вензеля Государя; при приближеніи русскихъ они били въ барабаны и играли въ трубы и литавры.

18-го (30-го) января Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ княземъ Шварценбергомъ, которое обезпечивало австрійцамъ свободное отступленіе въ Галицію, а 26-го января (7-го февраля) русскія войска вступили въ Варшаву; ключи города были поднесены Милорадовичу тѣмъ самымъ чиновникомъ, который въ

1794 году поднесъ ихъ Суворову. По приказанію Государя, Варшава была, однако, освобождена отъ постоя. Успѣхи русскаго оружія побудили князя Чарторижскаго возобновить съ Императоромъ Александромъ прерванную событіями послѣдняго времени переписку. На пути въ Плоцкъ, Государь получилъ письмо, въ которомъ князь Адамъ предлагалъ образовать особое польское королевство, подъ властью Великаго Князя Михаила Павловича. Императоръ Александръ отклонилъ это предложеніе и съ полною откровенностью высказалъ въ отвѣтномъ письмѣ свой взглядъ на польскій вопросъ, получившій до нѣкоторой степени осуществленіе лишь въ 1814 году. „Je vais vous parler avec toute franchise;“—писалъ Александръ 13-го января 1813 года—„pour faire réussir mes idées favorites sur la Pologne, j'ai à vaincre quelques difficultés, malgré le brillant de ma position actuelle. D'abord l'opinion en Russie.—La manière dont l'armée polonaise s'est conduite chez nous, les sacs de Smolensk, de Moscou, la dévastation de tout le pays a ranimé les anciennes haines. Secondement, dans le moment actuel, une publicité donnée à mes intentions sur la Pologne jetterait complètement l'Autriche et la Prusse dans les bras de la France: résultat qu'il est très essentiel d'empêcher, d'autant plus que ces puissances me témoignent déjà les meilleures dispositions. Ces difficultés, avec de la sagesse et de la prudence seront vaincues. Mais, pour y parvenir il faut que vous et vos compatriotes me secondiez. Il faut que vous m'aidiez vous même à faire goûter mes plans aux Russes et que vous justifiez la prédilection qu'on me sait pour les Polonais et pour tout ce qui tient à leurs idées favorites. Ayez quelque confiance en moi, dans mon caractère, dans mes principes, et vos espérances ne seront plus trompées. A mesure que les résultats militaires se développeront, vous verrez à quel point les intérêts de votre patrie me sont chers et combien je suis fidèle à mes anciennes idées. Quant aux formes, vous savez que les libérales sont celles que j'ai toujours préférées. Je dois vous avertir cependant, et cela d'une manière décidée, que l'idée de mon frère Michel ne peut pas être admise. N'oubliez pas que la Lithuanie, la Podolie et la Volhynie se regardent jusqu'ici comme provinces russes, et qu'aucune logique au monde ne pourra persuader à la Russie de les voir sous la domination d'un autre souverain que celui qui régit la Russie. Quant à la dénomination sous laquelle elles se trouvent en faire partie, cette difficulté est plus facile à vaincre. Je demande donc que, de votre côté, vous fassiez connaître de cette lettre ce que vous jugerez convenable aux personnes de la coopération desquelles vous croirez devoir vous servir, que vous engagiez vos compatriotes à témoigner aux Russes et à la Russie de bons sentiments, pour éteindre les souvenirs de cette campagne et pour faciliter par là mon ouvrage... Voici en résumé les résultats que j'ai à vous annoncer: la Pologne et les Polonais n'ont à craindre nulle vengeance de ma part. Mes intentions à leur égard sont toujours les mêmes... Les succès ne m'ont pas changé ni dans mes idées sur votre patrie, ni dans mes principes en général, et vous me retrouverez toujours tel que vous m'avez connu“.

Общее наступленіе русскихъ войскъ продолжалось безостановочно. Въ началѣ февраля они уже находились на берегахъ Одера; 12-го (24-го) февраля главная квартира Императора Александра была перенесена въ Калишъ. Здѣсь появился князь Адамъ Чарторижскій. Прибытіе этого страстнаго ревнителя возстановленія Польши служило доказательствомъ, что поляки начали отчаяваться въ успѣхахъ Наполеона, и обратились къ новому солнцу, восходящему на политическомъ небосклонѣ Европы.

Между тѣмъ, прусскій король переѣхалъ въ Бреславль 11-го (23-го) января и приступилъ къ вооруженіямъ, поддерживая одновременно переговоры съ Франціею и Россіею. Фридрихъ-Вильгельмъ потребовалъ отъ Наполеона признаніе нейтралитета Силезіи и уплаты 94-хъ милліоновъ франковъ за поставки, сдѣланныя въ 1812 году для французской арміи. Однако, колебанія короля кончились тѣмъ, что 16-го (28-го) февраля 1813 года заключенъ былъ въ Калишѣ союзный договоръ съ Россіею.

Въ приказѣ по войскамъ, отданномъ Императоромъ Александромъ 25-го марта (6-го апрѣля), по случаю союза съ Пруссіею, сказано было, что она идетъ вмѣстѣ съ нами „положить конецъ сему нестерпимому киченію, которое, не смотря на собственную свою и другихъ земель па-

губу, алчетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство свое надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу — противъ властолюбія, за человѣчество — противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду. Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага, и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества передъ нимъ рабовъ". Главное начальство надъ прусскими войсками король предоставилъ Кутузову. Вскорѣ, послѣ занятія русскими войсками Берлина, Императоръ Александръ отправился въ Бреславль для свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. На Силезской границѣ пруссаки встрѣтили Государя, какъ своего избавителя. 3-го (15-го) марта, король поѣхалъ на встрѣчу своему союзнику. Увидѣвъ его, Государь вышелъ изъ коляски и бросился къ нему въ объятія; молча нѣсколько минутъ они прижимали одинъ другаго къ сердцу. Не доѣзжая города, оба монарха сѣли верхомъ и торжественно въѣхали въ Бреславль при колокольномъ звонѣ и громѣ орудій. 21-го марта (2-го апрѣля) король Прусскій, въ свою очередь, пріѣхалъ въ Калишъ. Императоръ Александръ ожидалъ его на первой станціи отъ города. Армія была построена на высотахъ близъ Калиша, подъ начальствомъ Кутузова, который, не имѣя силъ ѣхать верхомъ, стоялъ впереди строя. Король нашелъ войска въ отличномъ состояніи, но обратилъ вниманіе на ихъ малочисленность; дѣйствительно, собранныя здѣсь главныя силы арміи не превышали 18,000 человѣкъ. Понесенная въ отечественную войну убыль еще не могла быть пополнена; резервы же, выступившіе изъ Россіи, были задержаны на пути непроходимою грязью.

Здоровье Кутузова видимо начинало слабѣть. Хотя вліяніе его отчасти ограничивалось присутствіемъ Государя, но безъ воли его ни къ чему не приступали. Когда недуги не позволяли ему лично докладывать дѣла, то Александръ приходилъ къ нему самъ и занимался съ нимъ въ его кабинетѣ. Вообще Императоръ обращался съ фельдмаршаломъ со всевозможнымъ уваженіемъ; казалось, что онъ хотѣлъ вознаградить его за тѣ неудовольствія и огорченія, которыя испытаны были имъ со времени Аустерлицкаго сраженія. Графъ Витгенштейнъ, Блюхеръ, почти всѣ генералы настаивали на необходимости быстрѣйшаго перенесенія наступательныхъ дѣйствій за Эльбу. Упорствовалъ въ противномъ только Кутузовъ, не желавшій дѣйствовать на удачу, не принявъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей для обезпеченія успѣха. „Самое легкое дѣло", — сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ, — „идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови".

26-го марта (7-го апрѣля) Императоръ Александръ выступилъ съ главною арміею изъ Калиша, направляясь въ Саксонію. Въ первомъ силезскомъ городѣ, Миличѣ, появленіе Кутузова вызвало необыкновенный восторгъ со стороны населенія. На улицахъ кричали: Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutuzoff!" — „Такого энтузіазма не будетъ въ Россіи", писалъ фельдмаршалъ женѣ, „нѣсть пророкъ честенъ во отечествѣ своемъ". 3-го (15-го) апрѣля армія перешла въ Штейнау черезъ Одеръ. У моста поднесли Императору Александру лавровый вѣнокъ. Государь отослалъ его Кутузову, сказавъ, что лавры принадлежатъ ему.

По прибытіи главной квартиры въ Бунцлау, 6-го (18-го) апрѣля болѣзнь Кутузова не позволила ему далѣе слѣдовать за арміею. Король прусскій поручилъ попеченіе о немъ знаменитому врачу Гуфеланду; но уже дни фельдмаршала были сочтены; онъ скончался 16-го (28-го) апрѣля. „Болѣзненная не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря", сказано въ письмѣ Императора Александра овдовѣвшей княгинѣ отъ 25-го апрѣля (7-го мая), „не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу Я, и плачетъ вся Россія". По полученіи извѣстія о кончинѣ Кутузова, Императоръ Александръ поручилъ главное начальство надъ арміями графу Витгенштейну, хотя въ дѣйствующихъ войскахъ находились генералы старѣе его въ чинѣ. Король прусскій подчинилъ ему также свои войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь приказалъ до времени утаить это извѣстіе отъ войскъ, пишетъ Шишковъ, дабы передъ самымъ наступающимъ сраженіемъ не привесть ихъ въ уныніе.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, т.-е. 12-го (24-го) апрѣля Императоръ Александръ прибылъ въ Дрезденъ. По свидѣтельству очевидца А. С. Шишкова, великолѣпіе въѣзда Государя было очарова-

тельнымъ, „картина, которую никакимъ перомъ, ни кистью изобразить невозможно. День былъ прекраснѣйшій, и солнце посреди неба сіяло во всемъ своемъ блескѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли въ парадѣ наши и прусскія войска. Къ нимъ присоединялась саксонская гвардія. Толпящійся народъ версты за три выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. Государь съ прусскимъ королемъ ѣхали верхами. За нимъ многочисленная свита чиновниковъ, верхами и въ коляскахъ. Музыка гремѣла. Радостные крики раздавались. По въѣздѣ въ городъ, Государь и король остановились на площади, гдѣ всѣ войска, при множествѣ зрителей, наполнявшихъ улицы и окна домовъ, проходили мимо ихъ. По окончаніи сего, прусскій король проводилъ Государя въ такъ-называемый Брилевъ дворецъ и, откланявшись, отправился въ отведенный для него домъ. Между тѣмъ, Государю представлялись всѣ здѣшніе чиновники и съѣхавшіеся сюда изъ разныхъ городовъ посланники наши... Отпустя ихъ, Государь ходилъ осматривать дворецъ, и очень былъ веселъ. Онъ сказалъ намъ шутя: „Здѣсь нѣтъ у насъ экипажей, — мы можемъ ходить пѣшкомъ“. И въ самомъ дѣлѣ пошелъ пѣшкомъ къ прусскому королю въ домъ, отведенный ему за рѣкою, съ полверсты отъ Брилевъ дворца. Лишь только онъ вышелъ, народъ тотчасъ окружилъ его, и мы шли какъ туда, такъ и оттуда, посреди многочисленной толпы, которая за нимъ и передъ нимъ бѣжала и почти безпрестанно кричала: ура!“.

Король саксонскій не раздѣлялъ радостныхъ чувствъ одушевлявшихъ его подданныхъ при встрѣчѣ ихъ съ русско-прусскими войсками. Сомнѣваясь въ успѣшномъ исходѣ борьбы Императора Александра съ Наполеономъ, онъ благоразумно удалился въ Богемію, выжидая дальнѣйшій ходъ освободительнаго движенія въ Германіи.

Рѣшительная минута приближалась. 5-го (17-го) апрѣля Наполеонъ прибылъ въ Майнцъ, а 16-го (28-го) апрѣля въ Веймаръ, гдѣ, сѣвъ на коня, отправился къ арміи, двигавшейся къ долинѣ р. Заалы, Онъ сказалъ при этомъ: „je ferai cette campagne comme le général Bonaparte, et non pas en Empereur“.

Подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона къ Лейпцигу двинулись 125.000 человѣкъ (въ томъ числѣ 8.000 плохой кавалеріи) при 250 орудіяхъ. 20-го апрѣля (2-го мая) разбросанныя силы французовъ были неожиданно атакованы подъ Люценомъ союзниками, располагавшими для боя 72.000 войскъ (39.000 русскихъ и 33.000 прусскихъ). Императоръ Александръ и король прусскій, выѣхавъ17-го (29-го) апрѣля изъ Дрездена, прибыли къ войскамъ, и участвовали въ дѣлѣ, находясь нерѣдко подъ ружейнымъ огнемъ. На просьбу окружавшихъ Государя удалиться изъ опаснаго мѣста, Александръ отвѣтилъ: „для меня здѣсь нѣтъ пуль“. По словамъ Гнейзенау: „Основная идея боя была хороша, а распоряженія плохи. Потеряно время на медленное развертываніе войскъ, вмѣсто внезапнаго нападенія на настигнутаго врасплохъ непріятеля“. Вообще, обстановка, при которой начался бой, нельзя назвать благопріятною. Сраженіемъ долженъ былъ руководствовать главнокомандующій графъ Витгенштейнъ, вступившій въ командованіе русско-прусскими войсками лишь въ день люценскаго сраженія и который, слѣдовательно, не могъ знать ни состава, ни нуждъ арміи; здѣсь, среди поля, Императоръ Александръ даже впервые встрѣтился съ нимъ послѣ похода 1812 года. Къ тому же, присутствіе при арміи двухъ монарховъ должно было неизбѣжно стѣснить свободу дѣйствій полководца, которому ввѣрена была участь войскъ. Такимъ образомъ оказывается, что графъ Витгенштейнъ былъ, въ сущности, главнокомандующимъ только по названію. Наполеонъ восторжествовалъ и въ этотъ день надъ своими противниками съ обычнымъ искусствомъ; это было, какъ онъ выразился: „une bataille donnée et gagnée par le général en chef d'Italie et d'Egypte“. Къ вечеру союзники стали уже помышлять не о побѣдѣ, но о безопасномъ отступленіи. Императоръ Александръ и король только съ наступленіемъ темноты оставили поле сраженія и отправились ночевать въ деревню Гроичъ, пробираясь съ трудомъ среди раненыхъ и всякаго рода повозокъ при содѣйствіи фельдъегеря, указывавшаго имъ путь при помощи фонаря. Государь рѣшился лично убѣдить своего друга и союзника въ необходимости отступленія за Эльбу. Фридрихъ-Вильгельмъ, замѣтно огорченный, отвѣчалъ съ

нѣкоторою запальчивостью: „Это мнѣ знакомо; если только мы начнемъ отступать, то не остановимся на Эльбѣ, но перейдемъ также за Вислу; дѣйствуя такимъ образомъ, я вижу себя снова въ Мемелѣ“. Императоръ удалился; король сказалъ: „точно также какъ при Ауэрштедтѣ“. Онъ успокоился только, когда раненый генералъ Шарнгорстъ убѣдилъ его въ необходимости сохранить неразрывный союзъ съ Императоромъ Александромъ.—На разсвѣтѣ 21-го апрѣля (3-го мая), штабсъ-капитанъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части, Михайловскій-Данилевскій, былъ посланъ къ графу Витгенштейну узнать отъ него распоряженія его на наступившій день. Долго Данилевскій ѣздилъ по полямъ: никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій; наконецъ, онъ нашелъ графа, хладнокровно сидѣвшаго въ полѣ, и получилъ отвѣтъ, что какъ въ арміи находится Императоръ, то главнокомандующій ожидаетъ повелѣній отъ Его Величества. Такимъ образомъ оказалось, что никто не давалъ приказаній; Государь надѣялся на главнокомандующаго, а послѣдній на Государя. Возвратившись отъ главнокомандующаго, Данилевскій былъ отправленъ къ Милорадовичу, съ приказаніемъ ему Государя принять начальство надъ аріергардомъ и прикрывать отступленіе арміи. Онъ находился въ городкѣ Цейцъ, гдѣ провелъ день Люценскаго боя съ 11.500 человѣкъ въ бездѣйствіи, служа резервомъ, который графъ Витгенштейнъ не призналъ возможнымъ ввести въ дѣло, чтобы обезпечить армію отъ возможнаго обхода съ лѣваго фланга. „Съ Наполеономъ,—говорилъ графъ,—нельзя сражаться, не имѣя за собою сильнаго резерва“. Данилевскій засталъ Милорадовича совершенно разстроеннымъ; онъ сказалъ ему: „Вчера я плакалъ, какъ ребенокъ, потому что въ первый разъ въ жизни, слыша пушечные выстрѣлы, не участвовалъ въ дѣлѣ. Доложите Государю, что я буду служить подъ чьею командою онъ прикажетъ; если мнѣ не ввѣряютъ арміи, то пусть дадутъ баталіонъ или роту, мнѣ все равно“. Рѣшено было отступить на правый берегъ Эльбы. Политическія соображенія не позволили вступить во вторичное сраженіе, не имѣя ручательства въ успѣхѣ. Нельзя было забыть Австрію; поэтому Императоръ Александръ справедливо замѣтилъ: „La prudence devait prévaloir, lorsqu'on avait lieu de s'attendre à la coopération d'une troisième puissance“. Въ Пенигъ Императоръ и нѣсколько приближенныхъ къ нему особъ проскакали мимо Данилевскаго во весь опоръ въ коляскахъ. Князь Волконскій, сидѣвшій въ одной изъ нихъ, увидя Данилевскаго, остановилъ ее и сказалъ: „напиши въ реляціи, что мы идемъ фланговымъ маршемъ“. Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ закричалъ своему почталіону „пошелъ“ и понесся вслѣдъ за Государемъ. „Какова должна быть исторія, основанная на подобныхъ матеріалахъ,—пишетъ будущій исторіографъ этой войны,—а къ сожалѣнію, большая часть исторій не имѣетъ лучшихъ источниковъ“. Вечеромъ того же дня Государь прислалъ Данилевскому собственноручную записку слѣдующаго содержанія, для помѣщенія какъ бы отъ главнокомандующаго въ концѣ реляціи: „Я вообще не могу довольно отдать справедливости всѣмъ войскамъ, сражавшимся въ сей достопамятный день подъ глазами своихъ Государей, храбрости ихъ, такъ и порядку, съ коимъ подъ жарчайшимъ огнемъ всѣ движенія были исполняемы. Вслѣдъ за симъ не премину я представить объ отличившихся“. Въ реляціи Люценское сраженіе было выставлено какъ побѣда, и графъ Витгенштейнъ награжденъ Андреевской лентой.

По неимѣнію кавалеріи, Наполеонъ не могъ извлечь особенной выгоды изъ люценской побѣды, благодаря чему союзная армія могла совершить отступленіе въ полномъ порядкѣ и съ относительно незначительными потерями. Французы заняли Дрезденъ 26-го апрѣля (8-го мая). Наполеонъ, настойчиво пригласивъ короля Саксонскаго возвратиться въ его столицу, вмѣстѣ съ нимъ въѣхалъ въ Дрезденъ, 30-го апрѣля (12-го мая), при громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ войскъ. Союзныя войска отступили къ Бауцену, гдѣ расположились на выгодной позиціи, которую начали укрѣплять. Императоръ Александръ поселился въ замкѣ Вуршенъ. Генералъ Милорадовичъ, оказавшій незабвенныя услуги во время отступленія отъ Люцена къ Бауцену, былъ возведенъ 1-го (13-го) мая въ графское достоинство. Къ союзникамъ подошли подкрѣпленія (главнѣйшія изъ нихъ принадлежали Барклаю

де-Толли, прибывшему въ Бауценъ послѣ покоренія Торна), такъ что силы ихъ возросли до 100.000 человѣкъ (70.000 русскихъ и 30.000 пруссаковъ) при 610 орудіяхъ.

Между тѣмъ Австрія, постепенно уклоняясь отъ союза съ Наполеономъ, приняла на себя роль посредницы для возстановленія общаго мира. Раздраженный явною измѣною родственнаго ему австрійскаго двора и тяжкими условіями, намѣченными Меттернихомъ для общаго примиренія, Наполеонъ сдѣлалъ попытку вступить въ непосредственное соглашеніе съ Императоромъ Александромъ; онъ намѣревался договориться съ нимъ о славномъ для Россіи мирѣ, чтобы заставить Австрію заплатить за коварную политику и нарушеніе союза. Съ этою цѣлью онъ послалъ Коленкура, удостоеннаго, во время пребыванія посломъ въ Петербургѣ, особенной благосклонности Императора Александра, съ предложеніемъ заключить перемиріе и открыть переговоры о мирѣ. „Если я долженъ сдѣлать какія-либо пожертвованія,—сказалъ Наполеонъ Коленкуру,—то охотнѣе ихъ сдѣлаю въ пользу Императора Александра, который ведетъ со мною открыто войну, либо въ пользу короля прусскаго, въ коемъ принимаетъ участіе Россія, нежели въ угожденіе Австріи, разорвавшей союзъ со мною и присвоивающей себѣ, подъ предлогомъ посредничества, право распоряжаться дѣлами Европы... Императоръ Александръ долженъ охотно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отомстить блистательно за глупую диверсію австрійцевъ въ Россію". Надежды Наполеона не оправдались. Коленкуръ не былъ допущенъ въ союзную главную квартиру; Государь объявилъ, что всѣ переговоры должны быть ведены черезъ Австрію. Такимъ образомъ, Александръ, предпочитая общее благо Европы частнымъ выгодамъ, какія его Имперія могла бы пріобрѣсти, заключивъ отдѣльный миръ съ Наполеономъ, отклонилъ условія, которыя были полезны только для Россіи.

Впослѣдствіи, когда, въ 1839 году, Михайловскій-Данилевскій составилъ „Описаніе войны 1813 года" и представилъ рукопись на Высочайшій просмотръ, онъ, коснувшись неудавшейся миссіи Коленкура, написалъ: „долго европейскіе дворы не отваживались даже понимать во всемъ объемѣ великой и безкорыстной мысли Александра, но по совершеніи подвига, когда государствамъ возвращена была прежняя независимость, современники провозгласили Александра своимъ спасителемъ", Императоръ Николай собственноручно начерталъ здѣсь слѣдующія слова: *„Къ стыду рода человѣческаго, память благодѣяній не долго сохраняется"*.

Итакъ, обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ оставалось только снова обратиться къ оружію. 8-го (20-го) и 9-го (21-го) мая въ Бауценѣ произошло кровопролитное сраженіе, которое окончилось новымъ торжествомъ Наполеона. 8-го мая Императоръ Александръ слѣдилъ за сраженіемъ на высотахъ при деревнѣ Кайнѣ. 9-го мая Александръ и Наполеонъ прибыли на поле сраженія въ 5 часовъ утра и находились въ виду одинъ у другаго; Государь расположился на горѣ позади деревень Башюцъ и Уенковицъ, Наполеонъ на высотахъ при Нидеръ-Кайнѣ. Государь не съѣзжалъ съ высоты до отступленія армій; Наполеонъ также не трогался съ мѣста во весь день. Графъ Витгенштейнъ не оставлялъ ни минуты Государя и не подъѣзжалъ ни разу къ войскамъ. Около четырехъ часовъ пополудни предложено было Государю прервать сраженіе. „Je ne veux pas être témoin de cette déconfiture; commandez la retraite", сказалъ Императоръ Александръ графу Витгенштейну, оставляя поле сраженія. Отступленіе исполнено было въ совершенномъ порядкѣ. Союзная армія понесла въ два дня уронъ до 12.000 человѣкъ; но непріятелю не удалось взять ни пушки, ни знамени, ни повозки у арміи, выдержавшей двухъдневный бой. Наполеонъ, въ неудовольствіи, что сраженіе при Бауценѣ не доставило ему никакихъ трофеевъ, сказалъ съ негодованіемъ: „Comment, après une telle boucherie, point de résultats! point de prisonniers! Ces gens là ne me laisseront pas un clou".—Союзные монархи направились къ Рейхенбаху. Императоръ Александръ ѣхалъ шагомъ, стараясь утѣшить короля прусскаго. „Я ожидалъ иное! — сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—мы надѣялись идти на западъ, а идемъ на востокъ". Государь отвѣчалъ, что ни одинъ изъ союзныхъ баталіоновъ не былъ разстроенъ и что хотя отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, однакоже еще

ничего не потеряно и съ помощью Божіей дѣла пойдутъ лучше. „Ежели Богъ благословитъ наши общія усилія,—сказалъ король,—то мы должны будемъ сознаться предъ лицемъ всего свѣта, что Ему одному принадлежитъ слава успѣха". Государь, пожавъ руку своему союзнику, изъявилъ ему, что онъ совершенно раздѣляетъ эти чувства.

Въ Рейхенбахѣ Императоръ Александръ повелѣлъ графу Витгенштейну продолжать отступленіе къ Швейдницу, чтобы сблизиться съ корпусомъ Сакена и съ резервами, шедшими изъ Россіи, но въ особенности для того, чтобы не удаляться отъ австрійской границы, въ надеждѣ на содѣйствіе вѣнскаго двора. Французы, съ своей стороны, продолжали подвигаться впередъ, заняли Лигницъ, Неймаркъ, наконецъ и Бреславль.—Бауценское сраженіе сопровождалось еще назначеніемъ, 17-го (29-го) мая, новаго главнокомандующаго русско-прусской арміи: Барклая-де-Толли. Очевидецъ событій 1813 года, Данилевскій, пишетъ, что послѣ пораженій подъ Люценомъ и Бауценомъ стало очевиднымъ, на сколько званіе, въ которое, послѣ смерти Кутузова, облеченъ былъ графъ Витгенштейнъ, не соотвѣтствовало его силамъ. „Безпечность его относительно внутренняго управленія арміи привело ее въ разстройство до такой степени, что иногда не знали расположенія нѣкоторыхъ полковъ. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей, онъ не воспрещалъ къ себѣ свободнаго доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, даже и самыхъ секретныхъ; по этой причинѣ, какъ бы тайно ни было дано повеленіе графу, но оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстнымъ! Я не постигаю, какъ Наполеонъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Союзники наши, пруссаки, равномѣрно были недовольны графомъ Витгенштейномъ; это и неудивительно: имъ необходима была побѣда, а подъ предводительствомъ его они испытали два пораженія и видѣли ежедневно увеличивавшееся разстройство арміи. Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, недавно еще превозносимый, какъ оплотъ Европы, упалъ съ этой высоты и испыталъ участь, свойственную тѣмъ, кому счастіе перестаетъ улыбаться; тѣ, которые восхваляли его до небесъ, первые его оставили и наводнили главную квартиру Государя, съ тѣмъ, чтобы искать мѣста, въ которомъ бы можно было пріобрѣсти имъ болѣе знаковъ отличія, страсть къ коимъ до невѣроятной степени усилилась тогда въ нашей арміи. Недавно ставили его на ряду съ Кутузовымъ, и полагали, что кончина фельдмаршала не можетъ имѣть послѣдствій на ходъ военныхъ дѣйствій потому что его заступилъ Витгенштейнъ; но это самое сравненіе сдѣлалось для новаго главнокомандующаго пагубнымъ, ибо при паденіи его начали сравнивать порядокъ, бывшій при жизни Кутузова въ арміи, подчиненность между генералами и рядъ неслыханныхъ успѣховъ съ тѣмъ, что случилось при преемникѣ его. Легко заступить мѣсто знаменитаго мужа, но трудно замѣнить его".

Ко всему этому, для полной характеристики тогдашней обстановки, необходимо еще припомнить, что въ арміи находились три генерала старѣе Витгенштейна чинами: Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и Блюхеръ; поэтому, вмѣсто того, чтобы приказывать, Витгенштейну приходилось нерѣдко просить и вести переговоры, почитая одолженіемъ то, чего онъ имѣлъ право требовать. Случалось также, что донесенія поступали прямо въ главную квартиру Государя и короля, и въ отвѣтъ посылались разрѣшенія нерѣдко мимо главнокомандующаго, отчего происходили недоразумѣнія и столкновенія властей.

Графъ Милорадовичъ наиболѣе содѣйствовалъ къ возведенію Барклая въ главнокомандующіе. 13-го (25-го) мая онъ поѣхалъ къ графу Витгенштейну и сказалъ ему: „Зная благородный образъ вашихъ мыслей, я намѣренъ съ вами объясниться откровенно. Безпорядки въ арміи умножаются ежедневно, всѣ на васъ ропщутъ и благо отечества требуетъ, чтобы назначили на мѣсто ваше другаго главнокомандующаго".—„Вы старѣе меня", отвѣчалъ графъ Витгенштейнъ, „и я охотно буду служить подъ начальствомъ вашимъ или другаго, котораго Императоръ опредѣлитъ на мое мѣсто". Послѣ этого Милорадовичъ поѣхалъ къ Государю, изобразилъ ему настоящее положеніе дѣлъ, и просилъ его принять лично начальство

надъ арміею, на что Александръ отвѣтилъ: „я взялъ на себя управленіе политическими дѣлами; что же касается до военныхъ, то я не беру ихъ на себя".—„Въ такомъ случаѣ", сказалъ Милорадовичъ, „поручите армію Барклаю, онъ старѣе всѣхъ". „Онъ не захочетъ командовать", возразилъ Государь.—„Прикажите ему Ваше Величество; тотъ—измѣнникъ, кто въ теперешнихъ обстоятельствахъ осмѣлится воспротивиться Вашей волѣ".—„Но ты во всякомъ случаѣ при арміи останешься?" спросилъ Императоръ.—„Государь", отвѣчалъ Милорадовичъ, „дайте мнѣ баталіонъ или роту, я и тогда за счастіе поставлю доказать Вамъ, что я достоинъ быть Вашимъ подданнымъ".

Принявъ начальство надъ арміей, Барклай немедленно занялся приведеніемъ въ порядокъ арміи; нѣсколько дней онъ не могъ узнать истинный числительный составъ ея; сначала полагали ее слишкомъ въ 100.000, потомъ въ 70.000, а на повѣрку вышло, что она состояла изъ 90.000. Это происходило отъ того, что полки были такъ перемѣшаны, что нѣкоторыя дивизіи и бригады имѣли полки, вовсе къ нимъ не принадлежавшіе, которые не знали, гдѣ отыскать настоящихъ своихъ начальниковъ.

Не смотря на успѣхи французскаго оружія, Наполеонъ возобновилъ переговоры о перемиріи, которое состоялось 23-го мая (4-го іюня) въ Пойшвицѣ, и заключено на шесть недѣль, до 8-го (20-го) іюля, съ обязательствомъ предварить за шесть дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Перемиріе впослѣдствіи продолжено еще на три недѣли, до 29-го іюля (10-го августа). Французы очистили Бреславль; установлена нейтральная полоса между противниками; союзная главная квартира перешла въ Рейхенбахъ; Императоръ Александръ поселился въ окрестностяхъ его, въ замкѣ Петерсвальде, Наполеонъ отправился въ Дрезденъ. Онъ сказалъ: „si les alliés ne veulent pas de bonne foi la paix, cet armistice peut nous devenir bien fatal". Исходъ войны 1813 года отнынѣ зависѣлъ отъ того, которая изъ враждующихъ сторонъ заручится содѣйствіемъ Австріи. Въ послѣдствіи времени, уже находясь на островѣ св. Елены, Наполеонъ созналъ свою ошибку: „Не слѣдовало мнѣ", говорилъ онъ, „соглашаться на перемиріе послѣ побѣды при Бауценѣ. Я уже былъ въ Бреславлѣ, и если бы продолжалъ безостановочное движеніе, то русскіе и пруссаки ушли бы за Вислу, поляки вооружились бы снова и мой тесть никогда не отважился бы явно возстать противъ меня". Нельзя отрицать, что третье большое сраженіе, по всей вѣроятности, имѣло бы для Наполеона весьма благопріятныя послѣдствія: русскіе отступили бы въ Польшу, Пруссія была бы подавлена, Австрія осталась бы нейтральною.

По заключеніи перемирія Императоръ Александръ поѣхалъ, 4-го (16-го) іюня, на нѣсколько дней въ Опочну въ Сѣверной Богеміи, для свиданія съ Великою Княгинею Екатериною Павловною. Сюда прибылъ также Меттернихъ для переговоровъ съ Государемъ. Императоръ Францъ. въ виду близкой развязки подготовлявшихся событій, переселился въ это время въ Гичинъ.

15-го (27-го) іюня, Россія и Пруссія заключили въ Рейхенбахѣ секретную конвенцію съ Австріей, на основаніи которой вѣнскій дворъ обязывался объявить войну Наполеону, если до истеченія перемирія онъ не согласится: 1-е, предоставить въ распоряженіе союзниковъ герцогство Варшавское; 2-е, увеличить Пруссію, вслѣдствіе раздѣла Варшавскаго герцогства и уступки Данцига и занятыхъ французами крѣпостей въ прусскихъ владѣніяхъ; 3-е, возвратить Австріи Иллирію, и 4-е, отказаться отъ ганзеатическихъ городовъ и, вообще, прибрежья сѣверной Германіи. Еще ранѣе 2-го и 3-го (14-го и 15-го) іюня заключены были трактаты съ Англіею о субсидіяхъ.

Для совѣщанія на счетъ общаго плана предстоявшихъ военныхъ дѣйствій Императоръ Александръ, король прусскій и наслѣдный принцъ шведскій съѣхались, 28-го іюня (10-го іюля), въ Трахенбергскій замокъ, близъ Бреславля. Главнымъ основаніемъ плана принято: „Направлять всѣ союзныя войска туда, гдѣ находятся главныя силы непріятеля, и потому корпусамъ, долженствовавшимъ дѣйствовать на флангахъ и въ тылу противника, двигаться по кратчайшему направленію на его путь дѣйствій. Главнымъ силамъ союзниковъ стать такимъ образомъ, чтобъ онѣ всегда могли предупредить непріятеля. Выдающееся, подобно бастіону, положеніе Боге-

міи тому способствуетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было, что та армія, противъ которой направится Наполеонъ съ главными силами, должна не принимать боя, но уклоняться отъ него, отступать, увлекая за собою непріятеля; остальнымъ же въ это время арміямъ, слѣдовало перейти въ наступленіе противъ сообщеній противника и тѣмъ вынудить его къ отступленію.

Канцлеръ графъ Румянцовъ, оставшійся въ Петербургѣ (послѣ отъѣзда Императора Александра въ Вильну въ декабрѣ 1812 г.), вдали отъ дѣлъ, тяготился своимъ положеніемъ. Не сочувствуя новому теченію, принятому русской политикой, онъ не желалъ „слыть государственнымъ канцлеромъ, когда отлученъ пребываю отъ участія и свѣдѣнія государственныхъ дѣлъ". Поэтому графъ Румянцовъ неоднократно утруждалъ Государя просьбами объ увольненіи его отъ службы. Въ письмѣ къ графу Аракчееву отъ 1-го (13-го) мая онъ подтвердилъ свое намѣреніе удалиться отъ дѣлъ, въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: „Государь канцлера своего держитъ въ черномъ тѣлѣ и тѣмъ худо воздаетъ за очень извѣстную къ нему приверженность и за службу не вовсе же пустую, когда она обозначена Фридрихсгамскимъ миромъ; но съ сильными на землѣ нѣтъ разсчета— есть развязка. Я подалъ просьбу объ отставкѣ".

Императоръ Александръ воспользовался первою свободною минутою, чтобы въ милостивомъ письмѣ, отъ 12-го (24-го) іюля 1813 года, изъ Петерсвальдау, отклонить просьбу, высказанную канцлеромъ. Письмо это должно занять мѣсто въ біографіи Императора Александра, какъ краснорѣчивое свидѣтельство его неутомимой дѣятельности за это тревожное время и дружескихъ чувствъ его къ заслуженному государственному дѣятелю:

„Enfin, monsieur le comte, je puis prendre la plume pour vous répondre à vos différentes lettres.

„Avant de passer à tout autre sujet il faut que je fasse ma propre apologie. La maladie du maréchal et la reprise de l'offensive par Napoléon ont daté du même moment à peu près, c. à d. du commencement d'avril; ainsi le surcroit de la besogne militaire causée par l'approche de l'armée ennemie est venue fondre sur moi, au moment ou la principale cheville ouvrière m'a manqué: vous concevez sans peine le travail énorme qui en est résulté pour moi. Dès ce moment je puis dire que je n'ai pas eu à ma disposition non seulement un jour, mais pas même une seule nuit. Ajoutez à cela que je n'ai passé sur place depuis le commencement d'avril que deux jours à Dresde, après lesquels nous avons marché à l'ennemi et depuis nous nous sommes trouvés en mouvement perpétuel. La conclusion de l'armistice a bien suspendu ce mouvement pour la troupe, mais pour moi, ma besogne n'en a pas diminué, elle n'a fait que changer de genre et une très grande activité a dû être employée pour reorganiser plusieurs parties essentielles dans l'armée, après une campagne d'au delà de 12 mois et des marches comme celles depuis Moscou jusqu'à Dresde. Après avoir réglé le plus exigeant, je suis parti d'abord pour Opotschna où des soins d'une autre espèce m'appelaient. A peine revenu, que j'ai du songer à une seconde course pour m'aboucher avec le Prince royal de Suède à Trachenberg. De retour à Peterswaldau, après y avoir passé 24 heures, je suis reparti pour une nouvelle tournée de trois jours dans les montagnes sur les frontières de la Bohême pour différents objets militaires. Enfin ce n'est que depuis 5 jours que je me trouve proprement en place, et me voici la plume à la main pour vous écrire.

„Ceux qui tranquillement habitent un même lieu, voient régulièrement se succéder un jour à l'autre et le temps s'écouler, trouvent que deux ou trois mois sont une époque tres longue: mais pour ceux qui se trouvent en mouvement continuel, les semaines s'écoulent comme des jours, et les mois comme des semaines. Vous, monsieur le comte, qui vous êtes trouvé plus d'une fois, si ce n'est devant l'ennemi, du moins dans des trains de vie semblable pour l'activité, vous saurez très bien comprendre ce que je veux dire. Dans les jours de relâche que j'ai eus cependant depuis l'armistice, je me suis occupé à la lecture suivie des papiers que vous m'avez envoyés, comme vous le verrez par les dates de mes notes, car à leur réception pendant la campagne, à peine avais-je le temps de parcourir le sommaire que vous m'en faisiez dans vos lettres. J'ai tenu à vous restituer le tout ensemble et à me

remettre une fois au courant. Vous trouverez mes résolutions à côté des dépêches mêmes qui en demandaient.

„J'en viens maintenant aux demandes réitérées que vous m'avez adressées, monsieur le comte, pour avoir votre congé et que j'ai reçues au plus fort de nos mouvements. Je vous avoue franchement que je ne me suis pas attendu de votre part à une démarche pareille surtout dans les circonstances actuelles. Vous paraissez me reprocher, que vous trouvant éloigné de moi, vous vous croyez écarté de l'ensemble des affaires politiques. Soyez juste, pouvez vous m'en vouloir de ne vous avoir pas pris avez moi quand il s'agissait de subir une campagne d'hiver et après l'atteinte sérieuse que votre santé a soufferte lors du voyage à Vilna? Du moins ce dont je puis vous répondre positivement, c'est qu'en vous laissant à Pétersbourg je n'ai consulté que le soin de Votre conservation. Après la justice que je me suis plû à rendre toujours à Votre manière de remplir la place que je vous ai confiée, je ne m'attendais sûrement pas à trouver dans vos lettres des expressions comme celles dont vous vous êtes servi. Au reste je puis vous garantir d'aprés l'expérience de ces 7 mois et d'après ma conviction intime que les diplomates et les négociateurs, n'ont presque rien à faire dans l'époque où nous nous trouvons, que l'épée seule peut et doit décider de l'issue des événements, que pour augmenter même les forces dont on a à disposer contre l'ennemi commun, en réunissant à la cause de nouvelles Puissances, l'éloquence et l'habileté des négociateurs y est tout à fait inutile, car tout ne dépend que du plus ou du moins de résolution qu'ont les souverains pour affronter les périls auxquels ils exposent leurs Etats en embrassant la cause pour laquelle nous combattons. Quand vous verrez la suite des papiers de tout ce temps, vous en serez convaincu vous-même. Finalement persuadez-vous que jamais la plus légère intention de vous soustraire la connaissance des choses auxquelles votre place et j'ajouterai ma confiance personnelle vous donnent droit, n'a existé en moi. Les localités et surtout le mouvement continuel dans lequel je me suis trouvé m'en ont seuls ôté toute la possibilité.

„Je vous engage donc, monsieur le comte, à vous désister de votre demande et à conserver une place à laquelle mon estime et ma confiance en vous, vous a appelé. Du moins ne fût ce que jusqu'à mon rétour; alors vous aurez le choix ou de reprendre nos anciennes habitudes, ou de me quitter, si tel est enfin votre intention irrévocable.

„Ma lettre n'étant que trop longue je m'arrête là pour aujourd'hui. Tout à vous".

Наполеонъ не могъ скрыть своего гнѣва противъ Австріи, когда, съ наступленіемъ перемирія, переговоры съ этой державой получили первостепенное значеніе. Съ какими чувствами Наполеонъ относился къ этому дѣлу лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ имъ Коленкуру: „Россія имѣетъ полное право на выгодныя условія мира. Она купила ихъ цѣною двухъ тяжкихъ походовъ, опустошенія областей, потерею столицы. Австрія, напротивъ того, не заслуживаетъ ничего. Ничто не огорчило бы меня такъ, какъ если бы Австрія, въ награду за свое вѣроломство, получила выгоды и славу возстановленія мира въ Европѣ". Неудивительно, поэтому, что Наполеонъ озадачилъ Меттерниха, прибывшаго 14-го (26-го) іюня въ Дрезденъ, оскорбительнымъ вопросомъ: „Сколько вамъ дала Англія за то, чтобы вы сдѣлались врагомъ моимъ?".—Дрезденскій разговоръ съ Меттернихомъ сопровождался разрывомъ союзнаго договора 1812 года; затѣмъ Наполеонъ, согласившись на посредничество Австріи, предложилъ созвать конгрессъ въ Прагѣ, для переговоровъ о возстановленіи мира въ Европѣ, въ которыхъ участвовала бы и Англія. Рѣшено было продолжить перемиріе до 29-го іюля (10-го августа), и открыть переговоры въ Прагѣ; они не привели къ миру, потому что никто его не хотѣлъ, но дозволили державамъ съ успѣхомъ окончить вооруженія. Въ запискахъ графа Нессельроде сказано: „Ainsi nul congrès ne fut-il plus désoeuvré... au fond personne ne voulait sincèrement la paix". *„Только мечъ можетъ и долженъ рѣшить дѣло"*, высказалъ тогда съ полнымъ основаніемъ Императоръ Александръ. 31-го іюля (12-го августа), Меттернихъ прислалъ на имя графа Нарбонна, въ качествѣ французскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, объявленіе войны. Но уже наканунѣ, въ ночь съ 29-го на 30-е іюля (съ 10-го на 11-е августа), за-

пылали костры на всемъ пространствѣ отъ Праги до главной квартиры союзныхъ армій. Это были сигналы, возвѣстившіе о прерваніи переговоровъ. Въ ту же ночь Барклай-де-Толли послалъ на непріятельскіе аванпосты объявленіе о прекращеніи перемирія. На слѣдующій день болѣе 126.500 русско-прусскихъ войскъ выступили изъ Силезіи въ Богемію. Начался осенній походъ 1813 года.

Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Прагу 3-го (15-го) августа. Командованіе главной, богемской арміей было поручено князю Шварценбергу. Императоръ Александръ, не принимая, однако, званія главнокомандующаго, имѣлъ главнѣйшее вліяніе на всѣ движенія армій, не смотря на присутствіе двухъ другихъ государей. Въ Градчинѣ имѣли пребываніе два Императора, король прусскій и множество лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ свитѣ. День и ночь, разсказываетъ очевидецъ, пріѣзжали отъ разныхъ корпусовъ и отрядовъ адъютанты, и курьеры посылались въ тысячу различныхъ мѣстъ, такъ что пражскій Градчинъ уподобился главной квартирѣ. Въ это время прибыли въ Прагу Жомини и Моро. Оба они предложили свои услуги коалиціи по вызову Императора Александра.

Ко времени открытія осенней кампаніи союзники раздѣлили свои силы на три арміи: 1) *Главная* (Богемская) 237.000 при 764 орудіяхъ (русскихъ войскъ 77.200, при 274 орудіяхъ; прусскихъ — 49.300, при 128 орудіяхъ; австрійскихъ—110.500, при 362 орудіяхъ), подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга; 2) *Силезская* армія 99.500 при 340 орудіяхъ (русскихъ войскъ 61.220, при 236 орудіяхъ; прусскихъ—37.200, при 104 орудіяхъ), подъ начальствомъ Блюхера, и 3) *Сѣверная*, 155.500 при 359 орудіяхъ (русскихъ войскъ—30.500, при 120 орудіяхъ; прусскихъ — 73.000, при 115 орудіяхъ; шведскихъ — 24.000, при 62 орудіяхъ, и отдѣльный корпусъ Вальмодена, на Нижней Эльбѣ,—28.000, при 62 орудіяхъ), подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго Карла-Іоанна. Кромѣ того въ герцогствѣ Варшавскомъ формировалась *резервная* армія (такъ-называемая „*польская армія*“), подъ начальствомъ Бенигсена. Она могла перейти Одеръ только въ концѣ августа (первой половинѣ сентября). Всего въ составѣ союзныхъ дѣйствующихъ армій находилось 492.000, при 1.383 орудіяхъ. Дѣйствующая французская армія, ко времени открытія военныхъ дѣйствій послѣ перемирія, считала въ рядахъ своихъ до 440.000, при 1.200 орудіяхъ.

10-го (22-го) августа началось наступательное движеніе богемской арміи къ Дрездену. Между тѣмъ, Наполеонъ, не получивъ своевременно точныхъ свѣдѣній о соединеніи русско-прусскихъ войскъ съ австрійской арміей въ Богеміи, двинулся противъ силезской арміи Блюхера, который ранѣе другихъ, перешелъ уже въ наступленіе 3-го (15-го) августа. Шварценбергъ предполагалъ сначала двинуться къ Лейпцигу, на сообщенія Наполеона; но, получивъ свѣдѣнія, что въ Дрезденѣ находится только слабый корпусъ Сенъ-Сира и что Наполеонъ двинулся въ Силезію, союзники измѣнили первоначальное направленіе, данное богемской арміи, съ цѣлью овладѣть дрезденскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Къ четыремъ часамъ пополудни 13-го (25-го) августа успѣла собраться подъ Дрезденомъ лишь четвертая часть арміи (60.000). Около полудня Императоръ Александръ и король прусскій, вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ и всею своею свитою, обозрѣвали Дрезденъ съ высоты у селенія Рекницъ. Начались пренія, которыя обнаружили полное разногласіе во взглядахъ лицъ, призванныхъ къ обсужденію вопроса: приступить-ли немедленно къ атакѣ Дрездена? Наконецъ, уже поздно, рѣшено было отложить нападеніе въ ожиданіи прибытія остальныхъ войскъ. Благопріятный моментъ для овладѣнія Дрезденомъ былъ, такимъ образомъ, безвозвратно упущенъ, а Наполеонъ выигралъ цѣлыя сутки для своевременной поддержки Сенъ-Сира. Ночью, по указаніямъ князя Шварценберга, выработали неопредѣленную диспозицію, въ смыслѣ попытки овладѣть Дрезденомъ путемъ обстрѣливанія его полевою артиллеріею и рядомъ демонстрацій. 14-го (26-го) августа союзники приступили къ выполненію этой жалкой полумѣры. Рано утромъ завязался бой между передовыми войсками. Въ 11 часовъ Императоръ Александръ прибылъ на высоты Рекница, откуда видно было движеніе французскихъ войскъ по Бауценской дорогѣ на лѣвомъ берегу Эльбы; они спѣшили на помощь корпусу

*

Сенъ-Сира. Союзники получили также вѣрное свѣдѣніе о прибытіи Наполеона въ Дрезденъ. Шварценбергъ пріостановилъ наступленіе до четырехъ часовъ пополудни. Снова приступили къ безплоднымъ совѣщаніямъ. Данилевскій пишетъ, что „то мѣсто, гдѣ стояли монархи съ штабомъ своимъ, уподоблялось шумному народному совѣщанію". Моро пришелъ въ крайнее раздраженіе и, бросивъ шляпу на землю, сказалъ князю Шварценбергу: „Je ne suis plus étonné si depuis 17 ans vous êtes toujours battu". Императоръ Александръ старался его успокоить и отвелъ въ сторону. „Sire, cet homme là va tout perdre", прибавилъ Моро. Наконецъ, атака Дрездена признана была несвоевременною; къ тому же союзная армія уже начинала терпѣть недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, и въ случаѣ неудачи ей предстояло отступленіе по весьма неудобнымъ дорогамъ, чрезъ Рудныя горы. Всѣ эти обстоятельства побудили князя Шварценберга дать слово союзнымъ Государямъ, что онъ отмѣнитъ диспозицію наступленія къ Дрездену. Онъ поскакалъ отыскивать своего начальника штаба Радецкаго, и генералъ-квартирмейстера Лангенау, чтобы черезъ нихъ сдѣлать распоряженіе объ извѣщеніи войскъ относительно отмѣны атаки. Но время проходило, обѣщанная отмѣна не послѣдовала, и въ четыре часа по тремъ залпамъ съ Рекницкихъ высотъ, пять колоннъ, раскинутыя на 15 верстъ, двинулись впередъ по указаннымъ направленіямъ для выполненія предписанной *большой демонстраціи*. Въ 6 часовъ вечера Наполеонъ перешелъ въ наступленіе и отбросилъ союзниковъ. Императоръ Александръ очень долго оставался на полѣ сраженія, во мракѣ ненастнаго осенняго вечера, пока погода утихла и заблистали тысячи огней, разложенныхъ войсками; происходили совѣщанія, что на слѣдующій день предпринять надлежало. Въ виду сосредоточенія къ ночи до 160.000 человѣкъ подъ Дрезденомъ рѣшились остаться съ войсками на занимаемой ими позиціи. Наполеонъ былъ убѣжденъ, что союзники въ ночь отступятъ и готовился къ ихъ преслѣдованію; Вандаммъ былъ двинутъ на сообщенія богемской арміи; но, занявъ Пирнское плато онъ оставался 15-го (27-го) августа въ бездѣйствіи. Въ глубокой темнотѣ Государь пріѣхалъ въ замокъ Нетницъ, гдѣ расположился ночевать. Поднялась ужасная буря и полился крупный холодный дождь; казалось, что облака разверзлись надъ Дрезденомъ. Союзныя войска провели ужасную ночь, подъ открытымъ небомъ, въ грязи на бивакахъ; кромѣ того, ощущался совершенный недостатокъ продовольствія и ко всѣмъ физическимъ страданіямъ присоединялся еще упадокъ духа, вызванный отбитымъ приступомъ. 15-го (27-го) августа, въ шестомъ часу утра, Императоръ Александръ выѣхалъ уже на позицію; обѣ арміи стояли другъ отъ друга на самомъ близкомъ разстояніи и въ седьмомъ часу завязалась сильная канонада. Дождь съ вихремъ продолжался и бой начался при самой невыгодной для союзниковъ обстановкѣ. Генералъ Моро былъ тяжело раненъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Императора Александра; онъ былъ пораженъ ядромъ, которое оторвало у него правую ногу и, пролетѣвъ сквозь лошадь, раздробило другое колѣно. Вслѣдъ за ударомъ, постигшимъ, генерала Моро, союзники узнали о пораженіи австрійцевъ за Плауэнскимъ оврагомъ. Здѣсь положили оружіе четыре полка австрійской арміи. Сверхъ того Мюратъ захватилъ 16 орудій и нѣсколько знаменъ. Извѣстіе это произвело потрясающее впечатлѣніе; заговорили о немедленномъ отступленіи въ Богемію. Императоръ Александръ предложилъ возобновить бой на слѣдующій день, опасаясь движенія черезъ горы въ столь ненастную погоду. Но Шварценбергъ настоятельно потребовалъ отступленія; австрійскіе солдаты были до того изнурены отъ голода, что многіе падали за-мертво; болѣе трети людей шли босикомъ. Ко всѣмъ невзгодамъ, испытаннымъ союзниками, нужно еще присоединить значительныя потери, которыя въ оба дня сраженія подъ Дрезденомъ возрасли до 30.000. Государь съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ согласиться на представленія главнокомандующаго. Отступленіе разстроенной и изнуренной арміи началось въ непроницаемомъ мракѣ, при сильномъ вихрѣ и дождѣ, въ грязи по колѣно; только и слышны были вопли раненыхъ и ругательства, произносимыя почти на всѣхъ языкахъ европейскихъ. Такимъ образомъ, наступательное движеніе союзниковъ къ Дрездену кончилось полною неудачею. Наполеонъ, измокшій до костей,

къ вечеру, отправился во дворецъ къ своему союзнику, королю саксонскому. Не смотря на продолжавшуюся непогоду, его шествіе было торжественно: за нимъ несли десять отбитыхъ знаменъ; позади ихъ слѣдовали отбитыя орудія и толпы плѣнныхъ. Великій полководецъ могъ справедливо гордиться своею побѣдою! Когда саксонскій военный министръ, генералъ Герсдорфъ сталъ поздравлять его съ побѣдою, Наполеонъ отвѣчалъ, что ненастье спасло союзниковъ отъ совершеннаго истребленія. „Я хотѣлъ овладѣть высотами", сказалъ онъ, „но не могъ этого сдѣлать, по случаю дождя. Надѣюсь придти въ Богемію прежде, нежели отступятъ туда мои противники; я достигну Праги въ одно время съ ними... я доволенъ сегодняшними успѣхами, но тамъ, гдѣ меня нѣтъ, все идетъ плохо". И какъ бы предчувствуя неудачи, предстоявшія ему испытать въ Силезіи, продолжалъ: „войска, направленныя противъ Берлина, разбиты; опасаюсь также и за Макдональда... онъ храбръ, преданъ мнѣ, но ему не достаетъ счастья". Дѣйствительно, тамъ, гдѣ не было Наполеона, побѣда не вѣнчала дѣйствій его маршаловъ. 11-го (23-го) августа сѣверная армія, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Шведскаго, одержала побѣду надъ Удино при Гросъ-Бееренѣ, и 14-го (26-го) августа Блюхеръ разбилъ Макдональда на рѣкѣ Кацбахѣ.

16-го (28-го) августа Наполеонъ лично распорядился преслѣдованіемъ отступавшихъ союзныхъ войскъ. Вандамму, занимавшему Пирнское плато, послано приказаніе всѣми силами атаковать стоявшаго противъ него принца Евгенія Виртембергскаго и, двинувшись черезъ Петерсвальде въ Богемію, предупредить союзниковъ при выходѣ ихъ армій изъ горныхъ дефиле. Въ это же время Мюратъ, Мармонъ и Сенъ-Сиръ должны были тѣснить богемскую армію съ тыла. Вечеромъ 16-го (28-го) числа Наполеонъ со всею гвардіей прибылъ въ Пирнъ. Но къ счастью для коаліціи, разбитыя подъ Дрезденомъ войска не подверглись энергическому преслѣдованію; французы ограничились захватомъ въ плѣнъ отсталыхъ и повозокъ, брошенныхъ на маршѣ отступавшими войсками. Наполеонъ заболѣлъ и озабоченный къ тому же неблагопріятными извѣстіями съ другихъ театровъ военныхъ дѣйствій, возвратился, 17-го (29-го) августа, со старой гвардіей въ Дрезденъ. Вандаммъ одинъ принялся за выполненіе предначертанной ему Наполеономъ задачи. Движеніе Вандамма сопровождалось, 17-го (29-го) и 18-го (30-го) августа, сраженіемъ при Кульмѣ, которое кончилось полнымъ пораженіемъ французовъ; своевременныя распоряженія Императора Александра спасли союзную армію и вывели ее изъ критическаго положенія. Двухдневный бой увѣнчался блистательной побѣдой: Вандаммъ со всею свитою взятъ въ плѣнъ; захвачена вся непріятельская артиллерія (82 орудія) и 10.000 плѣнныхъ. Это была первая побѣда надъ врагами, при которой лично присутствовалъ Императоръ Александръ, и побѣду имѣлъ полное право приписать себѣ; поэтому, Кульмское сраженіе до конца жизни Государя было для него всегда любимымъ предметомъ воспоминанія. Плѣнные, разсказываетъ Данилевскій, проходили цѣлыми колоннами мимо Государя. Наконецъ, издали показался генералъ Вандаммъ, ведомый казаками. На другой день Вандаммъ былъ отправленъ въ Москву.

Въ этотъ день Императоръ Александръ на самомъ полѣ сраженія при Кульмѣ испыталъ и другую радость: пріѣхалъ курьеръ отъ Блюхера съ донесеніемъ о побѣдѣ при Кацбахѣ. Возвращаясь вечеромъ въ Теплицъ, Государь встрѣтилъ на дорогѣ длинный рядъ повозокъ съ нашими ранеными, къ которымъ онъ подъѣзжалъ, благодарилъ ихъ, и спрашивалъ о нуждахъ, называя ихъ своими сотоварищами. „Какъ послѣ сего", пишетъ очевидецъ, „военнымъ было не боготворить Александра, который дѣлилъ съ ними и непогоды и опасности, зналъ лично многихъ офицеровъ, а сраженнымъ на полѣ битвы являлся въ видѣ ангела-утѣшителя".

Побѣда при Кульмѣ имѣла особенно важное значеніе въ смыслѣ подъема духа арміи, испытавшей пораженіе подъ Дрезденомъ и затѣмъ разстроенной безпорядочнымъ отступленіемъ. Шварценбергъ, отчаявшись въ успѣхѣ, уже намѣренъ былъ отвести австрійскую армію за рѣку Эгеръ; Меттернихъ, съ своей стороны, готовился отдѣлить Австрію отъ коаліціи. День 18-го (30-го) августа, въ связи съ побѣдами при Гросъ-Бееренѣ и Кацбахѣ, произвелъ рѣшительный переворотъ въ общемъ положеніи дѣлъ въ пользу союзниковъ. Военные успѣхи

сѣверной арміи довершены были еще 25-го августа (6-го сентября) побѣдою при Денневицѣ. 28-го августа (9-го сентября) Россія скрѣпила союзъ съ Австріею и Пруссіею новыми договорами, заключенными въ Теплицѣ. Всѣ три державы обязались содержать для войны до 150.000 человѣкъ каждая, не договариваться о мирѣ отдѣльно и не заключать его иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ.

14-го (26-го) сентября резервная (такъ-называемая польская) армія Бенигсена пришла въ окрестности Теплица. Располагая отнынѣ значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ, союзники предполагали перейти къ рѣшительному наступленію всѣми арміями на сообщенія Наполеона, чтобы, по возможности, однимъ ударомъ окончить кампанію. Для достиженія этой цѣли рѣшено было двинуть богемскую армію съ арміей Бенигсена въ Саксонію, а силезскую и сѣверную переправить черезъ Эльбу, и направить всѣ эти силы къ Лейпцигу. Къ 4-му (16-му) октября союзники успѣли сосредоточить всѣ арміи къ Лейпцигу, кромѣ арміи Бенигсена и корпуса Коллоредо, которые могли только подойти 5-го (17-го) октября. Въ главной квартирѣ рѣшено было неотлагательно атаковать Наполеона, чтобы предупредить сосредоточеніе его силъ, но относительно плана атаки возникло, какъ всегда, сильное разногласіе. Желая зайти непріятелю въ тылъ, Шварценбергъ намѣревался направить главныя силы въ пространство, образуемое теченіемъ Плейсы и Эльстера. Императоръ Александръ съ обычнымъ своимъ спокойнымъ видомъ старался убѣдить Шварценберга въ нецѣлесообразности подобнаго распоряженія; но выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, онъ сказалъ ему съ неудовольствіемъ: „Eh bien, monsieur le maréchal, puisque vous persistez, vous ferez avec l'armée autrichienne ce que vous voudrez, mais quant aux troupes russes du grand-duc Constantin et de Barclay, elles iront à la droite de la Pleisse, où elles doivent être et pas ailleurs“. Во время этого спора, пишетъ Данилевскій, императоръ Францъ и король прусскій молчали, какъ будто посторонніе, дѣлая только изрѣдка ничего незначущія измѣненія и соглашаясь попеременно то съ Государемъ, то съ Шварценбергомъ. Сраженіе 4-го (16-го) октября подтвердило справедливость мнѣнія, высказаннаго Императоромъ Александромъ; Шварценбергъ тѣмъ не менѣе двинулъ австрійскія войска Мерфельда и принца Гессенъ-Гамбургскаго въ мѣшокъ между Эльстеромъ и Плейссою и жестоко поплатился за свои ошибочныя распоряженія. „Вообще“, замѣчаетъ Данилевскій по поводу историческаго спора, происшедшаго 3-го (15-го) октября, „сколько я ни видалъ Государя, разсуждающаго о военныхъ дѣлахъ на полѣ, то его мнѣнія были самыя основательныя и дальновидныя; но въ немъ была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ и онъ имѣлъ тотъ недостатокъ для военнаго человѣка, что онъ не скоро узнавалъ мѣстное положеніе поля сраженія, или, говоря техническимъ языкомъ, онъ съ трудомъ могъ оріентироваться“.

Утромъ 4-го (16-го) октября Императоръ Александръ прибылъ на поле сраженія, когда армія строилась въ боевой порядокъ; шагомъ и въ молчаніи ѣхалъ онъ къ первой линіи, какъ вдругъ, въ началѣ десятаго часа, раздался гулъ перваго непріятельскаго выстрѣла. „L'ennemi salue l'arrivée de Votre Majesté“, сказалъ графъ Милорадовичъ, находившійся подлѣ Государя. Вскорѣ войска двинулись; на всѣхъ пунктахъ они встрѣтили сильное сопротивленіе. Уже три часа кипѣло сраженіе и нигдѣ атакующій не выигралъ ни шагу.

Всѣ атаки союзниковъ, веденныя слабыми и притомъ разбросанными на разстояніи восьми верстъ силами, были отбиты. Тогда Наполеонъ рѣшился прорвать центръ союзниковъ и отбросить богемскую армію къ Плейссѣ. Съ этой цѣлью онъ, около двухъ часовъ пополудни, двинулъ значительную массу кавалеріи, поддержанную главными силами. Французы достигли уже прудовъ и селенія Госсы, въ близкомъ разстояніи отъ высоты, на которой находился Императоръ Александръ. Генералы, находившіеся въ свитѣ Государя, умоляли его удалиться; но Александръ, не обращая вниманія на опасность, съ безмятежнымъ спокойствіемъ, обычнымъ ему въ важныхъ случаяхъ жизни, заботился только о подкрѣпленіи опрокинутыхъ войскъ. Всѣ стоявшіе близъ Александра считали сраженіе проиграннымъ, не отчаявался только Государь. Это была блистательнѣйшая изъ минутъ его воен-

наго поприща. „Я смотрѣлъ", пишетъ Данилевскій, „нарочно въ лице Государю; онъ не смѣшался ни на одно мгновеніе и, приказавъ самъ находившимся въ его конвоѣ лейбъ-казакамъ ударить на французскихъ кирасиръ, отъѣхалъ назадъ не болѣе какъ шаговъ на пятнадцать. Положеніе Императора было тѣмъ опаснѣе, что позади его находился длинный и глубокій оврагъ, черезъ который не было моста". Въ эту критическую минуту боя, Императоръ Александръ распорядился ввести въ дѣйствіе резервную артиллерію. Подозвавъ къ себѣ начальника артиллеріи, генерала Сухозанета, Государь, указавъ на поле сраженія, сказалъ: „видишь, теперь тотъ лучше, кто прежде всѣхъ сюда поспѣетъ: далеко-ли твоя артиллерія".—„Она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты", отвѣчалъ Сухозанетъ, заблаговременно приказавшій всѣмъ резервнымъ батареямъ идти на рысяхъ къ Госсѣ. За ними слѣдовалъ гвардейскій корпусъ, за которымъ также послалъ Государь, замѣтивъ сосредоточеніе непріятельскихъ силъ у Вахау. 112 орудій русской резервной артиллеріи открыли огонь. Полтора часа обѣ стороны продолжали въ разстояніи не болѣе тысячи шаговъ съ ожесточеніемъ ужасную канонаду, о которой графъ Милорадовичъ сказалъ, что она громче Бородинской. Между тѣмъ Наполеонъ, видя центръ союзной арміи прорваннымъ, послалъ въ Лейпцигъ поздравить короля саксонскаго съ побѣдой, приказалъ во всѣхъ церквахъ города звонить въ колокола и сказалъ стоявшему подлѣ него графу Дарю: „le monde tourne encore pour nous". Канонада продолжалась до шести часовъ, и въ результатѣ оказалось, что хотя атака союзниковъ и была отбита, но и контръ-атака Наполеона, прорывъ центра союзниковъ, по недостаточности силъ, осталась безъ послѣдствій. Наступательныя дѣйствія Блюхера, предпринятыя въ тотъ же день, 4-го (16-го) октября, къ сѣверу отъ Лейпцига у Мёкерна, сопровождались большимъ успѣхомъ. Трофеями боя были 53 орудія и 200 плѣнныхъ. Общая потеря каждой изъ сторонъ, въ первый день Лейпцигскаго сраженія, простиралась до 30.000 человѣкъ.

5-е (17-е) октября прошло въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ. Союзники поджидали присоединенія подкрѣпленій: корпусъ Коллорадо, армію Бенигсена и свѣжую армію. Императоръ Александръ провелъ весь день въ полѣ, подъ дождемъ, занимаясь лично приготовленіями къ бою; въ дѣйствительности онъ начальствовалъ союзными арміями, а не кто другой; къ князю Шварценбергу потеряли довѣріе, а прочіе два монарха ни во что не вмѣшивались. Александръ, ознакомившись въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ австрійцами, уже не оказывалъ имъ такой уступчивости, какъ при началѣ своего союза съ ними: при разногласіяхъ онъ твердо настаивалъ на своемъ мнѣніи. Пруссаки во всемъ ему покорялись и самые австрійцы, признавая его возвышенныя дарованія и отсутствіе всякихъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ, начинали его слушаться, тѣмъ болѣе, что сосредоточеніе подъ Лейпцигомъ всѣхъ союзныхъ армій увеличивало число войскъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ распоряженій Государя, который, по выраженію очевидца, былъ „истиннымъ Агамемнономъ сей великой брани".

Наполеонъ, сознавая затруднительность своего положенія въ виду несомнѣннаго превосходства силъ союзниковъ, рѣшился 5-го (17-го) октября прибѣгнуть къ переговорамъ: онъ отправилъ къ союзнымъ государямъ взятаго наканунѣ въ плѣнъ австрійскаго генерала Мерфельда съ предложеніемъ заключить перемиріе и потомъ начать переговоры о мирѣ. Сущность предложеній Наполеона заключалась въ томъ, что онъ соглашался уступить Варшавское герцогство, Голландію и Ганзеатическіе города, признавалъ независимость Италіи, отказывался отъ Рейнскаго союза и Испаніи, и только требовалъ возвращенія ему завоеванныхъ англичанами французскихъ колоній: „Пришлите ко мнѣ когонибудь, къ кому я могу имѣть довѣріе", сказалъ онъ Мерфельду, „и тогда мы придемъ къ соглашенію. Меня обвиняютъ въ томъ, будто бы я все предлагаю перемирія. Я потому и не предложу его. Но согласитесь, что человѣчество отъ этого выиграло бы много. Если пожелаютъ, я отступлю за Заалу, русскіе и пруссаки за Эльбу, вы въ Богемію, а несчастная Саксонія, которая столько пострадала, остается нейтральною". На возраженіе Мерфельда, что союзники надѣются, что онъ еще осенью отойдетъ за Рейнъ, Наполеонъ сказалъ: „Для этого надобно мнѣ проиграть сраженіе. Это можетъ слу-

читься, но этого еще нѣтъ (Cela peut arriver mais cela n'est pas)". Въ заключеніе онъ прибавилъ: „Надѣюсь, что мои слова, вами переданныя, возбудятъ въ обоихъ императорахъ краснорѣчивыя воспоминанія". Графа Мерфельда препроводили на нашу передовую цѣпь и ночью князь Шварценбергъ прислалъ его къ Императору Александру, но на привезенныя имъ предложенія Наполеона не послѣдовало никакого отвѣта.

Наполеонъ не воспользовался ночью, чтобы скрытно отойти за Эльстеръ. Онъ потерялъ цѣлый день, ожидая отвѣта на мирныя предложенія, и наконецъ остановился на отступленіи, имѣющемъ видъ перемѣны позиціи; въ ночью съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) октября онъ занялъ позицію ближе къ Лейпцигу, верстахъ въ семи.

6-го (18-го) октября по утру прекраснѣйшаго осенняго дня началась „битва народовъ" (Völkerschlacht). Императоръ Александръ прибылъ къ войскамъ прежде выступленія ихъ съ биваковъ. Слѣдуя за колоннами центра, онъ переѣзжалъ съ одной высоты на другую подъ ядрами, черезъ него летавшими, и неоднократно подвергался опасности, въ особенности при продолжительной атакѣ деревни Пробстгейда. Одно ядро упало весьма близко отъ Государя; ему совѣтывали отъѣхать, но онъ сказалъ любимую свою пословицу, которой всегда придерживался: „одной бѣды не бываетъ, посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро". Дѣйствительно, едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и осколками своими ранила нѣсколькихъ конвойныхъ солдатъ. Австрійскій императоръ и король прусскій были неразлучны съ Государемъ, къ которому безпрерывно пріѣзжали адъютанты отъ разныхъ корпусныхъ командировъ и отъ арміи Бенигсена, шведскаго наслѣднаго принца и Блюхера. Но самымъ радостнымъ вѣстникомъ былъ начальникъ саксонскихъ войскъ, генералъ Рюссель, перешедшій съ своими войсками на сторону союзниковъ часу въ третьемъ; онъ явился къ Императору Александру, который превозносилъ патріотизмъ его.

Результаты, достигнутые союзниками въ день 6-го (18-го) октября, далеко не соотвѣтствовали ихъ громадному численному превосходству надъ противникомъ. Атаки были ведены разновременно и до 100.000 человѣкъ оставались въ резервѣ, вовсе не принимая участія въ бою.

Въ сумерки, когда императоръ австрійскій уже уѣхалъ съ поля сраженія въ Рету, всѣ первенствующіе генералы собрались вокругъ Государя и короля прусскаго, на такъ-называемомъ Монаршемъ холмѣ. Съ разсвѣтомъ рѣшено было приготовить войска къ новому бою; въ случаѣ же совершеннаго оставленія непріятелемъ занятой имъ позиціи—двинуться къ Лейпцигу и штурмовать городъ. Государь присовокупилъ, что такъ какъ отступленіе Наполеона казалось ему несомнѣннымъ, то полезно было бы гвардію и гренадеръ немедленно направить ночью на лѣвый берегъ Эльстера, для дѣйствія во флангъ непріятелю. Очевидецъ и правдивый историкъ Плото пишетъ: „Императоръ Александръ говорилъ такъ ясно, опредѣлительно и съ такимъ знаніемъ стратегическихъ движеній, что возбудилъ общее удивленіе". Тѣмъ не менѣе, князь Шварценбергъ упросилъ Государя отказаться отъ этого намѣренія, ссылаясь на усталость войскъ и недостатокъ продовольствія. Преслѣдованіе было отложено до слѣдующаго утра; принятыя же главнокомандующимъ полумѣры лишили союзниковъ возможности нанести противнику рѣшительный ударъ.

Съ разсвѣтомъ 7-го (19-го) октября, Императоръ Александръ объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ и ободрялъ колонны, шедшія на приступъ, но велѣлъ щадить городъ. Подъѣхавъ къ войскамъ графа Витгенштейна, Александръ сказалъ: „Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ нами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ Государь этого желаетъ, и если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе". Слова Государя съ быстротою молніи были переданы во всѣ ряды войскъ. Около полудня Императоръ Александръ въѣхалъ въ Лейпцигъ во время непрекращавшагося еще боя. Въ союзныхъ войскахъ въ трехдневномъ Лейпцигскомъ сраженіи выбыло изъ строя 50.000 человѣкъ (22.000 русскихъ, 16.000 пруссаковъ, 12.000 австрійцевъ и 300 шведовъ).

Шведы понесли наименьшую потерю подъ Лейпцигомъ. Это объясняется нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій наслѣднаго

принца шведскаго (Бернадота), стоявшаго во главѣ сѣверной арміи. Эта нерѣшительность и видимое желаніе щадить французовъ можно прослѣдить въ его дѣйствіяхъ въ продолженіе всего осенняго похода 1813 года. Оно объясняется политическими соображеніями наслѣднаго принца, высказанными имъ съ полною откровенностью послѣ сраженія при Денневицѣ, флигель-адъютанту Императора Александра, графу Рошешуару: „Il ne faut plus d'empereur, ce titre n'est pas français, il faut à la France un roi, mais un roi soldat; la race des Bourbons est une race usée qui ne remontera jamais sur l'eau. Quel est l'homme qui convient mieux que moi aux Français?“

Независимость Германіи была обезпечена. Наполеонъ съ остатками разбитой арміи быстро подвигался къ Рейну, медленно преслѣдуемый Шварценбергомъ. 2-го (14-го) октября баварскій король присоединился къ коалиціи и объявилъ войну Франціи. 18-го (30-го) числа Наполеонъ нанесъ у Ганау пораженіе австро-баварскимъ войскамъ, находившимся подъ начальствомъ графа Вреде, и проложилъ себѣ путь къ Рейну. 20-го октября (1-го ноября) французская армія выступила изъ окрестностей Франкфурта и на слѣдующій день перешла въ Майнцѣ на лѣвый берегъ Рейна. Здѣсь Наполеонъ покинулъ армію и возвратился въ Парижъ.

Наступленіе богемской арміи къ Рейну было соображено княземъ Шварценбергомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы австрійскія войска предупредили прочихъ союзниковъ въ Франкфуртѣ; затѣмъ императоръ Францъ долженъ былъ торжественно вступить въ этотъ древній имперскій городъ прежде Императора Александра, являясь какъ бы главою коалиціи. Государь сперва не обратилъ вниманія на этотъ политическій маршрутъ, но потомъ, убѣдясь въ видахъ австрійцевъ, онъ со свойственною ему ловкостью разстроилъ разсчеты вѣнскихъ политиковъ. Россійско-прусская кавалерія, получивъ новые маршруты, двинулась усиленными переходами въ Франкфурту. 24-го октября (5-го ноября) Императоръ Александръ прибылъ въ этотъ городъ, сопровождаемый болѣе 7.500 всадниковъ. На другой день Государь принялъ императора Франца какъ хозяинъ, встрѣтивъ его у заставы и сопровождая его оттуда до собора. Большинство войскъ, выстроенныхъ по улицамъ, составляли русскіе кирасиры. 26-го октября (7-го ноября) Императоръ Александръ писалъ графу Румянцову; „Nous voici à Francfort et nos avant-postes sont sur le Rhin. Pour vous en donner un document irrécusable j'ai exigé de votre ami Bethman une lettre pour vous. J'ai fait la connaissance de son aimable famille“.

Союзная главная квартира пробыла здѣсь болѣе мѣсяца; на это время Франкфуртъ сдѣлался средоточіемъ политическихъ дѣлъ Европы и наполнился пріѣзжавшими со всѣхъ концовъ Германіи принцами. „Я видѣлъ“, пишетъ очевидецъ, „въ пріемныхъ комнатахъ Государя и королей и владѣтелей, лишенныхъ французами престоловъ своихъ, и членовъ Рейнскаго союза, которые незадолго еще отправляли войска свои противъ Россіи. Австрійцы и пруссаки могли къ нимъ имѣть болѣе или менѣе притязаній, но за безпристрастіе Александра ручалось могущество его; они видѣли въ Россіи державу, которой не нужно было расширять свои предѣлы на ихъ счетъ, а потому всѣ обращались къ Государю, какъ къ новому солнцу, возсіявшему на горизонтѣ ихъ“.

Во время пребыванія Императора Александра въ Франкфуртѣ получено было радостное извѣстіе о заключеніи 12-го (24-го) октября мира съ Персіею, подписаннаго въ Гюлистанѣ. Мирный договоръ упрочилъ за Россіею сдѣланныя нашими войсками завоеванія на Кавказѣ и доставилъ въ нѣкоторой степени спокойствіе этому краю. Графъ Румянцовъ написалъ по этому случаю 17-го ноября графу Аракчееву: „Миръ съ Персіею, весь въ пользу и въ отличіе Имперіи нашей, написанъ ясно и будетъ имѣть полезныя послѣдствія“. Канцлеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вновь возобновить просьбу объ отставкѣ и въ всеподданѣйшемъ письмѣ отъ 5-го декабря 1813 года сдѣлалъ по этому случаю слѣдующую оцѣнку своей политической дѣятельности за время завѣдыванія имъ иностранными дѣлами. „Препровождая къ утвержденію В. И. В. заготовленныя ратификаціи Персидскаго мирнаго договора“, писалъ графъ Румянцовъ, „я сужу, что симъ оканчивается министерское мое служеніе, и благодарю Промыслъ Всевышняго за то, что и посреди перемѣнившагося жребія моего онъ допустилъ меня давнюю ко мнѣ Монаршую довѣренность, по возможности,

оправдать. Въ министерскомъ званіи служу я Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, 12 лѣтъ, а 6 тому минуло, В. И. В. подписавъ Тильзитскій миръ, которому былъ я совершенно чуждъ, мнѣ поручить изволили начальство иностранныхъ дѣлъ.— Тогда, Государь, двѣ войны уже имѣли Вы на рукахъ: персидскую и турецкую; да и самымъ мирнымъ Тильзитскимъ договоромъ обязалися неукоснительно вступить въ войну съ Англіей и въ войну со Швеціею; и то Монаршее обѣщаніе исполнить изволили. Въ такомъ положеніи дѣла Имперіи находилися, когда я, не по домогательству своему и не по желанію, а единственно по всеавгустѣйшей волѣ Вашей, принялъ министерство иностранныхъ сношеній, и самъ исповѣдаю, что чуждъ къ сему служенію особой способности. Будучи просто исполнителемъ воли Вашей и ежедневно руководимъ самими Вами, Всемилостивѣйшій Государь, нынѣ достигъ той цѣли, что всѣмъ онымъ войнамъ положенъ благополучный конецъ. Въ 1812 году возстановленъ миръ съ Англіею, и предшествовавшая ему война не нанесла отечеству никакихъ бѣдъ. Въ 1809 году подписанъ Фридрихсгамскій миръ; на Сѣверѣ поставлена межа Имперіи не на Кименѣ, но тамъ, гдѣ течетъ Торнео. Въ 1812-мъ окончена Турецкая война, и на полудни Прутъ и Дунай обозначили новыя границы. Теперь, Всемилостивѣйшій Государь, возстановляется миръ съ Персіею, и на востокѣ Куръ и Араксъ составятъ предѣлъ отечества. Ставъ наконецъ таковыхъ событій счастливымъ свидѣтелемъ и волею Вашею отстраненъ отъ поприща дипломатическихъ дѣлъ, нынѣ съ такимъ блескомъ текущихъ, я въ долгъ себѣ вмѣняю припасть снова ко священнѣйшему престолу В. И. В. и наиубѣдительнѣйше просить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, вспомнить и милостивымъ рѣшеніемъ удостоить неоднократно принесенную мною просьбу объ отставкѣ. Я принесъ Престолу службу полезную, и съ меня довольно. Отпустите меня". Во Франкфуртѣ получены были также изъ Россіи медали, установленныя Императоромъ Александромъ въ Вильнѣ за войну 1812 года. „Хотя", какъ замѣчаетъ Даниловскій, „мы находились въ союзѣ со всею Европою, но медали напоминали о времени, когда эти же самыя европейскія державы за годъ передъ тѣмъ, склоняясь подъ желѣзный скипетръ деспота, намѣревались оттѣснить насъ въ Азію, когда мы были одни, оставленные на произволъ собственныхъ силъ нашихъ, когда пламенѣли и Смоленскъ и Москва, но не устрашился Государь и не дрогнули сердца русскія".

Союзныя войска, нѣсколько утомленныя и разстроенныя выдержаннымъ труднымъ походомъ, расположились для отдыха и устройства вдоль Рейна; тѣмъ временемъ среди побѣдителей проявилась, однако, склонность къ дипломатическимъ переговорамъ, и сторонники мира снова подняли голосъ. Императоръ Францъ и Меттернихъ нисколько не стремились къ низложенію Наполеона, а только къ ослабленію его могущества. Англія также склонялась къ подобному воззрѣнію. Русскіе также не были чужды подобнаго взгляда на политическую обстановку. Уже при началѣ войны 1813 года многіе русскіе находили, что выгоднѣе заключить миръ, нежели продолжать борьбу съ Наполеономъ за дѣло намъ чуждое— освобожденіе Германіи. Достигнувъ, наконецъ, Рейна, сторонники этой политики полагали, что послѣ столь труднаго, хотя и славнаго похода настала пора заключить миръ и что дальнѣйшее продолженіе войны не обѣщаетъ Россіи никакой пользы и было бы въ политическомъ отношеніи грубою ошибкою. „L'armée russe était muette: elle regardait son but comme atteint", — пишетъ Меттернихъ въ своихъ Запискахъ. Одинъ Императоръ Александръ не вѣрилъ въ возможность прочнаго мира и намѣренъ былъ продолжать борьбу до послѣдней крайности, чтобы предписать миръ въ Парижѣ. Онъ стремился къ низложенію Наполеона и къ полному освобожденію Европы отъ его вліянія. Поэтому Государь требовалъ немедленнаго продолженія войны и зимняго похода, желая воспользоваться полнымъ разстройствомъ французскихъ вооруженныхъ силъ. Дѣйствительно, когда Наполеонъ перешелъ Рейнъ, французская армія считала въ рядахъ своихъ не болѣе 60.000 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 40.000 были способны къ бою, и для успѣха дѣла важно было не дать Наполеону времени создать новую армію. Независимо отъ того, Императоръ Александръ оставался неизмѣнно вѣрнымъ убѣжденію, что всякій мирный договоръ съ Наполеономъ не что иное, какъ перемиріе, которое французскій владыка

всякій разъ считалъ обязаннымъ нарушить, когда этого требовали его выгоды „Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 льё", говорилъ Александръ своимъ союзникамъ. Мнѣніе Государя поддерживали нѣкоторые изъ выдающихся прусскихъ дѣятелей, какъ-то: Блюхеръ и Гнейзенау; но затѣмъ и въ прусскомъ станѣ раздавались голоса въ пользу мира, которые глумились надъ „романическою идеею сумасбродовъ блюхеровой главной квартиры". Даже прусскій король считалъ опаснымъ рѣшеніемъ вторженіе во Францію; воспоминанія о злополучномъ походѣ 1792 года оставили во многихъ прусскихъ сердцахъ неизгладимое впечатлѣніе. Опасались послѣдствій народнаго возстанія, какъ только союзники перейдутъ древніе предѣлы Франціи.

Случайность доставила Меттерниху возможность завязать съ Наполеономъ дипломатическіе переговоры; онъ немедленно ею воспользовался. Послѣ лейпцигскаго сраженія баронъ Сентъ-Эньянъ (St.-Aignan), французскій министръ при Веймарскомъ дворѣ, былъ взятъ въ плѣнъ. Меттернихъ бесѣдовалъ съ нимъ во Франкфуртѣ и вручилъ ему, 28-го октября (9-го ноября), условія, на основаніи которыхъ европейская коалиція соглашалась открыть переговоры съ Наполеономъ для установленія общаго мира. Союзники требовали: признанія независимости Германіи, Италіи и Голландіи, возстановленія династіи Бурбоновъ въ Испаніи, предоставляя Франціи сохраненіе ея естественныхъ границъ: Рейна, Альпъ и Пиренеевъ. Со стороны Англіи изъявлена готовность къ значительнымъ уступкамъ и къ соглашенію на счетъ свободы мореплаванія и торговли. Въ случаѣ принятія Наполеономъ этихъ условій, Меттернихъ предложилъ признать нейтральнымъ какой-либо городъ на правомъ берегу Рейна и пригласить туда уполномоченныхъ всѣхъ воюющихъ державъ, не прерывая однако же военныхъ дѣйствій. Не смотря на крайне выгодныя условія мира, предложенныя Наполеону, онъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, изъявивъ только согласіе на созваніе конгресса въ Мангеймѣ; между тѣмъ, благодаря усиленнымъ вооруженіямъ во Франціи, партія продолженія войны въ союзномъ лагерѣ взяла рѣшительный перевѣсъ. На военномъ совѣтѣ во Франкфуртѣ, 19-го ноября (1-го декабря), рѣшено приступить къ зимнему походу и обнародована декларація, въ которой союзники объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, напротивъ преобладанія императора Наполеона (prépondérance), которымъ онъ къ несчастью Европы и Франціи пользовался слишкомъ долго внѣ предѣловъ своей имперіи. Такимъ образомъ конечная цѣль политики Императора Александра получила уже нѣкоторое осуществленіе: союзники разъединили Францію отъ ея повелителя и сдѣлали очевидный для всѣхъ первый шагъ къ низложенію Наполеона. Не подлежитъ сомнѣнію, что, безъ энергіи Императора Александра, Наполеонъ цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій сохранилъ бы свое преобладаніе. 29-го ноября (11-го декабря) главная квартира выступила изъ Франкфурта.

Союзники предполагали вторгнуться во Францію съ главными силами со стороны верхняго Рейна; Императоръ Александръ, одобряя подобный планъ дѣйствій, желалъ, однако, сохранить нейтралитетъ Швейцаріи. По прибытіи въ Карлсруэ, Императоръ Александръ узналъ, что австрійцы, безъ вѣдома его, вступили въ Швейцарію. Этотъ поступокъ своего союзника былъ до такой степени прискорбенъ Государю, что, по словамъ Данилевскаго, онъ сказалъ, при полученіи о томъ извѣстія: „это одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней въ моей жизни".

Императоръ Александръ высказалъ свое неудовольствіе и огорченіе въ письмѣ къ Лагарпу изъ Фрейбурга отъ 22-го декабря 1813 года (3-го января 1814 года); это было первое письмо Государя къ своему бывшему наставнику, послѣ всѣхъ великихъ событій послѣдняго времени: „Enfin mon cher, mon respectable ami, je puis vous parler sans que mon écriture puisse vous compromettre et sans qu'elle passe par la censure indiscrète des postes. C'est M. Monod qui vous remettra ces lignes. J'ai éprouvé une véritable jouissance à faire sa connaissance d'après la place que je sais qu'il occupe dans votre estime; aussi il ne lui a pas beaucoup couté de gagner ma confiance. Je lui ai parlé avec un entier abandon sur tout ce qui tient à votre patrie, sur les efforts que j'ai fait pour en faire respecter la neutralité, sur les promesses formelles que j'avais obtenu de l'Autriche à cet égard et enfin sur la circonstance qui a servi de prétexte pour éluder ces

promesses et que vous devez à vos Messieurs de Berne et leurs méprisables intrigues. On a profité du moment où de Francfort je me rendais à Fribourg et où je m'étais arrêté quelques jours à Carlsrouhe pour rendre mes devoirs aux parents de ma femme, pour violer le territoire Suisse à l'invitation soi-disante de vos messieurs de Berne. M. Monod a pu juger lui-même de toute l'indignation qu'une conduite pareille soit de la part de mes Alliés, soit de la part de vos intrigants avait produite sur moi... Le plénipotentiare que j'ai envoyé auprès du Landaman et de la Diète, est un M. de Capo d'Istria, homme très recommandable par sa probité, sa délicatesse, ses lumières et ses vues libérales. Il est de Corfou; par conséquent républicain; et c'est la connaissance de ses principes que me l'a fait choisir... Avant de finir cet épitre laissez moi vous dire, que si, à côté de l'oeuvre de la Providence, quelque persévérance et énergie que j'ai en l'occasion de déployer depuis deux ans, ont été utiles à la cause de l'indépendance de l'Europe, c'est à vous et à vos instructions que je le dois. Votre souvenir dans les moments difficiles, a été constamment présent à ma pensée, et le désir d'être digne de vos soins, de mériter votre estime, m'a soutenu. Nous voici des bords de la Moskwa sur ceux du Rhin que nous allons franchir ces jours-ci. Si près de vous je nourris la douce consolation, que je pourrais vous serrer dans mes bras et vous réitérer de bouche toute la gratitude que mon coeur vous portera jusqu'au tombeau. Ce sera un des jours les plus chers de ma vie".

Тѣмъ не менѣе, пришлось примириться съ совершившимся фактомъ, чтобы не обнаружить разногласія, существовавшаго между союзниками. Главная квартира перешла въ Базель, и 1-го (13-го) января 1814 года русскія войска перешли здѣсь по мосту черезъ Рейнъ, ровно черезъ годъ послѣ переправы черезъ Нѣманъ. Погода намъ не благопріятствовала: шелъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ, и дулъ пронзительный вѣтеръ. Наконецъ, Императоръ Александръ могъ приступить къ окончательному довершенію предначертанной себѣ задачи, заключавшейся, по словамъ Государя, въ *возстановленіи европейской системы* (la restauration du système européen): „Rendre à chaque nation la pleine et entière jouissance de ses droits et de ses institutions; les placer toutes et nous placer nous-mêmes sous la sauvegarde d'une alliance générale; nous garantir et les préserver de l'ambition des conquérants; telles sont les bases sur lesquelles nous espérons avec l'aide de Dieu faire reposer ce nouveau système".

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Базеля 4-го (16-го) января 1814 года и имѣлъ первый ночлегъ во Франціи въ городѣ Дель. Главная армія медленно подвигалась къ Лангру, слѣдуя восемью колоннами, длиннымъ фронтомъ въ 350 верстъ. Между тѣмъ, Силезская армія Блюхера, перейдя 20 декабря 1813 года (1-го января 1814 года) Рейнъ между Мангеймомъ и Кобленцомъ, шла гораздо быстрѣе и заняла 15-го (27-го) Нанси. Дожди, снѣгъ, оттепели и морозы затрудняли переходы, но не останавливали ни Государя, ни войскъ. Хотя князь Шварценбергъ и не желалъ быстраго наступленія, но Императоръ Александръ направлялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы возбудить главнокомандующаго къ большей предпріимчивости. Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить непогоду, онъ большею частью ѣхалъ верхомъ, въ одномъ мундирѣ, и по обыкновенію былъ одѣтъ лучше всѣхъ. По разсказу очевидца, казалось, что онъ былъ не на войнѣ, но спѣшилъ на веселый праздникъ, и на переходахъ, по обыкновенію, очаровывалъ всѣхъ своею привѣтливостью. Въ городахъ, гдѣ назначались ночлеги, Александръ принималъ мѣстныхъ властей и почетнѣйшихъ обывателей, и обнадеживалъ ихъ въ своемъ покровительствѣ. Войскамъ было строжайше подтверждено о дружественномъ обхожденіи съ французами и соблюденіи порядка и дисциплины. Это обстоятельство составляло предметъ неусыпной дѣятельности Государя. „Болѣе чѣмъ непогоды", — пишетъ Данилевскій, „обуревало насъ несогласіе на счетъ военныхъ дѣйствій, возникавшее по временамъ между союзными арміями. Единственно присутствіе Александра, который, бывъ главою союза, всѣмъ старался угождать, нерѣдко съ самоотверженіемъ всякой личности, и чрезъ то склонялъ всѣхъ на свое мнѣніе — содѣлало не только возможнымъ успѣхи разнороднаго ополченія, но избавило отъ погибели арміи, которыя безъ него пали бы жертвою несогласій".

Когда, въ продолженіе похода, ночью.

получались важныя донесенія, то сколько разъ случалось, что Александръ, пренебрегая сномъ, вставалъ и, предшествуемый кѣмъ-нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненастную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ монархамъ, или даже къ князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, садясь на ихъ кровать, читалъ имъ донесенія, а также условливался съ ними о мѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами.

10 го (22-го) января Императоръ Александръ прибылъ въ Лангръ и провелъ здѣсь пять дней. Къ нему присоединились также король прусскій и императоръ австрійскій.

Къ не малому огорченію Меттерниха, который находилъ, что Александръ и безъ того преисполненъ революціонными идеями (imbu d'idées révolutionnaires), въ Лангръ прибылъ также Лагарпъ; онъ послѣдовалъ милостивому приглашенію Государя, посланному изъ Фрейбурга. Радость Императора снова увидѣть своего бывшаго наставника, съ которымъ не встрѣчался съ 1802 года, была вполнѣ искренней и неподдѣльной; она выразилась въ дружескихъ строкахъ, присланныхъ къ нему тотчасъ послѣ пріѣзда, въ виду свиданія, которое могло быть назначено только на слѣдующій день. „Je n'ai pas de mots pour vous rendre tout le bonheur que j'éprouve à l'idée de pouvoir enfin vous serrer dans mes bras, et vous renouveller de bouche ma gratitude pour tout ce que je vous dois", писалъ къ нему Александръ, „car dans tous mes moments pénibles, c'est l'idée de ne pas être indigne de vos soins, qui m'a soutenu et ranimé mon courage". Представляя Лагарпа въ Лангрѣ прусскому королю и его сыновьямъ, Императоръ Александръ сказалъ: „Tout ce que je sais et tout ce que peut-être, —je vaux, c'est à monsieur La Harpe que je le dois".

Союзники занялись въ Лангрѣ разрѣшеніемъ вопроса: довольствоваться ли пріобрѣтенными успѣхами, и заключить миръ съ Наполеономъ или продолжать войну, имѣя въ виду возстановить въ Европѣ существовавшій до революціи порядокъ вещей. Остановились на полумѣрѣ: продолжать войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступить въ переговоры съ Наполеономъ, требуя отъ него возвращенія всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Франціею съ 1792 года. Для достиженія этой цѣли предположено открыть конгрессъ въ Шатильонѣ. Французскій уполномоченный Коленкуръ, ожидавшій уже три недѣли въ передовой цѣпи рѣшенія союзниковъ относительно предстоящаго конгресса, могъ, наконецъ, приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія. Союзники назначили для конгресса въ Шатильонѣ слѣдующихъ уполномоченныхъ: съ русской стороны—графъ Разумовскій, съ австрійской—графъ Стадіонъ, съ прусской—баронъ Гумбольдтъ, съ англійской—Каткартъ, Стюартъ, Абердинъ, которымъ въ продолженіе нѣкотораго времени содѣйствовалъ Кестельри. Императоръ Александръ хотя и вынужденъ былъ изъявить согласіе на открытіе конгресса, но нисколько не сочувствовалъ этому рѣшенію, которое могло возвысить клонившееся къ паденію значеніе Наполеона; поэтому Государь предписалъ графу Разумовскому не торопиться веденіемъ переговоровъ (de ne rien précipiter, de laisser aux événements de la guerre le temps de développer leurs résultats) и не подписывать ничего рѣшительнаго, не испросивъ предварительно его повелѣній. Въ дѣйствительности, подобно тому, какъ и въ 1813 г., во время пражскихъ переговоровъ, никто изъ договаривавшихся сторонъ, за исключеніемъ на этотъ разъ одной Австріи, не желали искренно мира, даже и на тѣхъ условіяхъ, которыя были обсуждаемы собравшимися уполномоченными. Наполеонъ, равно какъ и Александръ, преслѣдовали одну цѣль: они ожидали рѣшенія участи возникшей между ними борьбы отъ исхода военныхъ дѣйствій и старались лишь при помощи переговоровъ выиграть время. Тѣмъ не менѣе, не легко было Императору Александру сохранить за своею политикою преобладающее значеніе; Австрія, болѣе чѣмъ когда-либо, обнаруживала склонность въ пользу соглашенія съ Наполеономъ; Англія раздѣляла подобныя воззрѣнія; что же касается Пруссіи, этого самаго вѣрнаго союзника Россіи, то она, по прежнему, въ рѣшительныя минуты всегда готова была колебаться. Совѣтники короля не переставали охлаждать воинственный пылъ Фридриха-Вильгельма. Кнезебекъ называлъ желаніе идти къ Парижу: „eine blosse Gloriole*"; по словамъ его: „наступленіе Наполеона отъ Смоленска къ Москвѣ причинило ему вредъ; то же самое произойдетъ съ союзниками, если двинемся

къ Парижу". Сторонниками воззрѣній Императора Александра оставались, по отзыву Меттерниха, только отъявленные якобинцы: Штейнъ, Блюхеръ, Гнейзенау, Іоркъ. Поэтому, единственнымъ поборникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Наполеона неизмѣнно оставался Императоръ Александръ; онъ съ непоколебимою настойчивостью, при счастливыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ утверждалъ, что вѣрнѣйшее средство обезпечить успѣхъ союза и миръ въ Европѣ—продолжать военныя дѣйствія съ наивозможною быстротою и рѣшительностью. Торжество этой идеи, обезпеченное непреклонной волею Государя, вызвало паденіе Наполеона и упрочило за Александромъ славу миротворца Европы.

Едва принято было союзниками важное рѣшеніе относительно открытія конгресса въ Шатильонѣ, какъ ночью съ 16-го (28 го) на 17-го (29-е) января прискакалъ изъ Шомона (главной квартиры князя Шварценберга) офицеръ къ Императору Александру съ донесеніемъ о начатіи Наполеономъ наступательныхъ дѣйствій. Государь въ мрачную, бурную ночь немедленно отправился въ Шомонъ. Вслѣдъ затѣмъ союзные уполномоченные выѣхали въ Шатильонъ. Такимъ образомъ военныя дѣйствія и дипломатическіе переговоры открылись почти одновременно и оставались въ неразрывной связи въ продолженіе всего по хода 1814 года.

Между тѣмъ, Наполеонъ 13-го (25-го) января, оставилъ Парижъ и 14-го (26-го) января прибылъ въ Шалонъ. Передъ отъѣздомъ въ армію, Наполеонъна значилъ императрицу Марію-Луизу регентшею и брата своего Іосифа (бывшаго короля испанскаго) императорскимъ намѣстникомъ. Цѣлью наступательнаго движенія Наполеона была атака Силезской арміи до соединенія ея съ главною арміею. Но уже съ 15-го (27-го) января Блюхеръ находился въ Бріеннѣ, составляя какъ бы авангардъ арміи Шварценберга. Здѣсь онъ былъ 17-го (29-го) января атакованъ Наполеономъ и едва не захваченъ къ плѣнъ. Ночью Блюхеръ отступилъ къ Транну, по дорогѣ на Баръ-сюръ-Объ, для сближенія съ главною арміею. Французы слѣдовали за отступавшими войсками до Ла-Ротьера. Союзники сосредоточили здѣсь на позиціи до 90.000 человѣкъ, которымъ Наполеонъ могъ противопоставить не болѣе 40.000. Еще 22-го декабря 1813 года (3-го января 1814 года) Наполеонъ спросилъ Пакье, префекта полиціи въ Парижѣ, по полученіи извѣстій о вторженіи союзниковъ во Францію, какого рѣшенія ожидаютъ съ его стороны? Пакье отвѣтилъ: населеніе не сомнѣвается, что императоръ станетъ во главѣ своихъ войскъ и двинется противъ непріятеля. Наполеонъ отвѣтилъ: „Mes troupes, mes troupes! Est-ce qu'on croit que j'ai encore une armée? La presque totalité de ce que j'avais ramené d'Allemagne n'a-t-elle pas péri de cette affreuse maladie qui est venue, mettre le comble à mes désastres? Une armée! Je serai bien heureux, si, dans trois semaines d'ici, je parviens à réunir trente ou quarante mille hommes". Послѣднее какъ разъ и удалось осуществить Наполеону. 20-го января (1-го февраля), по настоянію Императора Александра, произошло сраженіе при Ла-Ротьерѣ; Наполеонъ, потерявъ 6.000 человѣкъ и 63 орудія, отступилъ по направленію къ Арси, а затѣмъ повернулъ къ Троа. Чтобы различить союзныя войска, которыя принадлежали шести державамъ и подъ Ла-Ротьеромъ впервые сражались за одно, приказано было у насъ всѣмъ, отъ генерала до солдата, имѣть на лѣвомъ рукавѣ бѣлую повязку. Впослѣдствіи, при вступленіи союзниковъ въ Парижъ, она много способствовала къ распространенію среди французскаго населенія ложнаго убѣжденія, будто цвѣтъ повязки означалъ намѣреніе союзныхъ монарховъ возстановить Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Между тѣмъ, подъ Бріенномъ эта мысль вовсе не входила еще въ соображеніе союзниковъ. Поэтому, когда генералъ-адъютантъ Жомини доложилъ Императору Александру, что бѣлый цвѣтъ повязки подаетъ поводъ къ догадкѣ о расположеніи союзныхъ дворовъ къ Бурбонамъ,—Государь отвѣчалъ: „Qu'est ce que cela me fait". Союзники не воспользовались одержаннымъ подъ Ла-Ротьеромъ успѣхомъ и подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ; преслѣдованіе разбитаго непріятеля ведено было настолько вяло, что до вечера 2-го (14-го) февраля не знали даже о направленіи, принятомъ Наполеономъ при отступленіи. Для довершенія всѣхъ бѣдъ, въ Бріеннѣ собрался военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, „какъ продолжать войну?"

Рѣшеніе послѣдовало вполнѣ въ духѣ шварценберговской стратегіи и заключалось въ томъ, что обѣ союзныя арміи, едва соединившіяся, раздѣлятся опять, разойдутся въ противоположныя стороны и каждая изъ нихъ будетъ продолжать наступленіе къ Парижу, одна долиною Марны, другая долиною Сены. Наполеонъ не замедлилъ воспользоваться столь выгодной для него обстановкой и, двинувшись съ 35.000 противъ Блюхера, располагавшаго 57.000, нанесъ ему рядъ чувствительныхъ пораженій: 29-го января (10-го февраля) у *Шампобера*, 30-го января (11-го февраля) при *Монмиралѣ*, 31-го января (12-го февраля) у *Шато-Тьери* и 2-го (14-го) февраля у *Вошана* и *Этожа*. Четыре послѣдовательные удара расшатали Силезскую армію, которая была разбита по частямъ и потеряла почти треть личнаго состава (15.000 человѣкъ и до 50 орудій). Хотя армія Блюхера была сильно разстроена, но, однако, далеко не уничтожена; поэтому, благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ, она вскорѣ была готова къ новому наступленію. Побѣды подняли духъ французовъ; Наполеонъ, считая Силезскую армію въ конецъ разгромленною, мечталъ уже о возвращеніи прежней славы и утраченныхъ завоеваній; послѣ сраженія при Шампоберѣ онъ сказалъ: „L'ennemi repassera le Rhin plus vite qu'il ne l'a passé; et je suis encore sur la Vistule“. Замѣтивъ, что эти слова не были встрѣчены сочувственно его сподвижниками, Наполеонъ прибавилъ: „Et puis je ferai la paix aux frontières naturelles du Rhin“. Новыя намѣренія Наполеона и блестящія надежды, возбужденныя одержанными имъ побѣдами, лучше всего выразились въ письмѣ его къ вице-королю Евгенію Богарне. Императоръ писалъ: „J'ai retrouvé et remis mes bottes de la campagne d'Italie“. Надежды Наполеона едва не оправдались. 31-го января (12-го февраля) Наполеонъ издалъ воззваніе къ народу о поголовномъ ополченіи, и война съ этой минуты дѣйствительно начала принимать до нѣкоторой степени оттѣнокъ народной войны.

Въ то время, какъ Наполеонъ наносилъ арміи Блюхера пораженіе за пораженіемъ, князь Шварценбергъ, по обыкновенію, бездѣйствовалъ и своею нерѣшительностью содѣйствовалъ къ упроченію успѣховъ французовъ. Занявъ 26-го января (7-го февраля) Труа, онъ расположилъ армію на квартирахъ въ окрестностяхъ этого города; хотя Императоръ Александръ настоятельно потребовалъ, чтобы Шварценбергъ двинулся въ тылъ Наполеону, но главнокомандующій, имѣя отъ своего правительства секретное предписаніе не переходить Сены, ограничился однѣми полумѣрами, которыя привели только къ еще большей разбросѣ силъ главной арміи. Онъ назначилъ три корпуса для овладѣнія переправами черезъ Сену у Ножана, а остальными силами намѣревался маневрировать къ Сансу и Фонтенебло для обхода противника, т.-е. одновременно преслѣдовалъ двѣ цѣли въ расходящихся направленіяхъ. Къ исполненію этого плана Шварценбергъ приступилъ 31-го января (12-го февраля). Слабыя силы Виктора и Удино отступили 3-го (15-го) февраля за р. Іеръ и, соединившись здѣсь съ Макдональдомъ, направленнымъ къ нимъ изъ Мо Наполеономъ, расположились здѣсь въ числѣ 40.000 въ двухъ переходахъ отъ Парижа. Опасность, угрожавшая столицѣ, вынудила Наполеона отказаться отъ окончательнаго уничтоженія арміи Блюхера; онъ немедленно двинулся для поддержки своихъ маршаловъ, сдѣлавъ съ гвардіей болѣе 90 верстъ въ 36 часовъ; пѣхота двигалась на подводахъ, кавалерія шла день и ночь съ небольшими привалами. 4-го (16-го) февраля Наполеонъ сосредоточилъ въ Гинь болѣе чѣмъ 60.000, и на другой день перешелъ въ наступленіе. Не смотря на то, что Шварценбергъ, сравнительно съ Наполеономъ, располагалъ двойными силами, онъ рѣшился отвести армію въ Труа и приказалъ Блюхеру примкнуть къ нему. Частныя неудачи, испытанныя 5-го (17 го) февраля графомъ Паленомъ при Морманѣ, и 6-го (18-го) февраля наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ у Монтеро, окончательно подорвали всякую предпріимчивость австрійскаго фельдмаршала. 11-го (23-го) февраля Шварценбергъ приказалъ перевести армію на правый берегъ Сены; 12-го (24-го) февраля, передъ выѣздомъ изъ Труа въ восемь часовъ утра, союзные монархи и Шварценбергъ собрались къ королю прусскому на совѣщаніе, происходившее въ присутствіи нѣсколькихъ генераловъ и министровъ. Здѣсь рѣшено отправить письмо къ Бертье съ предложеніемъ перемирія. Среди всеобщаго упадка

духа и полнаго разногласія въ мнѣніяхъ, господствовавшихъ въ союзной главной квартирѣ, одинъ Императоръ Александръ оставался вѣрнымъ установившемуся въ немъ убѣжденію, относительно необходимости довести войну до низложенія Наполеона; между тѣмъ, даже лица, непосредственно при Государѣ состоявшія и удостоенныя его довѣріемъ (графъ Нессельроде, князь Волконскій, генералъ Толь), являлись сторонниками мира. Лордъ Кастельри, посѣтившій въ Троа изъ Шатильона для выясненія тревожнаго положенія дѣлъ, также совѣтовалъ Императору Александру не отвергать мира и не ожидать необходимости перейти обратно за Рейнъ; лордъ присовокупилъ: „J'ai les ordres de la chambre de profiter des occasions pour faire la paix; d'autant plus que je vois notre coalition prête à se séparer". Но Государь отвѣчалъ ему съ твердостью: «Mylord, ce ne sera pas une paix; ce sera une trève, qui vous fera poser les armes momentanément. Je ne puis courir à votre secours ayant quatre cent lieues à faire avec mes armées. Je ne ferai pas dé paix tant que Napoléon sera sur le trône".

12-го (24-го) февраля Наполеонъ съ гвардіей вступилъ торжественно въ Троа. Въ тотъ же день въ 12-ти верстахъ отъ города, въ Люзиньи, начались переговоры о перемиріи; но въ виду требованія Наполеона не прекращать военныхъ дѣйствій, до принятія союзниками франкфуртскихъ условій мира, совѣщанія не сопровождались никакимъ результатомъ и прервались 21-го февраля (5-го марта). Поспѣшное отступленіе главной союзной арміи, какъ будто бы послѣ проиграннаго сраженія, среди опустошенной страны, въ холодную погоду, изнурило и разстроило войска; появилось множество отсталыхъ, искавшихъ пріюта и грабившихъ жизненные припасы. Дальнѣйшее отступленіе могло совершенно погубить армію и обратить ее въ необузданное скопище. Въ виду этихъ обстоятельствъ былъ собранъ въ Баръ-Сюръ-Объ военный совѣтъ 13-го (25-го) февраля; здѣсь былъ окончательно установленъ новый планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій союзныхъ армій. На совѣтѣ, кромѣ трехъ Государей, находились: Шварценбергъ, Радецкій, Дибичъ, князь Волконскій, Кнезебекъ и дипломаты: Меттернихъ, Гарденбергъ, Нёсельроде и лордъ Кестельри.

При началѣ совѣщанія мнѣнія были неодинаковы; большая часть присутствовавшихъ полагали выгоднѣе отступить обѣимъ арміямъ. Императоръ Александръ противился предложенію, и сказалъ: „Въ случаѣ отступленія, я отдѣлюсь отъ главной арміи со всѣми находящимися здѣсь русскими войсками, гвардіею, гренадерами и корпусомъ графа Витгенштейна, соединюсь съ Блюхеромъ и пойду на Парижъ. Надѣюсь", присовокупилъ онъ, обратясь къ королю прусскому, „что в. в., какъ вѣрный союзникъ, явившій мнѣ многіе опыты дружбы своей, не откажетесь идти со мною". Король отвѣчалъ, что онъ не разстанется съ Государемъ и давно уже предоставилъ свои войска распоряженію его величества". „Для чего же одного меня оставлять?" сказалъ императоръ Францъ. „Такъ *взаимныя пріязненныя чувствованія монарховъ*", пишетъ современникъ, „были причиною единодушныхъ мѣръ, принятыхъ въ Баръ-Сюръ-Объ".

Протоколъ совѣщанія собственноручно записанъ Императоромъ Александромъ и заключался въ слѣдующихъ статьяхъ: „1) On ne livrera pas la bataille près de Bar-sur-Aube. 2) Blücher continuera son mouvement séparé. 3) La grande armée continuera son mouvement par Chaumont sur Langres. 4) La continuation de ce mouvement dépendra des circonstances. 5) Avertir Blücher des mouvements, décidés pour la grande armée, et des ordres qu'on a donnés à Winzingerode et Bülow d'être sous son commandement. 6) Donner à Winzingerode et à Bülow des ordres en conséquence. 7) Donner à Blücher une latitude dans ses mouvements, pourvu toutefois qu'une certaine prudence militaire soit observée".

Такимъ образомъ обѣ арміи, главная и Силезская, помѣнялись ролями: армія Блюхера обращалась въ главную, а армія Шварценберга въ вспомогательную. Подобное рѣшеніе представляло единственное средство согласовать мнѣнія двухъ главнокомандующихъ, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ наступать, а другой во что бы то ни стало отступать. Императоръ Александръ и король прусскій, сдѣлавъ эту уступку Шварценбергу, требовали, однако, отъ него, чтобы, въ случаѣ движенія Наполеона противъ Блюхера, главная армія немедленно возобновила наступательныя дѣйствія, угрожая въ противномъ случаѣ отобрать свои

войска и присоединить ихъ къ Силезской арміи. Затѣмъ Императоръ Александръ поѣхалъ въ Шомонъ, гдѣ пробылъ двѣ недѣли. Здѣсь 17-го февраля (1-го марта) союзники скрѣпили коалицію договоромъ, по которому Россія, Австрія, Англія и Пруссія обязались на двадцать лѣтъ, въ случаѣ несогласія Франціи на предъявленныя ей мирныя условія, выставлять противъ общаго непріятеля каждая по 150.000 человѣкъ; Англія обязалась уплачивать прочимъ союзнымъ державамъ ежегодно по пяти милліоновъ фунтовъ стерл. субсидіи.

По занятіи Троа, Наполеонъ, убѣдившись въ невозможности вовлечь Шварценберга въ генеральное сраженіе, направилъ противъ него Удино и Макдональда съ 40.000, и съ 35.000 двинулся въ третій разъ противъ Блюхера, по полученіи свѣдѣній о вступленіи его въ долину Марны. На этотъ разъ дѣйствія Наполеона противъ Блюхера не сопровождались такимъ рѣшительнымъ торжествомъ, какъ во время перваго наступательнаго движенія союзниковъ къ Парижу. Преждевременная сдача крѣпостцы Суассона малодушнымъ комендантомъ, генераломъ Моро, разстроила превосходно задуманный планъ Наполеона; благодаря этому роковому обстоятельству, онъ одержалъ только полууспѣхъ подъ Краономъ 23-го февраля (7-го марта), испыталъ пораженіе, хотя далеко не полное, въ двухъ-дневномъ бою подъ Лаономъ 25-го и 26-го февраля (9-го и 10-го марта) и въ заключеніе нанесъ противнику ничтожное пораженіе при Реймсѣ 1-го (13-го) марта. Проведя трое сутокъ въ Реймсѣ, чтобы дать отдыхъ утомленной арміи, Наполеонъ 5-го (17-го) марта обратился снова противъ Шварценберга.

Когда Наполеонъ предпринялъ наступательное движеніе противъ Блюхера, непріятель открывалъ главной союзной арміи свободный доступъ къ Парижу; но Шварценбергъ, конечно, не воспользовался этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Послѣ дѣла при Баръ сюръ-Объ 15-го (27-го) февраля и у Лаферте-сюръ-Объ 16-го (28-го) февраля слабыя силы Удино и Макдональда отступили къ Троа и заняли позицію впереди города, между тѣмъ какъ Шварценбергъ расположилъ свои войска на квартирахъ. Только 19-го февраля (3-го марта), когда онъ окончательно удостовѣрился въ движеніи Наполеона въ долину Марны, главная армія приступила къ осторожному наступленію по направленію къ Троа. Передовые корпуса заняли Троа 20-го февраля (4-го марта), но этотъ успѣхъ не побудилъ Шварценберга къ большей дѣятельности; расположивъ передовые корпуса на тѣсныхъ квартирахъ, онъ снова бездѣйствовалъ съ 90.000 арміею до 27-го февраля (11-го марта), когда, наконецъ, рѣшился продолжать наступленіе, чтобы вытѣснить французовъ съ позиціи на р. Сенѣ; это движеніе привело къ ряду незначительныхъ столкновеній. Затѣмъ, получивъ извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ Наполеономъ при Реймсѣ, Шварценбергъ снова впалъ въ обычныя колебанія и готовился отступать. Рядъ принятыхъ тогда нецѣлесообразныхъ мѣропріятій привелъ окончательно къ невообразимой разбросѣ войскъ, а именно, главная армія растянулась на пространствѣ 70-ти верстъ между Ножаномъ и Бріенномъ. Въ это время Императоръ Александръ, оставивъ Шомонъ снова находился въ Троа; здѣсь онъ имѣлъ свиданіе съ агентомъ, присланнымъ изъ Парижа Талейраномъ. Этотъ великій дипломатъ, сознавая близость паденія Наполеона, началъ осторожно дѣйствовать противъ своего грознаго повелителя, собирая вокругъ себя враговъ императорскаго правительства. Опасное порученіе явиться въ союзную главную квартиру принялъ на себя яростный сторонникъ Бурбоновъ, баронъ Витроль; онъ сообщилъ графу Нессельроде свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Парижѣ; настаивалъ на томъ, какъ легко союзникамъ будетъ овладѣть этимъ городомъ, если рѣшительнѣе распорядиться имѣющимися у нихъ военными силами; утверждалъ, что союзниковъ ожидаетъ въ Парижѣ радушный пріемъ. 5-го (17-го) марта Витроль былъ принятъ Императоромъ Александромъ и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Къ ужасу этого страстнаго роялиста, Государь, обсуждая вопросъ, на какомъ рѣшеніи остановиться, въ случаѣ исчезновенія Наполеона, отнесся несочувственно къ возвращенію Бурбоновъ во Францію и сказалъ Витролю: „Si vous les connaissiez, vous seriez persuadé que le fardeau d'une telle couronne serait trop lourd pour eux... peut-être une république sagement organisée conviendrait-elle mieux à l'esprit français. Ce n'est pas impunément que les

idées de liberté ont germé pendant longtemps dans un pays tel que le vôtre". Подобное смѣлое, лишенное предубѣжденія, воззрѣніе на французскія дѣла ошеломило собесѣдника Государя. „Où en étions-nous grand Dieu, le 17 Mars! L'Empereur Alexandre, le roi de rois unis pour le salut du monde, me parlait de la république", пишетъ Витроль въ своихъ запискахъ. Тѣмъ не менѣе защитникъ правъ Бурбоновъ постарался поколебать воззрѣнія Императора; въ заключеніе онъ сказалъ: „la guerre devrait être politique, on la fait stratégique. On demande l'opinion et les voeux de la nation aux provinces qui sont muettes, tandis qu'on en trouverait l'expression à Paris, mais à Paris... Réunissez vos forces sans regarder en arrière, marchez droit sur Paris, et je laisse ma tête entre les mains de Votre Majesté pour qu'elle tombe sur un billot, si l'opinion ne se prononce pas hautement pour le rétablissement de la monarchie". Рѣчь Витроля произвела впечатлѣніе на Императора Александра; мысль двинуться на Парижъ и тамъ искать рѣшенія вопроса отнοсительно будущаго устройства французскаго правительства, вполнѣ согласовалась съ сокровенными мыслями Государя. „Monsieur de Vitrolles, le jour où je serai à Paris, je ne reconnaîtrai plus d'autre allié que la nation française. Je vous promets que cet entretien aura les plus grands résultats",—этими словами Александръ заключилъ бесѣду.

Теперь Государю надлежало, прежде всего, спасти армію отъ гибельныхъ послѣдствій невыгоднаго распредѣленія силъ ея, принятаго главнокомандующимъ. Съ этою цѣлью, Александръ 6-го (18-го) марта отправился въ главную квартиру Шварценберга, находившуюся въ Арси. Генералъ Толь встрѣтилъ его словами: „Величайшее счастіе, что ваше величество пріѣхали; вы исправите наши ошибки". Въ происшедшемъ затѣмъ совѣщаніи, благодаря настояніямъ Императора Александра, рѣшено было, какъ можно поспѣшнѣе сосредоточить разбросанные союзные корпуса между Троа, Арси и Лемонъ.

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ, послѣдовало событіе, не менѣе важное въ политическомъ отношеніи: переговоры на конгрессѣ въ Шатильонѣ окончательно прервались. Отнынѣ, какъ и въ 1813 году въ Прагѣ, мечу предоставлялось окончательное разрѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Появленіе Наполеона противъ Шварценберга сопровождалось 8-го (20-го) марта нерѣшительнымъ сраженіемъ при Арси. Около полудня Императоръ Александръ прибылъ изъ Троа на высоты, занятыя передъ Арси войсками главной арміи; Государь сошелъ съ лошади и, ходя по полю съ Барклаемъ, окруженный обыкновенною свитою, не скрылъ негодованія, возбужденнаго распоряженіями Шварценберга, и сказалъ громко: „эти австрійцы сдѣлали мнѣ много сѣдыхъ волосъ". По мнѣнію очевидца, Данилевскаго, слова Государя получаютъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что Александръ „не часто обнаруживалъ то, что происходило въ душѣ его". На слѣдующій день Наполеонъ готовился возобновить бой, но, убѣдившись въ огромномъ превосходствѣ силъ союзниковъ, онъ внезапно обратился къ выполненію задуманнаго имъ уже другаго плана дѣйствій и приказалъ начать отступленіе днемъ, въ виду всей сосредоточенной стотысячной арміи своихъ противниковъ. Вообще всѣ дѣйствія Наполеона подъ Арси, располагавшаго здѣсь всего только 30.000, отличались крайней дерзостью, но тѣмъ не менѣе прошли безнаказанно,—до такой степени великъ былъ страхъ, внушаемый Шварценбергу однимъ присутствіемъ побѣдоноснаго полководца. Замѣтя съ высотъ, на которыхъ развернулась союзная армія, отступленіе французовъ, Шварценбергъ, вмѣсто того, чтобы обрушиться на нихъ тотчасъ же всѣми силами, созвалъ корпусныхъ командировъ на *краткое совѣщаніе*, продолжавшееся два часа. Наконецъ, только въ третьемъ часу пополудни началось общее наступленіе союзныхъ войскъ; но въ это время Наполеонъ успѣлъ уже перевести большую часть своихъ войскъ на правую сторону р. Объ. Во второй день сраженія при Арси Императоръ Александръ не присутствовалъ на позиціи: нездоровье задержало его въ Пужи. Это печальное обстоятельство позволило Шварценбергу, не стѣсняясь, придумывать полумѣры и уклоняться отъ рѣшенія покончить войну однимъ ударомъ. Утвердительно можно сказать, что если бы Государь 9-го марта находился на полѣ сраженія, то едва-ли Наполеону удалось бы благополучно совершить свое смѣлое отступленіе.

Послѣ сраженія при Арси, Наполеонъ немедленно приступилъ къ осуществленію новаго плана дѣйствій. Не разсчитывая, чтобы противники его приняли смѣлое рѣшеніе идти къ Парижу, онъ направилъ всѣ силы на сообщенія главной арміи, намѣреваясь присоединить къ нимъ гарнизоны крѣпостей мозельскихъ, маасскихъ и эльзасскихъ и возбудить народную войну въ тылу союзниковъ. Принятіе этого плана казалось ему особенно цѣлесообразнымъ въ виду крайней заботливости, съ которою Шварценбергъ, во время всего похода 1814 года, относился къ охраненію своихъ сообщеній. Съ этою цѣлью онъ двинулся къ Витри и затѣмъ повернулъ къ С. Дизье.

Впослѣдствіи Наполеонъ сказалъ австрійскому генералу Коллеру, сопровождавшему его на островъ Эльбу: „J'ai fait la marche sur St.-Dizier parce que je savais par une expérience de vingt années de guerre, que vous étiez dans les plus grandes allarmes dès que je vous envoyais une seule patrouille sur vos communications, mais cette fois j'y ai fait marcher des armées et vous vous en êtes fort peu soucié; c'est que vous aviez le diable au corps".

Союзники вовсе не ожидали, чтобы Наполеонъ двинулся на ихъ сообщенія. Задуманный имъ планъ обнаружился изъ письма его къ Императрицѣ Маріи-Луизѣ, перехваченнаго казаками и присланнаго Блюхеромъ 11-го (23-го) марта. Императоръ Александръ находился въ это время еще въ Пужи, гдѣ утромъ была отслужена „панихида по Государѣ Павлѣ", какъ записалъ графъ Аракчеевъ въ собственноручномъ журналѣ. Въ три часа пополудни, собрался здѣсь у Императора Александра военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: король прусскій, Шварценбергъ, Радецкій, нѣсколько генераловъ австрійскаго главнаго штаба и князь Волконскій. Австрійскіе генералы оправдали надежды, возлагавшіяся на нихъ Наполеономъ, и прежде всего предложили на обсужденіе совѣта вопросъ: возможно-ли было, сдѣлавъ *ускоренное фланговое движеніе* на Вандёвръ и Баръ-сюръ-Сенъ къ Шатильону, предупредить непріятеля и прикрыть сообщенія съ Рейномъ. Предложеніе австрійцевъ представляло, въ сущности, замаскированное отступленіе къ Рейну, т.-е. давало войнѣ именно тотъ оборотъ, къ которому стремился Наполеонъ. Предложеніе австрійскихъ генераловъ признано было, однако, несвоевременнымъ, и рѣшено было только двинуть главную армію къ Шалону, на соединеніе съ Силезскою, а потомъ дѣйствовать обѣимъ въ совокупности въ тылъ и фланги Наполеона. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили принятыя мѣры императору Францу, находившемуся въ Баръ-сюръ-Объ, чтобы онъ вмѣстѣ со всѣми дипломатами отправился черезъ Шатильонъ въ Дижонъ. Парки и обозы изъ Шомона и Лангра приказано было также перевести на дорогу въ Дижонъ.

12-го (24-го) марта, на разсвѣтѣ, Императоръ Александръ, король прусскій и Шварценбергъ прибыли въ Сомпюи. Здѣсь получено было извѣстіе, что обѣ союзныя арміи вошли между собою въ связь и такимъ образомъ совершенно разобщили Наполеона отъ войскъ Мармона и Мортье, выступившихъ на соединеніе съ нимъ изъ Этожа. Вновь перехваченныя письма доставили важныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ Парижѣ; онѣ свидѣтельствовали о всеобщемъ неудовольствіи и жаждѣ мира, господствовавшихъ въ странѣ, и особенно въ столицѣ. Въ письмѣ Савари Наполеону, онъ, какъ министръ полиціи, доносилъ, что въ Парижѣ находится множество вліятельныхъ лицъ, враждебныхъ правительству, и что, въ случаѣ приближенія союзной арміи къ столицѣ, онъ не отвѣчаетъ за ея спокойствіе. Тѣмъ не менѣе Шварценбергъ, не измѣняя своего рѣшенія идти съ арміею вслѣдъ за Наполеономъ, отправился около десяти часовъ утра, изъ Сомпюи по дорогѣ въ Витри; туда же поѣхалъ и король прусскій. Между тѣмъ Императоръ Александръ, оставшись въ Сомпюи, приказалъ князю Волконскому пригласить къ себѣ генераловъ: графа Барклая, Дибича и Толя. Когда они явились, Государь сказалъ: „По соединеніи обѣихъ нашихъ армій представляются намъ два случая: первый идти на Наполеона и въ гораздо превосходнѣйшихъ силахъ атаковать его; а второй, скрывая отъ него наши движенія, идти прямо на Парижъ. Какое ваше мнѣніе, господа?" Государь прежде всего обратился къ Барклаю, который, взглянувъ на карту, сказалъ: „надобно со всѣми силами идти за Наполеономъ и атаковать его, какъ только съ нимъ встрѣтимся". Генералъ Дибичъ предложилъ: „отрядить отъ сорока до пятидесяти тысячъ къ Па-

рижу, а съ прочими силами идти вслѣдъ за Наполеономъ". Тогда Толь не могъ удержаться и высказалъ противное мнѣніе: „послать корпусъ въ десять тысячъ, преимущественно составленный изъ кавалеріи, за Наполеономъ, а съ арміями Блюхера и Шварценберга идти форсированными маршами къ Парижу". Когда же Государь поддержалъ мнѣніе Толя, Дибичъ сказалъ: „если ваше величество хотите возстановить Бурбоновъ, тогда, конечно, лучше идти со всѣми силами на Парижъ". Государь отвѣчалъ: „здѣсь дѣло идетъ не о Бурбонахъ, но о сверженіи Наполеона". Затѣмъ приступили къ примѣрному разсчету, во сколько переходовъ союзники могли достигнуть Парижа. Очевидно было, что, по мѣрѣ приближенія къ столицѣ Франціи, на первомъ маршѣ они удалялись отъ Наполеоновой арміи на два марша, на второмъ—на четыре и т. д. и что, слѣдовательно, овладѣвъ Парижемъ, могли имѣть довольно времени для разрушенія господства Наполеона и для встрѣчи его, если бы онъ обратился къ Парижу. По словамъ Толя, „генералъ-адъютантъ князь Волконскій, во все время нашихъ разсужденій, находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, какъ адъютантъ, который ожидаетъ приказаніе своего генерала". По окончаніи военнаго совѣта, Императоръ Александръ, желая сообщить мнѣніе свое королю прусскому и Шварценбергу, приказалъ подать лошадь и въ сопровожденіи своего штаба поѣхалъ вслѣдъ за войсками. Проѣхавъ нѣсколько верстъ и настигнувъ короля и фельдмаршала, Государь, сойдя съ лошади, приказалъ генералу Толю разостлать на землѣ карту и объяснилъ самъ предположенныя мѣры, настойчиво убѣждая своихъ союзниковъ въ необходимости движенія къ Парижу. Шварценбергъ, не смотря на противорѣчіе многихъ лицъ своего штаба, согласился съ мнѣніемъ Государя и тотчасъ измѣнилъ свои прежнія распоряженія. Немедленно всѣмъ корпусамъ посланы были приказанія остановиться, а генералу Винценгероде—съ кавалеріей идти къ С. Дизье, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе непріятеля и прикрыть движеніе союзныхъ арміи къ Парижу. Винценгероде долженъ былъ разыгрывать роль авангарда и заготовлять квартиры для союзныхъмонарховъ.

Такимъ образомъ, генералъ Толь разсказываетъ въ своихъ запискахъ рѣшеніе, принятое въ Сомпюи, которое получило всемірно-историческое значеніе. Между тѣмъ впослѣдствіи князь Волконскій приписывалъ себѣ славу спасительнаго совѣта идти на Парижъ. Въ запискахъ Данилевскаго встрѣчается, по этому поводу, слѣдующая замѣтка: „Въ 1816 году, въ Варшавѣ, князь Волконскій дня два что-то безпрестанно писалъ; это мнѣ показалось страннымъ, ибо я зналъ, что онъ не большой грамотѣй. Онъ сочинялъ описаніе совѣщанія, въ которомъ положено было идти на Парижъ, и въ которомъ онъ утверждаетъ, что онъ подалъ къ тому первую мысль. Зная честность его и любовь къ истинѣ, я могу поручиться, что онъ неправды не напишетъ, хотя, впрочемъ, генералы Дибичъ и Толь присваиваютъ себѣ эту мысль, рѣшившую войну и участь свѣта. Онъ позволилъ мнѣ взять копію съ сей любопытной статьи". Какъ бы то ни было, кто бы ни предлагалъ въ Сомепюи двинуться къ Парижу, но заслуга этого подвига составляетъ неоспоримое достояніе того, кто принялъ на себя привести эту мысль въ исполненіе; поэтому смѣлое рѣшеніе идти на Парижъ, бросивъ свои сообщенія, принадлежитъ всецѣло одному Императору Александру.

13-го (25-го) марта началось движеніе союзниковъ къ Парижу; за исключеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, они располагали для этой цѣли 170.000 войскъ. Въ тотъ же день произошелъ случайный для обѣихъ сторонъ двойной бой у Феръ-Шампенуаза съ французскими войсками, которыя шли на соединеніе съ Наполеономъ: корпуса Мармона и Мортье (17.000) и дивизіи Пакто и Аме (6.000). Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ представляетъ блистательный примѣръ побѣды, одержанной исключительно кавалеріей съ конной артилеріей; пѣхота не сдѣлала ни одного выстрѣла. Императоръ Александръ лично распоряжался ходомъ боя противъ Пакто и Аме, неожиданно появившихся къ вечеру на полѣ сраженія. Русскіе врѣзались въ непріятельскія каре, которыя, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, не хотѣли сдаваться. Въ пылу боя, войска готовы были не давать пощады даже положившимъ, наконецъ, оружіе. Чтобы остановить рѣзню, Государь, подвергая себя явной опасности, въѣхалъ въ каре съ лейбъ-ка-

зачьимъ полкомъ; напрасно многіе напоминали Александру объ угрожавшей ему опасности. „Хочу пощадить ихъ“, отвѣчалъ онъ. Пакто и прочіе генералы были представлены Императору, который хвалилъ выказанную ими храбрость и принялъ живое участіе въ судьбѣ плѣнныхъ, которыхъ на этомъ одномъ мѣстѣ было болѣе 3.000 человѣкъ. Вообще французы убитыми, ранеными и плѣнными потеряли до 11.000 человѣкъ; побѣдителями захвачено 75 орудій.

Мармонъ и Мортье отступили къ Парижу, и 17-го (29-го) подошли къ нему съ южной стороны у Шарантона. Вечеромъ того же дня Императоръ Александръ прибылъ на ночлегъ въ замокъ Бонди (7 верстъ отъ Парижа). 18-го (30-го) марта участь Парижа должна была рѣшиться сраженіемъ, для котораго союзники располагали 100.000 войскъ (изъ нихъ 63.400 русскихъ). Для обороны столицы въ распоряженіи короля Іосифа находилось всего лишь не болѣе 40.000 человѣкъ съ 154-мя орудіями; въ это число, кромѣ войскъ Мармона и Мортье (24.000 и 21 орудіе), входило до 12.000 человѣкъ національной гвардіи. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на имперію Наполеона, Веллингтонъ, вытѣснивъ французовъ изъ Испаніи, занялъ 28-го февраля (12-го марта) Бордо; кромѣ того, 9-го (21-го) марта австрійцы заняли Ліонъ. Но это безвыходное положеніе усиливалось еще тѣмъ, что въ Парижѣ подготовлялась и созрѣвала измѣна законному правительству. Движеніемъ этимъ осторожно руководила искусная, но предательская рука Талейрана, и оно готово было облегчить и довершить задачу, предстоявшую исполнить союзникамъ въ открытомъ бою. Отъѣздъ императрицы Маріи-Луизы съ королемъ Римскимъ въ Рамбулье и оттуда въ Блуа, послѣдовавшій 17-го (29-го) марта, окончательно развязалъ руки врагамъ Наполеона. Талейранъ долженъ былъ по приказанію императора сопровождать регентшу; но онъ уклонился отъ выѣзда и остался въ Парижѣ въ ожиданіи скорой развязки дѣла.

На разсвѣтѣ 18-го (30-го) марта, вся свита Императора Александра ожидала верхомъ, во дворѣ замка Бонди, его выѣзда на поле сраженія; уже раздавался громъ пушекъ со стороны Роменвильскаго плато. Въ это время въ Бонди привели захваченнаго въ плѣнъ французскаго капитана Пейръ (Peyre. architecte, capitaine de sapeurs-pompiers). Государь пожелалъ видѣть его и разспрашивалъ его болѣе получаса о настроеніи умовъ въ Парижѣ; затѣмъ, онъ поручилъ ему ѣхать къ главнокомандующему непріятельскими войсками съ объявленіемъ, что „Императоръ требуетъ сдачи Парижа, стоитъ передъ стѣнами его съ многочисленною арміею, и ведетъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Вмѣстѣ съ Пейромъ велѣно ѣхать флигель-адъютанту полковнику Орлову. Александръ, отпуская его, сказалъ: „Partez. Je vous donne le pouvoir de suspendre le feu, partout où vous le jugerez nécessaire. Je vous autorise, sans aucune responsabilité, à faire cesser les attaques les plus décisives et suspendre même la victoire pour prévenir et arrêter les désastres. Paris, privé de ses défenseurs dispersés et de son grand homme, ne saurait résister: j'en ai l'intime conviction. Mais en m'accordant la puissance et la victoire, Dieu veut que je n'en use que pour donner la paix et le repos au monde. Et cette paix, si nous pouvons l'obtenir sans combat, tant mieux, sinon, rendons-nous à la nécessité et combattons, car, de gré ou de force, au pas de charge ou au pas de parade, sur des décombres ou sous des lambris dorés, il faut que l'Europe couche aujourd'hui même à Paris“.

„Государь, величественный и гордый, когда дѣло касалось интересовъ Европы“, пишетъ М. Ѳ. Орловъ, описывая капитуляцію Парижа, „скромный и смиренный, какъ только шло дѣло о немъ самомъ, либо о его славѣ, принимая на себя роль пассивнаго орудія Провидѣнія, былъ въ дѣйствительности повелителемъ судебъ міра. Разговоръ его носилъ отпечатокъ этихъ двухъ оттѣнковъ характера и выражалъ увѣренность въ побѣдѣ, соединенную съ отеческою заботливостью объ участи побѣжденныхъ враговъ. По первымъ словамъ его, я понялъ, что настоящій день долженствовалъ ознаменоваться рѣшительною битвою и вслѣдъ затѣмъ великодушною капитуляціею“.

Орловъ съ французскимъ офицеромъ поскакалъ въ Пантенъ, гдѣ въ то время уже происходила перестрѣлка. Нѣсколько разъ парламентёры пытались прекратить кро-

вопролитіе, но всѣ ихъ усилія были напрасны. Человѣколюбивое желаніе Императора Александра не могло быть исполнено. Ожесточенный бой завязался по всей линіи. Въ пятомъ часу пополудни всѣ позиціи, кромѣ Монмартра, были потеряны французами. Между тѣмъ, король Іосифъ, получивъ донесеніе Мармона о невозможности продолжать защиту Парижа, поспѣшилъ уѣхать въ Блуа и предоставилъ маршаламъ открыть переговоры съ Россійскимъ Императоромъ и княземъ Шварценбергомъ и отвести войска за Луару. Послѣ этого къ Императору Александру явился парламентёръ безъ всякихъ полномочій, но съ предложеніемъ прекратить бой и условиться о перемиріи. Ему въ этомъ отказали, и Государь послалъ Орлова къ маршалу Мармону съ слѣдующими предложеніями: „огонь прекратится; французскія войска отойдутъ за укрѣпленныя заставы; немедленно будетъ назначена коммиссія для переговоровъ о сдачѣ Парижа“. Мармонъ изъявилъ согласіе. Возвратясь назадъ, Орловъ нашелъ Императора Александра на бельвильской высотѣ, разставлявшимъ батарею изъ 24-хъ орудій. Государь подозвалъ къ себѣ графа Нессельроде и, давъ ему инструкцію, поручилъ ему вмѣстѣ съ Орловымъ открыть переговоры; къ нимъ былъ присоединенъ адъютантъ князя Шварценберга, графъ Паръ. Они направились къ Пантенской заставѣ, гдѣ встрѣтились съ Мармономъ. Французскія войска уже вступали въ городъ. Во время начавшихся переговоровъ снова раздалась перестрѣлка; это былъ заключительный актъ сраженія подъ Парижемъ: графъ Ланжеронъ взялъ штурмомъ Монмартръ. Успѣхъ подъ Парижемъ былъ купленъ дорогою цѣною; союзники потеряли въ день сраженія 18-го (30-го) марта 8.400 человѣкъ (въ томъ числѣ 6.000 русскихъ); значительный уронъ объясняется отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ союзниковъ и происшедшей вслѣдствіе этого неодновременности атаки всѣхъ частей союзной арміи. Къ тому же, успѣхъ дня рѣшился прямымъ ударомъ на самую сильную часть непріятельской позиціи.

Пока договаривались съ французскими маршалами о сдачѣ Парижа, Императоръ Александръ объѣзжалъ войска, расположенныя вблизи Бельвиля и Шомона и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Тогда же Государь пожаловалъ фельдмаршаломъ графа Барклая-де-Толли; затѣмъ онъ возвратился въ Бонди. Переговоры по капитуляціи Парижа перенесены были, между тѣмъ, въ отель маршала Мармона. Тамъ собралось большое общество, ожидавшее съ безпокойствомъ рѣшенія участи Парижа. Во главѣ присутствовавшихъ находился Талейранъ. Онъ подошелъ къ флигель-адъютанту русскаго Императора и сказалъ съ нѣкоторою торжественностью: „Monsieur, veuillez bien vous charger de porter aux pieds de Sa Majesté l'Empereur de Russie l'expression du profond respect du prince de Bénévent“. „Prince“, отвѣчалъ Орловъ, „je porterai, soyez en sûr, ce blanc-seing à la connaissance de Sa Majesté“. Легкая, едва замѣтная улыбка скользнула по лицу Талейрана, который, вѣроятно, будучи доволенъ смысломъ, приданнымъ словамъ его, удалился, не показывая вида, что, въ свою очередь, понялъ Орлова.

Соглашеніе между французами и представителями союзныхъ армій, наконецъ, установилось, и въ третьемъ часу пополуночи капитуляція Парижа, составленная М. Ѳ. Орловымъ, была подписана; побѣдителю пришлось, однако, отказаться отъ заявленнаго первоначальнаго требованія, чтобы французскія войска, оборонявшія Парижъ, отступили по Бретаньской дорогѣ. Въ заключительной 8-й статьѣ этой капитуляціи, собственно относительно предстоящаго занятія Парижа союзниками, было лишь сказано, что городъ предается великодушію союзныхъ монарховъ. (La ville de Paris est recommandée à la générosité des hautes puissances alliées). Орловъ сказалъ Мармону, что представители Парижа могутъ лично высказать, не стѣсняясь, свои желанія Императору Александру. Поэтому предстояло собрать депутацію отъ города, которая немедленно явилась бы въ союзную главную квартиру; она состояла изъ префекта полиціи Пакье, Сенскаго префекта Шаброля и нѣкоторыхъ членовъ муниципальнаго совѣта и представителей національной гвардіи. Съ разсвѣтомъ депутаты въ каретахъ двинулись въ Бонди, сопровождаемые полковникомъ Орловымъ, который провелъ ихъ чрезъ русскіе биваки. По прибытіи въ главную квартиру, французы были введены въ большую залу замка; Орловъ приказалъ доложить о себѣ графу Нессельроде, который

вышелъ къ депутатамъ, между тѣмъ какъ онъ прямо отправился къ Императору, который принялъ его, лежа въ постели. „Quelles nouvelles m'apportez-vous?", сказалъ Государь.—„Sire, c'est la capitulation de Paris",—отвѣчалъ Орловъ. Императоръ взялъ капитуляцію, прочелъ ее, сложилъ бумагу и, положивъ подъ подушку, сказалъ: „Je vous félicite, votre nom est attaché à un grand évènement". Затѣмъ Государь заставилъ Орлова разсказать всѣ подробности вечера, проведеннаго имъ въ Парижѣ у маршала Мармона, и выказалъ большое удивленіе, когда узналъ о встрѣчѣ русскаго парламентёра съ Талейраномъ: „Ce n'est encore qu'une anecdote", сказалъ Александръ, „mais cela peut devenir de l'istoire". Государь, отпустивъ затѣмъ Орлова, заснулъ глубокимъ сномъ почти въ ту же минуту.

Въ то время, когда происходили описанныя выше дѣйствія подъ Парижемъ, Наполеонъ распоряжался слѣдующимъ образомъ. По достиженіи Винценгероде С. Дизье, Наполеонъ двигался изъ Дулевана въ Баръ-сюръ-Объ. Для разъясненія истинныхъ намѣреній союзниковъ, онъ приказалъ произвести усиленную рекогносцировку, которая привела къ бою у С. Дизье; Винценгероде былъ отброшенъ къ Барле-Дюку. Изъ разспросовъ плѣнныхъ Наполеонъ убѣдился, что противъ него оставленъ только кавалерійскій отрядъ, и что главныя силы союзниковъ направились къ Парижу. „C'est un beau coup d'échecs; je n'aurais jamais cru qu'un général de la coalition fût capable de le faire", сказалъ Наполеонъ. Немедленно, 15-го (27-го) марта, Наполеонъ направилъ имѣвшіяся у него силы къ Парижу, по кружной дорогѣ къ Троа и Фонтенебло. 18-го (30-го) марта, на разсвѣтѣ, когда союзники находились уже передъ Парижемъ и готовились атаковать столицу, Наполенъ съ передовыми войсками достигъ лишь Троа (150 верстъ отъ Парижа). Въ надеждѣ по крайней мѣрѣ личнымъ присутствіемъ поправить дѣла въ Парижѣ, онъ опередилъ войска и поскакалъ въ Фонтенебло; прибывъ сюда поздно вечеромъ, онъ безостановочно продолжалъ путь къ Парижу. Но было уже поздно, и ночью на 19-е (31-е) марта, въ двадцати верстахъ отъ Парижа, Наполеонъ встрѣтилъ передовыя части выступившихъ уже оттуда французскихъ войскъ, отъ которыхъ онъ узналъ о заключенной Мармономъ капитуляціи. Въ шесть часовъ утра Наполеонъ возвратился въ Фонтенебло.

Около шести часовъ утра 19-го (31-го) марта парижская депутація была принята Императоромъ Александромъ. Графъ Нессельроде представилъ Государю поименно членовъ ея; затѣмъ Александръ обратился къ нимъ съ рѣчью, которую Пакье въ своихъ мемуарахъ воспроизвелъ слѣдующимъ образомъ: „Je n'ai qu'un ennemi en France et cet ennemi c'est l'homme qui m'a trompé de la manière la plus indigne, qui a abusé de ma confiance, qui a trahi avec moi tous les serments, qui a porté dans mes Etats la guerre la plus inique, la plus odieuse. Toute réconciliation entre lui et moi est désormais impossible; mais je le répète, je n'ai en France que cet ennemi. Tous les Français, hors lui, sont bien vus de moi. J'estime la France et les Français, et je souhaite qu'ils me mettent dans le cas de leur faire du bien. J'honore le courage et la gloire de tous les braves contre lesquels je combats depuis deux ans, et que j'ai appris à estimer dans toutes les positions où ils se sont trouvés. Je serai toujours prêt à leur rendre la justice et les honneurs qui leur sont dûs. Dites donc, messieurs, aux Parisiens, que je n'entre pas dans leurs murs en ennemi, et qu'il ne tient qu'à eux de m'avoir pour ami; mais dites aussi que j'ai un ennemi unique en France, et qu'avec celui là je suis irréconciliable". Пакье прибавляетъ: „cette idée fut reproduite de vingt manières et toujours avec la plus extrême véhémence, et en traversant la chambre d'un bout à l'autre".

Перейдя, затѣмъ, къ подробностямъ занятія Парижа, Императоръ Александръ согласился предоставить охраненіе спокойствія въ столицѣ національной гвардіи и далъ слово, что онъ ничего не потребуетъ отъ жителей, кромѣ жизненныхъ припасовъ для арміи; войска будутъ расположены бивуаками. Отпустивъ депутацію, Императоръ Александръ приказалъ графу Нессельроде немедленно отправиться въ Парижъ къ Талейрану и условиться съ нимъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять на первыхъ порахъ; онъ въѣхалъ въ городъ въ сопровожденіи одного казака. „Бульвары были покрыты разряженною толпой", пи-

шетъ Нессельроде въ своихъ запискахъ. „Казалось, народъ собрался, чтобы погулять на праздникѣ, а не для того, чтобы присутствовать при вступленіи непріятельскихъ войскъ. Талейранъ былъ за туалетомъ. Полупричесанный, онъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, бросился въ мои объятія и осыпалъ меня пудрой. Успокоившись нѣсколько, онъ велѣлъ позвать людей, съ которыми онъ находился въ заговорѣ (en pleine conspiration). То были герцогъ Дальбергъ, аббатъ де-Прадтъ, баронъ Луи. Я передалъ своимъ собесѣдникамъ желанія Императора Александра, сказавъ имъ, что онъ остановился окончательно на одной лишь мысли: не оставлять Наполеона на французскомъ престолѣ; что затѣмъ вопросъ, какой порядокъ вещей долженъ замѣнить его, будетъ разрѣшенъ Государемъ не иначе, какъ по совѣщаніи съ тѣми выдающимися людьми, съ которыми ему предстоитъ войти въ сношеніе". Императоръ Александръ намѣревался поселиться во дворцѣ „Elysée-Bourbon". Но получивъ предостереженіе, что подъ дворецъ этотъ подведены мины, Государь прислалъ эту записку графу Нессельроде; когда объ этомъ узналъ Талейранъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, но по избытку предосторожности, предложилъ Императору остановиться у него, пока это дѣло не будетъ разслѣдовано. По всей вѣроятности вся эта тревога была подстроена самимъ изворотливымъ княземъ Беневентскимъ, который заручился, такимъ образомъ, присутствіемъ главы коалиціи въ своемъ отелѣ.

Послѣ отправленія графа Нессельроде въ Парижъ, къ Императору Александру явился въ Бонди Коленкуръ, присланный Наполеономъ съ предложеніемъ неотлагательнаго мира на условіяхъ, сходныхъ съ требованіями союзныхъ державъ въ Шатильонѣ. Государь высказалъ ему, что считаетъ себя обязаннымъ упрочить спокойствіе Европы, и поэтому ни онъ, ни его союзники не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ. Тщетно Коленкуръ старался поколебать рѣшимость Александра, представляя ему, что союзные монархи, низвергнувъ съ престола государя, всѣми ими признаннаго, выказали бы себя поборниками разрушительныхъ идей революціи. „Союзные монархи не желаютъ ниспроверженія престоловъ", отвѣчалъ Александръ, „они будутъ поддерживать не какую-либо партію недовольныхъ настоящимъ правительствомъ, а общій голосъ почетнѣйшихъ людей Франціи. Мы рѣшились продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ее при менѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, и будемъ сражаться, пока достигнемъ прочнаго мира, котораго не можемъ надѣяться отъ человѣка, опустошившаго Европу отъ Москвы до Кадикса". Въ заключеніе Императоръ Александръ обѣщалъ принять Коленкура во всякое время въ Парижѣ.

Оставляя Бонди, посолъ Наполеона увидѣлъ лошадь, поданную Государю для предстоящаго въѣзда въ Парижъ; это была свѣтло-сѣрая лошадь, по имени Эклипсъ, подаренная Императору въ бытность Коленкура посломъ при русскомъ дворѣ. Около восьми часовъ утра Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бонди. „Всѣ готовились встрѣтить день, безпримѣрный въ исторіи", пишетъ очевидецъ. „Покореніе Парижа являлось необходимымъ достояніемъ нашихъ лѣтописей. Русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницею, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди Парижа". Проѣхавъ съ версту, Государь встрѣтилъ короля прусскаго и гвардію, пропустилъ мимо себя назначенныхъ идти въ головѣ вступавшихъ въ Парижъ войскъ прусскую гвардейскую и нашу легкую гвардейскую кавалерію, и послѣдовалъ за ними вмѣстѣ съ королемъ и княземъ Шварценбергомъ, сопровождаемый свитою, въ числѣ болѣе тысячи генераловъ и офицеровъ различныхъ націй. За ними шли: австрійскіе гренадеры, русскій гренадерскій корпусъ, гвардейская пѣхота и три кирасирскія дивизіи съ артиллеріею. Прекраснѣйшая погода благопріятствовала торжественной обстановкѣ этого незабвеннаго дня. Какими чувствами преисполнена была тогда душа Александра? Что думалъ Государь, переживши тяжелое испытаніе Аустерлица, блескъ тильзитскаго свиданія и пожаръ Москвы? Онъ съ полнымъ смиреніемъ готовился отплатить за испытанное зло неслыханнымъ въ исторіи великодушіемъ. Дѣйствительно, среди Парижа явился побѣдитель, который не искалъ другаго торжества, какъ только счастія побѣжденныхъ. Еще въ Вильнѣ, въ декабрѣ 1812 года, Императоръ Александръ

сказалъ: „Наполеонъ могъ даровать миръ Европѣ; это было въ его власти, но не было имъ исполнено! Теперь очарованіе исчезло! Мы увидимъ, что лучше внушать страхъ или любовь. (Napoléon pouvait donner la paix à l'Europe, il le pouvait et il ne l'a pas fait! Maintenant, le charme est rompu! Nous verrons ce qui réussira le mieux, de se faire craindre ou de se faire aimer). Въ Парижѣ Государю представилось благодарное поприще для примѣненія на дѣлѣ этихъ великодушныхъ мыслей. Подозвавъ къ себѣ генерала Ермолова и указавъ незамѣтно на ѣхавшаго съ ними князя Шварценберга, Александръ сказалъ по русски: „по милости этого толстяка, не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка", и затѣмъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ: „ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простячка".—„Не знаю, Государь", отвѣчалъ Ермоловъ, „могу сказать только, что слова, которыя удостоился я слышать отъ вашего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному". Народъ толпился на улицахъ, и даже кровли домовъ были покрыты любопытными зрителями. Изъ оконъ были вывѣшены бѣлыя скатерти. Женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками. Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ весьма мѣтко опредѣляетъ настроеніе парижскаго населенія въ день 19-го (31-го) марта слѣдующими словами: „On ne raisonnait pas. On respirait". Ласковый привѣтъ Императора и слова, имъ сказанныя: „Je ne viens pas en ennemi. Je viens vous apporter la paix", привели въ восторгъ парижанъ. „Nous vous attendions depuis longtemps", сказалъ одинъ французъ, успѣвшій протискаться до самого Государя. „La faute en est à la bravoure de vos troupes si je ne suis pas venu plus tôt", отвѣчалъ ему Александръ.—„Que l'Empereur Alexandre est beau—comme il salue gracieusement. Il faut qu'il reste à Paris ou qu'il nous donne un souverain qui lui ressemble", говорили они другъ другу. Союзныя войска встрѣчались радостными криками: „Vive Alexandre! Vivent les Russes! Vivent les alliés!" По мѣрѣ приближенія къ Елисейскимъ полямъ, энтузіазмъ возрасталъ и началъ принимать демонстративный правительству Наполеона характеръ; появились бѣлыя кокарды на шляпахъ и раздавались восклицанія: „Vivent les Bourbons! A bas le tyran". Всѣ эти манифестаціи не возбуждали, однако, въ народѣ ни малѣйшаго сочувствія къ чуждымъ ему Бурбонамъ; это движеніе было чисто поверхностное. Французы, увидя бѣлыя повязки на русскихъ мундирахъ, воображали, что Европа вооружилась изъ за Бурбоновъ, и выставили въ свою очередь цвѣта, которымъ они въ душѣ вовсе не сочувствовали. Тѣмъ не менѣе французскія демонстраціи сопровождались тѣмъ зломъ, что внушили союзникамъ ложное убѣжденіе о силѣ роялистской партіи. Въ этотъ день съ обѣихъ сторонъ проявилось недоразумѣніе, которое вызвало по справедливому замѣчанію историка: „une nouvelle journée des dupes". Во время прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ въ Елисейскихъ поляхъ, парижанки, желая удобнѣе видѣть Императора Александра, просили офицеровъ свиты сажать ихъ къ себѣ на сѣдла. Государь, замѣтивъ эти продѣлки, указалъ на нихъ съ улыбкою королю прусскому. Князь Шварценбергъ сказалъ: „какъ бы не вышло изъ этого новое похищеніе сабинянокъ".

Во время смотра одинъ французъ подошелъ къ Данилевскому, находившемуся вблизи Императора Александра, и просилъ предупредить Государя не останавливаться въ Тюильерійскомъ дворцѣ, потому что въ погребахъ его положенъ порохъ, съ намѣреніемъ взорвать дворецъ. „Я сообщилъ это извѣстіе князю Волконскому", пишетъ Данилевскій, „который сказалъ, что Императоръ избралъ на первое время своего здѣсь пребыванія домъ Талейрана". Въ это время Данилевскій, воображеніе котораго, по собственному признанію, было уже „воспалено" сообщеніемъ о взрывѣ будто бы приготовленномъ въ Тюильерійскомъ дворцѣ, увидѣлъ одного человѣка, который вдругъ, среди толпы, подлѣ самаго Государя поднялъ ружье вверхъ. „Мгновенно я на него бросился и, почувствовавъ въ себѣ необыкновенную силу, вырвалъ у него ружье, схватилъ его за воротъ и закричалъ жандармамъ, чтобы они его взяли. Ужасный шумъ произошелъ въ народной толпѣ; онъ пьянъ, говорили французы, столько же изумленные появленіемъ сего ружья, а Государь, передъ

глазами коего все сіе происходило, повторилъ нѣсколько разъ съ торопливостью: „Оставь его, Данилевскій, оставь его". Одному небу извѣстны намѣренія этого человѣка, который скрылся въ толпѣ народа, но я почту себя всю жизнь счастливымъ, что я исторгъ оружіе изъ рукъ его. Свидѣтелемъ сего явленія былъ одинъ тогдашній товарищъ мой, Щербининъ, потому что всѣ чиновники, принадлежавшіе къ свитѣ Государя, находились въ нѣкоторомъ разстояніи".

По окончаніи смотра, въ пятомъ часу пополудни, Императоръ Александръ отправился пѣшкомъ въ Сенъ-флорентинскую улицу, въ домъ Талейрана, гдѣ все было готово къ его пріему. Здѣсь ожидали Государя тяжелыя заботы. Если уже въ 1813 году Александръ писалъ графу Аракчееву: „Съ семи часовъ до сихъ поръ я не зажималъ по несчастію рта своего съ этою проклятою политикою", то что же предстояло ему теперь въ Парижѣ, когда нужно было создать новое правительство и согласовать самыя противоположныя мнѣнія и убѣжденія. Задача была не легкая, но Александръ и здѣсь остался побѣдителемъ. По прибытіи къ Государю короля прусскаго и князя Шварценберга, началось совѣщаніе, къ которому были приглашены Талейранъ, герцогъ Дальбергъ, князь Лихтенштейнъ, графъ Нессельроде и генералъ Поццо-ди-Борго. Императоръ Александръ открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой онъ заявилъ, что единственною цѣлью его союзниковъ и его самого есть достиженіе прочнаго мира, и что союзники готовы признать регентство Маріи-Луизы, господство Бернадота, республику, Бурбоновъ — словомъ сказать, всякое правительство, только бы оно признано было всѣми французами. Начались пренія. Всѣ присутствовавшіе оказались того мнѣнія, что никто, кромѣ Бурбоновъ, не можетъ Наполеона замѣнить. Талейранъ заключилъ свою рѣчь словами: „возможны лишь двѣ комбинаціи: Наполеонъ или Лудовикъ XVIII. Республика—невозможность; регентство или Бернадотъ — интрига; одни только Бурбоны — принципъ". Императоръ Александръ принялъ высказанный въ совѣтѣ единогласный отзывъ за выраженіе мнѣнія всѣхъ французовъ, и, убѣдясь въ одобреніи его прусскимъ королемъ и Шварценбергомъ, сказалъ: „намъ, чужеземцамъ, не подобаетъ провозглашать низложеніе Наполеона, еще менѣе того можемъ мы призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи. Кто же возьметъ на себя починъ въ этихъ двухъ великихъ актахъ?" Талейранъ указалъ на Сенатъ и взялся устроить это дѣло, но поставилъ условіемъ, чтобы союзные монархи объявили всенародно, что они не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ или съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства и приглашаютъ Сенатъ немедленно назначить временное правительство. Прокламація въ такомъ смыслѣ была немедленно составлена графомъ Нессельроде, сообща съ герцогомъ Дальбергъ, затѣмъ исправлена и подписана Императоромъ Александромъ и 20-го марта (1-го апрѣля) распространена по всему Парижу. Хотя Бурбоны не названы въ этой прокламаціи, но сокровенная цѣль союзниковъ была обнаружена въ ней съ достаточною ясностью. Подъ руководствомъ Талейрана, Сенатъ, 20-го марта (1-го апрѣля), учредилъ временное правительство и на слѣдующій день, 21-го марта (2-го апрѣля), объявилъ Наполеона и всѣхъ лицъ его семейства лишенными права на престолъ Франціи. Въ тотъ же день Императоръ Александръ принялъ Сенатъ, представленный ему Талейраномъ, и обратился къ этому собранію съ слѣдующею рѣчью: „Je suis l'ami du peuple français; ce que vous venez de faire redouble encore ce sentiment. Il est juste, il est sage de donner à la France des institutions fortes et libérales qui soient en rapport avec les lumières actuelles. Mes alliés et moi nous ne venons que pour protéger la liberté de vos décisions. Pour preuve de cette alliance durable que je veux contracter avec votre nation, je lui rends tous les prisonniers français qui se trouvent dans mes États; le gouvernement provisoire m'en avait fait la demande, je l'accorde au Sénat, après les résolutions qu'il a prises aujourd'hui".

Въ тотъ же день Императоръ Александръ принялъ Коленкура и объявилъ ему необходимость отреченія со стороны Наполеона; только на этомъ основаніи возможно войти съ нимъ въ переговоры. „Je n'ai aucun ressentiment, croyez-le", сказалъ ему Государь. „Napoléon est malheureux, et dès cet instant je lui pardonne le mal qu'il a fait à la Russie; mais la

France, l'Europe ont besoin de repos, et avec lui elles n'en auront jamais. Nous sommes irrévocablement fixés sur ce point. Qu'il réclame ce qu'il veut pour sa personne: il n'est pas de retraite qu'on ne soit disposé à lui accorder. S'il veut même accepter la main que je lui tends, qu'il vienne dans mes États et il y recevra une magnifique et, ce qui vaut mieux, une cordiale hospitalité. Nous donnerons lui et moi, un grand exemple à l'univers, moi en offrant, lui en acceptant cet asile". На вопросъ Коленкура, какое владѣніе можетъ быть назначено Наполеону, Императоръ Александръ окончательно остановился на островѣ Эльбѣ и въ заключеніе сказалъ: „partez, amenez votre maître à une résignation nécessaire, et nous verrons. Tout ce qui sera convenable et honorable sera fait. Je n'ai pas oublié ce qui est dû à un homme si grand et si malheureux".

Между тѣмъ, Наполеонъ, пребывая въ Фонтенебло, готовился, по сосредоточеніи своихъ войскъ, продолжать борьбу и идти на Парижъ. Сообщенія Коленкура еще болѣе утвердили его въ этомъ намѣреніи. Армія оставалась ему вѣрна и готова была съ самоотверженіемъ слѣдовать за своимъ вождемъ. Но маршалы, утомленные безпрерывными боевыми тревогами, начали уже преслѣдовать другія цѣли, болѣе мирнаго свойства, и отказались содѣйствовать предпріятію Императора, угрожавшему въ будущемъ новымъ нескончаемымъ кровопролитіемъ; они убѣдили Наполеона отказаться отъ престола въ пользу своего сына. 23-го марта (4-го апрѣля) Наполеонъ подписалъ условное отреченіе и уполномочилъ Коленкура, Нея и Макдональда войти на этомъ основаніи въ переговоры съ союзными державами; дорогою къ нимъ долженъ былъ присоединиться Мармонъ. Разсчитывая на нерасположеніе Императора Александра къ Бурбонамъ, уполномоченные надѣялись отстоять права короля римскаго и регентство Маріи-Луизы. Они прибыли въ Парижъ поздно ночью и немедленно были приняты Императоромъ Александромъ. Дѣйствительно, ожиданія сторонниковъ регентства оправдались; выслушавъ маршаловъ, Александръ обнаружилъ нѣкоторое колебаніе, и роялисты начали трепетать, предчувствуя близкое крушеніе подготовленнаго ими съ такимъ успѣхомъ политическаго переворота. Измѣна Мармона, сопровождавшаяся переходомъ его корпуса въ Версаль, за линію, занимаемую союзными войсками на р. Эссоннѣ, вывела противниковъ Наполеона изъ затруднительнаго положенія. „Vous le voyez, c'est la Providence qui le veut, elle se manifeste, elle se déclare; plus de doute, plus d'hésitation", сказалъ Александръ Поццо-ди-Борго. Послѣ этого событія Государь на слѣдующее утро объявилъ уполномоченнымъ Наполеона, что измѣнившіяся обстоятельства заставляютъ отказаться отъ учрежденія регентства и что одни лишь Бурбоны могутъ удовлетворить требованіямъ Франціи и Европы. Затѣмъ Императоръ Александръ повторилъ Коленкуру обѣщаніе отдать Наполеону островъ Эльбу и употребить всѣ возможныя средства доставить Маріи-Луизѣ и сыну ея владѣніе въ Италіи. Рѣшительное слово было произнесено. Давно уже Наполеонъ предвидѣлъ эту неизбѣжную развязку и еще въ 1810 году сказалъ Меттерниху: „Savez-vous pourquoi Louis XVIII n'est point assis ici en face de vous? Ce n'est que parce que j'y suis assis, moi. Tout autre n'aurait pas pu s'y soutenir, et si jamais je devais disparaître par suite d'une catastrophe, nul autre qu'un Bourbon ne pourrait s'asseoir à cette place". Теперь оставалось только Наполеону согласиться на безусловное отреченіе. Оно состоялось 25-го марта (6-го апрѣля). Уполномоченные Наполеона, Коленкуръ, Ней и Макдональдъ, снова отправились въ Парижъ, чтобы на основаніи этого новаго акта заключить договоръ съ союзными державами. Ознакомившись съ актомъ отреченія, Государь объявилъ имъ, что, считая себя связаннымъ словомъ, даннымъ Коленкуру относительно острова Эльбы, онъ будетъ во время переговоровъ отстаивать выгоды Наполеона и его семейства. Отпустивъ маршаловъ и оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, Александръ говорилъ съ участіемъ о Наполеонѣ, съ досадою о приверженцахъ Бурбоновъ и ихъ увлеченіяхъ. Въ тотъ же день Сенатъ утвердилъ выработанную имъ новую конституцію, одна изъ статей которой постановляла, что Людовикъ, братъ послѣдняго короля, призывается на престолъ свободною волею французскаго народа и что онъ будетъ провозглашенъ *королемъ французовъ* по принесеніи присяги конституціи.

Въ то время когда совершались событія столь міровой важности, наступила страстная недѣля. Императоръ Александръ, пожелалъ говѣть; Государь ознакомилъ впослѣдствіи князя А. Н. Голицына съ тѣмъ душевнымъ настроеніемъ, въ которомъ онъ тогда находился; оно представляло собою дальнѣйшее развитіе мыслей и чувствованій, возбужденныхъ въ Государѣ событіями 1812 года, о которыхъ уже было выше упомянуто. Внутренній духовный процессъ неуклонно совершался, оставаясь пока еще незамѣтнымъ для лицъ, непосредственно окружавшихъ Государя, и постепенно Александръ 1801 года преобразовался въ Александра 1815 года, въ творца священнаго союза. „Наше вхожденіе въ Парижъ было великолѣпное", говорилъ Государь князю Голицыну. „Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя ощущала тогда въ себѣ другую радость. Она, такъ сказать, таяла въ безпредѣльной преданности къ Господу, сотворившему чудо своего милосердія; она, эта душа, жаждала уединенія, жаждала субботствованія; сердце мое порывалось пролить предъ Господомъ всѣ чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться Св. Тайнъ; но въ Парижѣ не было русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, тогда бываетъ всегда безмѣренъ въ Своей изобрѣтательности; и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною русская церковь нашлась въ Парижѣ; послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ же, насупротивъ меня, французы наняли чей-то домъ, и церковь русская была устроена; а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ же разъ французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавши о моемъ намѣреніи исполнить предвзятую мною религіозную обязанность, приняло мѣры распорядиться, въ самое скорѣйшее время, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже мнѣ не мѣшало исполнить мою обязанность предъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь. Но, идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно, однакожъ, мнѣ было сохранять чувствованіе своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша церковь въ подвигѣ покаянія; какъ, бывало, только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что есть только лучшаго въ парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступятъ и смотрятъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего значенія такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру. Никогда съ такимъ удобствомъ и спокойствіемъ я не говѣлъ, какъ въ многолюдной столицѣ Франціи. Промыслъ всѣ, такъ сказать, милости излилъ на меня отъ Своей десницы; Онъ ниспослалъ мнѣ все возможное спокойствіе къ исполненію этого священнаго долга. Но прежде чѣмъ я къ тому приступалъ, душа моя была, однакожъ, не безъ смущенія: мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя еще своимъ отчаяніемъ полчища Наполеоновы стягивались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенебло; слѣдовательно, союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслажденія; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть, отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежнія; мнѣ надлежало также принять всѣ возможныя мѣры, чтобъ сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться, даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеонова. Какъ же мнѣ, говорю, было спокойно говѣть, когда надлежало, можетъ быть, въ скорѣйшее время выводить войска изъ Парижа? Но я и здѣсь повторяю то же, что если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной своей изобрѣтательности. И вотъ въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона какъ будто нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи (понедѣльникъ 23-го марта (4-го апрѣля н. с.), чтобъ совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь".

Императоръ Александръ пожелалъ также,

чтобы войска говѣли; послѣдовалъ приказъ, воспрещавшій офицерамъ и солдатамъ посѣщеніе на это время театровъ, шумныхъ народныхъ собраній и всякихъ публичныхъ увеселеній.

Въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, 29-го марта (10-го апрѣля), парижское населеніе было свидѣтелемъ совершенно новаго для него зрѣлища. Событіе этого дня послужило также предметомъ разсказа Императора Александра въ бесѣдахъ его съ княземъ А. Н. Голицынымъ. „Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ продолженіе всей жизни моей", промолвилъ Государь. „Я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ русской славы между иноплеменниками; я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлять съ нами національное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На то мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый Лудовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти было можно; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ состояній и возрастовъ, живая гекатомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало!.. Торжественная была эта минута для моего сердца, умилителенъ, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ, думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны Сѣвера привелъ я православное мое русское воинство для того, чтобъ въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства народнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ французскомъ. Русскій царь всенародно молился вмѣстѣ со своимъ народомъ, и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто пораженной царственной жертвы. Духовное наше торжество въ полнотѣ достигнуло своей цѣли; оно невольно втолкнуло благоговѣніе и въ самыя сердца французскія. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и не совмѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ французскихъ, тѣснилась возлѣ русскаго креста и другъ друга толкала, чтобъ имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно, такъ оторопѣли французы отъ духовнаго торжества русскихъ".

Въ тотъ же день Императоръ Александръ пожаловалъ бывшему наставнику своему Лагарпу, имѣвшему въ Россіи только чинъ полковника, орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ рескриптѣ, данномъ въ Парижѣ, 29-го марта, сказано было: „Желая воздать должную справедливость тѣмъ отличнымъ попеченіямъ и трудамъ, кои оказываемы были вами съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ при воспитаніи моемъ, и будучи движимъ должною къ вамъ благодарностью, препровождаю при семъ знаки ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго". Лагарпъ, разставшійся съ Государемъ при движеніи на Парижъ, не успѣлъ еще прибыть во французскую столицу, чтобы быть свидѣтелемъ торжества своего бывшаго ученика. На другое утро послѣ вступленія въ Парижъ, князь Волконскій послалъ Михайловскаго-Данилевскаго отъ имени Императора къ супругѣ Лагарпа извѣстить ее, что мужъ ея находится въ безопасности въ Дижонѣ, въ главной квартирѣ австрійскаго императора, и предложить ей отъ его величества всевозможныя услуги, караулъ въ загородный домъ ея въ Плесси-Пике и, если нужно, деньги. Сверхъ того, ему приказано было сказать ей, что Государь не имѣлъ еще ни одной свободной минуты, чтобы ее посѣтить, но что въ самомъ скоромъ времени лично у ней будетъ. Когда Данилевскій извѣстилъ госпожу Лагарпъ о волѣ Императора, то она, заплакавъ, отвѣчала: „вы видите мои слезы, вотъ мой отвѣтъ". Александръ исполнилъ свое обѣщаніе и посѣтилъ госпожу Лагарпъ, жившую въ четвертомъ этажѣ. „Вы очень перемѣнились", сказалъ Государь.—„Ваше величество, и я, какъ всѣ, терпѣла горе".—„Вы меня не поняли", продолжалъ Александръ, „бывало, вы сидѣли подлѣ воспитанника вашего супруга и дружески съ нимъ разговаривали, а теперь—стоите передъ нимъ. Надѣюсь, что наши прежнія отношенія не измѣнились".

Императоръ Александръ не позабылъ также оказать вниманіе канцлеру графу Румянцову, и въ самый день вступленія

въ Парижъ (19-го марта), написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія: „Malgré la rigueur avec laquelle vous me traitez, monsieur le comte, je ne puis m'empêcher de vous tracer ces lignes pour vous annoncer la prise de Paris après un combat très chaud livré hier sous ses murs et qui nous a valu deux généraux, quelques milliers de prisonniers, 71 canons et deux drapeaux. Tout à vous". (Государственный архивъ, V разрядъ, № 209).

По случаю взятія Парижа, Государь, готовилъ высокое отличіе графу Аракчееву. Въ автобіографическихъ замѣткахъ графа Аракчеева по этому поводу встрѣчается слѣдующая запись: „Марта 31-го дня, 1814 года въ Парижѣ, Государь Императоръ Александръ I-й изволилъ произвесть графа Аракчеева въ фельдмаршалы, вмѣстѣ съ графомъ Барклаемъ, о чемъ и приказъ собственноручно былъ написанъ, но графъ Аракчеевъ онаго не принялъ и упросилъ Государя отмѣнить".

29-го марта (10-го апрѣля) Меттернихъ и Кастельри, наконецъ, прибыли въ Парижъ изъ Дижона. Послѣ разговора съ Александромъ, Меттернихъ написалъ императору: „J'ai trouvé l'Empereur de Russie dans des dispositions très-*raisonnables*. Il divague beaucoup moins que je ne l'aurais cru; le prince de Schwartzenberg aussi a été très-content de lui". Но, будучи безспорно доволенъ общимъ положеніемъ дѣлъ, созданнымъ въ Парижѣ Императоромъ Александромъ, Меттернихъ возражалъ только противъ одного пункта предстоящаго соглашенія съ Наполеономъ, а именно противъ предоставленія ему во владѣніе острова Эльбы. Онъ выражалъ опасеніе за спокойствіе Европы въ будущемъ и находилъ, что великодушіе въ настоящихъ обстоятельствахъ неумѣстно. Императоръ Александръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ взять назадъ своего слова и что нельзя сомнѣваться въ обѣщаніи солдата и государя, не оскорбляя его (sans lui faire injure). Меттернихъ покорился обстоятельствамъ и согласился подписать договоръ, который, по его мнѣнію, не позже какъ черезъ два года, снова приведетъ союзниковъ на поле битвы (je mettrai mon nom au bas d'un traité qui en moins de deux ans nous ramènera sur le champ de bataille). 30-го марта (11-го апрѣля) въ Парижѣ подписали такъ называемый Фонтенеблоскій трактатъ, опредѣлявшій судьбу императора Наполеона и его семейства. Побѣжденный, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился ратификовать трактатъ и сталъ готовиться къ отъѣзду въ свои новыя владѣнія. Наполеонъ, въ сопровожденіи союзныхъ коммиссаровъ, выѣхалъ изъ Фонтенебло 8-го (20-го) апрѣля и прибылъ на островъ Эльбу 3-го (15-го) мая. Императрица Марія-Луиза съ сыномъ отправилась въ Вѣну 11-го (23-го) апрѣля. Въ это время, уже 1-го (13-го) апрѣля, графъ д'Артуа, братъ Людовика XVIII, въ мундирѣ національной гвардіи, торжественно въѣхалъ въ Парижъ и вступилъ въ управленіе дѣлами, въ качествѣ намѣстника короля.

Послѣ благополучнаго окончанія всѣхъ этихъ трудныхъ и сложныхъ дѣлъ, Императоръ Александръ вынужденъ былъ продлить свое пребываніе въ Парижѣ для окончательнаго разрѣшенія еще двухъ важныхъ вопросовъ, заключавшихся въ обезпеченіи за Франціею свободныхъ учрежденій и въ заключеніи съ новымъ правительствомъ мирнаго договора.

12-го (24-го) апрѣля Людовикъ XVIII отплылъ изъ Дувра, сказавъ, при посѣщеніи имъ Лондона, принцу-регенту, что возстановленіемъ своего дома на престолѣ Франціи онъ, послѣ Всевышняго Промысла, всего болѣе обязанъ благодарнымъ совѣтамъ принца, его благоразумнымъ усиліямъ и непоколебимому постоянству англійскаго народа. Король, конечно, умолчалъ о главномъ виновникѣ своего возвращенія во Францію, купленнаго потоками русской крови; въ этихъ немногихъ словахъ обрисовалась вполнѣ будущая политика Франціи и мѣра той возмутительной неблагодарности, которую Людовикъ XVIII намѣренъ былъ выказать Императору Александру за оказанныя благодѣянія. 17-го (29-го) апрѣля король прибылъ въ Компіень. Государь, узнавъ о прибытіи короля въ Кале, выслалъ ему на встрѣчу генералъ-адъютанта Поццо ди-Борго, съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ главѣ Бурбонскаго дома не уклоняться отъ либеральныхъ идей и даровать Франціи свободныя учрежденія (Votre Majesté subjuguera tout les coeurs, si elle manifeste des idées libérales tendantes à maintenir et à raffermir les institutions organiques de la France). Но этотъ совѣтъ былъ принятъ

весьма холодно и король довольствовался неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Тогда Императоръ Александръ, по своей привычкѣ къ личному дѣйствію и руководясь желаніемъ упрочить будущее спокойствіе Франціи, самъ отправился въ Компіень съ цѣлью уговорить Лудовика согласиться на условія, предъявленныя сенатомъ. Король, принимая Императора, сѣлъ въ кресло и предложилъ своему высокому гостю стулъ, затѣмъ выслушивалъ его спокойно, ничего не отвергъ, ничего не уступилъ, но зато много говорилъ о Всевышнемъ Промыслѣ и о могуществѣ великаго начала законности, котораго онъ былъ представителемъ.

Послѣ посѣщенія Компіеня Императоръ Александръ сказалъ князю Волконскому: „весьма естественно, что король больной и дряхлый сидѣлъ въ креслѣ, но я, въ такомъ случаѣ, приказалъ бы подать для гостя другое". Графъ Нессельроде, сопровождавшій Императора въ этой поѣздкѣ, отзывается по поводу свиданія съ Лудовикомъ XVIII слѣдующимъ образомъ: „Король выказалъ неумѣстную надменность въ отношеніи къ Государю, которому онъ обязанъ былъ возвращеніемъ на престолъ; Императоръ былъ очень оскорбленъ этимъ поведеніемъ и оно повліяло на послѣдующія отношенія обоихъ монарховъ". Неопредѣленное положеніе дѣлъ продолжалось до прибытія короля въ Сентъ-Уэнъ тогда Императоръ Александръ былъ вынужденъ объявить Лудовику, что онъ можетъ въѣхать въ Парижъ не прежде, какъ принявъ конституцію сената, или, въ крайнемъ случаѣ, не обнародовавъ декларации о правахъ, даруемыхъ имъ народу. Король избралъ послѣдній путь и 21-го апрѣля (3-го мая) состоялся его въѣздъ въ Парижъ, сопровождавшійся, по свидѣтельствамъ сторонниковъ Бурбоновъ, неописаннымъ энтузіазмомъ. Съ водвореніемъ Лудовика XVIII въ Тюилерійскомъ дворцѣ, отношенія его къ Императору Александру окончательно ухудшились. Король, завидуя популярности, которою пользовался Александръ среди французскаго населенія, называлъ его: „le petit roi de Paris." Пригласивъ, однажды, на обѣдъ Императора и короля прусскаго, Лудовикъ вошелъ въ столовую залу первымъ и сѣлъ на почетномъ мѣстѣ; когда же одинъ изъ служителей, поднося блюдо, подошелъ прежде всѣхъ къ Императору Александру, король грозно вскричалъ: „à moi s'il vous plaît". Впослѣдствіи Государь, говоря объ этомъ обѣдѣ, сказалъ: „мы, сѣверные варвары, болѣе вѣжливы у себя дома". Вообще же Императоръ Александръ отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ по поводу неумѣстнаго высокомѣрія главы Бурбонскаго дома: „Лудовикъ XIV, во время своего наибольшаго могущества, не принялъ бы меня иначе; можно было подумать, что онъ возвратилъ мнѣ утраченный престолъ".

Къ немалому неудовольствію тюилерійскаго двора, Александръ усугубилъ, послѣ первыхъ встрѣчъ съ Бурбонами, вниманіе и явное предпочтеніе, оказываемое имъ семейству Наполеона. Александръ посѣщалъ неоднократно Императрицу Жозефину въ Мальмезонѣ и сблизился съ королевой Гортензіей. Среди собиравшагося здѣсь общества, онъ не стѣсняясь высказывалъ свои взгляды по поводу современнаго положенія французскихъ дѣлъ, выражаясь неодобрительно о Бурбонахъ. „Эти люди никогда не съумѣютъ поддержать себя", сказалъ Александръ. Все это передавалось куда слѣдуетъ и, конечно, не содѣйствовало къ улучшенію отношеній между Императоромъ и династіею, водворенной имъ въ Тюилери.

Населеніе столицы относилось, между тѣмъ, совершенно иначе къ своему великодушному побѣдителю, чарующее обращеніе котораго привлекало къ нему сердца всѣхъ. Сперанскій, услышавъ въ далекой ссылкѣ о восторгѣ, съ которымъ вездѣ встрѣчали Александра, сказалъ: „вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ—и тотъ не устоитъ противъ обращенія Государя: это сущій прельститель". Не легко было достигнуть полной, блестящей побѣды и не оставить никакого раздраженія въ побѣжденныхъ, пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе. Александръ съумѣлъ одержать эту двойную побѣду. Даровитость, гибкость ума и твердость его воли явились въ Парижѣ въ полномъ блескѣ. Неподкупный, правдивый Штейнъ усматривалъ въ поведеніи Александра рѣдкое сочетаніе мудрости, благородства, мужества и возвышенности души; онъ посвятилъ характеристикѣ его въ своей перепискѣ изъ Парижа слѣдующія сочувственныя строки: „благородный, возвышенный и доброжелательный образъ дѣйствій Императора Александра покоряетъ всѣ сердца, насильно

отрываетъ ихъ отъ тирана, заставляетъ французовъ забыть, что въ ихъ столицѣ распоряжаются иноземцы. Императоръ велъ переговоры о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, руководясь самыми чистѣйшими, возвышеннѣйшими принципами. Онъ предоставилъ дѣйствовать высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, онъ ничего не предписывалъ, не принуждалъ ни къ чему,— онъ давалъ свободу дѣйствія, онъ охранялъ, но не говорилъ какъ владыка". Лагарпъ, конечно, не отсталъ отъ Штейна въ восхваленіи дѣйствій Александра въ 1814 году; по его мнѣнію, онъ выдержалъ свою роль до конца съ такимъ совершенствомъ, что самые невѣрующіе люди должны были признать, что онъ представляетъ собою рѣдкое явленіе, которое встрѣчается въ тысячу лѣтъ разъ. Пакье по этому же поводу пишетъ: „Замѣчали, что все исходитъ отъ Александра. Его союзникъ, король прусскій, оставался незамѣченнымъ; его мало видѣли, онъ избѣгалъ показываться публично и сохранялъ всюду свойственную ему застѣнчивость, которая не могла придать ему особенный блескъ. Александръ, напротивъ того, ѣздилъ по городу по всѣмъ направленіямъ верхомъ и внимательно осматривалъ всѣ общественныя учрежденія. Совершая эти поѣздки, онъ искалъ случая сдѣлать то, что могло возбудить къ нему сочувствіе всѣхъ классовъ общества". Всѣ эти поѣздки предпринимаемы были Государемъ безъ всякаго конвоя и не предупреждали о томъ французскую полицію, чѣмъ причинялось сильнѣйшее безпокойство Пакье, который тщетно умолялъ измѣнить этотъ порядокъ осмотра парижскихъ достопримѣчательностей. Къ счастью, опасенія Пакье оказались напрасными, и все обошлось благополучно.

Еще во время пріема парижской депутаціи въ Бонди, Императоръ Александръ сказалъ: „Общественные памятники будутъ сохранены въ цѣлости". Нарушеніе порядка послѣдовало со стороны самихъ французовъ, увлеченныхъ разъединившими ихъ политическими страстями; они не замедлили выказать полное пренебреженіе и презрительное отношеніе къ собственной національной славѣ. Въ самый день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, вечеромъ 19-го (31-го) марта, уличная толпа, подстрекаемая роялистами, двинулась на Вандомскую площадь, къ памятнику, увѣнчанному статуей Наполеона, съ криками: „à bas Napoléon". Народъ веревками уцѣпилъ статую императора и старался ее сорвать; но по личному распоряженію Александра внезапно явился караулъ л.-гв. Семеновскаго полка. Русскіе гвардейцы молча окружили колонну; бѣснующаяся чернь присмирѣла и разошлась. На этотъ разъ Наполеонъ устоялъ на памятникѣ, благодаря вмѣшательству русской вооруженной силы. Для предупрежденія на будущее время подобныхъ безпорядковъ, было рѣшено снять статую Наполеона, о которой Императоръ Александръ сказалъ: „у меня закружилась бы голова на такой высотѣ". На мѣсто статуи водрузили бѣлое знамя.

Въ то время, когда французы увлекались не безъ причины дѣйствіями Александра, русскія войска проводили время въ Парижѣ безъ особеннаго удовольствія. Очевидецъ, Н. Н. Муравьевъ, представилъ въ своихъ запискахъ весьма непривлекательную картину испытаній и лишеній, перенесенныхъ побѣдителями во французской столицѣ. „Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались парады", пишетъ Муравьевъ, „такъ что солдату въ Парижѣ было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ". Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что приказалъ французской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ на улицахъ встрѣчали, отчего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями. Но такое обращеніе съ солдатами вызвало весьма печальное явленіе: оно склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи. Офицеры также имѣли своихъ притѣснителей; первый былъ генералъ Сакенъ, назначенный военнымъ губернаторомъ Парижа и державшій всегда сторону французовъ. Комендантомъ Парижа сдѣлали флигель-адъютанта графа Рошешуара; онъ былъ родомъ французъ и оставилъ отечество свое во время революціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія непріятности русскимъ офицерамъ, почему и не терпѣли его. Онъ окружился французами, которыхъ поддерживалъ, и давалъ имъ всегда преимущество надъ на-

шими, такъ что цѣль Государя была вполнѣ достигнута: онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ французовъ.

3-го (15-го) апрѣля въ Парижъ, наконецъ, прибылъ императоръ Францъ. Ему была приготовлена союзниками и графомъ д'Артуа торжественная встрѣча, но парижане отнеслись къ нему несочувственно и выражали мнѣніе, что отцу Маріи-Луизы подобало бы явиться съ меньшимъ шумомъ (avec moins de fracas).

Предпринявъ походъ во Францію, Императоръ Александръ разрѣшилъ своимъ младшимъ братьямъ, Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, прибыть къ нему въ армію. 5-го (17-го) февраля Великіе Князья выѣхали изъ Петербурга; но воспитатель ихъ генералъ Ламздорфъ путешествовалъ съ такою медленностью, что не поспѣлъ къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года. По прибытіи въ Везуль, оказалось, что дальнѣйшій путь въ главную армію прегражденъ; такимъ образомъ, Великіе Князья были лишены возможности участвовать въ заключительныхъ славныхъ дѣлахъ похода. Они оставались въ Базелѣ до покоренія французской столицы и затѣмъ уже присоединились къ Государю въ Парижѣ.

Среди заботъ, связанныхъ съ устройствомъ французскихъ и обще-европейскихъ дѣлъ, Императоръ Александръ нашелъ возможнымъ подготовить разрѣшеніе еще другаго вопроса, весьма близкаго его сердцу, а именно *польскаго вопроса*. Простивъ французамъ ихъ нашествіе на Россію, Государь простилъ также и полякамъ яростное участіе, принятое ими въ этомъ нашествіи и въ разореніи Россіи. Теперь Александру представился, наконецъ, давно желанный случай осуществить мечты юности, возстановивъ политическое существованіе Польши, хотя на первый разъ еще не въ полномъ объемѣ.

Когда русскія войска вступили во Францію, князь Адамъ Чарторижскій не замедлилъ прибыть въ главную кварiиру Императора Александра въ Шомонъ. Появленіе его произвело переполохъ между дипломатами союзныхъ армій и привело въ смущеніе Меттерниха, раздраженнаго уже присутствіемъ здѣсь Лагарпа и Жомини. Глава австрійскаго кабинета утверждалъ, что коалиціи грозитъ распаденіе, если стараніями Чарторижскаго и вліяніемъ его на Александра снова воскреснетъ польскій вопросъ, который вызоветъ раздоры между союзными монархами. На этотъ разъ опасенія Меттерниха оказались преждевременными, но онѣ вполнѣ обрисовывали уже то положеніе, которое онъ впослѣдствіи занялъ, въ отношеніи къ Императору Александру, при обсужденіи политическихъ разграниченій на Вѣнскомъ конгрессѣ. Когда Наполеонъ двинулся на сообщенія союзниковъ, князь Чарторижскій былъ отрѣзанъ отъ главной квартиры наравнѣ съ прочими дипломатами и присоединился къ Императору Александру лишь по занятіи Парижа. Хотя Государь просилъ его не касаться здѣсь польскаго вопроса, но по оказанной княземъ Адаму радушной встрѣчѣ, онъ убѣдился, что Александръ остался тѣмъ же для него и для Польши. На первый разъ Императоръ Александръ разрѣшилъ польскимъ войскамъ, оставшимся до конца вѣрными Наполеону, возвратиться въ герцогство Варшавское съ своими знаменами, „tambour battant“, какъ хвастались тогда польскіе офицеры. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ предназначался главнокомандующимъ войскъ этого герцогства, и Государь предполагалъ ввѣрить ему организацію въ Варшавѣ будущей польской арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ Александръ приказалъ князю Чарторижскому написать въ Варшаву Новосильцеву, съ цѣлью извѣстить его болѣе опредѣлительно о намѣреніяхъ Государя въ отношеніи къ Польшѣ. „Онъ желаетъ,—пишетъ Чарторижскій,—сдѣлать эту страну счастливою и удовлетворить желанія ея жителей, упрочивъ неразрывную связь и искреннее братство между обоими народами. Такая цѣль объясняетъ дѣйствія Его Величества и его виды въ будущемъ. Положеніе дѣлъ въ политическомъ отношеніи побуждало Государя скрывать свои намѣренія. Но въ настоящее время паденіе Бонапарта способствуетъ Его Величеству не обращать вниманія на соперничество нѣкоторыхъ кабинетовъ, завидующихъ его могуществу и желающихъ помѣшать исполненію видовъ, клонящихся къ возвышенію Россіи“.

Послѣ отреченія Наполеона, генералъ Домбровскій послалъ генерала Сокольницкаго и полковника Шимановскаго депутатами къ Императору Александру, для разъясненія участи, ожидавшей польскія

войска, и изложенія ихъ нуждъ и желаній. На вопросъ генерала Сокольницкаго, могутъ-ли польскія войска сохранить національную кокарду, Александръ отвѣчалъ: „Да и я надѣюсь, что въ ближайшемъ будущемъ вы будете носить ее съ полною увѣренностью сохранить ее навсегда. Правда, мнѣ предстоитъ преодолѣть много затрудненій, но вы видите меня въ Парижѣ, и этого довольно. Я предаю забвенію прошлое, и хотя я имѣю право жаловаться относительно многихъ личностей вашей національности, я хочу все забыть; я желаю видѣть однѣ ваши добродѣтели; вы храбрецы и честно исполнили вашу службу“ Въ отвѣтъ на эти милостивыя слова, Сокольницкій сказалъ: „Ваше величество можете быть увѣреннымъ, что столь великодушныя намѣренія обезпечиваютъ вамъ нашу благодарность“. Императоръ Александръ отвѣтилъ: „Господа, я потребую отъ васъ благодарности только тогда, когда фактами, которые въ скоромъ времени получатъ осуществленіе, я пріобрѣту на это право. Я поручаю вамъ высказать вашимъ войскамъ расположеніе, которымъ я преисполненъ по отношенію къ нимъ“. Шимановскій, желая пояснить слова генерала Сокольницкаго, замѣтилъ: „мы не имѣемъ другого честолюбія и другой привязанности, какъ любовь къ отечеству; это болѣзнь нашей земли“. На это Александръ возразилъ: „Она не неизлѣчима и дѣлаетъ вамъ честь Спросите у вашихъ соотечественниковъ, какимъ образомъ вели себя мои войска въ вашей землѣ; издавна уже я благорасположенъ къ вашей націи“.

Государь, по просьбѣ Цесаревича Константина Павловича, восхищеннаго видомъ польскихъ войскъ, сдѣлалъ имъ смотръ. По окончаніи смотра, Цесаревичъ передалъ имъ по приказанію Императора, что его величество отдаетъ справедливость храбрости, постоянству и твердости, съ которыми они служили прежнему французскому правительству. На послѣдовавшемъ затѣмъ завтракѣ у генерала Красинскаго, Цесаревичъ провозгласилъ тостъ: „à la santé de la brave nation polonaise“.

Императоръ Александръ съ 1794 года питалъ особенное уваженіе къ Костюшкѣ; оно еще усилилось послѣ упорнаго отклоненія польскимъ героемъ предложеній, сдѣланныхъ ему Наполеономъ. Послѣ занятія Парижа Костюшко вступилъ въ переписку съ Александромъ. Въ отвѣтномъ письмѣ Государя отъ 3-го (15-го) мая 1814 года, откровенно высказанъ взглядъ, которымъ онъ намѣренъ былъ руководствоваться въ польскомъ вопросѣ: „Съ особымъ удовольствіемъ, генералъ, отвѣчаю на ваше письмо“, писалъ Александръ. „Самыя дорогія желанія мои исполнятся. Съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите. Я далъ въ этомъ торжественную клятву и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Однѣ лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, онѣ устранены страшною, но въ то же время и славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществитъ всѣ ихъ желанія. Какъ отрадно будетъ мнѣ, генералъ, имѣть васъ помощникомъ при этихъ благотворныхъ трудахъ! Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою“.

Независимо отъ переписки, Императоръ Александръ лично бесѣдовалъ съ Костюшкой. Свиданіе состоялось на балу, который княгиня Яблоновская устроила по совѣту князя Чарторижскаго. Въ разговорѣ Государь спросилъ Костюшко, не желаетъ-ли онъ возвратиться въ Польшу; онъ отвѣтилъ, что горячо желаетъ умереть на родинѣ, но вернется въ Польшу только тогда, когда она будетъ свободна. При этихъ словахъ Императоръ обратился къ окружавшимъ ихъ польскимъ офицерамъ съ словами: „Messieurs, il faut arranger les affaires de sorte que ce galant homme puisse revenir dans sa patrie“.

Всѣ эти событія и разговоры сообщались въ Варшавское герцогство; князь Чарторижскій присовокупилъ отъ себя благоразумный совѣтъ не слишкомъ возгордиться всѣмъ случившимся, но скромно и спокойно ожидать дальнѣйшихъ событій, не возбуждая зависти преждевременнымъ торжествомъ. Совѣтъ, данный княземъ Адамомъ, былъ буквально исполненъ; Польша

съ покорностью и съ патріотическою сдержанностью выжидала рѣшеніе своей участи на предстоявшемъ въ скоромъ времени конгрессѣ, всецѣло уповая на доброжелательныя къ ней чувства Императора Александра.

18-го (30-го мая), послѣ продолжительныхъ переговоровъ и споровъ, послѣдовало заключеніе перваго парижскаго мира. Франція лишилась населенія въ 15.360.000 и вошла въ границы 1792 года, съ ничтожными приращеніями, заключавшими въ себѣ 450.000 жителей. Произведенія изящныхъ искусствъ, завоеванныя Наполеономъ въ разныхъ государствахъ и украшавшія французскіе музеи, остались въ Парижѣ, гдѣ, по мнѣнію Императора Александра, онѣ окажутся болѣе доступными для всей Европы; его заступничеству Франція была обязана, что о нихъ умолчали въ трактатѣ. Англія сохранила Мальту, но обязалась возвратить Франціи отнятыя у нея колоніи, за немногими исключеніями. По секретной статьѣ Франція обязалась признать распоряженія союзниковъ на счетъ уступленныхъ ею владѣній. Положено въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ собрать конгрессъ въ Вѣнѣ. Король прусскій домогался отъ Франціи уплаты 132 милліоновъ франковъ въ возвратъ за содержаніе наполеоновскихъ войскъ въ 1812 году; но Людовикъ XVIII воспротивился принять подобное условіе и объявилъ, что скорѣе употребитъ 300 милліоновъ франковъ на войну съ пруссаками, нежели уплатитъ имъ требуемую сумму. Императоръ Александръ вмѣшался въ споръ и явился защитникомъ Франціи противъ требованій, заявленныхъ его союзникомъ. Государю удалось убѣдить Фридриха - Вильгельма отказаться отъ своихъ денежныхъ притязаній. Окончательно пришли къ такому заключенію: французское правительство обязалось лишь выплатить всѣ суммы, должныя союзнымъ державамъ, либо ихъ подданнымъ, на основаніи законныхъ документовъ, что по общей ликвидаціи составило 25 милліоновъ франковъ.

По случаю заключенія мира, состоявшагося въ праздникъ сошествія Св. Духа (18-го мая), Императоръ Александръ отдалъ по арміи приказъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „Совершена война, для свободы народовъ и царствъ подъятая... Побѣда, сопровождавшая знамена ваши, водрузила ихъ въ стѣнахъ Парижа. При самыхъ вратахъ его ударилъ громъ вашъ. Побѣжденный непріятель простеръ руку къ примиренію! Нѣтъ мщенія! Нѣтъ вражды! Вы даровали ему миръ, залогъ мира во вселенной! Храбрые воины, вамъ, первымъ виновникамъ успѣховъ, принадлежитъ слава мира!.. Вы снискали право на благодарность отечества, именемъ отечества ее объявляю“.

Наканунѣ заключенія мира, 17-го (29-го) мая скончалась въ Мальмезонѣ отъ горловой жабы императрица Жозефина. Смерть ея совпала съ миромъ, въ концѣ разрушившимъ зданіе, воздвигнутое Наполеономъ, и достигнутое имъ политическое преобладаніе Франціи. Погребальныя почести первой супругѣ Наполеона были отданы русскою гвардіею.

Требованія союзниковъ относительно скорѣйшаго обнародованія французской конституціи, встрѣтили не менѣе затрудненій, чѣмъ соглашеніе при заключеніи мирнаго договора. Императоръ Александръ желалъ, чтобы это дѣло было окончено до отъѣзда его изъ Парижа, съ цѣлью обезпечить въ будущемъ ввѣрившуюся ему Францію отъ отжившихъ притязаній эмигрантовъ. Для ускоренія дѣла, рѣшеніе котораго оттягивалось подъ разными предлогами, пришлось, наконецъ, заговорить, по замѣчанію Беньо, „наполеоновскимъ языкомъ“ и объявить французскому правительству, что союзныя войска выступятъ изъ Парижа не прежде, какъ по исполненіи обязательствъ, принятыхъ на себя королемъ въ декларации 21-го апрѣля (3-го мая). Тогда Людовикъ XVIII назначилъ 23-го мая (4-го іюня) торжественное засѣданіе сената и законодательнаго собранія для провозглашенія дарованной имъ конституціи, извѣстной подъ названіемъ хартіи (charte). Наканунѣ этого дня Императоръ Александръ разстался съ Парижемъ и отправился въ Англію; въ тотъ же день императоръ Францъ выѣхалъ въ Вѣну. Городскіе караулы были сданы національной гвардіи и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Сакенъ сложилъ съ себя званіе военнаго губернатора Парижа. Король прусскій выѣхалъ 23-го мая (4-го іюня), чтобы сопровождать Государя при поѣздкѣ его въ Лондонъ. Генералъ-адъютантъ Поццо-ди-Борго былъ назначенъ посломъ при французскомъ дворѣ.

*

Со времени выѣзда Императора Александра изъ Петербурга, 7-го (19-го) декабря 1812 года, онъ не разставался съ графомъ Аракчеевымъ; незыблемая дружеская связь его съ Государемъ, среди чрезвычайныхъ обстоятельствъ потрясающей борьбы съ Наполеономъ, еще болѣе упрочилась. Послѣ разрѣшенія французскихъ дѣлъ, для Александра настала минута временной разлуки съ вѣрнымъ другомъ. 13-го (25-го) мая графъ Аракчеевъ уволенъ въ отпускъ, какъ сказано въ рескриптѣ: „на все то время, какое нужно вамъ для поправленія здоровья". Затѣмъ, 22-го мая (3-го іюня), въ самый день отъѣзда Императора Александра изъ Парижа, онъ наградилъ еще графа Аракчеева глубоко прочувствованнымъ собственноручнымъ письмомъ. Содержаніе этого письма служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ исключительныхъ и несокрушимыхъ дружескихъ чувствъ, которымъ преисполненъ былъ къ нему его державный покровитель; вмѣстѣ съ тѣмъ оно свидѣтельствуетъ, что почва для будущаго преобладающаго, государственнаго значенія графа Аракчеева была уже вполнѣ подготовлена, оставаясь пока тайною для лицъ, непосвященныхъ въ значеніе для будущихъ судебъ Россіи этой роковой дружбы. „Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою", писалъ Александръ. „Прими еще разъ всю мою благодарность за толь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе на вѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности, я себя вижу послѣ 14-ти-лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. На вѣкъ тебѣ вѣрный другъ". Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ Императору Александру: „Чувствую всю цѣну милостиваго вашего письма; оно будетъ для меня на всю жизнь утѣшеніемъ. Позвольте, всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ сказать съ прямою откровенностію, что любовь и преданность моя къ вашему величеству превышали въ чувствахъ моихъ все на свѣтѣ, и что желанія мои не имѣли другой цѣли, какъ только заслужить одну вашу довѣренность, не для того, чтобъ употреблять ее къ пріобрѣтенію себѣ наградъ и доходовъ, а для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія вашего о несчастіяхъ, тягостяхъ и обидахъ въ любезномъ отечествѣ. Вотъ была всегда цѣль моя. Но, почувствовавъ слабость здоровья, и замѣтя въ себѣ неспособность, которая не дозволяла меня употребить въ дѣлахъ и быть вамъ, всемилостивѣйшій Государь, полезнымъ, долженъ былъ просить себѣ увольненія. Не смѣю скрыть предъ вами, Государь, и того, чтобы меня не тяготило душевное огорченіе. В. И. В. вездѣ и всегда буду благодарнымъ и вѣрнымъ подданнымъ и слугою".

Къ концу пребыванія Императора Александра въ Парижѣ, отношенія его къ Талейрану окончательно разстроились. При вступленіи союзниковъ въ Парижъ, великій дипломатъ, повидимому, не признавалъ другаго закона, какъ волю Императора Всероссійскаго, но, по прошествіи четырехъ недѣль, онъ нашелъ возможность пріобрѣсти полную независимость въ своихъ дѣйствіяхъ. Послѣ праздника Пасхи, Александръ переѣхалъ изъ дома Талейрана въ Елисейскій дворецъ; такимъ образомъ размолвкѣ ихъ предшествовало установившееся съ 19-го марта внѣшнее сближеніе. Передъ отъѣздомъ Императоръ Александръ отказалъ Талейрану въ прощальной аудіенціи и отозвался о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Этотъ человѣкъ своимъ поведеніемъ жертвуетъ ради честолюбивыхъ видовъ отечествомъ и друзьями". Явное расположеніе къ нему Государя побудило Талейрана написать какъ бы оправдательное письмо, въ которомъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто: „Вы спасли Францію, вступленіе Ваше въ Парижъ означало конецъ деспотизма. Какія бы ни были Ваши тайныя мысли, то, что было Вами сдѣлано, пришлось бы снова повторить, еслибы Вы были снова къ тому призваны, потому что Вы не могли бы отказаться отъ вашей славы". Тѣмъ не менѣе, Александръ покинулъ Францію съ глубокимъ убѣжденіемъ, что нельзя основать прочнаго порядка на развалинахъ революціи.

26-го мая (7-го іюня) „вождь безсмертной коалиціи, стяжавшій славу умиротворителя вселенной", — какъ выражались тогда, высадился въ Дуврѣ, въ сопровож-

деніи короля прусскаго. Населеніе встрѣтило высокихъ гостей съ невыразимымъ восторгомъ. Какъ только Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ вышли на берегъ и сѣли въ приготовленные для нихъ экипажи, народъ отпрягъ лошадей и повезъ на себѣ обоихъ монарховъ въ Дувръ. Встрѣтившей его отъ города депутаціи Александръ сказалъ: „увѣряю васъ, что буду стараться о всегдашнемъ сохраненіи дружбы между Англіей и Россіей". На слѣдующій день путешественники отправились въ Лондонъ, гдѣ ихъ ожидали не менѣе восторженная встрѣча и нескончаемые пріемы и празднества.

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ монарховъ въ Англію, находились: фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли, графъ Платовъ, генералъ-адъютанты: Чернышевъ, Уваровъ и Ожаровскій; графъ Нессельроде, князь Адамъ Чарторижскій, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, лейбъ-медикъ Виллié, Гарденбергъ, Гумбольдтъ, Блюхеръ и Іоркъ. Принимая въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ всѣхъ знатныхъ лицъ, тогда находившихся въ Лондонѣ, Императоръ Александръ, встрѣтивъ лорда Эрскина, вручилъ ему письмо Лагарпа и сказалъ при этомъ случаѣ: „я обѣщалъ передать вамъ лично письмо моего друга и наставника, которому я обязанъ правилами, руководящими мой умъ и мое сердце". 2-го (14-го) іюня въ Оксфордскомъ университетѣ происходило торжественное собраніе, на которомъ Императору Александру поднесли дипломъ на званіе доктора правъ. Александръ, обратясь къ ректору, сказалъ: „какъ мнѣ принять дипломъ! я не держалъ диспута".— „Государь", возразилъ ректоръ, „вы выдержали такой диспутъ противъ утѣснителя народовъ, какого не выдерживалъ ни одинъ докторъ правъ на всемъ свѣтѣ".—На обѣдѣ, данномъ 6-го (18-го) іюня городомъ Лондономъ, Императоръ Александръ сказалъ, между прочимъ, въ отвѣтной рѣчи на привѣтствіе лорда-мера, что, будучи вѣрнымъ союзникомъ Великобританіи во время войны, желаетъ оставаться столько же постояннымъ другомъ ея въ продолженіе мира.

Въ знакъ особеннаго вниманія принцарегента къ Императору Александру, онъ даровалъ лейбъ-медику Виллié сначала достоинство кавалера (Sir), а вскорѣ затѣмъ и титулъ великобританскаго баронета, на что ему была выдана грамота съ гербомъ, оригиналъ котораго сочиненъ и рисованъ самимъ Государемъ.

Не смотря на всю пышность празднествъ, устроенныхъ въ честь Императора Александра, пребываніе въ Англіи не прошло, однако, для него безъ неудовольствій. Графъ Нессельроде пишетъ, что Государь не сочувствовалъ принцу-регенту; кромѣ того, Великая Княгиня Екатерина Павловна, прибывшая ранѣе Императора въ Лондонъ, сблизилась съ оппозиціей болѣе, чѣмъ съ господствовавшею тогда партіей торіевъ; она склоняла своего брата усвоить то же направленіе, что не нравилось регенту и было причиной нѣсколькихъ столкновеній.—Благоволеніе Государя къ вигамъ доходило до того, что бесѣдуя однажды о пользѣ честной и благонамѣренной опозиціи, онъ присовокупилъ, что озаботится вызвать къ жизни „un foyer d'opposition" въ Россіи. Александръ покинулъ Англію недовольный своимъ тамъ пребываніемъ; онъ составилъ себѣ, однако, высокое мнѣніе о благоденствіи и могуществѣ этой страны.

14-го (26-го) іюня Государь отплылъ изъ Дувра въ Кале и оттуда направился въ Остенде, Антверпенъ и далѣе въ Голландію. Здѣсь онъ посѣтилъ всѣ главнѣйшіе города; народъ встрѣчалъ его повсемѣстно какъ своего освободителя и освободителя человѣчества. Изъ Амстердама Императоръ Александръ поѣхалъ въ Брухзалъ, гдѣ находилась въ то время Императрица Елизавета Алексѣевна у матери своей маркграфини. Императрица выѣхала изъ Россіи за границу въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1813 года.

Графъ Аракчеевъ находился въ это время на водахъ въ Ахенѣ. Государь воспользовался этимъ случаемъ чтобы имѣть съ нимъ свиданіе въ Кёльнѣ и послалъ ему по этому поводу слѣдующую собственноручную записку изъ Ротердама отъ 19-го іюня (1-го іюля): „Сдѣлай одолженіе Алексѣй Андреевичъ! если тебѣ не въ тягость, пріѣзжай въ Кельнъ (сегодня) 22-го поутру, я тамъ буду часу въ 12-мъ и отобѣдаю. Оно не такъ далеко для тебя, а мнѣ будетъ отмѣнно пріятно съ тобою видѣться. Пребываю навсегда тебѣ искренно привязаннымъ".

Въ Брухзалѣ Императоръ Александръ получилъ поднесенное ему Св. Синодомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ чрезъ депутатовъ (князя Александра Бо-

рисовича Куракина, генерала Тормасова и графа А. Н. Салтыкова) прошеніе о принятіи Государемъ наименованія *Благословеннаго*, „тѣмъ болѣе приличнаго скромности и благочестивому смиренію Государя Императора, что великіе подвиги его очевидно ознаменованы покровительствомъ Всевышняго Промысла". Вмѣстѣ съ тѣмъ, испрашивалось высочайшее соизволеніе—выбить медаль и воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ, съ надписью: „Александру Благословенному, Императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи". Государь, призвавъ къ себѣ 29-го іюня (11-го іюля) А. С. Шишкова (оправившагося отъ нездоровья, которое препятствовало ему участвовать въ походѣ во Франціи въ 1814 году), приказалъ ему въ отвѣтъ на поднесенное государственными сословіями прошеніе написать указъ, въ которомъ бы изъявлено было, что его величество, благодаря за ихъ къ нему любовь и усердіе, отъ воздвигнутія памятника и принятія наименованія Благословеннаго „отрицается и не соизволяетъ". Выслушавъ приказаніе, Шишковъ призадумался и сказалъ: „Государь! мнѣ кажется, вы по скромности мыслей вашихъ и чувствъ, можете отрещися отъ воздвигнутія вамъ памятника; но отказаться отъ наименованія *Благословеннымъ* требуетъ нѣкотораго особаго размышленія, потому что словомъ симъ не иное что испрашивается, какъ называть васъ *благимъ*, добрымъ Государемъ: какъ же можно не желать сего и еще воспрещать, чтобъ народъ вашъ не называлъ васъ симъ именемъ? по истинѣ я въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить это. Позвольте мнѣ хорошенько объ этомъ подумать и написать такъ, чтобъ не видно было ни явнаго въ томъ утвержденія, ни совершеннаго отрицанія вашего".—„Хорошо", сказалъ Государь, „напиши какъ лучше придумаешь; это не требуетъ поспѣшности". На другой день, 30-го іюня, Шишковъ принесъ указъ, написанный въ этомъ смыслѣ, и Государь безъ всякой перемѣны его подписалъ. Указъ оканчивался словами: „да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе".

Изъ Брухзала Императоръ Александръ отправился на короткое время въ Петербургъ, до открытія конгресса въ Вѣнѣ. Императрица Елисавета Алексѣевна осталась заграницею и должна была осенью также переѣхать въ австрійскую столицу. 12-го (24-го) іюля, въ одиннадцатомъ часу вечера, Александръ прибылъ въ Павловскъ, послѣ полуторагодоваго отсутствія изъ Россіи; здѣсь его встрѣтила Императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ Петербургѣ производились, между тѣмъ, большія приготовленія для торжественной встрѣчи Государя. Но уже 7-го (19-го) іюля петербургскій главнокомандующій генералъ Вязмитиновъ получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ: „Сергѣй Козмичъ! Дошло до моего свѣдѣнія, что дѣлаются разныя пріуготовленія къ моей встрѣчѣ. Ненавидя оныя всегда, почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевышній причиною знаменитыхъ происшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Передъ Нимъ всѣ должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для меня не дѣлать. Пошлите повелѣнія губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія". Вслѣдствіе полученнаго имъ рескрипта, генералъ Вязмитиновъ приказалъ разобрать всѣ тріумфальныя арки и всѣ сооруженія для иллюминаціи.

13-го (25-го) іюля Императоръ Александръ пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, утромъ въ 7 часовъ, и прежде всего остановился у Казанскаго собора; вслѣдъ затѣмъ, Государь отправился въ Каменноостровскій дворецъ. На слѣдующій день назначено было торжественное молебствіе въ Казанскомъ соборѣ. Императоръ Александръ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ ѣхали верхами передъ парадною каретою, въ которой сидѣла Императрица Марія Ѳеодоровна и Великая Княжна Анна Павловна. Этою церемоніею окончилось все торжество возвращенія Государя-Побѣдителя въ свою столицу.

По заключеніи парижскаго мира, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія возврати-

лась въ Петербургъ моремъ; она сѣла на суда въ Шербургѣ. 18-го (30-го) іюля войска эти благополучно высадились у Ораніенбаума. 27-го іюля (8-го августа) въ Павловскѣ состоялось празднество, устроенное Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ честь побѣдителей. 30-го іюля (11-го августа) гвардейская дивизія, лично предводимая Императоромъ Александромъ, вступила въ Петербургъ, слѣдуя черезъ тріумфальныя ворота, построенныя въ память отличной службы войскъ лейбъ-гвардіи, начавшейся на берегахъ Нѣмана и окончившейся въ Парижѣ.

Графъ Аракчеевъ былъ на время уволенъ для отдыха въ Грузино. Но уже 6-го (18-го) августа Императоръ писалъ изъ Таврическаго дворца: „Я надѣюсь, что ты будешь доволенъ мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставлялъ наслаждаться любезнымъ твоимъ Грузинымъ. Пора, кажется, намъ за дѣло приняться, и я жду тебя съ нетерпѣніемъ. Пребываю на вѣкъ тебѣ искреннимъ и преданнымъ другомъ".

Дѣйствительно, Императоръ Александръ уже принялся за работу. 1-го (13-го) августа послѣдовалъ указъ Сенату, въ которомъ значилось: „Снисходя на прошеніе государственнаго канцлера графа Румянцова, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ дѣлъ, на него возложенныхъ, съ сохраненіемъ всѣхъ полученныхъ имъ нынѣ окладовъ". Отставка графа Румянцова, этого выдающагося представителя ненавистной всѣмъ тильзитской политики, была встрѣчена сочувственно въ Россіи, равно какъ и заграницею. Вѣнскій дворъ считалъ его послѣднимъ представителемъ системы: „безпокойной, своекорыстной, буйной, жаждавшей завоеваній и господства, которая такъ долго и основательно навлекала на Россійскій Дворъ недовѣріе и ненависть всѣхъ его сосѣдей". Вслѣдъ затѣ ъ, указомъ Сенату отъ 10-го (22-го) августа: „Статсъ-секретарю тайному совѣтнику графу Нессельроде повелѣно продолжать докладывать Его Величеству по всѣмъ дѣламъ иностраннаго департамента какъ то исполнялось во все теченіе послѣдней съ французами войны". Тайному совѣтнику Вейдемейеру повелѣно впредь до указа управлять коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Оправдались слова Наполеона, сказавшаго, однажды, указывая на Нессельроде за обѣдомъ въ Тюильери: „Voilà un petit homme qui sera un grand homme". Назначеніе графа Нессельроде вызвало удовольствіе и одобреніе среди австрійскихъ дипломатическихъ сферъ. Гентцъ писалъ по этому поводу, „что Императоръ, ввѣряя Нессельроде портфель, хотѣлъ доказать снова, что онъ намѣренъ продолжать быть своимъ первымъ министромъ". „Тѣмъ не менѣе, съ личнымъ характеромъ Императора", продолжаетъ австрійскій дипломатъ, „такимъ въ особенности, какимъ онъ сталъ въ теченіе великихъ событій двухъ минувшихъ лѣтъ, весьма важно, чтобы министръ, завѣдующій внѣшними сношеніями, былъ человѣкомъ благоразумнымъ, умѣреннымъ, безъ всякой наклонности къ честолюбію и къ интригѣ, чуждымъ романтическихъ проектовъ (projets romanesques) и, главное, другомъ мира. Насколько вліяніе графа Нессельроде способно распространиться, оно всегда будетъ направлено въ благую сторону и безопасно для сосѣдей Россіи. Въ этомъ отношеніи, правда, болѣе отрицательномъ, чѣмъ положительномъ, назначеніе его драгоцѣнно для всѣхъ, кому дорого сохраненіе всеобщаго спокойствія. Онъ не будетъ настолько спленъ, чтобы постоянно предупреждать мѣры, могущія нарушать это спокойствіе, но, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не станетъ благопріятствовать имъ".

5-го (17-го) и 7-го (19-го) августа Императоръ Александръ принималъ депутатовъ разныхъ губерній, допущенныхъ для принесенія поздравленій съ окончаніемъ войны. Особенное политическое значеніе имѣлъ пріемъ депутатовъ губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Могилевской, Витебской, Минской, Виленской, Гродненской, Курляндской, а также Бѣлостокскаго округа. Императоръ вышелъ въ собраніе съ такимъ суровымъ выраженіемъ лица, какого никто не видывалъ, пишетъ свидѣтель, графъ Огинскій; онъ имѣлъ видъ Государя, который опредѣлилъ судьбу Европы. Послѣ общаго привѣтствія, Александръ произнесъ сильнымъ, звучнымъ и суровымъ голосомъ: „Господа! Съ удовольствіемъ вижу собравшихся вокругъ меня депутатовъ губерній, отъ которыхъ отдалилъ меня на нѣкоторое время походъ 1812 года. Я очень доволенъ большею частью вашихъ соотечественниковъ, оставшихся мнѣ вѣрными и преданными, хотя, къ сожалѣнію, и знаю,

что нѣкоторые увлеклись иноземными обольщеніями и ложными надеждами. Но я отомстилъ имъ актомъ амнистіи, по которому они могутъ судить о моемъ образѣ мыслей. Скажите вашимъ довѣрителямъ, что все забыто и прощено и чтобы они не сомнѣвались ни въ моемъ искреннемъ участіи въ ихъ судьбѣ, ни въ моемъ желаніи видѣть ихъ счастливыми и довольными". Затѣмъ, Государь обошелъ всѣхъ депутатовъ; приблизившись же къ графу Огинскому, Александръ сказалъ: „Весьма радъ видѣть васъ еще разъ органомъ вашихъ литовскихъ земляковъ; искренно сожалѣю, что не могъ на этотъ разъ возвратиться черезъ Вильну; этотъ городъ оставилъ во мнѣ много хорошихъ воспоминаній. Скажите жителямъ Вильны, что я никогда не забуду усердія и преданности, выказанныхъ мнѣ ими во время пребыванія среди ихъ предъ началомъ похода 1812 года, и всегда охотно буду принимать участіе въ ихъ судьбѣ". Въ заключеніе Императоръ сказалъ: „Господа, еще немного терпѣнія и вы будете довольны мною".

По всему видно было, что въ это время польскій вопросъ и связанный съ нимъ вопросъ объ участи западныхъ губерній выдвинулся на первый планъ. Графъ Нессельроде пишетъ по этому поводу въ своихъ запискахъ, что намѣреніе Императора Александра возстановить польское королевство, которое онъ настойчиво преслѣдовалъ въ продолженіе всей войны, начинало проникать въ высшія петербургскія сферы; оно вызвало нѣкоторое охлажденіе того радостнаго впечатлѣнія, которое возбудило въ обществѣ вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ. Тщетно нѣкоторыя лица старались представить Государю доводы противъ осуществленія намѣренія, столь антипатичнаго Россіи, по выраженію графа Нессельроде. Къ числу ихъ принадлежалъ предсѣдатель временнаго управленія въ герцогствѣ Варшавскомъ, дѣйств. тайный сов. В. С. Ланской, который 4-го (16-го) мая 1814 года написалъ Императору Александру: „Прости русскому, открывающему предъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ, и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой. Болѣе не смѣю говорить о семъ, и какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный вашему императорскому величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно". Но Александръ не измѣнилъ своего намѣренія воскресить Польшу и собирался отстоять въ Вѣнѣ осуществленіе своей излюбленной мысли.

Первая годовщина Кульмскаго сраженія, 18-го (30-го) августа 1814 года послужила поводомъ къ учрежденію комитета, обязанности котораго, какъ сказано было въ высочайшемъ приказѣ по арміямъ: „принимать просьбы, пещись о доставленіи возможнаго вспомоществованія неимущимъ изувѣченнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и представлять объ нихъ доклады свои чрезъ состоящаго при мнѣ генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева". Первыми членами „Комитета, учрежденнаго въ 18-й день августа 1814 года", были назначены генералъ-адъютанты: Уваровъ, графъ Строгоновъ, Голенищевъ-Кутузовъ, и генералъ-маіоры: Закревскій и Сипягинъ.

Императоръ Александръ, желая выразить признательность всѣмъ сословіямъ русскаго народа за ихъ участіе въ Отечественной войнѣ, приказалъ А. С. Шишкову составить въ этомъ смыслѣ манифестъ, который назначенъ былъ къ обнародованію 30-го августа. Въ этомъ манифестѣ возвѣщалось о ежегодномъ торжественномъ чествованіи дня избавленія Россіи отъ непріятельскаго нашествія, о дарованіи духовенству особаго наперснаго креста, дворянству и воинству особыхъ медалей, купечеству: „благоволенія и благодарности", а мѣщанству и крестьянству объявлялось, что съ нихъ не будетъ производимо въ продолженіе нѣкотораго времени рекрутскихъ наборовъ и что, впрочемъ, они „получатъ мзду свою отъ Бога". Чтеніе проекта манифеста не обошлось безъ споровъ. Шишковъ поставилъ въ манифестѣ дворянство выше воинства. На вопросъ Государя, почему онъ это сдѣлалъ, Шишковъ отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, снабжаю-

щее войско изъ среды себя полководцами, военачальниками, ратниками и, словомъ, всѣми потребными силами; а потому „яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать предъ частью самого себя". „Вотъ", сказалъ государственному секретарю съ насмѣшкою Государь, пишетъ Шишковъ, „стану я равнять такого то съ такимъ-то!" (Онъ назвалъ здѣсь два лица по именамъ). На это Шишковъ отвѣчалъ: „Государь! сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другого". Шишковъ хотѣлъ продолжать еще далѣе свои доводы; но Государь, не слушая докладчика, повелительнымъ тономъ приказалъ статью о воинствѣ поставить выше статьи о дворянствѣ. Шишковъ, „въ первый разъ видя его гнѣвнаго, принужденъ былъ замолчать". О помѣщичьихъ крестьянахъ Шишковъ написалъ: „Мы увѣрены, что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ними *на обоюдной пользѣ основанная*, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей любви къ отечеству ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою; а съ другой—они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства". Здѣсь, разсказываетъ Шишковъ, Государь оттолкнулъ отъ себя бумагу и, весь вспыхнувъ, сказалъ: „я не могу подписывать того, что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ". При этомъ, указавъ на слова; „*на обоюдной пользѣ основанная*", онъ былъ такъ взволнованъ и такимъ рѣшительнымъ движеніемъ пера вычеркнулъ это выраженіе, что Шишковъ при всемъ своемъ упрямствѣ и при всей своей смѣлости, не рѣшился разжать губъ. По поводу этого доклада Шишковъ выражаетъ въ своихъ запискахъ сожалѣніе относительно *несчастнаго предубѣжденія Императора Александра противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка*; по его мнѣнію, это предубѣжденіе „внушено въ него было находившимся при немъ французомъ (?) Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, языка, отъ нравовъ и словомъ отъ всего русскаго". Такимъ образомъ, по понятіямъ Шишкова, оказывается, что отвращеніе отъ крѣпостного права было преступленіемъ противъ русской національности.

Графъ Аракчеевъ присутствовалъ при чтеніи манифеста государственнымъ секретаремъ, но не принималъ участія въ возникшихъ спорахъ, сохраняя во время доклада глубокое молчаніе. По выходѣ отъ Императора, Шишковъ сказалъ ему: „я думаю, ваше сіятельство находите меня правымъ, и если бы Государю угодно было выслушать меня безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною". Аракчеевъ и здѣсь продолжалъ упорно молчать, и они разошлись безъ всякихъ объясненій по этому вопросу. Трудно сказать, что думалъ Аракчеевъ, присутствуя при докладѣ Шишкова; между тѣмъ Аракчееву уже вскорѣ предстояло осуществить мысль Государя о крѣпостномъ правѣ другого рода,—мысль, которою плѣнился Александръ, не замѣчая связи ея съ тѣмъ правомъ, которое такъ ненавидѣлъ. Эту мысль Александръ лично внесъ въ тотъ же манифестъ 30-го августа, пока еще въ неясныхъ выраженіяхъ, а именно въ статьѣ о воинствѣ прибавилъ: „надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже *дать осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства*".

Въ заключеніе манифеста 30-го августа, народу даровались разныя льготы и милости, заключавшіяся въ 19-ти статьяхъ. Въ послѣдней даровалось *всеобщее прощеніе* всѣмъ лицамъ, которыя въ продолженіе войны „пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистной сторонѣ злонамѣреннаго врага".

30-го августа 1814 года Императоръ Александръ наградилъ многихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Фельдмаршалъ графъ Н. П. Салтыковъ возведенъ въ княжеское достоинство съ присвоеніемъ титула свѣтлости. Въ указѣ, данномъ по этому случаю Сенату, сказано: „предъ на-

ступленіемъ минувшей войны, учредивъ на время отсутствія нашего изъ столицъ порядокъ теченія государственныхъ дѣлъ, ввѣрили мы оный попеченію нашего генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова. Извѣстныя достоинства его, опытность, долговременною, усердною службою пріобрѣтенная, и любовь къ отечеству побудили насъ на выборъ сей и онъ, не взирая на преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе, оправдалъ въ полной мѣрѣ довѣренность нашу". Кромѣ того, въ тотъ же день послѣдовалъ еще слѣдующій Высочайшій указъ: „Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія нашего къ долговременной службѣ генералъ-фельдмаршала князя Салтыкова и знаменитымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, назначаемъ ему въ отличіе офицерскій караулъ".

Графу Аракчееву пожалованъ портретъ при слѣдующемъ милостивомъ рескриптѣ: „Доказанная многократными опытами впродолженіе всего времени царствованія нашего совершенная преданность и усердіе ваше къ намъ, трудолюбивое и попечительное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на васъ государственныхъ должностей, особливо же многополезныя содѣйствія ваши во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ въ нынѣшнюю, знаменитую войну происходившихъ, запечатлѣвая заслуги ваши намъ и отечеству, обращаютъ на нихъ въ полной мѣрѣ вниманіе и признательность нашу, во изъявленіе и засвидѣтельствованіе которыхъ препровождаемъ мы къ вамъ для возложенія на себя портретъ нашъ". Предваренный объ этомъ новомъ свидѣтельствѣ монаршей милости, Аракчеевъ упросилъ Государя пожаловать ему портретъ безъ брилліантовыхъ украшеній.

Князь Лопухинъ возведенъ въ 1-й классъ. Неразлучному спутнику Государя во всѣхъ его путешествіяхъ и походахъ графу Н. А. Толстому, пожалованъ алмазный перстень съ портретомъ и 50.000 рублей. Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ, С. К. Вязмитиновъ награжденъ орденомъ св. Андрея. 30-го же августа послѣдовало увольненіе, по разстроенному здоровью, министра юстиціи И. И. Дмитріева, съ пенсіономъ въ 10.000 рублей, и назначеніе на его мѣсто Д. П. Трощинскаго.

Назначенія А. С. Шишкова государственнымъ секретаремъ и графа Ростопчина московскимъ главнокомандующимъ послѣдовали въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ 1812 года, вопреки личному расположенію Государя; неудивительно, что послѣ заключенія мира они сошли одновременно съ дѣятельнаго поприща государственной службы. А. С. Шишкову повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта „въ воздаяніе долговременной службы и трудовъ, понесенныхъ въ минувшую войну". Графа Ростопчина ожидала подобная же участь. Онъ находился въ числѣ лицъ, прибывшихъ въ Петербургъ, по случаю возвращенія Государя изъ похода. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ былъ встрѣченъ холодно, что можно было предвидѣть послѣ убійства Верещагина, совершеннаго въ день вступленія французовъ въ Москву; это возмутительное происшествіе омрачило собою неоспоримыя заслуги, оказанныя Ростопчинымъ въ 1812 году. Александръ тогда же высказалъ ему по этому дѣлу свое неудовольствіе. „Я былъ бы вполнѣ доволенъ всѣмъ вашимъ образомъ дѣйствій", писалъ Государь графу Ростопчину 6-го (18-го) ноября 1812 года, „если бы не дѣло Верещагина, или, лучше сказать, не окончаніе этого дѣла. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ее отнюдь не слѣдовало производить подобнымъ образомъ. Повѣсить или разстрѣлять было бы лучше". 30-го августа 1814 года графъ Ростопчинъ уволенъ отъ должности по прошенію, за растроеннымъ здоровьемъ, и назначенъ, „въ воздаяніе усердной службы", членомъ Государственнаго Совѣта. Мѣсто главнокомандующаго въ Москвѣ получилъ генералъ Тормасовъ. Графъ Ростопчинъ вскорѣ послѣ увольненія поѣхалъ за границу и оттуда писалъ: „въ нѣмецкой землѣ мнѣ дѣлаютъ почести и признаютъ главнымъ орудіемъ гибели Наполеона. По крайней мѣрѣ, когда своимъ не угодилъ, то чужіе спасибо скажутъ".

Послѣ манифеста 30-го аагуста, провозгласившаго всепрощеніе за политическіе проступки, совершенные во время нашествія враговъ на Россію, вспомнили также о Сперанскомъ. Со времени удаленія его въ Нижній-Новгородъ, враги бывшаго государственнаго секретаря не дремали. За всѣми разговорами и дѣйствіями его былъ установленъ дѣятельный надзоръ. Не смотря на постигшія Сперанскаго невзго-

ды, онъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, подобно тому какъ и въ Петербургѣ, въ дни своего могущества, продолжалъ уклоняться отъ предѣловъ требуемой средою, въ коей жилъ, осторожности и тѣмъ доставилъ своимъ не доброжелателямъ желанный случай сообщать о немъ неблагопріятныя свѣдѣнія. Графъ Ростопчинъ, пользуясь тревожными обстоятельствами этого времени, также постарался окончательно уронить его въ глазахъ Императора Александра. 23-го іюля (4-го августа) 1812 года, Ростопчинъ писалъ изъ Москвы: „Не скрою отъ васъ, Государь, что Сперанскій очень опасенъ тамъ, гдѣ онъ теперь. Онъ тѣсно сблизился съ епископомъ Моисеемъ, который извѣстенъ, какъ великій почитатель Бонапарта и великій хулитель вашихъ дѣйствій. Кромѣ того, Сперанскій, прикидываясь человѣкомъ очень благочестивымъ, при содѣйствіи популярности и лицемѣрія, снискалъ себѣ дружбу жителей Нижняго. Онъ съумѣлъ ихъ увѣрить, будто онъ жертва своей любви къ народу, которому яко бы хотѣлъ онъ доставить свободу, и что вы имъ пожертвовали министрамъ и дворянамъ. Въ настоящее время, когда врагъ нашъ станетъ принимать всякія мѣры къ нарушенію общественнаго спокойствія и къ парализированію вашихъ гигантскихъ средствъ, нельзя быть достаточно бдительнымъ“. Черезъ мѣсяцъ, 23-го августа (4-го сентября) графъ Ростопчинъ, продолжая свои яростные нападки на Сперанскаго, снова писалъ Государю: „Я послалъ къ графу Толстому увѣдомленіе относительно этого негоднаго Сперанскаго; онъ заставляетъ дѣйствовать Столыпина и Злобина въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ; имѣется въ виду ослабить усердіе страхомъ. Но надобно поскорѣе противодѣйствовать этому и воспрепятствовать кознямъ, которыя ведутся противъ васъ“. Графъ Ростопчинъ не довольствовался этими вылазками и готовилъ Сперанскому еще нѣчто худшее. Онъ потребовалъ отъ нижегородскаго губернатора Руновскаго присылки въ Москву тайнаго совѣтника Сперанскаго; губернаторъ отвѣчалъ, что Сперанскій присланъ въ Нижній-Новгородъ по высочайшей волѣ и порученъ его надзору, а потому онъ не можетъ исполнить приказаніе графа безъ особаго на то высочайшаго повелѣнія. Позволительно думать, что еслибы графъ Ростопчинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Сперанскаго 2-го (14-го) сентября 1812 года, то онъ по всей вѣроятности пріобщилъ бы его къ „*масакру*“ Верещагина, какъ выразился московскій почтъ-директоръ Д. П. Руничъ въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву. Слѣдующій доносъ окончательно рѣшилъ участь Сперанскаго и вызвалъ новое отягощеніе его печальной изгнанической жизни. Нижегородскій вице-губернаторъ Крюковъ довелъ до свѣдѣнія генералъ-адъютанта Балашова, что, 6-го (18-го) августа 1812 года, въ день Преображенія Господня, Сперанскій у епископа Моисея, вступивъ съ преосвященнымъ передъ обѣденнымъ столомъ въ разговоръ, говорилъ о Наполеонѣ и объ успѣхахъ его предпріятій, причемъ замѣтилъ, что въ прошедшія кампаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще, для сбереженія, приставлялъ караулъ.

Графъ П. А. Толстой, бывшій парижскій посолъ, начальствовалъ въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ Ш-мъ округомъ военнаго ополченія и имѣлъ особыя полномочія по гражданской части. Къ нему 15-го сентября, въ день коронаціи Императора Александра, пріѣхалъ фельдъегерь съ собственноручнымъ письмомъ Государя, въ которомъ сказано было, „при семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе“. Не обративъ вниманія на слова Государя, „если онъ (т.-е. рапортъ) справедливъ“, графъ Толстой немедленно распорядился высылкою Сперанскаго въ тотъ же день въ Пермь, безъ всякихъ разспросовъ и изслѣдованій. Здѣсь Сперанскій провелъ почти два года. Въ Перми онъ написалъ свою знаменитую оправдательную записку къ Императору Александру, въ которой оправдывалъ совершенныя имъ, по указаніямъ Государя, реформы и опровергалъ навѣты враговъ: „что другое“, писалъ Сперанскій, „вы отъ меня слышали, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея пред-

назначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго". Въ заключеніе, Сперанскій просилъ единой милости въ награду всѣхъ испытанныхъ имъ горестей, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, ко благу государства подъятыхъ, дозволить ему съ семействомъ въ маленькой деревнѣ Великопольѣ (Новгородской губерніи), „провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной". Письмо къ Государю съ приложеніемъ этой записки было увезено изъ Перми дочерью Сперанскаго и дошло до Монарха, но отвѣта не послѣдовало. Между тѣмъ, Императоръ Александръ вступилъ въ Парижъ и съ окончательной побѣдой явился, наконецъ, и миръ. Сперанскій выбралъ это время, чтобы напомнить о себѣ: „пріемлю смѣлость", написалъ онъ Государю 9-го (21-го) іюля, „повергнуть къ стопамъ в. и. в. всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ вожделѣннымъ событіемъ всеобщаго мира. Провидѣніе, ввѣривъ вамъ, всемилостивѣйшій Государь, совершеніе сего священнаго дѣла, показало, сколь благопріятна ему твердость духа и сіе святое самоотверженіе, непреклонное среди бѣдствій, кроткое среди успѣховъ, которое возвышаетъ всѣ другія достоинства и одно можетъ привлечь и утвердить на себѣ всѣ небесныя благословенія. Да будетъ миръ сей эпохою лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго но и нравственнаго народовъ образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастья вѣрныхъ вашихъ подданныхъ. Удаленіе мое отъ лица вашего и бѣдствія, меня постигшія, да не умалятъ въ очахъ вашихъ цѣну сихъ желаній. Никакое положеніе не лишитъ меня права быть вамъ приверженнымъ. Среди всеобщей радости не оскорбитесь, всемилостивѣйшій Государь, склонить вниманіе ваше на горестную судьбу мою. Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо для поднесенія вашему величеству при первомъ *вѣрномъ* и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло-ли оно до рукъ вашихъ. Содержаніе его, съ перемѣною обстоятельствъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія сокрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близъ Нова-города, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь вторично испрашиваю, въ твердомъ упованіи на правосудіе и милосердіе ваше".

Повторенная просьба Сперанскаго произвела свое дѣйствіе. 31-го августа 1814 года управлявшій министерствомъ полиціи С. К. Вязмитиновъ увѣдомилъ Сперанскаго, что Государь всемилостивѣйше соизволяетъ на желаніе его жить въ новгородской деревнѣ Великопольѣ, „въ полной будучи удостовѣренности, что скромное въ оной житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ".

1-го (13-го) сентября Императоръ Александръ оставилъ Каменноостровскій дворецъ въ 8 часовъ утра, и, посѣтивъ Казанскій соборъ, отправился въ Царское Село; на слѣдующій день онъ выѣхалъ въ Вѣну на конгресъ. Въ одномъ экипажѣ съ Государемъ слѣдовалъ генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій. Это было первое путешествіе, въ которомъ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ; доселѣ, начиная съ поѣздки въ Мемель въ 1802 году, это мѣсто безсмѣнно занималъ оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который по болѣзни остался въ Петербургѣ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ 6-го (18-го) сентября направился въ Варшаву, гдѣ ему предстояло стать во главѣ польскихъ войскъ. Въ Брестѣ Государя ожидалъ Новосильцевъ, одинъ изъ главныхъ членовъ временнаго управленія Варшавскаго герцогства. За нимъ слѣдовала депутація отъ Варшавскаго герцогства, во главѣ которой находился князь Сулковскій; они представились въ Бялѣ. По поводу пріема депутатовъ Императоромъ Александромъ Новосильцовъ писалъ графу П. А. Строгонову: „Его рѣчь была такъ убѣдительна, такъ разумна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сдержана и ловка, что я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Онъ не обѣщалъ ничего, не принялъ на себя никакого обязательства, а все требовалъ. Не смотря на то, всѣ, и даже такія достойныя личности, какъ Матусевичъ и князь Сулковскій, восторгались имъ послѣ пріема и въ высшей степени удивлялись ясности и вѣрности его мыслей".

Государь при этомъ случаѣ наградилъ орденомъ св. Александра Невскаго

Новосильцова, который, по замѣчанію современника, „до сего времени отказывался отъ всѣхъ знаковъ отличія, которые ему были предлагаемы“.

Въ началѣ войны 1813 года, Александръ писалъ князю Чарторижскому: „Если по исходѣ всѣхъ этихъ событій, я могъ бы на минуту очутиться въ нѣдрахъ вашего семейства, это причинило бы мнѣ безумную радость“. Теперь оказалось возможнымъ исполнить данное обѣщаніе и посѣтить Пулавы. 3-го (15-го) сентября намѣреніе Государя посѣтить семью Чарторижскихъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Пулавахъ; скоро начали съѣзжаться приглашенные въ ожиданіи пріѣзда высокаго гостя, появленіе котораго не лишено было политическаго значенія. Александръ подъѣхалъ къ замку въ колясѣ съ генералъ-адъютантомъ Волконскимъ; у подъѣзда его ожидали князь Адамъ и другіе члены семьи Чарторижскихъ. „Вышедши изъ экипажа,—пишетъ въ своемъ дневникѣ княгиня мать,—Императоръ привѣтствовалъ насъ съ тою вѣжливостью которая такъ мила въ равныхъ намъ и такъ трогательна въ людяхъ, стоящихъ выше насъ. „Я счастливъ, что опять въ Пулавахъ,—сказалъ онъ, цѣлуя мнѣ руку,—чувствую себя дома“. Онъ сердечно поздоровался съ моею дочерью и бросился въ объятія моего сына. Поклонившись всѣмъ гостямъ, онъ сказалъ, что вернется, чтобы познакомиться съ ними, а теперь желаетъ поговорить со мною. Послѣ тысячи любезныхъ словъ, что Пулавы для него „un lieu de préférence et de choix“, онъ коснулся прошедшихъ и будущихъ дѣлъ. Онъ распространялся о томъ, какъ онъ любитъ поляковъ за ихъ храбрость: „они защищаютъ такое благоразумное дѣло, что я горячо желаю осчастливить ихъ, работаю на этомъ пути, но нужно терпѣніе и вѣра въ меня. Въ 1812 году я не могъ противиться могущественному напору непріятеля, но рѣшилъ бороться; морозъ и голодъ помогли мнѣ и Богъ наказалъ Наполеона. Теперь меня больше всего занимаетъ Польша. Ѣду на конгресъ, чтобы работать для нея, но надо двигать дѣло постепенно. *У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—я.* Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Велико-Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около 12-ти милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, и тогда посмотримъ“. Послѣ этого разговора Императоръ вернулся въ гостиную, гдѣ мой сынъ представилъ ему всѣхъ гостей. Князю Константину Государь сказалъ: „мы были въ разныхъ лагеряхъ, но не были врагами. Я всегда васъ любилъ, а теперь еще больше люблю за борьбу вашу за родину“.

Послѣ обѣда Александръ провелъ вечеръ въ апартаментахъ княгини. На слѣдующее утро княгиня провела Императора въ храмъ Сибиллы; онъ съ большимъ вниманіемъ осматривалъ всѣ собранныя драгоцѣнности, посмотрѣлъ книгу съ именами посѣтителей, которыхъ оказалось тысяча со времени его послѣдняго посѣщенія въ 1805 году, и сказалъ: „моя подпись есть въ началѣ книги, пусть же она будетъ и на послѣдней страницѣ“. Возвращаясь ко дворцу, Государь былъ встрѣченъ поджидавшею его толпою народа, преимущественно евреевъ; ихъ хотѣли удалить, но Александръ сказалъ: „laissez les faire, c'est notre métier de monarques d'entendre les plaintes“. Онъ принималъ просьбы и передавалъ ихъ князю Волконскому; впослѣдствіи оказалось, что всѣ просьбы были удовлетворены. Прощаясь въ одиннадцать часовъ вечера, Императоръ просилъ, чтобы никто не безпокоился ночью, когда онъ будетъ уѣзжать. Передъ отъѣздомъ изъ Пулавъ 6-го (18-го) сентября Государь не упустилъ случая обрадовать графа Аракчеева, находившагося въ Грузинѣ, слѣдующими дружескими строками: „Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за твои желанія отъ 5-го числа; ты знаешь, сколь искренно я тебя люблю. Сейчасъ ѣду далѣе“. Во второмъ часу пополуночи Александръ сѣлъ въ экипажъ и былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ все общество у перевоза на Вислѣ, гдѣ его поджидали съ музыкой и факелами. Онъ дружески простился со всѣми и сказалъ: „до свиданія черезъ два мѣсяца въ Варшавѣ“. Эти слова доказываютъ, что Государь разсчитывалъ скорѣе окончить вѣнскіе переговоры, чѣмъ это оказалось въ дѣйствительности возможнымъ.

Князь Адамъ Чарторижскій также по-

ѣхалъ въ Вѣну, но не какъ официальный представитель русской политики; онъ явился среди собраннаго здѣсь европейскаго ареопага въ качествѣ друга Императора Александра и защитника польскихъ интересовъ. Спокойно, безъ увлеченій отбросивъ пагубный девизъ: все или ничего, Чарторижскій намѣренъ былъ добиться только возможнаго; подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ комбинацій, онъ съузилъ свою прежнюю программу 1805 года и имѣлъ въ виду отстоять независимость хотя бы только небольшой части Польши, обезпечивъ за нею гарантію, могущую служить для всѣхъ поляковъ источникомъ законнаго договорнаго права, признаннаго всею Европою.

13-го (25-го) сентября, Императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ Вѣну, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, и поселился въ Гофбургѣ. Они уговорились въѣхать въ городъ вмѣстѣ, чтобы показать австрійскому двору, что между ними существуетъ полное согласіе. Государь былъ веселъ и доволенъ, а въ обращеніи, какъ замѣчаетъ очевидецъ, неподражаемъ. При немъ находились генералъ-адъютанты: князь Волконскій, Уваровъ, Чернышевъ: графъ Ожаровскій, князь Трубецкой, Кутузовъ и Жомини; флигель-адъютанты, Брозинъ, Панкратьевъ и Киселевъ; статсъ-секретарь Марченко. Уполномоченными Россіи на вѣнскомъ конгрессѣ были: графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, графъ, Нессельроде и графъ Стакельбергъ; кромѣ того, Государь пользовался еще содѣйствіемъ генералъ-адъютанта Поццо ди-Борго, барона Анстета и графа Каподистріи. 15-го (27-го) сентября въ Вѣну прибыла Императрица Елисавета Алексѣевна; кромѣ того, здѣсь находились еще сестры Государя, Великія Княгини Марія и Екатерина Павловны. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ также пріѣхалъ въ Вѣну на короткое время.

Въ лѣтописяхъ міра не встрѣчается примѣра такого собранія царственныхъ лицъ, какое поселилось у австрійскаго императора въ Гофбургѣ въ 1814 году. Съ прусскимъ королемъ находились братъ его принцъ Вильгельмъ и принцъ Августъ; съ королемъ датскимъ его зять принцъ Гольштейнъ-Бекскій; далѣе король баварскій, его супруга (сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны), и наслѣдный принцъ Лудвигъ; король виртембергскій и наслѣдный принцъ Вильгельмъ, бывшій вице-король принцъ Евгеній Богарне; затѣмъ, какъ пишетъ современникъ, нѣмецкіе князья цѣлыми сотнями. „Перечислить ихъ трудно, а еще труднѣе изложить всѣ ихъ притязанія. Зато и положеніе ихъ во время конгресса было незавидное: никто не хотѣлъ ихъ выслушивать, ни отвѣчать на записки, которыя подавались ихъ уполномоченными. Въ этомъ царственномъ сонмѣ, Государь нашъ отличался не только видомъ и пріятною наружностью, но и своею доступностью, и если бы возможно было позабыть въ немъ его значеніе, то все-таки это былъ бы одинъ изъ любезнѣйшихъ на свѣтѣ людей".

Р. С. Стурдза замѣчаетъ, что толпа различныхъ государей, собравшихся въ Вѣнѣ, обратилась въ царедворцевъ. „Въ самомъ дѣлѣ, они казались таковыми, особенно въ присутствіи русскаго Императора, который, никогда не придавая важности этикету, гораздо больше оказывалъ вниманія швейцарскому ландману или хорошенькой вѣнской женщинѣ или принцу Евгенію, нежели всѣмъ этимъ германскимъ владѣтелямъ. Я не оправдываю Императора: ему, конечно, слѣдовало поступать иначе, потому что народы имѣютъ право требовать уваженія къ тѣмъ, кто ими управляетъ, и это неосторожное поведеніе не мало содѣйствовало къ тому, чтобы создать ему враговъ. Изъ гордости они умалчивали о настоящей причинѣ своей ненависти и ссылались только на страхъ, который должны внушать сила и честолюбіе Россіи".

Виды Императора Александра, при веденіи переговоровъ на вѣнскомъ конгрессѣ, были изложены имъ собственноручно въ краткой запискѣ (Points sommaires de l'instruction), слѣдующимъ образомъ:

„Pour la Russie.—Le duché de Varsovie.—Au pis aller je ne consens à céder que Posen jusqu'à une ligne tirée depuis Thorn jusqu'à Peysern, et de là le long de la Prosna jusqu'à la frontière de la Silésie, et le district de Culm jusqu'à la Drevenz, à l'exception d'un rayon autour de Thorn.—Pour l'Autriche.—Le nord de l'Italie jusqu'au Tessin et le lac Majeur; le Vénitien, le Tyrol, le Salzbourg, l'Innviertel et la Dalmatie.—Pour la Prusse.—Ses anciens Etats et la Saxe jusqu'à une

ligne à tirer le long de l'Elster, ou même au de là.—Le reste de la Saxe royale devra être cédé à la maison de Weimar, une parcelle à celle de Cobourg. — Appuyer autant que faire se pourra les intérêts du duc d'Oldenbourg.—Pour le reste des princes de l'Allemagne: veiller autant que possible qu'on ne bouleverse pas trop l'état des choses actuel.—Les princes qui m'intéressent le plus fort sont le roi de Wurtemberg, le grand-duc de Bade et le grand-duc de Darmstadt.—En sus je m'intéresse à un établissement pour la Vice - Reine et qui pourrait être pris sur un des anciens Electorats ecclésiastiques".

Составленіе и сохраненіе союза всей Европы противъ Наполеона въ 1813 и 1814 годахъ было дѣломъ Императора Александра и удалось благодаря особымъ свойствамъ его ума и характера. Государь и никто другой повелъ всю Европу во Францію и буквально повлекъ за собою. Задача была не легкая. Для успѣшнаго продолженія борьбы съ Наполеономъ, ему нужно было прежде всего привлечь на свою сторону Пруссію, а затѣмъ и Австрію; въ то же время необходимо было достигнуть, чтобы эти державы отступили въ угоду Россіи отъ притязаній на области, которыя намѣревался сохранить за собою Александръ; нужно было успокоить ихъ недовѣріе, оставляя за собою свободу дѣйствія. Кромѣ того, нужно было побороть сопротивленіе австрійскаго кабинета, желавшаго удержать Наполеона на престолѣ. Императоръ Александръ достигъ предположенной цѣли столько же посредствомъ присущаго ему дипломатическаго искусства, сколько благодаря своей счастливо одаренной личности. Чарующая обходительность Государя, личное обаяніе, склонность къ благороднымъ порывамъ, свойственный ему возвышенный образъ мыслей въ соединеніи съ искреннимъ и рыцарскимъ обращеніемъ, не мало содѣйствовали къ тому, чтобы склонить вѣсы европейской политики на сторону Россіи и обезпечить за ея державнымъ вождемъ первенствующій голосъ въ коалиціи, направленной противъ Наполеона. Теперь предстояло союзникамъ разрѣшеніе не менѣе трудной задачи: раздѣлить между собою завоеванныя земли; Александру, приходилось побороть явное недоброжелательство и зависть Европы по отношенію къ возраставшему могуществу Россіи. Государь говорилъ не разъ: „людская благодарность такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ". Справедливость этого изреченія пришлось теперь испытать главѣ европейской коалиціи во время дипломатической борьбы, начавшейся въ Вѣнѣ.

Одинъ изъ очевидцевъ событій Вѣнскаго конгресса занесъ въ свой дневникъ слѣдующую характеристику Императора Александра за это время. „Образъ мыслей его и жизни измѣнился до такой степени, что самые близкіе люди, издавна его окружавшіе, увѣряли меня, что, по возвращеніи его изъ Парижа, они съ трудомъ могли его узнать. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность и робость, онъ сдѣлался самодѣятеленъ, твердъ и предпріимчивъ, и не допускаетъ никого брать надъ собою верха. Въ первые годы его царствованія вообще отдавали справедливость кротости его и мягкосердію, но оспоривали политическія его дарованія, не подозрѣвали въ немъ военныхъ способностей и не полагали силы въ его характерѣ. Опытъ убѣдилъ его, что употребляли во зло расположеніе его къ добру, язвительная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующею его чертою; онъ обращаетъ теперь врожденную ему проницательность преимущественно къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ нихъ уклоняться. Перестали довѣрять его ласкамъ, если онъ кому-либо ихъ оказываетъ, и простонародное слово „надувать" сдѣлалось при дворѣ общимъ; можетъ быть, оно не для всѣхъ будетъ понятно, но кто знаетъ хорошо нашу эпоху, согласится что оно и есть лучшая характеристика оной. Онъ употребляетъ теперь своихъ генераловъ и дипломатовъ не какъ совѣтниковъ своихъ, но какъ исполнителей своей воли, они боятся его, какъ слуги своего господина. Не взирая на это, уваженіе близкихъ къ нему особъ отъ ежедневнаго съ нимъ обращенія не только не уменьшается, но увеличивается и сіе происходитъ отъ того, что государь, какъ человѣкъ, по природнымъ способностямъ своимъ, по образованію, по опытности, по знанію свѣта, дѣлъ и людей, несравненно выше всѣхъ его окру-

жающихъ и имѣетъ отъ того неоспоримую надъ ними поверхность, которою онъ обязанъ не сану своему, но личнымъ своимъ достоинствамъ. Для тѣхъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ находятся при немъ, таковое измѣненіе характера не очень пріятно. Они иногда жалуются, особенно когда видятъ, что Императоръ поступаетъ съ ними не столь учтиво, какъ съ австрійскими офицерами, даже малыхъ самыхъ чиновъ. Если Государь не видитъ кого-либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашиваетъ о причинѣ, почему такой-то не являлся при дворѣ, боленъ-ли онъ и тому подобное, но когда случается, что какой-нибудь изъ знакомыхъ его величеству австрійцевъ занеможетъ, то немедленно посылаетъ узнавать о его здоровьѣ. Съ другой стороны должно сознаться, что и генералы, находящіеся съ Императоромъ въ Вѣнѣ, заслуживаютъ холодное обращеніе съ ними Государя—хотя и всѣ люди честные, хорошіе военные, старые служивые, но на конгресѣ, гдѣ соединены просвѣщеннѣйшія особы Европы, они кажутся совсѣмъ ничтожными. Когда пріѣзжаетъ къ нимъ какой-либо иностранецъ, отличный умомъ своимъ или свѣдѣніями, то они почти всѣ стараются его избѣгать, обнаруживая тѣмъ сколь они чувствуютъ превосходство его надъ собою; я не встрѣтилъ на конгрессѣ ни одного русскаго, котораго бы способности соотвѣтствовали тѣмъ важнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ отечество наше находится. Это обстоятельство обнаруживаетъ, почему Императоръ преимущественно употребляетъ иностранцевъ и къ нимъ имѣетъ довѣріе, а съ другой стороны, можетъ быть, политика его заставляетъ окружать себя посредственными людьми, дабы потомство всю славу воздало ему одному. Не взирая на великое число чиновниковъ россійскаго дипломатическаго корпуса, находящихся въ Вѣнѣ, Государь самъ занимается безпрестанно дѣлами, относящимися до конгресса. Въ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ уполномоченные его встрѣчаютъ противорѣчіе, онъ лично ведетъ переговоры, не только съ монархами, но даже съ министрами ихъ, которые проводятъ съ нимъ наединѣ по нѣсколько часовъ въ его кабинетѣ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ часто случается приглашать къ его величеству Меттерниха, Гарденберга, Велингтона, Кестельри, Талейрана и другихъ, и слышать изъ другой комнаты весьма продолжительные и громкіе ихъ разговоры и споры, изъ коихъ господа сіи выходили съ столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать съ нихъ потъ. Россія должна всегда сохранить въ памяти, что она въ роковую эпоху, ознаменованную столь важными событіями, имѣла такого Государя, который, показавъ великія доблести въ ратномъ дѣлѣ, на общемъ европейскомъ ареопагѣ, гдѣ надлежало разсѣчь новый гордіевъ узелъ, удержавъ за собою первенствующее мѣсто, лично велъ переговоры съ иностранными дворами, не страшился возраженій искуснѣйшихъ государственныхъ мужей своего вѣка, и торжествовалъ надъ ними не силою, но убѣжденіемъ и превосходствомъ своихъ умственныхъ способностей".

Насколько борьба съ недоброжелателями Россіи въ Вѣнѣ легла тяжелымъ бременемъ исключительно на Императора Александра, можно видѣть изъ слѣдующаго случая: въ одномъ изъ засѣданій конгреса, Меттернихъ, Талейранъ и Кестельри вступили въ споръ съ графомъ Нессельроде и отклонили сдѣланное русскимъ уполномоченнымъ предложеніе, прося его объяснить причины въ защиту высказаннаго мнѣнія. „Господа", отвѣчалъ графъ, „я нахожу справедливыми ваши возраженія и совершенно согласенъ съ вами, но Государю моему угодно противное". Къ этому разсказу, приведенному въ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго, онъ присовокупляетъ, что изъ шести уполномоченныхъ нашихъ на конгресѣ, одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, да и тотъ отъ Россіи почти отрекся, двое лифляндцевъ: графы Нессельроде и Стакельбергъ, одинъ эльзасецъ Анстетъ, одинъ корсиканецъ Поццо ди Борго и одинъ корфіотъ графъ Каподистріа. Къ этимъ особамъ должно присовокупить еще барона Штейна, который хотя и не находился на службѣ ни одной державы, но пользовался особеннымъ довѣріемъ Императора Александра. Онъ, какъ писалъ Михайловскій-Данилевскій, носилъ мундиръ прусскій, но ордена на немъ русскіе. Въ сомнительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ Государь обращался къ его совѣтамъ.

Къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ

разрѣшеніемъ которыхъ долженъ былъ заняться Вѣнскій конгресъ, принадлежала будущая судьба Саксоніи и Варшавскаго герцогства. Императоръ Александръ предоставлялъ Саксонію королю прусскому и намѣревался удержать за собою Варшавское герцогство, возстановивъ наименованіе польскаго королевства. Подобный планъ встрѣтилъ дружный отпоръ со стороны Меттерниха и французскаго уполномоченнаго Талейрана; къ нимъ присоединился также Кестельри. Лишь только Талейранъ появился въ Вѣнѣ, представитель побѣжденной Франціи съ неподражаемымъ искусствомъ занялъ на конгрессѣ вліятельное положеніе. „J'ai su m'asseoir", говорилъ онъ. „Talleyrand fait ici le ministre de Louis XIV", замѣтилъ Александръ. Талейранъ выступилъ защитникомъ строгой законности и уваженія ко всѣмъ правамъ; слово „légitimité" было пущено въ ходъ имъ и съ его легкой руки сдѣлалось политическимъ терминомъ. Онъ не замедлилъ вступить въ личное пререканіе съ Императоромъ Александромъ. Описывая свою первую аудіенцію у Государя, происшедшую 19-го сентября (1-го октября), Талейранъ въ письмѣ къ Лудовику XVIII замѣчаетъ, что Александръ не имѣлъ обычнаго привѣтливаго вида; рѣчь его была отрывиста, выраженіе серьезное; вообще онъ выступилъ съ нѣкоторою торжественностью. „Я видѣлъ ясно, что онъ намѣренъ разыграть роль", присовокупляетъ Талейранъ.—„Прежде всего", сказалъ Александръ, „каково положеніе вашей страны".—„Такъ хорошо, какъ только ваше величество можете желать, и лучше, чѣмъ того можно было ожидать".—„Общественное настроеніе?"—„Оно улучшается съ каждымъ днемъ".—„Либеральныя идеи?"—„Ихъ нигдѣ нѣтъ столько, какъ во Франціи".—„Но свобода печати"?—„Она возстановлена, за исключеніемъ немногихъ ограниченій, вызванныхъ обстоятельствами: они перестанутъ дѣйствовать по прошествіи двухъ лѣтъ и не помѣшаютъ до того времени появляться въ печати всему тому, что есть хорошаго и полезнаго".—„А армія?"—„Она вся за короля. 130.000 человѣкъ подъ знаменами, и по первому призыву можно будетъ собрать еще 300.000". Затѣмъ, Императоръ еще сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, касавшихся маршаловъ, опозиціи палатъ, и личнаго положенія Талейрана, а потомъ сказалъ: „Теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ; ихъ нужно кончить здѣсь".—„Это зависитъ отъ вашего величества. Они будутъ кончены скоро и благополучно", отвѣтилъ Талейранъ, „если ваше величество въ нихъ окажете то же самое благородство и величіе души, какое явили въ дѣлахъ Франціи".—„Однако необходимо, чтобы каждый нашелъ въ нихъ свои выгоды".—„И каждый свое право".—„Я сохраню за собою то, что занимаю".—„Ваше величество изволите сохранить за собою лишь то, что вамъ закочно принадлежитъ".—„Я въ согласіи съ великими державами".—„Я не знаю, считаете ли ваше величество Францію въ ряду таковыхъ державъ".—„Я прежде всего ставлю право, а потомъ выгоды".—„Выгоды Европы суть право".—„Эта рѣчь, Государь, не ваша; она вамъ чужда, и Ваше сердце ея не признаетъ".—„Нѣтъ, повторяю, выгоды Европы суть право".—Я, повернулся тогда къ стѣнѣ, около которой находился, прислонился къ ней головою и, ударяя по облегающему ея дереву, воскликнулъ: „Европа! Несчастная Европа"; оборотившись же къ Императору, спросилъ: „Какъ бы не сказали, что Вы ее потеряете?"—Онъ отвѣтилъ: „Лучше война, чѣмъ отказаться отъ того, что занимаю".—Я опустилъ руки, въ положеніи опечаленнаго, но рѣшительнаго человѣка, который какъ бы говорилъ ему: не наша будетъ вина, и замолчалъ. Императоръ промолчалъ нѣсколько мгновеній, а затѣмъ повторилъ: „Да, лучше война". Я оставался въ томъ же положеніи. Александръ сказалъ: „пора въ театръ, я обѣщалъ императору и меня ждутъ".—Онъ вышелъ, но еще разъ вернулся сжалъ меня обѣими руками и измѣнившимся голосомъ сказалъ: „Прощайте, прощайте, мы еще увидимся".—Во время всего этого разговора, пишетъ Талейранъ, Польша и Саксонія ни разу не были названы. Желая назвать Саксонію, Александръ употребилъ выраженіе: „Ceux qui ont trahi la cause de l'Europe". Талейранъ возразилъ: „Sire, c'est là une question de date", намекая тѣмъ на поведеніе Александра въ 1807 году.

Въ заключеніе этого донесенія Талейранъ, тѣмъ не менѣе, признавался, что положеніе Франціи на конгрессѣ трудное и что оно каждый день можетъ ухудшиться. Императоръ Александръ, побуждаемый Лагарпомъ и княземъ Чарторижскимъ, по сло-

вамъ Талейрана, дастъ своему честолюбію полный просторъ; Пруссія разсчитываетъ на большія пріобрѣтенія. Трусливая Австрія одержима постыднымъ честолюбіемъ и готова идти на уступки ради поддержки своихъ видовъ; англійскій уполномоченный слабъ.

Однако, не долго пришлось Талейрану жаловаться на Австрію и Англію относительно ихъ уступчивости передъ Россіею. Онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался извѣстнымъ орудіемъ европейской дипломатіи, столько разъ съ успѣхомъ употреблявшимся ею, это: устрашеніе и возбужденіе всѣхъ противъ Россіи. Не смотря на то, что 18-го (30-го) сентября Меттернихъ приглашалъ Талейрана лишь для *присутствованія* на предварительной конференціи *соединенныхъ представителей* Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, на одинаковыхъ правахъ съ испанскимъ посланникомъ, уже вскорѣ обстановка, при которой начались вѣнскія совѣщанія, совершенно измѣнилась. 27-го сентября (9-го октября) Талейранъ доносилъ королю, что Меттернихъ, приглашая его на вторую предварительную конференцію, прибавилъ въ запискѣ: „если онъ зайдетъ къ нему немного раньше, то представится возможнымъ поговорить съ нимъ о вещахъ весьма важныхъ". Явившись на это приглашеніе, Талейранъ во время бесѣды съ Меттернихомъ умышленно упомянулъ съ проніею о *союзникахъ*. „Не говорите болѣе о союзникахъ; ихъ нѣтъ болѣе". Обрадовавшись такому открытію, Талейранъ сказалъ: „Однако, здѣсь есть люди, которые должны бы быть таковыми (т.-е. союзниками) въ томъ смыслѣ, что даже безъ соглашенія между собою всѣ они должны бы думать одинаково и желать одного и того же. Какъ у васъ хватаетъ храбрости помѣщать Россію какъ какой-то поясъ вокругъ вашихъ главныхъ и важнѣйшихъ владѣній, Венгріи и Богеміи? Какимъ образомъ вы дозволите, чтобы владѣнія стараго добраго сосѣда, въ семействѣ котораго замужемъ Эрцгерцогиня, были бы уступлены вашему естественному врагу? Странно, что мы намѣрены этому противиться, а вы отъ этого отказываетесь. Я признаю что саксонскій король при настоящихъ обстоятельствахъ долженъ принести жертвы; но если намѣрены лишить его всѣхъ владѣній и передать Саксонское королевство Пруссіи, я никогда на это не соглашусь. Точно также я никогда не дамъ согласія на передачу Люксенбурга и Майнца Пруссіи. Тѣмъ болѣе я не допущу, чтобы Россія перешла Вислу, имѣла въ Европѣ 44 милліона подданныхъ и границы на Одерѣ".

Меттернихъ взялъ Талейрана за руку и сказалъ: „Мы менѣе съ вами расходимся, чѣмъ вы полагаете; я вамъ обѣщаю, что Пруссія не получитъ ни Люксенбурга, ни Майнца; мы также вовсе не желаемъ, чтобы Россія увеличивалась сверхъ мѣры; что же касается Саксоніи, то мы употребимъ всѣ усилія, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, часть ея".

Такимъ образомъ, собственно говоря, брешь была пробита, и секретная статья Парижскаго трактата о раздѣлѣ между союзниками земель, завоеванныхъ у Франціи, безъ вмѣшательства Лудовика XVIII, перестала существовать. Строгое соблюденіе бывшими Шомонскими союзниками этой статьи всего болѣе безпокоило Талейрана, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, и онъ сказалъ по этому случаю: „S'ils entendent que cet engagement soit rigoureusement tenu, je serai là ce qu'on appelle fort improprement *ad honores*. J'ouvrirai la bouche de loin en loin pour la forme; on ne prendra pas garde à mes paroles". Всѣ эти опасенія, благодаря враждебнымъ чувствамъ западныхъ державъ, по отношенію къ Россіи, оказались напрасными.

Послѣ разговора съ Меттернихомъ Талейранъ началъ уже работать въ пользу образованія тройственнаго союза между Франціею, Австріею и Англіею, съ цѣлью противиться притязаніямъ Россіи и Пруссіи силою оружія.

11-го (23-го) октября, по просьбѣ Талейрана, состоялась вторичная аудіенція его у Императора Александра. При этомъ произошелъ слѣдующій разговоръ, на этотъ разъ не сопровождавшійся театральными выходками со стороны Талейрана. „Въ Парижѣ,—сказалъ Государь,—вы стояли за Польское королевство; какимъ же образомъ случилось, что вы перемѣнили мнѣніе?"—„Мое мнѣніе, Государь, остается то же самое: въ Парижѣ дѣло шло о возстановленіи всей Польши. Я хотѣлъ тогда, какъ и теперь, ея независимости. Но въ настоящее время рѣчь идетъ о другомъ; вопросъ поставленъ теперь въ зависимости отъ границъ, которыя обезпечили бы Австрію и

Пруссію".—„Они не должны безпокоиться: впрочемъ, у меня двѣсти тысячъ человѣкъ въ герцогствѣ Варшавскомъ; пусть же меня выгонятъ! Я отдалъ Саксонію Пруссіи, Австрія на это согласна."—„Я не знаю, согласна ли она. Позволю себѣ въ этомъ сомнѣваться, до такой степени оно противорѣчитъ ея интересамъ. Но можетъ-ли согласіе Австріи сдѣлать Пруссію собственницею того, что принадлежитъ королю Саксонскому?"—„Если саксонскій король не отречется, его повезутъ въ Россію; тамъ онъ и умретъ. Уже одинъ король тамъ умеръ".—„Ваше величество позволите мнѣ этому не вѣрить: не для того собрался конгрессъ чтобы видѣть такое покушеніе".—„Какъ такъ? Покушеніе? Вотъ еще что! Развѣ не отправился въ Россію Станиславъ? Почему же бы и королю Саксонскому туда не отправиться? Положеніе ихъ одно и то же. Я тутъ не вижу никакой разницы". Затѣмъ Государь продолжалъ: „Я полагалъ, что Франція кой-чѣмъ мнѣ обязана. Вы всегда говорите мнѣ о принципахъ: ваше общественное право (droit public) для меня ровно ничего не значитъ; я не знаю, что это такое. Какое употребленіе, думаете вы, я могу сдѣлать изъ всѣхъ вашихъ пергаментовъ и трактатовъ? Для меня одно превыше всего,—это данное мною слово. Я его далъ и сдержу; я обѣщалъ Саксонію Прусскому королю, въ то время, когда мы сошлись вмѣстѣ".—„Ваше Величество обѣщали Прусскому королю отъ 9 до 10 милліоновъ душъ,—возразилъ Талейранъ;—вы можете ихъ дать ему и безъ уничтоженія Саксоніи".—„Саксонскій король измѣнникъ".—„Государь, такое названіе никогда не можетъ быть дано какому-либо королю; необходимо даже, чтобы оно ему никогда не было даваемо". Послѣ минутнаго молчанія, Императоръ Александръ въ заключеніе полуторачасовой бесѣды сказалъ: „Король Прусскій будетъ королемъ Прусскимъ и Саксонскимъ, также какъ я буду Императоромъ Россійскимъ и королемъ Польскимъ. Предупредительность, которую Франція окажетъ мнѣ относительно этихъ двухъ пунктовъ, послужитъ мнѣ мѣриломъ".

Несравненно болѣе рѣзкій характеръ приняло столкновеніе Императора Александра съ Меттернихомъ, по поводу тѣхъ же тѣсно связанныхъ между собою вопросовъ: польскаго и саксонскаго. Антагонизмъ между ними начался, впрочемъ, еще до вѣнскаго конгресса, когда Меттернихъ воспротивился намѣренію Государя назначить въ осеннюю кампанію 1813 года главнокомандующимъ союзныхъ войскъ Моро и настоялъ на назначеніи князя Шварценберга. Эта непріязнь получила новую пищу, когда австрійцы, вопреки обѣщанію Императора Александра сохранить нейтралитетъ Швейцаріи, вторглись во Францію черезъ территорію покровительствуемой имъ республики. Затѣмъ, во время похода 1814 года и послѣ занятія Парижа не мало было поводовъ къ разногласію между Императоромъ и главою австрійскаго кабинета. Наконецъ, въ Вѣнѣ Александръ окончательно убѣдился въ настойчивомъ преслѣдованіи Меттернихомъ одной цѣли: вездѣ становиться поперекъ намѣреній и проектовъ Русскаго Императора. Меттернихъ замѣчаетъ по этому поводу въ своихъ „Запискахъ", что ему предназначено было самой судьбой бороться съ такими монархами, какъ Наполеонъ и Александръ, и, прибавляетъ онъ въ припадкѣ свойственнаго ему самообожанія, побѣдить ихъ. Меттернихъ увѣряетъ, что оппозиція его выводила изъ себя Александра, который осыпалъ его въ вѣнскихъ гостиныхъ самыми странными сарказмами и отзывами (mauvais propos). Увѣренный въ поддержкѣ императора Франца, Меттернихъ пишетъ, что ко всему этому онъ относился весьма равнодушно. Взаимное нерасположеніе привело къ сценѣ самаго страннаго характера и вскорѣ слухъ о ней распространился по всему городу. Талейранъ писалъ о ней королю 19-го (31-го) октября слѣдующее: „Императоръ Александръ имѣлъ съ г. Меттернихомъ разговоръ, въ коемъ, какъ утверждаютъ, онъ обращался съ этимъ министромъ съ такимъ высокомѣріемъ и рѣзкостью выраженій, какія могли бы показаться чрезвычайными даже въ отношеніи одного изъ его слугъ. Меттернихъ ему сказалъ относительно Польши, что если рѣчь идетъ о созданіи таковой, то они (австрійцы) сами могли бы это сдѣлать; Императоръ не только назвалъ это замѣчаніе неумѣстнымъ и неприличнымъ, но даже увлекся до того, что сказалъ, что онъ, Меттернихъ, одинъ въ Австріи, который позволилъ бы себѣ такой бунтовщицкій тонъ (un ton de révolte). Говорятъ еще, дѣло зашло такъ далеко, что Меттернихъ ему заявилъ, что будетъ просить

своего государя назначить на конгрессъ вмѣсто его другого министра. Меттернихъ вышелъ послѣ этой бесѣды въ такомъ состояніи, въ какомъ близкіе къ нему люди никогда его не видали". Но этимъ разговоромъ размолвка между Императоромъ Александромъ и Меттернихомъ не окончилась. Въ разговорѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ Гарденбергомъ, Меттернихъ далъ понять ему, что Императоръ Александръ, повидимому, болѣе заботится о Польшѣ, чѣмъ о Саксоніи. Встревоженный этимъ сообщеніемъ, Гарденбергъ поспѣшилъ передать услышанное Императору Александру. Государь отправился тотчасъ же къ императору Францу и объявилъ, что, считая себя лично оскорбленнымъ Меттернихомъ, онъ рѣшился вызвать его на дуэль. Австрійскій императоръ замѣтилъ, что если Государь желаетъ настоять на своемъ намѣреніи, то Меттернихъ, конечно, не откажетъ дать ему должное удовлетвореніе и приметъ его вызовъ, хотя не мѣшало бы имъ предварительно объясниться. Это объясненіе состоялось при посредствѣ генералъ-адъютанта Ожаровскаго. Меттернихъ оправдывался глухотою Гарденберга и тѣмъ, что тотъ его не совсѣмъ понялъ. Этимъ объясненіемъ все дѣло о дуэли покончилось. Однако же Императоръ Александръ не могъ забыть этой выходки австрійскаго дипломата и уже болѣе не являлся на вечерахъ и балахъ Меттерниха. При ежедневныхъ почти встрѣчахъ съ княземъ въ вѣнскомъ обществѣ, они показывали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга. Подобное положеніе дѣлъ продолжалось до возвращенія Наполеона съ острова Эльбы во Францію.

Во время этой ожесточенной дипломатической борьбы изъ-за Польши и Саксоніи, увеселенія, устраиваемыя для вѣнценосцевъ, собравшихся въ Вѣнѣ, не прекращались и поражали своею пышностью и разнообразіемъ. Балы, маскарады, представленія живыхъ картинъ, фейерверки и каруселя смѣнялись прогулками въ саняхъ, охотами, парадами и маневрами. Принцъ де-Линь со свойственнымъ ему остроуміемъ имѣлъ полное основаніе сказать: „Le congrès danse mais ne marche pas".

29-го сентября (11-го октября) Даниловскій записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку: „Сегодня по утру я пошелъ по обыкновенію въ комнаты Государя; князь Волконскій, выходя отъ его величества, сказалъ мнѣ съ какимъ-то особенно веселымъ видомъ, чтобы я сообщилъ графу Головкину для извѣщенія наслѣднаго принца Виртембергскаго, что Императоръ назначаетъ въ половинѣ 12-го часа свиданіе, которое его высочество желалъ имѣть. Едва окончена аудіенція, какъ велѣно нарядить фельдъегеря для отправленія въ Петербургъ. Изъ всего замѣченнаго сегодня и судя по какому-то торжественному виду, съ которымъ наслѣдный принцъ вышелъ отъ Императора, я заключилъ, что дѣло идетъ о свадьбѣ его съ великою княгинею Екатериною Павловною (овдовѣвшею въ 1812 г.). Не знаю, сбудется ли моя догадка, но трудно найти достойнѣйшую чету. И такъ, конгрессъ какъ комедія окончится женитьбою, и я полагаю, что фельдъегеря отправляютъ для того въ Петербургъ, чтобы извѣстить объ оной вдовствующую Государыню, безъ согласія которой ничего не дѣлается въ императорской фамиліи". Позднѣе, 1-го (13-го) декабря, Даниловскій дополнилъ свой разсказъ еще слѣдующими строками, могущими служить для характеристики Императора Александра: „Недавно за обѣдомъ у Государя говорили о Фридрихѣ Великомъ. Императоръ восхвалялъ его военныя дарованія и ставилъ его выше Наполеона, потому что онъ и въ самыхъ несчастіяхъ, послѣ проигранныхъ сраженій, умѣлъ находиться. Наслѣдный принцъ Виртембергскій, соглашаясь съ нимъ, присовокупилъ, что онъ ему только одного не прощаетъ: „d'avoir rendu tous les rois saroraux". Выраженіе это весьма не понравилось Александру, который измѣнился въ лицѣ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Придворные изъ всего охотно выводятъ заключенія, и нѣкоторые увѣряли, что замѣчаніе наслѣднаго принца можетъ разстроить бракъ его съ Екатериною Павловною". Опасенія царедворцевъ, однако, не оправдались; но, тѣмъ не менѣе, Александръ питалъ съ тѣхъ поръ нерасположеніе къ наслѣдному принцу.

Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Императору Александру обозрѣть поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. Государю сопутствовали король прусскій, эрцгерцогъ Фердинандъ и наслѣдный принцъ баварскій. Эрцгерцогъ Карлъ объяснялъ движенія австрійскихъ войскъ; генералъ-адъютантъ Чернышевъ и графъ Виттъ, которые въ 1809 году находились во французской арміи, разсказывали о дѣйствіяхъ Напо-

леона. Рѣчь коснулась также распоряженія Наполеона послѣ Аспернскаго боя, поручившаго Массенѣ спасеніе арміи своей, и отправившагося затѣмъ ночевать на островъ Лобау; Государь замѣтилъ: „Какой человѣкъ! Онъ даетъ подобныя приказанія генералу своему, а самъ ѣдетъ отдыхать и проводитъ всю ночь въ крѣпкомъ снѣ!“ Когда высокіе посѣтители стояли у берега Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, чтобы переправиться на островъ Лобау, то водворилось внезапно между всѣми молчаніе; въ эту минуту каждый невольно предавался размышленіямъ, что на семъ мѣстѣ могла рѣшиться участь вселенной. Наслѣдный принцъ баварскій, пишетъ очевидецъ, показывая на рукавъ Дуная, говорилъ въ это время одинъ съ своимъ адъютантомъ довольно громко.„ Государь, повидимому, его не жаловалъ“, и оборотясь къ намъ, русскимъ, сказалъ въ полголоса по-русски: „Онъ, конечно, дѣлаетъ свои диспозиціи и если бы онъ здѣсь командовалъ, то, безъ сомнѣнія, Наполеонъ былъ бы разбитъ“. Передъ обѣдомъ, приготовленнымъ, въ Эцерсдорфѣ, мы, русскіе, разговаривали между собою, стоя въ сторонѣ. Императоръ подошелъ къ намъ и сказалъ: „обращайтесь какъ можно вѣжливѣе съ иностранцами, надобно имъ показать, что мы не медвѣди“. Выпивъ за здоровье эрцгерцога Карла, мы поѣхали по Ваграмскому полю сраженія. Въ теченіе сего дня эрцгерцогъ Карлъ плѣнилъ насъ необыкновенною своею скромностью, онъ не сказалъ ни слова лично о себѣ, и говорилъ о прошедшихъ событіяхъ безъ всякаго лицепріятія, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство своего соперника“.

6-го (18-го) октября праздновали первую годовщину лейпцигской битвы; по этому случаю устроили въ Пратерѣ обѣдъ для 30.000 войскъ. Они сперва проходили церемоніальнымъ маршемъ. Государь, по приближеніи гренадерскаго своего имени полка, сталъ впереди перваго взвода, обнажилъ шпагу и отдалъ честь императору Францу, что принято было вѣнскими жителями съ большимъ удовольствіемъ, ибо никто этого не ожидалъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіе парада командовалъ своимъ кирасирскимъ полкомъ, на нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ австрійскаго императора.

Присутствовавшія на празднествѣ царственныя особы привѣтствовали князя Шварценберга, какъ героя торжества и виновника лейпцигской побѣды. Примѣру государей послѣдовали остальные, и Шварценбергъ не зналъ, куда дѣваться отъ расточаемыхъ ему со всѣхъ сторонъ поздравленій и привѣтствій. „Произошла, по замѣчанію очевидца, полная мистификація. Люди благоразумные находили ее совершенно не умѣстною въ такомъ торжественномъ случаѣ, но только пожимали плечами. Отъ павильона, назначеннаго для государей, какъ отъ центра, протянуты были столы. Войска угощались въ перемежку съ городскими жителями и иностранцами, наполнявшими собою рощу. Всѣми овладѣло радостное чувство и зрѣлище этихъ длинныхъ столовъ, за которыми сидѣли пирующіе съ веселыми лицами, было восхитительное. Подъ конецъ пира государи показались на галлереѣ, окружавшей павильонъ. Русскій Императоръ, сіяя удовольствіемъ и благостью, взялъ бокалъ, подошелъ ближе къ рѣшеткѣ и выпилъ за здоровье народа и собранныхъ войскъ. Этотъ внезапный порывъ любящаго сердца въ человѣкѣ восхитительной наружности, преисполненнаго изящества въ каждомъ своемъ движеніи, возбудилъ всеобщій восторгъ. Толпа огласила воздухъ кликами любви и счастья, а русскіе плакали отъ горделивой радости“.

На слѣдующій день, Государь пригласилъ болѣе 300 особъ къ обѣденному столу въ великолѣпномъ домѣ графа А. К. Разумовскаго. Кромѣ двухъ императоровъ съ ихъ супругами, четырехъ королей и тридцати особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, тутъ находились только военные различныхъ державъ, участвовавшіе въ лейпцигскомъ сраженіи. За обѣдомъ Государь преимущественно обращалъ рѣчь къ эрцгерцогу Карлу и фельдмаршалу князю Шварценбергу, котораго онъ обнялъ два раза.

12-го (24-го) октября Императоръ Александръ предпринялъ путешествіе въ Венгрію; императоръ Францъ, эрцгерцогъ Палатинъ, король прусскій и братъ его принцъ Вильгельмъ также туда отправились. Государя сопровождали генералъ-адъютанты князь Волконскій и Уваровъ, и полковникъ Михайловскій-Данилевскій. По прибытіи въ Офенъ, Александръ принималъ 14-го октября во дворцѣ духовенство, военныхъ, дворянъ, чиновниковъ и дамъ.

Всѣ представлявшіеся были въ національномъ платьѣ. Императоръ явился тутъ въ первый разъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, что чрезвычайно понравилось венгерцамъ, какъ знакъ уваженія къ народному ихъ одѣянію. На придворномъ балу, Государь много танцовалъ и привелъ въ восхищеніе венгерскихъ дамъ. Описывая пребываніе Государя въ Венгріи, Данилевскій въ запискахъ отмѣтилъ также сочувствіе, съ которымъ населеніе встрѣчало его, какъ русскаго, во время прогулокъ по Офену и Пешту. „Въ особенности", пишетъ Данилевскій" „подходили ко мнѣ сербы и славяне. Нѣкоторые изъ послѣднихъ говорили: „мы пріѣхали въ Офенъ издалека, чтобы увидѣть монарха славянскаго поколѣнія". „Все, что мы о немъ слышали", прервалъ одинъ изъ нихъ, „увѣряетъ насъ, что онъ печать царей". Выраженіе поэтическое, показывающее чувства соплеменниковъ нашихъ и единовѣрцевъ, которые часто обращаются мысленно къ Россіи съ такими желаніями, какія исполняли израильтянъ, во время плѣненія вавилонскаго. Они разсказывали мнѣ о своемъ восхищеніи, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. „Мы радовались, что Бонапарте нашелъ преграду завоеваніямъ посреди славянскаго народа", сказалъ мнѣ Палковичъ, профессоръ славянской словесности въ Пресбургскомъ университетѣ, „мы льстили себя сладостною надеждою, что Государь объявитъ войну Австріи и освободитъ народы ему соплеменные". Подданные австрійскаго двора славянскаго поколѣнія находятся въ утѣсненіи и ничто не доказываетъ болѣе чувствованій ихъ къ намъ, какъ радость, испытанную ими при видѣ русскихъ и откровенность, съ которою они говорятъ о несчастномъ положеніи своемъ, потому что они подвергаются великой опасности, ежели бы правительство о семъ узнало. Они смотрятъ на насъ, какъ на братьевъ, и искреннія желанія ихъ состоятъ въ томъ, чтобы находиться подъ Россійскою державою, которую они почитаютъ единственною защитою на землѣ, какъ по единовѣрію съ нами, такъ и по тому обстоятельству, что покровительство славянскихъ племенъ входило въ составъ политики нашего кабинета въ прошедшемъ столѣтіи. Хотя кажется, что дворъ нашъ перемѣнилъ въ семъ отношеніи свои мысли, но, по привычкѣ благодѣтельствовать славянамъ, Государь не перестаетъ оказывать къ нимъ вниманіе. Неоднократно греческія духовныя лица изъ Иллиріи и Далмаціи имѣли у Его Величества въ Вѣнѣ аудіенціи, и когда замѣчено было, что это не нравилось австрійскому двору, то послѣ сего Государь принималъ ихъ два раза въ тайнѣ. Такимъ образомъ, однажды, въ темный вечеръ мнѣ приказано было одного греческаго исповѣданія архимандрита спрятать на дворѣ за стѣною дворца, и потомъ провести его скрытно къ Государю. Архимандритъ, который видимо испросилъ эту аудіенцію вопреки приказаній вѣнскаго двора, дрожалъ, чтобы его не узнали австрійскіе чиновники, находившіеся при нашемъ Императорѣ". Въ Венгріи славянамъ менѣе посчастливилось. Къ Данилевскому явились два серба съ просьбами на высочайшее имя. „Одинъ изъ нихъ, по имени Поповичъ, пишетъ Данилевскій, образовалъ въ прошлую войну съ турками всю сербскую артиллерію и ею въ продолженіи похода начальствовалъ, а другой Петровичъ, дядя Георгія Чернаго, командовалъ нѣкоторое время сербскими войсками; каждый изъ нихъ имѣлъ по шести ранъ. Они явились просить у Императора пропитанія. Миръ, заключенный съ Портою въ 1812 году, по силѣ котораго Сербія отдана подъ покровительство турокъ, лишилъ людей этихъ имущества; они были вынуждены спастись бѣгствомъ, чтобы не быть казненными мусульманами, которые нынѣ дѣлаютъ всякаго рода неистовства въ Бѣлградѣ и въ окружности онаго. Къ удивленію моему, сербамъ симъ не сдѣлалъ Государь никакого вспоможенія".

16-го (28-го) октября, Императоръ Александръ покинулъ Офенъ и возвратился въ Вѣну черезъ Пресбургъ. Утромъ онъ слушалъ обѣдню въ мѣстечкѣ Иремѣ, въ семи верстахъ отъ Офена, въ церкви, построенной на мѣстѣ погребенія Великой Княгини Александры Павловны. По поводу пребыванія въ Венгріи, Данилевскій вообще замѣчаетъ: „истинно дружеское обращеніе съ нами венгерцевъ и ихъ непритворное расположеніе къ русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали".

По возвращеніи Императора Александра изъ Венгріи, ему предстояло продолжать переговоры съ лукавыми союзниками. Несогласія между державами перестали быть

тайною. Данилевскій, въ дневникѣ отъ 16-го (28-го) ноября, пишетъ: „Слухи о несогласіи державъ, участвующихъ въ конгрессѣ, усиливаются ежедневно и начинаютъ говорить о войнѣ, которая должна возгорѣться скоро между ними. Тайны дипломатовъ непроницаемы, но извѣстно, что многія державы вооружаются противъ Россіи, въ особенности англичане. Они, стараясь присвоить себѣ всѣми способами деспотическую власть въ Европѣ и въ прочихъ частяхъ свѣта, утверждаютъ, что не слѣдуетъ уступить намъ Польши, потому что Россія, требуя этотъ край, обнаруживаетъ намѣреніе занять въ политической системѣ Европы мѣсто Наполеона. Кажется, что Россія лишилась въ переговорахъ той поверхности, которую она пріобрѣла великими пожертвованіями въ послѣдніе три похода и которая всѣми державами единодушно ей была уступлена въ Парижѣ. Дипломаты наши не поддержали того, что искуплено кровію военныхъ. Я полагаю одною изъ причинъ, по которой мы не сохранили на Вѣнскомъ конгрессѣ первенства, заключается въ томъ, что мы отложили тогда на нѣсколько мѣсяцевъ заключеніе всеобщаго мира и утвержденіе статей, составляющихъ теперь предметъ переговоровъ, и не занялись этимъ въ бытность нашу въ столицѣ Франціи. Восхитительно было видѣть знамя русское, развѣвающееся на высотахъ Монмартра, но побѣда тогда только совершенна, когда увѣнчана блистательнымъ миромъ. Въ Парижѣ никто не смѣлъ возставать противъ первенства русскихъ, но оттуда Императоръ поѣхалъ съ министрами въ Лондонъ, какъ будто принимать поздравленіе въ счастливомъ окончаніи войны отъ надменныхъ англичанъ, которые вмѣнили посѣщеніе союзныхъ государей въ должную имъ дань признательности за денежныя ихъ вспоможенія. Изъ Лондона его величество отправился черезъ Голландію и нѣмецкія земли въ Петербургъ, а затѣмъ уже по прошествіи нѣсколькихъ недѣль поѣхалъ въ Вѣну. И такъ, со дня отбытія изъ Парижа до дня пріѣзда въ Вѣну, прошло два съ половиною мѣсяца, въ теченіе которыхъ съ нашей стороны ничего не было сдѣлано для удержанія поверхности, пріобрѣтенной нами надъ всѣми кабинетами. Между тѣмъ, англичане, австрійцы, пруссаки и французы употребляли всѣ усилія, чтобы въ мнѣніи народовъ и дворовъ уменьшить вліяніе Россіи и представить пожертвованія наши и подвиги нашихъ войскъ, по возможности, ничтожными, доказывая, что вліяніе Россіи на политическія дѣла Европы должно быть пагубнымъ для просвѣщенія и для самой независимости державъ. Два съ половиною мѣсяца были достаточны для сихъ кабинетовъ, чтобы успѣть въ своихъ непріязненныхъ въ отношеніи къ намъ поступкахъ, и потому едва мы представили на конгрессѣ требованія на счетъ Польши, какъ всѣ возстали противъ насъ и грозили войною, утверждая, что Россія желаетъ присвоить себѣ диктаторскую власть. Въ такомъ положеніи нашелъ я дѣла по пріѣздѣ моемъ въ Вѣну, гдѣ насъ приняли съ одинаковыми почестями съ королемъ Виртембергскимъ, и встрѣтили не какъ избавителей, но какъ людей, пагубному вліянію которыхъ должно противодѣйствовать. Менѣе нежели въ три мѣсяца мы завоевали Францію и Парижъ, но въ такое же время не можемъ кончить дѣлъ конгресса“.

Среди тревожнаго положенія политическихъ дѣлъ, Императоръ Александръ не позабылъ, однако, обрадовать ласковымъ словомъ графа Аракчеева. 16-го (28-го) ноября Государь отправилъ ему слѣдующія дружескія строки: „Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, что ты былъ жестоко боленъ. Всемогущій Богъ услышалъ молитвы любящаго тебя, особливо того, котораго довѣренность къ тебѣ и надежда на твое пособіе въ многотрудныхъ его обязанностяхъ есть неограниченная. Побереги себя ради пользы отечества нашего и ради пребывающаго на вѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ“.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Императоръ Александръ счелъ необходимымъ вновь обмѣняться съ Талейраномъ мыслями о положеніи дѣлъ конгресса. На вопросъ Государя, какъ идутъ дѣла и каково положеніе, занимаемое имъ, Талейранъ отвѣчалъ, что оно всегда останется тѣмъ же самымъ, и присовокупилъ: „если ваше величество желаете возстановить всю Польшу въ полной ея независимости, мы готовы васъ поддержать“.—„Я желалъ въ Парижѣ возстановленія Польши, и вы это одобряли; я того же желаю еще, какъ че-

ловѣкъ, всегда вѣрный либеральнымъ идеямъ, которыхъ я никогда не покину. Но въ моемъ положеніи желанія человѣка не могутъ служить руководствомъ для Государя. Быть можетъ, настанетъ день, когда окажется возможнымъ возстановить всю Польшу; въ настоящее время объ этомъ нельзя думать".—„Если рѣчь идетъ лишь о раздѣлѣ герцогства Варшавскаго, то это дѣло Австріи и Пруссіи болѣе, чѣмъ наше. Разъ эти двѣ державы признаютъ себя удовлетворенными въ этомъ отношеніи, мы также будемъ удовлетворены. Пока же этого не случится, намъ предписано ихъ поддерживать, и это наша обязанность, ибо Австрія допустила проявленіе всѣхъ этихъ затрудненій, которыя ей было такъ легко отстранить, предупредить". — „Это какъ?"—„Потребовавъ, при заключеніи съ вами союза, занятія принадлежавшей ей части герцогства Варшавскаго своими войсками; вы бы, вѣроятно, ей въ этомъ не отказали, и если бы она заняла тогда этотъ край, вы бы не подумали его у ней отнять".—„Австрія и я мы согласны между собою".—„Не то думаютъ объ этомъ въ публикѣ". — „Мы не расходимся въ существенныхъ пунктахъ; споръ происходитъ теперь лишь изъ-за нѣсколькихъ деревень". — „Этотъ вопросъ имѣетъ для Франціи второстепенное значеніе; но за Саксоніею остается первостепенное значеніе". — „Дѣйствительно, саксонскій вопросъ имѣетъ для Бурбонскаго дома семейное значеніе". — „Нисколько, Государь, въ саксонскомъ дѣлѣ рѣчь вовсе не идетъ объ отдѣльной личности или семействѣ; это дѣло касается интересовъ всѣхъ королей; оно касается ближе всего вашего величества, ибо ваша собственная выгода требуетъ сохранить пріобрѣтенную личную славу, блескъ которой падаетъ на вашу имперію. Ваше Величество должны объ ней заботиться, не только для себя, но и для вашей страны, для которой эта слава составляетъ наслѣдство; вы довершите ее, оказывая покровительство и требуя уваженія къ принципамъ, которые служатъ основаніемъ общественному порядку и всеобщей безопасности. Я говорю съ вами, Государь, не какъ французскій министръ, но какъ человѣкъ, который къ вамъ искренно привязанъ". Въ отвѣтъ на эти льстивыя фразы, Императоръ Александръ сказалъ Талейрану: „Вы говорите о принципахъ, но вѣдь это то же принципъ держать данное слово, а я далъ слово".—„Бываютъ различныя обязательства, и обязательство принятое на себя вашимъ величествомъ при переходѣ черезъ Нѣманъ, по отношенію къ Европѣ, должно имѣть превосходство надъ всѣми другими. Позвольте, Государь, еще присовокупить, что на вмѣшательство Россіи въ дѣла Европы смотрятъ вообще съ ревностью и безпокойствомъ, и если оно было терпимо, то единственно ради личнаго характера вашего величества. Поэтому необходимо, чтобы этотъ характеръ всецѣло сохранился".—„Это есть дѣло, которое касается только лично меня и въ которомъ лишь я одинъ могу быть судьею".—„Простите, Государь, когда принадлежишь исторіи, весь міръ является судьею". Въ заключеніе разговора Императоръ Александръ сказалъ: „Послушайте, поторгуемся; будьте любезны для меня въ саксонскомъ вопросѣ, и я тѣмъ же отплачу вамъ въ неаполитанскомъ. Съ этой стороны у меня нѣтъ обязательствъ". Талейранъ отвѣтилъ, что такая торговля невозможна, такъ какъ между этими вопросами нѣтъ подобія. „Ну, такъ убѣдите пруссаковъ, чтобы вернули мнѣ мое слово".—„Я очень рѣдко вижусь съ ними и, конечно, мнѣ не удастся ихъ въ томъ убѣдить. Но ваше величество располагаете всѣми средствами для этого. Вы имѣете вліяніе на умъ короля. Къ тому же, вы располагаете всѣми средствами, чтобы удовлетворить пруссаковъ".—„Это какимъ образомъ?"—„Удѣливъ имъ что-нибудь побольше изъ Польши".—„Вы предлагаете мнѣ странный способъ", отвѣтилъ Александръ. „Вы хотите, чтобы я пожертвовалъ собственностью и имъ отдалъ". Въ заключеніе бесѣды Императоръ сказалъ Талейрану: „vous insistez beaucoup sur une chose *décidée*". Сообщая содержаніе этой бесѣды 5-го (17-го) ноября королю, Талейранъ, относительно намѣреній Императора Александра, пришелъ къ слѣдующему заключенію. „Tout esclave qu'il veut paraître de sa parole, il serait dans le fond de l'âme enchanté d'avoir un prétexte honnête pour se dégager". Но высказавъ подобное предположеніе, Талейранъ прибавилъ: „jusqu'ici l'Empereur Alexandre n'a pas fléchi".

Въ то время, когда совѣщанія конгресса съ каждымъ днемъ становились затрудни-

тельнѣе и представлялась возможность разрыва Россіи съ западными державами, Императоръ Александръ призналъ полезнымъ обратиться съ воззваніемъ къ польской арміи, призывая ее къ защитѣ отечества и къ сохраненію политическаго существованія страны. Въ приказѣ по польской арміи Цесаревича Константина Павловича, отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1814 года сказано было: „Вы ознаменовали себя великими подвигами въ борьбѣ нерѣдко вамъ чуждой. Теперь, когда вы обратите всѣ свои усилія къ защитѣ отечества, вы будете непобѣдимы. Безпредѣльная преданность Императору, который желаетъ одно благо вашего отечества, любовь къ его августѣйшей особѣ, повиновеніе, дисциплина, согласіе: вотъ средства, могущія обезпечить благоденствіе вашей страны, состоящей подъ мощной защитой Императора. Такимъ путемъ вы достигнете той счастливой доли, которую другіе могутъ вамъ обѣщать, но которую лишь онъ одинъ можетъ вамъ доставить. Его могущество и его добродѣтели въ томъ ручаются".

Князь Чарторижскій удивлялся настойчивости, выказанной Императоромъ Александромъ въ переговорахъ по польскому вопросу и писалъ по этому поводу отцу: „Императоръ продолжаетъ держаться своего намѣренія; его твердость и непоколебимость относительно Польши служатъ для меня предметомъ удивленія и уваженія. Всѣ кабинеты противъ него; никто не говоритъ намъ добраго слова, не помогаетъ намъ искренно. Здѣшніе русскіе тоже страшно негодуютъ и не извиняютъ Императора; этотъ хоръ изъ чужихъ и своихъ старается перекричать одинъ другого. На меня тоже падаетъ ихъ гнѣвъ, какъ на защитника этого дѣла и воображаемаго совѣтника Императора. Но не смотря на всѣ эти бури, я все-таки надѣюсь, что дѣло кончится хорошо для Польши".

Талейранъ не замедлилъ сообщить все сказанное Государемъ во время аудіенціи Меттерниху, подъ предлогомъ, „чтобы дѣло не представлялось въ ложномъ свѣтѣ". По мнѣнію Талейрана, Лудовику XVIII предстояла новая миссія,—спасти Европу отъ гибели, которою угрожали ей честолюбіе нѣкоторыхъ державъ, слѣпота и малодушіе другихъ. Хотя сначала Талейранъ высказалъ относительно государей, собравшихся въ Вѣнѣ, слѣдующее мнѣніе „ils n'ont ni le courage de se brouiller, ni le bon sens de s'entendre", но вскорѣ онъ пришелъ къ другому убѣжденію. Въ декабрѣ 1814 года интриги, направленныя противъ Россіи, созрѣли настолько, что Талейранъ нашелъ возможнымъ предложить Кестельри подписать совмѣстно съ Австріей: „*une petite convention*" съ цѣлью обезпечить права саксонскаго короля. „Конвенція", спросилъ англійскій дипломатъ, „то-есть, вы предлагаете союзъ". Талейранъ возразилъ, что изъ этого можетъ выйти союзъ, если онъ того пожелаетъ. Этотъ обмѣнъ мыслей привелъ договаривавшіяся стороны къ окончательному заключенію, что нужно все сдѣлать, чтобы спасти честь, справедливость и будущность Европы! Вскорѣ старанія Талейрана въ этомъ смыслѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. 22-го декабря 1814 года (3-го января 1815 года), Меттернихъ, Кестельри и Талейранъ подписали конвенцію, по условіямъ которой Австрія, Англія и Франція обязывались выставить по полутораста тысячъ каждая; въ случаѣ войны, взаимно условиться на счетъ выбора главнокомандующаго и не иначе заключить миръ, какъ съ общаго согласія. Положено было, сверхъ того, пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ и Нидерланды. Къ этимъ державамъ нужно присоединить еще Ганноверъ. Посылая королю конвенцію, Талейранъ умолялъ его о наискорѣйшей ратификаціи договора, прося употребить для этой работы людей лишь самыхъ испытанныхъ на счетъ тайны; предосторожность новыхъ союзниковъ простиралась до того, что Австрія не рѣшилась отправить по этому поводу въ Парижъ курьера въ свое посольство. Хотя, по мнѣнію Талейрана, редакція нѣкоторыхъ статей конвенціи могла быть лучше отдѣлана, но, какъ онъ доносилъ королю, съ людьми слабаго характера нужно было торопиться кончить дѣло. 7-го (19-го) января Талейранъ получилъ обратно изъ Парижа ратификованную королемъ конвенцію. „Теперь, государь", писалъ Талейранъ, „коалиція разрушена и разрушена навсегда. Не только Франція не изолирована болѣе въ Европѣ, но ваше величество располагаете такою федеративною системою, что, кажется, и пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ не могли бы вамъ ее доставить. Вы дѣйствуете въ союзѣ съ тремя

великими державами и съ тремя второстепенными державами, а вскорѣ присоединятся къ нимъ всѣ государства, которыя руководствуются принципами, не имѣющими ничего общаго съ принципами революціонными. Вы будете въ полномъ смыслѣ главой и душой этого союза, образованнаго для защиты принциповъ, впервые вами провозглашенныхъ". Князь Шварценбергъ составилъ подробный планъ предстоявшихъ новымъ союзникамъ военныхъ дѣйствій, причемъ рѣшено было, что кампанія начнется въ концѣ марта, при участіи стотысячной французской арміи, такъ какъ, по его соображеніямъ, „въ настоящее время съ большими выгодами можно бы ее вести, чѣмъ нѣсколько лѣтъ позже".

Великій дипломатъ не довольствовался, однако, одержаннымъ успѣхомъ и для усиленія союза, предложилъ Меттерниху и Кестельри дѣйствовать сообща съ Франціею на Оттоманскую Порту, чтобы побудить ее, въ случаѣ надобности, произвести полезную диверсію противъ Россіи; они одобрили эти предположенія, предписавъ своимъ представителямъ въ Константинополѣ понуждать къ тому турецкое правительство. Кромѣ того, Талейранъ признавалъ выгоднымъ установить такое же соглашеніе и съ Швеціею.

Императоръ Александръ не подозрѣвалъ двуличія своихъ коварныхъ союзниковъ. Тайна враждебной Россіи политики соблюдена была настолько удачно, что Государь продолжалъ, даже при посредствѣ Талейрана, переговоры, начатые имъ съ Лудовикомъ XVIII по поводу брака Великой Княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ. Опасенія, высказанныя графомъ Каподистрія еще по заключеніи мира въ Парижѣ относительно вѣроятности исхода предстоявшаго тогда конгресса, получили блистательное подтвержденіе въ Вѣнѣ. Получивъ приказаніе Государя — изложить свое мнѣніе о Парижскомъ трактатѣ, Каподистрія подалъ записку, въ которой доказывалъ, что на предстоявшемъ конгрессѣ Россія, Австрія и Пруссія явятся съ домогательствами вознагражденій, а Франція и Англія, какъ державы, уже вполнѣ удовлетворенныя, отъ которыхъ будетъ зависѣть согласіе на требованіе прочихъ; при такомъ положеніи дѣлъ, по мнѣнію Каподистрія, достаточно было одной изъ этихъ державъ перейти на сторону Англіи и Франціи, чтобы придать переговорамъ направленіе, вредное для двухъ остальныхъ. Государь былъ пораженъ заключеніемъ, къ которому приводилъ графа Каподистрія разборъ парижскаго мира, но, тѣмъ не менѣе, сказалъ: „Tout cela est de la doctrine; ne soyez pas en peine, je me tirerai d'affaire".

Въ то время, когда Талейранъ тайно подготовлялъ коалицію противъ Императора Александра, Пруссія обнаружила не разъ колебанія въ выборѣ пути, которымъ она могла бы обезпечить за собою обладаніе Саксоніею. Прусскіе государственные люди вовсе не сочувствовали планамъ Императора Александра; Вильгельмъ Гумбольдтъ даже написалъ, въ одной нотѣ, что, конечно, расширеніе предѣловъ Россіи нежелательно, но противиться этому событію нельзя, ибо оно служитъ естественнымъ послѣдствіемъ фальшивой системы, укоренившейся съ конца прошлаго столѣтія, системы,—состоявшей въ томъ, чтобы бороться съ преобладаніемъ Запада, опираясь на Востокъ. Именно для того, чтобы на будущее время не могло случиться ничего подобнаго, чтбы Германія не нуждалась въ помощи Россіи и слѣдуетъ усилить Пруссію присоединеніемъ къ ней Саксоніи; это необходимо не столько даже въ ея интересахъ, сколько въ интересахъ Европы. Отъ прусскаго правительства требуютъ, чтобы оно въ союзѣ съ Англіею и Австріею воспротивилось намѣреніямъ Императора Александра по польскому вопросу, но благоразумно-ли противиться имъ, когда они, если только суждено имъ осуществиться, *принесутъ вредъ самой Россіи*. Затѣмъ, Гумбольдтъ подробно развивалъ послѣднюю мысль съ замѣчательною проницательностью. Гарденбергъ, съ своей стороны, также намекалъ, что Пруссія не откажется разойтись съ Россіею, если будетъ ей гарантировано обладаніе Саксоніей. Наконецъ, Императоръ Александръ вынужденъ былъ лично разъяснить дѣло. Онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать прусскаго короля и вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ. Онъ ему напомнилъ о соединявшихъ ихъ узахъ дружбы и о значеніи, которое онъ придаетъ этой дружбѣ, и о желаніи своемъ, чтобы она навсегда оставалась неизмѣнною; о томъ, что такъ какъ они почти одинаковыхъ

лѣтъ, то ему пріятно думать, что еще долго будетъ онъ свидѣтелемъ благополучія, которымъ отразится на подвластныхъ имъ народахъ тѣсный ихъ союзъ. Затѣмъ, Александръ сказалъ, что онъ всегда связывалъ свою личную славу съ возстановленіемъ польскаго королевства; и теперь, когда онъ уже близокъ былъ къ осуществленію своихъ желаній, неужели суждено ему испытать горечь видѣть между своими противниками самаго дорогого друга и единственнаго государя, на чувства котораго онъ разсчитывалъ? Король разсыпался въ сердечныхъ изліяніяхъ и поклялся поддерживать его въ польскомъ вопросѣ. „Недостаточно,—сказалъ ему Императоръ,—если вы сами усвоите себѣ подобный взглядъ; необходимо еще, чтобы ваши министры сообразовались съ нимъ". Король призвалъ тогда Гарденберга, и Государь повторилъ ему все сказанное имъ королю и что король далъ ему уже свое слово. Когда, затѣмъ, Меттернихъ и Кестельри убѣдились, что Пруссія не намѣрена содѣйствовать ихъ видамъ, они высказали желаніе, чтобы Гарденбергъ подалъ въ отставку; но прусскій дипломатъ и не думалъ доводить свою опозицію до такого рѣшительнаго шага. Врагамъ Императора Александра пришлось, такимъ образомъ, довольствоваться тройственнымъ союзомъ, и Талейрану не удалось совершенно изолировать Россію, хотя онъ и доносилъ Лудовику XVIII, что прусскій кабинетъ не раздѣляетъ слѣпой привязанности своего короля къ русскому Государю.

Новые союзники Франціи не были, однако, воодушевлены одинаковымъ воинственнымъ пыломъ, такъ что, 27-го января (8-го февраля) 1815 года, Талейранъ не безъ грусти писалъ королю: „La guerre que personne n'a envie de faire, que presque personne n'est en état de faire, n'aura très probablement pas lieu". Дѣйствительно, державы, споривпія между собою на конгрессѣ, начали постепенно склоняться къ взаимнымъ уступкамъ; при такомъ настроеніи вѣнскіе переговоры вступили въ новый фазисъ. Императоръ Александръ началъ уже говорить о предстоявшемъ возвращеніи въ Россію, какъ неожиданно для всѣхъ произошло новое усложненіе, погубившее дѣло, созданное Талейраномъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ. Въ ночь съ 22-го февраля (6-го марта) на 23-е февраля (7-е марта) 1815 года Меттернихъ получилъ извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы; оно было отправлено съ эстафетою австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Генуѣ и ограничивалось простымъ сообщеніемъ факта. Меттернихъ вскрылъ депешу только утромъ и, познакомившись съ ея содержаніемъ, тотчасъ же поспѣшилъ въ восьмомъ часу утра къ императору Францу, который приказалъ ему передать это извѣстіе Императору Александру и королю прусскому. „Скажите имъ,—присовокупилъ австрійскій монархъ—что я готовъ отдать приказъ моей арміи снова направиться противъ Франціи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что оба Государя будутъ дѣйствовать въ согласіи со мною".

Въ первый разъ, по истеченіи почти трехъ мѣсяцевъ со времени знаменитой размолвки, Меттернихъ снова явился къ Императору Александру. Онъ сейчасъ же принялъ его. „Государь высказался съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ въ смыслѣ согласія со своимъ августѣйшимъ союзникомъ,—пишетъ Меттернихъ.—Намъ не пришлось долго обсуждать мѣры, которыя слѣдовало принять; рѣшеніе послѣдовало быстрое и категорическое. Уладивъ это дѣло, Императоръ сказалъ мнѣ: „Nous avons encore à vider un différend personnel. Nous sommes chrétiens tous les deux; or notre sainte loi nous commande de pardonner les offenses. Embrassons nous, ce que tout soit oublié". Я отвѣтилъ Императору, что, съ своей стороны, мнѣ нечего прощать, но что мнѣ приходится позабыть непріятные случаи; что, по всей справедливости, и е. и. в. находится въ такомъ же положеніи, и поэтому я не принимаю прощенія, но предлагаю все позабыть. Императоръ обнялъ меня и отпустилъ съ просьбою возвратить ему прежнюю дружбу. Въ позднѣйшія наши многократныя личныя отношенія ни разу не было болѣе рѣчи о нашей распрѣ. Наши отношенія не замедлили принять прежній довѣрительный характеръ". Вслѣдъ затѣмъ Меттернихъ отправился къ прусскому королю, который отвѣтилъ въ такомъ же смыслѣ. Въ десять часовъ у Меттерниха состоялось уже первое совѣщаніе, вызванное новымъ положеніемъ дѣлъ. „C'est ainsi que la guerre fut décidée en

moins d'une heure", пишетъ Меттернихъ. Первымъ явился къ нему Талейранъ; онъ далъ ему прочесть извѣстіе, полученное изъ Генуи. Талейранъ остался безмятежнымъ, и между ними завязался слѣдующій лаконическій разговоръ, который Меттернихъ воспроизвелъ въ своихъ „Запискахъ". Талейранъ: „Знаете-ли, вы куда направляется Наполеонъ?" — Я: „Донесеніе ничего объ этомъ не говоритъ". — Талейранъ: „Онъ высадится на какой-либо берегъ Италіи и бросится въ Швейцарію". — Я: „Онъ пойдетъ прямо на Парижъ". — „Вотъ исторія во всей ея простотѣ", прибавляетъ Меттернихъ. Высказанное Меттернихомъ предположеніе оправдалось на дѣлѣ. 8-го (20-го) марта 1815 года, Наполеонъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, прибылъ въ Тюильерійскій дворецъ, въ то время, какъ Людовикъ XVIII находился уже на дорогѣ въ Гентъ. Бѣгство короля совершилось съ такою быстротою, что онъ забылъ въ своемъ кабинетѣ копію секретнаго договора 22-го декабря 1814 года (3-го января 1815 года). Наполеонъ воспользовался этимъ счастливымъ случаемъ и, надѣясь разстроить собиравшуюся противъ него коалицію, отправилъ съ этимъ важнымъ документомъ, оставшагося въ Парижѣ секретаря русской миссіи, Будягина, въ Вѣну къ Императору Александру. 27-го марта (8-го апрѣля) Будягинъ вручилъ этотъ документъ Государю, который могъ, наконецъ, наглядно убѣдиться въ двуличіи своихъ союзниковъ. Но цѣль, которую имѣлъ въ виду Наполеонъ, рѣшившись на такое разоблаченіе политическихъ намѣреній Бурбонскаго дома, не была достигнута. На слѣдующее утро Александръ призвалъ къ себѣ Штейна, и давъ ему прочесть договоръ, сказалъ: „Я пригласилъ къ себѣ также князя Меттерниха, и желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ нашего разговора. Вскорѣ вошелъ Меттернихъ. Александръ показалъ ему бумагу и спросилъ: „Извѣстенъ ли вамъ этотъ документъ?" Князь не измѣнился въ лицѣ и молчалъ. Придумывая себѣ оправданіе, онъ хотѣлъ заговорить, но Императоръ прервалъ его и сказалъ: „Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Намъ предстоятъ теперь другія дѣла. Наполеонъ возвратился и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда-либо". Съ этими словами онъ бросилъ трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ и отпустилъ обоихъ министровъ.

Когда узнали, что секретный договоръ, придуманный Талейраномъ, находится въ рукахъ Императора Александра, многіе почувствовали необходимость оправдать себя въ его глазахъ. Король баварскій явился къ Государю съ объясненіями и извиненіями. Александръ замѣтилъ ему: „вы были увлечены другими, я забылъ уже объ этомъ дѣлѣ". Уполномоченный нидерландскаго короля фонъ-Гагернъ не замедлилъ послѣдовать примѣру Баварскаго короля и представилъ свои оправданія черезъ Штейна Александру; они также были благосклонно приняты. Страхъ передъ Наполеономъ заставилъ немедленно всѣ державы вновь возложить свои упованія на Россію и ожидать спасенія Европы отъ великодушія и безкорыстія Александра.

Независимо отъ присылки договора, Наполеонъ прибѣгъ еще къ другому средству для достиженія желаемаго имъ примиренія съ Императоромъ Александромъ. Съ 1814 года королева Гортензія находилась въ перепискѣ съ Государемъ, и Наполеонъ поручилъ ей написать письмо своему неумолимому противнику, съ цѣлью отклонить его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Франціи и убѣдить въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ возстановленной имперіи. Въ этомъ письмѣ отъ 13-го (25-го) марта, между прочимъ, сказано: „La nation est donc toute entière à l'Empereur, *mais elle veut la paix*, et il aura assez d'esprit pour suivre en cela l'opinion dominante, car il a déjà éprouvé, et les Bourbons en sont un exemple, qu'on ne peut rester souverain qu'en ne séparant pas sa cause de celle de la nation. Voici ma politique, et je crois bien que c'est celle qu'on suivra ici; mais on attend avec impatience les intentions de l'Empereur Alexandre, on dit que son intérêt est d'être en paix avec la France, qu'il ne doit jamais craindre qu'on veuille l'inquiéter sur la Pologne, qu'on a la preuve qu'il est impossible de retourner chez lui, qu'il a désiré faire le bonheur de la France, qu'il ne viendra donc pas nous apporter la guerre, pour défendre une famille qui n'était guère reconnaissante envers

lui, et pour aller en contradiction avec une nation qui s'est bien déclarée, car un homme qui arrive tout seul reprendre son trône prouve bien qu'il y est appellé par le voeu de la nation. Il promet une constitution libérale, la liberté de la presse, enfin il veut contenter tout le monde, et s'il ne le fesait pas, *il ne pourrait pas y rester*. Serait-ce donc celui que nous aimons, dont les Français se rappellent encore avec sensibilité tous les procédés, qui viendrait nous apporter ici de nouveaux malheurs; je soutiens toujours que c'est impossible et comme ce que je viens de Vous dire fait le principal sujet de toutes mes conversations, j'aime à Vous en parler et à croire que Vous ne pouvez jamais être que notre ami. Vous seriez toujours à temps d'être notre ennemi, si l'on n'était pas vrai et loyal envers Vous... enfin si Vous êtes notre ami, tout ira bien". (Государственный Архивъ. IV Разрядъ, № 240).

Всѣ эти попытки Наполеона придать своему возвращенію на престолъ мирную развязку и отвлечь отъ союза Императора Александра оказались тщетными. По словамъ современника, могучее, звучное, ласковое слово Императора Александра раздалось на конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Внимая этому слову, всѣ народы европейскіе вдругъ поднялись, какъ одинъ народъ. 13-го (25-го) марта послѣдовала декларація восьми державъ, на основаніи которой Наполеонъ Бонапартъ, какъ нарушитель общаго мира и спокойствія, былъ объявленъ состоящимъ внѣ покровительства законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявлено твердое намѣреніе державъ поддерживать всѣми средствами условія парижскаго договора. Декларація сопровождалась заключеніемъ союзнаго договора, на основаніи шомонскаго трактата. Россія, Англія, Австрія и Пруссія обязались каждая выставить по 150.000 человѣкъ, и не прежде прекратить военныя дѣйствія, какъ лишивъ Наполеона возможности возмущать спокойствіе Европы; тогда же приглашены къ участію въ союзѣ всѣ прочія европейскія державы. По особому договору, Англія обязалась уплатить Россіи, Австріи и Пруссіи субсидію въ 5 милліоновъ фунтовъ стерл.; кромѣ того, тридцати германскимъ владѣніямъ, выставившимъ контингенты противъ Франціи, назначено было еще три съ половиною милліона фунтовъ стерл. Вообще противъ Наполеона союзники выставили 800.000 человѣкъ, изъ нихъ было 167.000 русскихъ, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Барклая-де-Толли. Войска эти двинулись съ мѣста своего расположенія въ началѣ апрѣля, но могли достигнуть французской границы лишь въ іюнѣ, когда побѣда англо-прусскихъ войскъ при Ватерло уже рѣшила участь Наполеона. Корпуса графа Витгенштейна и принца Евгенія Виртембергскаго, выступившіе въ походъ нѣсколько позже, не дошли до Рейна; та же участь постигла и гвардейскій корпусъ. Указъ о походѣ гвардіи послѣдовалъ 27-го апрѣля (9-го мая), но она была остановлена въ Вильнѣ и осенью возвратилась въ столицу, не побывавъ вторично въ Парижѣ. Вообще же вся дѣйствующая армія, ввѣренная Барклаю, вмѣстѣ съ резервами и нестроевыми чинами простиралась до 225.000 человѣкъ. Начальникомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи назначенъ былъ генералъ Дибичъ.

По поводу новаго похода противъ Франціи, Императоръ Александръ писалъ Цесаревичу Константину Павловичу, 12-го (24-го) марта 1815 года: „Vous saurez déjà que Napoléon a reparu sur la scène. Ceux qui étaient le plus intéressés à le bien garder, les Bourbons et les Anglais, y ont mis une ineptie et une insouciance vraiment criminelle. Dès le moment que j'ai appris son départ de son île avec sa petite troupe, je n'ai plus douté un moment qu'il n'eut des intelligences très fortes dans l'armée française, et dès cet instant j'ai prévu la possibilité que joignant les premières troupes qui lui étaient bien disposées il se dirigera avec un corps d'armée sur Paris. C'est justement ce qu'il a fait. Il a dépassé Lyon, et les Bourbons jusqu'à ce moment ne peuvent pas réussir à disposer contre lui d'une force un peu majeure. Dès la première nouvelle de son départ, on est unanimement convenu d'employer les efforts communs les plus vigoureux, pour agir contre lui avant qu'il ne puisse bien ancrer sa puissance en France et rétablir cette force militaire imposante, qui plus tard rendra tous nos efforts vains. Une armée de 150.000 Autrichiens se forme en Italie. Vis-à-vis de Strasbourg une armée composée de 65.000 Bavarois, de 25.000

Würtembergeois et de 10.000 Badois va être soutenue et renforcée par 150.000 Autrichiens. Une armée prussienne de 160.000 hommes se forme près de Luxembourg, ayant à sa droite une autre entre Mons et Namur composée de 60.000 Anglais, 20.000 Bataves et 20.000 Allemands, tels que Hanovriens, Brunswickois et Hessois. Enfin notre armée forte de 200.000 hommes va se porter vers Nuremberg pour faire la grande réserve de toutes ces forces, de manière qu'on va disposer contre ce génie du mal et ce perturbateur du repos public d'une masse de moyens de 860.000 hommes. Très certainement de longtemps il ne pourra pas même mettre 400.000 hommes en campagne, ainsi, avec l'assistance de la Providence Divine, j'espère que nous parviendrons à l'abattre pour la seconde fois. Mais il faudra déjà que ce soit la dernière. Telle est la décision unanime de toutes les puissances... Si je verrai que la lutte s'engage sérieusement, je ferai marcher la garde vers Bialistok, ainsi que la 1-re de grenadiers et le 1-re corps de réserve de cavalerie; sinon, je les laisserai en repos là où ils sont maintenant".

Послѣ возвращенія Наполеона въ Парижъ, недоброжелатели Россіи тотчасъ заговорили другимъ языкомъ. Великодушный Александръ, конечно, не допускалъ и мысли потребовать себѣ новыхъ уступокъ, пользуясь для этой цѣли общимъ переполохомъ. Талейранъ находилъ теперь для своего отечества даже выгоднымъ, чтобы Императору Александру предоставлена была главная роль среди державъ, ополчившихся противъ Наполеона; въ донесеніи королю онъ указалъ и на побудительную къ тому причину: Александръ не можетъ питать никакихъ честолюбивыхъ замысловъ относительно Франціи. Государь, помирившись съ Меттернихомъ, пожелалъ видѣть и Талейрана; онъ сказалъ ему: „Il faut écarter les récriminations, ne point revenir sur le passé et s'occuper franchement et utilement de l'état présent, non pour en chercher les causes, mais pour y remédier". Затѣмъ Александръ присовокупилъ еще, что онъ готовъ пожертвовать послѣднимъ своимъ солдатомъ и послѣднимъ своимъ рублемъ за дѣло, въ которомъ замѣшана его честь. Послѣ такихъ милостивыхъ словъ, неудивительно, что Талейранъ писалъ своему двору: „l'Empereur de Russie a le meilleur langage". Наконецъ, Александръ простеръ свое великодушіе даже до того, что не сказалъ ни слова Талейрану относительно секретной конвенціи, присланной Наполеономъ изъ Парижа. По поводу этого акта Государь выяснилъ свой взглядъ Каподистріи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Люди, которые работали надъ этимъ соглашеніемъ, не ожидаютъ, чтобы теперь я призналъ его несуществующимъ. Однако, я не скажу имъ ни слова и приказываю вамъ поступить точно также. Достаточно будетъ, если я удвою бдительность въ договорѣ, который будетъ заключенъ для возобновленія войны и для открытія похода".

Война съ наполеоновскою Франціею не казалась однако, всѣмъ равно необходимою; нашелся даже прусскій патріотъ генералъ Гнейзенау, передавшій Гарденбергу записку, въ которой развивались мысли, совершенно противныя рѣшеніямъ, принятымъ тогда въ Вѣнѣ. Гнейзенау доказывалъ, что теперь для Пруссіи насталъ удобный моментъ предъявить союзникамъ ультиматумъ, относительно исполненія всѣхъ справедливыхъ требованій ея подъ угрозою выхода изъ союза; затѣмъ, онъ подробно развивалъ всѣ выгоды, которыми союзъ съ Наполеономъ сопровождался бы тогда для Пруссіи. Гарденбергъ отвергъ предложеніе Гнейзенау, назвавъ его: „*eine moralische Enormität*", и отказался даже доложить объ этомъ королю. Впослѣдствіи онъ высказалъ, однако, увѣренность, что подобное безцеремонное поведеніе Пруссіи, въ столь критическій моментъ, склонило бы всѣ державы согласиться на требуемыя ею уступки.

Появленіе Наполеона въ Парижѣ встревожило Россію, но въ изъявленіяхъ безпокойства видно было болѣе досады, чѣмъ страха. Въ одной только Москвѣ, говоритъ современникъ, пріостановились съ новыми постройками, но не на долго. Воображенію многихъ представлялось, что Наполеонъ по прежнему будетъ все продолжать идти впередъ, и предосторожные люди думали только объ одномъ, какъ бы на этотъ разъ своевременно начать укладываться, чтобы завоеватель не засталъ ихъ врасплохъ, какъ въ 1812 году. Въ Петербургѣ не сомнѣвались въ успѣхѣ новой войны. „Поступокъ Наполеона въ глазахъ нашихъ", пишетъ Вигель, „былъ не что иное, какъ

возмущеніе противъ Александра, на котораго въ двѣнадцатомъ году всѣ смотрѣли мы съ обиднымъ состраданіемъ и въ котораго черезъ три года вѣровали безпредѣльно. Грозный же повелитель народовъ, законодатель цѣлой Европы, ужасъ Россіи, который имя свое долженъ былъ дать столѣтію, въ которомъ жилъ, казался намъ отчаяннымъ пройдохой, которому нечего было терять и который въ послѣдній разъ хочетъ испытать свое счастіе. Сама Франція, сума переметная, въ мнѣніи нашемъ писпала до состоянія слабой, вѣчно мятежной Польши, которую Россія столько разъ безъ труда унимала. Даже простой народъ полагалъ, что съ Бонапартомъ также легко будетъ справиться, какъ съ Костюшкой, и что казакъ на арканѣ вѣрно притащитъ его въ русскій станъ".

Съ самаго открытія вѣнскаго конгресса Талейранъ усердно домогался сверженія Мюрата съ неаполитанскаго престола и возстановленія здѣсь Бурбонской династіи въ лицѣ Фердинанда IV. Мюратъ не пользовался сочувствіемъ вѣнценосцевъ, засѣдавшихъ въ Вѣнѣ; даже Императоръ Александръ въ разговорѣ съ Талейраномъ выразился о немъ неодобрительно и сказалъ: „c'est une canaille qui nous a tous trahi". Но по разнымъ причинамъ рѣшительныя противъ него дѣйствія были временно отложены. Когда же Наполеонъ возвратился въ Парижъ, Мюратъ поднялъ знамя итальянской независимости; смѣлое предпріятіе его, однако, не увѣнчалось успѣхомъ; австрійцы восторжествовали, и Мюратъ бѣжалъ во Францію.

Возстановленіе французской имперіи ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на вѣнскомъ конгрессѣ. 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлявшіе судьбу Варшавскаго герцогства; оно было присоединено къ Россіи подъ наименованіемъ Царства Польскаго, за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отданныхъ Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскою областью, которая съ 1809 года принадлежала Россіи. Александръ принималъ титулъ Царя Польскаго и предоставлялъ себѣ даровать этому государству, имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ, то „внутреннее расширеніе", которое за благо признаетъ. Вообще же полякамъ, какъ россійскимъ подданнымъ, такъ и австрійскимъ и прусскимъ, предположено даровать представительный образъ правленія и національныя учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, который признаютъ удобнѣйшимъ и полезнѣйшимъ владѣющія ими правительства. Въ тотъ же день заключенъ уполномоченными Пруссіи и Саксоніи трактатъ, по условіямъ котораго король саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи. Наконецъ, почти мѣсяцемъ позже, 27-го мая (8-го іюня) 1815 года былъ подписанъ актъ германскаго союза, а на слѣдующій день, 28-го мая (9-го іюня)—главный актъ вѣнскаго конгресса.

На основаніи условій конгресса 1815 года, Россія увеличила свою территорію пространствомъ около 2.100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ; Австрія пріобрѣла 2.300 кв. миль съ десятью милліонами человѣкъ, а Пруссія 2.217 кв. миль съ 5.362.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, Россія, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть трехлѣтней войны съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, получила наименьшее вознагражденіе.

За нѣсколько дней до подписанія трактатовъ, опредѣлившихъ судьбу герцогства Варшавскаго, Императоръ Александръ извѣстилъ президента польскаго сената, графа Островскаго, о предстоявшемъ присоединеніи Царства Польскаго къ Россійской Имперіи. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, сказано: „Si le grand intérêt du repos général n'a pas permis que tous les Polonais fussent réunis sous le même sceptre, je me suis efforcé du moins d'adoucir, autant que possible, les rigueurs de leur séparation, et de leur obtenir partout la jouissance, possible de leur nationalité". Вслѣдъ затѣмъ, 13-го (25-го) мая послѣдовалъ манифестъ жителямъ Царства Польскаго о дарованіи имъ конституціи, самоуправленія, собственной арміи и свободы печати. 9-го (21-го) іюня въ Варшавѣ происходило торжество возстановленія Польши. Князь Чарторижскій въ письмѣ къ Императору Александру выразился, что воспоминаніе объ этомъ днѣ должно быть для великодушнаго сердца

Государя наградою за его труды на благо человѣчества. Въ католической соборной церкви собрались всѣ правительственныя лица, гдѣ послѣ Божественной службы были прочтены: актъ отреченія короля саксонскаго, манифестъ Императора Всероссійскаго, короля Польскаго, и основанія будущей конституціи. Государственный совѣтъ, Сенатъ, чиновники и жители принесли присягу въ вѣрности Государю и конституціи. Тогда же бѣлый орелъ и польское знамя водружено на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ и во всѣхъ церквахъ отслужено благодарственное молебствіе съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Затѣмъ всѣ государственные сановники отправились къ Цесаревичу. Войска собрались на равнинѣ, близь Воли, гдѣ сооруженъ былъ алтарь; тамъ военные чины, по батальонно, присягали въ присутствіи августѣйшаго главнокомандующаго польскою арміею. Канонада и ружейные залпы, заключившіе торжество, прерывались громкими восклицаніями народа: „да здравствуетъ нашъ король Александръ". Князь Адамъ Чарторижскій, присланный Государемъ изъ Вѣны, занялъ мѣсто въ совѣтѣ. 13-го (25-го) мая Императоръ Александръ писалъ ему изъ Вѣны: „Вы имѣли случай ознакомиться съ моими намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ, и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ виду, при совѣщаніяхъ совѣта, и обращать на нихъ все вниманіе вашихъ товарищей, для того, чтобы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими воззрѣніями". Для составленія же конституціи былъ назначенъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго, изъ польскихъ сановниковъ.

Императоръ Александръ, не дожидаясь окончанія конгресса, выѣхалъ изъ Вѣны 13-го (25-го) мая и отправился къ арміи, приближавшейся къ Рейну. 9-го (21-го) мая Государь подписалъ манифестъ „о поднятіи оружія противъ похитителя французскаго престола всѣми державами, хранящими законъ благочестія и правды". Въ томъ же манифестѣ возвѣщалось о присоединеніи къ Россіи обширнѣйшей части бывшаго герцогства Варшавскаго. „Симъ ограждается предѣловъ нашихъ безопасность, возникаетъ твердый оплотъ, навѣты и вражескія покушенія отражающій, возраждаются узы братства племенъ, взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія. Сего ради признали Мы за благо устроить участь сего края, основавъ внутреннее управленіе онаго на особенныхъ правилахъ, свойственныхъ нарѣчію, обычаямъ жителей и къ мѣстному ихъ положенію примѣненныхъ. Слѣдуя ученію Христіанскаго закона, коего владычество объемлетъ толикое число разноплеменныхъ народовъ, но при всемъ томъ отличающія ихъ свойства и обычаи сохраняетъ неизмѣнными, возжелали Мы, созидая благополучіе новыхъ подданныхъ, поселить въ сердцахъ ихъ чувство приверженности къ престолу Нашему, и тѣмъ изгладить навсегда слѣды прежнихъ бѣдствій, отъ пагубнаго несогласія и долговременной борьбы происходящихъ".

Въ день отъѣзда изъ Вѣны, Императоръ Александръ возвелъ графа Разумовскаго въ княжеское достоинство, въ воздаяніе отличныхъ услугъ, оказанныхъ отечеству въ продолженіе Вѣнскаго конгресса.

Государь остановился на короткое время въ Мюнхенѣ и Стутгартѣ, и 23-го мая (4-го іюня) прибылъ въ Гейльбронъ, избранный мѣстомъ для русской главной квартиры. Здѣсь произошла первая встрѣча Императора Александра съ баронессою Юліаною Криднеръ.

Баронесса Криднеръ (рожденная Фитингофъ), авторъ извѣстнаго романа „Valérie", давно уже изъ тщеславной, свѣтской женщины обратилась въ кающуюся грѣшницу и вступила на путь мистическаго піэтизма. Знакомство съ моравскими братьями и въ особенности съ Юнгъ-Штиллингомъ окончательно утвердили ея мысли въ благочестиво-филантропическомъ настроеніи. Она, со свойственною ей экзальтаціею, все больше и больше воображала, что ей предстоитъ великое дѣло, что самъ Богъ поручаетъ ей высокую миссію—обращать невѣрующихъ. По замѣчанію ея біографа, она была готова сказать, подражая Лудовику XIV: „Le ciel c'est moi". Въ 1814 году г-жа Криднеръ сблизилась въ Карлсруэ съ фрейлиною Р. С. Стурдзою и черезъ нея проникла къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Но, по ея словамъ, внутренній голосъ говорилъ ей, что этимъ

дѣло еще не кончено; конечную цѣль ея стремленій составляло сближеніе съ Императоромъ Александромъ, душевное настроеніе котораго того времени ей было вполнѣ извѣстно какъ изъ разговоровъ со Стурдзою, такъ и послѣ свиданія Государя съ Юнгъ-Штиллингомъ, состоявшагося въ 1814 году, во время Высочайшаго пребыванія въ Брухзалѣ. Въ продолженіе Вѣнскаго конгресса г-жа Криднеръ поддерживала дѣятельную переписку съ Р. С. Стурдзою. Она коснулась въ этой перепискѣ и Императора Александра и говоритъ: „Вамъ хотѣлось бы говорить о столькихъ великихъ и глубокихъ прекрасныхъ качествахъ души Императора. Мнѣ кажется, что уже много знаю о немъ. Я уже давно знаю, что Господь дастъ мнѣ радость его видѣть. Если я буду жива, это будетъ одной изъ счастливыхъ минутъ моей жизни... Я имѣю множество вещей сказать ему, потому что я испытала многое по его поводу: Господь одинъ можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ; я не безпокоюсь объ этомъ; мое дѣло быть безъ страха и упрека; его дѣло преклониться передъ Христомъ, истиной". Къ этимъ душевнымъ изліяніямъ г-жа Криднеръ искусно примѣшивала тайныя пророчества: „Буря приближается; эти лиліи явились, чтобы исчезнуть". Р. С. Стурдза была поражена этими таинственными предсказаніями, и показала письмо Императору Александру; онъ поручилъ ей написать г-жѣ Криднеръ, что почтетъ для себя счастіемъ встрѣчу съ нею. Въ такомъ же духѣ г-жа Криднеръ продолжала писать и въ слѣдующемъ году; въ письмѣ отъ 4-го февраля 1815 года она еще яснѣе высказала занимавшія ея мысли: „Величіе миссіи Императора въ послѣднее время было еще открыто мнѣ такъ, что мнѣ непозволительно въ ней сомнѣваться. Я преклонялась передъ щедротами Господа, который далъ столько благословеній этому орудію милосердія. Ахъ, какъ мало міръ знаетъ о всемъ томъ, что ожидаетъ его, когда священная политика возьметъ въ бразды все, и когда солнце правосудія покажется для самыхъ слѣпыхъ. Да, милый другъ, я убѣждена, что я имѣю множество вещей сказать ему, и хотя князь тьмы дѣлаетъ все возможное, чтобы удалить и помѣшать тѣмъ, кто будетъ говорить съ нимъ о божественныхъ вещахъ, Всемогущій будетъ сильнѣе его. Богъ, который любитъ пользоваться тѣми, кто въ глазахъ свѣта служитъ предметомъ униженія и насмѣшекъ, приготовилъ мое сердце къ тому смиренію, которое не ищетъ одобренія людей. Я только ничтожество. Онъ все, и земные цари трепещутъ передъ нимъ".

Выше уже упомянуто, что первый религіозный порывъ Императора Александра проявился въ 1812 году, когда тяжелыя испытанія обрушились на Россію и вселили справедливую тревогу въ душѣ его. Религіозныя стремленія Александра не могли быть удовлетворены обычными церковными формами; онъ искалъ здѣсь нѣчто другое. Поэтому, разставшись съ тѣми гуманистическими идеалами, которые до нѣкоторой степени воодушевляли его съ юныхъ лѣтъ, и вступивъ разъ на религіозную почву, онъ по свойствамъ своего характера руководствовался и въ этомъ дѣлѣ идеальными стремленіями, не разставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ присущею ему сентиментальною романтикою. При такомъ настроеніи у Александра должна была проявиться воспріимчивость къ внушеніямъ піэтистовъ и мистиковъ. Заграничный походъ представилъ къ тому много удобныхъ случаевъ: въ Силезіи Государь посѣщалъ общины моравскихъ братьевъ, въ Баденѣ онъ бесѣдовалъ съ Юнгъ-Штиллингомъ, въ Лондонѣ оказывалъ большую благосклонность квакерамъ и выражалъ сочувствіе депутаціи Библейскаго общества. Настало время Вѣнскаго конгресса съ его нескончаемыми свѣтскими развлеченіями и политическими разочарованіями. И вдругъ, среди этого водоворота удовольствій и дипломатическихъ интригъ, грянуло извѣстіе о появленіи Наполеона во Франціи и бѣгствѣ короля. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ впечатлѣній Императоръ Александръ прибылъ въ Гейльброннъ.

„Наконецъ, я вздохнулъ свободнѣе", разсказывалъ Александръ о своемъ пребываніи въ Гейльброннѣ Р. С. Стурдзѣ, „и первымъ моимъ движеніемъ было взять книгу, которая всегда со мною; но отуманенный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго; мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ была для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ.

Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы мнѣ говорили о г-жѣ Криднеръ, а также и о желаніи, высказанномъ мною вами, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и гдѣ мнѣ ее встрѣтить? Никогда! Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ я услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады, онъ сказалъ мнѣ что поневолѣ безпокоитъ меня въ такой часъ, только потому, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Криднеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ казалось, что это сновидѣніе. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ душѣ моей, обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея появленіе оказалось для меня благодѣяніемъ".

Въ этомъ первомъ свиданіи г-жа Криднеръ подняла передъ нимъ завѣсу прошедшаго и представила жизнь его со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе, не есть полное искупленіе грѣховъ и не ведетъ еще къ духовному возрожденію. „Нѣтъ, Государь, сказала она ему, вы еще не приблизились къ Богочеловѣку, какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ Того, Кто одинъ на землѣ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились предъ Іисусомъ, не сказали еще, какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова". Въ заключеніе г-жа Криднеръ сказала: „Государь, я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всею искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были вамъ сказаны. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ".—„Не бойтесь", отвѣчалъ Александръ, „всѣ ваши слова оправдываются въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ вещи, которыхъ я никогда еще въ себѣ не видѣлъ; я благодарю за это Бога".

Императоръ Александръ, по обыкновенію, принятому имъ въ 1813 и 1814 годахъ, желалъ непремѣнно быть въ средоточіи военныхъ дѣйствій. Австрійцамъ это намѣреніе было не по душѣ, и они прислали изъ своей главной квартиры въ Гейдельбергѣ извѣщеніе, что въ этомъ небольшомъ городѣ трудно найти подходящее помѣщеніе, а потому они полагали, что для его величества гораздо спокойнѣе будетъ продолжать пребываніе въ Гейльброннѣ. Государь приказалъ отвѣчать, что проситъ объ отводѣ въ Гейдельбергѣ для него только одного или двухъ домовъ, а что главная квартира его расположится въ окрестныхъ деревняхъ. Затѣмъ, Александръ 25-го мая (6-го іюля) переѣхалъ въ Гейдельбергъ и окончательно поселился за городомъ, на берегу Некара, въ домѣ англичанина Никфорда; здѣсь Государь пробылъ до 10-го (22-го) іюня, ожидая приближенія къ Рейну своей арміи.

Г-жа Криднеръ не замедлила также переѣхать въ Гейдельбергъ и поселиться недалеко отъ дома, занимаемаго Государемъ. Тамъ онъ проводилъ большую часть своихъ вечеровъ и, слушая ея душеспасительныя наставленія, въ довѣрчивой бесѣдѣ, передавалъ повѣсть скорбей и страстей, которыми омрачилась преисполненная горестями жизнь его. Во время пребыванія Государя въ Гейдельбергѣ сюда явились Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи. Бывшій воспитатель ихъ генералъ Ламздорфъ возвратился въ Россію и мѣсто его занялъ генералъ - адъютантъ Коновницынъ. Въ день пріѣзда Великихъ Князей, пишетъ очевидецъ, Государь пробылъ цѣлый вечеръ съ ними. „Великіе Князья не только любятъ Государя какъ брата, но имѣютъ къ нему особенное благоговѣніе, какъ къ знаменитому мужу". Затѣмъ, пріѣхала сюда же Великая Княгиня Екатерина Павловна. Когда русская армія вступила во Францію, Великіе Князья сопровождали Государя на маршѣ къ Парижу. Еще до прибытія Государя въ Гейдельбергъ, австрійцы приступили къ разработкѣ общаго плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Онъ заключался въ томъ, чтобы, въ ожиданіи прибытія русской арміи къ среднему Рейну, сосредоточить англо-прусскую армію въ

Бельгіи и на нижнемъ Рейнѣ, а свою, составленную изъ австрійскихъ и нѣмецкихъ войскъ, на верхнемъ Рейнѣ, чтобы войти въ связь съ австрійскою арміею, двигавшеюся изъ Италіи; по прибытіи же русской арміи къ Майнцу и Мангейму, надлежало, по мнѣнію князя Шварценберга, направить ее на поддержаніе австрійской арміи къ Шомону. Затѣмъ, обѣ союзныя массы войскъ должны были одновременно двинуться впередъ. Планъ этотъ, очевидно, сочиненъ былъ въ такомъ предположеніи, какъ будто Наполеонъ располагалъ въ 1815 году несмѣтными силами, и свидѣтельствуетъ о всеобщемъ страхѣ, который онъ вселилъ прежними побѣдами. Императоръ Александръ началъ оспаривать цѣлесообразность выработаннаго Шварценбергомъ предположенія, и между прочимъ высказалъ мнѣніе о необходимости союзнымъ монархамъ быть вмѣстѣ въ одной главной квартирѣ, какъ и въ прошломъ году. Въ политическихъ взглядахъ союзниковъ относительно будущей судьбы Франціи царствовало также не меньшее разногласіе. Гагернъ по этому поводу писалъ: „L'opinion de l'Europe est extrêmement partagée". Пока въ главной квартирѣ происходили совѣщанія и споры, Наполеонъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ англо-прусской арміи и разбилъ Блюхера при Линьи. Это извѣстіе вызвало тревогу въ союзной главной квартирѣ. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ, 8-го (20-го) іюня, на которомъ, отмѣнивъ прежде принятый планъ дѣйствій, рѣшили: обѣ арміи, русскую и австрійскую, сосредоточить между Майнцомъ и Базелемъ и слѣдовать къ Нанси, имѣя въ виду сосредоточиться тамъ въ концѣ іюня (стараго стиля); баварской арміи поручено прикрывать русскую армію съ праваго фланга, а корпусу графа Ланжерона обложить Страсбургъ и Ландау.

Опасенія союзниковъ продолжались не долго. 10-го (22-го) іюня было получено извѣстіе о рѣшительной побѣдѣ, одержанной при Ватерло, и отнынѣ союзниками руководило только одно соображеніе—въ возможно скорѣйшее время достигнуть Парижа. На другой день Императоръ Александръ перенесъ свою главную квартиру въ Мангеймъ. Между тѣмъ, событія во Франціи быстро подвигались къ окончательной развязкѣ; 13-го (25-го) іюня Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына и отправился въ Рошефоръ. Теперь оставалось только Людовику XVIII возвратиться въ свою столицу и принять престолъ изъ рукъ временнаго правительства, что онъ не замедлилъ исполнить съ возможною для него поспѣшностью.

Приближаясь къ французскимъ предѣламъ, фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли отдалъ, по приказанію и ближайшимъ указаніямъ Императора Александра, приказъ по арміи, въ которомъ войска предварялись, что всѣ благомыслящіе и благонамѣренные французы—наши друзья. „Мирный и безоружный житель Франціи, въ жилищѣ и собственности своей, между вами долженъ быть столько же безопасенъ, какъ въ нашемъ отечествѣ наши соотечественники. Одни вооруженные и дѣйствующіе противъ васъ и союзниковъ нашихъ суть ваши враги и непріятели: ихъ надлежитъ вамъ побѣждать и истреблять. Въ прошедшую войну, когда еще живо напечатлѣны были въ каждомъ изъ васъ всѣ ужасы причиненныхъ французами въ Россіи опустошеній, зажигательствъ, насильствъ и грабежей; когда духъ мщенія не могъ еще временемъ изгладиться въ чувствованіяхъ вашихъ, вы и тогда отличались безпримѣрною добродѣтелью щадить безоружныхъ жителей Франціи. Теперь, когда они ни въ чемъ невинны и когда ихъ объятія къ вамъ распростерты, вы тѣмъ паче обязываетесь усугубить сію добродѣтель, не посягать на обиду и озлобленіе мирныхъ и невооруженныхъ французовъ; напротивъ, защищать и покровительствовать несчастныя жертвы, угнетаемыя тиранствомъ и властолюбіемъ: на сіе воля Государя Императора есть точная и непреложная... Справедливость, а съ нею и Богъ на нашей сторонѣ. Мы не жаждемъ подобно Бонапарте крови по видамъ властолюбія: достиженіе общаго спокойствія, безопасности и незыблемаго благополучія народовъ есть единственная цѣль союзныхъ Государей; слѣдовательно, съ твердымъ упованіемъ можемъ мы положиться на помощь Всемогущаго, и съ увѣренностью ожидать новыхъ побѣдъ и уничтоженія вредныхъ замысловъ врага человѣчества". Императоръ Александръ производилъ смотры русскимъ войскамъ, проходившимъ черезъ Мангеймъ на лѣвый берегъ Рейна.

*

Русскіе полки удивили иностранцевъ мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Но отъ зоркаго ока Государя не скрылись нѣкоторые недостатки, и онъ часто выражалъ свое неудовольствіе.

Во время похода во Францію въ 1815 году, военные подвиги русскихъ ограничились только взятіемъ штурмомъ города Шалона, причемъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ захватилъ шесть орудій. Кромѣ того, русскіе встрѣтили упорное сопротивленіе при обложеніи крѣпости Мецъ. Государь съ главною квартирою своею, съ императоромъ Францомъ и королемъ прусскимъ слѣдовалъ при колоннѣ войскъ, находившейся подъ начальствомъ генерала Раевскаго. Очевидецъ и участникъ похода пишетъ: „Можно сказать, что Государь самъ предводительствуетъ всею арміею, а что Барклай де-Толли объявляетъ только его повелѣнія; всѣ донесенія приходятъ прямо къ Императору, приказанія о движеніи войскъ и о направленіи ихъ отдаются его величествомъ. Князь Волконскій показываетъ ему почти каждую бумагу, относящуюся до марша арміи; Государь собственноручно сочиняетъ бумаги, которыя заслуживаютъ большаго вниманія, и лично повѣряетъ таблицы маршей, словомъ, онъ входитъ во всѣ подробности. Переходы дѣлаетъ онъ верхомъ, съ чужими веселъ и торжествуетъ, когда же занимается дѣломъ—важенъ, иногда бранчивъ, быстръ, но не торопливъ, и взыскателенъ“. Населеніе всюду съ любопытствомъ и сочувствіемъ встрѣчало Государя; по нѣсколько часовъ народъ терпѣливо ожидалъ минуты, чтобы взглянуть на него, между тѣмъ какъ улицы, въ которыхъ жили императоръ Францъ и король прусскій, по свидѣтельству очевидца, были пусты, „какъ будто бы монарховъ сихъ тамъ не было“.

Однообразіе похода, который уподоблялся военной прогулкѣ, было прервано попытками французовъ организовать партизанскую войну; но она не успѣла получить опаснаго для арміи развитія, вслѣдствіе занятія англо-прусскими войсками Парижа, сдавшагося на капитуляцію. Съ этой минуты война могла считаться оконченною. Не доѣзжая до Сенъ-Дизье, Государь встрѣтилъ курьера съ донесеніемъ изъ Парижа генералъ-адъютанта Чернышева, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что, по мнѣнію Веллингтона, присутствіе Императора Александра въ Парижѣ необходимо, такъ какъ онъ одинъ только въ состояніи разсѣчь Гордіевъ узелъ и принять мѣры, сообразныя съ обстоятельствами. Генералъ Гнейзенау, какъ свидѣтельствовалъ Чернышевъ, также былъ того мнѣнія, что въ виду непріязненнаго расположенія парижанъ къ Бурбонамъ, одинъ Государь можетъ распутать это дѣло, и что безъ него никто не осмѣливается ни на что рѣшиться; поэтому Веллингтонъ убѣдительно просилъ Императора прибыть въ Парижъ, чтобы положить конецъ какъ личному его недоумѣнію, такъ равно запутанности дѣлъ вообще.

Императоръ Александръ рѣшился немедленно опередить армію и проѣхать 200 верстъ, отдѣлявшія его отъ Парижа, по пространству, не занятому нашими войсками. 27-го іюня (9-го іюля) Государь выѣхалъ изъ Сенъ-Дизье, сопровождаемый императоромъ Францемъ и королемъ прусскимъ. Для обезпеченія переѣзда заблаговременно было послано на каждую станцію до города Мо по полусотнѣ казаковъ; далѣе же монархи продолжали путь безъ конвоя. При Государѣ находились: графы Нессельроде и Каподистрія, князь Волконскій и капитанъ Михайловскій-Данилевскій. Всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ; положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. Очевидецъ пишетъ: „Должно удивляться, съ какою смѣлостію Государь отважился на опасный путь, въ которомъ сотня рѣшительныхъ французовъ могла перемѣнить участь вселенной“. 28-го іюня (10-го іюля), Александръ благополучно прибылъ въ Парижъ и остановился въ Елисейскомъ дворцѣ. Когда парижане, не ожидавшіе такъ скоро увидѣть Государя, узнали его, то взывали въ восторгѣ: „вотъ Александръ, вотъ нашъ избавитель!“ Черезъ полчаса прибылъ король; на этотъ разъ онъ позабылъ разыгрывать Лудовика XIV и первымъ поспѣшилъ привѣтствовать покровителя Франціи. Оба монарха провели вмѣстѣ болѣе часа, и когда вышли изъ комнаты, въ которой бесѣдовали, то на Государѣ была голубая лента ордена Святаго Духа, и король, обратившись къ стоявшимъ здѣсь русскимъ, сказалъ Императору: „Ваше

величество, объявите этимъ господамъ, что на васъ не лента святого Андрея Первозваннаго". Они разстались, повидимому, ласковѣе и дружнѣе, нежели встрѣтились.

Прибытіе Императора Александра успокоило жителей Парижа; всѣ партіи признавали его своимъ покровителемъ и возлагали на него надежду. Блюхеръ намѣревался взорвать Іенскій мостъ и приступилъ къ приготовленіямъ, не взирая на протесты французскаго правительства; Государь немедленно запретилъ исполнить намѣченное пруссаками варварское распоряженіе. Кромѣ того, контрибуція, наложенная Блюхеромъ на Парижъ, была уменьшена, и, наконецъ, Александръ явился защитникомъ цѣлости Франціи противъ неумѣренныхъ требованій своихъ союзниковъ на предстоявшихъ мирныхъ переговорахъ. Среди всеобщаго возбужденія умовъ и разныхъ предостереженій, получавшихся Государемъ, онъ не подавалъ вида, что чего-либо можно опасаться: ходилъ по Парижу пѣшкомъ иногда одинъ, прогуливался по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного только конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями французами, и съ кучеромъ также французомъ, безъ всякаго прикрытія. Караулъ содержали въ Елисейскомъ дворцѣ попеременно пруссаки, англичане, а затѣмъ и русскіе; только на ночь дворецъ охраняли еще нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Государя въ Парижъ, третья гренадерская и 2-я кирасирская дивизіи вступили съ торжествомъ въ столицу Франціи; при церемоніальномъ маршѣ случилась бѣда: три полка сбились съ ноги, за что полковые командиры арестованы, къ общему огорченію русскихъ. Вообще, большія строгости въ арміи вызвали неудовольствіе и даже частые побѣги, подобно тому, какъ это имѣло уже мѣсто въ 1814 году; Государь повелѣлъ тогда графу Нессельроде снестись съ французскимъ правительствомъ, чтобы оно запретило укрывать бѣглецовъ и выдавало ихъ намъ.

Въ 1814 году, во время пребыванія въ Парижѣ, Императоръ Александръ разрѣшилъ всѣмъ военнымъ носить гражданское платье, не присутствовалъ болѣе на разводахъ, и, какъ пишетъ очевидецъ, „будучи свидѣтелемъ подвиговъ арміи, убѣдился, какъ казалось, въ томъ, что строгое соблюденіе гарнизонной службы безполезно. Таковое расположеніе продолжалось и нынѣшняго года, по вступленіи нашемъ въ Парижъ, двѣ недѣли, и можно себѣ легко представить, сколь много сіе всѣхъ радовало. Однажды вечеромъ Государь поѣхалъ гулять верхомъ по Елисейскимъ полямъ и встрѣтилъ Веллингтона, учившаго двѣнадцать рекрутъ. По возвращеніи, Государь сказалъ: „Wellington m'a fait revenir d'une grande erreur, en temps de paix il faut s'occuper des détails du service", и на другой день послѣ сей встрѣчи съ англійскимъ фельдмаршаломъ, начались у насъ по прежнему разводы и ученія. Мнѣ кажется, что эта встрѣча не была случайная и что она была приготовлена англійскимъ министерствомъ въ томъ намѣреніи, чтобы отвлечь Императора фронтовою службою отъ важнѣйшихъ занятій".

Вообще Государь становился все болѣе и болѣе взыскательнымъ. „Строгость", говорилъ онъ, „причиною, что наша армія есть самая храбрая и прекрасная". Однажды, Государь очень разгнѣвался на князя Волконскаго за то, что затерялось какое-то важное донесеніе, полученное отъ нашего посланника при Нидерландскомъ Дворѣ, и между прочимъ сказалъ ему при всѣхъ, что „онъ его ушлетъ въ такое мѣсто, котораго князь не найдетъ на всѣхъ своихъ картахъ". „Хотя князь въ семъ дѣлѣ былъ не виноватъ, пишетъ Данилевскій, потому что, какъ мнѣ извѣстно, онъ положилъ полученную изъ Брюсселя депешу въ кабинетѣ Государя, гдѣ она во множествѣ бумагъ, вѣроятно, затерялась, но не менѣе того онъ чрезмѣрно былъ огорченъ, никого во весь день, кромѣ меня, къ себѣ не допускалъ, говорилъ мнѣ, что онъ все броситъ и уѣдетъ въ Россію и, наконецъ, просилъ меня принести ему Библію. Подъ вечеръ Государь за нимъ послалъ и, смѣясь, сказалъ ему: „Не правда ли, что ты былъ виноватъ? помиримся". „Вы бранитесь при всѣхъ", отвѣчалъ князь, „а миритесь наединѣ". Они пробыли вдвоемъ съ часъ, и на другой день назначено быть званому обѣду, на которомъ Императоръ хотѣлъ всему Двору показать, что онъ болѣе не гнѣвается на своего любимца, и между прочимъ сказалъ: „Люди живущіе вмѣстѣ, иногда ссорятся, но

зато скоро и мирятся, напримѣръ какъ мы съ Волконскимъ".

По приглашенію Императора Александра г-жа Криднеръ отправилась въ Парижъ; она прибыла 2-го (14-го) іюля и поселилась по близости Елисейскаго дворца, въ отелѣ Моншеню. Государь часто видался съ нею и проводилъ у нея вечера. Принимавшій участіе въ этихъ собраніяхъ. бывшій женевскій пасторъ Эмпейтазъ, помѣстилъ въ своихъ замѣткахъ объ Александрѣ нѣсколько любопытныхъ по этому предмету разсказовъ. Императоръ больше и больше проникался убѣжденіемъ въ силѣ покаянія и смиренной молитвы. Однажды, когда бесѣда шла объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ: „Je puis vous assurer que, m'étant souvent trouvé dans des situations scabreuses, j'en ai toujours été tiré par la prière. Je vous dirai une chose qui étonnerait singulièrement le monde, si elle était connue: c'est que dans mes conférences avec mes ministres, qui sont loin d'avoir mes principes, lorsqu'ils sont d'avis contraire, au lieu de disputer, je prie intérieurement, et je les vois se rapprocher peu à peu des principes de la charité et de la justice". Образъ жизни Государя совершенно измѣнился; онъ уединялся, избѣгалъ праздниковъ и увеселеній. Г-жа Криднеръ писала: „Онъ обязанъ бывать иногда въ свѣтѣ, но онъ никогда не отправляется на спектакли или на балы, и онъ говорилъ мнѣ, что эти вещи производятъ на него впечатлѣніе похоронъ, и что онъ уже не можетъ понимать свѣтскихъ людей, предлагающихъ ему удовольствіе".

Изнуренная длиннымъ и продолжительнымъ походомъ, русская армія такъ скоро оправилась, что, до возвращенія ея въ отечество, Императоръ Александръ пожелалъ пощеголять ею и показать войска непріятелямъ и союзникамъ. Эта, какъ называетъ ее современникъ, мирная война принесла свою пользу. Императоръ, принявшій на себя роль великодушнаго покровителя Франціи, хотѣлъ показать союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукою для поддержки своихъ намѣреній, и такъ какъ этотъ смотръ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить шумнымъ объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получала и другое значеніе: выступленіе войскъ показывало, что Россія не намѣрена болѣе участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціею, если бы переговоры не пришли къ мирному концу. Первоначально предположено было произвести этотъ смотръ въ началѣ августа мѣсяца подъ Феръ-Шампенуазомъ, но затѣмъ онъ отложенъ былъ на нѣсколько недѣль для того, чтобы дать время на уборку хлѣба съ полей. Вмѣсто Феръ-Шампенуаза окончательно избрали для этой цѣли обширную равнину, близъ города Вертю, между Эперне, Бріеномъ и Шалономъ, посреди которой находится гора „Mont-Aimé". Покуда армія сосредоточивалась на этой мѣстности, въ Императорской главной квартирѣ днемъ и ночью не прерывалась работа: составлялись чертежи, обсуждали разстановку войскъ, какія движенія имъ произвести и устанавливали командныя слова и сигналы для каждаго корпуса порознь. Государь самъ входилъ во всевозможныя подробности; къ нему носили разъ по двадцати въ день всѣ бумаги, касавшіяся этого смотра, въ которомъ онъ намѣревался представить свою армію на судъ всей Европы. 25-го августа (6-го сентября) Императоръ Александръ отправился съ княземъ Волконскимъ въ Вертю. Предположено было 26-го августа (7-го сентября), въ памятный день Бородинскаго сраженія, произвести примѣрный смотръ, а затѣмъ 29-го августа (10-го сентября) настоящій смотръ, въ присутствіи союзныхъ государей и всѣхъ приглашенныхъ на это торжество иностранцевъ. Военное празднество должно было закончиться 30-го августа (11-го сентября), въ день тезоименитства Государя, церковнымъ парадомъ. Въ строю находилось болѣе 150.000 человѣкъ при 540 орудіяхъ; изъ собранныхъ здѣсь русскихъ войскъ, отсутствовалъ только корпусъ графа Ланжерона, блокировавшій французскія крѣпости, еще непокоренныя союзниками.

Репетиція парада удалась вполнѣ. Наружное состояніе войскъ было безукоризненное, всѣ построенія совершались въ образцовомъ порядкѣ. Въ минуту радостнаго чувства при видѣ своей арміи Александръ сказалъ: „Я вижу, что моя армія первая въ свѣтѣ; для нея нѣтъ ничего невозможнаго, и по самому наружному ея виду никакія войска не могутъ съ нею сравниться".

29-го августа смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и 26-го, въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, причемъ, во время церемоніальнаго марша Государь лично предводительствовалъ арміею и салютовалъ союзныхъ монарховъ. Великій Князь Николай Павловичъ въ первый разъ обнажилъ шпагу, въ качествѣ бригаднаго командира, передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ; Великій Князь Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи. Одинъ изъ присутствовавшихъ иностранцевъ сказалъ, что этотъ смотръ есть урокъ, даваемый россійскимъ Императоромъ прочимъ народамъ. Въ день Александра Невскаго происходило богослуженіе въ семи походныхъ церквахъ; войска расположились въ каре по тремъ фасадамъ, кругомъ церковныхъ шатровъ. 30-го августа фельдмаршалъ графъ Барклай де-Толли былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Въ тотъ же день графъ Каподистрія и Марченко были назначены статсъ-секретарями. Въ приказѣ, отданномъ по арміи Императоромъ Александромъ, по окончаніи смотровъ въ Вертю, Государь изъявлялъ *сослуживцамъ* своимъ благодарность за усердіе и исправность, найденныя при осмотрѣ рядовъ ихъ на поляхъ Шампаніи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвѣщалъ обратное шествіе арміи въ любезное отечество. 1-го (13-го) сентября Императоръ Александръ возвратился въ Парижъ, гдѣ провелъ еще двѣ недѣли, посвященныхъ окончанію мирныхъ переговоровъ съ Франціею.

При первомъ свиданіи съ г-жею Крюднеръ, Государь сказалъ, что смотръ въ Вертю былъ прекраснѣйшимъ днемъ его жизни и никогда не изгладится изъ его памяти. Затѣмъ онъ присовокупилъ: „Mon coeur était rempli d'amour pour mes ennemis; j'ai pu prier avec ferveur pour eux tous, et c'est en pleurant au pied de la croix du Christ que j'ai demandé le salut de la France".

Къ этому времени относится заключеніе священнаго союза, которымъ Александръ намѣревался, независимо отъ обыкновенныхъ политическихъ договоровъ, скрѣпить общую связь государствъ актомъ, основаннымъ на непреложныхъ истинахъ божественнаго ученія, создать союзъ, который бы связалъ государей и народы братскими узами, освященными религіей, былъ бы для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству, по долгу. Однажды Императоръ Александръ сказалъ г-жѣ Крюднеръ: „Я оставляю Францію; но до своего отъѣзда я хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу, хвалу, которой мы обязаны ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелію. Я принесъ вамъ проектъ этого акта и прошу васъ внимательно разсмотрѣть его, и если вы не одобрите въ немъ какого-нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія, чтобы люди видѣли, что мы, какъ восточные маги признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы присоединитесь ко мнѣ въ молитвѣ Богу, чтобы мои союзники были расположены подписать его". Александръ собственноручно написалъ весь задуманный имъ трактатъ и поручилъ только графу Каподистріи облечь его въ обычную форму, „но сущности не измѣняйте! это мое дѣло, я началъ, и съ Божіею помощію довершу", прибавилъ Государь.

Договоръ братскаго христіанскаго союза, задуманнаго Александромъ и названнаго священнымъ союзомъ состоялъ изъ трехъ статей, по которымъ союзники обязывались: 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять подданными своими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства, и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ священный союзъ. Вообще же государи, подписавшіе договоръ, обязывались „какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями".

Король Фридрихъ-Вильгельмъ охотно

изъявилъ согласіе сдѣлаться членомъ священнаго союза, задуманнаго въ томъ же духѣ, въ какомъ происходила нѣкогда ночная сцена надъ могилою Фридриха-Великаго, въ гарнизонной церкви въ Потсдамѣ, и являвшагося осуществленіемъ той мысли, которая была высказана монархами въ бесѣдѣ послѣ. Бауценскаго сраженія: „если Господь благословитъ наши начинанія,—говорили они,—то мы воздадимъ хвалу Ему передъ лицемъ всего міра". Гораздо сдержаннѣе отнесся къ этому предложенію императоръ Францъ. Онъ подписался подъ договоромъ лишь тогда, когда Меттернихъ успокоилъ его увѣреніемъ, что на этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на безобидную болтовню. Хотя Меттернихъ въ своихъ запискахъ называетъ священный союзъ: „ce monument vide et sonore", но онъ умолчалъ объ одномъ: присоединившись къ этому союзу, Австрія имѣла въ рукахъ драгоцѣнное орудіе, чтобы поставить Россію во главѣ реакціи въ Европѣ, и этимъ орудіемъ Меттернихъ не замедлилъ воспользоваться съ неподражаемымъ искусствомъ для достиженія намѣченной цѣли. Только два государя не получили приглашенія вступить въ союзъ: папа и султанъ. Принцъ регентъ англійскій ограничился письмомъ, въ которомъ было заявлено, что онъ совершенно одобряетъ условія этого договора.

Переговоры относительно мира съ Франціею сопровождались большими затрудненіями вслѣдствіе существеннаго разногласія между союзниками. Пруссія предлагала отнять у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, вмѣстѣ съ линіею сѣверныхъ крѣпостей. Одинъ Императоръ Александръ прямо высказался противъ лишенія Франціи завоеваній, сдѣланныхъ Людовикомъ XIV, и сослался на заявленіе державъ о томъ, что единственною цѣлью войны было ниспроверженіе Наполеона и возвращеніе къ порядку, установленному парижскимъ миромъ. Мнѣніе Государя восторжествовало, и Пруссія вынуждена была отказаться отъ предъявленныхъ чрезмѣрныхъ требованій.

По условіямъ второго парижскаго мира, подписаннаго только 8-го (20-го) ноября 1815 года, Франція понесла весьма умѣренныя земельныя потери и сохранила границы 1790 года. Сверхъ того, было положено какъ для обезпеченія уплаты контрибуціи въ 700 милліоновъ франковъ, такъ и для охраненія спокойствія страны, занять союзными войсками 17 крѣпостей въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ. Изъ контрибуціи на долю Россіи приходилось 100 милліоновъ франковъ. Оккупація Франціи иностранными войсками въ числѣ 150.000 человѣкъ ограничена пятилѣтнимъ срокомъ, который предположено сократить до трехъ лѣтъ, если окажется возможнымъ предоставить охраненіе внутренняго спокойствія страны ея собственному правительству. Главнокомандующимъ оккупаціонныхъ войскъ назначенъ герцогъ Веллингтонъ; въ составъ этихъ войскъ поступилъ корпусъ графа М. С. Воронцова, въ числѣ 27.000 человѣкъ съ 84-мя орудіями. По отдѣльному договору между Австріею, Англіею, Пруссіею и Россіею возобновлены условія, заключенныя въ 1814 году въ Шомонѣ. Изящные предметы искусствъ, захваченные французами со времени революціонныхъ войнъ, были возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ.

28-го ноября (10-го декабря) 1815 года князю Разумовскому, первому полномочному при заключеніи мира, пожалованъ титулъ свѣтлости.

По совѣту и желанію Императора Александра, король назначилъ главою французскаго министерства бывшаго одесскаго генералъ-губернатора, герцога Ришелье; Талейранъ, утратившій благоволеніе государя своими происками на Вѣнскомъ конгрессѣ, былъ уволенъ. Ришелье согласился принять эту тяжелую должность, только уступивъ убѣдительной просьбѣ Императора Александра. Онъ былъ замѣненъ въ Одессѣ графомъ Ланжерономъ.

Во время пребыванія Государя въ Парижѣ, къ нему прибыла польская депутація, во главѣ которой находился сенаторъ графъ Замойскій. Въ отвѣтъ на прочтенный имъ благодарственный адресъ, Александръ сказалъ: „Я искренно тронутъ чувствами польскаго народа, вами переданными. Увѣрьте его моимъ именемъ, что мною руководитъ желаніе—возвратить ему существованіе. Соединяя его съ народомъ одного съ нимъ происхожденія, славянскаго, я упрочиваю его благосостояніе и спокойствіе: видѣть его счастливымъ—считаю лучшею себѣ наградою".

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Парижа 13-го (25-го) сентября 1815 года, рано утромъ, направляясь въ Брюссель.

Государя сопровождали только князь Волконскій и полковникъ Михайловскій-Данилевскій. Всѣ прочія лица свиты, военные и дипломатическіе, отправились прямо въ Берлинъ. 21-го сентября (3-го октября) Императоръ направился черезъ Лаонъ, Витри и Шомонъ въ Дижонъ, гдѣ онъ присутствовалъ на маневрахъ австрійской арміи. „На семъ пространствѣ", пишетъ Данилевскій, „заключающемъ въ себѣ болѣе пятисотъ верстъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали въ землѣ непріятельской, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи. Жители мѣстъ, отдаленныхъ отъ большой дороги, старые и малые, мущины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чтобы взглянуть на повелителя Франціи и спасителя ея, какъ они его называли, подавали ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ настоящему своему монарху". Изъ Дижона Императоръ Александръ поѣхалъ въ Базель. Маршрутъ по Швейцаріи, написанный Лагарпомъ, подвергся нѣкоторому сокращенію; Государь, желая скорѣе прибыть въ Берлинъ, посѣтилъ только Цюрихъ, Констанцъ и 29-го сентября (11-го октября) прибылъ въ Линдау.

„Мнѣ сказали", пишетъ Данилевскій, „что Государь дорогою въ Цюрихъ изъ Базеля много шелъ пѣшкомъ, любовался богатствомъ земли и неоднократно заходилъ въ крестьянскіе домы. Дай Богъ, подумалъ я, чтобы видъ изобилія, порядка и опрятности, которыя онъ въ нихъ, безъ сомнѣнія, находилъ, на него подѣйствовали, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, зная, сколь онъ расположенъ къ улучшенію состоянія его подданныхъ; но душа его конечно страдала, когда онъ сравнивалъ состояніе вольныхъ швейцарскихъ поселянъ съ нашими крестьянами. Сердце Государя напитано свободою; если бы онъ родился въ республикѣ, то онъ былъ бы ревностнѣйшимъ защитникомъ правъ народныхъ. Онъ первый началъ въ Россіи вводить нѣкоторое подобіе конституціонныхъ формъ и ограничивать власть самодержавную, но вельможи, окружавшіе его, и помѣщики русскіе не созрѣли еще до политическихъ теорій, составляющихъ предметъ размышленій нашихъ современниковъ. Онъ не могъ сохранить привязанности къ людямъ, которые не въ состояніи цѣнить основаній, содѣлывающихъ общества счастливыми; отъ сего происходитъ, можетъ быть, неуваженіе его къ русскимъ, предпочтеніе иностранцевъ и, что мнѣ даже страшно и думать, нѣкоторое охлажденіе къ Россіи, которая монарха своего до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не умѣетъ цѣнить. Признаемся, что не онъ, а мы виноваты... никто его не понималъ; напротивъ, многіе на него роптали".

По пріѣздѣ въ Линдау, Данилевскій замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что уже два дня, какъ Государь скученъ, „браниться камердинеровъ своихъ и князя Волконскаго, который съ нимъ почти выросъ, во всю жизнь былъ неразлученъ и душевно его любитъ. Я не знаю, какъ согласовать суровость, которую онъ сегодня показываетъ, съ обыкновенною его любезностію, особенно къ иностранцамъ; напримѣръ, чиновниковъ города Линдау Государь такъ обворожилъ, что они выходя отъ него, были въ истинномъ восхищеніи; когда же они уѣхали и никого не осталось въ домѣ кромѣ насъ русскихъ, то онъ опять началъ сердиться. Таковыя противорѣчія ясно обнаруживаютъ притворство, составляющее одну изъ главныхъ чертъ характера его... Я сохраню навсегда истинное уваженіе къ великимъ его способностямъ и политическимъ дарованіямъ, но не испытываю одинаковое чувство къ личнымъ его свойствамъ. Удивленіе мое къ нему какъ къ монарху столь велико, что я не могу какъ русскій не желать ему всѣхъ совершенствъ, независимо отъ чувствъ личной моей безпредѣльной и безкорыстной привязанности".

Дальнѣйшее путешествіе Императора Александра послѣдовало черезъ Ульмъ и Нюренбергъ; въ Богеміи Государь остановился на нѣсколько дней у князя Шварценберга въ помѣстьи его Ворликъ. Однажды, гуляя съ собравшимся здѣсь небольшимъ обществомъ, Александръ увидѣлъ крестьянина, пахавшаго въ полѣ, подошелъ къ нему и, ставъ на его мѣсто, провелъ сохою борозду. Находившійся здѣсь художникъ воспроизвелъ впослѣдствіи этотъ эпизодъ въ картинѣ. Затѣмъ, Государь уже безостановочно продолжалъ путь черезъ Прагу и Силезію. 12-го (24-го) октября Императоръ, сопутствуемый королемъ, торжественно въѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ провелъ около двухъ недѣль. Пребываніе Государя въ Берлинѣ было ознаменовано од-

нимъ важнымъ событіемъ, политическое значеніе котораго для Россіи и Пруссіи сопровождалось одинаково важными послѣдствіями. 23-го октября (4-го ноября) русскій гренадерскій полкъ короля Фридриха-Вильгельма, вступилъ въ Берлинъ. Въ тотъ же день, при дворѣ былъ обѣденный столъ, къ коему приглашены были всѣ штабъ-и оберъ-офицеры этого полка; во время обѣда Императоръ Александръ и король, неожиданно вставъ съ своихъ мѣстъ, предложили выпить за здоровье новосговоренныхъ—Великаго Князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты.

27-го октября (8-го ноября) Императоръ Александръ покинулъ Берлинъ и черезъ Франкфуртъ прослѣдовалъ въ Калишъ. Переночевавъ здѣсь, Государь надѣлъ въ первый разъ польскій мундиръ и звѣзду Бѣлаго Орла. 31-го октября (12-го ноября) Александръ, верхомъ, черезъ Мокотовскую заставу, въѣхалъ въ Варшаву, среди польскихъ войскъ, окруженный сановниками королевства. Возгласы: „да здравствуетъ Александръ нашъ король“ раздавались средь народной толпы. Мать князя Адама Чарторижскаго прибыла съ дочерьми изъ Пулавъ и любовалась шествіемъ изъ оконъ дворца Мокроновскихъ. Александръ замѣтилъ ее и привѣтствовалъ поклономъ. На Саксонской площади войска прошли передъ Императоромъ церемоніальнымъ маршемъ. На Краковскомъ предмѣстіи стояли съ одной стороны воспитанники мужскихъ, съ другой—воспитанницы женскихъ школъ. Передъ костеломъ капуциновъ духовенство ожидало прибытія своего Монарха. Государь принялъ благословеніе отъ епископа Келецкаго. На слѣдующій день былъ балъ у князя Адама. Императоръ открылъ балъ съ княгинею. „Все это казалось мнѣ сновидѣніемъ“, пишетъ княгиня въ своемъ дневникѣ, „существуетъ Польша, король польскій, въ національномъ мундирѣ и цвѣтахъ. Слезы полились изъ моихъ глазъ: у меня есть родина и я оставлю ее своимъ дѣтямъ“.

Слова эти, вырвавшіяся прямо изъ сердца, ярко рисуютъ радостное настроеніе, охватившее тогда все польское общество, послѣ пережитыхъ имъ тяжелыхъ испытаній, сопровождавшихъ Наполеоновскія войны.

Императоръ Александръ, возвративъ полякамъ политическое существованіе и самое имя ихъ, котораго они были лишены въ продолженіе двадцати лѣтъ, употреблялъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсти расположеніе новыхъ своихъ подданныхъ; онъ разсыпалъ щедроты на всѣ сословія народа. Снято запрещеніе съ имѣній тѣхъ поляковъ, которые до послѣдняго времени служили подъ знаменами Наполеона; эта милость распространена и на уроженцевъ западныхъ губерній Россіи; учрежденъ штатъ для Варшавскаго двора; назначены польскіе генералъ и флигель-адъютанты; многія дѣвицы пожалованы фрейлинами. Но при всемъ томъ, что Государь видимо старался какъ бы предугадывать желанія народа и частныхъ людей, поляки, по свидѣтельству русскаго очевидца, „смотрѣли на насъ пасмурно и казались недовольными; они даже не скрывали въ разговорахъ, что имъ слѣдуетъ возвратить Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолію и Литву“.

Графъ Огинскій, прибывшій въ Варшаву съ Высочайшаго разрѣшенія съ депутатами трехъ губерній: Виленской, Гродненской и Минской, былъ сперва наединѣ принятъ Императоромъ Александромъ. Коснувшись въ разговорѣ недавнихъ политическихъ событій, Государь сказалъ: „Я еще разъ вступилъ въ Парижъ, потерявъ въ моей арміи не болѣе пятидесяти человѣкъ. Подобныя чрезвычайныя событія не повторяются вѣками. Совершились и другія событія, которыя были предусмотрѣны и осуществились, потому что я этого хотѣлъ и обѣщалъ исполнить. Я держу мое слово и исполняю всѣ мои обязательства, какъ честный человѣкъ, для котораго обѣщаніе стоитъ клятвы. Я всегда требовалъ отъ жителей этой страны терпѣнія и довѣрія. Въ проѣздъ мой черезъ Пулавы я видѣлъ многихъ, которые оказали мнѣ довѣріе. Они не обманули меня и я имѣю основаніе быть почти всѣми довольнымъ. Я не обманулъ ихъ также съ своей стороны. Своимъ довѣріемъ они уполномочили меня работать для нихъ. Я все сдѣлалъ, что было возможно. Адамъ скажетъ вамъ, чего мнѣ это стоило и какія долженъ былъ я преодолѣть препятствія въ Вѣнѣ. Я создалъ это королевство и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что принудилъ европейскія державы обезпечить договорами его существованіе. Сдѣлаю и все остальное, какъ было обѣщано; но это не можетъ быть исполнено разомъ.

Необходимо довѣріе. Имѣю право на него послѣ всего, что сдѣлано мною, а мои рѣшенія неизмѣнны". Затѣмъ, Огинскій коснулся Литвы и его отношеній къ вновь созданному королевству. Государь согласился принять депутацію, но присовокупилъ: „Только не затрогивайте нѣжной струны, которая поставила бы меня въ затруднительное положеніе. Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлаю это по собственному почину, что именно я этого желаю. Мнѣ извѣстно, что вы не можете признать удовлетворительными отношенія, которыя существовали до сихъ поръ между вашими областями и Россіею. Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ. Никто не можетъ допустить предположеніе, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи. Напротивъ, я хочу упрочить связь этихъ областей съ моею Имперіею, заботясь о томъ, чтобы мои польскіе подданные не имѣли бы причинъ жаловаться. Вы недовольны въ Литвѣ и будете недовольны, пока не сольетесь съ вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституціи; только тогда ваше соединеніе съ Россіею установитъ довѣріе и полное согласіе между обѣими націями. Мои убѣжденія въ пользѣ исполненія этого плана еще болѣе утвердятся, если въ будущемъ найду поводъ быть столь же довольнымъ арміею и гражданскою частію въ королевствѣ, какъ теперь ими доволенъ. До сихъ поръ я могу только хвалить ихъ. Когда я буду въ состояніи указать на это правительство, какъ на образцовое, и увидятъ, что существованіе его не сопровождается никакимъ вредомъ для Имперіи, тогда мнѣ будетъ легко выполнить и остальное. Еще разъ, довѣріе, и не ставьте меня въ затруднительное положеніе".

14-го (26-го) ноября Императоръ Александръ принялъ депутацію, и выслушавъ благосклонно адресъ на французскомъ языкѣ, прочитанный Огинскимъ, отвѣтилъ: „Скажите вашимъ довѣрителямъ, что ихъ благосостояніе постоянно составляетъ предметъ моихъ попеченій и заботъ. Увѣрьте ихъ, что я не забывалъ о нихъ даже среди военныхъ трудовъ, и что я всегда думалъ о средствахъ къ улучшенію ихъ судьбы и обезпеченію ихъ спокойствія и счастья". Послѣ удаленія депутаціи, Государь сказалъ Ланскому: „je ferai pour eux bien plus même qu'ils ne peuvent s'y attendre aujourd'hui".

15-го (27-го) ноября Императоръ Александръ подписалъ конституціонную хартію Царства Польскаго. Оставалось еще назначить намѣстника; это званіе, до послѣдней минуты, разсчитывалъ получить, князь Адамъ Чарторижскій, но Государь назначилъ неожиданно для всѣхъ намѣстникомъ ветерана Наполеоновскихъ войнъ, безногаго генерала Заіончека. „Это происходило во второмъ часу пополуночи", пишетъ Даниловскій, „я стоялъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ Государя съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторижскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, и не только не взглянулъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже не поклонился намъ: онъ былъ какъ въ изступленіи, вѣроятно, отъ оскорбленнаго самолюбія". Что произошло тогда между Императоромъ Александромъ и Чарторижскимъ осталось тайною.

18-го (30-го) ноября Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Варшавы въ Вильну, гдѣ пробылъ два дня, и ночью на 2-е (14-е) декабря возвратился въ Петербургъ; наканунѣ этого дня, изъ-за границы прибыла Императрица Елисавета Алексѣевна.

Александръ, по свидѣтельству современника, „казался скученъ, говорятъ, даже сердитъ. Никакими восторгами Петербургъ его не встрѣтилъ. Казалось, Россія познала, что наступило для нея время тихое, но сумрачное". Государь сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ; запрещено было офицерамъ носить гражданское платье и приказано обращать вниманіе на строжайшее соблюденіе установленной формы въ одеждѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты мѣры къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во всѣ части государственнаго управленія. Статсъ-секретарь Молчановъ, распоряжавшійся важнѣйшими дѣлами государства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ отставленъ. Наряжена слѣдственная комиссія для разсмотрѣнія дѣйствій управляющаго Военнымъ Министерствомъ князя А. И. Горчакова, который былъ тогда же

уволенъ отъ должности. Всѣ приближенные его главные чиновники, Самбурскій, Приклонскій и другіе, отданы подъ судъ и разсажены по гауптвахтамъ.

Послѣ удаленія князя Горчакова, Военное Министерство получило новое образованіе. 12-го (24-го) декабря послѣдовалъ указъ Сенату, въ которомъ изображено: „Трехлѣтній опытъ благополучно оконченной послѣдней войны, въ продолженіе коей лично присутствовалъ Я при войскахъ, явилъ ощутительную пользу изданнаго въ 1812 году учрежденія о управленіи большой дѣйствующей арміи. Находя необходимымъ сохранить тотъ же порядокъ и въ мирное время по управленію всѣмъ вообще Военнымъ Департаментомъ, призналъ Я за полезное дать оному новое устройство, примѣненное въ главныхъ основаніяхъ къ упомянутому учрежденію". Вслѣдствіе этого было выработано новое положеніе, на основаніи котораго военная администрація раздѣлена на двѣ части и каждая изъ нихъ поручена особому лицу. Военнымъ Министромъ назначенъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ; онъ получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части и подчиненъ начальнику Главнаго Штаба е. и. в., который распоряжался всѣми прочими дѣлами прежняго Военнаго Министерства. Начальникомъ Главнаго Штаба назначенъ генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-лейтенантъ Толь, дежурнымъ генераломъ генералъ-адъютантъ Закревскій. Инспекторами артиллеріи и инженернаго корпуса остались генералы баронъ Меллеръ-Закомельскій и Опперманъ.

12-го декабря 1815 года, Императоръ Александръ намѣревался осчастливить графа Аракчеева новою милостью, пожалованіемъ его матери званія статсъ дамы, но какъ сказано въ автобіографическихъ замѣткахъ Аракчеева: „графъ онаго не принялъ и упросилъ оное отмѣнить".

Конецъ столь богатаго событіями 1815 года ознаменовался еще однимъ важнымъ правительственнымъ мѣропріятіемъ: 20-го декабря (1-го января 1816 года) изданъ высочайшій указъ о немедленной высылкѣ всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ С.-Петербурга; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Они были отправлены въ кибиткахъ въ резиденцію своихъ собратій—Полоцкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно католическую церковь въ Петербургѣ „поставить въ то устройство, въ коемъ она пребывала въ царствованіе Императрицы Екатерины II и до 1800 года". Высылка іезуитовъ была вызвана переходомъ въ католичество нѣкоторыхъ воспитанниковъ іезуитскаго пансіона въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ дамъ столичнаго общества.

25-го декабря (6-го января 1816 года) обнародованъ актъ священнаго союза, заключеннаго въ Парижѣ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ. Въ манифестѣ сказано: „обязуемся мы взаимно, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ подданнымъ нашимъ, принять правило, почерпнутое изъ словесъ и ученія Спасителя Нашего Іисуса Христа, благовѣствующаго людямъ жить, аки братіямъ, не во враждѣ и злобѣ, но въ мирѣ и любви". Святѣйшій Синодъ повелѣлъ, напечатавъ этотъ актъ, поставить его на стѣнахъ храмовъ, или вырѣзать на доскахъ, а также заимствовать изъ него мысли для проповѣди.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Послѣднее десятилѣтіе.

1816—1825.

Въ Петербургѣ начало 1816 года было ознаменовано рядомъ придворныхъ празднествъ: 12-го (24-го) января состоялось бракосочетаніе Великой Княгини Екатерины Павловны съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ, а 9-го (21-го) февраля—Великой Княжны Анны Павловны съ наслѣднымъ принцемъ нидерландскимъ.

Въ самый день новаго года состоялся манифестъ съ изъявленіемъ высокомонаршей признательности воинству и народу за оказанныя въ продолженіе войны съ французами подвиги. Историки этой эпохи не обратили никакого вниманія на этотъ документъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ и могущій служить характеристикою политическихъ воззрѣній, при которыхъ началось послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра. Въ этомъ длинномъ витіеватомъ сочиненіи можно найти весьма своеобразную оцѣнку событій, происшедшихъ со времени французской революціи по 1816 годъ. Въ особенности пора-

жаетъ рѣзкость выраженій относительно Франціи. Парижъ является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной. Наполеонъ названъ простолюдиномъ, чужеземнымъ хищникомъ, преступникомъ, присвоившимъ себѣ „Богу токму единому свойственное право *единовластнаго надъ всѣми владычества*“ и возмечтавшему „на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, *стать въ видѣ Божества на гробѣ вселенной*“. Затѣмъ манифестъ продолжаетъ: „Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику наречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанетъ онъ на страшномъ судѣ, всемірною кровію обліянный, передъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе“. Въ заключеніе, по поводу водворенія всеобщаго мира и подвиговъ, совершенныхъ россіянами, сказано: „самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей свою силу, простотѣ нашей свою мудрость, слѣпотѣ нашей свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, закладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся“.

Послѣ двадцатипятилѣтней бури въ политической жизни всѣхъ государствъ наступило затишье; Европа нуждалась прежде всего въ покоѣ. Съ этого времени акты Вѣнскаго конгресса явились охранительными граматами европейскаго если не благополучія, то, по крайней мѣрѣ, спокойствія, въ которомъ чувствовалась всеобщая потребность. Происходили частные взрывы, но европейская война была надолго отклонена и всеобщій миръ не былъ нарушенъ. Императоръ Александръ, благодаря мужеству и настойчивости, выказаннымъ имъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлался основателемъ того порядка вещей, которому на многіе годы подчинилась Европа. Весьма естественно, что у него явилось стремленіе оберегать и поддерживать постановленія, которымъ онъ даровалъ законную и обязательную силу, хотя бы они нерѣдко не совпадали съ государственными интересами Россіи; ему могло казаться, что онъ не остается вѣренъ себѣ, даже не сохраняетъ послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, если откажется отъ созданной съ такимъ трудомъ политической системы. У каждаго человѣка совершенно естественно является стремленіе охранять дѣло рукъ своихъ и поэтому Александръ упорно отстаивалъ незыблемость постановленій Вѣнскаго конгресса, со всѣми присущими имъ несовершенствами. Къ этому естественному стремленію примѣшались туманныя идеи священнаго союза, представлявшія удобную почву для эксплоатаціи ихъ противъ Россіи; но вредное вліяніе этихъ идей обнаружилось лишь постепенно, религія не сразу явилась орудіемъ реакціи. Для поддержанія политическихъ взглядовъ, проводимыхъ Императоромъ Александромъ въ первое время послѣ заключенія священнаго союза, требовался человѣкъ съ твердою волею, одаренный непоколебимымъ духомъ; между тѣмъ, дѣйствительная обстановка того времени представляла обратное явленіе. Четырехлѣтняя борьба съ Наполеономъ потребовала высшаго напряженія духовныхъ и физическихъ силъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у Государя проявилась крайняя усталость, душевное утомленіе. Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ годовъ; онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, но, прежде всего, исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка. При такомъ настроеніи явилось невольное желаніе и даже потребность передать бремя заботъ по внутренному управленію Имперіи въ жесткія руки Аракчеева. Теперь настало то время, когда Карамзинъ имѣлъ полное основаніе писать: „Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми“. Аракчеевъ самъ говорилъ, что онъ имѣетъ на шеѣ дѣла всего государства. Дѣйствительно, онъ сдѣлался первымъ или, лучше сказать, единственнымъ министромъ; всѣ прочіе сановники Имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя. Императоръ Александръ, постепенно все болѣе уединяясь, наконецъ сталъ принимать съ докладами только одного графа Аракчеева, черезъ

котораго восходили къ Государю представленія всѣхъ министровъ, не имѣвшихъ болѣе къ нему доступа. Современники этой эпохи говорятъ, что самые незлобивые люди теряли терпѣніе, будучи принуждены имѣть дѣло съ кичливымъ временщикомъ, заставлявшимъ ихъ съ сожалѣніемъ вспоминать о ласковомъ обращеніи Государя. Съ четырехъ часовъ ночи, начинали съѣзжаться къ графу Аракчееву министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ, на докладъ графу о прибытіи кого-либо изъ нихъ, не получалъ никакого отвѣта, что значило: подождать. Нерѣдко случалось, что и второму докладу служило отвѣтомъ молчаніе графа, повидимому, погруженнаго въ занятіяхъ за письменнымъ столомъ своимъ. Наконецъ, въ кабинетѣ раздавался звукъ колокольчика, и графъ, обратясь къ вошедшему туда адъютанту, надменно произносилъ: „позвать такого-то!“. Самая аудіенція была достойна пріема, и чѣмъ кто болѣе оказалъ государству заслугъ и пользовался милостью Государя, тѣмъ болѣе подвергался грубостямъ высокомѣрнаго Аракчеева.

Князь Волконскій называлъ графа Аракчеева не иначе, какъ „проклятый змѣй“, и выражалъ убѣжденіе, что „извергъ сей погубитъ Россію, погубитъ и Государя“. Въ своей перепискѣ онъ говоритъ: „Сожалѣю только о томъ, что со временемъ, конечно, Государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя, коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ нѣтъ возможности, по непонятному ослѣпленію его къ нему“. Генералъ-адъютантъ Закревскій выражался о змѣѣ не менѣе краснорѣчиво и признавалъ его „*вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи*“, сожалѣя, что „сіе перемѣнить можетъ одна его могила“. Ермоловъ, Киселевъ не отставали отъ другихъ въ полномъ осужденіи государственной дѣятельности ненавистнаго всѣмъ, грубаго и злого временщика; но всѣ единодушно признавали себя безсильными вступить съ нимъ въ борьбу и поколебать его значеніе.

Отказавшись отъ прежней преобразовательной дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ дѣламъ имперіи, Государь продолжалъ лишь, по заведенному порядку, заниматься внѣшними дѣлами. „Я не хотѣлъ дать вамъ преемника и самъ поступилъ на ваше мѣсто“, сказалъ Александръ графу Румянцову при его увольненіи, и до кончины своей не отказался отъ принятаго на себя труда. По заключеніи втораго Парижскаго мира, графу Каподистріи назначено было прибыть въ Петербургъ. Здѣсь Императоръ Александръ повелѣлъ ему впредь входить къ нему съ докладами два раза въ недѣлю, вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и присутствованіе въ иностранной коллегіи. Графу Каподистріи ввѣренъ былъ также докладъ по дѣламъ Бессарабской области. Баронъ Строгановъ долженъ былъ въ это время замѣнить въ Константинополѣ Италинскаго. Въ виду пріязненныхъ сношеній Турціи съ Наполеономъ, продолжавшихся послѣ 1812 года, графъ Каподистрія признавалъ полезнымъ замѣнить Букарестскій трактатъ новымъ договоромъ, который оградилъ бы права придунайскихъ княжествъ и Сербіи, подкрѣпивъ эти требованія военными демонстраціями на Черномъ морѣ и на турецкой границѣ. На сдѣланныя имъ въ этомъ смыслѣ предложенія, Императоръ Александръ отвѣчалъ: „Tout cela est très bien pensé, mais pour en faire quelque chose il faudrait tirer le canon et je ne le veux pas. C'en est assez de guerres sur le Danube, elles démoralisent les armées. Vous en avez été témoin. D'ailleurs la paix en Europe n'est pas encore, affermie et les faiseurs de révolutions ne demanderaient pas mieux que de me voir aux prises avec les Turcs. Bonne ou mauvaise, la transaction de Bucarest doit être maintenue. Il faut s'en accommoder et tâcher d'en tirer le meilleur parti possible, pour faire quelque bien aux Principautés et aux Serviens, et surtout pour que les Turcs ne nous inquiètent pas de leurs prétentions sur le littoral asiatique. C'est dans cet esprit que je vous recommande de travailler à l'expédition du baron de Stroganoff“. Всѣ возраженія, которыя Каподистрія осмѣлился представить, не сопровождались успѣхомъ. Государь остался непреклоннымъ и продолжалъ руководствоваться этими воззрѣніями до кончины своей, при всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ въ его царствованіе на Востокѣ осложненіяхъ.

Важнѣйшія перемѣны, совершившіяся вслѣдъ за 1815 годомъ въ личномъ составѣ высшаго управленія, заключались въ

слѣдующемъ. 12-го (24-го) мая 1816 года на мѣсто уволеннаго генерала Ртищева командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса назначенъ генералъ Ермоловъ, и ему повелѣно управлять и гражданскою частію какъ въ Грузіи, такъ и въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской; вмѣстѣ съ тѣмъ, Ермоловъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. 16-го (28-го) мая 1816 года скончался свѣтлѣйшій князь Н. П. Салтыковъ. Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ былъ назначенъ свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ. Въ 1817 году министръ юстиціи Трощинскій по прошенію былъ уволенъ въ отставку и замѣненъ по рекомендаціи графа Аракчеева, 25-го августа, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. 10-го (22-го) августа 1816 года министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій уволенъ по прошенію отъ службы и повелѣно было до опредѣленія новаго министра просвѣщенія исправлять его должность главноуправляющему духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій князю А. Н. Голицыну. 24-го октября 1817 года послѣдовалъ манифестъ о соединеніи дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составѣ одного учрежденія подъ названіемъ Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Оно было ввѣрено князю Голицыну, который, по отзыву современника, „влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ“. Это преобразованіе сопровождалось назначеніемъ князя Мещерскаго оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Дѣла всѣхъ вѣроисповѣданій вошли въ составъ этого министерства, *„дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“*.

Къ новому мистическому министерству были присовокуплены и дѣла Св. Синода, съ тѣмъ, какъ сказано въ манифестѣ, „чтобы министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ точно къ Синоду отношеніи, въ каковомъ состоитъ министръ юстиціи къ Правительствующему Сенату, кромѣ однако же дѣлъ судныхъ“. Министерство состояло изъ двухъ департаментовъ. Изъ нихъ департаментъ духовныхъ дѣлъ раздѣлялся на четыре отдѣленія: 1) по дѣламъ грекороссійскаго исповѣданія; 2) по дѣламъ римско-католическаго, греко-уніатскаго и армянскаго исповѣданій; 3) по дѣламъ всѣхъ протестантскихъ исповѣданій; 4) по дѣламъ еврейской, магометанской и прочихъ вѣръ не христіанскихъ. Такимъ образомъ оказывалось, что въ новомъ министерствѣ господствующая вѣра была сравнена не только съ другими христіанскими исповѣданіями, но даже съ нехристіанскими; принципъ самой широкой вѣротерпимости и равноправности всѣхъ исповѣданій былъ, слѣдовательно, проведенъ въ административномъ учрежденіи, ввѣренномъ князю Голицыну; но этотъ рискованный шагъ долженъ былъ неизбѣжно возбудить негодованіе и ропотъ среди православнаго духовенства, и сдѣлать существованіе новаго министерства недолговѣчнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ такомъ видѣ министерство князя Голицына просуществовало до 1824 года.

Дѣятельность князя А. Н. Голицына на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія была тѣсно связана съ развитіемъ учрежденнаго въ 1812 году въ Петербургѣ *Библейскаго общества*. Съ 1814 года оно расширилось и стало называться *Россійскимъ Библейскимъ обществомъ*; президентомъ его былъ назначенъ князь Голицынъ. Къ 1824 году Библейское оощество имѣло уже въ Россіи 89 отдѣленій и успѣло распространить 448.109 книгъ Священнаго Писанія.

Усиленію значенія графа Аракчеева, послѣ возвращенія Государя изъ заграничнаго похода, содѣйствовало еще одно роковое обстоятельство: *учрежденіе военныхъ поселеній*. Родоначальникомъ мысли объ этомъ учрежденіи не былъ графъ Аракчеевъ; идея собственно принадлежитъ Императору Александру, и первый опытъ задуманъ былъ еще до войны 1812 года. Графъ Аракчеевъ, убѣдившись въ непреклонной волѣ Государя осуществить на дѣлѣ военныя поселенія, принялъ на себя съ радостью исполненіе этого труднаго дѣла, какъ средство еще болѣе укрѣпить свое собственное положеніе, не выпуская изъ своихъ рукъ осуществленія царственной мысли, исполненной благихъ побужденій, но лишенной практическаго знанія народной жизни. Мысль Императора Александра о поселеніи нашей арміи заключала въ себѣ великодушное побужденіе не отрывать солдатъ въ мирное время отъ своихъ семействъ и хозяйства и облегчить, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, государственный бюджетъ по продовольствію войска, возложивъ его на самихъ поселянъ и надѣливъ ихъ для того достаточнымъ количествомъ земли для удовлетворенія какъ личныхъ продовольственныхъ потребностей строевыхъ солдатъ и ихъ семействъ, такъ и фуражнаго довольствія кавалеріи. Конечная цѣль, къ которой должно привести новое учрежденіе въ мысляхъ Государя было: благо народа. Тщетно насильно облагодѣтельствованные крестьяне сочиняли просьбы царю: „о защитѣ крещенаго народа отъ Аракчеева", тщетно нѣкоторыя приближенныя лица возражали противъ учрежденія поселеній; Александръ сказалъ: „они будутъ во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова".

28-го іюня (10-го іюля) 1810 года Императоръ Александръ писалъ графу Аракчееву: „Чтобы не терять болѣе времени, я приказалъ Лаврову ѣхать къ тебѣ въ Грузино для личнаго съ тобою переговора. Я ему подробно весь планъ изъяснилъ. Военный министръ извѣщенъ, что сію часть я исключительно поручаю твоему попеченію и начальству. Теперь остается начать. Чертежи твои весьма мнѣ понравились и мнѣ кажется лучше придумать мудрено. Лаврову покажи, пожалуй, все твое сельское устройство и какъ скоро будешь свободенъ, пріѣзжай въ Петербургъ. За симъ съ помощію Божіею уже приступимъ къ дѣлу. При семъ прилагаю всѣ бумаги по сему предмету. На вѣкъ пребуду тебѣ искренно привязаннымъ".

На другой день обрадованный графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: „Я не имѣю столько ни разума, ни словъ, чтобъ изъяснить вамъ, Батюшка Ваше Величество, всей моей благодарности, но Богу извѣстно, сколь много я васъ люблю и на какихъ правилахъ я вамъ преданъ, одно оное только меня и утѣшаетъ. Доставляйте мнѣ случай доказать все сіе на опытахъ, тогда вы меня болѣе полюбите. Приказаніе ваше застало меня готоваго совсѣмъ ѣхать въ С.-Петербургъ... но, получа фельдъегеря отъ васъ, Батюшка, и увидя, что генералъ Лавровъ долженъ ко мнѣ, кажется, сегодня пріѣхать, я остался здѣсь, дабы, не терявъ времени, показать ему все нужное къ его свѣдѣнію и съ нимъ же вмѣстѣ немедленно возвратиться въ С.-Петербургъ, почему и прошу приказать ему скорѣе ко мнѣ пріѣхать, есть-ли паче чаянія онъ еще не выѣхалъ".

Этотъ обмѣнъ мыслей привелъ къ указу на имя генерала Лаврова отъ 9-го (21-го) ноября 1810 года, по которому приступлено было къ поселенію запаснаго баталіона Елецкаго мушкетерскаго полка въ Могилевской губерніи, Климовичскаго уѣзда, въ Бабылецкомъ старостве, жителей коего велѣно переселить въ Новороссійскій край. Война съ Наполеономъ пріостановила дальнѣйшее развитіе начатаго благодѣтельнаго дѣла, но еще болѣе утвердила Императора Александра въ его первоначальной мысли. Поэтому, съ водвореніемъ всеобщаго мира, Государь немедленно приступилъ къ осуществленію задуманныхъ военныхъ поселеній въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, признавая въ этомъ одно изъ великихъ дѣлъ своего царствованія. 5-го (17-го) августа 1816 года послѣдовалъ на имя новгородскаго гражданскаго губернатора Муравьева указъ, коимъ повелѣно было, по тѣсному помѣщенію войскъ въ Петербургѣ, расположить 2-й баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, Новгородскаго уѣзда, въ Высоцкой волости, на р. Волховѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было изъять Высоцкую волость изъ зависимости земской полиціи и передать ее въ вѣдѣніе баталіоннаго командира. Въ этомъ указѣ не объяснена была настоящая цѣль правительства и таинственность этихъ первоначальныхъ мѣропріятій дала первый поводъ къ различнымъ толкамъ и предположеніямъ. 29-го августа баталіонъ, подъ начальствомъ маіора фонъ-Фрикена, выступилъ изъ Петербурга и черезъ пять дней былъ уже на мѣстѣ. Въ октябрѣ 1816 года графъ Аракчеевъ могъ уже донести Императору Александру: „Я лично осматривалъ Высоцкую волость и съ удовольствіемъ видѣлъ доброе начало принятыхъ мѣръ".

При введеніи въ 1816 году военныхъ поселеній принятъ, однако, во вниманіе опытъ, произведенный баталіономъ Елецкаго полка. Жители мѣстностей, назначенныхъ для водворенія войска, были оставляемы на родинѣ и зачислялись въ военные поселяне подъ именемъ „коренныхъ жителей", съ подчиненіемъ военному начальству. Дѣти мужскаго пола зачислялись въ кантонисты, а затѣмъ служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Съ этого

времени дѣло военныхъ поселеній получило самое быстрое и широкое развитіе, и въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра военныя поселенія включали уже цѣлую треть русской арміи. Отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній, составлявшій какъ бы особое военное государство, подъ начальствомъ графа Аракчеева, въ концѣ 1825 года, состоялъ изъ 90 баталіоновъ новгородскаго поселенія, 12-ти баталіоновъ могилевскаго, 36-ти баталіоновъ и 240 эскадроновъ слободскаго-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній. Любопытно, что дѣло поселенія войскъ совершилось, такъ сказать, келейно, волей Императора Александра и и трудами графа Аракчеева; эта важная не въ военномъ только, но въ общегосударственномъ смыслѣ мѣра, прямо затрогивавшая интересы значительной части русскаго населенія, не подверглась обсужденію установленныхъ для этого законами учрежденій, что и не замедлило отразиться на ея примѣненіи къ государственной и народной жизни.

Въ это время Императоръ Александръ проводилъ обычный день слѣдующимъ образомъ. Онъ вставалъ часу въ восьмомъ; въ половинѣ девятаго князя Волконскаго извѣщали, что Императоръ оканчиваетъ туалетъ; это значило, что ему надобно было идти къ его величеству; никто въ это время не имѣлъ къ нему входа, кромѣ князя, принимавшаго тутъ приказанія на счетъ двора и обѣденнаго стола. Вслѣдъ затѣмъ кн. Волконскій докладывалъ дѣла по военной части, а графъ Аракчеевъ всѣ остальныя. Они проводили въ кабинетѣ часа съ полтора. За ними слѣдовали на полчаса дипломаты графы Нессельроде и Каподистрія. Потомъ звали главнокомандующаго столицы Вязмитинова и коменданта Башуцкаго съ рапортами о состояніи Петербурга и карауловъ; минутъ черезъ пять вводили ординарцевъ и вѣстовыхъ, а съ ними являлись генералъ-адъютанты, которымъ Государь дѣлалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ о погодѣ и тому подобное, что продолжалось нѣсколько минутъ; въ заключеніе всѣ отправлялись къ разводу, продолжавшемуся съ часъ, до двѣнадцатаго часа. Послѣ развода его величество завтракалъ, ѣздилъ гулять и ходилъ много пѣшкомъ, не взирая ни на какую погоду, и возвращался къ тремъ часамъ къ столу. Министры пріѣзжали по вечерамъ, но рѣдко, обыкновенно же представляли чрезъ графа Аракчеева свои бумаги, которыми Императоръ занимался наединѣ.

Съ 1816 года въ жизни Императора Александра войны смѣнились путешествіями и конгрессами. 10-го (22-го) августа 1816 года Государь выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и предполагалъ здѣсь остаться двѣ недѣли, а затѣмъ посѣтить: Тулу, Калугу, Рославль, Черниговъ, Кіевъ, Житомиръ и Варшаву; его сопровождали въ этой поѣздкѣ, между прочими лицами, князь Волконскій и графъ Аракчеевъ. Князь Волконскій ѣхалъ въ одной коляскѣ съ Императоромъ; но при въѣздѣ въ большіе города онъ сажалъ къ себѣ графа Аракчеева. Очевидецъ по этому поводу замѣчаетъ: „Вотъ новое доказательство уваженія къ нему Государя и желанія его показать всей Россіи, до какой степени онъ къ нему привязанъ“. Когда же въ большихъ городахъ бывали званые обѣды у его величества, то графъ Аракчеевъ отъ нихъ обыкновенно отказывался и тогда только обѣдалъ съ Государемъ, когда онъ кушалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ.

Первое посѣщеніе Императоромъ Александромъ первопрестольной столицы, тогда еще возрождавшейся изъ пепла и развалинъ, было истиннымъ народнымъ торжествомъ. Александра встрѣтили съ восторгомъ. „Мысль о немъ казалась единственнымъ занятіемъ каждаго“, пишетъ Ермоловъ. 15-го (27-го) августа Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Павловича, шествовалъ въ Успенскій соборъ; архіепископъ Августинъ привѣтствовалъ его краткою рѣчью и заключилъ слово свое торжественнымъ восклицаніемъ: „Тебѣ побѣдителю нечестія и неправды вопіемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!“

Когда представлялось Государю московское дворянство (16-го августа), онъ подъ вдохновеніемъ минуты произнесъ слѣдующую краткую рѣчь: „Радуюсь, господа, что мы опять въ Москвѣ свидѣлись, послѣ тяжкихъ временъ и великихъ трудовъ нашихъ. Мнѣ пріятно теперь изъявить мое сердечное чувство какъ московскому, такъ и вообще россійскому дворянству, которое оказало столь много храбрости и характера. Конечно, мы прославились передъ всѣми народами. Съ Россіею

вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ мы не должны этого присвоивать себѣ. Все совершилось отъ Бога. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славою. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но не могла сравняться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостью, которую я видѣлъ въ васъ. Воздаю вамъ за все то моею признательностію. Однакожъ, должно замѣтить для васъ, что мы не можемъ утвердиться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія. Мы имѣемъ его приказанія намъ въ Новомъ завѣтѣ. Я много обозрѣлъ государствъ и разныхъ народовъ и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры, и каковъ тотъ, который безъ закона. Я увѣренъ, что и вы также объ этомъ думаете. Пріятно мнѣ еще повторить дворянству чувствительную мою признательность. Господь да продолжитъ на многія лѣта благоденствіе ввѣреннаго мнѣ россійскаго народа".

Въ грамотѣ, данной Москвѣ 30-го августа 1816 года, Александръ сказалъ, что „по окончаніи многотрудной войны онъ пожелалъ посѣтить свою древнюю столицу, дабы лично обозрѣть ея состояніе и нужды, а притомъ ознаменовать предъ цѣлымъ свѣтомъ незабвенныя заслуги ея, Божескимъ благословеніемъ осѣняемыя, чужеземными державами уважаемыя, и толико достойныя любви и благодарности отъ насъ и всего отечества".

Тезоименитство свое Императоръ Александръ ознаменовалъ указомъ, по которому тайному совѣтнику Сперанскому повелѣно быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйств. ст. сов. Магницкому—воронежскимъ вице-губернаторомъ. Составленіе этого указа сопровождалось большими затрудненіями. Статсъ-секретарь Марченко, которому приказано было изготовить этотъ указъ, четыре раза посылалъ его исправлять къ Государю, и его величество каждый разъ былъ имъ недоволенъ. По этому поводу очевидецъ пишетъ: „Сіе произошло отъ того, что Императоръ неопредѣлительно далъ свои повелѣнія, приказавъ сказать въ указѣ, что, назначая мѣста Сперанскому и Магницкому, онъ имѣлъ въ виду предоставить имъ возможность выслужиться, обнаруживая мысль, что они виноваты, потому что прощаютъ только виновныхъ, но сего послѣдняго выраженія Государю не хотѣлось произнести. Наконецъ, послѣ многократныхъ поправокъ, ночью подписанъ сей указъ, который неясностью и двусмысленностью своею показываетъ, что сочинитель онаго былъ въ великомъ затрудненіи, что именно намѣревался выразить". Послѣ указа 30-го августа 1816 года дѣло Сперанскаго, тайныя пружины котораго оставались такъ долго скрытыми, стало еще темнѣе.

Императоръ Александръ вспомнилъ также въ Москвѣ несчастнаго Верещагина, который въ день вступленія непріятелей въ столицу лишился жизни по приказанію графа Ростопчина. Государь призвалъ къ себѣ отца Верещагина и долго съ нимъ бесѣдовалъ; на другой день велѣно ему послать одинъ изъ самыхъ богатыхъ брилліантовыхъ перстней, находившихся между вещами Государя. Кромѣ того, въ рескриптѣ главнокомандующему въ Москвѣ Тормасову разрѣшено было выдать московскому второй гильдіи купцу Верещагину двадцать тысячъ рублей.

Еще ранѣе, 28-го іюня 1816 года, другая жертва графа Ростопчина, бывшій московскій почтъ-директоръ Ключаревъ, удаленный въ 1812 году отъ должности, награжденъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ.

30-го августа главнокомандующій въ Москвѣ генералъ Тормасовъ получилъ графское достоинство. 4-го сентября послѣдовалъ манифестъ, по которому въ 1816 году отмѣнялся обыкновенный рекрутскій наборъ, въ виду „прочнаго мира, утвержденнаго на основаніяхъ взаимнаго дружественнаго согласія европейскихъ державъ". 30-го октября повелѣно главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ именоваться военными генералъ-губернаторами.

Въ Кіевѣ Императоръ Александръ посѣтилъ славившагося своею святою жизнью схимника Вассіана. „Благословите меня,— сказалъ ему Государь,—еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ и пришелъ поговорить съ вами. Благословите меня". Отшельникъ хотѣлъ поклониться въ ноги Царю, но Александръ не допустилъ до этого и, поцѣловавъ его руку, сказалъ: „Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ. Исповѣдуйте меня, и такъ, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ".—Намѣстнику лавры Государь сказалъ: „Благословите, какъ священникъ, и обходитесь

со мною, какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей къ спасенію; ибо всѣ дѣла мои и вся слава принадлежитъ не мнѣ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе".

Изъ Кіева Императоръ Александръ отправился въ Бѣлую Церковь и остановился по случаю происходившихъ здѣсь смотровъ на два дня въ Александріи, въ имѣніи графини Браницкой. Данилевскій пишетъ: „Я провелъ оба вечера въ одной комнатѣ съ Государемъ и, не любя ни танцевъ, ни новыхъ знакомствъ, я безпрестанно наблюдалъ Императора и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною. По обыкновенію своему онъ былъ веселъ и разговорчивъ, много танцовалъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ его, но, не взирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность въ обращеніи, у него вырывались по временамъ такіе взгляды, которые обнаруживали, что душа его была въ волненіи, и что мысли его устремлены были совсѣмъ на другіе предметы, нежели на балъ и на женщинъ, которыми онъ, повидимому, занимался, а иногда блистало у него во взорахъ нѣчто такое, которое явно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что онъ рожденъ самодержцемъ. Я думаю, что Теофрастъ и Лабрюеръ были бы въ затрудненіи, ежели бы имъ надлежало изобразить его характеръ".

Направляясь въ Варшаву, Императоръ Александръ намѣревался сначала ѣхать черезъ Люблинъ на Пулавы, но затѣмъ рѣшилъ избрать путь черезъ Брестъ-Литовскъ, видимо избѣгая случая встрѣтиться съ семействомъ Чарторижскихъ. Въ Варшавѣ Цесаревичъ, нескончаемымъ числомъ ученій и смотровъ, представилъ польскую армію въ самомъ блестящемъ видѣ.

Приближаясь къ Петербургу, Государь, разговаривая съ Данилевскимъ, высказалъ весьма замѣчательный взглядъ свой на военное и политическое значеніе границъ, коими Россія обязана его царствованію. По словамъ Данилевскаго, разговоръ завязался слѣдующимъ образомъ. Императоръ спросилъ Данилевскаго, понравился ли ему видъ Пейпусскаго озера, которое только-что миновали: „Я отвѣчалъ, что оно привело мнѣ на память древнюю границу Россіи. Съ симъ словомъ Государь пересталъ кушать и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ почти безпрестанно одинъ; вотъ собственныя его слова, мною того же дня записанныя. „Признайся, что съ тѣхъ поръ границы наши порасширились. Я не знаю государства, которое бы имѣло столь выгодныя границы. Возьмемъ отъ самаго сѣвера. Ботническій заливъ есть непреодолимая стѣна, а въ окрестностяхъ Торнео нападеній бояться намъ не должно, потому что тамъ ходятъ одни олени и лапландцы. Мысль Петра Перваго была, чтобы имѣть границею Ботническій заливъ, но ему не удалось привести сего въ исполненіе. Обстоятельства заставили насъ вести войну со шведами, и завоеваніе Финляндіи имѣло уже для Россіи величайшую пользу; безъ онаго въ 1812 году не могли бы мы, можетъ быть, одержать успѣха, потому что Наполеонъ имѣлъ въ Бернадотѣ управителя своего, который, находясь въ пяти маршахъ отъ нашей столицы, неминуемо принужденъ бы былъ соединить свои силы съ наполеоновыми. Мнѣ Бернадотъ нѣсколько разъ это сказывалъ и говорилъ, что онъ имѣлъ отъ Наполеона предписаніе объявить Россіи войну; Бернадотъ же зналъ, что, хотя мы и могли имѣть въ войнѣ неудачу, но что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы опять бы возстали, или по смерти Наполеона, или отъ перемѣны обстоятельствъ, и, укрѣпясь собственными силами своими, отомстили бы шведамъ.— Теперь взглянемъ мы на нашу европейскую границу. Польское царство послужитъ намъ авангардомъ во всѣхъ войнахъ, которыя мы можемъ имѣть въ Европѣ; сверхъ того, для насъ есть еще та выгода, что давно присоединенныя къ Россіи польскія губерніи, при могущей встрѣтиться войнѣ, не зашевелятся, какъ то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссія, которая имѣетъ Познань, и Австрія, у которой есть Галиція. Этимъ счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ мы обязаны Промыслу Божію, и онъ поставилъ Россію въ такое состояніе, что она болѣе ничего желать не можетъ. Посему она имѣетъ безпристрастный голосъ въ политическихъ дѣлахъ Европы, подобно какъ въ частномъ быту человѣкъ, которому не остается ничего желать, всегда откровеннѣе призывается другими въ посредники. Это дало намъ большой перевѣсъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ и въ Парижѣ, какъ во время перваго, такъ и второго нашего тамъ пребыванія. Что касается до Турціи, то по мно

*

гимъ соображеніямъ, а особенно по безсилію ея, въ которомъ она теперь находится, она есть для насъ безопасный, а потому наилучшій сосѣдъ. Францію раздѣлить на части—пустая мысль, хотя многія державы и имѣли...", при этихъ словахъ, къ крайнему сожалѣнію моему, подали кофе, и разговоръ прервался".

13-го (25-го) октября Императоръ Александръ возвратился въ Царское Село.

Съ 28-го октября 1814 года сухопутныя силы раздѣлены были на двѣ арміи и назначены главнокомандующими:—первой арміи фельдмаршалъ Барклай де-Толли, а второй—графъ Бенигсенъ. Главная квартира первой арміи находилась въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, а второй—въ Тульчинѣ.

Одновременно съ введеніемъ въ 1816 году военныхъ поселеній воскресаютъ правительственныя попытки освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости Эстляндское дворянство еще въ 1811 году изъявило желаніе отказаться отъ крѣпостнаго права на своихъ крестьянъ. Это привело 28-го мая (9-го іюня) 1816 года къ утвержденію учрежденія объ эстляндскихъ крестьянахъ, по которому личное крѣпостное право въ этой губерніи отмѣнялось. Дворянство сохраняло въ собственность землю, отношенія же крестьянъ къ землевладѣльцамъ основывались отнынѣ на взаимномъ добровольномъ соглашеніи и контрактѣ. Послѣ этого перваго опыта, личное безземельное освобожденіе крестьянъ распространилось въ Остзейскомъ краѣ и на другія губерніи, а именно на Курляндскую въ 1817 году и на Лифляндскую въ 1819 году. Выражая по этому случаю лифляндскому дворянству свое удовольствіе, Императоръ Александръ сказалъ: „Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ".

Вообще въ 1816 году крестьянскій вопросъ началъ занимать умы въ обществѣ. Многіе изъ помѣщиковъ Петербургской губерніи согласились между собою обратить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанныхъ, *на основаніи существовавшихъ тогда на сей предметъ постановленій*. Объ этомъ былъ составленъ актъ, подписанъ 65-ю помѣщиками и поднесенъ Императору Александру генералъ-адъютантомъ И. В. Васильчиковымъ. Попытка эта, впрочемъ, осталась безъ результата. Въ 1818 г. Государь повелѣлъ графу Аракчееву разработать проектъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія; когда же предположенія Аракчеевымъ были выработаны, наступившія въ то время политическія событія отодвинули дѣло на задній планъ.

Въ февралѣ 1816 года Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія Государю первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго". Тщетно исторіографъ ожидалъ аудіенціи; наконецъ, ему намекнули, что графъ Аракчеевъ ожидаетъ его визита. 14-го марта Карамзинъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ къ Аракчееву; графъ ему сказалъ: „учителемъ моимъ былъ дьячекъ: мудрено-ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю Государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться, теперь уже поздно". 15-го марта Императоръ Александръ принялъ исторіографа. „Встрѣтилъ ласково, — пишетъ Карамзинъ,—обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. — Все принято, какъ нельзя лучше, дано на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч." Вскорѣ Карамзину пожаловали еще орденъ св. Анны 1-й степени. 28-го января 1818 года Карамзинъ поднесъ Императору Александру экземпляръ своей исторіи.

19-го іюня (1-го іюля) 1817 года состоялся торжественный въѣздъ въ Петербургъ высоконареченной невѣсты Великаго Князя Николая Павловича; 24-го іюня (6-го іюля) послѣдовалъ обрядъ муропомазанія принцессы Шарлотты, которая нарѣчена Великою Княжною Александрою Ѳеодоровною, и 1-го (13-го) іюля совершено бракосочетаніе.

Осенью 1817 года Императоръ Александръ опять предпринялъ поѣздку по Россіи. 25-го августа (6-го сентября) онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Витебскъ, гдѣ начались смотры частей войскъ первой арміи. Затѣмъ Государь направился въ Могилевъ, Бобруйскъ, Черниговъ и Кіевъ. Здѣсь, въ первый же вечеръ по пріѣздѣ, Александръ снова посѣтилъ схимника Васіана и пробылъ у него болѣе часа.

Въ Бѣлой Церкви Государь осматривалъ корпусъ Раевскаго, и оттуда поѣхалъ въ

Переяславль, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Калугу, и 27-го сентября прибылъ въ Тарутино; здѣсь собраны были двѣ гренадерскія дивизіи и происходили маневры почти на мѣстѣ сраженія 6-го октября 1812 года. Отсюда Александръ отправился въ Черную Грязь на встрѣчу Императорской фамиліи, выѣхавшей изъ Петербурга, чтобы провести зиму въ Москвѣ. Въ январѣ 1818 года Императоръ отправился на короткое время въ Петербургъ, а остальное время не покидалъ Москвы, до отъѣзда 21-го февраля въ Варшаву.

Пребываніе Императора Александра въ Москвѣ ознаменовалось торжественною закладкою храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, 12-го (24-го) октября 1817 года, въ день пятой годовщины освобожденія первопрестольной столицы „отъ двадесяти языкъ".

27-го октября 1817 года въ Москвѣ данъ былъ Св. Синоду указъ о невоздаваніи Императору похвалъ въ рѣчахъ духовенства; этотъ указъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ свидѣтельство того особеннаго душевнаго настроенія, которое овладѣло уже навсегда Императоромъ Александромъ, по окончаніи борьбы съ Наполеономъ. Содержаніе указа слѣдующее:

„Въ послѣдній мой проѣздъ по губерніямъ, въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ долженъ былъ, къ сожалѣнію моему, слушать въ рѣчахъ, говоренныхъ духовными лицами, такія несовмѣстныя мнѣ похвалы, кои приписывать можно Единому Богу. Поколику я убѣжденъ въ глубинѣ сердца моего въ сей христіанской истинѣ, что чрезъ Единаго Господа и Спасителя Іисуса Христа проистекаетъ всякое добро, и что человѣкъ, какой бы ни былъ, безъ Христа есть единое зло, слѣдовательно приписывать мнѣ славу въ успѣхахъ, гдѣ Рука Божія столь явна была цѣлому свѣту,—было бы, отдавать человѣку то, что принадлежитъ Всемогущему Богу. Для того долгомъ считая запретить таковыя неприличныя выраженія, поручаю Святѣйшему Синоду предписать всѣмъ епархіальнымъ архіерямъ, чтобы какъ они сами, такъ и подвѣдомственное духовенство при подобныхъ случаяхъ воздержались отъ похвалъ, толико слуху моему противныхъ, а воздавали бы Единому токмо Господу Силъ благодаренія за ниспосланныя щедроты, и умоляли бы о изліяніи Благодати Его на всѣхъ пасъ, основываясь на словахъ Священнаго Писанія: „*Царю же вѣковъ, Нетлѣнному, Невидимому, Единому Премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ*".

Намѣреваясь въ мартѣ 1818 года открыть въ Варшавѣ первый конституціонный сеймъ, Императоръ Александръ еще въ Москвѣ занялся приготовленіемъ своей рѣчи. Призвавъ къ себѣ графа Каподистрію, Государь вручилъ ему нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ на сеймѣ королемъ саксонскимъ въ то время, когда онъ владѣлъ герцогствомъ Варшавскимъ. „Изучите ихъ,— сказалъ Государь,—а потомъ займитесь моею. Вотъ моя идея".

По прибытіи въ Варшаву, Императоръ Александръ нѣсколько разъ занимался съ графомъ Каподистріею, не упоминая о своей рѣчи, и только лишь за два дня до открытія сейма сказалъ: „Вотъ моя рѣчь" и, вручивъ ее графу, по прочтеніи прибавилъ: „Даю вамъ полное право расположить фразы согласно съ грамматикою, разставить точки и запятыя, но не допущу никакихъ другихъ измѣненій".

15-го (27-го) марта 1818 года послѣдовало торжественное открытіе перваго польскаго сейма. Императоръ Александръ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой особенно выдѣлялись слѣдующія слова, провозглашенныя съ высоты престола представителямъ Царства Польскаго: „L'organisation qui était en vigueur dans votre pays a permis l'établissement immédiat de celle que je vous ai donnée. en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude, et dont j'espère avec l'aide de Dieu étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées que la Providence a confiées à mes soins. Vous m'avez ainsi offert les moyens de montrer à ma patrie ce que je prépare pour elle depuis longtemps, et ce qu'elle obtiendra, lorsque les éléments d'une oeuvre aussi importante auront atteint le développement nécessaire... Prouvez à vos contemporains que les institutions libérales, dont on prétend confondre les principes à jamais sacrés avec les doctrines subversives qui ont menacé de nos jours le système social d'une catastrophe épouvantable, ne sont point un prestige dangereux; mais que, réalisées avec bonne foi et dirigées surtout avec pureté d'intention vers un but conser-

vateur et utile à l'humanité, elles s'allient parfaitement avec l'ordre, et produisent d'un commun accord la prospérité véritable des nations"....

Среди варшавскихъ празднествъ Императоръ Александръ продолжалъ слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за развитіемъ военныхъ поселеній и 27-го марта писалъ графу Аракчееву: „Съ несказаннымъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма твоего, что и остальные полки 1-й гренадерской дивизіи поступаютъ уже въ новое положеніе поселенныхъ войскъ и что сіе произошло съ желаемымъ порядкомъ, тишиною и устройствомъ. Да будетъ во первыхъ хвала Всевышнему Богу, безъ коего ничего хорошаго не дѣлается, а потомъ обязанъ я твоимъ бдительнымъ попеченіямъ въ успѣхѣ дѣла для меня столь близко къ сердцу лежащаго. Здѣсь, благодаря Бога, все идетъ отлично хорошо, земля видимымъ образомъ поправляется и устраивается. Городъ украшается. Войска прекрасныя. Умы въ самомъ лучшемъ направленіи. Открытіе сейма произведено съ желаемымъ успѣхомъ. Сеймъ продолжается съ удивительнымъ порядкомъ. Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, будь здоровъ и совершенно увѣренъ въ искренней моей привязанности къ тебѣ. Если ты немного постарѣлъ, то и я не помолодѣлъ, любя и умѣя цѣнить всѣ заслуги, тобою отечеству и мнѣ оказанныя".

Русскій переводъ рѣчи Императора Александра былъ порученъ князю П. А. Вяземскому; этимъ переводомъ Государь остался вполнѣ доволенъ. Вслѣдъ за этимъ князю Вяземскому поручили также переводъ на русской языкъ польской хартіи и дополнительныхъ къ ней уставовъ образовательныхъ. Спустя нѣсколько времени, поручено было Новосильцеву Государемъ составить проектъ конституціи для Россіи. Подъ его руководствомъ занялся этимъ дѣломъ бывшій при немъ французскій юристъ Дешанъ.

Варшавская рѣчь Императора Александра произвела въ Россіи глубокое впечатлѣніе и вызвала разнообразные толки. „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ", писалъ Карамзинъ къ И. И. Дмитріеву. „Спятъ и видятъ конституцію, судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать". Данилевскій занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: „Безъ сомнѣнія, весьма любопытно было слышать подобныя слова изъ устъ Самодержца, но надобно будетъ видѣть, думалъ я, приведутся-ли предположенія сіи въ дѣйствіе. Петръ Великій не говорилъ, что русскіе дикіе, и что онъ намѣренъ ихъ просвѣтить, но онъ ихъ образовалъ безъ дальнѣйшихъ о семъ предвареній".

Занятія польскаго сейма продолжались ровно мѣсяцъ и закрытіе его послѣдовало 15-го (27-го) апрѣля. Въ рѣчи, произнесенной по этому случаю Императоромъ, выражена была представителямъ Царства признательность за понесенные труды, которые удостоились совершеннаго одобренія. „Свободно избранные должны и разсуждать свободно,—сказалъ Александръ.— Чрезъ ваше посредство надѣюсь слышать искреннее и полное выраженіе общественнаго мнѣнія, и только собраніе, подобное вашему, можетъ служить правительству залогомъ, что издаваемые законы согласны съ существенными потребностями народа".

18-го (30-го) апрѣля Императоръ Александръ разстался съ Варшавою и отправился въ Пулавы, не смотря на охлажденіе прежнихъ дружескихъ отношеній къ семейству Чарторижскаго. Въ письмѣ князя Адама къ отцу читаемъ: „Императоръ уѣхалъ изъ Варшавы довольный, съ желаніемъ возвратиться и съ убѣжденіемъ, что сеймы полезны и необходимы и что нѣтъ никакого основанія ихъ опасаться. Благосклонныя для насъ намѣренія присоединить къ королевству западныя провинціи, кажется, постепенно укрѣпляются въ его умѣ". Это третье посѣщеніе Государемъ Пулавъ было послѣднимъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ сопровождалъ своего августѣйшаго брата до Замостья. Императоръ намѣревался посѣтить Бессарабію, Одессу, Николаевъ, Крымъ, Таганрогъ и землю донскихъ казаковъ, и на пути осмотрѣть войска второй арміи графа Бенигсена. Въ этомъ путешествіи сопровождали Государя австрійскій генералъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій и маіоръ графъ Кламмъ, генералъ-адъютанты: князь Волконскій, Уваровъ и князь Меншиковъ, генералъ Милорадовичъ, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, графъ Каподистрія, статсъ-секретарь Марченко и лейбъ-медикъ Виллié. Въ Кишиневѣ къ путешественникамъ присоединился Аракчеевъ.

27-го апрѣля, Императоръ Александръ,

проѣзжая чрезъ мѣстечко Бѣльцы въ Бессарабіи, получилъ извѣстіе о рожденіи въ Москвѣ 17-го (29-го) апрѣля Великаго Князя Александра Николаевича.

Во время пребыванія Государя въ Одессѣ послѣдовало увольненіе отъ командованія арміею графа Бенигсена, испросившаго разрѣшеніе провести остатокъ своей жизни въ Ганноверѣ. Главнокомандующимъ второй арміи назначенъ графъ Витгенштейнъ.

Осматривая въ 1818 году впервые Одессу, Императоръ Александръ вспомнилъ съ признательностью заслуги герцога Ришелье и послалъ создателю города съ фельдъегеремъ въ Парижъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ Вознесенскѣ Императоръ Александръ осматривалъ войска военныхъ поселеній и остался состояніемъ ихъ вполнѣ доволенъ. За обѣдомъ, Государь исключительно бесѣдовалъ о выгодахъ, ожидаемыхъ имъ отъ военныхъ поселеній, и, между прочимъ, сказалъ: „En temps de paix les colonies militaires m'épargneront les recrues, mais en temps de guerre, il faut que tout le monde marche et que tout le monde défende la patrie".

Дорогою Государь получилъ извѣстіе о кончинѣ, 14-го (26-го) мая, фельдмаршала князя Барклая де-Толли; главнокомандующимъ первою арміею былъ назначенъ баронъ Ф. В. Сакенъ.

1-го (13-го) іюня Государь возвратился въ Москву, гдѣ въ то время ожидали короля прусскаго вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ. Король пробылъ въ Москвѣ одиннадцать дней и затѣмъ отправился въ Петербургъ. Вскорѣ начались приготовленія къ отъѣзду Государя на Ахенскій конгрессъ и обѣихъ Императрицъ въ чужіе края.

27-го августа (8-го сентября) въ пять часовъ утра, Императоръ Александръ отправился изъ Царскаго Села въ Ахенъ и остановился дорогою на нѣсколько дней въ Берлинѣ. Здѣсь Государь присутствовалъ 7-го (19-го) сентября при закладкѣ памятника въ честь войнъ 1813—1815 годовъ; по случаю этого торжества епископъ Эйлертъ произнесъ замѣчательную рѣчь, побудившую Императора пригласить къ себѣ проповѣдника на другой день и вступить съ нимъ въ продолжительную бесѣду. Предметомъ разговора послужило личное религіозное настроеніе Александра и заключеніе священнаго союза. „Искупитель самъ внушилъ всѣ мысли, которыя составляютъ содержаніе этого акта, „сказалъ Императоръ", и всѣ принципы, которые въ немъ провозглашаются. Всякій, кто этого не признаетъ и не чувствуетъ, всякій, кто видитъ въ этомъ лишь тайные замыслы политики и не различаетъ святое дѣло отъ несвятого, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ и съ такимъ человѣкомъ нельзя объ этомъ говорить".

15-го (27-го) сентября Императоръ Александръ прибылъ въ Ахенъ, гдѣ уже находились король прусскій и императоръ Францъ. Здѣсь собрались для предстоявшихъ переговоровъ: лордъ Кестельри, князь Гарденбергъ, герцогъ Ришелье, князь Меттернихъ, графъ Нессельроде, графъ Каподистрія и герцогъ Веллингтонъ. Засѣданія конгресса начались немедленно и 27-го сентября (9-го октября) заключена конвенція о выводѣ изъ Франціи союзныхъ войскъ и сдачѣ французскому правительству всѣхъ крѣпостей, занятыхъ союзниками. Такимъ образомъ, Франція выходила изъ подъ опеки, въ которой содержали ее европейскія державы съ 1815 года. Предъ закрытіемъ конгресса, Австрія, Пруссія, Россія, Англія и Франція постановили въ протоколѣ и въ декларациіи отъ 3-го (15-го) ноября, намѣренія и правила своей будущей политики; правила были согласованы съ духомъ священнаго союза, придавая ему, однако, болѣе опредѣленную цѣль, а именно: поддерживать существующій порядокъ и спасать народы отъ ихъ собственныхъ увлеченій. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, по мѣрѣ надобности, установить съѣзды государей, либо ихъ министровъ и уполномоченныхъ, для разсужденія сообща о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать къ поддержанію и утвержденію системы, которая, даровавъ Европѣ миръ, одна лишь можетъ обезпечить его продолженіе.

24-го октября (5-го ноября) Императоръ Александръ писалъ графу Аракчееву изъ Ахена: „Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, и донесенія о продолжающихся успѣхахъ по нашимъ поселеніямъ. Благодареніе Богу у насъ также все идетъ хорошо и успѣшно, можно сказать даже сверхъ ожиданія. Я ѣздилъ въ Валансьенъ осматривать нашъ корпусъ и большую часть прочихъ войскъ, состав-

ляютъ армію союзную. Потомъ ѣздилъ въ Парижъ, но единственно отобѣдать къ королю и тотчасъ же послѣ стола выѣхалъ назадъ. Матушка, слава Богу, совершенно здорова и довольна своимъ путешествіемъ и 21-го проѣхала здѣсь, отобѣдавъ у меня. Теперь она въ Брюсселѣ".

Къ 1-му (13-му) ноября всѣ дѣла на конгрессѣ были кончены, и Государь готовился также ѣхать въ Брюссель; въ это время получены были извѣстія о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью захватить дорогою Императора Александра, увезти его во Францію и затѣмъ заставить его подписать декларацію объ освобожденіи Наполеона и о возведеніи на французскій императорскій престолъ его сына. Государь не отмѣнилъ своей поѣздки въ Брюссель и, приказавъ написать нидерландскому королю, что полагается на мѣры, какія будутъ имъ приняты противъ заговора, 4-го (16-го) ноября отправился въ Брюссель. По запискамъ очевидца на немъ была треугольная шляпа съ бѣлымъ перомъ, какъ будто для того, чтобы заговорщики могли удобнѣе узнать его, ибо обыкновенно дорогою надѣвалъ онъ фуражку. Принцъ Оранскій, имѣвшій отъ короля приказаніе принять мѣры безопасности во время этого путешествія, распорядился такимъ образомъ, что перемѣнные отряды конницы слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за коляскою Государя, безъ его вѣдома и не бывъ имъ замѣчены. Другіе отряды расположены были на станціяхъ.

Александръ прожилъ нѣсколько дней въ Брюсселѣ въ семейномъ кругу и, несмотря на свѣдѣнія, что городъ наполненъ заговорщиками, являлся на гуляньяхъ среди множества народа, одинъ, во фракѣ. 9-го (21-го) Государь поѣхалъ изъ Брюсселя въ Ахенъ и, переночевавъ здѣсь, отправился черезъ Карлсруэ, Штутгартъ, Веймаръ, въ Вѣну.

Дорогою Государь высказалъ, однажды за обѣдомъ, слѣдующія мысли по поводу политическаго положенія дѣлъ въ Европѣ: „Войны не будетъ, потому что всѣ державы находятся въ такомъ положеніи, что имъ предстоятъ выгоды не отъ войны, но отъ мира. Мы устроили дѣла такимъ образомъ, что ни Россія, ни Австрія, ни Пруссія не имѣютъ взаимныхъ другъ на друга требованій и притязаній. Все заплачено, всѣ между собою разсчитались, и надобно быть глупцомъ, начиная войну за какую-нибудь деревушку. Если можно предполагать войну, то съ французами: эти господа не хотятъ жить спокойно. Впрочемъ, чтобы имѣть миръ, надобно содержать войска въ исправности".

Въ Вѣнѣ Императоръ Александръ прожилъ десять дней и выѣхалъ обратно въ Россію 10-го (22-го) декабря, черезъ Брюнъ, Ольмюцъ и Бохнію. Въ мѣстечкѣ Ланкутъ Государь обѣдалъ въ замкѣ, принадлежащемъ графу Потоцкому; здѣсь его поджидалъ князь Адамъ Чарторижскій. Видъ его, по свидѣтельству очевидца, былъ мрачный, какъ подобаетъ царедворцу, впавшему въ немилость. Императоръ, по прибытіи, принялъ его сухо, но пригласилъ его обѣдать. За столомъ Государь сказалъ: „Voilà donc ce congrès dont on a tant parlé, qu'on a représenté si mystérieux, fini et la paix établie pour longtemps. Nous nous sommes donné la parole de nous réunir de rechef dans trois ans. Je voudrais qu'on se réunit de nouveau à Aix la Chapelle, moi je m'y suis beaucoup plu, quoique tout le monde prétend s'y être ennuyé". Послѣ обѣда Государь сказалъ князю Адаму, что вечеромъ онъ пріѣдетъ кушать чай къ отцу его и къ матери въ Сеняву. Затѣмъ, не доѣзжая польскаго мѣстечка Билгорая, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, надѣлъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла. Прислуга его величества одѣлась въ польскія ливреи. Въ Замостьѣ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ встрѣтилъ Императора и провожалъ его до Устилуга; отсюда Государь продолжалъ путь черезъ Брестъ и Минскъ и 22-го декабря 1818 года (3-го января 1819 года) возвратился въ Царское Село. Въ теченіе 1818 года Императоръ Александръ проѣхалъ болѣе 14.000 верстъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію, Государь испыталъ большое семейное горе: 11-го (23-го) января 1819 года онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей любимой сестры, королевы виртембергской Екатерины Павловны, послѣдовавшей 28-го декабря 1818 года (9-го января 1819 года), послѣ кратковременной болѣзни.

Еще въ 1814 году, во время пребыванія Императора Александра въ Лондонѣ, знаменитые филантропы-квакеры Греллэ и Алленъ воодушевились мыслью, что надо воспользоваться благопріятнымъ случаемъ

и внушить союзнымъ государямъ, что царство Христа есть царство справедливости и мира. Они отправились сначала къ прусскому королю, который принялъ ихъ, похвалилъ квакеровъ, находящихся въ его владѣніяхъ, но высказалъ убѣжденіе, что война необходима для достиженія мира. Совсѣмъ инымъ образомъ принялъ ихъ другой, болѣе великій человѣкъ и Государь. Дѣйствительно, они встрѣтили сочувственный пріемъ только со стороны Императора Александра, который посѣтилъ квакерскій митингъ и принялъ депутацію. Государь увѣрилъ квакеровъ, что онъ согласенъ съ большею частью ихъ мнѣній, и что хотя, по его исключительному положенію, его способъ дѣйствій долженъ быть иной, онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу. Прощаясь съ квакерами, Александръ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Россію и сказалъ: „я разстаюсь съ вами, какъ другъ и братъ".

Греллэ и Алленъ прибыли въ Петербургъ въ 1818 году, во время отсутствія Императора; посѣтивъ князя Голицына, они при его содѣйствіи осматривали тюрьмы и школы, причемъ радовались введенію ланкастерской системы обученія. Затѣмъ они посѣтили митрополита и другихъ духовныхъ лицъ. По возвращеніи Государя изъ Ахена, онъ вскорѣ послалъ за квакерами и бесѣдовалъ со „старыми друзьями" два часа. Онъ вспомнилъ о свиданіи съ квакерами въ Лондонѣ въ 1814 году, доставившемъ ему бодрость и твердость духа среди тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ тогда находился. Затѣмъ, Государь говорилъ о внутреннемъ дѣйствіи и вліяніи Св. Духа, которое называлъ краеугольнымъ камнемъ христіанской религіи. Въ концѣ бесѣды Александръ самъ предложилъ провести нѣсколько времени въ общей духовной молитвѣ. „Мы охотно согласились,— пишетъ Греллэ,—чувствуя, что Господь близь насъ со своею благодатною силою. Въ безмолвномъ внутреннемъ созерцаніи прошло нѣсколько времени; души наши смирились, и, немного спустя, я почувствовалъ въ себѣ небесное вѣяніе духа молитвы и сокрушенія; объятый духомъ, я преклонилъ колѣна свои предъ величіемъ Божіимъ; Государь преклонилъ колѣна подлѣ меня. Среди внутренняго изліянія души, мы чувствовали, что Господь благоволилъ услышать наши молитвы. Затѣмъ мы провели еще нѣсколько времени въ безмолвіи и потомъ удалились".

1-го (13-го) марта Императоръ Александръ вторично пригласилъ къ себѣ квакеровъ. Онъ разсказалъ имъ разныя подробности о томъ, какъ его воспитывали, какимъ образомъ въ 1812 году развилось въ немъ религіозное чувство, какимъ образомъ у него возникла въ Парижѣ идея „пригласить всѣхъ коронованныхъ особъ къ составленію одного священнаго союза, предъ судомъ котораго можно было бы на будущее время примирять всѣ вновь возникающія разногласія, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечу и пролитію крови". При концѣ бесѣды Александръ сказалъ: „прежде чѣмъ разстанемся, у меня еще есть одна просьба къ вамъ: соединимся безмолвною молитвою и посмотримъ, не благоволитъ-ли Господь даровать намъ проявленіе своего благодатнаго присутствія, какъ было въ прошедшій разъ". Алленъ вознесъ Господу на колѣнахъ теплую молитву за Государя и его народъ. Александръ сталъ на колѣни подлѣ него и долго оставался вмѣстѣ съ квакерами въ молитвенныхъ изліяніяхъ.

При такомъ душевномъ настроеніи неудивительно, что желаніе Императора Александра отказаться отъ престола и вступить въ частную жизнь все болѣе овладѣвало его помыслами. Лѣтомъ 1819 года, въ Красномъ Селѣ, Императоръ Александръ, осмотрѣвъ 2-ю гвардейскую бригаду, состоявшую подъ командою Великаго Князя Николая Павловича и отобѣдавъ у него, вступилъ съ нимъ въ бесѣду въ присутствіи Великой Княгини Александры Ѳеодоровны. Государь объявилъ Великому Князю, что онъ смотритъ на него, какъ на своего наслѣдника и „что это должно случиться гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ онъ заступитъ его мѣсто еще при жизни, въ виду намѣренія Цесаревича Константина Павловича отказаться отъ своихъ правъ на престолъ. Затѣмъ, Государь продолжалъ: „Pour moi-même, je suis décidé à me défaire de mes fonctions et à me retirer du monde. L'Europe a plus que jamais besoin de souverains jeunes et durs dans toute l'énergie de leur force; pour moi, je ne suis plus ce que j'ai été, et je crois que c'est de mon devoir de me retirer à temps".

Въ томъ же году, въ Варшавѣ между

Императоромъ Александромъ и Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ произошелъ слѣдующій разговоръ. *Александръ*: „Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ“. *Константинъ*: „Тогда я буду просить у васъ мѣсто второго камердинера вашего; я буду вамъ служить и, ежели нужно, чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодѣтелю моему“. При этихъ словахъ Государь, по разсказу Цесаревича, поцѣловалъ брата такъ крѣпко, „какъ еще никогда въ 45 лѣтъ нашей жизни онъ меня не цѣловалъ“. Въ заключеніе разговора Александръ сказалъ: „когда придетъ время абдикировать, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши къ матушкѣ“.

Управляя съ 1816 года Пензенскою губерніею, тайный совѣтникъ Сперанскій неоднократно просилъ перевода въ Петербургъ, сперва съ проявленіемъ желанія быть назначеннымъ въ сенаторы, потомъ просто въ срочный отпускъ. Просьбы его были оставляемы безъ отвѣта или отклоняемы подъ разными предлогами. Въ такомъ положеніи Сперанскій оставался до 1819 года. Въ это время плачевное положеніе сибирскихъ дѣлъ обратило на себя особенное вниманіе Императора Александра. Одиннадцать лѣтъ управлялъ сибирскимъ генералъ-губернаторствомъ Пестель изъ Петербурга. Изъ подчиненныхъ ему губернаторовъ: иркутскій *Трескинъ* неограниченно господствовалъ на далекомъ нашемъ Востокѣ, владѣя изъ Иркутска Пестелемъ въ Петербургѣ, какъ собственною рукою; томскій *Илличевскій* былъ, какъ пишетъ баронъ М. А. Корфъ, „самый грязный взяточникъ простого разряда“, наконецъ, тобольскій *фонъ-Бринъ*, слабый, семидесятилѣтній старецъ, представлялъ одно игралище окружавшихъ его лицъ.

Указомъ 22-го марта 1819 года, Государь назначилъ Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, съ тѣмъ, чтобы, отправясь и вступивъ въ должность сколь можно неотлагательно, онъ обозрѣлъ всѣ части управленія въ сибирскихъ губерніяхъ, въ видѣ начальника и со всѣми правами и властію, присвоенными званію генералъ-губернатора. Въ томъ же письмѣ Императоръ Александръ коснулся и ссылки Сперанскаго въ 1812 году, и высказалъ при этомъ случаѣ полное оправданіе бывшему государственному секретарю.

6-го (18-го) мая Сперанскій выѣхалъ изъ Пензы къ мѣсту своего новаго служенія, сдавъ ввѣренную ему губернію Ф. П. Лубяновскому.

Между тѣмъ русская конституція, или какъ она была названа: „Государственная уставная грамота Россійской Имперіи“, была выработана въ канцеляріи Н. Н. Новосильцова въ Варшавѣ. Онъ послалъ съ этимъ проектомъ въ Петербургъ князя П. А. Вяземскаго. Это было лѣтомъ 1819 года. Императоръ Александръ принялъ князя Вяземскаго въ Каменноостровскомъ дворцѣ и бесѣдовалъ съ нимъ болѣе получаса. По поводу этой аудіенціи князь Вяземскій пишетъ: „Изъяснялъ и оправдывалъ свои виды въ разсужденіи Польши, національности, которую хотѣлъ сохранить въ ней, говоря, что мѣры, принятыя Императрицею Екатериною при завоеваніи польскихъ областей, были бы теперь несогласны съ духомъ времени. Отъ политическаго образованія, даннаго Польшѣ, перешелъ государь къ преобразованію политическому, которое готовитъ Россіи; сказалъ, что знаетъ участіе мое въ редакціи проекта русской конституціи, что доволенъ нашимъ трудомъ, что привезетъ съ собою доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщитъ критическія свои замѣчанія Новосильцеву; что онъ надѣется привести непремѣнно это дѣло къ желаемому окончанію“.

Недолго Императоръ Александръ оставался въ Петербургѣ; на этотъ разъ Государь намѣревался посѣтить сѣверныя области Имперіи и Финляндію. 23-го іюля (4-го августа) 1819 года Александръ отправился въ Архангельскъ, затѣмъ черезъ Олонецъ въ Финляндію. Въ этомъ путешествіи Государь посѣтилъ обитель Валаамскую, ознакомился съ внутренними областями княжества финляндскаго; онъ доѣхалъ до Торнео, откуда возвратился обратно въ Петербургъ, по береговой дорогѣ. Пробывъ въ столицѣ три дня, Императоръ Александръ, въ ночь на 6-е (18-е) сентября, поѣхалъ въ Варшаву.

Пока Императоръ Александръ путешествовалъ по Финляндіи, въ Чугуевскомъ

военномъ поселеніи вспыхнулъ бунтъ. Наряженъ былъ военный судъ, и графъ Аракчеевъ лично явился для кровавой расправы. 24-го августа графъ Аракчеевъ писалъ Государю: „Происшествія здѣсь бывшія меня очень разстроили; я не скрываю отъ Васъ, что нѣсколько преступниковъ самыхъ злыхъ, послѣ наказанія законами опредѣленнаго, умерли и я отъ всего онаго начинаю очень уставать, въ чемъ я откровенно признаюсь предъ вами“... „Надзираю лично, надѣясь всегда на благость Создателя“.—По полученіи донесенія графа Аракчеева послѣ выѣзда въ Варшаву, Государь отвѣчалъ 8-го сентября: „Издавна тебѣ извѣстна, любезный Алексѣй Андреевичъ, искренняя моя къ тебѣ привязанность и дружба и посему ты не повѣришь тѣмъ чувствамъ, кои ощущалъ я при чтеніи всѣхъ твоихъ бумагъ. Съ одной стороны могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой стороны умѣю я также и цѣнить благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ обстоятельствахъ. Благодарю тебя искренно и отъ чистаго сердца за всѣ твои труды. Происшествіе, конечно, прискорбное, но уже когда по несчастію случилось оное, то не оставалось другого средства изъ онаго выйти, какъ давъ дѣйствовать силѣ и строгости законовъ“.

Въ Польшѣ Государя ожидали также не радостныя вѣсти. Новосильцовъ совершенно разошелся съ княземъ Чарторижскимъ. Неудовольствіе противъ Цесаревича Константина Павловича возрастало, какъ среди польской арміи, такъ и въ гражданской администраціи царства. Двойственное положеніе правительства въ Россіи и Польшѣ приводило къ взаимнымъ недоразумѣніямъ. Тѣмъ не менѣе, Императоръ Александръ не отказывался отъ мысли возстановить Польшу въ древнихъ границахъ. Во время пребыванія Государя въ Варшавѣ, Новосильцовъ представилъ ему переводъ съ латинскаго языка двухъ государственныхъ актовъ 1413 и 1051 годовъ о присоединеніи Великаго Княжества Литовскаго къ Королевству Польскому. По возвращеніи въ Петербургъ 13-го (25-го) октября, Императоръ въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ съ Карамзинымъ высказалъ ему свои мысли по этому вопросу. Тогда Карамзинъ написалъ 17-го октября извѣстную записку, въ которой пришелъ къ заключенію, что возстановленіе древняго Королевства Польскаго было бы противно священнымъ обязанностямъ Самодержца Россіи и самой справедливости; оно привело бы къ паденію Россіи, „или сыновья наши обагрять своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу“. Краснорѣчивая записка Карамзина нисколько не поколебала намѣреній Александра относительно Польши; проектъ былъ только отложенъ, въ виду общаго несочувствія, высказаннаго къ нему въ Россіи людьми самыхъ противоположныхъ убѣжденій и взглядовъ. Въ этомъ признавался впослѣдствіи самъ Карамзинъ и писалъ: „Россія удержала свои польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго“.

15-го октября 1819 года внезапно скончался управляющій министерствомъ полиціи графъ С. К. Вязмитиновъ. Лѣтомъ того же года скончался министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ. Вслѣдствіе этого произошли нѣкоторыя перемѣны въ высшей сферѣ государственнаго управленія. Министерство полиціи присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, откуда департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли отчисленъ къ министерству финансовъ, а почтовый департаментъ поступилъ въ вѣдѣніе князя А. Н. Голицына. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ графъ В. П. Кочубей; онъ оставался на этомъ мѣстѣ до 1823 года.

8-го февраля 1819 года главный педагогическій институтъ преобразованъ въ С.-Петербургскій университетъ.

12-го декабря 1819 года послѣдовалъ указъ о прекращеніи съ 1-го января 1820 года учрежденнаго манифестомъ 11-го февраля 1812 года сбора со всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности, платимаго (всѣми состояніями безъ изъятія) съ получаемаго ими дохода.

Въ началѣ 1820 года послѣдовали два важныя правительственныя распоряженія: 13-го (25-го марта) повелѣно выслать іезуитовъ окончательно за границу, съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію, и упразднить какъ іезуитскую академію въ Полоцкѣ, такъ и всѣ подвѣдомственныя ей

училища. Затѣмъ 20-го марта (1-го апрѣля) послѣдовалъ манифестъ о расторженіи брака Цесаревича Константина Павловича съ Великою Княгинею Анною Ѳеодоровною, причемъ объявлено въ дополненіе къ прежнимъ постановленіямъ объ Императорской фамиліи слѣдующее правило: „если какое лице изъ Императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т.-е. не принадлежащихъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лице Императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащимъ членамъ Императорской фамиліи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола".

12-го (24-го) мая 1820 года, въ третьемъ часу дня, вспыхнулъ пожаръ въ Царскосельскомъ дворцѣ въ стропилахъ надъ придворною церковью, охватилъ галлерею, вслѣдъ затѣмъ и весь главный корпусъ лицея, который и выгорѣлъ совершенно. Пожаръ продолжался цѣлыя сутки и распространился также на покои Государя до янтарной комнаты. Это событіе произвело тяжелое впечатлѣніе на Императора Александра; онъ сказалъ, что видитъ въ этомъ предзнаменованіе дурное, что, будучи избалованъ счастіемъ, начинаетъ теперь опасаться противнаго.

9-го (21-го) іюля 1820 года Императоръ Александръ предпринялъ обычныя путешествія по Россіи и Царству Польскому, а затѣмъ отправился за границу на конгрессъ. На этотъ разъ отсутствіе Государя изъ Петербурга было крайне продолжительнымъ; онъ возвратился въ столицу только въ маѣ 1821 года. Во время этой поѣздки Государь посѣтилъ Москву, Воронежъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ.

Изъ Липецка Александръ написалъ 23-го іюля (4-го августа) 1820 года графу Аракчееву, по случаю болѣзни его матери, слѣдующее дружеское письмо, могущее служить дополнительной характеристикой установившихся между ними отношеній: „Съ душевнымъ прискорбіемъ, любезный Алексѣй Андреевичъ, получилъ я письмо твое и печальное извѣстіе о отчаянной болѣзни матушки твоей. Я весьма умѣю цѣнить все то, что долженъ чувствовать, и грѣшно тебѣ бы было не быть увѣрену въ искреннемъ моемъ участіи въ твоей печали. Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ и что я не перемѣнчивъ. Душевно я желаю, чтобы Богъ подкрѣпилъ и сохранилъ твое здоровье, такъ, чтобы ты могъ долгіе еще годы продолжать отечеству столь полезную твою службу".

1-го (13-го) сентября 1820 года послѣдовало открытіе второго польскаго сейма. Рѣчь, произнесенная тогда Императоромъ Александромъ, имѣла увѣщательный характеръ, и рѣзко отличалась отъ знаменитой рѣчи 1818 года; въ ней упоминалось уже о могущей встрѣтиться необходимости прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, чтобы истребить сѣмена разстройства, коль скоро они окажутся. „Духъ зла", сказалъ Александръ, „покушается водворить снова свое бѣдственное владычество; онъ уже паритъ надъ частію Европы, уже накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія". Въ заключеніе Государь смягчилъ выраженіе своего неудовольствія, сказавъ, что если депутаты будутъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ благоразуміемъ и умѣренностью и относиться съ довѣріемъ къ правительству, то „они вскорѣ достигнутъ своей и его цѣли". Не смотря на эти увѣщанія и предостереженія, сеймъ отвергъ почти безъ обсужденія проекты законовъ, представленные правительствомъ. 1-го (13-го) октября Императоръ Александръ закрылъ сеймъ строгою рѣчью, которая разнеслась по Европѣ и огласила размолвку Государя съ Польшею, къ немалому удовольствію недоброжелателей Россіи.

Съ 1819 года рядъ событій омрачилъ политическій горизонтъ Европы: убійство Коцебу студентомъ Зандомъ, волненія въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ Сѣверной Италіи, убійство герцога Беррійскаго (1-го (13-го) февраля 1820 года) придали новую силу реакціоннымъ стремленіямъ, проводимымъ Меттернихомъ. За Карлсбадскими конференціями послѣдовали Вѣнскія конференціи и, наконецъ, признано необходимымъ созвать новый конгрессъ, мѣстомъ засѣданія котораго избранъ Тропау. Надежда поддержать при помощи священнаго союза вѣчный миръ, не оправдалась, и 1-го (13-го) сентября 1820 года послѣдовалъ указъ о сборѣ во всей Имперіи съ 500 душъ по четыре рекрута. При такой политической обстановкѣ, 8-го (20-го) ок-

тября, Императоръ Александръ прибылъ изъ Варшавы въ Тропау, уже сильно разочарованный въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ и сдѣлавшійся рѣшительнымъ противникомъ всякихъ революціонныхъ идей; почва была вполнѣ подготовлена для полнаго торжества политическихъ цѣлей, настойчиво преслѣдуемыхъ Меттернихомъ, а именно— придать священному союзу направленіе, выгодное единственно австрійскимъ интересамъ. Одновременно съ Государемъ прибылъ также въ Тропау Императоръ Францъ въ сопровожденіи Меттерниха. Король прусскій, по нездоровью, пріѣхалъ нѣсколько позже; его замѣнилъ наслѣдный принцъ. Съ прусской стороны на конгрессъ явились канцлеръ князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ. Изъ русскихъ дипломатовъ присутствовали графы Нессельроде и Каподистрія. Англія не прислала уполномоченнаго на конгрессъ; въ Тропау пріѣхалъ только посланникъ при австрійскомъ дворѣ, лордъ Стюартъ. Франція поступила подобнымъ же образомъ; представителями ея явились посланникъ въ Вѣнѣ маркизъ Караманъ и посланникъ при петербургскомъ дворѣ Ла-Ферронэ. Въ Тропау находился также графъ Головкинъ.

Меттернихъ пишетъ, что Императоръ Александръ встрѣтился съ нимъ какъ со старымъ товарищемъ по оружію. На другой день австрійскій канцлеръ имѣлъ съ Александромъ продолжительный разговоръ, о которомъ разсказываетъ: „Императоръ податливъ. Онъ извиняется и доходитъ до того, что осуждаетъ самъ себя. Я нашелъ въ немъ то же любезное обращеніе, которымъ я уже восхищался въ 1813 году, но сталъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ былъ въ ту эпоху. Я просилъ его, чтобы онъ самъ объяснилъ мнѣ эту причину. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ полною откровенностію: „Вы не понимаете, почему я теперь не тотъ, что прежде; я вамъ это объясню. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ, и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ раскаиваться не въ чемъ; не могу сказать того же про себя“.

Для достиженія преслѣдуемой Меттернихомъ цѣли, вполнѣ *подчинить* себѣ Императора Александра, необходимо было поколебать значеніе и довѣріе, которымъ пользовался у Государя графъ Каподистрія. Меттернихъ откровенно признавался: „Еслибъ я могъ дѣлать изъ Каподистріи что захочу, то все пошло бы скоро и хорошо. Императоръ Александръ становится препятствіемъ лишь благодаря своему министру; безъ послѣдняго, все нынѣ было бы уже улажено“. Поэтому Меттернихъ направилъ всѣ усилія къ устраненію ненавистнаго противника, и долгіе часы проводилъ съ Государемъ въ бесѣдахъ. Обстоятельства продолжали ему благопріятствовать. 28-го октября (9-го ноября) Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о безпорядкахъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку, начавшіеся въ ночь съ 16-го (28-го) на 17-е (29-е) октября. Въ донесеніи командующаго гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Васильчикова, было сказано, что единственною причиною *происшествія* въ Семеновскомъ полку—командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины выведены были изъ терпѣнія неблагоразумнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ его съ ними. Императоръ Александръ немедленно сообщилъ это извѣстіе Меттерниху, который повѣствуетъ: „Le Czar croit qu'il faut qu'il y ait une raison pour que trois mille soldats russes se soient laissés aller à un acte qui répond si peu au caractère national. Il va jusqu'à se figurer que ce sont les radicaux qui ont fait le coup, afin de l'intimider et de le décider à revenir à St.-Pétersbourg; je ne suis pas de son avis. Ce serait par trop fort si en Russie les radicaux pouvaient déjà disposer de régiments entiers; mais cela prouve combien l'Empereur a changé“.

2-го (14-го) ноября 1820 года Императоръ Александръ подписалъ приказъ по россійской арміи, по которому повелѣно: „всѣхъ нижнихъ чиновъ л.-гв. Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ“. Штабъ и оберъ-офицеровъ Семеновскаго полка повелѣно было перевести въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковникъ Шварцъ предавался военному суду

„за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи". Для немедленнаго укомплектованія л.-гв. Семеновскаго полка назначались роты изъ гренадерскихъ полковъ.

Графу Аракчееву Императоръ Александръ писалъ по поводу этого происшествія, 5-го (17-го) ноября: „Съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, дабы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца... тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное: ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, всѣ въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Тропау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать".

18-го ноября (1-го декабря) графъ Аракчеевъ отвѣчалъ Государю изъ Грузина: „Я совершенно согласенъ съ мыслями вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое онаго начало. Я могу ошибиться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго". Еще ранѣе, 28-го октября, графъ Аракчеевъ выражалъ Государю, по поводу происшествія въ Семеновскомъ полку, то же самое убѣжденіе: „Я можетъ быть грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ". Сходное съ этимъ мнѣніе высказалъ также Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ письмѣ къ графу Аракчееву отъ 1-го (13-го) февраля 1821 года: „Дай Боже мнѣ обмануться: но мѣры нужны самыя дѣятельныя, чтобъ прекратить зло въ самомъ его началѣ и корнѣ. Въ протчемъ, мнѣ сдается, что сіе зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчено не только здѣсь, но и повсюду".

Тщетно генералъ-адъютантъ Васильчиковъ и графъ Кочубей выражали желаніе по поводу скорѣйшаго возвращенія Государя въ Петербургъ, но къ великому огорченію ихъ, дѣла на конгрессѣ затягивались и нельзя было даже предвидѣть, когда совѣщанія придутъ къ окончанію. 7-го (19-го) ноября уполномоченные трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи подписали слѣдующій протоколъ: „Государства европейскаго союза, подвергаясь вслѣдствіе мятежа измѣненію правительственныхъ формъ, угрожающему опасными послѣдствіями для другихъ державъ, перестаютъ чрезъ то самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за ихъ порядокъ и прочность. Союзныя державы, не ограничиваясь провозглашеніемъ исключенія, взаимно обязываются не признавать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ произошли подобныя перемѣны, станутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, союзныя державы употребляютъ, для возвращенія ихъ въ общій союзъ, сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и понудительныя мѣры, если окажется необходимымъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ". Кромѣ того, союзные дворы рѣшили, въ томъ же протоколѣ, принять мѣры для возвращенія свободы неаполитанскому королю и его народу, и оставить въ странѣ, для охраненія спокойствія, окупаціонную армію. Для окончательнаго рѣшенія этого дѣла пригласили короля Фердинанда въ Лайбахъ, гдѣ предполагали открыть новый конгрессъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщены всѣмъ державамъ декларація государей Россіи, Австріи и Пруссіи, въ формѣ циркулярной депеши къ ихъ резидентамъ. Въ этой декларации сказано, что союзные монархи, „не входя въ переговоры съ революціоннымъ правительствомъ Неаполя, пригласили короля обѣихъ Сицилій въ Лайбахъ, чтобы возвратить ему свободу дѣйствій и дать средство быть посредникомъ между заблудшими его подданными и государствами, коимъ угрожаетъ революція. Франція и Англія приглашены принять участіе въ предположенныхъ мѣрахъ, и въ содѣйствіи ихъ нѣтъ сомнѣнія, потому что три помянутыя державы слѣдуютъ той же системѣ, которая послужила

основаніемъ общему союзу Европы". Такимъ образомъ отнынѣ выступилъ священный союзъ изъ сферы туманнаго мистицизма на практическую почву и получилъ ту окраску, которую съумѣлъ придать ей Меттернихъ, причемъ русскій Императоръ утратилъ всякую свободу дѣйствій. „A un monde en folie il doit en être opposé un plein de sagesse, de raison, de justice et de correction", писалъ Меттернихъ 3-го (15-го) декабря въ Тропау Александру.

15-го (27-го) декабря 1821 года Императоръ Александръ покинулъ Тропау и направился въ Лайбахъ. Король Фердинандъ принялъ приглашеніе союзныхъ монарховъ и, явившись на конгрессъ, съ радостью согласился на австрійское вмѣшательство. Армія генерала Фримона, 24-го января (5-го февраля) 1824 года, перешла черезъ По и двинулась въ южную Италію; развязка не заставила себя ждать: 12-го (24-го) марта австрійцы вступили въ Неаполь, и война была окончена.

Вскорѣ охранители европейскаго спокойствія испытали новыя тревоги: въ Піемонтѣ вспыхнула революція. Тогда Александръ сказалъ императору Францу: „Мои войска въ распоряженіи вашего величества, если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя". Австрійскій императоръ принялъ это предложеніе и русскія войска въ числѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ получили приказаніе явиться на помощь союзнику въ Италіи. Главнокомандующимъ этой арміи предполагалось назначить генерала Ермолова, который былъ вызванъ Государемъ въ Лайбахъ. На этотъ разъ австрійцы управились безъ помощи русскихъ штыковъ и Ермоловъ, излагая въ запискахъ эту эпоху своей жизни, пишетъ: „Конечно, не было доселѣ примѣра, чтобы начальникъ, предназначенный къ командованію арміею, былъ столько, какъ я, доволенъ, что война не имѣла мѣста".

Императоръ Александръ, въ Лайбахѣ въ слѣдующихъ словахъ пояснилъ Ла-Ферронэ свою политическую программу и участіе въ постановленіяхъ конгресса: „Чѣмъ я былъ, тѣмъ останусь теперь и останусь навсегда. Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить; но можно-ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ. Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію. Австрія и Пруссія всегда хотѣли войны, такъ какъ Австрія въ этомъ дѣлѣ естественно призвана къ такой роли, то я не могъ отдѣлиться отъ нея иначе, какъ разорвавши великій союзъ, что повело бы къ переворотамъ въ Италіи, а можетъ быть, и въ Германіи, и я счелъ своею обязанностью скорѣе пожертвовать своимъ личнымъ взглядомъ, чѣмъ допустить до подобныхъ явленій. Притомъ это вѣрный способъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представляемому тайными обществами, подрывающими основы общественнаго порядка".

Не успѣлъ Меттернихъ окончательно побороть политическія затрудненія, вызванныя итальянскимъ революціоннымъ движеніемъ, какъ въ Лайбахъ пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи. Генералъ-маіоръ князь Ипсиланти, собравъ въ Бессарабіи отрядъ изъ грековъ, арнаутовъ и русскихъ удальцовъ, перешелъ 22-го февраля (6-го марта) Прутъ и вступилъ въ Яссы. Въ то же время Владимиреско занялъ Бухарестъ. Вторженіе Ипсиланти при содѣйствіи Этеріи вызвало возстаніе грековъ въ Морeѣ и на Архипелагскихъ островахъ. Хотя событія на Балканскомъ полуостровѣ не имѣли ничего общаго съ броженіемъ умовъ въ Западной Европѣ, Меттерниху удалось убѣдить Императора Александра, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями, и произведено по общему революціонному плану, чтобы повредить союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представился прекрасный случай окончательно поколебать довѣріе Государя къ Каподистріи. Въ радости своей австрійскій канцлеръ восклицаетъ, что Александръ просто изъ чернаго сталъ бѣлымъ. Дѣйствительно, Меттернихъ имѣлъ полное основаніе выражать свое удовольствіе и писать: „L'Empereur Alexandre est ancré dans mon école". Государь повелѣлъ барону Строганову довести до свѣдѣнія Порты, что политика Россійскаго Монарха всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой-либо страны, и что онъ ничего не желаетъ, кромѣ постояннаго и точнаго соблюденія трактатовъ существующихъ между обѣими державами. Кромѣ того, князь Ипсиланти былъ исключенъ изъ русской службы и ему

объявлено, что Государь не одобряетъ его предпріятія, и что онъ никогда не долженъ надѣяться на помощь Россіи. Главнокомандующему второю арміею графу Витгенштейну предписано наблюдать строжайшій нейтралитетъ по отношенію къ событіямъ въ Придунайскихъ княжествахъ. Успѣхи Ипсиланти были кратковременны. Турки вторгнулись въ княжество и вскорѣ нанесли ему рѣшительное пораженіе, послѣ котораго онъ бѣжалъ въ Австрію и былъ заключенъ въ крѣпость.

1-го (13-го мая) состоялся отъѣздъ Императора Александра изъ Лайбаха. Продолжительное пребываніе въ австрійскихъ владѣніяхъ послужило къ прочному сближенію Александра съ императоромъ Францемъ. Съ этого времени Императоръ Александръ остановился на убѣжденіи, по которому австрійская и русская арміи являлись: „comme *de grandes divisions de la grande armée de la bonne cause*, et qui assurément ne se rencontreront jamais que pour combattre que comme alliés les mêmes ennemis communs“.

Между тѣмъ, повсемѣстное возстаніе грековъ послужило сигналомъ къ избіенію христіанъ; въ Константинополѣ патріархъ Григорій въ день Св. Пасхи былъ повѣшенъ въ полномъ облаченіи; затѣмъ позволили жидамъ снять трупъ и волочить его по улицамъ до моря, куда и бросили его съ тѣлами другихъ убитыхъ. По всей Турціи началась кровавая расправа. Три митрополита и восемь другихъ лицъ высшаго греческаго духовенства также были преданы смертной казни. 15-го (27-го) апрѣля баронъ Строгановъ писалъ графу Нессельроде: „Faites moi parler au nom de l'Empereur, dictez moi le langage que je dois tenir... je manierai avec ferveur les foudres du chef révéré de l'eglise orthodoxe“. Вся Россія встрепенулась при извѣстіяхъ о турецкихъ неистовствахъ и въ недоумѣніи обращала взоръ къ своему Царю. Всѣ сословія сходились въ желаніи освобожденія своихъ единовѣрцевъ и войны съ турками. Но Императоръ Александръ остался вѣренъ политическимъ началамъ, провозглашеннымъ имъ въ Тропау и Лайбахѣ. Онъ сознавался, что „изъ всѣхъ русскихъ онъ одинъ противился войнѣ съ турками“, и жаловался на вредъ, наносимый народной любви къ нему такимъ противодѣйствіемъ.

Покинувъ Лайбахъ, Государь направился въ Россію черезъ Венгрію, минуя Вѣну. 24-го мая (5-го іюня) 1821 года Императоръ Александръ возвратился въ Царское Село, послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ. Тотчасъ же генералъ-адъютантъ Васильчиковъ поспѣшилъ съ докладомъ къ Государю и передалъ свѣдѣнія, полученныя имъ о политическомъ заговорѣ съ указаніемъ именъ главныхъ дѣятелей по тайнымъ обществамъ. Александръ отвѣтилъ Васильчикову слѣдующими словами: „Mon cher Wassiltschikoff! Vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs“, и послѣ долгаго молчанія прибавилъ: „Ce n'est pas à moi à sévir“.

Съ этого времени въ рукахъ Императора Александра находилась записка о тайныхъ обществахъ генералъ-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, занимавшаго тогда мѣсто начальника штаба гвардейскаго корпуса. Въ этой запискѣ описаны существовавшія тогда въ Россіи тайныя общества съ такою точностью и вѣрностью, что почти все сказанное въ ней подтвердилось слѣдствіемъ 1826 года; поэтому записка Бенкендорфа имѣетъ поразительное сходство съ извѣстнымъ донесеніемъ слѣдственной комиссіи, написаннымъ Блудовымъ. Такимъ образомъ оказывается, что Императоръ Александръ имѣлъ уже въ рукахъ, въ 1821 году, положительныя свѣдѣнія о заговорахъ, но не приступалъ къ обнаруженію ихъ, не смотря на то, что Бенкендорфъ назвалъ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и далъ правительству указанія, по которымъ легко было своевременно предупредить готовившійся взрывъ. Между тѣмъ, послѣ кончины Императора Александра эта записка была найдена въ 1825 году въ кабинетѣ Государя, въ Царскомъ Селѣ.

Еще во время отсутствія Государя, съ Высочайшаго соизволенія прибылъ въ Петербургъ 22-го марта (3-го апрѣля) 1821 года, сибирскій генералъ-губернаторъ Сперанскій. „Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней“, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ. 6-го (18-го) іюня послѣдовало первое свиданіе Императора Александра съ Сперанскимъ послѣ его ссылки, безъ всякихъ, однако, объясненій о прошедшемъ. Пріемъ былъ холодный. Съ этого времени Сперанскій работалъ съ Государемъ по

сибирскимъ дѣламъ почти каждую недѣлю. Только 21-го августа Александръ коснулся во время работы событій 1812 года; по этому случаю Сперанскій занесъ въ дневникъ слѣдующую краткую замѣтку: „Пространный разговоръ о прошедшемъ. Доносъ яко бы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ. Вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла забыты. Confusion, intrigues, commérages. En s'occupant des choses, on néglige les hommes. Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда справедливаго, всегда милосердаго".

17-го (29-го) іюля 1821 года состоялся указъ о назначеніи Сперанскаго членомъ Государственнаго Совѣта, по департаменту законовъ. Сибирь, по представленію Сперанскаго, была раздѣлена указомъ 26-го января 1822 года на *Восточную* и *Западную*, а затѣмъ 22-го марта назначены, тоже по его выбору, новые въ каждую часть генералъ-губернаторы: въ Восточную — тайный совѣтникъ Лавинскій, въ Западную — генералъ Капцевичъ. Кромѣ того, всѣ проекты Сперанскаго по Сибири, миновавъ Государственный Совѣтъ, но по разсмотрѣніи ихъ въ особомъ комитетѣ, были утверждены Государемъ 22-го іюля 1822 года. „Корабль спущенъ", писалъ Сперанскій, „дай Богъ ему счастливаго плаванія". Лично о себѣ Сперанскій сказалъ послѣ подписанія указовъ: „Слава Богу: сидѣть въ Государственномъ Совѣтѣ я почиталъ всегда вождѣленнымъ успокоеніемъ; могу теперь дѣлать не болѣе, какъ сколько самъ захочу". Съ утвержденіемъ новаго сибирскаго учрежденія прекратились личныя работы Сперанскаго съ Императоромъ. Хотя, по возвращеніи бывшаго государственнаго секретаря изъ Сибири, многіе были убѣждены, что онъ вознесется на прежнюю высоту, но всѣ ошиблись въ своихъ предположеніяхъ. Сперанскому, въ царствованіе Императора Александра, уже не суждено было занимать въ государственномъ управленіи вліятельное положеніе, и послѣ всѣхъ испытанныхъ безпримѣрныхъ невзгодъ, ему не могло даже придти на умъ противодѣйствовать всемогуществу Аракчеева и его государственнымъ начинаніямъ.

Находясь еще въ Лайбахѣ, Государь повелѣлъ войскамъ гвардейскаго корпуса приготовляться къ походу, съ цѣлью приблизить ихъ къ западнымъ границамъ Имперіи. Весною 1821 года, гвардія выступила къ Витебску. 12-го (24-го) сентября Императоръ Александръ отправился туда для осмотра гвардейскихъ войскъ. Около мѣстечка Бѣшенковичи назначены были маневры. Государь остался вполнѣ доволенъ состояніемъ гвардіи и 19-го сентября принялъ приглашеніе гвардейскихъ офицеровъ къ обѣденному столу, на которомъ присутствовали всѣ офицеры и по десяти солдатъ отъ каждаго баталіона и эскадрона. Все удалось какъ нельзя лучше: праздникъ былъ блистательный и сердечный. Тѣмъ не менѣе, неудовольствіе, вызванное происшествіемъ въ Семеновскомъ полку, не было еще забыто, гвардія получила приказаніе зимовать въ Литвѣ и была возвращена въ Петербургъ лишь въ слѣдующемъ году. Кромѣ того, 1-го (13-го) ноября 1821 года генералъ-адъютантъ Васильчиковъ былъ уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья и генералъ-адъютантъ Уваровъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ корпусомъ.

Между тѣмъ, рѣшеніе греческаго дѣла не подвигалось впередъ. Въ первое время по возвращеніи Императора Александра изъ Лайбаха, казалось, что всеобщее сочувствіе къ судьбѣ грековъ, вступившихъ въ столь неравную борьбу, и состраданіе къ ихъ бѣдственному положенію поколебало до нѣкоторой степени взглядъ Государя на восточныя дѣла, усвоенный имъ въ бесѣдахъ съ Меттернихомъ. Дѣйствительно, баронъ Строгановъ выѣхалъ изъ Константинополя, дипломатическія сношенія Россіи съ Портою были прерваны; занялись разработкою плановъ войны съ Турціею; бѣжавшимъ грекамъ дано было убѣжище въ Россіи и въ Имперіи разрѣшена повсемѣстная подписка въ ихъ пользу. Наконецъ, Императоръ Александръ заговорилъ снова о французскомъ союзѣ и о возможномъ раздѣлѣ Турціи. 7-го (19-го) іюля 1821 года Государь сказалъ французскому послу Ла-Ферронэ: „Ouvrez le compas depuis le détroit de Gibraltar jusqu'au détroit des Dardanelles, voyez ce qui est à votre convenance et comptez non seulement sur le consentement, mais sur l'assistance sincère et efficace de la Russie. Il faut que les Turcs soient repoussés bien loin et que tout le monde puisse s'arranger. C'est la Russie aujourd'hui que la France doit avoir comme alliée". Тѣмъ не менѣе, всѣ эти

попытки отбросить опеку Меттерниха кончились, напротивъ того, полнымъ торжествомъ австрійскаго канцлера.

Въ дипломатическомъ мірѣ одинъ графъ Каподистрія оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и продолжалъ доказывать Государю необходимость прекратить переговоры по восточнымъ дѣламъ и приступить къ понудительнымъ мѣрамъ противъ Оттоманской Порты. Александръ не послѣдовалъ его совѣтамъ, но, руководствуясь внушеніями Меттерниха, согласился принять посредничество Австріи и Англіи и рѣшился отправиться на новый конгрессъ, который состоялся въ Веронѣ. При такомъ направленіи русской политики Каподистрія не могъ долѣе руководить внѣшними дѣлами Россіи и отказался отъ занимаемаго имъ мѣста. „A votre place j'aurais dit et agi comme vous, mais à la mienne il m'est impossible de changer de résolution", сказалъ ему Императоръ Александръ, „puisqu'il le faut, séparons nous". Въ августѣ 1822 года графъ Каподистрія оставилъ Россію. Главою министерства иностранныхъ дѣлъ остался графъ Нессельроде. „Жаль, что любезный, умный графъ Каподистрія насъ оставляетъ. Такихъ людей мало. Европа погребла грековъ; дай Богъ воскресенія мертвымъ", писалъ Карамзинъ. Для Россіи, говоритъ Ковалевскій въ своемъ сочиненіи о графѣ Блудовѣ, потеря Каподистріи была важнѣе проиграннаго сраженія. Такимъ образомъ, Меттерниху удалось, наконецъ, удалить изъ русскаго министерства ненавистнаго противника, *„апокалиптическаго Іоанна"*, какъ онъ называлъ графа Каподистрію. 19-го (31-го) мая 1822 года австрійскій канцлеръ самодовольно доносилъ Императору Францу, что одержалъ самую полную изъ побѣдъ, когда-либо одержанныхъ однимъ Дворомъ надъ другимъ. 22-го мая (3-го іюня) онъ дополнилъ вышесказанное еще слѣдующимъ многознаменательнымъ признаніемъ: „Le cabinet russe actuel a détruit d'un seul coup la grande oeuvre de Pierre le Grand et de tous ses successeurs". Въ частномъ разговорѣ, Меттернихъ выразилъ свое удовольствіе въ слѣдующихъ словахъ: „Графъ Каподистрія похороненъ до конца своей жизни. Европа избавилась отъ великихъ опасностей, которыми угрожало ей вліяніе этого человѣка".

Еще въ 1821 году г-жа Криднеръ пріѣхала въ Петербургъ. Въ это время Императоръ Александръ уже вполнѣ разочаровался въ ея божественномъ призваніи. „Я очень скоро увидѣлъ, что этотъ свѣтъ былъ не что иное, какъ блудящій огонь", писалъ Александръ, вспоминая Гейльбронскую встрѣчу 1815 года. Охлажденіе къ ней еще усилилось, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что г-жа Криднеръ, находясь въ столицѣ, проповѣдовала освобожденіе грековъ, указывая на Александра, какъ на орудіе, выбранное Богомъ для осуществленія этой великой цѣли, и осуждая равнодушіе правительства къ ихъ плачевной судьбѣ. Тогда г-жа Криднеръ рѣшилась удалиться въ Лифляндію, а затѣмъ поѣхала въ Крымъ, гдѣ и скончалась въ 1824 г.

15-го (27-го) мая 1822 года Императоръ Александръ отправился въ Вильну на смотръ войскъ гвардейскаго корпуса, послѣ котораго они получили приказаніе выступить обратно въ Петербургъ. Государь возвратился изъ этой поѣздки 31-го мая (12-го іюня).

Въ это время Александра очень безпокоило состояніе здоровья графа Аракчеева и поэтому онъ писалъ ему 16-го мая: „Извѣстіе о продолжительномъ нездоровьѣ твоемъ крайне меня печалитъ. Яковъ Васильевичъ (Виллié) большую надежду полагаетъ въ употребленіи тобою кобыльяго молока и желаетъ, чтобы не отлагать начатіемъ онаго, а я еще большую надежду кладу на Всевышняго Бога". Лѣченіе, предписанное Виллié, повидимому, помогло; 1-го іюня Аракчеевъ отвѣчалъ: „Молоко я, Батюшко, регулярно пью каждый день, и оно мнѣ дѣлаетъ примѣтную пользу".

Передъ отъѣздомъ на конгрессъ, Императоръ Александръ повелѣлъ въ рескриптѣ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, отъ 1-го (13-го) августа 1822 года, всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то: масонскихъ ложъ или другими, закрыть и учрежденіе ихъ впредь не дозволять; всѣхъ членовъ этихъ обществъ обязать, что они впредь никакихъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будутъ и, потребовавъ отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ объявленія, не принадлежатъ ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что они впредь принадле-

жать къ нимъ не будутъ; „если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ". Кромѣ того, въ виду продолжительности предстоящаго пребыванія за границею, Государь призналъ полезнымъ, чтобы, на этотъ разъ, главнокомандующій первою арміею, графъ Сакенъ, имѣлъ пребываніе въ Петербургѣ; подобное мѣропріятіе было, вѣроятно, вызвано воспоминаніемъ о происшествіи 1820 г. въ Семеновскомъ полку.

3-го (15-го) августа 1822 года, Императоръ Александръ выѣхалъ въ Варшаву, и затѣмъ 26-го августа (7-го сентября) прибылъ въ Вѣну. Здѣсь сильнѣе прежняго скрѣпились узы Священнаго Союза. 12-го (24-го) сентября Императоръ Александръ писалъ графу Аракчееву изъ Вѣны: „Съ душевною признательностью получилъ я, любезный Алексѣй Андреевичъ, письмо твое отъ 30-го августа. Доказательство твоей привязанности ко мнѣ принимаю я всегда съ искреннимъ удовольствіемъ, ибо знаю, сколь они чистосердечны и посему драгоцѣнны для меня. Ты не сомнѣваешься также въ искренности и моей любви къ тебѣ. Пріятно мнѣ было видѣть, что ты провелъ именины мои въ военныхъ поселеніяхъ и что въ нихъ все, благодареніе Богу, благополучно.— На сей недѣлѣ отправляемся мы въ Италію, т.-е. въ Верону, но не далѣе, и я надѣюсь, съ помощью Божіею, возвратиться къ назначенному сроку въ Петербургъ. Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ".

4-го (16-го) октября Императоръ Александръ прибылъ въ Верону. Прежде всего конгресъ занялся обсужденіемъ вопроса о водвореніи законнаго правительства въ Испаніи и орудіемъ для достиженія этой цѣли избрали Францію. Въ слѣдующемъ 1823 году она блистательно выполнила предписанный ей крестовый походъ противъ испанской свободы. Политическіе взгляды, которыми руководствовался Императоръ Александръ на веронскихъ совѣщаніяхъ, лучше всего выразились въ бесѣдѣ его съ французскимъ уполномоченнымъ Шатобріаномъ: „Je suis bien aise que vous soyez venu à Vérone, afin de rendre témoignage à la vérité", сказалъ ему Императоръ.—„Il ne peut plus y avoir de politique anglaise, française, russe, prussienne, autrichienne; *il n'y a plus qu'une politique générale*, qui doit pour le salut de tous, être admise en commun par les peuples et par les rois. C'est à moi à me montrer le premier convaincu des principes sur lesquels j'ai fondé l'alliance. Une occasion s'est présentée: le soulèvement de la Grèce. Rien, sans doute, ne paraissait être plus dans mes intérêts, dans ceux de mes peuples, dans l'opinion de mon pays qu'une guerre religieuse contre la Turquie; *mais j'ai cru remarquer dans les troubles du Péloponèse le signe révolutionnaire.* Dès lors, je me suis abstenu... *La Providence n'a pas mis à mes ordres huit cent mille soldats pour satisfaire mon ambition, mais pour protéger la religion, la morale et la justice, et pour faire régner ces principes d'ordre sur lesquels repose la société humaine*".

Меттернихъ сохранилъ для исторіи не менѣе любопытный разговоръ въ Веронѣ съ Императоромъ Александромъ; эта бесѣда вполнѣ освѣщаетъ характеръ, равно какъ и душевное настроеніе Государя въ эпоху Веронскаго конгресса. Однажды Меттернихъ засталъ Александра въ сильномъ возбужденіи; онъ признался канцлеру, что чувствуетъ потребность объясниться съ нимъ по одному важному обстоятельству. „Насъ хотятъ разлучить и порвать узы, связывающія насъ", сказалъ Александръ. „Я считаю эти узы священными, ибо они соединяютъ насъ въ общихъ интересахъ. Вы хотите мира вселенной, и я также не знаю иного честолюбія, какъ сохранить миръ; враги европейскаго мира не заблуждаются на этотъ счетъ, они не заблуждаются также на счетъ силы сопротивленія, которую ихъ козни встрѣчаютъ въ нашемъ единодушіи: имъ хотѣлось бы во что бы то ни стало устранить это препятствіе и въ убѣжденіи, что открытымъ путемъ это имъ не удастся, они бросаются въ окольныя лазейки: меня осыпаютъ упреками, зачѣмъ я отказался отъ своей независимости и позволяю вамъ руководить собою". Меттернихъ отвѣчалъ Императору, что все то, что онъ услышалъ, для него не новость: „Васъ упрекаютъ въ томъ, что вы вполнѣ подчиняетесь моимъ совѣтамъ; съ другой стороны, меня также обвиняютъ въ томъ, что я жертвую интересами своей страны моимъ отношеніямъ къ Вашему Величеству. Одно обвиненіе стоитъ другого. Совѣсть Вашего Величества такъ же чиста, какъ и моя. Мы служимъ одному и

*

тому же дѣлу, а это дѣло въ одинаковой степени составляетъ достояніе и Россіи, и Австріи, и всего общества. Давно уже я сдѣлался мишенью неблагонамѣренныхъ кружковъ и въ искренномъ согласіи между нашими Дворами вижу единственный оплотъ, который можно еще противопоставить вторженію общаго безпорядка". Въ заключеніе разговора, Александръ взялъ съ Меттерниха формальное обѣщаніе оставаться вѣрнымъ искреннему союзу съ нимъ и не поддаваться никакимъ уговариваніямъ.

Во время пребыванія въ Веронѣ Меттернихъ подмѣтилъ еще новую черту въ характерѣ Императора Александра: утомленіе жизнью. Испытанныя имъ нравственныя тревоги отразились теперь уже явнымъ образомъ на состояніи столь крѣпкаго доселѣ здоровья Государя. Мрачное настроеніе духа Александра простиралось до того, что онъ высказалъ Императору Францу томившее его предчувствіе близкой кончины.

Александръ жилъ въ Веронѣ въ большомъ уединеніи, обѣдалъ почти всегда одинъ и только изрѣдка съ австрійскимъ императоромъ и съ королемъ прусскимъ. Главное удовольствіе его состояло въ прогулкахъ пѣшкомъ и верхомъ.

Относительно умиротворенія Востока, совѣщанія въ Веронѣ не привели къ существеннымъ результатамъ. Россія заявила, на какихъ условіяхъ она согласна возстановить дипломатическія сношенія съ Оттоманскою Портою. Союзники признали великодушную умѣренность требованій Императора Александра, а Государь, съ своей стороны, заявилъ, что дружественныя чувства его союзниковъ внушали ему такое довѣріе, что онъ совершенно предоставляетъ ихъ благоразумію попеченіе о дальнѣйшихъ переговорахъ. Тѣмъ не менѣе, европейская дипломатія не достигла возобновленія дружественныхъ сношеній Россіи съ Портою, въ виду упорства Турціи сдѣлать какія-либо существенныя уступки по главному предмету переговоровъ—умиротворенію Греціи, а ограничивались одними неопредѣленными обѣщаніями. Между тѣмъ, къ величайшему огорченію Меттерниха, Греція, хотя и не дождалась, благодаря его происканъ, поддержки Россіи, продолжала бороться съ ничтожными силами противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей. Дипломатическія интриги Меттерниха только оттянули неизбѣжный кровавый поединокъ между Россіею и Портою.

Съ какими мыслями Императоръ Александръ возвращался въ Россію, по окончаніи Веронскаго конгресса, лучше всего видно изъ письма его Меттерниху, написаннаго дорогою въ Пильзенъ, 23-го декабря 1822 года (4-го января 1823 года). Императоръ писалъ: „Tous les efforts ont été combinés pour empêcher les *trois* Puissances alliées, de se mettre dans cette attitude imposante qui seule aurait pu *maintenir les événements et en commander les dénouements.* Le parti révolutionnaire n'a que trop senti qu'aussitôt cette attitude prise par les trois Puissances, leur force réunie devenait tellement gigantesque que rien ne pouvait plus lui résister. Qu'il ne dépendrait plus alors que de ces trois Puissances, après avoir fait crouler l'oeuvre de la révolte en Espagne, à l'exemple de ce qui a été opéré à Naples et dans le Piémont, de dicter ensuite toutes les améliorations et les amendements pour le repos et le bien-être général *partout* où dans leur sagesse ils le jugeraient nécessaire. Cette perspective si consolante pour les hommes de bien a effrayé les adhérents des révolutions. Dès lors tout a été mis en oeuvre pour en empêcher l'exécution, en paralysant les déterminations et en leur ôtant de cette énergie indispensable, pour produire les grands résultats... Mais ce triomphe apparent peut être de courte durée. L'alliance est dans toute sa force. L'union des trois Monarques qui en fait la base n'a jamais été plus intime. Elle s'est resserrée encore dans cette dernière entrevue. Ainsi, les moyens dont l'alliance dispose sont immenses. Il ne s'agit que de les tenir prêts et de les employer *à temps et à propos.*—Ainsi tout en déplorant la marche faible et incertaine de la France et celle si peu franche de l'Angleterre, vous me voyez plein d'espérances pour les résultats qu'il ne dépend que de nous, avec le secours de la Providence, d'amener. Revenu chez moi, je vais m'en occuper assidument pour être prêt au moment opportun de porter des secours à l'alliance. Veuillez lire cette lettre à sa Majesté l'Empereur votre Maître. Elle fait suite à nos dernières conversations avec lui à Insbruck. Je ne puis la finir sans vous remercier, mon prince, pour les souhaits

que vous vouliez bien m'adresser à l'occasion du renouvellement de l'année. Toute mon existence n'est donnée qu'a concourir, en ce qui dépend de moi, au bien-être réel *de la chose publique Européenne*. Les voeux que je forme de mon côté pour la félicité des jours de l'Empereur, mon intime ami et allié, sont aussi sincères qu'inaltérables. Recevez de même ceux que je vous adresse personnellement, mon prince, ainsi que l'assurance invariable que je mets en vous et en vos talents distingués» (Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 215).

Императоръ Александръ возвратился въ Царское Село 20-го января (1-го февраля) 1823 года, послѣ почти полугодоваго отсутствія изъ Россіи. На другой день Государь прибылъ въ Петербургъ и отправился въ Казанскій соборъ для слушанія молебна, а затѣмъ уже поѣхалъ въ Зимній дворецъ.

Все, что происходило въ Веронѣ, не могло возбудить сочувствія со стороны лицъ, не раздѣлявшихъ точки зрѣнія Меттерниха. Поэтому неудивительно, что Лагарпъ писалъ 3-го (15-го) ноября 1822 года Императору Александру: „Je suis bien portant et heureux dans mon intérieur, mais profondément navré de ce qui se passe. J'avais même résolu de garder le silence, mais il n'est pas aussi facile d'arracher de mon coeur l'intérêt qui m'anime pour votre gloire“ (Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1262). Хотя Александръ еще въ 1818 году писалъ Лагарпу: „Нужно-ли говорить вамъ о неизмѣнныхъ къ вамъ чувствахъ моихъ? Они извѣстны вамъ съ давнихъ поръ и искренность ихъ, какъ и сила, не могутъ охладѣть“, но съ тѣхъ поръ Лагарпъ не получалъ болѣе писемъ отъ своего державнаго воспитанника. Такая же участь постигла и Паррота; тщетно этотъ безкорыстный, восторженный почитатель Государя умолялъ своего царственнаго друга даровать ему одно послѣднее свиданіе: всѣ письма Паррота оставались съ 1814 года безъ отвѣта и аудіенціи не послѣдовало. Парротъ, подобно Лагарпу, также заступался за грековъ, но какъ просвѣщенный и опытный педагогъ въ особенности смущался дѣйствіями Магницкаго по Министерству Народнаго Просвѣщенія, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, выставлялъ себя исполнителемъ началъ, утвержденныхъ актомъ Священнаго Союза. Парротъ называлъ его въ письмахъ къ Императору Александру „la terreur de l'instruction publique“, и присовокуплялъ: „je me suis demandé cent fois, quel levier cet homme féroce fait agir pour obtenir une influence si pernicieuse“. Незадолго до кончины Александра Парротъ умолялъ Государя возвратиться на прежній, славный путь и отрѣшиться отъ подозрѣній, которыми стараются отравлять его жизнь: „Veuillez, sire, vous rendre à vos propres idées claires et lumineuses qui vous avaient conduit si sûrement jusqu'à l'époque des congrès“, писалъ Парротъ 22-го февраля 1825 года. „Eloignez, déchirez ces brouillards dont on cherche à vous effrayer. Soyez, o mon héros bien-aimé! égal à vous-même. Jettez loin de vous ces soupçons, cette défiance qui font l'amertume de votre vie. Ne croyez plus à cette perfide astuce qui noircit à vos yeux l'humanité, la jeunesse même; rendez-vous à l'humanité prosternée à vos pieds“. Но Александру не суждено было избавить отечественное просвѣщеніе отъ губительныхъ дѣйствій Магницкаго; эта заслуга принадлежитъ его преемнику.

По возвращеніи Императора Александра изъ Вероны, вскорѣ возникли недоразумѣнія по военной смѣтѣ. Неудовольствіе, высказанное по этому случаю Государемъ, побудило князя Волконскаго просить, 29-го марта, объ отпускѣ за границу. 25-го апрѣля 1823 года состоялся объ этомъ приказъ и 30-го апрѣля повелѣно начальнику главнаго штаба первой арміи, генералъ-адъютанту барону Дибичу, исправлять должность начальника главнаго штаба Е. И. В. Когда Дибичъ былъ вызванъ для этой цѣли изъ Могилева, Императоръ Александръ далъ ему при первомъ же свиданіи наставленіе относительно будущихъ отношеній его къ графу Аракчееву: „Ты найдешь въ немъ“, сказалъ Государь, „человѣка необразованнаго, но единственнаго по усердію и трудолюбію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе“.

Мѣсто начальника штаба первой арміи занялъ генералъ-адъютантъ Толь. Въ это же время состоялось другое важное назначеніе. 22-го апрѣля 1823 года генералъ *Канкринъ* занялъ, по увольненіи графа Гурьева, должность министра финансовъ.

7-го мая того же года графъ *М. С. Воронцовъ* назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области, вмѣсто графа Ланжерона.

Еще въ январѣ 1822 года Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, положилъ оффиціальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола, обратившись по этому поводу, 14-го (26-го) января, письменно къ Императору Александру. 2-го (14-го) февраля Государь отвѣтилъ Цесаревичу: „Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній". На этомъ пока дѣло остановилось. Только въ 1823 году Александръ пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное съ Цесаревичемъ. Составленіе манифеста о назначеніи Наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича было поручено московскому архіепископу Филарету, находившемуся въ то время въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы актъ этотъ оставался въ тайнѣ и хранился въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ съ прочими царственными актами. Проектъ манифеста былъ переданъ Императору Александру чрезъ министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына.

16-го (28-го) августа 1823 года Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго Села для обозрѣнія внутреннихъ областей Имперіи. Государь на этотъ разъ проѣхалъ черезъ Тихвинъ, Ярославль, Ростовъ и прибылъ 25-го августа въ Москву. Здѣсь архіепископъ Филаретъ получилъ манифестъ о престолонаслѣдіи (подписанный Государемъ 16-го августа) въ запечатанномъ конвертѣ съ собственноручною надписью Государя: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору, въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія". 29-го августа Филаретъ исполнилъ Высочайшую волю при трехъ свидѣтеляхъ и объявилъ имъ повелѣніе Государя, чтобы сохранять о совершившемся глубочайшую тайну. Списки съ манифеста, снятые рукою князя Голицына, были разосланы въ октябрѣ 1823 года въ Государственный Совѣтъ, Св. Синодъ и Сенатъ; они были запечатаны, и на нихъ имѣлись собственноручныя надписи Государя: „Въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія". Въ городѣ заговорили о загадочныхъ конвертахъ; но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Тайна была сохранена во всей цѣлости. О существованіи акта знали только три лица: архіепископъ Филаретъ, графъ Аракчеевъ и князь Голицынъ.

Изъ Москвы Императоръ Александръ отправился въ дальнѣйшій путь черезъ Тулу, Орелъ, Брянскъ въ Брестъ-Литовскъ. Здѣсь Государь произвелъ смотръ, въ присутствіи Цесаревича Константина Павловича и принца прусскаго Вильгельма, войскамъ Литовскаго корпуса и польской арміи. Затѣмъ Государь черезъ Ковель, Луцкъ, Дубно, Могилевъ (на Днѣстрѣ), Хотинъ направился въ Черновицъ, для свиданія съ Императоромъ Францемъ, который ожидалъ его въ пограничномъ мѣстечкѣ Новоселицѣ. Предметомъ переговоровъ былъ злополучный греческій вопросъ, не подвинувшійся, однако, ни на шагъ впередъ. Затѣмъ Государь произвелъ смотръ 6-му и 7-му корпусамъ второй арміи въ Тульчинѣ и осмотрѣлъ въ Уманѣ южныя поселенія, а въ Замостьѣ сводную кавалерійскую бригаду польской арміи и черезъ Брестъ, Суражъ и Великіе Луки возвратился 3-го (15-го) ноября въ Царское Село.

Въ отсутствіе Императора Александра въ Гатчину прибыла невѣста Великаго Князя Михаила Павловича, принцесса Виртембергская Фредерика-Шарлотта-Марія, дочь принца Павла Виртембергскаго, брата Императрицы Маріи Ѳеодоровны. 5-го (17-го) декабря 1823 года состоялось муропомазаніе, и принцесса наречена Еленою Павловною.

Послѣ выхода и церковнаго парада 6-го (18-го) января 1824 года Императоръ Александръ, по обыкновенію, уѣхалъ на нѣкоторое время въ Царское Село. „Богъ даровалъ мнѣ это мѣсто для моего успокоенія", говорилъ Александръ: „здѣсь я удаленъ отъ шума столицы, неизбѣжнаго этикета фамильнаго, и здѣсь я успѣваю сдѣлать въ одинъ день столько, сколько мнѣ не удается сдѣлать въ городѣ во всю недѣлю". 12-го января Государь почувствовалъ послѣ прогулки сильные приступы лихо-

радки, съ жестокою головною болью; въ тотъ же вечеръ Его Величество поспѣшилъ возвратиться въ Зимній дворецъ. Оказалось, по изслѣдованію Вилліе и доктора Тарасова, что Императоръ заболѣлъ горячкою съ рожистымъ воспаленіемъ на лѣвой ногѣ, и въ теченіе трехъ недѣль состояніе августѣйшаго больнаго возбуждало серьезныя опасенія. Признано было необходимымъ печатать ежедневно бюллетени о болѣзни Императора. Общее положеніе больного стало удовлетворительнѣе только съ 26-го января и съ 1-го февраля онъ могъ уже сидѣть по нѣскольку часовъ въ креслахъ. 7-го февраля изъ Варшавы прибылъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія и пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Цесаревичъ въ полной формѣ своей, вбѣжавъ поспѣшно, упалъ на колѣни у дивана, и, залившись слезами, цѣловалъ Государя въ губы, глаза и грудь и, наконецъ, склонясь къ ногамъ Императора, лежавшимъ на диванѣ, сталъ цѣловать больную ногу Его Величества. Эта сцена столь была трогательна, что и я не могъ удержаться отъ слезъ, и поспѣшилъ выдти изъ комнаты, оставивъ обоихъ августѣйшихъ братьевъ во взаимныхъ объятіяхъ и слезахъ“. Въ виду болѣзненнаго состоянія Государя, бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Павловича совершено было 8-го февраля; для этой цѣли въ смежной съ кабинетомъ Государя статсъ-секретарской комнатѣ поставлена была походная церковь. Во время бракосочетанія Императоръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ креслахъ въ дверяхъ кабинета, за занавѣсомъ.

22-го февраля, Александръ въ первый разъ по выздоровленіи выѣхалъ прогуляться въ саняхъ и, осмотрѣвъ только-что оконченный цѣпной мостъ на Фонтанкѣ, у Лѣтняго сада, приказалъ открыть его для проѣзда. Народъ повсюду съ восторгомъ встрѣчалъ Монарха, выздоровѣвшаго послѣ тяжкой и опасной болѣзни. На масляницѣ Государь присутствовалъ на придворномъ маскарадѣ и ежедневно почти выѣзжалъ верхомъ на разводъ и посѣщалъ разныя общественныя заведенія; но, тѣмъ не менѣе, больная нога нуждалась еще долго въ перевязкѣ и тщательномъ уходѣ.

Въ началѣ 1824 года въ Петербургъ возвратился изъ заграничнаго отпуска князь Волконскій. Получивъ 12-го декабря 1823 года орденъ св. Андрея Первозваннаго при весьма милостивомъ рескриптѣ, Волконскій разсчитывалъ снова вступить въ исправленіе занимаемой имъ должности, но до этого не допустилъ графъ Аракчеевъ, стоявшій за своего ставленника, барона Дибича.

6-го (18-го) апрѣля 1824 года генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ удостоился утвержденія въ должности начальника главнаго штаба Е. И. В.

Вскорѣ затѣмъ графъ Аракчеевъ осуществилъ еще другую перемѣну въ личномъ составѣ высшей администраціи и, при содѣйствіи митрополита Серафима, архимандрита новгородскаго Юрьева монастыря Фотія и Магницкаго, удалилъ князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія. Когда князь Голицынъ замѣтилъ непрочность своего положенія, враждебныя противъ него дѣйствія своихъ многочисленныхъ недоброжелателей, то онъ просилъ Государя уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, и сказалъ: „Я чувствую, что на это пришла пора“.— Но Александръ перебилъ его словами: „И я, любезный князь, не разъ уже хотѣлъ объясниться съ вами чистосердечно. Въ самомъ дѣлѣ, ввѣренное вамъ министерство какъ-то не удалось вамъ. Я думаю уволить васъ отъ званія министра, упразднить сложное министерство; но принять вашу отставку никогда не соглашусь.— Вы останетесь при мнѣ, вѣрнѣйшій другъ всего моего семейства, и, кромѣ того, я прошу васъ оставить за собою званіе члена Государственнаго Совѣта и главное управленіе почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ дѣла пойдутъ по старому и я не лишусь вашей близости, вашихъ совѣтовъ“. 15-го (27-го) мая 1824 года послѣдовалъ указъ, которымъ князь А. Н. Голицынъ увольнялся отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ назначеніемъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Изъ департамента духовныхъ дѣлъ были изъяты дѣла православнаго исповѣданія, и онъ возстановленъ въ значеніи, присвоенномъ ему въ 1810 году. Князь Голицынъ уволенъ также отъ президентства въ россійскомъ Библейскомъ обществѣ и на его мѣсто назначенъ митрополитъ Серафимъ. По дѣламъ синодальнымъ доклады оберъ-прокурора должны были восходить до Го-

сударя черезъ графа Аракчеева. „Онъ явился, рабъ Божій, за св. вѣру и церковь, яко Георгій Побѣдоносецъ“, писалъ Фотій, восторгаясь по поводу участія, принятаго графомъ Аракчеевымъ въ дѣлѣ о пресѣченіи несчастія, проводимаго богопротивнымъ министромъ. На мѣсто князя Голицына 15-го же мая 1824 года назначенъ адмиралъ Шишковъ, подъ названіемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Осенью 1824 года Государь предпринялъ большое путешествіе въ восточныя области Европейской Россіи. 16-го (28-го) августа послѣдовалъ выѣздъ изъ Царскаго Села въ Пензу, минуя Москву. Въ Пензѣ Государь произвелъ смотръ 2-му пѣхотному корпусу и остался вполнѣ доволенъ состояніемъ этихъ войскъ. Послѣ удачнаго маневра, губернаторъ Ѳ. Н. Лубяновскій, замѣтивъ на лицѣ Государя усталость, осмѣлился сказать, что Имперія должна сѣтовать на Его Величество.—„За что?“—„Не изволите беречь себя“.—„Хочешь сказать, что я усталъ? Нельзя смотрѣть на войска наши безъ удовольствія: люди добрые, вѣрные и отлично образованы; не мало и славы мы имъ добыли. Славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря“.

Послѣ Пензы Императоръ Александръ посѣтилъ Симбирскъ, Самару, Оренбургъ, Уфу, Златоустовскіе заводы, Екатеринбургъ, Пермь, Вятку, Вологду, и оттуда черезъ Боровичи и Новгородъ возвратился 24-го октября въ Царское Село. Едва успѣвъ отдохнуть послѣ столь продолжительнаго путешествія, Государь былъ свидѣтелемъ ужаснаго бѣдствія, постигшаго Петербургъ—наводненія 7-го (19-го) ноября 1824 года, напоминавшаго собою, но въ болѣе ужасающей степени, наводненіе 1777 года. Императоръ былъ глубоко потрясенъ этимъ бѣдствіемъ и считалъ его въ своемъ мрачномъ настроеніи наказаніемъ за грѣхи. Едва вода на столько спала, что можно было проѣхать по улицамъ, Александръ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не произнося ни слова; слезы текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: „за наши грѣхи Богъ насъ караетъ“, сказалъ кто-то изъ толпы.—„Нѣтъ, за мои!“ отвѣчалъ съ грустью Государь и самъ началъ распоряжаться о временномъ пріютѣ и пособіи для пострадавшихъ.

На другой день, 8-го ноября, графъ Аракчеевъ писалъ Императору Александру: „Я не могъ спать всю ночь, зная ваше душевное расположеніе, а потому и увѣренъ самъ въ себѣ, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше Величество, конечно, употребите оное въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя, для поданія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные ваши должны вамъ помогать; а потому осмѣливаюсь представить вамъ мои мысли.—Вашимъ, Батюшка, благоразумнымъ распоряженіемъ съ моими малыми трудами составленъ довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я, по званію своему, не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ онаго капитала одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ. За что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему съ пользою для отечества и славою Вашего Величества, еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться. Учредите, Батюшка, комитетъ изъ сострадательныхъ людей, дабы они немедленно занялись помощію бѣднѣйшимъ людямъ. Они будутъ прославлять ваше имя; а я, слыша оное, буду имѣть лучшее на свѣтѣ семъ удовольствіе“. Въ тотъ же день Императоръ Александръ отвѣчалъ графу Аракчееву: „Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексѣй Андреевичъ! А твое письмо несказанно меня утѣшило, ибо нельзя мнѣ не сокрушаться душевно о вчерашнемъ несчастіи, особливо же о погибшихъ и оплакивающихъ ихъ родныхъ. Завтра побывай у меня, дабы все устроить. На вѣкъ искренно тебя любящій“.

Немедленно учрежденъ былъ особый комитетъ для пособія разореннымъ наводненіемъ жителямъ столицы, подъ пред-

сѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Назначены были военными губернаторами генералъ-адъютанты: Депрерадовичъ—въ Выборгскую часть, графъ Комаровскій—на Петербургскую сторону и Бенкендорфъ—на Васильевскій островъ. Самъ Государь, призвавъ ихъ къ себѣ, 8-го ноября, объявилъ имъ свою волю: „подать самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго происшествія". Графъ Комаровскій, описывая пріемъ, сдѣланный ему и прочимъ военнымъ губернаторамъ, говоритъ, что у Государя замѣтны были слезы на глазахъ. „Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія", продолжалъ Александръ, „вотъ вамъ инструкція, на скоро составленная, сердца ваши ея дополнятъ. Поѣзжайте отсюда прямо къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по сто тысячъ рублей на первый случай". По свидѣтельству графа Комаровскаго, Государь говорилъ „съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезмѣрно тронуты". Александръ лично посѣщалъ наиболѣе пострадавшія части города; передавая свои впечатлѣнія, онъ сказалъ: „Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ баталій, покрытыя бездушными трупами, слыхалъ стоны раненыхъ, но это неизбѣжный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ не можетъ сравниться".

Вскорѣ Императора Александра постигло новое сердечное огорченіе: 20-го ноября 1824 года скончался командующій гвардейскимъ корпусомъ Ѳ. П. Уваровъ. Онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и любовью Государя съ 1801 года и былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ вскорѣ послѣ кончины Императора Павла. 12-го декабря 1824 года командующимъ гвардейскимъ корпусомъ назначенъ генералъ Воиновъ.

„Здѣсь все печально или уныло", пишетъ Карамзинъ 23-го ноября И. И. Дмитріеву. „Мы здѣсь уже около недѣли и въ безпокойствѣ о здоровьѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая отъ простуды имѣла сильный кашель и жаръ. Я видѣлъ Государя въ великомъ безпокойствѣ и въ скорби трогательной".

Съ этого времени Императоръ Александръ сдѣлался еще мрачнѣе обыкновеннаго и обнаружилъ еще большую склонность къ уединенію. Свѣдѣнія, получавшіяся Государемъ относительно все большаго распространенія среди арміи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственный строй Имперіи, должны были навести его на грустныя размышленія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная записка Александра, относящаяся къ 1824 году и найденная въ кабинетѣ послѣ его кончины: „Есть слухи, что пагубный духъ *вольномыслія* или *либерализма* разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которыя имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи. Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, Дмитрій Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковниковъ, полковыхъ командировъ; сверхъ сего большая часть разныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ".

4-го (16-го) сентября 1824 года скончался Людовикъ XVIII. Императоръ Александръ назначилъ князя Волконскаго чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ для поздравленія Карла X съ восшествіемъ на престолъ. При этомъ случаѣ Государь сказалъ князю Волконскому: „Избравъ тебя въ посольство, я полагалъ, что тебѣ, который два раза вводилъ въ Парижъ войска съ оружіемъ въ рукахъ, пріятно будетъ быть тамъ въ третій разъ—мирнымъ посломъ". Князь Волконскій выѣхалъ изъ Петербурга 3-го (15-го) декабря и присутствовалъ на коронаціи Карла X, которая состоялась 17-го (29-го) мая 1825 г., въ Реймсѣ.

Насталъ роковой 1825 годъ.

Въ новый годъ Императоръ Александръ почтилъ отсутствовавшаго въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева слѣдующими милостивыми строками: „Не хочу я провести новаго года не поздравя тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, и не пожелавъ тебѣ всякихъ благополучій на сей начинающійся годъ, или, лучше сказать, не испрося на тебя истиннаго благословенія Божія". 3-го января графъ Аракчеевъ выразилъ Государю „нелицемѣрную

христіанскую благодарность" за вниманіе, которое обновляетъ притупляющіяся его силы и дѣлаетъ еще полезнымъ работникомъ. Донося по обыкновенію, что въ военныхъ поселеніяхъ все благополучно, смирно и тихо, графъ Аракчеевъ присовокупляетъ: „сія огромная машина требуетъ сильнаго труда и крѣпкаго здоровья".

Государь полагалъ послѣ Пасхи отправиться въ Варшаву, по случаю открытія третьяго польскаго сейма 1-го (13-го) мая. Въ виду предстоявшаго сейма 3-го (15-го) февраля изданъ дополнительный актъ къ конституціонной хартіи Царства Польскаго.

4-го (16-го) апрѣля, во время сильнѣйшей весенней распутицы, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго Села и прибылъ въ Варшаву 15-го (27-го) апрѣля. Здѣсь начались смотры и маневры, и 1-го (13-го) мая послѣдовало открытіе сейма, продолжавшагося мѣсяцъ. Упомянувъ въ произнесенной тогда рѣчи о дополнительномъ актѣ, къ польской конституціи, Государь сказалъ: „Pour affermir, mon ouvrage, en assurer la durée, et vous garantir la jouissance paisible des fruits que l'on en attend, j'ai ajouté un article à la loi fondamentale du royaume. Cette mesure, qui prévient toute nécessité d'exercer de l'influence sur le choix des diétines et sur vos délibérations, prouve la part que je prends à l'affermissement de votre acte constitutionnel. C'est le seul but que je me suis proposé d'atteindre en adoptant cette mesure; et les Polonais, j'en ai la ferme confiance, sauront apprécier ce but, et le moyen que j'ai employé pour y parvenir".

Императоръ Александръ остался, на этотъ разъ, вполнѣ доволенъ совѣщаніями представителей царства, о которыхъ ему представляли ежедневно протоколы.

2-го (14-го) іюня, Александръ выѣхалъ изъ Варшавы и черезъ Ковну, Ригу и Ревель возвратился, 13-го (25-го) іюня, въ Царское Село. Однако, Государь не долго оставался въ Петербургѣ; вскорѣ доктора признали для Императрицы Елисаветы Алексѣевны пребываніе въ южномъ климатѣ настоятельно необходимымъ и для этой цѣли избрали Таганрогъ. Императоръ Александръ рѣшилъ также предпринять поѣздку на югъ Россіи, въ Крымъ, на Кавказъ, а затѣмъ даже посѣтить Сибирь. Дворъ началъ готовиться къ продолжительному отсутствію изъ Петербурга, а князю Волконскому поручено сопровождать Императрицу въ Таганрогъ.

Доносъ, полученный графомъ Аракчеевымъ, незадолго до отъѣзда Императора Александра, открылъ правительству замыслы *южнаго тайнаго общества*, главные руководители котораго принадлежали къ составу второй арміи. Доносъ присланъ унтеръ-офицеромъ 3-го Украинскаго полка Шервудомъ; онъ былъ вызванъ въ Грузино, а затѣмъ доставленъ въ Петербургъ. Государь лично выслушалъ его сообщенія, въ присутствіи графа Аракчеева, и приказалъ снабдить Шервуда всѣми средствами къ открытію злоумышленниковъ. Вслѣдствіе полученныхъ этимъ путемъ свѣдѣній, Императоръ Александръ отмѣнилъ смотръ, назначенный войскамъ второй арміи у Бѣлой Церкви.

Незадолго передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, Александръ поручилъ князю Голицыну привести въ порядокъ бумаги въ своемъ кабинетѣ. Во время этой работы завязался откровенный разговоръ, и князь Голицынъ, изъявляя несомнѣнную надежду, что Государь возвратится въ Петербургъ въ полномъ здоровьи, осмѣлился, однако, замѣтить, какъ неудобно акты, измѣняющіе порядокъ наслѣдованія престола оставлять, при продолжительномъ отсутствіи, необнародованными и какая можетъ произойти отъ того опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія. Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостію замѣчаній Голицына; но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «Remettons nous-en à Dieu. Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels".

28-го августа Карамзинъ имѣлъ послѣднюю бесѣду съ Императоромъ Александромъ и сказалъ ему: „Sire, vos années sont comptées. Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement". „Движеніемъ головы и милою улыбкою,—пишетъ Карамзинъ,—онъ изъявилъ согласіе, прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи".

Императрица Елисавета Алексѣевна отправилась въ Таганрогъ 3-го (15-го) сентября. За два дня до ея отъѣзда, 1-го (13-го) сентября, Императоръ Александръ

изъ Каменноостровскаго дворца поѣхалъ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ въ началѣ пятаго часа утра отслушалъ напутственный молебенъ, бесѣдовалъ съ схимникомъ Алексіемъ и затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь. Государя сопровождали генералъ-адъютантъ Дибичъ и лейбъ-медикъ Виллié. 14-го (26-го) сентября Александръ прибылъ въ Таганрогъ и встрѣтилъ здѣсь 23-го сентября (5-го октября) Императрицу, благополучно совершившую переѣздъ изъ Петербурга.

О своемъ путешествіи Императоръ Александръ писалъ, 16-го (28-го) сентября, графу Аракчееву слѣдующее: „Благодарю Бога, я достигъ до моего назначенія, любезный Алексѣй Андреевичъ, весьма благополучно и могу сказать даже пріятно, ибо погода и дороги были весьма хороши. Въ Чугуевѣ я налюбовался успѣхами въ построеніяхъ. Объ фронтовой части не могу ничего сказать, ибо окромѣ развода и пѣшаго смотра поселенныхъ и пѣшихъ эскадроновъ и кантонистовъ, я ничего не видѣлъ. Здѣсь мое помѣщеніе мнѣ довольно нравится. Воздухъ прекрасный, видъ на море, жилье довольно хорошее; впрочемъ, надѣюсь, что самъ увидишь".

Но едва Александръ отправилъ графу Аракчееву это письмо, какъ въ Таганрогѣ получено было извѣстіе о трагическомъ происшествіи, совершившемся въ Грузинѣ. 10-го сентября дворовые люди убили домоправительницу Аракчеева, Настасью Минкину. 12-го сентября графъ Аракчеевъ писалъ Императору Александру: „Случившееся со мною несчастіе, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, Батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду". Но этимъ графъ Аракчеевъ не ограничился; въ такое тревожное время, названное имъ даже „бурнымъ", этотъ „*вѣрный слуга*" нашелъ для себя, однако, возможнымъ, подъ впечатлѣніемъ личнаго горя, самовольно передать командованіе поселенными войсками—генералу Эйлеру, а ввѣренныя ему гражданскія дѣла—статсъ-секретарю Муравьеву. Въ предписаніяхъ этимъ двумъ лицамъ отъ 11-го сентября, такое распоряженіе оправдывается одною и тою же причиною, а именно: „по случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ ввѣреннымъ". Извѣстіе, сообщенное графомъ Аракчеевымъ, и распоряженія его крайне огорчили и встревожили Императора Александра. По свидѣтельству Дибича, Государь полагалъ, что убійство въ Грузинѣ совершено изъ ненависти къ графу Аракчееву, для того, чтобы его удалить отъ дѣлъ.

22-го сентября Императоръ Александръ поспѣшилъ ободрить и утѣшить графа Аракчеева и писалъ: „Твое положеніе, твоя печаль, крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало... Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь ты жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. *Ты мнѣ необходимъ*... Вспомни, сколь многое тобою произведено, и сколь требуетъ все оное довершенія".

11-го (23-го) октября, Государь на нѣсколько дней отправился въ Землю Войска Донского и посѣтилъ Новочеркаскъ, Аксайскую станицу и Нахичевань. 15-го (27-го) октября Александръ возвратился въ Таганрогъ.

Между тѣмъ, изъ южныхъ поселеній прибылъ генералъ графъ Виттъ и сообщилъ Государю весьма важныя свѣдѣнія, какъ относительно послѣднихъ замысловъ тайныхъ обществъ, такъ и лицъ, руководившихъ этимъ движеніемъ. Императоръ приказалъ графу Витту продолжать открытія свои, и затѣмъ, въ сопровожденіи генерала Дибича, отправился 27-го октября (8-го ноября) въ Крымъ. Во время поѣздки по южному берегу, Императору Александру особенно понравилось мѣстоположеніе Оріанды; Государь купилъ ее и предполагалъ выстроить здѣсь дворецъ. „Я скоро переселюсь въ Крымъ, — сказалъ Александръ,—и буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку.

Приближаясь къ Севастополю, Александръ, въ 6 часовъ пополудни, верхомъ, совершенно одинъ, въ сопровожденіи только одного татарина, отправился безъ шинели, въ мундирѣ, въ Георгіевскій монастырь. Къ вечеру стало холодно, поднялся вѣтеръ; не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь Государь простудился и потому эту поѣздку слѣдуетъ признать исходной точкой поразившаго его смертельнаго недуга. Прибывъ въ 8 часовъ вечера въ Севастополь, Александръ, противъ обыкновенія, отказался отъ обѣда и удалился въ кабинетъ. Тѣмъ не менѣе, Государь произвелъ подробный осмотръ флота, укрѣпленій и посѣтилъ госпиталь и морскія казармы; только 30-го октября, въ Бахчисараѣ онъ признался Виллié, что страдаетъ разстройствомъ желудка. Затѣмъ, по прибытіи въ Маріуполь вечеромъ 4-го (16-го) ноября, Государь потребовалъ къ себѣ Виллié, который нашелъ его, по словамъ Тарасова, „въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма". 5-го (17-го) ноября послѣдовало возвращеніе въ Таганрогъ. Виллié записалъ въ своей памятной книжкѣ: „La nuit mauvaise. Refus de médecine. Il me désole. Je crains que cette opiniâtreté n'ait des suites mauvaises un jour ou l'autre". 8-го (20-го) ноября Виллié опредѣлилъ болѣзнь: „febris gastrica biliosa". 10-го (22-го) ноября Виллié пишетъ: „C'est depuis le huit que je remarque que quelque chose l'occupe plus que sa guérison et qui lui tourmente l'esprit. Il est plus mal aujourd'hui". Виллié не ошибся, въ своемъ предположеніи, что какія-то заботы смущаютъ его умъ. Дѣйствительно, свѣдѣнія о заговорѣ отравляли послѣдніе дни жизни Государя. 10-го (22-го) ноября Александръ сдѣлалъ послѣднія распоряженія по этому дѣлу и приказалъ Дибичу отправить полковника л.-гв. Казачьяго полка Николаева въ Харьковъ, для содѣйствія Шервуду въ его розыскахъ. 11-го (23-го) ноября Виллié записалъ: „Quand je lui parle de saignée et de purger, il est furieux, et ne daigne pas me parler". — 12-го (24-го) ноября: „Il n'y a pas de puissance humaine qui pourra rendre cet homme raisonnable. Je suis malheureux".—Замѣчательна отмѣтка Виллié противъ 14-го (26-го) ноября: „Tout est bien mal, quoiqu'il n'a pas de délire. J'avais envie de donner l'acide muriatique dans la boisson, mais j'ai eu du refus comme à l'ordinaire.„ Allez vous en". J'ai pleuré et le voyant il me dit: „mon cher ami, j'espére que vous ne m'en voulez pas pour cela. J'ai mes raisons". 15-го (27-го) ноября Государь исповѣдался у протоіерея Федотова и причастился Св. Тайнъ, послѣ того какъ Виллié возвѣстилъ ему въ присутствіи Императрицы: „sa dissolution prochaine". Въ заключеніе священникъ умолялъ Государя исполнить предписанія врачей. Александръ согласился. „Tout me paraît trop tard", пишетъ Виллié 16-го (28-го) ноября, и присовокупляетъ 18-го (30-го) ноября: „Aucune espérance pour sauver mon adorable maître". При такомъ безнадежномъ положеніи Государя, находившимся при немъ сановникамъ представился вопросъ, кого слѣдуетъ признать преемникомъ. О существованіи акта, назначавшаго Великаго Князя Николая Павловича Наслѣдникомъ престола, при жизни Императора Александра, никто не зналъ, за исключеніемъ трехъ лицъ: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архіепископа Филарета. Къ несчастью, ни одинъ изъ нихъ не находился въ Таганрогѣ. Князь Волконскій обратился въ присутствіи генерала Дибича къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ съ вопросомъ, къ кому, въ случаѣ несчастія, слѣдуетъ относиться начальнику главнаго штаба? „Разумѣется, что въ несчастномъ случаѣ надобно будетъ относиться къ Константину Павловичу", отвѣтила Императрица.

Мучительная агонія продолжалась почти двѣнадцать часовъ. Въ четвергъ, 19-го ноября (1-го декабря) 1825 года, въ 10 часовъ 50 минутъ, великій монархъ испустилъ послѣдній вздохъ. Императрица, не отходившая отъ августѣйшаго больного, закрыла глаза его и, сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, а затѣмъ удалилась въ свои покои. Опочившій Императоръ не открылъ своего царственнаго завѣта и на смертномъ одрѣ, а потому генералъ-адъютантъ Дибичъ донесъ о печальномъ событіи въ Варшаву, Цесаревичу Константину Павловичу, какъ тому лицу, которое было теперь, по закону о престолонаслѣдіи, Императоромъ Всероссійскимъ. Тогда же Дибичъ написалъ объ этомъ и въ Петербургъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и въ заключеніе своего письма прибавилъ: „съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго Го-

сударя Императора Константина Павловича".

Въ Варшавѣ роковое извѣстіе изъ Таганрога получено вечеромъ 25-го ноября (7-го декабря). Цесаревичъ на другой день въ письмахъ на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великаго Князя Николая Павловича подтвердилъ свое отреченіе отъ престола, послѣдовавшее 2-го (14-го) февраля 1822 года, и призналъ Императоромъ Великаго Князя Николая Павловича. Между тѣмъ извѣстіе о постигшемъ Россію несчастіи получено было въ Петербургѣ 27-го ноября (9-го декабря) во время молебствія за здравіе Государя въ большой церкви Зимняго дворца. Великій Князь Николай Павловичъ тотчасъ присягнулъ Императору Константину и подписалъ присяжный листъ. Съ этого дня между двумя братьями началась неслыханная въ исторіи борьба „не о возобладаніи властію, а объ отреченіи отъ нея". Междуцарствіе окончилось только 14-го (26-го) декабря вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича. Когда Меттернихъ получилъ извѣстіе о кончинѣ Императора Александра, онъ высказалъ мнѣніе: „Ou je me trompe fort, ou bien l'histoire de Russie va commencer là où vient de finir le roman".

20-го ноября происходило въ Таганрогѣ вскрытіе и бальзамированіе тѣла Императора Александра. Вскрытіе подтвердило, какъ пишетъ Виллié, все, что онъ сказалъ a priori. „О если бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ,—прибавляетъ Виллié,—эта операція не происходила бы здѣсь".

Въ протоколѣ о вскрытіи тѣла сказано: „Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ Монархъ былъ одержимъ острою болѣзнію, коею первоначально была поражена печень и прочіе, къ отдѣленію желчи служащіе, органы; болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга, и было наконецъ причиною самой смерти Е. И. В.". (Госуд Архивъ. Разрядъ III, № 29). Протоколъ подписанъ девятью докторами и засвидѣтельствованъ генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, прибывшимъ въ Таганрогъ незадолго до кончины Императора Александра.

11-го (23-го) декабря тѣло Императора Александра было перенесено изъ дворца въ церковь греческаго Александровскаго монастыря. 29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года) печальная процессія двинулась изъ Таганрога черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу въ Москву. На козлахъ печальной колесницы сидѣлъ лейбъ-кучеръ покойнаго Государя Илья Байковъ. Шествіемъ распоряжался, по желанію Императрицы Елисаветы Алексѣевны, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ. Въ первопрестольную столицу тѣло прибыло 3-го (15-го) февраля 1826 года и поставлено было въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ. 4-го (16-го) февраля шествіе направилось черезъ Тверь и Новгородъ къ Петербургу. Императрица Марія Ѳеодоровна встрѣтила 26-го февраля тѣло Императора Александра въ Тоснѣ. Лейбъ-медикъ Виллié посланъ былъ Государемъ, чтобы осмотрѣть тѣло покойнаго Императора. Виллié исполнилъ это порученіе въ Бабинѣ, 26-го февраля, и донесъ, что „не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія и тѣло находится въ совершенной сохранности". 28-го февраля (11-го марта) Императоръ Николай изъ Царскаго Села выѣхалъ верхомъ на встрѣчу печальному шествію; Государя сопровождали: Великій Князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ Прусскій и принцъ Оранскій. Въ Царскомъ Селѣ гробъ былъ внесенъ въ дворцовую церковь. По окончаніи панихиды всѣ присутствовавшіе удалились изъ церкви; осталась одна императорская фамилія. Тогда вскрыли гробъ. При этомъ присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ, бывшій впослѣдствіи германскимъ императоромъ: по его разсказу, Императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: „Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a maigri". Трижды возвращалась она и подходила къ тѣлу. Принцъ былъ глубоко потрясенъ видомъ усопшаго Императора.

5-го (17-го) марта тѣло Императора Александра перевезено было въ Чесменскую дворцовую церковь; здѣсь тѣло переложено генералъ-адъютантами покойнаго Государя въ новый парадный гробъ. 6-го (18-го) марта печальное шествіе продолжало путь въ Петербургъ, въ Казанскій соборъ. Здѣсь, закрытый уже гробъ Импе-

ратора былъ выставленъ на поклоненіе народу въ продолженіе семи дней. Затѣмъ, 13-го (25-го) марта 1826 года, въ 11 часовъ, во время сильной мятели, тѣло перевезено въ Петропавловскій соборъ; шествіе направилось по Невскому, Большой Садовой, Царицыну лугу, черезъ Троицкій мостъ. Въ тотъ же день происходило отпѣваніе и погребеніе.

Личность Императора Александра во многихъ отношеніяхъ представляется исключительною. Близко знавшій его Карамзинъ. въ посмертной оцѣнкѣ своей Государя, выражается такъ: „Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха, и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ". Правленіе его, „ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества".

Дѣйствительно, Императоръ Александръ, принимавшій столь славное и выдающееся участіе въ достопамятныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его царствованіе, оставилъ по себѣ великое имя и положилъ неизгладимую печать свою на европейскую лѣтопись начала XIX вѣка. Обширныя земельныя пріобрѣтенія, приблизившія Россію къ ея естественнымъ границамъ и совершившіяся подъ его правленіемъ, пожаръ Москвы и страшное пораженіе французской арміи въ 1812 году, освобожденіе Германіи и паденіе Наполеона — все это даетъ характеръ поражающаго величія и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнаго интереса его царствованію. Александръ научился государственной мудрости и политической твердости въ наиболѣе надежной для всякаго человѣка школѣ — школѣ бѣдствія. Если онъ сначала увлекся, быть можетъ, слишкомъ легко обаяніемъ генія Наполеона и подчинился его могуществу, передъ которымъ трепетала вся Европа, то впослѣдствіи, рѣшившись поднять противъ него оружіе, съ изумительною твердостію отстоялъ цѣлость Россіи и свергъ съ престола своего геніальнаго противника. Безъ твердости и рѣшимости Александра коалиція не разъ разстроилась бы и распалась на части. Съ того самаго дня, какъ Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, Александръ остался неизмѣнно вѣрнымъ выраженной имъ мысли: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать". Эта мысль не покидала Государя въ печальное время, когда Имперія его дымилась въ крови Бородинскаго побоища, равно и тогда, когда на высотахъ Монмартра предписывалъ онъ законы покоренному міру. Но если немного героевъ превзошли его блескомъ своихъ побѣдъ, то никто не сравнился съ нимъ въ безпримѣрной умѣренности, съ какою онъ воспользовался своею властью, и никто не превзошелъ его въ милосердіи, съ какимъ онъ въ минуту торжества удерживалъ подъятый мечъ правосудія. Онъ среди европейскихъ державъ явился представителемъ новаго могущества, доселѣ не встрѣчавшагося въ лѣтописяхъ міра—могущества, предписавшаго себѣ законъ: не разрушать, но спасать и хранить. Уступая Наполеону въ геніи, Александръ превосходилъ его въ великодушіи; тотъ и другой покорили міръ, но одинъ Александръ умѣлъ побѣждать самого себя.

Обращаясь къ оцѣнкѣ вліянія Императора Александра на ходъ внутреннихъ дѣлъ Имперіи, нельзя неостановиться съ благоговѣйною благодарностью предъ исполненными возвышенныхъ стремленій начинаніями первыхъ годовъ его царствованія. Проникнутый сознаніемъ своей неприготовленности къ многотруднымъ, возложеннымъ на него Провидѣніемъ обязанностямъ, подъ впечатлѣніемъ тѣхъ несчастій, въ кои непродуманныя, поспѣшныя, единолично внушенныя рѣшенія повергли отечество въ предшествовавшее царствованіе, Императоръ Александръ положилъ основаніе тѣмъ государственнымъ совѣщательнымъ учрежденіямъ, кои въ исторіи законодательства и управленія Россіи въ XIX столѣтіи занимаютъ видное мѣсто. Многія его просвѣщенныя, всегда на любви къ человѣчеству основанныя предположенія не достигли желаемаго осуществленія. Убѣдившись, что грубые нравы, невѣжество, административныя неурядицы не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ бы ему того хотѣлось, согласно его широкимъ, но подчасъ мечтательнымъ планамъ, онъ отказался отъ нѣкоторыхъ реформъ, которыя передъ тѣмъ признавалъ необходимыми для преуспѣянія Россіи—отказался, быть

можетъ, отчасти потому, что, какъ пишетъ современникъ, „онѣ требовали систематической твердой политики, не смущающейся ни трудностями, ни первоначальными неудачами". Но при оцѣнкѣ этой стороны дѣятельности Александра I нельзя упустить изъ виду и того, что Имперія въ то время не вполнѣ была готова для принятія тѣхъ высокихъ предположеній объ улучшеніяхъ всякаго рода, къ которымъ онъ не разъ въ своей жизни склонялся; общественная среда и народъ были еще слишкомъ неразвиты, чтобы слѣдовать и оцѣнить по достоинству его просвѣщенную заботливость о всеобщемъ благѣ. Александръ имѣлъ огорченіе видѣть, какъ его гуманныя стремленія не достигали до желаемой цѣли и какъ людская злоба, коварство, сословный эгоизмъ и невѣжество препятствовали осуществленію самыхъ доброжелательныхъ предположеній, клонившихся къ улучшенію государственнаго строя.

Люди, подвергавшіе оцѣнкѣ нравственный характеръ Императора Александра, нерѣдко обвиняли его въ двуличіи. Но если принять въ соображеніе, что почти вся жизнь его прошла въ борьбѣ стремленій, вложенныхъ въ него XVIII столѣтіемъ, съ тяготѣвшими надъ Европою ужасами революціи и обычныхъ ея послѣдствій, военнаго деспотизма и усиленной реакціи, то сдѣлается весьма понятною, особливо для людей, недовольно оцѣнивающихъ затруднительныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Императору Александру, нѣкоторая двойственность въ проявленіи имъ своей воли. Несомнѣнно то, что во всякомъ проявленіи этой воли всегда замѣчалась безмѣрная доброта, искреннее, истинно человѣческое чувство, неомрачаемое личнымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ, гордынею, отъ коихъ такъ рѣдко оберегаются люди, поставленные даже въ наивысшія положенія. Вотъ почему, при полученіи извѣстія о смерти Императора, такъ единодушно раздался возгласъ: „нашъ ангелъ на небесахъ". Нельзя было противиться очарованію, его неизмѣнно любезнаго обхожденія; свойственная ему привлекательная застѣнчивость соединялась въ немъ съ глубокимъ монархическимъ самосознаніемъ, которое не препятствовало ему, однако, воспринимать съ увлеченіемъ великія идеи, потрясавшія собою въ то время міръ. Сперанскій справедливо замѣтилъ: „Будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія Государя—это сущій прельститель".

Весьма понятно, что послѣ тягостныхъ и трагическихъ событій, пережитыхъ Императоромъ Александромъ, въ послѣдніе годы его царствованія, нравственное его состояніе во многомъ измѣнилось, и настроеніе это выразилось и въ ходѣ политической его дѣятельности. Перемѣну эту довольно мѣтко очерчиваетъ въ 1829 году Лагарпъ, столь близко знавшій своего царственнаго воспитанника:

„Неустрашимый среди опасности, Александръ ненавидѣлъ войну. Знакомый основательно съ существовавшими злоупотребленіями, съ неудовольствіемъ народовъ, онъ надѣялся, что въ теченіе продолжительнаго мира, потребность котораго всюду чувствовалась, европейскія правительства, сознавъ необходимость приступить къ реформамъ, требуемымъ вѣкомъ, займутся ими серьезно. Для достиженія этой цѣли требовалось полное спокойствіе и такъ какъ, благодаря переворотамъ, которые слѣдовали, одинъ за другимъ, почти въ теченіе тридцати лѣтъ, прежнія идеи порядка и подчиненія, повидимому, значительно ослабли, то Александръ полагалъ возможнымъ замѣнить ихъ торжественнымъ призывомъ къ религіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что со стороны этого монарха подобный призывъ представлялъ одно изліяніе его благороднаго сердца. Но геній зла скоро овладѣлъ его филантропическими мыслями и обратилъ ихъ противъ него самого. Собранная на равнинѣ Вертю стотысячная русская армія, готовая къ дѣйствію, поразила ужасомъ европейскую дипломатію, присутствовавшую при этомъ величественномъ зрѣлищѣ; но ее не столько устрашили громадныя военныя силы великой Имперіи, какъ невидимое нравственное могущество, проистекавшее отъ великодушія и всѣмъ извѣстныхъ правилъ Монарха, располагавшаго этими силами. Дѣйствительно, въ это время взгляды всѣхъ угнетенныхъ отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада обращались къ Александру I; но съ этого момента начался работавшій въ тайнѣ заговоръ, имѣвшій цѣлью лишить Александра этого опаснаго нравственнаго могущества, благодаря которому

всѣ друзья просвѣщенія и человѣчества, большинство людей добра, становились его союзниками. Расположенный, вслѣдствіе врожденной умѣренности, ко всякому соглашенію, которое могло бы успокоить тѣхъ, которые опасались преобладанія его личнаго вліянія, и желая во что бы то ни стало разсѣять страхъ, который притворно высказывался, Александръ согласился учредить ареопагъ, въ которомъ большинствомъ голосовъ принимались мѣры, имѣвшія цѣлью поддержаніе всеобщаго спокойствія. Геній зла тотчасъ воспользовался выгодою, которую можно было извлечь изъ этого великодушнаго отреченія со стороны Александра отъ принадлежавшаго ему преобладающаго вліянія. Благодаря плачевному направленію, которое удалось такимъ образомъ придать вообще ходу дѣлъ во всѣхъ государствахъ, довѣріе народовъ было поколеблено, и великодушный Монархъ, который своими дѣяніями въ полной мѣрѣ заслуживалъ это довѣріе, увидѣлъ его исчезновеніе, сопровождаемое нечестивыми рукоплесканіями враговъ славы Россіи, осмѣлившихся, къ тому же, приписывать всемогущей волѣ Государя самыя непопулярныя мѣры, которыя они внушали своимъ ареопагамъ".

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I такое отступленіе его личности на второй планъ повторилось и въ сферѣ внутренняго управленія, но здѣсь выступилъ не дипломатическій ареопагъ, а тусклая фигура суроваго временщика, заслонившаго собою усталаго и разочарованнаго царственнаго труженика. Эта предсмертная тѣнь, наброшенная на привлекательный обликъ Александра, исчезла въ моментъ его смерти. Въ памяти потомства онъ навсегда будетъ монархомъ, искренно любившимъ добро, трудившимся неустанно съ полнымъ самопожертвованіемъ на пользу отечества, выведшимъ Россію изъ безпримѣрно тяжелыхъ обстоятельствъ, оставившимъ въ исторіи ея памятные слѣды своего царствованія.

Н. Шильдеръ.

1) Дѣла Архивовъ: Государственнаго, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Военно-Ученаго. 2) Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время, М. И. Богдановича. 6 томовъ, С.-Петербургъ. 1869—1871. 3) Графъ Блудовъ и его время (царствованіе Императора Александра I). Евгр. Ковалевскаго. С.-Петербургъ. 1866. 4) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Н. Пыпина. С.-Петербургъ. 1885. (Изд. 2). 5) Россійское Библейское Общество. 1812—1826. А. Н. Пыпина, «Вѣстникъ Европы» 1868 года. 6) Русскія отношенія Бентама. А. Н. Пыпина. «Вѣстникъ Европы» 1869 года. 7) Г-жа Крюднеръ. А. Н. Пыпина. «Вѣстникъ Европы». 1869. 8) Императоръ Александръ I. Политика. Дипломатія. Сергѣя Соловьева. С.-Петербургъ. 1877. 9) О жизни протоіерея А. А. Самборскаго. С.-Петербургъ. 1888. 10) Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828). Е. С. Шумигорскаго, томъ I-й. С.-Петербургъ. 1892. 11) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Дмитрія Кобеко. С.-Петербургъ. 1887. (Изданіе третье). 12) Духъ вѣнценосныхъ супруговъ въ Бозѣ почивающихъ Императора Александра I и Императрицы Елисаветы. Николая Данилевскаго. Москва. 1829. 13) Таганрогъ. Николая Данилевскаго. Москва. 1829. 14) Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха Александра I. Изданно Иваномъ Заикинымъ. С.-Петербургъ. 1827. 15) Біографія Императора Александра I. Николая Греча. С.-Петербургъ. 1835. 16) Исторія жизни и царствованія Александра I. Сергѣя Глинки. Москва. 1828. 17) Воспоминанія о Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сергѣя Глинки. Москва. 1827. 18) Характеристика Императора Александра I. Ф. А. Терновскаго. Кіевъ. 1878. 19) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества: Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею 1800—1808 гг. Тома 70 й, 77-й, 82-й, 88-й. Политическая переписка Наполеона I съ генераломъ Савари 1807 года, томъ 83-й. Посольство графа П. А. Толстаго въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг., т. 89-й. Бумаги графа А. А. Закревскаго, тома 73-й и 78-й. Переписка герцога Ришелье, томъ 54-й. Донесенія А. И. Чернышева, князя Куракина, барона Сухтелена и пр., томъ 21-й. Письма Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу, томъ 5-й. Записка Д. П. Трощинскаго о министерствахъ. Записка графа Каподистріи о его служебной дѣятельности, томъ 3-й. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія Александра I, томъ 2-й. 20) Императоръ Александръ въ Ригѣ, 24-го, 25-го и 26-го мая 1802 года. С.-Петербургъ. 1802. 21) Журналъ посѣщенія Москвы Е. И. В. Александромъ I въ 1809 году. Москва. 1810. 22) Russland unter Alexander dem Ersten. von Heinrich Storch. 4 Bände. St.-Petersburg und Leipzig. 1804. 23) Vie d'Alexandre I par A. Egron. Paris. 1826. 24) Histoire d'Alexandre I. 2 v. par A. Rabbe. Paris. 1826. 25) Mémoires historiques sur l'Empereur et la Cour de Russie, par la comtesse de Choiseul-Gouffier. Paris. 1829. 26) Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas par Schnitzler. 2 v. Paris. 1847. 27) Alexandre I et Napoléon 1801—1812, par S. Tatistcheff. Paris. 1891. 28) Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier Empire par Albert Vandal. 2 v. Paris. 1891—1892. 29) La Russie et les Russes par N. Tourgueneff. 3 v. Paris. 1847. 30) Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza). Moscou. 1888. 31) Notice sur Alexandre par Empaytaz. Genève. 1840. (2-de édition). 32) Vie de Madame de Krudener, par Charles Eynard. 2 v. Paris. 1849.

Александръ II, Императоръ Всероссійскій, старшій сынъ Великаго Князя—впослѣдствіи Императора—Николая Павловича и Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, родился въ Москвѣ 17-го апрѣля 1818 г.; объявленъ Наслѣдникомъ престола 12-го декабря 1825 г.; пожалованъ титуломъ Цесаревича 30-го августа 1831 г.; 16-го апрѣля 1841 г. — сочетался бракомъ съ принцессою Максимиліаною-Вильгельминою-Августою-Софіею-Маріею Гессенъ-Дармштадтскою, нареченною во св. муропомазаніи Великою Княжною Маріею Александровною, родившеюся 27-го іюля 1824 г., скончавшеюся 22-го мая 1880 г.; вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855 г.; коронованъ 26-го августа 1856 г.; имѣлъ дѣтей: Великую Княжну Александру Александровну, родившуюся 18 августа 1842 г., скончавшуюся 16 іюня 1849 г.; Цесаревича Николая Александровича, родившагося 8-го сентября 1843 г., скончавшагося 12 апрѣля 1865 г.; Цесаревича—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора—Александра Александровича, род. 26-го февраля 1845 г.; Великихъ Князей: Владиміра Александровича, род. 10-го апрѣля 1847 г.; Алексѣя Александровича, род. 2 января 1850 г.; Великую Княжну Марію Александровну, род. 5 октября 1853 г.; Великихъ Князей: Сергія Александровича, род. 29 апрѣля 1857 г., и Павла Александровича, род. 21-го сентября 1860 г. Скончался 1-го марта 1881 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Великій Князь, Наслѣдникъ и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

1818—1855.

I.

Дѣтство.

1818—1826.

Колыбелью Императора Александра II-го была Москва—колыбель русскаго царства.

Въ среду на Пасхѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ исходѣ 11-го часа утра, въ архіерейскомъ домѣ, что̀ при Чудовомъ монастырѣ—нынѣ Николаевскій дворецъ,—Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, нареченнымъ Александромъ. Въ собственноручныхъ ея „Воспоминаніяхъ“ находимъ слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи: „Въ 11 часовъ, я услыхала первый крикъ моего перваго ребенка. Ники цѣловалъ меня, заливаясь слезами, и вмѣстѣ мы возблагодарили Бога, не зная даровалъ-ли Онъ намъ сына или дочь, когда матушка (Императрица Марія Ѳеодоровна), подойдя къ намъ, сказала:—это сынъ. Счастье наше удвоилось, а впрочемъ я помню, что почувствовала что-то строгое и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо, призвано стать Императоромъ!“ 201 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ первопрестольной столицѣ о рожденіи Великаго Князя. На другой день было отслужено торжественное благодарственное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Двора, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ.

Во исполненіе обѣта, Великій Князь Николай Павловичъ соорудилъ придѣлъ во имя св. Александра Невскаго въ церкви Новаго Іерусалима. „Это“, писалъ онъ архіепископу московскому Августину, „смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо: участь жены и сына... Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь, для собственнаго ихъ счастья, на службу Государю, на честь и пользу отечеству“.

Вдохновенными стихами привѣтствовалъ Жуковскій рожденіе царственнаго отрока, въ посланіи къ августѣйшей его матери:

Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ, ко входу въ бури свѣта,
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ,
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,

Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку!

Жизнь Александра II-го была исполненіемъ вѣщаго пророчества поэта, призваннаго стать его наставникомъ.

Въ день рожденія племянника, Императоръ Александръ Павловичъ находился въ Варшавѣ, для открытія перваго сейма возстановленнаго имъ Царства Польскаго. Извѣстіе о радостномъ событіи получилъ онъ на пути въ Одессу и Крымъ, 27-го апрѣля, въ мѣстечкѣ Бѣльцахъ, Бессарабской области, и тотчасъ же назначилъ новорожденнаго Великаго Князя шефомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

Таинство св. крещенія совершено надъ Александромъ Николаевичемъ въ Москвѣ, въ церкви Чудова монастыря, 5-го мая, въ присутствіи Императрицъ: Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны, духовникомъ ихъ императорскихъ величествъ протопресвитеромъ Криницкимъ. Воспріемниками были: Императоръ Александръ Павловичъ, Императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго со стороны матери, Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій. Младенца внесла во храмъ статсъ-дама графиня Ливенъ; по сторонамъ ея шли, поддерживая подушку, главнокомандующій Москвы, генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ, и дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Юсуповъ. По окончаніи обряда, во время пѣнія *Тебѣ Бога хвалимъ*, произведенъ салютъ въ 201 выстрѣлъ изъ пушекъ, поставленныхъ въ Кремлѣ, у Алексѣевскаго монастыря, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей московскихъ. Божественную литургію совершалъ архіепископъ Августинъ. Къ причастію подносила новорожденнаго августѣйшая воспріемница, послѣ чего, возложивъ на него поднесенные оберъ-камергеромъ Нарышкинымъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, ея величество, слѣдуя примѣру матери Петра Великаго, положила младенца въ раку, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Алексія, митрополита московскаго. Въ тотъ же день, въ покояхъ вдовствующей Императрицы, былъ обѣденный столъ для высшаго духовенства, статсъ-дамъ и особъ первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ по всей Москвѣ зажглась блестящая иллюминація.

При первомъ извѣстіи о рожденіи перворожденнаго внука, король прусскій пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла, знаки коего были доставлены въ Москву ко дню крещенія, а вскорѣ и самъ король рѣшился отправиться въ Россію, чтобы порадоваться на семейное счастіе любимой дочери. 1-го іюня прибылъ въ Москву изъ путешествія по Южной Россіи Императоръ Александръ I, а вслѣдъ за нимъ, 3-го того же мѣсяца, пріѣхалъ и Фридрихъ-Вильгельмъ III, въ сопровожденіи двухъ сыновей: наслѣднаго принца и принца Карла. Къ концу іюня Дворъ возвратился въ Петербургъ.

Царственный ребенокъ зимою жилъ съ августѣйшими родителями въ Аничковскомъ дворцѣ; лѣто же обыкновенно проводилъ съ ними въ Павловскѣ, у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая съ любовью наблюдала за его первоначальнымъ воспитаніемъ и руководила выборомъ наставницъ. Подъ главнымъ наблюденіемъ Ю. Ѳ. Барановой, дочери близкаго друга вдовствующей Императрицы, начальницы воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ Ю. Ѳ. Адлербергъ, сынъ которой состоялъ въ должности адъютанта при Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ, младенецъ былъ ввѣренъ уходу надзирательницы Н. В. Таубертъ и боннъ-англичанокъ А. А. Кристи, М. В. Касовской и Е. И. Кристи. На попеченіе бабушки оставляла молодая чета своего сына во время двухъ поѣздокъ за границу, предпринятыхъ для поправленія здоровья Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, съ сентября 1820 по августъ 1821 года, и осенью 1824 года.

Лѣтомъ 1824 года, когда Александру Николаевичу минуло шесть лѣтъ, началось его военное воспитаніе, подъ руководствомъ достойнаго и опытнаго наставника, всею душою преданнаго своему дѣлу. Выборъ Великаго Князя Николая остановился на лично извѣстномъ его высочеству ротномъ командирѣ состоявшей въ его завѣдываніи вновь образованной школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, капитанѣ Мердерѣ, храбромъ боевомъ офицерѣ, израненномъ въ походахъ 1805 и 1807 годовъ и бывшемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ дежурнымъ офицеромъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. 8-го іюля, на парадѣ въ Красномъ Селѣ, высоко цѣнившій педагогическія способности Мердера Нико-

лай Павловичъ испросилъ разрѣшеніе Государя на назначеніе его воспитателемъ къ сыну, а на другой день Мердеръ уже сопровождалъ царственнаго питомца на маневрахъ гвардейскаго корпуса. Встрѣтясь съ нимъ, Императоръ Александръ I воскликнулъ: „Здравствуй братъ Мердеръ! Ты съ своимъ молодцомъ тоже здѣсь! Онъ, я думаю, охотникъ до всего военнаго". Дѣйствительно, уже въ пору ранняго дѣтства, военныя игры были любимою забавою Александра Николаевича.

Съ первыхъ дней, Мердеръ вполнѣ оправдалъ ожиданія и довѣріе Великаго Князя Николая, который писалъ ему изъ Берлина въ сентябрѣ 1824 года: „Добрыя вѣсти о сынѣ моемъ меня душевно радуютъ, и я молю Бога, дабы укрѣпилъ его во всемъ добромъ. Продолжайте съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ вы начали новую свою должность, утвердите и оправдайте мое о васъ мнѣніе. Мнѣ весьма пріятно слышать сколь матушка довольна успѣхами Александра Николаевича и вашимъ съ нимъ обхожденіемъ". 17-го апрѣля 1825 года, въ седьмую годовщину своего рожденія, Великій Князь произведенъ въ чинъ корнета съ зачисленіемъ въ л.-гв. гусарскій полкъ.

По воцареніи Императора Николая I, манифестомъ 12-го декабря 1825 года, Александръ Николаевичъ провозглашенъ Наслѣдникомъ всероссійскаго Престола. Объявили о томъ семилѣтнему ребенку утромъ 13-го декабря, съ запрещеніемъ, впрочемъ, впредь до предполагавшагося на слѣдующій день обнародованія манифеста, разсказывать кому-либо; ребенокъ много плакалъ. 14-го декабря, когда мятежные полки столпились уже на сенатской площади, флигель-адъютантъ Кавелинъ получилъ отъ Государя приказаніе перевезти Наслѣдника изъ Аничкова въ Зимній дворецъ. Онъ засталъ его за раскрашиваніемъ литографической картинки, изображавшей переходъ Александра Македонскаго черезъ Граникъ, посадилъ въ извощичью карету и въ сопровожденіи Мердера, подвезъ къ крыльцу Зимняго дворца, со стороны набережной. На „маленькаго Сашу" — (le petit Sascha)—такъ звали Александра Николаевича въ императорской семьѣ — въ первый разъ въ жизни надѣли Андреевскую лѣнту и отвели его въ голубую гостиную, гдѣ находились обѣ Императрицы. По возвращеніи Государя съ площади во дворецъ, онъ пожелалъ вывести Наслѣдника къ построенному на дворѣ гвардейскому Саперному баталіону. Камердинеръ вдовствующей Императрицы Гриммъ снесъ его на рукахъ по внутренней лѣстницѣ, а Императоръ, обратясь къ саперамъ, просилъ ихъ полюбить сына, какъ самъ онъ любитъ ихъ; потомъ передалъ его на руки находившимся въ строю георгіевскимъ кавалерамъ, приказавъ первому человѣку отъ каждой роты подойти его поцѣловать. Саперы съ кликами радости и восторга прильнули къ рукамъ и ногамъ Наслѣдника. Обстоятельство это занесено въ формулярный списокъ его высочества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „1825 года, декабря 14, во время возникшаго въ С.-Петербургѣ бунта, когда Государь Императоръ, начальствуя лично л.-гв. Преображенскимъ и Конными полками, разсѣялъ собравшихся на Петровской площади злоумышленниковъ и затѣмъ съ прочими войсками лейбъ-гвардіи, пребывшими вѣрными долгу и присягѣ, занялъ окрестности Зимняго дворца—находился при Особѣ его величества на большомъ дворцовомъ дворѣ, который былъ тогда занятъ л.-гв. Саперным баталіономъ". Въ тотъ же день, Императоръ повелѣлъ сохранить Наслѣднику навсегда на мундирѣ л.-гв. гусарскаго полка вензелевое изображеніе имени Императора Александра I, пять дней спустя, 19-го декабря, назначилъ его шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, а 30-го того же мѣсяца—канцлеромъ Александровскаго университета въ Финляндіи.

Первую половину лѣта 1826 года Александръ Николаевичъ провелъ съ двумя сестрами Великими Княжнами Маріей и Ольгой, въ Царскомъ Селѣ. Весь придворный штатъ его состоялъ лишь изъ воспитателя, капитана Мердера, и надзирателя, уроженца французской Швейцаріи Жилля. Отсутствіе всякой пышности и этикета въ обстановкѣ Наслѣдника крайне удивило чрезвычайнаго французскаго посла, маршала Мармона, по сравненію съ многочисленнымъ дворомъ и чопорною торжественностью, съ колыбели окружавшими малютку герцога Бордосскаго. Но едва-ли не больше поразилъ его отвѣтъ Императора Николая на просьбу представиться Наслѣднику. „Вы, значитъ, хо-

тите вскружить ему голову",—сказалъ Государь. — „Какой прекрасный поводъ къ тому, чтобы возгордиться этому мальчугану, если бы сталъ выражать ему почтетеніе генералъ, командовавшій арміями! Я тронутъ вашимъ желаніемъ его видѣть, и вы будете имѣть возможность удовлетворить его, когда поѣдете въ Царское Село. Тамъ вы встрѣтитесь съ моими дѣтьми. Вы посмотрите на нихъ и поговорите съ ними; но церемоніальное представленіе было бы непристойностью. Я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него Государя". Герцогъ Рагузскій не замедлилъ отправиться въ Царское Село, гдѣ въ паркѣ увидѣлъ сына и двухъ старшихъ дочерей Императора. Про Наслѣдника онъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ": „Его рѣшительность меня прельстила. Онъ управлялъ небольшою лодкой на рѣчкѣ, протекающей по парку, и когда одинъ изъ сопровождавшихъ меня офицеровъ попросилъ перевезти его чрезъ рѣчку на этой лодкѣ, послѣдняя, при быстромъ входѣ въ нее офицера, пошатнулась настолько, что въ нее втекла вода. Другой ребенокъ этого возраста непремѣнно бы вскрикнулъ. Онъ же не выказалъ ни малѣйшаго смущенія и схватилъ сначала багоръ, чтобы оттолкнуть лодку отъ берега, потомъ весла, чтобы грести. При этомъ онъ проявилъ замѣчательную увѣренность въ себѣ и хладнокровіе".

10-го іюля, Александръ Николаевичъ, предшествуя августѣйшимъ родителямъ, отправился изъ Царскаго Села въ Москву, гдѣ имѣло совершиться коронованіе Императора Николая. Сопровождали его, кромѣ воспитателя Мердера, гувернеръ Жилль и учитель рисованія, живописецъ Зауервейдъ. Великій Князь и его спутники останавливались въ городахъ по пути для обѣда и ночлега, и пользовались тѣмъ для ознакомленія съ ихъ достопримѣчательностями. Въ Новгородѣ осматривали они Софійскій соборъ съ его древностями, домъ Марѳы Посадницы, мостъ, строившійся чрезъ Волховъ; въ Вышнемъ-Волочкѣ—шлюзы каналовъ; въ Торжкѣ Наслѣдникъ накупилъ для подарковъ роднымъ своимъ и знакомымъ мѣстныхъ произведеній: парчевыхъ и шитыхъ серебромъ и золотомъ поясковъ, сапоговъ, башмаковъ. Въ Твери полюбовались они Волгою и на седьмой день приблизились къ Москвѣ. Всюду народъ восторженными кликами привѣтствовалъ Наслѣдника, густыми массами толпясь у его экипажа. Не доѣзжая двухъ верстъ до Петровскаго дворца, на встрѣчу ему выѣхала Императрица Марія Ѳеодоровна. Радость его при свиданіи съ нѣжно любимой бабушкой, по словамъ очевидца, „превосходила всякое описаніе". Въ Петровскомъ дворцѣ Великій Князь и его свита должны были ожидать прибытія въ Москву Государя и царствующей Императрицы.

26-го іюля состоялся торжественный въѣздъ ихъ величествъ въ Москву. Наслѣдникъ сидѣлъ въ каретѣ съ августѣйшей матерью, Императрицею Александрою Ѳеодоровною, которая, проведя въ Кремлевскомъ дворцѣ всего три дня, переѣхала съ дѣтьми на дачу графини А. А. Орловой-Чесменской—Нескучное, гдѣ оставалась три недѣли передъ коронаціею, отложенною вслѣдствіе ея нездоровья. Библіотека Орловскаго дома—нынѣ Александрійскій дворецъ—служила учебной комнатой Александру Николаевичу. Утро проводилъ онъ въ ней въ занятіяхъ съ учителями; остальная часть дня посвящалась военнымъ упражненіямъ, осмотру достопримѣчательностей Москвы, прогулкамъ по загороднымъ садамъ и окрестностямъ. Наслѣдникъ прежде всего ознакомился съ московскими святынями, посѣтилъ Кремлевскіе соборы, монастыри: Чудовъ, Донской и Даниловъ; внимательно обозрѣвалъ Оружейную палату, побывалъ и на нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ, участвовалъ въ соколиной охотѣ. Верхомъ ѣздилъ онъ на Воробьевы горы, въ Останкино, въ Архангельское, и слѣдилъ за маневрами, происходившими вокругъ столицы. На большомъ парадѣ 30-го іюля, появленіе его въ свитѣ Государя, на прекрасномъ конѣ, которымъ онъ управлялъ съ большою ловкостью, привлекли на него всеобщее вниманіе многотысячной толпы зрителей. Всѣ взоры обратились на Великаго Князя, всѣ были въ неизъяснимомъ восторгѣ, въ особенности, когда восьмилѣтній ребенокъ, на флангѣ лейбъ-гусарскаго полка, проскакавъ мимо Императора, ловко къ нему подъѣхалъ и граціознымъ и увѣреннымъ движеніемъ остановилъ коня. Ветеранъ великой наполеоновской арміи, маршалъ Мармонъ, уже любовавшійся на Наслѣдника, когда тотъ, въ пѣхотномъ строю, командовалъ взводомъ гренадеръ, вдвое выше его ростомъ, не могъ не вы-

разить въ эту минуту Государю своего удивленія смѣлости и искусству молодаго наѣздника. „Вы, быть можетъ, воображаете," отвѣтилъ Императоръ Николай, „что я испытываю чувство тревоги, безпокойства при видѣ столь дорогаго мнѣ ребенка въ этомъ вихрѣ, но пусть онъ лучше подвергается опасности, которая выработаетъ въ немъ характеръ, и съ малолѣтства пріучитъ его стать чѣмъ слѣдуетъ, благодаря собственнымъ усиліямъ". „Вотъ что можно назвать прекраснымъ воспитательнымъ пріемомъ" — замѣчаетъ герцогъ Рагузскій, — „а когда онъ примѣняется къ воспитанію человѣка, призваннаго стать во главѣ великой имперіи, то должно ожидать наилучшихъ послѣдствій".

22-го августа происходило въ Большомъ Успенскомъ соборѣ вѣнчаніе на царство Императора Николая и Императрицы Александры. Въ торжественномъ шествіи изъ Кремлевскаго дворца въ соборъ, Наслѣдника велъ за руку дядя его и представитель короля прусскаго, принцъ Карлъ. На царскій обѣдъ въ Грановитой палатѣ онъ глядѣлъ изъ тайника, гдѣ накрытъ былъ столъ для всѣхъ членовъ Императорской фамиліи. Вечеромъ Кремль и вся Москва освѣтились безчисленными огнями. Наслѣдникъ выѣхалъ въ коляскѣ съ воспитателемъ, чтобы посмотрѣть иллюминацію. „Едва показался онъ", разсказываетъ Мердеръ въ дневникѣ своемъ, „раздалось радостное „ура!" Народъ толпою бросился къ коляскѣ; власть полиціи исчезла; все уступаетъ толпѣ радостнаго народа; подобно морскому валу, воздымающемуся, лѣзутъ другъ на друга; падаютъ, вскакиваютъ, бѣгутъ, хватаютъ за колеса, рессоры, постромки; крики: „ура! Александръ Николаевичъ, нашъ московскій князь! Ура! Ура!" Трогательная картина! Но далѣе ѣхать было трудно, изъ опасенія раздавить кого-нибудь изъ народа. Возвратились назадъ. Съ балкона любовались Иваномъ Великимъ".

Въ блестящихъ балахъ и маскарадахъ, данныхъ во дворцѣ, въ большомъ театрѣ, въ дворянскомъ собраніи, въ домахъ русской знати и представителей иностранныхъ дворовъ, Александръ Николаевичъ не участвовалъ, но присутствовалъ на фейерверкѣ и народномъ праздникѣ. 30-го августа отпраздновалъ онъ свои именины въ кругу сверстниковъ, дѣтей московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, графовъ Вѣльгорскаго и Толстаго, князя Гагарина, Пашкова и другихъ, приглашенныхъ на дачу графини Орловой, въ числѣ десяти мальчиковъ и десяти дѣвочекъ: пили чай, вечеромъ въ саду играли въ зайцы, въ комнатахъ — въ другія игры. Именинникъ получилъ много подарковъ и, между прочимъ, прекрасную верховую арабскую лошадь отъ бабушки Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ этотъ день Государь назначилъ его шефомъ польскаго 1-го конно-егерскаго полка.

21-го сентября Александръ Николаевичъ, простясь съ августѣйшими родителями, выѣхалъ изъ Москвы и 27-го того же мѣсяца прибылъ въ Царское Село.

II.

Планъ воспитанія.

1826—1828.

Постоянною заботою Императора Николая было дать Наслѣднику своего Престола воспитаніе, вполнѣ соотвѣтствующее его высокому призванію. Тотчасъ по воцареніи, онъ избралъ ему въ наставники В. А. Жуковскаго.

Поэтъ весь отдался порученному ему великому дѣлу. Лѣтомъ 1826 года, онъ испросилъ себѣ продолжительный отпускъ за границу съ двойною цѣлью: поправить разстроенное здоровье и подготовиться къ трудной и отвѣтственной обязанности руководителя умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ Наслѣдника. Послѣ леченія водами въ Эмсѣ, Жуковскій поселился на зиму въ Дрезденѣ, откуда писалъ племянницѣ А. П. Елагиной: „Работы у меня много, на рукахъ моихъ важное дѣло. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое... По плану ученія Великаго Князя, мною сдѣланному, все лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли

идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе: она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ и я провелъ ихъ, посвятивъ свои мысли одной главной, около которой вся моя дѣятельность вертѣлась. И теперь, это рѣшено на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль, все остальное только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая положительная моя дѣятельность считается съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она".

Тѣ же чувства выражалъ Жуковскій въ письмахъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „Мое положеніе—истинно счастливое", читаемъ въ одномъ изъ нихъ. „Я весь поглощенъ одною мыслію, она всюду слѣдуетъ за мною, но не тревожитъ меня. Эта мысль, основанная на любви, оживляетъ мое существованіе. Всякое утро я просыпаюсь рано и приступаю къ своей работѣ. Повидимому, она кажется сухою: я составляю историческія таблицы; но она имѣетъ для меня всю прелесть моихъ прежнихъ поэтическихъ работъ. Весь мой день ей посвященъ, и я прерываю ее только для пріятной прогулки. Я почти никого не вижу и не желаю видѣть. Я нахожусь здѣсь (въ Дрезденѣ) не въ качествѣ путешественника. Я долженъ здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, всецѣло принадлежать моему труду. Чего я могу болѣе желать! Въ настоящемъ—занятіе, наполняющее душу; въ будущемъ—продолженіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, того же занятія, которое будетъ расширяться и разнообразиться по мѣрѣ своего движенія впередъ. И какая цѣль въ концѣ всего пройденнаго пути! Да, у меня не осталось уже ничего личнаго! Всякая добрая мысль при своемъ зарожденіи уже имѣетъ свой особый интересъ. Слава, долгъ, религія, любовь къ отечеству, словомъ, все, что̀ присуще духовной природѣ человѣка, уже не останавливаетъ на себѣ моего вниманія исключительно ради меня самаго, но столько же ради того, въ душѣ котораго эти высокія мысли должны принести благодѣтельные плоды для человѣчества. Для меня явленія исторіи, люди, составившіе счастіе или несчастіе своего времени, не служатъ болѣе простыми предметами любопытства; но я вижу въ нихъ уроки, которые могутъ быть преподаны, образцы, которые могутъ быть предложены, опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и занятія утратили для меня свой опредѣленный характеръ: они всегда могутъ имѣть свое полезное приложеніе. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы мысль о моей неопытности не тревожила меня такъ часто. Эта неопытность положительное зло, для котораго непремѣнно слѣдуетъ искать исхода, и, быть можетъ, со временемъ я самъ укажу на него".

Плодомъ усиленныхъ трудовъ и глубокихъ размышленій Жуковскаго былъ, составленный имъ къ осени 1826 года и тогда-же отправленный на утвержденіе Государя въ Петербургъ, „Планъ ученія". Докладъ этотъ представляетъ выработанную до мельчайшихъ подробностей программу нравственнаго воспитанія и умственнаго развитія ввѣреннаго поэту царственнаго питомца.

Цѣлью воспитанія вообще и ученія въ особенности Жуковскій провозглашаетъ *образованіе для добродѣтели*. Воспитаніе достигаетъ этой цѣли развитіемъ прирожденныхъ добрыхъ качествъ, образованіемъ изъ нихъ характера нравственнаго, предохраненіемъ отъ зла, искорененіемъ дурныхъ побужденій и наклонностей; ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца съ тѣмъ, что окружаетъ его, съ тѣмъ, что онъ есть, съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, какъ существо нравственное, съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное. Сообразно этимъ началамъ, ученіе подраздѣляется на три періода: отрочества, отъ восьми до тринадцати лѣтъ,—ученіе приготовительное; юности, отъ тринадцати до восемнадцати,—ученіе подробное, и первыхъ лѣтъ молодости, отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ,—ученіе примѣнительное.

Первый періодъ Жуковскій сравниваетъ съ приготовленіемъ къ путешествію: надо дать въ руки питомцу *компасъ*,—подъ которымъ разумѣется первоначальное развитіе ума и сердца, посредствомъ усвоенія религіозныхъ правилъ; познакомить съ *картою* — сообщивъ ему вкратцѣ, но въ послѣдовательной связи, въ ясной и полной системѣ, тѣ знанія, которыя будутъ впослѣдствіи преподаваться въ подробностяхъ; снабдить его *орудіями* для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій въ пути—то-есть, обучить его языкамъ и развить въ

немъ природныя дарованія. Во второмъ періодѣ, питомецъ предпринимаетъ самое путешествіе: путеводный компасъ въ рукахъ; карта извѣстна; дороги означены; нѣтъ опасности заблудиться; умъ приготовленъ; любопытство возбуждено. Во избѣжаніе смутности и безпорядка въ понятіяхъ, должно преподавать въ отдѣльности науки, нужныя питомцу, какъ члену просвѣщеннаго общества, и болѣе подробно тѣ, что̀ нужны ему по его назначенію. Подъ первыми разумѣются науки антропологическія, имѣющія предметомъ *человѣка*: исторія, географія,—то-есть этнографія и статистика, — политика, философія; подъ вторыми — науки онтологическія, имѣющія предметомъ *вещь*: математика, естественная исторія, физическая географія, технологія и физика. Наконецъ, третій періодъ — окончаніе путешествія. Свѣдѣнія собраны; остается ихъ обозрѣть, привести въ порядокъ и опредѣлить, какое должно быть сдѣлано изъ нихъ употребленіе? Въ этомъ періодѣ задача наставника — возбудить самодѣятельность въ питомцѣ, который, не занимаясь никакою наукою отдѣльно, самъ составляетъ себѣ коренныя правила жизни, какъ произведеніе того, что̀ дало ему воспитаніе и ученіе. Пособіемъ служитъ ему чтеніе классическихъ книгъ, преимущественно тѣхъ, кои знакомятъ его съ его высокимъ назначеніемъ и страною, которой онъ долженъ посвятить жизнь свою. Жуковскій слѣдующимъ образомъ формулируетъ самостоятельныя занятія третьяго и послѣдняго періода, какъ конечнаго вывода двухъ предшествующихъ: 1) обозрѣніе знаній, пріобрѣтенныхъ во второмъ періодѣ; 2) взглядъ на мѣсто, занимаемое человѣкомъ въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя; 3) отчетъ въ самомъ себѣ, передъ самимъ собою, и утвержденіе въ правилахъ добродѣтели; 4) идеалъ человѣка вообще и государя въ особенности.

Окинувъ однимъ взоромъ всю совокупность ученія, наставникъ останавливается на первомъ его періодѣ, программу котораго излагаетъ подробно. Главная его забота — избѣжать въ преподаваніи путаницы и безпорядка, строго придерживаясь установленной системы и постепенно переходя отъ легкаго къ трудному. Предметы ученія онъ раздѣляетъ на четыре разряда.

Къ первому разряду относятся: практическая логика, для образованія ума, и начала христіанской нравственности, для образованія сердца. Параллельно упражняется умъ усвоеніемъ начальныхъ понятій геометріи, счета, русской грамматики; развивается сердце ознакомленіемъ съ главными фактами священной исторіи и извлеченіемъ изъ нихъ нравственныхъ правилъ, основанныхъ на ученіи Спасителя.

Во второмъ разрядѣ программа расширяется. На вопросъ: гдѣ я и что меня окружаетъ? даютъ отвѣтъ естественныя науки: географія математическая и физическая, общія понятія о минералогіи, геологіи, ботаникѣ и зоологіи. Отсюда естественный переходъ къ человѣку, и самъ собой разумѣется второй вопросъ: что я? Объясняютъ человѣка въ самомъ себѣ общія понятія о строеніи человѣческаго тѣла, въ смыслѣ физическомъ, и общія понятія психологіи, въ смыслѣ нравственномъ. Отношенія человѣка къ окружающей его природѣ опредѣляетъ технологія; отношенія его къ человѣку и къ обществу — естественное право, исторія, географія и статистика. Третій вопросъ: чѣмъ я быть долженъ? Отвѣтомъ служитъ мораль, какъ выраженіе нравственности частной, обязанностей человѣка предъ самимъ собою, и политика, какъ выраженіе общественной нравственности, обязанностей его предъ обществомъ. Четвертый вопросъ: къ чему я предназначенъ? разъясняютъ метафизика, какъ ученіе о человѣкѣ, существѣ духовномъ и безсмертномъ, и Богопознаніе, обнимающее религію естественную и откровенную.

Особенное вниманіе обращаетъ Жуковскій на методу преподаванія, высказываясь въ пользу формы разговорной, возбуждающей самодѣятельность ученика, съ наблюденіемъ постепенности, сохраненіемъ мѣры, всяческимъ облегченіемъ труда, достигаемыхъ занимательностью изложенія. Жуковскій настаиваетъ на способахъ къ утвержденію въ памяти питомца преподанныхъ ему знаній чрезъ методическое раздѣленіе предметовъ, соединеніе чувственнаго съ умственнымъ, посредствомъ рисунковъ, картинъ, таблицъ, и частое повтореніе; окруженіе ученика предметами, безпрестанно напоминающими ему и въ свободное время о томъ, что занимало его въ часы ученія; соединеніе съ главною

учебною цѣлью изученія языковъ и самыхъ игръ, какъ-то: волшебнаго фонаря, фантасмагоріи, панорамы.

Третій разрядъ составляетъ обученіе иностраннымъ языкамъ: французскому, нѣмецкому, англійскому и польскому, посредствомъ правильнаго произношенія, практическаго пріобрѣтенія навыка говорить и понимать что говорятъ, и легкихъ упражненій въ слогѣ. Къ четвертому разряду относится развитіе природныхъ дарованій, преподаваніе рисованія и музыки, гимнастика, ручная работа и чтеніе. Съ рисованіемъ Жуковскій соединяетъ знакомство съ главными основаніями архитектуры, а также иллюстрацію прочихъ учебныхъ предметовъ; о гимнастикѣ онъ говоритъ, что цѣль гимнастическихъ упражненій есть не одно развитіе и укрѣпленіе силъ тѣлесныхъ, но въ то же время и дарованіе мужества и способовъ владѣть собой во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и потому эта важная часть воспитанія требуетъ методическаго плана, какъ и всѣ другія. Онъ замѣчаетъ по этому поводу: „Великій Князь не долженъ ничего дѣлать безъ правилъ; каждый предметъ его ученія долженъ безпрестанно напоминать ему, что во всемъ главное есть правило“. Для упражненія въ ручной работѣ, наставникъ предлагаетъ токарное и столярное мастерства и даже игрушечное кораблестроеніе. Важное значеніе придаетъ онъ выбору книгъ для чтенія, полагая, что чтеніе должно идти рядомъ съ ученіемъ: „Надобно читать мало, въ порядкѣ, одно полезное: нѣтъ ничего вреднѣе привычки читать все, что ни попадетъ въ руки. Это приводитъ въ безпорядокъ идеи и портитъ вкусъ. Для дѣтей множество написано книгъ. Есть много хорошаго на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, но почти нѣтъ ничего на русскомъ. Почитаю необходимымъ сдѣлать строгій выборъ изъ сего множества матеріаловъ; многое *перевести* на русскій, нужное *написать* по русски, все привести въ порядокъ, сообразуясь съ планомъ ученія и, такимъ образомъ, составить избранную библіотеку дѣтскаго чтенія для перваго періода“. По мысли Жуковскаго, библіотека эта должна была состоять изъ трехъ отдѣленій: первое—содержащее весь учебный курсъ, лекціи въ ихъ связи, съ картами, рисунками, таблицами; второе—чтеніе пріятное, т.-е. собраніе такихъ сочиненій, которыя занимали бы умъ, говорили бы воображенію, оживляли бы нравственное чувство и образовали бы вкусъ, и третье — чтеніе наставительное, книги, соотвѣтствующія по содержанію воспитательнымъ цѣлямъ и соображенныя съ планомъ и предметами преподаванія.

Жуковскій тщательно распредѣлялъ по часамъ занятія въ учебные и въ неучебные дни, разумѣя подъ послѣдними дни воскресные и праздничные, дни рожденія и именинъ Государя, обѣихъ Императрицъ и самого Наслѣдника, первые четыре дня Пасхи и Святки, отъ Рождества до Новаго года. Сверхъ того, ежегодно полагались лѣтнія вакаціи, съ половины іюня по 1-е августа. По предначертанію наставника, вакаціонное время имѣло быть посвящено практическому изученію военнаго искусства.

Василій Андреевичъ вполнѣ понималъ необходимость для будущаго Государя Россіи освоиться съ ратнымъ дѣломъ, но его тревожило опасеніе, какъ бы слишкомъ раннее участіе въ парадахъ и смотрахъ не отразилось неблагопріятно на умственномъ и нравственномъ развитіи царственнаго питомца. Мысли свои по этому важному вопросу онъ съ смѣлою и прямодушною откровенностью выразилъ Императрицѣ, по поводу появленія Наслѣдника верхомъ на военныхъ торжествахъ въ Москвѣ, во время коронаціи. „Эпизодъ этотъ, Государыня“, писалъ онъ ей, „совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которою мы трудимся. Ради Бога, чтобы въ будущемъ не было подобныхъ сценъ. Конечно, зрители должны были восхититься появленіемъ прелестнаго младенца; но какое же ощущеніе произвело подобное явленіе на его разумъ? Не понуждаютъ-ли его этимъ выдти преждевременно изъ круга дѣтства? Не подвергается-ли онъ опасности почитать себя уже человѣкомъ? Все равно, если бы осьмилѣтнюю дѣвочку стали обучать всѣмъ хитростямъ кокетства! Къ тому же, эти воинственныя игрушки не испортятъ-ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ-ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать единственно въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣ-

щеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ — казарму... Не думайте, Государыня, что я говорю лишнее, возставая съ такимъ жаромъ противъ незначущаго, повидимому, событія. Нѣтъ, Государыня, не лишнее! Никакія правила, проповѣдуемыя учителями въ классахъ, не могутъ уравняться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни".

Собственный взглядъ на военное образованіе Александра Николаевича Жуковскій изложилъ подробно въ „Планѣ ученія", повергнутомъ имъ на воззрѣніе самого Государя. Онъ совѣтовалъ подражать примѣру Петра Великаго, для котораго потѣшный полкъ, хотя и представлялъ забаву, но такую, что создала Полтавскаго героя. Наставникъ предлагалъ образовать подобный потѣшный полкъ или корпусъ изъ благовоспитанныхъ дѣтей, числомъ отъ 100 до 200, снабдивъ его всѣмъ, что входитъ въ составъ арміи, но съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ сборѣ исключительно въ вакаціонное время, то-есть, не болѣе шести недѣль въ году, отъ половины іюня до конца іюля. Каждая вакація составляла бы полную кампанію, а каждая кампанія имѣла бы предметомъ изученіе какой-либо отдѣльной отрасли военнаго искусства. Такъ, первая кампанія посвящена была бы фронтовой службѣ, вторая — полевымъ укрѣпленіямъ, третія—артиллеріи и т. д. Жуковскій предполагалъ включить сюда со временемъ и навигацію, обративъ Царскосельскій прудъ во „всемірный океанъ, на которомъ двѣ маленькія яхты могутъ въ одинъ день совершить путешествіе вокругъ свѣта". Такимъ образомъ — разсуждалъ онъ—Великій Князь, играя и переходя всѣ степени военнаго, отъ солдата до генерала, ознакомился бы со всѣми требованіями службы, дойдя постепенно до высшихъ военныхъ наукъ: тактики и стратегіи, заняться которыми возможно съ успѣхомъ не ранѣе, какъ по основательномъ изученіи математики. „Одно только необходимое условіе"—настаивалъ Жуковскій, „чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нисколько не вмѣшивались въ остальное ученье, которое, въ противномъ случаѣ, разстроятъ совершенно, ибо уничтожатъ вниманіе".

Цѣлью этихъ игръ и упражненій наставникъ полагалъ не одно пріобрѣтеніе военныхъ свѣдѣній, но укрѣпленіе силъ физическихъ и нравственное образованіе ученика. „Великому Князю", развивалъ онъ мысль свою, „должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ Престола Россіи. И здѣсь цѣлью было бы не одно знаніе фрунта, механически пріобрѣтаемое, но и дѣятельное пробужденіе высокихъ человѣческихъ качествъ— смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія, словомъ, всего, что составляетъ воина, въ истинномъ, прекрасномъ знаменованіи сего слова. Великій Князь былъ бы въ толпѣ людей, имѣлъ бы товарищей, наравнѣ съ другими несъ бы тяжесть долга и службы; все это самымъ благопріятнымъ образомъ могло бы дѣйствовать на его умъ и сердце, развернуло бы въ немъ все чистое, человѣческое, и укоренило бы его характеръ".

Крайне важнымъ представлялся Жуковскому выборъ начальника этого потѣшнаго полка. „Онъ долженъ быть", говорилъ онъ, „не простымъ знатокомъ фрунта, привыкшимъ видѣть въ солдатѣ одну машину, но просвѣщеннымъ знатокомъ военнаго дѣла, способнымъ понимать, что во власти его душа будущаго повелителя милліоновъ, можетъ быть назначеннаго нѣкогда стать передъ русскою арміею и рѣшить судьбы народовъ. Такой человѣкъ долженъ быть знакомъ не только съ механическими подробностями службы военной—мелкими и развѣ потому принадлежащими Государю, что онъ, какъ Петръ Великій, не долженъ быть чуждъ никакихъ подробностей, — но и съ высокимъ назначеніемъ воина, которое онъ долженъ знать не изъ военнаго устава, но изъ всемірной исторіи, изъ дѣлъ Аннибала, Юлія Кесаря, Густава-Адольфа, Фридриха. Скажу болѣе: при выборѣ таковаго наставника надобно смотрѣть не на одни знанія военныя, но и вообще на просвѣщеніе и характеръ нравственный, дабы, наставляя, онъ могъ и воспламенять душу ко всему великому и героическому. Однимъ словомъ, сію часть воспитанія Великаго Князя почитаю одною изъ самыхъ важныхъ: симъ способомъ онъ можетъ

или быть навсегда испорченъ, т.-е. обращенъ въ мелочнаго солдата, или быть образованъ для истиннаго героизма, для чести своего вѣка, для твердаго блага Россіи".

Личный составъ воспитателей Наслѣдника былъ уже опредѣленъ Императоромъ Николаемъ. Мердеръ оставался надзирателемъ за особою Великаго Князя, съ именемъ воспитателя; Жуковскій назначался надзирателемъ за его ученіемъ, въ званіи наставника. Въ „Планѣ ученія" Василій Андреевичъ, умалчивая о кругѣ дѣятельности своего военнаго сотоварища, распространяется о собственныхъ обязанностяхъ. Себѣ предоставляетъ онъ надзоръ за ходомъ ученія и выборъ учителей. Въ первомъ періодѣ онъ бралъ на себя преподаваніе всѣхъ элементарныхъ наукъ, за исключеніемъ иностранныхъ языковъ и искусствъ, наблюдая за прочими учителями. Во второмъ періодѣ вызывался присутствовать при главныхъ урокахъ и служить репетиторомъ Великому Князю, оставляя за собою преподаваніе русскаго языка и упражненіе въ русскомъ слогѣ. Въ третьемъ и послѣднемъ періодѣ онъ долженъ былъ помогать Наслѣднику составлять обозрѣніе всего пройденнаго и „подводить итоги подъ суммы, собранныя во всѣ годы его ученія". Требуя, чтобы въ первомъ періодѣ учители сообразовались съ его планомъ, Жуковскій хотѣлъ, чтобы во второмъ періодѣ, каждый учитель былъ профессоромъ своего дѣла и дѣйствовалъ свободно, по собственной системѣ; его же обязанности ограничивались бы составленіемъ цѣлаго изъ ихъ разнообразныхъ уроковъ, согласованіемъ ихъ съ общимъ „Планомъ ученія".

Ничто не ускользаетъ отъ вниманія бдительнаго наставника. Онъ тщательно перечисляетъ всѣ нужныя учебныя пособія: книги, карты, эстампы; распространяется о расположеніи учебной комнаты, особой горницы для игръ и гимнастическихъ упражненій, мастерской для ручныхъ работъ. Настаивая на необходимости придерживаться установленнаго порядка, безусловно подчинить и особу Наслѣдника и все его окружающее лицамъ, которымъ ввѣрено его воспитаніе, онъ выражаетъ надежду, что самъ Государь, утвердивъ воспитательную программу, „благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ ея исполнителемъ". Жуковскій возстаетъ противъ частыхъ переѣздовъ изъ мѣста въ мѣсто и требуетъ, чтобы Наслѣднику назначено было постоянное мѣстопребываніе, зимою въ Петербургѣ, лѣтомъ—въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ; чтобы прогулки его соединялись съ наставительною цѣлью, будучи посвящаемы осмотру общественныхъ заведеній, зданій, музеевъ, мануфактуръ и проч.; чтобы производились экзамены ежемѣсячные и полугодовые, первые въ присутствіи Императрицы, вторые—самого Государя. Подробно излагаетъ онъ свой взглядъ на награды и наказанія: одобреніе Императора—величайшая награда, неодобреніе—самое тяжкое наказаніе Великому Князю, для котораго мысль объ отцѣ должна быть „его тайною совѣстью". Поэтому, онъ убѣждаетъ Государя не хвалить сына за прилежаніе, награждая его ласковымъ съ нимъ обращеніемъ, а удовольствіе свое изъявляя лишь въ немногихъ выдающихся случаяхъ; также точно—не выражать неодобренія за мелкіе проступки, ибо испытать гнѣвъ отца должно быть для Наслѣдника случаемъ „единственнымъ въ жизни". Жуковскій желалъ, чтобы самые подарки, дѣлаемые Великому Князю, согласовались съ „Планомъ ученія", ибо „имѣя много безполезнаго, становишься равнодушнымъ къ полезному".

Обширный свой докладъ Василій Андреевичъ заключилъ прямымъ обращеніемъ къ Императору Николаю съ просьбою, въ томъ случаѣ, если онъ утвердитъ его, дать наставнику принадлежащее ему имя, дабы онъ имѣлъ и „право и полную свободу дѣйствовать". Со своей стороны, Жуковскій счелъ долгомъ представить на судъ Государя собственныя воззрѣнія на свои обязанности и на тотъ духъ, въ которомъ онъ намѣревался ихъ исполнить:

„Не отвѣчая за свои способности, отвѣчаю за любовь мою къ моему дѣлу. Я могу дѣйствовать на нравственность Великаго Князя однимъ только образованіемъ его мыслей. Его характеръ въ рукахъ воспитателя. И воспитатель, и наставникъ идутъ къ одной цѣли, но каждый имѣетъ свой особенный кругъ дѣйствія и долженъ знать свои границы. Мой кругъ дѣйствія есть руководствовать Великаго Князя въ пріобрѣтеніи нужныхъ ему познаній, дабы послѣ, вмѣстѣ съ нимъ, изъ всей ихъ суммы извлечь необходимыя для него правила жизни. Во-первыхъ, скажу: его высо-

честву нужно быть не *ученымъ*, а *просвѣщеннымъ*. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага, и во благѣ общемъ—для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью. Человѣкъ знающій, но не нравственный будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что́ дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно".

Главною наукою Наслѣдника Престола, „сокровищницей царскаго просвѣщенія", называетъ Жуковскій—*исторію*, наставляющую опытами прошедшаго, ими объясняющую настоящее, предсказывающую будущее, знакомящую государя съ нуждами его страны и его вѣка. Освѣщенная религіей, исторія воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству; она дастъ ему высокое понятіе о его силѣ; изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности Царской:

„Вѣрь, что власть Царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему какъ вѣрили Маркъ-Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе; оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти, но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе—оно часто бываетъ просвѣтителемъ Монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо—строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго Государя. Люби свободу, то-есть, правосудіе. ибо въ немъ и милосердіе Царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и тоже; любовь Царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ; истинное могущество Государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе Царя отдаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви Царя къ народу нѣтъ любви народа къ Царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ преорѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей".

Пока Жуковскій приготовлялъ себя въ Дрезденѣ къ исполненію обязанностей наставника Наслѣдника, выработанный имъ „Планъ ученія" уже примѣнялся къ дѣлу. Тотчасъ по возвращеніи Двора изъ Москвы въ Царское Село, осенью 1826 года, начались занятія Наслѣдника по предметамъ первоначальнаго образованія. Преподавателями были: французскаго языка—Жилль; нѣмецкаго—секретарь Императрицы Александры Ѳеодоровны Шамбо; англійскаго — Альфри; ариѳметики—академикъ Коллинсъ. Тогда же помощникомъ воспитателя Мердера назначенъ товарищъ его по 1-му кадетскому корпусу, артиллеріи капитанъ Юрьевичъ, на котораго возложено, сверхъ того, обученіе Великаго Князя польскому языку, репетированіе ариѳметики и устройство гимнастическихъ игръ, какъ во внутреннихъ покояхъ Зимняго дворца, такъ и въ садахъ дворцовъ загородныхъ. Законоучителемъ, по личному

избранію Императора Николая, опредѣленъ протоіерей Андреевскаго собора, докторъ богословія Г. П. Павскій.

Исполняя повелѣніе Государя, 22-го октября, Мердеръ поручилъ Павскому написать „Мысли о законоученіи", давъ ему для соображенія общій „Планъ ученія", составленный Жуковскимъ. Чрезъ недѣлю, Павскій представилъ свою записку о религіозномъ воспитаніи Наслѣдника. Выразивъ въ сжатомъ очеркѣ сущность вѣры Христовой и истекающихъ изъ нея правилъ нравственности по ученію православной церкви, онъ признается, что по этимъ понятіямъ у него самого образовалась въ умѣ система религіозной жизни. „Не ученіе внѣшнее и наслышка"—такъ заключаетъ онъ „Мысли о законоученіи"—„а внутреннее обдумываніе и повѣрка съ опытомъ и съ наблюденіемъ опытнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ мужей научили меня сему образу мыслей. Конечно, сей образъ мыслей не есть всеобщій, но по моему чувству, единый и истинный. И если я долженъ буду преподавать свои мысли о религіи, то по совѣсти могу передать не иныя, какъ изложенныя выше. Благоразуміе можетъ позволить иногда иное не договорить, иное вовсе умолчать, но сказать противное тому, въ чемъ я увѣренъ, воспрещаетъ совѣсть. Та же совѣсть заставила меня изложить напередъ мои мысли, дабы руководствующіе высокаго воспитанника, избирая меня въ руководители въ религіи, знали, чего ожидать отъ меня. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, поступать надобно открыто и по совѣсти не наемнической. Къ откровенности сей много расположилъ меня прекрасный, точно изъ духа времени происходящій „Планъ ученія", по которому предположено образовать высокого воспитанника. И тамъ мысли о воспитаніи изложены свободно, благородно и умно. О! если бы по симъ высокимъ, благороднымъ и свѣтлымъ идеямъ образовались мысли и характеръ надежды россійскаго государства!" Прямодушное слово почтеннаго протоіерея утвердило Императора Николая въ намѣреніи ввѣрить ему руководство духовнымъ образованіемъ сына. 30-го ноября о. Павскій назначенъ законоучителемъ Великаго Князя.

Жуковскій былъ въ восторгѣ отъ назначенія Павскаго и въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ такъ отзывался о его запискѣ: „Въ ней сіяетъ свѣтъ прекрасной души. Мнѣ кажется, что мы въ правѣ поздравить себя съ нашимъ выборомъ. Этотъ человѣкъ, повидимому, весьма способенъ имѣть прекрасное вліяніе на вашего ребенка. Найди мы только богослова, свѣдущаго по части догматовъ, и законъ Божій ничего бы не выигралъ. Для вашего ребенка, для его будущей судьбы, требуется религія сердца. Ему необходимо имѣть высокое понятіе о Промыслѣ, чтобы оно могло руководить всею его жизнью, религію просвѣщенную, благодушную, проникнутую уваженіемъ къ человѣчеству, религію, которая могла бы предохранить душу отъ стѣсняющихъ ее предразсудковъ, словомъ, религію, которая возстановила бы въ ихъ истинномъ значеніи тѣ слова, что̀ такъ часто повторялись въ послѣднее время и которыя, будучи правильно поняты, заключаютъ въ себѣ высокую истину: власть царей исходитъ отъ Бога. Да, эти слова — высокая истина, когда подъ ними разумѣютъ *отвѣтственность предъ верховнымъ судилищемъ*, но они не болѣе, какъ пагубное правило для сердца Монарха, если означаютъ: „мнѣ все позволено, потому что я зависимъ только отъ Бога". Итакъ, это понятіе о верховномъ судилищѣ, объ отвѣтственности передъ Всемогущимъ Судьею, неразлучное съ уваженіемъ къ мнѣнію человѣческому, которое въ общемъ своемъ значеніи есть не иное что, какъ то же божественное судилище, — это понятіе должно всецѣло овладѣть душою будущаго Государя. Только оно можетъ возвысить его призваніе; только оно можетъ вполнѣ уяснить ему, что пользоваться всемогуществомъ еще не значитъ царствовать; только оно можетъ внушить ему недовѣріе къ собственной волѣ, подчинить его долгу, внушить ему довѣріе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію и научить его царствовать для блага народа, а не ради своего могущества, которое, отторгнутое отъ общаго блага, губитъ оное и само гибнетъ, а опираясь на него, утверждаетъ его и дѣлается непоколебимымъ. Мнѣ кажется, что Павскій обладаетъ всѣмъ, что нужно для внушенія подобнаго взгляда нашему дорогому воспитаннику. Чтеніе его записки исполнило меня уваженіемъ къ нему и подружило его со мною. Его познанія весьма полезны для меня. Мы протянемъ другъ другу руку, чтобы дѣйствовать

сообща, всякій по своей части, на чистое сердце вашего сына. Какое счастіе понимать другъ друга и взаимно помогать одинъ другому при исполненіи такой задачи!" Въ письмѣ къ Павскому Василій Андреевичъ сравниваетъ впечатлѣніе отъ чтенія его записки со встрѣчею съ человѣкомъ по сердцу, съ такимъ человѣкомъ, котораго желаешь себѣ въ товарищи жизни для того, чтобы жизнь была лучше, а религію его называетъ „другомъ просвѣщенія", такою именно, какая должна жить въ душѣ Государя.

Не меньше единодушія существовало между наставникомъ Жуковскимъ и воспитателемъ Мердеромъ, который, во время пребыванія перваго въ чужихъ краяхъ въ 1826 и 1827 годахъ, дѣятельно переписывался съ нимъ. Василій Андреевичъ высоко цѣнилъ душевныя качества и педагогическія способности своего военнаго сотоварища, его ровный и спокойный нравъ, любовь къ царственному питомцу, умѣнье съ нимъ обращаться, вліять на него, внушать ему довѣріе и привязанность къ себѣ. Но всѣ эти достоинства не возмѣщали въ глазахъ Жуковскаго одного существеннаго пробѣла: недостатка въ высшемъ образованіи. Онъ признавалъ въ Мердерѣ хорошаго военнаго—и не болѣе, и если находилъ его вполнѣ пригоднымъ для должности воспитателя Наслѣдника, то только въ дѣтскіе годы, предвидя, что настанетъ пора, когда онъ не окажется на высотѣ своего призванія, и не будетъ въ состояніи стать просвѣщеннымъ руководителемъ будущаго Государя Россіи. Впрочемъ, къ самому себѣ Жуковскій относился съ тою же строгостью, признавая и себя, наравнѣ съ Мердеромъ, неспособнымъ направлять первые шаги ученика своего на царственномъ пути, по недостаточности собственнаго знанія и знакомства со свѣтомъ, не съ тѣмъ свѣтомъ,—пояснялъ онъ,—который называется обществомъ, гдѣ бушуютъ мелкія страсти, возбуждаемыя мелкими интересами, а со вселенною, составляющею великое общество государей и народовъ, въ которомъ рѣчь идетъ объ интересахъ первостепенной важности, о счастьи и славѣ народовъ, всего человѣчества. Сомнѣнія свои по этому вопросу онъ откровенно высказалъ въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „Дѣло не въ насъ съ Мердеромъ, Государыня, дѣло идетъ о Россіи, о ея будущемъ, о судьбѣ и славѣ вашего сына. Необходимо дать ему въ руководители человѣка, который по своему нравственному и общественному характеру подходилъ бы къ идеалу, мною начертанному. Мы съ Мердеромъ пригодны только для мелочей. Вы можете положиться на нашу преданность, но намъ нужна личность, которая могла бы въ общихъ чертахъ наблюдать за нами, направлять наши труды къ главной цѣли, словомъ, придать имъ тотъ окончательный отпечатокъ, который мы не въ силахъ имъ сообщить, по совершенной нашей къ тому неспособности".

Напомнивъ, что такой выборъ нуженъ не только для Наслѣдника, но и для Россіи, которая должна питать къ своему будущему Государю довѣріе, основанное на довѣріи къ его воспитанію, въ лицѣ главнаго представителя онаго; что въ старой монархической Франціи на должность воспитателей дофиновъ всегда назначались высшіе государственные сановники, и что Великая Екатерина также ввѣрила воспитаніе своего сына способнѣйшему изъ своихъ сподвижниковъ, графу Н. И. Панину; что въ этомъ случаѣ недостаточнымъ, однако, оказывается одно лишь громкое имя, какъ то явствуетъ изъ неудовлетворительности бывшихъ воспитателей Императоровъ Александра I и Николая I, графовъ Салтыкова и Ламсдорфа,—Жуковскій приходитъ къ заключенію, что лучше никого не назначать, чѣмъ сдѣлать выборъ единственно изъ приличія, такъ сказать для одного внѣшняго вида. „Это значило бы", доказываетъ онъ, „только испортить то немногое, что мы уже имѣемъ. Неудачно избранная личность могла бы только стѣснить насъ въ нашихъ намѣреніяхъ и въ нашемъ образѣ дѣйствій. Съ какою цѣлью пришлось бы подчиняться человѣку, который внесъ бы въ свое великое призваніе лишь тщеславіе своего титула, соединенное, быть можетъ, съ личными видами честолюбія или собственныхъ интересовъ, или который оказался бы просто невѣждою, обремененнымъ пустымъ титуломъ. Подобная личность погубила бы все. Можно трудиться съ увлеченіемъ и съ надеждою на успѣхъ лишь подъ руководствомъ того, кто уразумѣлъ бы всю прелесть своего долга, кто полюбилъ бы его

во имя его самого, и кто отвергъ бы при этомъ всѣ низкія стремленія эгоизма. Подчинить свою дѣятельность вліянію такого человѣка было бы истиннымъ счастьемъ. Тогда, можно бы трудиться съ бодрымъ духомъ, сознавать съ восторгомъ, что находишься на своемъ мѣстѣ, не заботиться о будущемъ. Оставалось бы лишь испрашивать благословенія Всевышняго, отъ котораго единственно зависитъ успѣхъ".

Въ томъ же письмѣ, Василій Андреевичъ указываетъ августѣйшимъ родителямъ на лицо, дѣйствительно отвѣчавшее его идеалу: на графа Каподистрію. „Государыня", взываетъ онъ къ Императрицѣ, „благоволите окинуть взоромъ все поприще уже имъ пройденное: онъ былъ безупреченъ какъ общественный дѣятель; такимъ же остался онъ и въ частной жизни. Онъ былъ другомъ своего Государя, который, разлученный съ нимъ силою обстоятельствъ, продолжалъ любить его до могилы. Онъ обладаетъ обширною ученостью, замѣчательно разнообразною. Онъ опытенъ въ людяхъ, изученныхъ имъ во всѣхъ видахъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ хорошо знаетъ свой вѣкъ и всѣ дѣйствительныя потребности своего времени. Ему знакомы всѣ партіи, которыя существуютъ нынѣ и соперничаютъ другъ съ другомъ, хотя онъ и не придерживается ни одной изъ нихъ исключительно. По своимъ правиламъ, онъ одинаково далекъ отъ того ложнаго либерализма, который стремится возстановить народы противъ своихъ правительствъ, какъ и отъ тираническаго ослѣпленія, возбуждающаго правительства противъ народовъ. Наружность его привлекательна и внушаетъ довѣріе. Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, ему нѣтъ еще пятидесяти годовъ, но душа его еще свѣжѣе его возраста. Съ этою душевною свѣжестью онъ умѣетъ соединять холодный разсудокъ, чрезвычайно логичный, и обладаетъ даромъ выражать свои мысли ясно и правильно, что придаетъ особенную прелесть всему, что́ онъ говоритъ. Онъ нашего вѣроисповѣданія—а это предметъ весьма существенный. Въ немъ настолько энтузіазма, насколько нужно, чтобы быть разумнымъ, не будучи холоднымъ, и пламенно стремиться къ своей цѣли, не увлекаясь никакою обманчивою страстью, способною переступить за установленные предѣлы... Теперь онъ удаленъ отъ дѣлъ; но онъ пользуется уваженіемъ Россіи и цѣлой Европы. Поручая вашего сына такому человѣку, вы встрѣтите всеобщее одобреніе. Онъ наблюдалъ бы за воспитаніемъ въ общихъ чертахъ, руководилъ бы всѣмъ и сумѣлъ бы довести это дѣло до его главной цѣли. А мы оставались бы тутъ же, для вседневныхъ занятій и для всего того, что требовало бы простого выполненія. Мердеръ состоялъ бы при особѣ Великаго Князя, гдѣ онъ незамѣнимъ, а я продолжалъ бы наблюдать за учебною частью. Но Боже мой! какъ проченъ оказался бы успѣхъ нашихъ трудовъ подъ вліяніемъ и направленіемъ человѣка, которому такъ хорошо извѣстно все то, что нужно для образованія Государя! Какъ оживлялась бы наша дѣятельность при свѣтѣ его ума и энергіи его души! Какъ всякій страхъ, столь естественно истекающій изъ сознанія нашего безсилія, исчезъ бы при мысли, что мы имѣемъ мудраго руководителя, съ которымъ легко придти къ соглашенію, который желаетъ добра, стремится единственно къ добру, и съ прямотою высокой души соединяетъ въ себѣ силу познаній и опытности!"

Предположенію Жуковскаго не суждено было осуществиться. Въ то время, когда онъ писалъ свое письмо къ Императрицѣ, созванное въ Тризенѣ третье народное собраніе избрало графа Каподистрію правителемъ Греціи, только-что свергнувшей съ себя турецкія оковы, и великій государственный мужъ не поколебался посвятить остатокъ жизни возрожденію пламенно любимаго отечества. Главнымъ воспитателемъ къ Наслѣднику назначенъ генералъ-лейтенантъ П. П. Ушаковъ.

Проведя въ Дрезденѣ зиму и весну, лѣтомъ 1827 года Жуковскій снова отправился для пользованія водами въ Эмсъ, ѣздилъ въ Лейпцигъ и Парижъ для закупки книгъ и учебныхъ пособій, побывалъ въ Швейцаріи, для нагляднаго ознакомленія съ педагогическими пріемами Песталоцци и къ осени, чрезъ Берлинъ, возвратился въ Петербургъ. Во все это время онъ не переставалъ переписываться съ Мердеромъ и Жилленъ, получая отъ нихъ свѣдѣнія о ходѣ занятій Наслѣдника, передавая имъ свои указанія и совѣты. Императоръ Николай утвердилъ его „Планъ ученія" съ весьма незначительными измѣненіями. Такъ, изъ предметовъ препода-

ванія исключенъ лишь латинскій языкъ, хотя Василій Андреевичъ и считалъ его „однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для умственнаго развитія“ и римскихъ классиковъ признавалъ „источникомъ истиннаго просвѣщенія“, а вмѣсто предположеннаго Жуковскимъ учрежденія потѣшнаго полка, Государь, Высочайшимъ приказомъ отъ 25-го іюня 1827 года, зачислилъ старшаго сына въ списки кадетъ 1-го кадетскаго корпуса; но практическое обученіе Александра Николаевича военной службѣ въ рядахъ этого корпуса въ лагерное время отложено было на два года. Классныя занятія, по программѣ и подъ личнымъ руководствомъ Жуковскаго, начались съ первыхъ дней 1828 года, послѣ успѣшно выдержаннаго Наслѣдникомъ испытанія, за которое онъ 7-го января того-же года произведенъ въ подпоручики.

Нѣсколько ранѣе, именно 20-го октября 1827 года, Александръ Николаевичъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и шефомъ донского атаманскаго полка. Въ рескриптѣ къ наказному атаману войска Донского, генералу Кутейникову, Императоръ Николай повелѣлъ ему объявить донцамъ, что милость эта оказана имъ въ награду за ихъ постоянную вѣрность Престолу и заслуги предъ отечествомъ, въ особенности же за мужество и храбрость, проявленныя въ послѣдней войнѣ съ персіянами. Вѣсть о назначеніи атаманомъ Наслѣдника Престола съ быстротою молніи облетѣла всѣ казачьи круги, вызывая всюду неописанный восторгъ, выразившійся въ цѣломъ рядѣ адресовъ и привѣтствій. Въ отвѣтѣ на одно изъ нихъ, принесенное Уральскимъ войскомъ, — первомъ рескриптѣ, подписанномъ именемъ Александра Николаевича и обращенномъ къ наказному атаману этого войска, генералу Бородину,—высказана мысль, что въ дѣтскомъ возрастѣ Великій Князь не имѣлъ никакого права на отличіе, пожалованное ему августѣйшимъ родителемъ единственно въ ознаменованіе особаго благоволенія его величества ко всему казачьему сословію, но что онъ постарается оказать себя достойнымъ высокаго званія атамана, когда настанетъ тому время, въ надеждѣ, что храбрые казаки помогутъ ему заслужить одобреніе Государя и Россіи.

III.

Отрочество.

1828—1834.

Съ возвращеніемъ Жуковскаго въ Россію осенью 1827 года начинается новый періодъ въ воспитаніи Александра Николаевича. По волѣ Государя, вмѣстѣ съ нимъ должны были проходить полный курсъ наукъ два его сверстника: графъ Іосифъ Віельгорскій и Александръ Паткуль, водворенные въ Зимнемъ дворцѣ. Согласно плану наставника, учебное и неучебное время было тщательно распредѣлено по часамъ. Дѣти вставали въ 6 часовъ утра, совершали утреннюю молитву, завтракали и приготовлялись къ занятіямъ. Классы начинались въ 7 часовъ и кончались въ полдень, съ промежуткомъ отъ 9 до 10 часовъ для отдыха. Послѣ двухчасовой прогулки, въ два часа садились за обѣдъ, затѣмъ до пяти часовъ гуляли, играли или отдыхали. Отъ 5 до 7 часовъ снова происходили занятія въ классахъ, отъ 7 до 8—гимнастика и разныя игры. Въ 8 часовъ подавался ужинъ. Вечеръ посвящался обозрѣнію истекшаго дня и писанію дневника. Въ 10 часовъ ложились спать. Въ воскресные и праздничные дни часы ученія посвящались частью назидательному чтенію, частью ручной работѣ и гимнастическимъ упражненіямъ.

Жуковскій самъ преподавалъ русскій языкъ, общую грамматику, начальныя понятія физики и химіи. Главнымъ правиломъ его преподаванія было: лучше мало, но хорошо, чѣмъ много и худо, такъ какъ,— пояснялъ онъ,—„мы не гоняемся за блестящимъ успѣхомъ, а должны сообщить ученику ясныя понятія въ послѣдовательной связи и пріохотить его къ занятіямъ“. Онъ придавалъ большое значеніе ознакомленію Наслѣдника съ естественными науками, какъ послѣдовательною ступенью для правильнаго пониманія исторіи. „Ребенокъ“, читаемъ въ письмѣ его къ Жиллю, „всегда лучше пойметъ то, что говоритъ его глазамъ, нежели то, что дѣйствуетъ лишь на его разумъ. Разсуждая о произведенномъ опытѣ, представляешь нѣчто реальное, осязаемое, и пріучаешь къ размышленію, заинтересовавъ вниманіе, возбудивъ любопытство. Самая исторія не

можетъ быть столь же привлекательна для ребенка, какъ физика и естественная исторія. Душа его недостаточно развита, чтобы заинтересоваться судьбами людей и народовъ, которыхъ онъ видитъ лишь въ воображеніи, тогда какъ явленія физическія и химическія у него передъ глазами, произведенія природы—налицо и онъ легко можетъ найти случай примѣнить то, чему его учатъ, къ тому, что его окружаетъ". Составъ учителей остался прежній и только въ преподаваніи нѣмецкаго языка секретаря царствующей Императрицы Шамбо замѣнилъ Эртель.

Весною 1828 года, Александру Николаевичу предстояла продолжительная разлука съ родителями. Императоръ Николай Павловичъ отъѣзжалъ къ арміи, выступившей въ походъ противъ турокъ, а Императрица Александра Ѳеодоровна, чтобы не слишкомъ отдаляться отъ августѣйшаго супруга, пожелала провести лѣто въ Одессѣ, взявъ съ собою и старшую дочь. Прочихъ дѣтей, Наслѣдника, двухъ младшихъ великихъ княженъ и шестимѣсячнаго великаго князя Константина Николаевича, царственная чета оставила снова на попеченіи бабушки, вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. 26-го апрѣля, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, уѣхалъ Государь, а Государыня, проведя одинъ день въ Царскомъ Селѣ съ дѣтьми своими, послѣдовала за нимъ 27-го. Разлука съ матерью произвела глубокое впечатлѣніе на чувствительную душу сына. Долго провожалъ онъ ее взоромъ и не прежде оставилъ балконъ, какъ потерявъ изъ вида экипажъ Императрицы. Первымъ движеніемъ его было пойти въ церковь, гдѣ онъ продолжительно и усердно молился. Мысль о родителяхъ не покидала его во весь день. Во время прогулки, увидавъ полевой цвѣтокъ, онъ побѣжалъ сорвать его, сказавъ: „я его пошлю къ мама". Съ тою же цѣлью сорвалъ онъ геліотропъ въ кабинетѣ Государыни. Проходя по комнатамъ Царскосельскаго дворца, который онъ долженъ былъ оставить, чтобы поселиться въ Павловскѣ, онъ съ грустью повторялъ: „Вотъ тутъ папа и мама обѣдали, здѣсь сидѣлъ папа, а тутъ мама. Гдѣ-то они теперь?". Первая свободная минута была употреблена на писаніе писемъ къ матери и сестрѣ, переданныхъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ просьбою отослать ихъ по принадлежности, вмѣстѣ съ сорванными цвѣтами. Игры съ товарищами не занимали Великаго Князя; онъ не въ силахъ былъ подавить свою печаль и вечеромъ началъ дневникъ свой такими словами: „27-го апрѣля—день для меня памятный; милая моя мама и Мери уѣхали въ Одессу. Я много плакалъ".

Въ Павловскѣ, подъ наблюденіемъ вдовствующей Императрицы, занятія Наслѣдника и его соучениковъ шли обычнымъ чередомъ, прерываемыя частыми прогулками по парку и окрестностямъ. Дѣти любили играть на воздухѣ; въ походной формѣ и аммуниціи, то защищали, то брали приступомъ воздвигнутую нѣкогда Императоромъ Павломъ миніатюрную крѣпость. Однажды имъ пришло въ голову начертить на картѣ Дунай съ окружающими крѣпостями и подъ руководствомъ Юрьевича, Наслѣдникъ съ жаромъ принялся за эту работу. Вообще, и онъ, и вся царская семья, съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали вѣстей съ театра войны. Такъ, живѣйшую радость возбудило въ нихъ извѣстіе о сдачѣ Браилова Великому Князю Михаилу Павловичу. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Жуковскій въ яркихъ краскахъ изобразилъ тотъ шумный восторгъ, что̀ вызвала среди юныхъ обитателей Павловска вѣсть о паденіи Анапы, дошедшая до нихъ 25-го іюня: „Нынѣшній день весьма кстати, какъ достойный подарокъ Россіи въ день рожденія ея Императора, получили мы извѣстіе о взятіи Анапы. Оно было сообщено намъ самымъ пріятнымъ образомъ. Всѣ были собраны въ Греческой залѣ послѣ обѣда. Государыня Императрица (Марія Ѳеодоровна) изволила откланяться и выйти изъ залы вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, который обѣдалъ со всѣми. Чрезъ минуту опять вбѣгаетъ Великій Князь и кричитъ: „Анапу взяли"! Въ эту же минуту внесли и Константина Николаевича, котораго старшій братъ началъ цѣловать, поздравляя и его съ побѣдою".

Въ первыхъ числахъ іюля начались установленные въ „Планѣ ученія" полугодовые экзамены и продолжались четыре дня. Испытанія производили въ присутствіи вдовствующей Императрицы: изъ русскаго языка, общей грамматики и физики—Жуковскій; изъ французскаго языка и географіи—Жилль; изъ Закона Божія—протоіерей Павскій; изъ ариѳметики и геоме-

тріи—Коллинсъ; изъ языковъ нѣмецкаго, англійскаго и польскаго—Эртель, Альфри и Юрьевичъ. По свидѣтельству воспитателя Мердера, Александръ Николаевичъ удивлялъ экзаменаторовъ живостью и ясностью своихъ отвѣтовъ и убѣждалъ ихъ во мнѣніи, что онъ одаренъ необыкновенными способностями, ибо подстрекаемый желаніемъ отличиться предъ глазами любимой бабушки, онъ не терялъ ни на минуту бодрости и напротивъ, при отвѣтахъ, все болѣе и болѣе оживлялся. Отдавая Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отчетъ, Жуковскій вполнѣ подтвердилъ отзывъ Мердера. „Я увѣренъ", писалъ онъ „что вашему величеству было бы пріятно присутствовать на этомъ экзаменѣ. Государыня Императрица была имъ довольна. Не могу не отдать справедливости Великому Князю: онъ во все время былъ чрезвычайно внимателенъ; доказалъ, что можетъ владѣть собою; выражался съ живостью, ясностью, словомъ, хотѣлъ сдѣлать что̀ должно—и сдѣлалъ. Я поблагодарилъ его отъ всего сердца. Но въ то же время я долженъ былъ сказать ему, что четыре дня, въ которые прекрасно была исполнена должность, весьма мало значатъ въ цѣломъ счетѣ его жизни; что онъ не долженъ слишкомъ много ими радоваться, если тѣ дни, которые имъ предшествовали, имъ не отвѣчаютъ. Государыня Императрица изъ прекрасныхъ четырехъ дней могла заключить, что всѣ прежніе дни были на нихъ похожіе: но это было бы заблужденіемъ... Не смотря на это, всемилостивѣйшая Государыня, я радуюсь нашимъ экзаменомъ. Онъ короче познакомилъ меня съ Великимъ Княземъ. Я теперь гораздо больше на него надѣюсь; вижу, что онъ имѣетъ умъ здравый; что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу, что онъ имѣетъ много живости; вижу, что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ довести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу, наконецъ, что онъ способенъ владѣть собою, посему и имѣю право надѣяться, что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова *должность*, будетъ умѣть владѣть собою... Въ этомъ отношеніи, не могу не сказать, что Великій Князь заслужилъ за экзамены полное одобреніе ваше и Государя Императора. До сихъ поръ онъ только зналъ, что всѣ мы, которые окружаемъ его, которымъ Государь и вы съ такою довѣренностью поручили его, любимъ его искренно; что его счастіе составляетъ существенную цѣль нашей жизни; онъ это видитъ на опытѣ, но теперь онъ почувствуетъ, что наша любовь для него недовольна, что ему должно стараться, наконецъ, заслужить и наше уваженіе; оно дается только за постоянство въ добрѣ... Кажется, можно теперь за него поручиться. Кажется, можно предсказать, что мы, въ будущій экзаменъ, похваливъ его за хорошіе отвѣты, будемъ въ состояніи прибавить къ этой похвалѣ и другую, гораздо важнѣе: похвалу за *постоянство* и *дѣятельность*. Желаю сердечно, чтобы и это пророчество исполнилось совершенно".

Какъ самъ Василій Андреевичъ признавался въ дальнѣйшихъ строкахъ того же письма, оно писано не для одной Императрицы, но и для самого Великаго Князя, которому наставникъ прочиталъ его и на котораго оно, повидимому, произвело благотворное впечатлѣніе. Этимъ средствомъ Жуковскій хотѣлъ воздѣйствовать на царственнаго питомца, чтобы искоренить въ немъ главный недостатокъ, о которомъ воспитатель Мердеръ отзывается такъ: „Великій Князь отъ природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всѣми способностями необыкновенно здраваго ума, борется теперь со склонностью, до сихъ поръ его одолѣвавшею, которая, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, приводила его въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія". Впрочемъ, Мердеръ тотчасъ же оговаривается, что не имѣетъ уже болѣе надобности постоянно понуждать Наслѣдника, который и самъ начинаетъ убѣждаться въ истинѣ, „что веселость и тихое удовольствіе сердца имѣютъ источникомъ точное исполненіе обязанностей". Счастливую эту перемѣну воспитатель приписывалъ благотворному вліянію на Александра Николаевича молодаго Віельгорскаго, примѣрнаго юноши, который съ благороднымъ поведеніемъ, всегдашнею бодростью и необыкновенною точностью въ исполненіи долга соединялъ милую дѣтскую веселость и искреннюю дружескую привязанность къ царственному сотоварищу. Паткуль, какъ по спо-

собностямъ, такъ и по прилежанію, далеко отсталъ отъ обоихъ, хотя и былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и хорошею памятью.

Послѣ экзаменовъ начались каникулы, продолжавшіеся шесть недѣль, въ теченіе которыхъ, согласно „Плану ученія", классныя занятія прекратились и весь день посвящался чтенію, играмъ и прогулкамъ. Читали попеременно: Павскій—Евангеліе съ толкованіемъ на него, Жуковскій—свои произведенія, Жилль—сказки изъ „Тысячи и одной ночи". Великій Князь слушалъ ихъ не безъ удовольствія, но, кажется, предпочиталъ игры на открытомъ воздухѣ. Продолжительныя прогулки совершались пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ, по окрестностямъ Павловска, а потомъ и Петергофа, куда Императрица Марія Ѳеодоровна переѣхала въ іюлѣ со ввѣренными ея попеченію Государевыми дѣтьми. Въ сопровожденіи Мердера и двухъ товарищей, Александръ Николаевичъ наѣзжалъ и въ Царское Село, гдѣ юноши любили кататься на лодкѣ по озеру, играть на Дѣтскомъ островѣ, пить чай на фермѣ; занимались они и уженьемъ рыбы, и стрѣльбой, и купаньемъ; Великій Князь стрѣлялъ хорошо и плавалъ превосходно, поражая воспитателя ловкостью и смѣлостью. Посѣщали кадетскій лагерь, гдѣ, послѣ развода, играли съ кадетами въ мячъ; ѣздили на крестьянскія пасѣки знакомиться съ пчеловодствомъ; предпринимали и болѣе отдаленныя прогулки въ Дудергофъ, въ Ораніенбаумъ, въ Кронштадтъ.

Заботою Жуковскаго въ это время было пріучить своего питомца правильно изъясняться и выразительно читать по русски. Упражненіемъ въ слогѣ, служила ему частая переписка съ родителями. Письма Великаго Князя никогда не исправлялись, ни въ слогѣ, ни въ правописаніи. Изъ нихъ наставникъ заключалъ, что онъ со временемъ будетъ имѣть слогъ. „Онъ выражается очень непринужденно и просто", сообщалъ Василій Андреевичъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, пускай прежде научится думать, разбогатѣетъ идеями и чувствами, тогда получитъ и слогъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь". О результатахъ примѣненія своей программы къ воспитанію Наслѣдника онъ же писалъ Государынѣ: „Судя по тому, какъ идетъ наше ученіе, я, кажется, могу сказать, что не ошибся въ своемъ планѣ и въ своей методѣ. Мы подвигаемся впередъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ. Мы знаемъ немного, но что знаемъ — наше. Это главное; тѣмъ болѣе выиграемъ времени и тѣмъ быстрѣе пойдемъ впередъ впослѣдствіи". Жуковскій былъ очень доволенъ всѣми учителями и свидѣтельствовалъ о „ихъ безкорыстномъ единодушіи". Между нимъ и воспитателемъ Великаго Князя существовало полное согласіе, какъ видно изъ слѣдующаго отзыва его: „Я совершенно счастливъ моимъ товариществомъ съ нашимъ почтеннымъ, рѣдкимъ Мердеромъ. Мы идемъ съ нимъ къ святой нашей цѣли рука въ руку; еще не было между нами ни минуты разномыслія. Будетъ-ли успѣхъ—это зависитъ отъ Провидѣнія. Но отъ насъ зависитъ дѣйствовать такъ, чтобы не могли упрекнуть себя въ произвольномъ препятствіи успѣху".

Вскорѣ по окончаніи вакацій, а именно 13-го сентября, вдовствующая Императрица съ дѣтьми переѣхала въ Зимній дворецъ. Тутъ постигли Александра Николаевича и большая радость, и большое горе. 1-го октября возвратилась изъ Одессы Императрица Александра Ѳеодоровна, и 14-го того же мѣсяца вернулся изъ арміи Государь, а 24-го скончалась Императрица Марія Ѳеодоровна. Императоръ Николай самъ подвелъ старшаго сына къ постели умирающей матери и со словами: „Voilà mon garçon, maman", испросилъ ему ея предсмертное благословеніе. Долго оплакивалъ Александръ Николаевичъ утрату столь же нѣжно любившей его, какъ и имъ любимой бабушки.

Съ первыхъ дней 1829 года начались приготовленія къ годичному экзамену, опредѣленному въ концѣ января. Наслѣдникъ и его сотоварищи весьма усердно занимались повтореніемъ пройденнаго, зная, что экзаменъ будетъ происходить въ присутствіи Императора и Императрицы. Испытанія продолжались съ 24-го января по 2-е февраля и были выдержаны Великимъ Княземъ съ блестящимъ успѣхомъ. „Все въ Александрѣ Николаевичѣ было прекрасно"—читаемъ въ дневникѣ его воспитателя—„его отвѣты, скромныя манеры, въ особенности выраженіе его очаровательной физіономіи, воодушевленной благороднымъ желаніемъ сдѣлать удовольствіе родителямъ. Послѣ послѣдняго экзамена изъ Закона Божія, Государь, выразивъ пол-

ное удовольствіе протоіерею Павскому, обратился къ Жуковскому съ слѣдующими словами: „Мнѣ пріятно сказать вамъ, что не ожидалъ найдти въ сынѣ моемъ такихъ успѣховъ. Покойная матушка писала мнѣ объ этомъ, но, зная ея любовь къ нему, я полагалъ, что она была къ нему слишкомъ снисходительна. Все у него идетъ ровно, все, что онъ знаетъ—знаетъ хорошо, благодаря вашей методѣ и ревности учителей. Примите мою искреннюю благодарность". „Экзаменъ доказалъ вашему величеству", отвѣтилъ Василій Андреевичъ, „что въ состояніи сдѣлать Великій Князь. Я вижу самъ, что экзаменъ былъ хорошъ, но по рапортамъ, которые ваше величество получать изволили, вы могли видѣть, что изъ числа двадцати шести недѣль, у Великаго Князя было отличныхъ всего двѣ, за ученіе и поведеніе, у Віельегорскаго — пять, у Паткуля—одна. Это доказываетъ, что эти господа, какъ въ ученіи, такъ и въ поведеніи, имѣютъ мало *настойчивости*, единственное качество, которое достойно уваженія и безъ котораго невозможно имъ дозволить пріобрѣсть прилежаніемъ и поведеніемъ права на обѣщанныя имъ суммы для бѣдныхъ. Мы будемъ, однако же, просить ваше императорское величество сдѣлать имъ какое-нибудь удовольствіе". — „Съ удовольствіемъ соглашаюсь", сказалъ Императоръ, „но надѣюсь, что въ остальные шесть мѣсяцевъ эти господа покажутъ болѣе постоянства и заслужатъ вышеупомянутое позволеніе".

Слова, какъ Государя, такъ и наставника относились къ задуманной Мердеромъ „кассѣ благотворенія", долженствовавшей составиться изъ взносовъ, соотвѣтствующихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведеніи всѣхъ трехъ совоспитанниковъ, соразмѣрно полученнымъ ими отличнымъ отмѣткамъ. Два раза въ годъ, послѣ каждаго экзамена, предполагалось считать, сколько кѣмъ собрано денегъ на какое-либо благотворительное дѣло. Проектъ этотъ вызванъ слѣдующимъ соображеніемъ воспитателя: Право дѣлать добро—величайшая награда. И прежде изъ суммъ Наслѣдника удѣлялась извѣстная часть на оказаніе помощи нуждающимся. Но такое добро дѣлалось именемъ его высочества безъ личнаго его участія и даже безъ вѣдома его, и потому Мердеръ полагалъ, что Великій Князь и его товарищи должны отличнымъ прилежаніемъ и поведеніемъ заслужить „право дѣлать добро". Государь вполнѣ одобрилъ мысль воспитателя и „касса благотворенія" дѣйствовала во все время воспитанія Наслѣдника.

По удаленіи ихъ величествъ изъ залы, гдѣ происходилъ экзаменъ, Жуковскій обратился къ тремъ ученикамъ своимъ съ прочувствованнымъ, назидательнымъ словомъ:

„Съ прошедшимъ годомъ, можно сказать, окончилось ваше ребячество; наступило для васъ такое время, въ которое вы можете начать готовиться быть людьми, то-есть, стараться заслужить уваженіе. Оно не есть одобреніе за одинъ или нѣсколько отдѣльныхъ хорошихъ поступковъ, но одобреніе за постоянно хорошую жизнь и въ то же время увѣренность, что эта хорошая жизнь постоянно таковою останется. Теперь мы начнемъ заниматься исторіею; она будетъ для насъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что уваженіе пріобрѣтается однѣми постоянными добродѣтелями. Вы, Великій Князь, по тому мѣсту, на которое назначилъ васъ Богъ, будете со временемъ замѣчены въ исторіи. Отъ этого ничто избавить васъ не можетъ. Она скажетъ о васъ свое мнѣніе предъ цѣлымъ свѣтомъ и на всѣ времена,—мнѣніе, которое будетъ жить въ ней и тогда, когда и васъ, и насъ не будетъ. Чтобы заслужить уваженіе въ исторіи, начните съ ребячества заботиться о томъ, чтобы заслужить его въ кругу вашихъ ближнихъ. Теперь, вашъ свѣтъ заключенъ для васъ въ учебной вашей горницѣ и въ жилищѣ вашего отца и Государя. Здѣсь всѣ васъ любятъ, все живетъ для васъ, вы для насъ прекрасная, чудная надежда. Знаю, что вы вѣрите нашей любви; но, будучи увѣрены въ ней, думайте о томъ, чтобы ея стоить. Знайте: какова будетъ ваша жизнь здѣсь, въ маленькомъ вашемъ свѣтѣ, передъ вашимъ семействомъ, передъ вашими друзьями, такова она будетъ и послѣ, передъ свѣтомъ и цѣлою Россіею; что будемъ думать о васъ мы, то, со временемъ, будетъ думать о васъ отечество. Мы начали любовью къ вамъ, но по этой же любви къ вамъ обязаны судить васъ строго. Отечество прежде начнетъ судить васъ строго и потомъ уже станетъ любить васъ, если вы это заслужите. Чтобы строгій судъ отечества могъ со временемъ обратиться въ любовь, думайте о томъ, чтобы наша любовь обратилась въ уваженіе, а на это—

*

одно средство: владѣйте собою, любите трудъ, будьте дѣятельны, тогда будете имѣть все, ибо за ваше сердце мы всѣ отвѣчаемъ смѣло... Скажу однимъ словомъ—Великому Князю: владѣй собою! будь дѣятеленъ! Віельгорскому: будь постояненъ и откровененъ! Паткулю: не будь легкомысленъ! А всѣмъ тремъ: будьте покорны вашимъ наставникамъ, которые теперь представляютъ для васъ и законъ вашъ, и ваши обязанности. Сія покорность есть не иное что, какъ уваженіе правила. Привыкнувъ теперь повиноваться намъ по довѣренности къ любви нашей, вы и тогда, когда мы васъ покинемъ, останетесь съ привычкою повиноваться закону, а это главное въ жизни, какъ для собственнаго счастія, такъ и для пользы другихъ. Успѣшный экзаменъ, на которомъ всѣ вы отличились, доказываетъ только то, что вы способны исполнять свою должность, когда на это рѣшитесь, а не то, чтобы вы ее постоянно исполняли, ибо годовой разсчетъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ экзамену. Чтобы подобнаго не могло случиться съ вами въ теченіе настоящаго года, берегите въ сердцѣ одно: благодарность къ Государю, который, пожертвовавъ вашему экзамену двѣнадцатью часами своей царской жизни, сдѣлалъ болѣе, нежели сколько вамъ ожидать было позволено. Вы заслужили одобреніе его величества на экзаменѣ; мы надѣемся, что въ концѣ слѣдующаго года получите право и на его уваженіе своимъ постоянствомъ. А этого мы имѣемъ право отъ васъ ожидать: какими вы лично были произвольно въ теченіе шести дней экзамена, такими вы *можете* быть также произвольно и, слѣдственно, *должны* быть въ теченіе цѣлаго года".

Съ 1829 года учебная программа снова расширилась включеніемъ въ нее трехъ новыхъ предметовъ: естественной исторіи, химіи и всеобщей исторіи. Первую читалъ Наслѣднику академикъ Триніусъ, вторую Кеммереръ, третью, на французскомъ языкѣ, — Липманъ, преподаватель пользовавшагося въ то время заслуженною извѣстностью частнаго пансіона пастора Мураль-та. Особенный интересъ проявилъ Александръ Николаевичъ къ послѣдней наукѣ, воскликнувъ предъ началомъ перваго урока, обращаясь къ Мердеру: „Мы сегодня начнемъ исторію! Если бы вы знали, какъ я горю нетерпѣніемъ!" Преподаваніе исторіи отечественной Жуковскій оставилъ за собою. Для полноты, назовемъ учителей: чистописанія—Рейнгольдта, фехтованія—Сивербрика и танцованія—Огюста.

Въ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ уже ярко обозначались блестящія природныя дарованія и выдающіяся нравственныя качества Наслѣдника; сказывались и кое-какіе недостатки, озабочивавшіе его наставника и воспитателя. Они преимущественно проистекали изъ нервной натуры ребенка, который легко смѣялся, еще легче плакалъ, при малѣйшемъ огорченіи или неудачѣ, порою шалилъ во время уроковъ, ссорился съ товарищами, но главнымъ его недостаткомъ было отсутствіе выдержки и энергіи, время отъ времени овладѣвавшая имъ нѣкоторая вялость, апатія, побуждавшая его не разъ говорить воспитателю, „что онъ не желалъ бы родиться Великимъ Княземъ". Мердеръ замѣчаетъ по этому поводу, что чувство долга развито въ немъ весьма сильно, но что у него недостаетъ настойчивости, чтобы побѣдить лѣность ума. Впрочемъ, какъ Мердеръ, такъ и Жуковскій обожали царственнаго питомца, который внимательно выслушивалъ ихъ увѣщанія и наставленія и платилъ имъ за привязанность нѣжною ласкою и любовью. При такихъ условіяхъ наказанія были крайне рѣдки и, во всю зиму 1828—29 годовъ, пришлось только разъ лишить Великаго Князя права входа въ учебную комнату въ воскресный день. Строже относился къ нему Государь, однажды, за невниманіе въ классѣ, запретившій подойти къ себѣ вечеромъ при прощаніи. Наказаніе это сильно подѣйствовало на впечатлительнаго юношу.

Здоровье Великаго Князя было удовлетворительно и онъ нѣсколько разъ подвергался лишь легкимъ простудамъ. Въ теченіе всего великаго поста онъ съ удовольствіемъ постился, хотя, по замѣчанію Мердера, вообще „любилъ покушать". Къ таинствамъ исповѣди и причащенія онъ приступалъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, проникнутый важностью исполненія этого христіанскаго долга.

Классныя занятія чередовались съ физическими упражненіями: гимнастикой, фехтованіемъ, верховой ѣздой въ манежѣ, прогулками пѣшкомъ или въ саняхъ, катаньемъ съ ледяныхъ горъ въ саду Аничкова дворца. По вечерамъ происходили игры, раздѣлять которыя приглашались по

воскресеньямъ и праздникамъ, кромѣ двухъ совоспитанниковъ, сверстники Великаго Князя, молодые Адлерберги, Фредериксы, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Карамзины, сыновья Мердера. Играли въ бары, въ жмурки, въ „хромоногаго черта", придумывали шарады, изрѣдка устраивали представленія живыхъ картинъ, въ которыхъ участвовали и Великія Княжны съ ихъ подругами. Но любимою забавою Наслѣдника и его товарищей была военная игра, которою развлекались они едва-ли не каждый вечеръ и которой придавало особенную прелесть участіе въ ней Императора Николая. Обыкновенно Императрица бросала жребій: у кого изъ юношей быть „начальникомъ штаба" Государю, который въ этомъ качествѣ руководилъ игрой и приводилъ все молодое общество въ неописуемый восторгъ.

Наслѣдникъ начиналъ уже принимать участіе въ придворныхъ торжествахъ: въ новый годъ онъ былъ на высочайшемъ выходѣ, шествуя въ парѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, въ Свѣтлое Воскресенье—присутствовалъ при церемоніи принесенія поздравленій. По желанію Государя, Наслѣднику уже представлялись знатные иностранцы: французскій посолъ герцогъ Мортемаръ, перъ Франціи графъ Сенъ-При, а знаменитый Гумбольдтъ былъ приглашенъ къ его столу. Изъ русскихъ, Наслѣдникъ принималъ баснописца Крылова и пришедшаго въ Петербургъ пѣшкомъ изъ Сибири старца крестьянина. Военное его образованіе ограничивалось обученіемъ ружейнымъ пріемамъ въ залахъ Зимняго дворца, но въ Крещенскій парадъ Императоръ приказалъ ему стать въ ряды Павловскаго полка на мѣсто подпоручика; въ день своего рожденія онъ участвовалъ въ происходившемъ въ манежѣ разводѣ отъ того же полка, а на Майскомъ парадѣ командовалъ 4-ю ротою 3-го баталіона Преображенскаго полка. „Желалъ бы очень убѣдиться", писалъ по этому случаю Мердеръ въ своемъ дневникѣ, „что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будутъ имѣть для него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ ему придти мысль, что это дѣйствительно дѣло государственное и онъ можетъ тому повѣрить".

Весною Наслѣднику предстояло новое и еще неизвѣданное развлеченіе: онъ долженъ былъ сопровождать августѣйшихъ родителей сначала въ Варшаву, а потомъ въ Берлинъ, куда царственная чета отправлялась на свиданіе съ прусскимъ королемъ. Въ этомъ путешествіи слѣдовали за нимъ оба его сотоварища, а также Жуковскій, Мердеръ, Юрьевичъ и Жилль.

Александръ Николаевичъ настолько уже преуспѣлъ въ польскомъ языкѣ, что могъ свободно на немъ изъясняться. Жуковскій помышлялъ о томъ, чтобы познакомить его съ литературой и исторіей Польши и хотѣлъ воспользоваться пребываніемъ въ Варшавѣ, чтобы подыскать достойнаго преподавателя изъ поляковъ. Дѣлу этому онъ придавалъ большую важность, находя, что будущаго Царя польскаго нужно познакомить съ Польшей и заставить полюбить ее. „Надобно", писалъ Василій Андреевичъ, „чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобъ онъ зналъ, что она теперь, чего ей недостаетъ, что ей имѣть должно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ея будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза". Буря польскаго мятежа 1830—31 годовъ разсѣяла политическія мечтанія русскаго поэта.

24-го апрѣля Императрица выѣхала съ старшимъ сыномъ изъ Петербурга. Опередившій ихъ на сутки Государь съѣхался съ ними въ Динабургѣ. Прощаясь съ сестрами и братомъ, Александръ Николаевичъ былъ очень взволнованъ и разстроганъ, но въ пути развеселился, сталъ очень разговорчивъ и спалъ немного. Новыя впечатлѣнія возбудили его любопытство. Услыхавъ въ полѣ пѣніе жаворонковъ, онъ прыгалъ отъ радости; проѣзжая чрезъ деревни съ развалившимися строеніями и запущенными домами, замѣчалъ что владѣтели ихъ должны быть лѣнивы и небрежливы; удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ; особенное состраданіе его возбуждало жалкимъ своимъ видомъ и нищетой еврейское населеніе Западнаго края. Путь лежалъ на Псковъ, Островъ, Динабургъ, Вилькоміръ, Маріамполь, Ковно, Пултускъ и Ломжу. Въ Динабургѣ, по приказанію Государя, Наслѣдникъ тщательно осматривалъ крѣпость со всѣми ея принадлежностями. Съ польскими помѣщиками, у которыхъ оста-

навливались августѣйшіе путешественники для ночлега, онъ непринужденно и любезно разговаривалъ по польски, „немного", замѣчаетъ Мердеръ, „но что̀ скажетъ, всегда обдуманно и правильно". По польски же здоровался онъ съ солдатами польскихъ войскъ и привѣтствовалъ поляковъ, командировъ отдѣльныхъ частей.

Торжественный въѣздъ ихъ величествъ въ Варшаву состоялся 5-го мая; Великій Князь ѣхалъ верхомъ впереди своего польскаго конно-егерскаго полка. Первые дни, проведенные въ этомъ городѣ, были посвящены посѣщеніямъ Цесаревича Константина Павловича и его супруги княгини Ловичъ, своею красотой и граціей восхитившей царственнаго племянника, представленіямъ должностныхъ лицъ военныхъ и гражданскихъ, осмотру достопримѣчательностей, причемъ уроки ограничивались чтеніемъ изъ польской литературы. На парадѣ польскихъ войскъ, доведенныхъ Цесаревичемъ до высокой степени совершенства, Наслѣдникъ былъ въ польскомъ мундирѣ и проводилъ свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ предъ ихъ величествами. Въ день коронаціи, 12-го мая, онъ велъ подъ руку княгиню Ловичъ и присутствовалъ на ступеняхъ трона при возложеніи на себя Императоромъ Николаемъ вѣнца польскихъ королей. Въ этотъ день Государь пожаловалъ его кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла и зачислилъ въ польскій гвардейскій гренадерскій полкъ.

Послѣ коронаціи, царская семья провела въ Варшавѣ еще десять дней, наполненныхъ разными торжествами, преимущественно военными, а 21-го мая Императрица съ Наслѣдникомъ направились въ Пруссію, сначала въ замокъ Антонинъ, принадлежавшій князю Радзивиллу, женатому на принцессѣ Луизѣ Прусской, у которыхъ они прогостили два дня, а затѣмъ — въ Берлинъ. Въ Гринбергѣ къ нимъ присоединился Императоръ Николай, а во Франкфуртѣ на Одерѣ привѣтствовали ихъ принцы: наслѣдный Фридрихъ-Вильгельмъ, Карлъ и Альбертъ. Король выѣхалъ на встрѣчу дочери и зятю съ прочими членами своего семейства въ мѣстечко Фридрихсвальде, за милю отъ Берлина. Въѣздъ въ прусскую столицу произошелъ 25-го мая при ликованіяхъ толпы, радостными восклицаніями встрѣтившей царственныхъ русскихъ гостей. Восторгу толпы не было предѣла, когда на балконѣ королевскаго замка показались Императоръ и король, а между ними стройный и красивый мальчикъ въ казацкомъ мундирѣ и когда старецъ-дѣдъ, приподнявъ на руки милаго внука, горячо поцаловалъ его на глазахъ у всѣхъ.

Первое пребываніе въ Берлинѣ, хотя и кратковременное—оно продолжалось восемь дней, съ 25-го мая по 2-е іюня—оставило въ душѣ Александра Николаевича глубокій, неизгладимый слѣдъ. До тѣхъ поръ онъ не выходилъ изъ тѣснаго круга семьи и ближайшихъ къ нему лицъ. Тамъ, онъ очутился въ многочисленномъ и блестящемъ обществѣ родственныхъ принцевъ и принцессъ, съѣхавшихся ко двору Фридриха-Вильгельма III ко дню вступленія въ бракъ второго сына его, Вильгельма, съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою, дочерью Великой Княгини Маріи Павловны. Русскіе Императоръ и Императрица занимали первое мѣсто въ ряду этихъ царственныхъ гостей, которые всѣ, съ особенною нѣжностью и лаской обращались съ одиннадцатилѣтнимъ Наслѣдникомъ русскаго Престола. Въ свою очередь, мальчикъ удивлялъ ихъ своею развязностью; онъ много и любезно разговаривалъ со всѣми, по замѣчанію Мердера, обращаясь съ ними, какъ съ людьми давно ему знакомыми. Миловидность его, ловкость, манеры полныя граціи и достоинства приводили въ восторгъ берлинскій дворъ. Но и на него производило сильное впечатлѣніе все, что показывали ему въ Берлинѣ, Шарлотенбургѣ и Потсдамѣ,— историческія воспоминанія, въ особенности же строго военная обстановка, посреди которой вращался и жилъ старый король и всѣ члены его семьи. Великій Князь посѣтилъ замокъ Сансуси и сады его; съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осмотрѣлъ онъ это жилище Великаго Фридриха, а въ церкви, гдѣ покоится прахъ его, написалъ свое имя на одной изъ мраморныхъ досокъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ. Императрица повезла его помолиться надъ гробницею своей матери, королевы Луизы, предъ мраморнымъ ея изваяніемъ, лучшимъ произведеніемъ рѣзца знаменитаго Рауха. Въ Александровской колоніи, онъ вмѣстѣ съ августѣйшими родителями и дѣдомъ присутствовалъ при освященіи вновь выстроенной православной церкви; побывалъ и на Павлиномъ островѣ, любимомъ лѣт-

немъ мѣстопребываніи Фридриха-Вильгельма III, и при посѣщеніи тамошняго звѣринца, состоявшаго изъ рѣдкихъ животныхъ и птицъ, очень обрадовался двумъ медвѣдямъ, увидавъ которыхъ, воскликнулъ, обращаясь къ Мердеру: „вотъ наши земляки!“

Но, разумѣется, большая часть времени посвящалась военнымъ упражненіямъ и празднествамъ. Первый прусскій полкъ, представившійся ему въ образцовомъ порядкѣ, былъ кирасирскій полкъ имени Императора Николая, видѣнный имъ по пути, въ Силезіи. На второй день по пріѣздѣ въ Берлинъ, тамъ происходилъ парадъ, на которомъ онъ гарцовалъ въ казачьей формѣ. Парадъ замѣчаетъ Мердеръ въ дневникѣ, былъ „не хуже петербургскихъ“. За нимъ слѣдовалъ другой, въ Потсдамѣ. Наканунѣ вѣнчанія принца Вильгельма съ принцессою Августою, 29-го мая, король назначилъ Александра Николаевича шефомъ 3-го прусскаго уланскаго полка. Это доставило ему неизъяснимое удовольствіе. Облекшись въ полный парадный мундиръ этого полка, Великій Князь отправился сначала показаться родителямъ, потомъ къ дѣду, чтобы благодарить его, а отъ него явился къ дядѣ, принцу Вильгельму, какъ къ своему корпусному командиру. Съ этого дня и до самаго отъѣзда изъ Берлина, онъ уже не снималъ прусской формы.

На свадебномъ вечерѣ Наслѣдникъ принималъ участіе въ традиціонномъ шествіи съ факелами (Fackeltanz), исполняемомъ при бракосочетаніяхъ принцевъ и принцессъ бранденбургскаго дома. Въ нѣкоторое замѣшательство привело его требованіе прусскаго придворнаго этикета, чтобы онъ, какъ почетный гость, участвовалъ въ игрѣ въ карты. Играли въ мушку и Александру Николаевичу пришлось сидѣть въ партіи принца Карла Мекленбургскаго. Незнакомый съ игрой и даже не различая картъ, онъ признался воспитателю, что намѣренъ выйти изъ затрудненія, постоянно пасуя. Зато ни малѣйшаго смущенія или застѣнчивости не выказалъ онъ въ обращеніи съ офицерами и солдатами своего прусскаго полка. 31-го мая, въ ожиданіи новаго шефа, полкъ былъ выстроенъ въ Тиргартенѣ. Прибывъ верхомъ къ мѣсту его расположенія, король представилъ ему Великаго Князя, который, принявъ надъ нимъ начальство и отсалютовавъ королю, провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ предъ его величествомъ. Послѣ ученья, при которомъ уланы производили различныя построенія съ примѣрною точностью и быстротою, шефъ повелъ ихъ чрезъ Бранденбургскія ворота къ замку, гдѣ штандарты были отнесены въ покои Наслѣдника. На другой день трубачи полка явились поздравить шефа, а всѣ офицеры были вмѣстѣ съ нимъ приглашены къ обѣденному столу короля.

Императрица Александра Ѳеодоровна осталась одна въ Берлинѣ. Государь выѣхалъ оттуда 1-го іюня, а Великій Князь послѣдовалъ за нимъ 2-го. Отстоявъ обѣдню въ русской посольской церкви, Александръ Николаевичъ со слезами на глазахъ простился съ матерью и дѣдомъ, а также со всѣми родными, причемъ старикъ король казался крайне растроганнымъ. Проѣзжая по улицамъ Берлина, Наслѣдникъ кланялся на всѣ стороны привѣтствовавшей его густой толпѣ. Близъ Фридрихсвальде увидѣлъ онъ свой уланскій полкъ выстроеннымъ вдоль дороги. Лицо его просіяло. Онъ проѣхалъ въ коляскѣ по фронту, простился съ офицерами и солдатами и просилъ командира благодарить короля за милостивое къ нему вниманіе, доставившее ему случай еще разъ увидать свой славный и дорогой его сердцу полкъ. Прусскіе уланы громкими криками „ура!“ проводили своего царственнаго шефа. Снова проведя день въ семействѣ князя Радзивилла, въ замкѣ Антонинѣ, въ Силезіи, Наслѣдникъ и спутники его 6-го іюня прибыли въ Варшаву. Тамъ оставались они пять дней, участвуя въ смотрахъ и парадахъ, происходившихъ въ высочайшемъ присутствіи и чрезъ Ковно, Митаву, Ригу и Ревель 22-го іюня возвратились въ Царское Село. На берегу Нѣмана, на той самой горѣ, съ которой Наполеонъ въ 1812 году смотрѣлъ на переправу чрезъ Нѣманъ своей великой арміи, Александръ Николаевичъ сорвалъ вѣтку на память объ этомъ событіи, замѣтивъ: „Вотъ „какъ все проходитъ! Ни Наполеона, ни „страшной его арміи не существуетъ! Остава„лась гора и къ ней присоединилось пре„даніе“.

Какъ ни разнообразны были впечатлѣнія двухмѣсячнаго путешествія, Великій Князь радъ былъ, однако, возвращенію до-

мой. При приближеніи къ Царскому Селу, имъ овладѣло сильное волненіе. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидать любимое жилище. Уже въѣзжая въ Красное Село, при видѣ бѣлѣющаго лагеря, онъ не могъ спокойно сидѣть въ экипажѣ, безпрестанно обнималъ и цѣловалъ Мердера, а при въѣздѣ въ царскосельскій паркъ воскликнулъ: „Наконецъ, я дома! Боже мой! Здѣсь все, каждый кустикъ, каждая дорожка напоминаютъ мнѣ о какомъ-нибудь удовольствіи. Какое счастіе видѣть мѣста и людей сердцу милыхъ, бывшихъ свидѣтелей нашихъ радостей!“ Посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: „Въ эту минуту сестрицы должны быть на балконѣ“. И дѣйствительно, первою показалась Великая Княжна Александра Николаевна. Наслѣдникъ замахалъ ей фуражкой, его узнали, и не успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ уже очутился въ объятіяхъ выбѣжавшихъ ему на встрѣчу брата и сестеръ. „Вечеръ проведенъ“, замѣчаетъ Мердеръ, „въ сердечныхъ изліяніяхъ чувствъ любви и разсказахъ“.

25-го іюня, въ день рожденія отсутствующаго отца, великія княжны устроили въ честь возвращенія брата на Дѣтскомъ островѣ праздникъ, на который приглашено было цѣлое общество ихъ сверстниковъ и сверстницъ. Наслѣдникъ былъ очень обрадованъ вниманіемъ милыхъ сестеръ и со слезами умиленія разсматривалъ украшенные гирляндами изъ цвѣтовъ чайный столъ, домъ, деревья и пристань, которую Ольга Николаевна назвала: „Мысомъ добраго Саши“. „Или Доброй Надежды“ прибавилъ одинъ изъ маленькихъ гостей. Дѣти долго веселились, играя и прыгая на сѣткѣ.

Между тѣмъ, наступилъ срокъ обыкновеннаго полугодичнаго экзамена. Великій Князь и сотоварищи его выдержали его съ успѣхомъ. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія Государя и Императрицы, Дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ ожидало Александра Николаевича новое занятіе: участіе въ лагерномъ сборѣ военно-учебныхъ заведеній.

21-го іюля Наслѣдникъ встрѣтилъ въ Стрѣльнѣ выступившихъ изъ Петербурга въ Петергофскій лагерь кадетъ и пошелъ съ ними въ полной аммуниціи, въ рядахъ 2-го кадетскаго корпуса. У дачи Мятлевой надѣли ранцы, и остановились, не доходя до шлагбаума. Тамъ, подъѣхалъ къ кадетамъ Государь и самъ повелъ ихъ въ лагерь мимо котеджа, съ балкона котораго глядѣла на нихъ Императрица съ Великими Княжнами. Кадеты проходили по отдѣленіямъ. Александръ Николаевичъ находился въ знаменныхъ рядахъ 2-го корпуса, Вѣльгорскій и Паткуль—за унтеръ-офицеровъ въ стрѣлковыхъ взводахъ. Едва дошли они до палатокъ, какъ набѣжала туча, поднялся вихрь, ударилъ громъ и дождь полилъ рѣкою. Всѣ промокли до костей, не исключая Великаго Князя, стоявшаго у знамени на часахъ. Маршъ и непогоду онъ, по выраженію своего воспитателя, перенесъ „съ похвальнымъ терпѣніемъ“.

Съ этого дня началось практическое обученіе Наслѣдника военному дѣлу. Занимая на парадахъ мѣсто офицера по чину подпоручика, онъ въ кадетскихъ рядахъ былъ только рядовымъ и послѣдовательно унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ. 25-го іюля получивъ извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ Паскевичемъ въ Азіятской Турціи, Государь, прибылъ въ кадетскій лагерь, вызвалъ дивизіонъ Артиллерійскаго училища для салютаціонной стрѣльбы и поставилъ сына третьимъ нумеромъ съ пальникомъ къ орудію. Великій Князь оставался въ строю во все время пальбы. Три дня спустя происходилъ первый „штурмъ“ петергофскихъ каскадовъ. Послѣ обѣда, Государь самъ повелъ кадетъ къ Самсону и оттуда, по его сигналу: „разъ-два-три“, всѣ они съ крикомъ „ура!“ кинулись вверхъ по уступамъ бьющихъ фонтановъ къ находившемуся наверху террасы гроту, гдѣ императрица раздавала призы, Великій Князь барахтался въ водѣ, какъ и всѣ прочіе, и былъ изъ первыхъ у цѣли. Въ шесть часовъ пополудни, въ лагерѣ военно-учебныхъ заведеній ударили тревогу и начался маневръ, продолжавшійся два часа. Наслѣдникъ и товарищи его участвовали въ немъ, въ строю 2-го кадетскаго корпуса. Такіе маневры нѣсколько разъ повторялись и въ слѣдующіе дни. Великій Князь все время проводилъ съ кадетами, которые, по воскресеньямъ и праздникамъ, приглашались въ Александрію и привлекались къ играмъ царскихъ дѣтей. 3-го августа окончился лагерный сборъ, а на другой день Дворъ переѣхалъ изъ

Петергофа въ Елагинскій дворецъ, гдѣ оставался до осени.

1829-й годъ заключился обычными экзаменами, прошедшими столь же успѣшно, какъ и экзамены предшедшаго года. Въ наставленіи, прочтенномъ Жуковскимъ тремъ своимъ ученикамъ, звучитъ, однако, жалоба на ослабленіе прилежанія Александра Николаевича, упреки за непостоянство въ трудѣ. Снова убѣждаетъ онъ Наслѣдника относиться съ довѣріемъ и вниманіемъ къ наставникамъ и воспитателямъ, вступить съ ними въ дружеское товарищество, чтобы облегчить имъ достиженіе цѣли: будущаго счастья царственнаго питомца, основаннаго на просвѣщеніи, которое ведетъ къ добродѣтели и къ заслуженной славѣ: „На томъ мѣстѣ, которое вы со временемъ займете, вы должны будете представлять изъ себя образецъ всего, что можетъ быть великаго въ человѣкѣ, будете предписывать законы другимъ, будете требовать отъ другихъ уваженія къ закону. Пользуйтесь счастливымъ временемъ, въ которое можете слышать наставленія отъ тѣхъ, кои васъ любятъ и могутъ свободно говорить вамъ о вашихъ обязанностяхъ; но вѣря намъ, пріучайтесь дѣйствовать сами, безъ понужденія, произвольно, просто изъ любви къ должности, иначе не сдѣлаетесь образцомъ для другихъ, не будете способны предписывать законъ и не научите никого исполнять закона ибо сами не будете исполнять его... Всѣ наши познанія вмѣстѣ утверждаютъ въ насъ одну только главную мысль, что человѣческая жизнь есть училище, въ которомъ учитель—Богъ и что мы здѣсь только для того, чтобы каждому на своемъ мѣстѣ быть достойнымъ своего учителя“.

Въ продолженіе 1830 года не произошло существенныхъ перемѣнъ въ ходѣ занятій и въ образѣ жизни Наслѣдника, если не считать назначенія новыхъ преподавателей: Арсеньева, для географіи и статистики Россіи, и Плетнева—для русской словесности, а также замѣны Альфри Варрантомъ въ преподаваніи англійскаго языка. Зима по прежнему проведена въ Зимнемъ Дворцѣ, весна въ Царскомъ, лѣто въ Петергофѣ. 1-го іюля, въ именины Императрицы, Александръ Николаевичъ произведенъ въ поручики и причисленъ къ Кавалегардскому ея величества полку. За три недѣли до этого дня, Императоръ Николай писалъ къ Мердеру изъ Варшавы, гдѣ находился вмѣстѣ съ Государыней: „Спасибо, любезный Карлъ Карловичъ, за добрыя вѣсти, которыя меня сердечно радуютъ. Дай Богъ успѣха твоему старанію и благословенія нашему дѣлу! Къ пріѣзду нашему вели изготовить Сашѣ всю кавалергардскую форму; но постарайся, чтобъ хорошо его одѣли; женѣ сдѣлаемъ сюрпризъ, а 1-го числа онъ пропарадируетъ съ разводомъ. Кадеты выступятъ въ лагерь 28-го числа. Саша и товарищи его будутъ во фронтѣ, какъ прошлаго года. Послѣ праздниковъ поѣдутъ въ Красное Село. Саша на это время будетъ со мной жить; если погода хороша, то я васъ помѣщу въ лагерѣ подлѣ себя; я хочу, чтобы всѣ трое несли въ это время службу наравнѣ съ кадетами, сбѣдая особо, но, впрочемъ, соблюдая все, что съ другихъ требоваться будетъ. Ты будешь командовать баталіономъ, Юрьевичъ станетъ въ дивизіонъ, въ который они помѣщены будутъ, чтобы за ними ближе смотрѣть. Пробывъ тамъ десять дней и отвѣдавъ пріятнаго и тяжелаго, мы поѣдемъ въ Ревель къ женѣ, а потомъ воротимся домой. Все это останется между нами и не говори о томъ никому, но приготовь что тебѣ нужно для нихъ. Скоро, съ помощью Божіею, воротимся; признаться, съ нетерпѣніемъ жду минуту обнять милыхъ ребятъ. Я усталъ крѣпко. Поклонись Жуковскому и всѣмъ нашимъ. Тебя искренно любящій *„Николай“*.

Между тѣмъ, Наслѣдникъ обнаруживалъ все бо́льшее прилежаніе и интересъ къ преподаваемымъ предметамъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ похвальные отзывы его воспитателя. Въ подтвержденіе, Мердеръ приводитъ въ дневникѣ своемъ слѣдующій случай: „Я предложилъ Александру Николаевичу придумать себѣ девизъ флага, который онъ желалъ имѣть на Дѣтскомъ островѣ. Онъ сѣлъ къ своему столу, сказавъ мнѣ: „хорошо, я вамъ мой девизъ сейчасъ нарисую“. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени, принесъ ко мнѣ рисунокъ, на коемъ представилъ водою промытую скалу, муравья и якорь, написавъ вокругъ: *постоянство*, *дѣятельность* и *надежда*. Я крайне былъ обрадованъ сею прекрасною мыслью и совѣтовалъ только рисунокъ отдѣлать получше“.

Какъ турецкая война 1828—1829 го-

довъ, завершившаяся блестящимъ Адріанопольскимъ миромъ, такъ и война, вызванная возстаніемъ Польши, не отразились на ходѣ занятій Наслѣдника. И 1831-й годъ провелъ онъ совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ съ предшествовавшими; только свирѣпствовавшая въ Петербургѣ холера прервала на три мѣсяца, съ іюня по сентябрь, обычные уроки, такъ какъ, въ продолженіе этого времени не дозволялось жителямъ столицы ѣздить въ Царское Село, гдѣ имѣла пребываніе Императорская семья. Изъ выдающихся происшествій отмѣтимъ: 18-го мая производство Великаго Князя въ штабсъ-ротмистры „за успѣхи въ наукахъ на экзаменѣ“ и назначеніе его 23-го августа шефомъ лейбъ-кирасирскаго, бывшаго ея величества, полка. Послѣ кончины Цесаревича Константина Павловича, Государь, указомъ Правительствующему Сенату отъ 29-го августа, присвоилъ старшему сыну титулъ Цесаревича. Къ числу обычныхъ развлеченій прибавилась лѣтомъ охота на зайцевъ и утокъ, зимою—изданіе по мысли Жуковскаго дѣтскаго журнала „*Муравейникъ*“, въ которомъ сотрудничали Великій Князь и его сестры. Осенью состоялась поѣздка въ Москву для обозрѣнія устроенной тамъ промышленной выставки. И въ этотъ разъ москвичи съ кликами восторга привѣтствовали москвича-Цесаревича. Александръ Николаевичъ съ большимъ вниманіемъ знакомился съ московскими святынями и древностями, осмотрѣлъ кадетскіе корпуса и другія воспитательныя заведенія, появлялся въ театрѣ и на балахъ во дворцѣ, въ дворянскомъ собраніи, у генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына и у другихъ вельможъ. Онъ очаровалъ московское общество стройностью и красотою въ щегольскомъ красномъ кавалергардскомъ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, но въ особенности привѣтливостью, вниманіемъ и обходительностью. „Онъ прелестно хорошъ“ восклицаетъ въ дневникѣ своемъ сопровождавшій его Мердеръ; „за то и вскружилъ всѣмъ головы“.

Воспитатель не могъ налюбоваться своимъ обожаемымъ питомцемъ, и безмѣрной любви къ нему должно приписать безпокойство, время отъ времени выражаемое Мердеромъ по поводу недостатковъ Цесаревича, главнымъ образомъ, его апатіи въ борьбѣ съ трудностями. По возвращеніи изъ Москвы, Мердеръ, однако, отлично аттестовалъ Великаго Князя Государю, который, выразивъ полное удовольствіе сыну, прибавилъ: „Ты не можешь сдѣлать меня довольнымъ иначе, какъ всегда учась съ тѣмъ же прилежаніемъ“. Но Императоръ Николай желалъ знать и недостатки Наслѣдника и особенно строго взыскивалъ съ него за ослушаніе воспитателю. Однажды, узнавъ о рѣзкомъ отвѣтѣ его на замѣчаніе Мердера, Государь сказалъ ему: „Уходи! Ты не достоинъ подойти ко мнѣ, послѣ такого поведенія; ты забылъ, что повиновеніе есть долгъ священный и что я все могу простить, кромѣ неповиновенія“. По требованію Его Величества Мердеръ долженъ былъ перечислить главные недостатки Цесаревича: надменность, родъ сопротивленія при исполненіи приказаній и страсть спорить, доказывающая желаніе быть правымъ. „Все это“, замѣчалъ онъ, „имѣетъ началомъ гордость“. Государь рѣшилъ, что Александръ Николаевичъ лишится права носить мундиръ по воскресеньямъ, если когда-либо покажетъ малѣйшее непослушаніе. Строгую эту мѣру взысканія не пришлось, впрочемъ, примѣнить ни единаго раза.

Весело отпраздновали святки при Дворѣ. Наканунѣ Рождества въ Зимнемъ дворцѣ устроена была ёлка, причемъ Александру Николаевичу подарено августѣйшими родителями множество вещей: бюстъ Петра Великаго, ружье, сабля, ящикъ съ пистолетами, вице-мундиръ Кавалергардскаго полка, фарфоровыя тарелки и чашки съ изображеніемъ русскихъ войскъ разныхъ родовъ оружія. Но изъ всѣхъ подарковъ наибольшее удовольствіе доставили ему книги, подаренныя Государемъ. То были: „Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et coutumes des nations diverses de l'Empire de Russie“, „Recueil de petites marines“ par Bugeaud и многотомное сочиненіе Шёля: „Cours d'histoire des états européens modernes“. Къ прочимъ предметамъ онъ оставался совершенно равнодушенъ. Каждый вечеръ танцовали у Императрицы. Сверхъ того, было дано нѣсколько спектаклей въ Эрмитажѣ, балъ въ концертномъ залѣ, и большой маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ для дворянства и купечества, на которомъ, по точнымъ свѣдѣніямъ, было 2.200 гостей. Рядъ празднествъ завершился въ день Богоявленія, собра-

ніемъ у Великихъ Княженъ, на которое приглашены были, сверхъ обыкновенныхъ посѣтителей придворныхъ увеселеній, по два кадета отъ каждаго кадетскаго корпуса. Все маленькое общество играло „въ бобы". „Королемъ" и „Королевой" праздника довелось быть Цесаревичу и старшей сестрѣ его, Маріи Николаевнѣ. Они сѣли на тронъ, возлѣ котораго помѣстился почетный караулъ, а при немъ барабанщикомъ—къ невыразимой радости дѣтей—самъ Государь; „Король" и „Королева" раздавали награды и назначали должностныхъ лицъ, послѣ чего Великая Княжна повелѣла начать балъ. Обязанности оркестра взяла на себя Императрица. Гости разошлись, протанцовавъ французскую кадриль.

Увеселенія всякаго рода возобновились на масляницѣ и къ нимъ привлекались въ большомъ числѣ воспитанники военно-учебныхъ заведеній. Происходили они то въ Зимнемъ дворцѣ, то у Великаго Князя Михаила Павловича, то на Елагиномъ островѣ, куда Дворъ отправился въ саняхъ, на тройкахъ, для катанья съ ледяныхъ горъ. Цесаревичъ съ удовольствіемъ предавался этому развлеченію, въ которомъ онъ, какъ и во всѣхъ прочихъ физическихъ упражненіяхъ, отличался необычайною ловкостью. Хотя онъ былъ нѣсколько зябокъ, но выдерживалъ значительный холодъ и даже зимой постоянно гулялъ безъ перчатокъ.

Все это было причиною отсрочки годичнаго экзамена до Великаго поста. Экзаменъ прошелъ по обыкновенію вполнѣ успѣшно, хотя Мердеръ и жалуется на возраставшее равнодушіе Александра Николаевича къ класснымъ занятіямъ. Зато онъ не могъ нахвалиться правильностью его сужденій, изъ числа которыхъ приводитъ въ дневникѣ слѣдующее, живо характеризующее умственную зрѣлость царственнаго юноши. На вопросъ законоучителя: слѣдуетъ-ли прощать обиды? Цесаревичъ отвѣчалъ: „Должно несомнѣнно прощать обиды, дѣлаемыя намъ лично, но обиды, нанесенныя законамъ народнымъ, должны быть судимы законами. Существующій законъ не долженъ дѣлать исключеній ни для кого".

Отговѣвъ на Страстной недѣлѣ и пріобщившись св. Таинъ, Александръ Николаевичъ отпраздновалъ Пасху и наканунѣ дня своего рожденія едва не подвергся большой опасности. Катаясь верхомъ по Царицыну Лугу, на любимомъ своемъ конѣ Малекъ-Адель, осѣдланномъ казачьимъ сѣдломъ и на одной уздечкѣ, онъ пустилъ лошадь сначала въ галопъ, потомъ въ карьеръ и, не будучи въ состояніи остановить ее, хотѣлъ сдѣлать вольтъ предъ веревкой, окаймляющей плацъ, но лошадь перепрыгнула чрезъ веревку и Великій Князь, не ожидавшій этого, упалъ безъ чувствъ на мостовую. Къ счастью, не оказалось никакихъ поврежденій, кромѣ помятія мускула праваго плеча.

Весною 1832 года Дворъ не жилъ въ Царскомъ Селѣ и 1-го іюня прямо изъ Петербурга переѣхалъ въ Петергофъ. Жуковскій не сопровождалъ туда своего питомца. Разстроенное состояніе здоровья вынудило его уѣхать на воды за границу. Отъѣздъ наставника крайне опечалилъ Цесаревича, который во все время его путешествія усердно съ нимъ переписывался. Лѣто прошло въ обычныхъ упражненіяхъ въ кадетскомъ лагерѣ. 1-го іюля Государь произвелъ Наслѣдника въ чинъ ротмистра, послѣ чего онъ сталъ и на ученьяхъ исполнять обязанности офицера, командуя взводомъ. Къ этому времени относится замѣчательный разговоръ Мердера съ Императоромъ Николаемъ, тщательно занесенный имъ въ дневникъ.

„Я замѣтилъ"—сказалъ ему однажды Государь—„что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ. Мнѣ казалось, что я замѣтилъ, что онъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военнаго дѣла". Мердеръ возразилъ, что всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы воспитать въ Цесаревичѣ „рыцаря безъ страха и упрека"; что онъ всячески старается дать ему понять, какъ, дабы сдѣлаться великимъ полководцемъ, недостаточны парады и смотры; но если Александръ Николаевичъ находитъ въ нихъ удовольствіе, то нельзя обвинять его въ томъ, потому, что у насъ вообще обращаютъ болѣе вниманія на мелочи военной службы, чѣмъ на предметы истинно важные. Въ заключеніе, воспитатель просилъ Государя провѣрить его слова, переговоривъ съ

самимъ Наслѣдникомъ объ этомъ предметѣ. „Я вамъ вѣрю и имѣю полную довѣренность ко всему вами сказанному", отвѣчалъ Императоръ, „но хотѣлось бы мнѣ скорѣе видѣть его занимающимся этимъ дѣломъ, какъ я имъ занимался въ его лѣта". Нѣсколько дней спустя, Государь сообщилъ воспитателю составленный имъ самимъ для Наслѣдника планъ изученія военныхъ наукъ, на основаніи котораго, съ 1833 года, начали читать лекціи: по фортификаціи директоръ инженернаго училища Христіани, а по артиллеріи—инспекторъ классовъ артиллерійскаго училища Вессель.

Заступничество за царственнаго питомца предъ Государемъ было какъ бы лебединою пѣснью нѣжно любившаго его воспитателя. Съ осени 1832 года обнаружились у Мердера первые признаки болѣзни сердца, вскорѣ сведшей его въ могилу. Болѣзненная раздражительность не могла не отразиться на его отношеніяхъ къ Наслѣднику; случалось, что онъ обращался съ нимъ строже, становился требовательнѣе, приходя въ волненіе отъ малѣйшей его провинности или проступка. Тѣмъ въ бо́льшее умиленіе приводили его трогательныя доказательства любви и преданности, которыя давалъ Цесаревичъ „безцѣнному", какъ самъ онъ называлъ его, Карлу Карловичу. Съ того дня, какъ Мердеръ замѣтилъ ему, что его нерадѣніе, возбуждая тревогу и безпокойство въ воспитателѣ вредно дѣйствуетъ на его разстроенное здоровье, въ Александрѣ Николаевичѣ произошла разительная перемѣна. То, чего не удавалось достигнуть увѣщаніями и даже строгостью, совершилось само собою, силою признательности и привязанности Наслѣдника къ любимому наставнику и другу. Мердеръ восхищался этой перемѣной; Великій Князь нетолько безукоризненно велъ себя, но выказывалъ примѣрное и постоянное прилежаніе въ занятіяхъ; его уроки были прекрасно приготовлены и всѣ учителя совершенно имъ довольны. Въ то же время, онъ во всѣ свободныя минуты не отходилъ отъ страждущаго воспитателя, то успокоивалъ, то утѣшалъ его, то плакалъ самъ, и только силой—такъ утверждаетъ Мердеръ—могли оторвать его отъ постели больного.

Радостью своею Мердеръ поспѣшилъ подѣлиться съ Жуковскимъ, который, проведя лѣто на водахъ, уединился на зиму въ мѣстечко Верне, близъ Веве, на Женевскомъ озерѣ. Оттуда писалъ онъ Цесаревичу: „Благодарю васъ, мой милый Великій Князь, за ваше письмо и за подробности, кои вы сообщаете мнѣ о ходѣ вашихъ занятій. Еще болѣе благодарю васъ за то, что мнѣ пишетъ объ васъ Карлъ Карловичъ. Онъ извѣщаетъ меня, что нашъ общій ненавистный врагъ, съ которымъ такъ трудно было бороться, врагъ, называемый *лѣнью*, почти побѣжденъ, что нашъ естественный бодрый союзникъ, называемый *чувствомъ должности*, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ силы и что есть большая надежда, что мы, съ помощью этого союзника, наконецъ, завоюемъ тотъ чудотворный талисманъ, который поможетъ на предстоящей намъ дорогѣ безопасно придти къ цѣли своей посреди всѣхъ чудовищъ, которыя будутъ насъ пугать и стараться сбить съ ногъ, талисманъ, называемый: *нравственное достоинство*. Безъ аллегорій: у меня сердце поворотилось отъ радости, и слезы благодарности къ Богу наполнили мои глаза, когда я прочиталъ безцѣнныя строки Карла Карловича о васъ и произшедшей въ васъ перемѣнѣ, мой безцѣнный, вѣрный другъ. Я увѣренъ, что, разъ пробудившись, вы не заснете. Мы живемъ въ такое время, въ которое нужна бодрость, нужно твердое, ясное знаніе своихъ обязанностей и правилъ, помогающихъ исполнять оныя,—правилъ, извлеченныхъ изъ вѣрнаго знанія того, что справедливо, и соединенныхъ съ живымъ стремленіемъ къ общему благу, внушеннымъ тою любовью, которую проповѣдуетъ намъ религія... Знайте только одно: что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостью, своею чистою любовью общаго блага, были образцами на землѣ и стояли выше остального міра. Нравственная сила необходима; она—въ душѣ Государей, хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что назначилъ имъ Богъ, то-есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. Толпа можетъ имѣть силу матеріальную, но сила нравственная въ душѣ Государей, ибо они могутъ быть дѣйствительными представителями справедливости и блага".

Въ августѣ царская семья переѣхала

изъ Петергофа въ Елагинъ дворецъ и уже 20-го сентября возвратилась въ Петербургъ. Зимою, придворныя и военныя торжества, пріемы и парады, свѣтскія развлеченія: спектакли, маскарады, балы, все болѣе и болѣе отнимали времени у пятнадцатилѣтняго Цесаревича, но не въ ущербъ его класснымъ занятіямъ, которыя не сократились ни на одинъ часъ. Въ отсутствіе Жуковскаго русскую исторію преподавалъ ему Арсеньевъ, вернувшійся изъ поѣздки по Россіи, которую предпринялъ по высочайшему повелѣнію для собранія матеріаловъ отечественной статистики, составляемой имъ для Наслѣдника. Преподавателя химіи, Кеммерера, смѣнилъ академикъ Гессъ. Александръ Николаевичъ продолжалъ прилежно заниматься, но съ увлеченіемъ отдавался и удовольствіямъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимала охота. Радостное настроеніе его нарушалось лишь при воспоминаніи объ опасности, грозившей жизни его любимаго воспитателя. Къ веснѣ болѣзнь Мердера настолько усилилась, что врачи потребовали немедленнаго отправленія его въ чужіе края, и 14-го марта 1833 года онъ, въ сопровожденіи семьи своей, выѣхалъ изъ Петербурга сухимъ путемъ, чрезъ Таурогенъ и Кенигсбергъ, въ Берлинъ. Въ самый день отъѣзда, Государь, въ воздаяніе беззавѣтнаго и самоотверженнаго исполненія въ продолженіе девяти лѣтъ обязанностей нравственнаго руководителя старшаго сына, пожаловалъ Мердеру званіе генералъ-адъютанта.

Александръ Николаевичъ глубоко чувствовалъ всю тяжесть разставанья съ неразлучнымъ дотолѣ спутникомъ его дѣтства. „Это первое, могу сказать несчастіе“, писалъ онъ ему, „которое я испыталъ въ жизни моей“. И въ другомъ письмѣ: „Это первое испытаніе, которое на меня наложилъ Всемогущій Отецъ“. Простившись съ Мердеромъ, проводивъ его взорами, Императрица и сынъ ея пошли въ его комнату и тамъ долго и усердно молились о ниспосланіи ему выздоровленія, о скоромъ возвращеніи его. Въ продолженіе цѣлаго года Цесаревичъ переписывался съ нимъ аккуратно каждую субботу, называя его „безцѣннымъ, милымъ другомъ“, увѣряя въ безпредѣльной любви и преданности, отдавая ему отчетъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ, поступкахъ, помыслахъ, замѣчая, что письменный съ нимъ разговоръ—настоящее наслажденіе. Письма Александра Николаевича дышатъ неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ, столь же лестнымъ для воспитателя, какъ и приносящимъ честь его царственному питомцу.

Замѣстителемъ Мердера назначенъ былъ генералъ-маіоръ Кавелинъ, а на Юрьевича возложена обязанность составлять отчеты, представляемые ихъ величествамъ о ходѣ воспитанія Наслѣдника, и завѣдываніе его канцеляріей. Карлъ Карловичъ не переставалъ издали поучать и наставлять Цесаревича въ частыхъ къ нему письмахъ, побуждая его вырабатывать въ себѣ твердость воли, искренно относиться къ родителямъ и ковсѣмъ ближнимъ. То же дѣлалъ и Жуковскій. Поздравляя Наслѣдника изъ Верне съ наступающимъ новымъ годомъ, онъ убѣждалъ его не уставать въ пріобрѣтеніи новыхъ познаній и предостерегалъ отъ излишней самонадѣянности. По поводу предстоявшей разлуки съ Мердеромъ, котораго называлъ „добрымъ, благодѣтельнымъ другомъ, геніемъ-хранителемъ“ Великаго Князя, онъ писалъ ему: „Надѣясь на милость Божію, смѣю вѣрить, что этотъ тяжелый опытъ не будетъ продолжителенъ, но, вы, при первомъ несчастьи жизни, научитесь достойнымъ образомъ переносить его. Вся наша жизнь есть не иное что, какъ безпрерывное стараніе сохранить наше достоинство въ опытахъ, посылаемыхъ намъ Провидѣніемъ. Эта наука вамъ нужнѣе, нежели кому-нибудь, и вотъ случай доказать, что вы недаромъ имѣли такого друга въ вашемъ младенчествѣ, каковъ несравненный Карлъ Карловичъ. Вотъ случай воспользоваться всѣмъ тѣмъ добромъ, которымъ его любовь къ вамъ обогатила вашу душу. Если что-нибудь можетъ ускорить зрѣлость вашего характера, то именно это несчастіе, слишкомъ рано—и, надѣюсь, ненадолго—посланное вамъ Богомъ. До сихъ поръ, имѣвъ подлѣ себя столь надежнаго руководца, имѣвъ въ немъ, такъ сказать, олицетворенную должность передъ глазами своими, вы могли быть болѣе безпечны; во всякую минуту было подлѣ васъ сердце, въ которомъ все ваше откликалось, и доброе и худое; былъ голосъ, который тотчасъ или одобрялъ васъ, или укорялъ и, въ обоихъ случаяхъ, приносилъ вамъ пользу. Теперь это перемѣнилось: вы болѣе преданы са-

мому себѣ — что въ ваши лѣта опасная утрата—и вы теперь вдвое должны за самого себя бодрствовать. Въ этомъ-то и состоитъ теперь ваша обязанность; этою бдительностью за самимъ собою сохраните вы и свое достоинство въ несчастіи, и въ то же время вы докажете ею и всю благодарность за оказанное вамъ добро. Живите такъ, какъ будто не было съ вами никакой перемѣны, то-есть, не забывайте ни минуты того, кто теперь не всегда съ вами вмѣстѣ; глядите широкими глазами вашего вѣрнаго друга; это будетъ вамъ опытною наукою добродѣтели и въ то же время облагородитъ еще болѣе ваше сердце благодарною любовью, коей выраженіе состоитъ, не въ ласкахъ и не въ другихъ словахъ, а въ согласіи души съ душою тѣхъ, кого мы любимъ и въ дѣлахъ достойныхъ одобренія ихъ, когда они подлѣ насъ, или возбуждающее сладкое воспоминаніе о нихъ, когда они не съ нами. Примите этотъ совѣтъ отъ другого вашего истиннаго друга и послѣдуйте ему. То, что мнѣ пишутъ о васъ и Карлъ Карловичъ, и всѣ другіе, увѣряетъ меня, что вы теперь способны послѣдовать такому совѣту". Такая увѣренность наставника подтверждается еще болѣе вѣскимъ свидѣтельствомъ о сынѣ самого Императора Николая въ письмѣ къ Мердеру: „Вообще я имъ доволенъ, сердце доброе и готовое на все хорошее и благородное".

Лѣто 1833 года, какъ и предыдущія, проведено въ Петергофѣ почти исключительно въ военныхъ упражненіяхъ, въ кадетскомъ лагерѣ и на Красносельскихъ маневрахъ. Наслѣдникъ ѣздилъ и на одиночное ученье, происходившее подъ руководствомъ флигель-адъютанта Грессера, въ Литовскомъ полку. Въ Красномъ Селѣ, на маневрахъ гвардейскаго корпуса, онъ исправлялъ обязанности ординарца Императора, и въ день столѣтняго юбилея кирасирскаго своего имени полка командовалъ имъ на церковномъ парадѣ; присутствовалъ и на высочайшихъ смотрахъ Балтійскаго флота въ Кронштадтѣ, но въ строю 1-го кадетскаго корпуса продолжалъ быть за унтеръ-офицера. 16-го сентября, по отъѣздѣ Государя заграницу для свиданія съ королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ, Императрица съ дѣтьми переѣхала въ Царское Село, гдѣ оставалась до конца октября. Туда прибылъ, наконецъ, Жуковскій, и тотчасъ же было приступлено къ экзаменамъ, отложеннымъ до возвращенія наставника и прошедшимъ, какъ всегда, хорошо. По крайней мѣрѣ, Наслѣдникъ писалъ Мердеру, „что Василій Андреевичъ остался имъ доволенъ". По переѣздѣ въ Петербургъ онъ же сообщалъ ему, что у нихъ все устроено по прежнему: „и прогулка, и фехтованіе, и верховая ѣзда, и гимнастика, и время удивительно какъ живо летитъ". Онъ признавался, что ему очень трудно взять верхъ надъ собою, но въ то же время выражалъ надежду, что послѣ нѣсколькихъ усилій это сдѣлается для него легче и что тогда онъ всегда будетъ хорошо и съ любовью исполнять свою обязанность, „которая, конечно, теперь мала, но будетъ со временемъ великая".

Мысли эти были внушены Цесаревичу приближеніемъ его совершеннолѣтія, опредѣленнаго основнымъ закономъ Имперіи для Наслѣдника Престола въ день достиженія имъ шестнадцати лѣтъ. За нѣсколько времени до этого событія онъ писалъ отсутствовавшему воспитателю: „Вы, вѣроятно, теперь уже знаете, что мнѣ черезъ недѣлю предстоитъ. Я увѣренъ, что вы будете обо мнѣ думать, равно какъ и я о васъ, мой милый и безцѣнный другъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ мнѣ должно быть грустно, что васъ, моего втораго отца, въ этотъ важный въ жизни моей день здѣсь не будетъ. Но всю эту скорбь я забуду, лишь бы вы возвратились ко мнѣ совсѣмъ здоровымъ, чтобы окончить вами начатое дѣло. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что Сперанскій приготовлялъ меня къ присягѣ и въ прошедшую субботу прочелъ мнѣ ее. Она удивительно хорошо написана и всякій человѣкъ съ чувствомъ не можетъ ее хладнокровно прочесть".

Когда Наслѣдникъ писалъ эти строки Мердера уже не было въ живыхъ. Онъ тихо угасъ въ Римѣ 24-го марта 1834 года съ именемъ Александра на похолодѣвшихъ устахъ. Вѣсть о его кончинѣ дошла до Петербурга незадолго до дня, назначеннаго для торжественнаго принесенія присяги Цесаревичемъ, по случаю исполнившагося его совершеннолѣтія и, по приказанію Государя, не была сообщена его высочеству. Императоръ Николай взялъ на себя повѣдать сыну о скорбной утратѣ,

уже по переѣздѣ въ Царское Село. Юрьевичъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное ею на царственнаго юношу: „Я сидѣлъ въ то время за работой, въ той самой комнатѣ, которую занималъ нѣкогда Карлъ Карловичъ, какъ внезапно вбѣгаетъ ко мнѣ Великій Князь; въ сильномъ разстройствѣ, въ слезахъ, бросается онъ на колѣни передъ диваномъ. Въ первый моментъ я какъ бы не вдругъ понялъ причину его внезапнаго отчаянія, но мнѣ не нужно было долго догадываться о причинѣ, — рыданія Великаго Князя объяснили мнѣ оную, и вмѣсто утѣшенія, я смѣшалъ слезы мои съ его слезами. Давъ время облегчить слезами столь сильный порывъ сердечной скорби, я поднялъ Великаго Князя. Обнимая меня, онъ сказалъ: „Не понимаю, какъ вы могли скрывать отъ меня свои чувства и какъ я не могъ догадаться объ ожидавшей меня горести? Боже мой! Я все надѣялся, что скоро увижу безцѣннаго Карла Карловича!“ Слезы и рыданія прерывали нѣсколько разъ слова его. Объяснивъ волю Государя Императора, чтобы удалить отъ него всякое подозрѣніе о семъ горестномъ для всѣхъ насъ событіи и собственно мнѣ данное его величествомъ приказаніе скрывать скорбь свою, я не могъ не сказать, что эта скорбь была тѣмъ тяжелѣе для моего сердца и мучительнѣе, что не могла быть никѣмъ раздѣлена. Послѣ нѣкотораго размышленія Великій Князь присовокупилъ: „Какъ хорошо, однако же, сдѣлали, что не сказали мнѣ... передъ присягой моей...“. Сегодня (три дня спустя) его величество изволилъ разспрашивать меня о Великомъ Князѣ, и когда я сообщилъ описанныя мною выраженія чувствъ скорби его, которая до сихъ поръ ясно обнаруживается и на лицѣ его и въ его дѣйствіяхъ, равно и то, что онъ часто и долго стоитъ, погрузясь въ размышленія передъ портретомъ незабвеннаго Карла Карловича, его величество изволилъ сказать мнѣ: „Я весьма этимъ доволенъ; таковыя чувства его мнѣ весьма пріятны; надобно, чтобъ онъ чувствовалъ свою потерю“.

Заключимъ приведеніемъ посмертнаго отзыва Жуковскаго о достойномъ своемъ сотрудникѣ: „Изъ сорока шести лѣтъ жизни своей посвятилъ онъ тридцать на службу Государю и послѣдніе десять провелъ безотлучно при особѣ его высочества Наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено. Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенныя съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души — таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природой, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опыта жизни, — правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одной совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при Великомъ Князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благорастворе-ніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ — одно безкорыстіе. Могла-ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла-ли не полюбить добра, могла-ли въ то же время не пріобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ? Будемъ же радоваться, что душа Наслѣдника на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного въ то время, когда другой вступалъ въ храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ при переходѣ въ лучшій міръ простился съ здѣшнимъ, произнося свое любимое, здѣшнее имя: Александръ, Александръ...“

IV.

Юность.

1834 — 1838.

17-го апрѣля 1834 года Александру Николаевичу исполнилось шестнадцать лѣтъ. День этотъ приходился во вторникъ на Страстной недѣлѣ, а потому торжество провозглашенія совершеннолѣтія и принесенія присяги было отложено до Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Государь поручилъ Сперанскому подготовить сына къ этому важному акту, разъяснивъ ему смыслъ и значеніе присяги, которую, на основаніи учрежденія объ императорской фамиліи, члены царскаго дома, достигнувъ совершеннолѣтія, приносятъ въ вѣрности Государю и отечеству, а также въ соблюденіи права наслѣдства и установленнаго фамильнаго распорядка. „Изъ сего видно", говорилъ Сперанскій, „что присяга сія дѣлится на двѣ части: одна входитъ въ общую присягу подданства; другая часть совершенно новая. Она есть новая потому, что до 1797 года не было твердаго закона о наслѣдіи престола. Но, съ установленіемъ сего закона, основатель его нашелъ нужнымъ укрѣпить его присягой. Причины сего очевидны. Мы видѣли, какъ долго и какъ бѣдственно законъ о наслѣдіи у насъ колебался. Что можетъ укрѣпить его на будущее время? Каждый членъ императорскаго дома можетъ, въ свою чреду, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, достигнуть наслѣдства, стать Самодержцемъ. Что же можетъ обязать волю самодержавную? Одна совѣсть, одинъ судъ Божій,— присяга". Сущность присяги Сперанскій опредѣлялъ такъ: „Присяга есть актъ совѣсти и религіи, коимъ клянущійся призываетъ Бога во свидѣтели искренности его обѣщанія и подвергаетъ себя его гнѣву и мести въ случаѣ нарушенія".

Александръ Николаевичъ до такой степени былъ проникнутъ сознаніемъ важности предстоявшаго ему обѣта, что, въ недовѣріи къ своимъ силамъ, у него вырвалось восклицаніе: „рано бы"! На эту тему предложилъ ему бесѣду, въ самый день его рожденія, законоучитель Павскій. Напомнивъ, что въ день принесенія присяги онъ долженъ будетъ, представъ предъ Государя и предъ государство, обѣщать служить имъ всѣми силами ума и тѣла, и радѣть пользамъ ихъ съ пожертвованіемъ самого себя, духовный наставникъ указалъ на святое и великое призваніе быть владыкою не только надъ собою, но и надъ милліонами людей, различныхъ по языку, состоянію, чувствамъ, обычаямъ, нравамъ, мнѣніямъ, прихотямъ и суевѣріямъ. „Представьте себѣ", поучалъ онъ, „сколько надобно ума, чтобъ соразмѣрить ихъ требованія и указать имъ вѣрный и прямой путь къ цѣли!" Руководителями Цесаревича будутъ: мудрый примѣръ отца и Государя, оправданные опытомъ совѣты наставниковъ, наконецъ— Слово Божіе. „Прежде нежели возложите на себя обѣтъ служить Государю и отечеству всѣми силами души и тѣла"—заключилъ законоучитель рѣчь свою—„возобновите обѣтъ, которымъ вы при крещеніи сочетались Христу, облекшись въ него, и обязались послѣдовать ему. Одинъ только вѣрный послѣдователь Христа и здравый членъ Царства Божія можетъ быть полезнымъ членомъ царства человѣческаго".

На Страстной недѣлѣ Цесаревичъ отговѣлъ и причастился св. Таинъ, а въ первый день Пасхи, 22-го апрѣля, слушалъ заутреню въ большой церкви Зимняго дворца, гдѣ, въ тотъ же день, передъ вечерней, произошло торжественное принесеніе имъ присяги въ качествѣ Наслѣдника Престола.

Императорскія регаліи принесены въ церковь изъ брилліантовой комнаты высшими сановниками: держава оберъ-камергеромъ графомъ Головкинымъ, скипетръ—адмираломъ графомъ Мордвиновымъ, корона—княземъ Кочубеемъ, возведеннымъ въ этотъ день въ достоинство государственнаго канцлера,—и разставлены вокругъ аналоя, на которомъ лежали Евангеліе и св. Крестъ. По прибытіи Государя и всей царской семьи началось молебствіе, совершенное митрополитомъ С.-Петербургскимъ Серафимомъ въ сослуженіи членовъ Святѣйшаго Синода и придворнаго духовенства, съ возглашеніемъ умилительной молитвы, нарочно сочиненной на этотъ случай. По окончаніи молебна, Императоръ Николай взявъ за руку сына, подвелъ его къ аналою, предъ которымъ Александръ Николаевичъ вслухъ прочиталъ установленную для Наслѣдника Престола присягу:

„Именемъ Бога Всемогущаго, предъ святымъ его Евангеліемъ, обѣщаюсь и клянусь: Его Императорскому Величеству, всемилостивѣйшему Государю, родителю моему, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ Его Императорскаго Величества службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ; въ званіи же Наслѣдника Престола всероссійскаго и соединенныхъ съ нимъ престоловъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ основныхъ законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ передъ Богомъ и судомъ его страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать могу. Господи, Боже отцевъ и Царю царствующихъ! Настави, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи мнѣ предназначенномъ; да будетъ со мною пресѣдящая Престолу твоему премудрость; пошли ю съ небесъ святыхъ твоихъ, да разумѣю, что̀ есть угодна предъ очима твоима и что̀ есть право по заповѣдемъ твоимъ. Буди сердце мое въ руку твоею! Аминь“.

„Когда открыто было Евангеліе“, повѣствуетъ очевидецъ, митрополитъ московскій Филаретъ, „и Государь Императоръ подвелъ къ оному Государя Наслѣдника для присяги, Государь Наслѣдникъ произнесъ оную твердымъ голосомъ, съ выраженіемъ, изображающимъ вниманіе къ произносимымъ обѣтамъ. Но когда онъ дошелъ до окончательныхъ выраженій сего акта, заключающихъ въ себѣ молитву, глубокое чувство и слезы остановили его. Собирая духъ и возобновляя усиліе, онъ довершилъ чтеніе измѣненнымъ, трогательно зыблющимся голосомъ. Сердце родительское подверглось чувствамъ сыновнимъ. Государь Императоръ обнялъ Государя Наслѣдника, цѣловалъ его въ уста, въ очи, въ чело и величественныя слезы Августѣйшаго Родителя соединились съ обильными слезами Августѣйшаго Сына. За симъ, Государыня Императрица приняла возлюбленнаго первенца своего въ материя объятія и взаимныя лобзанія и слезы вновь соединили отца, мать и сына. Когда занятіе симъ восхитительнымъ зрѣлищемъ и мои собственныя слезы, наконецъ, оставили мнѣ возможность обратить вниманіе на присутствующихъ, я увидѣлъ, что все было въ слезахъ“.

По подписаніи Наслѣдникомъ акта присяги, переданнаго Его Величествомъ вицеканцлеру, для храненія въ Государственномъ архивѣ, началась вечерня, а по окончаніи ея собраніе перешло въ Георгіевскую залу. По пути царскаго шествія, во всѣхъ залахъ Зимняго дворца, отъ Концертной до Портретной галлереи, расположены были отряды полковъ лейбъ-гвардіи; въ Портретной галлереѣ—рота дворцовыхъ гренадеръ, а въ тронной залѣ—знамена всѣхъ гвардейскихъ полковъ и отрядъ военно-учебныхъ заведеній подъ командой главноначальствующаго, Великаго Князя Михаила Павловича. Государь, Императрица, Наслѣдникъ и слѣдовавшія за ними Особы Императорской Фамиліи вошли въ Георгіевскую залу, посреди которой стоялъ аналой съ Евангеліемъ и крестомъ,—при звукахъ незадолго до того сочиненнаго Львовымъ народнаго гимна: „Боже, Царя храни!“ Императрица заняла мѣсто на возвышеніи у трона, Императоръ сталъ у подножія его. Войска взяли на молитву и сняли кивера. Тогда Государь снова подвелъ къ аналою Цесаревича, который былъ приведенъ къ военной присягѣ оберъ-священникомъ гвардіи, протоіереемъ Музовскимъ, подъ знаменемъ Атаманскаго своего имени полка. Громко и внятно прочелъ онъ слѣдующее клятвенное обѣщаніе:

„Я, нижеименованный, обѣщаюсь предъ Всемогущимъ Богомъ служить Его Императорскому Величеству, всемилостивѣйшему Государю родителю моему, по всѣмъ военнымъ постановленіямъ вѣрно, послушно и исправно; обѣщаюсь чинить врагамъ Его Императорскаго Величества и врагамъ его государства храброе и твердое сопротивленіе, тѣломъ и кровью, въ полѣ и крѣпостяхъ, на водѣ и на сушѣ, въ сраженіяхъ и битвахъ, въ осадахъ и приступахъ и во всѣхъ военныхъ случаяхъ, безъ изъятія; обѣщаюсь о всемъ, что услышу или увижу противное Его Императорскому Величеству, его войскамъ, его

подданнымъ и пользамъ государственнымъ—извѣщать и оныя во всѣхъ обстоятельствахъ, по лучшей моей совѣсти и разумѣнію, охранять и оберегать, такъ вѣрно, какъ мнѣ пріятны честь моя и животъ мой; обѣщаюсь во всемъ томъ поступать, какъ честному, послушному, храброму и отважному воину надлежитъ: въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій!"

Войска отдали честь; знамена склонились предъ тономъ; Государь поклонился собранію и подъ руку съ Императрицей, сопровождаемый членами своей семьи, удалился во внутренніе покои.

О совершившемся событіи объявилъ Высочайшій манифестъ, которымъ вѣрноподданные приглашались соединить свои молитвы съ Царемъ ко Всевышнему: „да благословитъ совершеннолѣтіе Наслѣдника Престола преуспѣяніемъ въ мудрости и добродѣтели; да руководствуетъ его всеблагое Провидѣніе въ путяхъ жизни, ему предлежащихъ; да будетъ сердце его въ рукѣ Божіей, всегда хранимо и уготовано для великаго служенія, ему предназначеннаго". Особою грамотою объявилъ Государь донскому казачьему войску о принесеніи присяги августѣйшимъ атаманомъ, заключивъ ее слѣдующими словами: „Мы твердо увѣрены, что войско Донское, издревле знаменитое силою вѣры праотцевъ, непоколебимою вѣрностью и преданностью своимъ Государямъ, единодушнымъ стремленіемъ ко благу общему во дни мира и въ трудахъ брани—передастъ сынамъ своимъ чувства сіи во всей ихъ святости и чистотѣ и тѣмъ упрочитъ и на родинѣ своей несомнѣнное исполненіе надеждъ и желаній, коими, въ достопамятный день сей, одушевлены вся Россія и наше родительское сердце".

Радость свою Императоръ Николай выразилъ во множествѣ милостей, щедрою рукою расточенныхъ государственнымъ сановникамъ, военнымъ и придворнымъ чинамъ. Наградою Цесаревичу было производство въ флигель-адъютанты. Незабыты и лица, причастныя къ воспитанію Наслѣдника.

Александръ Николаевичъ самъ пожелалъ ознаменовать добрымъ дѣломъ важный для него день, въ который онъ, по собственному выраженію, „имѣлъ счастье исполнить первый долгъ свой, принеся предъ престоломъ Божіимъ присягу въ вѣрности Государю родителю и въ лицѣ его — любезному отечеству". Съ этою цѣлью онъ препроводилъ петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ по 50.000 рублей, прося ихъ распредѣлить эту сумму между наиболѣе нуждающимися жителями обѣихъ столицъ. Въ рескриптѣ графу Эссену, онъ, въ числѣ своихъ побужденій, выставлялъ намѣреніе выразить признательность Петербургу, какъ тому мѣсту, „гдѣ провелъ свои ребяческіе годы, гдѣ научился любить Россію и гдѣ, наконецъ, произнесъ свою святую присягу". Еще теплѣе отзывался онъ о первопрестольной столицѣ въ рескриптѣ къ князю Голицыну. „Москва"—писалъ онъ—„есть любезная моя родина. Богъ далъ мнѣ жизнь въ Кремлѣ. Да позволитъ онъ, чтобъ сіе предзнаменованіе совершилось; чтобы я въ остающіеся мнѣ годы первой молодости могъ съ успѣхомъ приготовиться къ ожидающимъ меня обязанностямъ; чтобы со временемъ, исполняя оныя, могъ заслужить одобреніе моего Государя родителя, какъ сынъ вѣрноподданный и уваженіе Россіи, какъ русскій, всѣмъ сердцемъ привязанный къ благу любезнаго отечества".

На слѣдующій день по принесеніи присяги, въ Зимнемъ дворцѣ отпраздновали именины Императрицы Александры Ѳеодоровны; на третій—тамъ же происходилъ парадный обѣдъ для высшаго духовенства и особъ первыхъ трехъ классовъ. Рядъ блестящихъ торжествъ, продолжавшихся во всю Святую недѣлю, завершился баломъ, даннымъ 29-го апрѣля петербургскимъ дворянствомъ, въ палатахъ оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина; балъ этотъ удостоили своимъ присутствіемъ Государь, Государыня, Наслѣдникъ и прочіе члены царской семьи.

Хотя, по достиженіи совершеннолѣтія, Императоръ и повелѣлъ Цесаревичу присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, а на основаніи § 27 учрежденія Императорской фамиліи, попечителемъ къ нему назначилъ бывшаго посла при Лондонскомъ дворѣ генералъ-адъютанта князя Х. А. Ливена, но въ то же время, вмѣсто умершаго Мердера, должность воспитателя поручена генералъ-адъютанту Кавелину, помощникомъ его остался Юрьевичъ, а Жуковскій сохранилъ званіе наставника. Изъ двухъ совоспитанниковъ Александра

Николаевича, произведенъ въ чинъ прапорщика и зачисленъ л.-гв. въ Павловскій полкъ графъ Віельгорскій, съ назначеніемъ состоять при его высочествѣ.

Предначертанный въ „Планѣ ученія“ курсъ наукъ далеко еще не былъ выполненъ. Ко дню совершеннолѣтія Наслѣдникъ прошелъ: изъ Закона Божія—священную исторію Ветхаго и Новаго завѣта, церковную исторію и введеніе въ катихизисъ; изъ всеобщей исторіи—древнюю и исторію среднихъ вѣковъ; изъ русской исторіи—до воцаренія дома Романовыхъ; изъ математики—ариѳметику, алгебру и элементарную геометрію; изъ естественной исторіи—общее обозрѣніе природы въ ея происхожденіи и элементахъ; изъ физики—о тѣлахъ вообще и о твердыхъ тѣлахъ въ особенности, статику и динамику; изъ военныхъ наукъ—начала фортификаціи и артиллеріи. Кромѣ практическихъ занятій языками русскимъ, французскимъ—на которомъ преподавалась также и географія,—нѣмецкимъ, англійскимъ и польскимъ, пройдена грамматика этихъ языковъ и начато ознакомленіе съ литературами русской и нѣмецкой. По программѣ окончательнаго курса, предположеннаго еще на три года, опредѣлено было пройти: въ Законѣ Божіемъ—пространный катихизисъ; по математикѣ—сферическую тригонометрію, начертательную и аналитическую геометрію, высшую математику, политическую ариѳметику; по физикѣ—о каплеобразныхъ и газообразныхъ тѣлахъ, о звукѣ, свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, съ обозрѣніемъ космографіи; по исторіи—исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ, съ тѣмъ, чтобы изученіе новѣйшей исторіи со временъ французской революціи соединить съ курсомъ дипломатіи; по русской исторіи—отъ воцаренія дома Романовыхъ до кончины Александра I, а также географію и статистику Россіи; по языкамъ русскому и иностраннымъ—исторію русской и иностранныхъ литературъ; по военнымъ наукамъ—окончаніе курса фортификаціи и артиллеріи, военную исторію, тактику и стратегію; наконецъ,—право, политическую экономію и высшую политику. Сохранялись установленные полугодовые и годовые экзамены, но переносились съ іюня на ноябрь, а съ января на апрѣль каждаго года. Заключительный экзаменъ имѣлъ произойти по окончаніи полнаго курса, весною 1837 года.

Лѣто 1834 года прошло въ обычныхъ военныхъ занятіяхъ и упражненіяхъ, въ лагеряхъ Петергофскомъ и Красносельскомъ, и завершилось величественнымъ торжествомъ, состоявшимся въ самый день тезоименитства Наслѣдника: открытіемъ на площади предъ Зимнимъ дворцомъ памятника Императору Александру Благословенному. Къ этому празднеству прибыла въ Петербургъ депутація отъ прусской арміи, предводимая вторымъ сыномъ короля, принцемъ Вильгельмомъ. Александръ Николаевичъ почти каждое лѣто видѣлъ при нашемъ дворѣ родственныхъ прусскихъ принцевъ, братьевъ Императрицы. Такъ, въ 1833 году пріѣзжалъ въ Петербургъ принцъ Альбертъ, въ 1834—наслѣдный принцъ съ супругою. На этотъ разъ онъ имѣлъ не только радость свиданья съ тѣмъ изъ дядей, къ которому питалъ наибольшую привязанность, но и могъ любоваться цѣлымъ отрядомъ прусскихъ офицеровъ и солдатъ, о которыхъ, со времени перваго посѣщенія Берлина, сохранилъ наилучшее воспоминаніе. Прусскихъ гостей чествовали въ кругахъ придворномъ и военномъ, а глава депутаціи, принцъ Вильгельмъ, получилъ по этому случаю рѣдкую награду: орденъ св. Владиміра 1-й степени, пожалованный ему при рескриптѣ, въ которомъ Императоръ Николай, въ прочувствованныхъ словахъ, помянулъ братство по оружію двухъ армій и совмѣстные подвиги ихъ въ эпоху войнъ за освобожденіе Европы.

Во второй половинѣ октября, Государь, совершавшій путешествіе по Россіи, вызвалъ Цесаревича въ Москву, куда онъ прибылъ въ сопровожденіи попечителя князя Ливена, но пробылъ тамъ всего два дня и затѣмъ возвратился въ Царское Село, а оттуда 27-го октября, вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ, выѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ находилась Императрица. Въ первое посѣщеніе прусской столицы, въ 1829 году, Александръ Николаевичъ сблизился съ родственниками прусскаго королевскаго дома. Въ этотъ пріѣздъ кругъ его знакомыхъ расширился, такъ какъ, къ прибытію русскаго Императора въ Берлинъ съѣхалось большое число нѣмецкихъ государей и принцевъ: великіе герцоги Саксенъ-Веймарскій и Мекленбургъ-Стрелицкій, наслѣдный великій герцогъ и герцогъ Карлъ Мекленбургъ-Шверинскіе съ супругами, герцогъ и герцогиня Ангальтъ-Дес-

саусскіе, герцоги Ангальтъ-Кетенскій, Брауншвейгскій и Нассаускій, принцъ-регентъ саксонскій, принцъ Георгъ Гессенскій, наконецъ принцъ Оранскій съ сыномъ, принцомъ Александромъ. Время проходило въ балахъ и увеселеніяхъ разнаго рода, но преимущественно въ военныхъ упражненіяхъ, смотрахъ и парадахъ. На парадѣ 10-го ноября Наслѣдникъ командовалъ 3-мъ прусскимъ своего имени уланскимъ полкомъ, „причемъ", какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, „пожалованъ его величествомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III полковникомъ прусскихъ войскъ, а Государемъ Императоромъ утвержденъ въ семъ чинѣ и въ русской службѣ". Царская семья возвратилась въ Петербургъ къ именинамъ Государя, и въ этотъ день Александръ Николаевичъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ.

Въ теченіе учебнаго сезона 1835 года произошла важная перемѣна въ составѣ преподавателей: законоучитель Павскій замѣщенъ въ этой должности протоіереемъ Бажановымъ. Причиною было неодобреніе, высказанное нѣкоторымъ изъ богословскихъ сочиненій Павскаго московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, мнѣніе котораго было поддержано и первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода, Серафимомъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. Обстоятельство это было, вѣроятно, не чуждо рѣшенію Императора Николая наименовать старшаго сына членомъ Синода. 4-го іюня, прибывъ въ Синодъ въ сопровожденіи Цесаревича, Государь отслушалъ краткое молебствіе въ освященной за нѣсколько дней до того синодальной церкви и потомъ направился въ палату засѣданій Синода, гдѣ занялъ мѣсто посреди его членовъ, посадивъ Наслѣдника направо отъ себя. Приложившись къ Евангелію и кресту, поставленнымъ по синодальному обычаю во главѣ присутственнаго стола, и пригласивъ іерарховъ занять свои мѣста, Николай Павловичъ обратился къ нимъ съ пространною рѣчью, въ которой, напомнилъ о трудностяхъ, съ коими пришлось ему бороться при восшествіи на престолъ и о происшествіяхъ 14-го декабря, совершившихся на площади предъ Синодомъ; упомянулъ о побѣдоносныхъ войнахъ съ Персіей и Турціей и объ успѣшномъ усмиреніи польскаго мятежа, а также о скоромъ прекращеніи безпорядковъ, вызванныхъ холерой, и заявилъ, что преодолѣніе всѣхъ этихъ трудностей онъ относитъ къ особенной помощи Божіей, „на которую паче всего и впредь возлагаетъ надежду, бывъ утвержденъ въ сихъ чувствахъ наставленіями благочестивѣйшихъ родителей своихъ". Полагая ближайшимъ къ сердцу своему попеченіемъ—продолжалъ Государь—охраненіе православія, онъ увѣренъ, что тѣ же чувства раздѣляетъ и Наслѣдникъ, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ предъ Россіей, какъ отецъ и Государь. Коснувшись стоявшихъ на очереди важныхъ вопросовъ о возсоединеніи уніатовъ и обращеніи раскольниковъ, требующихъ, какъ выразился онъ, „неослабной бдительности, твердости и постоянства въ принятыхъ правилахъ, безъ всякаго вида преслѣдованія", Императоръ Николай возвѣстилъ Синоду, „что простирая попеченіе свое о дѣлахъ церковныхъ и на будущія времена и желая предупредить симъ самымъ испытанное неудобство отъ нечаяннаго вступленія въ оныя, онъ подобно тому, какъ ввелъ уже старшаго своего сына и Наслѣдника въ Сенатъ и намѣренъ вскорѣ ввести и въ Государственный Совѣтъ, признаетъ полезнымъ, чтобы, для ознакомленія съ церковными дѣлами, Цесаревичъ присутствовалъ иногда въ засѣданіяхъ Синода и подъ личнымъ руководствомъ Его Величества, пріобрѣталъ свѣдѣнія, потребныя и по сей части для его высокаго назначенія". Государь окончилъ выраженіемъ надежды на преуспѣяніе Наслѣдника въ этомъ дѣлѣ, полагаясь на усердіе Синода въ споспѣшествованіи ему и поручая его молитвамъ возлюбленнаго своего первенца. О посѣщеніи Императоромъ Синода и о назначеніи Наслѣдника Престола синодальнымъ членомъ Святѣйшій Синодъ объявилъ указомъ по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія.

Новый законоучитель Бажановъ довершилъ религіозное воспитаніе Цесаревича по весьма обширной программѣ. Пройдя съ нимъ пространный катихизисъ и повторивъ церковную исторію, онъ прочелъ ему курсъ догматическаго Богословія и рядъ наставленій объ обязанностяхъ христіанина вообще и въ частности — Государя. Около того же времени, а именно 12-го октября 1835 года, начались, продолжавшіяся по апрѣль 1837 года, лекціи Сперанскаго, скромно озаглавленныя имъ: „Бе-

сѣдами о законахъ". Изложивъ въ краткомъ введеніи основныя начала права и отношеніе его къ нравственности, Михаилъ Михаиловичъ разъяснилъ понятіе объ общежитіи въ четырехъ его видахъ: семейство, родъ, гражданское общество, государство, а также сущность основныхъ законовъ вообще и въ Россіи въ особенности. Самодержавную власть, присущую русскимъ государямъ, опредѣлялъ онъ слѣдующимъ образомъ: „Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго Самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные, извнѣ государственными договорами, внутри словомъ Императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно, и право самодержавное, потому есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончится правда и гдѣ начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому; но во всѣхъ случаяхъ онъ подлежитъ, однако, суду совѣсти и суду Божію". Въ другомъ мѣстѣ Сперанскій установляетъ, что, въ силу основныхъ законовъ имперіи, Государь въ Россіи является единственнымъ источникомъ не одной законодательной, но и исполнительной власти, ибо, какъ гласитъ 80-я статья этихъ законовъ: „власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю".

Отъ основныхъ законовъ лекторъ перешелъ къ русскимъ государственнымъ учрежденіямъ и предметамъ ихъ вѣдомства, къ законамъ о состояніяхъ, дворянствѣ, городскихъ и сельскихъ обывателяхъ, о повинностяхъ и ихъ раскладкѣ, и по этому поводу обозрѣлъ главныя положенія политической экономіи и финансовой науки; разсмотрѣлъ законы о податяхъ, пошлинахъ, доходахъ; объ отчетности и контролѣ; о денежномъ обращеніи и кредитѣ.

Третью часть своихъ бесѣдъ Сперанскій посвятилъ уголовному праву, предоставивъ преподаваніе гражданскаго права инспектору классовъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, барону Врангелю. Многочисленныя приложенія къ общему курсу излагаютъ взгляды составителя свода на частные вопросы, состоящіе въ тѣсной связи съ законодательствомъ. Слѣдуетъ отмѣтить: его разсужденія о взаимодѣйствіи въ правѣ силъ естественныхъ съ силами нравственными; о понятіяхъ добра и пользы; историческое обозрѣніе высшихъ нашихъ государственныхъ учрежденій: Совѣта, Сената и Министерствъ; такое же обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и состояніи крестьянъ; исторію ассигнацій и пошлинъ; примѣры упражненій въ практическомъ судопроизводствѣ.

Бесѣды Сперанскаго съ Цесаревичемъ о законахъ заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что, обнимая всю совокупность государственнаго законодательства и управленія, вполнѣ совпадаютъ съ личнымъ взглядомъ на этотъ предметъ Императора Николая, который, по окончаніи курса правовѣдѣнія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ изъявилъ свою благодарность маститому составителю Свода Законовъ: „Намъ въ особенности пріятно какъ Государю и отцу видѣть, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ вы посвящаете часть своего времени преподаванію россійскаго права любезнѣйшему сыну нашему, Наслѣднику нашего Престола. Мы предоставили вамъ пріучать юный умъ его вникать въ истинное свойство и духъ нашего законодательства, соображать постановленія онаго съ потребностями края и тщательно наблюдать ихъ дѣйствіе на благосостояніе и нравственное достоинство народа. Вы совершенно оправдали нашъ выборъ, и мы съ признательностью къ стараніямъ вашимъ замѣчаемъ сдѣланные уже имъ на семъ важномъ поприщѣ успѣхи. Въ ознаменованіе сего чувства и неизмѣняющагося къ вамъ благоволенія нашего, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго".

Лѣтомъ 1835 года Александръ Николаевичъ не сопровождалъ августѣйшихъ родителей ни въ Калишъ, гдѣ происходилъ совмѣстный лагерный сборъ войскъ русскихъ и прусскихъ, ни въ заграничную поѣздку для свиданія въ Теплицѣ съ императоромъ австрійскимъ Фердинандомъ. Въ концѣ мая онъ отдалъ послѣдній долгъ воспитателю своему Мердеру, тѣло котораго привезено было изъ Рима въ Петербургъ и предано землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, послѣ отпѣванія въ лютеранской церкви. Разсказываютъ, что по это-

му поводу Цесаревичъ замѣтилъ: „Я никогда не справлялся о его вѣроисповѣданіи, но я зналъ его добрыя дѣла и мнѣ не нужно было ничего болѣе, чтобы уважать его и любить".

Все лѣтнее время Наслѣдникъ посвятилъ практическому довершенію своего военнаго образованія въ Петергофѣ и Красномъ Селѣ, усиленно изучая и военныя науки, для расширенія объема преподаванія которыхъ Императоръ Николай еще въ 1834 году повелѣлъ прекратить уроки естественной исторіи. По смерти генерала Христіани, чтеніе лекцій по фортификаціи возложено было на генерала Ласковскаго, а военной исторіи—на полковника Веймарна.

Успѣхи Александра Николаевича въ военномъ дѣлѣ были настолько замѣтны, что въ лагерномъ сборѣ 1836 года онъ уже командовалъ отдѣльными частями: въ Петергоффѣ—баталіономъ 1-го кадетскаго корпуса; въ день Преображенія—1-мъ баталіономъ Преображенскаго полка, а на Высочайшемъ смотру отдѣльнаго гвардейскаго корпуса — лейбъ - гусарскимъ полкомъ. Въ свои именины Государь произвелъ Цесаревича „за отличіе по службѣ" въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества. Съ этого дня образовали ему придворный штатъ: одинъ только князь Ливенъ сохранилъ званіе попечителя; Ушаковъ назначенъ управляющимъ конюшеннымъ отдѣломъ двора его высочества, генералъ-адъютантъ Кавелинъ и произведенный въ флигель-адъютанты Юрьевичъ — состоящими при его особѣ. Сверхъ того, назначено состоять при немъ нѣсколько молодыхъ офицеровъ, а именно: Преображенскаго полка—полковникъ Назимовъ, Семеновскаго полка — полковникъ Эксеспарре; будущіе его адъютанты: кирасирскаго его величества полка поручикъ князь Барятинскій и Преображенскаго полка прапорщикъ Адлербергъ; наконецъ, оба его совоспитанника: Віельгорскій, и также произведенный въ офицеры, прапорщикъ Павловскаго полка Паткуль.

Весною 1837 года, послѣ общаго экзамена, завершившаго кругъ образованія Наслѣдника, Александръ Николаевичъ предпринялъ, согласно собственноручно начертанной Императоромъ Николаемъ инструкціи, путешествіе по Россіи. Цѣлью его было личное ознакомленіе съ страною и ея обитателями, какъ необходимое дополненіе къ познаніямъ, пріобрѣтеннымъ научнымъ путемъ. Въ путешествіи этомъ сопровождали его высочество бывшіе его воспитатель и наставникъ Кавелинъ и Жуковскій, преподаватель исторіи и географіи Россіи Арсеньевъ, состоящіе при Наслѣдникѣ молодые офицеры и лейбъ - медикъ Енохинъ. Попечителя князя Ливена болѣзнь задержала въ Петербургѣ.

Путешественники ѣхали быстро, съ короткими остановками въ главныхъ городахъ, что дало поводъ Жуковскому сравнить путешествіе съ чтеніемъ книги, въ которой Великій Князь прочтетъ пока только одно оглавленіе, дабы получить общее понятіе о ея содержаніи. „Послѣ", разсуждалъ онъ, „онъ начнетъ читать каждую главу особенно. Эта книга — Россія, но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего учителя. И это *узнаніе* есть главная цѣль настоящаго путешествія. Можно сказать, что Государь далъ Россіи общій, единственный въ своемъ родѣ праздникъ. Отъ Балтійскаго моря до Урала и до береговъ Чернаго моря все пробуждено однимъ чувствомъ, для всѣхъ равно понятнымъ и трогательнымъ. Всѣ говорятъ: Государь посылаетъ намъ своего сына; онъ уважаетъ народъ свой и въ каждомъ сердце наполнено благодарностью". Въ первомъ письмѣ съ пути къ Императрицѣ Василій Андреевичъ такъ выражалъ свои впечатлѣнія: „Я не жду отъ нашего путешествія большой жатвы практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ, имѣемъ слишкомъ много предметовъ для обозрѣнія и путь намъ слишкомъ опредѣленъ; не будетъ ни свободы, ни досуга, а отъ этого часто и желанія заняться какъ слѣдуетъ тѣмъ, что̀ представится нашему любопытству. Мы соберемъ, конечно, много фактовъ отдѣльныхъ и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза — вся нравственная, та именно, которую теперь только можно пріобрѣсть Великому Князю: польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія. Въ его лѣта, въ первой свѣжей молодости, безъ всякихъ житейскихъ заботъ, во всемъ первомъ счастіи непорочной жизни, не испытавъ еще въ ней ничего иного, кромѣ любви въ нѣдрѣ своего семейства, онъ начинаетъ дѣятельную жизнь свою путеше-

ствіемъ по Россіи—и какимъ путешествіемъ? На каждомъ шагу встрѣчаетъ его искреннее, радушное доброжелательство, тѣмъ болѣе для него трогательное, что никакое своекорыстіе съ нимъ не смѣшано: всѣ смотрятъ на него, какъ на будущее, прекрасно выражающееся въ его наружности; никто не думаетъ о себѣ, всѣ думаютъ объ отечествѣ, и въ то же время всѣ благословляютъ отсутствующаго заботливаго Государя. Какъ могутъ такого рода впечатлѣнія не подѣйствовать благотворно на свѣжую молодую душу, которую и сама природа образовала для добра и всего высокаго? Я вижу безпрестанно предъ собою плѣнительную картину. Народъ бѣжитъ за нимъ толпами и не одна новость влечетъ его и движетъ имъ. Чувство высокое, ему самому неясное, но вѣрное, естественное оживотворяетъ его: онъ видитъ предъ собой представителя своего счастья. Масса толпы кричитъ, волнуется, мчится, но въ этой толпѣ многіе плачутъ и крестятъ. И чѣмъ далѣе подвигаемся, тѣмъ сильнѣе движеніе: оно идетъ crescendo. Такимъ образомъ, въ продолженіе предстоящихъ четырехъ мѣсяцевъ, — которые да благословитъ Богъ успѣхомъ,—Великій Князь будетъ счастливъ самымъ чистымъ счастьемъ и это счастіе будетъ плодотворно для его будущаго и для будущаго Россіи".

Цесаревичъ и его свита, послѣ напутственнаго молебствія, совершеннаго въ Казанскомъ соборѣ, выѣхали изъ Петербурга 2-го мая и на другой день, въ пятомъ часу утра, прибыли въ Новгородъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ въ Аракчеевскомъ дворцѣ, Александръ Николаевичъ началъ обозрѣніе города съ посѣщенія древняго Софійскаго собора, осмотрѣлъ монастыри, церкви, училища, больницы, казармы и послѣ обѣда, къ которому приглашены были губернаторъ, архіерей и городской голова, отправился на пароходѣ по Волхову въ Свято-Юрьевскій монастырь. Тамъ встрѣтилъ его архимандритъ Фотій. Наслѣдникъ и спутники его были поражены богатствомъ обители, великолѣпіемъ, благочиніемъ, но болѣе всего удивительнымъ, чисто военнымъ порядкомъ, заведеннымъ среди братіи суровымъ настоятелемъ. Въ тотъ же вечеръ они выѣхали изъ Новгорода и, переночевавъ на станціи Зайцево, 4-го мая, послѣ обѣда въ Валдаѣ, гдѣ Александръ Николаевичъ произвелъ смотръ нѣсколькимъ артиллерійскимъ батареямъ, заѣхали въ Иверскій монастырь, а къ вечеру достигли Вышняго-Волочка. Въ этомъ городѣ вниманіе Цесаревича привлекли шлюзы каналовъ, построенныхъ Петромъ Великимъ; въ Торжкѣ былъ обѣдъ, кавалерійскій смотръ, посѣщеніе древняго монастыря св. Бориса и Глѣба; къ ночи прибыли въ Тверь.

Городъ весь сіялъ огнями. Не смотря на поздній часъ, все населеніе высыпало на улицы, чтобы кликами радости и счастья встрѣтить желаннаго дорогого гостя. „Прекрасное сердце нашего безцѣннаго путешественника" — повѣствуетъ одинъ изъ его спутниковъ—„такъ сказать, пьетъ полную чашу удовольствія, видя, какъ русскій народъ съ неподдѣльнымъ истиннымъ восторгомъ вездѣ принимаетъ его. Въ Вышнемъ-Волочкѣ, Торжкѣ и Твери нельзя было никому изъ свиты слѣдовать за Великимъ Княземъ; народъ цѣлою массою льнетъ къ нему, гласно любуется имъ и въ удовольствіи своемъ гласно благодаритъ Батюшку-Царя, что далъ полюбоваться на своего Наслѣдника ненагляднаго".

Въ Твери Цесаревичъ направился прямо въ соборъ и оттуда пѣшкомъ прошелъ во дворецъ, чрезъ густую толпу народа, привѣтствовавшаго его несмолкаемымъ „ура"! 6-го мая происходили: пріемъ должностныхъ лицъ, смотръ войскамъ, поѣздка въ Отрочь-монастырь, прославленный страдальческою кончиною св. митрополита Филиппа, обозрѣніе благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеній, а также устроенной къ пріѣзду его высочества промышленной выставки; обѣдъ во дворцѣ для военныхъ и гражданскихъ властей, наконецъ, балъ, данный тверскимъ дворянствомъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Цесаревичъ продолжалъ свой путь чрезъ Угличъ и Рыбинскъ въ Ярославль. „Съ приближеніемъ къ Волгѣ" — писалъ Жуковскій Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ — „все принимаетъ видъ одушевленный: деревни становятся чаще, жилища и жители являютъ довольство и обиліе; исчезаютъ болота, предъ глазами разстилаются засѣянныя хлѣбомъ поля; по берегамъ Волги тянутся цѣлыя деревни; безпрестанно мелькаютъ на нихъ богатыя церкви. Обитатели деревень принимаютъ

замѣтно характеръ радушія, простосердечія. Они смотрятъ на васъ съ любопытствомъ, но безъ всякаго грубаго удивленія; въ ихъ стремленіи встрѣтить Великаго Князя замѣтно и желаніе увидѣть невиданное, и желаніе почтить то, что для нихъ свято. Меня особенно поразило то, что въ этомъ изъявленіи почтенія не было ни малѣйшаго слѣда раболѣпства; напротивъ, выражалось какое-то простосердечное чувство, внушенное предками, сохраненное какъ чистое, святое преданіе въ потомкахъ. Однимъ словомъ, видишь русскій народъ, умный и простодушный, въ его неискаженномъ образѣ". Пробывъ день въ Угличѣ, гдѣ Цесаревичъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осматривалъ храмъ, построенный на *крови*, то-есть, на мѣстѣ убіенія Царевича Димитрія, и остановясь на нѣсколько часовъ въ Рыбинскѣ, путешественники, вечеромъ 9-го мая достигли Ярославля.

Слѣдующій день посвященъ былъ въ Ярославлѣ, также какъ въ Новгородѣ и въ Твери, оффиціальнымъ пріемамъ и осмотру достопримѣчательностей, выставки произведеній губерніи и проч. Особенностью ярославскаго пріема было устроенное для Великаго Князя послѣ обѣда катанье по Волгѣ, о которомъ такъ разсказываетъ очевидецъ: „За катеромъ его высочества слѣдовали катера съ музыкантами и русскими пѣсенниками; сотни маленькихъ лодокъ, наполненныхъ мужчинами и женщинами, шныряли вокругъ катера Великаго Князя, покрывая Волгу на большое пространство. Десятки тысячъ народа покрывали высокій берегъ Волги со стороны города. Русское „ура"! не переставало и на водѣ, и на берегу, во все время нашего плаванія вдоль по берегу на разстояніи двухъ или трехъ верстъ взадъ и впередъ. Эти десятки тысячъ народа бѣжали за экипажемъ Великаго Князя, и по выходѣ его изъ катера, не переставали провожать до самаго дворца съ тѣмъ же „ура!" Народъ толпился до поздняго вечера передъ дворцомъ, ожидая появленія Великаго Князя на балконѣ. Въ девять часовъ, прелестная иллюминація изъ разноцвѣтныхъ огней на судахъ по Волгѣ и на берегу городскомъ мгновенно перемѣнила картину; а на другомъ берегу — тысячи смоляныхъ костровъ, отражавшихся безчисленными огненными струями величественной рѣки, довершали очарованіе. Великій Князь вышелъ на балконъ, и безконечное „ура"! надолго заглушило хоръ музыки, игравшей національный гимнъ. Великій Князь не могъ не быть восхищенъ всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ русскомъ народѣ: и въ Ярославлѣ, какъ и въ Твери, и въ Угличѣ, и въ Рыбинскѣ и во всякой деревушкѣ его съ восторгомъ радости встрѣчаетъ русскій народъ. Часто онъ подвергается неизбѣжнымъ задержкамъ (народъ останавливаетъ проѣздъ экипажа), часто съ трудомъ можетъ пробраться сквозь толпу жаждущихъ привлечь его взоръ. Повсюду безпрерывное „ура"! Оно въ ушахъ нашихъ такъ вкоренилось, что и въ тишинѣ не оставляетъ насъ". День завершился баломъ въ дворянскомъ собраніи, на которомъ Цесаревичъ много танцовалъ. Вообще, во время пути, онъ былъ здоровъ и веселъ и, не смотря на быстрое слѣдованіе, какъ будто не зналъ усталости, одолѣвавшей его спутниковъ. По замѣчанію Юрьевича, въ письмахъ къ женѣ постоянно жаловавшагося на чрезвычайное утомленіе, всѣхъ больше уставалъ „нашъ первый старшина" Кавелинъ, — уставалъ до такой степени, что часто не помнилъ себя; Жуковскій— не могъ собраться съ духомъ, Арсеньевъ— съ мыслями, молодежь—съ дѣломъ. Одинъ Великій Князь оставался неутомимъ и всѣхъ ободрялъ своимъ примѣромъ. Каждый вечеръ онъ прилежно писалъ свой дневникъ и, сверхъ того, пространныя письма родителямъ и сестрамъ, которыя изъ каждаго губернскаго города отвозилъ въ Петербургъ нарочный фельдъегерь. „Могу всѣмъ сердцемъ радоваться", писалъ Жуковскій Государынѣ, „живымъ полетомъ нашего возмужавшаго орла и слѣдуя за нимъ глазами и душою въ высоту, кричать ему съ земли: смѣлѣе, впередъ по твоему небу! И дай Богъ силы его молодымъ крыльямъ! Дай Богъ любопытства и зоркости глазамъ его! То небо, по которому онъ теперь мчится, прекрасно, широко и свѣтло: это наша родная Россія!"

Изъ Ярославля Александръ Николаевичъ отправился въ Кострому, кружнымъ путемъ — чрезъ Ростовъ, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій, Суздаль, Шую и село Иваново. Вниманіе его привлекали не однѣ святыни и древности, но и промышленныя заведенія этого богатаго края. Всѣхъ восхищалъ онъ своею привѣтливостью, обра-

щеніемъ, полнымъ достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденной любезности. Въ церквахъ Наслѣдникъ усердно молился, кладя земные поклоны, приводя тѣмъ въ умиленіе набожныхъ русскихъ людей; въ разговорахъ принаравливался къ состоянію и степени образованія собесѣдниковъ; при представленіяхъ очаровывалъ ласковостью пріема; наконецъ, при обозрѣніяхъ выставокъ, фабрикъ, заводовъ относился ко всему съ величайшимъ интересомъ и любознательностью. Пріятно поражала въ немъ деликатность и скромность, выразившіяся, между прочимъ, по слѣдующему поводу. При въѣздѣ въ Кострому, приходилось переѣхать Волгу. Костромскіе дворяне заняли было мѣста гребцовъ въ катерѣ, чтобы имѣть честь перевезти Царственнаго гостя. Цесаревичъ спросилъ: „А Государь, какъ переѣзжалъ Волгу?“ Ему отвѣтили: „съ обыкновенными гребцами“. Тогда онъ вошелъ въ другую лодку, гдѣ были простые гребцы, волжскіе крестьяне, любезно поблагодаривъ усердныхъ дворянъ.

Въ Костромѣ Наслѣдникъ пробылъ одинъ день, 14-е мая, проведенный такъ же, какъ и въ прочихъ губернскихъ городахъ,—въ пріемахъ и осмотрахъ. Выдающимся событіемъ было посѣщеніе Ипатьевскаго монастыря—колыбели величія рода Романовыхъ. Тамъ встрѣтилъ его преосвященный Владиміръ, епископъ костромской, прочувствованной рѣчью. Помолившись въ храмѣ, гдѣ великая инокиня Марѳа благословила на царство сына Михаила, Цесаревичъ, по выраженію спутника, ни одного камушка въ монастырѣ не оставилъ безъ вниманія. Восторгъ костромичей превосходилъ всякое описаніе. Въ вечеръ пріѣзда Наслѣдника тысячи народа ждали его на берегу Волги, многіе по поясъ стояли въ водѣ, чтобы скорѣе насладиться его лицезрѣніемъ, чтобы приблизиться къ несшей его лодкѣ. На пристани Великій Князь насилу могъ добраться до экипажа, насилу экипажъ его могъ проѣхать чрезъ непроходимую толпу до Успенскаго собора, а оттуда въ приготовленный для него домъ на Сусаниной площади. „Нельзя описать того, можно сказать, ужаса“, восклицаетъ Юрьевичъ, „съ которымъ народъ и здѣсь, какъ вездѣ на пути нашемъ, толпился къ Великому Князю. Бѣда отдалиться на полшага отъ него; уже болѣе нельзя достигнуть до него и бѣдные бока наши и ноги будутъ долго помнить русскую любовь, русскую привязанность къ Наслѣднику. Никакая полиція, ни чувство святости къ духовенству, встрѣчающему у храмовъ и провожающему Великаго Князя, ничто не останавливаетъ силы народной толпы. Вчера, при выходѣ изъ собора, толпа унесла, такъ сказать, далеко отъ дверей собора архіерея; онъ долго не могъ попасть назадъ въ церковь. Бѣдныя женщины дорого платятъ за свое желаніе полюбоваться „прелестнымъ Наслѣдникомъ“, какъ вездѣ называютъ его умильныя губки красавицъ и не-красавицъ. Часто жалкій женскій крикъ стона сливается съ непрерывнымъ „ура“! при входѣ и выходѣ изъ церквей, изъ домовъ, изъ экипажа Великаго Князя. Здѣсь какъ-то особенно, кажется даже болѣе, нежели гдѣ либо, народъ неугомоненъ: большая прекрасная площадь Сусанина, до поздней ночи усыпанная народомъ, не переставала гудѣть непрерывнымъ „ура“! даже и тогда, когда Великій Князь былъ уже въ постели. Сегодня, я всталъ въ седьмомъ часу и передъ окнами та же толпа; кажется, какъ будто народъ не сходилъ съ площади“. Обычный балъ замѣнило въ Костромѣ народное гулянье въ городскомъ саду и катанье по Волгѣ.

Переѣздъ изъ Костромы въ Вятку по сѣвернымъ лѣсамъ и пустынямъ совершенъ въ четыре дня. Въ Вяткѣ устроена была выставка и данъ балъ отъ купечества. Оттуда Цесаревичъ направилъ свой путь на Ижевскіе и Котело-Воткинскіе оружейные заводы, а 25-го мая былъ уже въ Перми, гдѣ остался два дня и гдѣ ссыльные поляки подали Наслѣднику прошенія о возвращеніи на родину, раскольники—объ избавленіи ихъ отъ преслѣдованія. 26-го мая, въ четыре часа пополудни, близъ станціи Рѣшоты, въ тридцати верстахъ отъ Екатеринбурга, Августѣйшій Путешественникъ достигъ высшей точки Уральскаго хребта и изъ Европы перевалилъ въ Азію. Къ шести часамъ онъ прибылъ въ Екатеринбургъ и тотчасъ же поѣхалъ осматривать монетный дворъ, казенный золотопромывательный заводъ, лабораторію, въ которой очищаютъ золото и переплавляютъ въ слитки, и гранильную фабрику. Проведя слѣдующій день въ Екатеринбургѣ, Наслѣдникъ 28-го мая обозрѣвалъ частные горные заводы, расположенные въ окрестностяхъ этого города; пилъ чай въ Старо-

Невьянскомъ желѣзномъ заводѣ Яковлевыхъ, поднимался на гору Благодать, ночевалъ въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ Демидова; на другой день вернулся къ обѣду въ Екатеринбургъ, а вечеромъ ѣздилъ на Берцовскіе казенные золотоносные пріиски. „Вчера, на разстояніи 200 верстъ", писалъ Юрьевичъ, „мы, такъ сказать, все ѣхали по золотымъ розсыпямъ; по обѣ стороны дороги постоянно видишь золотоносные пески; самая дорога—золото".

31-го мая Цесаревичъ вступилъ въ предѣлы Сибири, ночь съ 1-го на 2-е іюня провелъ въ Тюмени, а слѣдующею ночью, переправясь чрезъ Иртышъ, достигнулъ Тобольска. Тамъ, какъ и въ губернскихъ городахъ Европейской Россіи, для него была устроена промышленная выставка и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири данъ балъ. Сибирь произвела на Великаго Князя крайне благопріятное впечатлѣніе. Въ лучшихъ центральныхъ губерніяхъ онъ не видѣлъ такого бодраго, богатаго, виднаго, настоящаго русскаго народа, какъ по сибирскому тракту, отъ Екатеринбурга до Тобольска. Даже женщины показались ему красивѣе и здоровѣе ярославскихъ и костромскихъ. Земля, благодатный черноземъ, воздѣлана отлично. Не оказалось по пути ни тундръ, ни болотъ, обыкновенно связываемыхъ съ представленіемъ о Сибири, но всюду веселые виды полей, луговъ, рощи и широкія рѣки: Тура, Тоболъ, Иргышъ. Темнымъ пятномъ на радужномъ фонѣ этой картины являлись лишь многочисленные ссыльные, поселенные въ Тобольскѣ и его окрестностяхъ. Сердце Цесаревича прониклось состраданіемъ къ несчастнымъ и онъ не поколебался обратиться къ Государю съ просьбой о смягченіи ихъ участи.

Тобольскъ былъ конечною точкою путешествія Александра Николаевича въ Азіи. 4-го іюня онъ оставилъ этотъ городъ и, переночевавъ въ Тюмени, 6-го числа перевалилъ обратно за Уралъ и чрезъ Челябинскъ 7-го прибылъ на Златоустовскій оружейный заводъ. Въ Ялуторовскѣ и Курганѣ онъ видѣлъ поселенныхъ тамъ декабристовъ и обнадежилъ ихъ ласковымъ словомъ. Его тронуло грустное ихъ выраженіе.

Разстояніе отъ Златоуста до Оренбурга, 170 верстъ до Верхне-Уральска по горной мѣстности, а 570 верстъ оттуда по долинѣ Урала, безплодною Киргизскою степью, Цесаревичъ проѣхалъ въ пять дней. Въ Оренбургѣ генералъ-губернаторъ Перовскій устроилъ ему блестящій пріемъ, соединивъ европейскія удовольствія съ азіатскими потѣхами. По утру, вновь образованные регулярные башкирскіе полки, смѣшанные съ уральскими казачьими, стройными маневрами занимали Великаго Князя; вечеромъ киргизская орда, нарочно прикочевавшая къ Оренбургу для его пріѣзда, забавляла его всѣмъ, чѣмъ только могла: скачкою на киргизскихъ лошадяхъ маленькихъ, полунагихъ киргизятъ; скачкою ихъ же на верблюдахъ; состязаніемъ киргизовъ въ борьбѣ между собою; заклинаніемъ змѣй, хожденіемъ босыми ногами по голымъ острымъ саблямъ, дикою пляскою, музыкою на дудкахъ и гортанной. Не обошлось и безъ бала, происходившаго посреди киргизскаго кочевья, въ нарочно выстроенной изящной галлереѣ, подъ звуки европейскаго оркестра. Балъ удался какъ нельзя лучше и Великій Князь долго танцовалъ съ оренбургскими красавицами.

Посѣтивъ Илецкія соляныя копи, Наслѣдникъ оставилъ Оренбургъ 15-го іюня и на слѣдующій день прибылъ въ Уральскъ, гдѣ ему была показана примѣрная рыбная ловля осетровъ, лѣтняя и зимняя.

Два дня спустя, царственный путешественникъ былъ уже въ Казани, гдѣ оставался трое сутокъ. Тамъ онъ узналъ, что болѣзнь окончательно задержала въ Петербургѣ попечителя его, князя Ливена. Онъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ древній Кремль, съ его соборомъ, посѣтилъ женскій монастырь и съ величайшимъ вниманіемъ обозрѣвалъ во всей подробности Казанскій университетъ и состоящія при немъ ученыя учрежденія. Кромѣ обычнаго бала отъ дворянства, въ честь его купечество устроило народное гулянье на Орскомъ полѣ, а губернаторъ Стрекаловъ—спектакль любителей. Великій Князь остался очень доволенъ пребываніемъ въ Казани.

24-го іюня, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Симбирска, Цесаревича настигъ фельдъегерь и вручилъ ему письмо отъ Государя. То былъ отвѣтъ Императора Николая на ходатайство Наслѣдника о ссыльныхъ поселенцахъ Сибири и, въ числѣ ихъ, о нѣкоторыхъ декабристахъ. Его высочество поспѣшилъ сообщить Кавелину и Жуков-

скому содержаніе этого письма и тутъ же среди дороги, подъ открытымъ небомъ, всѣ трое обнялись во имя Царя, „возвѣстившаго имъ милость къ несчастнымъ". Минуту эту поэтъ-наставникъ называетъ „одною изъ счастливѣйшихъ въ жизни". Онъ спѣшилъ подѣлиться съ Августѣйшею матерью радостью, возбужденною въ немъ такимъ „произвольнымъ порывомъ милосердія въ миломъ Цесаревичѣ": „Никто не побуждалъ его къ состраданію; онъ самъ, съ прелестною сыновнею свободою и довѣренностью высказалъ все Государю... Боже мой! какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго Сына Царскаго! Какое восхищеніе произведетъ на всѣхъ этотъ новый союзъ милосердія между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно строгимъ и грознымъ, и сыномъ, котораго юношескій умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе! Сколько ранъ будетъ изцѣлено и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется предъ Богомъ за отца и сына. Вчера, въѣзжая въ Симбирскъ и видя толпу народа, которая съ крикомъ бѣжала за коляскою Наслѣдника, я не могъ не заплакать и про себя повторилъ: бѣги за нимъ Россія, онъ стоитъ любви твоей!"

Быстро промелькнули предъ Наслѣдникомъ Симбирскъ, Саратовъ, Пенза, Тамбовъ, Воронежъ. Въ каждомъ изъ этихъ губернскихъ городовъ онъ проводилъ по одному дню съ обычнымъ распредѣленіемъ между пріемами, смотрами, обозрѣніями и увеселеніями. Въ Тулѣ вниманіе его привлекъ оружейный заводъ, который онъ осматривалъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ Калугѣ присоединились къ свитѣ Наслѣдника офицеры, назначенные сопровождать его во время обзора полей сраженія отечественной войны: инженеръ-полковникъ Веймарнъ, какъ преподававшій ему исторію этой войны, и генеральнаго штаба полковникъ Яковлевъ, хорошо изучившій мѣстность, которую снималъ на планъ.

Обзоръ начался съ Вязьмы, куда Цесаревичъ прибылъ вечеромъ 13-го іюля. Сопровождали его, кромѣ обычной свиты и названныхъ двухъ офицеровъ, смоленскій губернаторъ, генералъ Дьяковъ, участникъ войны 1812 года, и нѣсколько провожатыхъ изъ старожиловъ, очевидцевъ безсмертныхъ событій. Три дня проведены, въ Смоленскѣ, окрестности котораго до Краснаго Александръ Николаевичъ объѣздилъ и осмотрѣлъ съ картами и планами въ рукахъ, не пропуская ни одной мѣстности, ознаменованной борьбой съ Наполеономъ. Въ Калугу возвратился онъ чрезъ Бѣлевъ, мѣсто кончины Императрицы Елисаветы Алексѣевны и родину Жуковскаго; тамъ посѣтилъ онъ домъ, гдѣ скончалась супруга Александра I, по которой отслужилъ панихиду, и тотъ, гдѣ родился любимый его наставникъ. Изъ Калуги Цесаревичъ ѣздилъ въ Авгурино, имѣніе помѣщика Полторацкаго, славившееся своимъ образцовымъ, хозяйствомъ, со вниманіемъ осматривалъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія, присутствовалъ при молотьбѣ и вѣяніи машинами и самъ пробовалъ пахать англійскимъ плугомъ, приспособленнымъ къ русской почвѣ.

20-го іюля онъ былъ уже въ Маломъ-Ярославцѣ, долго и внимательно изучалъ мѣстность, на которой происходилъ въ 1812-мъ году кровавый бой вокругъ этого города, семь разъ переходившаго изъ рукъ въ руки, а также поле Тарутинскаго сраженія, и на другой день прибылъ въ село Бородино. Объѣздъ верхомъ Бородинскаго поля продолжался отъ пяти до девяти часовъ вечера, въ направленіи отъ Семеновскихъ флешей на лѣвомъ флангѣ къ центральному люнету, на мѣстѣ котораго построенъ вдовою убитаго въ бою генерала Тучкова Спасскій монастырь. Переночевавъ въ Бородинѣ, Цесаревичъ продолжалъ и на третій день изученіе мѣстъ достопамятной битвы, присутствовалъ въ Спасскомъ монастырѣ на панихидѣ за упокой души на полѣ брани убіенныхъ воиновъ и собственной рукой положилъ камень въ сооружаемомъ на полѣ сраженія монументѣ. Въ ночь съ 23-го на 24-е іюля, онъ прибылъ въ Москву.

Александръ Николаевичъ неоднократно бывалъ уже и прежде въ первопрестольной столицѣ, но цѣлью настоящаго пріѣзда было подробное ознакомленіе съ нею, изученіе ея историческихъ памятниковъ и современныхъ достопримѣчательностей. По волѣ Государя онъ остановился въ Николаевскомъ дворцѣ и ночевалъ въ той самой комнатѣ, гдѣ родился, а неразлучный съ нимъ Юрьевичъ — „Симушка", какъ любилъ звать его Цесаревичъ,—расположился въ ней же на диванѣ, который нѣкогда занимала кормилица Великаго Князя.

24-го іюля, утромъ, состоялся традиціонный выходъ въ Успенскій соборъ, у входа въ который встрѣтилъ Цесаревича митрополитъ Филаретъ прочувствованнымъ привѣтственнымъ словомъ. „Онъ говорилъ просто", писалъ Жуковскій къ Государынѣ, „безъ всякаго витійства, но, думаю, никогда не говорилъ такъ выразительно, ибо самое происшествіе было слишкомъ краснорѣчиво. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ этотъ русскій храмъ, не видали передъ дверями его подобнаго событія. Какъ много значатъ на языкѣ митрополита слова: Государь, Наслѣдникъ, благодарность отечества, потомство. Я чувствовалъ трепетъ благоговѣнія, слушая ихъ и смотря на молодого прекраснаго Цесаревича, который смиренно ихъ принималъ, окруженный народомъ, вдругъ утихшимъ и плачущимъ. А когда мы вошли въ соборъ, гдѣ на моемъ вѣку совершилось уже три коронованія, гдѣ былъ коронованъ Петръ Великій, гдѣ въ теченіе почти четырехсотъ лѣтъ всѣ русскіе князья, цари и императоры принимали освященіе своей власти и торжествовали всѣ великія событія народныя, когда запѣли это многолѣтіе, столько разъ оглашавшее эти стѣны, когда его повели прикладываться къ образамъ и мощамъ, когда опять сквозь густую толпу онъ пошелъ въ соборъ Благовѣщенскій и Архангельскій и, наконецъ, на Красное Крыльцо, на вершинѣ котораго остановился, чтобъ поклониться московскому народу, котораго гремящее „ура!" слилось съ звукомъ колоколовъ и когда въ этомъ звукѣ, такъ сказать, раздался тотъ чудный голосъ, который столько предковъ на этомъ мѣстѣ слышали, который будутъ слышать потомки, пока будетъ жива Россія: то я, въ сильномъ движеніи души, почувствовавъ величіе этой минуты, пожалѣлъ, что ни Государь, ни вы не могли ею насладиться. Такія минуты рѣдки въ жизни человѣческой; здѣсь было не просто одно великолѣпное зрѣлище, но, можно сказать, представилось въ одномъ видимомъ образѣ все, что есть великаго, нравственнаго въ судьбѣ людей и царствъ. Потому-то и спѣшу въ немногихъ строкахъ передать вашему величеству эту картину. Москва очаровательна. Въ ней чувствуешь Россію. Она теперь шумитъ радостью. А для меня эта радость ея имѣетъ какой-то особенный звукъ, ибо я самый старый товарищъ въ жизни Наслѣдника. Я радовался его появленію на свѣтъ младенцемъ, какъ теперь радуюсь его появленію въ жизнь дѣятельную, посреди одной и той же Москвы. И какъ будто не было между этими событіями никакого промежутка времени и хотя чувствую, что время мое при немъ миновалось, но смѣю надѣяться, что тогдашнее мое пророчество, сохранившееся въ памяти добрыхъ русскихъ, исполнится и что Государь, долго имъ радуясь, какъ своимъ достойнымъ сыномъ, упрочитъ въ немъ счастіе нашихъ потомковъ".

Великій Князь осмотрѣлъ перестроивавшійся Кремлевскій дворецъ, Грановитую палату, терема, былъ на разводѣ на Кремлевской площади, совершилъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ прогулку въ экипажѣ по городу, обѣдалъ у князя Д. В. Голицына, а вечеромъ съѣздилъ въ расположенный подъ селомъ Коломенскимъ кадетскій лагерь. На другой день былъ у обѣдни, на разводѣ, на выставкѣ и въ Большомъ театрѣ, гдѣ давали оперу Верстовскаго: „Аскольдова могила".

Съ третьяго дня началось систематическое обозрѣніе московскихъ святынь, историческое значеніе коихъ разъяснялъ Цесаревичу митрополитъ Филаретъ и приглашенный Жуковскимъ извѣстный путешественникъ по св. мѣстамъ А. Н. Муравьевъ. Александръ Николаевичъ послѣдовательно посѣтилъ монастыри: Чудовъ, Донской, Даниловъ, Симоновъ, Крутицкій, Новоспасскій, теремныя церкви, храмъ Спаса на Бору, патріаршую ризницу; 30-го іюля онъ ѣздилъ въ Новый Іерусалимъ, откуда заѣхалъ и въ обитель св. Саввы Звенигородскаго; 1-го августа участвовалъ въ крестномъ ходѣ изъ Кремля на Москву-рѣку для освященія воды, а 2-го совершилъ паломничество въ Троицко-Сергіеву лавру. Наканунѣ отъѣзда онъ посвятилъ цѣлое утро внимательному и подробному осмотру Успенскаго собора. Во всѣхъ этихъ посѣщеніяхъ Александръ Николаевичъ проявлялъ необычайную любознательность, подробно разспрашивалъ объ особенностяхъ посѣщенныхъ памятниковъ въ связи съ историческими событіями и самъ поражалъ своихъ спутниковъ твердымъ и основательнымъ знаніемъ отечественной исторіи.

Вечера посвящались увеселеніямъ и заба-

вамъ. Одинъ балъ слѣдовалъ за другимъ въ городскихъ и загородныхъ домахъ московскихъ вельможъ. Рядъ ихъ заключился 31-го іюля великолѣпнымъ праздникомъ въ палатахъ генералъ-губернатора князя Голицына. По свидѣтельству Юрьевича, московскіе пиры, прогулки, представленія, увеселенія и разнаго рода обозрѣнія и посѣщенія примѣчательностей города, при нестерпимой жарѣ, доходившей въ тѣни до 28° Реомюра, весьма утомили Великаго Князя.

3-го августа прибыла въ Москву Императрица съ старшею дочерью Маріею Николаевною и поселилась въ Нескучномъ дворцѣ, куда переѣхалъ изъ Кремля и Цесаревичъ со своею свитой. Цѣлую недѣлю провелъ онъ съ матерью, отдыхая отъ пережитыхъ тревогъ. 9-го Государыня съ Великою Княжною выѣхала въ Воронежъ, Наслѣдникъ—во Владиміръ, откуда прослѣдовалъ въ Нижній-Новгородъ, въ самый разгаръ ярмарки. Ни во Владимірѣ, ни въ Нижнемъ не было баловъ по случаю Успенскаго поста; они возобновились въ Рязани, въ Тулѣ, въ Орлѣ, въ Курскѣ и въ Харьковѣ. Отобѣдавъ въ Полтавѣ у генералъ-губернатора графа А. Г. Строганова, Цесаревичъ въ ночь съ 24-го на 25-е августа пріѣхалъ въ Вознесенскъ.

Въ этомъ, по выраженію Юрьевича, „оазисѣ Херсонскихъ степей“ имѣли происходить въ Высочайшемъ присутствіи кавалерійскіе маневры, для чего стянуто туда 350 эскадроновъ конницы и до 30 баталіоновъ пѣхоты. Государь и Императрица уже находились въ Вознесенскѣ съ 17-го августа. Императоръ Николай радъ былъ свидѣться съ сыномъ, котораго нашелъ и здоровѣе, и полнѣе, и возмужалѣе. Онъ расцѣловалъ его и всѣхъ его спутниковъ, благодаря ихъ за то, что сберегли ему „*его Сашу*“. Его величество сопровождала блестящая свита, въ составъ которой входили: Великій Князь Михаилъ Павловичъ, генералъ-фельдмаршалы князья Витгенштейнъ и Паскевичъ, министръ Двора князь Волконскій и вице-канцлеръ графъ Нессельроде. Вскорѣ къ нимъ присоединились иностранные гости: эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ, принцы прусскіе Адальбертъ и Августъ, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, герцогъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій съ сыномъ, принцемъ Вильгельмомъ, и герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, сынъ пасынка Наполеона, Евгенія Богарнэ.

Въ продолженіе десяти дней происходили ученья, маневры, парады; вечера посвящались оживленнымъ танцамъ въ импровизованной бальной залѣ. На парадѣ 26-го августа Цесаревичъ назначенъ шефомъ Московскаго драгунскаго полка, а въ именины свои получилъ отъ Государя знаменательный подарокъ: село Бородино.

Изъ Вознесенска Наслѣдникъ сопутствовалъ Императору въ Николаевъ и Одессу, гдѣ снова соединилась вся царская семья. Проведя въ этомъ городѣ три дня въ празднествахъ и увеселеніяхъ всякаго рода, ихъ величества съ Цесаревичемъ отправились на пароходѣ „Сѣверная Звѣзда“ въ Севастополь. Черноморскій флотъ въ полномъ составѣ вышелъ имъ на встрѣчу и, по приказанію Государя, маневрировалъ въ открытомъ морѣ. Выйдя на берегъ, они посѣтили портъ и арсеналъ, а также Георгіевскій монастырь, построенный на мѣстѣ древняго Херсонеса, гдѣ принялъ св. крещеніе равноапостольный князь Владиміръ, а на другой день предприняли поѣздку въ Бахчисарай—бывшую столицу крымскихъ хановъ, откуда прослѣдовали въ Симферополь. На южномъ берегу Крыма они были гостями новороссійскаго губернатора графа М. С. Воронцова, принявшаго ихъ съ восточною пышностью, соединенной съ утонченностью западной Европы, въ Айданилѣ, въ Массандрѣ и въ Алупкѣ. Оставивъ тамъ Императрицу, Государь взялъ съ собою Цесаревича на пароходъ, отвезшій ихъ сначала въ Геленджикъ, потомъ въ Анапу, наконецъ въ Керчь, гдѣ его величество снова разстался съ сыномъ. Императоръ отправился въ Поти и далѣе въ Закавказье; Наслѣдникъ, осмотрѣвъ въ Керчи музей греческихъ древностей и одинъ изъ недавно разрытыхъ кургановъ, возвратился моремъ въ Алупку къ Императрицѣ. Отдохнувъ два дня, онъ 28-го сентября снова пустился въ путь, собралъ въ Симферополѣ свою разсѣянную свиту, 2-го октября былъ въ Екатеринославлѣ, 3-го—въ Кременчугѣ, гдѣ переправился чрезъ Днѣпръ, и 5-го достигъ Кіева.

Въ древней „матери городовъ русскихъ“ Цесаревичъ провелъ три дня. Первый выѣздъ былъ въ Печерскую лавру, гдѣ встрѣтилъ его во вратахъ Успенскаго собора высокопреосвященный Филаретъ, ми-

трополитъ кіевскій. 6-го октября онъ слушалъ обѣдню въ Софійскомъ соборѣ, поклонился мощамъ св. великомученицы Варвары, покоющимся въ Михайловскомъ монастырѣ, принималъ военныхъ и гражданскихъ властей, мѣстныхъ дворянъ и купцовъ, осматривалъ богоугодныя заведенія, крѣпость, арсеналъ, военный госпиталь, промышленную выставку; обѣдалъ у генералъ-губернатора графа Гурьева, который въ честь его далъ великолѣпный балъ. Слѣдующій день прошелъ въ обозрѣніи пещеръ и въ военныхъ смотрахъ и завершился народнымъ гуляньемъ въ городскомъ саду, живописно расположенномъ на высокомъ берегу Днѣпра, иллюминаціею и фейерверкомъ, сожженнымъ надъ рѣкою.

10-го октября, день, проведенный въ Полтавѣ, куда Наслѣдникъ поѣхалъ изъ Кіева, весь былъ посвященъ воспоминаніямъ о Петрѣ Великомъ и о Полтавской битвѣ. Цесаревичъ отстоялъ обѣдню въ томъ самомъ храмѣ, въ которомъ Петръ приносилъ благодареніе Богу послѣ побѣды. Великому Императору и всѣмъ павшимъ въ славномъ бою пропѣта вѣчная память. Найдя церковь въ полуразрушенномъ видѣ, Александръ Николаевичъ пожертвовалъ 2.000 рублей на ея поправку и выразилъ надежду, что важный этотъ историческій памятникъ будетъ спасенъ отъ разрушенія. Обозрѣвъ поле сраженія, Наслѣдникъ взобрался на курганъ, служащій общей могилой убитымъ воинамъ, а потомъ долго съ монастырской колокольни любовался прелестнымъ видомъ на городъ и живописную долину Ворсклы. Полтавскій балъ былъ не послѣднимъ. За нимъ слѣдовалъ другой—балъ въ Харьковѣ, гдѣ августѣйшій путешественникъ вторично остановился на день и чрезъ Чугуевъ, Екатеринославъ, Маріуполь и Бердичевъ, 17-го октября прибылъ въ Таганрогъ. На пути видѣлъ онъ нѣмецкія колоніи Новороссійскаго края, поселки ногайскихъ татаръ, селенія русскихъ раскольниковъ: молоканъ и духоборцевъ. Отслуживъ въ Таганрогѣ панихиду по Императорѣ Александрѣ I въ томъ домѣ, гдѣ скончался этотъ Государь, Цесаревичъ поздно вечеромъ 19-го октября проѣхалъ въ Аксайскую станицу, въ Землѣ Войска Донского, а на другой день, на обратномъ пути съ Кавказа, прибылъ туда и Императоръ Николай.

21-го октября состоялся торжественный въѣздъ Государя и Наслѣдника въ главный городъ Земли Войска Донского—Новочеркасскъ. Оба ѣхали верхами и у тріумфальныхъ воротъ встрѣчены наказнымъ атаманомъ, генералами, штабъ и оберъ-офицерами и всѣмъ населеніемъ города. Войсковой кругъ изъ знаменъ и регалій собрался вокругъ собора. Послѣ краткаго молебствія, Императоръ, войдя въ кругъ, принялъ изъ рукъ наказнаго атамана булаву и вручилъ ее Цесаревичу. Прочіе знаки атаманскаго достоинства: насѣка, боболевы хвосты и знамена были, при пушечной пальбѣ, отнесены въ домъ, занимаемый его высочествомъ. По окончаніи пріема генераловъ и высшихъ должностныхъ лицъ, августѣйшій атаманъ осматривалъ войсковое правленіе, уголовный и гражданскій суды, черкасскія окружныя судныя начальства, постоянное и временное, войсковой архивъ, коммиссію о размежеваніи земель, войсковую строительную коммиссію и войсковое дежурство. На другой день послѣ Высочайшаго смотра двадцати казачьимъ полкамъ, онъ продолжалъ осмотръ гимназіи, госпиталя, тюремнаго замка, дома умалишенныхъ и выставки искусственныхъ и естественныхъ произведеній края. Къ обѣду Государя приглашены были всѣ генералы и командиры полковъ. Вечеромъ, его величество и его высочество почтили своимъ присутствіемъ данный въ честь ихъ балъ.

25-го октября августѣйшіе путешественники оставили Новочеркасскъ и быстро помчались къ Москвѣ, остановясь лишь въ Воронежѣ, гдѣ помолились у новоявленныхъ мощей святителя Митрофана. 26-го октября въѣхали они въ первопрестольную столицу. Государь и Цесаревичъ провели въ Москвѣ цѣлыхъ шесть недѣль, отпраздновали тамъ день тезоименитства Императора и 10-го декабря возвратились въ Царское Село.

Такъ завершилось продолжавшееся болѣе семи мѣсяцевъ путешествіе Наслѣдника, бывшее, по образному выраженію Жуковскаго, „всенароднымъ обрученіемъ его съ Россіей“. Въ этотъ сравнительно краткій срокъ, онъ объѣхалъ тридцать губерній, и первый изъ членовъ царствующаго дома посѣтилъ отдаленную Сибирь. За все время путешествія ему подано до 16.000 просьбъ, большею частью о посо-

біяхъ. Каждое прошеніе отсылалось къ начальникамъ губерній, получившимъ по 8.000 рублей на раздачу наиболѣе нуждающимся. Болѣе важныя просьбы отсылались министрамъ и въ коммиссію прошеній, наконецъ самыя важныя Наслѣдникъ прямо отъ себя посылалъ Государю. По Высочайшему повелѣнію, всѣ вѣдомства должны были безотлагательно заниматься разборомъ и удовлетвореніемъ прошеній, поступившихъ на имя его высочества.

Вскорѣ по переселеніи Двора изъ Царскаго Села въ Петербургъ, въ ночь съ 17-го на 18-е декабря сгорѣлъ Зимній дворецъ. Наслѣдникъ находился при Императорѣ, лично распоряжавшемся тушеніемъ пожара, когда Его Величеству доложили о другомъ пожарѣ, вспыхнувшемъ въ Галерной Гавани. Государь приказалъ сыну тотчасъ же отправиться туда и принять мѣры къ прекращенію бѣдствія, грозившаго одной изъ бѣднѣйшихъ частей столицы. Александръ Николаевичъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе. На пути сани его опрокинулись. Не медля ни минуты, онъ вскочилъ на лошадь встрѣтившагося ему жандарма, проѣзжая мимо казармъ Финляндскаго полка велѣлъ слѣдовать за собою первому баталіону финляндцевъ и съ помощью ихъ потушивъ пожаръ въ Галерной гавани, прискакалъ снова на Дворцовую площадь, чтобы донести Государю объ исполненіи возложеннаго на него порученія.

Царская семья поселилась въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ въ семейномъ кругу встрѣтила новый 1838-й годъ.

V.

Помолвка и женитьба.

1838—1841.

Путешествіе по Россіи завершило предначертанный Жуковскимъ, за восемь лѣтъ до того, кругъ образованія Наслѣдника. Оставалось посвятить его въ тайны государственнаго управленія сообщеніемъ свѣдѣній о трехъ главнѣйшихъ отрасляхъ: военной, финансовой и дипломатической. Къ этому было приступлено въ началѣ 1838 года.

Высшую стратегію и военную политику читалъ Цесаревичу выдающійся военный писатель того времени, бывшій начальникъ штаба маршала Нея, перешедшій въ русскую службу въ 1813 году, генералъ-адъютантъ баронъ Жомини. Съ современнымъ состояніемъ русскихъ финансовъ ознакомилъ его министръ финансовъ, графъ Канкринъ; съ внѣшними отношеніями Россіи—старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Брунновъ.

Составленное Брунновымъ обозрѣніе дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными обнимаетъ періодъ времени отъ воцаренія Екатерины II до кончины Александра I и заключается обзоромъ политики русскаго Двора въ царствованіе Императора Николая. Начинаетъ онъ его изложеніемъ екатерининскихъ договоровъ, приведшихъ къ раздѣлу Польши и къ установленію покровительства Россіи ея единовѣрцамъ на Востокѣ, причинно не связывая эти два историческія явленія съ преемственною политикою московскихъ царей и государственною дѣятельностью Петра Великаго и ближайшихъ его преемниковъ. Признавая дипломатическое искусство, проявленное Императрицей Екатериной въ своей внѣшней политикѣ, Брунновъ осуждалъ ея направленіе и способы дѣйствія, находя, что царствованіе ея завѣщало трудности, которыя „еще долго будутъ удручать политику Россіи“. Политической системѣ Великой Государыни противополагалъ онъ ту, которой слѣдовалъ императорскій кабинетъ съ того дня, когда Александръ I, создавъ Священный союзъ, положилъ начало европейской федераціи, основанной на сознаніи общей солидарности великихъ державъ. Руководящимъ началомъ русской политики провозглашалъ баронъ Брунновъ прямодушіе и честность, составляющія ея неизмѣнное правило — и, какъ собственноручно приписалъ Императоръ Николай—„источникъ истинной нашей силы“. Въ дѣйствительности же она сводилась къ тѣсному единенію Россіи съ Австріей и Пруссіей, къ исканію дружественнаго соглашенія съ Англіей и къ непрерывному антагонизму съ Франціей, для поддержанія порядка, установленнаго въ Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года. Цѣлью союза съ дворами вѣнскимъ и берлинскимъ выставлялось ограждение Россіи отъ революціонной пропаганды, въ томъ предположеніи, что „прежде чѣмъ дойти до насъ, она потеряетъ свою силу и раздро-

бится объ Австрію и Пруссію". Отсюда необходимость снисходительно относиться къ союзникамъ, оказывая имъ покровительство и помощь, не требовать отъ нихъ взаимности и даже вовсе не разсчитывать на ихъ содѣйствіе въ случаѣ столкновенія съ Англіей и Франціей по восточнымъ дѣламъ. Положеніе, созданное Россіи на Востокѣ ея побѣдами надъ Турціей и договорами съ нею, Брунновъ признавалъ „неудобнымъ и невыгоднымъ наслѣдіемъ", принадлежавшее ей право покровительства единовѣрцамъ называлъ убыточнымъ; высказывался противъ всякаго поощренія стремленій къ независимости восточныхъ христіанъ и задачу Россіи на Востокѣ полагалъ въ поддержаніи существованія Оттоманской Имперіи.

Въ занятіяхъ высшими государственными науками—военною, финансовою и дипломатическою, прошли первые три мѣсяца 1838 года. 17-го апрѣля, въ день, когда Александру Николаевичу исполнилось двадцать лѣтъ, Императоръ Николай назначилъ его шефомъ двухъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ: Павлоградскаго гусарскаго и Клястицкаго уланскаго. 23-го апрѣля на Высочайшемъ смотру войскъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса Цесаревичъ командовалъ Кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ, а недѣлю спустя предпринялъ продолжительное путешествіе за границу.

Путешествіе это, какъ и поѣздка по Россіи, входило въ программу воспитанія Наслѣдника. Ознакомивъ сына съ различными областями русскаго царства, Императоръ Николай считалъ нужнымъ довершить его образованіе знакомствомъ съ главными европейскими дворами. Маршрутъ, составленный для Цесаревича, обнималъ почти всѣ страны Западной Европы, за исключеніемъ Франціи и государствъ Пиринейскаго полуострова. Но изученіе ихъ не было единственною цѣлью путешествія; по совѣту врачей Александръ Николаевичъ долженъ былъ воспользоваться имъ для лѣченія водами въ Эмсѣ отъ болей въ груди, осложненныхъ кашлемъ и припадками лихорадки, вызванной переутомленіемъ во время быстраго слѣдованія его по внутреннимъ губерніямъ въ предшедшемъ году. Слабое состояніе здоровья Императрицы Александры Ѳеодоровны вынуждало и ее искать облегченія въ перемѣнѣ климата и въ пользованіи минеральными водами. Предполагая остановиться на нѣкоторое время въ Берлинѣ, она пожелала взять туда двухъ младшихъ сыновей, Николая и Михаила Николаевичей, отправленныхъ впередъ съ ихъ воспитателемъ. Сама Государыня выѣхала изъ Петербурга 28-го апрѣля съ Великою Княжною Александрою Николаевною. Вскорѣ послѣдовалъ за нею и Государь съ Цесаревичемъ, нагнавшій супругу не доѣзжая до Берлина, куда вся царская семья торжественно въѣхала 7-го мая, въ сопровожденіи встрѣтившихъ ее въ Фридрихсфельдѣ короля прусскаго съ четырьмя сыновьями и двумя дочерьми: великою герцогинею Александрою Мекленбургъ-Шверинскою и принцессою Луизою Нидерландскою.

Пока Императрица отдыхала въ кругу родительской семьи, Императоръ со старшимъ сыномъ принималъ дѣятельное участіе въ происходившихъ въ окрестностяхъ Берлина маневрахъ прусскаго гвардейскаго корпуса, присутствовать на которыхъ, кромѣ русскихъ гостей, приглашены были короли ганноверскій и виртембергскій, а также многіе нѣмецкіе государи и принцы. По окончаніи маневровъ, Императрица переѣхала въ Потсдамъ, а Государь съ тремя сыновьями отправился въ Штетинъ, гдѣ сѣлъ на военный пароходъ „Геркулесъ" и отплылъ въ ночь съ 25-го на 26-е мая.

Объѣздъ европейскихъ дворовъ Александръ Николаевичъ началъ съ Швеціи и въ Стокгольмѣ ждали лишь прибытія его одного, но Императоръ Николай захотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы самому посѣтить престарѣлаго короля Карла-Іоанна, не предупреждая его о томъ. 29-го мая „Геркулесъ" подъ флагомъ Наслѣдника вошелъ въ Стокгольмскую гавань и бросилъ якорь предъ самымъ королевскимъ дворцомъ. Пока Цесаревича встрѣчали шведскіе придворные и военные сановники и при громѣ пушекъ привѣтствовала толпа собравшагося вокругъ пристани народа, Государь, никѣмъ незамѣченный, пробрался въ королевскіе покои и неожиданнымъ своимъ появленіемъ озадачилъ и крайне обрадовалъ старца Бернадотта, вѣрнаго союзника и преданнаго сподвижника и друга Александра Благословеннаго. Императоръ Николай пробылъ въ Стокгольмѣ всего два дня, со вниманіемъ осматривалъ гвардейскія казармы, военный госпиталь, присутствовалъ при

парадѣ шведскихъ войскъ, обѣдалъ у короля и наслѣднаго принца и, послѣ бала во дворцѣ, отбылъ на „Геркулесѣ“ съ двумя младшими сыновьями въ Россію. Александръ Николаевичъ провелъ въ Швеціи болѣе двухъ недѣль, съ состоявшими при немъ обычными спутниками: Кавелинымъ, Жуковскимъ, Назимовымъ, Адлербергомъ, Віельгорскимъ, Паткулемъ, докторомъ Енохинымъ, къ которымъ присоединился и попечитель его высочества, князь Ливенъ, а также юный сверстникъ, И. М. Толстой. Съ 29-го мая по 3-е іюня Цесаревичъ оставался въ Стокгольмѣ, гдѣ наслѣдный принцъ Оскаръ служилъ ему проводникомъ по всѣмъ достопримѣчательностямъ этой древней столицы. Онъ посѣтилъ королевскую академію наукъ, на порогѣ которой былъ встрѣченъ ея президентомъ, знаменитымъ химикомъ Берцеліусомъ; лабораторію этого ученаго; военное училище, образцовую ферму и самъ принималъ своего молодого друга, принца Оскара, на русскомъ пароходѣ „Александрія“. Съ нимъ же предпринялъ онъ цѣлый рядъ поѣздокъ по живописнымъ окрестностямъ Стокгольма, по озеру Мелару, останавливаясь для осмотра желѣзныхъ заводовъ и историческихъ замковъ Грипсгольма, Дротенгольма и Розенберга. Въ Упсалѣ осмотрѣлъ онъ соборъ, гдѣ похороненъ Густавъ Ваза, университетъ; спускался въ даннемаркскіе рудники; плылъ по каналамъ Готскому и Трольготскому, замѣчательнымъ своими шлюзами; наконецъ, 14-го іюня, простившись съ наслѣднымъ принцемъ, сѣлъ въ Готенбургѣ на пароходъ „Геркулесъ“, на которомъ, на слѣдующій день, прибылъ въ Копенгагенъ.

И въ датской столицѣ, какъ въ Стокгольмѣ, первые дни пребыванія прошли въ визитахъ королю Фридриху VI и королевѣ Маріи, въ пріемѣ министровъ и членовъ дипломатическаго корпуса, въ осмотрѣ достопримѣчательностей въ томъ числѣ морского арсенала, въ торжественныхъ обѣдахъ, спектакляхъ, балахъ. О впечатлѣніи, произведенномъ русскимъ Наслѣдникомъ на Дворы стокгольмскій и копенгагенскій, имѣемъ слѣдующій отзывъ Жуковскаго въ письмѣ къ Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ:

„Его путешествіе началось подъ вліяніемъ свыше: первый его шагъ былъ облегченъ присутствіемъ Государя. Когда онъ остался одинъ въ Швеціи и началъ самъ за себя независимо играть свою роль, то уже главное было сдѣлано, первое впечатлѣніе было произведено и на него, и имъ на другихъ, наилучшимъ образомъ. Онъ былъ принятъ въ Швеціи и семействомъ короля, и всею націею, съ искреннимъ доброжелательствомъ; семья короля полюбила въ немъ его благородную чистую природу, а нація на него обратила ту благодарность, которую возбудило въ ней уваженіе, оказанное ей, въ лицѣ короля, русскимъ Императоромъ. То пріятное чувство, которое должно было произвести въ Великомъ Князѣ его пребываніе въ Швеціи, имѣло счастливое вліяніе и на его первый шагъ въ Даніи. Здѣсь онъ уже не имѣлъ того руководца, который былъ съ нимъ въ Швеціи; онъ явился одинъ, посреди незнакомыхъ ему лицъ королевской семьи и сдѣлалъ этотъ шагъ съ достоинствомъ, съ приличіемъ и со всею прелестью молодости, такъ что здѣсь, въ королевской семьѣ, полюбили его, какъ *своего*; особенно старикъ - король—честная, добрая душа, почтенный мірянинъ нашего бурнаго вѣка, который, — нѣсколько дикій, какъ мнѣ сказывали по характеру,—вдругъ почувствовалъ къ нему нѣчто родственное и обращается съ нимъ безъ принужденія. Такого же рода расположеніе къ нему замѣтно и въ самомъ обществѣ, такъ что его пребываніе здѣсь не есть просто замѣчательное событіе, возбуждающее любопытство, но и милое, для всѣхъ пріятное явленіе, возбуждающее радостное, симпатическое чувство“.

Понятны тревога и печаль, вызванныя при датскомъ Дворѣ извѣстіемъ о болѣзни Цесаревича. Онъ простудился при посѣщеніи портовыхъ сооруженій, и сильный припадокъ лихорадки уложилъ его въ постель. Пять дней не выходилъ онъ изъ отведеннаго ему дворца Христіансборга. Назначенный въ честь его парадъ не былъ, однако, отмѣненъ: по приказанію короля, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо его оконъ. Даже по выздоровленіи, Наслѣдникъ чувствовалъ себя еще настолько слабымъ, что не могъ участвовать въ предположенныхъ празднествахъ. 29-го іюня онъ оставилъ Копенгагенъ на „Геркулесѣ“, перевезшемъ его въ Травемюнде, отдохнулъ однѣ сутки въ этомъ городѣ, другія въ Любекѣ и 6-го іюля пріѣхалъ въ Ганноверъ. Тамъ было при-

готовлено для него помѣщеніе въ загородномъ замкѣ Геренсгаузенѣ, гдѣ онъ провелъ пять дней въ глубокомъ уединеніи, прерванномъ лишь поѣздкою въ замокъ Монбрильянъ, лѣтнее пребываніе короля и королевы ганноверскихъ. Отдыхъ этотъ настолько благопріятно отразился на его здоровьи, что предъ отъѣздомъ онъ былъ уже въ состояніи не только присутствовать на парадномъ спектаклѣ и танцовать на придворномъ балѣ, но и отправиться на артиллерійское ученье ганноверскихъ войскъ.

Выѣхавъ изъ Ганновера 19-го іюля, Александръ Николаевичъ провелъ одинъ день въ Касселѣ, въ гостяхъ у курфирстины Гессенской, другой во Франкфуртѣ, навѣстилъ въ Бибрихѣ владѣтельнаго герцога Нассаускаго и 26-го іюля прибылъ въ Эмсъ.

Лѣченіе эмскими водами предписано было ему франкфуртскими медиками, и чтобы немедленно начать его, Цесаревичъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія ѣхать для свиданія съ матерью въ мѣстечко Крейтъ, въ Баварскихъ Альпахъ, куда ея величество переселилась по окончаніи курса лѣченія въ Зальцбруннѣ. Лица, сопровождавшія Наслѣдника, были не мало встревожены его болѣзнью и уже изъ Копенгагена князь Ливенъ помышлялъ о томъ, чтобы отвезти его въ мѣстопребываніе Императрицы Александры Ѳеодоровны. Цесаревичъ, однако, самъ воспротивился этому, а улучшеніе его здоровья, бывшее слѣдствіемъ десятидневнаго отдыха въ Ганноверѣ, разсѣяло всякія опасенія. Изъ Эмса Жуковскій спѣшилъ успокоить Государыню, извѣщая ее, что состояніе здоровья ея сына, по удостовѣренію врачей, уже не возбуждаетъ безпокойства. „Но", присовокуплялъ онъ, „Великій Князь въ тѣхъ лѣтахъ, когда его силы тѣлесныя продолжаютъ еще развиваться и когда главное дѣйствіе этого развитія происходитъ въ груди, а онъ уже нѣсколько недѣль кашляетъ. Конечно, нѣтъ и признака болѣзни, но предосторожность необходима, и если эта предосторожность будетъ взята теперь вполнѣ, съ надлежащею строгостью, то не только отвратится болѣзнь еще не существующая, но и силы тѣлесныя утверждены будутъ совершенно и самымъ надежнымъ образомъ, на все будущее время. Итакъ, теперь для насъ главнымъ, единственнымъ дѣломъ должно быть достиженіе этой цѣли coute que coute, и если уже надобно было случиться тому, что случилось, то надлежитъ благодарить Бога, что оно случилось въ самомъ началѣ путешествія, въ благопріятное для лѣченія время и не въ Россіи. Нѣсколько дней, проведенныхъ Великимъ Княземъ въ Ганноверѣ въ совершенномъ спокойствіи, весьма укрѣпили его и потомъ самое путешествіе было ему весьма полезно. Но о путешествіи теперь думать нечего; оно впереди. Главное—утвержденіе здоровья на будущее время. Средство на то передъ нами, а еще ничего упущено не было. Смѣло могу утверждать, что ваше величество можете въ настоящую минуту быть совершенно спокойны, и если надобно вамъ принести нѣкоторую жертву будущему, то послѣдствія этого усилія навсегда останутся благодѣтельны".

Подъ такою жертвою Василій Андреевичъ разумѣлъ отказъ Императрицы отъ свиданія съ сыномъ, впредь до окончанія предпринятаго въ Эмсѣ лѣченія водами. Онъ же просилъ ея величество исходатайствовать соизволеніе Государя на измѣненіе маршрута Цесаревича, согласно указаніямъ врачей, настоятельно требовавшихъ, чтобы Александръ Николаевичъ, вмѣсто предположеннаго пребыванія зимою въ Англіи, провелъ зиму на югѣ, въ тепломъ климатѣ.

Недугъ Наслѣдника отразился на его внѣшности. Красивый двадцатилѣтній юноша похудѣлъ и поблѣднѣлъ, взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ грустенъ и задумчивъ, въ чертахъ лица выражалось страданіе. Такимъ изображаетъ Цесаревича впервые увидѣвшій его въ Эмсѣ французскій писатель Кюстинъ. И не смотря на все это, красота Цесаревича поразила зоркаго наблюдателя. „Выраженіе его взгляда", говоритъ онъ,—„доброта. Это въ полномъ смыслѣ слова—Государь (un prince). Видъ его скроменъ безъ робости. Онъ прежде всего производитъ впечатлѣніе человѣка превосходно воспитаннаго. Всѣ движенія его полны граціи. Онъ прекраснѣйшій образецъ Государя изъ всѣхъ когда-либо мною видѣнныхъ". Такъ, впрочемъ, судили объ Александрѣ Николаевичѣ всѣ видѣвшіе и знавшіе его. Съ понятнымъ самодовольствомъ сообщалъ Жуковскій Императрицѣ, что впечатлѣніе, произведенное Наслѣдникомъ, именно то, котораго можно было желать: „Вездѣ поняли его чистоту

духовную, его прямой высокій характеръ; вездѣ его милая наружность, такъ согласная съ его нравственностью, пробудила живое симпатичное чувство, и все, что я слышалъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ отъ многихъ, было мнѣ по сердцу, ибо я слышалъ не фразы привѣтствія, а именно то, что соотвѣтствовало внутреннему убѣжденію". „Несказанно счастливою минутою жизни моей будетъ та", заключаетъ наставникъ письмо свое, „въ которую увижу его возвратившимся къ вамъ, съ душою, полною живыхъ впечатлѣній и здравыхъ ясныхъ понятій, столь нужныхъ ему при его назначеніи. Дай Богъ, чтобъ исполнилось и другое сердечное мое желаніе—которое въ то же время есть и усердная молитва за него къ Богу—то-есть, чтобы въ своемъ путешествіи нашелъ онъ для себя то чистое счастіе, которымъ Богъ благословилъ отца его".

Не легко было Цесаревичу примириться съ необходимостью отложить на продолжительное время свиданіе съ нѣжно любимою матерью и серьезно заняться лѣченіемъ. Жуковскій свидѣтельствуетъ, что рѣшеніе это стоило ему тяжелой внутренней борьбы. „Вотъ одна изъ тѣхъ минутъ", говоритъ Василій Андреевичъ въ письмѣ къ Императрицѣ, „въ которыя знакомишься короче съ душою человѣческою: минута испытанія, минута пожертвованія тѣмъ, чего хочетъ сердце, тому, что велитъ строгій долгъ. Увѣряю васъ, что я въ настоящихъ обстоятельствахъ болѣе прежняго полюбилъ Великаго Князя и почувствовалъ къ нему сердечное уваженіе. Высокая покорность своему назначенію выражается въ немъ съ плѣнительною младенческою чистотою и въ то же время съ какою-то непринужденною твердостью, которая меня радуетъ, трогаетъ и удивляетъ. Я вижу въ немъ въ эту тяжелую минуту и ясность ума, и вѣрность чувства, и смиреніе вѣры и особенно для меня драгоцѣнно то, что принужденный принести жертву, болѣзненную для сердца и трудную для воли, онъ сохраняетъ въ то же время всю свою кротость. Насиліе надъ собою не дѣйствуетъ на его нервы; онъ милъ и добръ, какъ въ минуту полнаго счастья".

Мѣсяцъ, проведенный въ Эмсѣ, принесъ ожидаемые плоды. Цесаревичъ, строго прошедшій курсъ лѣченія водами, совершенно оправился, ободрился. Зимнее пребываніе въ Италіи должно было довершить его выздоровленіе, но прежде чѣмъ предпринять это дальнее путешествіе, онъ пожелалъ повидаться съ родителями. Ко дню его именинъ—30-го августа,—Государь и Императрица съѣхались съ нимъ въ Веймарѣ и оттуда всѣ поѣхали въ Берлинъ. 14-го сентября, простясь съ отцомъ и матерью, Александръ Николаевичъ отправился въ Мюнхенъ, посѣтивъ по пути Лейпцигское поле сраженія. Проведя въ столицѣ Баваріи три дня въ обществѣ будущаго своего шурина, герцога Лейхтенбергскаго, бракъ котораго съ Великою Княжною Маріею Николаевною былъ уже рѣшенъ, Наслѣдникъ перевалилъ чрезъ Альпы и, послѣ непродолжительной остановки въ Инсбрукѣ, 29-го сентября прибылъ въ Верону.

Въ австрійскихъ владѣніяхъ его встрѣтили съ необычайными почестями. Въ сопровожденіи назначенныхъ состоять при его особѣ двухъ австрійскихъ офицеровъ, Цесаревичъ внимательно осмотрѣлъ укрѣпленія Вероны, а также поля сраженій австрійцевъ съ французами въ 1796 году. Цѣлыя три недѣли провелъ онъ на берегахъ Комскаго озера для лѣченія виноградомъ. Силы его все болѣе и болѣе укрѣплялись; онъ уже могъ совершать продолжительныя прогулки верхомъ по восхитительнымъ окрестностямъ, побывалъ на Лаго-Маджіорѣ и на Борромейскихъ островахъ. Въ Миланѣ вице-король эрцгерцогъ Райнеръ и старый фельдмаршалъ Радецкій, въ продолженіе семи дней, устраивали въ честь его блестящія военныя торжества: ученья, смотры, парады. Остальное время посвящалось осмотру памятниковъ искусства и разнымъ увеселеніямъ. Изъ Милана Цесаревичъ поѣхалъ чрезъ Кремону, Мантуу, Верону, Виченцу и Падуу, останавливаясь въ каждомъ изъ этихъ городовъ для ознакомленія съ ихъ достопримѣчательностями; время съ 2-го по 23-е ноября провелъ въ Венеціи и, посѣтивъ во Флоренціи великаго герцога Тосканскаго, 5-го декабря достигъ Рима.

Пребываніе въ вѣчномъ городѣ продолжалось мѣсяцъ. Папа Григорій XVI съ величайшею предупредительностью принялъ въ Ватиканѣ старшаго сына русскаго Царя. Въ Римѣ отпраздновалъ онъ тезоименитство августѣйшаго родителя, богослуженіемъ въ русской посольской церкви и обѣдомъ, къ которому была при-

*

глашена вся русская колонія. „Со времени прибытія въ Римъ“, писалъ оттуда бывшій гувернеръ его Жилль, „Государь Наслѣдникъ посвящаетъ по нѣсколько часовъ въ день посѣщенію всего достойнаго обозрѣнія въ этомъ городѣ, столь замѣчательномъ историческими воспоминаніями своего могущества и славы, столь богатомъ памятниками всѣхъ вѣковъ, столь знаменитомъ художественными коллекціями. Ватиканскія галлереи и библіотека, Капитолійскій музей, частныя собранія картинъ, несравненные образцы древняго и новаго зодчества, наконецъ, мастерскія пребывающихъ въ Римѣ художниковъ всѣхъ странъ, поперемѣнно привлекаютъ вниманіе Великаго Князя. Его высочество съ особенною заботливостью относится къ русскимъ художникамъ, изъ которыхъ многіе пріобрѣли заслуженную славу въ этой столицѣ. Съ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ начались здѣсь спектакли и балы. Его высочество принимаетъ участіе въ увеселеніяхъ высшаго общества. Воздухъ свѣтелъ и чистъ и Государь Наслѣдникъ находится въ вожделѣнномъ здравіи“. И все же Цесаревича тянуло назадъ, въ Россію. „Я такой человѣкъ, что могу весь въ воспоминаніи жить“, читаемъ въ письмѣ его изъ Рима къ любимому адъютанту Назимову, „и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ моемъ отдаленіи, и хотя Италія очень хороша, но дома все-таки лучше. Завтра отправляемся въ Неаполь, а оттуда далѣе по назначенному маршруту, такъ, чтобы къ 20-му іюня быть дома. О, счастливый день! Когда бы онъ скорѣе пришелъ!“

Жизнь Наслѣдника въ Римѣ была омрачена печальнымъ происшествіемъ. Сопровождавшій его попечитель князь Ливенъ скончался за нѣсколько дней до Новаго года. Отдавъ послѣдній долгъ усопшему, Наслѣдникъ отказался отъ всѣхъ приготовленныхъ въ честь его празднествъ и 6-го января выѣхалъ въ Неаполь.

Неаполитанскій Дворъ чествовалъ высокаго гостя самымъ разнообразнымъ распредѣленіемъ времени между военными и свѣтскими праздниками, парадами, спектаклями, балами и прогулками по окрестностямъ столицы. Цесаревичъ не только посѣтилъ подземный Геркуланумъ и открытую Помпею, но и восходилъ на Везувій, катался по заливу, осматривалъ загородные дворцы Капо-ди-Монте и Казерту и въ первый день карнавала присутствовалъ на процессіи масокъ на Via di Toledo. На возвратномъ пути, онъ остановился на нѣсколько дней въ Римѣ, гдѣ для него, по приказанію папы, былъ иллюминованъ куполъ храма св. Петра. Изъ Рима Александръ Николаевичъ направился въ сѣверную Италію, имѣлъ свиданіе по пути въ Массѣ съ выѣхавшимъ къ нему на встрѣчу герцогомъ Моденскимъ, въ Каррарѣ обозрѣвалъ каменоломни, изъ которыхъ добывался мраморъ для колоннъ и украшеній Гергіевской залы возрожденнаго изъ пепла Зимняго дворца, провелъ день въ Генуѣ, въ Нови—объѣхалъ поле сраженія, выиграннаго Суворовымъ въ 1799 году, и провелъ три дня въ Туринѣ при дворѣ сардинскаго короля.

Дальнѣйшій путь его лежалъ на Вѣну, чрезъ Миланъ, Тревизу, Клагенфуртъ и Нейштадтъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ съѣхался онъ съ генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ, назначеннымъ замѣнить при немъ, во время заграничнаго путешествія, умершаго попечителя князя Ливена. Въ австрійской столицѣ ожидали его торжественная встрѣча и радушный пріемъ. Въ самый день пріѣзда, 19-го февраля, Цесаревичъ обѣдалъ у императора Фердинанда въ замкѣ, присутствовалъ на парадномъ спектаклѣ въ придворномъ театрѣ и на вечерѣ у князя и княгини Меттернихъ; на другой день происходилъ обѣдъ у посла Татищева и концертъ въ замкѣ; на третій—большой парадъ, по окончаніи котораго императоръ австрійскій назначилъ Наслѣдника шефомъ 4-го гусарскаго полка. Десятидневное пребываніе въ Вѣнѣ, посвященное прилежному осмотру достопримѣчательностей этой художественной столицы, заключилось обозрѣніемъ полей битвъ при Аспернѣ и Ваграмѣ. Населеніе привѣтствовало громкими кликами каждое появленіе на улицѣ сына и Наслѣдника могущественнаго союзника своего государя; высшее общество и дворъ соперничали въ устройствѣ въ честь его блестящихъ празднествъ. Всѣхъ болѣе ухаживали за нимъ имперскій канцлеръ и жена его. Почти каждый день Цесаревичъ посѣщалъ домъ Меттерниха, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время, въ особенности по вечерамъ, въ небольшомъ избранномъ кружкѣ молодыхъ женщинъ и кавалеровъ, приглашен-

ныхъ нарочно для него и съ которыми онъ забавлялся салонными играми (petits-jeux). На всѣхъ въ Вѣнѣ произвелъ онъ самое пріятное впечатлѣніе. Его находили красивымъ, симпатичнымъ и веселымъ, удивлялись его такту и скромности.

Послѣ австрійскаго двора, Цесаревичъ посѣтилъ дворы виртембергскій и баденскій, проведя по два дня въ Штутгартѣ и Карлсруэ. Въ Гейдельбергѣ остановился онъ на нѣсколько часовъ для осмотра знаменитаго замка. Путешествіе шло благополучно. Не смотря на суровое время года, на ненастную погоду, на быструю ѣзду, на краткія остановки, здоровье Александра Николаевича было постоянно хорошо. Въ письмѣ къ Императрицѣ, Жуковскій сѣтовалъ лишь на то, что дорогою путешественникамъ не на что глядѣть, ибо ни на что и глядѣть не хочется отъ холода, снѣга и дождя. „Сверхъ того", жаловался онъ, „въ городахъ немногіе часы, посвященные пребыванію въ нихъ, задушены представленіями, балами, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что можно было бы видѣть и не покидая Петербурга; самые же осмотры такъ быстры, что нѣтъ отъ нихъ ни удовольствія, ни пользы, нѣтъ времени одуматься и побыть съ собою на просторѣ. Мы бросили весну за Альпами и скачемъ отъ нея безъ памяти на сѣверъ. Ей не догнать насъ до самой Гаги, а тамъ совершенно утопимъ ее въ нидерландскихъ туманахъ. Дай только Богъ, чтобъ она не вздумала отмстить намъ лихорадкою. За то, съ другой стороны, любо поглядѣть на нашего Великаго Князя. Его прекрасная благородная природа привлекаетъ къ нему всѣ сердца и, конечно, повсюду послѣ него останется самое свѣтлое воспоминаніе. Сколько могу судить по тому, что удается слышать, то всюду пропзвелъ онъ одинаковое впечатлѣніе; его полюбили и отдали справедливость тѣмъ качествамъ, которыя онъ подлинно имѣетъ: его чистому сердцу, его здравому уму и тому достоинству, которое онъ непринужденно и самымъ привлекательнымъ образомъ сохраняетъ. Онъ нравится тѣмъ, что сближаетъ его съ другими—своею любезною привѣтливостью—и тѣмъ, что всякаго заставляетъ безъ усилія наблюдать необходимое съ нимъ разстояніе, признавая въ немъ добровольно, что-то созданное для высшаго порядка".

Въ томъ же письмѣ, Василій Андреевичъ касался щекотливаго вопроса, бывшаго не послѣднею цѣлью заграничнаго путешествія Цесаревича: выбора невѣсты. „Наша жизнь такъ тревожна", писалъ онъ, „что мнѣ весьма рѣдко удается быть съ нимъ вмѣстѣ съ глазу на глазъ, на досугѣ; но въ свободныя минуты довѣренности, въ минуты братской встрѣчи сердца съ сердцемъ, я люблю его невыразимо и чувствую, что принадлежу ему вполнѣ. Но, что дѣлается теперь въ его сердцѣ—я не знаю. Разумѣется, не позволю себѣ никакого вопроса: это для меня святыня, къ которой прикасаться не смѣю. Да благословитъ Богъ минуту, въ которую выборъ сердца рѣшитъ судьбу его жизни. Полагаю, что въ своемъ письмѣ къ вашему величеству онъ скажетъ, что̀ произвело его пребываніе въ Карлсруэ. Не могу, однако, не замѣтить, что въ тѣ два дня, которые мы здѣсь провели въ тревогѣ развлеченій всякаго рода, нельзя было имѣть досуга для какого-нибудь рѣшительнаго чувства; напротивъ, впечатлѣніе должно было скорѣе произойти неблагопріятное, ибо оно не могло быть непринужденнымъ".

Слова Жуковскаго оказались пророческими. Приведенное выше письмо его писано изъ Карлсруэ 12-го марта. На другой день Цесаревичъ прибылъ въ Дармштадтъ. Свиданіе съ великимъ герцогомъ Лудвигомъ II не было условлено заранѣе, и Александръ Николаевичъ расположенъ былъ даже избѣжать его, опасаясь скучнаго этикетнаго вечера. Остановиться въ Дармштадтѣ не безъ труда уговорилъ его Кавелинъ. Тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ Наслѣдника великій герцогъ и пригласилъ ѣхать въ театръ, а оттуда на вечеръ, въ замокъ. Цесаревичъ, нарядясь въ казачій мундиръ, отправился туда съ графомъ Орловымъ и нѣсколькими адъютантами. Жуковскій остался дома, Кавелинъ уѣхалъ впередъ въ Майнцъ. „Словомъ", повѣствуетъ Василій Андреевичъ, „этотъ импровизованный праздникъ дармштадскій казался всѣмъ однимъ лишнимъ эпизодомъ, который былъ долженъ только надоѣсть и наскучить". Совершенно иное значеніе придала ему встрѣча Александра Николаевича съ младшею дочерью великаго герцога, пятнадцатилѣтней принцессою Маріею. Поздно вернулся онъ домой, очарованный, плѣненный. Имя

принцессы не сходило у него съ устъ. Впечатлѣніе свое онъ тотчасъ же изложилъ въ письмахъ къ родителямъ. Тяжело было ему уѣзжать изъ Дармштадта. Добрый Жуковскій вызвался было притвориться больнымъ, для того, чтобы доставить Цесаревичу поводъ, изъ любви къ занемогшему наставнику, остаться въ этомъ городѣ еще нѣсколько дней. Наслѣдникъ не согласился. „То, на что рѣшился онъ“, отписалъ Василій Андреевичъ Императрицѣ, „конечно лучше, ибо онъ и въ дѣлѣ сердца предпочелъ дождаться того, что будетъ рѣшено Государемъ и слѣдовать своему чувству тогда только, когда оно будетъ согласно съ одобреніемъ вашимъ. Повторяя опять сказанное вчера: благослови Богъ выборъ сердца, который рѣшитъ судьбу его жизни, прибавлю: благослови его тѣмъ благословеніемъ, которое нѣкогда далъ отцу его при томъ выборѣ, въ которомъ нашелъ онъ и свое счастье и счастье Россіи“.

14-го марта, осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ крѣпость въ Майнцѣ и снова навѣстивъ въ Бибрихѣ герцога Нассаускаго, Александръ Николаевичъ спустился на пароходѣ по Рейну до Кобленца, обозрѣлъ всѣ тамошнія укрѣпленія, въ числѣ ихъ и форты „Александръ“ и „Константинъ“, продолжалъ путь по Рейну до Кёльна, гдѣ въ честь его состоялся парадъ прусскихъ войскъ, и оттуда поѣхалъ въ Дюссельдорфъ — мѣстопребываніе принца Фридриха прусскаго, племянника короля. Съ живѣйшимъ интересомъ посѣтилъ онъ академію, картинную галлерею, мастерскія живописцевъ этого художественнаго центра Сѣверной Германіи, снова сѣлъ на пароходъ и по Рейну, чрезъ Нимвегенъ, 20-го марта достигъ Роттердама.

Апрѣль по новому стилю Цесаревичъ провелъ въ Голландіи. Въ Гагѣ, въ домовой церкви тетки, принцессы Оранской, Анны Павловны, на Страстной недѣлѣ онъ отговѣлъ, причастился св. Тайнъ и встрѣтилъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. На Святой недѣлѣ состоялся въ честь его въ голландской столицѣ рядъ блестящихъ праздниковъ; затѣмъ начался объѣздъ его по Нидерландамъ. Въ Амстердамѣ и Саардамѣ особенное вниманіе его привлекли мѣста, прославленныя пребываніемъ Петра Великаго. День своего рожденія онъ провелъ въ Гагѣ, и прежде чѣмъ оставить Голландію, пожелалъ посѣтить лагерь нидерландской арміи, собранной на границахъ Бельгіи, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій. 20-го апрѣля оставилъ онъ эту гостепріимную страну и на голландскомъ пароходѣ „Церберъ“, переплывъ Ламаншъ, высадился въ Гревезендѣ, въ устьяхъ Темзы.

Когда распространился въ Европѣ слухъ о скоромъ пріѣздѣ въ Англію Наслѣдника русскаго престола, то произвелъ большое броженіе среди нашедшихъ убѣжище въ Лондонѣ многочисленныхъ политическихъ выходцевъ разныхъ странъ, и до русскаго посла въ этой столицѣ стали доходить свѣдѣнія о замышляемомъ эмигрантами-поляками покушеніи на жизнь Цесаревича. Графъ Поццо-ди-Борго не счелъ себя въ правѣ скрыть эти опасенія отъ Императора Николая. Донесеніе его Государь получилъ въ присутствіи графа Орлова передъ самымъ отъѣздомъ послѣдняго для сопровожденія Наслѣдника въ путешествіи за границей. „Я дважды прочиталъ эту депешу“, разсказывалъ впослѣдствіи Императоръ; „мое первое движеніе было отмѣнить поѣздку въ Англію, хотя я и считалъ ее крайне полезною. Но поразмысливъ, я вознесъ мысль мою къ Богу и тайный голосъ мнѣ сказалъ: „Александру не грозитъ опасность; я возвращу тебѣ его здравымъ и невредимымъ“. Тогда я пересталъ колебаться и показалъ депешу Орлову. Тотъ былъ крайне встревоженъ ею, но я успокоилъ его моею вѣрою въ судьбу, сказавъ ему: „Полагаюсь на тебя и на Провидѣніе. Наслѣдникъ поѣдетъ въ Англію и проведетъ въ ней то время, что̀ предначертано моею инструкціею“.

Молодая королева Викторія, оказала Цесаревичу самый ласковый и предупредительный пріемъ. Онъ неоднократно обѣдалъ у нея въ Букингамскомъ дворцѣ, танцовалъ съ нею на придворныхъ балахъ, сопровождалъ въ оперу, и три дня провелъ въ загородномъ замкѣ Виндзорѣ. Члены королевскаго дома, министры и государственные люди, англійскіе родовитые вельможи наперерывъ устраивали въ честь его великолѣпныя празднества: обѣды, балы, концерты. На банкетѣ, данномъ ему въ London Tavern, русскою торговою компаніей, онъ на тостъ, предложенный за его здоровье, отвѣчалъ рѣчью на англійскомъ языкѣ, заключивъ ее слѣдующими словами: „Съ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы гласно заявить

какъ тронутъ я пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ этой благородной странѣ, не только королевой и министрами ея величества, но также,—смѣю сказать безъ афектаціи, но съ гордостью, — каждымъ англичаниномъ въ отдѣльности. Никогда, никогда, это не изгладится изъ моей памяти. Прошу позволенія предложить тостъ за преуспѣяніе русской торговой компаніи и за здоровье всѣхъ ея членовъ и, сверхъ того, за продолженіе дружбы между Великобританіей и Россіей". Цесаревичу отвѣчалъ глава кабинета лордъ Мельбурнъ.

Пиры и торжества придворныя и военныя—Наслѣдникъ произвелъ смотръ англійской арміи въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ—не исключали ежедневнаго прилежнаго обозрѣнія достопримѣчательностей Лондона и его окрестностей. Осмотрѣны Цесаревичемъ: соборъ св. Павла, Вестминстерское аббатство, Лондонская башня, доки, англійскій банкъ, тюрьмы Ньюгэтъ и Брайдвеллъ, туннель подъ Темзою; по цѣлому дню отведено для ознакомленія съ Британскимъ музеемъ и съ арсеналомъ въ Вульвичѣ; третій день посвященъ осмотру историческаго замка въ Ричмондѣ; четвертый—посѣщенію Оксфорда и его знаменитаго университета, поднесшаго высокому гостю дипломъ на степень доктора правъ. Александръ Николаевичъ побывалъ на засѣданіяхъ обѣихъ палатъ парламента и высшаго королевскаго суда; присутствовалъ и при національномъ торжествѣ: скачкахъ въ Эпсомѣ и Аскотѣ, всюду привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе, привѣтствуемый громкими кликами толпы.

Простившись съ королевой, Цесаревичъ 29-го мая оставилъ Англію и, проведя по одному днюъ въ Гагѣ и въ Дюссельдорфѣ, прибылъ въ Эмсъ. Но и тамъ оставался онъ не болѣе сутокъ. Его влекло далѣе—въ Дармштадтъ, гдѣ при посредствѣ родственниковъ обоихъ дворовъ, принца Вильгельма прусскаго, брата короля, и вдовствующей герцогини Нассауской, уже шли переговоры съ родителемъ принцессы Маріи, мысль о которой не покидала Александра Николаевича со дня первой съ нею встрѣчи. Новое пламенное чувство до того охватило его, что, въ разговорахъ съ графомъ Орловымъ, замѣнившимъ при немъ умершаго попечителя князя Ливена и скоро снискавшаго полное его довѣріе, онъ открывалъ ему свою душу, признавался, что вовсе не желалъ бы царствовать, что единственное его желаніе найти достойную подругу, которая украсила бы его семейный очагъ и доставила бы ему то, что считаетъ онъ высшимъ на землѣ счастіемъ: счастіе супруга и отца.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ разрѣшенія родителей, чтобы отдаться неудержимому влеченію, и лишь только получилъ его, понесся въ Дармштадтъ, гдѣ провелъ недѣлю въ тѣсномъ кругу велико-герцогской семьи. Александръ и Марія ближе узнали другъ друга и въ сердцахъ обоихъ развилось и укрѣпилось чувство, зародившееся въ нихъ при первомъ свиданіи. Но о бракѣ и даже о помолвкѣ пока не могло еще быть рѣчи. Принцесса была слишкомъ молода; ей не исполнилось и пятнадцати лѣтъ. Съ душою, полною самыхъ свѣтлыхъ и радужныхъ впечатлѣній и надеждъ, оставилъ Цесаревичъ дворъ будущаго своего тестя, остановился на одинъ день въ Киссингенѣ для свиданія съ теткою, Великою Княгиней Маріею Павловною, и затемъ ея, своимъ любимымъ дядей Вильгельмомъ прусскимъ, засвидѣтельствовалъ въ Берлинѣ почтеніе маститому дѣду, королю Фридриху-Вильгельму III и, сѣвъ въ Штеттинѣ на русскій военный пароходъ, 23-го іюня высадился на берегъ въ Петергофѣ, за недѣлю до дня, назначеннаго для бракосочетанія Великой Княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ.

На этомъ семейномъ торжествѣ Александръ Николаевичъ исполнялъ обязанности шафера и держалъ брачный вѣнецъ надъ головою любимой сестры. Сопровождалось оно рядомъ блестящихъ празднествъ въ Петергофѣ, за которыми слѣдовали обычные маневры въ Красносельскомъ лагерѣ. Цесаревичъ принималъ въ нихъ участіе, сначала въ должности командующаго Преображенскимъ полкомъ, потомъ 1-й бригадой 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. По окончаніи маневровъ, Государь назначилъ его командиромъ сводной гвардейской и гренадерской пѣхотной бригады, составленной изъ отрядовъ разныхъ полковъ и предназначенной представлять гвардію и гренадерскій корпусъ на торжествѣ открытія памятника, воздвигнутаго на Бородинскомъ полѣ.

Событіе это Императоръ Николай пожелалъ окружить особымъ блескомъ. Съ этою цѣлью вокругъ Бородина собраны были,

кромѣ сводной бригады Наслѣдника, 2-й и 6-й пѣхотные корпуса, а также отрядъ резервныхъ и запасныхъ войскъ, подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, всего до 120.000 человѣкъ. Государь со старшимъ сыномъ прибылъ въ Бородинскій лагерь въ ночь съ 16-го на 17-е августа. Тамъ собрались вокругъ него представители двухъ союзныхъ монарховъ, эрцгерцогъ Альбрехтъ австрійскій и принцъ Альбрехтъ прусскій, а также всѣ находившіеся въ живыхъ ветераны славнаго боя, и въ ихъ числѣ: фельдмаршалъ князь Паскевичъ, принцъ Евгеній Виртембергскій, генералы Ермоловъ и графъ Воронцовъ. Десять дней прошло въ осмотрѣ лагерей и въ разнообразныхъ маневрахъ. 26-го августа, въ годовщину бородинской битвы, состоялось открытіе и освященіе памятника и большой парадъ. Во все это время Императоръ и его свита были гостями Цесаревича, принимавшаго и угощавшаго ихъ въ своемъ мѣстномъ дворцѣ. Государь наименовалъ его по этому случаю шефомъ Бородинскаго егерскаго полка.

Во главѣ сводной гвардейской-гренадерской бригады, Цесаревичъ участвовалъ въ церковномъ парадѣ, происходившемъ 6-го сентября, въ день закладки храма Христа Спасителя въ Москвѣ, а оттуда, чрезъ Смоленскъ, отправился для обозрѣнія западныхъ губерній, не вошедшихъ въ маршрутъ его первой поѣздки по Россіи. Посѣтивъ Могилевъ, Вильну и Витебскъ, онъ 26-го октября возвратился въ Царское Село.

Мѣсяцъ спустя, Императоръ Николай призналъ за благо пріобщить его къ трудамъ высшаго учрежденія Имперіи. „Я хочу", сказалъ онъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта князю Васильчикову, „чтобы Цесаревичъ присутствовалъ при засѣданіяхъ общаго собранія Совѣта, выслушивая доклады и знакомясь съ рѣшеніями. Сынъ мой совершеннолѣтенъ съ 17-го апрѣля 1839 года и уже съ этого дня имѣлъ бы право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и участвовать въ его совѣщаніяхъ. Но здоровье его долго вызывало опасенія и я вынужденъ былъ отправить его въ Италію и въ другія страны Европы для выздоровленія. Теперь, онъ, слава Богу, совершенно здоровъ и пора наверстать потерянное время. Въ Государственномъ Совѣтѣ изучитъ онъ свое царственное ремесло". Васильчиковъ представилъ къ подписи Государя указъ о назначеніи Наслѣдника членомъ Совѣта, но Императоръ нашелъ эту мѣру преждевременною; впредь до ознакомленія съ дѣлами, Цесаревичъ имѣлъ засѣдать въ Совѣтѣ безъ права голоса. 23-го ноября онъ былъ введенъ въ залу засѣданій общаго собранія Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и по знаку Государя—пожелавшаго быть зрителемъ этой сцены—занялъ мѣсто, обыкновенно занимаемое его величествомъ, по правую руку предсѣдателя. Въ краткой рѣчи князь Васильчиковъ выразилъ мнѣніе, что присутствіе Наслѣдника при занятіяхъ Совѣта послужитъ ему драгоцѣннымъ поощреніемъ въ его трудахъ. Годъ спустя—10-го декабря 1840 года—Наслѣднику Высочайше повелѣно на тѣхъ же основаніяхъ присутствовать въ Комитетѣ Министровъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Цесаревичъ наступленія весны. Бракъ его съ принцессою Маріею Гессенъ-Дармштадтскою былъ уже рѣшенъ и въ ночь съ 4-го на 5-е марта онъ отправился въ Дармштадтъ, въ сопровожденіи секретаря Императрицы Шамбо, на котораго возложено было заключеніе всѣхъ актовъ и совершеніе формальностей, предшествовавшихъ помолвкѣ. По дорогѣ Александръ Николаевичъ на пять дней остановился въ Варшавѣ, двое сутокъ провелъ въ Дрезденѣ у короля саксонскаго, и, навѣстивъ въ Берлинѣ тяжко больного дѣда своего, короля прусскаго, а въ Веймарѣ — тетку, Великую Княгиню Марію Павловну, принимавшую дѣятельное участіе въ переговорахъ о его бракѣ, прибылъ въ Дармштадтъ. 4-го апрѣля состоялась помолвка его съ принцессою Маріею. Извѣстіе объ этомъ событіи привезъ въ Петербургъ адъютантъ его высочества, князь Барятинскій.

Изъ Дармштадта Наслѣдникъ поѣхалъ въ Берлинъ для присутствованія при открытіи памятника Фридриху Великому. Предсмертная болѣзнь короля Фридриха-Вильгельма III задержала его высочество въ этомъ городѣ до самой кончины этого государя, послѣдовавшей 26-го мая; оттуда Цесаревичъ, сопутствуя августѣйшимъ родителямъ, направился въ Веймаръ. Семейное горе русской царственной семьи смѣнялось великою семейною радостью: первымъ свиданіемъ Императора и Импе-

ратрицы съ невѣстою старшаго сына. Оно состоялось во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 4-го іюня. Въ этотъ день Цесаревичъ, прискакавшій изъ Веймара въ Дармштадтъ, привезъ оттуда принцессу Марію во Франкфуртъ, въ сопровожденіи отца, великаго герцога, брата, принца Александра, и дядей, принцевъ Карла и Эмиля. Въ тотъ же день прибылъ туда и Государь съ Государынею. Николай Павловичъ тотчасъ же навѣстилъ будущую невѣстку въ Дармштадтскомъ домѣ, а нѣсколько минутъ спустя она пріѣхала въ „Hôtel de Russie", гдѣ остановились Императоръ и Императрица. Государь встрѣтилъ принцессу при выходѣ ея изъ кареты, взвелъ по лѣстницѣ и самъ представилъ Императрицѣ, которая обняла ее, какъ дочь, давно любимую. „Сія минута", повѣствуетъ Жуковскій, „столь рѣшительная для царскаго семейства, была вполнѣ счастлива: ни малѣйшая принужденность не возмутила ея чистой радости. Вдругъ, безъ всякаго усилія, сердца породнились и этотъ союзъ, однимъ мгновеніемъ совершенный, останется твердымъ на всѣ остальные годы жизни".

Проводивъ Императрицу до Эмса, Наслѣдникъ и его невѣста вмѣстѣ возвратились въ Дармштадтъ, откуда его высочество спѣшилъ вернуться въ Россію. Государь ждалъ его для отправленія въ инспекціонную поѣздку по войскамъ, расположеннымъ въ Западномъ краѣ. Выѣхавъ изъ Царскаго Села въ ночь на 29-е іюля, августѣйшіе путешественники сначала осмотрѣли отдѣльный гренадерскій корпусъ въ лагерѣ при Княжемъ Дворѣ, причемъ Александръ Николаевичъ назначенъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка; затѣмъ, чрезъ Полоцкъ, Витебскъ и Могилевъ, прослѣдовали въ Гомель, помѣстье фельдмаршала князя Варшавскаго. Тамъ происходили большіе маневры, по окончаніи которыхъ Государь и Цесаревичъ проѣхали въ Кіевъ и чрезъ Брестъ-Литовскъ въ Варшаву, а оттуда Александръ Николаевичъ поспѣшилъ въ мѣстечко Фишбахъ въ Силезіи, гдѣ, въ кругу прусской семьи своей, отдыхала послѣ лѣченія въ Эмсѣ Императрица и куда уже прибыла, между тѣмъ, принцесса Марія Гессенъ-Дармштадтская.

Всѣ вмѣстѣ отправились въ Россію и 23-го августа встрѣчены были Императоромъ Николаемъ въ Ловичѣ. На другой день происходилъ торжественный въѣздъ невѣсты Цесаревича въ Варшаву, 3-го сентября—въ Гатчину, 8-го — въ С.-Петербургъ. Принцесса Марія ѣхала въ парадной золотой каретѣ съ Императрицею Александрою Ѳеодоровною; Государь слѣдовалъ верхомъ возлѣ кареты, а Наслѣдникъ командовалъ конвоемъ. Восторженными кликами, громкимъ неумолкаемымъ „ура!" встрѣтили жители столицы будущую Цесаревну, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

На происходившихъ, съ 18-го по 21-е сентября, маневрахъ гвардейскаго корпуса, Государь ввѣрилъ Цесаревичу командованіе особымъ отрядомъ, а въ день своихъ именинъ, 6-го декабря, за отличіе по службѣ, произвелъ его въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ свитѣ его величества. Въ этомъ чинѣ, Наслѣдникъ, на внезапномъ Высочайшемъ смотру гвардейскихъ войскъ 14-го декабря, командовалъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею.

Послѣдній мѣсяцъ 1840 года былъ ознаменованъ двойнымъ торжествомъ: 5-го декабря состоялось муропомазаніе принцессы Маріи Гессенской, по принятіи въ лоно православной церкви нареченной Великою Княжною Маріею Александровною, а на другой день, въ именины Государя—обрученіе ея съ Наслѣдникомъ. Оба происшествія возвѣстилъ Россіи высочайшій манифестъ. Тогда же образованъ для ихъ высочествъ придворный штатъ: гофмейстериною будущей Цесаревны назначена статсъ-дама княгиня Е. В. Салтыкова; фрейлинами къ ея высочеству — княжна Долгорукова и дѣвица Дашкова; гофмаршаломъ, завѣдывающимъ дворомъ, — В. Д. Олсуфьевъ и управляющимъ конюшеннымъ отдѣломъ — въ должности шталмейстера П. М. Толстой.

Въ Зимнемъ дворцѣ, возродившемся изъ пепла въ еще бо́льшемъ противъ прежняго великолѣпіи, для юной царственной четы приготовлены были покои, нѣкогда занятые Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Бракосочетаніе имѣло произойдти въ канунъ дня рожденія Наслѣдника, 16-го апрѣля 1841 года. Въ этотъ день Императоръ Николай, по обыкновенію, излилъ щедрыя милости на государственныхъ и придворныхъ сановниковъ. Цесаревичъ за-

численъ во всѣ тѣ полки, въ коихъ Государь былъ шефомъ, а именно: лейбъ-гвардіи Конный, въ Кирасирскій его величества и лейбъ-гвардіи въ Семеновскій, Измайловскій, Егерскій и Гренадерскій, и кромѣ того, назначенъ шефомъ Александровскаго Брестскаго кадетскаго корпуса. Три высочайшіе манифеста объявили: первый—о вступленіи въ бракъ Наслѣдника; второй — объ облегченіи по этому случаю участи преступниковъ и о сложеніи въ значительномъ размѣрѣ казенныхъ недоимокъ; третій—о новыхъ льготныхъ условіяхъ заклада дворянскихъ имѣній въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, „въ надеждѣ“, какъ сказано въ манифестѣ, „что льготы эти обратятся не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію долговъ расточительности, а къ лучшему устройству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему еще усовершенствованію земледѣлія и къ расширенію сельской и всякой другой промышленности“.

Бракосочетаніе совершилось въ Большой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи ихъ величествъ, всѣхъ наличныхъ членовъ Императорскаго Дома и прибывшихъ нарочно для участія въ этомъ семейномъ торжествѣ принца Вильгельма прусскаго, наслѣдныхъ великихъ герцоговъ Гессенъ-Дармштадтскаго и Саксенъ-Веймарскаго и принцевъ: Александра и Эмиля Гессенскихъ. Послѣ вѣнчанія, Государь съ новобрачными появился на балконѣ Зимняго дворца, обращенномъ къ Адмиралтейству. И онъ, и Цесаревичъ были оба въ казацкихъ мундирахъ. Восторгамъ и шумнымъ восклицаніямъ несмѣтной толпы, залившей Дворцовую площадь, не было конца. Тѣ же радостные клики привѣтствовали ихъ величества и новобрачную чету на другой день, при прогулкѣ ихъ въ экипажахъ по ярко иллюминованнымъ главнымъ улицамъ столицы.

Торжество бракосочетанія сопровождалось длиннымъ рядомъ пировъ и празднествъ. 19-го апрѣля былъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, за которымъ непрерывно слѣдовали балы въ Зимнемъ дворцѣ, въ Михайловскомъ дворцѣ у Великаго Князя Михаила Павловича и въ дворянскомъ собраніи, и только послѣ майскаго парада, происходившаго 29-го апрѣля, на которомъ Цесаревичъ командовалъ 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, молодые могли, наконецъ, уединиться въ Царское Село, гдѣ отведенъ имъ былъ Александровскій дворецъ. Но и тамъ оставались они недолго. Первопрестольная столица жаждала видѣть царскаго первенца и юную его супругу, о бракосочетаніи которыхъ извѣстилъ ее высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора, отправленный съ бывшимъ воспитателемъ Наслѣдника, генералъ-адъютантомъ Кавелинымъ. Торжественный въѣздъ въ Москву состоялся 14-го мая. Государь самъ ввелъ сіяющую красотой и счастьемъ Цесаревну въ святилище земли русской—Успенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ теплымъ привѣтственнымъ словомъ митрополитъ Филаретъ. Десятидневное пребываніе въ Москвѣ не ограничилось пріемами и увеселеніями. Оно заключилось посѣщеніемъ Троицко-Сергіевой лавры и днемъ, проведеннымъ юною четою въ уединеніи дворца Наслѣдника, въ селѣ Бородинѣ. 29-го мая ихъ высочества возвратились на лѣтнее жительство въ Царское Село.

VI.

Государственная и военная дѣятельность Цесаревича.

1841—1855.

Со вступленіемъ въ супружество для Александра Николаевича начались годы безмятежнаго семейнаго счастія. Обычный домашній кружокъ Великаго Князя образовали, кромѣ членовъ Императорской семьи, лица, составлявшія его свиту. Дворомъ Наслѣдника, до самаго вступленія его на престолъ, управлялъ гофмаршалъ Олсуфьевъ; гофмейстериною Цесаревны была статсъ-дама княгиня Салтыкова. Канцеляріей Цесаревича завѣдывалъ, до производства въ генералъ-лейтенанты, С. А. Юрьевичъ, сдавшій эту должность въ 1848 году наиболѣе приближенному изъ адъютантовъ его высочества, графу А. В. Адлербергу. Другое, пользовавшееся расположеніемъ Наслѣдника, лицо, И. М. Толстой продолжалъ управлять шталмейстерскою частью. Къ прежнимъ адъютантамъ, князю А. И. Барятинскому, Граве, Назимову, Віельгорскому, Паткулю, Мердеру, частью присоединились, частью замѣнили ихъ по мѣрѣ назначенія на высшія должности или

выхода въ отставку, Головинъ, Дюгамель, графъ І. К. Ламбертъ, князь В. И. Барятинскій, Слѣпцовъ, Пейкеръ, князь Б. Д. Голицынъ. Секретаремъ Цесаревны состоялъ Лабенскій; старикъ Жилль носилъ званіе библіотекаря; наконецъ, Жуковскій, хотя и переселившійся заграницу и тамъ женившійся; до самой смерти числился „состоящимъ при особѣ" Наслѣдника. На собраніяхъ за́ просто у молодой четы, происходившихъ почти ежедневно, зимою—въ Зимнемъ дворцѣ, лѣтомъ—въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ или на Петергофской фермѣ, царили веселость и непринужденность; занимались чтеніемъ, музыкой, игрою въ вистъ; августѣйшіе хозяинъ и хозяйка очаровывали гостей своею привѣтливостью и полною участія къ нимъ благосклонностью. Всѣ принадлежавшія къ ихъ Двору какъ бы входили въ составъ ихъ собственной семьи.

Господь благословилъ союзъ Александра Николаевича и Маріи Александровны. Только старшая ихъ дочь, Александра, скончалась въ младенческомъ возрастѣ, къ безутѣшной горести родителей, но четыре сына и вторая дочь, родившіеся до воцаренія, росли, развивались и разцвѣтали подъ попечительнымъ взоромъ нѣжно любившихъ ихъ матери и отца. Появленіе на свѣтъ каждаго изъ дѣтей служило поводомъ къ щедрымъ подаяніямъ неимущимъ. Императоръ Николай самъ былъ крестнымъ отцомъ всѣхъ своихъ внуковъ, дѣтей старшаго сына; кромѣ него, были воспріемниками: Николая Александровича — великій герцогъ Гессенскій, королева Нидерландская Анна Павловна и Великая Княжна Ольга Николаевна; Александра Александровича—великій герцогъ Гессенскій, Великая Княгиня Елена Павловна, Великая Княжна Ольга Николаевна, Великая Княгиня Марія Павловна и наслѣдная великая герцогиня Гессенская; Владиміра Александровича—Великій Князь Михаилъ Павловичъ, великій герцогъ Гессенскій, наслѣдный великій герцогъ Гессенскій, Великія Княгини Марія Николаевна и Марія Павловна и принцесса Елисавета Гессенская; Алексѣя Александровича—Великій Князь Константинъ Николаевичъ, принцъ Карлъ Гессенскій, Великія Княгини Марія Николаевна, Ольга Николаевна и Марія Павловна; Маріи Александровны—принцъ Александръ Гессенскій и Великія Княгини Марія Николаевна и Марія Павловна. Новорожденные Великіе Князьи тотчасъ же зачислялись въ ряды арміи, шефами полковъ.

Воспитаніе дѣтей было предметомъ особливой заботливости Цесаревича и Цесаревны. Первоначальный уходъ за ними подъ руководствомъ, сперва надзирательницы С. Я. Поггенполь, а потомъ наставницы В. Н. Скрыпицыной, порученъ былъ англичанкамъ г-жамъ Юзъ, Ишервудъ и Стуттонъ, а съ 1848 года къ молодымъ Великимъ Князьямъ назначенъ воспитателемъ генералъ-маіоръ Н. В. Зиновьевъ, которому впослѣдствіи приданы два помощника, полковники Гогель и Казнаковъ. Съ военною службою освоивались они съ дѣтства въ рядахъ сверстниковъ, воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты были для военнаго образованія ихъ отца.

Обычное лѣтнее пребываніе Наслѣдника и его супруги въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ время отъ времени прерывалось путешествіями за границу. Поздней осенью 1843 года, ихъ высочества совершили поѣздку въ чужіе края, продолжавшуюся семь недѣль — съ 9-го ноября по 30-го декабря—и посѣтили при этомъ родственные дворы: прусскій, веймарскій и дармштадтскій. Въ сдѣдующемъ году, цѣлью заграничнаго путешествія, состоявшагося весною — съ 2-го марта по 17-е апрѣля,—было шестинедѣльное пребываніе въ Дармштадтѣ, въ семьѣ Цесаревны. Въ 1846 году Наслѣдникъ съѣздилъ на нѣсколько дней въ Вѣну по приглашенію Императора австрійскаго, а въ 1847 году сопровождалъ Цесаревну въ Дармштадтъ, и оттуда на воды въ Киссингенъ, послѣ чего посѣтилъ вмѣстѣ съ нею Великую Княгиню Ольгу Николаевну въ Штуттгартѣ. Оставивъ ея высочество въ Югенгеймѣ, онъ въ сентябрѣ вернулся въ Россію для участія въ Высочайшихъ смотрахъ, произведенныхъ войскамъ, расположеннымъ въ юго-западномъ краѣ. Но уже въ концѣ того же мѣсяца Наслѣдникъ отправился съ Государемъ въ Варшаву для встрѣчи Цесаревны, возвращавшейся изъ-за границы, въ сопровожденіи принцессы Александры Саксенъ-Альтенбургской, нареченной невѣсты Великаго Князя Константина Николаевича.

Съ каждымъ годомъ досуги Цесаревича сокращались и время его все болѣе и

болѣе поглощалось обширною и разнообразною государственною дѣятельностью. Еще до женитьбы (16-го января 1841 г.) вступилъ онъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ дѣйствительное отправленіе обязанностей своихъ по званію канцлера Александровскаго университета въ Финляндіи; въ самый день бракосочетанія (16-го апрѣля 1841 г.) Государь назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта, а въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ членомъ и прочихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Имперіи, а именно: Финансоваго Комитета (6-го декабря 1841 г.), Комитета Министровъ (20-го января 1842 г.) и Кавказскаго Комитета (30-го августа 1842 г.). Сверхъ того, Цесаревичъ участвовалъ въ трудахъ Комитетовъ, учрежденныхъ по двумъ капитальнымъ сооруженіямъ николаевскаго царствованія: постояннаго моста чрезъ Неву и С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, состоя въ первомъ изъ нихъ членомъ, а во второмъ—предсѣдателемъ. Ему же поручилъ Императоръ Николай предсѣдательство въ секретныхъ комитетахъ, собиравшихся дважды для рѣшенія частныхъ вопросовъ, касавшихся улучшенія участи крѣпостныхъ крестьянъ: перваго—въ 1846 году, и второго—въ 1848-мъ. Заключеніе послѣдняго Комитета объ изысканіи способовъ наблюденія за помѣщиками, чтобы они не превышали власти, предоставленной имъ закономъ, и объ огражденіи въ предположенномъ новомъ гражданскомъ уложеніи движимаго имущества крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія. Что же касается до упраздненія крѣпостного права, то Комитетъ полагалъ ослаблять его силу рядомъ постепенныхъ мѣръ, каковы, напримѣръ, опредѣленіе повинностей крестьянъ посредствомъ инвентарей и предоставленіе имъ права жалобы на помѣщиковъ.

Отправляясь въ 1842 году въ инспекціонную поѣздку по Южной и Западной Россіи, продолжавшуюся немного болѣе мѣсяца (съ 1-го сентября по 5-е октября), Императоръ Николай впервые возложилъ на Наслѣдника, на время своего отсутствія изъ столицы, „рѣшеніе дѣлъ Комитета гг. Министровъ и Государственнаго Совѣта, равно какъ по всѣмъ Министерствамъ и Главнымъ Управленіямъ отдѣльными частями". Съ тѣхъ поръ, обязанность эта падала на Цесаревича каждый разъ, когда Государь отлучался изъ Петербурга въ путешествіе, какъ внутри Россіи, такъ и по чужимъ краямъ. По возвращеніи Императора Николая изъ продолжительной поѣздки въ Италію (съ 24-го сентября по 30-е декабря 1845 года) его величество, въ первый день новаго 1846 года, удостоилъ Цесаревича слѣдующею достопамятною грамотою: „Отъѣзжая за границу для сопутствованія Государынѣ Императрицѣ, родительницѣ вашей, поручилъ я вамъ управленіе большого числа дѣлъ государственныхъ, въ томъ полномъ убѣжденіи, что вы, постигая мою цѣль, мое къ вамъ довѣріе, покажете Россіи, что вы достойны вашего высокаго званія. Возвратясь нынѣ, по благословенію Божію, удостовѣрился я, что надежды мои увѣнчались къ утѣшенію родительскаго моего, нѣжно васъ любящаго сердца. Въ вящшее доказательство моего удовольствія, жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра 1-й степени, коего надпись: *польза*, *честь* и *слава*, укажетъ и впредь вамъ, на что Промыслъ Всевышняго васъ призываетъ для Россіи".

Военныя занятія Цесаревича шли своимъ чередомъ и каждое лѣто, въ Красносельскомъ лагерѣ, онъ постепенно исправлялъ начальственныя должности по разнымъ родамъ оружія, въ 1841 и 1842 годахъ командуя 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, а въ 1843—2-ю легкою гвардейскою, кавалерійскою. Въ началѣ слѣдующаго 1844 года назначенъ онъ командующимъ, а вскорѣ утвержденъ командиромъ всей гвардейской пѣхоты. Независимо отъ исполненія этой должности, Государь неоднократно бралъ его съ собою или посылалъ одного производить смотры различнымъ частямъ войскъ или военнымъ учрежденіямъ, расположеннымъ во всѣхъ концахъ Россіи. Въ 1841 году Цесаревичъ участвовалъ въ Москвѣ въ маневрахъ 6-го пѣхотнаго корпуса, дѣлалъ ученье и смотръ 1-му Московскому кадетскому корпусу, 2-му учебному карабинерному полку и 1-й бригадѣ 7-й легкой кавалерійской дивизіи, съ 7-ю конно-артиллерійскою бригадою; въ 1842 году обозрѣвалъ крѣпость и портъ въ Свеа-

боргѣ, а въ Фридрисгамѣ—Финляндскій кадетскій корпусъ; въ 1845 году сопровождалъ Императора на кавалерійскіе маневры въ Елисаветградъ и Чугуевъ и присутствовалъ при Высочайшихъ смотрахъ Черноморскому флоту въ Николаевѣ и Севастополѣ, а на возвратномъ пути изъ Крыма производилъ смотръ собраннымъ въ Орлѣ, Тулѣ и Москвѣ безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ, а также войскамъ 6-го пѣхотнаго корпуса, 16-й артилерійской бригадѣ, 2-му учебному карабинерному полку и Тульскому и Орловскому гарнизоннымъ баталіонамъ; въ 1847 году прибылъ нарочно изъ-за границы для нахожденія при высочайшемъ смотрѣ 4 го пѣхотнаго корпуса въ г. Винницѣ. 17-го апрѣля 1843 года Цесаревичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а того же числа 1846 года произведенъ въ полные генералы.

Столь бурный на всемъ пространствѣ Западной Европы 1848-й годъ прошелъ для Россіи мирно и спокойно. Александръ Николаевичъ признавалъ, однако, необходимость строгихъ предупредительныхъ мѣръ, принятыхъ Императоромъ Николаемъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній для огражденія ихъ отъ революціонной заразы. „Мѣсто, которое вы будете занимать“—писалъ онъ бывшему адъютанту своему Назимову, по случаю назначенія его попечителемъ Московскаго учебнаго округа взамѣнъ подавшаго въ отставку графа С. Г. Строганова—„весьма важно, въ особенности въ наше время, гдѣ молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться какъ ей хочется, чему, къ несчастію, мы видимъ столько примѣровъ заграницею; къ этому и гг. профессора команда не легкая. Надзоръ за ними и самый бдительный необходимъ. Да внушитъ вамъ Господь Богъ силу и умѣнье исполнить новыя обязанности, на васъ возлагаемыя, съ успѣхомъ, т.-е. къ полному удовольствію Государя... Перекрестясь, принимайтесь смѣло за дѣло“.

Въ томъ же году, другого рода зараза произвела у насъ несравненно бо́льшія опустошенія: то была азіатская холера, свирѣпствовавшая въ Петербургѣ и въ расположенныхъ въ этой столицѣ и ея окрестностяхъ войскахъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывшій главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, въ приказѣ по этимъ корпусамъ счелъ долгомъ выразить его высочеству командиру гвардейской пѣхоты душевную благодарность „за истинно отеческое попеченіе и неустанную заботливость о сохраненіи здоровья нижнихъ чиновъ въ это тяжелое время“. Изъ прочихъ происшествій за помянутый годъ должно отмѣтить зачисленіе Наслѣдника въ л.-гв. Финскій саперный баталіонъ, равно какъ и то, что на маневрахъ въ Красномъ Селѣ его высочество командовалъ однимъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ—сѣвернымъ.

Въ слѣдующемъ 1849 году, весною, Цесаревичъ и Цесаревна сопровождали Государя и Императрицу въ Москву на торжество открытія вновь отстроеннаго Большого Кремлевскаго дворца, и возвратились въ Петербургъ ко дню рожденія Наслѣдника, получившаго въ этотъ день знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Два мѣсяца спустя, ихъ постигло тяжкое горе: кончина любимой старшей дочери, Великой Княжны Александры Александровны. Ударъ этотъ такъ сильно подѣйствовалъ на здоровье Цесаревны, что, по совѣту врачей, Цесаревичъ отвезъ супругу и дѣтей въ Ревель, гдѣ они должны были пользоваться морскими купаньями, но самъ онъ остался тамъ съ ними не болѣе недѣли. Императоръ австрійскій воззвалъ о помощи къ своему могущественному союзнику, русскому Императору, для усмиренія возстанія мадьяръ, и гвардія выступила въ заграничный походъ. По этому случаю Цесаревичу было присвоено званіе командира гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Изъ Ревеля, 10-го іюня, онъ выѣхалъ къ ввѣреннымъ ему войскамъ, находившимся уже въ походѣ, и, осмотрѣвъ ихъ по пути въ Ригѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и Бѣлостокѣ, прибылъ въ Варшаву, откуда Императоръ Николай руководилъ движеніями своей арміи, переступившей за Карпаты. Наслѣдникъ оставался при отцѣ все лѣто, до того достопамятнаго дня, когда предводимая Гёргеемъ венгерская армія положила въ Виллагошѣ оружіе предъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ. По полученіи о томъ извѣстія, Государь отправилъ, 2-го августа, старшаго сына въ Вѣну, съ гласнымъ порученіемъ поздравить императора Франца-Іосифа съ благополучнымъ концомъ мятежа, но въ дѣйствительности, Наслѣднику было довѣрено испро-

сить помилованіе мятежнымъ венгерскимъ генераламъ, сдавшимся русскимъ войскамъ. Австрійскій императоръ съ величайшею предупредительностью и почетомъ принялъ августѣйшаго посланца, назначилъ его шефомъ 7-го легкаго конаго—впослѣдствіи 11-го уланскаго—полка и, уступая его настояніямъ, даровалъ жизнь Гёргею.

Тотчасъ по возвращеніи въ Варшаву, 13-го августа, Александръ Николаевичъ, по случаю болѣзни Великаго Князя Михаила Павловича, занемогшаго холерою, „какъ старшій въ чинѣ", временно вступилъ въ командованіе гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а послѣ кончины дяди замѣстилъ его въ званіи командующаго этими корпусами, а также начальника военно-учебныхъ заведеній и главнаго попечителя Чесменской военной богадѣльни. Изъ полковъ, въ коихъ покойный Великій Князь состоялъ шефомъ и которые Императоръ Николай распредѣлилъ между разными членами царственной семьи, на долю Цесаревича достался л.-гв. уланскій полкъ и, кромѣ того, онъ зачисленъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады въ батарейную батарею имени Великаго Князя Михаила Павловича и назначенъ на его мѣсто предсѣдателемъ комитетовъ: для составленія воинскаго пѣхотной службы устава и описанія обмундированія и вооруженія войскъ россійской арміи.

Съ этого времени труды и попеченія Наслѣдника раздѣляются между двумя главными изъ порученныхъ ему частей: войсками гвардіи и гренадерскаго корпуса и военно-учебными заведеніями. Въ завѣдываніи какъ тѣми, такъ и другими, онъ, какъ самъ выражался, являлся продолжателемъ бывшаго ихъ начальника, Великаго Князя Михаила Павловича, котораго называлъ своимъ руководителемъ и другомъ. Отсылая для храненія въ гвардейскій штабъ завѣщанную гвардіи покойнымъ Великимъ Княземъ брилліантовую шпагу, нѣкогда полученную имъ за польскую войну 1830—1831 годовъ, Цесаревичъ, въ приказѣ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ, приглашалъ войска соединить чувства душевной благодарности къ почившему незабвенному начальнику съ молитвой къ Богу объ упокоеніи души его. „Сохранимъ навсегда память о немъ", заключилъ онъ, „и да будетъ она указателемъ, какъ самъ онъ былъ примѣромъ и любви, и преданности къ Богу и Государю и къ точному исполненію долга службы". То же уваженіе къ памяти августѣйшаго предмѣстника выразилъ Цесаревичъ и въ приказѣ, отданномъ при вступленіи въ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, принадлежность къ которымъ, заявлялъ онъ, тѣмъ для него отраднѣе, что въ ихъ рядахъ самъ онъ началъ службу. „Главнѣйшею цѣлью всѣхъ моихъ заботъ", говорится далѣе въ томъ же приказѣ, „будетъ сберечь все, сдѣланное трудами и любовью его высочества для блага заведеній, и сохранить заведенія въ томъ же превосходномъ состояніи, въ какомъ они отцомъ ихъ и благодѣтелемъ оставлены мнѣ, какъ бы въ залогъ его ко мнѣ дружбы и милости. Я увѣренъ, что всѣ чины военно-учебныхъ заведеній свято сохранятъ въ душѣ своей благодарную память о почившемъ и также свято будутъ исполнять всѣ благотворныя указанія его, какъ исполняли ихъ при немъ. Надѣюсь, что воспитанники не только въ заведеніи, но и за его порогомъ будутъ стараться службою и всею своею жизнью отплатить своему почившему отцу за неограниченную его къ нимъ любовь". Приказъ этотъ велѣно было прочесть въ соборѣ всѣхъ воспитателей и воспитанниковъ, передъ панихидою „объ упокоеніи великой души благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній".

Наслѣдникъ сохранилъ при себѣ и ближайшихъ сотрудниковъ Великаго Князя Михаила Павловича, генераловъ Витовтова и Ростовцева, въ званіи начальниковъ штаба, перваго—по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ, второго—по военно-учебнымъ заведеніямъ. Особымъ высочайшимъ повелѣніемъ ему подчинены на общемъ основаніи спеціальныя военныя училища: главное инженерное и Михайловское артиллерійское, а съ 1854 года — и академія Генеральнаго Штаба.

Что строгое сохраненіе направленія, установленнаго Михаиломъ Павловичемъ, какъ въ командованіи гвардіей и гренадерами, такъ и въ дѣлѣ военнаго воспитанія юношества вполнѣ отвѣчало видамъ и намѣреніямъ самого Императора Николая, явствуетъ изъ похвалы его Цесаревичу въ первый же годъ начальствованія этими частями. Послѣ обычнаго лагернаго

сбора въ Красномъ Селѣ, лѣтомъ 1850 года, Государь почтилъ Наслѣдника рескриптомъ, въ которомъ выразилъ удовольствіе за то, что возвратившіеся изъ похода гвардейскіе полки, равно какъ и гренадерскій корпусъ, находятся въ томъ же отличнѣйшемъ устройствѣ до коего доведены заботами ихъ бывшаго незабвеннаго начальника, по всѣмъ частямъ военнаго образованія. „Относя сіе", продолжалъ Императоръ, „къ примѣрной и неусыпной заботливости вашего высочества, въ особенности же къ постоянному стремленію вашему исполнять всѣ желанія мои, я поспѣшаю изъявить вамъ мою живѣйшую признательность и сердечную благодарность за ваши труды, всегда радостные моему сердцу". Въ другомъ рескриптѣ Государь изъявилъ такое же удовольствіе по поводу отличнаго состоянія военно-учебныхъ заведеній. Провозгласивъ главною цѣлью военнаго воспитанія, при необходимомъ образованіи, учебномъ и фрунтовомъ, развитіе въ юношахъ чистыхъ правилъ нравственности, высокаго чувства чести и непоколебимой любви и преданности къ Престолу и отечеству, его величество горячо благодарилъ сына, „за родительское попеченіе о юношествѣ ему ввѣренномъ, за христіанское просвѣщеніе и истинно русское воспитаніе его".

Весною 1850 года, Цесаревичъ сопутствовалъ Государю въ его поѣздкѣ по Россіи для осмотра крѣпостей и войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ; лѣтомъ руководилъ лагернымъ сборомъ кадетъ въ Петергофѣ и гвардіи въ Красномъ Селѣ, а осенью, послѣ посѣщенія кадетскихъ корпусовъ въ Полоцкѣ, Брестѣ и Полтавѣ и смотровъ 4-му пѣхотному корпусу въ Луцкѣ и 2-й резервной кавалерійской дивизіи въ Елисаветградѣ, предпринялъ путешествіе на Кавказъ и въ Закавказье.

То было тріумфальное шествіе, непрерывный рядъ торжествъ и ликованій на пути царскаго первенца, впервые посѣщавшаго благословенный край, утвержденный за Россіей блестящими побѣдами русскаго оружія, упорною борьбой русскаго солдата съ отстаивавшими свою независимость дикими, но храбрыми горцами.

Сѣвъ въ Севастополѣ на пароходъ „Владиміръ", Цесаревичъ высадился на берегъ въ Тамани 14-го сентября и чрезъ Екатеринодаръ, Ставрополь, Кисловодскъ, Пятигорскъ и Большую Кабарду, 24-го прибылъ во Владикавказъ. На границѣ Кавказа встрѣтилъ его намѣстникъ князь Воронцовъ. На слѣдующій день Наслѣдникъ двинулся въ дальнѣйшій путь. „Всюду", разсказываетъ очевидецъ, „расположенныя по дорогѣ войска кричали „ура!" форты салютовали пушечными выстрѣлами и тьмы туземныхъ всадниковъ гарцовали вокругъ его экипажа, издавая радостные крики и стрѣляя изъ ружей. Всѣ они были въ блестящихъ нарядахъ: сотни стальныхъ кольчугъ и щитовъ, луковъ и стрѣлъ въ богатыхъ колчанахъ, золотое шитье, галуны—все это блестѣло на солнцѣ. Подъ желѣзными шлемами съ длинными сѣтками, мужественныя лица дышали восторгомъ. Въѣздъ Великаго Князя въ Тифлисъ явился настоящимъ тріумфомъ. Все населеніе города высыпало ему на встрѣчу, съ туземными музыкантами и пѣсенниками, и вся эта пестрая толпа тѣснилась къ нему, размахивая зелеными вѣтвями и флагами. Почетная стража изъ двухсотъ всадниковъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ мѣстнымъ княжескимъ родамъ, молодые красавцы въ ихъ живописномъ костюмѣ изъ бархата и кашмира, съ одеждою, оружіемъ, убранствомъ чистокровныхъ коней, блестящими золотомъ, драгоцѣнными камнями и шитьемъ, ѣхали впереди Великаго Князя, всюду сопровождая, его и содержали караулъ во дворцѣ".

На другой день по пріѣздѣ въ Тифлисъ, 26-го сентября, Наслѣдникъ принялъ экзарха Грузіи, персидскаго принца Бехменъ-Мирзу, всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей и затѣмъ посѣтилъ, подробно осматривая ихъ, гимназію, казармы и школу военныхъ воспитанниковъ кавказскаго сапернаго баталіона, школу кавказскихъ межевщиковъ, женское учебное заведеніе св. Нины, строившійся театръ, больницу и институтъ благородныхъ дѣвицъ. За обѣдомъ у намѣстника, въ отвѣтъ на тостъ князя Воронцова за Императора, Императрицу и дорогого желаннаго гостя, Цесаревича, Александръ Николаевичъ пилъ здоровье „храбрыхъ воиновъ Кавказа" и гостепріимныхъ хозяина и хозяйки. На балѣ, слѣдовавшемъ за обѣдомъ, его высочество заинтересовали національные танцы, лезгинка и абхазка, исполненные молодыми людьми знатнѣйшихъ семей Грузіи.

Утро слѣдующаго дня было посвящено ученью и разводу сводно-учебнаго баталіона и осмотру каменнаго моста на Курѣ, а также военнаго госпиталя. Вечеромъ Наслѣдникъ принялъ балъ, данный въ честь его грузинскимъ дворянствомъ. Адъютантъ князя Воронцова, князь Эмиль Витгенштейнъ сравниваетъ его со сказкою изъ „Тысячи и одной ночи“, по ослѣпительной роскоши и своеобразному изяществу, свойственнымъ одной только Азіи. Не менѣе роскошенъ и своеобразенъ былъ ночной праздникъ, данный купечествомъ на третій день пребыванія Наслѣдника въ Тифлисѣ.

29-го сентября Цесаревичъ оставилъ гостепріимный Тифлисъ, вполнѣ довольный пріемомъ, самъ очаровавъ всѣхъ и каждаго въ древней столицѣ Грузіи. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по Закавказью, Александръ Николаевичъ почтилъ посѣщеніемъ именитѣйшихъ изъ мѣстныхъ вельможъ въ ихъ помѣстьяхъ, а въ Кутаисѣ принималъ владѣтелей Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи. Переваливъ чрезъ Сурамъ, онъ осмотрѣлъ Ахалцыхъ, укрѣпленія котораго показывалъ ему участвовавшій во взятіи этой крѣпости генералъ, князь Бебутовъ; доѣхавъ до крайняго пограничнаго пункта въ Александрополѣ, остановился въ Эчміадзинѣ, гдѣ встрѣченъ былъ съ подобающими почестями патріархомъ—католикосомъ всѣхъ армянъ и въ Эривани принималъ Азисъ-хана, чрезвычайнаго посла, привѣтствовавшаго его отъ имени шаха персидскаго. Затѣмъ Цесаревичъ направился, чрезъ Елисаветполь и Шемаху, въ Баку и, слѣдуя вдоль берега Каспійскаго моря, проѣхалъ, чрезъ Дербентъ, и тогда незамиренный еще Дагестанъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи. Тамъ довелось ему быть свидѣтелемъ и участникомъ боевой схватки съ чеченцами.

26-го октября Наслѣдникъ отправился изъ Воздвиженской крѣпости въ Ачхай, въ сопровожденіи намѣстника князя Воронцова и подъ прикрытіемъ отряда, состоявшаго изъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ съ артиллеріею, а также туземной милиціи и толпы мирныхъ чеченцовъ. По обыкновенію, его высочество ѣхалъ верхомъ съ авангардомъ. Между рѣками Рошня и Валерикомъ онъ замѣтилъ показавшуюся за лѣвою цѣпью подъ Черными горами партію непріятеля и тотчасъ поскакалъ къ ней, увлекая за собою всю свиту, генераловъ отряда и нѣсколько казаковъ и туземцевъ. Чеченцы, выстрѣливъ но немъ, бросились бѣжать, но были преслѣдуемы казаками и мирными чеченцами, а между тѣмъ, конвой Наслѣдника изъ линейныхъ казаковъ и азіатовъ заѣхалъ имъ въ тылъ. Въ происшедшей схваткѣ, начальникъ партіи, оруженосецъ наиба Самбдулы былъ убитъ; трупъ его остался въ рукахъ казаковъ, и оружіе тутъ же поднесено Наслѣднику.

Донося объ этомъ происшествіи Государю, князь Воронцовъ свидѣтельствовалъ, что онъ не могъ безъ страха видѣть, съ какою быстротою и смѣлостью Цесаревичъ бросился за цѣпь, на большое разстояніе отъ дороги, чрезъ перелѣсье, тѣмъ болѣе, что не всѣ изъ свиты могли поспѣть за его кровнымъ конемъ. Не ожидая встрѣчи съ непріятелемъ, старикъ Воронцовъ, страдавшій отъ сильнаго кашля, ѣхалъ въ коляскѣ. Увидавъ движеніе, онъ вскочилъ на коня, и, какъ самъ выражается въ донесеніи, съ трудомъ могъ доѣхать до его высочества, и то лишь тогда, когда онъ остановился въ трехъ верстахъ отъ дороги и когда дѣло было уже кончено. „Безпокойство мое“, продолжаетъ намѣстникъ, „обратилось въ истинную радость, когда я увидѣлъ, что обожаемому нашему Наслѣднику удалось присутствовать хотя въ небольшомъ, но настоящемъ военномъ дѣлѣ, совершенно въ нашу пользу окончившемся; что Наслѣдникъ лично видѣлъ ловкость и самоотверженіе не только казаковъ, но даже и мирныхъ чеченцовъ, которые съ нимъ поскакали; но что еще важнѣе и для насъ драгоцѣннѣе, это то, что не только всѣ войска, составлявшіе отрядъ, почти всѣ генералы кавказской арміи, но и огромное количество милиціи разныхъ племенъ, между коими многіе не болѣе какъ три недѣли тому назадъ перешли изъ немирныхъ въ мирные, были лично свидѣтелями истинно военнаго духа и благороднаго, можно даже сказать излишняго порыва въ знаменитой груди Наслѣдника россійскаго Престола“.

Донесеніе свое князь Воронцовъ заключилъ просьбой осчастливить его и весь кавказскій корпусъ „украшеніемъ достойной груди его императорскаго высочества знакомъ ордена храбрыхъ“.—„Эта милость будетъ справедлива“, писалъ онъ. „Умоляю ваше императорское величество не

отказать мнѣ въ этомъ представленіи. Крестъ св. Георгія 4-й степени будетъ не только справедливою наградою Государю Наслѣднику, но будетъ сочтенъ драгоцѣнною наградою для всего кавказскаго корпуса и будетъ съ восторгомъ принятъ всѣми здѣшними войсками".

Императоръ Николай уважилъ ходатайство престарѣлаго вождя и 10-го ноября пожаловалъ Цесаревичу георгіевскій крестъ 4-й степени. Три дня спустя новопожалованный кавалеръ былъ уже въ Царскомъ Селѣ, въ объятіяхъ родителей, и 26-го ноября участвовалъ въ орденскомъ праздникѣ св. Георгія. Тогда же Государь назначилъ его шефомъ Эриванскаго карабинернаго полка, а король Виртембергскій украсилъ грудь его орденомъ за военныя достоинства, 3-й степени.

Вскорѣ по возвращеніи съ Кавказа, Александру Николаевичу пришлось принять рѣшающее участіе въ важномъ государственномъ дѣлѣ: занятіи устьевъ Амура. Дѣйствуя по указаніямъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, Н. Н. Муравьева, командированный имъ лѣтомъ 1850 года въ заливъ Счастья капитанъ Невельской, не ограничился заложеніемъ на одномъ изъ острововъ этого залива Петровскаго зимовья, но въ 25-ти верстахъ отъ устья Амура, 6-го августа, поднялъ русскій военный флагъ и, принявъ окрестныхъ гиляковъ подъ защиту и покровительство Россіи, основалъ Николаевскій постъ—нынѣшній Николаевскъ—въ которомъ оставилъ шесть человѣкъ изъ своихъ гребцовъ. Муравьевъ самъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы исходатайствовать высочайшее утвержденіе этой мѣры, но въ Комитетѣ, составленномъ изъ государственнаго канцлера графа Нессельроде, министровъ: военнаго — князя Чернышева, финансовъ—Вронченко, внутреннихъ дѣлъ — графа Перовскаго, генералъ-адъютантовъ князя Меншикова и графа Берга и товарища министра иностранныхъ дѣлъ Сенявина, съ участіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, постановлено, по настоянію канцлера, не занимать устьевъ Амура, дабы не вызвать столкновенія съ китайскимъ правительствомъ. Муравьевъ подалъ отдѣльное мнѣніе, противоположное рѣшенію Комитета, въ которомъ доказывалъ несомнѣнную выгоду для государства отъ завладѣнія этимъ краемъ и необходимость предупредить захватъ его англичанами. Ознакомясь съ доводами Муравьева, Императоръ Николай приказалъ вновь собраться тому же Комитету, но подъ предсѣдательствомъ Цесаревича. Александръ Николаевичъ призвалъ къ себѣ генералъ-губернатора для объясненій и, принявъ отъ него записку, подробно излагавшую его взглядъ, не только самъ раздѣлилъ его мнѣніе, но въ засѣданіи 15-го января 1851 года увлекъ своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ князя Меншикова и графовъ Перовскаго и Берга. Такимъ образомъ, Нессельроде, Чернышевъ, Вронченко и Сенявинъ остались въ меньшинствѣ, а по докладѣ Государю о разногласіи членовъ Комитета, его величество повелѣлъ: основанный капитаномъ Невельскимъ военный постъ въ устьѣ Амура сохранить, усиливъ его содѣйствіемъ одного морского судна въ лѣтнее время. Такъ, благодаря личному вмѣшательству въ дѣло Александра Николаевича, положено начало распространенію владычества Россіи на обширный Приамурскій край, окончательно утвержденный за нею семь лѣтъ спустя, въ собственное его царствованіе.

Послѣ продолжительной отлучки, вступивъ снова въ командованіе гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами и въ исправленіе должности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Наслѣдникъ всю свою заботливость посвятилъ этимъ двумъ частямъ и доведенію ихъ до возможнаго совершенства. Лѣтомъ 1851 года, какъ и въ предъидущіе годы, его время было распредѣлено между кадетскимъ лагеремъ въ Петергофѣ и гвардейскимъ—въ Красномъ Селѣ. Успѣхъ увѣнчалъ его усилія, какъ можно заключить изъ двухъ высочайшихъ рескриптовъ, полученныхъ имъ по окончаніи лагернаго сбора. Въ первомъ императоръ Николай, прилежно слѣдившій за лѣтними занятіями гвардіи и гренадеръ въ лагерномъ ихъ расположеніи, на ученьяхъ, маневрахъ, бивакахъ, признавалъ, что войска эти доведены до примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ благоустройства. „Вообще родительскому моему сердцу", такъ заключался рескриптъ, „отрадно видѣть, до какой степени вы постигли званіе военачальника и я за ваши неусыпныя заботы о войскѣ, столь искренно мною любимомъ, благодарю васъ отъ всей полноты души". Во второмъ рескриптѣ Го-

сударь благодарилъ Цесаревича за превосходное состояніе военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ онъ удостовѣрился лично во время лагерной ихъ стоянки въ Петергофѣ. „Что же касается до учебнаго образованія“, присовокуплялъ Императоръ, „то я остаюсь несомнѣнно увѣренъ, что постоянное и непосредственное наблюденіе вашего высочества за этою частью принесетъ особенную пользу и послужитъ какъ надежнѣйшимъ ручательствомъ усердія преподавателей, такъ и лучшимъ поощреніемъ къ успѣхамъ воспитанниковъ“.

Тотчасъ по распущеніи лагерей состоялось торжество открытія желѣзнаго пути, соединившаго обѣ столицы Имперіи. 19-го августа, въ три съ половиною часа утра, Государь и Государыня въ сопровожденіи Цесаревича и Цесаревны и двухъ старшихъ ихъ сыновей, Великихъ Князей Николая и Александра Александровичей, выѣхали изъ Петербурга и въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, благополучно прибыли въ Москву. Царская семья около недѣли оставалась въ первопрестольной столицѣ, чѣмъ и воспользовался Александръ Николаевичъ для осмотра сосѣднихъ кадетскихъ корпусовъ въ Тулѣ, Орлѣ и Тамбовѣ.

Съ наступленіемъ весны 1852 года, Наслѣдникъ возобновилъ свои поѣздки для обозрѣнія ввѣренныхъ ему войскъ и учрежденій. Въ Новгородскихъ округахъ пахатныхъ солдатъ осмотрѣлъ онъ 2-ю легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію и Аракчеевскій кадетскій корпусъ, въ Княжомъ Дворѣ—гренадерскій корпусъ, въ Твери—7-ю легкую кавалерійскую дивизію. По окончаніи лагернаго сбора въ Петергофѣ и Красномъ Селѣ, Цесаревичъ снова получилъ два благодарственные рескрипта. Въ одномъ Государь хвалилъ примѣрный порядокъ, съ коимъ гвардія и гренадеры отправляютъ внутреннюю службу, и неутомимое усердіе, одушевляющее всѣхъ чиновъ „сего избраннаго войска“; въ другомъ — выражалъ признательность сыну за размноженіе разсадниковъ образованія русскаго дворянства въ духѣ христіанской нравственности и доблести воинской. „Юноши, предназначенные на благородное поприще защитниковъ отечества“, писалъ Императоръ, „находя подъ кровомъ сихъ заведеній родительскую о нихъ заботливость, пріобрѣтаютъ, съ основательными въ наукахъ познаніями, навыкъ къ строгому исполненію предстоящихъ имъ на службѣ обязанностей и поступаютъ въ ряды войскъ со всѣми условіями, коихъ я требую отъ моихъ офицеровъ. Образованіемъ сихъ молодыхъ людей, семейства ихъ и общее наше семейство—армія непосредственно обязаны вашимъ неусыпнымъ трудамъ и просвѣщенной попечительности“.

Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ Цесаревичу нуженъ былъ отдыхъ, и 15-го августа онъ отправился съ Цесаревною въ путешествіе по чужимъ краямъ. Отплывъ на пароходѣ въ Штеттинъ, онъ, чрезъ Берлинъ и Веймаръ, отвезъ супругу въ Дармштадтъ и, оставивъ ее тамъ въ кругу родительской семьи, самъ поѣхалъ присутствовать на маневрахъ, сначала прусскаго гвардейскаго корпуса въ окрестностяхъ Берлина, а потомъ австрійскихъ войскъ въ мѣстечкѣ Палота, близъ Пешта. По возвращеніи въ Дармштадтъ, Наслѣдникъ вмѣстѣ съ Цесаревною навѣстилъ въ Штутгартѣ Великую Княгиню Ольгу Николаевну, провелъ двѣ недѣли въ Дармштадтѣ, откуда чрезъ Штутгартъ, Боденское озеро, Шплюгенъ, Венецію и Тріестъ ихъ высочества прибыли въ Вѣну. Въ австрійской столицѣ провели они два дня и 7-го ноября, чрезъ Варшаву, возвратились въ Петербургъ. Въ георгіевскій праздникъ, 26-го ноября, Государь поздравилъ Цесаревича съ новымъ отличіемъ: званіемъ главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами.

Съ первыхъ дней 1853 года на политическомъ горизонтѣ Россіи стали появляться черныя точки, скоро превратившіяся въ зловѣщія, грозныя тучи. Возникшее между русскимъ Дворомъ и Портою несогласіе по вопросу о св. мѣстахъ въ Палестинѣ, разрослось въ столкновеніе Россіи съ великими державами Запада, сплотившимися воедино для стѣсненія правъ, предоставленныхъ намъ на Востокѣ договорами нашими съ Турціей. Занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ вызвало общій протестъ собранныхъ на конференціи въ Вѣнѣ великихъ державъ, что и побудило Турцію объявить намъ войну, въ разсчетѣ на поддержку не однѣхъ Франціи и Англіи, но и Австріи, и Пруссіи. Императоръ Николай пожелалъ лично удостовѣриться въ расположеніи своихъ союзниковъ, императора Франца-Іосифа и короля Фридриха-Вильгельма, и самъ отпра-

вился на маневры въ Ольмюцъ, послѣ чего австрійскій императоръ и король прусскій посѣтили его въ Варшавѣ. Сопровождавшій Государя въ этой поѣздкѣ (съ 10-го по 18-е сентября) Цесаревичъ могъ самолично убѣдиться, что въ предстоявшей войнѣ съ двумя морскими державами, Россіи не только нельзя разсчитывать на помощь державъ — участницъ Священнаго союза, но слѣдуетъ даже опасаться перехода ихъ въ лагерь нашихъ противниковъ.

Начало 1854 года ознаменовалось разрывомъ съ Англіею и Франціею. Всѣ боевыя силы Имперіи поставлены были на военную ногу. Гвардія выступила въ походъ и была замѣнена въ Петербургѣ своими резервными и запасными частями, сформированными подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Цесаревича, которому, въ виду ожидаемаго появленія въ Балтійскомъ морѣ англо-французскаго флота, поручена была, по званію главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, защита побережья, отъ Выборга до Нарвы. Вновь сформированныя войска были представлены на смотръ Императору и, по собственному его выраженію, явились въ столь блестящемъ во всѣхъ отношеніяхъ видѣ, что не только удовлетворили его ожиданіямъ, но даже превзошли ихъ. „Составъ и устройство сихъ войскъ“, писалъ онъ въ рескриптѣ къ Наслѣднику, „вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли ихъ назначенія и служатъ яснымъ доказательствомъ неусыпной вашей о нихъ заботливости. Оставаясь въ полной увѣренности, что гвардейскій резервный корпусъ, при настоящемъ его образованіи, во всемъ будетъ равенъ дѣйствующимъ войскамъ гвардіи и что если обстоятельства потребуютъ новыхъ для войскъ усилій, то формированіе ихъ будетъ произведено съ тою же дѣятельностью и съ такимъ же успѣхомъ, какъ нынѣ, я съ особеннымъ удовольствіемъ повторяю вашему императорскому высочеству искреннѣйшую, живѣйшую мою признательность за постоянные примѣрные ваши труды на пользу службы“. Въ неменѣе прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ Императоръ сына за храбрость и мужество, проявленныя на войнѣ его питомцами, воспитанниками военно-учебныхъ заведеній. „Моя армія ими гордится“, говорилъ Императоръ. „Я увѣренъ, что и поступившіе нынѣ въ ряды оной офицеры послѣдуютъ доблестному примѣру своихъ товарищей, въ честь нашего оружія и во славу Россіи. Да вознаградитъ ихъ служба вашу отеческую о нихъ заботливость“.

Въ продолженіе всего 1854 года Цесаревичъ раздѣлялъ труды и заботы Царственнаго родителя по оборонѣ Имперіи, умноженію и усовершенствованію ея военныхъ силъ. Вынужденное угрозами Австріи снятіе осады Силистріи, отступленіе войскъ нашихъ изъ-за Дуная, очищеніе Молдавіи и Валахіи, вторженіе турокъ въ Закавказье, появленіе англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ, высадка союзниковъ въ Крыму, проигранныя княземъ Меншиковымъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ, затопленіе Черноморскаго флота у входа въ Севастопольскую гавань, наконецъ, осада Севастополя, начавшіяся продолжительныя усиленныя бомбардированія и продолжаемыя неустанно, не взирая на наступленіе зимы,—все это были тяжкія испытанія, подорвавшія исполинскую натуру Императора Николая. Не менѣе тревожило Государя, возбуждая въ немъ искреннее негодованіе, поведеніе союзныхъ съ нимъ Дворовъ вѣнскаго и берлинскаго, изъ которыхъ первый явно принялъ сторону нашихъ враговъ, а второй колебался, и видимо готовъ былъ послѣдовать примѣру Австріи. „Буди воля Божія“, писалъ Императоръ Николай, въ концѣ ноября, главнокомандующему южной арміей, князю М. Д. Горчакову, „буду нести крестъ мой до истощенія силъ“.

Но силъ не хватило. Простудившись въ началѣ февраля, Государь 11-го числа слегъ въ постель. Болѣзнь быстро развивалась; силы Императора падали; онъ уже не могъ болѣе заниматься государственными дѣлами и бремя ихъ вынужденъ былъ возложить на Наслѣдника.

16-го февраля Цесаревичу пришлось принять важное рѣшеніе, изложенное въ двухъ собственноручныхъ письмахъ. Въ первомъ, къ главнокомандующему Крымскою арміею, извѣстивъ о болѣзни Государя, онъ именемъ его величества выразилъ князю Меншикову огорченіе по поводу послѣднихъ неудачъ въ Крыму: отбитія нашего штурма на Евпаторію и безостановочнаго приближенія осадныхъ работъ союзниковъ къ укрѣпленіямъ Севастополя. Передавъ мнѣніе Государя, что, въ виду неоднократно

*

высказаннаго Меншиковымъ убѣжденія въ невозможности всякаго наступательнаго движенія, единственнымъ исходомъ для насъ представляется дождаться непріятельскаго приступа на Севастополь и по отраженіи его двинуться впередъ, какъ изъ самой крѣпости такъ и со стороны Чоргуна на Кадыкіой, угрожая одновременно центру, правому флангу и даже тылу союзниковъ, Наслѣдникъ продолжалъ: „За симъ Государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому, усердному и вѣрному сотруднику и сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнить всякое порученіе, довѣріемъ его величества на васъ возлагаемое, Государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперь состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно довести до Высочайшаго его свѣдѣнія и желая доставить вамъ средство поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, Высочайше увольняетъ васъ отъ командованія Крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь". Вѣсть объ увольненіи смягчалась для несчастливаго полководца пожалованіемъ его сына генералъ-адъютантомъ и заключительными словами письма: „Государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ".

Во второмъ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову Цесаревичъ приглашалъ его, сдавъ начальство надъ Южною арміею генералу Лидерсу, тотчасъ же ѣхать въ Севастополь, чтобы вступить въ командованіе Крымскою арміею и усилить ее всѣми войсками, какія только сочтетъ возможнымъ туда направить. При этомъ Наслѣдникъ посвятилъ новаго вождя въ намѣреніе Государя, считавшаго сохраненіе Севастополя вопросомъ *первѣйшей важности*, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, жертвовать временно Бессарабіей и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова. „Кончивъ съ Божіею помощью благополучно дѣло въ Крыму", замѣчалъ Александръ Николаевичъ, „всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и заставить ихъ дорого заплатить за временной успѣхъ".

Прошелъ еще день. На сохраненіе жизни Государя не оставалось болѣе ни малѣйшей надежды, и пользовавшіе его врачи рѣшились сказать о томъ Наслѣднику. Императрица Александра Ѳеодоровна взяла на себя внушить обожаемому супругу необходимость исполнить послѣдній долгъ христіанина. Узнавъ отъ лейбъ-медика Мандта, что ему грозитъ параличъ сердца, Государь самъ пожелалъ пріобщиться Святыхъ Таинъ и проститься со всѣми членами царственной семьи. Умилительно-трогательны были послѣднія слова его, обращенныя къ старшему сыну: „Мнѣ хотѣлось", говорилъ онъ, нѣжно обнимая его, „принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ".

18-го февраля, въ 20 минутъ послѣ полудня, Императоръ Николай почилъ смертью праведника, и Александръ II вступилъ на прародительскій Престолъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Императоръ Александръ II.

1855—1881.

I.

Война.

1855.

Высочайшій манифестъ возвѣстилъ Россіи о кончинѣ Императора Николая и о воцареніи его преемника. Въ этомъ первомъ актѣ своего царствованія молодой Государь принималъ предъ лицемъ Бога священный обѣтъ—имѣть всегда единою цѣлью благоденствіе отечества, и заключалъ манифестъ слѣдующими знаменательными словами: „Да руководимые, покровительствуемые призвавшимъ насъ къ сему великому служенію Провидѣніемъ, утвердимъ Россію на высшей ступени могущества и

славы; да исполняются чрезъ насъ постоянныя желанія и виды августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и незабвеннаго нашего родителя".

Въ самый день смерти Императора Николая, Александръ II повелѣлъ Государственному Совѣту собраться на другой день, въ исходѣ перваго часа пополудни, на собственной половинѣ его императорскаго величества. 19-го февраля, представленію Государю предшествовало засѣданіе Совѣта въ обычномъ его помѣщеніи, причемъ Совѣтъ, выслушавъ высочайшій манифестъ, мнѣніемъ положилъ: принести присягу на вѣрность подданства Государю Императору и Наслѣднику его, Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу. Вслѣдъ затѣмъ, Совѣтъ, въ полномъ составѣ всѣхъ присутствовавшихъ въ томъ засѣданіи членовъ, съ предсѣдателемъ, княземъ Чернышевымъ, во главѣ, перешелъ во внутренніе покои Зимняго дворца, гдѣ Императоръ Александръ обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

„Въ годину тяжкихъ испытаній, посѣтило насъ новое несчастіе: мы лишились Отца и Благодѣтеля Россіи. Покойный Государь, мой незабвенный родитель, любилъ Россію и всю жизнь постоянно думалъ объ одной только ея пользѣ. Каждое его дѣйствіе, каждое его слово имѣло цѣлью одно и то же — пользу Россіи. Въ постоянныхъ и ежедневныхъ трудахъ его со мною, онъ говорилъ мнѣ: „Хочу взять себѣ все непріятное и все тяжкое, только бы передать тебѣ Россію устроенною, счастливою и спокойною". Провидѣніе судило иначе и покойный Государь, въ послѣдніе часы своей жизни, сказалъ мнѣ: „Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ". Я отвѣчалъ ему: „Ты—мы всегда говорили другъ другу ты—ты вѣрно будешь тамъ молиться за твою Россію и за дарованіе мнѣ помощи".—„О, вѣрно буду", отвѣчалъ онъ. Я увѣренъ въ этомъ, потому что душа его — была душа чистая. Въ этой надеждѣ на молитвы моего незабвеннаго родителя и въ упованіи на помощь Божію, на которую я всегда надѣялся и надѣюсь, я вступаю на родительскій престолъ".

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Государь, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ: „Помните, господа, что Государственный Совѣтъ есть высшее въ государствѣ сословіе и потому долженъ подавать собою примѣръ всего благороднаго, полезнаго и честнаго. Покойный Государь, въ послѣднія минуты жизни, передавая мнѣ волю свою о разныхъ предметахъ государственнаго управленія, поручилъ мнѣ благодарить членовъ Государственнаго Совѣта за усердную ихъ службу, не только въ продолженіе его царствованія, но нѣкоторыхъ еще и—въ предыдущее. Исполняя эту волю моего незабвеннаго родителя, я надѣюсь, что Совѣтъ будетъ и при мнѣ продолжать дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовалъ при покойномъ Государѣ, то-есть, благородно, чисто и честно. Иныхъ дѣйствій отъ этого высшаго учрежденія я и не ожидаю. Независимо отъ особой благодарности всему Совѣту, покойный Государь, въ свои послѣднія минуты, вспоминая о своихъ сотрудникахъ, поручилъ мнѣ поименно благодарить министровъ, работавшихъ съ нимъ въ его царствованіе".

Императоръ въ отдѣльности благодарилъ предсѣдателя Совѣта, всѣхъ министровъ и начальниковъ главныхъ управленій и, взявъ за руку Великаго Князя Константина Николаевича, сказалъ ему: „Тебя, милый братъ, Государь особенно поручилъ благодарить за прекрасное начало твоей службы. Надѣюсь на такое же продолженіе ея и впредь".

Его Величество удалился въ свой кабинетъ, а члены Совѣта пошли въ Бѣлую залу, для участія въ высочайшемъ выходѣ въ придворный соборъ, гдѣ, въ присутствіи Государя и Императрицъ, всѣхъ членовъ императорской фамиліи, высшихъ государственныхъ сановниковъ, военныхъ и придворныхъ чиновъ, министръ юстиціи прочиталъ манифестъ о воцареніи, а духовникъ ихъ величествъ, протопресвитеръ Бажановъ, провозгласилъ въ общее услышаніе присягу на вѣрность подданства Государю Императору и Наслѣднику. По произнесеніи присяги всѣми находившимися въ церкви особами, присутствовавшіе приложились къ св. Евангелію и Кресту и подписали присяжные листы.

Въ тотъ же день Государь, въ приказѣ по россійскимъ войскамъ, передалъ обращенныя къ нимъ послѣднія слова почившаго ихъ вождя и благодѣтеля: „Благо-

дарю славную вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства, и внѣ, и внутри, обезпечено, и горе врагамъ его! Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ, старался какъ могъ улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать". Другимъ приказомъ по военному вѣдомству новый Государь принялъ на себя званіе шефа во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, коихъ шефомъ состоялъ покойный Императоръ, и въ нихъ же зачислилъ Наслѣдника.

Слѣдующимъ распоряженіемъ Александра II было назначеніе на занимаемую имъ самимъ до того должность главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами генералъ-адъютанта графа Ридигера. Главное руководство воспитаніемъ военнаго юношества оставилъ онъ за собою, подчинивъ себѣ непосредственно переименованнаго въ начальники штаба его императорскаго величества по военно-учебнымъ заведеніямъ генералъ-адъютанта Ростовцева. Увольненіе отъ всѣхъ должностей князя Меншикова, съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта, вызвало назначеніе князя М. Д. Горчакова главнокомандующимъ Крымскою арміею, генерала Лидерса—командующимъ Южною арміей, генерала Берга—финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича — главнымъ начальникомъ флота и морскаго вѣдомства. Всѣ прочіе министры и высшія должностныя лица имперіи оставлены на своихъ мѣстахъ.

Въ минуту воцаренія Императора Александра II, Россія переживала тяжелое время. Начатая въ 1853 году вступленіемъ русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества война съ Турціею и ея союзницами Великобританіею и Франціею перенесена была въ собственные наши предѣлы. По очищеніи нами Молдавіи и Валахіи, австрійскія войска заняли двѣ эти области, а англо-французы высадились въ Крыму и послѣ неудачнаго для насъ дѣла на рѣкѣ Альмѣ, поддерживаемые многочисленною эскадрою, осадили Севастополь. Всѣ попытки вытѣснить ихъ съ сильно укрѣпленныхъ позицій остались безуспѣшны. Они продолжали осаду, не взирая на наступленіе зимы; мы же вынуждены были, для загражденія Севастопольскаго порта, сами потопить всѣ суда, составлявшія нашъ черноморскій флотъ. Защита Севастополя стоила ежедневно геройскому гарнизону неисчислимыхъ потерь. Подкрѣпленія подходили медленно и въ недостаточномъ числѣ, вслѣдствіе необходимости содержать вдоль западной границы Имперіи многочисленную армію на случай войны съ Австріею. Съ призывомъ государственнаго ополченія, напряжены были до крайнихъ предѣловъ боевыя силы государства; не менѣе истощены были и его финансовыя средства, а между тѣмъ, къ веснѣ слѣдовало ожидать вторженія турокъ въ Закавказье и появленія англо-французскаго флота въ Финскомъ заливѣ. Наши берега на Бѣломъ морѣ и Восточномъ океанѣ оставались совершенно открытыми для непріятельскихъ нападеній.

Какъ ни трудно было положеніе наше на всѣхъ театрахъ войны, еще болѣе тяжкимъ представлялось положеніе политическое. Австрія заключила съ Англіею и Франціею союзный договоръ, коимъ обязалась объявить войну Россіи, если та не приметъ мира на заявленныхъ Дворами лондонскимъ и парижскимъ и поддержанныхъ вѣнскимъ Дворомъ условіяхъ. Пруссія, долго колебавшаяся, начинала также склоняться на сторону нашихъ противниковъ и, независимо отъ союзнаго договора, заключеннаго съ Австріею, вошла съ Англіею и Франціею въ непосредственные переговоры относительно присупленія къ коаліціи. Ее опередила Сардинія, снарядившая уже пятнадцатитысячный корпусъ для присоединенія къ арміи союзниковъ, дѣйствовавшей въ Крыму. Примѣру этому готовы были послѣдовать Швеція и даже Испанія. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, если не считать Папы, одинъ только король Неаполитанскій обнаруживалъ къ намъ искренне дружеское расположеніе. Война грозила стать всеобщею. Россіи приходилось вступить въ борьбу со сплотившеюся воедино противъ нея всею Европою.

Въ виду этой грозной опасности Императоръ Александръ II не смутился и не палъ духомъ, но бодро и твердо приступилъ къ выполненію намѣченной имъ двойной задачи: все стараніе приложить къ

заключенію мира почетнаго, совмѣстнаго съ достоинствомъ его державы или, если это окажется недостижимымъ, собрать и направить всѣ вещественныя и нравственныя силы Россіи на отраженіе ея враговъ. Такую рѣшимость онъ ясно выразилъ въ двухъ рѣчахъ, съ которыми, въ одинъ и тотъ же день—20-го февраля—обратился къ явившимся привѣтствовать его воцареніе дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ государствъ и къ депутаціи С.-Петербургскаго дворянства, представившей адресъ съ изъявленіемъ готовности „не щадить ни себя, ни достоянія въ защиту святой вѣры, Царя и отечества".

Государь, разъяснивъ чужеземнымъ дипломатамъ, что отвѣтственность за кровопролитную войну отнюдь не должна падать на Императора Николая, сдѣлавшаго все отъ него зависѣвшее для ея предотвращенія, торжественно объявилъ имъ, что останется вѣренъ чувствамъ, одушевлявшимъ его родителя, и будетъ строго придерживаться началъ, руководившихъ политикою Александра I и Николая I. „Начала эти", сказалъ Императоръ, „суть начала Священнаго союза. Если этотъ союзъ болѣе не существуетъ, то вина за то лежитъ, конечно, не на моемъ отцѣ. Его намѣренія всегда были прямодушны и честны, и если, въ послѣднее время, онѣ не вездѣ оцѣнены по достоинству, то я не сомнѣваюсь, что Богъ и исторія воздадутъ имъ должную справедливость". При этихъ словахъ Государь строго взглянулъ на смущеннаго австрійскаго посланника графа Эстергази и затѣмъ продолжалъ: „Я готовъ протянуть руку примиренія на условіяхъ, принятыхъ моимъ отцомъ; но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда я, господа, во главѣ вѣрной моей Россіи и весь народъ смѣло вступимъ въ бой".

Пламеннымъ патріотическимъ чувствомъ и не менѣе твердою рѣшимостью проникнута рѣчь Александра Николаевича къ петербургскимъ дворянамъ: „Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы передать вамъ слова покойнаго нашего благодѣтеля, незабвеннаго родителя моего. Онъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ даже читать самъ выраженія вашихъ чувствъ. Эта обязанность была возложена на меня. Ваше усердіе, господа, усладило его послѣднія минуты. Выслушавъ все, онъ сказалъ: „Благодари ихъ, благодари искренно; скажи имъ, что я никогда не сомнѣвался въ ихъ преданности, а теперь еще болѣе въ ней убѣдился". Благодарю васъ, господа! Я увѣренъ, что эти слова глубоко залягутъ въ вашемъ воспоминаніи. Вы—во главѣ другихъ: передайте ихъ всѣмъ. Времена трудныя. Я всегда говорилъ покойному Государю, что твердо уповаю, что Богъ, милостью своею, сохранитъ Россію. Я надѣялся дожить вмѣстѣ до дней радостныхъ, но Богу угодно было рѣшить иначе. Я въ васъ, господа, увѣренъ, я надѣюсь на васъ. Я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго. Не унывать! Я съ вами, вы—со мною!" Потомъ, сотворивъ знаменіе креста, Государь прибавилъ: „Господь да поможетъ намъ! Не посрамимъ земли русскія!" и, обнявъ губернскаго предводителя, заключилъ: „Въ лицѣ вашемъ еще разъ благодарю все дворянство. Прощайте, господа, Богъ съ вами!"

Неожиданная вѣсть о смерти Императора Николая произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ, на друзей и недруговъ. Въ особенности поражены были ею бывшіе союзники усопшаго Монарха—императоръ австрійскій и король прусскій. Первый посѣтилъ русскаго посланника, князя А. М. Горчакова, и выразилъ ему глубокую скорбь о кончинѣ испытаннаго друга въ ту самую минуту, когда—увѣрялъ онъ—онъ собирался доказать на дѣлѣ насколько сердце его сохранило вѣрности къ августѣйшему усопшему. Францъ-Іосифъ просилъ Императора Александра принять его дружбу, какъ наслѣдіе, обѣщая и самъ сохранить ее навѣки, какъ память о благодарности къ его родителю. Тѣ же чувства выразилъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ отвѣтъ на дружеское письмо, коимъ царственный племянникъ передалъ ему слова умирающаго отца: „Скажи Фрицу, чтобъ продолжалъ дружить Россіи, помня завѣтъ батюшки" (короля Фридриха-Вильгельма III). Эрцгерцогъ австрійскій Вильгельмъ и принцъ прусскій Карлъ прибыли въ Петербургъ въ качествѣ представителей своихъ государей на похороны Императора Николая, тѣло котораго предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, 5-го марта.

Но проявленія сочувствія о великой утра-

тѣ, понесенной Россіею, со стороны покинувшихъ ее союзниковъ, мало внушали довѣрія Александру Николаевичу. „Дай Богъ, чтобъ это были не одни слова", писалъ онъ князю М. Д. Горчакову. Благопріятную перемѣну въ отношеніяхъ къ намъ Пруссіи Государь приписывалъ устраненію ея, по требованію союзниковъ, съ мирныхъ совѣщаній, имѣвшихъ открыться въ Вѣнѣ, и притомъ находилъ, что не видитъ въ томъ бѣды, „ибо чѣмъ болѣе ее оскорбляютъ, тѣмъ болѣе она льнетъ къ намъ, и потому, съ этой стороны, мы можемъ считать себя обезпеченными". Эрцгерцогу Вильгельму онъ высказалъ „всю истину" и просилъ передать ее императору Францу-Іосифу. „Не смотря на всѣ его дружескія увѣренія", замѣчалъ онъ въ томъ же письмѣ, „я никакой вѣры къ нему не имѣю и потому ожидаю и готовлюсь на худшее".

Событія оправдали опасенія Александра Николаевича. Созванная, въ первыхъ числахъ марта, въ Вѣнѣ, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля, конференція изъ уполномоченныхъ всѣхъ державъ, участницъ войны, приступила къ обсужденію и опредѣленію четырехъ основаній мира, составленныхъ Дворами тюильрійскимъ и сентъджемскимъ и, по настоянію, Австріи, принятыхъ и Императоромъ Николаемъ незадолго до кончины. Условія эти были: 1) замѣна совокупнымъ ручательствомъ великихъ державъ русскаго протектората надъ Молдавіею, Валахіею и Сербіею; 2) свобода плаванія по Дунаю; 3) пересмотръ лондонскаго договора 1841 года о закрытіи Проливовъ съ цѣлью обезпечить независимость Оттоманской имперіи и, въ видахъ европейскаго равновѣсія, положить конецъ преобладанію Россіи на Черномъ морѣ; 4) отказъ Россіи отъ права покровительства христіанамъ, подданнымъ султана, съ тѣмъ, что великія державы исходатайствуютъ отъ Порты подтвержденіе ихъ преимуществъ, безъ различія вѣроисповѣданій.

Въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи, государственный канцлеръ развилъ мысли, высказанныя Государемъ иностраннымъ дипломатамъ при пріемѣ ихъ, на другой же день по вступленіи на престолъ. „Съ почтительностью сына", писалъ графъ Нессельроде, „Императоръ воспринимаетъ изъ наслѣдія своего родителя два обязательства, равно ему священныя: первое требуетъ отъ его величества развитія всѣхъ силъ, предоставленныхъ ему волею Всевышняго для защиты цѣлости и чести Россіи. Второе возлагаетъ на него долгъ: съ настойчивостью посвятить свою заботливость совершенію дѣла мира, основанія котораго уже утверждены Императоромъ Николаемъ". Русскимъ уполномоченнымъ на вѣнскихъ совѣщаніяхъ, князю А. М. Горчакову и В. П. Титову, предписывалось строго придерживаться приведенныхъ выше четырехъ пунктовъ. Основанный на нихъ миръ положитъ предѣлъ бѣдствіямъ войны, призоветъ на новое правительство благословеніе всѣхъ народовъ. „Но", присовокуплялъ государственный канцлеръ, „Россія глубоко это почувствуетъ, да и вся Европа вынуждена будетъ признать, что надежда на возстановленіе мира останется безплодною, если условія предстоящаго соглашенія преступятъ справедливыя границы, безусловно указываемыя нашему августѣйшему Государю сознаніемъ достоинства его короны". Въ заключеніе, русскіе дипломатическіе представители при чужеземныхъ дворахъ приглашались пользоваться каждымъ отдѣльнымъ случаемъ, дабы свидѣтельствовать „о честности, съ которою Россія соблюдаетъ обязательства, основанныя на вѣрѣ въ силу договоровъ, о постоянномъ ея желаніи жить въ добромъ согласіи со всѣми союзными и дружественными державами, наконецъ объ уваженіи ея къ неприкосновенности правъ всѣхъ государствъ, а также о твердой рѣшимости отстоять и заставить уважать тѣ права, которыя Божественнымъ Провидѣніемъ ввѣрены Императору, какъ блюстителю и защитнику народной чести".

На первыхъ засѣданіяхъ конференціи уполномоченные безъ труда пришли къ соглашенію по двумъ первымъ пунктамъ. Камнемъ преткновенія былъ третій пунктъ. Англія и Франція, истолковывая его въ смыслѣ ограниченія державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, требовали отъ насъ обязательства не содержать въ немъ военныхъ судовъ. Требованіе это, по высочайшему повелѣнію, отвергнуто русскими уполномоченными. Рѣшеніе свое Государь такъ объяснялъ въ письмѣ къ князю Паскевичу: „То, что вы пишете военному

министру на счетъ уступокъ съ нашей стороны при вѣнскихъ переговорахъ для скорѣйшаго достиженія мира нами уже сдѣлано, поколику оно совмѣстно съ достоинствомъ Россіи. На дальнѣйшія уступки я, ни подъ какимъ видомъ, не соглашусь, ибо вотъ уже второй годъ, что, благодаря этой системѣ, вмѣсто того, чтобы удержать Австрію въ прежнемъ направленіи, она дѣлалась все невоздержаннѣе въ своихъ требованіяхъ и, наконецъ, почти совершенно передалась на сторону нашихъ враговъ". Князь Горчаковъ и Титовъ, признавая лучшими условіями тѣ, „что согласятъ достоинство Россіи съ безопасностью Европы", предложили тогда: либо открыть Черное море для флотовъ всѣхъ націй, либо безусловно закрыть его. До обсужденія четвертаго пункта не дошли, такъ какъ представители Франціи и Англіи отклонили нетолько оба русскія предложенія, но и третье, исходившее отъ вѣнскаго Двора, совѣтовавшаго предоставить опредѣленіе количества военныхъ судовъ, которыя прибрежныя державы имѣли бы право содержать въ Черномъ морѣ, непосредственному уговору Россіи съ Турціею. Конференція разошлась, не придя къ соглашенію.

Императоръ Александръ предвидѣлъ этотъ исходъ, когда, извѣщая главнокомандующаго Крымскою арміею о ходѣ переговоровъ въ Вѣнѣ, писалъ ему: „Претензіи союзниковъ невыполнимы. Главный вопросъ будетъ въ томъ: устоитъ ли Австрія и объявитъ ли она себя нейтральною или рѣшительно присоединится къ нашимъ врагамъ? Я готовлюсь къ худшему..." И нѣсколько времени спустя: „Я остаюсь при прежнемъ своемъ убѣжденіи, что всѣ эти переговоры одна форма и что кончится все-таки общею войною съ Австріей и частью Германіи; говорю частью, ибо покуда еще надѣюсь, что Пруссія устоитъ". Вопреки, однако, всѣмъ вѣроятіямъ, а также условіямъ союзнаго договора съ Франціею и Англіею, вѣнскій Дворъ не рѣшился на разрывъ съ Россіей, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайняго разстройства своихъ финансовъ. Императоръ Францъ-Іосифъ успокоилъ нашего посланника увѣреніемъ, что третій пунктъ основаній мира будетъ обсуждаться заново, причемъ отъ прежнихъ преній по этому вопросу не должно остаться и слѣда. Вѣскимъ подтвержденіемъ словъ его служило распущеніе австрійскихъ резервовъ. Въ концѣ мая, Государь сообщалъ князю М. Д. Горчакову: „Послѣднія извѣстія изъ Вѣны, благодаря Бога, весьма удовлетворительны; теперь есть, кажется, надежда, что Австрія останется нейтральною, если только достанетъ ей довольно твердости, чтобы устоять противъ всѣхъ угрозъ союзныхъ державъ, которыя употребятъ, вѣроятно, всѣ возможныя средства, дабы вовлечь ее въ войну съ нами. Если надежды эти сбудутся, въ чемъ, къ сожалѣнію, послѣ столь многихъ горестныхъ опытовъ, я полнаго удостовѣренія не имѣю, то положеніе наше значительно улучшится и тогда можно будетъ еще болѣе васъ усилить для нанесенія рѣшительнаго удара врагамъ нашимъ на югѣ".

Осажденный Севастополь не переставалъ привлекать взоры и сосредоточивать на себѣ заботливость царственнаго вождя. Государь сознавалъ, что тамъ должна рѣшиться не только участь войны, но и развязаться узелъ политическихъ усложненій, ибо, по справедливому замѣчанію Паскевича, побѣда въ Крыму была бы лучшимъ средствомъ воздѣйствовать на Австрію, удержать ее отъ разрыва съ нами. Извѣстія, полученныя оттуда въ первые дни царствованія, были радостнаго свойства: переходъ нашъ въ наступленіе посредствомъ контръ-апрошей, сооруженіе, по мысли и подъ руководствомъ полковника Тотлебена, редутовъ Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго люнета, отбитіе непріятельскихъ на нихъ нападеній. Александръ Николаевичъ признавалъ возведеніе этихъ трехъ укрѣпленій „подъ носомъ у непріятеля" весьма важнымъ результатомъ и сожалѣлъ только, что это устройство ихъ не было исполнено тремя мѣсяцами раньше, какъ указывалъ Меншикову покойный Императоръ. „Въ то время", замѣчалъ Государь, „и уронъ былъ бы не столь значительный, какъ теперь. Дай Богъ только, чтобъ намъ удалось въ нихъ удержаться!"

Государь одобрялъ выраженное ему княземъ М. Д. Горчаковымъ, по прибытіи въ Севастополь, намѣреніе дѣйствовать „съ терпѣніемъ и осторожностію" до прихода подкрѣпленій, направленныхъ въ Крымъ изъ Южной арміи, въ количествѣ 40 батальоновъ. Озабочивало его, однако, и то, что, вслѣдствіе такого передвиженія, огром-

ное пространство нашей западной границы, отъ Днѣстра до самаго Царства Польскаго, оставалось открытымъ для вторженія австрійцевъ, которые могли почти безпрепятственно овладѣть всѣмъ этимъ обильнымъ краемъ, оставя лишь наблюдательный корпусъ противъ сосредоточенной въ Царствѣ Западной арміи, такъ какъ выгодное выдающееся положеніе ея было парализовано союзнымъ договоромъ Австріи съ Пруссіею. „Готовясь къ худшему", Государь, для прикрытія пространства между Полѣсьемъ и Днѣпромъ, приказалъ образовать на Волыни новую Среднюю армію и, оставляя князя Паскевича главнокомандующимъ Западною арміею, подчинилъ ему и Среднюю, подобно тому, какъ Южная армія осталась подчиненною главнокомандующему Крымскою арміею, князю М. Д. Горчакову. Подъ главнымъ ихъ начальствомъ, командованіе Южною арміею было ввѣрено генералу Лидерсу, Среднею — генералу Панютину. Если бы произошелъ разрывъ съ Австріей, то Западная армія должна была маневрировать между крѣпостями и въ крайнемъ случаѣ отступить на Брестъ; Средняя же имѣла, при наступленіи австрійцевъ въ Царство Польское или изъ Молдавіи въ Новороссійскій край, сама перейти въ наступленіе и дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятеля; если же главныя силы его обратились бы на Волынь, то ея задачею было бы отбросить ихъ, а въ худшемъ случаѣ—задерживать наступленіе, опираясь на Кіевъ. Сообщая эти мысли въ письмѣ къ князю Паскевичу, Государь требовалъ, чтобы всѣ предварительныя распоряженія были сдѣланы немедленно, безъ всякой огласки, дабы, по первому приказанію, всѣ войска могли выступить на вновь назначенныя имъ мѣста. Его Величество выражалъ намѣреніе самому прибыть въ Варшаву, если политическія обстоятельства того потребуютъ, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій и обо всемъ лично переговорить и условиться съ фельдмаршаломъ.

Между тѣмъ, въ Севастополѣ дѣла наши стали принимать неблагопріятный оборотъ. Начатое въ концѣ марта и продолжавшееся десять дней, второе бомбардированіе стоило намъ болѣе 6.000 человѣкъ, выбывшими изъ строя. Засвидѣтельствованное главнокомандующимъ, беззавѣтное мужество и самоотверженіе севастопольскаго гарнизона вызвало слѣдующія благодарственныя строки Государя въ письмѣ къ князю М. Д. Горчакову: „Да подкрѣпитъ Богъ геройскихъ защитниковъ Севастополя. Уповаю на его милость, что Онъ благословитъ наши усилія отстоять его и, можетъ быть, нанести рѣшительный ударъ незваннымъ гостямъ. Скажите нашимъ молодцамъ, что я и вся Россія ими гордимся и что нашъ незабвенный благодѣтель за нихъ молится и вѣрно свыше также радуется ихъ геройству. Что во мнѣ происходитъ при чтеніи подробностей этого неслыханнаго бомбардированія, вы легко поймете. Крайне сожалѣю о потерѣ людей и столь многихъ отличныхъ офицеровъ. Да воздастъ имъ Всемогущій въ той жизни за молодецкую ихъ смерть".

Къ концу апрѣля положеніе наше подъ Севастополемъ еще болѣе ухудшилось. Прибывшія изъ Южной арміи подкрѣпленія не возстановили равновѣсія силъ, потому что тогда же подоспѣли къ союзникамъ подкрѣпленія несравненно сильнѣйшія: двадцати-пяти-тысячный резервный французскій корпусъ генерала Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели и пятнадцатитысячный сардинскій корпусъ генерала Ламармора. Къ тому же, главное начальство надъ французскою арміею перешло отъ нерѣшительнаго Канробера въ руки энергичнаго и настойчиваго Пелисье. Борьба миною и сапою закипѣла съ новою силою вокругъ Севастополя, а англо-французскій флотъ, овладѣвъ Керчью, вошелъ въ Азовское море и бомбардировалъ Бердянскъ, Маріуполь и Таганрогъ. На восточномъ берегу Чернаго моря союзники заняли оставленную нами Анапу. Въ ночь съ 11-го на 12-е мая, французы подъ Севастополемъ овладѣли нашими контръ-апрошами на правомъ флангѣ, а 26-го мая, послѣ продолжавшагося цѣлый день бомбардированія повели атаку на передовыя укрѣпленія лѣваго фланга и, не смотря на геройское сопротивленіе, отняли у насъ стоившія намъ столько крови, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Въ донесеніи Государю главнокомандующій Крымскою арміею называлъ положеніе свое отчаяннымъ. „Теперь я думаю, писалъ онъ, объ одномъ только: какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть, болѣе 20 тысячъ урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять не-

чего. Ужасно подумать!“ Еще бо̀льшимъ унынiемъ проникнуты донесенiя князя Горчакова военному министру. Въ нихъ, какъ и въ письмахъ къ Императору, постоянно звучитъ одинъ припѣвъ: положенiе безвыходно, но отнюдь не по винѣ главнокомандующаго.

Государь и не думалъ укорять или порицать несчастливаго вождя. Напротивъ, онъ все стараніе приложилъ къ тому, чтобы ободрить его, утѣшить, возбудить въ немъ упавшій духъ и надежду на успѣхъ. „На счетъ отвѣтственности вашей передъ Россiею“, писалъ онъ ему, „если суждено Севастополю пасть—совѣсть ваша можетъ быть спокойна; вы наслѣдовали дѣла не въ блестящемъ положенiи, сдѣлали съ вашей стороны для поправленiя ошибокъ все, что было въ человѣческой возможности; войска подъ вашимъ начальствомъ покрыли себя новою славою, безпримѣрною въ военной исторiи, чего же больше?“ Александръ Николаевичъ недопускалъ мысли объ оставленiи Севастополя, не дождавшись штурма, и въ крайнемъ случаѣ разрѣшилъ Горчакову передвинуть Южную армiю Лидерса къ Перекопу или даже въ самый Крымъ, въ томъ уваженiи, „что лучше рисковать временно жертвовать Бессарабiею, чѣмъ потерять Крымскiй полуостровъ, — которымъ обратное овладѣнiе будетъ слишкомъ затруднительно или даже невозможно“. Получивъ извѣстiе о потерѣ укрѣпленiй лѣваго фланга, Государь не скрылъ отъ главнокомандующаго произведеннаго на него грустнаго впечатлѣнiя, но выразилъ надежду, что намъ удастся удержаться въ Севастополѣ до прибытiя новыхъ подкрѣпленiй. „Если по волѣ Всевышняго“, присовокуплялъ онъ, „Севастополю суждено пасть, то я вполнѣ на васъ надѣюсь, что со вновь прибывающими къ вамъ тремя дивизiями вамъ удастся отстоять Крымскiй полуостровъ. Защитники Севастополя, послѣ девятимѣсячной небывалой осады, покрыли себя неувядаемою славою, неслыханною въ военной исторiи; вы съ вашей стороны сдѣлали все, что человѣчески было возможно—въ этомъ отдастъ вамъ справедливость вся Россiя и вся Европа; слѣдовательно, повторяю вамъ, что уже вамъ писалъ—совѣсть ваша можетъ быть спокойна. Уповайте на Бога и не забывайте, что съ потерею Севастополя все еще не потеряно. Можетъ быть, суждено вамъ въ открытомъ полѣ нанести врагамъ нашимъ рѣшительный ударъ... Поручаю вамъ поблагодарить нашихъ молодцовъ за бой 26-го числа; скажите имъ, что я въ нихъ увѣренъ отъ генерала до солдата, что они не посрамятъ чести русской“.

Предчувствiе Государя оправдалось. 6-го iюня Севастопольскiй гарнизонъ отбилъ повсемѣстно штурмъ, поведенный союзниками послѣ двухдневнаго усиленнаго бомбардированiя на Корабельную сторону: французами на 1-й и 2-й бастiоны и Малаховъ курганъ, англичанами—на 3-й бастiонъ. Блистательный этотъ подвигъ, ввергшiй осаждавшихъ въ унынiе, возбудилъ снова въ храбрыхъ защитникахъ Севастополя надежду на конечный успѣхъ. Воспрянулъ духомъ и главнокомандующiй, доносившiй Государю, что съ приходомъ 4-й пѣхотной дивизiи перевѣсъ въ силахъ будетъ на нашей сторонѣ; что тогда можно будетъ помышлять о переходѣ въ наступленiе и что, по всей вѣроятности, непрiятель не рѣшится провести подъ Севастополемъ второй зимы и отплыветъ въ концѣ осени.

Вѣсть о побѣдѣ тѣмъ болѣе обрадовала Императора, что незадолго до того онъ, уступая настоянiямъ князя Горчакова, послалъ ему разрѣшенiе въ крайнемъ случаѣ сдать Севастополь союзникамъ, дабы обезпечить отступленiе гарнизона. „Благодареніе Всевышнему“, писалъ Государь главнокомандующему, „благословившему усилiя нашихъ молодцовъ“; и въ другомъ письмѣ: „Вы уже знаете о радостномъ впечатлѣнiи, произведенномъ на меня извѣстiемъ о геройскомъ отбитiи штурма 6-го числа. Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю теперь вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новою неувядаемою славою. Скажите имъ, что я и вся Россiя ими гордимся!.. Объ оставленiи Севастополя надѣюсь, съ Божiею помощью, что рѣчи не будетъ больше. Если же вамъ готовится экспедицiя со стороны Евпаторiи, то со вновь прибывшими къ вамъ войсками будетъ съ кѣмъ ихъ встрѣтить“.

Прибытiе къ Севастополю трехъ дивизiй изъ Южной армiи, упадокъ духа непрiятеля и временное бездѣйствiе его, наконецъ,

прояснение политическаго горизонта, выразившееся въ распущеніи австрійскихъ резервовъ,—все это представлялось несомнѣнно благопріятными условіями для нанесенія союзникамъ рѣшительнаго удара въ Крыму. „Болѣе чѣмъ когда-либо“, сообщалъ Государь главнокомандующему, „я убѣжденъ въ необходимости предпринять съ нашей стороны наступленіе, ибо иначе всѣ подкрѣпленія вновь къ вамъ прибывающія, по примѣру прежнихъ, будутъ поглощены Севастополемъ, какъ бездонною бочкою“. Но Горчаковъ опять колебался, выражая опасенія, что подкрѣпленіе прибудетъ къ союзникамъ раньше, чѣмъ къ нему, что такимъ образомъ всѣ невыгоды при атакѣ будутъ на нашей сторонѣ, и заключалъ, что „весьма бы желательно продолжать темпоризацію до осени“, тутъ же прибавляя, „но наврядъ-ли это будетъ возможно“. Между тѣмъ, непріятель снова возобновилъ свой убійственный огонь по многострадальному городу. Жертвами его были тяжело раненый Тотлебенъ и убитый Нахимовъ. Средній нашъ уронъ, даже внѣ усиленнаго бомбардированія, былъ по 250 человѣкъ въ день выбывавшихъ изъ строя. „Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона“, писалъ по этому поводу Императоръ главнокомандующему, „все болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона“. Дабы облегчить отвѣтственность Горчакова, Государь предлагалъ ему созвать военный совѣтъ: „Пусть жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ“.

Большинство военнаго совѣта высказалось за наступленіе со стороны рѣки Черной, и главнокомандующій рѣшился атаковать союзниковъ въ ихъ укрѣпленіяхъ безъ всякой, однако, надежды на успѣхъ, какъ видно изъ письма его къ военному министру, писаннаго наканунѣ сраженія: „Я иду противъ непріятеля потому, что если бы я этого не сдѣлалъ, Севастополь все равно палъ бы въ скоромъ времени. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осторожно; онъ собралъ невѣроятное множество снарядовъ на своихъ батареяхъ; его подступы насъ стѣсняютъ все болѣе и болѣе, и нѣтъ почти ни одного пункта въ Севастополѣ, который не подвергался бы его выстрѣламъ. Пули свищутъ на Николаевской площади. Нельзя заблуждаться пустыми надеждами; я иду на встрѣчу непріятелю при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Его позиція весьма сильна: правый флангъ его на Гасфортовой горѣ, которой скаты почти отвѣсны и тщательно укрѣплены; а лѣвый—на Ѳедюхиныхъ высотахъ, за глубокимъ, наполненнымъ водою, каналомъ, чрезъ который можно перейти не иначе, какъ по мостамъ, набросаннымъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. У меня 43.000 человѣкъ пѣхоты, а у непріятеля, если онъ распорядится какъ слѣдуетъ, 60.000. Если—на что я, впрочемъ, мало надѣюсь — мнѣ послужитъ счастье, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ. Въ противномъ случаѣ, придется положиться ва волю Божію. Я отойду на высоту Мекензи и постараюсь очистить Севастополь съ наименьшею потерею. Не оставьте вспомнить о своемъ обѣщаніи—оправдать меня. Если дѣла примутъ дурной оборотъ, я нисколько не виноватъ въ томъ. Я сдѣлалъ все возможное, но задача была слишкомъ трудна съ самаго прибытія моего въ Крымъ“.

4-го августа сраженіе при рѣкѣ Черной было нами проиграно, атака—отбита на всѣхъ пунктахъ. Мы понесли громадный уронъ: болѣе 8.000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Болѣзненно отозвалось въ душѣ Государя скорбное извѣстіе. Особенно опечалила его „огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ безъ всякаго результата“. Но и въ этотъ разъ онъ заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы ободрить главнокомандующаго, которому, послѣ потерпѣнной неудачи, положеніе наше въ Севастополѣ снова представлялось совершенно безнадежнымъ. „Какъ все это ни прискорбно, писалъ ему Императоръ, но я не унываю, а покоряясь безропотно волѣ Божіей, не теряю надежды, что онъ насъ не оставитъ и что подъ конецъ все-таки наша возьметъ. Разсуждая хладнокровно о теперешнемъ положеніи вещей, я на-

хожу, что неудача 4-го числа нисколько не перемѣнила наше взаимное положеніе относительно Севастополя... Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то я буду считать эпоху эту только началомъ новой настоящей кампаніи..." Тѣ же мысли выражалъ его величество въ письмѣ къ князю Паскевичу: „Неудачная попытка на Черной доказала, что атаковать намъ союзниковъ съ теперешними силами, не ослабляя скромнаго гарнизона крѣпости, трудно, если не невозможно. Между тѣмъ, геройскій гарнизонъ Севастополя съ каждымъ днемъ таетъ и верки наши приходятъ въ такое положеніе отъ близкаго огня непріятельскаго, что мы уже не успѣваемъ ихъ исправлять. Весьма желательно, чтобы Севастополь могъ удержаться до октября, ибо къ тому времени Горчаковъ получитъ значительное подкрѣпленіе дружинами ополченія, которыми предполагается дополнить растаявшіе полки 3-хъ или 4-хъ-баталіоннаго состава. Тогда будутъ, можетъ быть, шансы въ нашу пользу для наступательныхъ дѣйствій. Я не скрываю отъ себя всю трудность положенія Севастополя и потому готовлюсь къ мысли, что, можетъ быть, придется, для спасенія остатковъ его гарнизона, уничтоживши по мѣрѣ возможности наши укрѣпленія очистить, южную сторону и ограничиться защитой сѣверной. Разумѣется, къ такой отчаянной мѣрѣ прибѣгнуто будетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Надѣюсь на милость Божію, что до этого не дойдетъ. Но и тогда я не буду считать дѣло потеряннымъ, а какъ начало новой кампаніи"... Замѣтивъ, что до будущей весны мы можемъ себя считать обезпеченными со стороны Австріи, что это „уже много" и что къ тому времени „Богъ знаетъ что можетъ еще произойти", Государь такъ оканчивалъ письмо свое къ фельдмаршалу: „Будемъ же крѣпиться, молиться и уповать на помощь свыше. Съ нами Богъ, да не постыдимся во вѣки!".

Ободряющее дѣйствіе императорскихъ писемъ на перѣшительнаго, но лично храбраго Горчакова, не заставила ждать себя. Главнокомандующій доносилъ, хотя и не безъ обычныхъ оговорокъ, что рѣшился не отходить на сѣверную сторону, а продолжать защищать южную съ упорствомъ, пока будетъ въ силахъ отбить штурмъ. „Конечно,—разсуждалъ онъ,—мы будемъ, между тѣмъ, нести большой уронъ и можетъ быть даже не отобьемъ штурма, но въ замѣну можетъ случиться, что намъ удастся отбить непріятеля, а можетъ быть, и принудить снять потомъ осаду, ибо я никакъ не думаю, чтобы непріятель рѣшился провести вторую зиму въ теперешнемъ положеніи. Намѣреніе мое подвергаетъ насъ большимъ случайностямъ; но надобно выбирать изъ двухъ золъ менѣе вредное и въ особенности держаться тѣхъ дѣйствій, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чести русскаго оружія. Продолженіе до крайности защиты Севастополя, конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, большій уронъ, но она для того только и сдѣлана, чтобы умирать за вашу славу. Въ этихъ видахъ я не останавливаю слѣдованія сюда дружинъ среднихъ губерній".

Императоръ горячо благодарилъ главнокомандующаго за рѣшеніе не оставлять южной стороны Севастополя, признавая его вполнѣ соотвѣтствующимъ и чести русскаго оружія, и пользамъ Россіи. „Да поможетъ намъ Богъ, — писалъ онъ — до конца выдержать тяжкое испытаніе, свыше намъ ниспосланное. Вы поймете, что въ душѣ моей происходитъ, когда я думаю о геройскомъ гарнизонѣ Севастополя, о дорогой крови, которая ежеминутно проливается на защиту родного края. Сердце мое обливается этою кровью, тѣмъ болѣе, что горькая чаша эта досталась мнѣ по наслѣдству; но я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и счастливъ, видя чувства, которыя одушевляютъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества. Вы вновь предугадали мою мысль, не останавливая слѣдованія дружинъ ополченія; предположеніе мое о пополненіи ими растаявшихъ полковъ нашей арміи должно уже быть въ вашихъ рукахъ. Теперь буду ожидать донесенія вашего объ исполненіи сей полезной мѣры. Я также совершенно раздѣляю вашу мысль, что если Богъ благословитъ отбить новый штурмъ, то весьма можетъ быть, что сія новая неудача принудитъ союзниковъ снять осаду, ибо едвали рѣшатся они провести вторую зиму въ Крыму. По послѣднему телеграфному донесенію вашему отъ 18-го августа, вечера,

видно, что огонь непріятеля былъ умѣренный, но что подступы его, хотя медленно, но все-таки подвигаются впередъ. Я много надѣюсь теперь на новые ретраншементы, устраиваемые позади первой линіи, а въ особенности на стойкость нашихъ славныхъ войскъ и распорядительность достойныхъ ихъ начальниковъ. Скажите имъ, что я ими горжусь и счастливъ былъ бы раздѣлять ихъ труды, если бы обязанность моя позволила мнѣ слѣдовать одному влеченію моего сердца, ибо я въ душѣ солдатъ... Да хранитъ васъ Богъ и еще разъ искреннее спасибо за ваши неутомимые труды".

Но роковой часъ приближался. 24-го августа непріятель возобновилъ бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся три дня. Получивъ о томъ извѣстіе по телеграфу, Государь еще утѣшался тѣмъ, что по свидѣтельству князя Горчакова гарнизонъ могъ успѣшно исправлять поврежденія. „Пока мы не будемъ лишены этой возможности,—разсуждалъ онъ,—не смотря на огромную потерю, есть еще надежда сохранить Севастополь", Когда Императоръ писалъ эти строки южная сторона была уже очищена нашими войсками, перешедшими на сѣверную сторону. „Севастополь въ пламени,—доносилъ главнокомандующій,—и непріятелю достались однѣ развалины".

„Держаться долѣе въ Севастополѣ,—объяснялъ онъ въ другомъ донесеніи, — не было никакой возможности. Съ 24-го числа разрушеніе слабыхъ верковъ нашихъ доходило до крайности. Ночныя исправленія подъ градомъ ядеръ, бомбъ и штуцерныхъ пуль стоили намъ, безъ пользы уже, драгоцѣнной крови: ежедневный уронъ простирался до 2.500 человѣкъ. Въ такомъ положеніи оставалось только помышлять о томъ, какъ очистить городъ, не подвергая гарнизона рѣзнѣ и заднюю часть онаго необходимости положить оружіе... 27-го, утромъ, непріятель двинулся со всѣхъ сторонъ на приступъ съ огромными силами. Мы отразили его вездѣ, кромѣ Малахова, котораго отбить было невозможно. Случай былъ единственный для очищенія Севастополя безъ потери части гарнизона. Утомленіе непріятеля, сильный уронъ, имъ понесенный, и храброе отстаиваніе нашими войсками мѣстности у самаго выхода изъ Корнилова бастіона въ разоренныхъ домахъ служили ручательствомъ, что союзники не рѣшатся проникнуть въ городъ до слѣдующаго утра. Я воспользовался этимъ и очистилъ Севастополь въ продолженіе ночи, безъ урона, не поставя даже ни одной роты арріергарда въ необходимость положить оружіе или умереть до послѣдняго. Непріятелю оставили вмѣсто города однѣ пылающія развалины".

Императоръ Александръ перенесъ это новое тяжкое испытаніе съ христіанскою покорностью волѣ Божіей, съ мужественною твердостію Государя, исполненнаго вѣры въ Россію, въ свой народъ. 30-го августа, въ день своихъ именинъ, онъ воздалъ дань справедливости и царской признательности геройскимъ защитникамъ черноморской твердыни въ слѣдующемъ Высочайшемъ приказѣ по россійскимъ арміямъ: „Долговременная, едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ наряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательной храбрости. Четырекратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именованъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ. 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины. Скорбя душою о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву

отечеству, и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, я признаю святою для себя обязанностію изъявить и въ семъ случаѣ, отъ имени моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей, почти годъ продолжавшейся, защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды армій, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ безъ сомнѣнія новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовью ко мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость отечества, а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ".

Недосказанное въ приказѣ было выражено въ письмѣ Императора къ князю М. Д. Горчакову: „Какъ ни тяжела матеріальная потеря Севастополя и уничтоженіе нашего Черноморскаго флота, но я сожалѣю, и сожалѣю гораздо болѣе, о дорогой крови, которая ежедневно проливалась геройскимъ гарнизономъ Севастополя. Поэтому не могу не одобрить рѣшимость вашу очистить Южную сторону, что было исполнено столь удачно, благодаря плавучему мосту... Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія. Два года послѣ пожара московскаго, побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ же русскіе и съ нами Богъ!"

1-го сентября, Государь, въ сопровожденіи двухъ Императрицъ—супруги и матери, и августѣйшихъ дѣтей своихъ, выѣхалъ въ Москву. Обычное царское шествіе изъ Кремлевскаго дворца чрезъ Красное Крыльцо въ Успенскій соборъ, привѣтственная рѣчь митрополита Филарета, умиленіе, слезы, восторженные клики несмѣтной толпы,—все это произвело радостное впечатлѣніе на душу Государя. „Посреди сихъ тяжкихъ обстоятельствъ" читаемъ въ письмѣ его къ князю Паскевичу, „сердцу моему было отрадно въ родной Москвѣ встрѣтить завѣтный задушевный пріемъ". Среди этой обстановки память о великомъ всенародномъ подвигѣ Отечественной войны естественно воскрешалась въ его воображеніи: „Да поможетъ намъ Богъ", восклицалъ онъ, „какъ въ 1812 году, выдержать до конца испытаніе, свыше намъ ниспосылаемое. Я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и на общее сочувствіе нашей Руси къ правому нашему дѣлу". Царская семья провела цѣлый день въ Троицкой Лаврѣ и горячо молилась у раки св. Сергія. Государь взялъ оттуда образъ преподобнаго, тотъ самый, что̀ сопровождалъ Царя Алексѣя Михайловича во всѣхъ его походахъ, былъ съ Петромъ Великимъ подъ Полтавой, а въ 1812 году—съ московскимъ ополченіемъ, и отправилъ его къ князю М. Д. Горчакову съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при главной квартирѣ Крымской арміи и чтобы по полученіи его былъ отслуженъ молебенъ передъ фронтомъ. „Да помогутъ намъ молитвы преподобнаго Сергія", писалъ Императоръ по этому случаю, „такъ какъ благословеніе его даровало намъ побѣду при Димитріи Донскомъ".

Въ Москвѣ происходили, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, военныя совѣщанія, къ участію въ которыхъ онъ приглашалъ военнаго министра, князя Долгорукова, генералъ-адъютанта барона Ливена и бывшаго адъютанта и личнаго своего друга князя А. И. Барятинскаго, привезшаго изъ Севастополя донесеніе главнокомандующаго объ очищеніи южной стороны. Плодомъ этихъ совѣщаній была составленная Императоромъ записка о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ вѣрный своему слову, Александръ II считалъ паденіе Севастополя лишь началомъ новой кампаніи.

Записка распадалась на три части. Въ первой излагались мѣры для сохраненія остальной части Крыма. Удержаніе Сѣверной стороны признавалось безцѣльнымъ, „ибо флотъ Черноморскій по нуждѣ нами самими уничтоженъ". Въ предположеніи, что союзники не станутъ атаковать съ фронта неприступную нашу позицію на Мекензіевой горѣ и на Инкерманскихъ

высотахъ, а попытаются сдѣлать диверсію на нашъ тылъ, высадивъ сильный десантъ у устья Качи, у Евпаторіи или Перекопа, Государь находилъ необходимымъ сосредоточить всю армію, въ числѣ по меньшей мѣрѣ 100.000 человѣкъ, въ центральной позиціи у Симферополя, откуда мы могли бы угрожать правому флангу непріятеля, гдѣ бы онъ ни высадился, причемъ значительный перевѣсъ въ силахъ былъ бы на нашей сторонѣ. При этихъ условіяхъ можно было надѣяться, что всякая попытка непріятельскаго десанта, который ни въ какомъ случаѣ не превыситъ 40.000 человѣкъ, окончится въ нашу пользу.

Вторая часть записки посвящена распоряженіямъ объ укомплектованіи Крымской арміи и о приведеніи полковъ ея въ четырехбатальонный составъ; третья часть—способамъ защитить отъ непріятельскаго нападенія Николаевъ, который изъ всего южнаго побережья представлялъ союзникамъ самый привлекательный пунктъ для высадки, дабы, овладѣвъ имъ, уничтожить всѣ заведенія Черноморскаго флота и нанести тѣмъ окончательный ударъ могуществу нашему на Черномъ морѣ. Находя, что на сохраненіе Николаева должно быть обращено все наше вниманіе, Государь полагалъ усилить Южную армію двумя гренадерскими дивизіями, стоявшими у Перекопа, и въ случаѣ надобности еще одною или двумя, выведенными изъ Крыма.

Первоначальное намѣреніе Императора было: изъ Москвы отправиться въ Варшаву, для соображенія съ княземъ Паскевичемъ мѣръ на случай войны съ Австріей. Событія въ Крыму заставили его перемѣнить это рѣшеніе и, отложивъ поѣздку въ Варшаву, ѣхать въ Николаевъ, чтобы условиться съ Лидерсомъ, а если можно, то и съ Горчаковымъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на югѣ. „Притомъ считаю сердечною обязанностью“, писалъ онъ фельдмаршалу, „лично благодарить славныя войска наши за геройскую защиту Севастополя. Они долгъ свой исполнили свято! Не ихъ вина, что труды ихъ не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ“. Паскевичу Государь сообщилъ свою записку, прибавивъ, что пополненіе потерь въ войскахъ считаетъ вопросомъ первѣйшей важности, „ибо иначе къ будущей веснѣ у насъ арміи не будетъ, а намъ неизбѣжно должно готовиться къ продолжительной еще войнѣ и можетъ быть съ новыми врагами“. При этомъ онъ поручилъ фельдмаршалу „по испытанной опытности“ сообщить ему свои мысли на счетъ будущихъ дѣйствій въ случаѣ разрыва съ Австріей. „Не смотря на всѣ успокоительныя свѣдѣнія объ уменьшеніи ея арміи“, заключалъ Государь, „я предвижу, въ особенности теперь, послѣ потери Севастополя, что рано или поздно мы ее встрѣтимъ въ рядахъ враговъ нашихъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся въ моихъ опасеніяхъ, но гораздо лучше быть готову къ худшему и принять всѣ мѣры осторожности, чѣмъ быть взяту въ расплохъ“.

Увѣдомляя князя Горчакова о поѣздкѣ въ Николаевъ и о намѣреніи оттуда прослѣдовать въ Крымъ, если союзники не предпримутъ ничего важнаго и не будетъ предвидѣться опасности Перекопу, Государь назначилъ ему свиданіе въ Симферополѣ, а въ Николаевъ предписалъ явиться начальнику штаба Крымской арміи князю Васильчикову и генералу Тотлебену, „если позволитъ состояніе его здоровья“. На случай пріѣзда въ Крымъ онъ „строжайшимъ образомъ“ запретилъ дѣлать какія-либо приготовленія для смотровъ войскъ, замѣчая: „они и безъ того много претерпѣли и потому не хочу, чтобы пріѣздъ мой былъ имъ въ тягость“.

Императору предшествовали Великіе Князья Константинъ и Николай Николаевичи. Самъ онъ, въ сопровожденіи младшаго брата, Великаго Князя Михаила Николаевича, выѣхалъ изъ Москвы 8-го сентября и 13-го былъ въ Николаевѣ.

Между тѣмъ союзники, ограничиваясь диверсіями въ Крыму, то на лѣвый, то на правый флангъ арміи князя Горчакова, снарядили морскую экспедицію въ Днѣпровскій лиманъ. Англо-французская эскадра, въ числѣ 90 вымпеловъ, вышла изъ Балаклавы и Камыша и, простоявъ шесть дней передъ Одессой, высадила десантъ у Кинбурна, который сдался и былъ занятъ французскимъ гарнизономъ, послѣ чего непріятельскій флотъ возвратился въ южные порты Крыма.

Государь изъ Очакова былъ самъ свидѣтелемъ отплытія союзной эскадры. Шестинедѣльное пребываніе его въ Николаевѣ посвящено приведенію этого важнаго пункта въ оборонительное положеніе, по плану генерала Тотлебена, причемъ Ве-

ликіе Князья Николай и Михаилъ были назначены завѣдывать, первый—инженерною, второй — артиллерійскою частями. Южная армія, состоявшая подъ начальствомъ генерала Лидерса, усилена морскими командами, высланными въ Николаевъ изъ Севастополя, по оставленіи нами южной стороны. Предоставляя князю Горчакову полную свободу дѣйствовать по усмотрѣнію и сообразно съ мѣстными обстоятельствами, Государь совѣтовалъ ему не упускать удобныхъ случаевъ для наступательныхъ дѣйствій, „ибо", замѣчалъ онъ, „не могу никакъ убѣдиться въ необходимости для насъ ограничиваться одною лишь оборонительною системою, всегда самою невыгодною въ военномъ дѣлѣ". „Я надѣюсь", читаемъ въ другомъ письмѣ къ главнокомандующему, „что вы не дадите себя озадачить какимъ-нибудь неожиданнымъ движеніемъ, а будете дѣйствовать, согласно принятой вами системѣ, съ рѣшимостью, и пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы перейти самому въ наступленіе, разумѣется, при возможно выгодныхъ условіяхъ. Да поможетъ вамъ Богъ исполнить это съ успѣхомъ". Заботясь о реорганизаціи Крымской арміи и о пополненіи ея громадной убыли, Государь настойчиво требовалъ, чтобы по окончаніи осенней кампаніи всѣ войска, предназначенныя къ выводу изъ Крыма, были немедленно направлены на зимнія квартиры.

Въ Николаевѣ получилъ Императоръ отвѣтъ Паскевича на посланный ему изъ Москвы запросъ. Старецъ-фельдмаршалъ находилъ, что политическое положеніе наше осталось въ сущности то же, что и въ прошедшемъ году; прежнее нерасположеніе къ намъ и, слѣдовательно, такъ же мало увѣренности, что мы рано или поздно не увидимъ Австрію въ ряду враговъ нашихъ. Если Австрія, разсуждалъ князь Варшавскій, не объявила намъ доселѣ войны, то, конечно, была удержана только сильною арміею, собранною въ 1854 году въ Царствѣ Польскомъ, а потому и нынѣ мы можемъ удержать Австрію отъ разрыва и сохранить вліяніе на Пруссію и остальную Германію лишь доведеніемъ Западной арміи до 170 или, по меньшей мѣрѣ, до 150 баталіоновъ при 150 или 114 эскадронахъ кавалеріи и Средней арміи отъ 80 до 100 баталіоновъ при 100 эскадронахъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала, Государь не считалъ, однако, возможнымъ привести Западную и Среднюю арміи въ требуемую имъ силу. Къ веснѣ предоставлялъ онъ себѣ рѣшить сообразно обстоятельствамъ: которую армію чѣмъ усилить, а до того,—писалъ онъ князю Горчакову,—„я требую, чтобы все было исполнено согласно моимъ указаніямъ". Указанія эти были слѣдующія. Къ веснѣ войска Крымской, Южной и Средней армій должны быть расположены: 3-й и 4-й пѣхотные и драгунскій корпуса—въ Крыму; 5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ четыре дивизіи и пять легкихъ кавалерійскихъ—отъ Дуная до Днѣстра; гренадеры—между Крымскою и Южною арміями; 2-й пѣхотный и 2-й резервный корпуса съ 24 дружинами ополченія въ составѣ Средней арміи—въ Волынской, Кіевской и Подольской губерніяхъ. Балтійскій корпусъ и Западная армія остаются въ прежнемъ составѣ. Если къ веснѣ англо-французы, съ присоединеніемъ австрійцевъ, станутъ угрожать нашимъ западнымъ и юго-западнымъ границамъ, то имъ будутъ противопоставлены Южная и Средняя арміи, поддержанныя гренадерами и частью войскъ Крымской арміи; если же Австрія одна, или съ подкрѣпленіемъ французовъ, вторгнется въ Польшу, то Западная армія, оставивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ, отступитъ или на Балтійскій корпусъ, или на Брестъ-Литовскъ, сообразно съ обстоятельствами, дабы Средней арміи дать время и средства, съ подкрѣпленіемъ отъ Южной арміи, или соединиться съ Западною арміею, или дѣйствовать на правый флангъ и тылъ непріятеля. Расположенный около Брацлавля сильный кавалерійскій резервъ изъ двухъ кирасирскихъ и одной легкой дивизій будетъ направленъ, куда окажется нужнымъ. Въ продолженіе зимы ходъ политическихъ событій и доходящіе до насъ свѣдѣнія о военныхъ приготовленіяхъ непріятеля дадутъ возможность опредѣлить, соразмѣрно съ нашими способами, какое расположеніе и раздѣленіе должны принять наши арміи къ веснѣ.

Государь не хотѣлъ покинуть Новороссійскій край, не исполнивъ своего завѣтнаго желанія: посѣтить Крымскую армію и лично поблагодарить ее за геройскую оборону Севастополя. „Я полагаю остаться у васъ три дня", писалъ онъ князю Горчакову, „дабы успѣть объѣхать на занимаемыхъ ими позиціяхъ, по крайней мѣрѣ,

бо́льшую часть вашихъ войскъ. Мѣсяцъ тому назадъ, когда положеніе ваше было дѣйствительно критическое, я послѣдовалъ вашему совѣту, но теперь намѣренъ это непремѣнно исполнить, если до того ничего не произойдетъ. Итакъ, до скораго свиданія. Прошу васъ хранить пріѣздъ мой покуда въ тайнѣ и строжайше запрещаю всякое приготовленіе смотровъ войскъ, которыя желаю видѣть на бивакахъ или на квартирахъ, въ томъ видѣ, какъ они есть". Въ отвѣтъ на убѣдительную просьбу главнокомандующаго дозволить, по крайней мѣрѣ, выставить на станціяхъ по нѣскольку конвойныхъ казаковъ, послѣдовалъ отвѣтъ по телеграфу: „Конвой дозволяю. Почетные караулы запрещаю и роты для сего въ Симферополь не приводить. Васъ прошу туда пріѣхать къ вечеру 27-го октября".

28-го, Государь, сопутствуемый двумя младшими братьями, былъ уже въ Бахчисараѣ, гдѣ находилась главная квартира Крымской арміи. Въ продолженіе четырехъ дней осматривалъ онъ войска, расположенныя на позиціяхъ въ окрестностяхъ Севастополя, и укрѣпленія, воздвигнутыя на Сѣверной сторонѣ. Всюду встрѣтили его восторженные клики закаленныхъ въ бояхъ воиновъ, героевъ Севастопольской обороны, которыхъ онъ, въ ласковыхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, горячо благодарилъ за службу, за понесенные безприме́рные труды, за самоотверженно пролитую кровь. Передъ отъѣздомъ изъ Крыма Императоръ повторилъ выраженіе царской признательности въ приказѣ по Крымской арміи, коимъ пожаловалъ всѣмъ защитникамъ Севастополя, въ память ихъ безсмертнаго подвига, серебряную медаль на георгіевской лентѣ, а главнокомандующаго почтилъ слѣдующимъ рескриптомъ: „Князь Михаилъ Дмитріевичъ, во время пребыванія моего въ Крымской арміи, я съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ, что люди въ полкахъ сохранили бодрый, довольный видъ, не взирая на неимовѣрные труды, перенесенные ими при оборонѣ Севастополя, и что въ войскахъ нисколько не измѣнился тотъ во всѣхъ частяхъ порядокъ, на которомъ основывается благоустройство арміи. Такое отличное состояніе ввѣренныхъ вамъ войскъ свидѣтельствуетъ о неусыпной заботливости и трудахъ, которыми единственно вы могли до того достигнуть, и это въ то время, когда и мысли, и дѣятельность ваши устремлены были на противоборство врагамъ сильнымъ, храбрымъ и не щадившимъ никакихъ жертвъ. По естественному положенію защищаемой части Севастополя, уступая шагъ за шагомъ непріятелю, вы, по благоразумнымъ видамъ опытнаго полководца, оставили ему лишь развалины, заплаченныя дорогою цѣною пролитой крови, и, выведя войска путемъ доселѣ небываломъ, вы вновь готовы встрѣтить врага съ тѣмъ мужествомъ, съ которымъ всегда водили въ бой полки наши. Отдавая вамъ полную справедливость за заслуги ваши, мнѣ пріятно повторить здѣсь мою искреннюю признательность, которую выражалъ уже вамъ лично. Прошу васъ, князь, вѣрить въ неизмѣнное мое къ вамъ благоволеніе. Васъ искренно любящій *Александръ*".

31-го октября Государь, оставивъ брата Николая въ главной квартирѣ, отбылъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ изъ Бахчисарая, сопровождаемый благословеніями арміи, и въ первыхъ числахъ ноября возвратился въ Царское Село. Тамъ получилъ онъ слѣдующее донесеніе отъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Муравьева: „Ваше императорское величество, Божіею милостію и благословеніемъ вашимъ совершилось наше дѣло. Карсъ у ногъ вашего величества. Сегодня (16-го ноября) сдался военноплѣннымъ, изнуренный голодомъ и нуждами, гарнизонъ сей твердыни Малой Азіи. Въ плѣну у насъ самъ главнокомандующій исчезнувшей тридцатитысячной Анатолійской арміи муширъ Вассифъ-паша; кромѣ его, восемь пашей, много штабъ и оберъ-офицеровъ и вмѣстѣ съ ними—англійскій генералъ Вилліамсъ со всѣмъ его штабомъ. Взято 130 пушекъ и все оружіе. Имѣю счастье повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества двѣнадцать турецкихъ полковыхъ знаменъ, крѣпостной флагъ Карса и ключи цитадели". Императоръ собственноручно отвѣчалъ побѣдоносному вождю: „Извѣстіе о сдачѣ Карса, любезный Николай Николаевичъ, обрадовало меня до не́льзя. Сердце мое преисполнено благодарности къ Благословившему столь блистательнымъ успѣхомъ распорядительность вашу и стойкость храбрыхъ нашихъ кавказскихъ войскъ. Благодарю васъ отъ души за достохвальныя заслуги ваши, поздравляю васъ кавалеромъ

св. Георгія 2-й степени, на что вы пріобрѣли неотъемлемое право. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать мое искреннее спасибо всѣмъ ввѣреннымъ вамъ войскамъ, участвовавшимъ въ блокадѣ Карса. Я ими горжусь, какъ всегда гордился нашими кавказскими молодцами. Надѣюсь на милость Божію, что паденіе сей гордыни Малой Азіи будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, и увѣренъ, что вы не упустите воспользоваться симъ моральнымъ результатомъ, дабы поправить дѣла наши въ Мингреліи и на прочихъ пунктахъ ввѣреннаго вамъ края, угрожаемыхъ непріятелемъ. Да подкрѣпитъ васъ Богъ. *Александръ*".

Взятіе Карса завершило побѣднымъ подвигомъ несчастливую по результатамъ, но все же славную для русскаго оружія Восточную войну 1853 — 1856 годовъ. Ближайшимъ его послѣдствіемъ было пріостановленіе движенія Омера-паши со стороны занятой турками Мингреліи. Съ наступленіемъ первыхъ морозовъ, англо-французскій флотъ, цѣлое лѣто простоявшій въ виду Кронштадта и за все время ограничившійся безуспѣшнымъ бомбардированіемъ Свеаборга, отплылъ изъ Балтійскаго въ Нѣмецкое море. Въ Крыму союзники ничего не предпринимали и только изрѣдка перестрѣливались съ нашими аванпостами. Къ зимѣ на всѣхъ театрахъ войны установилось полное затишье.

II.

Миръ.

1855—1856.

Война прекратилась, но о мирѣ не было и рѣчи. Не смотря на общее утомленіе, ни одна изъ воюющихъ сторонъ не хотѣла принять на себя починъ возобновленія мирныхъ переговоровъ. Дѣятельныя вооруженія продолжались всюду. Дипломатія французская и англійская настойчиво хлопотала о привлеченіи къ коалиціи противъ насъ второстепенныхъ государствъ. Въ Стокгольмѣ усилія ея увѣнчались успѣхомъ и Швеція подписала союзный договоръ съ Дворами парижскимъ и лондонскимъ. Съ другой стороны, король прусскій отклонилъ наше предложеніе заключить съ нами конвенцію, которая подтвердила бы отреченіе Пруссіи отъ союза съ Австріею, прося императорскій кабинетъ вѣрить „его королевскому слову".

Императоръ Александръ не предвидѣлъ близкаго окончанія войны. Единственнымъ средствомъ положить ей конецъ представлялось ему возникновеніе во Франціи внутреннихъ безпорядковъ, вызванныхъ плохимъ урожаемъ и возраставшимъ неудовольствіемъ низшихъ классовъ населенія. „Прежнія революціи всегда этимъ начинались,—разсуждалъ онъ,—и такъ можетъ быть до общаго переворота недалеко. Въ этомъ я вижу самый правдоподобный исходъ теперешней войны, ибо искренняго желанія мира съ кондиціями, совмѣстными съ нашими видами и достоинствомъ Россіи, я ни отъ Наполеона, ни отъ Англіи не ожидаю, а покуда я буду живъ, вѣрно другихъ не приму". Вотъ почему онъ недовѣрчиво отнесся къ полученному имъ въ половинѣ октября, въ Николаевѣ, извѣстію о склонности императора французовъ вступить съ нами въ непосредственное соглашеніе. „Если бы дѣйствительно мы могли этого достигнуть,—замѣтилъ онъ, впрочемъ, по этому поводу,—то, разумѣется, я предпочту прямые съ нимъ переговоры всякому стороннему вмѣшательству".

Извѣстіе о миролюбивомъ настроеніи Франціи не замедлило подтвердиться. Причиною такого неожиданнаго поворота въ намѣреніяхъ Наполеона III былъ отказъ Англіи поставить цѣлью войны возстановленіе Польши. Съ паденіемъ Севастополя самолюбіе императора французовъ было удовлетворено, упрочена военная слава возстановленной имъ имперіи; продолжать же войну въ исключительную пользу Великобританіи или Австріи, онъ признавалъ невыгоднымъ для Франціи. Отсюда запросы французской дипломатіи, съ конца сентября начавшей освѣдомляться въ Берлинѣ и при второстепенныхъ германскихъ дворахъ, не сдѣлаетъ ли Россія перваго шага къ миру? Отвѣтомъ было, что русская дипломатія, хотя и обречена обстоятельствами на молчаніе, но, по мѣткому выраженію князя А. М. Горчакова, „будучи нѣма, не останется глухою". Минута эта показалась удобной ближайшему и довѣреннѣйшему изъ совѣтниковъ Наполеона III, графу Морни, для вступленія въ тайныя

сношенія съ посланникомъ нашимъ въ Вѣнѣ, чрезъ посредство двухъ банкировъ: парижскаго, Эрлангера, и вѣнскаго, Сину. Въ письмѣ перваго ко второму высказано было отъ имени Морни убѣжденіе, что какъ Россіи, такъ и Франціи пора взяться за умъ и положить конецъ изнурительной борьбѣ, истощавшей силы двухъ державъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго повода къ взаимной враждѣ. Князь А. М. Горчаковъ съ жаромъ ухватился за этотъ неожиданный способъ воздѣйствовать на рѣшенія императора французовъ. Онъ отвѣчалъ Морни, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе его о выгодѣ для Франціи прямого соглашенія съ Россіею, котораго не трудно достигнуть на почвѣ чисто французскихъ интересовъ. Наученный примѣромъ великаго дяди, говорилъ онъ, Наполеонъ III, конечно, не захочетъ вступить на путь завоеваній безъ конца, а потому позволительно напомнить, что апогеемъ славы и могущества Наполеона I была эпоха его тѣснаго единенія съ Россіею. Не задаваясь мыслью о возвратѣ къ этимъ героическимъ временамъ, должно признать, что сближеніе Россіи съ Франціею несомнѣнно послужитъ къ пользѣ обѣихъ странъ. Нужно только, чтобы основанія сближенія соотвѣтствовали ихъ обоюдному достоинству. Соглашаясь съ русскимъ дипломатомъ, Морни, въ своемъ отвѣтѣ, настаивалъ на необходимости для Россіи принести дѣлу мира нѣкоторыя жертвы. Связанный союзнымъ обязательствомъ съ Англіей, Наполеонъ III не можетъ, послѣ паденія Севастополя, предъявить условія мира болѣе мягкія, чѣмъ тѣ, что были предъявлены въ началѣ войны. Все, чего можно достигнуть, это замѣны „ограниченія русскихъ силъ на Черномъ морѣ“ „нейтрализаціею“ Чернаго моря. Въ Петербургѣ скажутъ, что мѣра эта—тоже, хотя и иносказательное, ограниченіе. Но уже и то хорошо, что оно „иносказательно“ и, слѣдовательно, не оскорбительно для народнаго самолюбія. „Что же представляетъ въ сущности эта мѣра“, спрашиваетъ Морни, и отвѣчаетъ: „Обратимся къ исторіи: когда, послѣ всѣхъ военныхъ неудачъ, отъ державы требуютъ большихъ денежныхъ жертвъ, то этимъ надолго удручаютъ ея финансы; когда навязываютъ ей земельную уступку, то уменьшаютъ ея значеніе, быть можетъ, навсегда; но когда требуютъ отъ нея условій столь мечтательныхъ (illusoires), какъ ограниченіе силъ, то коль скоро она нуждается въ мирѣ, ей не слѣдуетъ ихъ отвергать. Не въ первый разъ заносятся въ договоръ подобныя условія. Сколько же времени соблюдаются они? Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и интересы перемѣстятся, ненависть потухнетъ, установятся дружескія отношенія, благодѣянія мира излѣчатъ раны войны, и такого рода договоры забудутся и не станутъ больше примѣняться. Часто случается даже, что та самая нація, которая настояла на ограниченіи силъ, первая требуетъ ихъ отмѣны“. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, Морни приходилъ къ заключенію, что на мѣстѣ русскаго Императора „Францискъ I отвергъ бы помянутое требованіе, но Карлъ V непремѣнно бы его принялъ“.

Возбужденъ уже былъ вопросъ о томъ, чтобы Горчакову и Морни съѣхаться въ Дрезденѣ для продолженія личнаго обмѣна мыслей, когда посланникъ нашъ въ Вѣнѣ получилъ отъ государственнаго канцлера приказаніе прервать эти довѣрительныя сношенія, дабы не помѣшать успѣху тайныхъ переговоровъ, завязавшихся, съ согласія императорскаго кабинета, въ Парижѣ, между французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Валевскимъ и саксонскимъ посланникомъ при тюильрійскомъ дворѣ барономъ Зеебахомъ, зятемъ графа Нессельроде.

Эпизоду этому предшествовалъ слѣдующій случай. Въ октябрѣ 1855 года, первый министръ Саксоніи, баронъ Бейстъ, отправляясь въ Парижъ на всемірную выставку, видѣлся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ посланникомъ нашимъ при Германскомъ сеймѣ барономъ Брунновымъ, сообщившимъ ему, что Россія не прочь заключить миръ, лишь бы не требовали отъ нея двухъ унизительныхъ условій: военной контрибуціи и территоріальной уступки. Хлопотливый саксонскій министръ не преминулъ воспользоваться аудіенціей у Наполеона III, чтобы передать ему этотъ отзывъ русскаго дипломата и получилъ въ отвѣтъ, что о такихъ требованіяхъ не можетъ быть и рѣчи, но что Россія должна согласиться на нейтрализацію Чернаго моря. Слова императора французовъ Бейстъ сообщилъ русскому государственному канцлеру, присовокупивъ совѣтъ: безъ дальнѣйшихъ колебаній согласиться на эти условія, въ сущности невы-

полнимыя, такъ какъ, съ теченіемъ времени, окажется совершенно невозможнымъ воспретить государству съ восьмидесяти-милліоннымъ населеніемъ содержать военныя суда въ своихъ водахъ. Графъ Нессельроде вѣжливо отклонилъ непрошенное вмѣшательство барона Бейста, но когда то же внушеніе было сдѣлано Валевскимъ Зеебаху, разрѣшилъ послѣднему вступить съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ довѣрительныя объясненія по вопросу о мирѣ.

Графъ Валевскій, также какъ и Морни, выражалъ желаніе примириться съ Россіею, не скрывая, однако, что Наполеонъ III дорожитъ союзомъ съ Англіею и твердо рѣшился соблюдать принятыя относительно ея обязательства. Это лишаетъ его возможности выступить съ мирными предложеніями, которыя должны исходить отъ Россіи и быть удовлетворительными и практическими, словомъ, такими, на принятіи которыхъ тюильрійскій Дворъ могъ бы настоять въ Лондонѣ. Французскій министръ предоставлялъ намъ выборъ между ограниченіемъ нашихъ силъ на Черномъ морѣ посредствомъ соглашенія Россіи съ Портою, и нейтрализаціею Чернаго моря, говоря, что самъ предпочитаетъ первую комбинацію, какъ наиболѣе простую и цѣлесообразную, но согласится и на вторую, которая менѣе щекотлива для нашего самолюбія, ставя Россію въ одинаковое положеніе съ Портою, ибо мы сохранили бы право содержать военныя суда въ Азовскомъ морѣ, также точно какъ турки въ Мраморномъ. Основываясь на этихъ заявленіяхъ, графъ Нессельроде поручилъ барону Зеебаху сообщить французскому правительству слѣдующія три предложенія русскаго Двора: 1) Босфоръ и Дарданеллы останутся закрытыми; 2) военный флотъ всѣхъ націй не будетъ допущенъ въ Черное море, за исключеніемъ судовъ, которыя прибрежныя державы сочтутъ необходимымъ содержать тамъ; 3) число этихъ судовъ будетъ опредѣлено прямымъ соглашеніемъ съ Портою, безъ всякаго посторонняго посредничества.

Къ удивленію Зеебаха, французскій министръ отказался вступить съ нимъ въ обсужденіе этихъ условій, ссылаясь на то, что русскій Дворъ одновременно сообщилъ ихъ и Двору вѣнскому. Обстоятельство это, а также нескромность Бейста, выдавшаго австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ тайну довѣрительныхъ переговоровъ нашихъ съ Франціею чрезъ посредство саксонскаго посланника въ Парижѣ, вызвали Австрію изъ ея бездѣйствія. Въ Вѣнѣ пришли въ ужасъ при одной мысли о непосредственномъ примиреніи Россіи съ Франціею, которое лишило бы Австрію плодовъ ея предательской политики по отношенію къ Россіи. Графъ Буоль поспѣшилъ выступить съ собственною мирною программою, обѣщая, въ случаѣ отклоненія ея русскимъ Дворомъ, принять, наконецъ, дѣятельное участіе въ войнѣ. Какъ ни были тяжки для насъ условія, выработанныя Австріею, Наполеону III стоило много труда уговорить Англію согласиться на нихъ, до того правительство и общественное мнѣніе въ этой странѣ были увлечены воинственнымъ задоромъ. Сущность „основаній мира“ тщательно была скрыта Буолемъ отъ нашего посланника въ Вѣнѣ.

Въ Петербургѣ не знали, что починъ въ данномъ случаѣ исходилъ отъ вѣнскаго двора. Предполагали, что французскому послу Буркенэ, по возвращеніи изъ Парижа, удалось „вовлечь Австрію въ новыя сѣти“. Такое мнѣніе выражалъ Государь въ письмѣ къ главнокомандующему Крымскою арміею: „Въ непродолжительномъ времени дѣло это должно разъясниться. Не дай Богъ намъ новой грозы съ этой стороны“. Но скоро донесенія нашего посланника разсѣяли заблужденіе, и 11-го декабря Императоръ Александръ писалъ князю М. Д. Горчакову: „На-днях мы должны получить изъ Вѣны новыя предложенія или условія для мирныхъ переговоровъ, предварительно соображенныя съ требованіями враговъ нашихъ. Онѣ намъ еще неизвѣстны, но по всему тому, что до насъ доходитъ съ разныхъ сторонъ, хорошаго ничего ожидать нельзя. Непринятіе ихъ, вѣроятно, повлечетъ за собою, сначала прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Австріею, а потомъ и окончательный разрывъ, хотя доселѣ продолжающіяся уменьшенія въ австрійской арміи не доказываютъ, чтобы она готовилась къ военнымъ дѣйствіямъ противъ насъ. Изъ всего этого заключить должно, что къ веснѣ положеніе наше будетъ весьма критическое и что намъ должно готовиться къ худшему, но я уповаю, какъ всегда, на милость Божію, и надѣюсь, что она насъ не оставитъ. Совѣсть моя чиста, ибо все, что можно было сдѣ-

лать, дабы показать врагамъ нашимъ, что мы готовы вступить съ ними въ новые переговоры на честныхъ основаніяхъ, нами исполнено. Мы дошли до нѣльзя возможнаго и согласнаго съ честью Россіи. Унизительныхъ же условій я никогда не приму и увѣренъ, что всякій истинно русскій будетъ чувствовать, какъ я. Намъ остается—перекрестившись—идти прямымъ путемъ, то-есть общими и единодушными усиліями отстаивать родной край и родную честь".

Пять дней спустя, прибывшій въ Петербургъ прямо изъ Вѣны австрійскій посланникъ при русскомъ дворѣ графъ Эстергази вручилъ государственному канцлеру австрійскій ультиматумъ, изложенный въ депешѣ графа Буоля на его имя и поддержанный собственноручнымъ письмомъ Императора Франца-Іосифа къ Императору Александру. Къ депешѣ приложенъ былъ проектъ предварительныхъ условій мира, на принятіи которыхъ настаивалъ австрійскій министръ, грозя въ противномъ случаѣ „серьезными послѣдствіями". Проектъ воспроизводилъ извѣстныя уже четыре статьи, обсуждавшіяся на вѣнскихъ совѣщаніяхъ, но значительно исправленныя и дополненныя въ ущербъ Россіи. Такъ, третья статья, объявляя Черное море нейтральнымъ, не только закрывала доступъ въ него военному флоту всѣхъ державъ, но воспрещала какъ Россіи, такъ и Турціи содержать или сохранять военно-морскіе арсеналы на Черноморскомъ побережьѣ. Опредѣленіе числа и вмѣстимости военныхъ судовъ русскихъ и турецкихъ, необходимыхъ для охраны береговъ, хотя и предоставлялось прямому соглашенію нашему съ Портою, но съ тѣмъ, чтобы конвенція о томъ была включена въ общій мирный договоръ и чтобы она не могла быть ни измѣнена, ни отмѣнена безъ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ о мирѣ. Но еще тягостнѣе этихъ условій было новое дополненіе къ первой статьѣ о Дунайскихъ княжествахъ: скрашенное выраженіемъ „исправленіе границы" требованіе уступки Молдавіи, взамѣнъ русскихъ крѣпостей и земель, занятыхъ союзниками, прилежащаго къ Дунаю участка Бессарабіи. Условіе это было предъявлено никѣмъ инымъ, какъ самимъ вѣнскимъ Дворомъ и являлось выговоренною Австріей платою за услуги, оказанныя морскимъ державамъ и за обѣщаніе объявить Россіи войну, въ случаѣ отклоненія ею австрійскаго ультиматума. Наконецъ, къ прежнимъ четыремъ статьямъ прибавлена по настоянію Англіи пятая, крайне опасная по своей неопредѣленности: „Воюющія державы предоставляютъ себѣ право предъявлять, въ интересѣ Европы, сверхъ четырехъ ручательствъ, еще особыя условія (des conditions particulières en sus des quatre garanties)".

По просьбѣ австрійскаго императора, король прусскій, въ довѣрительномъ письмѣ на имя Александра II, поддержалъ настоянія Франца-Іосифа. „Ваше императорское величество знаете, — писалъ онъ царственному племяннику—изъ всего, что баронъ Вертеръ (прусскій посланникъ въ Петербургѣ) имѣлъ случай сказать вашему кабинету, изъ соображеній, которыя онъ имѣлъ счастіе повергнуть на личное воззрѣніе вашего величества, какую огромную цѣну я придаю скорому совершенію праваго и почетнаго мира. Я твердо увѣренъ, что ваше величество признали въ откровенныхъ и честныхъ рѣчахъ моего министра доказательство глубокаго и искренняго участія моего къ Россіи и ея Государю. Тѣ же чувства побуждаютъ меня еще разъ обратиться къ вамъ лично, мой дорогой и добрый Александръ. Вашему кабинету уже предъявлены предложенія, принятіе коихъ вами можетъ быть, повидимому, признано равносильнымъ возстановленію мира. Я воздерживаюсь отъ всякихъ подробностей въ оцѣнкѣ этого документа, сообщеннаго мнѣ лишь по составленіи и отправленіи въ Петербургъ; но я не былъ бы вѣренъ заботливости о мирѣ, налагаемой на меня моею совѣстью, если бы, въ настоящемъ случаѣ, не сталъ просить васъ, дорогой племянникъ, пойти елико возможно далеко въ вашихъ уступкахъ, зрѣло взвѣсивъ послѣдствія, которыя могутъ проистечь для истинныхъ интересовъ Россіи и самой Пруссіи, а также всей Европы, отъ безконечнаго продолженія этой ужасной войны. Стоитъ только разнуздаться разрушительнымъ страстямъ и кто сможетъ исчислить послѣдствія этого повсемѣстнаго наводненія? Я трепещу, мой добрый и дорогой Александръ, проникаясь сознаніемъ отвѣтственности, что̀ лежитъ на обоихъ насъ; на мнѣ, если мнѣ не удастся

вложить въ письмо, съ которымъ обращаюсь къ вамъ по поводу предложеній мнѣ чуждыхъ, выраженія убѣдительности, требуемой положеніемъ; на васъ, дорогой и добрый Александръ, если вы зажмурите глаза предъ опасностью, грозящею прочности всѣхъ законныхъ правительствъ въ Европѣ. Богъ да направитъ и благословитъ, дорогой Александръ, ваши рѣшенія и да возвратитъ скорѣе вселенной благодѣянія мира".

Императоръ французовъ также счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія русскаго Императора мнѣніе свое объ австрійскихъ предварительныхъ мирныхъ условіяхъ. Пригласивъ къ себѣ барона Зеебаха, онъ поручилъ ему написать въ Петербургъ, что существуютъ два средства, дабы привести великую войну къ окончанію: или полнымъ истощеніемъ одной изъ воюющихъ сторонъ, или равновѣсіемъ между ними, безъ посягательства на ихъ честь. Настоящій случай—послѣдній, говорилъ Наполеонъ Ш. Въ Балтійскомъ морѣ союзники не совершили ничего существеннаго; въ Крыму они одержали серьезный успѣхъ, но стоившій имъ дорого. Сопротивленіе, оказанное русскими войсками, покрыло ихъ славою, дѣльныя стратегическія распоряженія князя Горчакова обезпечили безопасность Крыма на всю зиму. Таково прошлое. Что же касается до будущаго, то, по убѣжденію императора французовъ, шансы всѣ были на сторонѣ союзниковъ. Они не перенесутъ войну въ глубь Россіи, потому что опытъ доказалъ нецѣлесообразность этого средства; но они воспользуются всѣми усовершенствованіями, введенными въ морское дѣло, чтобы атаковать Россію въ Балтійскомъ морѣ и разрушить Кронштадтъ. Блокада Черноморскихъ портовъ вынудитъ насъ содержать на югѣ значительныя военныя силы. Къ чему все это поведетъ? Къ пролитію крови и къ безполезнымъ издержкамъ, а выгоду извлечетъ одна Австрія. Наполеонъ Ш выражалъ искреннее намѣреніе сблизиться съ Россіей, но, прибавлялъ онъ, у Россіи нѣтъ союзниковъ, и она должна рѣшиться на жертвы. Предъявленныя ей условія—minimum, единственно возможный и, какъ они ни тяжелы, благо государства требуетъ ихъ принятія потому что они не затрогиваютъ будущаго, не компрометируютъ его. Императоръ французовъ выставлялъ на видъ громадныя затрудненія, съ которыми ему пришлось бороться въ Лондонѣ. Англійскіе министры противятся миру въ увѣренности, что онъ повлечетъ за собою ихъ паденіе. Наполеону, къ счастію, удалось умѣрить ихъ чудовищныя притязанія. По его словамъ, они хотѣли распространить на Азовское море принципъ нейтрализаціи и потребовать срытія Николаева. Не малаго труда стоило разъяснить имъ, что нельзя распоряжаться чужою собственностью. Но не подлежитъ сомнѣнію, что сентъ-джемскій Дворъ обрадовался бы отклоненію Россіею мирныхъ условій, потому что онъ помышляетъ лишь о томъ, какъ бы отомстить за свои неудачи въ предшедшей кампаніи. Одного этого соображенія должно было бы быть достаточно, чтобы побудить Россію принять условія мира. На вопросъ Зеебаха, слѣдуетъ-ли считать ихъ не подлежащими измѣненію, Наполеонъ отвѣтилъ уклончиво, что онъ искренно желаетъ сближенія съ Россіею и дастъ тому доказательство въ продолженіе мирныхъ переговоровъ.

Австрійскія требованія были переданы Императоромъ Александромъ на обсужденіе особаго совѣщанія высшихъ государственныхъ сановниковъ, въ его личномъ присутствіи. 20-го декабря, въ восемь часовъ вечера, въ кабинетъ Государя, въ Зимнемъ дворцѣ, собрались: Великій Князь Константинъ Николаевичъ, государственный канцлеръ графъ Нессельроде, военный министръ князь Долгоруковъ, министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, генералъ-адъютанты: князь Воронцовъ и графъ Орловъ, статсъ-секретарь графъ Блудовъ и бывшій посланникъ въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ. Государь самъ прочелъ проектъ предварительныхъ условій мира, послѣ чего начались пренія. Одинъ Блудовъ высказался за войну, утверждая, что Россіи, подобно человѣку, на котораго напали разбойники въ лѣсу, приставивъ ему ножъ къ горлу, слѣдуетъ согласиться на миръ лишь въ томъ случаѣ, если она лишена средствъ продолжать борьбу, въ чемъ онъ, впрочемъ, сомнѣвается. Ему возражали, что сомнѣніе это и составляетъ суть вопроса, предложеннаго на заключеніе совѣщанія; что военный министръ ясно доказалъ, что нельзя надѣяться на успѣшный исходъ

войны; что министръ финансовъ подтвердилъ то же самое въ финансовомъ комитетѣ; что членамъ совѣщанія надлежитъ именно взвѣсить, представляется ли надежда на успѣхъ, въ случаѣ продолженія войны, и затѣмъ высказать мнѣніе свое со всею искренностью, не прибѣгая къ сравненіямъ, которыя, подъ личиною воинственнаго патріотизма, ничего не объясняютъ и только оставляютъ вопросы, предложенные Государемъ, неразрѣшенными. Въ отвѣтъ на прямое обращеніе къ нему Императора, графъ Киселевъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свой взглядъ на дѣло. Положеніе наше—чрезвычайно трудное. Въ исторіи не было еще примѣра—союза двухъ морскихъ державъ, уничтожившихъ сообща дѣйствіе нашего флота. Четыре союзныя державы съ 108 милліонами населенія и тремя милліардами дохода стоятъ противъ Россіи, у которой 65 милліоновъ населенія и едва одинъ милліардъ дохода. Въ такомъ положеніи, безъ помощи извнѣ, безъ всякаго вѣроятія на союзъ съ кѣмъ-либо, нуждаясь въ средствахъ для продолженія войны и имѣя въ виду, что и нейтральныя государства склоняются на сторону нашихъ противниковъ, было бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно рисковать новою кампаніею, которая усилитъ требованія непріятеля и сдѣлаетъ миръ еще болѣе труднымъ. Если мы и будемъ имѣть успѣхъ, то только отрицательный; тогда какъ, въ противномъ случаѣ, нейтральныя державы обратятся въ воюющихъ и составятъ вокругъ Россіи желѣзное кольцо. Правда, русскій народъ въ подавляющемъ большинствѣ, глубоко проникнутъ сознаніемъ долга, но есть также и оттѣнки, которые могутъ поколебаться, а потому не должно ставить себя въ безвыходное положеніе, которое неизбѣжно приведетъ къ условіямъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ нынѣшнія. Недостатокъ оружія и запасовъ усиливается; затрудненія въ этомъ отношеніи растутъ ежедневно, какъ свидѣтельствуетъ военный министръ. Всѣ эти причины вмѣстѣ взятыя приводятъ къ убѣжденію, что должно дѣйствовать съ крайнею осторожностью и, не отвергая австрійскихъ предложеній, постараться измѣнить тѣ условія, которыя не могутъ быть нами приняты, безъ ущерба нашему достоинству, а именно: уменьшеніе нашей территоріи и нѣкоторыя изъ послѣдствій нейтрализаціи Чернаго моря. „Если союзники желаютъ мира“, заключилъ графъ Киселевъ, „то они примутъ наши исправленія; если же нѣтъ—то да будетъ воля Божія“.

Мнѣніе Киселева было поддержано Орловымъ. Князь Воронцовъ пошелъ еще далѣе, утверждая, что если наши предложенія будутъ отвергнуты союзниками, то нужно принять и подписать ихъ условія, не рискуя новою кампаніей. Великій Князь Константинъ Николаевичъ замѣтилъ, что, допустивъ, даже, что кампанія 1856 года можетъ быть начата, слѣдуетъ спросить: что же останется намъ дѣлать въ 1857 году, когда затрудненія только увеличатся? Князь Долгоруковъ высказался за миръ, если возможно заключить его пристойнымъ образомъ. Блудовъ не высказался ни за миръ, ни за войну.

Графъ Нессельроде прочиталъ собранію изготовленную имъ депешу на имя посланника нашего въ Вѣнѣ, въ которой выражалось условное согласіе Россіи на предложенныя Австріею предварительныя основанія мира, съ нѣкоторыми „исправленіями“. Послѣднія касались дополнительныхъ требованій. Императорскій кабинетъ отвергалъ новую пятую статью, а также требованіе территоріальной уступки въ Бессарабіи, и, ссылаясь на доказанное свое миролюбіе, отклонялъ отъ себя отвѣтственность за серьезныя послѣдствія, на которыя намекалъ въ своемъ ультиматумѣ вѣнскій Дворъ. Государь одобрилъ депешу канцлера, сдѣлавъ въ ней незначительныя измѣненія. Личный взглядъ его на дѣло видѣнъ изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ главнокомандующему Крымскою арміею: „На австрійскія условія объ основаніяхъ для мирныхъ переговоровъ невозможно было вполнѣ согласиться и мы отвѣчали новымъ предложеніемъ составляющимъ крайній предѣлъ уступкамъ нашимъ. Дай Богъ, чтобы они могли имѣть желаемый успѣхъ, ибо иначе положеніе наше сдѣлается самое затруднительное. Уповаю и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, на милость Божію“,

30-го декабря князь А. М. Горчаковъ передалъ графу Буолю нашъ отвѣтъ на его предложенія. Австрійскій министръ отказался довести его до свѣдѣнія союзниковъ, настаивая на безусловномъ принятіи ультиматума, и предваривъ, что если таковое не будетъ сообщено ему по теле-

графу въ шестидневный срокъ, то австрійскій посланникъ получитъ приказаніе оставить Петербургъ. Все, чего удалось достигнуть нашему представителю, было обѣщаніе Буоля, что вопросъ о земельной уступкѣ будетъ еще обсуждаться на мирномъ конгрессѣ и что Англія и Франція не воспользуются пятою статьею для предъявленія Россіи требованій вознагражденія за военныя издержки или новыхъ территоріальныхъ жертвъ.

Въ телеграммѣ, извѣщавшей канцлера о заявленіяхъ главы австрійскаго кабинета, князь А. М. Горчаковъ выразилъ убѣжденіе, что ультиматумъ графа Буоля надо отвергнуть и что Россіи слѣдуетъ непосредственно обратиться къ императору французовъ съ такими предложеніями, которыя, удовлетворивъ интересамъ Франціи, исключили бы изъ мирной программы требованіе земельной уступки въ Бессарабіи, прибавленное вѣнскимъ Дворомъ въ исключительно австрійскомъ интересѣ. Но графъ Нессельроде, не раздѣляя надеждъ посланника въ Вѣнѣ, не сообщилъ его телеграммы совѣщанію, созванному въ прежнемъ составѣ, 3-го января 1856 года, въ государевомъ кабинетѣ, для вторичнаго обсужденія вопроса о мирѣ.

Собраніе открылось чтеніемъ записки, составленной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, излагавшей взглядъ канцлера и приходившей къ заключенію, что Россіи не остается иного выбора, какъ принять безъ измѣненія всѣ пять статей предварительныхъ основаній для мирныхъ переговоровъ. Дѣйствительно, разсуждалъ, графъ Нессельроде, намъ приходится либо безусловно принять, либо безусловно отвергнуть австрійскія предложенія. Но отклоненіе ихъ неминуемо повлечетъ за собою дипломатическій разрывъ съ Австріей, послѣдствіемъ коего будетъ приступленіе къ коалиціи не только этой державы, но, вѣроятно, всей Германіи и скандинавскихъ государствъ. Конечно, сопротивленіе Россіи еще не сломлено; не истощились ни энергія правительства, ни патріотизмъ народа. Война можетъ еще продолжаться, но едва ли съ какими, нибудь шансами на успѣхъ. Непріятель можетъ выбрать для нападенія любой пунктъ нашей территоріи, мы же не можемъ нигдѣ атаковать его, за исключеніемъ развѣ Малой Азіи. Побѣда нашихъ противниковъ подвергнетъ опасности самые жизненные интересы имперіи; наша побѣда только временно ослабитъ силы противниковъ. Быть можетъ, Австрія и не вступитъ еще, въ продолженіе 1856 года, въ ряды коалиціи; но, какъ рѣшено на военномъ совѣтѣ въ Парижѣ, пока англичане, турки и сардинцы нападутъ на кавказскіе берега, французы займутъ весь Крымъ и со стороны Дуная вторгнутся въ Бессарабію. Такимъ образомъ, война будетъ перенесена въ ближайшее сосѣдство Австріи, которая легко можетъ быть увлечена. Самая Пруссія, не смотря на личное расположеніе короля, не устоитъ противъ оказываемаго на нее давленія, и Россія очутится лицомъ къ лицу съ ополчившеюся на нее совокупною Европою. Даже внѣ этой крайности, неисчислимыя матеріальныя потери понесетъ Россія отъ повсемѣстной блокады ея береговъ и границъ. Такое положеніе нельзя вынести долго. Рано или поздно, мы вынуждены будемъ принять миръ. Но тогда условія его непремѣнно ухудшатся соразмѣрно нашимъ затрудненіямъ, успѣхамъ и жертвамъ нашихъ враговъ. Расположеніе Англіи не позволяетъ намъ сомнѣваться въ этомъ исходѣ. Не безъ труда убѣдили ее согласиться на пять статей. Въ случаѣ ихъ отклоненія, она уже выразила намѣреніе предъявить новыя, тягчайшія для насъ требованія. Напротивъ, принявъ австрійскія предложенія, мы разстроимъ козни нашихъ противниковъ, разсчитывающихъ на нашъ отказъ, и получимъ возможность попытаться разъединить коалицію, составленную изъ разнородныхъ и далеко не дружественно расположенныхъ другъ ко другу элементовъ. Единственною связью между ними служила доселѣ война. Миръ разовьетъ уже обнаружившіяся между ними несогласія. Франція выказываетъ намъ сочувствіе. Наполеонъ III склоняется на нашу сторону. Нашъ отказъ надолго, быть можетъ, навсегда, отброситъ его въ объятія Англіи, тогда какъ согласіе на миръ позволитъ Россіи и Франціи вступить на путь политики, которая совокупитъ ихъ интересы. Что же касается до самыхъ австрійскихъ предложеній, то, принимая ихъ, мы только принимаемъ принципы, положенные въ основаніе переговоровъ о мирѣ. Бо́льшая часть этихъ принциповъ давно уже признаны нами. Опредѣленіе границы между Бессарабіею и Молдавіею зависитъ отъ окончательнаго соглашенія; о Карсѣ и Николаевѣ

нѣтъ пока и рѣчи. Всѣ эти вопросы остаются открытыми. При обсужденіи ихъ мы можемъ быть поддержаны, но и въ худшемъ случаѣ, если усилія наши разобьются о враждебность противниковъ, мы, по крайней мѣрѣ, дадимъ Европѣ новое доказательство нашего миролюбія, возложимъ на союзныя державы отвѣтственность за войну и дадимъ нейтральнымъ государствамъ достаточный поводъ, чтобы уклониться отъ участія въ борьбѣ.

Какъ и въ первомъ засѣданіи, графъ Воронцовъ съ жаромъ высказался въ пользу мира. Какъ ни тяжелы для насъ настоящія его условія, но продолженіемъ войны мы не получимъ лучшихъ. Напротивъ, по всѣмъ признакамъ, слѣдуетъ предвидѣть миръ еще болѣе унизительный, который на долгіе годы ослабитъ Россію неисчислимыми потерями территоріальными и денежными. Опасности отторженія подвергнутся Крымъ, Кавказъ и даже Финляндія и Польша. Въ виду того, что борьба, дойдя до извѣстнаго предѣла, непремѣнно должна прекратиться, лучше не доводить дѣло до крайности и заключить миръ, прежде чѣмъ мы будемъ къ тому вынуждены полнымъ истощеніемъ нашихъ силъ и пока еще возможно сопротивленіе.

Въ этомъ же смыслѣ высказался и графъ Орловъ. Признавая патріотическое возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Россіи, онъ находилъ, что населеніе, уставшее отъ пожертвованій, съ радостью приметъ вѣсть о мирѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣло правительства—взвѣсить и рѣшить вопросъ по существу, не подчиняясь вліянію неосновательныхъ предубѣжденій.

Графъ Киселевъ наглядно изобразилъ опасности, грозившія Россіи въ случаѣ продолженія войны. Области, присоединенныя къ Имперіи около полувѣка тому назадъ, не успѣли еще слиться съ нею. Глухое недовольство распространяется на Волыни и Подоліи агентами польской эмиграціи. Финляндія тяготѣетъ къ Швеціи. Наконецъ, Польша возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ, какъ только военныя дѣйствія союзниковъ дадутъ ей къ тому возможность. Если непріятелю удастся занять всѣ эти области, то рѣшительно нельзя предвидѣть, когда и цѣною какихъ усилій удастся намъ ихъ возвратить? Въ сравненіи съ этими случайностями, жертвы отъ насъ требуемыя—ничтожны.

Военный министръ князь Долгоруковъ распространился о неблагопріятности условій, при которыхъ пришлось бы продолжать войну. Баронъ Мейендорфъ обусловилъ необходимость мира полнымъ разстройствомъ нашихъ финансовъ. Даже графъ Блудовъ не рѣшился настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи. Со слезами на глазахъ, онъ повторилъ слова Шоазеля: „Если мы не умѣемъ вести войну, то заключимъ миръ“.

Въ виду такого единогласія всѣхъ своихъ совѣтниковъ, Императоръ Александръ, скрѣпя сердце, принесъ требуемую отъ него жертву. На другой день государственный канцлеръ объявилъ австрійскому посланнику, что Россія принимаетъ сообщенныя австрійскимъ дворомъ предварительныя условія мира. 20-го января представители воюющихъ державъ подписали въ Вѣнѣ протоколъ, коимъ державы эти обязались прислать въ трехнедѣльный срокъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Парижъ для заключенія перемирія и подписанія мирнаго договора.

Уполномоченными Россіи на парижскій конгрессъ назначены генералъ-адъютантъ графъ Орловъ и посланникъ при германскомъ союзѣ баронъ Брунновъ. Въ наставленіи имъ графъ Нессельроде приводилъ два обстоятельства, долженствовавшія послужить намъ на пользу: во-первыхъ, признанное всею Европою несомнѣнное миролюбіе русскаго Императора, прямота и искренность его намѣреній; во-вторыхъ, различіе интересовъ и страстей, проявленное нашими противниками. Англія, утверждалъ канцлеръ, есть и останется непримиримымъ нашимъ врагомъ. И правительство, и общественное мнѣніе этой страны одинаково одушевлены ненавистью къ Россіи и желаютъ продолженія войны. Въ этомъ стремленіи Наполеонъ III расходится со своею союзницею. Конечно, онъ не доведетъ дѣла до разрыва союза съ Англіей, ни даже до вступленія съ нею во враждебныя отношенія, но онъ, несомнѣнно, воспользуется случаемъ выйти изъ подъ ея зависимости. На это указываетъ его расположеніе вступить въ болѣе тѣсную связь съ вѣнскимъ дворомъ. Отъ искусства нашихъ уполномоченныхъ будетъ зависѣть воспользоваться такимъ настроеніемъ императора французовъ. Главною ихъ задачею должно быть—устранить изъ

мирнаго договора такія постановленія, редакція которыхъ была бы оскорбительна для Россіи; прежде всего приложить все стараніе, чтобы, взамѣнъ очищенія русскихъ городовъ и мѣстностей, занятыхъ союзниками, послѣдніе удовольствовались возвращеніемъ Карса, другими словами, чтобы избѣжать земельной уступки въ Бессарабіи. На ихъ выборъ предоставлялось, дѣйствуя сообразно съ обстоятельствами, либо удовлетворить Англію въ Азіи, и тѣмъ изолировать Австрію и лишить ее возможности настаивать на устраненіи Россіи отъ Дуная, либо присоединиться къ состоявшемуся уже, повидимому, соглашенію Австріи съ Франціею, дабы противодѣйствовать Англіи и ея чрезмѣрнымъ требованіямъ. „Впрочемъ—присовокуплялъ канцлеръ—мы должны только маневрировать, вести временную игру съ цѣлью ослабить нашихъ враговъ и достигнуть главной цѣли — заключенія мира. Но теперь Государь Императоръ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, желаетъ сохранить своей политикѣ свободу отъ всякихъ обязательствъ. Россія не имѣетъ надобности заключать преждевременные союзы, чтобы возвратить себѣ то политическое вліяніе въ Европѣ, которымъ она такъ долго пользовалась". Слѣдовалъ совѣтъ: остерегаться императора французовъ. При неопредѣленности видовъ Наполеона III, направленныхъ къ собственному обезпеченію, мы никоимъ образомъ не должны связывать нашу политику съ его политикой. Все, что дозволялось уполномоченнымъ—это заручиться его добрымъ расположеніемъ, давъ ему понять ту выгоду, что̀ проистечетъ лично для него отъ примиренія съ Россіей, безъ участія которой, каково бы ни было настроеніе остальной Европы, не исключая и Англіи, не можетъ состояться коалиціи противъ его династическихъ правъ.

Брунновъ пріѣхалъ въ Парижъ нѣсколькими днями ранѣе Орлова. Изъ перваго свиданія съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ уже вынесъ убѣжденіе, что Наполеонъ III искренно желаетъ мира и сдѣлаетъ все, что можетъ, для устраненія препятствій, которыхъ слѣдуетъ ожидать во время переговоровъ отъ Англіи и Австріи. То же подтвердилъ ему Морни, прибавивъ, что хотя императоръ французовъ и будетъ гласно заявлять о ненарушимости своего союза съ Англіею, но что этимъ не должно смущаться, ибо подобныя заявленія будутъ только прикрывать совершающееся въ немъ перерожденіе. Громко выражали свое сочувствіе Россіи министры — военный и морской, маршалъ Вальянъ и адмиралъ Гамеленъ, а также генералъ Ніель, инженеръ, руководившій осадой Севастополя. Въ салонахъ и даже въ публикѣ проявлялась живая симпатія къ русскимъ. „Такъ какъ вы желали моего прибытія,—сказалъ Брунновъ Валевскому, котораго близко зналъ по Лондону, гдѣ оба дипломата были до войны посланниками при сентъ-джемскомъ Дворѣ,—то, я надѣюсь, не для того, чтобы я испыталъ неудачу". — „Избави Богъ", отвѣчалъ министръ, „ударъ поразилъ бы не васъ однихъ, я раздѣлилъ бы его вмѣстѣ съ вами; для меня это было бы еще важнѣе, а потому вы понимаете, что я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ для отвращенія неудачи".

9-го февраля прибылъ въ столицу Франціи графъ Орловъ, и послѣ визита Валевскому, былъ принятъ Наполеономъ III сначала въ торжественной, а потомъ и въ частной аудіенціи. Послѣдняя происходила въ кабинетѣ императора, съ глазу на глазъ. Орловъ откровенно изложилъ своему собесѣднику содержаніе полученныхъ инструкцій, сказавъ, на что можетъ согласиться при предстоящихъ переговорахъ и что долженъ отвергнуть. Россія, говорилъ онъ, согласна на свободу плаванія по Дунаю, на нейтрализацію Чернаго моря, но, возвращая Карсъ и другія мѣстности, занятыя ею въ Малой Азіи, она въ правѣ надѣяться, что союзники откажутся отъ требованія земельной уступки въ Бессарабіи. Сообщеніе свое графъ заключилъ просьбой къ императору оказать нашимъ заявленіямъ поддержку во всей ихъ совокупности, и тогда, прибавилъ онъ, дѣло мира скоро будетъ приведено къ желанному концу. На вопросъ Наполеона, согласимся ли мы не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда, первый нашъ уполномоченный отвѣчалъ, что таково намѣреніе Императора Александра, который желаетъ, однако, чтобы обязательство это не было внесено въ мирный трактатъ. Тогда императоръ французовъ озадачилъ Орлова вторымъ, совершенно неожиданнымъ вопросомъ: „Я хотѣлъ бы знать ваши мысли относительно вѣнскихъ договоровъ 1815 года?

Обстоятельства внесли въ нихъ значительныя измѣненія. Что думаете вы объ ихъ пересмотрѣ?“ Связанный своими инструкціями, Орловъ ограничился отвѣтомъ, что вопросъ этотъ, по обширности своей, затрогиваетъ интересы всѣхъ европейскихъ державъ, и что онъ не считаетъ себя въ правѣ высказать о немъ свое личное мнѣніе. „Но вѣдь это простой разговоръ“, замѣтилъ Наполеонъ, и тотчасъ прибавилъ: „А бѣдная Италія!.. Во всякомъ случаѣ она не можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ состояніи, полномъ страданія. Развѣ нельзя что-нибудь для нея сдѣлать? Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Буолемъ—онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Кажется, ему не нравится этотъ вопросъ. Потомъ, также, эта бѣдная Польша, стѣсняемая въ своей религіи! Развѣ милосердіе Императора не можетъ положить конецъ угнетеніямъ католической церкви? Развѣ нельзя облегчить сколько-нибудь судьбу многихъ несчастныхъ, увлекшихся политическими заблужденіями?“ Орловъ съ живостью возразилъ, что Польша пострадала по собственной винѣ; что ей предоставлены были всѣ способы процвѣтанія, но она не сумѣла ими воспользоваться; что поляки лишились своихъ политическихъ правъ, потому что нарушили клятву и обѣщанія; что, тѣмъ не менѣе, имъ обезпечена полная свобода вѣроисповѣданія и что съ этою цѣлью пересматривается конкордатъ, заключенный съ папою. „Со дня вступленія на престолъ“, заключилъ нашъ первый уполномоченный, „Государь Императоръ превысилъ надежды, возлагаемыя на его милосердіе, и хотя я не позволяю себѣ высказываться о его намѣреніяхъ, но полагаю, что въ день своего коронованія онъ имѣетъ въ виду облегчить участь виновныхъ“. Изъ первой своей бесѣды съ Наполеономъ графъ Орловъ вынесъ впечатлѣніе, что мысль о пересмотрѣ договоровъ 1815 года сильно занимаетъ императора французовъ и что онъ, съ этою цѣлью, намѣренъ созвать въ близкомъ будущемъ новый конгрессъ.

Первое засѣданіе Парижскаго конгресса состоялось 13-го февраля. Въ немъ приняли участіе только представители воюющихъ державъ. Первыми уполномоченными нашихъ противниковъ были министры иностранныхъ дѣлъ: Франціи—графъ Валевскій, Англіи—лордъ Кларендонъ, Австріи—графъ Буоль, Сардиніи—графъ Кавуръ и Турціи—великій визирь Аали-паша; вторыми уполномоченными назначены: французскимъ—посланникъ въ Вѣнѣ Буркенэ, и посланники прочихъ державъ при тюильрійскомъ Дворѣ. Пруссія не засѣдала въ первыхъ собраніяхъ конгресса и уполномоченные ея, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Мантейфель и посланникъ въ Парижѣ графъ Гацфельдъ, приглашены были занять въ немъ мѣсталишь три недѣли спустя, съ одиннадцатаго засѣданія, 6-го марта, когда уже были обсуждены и разрѣшены главные вопросы, бывшіе предметомъ пререканій между воюющими сторонами.

Пренія въ первыхъ засѣданіяхъ, а также въ частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ промежуткахъ собраній конгресса, начались съ самаго жгучаго вопроса: объ измѣненіи границы въ Бессарабіи. Наши уполномоченные предложили либо замѣнить предположенную уступку на Дунаѣ возвращеніемъ Карса, либо сохранить Карсъ за Россіей. Англичане возражали со страстною запальчивостью, что союзники поручились за цѣлость владѣній Порты, и что Англія скорѣе рѣшится вести безконечную войну, чѣмъ согласится на ослабленіе Оттоманской имперіи въ самой уязвимой ея части—Малой Азіи. Встревоженный горячностью спора между представителями Россіи и Великобританіи, графъ Валевскій поспѣшилъ прервать засѣданіе. „Англичане отвергаютъ вознагражденіе за Карсъ“, доносилъ графъ Орловъ по телеграфу. „Кажется нельзя будетъ избѣжать измѣненія границъ Бессарабіи. Мы держимся твердо и отсрочили засѣданіе, чтобы поставить Наполеона въ извѣстность о положеніи переговоровъ. Если это средство не удастся, то наши инструкціи уполномочиваютъ насъ принять требованіе, иначе негоціація будетъ прервана“. На телеграммѣ этой Императоръ Александръ сдѣлалъ отмѣтку: „Судя по началу, я не предвижу ничего хорошаго“.

Графъ Орловъ воспользовался приглашеніемъ къ императорскому обѣду, чтобы воззвать къ посредничеству Наполеона III. Изложивъ ему ходъ переговоровъ, онъ заявилъ, что настала минута прибѣгнуть къ личной помощи императора французовъ, въ виду ежеминутно возраставшихъ притязаній Англіи и колебаній Ав-

стріи, которыя могутъ привести къ окончательной размолвкѣ. „Императоръ Александръ", прибавилъ онъ, „свято исполнитъ всѣ данныя имъ обѣщанія. Если онъ рѣшился согласиться на австрійскія предложенія, то только потому, что, судя по нѣкоторымъ даннымъ, полагалъ, что владѣніе Карсомъ придастъ большой вѣсъ ходу переговоровъ и будетъ поддержано могущественнымъ вмѣшательствомъ вашего величества". Наполеонъ отвѣчалъ, что дѣйствительно самъ онъ далъ понять Орлову, что Карсъ могъ бы вознаградить Россію за уступку Бессарабскаго участка, но что въ этомъ вопросѣ онъ встрѣтилъ со стороны Англіи и Австріи непреодолимыя затрудненія, въ особенности послѣ того, какъ онъ воспротивился „чудовищнымъ" требованіямъ Англіи разрушить Николаевъ и распространить на Азовское море ограниченія, установляемыя въ Черномъ морѣ, равно какъ и многимъ другимъ условіямъ, задѣвающимъ Россію за живое. По вопросу о Карсѣ онъ не можетъ, однако, разорвать всѣ связи съ своими союзниками, не подвергаясь обвиненію въ неустойчивости. Но вполнѣ понимая выгоду для Франціи крѣпкаго союза съ Россіею, согласнаго какъ съ чувствами, такъ и съ интересами Франціи, онъ обѣщаетъ, не выходя изъ предѣловъ осторожности, при опредѣленіи пограничной черты въ Бессарабіи и вообще при обсужденіи всѣхъ уже принятыхъ Россіею условій, приказать своимъ уполномоченнымъ поддерживать насъ и самъ будетъ предварительно изслѣдовать всѣ могущія встрѣтиться затрудненія. Въ заключеніе онъ разрѣшилъ Орлову, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, непосредственно обращаться къ нему.

Заручившись поддержкою императора французовъ, графъ Орловъ проявилъ большую твердость при обсужденіи вопроса о пограничной чертѣ. „Споры о границахъ въ Бессарабіи уже начались,—доносилъ онъ въ Петербургъ наканунѣ открытія конгресса,—расположеніе Австріи дурно и неуступчиво, Франція держитъ себя сдержанно по этому вопросу. Я почти не сомнѣваюсь, что придется дойти до крайнихъ предѣловъ моихъ инструкцій". На этой телеграммѣ Орлова Императоръ Александръ надписалъ: „Я желалъ бы избѣжать этой крайности". Послѣ обѣда въ тюильрійскомъ дворцѣ и слѣдовавшаго за нимъ разговора съ Наполеономъ, нашъ первый уполномоченный поѣхалъ на засѣданіе конгресса, „чувствуя уже твердую почву подъ собою". Императоръ французовъ сдержалъ обѣщаніе. Валевскій условился съ Орловымъ, что изъ трехъ русскихъ проектовъ разграниченія онъ будетъ оспаривать первый и второй, дабы не обнаружить предъ прочими членами конгресса состоявшагося между уполномоченными Россіи и Франціи соглашенія, но станетъ энергично поддерживать третій нашъ проектъ. Болѣе того: о принятіи послѣдняго предупредилъ самъ Наполеонъ графа Буоля и лорда Кларендона, чѣмъ и рѣшилъ дѣло въ нашу пользу. „Мы могли въ этомъ убѣдиться,—писалъ графъ Орловъ графу Нессельроде—по замѣтно смягченному, даже можно сказать приниженному тону, который вдругъ приняли наши противники". Конгрессъ отвергнулъ пограничную черту, предложенную представителями Австріи, и принялъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ, третій проектъ русскихъ уполномоченныхъ. Выгоды, пріобрѣтенныя Россіею, Орловъ перечислялъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) По австрійскому проекту крѣпость Хотинъ отходила къ Молдавіи; австрійцы очень желали этого, чтобы ослабить насъ со стороны своихъ Буковинскихъ границъ; мы удержали Хотинъ за собою; 2) сверхъ того, мы удержали три четверти участка, который, по австрійскому проекту, долженъ былъ отойти отъ Бессарабіи къ Молдавіи; 3) мы сохранили главный торговый путь съ сѣвера на югъ Бессарабіи и 4) всѣ нѣмецкія и болгарскія колоніи въ этой области, съ главнымъ центромъ послѣднихъ—Болградомъ.

Не менѣе дѣятельное содѣйствіе оказалъ намъ императоръ Наполеонъ при обсужденіи пятой статьи предварительныхъ основаній мира, о дополнительныхъ условіяхъ, имѣвшихъ быть предъявленными намъ яко-бы въ интересахъ Европы. Первое изъ этихъ условій—было требованіе не возобновлять укрѣпленій на Аландскихъ островахъ. Уполномоченные наши согласились на него съ оговоркою, что уступка эта будетъ признана добровольною, каковою она и занесена въ дополнительную конвенцію къ мирному договору. За то Орловъ и Брунновъ категорически отвергли притязаніе Англіи, которая хотѣла, ни

болѣе, ни менѣе, какъ подвергнуть сомнѣнію всѣ наши права на владѣніе кавказскимъ берегомъ Чернаго моря по ту сторону Кубани. Возраженія нашихъ представителей были энергично поддержаны Валевскимъ, и графъ Орловъ могъ телеграфировать своему Двору: „Претензіи англичанъ о независимости Мингреліи, Закавказья и другія требованія — совершенно отвергнуты. Наши пограничныя крѣпости остаются нетронутыми. Споры по поводу Николаева, возбужденные лордомъ Кларендономъ, устранены нашими отвѣтами. Редакція по нейтрализаціи Чернаго моря окончена. Остается только конвенція наша съ Портою о числѣ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ — вопросъ довольно трудный. Принципъ закрытія проливовъ утвержденъ". „Все это хорошо", гласитъ собственноручная замѣтка Императора Александра на этой телеграммѣ.

Благодаря дружной поддержкѣ представителей Франціи, наши уполномоченные легко пришли къ соглашенію съ турецкими объ установленіи предѣльнаго числа военныхъ судовъ, которое прибрежныя державы сохраняли право содержать въ Черномъ морѣ. Этимъ исчерпывались, въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію конгресса, тѣ, что̀ касались прямыхъ интересовъ Россіи. О достигнутыхъ нашими уполномоченными результатахъ, графъ Орловъ писалъ канцлеру, въ концѣ февраля: „Начиная съ 13-го числа, когда открылась первая конференція, все казалось неопредѣленнымъ и неяснымъ. Мало-помалу все разъяснилось, и притомъ въ нашу пользу. Я не позволю себѣ съ увѣренностью сказать, что исходъ совѣщаній вполнѣ обезпеченъ. Это зависитъ отъ множества разнородныхъ интересовъ, непредвидѣнныхъ случайностей и въ особенности посторонніхъ вліяній, которыя ставятъ меня внѣ возможности дѣйствовать иначе, какъ въ разсчетѣ на простую вѣроятность. До сихъ поръ императоръ Наполеонъ, судя по словамъ его и поведенію, проявляетъ желаніе придти къ мирному рѣшенію. Если бы онъ не имѣлъ этого въ виду, то не старался бы умѣрить требованія Англіи въ вопросѣ по пятой статьѣ предварительныхъ условій. Тогда переговоры немедленно прекратились бы. Нашъ отказъ согласиться на несправедливыя притязанія британскаго правительства положилъ бы конецъ переговорамъ и отвѣтственность въ томъ не пала бы на императора Наполеона. Словомъ, если бы онъ предпочиталъ войну, то ему стоило только хранить молчаніе. Но онъ вовсе не хотѣлъ того. Онъ лично вмѣшивался дѣятельно и ловко, то, чтобы умѣрить чрезмѣрные виды Англіи, то, чтобы обрѣзать разсчеты Австріи на удовлетвореніе ея интересовъ. Онъ дѣлалъ все это не только съ желаніемъ установить миръ, но еще и съ цѣлью доставить нашимъ прямымъ пользамъ справедливое удовлетвореніе. Графъ Валевскій понялъ эту мысль и осуществилъ ее съ тактомъ и талантливо. На конференціяхъ ему случалось поддерживать англійскихъ представителей, дабы показать оффиціально, что Франція не хочетъ разойтись съ Англіею. Но въ нашихъ довѣрительныхъ разговорахъ, онъ всегда обнаруживалъ по отношенію къ намъ миролюбивое и, скажу даже, дружественное расположеніе. Онъ поставилъ себя къ намъ въ положеніе не врага, а нашего помощника, какимъ самъ называлъ себя".

Оставалось условиться по вопросамъ, лишь косвенно относившимся до Россіи: будущему устройству изъятыхъ изъ подъ русскаго покровительства Молдавіи, Валахіи и Сербіи, и обезпеченію правъ и преимуществъ христіанскихъ подданныхъ султана.

Касательно Дунайскихъ княжествъ графъ Орловъ писалъ канцлеру: „Приступая къ дѣлу, мы должны всегда помнить, что главная наша обязанность, выражающая непремѣнную волю Государя Императора, заключается въ возстановленіи мира, что̀ должно быть главнымъ предметомъ нашихъ усилій. Эта великая миссія относится къ прямымъ интересамъ Имперіи. Поэтому, интересы княжествъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Я не буду ими пренебрегать. Я буду съ твердостью ихъ поддерживать, насколько то возможно; но, какъ вѣрный слуга моего Государя, я долженъ помнить, что благо Россіи, ея безопасность, честь, процвѣтаніе въ будущемъ и стараніе сберечь кровь ея храбрецовъ составляютъ — согласно высочайшей волѣ Государя Императора—высшій для меня законъ". Вполнѣ раздѣляя взгляды перваго уполномоченнаго, графъ Нессельроде отвѣчалъ ему: „Молдавія и Валахія дали такъ

много доказательствъ своей неблагодарности за всѣ благодѣянія, какія онѣ получили цѣною русской крови, что не приходится за нихъ еще проливать эту кровь. Что касается до Княжествъ, то для насъ важно только, чтобы, согласно Адріанопольскому миру, всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты и чтобы не строили новыхъ крѣпостей на Дунаѣ, отъ Рени до устья, потому что эти крѣпости являлись бы передовымъ постомъ Турціи, выставленнымъ противъ Россіи".

На конгрессѣ Франція предложила соединить Молдавію и Валахію въ одно княжество подъ верховнымъ владычествомъ Порты. Англія поддержала это предложеніе; Австрія находила его преждевременнымъ, а Турція рѣшительно отвергла. Русскіе уполномоченные воздержались отъ подачи мнѣнія. Предложеніе ихъ занести въ мирный договоръ преимущества, признанныя Портою за Сербіею, было принято единогласно.

Гораздо болѣе затрудненій представилъ вопросъ о правахъ турецкихъ христіанъ. Великій визирь объявилъ, что незадолго до того обнародованный по этому предмету гатти-шерифъ султана уже даровалъ его христіанскимъ подданнымъ права, далеко превосходящія все, что было до сихъ поръ выговорено въ ихъ пользу, а потому и нѣтъ надобности включать въ трактатъ какія-либо о томъ постановленія. Графъ Орловъ возразилъ, что, по мнѣнію русскаго Императора, этотъ именно пунктъ и составляетъ главное достоинство мирнаго соглашенія великихъ европейскихъ державъ, предметъ общихъ ихъ усилій, и предложилъ: статью, подтверждающую права христіанскихъ подданныхъ Порты, поставить въ началѣ договора въ томъ уваженіи, что вопросъ этотъ равно интересуетъ всѣ христіанскія державы, обязанныя разрѣшить его по совѣсти и чести. Уполномоченные Франціи, Англіи, Австріи и Сардиніи единогласно выразили одобреніе русскому предложенію. Даже представители Турціи не возражали и только просили отсрочки для полученія изъ Константинополя дополнительныхъ инструкцій.

Но положеніе измѣнилось съ полученіемъ этихъ инструкцій. Порта ни за что не соглашалась занести въ мирный договоръ признаніе за своими подданными-христіанами какихъ-либо правъ или преимуществъ и отказъ ея былъ страстно поддержанъ уполномоченными Англіи. Русскій проектъ редакціи этой статьи Кларендонъ назвалъ „въ десять разъ худшимъ, чѣмъ даже нота князя Меншикова" и самъ Валевскій объявилъ „что нельзя заставить турецкихъ уполномоченныхъ подписаться подъ нимъ". О своемъ проектѣ Орловъ телеграфировалъ въ Петербургъ: „Судя по всему, принятіе его возбудитъ непреодолимыя затрудненія. Въ этомъ вопросѣ мы стоимъ одни. Прошу сказать мнѣ, до какого предѣла могу я довести свое сопротивленіе? Слѣдуетъ-ли безусловнымъ отказомъ компрометировать подписаніе самаго мира? Мы будемъ стараться достигнуть всего, что въ нашей власти, но я сомнѣваюсь въ какомъ-либо успѣхѣ". Канцлеръ въ отвѣтѣ предложилъ, именемъ Императора, сдѣлать все возможное для лучшей редакціи статьи, относящейся до христіанъ, „однако", прибавилъ онъ, „если не удастся вамъ сдѣлать этого, не подвергая риску заключеніе мира, то вамъ разрѣшается принять редакцію въ томъ видѣ, въ какомъ она состоится".

Возможнымъ оказалось весьма немногое, а именно, что вмѣсто того, чтобы быть помѣщенной въ концѣ трактата, статья о турецкихъ христіанахъ включена въ его начало. Самая редакція статьи, условленная между Валевскимъ и Кларендономъ, была крайне неопредѣленна и не создавала для турокъ положительнаго обязательства предъ Европой. Неуспѣхъ нашихъ уполномоченныхъ въ этомъ дѣлѣ объясняется отказомъ Наполеона III поддержать ихъ мнѣніе. Орловъ приписывалъ его упорному сопротивленію, встрѣченному со стороны великобританскаго правительства. „Не имѣя личной опоры императора", писалъ онъ, „всѣ мои самыя ревностныя усилія остались безплодными предъ конференціей, на которой уполномоченные Россіи при настоящихъ обстоятельствахъ остаются изолированными. Моя попытка послужитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что я не пренебрегъ ничѣмъ, что могло способствовать осуществленію намѣренія императорскаго кабинета, въ границахъ возможнаго. Если бы я попытался переступить эти границы, то рисковалъ бы успѣхомъ переговоровъ, ввѣренныхъ моимъ стараніямъ. Избѣжавъ этой опасности по вопросу о заключеніи почетнаго мира, совѣсть говоритъ

мнѣ, что я вѣрно исполнилъ обязанности, возложенныя на меня Государемъ Императоромъ, и что я служилъ законнымъ и истиннымъ интересамъ Россіи". На телеграмму, излагавшую эти соображенія, государственный канцлеръ телеграммой же отвѣчалъ графу Орлову: „Государь Императоръ одобряетъ все вами сказанное и сдѣланное. Теперь не будутъ уже создавать затрудненій. (On ne mettra plus des bâtons dans les roues). Кончайте и подписывайте".

Парижскій мирный договоръ подписанъ 18-го марта, въ годовщину взятія столицы Франціи союзными войсками въ 1814 году.

Актъ этотъ не только прекратилъ войну Россіи съ морскими державами и Турціею, но и опредѣлилъ на совершенно новыхъ основаніяхъ судьбу Востока Европы. Имъ Турція принималась въ общеніе христіанскихъ державъ, обѣщавшихъ сообща уважать независимость и цѣлость Оттоманской имперіи и считать всякое посягательство на нихъ дѣломъ обще-европейскаго интереса. Вслѣдствіе сего, державы обязывались, въ случаѣ возникновенія какихъ либо несогласій между одной изъ нихъ и Портою, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, воззвать къ посредничеству всѣхъ прочихъ державъ. Султанъ хотя и сообщилъ державамъ изданный имъ фирманъ, улучшающій участь христіанскихъ его подданныхъ, но договаривавшіяся стороны, признавъ высокое значеніе этого сообщенія, постановили, что оно не даетъ имъ права, ни въ какомъ случаѣ, ни единолично, ни совокупно, вмѣшиваться въ отношенія султана къ его подданнымъ или во внутреннее управленіе его имперіей. Подтверждалась конвенція 1841 года о закрытіи Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флотовъ всѣхъ націй; Черное море провозглашалось нейтральнымъ; входъ въ него возбранялся военному флоту всѣхъ державъ, въ томъ числѣ и прибрежныхъ, за исключеніемъ изъятій, опредѣленныхъ въ отдѣльной конвенціи, заключенной между Россіею и Турціею и приложенной къ общему трактату, какъ составная часть, съ тѣмъ, что ни Россія, ни Турція не имѣютъ права ни отмѣнить, ни измѣнить ее безъ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ мирный договоръ; воспрещалось сооруженіе или сохраненіе военно-морскихъ арсеналовъ, на берегахъ Чернаго моря, которое объявлялось открытымъ для свободнаго плаванія лишь торговыхъ судовъ всѣхъ націй; актъ вѣнскаго конгресса о рѣчномъ плаваніи распространялся на Дунай; для производства работъ по расчисткѣ устьевъ Дуная и для завѣдыванія судоходствомъ по этой рѣкѣ учреждены двѣ коммиссіи: одна европейская, изъ представителей всѣхъ великихъ державъ, а другая изъ уполномоченныхъ державъ прибрежныхъ; „для лучшаго обезпеченія свободы плаванія по Дунаю", Россія уступала прилегающую къ нему часть Бессарабіи, отходившую къ Молдавіи; Валахіи и Молдавіи, равно какъ и Сербіи, оставляемымъ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, державы ручались за сохраненіе правъ и преимуществъ, коими княжества эти пользовались дотолѣ; проведеніе новыхъ границъ между Россіею и Турціею въ Европѣ и провѣрка старыхъ, въ Азіи, возлагались на коммиссію, составленную изъ делегатовъ всѣхъ великихъ державъ; торговля между договаривавшимися сторонами возстановлялась на основаніяхъ, дѣйствовавшихъ до войны; взаимно возвращались занятыя чужими войсками города и области и провозглашалась полная амнистія тѣмъ изъ подданныхъ воевавшихъ державъ, которые дѣйствовали въ пользу непріятеля. Къ общему мирному трактату были приложены три отдѣльныя конвенціи: первая — подписанная всѣми шестью державами, — о закрытіи Проливовъ; вторая, заключенная между Россіею и Турціею, о числѣ военныхъ судовъ, которое каждая изъ нихъ имѣла право содержать въ Черномъ морѣ, и третья, состоявшаяся между Россіею, Франціею и Англіею, въ которую занесено было заявленіе Россіи, что Аландскіе острова не будутъ укрѣплены и что на нихъ не будетъ возведено никакихъ военныхъ или морскихъ сооруженій.

При первомъ извѣстіи о подписаніи мирнаго договора, полученномъ Императоромъ Александромъ во время поѣздки въ Финляндію, его величество поручилъ канцлеру благодарить графа Орлова за настойчивыя усилія, употребленныя имъ для ускоренія окончательнаго мира. „Это новая и видная услуга, оказанная вами отечеству", писалъ ему Нессельроде, „такъ какъ мы пришли къ такому положенію, что необходимость быть готовыми къ воз-

можной войнѣ безполезно вызывала большія издержки. Среди всѣхъ разнообразныхъ затрудненій, вы ничѣмъ не пренебрегли, ни въ формѣ, ни въ сущности дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ весьма важно, вы успѣли, не вводя Россію ни въ какія обязательства, ослабить узы коалиціи противъ насъ до того, что сомнительно, чтобы эти узы пережили заключеніе мира". По полученіи въ Петербургѣ самаго трактата и донесеній о переговорахъ, непосредственно предшествовавшихъ его подписанію, Его Величество приказалъ повторить обоимъ уполномоченнымъ выраженіе своей признательности. „Государю Императору благоугодно было", сообщалъ канцлеръ Орлову, „оцѣнить по достоинству непреклонную настойчивость, проявленную вами для того, чтобы побороть злыя намѣренія нашихъ враговъ, равно какъ и мудрую проницательность, съ которою вы и баронъ Брунновъ сумѣли, среди возникавшихъ затрудненій, устранить препятствія, которыя повредили бы соглашенію". Упомянувъ объ успѣшности стараній Орлова заручиться поддержкою Наполеона III, графъ Нессельроде продолжалъ: „Желанія ваши исполнились и вы сохранили при этомъ искренность, полную достоинства, столь согласную съ чувствами Государя Императора. Вы успѣли, при добромъ расположеніи къ вамъ императора Наполеона, разстроить намѣренія Англіи и уничтожить коалицію, принимавшую все болѣе и болѣе грозные размѣры, способную ввергнуть Россію въ продолжительную войну, исходъ которой нельзя было бы предвидѣть. Занятымъ вами на конференціяхъ положеніемъ, вы способствовали улучшенію постановленій трактата. Вашимъ поведеніемъ внѣ конгресса вы заставили уважать русское имя и возбудили къ нашимъ знаменамъ сочувствіе тѣхъ, кто были нашими противниками. Договоръ, обезпечивающій Россіи благодѣянія мира, согласованъ съ великодушнымъ самоотверженіемъ, сдѣлавшимъ его возможнымъ. Государь Императоръ вполнѣ признаетъ важность новой услуги, оказанной вами отечеству".

Къ депешѣ канцлера къ Орлову приложена была Высочайше одобренная записка, излагавшая взглядъ Императора Александра на новое политическое положеніе, истекавшее изъ мирнаго договора:

„Трактатъ, только-что заключенный въ Парижѣ, полагая конецъ войнѣ, а вслѣдствіе того, и образовавшейся противъ Россіи коалиціи, все же, должно признаться, оставляетъ насъ въ неопредѣленномъ положеніи относительно нашей политики въ будущемъ. Послѣ недавно перенесеннаго испытанія, Россіи нужно сосредоточиться въ самой себѣ и искать излѣчить внутренними средствами нанесенныя ей войною раны. На этой мысли должна основываться вся наша политика, въ теченіе времени, которое нельзя опредѣлить, съ цѣлью достигнуть исполненія этого благого желанія и съ устраненіемъ внѣшнихъ препятствій, которыя могли бы затруднить его достиженіе. Къ осуществленію этой политики должны быть направлены теперь всѣ усилія слугъ Императора. Какъ ни просто кажется это желаніе, но достигнуть его будетъ не легко. Россія стоитъ предъ Европой въ новомъ положеніи. Перенесенный ею кризисъ значительно ослабилъ ея прежнія связи. Тройственный сѣверный союзъ, долго служившій противовѣсомъ союзу морскихъ державъ, пересталъ существовать. Поведеніе Австріи разрушило обаяніе, которымъ союзъ этотъ пользовался въ Европѣ. Съ другой стороны, Швеція на сѣверѣ и Турція на югѣ стоятъ противъ насъ въ условіяхъ совершенно новыхъ и щекотливыхъ. Англія, нашъ дѣйствительный, упорный врагъ, осталась недовольной и злобной по заключеніи мира, а потому, начальныя причины, вызвавшія противъ насъ коалицію, продолжаютъ существовать. Наше единственное ручательство противъ возникновенія несогласій, прекращенныхъ миромъ, и наше обезпеченіе въ томъ, что миръ этотъ продлится столько, сколько необходимо намъ для нашихъ внутреннихъ потребностей,—заключаются въ добромъ къ намъ расположеніи императора Наполеона, а потому, сохранить это расположеніе, не обязываясь, однако, слѣдовать за нимъ въ его предпріятіяхъ,—должно быть цѣлью всѣхъ нашихъ стараній". Записка приходила къ двойному заключенію. Во-первыхъ, въ виду заявленій, сдѣланныхъ императоромъ французовъ Орлову о пересмотрѣ договоровъ 1815 года и въ томъ предположеніи, что подъ этимъ Наполеонъ III, вѣроятно, разумѣетъ признаніе династическихъ правъ Бонапартовъ, графу Алексѣю Ѳедоровичу предоставлялось, смотря по обстоятель-

ствамъ, или признать эти права именемъ Россіи, или отложить это признаніе на будущее время. Во-вторыхъ, ему поручалось позаботиться объ улучшеніи отношеній Франціи къ Пруссіи. „Мы, конечно, не можемъ забыть", оканчивалъ графъ Нессельроде свою записку, „что изъ всѣхъ великихъ державъ, одна Пруссія не была намъ враждебна. Прямые интересы связываютъ ее съ Россіей, и намъ кажется, что отношенія наши къ Франціи только выиграли бы, опираясь на этотъ союзъ. Проявленное нынѣ тюильрійскимъ Дворомъ примирительное расположеніе къ этой державѣ, повидимому, подтверждаетъ нашу мысль".

Между тѣмъ, пока въ Петербургѣ помышляли о привлеченіи Пруссіи къ ожидаемому соглашенію Франціи съ Россіей, парижскій Дворъ, совершенно неожиданно для нашихъ уполномоченныхъ, возобновилъ союзную связь свою съ Дворами лондонскимъ и вѣнскимъ заключеніемъ конвенціи, коею три державы ручались сообща за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, обязуясь считать за „casus belli" всякое нарушеніе какой-либо изъ статей парижскаго трактата и, въ случаѣ, если таковое произойдетъ,—условиться съ Портою о необходимыхъ мѣрахъ къ безотлагательному приведенію въ движеніе своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Договоръ этотъ, хотя и прямо направленный противъ Россіи, былъ сообщенъ довѣрительно Валевскимъ Орлову, который, въ донесеніи канцлеру, искалъ ослабить его значеніе, приписывая ему австрійское происхожденіе. „Мысль о подобной политической комбинаціи", писалъ онъ, „не нова. Графъ Буоль позаимствовалъ ее, какъ традицію, изъ архивовъ вѣнскихъ канцелярій, въ которыхъ покоятся обломки тройственнаго союза, заключеннаго въ 1814 году, передъ Вѣнскимъ конгрессомъ, по мысли, плодотворной въ основаніи, князя Меттерниха и Талейрана. Но, стараясь слѣдовать примѣру политики уже отжившей, принадлежащей къ эпохѣ, въ настоящемъ не существующей, графъ Буоль долженъ былъ бы подумать о томъ, насколько такая комбинація ненадежна. Онъ долженъ былъ бы вспомнить, въ особенности, какъ блаженной памяти Императоръ Александръ I сумѣлъ разстроить узкіе разсчеты своихъ противниковъ, предавъ все великодушному, но презрительному забвенію, когда трактатъ тройственнаго союза попалъ ему въ руки. Этотъ великій примѣръ политики мудрой, потому именно, что она великодушна, придетъ, какъ я въ томъ увѣренъ, на мысль Государю Императору, когда онъ узнаетъ о дѣлѣ, слѣды коего я открылъ спустя всего нѣсколько дней по его совершеніи".

Не безъ смущенія старался Валевскій увѣрить Орлова, что согласіе Франціи на совокупное ручательство за Порту дано было Англіи и Австріи еще осенью 1854 года, когда тюильрійскій Дворъ не имѣлъ никакой надежды сблизиться съ Россіей. По словамъ его, императоръ Наполеонъ III долго колебался исполнить это обѣщаніе и рѣшился на это лишь для того, чтобы не навлечь на себя осужденія за нарушеніе даннаго слова. То же подтвердилъ самъ императоръ обоимъ нашимъ уполномоченнымъ. Орлову онъ выразилъ сожалѣніе, что вынужденъ былъ подписать трактатъ, въ которомъ не признаетъ нынѣ ни цѣли, ни надобности, ибо послѣдній заключаетъ лишь общія мѣста, подходящія ко всѣмъ случайностямъ. На замѣчаніе Орлова, что ему понятны побужденія, руководившія Австріею и Англіею, которыя хотѣли поссорить насъ съ Франціей и предупредить возможность союза ея съ Россіей, Наполеонъ отвѣчалъ: „Когда я узналъ отъ Валевскаго, что текстъ трактата вамъ еще не сообщенъ, я выразилъ ему неудовольствіе, потому что это имѣло видъ хитрости, на которую я не способенъ. Прошу васъ увѣрить въ томъ Императора Александра".

Въ еще болѣе подробныя объясненія вошелъ императоръ французовъ съ барономъ Брунновымъ. „Я убѣжденъ", сказалъ онъ ему, „что насущные интересы Европы, для ихъ обезпеченія, нуждаются въ соглашеніи Франціи съ Россіей и Англіей. Я старался поддержать мой союзъ съ Великобританіей, но въ то же время имѣлъ въ виду установить и доброе согласіе съ Россіей. Если бы эти три державы пришли къ общему соглашенію, то, мнѣ кажется, что онѣ могли бы полюбовно разрѣшить всѣ вопросы, какіе только могутъ представиться. Вы не можете себѣ представить, какъ трудно было мнѣ иногда привести англичанъ къ какому-нибудь положительному рѣшенію. Такъ было по случаю установленія плана кам-

паніи. Они постоянно колебались. Когда я считалъ какое-либо рѣшеніе уже состоявшимся, оказывалось, что чрезъ нѣсколько дней нужно опять заново обсуждать тотъ же вопросъ. Это происходитъ отъ конституціонныхъ порядковъ страны, въ которой правительство не всегда свободно, ни въ своихъ желаніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Я представлю вамъ еще другой примѣръ англійской нерѣшительности. Когда на конференціяхъ обсуждался вопросъ объ измѣненіи бессарабской границы, я полагалъ, что можно устроить для вашего кабинета такой обмѣнъ: оставить неприкосновеннок границу на Дунаѣ и взамѣнъ, уступить нѣкоторые пограничные пункты ваши въ Азіи. Я передалъ объ этомъ лорду Кларендону, но онъ никогда не могъ договориться до какого-либо практическаго рѣшенія". О желаемомъ имъ союзѣ Франціи съ Англіей и, Россіей, Наполеонъ III отозвался такъ: „На Востокѣ, какъ я полагаю, мы могли бы сгладить всѣ затрудненія; въ Италіи и Германіи—думаю,—не существуетъ между Россіей и Франціей никакихъ поводовъ къ разномыслію. Поэтому наше соглашеніе представляется мнѣ совершенно обезпеченнымъ".

По подписаніи мира, конгрессъ засѣдалъ еще болѣе двухъ недѣль и въ это время имъ обсуждалось нѣсколько частныхъ вопросовъ, возбужденныхъ преимущественно уполномоченными Франціи и Сардиніи: о занятіи церковной области французскими и австрійскими войсками; о положеніи дѣлъ въ Неаполѣ; вообще, о будущемъ Италіи. Въ преніяхъ по этимъ вопросамъ наши уполномоченные участія не принимали, заявивъ, что возложенное на нихъ порученіе ограничивается заключеніемъ мира. Наполеонъ III сдѣлалъ новую попытку завести на конгрессѣ рѣчь о Польшѣ, но предложеніе его, чтобы „слово милосердія и великодушія" было произнесено въ ея пользу, графъ Орловъ отклонилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ прямо объявилъ императору французовъ, что всякая мысль объ улучшеніи положенія этой страны въ будущемъ, за безуміе ея въ прошедшемъ, принадлежитъ единственно русскому Императору и что всякая инициатива, принятая въ этомъ отношеніи кѣмъ-либо другимъ, можетъ только ухудшить положеніе, вмѣсто того, чтобы его улучшить. Сверхъ того, глубокое чувство долга предъ своимъ Государемъ заставляетъ его громко высказаться противъ иллюзій, возникшихъ среди конгресса по вопросу, совершенно не подлежащему его обсужденію. „Прекрасный отвѣтъ" начерталъ собственноручно Императоръ Александръ на полѣ донесенія Орлова. „Эти слова," писалъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ канцлеру, „какъ мнѣ кажется, произвели удовлетворительное впечатлѣніе на императора Наполеона. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сообщить вашему сіятельству, что когда наши засѣданія уже приближались къ концу, графъ Валевскій, въ частномъ разговорѣ со мною, убѣдительно просилъ меня сказать на конференціяхъ, отъ имени Государя Императора, нѣсколько словъ, благопріятныхъ Польшѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что желаніе это внушено намѣреніемъ доказать польской эмиграціи, что интересы эмигрантовъ не забыты и что вліяніе Франціи побудило сдѣлать въ ихъ пользу заявленіе на самыхъ конференціяхъ. Хотя внушенія эти и были переданы мнѣ въ самой дружеской формѣ, но я счелъ своимъ долгомъ положительнѣйшимъ образомъ разочаровать ихъ. Въ этихъ видахъ, я не могъ поступить лучше, какъ сообщивъ графу Валевскому мой разговоръ по этому предмету съ Наполеономъ. Въ самомъ дѣлѣ, по отклоненіи мною требованій императора, нельзя уже было ожидать, что я приму предложеніе его министра. Мнѣ кажется, что графъ Валевскій пришелъ къ очевидности этого вывода для своихъ размышленій". Не менѣе рѣшительный отпоръ встрѣтилъ со стороны перваго уполномоченнаго Россіи и лордъ Кларендонъ, когда вздумалъ, въ частной бесѣдѣ, заговорить съ нимъ о томъ же, и графъ Орловъ, съ законнымъ самодовольствомъ, могъ заключить рядъ своихъ донесеній изъ Парижа слѣдующими правдивыми словами: „Я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мнѣ не пришлось слышать имя Польши произнесеннымъ на засѣданіяхъ, въ присутствіи представителей великихъ державъ Европы. Всякій признаетъ, что соглашеніе, подписанное въ Парижѣ предъ лицомъ коалиціи, является, смѣю сказать, миромъ почетнымъ для нашего государства и соотвѣтственнымъ достоинству его короны".

*

Конгрессъ завершилъ свои труды изданіемъ декларації, которою провозгласилъ начала морского права, признанныя всѣми державами, въ немъ участвовавшими, и къ коимъ онѣ пригласили приступить всѣ прочія государства: крейсерство объявлялось уничтоженнымъ; нейтральный флагъ признавался прикрывающимъ собственность непріятеля, а нейтральные товары неподлежащими захвату подъ непріятельскимъ флагомъ, за исключеніемъ военной контрабанды; наконецъ, постановлялось, что блокада обязательна только тогда, когда дѣйствительно содержится морскою силою, достаточною для прегражденія доступа къ непріятельскимъ портамъ и берегамъ. Наши уполномоченные тѣмъ охотнѣе приложили свои подписи къ этому акту, что провозглашенныя имъ начала были тѣ самыя, которыя положены Екатериною II въ основаніе ея знаменитой декларації 1780 года о вооруженномъ нейтралитетѣ, и въ теченіе цѣлаго столѣтія, упорно отвергались Англіею, тогда какъ Россія занесла ихъ въ конвенцію съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, заключенную не далѣе, какъ наканунѣ Восточной войны.

12-го мая состоялась прощальная аудіенція графа Орлова въ Тюильрійскомъ дворцѣ, о которой онъ такъ доносилъ своему Двору: „Аудіенція у императора была вполнѣ удовлетворительна. Онъ говорилъ со мною обо всемъ, вполнѣ откровенно и поручилъ мнѣ, на этотъ разъ совершенно искренно, просить для него дружбы Государя Императора. Онъ надѣется, что взаимныя симпатіи, существующія между обѣими націями, пріобрѣтутъ еще бо́льшую силу отъ согласія, установившагося между ихъ Государями. „Таково желаніе моего сердца“, прибавилъ онъ въ волненіи, со слезами на глазахъ. Онъ говорилъ со мною также о Польшѣ, но въ смыслѣ, совершенно согласномъ съ намѣреніями Государя Императора. Считаю лишнимъ упоминать о томъ, что было сказано имъ лично обо мнѣ. Что же касается до будущаго, то мнѣ кажется, что слова Наполеона имѣютъ значеніе истины“. На депешѣ Орлова Императоръ Александръ надписалъ: „Все это очень хорошо, если только искренно“.

Парижскій миръ обнародованъ Высочайшимъ манифестомъ о прекращеніи войны и о достиженіи главной ея цѣли—улучшенія участи восточныхъ христіанъ, цѣною уступокъ неважныхъ въ сравненіи съ тягостями войны и съ выгодами умиротворенія. Манифестъ заключался достопамятными словами, содержавшими какъ бы политическую программу новаго царствованія: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ. Наконецъ,—и сіе есть первое, живѣйшее желаніе наше,—свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“.

III.

Коронація.

1856.

Заключеніе мира имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ разоруженіе. Расформированы резервныя части; армія поставлена на мирную ногу. Распуская государственное ополченіе, Императоръ горячо благодарилъ ратниковъ: „Вы покинули дома и семейства свои, чтобы дѣлить съ испытанными въ бояхъ войсками труды и лишенія, являя вмѣстѣ съ ними примѣръ терпѣнія, мужества, готовности жертвовать всѣмъ за насъ, за любезную намъ и вамъ Россію. Многіе изъ среды вашей запечатлѣли сей обѣтъ своею кровію, вкусивъ славную смерть въ рядахъ защитниковъ Севастополя. Вы показали свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ русскомъ. Нынѣ положенъ конецъ войнѣ и мы можемъ, благодаря васъ, именемъ отечества, за вашу вѣрную службу, сказать вамъ: Идите съ миромъ, ратники земли русской, возвращайтесь къ домамъ, къ семействамъ вашимъ, къ прежнимъ вашимъ занятіямъ и обязанностямъ, продолжая быть для сословій, изъ коихъ вы были призва-

ны, примѣромъ того порядка и повиновенія, которыми вы отличались постоянно въ рядахъ государственнаго подвижнаго ополченія". Государь жаловалъ всѣмъ, „отъ генерала до ратника", отличительный знакъ ополченія—крестъ съ надписью: „За вѣру, Царя и отечество", въ память дѣйствительной службы во время войны. По высочайшему повелѣнію, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ предводителей дворянства пригласить дворянъ-владѣльцевъ населенныхъ имѣній принять мѣры къ устройству и призрѣнію отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые пожелаютъ водвориться снова въ родныхъ деревняхъ и селахъ. Не забыты въ изъявленіи царской признательности и сестры милосердія, впервые совершившія свой высокій человѣколюбивый подвигъ на театрѣ войны. Государь такъ отозвался о нихъ въ рескриптѣ на имя Великой Княгини Елены Павловны: „По вашей мысли учреждена моимъ Незабвеннымъ Родителемъ Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія, оказавшая, подъ вашимъ руководствомъ, столь рѣдкое самоотверженіе и столь много существенныхъ заслугъ къ облегченію страданій больныхъ и раненыхъ воиновъ". Заслуженная похвала воздана была и личной благотворительной дѣятельности Великой Княгини: „Высоки и прекрасны ваши дѣла: вами не одна отерта слеза, не одна изцѣлена рана храбраго воина, не одно утѣшено и успокоено осиротѣвшее семейство. Въ вашемъ собственномъ сердцѣ и въ благословеніяхъ, которыя вознесутся за васъ къ престолу Всевышняго, вы найдете себѣ лучшую награду; но на мнѣ лежитъ душевный долгъ, который нынѣ исполняю, изъявляя вамъ мою искреннѣйшую благодарность за ваши достохвальные и незабвенные труды. Зная мой добрый и преданный мнѣ народъ, я увѣренъ, что всѣ и каждый раздѣляютъ со мною мои чувствованія и повторяютъ въ своихъ сердцахъ эти слова благодарности за дѣло пользы, добра и любви христіанской".

Въ концѣ марта, Государь съѣздилъ въ Москву, для присутствованія при военномъ торжествѣ: столѣтнемъ юбилеѣ лейбъ-гренадерскаго полка и даровалъ ему по этому случаю новое знамя; онъ возвратился въ Петербургъ за недѣлю до дня своего рожденія. Къ этому дню—17-го апрѣля—готовились важныя перемѣны въ составѣ высшаго управленія Имперіи. Въ первые дни царствованія, подобно генералъ-адмиралу, вступили въ дѣйствительное завѣдываніе своими частями Великіе Князья: генералъ-инспекторъ по инженерной части Николай Николаевичъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ Николаевичъ; осенью 1855 года уволены: генералъ-адъютантъ Бибиковъ отъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ, а графъ Клейнмихель—главноначальствующаго путями сообщеній и публичными зданіями и замѣнены: первый—С. С. Ланскимъ, а второй — К. В. Чевкинымъ. Теперь уволены по прошенію: предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, князь Чернышевъ, военный министръ, князь Долгоруковъ, и сорокъ лѣтъ пребывавшій во главѣ дипломатическаго вѣдомства графъ Нессельроде. Особою благосклонностью отличался рескриптъ къ послѣднему. Ему ставилось въ заслугу что въ два предшедшія царствованія, онъ являлся выразителемъ политики, цѣлью которой было соблюденіе трактатовъ и поддержаніе спокойствія въ Европѣ, а за время послѣдней войны, успокоивая враждебные умы на счетъ приписываемыхъ Россіи видовъ властолюбія, способствовалъ благополучно совершившемуся дѣлу примиренія. „Желая упрочить миръ дружественными сношеніями съ иностранными державами", писалъ Государь, „я остаюсь увѣреннымъ, что, сохраняя вамъ званіе государственнаго канцлера, буду имѣть въ васъ, по вашей опытности, полезнѣйшаго сотрудника для достиженія предположенной мною цѣли".

На освободившіяся мѣста назначены: военнымъ министромъ — генералъ-адъютантъ Н. О. Сухозанетъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ—бывшій посланникъ при австрійскомъ Дворѣ и представитель Россіи на вѣнскихъ совѣщаніяхъ 1855 года, князь А. М. Горчаковъ. Первое въ Имперіи мѣсто — предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ—получилъ, по возвращеніи съ парижскаго конгресса, графъ Орловъ, а его замѣнилъ въ должности шефа жандармовъ и главнаго начальника III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи бывшій военный министръ, князь Долгоруковъ.

При наступавшемъ поворотѣ въ направленіи нашей внѣшней политики особенную важность придавалъ Императоръ выбору лица для занятія посольскаго поста въ Парижѣ. Мѣсто это онъ предложилъ одному изъ заслуженнѣйшихъ сотрудниковъ своего отца, министру государственныхъ имуществъ, графу П. Д. Киселеву. „Я здѣсь прошу не о согласіи, а о пожертвованіи съ вашей стороны", говорилъ онъ ему. Киселевъ принялъ назначеніе и былъ замѣщенъ во главѣ созданнаго имъ министерства В. А. Шереметевымъ. По кончинѣ князя Паскевича, намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ Западною арміею утвержденъ вѣдавшій эти должности во время предсмертной болѣзни фельдмаршала князь М. Д. Горчаковъ, а исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго и командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, вмѣсто уволеннаго по прошенію Н. Н. Муравьева, назначенъ генералъ-лейтенантъ князь А. И. Барятинскій. Такъ, мало-по-малу, обновился составъ правительства въ лицѣ большинства его членовъ.

17-го апрѣля изданъ Высочайшій манифестъ: „Вступивъ на прародительскій всероссійскій престолъ и нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, посреди тяжкихъ для насъ и отечества нашего испытаній, мы положили въ сердцѣ своемъ дотолѣ не приступать къ совершенію коронованія нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, пока не престанетъ литься кровь доблестныхъ христолюбивыхъ нашихъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія. Нынѣ, когда благодатный миръ возвращаетъ Россіи благодатное спокойствіе, вознамѣрились мы, по примѣру благочестивыхъ Государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и принять установленное муропомазаніе, пріобщивъ сему священному дѣйствію и любезнѣйшую супругу нашу, Государыню Императрицу Марію Александровну. Возвѣщая о таковомъ намѣреніи нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить усердныя мольбы ихъ съ нашими теплыми молитвами: да изліется на насъ и на царство наше благодать Господня; да поможетъ намъ Всемогущій, съ возложеніемъ вѣнца царскаго, возложить на себя торжественный предъ цѣлымъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастія подвластныхъ намъ народовъ; и да направитъ Онъ къ тому, наитіемъ Всесвятаго Животворящаго Духа Своего, всѣ помышленія, всѣ дѣянія наши".

Время, остававшееся до коронаціи, Государь употребилъ на поѣздки, представлявшіяся ему неотложными, въ разныя области Имперіи и за границу, для свиданія съ королемъ прусскимъ.

Уже 9-го марта, Императоръ, въ сопровожденіи всѣхъ трехъ братьевъ, выѣхалъ въ Финляндію и на слѣдующій день, чрезъ Фридрихсгамъ, прибылъ въ Гельсингфорсъ. По пріемѣ должностныхъ лицъ края, дворянства, духовенства, Его Величество посѣтилъ православный храмъ и лютеранскій соборъ, а затѣмъ отправился въ Александровскій университетъ, гдѣ, въ большой аудиторіи, собраны были всѣ студенты, къ которымъ Государь и обратился съ такими словами: „Блаженной памяти незабвенный родитель нашъ, желая доказать своему Великому Княжеству Финляндскому ту важность, которую онъ приписывалъ воспитанію юношества здѣшняго края, назначилъ меня канцлеромъ этого университета, для того, чтобы Я служилъ прочною связью между нимъ и этимъ университетомъ. Нынѣ, волею Всемогущаго, вступивъ на престолъ моихъ предковъ, я, въ доказательство любви моей къ этому университету, назначилъ канцлеромъ его старшаго сына моего и наслѣдника престола, чтобы онъ также, въ свою очередь, былъ залогомъ связи между мною и вами, какъ я былъ до этого между вами и моимъ отцомъ. Я увѣренъ, что вы оцѣните это, и что финляндская молодежь станетъ такъ вести себя, что въ состояніи будетъ служить примѣромъ для всякой другой молодежи. Будьте увѣрены въ неизмѣнности моихъ благосклонныхъ чувствъ къ вамъ, а я—полагаюсь на васъ". Оглушительнымъ „ура!" отвѣчали студенты на рѣчь Императора и затѣмъ пропѣли народный гимнъ. На другой день, Государь, прибывъ въ засѣданіе Сената, занялъ въ немъ предсѣдательское кресло и изложилъ свои намѣренія относительно государствен-

наго устройства, нравственнаго и матеріальнаго усовершенствованія Финляндіи. Второй день заключился баломъ у генералъ-губернатора Берга, а на третій—Императоръ, посѣтивъ балъ, данный въ честь его городскимъ обществомъ, ночью оставилъ Гельсингфорсъ. Тотъ же восторженный пріемъ со стороны населенія оказанъ былъ ему въ Або и во всѣхъ мѣстахъ его обратнаго слѣдованія: въ Тамерфорсѣ, Тавастгустѣ, Вильманстрандѣ и Выборгѣ. Всюду появленіе его возбуждало восторгъ и надежды финляндцевъ, выразившіяся въ надписи, начертанной на тріумфальной аркѣ въ Або:

«Collectasque fugat nubes, solemque reducit».

Въ началѣ мая, Александръ Николаевичъ, чрезъ Москву и Брестъ-Литовскъ, отправился въ Варшаву. Въ поѣздкѣ этой сопровождали его министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго Туркулъ, скончавшійся въ дорогѣ, и министръ иностранныхъ дѣлъ князь А. М. Горчаковъ. Въ Варшавѣ съѣхались царскіе гости: Великая Княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ, и великій герцогъ саксенъ-веймарскій; прибывшіе привѣтствовать Его Величество отъ имени императора австрійскаго — фельдмаршалъ-лейтенантъ князь Лихтенштейнъ, и короля прусскаго—генералъ-адъютантъ графъ Грёбенъ; нарочные посланцы, привезшіе отвѣты своихъ государей на извѣстительную грамоту о воцареніи: отъ королевы великобританской—лордъ Грей и отъ короля бельгійцевъ—князь де-Линь. Туда же съѣхались въ большомъ числѣ со всѣхъ концовъ Царства Польскаго губернскіе и уѣздные предводители дворянства, дворяне-помѣщики, придворныя, кавалерственныя и знатныя дамы. Принимая 11-го мая дворянскихъ предводителей, сенаторовъ и высшее католическое духовенство, Государь произнесъ по-французски слѣдующую знаменательную рѣчь:

„Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего, я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ, также какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ; но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія („Point de rêveries!“—слова эти Государь повторилъ дважды). Тѣхъ, кто захотѣлъ бы оставаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступить изъ предѣловъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей Имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано и я поддержу его дѣло. Въ послѣднюю восточную войну, *ваши* сражались наравнѣ съ прочими и князь Михаилъ Горчаковъ, бывшій тому свидѣтелемъ, воздаетъ имъ справедливость, утверждая, что они мужественно пролили кровь свою въ защиту отечества. Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей Имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьею русскихъ Императоровъ. Вѣрьте, господа, что меня одушевляютъ лучшія намѣренія. Но ваше дѣло—облегчить мнѣ мою задачу, и я снова повторяю: Господа, оставьте мечтанія! оставьте мечтанія! Что же касается до васъ, господа сенаторы, то слѣдуйте указаніямъ находящагося здѣсь намѣстника моего, князя Горчакова; а вы, господа, епископы, не теряйте никогда изъ виду, что основаніе доброй нравственности есть религія и что на вашей обязанности лежитъ внушить полякамъ, что счастіе ихъ зависитъ единственно отъ полнаго ихъ сліянія со святою Русью“.

Польское общество было представлено Императору на балѣ, даннomъ намѣстникомъ, 12-го мая, въ королевскомъ замкѣ. За этимъ баломъ слѣдовали два другіе: 14-го—отъ польскаго дворянства и 15-го—отъ варшавскаго городского общества. Дворянскій балъ отличался необычайнымъ блескомъ, пышностью, многолюдствомъ и оживленіемъ. Балъ открылся польскимъ: въ первой парѣ шелъ Государь съ графиней Потоцкой, во второй—генералъ графъ Красинскій велъ великую княгиню Ольгу Николаевну. На другой день, 15-го мая, Его Величество пожелалъ лично выразить свое удовольствіе комитету, занимавшемуся устройствомъ праздника, и объявить ему о дарованіи польскимъ эмигрантамъ права

возвратиться на родину. „Я очень радъ, господа", сказалъ Государь, „объявить вамъ, что мнѣ было весьма пріятно находиться въ вашей средѣ. Вчерашній балъ былъ прекрасенъ. Благодарю васъ за него. Я увѣренъ, что вамъ повторили слова, съ которыми я обратился къ представителямъ дворянства, при ихъ пріемѣ, пять дней тому назадъ. Будьте же, господа, дѣйствительно соединены съ Россіей и оставьте всякія мечты о независимости, которыя нельзя ни осуществить, ни удержать. Сегодня повторяю вамъ опять: я убѣжденъ, что благо Польши, что спасеніе ея требуетъ, чтобы она соединилась навсегда, полнымъ сліяніемъ, съ славною семьею русскихъ Императоровъ, чтобы она обратилась въ неотъемлемую часть великой всероссійской семьи. Сохраняя Польшѣ ея права и учрежденія, въ томъ видѣ, въ какомъ даровалъ ихъ ей мой отецъ, я твердо рѣшился дѣлать добро и благопріятствовать процвѣтанію края. Я хочу обезпечить ему все, что можетъ быть ему полезно и что обѣщано или даровано моимъ отцомъ; я ничего не измѣню. Сдѣланное моимъ отцомъ— хорошо сдѣлано; царствованіе мое будетъ продолженіемъ его царствованія; но отъ васъ зависитъ, господа, сдѣлать эту мою задачу выполнимою; вы должны помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ. На васъ ляжетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическое сопротивленіе. Чтобы доказать вамъ, что я помышляю объ облегченіяхъ, предупреждаю васъ, что я только что подписалъ актъ объ амнистіи; я дозволяю возвращеніе въ Польшу всѣмъ эмигрантамъ, которые будутъ о томъ просить. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Имъ возвратятъ ихъ прежнія права и не будутъ производить надъ ними слѣдствія. Я сдѣлалъ лишь одно исключеніе, изъявъ старыхъ, неисправимыхъ, и тѣхъ, которые, въ послѣдніе годы, не переставали составлять заговоры или сражаться противъ насъ. Всѣ возвратившіеся эмигранты могутъ даже, по истеченіи трехъ лѣтъ раскаянія и добраго поведенія, стать полезными, возвратясь на государственную службу. Но прежде всего, господа, поступайте такъ, чтобы предположенное добро было возможно и чтобы я не былъ вынужденъ обуздывать и наказывать. Ибо если, по несчастію, это станетъ необходимымъ, то на это хватитъ у меня рѣшимости и силы: не вынуждайте же меня къ тому, никогда". Одинъ изъ предводителей дворянства, графъ Езерскій, хотѣлъ было возражать, но Государь прервалъ его: „Поняли-ли вы меня? Лучше награждать, чѣмъ наказывать. Мнѣ пріятнѣе расточать похвалу, какъ я дѣлаю это сегодня, возбуждать надежды и вызывать благодарность. Но знайте также, господа, и будьте въ томъ увѣрены, что если это окажется нужнымъ, то я сумѣю обуздать и наказать, и вы увидите, что я накажу строго. Прощайте, господа".

Проведя въ Варшавѣ шесть дней, Императоръ Александръ съ сестрою и зятемъ, а также съ великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ, отправился въ Берлинъ. По пути присоединился къ нимъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Ихъ встрѣтилъ въ Фюрстенвальдѣ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV съ тремя братьями и всѣ, вмѣстѣ, къ вечеру 17-го мая, прибыли въ замокъ Сансуси, гдѣ уже находилась вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна. Поводомъ къ посѣщенію прусскаго Двора было желаніе Государя лично благодарить дядю за дружественное расположеніе Пруссіи къ Россіи, во время послѣдней восточной войны. Не зная о тягостѣніи прусской дипломатіи къ нашимъ противникамъ въ первый періодъ этой войны, онъ, въ самый день своего воцаренія, писалъ королю Фридриху-Вильгельму: „Я глубоко убѣжденъ, что пока оба наши государства останутся въ дружбѣ, вся Европа можетъ еще быть спасена отъ всеобщаго разрушенія; если же нѣтъ, то горе ей! ибо это послѣдняя узда для революціонной гидры". Въ другомъ письмѣ, которымъ Государь поздравлялъ короля съ наступленіемъ новаго 1856 года, находятся слѣдующія строки: „Останемся навсегда друзьями и испросимъ благословеніе Всевышняго на нашъ *двойственный* союзъ. Будьте увѣрены, дорогой дядя, что я вѣчно останусь вамъ признателенъ за столь блестящее положеніе, которое вы сумѣли сохранить для Пруссіи, во все продолженіе этого кризиса, и которое было намъ столь полезно. Да вознаградитъ васъ за это Богъ!"

Четыре дня, проведенные Императоромъ Александромъ при прусскомъ Дворѣ, прошли обычнымъ порядкомъ. При первой встрѣчѣ въ Фюрстенвальдѣ монархи обнялись и затѣмъ обмѣнялись рапортами о состояніи русской и прусской армій; 18-го мая

происходилъ парадъ потсдамскому гарнизону; 19-го — гарнизону берлинскому, а 21-го—ученье 3-му уланскому Императора всероссійскаго полку, которому король пожаловалъ вензель августѣйшаго шефа на эполеты. Пока Государь проводилъ свободное отъ смотровъ и ученій время въ кругу королевской семьи, сопровождавшій его князь А. М. Горчаковъ совѣщался съ первымъ министромъ барономъ Мантейфелемъ, давшимъ въ честь его обѣдъ. Передъ отъѣздомъ Императора, глава прусскаго кабинета получилъ слѣдующую Высочайшую грамоту: „Ревностное служеніе ваше вѣрному нашему союзнику и другу, его величеству королю прусскому, пріобрѣли вамъ право на искреннее наше уваженіе. Въ ознаменованіе онаго и особеннаго нашего къ вамъ благоволенія за постоянную заботливость вашу объ упроченіи дружественныхъ сношеній между Россіей и Пруссіей, пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго". Александръ Николаевичъ, простясь съ августѣйшею матерью, отправившеюся на воды въ Вильдбадъ, отбылъ изъ Потсдама, въ ночь съ 21-го на 22-е мая.

Обратный путь Его Величества лежалъ на Митаву, Ревель и Ригу. Восторженный пріемъ въ трехъ этихъ городахъ былъ подготовленъ императорскими грамотами, подтверждавшими права и преимущества дворянства эстляндскаго, лифляндскаго курляндскаго и эзельскаго, „елико они сообразны съ общими государства нашего законами и учрежденіями". Такія же грамоты были пожалованы впослѣдствіи и городамъ: Ревелю, Ригѣ, Дерпту и Пернову. Во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ Государь удостоилъ принять балы, данные отъ дворянства, а въ Ригѣ и отъ горожанъ. Хоровыя и музыкальныя общества устраивали въ честь его серенады и факельныя шествія. Громкое „ура!" не смолкало на пути его. 29-го мая Императоръ сѣлъ въ Ревелѣ на пароходъ „Грозящій", и на другой день, высадился въ Петербургѣ, встрѣченный радостными кликами столичнаго населенія.

Какъ и въ царствованіе Николая I, Дворъ провелъ іюнь въ Царскомъ Селѣ, іюль и половину августа въ Петергофѣ, за исключеніемъ шести дней — отъ 13-го по 19-е іюля, — когда Государь съ Императрицею съѣздили въ Гапсаль, чтобы навѣстить пользовавшихся тамъ морскими купаньями дѣтей своихъ. 14-го августа вся царская семья выѣхала по желѣзной дорогѣ въ Москву и остановилась въ Петровскомъ дворцѣ; 17-го состоялся торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу.

При звонѣ колоколовъ и громѣ орудій, посреди громаднаго стеченія народа, Государь въѣхалъ въ Москву верхомъ, окруженный всѣми Великими Князьями, въ числѣ которыхъ находились два его старшіе сына—Цесаревичъ Николай и Великій Князь Александръ Александровичи. У въѣзда въ столицу встрѣтилъ Государя Московскій военный генералъ-губернаторъ; въ Земляномъ городѣ—городская дума и магистратъ; въ Бѣломъ городѣ—московское дворянство съ губернскимъ предводителемъ во главѣ; у Воскресенскихъ воротъ—Московскій гражданскій губернаторъ и чины присутственныхъ мѣстъ; у Спасскихъ воротъ—Московскій комендантъ съ его штабомъ; у Успенскаго собора—Правительствующій Сенатъ. Ихъ Величества и Ихъ Высочества, сойдя съ коней и выйдя изъ экипажей у часовни Иверской Божіей Матери, приложились къ чудотворной иконѣ. На паперти Успенскаго собора вышли къ нимъ на встрѣчу Св. Синодъ и высшее духовенство, съ крестомъ и св. водою. Государь и Императрицы, войдя въ соборъ, прикладывались къ мощамъ московскихъ чудотворцевъ, а оттуда, въ предшествіи высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, прошли въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и наконецъ, чрезъ Красное Крыльцо вступили въ Кремлевскій дворецъ, на порогѣ котораго, верховный маршалъ князь С. М. Голицынъ поднесъ, по древнему русскому обычаю, хлѣбъ-соль.

Разукрашенная Москва имѣла видъ крайне оживленный, радостный, праздничный. Въ нее стеклись съ разныхъ концовъ Россіи представители всѣхъ сословій: предводители дворянства, губернскіе и уѣздные; городскіе головы; депутаты подвластныхъ Россіи азіатскихъ народовъ; волостные старшины государственныхъ крестьянъ. Вся гвардія была изъ Западной арміи направлена къ Москвѣ и расположена частью въ городѣ, частью лагеремъ въ его окрестностяхъ. Дворъ, генералитетъ, высшія государственныя учрежденія—Сенатъ, Синодъ и Государственный Совѣтъ,—

въ полномъ составѣ, прибыли туда же для присутствованія на всенародномъ торжествѣ. Родственные Дворы прислали своими представителями принцевъ крови: прусскій—племянника короля, сына принца прусскаго Фридриха-Вильгельма; гессенскій—принца Лудвига; баденскій—принца Вильгельма. Великія державы снарядили чрезвычайныя посольства: императора французовъ представлялъ графъ Морни, императора австрійскаго—князь Эстергази, королеву великобританскую—лордъ Гренвиль.

Въ продолженіе трехъ дней, герольды, сопровождаемые трубачами и литаврщиками, разъѣзжали по столицѣ, громогласно возвѣщая о предстоявшемъ торжествѣ коронованія, назначенномъ на 26-е августа. Оно совершилось въ этотъ достопамятный день, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, по чину вѣнчанія на царство русскихъ государей, установленному со временъ царя Іоанна IV.

Священнодѣйствовалъ митрополитъ Московскій Филаретъ, въ сослуженіи митрополитовъ, С.-Петербургскаго — Никанора и Литовскаго—Іосифа, восьми архіепископовъ и епископовъ и двухъ протопресвитеровъ. При входѣ въ соборъ маститый іерархъ привѣтствовалъ Императора краткою рѣчью: „Благочестивѣйшій, Великій Государь! Преимущественно велико твое настоящее пришествіе. Да будетъ достойно его срѣтеніе. Тебя сопровождаетъ Россія; тебя срѣтаетъ церковь. Молитвою любви и надежды напутствуетъ тебя Россія. Съ молитвою любви и надежды пріемлетъ тебя церковь. Столько молитвъ не проникнутъ-ли въ небо? Но кто достоинъ здѣсь благословить входъ твой? Первопрестольникъ сей церкви, за пять вѣковъ донынѣ предрекшій славу Царей на мѣстѣ семъ, Святитель Петръ, да станетъ предъ нами и чрезъ его небесное благословеніе, благословеніе пренебесное да снидетъ на тебя и съ тобою на Россію“.

Государь занялъ мѣсто на приготовленномъ для него, посреди собора, престолѣ великаго князя Іоанна III; царствующая Императрица—на престолѣ царя Михаила Ѳеодоровича; вдовствующая—на престолѣ царя Алексѣя Михаиловича. Громкимъ, хотя и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, прочиталъ Александръ Николаевичъ исповѣданіе православной вѣры; когда митрополитъ, предъ возложеніемъ порфиры и короны, читалъ установленныя молитвы, Государь низко наклонилъ голову, которую высокопреосвященный Филаретъ накрылъ концомъ своего омофора. Возложивъ на себя вѣнецъ царей, Императоръ прикоснулся имъ головы колѣнопреклоненной супруги. Затѣмъ, самъ сталъ на колѣни и произнесъ во всеуслышаніе молитву, въ которой испрашивалъ благословеніе Всевышняго на предстоявшій ему царственный подвигъ, моля о ниспосланіи ему „духа владычня, духа премудрости и вѣдѣнія, духа совѣта и крѣпости“. Крупныя слезы катились, по лицу до глубины души растроганнаго, Монарха. Государь всталъ—и всѣ находившіеся въ храмѣ опустились на колѣни, благоговѣйно внемля благодарственной молитвѣ, прочитанной митрополитомъ Филаретомъ. Раздалось торжественное „Тебе Бога хвалимъ“!

Началось шествіе изъ Успенскаго собора въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій. Государь шелъ съ Императрицей подъ балдахиномъ, въ порфирѣ и коронѣ, держа въ одной рукѣ скипетръ, въ другой—державу, и прежде чѣмъ вступить въ Кремлевскій дворецъ, съ Краснаго Крыльца поклонился народу.

Высочайшій обѣденный столъ происходилъ въ Грановитой Палатѣ. Государь возсѣдалъ на тронѣ посреди обѣихъ Императрицъ. Приглашенные: высшее духовенство и особы первыхъ двухъ классовъ заняли мѣста за столомъ, лицомъ къ Ихъ Величествамъ. Митрополитъ Филаретъ благословилъ трапезу. При пушечной пальбѣ пили здоровье Императора, Императрицъ, всего царскаго дома, духовныхъ особъ и всѣхъ вѣрноподданныхъ. Архіереи обѣдали въ мантіяхъ и клобукахъ. Среди нихъ выдѣлялся архіепископъ Кесарійскій Василій, во время обѣда не переставшій плакать, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе Государя, приказавшаго спросить: отчего онъ плачетъ? „Плачу отъ радости“, отвѣчалъ греческій іерархъ, „видя торжество русскаго Царя; плачу отъ горести, потому что мы, православные жители Малой Азіи, страдаемъ подъ игомъ агарянъ“.

Вечеромъ Кремль и вся Москва озарились безчисленнымъ множествомъ огней. Иллюминація повторилась и въ слѣдующіе два дня. На ярко освѣщенныхъ улицахъ и площадяхъ, народъ московскій ликовалъ до поздней ночи.

Въ день священнаго коронованія, Императоръ Александръ подписалъ манифестъ,

начинавшійся такими словами: „Въ сей торжественный день, когда, испросивъ благословеніе Всевышняго, мы возложили на себя вѣнецъ нашихъ предковъ, первою нашею мыслью было, какъ всегда, благоденствіе любезной намъ Россіи. Повторяя при священномъ обрядѣ коронованія обѣтъ, произнесенный нами въ самый часъ вступленія нашего на прародительскій престолъ: имѣть постоянною, единою цѣлью трудовъ и попеченій нашихъ утвержденіе, возвышеніе сего благоденствія, въ настоящемъ и будущемъ времени, мы не могли, съ тѣмъ вмѣстѣ, не обратиться къ воспоминанію о событіяхъ недавно минувшихъ лѣтъ, ознаменованныхъ тягостными испытаніями, но и примѣрами высокой доблести и новыми доказательствами безпредѣльной, нелицемѣрной преданности вѣрныхъ подданныхъ нашихъ всѣхъ состояній къ Престолу и Отечеству,—доказательствами, на кои незабвенный родитель нашъ взиралъ какъ на отраду, Небеснымъ Промысломъ ему ниспосылаемую. Сіе воспоминаніе сохранится на вѣки въ сердцѣ нашемъ и конечно перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Но мы желаемъ возбужденныя ими въ насъ чувства, еще разъ, при нынѣшнемъ торжествѣ, изъявить всенародно установленіемъ нѣкоторыхъ особыхъ знаковъ отличія и особо обращаемымъ къ каждому изъ сословій въ государствѣ выраженіемъ нашего благоволенія и признательности“.

На подобіе медали, пожалованной защитникамъ Севастополя, учреждалась, въ память минувшей войны, свѣтлая бронзовая медаль съ вензелевымъ изображеніемъ Императоровъ Николая I и Александра II и надписью: „На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки“.

Щедрою рукою излилъ Императоръ царскія милости на ближайшихъ къ своему престолу слугъ. Ветеранъ наполеоновскихъ войнъ, бывшій много лѣтъ вождемъ нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, генералъ-адъютантъ князь М. С. Воронцовъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Въ княжеское Россійской Имперіи достоинство возведенъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ А. Ѳ. Орловъ, въ графское—оберъ-камергеръ Рибопьеръ, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, генералъ-адъютантъ Сумароковъ, а генералъ-губернаторъ Финляндіи Бергъ—въ графское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго.

Доброе сердце Александра Николаевича, полное жалости и состраданія къ несчастнымъ и обездоленнымъ, сказалось въ цѣломъ рядѣ милостей, льготъ и всякаго рода облегченій, коихъ коронаціонный манифестъ перечисляетъ болѣе тридцати категорій, не считая тѣхъ, что дарованы жителямъ Царства Польскаго и Финляндіи. Отмѣтимъ здѣсь главнѣйшія: повсемѣстная народная перепись во всей Имперіи для исправленія податей и другихъ сборовъ; обѣщаніе, въ продолженіе текущаго 1856 года и слѣдующихъ трехъ лѣтъ, не производить рекрутскаго набора, „если Богъ благословитъ продолженіемъ твердаго мира и никакія чрезвычайныя обстоятельства не сдѣлаютъ набора необходимымъ“; выдача обществамъ и помѣщикамъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за всѣхъ убылыхъ ратниковъ государственнаго ополченія; сложеніе и исключеніе со счетовъ разныхъ недоимокъ и взысканій по уплатѣ податей и казеннымъ начетамъ или растратамъ; прощеніе и освобожденіе содержащихся подъ стражей несостоятельныхъ должниковъ. Сверхъ того, облегчена участь осужденныхъ по всѣмъ родамъ преступленій: одни прощены, другимъ сокращены сроки наказанія; освобождены отъ полицейскаго надзора лица, оставленныя въ подозрѣніи по судебнымъ приговорамъ, а тѣ, что состояли подъ слѣдствіемъ и судомъ за преступленія, не влекущія лишенія или ограниченія правъ состоянія—освобождены отъ слѣдствія и суда. Преступники, приговоренные къ наказанію плетьми съ наложеніемъ клейма, освобождены отъ этого наказанія. Облегчено положеніе лицъ, присужденныхъ къ каторгѣ или сосланныхъ на поселеніе или житье, которые пріобрѣли на то право безукоризненнымъ поведеніемъ. Разрѣшено возвращеніе въ отечество всѣмъ, удалившимся изъ Россіи безъ установленныхъ видовъ. Отмѣнена высокая пошлина съ заграничныхъ паспортовъ.

Вѣнцомъ царскаго милосердія было великодушное прощеніе государственныхъ преступниковъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и сосланныхъ въ Сибирь или сданныхъ въ солдаты по дѣлу о тайныхъ обществахъ 1825 года и по заговору Петрашевскаго, въ 1849 году. Имъ дозволено возвратиться съ семействами изъ мѣстъ ссылки и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ обѣихъ

столицъ. Осужденнымъ и дѣтямъ ихъ возвращены титулы и потомственное дворянское достоинство.

На другой день послѣ коронаціи, Ихъ Величества принимали поздравленія въ Андреевской залѣ Кремлевскаго дворца.

Въ дни, слѣдовавшіе за коронаціею, происходили безпрерывныя блестящія празднества: два бала и маскарадъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, балы у пословъ французскаго и австрійскаго. Къ сожалѣнію, дождь помѣшалъ полному успѣху народнаго праздника на Ходынскомъ полѣ и фейерверку.

Общій подъемъ духа, радостное возбужденіе русскаго общества, повсемѣстное пламенное сочувствіе благимъ начинаніямъ великодушнаго и милосердаго Государя выразились въ обѣдѣ, на который, 3-го сентября, собрались находившіеся въ Москвѣ дѣятели мысли и слова, ученые, писатели и художники.

Государь и семья его оставались въ первопрестольной еще цѣлый мѣсяцъ; 19-го сентября они провели весь день въ лаврѣ св. Сергія; 23-го выѣхали изъ Москвы и 24-го прибыли въ Царское Село. 2-го октября Ихъ Величества торжественно вступили въ С.-Петербургъ, но тотчасъ же возвратились въ Царское Село и только къ именинамъ Наслѣдника, 6-го декабря, переѣхали на жительство въ Зимній дворецъ.

IV.

Сближеніе съ Франціею.

1856—1857.

Назначеніе князя А. М. Горчакова министромъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто удалившагося на покой канцлера, графа Нессельроде, означало поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи. Извѣщая нашихъ дипломатическихъ представителей о своемъ вступленіи въ должность, новый министръ лишь въ общихъ выраженіяхъ упомянулъ о направленіи, указанномъ ему волею Государя. „Миръ, заключенный въ Парижѣ“, писалъ онъ, „является началомъ новой политической эры. Волненія ожесточенной борьбы замѣняются сношеніями, полными взаимной благосклонности. Этотъ результатъ, столь желательный, можетъ быть достигнутъ лишь довѣріемъ, которое мы внушаемъ и тѣмъ, что̀ сами испытываемъ. Государь Императоръ надѣется, что чувства, одушевляющія его въ этомъ смыслѣ, будутъ раздѣлены всѣми правительствами, которыя, по окончаніи войны, снова вступаютъ въ свободное распоряженіе своими интересами“.

Нѣсколько времени спустя, въ Москвѣ, наканунѣ коронаціи, князь Александръ Михайловичъ имѣлъ случай болѣе подробно развить мысль, положенную въ основаніе его политической программы. Поводомъ къ тому послужили два вопроса, стоявшіе на очереди европейской дипломатіи: о продолжавшемся, по окончаніи войны, занятіи Греческаго королевства англо-французскими войсками и о давленіи, производимомъ Дворами парижскимъ и лондонскимъ на Неаполитанскаго короля, чтобы побудить его ввести въ Неаполѣ представительный образъ правленія. Русскій министръ находилъ, что какъ то, такъ и другое, противно основному началу международныхъ сношеній: уваженію права независимости государствъ. Онъ энергично высказывался противъ ничѣмъ неоправдываемаго оставленія въ Греціи чужеземныхъ войскъ, вопреки волѣ короля Оттона и чувствамъ эллинскаго народа, и столь же рѣшительно осуждалъ вмѣшательство Франціи и Англіи въ отношенія короля Фердинанда къ его подданнымъ. „Менѣе, чѣмъ когда-либо,“ доказывалъ онъ, „позволительно нынѣ въ Европѣ забывать, что государи равны между собою и что взаимныя ихъ отношенія обусловливаются, не пространствомъ ихъ территорій, а святостью присущихъ имъ правъ. Желать добиться отъ короля Неаполитанскаго уступки по внутреннему управленію его государствомъ, посредствомъ угрозъ или угрожающихъ демонстрацій—значитъ замѣнить его власть своею, управлять вмѣсто него, провозгласить безъ прикрасъ право сильнаго надъ слабымъ“.

Переходя отъ двухъ частныхъ вопросовъ къ изложенію общей политической системы, принятой Императоромъ Александромъ II со дня вступленія на престолъ, князь Горчаковъ продолжалъ:

„Императоръ желаетъ жить въ добромъ

согласіи со всѣми правительствами. Его Величество находитъ, что лучшее къ тому средство—не скрывать своего образа мыслей, ни въ одномъ изъ вопросовъ, касающихся народнаго права въ Европѣ. Единенія съ тѣми, кто въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживали съ нами начала, коимъ Европа обязана миромъ, продолжавшимся болѣе четверти столѣтія, уже не существуетъ болѣе въ прежней цѣлости. Результатъ этотъ произошелъ помимо воли нашего августѣйшаго Государя. Обстоятельства возвратили намъ полную свободу дѣйствій. Императоръ рѣшился посвятить преимущественную заботливость благосостоянію своихъ подданныхъ и сосредоточить на развитіи внутреннихъ средствъ страны дѣятельность, которая будетъ распространяться за предѣлы Имперіи лишь когда того безусловно потребуютъ положительныя пользы Россіи. Россію упрекаютъ въ томъ, что она заключается въ одиночествѣ и хранитъ молчаніе въ виду явленій, не согласныхъ ни съ правомъ, ни со справедливостью. Говорятъ, Россія дуется. Нѣтъ, Россія не дуется, а сосредоточивается въ самой себѣ. (La Russie boude, dit-on. La Russie ne boude pas. La Russie se recueille). Что же касается до молчанія, въ которомъ насъ обвиняютъ, то мы могли бы напомнить, что еще недавно искусственная коалиція была организована противъ насъ, потому что голосъ нашъ возвышался каждый разъ, когда мы считали это нужнымъ для поддержанія права. Дѣятельность эта, спасительная для многихъ правительствъ, но изъ которой Россія не извлекла для себя никакой выгоды, послужила лишь поводомъ къ обвиненію насъ не вѣсть въ какихъ замыслахъ всемірнаго господства. Мы могли бы укрыть наше молчаніе подъ впечатлѣніемъ этихъ воспоминаній. Но такое положеніе не представляется намъ приличествующимъ державѣ, которой Провидѣніе опредѣлило въ Европѣ то мѣсто, что̀ занимаетъ Россія. Настоящая депеша, которую я вамъ пишу по повелѣнію Его Императорскаго Величества, доказываетъ, что нашъ августѣйшій Государь не ограничивается такою ролью, когда считаетъ долгомъ высказать свое мнѣніе. Такъ будетъ и впредь, каждый разъ, когда доведется Россіи возвысить свой голосъ въ пользу права или когда достоинство Императора потребуетъ, чтобы онъ не скрывалъ своихъ мыслей. Что же касается до введенія въ дѣйствіе нашихъ вещественныхъ силъ, то Императоръ предоставляетъ это свободному своему усмотрѣнію. Политика нашего августѣйшаго Государя національна, но она не своекорыстна, и хотя Его Императорское Величество ставитъ въ первомъ ряду пользы своихъ народовъ, но не допускаетъ и мысли, чтобы даже удовлетвореніе ихъ могло извинить нарушеніе чужого права".

Произведшій сильное впечатлѣніе въ Европѣ, циркуляръ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ краснорѣчиво и убѣдительно выражалъ личный взглядъ Императора Александра II на отношенія Россіи къ иностраннымъ державамъ. Самъ князь Горчаковъ вполнѣ раздѣлялъ его; у него, какъ и у Государя, была одна общая цѣль: мирными способами достигнуть отмѣны стѣснительныхъ для Россіи и унизительныхъ для ея достоинства постановленій парижскаго трактата. Но относительно средствъ къ достиженію цѣли нельзя не замѣтить нѣкотораго оттѣнка между мыслями Императора и его министра. Какъ тотъ, такъ и другой, негодовали на Австрію за ея вѣроломство, а Англію признавали нашимъ естественнымъ и непримиримымъ противникомъ. У Александра Николаевича больше лежало сердце къ Пруссіи, „двойственнымъ" союзомъ съ которой желалъ онъ замѣнить распавшееся соглашеніе трехъ „охранительныхъ" державъ. Но такой договоръ со слабѣйшею изъ сосѣднихъ державъ князь Горчаковъ признавалъ недостаточнымъ для возвращенія Россіи прежняго ея значенія въ Европѣ, и къ этому результату надѣялся придти путемъ сближенія съ Франціей. Государь соглашался на такую попытку, хотя личныя стремленія Наполеона III къ измѣненію порядка, установленнаго въ Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ и революціонные пріемы внѣшней политики императора французовъ не внушали ему ни сочувствія, ни довѣрія.

Какъ бы то ни было, чрезвычайному французскому послу, графу Морни, оказанъ былъ при нашемъ Дворѣ самый почетный и ласковый пріемъ. 26-го іюля Государь принялъ его въ Петергофѣ, чрезвычайно радушно, и привѣтствовалъ слѣдующими словами: „Я радъ васъ видѣть здѣсь. Присутствіе ваше означаетъ ко-

нецъ положенію, къ счастью уже не существующему, и которое не должно болѣе возвращаться. Я очень благодаренъ императору Наполеону и никогда не забуду благосклоннаго вліянія, оказаннаго имъ въ нашу пользу на ходъ переговоровъ. Графъ Орловъ сообщилъ мнѣ также, что онъ не могъ нахвалиться графомъ Валевскимъ. Прошу васъ поблагодарить его". Императоръ замѣтилъ по этому поводу, что въ Орловѣ Наполеонъ имѣетъ горячаго друга, оставшагося и по возвращеніи изъ Парижа подъ его личнымъ обаяніемъ: „Не могу достаточно повторить вамъ, какъ счастливъ я, видя всѣ эти признаки сближенія, и если у войны была хорошая сторона, то она состоитъ въ томъ, что война показала намъ, какъ велики симпатіи обоихъ народовъ другъ ко другу и взаимное уваженіе обѣихъ армій".

Выразивъ послу удовольствіе по поводу того, что на него палъ выборъ императора французовъ, Государь объявилъ, что самъ послѣдовалъ примѣру Наполеона, назначивъ своимъ представителемъ при немъ одного изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, личнаго своего друга и друга покойнаго отца, графа Киселева, пользующагося полнымъ его довѣріемъ. Повторивъ, что живѣйшее желаніе его заключается въ установленіи добраго согласія между Россіею и Франціею, Его Величество замѣтилъ: „Такова была въ сущности политика моего отца. Я искренно сожалѣлъ о недоразумѣніи между имъ и вами. Что до меня касается, то вы можете положиться, даю вамъ въ томъ честное слово, на прямоту и искренность моихъ намѣреній, и если когда-нибудь, графъ, въ умѣ вашемъ возникнутъ какія-либо сомнѣнія, то обратитесь прямо ко мнѣ; вы всегда найдете меня готовымъ выслушать васъ и откровенно объясниться съ вами".

Съ переѣздомъ въ Москву, на время коронаціи, отзывы Морни становились все болѣе и болѣе благопріятными Россіи. Онъ сообщалъ Наполеону III, что Государь обходится съ нимъ, какъ ни съ однимъ изъ другихъ пословъ, его сотоварищей; что при всякой встрѣчѣ, Великіе Князья и Великія Княгини не упускаютъ случая освѣдомиться о здоровьѣ императора и императрицы французовъ, въ выраженіяхъ самыхъ любезныхъ и привѣтливыхъ. О князѣ Горчаковѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ съ живымъ, острымъ умомъ, щеголяющемъ независимостью своихъ мнѣній и утверждающемъ, что принялъ портфель только для того, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ. Политическую программу русскаго министра Морни излагалъ такъ:

Никогда Россіи не слѣдовало ссориться съ Франціей, ея естественною союзницею по множеству причинъ, которыя перечисляетъ князь Горчаковъ. Франція—великая нація, прекрасно управляемая. Къ императору Наполеону питаетъ онъ полное сочувствіе и удивленіе. Съ нимъ ласково обходилась королева Гортензія. Онъ сохранилъ данный ею въ Италіи талисманъ. Императоръ Александръ, въ бытность Великимъ Княземъ, не одобрялъ политики Императора Николая. Онъ понимаетъ, что императору Наполеону, для того, чтобы управлять французскимъ народомъ, нужна широкая свобода дѣйствій. Министръ не хочетъ стѣснять ее, ни мѣшать ей, и радъ былъ бы установить продолжительныя и прямодушныя сношенія между двумя императорами, не пугая, впрочемъ, Англіи. Наконецъ, онъ остался бы доволенъ, если бы ему удалось сохранить нынѣшнія отношенія свои: прекрасныя съ Франціей, хорошія съ Англіей, прескверныя съ Австріей. Только, чѣмъ ниже пало значеніе Россіи, тѣмъ скорѣе желалъ бы онъ его возстановить. „И это довольно понятно" — заключалъ французскій посолъ.

Морни былъ очарованъ милостью и ласкою Императора Александра, о которомъ писалъ Наполеону III по возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ: „Между нами сказать, нельзя быть любезнѣе этого Государя. Все, что я знаю о немъ, о его семейныхъ отношеніяхъ, дружественныхъ связяхъ, и, долженъ прибавить, о дѣйствіяхъ его по внутреннему управленію, носитъ отпечатокъ прямодушія, справедливости, даже рыцарскаго духа. Онъ не злопамятенъ, полонъ уваженія къ старымъ слугамъ своего отца и своей семьи, даже когда они плохо имъ служили. Онъ никого не оскорбляетъ, вѣренъ слову, чрезвычайно добръ. Невозможно не полюбить его. Онъ обожаемъ своимъ народомъ, и въ его царствованіе Россія дышетъ свободно, чего не было при покойномъ его отцѣ. Онъ, быть можетъ, не столь театраленъ, какъ Императоръ Николай, но я не сомнѣваюсь, что онъ больше принесетъ пользы своей родинѣ, во всѣхъ

отношеніяхъ и въ нѣсколько лѣтъ, чѣмъ его отецъ во все продолженіе своего царствованія". Не менѣе сочувственно, чѣмъ о Государѣ, продолжалъ отзываться Морни и о его министрѣ: „Князь Горчаковъ и я, мы не переговариваемся какъ посолъ съ министромъ, а какъ два друга. Его прежняя политика согласуется съ новымъ положеніемъ; онъ радъ установившемуся между нами согласію и дѣлаетъ что можетъ, дабы сохранить его".

Въ Парижѣ не меньше чествовали и ласкали Киселева, чѣмъ въ Петербургѣ Морни. Стремясь завязать непосредственныя сношенія съ русскимъ царственнымъ домомъ, въ концѣ 1856 года, Наполеонъ III пригласилъ Великаго Князя Константина Николаевича посѣтить французскую столицу, а императрица Евгенія выразила при этомъ желаніе, чтобы братъ русскаго Императора пріѣхалъ въ Парижъ въ началѣ весны, когда окрестности этого города являются наиболѣе привлекательными.

Проведя весь великій постъ въ Ниццѣ, гдѣ имѣла пребываніе Императрица Александра Ѳеодоровна, Константинъ Николаевичъ въ первый день Пасхи пришелъ на пароходѣ „Олафъ" въ Тулонъ. Тамъ приняли его, какъ генералъ-адмирала, со всѣми почестями, подобающими этому званію. Въ Тулонѣ остался онъ цѣлую недѣлю, осматривая суда французской средиземной эскадры, военный портъ и всѣ его принадлежности, и 18-го апрѣля прибылъ въ Парижъ, гдѣ ему были отведены покои въ павильонѣ Марсанъ Тюильрійскаго дворца.

Въ семнадцатидневное пребываніе Великаго Князя въ Парижѣ императоръ французовъ не разъ имѣлъ съ нимъ продолжительныя совѣщанія о политикѣ. Онъ говорилъ своему гостю, что событія Крымской войны отошли уже въ область исторіи, и что, поэтому, можно и должно разсуждать о нихъ вполнѣ хладнокровно и безпристрастно, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны и ошибки дѣлали, и стяжали лавры; что въ Европѣ возможны разныя усложненія и возникновеніе новыхъ важныхъ вопросовъ; что хорошо было бы, если бы Россія, Франція и Англія заблаговременно обсудили и рѣшили, какъ имъ дѣйствовать сообща. Можно ожидать въ близкомъ будущемъ волненій въ Италіи, съ цѣлью объединенія, и возстаній христіанъ въ Турціи. Въ обоихъ случаяхъ, Наполеонъ III, признавалъ желательнымъ образованіе какъ на Аппенинскомъ, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ федерацій изъ небольшихъ отдѣльныхъ государствъ. Онъ выказалъ большое презрѣніе къ Австріи, а о Пруссіи сказалъ, что не слѣдуетъ препятствовать ей округлять свои владѣнія. Наконецъ, онъ повторилъ Великому Князю вопросъ, уже предложенный имъ графу Орлову во время конгресса: „Не захочетъ-ли Россія присоединить Галицію?" Его Высочество, разумѣется, уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта.

Поѣздка въ Парижъ Великаго Князя Константина Николаевича была первымъ шагомъ къ личному сближенію двухъ императорскихъ дворовъ, русскаго и французскаго; вторымъ—должно было служить свиданіе самихъ императоровъ. О немъ давно уже толковали въ Европѣ. Тотчасъ по заключеніи мира, представитель Пруссіи при Германскомъ сеймѣ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, зорко слѣдившій со своего наблюдательнаго поста за ходомъ европейской политики, сообщилъ берлинскому Двору распространенный во Франкфуртѣ слухъ о намѣреніи Александра II посѣтить французскую столицу. Двукратное путешествіе по Германіи, предпринятое русскимъ Императоромъ въ 1857 году, дало новую пищу догадкамъ и предположеніямъ.

Послѣ разрѣшенія отъ бремени Императрицы Маріи Александровны пятымъ сыномъ, нареченнымъ Сергіемъ, врачи предписали Ея Величеству леченіе водами въ Киссингенѣ. Государь и Государыня съ августѣйшими дѣтьми 11-го іюня отплыли изъ Петербурга на пароходѣ „Грозящій" и высадились на берегъ въ Килѣ, въ Голштиніи, откуда, чрезъ Гамбургъ и Ганноверъ, направились, сначала въ Дармштадтъ, а потомъ въ Вильдбадъ, гдѣ находилась вдовствующая Императрица. Туда пріѣхалъ навѣстить Александра Николаевича король виртембергскій, котораго императоръ австрійскій просилъ взять на себя роль примирителя между нимъ и русскимъ Императоромъ. На представленіе короля объ опасностяхъ, грозящихъ Европѣ отъ революціи, поддерживаемой бонапартовскою Франціей, и о необходимости для монарховъ сплотиться, дабы дать ей отпоръ, Императоръ Александръ отвѣчалъ: „Я не питаю вражды къ Австріи, но не имѣю повода и сочувствовать ей. О сближеніи

Россіи съ нею не можетъ быть и рѣчи, пока я не получу отъ австрійской политики болѣе надежныхъ ручательствъ, чѣмъ нынѣ. Но если даже она и дастъ мнѣ таковыя, то все же я *никогда* не позволю увлечь себя въ тройственный союзъ, направленный противъ Франціи". Въ свою очередь, сопровождавшій Государя князь А. М. Горчаковъ заявилъ виртембергскому королю, что Россія будетъ стараться вступить съ Пруссіей и Франціей въ тѣсную связь, имѣющую назначеніемъ вообще поддерживать миръ и право въ Европѣ и что если впослѣдствіи Австрія почувствуетъ потребность приступить къ ихъ союзу, для защиты тѣхъ же началъ, то Россія не будетъ ей въ томъ препятствовать. Самъ король долженъ былъ сознаться, что попытка его примирить Австрію съ Россіей не удалась.

Изъ Вильдбада Государь заѣхалъ сначала въ Карлсруэ, для пссѣщенія вдовствующей великой герцогини Баденской, а потомъ въ Баденъ, чтобы отдать визитъ лечившемуся тамъ королю виртембергскому и повидаться съ принцессою Августою, супругою его любимаго дяди, принца прусскаго.

Изъ Бадена Императоръ Александръ заѣхалъ за Императрицею и дѣтьми въ Дармштадтъ, а 24-го іюля вся царская семья прибыла въ Киссингенъ. Между тѣмъ, Бисмаркъ воспользовался проѣздомъ чрезъ Франкфуртъ бывшаго своего сотоварища по званію посланника при Германскомъ сеймѣ, князя Горчакова, чтобы прямо поставить ему вопросъ: состоится-ли всѣми ожидаемое свиданіе двухъ Императоровъ? Князь Александръ Михайловичъ отвѣчалъ, что это весьма возможно; что лично ему, да и его Государю, такое свиданіе можетъ быть только пріятно, такъ какъ обоюдныя отношенія монарховъ, состоящихъ въ постоянной дружеской перепискѣ—превосходны; что, однако, первый шагъ долженъ послѣдовать со стороны Франціи, которой Россія показала уже довольно предупредительности. Коснувшись отношеній Россіи къ Австріи, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ повѣдалъ прусскому дипломату, что настроеніе Императора Александра то же, что̀ и было; что одними словами Австрія не измѣнитъ холодности Россіи, которая не дастъ ввести себя фразами въ обманъ, утративъ вѣру въ мнимую свою солидарность съ „австрійскимъ" консерватизмомъ; что пока Франція будетъ держаться настоящей системы, она естественно займетъ утраченное Австріею мѣсто, а союзъ Россіи, Пруссіи и Франціи, замѣнивъ прежній Священный союзъ, охранитъ миръ Европы и укажетъ предѣлъ австрійскому честолюбію на Востокѣ и въ Германіи. Такой тройственный союзъ князь Горчаковъ выставилъ цѣлью всѣхъ своихъ усилій, допуская приступленіе къ нему современемъ и четвертаго члена—Англіи, о которой отозвался съ несравненно меньшимъ недружелюбіемъ, чѣмъ объ Австріи.

Недовѣрчивый Бисмаркъ полагалъ, что, бесѣдуя съ нимъ, русскій министръ намѣренно скрылъ отъ него время и мѣсто свиданія обоихъ Государей, которое считалъ уже рѣшеннымъ дѣломъ. Прозорливый дипломатъ ошибался. Въ Киссингенѣ, къ пріѣзду императорской четы, собрались представители Россіи при разныхъ европейскихъ дворахъ, въ томъ числѣ и графъ Киселевъ, посолъ въ Парижѣ. На замѣчаніе его, что намъ всячески надо стараться о союзѣ съ Франціей, на которую одну мы можемъ опереться, потому что Пруссія, связанная съ Германіей, въ состояніи оказать намъ нѣкоторую поддержку лишь до тѣхъ поръ, пока мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей, Государь не высказался опредѣленно, но изъявилъ согласіе на личное свиданіе съ Наполеономъ III, коль скоро оно будетъ имъ предложено.

Самъ Наполеонъ колебался и медлилъ. Сколь ни сильно было желаніе его сблизиться съ Россіей, но онъ опасался, какъ бы сближеніе это не вызвало разрыва союзныхъ отношеній съ Англіей, которыми онъ очень дорожилъ. Въ этомъ настроеніи поддерживала его императрица Евгенія, не скрывавшая отъ нашего посла, что, по мнѣнію ея, Франція союзомъ съ Англіей возвратила себѣ подобающее ей мѣсто въ Европѣ и только въ союзѣ съ нею можетъ сохранить его. О сравнительной выгодѣ для Франціи соглашеній съ Дворами лондонскимъ и петербургскимъ императрица французовъ такъ отозвалась въ довѣрительной бесѣдѣ съ графомъ Киселевымъ: „Я думаю, что для сохраненія порядка, для спокойствія Франціи, для status quo, какъ вы выражаетесь въ дипломатіи, союзъ съ Англіей необходимъ. Другое дѣло,

когда захотятъ дѣйствовать наступательно, когда задумаютъ исправить карту Европы; тогда, и только тогда, союзъ съ Россіей нуженъ. До тѣхъ же поръ, мы должны оставаться добрыми друзьями и не идти далѣе. Всего же лучше—жить въ согласіи со всѣми, и въ особенности съ Англіею".

Устроить свиданіе Императоровъ Александра и Наполеона взялъ на себя родственный нашему Дармштадтскій Дворъ, давно уже поддерживавшій съ Парижемъ самыя дружественныя отношенія. Съ этою цѣлью, одинъ изъ братьевъ Императрицы Маріи Александровны, принцъ Александръ, написалъ Наполеону письмо, въ которомъ предлагалъ ему съѣхаться съ шуриномъ въ Дармштадтѣ или Баденѣ, а другой братъ, великій герцогъ Лудвигъ, даже самъ отправился въ Пломбьеръ для личныхъ переговоровъ. Ему повѣдалъ наконецъ Наполеонъ желаніе свое свидѣться съ русскимъ Государемъ. Узнавъ о томъ, король виртембергскій не захотѣлъ дать опередить себя дармштадтскимъ сосѣдямъ, поспѣшилъ въ Біарриць, гдѣ находился императоръ французовъ и пригласилъ его отпраздновать въ Штутгартѣ, 15-го сентября, семьдесятъ шестую годовщину своего рожденія, предупредивъ, что къ этому дню онъ ждетъ къ себѣ и Императора Александра.

1-го іюля, именины Императрицы Александры Ѳеодоровны были торжественно отпразднованы въ Вильдбадѣ куда, къ этому дню, съѣхались всѣ братья Ея Величества, за исключеніемъ короля Фридриха-Вильгельма. Туда же прибылъ изъ Киссингена и Государь. Изъ Вильдбада, онъ снова вернулся въ Киссингенъ, и, оставивъ тамъ Императрицу продолжать ея леченіе, самъ съ дѣтьми, чрезъ Потсдамъ и Штеттинъ, предпринялъ обратный путь въ Россію.

Цѣлью возвращенія Государя въ Петергофъ было участіе въ Красносельскомъ лагерѣ, а также семейное торжество. 25-го января 1856 года Великій Князь Николай Николаевичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью принца Петра и принцессы Терезіи Ольденбургскихъ, Александрою Петровною 16-го августа 1857 года состоялось бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Николаевича съ принцессою Цециліею Баденскою, нареченною, по принятіи ею православной вѣры, Великою Княжною Ольгою Ѳеодоровною. Шесть дней спустя, Государь выѣхалъ въ Варшаву, гдѣ провелъ день своего тезоименитства, и чрезъ Берлинъ, 6-го сентября, вернулся къ ожидавшей его въ Дармштадтѣ Императрицѣ.

Готовившееся въ Штутгартѣ свиданіе Императоровъ Александра и Наполеона возбуждало всеобщее безпокойство въ Англіи. Негодовала и королева съ принцемъ-супругомъ, и всѣ ея министры, а лордъ Пальмерстонъ приписывалъ сближеніе съ Россіею интригамъ окружавшихъ Наполеона III „политическихъ аферистовъ" (stock-jobbing politicians), подъ которыми разумѣлъ графа Морни и главнаго совѣтника его по финансовымъ дѣламъ, банкира Перейра. Желая лично воздѣйствовать на впечатлительнаго владыку Франціи, королева Викторія еще осенью пригласила его и императрицу Евгенію провести нѣсколько дней въ любимомъ ея мѣстопребываніи, на островѣ Уайтѣ.

Въ промежутокъ между приглашеніемъ и ноѣздкой, отношенія тюильрійскаго кабинета къ сентъ-джемскому обострились до крайности, въ особенности по вопросу о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Дошло до того, что, подчиняясь внушеніямъ изъ Лондона и Вѣны, Порта отвергла предложенія, представленныя ей отъ имени Россіи, Франціи, Пруссіи и Сардиніи представителями этихъ державъ въ Константинополѣ, которые спустили тогда свои флаги и объявили Оттоманскому правительству, что прерываютъ съ нимъ дипломатическія сношенія. Въ этотъ самый день, 25-го іюля, пріѣхали въ Осборнъ Наполеонъ и Евгенія. Императоръ французовъ былъ въ крайне мрачномъ расположеніи духа и, въ первомъ своемъ разговорѣ съ принцемъ Альбертомъ, далъ понять, что ему надоѣлъ и грубый тонъ Пальмерстона, и упреки въ измѣнѣ англійскому союзу каждый разъ, когда онъ расходится во мнѣніяхъ съ великобританскимъ Дворомъ.

Привлеченные въ Осборнъ лорды Пальмерстонъ и Кларендонъ пошли на уступки, королева разсыпалась въ любезностяхъ и заискиваніяхъ предъ своими гостями, а принцъ Альбертъ взялся обратить Наполеона на путь истины, вселить въ немъ недовѣріе къ Россіи и возвратить его въ лоно исключительнаго союза съ Великобританіей.

Цѣли этой онъ не достигъ. На обвиненіе во вступленіи въ заговоръ съ Россіей противъ независимости и цѣлости Порты

Оттоманской Наполеонъ возразилъ, что убѣдился въ томъ, что Россія и не помышляетъ объ овладѣніи Константинополемъ, и самъ принялся упрекать принца за соглашеніе Англіи съ Австріей по восточнымъ дѣламъ, которое, говорилъ онъ, гораздо замѣтнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ собственное его сближеніе съ Россіей. Онъ негодовалъ на Австрію за ея двоедушіе, указывалъ на попытки ея примириться съ Россіей и привелъ отвѣтъ Императора Александра, что хотя онъ и не злопамятенъ, но никогда не согласится на такой договоръ съ Австріей, который былъ бы враждебенъ Франціи. „Согласитесь, что это дѣлаетъ честь Императору“ замѣтилъ Наполеонъ. Главнымъ побужденіемъ его въ стремленіи сойтись съ Россіей было, именно, желаніе предупредить возобновленіе направленнаго противъ Франціи союза трехъ сѣверныхъ державъ, т.-е. Россіи, Австріи и Пруссіи. Что же касается до свиданія съ русскимъ Императоромъ, то оно, какъ признался Наполеонъ, вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Убѣжденный въ томъ, что миръ Европы не упрочится, пока не будутъ подвергнуты пересмотру договоры 1815 года, Наполеонъ поручилъ Морни возбудить этотъ вопросъ въ бесѣдѣ съ Императоромъ Александромъ, и постараться узнать его мнѣніе и вызвать его на обмѣнъ мыслей. Но русскій Государь отвѣтилъ послу, что онъ наученъ опытомъ отца, имѣвшаго наканунѣ послѣдней войны подобный разговоръ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, и что воспоминаніе о вредѣ, проистекшемъ отъ оглашенія этого разговора, налагаетъ печать молчанія на уста его каждый разъ, когда онъ имѣетъ дѣло съ дипломатомъ.

Изъ бесѣды съ принцемъ Альбертомъ императоръ французовъ вынесъ убѣжденіе, что ему не дождаться отъ Англіи поддержки роившимся въ головѣ „тихаго упрямца“ (le doux entêté), какъ нѣкогда называла его мать, королева Гортензія, широкимъ планамъ объ облагодѣтельствованіи вселенной. Тѣмъ болѣе росло въ немъ желаніе объясниться съ русскимъ Императоромъ безъ посредниковъ и съ откровенностью, исключаемою дипломатическими пріемами и обычаями. У насъ нѣсколько иначе понимали предстоявшее свиданіе и были далеки отъ мысли связывать съ нимъ какое-либо „исправленіе карты Европы“. Императоръ Александръ жаждалъ спокойствія и мира. Князь Горчаковъ, хотя и придавалъ высокую цѣну дружбѣ съ Франціей и даже приписывалъ свиданію въ Штутгартѣ значеніе „историческаго событія“, далеко выходящаго за предѣлы обычнаго акта придворной вѣжливости, но виды его не простирались далѣе отмѣны ненавистныхъ для Россіи постановленій парижскаго трактата. За содѣйствіе къ достиженію этой русской цѣли онъ готовъ былъ выдать Наполеону Австрію, которой не прощалъ ея предательства въ послѣднемъ восточномъ кризисѣ. Наконецъ, въ соглашеніи съ тюильрійскимъ кабинетомъ, онъ усматривалъ лучшее средство разрѣшить со временемъ, безъ особыхъ потрясеній и согласно съ пользами и историческими преданіями Россіи, сложную задачу распредѣленія турецкаго наслѣдства между различными христіанскими народностями, населяющими Балканскій полуостровъ.

Государь раздѣлялъ взгляды своего министра иностранныхъ дѣлъ и одобрялъ его политику. Но вокругъ него было не мало лицъ, съ трудомъ свыкавшихся съ мыслью о сближеніи съ Дворомъ революціоннаго происхожденія, какимъ представлялся имъ Дворъ третьяго Бонапарта. Они не скрывали своей къ нему брезгливости, и ихъ стараніямъ слѣдуетъ приписать отмѣну первоначальнаго предположенія, чтобы въ свиданіи Императоровъ приняли участіе и обѣ Императрицы. Въ Парижъ дали знать, что Марія Александровна не можетъ прибыть въ Штутгартъ по нездоровью, но по чьей-то, вѣроятно злонамѣренной, нескромности, императрицѣ Евгеніи было показано письмо самой русской Государыни, выражавшее нежеланіе встрѣтиться и познакомиться съ нею. „Письмо это“, разсказывала впослѣдствіи Евгенія Киселеву, „показалось мнѣ, по меньшей мѣрѣ, жестокимъ (cruelle). Я рѣшилась не ѣхать въ Штутгартъ, не смотря на выраженное императоромъ желаніе и умоляла его не настаивать, говоря, что не могу преодолѣть себя и что гораздо осторожнѣе отклонить непріятную встрѣчу, которая можетъ имѣть только прискорбныя послѣдствія“.

Пока одинъ родственный Дворъ, Гессенъ-Дармштадтскій, устраивалъ свиданіе въ Штутгартѣ, другой Дворъ, также родственный,—Саксенъ-Веймарскій, хлопоталъ о

томъ, чтобы за этимъ свиданіемъ послѣдовало другое—между русскимъ и австрійскимъ Императорами. Уступая настояніямъ его, Александръ Николаевичъ согласился встрѣтиться съ Францемъ-Іосифомъ въ Веймарѣ, на возвратномъ пути изъ Штутгарта. Къ этому съѣзду нѣмецкіе государи хотѣли привлечь одновременно и короля прусскаго, чтобы изгладить впечатлѣніе франко-русскаго сближенія, противупоставленіемъ ему призрака Священнаго союза. Князь Горчаковъ, встрѣтившійся снова съ Бисмаркомъ на вечерѣ, данномъ въ Дарштадтскомъ замкѣ въ честь русской Императорской четы, не преминулъ, однако, его завѣрить, что Императоръ Александръ ни за что не согласится на „тройственный“ союзъ, который своимъ демонстративнымъ характеромъ непремѣнно вызвалъ бы вполнѣ понятное и законное недовѣріе тюильрійскаго двора. На томъ же вечерѣ впервые былъ представленъ Государю прусскій посланникъ при Германскомъ сеймѣ. Его Величество выразилъ Бисмарку сожалѣніе о томъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ не будетъ присутствовать при его знакомствѣ съ Наполеономъ, но тотчасъ же замѣтилъ, что великій герцогъ дарштадтскій этому радъ, потому что штутгартское свиданіе и безъ того озабочиваетъ нѣмецкіе Дворы.

11-го сентября, императоръ Наполеонъ, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ графа Валевскаго и оберъ-шталмейстера генерала Флёри, выѣхалъ изъ шалонскаго лагеря и на другой день прибылъ въ Баденъ. Вечеръ онъ провелъ у родственницы своей, вдоствующей великой герцогини Стефаніи. Тамъ узнали французы, что прямо изъ Штутгарта русскій Императоръ отправится въ Веймаръ для свиданія съ императоромъ австрійскимъ. Извѣстіе это крайне ихъ озадачило. Впрочемъ, генералъ Флёри замѣтилъ Бисмарку, прибывшему въ Баденъ за нѣсколько дней до того времени, въ свитѣ принца Вильгельма прусскаго, что когда одинъ государь предупреждаетъ другого, что будетъ находиться на пути его, то послѣдній не можетъ, конечно, измѣнить своего маршрута, не совершивъ невѣжливости, и что существуютъ средства сдѣлать встрѣчу двухъ монарховъ неизбѣжною. И онъ, и Валевскій освѣдомлялись съ безпокойствомъ: правда-ли, что императоръ Францъ-Іосифъ намѣренъ посѣтить въ Дарштадтѣ Императрицу Марію Александровну? Утромъ слѣдующаго дня принцъ прусскій былъ принятъ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе.

Того же 12-го сентября пріѣхалъ въ Штутгартъ изъ Дарштадта Императоръ Александръ. Въ свитѣ его находились: принцъ Александръ Гессенскій и министры: иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ и императорскаго двора графъ Адлербергъ. Въ Штутгартѣ ожидалъ его графъ Киселевъ. Великая Княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ, выѣхала Его Величеству на встрѣчу въ городъ Лудвигсбургъ; старикъ король встрѣтилъ его на станціи Фейербахъ, въ одной милѣ отъ столицы. Государь остановился въ принадлежавшей августѣйшей сестрѣ его виллѣ Бергъ.

13-го сентября, въ пять часовъ пополудни, прибылъ туда же императоръ французовъ. Встрѣтившій его на вокзалѣ король виртембергскій отвезъ его въ замокъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе. Императоръ Александръ находился въ павильонѣ, служившемъ жилищемъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Онъ вышелъ изъ павильона и направился въ большую залу замка въ ту самую минуту, когда входилъ въ нее Наполеонъ. Оба Государя встрѣтились и дружески пожали другъ другу руки. Они удалились затѣмъ въ смежную гостиную и пробыли въ ней, въ оживленной бесѣдѣ, болѣе получаса. Въ это время Горчаковъ и Валевскій разговаривали въ залѣ, у окна. Императоры обѣдали за семейнымъ столомъ короля виртембергскаго въ замкѣ, а вечеръ провели на раутѣ у Великой Княгини Ольги Николаевны, въ виллѣ Бергъ, причемъ князь Горчаковъ имѣлъ первый и весьма продолжительный разговоръ съ Наполеономъ. На другой день, послѣ торжественнаго обѣда въ загородномъ дворцѣ короля, императоръ французовъ ѣздилъ въ виллу Бергъ привѣтствовать Императрицу Марію Александровну, пріѣхавшую утромъ изъ Дарштадта. Балъ при Дворѣ былъ отмѣненъ по случаю траура по скончавшемся принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ. День рожденія короля, 15-го сентября, праздновался въ семейномъ кругу. Наконецъ, 16-го, оба Императора, проведя утро на народномъ земледѣльческомъ праздникѣ въ Канштадтѣ, завтра-

кали у Великой Княгини, а въ три часа пополудни русскіе Императоръ и Императрица отбыли въ Дармштадтъ. Наполеонъ провожалъ ихъ на вокзалъ желѣзной дороги и въ тотъ же вечеръ самъ уѣхалъ изъ Штутгарта.

Въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ въ виртембергской столицѣ, Александръ II и Наполеонъ III видѣлись часто и вели продолжительныя политическія бесѣды. Совѣщались и сопровождавшіе ихъ министры. И тѣ, и другіе обмѣнялись мыслями по всѣмъ текущимъ политическимъ вопросамъ и одинаково признали обоюдную пользу откровенныхъ объясненій, а также дружескаго и согласнаго дѣйствія, съ цѣлью поддержанія мира и равновѣсія въ Европѣ. Согласились также о несовмѣстимости съ этой программой всякой революціонной политики. Наполеонъ обратилъ вниманіе Государя на положеніе Италіи, служившее источникомъ безпокойства и волненій въ будущемъ, и приписывалъ его тому обстоятельству, что Австрія переступила за предѣлы договоровъ 1815 года. Онъ настаивалъ на необходимости устранить ее изъ Италіи. Александръ Николаевичъ ограничился увѣреніемъ, что не повторитъ ошибки 1849 года. Что же касается до предстоявшаго свиданія съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, то Государь просилъ собесѣдника считать его какъ бы уже состоявшимся, потому что, ни въ какомъ случаѣ, оно не могло повліять на его политику, а тѣмъ паче видоизмѣнить ее.

Такимъ образомъ, штутгартскіе переговоры двухъ Императоровъ и ихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ, если бы, ободренный привѣтливостью русскаго Государя, Наполеонъ не рѣшился завести рѣчь о Польшѣ. Вотъ его слова, какъ онъ самъ передавалъ ихъ графу Киселеву тотчасъ по возвращеніи въ Парижъ: „Что касается до отношеній Россіи къ Франціи, то я вижу только одинъ вопросъ, который можетъ стать щекотливымъ. Это—вопросъ польскій, если онъ долженъ подняться снова и занять собою европейскую дипломатію. Я имѣю обязательства, отъ которыхъ не могу отречься и долженъ щадить общественное мнѣніе, которое, во Франціи, очень благопріятно Польшѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ я долженъ откровенно предупредить Ваше Величество, чтобы не пришлось прервать наши добрыя отношенія, которыми я такъ дорожу". Столь неожиданное заявленіе естественно произвело на Императора Александра впечатлѣніе, въ высшей степени непріятное. Сдержавъ порывъ негодованія, онъ холодно и спокойно отвѣтилъ Наполеону, что никто болѣе его самого не желаетъ Польшѣ мира и преуспѣянія, но что всякое чужеземное вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды. Едва императоръ французовъ вышелъ отъ Государя, какъ онъ, обратясь къ одному изъ лицъ своей свиты, сказалъ: „Со мною дерзнули заговорить о Польшѣ!" Слова эти были произнесены такъ громко, что отголосокъ ихъ тогда же разнесся по всей Европѣ. По этой или по другимъ причинамъ, но заготовленные русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ акты остались неподписанными. Впрочемъ, они не имѣли важнаго значенія и касались лишь второстепенныхъ вопросовъ: о закрытіи Дарданеллъ и о государственномъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ.

Не того ожидали въ Европѣ отъ свиданія двухъ могущественнѣйшихъ Государей своего времени. Объ опасеніяхъ, возбужденныхъ имъ въ Германіи, можно судить по слѣдующимъ словамъ современнаго письма Бисмарка изъ Франкфурта: „Въ виду одного только факта русско-французскаго свиданія, здѣсь уже чувствуютъ, что Германскій союзъ пошатнулся и всѣ союзные вопросы не вызываютъ болѣе интереса въ моихъ сотоварищахъ. Какъ скоро вся конституція сейма низошла бы на степень „историческаго меморіала", если бы дѣйствительно состоялся союзъ между обѣими державами, съ практическими цѣлями!" Ничего подобнаго не состоялось въ Штутгартѣ и произошло даже нѣчто совершенно противное. Роковое слово „Польша" внесло сѣмя раздора въ зарождавшуюся дружбу Россіи къ Франціи. Иначе быть не могло съ той минуты, какъ, повторяя ошибку всѣхъ своихъ предшественниковъ на французскомъ престолѣ, Наполеонъ III отношенія свои къ Россіи обусловилъ не жизненными интересами Франціи, а соображеніями посторонними, частью династическими, частью отвлеченно-сентиментальнаго свойства.

Не смотря на такой непредвидѣнный оборотъ штутгартской встрѣчи, князь Горчаковъ былъ или, по крайней мѣрѣ, казался вполнѣ сю довольнымъ, и въ разговорѣ съ Бисмаркомъ выразился о ней въ тонѣ полной удовлетворенности, едва не тріумфа. По словамъ его, свиданіе это оправдало и даже превзошло всѣ ожиданія Россіи. Ему приписывали значеніе „историческаго событія". Таково оно на самомъ дѣлѣ. Это фактъ совершившійся, и измѣнить его не можетъ свиданіе въ Веймарѣ. Бисмарка интересовало въ особенности узнать, не было ли принято какихъ либо рѣшеній по шлезвигъ-голштинскому вопросу, бывшему предметомъ давнихъ пререканій между Даніей и Германскимъ союзомъ и снова начинавшимъ возбуждать умы въ Германіи. Князь Александръ Михайловичъ отозвался о немъ съ пренебреженіемъ, нѣ сколько оскорбительнымъ для его собесѣдника. Онъ сказалъ, что въ этомъ вопросѣ Франція придерживалась сначала мнѣнія, отличнаго отъ мнѣнія Россіи, постоянно настаивая на сильномъ и скоромъ вмѣшательствѣ Европы въ датско-нѣмецкій споръ, но что послѣ того, какъ она пришла къ соглашенію съ Россіей по несравненно болѣе важнымъ предметамъ, шлезвигъ-голштинскій вопросъ отошелъ на степень тѣхъ, о которыхъ говорится: de minimis non curat praetor, и уже не вызоветъ разногласія между обоими Дворами. Франція вполнѣ усвоила воззрѣнія Россіи, а потому разрѣшеніе спора будетъ предоставлено уговору копенгагенскаго Двора съ вожаками партій въ герцогствахъ, а затѣмъ и съ франкфутскимъ сеймомъ. Самъ Горчаковъ переговоритъ о томъ съ Мантейфелемъ въ Берлинѣ. Датскій представитель на сеймѣ, Бюловъ, уже обращался къ нему, въ качествѣ личнаго друга, за совѣтомъ, и князь преподалъ ему таковой, какъ „это дѣлаетъ отецъ по отношенію къ спорящимъ дѣтямъ, предлагая „сильнѣйшему быть благоразумнѣйшимъ и уступить", при чемъ подъ сильнѣйшимъ—разумѣлась Данія. „По крайней мѣрѣ", замѣчаетъ Бисмаркъ, „такъ понялъ я не совсѣмъ ясное въ подробностяхъ изложеніе". Князь Горчаковъ нѣсколько разъ повторилъ, что шлезвигъ-голштинскій вопросъ—вопросъ чисто нѣмецкій и не представляетъ важности съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ. Что же касается до штутгартскаго свиданія, то на немъ обсуждались дѣла первостепенной важности и по всѣмъ достигнуто полное соглашеніе, вполнѣ удовлетворяющее интересамъ Россіи, „а также"—присовокупилъ русскій министръ—„и Пруссіи".

Изъ Штутгарта Государь и Императрица заѣхали въ Дармштадтъ за августѣйшими дѣтьми и 18-го сентября были встрѣчены въ Эйзенахѣ великимъ герцогомъ и великою герцогинею саксенъ-веймарскими, съ которыми осмотрѣли историческій замокъ Вартбургъ. Къ вечеру они прибыли въ Веймаръ, куда на другой день пріѣхалъ австрійскій императоръ. Свиданіе его съ Александромъ Николаевичемъ продолжалось всего одни сутки. Министры съ обѣихъ сторонъ отсутствовали, и время проведено въ веймарскомъ семейномъ кругу, расширившемся прибытіемъ сестры вдовствующей великой герцогини, вдовы нидерландскаго короля, Анны Павловны. У великаго герцога въ замкѣ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали оба Императора, потомъ спектакль. На слѣдующее утро императоръ Францъ-Іосифъ уѣхалъ изъ Веймара, а Государь съѣздилъ въ Дрезденъ, чтобы навѣстить короля саксонскаго. 22-го сентября вся царская семья уже была въ Потсдамѣ, и тамъ отдохнула цѣлую недѣлю. Дальнѣйшій путь ея лежалъ на Варшаву, гдѣ Ихъ Величества разстались съ дѣтьми, отправившимися прямо въ Петербургъ, а сами они, исполняя давнее намѣреніе посѣтить „древній богоспасаемый Кіевъ, Іерусалимъ русской земли, и поклониться печерскимъ святынямъ",—какъ писалъ о томъ Александръ Николаевичъ, еще до коронаціи, митрополиту кіевскому Филарету,—прослѣдовали туда чрезъ Люблинъ, Владиміръ-Волынскій, Ровно и Житоміръ. 15-го октября Государь и Императрица возвратились въ Царское Село, а къ георгіевскому празднику, 26-го ноября, переселились на зиму въ Зимній Дворецъ.

V.

Внѣшняя политика на Западѣ и на Востокѣ.

1858—1860.

Въ продолженіе 1858 года Императоръ Александръ не выѣзжалъ изъ Россіи.

30-го мая, въ годовщину рожденія Петра Великаго, освященъ, въ Высочайшемъ при-

сутствіи, Исаакіевскій соборъ, величественный храмъ, сооружавшійся въ продолженіе четырехъ царствованій, въ память основателя Петербурга и преобразователя Россіи. Тотчасъ послѣ этого торжества, Государь предпринялъ, продолжавшуюся съ 18-го по 30-е іюня, поѣздку на незнакомый ему дотолѣ сѣверъ Россіи: чрезъ Тихвинъ и Вологду проѣхалъ онъ въ Архангельскъ, посѣтилъ Соловецкій монастырь и возвратился чрезъ Лодейное поле по Ладожскому озеру. По окончаніи лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ, Императоръ съ Императрицею и дочерью, Великою Княжною Маріею Александровною, спустился по Волгѣ, отъ Ярославля, чрезъ Кострому, до Нижняго, осмотрѣлъ ярмарку и, разставшись съ Государыней въ Москвѣ, чрезъ Смоленскъ, Вильно и Ковно, 11-го сентября прибылъ въ Варшаву. Тамъ навѣстилъ Его Величество уже вступившій въ управленіе государствомъ, за болѣзнью брата, короля, принцъ Вильгельмъ прусскій, а по отъѣздѣ его высочества—принцъ Наполеонъ, которому императоръ французовъ поручилъ отдать визитъ, сдѣланный французскому Двору Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и при этомъ случаѣ сообщить русскому Государю объ обостреніи отношеній Франціи къ Австріи и о неизбѣжности войны за освобожденіе Италіи. Двоюродный братъ Наполеона III принятъ былъ въ Варшавѣ вѣжливо, но сухо; онъ остался тамъ всего два дня. 21-го сентября Императоръ Александръ возвратился въ Царское Село.

Въ половинѣ декабря Наполеонъ III воспользовался проѣздомъ чрезъ Парижъ Великаго Князя генералъ-адмирала, чтобы въ довѣрительной бесѣдѣ съ нимъ развить свою политическую программу. Австрію выставлялъ онъ заклятымъ, непримиримымъ врагомъ, какъ Франціи, такъ и Россіи. Пока Франція займется вытѣсненіемъ ея изъ Италіи, Россія должна возбудить противъ нея подвластныхъ ей славянъ, за что, при мирѣ, получитъ Галицію, независимо отъ пересмотра въ ея пользу парижскаго трактата. Всесильною, по мнѣнію императора французовъ, явилась бы тогда на европейскомъ материкѣ коалиція, состоявшая изъ Франціи и Россіи—на окраинахъ, а Пруссіи съ германскими государствами—въ центрѣ. Англія потеряла бы всякое значеніе; могущество ея было бы поколеблено, подъ условіемъ, конечно, чтобы Россія, Франція и Пруссія дѣйствовали дружно и стремились къ одной и той же цѣли, не дозволяя враждебнымъ происканъ совращать ихъ съ общаго политическаго пути.

Такіе замыслы не могли не встрѣтить противодѣйствія въ Англіи. Пользуясь родственными отношеніями королевы къ принцу прусскому, возникшими вслѣдствіе выхода ея старшей дочери за сына послѣдняго, Фридриха-Вильгельма, сентъ-джемскій кабинетъ хлопоталъ о примиреніи Пруссіи съ Австріей и о заключеніи между ними союза, къ которому приступила бы и Великобританія. Слухи объ этихъ предположеніяхъ, вдохновителями которыхъ считали короля бельгійцевъ и племянника его, принца Альберта, мужа королевы Викторіи, тревожили тюильрійскій Дворъ. Въ послѣдній день 1858 года, по новому стилю, русскій посолъ въ Парижѣ имѣлъ по этому предмету продолжительное совѣщаніе съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Валевскій старался развѣдать: какого содѣйствія можетъ ожидать Франція отъ Россіи, въ случаѣ войны съ Австріей изъ за Италіи? Графъ Киселевъ отвѣчалъ: „Главныя основанія обоюдныхъ дѣйствій при подобной случайности были опредѣлены въ Штутгартѣ, и обѣщанное содѣйствіе будетъ свято выполнено моимъ Августѣйшимъ Государемъ; что же касается до подробностей, то нужно войти въ ближайшее соглашеніе. Въ настоящую минуту могу сказать только одно: въ Россіи не сочувствуютъ войнѣ наступательной, но между Россіей и Франціей могутъ быть возбуждены переговоры на счетъ постановки на границѣ Австріи наблюдательнаго корпуса или арміи, въ составѣ, достаточномъ для отвлеченія части ея военныхъ силъ".

Слова, сказанныя императоромъ французовъ австрійскому послу на торжественномъ пріемѣ въ Тюильри, въ первый день новаго 1859 года, были поняты въ Европѣ, какъ предвѣстіе близкой и несомнѣнной войны. Въ Лондонѣ хотя и сочувствовали національнымъ стремленіямъ, но боялись, какъ бы изъ за Италіи не произошло у Франціи столкновенія съ соединенными силами Германіи, которое, при соучастіи Россіи, легко могло разгорѣться во всеобщую войну, а та—повести къ территоріальному расширенію обѣихъ союзныхъ Имперій. Отсюда усилія сентъ-джемскаго кабинета убѣдить

Наполеона не нарушать мира, раздражавшія императора французовъ.

Въ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи законодательной сессіи, Наполеонъ III не безъ умысла оттѣнилъ свои отношенія къ Англіи и Россіи. О первыхъ онъ сказалъ: „Союзъ Франціи и Англіи, для скрѣпленія котораго я не щадилъ ничего, утвердился, вслѣдствіе счастливо возстановившейся взаимности чувствъ съ королевою и государственными людьми всѣхъ партій". А о вторыхъ: „Отношенія мои къ русскому Императору носятъ, со времени заключенія мира, отпечатокъ самой искренней дружественности, потому что по всѣмъ спорнымъ вопросамъ мы пришли къ соглашенію". Императорскій кабинетъ откликнулся на эти слова, и пока Англія навязывала свое посредничество между Франціей и Австріей, Россія, отвѣчая тайному желанію Наполеона, предложила обсудить и разрѣшить возникшія недоразумѣнія по итальянскому вопросу на обще-европейскомъ конгрессѣ.

Предложеніе это, вслѣдствіе страстной оппозиціи со стороны Англіи и Австріи, осталось безъ послѣдствій. Два мѣсяца спустя, подойдя, на балѣ въ Тюильри, къ русскому послу, императоръ французовъ заявилъ ему, что настало удобное время, чтобы войти съ Россіей въ соглашеніе относительно одновременнаго пересмотра трактатовъ: вѣнскаго 1815 года и парижскаго 1856 года, которые одинаково тяжелы для обѣихъ имперій. Если вѣрить показанію принца Альберта, то князь Горчаковъ былъ не прочь пойти на такую сдѣлку и высказался въ этомъ смыслѣ предъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ.

Но до того дѣло не дошло. Война вспыхнула внезапно, вслѣдствіе отказа Австріи принять участіе въ конгрессѣ и послѣдовавшаго затѣмъ нападенія ея на Сардинію. Цѣль войны Наполеонъ III опредѣлилъ такъ въ воззваніи своемъ къ итальянскому народу: „Италія, свободная отъ Альповъ до Адріатики!" Это, впрочемъ, не помѣшало нѣмецкой печати отвѣчать на его программу предъявленіемъ правъ Германіи на Эльзасъ и Лотарингію, отвоевать которыя слѣдовало въ Парижѣ. Не смотря на собственныя натянутыя отношенія къ вѣнскому Двору, Пруссія, въ его защиту, мобилизовала свою армію. По ея предложенію, франкфуртскій сеймъ постановилъ держать въ боевой готовности всѣ союзные контингенты. Въ эту критическую минуту Императорскій кабинетъ выступилъ на помощь Франціи.

Въ циркулярной депешѣ на имя русскихъ дипломатическихъ представителей при нѣмецкихъ дворахъ, князь Горчаковъ взялъ на себя посредничество между Франціею и Германіею. Упомянувъ о томъ, что нѣкоторыя государства Германскаго союза, встревоженныя войною Франціи противъ Австріи, опасаются за свою будущность, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ успокоивалъ ихъ, напоминая о торжественномъ заявленіи французскаго правительства, что никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Германіи оно не питаетъ. Такое заявленіе, продолжалъ онъ, горячо и сочувственно принятое всѣми великими державами, налагаетъ и обязательства. Въ этомъ смыслѣ Россія выразила Франціи свое сочувствіе, та самая Россія, что̀ напрасно старалась достигнуть разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ на, ею же предложенномъ, конгрессѣ. Сожалѣя, что вѣнскій дворъ не оцѣнилъ по достоинству его примирительныхъ намѣреній, Императорскій кабинетъ стремится нынѣ лишь къ тому, чтобы возникшая война ограничилась тою мѣстностью, на которой столкнулись породившіе ее интересы. Князь Горчаковъ указывалъ, что Пруссія приняла на себя защиту неприкосновенности Германіи и охрану равновѣсія Европы; что возвышенно-рыцарскій характеръ принца-регента, располагающаго, къ тому же, значительными военными силами, можетъ, кажется, служить достаточнымъ залогомъ спокойствія Германіи; что Россіи едва ли нужно упоминать, ссылаясь на исторію, въ какой степени ей не чужды интересы Германіи и что она не щадила жертвъ тогда, когда интересамъ этимъ угрожала дѣйствительная опасность; наконецъ, что Германскій союзъ—комбинація исключительно оборонительнаго свойства и что только въ этомъ значеніи она получила мѣсто въ европейскомъ международномъ правѣ, на основаніи договоровъ, въ подписаніи коихъ участвовала Россія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, если нѣмецкія государства, руководясь догадками, ни на чемъ не основанными, предпримутъ враждебныя дѣйствія противъ Франціи, то нарушатъ цѣль учрежденія союза и поступятъ противно духу договоровъ, узаконившихъ его существованіе.

Во Франціи нравственная поддержка Россіи принята была съ признательностью. Французскіе генералы говорили графу Киселеву, что циркуляръ князя Горчакова стоитъ стотысячной арміи. Но не прошло и шести недѣль, какъ миръ былъ подписанъ въ Виллафранкѣ, непосредственно императорами Наполеономъ и Францомъ-Іосифомъ. Австрійскаго императора побудили къ тому его военныя неудачи, а также опасеніе, какъ бы вмѣшательство Пруссіи, хотя и предпринятое въ его пользу, не доставило ей слишкомъ вліятельнаго положенія въ Германіи. Наполеонъ III, напротивъ, не взирая на блестящія побѣды французской арміи, не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы одному вести борьбу съ соединенными силами Австріи и всей Германіи.

Лѣто 1859 года Императоръ Александръ провелъ, по обыкновенію, въ Царскомъ Селѣ и въ Петергофѣ. Оно было ознаменовано двумя торжествами: открытіемъ, 25-го іюня, памятника Императору Николаю въ Петербургѣ и провозглашеніемъ совершеннолѣтія Наслѣдника Престола, Цесаревича Николая Александровича, состоявшимся въ шестнадцатую годовщину его рожденія, 8-го сентября. Принесеніе присяги происходило въ Зимнемъ Дворцѣ, тѣмъ же порядкомъ, какъ и Александромъ Николаевичемъ въ 1834 году. Въ манифестѣ по этому случаю Государь такъ отозвался о своемъ первенцѣ: „Хранимый Небеснымъ Провидѣніемъ, воспитанный нами въ неуклонномъ слѣдованіи правиламъ церкви православной, въ теплой любви къ отечеству, въ сознаніи своего долга, Его Императорское Высочество достигъ въ текущемъ году установленнаго основными законами нашими совершеннолѣтія и, по принесеніи, сего числа, Всевышнему благодарственнаго молебствія, торжественно, въ присутствіи нашемъ, произнесъ присягу на служеніе намъ и государству".

Вслѣдъ затѣмъ Его Величество совершилъ поѣздку въ Юго-Западный край. Чрезъ Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ, Чугуевъ, Харьковъ и Полтаву, прослѣдовалъ Императоръ въ Кіевъ, затѣмъ—въ Бѣлую Церковь, Умань, Елисаветградъ, Николаевъ, Одессу, Каменецъ-Подольскъ, всюду по пути производя смотры войскамъ, ученья и маневры. При этомъ случаѣ Государь посѣтилъ Почаевскую лавру и, наконецъ, прибылъ въ Варшаву.

Тамъ оставался онъ съ 5-го по 10-е октября. Ко дню его прибытія, съѣхались въ столицу Царства Польскаго, для совѣщанія въ Высочайшемъ присутствіи, подъ руководствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, дипломатическіе представители Россіи при большихъ европейскихъ Дворахъ: изъ Парижа — графъ Киселевъ, изъ Лондона—баронъ Брунновъ, изъ Берлина—баронъ Будбергъ, изъ Вѣны—Балабинъ. Туда же стеклись члены разныхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ: эрцгерцогъ Альбрехтъ австрійскій, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцы Вильгельмъ Нидерландскій и Августъ Виртембергскій.

Киселевъ представилъ Государю записку о своевременности заключенія формальнаго союза съ Франціей. По поводу ея Его Величество весьма неблагосклонно выразился объ императорѣ французовъ. „Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Лудовика Наполеона, — сказалъ онъ,—сильно поколеблено. Его пріемы не безупречны (Ses allures ne sont pas correctes). Нужно вниманіе, чтобы не вдаться въ обманъ. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено не иначе, какъ по заключеніи мира или послѣ конгресса. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія". Государь припомнилъ, что, являясь къ нему въ Варшавѣ, за годъ передъ тѣмъ, принцъ Наполеонъ, именемъ императора, говорилъ ему, что тотъ рѣшился вести войну вплоть до Вѣны, чтобы принудить Австрію къ заключенію мира прочнаго и окончательнаго. „И вотъ, „продолжалъ Александръ Николаевичъ", ни съ того, ни съ сего, онъ предлагаетъ миръ, *не предупредивъ никого*. Дѣйствія эти не могутъ мнѣ внушить довѣрія и въ виду такой неопредѣленной политики заставляютъ быть на-сторожѣ".

На варшавскомъ съѣздѣ 1859 года выяснилась вполнѣ перемѣна, совершившаяся въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи. То не былъ еще разрывъ, но существенное уклоненіе отъ установленной въ Штутгартѣ политической программы. Франція переставала быть нашею главною союзницею и мѣсто ея заняла Пруссія, утвердившая его за собою на долгіе годы. Два обстоятельства, главнымъ образомъ, содѣйствовали этому результату: личная дружба Импера-

тора Александра къ дядѣ, принцу-регенту, два года спустя вступившему на престолъ Пруссіи подъ именемъ короля Вильгельма I, и живой, энергичный и умѣлый образъ дѣйствій вновь назначеннаго прусскаго посланника при русскомъ Дворѣ, фонъ Бисмарка-Шёнгаузена.

Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV, братъ его, принцъ Вильгельмъ, придерживался въ политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, направленія, прямо противуположнаго тому, которому слѣдовалъ король, набиравшій министровъ изъ бюрократовъ и опиравшійся въ палатахъ на такъ называемую партію юнкеровъ, органомъ которой служила „Крестовая Газета". Съ 1850 года, принцъ прусскій открыто выступилъ сторонникомъ національнаго движенія, имѣвшаго цѣлію поставить Пруссію во главѣ объединенной Германіи, ратовалъ противъ состоявшагося въ Ольмюцѣ, при посредничествѣ Россіи, примиренія съ Австріей и во время Крымской войны настаивалъ на присоединеніи Пруссіи къ коалиціи морскихъ державъ. Послѣдствіемъ было охлажденіе его отношеній, нѣкогда столь дружественныхъ, къ Императору Николаю, строго осуждавшему его національно-либеральныя стремленія. Тотчасъ по вступленіи въ управленіе королевствомъ, принцъ Вильгельмъ уволилъ прежнихъ министровъ и замѣнилъ ихъ кабинетомъ, составленнымъ изъ людей, принимавшихъ участіе въ преобразовательномъ движеніи 1848 года. Про нихъ посланникъ нашъ баронъ Будбергъ писалъ князю Горчакову, „что они будутъ ярыми противниками всей политической системы, которую интересы наши побудятъ насъ отстаивать". Дѣйствительно, во внѣшнихъ дѣлахъ, принцъ-регентъ тяготѣлъ къ Англіи, съ которой породнилъ его бракъ сына съ принцессою Викторіею, независимо отъ тѣсной дружбы, связывавшей его самого съ королевой и принцемъ-супругомъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ политической комбинаціи, которую ласкалъ нашъ Дворъ: тройственнаго соглашенія между Россіей, Франціей и Пруссіей, и опасаясь замысловъ Наполеона III на лѣвый берегъ Рейна, не поколебался взять подъ свое покровительство Австрію, не взирая на непрерывное соперничество ея съ Пруссіей въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Съ Александромъ Николаевичемъ сблизился онъ снова во время пребыванія Государя въ Баденѣ и въ Вильдбадѣ, лѣтомъ 1857 года; на слѣдующій годъ, осенью, посѣтилъ его въ Варшавѣ и съ тѣхъ поръ велъ съ нимъ оживленную переписку по всѣмъ современнымъ политическимъ вопросамъ. Его личному вліянію слѣдуетъ приписать возбужденіе подозрѣній царственнаго племянника противъ Наполеона, котораго онъ, въ письмахъ своихъ и бесѣдахъ, выставлялъ какъ орудіе всемірной революціи, неустанно стремящимся къ ниспроверженію законнаго порядка въ Европѣ.

Совершенно иныхъ взглядовъ на политику придерживался Бисмаркъ, новый представитель Пруссіи при русскомъ Дворѣ. Въ восемь лѣтъ пребыванія его во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ званіи уполномоченнаго при союзномъ сеймѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что главное препятствіе на пути Пруссіи къ достиженію главенства въ Германіи — Австрія, и что рано или поздно придется вступить съ нею въ открытую, ожесточенную борьбу. Вотъ почему онъ, во все продолженіе послѣдней Восточной войны, глубоко скорбѣлъ о подчиненіи берлинскаго Двора внушеніямъ изъ Вѣны, и гдѣ только могъ, настойчиво противодѣйствовалъ австрійскимъ видамъ и происканъ. Такъ, онъ убѣдилъ короля не дать увлечь себя въ войну съ Россіею, отнюдь, впрочемъ, не изъ расположенія къ ней, а потому, пояснялъ онъ, что изъ такой войны „Пруссія не извлекла бы для себя ни малѣйшей выгоды".

Первое министерство принца-регента не могло оставить дипломата, воззрѣнія котораго шли въ разрѣзъ съ его собственными, уполномоченнымъ Пруссіи при Германскомъ союзномъ сеймѣ, и, въ началѣ 1859 года,—перемѣстило его посланникомъ въ Петербургъ, чтобы, по собственному его выраженію, дать ему остыть на холоду (kaltzustellen). У насъ встрѣтили Бисмарка, какъ стараго и испытаннаго друга. Очень скоро, въ рядахъ петербургскаго дипломатическаго корпуса, онъ занялъ выдающееся мѣсто, остававшееся незамѣщеннымъ со времени отъѣзда Морни. Съ княземъ Горчаковымъ связывала прусскаго дипломата давняя дружба, зародившаяся во время совмѣстнаго ихъ пребыванія во Франкфуртѣ и скрѣпленная общею ненавистью къ Австріи. При Дворѣ, Бисмарка принимали какъ посланника родственнаго Двора

такъ сказать, запросто, внѣ оффиціальныхъ торжествъ и церемоній. Государь приглашалъ его на охоту, вдовствующая Императрица, благосклонность которой онъ успѣлъ снискать.—въ Царское Село и Петергофъ, гдѣ онъ проводилъ по нѣсколько дней и, какъ самъ писалъ женѣ, чувствовалъ себя „словно на родинѣ“ (heimatlich)

Осенью 1859 года Бисмаркъ сопровождалъ Государя въ Варшаву и вмѣстѣ съ нимъ съѣздилъ въ Бреславль, гдѣ, съ 10-го по 13-е октября, Александръ Николаевичъ имѣлъ свиданіе съ принцомъ-регентомъ. Въ письмахъ къ роднымъ прусскій дипломатъ не могъ нахвалиться милостивымъ и полнымъ участія обхожденіемъ русскаго Императора, который, по возвращеніи его изъ отпуска въ Петербургъ, дружески обнялъ его и выразилъ живѣйшую радость, что видитъ его снова.

Между тѣмъ, дѣла на Западѣ усложнялись съ каждымъ днемъ. Цюрихскій мирный трактатъ, заключенный Франціею съ Австріей, оказался неисполнимымъ. Революціонное движеніе охватило всю Италію. Наполеонъ III снова сталъ заискивать въ Англіи, просить ея поддержки. Новую эту эволюцію облегчило ему паденіе торійскаго министерства и возвращеніе виговъ къ власти, съ лордомъ Пальмерстономъ во главѣ. Какъ первый министръ ея британскаго величества, такъ и занимавшій въ его кабинетѣ должность министра иностранныхъ дѣлъ, лордъ Джонъ Руссель, издавна сочувствовали національнымъ стремленіямъ итальянцевъ. Подъ вліяніемъ такого сближенія Наполеонъ III подписалъ торговый договоръ съ Англіей, отмѣнявшій всякія таможенныя стѣсненія въ товарномъ обмѣнѣ обоихъ государствъ.

Такое скрѣпленіе союзной связи морскихъ державъ произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Князь Горчаковъ, въ концѣ 1859 года, не только согласившійся на предложенное Франціей созваніе конгресса, но и выразившій намѣреніе самому явиться на него, въ качествѣ перваго уполномоченнаго Россіи, взялъ свое согласіе назадъ мѣсяцъ спустя, лишь только узналъ о предварительномъ соглашеніи тюильрійскаго двора съ сентъ-джемскимъ. Не стоитъ, поясняетъ онъ въ депешѣ къ Киселеву, собирать конгресса для того, чтобы утвердить сдѣлку, заключенную между Франціею и Англіею, помимо другихъ державъ.

Возстановленное между дворами тюильрійскимъ и сентъ-джемскимъ согласіе продолжалось, однако, не долго. Въ концѣ января 1860 года, въ Лондонѣ одновременно узнали и о возсоединеніи съ Сардиніей Тосканы, герцогствъ и легатствъ, и объ уступкѣ Франціи Ниццы и Савойи. Трудно себѣ представить бурю, которую вызвала по ту сторону Ла-Манша вѣсть о новыхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Франціи. Снова раздались громовыя рѣчи въ парламентѣ, появились въ печати бранныя статьи, изливавшія зависть, злобу и страхъ. Императора французовъ обвиняли въ нарушеніи даннаго слова, въ коварствѣ, въ предательствѣ, приписывали ему намѣреніе возвратить Франціи ея естественныя границы, не только на Альпахъ, но и на Рейнѣ. Въ письмѣ къ Пальмерстону, королева потребовала установленія немедленнаго соглашенія Англіи съ Пруссіей и Австріей, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ этихъ державъ обязалась дать знать двумъ другимъ о всякомъ заявленіи или предложеніи, которое могло быть сдѣлано ей со стороны Франціи и клонилось бы къ перемѣнѣ настоящаго положенія территоріальнаго владѣнія въ Европѣ, и чтобы на такое заявленіе или предложеніе не было даваемо отзыва прежде, чѣмъ состоится уговоръ съ двумя прочими державами. Изъ Вѣны и Берлина получены были въ Лондонѣ отвѣты, выражавшіе полное согласіе на такое предложеніе. Принцъ-регентъ прусскій писалъ къ принцу Альберту, что къ тройственному соглашенію онъ надѣется привлечь и Россію, которая „не можетъ же признать начало народнаго самодержавія“.

Разсчетъ принца Вильгельма не оправдался. Въ это самое время Императорскій кабинетъ обнаружилъ снова намѣреніе сблизиться съ Франціей, побуждаемый къ тому оборотомъ дѣлъ на Востокѣ.

Съ самаго заключенія парижскаго мира, Франція придерживалась на Балканскомъ полуостровѣ политики, вполнѣ сходной съ политикою русскаго Двора, постоянно благопріятствуя христіанскимъ народностямъ и содѣйствуя развитію ихъ автономіи. Такъ, въ Дунайскихъ княжествахъ, она, вмѣстѣ съ нами, высказалась за соединеніе Молдавіи и Валахіи; въ Сербіи—за

водвореніе династіи Обреновичей и за признаніе за нею наслѣдственнаго права. Когда, въ 1858 году, между Турціею и Черногоріею завязалась кровопролитная борьба, одно появленіе въ Адріатическомъ морѣ русскихъ и французскихъ военныхъ судовъ вынудило Порту отказаться отъ отмщенія за понесенное турками пораженіе на Гроховскомъ полѣ и согласиться на новое разграниченіе, на выгодныхъ для Черногоріи основаніяхъ. Дѣйствуя сообща во всѣхъ дѣлахъ европейскаго Востока, Россіи и Франціи постоянно приходилось пререкаться съ Англіею и Австріею, упорно отстаивавшими права султана и начало независимости и цѣлости Оттоманской имперіи.

Освободительное движеніе, увѣнчавшееся въ Италіи полнымъ успѣхомъ, не могло не отразиться на подвластныхъ Турціи христіанахъ. Волненія, проявившіяся въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 года въ Босніи и Герцоговинѣ, въ Болгаріи и Македоніи, въ Ѳессаліи и Эпирѣ, турки подавили съ возмутительною жестокостію и съ полнымъ забвеніемъ гарантій, предоставленныхъ христіанамъ гатти-гумаюномъ 1856 года. Хотя парижскій трактатъ и лишилъ Россію принадлежавшаго ей, въ силу прежнихъ договоровъ съ Портою, права покровительствовать православнымъ подданнымъ султана, перенеся это право на совокупность великихъ державъ Европы, но по привычкѣ, освященной вѣками, угнетаемые продолжали обращать къ русскому Царю свои жалобы и мольбы о помощи. Къ тому же, во многихъ мѣстностяхъ, притѣсненія турокъ вызвали такое озлобленіе въ населеніи, что можно было опасаться скораго и поголовнаго возстанія христіанъ. Все это побудило князя А. М. Горчакова поднять предъ Европою вопросъ о бѣдственномъ положеніи христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, причиненномъ нарушеніемъ Портою торжественно принятыхъ ею на себя обязательствъ, и объ опасностяхъ, коими оно угрожало всеобщему спокойствію. Въ дѣлѣ этомъ Россія не могла разсчитывать на поддержку ни Австріи, ни Англіи, съ которыми только-что вступила въ тѣсное соглашеніе Пруссія. Оставалось заручиться содѣйствіемъ Франціи, располагавшей тогда, въ такъ-называемомъ „европейскомъ концертѣ“, сверхъ собственнаго голоса, еще и голосомъ Сардиніи, уже готовой преобразиться въ Итальянское королевство. Предварительно оффиціальнаго обращенія къ великимъ державамъ, Императорскій кабинетъ пожелалъ узнать, въ какой мѣрѣ тюильрійскій Дворъ расположенъ поддержать его предложеніе и поручилъ графу Киселеву войти съ нимъ въ подготовительное соглашеніе по восточнымъ дѣламъ.

Запросъ русскаго Двора пришелся кстати французскому правительству, возымѣвшему намѣреніе обратить его для себя въ исходъ изъ затрудненій, созданныхъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи, а потому оно въ высшей степени предупредительно отнеслось къ заявленію Киселева. Министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель отвѣчалъ послу, что императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ приметъ предложеніе петербургскаго кабинета, какъ доказательство дружескаго довѣрія Императора Александра; что онъ готовъ войти въ довѣрительное соглашеніе съ русскимъ Дворомъ по возбужденному имъ важному предмету; что вопросъ восточный можетъ быть разсматриваемъ въ связи съ итальянскимъ вопросомъ и что нужно поэтому обсудить, нельзя ли взамѣнъ Венеціи, безъ которой не можетъ обойтись Италія, отдать Австріи все восточное побережье Адріатическаго моря? Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тувенель, какъ бы отъ себя лично, намекнулъ Киселеву, что Россіи слѣдовало бы овладѣть Батумомъ, дабы имѣть на азіатскомъ берегу Чернаго моря безопасный портъ. Все сказанное онъ просилъ содержать въ глубокой тайнѣ, изъ опасенія, какъ бы англичане, провѣдавъ о соглашеніи Россіи съ Франціей, не рѣшились овладѣть проливами, и даже Константинополемъ, и основать свое право на совершившемся фактѣ.

Тогда князь Горчаковъ рѣшился на важный шагъ. 4-го мая, собравъ у себя представителей великихъ державъ въ Петербургѣ, онъ просилъ ихъ обратить вниманіе правительствъ на безпорядки, непрекращавшіеся въ различныхъ частяхъ Турціи, и на необходимость общими усиліями положить имъ конецъ, а двѣ недѣли спустя выступилъ уже съ формальнымъ предложеніемъ. Въ циркулярѣ, разосланномъ во всѣ наши посольства и миссіи, изложенъ взглядъ Императорскаго кабинета какъ на бѣдственное положеніе

дѣлъ на Востокѣ, такъ и на средства устранить истекающія изъ него опасныя послѣдствія. Документъ этотъ заслуживаетъ вниманія, какъ политическая программа, которой русскій Дворъ придерживался неуклонно по отношенію къ Портѣ и ея христіанскимъ подданнымъ во все продолженіе царствованія Императора Александра II.

„Вотъ уже болѣе года, „писалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ", какъ агенты наши въ Турціи обращаютъ наше вниманіе на, становящееся все болѣе и болѣе серьезнымъ, положеніе подвластныхъ Портѣ христіанскихъ областей, а именно, Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Положеніе это зачалось не нынѣ; но въ послѣдніе годы оно не только не улучшилось, какъ можно было надѣяться, но постоянно ухудшалось. Христіанскіе подданные его величества султана приняли съ довѣріемъ и признательностью положительныя обѣщанія преобразованій, но они доселѣ ждутъ практическаго осуществленія надежды, освященной вдвойнѣ торжественнымъ актомъ монарха и согласіемъ Европы. Страсти и ненависть не только не уменьшились, но развились съ новою силою; проявленія насилія, страданія населенія, наконецъ событія, совершившіяся на западѣ Европы и отозвавшіяся какъ ободреніе и надежда на Востокѣ, довершили приведеніе его въ состояніе броженія. Ясно, что такое положеніе не можетъ продолжаться, не подвергнувъ опасности Оттоманскую Имперію и всеобщій миръ". Упомянувъ о представленіяхъ, сдѣланныхъ Портѣ, и объ увѣщаніяхъ, обращенныхъ къ христіанамъ, а также объ обращеніи къ великимъ державамъ съ цѣлью вызвать между ними соглашеніе, князь Горчаковъ продолжалъ: „Мы не выступили съ безусловными предложеніями относительно хода дѣла, а ограничились тѣмъ, что заявили о неотложности его (urgence) и указали на цѣль. Что касается до неотложности, то мы не скрыли, что она представляется намъ недопускающею ни сомнѣній, ни замедленія; относительно же цѣли, мы разумѣли въ ней два отдѣльные фазиса: прежде всего—разслѣдованіе на мѣстѣ, немедленное, при участіи европейскихъ делегатовъ, дабы провѣрить истину фактовъ; потомъ—соглашеніе, установить которое зависитъ отъ великихъ державъ, между собою и Портою, дабы побудить ее принять нужныя органическія мѣры и тѣмъ внести въ ея отношенія къ христіанскому населенію Имперіи улучшеніе дѣйствительное, серьезное и прочное". Русскій министръ утверждалъ, что предлагаемое имъ вмѣшательство нельзя считать, ни оскорбленіемъ для Порты, которая болѣе всѣхъ прочихъ державъ заинтересована въ возстановленіи спокойствія, ни посягательствомъ на ея права. Желаемое Россіей соглашеніе великихъ державъ съ Оттоманскимъ правительствомъ должно, напротивъ, служить христіанамъ ручательствомъ участія Европы къ ихъ судьбѣ, Портѣ—доказательствомъ расположенія къ нимъ державъ. „Со своей стороны, „заключалъ князь Горчаковъ", послѣ извѣданнаго опыта, Европа не можетъ, какъ намъ кажется, найти въ чемъ-либо другомъ, кромѣ этого нравственнаго воздѣйствія, ручательствъ, требуемыхъ вопросомъ первостепенной важности, съ коимъ неразрывно связано ея спокойствіе, и въ которомъ интересы человѣколюбія совпадаютъ съ интересами политическими. Нашъ Августѣйшій Государь никогда не отрекался отъ живаго сочувствія, питаемаго имъ относительно первыхъ. Его Величество не желаетъ принять на совѣсть упрека въ молчаніи, въ виду подобныхъ страданій, въ то самое время, когда столько голосовъ возвысилось въ другихъ мѣстахъ, при условіяхъ гораздо менѣе настоятельныхъ. Впрочемъ, мы глубоко убѣждены, что такой оборотъ мыслей неразрывно связанъ съ политическимъ интересомъ, который Россія, какъ и всѣ прочія державы, полагаетъ въ поддержаніи Оттоманской имперіи. Мы льстимъ себя надеждою, что виды эти раздѣляются всѣми кабинетами. Но мы также убѣждены, что время иллюзій прошло, и что всякое колебаніе, всякое затягиваніе дѣла будутъ имѣть серьезныя послѣдствія. Содѣйствуя всѣми нашими силами увлеченію Оттоманскаго правительства на путь, который предупредитъ эту опасность, мы хотимъ дать ему доказательство нашей заботливости и въ то же время исполняемъ долгъ, налагаемый на насъ человѣколюбіемъ. Приглашая великія державы присоединиться къ намъ для достиженія этой цѣли, мы, тѣмъ самымъ, устраняемъ всякую возможность исключительныхъ видовъ или вмѣшательства".

Въ частномъ письмѣ, сопровождавшемъ отправленіе циркуляра къ Киселеву, Горчаковъ выразился о немъ: „Мы освѣтили маякомъ подводный камень“. И дѣйствительно, вслѣдъ за сообщеніемъ русскаго Двора, какъ разительное подтвержденіе развитыхъ въ немъ доводовъ, разнеслась по Европѣ вѣсть о кровавой рѣзнѣ, учиненной въ Сиріи мусульманами надъ христіанами. Событіе это устранило всѣ сомнѣнія и колебанія великихъ державъ. Въ іюлѣ собралась въ Парижѣ обще-европейская конференція по восточнымъ дѣламъ и рѣшила занять временно Сирію семитысячнымъ французскимъ корпусомъ, а производство слѣдствія и переустройство Ливана—поручить коммиссіи изъ делегатовъ великихъ державъ. Русскому уполномоченному въ конференціи, графу Киселеву, хотя и не удалось, вслѣдствіе упрямаго сопротивленія Англіи, включить въ конвенцію, въ которой были изложены всѣ вышеприведенныя рѣшенія, дополнительную статью, проектированную въ Петербургѣ, но сущность ея была все же воспроизведена въ одномъ изъ протоколовъ конференціи, гласившемъ: „Что вспоминая документъ, высокое значеніе коего признано въ статьѣ IX договора 18-го марта 1856 года“—подъ этою фразою разумѣлся гатти-гумаюнъ — „уполномоченные великихъ державъ не могутъ не заявить, что правительства ихъ нетерпѣливо ожидаютъ, чтобы, во исполненіе торжественнаго обѣщанія Высокой Порты, приняты были серьезныя мѣры къ улучшенію участи христіанъ всѣхъ исповѣданій, живущихъ въ Оттоманской имперіи“.

Успѣхъ ободрилъ князя Горчакова и онъ рѣшился сдѣлать еще шагъ по пути единенія съ Франціей въ Восточномъ вопросѣ. Отклонивъ предложенный ею въ пользу Австріи обмѣнъ Венеціи на балканское побережье Адріатики, онъ поручилъ Киселеву развѣдать, не пожелаютъ ли въ Парижѣ облечь соглашеніе съ Россіею въ форму письменнаго договора, присовокупляя, что, по мнѣнію его, тѣсный союзъ между Франціей и Россіей обезпечилъ бы взаимныя политическія выгоды обоихъ государствъ и что Франція всегда можетъ разсчитывать на готовность нашу къ тому (Elle nous y trouvera toujours prêts). „Мы просимъ только одного“, писалъ министръ, „чтобъ не нарушали нашихъ принциповъ, пожертвовать которыми мы не можемъ. Императоръ Александръ далъ понять это еще въ Штутгартѣ. Выражая такъ открыто свои дѣйствительные политическіе виды, мы просимъ, чтобы и Франція платила намъ такимъ же прямодушіемъ“.

Между графомъ Киселевымъ, съ одной стороны, Тувенелемъ, Морни и самимъ императоромъ французовъ—съ другой, завязались оживленные переговоры на предложенныхъ русскимъ Двором основаніяхъ. Къ осени выработана была слѣдующая программа соглашенія. Россія и Франція выразили желаніе, чтобы Оттоманская имперія продолжала существовать, доколѣ это окажется возможнымъ, и условились не допускать нанесенія ей какого-либо удара извнѣ, который могъ бы ускорить ея паденіе; но если въ Турціи вспыхнетъ внутренній кризисъ, то обѣ державы обязывались, не преслѣдуя никакой исключительной выгоды, дѣйствовать сообща, дабы не позволить и прочимъ державамъ обратить этотъ кризисъ въ свою пользу, въ противность началу равновѣсія Европы и интересамъ Россіи и Франціи. Въ послѣднемъ случаѣ рѣшено содѣйствовать образованію на Балканскомъ полуостровѣ небольшихъ независимыхъ государствъ, въ предѣлахъ ихъ естественныхъ этнографическихъ границъ, соединенныхъ федеративною связью съ общею союзною столицею въ Константинополѣ, провозглашенномъ вольнымъ городомъ.

Вышеизложенное соглашеніе занесено было въ протоколъ, скрѣпленный по статьямъ (paraphé) обоюдными уполномоченными, Тувенелемъ и Киселевымъ, и оставалось лишь облечь его въ форму трактата, когда состоявшееся, въ октябрѣ 1860 года, въ Варшавѣ, свиданіе русскаго императора съ императоромъ австрійскимъ и принцемъ-регентомъ прусскимъ побудило тюильрійскій кабинетъ отступиться отъ предположеннаго рѣшенія.

Въ Петербургѣ не довѣряли искренности Наполеона III, подозрѣвая его въ непостоянствѣ и двоедушіи. Самъ онъ подавалъ несомнѣнный къ тому поводъ, безпрерывно колеблясь между двумя противоположными теченіями, то выражая предпочтеніе Россіи, то снова склоняясь на сторону Англіи. Существовала и другая причина къ разладу, начинавшему обна-

руживаться между русскимъ Дворомъ и наполеоновскою Франціей. То было соучастіе ея въ революціонномъ движеніи, охватившемъ Аппенинскій полуостровъ. Императоръ Александръ строго осуждалъ предпріятіе Гарибальди на Неаполь и потворство ему со стороны покровительствуемаго Франціей сардинскаго Двора. Русскій представитель въ Туринѣ не разъ протестовалъ противъ той поддержки, которую правительство короля Виктора-Эммануила оказывало проявленіямъ народныхъ стремленій къ единству во всѣхъ концахъ Италіи. Когда же сардинскія войска, безъ объявленія войны, вступили въ Церковную область и графъ Кавуръ объявилъ во всеуслышаніе о намѣреніи присоединить Неаполитанское королевство къ Сардиніи, то русская миссія была, по Высочайшему повелѣнію, немедленно отозвана изъ Турина. „Поступки сардинскаго правительства", писалъ по этому поводу князь Горчаковъ, „не позволяютъ намъ болѣе считать его безучастнымъ въ движеніи, охватившемъ полуостровъ. Оно само приняло отвѣтственность за него и поставило себя въ вопіющее противорѣчіе съ началами народнаго права. Выставляемая имъ необходимость бороться съ анархіей не можетъ служить ему оправданіемъ, коль скоро оно воздвигаетъ преграды революціи, дабы воспринять ея наслѣдство, а не для того, чтобы остановить ея ходъ или исправить безчинства. Подобные предлоги не могутъ быть терпимы. Здѣсь рѣчь идетъ не объ итальянскомъ вопросѣ, но объ интересѣ, общемъ всѣмъ правительствамъ, о вѣчныхъ законахъ, безъ которыхъ никакой общественный порядокъ, никакой миръ, никакая безопасность, не могутъ существовать въ Европѣ. Государь Императоръ не считаетъ возможнымъ оставлять долѣе свою миссію свидѣтельницею поступковъ, осуждаемыхъ его совѣстію и убѣжденіями".

На поступательный ходъ всемірной революціи, на необходимость принять сообща мѣры къ обузданію ея, постоянно указывалъ Императоръ Александръ въ частныхъ письмахъ къ дядѣ, принцу-регенту прусскому, который воспользовался такимъ настроеніемъ царственнаго племянника, чтобы предложить ему свиданіе въ Варшавѣ, съ приглашеніемъ къ участію въ немъ и австрійскаго императора.

Какъ только слухъ о предстоявшемъ свиданіи трехъ государей достигъ до Парижа, онъ возбудилъ величайшія безпокойство и тревогу въ Наполеонѣ III и его совѣтникахъ. Ревностнѣйшій изъ сторонниковъ Россіи при тюильрійскомъ дворѣ, Морни, обратился съ довѣрительнымъ письмомъ къ князю Горчакову. Онъ привелъ русскому министру слова, вырвавшіяся у Наполеона: „Я крайне опечаленъ этимъ варшавскимъ свиданіемъ, не по существу, а по внѣшнему его виду. Огласка, политическій эффектъ этой встрѣчи принимаются въ Европѣ за несомнѣнный признакъ охлажденія къ Франціи, а это очень жаль и меня огорчаетъ. Я хорошо знаю, что чувства Императора относительно меня не измѣнились, но наша признанная дружба была великою взаимною силою, тогда какъ кажущееся удаленіе обоюдно насъ ослабляетъ". Соглашаясь съ мнѣніемъ Наполеона, Морни довольно вѣрно разгадалъ причину сближенія, происшедшаго между Петербургомъ и Вѣною, заключавшуюся въ опасеніи, какъ бы распространеніе революціоннаго движенія въ Венгріи не отразилось на Польшѣ. Но Франція, утверждалъ онъ, не виновна въ этомъ движеніи, а что касается до Польши, то ясно, что не можетъ быть и рѣчи о возстаніи ея, пока Россія и Франція состоятъ въ дружбѣ и союзѣ. Далѣе Морни доказывалъ невыгоду для Россіи какой бы то ни было политической сдѣлки съ Австріей: первая принесла бы все въ этотъ договоръ, вторая — ничего. Россія можетъ обязаться взять Австрію подъ свое покровительство, но немыслимо, чтобы Австрія покровительствовала Россіи. Приписываемое ей намѣреніе вызвать пересмотръ Парижскаго трактата—горькая насмѣшка. Не по ея ли почину потребована была отъ Россіи уступка части Бессарабіи? Пересмотръ возможенъ только по уговору съ Франціей. Наконецъ, благоразумно ли со стороны Россіи, въ ту самую минуту, когда начинается агонія турецкой силы и открывается ея наслѣдство, удаляться отъ Франціи, могущественной, мужественной и вѣрной, и искать союза съ Австріей, обладающей противуположными качествами? „Въ концѣ концовъ,—заключалъ Морни", „при франко-русскомъ союзѣ, какъ это часто говорили мы другъ другу, любезный князь, обоимъ нашимъ правитель-

ствамъ нѣчего опасаться ни внутри, ни внѣ; но разъединеніе ослабитъ ихъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, что и не Франція наиболѣе пострадаетъ отъ этого развода" (de ce divorce).

Въ отвѣтѣ своемъ князь Горчаковъ отрицалъ намѣренія, приписываемыя русскому Двору. „Зданіе, надъ сооруженіемъ котораго трудились вы и я, „увѣрялъ онъ Морни", тѣсное единеніе между Франціей и нами — существуетъ во всей цѣлости, поскольку это касается до насъ. Оно не утратило въ нашихъ глазахъ ничего изъ своихъ свойствъ и представляется намъ какъ соглашеніе, основанное на взаимныхъ и постоянныхъ интересахъ обѣихъ странъ". О союзѣ съ другими державами, утверждалъ далѣе русскій министръ, нѣтъ и рѣчи; варшавское же свиданіе внушено единственно желаніемъ всеобщаго умиротворенія. „Впрочемъ", присовокуплялъ онъ, „Россія отдѣляетъ интересы Франціи отъ прискорбныхъ явленій, совершившихся въ Италіи послѣ Виллафранкскаго мира, и считаетъ необходимымъ соглашеніе великихъ державъ, чтобы противодѣйствовать злу. Къ соглашенію этому она будетъ стремиться сообща съ Франціею, съ которою связываютъ ее и общіе взгляды на положеніе дѣлъ на Востокѣ". Письмо свое Горчаковъ оканчивалъ обѣщаніемъ „что союзъ Россіи съ Франціей не погибнетъ въ его рукахъ" (ne périclitera pas entre mes mains).

Самъ Императоръ Александръ успокоилъ французскаго посла, герцога Монтебелло, увѣреніемъ, что онъ ѣдетъ въ Варшаву не для того, чтобы образовать коалицію, а съ тѣмъ, чтобы выступить тамъ примирителемъ между Австріей и Франціей. Je vais à Varsovie pour y faire non de la coalition, mais de la conciliation.

21-го сентября Императрица Марія Александровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ, а 30-го—Государь отбылъ изъ Царскаго Села. Въ Вильнѣ выѣхали ему на встрѣчу нѣкоторые изъ нѣмецкихъ гостей: великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцы Карлъ и Альбертъ прусскіе, Августъ Виртембергскій и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. Его Величество прибылъ въ Варшаву 8-го октября, въ одинъ день съ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, прослѣдовавшимъ туда прямо изъ Петербурга. На другой день пріѣхалъ принцъ-регентъ прусскій съ великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, на третій—императоръ австрійскій. Монарховъ сопровождала многочисленная и блестящая свита. Съ принцомъ Вильгельмомъ прибыли: министръ-президентъ князь Карлъ-Антонъ Гогенцоллернскій и военный министръ генералъ Роонъ; съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ — министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рехбергъ и генералъ-адъютанты графы Кренневиль и Куденговъ. Въ свитѣ Императора Александра находились: князь А. М. Горчаковъ, принцы Георгъ Мекленбургъ-Стрелицкій и Александръ Гессенскій и прусскій посланникъ въ Петербургѣ, Бисмаркъ. Кромѣ того, какъ и въ предшедшемъ году, ко дню прибытія Государя съѣхались въ Варшаву дипломатическіе представители Россіи при главныхъ европейскихъ дворахъ: изъ Вѣны—Балабинъ, изъ Берлина—баронъ Будбергъ, изъ Парижа—графъ Киселевъ.

Киселева Александръ Николаевичъ встрѣтилъ выраженіемъ недовѣрія къ „Іудовику-Наполеону", повтореніемъ упрековъ ему за вилла-франкское перемиріе, неодобрительнымъ отзывомъ о его политикѣ въ Италіи. Пріемъ этотъ уже предрѣшилъ участь привезенной Киселевымъ записки: *о пользѣ оборонительнаго союза съ Франціей, съ точнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ обязательствъ договаривающихся сторонъ.* Ознакомясь съ нею и передавая ее князю Горчакову, Его Величество надписалъ: „Противъ кого?" Записка и проектъ договора остались, конечно, безъ послѣдствій.

Пріемы, ученья и смотры, обѣды, спектакли, въ продолженіе четырехъ дней, чередовались съ совѣщаніями, происходившими между Государями и ихъ министрами. Положено потребовать отъ Наполеона гарантій, съ цѣлью сохранить миръ Европы, поддержать расшатанныя основы народнаго права и остановить успѣхи всеобщей революціи. Но князю Горчакову удалось отклонить все, что могло придать этому рѣшенію характеръ вызывающій или просто враждебный Франціи. Вызвавшись быть посредникомъ между Вѣной и Берлиномъ, съ одной стороны, и Парижемъ—съ другой, онъ могъ писать Морни, что варшавское свиданіе было одинаково благопріятно для Россіи и для

Франціи: для Россіи потому, что убѣдились въ невозможности распорядиться въ чужую пользу ея вещественными силами; для Франціи—ибо удостовѣрились, что единеніе съ нею продолжаетъ служить основаніемъ русской политики и что никакая коалиція невозможна противъ нея, пока того не хочетъ Россія. Князь Александръ Михайловичъ, увѣщевая Морни содѣйствовать, со своей стороны, упроченію этого результата отказомъ Франціи отъ солидарности съ революціей, просилъ его не поступаться „принципами", замѣчая: „Безъ нихъ нельзя создать ничего прочнаго. Между нами существуетъ достаточно первостепенныхъ интересовъ, чтобы служить намъ общею связью. Мы принимаемъ въ разсчетъ требованіе времени, но Европа не находится въ состояніи первобытнаго общества, когда все было tabula rasa, и мы твердо увѣрены, что отреченіе отъ понятій права, изъ которыхъ истекаютъ принципы, не есть условіе ни прогресса, ни цивилизаціи, въ мало-мальски устойчивомъ дѣлѣ". Въ томъ же смыслѣ высказался министръ и предъ французскимъ посломъ въ Петербургѣ.

Такъ выражалась русская дипломатія, но въ нашихъ военныхъ кругахъ не считали Наполеона III расположеннымъ послѣдовать преподаннымъ ему совѣтамъ умѣренности. Ожидали разрыва Австріи съ Сардиніей и опасались, какъ бы онъ не сопровождался возстаніемъ Венгріи, которое распространилось бы на балканскихъ христіанъ и на Галицію. Полагали, что обѣ морскія державы будутъ поддерживать это движеніе сначала тайно, а потомъ и явно, вооруженною рукою. На этотъ случай считали необходимымъ принять нѣкоторыя военныя мѣры, усилить войска, расположенныя въ Царствѣ Польскомъ, увеличить артиллерію, вызвать нѣсколько казачьихъ полковъ съ Дона, заготовить провіантъ, все это не взирая на крайнее оскудѣніе государственнаго казначейства. Государь раздѣлялъ этотъ взглядъ, выраженный во всеподданнѣйшей запискѣ намѣстника Царства Польскаго и главнокомандующаго 1-ю арміею, князя М. Д. Горчакова, и положилъ на ней слѣдующую резолюцію: „Первыя соображенія (о мѣрахъ подготовительныхъ) одобряю, но предоставляю себѣ рѣшить, когда къ нимъ приступить. На счетъ же вторыхъ, (постановка арміи на военную ногу), не дай Богъ, чтобы намъ нужно было къ нимъ приступать, и надѣюсь, что дипломатическими сношеніями намъ удастся отвратить опасенія, о которыхъ князь Горчаковъ упоминаетъ, иначе будетъ повтореніе 1854 года".

Варшавскія совѣщанія были прерваны горестнымъ извѣстіемъ объ опасномъ оборотѣ, внезапно принятомъ болѣзнью вдовствующей Императрицы. Императоръ Александръ тотчасъ оставилъ Варшаву, а гости его разъѣхались оттуда уже послѣ его отъѣзда. Государь спѣшилъ къ одру умирающей матери и прибылъ въ Царское Село 16-го октября. Три дня спустя, 19-го числа, Императрица Александра Ѳеодоровна мирно опочила, окруженная всѣми членами царской семьи. 5-го ноября тѣло ея предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробницею Августѣйшаго Супруга, Императора Николая I.

VI.

Присоединеніе Амура и Уссури и покореніе Кавказа.

1855—1864.

Съ первыхъ дней царствованія Императора Александра II, внѣшняя политика русскаго Двора, будучи выжидательною въ Европѣ, явилась весьма дѣятельною на крайнемъ Востокѣ, благодаря энергіи генералъ-губернатора Восточной Сибири, Н. Н. Муравьева, и неуклонной твердости, съ которою поддерживалъ его, во всѣхъ начинаніяхъ, самъ Государь.

Занятіемъ устьевъ Амура и заложеніемъ Николаевскаго поста въ 1851 году положено начало водворенію русскаго владычества въ этой части побережья Восточнаго океана. Но долина Амура считалась еще принадлежавшею Китаю, съ согласія котораго мы въ 1854 года, по объявленіи намъ войны Англіею и Франціею, сплавили внизъ по рѣкѣ подкрѣпленія людьми, оружіемъ и снарядами, для усиленія войскъ, занимавшихъ Камчатскую область и административный центръ ея—Петропавловскій портъ. Въ слѣдующемъ, 1855 году, въ виду ожидаемаго нападенія союзной англо-французской эскадры, Муравьевымъ сдѣлано распоряженіе о переводѣ изъ Петропавловска

въ устье Амура какъ всего гарнизона, такъ и мѣстной нашей эскадры.

Вступивъ на престолъ, Императоръ Александръ подтвердилъ полномочія, данныя Муравьеву Императоромъ Николаемъ для веденія переговоровъ съ китайцами о разграниченіи обѣихъ сосѣднихъ имперій и, вопреки выраженному канцлеромъ, графомъ Нессельроде опасенію, что Китай едва ли согласится на земельныя уступки безъ войны, признавъ необходимымъ,—какъ писалъ о томъ Муравьеву Великій Князь Константинъ Николаевичъ — въ видахъ развитія Сибирскаго края, „утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи". Первое изъ этихъ требованій было предъявлено Муравьевымъ китайскимъ уполномоченнымъ, прибывшимъ къ нему, лѣтомъ 1855 года, въ Маріинскій постъ на Амурѣ, но тѣ отвѣчали уклончиво и условія наши сообщили въ Пекинъ. Муравьевъ хотя и предпочиталъ мирный исходъ переговоровъ, но пригрозилъ китайцамъ готовностью, въ случаѣ противодѣйствія ихъ свободному движенію нашихъ войскъ по Амуру, двинуться въ Монголію и Манджурію. Китайскій трибуналъ, завѣдывавшій внѣшними сношеніями Небесной имперіи, въ листѣ на имя русскаго сената, жаловался на неукротимаго генералъ-губернатора, выставляя на видъ, что, подъ предлогомъ защиты отъ англійскаго флота, послѣдній занялъ на рѣкѣ Сунгари отъ моря нѣсколько городовъ и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань богдыхану. Находя, что генералъ Муравьевъ „вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира", трибуналъ просилъ „вразумить Муравьева". Министерство иностранныхъ дѣлъ не считало возможнымъ простирать наши требованія къ Китаю далѣе испрошенія согласія Пекинскаго правительства на свободное плаваніе по Амуру и учрежденія на лѣвомъ берегу его нѣсколькихъ станцій для склада провіанта и топлива. Но, прибывшій весною, 1856 года, въ Петербургъ, Муравьевъ успѣлъ убѣдить Государя въ важности пріобрѣтенія для Россіи въ собственность Амурскаго края и Приморской области, и, вслѣдствіе его представленій, Императоръ повелѣлъ: снабдить генералъ-губернатора Восточной Сибири новыми полномочіями для продолженія съ китайцами переговоровъ на предъявленныхъ уже имъ условіяхъ; плаваніе же по Амуру продолжать, предложивъ китайцамъ за требуемыя земельныя уступки нѣсколько артиллерійскихъ орудій; при этомъ воздерживаться, впрочемъ, отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ; открытую силу употреблять лишь для освобожденія русскихъ изъ плѣна, въ случаѣ задержанія ихъ китайцами, и, дѣйствуя скорыми и рѣшительными мѣрами, избѣгать продолжительной переписки и вообще всякихъ проволочекъ.

Считая себя обойденнымъ состоявшимся въ день коронаціи производствомъ младшаго своего сверстника, князя Барятинскаго, въ генералы-отъ-инфантеріи, Н. Н. Муравьевъ просилъ объ увольненіи отъ службы, но Государь отставки его не принялъ и велѣлъ передать ему, чрезъ военнаго министра, чтобы онъ продолжалъ свою полезную дѣятельность. Муравьевъ повиновался и изъ Москвы отправился въ Иркутскъ. По его предложенію, изъ вновь занятыхъ земель образована Приморская область, подчиненная военному губернатору, имѣвшему пребываніе въ Николаевскѣ, и обнимавшая прежнюю область Камчатскую и края Удскій и Приамурскій. По Высочайшему повелѣнію, лишь административныя дѣла, касавшіяся этихъ мѣстностей, разрѣшались въ Сибирскомъ комитетѣ; дѣла же политическія обсуждались въ особомъ Амурскомъ комитетѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Государь, а въ отсутствіе Его Величества, Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Оставалось утвердить это пріобрѣтеніе заключеніемъ договора о границахъ съ Китаемъ. Съ такою цѣлью, въ началѣ 1857 года, отправленъ въ Китай вице-адмиралъ графъ Путятинъ, въ самый разгаръ послѣдней восточной войны, заключившій въ Симодѣ выгодный торговый трактатъ съ Японіей. Китайское правительство отказало Путятину въ пропускѣ въ Пекинъ, сухимъ путемъ чрезъ Кяхту, и адмиралъ вынужденъ былъ направиться туда внизъ по Амуру, а затѣмъ, изъ Николаевска, моремъ. 1-го іюня 1858 года Путятинъ, хотя и подписалъ съ китайскими уполномоченными въ Тянь-Цзинѣ договоръ, которымъ на Россію распространены всѣ преимущества политиче-

скія и торговыя, какъ уже пріобрѣтенныя, такъ и имѣющія быть пріобрѣтенными впредь наиболѣе благопріятствуемыми Китаемъ иностранными державами, но главный вопросъ объ опредѣленіи границы остался открытымъ. „Неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіею", гласила 9-я статья договора, „будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату". Условіе это оказалось уже исполненнымъ ровно за двѣ недѣли до подписанія тянь-цзинскаго договора 10-го мая, Муравьевъ приплылъ въ китайскій городъ Айгунъ, расположенный на правомъ берегу Амура, противъ устья рѣки Зеи, и послѣ продолжавшихся шесть дней переговоровъ, 16-го числа того же мѣсяца, убѣдилъ амурскаго главнокомандующаго, князя И-Шань, приложить свою подпись къ трактату, которымъ лѣвый берегъ Амура, отъ рѣки Аргуня до устья, признавался собственностью Россіи, а весь Уссурійскій край, отъ впаденія Уссури въ Амуръ и до моря, объявлялся въ общемъ владѣніи Россіи и Китая; свободное же плаваніе по рѣкамъ Амуру, Сунгари и Уссури предоставлялось лишь русскимъ и китайскимъ подданнымъ, съ исключеніемъ судовъ всѣхъ прочихъ державъ. На всеподданнѣйшемъ о томъ донесеніи Муравьева, Государь надписалъ: „Слава Богу!" и въ рескриптѣ на имя генералъ-губернатора, въ слѣдующихъ выраженіяхъ воздалъ хвалу его государственнымъ заслугамъ: „Вы вполнѣ оправдали довѣріе наше одиннадцатилѣтними трудами на пользу и благоустройство ввѣренной управленію вашему Восточной Сибири. Просвѣщеннымъ дѣйствіямъ вашимъ обязанъ этотъ край началомъ своего гражданственнаго возрожденія; благоразумными и настойчивыми мѣрами, вами принятыми, упрочены наши мирныя сношенія съ сосѣднимъ Китаемъ и заключеннымъ вами трактатомъ дарованъ Сибири новый торговый путь по рѣкѣ Амуру, служащій залогомъ будущему промышленному развитію государства. Столь счастливое для Россіи событіе даетъ вамъ справедливое право на искреннюю мою признательность. Въ воздаяніе за таковыя заслуги ваши, Я возвелъ васъ, указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство, съ присовокупленіемъ къ имени вашему названія Амурскаго, въ память о томъ краѣ, которому, въ особенности, посвящены были, въ послѣдніе годы, настоятельные труды ваши и постоянная заботливость". Пожалованіе графскаго титула свидѣтельствовало о высокой цѣнѣ, которую Императоръ Александръ придавалъ трудамъ и дарованіямъ государственнаго дѣятеля, вызвавшаго къ новой жизни обширный, ввѣренный его попеченію край, и возвратившаго Россіи Амурскую область, древнее ея достояніе, двѣсти лѣтъ остававшееся подъ властью Китая. Къ неуживчивому характеру Муравьева, къ рѣзкимъ его отношеніямъ къ разнымъ правительственнымъ вѣдомствамъ, въ особенности къ министерству иностранныхъ дѣлъ, Государь относился снисходительно и самъ такъ выразился о Муравьевѣ: „Его не передѣлаешь, а надобно умѣть воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги, имъ оказанныя". Со своей стороны, Муравьевъ свидѣтельствуетъ, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеній: „Если-бъ оно (Амурское дѣло) не началось десять лѣтъ тому назадъ и если-бъ не удостоилось Высочайшаго вниманія и покровительства Вашего Величества, то Амуръ никогда бы уже не принадлежалъ Россіи".

Пекинское правительство долго не рѣшалось утвердить сдѣлку, заключенную его уполномоченнымъ въ Айгунѣ. Лишь болѣе двухъ лѣтъ спустя, первый русскій посланникъ при Дворѣ богдыхана, генералъ-маіоръ Н. П. Игнатьевъ, ловко пользуясь разрывомъ Китая съ Англіею и Франціею и разгромомъ китайскихъ силъ союзными войсками морскихъ державъ, чтобы выступить примирителемъ между представителями ихъ и китайскимъ правительствомъ,—успѣлъ обратить это посредничество въ пользу Россіи и побудить послѣднее, формальнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Пекинѣ, 2-го ноября 1860 года, дать полное удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ русскаго Двора. Пекинскимъ трактатомъ, который графъ Муравьевъ-Амурскій справедливо называетъ „политической побѣдой", договоры тянь-цзинскій и айгунскій подтверждены и дополнены всѣмъ, чего въ нихъ недоставало, а владычество Россіи распространено на обширное про-

странство отъ Уссури до моря, на которомъ воздвигся вскорѣ Владивостокъ.

Со времени Пекинскаго договора, въ столицѣ Китая учреждена постоянная русская дипломатическая миссія. Такая же миссія водворена и въ столицѣ Японіи, сначала въ Іедо, потомъ въ Кіото, въ силу трактата, заключеннаго графомъ Путятинымъ 7-го августа 1858 года. Давній предметъ спора между Россіей и Японіей, южная часть острова Сахалина, бывшая дотолѣ въ общемъ владѣніи обѣихъ державъ, вполнѣ уступлена Россіи договоромъ, подписаннымъ въ С.-Петербургѣ 25-го апрѣля 1875 года, въ обмѣнъ отошедшей къ Японіи гряды Курильскихъ острововъ.

Одновременно съ расширеніемъ русской государственной области въ дальнихъ краяхъ Востока, на южной окраинѣ Имперіи совершилось другое великое дѣло: окончательно покоренъ Кавказъ.

Мысль о томъ, чтобы, по заключеніи мира, воспользоваться двинутыми на Кавказъ въ подкрѣпленіе мѣстныхъ войскъ, во время послѣдней восточной войны, войсками для нанесенія непокорнымъ горцамъ рѣшительнаго удара,—принадлежала молодому генералу Д. А. Милютину, изложившему ее въ запискѣ, которую онъ, еще осенью 1854 года, представилъ Императору Николаю. Въ началѣ 1856 года, Александръ Николаевичъ передалъ эту записку военному министру съ приказаніемъ потребовать заключенія по возбужденному въ ней вопросу отъ намѣстниковъ кавказскихъ—бывшаго, князя Воронцова, и настоящаго — Н. Н. Муравьева, а также и отъ занимавшаго должность начальника штаба кн. Воронцова, князя А. И. Барятинскаго. Отзывъ Муравьева былъ не въ пользу предложенія Милютина, но Барятинскій, въ цѣломъ рядѣ записокъ, горячо поддержалъ его, развивъ и дополнивъ собственными соображеніями. Военный министръ Сухозанетъ склонялся на сторону намѣстника. „Я, напротивъ того, вполнѣ раздѣляю мнѣніе князя Барятинскаго“, надписалъ Императоръ на докладѣ министра, а на одной изъ записокъ Барятинскаго: „Мысли, изложенныя въ сей запискѣ, нахожу основательными и совершенно согласенъ съ ними“. Когда, нѣсколько времени спустя, Муравьевъ самъ попросилъ объ увольненіи, то выборъ Государя естественно остановился на Барятинскомъ. 22-го іюля 1856 года, князь Александръ Ивановичъ назначенъ и. д. намѣстника кавказскаго и командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. Самъ онъ настоялъ на назначеніи генерала Милютина своимъ начальникомъ штаба.

Тотчасъ послѣ коронаціи, Барятинскій отправился въ Тифлисъ и, вступивъ въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ и войсками, отдалъ слѣдующій приказъ: „Воины Кавказа, смотря на васъ и дивяся вамъ, я выросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ назначеніемъ быть вождемъ вашимъ. Трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь. Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя“.

1857-й годъ прошелъ въ приготовленіяхъ. Къ осени, новый намѣстникъ проектировалъ обширную систему преобразованій, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи краемъ, и командировалъ въ Петербургъ своего начальника штаба для представленія словесныхъ по нимъ объясненій. Императоръ Александръ одобрилъ всѣ предположенія своего избранника и личнаго друга, и 3-го декабря 1857 года, Милютинъ писалъ Барятинскому: „Спѣшу поздравить ваше сіятельство съ успѣшнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, которыя вамъ угодно было возложить на меня при отправленіи въ Петербургъ. Вчера, по случайному стеченію обстоятельствъ, доложены Государю Императору и проекты штатовъ военныхъ управленій, и проектъ новаго морского устройства, а въ то же время, въ Кавказскомъ комитетѣ обсуждались въ моемъ присутствіи три дѣла: предположенія ваши о христіанскомъ братствѣ, представленія о прекращеніи каботажнаго судоходства вдоль восточнаго берега и упраздненіи Анапы и, наконецъ, новый штатъ управленія мирными горцами. Всѣ рѣшенія были весьма благопріятны. Сегодня, за обѣдомъ, Государь Императоръ изволилъ лично объявить мнѣ, что Его Величество утвердилъ всѣ представленные проекты, а Государыня Императрица изволила согласиться принять подъ непосредственное свое попечительство предполагаемое Общество распространенія христіанства въ Кавказскихъ горахъ“. Полное довѣріе и дружеское рас-

*

положеніе Царя къ юному вождю выразилось въ переименованіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ кавказскую армію, съ возведеніемъ Барятинскаго въ званіе главнокомандующаго.

Зрѣло обдуманный и тщательно соображенный съ мѣстными условіями операціонный планъ князя Барятинскаго состоялъ въ рѣшительномъ наступленіи на Шамиля, преимущественно со стороны Чечни, и въ одновременномъ стѣсненіи общей блокадной вокругъ него линіи. Подготовительною къ тому мѣрою была прорубка широкихъ просѣкъ въ вѣковыхъ лѣсахъ, преграждавшихъ доступъ въ дебри Дагестана. Лѣтомъ 1857 года, начальникъ лѣваго фланга кавказской линіи, генералъ Евдокимовъ, началъ наступленіе въ Малую и Большую Чечню и затѣмъ въ Аухъ, а по занятіи этихъ областей, въ январѣ 1858 года, прорвался въ Аргунское ущелье, взявъ приступомъ завалы, нагроможденные горцами при входѣ въ него. 1-го апрѣля 1859 года палъ Ведень, много лѣтъ служившій главнымъ мѣстопребываніемъ Шамиля и средоточіемъ его власти.

Путь въ Дагестанъ былъ открытъ. Войска наши наступали съ трехъ сторонъ, раздѣленныя на три отряда: Чеченскій—Евдокимова, Дагестанскій—барона Врангеля и Лезгинскій—князя Меликова, подъ личнымъ предводительствомъ Барятинскаго, 14-го іюля прибывшаго къ Чеченскому отряду. О рядѣ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ подвиговъ этого достопамятнаго похода краснорѣчиво свидѣтельствуютъ приказы главнокомандующаго по кавказской арміи: *21-го іюля, въ лагерѣ при озерѣ Ресило*: „Войска Дагестанскаго отряда, вы храбро заняли переправу чрезъ Койсу и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ". *27-го іюля, въ Андіи, близъ аула Тоидо*: „Сегодня доношу я Государю Императору о покореніи его державѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлая и другихъ верхнихъ обществъ. Благодарю войска Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ, всѣхъ, отъ генерала до солдата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго Монарха". *Отъ 6-го августа, близъ аула Канхадатль*: „Въ безсмертномъ подвигѣ покоренія Восточнаго Кавказа самая тяжкая доля трудовъ предстояла вамъ, войска Лезгинскаго отряда. Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія. Примите, братцы, мое душевное спасибо".

22-го августа князь Барятинскій отправилъ къ Государю слѣдующую телеграмму: „Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Величество съ августѣйшимъ тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго, до Военно-Грузинской дороги, Кавказъ покоренъ державѣ вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятеля въ нашихъ рукахъ. Я лично былъ въ Карстѣ, Тлохѣ, Игали, Ахульго, Гимрахъ, Укцукулѣ, Хунзахѣ, Тимотлѣ, Чохѣ. Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами". Въ тотъ же день, въ приказѣ по кавказской арміи, главнокомандующій писалъ: „Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край я призвалъ васъ на стяжаніе великой славы Государю нашему—и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили Кавказъ, отъ моря Каспійскаго, до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно, со всею силою душевнаго моего выраженія, до глубины сердецъ вашихъ". Наконецъ, три дня спустя послѣдовалъ другой приказъ: „Гунибъ взятъ; Шамиль въ плѣну; поздравляю Кавказскую армію".

Побѣдныя вѣсти съ Кавказа радостно отзывались въ сердцѣ Императора Александра. Онѣ блестящимъ образомъ подтверждали его выборъ, рѣшимость во что бы то ни стало покончить съ пятидесятилѣтнею войною и, поборовъ упорное сопротивленіе горцевъ, умиротворить и на вѣки утвердить за Россіею благословенный Кавказскій край. Какъ только дошло до Петербурга извѣстіе объ успѣхѣ, ознаменовавшемъ наступательное движеніе, предпринятое внутрь Дагестана, Государь прислалъ Барятинскому Георгіевскую звѣзду второй степени, при грамотѣ, въ которой такъ оцѣнивались достигнутые на Кавказѣ результаты: „Храбрыя войска ввѣренной вамъ арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ, совершили общее наступательное движеніе, увѣнчавшееся въ короткое время блистательнымъ военнымъ успѣхомъ, въ странѣ, шестнадцать лѣтъ

служившей опорою непріязненнымъ противнымъ дѣйствіямъ предводителя враждебныхъ намъ горскихъ племенъ Кавказа. Быстрое покореніе воинственнаго населенія Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлая и другихъ верхнихъ обществъ и отступленіе непріятеля, безъ всякаго почти сопротивленія, отъ воздвигнутыхъ имъ укрѣпленій, послѣ паденія Веденя, свидѣтельствуютъ о превосходной вашей распорядительности, съ которою предпринятыя вами въ этой странѣ военныя дѣйствія направлены къ предначертанной для оныхъ цѣли. Относя успѣшный ходъ постепеннаго покоренія оружію нашему Кавказа къ глубоко обдуманнымъ и настойчиво проводимымъ вами, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, въ исполненіе мѣрами, мы признали справедливымъ изъявить вамъ особенную Монаршую признательность и совершенное наше благоволеніе за неутомимые труды и важныя военныя заслуги ваши на пользу ввѣреннаго вамъ края, и въ ознаменованіе сего, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени". Въ собственноручномъ письмѣ, Государь поручилъ князю Александру Ивановичу сказать „кавказскимъ молодцамъ искреннее спасибо и что они ему опять доказали, что для нихъ невозможнаго нѣтъ".

„Отличною воинскою распорядительностью вашею,—гласила Высочайшая грамота на имя князя Барятинскаго, подписанная Императоромъ по полученіи вѣсти о взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля,—даровано окончательное замиреніе восточной части Кавказа. Доблестныя войска предводительствуемой вами арміи, сосредоточенныя подъ непосредственнымъ распоряженіемъ вашимъ въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ, совершили покореніе всѣхъ враждебныхъ намъ издавна горскихъ племенъ, отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги. Главный виновникъ и вождь въ долговременной, ожесточенной борьбѣ противъ насъ мюридизма, Шамиль, окруженный въ укрѣпленномъ Гунибѣ войсками, подъ личнымъ вашимъ начальствомъ состоявшими, взятъ съ боя въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами его. Отнынѣ предстоитъ вамъ, во вновь покоренной странѣ, не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными нашими гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія. Желая почтить совершенный вами славный подвигъ и изъявить полную душевную нашу къ вамъ признательность, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего святаго Андрея Первозваннаго съ мечами".

По Высочайшему повелѣнію, плѣнный Шамиль и семья его были отправлены въ Россію, для водворенія въ Калугѣ. По пути, онъ былъ остановленъ въ Харьковѣ и препровожденъ, съ однимъ изъ сыновей своихъ, въ Чугуевъ, гдѣ находился Императоръ, для представленія Его Величеству. Государь оказалъ Шамилю самый ласковый и милостивый пріемъ, до глубины души растрогавшій старца имама. Въ Харьковѣ Шамиль и сынъ его присутствовали на балѣ, даннымъ дворянствомъ по случаю Высочайшаго пріѣзда.

Потрясающее впечатлѣніе, произведенное на умы кавказскихъ горцевъ паденіемъ Гуниба и взятіемъ въ плѣнъ Шамиля, не замедлило отразиться и на Западномъ Кавказѣ. Глава воинственнаго племени абадзеховъ, Мегметъ-Аминь, добровольно покорился со всѣми своими сторонниками. Этотъ новый успѣхъ, сулившій въ близкомъ будущемъ замиреніе всего Кавказа, побудилъ Государя возвести Барятинскаго въ высшее военное званіе генералъ-фельдмаршала.

Между тѣмъ, неутомимый намѣстникъ дѣятельно принялся за дѣло водворенія русской власти среди непокорныхъ горцевъ, населявшихъ Западный Кавказъ. Войска, покорившія Дагестанъ, двинуты имъ съ лѣваго на правый флангъ кавказской линіи и начальство надъ нимъ ввѣрено дѣятельнѣйшему изъ сподвижниковъ фельдмаршала, возведенному въ графское достоинство, генералу Евдокимову.

Для обезпеченія успѣха этому предпріятію, намѣстникъ просилъ оставить на Кавказѣ временно прикомандированныя къ Кавказской арміи двѣ дивизіи, на что Государь согласился, но подъ условіемъ, чтобы войска эти не оставались тамъ долѣе конца 1860 года. Въ собственноручной запискѣ Его Величество писалъ по этому поводу: „Сознавая всю важность военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, предпринятыхъ со времени назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ Кавказскою арміею, я не

щадилъ ни расходовъ, ни средствъ къ усиленію тамошнихъ войскъ. Блистательные результаты, достигнутые, съ Божіей помощью и благодаря дѣльнымъ распоряженіямъ князя Барятинскаго, въ особенности въ 1859 году, вполнѣ оправдали и, могу по совѣсти сказать, превзошли мои ожиданія". Государь находилъ, что, послѣ сдачи Шамиля и изъявленія покорности Мегметъ-Аминемъ, позволительно ожидать скораго умиротворенія и всего Западнаго Кавказа, послѣ чего, для упроченія нашего владычества въ краѣ, признавалъ нужнымъ: 1) ввести правильную и справедливую администрацію во всѣхъ покоренныхъ племенахъ; 2) прочно укрѣпить важнѣйшіе стратегическіе пункты; 3) проложить надежные и во всякое время удобные пути сообщенія. „Для достиженія сихъ важныхъ и необходимыхъ мирныхъ результатовъ,— продолжалъ Императоръ, — нужны также средства и денежныя, и матеріальныя, т.-е. руки. Вотъ почему я склоненъ оставить на 1860 годъ на Кавказѣ всѣ войска, временно туда командированныя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я желаю и требую, чтобы князь Барятинскій не терялъ изъ виду, что долѣе нынѣшняго года войска тамъ оставаться не могутъ, а должны быть возвращены на постоянныя свои квартиры... Отдавая полную справедливость князю Барятинскому, за дѣльныя его распоряженія, какъ по военной части, такъ и по гражданскому управленію Кавказскимъ краемъ, я увѣренъ, что, съ свѣтлымъ государственнымъ умомъ его, онъ не будетъ терять изъ виду, что Кавказъ есть часть Россіи и что Россія вправѣ отъ него требовать, чтобы, при теперешнемъ затруднительномъ нашемъ финансовомъ положеніи, онъ, со своей стороны, помогалъ ей уменьшеніемъ, а не увеличеніемъ расходовъ. Виды его на будущее, лично имъ мнѣ сообщенные, обѣщаютъ важные результаты, но дѣло идетъ о теперешнемъ затруднительномъ положеніи государства, слѣдовательно, хотя я и сознаю всю ихъ пользу, но необходимо ихъ отложить до времени, если средства Кавказскаго края недостаточны для покрытія нужныхъ для сего расходовъ, ибо государственное казначейство рѣшительно не можетъ ничего для этого сдѣлать".

„Дороги, мосты, укрѣпленія, просѣки, и главнымъ образомъ колонизація края казаками,—оправдывался фельдмаршалъ въ отвѣтномъ письмѣ Государю,—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; они твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ... Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ, я, до сихъ поръ, руководствовался идеею, удостоившеюся одобренія и Вашего Величества: оставить несостоятельную систему частныхъ экспедицій, вести *постоянную* наступательную войну, предѣлъ которой положила бы только полная побѣда и окончательное завоеваніе всего края: эту войну нельзя прекратить по своему желанію, точно также какъ нельзя препятствовать непріятельскимъ вторженіямъ, когда руки связаны внѣшней войной. Въ такихъ случаяхъ не задумываются надъ милліонными расходами, и жертва эта часто приносится только для того, чтобы охранить цѣлость естественныхъ границъ страны, тогда какъ теперь намъ остается только завершить завоеваніе, бо́льшая часть котораго уже совершена. Настало время оправдать всѣ жертвы, принесенныя Россіею за послѣднее полстолѣтіе: все это потребуетъ только сравнительно незначительныхъ расходовъ и нѣкотораго увеличенія численности войскъ, а взамѣнъ дастъ намъ новые источники обогащенія Россіи и первенствующее положеніе въ Азіи. Сообразуясь съ ходомъ политики, становится болѣе чѣмъ вѣроятно, да и Ваше Величество также понимаете это, что Востокъ въ скоромъ времени станетъ театромъ, на которомъ будутъ окончательно рѣшаться великіе спорные вопросы, и если къ тому времени Кавказъ не будетъ совершенно покоренъ, а стало быть — наши мосты, укрѣпленія и дороги не будутъ окончены, то мы не посмѣемъ располагать ни однимъ человѣкомъ, изо всей этой славной арміи, чтобы перейти границу".

Прибывъ въ Закубанскій край, Евдокимовъ съ обычною энергіею принялся за дѣло. Войска его двигались въ направленіи съ сѣверо-запада къ юго-востоку, утверждаясь въ пространствѣ между Кубанью и моремъ. Ими построено нѣсколько укрѣпленій, вдоль теченія рѣкъ, впадающихъ въ Кубань, основаны станицы, проложены просѣки и устроены удобные мосты и дороги по пройденному пути.

Къ сожалѣнію, тяжкій недугъ не позволилъ фельдмаршалу самому руководить на мѣстѣ военными дѣйствіями. Весною

1861 года, онъ вынужденъ былъ оставить ввѣренный ему край и болѣе туда не возвращался. Въ отсутствіе Барятинскаго, Императоръ Александръ пожелалъ воспользоваться пребываніемъ въ Крыму, чтобы лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ на Западномъ Кавказѣ и съ этою цѣлью, осенью того же года, предпринялъ поѣздку въ Закубанскій край. 11-го сентября, Его Величество высадился на берегъ въ Тамани, и проведя ночь въ Екатеринодарѣ, направился къ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ горцевъ. Государь посѣтилъ новыя укрѣпленія: Дмитріевское, Григорьевское, Усть-Лабинское и Майкопское, участвовалъ въ рекогносцировкѣ за рѣку Бѣлую, и въ лагерѣ Верхне-Абадзехскаго отряда, 18-го сентября, принялъ депутацію отъ 60 непокорныхъ горскихъ племенъ. Предъявленныя горцами условія для изъявленія покорности не могли быть приняты, и потому имъ объявили, что, въ продолженіе мѣсяца, они должны окончательно рѣшить: желаютъ они выселиться изъ горъ на указанныя имъ мѣста, или переселиться въ Турцію? Оставляя лагерь, Государь сказалъ начальствовавшему въ немъ генералу Ольшевскому: „Постарайся до времени не раздражать твоихъ разгнѣванныхъ сосѣдей“. 24-го Его Величество отплылъ на пароходѣ „Тигръ“ изъ укрѣпленія Константиновскаго въ Поти, откуда, чрезъ Абхазію и Мингрелію, прослѣдовалъ въ Кутаисъ и 29-го возвратился въ Ливадію.

Состояніе здоровья князя Барятинскаго, воспрепятствовавшее ему сопутствовать Государю во время поѣздки по Кавказу, продолжало ухудшаться. Мучительные припадки подагры надолго приковали его къ постели, и самъ онъ возбудилъ предъ Государемъ вопросъ о назначеніи ему преемника. Въ ноябрѣ 1862 года, Императоръ послалъ къ нему въ Вильну, гдѣ лежалъ больной фельдмаршалъ, ближайшее къ себѣ лицо—графа А. В. Адлерберга съ собственноручнымъ письмомъ, вскорѣ послѣ чего, 6-го декабря, Барятинскій уволенъ, по прошенію, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ назначенъ на его мѣсто намѣстникомъ кавказскимъ и командующимъ кавказскою арміею.

Всею душою привязанный къ Кавказскому краю, князь Барятинскій и по оставленіи должности намѣстника не былъ безучастенъ къ его судьбѣ. Доказательствомъ тому служитъ письмо его къ августѣйшему своему преемнику, въ которомъ онъ счелъ долгомъ подѣлиться съ Великимъ Княземъ богатымъ запасомъ своей опытности, какъ администратора, такъ и военачальника. „По моему,—писалъ онъ,—главная ошибка, даже иногда и правительственныхъ лицъ, заключается въ безсознательной непріязни къ чужой народности и въ невольной наклонности къ насильственному порабощенію ея собственнымъ привычкамъ и обычаямъ. Послѣдствія такого вліянія такъ сильны, что, проникая въ низшіе слои чиновничества, нерѣдко даже отражаются на мелочахъ обыкновенныхъ сношеній, въ быту обыденной жизни, и одинаково оскорбляютъ чувства всѣхъ сословій, отъ мала до велика, отъ богатаго до бѣднаго. Спрашивается, можетъ ли такой нравственный гнетъ породить привязанность и любовь народа къ правительству?“ Въ силу этихъ соображеній, фельдмаршалъ поставилъ себѣ правиломъ, „какъ можно болѣе привязать край къ правительству, управляя каждой народностью съ любовью и съ полнымъ почтеніемъ къ завѣтнымъ обычаямъ и преданіямъ“.—„Администраторъ,—разсуждалъ онъ,—имѣетъ право, по моему мнѣнію, только подготовить почву и указывать на путь, ведущій къ улучшеніямъ, но долженъ предоставить каждой отдѣльной народности, чтобы она приносила общему государственному усовершенствованію свою долю участія, согласно условіямъ своей особенности“. Барятинскій совѣтовалъ обратить нарочитое вниманіе на воспитаніе туземныхъ женщинъ, размножить въ краѣ женскія училища. Усматривая въ мусульманскомъ духовенствѣ главное препятствіе къ перерожденію нравовъ въ мѣстномъ населеніи, онъ заботился объ уменьшеніи вліянія духовныхъ лицъ на народъ, и съ этою цѣлью возстановилъ ханскую власть, какъ враждебную теократическому началу. Но, съ другой стороны, признавая, что „безъ элемента духовнаго нигдѣ не можетъ обходиться человѣчество“. Князь основалъ общество возстановленія христіанства на Кавказѣ, назначеніемъ котораго было возвысить значеніе православнаго духовенства и привлечь примѣромъ и проповѣдью

отпадающихъ отъ Ислама мусульманъ. Фельдмаршалъ распространялся о матеріальныхъ способахъ къ возрожденію Кавказа: „Размножайте въ краѣ по возможности пути сообщенія и рынки; край будетъ всегда въ вашей власти, торговля процвѣтетъ, и съ нею—общественное благосостояніе. Не менѣе важно: преобразовать почву въ источникъ неисчерпаемаго богатства края. Палящее знойное солнце Кавказа тогда только принесетъ благодатное дѣйствіе, когда предположенная система орошенія окончательно осуществится: тогда цѣлыя толпы трудолюбивыхъ переселенцевъ наполнятъ рынки государства нашего и всей Европы произведеніями своего труда, между которыми будутъ и неизвѣстныя дотолѣ въ производительности нашей Имперіи". То, что Барятинскій называлъ „краеугольнымъ камнемъ благоустройства Кавказа", онъ перечислялъ такъ: 1) воспитаніе женщинъ; 2) уничтоженіе шаріата; 3) возстановленіе христіанства; 4) пути сообщенія; 5) орошеніе и 6) колонизація. Въ концѣ письма онъ преподалъ Великому Князю нѣсколько совѣтовъ о способѣ веденія военныхъ дѣйствій, доказывая несостоятельность временныхъ экспедицій и настаивая на необходимости вести войну съ горцами непрерывно и постоянно, впредь до полнаго ихъ покоренія. „Вашему Императорскому Высочеству", заключилъ онъ, „выпадаетъ славный жребій нанести конечный ударъ сопротивленію западныхъ горцевъ. Тогда вамъ останется осчастливить цѣлый край, оживленный новою жизнью, дарами мира и просвѣщенія. Молю Всевышняго, чтобы онъ благословилъ ваши дѣйствія и чтобы вашимъ высокимъ именемъ началась для Кавказа, послѣ пятнадцати вѣковъ истязаній и шестидесятилѣтней трудной войны, эпоха благоденствія и гражданскаго развитія".

6-го февраля 1863 года, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга и 14-го вступилъ въ Ставрополѣ на кавказскую землю, откуда и отдалъ онъ первый свой приказъ: „Храбрыя войска Кавказской арміи, привѣтствую васъ поклономъ отъ Государя Императора и царскимъ спасибо за вашу молодецкую и многотрудную службу. Привѣтствую васъ отъ имени бывшаго вождя вашего, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, который душевно скорбитъ, что тяжкая болѣзнь вынудила его разстаться съ вами, и, чрезъ меня, искренно благодаритъ васъ, своихъ сподвижниковъ, за примѣрное служеніе Царю и отечеству. Почитаю себя счастливымъ, что поставленъ во главѣ Кавказской арміи и горжусь этимъ мѣстомъ, прославленнымъ моими знаменитыми предшественниками. Призываю Бога на помощь, да благословитъ онъ оружіе наше, да увѣнчаетъ скорымъ успѣхомъ усилія наши къ водворенію мира и спокойствія въ остающейся еще непокоренною части Кавказа. Увѣренъ, что подъ начальствомъ моимъ вы сохраните всегдашнія ваши доблести и дадите мнѣ право свидѣтельствовать о нихъ предъ высокимъ и милостивымъ цѣнителемъ заслугъ, великимъ Государемъ нашимъ".

Изъ Ставрополя Великій Князь-намѣстникъ отправился къ войскамъ, дѣйствовавшимъ за Кубанью противъ непокорныхъ горцевъ, объѣхалъ всѣ воздвигнутыя тамъ укрѣпленія и былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ стычекъ съ непріятелемъ, за участіе въ которыхъ получилъ золотую саблю „за храбрость". 16-го марта состоялся торжественный въѣздъ его въ Тифлисъ, куда, ровно мѣсяцъ спустя, 16-го апрѣля, прибыла и супруга его, Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна.

Въ продолженіе всего 1863 года, происходили военныя дѣйствія въ узкомъ пространствѣ, ограниченномъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря и южнымъ скатомъ главнаго Кавказскаго хребта, долиною Адезби и Абхазіей. Къ концу лѣта, Кубанская область покорилась русскому владычеству, и, для окончательнаго усмиренія всего Кавказа, оставалось только покорить племена шапсуговъ и убыховъ. Задача эта успѣшно разрѣшена весною слѣдующаго 1864 года.

Въ половинѣ апрѣля, мѣстности, населенныя этими племенами, были заняты нашими войсками, о чемъ Великій Князь-намѣстникъ и донесъ Государю, ко дню его рожденія. „Лучшаго подарка получить не могъ,—отвѣчалъ Императоръ по телеграфу,—спасибо отъ души тебѣ, графу Евдокимову, и славнымъ нашимъ войскамъ". Два дня спустя, къ намѣстнику кавказскому отправленъ слѣдующій лестный рескриптъ: „Ваше Императорское Высочество! Назначивъ васъ намѣстникомъ моимъ на Кавказѣ и командующимъ Кавказ-

скою арміею, я возложилъ на васъ многотрудную обязанность довершить великое дѣло умиротворенія сего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ вести всѣ отрасли мѣстной администраціи и народнаго благосостоянія къ желаемому развитію. Едва прошелъ годъ со времени вашего назначенія, и къ сердечной моей радости, уже достигнуты вами замѣчательные успѣхи. Разнообразныя части гражданскаго управленія, съ прибытіемъ вашимъ въ край, воспріяли новую жизнь; многія важныя дѣла получили движеніе, но въ особенности мнѣ пріятно слѣдить за блестящими успѣхами военныхъ мѣръ, принятыхъ для окончательнаго водворенія русской власти въ тѣхъ частяхъ Кавказа, въ которыхъ оставалось еще непокорное горское населеніе. Послѣ покоренія всей восточной половины Кавказа предмѣстникомъ вашимъ, фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, вамъ предстояло привести къ концу начатое имъ завоеваніе другой, западной половины. Неутомимые труды храбрыхъ войскъ кавказскихъ, подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и, съ Божіею помощью, занятіе всего кавказскаго берега Чернаго моря совершилось нынѣ ранѣе, чѣмъ можно было ожидать. Остатки непокорныхъ племенъ окончательно отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія; богатый Закубанскій и прибрежный край быстро заселяются казаками и, такимъ образомъ, настаетъ столь желанный конецъ кровопролитной вѣковой борьбѣ. Изъявляя Вашему Императорскому Высочеству душевную мою признательность за ваше ревностное и полезное служеніе отечеству, я возлагаю на васъ званіе главнокомандующаго Кавказскою арміею и поручаю вамъ, отъ моего имени, благодарить доблестныя войска, подъ вашимъ начальствомъ состоящія, за ихъ постоянные, неутомимые труды, за мужество и храбрость въ бояхъ и за неизмѣнную преданность ихъ престолу, отечеству и долгу службы. Искренно васъ любящій братъ и другъ *Александръ*".

Едва дошло до Великаго Князя милостивое слово, какъ уже Его Высочество телеграфировалъ Государю, отъ 25-го мая, изъ лагеря въ Ачинсхоу: „Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ окончаніемъ славной кавказской войны. Отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени. Вчера сосредоточились здѣсь отряды генералъ-лейтенанта князя Мирскаго и генералъ-маіоровъ Шатилова, Геймана и Граббе, и сегодня, при общемъ сборѣ, совершенъ благодарственный молебенъ. Здоровье войскъ весьма удовлетворительно и они находятся въ самомъ блестящемъ видѣ".

Отвѣтомъ на эту телеграмму была Высочайшая грамота на имя августѣйшаго намѣстника и главнокомандующаго Кавказскою арміею: „Извѣстіе о покореніи Западнаго Кавказа, полагающемъ конецъ долговременной кровопролитной войнѣ, поглощавшей столько средствъ и усилій, преисполнило сердце наше живѣйшею и душевнѣйшею радостью. Воздавъ благодареніе Всемогущему Богу, ниспославшему на насъ свое благословеніе, увѣнчавшее нашу храбрую Кавказскую армію новою, неувядаемою славою, поспѣшаемъ выразить Вашему Императорскому Высочеству, достойному ея предводителю, и въ лицѣ вашемъ всѣмъ доблестнымъ сослуживцамъ вашимъ, нашу искреннюю, сердечную благодарность. Блистательнымъ подвигомъ, коимъ достигнута благая цѣль полуторавѣковыхъ усилій, стяжали вы и подчиненныя вамъ войска признательность любезнаго нашего отечества, славѣ и преуспѣянію коего посвящаются всѣ наши заботы. Да благословитъ васъ Всевышній и на будущее время въ трудахъ и попеченіяхъ вашихъ объ устройствѣ и процвѣтаніи покореннаго нынѣ края. Да увѣнчается новый успѣхъ нашего оружія водвореніемъ прочнаго порядка и благоустройства на всемъ протяженіи владѣній нашихъ, довѣріемъ нашимъ управленію вашему ввѣренныхъ. Въ справедливомъ же вниманіи къ высокимъ заслугамъ вашимъ, мы жалуемъ Ваше Императорское Высочество кавалеромъ Императорскаго ордена нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, второй степени".

Какое важное значеніе Императоръ Александръ придавалъ имъ самимъ задуманному и осуществленному, согласно его предначертаніямъ, покоренію и умиротворенію Кавказа, видно изъ рескрипта Великому Князю - намѣстнику, коимъ Государь установилъ, въ память этого великаго событія, крестъ, всемилостивѣйше пожалованный всѣмъ участникамъ славной кавказской войны, независимо отъ медали, дарованной войскамъ, дѣйствовавшимъ въ

Западномъ Кавказѣ съ 1859 по 1864 годъ. „Рядъ блистательныхъ подвиговъ,—гласилъ рескриптъ,—совершенныхъ славными кавказскими войсками, подъ предводительствомъ многихъ доблестныхъ вождей, ознаменовалъ многолѣтнюю кровавую борьбу, подъятую для огражденія нашихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Кавказскимъ краемъ, отъ набѣговъ хищниковъ, для защиты отъ порабощенія мусульманами единовѣрныхъ намъ народовъ, добровольно вручившихъ свои судьбы подъ покровительство Россіи, и для умиротворенія края, представлявшаго издревле постоянное зрѣлище междоусобій, грабежей и разбоевъ. На долю Вашего Императорскаго Высочества выпалъ завидный жребій завершить начатое, полтора вѣка тому назадъ, дѣло покоренія Западнаго Кавказа и впервые возвѣстить русскому народу, что отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени".

VII.

Освобожденіе крестьянъ.

1855—1861.

Крымская война обнаружила неудовлетворительное состояніе многихъ отраслей государственнаго управленія, улучшеніе которыхъ Императоръ Александръ II считалъ своею ближайшею задачею, какъ можно заключить изъ собственноручной его надписи на отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за первый годъ царствованія: „Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю, въ особенности, за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые, съ Божіею помощью и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться".

Великимъ общественнымъ зломъ представлялось молодому Государю крѣпостное право, объ упраздненіи котораго уже неоднократно помышляли его предшественники. Съ самого воцаренія, Александръ Николаевичъ твердо рѣшился осуществить благія намѣренія Императрицы Екатерины, Императоровъ Александра и Николая и совершить то, предъ чѣмъ отступили они, въ виду трудностей, съ которыми сопряжено было проведеніе въ жизнь законодательной мѣры, затрогивавшей и видоизмѣнявшей всѣ стороны государственнаго и бытового строя Россіи. Приступить къ ней полагалъ онъ не иначе, какъ съ согласія и при дѣятельномъ участіи дворянства, не сомнѣваясь въ готовности его принести эту жертву на алтарь отечества. Таково значеніе перваго обращенія его къ петербургскимъ дворянамъ, на другой же день по вступленіи на престолъ, когда, принимая ихъ депутацію, онъ выразилъ надежду, что „дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова настоящимъ благороднымъ сословіемъ, въ началѣ всего добра".

Милостивое расположеніе къ дворянству Императоръ Александръ проявилъ вскорѣ по слѣдующему поводу. Въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова, распространено на Сѣверо-Западный край дѣйствіе инвентарныхъ правилъ, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ правила эти были введены Бибиковымъ въ краѣ Юго-Западномъ, въ бытность его генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ, не взирая на возраженія противъ этой мѣры, предъявленныя Цесаревичемъ въ Западномъ комитетѣ, членомъ коего состоялъ Его Высочество. Распоряженіе это возбудило крайнее неудовольствіе помѣщиковъ-поляковъ, которые, тотчасъ по воцареніи Александра II, прислали въ Петербургъ депутацію, чтобы ходатайствовать объ его отмѣнѣ. Государь уважилъ ихъ просьбу, и 14-го мая 1855 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ *уничтоженіи* прежнихъ инвентарей и о замѣнѣ ихъ другими, составленными по новымъ правиламъ, которые имѣли быть изданы по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ. Одновременно послѣдовало увольненіе Бибикова и назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского, который, въ первомъ своемъ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, предварительно представленномъ на усмотрѣніе Государя и удостоившемся его утвержденія, увѣдомляя о своемъ назначеніи, заявлялъ, что гордится тѣмъ, что съ званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ сопряжена высокая обязанность быть представителемъ у престола Его Императорскаго Величества доблестнаго россійскаго дворянства, издревле знаменитаго своею предан-

ностію къ царственному дому, пламенною любовію къ отечеству и нынѣ, во время тяжкихъ испытаній, одушевленнаго тѣми же возвышенными чувствами, присовокупилъ, что Государь повелѣлъ министру ненарушимо охранять права, дарованныя вѣнценосными его предками дворянству, какъ сподвижнику державной власти и твердой опорѣ отечества.

Между тѣмъ, съ первыхъ дней царствованія, смутные толки о желаніи новаго Государя освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости стали распространяться какъ въ русскомъ обществѣ, среди помѣщиковъ, такъ и между крестьянами, возбуждая въ тѣхъ и въ другихъ волненіе, настолько сильное, что Императоръ Александръ призналъ необходимымъ, при первомъ представившемся случаѣ, разъяснить дворянамъ истинный смыслъ своихъ намѣреній. Вскорѣ по заключеніи парижскаго мира, 30-го марта 1856 года, Государь воспользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы, принимая представителей дворянства Московской губерніи, обратиться къ нимъ со слѣдующими словами: „Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно, само собою, начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству, для соображенія".

Въ царской рѣчи къ московскимъ дворянамъ ясно высказаны какъ личный взглядъ Государя на крѣпостное право, такъ и желаніе, чтобы дворянство взяло на себя починъ въ дѣлѣ его уничтоженія. Необходимымъ условіемъ успѣха считалъ Императоръ, чтобы нигдѣ не былъ нарушенъ законный порядокъ и чтобы, впредь до изданія новыхъ законоположеній, помѣщичьи крестьяне не выражали нетерпѣнія и оставались въ полномъ повиновеніи у своихъ господъ. Вотъ почему въ циркулярѣ къ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, служившемъ какъ бы поясненіемъ Высочайшаго манифеста о заключеніи мира, министръ внутреннихъ дѣлъ, пригласивъ дворянъ оказать содѣйствіе къ призрѣнію отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые по оставленіи службы возвратились бы на родину и поселились на ихъ земляхъ, выражалъ такую надежду: „Узнавъ въ военной службѣ на опытѣ, что одна лишь строгая подчиненность поддерживаетъ порядокъ, столь необходимый для общественнаго спокойствія, сіи заслуженные воины неукоризненнымъ поведеніемъ своимъ подадутъ добрый примѣръ служившимъ въ государственномъ ополченіи ратникамъ, возвращающимся нынѣ въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ ихъ занятіямъ, а также своимъ односельцамъ крестьянамъ, которымъ постоянно должно быть внушаемо, что мирныя ихъ занятія и исполненіе общественныхъ повинностей равномѣрно приноситъ пользу государству, но что малѣйшее отклоненіе отъ законнаго порядка и отъ повиновенія помѣщичьей власти подвергнетъ ихъ гнѣву Государя и будетъ преслѣдуемо со всею строгостію".

О задуманномъ имъ преобразованіи Императоръ Александръ совѣщался съ ближайшими къ нему государственными людьми, преимущественно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ, представившимъ ему, вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, записку „О постепенномъ стремленіи къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ". Поводомъ къ этому докладу послужило внесеніе министромъ въ Государственный Совѣтъ представленія объ ограниченіи раздробленія дворянскихъ населенныхъ имѣній. Считая дѣло это тѣсно связаннымъ съ общимъ крестьянскимъ вопросомъ, вполнѣ сочувствовавшій видамъ Государя, Ланской предлагалъ начертать послѣдовательный планъ дѣйствій, не упуская ни одного случая, могущаго, прямо или косвенно, содѣйствовать осуществленію царскаго замысла. „Дозвольте, всемилостивѣйшій Государь,—писалъ онъ въ заключеніе доклада,—выразить откровенно мысль, которая, по разумѣнію моему, должна служить основою столь великаго и важнаго дѣла: начавъ его, нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно,

не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины, а прежде всего, надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства, въ руководство постановленнымъ отъ него властямъ".

Соглашаясь съ министромъ, Императоръ приказалъ сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всѣ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя производились въ разныхъ вѣдомствахъ, въ разное время. Изъ этого матеріала поручено было товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Левшину составить историческую записку о крѣпостномъ правѣ и о законодательныхъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для ограниченія этого права, со временъ Петра Великаго.

Тогда же было рѣшено воспользоваться съѣздомъ въ Москву на коронацію предводителей дворянства со всѣхъ концовъ Россіи, чтобы вступить съ ними въ довѣрительные переговоры о скорѣйшихъ и удобнѣйшихъ способахъ приведенія въ исполненіе Высочайшей воли.

Мѣра эта не привела къ ожидаемымъ результатамъ. Въ концѣ 1856 года, Ланской доложилъ Государю, что, не смотря на слова, сказанныя имъ въ Москвѣ московскому дворянству и на подобныя же увѣщанія, обращенныя съ тѣхъ поръ Его Величествомъ къ нѣкоторымъ предводителямъ дворянства, являвшимся въ С.-Петербургѣ, не смотря также на собственныя его, министра, неоднократныя внушенія предводителямъ, что пора приняться за дѣло, всѣ подобныя приглашенія остались безъ послѣдствій, и что дворяне продолжаютъ отговариваться тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ. Тогда Императоръ призналъ своевременнымъ передать возбужденный имъ вопросъ на соображеніе и обсужденіе высшихъ государственныхъ сановниковъ, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ. Съ этою цѣлью онъ учредилъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, негласный Комитетъ, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Орловъ, съ правомъ предсѣдательства въ Комитетѣ въ отсутствіе Государя; министры: внутреннихъ дѣлъ—Ланской, Императорскаго двора—графъ Адлербергъ, финансовъ—Брокъ и государственныхъ имуществъ—замѣнившій больного Шереметева, М. Н. Муравьевъ; главноуправляющіе: путями сообщенія—Чевкинъ и II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи графъ Блудовъ; шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ и члены Государственнаго Совѣта: князь Гагаринъ, баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Ростовцовъ. Завѣдываніе дѣлами Комитета было ввѣрено государственному секретарю Буткову.

Императоръ Александръ самъ открылъ засѣданія Комитета, 3-го января 1857 года. Пригласивъ присутствовавшихъ сохранять все, что будетъ происходить въ ихъ собраніяхъ, въ глубочайшей тайнѣ, Его Величество заявилъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно уже занимаетъ правительство; что предками его, въ разное время, принимались разныя мѣры къ устройству и улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, но мѣры эти, вслѣдствіе обстоятельствъ, не имѣли желаемаго успѣха; что крѣпостное состояніе отжило свое время и что лично его предметъ этотъ озабочиваетъ съ самаго вступленія на престолъ. Въ заключеніе Государь поставилъ вопросъ: слѣдуетъ ли принять какія-либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ?

Присутствовавшіе единогласно отвѣчали, что вопросъ о крѣпостномъ состояніи, по мнѣнію ихъ, дѣйствительно требуетъ разрѣшенія; что помѣщики вообще предполагаютъ въ правительствѣ намѣреніе измѣнить настоящія отношенія ихъ къ крестьянамъ, но, не зная сущности этихъ намѣреній, находятся отъ того въ тревожномъ состояніи; что, со своей стороны, крестьяне ожидаютъ въ пользу свою мѣропріятій правительства и полагаютъ, что осуществленію ихъ препятствуютъ помѣщики; что толки о свободѣ, въ настоящее время, хотя и не составляютъ чего-либо новаго, а суть явленіе обыкновенное, повторяющееся въ началѣ каждаго царствованія, но что нельзя не сознаться, что повтореніе этихъ толковъ можетъ, наконецъ, породить опасность для спокойствія государства; что мѣры до сихъ поръ принимавшіяся правительствомъ къ облегченію выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, какъ-то: указы 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ, не имѣли успѣха, и число освобожденныхъ, на осно-

ваніи означенныхъ постановленій, крестьянъ оставалось чрезвычайно ограниченнымъ; что самъ покойный Императоръ Николай смотрѣлъ на положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ какъ на мѣру временную, переходную, а потому члены Комитета полагаютъ, что нынѣ настало время къ пересмотру всѣхъ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ, съ цѣлью изысканія наилучшихъ способовъ къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной зависимости, но съ должною осторожностью и постепенностью.

По приказанію Его Величества, Блудовъ прочелъ составленную Левшинымъ историческую записку о всѣхъ предшествовавшихъ мѣропріятіяхъ правительства въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ, заключавшуюся изложеніемъ главнымъ основаній, которыя, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, должны быть приняты для скорѣйшаго устройства ихъ быта. Основанія эти были выражены въ трехъ вопросахъ, предложенныхъ на усмотрѣніе Комитета: 1) Останется ли вся земля по прежнему во владѣніи помѣщиковъ? 2) Если останется право владѣнія за помѣщиками, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землей, имъ отведенной, т.-е. можетъ-ли помѣщикъ безусловно согнать со своей земли освобожденныхъ поселянъ или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ? 3) Могутъ-ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое-либо вознагражденіе какъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя?

Закрывая первое засѣданіе, Императоръ задачу учрежденнаго имъ негласнаго Комитета опредѣлилъ такъ: разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса и составленіе по оному предположеній.

Первымъ распоряженіемъ Комитета было вытребовать обратно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ сосредоточенныя въ немъ производства по крестьянскому дѣлу, протоколы разныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ Николаевское царствованіе, а также нѣкоторые частные проекты освобожденія крестьянъ, появившіеся въ рукописяхъ, изъ которыхъ въ особенности обратили на себя общественное вниманіе записки Кавелина, Самарина, Кошелева, давно уже посвятившихъ себя литературной разработкѣ этого вопроса. Изъ всѣхъ помянутыхъ матеріаловъ, управляющій дѣлами Комитета Бутковъ принялся составлять синоптическую вѣдомость; самое же разсмотрѣніе проектовъ Комитетъ возложилъ на особую коммиссію изъ трехъ своихъ членовъ: князя Гагарина, Ростовцова и барона Корфа. Послѣдніе два обратились къ Государю съ просьбою уволить ихъ отъ этой обязанности, ссылаясь, Ростовцовъ—на совершенное незнакомство съ крестьянскимъ бытомъ, Корфъ—на то, что, не владѣя помѣстьями собственно въ русскихъ губерніяхъ, не можетъ судить о нуждахъ русскихъ крестьянъ. Но Императоръ не согласился на ихъ желаніе и просилъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности, по мѣрѣ силъ и возможности.

Въ разсмотрѣніи протоколовъ и записокъ—ихъ набралось болѣе ста—прошли зимніе мѣсяцы 1857 года. Къ веснѣ члены коммиссіи сообщили другъ другу свои работы и выводы, но между ними оказалось такое разногласіе во взглядахъ, что они не могли придти къ общему заключенію, и каждый внесъ отдѣльно свою записку въ Комитетъ, который постановилъ: сообщить всѣ три записки прочимъ членамъ для прочтенія и соображенія. Тогда же записки эти были отправлены къ находившемуся за границею Государю.

Въ Киссингенѣ Александръ Николаевичъ сообщилъ ихъ графу Киселеву. „Крестьянскій вопросъ“, сказалъ ему Государь по этому поводу, „меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился, и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ“. Занося царскія слова въ свой дневникъ. Киселевъ замѣчаетъ: „Вообще, мнѣ показалось, что Государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія“.

Дѣйствительно, большинство членовъ негласнаго Комитета, дѣятели минувшаго царствованія—князь Орловъ, князь Долгоруковъ, графъ Адлербергъ, князь Гагаринъ, графъ Панинъ, генералъ Муравьевъ, недовѣрчиво относились къ задуманному Государемъ преобразованію, считая его и преждевременнымъ, и обильнымъ опасными послѣдствіями. Усилія ихъ клонились къ тому, чтобы, по возможности, затормозить дѣло, а если и осуществить, то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Зато, въ Царской семьѣ, два лица обнаруживали горячее ему сочувствіе. То были: Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Елена Павловна. Не менѣе ревностное усердіе къ дѣлу освобожденія проявляло и министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ старца Ланскаго и ближайшихъ его сотрудниковъ, товарища министра Левшина и директора хозяйственнаго департамента Н. А. Милютина. Пока негласный Комитетъ, не безъ предвзятаго намѣренія, замедлялъ ходъ дѣла, подвергая его всевозможнымъ проволочкамъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработаны были отвѣты на вопросы, предложенные въ первой его исторической запискѣ. Вторая записка, помѣченная 26-мъ *іюля* 1857 года, была одновременно внесена въ Комитетъ и повергнута на Высочайшее воззрѣніе. Въ ней министръ заявлялъ, что считаетъ своею обязанностью „высказать личные свои отвѣты“ на имъ же предложенные въ Комитетѣ вопросы. Онъ находилъ, что хотя, съ точки зрѣнія юридической, право собственности помѣщиковъ на землю неотъемлемо и потому нельзя отвергать право каждаго помѣщика удалить со своей земли всѣхъ поселенныхъ, непринадлежащихъ ему крестьянъ, но что на обязанности правительства лежитъ „пещись объ общемъ спокойствіи и противиться тому, что можетъ нарушить оное, обративъ милліоны людей въ безпріютныхъ бродягъ“. Для соглашенія этихъ двухъ противуположныхъ требованій, министръ предлагалъ поступить такъ, какъ было поступлено въ другихъ государствахъ, какъ само русское правительство поступило въ Прибалтійскомъ краѣ, а именно: сохранить право собственности на землю за помѣщиками, а за крестьянами—право пользоваться землей. Такое разрѣшеніе вопроса министръ признавалъ достаточнымъ *на первый разъ*. Относительно вознагражденія помѣщиковъ за людей и за землю, Ланской не отрицалъ, что, съ той же юридической точки зрѣнія, право собственности помѣщиковъ на личность крестьянъ несомнѣнно, но вознагражденіе за потерю этого права считалъ невозможнымъ, какъ для правительства, такъ и для крестьянъ, утверждая, что всѣ проекты финансовыхъ оборотовъ, которые были бы для сего предмета придуманы, рано или поздно лопнули бы какъ мыльные пузыри. „Гораздо удобнѣе“, развивалъ онъ мысль свою, „ни тѣмъ, ни другимъ не обманывать себя и теперь же прямо взглянуть на предметъ, представляющійся въ чудовищномъ видѣ, вспомнивъ, что ни въ одной странѣ рабство не было выкуплено правительствомъ. Остзейскіе бароны также добровольно и безвозмездно отказались отъ крѣпостнаго права на крестьянъ. Русское дворянство сдѣлаетъ то же“. Личный выкупъ Ланской предлагалъ замѣнить выкупомъ крестьянской усадьбы. „Есть предметъ“, разсуждалъ онъ, „который для крестьянина важнѣе нивы, его питающей: это жилище, укрывающее его отъ непогодъ и сосредоточивающее въ себѣ всѣ домашніе его интересы. Дать ему свободу безъ нивы можно; дать ее безъ жилища, безъ гнѣзда, безъ увѣренности, что оно будетъ согрѣвать его и семью, пока они живы, и, между тѣмъ, оставить привязаннымъ къ одному мѣсту—было бы не человѣколюбиво. Принявъ это за систему, надо идти къ тому, чтобы съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ дать право собственности на осѣдлость или усадьбу, то-есть, на жилище, съ принадлежащими ему строеніями, съ огородомъ и хотя небольшимъ выгономъ для мелкаго скота. Уплата за усадьбу должна производиться крестьянами по срокамъ, въ теченіе извѣстнаго времени, отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ. До истеченія этого переходнаго періода, не должно объявлять крестьянина свободнымъ по имени, но на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ, привести его мѣрами законодательными изъ раба въ человѣка, только крѣпкаго землѣ, дабы потомъ окончательно его освободить“. Такимъ способомъ, по мнѣнію министра, разрѣшался и вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за полевую крестьянскую землю. „Земли“, доказывалъ онъ, „которыми крестьяне будутъ только пользоваться, не владѣя ими, и за это платить помѣщику деньгами или работой, не могутъ считаться отчужденными, и потому не вызываютъ ни съ чьей стороны никакого денежнаго вознагражденія помѣщику; за земли же, уступленныя дворянствомъ съ усадьбами освобожденнымъ крестьянамъ, сіи послѣдніе выплатятъ, какъ объяснено, въ сроки, всю опредѣленную сумму. Слѣдовательно, ни одна часть этого переворота не требуетъ отъ правительства прямыхъ денежныхъ

расходовъ или выпуска какихъ-либо особаго рода бумагъ". Въ заключеніе, министръ излагалъ свой взглядъ на порядокъ веденія дѣла. По мнѣнію его, оно было „такъ огромно, важно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнообразно, что нельзя двигать его одновременно во всѣхъ концахъ Россіи: недостанетъ на то ни времени, ни силъ однихъ и тѣхъ-же лицъ". Поэтому Ланской предполагалъ производить введеніе новаго порядка постепенно, по губерніямъ или по районамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ, которыя, по сосѣдству со странами, гдѣ крѣпостное состояніе уже уничтожено, болѣе подготовлены къ принятію свободы, какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ. Для перваго опыта на изложенныхъ имъ основаніяхъ, министръ указывалъ на губерніи Ковенскую, Гродненскую и Виленскую, подчиненныя одному генералъ-губернатору, который, по Высочайшей волѣ, уже приготовляетъ все къ необходимому измѣненію.

Между тѣмъ, Государь возвратился изъ первой, въ 1857 году, поѣздки своей въ чужіе края. Недовольный бездѣйствіемъ негласнаго Комитета въ его отсутствіе, онъ, чтобы оживить его дѣятельность, назначилъ членомъ онаго Великаго Князя Константина Николаевича. Его Высочество, со свойственнымъ ему рвеніемъ, принялся за дѣло. Послѣдовалъ рядъ совѣщаній его съ остававшимися въ Петербургѣ членами Комитета: Орловымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ и Ростовцевымъ, такъ какъ Долгоруковъ, Блудовъ и Муравьевъ находились въ отлучкѣ. Въ этихъ совѣщаніяхъ сговорились относительно главныхъ началъ будущаго преобразованія. Предположено: 1) опредѣлить отъ изданія новаго положенія десятилѣтній срокъ, по истеченіи котораго крестьяне будутъ совершенно свободны; 2) въ теченіе этого переходнаго періода надѣлить крестьянъ усадьбою, т.-е. огородомъ, конопляникомъ и выгономъ въ полную личную собственность, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ, которое опредѣлится положеніемъ; надѣлъ усадьбы въ черноземныхъ губерніяхъ сдѣлать небольшой и увеличить оный въ сѣверныхъ, на томъ основаніи, что въ этихъ послѣднихъ главное значеніе имѣетъ не земля, а трудъ, и слѣдовательно крестьянину легче выплатить большее вознагражденіе; 3) въ продолженіе того же періода, часть пахатной земли оставить во временномъ владѣніи крестьянъ, на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены положеніемъ, т.-е. за оброкъ или барщину; послѣ же десяти лѣтъ вся пахатная земля должна остаться въ рукахъ помѣщиковъ, съ которыми крестьяне, на счетъ пользованія ею, могутъ опредѣлять условія, по своему усмотрѣнію.

Наконецъ, послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа, Комитетъ постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должною осторожностью и постепенностью, и для сего, исполненіе онаго раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, недостающихъ у Комитета и безъ которыхъ невозможно составить предположеніе на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ, чрезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, но безъ огласки. Въ теченіе же перваго періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать ихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями, на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянахъ, по добровольному взаимному соглашенію, съ утвержденія правительства, для чего подготовить проектъ условій и представить въ Государственный Совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ, составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій періодъ назвать окончательнымъ, т.-е. окончательнаго устройства крестьянъ. Подъ журналомъ Комитета, заключавшимъ это постановленіе, подписались всѣ наличные члены, за исключеніемъ князя Гагарина, оставшагося при особомъ мнѣніи, и Государь сдѣлалъ на немъ слѣдующую собственноручную надпись: „Исполнить. Относительно же разногласія раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностію къ желаемому результату. Искренно благодарю г.г. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса".

Во исполненіе Высочайше утвержденнаго постановленія Комитета были составлены и разосланы его членамъ слѣдующіе четырнадцать вопросовъ о нѣкоторыхъ частныхъ законодательныхъ мѣрахъ для подготовленія общаго рѣшенія: 1) Можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщиковъ? 2) Можно ли дать помѣщичьимъ людямъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщиковъ? 3) Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами? 4) Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ? 5) Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь? 6) Слѣдуетъ ли ограничить права помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты? 7) Должно ли лишить помѣщиковъ права вмѣшательства въ отправленіе крестьянскихъ повинностей и податей? 8) Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ? 9) Можно ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ? 10) Можно ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на волю за особо опредѣленную цѣну? 11) Какія мѣры должно принять нынѣ же для уменьшенія дворовыхъ людей? 12) Какія принять мѣры для бо́льшаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? 13) Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ выше мѣръ, не слѣдуетъ ли принять нынѣ же еще нѣкоторыя мѣры для облегченія какъ крѣпостного состоянія, такъ и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? 14) Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои Комитетомъ будутъ окончательно избраны и Государемъ утверждены?—Члены Комитета приглашались доставить отвѣты на эти вопросы не позже половины ноября. Но къ этому времени въ ходѣ крестьянскаго дѣла неожиданно произошла существенная перемѣна, видоизмѣнившая какъ порядокъ его веденія, такъ и самое его направленіе.

Въ концѣ октября прибылъ въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ адресъ на Высочайшее имя отъ дворянъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской, съ выраженіемъ желанія освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, хотя и безъ земли. Комитетъ готовъ былъ принять это предложеніе, но Государь на то не согласился и потребовалъ немедленнаго разрѣшенія дѣла на основаніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26-го іюля: усадебной осѣдлости, предоставленной крестьянамъ въ собственность, и отведенія имъ полевыхъ угодій въ пользованіе, за повинности.

Обсужденію этого вопроса посвящено было три засѣданія Комитета, плодомъ коихъ былъ подписанный Императоромъ Александромъ въ Царскомъ Селѣ, 20-го ноября 1857 года, слѣдующій рескриптъ на имя генералъ-адъютанта Назимова:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ. Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній. Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Для сего повелѣваю:

„1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, по одному въ каждой, приготовительному комитету, а потомъ, для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, одну общую коммиссію, въ городѣ Вильнѣ.

„2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи, по непосредственному назначенію начальника оной; и

„3) Общей коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ, по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

„Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію, по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову предводителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

„1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ, въ теченіе опредѣленнаго времени, въ свою собственность, посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

„2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

„3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

„Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ. Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія, съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами. Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ трехъ губерній, такъ и общей коммиссіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею коммиссіею проектъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе. Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію ковенской, виленской и гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе, на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію, призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей, и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ. Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ“.

Высочайшій рескриптъ сопровождался одобреннымъ Государемъ пояснительнымъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору. Въ немъ, между прочимъ, выражалось, что предположенное въ рескриптѣ улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости послѣ переходнаго срока, высшій предѣлъ котораго опредѣленъ въ двѣнадцать лѣтъ. Ланской изложилъ также свои соображенія о выкупѣ крестьянами усадебной осѣдлости, о распредѣленіи между помѣщиками и крестьянами какъ земли, такъ и повинностей, наконецъ о прекращеніи продажи, даренія или переселенія крестьянъ на новыя мѣста, а также обращенія ихъ въ дворовые.

Какъ рескриптъ, такъ и отношеніе министра, не предназначались къ обнародованію. Но Государь самъ возвѣстилъ о принятой важной мѣрѣ представлявшемуся ему воронежскому губернатору, вслѣдствіе

чего было рѣшено объ эти бумаги препроводить при циркулярѣ Ланского губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, „для свѣдѣнія и соображенія", на случай, если бы дворяне прочихъ губерній пожелали послѣдовать примѣру, поданному дворянствомъ Сѣверо-Западнаго края.

Такое желаніе было уже высказано дворянствомъ С.-Петербургской губерніи, еще въ концѣ прошлаго царствованія, представившимъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свои предположенія о введеніи инвентарныхъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Въ началѣ 1857 года, оно возобновило свое о томъ ходатайство, поступившее въ негласный Комитетъ и остававшееся тамъ до осени, безъ движенія. Теперь признали его вполнѣ достаточнымъ поводомъ, чтобы, въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя с.-петербургскаго генералъ-губернатора, разрѣшить и петербургскимъ дворянамъ открыть губернскій комитетъ для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ столичной губерніи, на основаніяхъ, тождественныхъ съ тѣми, что̀ были указаны въ рескриптѣ генералъ-адъютанту Назимову.

Нѣсколько дней спустя, 9-го октября, Императору представлялись уѣздные предводители съ губернскимъ предводителемъ, графомъ П. П. Шуваловымъ, во главѣ для принесенія благодарности за посѣщеніе Государемъ бала, даннаго петербургскимъ дворянствомъ, по случаю бракосочетанія Великаго Князя Михаила Николаевича. Его Величество воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратиться къ нимъ со слѣдующими словами: „Благодарю васъ, господа, за вчерашній вечеръ, который доставилъ большое удовольствіе и мнѣ и всей моей семьѣ. Я вамъ очень благодаренъ. Мнѣ пріятно видѣть васъ у себя. Теперь нужно поговорить о предметѣ большой важности, должно подумать о дѣлѣ, требующемъ полнаго вниманія вашего. Генералъ-губернаторъ собиралъ васъ и объявилъ вамъ мое желаніе, мою твердую волю. Мнѣ кажется, что правила, мною предначертанныя, не стѣснительны для обѣихъ сторонъ. Пополненія и разъясненія, которыя окажутся нужными, будутъ уже дѣломъ комитета подъ предсѣдательствомъ вашимъ". Послѣднія слова относились къ губернскому предводителю, обращаясь къ которому, Государь прибавилъ: „Я увѣренъ, что вы вашимъ усердіемъ и заботливостью достигнете цѣли". „Я привыкъ надѣяться на все дворянство,—продолжалъ Императоръ,—и предоставилъ вашей губерніи начать это дѣло. Знаю, что много будетъ труда, но я надѣюсь на васъ и поручаю вамъ это дѣло. Надѣюсь, что вы примете въ немъ искреннее участіе и обратите вниманіе ваше на классъ людей, заслуживающій, чтобы положеніе его было правильно обезпечено. Нельзя было медлить долѣе; должно было заняться теперь же этимъ предметомъ, не откладывая его вдаль. Моя непремѣнная воля, чтобы это было исполнено". Въ заключеніе рѣчи Государь присовокупилъ: „Въ данныхъ вамъ основаніяхъ возлагается на обязанность мірскихъ обществъ призрѣніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ, но не выражено довольно ярко. Мое желаніе—чтобы воины, послужившіе отечеству и уволенные при расформированіи нѣкоторыхъ частей арміи, какъ люди, пролившіе кровь свою и получившіе на службѣ увѣчья или доказавшіе готовность свою пожертвовать собою для отечества, также были призрѣны тѣми обществами, которыми были сданы. Участь этихъ людей не менѣе заслуживаетъ вашей заботливости, и потому прошу непремѣнно объ этомъ подумать. Въ имѣніяхъ удѣльныхъ и государственныхъ на этотъ предметъ обращено уже вниманіе и участь этихъ людей отчасти уже устроена. Оставить этихъ людей на произволъ судьбы невозможно, а потому и въ этомъ отношеніи, я полагаюсь на васъ. Прощайте, господа, я твердо надѣюсь на васъ".

Обращеніе Государя къ петербургскимъ дворянамъ огласило, такъ сказать, предпринятое имъ преобразованіе во всеобщее свѣдѣніе. Вслѣдъ затѣмъ были обнародованы въ газетахъ Высочайшіе рескрипты генералъ-губернаторамъ виленскому и с.-петербургскому. Изъ нихъ вся Россія узнала, что упраздненіе крѣпостного состоянія—вопросъ безповоротно рѣшенный самодержавною волею.

Первымъ откликнулось на царскій призывъ нижегородское дворянство. 17-го декабря оно подписало всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ выразило единодушное желаніе „принесть Его Император-

скому Величеству полную готовность исполнить его священную волю на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать". Въ отвѣтъ на этотъ адресъ послѣдовалъ на имя начальника нижегородской губерніи Высочайшій рескриптъ одинаковаго содержанія съ рескриптомъ генералъ-губернаторамъ виленскому и с.-петербургскому, но въ которомъ Государь, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, благодарилъ нижегородскихъ дворянъ за благой ихъ починъ въ великомъ дѣлѣ. „Поручаю вамъ", писалъ онъ губернатору А. Н. Муравьеву, „объявить сему благородному сословію мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать, зависящими отъ него средствами, предпринимаемому нынѣ важному, и, какъ можно, при благословеніи Всевышняго, надѣяться, равно полезному для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣлу".

Вслѣдъ за Нижнимъ-Новгородомъ высказалась и Москва. „Московское дворянство", гласилъ адресъ на Высочайшее имя, состоявшійся 7-го января 1858 года, „постоянно движимое чувствами безпредѣльной любви и преданности къ Престолу и отечеству, во всѣ времена принимало живѣйшее участіе въ достопамятныхъ событіяхъ Россіи, утверждавшихъ въ Имперіи, славу и величіе русскаго народа, и нынѣ, исполненное глубочайшей признательности къ Государю Императору за всемилостивѣйшее Его Величества довѣріе, оказанное дворянскому сословію всей Имперіи, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, изъявляетъ и со своей стороны полную готовность содѣйствовать благимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха и проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстностей московской губерніи". Послѣдняя оговорка усугубила неудовольствіе Государя за проявленную московскимъ дворянствомъ медленность, и въ отвѣтномъ рескриптѣ московскому генералъ-губернатору, составленномъ въ выраженіяхъ холодныхъ, отклонено притязаніе москвичей о предоставленіи ихъ губернскому комитету права составить проектъ положенія на основаніяхъ, какія самъ онъ признаетъ общеполезными и удобными. Рескриптъ требовалъ, чтобы проектъ положенія для московской губерніи „былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ".

Съ первыхъ чиселъ марта и до октября, стали поступать адресы отъ дворянствъ прочихъ губерній, въ отвѣтъ на которые слѣдовали Высочайшіе рескрипты. Всюду открытіе комитетовъ обставлено было торжественностью, приличествовавшею важности дѣла. Духовные пастыри говорили поучительныя слова, начальники губерній и предсѣдатели комитетовъ, губернскіе предводители дворянства, произносили прочувствованныя рѣчи, на дворянскихъ обѣдахъ пили здоровье Первоначальника великаго преобразованія, почтившаго дворянство актомъ Царскаго къ нему довѣрія.

Со дня обнародованія перваго рескрипта генералъ-адъютанту Назимову не предстояло болѣе надобности окружать тайною существованіе негласнаго Комитета. 8-го января 1858 года, состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, въ непосредственномъ вѣдѣніи и подъ предсѣдательствомъ Государя, „Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи". Членами этого Комитета назначены всѣ прежніе члены Комитета негласнаго, причемъ Брока замѣнилъ, вскорѣ замѣстившій его во главѣ министерства финансовъ, Княжевичъ. Распоряженіе это обнародовано Правительствующимъ Сенатомъ при указѣ отъ 18-го февраля.

По мѣрѣ появленія Высочайшихъ рескриптовъ въ отвѣтъ на адресы дворянства, издавались поясни тельныя отношенія министра внутреннихъ дѣлъ. Дополненіемъ имъ служилъ рядъ циркуляровъ, хотя и подписанныхъ Ланскимъ, но составленныхъ въ Главномъ Комитетѣ, чрезъ который, въ силу Высочайшаго повелѣнія, должны были отнынѣ проходить всѣ распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому вопросу. Въ одномъ изъ этихъ циркуляровъ,

министръ предупреждалъ, что въ пояснительныхъ его отношеніяхъ, какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ, не должно искать подробной программы, обязательной для губернскихъ комитетовъ; что мысли и предположенія, имъ высказанныя, слѣдуетъ принимать не какъ предрѣшенія подлежащихъ ихъ обсужденію вопросовъ, а лишь какъ совѣты, принять или не принять которые зависитъ отъ усмотрѣнія комитетовъ. „Неизмѣнными и неприкосновенными", заключалъ министръ, „должны остаться лишь главныя начала сего устройства, въ Высочайшихъ рескриптахъ указанныя. Въ сихъ началахъ, то-есть въ обезпеченіи помѣщикамъ ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предначинаемое великое дѣло".

Между тѣмъ, настоятельная потребность въ положительной программѣ для занятій губернскихъ комитетовъ стала ощущаться самими комитетами, составъ коихъ былъ до-нельзя разнообразный. Въ нихъ участвовали люди всѣхъ общественныхъ положеній и всѣхъ оттѣнковъ мнѣній, отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ до представителей знатнѣйшихъ родовъ, отъ низшихъ чиновниковъ и субалтернъ-офицеровъ до высшихъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ званій, отъ лицъ, едва умѣвшихъ читать и писать, до профессоровъ и академиковъ, наконецъ, отъ ревностныхъ защитниковъ крѣпостнаго права, до убѣжденныхъ поборниковъ полнаго и немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землей. Возложенное на губернскіе комитеты дѣло затрогивало и матеріальные интересы дворянства, и политическое его значеніе; сверхъ того, оно было едва-ли не первымъ въ Россіи опытомъ обсужденія, въ выборныхъ собраніяхъ, государственнаго и общественнаго вопроса первостепенной важности. При такихъ условіяхъ, когда естественно разгорались страсти, росло и распространялось всеобщее возбужденіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, сознавая необходимость преподать губернскимъ комитетамъ единообразное наставленіе, составило „проектъ плана работъ по устройству крестьянскаго быта". Въ этой программѣ, ясно указана цѣль преобразованія: освобожденіе крестьянъ съ землей, и вмѣстѣ съ тѣмъ предрѣшены въ пользу крестьянъ вопросы о повинностяхъ, о размѣрѣ надѣла, о выкупѣ усадебной осѣдлости, о правѣ крестьянъ переходить на другія земли и въ другія сословія, о полной независимости ихъ отъ помѣщиковъ въ дѣлахъ семейныхъ, имущественныхъ, хозяйственныхъ и т. п. Внесенный Ланскимъ на разсмотрѣніе Главнаго Комитета министерскій проектъ не былъ утвержденъ и составленіе новой программы поручено члену Комитета генералъ-адъютанту Ростовцову, на иныхъ основаніяхъ, менѣе тягостныхъ для помѣщиковъ и сохранявшихъ за ними, въ извѣстныхъ предѣлахъ, пользованіе ихъ вотчинными правами.

Такъ, впервые, дѣятельно выступилъ въ крестьянскомъ вопросѣ многолѣтній ближайшій сотрудникъ Государя по управленію военно-учебными заведеніями, лицо, пользовавшееся полнымъ его расположеніемъ и довѣріемъ, скоро поставленное имъ во главѣ всего дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ Николаевичъ самъ убѣдилъ Ростовцова принять болѣе ревностное участіе въ трудахъ Главнаго Комитета и вообще изучить и обсудить вопросъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ это время, Ростовцовъ довольно близко придерживался еще взглядовъ большинства своихъ сочленовъ по Главному Комитету, и это отразилось на первомъ трудѣ его. Составленная имъ программа все дѣло передавала въ руки губернскихъ комитетовъ, не только составленіе положеній о крестьянахъ, но и приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Примѣненіе положеній къ отдѣльнымъ имѣніямъ имѣли произвести и объявить крестьянамъ сами владѣльцы имѣній и, сверхъ того, на губернскіе же комитеты, уже послѣ приведенія новыхъ положеній въ исполненіе, возлагалось „начертаніе сельскаго устава, опредѣлявшаго всѣ подробности крестьянскаго быта". Такимъ образомъ, занятія комитетовъ дѣлились на три періода: составленіе положеній, введеніе ихъ въ дѣйствіе, начертаніе сельскаго устава. Для окончанія работъ перваго періода опредѣлялся шестимѣсячный срокъ, въ продолженіе котораго должно было быть составлено „Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ" каждой губерніи, обнимающее нижеслѣдующіе предметы, по однообразной для

всѣхъ комитетовъ формѣ: 1) переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанное; 2) сущность срочно-обязаннаго положенія; 3) поземельныя права помѣщиковъ; 4) усадебное устройство крестьянъ; 5) надѣлъ крестьянъ землею; 6) повинности крестьянъ; 7) устройство дворовыхъ людей; 8) образованіе крестьянскихъ обществъ; 9) права и отношенія помѣщиковъ; 10) порядокъ и способы исполненія. Бо́льшая часть этихъ вопросовъ была уже предрѣшена въ программѣ и притомъ—въ смыслѣ болѣе или менѣе благопріятномъ для помѣщиковъ. Такъ, въ Высочайшихъ рескриптахъ упоминалось о предоставленіи помѣщикамъ вотчинной полиціи, а въ пояснительныхъ отношеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ это основное начало развивалось слѣдующимъ образомъ: „Крестьяне должны быть раздѣлены на мірскія общества, а завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ, составленнымъ изъ крестьянъ, и мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и утвержденіемъ помѣщиковъ". Въ программѣ Ростовцова мірское общество называется сельскимъ и указывается, что составлено оно должно быть изъ крестьянъ одного имѣнія, съ помѣщикомъ, въ качествѣ „начальника общества", во главѣ; о мірскихъ же сходахъ и судахъ вовсе не упоминается. Въ этомъ званіи помѣщику присвояются обширныя права: а) по сельскому благоустройству и порядку; б) по внутреннему управленію; в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; г) по отправленію крестьянами повинностей и д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и имущественныхъ. Право собственности крестьянъ на усадьбы замѣнялось въ программѣ потомственнымъ пользованіемъ, родомъ вѣчнаго польскаго чинша, а вмѣсто упомянутаго въ рескриптахъ „надлежащаго для обезпеченія быта крестьянъ количества земли" губернскіе комитеты обязывались лишь опредѣлить „наименьшій размѣръ надѣла". Программу свою самъ Ростовцовъ резюмировалъ въ слѣдующихъ двухъ главныхъ положеніяхъ: 1) крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время; 2) крестьянину предоставлено право безсрочнаго пользованія усадьбой; выкупъ ея предоставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ.

Программа Ростовцова была принята Главнымъ Комитетомъ, утверждена Государемъ и, по Высочайшему повелѣнію, разослана министромъ внутреннихъ дѣлъ во всѣ губернскіе комитеты „для руководства".

Какъ при составленіи программы для губернскихъ комитетовъ, такъ и въ прочихъ дѣлахъ, подлежавшихъ обсужденію Комитета, генералъ-адъютантъ Ростовцовъ дѣйствовалъ въ полномъ единомысліи съ представителями большинства, предсѣдателемъ Орловымъ и министрами: юстиціи—Паниным и государственныхъ имуществъ—Муравьевымъ. Всѣхъ ихъ озабочивали послѣдствія рѣшеннаго Государемъ преобразованія: опасались волненій, какъ среди недовольныхъ помѣщиковъ, такъ и неудовлетворенныхъ крестьянъ, и въ этихъ видахъ считали необходимымъ прочно организовать губернскія и уѣздныя учрежденія для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ, установить волостныя и сельскія власти, а въ особенности преобразовать и усилить земскую полицію. По уговору съ Ланскимъ, рѣшено было первое дѣло поручить министру юстиціи, второе—министру государственныхъ имуществъ, третье—министру внутреннихъ дѣлъ. Для совмѣстнаго обсужденія этихъ важныхъ предметовъ у трехъ министровъ происходили совѣщанія, въ присутствіи Ростовцова, который взялъ на себя составленіе проекта о повсемѣстномъ назначеніи, на время введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній, генералъ-губернаторовъ, съ обширными полномочіями для поддержанія общественнаго порядка и спокойствія. Составленныя поименованными членами предположенія были одобрены Главнымъ Комитетомъ, и, съ Высочайшаго соизволенія, препровождены министромъ внутреннихъ дѣлъ на заключеніе начальниковъ губерній, которые приглашались доставить въ двухмѣсячный срокъ отзывы о возможности, способахъ и порядкѣ примѣненія помянутыхъ „главныхъ началъ".

Вскорѣ послѣ того, а именно въ половинѣ іюля, Главный Комитетъ выдѣлилъ

изъ себя особую коммиссію изъ четырехъ членовъ, объ учрежденіи которой состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе, опредѣлявшее кругъ ея обязанностей: 1) предоставить каждому губернскому комитету объ улучшеніи быта крестьянъ, по составленіи проекта въ комитетѣ, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта; 2) изъ шести западныхъ губерній командировать въ свое время въ С.-Петербургъ по два члена не отъ губернскихъ комитетовъ, но отъ общихъ коммиссій: виленской и кіевской; 3) о такомъ разрѣшеніи сообщить губернскимъ комитетамъ, по мѣрѣ ихъ старанія и окончанія работъ; 4) для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній образовать при Главномъ Комитетѣ особую коммиссію; 5) въ составъ этой коммиссіи назначить Ланскаго, Панина, Муравьева и Ростовцова; 6) управленіе дѣлами коммиссіи поручить статсъ-секретарю Государственнаго Совѣта Жуковскому, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ государственнаго секретаря; 7) предоставить коммиссіи, если она признаетъ нужнымъ, приглашать въ свои засѣданія членовъ, губернскими комитетами командированныхъ и требовать отъ нихъ всѣ необходимыя для коммиссіи свѣдѣнія, объясненія и мнѣнія; 8) порядокъ разсмотрѣнія проектовъ учредить въ коммиссіи по ея усмотрѣнію и распоряженію; 9) работы, коммиссіею оконченныя, вносить на окончательное разсмотрѣніе Главнаго Комитета и 10) предоставить Главному Комитету право, если онъ признаетъ нужнымъ, приглашать и въ свои засѣданія членовъ, командированныхъ губернскими комитетами, а также требовать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Такимъ образомъ, въ продолженіе первой половины 1858 года, измѣнилось направленіе крестьянскаго дѣла въ смыслѣ охранительномъ, и взгляды большинства Главнаго Комитета, повидимому, одержали верхъ надъ началами, усвоенными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но послѣднее не унывало и старалось, по мѣрѣ возможности, второстепенными распоряженіями снова направить дѣло на прежній путь. Не безъ его вліянія и участія проведены мѣры, имѣвшія хотя косвенное, но все же весьма существенное значеніе для окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Незадолго до появленія Высочайшаго рескрипта Назимову, рѣшено упраздненіе послѣднихъ остатковъ военныхъ поселеній, и бывшіе пахатные солдаты перечислены, сначала въ удѣльное вѣдомство, а потомъ и въ завѣдываніе министерства государственныхъ имуществъ, на правахъ свободныхъ поселянъ. Лѣтомъ 1858 года удѣльные крестьяне сравнены съ прочими свободными сословіями во всѣхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ, и къ концу года, какъ удѣльнымъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ, дозволено переходить изъ одного сословія въ другое, безъ всякаго ограниченія. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1859 году, права, предоставленныя удѣльнымъ крестьянамъ, распространены на крестьянъ всѣхъ государевыхъ и дворцовыхъ имѣній. Еще ранѣе, при министерствѣ финансовъ учреждена особая коммиссія для составленія соображеній объ устройствѣ людей фабричныхъ и горнозаводскихъ.

Распоряженія эти состоялись по постороннимъ вѣдомствамъ, но и въ сферѣ своей дѣятельности министерство внутреннихъ дѣлъ не упускало ни единаго случая, чтобы расчищать путь къ довершенію предпринятаго преобразованія. Такъ, оно успѣло провести чрезъ Главный Комитетъ нѣсколько предупредительныхъ мѣръ противъ злоупотребленій помѣщичьею властью: о воспрещеніи перечислять крестьянъ въ дворовые; объ ограниченіи, а вскорѣ и полномъ прекращеніи пріема въ рекруты крестьянъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; о предварительномъ опросѣ отпускаемыхъ на волю безъ земли крѣпостныхъ крестьянъ относительно согласія ихъ воспользоваться свободой; о стѣсненіи права помѣщиковъ высылать крестьянъ въ Сибирь, переносить ихъ усадьбы или переселять ихъ на новыя мѣста. Цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ было лишить помѣщиковъ способовъ къ обезземеленію крестьянъ. Въ довѣрительномъ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ, одобренномъ Государемъ, Лан-

ской пригласилъ ихъ внушить дворянамъ, безъ оффиціальной огласки, „что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась въ теперешнемъ ихъ положеніи". Измѣнена была также форма купчихъ крѣпостей на недвижимыя населенныя имѣнія, причемъ предписано заносить въ нихъ о продажѣ самыхъ имѣній, села, деревни, угодья, а не людей, съ приписку лишь, что при данномъ имѣніи состоитъ по послѣдней ревизіи такое-то число крестьянъ и дворовыхъ.

Однимъ изъ главныхъ доводовъ противниковъ реформы было утвержденіе, что она не обойдется безъ волненій, которыя могутъ перейти въ общій бунтъ крестьянъ. Въ обществѣ и при Дворѣ распространялись слухи о частныхъ случаяхъ безпорядковъ, вызванныхъ неповиновеніемъ крестьянъ помѣщикамъ въ ожиданіи воли. Въ дѣйствительности, случаи эти были крайне рѣдки: по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, со дня обнародованія Высочайшихъ рескриптовъ и по 12-е іюля 1858 года, ихъ было не болѣе 70, на всемъ пространствѣ Россіи, прекращенныхъ внушеніями начальства и полицейскими мѣрами, и только въ девяти случаяхъ пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію военныхъ командъ. Къ тому же, почти 10% этихъ безпорядковъ были вызваны распоряженіями помѣщиковъ о переселеніи крестьянъ. Данныя эти, доведенныя до свѣдѣнія Государя въ еженедѣльныхъ запискахъ, содѣйствовали успокоенію опасеній, которыя пытались возбудить въ умѣ его нѣкоторые приближенные.

Къ концу іюля 1858 года, бо́льшая часть членовъ Главнаго Комитета разъѣхалась изъ Петербурга. Выдвинутый на первый планъ довѣріемъ къ нему Императора, генералъ-адъютантъ Ростовцовъ отправился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, чтобы тамъ, въ тиши уединенія, вникнуть въ дѣло, къ участію въ которомъ онъ призванъ былъ Монаршею волею и къ которому самъ считалъ себя недостаточно подготовленнымъ. Отсутствіе главныхъ комитетскихъ дѣятелей, побудило Ланского, минуя Главный Комитетъ, войти непосредственно съ докладомъ къ Государю по важному недоразумѣнію, возникшему въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ. Въ средѣ его произошелъ расколъ: большинство высказалось за личный выкупъ крестьянъ, меньшинство, съ предсѣдательствовавшимъ губернскимъ предводителемъ, — противъ. Послѣднее, не желая присутствовать при постановленіи, которое считало незаконнымъ, вышло изъ состава комитета, а большинство рѣшило продолжать свои занятія, избравъ новаго предсѣдателя. Государь утвердилъ представленіе министра, заключавшееся въ слѣдующемъ: 1) отстранить въ губернскихъ комитетахъ всякое сужденіе о выкупѣ личности; 2) всѣ постановленія нижегородскаго комитета, со дня избранія новаго предсѣдателя, считать недѣйствительными; 3) членамъ, участвовавшимъ въ этихъ постановленіяхъ, сдѣлать выговоръ; 4) избраннаго предсѣдателя исключить изъ состава комитета; и 5) предписать губернатору вновь открыть комитетъ, въ законномъ его составѣ.

Нѣсколько дней спустя, ободренный согласіемъ Императора съ его взглядами на нижегородское дѣло, Ланской рѣшился представить Его Величеству составленную въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ записку съ возраженіями на проектъ Ростовцова объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ. На министерство это было возложено Главнымъ Комитетомъ составленіе инструкцій для послѣднихъ, которыхъ предполагалось облечь обширными полномочіями. Въ запискѣ Ланского выражалось мнѣніе, что нельзя составить предположенную инструкцію безъ существенныхъ измѣненій въ общемъ административномъ порядкѣ и даже въ законахъ; самая мѣра признавалась нецѣлесообразною и положительно вредною, и все это было высказано въ формѣ крайне рѣзкой, въ ѣдкомъ и задорномъ, чисто полемическомъ тонѣ.

Содержаніе записки и особенно встрѣчавшіеся въ ней обороты рѣчи, разгнѣвали Императора, который возвратилъ записку Ланскому, испещренную пространными собственноручными замѣчаніями на поляхъ, ярко характеризующими взглядъ Александра Николаевича какъ на предпринятое имъ преобразованіе, такъ и вообще, на задачи внутренняго управленія, его цѣли и средства. На утвержденіе министра, что народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ намѣреніямъ правительства, Государь возразилъ: „Все это такъ, *пока народъ нахо-*

дится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, *что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе* и народъ увидитъ, что *ожиданіе его, т.-е. свобода, по его разумѣнію, не сбылась*, не настанетъ-ли для него *минута разочарованія*? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ *временныхъ* генералъ-губернаторовъ и все войдетъ опять въ законную колею". Противъ успокоительныхъ увѣреній записки, что не должно опасаться важныхъ затрудненій, Государь написалъ: „Напротивъ, того-то и должно опасаться"; что крестьяне спокойно будутъ ожидать утвержденія положеній—„дай Богъ! но этой увѣренности, по всему до меня доходящему, я не имѣю"; что спокойствіе народа тогда только надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства—„да, но, къ несчастію, наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого". Въ особенности возмутило Государя сужденіе, высказанное въ запискѣ, что можно обойтись безъ чрезвычайныхъ мѣръ, если только самыя положенія будутъ составлены въ видахъ государственной пользы. „Какіе же другіе виды могутъ быть?" вопрошалъ онъ, и соглашаясь съ мнѣніемъ министра, что успѣхъ крестьянскаго дѣла будетъ зависѣть отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ, приписалъ: „совершенно такъ". Утвержденіе записки, что послѣдствіемъ учрежденія генералъ-губернаторовъ окажется возбужденіе въ народѣ мысли, что правительство ему не довѣряетъ, а это вызоветъ подобное же чувство недовѣрія народа къ правительству, Императоръ опровергалъ самымъ положительнымъ образомъ: „Въ этомъ я вовсе не согласенъ, ибо мы не должны отъ себя скрывать, что Россія входитъ въ новую, еще небывалую эру, и потому на будущее *преступно* было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, сложа руки. *Такъ мы должны быть готовыми ко всему*, и, въ этомъ случаѣ, предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить. Эти всѣ опасенія возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, *дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли*, то-есть ниспроверженія законнаго порядка". На замѣчаніе министра, что правительству нѣтъ надобности ставить себя въ оборонительное положеніе и что оно, съ полною увѣренностью въ общее спокойствіе, можетъ держаться законнаго способа дѣйствій, Государь строго возразилъ: „Дѣло не въ оборонительномъ положеніи, а въ томъ, чтобы дать болѣе власти мѣстному начальству. Никогда и рѣчи не было *о незаконномъ способѣ дѣйствія*, но въ экстренныхъ случаяхъ должны быть принимаемы и *экстренныя мѣры*. У насъ, къ сожалѣнію, довольно было примѣровъ пагубныхъ послѣдствій нераспорядительности мѣстныхъ властей, привыкшихъ къ одному формализму и совершенно теряющихся въ подобныхъ случаяхъ". Доводы министра: что единоличная власть генералъ-губернаторовъ поведетъ за собою произволъ, который даже въ отдаленномъ краѣ, какова Сибирь, старались ограждать совѣтами,—вызвали замѣчаніе: „По теоріи это прекрасно, но не на практикѣ"; что въ два предыдущія царствованія каждый разъ, когда возникала мысль о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторовъ, мѣра эта была отвергаема—„Это такъ, но не должно забывать, что мы теперь находимся не въ нормальномъ положеніи"; что несвойственно измѣнять іерархическія отношенія съ той единственною цѣлью, чтобы сдѣлать возможной власть временную и притомъ личную,—„Я тутъ ничего *несвойственнаго* не вижу; ибо дѣло идетъ о временномъ учрежденіи, долженствующемъ кончиться съ окончательнымъ введеніемъ новаго устройства крестьянъ. Обыкновенный административный порядокъ этимъ не измѣнится, а учреждается только временно новая полицейская власть". Опасеніе министра о возникновеніи столкновеній и пререканій между властями постоянными и чрезвычайными, Государь отвергалъ, замѣтивъ, что „*столкновеній и пререканій* быть не должно, ибо въ инструкціи временныхъ генералъ-губернаторовъ долженъ быть положительно опредѣленъ кругъ ихъ дѣйствій". Другое опасеніе, что власть губернаторовъ упадетъ до низкаго значенія несамостоятельныхъ чиновниковъ и они принуждены будутъ заботиться, не столько объ управленіи губерніею, сколько объ угожденіи генералъ-губернаторамъ,—оспа-

ривалось такъ: „Съ этимъ я также не согласенъ, ибо дѣло не въ угожденіи, а въ исполненіи приказаній лицъ, облеченныхъ отъ меня особыми полномочіями". Власть генералъ-губернаторовъ,—говорилось въ запискѣ,—не имѣетъ никакихъ условій къ усовершенствованію администраціи. „Власть генералъ-губернаторовъ, —разъяснялъ Императоръ,—какъ я ее понимаю, должна быть основана совсѣмъ на другихъ началахъ". Бо́льшая часть доводовъ, изложенныхъ въ запискѣ, представленной Государю, служила лишь болѣе или менѣе благовидными предлогами, истинный же поводъ къ сопротивленію министерства внутреннихъ дѣлъ предположенной мѣрѣ усмотрѣлъ Государь въ заключеніи министра, что власть генералъ-губернаторовъ уничтожитъ начало, въ силу котораго предоставлялось губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ расправамъ, или присутствіямъ, какъ они названы впослѣдствіи, —рѣшать окончательно и безъ апелляцій всѣ споры между помѣщиками и крестьянами. Противъ этого мѣста Его Величество начерталъ: „*Слова эти*, кажется, довольно объясняютъ дѣло". Далѣе министръ находилъ, что и губернаторы имѣютъ право обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія; Государь же пояснялъ: „Въ этомъ и будетъ разница, ибо генералъ-губернаторы должны будутъ сами дѣйствовать, а не обращаться съ просьбой къ военному начальству". Противъ общаго заключенія записки Императоръ написалъ: „Это собственно гражданскій или *канцелярскій* взглядъ и вовсе несогласный съ моимъ". Согласился только Государь съ мнѣніемъ министра, что необходимо озаботиться возвышеніемъ власти губернаторовъ. „Этимъ и должно заняться для будущаго", замѣчалъ онъ, а противъ предложенія предоставить губернаторскія мѣста наиболѣе способнымъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, не стѣсняясь чинами, сдѣлалъ надпись: „Весьма будетъ полезно". Зато, все рѣзче становились его замѣчанія на заключительныя представленія министра. *Министръ:* Составленіе инструкціи генералъ-губернаторамъ преждевременно, такъ какъ не составлены еще крестьянскія положенія и не утверждены проектированныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. *Государь*: „Это значитъ отложить ее до того, когда въ ней не будетъ уже нужды или когда будетъ поздно". *Министръ:* Предполагается предоставить генералъ-губернаторамъ для сохраненія общественнаго порядка употреблять не однѣ только законныя мѣры, но „всѣ безъ разбора средства". *Государь:* „Не понимаю, какъ такая мысль можетъ войти въ голову человѣку, *знающему мой образъ мыслей и мои желанія*". *Министръ:* Генералъ-губернаторы будутъ преувеличивать опасность изъ желанія придать себѣ новую важность и значеніе. *Государь*: „Надѣюсь, что лица, которыя будутъ для сего выбраны *мною* и облечены полнымъ моимъ довѣріемъ, вполнѣ его оправдаютъ". *Министръ:* Генералъ-губернаторовъ, если они будутъ учреждены, нельзя освободить отъ текущихъ и маловажныхъ дѣлъ, ибо они, чтобъ не уронить своей власти, обязаны будутъ принимать: прошенія, жалобы, письма и т. п. *Государь*: „Непремѣнно должно ихъ отъ этого освободить. Жалобы, имъ приносимыя, должны ими передаваться губернаторамъ". *Министръ*: При введеніи крестьянскаго положенія слѣдовало бы временно освободить губернатора отъ предсѣдательства во всѣхъ подвластныхъ ему учрежденіяхъ. *Государь*: „Здѣсь предполагается именно то, что я хочу сдѣлать для временныхъ генералъ-губернаторовъ". *Министръ:* Слѣдовало бы ассигновать особыя суммы въ распоряженіе губернаторовъ на экстраординарные расходы. *Государь*: „Будетъ излишне съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ". *Министръ*, перечисливъ предположенныя имъ мѣры къ расширенію власти губернаторовъ, замѣчалъ: всѣ эти мѣры достаточны для поддержанія порядка и повиновенія. *Государь:* „Я ихъ не считаю достаточными безъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ". *Министръ*: Въ случаѣ какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ затрудненій, всегда можно будетъ командировать уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ. *Государь*: „Вотъ почему я желаю, чтобы подобныя лица были уже на мѣстахъ". Рѣшеніе свое Императоръ выразилъ въ послѣднемъ замѣчаніи: „Всѣ сіи соображенія *не измѣняютъ* моего убѣжденія *въ необходимости и пользѣ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ*", а общее впечатлѣніе, произведенное на него запиской—въ слѣдующемъ обращеніи къ Ланскому: „Я прочелъ

все, съ большимъ вниманіемъ, и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня *весьма грустное впечатлѣніе*. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ-нибудь изъ директоровъ департаментовъ или канцелярій, которымъ предполагаемое *новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе*, которымъ они привыкли пользоваться и часто *употреблять во зло*".

Строгая отповѣдь Государя заставила призадуматься старца Ланского. Полагая, что онъ лишился Высочайшаго довѣрія, министръ внутреннихъ дѣлъ заготовилъ уже письмо къ Императору съ просьбою объ увольненіи отъ должности, но на ближайшемъ докладѣ, Государь былъ съ нимъ такъ привѣтливъ и ласковъ, что Ланской не счелъ нужнымъ просить объ отставкѣ. Его Величество обнялъ министра, выразивъ при этомъ надежду, что онъ „не сердится", а когда министръ замѣтилъ, что въ иностранныхъ газетахъ уже назначаютъ ему преемника, то Императоръ успокоилъ его увѣреніемъ, что если служба его будетъ болѣе не нужна, то онъ, Ланской, первый о томъ узнаетъ.

Самая мѣра назначенія генералъ-губернаторовъ на время введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній о крестьянахъ, мѣра, которая была предположена Ростовцовымъ и которую съ такимъ жаромъ отстаивалъ Государь, не была приведена въ исполненіе. Осенью 1858 года, Главный Комитетъ постановилъ приступить къ ея разсмотрѣнію, когда поступитъ проектъ инструкцій временнымъ генералъ-губернаторамъ, составленіе коихъ, вмѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, было поручено государственному секретарю. Но помянутая инструкція никогда не была составлена и все дѣло кануло въ воду. Не трудно угадать причину снисходительнаго отношенія Императора къ Ланскому, въ которомъ Его Величество цѣнилъ министра, наиболѣе искренно расположеннаго къ дѣлу, столь близкому сердцу Государя.

Въ началѣ августа 1858 года, предпринимая путешествіе по разнымъ внутреннимъ губерніямъ, Александръ Николаевичъ пожелалъ воспользоваться этимъ, дабы лично убѣдиться въ положеніи крестьянскаго дѣла въ провинціи и снова гласно высказать свою непремѣнную волю о доведеніи его до благополучнаго конца. Уже въ первую свою поѣздку на Сѣверъ Россіи, въ іюнѣ того же года, Государь, принимая въ Вологдѣ мѣстныхъ дворянъ, выразилъ губернскому предводителю увѣренность, что вологодское дворянство, всегда отличавшееся своею преданностью Престолу, и нынѣ, въ общемъ дѣлѣ, будетъ споспѣшествовать исполненію его предначертаній. Затѣмъ, выйдя къ прочимъ представлявшимся ему дворянамъ, онъ повторилъ тѣ же слова, прибавивъ: „Господа, я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общею выгодою".

Во вторую поѣздку, продолжавшуюся болѣе мѣсяца, Императоръ произнесъ цѣлый рядъ рѣчей, при пріемѣ дворянства посѣщенныхъ имъ губерній.

Въ Твери Императоръ впервые возвѣстилъ о вызовѣ въ Петербургъ уполномоченныхъ отъ губернскихъ комитетовъ. „Господа—сказалъ онъ,—я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ — дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности такъ, чтобы было безобидно и для нихъ, и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ; поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета, поступятъ чрезъ министерство, на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для

присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ,—при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя; наши цѣли однѣ—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе; убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать".

Въ Костромѣ: „Господа, костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ близка семьѣ моей, и мы считаемъ ее родною, поэтому-то мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ послѣ прошествія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою вы встрѣтили желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ, близкій сердцу моему, вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ мои ожиданія, примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ условіямъ, покончите его, при помощи Божіей, безъ обиды, какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненій вашихъ выводовъ я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь, на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предложеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за ваши пожертвованія".

Въ Нижнемъ-Новгородѣ: „Господа, я радъ что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ, генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль мою: общее благо; ваше дѣло—согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общей пользой. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ. Это жаль, устраните ихъ; я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудитесь усердно, что уже много вами сдѣлано; идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашихъ занятій, но знаю, что трудъ вашъ еще не готовъ. Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября; но къ октябрю вы окончите, въ этомъ я не сомнѣваюсь, не такъ-ли, господа? Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ и выданной вамъ программѣ. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ Главномъ Комитетѣ, но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобы вамъ хорошо и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете вашу любовь и преданность, и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ нижегородское дворянство отличалось. Считаю себя счастливымъ, что послѣ двадцати одного года послѣдняго моего здѣсь пребыванія, опять нахожусь нынѣ среди васъ".

Во Владимірѣ Государь выразилъ неудовольствіе дворянамъ по поводу предпринятаго однимъ изъ нихъ насильственнаго переселенія своихъ крестьянъ въ Сибирь и строго прибавилъ: „Надѣюсь, что слова мои не останутся втунѣ".

Еще строже звучала царская рѣчь, обращенная къ московскому дворянству. Тамошній губернскій комитетъ постановилъ: разумѣть подъ „усадебною осѣдлостью" одно только крестьянское строеніе. Государь принялъ дворянъ въ самый послѣдній день пребыванія своего въ первопрестольной столицѣ и произнесъ при этомъ слѣдующее: „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ

сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того, я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній, даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ Наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю"... Перечисливъ главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ, Императоръ продолжалъ: „Я люблю дворянство, считаю его первой опорой Престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобъ оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что могу; дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете-ли, господа? Я слышалъ, что комитетъ много уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченія изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не однѣ строенія, но и всю землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобъ я могъ стоять за васъ. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность".

Изъ Москвы Александръ Николаевичъ отправился въ Смоленскъ и тамъ снова обратился къ представившимся ему дворянамъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ: „Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность Престолу и Отечеству, которую оно неоднократно доказывало, какъ прежде, такъ и въ 1812 году, и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники, и, въ особенности, покойный родитель мой, всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству; вы имѣете документъ его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней до его смерти; можно сказать, онъ и на смертномъ одрѣ думалъ о васъ (при этихъ словахъ на глазахъ Государя навернулись слезы). Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери моей образъ для благословенія меня, когда я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при мнѣ и служитъ, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ меня съ вами. Теперь вы собраны по крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и на указанныхъ въ моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣлайте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Я увѣренъ: вы не обманете моихъ ожиданій и оправдаете мою къ вамъ довѣренность".

Не меньшая похвала расточалась въ рѣчи Государя къ виленскимъ дворянамъ: „Господа, очень радъ, что могу лично благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно и за радушіе, оказанное вами моей гвардіи. Но это для васъ не ново. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1849 году, какъ вы принимали гвардію. Благодарю васъ за сердечный и радушный пріемъ. Весьма радъ видѣть васъ собравшимися здѣсь и быть между вами. Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали примѣръ, и вся Имперія за вами послѣдовала. Я увѣренъ, что вы отвѣтите ожиданіямъ правительства и будете всегда и во всемъ помогать мнѣ. Еще разъ благодарю васъ за пріемъ и повторяю, что мнѣ пріятно видѣть себя окруженнымъ вами. Я надѣюсь на васъ".

Царское путешествіе по Россіи, въ августѣ и сентябрѣ 1858 года, знаменуетъ важную эпоху въ развитіи крестьянскаго вопроса. Оно дало дѣлу сильный толчокъ, послуживъ поводомъ къ гласному выраженію непремѣнной воли Государя, безповоротной рѣшимости его совершить освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Самъ Императоръ вынесъ изъ своей поѣздки вполнѣ благопріятныя впечатлѣнія. Онъ убѣдился, что не встрѣтитъ со стороны дворянства упорной и систематической оппозиціи: что

въ средѣ этого сословія не мало лицъ, пламенно сочувствующихъ идеѣ освобожденія; что народъ, повсюду встрѣчавшій его выраженіемъ неподдѣльнаго восторга, проникнутъ безконечнымъ, благоговѣйнымъ чувствомъ преданности и признательности къ державному Освободителю. Александръ Николаевичъ вернулся въ Петербургъ, въ половинѣ октября, въ самомъ свѣтломъ и радужномъ настроеніи. При первомъ свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ сказалъ ему: „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца, рука объ руку".

Почти одновременно съ Государемъ возвратился въ Петербургъ изъ заграничнаго отпуска и генералъ-адъютантъ Ростовцовъ. Досугъ свой онъ посвятилъ изученію крестьянскаго вопроса и мысли свои о его разрѣшеніи изложилъ въ четырехъ всеподданнѣйшихъ письмахъ, писанныхъ, съ разрѣшенія Его Величества, изъ Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена. „Не знаю какъ благодарить васъ,—писалъ онъ въ первомъ письмѣ,—за мое временное отдохновеніе: въ водоворотѣ Петербурга я никогда не могъ бы такъ сосредоточиться. На исходъ вопроса я смотрю съ надеждой крѣпкою. Познакомившись съ заграничными способами устройства крестьянъ, я убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ для Россіи не годится... Россіи подлежатъ двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе, вторая—надѣленіе крестьянъ землею". Ростовцовъ не считалъ возможнымъ правительственный выкупъ крестьянской земли, по неимѣнію на то финансовыхъ средствъ, да, сверхъ того, замѣчалъ онъ, русскій крестьянинъ „не понялъ бы бинома для выкупа земли въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и сказалъ бы: „вотъ-те и свобода, оброка надбавили!" Поэтому онъ полагалъ, согласно состоявшимся уже и Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ Комитета, „по невозможности освободить крестьянъ, ни съ землею, ни безъ земли, оставить имъ при освобожденіи дома ихъ, огороды и ихъ пашни въ постоянное пользованіе. Затѣмъ личная свобода должна дать крестьянину свободу труда, какъ источникъ дальнѣйшаго духовнаго развитія и улучшенія матеріальнаго".

Во второмъ письмѣ, развивая начала, изложенныя въ первомъ, Ростовцовъ ставитъ три условія, по мнѣнію его необходимыя для обезпеченія новому порядку предсказаннаго имъ успѣха: чтобы крестьяне дѣйствительно почувствовали облегченіе въ своемъ положеніи; чтобы помѣщики успокоились; чтобы мѣстныя власти ни минуты не колебались. „Для сего,—поясняетъ онъ,—необходимо, чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ вещей уже невозможная, замѣнилась другою, надежною властью, т.-е. совокупными дѣйствіями міра, помѣщика и правительства; чтобы достоинство помѣщика было въ глазахъ крестьянъ возвышено и чтобы отношенія крестьянъ и къ помѣщику, и къ мѣстному начальству, и между собою, были опредѣлены и опредѣлены точно".

Дальнѣйшія предположенныя имъ мѣропріятія Ростовцовъ сопровождаетъ въ третьемъ письмѣ слѣдующими соображеніями: „Съ молитвою и любовью изложилъ я все, что имѣю счастіе при семъ Вашему Величеству представить. Чрезвычайно трудно интересы поставить въ равновѣсіе безъ столкновеній. Это самая важная задача въ нашемъ дѣлѣ. Не знаю, до какой степени Богъ сподобилъ меня успѣть въ этомъ... Но это только канва, требующая развитія... Дай Богъ, Государь, чтобы Комитетъ и вы одобрили эти главныя начала... Надобно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи подробностей. Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюдать въ постановленіяхъ для мѣстной общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра. И то, и другое каждая община опредѣлитъ сама, лучше всякихъ законодательныхъ теорій. О наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать: это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются".

Четвертое письмо посвящено разсмотрѣнію вопроса о выкупѣ, о которомъ Ростовцовъ измѣнилъ свое мнѣніе, не только переставъ отвергать его возможность, но совѣтуя правительству оказать ему широкое содѣйствіе подъ условіемъ, однако, чтобы выкупъ не былъ обязателенъ, ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ. Письмо заключалось апологіею крестьянской общины, какъ вѣрнѣйшаго средства обезпечить помѣщику взиманіе оброка, а правительству—податей и повинностей съ крестьянъ.

Изложенныя живымъ, образнымъ языкомъ, не лишеннымъ въ своеобразіи своемъ краснорѣчивой убѣдительности, мысли и предположенія Ростовцова пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ Государю. Въ нихъ видѣлъ онъ отраженіе собственныхъ взглядовъ, безпристрастное, чуждое всякаго доктринерства, отношеніе къ обоимъ сословіямъ, искреннее желаніе согласовать ихъ обоюдные интересы въ смыслѣ общаго блага Россіи. Съ этого времени довѣріе Александра Николаевича къ Ростовцову укрѣпилось навсегда и никакія постороннія вліянія не могли уже поколебать его впослѣдствіи. Къ обсужденію его предположеній Государь пригласилъ въ Гатчину, гдѣ въ тѣ дни находился Дворъ, другого вѣрнаго своего сотрудника Ланского. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшено: главнѣйшія изъ обсуждаемыхъ мѣръ провести въ Главномъ Комитетѣ, въ личномъ присутствіи Императора и подъ его предсѣдательствомъ.

Разсмотрѣнію предположеній генералъ-адъютанта Ростовцова Комитетъ посвятилъ четыре засѣданія, происходившія 18-го октября, 19-го, 24-го и 29-го ноября, въ продолженіе коихъ Государь ни разу не покидалъ предсѣдательскаго кресла. Онъ открылъ первое засѣданіе заявленіемъ, что въ настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, когда работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ уже оканчиваются и должны поступить на разсмотрѣніе Главнаго Комитета и учрежденной при немъ коммиссіи, считаетъ необходимымъ опредѣлить порядокъ или послѣдовательность занятій ихъ по этому важному дѣлу вообще. Признавая въ письмахъ, писанныхъ ему изъ-за границы Ростовцовымъ, „много весьма дѣльныхъ и полезныхъ мыслей и предположеній“, Его Величество пригласилъ Комитетъ приступить къ обсужденію извлеченій изъ этихъ писемъ, составленныхъ самимъ Ростовцовымъ, въ систематическомъ порядкѣ, напечатанныхъ и предварительно разосланныхъ членамъ Комитета. Давъ высказаться всѣмъ присутствовавшимъ, Государь повелѣлъ Комитету „принять къ надлежащему руководству“ слѣдующія правила:

1) При разсмотрѣніи и, впослѣдствіи, при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по настоящему дѣлу работъ, соблюсти непремѣнно три условія: чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ; чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены, и чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего ни на минуту же общественный порядокъ не нарушился. 2) Слѣдуя этому правилу, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ нынѣ же, особымъ циркуляромъ, предварительно разсмотрѣннымъ Главнымъ Комитетомъ, предложить всѣмъ губернскимъ комитетамъ, чтобы они, при представленіи составленныхъ ими проектовъ, непремѣнно объяснили во всей подробности, чѣмъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ улучшается въ будущемъ, объявивъ комитетамъ, что въ справедливости ихъ показаній Государь Императоръ вполнѣ полагается на ихъ дворянскую честь. 3) По мѣрѣ поступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ оконченныхъ губернскими комитетами проектовъ, министерство это должно разсматривать каждый проектъ отдѣльно, провѣривъ притомъ: нѣтъ-ли въ немъ какихъ-либо отступленій отъ Высочайше утвержденныхъ началъ и указаній; нѣтъ-ли отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній, и дѣйствительно ли улучшается ими бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно? 4) Проекты губернскихъ комитетовъ вносятся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ его отмѣтками въ Главный Комитетъ, гдѣ поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе особой коммиссіи. 5) Каждый изъ губернскихъ проектовъ можетъ разсматриваться отдѣльно, по мѣрѣ поступленія, но утвержденіе и обнародованіе всѣхъ вообще губернскихъ положеній должны быть сдѣланы въ одно и то же время, по всей Россіи. Для сличенія единства системы и коренныхъ постановленій и для употребленія лучшихъ мыслей каждой губерніи на пользу всѣхъ, отъ ближайшаго усмотрѣнія коммиссіи и Главнаго Комитета будетъ зависѣть, при окончательномъ сводѣ всѣхъ губернскихъ проектовъ и частныхъ замѣчаній на нихъ, составить одно общее для всей Россіи положеніе, съ необходимыми, по разнымъ мѣстностямъ, дополненіями, измѣненіями и частными положеніями. 6) Сверхъ этого положенія, Главный Комитетъ и коммиссія составляютъ и разсматриваютъ разныя законоположенія, необходимыя для успѣшнаго дѣйствія губерн-

скихъ положеній. 7) Относительно этихъ законоположеній Главный Комитетъ указываетъ и разсматриваетъ основныя ихъ черты или главныя начала, по Высочайшемъ утвержденіи коихъ, они передаются въ подлежащія министерства для подробнаго изложенія и обработки, повѣряются II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ смыслѣ юридическомъ, затѣмъ, снова вносятся въ Главный Комитетъ и наконецъ, представляются, съ заключеніемъ его, на окончательное утвержденіе Государя Императора. 8) Отъ усмотрѣнія Главнаго Комитета зависитъ опредѣлять, по соображеніи съ предположеніями генералъ-адъютанта Ростовцова, какія изъ упомянутыхъ законоположеній должны быть изданы и приведены въ дѣйствіе прежде изданія губернскихъ или общаго положеній, какія въ одно съ нимъ время и какія послѣ? 9) При окончательной обработкѣ всѣхъ вообще положеній должны быть приняты въ соображеніе всѣ полезныя мысли губернскихъ комитетовъ. 10) Какъ коммиссіи, такъ и Главному Комитету предоставляется право приглашать въ свои засѣданія, для необходимыхъ объясненій и совѣщаній, не только членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, кои своими познаніями о сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу разсматриваемому дѣлу, а также нѣкоторыхъ губернаторовъ и назначенныхъ губернаторами членовъ губернскихъ комитетовъ.

Выслушавъ Высочайшее повелѣніе, Главный Комитетъ положилъ принять его къ надлежащему исполненію, но самое обсужденіе предположеній Ростовцова отложилъ до того времени, когда соотвѣтствующіе проекты губернскихъ комитетовъ и вообще разныхъ вѣдомствъ поступятъ на его разсмотрѣніе. При этомъ, относительно предположеній объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи, а также учрежденій для разбора недоразумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, занесено въ журналъ особое Высочайшее повелѣніе, разрѣшавшее членамъ, при разсмотрѣніи означенныхъ мѣръ въ Комитетѣ, не стѣсняться тѣмъ, что главныя ихъ начала одобрены Государемъ Императоромъ, но высказать свое мнѣніе противъ всѣхъ возраженій и замѣчаній, съ полною откровенностью.

По обсужденіи въ трехъ засѣданіяхъ Комитета мыслей и соображеній, изложенныхъ во всеподданнѣйшихъ запискахъ Ростовцова, Государь повелѣлъ принять ихъ за главныя основанія, коими коммиссія и Комитетъ должны впредь руководствоваться: коммиссія—при разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ, а Главный Комитетъ—проектовъ коммиссіи. Впрочемъ, коммиссіи предоставлялось, въ случаѣ, если бы она признала какія-либо предположенія губернскихъ комитетовъ, хотя и несогласными съ указанными основаніями, но дѣйствительно полезными и заслуживающими быть принятыми во вниманіе, представлять о такихъ предположеніяхъ на Высочайшее усмотрѣніе, чрезъ Главный Комитетъ. Предложенныя Императоромъ послѣднему „для руководства“ правила были слѣдующія:

1) При обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ, предоставляются симъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы. 2) Крестьяне сіи входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ. 3) Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдуетъ и сими угодьями. 4) Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. При опредѣленіи подробностей устройства міра и учрежденій, посредствомъ коихъ онъ долженъ дѣйствовать, а также отношеній міра къ помѣщику, обратить вниманіе: а) на постановленія по сему предмету въ Сводѣ Законовъ и б) на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, сообразивъ, можетъ ли сія глава оставаться въ своей прежней силѣ или слѣдуетъ ее измѣнить? 5) Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей. 6) Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ. 7) Необходимо ста-

раться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для сего слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить время прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ. При семъ Государь Императоръ соизволилъ Высочайше повелѣть: а) чтобы съ будущаго 1859 года все превышеніе въ доходахъ съ государственныхъ имуществъ противъ настоящаго поступало на содѣйствіе помѣщичьимъ крестьянамъ къ выкупу ихъ угодій; б) чтобы коммиссія сообразила, можно ли прекращеніе срочно-обязаннаго положенія опредѣлить такъ: срочно-обязанное положеніе прекращается какъ для міра вообще, такъ и для крестьянина отдѣльно, когда они, или цѣлыми обществами, или по одиночкѣ, выкупятъ у помѣщика ту землю, которая, вслѣдствіе Высочайшихъ рескриптовъ, будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе, или когда крестьянинъ выкупитъ у помѣщика такія угодья, которыя, на основаніи тѣхъ же рескриптовъ, могутъ обезпечить ему исправную уплату податей и повинностей. 8) При обнародованіи положенія постановить, что земли населенныя, принадлежащія дворянамъ, могутъ пріобрѣтаться и впредь, на основаніи существующихъ постановленій, лицами всѣхъ сословій; если же на землѣ будутъ водворены крестьяне, то лица, не имѣющія нынѣ права владѣть имѣніями, могутъ пріобрѣтать покупкою и такія земли, съ тѣмъ только, чтобы при самой покупкѣ имѣнія, одновременно съ совершеніемъ купчей, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получили бы въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ, по полюбовному соглашенію. При этомъ обсудить и опредѣлить мѣры, кои должны быть приняты для огражденія крестьянъ отъ притѣсненій со стороны покупщика, особенно при уплатѣ опредѣленнаго по взаимному соглашенію выкупа. 9) Подобныя же условія предоставить заключать и самимъ помѣщикамъ, буде пожелаютъ. 10) Мелкопомѣстнымъ дворянамъ, кои при освобожденіи крестьянъ понесутъ убытки или разстройство въ хозяйствѣ, оказать нѣкоторое пособіе со стороны правительства. 11) При разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ сообразить и опредѣлить способы и порядокъ устройства дворовыхъ людей. 12) Способствовать всѣми возможными мѣрами къ огражденію большого сельскаго хозяйства, но безъ стѣсненія личной свободы крестьянина и безъ нарушенія тѣхъ правъ, кои будутъ имъ дарованы, оказывая всемѣрно покровительство устройству и малыхъ хозяйствъ, дабы сохранить нашу земледѣльческую промышленность и устранить всякое опасеніе въ доставленіи хлѣба, нужнаго для продовольствія войскъ и городовъ и поддержать нашу хлѣбную торговлю съ иностранными государствами. Въ заключеніе Государь Императоръ изволилъ предоставить коммиссіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда, при исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей, встрѣтятся вопросы, требующіе разъясненія, входить съ представленіемъ въ Главный Комитетъ, коему испрашивать на такіе вопросы разрѣшеніе Его Величества.

Между тѣмъ, губернскіе комитеты усердно работали надъ порученнымъ имъ дѣломъ, хотя въ средѣ ихъ и обнаружились существенныя разногласія, распространявшіяся на самыя коренныя начала преобразованія. Ясно обозначились приэтомъ три направленія: вовсе несочувствующихъ освобожденію, стремившихся осуществить его съ соблюденіемъ сословнаго дворянскаго интереса и, наконецъ, желавшихъ уничтоженія крѣпостнаго права, оставляя безъ огражденія интересы помѣщиковъ. Большинство почти всюду составлялось изъ сторонниковъ первыхъ двухъ направленій, но и представители третьяго образовали довольно значительное меньшинство. Къ составу этого меньшинства почти повсемѣстно принадлежали члены комитетовъ, не по выбору дворянъ, а по назначенію отъ правительства. Пререканія между большинствомъ и меньшинствомъ замедлили ходъ занятій губернскихъ комитетовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть не окончила своихъ работъ въ установленный срокъ. Тѣмъ не менѣе, съ конца 1858 года, стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекты губернскихъ комитетовъ, обыкновенно въ двухъ редакціяхъ: большинства и меньшинства. Первымъ представилъ свои труды нижегородскій комитетъ, вторымъ—петербургскій, третьимъ—симбирскій. По разсмотрѣніи ихъ въ земскомъ отдѣлѣ, они были переданы въ коммиссію при Главномъ

Комитетѣ, въ которой разборъ ихъ взялъ на себя Ростовцовъ. Скоро выяснилось, что такой порядокъ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ, при большомъ ихъ числѣ—по два, а иногда и по три на каждую губернію, и существенныхъ между ними разногласіяхъ,—превышаетъ силы четырехъ членовъ коммиссіи. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ давно было сознано это неудобство и уже въ октябрѣ составлено предположеніе объ учрежденіи при министерствѣ двухъ спеціальныхъ коммиссій: одной—для разсмотрѣнія первой, общей для всѣхъ губерній, части крестьянскихъ положеній, и другой, для второй части—по разнымъ мѣстностямъ или полосамъ.

Генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, со своей стороны, внесъ въ коммиссію предположенія, сходныя съ проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и лишь дополненныя предложеніемъ третьей, финансовой коммиссіи для составленія положенія о выкупѣ.

Въ началѣ февраля 1859 года, особая коммиссія при Главномъ Комитетѣ, одобривъ мысли Ланскаго и Ростовцова, представила на утвержденіе Государя заключеніе свое объ учрежденіи помянутыхъ коммиссій, названныхъ редакціонными, на что и послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: „Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ коммиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцову, если онъ согласится принять эту обязанность на себя". На докладѣ предсѣдателя Главнаго Комитета князя Орлова о согласіи Ростовцова, Государь собственноручно начерталъ: „Искренно благодарю его, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу. Къ благороднымъ его чувствамъ я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать мое довѣріе и мои надежды".

Члены редакціонныхъ коммиссій раздѣлялись на двѣ категоріи: одна состояла изъ чиновниковъ, командированныхъ разными вѣдомствами, а именно: министерствами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и финансовъ, а также II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи; другую составляли такъ-называемые „эксперты", изъ помѣщиковъ, бо́льшею частью членовъ губернскихъ комитетовъ, по выбору предсѣдателя. Среди первой группы выдѣлялись оба „непремѣнные члена": управляющій дѣлами Главнаго Комитета Жуковскій и управляющій Земскихъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ Соловьевъ, но въ особенности Н. А. Милютинъ, ближайшій сотрудникъ и довѣренное лицо Ланского, по ходатайству его, хотя и не безъ затрудненій, въ виду извѣстнаго его либеральнаго образа мыслей, назначенный по увольненіи Левшина, исправляющимъ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Николай Милютинъ принадлежалъ къ кружку молодыхъ чиновниковъ передоваго направленія, заявившихъ о себѣ дѣятельнымъ участіемъ въ трудахъ и занятіяхъ географическаго общества, предсѣдателемъ котораго состоялъ Великій Князь генералъ-адмиралъ. Тѣсная дружба связывала его съ прочими участниками этого кружка: Головнинымъ, Рейтерномъ, княземъ Д. А. Оболенскимъ, А. А. Абазою. Всѣ они горячо сочувствовали дѣлу освобожденія, но Милютинъ, по служебному своему положенію, по неограниченному довѣрію, которое питалъ къ нему Ланской, болѣе другихъ имѣлъ возможность воздѣйствовать въ смыслѣ своихъ убѣжденій на ходъ и развитіе крестьянскаго вопроса. Великая Княгиня Елена Павловна выражала ему живое сочувствіе и оказывала дѣятельное покровительство.

Со времени возвращенія изъ заграничной поѣздки, сойдясь съ Ланскимъ и дѣйствуя въ полномъ съ нимъ согласіи, Ростовцовъ выразилъ большую предупредительность къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, довѣривъ ему указать на тѣхъ лицъ, которыхъ надлежало пригласить въ редакціонныя коммиссіи въ качествѣ экспертовъ, и выборъ Николая Милютина естественно палъ на его единомышленниковъ, членовъ меньшинства губернскихъ комитетовъ, по бо́льшей части, не избранныхъ въ составъ ихъ дворянами, а назначенныхъ отъ правительства. „Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ", писалъ онъ самому даровитому изъ нихъ, Самарину, „въ дополненіе къ оффиціальному порученію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна

были преданы всею душою". Сообщивъ имена членовъ, назначенныхъ въ редакціонныя коммиссіи,—„эксперты и министерскіе члены", продолжалъ Милютинъ, „имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно, будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостнаго права. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ намъ препятствовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ коммиссію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Обнимаю васъ отъ всей души, въ надеждѣ на радостное свиданіе". Самаринъ не замедлилъ откликнуться на этотъ горячій призывъ.

Какъ въ Высочайшемъ повелѣніи, такъ и въ указѣ Сената объ учрежденіи редакціонныхъ коммиссій Ростовцовъ былъ названъ ихъ „предсѣдателемъ и непосредственнымъ начальникомъ". Хотя этими узаконеніями и устанавливались двѣ коммиссіи—одна для составленія общаго, другая—мѣстныхъ положеній, но предсѣдателю предоставлялось право дать имъ внутреннее устройство по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго коммиссіямъ дѣла, а потому Ростовцовъ слилъ обѣ коммиссіи въ одно общее присутствіе, а членовъ распредѣлилъ по тремъ отдѣленіямъ: административному, хозяйственному и юридическому, къ которымъ присоединилъ, въ видѣ четвертаго отдѣленія, образованную нѣсколько позже финансовую коммиссію, для изысканія мѣръ къ производству выкупа крестьянскихъ надѣловъ.

Первое засѣданіе общаго присутствія состоялось въ большой залѣ 1-го кадетскаго корпуса, 4-го марта. Два дня спустя, всѣ находившіеся уже въ Петербургѣ члены редакціонныхъ коммиссій были представлены предсѣдателемъ Государю, въ Зимнемъ дворцѣ. „Я желаю только блага Россіи", сказалъ имъ Императоръ, „вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю. Мой выборъ палъ на васъ; обо всѣхъ васъ я слышалъ отъ вашего предсѣдателя; онъ мнѣ всѣхъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. На случай сомнѣнія и недоразумѣній при исполненіи моихъ предначертаній, посредникомъ между вами и мной будетъ вашъ предсѣдатель. Онъ будетъ доводить обо всемъ происходящемъ до моего свѣдѣнія. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду. Прощайте". Тѣ же пожеланія и надежды выразилъ Государь и членамъ экспертамъ, прибывшимъ впослѣдствіи въ Петербургъ по вызову предсѣдателя и представлявшимся ему въ Петергофѣ 8-го августа, прибавивъ: „Господа, я благодарю васъ за ваши труды и надѣюсь на ваше усердіе. Желаю чтобы вы сдѣлали хорошо и для помѣщиковъ и для крестьянъ, какъ до сихъ поръ видѣлъ я это въ вашихъ трудахъ. Дѣлать нужно не спѣша и не тянуть".

Въ первыхъ засѣданіяхъ общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій Ростовцовъ изложилъ программу предстоявшихъ имъ занятій, предложивъ при начертаніи положеній, руководствоваться извлеченіями изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ, а также запискою его: „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса" и дополненіемъ къ ней, на которомъ Государь собственноручно надписалъ: „Главныя основанія совершенно согласны съ моими мыслями". Сущность предложеній предсѣдателя сводилась къ слѣдующимъ основнымъ началамъ: 1) освободить крестьянъ съ землею; 2) конечною развязкою освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ; 3) оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, или финансовыми операціями правительства; 4) избѣгнуть, по возможности, регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе; 5) барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ

чрезъ три года, переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ; 6) дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту. Большинство членовъ коммиссій находилось по этимъ вопросамъ въ полномъ единомыслiи съ предсѣдателемъ.

Ростовцовъ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія подробности о ходѣ занятій въ коммиссіяхъ, представляя Государю всѣ журналы ихъ засѣданій и главнѣйшіе изъ докладовъ отдѣленій. Его Величество, читалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ собственноручныя надписи на поляхъ, поправки ошибокъ и даже опечатокъ, вкравшихся въ печатные журналы коммиссій.

Скоро Императору Александру пришлось личнымъ вмѣшательствомъ разрѣшить споръ между большинствомъ коммиссій и двумя ихъ членами, графомъ Шуваловымъ и княземъ Паскевичемъ, по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ: что, считать окончаніемъ крѣпостнаго періода? Ростовцовъ разъяснилъ, что, по волѣ Государя, твердо имъ выраженной, свобода крестьянъ должна исходить отъ помѣщиковъ, какъ это опредѣлено въ рескриптахъ: дворянство изъявило желаніе дать свободу крестьянамъ, потому что она исходитъ отъ него, и Государь желаетъ остаться вѣрнымъ первой своей мысли. Коммиссія постановила, согласно съ предложеніемъ предсѣдателя, признать концомъ срочно-обязаннаго, переходнаго періода выкупъ, хотя и не обязательный, крестьянскихъ полей и угодій. Графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ не согласились съ этимъ постановленіемъ, отказались подписать журналъ и требовали занесенія въ него ихъ отдѣльнаго мнѣнія: чтобы со времени положительнаго разрѣшенія имущественныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, право *собственности* помѣщиковъ и право *пользованія* крестьянъ вошло немедленно въ составъ общихъ гражданскихъ правъ и чтобы вопросъ о выкупѣ былъ поставленъ совершенно отдѣльно отъ опредѣленія личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ. Предсѣдатель и большинство коммиссіи, находя это мнѣніе „противнымъ Высочайшей волѣ", допускали его занесеніе не въ общій, а только въ особый журналъ. Рѣшеніе ихъ утверждено Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся по докладу Ростовцова: въ печатные журналы, разсылаемые для общаго свѣдѣнія, мнѣнія, поданныя членами отдѣльно отъ большинства, не помѣщать, дабы избѣжать всякаго проявленія разномыслія коммиссій, какъ органовъ правительства, но вносить ихъ, вмѣстѣ съ постановленіемъ большинства, въ коммиссію Главнаго Комитета, въ видѣ приложеній. Тогда графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ подали прошенія объ увольненіи ихъ отъ званія членовъ редакціонныхъ коммиссій. Просьбу эту Ростовцовъ не преминулъ повергнуть на воззрѣніе Государя, и въ особой запискѣ выяснилъ сущность разногласія между большинствомъ коммиссій и двумя членами.

Государь отнесся къ дѣлу съ вниманіемъ, подобающимъ важности этого перваго столкновенія въ средѣ редакціонныхъ коммиссій двухъ противоположныхъ направленій. Онъ утвердилъ рѣшеніе большинства, какъ явствуетъ изъ надписи Ростовцова на журналѣ общаго присутствія: „Государь Императоръ изволилъ читать постановленія коммиссій, одобрить и, вообще, всѣ ихъ дѣйствія найти совершенно вѣрными основнымъ началамъ, Высочайше даннымъ имъ въ руководство. 28-го мая 1859 года въ Царскомъ Селѣ". При этомъ предсѣдатель удостовѣрилъ членовъ, „что Государь читалъ наши журналы два раза, излагая мнѣ конфиденціально свои виды и взгляды на дѣло, изъ чего можно было заключить, что онъ такъ знакомъ съ вопросомъ и понимаетъ его, какъ только понимаютъ его, можетъ быть, сами члены коммиссій". Но выслушавъ одну сторону, Императоръ считалъ справедливымъ познакомиться и съ мнѣніемъ другой и, принявъ Шувалова и Паскевича въ частной аудіенціи, написалъ Ростовцову: „Послѣ личнаго объясненія, я потребовалъ отъ нихъ письменнаго и полнаго разъясненія ихъ мнѣнія, съ тѣмъ, чтобы они прислали его мнѣ, въ собственныя руки. Поэтому, увольненіемъ ихъ повременить, впредь до дальнѣйшаго приказанія". Нѣсколько дней спустя, состоялось Высочайшее повелѣніе объ окончательномъ обсужденіи въ общемъ присутствіи редакціонныхъ коммиссій мнѣнія Шувалова и Паскевича о значеніи и способахъ прекращенія срочно-обязаннаго положенія, изложеннаго въ представленной ими всеподданнѣйшей запискѣ. Сущность разногласія съ большинствомъ члены мень-

шинства такъ опредѣлили въ заключеніи своей записки: „По смыслу предложенія генералъ-адъютанта Ростовцова, окончательное освобожденіе крестьянскаго сословія постановлено въ зависимость отъ выкупа, который, хотя и предполагается въ видѣ добровольной мѣры, но, составляя единственный общій исходъ крестьянскому вопросу, тѣмъ самымъ принимаетъ характеръ принудительный; по нашему же убѣжденію, необходимо, чтобы дѣйствительное освобожденіе крестьянъ съ правомъ безсрочнаго поземельнаго пользованія было достигнуто въ опредѣленный и непродолжительный срокъ, независимо отъ выкупа, который, при содѣйствіи государственнаго кредита, долженъ быть безусловно предоставленъ добровольному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ".

Обсужденіе записки двухъ членовъ возбудило горячія пренія въ чрезвычайномъ засѣданіи общаго присутствія коммиссій, въ которомъ Ростовцовъ устранилъ отъ себя предсѣдательство. Ораторы большинства—Милютинъ, Соловьевъ, князь Черкасскій—возражали графу Шувалову и князю Паскевичу, что освобожденіе крестьянъ безъ обезпеченія ихъ земельными надѣлами, которые, съ согласія помѣщиковъ, могли бы переходить къ крестьянамъ путемъ организованнаго правительствомъ выкупа, было бы только номинальнымъ освобожденіемъ, а въ сущности—оставленіемъ ихъ въ полной экономической зависимости отъ помѣщиковъ, въ вѣчно-обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ, неизбѣжныхъ, когда одно лицо пользуется собственностью другого, и въ административномъ имъ подчиненіи, подобно тому, какъ въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ. Члены большинства полагали, что правильная организація выкупа установленныхъ на долгіе сроки неизмѣнныхъ повинностей можетъ одна только положить предѣлъ неудобному и могущему породить рядъ непрерывныхъ столкновеній, переходному положенію, которое сопряжено съ продолженіемъ непріятной для крестьянъ барщины и сложнаго урочнаго положенія, обставленнаго дисциплинарными взысканіями, и есть въ сущности продолженіе крѣпостнаго права, въ нѣсколько измѣненной формѣ. Къ этимъ соображеніямъ члены-эксперты изъ помѣщиковъ присовокупили другія, еще болѣе вѣскіе доводы. Крѣпостное право—разсуждали они—только тогда падетъ быстро, когда помѣщики будутъ убѣждены, что регулированные закономъ надѣлы поступятъ въ безповоротное пользованіе крестьянъ, за опредѣленныя также закономъ, неизмѣнныя повинности, и въ такомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться, что помѣщики сами, и притомъ весьма быстро, пойдутъ на встрѣчу организованной правительствомъ выкупной операціи, представляющей единственный окончательный выходъ изъ крѣпостныхъ отношеній. Здравому смыслу и духу русскаго дворянства, разставшагося уже съ крѣпостнымъ правомъ, совершенно соотвѣтствуетъ не тянуть длинной канители обязательныхъ отношеній, а принять сразу безповоротное рѣшеніе, и затѣмъ уже устраивать свое хозяйство на новыхъ началахъ, про помощи тѣхъ оборотныхъ капиталовъ, которые дастъ дворянству организованный правительствомъ выкупъ.

Перенесенные на такую чисто принципіальную почву пренія не могли привести къ соглашенію. Шуваловъ и Паскевичъ, съ одной стороны, большинство коммиссій—съ другой, остались при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ. На журналѣ общаго присутствія Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Исполнить по мнѣнію большинства, но желаю, чтобъ и два члена оставались въ коммиссіи, надѣясь, что, принеся въ жертву свое личное мнѣніе, они съ прежнимъ усердіемъ будутъ участвовать въ работахъ коммиссій для довершенія великаго дѣла, ей порученнаго".

Согласіе свое со взглядами большинства редакціонныхъ коммиссій на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса Императоръ Александръ еще опредѣленнѣе выразилъ въ замѣчаніяхъ на заключительную докладную записку князя Паскевича, представленную ему два мѣсяца спустя, по возвращеніи его изъ поѣздки по Южной и Западной Россіи. Противъ утвержденія члена меньшинства, что правительство во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ, Государь написалъ, что это—существенное условіе, отъ котораго онъ „ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ"; противъ предположенія о предоставленіи крестьянамъ права отказа отъ земли: „и тогда помѣщики будутъ сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру"; противъ замѣчанія, что предположенія редакціонныхъ коммиссій могутъ быть вве-

дены только силой: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать"; противъ предложенія даровать крестьянамъ полную личную свободу чрезъ три года: „съ перваго дня по изданіи положенія"; противъ словъ, что выкупъ долженъ быть добровольный: „иначе я его не допускаю"; наконецъ, противъ увѣренія Паскевича въ добросовѣстности его убѣжденія: „вѣрю, но сожалѣю о неправильности взгляда".

Такому повороту въ воззрѣніяхъ Александра Николаевича на сущность задуманнаго преобразованія не мало способствовали обстоятельства, сопровождавшія вызовъ въ Петербургъ и пребываніе въ столицѣ членовъ, отряженныхъ дворянскими губернскими комитетами для представленія высшему правительству разъясненій по выработаннымъ комитетами проектамъ положеній объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Къ концу іюля 1859 года почти всѣ губернскіе комитеты—44 изъ 48—окончили свои занятія и составили проекты положеній, но такъ какъ и въ ихъ средѣ мнѣнія раздѣлились, то едва ли не каждый комитетъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по два проекта: одинъ отъ большинства, другой—отъ меньшинства. Не сочувствуя направленію первыхъ, министръ Ланской озаботился, чтобы изъ вызванныхъ въ Петербургъ депутатовъ, по два отъ комитета, одинъ былъ отъ большинства, другой отъ меньшинства. Но и эта мѣра показалась ему недостаточною, чтобы устранить коренной разладъ между представителями губернскихъ комитетовъ и членами редакціонныхъ коммиссій, уже приступившихъ къ составленію положеній въ направленіи, совершенно отличномъ отъ того, которое преобладало въ средѣ дворянъ-помѣщиковъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія", писалъ Ланской въ довѣрительномъ докладѣ Государю, „что каждый изъ членовъ идетъ съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараться достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, не согласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затормозить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная работа должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и не образовавшіяся еще, разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено". Напомнивъ, что, въ силу Высочайшаго повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленій правительству „тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть", министръ продолжалъ: „Правительству же полезно имѣть отъ нихъ справки, не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ тѣмъ же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено вами, для блага современниковъ и потомства". Соглашаясь съ мнѣніемъ Ланского, Государь надписалъ на его докладѣ: „Нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями. Прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцову".

Избранники губернскихъ комитетовъ были раздѣлены на двѣ смѣны: депутаты отъ 21 губерніи вызваны въ Петербургъ къ концу августа; представители прочихъ губерній должны были послѣдовать за ними нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже по оставленіи столицы членами перваго призыва.

Депутаты стали съѣзжаться въ половинѣ августа, а 25-го числа того же мѣсяца были приглашены въ общее присутствіе редакціонныхъ коммиссій. Предсѣдатель прочиталъ имъ Высочайше утвержденную ин-

струкцію, опредѣлявшую кругъ и предѣлъ ихъ дѣятельности, которая сводилась къ обязанности давать письменныя разъясненія на предложенные имъ редакціонными коммиссіями вопросы, а также разъясненія словесныя, въ засѣданіяхъ коммиссій. Такое ограниченіе возбудило всеобщее неудовольствіе депутатовъ. Коллективнымъ письмомъ къ Ростовцову они обратились съ ходатайствомъ объ испрошеніи имъ Высочайшаго соизволенія имѣть общія совѣщанія съ тѣмъ, чтобы всѣ ихъ соображенія, какъ по предъявленнымъ имъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія вопросамъ, поступили на судъ высшаго правительства. Въ отвѣтъ на это письмо, предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій сообщилъ депутатамъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Его Императорское Величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствія къ тому, чтобы члены губернскихъ комитетовъ совѣщались между собою; въ дѣлѣ столь важномъ и столь близко касающемся интересовъ дворянства, Государь Императоръ изволитъ находить полезнымъ, чтобы члены губернскихъ комитетовъ помогали другъ другу своею мѣстною опытностію; но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера оффиціальнаго". Далѣе подтверждалось депутатамъ, чтобы они, въ точности соображаясь съ преподанною имъ инструкціею, не касались общихъ началъ, а ограничивались примѣненіемъ ихъ къ своимъ мѣстностямъ, и мнѣнія свои представляли отдѣльно, по каждой губерніи. Въ заключеніе, имъ снова обѣщалось, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе Главнаго Комитета.

На другой день, 4-го сентября, депутаты приглашены были въ Царское Село для представленія Императору, который обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: „Господа, я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ увѣренъ, вы столько желаете, сколько и я. Съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное Престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать. Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда былъ еще Наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ, я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ; отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны: тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной коммиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами убѣждены, господа, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ. Прощайте, господа". Воронежскій депутатъ князь Гагаринъ отвѣчалъ, что дворяне готовы на жертвы, хотя бы онѣ простирались до трети ихъ достоянія. Государь возразилъ: „Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ я не требую. Я желаю, чтобъ великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ".

Александръ Николаевичъ былъ, повидимому, увѣренъ, что личное его вмѣшательство возстановитъ миръ и согласіе между избранниками дворянскихъ комитетовъ и редакціонными коммиссіями. Надежду свою на конечный успѣхъ, онъ выразилъ проѣздомъ чрезъ Харьковъ, 16-го октября, тамошнему дворянству въ такихъ словахъ: „Пользуюсь случаемъ, господа, находясь среди васъ, чтобы лично васъ благодарить еще разъ за усердіе, оказанное вами, и жертвы, принесенныя вами въ минувшую войну. На счетъ крестьянскаго дѣла, въ которомъ я также обратился съ полною довѣренностію къ вашему участію и результатовъ котораго и я и вы ожидаемъ теперь, скажу вамъ, что оно подвигается впередъ, хотя медленно, но добросовѣстно, и я надѣюсь, что мы достигнемъ, съ Божіею помощью, окончанія этого вопроса, какъ я того желаю, то-есть, чтобы было хорошо и вамъ, и крестьянамъ вашимъ. До свиданія, господа, на балѣ.

Я радъ, что буду видѣть сегодня ваше общество".

Однако, въ отсутствіе Государя изъ столицы, продолжавшееся болѣе двухъ мѣсяцевъ, отношенія между дворянскими депутатами и редакціонными коммиссіями обострились еще сильнѣе прежняго. Первые были раздражены не только оповѣщеніемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что, по доставленіи ими потребованныхъ коммиссіями объясненій, дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ для нихъ не обязательно; но еще болѣе того оглашеніемъ въ заграничной печати всеподданнѣйшей о нихъ записки Ланского. Не обошлось и безъ личныхъ пререканій между членами губернскихъ комитетовъ, съ одной стороны, и редакціонныхъ коммиссій — съ другой, въ засѣданіяхъ общаго присутствія. Къ тому же, отъ депутатовъ не могло укрыться коренное различіе въ направленіи трудовъ коммиссій сравнительно съ проектами положеній, выработанными губернскими комитетами. Объ этомъ существенномъ разномыслiи Ростовцовъ, по возвращеніи Императора, откровенно довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, въ довѣрительномъ докладѣ, въ которомъ писалъ, между прочимъ: „Главное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что у коммиссій и у нѣкоторыхъ депутатовъ различныя точки исхода: у коммиссій — государственная необходимость и государственное право; у нихъ—право гражданское и интересы частные. Они правы съ своей точки зрѣнія; мы—съ своей. Смотря съ точки гражданскаго права, вся зачатая реформа, отъ начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушеніе права частной собственности; но, какъ необходимость государственная и на основаніи государственнаго права, реформа эта законна, священна и необходима. Огромное число враговъ реформы, не уясняя себѣ этой неотложной необходимости, обвиняетъ, и словесно и письменно, редакціонныя коммиссіи въ желаніи обобрать дворянъ, а иные даже и въ желаніи произвести анархію, называя нѣкоторыхъ изъ членовъ коммиссій „красными". Желать обобрать дворянъ было бы мыслью безчестною и безцѣльною, тѣмъ болѣе, что $^{8}/_{10}$ изъ членовъ коммиссій суть сами помѣщики, а нѣкоторые изъ нихъ и весьма богаты. Объ обвиненіи послѣднемъ не стоитъ и говорить: оно придумано людьми, которые желали, чтобъ именно ихъ теоріи были приняты въ руководство коммиссіями и видя иное, прибѣгли къ клеветѣ". Изложивъ разновидность во взглядахъ самихъ членовъ губернскихъ комитетовъ, почти ни въ чемъ не согласныхъ между собою, Ростовцовъ продолжалъ: „Главная цѣль коммиссій—спасать Россію, и какъ средство для достиженія этой цѣли—освободить крестьянина дѣйствительно, т.-е. съ надлежащимъ улучшеніемъ его быта, на основаніи Высочайшей вашей воли; произвести это палліативно и раціонально и не завязывать новыхъ соціальныхъ узловъ, которые пришлось бы впослѣдствіи Россіи, по примѣру Европы, или распутывать, или разрубать. Смѣю думать, Ваше Величество, что главныя основанія редакціонныхъ коммиссій вѣрны; въ подробностяхъ есть еще, можетъ быть, и много ошибокъ, и недомолвокъ, и неясностей; въ этомъ посдѣднемъ отношеніи мнѣнія депутатовъ будутъ для насъ очень полезны. Коммиссіи желали отъ всей души уравновѣшивать интересы крестьянъ съ интересами помѣщиковъ. Если онѣ равновѣсія этого доселѣ еще не достигли, если и есть, дѣйствительно, въ иныхъ правахъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ крестьянъ, то это происходитъ, конечно, ужъ не оттого, чтобы коммиссіи желали огорчить помѣщиковъ и чтобъ онѣ не уважали священныхъ ихъ правъ, а во-первыхъ, оттого, что одна Минерва родилась прямо вооруженная, а главное, оттого, что при особенно затруднительныхъ вопросахъ, какъ наклонить свои вѣсы, коммиссіи иногда наклоняли ихъ на сторону крестьянъ, и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы *потомъ*, отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ, будетъ *много охотниковъ и много силы*, а наоборотъ—иначе, такъ что бытъ крестьянъ могъ бы *не улучшиться, а ухудшиться*. Конечно, коммиссіи съ радостью воспользуются всѣмъ для установленія елико-возможнаго равновѣсія. Коммиссіи, чуждыя недобросовѣстнаго искательства популярности и авторскаго самолюбія, смотрятъ на дѣло освобожденія не какъ на приходскую работу своей канцеляріи, а какъ на дѣло, Россіи— на благо, а вамъ— во славу".

Со своей стороны депутаты перваго призыва обратились непосредственно къ Государю съ всеподданнѣйшими письмами,

причемъ раздѣлились на три группы: первый адресъ былъ подписанъ 18-ю членами, второй—5-ю, третій—однимъ. Но тогда какъ адресъ шестнадцати ограничивался просьбой дозволить депутатамъ представить свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ коммиссій до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ, адресъ пяти, исшедшій отъ либеральнаго меньшинства, далеко выступилъ за предѣлы крестьянскаго вопроса и возбудилъ ходатайство о коренномъ преобразованіи государственнаго строя введеніемъ хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, на выборномъ началѣ, и устнаго и и гласнаго суда, независимаго отъ администраціи, а также свободы печати.

Такія неумѣстныя и несвоевременныя требованія крайне раздражили Государя. „Дай Богъ намъ терпѣнія", писалъ онъ къ опасно заболѣвшему Ростовцеву, въ отвѣтъ на его довѣрительный докладъ, причемъ слѣдующимъ образомъ отозвался о сущности сдѣланныхъ ему представленій: „Обзоръ положенія святаго нашего дѣла и различныя мнѣнія гг. членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ совершенно согласны со всѣми свѣдѣніями, которыя до меня доходятъ съ разныхъ сторонъ. Между тѣмъ, кромѣ Шидловскаго, я еще получилъ два адреса отъ 18-ти и 5-ти членовъ. Послѣдній, въ особенности, ни съ чѣмъ не сообразенъ и дерзокъ до крайности. По выздоровленіи вашемъ желаю, чтобы они были обсуждены въ Главномъ Комитетѣ, въ моемъ присутствіи. Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они очень ошибаются, я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святого дѣла, чтобы кто-либо могъ меня остановить въ довершеніи онаго. Но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ его довершить? Въ этомъ, какъ и всегда, надѣюсь на Бога и на помощь тѣхъ, которые, подобно вамъ, добросовѣстно желаютъ этого, столь же искренно, какъ и я, и видятъ въ этомъ спасеніе и будущее благо Россіи. Не унывайте, какъ я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ. Обнимаю васъ отъ всей души. А.".

Какъ ни велико было, однако, неудовольствіе Государя на дѣйствія депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, онъ не распространялъ его на совокупность дворянскаго сословія, что и высказалъ ясно въ рѣчи, обращенной 10-го ноября къ дворянамъ во Псковѣ, куда Его Величество нарочно отправился изъ Петербурга, чтобы принять предложенный ему отъ дворянства балъ. На утреннемъ пріемѣ, Императоръ выразился такъ: „Давно, господа, я желалъ посѣтить васъ и очень радъ, что мнѣ, наконецъ, удалось исполнить это желаніе. Дворянство всегда съ готовностью отвѣчало на Царскій призывъ. И я обращался къ нему всегда съ полнымъ довѣріемъ. Съ тѣмъ же довѣріемъ я обратился къ вамъ, господа, и въ крестьянскомъ дѣлѣ, и благодарю васъ, что, по примѣру другихъ, вы съ сочувствіемъ отозвались на этотъ призывъ мой. Теперь это дѣло, съ помощью Божіей, приходитъ къ концу и я надѣюсь, что вы будете ожидать окончанія его съ тѣмъ же довѣріемъ ко мнѣ, съ какимъ я обратился къ вамъ, съ полною увѣренностью, что это дѣло будетъ окончено къ общей взаимной пользѣ обѣихъ сторонъ, чтобъ интересы дворянства были сколько возможно гарантированы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, бытъ крестьянъ—дѣйствительно улучшенъ. Я убѣжденъ, что вы оправдаете мое довѣріе". На другой день Императоръ, принимая дворянскую депутацію, явившуюся благодарить Его Величество за присутствіе на балѣ, высказался еще опредѣленнѣе: „Помните, господа, мои вчерашнія слова. Я увѣренъ въ вашемъ ко мнѣ довѣріи и имѣю одинаковое къ вамъ. Будьте увѣрены, что интересы ваши всегда близки къ моему сердцу. Я надѣюсь, что общими силами, съ помощью Божіею, мы достигнемъ желаемаго конца въ этомъ дѣлѣ, къ общей пользѣ. Прошу васъ не вѣрить никакимъ превратнымъ толкамъ, которыми только хотятъ васъ мутить, а вѣрьте мнѣ одному и моему слову".

Между тѣмъ, болѣзнь Ростовцова грозила ему близкимъ концомъ. Онъ уже не могъ выходить изъ дому, но продолжалъ предсѣдательствовать въ общемъ присутствіи редакціонныхъ коммиссій, которое собиралъ у себя на квартирѣ. Въ первыхъ числахъ января 1860 года, Яковъ Ивановичъ слегъ въ постель. У него назрѣвалъ карбункулъ, и 5-го января врачи произвели ему первую операцію. Чувствуя приближеніе смерти, боль-

ной просилъ врачей, если положеніе его станетъ безнадежнымъ, предупредить его о томъ, дабы онъ, прежде чѣмъ потерять сознаніе, имѣлъ еще время переговорить съ Государемъ. Предсмертною его заботою было составленіе для Государя записки, которая явилась бы его завѣщаніемъ по крестьянскому дѣлу. Записка была составлена, но больной не былъ уже въ состояніи подвергнуть ее окончательному просмотру. 5-го февраля Ростовцовъ скончался въ присутствіи самого Императора, къ которому были обращены послѣднія слова его: „Не бойтесь, Государь"... Шесть дней спустя состоялось назначеніе новаго предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій. Выборъ Императора палъ на министра юстиціи, графа В. Н. Панина.

Вѣсть о томъ произвела большую тревогу въ средѣ членовъ коммиссій. Панина считали за убѣжденнаго противника направленія, восторжествовавшаго въ средѣ коммиссій; ожидали, что подъ его руководствомъ, занятія ихъ получатъ иной оборотъ. Но Государь, назначая Панина преемникомъ Ростовцова, положительнѣйшимъ образомъ выразилъ ему свою непремѣнную волю, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствій коммиссій и чтобы предсмертная записка Іакова Ивановича служила имъ наставленіемъ. „Помните все, что вы мнѣ говорили", сказалъ онъ ему по этому поводу; „на выраженныхъ условіяхъ только ввѣряю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть". Со своей стороны, Панинъ увѣрялъ Великаго Князя Константина Николаевича, что, каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго, прежде всего, подчинять ихъ взгляду Императора. „Если я," пояснялъ онъ, „какими-либо путями, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, — то я долгомъ сочту тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ и даже съ бо́льшею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями".

Непреклонную рѣшимость довести предпринятое дѣло до конца въ томъ направленіи, которое было дано ему трудами редакціонныхъ коммиссій, Государь съ новою силою выразилъ въ рѣчи, которую произнесъ 21-го февраля, при представленіи въ Зимнемъ дворцѣ депутатовъ отъ 24 губернскихъ комитетовъ второго призыва. Поблагодаривъ присутствовавшихъ представителей трехъ литовскихъ губерній за примѣръ, который они подали, „вызвавшись первые на общее дѣло", Императоръ, обращаясь ко всѣмъ прочимъ членамъ, сказалъ: „Мнѣ остается повторить вамъ, господа, то, что губернскіе предводители, находящіеся между вами, уже отъ меня слышали. Вамъ извѣстно, какъ святое дѣло это близко моему сердцу. Увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли, или, лучше сказать, одна—благо государства. Я убѣжденъ, что въ томъ же самомъ заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобъ улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобъ переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ вашей стороны обойтись невозможно. Я желаю, чтобъ эти пожертвованія были сколь возможно менѣе тягостны и обременительны для дворянъ. Для занятій вашихъ здѣсь составлена инструкція, которая опредѣляетъ, въ чемъ должна заключаться ваша прямая обязанность. Вы должны отвѣчать на вопросы, вамъ предложенные. Впрочемъ, если найдете нужнымъ добавить къ тому свои соображенія, можете ихъ выразить въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя будутъ разсмотрѣны и доведены до моего свѣдѣнія. Дѣйствуйте же единодушно къ общей пользѣ. Мнѣ извѣстно, что носились нелѣпые слухи; они, вѣроятно, могли дойти до васъ и здѣсь, будто я измѣнилъ свое довѣріе къ дворянству—это ложь и клевета, не обращайте на это вниманія, а вѣрьте мнѣ. При самомъ началѣ обратился я къ дворянству съ полнымъ довѣріемъ. Обращаясь теперь съ тѣмъ же довѣріемъ къ вамъ, я надѣюсь, что вы на дѣлѣ оправдаете мои ожиданіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ Панинъ, котораго я назначилъ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи на мѣсто генералъ-адъютанта Ростовцова, знаютъ мысли мои и взлядъ мой по этому вопросу. Они могутъ подробно передать ихъ вамъ. Вы должны намъ помочь, господа; съ Богомъ же принимайтесь за дѣло". Обратясь къ графу Панину, Его Величество добавилъ: „Рекомендую вамъ сотрудниковъ ва-

шихъ. Я увѣренъ, что они будутъ добросовѣстно работать. Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ. Прощайте, господа. Дай вамъ Богъ успѣха"! Нѣсколько дней спустя, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій общаго присутствія, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Панина, предсѣдатель объявилъ членамъ редакціонныхъ коммиссій признательность Государя „за ихъ дѣятельность и постоянно успѣшныя занятія, которыми они продолжаютъ двигать работы".

Занятія редакціонныхъ коммиссій, руководимыя новымъ предсѣдателемъ, хотя и не раздѣлявшимъ всѣхъ воззрѣній своего предшественника, но честно сдержавшимъ слово данное Государю,—пошли своимъ чередомъ, и съ половины іюля коммиссіи приступили къ кодификаціи трудовъ своихъ. Императоръ желалъ сколь возможно скорѣе привести ихъ къ концу и окончательнымъ срокомъ изготовленія проектовъ положеній назначилъ 10-е октября. Въ этотъ день редакціонныя коммиссіи были закрыты, членамъ ихъ „за неутомимые и усердные ихъ труды" объявлено Высочайшее благоволеніе, а составленные ими проекты положеній и разныхъ дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости—числомъ двадцать—внесены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета.

Императоръ Александръ пожелалъ лично выразить царскую признательность трудолюбивымъ участникамъ великаго дѣла. 1-го ноября всѣ бывшіе члены редакціонныхъ коммиссій были приглашены въ Зимній дворецъ. „Я желалъ васъ видѣть, господа", сказалъ Государь, „чтобъ поблагодарить васъ за ваши добросовѣстные труды, которые требовали большихъ усилій и большой дѣятельности. Работа ваша была огромная. Конечно, всякій человѣческій трудъ долженъ имѣть свои несовершенства. Вы сами это знаете; это очень хорошо знаю и я. Можетъ быть, придется многое измѣнить; но во всякомъ случаѣ, вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія будетъ вамъ благодарна, а потому я желалъ отъ души поблагодарить васъ, господа. Я надѣюсь, что потомъ, каждый изъ васъ, въ своемъ кругѣ, будетъ содѣйствовать общему намъ благу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу. Я увѣренъ, что оно также близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души. Вотъ и графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто Іакова Ивановича, не разъ говорилъ мнѣ о вашихъ добросовѣстныхъ занятіяхъ. (къ графу Панину, пожавъ ему руку): Я и васъ благодарю, графъ. (ко всѣмъ): Богъ поможетъ намъ кончить".

За нѣсколько дней до закрытія коммиссій, тяжкая болѣзнь князя Орлова, лишила его возможности предсѣдательствовать въ Главномъ Комитетѣ въ отсутствіе Государя, отправившагося въ Варшаву для свиданія съ австрійскимъ императоромъ и принцомъ-регентомъ прусскимъ, вслѣдствіе чего Императоръ назначилъ предсѣдательствующимъ въ Комитетѣ Великаго Князя Константина Николаевича, болѣе года, вслѣдствіе предпринятой поѣздки на Востокъ, не принимавшаго участія въ его занятіяхъ.

Великій Князь генералъ-адмиралъ горячо сочувствовалъ направленію, приданному крестьянскому вопросу Ростовцовымъ и редакціонными коммиссіями. Но прочіе члены Главнаго Комитета не раздѣляли воззрѣній предсѣдателя на новыя положенія. Вполнѣ сочувствовали имъ и дѣятельно ихъ поддерживали только Ланской, графъ Блудовъ и Чевкинъ. Другіе три члена, Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Княжевичъ, желали, напротивъ, внести въ нихъ существенныя измѣненія. Ихъ контръ-проектъ, составленный директоромъ департамента сельскаго хозяйства Валуевымъ, предлагалъ, оставивъ за крестьянами, на первое время, существовавшіе надѣлы, отсрочить окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ. Князь Гагаринъ, поддерживаемый графомъ Адлербергомъ, настаивалъ на освобожденіи крестьянъ съ обязательнымъ надѣломъ всего по одной десятинѣ на душу и съ предоставленіемъ затѣмъ крестьянамъ найма остальныхъ земель, по добровольнымъ съ помѣщиками соглашеніямъ. Наконецъ, самъ бывшій предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій графъ Панинъ выражалъ несогласіе съ ихъ проектами по четыремъ важнымъ статьямъ: о вотчинной полиціи помѣщиковъ; объ ограниченіи правъ собственности помѣщи-

ковъ на предоставленныя крестьянамъ въ пользованіе земли; о безсрочномъ пользованіи крестьянъ этими землями; объ опредѣленіи размѣра высшихъ и низшихъ надѣловъ.

Разсмотрѣнію проектовъ положеній Главный Комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести и даже семи часовъ. А. В. Головнинъ такъ описываетъ ихъ въ письмѣ къ князю Барятинскому: „Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость Великому Князю-предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила Великаго Князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось, благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь Комитета, г. Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, а слѣдовательно, не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ—возвратившійся, между тѣмъ, изъ Варшавы — остается безмолвнымъ и безстрастнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе Императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь“.

Наконецъ, Великому Князю удалось убѣдить графа Панина пристать къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настояніямъ самого Государя, и графъ Адлербергъ. Такимъ образомъ, составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ коммиссій, которые и были приняты Главнымъ Комитетомъ. Послѣднее соединенное засѣданіе этого Комитета съ совѣтомъ министровъ происходило 26-го января 1861 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Александръ Николаевичъ благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ положеній, и особенно Великаго Князя Константина Николаевича, котораго нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О редакціонныхъ коммиссіяхъ онъ отозвался, что на нихъ сильно нападали, но бо́льшею частью совершенно несправедливо, главнымъ образомъ, по незнанію дѣла; что трудъ ихъ исполненъ съ большимъ знаніемъ и большою добросовѣстностію. Затѣмъ, Императоръ объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ, и хочетъ, чтобы дѣло было кончено непремѣнно къ 15-му февраля. „Этого“, сказалъ онъ, „я желаю, требую, повелѣваю“, и прибавилъ: „вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть“. Въ заключеніе Императоръ объявилъ, что по окончаніи дѣла объ упраздненіи крѣпостнаго права, сословіе крестьянъ не должно оставаться раздѣленнымъ на разныя вѣдомства, но образовать одно цѣлое, какимъ и было прежде, подчиненное однимъ законамъ и общимъ въ государствѣ властямъ.

28-го января, принятые Главнымъ Комитетомъ проекты положеній внесены на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Засѣданіе это Императоръ Александръ открылъ слѣдующею знаменательною рѣчью:

„Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю—и это моя непремѣнная воля,—чтобъ дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія, какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, ка-

кое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства, до нѣкоторой степени, понятны, ибо они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ, я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и, во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. „Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостнаго права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя прямая воля. „Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостнаго права и постоянно стремились, если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти. „Съ этою цѣлью при Императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при Императорѣ Александрѣ, въ 1803 г.—законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; а при родителѣ моемъ, въ 1842 г., указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100.000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть, и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, особый Комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года, поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью, и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года, на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе

крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ. „Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе того, были учреждены губернскіе комитеты, которымъ, для облегченія ихъ работъ, была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя коммиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ коммиссій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, а по кончинѣ его, графъ Панинъ. Редакціонныя коммиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, не смотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти, и справедливыя, которымъ коммиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ. Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ Комитета, а брата моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ. „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь съ Божіею помощію приступимъ къ самому дѣлу".

„Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи,—гласитъ журналъ этого достопамятнаго засѣданія,—выслушавъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ слова Его Императорскаго Величества и принявъ къ точному исполненію Высочайшую его волю, въ томъ же засѣданіи приступилъ къ подробному обсужденію первыхъ 20-ти статей проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости". Но выраженія эти недостаточно передаютъ глубокое впечатлѣніе, произведенное царскою рѣчью на слушателей, о которомъ такъ отозвался Головнинъ въ письмѣ къ фельдмаршалу князю Барятинскому:

„Засѣданіе Государственнаго Совѣта 28-го января останется памятнымъ въ исторіи Россіи рѣчью, которою Государь освѣтилъ разбирательство Совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказала глубокое знаніе, которымъ обладаетъ Императоръ по отношенію ко всему этому дѣлу, доказала, насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостію. Эта рѣчь поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо канцеляріей Совѣта, не была написана и прочитана,—нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ".

19-го февраля, разсмотрѣнные и одобренные Государственнымъ Совѣтомъ проекты положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, были поднесены на Высочайшее утвержденіе. Въ эту

шестую годовщину своего воцаренія, приложивъ къ нимъ свою подпись, Императоръ Александръ возвѣстилъ о совершенномъ преобразованіи манифестомъ, который останется въ русской исторіи вѣчнымъ и незыблемымъ памятникомъ его царственной мудрости и попечительной заботливости о благѣ Богомъ ввѣреннаго ему народа.

„Божіимъ Провидѣніемъ," такъ начинается манифестъ, „и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію, мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ: обнимать нашею царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и положенія, отъ благородно-владѣющаго мечомъ на защиту отечества, до скромно-работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную, до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ". Манифестъ напоминалъ о несостоятельности законоположеній о крестьянахъ, потомственно укрѣпленныхъ за помѣщиками, о неблагопріятныхъ, для благосостоянія крестьянъ послѣдствіяхъ этого закрѣпощенія, о недостаточности мѣръ, принятыхъ въ три предшествовавшія царствованія для ихъ устраненія. „Такимъ образомъ," заключалъ Государь, „мы убѣдились, что измѣненіе положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для насъ завѣщаніе предшественниковъ нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный намъ рукою Провидѣнія". Манифестъ излагалъ ходъ развитія крестьянскаго дѣла, обращеніе Царя къ дворянству, труды губернскихъ комитетовъ, составленіе положеній, разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ—Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ. „Въ силу означенныхъ новыхъ положеній", объявлялъ манифестъ, „крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей". Слѣдовало перечисленіе главныхъ основаній преобразованія: сохраненіе за помѣщиками права собственности на землю съ предоставленіемъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, усадебной осѣдлости и полевого надѣла; переходное состояніе, въ продолженіе котораго крестьяне именуются временно обязанными; право выкупа крестьянами усадебъ и полей; полное освобожденіе въ двухлѣтній срокъ дворовыхъ людей; вновь установленный порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія. Манифестъ перечислялъ и новыя учрежденія для приведенія въ исполненіе положеній: губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; мировыхъ посредниковъ; мірскія и волостныя правленія; составленіе уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. „Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія", продолжалъ манифестъ, „мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи. За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ насъ и отъ всего отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній, въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства, и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій". Выразивъ надежду, что взаимными добросовѣстными соглашеніями разрѣшится бо̀льшая часть затрудненій и облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ, манифестъ обѣщалъ содѣйствіе правительства выкупу усадебныхъ и полевыхъ угодій крестьянамъ, посредствомъ выдачи ссудъ. Затѣмъ, обращаясь къ крестьянамъ, Императоръ говорилъ: „Полагаемся и на здравый смыслъ на-

шего народа. Когда мысль правительства объ упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами, возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII, 1), *воздавать всѣмъ должное* и въ особенности кому должно, *урокъ*, *данъ*, *страхъ*, *честь* (7), что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности. „И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди при открывающейся для нихъ новой будущности поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное благороднымъ дворянствомъ для улучшенія ихъ быта. „Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и бо́льшую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъправъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе, подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною, въ страхѣ Божіемъ, жизнію. „Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность“.

Незабвенны заключительныя слова манифеста: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ 2-го марта объявленъ Сенату, а въ воскресенье, 5-го числа того же мѣсяца, обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, прочтеніемъ въ церквахъ послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, Государь самъ прочиталъ манифестъ, встрѣченный громогласнымъ и долго несмолкавшимъ „ура!

Въ самый день подписанія этого акта Императоръ Александръ, въ рескриптѣ на имя Великаго Князя Константина Николаевича, изложилъ свой взглядъ на значеніе величайшаго изъ событій своего царствованія. Выразивъ признательность августѣйшему брату и его сотрудникамъ—членамъ Главнаго Комитета, Государь писалъ: „Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ его святой, всегда благостной воли, но мы можемъ нынѣ же съ спокойной совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти нашей средства, и съ смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота ему извѣстна“. Въ томъ же рескриптѣ Государь объявилъ объ учрежденіи, подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, Главнаго Комитета „для устройства сельскаго состоянія для всей Имперіи, на общихъ и однообразныхъ началахъ“.

Актомъ этимъ завершилось великое дѣло освобожденія, предпринятое и осуществленное Императоромъ Александромъ, прославившее его царствованіе и обезсмертившее его Имя.

VIII.

Тысячелѣтіе Россіи.

1861—1862.

Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, обнародованный въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ въ воскресенье, 5-го марта, былъ объявленъ во всѣхъ губернскихъ городахъ нарочно командированными генералъ-маіорами свиты Государя и флигель-адъютантами, съ 7-го марта по 2-е апрѣля.

Впечатлѣніе, произведенное на народъ положеніями 19-го февраля было самое благотворное. Крѣпостное населеніе встрѣтило вѣсть о своей свободѣ въ тишинѣ и спокойствіи, превзошедшихъ общія ожиданія. Вмѣсто шумныхъ изъявленій радости, крестьяне выражали ее тѣмъ, что служили благодарственные молебны; ставили свѣчи за державнаго Освободителя; писали всеподданнѣйшіе адресы. Другое утѣшительное явленіе сопровождавшее манифестъ, было трезвость.

Введеніе въ дѣйствіе новыхъ положеній производилось, за весьма немногими исключеніями, въ полномъ порядкѣ. Заблаговременно приняты были мѣры, чтобы тотчасъ по объявленіи манифеста образовались губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Лучшіе люди изъ дворянъ-помѣщиковъ шли на должность мировыхъ посредниковъ, въ кругъ обязанностей которыхъ входило составленіе уставныхъ грамотъ и, вообще, опредѣленіе взаимныхъ отношеній между землевладѣльцами и бывшими крѣпостными, водворенными на ихъ землѣ. Недоразумѣнія случались довольно рѣдко, еще рѣже — волненія между крестьянами или сопротивленіе ихъ распоряженіямъ властей. Явленія послѣдняго рода происходили преимущественно въ Западномъ краѣ, вслѣдствіе существовавшей между помѣщиками и крестьянами племенной и религіозной разрозненности. Въ великорусскихъ губерніяхъ серьезные размѣры приняли безпорядки лишь въ двухъ мѣстностяхъ: въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и въ Чембарскомъ — Пензенской губерніи, гдѣ для усмиренія возмущенныхъ крестьянъ пришлось прибѣгнуть къ оружію. Въ подавляющемъ большинствѣ, бывшіе крѣпостные, исполненные безпредѣльной преданности и признательности къ Царю, мирно и спокойно вступили въ пользованіе Высочайше дарованными имъ правами.

Къ сожалѣнію, совсѣмъ иное было настроеніе нѣкоторой части образованнаго общества и, въ особенности, учащейся молодежи. Въ повременной печати уже нѣсколько лѣтъ преобладало крайнее направленіе, заимствованное съ Запада и проповѣдывавшее политическія и соціальныя ученія самаго разрушительнаго свойства. Вліяніе ихъ на незрѣлые умы воспитанниковъ учебныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ, не замедлило сказаться въ цѣломъ рядѣ безпорядковъ, въ неповиновеніи начальству, нарушеніи установленныхъ имъ правилъ, созваніи недозволенныхъ сходокъ и проявленіи при каждомъ случаѣ недовѣрія и дерзкой враждебности къ правительству. Широкое распространеніе среди юношей находили заграничныя революціонныя изданія русскихъ выходцевъ, въ особенности Герцена, основавшаго въ Лондонѣ ежегодникъ „Полярная Звѣзда“ и еженедѣльную газету „Колоколъ“. Броженіе въ университетахъ поддерживалось увлеченіемъ многихъ профессоровъ тѣми же теоріями, которыя они, не стѣсняясь, развивали студентамъ съ каѳедры. Вопросъ о такомъ печальномъ положеніи высшихъ разсадниковъ русскаго просвѣщенія обсуждался, весною 1861 года, въ Совѣтѣ Министровъ, въ связи съ движеніемъ въ Польшѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Совѣта требовали повсемѣстнаго закрытія университетовъ, впредь до полнаго ихъ преобразованія. Государь не согласился на такую крайнюю мѣру, но, принявъ отставку министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, рѣшилъ замѣнить его лицомъ, которое въ завѣдываніе этимъ вѣдомствомъ внесло бы строгій порядокъ и водворило бы надлежащую дисциплину, какъ среди учащихъ, такъ и учащихся. Выборъ Его Величества остановился на адмиралѣ графѣ Путятинѣ.

Другая перемѣна состоялась во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Старикъ Ланской самъ просилъ объ увольненіи. Императоръ возвелъ его въ графское достоинство и въ званіе оберъ-камергера своего Двора, а преемникомъ ему назначилъ статсъ-секретаря П. А. Валуева.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ не принималъ участія въ подготовительныхъ

трудахъ по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ. Въ то время, когда редакціонныя коммиссіи составляли проекты положеній, онъ занималъ мѣсто директора департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и, по порученію генерала Муравьева, писалъ контръ-проектъ, который Муравьевъ противопоставилъ предположеніямъ коммиссій при обсужденіи ихъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Не будучи противникомъ самаго преобразованія, Валуевъ осуждалъ тенденціозность Николая Милютина и его товарищей, проявившуюся въ полномъ устраненіи дворянства отъ руководства самоуправленіемъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Двѣ главныя мысли лежали въ основѣ его критики проектовъ редакціонныхъ коммиссій. Онъ признавалъ желательнымъ не возстановлять одного сословія противъ другаго, но стараться ихъ примирить, а также находилъ, что лучше ограничиться установленіемъ главныхъ началъ реформы, и затѣмъ дать развиваться дѣлу самимъ собою. Заявленныя Муравьевымъ возраженія эти не прошли въ Главномъ Комитетѣ, который, равно какъ и Государственный Совѣтъ, принялъ положенія почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были составлены редакціонными коммиссіями. Вскорѣ послѣ того, къ новому 1861 году, возведенный въ званіе статсъ-секретаря Валуевъ получилъ важное назначеніе: управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, а менѣе четырехъ мѣсяцевъ спустя, призванъ былъ занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ, на прямой обязанности котораго лежало введеніе въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ.

При такихъ условіяхъ, замѣна Ланского Валуевымъ получила опредѣленное политическое значеніе, какъ указаніе на желаніе Государя, въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла, принять въ соображеніе законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что̀ произвело на большинство землевладѣльцевъ недовѣрчивое и даже пренебрежительное отношеніе къ помѣстному дворянству органовъ администраціи. Что таково именно было значеніе состоявшейся министерской перемѣны подтверждалось и одновременнымъ удаленіемъ Николая Милютина съ должности товарища министра, хотя съ производствомъ въ сенаторы, но и съ увольненіемъ въ продолжительный заграничный отпускъ.

Во второй половинѣ мая, Императоръ Александръ поѣхалъ въ Москву, гдѣ провелъ три недѣли. Тамъ Государь удостоилъ пріема депутацію отъ водворенныхъ въ первопрестольной столицѣ фабричныхъ и ремесленниковъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, съ выраженіемъ благоговѣйной признательности за освобожденіе.

Ко времени обычнаго Красносельскаго лагернаго сбора Императоръ возвратился въ Царское Село, и Петергофъ, но, тотчасъ по выступленіи гвардіи изъ лагеря, 6-го августа, вмѣстѣ съ Императрицею, отправился въ Крымъ, чтобы отдохнуть во вновь пріобрѣтенной на южномъ берегу дачѣ графини Потоцкой, „Ливадія“. Путь Ихъ Величествъ лежалъ на Москву, Тулу, Орелъ, Святогорскій монастырь, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ, Николаевъ, Одессу и Севастополь. Государь производилъ смотры, ученья и маневры расположеннымъ по пути слѣдованія войскамъ, а въ Тулѣ и въ Полтавѣ произнесъ двѣ знаменательныя рѣчи, обращенныя, въ первомъ изъ этихъ городовъ, къ представлявшимся ему предводителямъ дворянства, а во второмъ—къ собраннымъ изъ окрестныхъ губерній волостнымъ старшинамъ временно-обязанныхъ крестьянъ. „Господа“, сказалъ Государь тульскимъ дворянамъ, „я изъявилъ благодарность дворянству въ манифестѣ за то добровольное пожертвованіе, которое оно принесло и которымъ пособило мнѣ, съ Божіею помощью, совершить великое дѣло; теперь снова повторяю эту благодарность. Прежнія отношенія ваши къ вашимъ крестьянамъ прекращены, къ нимъ возвратиться болѣе нельзя; но то положеніе, которое мною установлено взамѣнъ стараго порядка, должно приводиться въ исполненіе добросовѣстно, къ упроченію быта владѣльцевъ и крестьянъ. Я надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете; надѣюсь, что дворянство и въ этомъ дѣлѣ выкажетъ себя такимъ же, какимъ оно было всегда, то-есть, точнымъ исполнителемъ воли Государевой“. Царское внушеніе волостнымъ старшинамъ вызвано было распространенными среди крестьянскаго населенія Россіи толками о земельномъ передѣлѣ. „Ко мнѣ доходятъ слухи“, строго замѣтилъ Государь, „что вы ожидаете дру-

гой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ. Исполняйте, чего требуетъ законъ и положеніе! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ"!

Возвращеніе свое въ столицу Императоръ ускорилъ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о серьезныхъ безпорядкахъ, произведенныхъ студентами С.-Петербургскаго университета.

Поводомъ къ безпорядкамъ послужили новыя правила, изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія съ цѣлію введенія между студентами болѣе строгой дисциплины и усиленія за ними надзора. Правилами этими требовалось отъ нихъ внесеніе установленной платы за слушаніе лекцій, отмѣнялась форменная одежда, безусловно воспрещались всякія сходки, завѣдываніе студенческою благотворительною кассою и библіотекою поручалось не выборнымъ студентамъ, а назначеннымъ правленіемъ университета. Тотчасъ по открытіи С.-Петербургскаго университета, послѣ лѣтнихъ вакацій, студенты, на сходкѣ 22-го сентября, въ одной изъ университетскихъ аудиторій, протестовали противъ новыхъ правилъ, а когда послѣдовало, по распоряженію начальства, прекращеніе лекцій и закрытіе университета, то собрались на университетскомъ дворѣ и оттуда, толпою отправились, съ Васильевскаго Острова, на Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель округа генералъ-лейтенантъ Филипсонъ, для личнаго съ нимъ объясненія. Демонстрація эта повлекла за собою арестъ главныхъ зачинщиковъ, который вызвалъ, 27-го сентября, новую сходку студентовъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ товарищей. Они разошлись лишь по прибытіи къ университету призванной Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ роты л.-гв. Финляндскаго полка; но нѣсколько дней спустя, 2-го октября, снова собрались на сходку, причемъ арестовано изъ нихъ 35 человѣкъ. Университетское начальство объявило тогда, что студенты, желающіе продолжать образованіе, обязаны дать подписку въ подчиненіи установленнымъ правиламъ и получить матрикулы съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ. Часть студентовъ подчинилась этому требованію, послѣ чего возобновились лекціи въ университетѣ, но большинство—отказавшееся принять матрикулы, 12-го октября, собрались опять на площадь передъ университетомъ и шумно протестовали противъ исключенія ихъ изъ состава слушателей. По отказѣ студентовъ разойтись, вторично вызваны были войска, съ которыми у студентовъ произошла кровавая схватка. Лишь по прибытіи на мѣсто взвода л.-гв. Преображенскаго полка, городовымъ и жандармамъ удалось оцѣпить бунтовавшихъ студентовъ и въ числѣ около 300 человѣкъ отвести ихъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ тотъ же самый день, въ Москвѣ, студенты университета произвели такую же демонстрацію на Тверской площади, передъ домомъ генералъ-губернатора. Безпорядки, произведенные учащеюся молодежью въ Петербургѣ и Москвѣ, болѣе или менѣе отразились и на всѣхъ другихъ университетахъ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гражданскихъ и даже военныхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, 18-го октября, Государь остался крайне недоволенъ дѣйствіями петербургскихъ властей и неумѣлыми распоряженіями, приведшими къ столкновенію студентовъ съ полиціею и войсками, къ массовому аресту ихъ и къ заключенію, сначала въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ—въ казематахъ въ Кронштадтѣ. Уволивъ Игнатьева отъ должности Петербургскаго генералъ-губернатора, Императоръ замѣнилъ его въ этомъ званіи генералъ-адъютантомъ княземъ Суворовымъ, въ бытность свою во главѣ управленія Прибалтійскимъ краемъ снискавшимъ себѣ славу мягкаго и популярнаго администратора. Императоръ хотя и утвердилъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ окончательномъ закрытіи С.-Петербургскаго университета впредь до пересмотра общаго университетскаго устава, объ увольненіи всѣхъ его студентовъ и объ оставленіи за штатомъ профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ, но въ то же время, „во вниманіе къ тому, что нѣкоторые студенты С.-Петербургскаго университета нуждаются въ средствахъ къ жизни и были бы особенно затруднены въ случаѣ желанія переселиться въ другіе университетскіе города", приказалъ отпустить значительную сумму денегъ въ распоряженіе князя Суворова для производства, по его усмотрѣнію, пособій нуждающимся студентамъ. Впрочемъ, главные зачинщики безпорядковъ не избѣгли взысканія. Они были высланы изъ Петер-

бурга и водворены на жительство въ отдаленныхъ губерніяхъ, подъ надзоромъ полиціи.

Озабочиваясь установленіемъ общей системы правительственной дѣятельности и единства въ дѣйствіяхъ разныхъ вѣдомствъ, Государь, съ самаго воцаренія, нерѣдко собиралъ своихъ довѣренныхъ совѣтниковъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, для совмѣстнаго обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Осенью 1861 года, онъ призналъ нужнымъ включить Совѣтъ Министровъ въ число высшихъ учрежденій Имперіи. Высочайшее повелѣніе, состоявшееся 12-го ноября, точно опредѣлило составъ и кругъ дѣятельности этого собранія, вѣдѣнію котораго подлежали: 1) виды и предположенія по устройству и усовершенствованію разныхъ частей ввѣренныхъ каждому министерству и главному управленію; 2) свѣдѣнія о ходѣ работъ по устройству и усовершенствованію разныхъ частей, завѣдываемыхъ министерствами и главными управленіями, и предположенія объ устраненіи тѣхъ затрудненій, кои, при производствѣ сихъ работъ, могутъ встрѣтиться; 3) первоначальныя предположенія, возникающія въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, о необходимости отмѣнить или замѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ закона, составленный вслѣдствіе такого предположенія, былъ, министерствомъ или главнымъ управленіемъ, внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта; 4) тѣ мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ и управленій, кои, по существу своему, не подлежатъ разсмотрѣнію другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій; 5) свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія по его вѣдомству, требующихъ общаго соображенія. Свѣдѣнія эти должны быть заявляемы въ Совѣтѣ Министровъ съ тою цѣлію, чтобы каждому министру и главноуправляющему были извѣстны главнѣйшія дѣйствія и распоряженія другихъ министровъ и главныхъ управленій; 6) заключенія особыхъ коммиссій, учреждаемыхъ по Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, для разсмотрѣнія отчетовъ министерствъ и главныхъ управленій, и 7) тѣ дѣла, кои, по особымъ повелѣніямъ Его Величества, будутъ назначены для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ.

Сообразно такому взгляду Государя на существо правительственной дѣятельности, видоизмѣненъ былъ и личный составъ правительства, цѣлымъ рядомъ, состоявшихся въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 годовъ, назначеній новыхъ министровъ. Старика Сухозанета замѣнилъ, во главѣ военнаго министерства, молодой, даровитый и дѣятельный генералъ, главный сотрудникъ князя Барятинскаго по покоренію Восточнаго Кавказа, Д. А. Милютинъ, а вмѣсто уволенныхъ графа Путятина, Муравьева и Княжевича, назначены министрами: народнаго просвѣщенія — Головнинъ, государственныхъ имуществъ—Зеленый и финансовъ — Рейтернъ. Графъ Блудовъ возведенъ въ званіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ и замѣненъ, во главѣ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, барономъ Корфомъ. Большинство новыхъ совѣтниковъ Императора принадлежало къ кружку государственныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ Великаго Князя Константина Николаевича и извѣстныхъ за ревностныхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ коренныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія. Замѣщеніе ими важнѣйшихъ министерскихъ постовъ указывало на твердую рѣшимость Государя неуклонно продолжать предпринятое имъ дѣло государственнаго обновленія Россіи.

Въ новый 1862 годъ, съ которымъ государство русское вступало во второе тысячелѣтіе своего существованія, появилось, въ первомъ нумерѣ „*Сѣверной Почты*“, оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, основаннаго статсъ-секретаремъ Валуевымъ, сообщеніе о слѣдующихъ работахъ, находившихся на разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ установленій: 1) О главныхъ началахъ преобразованія всей вообще судебной части. Предположенія по сему важному предмету обнимали: а) судоустройство; б) судопроизводство гражданское; в) судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ; и г) переходныя мѣры отъ порядка существующаго къ порядку новому. 2) О полномъ преобразованіи всей городской и земской полиціи вообще. 3) О по-

рядкѣ составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, а также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій. 4) О преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ имуществъ и о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положеній 19-го февраля 1861 года, кои касаются сельскаго общественнаго управленія. 5) О примѣненіи сихъ положеній къ крестьянамъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. 6) Объ устройствѣ народныхъ школъ, и вообще о системѣ народнаго образованія.

Русскіе люди, въ подавляющемъ большинствѣ, сознавая необходимость преобразованій, сочувствовали благимъ начинаніямъ правительства, но нѣкоторая часть общества, та, что подчинялась вліянію такъ называемыхъ передовыхъ органовъ печати и даже воспринимала внушенія отъ заграничныхъ листковъ, издававшихся русскими выходцами въ Лондонѣ, не только не удовлетворялась обѣщанными реформами, но старалась все болѣе и болѣе волновать умы, возбуждая, обсуждая и разрѣшая общественные вопросы въ самомъ радикальномъ смыслѣ. Такъ относилась она къ вопросамъ о народномъ образованіи, о положеніи женщины въ обществѣ. Съ осени 1861 года, по Петербургу стали раскидывать подметные листки, заключавшіе прямое воззваніе къ бунту и программу переустройства государства на соціалистическихъ началахъ. Одно изъ такихъ изданій, подъ заглавіемъ „Молодая Россія“, въ разглагольствованіяхъ своихъ шло гораздо далѣе „Колокола“, издатели котораго обзывались въ немъ ретроградами, и прямо проповѣдывало всеобщій переворотъ, сопровождаемый всѣми ужасами политической революціи: уничтоженіемъ семьи, собственности, кровавою рѣзнею, „краснымъ пѣтухомъ“ и т. п.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ угрозъ, весною 1862 года, пожары вспыхнули въ разныхъ губерніяхъ Имперіи и въ Петербургѣ, и въ теченіе одной недѣли, достигли, по-истинѣ, ужасающихъ размѣровъ. Въ первые дни горѣли преимущественно кварталы, населенные бѣднѣйшимъ классомъ, фабричнымъ людомъ и мелкими торговцами. Въ послѣдній, 28-го мая, запылали Щукинъ и Апраксинъ дворы. Сгорѣли до тла оба рынка, вмѣщавшіе въ себѣ болѣе 2.000 лавокъ и ларей, нѣсколько сосѣднихъ домовъ, въ томъ числѣ домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а по ту сторону Фонтанки—дома и дровяные дворы. Пламенное море разлилось на обширномъ пространствѣ, угрожая дому Министерства Народнаго Просвѣщенія, Пажескому корпусу, Публичной библіотекѣ, Гостиному двору.

Государь лично руководилъ тушеніемъ пожаровъ, По его приказанію, погорѣльцы пріютились въ палаткахъ, раскинутыхъ на Семеновскомъ плацу и на мѣстѣ сгорѣвшихъ Щукина и Апраксина дворовъ. Всѣ члены Царской семьи, слѣдуя примѣру Императора и Императрицы, пожертвовали въ пользу ихъ значительныя суммы, а падшій духъ несчастныхъ возбужденъ былъ посѣщеніемъ Ихъ Величествами ихъ импровизованнаго лагеря.

Высочайше учрежденной слѣдственной коммиссіи не удалось открыть поджигателей, непосредственныхъ виновниковъ пожаровъ, но дознаніемъ обнаружено вредное направленіе ученія, преподаваемаго литераторами и студентами мастеровымъ и фабричнымъ въ воскресныхъ школахъ, въ большомъ числѣ открытыхъ, за послѣдніе два года, въ Петербургѣ и другихъ городахъ Имперіи, по частному почину, безъ всякаго за ними правительственнаго надзора; выяснены также сношенія съ лондонскими эмигрантами сотрудниковъ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ журналовъ, а потому Высочайше повелѣно: всѣ воскресныя школы закрыть, впредь до пересмотра положенія о нихъ, а изданіе журналовъ *Современникъ* и *Русское Слово* пріостановить на восемь мѣсяцевъ. Тогда же учреждена при III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи особая коммиссія для розысканія виновныхъ въ составленіи подметныхъ листковъ и другихъ революціонныхъ изданій. По распоряженію ея, арестовано нѣсколько лицъ, въ числѣ ихъ и вліятельнѣйшій изъ писателей, такъ называемаго передового направленія, Чернышевскій, которые и преданы суду Правительствующаго Сената.

Лучшимъ русскимъ умамъ будущее представлялось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Юрій Самаринъ такъ излагалъ въ письмѣ къ женѣ друга своего, Николая Милютина,

опасенія свои за грядущія судьбы Россіи: „Прежняя вѣра въ себя, которая, при всемъ неразуміи, возмѣщала энергію, утрачена безвозвратно, но жизнь не создала ничего, чѣмъ можно было бы замѣнить ее. На вершинѣ—законодательный зудъ, въ связи съ невѣроятнымъ и безпримѣрнымъ отсутствіемъ дарованій; со стороны общества—дряблость, хроническая лѣнь, отсутствіе всякой иниціативы, съ желаніемъ, день ото-дня болѣе явнымъ, безнаказанно дразнить власть. Нынѣ, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ, во всей русской землѣ существуютъ только двѣ силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того, чтобы соединиться, отдѣлены промежуточными слоями. Эта нелѣпая среда, лишенная всѣхъ корней въ народѣ и въ продолженіе вѣковъ хватавшаяся за вершину, начинаетъ храбриться и дерзко становится на дыбы противъ собственной, единственной опоры (какъ-то: дворянскія собранія, университеты, печать и проч.). Ея крикливый голосъ только напрасно пугаетъ власть и раздражаетъ толпу. Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой, безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ его, изъ-за удовольствія дразнить. Но это не можетъ долго продолжаться, иначе нельзя будетъ избѣжать сближенія двухъ оконечностей—самодержавной власти и простонародья—сближенія, при которомъ все, что въ промежуткѣ, будетъ раздавлено и смято, а то, что въ промежуткѣ, обнимаетъ всю грамотную Россію, всю нашу гражданственность. Хорошо будущее, нечего сказать! Прибавьте къ этому совершенный застой, оскудѣніе, въ полномъ смыслѣ слова, нашего юга, который, за недостаткомъ путей сообщенія, за неимѣніемъ капиталовъ и предпріимчивости, благодаря, въ особенности, непосильной конкурренціи съ Венгріей и Дунайскими княжествами, бѣднѣетъ и истощается съ каждымъ днемъ. Прибавьте польскую пропаганду, которая проникла всюду и въ послѣднія пять лѣтъ сдѣлала огромные успѣхи, въ особенности въ Подоліи. Прибавьте, наконецъ, пропаганду безвѣрія и матеріализма, обуявшую всѣ наши учебныя заведенія—высшія, среднія и отчасти даже низшія—и картина будетъ полная...“

Но правительство не падало духомъ и продолжало выражать твердую рѣшимость не сходить съ пути предпринятыхъ имъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Взглядъ этотъ проводилъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ рядѣ статей, появившихся въ оффиціальномъ его органѣ, *Сѣверная Почта*. Въ нихъ выражалось мнѣніе, что правительство, сознающее свои права, свои обязанности и свою силу, не можетъ, ни подчинять своего направленія торопливымъ и одностороннимъ сужденіямъ, ни упускать изъ виду настоящей цѣли своихъ усилій, заключавшейся въ общей пользѣ и въ уравновѣшеніи, согласованіи и примиреніи разнородныхъ общественныхъ и частныхъ интересовъ, ни сомнѣваться въ окончательномъ достиженіи своей цѣли, при достаточной настойчивости и послѣдовательности принимаемыхъ къ тому мѣръ. И дѣйствительно, правительственныя коммиссіи продолжали безостановочно разрабатывать проекты важныхъ преобразованій по всѣмъ вѣдомствамъ.

Въ 1862 году Государь не счелъ возможнымъ ѣхать ни за границу, ни въ Крымъ для лѣтняго отдыха, но въ продолженіе іюля совершилъ, съ Императрицей, путешествіе по Прибалтійскому краю, посѣтилъ такъ называемую Ливонскую Швейцарію, Ригу и ея окрестности, Митаву, и двѣ недѣли провелъ въ Либавѣ, гдѣ пользовались морскими купаньями августѣйшія дѣти. Возвратясь въ столицу, Его Величество принялъ въ Петергофѣ второго сына королевы Великобританской, принца Альфреда, герцога Эдинбургскаго, самъ посѣтилъ въ Кронштадтѣ англійскую эскадру, а въ Петербургѣ далъ аудіенцію первому прибывшему въ Россію японскому посольству. Съѣздивъ на нѣсколько дней въ Москву—съ 16-го по 25-е августа — Императоръ Александръ, съ Государынею и всѣми членами царственной семьи, отправился въ Новгородъ, гдѣ имѣло произойти торжественное празднованіе тысячелѣтія Россіи.

7-го сентября, вечеромъ, царственные путешественники приплыли на пароходѣ по Волхову. Народъ громкими кликами „ура!“ привѣтствовалъ Государя. Помолившись въ Софійскомъ соборѣ, Ихъ Величества удалились въ архіерейскій домъ, гдѣ для нихъ было приготовлено помѣщеніе.

На другой день, 8-го сентября, Императоръ принималъ новгородскихъ дворянъ. „Государь!“ сказалъ ему губернскій пред-

водитель дворянства, м князь Мышецкій, „поднося вамъ хлѣбъ-соль русскую и съ благоговѣніемъ и сердечною радостію привѣтствуя пріѣздъ вашъ въ колыбель царства русскаго, новгородское дворянство осмѣливается выразить своему Монарху тѣ неизмѣнныя чувства горячей любви и преданности, которыми оно всегда гордилось и гордиться будетъ". Императоръ отвѣчалъ: „Поздравляю васъ, господа, съ тысячелѣтіемъ Россіи; радъ, что мнѣ суждено было праздновать этотъ день съ вами, въ древнемъ нашемъ Новгородѣ, колыбели царства всероссійскаго. Да будетъ знаменательный день этотъ новымъ знакомъ неразрывной связи всѣхъ сословій земли русской съ правительствомъ, съ единою цѣлію—счастія и благоденствія дорогаго нашего Отечества. На васъ, господа дворяне, я привыкъ смотрѣть, какъ на главную опору Престола, защитниковъ цѣлости Государства, сподвижниковъ его славы, и увѣренъ, что вы и потомки ваши, по примѣру предковъ вашихъ, будете продолжать, вмѣстѣ со мною и преемниками моими, служить Россіи, вѣрою и правдою (*Государь, будемъ!*—съ чувствомъ воскликнули дворяне). Благодарю васъ отъ всей души за радушный пріемъ. Я вѣрю чувствамъ вашей преданности. (*Вѣрьте, Государь, вѣрьте!*) и убѣжденъ, что они никогда не измѣнятся".

Послѣ обѣдни, крестный ходъ двинулся изъ Софійскаго собора на площадь, посреди которой возвышался памятникъ, воздвигнутый по проекту художника. Микѣшина. Государь сопровождалъ церковную процессію на конѣ; Императрица и всѣ члены Императорской фамиліи шли за нею пѣшкомъ. Митрополитъ Исидоръ совершилъ благодарственное молебствіе и прочиталъ умилительную молитву о счастіи и благоденствіи Россіи, написанную къ этому дню первосвятителемъ Московскимъ Филаретомъ. При возглашеніи ея, Государь и всѣ присутствовавшіе опустились на колѣни. При звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, завѣса спала съ памятника, и митрополитъ окропилъ его святою водою. Въ эту торжественную минуту Императоръ обнялъ стоявшаго возлѣ него Цесаревича Николая Александровича—въ этотъ день Его Высочеству минуло девятнадцать лѣтъ—и, горячо прижавъ къ груди своей, поцѣловалъ его и благословилъ.

По удаленіи крестнаго хода въ соборъ, начался парадъ войскамъ, въ которомъ приняли участіе роты и эскадроны отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ начальствомъ командира гвардейскаго корпуса, Великаго Князя Николая Николаевича. Въ шесть часовъ, въ дворянскомъ собраніи, данъ былъ Государемъ обѣдъ, къ которому приглашены всѣ дворяне и должностныя лица. Вечеромъ, Императоръ и всѣ его спутники посѣтили древнее Рюриково городище, расположенное при выходѣ Волхова изъ озера Ильменя.

На третій день Высочайшаго пребыванія въ Новгородѣ, Императоръ принялъ хлѣбъ-соль отъ удѣльныхъ, государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ Новгородской губерніи. Обращаясь къ послѣднимъ, Его Величество громко и внятно сказалъ, чтобы они не вѣрили кривотолкамъ людей недоброжелательныхъ, исполняли положеніе 19-го февраля и не ожидали иной воли, и всѣмъ объявили, что имъ это сказалъ самъ Государь. „Понимаете-ли меня?"—заключилъ Императоръ рѣчь свою. „Понимаемъ", единогласно отвѣчала толпа. Послѣ полудня, Ихъ Величества посѣтили учебныя и благотворительныя заведенія. День завершился блестящимъ баломъ, даннымъ новгородскимъ дворянствомъ. 10-го сентября, по посѣщеніи Юрьева монастыря, Высочайшіе гости отбыли изъ Новгорода.

Два мѣсяца царственная чета провела въ Царскомъ Селѣ. Въ это время, въ высшемъ государственномъ управленіи состоялись два новыя назначенія. Графъ Панинъ и генералъ Чевкинъ оставили: — первый Министерство Юстиціи, второй—Главное Управленіе Путей Сообщенія. Преемниками имъ назначены Замятнинъ и Мельниковъ.

10-го ноября Ихъ Величества переѣхали въ Москву. Тамъ состоялся, 28-го числа, того же мѣсяца, торжественный пріемъ дворянскихъ депутацій, смежныхъ съ московскою, губерній, и во главѣ ихъ—дворянства московскаго.

Пріемъ дворянъ отличался необычайною торжественностью. Государь вышелъ къ нимъ въ тронную андреевскую залу, подъ руку съ Императрицею, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты изъ министровъ и первыхъ чиновъ Двора. „Мнѣ особеннно пріятно, господа", ска-

залъ онъ, „видѣть васъ собранными здѣсь, въ нашей древней столицѣ, которая мнѣ вдвойнѣ дорога, какъ собственная моя колыбель. Я радъ, что могу повторить то, что новгородское дворянство отъ меня слышало въ день празднованія тысячелѣтія россійскаго государства. Я привыкъ вѣрить чувствамъ преданности нашего дворянства,—преданности неразрывной Престолу и Отечеству, которую оно столь часто на дѣлѣ доказывало, въ особенности, въ годины тяжкихъ испытаній нашего Отечества, какъ то было еще въ недавнее время. Я увѣренъ, господа, что дворянство наше будетъ и впредь лучшею опорою Престола, какъ оно всегда было и должно быть. Вотъ почему я надѣюсь на васъ, господа, на ваше единодушіе помогать мнѣ во всемъ, что клонится ко благу и могуществу дорогого Отечества нашего. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да будетъ благословеніе его съ нами! А вы, господа московскіе дворяне, знаете, что я за особую честь считаю принадлежать, какъ помѣщикъ вашей губерніи, къ вашей средѣ. Благодарю васъ за вашъ радушный пріемъ, который я умѣю цѣнить". Раздалось громкое „ура!"

Недѣлю спустя, 25-го ноября, Ихъ Величества приняли въ Кремлевскомъ дворцѣ городскихъ головъ уѣздныхъ городовъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ московской губерніи. Ровно въ полдень Государь и Императрица вышли къ собравшимся и милостиво приняли отъ нихъ хлѣбъ-соль. Обойдя ихъ, Государь обратился къ мировымъ посредникамъ и сказалъ, что онъ надѣется на добросовѣстное и безпристрастное исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей. Затѣмъ, выйдя на средину залы, Его Величество подозвалъ къ себѣ крестьянъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Здравствуйте, ребята! Я радъ васъ видѣть. Я далъ вамъ свободу, но помните, свободу законную, а не своеволіе. Поэтому, я требую отъ васъ, прежде всего, повиновенія властямъ, мною установленнымъ. Требую отъ васъ точнаго исполненія установленныхъ повинностей. Хочу, чтобы тамъ, гдѣ уставныя грамоты не составлены, онѣ были составлены скорѣе, къ назначенному мною сроку. Затѣмъ, послѣ составленія ихъ, то-есть послѣ 19-го февраля будущаго года, не ожидать никакой новой воли и никакихъ новыхъ льготъ. Слышите-ли? Не слушайте толковъ, которые между вами ходятъ, и не вѣрьте тѣмъ, которые васъ будутъ увѣрять въ другомъ, а вѣрьте однимъ моимъ словамъ. Теперь прощайте, Богъ съ вами!"

Въ шестинедѣльное пребываніе въ Москвѣ, Ихъ Величества выказали жителямъ первопрестольной столицы самое милостивое расположеніе. Рядъ великолѣпныхъ баловъ данъ былъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; Императоръ и Императрица удостоивали своимъ посѣщеніемъ праздники, устраиваемые въ ихъ честь въ знатнѣйшихъ домахъ; Государь принялъ участіе въ предложенной ему московскимъ охотничьимъ обществомъ охотѣ на медвѣдей и лосей; наконецъ, именины Наслѣдника, 6-го декабря, были отпразднованы, въ присутствіи Ихъ Величествъ и Его Высочества, баломъ, даннымъ московскимъ дворянствомъ въ помѣщеніи дворянскаго собранія. Государь и семья его не ранѣе 20-го декабря возвратились въ Петербургъ.

Въ продолженіе 1861 и 1862 годовъ, у Россіи не возникало существенныхъ несогласій съ иностранными правительствами. Отношенія русскаго Двора ко всѣмъ великимъ державамъ были самыми дружественными. По смерти короля Фридриха-Вильгельма IV, личный другъ Императора Александра и любимый его дядя, Вильгельмъ, вступилъ на престолъ Пруссіи, а вскорѣ послѣ того, во главѣ управленія поставленъ имъ бывшій посланникъ въ Петербургѣ, Бисмаркъ-Шёнгаузенъ. Тогда уже замыслилъ этотъ государственный мужъ осуществить завѣтную мечту нѣмецкаго народа: объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, и это великое дѣло представлялось ему возможнымъ не иначе, какъ съ согласія и при дѣятельной поддержкѣ Россіи. Другой общій интересъ связывалъ Пруссію съ русскимъ Дворомъ: солидарность ея съ нами въ польскихъ дѣлахъ. Бисмаркъ находился еще въ Петербургѣ, когда Императоръ Александръ сталъ склоняться въ пользу примирительной программы маркиза Велепольскаго; все свое вліяніе пустилъ Бисмаркъ въ ходъ, чтобы помѣшать ея успѣху. Когда произошли въ Варшавѣ первые уличные безпорядки, а революціонное броженіе распространилось по всему Царству Поль-

скому и начало проникать въ Западный край, прусскій посланникъ совѣтовалъ русскимъ друзьямъ своимъ, не входя въ сдѣлку съ мятежемъ, подавить его, съ неумолимою строгостью. Тѣ же совѣты не переставалъ онъ пересылать въ Петербургъ изъ Берлина, ставъ министромъ-президентомъ, ни мало не стѣсняясь противорѣчіемъ, въ которое становился самъ при этомъ, съ постановленіемъ прусской палаты депутатовъ, приглашавшей королевское правительство содѣйствовать приведенію въ дѣйствіе и исполненіе положительнымъ международнымъ правомъ гарантированнаго территоріальнаго единства польскаго государства 1772 года, а также принадлежавшихъ полякамъ, въ этихъ предѣлахъ, національныхъ политическихъ правъ, такъ, чтобы права эти не были впослѣдствіи нарушаемы по произволу связанныхъ обязательствами державъ, коимъ, на основаніи вѣнскихъ договоровъ и подъ занесенными въ нихъ условіями, присуждены части Польши.

Вѣнскій Дворъ, не успѣвшій привлечь Россію на свою сторону на варшавскихъ совѣщаніяхъ 1860 года, не безъ нѣкотораго злорадства взиралъ на возникшія въ Польшѣ смуты, хотя, подобно Двору берлинскому, опасался примиренія русскихъ съ поляками, какъ перваго шага къ всеславянскому единству. Отношенія его къ русскому Двору были сдержаны и холодны и даже стали натянутыми, когда, по поводу движенія въ сосѣднихъ съ Австріею турецкихъ областяхъ—Босніи и Герцеговинѣ—обнаружился преемственный антагонизмъ Россіи и Австріи въ Восточномъ вопросѣ. Осенью 1861 года, австрійскія войска, вступивъ въ Суторину, турецкую область, сопредѣльную съ Далмаціей, разрушили укрѣпленія, воздвигнутыя тамъ предводителемъ герцеговинскихъ инсургентовъ, Лукою Вукаловичемъ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ депешѣ къ посланнику въ Вѣнѣ, громко протестовалъ противъ такого самовольнаго пренебреженія къ территоріальнымъ правамъ Турціи и напомнилъ австрійскому Двору, что оно составляетъ нарушеніе парижскаго договора, коимъ всѣ великія державы обязались воздерживаться отъ всякаго одинокаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской Имперіи.

По поводу событій въ Варшавѣ, англійскіе министры, хотя и выражали сочувствіе національнымъ стремленіямъ поляковъ, но откровенно предупреждали ихъ, въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ парламентѣ, что имъ нѣчего разсчитывать на вооруженную помощь Великобританіи. Еще категоричнѣе высказалось въ томъ же смыслѣ французское правительство.

Въ послѣдній день 1860 года, по новому стилю, графъ Киселевъ получилъ изъ Петербурга телеграмму съ порученіемъ потребовать отъ тюильрійскаго кабинета объясненій по поводу того, что въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона, образовалось цѣлое скопище польскихъ выходцевъ, которые, мечтая о возстановленіи Польши, высылаютъ въ наши польскія и литовскія губерніи зажигательныя воззванія и эмиссаровъ съ обѣщаніемъ денежныхъ средствъ, оружія и сочувственныхъ пожеланій искони дружественной къ полякамъ и единовѣрной Франціи.

Нашъ посолъ испросилъ аудіенцію у Наполеона III и лично передалъ ему жалобы русскаго Двора на тайные происки въ Польшѣ двоюроднаго брата императора французовъ. „До свѣдѣнія Императорскаго петербургскаго кабинета“, сказалъ онъ, „дошли слухи, что въ Парижѣ существуетъ комитетъ по польскимъ дѣламъ и что комитетъ этотъ состоитъ подъ покровительствомъ лица, имени котораго произнести я бы не рѣшился, если бы мой Августѣйшій Государь, полагаясь вполнѣ на искренность отношеній къ нему вашего величества, не повелѣлъ мнѣ говорить съ вами, государь, отъ имени его, безъ обиняковъ. Онъ приказалъ доложить вамъ, что Пале-Роялю приписываютъ участіе въ польской агитаціи. Такое откровенное заявленіе можетъ служить доказательствомъ того, что мой Августѣйшій Государь желаетъ оставаться съ вашимъ величествомъ въ самомъ искреннемъ согласіи. Прямодушныя объясненія нерѣдко устраняютъ много поводовъ къ недоразумѣніямъ“.

Наполеонъ III съ величайшею предупредительностью удовлетворилъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. По его приказанію, принцъ Наполеонъ явился самъ къ Киселеву для представленія оправдательныхъ объясненій. Мало того: три мѣсяца спустя, когда въ Парижѣ получено было извѣстіе о варшавскихъ демонстраціяхъ, начавшихся на улицахъ и площадяхъ и скоро пе-

решедшихъ въ костелы, французское правительство рѣшилось, по собственному почину, гласно выразить строгое осужденіе этимъ безпорядкамъ и отнять у поляковъ всякую надежду на поддержку Франціи.

10-го апрѣля французскій министръ иностранныхъ дѣлъ прислалъ къ русскому послу изготовленное для *Монитёра* сообщеніе и спросилъ, находитъ ли посолъ его удовлетворительнымъ? Киселевъ отвѣчалъ, что, принимая въ соображеніе ту среду, въ коей онъ находится, онъ признаетъ, что въ сообщеніи достаточно ясно выражено доброжелательство Наполеона къ русскому Государю, и что онъ надѣется, что въ томъ же смыслѣ оно будетъ понято и въ Россіи. Тувенель ссылался на невозможность болѣе рѣзкаго и строгаго осужденія поляковъ, во вниманіе къ вѣковымъ симпатіямъ Франціи къ Польшѣ и воспоминаніямъ братства по оружію.

Правительственное сообщеніе появилось въ *Монитёрѣ* на другой же день. Оно предостерегало общественное мнѣніе и повременную печать отъ увлеченій и предположеній, будто французское императорское правительство поддерживаетъ надежды поляковъ, осуществленіе которыхъ— не въ его власти. „Великодушный образъ мыслей Царя", заключало сообщеніе, „служитъ вѣрнымъ ручательствомъ того, что онъ хочетъ провести на дѣлѣ преобразованія, возможныя въ настоящемъ положеніи Польши, и надо желать, чтобы этому не послужили помѣхою манифестаціи, которыя могутъ лишь раздражить его".

Въ Петербургѣ, однако, не удовлетворились статьею *Монитёра* и продолжали выражать неудовольствіе на Наполеона III и его правительство, распространяя его и на самого Киселева, считавшагося приверженцемъ сближенія и даже союза съ французами. Князь Горчаковъ давно помышлялъ объ отозваніи его изъ Парижа, находя, что посолъ проведенъ Наполеономъ и не полагался на его силы, начинавшія, видимо, слабѣть отъ старости. Еще осенью 1860 года, Государь предлагалъ Киселеву постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, но старикъ, привязавшійся къ посольской дѣятельности и къ удобствамъ парижской жизни, отклонилъ это предложеніе. Въ половинѣ 1862 года ему сообщили о скоромъ прибытіи въ Парижъ, для облегченія ему бремени управленія посольствомъ, барона Будберга, бывшаго до того посланникомъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Киселевъ понялъ намекъ и подалъ въ отставку, вслѣдствіе чего и уволенъ отъ посольскихъ обязанностей съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта.

Отозваніе графа Киселева изъ Парижа знаменовало окончательное оставленіе русскимъ Дворомъ политики, которой маститый посолъ служилъ проводникомъ въ продолженіе шести лѣтъ. Преемникъ его, баронъ Будбергъ, былъ дипломатъ Нессельродовской школы, возросшій въ преданіяхъ „Священнаго Союза", душою преданный соглашенію съ Австріей и Пруссіей, не долюбливавшій французовъ, и тѣмъ не менѣе, при вручені вѣрительныхъ грамотъ, императорь французовъ привѣтствовалъ барона Будбергъ самымъ любезнымъ образомъ: „Я могу лишь поздравить себя", сказалъ онъ ему, „съ тѣми отношеніями, что́ существуютъ между русскимъ Императоромъ и мною. Они тѣмъ болѣе имѣютъ шансовъ на продолжительность, что зародились отъ взаимной симпатіи и отъ истинныхъ пользъ обѣихъ Имперій. Дѣйствительно, я имѣлъ случай оцѣнить возвышенный умъ и прямодушіе вашего Государя, къ которому питаю искреннюю дружбу". Первая просьба новаго посла объ отозваніи изъ Варшавы французскаго генеральнаго консула Сегюра, заподозрѣннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ мятежниками, была уважена, и Сегюръ немедленно отозванъ.

Такая податливость императора французовъ тѣмъ болѣе свидѣтельствовала о желаніи его продолжать если не союзъ, то, по крайней мѣрѣ, согласіе и дружбу съ Россіей, что вокругъ него всѣ вліянія соединились, дабы побудить его вступиться за поляковъ. Въ этомъ вопросѣ были согласны между собою императрица Евгенія и принцъ Наполеонъ, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ постоянно противорѣчившіе другъ другу. Не было недостатка и въ подстрекательствахъ со стороны англичанъ, съ которыми, послѣ охлажденія къ нему Россіи, Наполеонъ III снова сталъ искать сближенія. Такъ, весною 1862 года, лордъ Пальмерстонъ, въ одной изъ рѣчей своихъ, какъ бы на зло императору французовъ, восхвалялъ поляковъ, прославляя ихъ „неодолимый, нескончаемый,

неистощимый" патріотизмъ, и при этомъ случаѣ не преминулъ напомнить о разочарованіяхъ, причиненныхъ имъ первымъ Бонапартомъ. Все, что позволилъ себѣ Наполеонъ III, было намекнуть барону Будбергу, едва-ли не на первой аудіенціи, что европейскій конгрессъ составляетъ, по его мнѣнію, самое дѣйствительное средство для мирнаго разрѣшенія многихъ запутанныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и польскаго.

Хотя новый русскій посолъ вступилъ въ отправленіе своей дотжности съ перваго дня пріѣзда въ Парижъ, въ половинѣ мая, но графъ Киселевъ лишь въ октябрѣ представилъ свои отзывныя грамоты. Прощаніе старца съ французскою императорскою четою было трогательно. Императоръ былъ сдержанъ и не касался политики, но въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ графа за шестилѣтнія усилія къ поддержанію дружбы между Россіей и Франціей. Императрица же Евгенія прямо спросила Киселева: каковъ нравъ его преемника? „Мнѣ говорили", сказала она, „что Будбергъ человѣкъ сухой и сдержанный; мнѣ это было бы досадно, потому что вы знаете мой характеръ, совершенно противоположный". Затѣмъ, разговоръ коснулся Польши. Императрица пожелала узнать, утихаетъ ли тамъ волненіе и, получивъ утвердительный отвѣтъ, замѣтила: „Если бы спросили меня, то я посовѣтовала бы предоставить поляковъ самимъ себѣ, съ правомъ выбрать себѣ короля. Россія, при своемъ могуществѣ, всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и дома, и въ отношеніи другихъ. Всякія иныя, придуманныя, мнимыя примиренія не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европой, и котораго должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то же время въ интересахъ Россіи и Европы". Графъ Киселевъ не оставилъ этихъ словъ безъ возраженія, и хотя былъ очень польщенъ и тронутъ лаской своей собесѣдницы, но съ твердостью отвѣтилъ, что распря русскихъ и поляковъ—дѣло семейное, и что Россія ни подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться отъ Польши.

При такомъ оборотѣ нашихъ отношеній къ Франціи, отнюдь нельзя приписать вліянію тюильрійскаго кабинета состоявшееся довольно неожиданно признаніе Россіею Итальянскаго королевства и Виктора-Эммануила II—королемъ Италіи. Дипломатическія сношенія съ туринскимъ Дворомъ были прерваны со дня вторженія сардинскихъ войскъ, безъ объявленія войны, въ Церковную область и въ Неаполитанское королевство. Не далѣе, какъ въ концѣ 1861 года, генералъ-адъютантъ князь Паскевичъ отвезъ въ Римъ знаки ордена св. Георгія 4-й ст., пожалованные Императоромъ Александромъ королю и королевѣ обѣихъ Сицилій за геройскую защиту Гаэты. Но съ тѣхъ поръ обострились отношенія Россіи къ Австріи, главной противницѣ объединенія Италіи подъ властью Савойскаго дома. Пародируя извѣстное изреченіе князя Феликса Шварценберга, сказавшаго наканунѣ послѣдней войны, что Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью, „j'étonnerai le monde par ma reconnaissance", сказалъ князь А. М. Горчаковъ. Лѣтомъ 1862 года, генералъ Жербе де-Сонназъ прибылъ въ Петербургъ съ извѣстительною грамотою о принятіи Викторомъ-Эммануиломъ титула короля Италіи, и на торжественной аудіенціи, 5-го августа, вручилъ ее Императору Александру. На другой же день министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ циркуляромъ наши посольства о возстановленіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Итальянскимъ королевствомъ.

Въ депешѣ этой князь Горчаковъ заявилъ, что, въ виду разстоянія, отдѣляющаго Россію отъ Италіи, событія на Аппенинскомъ полуостровѣ не затронули ни одного изъ русскихъ интересовъ, а потому Императорскій кабинетъ взиралъ на нихъ лишь съ двойной точки зрѣнія: сочувствія къ этой странѣ и общихъ интересовъ порядка и мира Европы. Исходя изъ этого положенія, разсуждалъ онъ, состояніе Италіи является нынѣ вовсе не тѣмъ, какимъ представлялось тому назадъ два года. „Въ настоящее время", писалъ министръ, „рѣчь идетъ не о вопросахъ права, а о монархическомъ началѣ и объ общественномъ порядкѣ, въ борьбѣ его съ революціонною анархіею. Сознавая опасность наплыва насильственныхъ дѣйствій крайнихъ партій, туринскій Дворъ вынужденнымъ нашелся подумать о самозащитѣ. Рѣшеніе это онъ принялъ съ твердостью, и хотя ему пришлось, въ этомъ направленіи, идти наперекоръ страстнымъ вожделѣніямъ, влекущимъ Ита-

лію къ довершенію ея единства, онъ встрѣтилъ со стороны представителей народа энергическое содѣйствіе, свидѣтельствующее, что идеи порядка восторжествовали надъ революціоннымъ движеніемъ". Императорскій кабинетъ, заключалъ князь Горчаковъ, нуждался въ ручательствахъ по двумъ предметамъ: что туринскій дворъ твердо намѣренъ подавить всякую мятежную попытку нарушить всеобщій миръ и что онъ располагаетъ достаточными къ тому средствами. И то, и другое исполнено правительствомъ короля Виктора-Эммануила, и потому Россія не въ правѣ отказать ему въ своей нравственной поддержкѣ, хотя она, признавая этого государя королемъ Италіи, и не думаетъ возбуждать или разрѣшать отвлеченные правовые вопросы.

Завязывая новую дружбу съ объединенною Италіей, Императорскій кабинетъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы скрѣпить дружественную связь издавна существовавшую между Россіею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

При самомъ зарожденіи кровопролитной междоусобной войны между Сѣверомъ и Югомъ, князь Горчаковъ, въ депешѣ къ представителю нашему въ Вашингтонѣ, именемъ Императора, въ сочувственныхъ выраженіяхъ высказался въ пользу соблюденія единства великой заатлантической республики. „Она", писалъ онъ, „не только является въ нашихъ глазахъ существеннымъ элементомъ всеобщаго политическаго равновѣсія, но составляетъ націю, къ которой нашъ Августѣйшій Государь и вся Россія питаютъ дружелюбнѣйшее участіе, потому что обѣ страны, находясь на противоположныхъ оконечностяхъ Стараго и Новаго Свѣта, въ поступательномъ періодѣ своего развитія, призваны, повидимому, къ естественной солидарности интересовъ и симпатій, неоднократно ими другъ другу выраженныхъ". Когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вашингтонское правительство рѣшило подвергнуть третейскому разбирательству несогласіе свое съ лондонскимъ Дворомъ, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ поздравилъ кабинетъ президента Линкольна съ его рѣшеніемъ, о которомъ отозвался такъ: „Оставаясь вѣрнымъ политическимъ началамъ, которыя она всегда защищала, когда начала эти были обращены, противъ нея и, воздержавшись отъ обращенія въ свою пользу ученій, которыя она постоянно отвергала, американская нація явила доказательство политической честности, которая даетъ ей несомнѣнное право на уваженіе и признательность всѣхъ правительствъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы соблюденъ былъ миръ на морѣ, а начала права восторжествовали надъ силой въ международныхъ сношеніяхъ, для спокойствія вселенной, прогресса цивилизаціи и блага человѣчества".

Не таково было отношеніе къ Сѣверо Американской республикѣ, въ эпоху переживаемаго ею тяжкаго кризиса, правительствъ англійскаго и французскаго. Въ самый разгаръ войны сѣверныхъ штатовъ съ южными, тюильрійскій кабинетъ обратился къ Дворамъ петербургскому и лондонскому съ предложеніемъ: выступить посредниками между воюющими сторонами и побудить ихъ заключить шестимѣсячное перемиріе на сушѣ и на морѣ, въ продолженіе котораго могло бы состояться и полное ихъ примиреніе. Въ Англіи съ радостью приняли французское предложеніе, подъ личиною человѣколюбія, имѣвшее цѣлью раздвоить навсегда традиціоннаго соперника Великобританіи въ міровой торговлѣ; но князь Горчаковъ категорически его отвергнулъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „прежде всего слѣдуетъ избѣжать всякаго подобія давленія, которое можетъ лишь оскорбить общественное чувство въ Соединенныхъ Штатахъ и раздражить его, при одной мысли объ иностранномъ вмѣшательствѣ". Такая доброжелательная политика оцѣнена была по достоинству по ту сторону океана и надолго́ обезпечила Россіи признательность и дружбу заатлантической республики.

Главное вниманіе русскаго Двора, было, по прежнему, устремлено на Востокъ, гдѣ, по выраженію князя Горчакова, у Россіи могла быть лишь одна политика, состоявшая въ томъ, чтобы, прежде всего, соблюдать, на основаніи договоровъ, преимущества, добытыя въ пользу христіанъ, и обезпечить имъ возможно бо́льшую сумму благосостоянія и преуспѣянія. Соотвѣтственно этой программѣ, Россія изъявила согласіе на окончательное сліяніе Молдавіи и Валахіи въ одно румынское княжество: въ

Сербіи настояла на очищеніи отъ турецкихъ гарнизоновъ всѣхъ крѣпостей, за исключеніемъ Бѣлграда; въ Греціи, когда вспыхнувшая революція низвела съ престола короля Оттона, поспѣшила обязаться не допускать до избранія на королевскій престолъ родственнаго Императорскому дому герцога Николая Лейхтенбергскаго, связавъ и Англію такимъ же обязательствомъ, въ разсужденіи втораго сына королевы, принца Альфреда; наконецъ, въ Турціи, послѣ подавленія возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ и вторженія турокъ въ Черногорію, потребовала отреченія Порты отъ навязанныхъ Омеромъ-пашою молодому князю Черногорскому Николаю, условій мира, однимъ изъ которыхъ постановлялось проведеніе чрезъ княжество военной дороги, охраняемой турецкими блокгаузами.

Прямо противоположнаго взгляда на турецкія дѣла придерживалась Англія. Въ сообщеніяхъ своихъ Императорскому кабинету министръ иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи лордъ Джонъ Россель настаивалъ на признанной Европою независимости Порты и на безусловномъ правѣ ея предписать побѣжденной Черногоріи условія мира. Онъ строго осуждалъ стремленія турецкихъ христіанъ освободиться изъ подъ власти турокъ и утверждалъ, что возстаніе ихъ было бы великимъ бѣдствіемъ, которое не только установило бы смуту на Балканскомъ полуостровѣ, но и возбудило бы вражду и столкновеніе между всѣми великими державами. Князь Горчаковъ не оставилъ безъ возраженія разсужденій руководителя внѣшнею политикою Великобританіи, заключавшихъ въ себѣ хотя и косвенный, но довольно ясный упрекъ по адресу Россіи. Онъ не отрицалъ права Порты предписывать Черногоріи условія мира по своему усмотрѣнію, но, заключилъ онъ, между воюющими сторонами воздвигается третій участникъ: великія державы, которыя не могутъ безучастно относиться къ событіямъ на Востокѣ, отражающимся на общей безопасности, которыя неоднократно выступали посредниками между турками и черногорцами и предъ которыми, наконецъ, Порта торжественно обязалась, еще до начала военныхъ дѣйствій, ничего не измѣнять въ территоріальномъ и административномъ устройствѣ Черной горы. По мнѣнію русскаго Двора, условія Омеръ-паши нарушали это обѣщаніе. Обязанность державъ—разсмотрѣть, не увѣковѣчатъ ли онѣ то положеніе, которое имѣютъ въ виду устранить, служа постояннымъ предлогомъ къ новымъ раздорамъ и столкновеніямъ?

Переходя къ оцѣнкѣ мнѣнія, выраженнаго лордомъ Джономъ Росселемъ объ отношеніяхъ къ султану его христіанскихъ подданныхъ, русскій министръ противупоставилъ ему слѣдующіе доводы: „Главный государственный секретарь ея британскаго величества“, писалъ онъ русскому послу въ Лондонѣ, „позволитъ намъ напомнить ему прежде всего, что преимущества, коими пользуются христіанскія области, подвластныя султану, покоятся на ручательствѣ великихъ европейскихъ державъ и что, слѣдовательно, они не могутъ быть уменьшены безъ нарушенія одного изъ торжественнѣйшихъ постановленій договора 18-го марта 1856 года. Но, сверхъ того, мы не можемъ допустить, что разрѣшенія задачи, столь высокаго значенія для всеобщей безопасности, покоя и благосостоянія, для новѣйшихъ началъ цивилизаціи и прогресса и для человѣколюбія великихъ державъ Европы, нельзя найти въ чемъ-либо другомъ, кромѣ тѣхъ крайностей, въ коихъ полагаетъ ихъ исключительно главный государственный секретарь ея британскаго величества, не признавая за обѣими сторонами иной альтернативы, какъ взаимная разрушительная борьба, и иной роли для великихъ державъ, какъ раздоръ между тѣми изъ нихъ, которыя, сообразно своимъ частнымъ видамъ, станутъ поддерживать безпощадное усмиреніе Портою и тѣми, что будутъ высказываться въ пользу страстныхъ вожделѣній христіанскаго населенія. По мнѣнію нашему, разрѣшеніе это слѣдуетъ лучше искать въ путяхъ примиренія, болѣе благопріятныхъ обоюднымъ интересамъ и потребностямъ нашего времени. Для насъ, какъ и для всѣхъ великихъ державъ, сохраненіе Оттоманской Имперіи составляетъ единственное начало равновѣсія Европы. Но въ виду зачатковъ смуты и борьбы, завѣщанныхъ этимъ странамъ минувшими вѣками, подобный результатъ можетъ быть достигнутъ прочно и устойчиво лишь правительственною системою, которая стремилась бы къ привлеченію Султану любви и благодарности его

христіанскихъ подданныхъ, давая ихъ потребностямъ и желаніямъ законное удовлетвореніе, и даруя имъ съ этою цѣлью условія существованія, необходимыя для счастливой и успѣшной общественной жизни".

Выразивъ удовольствіе по поводу заявленнаго лордомъ Джономъ Росселемъ желанія содѣйствовать улучшенію участи христіанскихъ подданныхъ султана, князь Горчаковъ продолжалъ: „Таковъ дѣйствительно путь, на который мы не переставали указывать, какъ на единственное средство къ упроченію и преуспѣянію Оттоманской Имперіи, въ условіяхъ, согласныхъ съ существующими договорами, равно какъ и съ симпатіями, убѣжденіями и общими интересами Европы. Съ тою же цѣлію приглашали мы постоянно великія державы къ соглашенію, которое, устранивъ разсчеты, основанные на ихъ политическомъ соперничествѣ, имѣло бы благотворное вліяніе, съ одной стороны, на христіанъ, внушивъ имъ довѣріе и надежду, съ другой — на турецкое правительство, утвердивъ его въ добрыхъ намѣреніяхъ, неоднократно выраженныхъ его величествомъ султаномъ. Мы убѣждены, что если бы послушались нашихъ совѣтовъ, то они предупредили бы оплакиваемыя нынѣ бѣдствія. Мы не хотимъ произнести слишкомъ строгій судъ надъ дѣйствіями Оттоманскаго правительства. Мы знаемъ, что ему приходится бороться съ великими трудностями и вполнѣ готовы вмѣнить ему въ заслугу малѣйшія усилія. Но мы должны также признать, что такіе факты, какъ война, нынѣ оконченная въ Герцеговинѣ и Черногоріи, или бомбардированіе беззащитнаго города (Бѣлграда), суть средства, которыя не поведутъ къ желанной цѣли. Подобныя насильственныя мѣры, возбуждая одновременно притязанія побѣдителей и злобу побѣжденныхъ, приводятъ къ положенію, при которомъ возможно только прибѣгнуть къ силѣ, и нѣтъ другого рѣшенія, какъ одна изъ двухъ крайностей, на которыя указалъ лордъ Россель. Потому именно, что мы не считаемъ подобнаго результата отвѣчающимъ пользамъ, ни христіанъ, ни турецкаго правительства, ни великихъ европейскихъ державъ, мы продолжаемъ совѣтовать: первымъ—осторожность, второму—умѣренность, послѣднимъ—доброе согласіе, которое одно можетъ придать ихъ совѣтамъ необходимый авторитетъ. Въ тотъ день, когда правительство ея британскаго величества захочетъ вступить на этотъ примирительный путь, вы можете удостовѣрить его, что оно найдетъ насъ на ряду съ собою, подъ условіемъ, чтобы оно не исповѣдывало оптимизма, который мы не можемъ раздѣлить, и, чтобы вмѣстѣ съ нами, оно посвятило всѣ свои усилія къ возвращенію въ христіанахъ довѣрія посредствомъ сознанія практическаго улучшенія ихъ участи. Что же касается до нерасположенія, высказаннаго лордомъ Росселемъ въ заключеніе его депеши, ко всякому содѣйствію преступнымъ происканъ, клонящимся къ ослабленію узъ покорности подданныхъ своему государю и къ ниспроверженію всѣхъ монархій въ Европѣ, то мы принимаемъ къ свѣдѣнію это заявленіе съ искреннимъ удовольствіемъ, и мнѣ нечего присовокуплять, что оно всегда встрѣтитъ со стороны Императорскаго кабинета полное признаніе".

Русскому посланнику въ Царьградѣ, князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, удалось убѣдить Порту не настаивать на тяжкихъ условіяхъ мира, предписаннаго ею Черногоріи и не нарушать status quo ante въ этой странѣ. Онъ же, осенью 1862 года, подписалъ съ уполномоченными Франціи и Турціи протоколъ, коимъ три державы обязались раздѣлить между собою поровну издержки по перестройкѣ купола надъ храмомъ гроба Господня въ Іерусалимѣ. Актъ этотъ узаконилъ снова преимущественное значеніе Россіи и Франціи, какъ признанныхъ Портою покровительницъ двухъ главныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Святыхъ Мѣстахъ.

Успѣхи нашей дипломатіи снискали князю Горчакову благоволеніе и признательность Императора Александра, который, въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1862 года, возвелъ министра иностранныхъ дѣлъ въ достоинство вице-канцлера Имперіи.

IX.

Польская смута.

1861—1863.

Милостивое расположеніе Императора Александра II къ польскимъ своимъ подданнымъ выразилось какъ въ амнистіи,

дарованной эмигрантамъ-полякамъ тотчасъ по заключеніи мира, такъ и въ послѣдовавшемъ, въ день коронаціи, облегченіи участи политическихъ ссыльныхъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и западныхъ областей Имперіи. Вожаки обѣихъ группъ, на которыя распадалась заграничная эмиграція, такъ называемыхъ бѣлыхъ—консерваторовъ, и красныхъ—радикаловъ, хотя и протестовали противъ царскаго всепрощенія, но значительное число выходцевъ воспользовалось имъ и спѣшило возвратиться на родину. Еще бо́льшее число бывшихъ участниковъ возстанія 1830—1831 годовъ вернулось изъ Сибири и внутреннихъ губерній.

Преемникъ Паскевича по званію намѣстника въ Царствѣ, князь М. Д. Горчаковъ, отличался отъ своего предшественника крайнею мягкостью въ обращеніи съ поляками, выступая и въ Петербургѣ усерднымъ и постояннымъ ходатаемъ за нихъ. Его предстательству обязаны поляки многими существенными льготами и преимуществами: возстановленіемъ конкордата, заключеннаго съ Папскимъ престоломъ еще въ 1847 году, но, во все время царствованія Императора Николая, остававшагося безъ примѣненія; учрежденіемъ въ Варшавѣ медицинской академіи; разрѣшеніемъ основать Земледѣльческое общество, въ составъ котораго вошли всѣ землевладѣльцы края, съ правомъ учреждать мѣстные отдѣлы въ провинціи и собираться на общія совѣщанія въ Варшавѣ. Но всѣ эти уступки не удовлетворяли желаній поляковъ, которые, по мѣрѣ ослабленія строгихъ мѣръ, коими сдерживались они въ предшедшее царствованіе, все болѣе и болѣе проникались стремленіемъ къ достиженію полной политической свободы и національной независимости. Настроеніе это ревностно утверждала среди населенія непримиримая эмиграція, одна часть которой, — „бѣлые“, поддерживала связь съ дворянами-землевладѣльцами и высшимъ духовенствомъ въ Царствѣ и Западномъ краѣ; другая же часть,— „красные“, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ксендзами, чиновниками, горожанами и учащеюся молодежью. И тѣ, и другіе выжидали лишь удобнаго случая, чтобъ начать возстаніе, съ цѣлью отторженія Польши отъ Россіи и возстановленія Рѣчи Посполитой, въ древнихъ ея предѣлахъ.

Первые признаки броженія, охватившаго польское общество, стали обнаруживаться съ лѣта 1860 года, когда начался въ Варшавѣ рядъ патріотическихъ манифестацій, устраиваемыхъ въ память дѣятелей или событій предшедшихъ мятежей. Въ процессіяхъ, выходившихъ изъ костеловъ, принимали участіе лица всякаго званія, и въ большомъ числѣ—воспитанники учебныхъ заведеній, женщины и дѣти. Онѣ проходили по городу, неся польскіе національные значки и эмблемы, распѣвая полу-религіозные, полу-политическіе гимны, осыпая ругательствами и насмѣшками встрѣчавшіяся имъ по пути русскія полицію и войска. При этомъ народу раздавались возмутительные листы, портреты бойцовъ „за независимость“: Килинскаго, Костюшки. До самаго конца 1860 года, власти терпѣли эти нарушенія порядка, не подвергая виновныхъ отвѣтственности и вовсе не принимая мѣръ къ ихъ предотвращенію. Дошло до того, что во время пребыванія въ Варшавѣ самого Государя и Августѣйшихъ гостей его, — императора австрійскаго и принца-регента прусскаго, въ день, назначенный для парадная спектакля, императорская ложа въ большомъ театрѣ была облита купоросомъ, а уличные мальчишки отрѣзали шлейфы у дамъ, ѣхавшихъ на балъ къ намѣстнику. По пути царскаго слѣдованія, на улицахъ и площадяхъ, раздавались свистки.

Въ началѣ февраля 1861 года, члены Земледѣльческаго общества съѣхались на общее собраніе въ Варшаву для обсужденія дѣла, переданнаго на ихъ разсмотрѣніе самимъ правительствомъ: о способахъ наилучшаго разрѣшенія въ Царствѣ Польскомъ вопроса о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Этимъ воспользовались тайные организаторы безпорядковъ, чтобы вовлечь въ нихъ остававшихся дотолѣ безучастными дворянъ-помѣщиковъ и, такимъ образомъ, объединить народное движеніе. 13-го февраля, въ годовщину Гроховской битвы, печатныя воззванія приглашали народъ собраться на площади Стараго мѣста и оттуда шествовать мимо замка, гдѣ имѣлъ пребываніе князь Горчаковъ, къ намѣстникову дворцу, въ залахъ котораго засѣдало Земледѣльческое общество. Князь Михаилъ Дмитріевичъ рѣшился не допускать этой заранѣе возвѣщенной мани-

фестаціи. По его распоряженію, оберъ-полиціймейстеръ полковникъ Треповъ, во главѣ полицейскихъ солдатъ и конныхъ жандармовъ, разогналъ толпу, вышедшую изъ монастыря Паулиновъ, съ факелами, хоругвями и пѣніемъ. Порядокъ былъ возстановленъ, но не надолго. На слѣдующій день, 15-го февраля, народныя скопища собрались въ различныхъ частяхъ города и устремились на Замковую площадь. Встрѣтившись съ войсками, расположенными вдоль Краковскаго предмѣстья и на самой площади, они забросали ихъ камнями. Тогда, по командѣ генерала Заблоцкаго, одна рота дала залпъ изъ передняго взвода, которымъ въ толпѣ убито шесть человѣкъ и ранено столько же. Скопища немедленно разсѣялись.

Но иное было дѣйствіе залпа на членовъ Земледѣльческаго общества, да и вообще на всѣхъ поляковъ, принадлежавшихъ къ партіи „бѣлыхъ“. Глава ихъ и предсѣдатель общества, графъ Андрей Замойскій, созвалъ, въ эту же ночь, лицъ всѣхъ сословій для составленія и подписанія на имя Государя адреса, который депутація, состоявшая изъ архіепископа Фіалковскаго, графовъ Замойскаго и Мелоховскаго и гражданъ Кронеберга и Шленкера, на другое утро отвезла къ намѣстнику, въ Замокъ, для дальнѣйшаго отправленія въ Петербургъ. Въ адресѣ этомъ, составленномъ отъ имени „всей страны“, выражалось требованіе возвратить Польшѣ національныя церковь, законодательство, воспитаніе и всю общественную организацію, какъ необходимыя условія народнаго существованія.

Князь Горчаковъ совершенно растерялся. Онъ не только принялъ изъ рукъ депутатовъ адресъ, обѣщавъ доставить его по принадлежности, но и согласился на всѣ требованія, предъявленныя ему послѣдними. То былъ рядъ уступокъ, клонившихся къ полному упраздненію русской власти въ городѣ. Намѣстникъ далъ разрѣшеніе похоронить убитыхъ поляковъ со всѣми почестями; дозволилъ учрежденіе временнаго управленія изъ выборныхъ делегатовъ отъ города, для наблюденія за порядкомъ въ Варшавѣ, подъ условіемъ полнаго устраненія полиціи; обѣщалъ, что въ день похоронъ ни полиція, ни войска не покажутся на улицахъ; отставилъ отъ должности оберъ-полиціймейстера Трепова; наконецъ, приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ за участіе въ демонстраціяхъ послѣднихъ дней. Донося Государю по телеграфу о случившемся, намѣстникъ не посмѣлъ, однако, довести до Высочайшаго свѣдѣнія о всѣхъ принятыхъ имъ мѣрахъ. Въ первой телеграммѣ онъ ограничился замѣчаніемъ, что „напряженіе умовъ въ городѣ большое и можетъ быть сегодня послѣдуютъ опять безпорядки“. Во второй телеграммѣ, извѣстивъ о совокупной подачѣ въ отставку всѣми предводителями дворянства, онъ утверждалъ, что волненіе въ городѣ особенно увеличилось послѣ выстрѣловъ роты, въ которую бросали каменьями. „Пальбу приказалъ Заболоцкій“, оправдывался смущенный князь, „въ противность моихъ распоряженій, ибо я приказалъ войскамъ имѣть ружья незаряженными. Я нарядилъ по сему происшествію слѣдствіе“. О Треповѣ намѣстникъ признавался, что велѣлъ ему сказаться больнымъ, по той причинѣ, что „ненависть, противъ него развившаяся, угрожаетъ убіеніемъ его на улицѣ“. Сообщая, что въ городѣ все спокойно, князь испрашивалъ, однако, разрѣшенія—„въ ожиданіи бо́льшихъ безпорядковъ и въ случаѣ крайности“—объявить Варшаву въ осадномъ положеніи. Наконецъ, въ третьей телеграммѣ онъ извѣстилъ Государя о подачѣ прошенія на Высочайшее имя архіепископомъ Фіалковскимъ и пятью „почетными лицами“, которыхъ не назвалъ, а также объ отправленіи онаго въ Петербургъ съ нарочнымъ, не смотря на то, что по собственному его признанію, „оно заключается въ общихъ выраженіяхъ, крайне либеральныхъ, направленныхъ къ дарованію Царству различныхъ правъ“, но тутъ же прибавилъ: „Податели объявили мнѣ, что представленіе сей просьбы на Высочайшее воззрѣніе будетъ много способствовать къ успокоенію умовъ“.

Вѣсть о варшавскихъ событіяхъ, полученная Императоромъ Александромъ всего за нѣсколько дней до подписанія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, глубоко опечалила Государя, но не смутила его. Твердая рѣшимость прежде всего возстановить порядокъ звучитъ въ трехъ его отвѣтахъ на телеграммы намѣстника, отъ 16-го февраля: 1) „Съ нетерпѣніемъ жду, какъ пройдетъ сегодняшній день. Увѣренъ, что

вы примете всѣ нужныя мѣры для возстановленія должнаго порядка. Есть-ли раненые въ войскахъ и замѣтно ли оружіе въ народѣ? Смотря по обстоятельствамъ доносите мнѣ утромъ и вечеромъ". 2) „Считаю отставку предводителей крайне неумѣстною и доказывающею ихъ малодушіе. Распоряженіе о Треповѣ не могу одобрить. Въ теперешнемъ обстоятельствѣ каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Объявленіе осаднаго положенія въ Варшавѣ предоставляю вашему усмотрѣнію". 3) „Если просьба Фіалковскаго дѣйствительно въ томъ смыслѣ, о которомъ вы упоминаете, то не слѣдовало ее принимать. Буду ожидать вашихъ объясненій. Во всякомъ случаѣ, теперь не время на уступки и я ихъ не попущу".

На другой день, 17-го февраля, намѣстникъ ограничился донесеніемъ, „что въ городѣ все спокойно". Государь не удовольствовался этимъ извѣстіемъ и съ телеграммѣ Горчакову, подтвердивъ все предписанное наканунѣ, требовалъ подробныхъ объясненій: „Желаю знать, что было предлогомъ къ уличнымъ безпорядкамъ 15-го числа и кто были главные дѣятели? Прошеніе остановите, если оно еще не отправлено. Прошу дѣйствовать съ должнымъ спокойствіемъ и твердостію. Уступокъ никакихъ я не намѣренъ допускать". По полученіи отвѣта Горчакова, что прошеніе на Высочайшее имя имъ не представляется, а посылается съ него копія военному министру, а также, что о явномъ предлогѣ скопищъ 15-го февраля и о главныхъ дѣятеляхъ онъ можетъ лишь сказать, „что это было дѣйствіемъ, вызваннымъ демократическою партіею",—Императоръ телеграфировалъ ему: „Объявите по предоставленной вамъ власти, что прошеніе, поданное на мое имя, за неприличіемъ и неумѣстностью заключающихся въ немъ желаній, вами возвращается. Дайте знать по телеграфу имена пяти лицъ, представившихъ вамъ прошеніе съ Фіалковскимъ. Безпорядки въ Варшавѣ имѣютъ ли отголосокъ къ провинціи?" Горчаковъ отвѣчалъ, что хотя и не было въ провинціи безпорядковъ, но отголосокъ варшавскихъ событій весьма значителенъ, назвалъ имена пяти депутатовъ, но умолялъ Государя разрѣшить ему пріостановиться предписанной публикаціей о непринятіи прошенія, впредь до прибытія отправленнаго въ Петербургъ съ подробными донесеніями одного изъ высшихъ чиновниковъ Варшавскаго Сената, оберъ-прокурора Карницкаго.

Изъ царскихъ телеграммъ намѣстникъ не могъ не заключить, что дѣйствія его не вполнѣ отвѣчаютъ намѣреніямъ Императора, и дабы хотя нѣсколько облегчить бремя лежавшей на немъ отвѣтственности, онъ обратился къ военному министру съ просьбой, „въ виду важности положенія въ Царствѣ Польскомъ", прислать въ Варшаву, ему въ помощь, лицо, „пользующееся полнымъ довѣріемъ" Его Величества. На эту просьбу Государь отвѣчалъ самъ, что питаетъ къ Горчакову полное довѣріе, а потому и не видитъ причины посылать ему кого-либо. Видимо желая, однако, успокоить старца - намѣстника, Императоръ разрѣшилъ отложить предписанную публикацію, впредь до прибытія въ Петербургъ Карницкаго, присовокупивъ, что если ему нуженъ помощникъ по гражданской части, то пусть назоветъ кого желаетъ? Государь отъ себя предложилъ на эту должность генерала Хрулева. Горчаковъ отозвался: „Помощникъ по гражданской части и Хрулевъ, кажется, не нужны, но полезно было бы имѣть здѣсь по выбору Вашего Величества лицо со свѣтлымъ взглядомъ". Тогда Государь предложилъ прислать въ Варшаву товарища статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго Платонова. „Платоновъ крайне нуженъ въ Петербургѣ; о другихъ лицахъ позвольте подумать", отозвался Горчаковъ.

Между тѣмъ, 21-го февраля, прибылъ въ Петербургъ фельдъегерь съ первыми письменными донесеніями намѣстника о происшествіяхъ 15-го февраля. Изъ нихъ Государь усмотрѣлъ всю важность совершенныхъ безпорядковъ и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Царство Польское подкрѣпленій войсками: гусарской бригады 1-й кавалерійской дивизіи и всей 2-й пѣхотной дивизіи, а также четырехъ казачьихъ полковъ съ Дона. Извѣстивъ о томъ намѣстника, онъ не скрылъ отъ него, что прошеніе варшавянъ находитъ „совершенно неумѣстнаго содержанія" и на случай возобновленія безпорядковъ приказалъ: „города Варшавы не оставлять ни подъ какимъ видомъ", и, „въ случаѣ нужды, бомбардировать изъ цитадели".

Ни о чемъ подобномъ не помышлялъ князь Горчаковъ. Отправленный имъ 19-го февраля изъ Варшавы и 25-го прибывшій въ Петербургъ, Карницкій привезъ предложенія совершенно другого рода.

Въ первые дни по столкновеніи мятежныхъ скопищъ съ войсками, князь Горчаковъ, болѣе чѣмъ когда-либо, обнаружилъ свойственныя ему нерѣшительность и податливость на чужія внушенія. Окружавшіе его поляки ловко воспользовались неудовольствіемъ на ближайшаго совѣтника, завѣдывавшаго правительственною коммиссіею внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, П. А. Муханова, а также на военныхъ начальниковъ, высказывавшихся въ пользу строгихъ мѣръ для обузданія своеволія черни, чтобы развить предъ нимъ цѣлую программу преобразованій, долженствовавшихъ, по словамъ этихъ лицъ, успокоить взволнованные умы. Обширный докладъ въ этомъ смыслѣ составилъ и представилъ намѣстнику оберъ-прокуроръ общаго собранія варшавскихъ департаментовъ Сената, Энохъ. Онъ совѣтовалъ, для возстановленія порядка, обратиться къ содѣйствію партіи «бѣлыхъ», утверждая, что на народныя массы русскому правительству разсчитывать нельзя, потому что послѣднія не удовлетворятся ничѣмъ, кромѣ полной независимости или, по меньшей мѣрѣ, личнаго соединенія Польши съ Россіей. Совершенно наоборотъ, увѣрялъ онъ, имущественные классы, дворяне и чиновники, хотя въ сущности придерживаются тѣхъ же мнѣній, но опасаются торжества демократическихъ началъ, а потому ихъ не трудно удержать отъ участія въ движеніи „мудрыми и умѣренными преобразованіями". Подъ такими преобразованіями Энохъ разумѣлъ прежде всего предоставленіе Царству Польскому его прежнихъ гражданскихъ законовъ, Наполеонова кодекса, введеннаго въ 1807 году, и упраздненіе кодификаціонной коммиссіи, трудившейся надъ объединеніемъ ихъ съ законами Имперіи; возвращеніе общему собранію варшавскихъ департаментовъ Сената прежняго названія государственнаго совѣта, и назначеніе въ составъ его членовъ, изъ мѣстныхъ дѣятелей; учрежденіе въ Царствѣ высшихъ учебныхъ заведеній и техническихъ училищъ, съ изъятіемъ ихъ изъ подъ вѣдѣнія русскаго министерства народнаго просвѣщенія; образованіе особой правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и поставленіе во главѣ ея поляка-католика; вообще, привлеченіе населенія къ участію въ управленіи, посредствомъ установленія выборныхъ городскихъ совѣтовъ, сначала въ Варшавѣ, а потомъ и въ прочихъ городахъ Царства; наконецъ, созданіе въ Царствѣ центральнаго выборнаго же учрежденія, на обязанности котораго лежало бы доводить до свѣдѣнія высшаго правительства о нуждахъ и желаніяхъ польскаго народа. Энохъ выражалъ мнѣніе, „что немедленнаго принятія всѣхъ этихъ мѣръ казалось бы достаточнымъ, чтобы успокоить броженіе, обезпечить правительству содѣйствіе всѣхъ здравомыслящихъ людей и обратить въ ничто всѣ безумныя и преступныя попытки". Разсужденія юриста-поляка произвели на намѣстника настолько сильное впечатлѣніе, что онъ не поколебался повергнуть ихъ на воззрѣніе Государя, какъ единственное средство успокоить разнузданныя страсти и возстановить порядокъ и спокойствіе въ странѣ.

Уже по отъѣздѣ Карницкаго въ Петербургъ возбужденъ былъ вопросъ: кого изъ поляковъ назначить главнымъ директоромъ предположенной правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія? Выборъ намѣстника остановился на маркизѣ Велепольскомъ.

Въ разговорахъ съ Горчаковымъ, Велепольскій хотя и соглашался на принятіе должности директора правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но подъ условіемъ немедленнаго введенія проектированныхъ Энохомъ преобразованій, дополненныхъ слѣдующими: обязательнымъ очиншеваніемъ крестьянъ въ Царствѣ, по составленному самимъ маркизомъ проекту и подъ личнымъ его руководствомъ; возстановленіемъ Варшавскаго университета; учрежденіемъ, отдѣльно отъ государственнаго совѣта, высшаго кассаціоннаго суда; выдѣленія общественныхъ работъ въ Царствѣ въ вѣдомство, независимое отъ главнаго управленія путей сообщенія въ Петербургѣ; уничтоженіемъ должностей предводителей дворянства; изъятіемъ государственныхъ преступленій изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ; веденіемъ всей оффиціальной переписки исключительно на польскомъ языкѣ, а сношеній съ русскими

властями—на французскомъ; учрежденіемъ Сената изъ пожизненныхъ членовъ, какъ высшаго законодательнаго собранія, провинціальныхъ выборныхъ совѣтовъ и городскаго совѣта въ Варшавѣ.

Тотчасъ по прибытіи Карницкаго въ Петербургъ, Императоръ увѣдомилъ Горчакова, что на присылку оффиціальной депутаціи онъ „рѣшительно не согласенъ". Отвѣтъ свой на дальнѣйшія сообщенія намѣстника Государь отправилъ чрезъ два дня—25-го февраля. То былъ рескриптъ на имя князя Горчакова: „Я читалъ прошеніе ваше, ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено мною вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицѣ безпорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ лишь одно увлеченіе. Всѣ заботы мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ моей Имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безраздѣльно и на подданныхъ моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Ко всему, что можетъ упрочить ихъ благоденствіе, я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ. Я уже на дѣлѣ доказалъ имъ мое искреннее желаніе распространить и на нихъ благотворныя дѣйствія улучшеній истинно полезныхъ, существенныхъ и постепенныхъ. Непзмѣнны пребудутъ во мнѣ таковыя желанія и намѣренія. Я въ правѣ ожидать, что попеченія мои не будутъ затрудняемы, ни ослабляемы требованіями несвоевременными, или преувеличенными, или несовмѣстными съ настоящими пользами моихъ подданныхъ. Я исполню всѣ мои обязанности. Но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка. На такомъ основаніи созидать что-либо невозможно. Всякое начало, порожденное подобными стремленіями, противорѣчитъ самому себѣ. Я не допущу до сего. Не допущу никакого вреднаго направленія, могущаго затруднить или замедлить постепенное правильное развитіе и преуспѣяніе благосостоянія сего края, которое будетъ всегда и постоянно цѣлью моихъ желаній и попечительности".

Одновременно съ рескриптомъ, Государь извѣщалъ намѣстника, что, по повелѣнію его, въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Царства Польскаго разработывается проектъ преобразованій, предположенныхъ для Царства и долженствующихъ внести значительныя улучшенія въ существующія учрежденія. Императоръ поручилъ Горчакову прочесть рескриптъ пяти лицамъ, вручившимъ прошеніе на Высочайшее имя, предваривъ ихъ и о готовящихся законодательныхъ мѣрахъ; самый же рескриптъ приказалъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, такъ какъ прошеніе поляковъ давно уже появилось въ заграничныхъ газетахъ.

По полученіи Императорскаго рескрипта, князь Горчаковъ пригласилъ въ замокъ лицъ, подписавшихъ прошеніе, и прочиталъ имъ рескриптъ, который, какъ доносилъ онъ, „и принятъ ими безъ всякихъ измѣненій". Но, присовокуплялъ намѣстникъ, „въ неизвѣстности еще въ публикѣ конфиденціальныхъ внушеній о будущихъ улучшеніяхъ, онъ могъ бы произвести, на первыхъ порахъ, невыгодное впечатлѣніе, которое, потомъ, было бы трудно изгладить".—„Требую, чтобы рескриптъ былъ напечатанъ въ газетахъ не медля", настаивалъ Императоръ, и получилъ въ отвѣтъ: „Рескриптъ сейчасъ печатается во всѣхъ газетахъ. Я вчера еще, послѣ моей депеши, рѣшился его публиковать сегодня".—„Ces tergiversations sont déplorables!" (Колебанія эти жалости достойны), надписалъ Государь на послѣдней телеграммѣ князя Горчакова.

Впрочемъ, этимъ не ограничились слабость и нерѣшительность намѣстника, доводившія его до прямаго ослушанія Высочайшей волѣ. Государь требовалъ распущенія выборной городской делегаціи; Горчаковъ отстаивалъ ее, увѣряя, что полное дѣйствіе полиціи возстановлено уже восемь дней назадъ; что делегація города не имѣетъ никакой оффиціальной власти; что патрулей отъ нея не выставляется и что она только способствуетъ спокойствію города частными внушеніями гражданамъ, и тому подобное. Государь стоялъ на своемъ: „Упразднена ли городская делегація?" — спрашивалъ онъ снова. „Считаю мѣру эту необходимою, также какъ и запрещеніе всякихъ клубовъ или другихъ подобныхъ сборищъ". Отвѣтъ Горчакова: „Делегацію я, съ вчерашнимъ курьеромъ, испрашивалъ разрѣшенія на время не упразднять, ибо, въ настоящую минуту, она

полезна, не допуская демонстрацій. Дозвольте пріостановиться роспускомъ ея до полученія этого курьера. Большія сборища бывали въ варшавскомъ ресурсѣ (клубѣ). Со вчерашняго дня сдѣлано распоряженіе, чтобы туда пускали только членовъ-посѣтителей по билетамъ, по уставу. О другихъ сборищахъ приму мѣры". Но, въ дѣйствительности, никакихъ мѣръ не принималось. Государь, хотя и неохотно, согласился на увольненіе Трепова отъ должности варшавскаго оберъ-полиціймейстера, предоставивъ выбору намѣстника назначеніе его преемника. Горчаковъ доносилъ, что хотѣлъ было назначить адъютанта своего Мезенцова, но, пояснялъ онъ, „во всѣ дни демонстрацій я его посылалъ во всѣ мѣста, гдѣ происходили безпорядки и съ тѣхъ поръ его вездѣ ненавидятъ, называя палачемъ". Императоръ замѣтилъ, что вовсе не считаетъ это возраженіе препятствіемъ къ назначенію Мезенцова. Тѣмъ не менѣе, завѣдываніе полиціей было ввѣрено поляку Крачинскому. Возвращаясь къ вопросу о делегаціи, Государь признавалъ ея дальнѣйшее существованіе рѣшительно вреднымъ и, требуя немедленнаго ея упраздненія, спрашивалъ: „Правда ли, что собирается подписка для монумента надъ убитыми? Таковую не допускать и особаго монумента не дѣлать". На это третье подтвержденіе послѣдовалъ отвѣтъ: „Делегація завтра упраздняется. Пожертвованія для памятника дѣлаются нераздѣльно отъ пособія для семействъ убитыхъ и раненыхъ. Сооруженіе памятника не допущу". Два дня спустя, Горчаковъ хотя и доносилъ объ упраздненіи делегаціи, но прибавлялъ, что восемь лицъ изъ нея „будутъ засѣдать для пользы города въ магистратѣ". Такія отступленія отъ точнаго смысла Высочайшихъ повелѣній намѣстникъ скрашивалъ увѣреніемъ, что Царскій рескриптъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на всѣхъ умѣренныхъ, которые „продолжаютъ дѣйствовать на умы и можно надѣяться на успѣхъ".

Спокойствіе въ Варшавѣ продолжалось, однако, недолго. По распоряженію организаторовъ мятежа, мужчины облеклись въ національные костюмы, женщины—въ глубокій трауръ по родинѣ. Революціонные гимны раздавались въ костелахъ, по всему пространству Царства Польскаго. Скоро возобновились и уличныя демонстраціи въ Варшавѣ. Снова Государь телеграфировалъ намѣстнику: „Возобновленіе безпорядковъ, подобныхъ тому, что было въ субботу и въ понедѣльникъ, не должно быть допускаемо". Дѣйствительнѣйшимъ къ тому средствомъ князь Горчаковъ считалъ опубликованіе назначенія Велепольскаго директоромъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а также „сокращенной программы Царскихъ милостей", которую сообщилъ ему, по телеграфу, двоюродный братъ его, министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ, въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Царства Польскаго, торопливо составлялся проектъ новыхъ учрежденій, которыя рѣшено было даровать этому краю. Въ основаніе проекта приняты записки Эноха и Велепольскаго, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Проектъ обсуждался и разсматривался въ Совѣтѣ Министровъ, въ Высочайшемъ присутствіи, и 14-го марта Государь приложилъ къ нему свою подпись. Въ видахъ развитія и улучшенія установленій края, взамѣнъ общаго собранія варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, возстановлялся Государственный Совѣтъ Царства Польскаго изъ духовныхъ сановниковъ и лицъ, назначенныхъ Высочайшею властью, подъ предсѣдательствомъ Царскаго намѣстника. Независимо отъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію упраздненнаго общаго собранія Сената, Государственному Совѣту ввѣрялось разсмотрѣніе: годовой смѣты доходовъ и расходовъ Царства, отчетовъ главноначальствующихъ всѣми частями управленія, а также донесеній генеральнаго контролера о ревизіи денежныхъ отчетовъ, представленій новоучреждаемыхъ выборныхъ губернскихъ совѣтовъ, наконецъ просьбъ и жалобъ на злоупотребленія служащихъ лицъ въ нарушеніи ими законовъ; основывалась отдѣльная правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; въ губерніяхъ и уѣздахъ учреждались выборные совѣты, періодически созываемые для совѣщаній о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, съ правомъ входить о нихъ съ представленіями въ Государственный Совѣтъ Царства; такіе же совѣты учреждались въ Варшавѣ и значительнѣйшихъ городахъ для завѣды-

ванія городскимъ хозяйствомъ. Составъ и кругъ дѣятельности, какъ Государственнаго Совѣта, такъ и выборныхъ совѣтовъ въ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ, подробно опредѣленъ въ двухъ послѣдующихъ указахъ, изданныхъ шесть недѣль спустя.

Обнародованіе Высочайшаго указа 14-го марта въ Варшавѣ сопровождалось слѣдующимъ воззваніемъ намѣстника: „Поляки, важныя обстоятельства настоящей минуты побуждаютъ меня обратиться къ вамъ еще разъ со словами порядка и разсудка. Учрежденія, Всемилостивѣйше дарованныя Государемъ Императоромъ и Царемъ Царству Польскому, служатъ ручательствомъ интересовъ вашего края, самыхъ дорогихъ интересовъ для вашихъ сердецъ, религіи и народности. Государю Императору угодно, чтобы эти учрежденія были введены въ дѣйствіе въ возможной скорости и со всею искренностью. Дабы осуществить это, явите единодушное желаніе сохранить порядокъ и спокойствіе и остерегайтесь безпорядковъ, которыхъ не потерпитъ правительство, ибо каждое правительство обязано ихъ сдерживать".

Одновременно съ обнародованіемъ преимуществъ, Высочайше дарованныхъ Царству Польскому, министръ иностранныхъ дѣлъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія европейскихъ Дворовъ, чрезъ посредство русскихъ при нихъ дипломатическихъ представителей:

„Изъ Высочайшаго рескрипта, на имя намѣстника Царства Польскаго послѣдовавшаго, вы усмотрѣли сужденіе, произнесенное Государемъ Императоромъ о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ. Въ полномъ сознаніи своей силы и въ чувствахъ любви къ подданнымъ своимъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было приписать случившееся одному увлеченію, хотя, въ виду безпорядковъ на улицахъ, можно было бы произнести приговоръ болѣе строгій. Только во вниманіе къ этому увлеченію и дабы дать время взволнованнымъ умамъ успокоиться, мѣстныя власти не приняли тѣхъ мѣръ къ укрощенію, которыя онѣ имѣли право и возможность употребить въ данномъ случаѣ. Но Государю Императору угодно было не ограничить этимъ своего великодушнаго снисхожденія. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, состоявшійся 19-го февраля, свидѣтельствуетъ объ отеческой попечительности, какою Его Императорское Величество объемлетъ народы, ввѣренные ему Божіимъ Промысломъ. Россія и Европа могли убѣдиться, что Его Величество не только не устраняетъ и не отсрочиваетъ преобразованій, вызываемыхъ развитіемъ идей и общественныхъ интересовъ, но, рѣшительно приступивъ къ дѣлу, совершаетъ его съ неослабною послѣдовательностью. Тѣ же попеченія простираетъ Всемилостивѣйшій Государь нашъ и на подданныхъ своихъ Царства Польскаго, и потому Его Императорскому Величеству не угодно было, чтобы случайное, хотя и прискорбное событіе, пріостановило исполненіе его предначертаній. Прилагаемый при семъ экземпляръ Высочайшаго указа объяснитъ вамъ новыя учрежденія, дарованныя Царству Польскому Высочайшею Его Императорскаго Величества волею". Слѣдовало перечисленіе этихъ учрежденій, послѣ чего министръ продолжалъ: „Такими учрежденіями доставляется новое ручательство нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ края, указано ему законное средство для предъявленія своихъ пользъ и нуждъ; наконецъ, упрочена возможность улучшеній, основанныхъ на опытѣ, указанія коего будутъ всегда приниматься въ соображеніе, въ границахъ справедливости и возможности. Успѣхъ новыхъ учрежденій будетъ зависѣть, въ равной степени, отъ довѣрія Царства Польскаго къ благимъ намѣреніямъ Государя Императора и отъ той мѣры, въ какой оно оправдаетъ нынѣ оказываемое ему довѣріе. Воля Государя Императора, чтобы все имъ дарованное было дѣломъ правды (L'Empereur veut que ce qu'il accorde soit une vérité). Убѣжденіе его — что онъ добросовѣстно исполнилъ долгъ свой, открывая подданнымъ своимъ Царства Польскаго путь законнаго преуспѣянія; искреннее его желаніе, чтобы они неуклонно по немъ слѣдовали. Его Величество твердо увѣренъ, что цѣль эта будетъ достигнута, если намѣренія его встрѣтятъ признаніе и содѣйствіе въ благоразуміи страны".

Событія не оправдали радужныхъ надеждъ. Неутомимой дѣятельности и несомнѣнной энергіи Велепольскаго, въ рукахъ котораго, со дня вступленія въ новую должность, сосредоточились всѣ нити внутренняго управленія Царствомъ, не удалось сдержать революціоннаго движе-

нія, поддерживаемаго извнѣ эмиграціею, руководимаго внутри вожаками мятежа, не отступавшими ни предъ какою крайностью. Съ первыхъ шаговъ своихъ, въ качествѣ правительственнаго дѣятеля, маркизъ возстановилъ противъ себя вліятельное католическое духовенство высокомѣрнымъ обращеніемъ съ его высшими представителями, а помѣстное дворянство—закрытіемъ Земледѣльческаго общества, успѣвшаго, въ короткій періодъ своего существованія, пустить глубокіе корни въ странѣ. Послѣдняя мѣра была избрана предлогомъ для возобновленія уличныхъ демонстрацій. 27-го марта намѣстникъ донесъ въ Петербургъ: „Вчера была большая манифестація въ честь упраздненнаго Земледѣльческаго общества. Я вывелъ войска. Толпа долго стояла по улицамъ и разошлась. Дѣло обошлось безъ кровопролитія“. Не то было на слѣдующій день, какъ явствуетъ изъ телеграммы князя Горчакова: „Вчера снова, противъ замка, собралось скопище. Оно разогнано оружіемъ и бой нѣсколько разъ возобновлялся. Жителей убито около десяти, раненыхъ столько же. Взято упорныхъ до 45 человѣкъ. Нашихъ убито пять человѣкъ“.

„Варшавскіе безпорядки меня не удивляютъ“, не безъ горечи отвѣчалъ Государь, „ибо мы ихъ ожидали. Надѣюсь, что порядокъ будетъ возстановленъ энергическими мѣрами, безъ всякихъ уступокъ. Если они будутъ возобновляться, городъ объявить въ осадномъ положеніи. Въ числѣ убитыхъ есть ли офицеры и между арестованными кто-нибудь изъ важныхъ зачинщиковъ? „Ресурсъ“ необходимо закрыть“. Отвѣтныя телеграмы намѣстника не вполнѣ удовлетворили Государя. Горчаковъ доносилъ, что хотя спокойствіе и возстановилось въ городѣ, но что народъ очень раздраженъ и еще болѣе испуганъ; что имъ объявляется новое положеніе противъ скопищъ, но осадное положеніе не объявляется, ибо намѣстникъ „держитъ его послѣднею угрозою“, тѣмъ болѣе, что оно на дѣлѣ существуетъ; что изъ офицеровъ никто не убитъ, а между арестованными „нѣтъ главныхъ зачинщиковъ, но есть нахалы“; что „ресурсъ“ „самъ закрылся и останется закрытымъ“.

По прибытіи курьера съ письменнымъ донесеніемъ, Императоръ телеграфировалъ князю Горчакову: „Дай Богъ, чтобы урокъ, данный варшавскому населенію 27-го марта, отбилъ охоту отъ подобныхъ сборищъ. Требую, чтобы при первомъ возобновленіи оныхъ, осадное положеніе было объявлено, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціи. Присылайте подробныя свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходитъ“. На столь точное приказаніе намѣстникъ опять далъ крайне неопредѣленный отзывъ: „Немедленно послѣ необходимости разсыпать новое сборище оружіемъ, городъ будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Но я сего скоро не предвижу, ибо здѣсь замѣтно все ускромняется“.

Тѣмъ временемъ революціонное движеніе не только усиливалось въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ, но стало распространяться и на провинцію. Безпрестанная душевная тревога отразилась на здоровьѣ старца-намѣстника. Силы его, видимо, слабѣли. 14-го мая Высочайше повелѣно исправлявшему должность варшавскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанту Мерхелевичу, за болѣзнью князя Горчакова, вступить въ управленіе гражданскою частью и предсѣдательствовать въ Совѣтѣ управленія, впредь до пріѣзда военнаго министра Сухозанета, которому Государь поручилъ временное исправленіе должности намѣстника.

Прибывъ 23-го мая въ Варшаву, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ уже не засталъ въ живыхъ князя Горчакова, скончавшагося 18-го числа. Задача военнаго министра была поддержать порядокъ и спокойствіе въ краѣ до пріѣзда новаго намѣстника, на должность котораго Государь назначилъ близкое къ себѣ и довѣренное лицо, къ тому же католика по вѣроисповѣданію, генералъ-адъютанта графа К. К. Ламберта.

Въ послѣдніе дни жизни Горчакова всеобщее возбужденіе въ Царствѣ Польскомъ постоянно возрастало. Стычки населенія съ полиціей повторялись чуть не ежедневно. Демонстраціи возвѣщались заранѣе и сопровождались пѣніемъ революціонныхъ гимновъ, въ церквахъ и на улицахъ, при явномъ потворствѣ и даже соучастіи духовенства. На кладбищахъ служили панихиды по февральскимъ жертвамъ. Въ виду полной дезорганизаціи полиціи, временный намѣстникъ возложилъ на войска заботу о соблюденіи тишины и порядка, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ про-

чихъ городахъ Царства Польскаго. Не стѣсняясь распоряженіями своего предшественника, онъ, въ силу военнаго положенія, объявленнаго Паскевичемъ въ 1833 году и съ тѣхъ поръ формально не отмѣненнаго, сталъ однихъ изъ задержанныхъ участниковъ демонстрацій предавать полевому военному суду, другихъ—высылать изъ предѣловъ Царства, во внутреннія губерніи Имперіи, административнымъ порядкомъ. Такой энергичный образъ дѣйствій, одобренный Государемъ, не замедлилъ принести плоды. Возвѣщенныя демонстраціи оставались безъ исполненія. Наружное спокойствіе въ Варшавѣ возстановлялось мало-по-малу. 31-го іюля поляки предполагали торжественною манифестаціею отпраздновать годовщину соединенія Литвы съ Польшею; но попытка эта предупреждена появленіемъ войскъ на улицахъ и площадяхъ, а также предварительными арестами. „Вчерашній день", доносилъ военный министръ Государю, „благодаря грозному присутствію войскъ, порядокъ въ городѣ нарушенъ не былъ, хотя волненіе было весьма значительное. Но дамы были въ цвѣтныхъ платьяхъ, лавки были заперты, вечеромъ была иллюминація внутри комнатъ. Словомъ, такого рода проявленія, кои не могутъ быть предупреждены и остановлены, ни полиціею, ни силою оружія. Арестовано 30 человѣкъ". Извѣщая Сухозанета о скоромъ прибытіи въ Варшаву Ламберта, Государь отвѣчалъ ему: „Въ системѣ дѣйствій не хочу никакой перемѣны и прошу васъ этимъ руководствоваться до его пріѣзда, не допуская, ни подъ какимъ видомъ, никакихъ демонстрацій и своеволій". Точно исполняя полученное повелѣніе, военный министръ телеграфировалъ нѣсколько дней спустя: „Вчера въ городѣ было отлично спокойно, ни малѣйшаго признака безпорядка; хотя демагогія удостовѣряетъ, что на это ею дано приказаніе, но я приписываю единственно грозной мѣрѣ 31-го іюля и произведеннымъ здѣсь, до 14 лицъ, арестованіямъ. Въ губернскихъ городахъ тою же мѣрою одновременно все удержано въ порядкѣ. Отправленіе ксендзовъ и неблагонадежныхъ людей въ Имперію и казематы крѣпостей, до пріѣзда графа Ламберта, не стѣсняясь, по прежнему продолжать буду".—„Энергичныя мѣры одобряю"—отозвался Государь.

Строгое преслѣдованіе нарушителей общественнаго порядка не препятствовало Сухозанету постепенно вводить въ дѣйствіе дарованныя Царству Польскому учрежденія. По назначеніи членовъ, пожизненныхъ и временныхъ, Государственнаго Совѣта изъ римско-католическихъ епископовъ и знатнѣйшихъ поляковъ, они были приведены къ присягѣ, и, 4-го іюля, собраніе это торжественно открыто временнымъ намѣстникомъ. Впрочемъ, выборы въ городской совѣтъ въ Варшавѣ отложены, по Высочайшему повелѣнію, впредь до преобразованія варшавской полиціи.

Какъ образъ дѣйствій Сухозанета, такъ и достигнутые имъ результаты не могли, однако, не привести его къ столкновенію съ Велепольскимъ, проявившимъ, въ званіи члена Совѣта управленія и главнаго директора правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сначала—скрытое противодѣйствіе, а потомъ и явное сопротивленіе распоряженіямъ временнаго намѣстника. При Горчаковѣ, маркизъ успѣлъ стать дѣйствительнымъ главою всего гражданскаго управленія въ Царствѣ, взявъ въ собственное завѣдываніе и коммиссію юстиціи, а во главѣ всѣхъ прочихъ коммиссій, замѣнивъ русскихъ чиновниковъ поляками. Незадолго до кончины князя Михаила Дмитріевича, Велепольскій, въ запискѣ на имя Государя, ходатайствовалъ о предоставленіи Царству Польскому новыхъ правъ и преимуществъ, которыя обезпечили бы послѣднему полную административную самостоятельность и ослабили бы послѣднія узы, связывавшія Царство съ Имперіей. Такъ, настаивалъ онъ на скорѣйшемъ преобразованіи IX и X департаментовъ Сената въ верховный кассаціонный судъ; на объявленіи польскаго языка оффиціальнымъ языкомъ въ Царствѣ; на дарованіи Государственному Совѣту Царства Польскаго національнаго герба, а всѣмъ чиновникамъ и даже членамъ выборныхъ совѣтовъ—такого же мундира. Съ прибытіемъ генерала Сухозанета личное положеніе маркиза измѣнилось. Онъ пересталъ быть довѣреннымъ и вліятельнымъ совѣтникомъ временнаго намѣстника, опиравшагося преимущественно на русскую военную силу въ краѣ и на вождей ея. Возникшія между ними несогласія по незначительнымъ поводамъ, скоро перешли въ открытый и рѣзкій антаго-

низмъ. Обнародывая въ оффиціальной газетѣ рѣчь, произнесенную Сухозанетомъ на обѣдѣ, данномъ въ день открытія засѣданій вновь образованнаго Государственнаго Совѣта, Велепольскій позволилъ себѣ передѣлать самыя его выраженія. Когда же состоялось распоряженіе о преданіи бунтовщиковъ военному суду и о высылкѣ изъ Царства неблагонадежныхъ лицъ, то маркизъ протестовалъ противъ этихъ мѣръ, называя ихъ незаконными. Кончилось тѣмъ, что онъ подалъ въ отставку.

Военный министръ не скрылъ отъ Государя своихъ пререканій съ Велепольскимъ, присовокупивъ, что главная причина просьбы маркиза объ увольненіи „рѣшенія мои противъ злоумышленниковъ, внѣ правилъ мѣстнаго судебнаго порядка", Его Величество отвѣчалъ, что „весьма сожалѣетъ о намѣреніи Велепольскаго" и „желаетъ, чтобы маркизъ оставался при занимаемыхъ должностяхъ, до пріѣзда графа Ламберта".

Новый намѣстникъ прибылъ въ Варшаву 12-го августа и вступилъ въ управленіе краемъ, обнародовавъ слѣдующій, на имя его, Высочайшій рескриптъ: „Графъ Карлъ Карловичъ! Назначая васъ исправляющимъ должность намѣстника моего въ Царствѣ Польскомъ, я поручаю вамъ принять всѣ мѣры къ благоуспѣшному дѣйствію государственныхъ учрежденій, дарованныхъ Царству указомъ моимъ 14-го марта сего года. Остаюсь при этомъ въ твердой увѣренности, что жители Царства Польскаго, просвѣщеннымъ и здравымъ умомъ своимъ, поймутъ, что только въ правильномъ развитіи этихъ учрежденій они могутъ обрѣсти залогъ дальнѣйшаго успѣха, въ самобытности управленія и общественнаго благосостоянія, а не въ раздорѣ и народныхъ волненіяхъ, поставляющихъ преграды къ осуществленію лучшихъ моихъ намѣреній и предначертаній. Призовите къ содѣйствію въ трудахъ вашихъ людей способныхъ и благомыслящихъ, дабы дѣйствительныя нужды любезныхъ мнѣ подданныхъ восходили ко мнѣ, чрезъ посредство ваше, какъ законное выраженіе общихъ желаній, зрѣло обдуманныхъ, въ кругу просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ согражданъ, а не въ видѣ заявленій обманчивыхъ увлеченій, внушаемыхъ врагами всякаго порядка. Возстановите спокойствіе въ Царствѣ, а я, со своей стороны, съ радостью готовъ предать прошедшее забвенію, и на довѣріе ко мнѣ и любовь польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же".

Графъ Ламбертъ, не менѣе князя Горчакова, подпалъ вліянію Велепольскаго, убѣждавшаго его отступить отъ системы, принятой Сухозанетомъ, въ дѣйствіяхъ своихъ держаться строгой законности, ненарушимо соблюдать дарованную Царству Польскому административную автономію. По представленію намѣстника, Велепольскій не только утвержденъ въ должности директора коммиссіи юстиціи, но и назначенъ вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Царства. Въ донесеніяхъ Государю, Ламбертъ выражалъ надежду на успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ, въ отмѣну распоряженій своего предшественника, но Императоръ, на извѣщеніе о вступленіи его въ должность отвѣтившій: „Дай Богъ, чтобы вступленіе твое въ управленіе было въ добрый часъ",—не раздѣлялъ этихъ ожиданій. Въ виду возобновившихся съ новою силою уличныхъ демонстрацій, онъ писалъ намѣстнику: „Послѣдующія телеграммы твои доказываютъ продолжающееся своеволіе. Оно долѣе терпимо быть не должно, ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ, и потому требую, чтобы тѣ мѣстности, которыя ты сочтешь нужнымъ, были объявлены на военномъ положеніи".

Несдерживаемая болѣе желѣзною рукой Сухозанета, крамола снова вздымала дерзкую голову. Возобновилось пѣніе гимновъ, шествія по улицамъ съ революціонными эмблемами и значками; женщины не покидали траура. Броженіе усилилось, когда въ Варшавѣ узнали о безпорядкахъ въ Вильнѣ, повлекшихъ за собою провозглашеніе военнаго положенія въ Литвѣ. Повторилось то, что въ самомъ началѣ смутъ уже происходило между Государемъ и княземъ Горчаковымъ. Въ письмахъ и телеграммахъ къ Ламберту Императоръ постоянно настаивалъ на строгихъ мѣрахъ къ обузданію своеволія, а намѣстникъ отговаривался, подъ разными предлогами, внушаемыми ему Велепольскимъ. „Въ городѣ спокойно", доносилъ онъ по телеграфу отъ 25-го августа. „Объявлять военное положеніе теперь нѣтъ поводовъ, потому что положеніе не измѣнилось къ худшему, не смотря на то, что войска сняты; къ тому же наружная полиція еще не устроена;

тайной полиціи нѣтъ, и мы сами мало ознакомлены съ дѣломъ. Немудрено, что будетъ волненіе въ день взятія Варшавы, но въ этомъ опасности не предвижу. Объявленіемъ же военнаго положенія волненій не предотвратить, а въ случаѣ необходимости, войска у насъ всегда въ готовности. Не столько опасаюсь уличныхъ демонстрацій, сколько выборовъ". Но Государь не сдавался на эти доводы. „Въ день взятія Варшавы", телеграфировалъ онъ, „никакихъ демонстрацій не допускать, и если, не смотря на принятыя мѣры, таковыя состоятся, то Варшаву объявить непремѣнно на военномъ положеніи. Тѣмъ же руководствоваться и въ прочихъ мѣстностяхъ, и приступить къ немедленному обезоруженію жителей".

Годовщина взятія Варшавы, 26-го августа, прошла благополучно, но 30-го, въ именины Государя, безпорядки повторились, и революціонные гимны пѣлись въ католическомъ соборѣ, во время торжественнаго богослуженія. Это подало поводъ Императору замѣтить въ телеграммѣ къ Ламберту: „Изъ Литвы, со времени объявленія военнаго положенія, извѣстія удовлетворительны, что̀ меня еще болѣе подтверждаетъ въ необходимости принятія той же мѣры въ Царствѣ, въ случаѣ возобновленія подобныхъ безпорядковъ, какъ въ Варшавскомъ соборѣ, 30-го августа. Давно пора ихъ прекратить". Но намѣстникъ всячески уклонялся отъ этой рѣшительной мѣры, полагая, что наканунѣ выборовъ въ губернскіе и уѣздные совѣты она „испортитъ навсегда дѣло". „Не отвергаю необходимости", писалъ онъ, „придти къ военному положенію, но предоставьте, Государь, выбрать время. Ажитаторы рады вывести насъ изъ терпѣнія"; на что Императоръ возразилъ: „Радъ, что ты, наконецъ, самъ убѣдился въ необходимости военнаго положенія. Ажитаторы уже слишкомъ давно привыкли разсчитывать на наше терпѣніе, которое они приписываютъ нашей слабости и нерѣшительности. Еще разъ повторяю тебѣ: надо положить этому конецъ".

Съ начала сентября, манифестаціи въ костелахъ и на улицахъ и всякія безчинства происходили ежедневно, не взирая на начавшіеся выборы въ Варшавѣ и въ провинціи. Намѣстникъ увѣрялъ Государя, что волненіе принимаетъ характеръ борьбы между крайнею и умѣренною партіями и заключалъ: „Объявить тотчасъ же военное положеніе не могу безъ вреда дѣлу. Выжидаю благопріятнаго момента, но его не пропущу". Однако, къ концу мѣсяца, собственное его мнѣніе измѣнилось. Довѣріе къ Велепольскому было сильно поколеблено событіями. Послѣдовавшая смерть архіепископа варшавскаго Фіалковскаго послужила поводомъ къ новымъ демонстраціямъ. Передъ печальною колесницею несли, въ числѣ прочихъ національныхъ эмблемъ,—короны короля и королевы польскихъ и старый гербъ Рѣчи-Посполитой, Бѣлаго орла, съ гербами Литвы и Руси. И когда Государь, выразивъ неудовольствіе по этому поводу, опять потребовалъ немедленнаго объявленія военнаго положенія въ Царствѣ, по окончаніи выборовъ, то графъ Ламбертъ уже болѣе не противился исполненію Высочайшей воли. 30-го сентября происходило сборище въ мѣстечкѣ Гродлѣ, на Бугѣ, гдѣ, передъ фронтомъ высланныхъ туда для поддержанія порядка русскихъ войскъ, совершено было богослуженіе въ открытомъ полѣ, въ память соединенія съ Польшею Литвы и Руси въ 1413 году. Два дня спустя намѣстникъ телеграфировалъ Государю: „Въ предупрежденіе новыхъ возмутительныхъ заявленій по случаю памяти о Костюшкѣ, долженствующей праздноваться завтра, 1-го октября, я призналъ необходимымъ безотложно объявить все Царство на военномъ положеніи. Въ городѣ войска занимаютъ свои мѣста нынѣшнею же ночью". Отвѣтъ Государя былъ: „Дай Богъ, чтобъ объявленіе всего Царства на военномъ положеніи произвело тотъ результатъ, котораго я давно ожидаю".

Въ воззваніи къ полякамъ, намѣстникъ подробно перечислилъ причины, вынудившія его къ принятію этой строгой мѣры: оскорбленіе полиціи и войска; распространеніе возмутительныхъ листковъ; политическая окраска религіозныхъ торжествъ и манифестацій; обращеніе храмовъ въ мѣста противузаконныхъ сборищъ; соучастіе духовенства; пламенныя проповѣди ксендзовъ, возбуждавшія ненависть и презрѣніе къ правительству; пѣніе революціонныхъ гимновъ; наконецъ, результатъ выборовъ, не оправдавшій ожиданій правительства, такъ какъ избранными оказались лица, подписавшія прошенія и адре-

сы непозволительнаго содержанія. Всѣ эти дѣйствія, грозившія ниспроверженіемъ законной власти и ввереженіемъ края въ состояніе анархіи, не могутъ быть долѣе терпимы, объявлялъ намѣстникъ, и введеніе въ Царствѣ военнаго положенія является неизбѣжнымъ ихъ послѣдствіемъ. Графъ Ламбертъ приглашалъ благомыслящую часть населенія не поддаваться внушеніямъ зачинщиковъ смутъ, презирать ихъ угрозы и содѣйствовать правительству въ усиліяхъ его возстановить миръ и тишину въ краѣ. Главы семействъ приглашались наблюдать за членами семьи, въ особенности, за малолѣтними дѣтьми, дабы охранить ихъ отъ опасности, сопряженной съ необходимостью поддержать порядокъ вооруженною силою. „Поляки", такъ заключалось воззваніе, „исполненіемъ вашихъ обязанностей предъ Государемъ, довѣріемъ вашимъ къ его примирительнымъ намѣреніямъ и покорностію установленнымъ отъ него властямъ, вы приблизите время, когда мнѣ позволено будетъ ходатайствовать предъ Его Величествомъ за прекращеніе дѣйствія военныхъ законовъ и за возобновленіе трудовъ, долженствующихъ развить законнымъ путемъ Всемилостивѣйше дарованныя Царству Польскому учрежденія".

Первый день по объявленіи военнаго положенія прошелъ спокойно, но на другой день, 3-го октября, возвѣщенныя заранѣе панихиды по Костюшкѣ были отслужены въ трехъ варшавскихъ церквахъ, при обычномъ пѣніи революціонныхъ гимновъ. Войска оцѣпили храмы. Изъ одного изъ нихъ народъ вышелъ скрытымъ ходомъ; въ двухъ другихъ оставался всю ночь. На зарѣ приступлено къ задержанію всѣхъ мужчинъ. Войска вошли въ соборъ св. Яна и въ костелъ Бернардиновъ и тамъ арестовали 1.600 человѣкъ, посреди неописуемаго смятенія. Уличныя скопища разсѣевались патрулями и кавалерійскими разъѣздами. Происшествія эти послужили предлогомъ къ распоряженію временно-завѣдывавшаго варшавскою римско-католическою епархіею прелата Бялобржескаго, который, въ дерзкомъ письмѣ на имя намѣстника, протестовалъ противъ вторженія войскъ въ храмы, называя эту мѣру „возвращеніемъ къ временамъ Аттилы", и объявилъ о закрытіи всѣхъ костеловъ города Варшавы, съ воспрещеніемъ совершать въ нихъ богослуженіе. Городское духовенство поспѣшило повсемѣстно привести эту мѣру въ исполненіе. Однимъ изъ ея послѣдствій было самоубійство распоряжавшагося дѣйствіями войскъ генералъ-губернатора Герштенцвейга, послѣ бурнаго объясненія съ намѣстникомъ. Ламбертъ, самъ изнемогавшій подъ бременемъ тяжкаго тѣлеснаго недуга и сильныхъ душевныхъ волненій, донеся Государю о происшедшихъ событіяхъ, взывалъ: „Ради Бога, пришлите когонибудь на наши мѣста". Отчаяніе намѣстника свидѣтельствовало о полномъ безначаліи, водворившемся въ мѣстномъ правительственномъ составѣ.

Находившійся въ Ливадіи Императоръ Александръ тотчасъ вызвалъ туда изъ Одессы генералъ-адъютанта Лидерса и предложилъ ему должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, а впредь до прибытія его въ Варшаву, вызвался замѣстить его тамъ, возвращавшійся чрезъ этотъ городъ изъ заграничной поѣздки, военный министръ Сухозанетъ. Выражая послѣднему благодарность свою за эту готовность, Государь телеграфировалъ: „Прошу васъ дѣйствовать безъ всякаго послабленія и не допускать ни подъ какимъ видомъ своеволій. Виновныхъ судить по военному положенію и приговоры приводить въ исполненіе не медля". При первомъ извѣстіи о возвращеніи Сухозанета въ Царство, хотя и на время, Велепольскій подалъ въ отставку, но графъ Ламбертъ „нашелъ необходимымъ отъ имени Государя его удержать". 11-го октября прибылъ въ Варшаву военный министръ, а Ламбертъ, сдавъ ему главное начальство надъ войсками и управленіе краемъ, выѣхалъ за границу.

„Объявите Велепольскому", гласила Высочайшая телеграмма Сухозанету, „что я желаю, чтобы онъ оставался на службѣ и что онъ этимъ докажетъ истинную свою преданность Отечеству и мнѣ". Исполнивъ повелѣніе Государя, военный министръ доносилъ: „Велепольскій отвѣтилъ уклончиво; хочетъ съ курьеромъ писать Вашему Величеству. Причина желанія удалиться есть убѣжденіе, что я съ усиленною строгостью буду исполнять военное положеніе, на которое онъ согласился въ надеждѣ смягченія графомъ Ламбертомъ, ибо объясненіе по сему имѣлъ съ нимъ Платоновъ. Мое убѣжденіе въ

необходимости увольненія или, по крайней мѣрѣ, оставленія его при одной только юстиціи. Въ просвѣщеніи и въ особенности въ духовной коммиссіи онъ положительно вреденъ. Мнѣніе сіе раздѣляютъ графъ Ламбертъ и Платоновъ". Самъ Велепольскій упорно отказывался исполнить Высочайшую волю. „Онъ сумасбродно продолжаетъ ослушаніе", телеграфировалъ Сухозанетъ; „затрудняюсь въ рѣшительныхъ противъ него мѣрахъ, но терпѣть его поступки опасно". О дѣйствіяхъ маркиза военный министръ поручилъ отправленному въ Царское Село генералу Потапову лично доложить Государю. Принявъ и выслушавъ Потапова, Императоръ предписалъ Сухозанету по телеграфу: „Письмо ваше и его объясненія вполнѣ убѣдили меня, что Велепольскій не можетъ быть долѣе терпимъ въ Варшавѣ, и потому объявите ему мое приказаніе о немедленномъ отправленіи сюда. Если онъ осмѣлится ослушаться, то арестовать въ цитадели и донести". Между тѣмъ, Велепольскій все еще продолжалъ завѣдывать обѣими ввѣренными ему коммиссіями и въ дѣйствіяхъ своихъ, не отступалъ предъ явнымъ ослушаніемъ временному намѣстнику. „Онъ явно бравируетъ намѣстника", жаловался Сухозанетъ Государю. „Я его ни разу не видѣлъ; онъ вездѣ бываетъ, гдѣ меня не встрѣтитъ; все сіе для выиграніе популярности въ оппозиціонной правительству партіи, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Съ сохраненіемъ его, положеніе намѣстника и всего русскаго элемента невозможно". На объявленное ему Высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ Петербургъ, строптивый сановникъ долго не давалъ отвѣта, а Сухозанетъ находилъ, что лучше допустить замедленіе, чѣмъ „эскландру", могущую увеличить популярность. Наконецъ, маркизъ далъ знать, что выѣдетъ чрезъ три дня и отсрочку эту Сухозанетъ призналъ справедливою, „ибо у него не было ни дорожнаго экипажа, ни шубы". Въ назначенный день, Велепольскій отправился въ Петербургъ, куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и военный министръ, сдавшій, 28-го октября, должность намѣстника, прибывшему за пять дней до того, генералъ-адъютанту Лидерсу.

Въ кратковременное вторичное пребываніе Сухозанета въ Варшавѣ, онъ принялъ цѣлый рядъ мѣръ для обузданія распущеннаго населенія, назначилъ новыхъ директоровъ въ коммиссіи духовныхъ дѣлъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, надъ задержанными участниками демонстрацій нарядилъ слѣдствіе, порученное особой слѣдственной коммиссіи, а прелата Бялобржескаго, заключивъ въ цитадели, предалъ военному суду. Костелы оставались закрытыми, но это содѣйствовало лишь возстановленію порядка, такъ какъ, съ прекращеніемъ богослуженія, перестали пѣть и революціонные гимны. Къ пріѣзду Лидерса наружное спокойствіе въ городѣ было возстановлено.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла въ Царствѣ Польскомъ въ продолженіе всей зимы и весны слѣдующаго 1862 года. Подобно своему непосредственному предшественнику, генералъ Лидерсъ главную свою задачу полагалъ въ поддержаніи общественнаго порядка. Войска стояли лагеремъ на варшавскихъ улицахъ и площадяхъ; на зиму, для офицеровъ выстроены теплые деревянные домики; патрули днемъ и ночью разъѣзжали по городу; приступлено къ обезоруженію обывателей, у которыхъ отобрано болѣе 7.000 ружей, кромѣ пистолетовъ, сабель, кинжаловъ и проч. Слѣдственная коммиссія и военные суды продолжали дѣйствовать. Ксендзовъ, виновныхъ въ участіи въ политическихъ демонстраціяхъ или въ произнесеніи возмутительныхъ проповѣдей, высылали на жительство внутрь Имперіи. Изъ прочихъ участниковъ манифестацій, наиболѣе виновныхъ присуждали къ каторжнымъ работамъ, къ отдачѣ въ рекруты или въ арестантскія роты, прочихъ—къ заключенію въ крѣпостяхъ или аресту на гауптвахтѣ. Уличенные въ соучастіи въ безпорядкахъ, чиновники изъ поляковъ увольнялись отъ должностей, равно какъ и тѣ, жены и дѣти коихъ носили трауръ или участвовали въ уличныхъ процессіяхъ. Прелатъ Бялобржесскій, виновникъ закрытія богослуженія въ костелахъ,—приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ и заключенъ въ Бобруйскую крѣпость на одинъ годъ.

Но строгія мѣры намѣстника смягчались предписаніями изъ Петербурга. По сношенію съ папскимъ Дворомъ, на мѣсто умершаго Фіалковскаго, архіепископомъ варшавскимъ назначенъ молодой прелатъ Фелинскій, бывшій преподавателемъ въ

Петербургской римско-католической духовной академіи. Тотчасъ по прибытіи въ Варшаву, онъ совершилъ обрядъ „примиренія“ (reconciliatio) освященіемъ костеловъ, якобы осквернённыхъ вторженіемъ въ нихъ русскихъ войскъ, послѣдствіемъ чего было открытіе ихъ и возобновленіе въ нихъ богослуженія. Въ первой, произнесенной новымъ архіепископомъ, проповѣди въ соборѣ, онъ обратился къ своей паствѣ съ увѣщаніемъ не пѣть въ церквахъ возмутительныхъ гимновъ. „Я принесъ вамъ добрую вѣсть“, сказалъ онъ. „Я говорилъ съ Государемъ, который объявилъ мнѣ, что не намѣренъ лишить васъ, ни вѣры вашей, ни народности. Онъ сдержитъ свое обѣщаніе и даруетъ намъ все, чего мы законно желаемъ, подъ однимъ лишь условіемъ—умиротворенія края“. Но когда архіепископъ пригласилъ тѣхъ изъ присутствовавшихъ, которые вѣрятъ словамъ его, стать на колѣна, дабы принять его благословеніе, то храмъ мгновенно опустѣлъ. Это настолько подѣйствовало на впечатлительнаго прелата, что онъ отказался обнародовать пастырское посланіе въ томъ же смыслѣ, составленное имъ еще въ Петербургѣ и предварительно повергнутое на Высочайшее воззрѣніе. Вслѣдъ затѣмъ, запрещенные гимны стали опять раздаваться въ костелахъ; женщины снова облеклись въ трауръ; возобновились даже уличныя процессіи съ революціонными значками, разныя манифестаціи въ національные памятные дни.

Въ годовщину восшествія на Престолъ и въ день рожденія Государя объявлено помилованіе большому числу политическихъ преступниковъ, участь прочихъ значительно смягчена. Многіе изъ нихъ возвращены въ Царство изъ ссылки, крѣпостей и арестантскихъ ротъ. Среди прощенныхъ не мало находилось ксендзовъ и наиболѣе виновный изъ нихъ—прелатъ Бялобржесскій. Возвращеніе его изъ Бобруйска въ Варшаву было тріумфальнымъ шествіемъ. Мужчины выпрягали лошадей изъ экипажа, женщины осыпали его цвѣтами. Густая толпа наполняла храмъ, въ которомъ онъ впервые отправлялъ богослуженіе, и привѣтствовала его восторженными кликами.

Незадолго до объявленія военнаго положенія произведены выборы во всѣ губернскіе и уѣздные совѣты, созваніе которыхъ было, впрочемъ, отложено до возстановленія спокойствія въ краѣ. Но, съ начала 1862 года, признано возможнымъ открыть городскіе совѣты въ нѣкоторыхъ изъ наименѣе зараженныхъ революціонными происками городахъ, а 15-го мая, произведены выборы въ городской совѣтъ и въ самой Варшавѣ. Избранными оказались исключительно члены февральской делегаціи, въ томъ числѣ—четыре лица, возвращенныя изъ ссылки или заключенія. Наконецъ, Государственный Совѣтъ Царства Польскаго продолжалъ свою дѣятельность, разсматривая внесенные въ него Велепольскимъ проекты органическихъ законовъ, бюджетъ на 1862-й годъ а также отчеты управленій за 1860-й, и тогда же упраздненъ, признанный излишнимъ, департаментъ по дѣламъ Царства въ Государственномъ Совѣтѣ Имперіи.

На такой благопріятный для поляковъ оборотъ несомнѣнно повліяло продолжительное пребываніе въ Петербургѣ маркиза Велепольскаго, которому оказанъ былъ тамъ благосклонный и даже милостивый пріемъ. Императоръ принялъ его въ частной аудіенціи въ Царскомъ Селѣ и, поблагодаривъ за службу, внимательно выслушалъ мнѣніе его о способахъ водворенія спокойствія въ Царствѣ Польскомъ. Маркизъ указывалъ на необходимость отдѣлить военное управленіе отъ гражданскаго, на что Государь возразилъ, что объ этомъ не можетъ быть рѣчи при военномъ положеніи и что онъ, хотя и намѣренъ сохранить Царству дарованную ему автономію, но не потерпитъ ослабленія власти. При Дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, Велепольскій нашелъ много друзей, сочувствовавшихъ его системѣ примиренія, въ числѣ которыхъ были три вліятельные сановника: предсѣдатель Государственнаго Совѣта, графъ Блудовъ и министры: иностранныхъ дѣлъ—князь Горчаковъ и внутреннихъ дѣлъ—Валуевъ. Участливо относились къ нему и его мнѣніямъ два члена Царской семьи: Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Елена Павловна. Маркизъ усердно посѣщалъ кабинеты министровъ и петербургскія гостиныя, появлялся и на выходахъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ, не безъ афектаціи, занялъ мѣсто въ ряду членовъ дипломатическаго корпуса. По его настоянію, изготовленные имъ проекты законовъ по разнымъ вопросамъ государственнаго

управленія вытребованы были изъ Варшавы и разсматривались въ особыхъ комитетахъ, а важнѣйшій изъ нихъ—положеніе объ очиншеваніи польскихъ крестьянъ—въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія. Къ Рождеству, маркизъ хотя и былъ уволенъ отъ званія главнаго директора двухъ правительственныхъ коммиссій, но съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, и при милостивой грамотѣ, получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Въ слѣдующемъ мартѣ 1862 года, съ Высочайшаго соизволенія, Велепольскій ѣздилъ на короткое время въ Варшаву, для принятія участія въ посвященныхъ обсужденію его законопроектовъ засѣданіяхъ тамошняго Государственнаго Совѣта.

Мысль маркиза объ отдѣленіи въ Польшѣ военной власти отъ гражданской, командованія войсками отъ управленія краемъ, скоро была усвоена въ высшихъ нашихъ правительственныхъ сферахъ. Не отвергалъ ее и самъ Императоръ, съ тѣмъ, однако, чтобы должность начальника гражданскаго управленія поручить природному русскому. Выборъ Его Величества остановился на Н. А. Милютинѣ, какъ на лицѣ, наиболѣе способномъ ввести въ Царствѣ Польскомъ дарованныя ему учрежденія, и въ первыхъ числахъ апрѣля, по Высочайшему повелѣнію, генералъ Милютинъ спѣшно вызвалъ брата изъ заграничнаго отпуска.

„Дѣло въ томъ", писалъ послѣдній женѣ, по прибытіи въ Петербургъ, „что промедленіе въ моемъ пріѣздѣ сюда не осталось безъ послѣдствій. Намѣреніе Императора дошло до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ. Велепольскій принялся за работу и, поддерживаемый княземъ Горчаковымъ и еще нѣсколькими особами, поколебалъ первоначальныя намѣренія Государя. Придумали новую комбинацію: ввѣрить управленіе Царствомъ Велепольскому, а чтобъ успокоить тѣхъ, кто не вѣритъ въ его искренность, поставить надъ нимъ намѣстника, въ лицѣ самого Великаго Князя Константина. Къ величайшему удивленію всѣхъ—не исключая и Императора — Великій Князь не только принялъ комбинацію, но и выказалъ необычайное рвеніе... Все это совершилось въ нѣсколько дней, можно почти сказать—въ нѣсколько часовъ, и скромная моя личность, нечаянно выдвинутая-было на первый планъ, очень скоро отодвинута на послѣдній, къ полному моему удовольствію".

Государь ласково принялъ Николая Милютина, выразилъ сожалѣніе, что напрасно его потревожилъ и, снисходя на его просьбу, продлилъ ему отпускъ до зимы, въ надеждѣ, какъ выразился Императоръ, что, собравшись съ силами, онъ снова вернется на дѣйствительную службу.

27-го мая 1862 года состоялся Высочайшій указъ: „Его Императорскому Высочеству, Любезнѣйшему Брату Нашему, Государю Великому Князю Константину Николаевичу повелѣваемъ быть намѣстникомъ нашимъ въ Царствѣ Польскомъ съ подчиненіемъ ему, на правахъ главнокомандующаго, всѣхъ войскъ, въ Царствѣ расположенныхъ". Другимъ указомъ, отъ того же числа, точно опредѣлены права и обязанности намѣстника, а также „предѣлы правъ гражданской власти" въ Царствѣ. Признавая несовмѣстной съ настоящими обстоятельствами неограниченную власть, дарованную царскимъ намѣстникамъ въ царствованію Императора Александра I, Государь облекалъ намѣстника, какъ своего представителя, полной властью, за исключеніемъ власти законодательной и случаевъ особой важности, подлежащихъ рѣшенію самого Императора. Поддерживая въ Царствѣ порядокъ, безопасность и спокойствіе, намѣстникъ въ кругу своей административной и исполнительной власти уполномочивался дѣйствовать чрезъ посредство подчиненныхъ ему начальника гражданскаго управленія и командующаго войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ—главный начальникъ всѣхъ властей Царства и расположенныхъ тамъ войскъ. Онъ предсѣдательствуетъ въ Государственномъ Совѣтѣ Царства и въ Совѣтѣ управленія, но непосредственное завѣдываніе гражданскою частью въ Царствѣ принадлежитъ начальнику гражданскаго управленія. Замѣняя намѣстника въ Совѣтѣ управленія въ его отсутствіе, онъ имѣетъ рѣшительный голосъ въ случаѣ равенства голосовъ, будучи непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ правительственныхъ коммиссій и прочихъ гражданскихъ властей того же разряда; онъ же по праву засѣдаетъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ занимаетъ первое мѣсто между членами Совѣта управленія. Разсмотрѣнію намѣстника подлежатъ протоколы засѣданій Совѣта управленія, съ пра-

вомъ пріостановить исполненіе всякой мѣры и повергнуть ее на верховное разрѣшеніе Государя Императора; постановленія Совѣта, включенныя въ собраніе законовъ, должны быть подписаны намѣстникомъ, но скрѣплены начальникомъ гражданскаго вѣдомства и главнымъ директоромъ подлежащей коммиссіи. Намѣстникъ разсматриваетъ и рѣшаетъ всѣ дѣла высшаго управленія и военныя. Ему одному предоставляется: обнародованіе Высочайшихъ повелѣній и дневныхъ приказовъ, касательно всѣхъ перемѣнъ въ управленіи; право помилованія и конфирмація приговоровъ уголовныхъ судовъ, а также постановленій, разрѣшающихъ столкновенія властей, равно какъ и приговоровъ по политическимъ дѣламъ, впредь до обнародованія положительнаго закона по сему предмету; наконецъ, окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, относящихся до военной силы, насколько она соприкасается съ гражданскимъ управленіемъ. Сверхъ того, намѣстникъ разсматриваетъ и представляетъ Государю Императору всѣ денежные отчеты и дѣла, подлежащія Высочайшему рѣшенію. Всѣ прочія дѣла разрѣшаются начальникомъ гражданскаго вѣдомства и Совѣтомъ управленія.

Начальникомъ гражданскаго управленія тогда же назначенъ маркизъ Велепольскій. 27-го іюня онъ прибылъ въ Варшаву, куда, черезъ нѣсколько дней, долженъ былъ послѣдовать и Августѣйшій намѣстникъ.

Сообщая Государственному Совѣту Царства Польскаго о назначеніи Великаго Князя Константина Николаевича, Лидерсъ выразилъ надежду, „что вся страна отвѣтитъ ожиданіямъ Императора и Царя, принимая искреннее участіе въ приведеніи въ исполненіе высокихъ и милостивыхъ его намѣреній и что прибытіе Августѣйшаго брата Его Императорскаго Величества можетъ быть началомъ новой эпохи благоденствія для Царства“. Отвѣтомъ подпольнаго комитета, руководившаго революціоннымъ движеніемъ въ Варшавѣ, было, совершонное, нѣсколько дней спустя, покушеніе на жизнь бывшаго намѣстника. 15-го іюня, среди бѣла дня, въ Саксонскомъ саду, неизвѣстный выстрѣлилъ въ генерала Лидерса изъ пистолета и разбилъ ему челюсть. Убійца успѣлъ скрыться. Встревоженный Велепольскій тотчасъ обратился къ Великому Князю Константину Николаевичу съ убѣдительною просьбою ускорить прибытіемъ въ Варшаву. Его Высочество съ супругою, Великою Княгинею Александрою Іосифовною, пріѣхалъ туда 20-го іюня.

Покушеніе на Лидерса недолго оставалось одинокимъ. На другой же день по пріѣздѣ въ Варшаву, 21-го іюля, при выходѣ Великаго Князя изъ театра, сдѣланъ былъ и въ него выстрѣлъ изъ пистолета, въ упоръ. Пуля, пройдя чрезъ эполету, легко ранила его въ плечо. „Спалъ хорошо, лихорадки нѣтъ“, телеграфировалъ Его Высочество Государю, „жена не испугана, осторожно ей сказали. Убійцу зовутъ Ярошинскій, портной подмастерье“. Императоръ отвѣчалъ: „Слава Богу, что ты чувствуешь себя хорошо и что Сани (Великая Княгиня Александра Іосифовна) не была испугана. Общее участіе меня радуетъ и не удивляетъ. Могу то же сказать и здѣсь. Обнимаемъ васъ. Утромъ былъ у насъ благодарственный молебенъ“.

Такой же молебенъ отслуженъ и въ римско-католическомъ Варшавскомъ соборѣ архіепископомъ Фелинскимъ, произнесшимъ по этому случаю проповѣдь на текстъ: „не убій“. На пріемѣ въ замкѣ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ сказалъ, обращаясь къ явившимся поздравить его съ чудеснымъ спасеніемъ чиновникамъ и почетнымъ лицамъ изъ поляковъ: „Вотъ уже второе преступленіе въ одну недѣлю, Провидѣніе охранило меня и я считаю этотъ случай счастливымъ, потому что онъ указываетъ краю на то, какъ далеко зашла зараза. Я глубоко убѣжденъ, что благородная и великодушная польская нація отвергаетъ всякое соучастіе въ покушеніяхъ такого рода, но словъ недостаточно: нужно дѣло. Братъ мой желаетъ вашего счастья, вотъ почему онъ прислалъ меня сюда. Разсчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить мою миссію. Дайте мнѣ возможность трудиться вамъ на благо и будьте увѣрены, что я совершу все, что только въ моихъ силахъ“. Обратясь къ графу Замойскому, Его Высочество спросилъ: „Вы, графъ, одобряете меня? Такъ дайте же руку“, и взявъ также за руку Велепольскаго, прибавилъ: „Прошу, господа, вашего содѣйствія. Поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, остается безсильнымъ“.

Въ ближайшемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта Царства маркизъ Велепольскій воскликнулъ: „Если удары убійцъ станутъ снова отыскивать жертвы, то пусть лучше обратятся они на мою грудь, чѣмъ мнѣ пережить добродѣтели отцовъ нашихъ и честь польскаго имени“. На вызовъ этотъ отвѣтили два покушенія на жизнь маркиза, оба, впрочемъ, не удавшіяся. Всѣ три убійцы были судимы военнымъ судомъ и повѣшены на гласисѣ Варшавской цидатели.

По совершеніи этихъ казней, Великій Князь-намѣстникъ обратился къ полякамъ съ воззваніемъ, предварительно представленнымъ на утвержденіе Государя и удостоившимся Высочайшаго одобренія. „Дай Богъ, чтобъ это воззваніе возымѣло благотворное дѣйствіе“ надписалъ Его Величество на проектѣ. Великій Князь, увѣщевая поляковъ отречься отъ всякой солидарности съ виновниками совершонныхъ преступленій, зачинщиками безпорядковъ, сѣятелями смуты, терроризирующими и позорящими страну, обѣщалъ немедленное приведеніе въ исполненіе новыхъ законовъ: объ организаціи Государственнаго Совѣта, объ учрежденіи учебныхъ заведеній, о переводѣ крестьянъ съ барщины на оброкъ, о дарованіи правъ евреямъ, объ образованіи городскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, наконецъ, объ административныхъ преобразованіяхъ,—и убѣждалъ жителей Царства направить всѣ усилія, чтобы законы эти не были парализованы партіей преступленія, которая жертвуетъ благомъ страны осуществленію своихъ безсмысленныхъ началъ и помышляетъ лишь о разрушеніи, сама ничего не создавая. „Поляки“, такъ заключалось воззваніе, „ввѣрьтесь мнѣ, какъ я ввѣрился вамъ. Да одушевляетъ насъ единое чувство. Будемъ трудиться сообща и въ мирѣ для счастья Польши, моля Бога, чтобы онъ благословилъ наши усилія,—и новая эра благосостоянія и довольства откроется для отчизны, которую вы такъ любите“.

Странный отвѣтъ послѣдовалъ на великокняжеское воззваніе. То былъ адресъ, подписанный польскими дворянами, въ числѣ болѣе 300, съѣхавшимися въ Варшаву, но на имя не намѣстника, а графа Андрея Замойскаго, какъ „представителя и истолкователя духа націи“, съ просьбою довести о содержаніи адреса до свѣдѣнія Его Высочества. Адресъ требовалъ возвращенія Польшѣ ея древнихъ правъ и вольностей. „Мы не отказываемъ“, говорилось въ немъ, „въ нашемъ содѣйствіи образованію новыхъ учрежденій; мы хотимъ только заявить, что мѣры, принятыя доселѣ въ странѣ, довели возбужденіе умовъ до такой степени, что ни военная сила, ни чрезвычайные суды, ни тюрьма, ни ссылка, ни эшафотъ не въ состояніи ихъ обуздать, а только вызовутъ крайнее отчаяніе, которое толкнетъ націю на путь, одинаково вредный для управляющихъ и управляемыхъ. Какъ поляки, мы можемъ поддерживать правительство лишь тогда, когда оно станетъ правительствомъ польскимъ, и когда всѣ области, составляющія нашу родину, будутъ соединены воедино и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями. Въ своемъ воззваніи Великій Князь самъ уважилъ и понялъ нашу привязанность къ родинѣ; но эта привязанность не можетъ быть раздроблена, и если мы любимъ нашу родину, то всю, въ совокупности, въ предѣлахъ, начертанныхъ ей Богомъ и освященныхъ исторіей“.

„Часть дворянства“, доносилъ Императору по телеграфу Константинъ Николаевичъ, „составила адресъ Замойскому для передачи мнѣ, въ которомъ говорится про Литву и конституцію. Велепольскій полагаетъ, не дожидаясь подачи, арестовать его и выслать за границу. Я полагаю арестовать его при подачѣ и отправить въ Петербургъ, дабы отвѣчать въ своихъ дѣйствіяхъ предъ своимъ Государемъ. Ожидаю скораго отвѣта“. Отвѣтъ послѣдовалъ строгій: „Адреса не принимать. Замойскаго арестовать не медля и прислать сюда съ надежнымъ жандармскимъ офицеромъ. Главныхъ зачинщиковъ также арестовать въ цитадели и Ново-Георгіевскѣ и произвести слѣдствіе“. Впрочемъ, изъ лицъ, подписавшихъ адресъ, никто арестованъ не былъ. Даже самого Замойскаго намѣстникъ не рѣшился подвергнуть аресту, но, отправивъ его въ Петербургъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, просилъ Государя, чтобы и тамъ Замойскій находился на свободѣ, не отвѣчая, въ противномъ случаѣ, за сохраненіе въ Варшавѣ спокойствія. Императоръ уважилъ просьбу брата. „Вчера Замойскій“, извѣстилъ онъ его, „повторилъ

мнѣ все, что ты отъ него слышалъ самъ, и я объявилъ ему о высылкѣ его на пароходѣ за границу, чего онъ, кажется, никакъ не ожидалъ". Снисходя къ просьбѣ Замойскаго, Государь дозволилъ ему, впрочемъ, выѣхать по желѣзной дорогѣ въ Кёнигсбергъ, подъ надзоромъ жандармскаго офицера, до самой границы.

Не стѣсняемый болѣе присутствіемъ непримиримаго противника, Велепольскій энергично принялся за приведеніе въ дѣйствіе своей политической программы. По его настоянію, почтовая часть и пути сообщенія въ Царствѣ Польскомъ были изъяты изъ подчиненности подлежащимъ вѣдомствамъ Имперіи; всѣ должности главныхъ директоровъ правительственныхъ коммиссій, губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ, и всѣ прочія, до самыхъ низшихъ въ администраціи края,—замѣщены природными поляками; польскій языкъ введенъ въ оффиціальную переписку властей, причемъ даже на немъ велись процессы государственныхъ преступниковъ, преданныхъ русскому военному суду въ Варшавѣ; открыта Главная Школа—такъ назывался возстановленный Варшавскій университетъ—и политехническое училище, въ Новой Александріи; созваны уѣздные совѣты въ губерніяхъ: Радомской, Люблинской, Августовской, Плоцкой и Варшавской; постепенно снято военное положеніе въ тѣхъ же пяти губерніяхъ, за исключеніемъ губернскихъ городовъ. По мѣрѣ отмѣны военнаго положенія, раскрытіе и преслѣдованіе государственныхъ преступленій переходило отъ военныхъ къ гражданскимъ властямъ. Великій Князь-намѣстникъ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ помилованія. Къ концу сентября, изъ общаго числа 499 осужденныхъ, имъ прощены 289 человѣкъ. Въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, Государь, въ Новгородѣ, подписалъ указъ, которымъ прекращались всѣ иски казны по имѣніямъ, конфискованнымъ за государственныя преступленія. Толпами возвращались въ Царство Польское поляки, сосланные въ Сибирь, водворенные въ Имперіи, выходцы, удалившіеся за границу. Рѣчь свою при открытіи новой сессіи Государственнаго Совѣта Царства, 19-го сентября, Константинъ Николаевичъ началъ такъ: „Господа, въ первый разъ обращаясь къ вамъ въ этомъ собраніи, прежде всего желаю убѣдить васъ, что печальныя событія, воспрепятствовавшія мнѣ принять участіе въ послѣднихъ вашихъ засѣданіяхъ, не охладили во мнѣ благихъ намѣреній, которыми я одушевленъ въ видахъ благоденствія края. Полный вѣры въ покровительство Провидѣнія, я полагаюсь на чувства вѣрнопреданности добрыхъ гражданъ, которыя проявляетъ уже Государственный Совѣтъ. Выполняя обязанности, возложенныя на меня Августѣйшимъ Братомъ, Всемилостивѣйшимъ нашимъ Государемъ, я не перестану заботиться о благоденствіи Царства Польскаго. Правительство, во главѣ котораго стою я, не уклонится отъ пути законности и никому не дозволитъ безнаказанно отъ него уклониться".

Но всѣ правительственныя мѣры оставались безъ вліянія на расположеніе умовъ въ краѣ. Броженіе во всѣхъ классахъ населенія ни мало не успокоивалось; революціонныя демонстраціи не прекращались. 31-го іюля, Варшава, какъ и въ предшедшемъ году, праздновала годовщину Люблинской уніи снятіемъ траура, закрытіемъ лавокъ, торжественнымъ богослуженіемъ въ костелахъ. 2-го сентября, въ день Воздвиженія Креста по новому стилю, до пятидесяти тысячъ народу собралось въ Бернардинскомъ Крестовомъ костелѣ, на Лысой горѣ, Опатовскаго уѣзда, и въ національныхъ костюмахъ, подъ революціонными хоругвями, цѣлый день толпа пѣла возмутительные гимны, а ксендзы произносили пламенныя проповѣди, убѣждая народъ молить Бога объ изгнаніи враговъ изъ польской земли. Тамъ же собирались пожертвованія на революціонныя цѣли. Подпольный комитетъ, руководившій движеніемъ и присвоившій себѣ названіе „центральнаго", обнародовалъ воззваніе къ соотечественникамъ полякамъ, выдавая себя за народное правительство, призванное вести безпощадную борьбу съ пришельцами, впредь до совершеннаго освобожденія отчизны. Тотъ же комитетъ установилъ сборъ на „повстанье", а уѣздные и городскіе совѣты пригласилъ немедленно разойтись. Послѣдніе, хотя и не исполнили этого требованія, но проявили такой опозиціонный духъ, что нѣкоторые изъ нихъ пришлось распустить. Подпольные листы: Рухъ, Стражница, Коссиньеръ, возбуждали гражданъ къ сопротивленію властямъ, а въ разныхъ

мѣстностяхъ Царства, появились кинжальщики, убивавшіе лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ народному дѣлу.

Броженіе изъ Царства распространилось на Сѣверо-Западный и Юго-Западный края. Безпорядки возникли въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Подоліи, на Волыни. Польскіе дворяне губерній Минской и Подольской простерли дерзость до того, что въ адресахъ, на Высочайшее имя, требовали соединенія названныхъ губерній съ Польшею. Всѣ эти признаки указывали на близость взрыва. Въ первыхъ числахъ января 1863 года, въ Царствѣ Польскомъ вспыхнулъ вооруженный мятежъ.

X.

Мятежъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ.

1863—1864.

Пламень, долгіе годы таившійся подъ пепломъ, вспыхнулъ, наконецъ, и скоро разросся въ разрушительный пожаръ, охватившій обширное пространство, отъ Вислы и Буга, до Западной Двины и Днѣпра: то былъ вооруженный мятежъ поляковъ, быстро распространившійся изъ Царства Польскаго на всю западную окраину Россіи.

Предлогомъ къ возстанію послужилъ рекрутскій наборъ, произведенный въ Варшавѣ, въ ночь со 2-го на 3-е января 1863 года. По распоряженію Совѣта Управленія Царства Польскаго, имѣли поступить въ рекруты тѣ изъ подлежавшихъ военной службѣ поляковъ, которые были извѣстны, какъ участники уличныхъ безпорядковъ и революціонныхъ демонстрацій. Но, предупрежденные своими сообщниками—чиновниками, состоявшими на государственной службѣ, молодые люди эти успѣли скрыться изъ Варшавы, и, собравшись въ окрестныхъ лѣсахъ, образовали первыя мятежническія шайки, вооруженныя косами, ножами, саблями, отчасти охотничьями ружьями и пистолетами. Въ продолженіе слѣдующихъ дней, то же явленіе повторилось въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго. Подпольный центральный комитетъ, руководившій движеніемъ, издалъ призывъ къ общему повстанію.

13-го января, по окончаніи развода отъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, въ Михайловскомъ манежѣ, Императоръ Александръ, собравъ вокругъ себя офицеровъ, самъ сообщилъ имъ о вспыхнувшемъ въ Польшѣ мятежѣ. „Такъ какъ многимъ изъ васъ, господа“, сказалъ Государь, „вѣроятно, неизвѣстны послѣднія происшествія въ Царствѣ Польскомъ, то я хочу, чтобы вы узнали о нихъ отъ меня самого. Послѣ столь благополучно совершившагося набора, со 2-го на 3-е января, стали появляться мятежническія шайки на обоихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, въ ночь, съ 10-го на 11-е число, по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, было сдѣлано внезапное нападеніе на войска наши, стоящія по квартирамъ, причемъ совершены неслыханныя злодѣйства. Такъ, напримѣръ, около Сѣдлеца атакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть. Не смотря на то, храбрыя войска наши отбили повсюду мятежниковъ. По первымъ свѣдѣніямъ, потеря наша заключается въ 30 человѣкахъ убитыми, въ томъ числѣ, старый нашъ измайловскій товарищъ, командиръ Муромскаго пѣхотнаго полка Козляниновъ. Раненыхъ до 400, и между ними—генералъ Каннабихъ. Подобная же попытка была сдѣлана около Бѣлостока, въ предѣлахъ даже Имперіи. Но и послѣ сихъ новыхъ злодѣйствъ, я не хочу обвинять въ томъ весь народъ польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка. Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ вашихъ, но они не поколеблютъ мою вѣру въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи. Я убѣжденъ, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ я самъ началъ свою службу, потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ честь вами командовать, и потому чувства преданности вашей мнѣ хорошо были извѣстны и я гордился ими за васъ передъ покойнымъ Государемъ, родителемъ моимъ. Увѣренъ, что, если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что я могу на васъ разсчитывать, оправдаете мое полное къ вамъ довѣріе“.

Для подавленія мятежа въ зародышѣ приняты были соотвѣтственныя мѣры. По распоряженію Великаго Князя-намѣстника, вновь введено, по всему пространству Царства Польскаго, военное положеніе, отмѣненное во многихъ мѣстностяхъ частными распоряженіями предшедшаго года; объявлено Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы мятежниковъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, судить на мѣстѣ преступленія сокращеннымъ, полевымъ военнымъ судомъ, и приговоры немедленно приводить въ исполненіе, по конфирмаціи начальниковъ военныхъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ пяти губерніямъ Царства; возстановлены военно-судныя коммиссіи; изданы правила о наложеніи секвестра на имущества всѣхъ лицъ, причастныхъ къ возстанію. Еще въ 1862 году переведена была въ Варшаву 3-я гвардейская пѣхотная дивизія. Въ началѣ 1863 года, двинуты туда же 2-я гренадерская дивизія и нѣсколько кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ. Великій Князь-намѣстникъ возведенъ въ званіе главнокомандующаго всѣми войсками, расположенными въ Царствѣ Польскомъ.

Войска тотчасъ же принялись за преслѣдованіе мятежническихъ шаекъ. Всюду наши летучіе отряды наносили повстанцамъ чувствительныя пораженія,—всюду, гдѣ только настигали ихъ, но разбитая и разсѣянная, въ одномъ мѣстѣ, банда снова собиралась въ другомъ, или искала убѣжища въ лѣсахъ. Попытки образовать большія скопища, — Мирославскаго — въ сосѣдствѣ прусской границы, Лангевича—вдоль границы австрійской,—окончились полнымъ разгромомъ предводимыхъ ими шаекъ, но число послѣднихъ постоянно росло, распространяясь по всему Привислянскому краю, проникая въ Бѣлоруссію и Литву, съ одной стороны, съ другой—на Волынь и до самой Подоліи. Быстрота движеній русскихъ войскъ, при преслѣдованіи мятежниковъ, неутомимое ихъ рвеніе и отличная храбрость, вызвали царское спасибо, выраженное въ телеграммѣ Государя къ намѣстнику: „Журналъ военныхъ дѣйствій прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ, и поручаю тебѣ благодарить, какъ всѣхъ начальниковъ, такъ и славное войско наше, за ихъ молодецкую службу. Я горжусь ими болѣе, чѣмъ когда-либо".

Не столько военныя дѣйствія повстанцевъ, сколько быстрое и широкое распространеніе мятежа за предѣлы собственной Польши, а также слухи о дипломатическомъ вмѣшательствѣ великихъ европейскихъ державъ, сильнѣе прежняго возбудили надежды поляковъ и побудили нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта Царства подать въ отставку. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находился и архіепископъ варшавскій, Фелинскій. Уступая убѣжденіямъ Великаго Князя Константина Николаевича, онъ хотя и взялъ назадъ прошеніе объ отставкѣ, но настоялъ на представленіи Его Величеству письма, въ которомъ заявлялъ, что дарованныя Царству учрежденія недостаточны для благоденствія края; что Польша не удовлетворится административною автономіей; что ей нужна полная политическая и національная независимость, предоставленіе которой одно только можетъ, при сохраненіи соединенія Царства съ Имперіей, въ лицѣ Государя, остановить кровопролитіе и привести къ прочному умиротворенію края.

Не взирая на всѣ эти признаки дерзкой притязательности польскихъ своихъ подданныхъ, Императоръ Александръ, въ неистощимомъ милосердіи, издалъ, въ первый день Пасхи, манифестъ, заключавшій послѣднее слово вразумленія заблудшимъ:

„При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Царствѣ Польскомъ мятежѣ, мы, по движенію нашего сердца, провозгласили, что не винимъ польскій народъ за волненія, для него самого наиболѣе пагубныя. Мы относили ихъ единственно къ возбужденіямъ, издавна подготовленнымъ, внѣ Царства, нѣсколькими лицами, въ которыхъ многолѣтняя скитальческая жизнь утвердила привычку къ безпорядкамъ, насилію, тайнымъ замысламъ и крамоламъ, погасила самыя возвышенныя чувства любви къ человѣчеству и возбудила даже рѣшимость запятнать народную честь преступленіемъ. Всѣ эти проявленія другого времени, надъ которымъ исторія уже давно произнесла свой приговоръ, не соотвѣтствуютъ болѣе духу нашей эпохи. Настоящее поколѣніе должно имѣть цѣлію, не потоками крови, но путемъ мирнаго развитія, доставить благоденствіе странѣ. Эту же цѣль и мы себѣ предначертали, когда, въ упованіи на покровительство Божіе, дали обѣтъ, предъ Всемогущимъ и предъ собственною совѣстію, посвятить нашу

жизнь благу нашихъ народовъ. Но къ полному и всестороннему осуществленію сего обѣта, для насъ всегда священнаго, намъ нужна помощь всѣхъ людей благомыслящихъ, искренно преданныхъ своей родинѣ и понимающихъ эту преданность, не въ своекорыстныхъ и преступныхъ порывахъ, а въ охраненіи общественнаго спокойствія, законами утвержденнаго. Въ нашихъ заботахъ о будущности края, мы готовы всѣ предшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія-либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1-го будущаго мая. На насъ лежитъ священная обязанность охранять край отъ возобновленія волненій и безпорядковъ и открыть новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Мы и положили эту основу въ дарованныхъ нами Царству установленіяхъ; но къ искреннему нашему прискорбію, успѣхъ ихъ еще не могъ быть извѣданъ на опытѣ, вслѣдствіе превратныхъ внушеній, поставившихъ мечтательныя увлеченія на мѣсто того порядка, безъ котораго немыслимо никакое преобразованіе. Сохраняя и нынѣ эти установленія во всей ихъ силѣ, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны. Только довѣріемъ къ этимъ намѣреніямъ нашимъ можно будетъ Царству Польскому изгладить слѣды минувшихъ бѣдствій и надежно идти къ цѣли, предназначенной нашею о немъ попечительностію. Мы же, съ нашей стороны, испрашиваемъ помощь отъ Бога на довершеніе всего, что постоянно считали нашимъ въ семъ дѣлѣ призваніемъ". Обнародованный въ тотъ же день, указъ Правительствующему Сенату распространялъ дѣйствіе Высочайше дарованной амнистіи и на весь Западный край.

Отвѣтомъ на царскій призывъ къ примиренію послужили два воззванія подпольнаго центральнаго комитета. Въ первомъ изъ нихъ отвергалось обѣщанное прощеніе тѣмъ изъ мятежниковъ, которые изъявятъ покорность; вторымъ—означенный комитетъ присвоивалъ себѣ названіе „народнаго правительства" (Rząd narodowy) и конечною цѣлью возстанія провозглашалъ: полную независимость Польши, Литвы и Руси, какъ нераздѣльныхъ частей единаго государства Польскаго.

Чаша русскаго долготерпѣнія переполнилась. Дерзкія притязанія поляковъ, русская кровь, проливаемая мятежниками, но всего болѣе, извѣстіе о замышленномъ нѣсколькими европейскими державами вмѣшательствѣ въ наше внутреннее дѣло, глубоко возмутили русское общество, преисполнивъ его пламеннымъ патріотическимъ негодованіемъ. Въ сознаніи государственной опасности, въ виду посягательства на драгоцѣннѣйшее достояніе Россіи, ея независимость и цѣлость, всѣ сословія, званія и состоянія русскаго народа тѣсно сплотились вокругъ Престола, изъявляя Державному Вождю русской земли полное довѣріе и безпредѣльную любовь и преданность. Первое выразило эти чувства предъ Государемъ, во всеподданнѣйшемъ адресѣ, с.-петербургское дворянство: „Вызванныя польскими смутами притязанія на достояніе Россіи возбуждаютъ въ насъ и скорбь, и негодованіе. Завистники наши мнятъ, что время преобразованій, предпринятыхъ вами для пользы и преуспѣянія государства, благопріятствуетъ ихъ замысламъ на всецѣлость русской державы. Но тщетны были бы ихъ покушенія! Испытанное въ преданности и самоотверженіи, дворянство, не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями, станетъ на защиту предѣловъ Имперіи. Да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего отечества". Императоръ милостиво принялъ это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ свою признательность поднесшей ему адресъ, дворянской депутаціи: „Благодарю васъ за адресъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, онъ доставилъ мнѣ одну изъ самыхъ пріятныхъ, утѣшительныхъ минутъ. Я вполнѣ

раздѣляю ваши чувства, какъ дворянинъ, и увѣренъ, что все русское дворянство ихъ раздѣляетъ съ вами. Надѣюсь, что вы и дѣтямъ вашимъ передадите такія же чувства, какими теперь меня порадовали. Понимаю любовь къ отечеству такъ, какъ вы ее выразили: она составляла, въ теченіе вѣковъ, силу Россіи; она же, переходя изъ рода въ родъ, останется вѣрнѣйшею охраною ея могущества. Еще разъ благодарю васъ и прошу передать искреннюю мою благодарность дворянству".

Нѣсколько дней спустя, принимая депутацію с.-петербургскаго городского общества, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе представившаго всеподданнѣйшее письмо съ выраженіемъ тѣхъ же чувствъ, Императоръ сказалъ городскому головѣ и старшинамъ сословій: „Истинно благодарю васъ, господа, за красное яичко, которое поднесъ мнѣ отъ васъ князь Суворовъ, въ день свѣтлаго праздника. Ничѣмъ лучшимъ не могли вы порадовать меня въ этотъ день. Вѣрю, что ваши патріотическія чувства искренни, что вы вполнѣ ихъ раздѣляете со всѣмъ русскимъ дворянствомъ и передадите вашимъ дѣтямъ и внукамъ. До тѣхъ поръ, пока эти чувства будутъ жить въ васъ, пока въ васъ будетъ та же вѣра и молитва къ Богу—она сохранитъ Россію. Еще разъ благодарю васъ".

Первопрестольная столица не отстала отъ Петербурга въ патріотическомъ одушевленіи. Московское дворянство, дума, незадолго до того преобразованная по образцу петербургской, съ допущеніемъ въ составъ ея гласныхъ отъ всѣхъ сословій, университетъ, старообрядцы Рогожскаго кладбища и безпоповцы Преображенскаго богадѣльнаго дома, наконецъ, водворенные въ Москвѣ временно-обязанные крестьяне изъ разныхъ губерній, всѣ спѣшили, наперерывъ, повергнуть къ подножію Престола выраженіе благоговѣйной любви къ Царю, преданности, довѣрія, готовности жертвовать всѣмъ для защиты отечества. Московскіе адресы отличались необычайною задушевностью, теплотою, подъемомъ духа. Дворяне писали: „Услышавъ голосъ Вашего Величества, обращенный къ мятежнымъ подданнымъ, дворянство Московской губерніи поспѣшило собраться необычнымъ порядкомъ. Оно хотѣло, Государь, чтобы русское дворянство немедленно отозвалось изъ самаго сердца Россіи, изъ первопрестольной Москвы, зиждительницы русскаго государства. Государь, мы всѣ передъ вами какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества. Враги, возмутившіе Западный край вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой вами къ новой исторической жизни. Государь, ваше право на Царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское Царство соединено неразрывно съ вашею державою. Вы произнесли, Августѣйшій Монархъ, слово милости и прощенія, чтобъ исторгнуть оружіе у возмутившихся подданныхъ; да будетъ же это слово услышано съ благодарностью и покорностью! Вы пребываете тверды въ благихъ начинаніяхъ вашихъ. Вы сохраняете всѣ льготы, дарованныя вами Царству Польскому. Вы не дѣлаете различія между поляками и русскими и открываете для нихъ одну и ту же будущность благосостоянія и успѣховъ, которая должна тѣснѣе сблизить и сроднить ихъ между собою. Ваше милосердіе, Государь, есть твердость и сила. Такъ понимаетъ его ваше вѣрное дворянство; такъ понимаетъ его весь народъ вашъ; такъ должны понимать его и недруги Россіи. Мы молимъ Всевышняго, да отвратитъ Онъ отъ нашего отечества бѣдствія войны. Но война не страшитъ насъ. Все устремится на зовъ отечества, все поднимется, при малѣйшемъ покушеніи на всецѣлость вашей державы, при малѣйшемъ оскорбленіи нашей народной чести Довѣрьтесь судьбамъ вашего народа, Государь. Положитесь на испытанную преданность вашего дворянства: какъ всегда, оно будетъ впереди, гдѣ грозитъ опасность. Во главѣ освобождаемой вами Россіи, вы могущественны, Государь. Вы могущественнѣе вашихъ предшественниковъ. Дерзайте, уповая на Бога, на вашу правду и на любовь къ вамъ всей Россіи".

Въ томъ же духѣ, пробудившагося государственнаго и народнаго самосознанія, составлены были и адресы думы и университета московскихъ. Крестьяне выражали готовность поголовно идти въ огонь и въ воду за Русь и за Царя-Освободителя, даровавшаго имъ новую жизнь. Раскольники восклицали: „Мы хранимъ свой обрядъ, но

*

мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ, но тебѣ, Царь-Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится. На тебѣ, Государь, почіетъ духъ нашихъ Царей добродѣтельныхъ. Не только тѣломъ, но и душою—мы русскіе люди. Россія намъ—матерь родная, мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали на русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіянъ, отъ которыхъ кровь нашу пріяли?.. Престолъ твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о тебѣ старина наша русская".

Примѣру Петербурга и Москвы послѣдовали всѣ прочіе города и области обширнаго Царства русскаго. Со всѣхъ концовъ Россіи поступали всеподданнѣйшіе адресы отъ всѣхъ сословій, обществъ, учрежденій, бо́льшая часть—чрезъ нарочныхъ депутатовъ, спѣшившихъ въ столицу ко дню рожденія Императора.

Въ этотъ день обнародовано законоположеніе, свидѣтельствующее о человѣколюбіи Вѣнценосца и о уваженіи его къ человѣческому достоинству: отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

Вопросъ о томъ возбужденъ былъ генералъ-адъютантомъ княземъ Н. А. Орловымъ, вскорѣ по объявленіи манифеста 19-го февраля 1861 года, подавшимъ Государю записку, въ которой онъ доказывалъ, что тѣлесныя наказанія, отмѣненныя въ бо́льшей части европейскихъ государствъ, противны христіанству, нравственности и общественности. По Высочайшему повелѣнію, записка Орлова разсматривались въ Комитетѣ, учрежденномъ при II Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи для составленія проекта новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ согласился съ основною мыслью записки о своевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній, какъ не соотвѣтствующихъ ни духу времени, ни достоинству человѣка, и лишь ожесточающихъ нравы, не достигая главной своей цѣли—устрашенія преступниковъ. По собраніи отзывовъ разныхъ вѣдомствъ, причемъ, какъ военный министръ Милютинъ, такъ и главный начальникъ морскаго вѣдомства, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, высказались за отмѣну помянутыхъ наказаній въ войскахъ и во флотѣ, проектъ закона въ этомъ смыслѣ поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и 17-го апрѣля 1863 года изданъ указъ Правительствующему Сенату: *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній, уголовныхъ и исправительныхъ.* Актомъ этимъ отмѣнялось тѣлесное наказаніе, сопряженное дотолѣ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, съ ссылкою въ каторжныя работы или на поселеніе, съ потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, съ отдачею въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и вообще со всякимъ другимъ наказаніемъ или взысканіемъ; отмѣнялось также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ; наказаніе розгами за проступки замѣнялось заключеніемъ въ тюрьмѣ или кратковременнымъ арестомъ; совершенно освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній женщины, церковнослужители христіанскихъ исповѣданій и дѣти ихъ, духовныя лица не-христіанскихъ исповѣданій и дѣти ихъ, учители народныхъ школъ, лица, окончившія курсъ въ уѣздныхъ или земледѣльческихъ училищахъ, а также—въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя должности по выборамъ. Одновременно, Высочайшими приказами по военному и морскому вѣдомствамъ, „въ видахъ возвышенія духа въ нижнихъ чинахъ", отмѣнены шпицрутены въ арміи, „кошки"—во флотѣ, и вообще, ослаблено употребленіе тѣлесныхъ наказаній.

Въ тотъ же день, Императоръ принялъ, въ Бѣлой залѣ Зимняго Дворца, депутатовъ, привезшихъ изъ разныхъ мѣстностей Имперіи всеподданнѣйшіе адресы по польскому дѣлу. Выйдя къ нимъ, вмѣстѣ съ Императрицею, Государь произнесъ слѣдующую рѣчь: „Благодарю васъ, господа, за поздравленіе и въ особенности—за выраженіе вашихъ патріотическихъ чувствъ, вызванныхъ смутами, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Западныхъ губерніяхъ и посягательствомъ враговъ нашихъ

на древнее русское достояніе. Адресы ваши и тѣ, которые я ежедневно получаю отъ всѣхъ сословій и изъ другихъ губерній, составляютъ для меня истинное утѣшеніе, посреди всѣхъ моихъ заботъ. Я горжусь единствомъ этихъ чувствъ, вмѣстѣ съ вами и за васъ. Они составляютъ нашу силу, и пока они будутъ сохраняться и мы будемъ призывать Бога на помощь, Онъ насъ не оставитъ, и единство Царства всероссійскаго—непоколебимо. Враги наши надѣялись найти насъ разъединенными, но они ошиблись. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности, всѣ сословія земли русской соединились вокругъ Престола и показали Царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдетъ; но если она намъ суждена, то я увѣренъ, что съ Божіею помощью, мы съумѣемъ отстоять предѣлы Имперіи и нераздѣльно соединенныхъ съ нею областей... Еще разъ благодарю васъ всѣхъ за чувства вашей преданности, которымъ я вѣрю; вѣрьте же и мнѣ, что моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ трудномъ поприщѣ всякая торопливость, не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда я почту это возможнымъ и полезнымъ. Взаимное наше довѣріе есть залогъ будущаго благоденствія Россіи. Да будетъ благословеніе Божіе съ нами. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ, отъ души".

Ихъ Величества милостиво разговаривали съ депутатами, обходя ихъ ряды. Привѣтливо обошелся Государь и съ раскольниками, сказавъ имъ: „Я радъ васъ видѣть и благодарю за сочувствіе общему дѣлу. Мнѣ хотѣли васъ очернить, но я этому не повѣрилъ, и увѣренъ, что вы — такіе же вѣрноподданные, какъ и всѣ прочіе. Вы мои дѣти, а я—вашъ отецъ, и молю Бога за васъ, такъ же, какъ и за всѣхъ, которые также, какъ и вы, близки моему сердцу".

Долго еще продолжали поступать безчисленныя всеподданнѣйшія письма со всѣхъ концовъ Россіи, съ окраинъ ближнихъ и дальнихъ. Въ числѣ ихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія адресъ прибалтійскихъ дворянъ, заявившихъ, что, не смотря на различіе языка и учрежденій, „остзейскія провинціи знаютъ только одинъ долгъ, одно знамя", что жителей ихъ соединяетъ единое чувство къ Престолу и Монарху, общее имъ съ коренными обитателями Россіи, и что, въ случаѣ войны, онѣ проявятъ непоколебимую вѣрность и достойное предковъ самоотверженіе. Въ томъ же смыслѣ высказались въ своихъ адресахъ и представители Закавказскаго края, дворянство тифлисское и кутаисское, карабахскіе беки и дворяне, караногайцы и тифлисскіе молокане. „Адресы доставили мнѣ истинное удовольствіе" телеграфировалъ Государь намѣстнику Кавказскому. „Передай всѣмъ душевное мое спасибо за изъявленіе чувствъ преданности, которымъ я вполнѣ вѣрю".

Общее одушевленіе, вызванное событіями въ Польшѣ, знаменуетъ переломъ въ воззрѣніяхъ русскаго общества на существеннѣйшіе вопросы политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Пробудившееся въ немъ народное самосознаніе свело его съ пути увлеченій и возвратило къ правильной оцѣнкѣ и разумѣнію историческихъ началъ русской государственной и общественной жизни. Мощнымъ выразителемъ этого направленія, поборникомъ единенія всѣхъ русскихъ людей съ верховною властью, въ общемъ дѣлѣ отстаиванія державныхъ правъ Россіи, ея чести и достоинства, явился, въ новонарожденной русской повременной печати, издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, М. Н. Катковъ. Пламенная рѣчь этого даровитаго и убѣжденнаго писателя, въ значительной степени, содѣйствовала установленію того единодушнаго взгляда русскихъ людей на польскую справу, что̀ послужилъ правительству твердою и надежною опорой въ мѣрахъ, предпринятыхъ имъ для подавленія мятежа.

Не менѣе Привислянскаго края озабочивало Императора Александра положеніе Бѣлоруссіи и Литвы. Въ подкрѣпленіе расположенныхъ тамъ войскъ отправлены, сперва 2-я, а по отозваніи ея обратно въ Петербургъ, и 1-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи; въ виду же того противодѣйствія, которое встрѣтили въ этихъ мѣстностяхъ причастные къ возстанію поляки-помѣщики отъ крестьянъ русскаго происхожденія. 1-го марта объявленъ указъ Сенату, ко-

имъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и въ четырехъ уѣздахъ губерніи Витебской, прекращены обязательныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и приступлено къ немедленному выкупу ихъ угодій, при содѣйствіи правительства. Вскорѣ мѣра эта была распространена и на всѣ прочіе уѣзды Витебской губерніи, а также на губерніи Могилевскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую. Тѣмъ не менѣе, мятежъ разгорался въ Сѣверо-Западномъ краѣ; вооруженныя шайки нападали на транспорты съ оружіемъ, терроризируя сельское населеніе, вѣрное долгу. Главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ Назимовъ, не могъ совладать съ движеніемъ, въ особенности, по той причинѣ, что едва ли не вся администрація состояла изъ поляковъ, не только сочувствовавшихъ, но и потворствовавшихъ возстанію. Онъ самъ просилъ объ увольненіи, а на мѣсто его, Государь избралъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьева. Въ совѣщаніяхъ съ министрами и въ личныхъ докладахъ Императору, Муравьевъ изложилъ свой планъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы, не ограничиваясь усмиреніемъ мятежа, возстановить въ искони русскомъ краѣ русскую народность и православіе. Государь благодарилъ его за самоотверженіе, и прибавилъ, что вполнѣ раздѣляетъ его образъ мыслей и предложенную систему дѣйствій, отъ которой и самъ не отступитъ. Тогда же, на мѣсто уволеннаго генералъ-адъютанта Рамзая, помощникомъ Великаго Князя Константина Николаевича, по званію главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Бергъ.

Оба эти назначенія указывали на рѣшимость Императора Александра не отступать предъ мѣрами строгости для водворенія порядка въ западной окраинѣ. Но, въ противуположность этимъ мѣрамъ, вынужденнымъ строптивостью поляковъ, Государь явилъ высокое доказательство расположенія и довѣрія своимъ финскимъ подданнымъ, объявивъ, манифестомъ отъ 6-го іюня, о созваніи въ Гельсингфорсѣ, въ началѣ будущаго сентября, государственныхъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ концѣ іюля, Его Величество самъ отправился въ Финляндію, посѣтилъ Гельсингфорсъ, а въ Тавастгустѣ присутствовалъ на маневрахъ собранныхъ тамъ 10-ти финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Восторженно встрѣтили его финляндцы, осыпая цвѣтами путь его.

По возвращеніи изъ Финляндіи, Императоръ проводилъ до Нижняго-Новгорода отправившуюся въ Крымъ Императрицу Марію Александровну. Ихъ Величества въ подробности осмотрѣли Нижегородскую ярмарку, купечество которой представило Государю привѣтственный адресъ. Принимая его, Императоръ выразилъ благодарность купцамъ, присовокупивъ, что вполнѣ вѣритъ имъ и надѣется на непоколебимость ихъ чувствъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, сообщилъ Монархъ, положеніе политическихъ дѣлъ болѣе клонится къ мирному исходу, „Если же, не смотря на то“, заключилъ онъ, „дѣла приняли бы другой оборотъ, то мы постоимъ за себя твердо“. Въ Нижнемъ же, поднесли Императору хлѣбъ-соль волостные старшины временно-обязанныхъ крестьянъ и удѣльные головы. Государь сказалъ имъ: „Благодарю васъ за полную преданность и усердіе, которое вы выразили въ письмахъ ко мнѣ. Старайтесь оправдывать это на дѣлѣ. Неуклонно повинуйтесь постановленнымъ надъ вами начальникамъ. Честно платите слѣдующіе по уставнымъ грамотамъ оброки. Исполняйте точно все, что повелѣно вамъ данными мною положеніями. Вздорнымъ слухамъ не вѣрьте, а вѣрьте только тому, что, чрезъ поставленныя надъ вами власти, отъ меня повелѣвается. Скажите объ этомъ вашимъ односельцамъ“.

Ко времени возвращенія Государя въ столицу—11-го августа—успѣли выясниться благія послѣдствія цѣлаго ряда энергическихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ, принятыхъ генераломъ Муравьевымъ для возстановленія порядка въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вооруженное возстаніе подавлено съ неумолимою строгостью; мятежническія шайки истреблены или разсѣяны; участники ихъ и тайные или явные пособники обнаружены и подвергнуты заслуженной карѣ; край очищенъ отъ неблагонадежныхъ лицъ высылкою ихъ въ отдаленныя мѣстности Имперіи; обузданы римско-католическое духовенство и дворяне польскаго происхожденія; поднято значеніе и достоинство православія и русской народности; возстановлено обаяніе власти. Въ признаніе этихъ

заслугъ, Императоръ Александръ, въ день своихъ именинъ, пожаловалъ Муравьеву орденъ св. Андрея, при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ выразилъ, между прочимъ, надежду, „что приближается то время, когда, не обращаясь къ прискорбнымъ мѣрамъ строгости, можно будетъ приступить къ окончательному укрѣпленію въ краѣ общественнаго спокойствія и возстановленію въ полной силѣ общихъ началъ гражданскаго управленія". Той же награды удостоенъ и кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Анненковъ, за успѣшныя мѣры къ предупрежденію мятежа въ Юго-Западномъ краѣ.

Между тѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ, возстаніе продолжало развиваться, не взирая на постоянныя пораженія, наносимыя мятежническимъ шайкамъ русскими войсками. Причиною тому было, съ одной стороны, нежеланіе Великаго Князя-намѣстника принимать безпощадныя мѣры строгости, къ коимъ прибѣгалъ въ Литвѣ генералъ Муравьевъ, съ другой — бо́льшее или меньшее соучастіе въ мятежѣ польскихъ властей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, въ рукахъ коихъ сосредоточивалось еще управленіе Привислянскимъ краемъ. Кровь лилась не въ однѣхъ схваткахъ русскихъ летучихъ отрядовъ съ повстанцами, но и вслѣдствіе многочисленныхъ убійствъ, совершаемыхъ, по распоряженію подпольнаго жонда, агентами его, такъ называемыми, жандармами-вѣшателями и кинжальщиками, надъ мирными обывателями, несочувствовавшими мятежу. Составъ тайнаго комитета, руководившаго возстаніемъ, оставался необнаруженнымъ, хотя отъ имени его едва ли не ежедневно издавались разныя воззванія и распоряженія, дѣлались поборы, устраивались манифестаціи. Къ тому же, между правительствомъ намѣстника и высшимъ духовенствомъ и дворянствомъ обозначился окончательный разладъ, приведшій къ удаленію изъ Варшавы архіепископа Фелинскаго и водворенію его на жительство въ Ярославль. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, попытку примиренія съ Польшей, на началахъ программы Велепольскаго, нельзя было не признать окончательно неудавшеюся.

Это сознавалъ и самъ маркизъ, въ половинѣ іюня, обратившійся къ намѣстнику съ просьбою уволить его, по разстроенному здоровью, въ заграничный отпускъ на два мѣсяца, для пользованія морскими купаньями. Велепольскій получилъ испрошенный отпускъ и 4-го іюля оставилъ Варшаву, а въ концѣ августа — уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Тогда же выѣхалъ за границу и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, сдавъ должность намѣстника и главное начальство надъ войсками временному замѣстителю, помощнику своему, графу Бергу.

31-го августа, Государь, въ сопровожденіи министра Императорскаго Двора, графа Адлерберга, и вице-канцлера, князя Горчакова, отплылъ изъ Кронштадта, и чрезъ Транзундъ и Выборгъ, 2-го сентября, прибылъ въ Гельсингфорсъ. Въ первый день по пріѣздѣ, онъ посѣтилъ Финляндскій Сенатъ и Александровскій университетъ, къ профессорамъ котораго обратился со слѣдующими словами: „Съ удовольствіемъ вижу себя между вами, господа, въ мѣстѣ, напоминающемъ мнѣ то время, когда я былъ канцлеромъ университета. Я разсчитываю на ваше усердіе къ образованію юношества. Надѣюсь, что вы образуете молодыхъ людей трудолюбивыхъ, вѣрныхъ и преданныхъ отечеству, которые, служа своему краю, будутъ помнить, что они принадлежатъ къ великой семьѣ русскихъ Императоровъ".

6-го сентября — торжественно открытъ Государемъ финляндскій сеймъ. „Представители Великаго Княжества Финляндскаго, такъ началъ онъ тронную рѣчь свою, „видя васъ собранными вокругъ меня, я счастливъ, что могъ осуществить ваши желанія и надежды". Императоръ упомянулъ о подготовительныхъ трудахъ, учрежденной имъ въ 1861 году, особой коммиссіи, перечислилъ представленные сейму финансовые законы и выразилъ рѣшимость не приступать, впредь, безъ согласія государственныхъ чиновъ, къ новымъ займамъ. Объ основныхъ законахъ страны онъ отозвался, что нѣкоторые изъ нихъ не отвѣчаютъ потребностямъ времени, другіе — страдаютъ неясностью и неопредѣленностью. Проектъ закона, видоизмѣняющій ихъ, будетъ представленъ сейму, который созовется черезъ три года. „Соблюдая монархическое конституціонное начало", продолжалъ Императоръ, „присущее нравамъ финскаго народа и запечатлѣнное во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я хочу вне-

сти въ этотъ проектъ еще болѣе обширныя права, чѣмъ тѣ, что̀ принадлежатъ нынѣ государственнымъ чинамъ, относительно установленія налоговъ, а также право вчинанія, коимъ они пользовались прежде, предоставляя, впрочемъ, себѣ починъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся измѣненія основныхъ законовъ. Вамъ извѣстны мои чувства и желанія мои счастья и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ моему попеченію. Ни одно изъ моихъ дѣйствій не нарушило согласія, которое должно существовать между Государемъ и народомъ. Я хочу, чтобы согласіе это продолжало служить, какъ и прежде, залогомъ добрыхъ отношеній, соединяющихъ меня съ мужественнымъ и честнымъ финскимъ народомъ. Оно будетъ несомнѣнно способствовать благосостоянію страны, близкой моему сердцу, и доставитъ мнѣ случай созывать васъ въ опредѣленные сроки. Отъ васъ, представители Великаго Княжества, зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться, сообща съ Государемъ, въ практическомъ духѣ, надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія".

Изъ Финляндіи, проведя въ Царскомъ Селѣ всего нѣсколько дней, посвященныхъ пріему избраннаго въ короли Эллиновъ, датскаго принца Георга, Императоръ поѣхалъ въ Ливадію, гдѣ ожидала его Императрица. Тамъ, 19-го октября, состоялось окончательное увольненіе Великаго Князя Константина Николаевича отъ званія намѣстника въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующаго войсками, въ немъ расположенными, и назначеніе на обѣ эти должности генералъ-адъютанта графа Берга.

„Призвавъ Ваше Императорское Высочество", писалъ по этому поводу Государь къ августѣйшему брату, „въ прошедшемъ году, къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія, на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя, и воодушевленные высокою мыслью примиренія, Ваше Императорское Высочество, съ достойнымъ самоотверженіемъ, пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ Имперіи, чтобы, на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества. Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ моихъ Царства Польскаго, что какъ намѣренія мои, такъ и готовность ваша къ приведенію въ исполненіе моихъ предначертаній, будутъ постигнуты, что, минутно увлеченные насиліемъ противъ правительства, они поймутъ значеніе прибытія вашего въ Царство, и, видя въ немъ залогъ попеченій моихъ о благѣ Польши и доказательство моего расположенія простить заблужденіе, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему Монарху. Къ крайнему моему прискорбію, надежды мои не осуществились. Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на драгоцѣнную для меня жизнь вашу, Ваше Императорское Высочество кровію запечатлѣли преданность ко мнѣ и Россіи. Не взирая на всѣ усилія ваши, учрежденія, дарованныя мною Царству Польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ назначенію, встрѣчая постоянныя препятствія, не въ доброй волѣ и стараніяхъ правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ вашимъ въ Польшу должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣрія къ закону, ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. Неусыпно, и не щадя своего здоровья, Ваше Императорское Высочество твердою волею старались осуществить мои благія, для Царства Польскаго, намѣренія. Соглашая постоянно ваши дѣйствія съ цѣлію вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользы службы Россіи и ввѣреннаго управленію вашему края, пренебрегая ежеминутною личною опасностію, вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ вашихъ и тогда, когда от-

крытый мятежъ противопоставилъ величайшія затрудненія дѣйствію закона. Но продолжающееся возмущеніе, тайные преступные замыслы и возрастающая со всѣхъ сторонъ измѣна, убѣдили Ваше Императорское Высочество въ несоотвѣтственности съ нынѣшнимъ состояніемъ края той мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей меня возложить на васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, мною Царству Польскому дарованныхъ. Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія Вашего Императорскаго Высочества моимъ намѣстникомъ и, вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами, оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній моихъ. Сознавая справедливость вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. Когда же, съ помощію Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ, наконецъ, гласу закона и долга, подданные мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы Царству, и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній,—тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службѣ, съ тою же ревностію и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказательства столь же были отрадны моему сердцу, сколь неограниченны мои къ вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь. Молю Бога, дабы испрашиваемый вами отдыхъ, необходимый Вашему Императорскому Высочеству послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ ваше сердце, столь горячо любящее дорогое отечество, сколь возможно скоро возстановилъ ваши силы. Да поможетъ намъ Богъ! Въ Его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо. Искренно васъ любящій и благодарный братъ *Александръ*".

Графъ Бергъ дѣятельно принялся за усмиреніе мятежа и за возстановленіе порядка въ краѣ, прибѣгая противъ мятежниковъ къ строгимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, уже извѣданнымъ на опытѣ генераломъ Муравьевымъ въ Литвѣ. Со своей стороны, подпольный жондъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы поддержать потухавшее пламя возстанія. Исполнители его велѣній—жандармы-вѣшатели и кинжальщики совершали убійство за убійствомъ. Организованы были покушенія на жизнь новаго намѣстника. Къ счастью, преступныя попытки не удались. Преслѣдованіе мятежническихъ шаекъ продолжалось съ усиленною энергіею и съ возраставшимъ успѣхомъ. Одновременно, строгими распоряженіями графа Берга возстановленъ наружный порядокъ въ Варшавѣ и въ губерніяхъ Царства. Подъ страхомъ денежныхъ штрафовъ, женщины сняли трауръ и облеклись въ цвѣтные наряды. На городъ Варшаву и на землевладѣльцевъ всего края наложена чрезвычайная контрибуція. Слѣдственныя коммиссіи усердно трудились надъ раскрытіемъ тайной организаціи мятежа. Дѣйствія ихъ объединились учрежденіемъ центральнаго военно-полицейскаго управленія, подъ главнымъ начальствомъ генерала Трепова, возведеннаго въ званіе генералъ-полиціймейстера въ Царствѣ Польскомъ. По мѣрѣ обнаруженія революціонной организаціи, виновные подвергались законной карѣ. 29-го марта 1864 года открытъ пресловутый „Народный жондъ" и задержаны его дѣятельнѣйшіе члены. Тѣ изъ нихъ, что̀ избѣгли ареста, скрылись за границу, и съ этого времени, подпольный комитетъ уже болѣе не возстановлялся. Къ 1-му мая того же года, край очищенъ отъ послѣднихъ вооруженныхъ шаекъ и войскамъ, усмирившимъ мятежъ, объявлено окончаніе кампаніи.

XI.

Дипломатическій походъ на Россію.

1863.

Въ самомъ началѣ польскаго возстанія, главные европейскіе Дворы относились къ

нему довольно равнодушно. Одна только Пруссія, при первомъ извѣстіи о появленіи вооруженныхъ шаекъ повстанцевъ, поспѣшила предложить Россіи содѣйствіе къ подавленію мятежа. Двѣ причины побудили къ тому прусскаго министра-президента Бисмарка. Про одну изъ нихъ онъ самъ такъ отозвался, много лѣтъ спустя, предъ германскимъ рейхстагомъ: „Я могъ наблюдать въ Петербургѣ за русскимъ дѣломъ въ Польшѣ вблизи, вслѣдствіе довѣрія, коимъ дарилъ меня покойный Императоръ Александръ. Я пришелъ къ убѣжденію, что въ русскомъ кабинетѣ дѣйствуютъ два начала: одно,—я могъ бы назвать его анти-нѣмецкимъ—желавшее пріобрѣсть благоволеніе поляковъ и французовъ, главными представителями коего служили: вице-канцлеръ князь Горчаковъ, а въ Варшавѣ — маркизъ Велепольскій; другое — носителями котораго были, преимущественно, самъ Императоръ и прочіе его слуги, основанное на потребности твердо придерживаться во всемъ дружественныхъ отношеній съ Пруссіею. Можно сказать, что въ средѣ русскаго кабинета вели борьбу за преобладаніе дружественно расположенная къ Пруссіи антипольская политика съ политикою польскою, дружественно расположенною къ Франціи". Другимъ поводомъ къ предложенію Россіи услугъ послужило убѣжденіе Бисмарка, тогда же гласно высказанное имъ въ прусской палатѣ депутатовъ, что быстрое подавленіе мятежа требуется интересами Пруссіи. „Во всемъ этомъ дѣлѣ", говорилъ онъ, „рѣчь идетъ вовсе не о русской политикѣ, и не о нашихъ отношеніяхъ къ Россіи, а единственно объ отношеніяхъ Пруссіи къ польскому возстанію и о защитѣ прусскихъ подданныхъ отъ вреда, который можетъ произойти для нихъ отъ этого возстанія. Что Россія ведетъ не прусскую политику, знаю я, знаетъ всякій. Она къ тому и не призвана. Напротивъ, долгъ ея—вести русскую политику. Но будетъ-ли независимая Польша, въ случаѣ, если бы ей удалось утвердиться въ Варшавѣ, на мѣстѣ Россіи, вести прусскую политику? Будетъ-ли она ревностною союзницею Пруссіи противъ иностранныхъ державъ? Озаботится ли о томъ, чтобы Познань и Данцигъ остались въ прусскихъ рукахъ? Все это я предоставляю вамъ взвѣсить и сообразить самимъ". Не безъ вліянія на рѣшеніе Бисмарка осталась и мелькнувшая въ головѣ его мысль, о которой онъ тогда же намекнулъ вице-президенту прусской палаты депутатовъ, Берендту: „Польскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только двумя способами: или надо быстро подавить возстаніе, въ согласіи съ Россіей, и предупредить западныя державы совершившимся фактомъ, или же дать положенію развиться и ухудшиться, ждать, покуда русскіе будутъ выгнаны изъ Царства, или вынуждены просить помощи, и тогда—смѣло дѣйствовать и занять Царство за счетъ Пруссіи. Черезъ три года, все тамъ было бы германизировано".—„Но вѣдь то, что вы мнѣ говорите, не болѣе, какъ бальный разговоръ", воскликнулъ озадаченный собесѣдникъ. — „Нисколько", отвѣчалъ министръ, „я говорю серьезно о серьезномъ дѣлѣ. Русскимъ Польша въ тягость, самъ Императоръ Александръ признавался мнѣ въ томъ въ Петербургѣ". Въ Берлинѣ, очевидно, помнили, что съ 1795 по 1807 годъ, Варшава была прусскимъ городомъ, а Царство Польское—прусскою областью, носившею даже названіе „Южной Пруссіи".

Прусское правительство приняло рядъ энергическихъ мѣръ, направленныхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Вдоль нашей границы сосредоточены четыре полка, усиленные надлежащими резервами, съ приказаніемъ не допускать въ прусскіе предѣлы вооруженныхъ шаекъ повстанцевъ. Въ воззваніи, обращенномъ властями къ познанскому населенію, выражалась надежда, что польскіе подданные короля воздержатся отъ участія въ мятежѣ, а въ случаѣ ослушанія, ихъ предупреждали, что виновныхъ постигнетъ кара, положенная за государственную измѣну. Наконецъ, генералъ-адъютантъ Вильгельма I, Альвенслебенъ, и флигель-адъютантъ Раухъ были посланы въ Варшаву и оттуда въ Петербургъ, для собранія свѣдѣній о ходѣ возстанія и для соглашенія съ русскимъ правительствомъ объ общихъ мѣрахъ къ его усмиренію. Въ Варшавѣ, Великій Князь-намѣстникъ и ближайшіе его совѣтники были крайне удивлены предупредительностью сосѣдняго Двора, въ особенности, когда прусскіе посланцы предложили приступить къ заключенію конвенціи, съ цѣлію дѣйствовать сообща про-

тивъ мятежниковъ. 27-го января, генералъ Альвенслебенъ подписалъ съ княземъ Горчаковымъ конвенцію, которою Россія и Пруссія условились, что, въ случаѣ требованія военнаго начальства одной изъ державъ, войска другой державы могутъ переступить границу, а если окажется нужнымъ, то и преслѣдовать инсургентовъ на территоріи сосѣдняго государства.

Оглашеніе Бисмаркомъ заключенной съ Россіею конвенціи, хотя и безъ обнародованія ея текста, возбудило тревогу и безпокойство прочихъ великихъ державъ. Наполеонъ III, видѣвшій угрозу для себя въ сближеніи русскаго Двора съ прусскимъ, предложилъ Англіи и Австріи сообща протестовать въ Берлинѣ противъ международнаго акта, коимъ частный польскій вопросъ обращенъ въ обще-европейскій, подлежащій обсужденію всѣхъ великихъ державъ. Но изъ Лондона ему замѣтили, что несправедливо предъявлять упрекъ къ Пруссіи, оставляя въ сторонѣ „главнаго виновника“ (le grand coupable), то-есть, Россію; такой же уклончивый отвѣтъ полученъ былъ въ Парижѣ и изъ Вѣны. Одновременно, сентъ-джемскій кабинетъ предписалъ своему представителю въ Петербургѣ, во имя вѣнскихъ договоровъ 1815 года, коими Царство Польское присоединено къ Россійской Имперіи и участницею которыхъ была Великобританія, пригласить русскій Дворъ даровать амнистію полякамъ и возвратить Польшѣ гражданскія и политическія права, дарованныя ей Императоромъ Александромъ I, во исполненіе обязательствъ, яко-бы принятыхъ имъ на Вѣнскомъ конгрессѣ предъ Европою. Французскому правительству англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ поддержать это представленіе, но получилъ въ отвѣтъ, что Франція уже сдѣлала, что могла въ Петербургѣ *отдѣльно* (séparément) и не находитъ возможнымъ приступить къ коллективному давленію на русскій Дворъ.

26-го февраля, посолъ, лордъ Непиръ, вручилъ русскому вице-канцлеру депешу, заключавшую требованія его Двора. Прочитавъ ее, князь Горчаковъ объявилъ, что, дѣйствуя въ духѣ примирительномъ, онъ не дастъ письменнаго отвѣта на замѣчанія великобританскаго правительства, но ограничится возраженіемъ на словахъ. Не оспаривая мнѣнія англійскаго министра о печальномъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вице-канцлеръ заявилъ, что оно раздѣляется Императоромъ Александромъ и его правительствомъ; что Государь глубоко скорбитъ о кровопролитіи, но что отвѣтственность за это падаетъ не на него. Рекрутскій наборъ былъ лишь предлогомъ, а не причиною возстанія, подготовленнаго издавна эмиграціею въ иностранныхъ столицахъ, не исключая и Лондона. То было демократическое и антисоціальное движеніе, стремившееся совершенно къ инымъ цѣлямъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываютъ практическіе государственные люди Англіи. Цѣли эти: отдѣленіе Польши отъ Россіи, полная національная независимость, въ предѣлахъ 1772 года. Въ мятежѣ участвуютъ лишь городское населеніе, сельское духовенство, мелкая шляхта. Крупные землевладѣльцы изъ дворянъ ищутъ убѣжища подъ защитою пушекъ варшавской цитадели; крестьяне—всѣ на сторонѣ правительства. Переходя къ касающимся Польши постановленіямъ вѣнскихъ договоровъ, вице-канцлеръ замѣтилъ, что введеніе упомянутыхъ въ нихъ національныхъ учрежденій предоставлено усмотрѣнію русскаго правительства. Императоръ Александръ I даровалъ Царству Польскому, по собственному почину, представительную конституцію, которая не была даже сообщена иностраннымъ державамъ, а потому Императоръ Николай имѣлъ полное право отмѣнить ее, когда она оказалась не отвѣчающею потребностямъ, ни Польши, ни Россіи. Александръ II примѣнилъ въ Царствѣ Польскомъ тѣ же правительственныя начала, что̀ проводятся имъ въ Россіи. Дарованныя имъ Царству учрежденія предоставляютъ полякамъ полную административную автономію и выборное представительство. Конечно, они не тождественны съ конституціею Александра I, ни съ такими же учрежденіями въ Англіи, но за то—соображены съ положеніемъ Польши и отношеніями ея къ Россіи. Практическіе государственные люди Великобританіи не станутъ утверждать, что спасительны и полезны повсюду лишь тѣ учрежденія, что̀ привились въ Англіи. Провозгласивъ начало невмѣшательства правиломъ своей внѣшней политики, они не отступятъ отъ него, и не станутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла дружественной державы. Что касает-

ся до права Англіи, истекающаго изъ вѣнскихъ договоровъ, то вопросъ этотъ исчерпанъ перепискою, происходившею между обоими правительствами, по усмиреніи польскаго мятежа 1830—31 годовъ. Относительно же совѣтуемой сентъ-джемскимъ Дворомъ амнистіи, князь Горчаковъ, во вниманіе къ дружественному характеру англійскихъ замѣчаній, повѣдалъ послу, что Государь расположенъ даровать ее, какъ только прекратится вооруженное сопротивленіе мятежниковъ. Не желая выходить изъ примирительнаго тона, вице-канцлеръ не коснулся довода, на который могъ бы опереться: права завоеванія, и заключилъ, что онъ могъ бы отказаться и отъ всякихъ иныхъ объясненій по поводу сообщенія посла. Но въ виду заявленія лондонскаго Двора, что замѣчанія его внушены дружественнымъ расположеніемъ къ Россіи, онъ принялъ это заявленіе къ свѣдѣнію и отвѣчалъ на замѣчанія, въ томъ же дружественномъ смыслѣ.

Между тѣмъ, императоръ французовъ изложилъ взглядъ свой на событія въ Польшѣ въ довѣрительномъ письмѣ на имя Государя, въ которомъ, не касаясь вѣнскихъ договоровъ, ни истекающаго изъ нихъ права вмѣшательства для Франціи, убѣждалъ Его Величество, по собственному почину, даровать польскимъ своимъ подданнымъ такія учрежденія, которыя, удовлетворивъ ихъ, предупредили бы замышленныя Англіею коллективныя представленія. Отвѣтъ Императора Александра полученъ въ Парижѣ 26-го февраля. Государь вѣжливо, но твердо отказался отъ принятія какихъ либо обязательствъ передъ Франціею. „Передайте Императору, вашему Государю“, сказалъ Наполеонъ III послу, барону Будбергу, „что если, не дай Богъ, я вынужденъ буду перейти въ противный лагерь, то почту себя крайне опечаленнымъ и несчастнымъ“.

Слова эти означали существенный поворотъ въ политикѣ Франціи въ польскомъ вопросѣ. Ежечасно возраставшая холодность русскаго Двора разочаровала Наполеона III въ мечтѣ сближенія и союза съ Россіей. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, съ силою высказавшагося въ палатахъ и въ печати въ пользу поляковъ, императоръ французовъ рѣшился круто перемѣнить фронтъ, и въ тѣсномъ согласіи съ Англіей и Австріей, выступить защитникомъ за Польшу, возстановителемъ ея правъ. Завязавшіеся между Парижемъ, Лондономъ и Вѣною, оживленные дипломатическіе переговоры не замедлили, однако, выяснить разномысліе трехъ державъ относительно исходной точки представленій, которыя онѣ намѣревались сообща предъявить Россіи по польскимъ дѣламъ. Англія настаивала на признаніи за таковую вѣнскихъ договоровъ 1815 года, на которыя не хотѣла опираться Австрія, участница трехъ раздѣловъ Польши, а и того менѣе—бонапартовская Франція, ненавидѣвшая эти договоры, узаконившіе низложеніе Наполеона I и провозгласившіе его династію лишенною всѣхъ правъ на наслѣдованіе французскимъ престоломъ. Не безъ труда пришли три державы къ соглашенію, сохранивъ, впрочемъ, каждая свой взглядъ на мотивы обращенія къ Россіи, и условясь лишь въ томъ, чтобы сообщенія эти были переданы русскому Двору въ одинъ и тотъ же день.

5-го апрѣля представители въ Петербургѣ Англіи, Франціи и Австріи препроводили къ князю Горчакову списки съ депешъ, полученныхъ ими отъ подлежащихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Англійская депеша основывала право вмѣшательства въ польскія дѣла на 1-й статьѣ заключительнаго акта вѣнскаго конгресса 1815 года, коею Царство Польское присоединялось къ Россійской Имперіи, на условіяхъ, перечисленныхъ въ той же статьѣ, и которыя, по мнѣнію правительства ея британскаго величества, не были исполнены Россіей. Графъ Россель находилъ, что даже послѣ возстанія 1830—31 годовъ, русское правительство не имѣло права обращаться съ Польшею, какъ съ завоеванною страною, не нарушивъ обязательствъ, занесенныхъ въ договоръ, потому что самою Польшею оно владѣетъ въ силу трактата, заключеннаго съ восемью европейскими державами, въ томъ числѣ и съ Англіею. Но независимо отъ помянутыхъ обязательствъ, на Россіи, какъ на членѣ европейской семьи, лежитъ и другая обязанность: не увѣковѣчивать въ Польшѣ положенія, служащаго источникомъ опасности, не только для Россіи, но и для мира Европы. Польская смута возбуждаетъ общественное мнѣніе въ прочихъ государствахъ, вызываетъ тревогу въ пра-

вительствахъ и грозитъ серьезными усложненіями, а потому правительство королевы „ревностно надѣется“ (fervently hope), что русское правительство уладитъ это дѣло такъ, чтобы миръ, на прочномъ основаніи, былъ возвращенъ польскому народу.

Депеша тюильрійскаго Двора не упоминала о вѣнскомъ трактатѣ, и заступничество свое за поляковъ обусловливала исключительно тою тревогой, которую волненія въ Польшѣ вызываютъ въ сосѣднихъ странахъ, и воздѣйствіемъ ихъ на спокойствіе въ Европѣ. Они должны быть прекращены, въ общемъ интересѣ европейскихъ державъ. Французское правительство надѣется, что русскій Дворъ, одушевленный либеральными намѣреніями, столь часто доказанными имъ на дѣлѣ, въ царствованіе Императора Александра II, призна́етъ, въ мудрости своей, необходимость „поставить Польшу въ условія прочнаго мира“.

Наконецъ, въ депешѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ указывалось на возбужденіе умовъ въ Галиціи, какъ на послѣдствіе продолжительнаго вооруженнаго возстанія въ сосѣдней Польшѣ, и выражалась надежда, что С.-Петербургскій кабинетъ, сознавъ опасность этихъ, столь часто повторяющихся, потрясеній, „не замедлитъ положить имъ конецъ, умиротвореніемъ края“.

Князь Горчаковъ не уклонился, на этотъ разъ, отъ письменнаго отвѣта на представленія трехъ державъ.

Въ депешѣ къ Императорскому послу въ Лондонѣ онъ вступилъ въ пространное разсужденіе объ обязательствахъ, налагаемыхъ на Россію по отношенію къ Царству Польскому, статьями вѣнскаго договора 1815 года, и доказалъ, что постановленія эти не нарушены русскимъ правительствомъ, повторивъ всѣ доводы перваго своего словеснаго возраженія великобританскому послу. Переходя къ заключенію депеши графа Росселя, вице-канцлеръ снова заявилъ, что живѣйшее желаніе Государя—придти къ практическому разрѣшенію польскаго вопроса. Но такимъ отнюдь нельзя считать введеніе въ Польшѣ конституціи, подобной той, что̀ дѣйствуетъ въ Англіи. Прежде чѣмъ достигнуть политической зрѣлости этой страны, прочимъ государствамъ приходится перейти нѣсколько ступеней развитія, и обязанность Монарха—соразмѣрить даруемыя имъ учрежденія съ истинными потребностями своихъ подданныхъ. Императоръ Александръ, съ самаго своего воцаренія, вступилъ на путь преобразованій, и въ короткое время совершилъ общественный переворотъ, для котораго въ другихъ странахъ Европы потребовалось много времени и усилій. Система постепеннаго развитія приложена имъ ко всѣмъ отраслямъ управленія и къ существующимъ учрежденіямъ. Государь не уклонится съ этого пути, шествуя которымъ, онъ пріобрѣлъ любовь и преданность своихъ подданныхъ и право на сочувствіе Европы. Тѣ же намѣренія одушевляютъ его и относительно поляковъ. Въ Европѣ не поняли и не оцѣнили по достоинству дарованныхъ Царству Польскому учрежденій, заключающихъ въ себѣ задатки, развить которые зависитъ отъ времени и опыта. Они приведутъ къ полной административной автономіи Польши, на основѣ областныхъ и муниципальныхъ учрежденій, которыя были исходною точкой величія и благосостоянія самой Англіи. Но въ дѣлѣ этомъ Императоръ встрѣтился съ препятствіями, возбужденными „партіею безпорядка“. Она помѣшала введенію новыхъ учрежденій. Не смотря на это, въ манифестѣ объ амнистіи, Государь заявилъ, что не возьметъ обратно дарованныхъ Царству правъ и преимуществъ, и предоставляетъ себѣ дать имъ дальнѣйшее развитіе. „И такъ“, разсуждалъ русскій министръ, „Его Величество можетъ сослаться на прошлое, въ прямодушіи своей совѣсти; что же касается до будущаго, то оно, естественно, зависитъ отъ довѣрія, съ коимъ отнесутся къ его намѣреніямъ. Не покидая этой почвы, нашъ Августѣйшій Государь увѣренъ, что поступаетъ какъ лучшій другъ Польши и одинъ только стремится къ ея благу, практическимъ путемъ“. Вице-канцлеръ не оставилъ безъ возраженія напоминанія графа Росселя объ обязанностяхъ Россіи относительно прочихъ европейскихъ государствъ. Обязанности эти она никогда не теряла изъ виду, но ей не всегда отвѣчали взаимностью. Въ доказательство, князь Горчаковъ ссылался на то, что заговоръ, приведшій къ мятежу въ Польшѣ, составился внѣ ея. Съ одной стороны, возбужденіе извнѣ вліяло на возстаніе, съ другой—возстаніе вліяло на возбужденіе общественнаго мнѣ-

нія въ Европѣ. Русскій Императоръ искренно желаетъ возстановленія спокойствія и мира въ Царствѣ Польскомъ. Онъ допускаетъ, что державы, подписавшія актъ вѣнскаго конгресса, остаются не безучастными къ событіямъ, происходящимъ въ этой странѣ, и что дружественныя объясненія съ ними могутъ повести къ результату, отвѣчающему общимъ интересамъ. Онъ принимаетъ къ свѣдѣнію довѣріе, выраженное ему великобританскимъ правительствомъ, которое полагается на него въ дѣлѣ умиротворенія Царства Польскаго. Но на немъ лежитъ долгъ обратить вниманіе лондонскаго Двора на пагубное дѣйствіе возбужденій Европы на поляковъ. Возбужденія эти исходятъ отъ партіи всесвѣтной революціи, всюду стремящейся къ ниспроверженію порядка и нынѣ идущей къ той цѣли, не въ одной только Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ. Если европейскія державы, дѣйствительно, желаютъ возстановленія спокойствія въ Польшѣ, то достиженію этой цѣли онѣ должны содѣйствовать принятіемъ мѣръ противъ нравственнаго и матеріальнаго броженія, распространеннаго въ Европѣ, такъ, чтобы изсякъ этотъ постоянный источникъ смутъ. Россія надѣется, что, скрѣпивъ въ этомъ духѣ узы, связующія ихъ съ нею, онѣ дѣятельно послужатъ дѣлу мира и общей пользы.

Въ отвѣтѣ тюильрійскому Двору вице-канцлеръ ограничился повтореніемъ заключенія своей депеши къ русскому послу въ Лондонѣ и пригласилъ императора Наполеона оказать нравственное содѣйствіе въ исполненіи задачи, возлагаемой на русскаго Государя попеченіемъ о благѣ его польскихъ подданныхъ и сознаніемъ долга предъ Россіей и великими державами. Въ томъ же смыслѣ послѣдовалъ и отвѣтъ вѣнскому Двору, съ прибавленіемъ, что отъ Австріи зависитъ помочь Россіи умиротворить Царство Польское, принятіемъ строгихъ мѣръ противъ мятежниковъ, въ пограничныхъ съ нею австрійскихъ областяхъ.

Между тѣмъ, кабинеты лондонскій и парижскій, не довольствуясь собственными представленіями въ пользу мятежныхъ поляковъ, обратились ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ давленіи на Россію, съ цѣлью вызвать ее на уступки. „Дипломатическое вмѣшательство всѣхъ кабинетовъ“, писалъ по этому поводу французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, „оправдывается само собою, въ дѣлѣ обще-европейскаго интереса, и они не могутъ сомнѣваться въ спасительномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, вліяніи единодушной манифестаціи Европы“. Далеко не всѣ державы откликнулись на этотъ призывъ. Бельгія и Швейцарія уклонились отъ участія въ манифестаціи, ссылаясь на свою нейтральность. Глава берлинскаго кабинета прямо заявилъ англійскому посланнику, что согласіе на предложеніе его Двора поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Нельзя же ему, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ онъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, настаивалъ предъ русскимъ Дворомъ на необходимости не отступать предъ строгими мѣрами для подавленія мятежа, вдругъ обратиться къ нему же съ совѣтомъ даровать полякамъ автономію? Слѣдуя примѣру Пруссіи, воздержались отъ всякаго вмѣшательства и второстепенные германскіе Дворы. За то, съ болѣе или менѣе настойчивымъ ходатайствомъ за Польшу выступили въ Петербургѣ: Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и даже — Турція. Князю Горчакову немного труда стоило отклонить всѣ эти представленія. Отвѣтъ его всѣмъ державамъ звучалъ одинаково: сперва нужно усмирить мятежъ, послѣ чего наступитъ пора и для проявленій милосердія.

Папа Пій IX, съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявившій сочувствіе къ полякамъ и оказавшій имъ всевозможныя поощренія, обратился съ личнымъ письмомъ къ Государю, жалуясь на положеніе римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правительственнаго контроля, съ мѣстными епископами; а для духовенства — возстановленія его вліянія на народное образованіе (Che il clero recuperi la sua influenza nel insegnamento e direzione del popolo). Императоръ Александръ отвѣчалъ римскому первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противопоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ соучастіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ имъ безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Этотъ союзъ“, писалъ Государь, „пастырей церк-

ви съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу, — одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія", и заключалъ письмо такими словами: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе моего правительства съ правительствомъ вашего святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желаемый мною свѣтъ, при которомъ разсѣятся недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями, и преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому, и другимъ, приходится обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій служатъ залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи".

Въ числѣ прочихъ державъ, приглашеніе присоединиться къ дипломатическому походу на Россію получило и правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Но, помня отказъ русскаго Двора принять участіе въ подобной же демонстраціи противъ единства Заатлантической республики, во время послѣдней междоусобной войны, Вашингтонскій кабинетъ рѣшительно отклонилъ англо-французское предложеніе, ссылаясь на неизмѣнное правило правительства Соединенныхъ Штатовъ: ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ политическія пререканія государствъ Стараго свѣта. Депеша о томъ статсъ-секретаря Сьюарда къ сѣверо-американскому посланнику въ Парижѣ была сообщена русскому Двору, и вице-канцлеръ, именемъ Государя, выразилъ правительству президента Джонсона, какъ высоко цѣнитъ Его Величество проявленную имъ твердость въ соблюденіи начала невмѣшательства, а равно и добросовѣстность (loyauté), съ которою оно отказалось нарушить, во вредъ другому государству, правило, нарушенія коего само не потерпѣло бы по отношенію къ своей странѣ. „Федеральное правительство", заявилъ по этому поводу князь Горчаковъ, „дало тѣмъ примѣръ прямодушія и честности, отъ котораго можетъ только возрасти уваженіе, питаемое нашимъ Августѣйшимъ Государемъ къ американскому народу".

Между тѣмъ, Дворы лондонскій, парижскій и вѣнскій, получивъ русскій отвѣтъ на свои представленія, совѣщались объ общей программѣ дальнѣйшаго вмѣшательства въ пользу поляковъ. „Пришла минута", наставлялъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ посла въ Лондонѣ, „точно опредѣлить предложенія, о которыхъ предстоитъ условиться тремъ Дворамъ". Тюильрійскій кабинетъ желалъ, чтобы новое обращеніе ихъ къ русскому Двору произошло въ формѣ тождественныхъ нотъ и чтобы въ нихъ было выражено требованіе о передачѣ польскаго вопроса на обсужденіе всѣхъ европейскихъ державъ, но вынужденъ былъ уступить настояніямъ Англіи, допускавшей лишь одновременное предъявленіе трехъ не тождественныхъ сообщеній, а также передачу дѣла на судъ лишь восьми державъ, подписавшихъ заключительный актъ вѣнскаго конгресса.

Прочтеніе и врученіе трехъ депешъ послами союзныхъ Дворовъ князю Горчакову состоялось въ одинъ и тотъ же день, въ половинѣ іюня. Вице-канцлеръ выслушалъ ихъ въ молчаніи, сказавъ, что содержаніе депешъ доведетъ до свѣдѣнія Государя и испроситъ Высочайшія повелѣнія.

Депеши различествовали между собою по формѣ, но всѣ приходили къ общему заключенію. Онѣ предлагали русскому Двору принять за основаніе переговоровъ слѣдующіе шесть пунктовъ: 1) полная и всеобщая амнистія; 2) народное представительство, съ правами, подобными тѣмъ, что утверждены хартіей 15-го ноября 1815 года; 3) назначеніе поляковъ на общественныя должности, съ тѣмъ, чтобы образовалась администрація непосредственная, національная и внушающая довѣріе странѣ; 4) полная и совершенная свобода совѣсти и отмѣна стѣсненій, наложенныхъ на католическое вѣроисповѣданіе; 5) исключительное употребленіе польскаго языка, какъ языка оффиціальнаго въ администраціи, въ судѣ и въ народномъ образованіи; и 6) установленіе правильной и законной системы рекрутскаго набора. Всѣ шесть статей были изложены въ трехъ депешахъ одинаково, но далѣе проявлялись существенныя различія и оттѣнки. Англія и Франція настаивали на созывѣ конференціи изъ восьми державъ, то-есть, съ привле-

ченіемъ въ нее, кромѣ трехъ Дворовъ и Россіи, Пруссіи, Швеціи, Италіи и Португаліи, какъ державъ, участницъ вѣнскаго конгресса; Австрія объявляла только, что не встрѣтитъ препятствій къ созыву такой конференціи, если Россія признаетъ ея своевременность (opportunité). Далѣе Англія прямо требовала перемирія съ повстанцами; Франція довольствовалась временнымъ замиреніемъ (pacification provisoire), основаннымъ на соблюденіи военнаго status quo, а Австрія ограничивалась пожеланіемъ: „чтобы мудрости русскаго правительства удалось прекратить сожалѣнія достойное кровопролитіе".

Точно опредѣленныя требованія трехъ державъ вызывали русскій Дворъ на столь же точный и опредѣленный отвѣтъ. Принятіе ихъ предложеній равносильно было бы признанію за ними права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла; отверженіе—могло повести къ дипломатическому разрыву, и даже къ войнѣ, какъ предупреждали о томъ русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Взвѣсивъ обѣ случайности, Императоръ Александръ не поколебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства Россіи. Прежде чѣмъ надписать: „Быть по сему" на представленныхъ вице-канцлеромъ проектахъ отвѣтовъ на имя нашихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, Государь перекрестился и передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ: „Vogue la galère"!

Русскія депеши, какъ и тѣ, на которыя онѣ отвѣчали, различествовали по размѣрамъ и содержанію, но общій выводъ ихъ былъ одинъ и тотъ же: Россія категорически отвергала притязаніе трехъ державъ выступить посредницами между нею и мятежными поляками—подданными русскаго Царя.

Отвѣтъ великобританскому правительству вице-канцлеръ началъ выясненіемъ взаимнаго положенія Россіи и Англіи въ польскомъ вопросѣ. „Въ принципѣ", писалъ онъ, „Императорскій кабинетъ признаётъ право каждой изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, толковать его смыслъ со своей точки зрѣнія, насколько толкованіе это держится въ предѣлахъ смысла, допускаемаго подлинными словами трактата. Въ силу этого принципа, Императорскій кабинетъ не отрицаетъ этого права ни у одной изъ восьми державъ, участвовавшихъ въ составленіи главнаго акта вѣнскаго конгресса 1815 года. Опытъ доказалъ, однако же, что пользованіе этимъ правомъ не приводитъ къ практическому результату. Попытки, сдѣланныя еще въ 1831 году, успѣли лишь обнаружить разногласіе мнѣній. Тѣмъ не менѣе, право это существуетъ. Оно ограничивается предѣлами, которые я только что указалъ и могло бы получить бо́льшее расширеніе только съ прямого согласія той изъ договаривавшихся сторонъ, которая самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересована въ дѣлѣ. Императорскій кабинетъ имѣлъ право примѣнить этотъ принципъ со всею точностью, въ виду сообщеній, сдѣланныхъ ему, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, относительно событій въ Царствѣ Польскомъ. Если, отвѣчая на нихъ, онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, то единственно по своей доброй волѣ, въ видахъ миролюбія, и чтобы отвѣчать вѣжливостью на заявленія, отличавшіяся тѣмъ же самымъ характеромъ". Въ объясненіе этого образа дѣйствій прибавлено еще и то, что въ намѣреніяхъ, одушевляющихъ Государя Императора относительно польскихъ его подданныхъ, не было ничего такого, что могло бы побудить его къ устраненію свѣта отъ этого вопроса. Возстановивъ, такимъ образомъ, истинный смыслъ выраженнаго русскимъ Дворомъ согласія приступить къ обмѣну мыслей съ Англіею, на основаніи и въ предѣлахъ договоровъ 1815 года, вице-канцлеръ занялся разборомъ сужденій, высказанныхъ первымъ государственнымъ секретаремъ ея британскаго величества. Соглашаясь съ мнѣніемъ его, что твердою почвою для каждаго правительства служитъ то довѣріе, которое оно внушаетъ управляемымъ и что перевѣсъ закона надъ произволомъ долженъ быть основаніемъ прочнаго порядка, князь Горчаковъ замѣчалъ, что необходимымъ соотвѣтствіемъ этого правила служитъ и уваженіе къ власти; довѣріе же управляемыхъ къ правительству зависитъ не отъ его благихъ намѣреній, но и отъ убѣжденія, что правительство въ состояніи ихъ осуществить. Если графъ Россель утверждаетъ, что частныя возмущенія, тайные заговоры и вмѣшательство чужеземныхъ космополитовъ не въ силахъ поколебать правитель-

ство, опирающееся на довѣріе населенія и на уваженіе къ законамъ, то онъ не станетъ отрицать и того, „что невозможны стали бы ни довѣріе, ни законность, если бы это правительство допустило, чтобы какая-либо часть страны отыскивала себѣ, помимо законно установленной власти, посредствомъ вооруженнаго возстанія и съ помощью враждебныхъ ей иноземныхъ партій, такого благосостоянія или благоденствія, для осуществленія которыхъ само это правительство, по собственному сознанію, нуждалось бы въ сторонніхъ внушеніяхъ“. Переходя къ оцѣнкѣ шести пунктовъ, предложенныхъ Англіею, и отъ которыхъ министръ ея ожидалъ, что принятіе ихъ русскимъ правительствомъ поведетъ къ полному и прочному умиротворенію Царства Польскаго, князь Горчаковъ возразилъ, что бо́льшая часть заключенныхъ въ нихъ мѣръ, или введены уже въ дѣйствіе, или предположены по почину Императора Александра. Но надежду на ихъ успѣхъ вице-канцлеръ раздѣлялъ лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. „Съ нашей точки зрѣнія“, заявлялъ онъ, „какому бы то ни было преобразованію Царства Польскаго должно предшествовать возстановленіе порядка въ странѣ. Достиженіе этой цѣли зависитъ отъ условія, на которое мы призывали уже вниманіе правительства ея британскаго величества и которое, не только не выполнено, но даже не упомянуто въ депешѣ лорда Росселя: мы говоримъ о матеріальномъ содѣйствіи и о нравственныхъ поощреніяхъ, которыя возстаніе почерпаетъ извнѣ“. Князь Горчаковъ указалъ на совершенное отсутствіе безпристрастія въ распространяемыхъ въ Европѣ свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вводящихъ въ заблужденіе общественное мнѣніе; на клеветы и оскорбленія, расточаемыя русскимъ войскамъ, съ мужественнымъ самоотверженіемъ исполняющимъ тамъ свой тяжкій долгъ. Въ дѣйствительности, шайки мятежниковъ, составленныя изъ пришельцевъ, чуждыхъ краю, всюду терпятъ пораженіе; народныя массы—сельское населеніе—чуждаются ихъ и даже высказываютъ имъ явную непріязнь. Возстаніе поддерживается лишь безпримѣрнымъ въ исторіи терроризмомъ. „Въ политическомъ отношеніи“, говорилось далѣе въ депешѣ, „это не болѣе, какъ театральное представленіе, разсчитанное на то, чтобы дѣйствовать на Европу. Лозунгъ заграничныхъ распорядительныхъ комитетовъ — поддерживать во что бы ни стало движеніе, съ цѣлью питать разглагольствія печати, давать ложное направленіе общественному мнѣнію и производить давленіе на правительства, доставляя предлогъ и поводъ для дипломатическаго вмѣшательства, за которымъ послѣдовало бы вмѣшательство вооруженное“. При такихъ условіяхъ немыслимо принятіе совѣтуемыхъ Англіею мѣръ, которыя, если бы и были возможны, то все же не привели бы къ желаемому умиротворенію страны, потому что не удовлетворили бы стремленіямъ мятежниковъ, которые не требуютъ ни амнистіи, ни автономіи, ни болѣе или менѣе широкаго представительства, и самую безусловную независимость Царства сочли бы лишь ступенью къ достиженію своей конечной цѣли: владычества надъ областями, въ которыхъ огромное большинство населенія русское по происхожденію и по вѣрѣ,—словомъ, распространенія предѣловъ Польши до двухъ морей, послѣ чего они потребовали бы себѣ и тѣхъ польскихъ провинцій, которыя принадлежатъ другимъ сосѣднимъ державамъ. Осуществленіе этихъ притязаній привело бы къ повсемѣстному замѣшательству, усложненному элементами безпорядка, распространенными повсюду и ищущими только удобнаго случая, чтобы потрясти Европу. Такой исходъ не можетъ быть одобренъ великобританскимъ правительствомъ, какъ не совмѣстный, ни съ пользами Англіи, ни съ сохраненіемъ тѣхъ самыхъ договоровъ 1815 года, на которые она ссылается. Установивъ, что редакція той статьи помянутыхъ договоровъ, что́ касается Польши и поляковъ, была дѣломъ личной инициативы Императора Александра I, а потому и не допускаетъ возможности такого толкованія, будто русскій Государь владѣетъ Царствомъ Польскимъ не на одинаковыхъ правахъ съ прочими своими владѣніями, вице-канцлеръ безусловно отвергалъ предложенное сентъ-джемскимъ Дворомъ перемиріе, замѣчая, что постановленія международнаго права непримѣнимы къ положенію дѣлъ, составляющему вопіющее его нарушеніе. „Предъ своею вѣрною арміею“, заявлялъ князь Горчаковъ, „борющеюся для возстановленія порядка,

предъ мирнымъ большинствомъ поляковъ, страдающихъ отъ этихъ прискорбныхъ смутъ, предъ Россіей, на которую онѣ налагаютъ тяжелыя пожертвованія, Государь Императоръ обязанъ принять энергическія мѣры, чтобы смуты эти прекратились. Какъ ни желательно немедленно остановить кровопролитіе, но цѣль эта можетъ быть достигнута въ томъ только случаѣ, если мятежники положатъ оружіе, довѣряясь милосердію Государя. Всякая другая сдѣлка была бы несовмѣстна съ достоинствомъ нашего Августѣйшаго Монарха и съ чувствами русскаго народа". Не менѣе рѣшительно отвергалъ князь Горчаковъ и предложеніе о созваніи конференціи восьми державъ: „Если мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь, достаточны для умиротворенія страны, то конференція не имѣла бы цѣли. Если же мѣры эти долженствовали бы сдѣлаться предметомъ дальнѣйшихъ сужденій, то это повело бы къ прямому вмѣшательству иностранныхъ державъ въ самыя, такъ сказать, домашнія подробности администраціи, ко вмѣшательству, котораго не могла бы допустить ни одна великая держава, и котораго, конечно, Англія не потерпѣла бы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ". Все, на что изъявлялъ согласіе русскій министръ, было частное соглашеніе съ двумя другими державами, участницами раздѣловъ Польши, то-есть, съ Австріею и Пруссіею, относительно внутренняго устройства принадлежащихъ имъ бывшихъ польскихъ областей, но и то не иначе, какъ по возстановленіи порядка въ Царствѣ Польскомъ. „Условіе это", заключалъ вице-канцлеръ, „много зависитъ отъ рѣшимости великихъ державъ не потворствовать разсчетамъ виновниковъ возстанія, находящихъ основаніе для себя или почерпающихъ свой кредитъ въ надеждѣ на дѣятельное вмѣшательство, въ пользу ихъ преувеличенныхъ желаній. Ясное и категорическое заявленіе со стороны этихъ державъ способствовало бы къ разсѣянію заблужденій и къ паденію этихъ разсчетовъ, которыя длятъ безпорядокъ и поддерживаютъ волненіе умовъ. Державы ускорили бы тѣмъ самымъ минуту, которую мы призываемъ нашими желаніями,—минуту, когда успокоеніе страстей и возстановленіе внѣшняго порядка, дозволятъ нашему Августѣйшему Монарху содѣйствовать нравственному замиренію страны осуществленіемъ мѣръ, зачатки коихъ, уже положенные, и дальнѣйшее развитіе которыхъ, данное предчувствовать, Его Величество оставляетъ въ силѣ".

Депеша князя Горчакова къ послу при тюильрійскомъ Дворѣ была гораздо короче, но заключала въ себѣ прямой упрекъ Франціи въ потворствѣ и содѣйствіи мятежнымъ замысламъ поляковъ. „Одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ агитаціи", говорилось въ ней, „находится въ самомъ Парижѣ. Польскіе выходцы, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, организовали тамъ обширный заговоръ, поставившій себѣ задачею, съ одной стороны, вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе Франціи системою безпримѣрныхъ поношеній и клеветъ, а съ другой—питать безпорядокъ въ Царствѣ Польскомъ, то матеріальными пособіями, то терроромъ тайнаго комитета, то, главнымъ образомъ, распространяя убѣжденіе о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ пользу самыхъ безсмысленныхъ стремленій возстанія. Это вліяніе составляетъ нынѣ главный источникъ агитаціи, которая иначе исчезла бы предъ дѣйствіемъ закона, предъ равнодушіемъ или отвращеніемъ массъ. Въ этомъ надлежитъ, слѣдовательно, искать нравственную причину, содѣйствующую продолженію бѣдственнаго порядка вещей, скорое прекращеніе котораго французское правительство, подобно намъ, призываетъ своими желаніями, во имя человѣколюбія и мира. Намъ пріятно думать, что оно не дозволитъ злоупотреблять его именемъ, въ интересахъ революціи, въ Польшѣ и въ Европѣ". Заключеніе было то же, что̀ и въ предъидущей депешѣ: категорическое отклоненіе какъ шести пунктовъ, такъ и предложеній о перемиріи и о созывѣ обще-европейской конференціи, съ выраженіемъ согласія лишь на обсужденіе вопросовъ, касающихся внутренняго состоянія бывшихъ польскихъ областей, въ частномъ совѣщаніи между Россіей, Австріей и Пруссіей. На этой послѣдней мѣрѣ настаивала также краткая и сухая депеша, которою русскій Дворъ отклонилъ робкую попытку вмѣшательства вѣнскаго Двора.

Русскія депеши были Высочайше утверждены, подписаны и отправлены къ представителямъ Россіи въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ 1-го іюля, а нѣсколько дней

спустя, вице-канцлеръ, пригласивъ къ себѣ въ Царское Село пословъ Англіи и Франціи и австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, самъ прочиталъ имъ отвѣты свои на сообщенія трехъ Дворовъ. Твердая отповѣдь русскаго министра привела въ невыразимое смущеніе иностранныхъ дипломатовъ, не ожидавшихъ, столь же искусно мотивированнаго, сколько и рѣшительно высказаннаго отказа. Герцогъ Монтебелло, въ порывѣ досады, замѣтилъ, что французское правительство не только не удовлетворится имъ, но почтетъ его за оскорбленіе, которое немедленно поведетъ къ разрыву, а холодный и сдержанный лордъ Непиръ, по собственному признанію, почувствовалъ, что и англійское правительство не въ состояніи будетъ примириться съ даннымъ его притязаніямъ отпоромъ (I could not but feel that the determination of the russian cabinet would be highly unacceptable to Her Majesty's Government). За то русское общественное мнѣніе съ патріотическою гордостью и восторгомъ привѣтствовало обнародованіе депешъ князя Горчакова. Краснорѣчивымъ выразителемъ впечатлѣнія, произведеннаго ими на русскихъ людей, явился Катковъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: „Теперь конецъ всѣмъ ожиданіямъ, конецъ всѣмъ тревогамъ: отвѣты нашего правительства у всѣхъ передъ глазами и всякій, прочтя ихъ, вздохнетъ легко и свободно; у всякаго скажется на душѣ удовлетворенное чувство народной чести и вмѣстѣ чувство гражданской благодарности къ державной рукѣ, управляющей судьбами Россіи".

Еще ранѣе полученія русскаго отвѣта, министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III-го, Друэнъ-де-Люи, предвидя возможность, либо отказа Россіи на требованія трехъ державъ, либо неудовлетворительнаго исхода задуманной конференціи, предложилъ Дворамъ лондонскому и вѣнскому подписать протоколъ или конвенцію, коею они обязались бы дѣйствовать сообща въ польскомъ вопросѣ и условиться о рѣшеніяхъ, которыя имъ предстояло бы принять въ случаѣ недостаточности путей убѣжденія (des voies de la persuasion), для того, чтобы понудить Россію подчиниться ихъ требованіямъ. Лондонскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, какъ не согласился и на приглашеніе тюильрійскаго Двора тождественною нотою отвѣчать на русскія депеши. Все, чего удалось достигнуть французскому правительству, было общее заключеніе трехъ отвѣтныхъ депешъ изъ Лондона, Парижа и Вѣны, врученныхъ князю Горчакову во второй половинѣ августа. Въ документахъ этихъ министры англійскій, французскій и австрійскій вступали въ полемику съ русскимъ вице-канцлеромъ, оспаривали его мнѣнія, опровергали доводы, настаивали на своемъ правѣ вмѣшательства, основанномъ на постановленіяхъ вѣнскаго конгресса, отвергали предложенное Россіею частное соглашеніе съ Австріей и Пруссіей. Наибольшее раздраженіе проявила французская депеша. „Мы убѣждены", гласила она, „что слѣдуя путемъ, на который вступилъ русскій Дворъ, онъ уклоняется въ равной степени и отъ совѣтовъ благоразумной политики, и отъ постановленій трактатовъ. Не отъ державъ зависѣло, чтобы разрѣшеніе польскаго вопроса, столь тѣсно связаннаго со спокойствіемъ Европы, было обсуждено нынѣ же съ необходимыми разсудительностью и зрѣлостью. Будучи отрѣшены отъ всякихъ частныхъ корыстныхъ видовъ, не поддаваясь ни страсти, ни предвзятымъ мнѣніямъ, державы эти руководствовались единственно желаніемъ содѣйствовать усмиренію нынѣшнихъ смутъ и помочь Россіи, посредствомъ внимательнаго изученія положенія въ Польшѣ, уничтожить причину постоянно возникающихъ усложненій. Мы должны были предполагать, что русское правительство, одушевленное намѣреніями, согласными съ намѣреніями державъ, не откажется приступить къ ихъ взгляду. Подавъ имъ эту надежду, Россія предпочла отвергнуть ихъ заявленія и оспаривать ихъ компетенцію. Отстаивая безусловную независимость своихъ рѣшеній и совершенное пользованіе своими державными правами, С.-Петербургскій кабинетъ возвращаетъ и намъ полную свободу нашихъ сужденій и дѣйствій, и мы, по меньшей мѣрѣ, должны принять это къ свѣдѣнію". Слѣдовало заключеніе, дословно повторенное въ англійской и австрійской депешахъ: „Намъ остается еще исполнить настоятельный долгъ, обративъ серьезное вниманіе его сіятельства князя Горчакова на важность положенія и на отвѣтственность, которую оно возлагаетъ на Россію. Франція, Австрія и Великобританія указали на

крайнюю необходимость положить конецъ прискорбному порядку вещей, полному опасности для Европы. Онѣ указали, въ то же время, на средства, къ которымъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало-бы прибѣгнуть, дабы придти къ этой цѣли, и предложили свое содѣйствіе къ достиженію ея съ бо́льшею вѣрностью. Если Россія не сдѣлаетъ всего, что отъ нея зависитъ для осуществленія умѣренныхъ и примирительныхъ видовъ трехъ державъ; если она не вступитъ на путь, указанный ей дружественными совѣтами, то на нее ляжетъ отвѣтственность за важныя послѣдствія, которыя продолженіе смутъ можетъ повлечь за собою".

Третій и окончательный отвѣтъ русскаго Двора на сообщенія Англіи, Франціи и Австріи былъ сухъ и сжатъ, но ясенъ и точенъ. Не желая продолжать безплодныхъ словопреній, вице-канцлеръ принялъ къ свѣдѣнію выраженное тремя державами желаніе скораго возстановленія въ Царствѣ Польскомъ порядка, который возвратилъ бы спокойствіе этому краю и безопасность Европѣ, и обѣщалъ сдѣлать все зависящее отъ Россіи для достиженія этого, ею самою желаемаго результата. „Нашъ Августѣйшій Государь", заключилъ князь Горчаковъ, „по прежнему проникнутъ самыми благосклонными намѣреніями къ Польшѣ и самыми примирительными чувствами относительно всѣхъ иностранныхъ державъ. Забота о благосостояніи его подданныхъ всѣхъ племенъ и исповѣданій есть долгъ, который Его Императорское Величество возложилъ на себя предъ лицомъ Всевышняго, предъ своею совѣстью и своимъ народомъ. Государь Императоръ посвящаетъ всѣ свои усилія исполненію этого долга. Что же касается до той отвѣтственности, которая могла бы пасть на Его Величество по международнымъ отношеніямъ, то эти отношенія опредѣляются международнымъ правомъ. Лишь нарушеніе основныхъ началъ этого права можетъ навлечь отвѣтственность. Нашъ Августѣйшій Государь постоянно соблюдалъ и уважалъ эти начала относительно иностранныхъ государствъ. Его Величество въ правѣ ожидать и требовать того же уваженія и отъ другихъ державъ".

Предъ столь же ясно, сколько и твердо выраженною волею русскаго Царя склонились три державы—посредницы. Умолкли, такъ громко раздававшіеся въ пользу поляковъ, голоса англійскихъ и австрійскихъ министровъ. Одинъ Наполеонъ III долго не могъ примириться съ неудачею, постигшею замышленный и руководившійся имъ дипломатическій походъ на Россію. Съ цѣлью сгладить понесенное пораженіе, онъ, въ концѣ октября, обратился ко всѣмъ государямъ, созывая ихъ на общій конгрессъ въ Парижъ, для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, направленныхъ къ умиротворенію Европы, другими словами, для пересмотра постановленій вѣнскаго конгресса и согласованія ихъ съ перемѣнами, происшедшими во взаимномъ положеніи европейскихъ государствъ. На такое приглашеніе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Императора Александра:

„Государь, братъ мой. Указывая на глубоко тревожное положеніе Европы и пользу соглашенія между государями, которымъ ввѣрена судьба народовъ, ваше величество выражаете мысль, которая всегда была моею. Она составляла болѣе, нежели предметъ моихъ желаній: я почерпнулъ въ ней правила для образа моихъ дѣйствій. Всѣ дѣла моего царствованія свидѣтельствуютъ о моемъ желаніи замѣнить отношеніями, исполненными взаимнаго довѣрія и согласія, состояніе вооруженнаго мира, столь сильно тяготѣющаго надъ народами. Я приступилъ, лишь только могъ, къ значительному уменьшенію моихъ военныхъ силъ; въ продолженіе шести лѣтъ я освобождалъ мою Имперію отъ рекрутской повинности и предпринялъ важныя преобразованія, составляющія залогъ внутренняго постепеннаго развитія и внѣшней миролюбивой политики. Только въ виду случайностей, которыя могли угрожать безопасности и даже цѣлости моихъ владѣній, я долженъ былъ уклониться съ этого пути. Мое живѣйшее желаніе—получить возможность снова вступить на этотъ путь и избавить мои народы отъ жертвъ, которыя принимаетъ ихъ любовь къ отечеству, но отъ которыхъ страдаетъ ихъ благосостояніе. Ничто не могло бы болѣе приблизить это время, какъ повсемѣстное рѣшеніе вопросовъ, волнующихъ Европу. Опытъ свидѣтельствуетъ, что дѣйствительныя условія спокойствія міра заключаются, не въ невозможной неподвижности, ни въ шаткости политическаго устройства, которое каждо-

му поколѣнію предстояло бы разрушать и созидать, по произволу страстей и выгодъ минуты, но скорѣе въ житейской мудрости, которая всякому внушаетъ уваженіе къ установленнымъ правамъ и совѣтуетъ всѣмъ соглашенія, необходимыя для примиренія исторіи, составляющей неотъемлемое наслѣдіе прошедшаго, съ преуспѣяніемъ, которое служитъ закономъ для настоящаго и будущаго. При этихъ условіяхъ прямодушное соглашеніе между государями всегда казалось мнѣ желательнымъ. Я былъ бы счастливъ, если бы предложеніе, выраженное вашимъ величествомъ, могло привести къ нему. Но для того, чтобы это предложеніе могло осуществиться на дѣлѣ, оно должно послѣдовать не иначе, какъ съ согласія прочихъ державъ; для достиженія же этой цѣли, я полагаю необходимымъ, чтобы ваше величество соблаговолили точно указать вопросы, которые, по вашему мнѣнію, должны бы послужить предметомъ соглашенія и основаніемъ, на которомъ это соглашеніе можетъ установиться. Во всякомъ случаѣ, я могу удостовѣрить васъ, что цѣль, къ которой вы стремитесь—безъ потрясеній достигнуть умиротворенія Европы, встрѣтитъ во мнѣ живѣйшее сочувствіе".

Конгрессъ государей въ Парижѣ, на созваніе котораго Россія выразила, хотя и условное, согласіе, не состоялся, вслѣдствіе упорнаго отказа Англіи принять въ немъ участіе.

XII.

Государственныя преобразованія.

1864—1866.

Въ первый день новаго 1864 года обнародовано Положеніе о Земскихъ Учрежденіяхъ.

Коренное преобразованіе губернскаго и уѣзднаго управленій рѣшено было Императоромъ Александромъ одновременно съ первыми правительственными мѣрами къ упраздненію крѣпостнаго права. Основными началами этого преобразованія приняты тогда же: 1) назначеніе полицейскихъ чиновниковъ отъ правительства; 2) соединеніе городской полиціи съ уѣздною; и 3) отдѣленіе отъ полиціи частей слѣдственной, судебной и хозяйственной.

27-го марта 1859 года образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая коммиссія объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, съ цѣлью, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, „предоставить хозяйственному управленію бо́льшее единство, бо́льшую самостоятельность, большеедовѣріе, и опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи". Въ составъ коммиссіи вошли, подъ предсѣдательствомъ исправлявшаго должность товарища министра Н. А. Милютина, представители отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго, отъ главнаго управленія путями сообщеній, отъ II Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, отъ государственной канцеляріи, а также, с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Сверхъ того, временно приглашались въ составъ коммиссіи, для участія въ ея занятіяхъ, нѣкоторые изъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Плодомъ трудовъ коммиссіи было нѣсколько проектовъ, вошедшихъ въ Положенія о крестьянахъ, между прочимъ, установленіе мировыхъ посредниковъ; ей же принадлежитъ законъ о судебныхъ слѣдователяхъ, внесенный въ законодательство за четыре года до общей судебной реформы. Но главная ея задача: преобразованіе полиціи и начертаніе Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ была выполнена лишь на половину ко времени удаленія младшаго Милютина отъ должности товарища министра и замѣны Ланского Валуевымъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новому министру Государь поручилъ привести къ окончанію работу, начатую его предшественникомъ. Статсъ-секретарь Валуевъ занялся сначала внесеніемъ наиболѣе настоятельныхъ улучшеній въ полицейскую часть. 25-го декабря 1862 года состоялся указъ Правительствующему Сенату, коимъ вводились Временныя правила объ устройствѣ полиціи въ 44 губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи. „Обозрѣвая разные предметы государственнаго управленія", такъ начинался указъ, „требующаго новаго, болѣе соотвѣтственнаго ихъ цѣли, образованія, мы убѣдились, что одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ихъ должна занимать полиція, и вслѣдствіе того указали министру внутреннихъ дѣлъ главныя

начала, на коихъ впредь должна быть устроена эта часть". „Но такъ какъ", говорилось далѣе въ указѣ, „сіе важное дѣло можетъ воспріять окончательное свое совершеніе, когда изданы будутъ, составленныя по повелѣнію нашему и имѣющія непосредственную съ нимъ связь, уставы судоустройства и судопроизводства, и Положеніе о Земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ, а между тѣмъ, нужды государственныя теперь же настоятельно требуютъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, временныхъ измѣненій и улучшеній въ устройствѣ полиціи, особенно же въ личномъ ея составѣ, — то и введены Временныя правила, въ силу коихъ: впредь до изданія общаго учрежденія полиціи, земская и городская полиціи соединены въ одинъ составъ; земскіе исправники переименованы въ уѣздныхъ исправниковъ и не по выбору дворянства, какъ было до того, а по назначенію отъ правительства; городскіе же— упразднены". Впрочемъ, новыя правила не были распространены на столичныя полиціи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а также на полиціи нѣкоторыхъ городовъ, военныхъ портовъ и мѣстечекъ, не подвѣдомственныхъ мѣстному губернскому начальству, а состоящихъ въ завѣдываніи отдѣльныхъ управленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно увеличено содержаніе полицейскихъ чиновъ.

Въ продолженіе 1863 года, разработанный коммиссіею, подъ непосредственнымъ руководствомъ Валуева, проектъ положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ обсуждался Совѣтомъ министровъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, и по разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ Государственнымъ Совѣтомъ, 1-го января 1864 года, удостоился Высочайшаго утвержденія. Указомъ Правительствующему Сенату Императоръ возвѣстилъ, что, признавъ за благо призвать къ участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда ихъ населеніе, посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, онъ находитъ составленные министромъ внутреннихъ дѣлъ, на указанныхъ имъ началахъ, проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій, соотвѣтствующими своимъ намѣреніямъ. Главныя основанія этихъ учрежденій были слѣдующія:

Земскимъ учрежденіямъ ввѣряется, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, завѣдываніе дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, а именно: 1) завѣдываніе имуществомъ, капиталами и денежными сборами земства; 2) устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и другихъ сооруженій, а также путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства; 3) мѣры обезпеченія народнаго продовольствія; 4) благотворительныя заведенія и прочія мѣры призрѣнія, способы прекращенія нищенства, попеченіе о построеніи церквей; 5) взаимное земское страхованіе имуществъ; 6) попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности; 7) участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи; 8) содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ; 9) исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ почтовой повинности; 10) раскладка возложенныхъ на земство Высочайшею властью или закономъ государственныхъ сборовъ; 11) назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе, на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда; 12) представленіе чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ и ходатайствъ по симъ предметамъ, также чрезъ губернское начальство; доставленіе, по требованію высшаго правительства, и начальникамъ губерній свѣдѣній, до земскаго хозяйства относящихся; 13) выборъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій; 14) дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій. Земскія учрежденія раздѣляются на губернскія и уѣздныя: въ каждомъ уѣздѣ учреждается уѣздное земское собраніе и уѣздная управа; въ каждой губерніи—губернское земское собраніе и губернская земская управа. Уѣздное земское собраніе составляется изъ

гласныхъ, избираемыхъ: а) уѣздными землевладѣльцами, не принадлежащими къ сельскимъ обществамъ; б) городскими жителями всѣхъ сословій; в) собраніемъ волостныхъ старшинъ и старостъ всѣхъ сельскихъ сословій. Первые два разряда избирателей пользуются избирательнымъ правомъ по мѣрѣ пространства и цѣнности владѣемаго имущества; третій разрядъ избираетъ гласныхъ въ числѣ, опредѣленномъ количествомъ земли, состоящей въ пользованіи или владѣніи волостныхъ сельскихъ обществъ. Въ гласные могутъ быть избираемы только лица, имѣющія право быть избирателями. Уѣздная управа состоитъ изъ шести гласныхъ, избранныхъ уѣзднымъ собраніемъ; губернское собраніе—изъ гласныхъ, избранныхъ тѣмъ же уѣзднымъ собраніемъ, отъ двухъ до пяти отъ каждаго уѣзда, сообразно его населенію; губернская управа—изъ шести гласныхъ, избранныхъ губернскимъ собраніемъ. Предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ собраніи—уѣздный предводитель дворянства, въ губернскомъ—лицо, назначенное Высочайшею властью. Собранія засѣдаютъ по одному разу въ годъ, въ назначенные сроки; засѣданія губернскихъ собраній продолжаются не болѣе двадцати, уѣздныхъ—не болѣе семи дней. Управы засѣдаютъ постоянно. Собраніямъ ввѣряется общая распорядительная власть и контроль по земскимъ дѣламъ; управамъ—приведеніе въ дѣйствіе постановленій собраній, и вообще, исполнительныя мѣры по земскимъ дѣламъ. Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда и предметами, къ разряду земскихъ дѣлъ отнесенными. По дѣламъ своего вѣдомства они дѣйствуютъ самостоятельно; случаи, въ коихъ ихъ распоряженія подлежатъ утвержденію административныхъ властей, опредѣлены закономъ. Они не могутъ вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей, ни въ дѣла, другимъ мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ подвѣдомственныя.

Основы земскаго хозяйственнаго самоуправленія обсуждались, въ Высочайшемъ присутствіи, лѣтомъ 1863 года, въ самый разгаръ польскаго мятежа. Когда, годъ спустя, приступлено было ко введенію ихъ въ дѣйствіе, мятежъ былъ уже подавленъ и внѣшній порядокъ возстановленъ повсюду. Тѣмъ не менѣе, новыя учрежденія введены лишь въ 33-хъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи. Между тѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ готовился цѣлый рядъ важныхъ преобразованій, предпринятыхъ по мысли Императора Александра и по личному его почину, съ цѣлью упрочить результаты, достигнутые строгимъ подавленіемъ возстанія, и навѣки закрѣпить за Россіею Привислянскій край.

Дѣло это Императоръ возложилъ на Н. А. Милютина, лѣтомъ 1863 года вторично вызваннаго имъ изъ-за границы. Въ двухчасовой бесѣдѣ Государь лично изложилъ Милютину взглядъ свой на положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и перечислилъ причины, вынуждавшія его, не взирая на врожденное милосердіе, измѣнить примирительную систему, которой онъ слѣдовалъ въ Польшѣ съ самаго вступленія на Престолъ. Печальный опытъ убѣдилъ Императора Александра въ полной невозможности примиренія русскихъ государственныхъ началъ съ притязаніями польскаго образованнаго общества, т.-е. польскаго дворянства, крупнаго и мелкаго, духовенства и горожанъ, которые, не довольствуясь уступками, мечтали, не только о совершенномъ отдѣленіи отъ Россіи своей родины, но и объ отторженіи отъ нея такъ называемаго „забраннаго края“, то-есть, всѣхъ ея западныхъ окраинъ. Оставалось испытать другое средство и стараться привлечь къ русскому Престолу сердца польскихъ крестьянъ, составляющихъ подавляющее большинство населенія, и которые, не смотря на личную свободу, находились въ самомъ плачевномъ положеніи, состоя въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ, на земляхъ коихъ были водворены.

Задача была не легкая, но, по убѣжденію Императора Александра, никто не могъ разрѣшить ее лучше того изъ русскихъ государственныхъ людей, которому принадлежала столь значительная доля участія въ законодательныхъ трудахъ по упраздненію крѣпостнаго права въ Имперіи. Николай Милютинъ долго уклонялся отъ тяжкаго бремени, ссылаясь на совершенное незнакомство свое съ краемъ, съ польскою исторіею, законодательствомъ, языкомъ, наконецъ, на разстроенное состояніе своего здоровья. Государь насто-

ялъ, однако, на томъ, чтобы Милютинъ, зрѣло обдумавъ дѣло, представилъ ему свои соображенія относительно тѣхъ преобразованій въ Польшѣ, которыя представлялись наиболѣе неотложными и цѣлесообразными. Вторая аудіенція Николая Алексѣевича состоялась по возвращеніи Государя изъ Финляндіи и наканунѣ отъѣзда его въ Крымъ, въ половинѣ сентября 1863 года. Милютинъ повторилъ свой рѣшительный отказъ отъ назначенія на какую-либо должность въ Царствѣ Польскомъ, но выразилъ готовность отправиться для произведенія на мѣстѣ разслѣдованія и составленія общаго плана будущихъ законодательныхъ мѣръ, на что Императоръ выразилъ согласіе. Отпуская Милютина, онъ изъявилъ ему милостивое довѣріе, сказавъ, что предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій. На замѣчаніе Николая Алексѣевича, что онъ намѣренъ прежде всего заняться устройствомъ быта сельскаго населенія, какъ вопросомъ наиболѣе насущнымъ, съ которымъ онъ и самъ ближе знакомъ, чѣмъ со всѣмъ прочимъ, Государь отвѣчалъ: „Такъ и я думаю, но желалъ бы, чтобы ты не ограничился этимъ. Все управленіе въ Польшѣ въ плохомъ положеніи. Тамъ надо заняться всѣмъ". Въ заключеніе Государь разрѣшилъ Милютину, въ новомъ, возложенномъ на него порученіи, прибѣгнуть къ содѣйствію ближайшихъ его сотрудниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: Самарина и князя Черкасскаго.

Оба друга не замедлили откликнуться на призывъ Николая Милютина и всѣ трое отправились въ Варшаву, а оттуда объѣхали пять привислянскихъ губерній, тщательно изучая мѣстныя условія, знакомясь съ положеніемъ польскаго крестьянина, съ отношеніями его къ землевладѣльцу, съ особенностями сельскаго управленія и т. п. Плодомъ этой развѣдки, продолжавшейся шесть недѣль, былъ подробный докладъ, составленный Самаринымъ и представленный Милютинымъ Государю, по возвращеніи Его Величества изъ Ливадіи, въ концѣ декабря. Императоръ Александръ ласково благодарилъ Милютина и обоихъ его сотрудниковъ, и согласился на назначеніе Самарина и князя Черкасскаго въ составъ особаго комитета, которому поручено было разсмотрѣть и обсудить предположенія тріумвирата. Кромѣ ихъ, членами комитета назначены: шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, министры: Валуевъ, Зеленый, Рейтернъ, предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ совѣтѣ Чевкинъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго Платоновъ, вновь назначенный вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Царства Арцимовичъ и статсъ-секретарь Жуковскій, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, по смерти графа Блудова, назначеннаго предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ Имперіи и въ Комитетѣ Министровъ. Два мѣсяца продолжалось обсужденіе проектовъ Милютина въ Особомъ Комитетѣ, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Наконецъ, 19-го февраля 1864 года, въ девятую годовщину своего царствованія и ровно три года по дарованіи свободы русскимъ крестьянамъ, Императоръ Александръ подписалъ указы, надѣлявшіе землею крестьянъ Царства Польскаго.

Первый указъ начинался перечисленіемъ законодательныхъ мѣръ къ улучшенію поземельныхъ отношеній польскихъ крестьянъ въ предшедшее царствованіе. „Кончина не дозволила Императору Николаю I", возвѣщалъ Государь, „выполнить задуманное и предвѣщенное имъ для блага народа; но воля Родителя, вполнѣ согласная со всегдашнимъ желаніемъ нашимъ, осталась для насъ священнымъ завѣтомъ, неотложное исполненіе котораго, при самомъ вступленіи нашемъ на Престолъ, встрѣтило неодолимыя препятствія въ продолжавшейся тогда войнѣ. Немедленно по заключеніи мира, мы устремили наши заботы къ прочному устройству быта всѣхъ вообще поселянъ, какъ въ Имперіи нашей, такъ и въ нераздѣльно съ ней соединенномъ Царствѣ Польскомъ. Законодательныя мѣры, принятыя нами въ Россіи, при благословеніи Всевышняго, увѣнчались быстрымъ успѣхомъ, благодаря дѣятельной помощи, оказанной намъ въ семъ дѣлѣ русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ и жертвамъ, имъ принесеннымъ, во имя общей пользы и истиннаго человѣколюбія. Но въ Царствѣ Польскомъ, три указа и постановленія: отъ 16-го декабря 1858 года—о добровольномъ очиншеваніи крестьянъ, отъ 4-го мая 1861 года—о замѣнѣ барщины законнымъ окупомъ и, наконецъ, отъ 24-го мая 1862 года—

объ обязательномъ очиншеваніи,—не встрѣтили, къ глубокому прискорбію нашему, со стороны помѣстнаго сословія того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ, очевидно, невозможенъ. Поэтому законы эти не принесли донынѣ и тѣхъ плодовъ, которыхъ мы въ правѣ были отъ нихъ ожидать. Наконецъ, возникшія въ послѣднее время смуты и волненія, доселѣ еще не вполнѣ прекратившіяся, послужили злонамѣреннымъ людямъ средствомъ, не только отдалить исполненіе нашимъ Родителемъ обѣщаннаго и нами предпринятаго, окончательнаго устройства быта поселянъ, но и подвергать искушенію вѣрность ихъ закону и Престолу, и посѣвать въ ихъ умахъ волненія и тревогу. Здравый смыслъ поселянъ восторжествовалъ, однако же, надъ льстивыми обольщеніями, а непоколебимая ихъ вѣрность, выдержавъ всякія угрозы и насилія, запечатлѣлась даже кровью многихъ невинныхъ жертвъ. Нынѣ совершилось ровно три года съ тѣхъ поръ, какъ въ день 19-го февраля 1861 года, мы издали манифестъ и Положенія объ устройствѣ крестьянъ въ Россіи. И въ Царствѣ Польскомъ, настоящій день мы знаменуемъ исполненіемъ священнаго завѣта Родителя нашего, нашихъ собственныхъ давнишнихъ желаній и упованій многочисленнаго, вѣрнаго намъ сословія поселянъ. Да останется сей день вѣчно памятенъ и крестьянамъ Царства, какъ день вновь возникающаго ихъ благосостоянія. Да будетъ сіе благосостояніе ихъ счастливымъ предвѣстіемъ того общаго преуспѣянія и благоденствія, водвореніе коего, во всѣхъ слояхъ населенія Царства, составляетъ предметъ нашего постояннаго желанія и непоколебимой надежды". Слѣдовало изложеніе основаній, на которыхъ состоявшія въ пользованіи крестьянъ земли переходили въ полную ихъ собственность, въ общихъ чертахъ сходныя съ тѣми, что́ занесены были въ Положенія объ устройствѣ быта крестьянъ въ Имперіи, но съ тѣмъ различіемъ, что выкупъ, при содѣйствіи правительства, полагался обязательный, съ немедленнымъ прекращеніемъ всякихъ непосредственныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ.

Второй указъ установлялъ сельскую гмину (волость) на началахъ самоуправленія. „Со дня вступленія нашего на прародительскій Престолъ", говорилось во введеніи къ указу, „мы предназначили себѣ цѣлью постепенное и прочное устройство правительственныхъ учрежденій Царства Польскаго въ духѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ новаго времени и новой гражданственности. Возникшія смуты и волненія остановили, при самомъ приступѣ, водвореніе новыхъ, дарованныхъ Царству учрежденій. Тѣмъ не менѣе, мы и нынѣ постоянно хранимъ въ сердцѣ нашемъ намѣреніе образовать правительственныя въ Царствѣ установленія на прочныхъ и справедливыхъ основаніяхъ. Указомъ, сего числа нами подписаннымъ, окончательно утвержденъ бытъ многочисленнаго сословія поселянъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаются собственниками земли, донынѣ состоявшей въ ихъ пользованіи; владѣльцамъ же сей земли, за поступленіе оной въ собственность крестьянъ и упраздненіе, вслѣдствіе того, крестьянскихъ повинностей, постановлено выдать, изъ казны Царства, соотвѣтственное вознагражденіе. Послѣ сего не осталось никакой уважительной причины сохранять долѣе за владѣльцами земли, такъ называемую, патримоніальную юрисдикцію и сопряженную съ званіемъ гминныхъ войтовъ власть, тѣмъ болѣе, что уже и въ прежнее время, учрежденіе сіе далеко не обезпечивало общественнаго порядка и строгой справедливости. Съ другой стороны, трехлѣтній опытъ въ Имперіи доказалъ пользу допущенія крестьянъ къ участію въ дѣлахъ сельскаго управленія. Мы не сомнѣваемся, что и польскіе крестьяне, въ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ обнаружившіе свой здравый смыслъ и свое уваженіе къ законной власти, оправдаютъ наше къ нимъ довѣріе". Сельская гмина въ Царствѣ Польскомъ получила устройство, однородное съ русскою волостью, безъ введенія, однако, въ нее начала общиннаго владѣнія землею. Наслѣдственные войты-помѣщики замѣнены войтами, избираемыми, какъ и всѣ должностныя лица сельскаго управленія, крестьянами изъ своей среды. Введеніе въ дѣйствіе новаго гминнаго устройства возлагалось на вновь образованный въ Царствѣ Польскомъ учредительный комитетъ. Всѣ эти узаконенія дополнялись еще двумя указами: о ликвидаціонной комиссіи для производства выкупа крестьянскихъ земель

и выдачи вознагражденія владѣльцамъ, и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій.

Съ Высочайшими указами отправленъ въ Варшаву генералъ-адъютантъ графъ Барановъ. Торжественное обнародованіе ихъ въ этомъ городѣ и по деревнямъ въ губерніяхъ принято съ восторгомъ польскими крестьянами. Депутація отъ поселянъ прибыла въ Петербургъ, чтобы повергнуть чувства благодарности къ подножію царскаго Престола. Государь принялъ ее въ Зимнемъ дворцѣ, 7-го апрѣля. При появленіи его, крестьяне пали на колѣни и поднесли хлѣбъ-соль. Его Величество прошелъ чрезъ ихъ ряды, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ милостивыми разспросами; потомъ, подозвавъ ихъ къ себѣ, велѣлъ статсъ-секретарю Платонову передать имъ по-польски, что благодаритъ ихъ за вѣрность, оказанную законному правительству; что, слѣдуя собственному желанію и исполняя завѣтъ незабвеннаго Родителя своего, онъ даровалъ имъ нынѣ важныя права, и вполнѣ надѣется, что они навсегда останутся вѣрными ему, будутъ повиноваться властямъ, отъ него установленнымъ, и въ точности исполнять свои обязанности по утвержденнымъ Высочайшею властью постановленіямъ; что Царь поручаетъ депутатамъ передать его слова крестьянамъ тѣхъ мѣстностей, по избранію которыхъ они прибыли. Крестьяне прерывали царскую рѣчь восклицаніями: „Будемъ вѣрны, не будемъ щадить ни жизни нашей, ни достоянія; будемъ послушны, будемъ въ точности исполнять наши обязанности, никогда не забудемъ великихъ благодѣяній Государя Императора и Царя польскаго!“ Нѣсколько дней спустя, Его Величество, съ августѣйшими сыновьями и братьями, почтилъ своимъ присутствіемъ обѣдъ, данный отъ Высочайшаго Двора въ залѣ городской думы польскимъ крестьянамъ-депутатамъ, за которымъ они сидѣли въ перемежку съ русскими волостными старшинами и сельскими старостами Петербургской и смежныхъ съ нею губерній.

Приведеніе въ дѣйствіе Положеній о надѣленіи землею польскихъ крестьянъ и объ устройствѣ ихъ самоуправленія ввѣрено было Государемъ Николаю Милютину и его ближайшимъ сотрудникамъ. Князь Черкасскій назначенъ главнымъ директоромъ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, а учредительный комитетъ, образованный въ Варшавѣ для руководства мѣстною крестьянскою реформой, составленъ изъ русскихъ членовъ. Изъ гвардейскихъ офицеровъ, православныхъ по вѣрѣ и русскихъ по происхожденію, набранъ едва ли не весь составъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, исполнявшихъ въ Польшѣ обязанности мировыхъ посредниковъ. Милютинъ самъ знакомилъ ихъ съ предстоявшею имъ дѣятельностью, наставляя и научая, какъ поступать для осуществленія видовъ правительства. Возведенный въ званіе статсъ-секретаря, съ наименованіемъ главнымъ начальникомъ Собственной Его Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, онъ все свое время дѣлилъ между Варшавою и Петербургомъ, тамъ собирая матеріалы для ряда законопроектовъ, долженствовавшихъ преобразовать весь Привислянскій край, здѣсь обработывая ихъ и защищая въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, въ коемъ онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ и который, изъ временнаго, преобразованъ въ постоянный, „для соблюденія“, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, „надлежащей послѣдовательности и единства направленія, какъ въ законодательныхъ, по преобразованіямъ въ Царствѣ Польскомъ, работахъ, такъ и въ разрѣшеніи важнѣйшихъ административныхъ по Царству дѣлъ“.

Одновременно шла дѣятельная работа по обрусѣнію Сѣверо-Западнаго края подъ энергическимъ руководствомъ генералъ-губернатора Муравьева. Въ концѣ апрѣля 1864 года, онъ прибылъ въ Петербургъ и лично вручилъ Государю записку съ изложеніемъ своихъ предположеній относительно тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять во ввѣренныхъ ему областяхъ, чтобы уничтожить въ нихъ корень мятежа и упрочить за Россіею спокойное обладаніе ея окраинами. Михаилъ Николаевичъ рѣшительно отвергалъ мысль о примиреніи съ польскою народностью и совѣтовалъ не довѣрять притворнымъ увѣреніямъ поляковъ въ покорности. Правительство, разсуждалъ онъ, должно твердо усвоить мысль, что Западный край—исконно русскій, составляющій древнее достояніе Россіи, что русская народность численностью

превосходитъ всѣ прочія племена, его населяющія, и что въ немъ не должно быть мѣста польскому вліянію, ни племенному, ни религіозному; что смирить и обуздать шляхту и духовенство можно только мѣрами строгой справедливости, отнюдь не снисходительностью или потворствомъ. Для прочнаго утвержденія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи русскаго владычества Муравьевъ полагалъ необходимымъ: „1) Упрочить и возвысить русскую народность и православіе, такъ, чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда-либо, сдѣлаться польскимъ. Въ сихъ видахъ, въ особенности, снова заняться прочнымъ устройствомъ быта крестьянъ и распространеніемъ общественнаго образованія, въ духѣ православія и русской народности. 2) Поддержать православное духовенство, поставивъ его въ положеніе независимое отъ землевладѣльцевъ, дабы совокупно съ народомъ оно могло твердо противустоять польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни; римско-католическое же духовенство поставить въ такое положеніе, чтобъ оно не могло болѣе вредить своимъ фанатическимъ возбужденіемъ обывателей къ противодѣйствію постановленіямъ правительства и для сего учредить за нимъ повсюду строжайшее наблюденіе и взыскивать неукоснительно за всякое отступленіе отъ законнаго порядка и, въ особенности, за манифестаціи въ смыслѣ польской пропаганды. 3) Въ отношеніи общей администраціи принять слѣдующія мѣры: устроить такимъ образомъ правительственные органы въ краѣ, чтобы высшія служебныя мѣста и мѣста отдѣльныхъ начальниковъ, а равно всѣ тѣ, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, были замѣщены чиновниками русскаго происхожденія. Водворить русскій элементъ въ краѣ всѣми возможными средствами, какъ-то: поселеніемъ тамъ русскихъ крестьянъ, продажею русскимъ лицамъ всѣхъ сословій конфискованныхъ, секвестрованныхъ и просроченныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣній, изгнаніемъ изъ края всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ и крамолахъ, и недопущеніемъ ихъ возвращаться на родину, ибо своимъ присутствіемъ они, безъ всякаго сомнѣнія, значительно усугубили бы зло, чему бывали неоднократные примѣры. Наконецъ, само высшее правительство должно идти твердо и непоколебимо избраннымъ имъ путемъ, отнюдь не допуская въ край польскаго элемента, прекращая неукоснительно строгими мѣрами всякія, даже малѣйшія попытки къ распространенію польской пропаганды и имѣя въ виду, что хотя, въ настоящее время, революціонная организація и жондъ уже обезсилены и уничтожены въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но многіе изъ его агентовъ продолжаютъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Западнаго края, въ столицахъ и внутри Имперіи".

Послѣднія слова заключали намекъ на покровительство и поддержку, которую поляки, какъ опасался Муравьевъ, снова обрѣли въ высшихъ русскихъ правительственныхъ кругахъ. Дѣйствительно, въ Комитетѣ Министровъ, куда Государь передалъ его записку съ приказаніемъ разсмотрѣть ее въ семидневный срокъ, противъ нея возражали нѣкоторые члены. За то другіе, и въ ихъ числѣ Дмитрій Милютинъ, Зеленый и Чевкинъ, съ жаромъ высказались въ пользу предложеній генералъ-губернатора. Государь одобрилъ бо́льшую ихъ часть и только не согласился на безвозвратную высылку неблагонадежныхъ лицъ изъ Сѣверо-Западнаго края на житье въ отдаленныя области Имперіи, съ обязательствомъ продать оставшееся у нихъ въ краѣ томъ недвижимое имущество. Скоро вошли въ законную силу распоряженія о возвышеніи окладовъ русскаго духовенства, объ упраздненіи римско-католическихъ монастырей, замѣшанныхъ въ мятежѣ, объ ограниченіи правъ латинскаго духовевства на постройку костеловъ и на назначеніе къ духовнымъ должностямъ безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, объ упраздненіи польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, о повсемѣстномъ введеніи русскихъ школъ, объ увеличеніи содержанія русскимъ чиновникамъ, прибывающимъ въ край на службу, о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ польской пропаганды, объ уничтоженіи всѣхъ внѣшнихъ признаковъ преобладанія польскаго элемента въ краѣ, о возможно бо́льшемъ ограниченіи въ назначеніи лицъ польскаго происхожденія на служебныя должности и т. п. Тѣ же мѣры введены и въ Юго-Западномъ краѣ преемникомъ Анненкова въ званіи кіевскаго, волынска-

го и подольскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютантомъ Безакомъ.

Весною 1864 года отпразднована въ С.-Петербургѣ память двухъ историческихъ событій: 18-го марта — пятидесятилѣтіе взятія Парижа русскими войсками въ 1814 году—парадомъ и обѣдомъ въ Зимнемъ Дворцѣ, къ которому приглашены были всѣ оставшіеся въ живыхъ участники славнаго боя, и 5-го мая—столѣтіе основанія Императрицею Екатериною II Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, пожалованіемъ этому высшему женскому учебному заведенію Высочайшей грамоты съ прописаніемъ заслугъ, принесенныхъ имъ дѣлу женскаго образованія въ Россіи. По этому послѣднему случаю, Императоръ Александръ, въ теплыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ, изъявилъ свою признательность главному начальнику вѣдомства Императрицы Маріи, принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

Съ 1857 года, т.-е. въ продолженіе семи лѣтъ, Императоръ Александръ не выѣзжалъ изъ предѣловъ Россіи, если не считать трехдневной поѣздки его изъ Варшавы въ Бреславль, осенью 1859 года, для свиданія съ принцемъ-регентомъ прусскимъ. Весною 1864 года, состояніе здоровья Императрицы Маріи Александровны потребовало отправленія ея на заграничныя воды. Государь сопровождалъ больную супругу. 26-го мая Ихъ Величества выѣхали изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ и имѣли первый ночлегъ въ Динабургѣ. На другой день Императоръ принималъ витебскихъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и депутаціи отъ сельскихъ обществъ губерній Витебской и Ковенской. Въ переднихъ рядахъ стояли крестьяне съ медалями на георгіевскихъ и аннинскихъ лентахъ, — тѣ, что во время польскаго мятежа поголовно возстали на поляковъ и подавили мятежъ въ своей мѣстности. Многіе изъ нихъ были ранены въ схваткахъ съ повстанцами. Они поднесли Императору хлѣбъ-соль и икону св. Александра Невскаго. Замѣтивъ одного безрукаго крестьянина, Государь спросилъ—въ какомъ дѣлѣ онъ лишился руки? и прибавилъ: „нѣтъ ли еще раненыхъ"? Такихъ оказалось нѣсколько. Государь съ милостивымъ участіемъ освѣдомился, хорошо ли залечены ихъ раны, благодарилъ крестьянъ за вѣрность и усердіе, и выразилъ надежду, что они и на будущее время пребудутъ такими же, какими были до сихъ поръ. Въ Вильнѣ Ихъ Величества остановились всего на нѣсколько минутъ. Государь выразилъ полное удовольствіе главному начальнику края и обѣщалъ, на возвратномъ пути, провести день въ Вильнѣ и сдѣлать тамъ смотръ войскамъ; представившихся ему военныхъ и гражданскихъ чиновъ благодарилъ за службу и преданность Престолу и отечеству; изъ рукъ городского головы принялъ хлѣбъ-соль. Въ Ковнѣ встрѣтилъ Ихъ Величества намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ, который, вмѣстѣ съ генераломъ Муравьевымъ, проводилъ ихъ до самой границы.

29-го мая Августѣйшіе путешественники прибыли въ Потсдамъ, гдѣ ждалъ ихъ король Вильгельмъ прусскій. Въ честь Государя состоялся большой смотръ. 31-го мая Императоръ и Императрица достигли Дармштадта и, пробывъ тамъ два дня, отправились въ Киссингенъ. Тамъ Государь и Государыня оставались цѣлый мѣсяцъ, проходя курсъ леченія водами. Изъ Киссингена, Императоръ отвезъ Императрицу въ Швальбахъ, а самъ, прогостивъ одинъ день въ замкѣ Вильгельмсталь, близъ Эйзенаха, у великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго и другой—у королевы прусской Августы въ Бабельсбергѣ, подъ Потсдамомъ, 8-го іюля, вечеромъ, пріѣхалъ въ Вильну и остановился въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ.

Не смотря на поздній часъ, Муравьевъ имѣлъ въ тотъ же вечеръ продолжительный словесный докладъ у Государя. Онъ подробно изложилъ ему состояніе ввѣреннаго ему края, настаивая на необходимости настойчиво проводить мѣры, предпринятыя для его обрусѣнія, ни подъ какимъ видомъ не снимать военнаго положенія и вообще, отказаться отъ какихъ-либо снисхожденій къ полякамъ, или помилованій. Императоръ Александръ успокоилъ Муравьева, сказавъ, что вполнѣ раздѣляетъ его взглядъ на дѣло. На другой день, Его Величество посѣтилъ православный Свято-Духовъ монастырь, гдѣ встрѣченъ митрополитомъ Іосифомъ, и при выходѣ изъ монастыря удостоилъ пріемомъ губернаторовъ и другихъ высшихъ чиновъ Сѣверо-Западнаго края, а также обратился съ милостивымъ словомъ къ многочисленнымъ

депутаціямъ крестьянъ, объясняя имъ ихъ обязанности относительно правительства и закона. Польское дворянство и римско-католическое духовенство не были приняты Его Величествомъ. Смотръ войскамъ произведенъ на полѣ, за Зеленымъ мостомъ. По окончаніи смотра, Императоръ отсалютовалъ сопровождавшему его на конѣ Муравьеву и поздравилъ его съ назначеніемъ шефомъ Пермскаго пѣхотнаго полка. Такой же смотръ состоялся на слѣдующій день, въ Динабургѣ. 10-го іюля Его Величество возвратился въ Царское Село.

Цѣлый мѣсяцъ Государь провелъ въ обычныхъ занятіяхъ въ Красносельскомъ лагерѣ, а въ половинѣ августа, съѣздилъ на три дня въ Москву. Ко дню своихъ именинъ онъ спѣшилъ вернуться къ Императрицѣ, ожидавшей его въ замкѣ Югенгеймѣ, близь Дармштадта. Туда же къ этому дню пріѣхалъ и король прусскій, чтобы провести его въ кругу русской державной семьи. 30-го августа Государь подписалъ три указа: первымъ, по случаю исполнившагося полустолѣтія съ основанія Комитета о раненыхъ, онъ назначилъ предсѣдателемъ означеннаго Комитета Великаго Князя Константина Николаевича, „кровію запечатлѣвшаго“, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, „доблестное служеніе свое Престолу и Отечеству“; вторымъ—распространилъ на Царство Польское узаконенную въ Имперіи отмѣну тѣлесныхъ наказаній; третьимъ — повелѣлъ преобразовать на новыхъ основаніяхъ учебную и воспитательную часть въ Царствѣ Польскомъ.

Послѣднее преобразованіе было вторымъ трудомъ Николая Милютина по переустройству Привислянскаго края. Оно обнимало: начальныя училища, женскія гимназіи, русскую гимназію въ Варшавѣ съ состоящими при ней женскою прогимназіею и начальною школою, главное Варшавское нѣмецкое начальное училище, и, сверхъ того, установляло въ Царствѣ Польскомъ десять учебныхъ дирекцій.

„Признавая необходимымъ“, гласилъ рескриптъ на имя намѣстника, графа Берга, „по мѣрѣ возстановленія порядка въ Царствѣ Польскомъ, продолжать и развивать тѣ коренныя преобразованія, коимъ начало положено указомъ моимъ отъ 19-го февраля сего года, я желаю и твердо буду настаивать, чтобы преобразованія сіи совершались постоянно и неуклонно; ибо безъ полнаго обновленія гражданскаго быта въ Царствѣ невозможно обезпечить въ будущемъ правильное и прочное развитіе сего края. Въ сихъ видахъ, мои особенныя заботы устремлены, между прочимъ, на улучшеніе тамъ системы народнаго образованія. Никакая отрасль государственной дѣятельности не требуетъ для достиженія предположенной цѣли столь продолжительныхъ и настойчивыхъ усилій, какъ дѣло общественнаго воспитанія, въ коемъ добрыя сѣмена растутъ и зрѣютъ лишь вмѣстѣ съ новыми поколѣніями. Поэтому я нахожу нужнымъ воспользоваться первыми днями возрождающагося порядка и спокойствія, чтобы возобновить прерванныя смутами, попеченія мои о лучшемъ и правильнѣйшемъ устройствѣ учебной части въ Царствѣ. Общій о семъ уставъ, утвержденный мною 8-го мая 1862 года, положилъ уже въ основаніе всѣхъ тамошнихъ учебныхъ заведеній нравственно-религіозное образованіе; для училища высшаго разряда принялъ преимущественно общее классическое обученіе, не исключающее, впрочемъ, развитія спеціальныхъ познаній; доступъ во всѣ, вообще, учебныя заведенія открылъ лицамъ всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій; наконецъ, значительно распространилъ число и составъ училищъ, особенно среднихъ и высшихъ, и обезпечилъ имъ, бо́льшею частью, достаточныя для существованія средства. Эти коренныя основанія устава 1862 года должны быть сохранены въ точности и на будущее время. Принимая ихъ за неизмѣнную исходную точку, я признаю за благо, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, поставить къ непремѣнному руководству слѣдующія главныя основанія: 1) Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное обученіе между крестьянами. При такомъ лишь условіи, они вполнѣ воспользуются благодѣяніями новаго закона и представятъ твердый оплотъ для охраненія общественнаго мира и порядка. Изъ представленныхъ свѣдѣній, усмотрѣвъ съ истиннымъ удовольствіемъ, что сами крестьяне почти повсемѣстно начинаютъ ясно сознавать потребность въ образованіи, я съ довѣріемъ возлагаю на вновь созданныя

сельскія общества ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіе ихъ нужными средствами; правительственнымъ же мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе касается, поручаю принять въ этомъ важномъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе. Не сомнѣваюсь, что, при вашемъ личномъ содѣйствіи, возникнетъ и устроится, въ самомъ непродолжительномъ времени, надлежащее число сельскихъ школъ и, такимъ образомъ, пополнится одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ прежнихъ системахъ польскаго общественнаго воспитанія. 2) Обученіе женщинъ было также, до сего времени, предметомъ лишь нѣкоторыхъ, со стороны правительства, частныхъ мѣръ, или недоконченныхъ попытокъ. Необходимо принять общую, въ дѣлѣ женскаго образованія, систему, сообразно съ потребностями разныхъ сословій, такъ какъ умственное и нравственное образованіе женскаго населенія будетъ лучшимъ ручательствомъ правильнаго развитія грядущихъ поколѣній. Принимая, въ этомъ отношеніи, какъ и по другимъ отраслямъ народнаго воспитанія, мѣры твердыя, но послѣдовательныя и осторожныя, я считаю полезнымъ нынѣ же приступить, на первый разъ, въ главнѣйшихъ городахъ Царства, къ учрежденію открытыхъ женскихъ училищъ, столь успѣшно и благотворно уже дѣйствующихъ въ Имперіи и въ самой Варшавѣ. 3) При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботою правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было, превратить разсадники науки въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія и возвышая въ немъ уровень преподаванія. 4) Съ этою цѣлью, предоставляя польскому юношеству возможность обучаться на его природномъ языкѣ, надлежитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять во вниманіе, что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо, между прочимъ, озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ; а въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, то-есть, или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или же на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей. Задача Россіи въ отношеніи къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи къ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія".

Приложенные къ рескрипту указы не исчерпывали, однако, всѣхъ преобразованій учебной и воспитательной части въ Царствѣ Польскомъ. Намѣстнику предоставлялось представить въ самомъ непродолжительномъ времени на Высочайшее усмотрѣніе предположенія о „дальнѣйшемъ развитіи и лучшемъ устройствѣ" всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ. Имѣлось при этомъ въ виду: преобразовать земледѣльческія училища; устроить правильные курсы для приготовленія учителей начальныхъ школъ; спеціальныя уѣздныя училища обратить въ семиклассныя реальныя гимназіи, а общія уѣздныя училища въ прогимназіи: одни въ реальныя, другія — въ классическія; Люблинскій лицей преобразовать въ гимназію, и всѣмъ, вообще, гимназіямъ въ Царствѣ дать основательное классическое направленіе; преобразовать Главную школу въ Варшавскій университетъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ общимъ уставомъ русскихъ университетовъ; заняться окончательнымъ устройствомъ Александро-Маріинскаго дѣвичьяго института въ Варшавѣ, а также институтовъ земледѣльческаго и политехническаго. „Даруя всѣмъ жителямъ Царства", такъ заключалъ Государь рескриптъ свой графу Бергу, „безъ различія состояній, происхожденія и вѣроисповѣданій, средства къ основательному образованію молодаго поколѣнія, я надѣюсь, что плодотворная научная дѣятельность предохранитъ впредь польское юношество отъ тѣхъ безразсудныхъ увлеченій, которыя, составивъ несчастіе столь многихъ людей, препятствовали доселѣ и преуспѣянію цѣлаго края".

Изъ Югенгейма Императоръ и Государь

рыня навѣстили въ Фридрихсгафенѣ королеву Виртембергскую Ольгу Николаевну; затѣмъ Государь ѣздилъ въ Швальбахъ, чтобы посѣтить пользовавшуюся тамъ водами императрицу французовъ и, 10-го сентября, въ сопровожденіи Цесаревича Николая Александровича, прибылъ въ Потсдамъ, гдѣ, въ продолженіи трехъ дней, участвовалъ въ маневрахъ прусскаго гвардейскаго корпуса, происходившихъ въ присутствіи короля. Изъ Берлина, Наслѣдникъ уѣхалъ въ Копенгагенъ, а Императоръ возвратился въ Августѣйшей супругѣ въ Дармштадтъ, заѣхавъ по пути къ двоюродному брату, великому герцогу Александру саксенъ-веймарскому, въ Вильгельмсталь. Изъ Дармштадта, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ получилъ, въ ночь на 20-е сентября, слѣдующую телеграмму отъ Его Величества: „Возвѣстите обывателямъ столицы 101 пушечнымъ выстрѣломъ о помолвкѣ Наслѣдника съ принцессою Датскою Дагмарою. Мы увѣрены, что всѣ наши вѣрноподданные раздѣлятъ нашу радость и, вмѣстѣ съ нами, призовутъ Божіе благословеніе на юную чету".

Леченіе водами въ Киссингенѣ и Швальбахѣ, хотя и улучшило состояніе здоровья Императрицы, но врачи настойчиво совѣтовали Ея Величеству провести зиму въ тепломъ климатѣ. 3-го октября посѣтилъ Государя и Государыню въ Дармштадтѣ король Вильгельмъ прусскій, а 6-го Ихъ Величества выѣхали, чрезъ Мюльгаузенъ, Ліонъ и Марсель, въ Ниццу, куда и прибыли 10-го. Императоръ французовъ принялъ всѣ мѣры, чтобы въ этомъ французскомъ городѣ былъ оказанъ русской царственной четѣ самый предупредительный пріемъ; онъ предоставилъ въ распоряженіе Государыни собственную яхту «*L'Aigle*», посланную въ Виллафранку, а 15-го октября самъ пріѣхалъ въ Ниццу, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе Государю и Императрицѣ. По отъѣздѣ Наполеона III, Императоръ Александръ выѣхалъ обратно въ Россію, остановясь лишь на два дня въ Потсдамѣ, по усиленной просьбѣ короля прусскаго. Вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ Петербургъ, послѣ продолжительной отлучки за границей, и Великій Князь Константинъ Николаевичъ, снова вступившій въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, а къ новому году назначенный предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Одобривъ произведенныя въ его отсутствіе новыя законодательныя работы Николая Милютина по преобразованію Царства Польскаго, Государь, 27-го октября, подписалъ указъ объ упраздненіи значительнаго числа римско-католическихъ монастырей въ этомъ краѣ. Правительственной мѣрѣ предпослано обширное изложеніе причинъ.

„Соблюдая завѣты Августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ", говорится во введеніи къ указу, „и слѣдуя искреннѣйшимъ побужденіямъ нашего сердца, мы всегда охраняли законныя права и неприкосновенность религій, исповѣдуемыхъ нашими вѣрными подданными. Въ семъ случаѣ, мы лишь руководствовались тѣми непреложными началами вѣротерпимости, которыя составляютъ одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными историческими преданіями православной церкви и русскаго народа. И въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ большинство жителей принадлежитъ къ церкви римско-католической, мы имѣли особливое попеченіе о благосостояніи сей церкви, сохраняя всѣ ея учрежденія въ томъ видѣ, какъ они сложились самостоятельно, въ прежнее время. Въ 1861 и 1862 годахъ, даруя жителямъ Царства разныя льготы и преимущества, мы распространили оныя и на римско-католическое духовенство, ввѣривъ, въ то же время, заботы о его нуждахъ особому высшему управленію изъ лицъ, несомнѣнно преданныхъ римско-католической церкви. Съ тѣмъ бо́льшею скорбію усмотрѣли мы, что во время возникшихъ, вслѣдъ затѣмъ, въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною, ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣди Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные предъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые вступали сами въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровію невинныхъ жертвъ. Сколь ни прискорбны для сердца нашего сіи горестныя явленія, потрясающія самыя основы религіознаго и нравственнаго быта

ввѣреннаго намъ Всевышнимъ Промысломъ народа, они, тѣмъ не менѣе, не охлаждаютъ заботливости нашей о благоустроеніи римско-католической церкви и духовенства въ Царствѣ Польскомъ. Въ сихъ видахъ, мы повелѣли учредительному комитету составить и представить намъ проекты штатовъ, которые обезпечили бы въ Польшѣ матеріальное положеніе приходскаго римско-католическаго духовенства, дабы не только уравнять, по возможности, выгоды, извлекаемыя членами онаго изъ бенефицій, но, въ особенности, улучшить бытъ тѣхъ изъ приходскихъ настоятелей, которые нынѣ, по крайней невѣрности или скудости дохода, наиболѣе стѣснены въ своихъ средствахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжелый опытъ едва пройденныхъ дней вынуждаетъ насъ принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій, подобныхъ тѣмъ, которыми монашествующее сословіе въ Царствѣ ознаменовало участіе свое въ послѣднемъ мятежѣ. Мы убѣдились въ невозможности оставить монастыри Царства въ томъ исключительномъ состояніи, которое предоставлялось имъ доселѣ, по особенному снисхожденію правительства, тогда какъ, въ бо́льшей части римско-католическихъ государствъ Европы, давно уже приняты мѣры къ подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству, къ упраздненію монастырей, не имѣющихъ опредѣленнаго каноническими правилами числа монаховъ, или обнаружившихъ вредное направленіе, и къ передачѣ въ казенное завѣдываніе монастырскихъ имѣній, управленіе коими увлекаетъ духовенство отъ его прямого призванія. Находя, что и въ Царствѣ Польскомъ подобныя мѣры необходимы для возстановленія въ римско-католическихъ монастыряхъ нарушеннаго благочинія, мы повелѣли учредить въ Варшавѣ общую о монастыряхъ коммиссію изъ лицъ, частію нами самими, частію намѣстникомъ нашимъ назначенныхъ. Коммиссія эта тщательно разсмотрѣла вопросъ о томъ, которыя именно изъ обителей подлежатъ упраздненію по малому въ нихъ числу иноковъ, а равно изслѣдовала участіе отдѣльныхъ монастырей въ дѣйствіяхъ послѣдняго мятежа".

Согласно докладу этой коммиссіи, постановлялось: упразднить тѣ изъ римско-католическихъ монастырей, въ Царствѣ Польскомъ, мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ нѣтъ опредѣленнаго каноническими правилами числа монашествующихъ, а именно тѣ, въ коихъ менѣе восьми монаховъ или монахинь; равномѣрно закрыть всѣ тѣ монастыри, которые принимали явное и доказанное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ; монашествующимъ лицамъ упраздненныхъ монастырей предоставить: или продолжать монашескую жизнь, по правиламъ своего ордена, въ другихъ монастыряхъ, коимъ для сего назначается добавочное отъ казны пособіе, или отправиться за границу безъ права возвращенія, съ полученіемъ пособія на путевые расходы и пожизненной пенсіи; въ церквахъ закрытыхъ монастырей богослуженія не прекращать, но передать ихъ въ завѣдываніе епархіальнаго начальства; сохранить и существовавшія при сихъ монастыряхъ начальныя училища, а также богадѣльни, больницы и богоугодныя заведенія, съ передачею первыхъ завѣдыванію правительственной коммиссіи народнаго просвѣщенія, остальныхъ—коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ; бывшія миссіонерскія семинаріи соединить съ семинаріями епархіальными; всѣ прочіе монастыри подчинить епархіальному начальству; монастырскія имущества отобрать въ казну, съ производствомъ изъ ихъ доходовъ содержанія штатнымъ монастырямъ, пенсій монахамъ и монахинямъ, удаленнымъ за границу, содержанія богоугоднымъ заведеніямъ и пособій начальнымъ народнымъ школамъ.

Въ силу новаго закона, упраздненъ 71 мужской монастырь, съ 304 монахами, и 4 женскихъ, съ 14 монахинями, какъ не достигавшіе опредѣленнаго церковными канонами числа монашествующихъ въ нихъ; за соучастіе же въ мятежѣ, закрыто 39 мужскихъ монастырей, съ 674 монахами; сверхъ того, упразднены 4 уніатскія обители; затѣмъ осталось въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей: 45 мужскихъ, съ 657 монахами, и 38 женскихъ, съ 535 монахинями.

1864-й годъ, начало котораго ознаменовано предоставленіемъ земству права самому вѣдать свои хозяйственныя нужды и пользы, завершился кореннымъ преобразованіемъ судебной части, совершенно

видоизмѣнившимъ условія отправленія правосудія въ Россіи.

Судебная реформа, подобно крестьянской, была завѣщана Императору Александру предшедшимъ царствованіемъ. Сознавая крупные недостатки отечественнаго судоустройства и судопроизводства, Императоръ Николай поручилъ, въ сороковыхъ годахъ, главноуправлявшему II Отдѣленіемъ своей канцеляріи, Д. Н. Блудову, составить предположенія объ улучшеніи этой важной отрасли государственнаго управленія. Въ 1850 и 1852 годахъ, при означенномъ отдѣленіи, образованы были комитеты для составленія проектовъ уставовъ, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства, которые, вскорѣ по вступленіи на Престолъ Александра Николаевича, и были внесены Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ. Въ эти проекты включены уже нѣкоторыя измѣненія, соображенныя, какъ сказано во вступительной запискѣ, „съ непреложными началами юридической науки". Такъ, проведены въ нихъ начала отдѣленія судебной части отъ административной, устности и гласности; въ гражданскомъ процессѣ отмѣнена канцелярская тайна, допущено состязаніе сторонъ, предположено учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ; въ уголовномъ процессѣ—полиція устранена отъ производства слѣдствія, обвиненію противопоставлена равноправная защита, ослаблена теорія законныхъ доказательствъ и судейскому убѣжденію открытъ широкій просторъ. Но эти частныя нововведенія казались уже недостаточными, какъ несоотвѣтствовавшія духу и потребностямъ времени, и потому, осенью 1861 года, по соглашенію государственнаго секретаря Буткова съ графомъ Блудовымъ, составленъ всеподданнѣйшій докладъ, который, оставляя за Блудовымъ, высшее наблюденіе за общимъ ходомъ преобразованія, предлагалъ возложить на особую коммиссію при государственной канцеляріи „съ прикомандированными къ ней юристами", извлечь изъ прежнихъ проектовъ „главныя основныя начала судебной реформы". Государь, по возвращеніи изъ Ливадіи, утвердилъ эти предположенія, и новая коммиссія усердно принялась за работу. Въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, вошли, кромѣ чиновъ государственной канцеляріи, представители министерства юстиціи и II-го Отдѣленія, а также юристы-эксперты изъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства. Программою коммиссіи служило Высочайшее повелѣніе, разрѣшавшее ея членамъ, въ трудахъ своихъ, руководствоваться данными, добытыми „наукою и опытомъ европейскихъ государствъ", сообразуясь съ которыми, въ нѣсколько мѣсяцевъ выработаны были Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи. По разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, они утверждены Императоромъ и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе 29-го сентября 1862 года.

Сущность Основныхъ Положеній заключалась въ слѣдующемъ: отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной вообще, и въ частности: по гражданскому судопроизводству—отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной, а по уголовному—отдѣленіе власти судебной отъ обвинительной; начало гласности въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ; несмѣняемость судей; образованіе самостоятельной мировой юстиціи для маловажныхъ дѣлъ, отдѣльно отъ общихъ судовъ; устройство особой обвинительной власти или прокурорскаго надзора; учрежденіе оффиціальной адвокатуры или института присяжныхъ повѣренныхъ; введеніе присяжныхъ засѣдателей; отмѣна теоріи формальныхъ доказательствъ въ уголовномъ процессѣ; учрежденіе кассаціоннаго суда и введеніе нотаріата.

Составленіе судебныхъ уставовъ, на точномъ основаніи Общихъ Положеній, поручено особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, въ которую бо́льшая часть экспертовъ-юристовъ вступила уже членами, равноправными съ представителями правительственныхъ вѣдомствъ. Составъ ея былъ слѣдующій: отъ государственной канцеляріи: Плавскій, Стояновскій, Зарудный, Зубовъ, Есиповичъ, Любимовъ, Вилинбаховъ и Желтухинъ; отъ II-го Отдѣленія: Бреверн, Бычковъ и Даневскій; отъ министерства юстиціи: баронъ Врангель и юристы-эксперты: оберъ-прокуроръ общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената Буцковскій, оберъ-секретарь того же общаго собранія Побѣдоносцевъ и московскій губернскій прокуроръ Ровинскій. Порученный коммиссіи трудъ

она окончила въ одинъ годъ, и уже осенью 1863 года, изготовленные ею проекты уставовъ поступили на заключеніе II-го Отдѣленія и министерства юстиціи. Государственный Совѣтъ обсудилъ ихъ, въ рядѣ засѣданій, въ продолженіе 1864 года, а 20-го ноября они получили силу закона.

„По вступленіи на прародительскій престолъ", заявлялъ Императоръ Александръ въ указѣ Правительствующему Сенату, „однимъ изъ первыхъ нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19-го марта 1856 года было: „да правда и милость царствуютъ въ судахъ". Съ того времени, среди другихъ преобразованій, вызванныхъ потребностями народной жизни, мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли посредствомъ лучшаго устройства судебной части, и послѣ многосторонніихъ, предварительныхъ работъ во II-мъ Отдѣленіи Собственной нашей канцеляріи, 29-го сентября 1862 года, утвердили и тогда же повелѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе Основныя Положенія преобразованія этой части. Составленные, въ развитіе сихъ Основныхъ Положеній особо учрежденною нами коммиссіею, проекты уставовъ нынѣ подробно обсуждены и исправлены Государственнымъ Совѣтомъ. Разсмотрѣвъ сіи проекты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ; возвысить судебную власть; дать ей надлежащую самостоятельность и вообще, утвердить въ народѣ нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго". Повелѣвъ Сенату обнародовать Высочайше утвержденные четыре устава: учрежденія судебныхъ установленій, судопроизводствъ уголовнаго и гражданскаго, и о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, Императоръ Александръ слѣдующими словами заключалъ достопамятный указъ: „Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія наши осуществятся, при ревностномъ содѣйствіи нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно, въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ нашей, на новыхъ началахъ образуемаго".

Приготовленія ко введенію въ дѣйствіе Земскихъ Учрежденій производились по всему пространству Россіи, всюду возбуждая живѣйшее сочувствіе и участіе. Выразителемъ этихъ чувствъ явилось московское дворянство, въ адресѣ на Высочайшее имя, принятомъ въ засѣданіи дворянскаго собранія, 11-го января 1865 года, большинствомъ 270 противъ 36 голосовъ, и высказавшееся такъ: „Призванному вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено на вѣки упрочить славу и крѣпость Россіи". Но въ томъ же адресѣ заключалась и просьба „довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству", а также „второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія". Адресу московскаго дворянства не дано дальнѣйшаго движенія. Сенатъ призналъ неправильнымъ постановленія собранія предводителей и депутатовъ относительно права участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ губернскаго собранія, а постановленія послѣдняго—лишенными законной силы. Но Государь не пожелалъ оставить безъ отвѣта заявленія московскихъ дворянъ. „Мнѣ извѣстно", писалъ онъ въ обнародованномъ во всеобщее свѣдѣніе рескриптѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, „что во время своихъ совѣщаній, московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся въ десятилѣтнее мое царствованіе и нынѣ, по моимъ указаніямъ, еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно мнѣ, и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ

глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать мои непрерывныя, о благѣ Россіи, попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя передо мною ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго передъ Престоломъ и Отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія, или имѣютъ быть учреждены собранія земскія".

Между тѣмъ, преобразовательная дѣятельность правительства продолжала идти прежнимъ ускореннымъ ходомъ, и 6-го апрѣля изданъ новый законъ, въ видахъ „предоставленія отечественной печати возможныхъ облегченій", отмѣнившій предварительную цензуру для книгъ и повременныхъ изданій, установившій для нихъ, независимо отъ судебнаго преслѣдованія за нарушеніе законовъ, систему административныхъ взысканій, „въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія", и завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще сосредоточившій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра, во вновь учрежденномъ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Незадолго до того, прибывшій въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ обратился къ Государю съ просьбою уволить его отъ должности главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, частью по разстроенному здоровью, частью по обострившимся отношеніямъ своимъ къ нѣкоторымъ изъ министровъ и въ особенности, къ министру внутреннихъ дѣлъ. Императоръ Александръ принялъ отставку Муравьева, не скрывъ отъ него, что, по дошедшимъ до Его Величества свѣдѣніямъ, не всѣ вызванные имъ въ Литву русскіе чиновники, не исключая и губернаторовъ, оказались на высотѣ своего призванія, а что въ числѣ мировыхъ посредниковъ не мало людей съ крайнимъ направленіемъ, вредно отражающимся на общественномъ порядкѣ. Но въ то же время, высоко цѣня заслуги Михаила Николаевича по усмиренію мятежа и обрусѣнію сѣверо-западныхъ областей, Государь возвелъ его въ графское достоинство и въ самыхъ признательныхъ выраженіяхъ отозвался въ рескриптѣ къ нему о его плодотворной дѣятельности: „Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ сихъ губерніяхъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка. Не смотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣренныя мною вамъ новыя обязанности и при исполненіи ихъ, оправдали въ полной мѣрѣ мои ожиданія. Мятежъ подавленъ; сила правительственной власти возстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ со свойственною вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ, вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ и вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народ-

ныхъ училищъ, положили начало преобразованію ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ мною оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое, столько разъ и съ разныхъ сторонъ, вамъ было засвидѣтельствовано". Преемникомъ Муравьева въ званіи виленскаго генералъ-губернатора назначенъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Императоръ спѣшилъ окончить это дѣло передъ отъѣздомъ въ Ниццу, куда вызывали его тревожныя извѣстія о тяжкой болѣзни старшаго сына, Цесаревича Николая Александровича, принявшей, въ первые дни апрѣля, безнадежный оборотъ. 4-го отправился въ Ниццу Великій Князь Александръ Александровичъ; 6-го вечеромъ выѣхалъ самъ Государь, сопровождаемый Великими Князьями Владиміромъ и Алексѣемъ. Въ Берлинѣ и Парижѣ Его Величество ожидали, на вокзалѣ, король Вильгельмъ и императоръ Наполеонъ. Въ Дижонѣ къ Царскому поѣзду присоединился другой, везшій изъ Копенгагена принцессу-невѣсту Цесаревича съ августѣйшею матерью, королевою Луизою и братомъ, наслѣднымъ принцемъ датскимъ. Царственные путешественники прибыли въ Ниццу 10-го апрѣля.

Въ виллѣ Бермонъ, вокругъ смертнаго одра юнаго страдальца, собралась вся царская семья: безутѣшные Родители, принцесса Дагмара, братья и сестра. Въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля чистая душа Цесаревича Николая отлетѣла въ горнюю обитель.

Глубокою скорбію и истинно христіанскими смиреніемъ и покорностію предъ горестнымъ испытаніемъ, ниспосланнымъ свыше, проникнутъ Высочайшій манифестъ, извѣстившій Россію о кончинѣ царскаго первенца: „Всевышнему угодно было поразить насъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій сынъ нашъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ, скончался въ городѣ Ниццѣ, сего апрѣля въ 12-й день, послѣ тяжкихъ страданій. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество еще въ началѣ прошедшей зимы, во время совершаемаго путешествія по Италіи, не представлявшая, повидимому, опасеній за столь драгоцѣнную намъ жизнь, хотя медленно, но, казалось, уступала дѣйствію предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, когда внезапно появившіеся признаки явной опасности побудили насъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Россіи. Въ глубокой скорби нашей, мы имѣли утѣшеніе свидѣться съ любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ до его кончины, поразившей насъ и весь домъ нашъ ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ и сильнымъ, что печальному событію сему суждено было совершиться на чужбинѣ, вдали отъ нашего отечества. Но, покоряясь безропотно Промыслу Божьему, мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ вѣрные наши подданные раздѣлятъ съ нами душевную скорбь нашу, мы въ немъ лишь находимъ утѣшеніе, и призываемъ ихъ къ усерднымъ, вмѣстѣ съ нами моленіямъ о упокоеніи души возлюбленнаго сына нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, нами и всею Россіею на него возложенныхъ. Да осѣнитъ его десница Вышняя въ мірѣ лучшемъ, идѣ же нѣсть болѣзни, ни печали. Лишившись перворожднаго сына и прямаго преемника нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, мы, на точномъ основаніи закона о престолонаслѣдіи, провозглашаемъ втораго сына нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ нашимъ и Цесаревичемъ".

Смертные останки Цесаревича Николая перенесены на фрегатъ „Александръ Невскій", отплывшій изъ Виллафранки въ Кронштадтъ. 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя, Ихъ Величества оставили Ниццу и отправились въ Дармштадтъ, въ окрестностяхъ котораго, въ замкѣ Югенгеймѣ, они, въ тѣсномъ семейномъ кругу, въ составъ котораго пожелала войти и принцесса Дагмара, провели нѣсколько дней, необходимыхъ для возстановленія силъ Императрицы, истощенныхъ долговременнымъ уходомъ за больнымъ сыномъ и потрясенныхъ преждевременною его кончиною. 9-го мая выѣхали они оттуда и 12-го прибыли въ Царское Село.

25-го мая состоялось перенесеніе тѣла почившаго Цесаревича съ фрегата „Алек-

сандръ Невскій" въ усыпальницу Императорскаго дома, крѣпостной Петропавловскій соборъ, а 28-го—преданіе его землѣ. На другой день, Государь принималъ въ Зимнемъ дворцѣ явившихся къ нему, съ выраженіемъ соболѣзнованія своихъ монарховъ, чрезвычайныхъ посланныхъ и уполномоченныхъ, представителей иностранныхъ Дворовъ, а также многочисленныя депутаціи отъ всѣхъ сословій, прибывшія изъ губерній для присутствованія при похоронахъ Цесаревича Николая и для принесенія Ихъ Величествамъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ глубокой скорби о постигшей царскую семью и всю Россію утратѣ. Къ депутаціямъ присоединились представители петербургскаго дворянства и городскаго общества. Императоръ вышелъ къ нимъ, въ сопровожденіи Цесаревича Александра Александровича. „Я желалъ васъ видѣть, господа", сказалъ онъ, „чтобы лично изъявить вамъ, отъ себя и отъ имени Императрицы, нашу сердечную благодарность за участіе всей семьи русской въ нашемъ семейномъ горѣ. Единодушіе, съ которымъ всѣ сословія выразили намъ свое сочувствіе, насъ глубоко тронуло и было единственною для насъ отрадою въ это скорбное время. Въ единодушіи этомъ наша сила; и пока оно будетъ существовать, намъ нечего бояться, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ враговъ. Покойному сыну суждено было, во время путешествія его по Россіи въ 1863 году, быть свидѣтелемъ подобнаго же единодушія, вызваннаго тогда посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее достояніе русскихъ и на единство государства. Да сохранится единодушіе это навсегда! Прошу васъ, господа, перенести на теперешняго Наслѣдника моего тѣ чувства, которыя вы питали къ покойному его брату. За его же чувства къ вамъ—я ручаюсь. Онъ любитъ васъ, такъ же горячо, какъ я васъ люблю, и какъ любилъ васъ покойный. Молитесь Богу, чтобы онъ сохранилъ его намъ для будущаго благоденствія и славы Россіи! Еще разъ благодарю васъ, господа, отъ души". Къ царскому пріему допущены были, впервые послѣ возстанія, явившіеся въ Петербургъ ко дню погребенія, высшіе гражданскіе чины и члены нѣсколькихъ знатныхъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго. Государь, въ присутствіи Цесаревича Александра Александровича, удостоилъ ихъ слѣдующаго отвѣта на ихъ вѣрноподданническія заявленія: „Я желалъ видѣть васъ, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которыя вы выразили мнѣ при послѣднихъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Хочу вѣрить, что они искренни, и желаю, чтобы были раздѣляемы большинствомъ вашихъ соотечественниковъ, подданныхъ моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Чувства эти будутъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что мы не подвергнемся уже тѣмъ испытаніямъ, чрезъ которыя прошли въ недавнее время. Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашимъ заблудшимъ соотечественникамъ. Надѣюсь, что вы будете содѣйствовать къ образумленію ихъ. При семъ случаѣ не могу не припомнить тѣ слова, поставляемыя мнѣ въ укоръ, какъ бы оскорбленіе для Польши, которыя я сказалъ въ 1856 году въ Варшавѣ, по прибытіи туда въ первый еще разъ Императоромъ. Я былъ встрѣченъ тогда съ увлеченіемъ и въ Лазенковскомъ дворцѣ говорилъ вашимъ соотечественникамъ: „Оставьте мечтанія!" (point de rêveries!) Если бы они послѣдовали этому совѣту, то избавили бы ваше отечество отъ многихъ бѣдствій. Потому-то возвращаюсь къ тѣмъ же прежнимъ моимъ словамъ: Оставьте мечтанія! Я люблю одинаково всѣхъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ: русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ и другихъ; они мнѣ равно дороги; но никогда я не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединеніи Царства Польскаго отъ Россіи и самостоятельное, безъ нея, существованіе его. Оно создано русскимъ Императоромъ и всѣмъ обязано Россіи. Вотъ мой сынъ Александръ, мой Наслѣдникъ. Онъ носитъ имя того Императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно править своимъ наслѣдіемъ и что онъ не потерпитъ того, чего я не терпѣлъ. Еще разъ благодарю васъ за чувства, которыя вы изъявили при послѣднемъ печальномъ событіи".

Два мѣсяца спустя, 20-го іюня, въ Большой Церкви и Георгіевской залѣ Зимняго Дворца совершилось торжество, о которомъ Высочайшій манифестъ такъ объявилъ Россіи: „Когда Всемогущему Богу угодно было отозвать къ себѣ первороднаго сына нашего, блаженныя памяти Цесаревича

и Великаго Князя Николая Александровича, мы, манифестомъ отъ 12-го апрѣля сего года, возвѣстивъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ о постигшей насъ скорби, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи, провозгласили, вмѣстѣ съ тѣмъ, Наслѣдникомъ нашимъ и Цесаревичемъ, втораго, нынѣ старшаго, сына нашего, Великаго Князя Александра Александровича, достигшаго уже, тѣми же основными законами установленнаго, совершеннолѣтія. Въ настоящій день, Его Императорское Высочество произнесъ торжественно, въ присутствіи нашемъ, присягу на служеніе намъ и государству. Неисповѣдимое въ судьбахъ своихъ Провидѣніе указало торжественному обряду, совершенному, за шесть лѣтъ предъ симъ, оплакиваемымъ нами и всею Россіею, въ Бозѣ почившимъ, любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ, повториться при жизни нашей, въ лицѣ его брата и законнаго преемника въ наслѣдованіи намъ. Призывая на него благословеніе Божіе, мы съ непоколебимою вѣрою молимъ Всевышняго о его преуспѣяніи на стезѣ, Всемогущею волею ему нынѣ предначертанной: да ниспошлетъ ему мудрость и добродѣтель; да руководитъ его постоянно во всѣхъ дѣлахъ; да сохранитъ его намъ и любезному отечеству въ утѣшеніе и радость! Всегда, при всѣхъ событіяхъ, какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ, раздѣляя съ любезными намъ вѣрноподданными исполняющія сердце наше чувства, мы съ душевнымъ умиленіемъ видѣли горячее участіе, принятое всею Россіею въ понесенной нами утратѣ первороднаго сына нашего, коему не суждено было, наслѣдуя намъ въ великомъ дѣлѣ правленія государствомъ, осуществить возлагавшіяся на него надежды. Скорбь наша была общая, семейная во всей Россіи. Да будутъ же и нынѣ надежды наши общія и нераздѣльныя; да присоединятся вновь, въ сей торжественный день празднованія совершеннолѣтія нынѣшняго Наслѣдника Цесаревича, всѣ вѣрноподданные къ молитвамъ нашимъ о ниспосланіи ему свыше благодати, силы и крѣпости, на подъятіе бремени, въ будущемъ ему предлежащаго; да обратятся на него общія любовь и преданность, столь искренно всѣми выказанныя къ усопшему брату его! Твердо увѣренные въ сихъ чувствахъ, мы видимъ въ нихъ нераздѣльную связь между нами и любезными нашими вѣрноподданными, въ основаніе коей положена принесенная ими, при восшествіи нашемъ на прародительскій Престолъ, присяга въ вѣрности намъ и законному Наслѣднику нашему".

Согласно издавна установленному обычаю, Императоръ пожелалъ лично представить своего Наслѣдника, въ этомъ новомъ санѣ, первопрестольной столицѣ. Августѣйшіе путешественники прибыли въ Москву 14-го августа и провели тамъ цѣлую недѣлю. Никогда Москва не встрѣчала ихъ съ бо́льшимъ одушевленіемъ. Но ни при традиціонномъ выходѣ изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ, ни при посѣщеніи Троице-Сергіевой лавры, ихъ не привѣтствовалъ уже краснорѣчивымъ словомъ митрополитъ Филаретъ, удержанный въ Геѳсиманіи тяжелою болѣзнью. „Посѣщая первопрестольную столицу мою", писалъ ему по этому поводу Императоръ, „я привыкъ постоянно слышать отъ васъ пастырское слово христіанской любви и принимать чрезъ васъ благословеніе нашей матери, церкви православной. И нынѣ, предъ вступленіемъ съ Наслѣдникомъ моего Престола въ священный Успенскій соборъ, я получилъ ваше письменное привѣтствіе, исполненное благожеланія ко мнѣ и дорогой для меня Россіи. Сожалѣю, что состояніе вашего здоровья не дозволило вамъ сдѣлать мнѣ этотъ сочувственный привѣтъ лично и молю Бога, дабы возстановилъ силы ваши и надолго продлились ваши дни, на пользу русской православной церкви, которой, въ продолженіе полувѣка, вы служите опорой и украшеніемъ".

Въ числѣ прочихъ депутацій, являвшихся къ нему въ Москвѣ, Государь принялъ и депутацію отъ московскихъ единовѣрцевъ, ходатайствовавшихъ о дозволеніи основать въ Москвѣ единовѣрческій монастырь. Его Величество объявилъ депутатамъ, что проектъ этотъ ему извѣстенъ, что онъ одобряетъ ихъ мысль и велитъ о средствахъ исполненія представить соображеніе, въ надеждѣ, что дѣло это легко устроится. Затѣмъ, обратясь къ находившимся въ числѣ единовѣрческихъ депутатовъ, вновь присоединеннымъ къ единовѣрію, бывшимъ сторонникамъ, такъ называемой, австрійской іерархіи, Императоръ сказалъ: „Радуюсь видѣть васъ между единовѣрцами. Я увѣренъ, что при-

соеди неніе ваше было искреннее, по убѣжденію, а не по какимъ либо разсчетамъ, и надѣюсь, что оно не останется безплоднымъ. Конечно, вы убѣждены, точно такъ какъ я, въ правотѣ нашей православной церкви. Молю Бога, чтобы вашему добромупримѣру послѣдовали и другіе".

День своихъ именинъ, 30-го августа, Государь провелъ въ Царскомъ Селѣ. Поздравительное письмо митрополита Филарета вызвало отвѣтъ, въ которомъ Монархъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великой семейной утраты, излилъ предъ архипастыремъ чувства, наполнявшія его царственную душу: „Сегодня, въ день моего ангела, дошло до меня изъ Геѳсиманской пустыни ваше поздравленіе, молитвы ваши обо мнѣ и моемъ семействѣ, и полныя глубокихъ назиданій, воспоминанія о русскомъ православномъ угодникѣ, имя коего я ношу, и соименномъ мнѣ Императорѣ, освободившемъ Россію отъ иноплеменниковъ. Преданный православію, какъ святой великій князь, мой угодникъ, дорожа достояніемъ Россіи, какъ знаменитый Императоръ, мой дядя, я прошу у Бога не ихъ славы, а счастія видѣть народъ мой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраненнымъ въ своемъ развитіи твердымъ закономъ и ненарушимымъ правосудіемъ. Молите предъ престоломъ Всевышняго, дабы дано мнѣ было привести въ исполненіе эти, всегда присущія сердцу моему, желанія, на благо любезнаго моего отечества".

Потрясенное тяжкимъ испытаніемъ, здоровье Императрицы Маріи Александровны вызывало нѣжную попечительность Августѣйшаго супруга. Весь сентябрь Ихъ Величества провели въ новоприобрѣтенномъ для Государыни подмосковномъ имѣніи Ильинскомъ, въ глубокомъ уединеніи, окруженные царственными дѣтьми и малочисленною свитою, и только къ концу мѣсяца возвратились въ Царское Село.

19-го октября изданъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, коимъ повелѣвалось приступить ко введенію въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, въ полномъ ихъ объемѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ теченіе 1866 года, ввести ихъ въ округахъ петербургской и московской судебныхъ палатъ, а въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ—во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему положенію, и въ Бессарабской области. Между тѣмъ, всюду открывали свою дѣятельность и Земскія Учрежденія. Первымъ изъ губернскихъ земскихъ собраній открылось самарское; въ началѣ ноября губернское земское собраніе открыто въ Москвѣ, въ концѣ того же мѣсяца—въ Петербургѣ.

Важнѣйшею изъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ 1866 года, было преобразованіе общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ и передача ихъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Подобная же мѣра была уже, за два съ половиною года передъ тѣмъ, принята относительно крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. Такимъ образомъ, исполнена Высочайшая воля, выраженная въ самый день освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, чтобы во всей Имперіи сельское состояніе было устроено на общихъ однообразныхъ основаніяхъ.

Благотворное дѣйствіе Положеній 19-го февраля распространено тогда же на нѣкоторыя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ. Уже въ 1864 году, положено начало этому дѣлу въ Закавказьѣ, упраздненіемъ крѣпостнаго права въ Тифлисской губерніи; продолжалось оно, въ 1865 году, въ губерніи Кутаисской, и завершилось, въ 1866 году, въ Мингреліи. 20-го февраля 1867 года Великій Князь - намѣстникъ донесъ Государю по телеграфу, что указъ о томъ объявленъ въ Зугдиди, бывшей столицѣ этого княжества. „Благодарю Бога", отвѣчалъ Императоръ, „что помогъ намъ довершить вчера освобожденіе крестьянъ во всей Имперіи. Да будетъ благословеніе Его на этомъ святомъ дѣлѣ".

Въ одномъ только Прибалтійскомъ краѣ земельныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ остались прежнія. Но и тамъ введены возможныя улучшенія въ ихъ быту: въ 1865 году они освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, а 19-го февраля 1866 года даровано имъ „на самостоятельныхъ и независимыхъ отъ помѣщичьяго вліянія основаніяхъ", волостное общественное управленіе.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, а въ Юго-Запад-

номъ генералъ-адъютантъ Безакъ продолжали энергически слѣдовать системѣ Муравьева для прочнаго введенія въ этихъ областяхъ православія и русской народности. По соглашенію ихъ съ министромъ государственныхъ имуществъ, въ концѣ 1865 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать поземельную собственность въ девяти западныхъ губерніяхъ и объ обязательной продажѣ русскимъ, православнаго или протестантскаго исповѣданій, въ двухгодичный срокъ, секвестрованныхъ имѣній, принадлежавшихъ владѣльцамъ полякамъ, высланнымъ изъ края за участіе въ мятежѣ или политическую неблагонадежность.

Въ Царствѣ Польскомъ шла усиленная работа по преобразованію края. Подъ высшимъ наблюденіемъ намѣстника графа Берга, хотя и не всегда въ согласіи съ нимъ, князь Черкасскій примѣнялъ на мѣстѣ законоположенія, вырабатываемыя Николаемъ Милютинымъ въ Петербургѣ, проводимыя и защищаемыя имъ въ Комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ новый, 1866 годъ, Николай Алексѣевичъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, а въ апрѣлѣ—замѣнилъ Платонова въ должности министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. Всю силу своихъ дарованій напрягалъ онъ къ тому, чтобы убѣдить сочленовъ по польскому комитету въ необходимости воспользоваться, состоявшимся въ концѣ 1865 года, разрывомъ дипломатическихъ сношеній русскаго Двора съ римскою куріею, дабы объявить лишеннымъ обязательной силы конкордатъ, заключенный съ папой въ 1847 году, не примѣнявшійся во все время Николаевскаго царствованія и снова введенный въ дѣйствіе, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Послѣ происшедшаго, весною 1863 года, обмѣна писемъ съ Императоромъ Александромъ, папа Пій IX пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выражать сочувствіе и оказывать нравственную поддержку дѣлу польскаго возстанія. Предложенную ему русскимъ Дворомъ присылку въ Петербургъ постояннаго нунція, онъ отклонилъ, признавъ ее для себя „затруднительною“ (embarrassant). Мятежъ уже потухалъ, когда папа приказалъ торжественно молиться въ церквахъ за Польшу, какъ за оплотъ католической вѣры противъ вторженія ереси, прося у Бога, чтобы она была освобождена отъ удручавшихъ ея бѣдствій и чтобы всегда оставалась вѣрною своему призванію. Самъ онъ произнесъ, весною 1864 года, въ коллегіи пропаганды, страстную рѣчь, въ которой взводилъ лично на Государя обвиненіе въ томъ, что католическая церковь подвергается преслѣдованію въ его владѣніяхъ, а католики „предаются мученіямъ, за то только, что остаются вѣрными до смерти, религіи Іисуса Христа“. Это побудило русскій Дворъ отозвать своего посланника изъ Рима, оставивъ тамъ, для завѣдыванія дѣлами миссіи, лишь повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ Петербугскимъ кабинетомъ, курія, не стѣсняясь, прибѣгала къ устрашенію, грозя возвѣстить всему свѣту о рядѣ притѣсненій, коимъ, якобы, подвергается римско-католическая церковь въ Россіи, на что князь Горчаковъ отвѣчалъ: „Совѣсть нашего Августѣйшаго Государя снимаетъ съ него нареканіе, будто онъ намѣренъ притѣснять католическую вѣру. Мы съ полнымъ спокойствіемъ будемъ ждать исполненія угрозы, которою заключается меморандумъ кардинала Антонелли“. Наконецъ, 15-го декабря 1865 года, на аудіенціи у папы, когда повѣренный въ дѣлахъ, баронъ Мейендорфъ, на жалобы его святѣйшества отвѣтилъ, что въ Польшѣ католицизмъ самъ отождествилъ себя съ революціей, папа въ гнѣвѣ воскликнулъ: „Я уважаю и почитаю Его Величество Императора, но не могу сказать того же о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который, конечно, въ противность его волѣ, оскорбляетъ меня въ собственномъ моемъ кабинетѣ“. Послѣдствіемъ этой сцены было приказаніе Мейендорфу объявить кардиналу, государственному секретарю, что вслѣдствіе словъ, сказанныхъ ему папою, его политическая миссія окончена, такъ какъ Государь Императоръ не можетъ оставить при св. престолѣ представителя интересовъ Россіи, достоинство котораго не ограждено отъ враждебныхъ посягательствъ. Кардиналъ Антонелли отвѣчалъ, что со дня заявленія барона Мейендорфа и римскій Дворъ не признаетъ существованія русской миссіи; что если папа не прислалъ ему еще паспорта для выѣзда,

то потому только, что зналъ о намѣреніи его, въ скоромъ времени, оставить Римъ; что кардиналъ не настаивалъ на его удаленіи для того, чтобы дать ему возможность окончить, передъ отъѣздомъ, текущія дѣла миссіи; что папа не приметъ назначеннаго русскимъ Дворомъ его преемника и что его святѣйшество не желаетъ возстановленія русской миссіи въ Римѣ; что же касается до русскихъ подданныхъ, то Мейендорфъ можетъ ввѣрить ихъ защиту представителю какой-либо другой державы. Заключительное заявленіе князя Горчакова было: „Въ виду того, что папа принялъ починъ разрыва, Государь Императоръ отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія".

Николай Милютинъ считалъ эту минуту какъ нельзя болѣе благопріятною для того, чтобы освободить русское правительство отъ стѣснительныхъ обязательствъ, наложенныхъ на него конкордатомъ. Осенью 1866 года, онъ съ жаромъ развивалъ эту мысль въ засѣданіи комитета по дѣламъ Царства Польскаго и успѣлъ склонить на свою сторону большинство его членовъ. Но въ тотъ же день, его постигъ ударъ паралича, устранившій его отъ государственной дѣятельности, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1872 году.

Конкордатъ съ Римомъ упраздненъ Высочайшимъ указомъ отъ 27-го ноября 1866 года.

XIII.

Дѣла внутреннія.

1866—1871.

4-го апрѣля 1866 года, въ четвертомъ часу дня, Императоръ Александръ, послѣ обычной прогулки въ Лѣтнемъ саду, садился въ коляску, когда неизвѣстный человѣкъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Въ эту минуту, стоявшій въ толпѣ крестьянинъ, Осипъ Комиссаровъ, ударилъ убійцу по рукѣ и пуля пролетѣла мимо. Преступникъ задержанъ на мѣстѣ и, по приказанію Его Величества, отведенъ въ Ш-е Отдѣленіе. Государь самъ, отъ Лѣтняго сада, отправился прямо въ Казанскій соборъ, принести благодареніе Богу за избавленіе отъ угрожавшей ему опасности. Когда Императоръ возвратился въ Зимній Дворецъ, то тамъ уже ожидали его всѣ члены Государственнаго Совѣта для принесенія поздравленія. Обнявъ Императрицу и Августѣйшихъ дѣтей, Императоръ, со всею семьею, вторично поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ, предъ чудотворною иконой Богоматери, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Между тѣмъ, вѣсть о чудесномъ спасеніи Монарха быстро разнеслась по городу. Въ Зимнемъ Дворцѣ собрались министры, высшіе придворные и гражданскіе чины, генералитетъ, офицеры гвардіи, арміи и флота, спѣшившіе наперерывъ принести Государю выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ. Всѣ были допущены къ нему. Густая толпа народа заливала дворцовую площадь, оглашая воздухъ кликами „ура"! Государь нѣсколько разъ выходилъ къ ней на дворцовый балконъ. Вечеромъ, во всѣхъ церквахъ столицы происходили молебствія.

На другой день, въ 11 часовъ утра, Императоръ принялъ поздравленія Правительствующаго Сената, явившагося въ Зимній Дворецъ въ полномъ составѣ, съ министромъ юстиціи во главѣ. „Благодарю васъ, господа," сказалъ онъ сенаторамъ, „благодарю за вѣрноподданническія чувства. Они радуютъ меня. Я всегда былъ въ нихъ увѣренъ, жалѣю только, что вамъ довелось выражать ваши по такому грустному событію. Личность преступника еще не разъяснена, но очевидно, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Всего прискорбнѣе, что онъ русскій".

Въ часъ дня состоялся пріемъ Императоромъ во дворцѣ петербургскаго дворянства, къ которому присоединились, находившіеся въ столицѣ, дворяне другихъ губерній, представители городскихъ обществъ и прочихъ сословій. Когда изъ Золотой гостиной Государь вступилъ въ Бѣлую залу подъ руку съ Императрицей, въ сопровожденіи Цесаревича и прочихъ сыновей, его встрѣтило громкое, единодушное „ура!", не умолкавшее нѣсколько минутъ. Ихъ Величества были видимо тронуты. На глазахъ ихъ блестѣли слезы. Ихъ окружили со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, водворилась тишина, и петербургскій губернскій предводитель дворянства, графъ Орловъ-Давыдовъ, обратился къ Императору со слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Ваше Императорское Величество, при семъ горестномъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ утѣшительномъ случаѣ, мы, предводители, депутаты и дворяне с.-петербургскіе, предстоя предъ вами, Государь, не говоримъ отъ имени дворянъ всей Россіи потому только, что каждое дворянское собраніе дорожитъ правомъ выразить само свое чувство. Но отъ имени нашихъ довѣрителей—дворянъ столицы и Петербургской губерніи, мы нынѣ выражаемъ предъ Вашимъ Величествомъ нашу скорбь, что рука преступника или сумасшедшаго, посягнула на Вашу Высочайшую, церковью освященную и намъ дражайшую особу, и вмѣстѣ съ тѣмъ возносимъ Богу благодарственныя моленія за то, что онъ защитилъ Россію отъ бѣдствій, спасая вашу жизнь. Государь, позвольте намъ въ настоящую минуту вспомнить, что въ этомъ самомъ дворцѣ, въ третій день вашего царствованія, вы, принимая с.-петербургскихъ депутатовъ, имъ сказали, что надѣетесь видѣть всегда русское дворянство въ началѣ и во главѣ всякаго доблестнаго и полезнаго подвига. При помощи Божіей, эта благодатная надежда оправдается, къ многолѣтнему утѣшенію вашего чадолюбиваго сердца". Императоръ отвѣчалъ: „Господа дворяне и господа члены другихъ сословій, благодарю васъ отъ всей души за выраженіе вашихъ чувствъ при этомъ грустномъ случаѣ. Такъ и въ прошломъ году, въ это же время, всѣ сословія выражали мнѣ свое сочувствіе. Если, кромѣ вѣры въ Бога, что поддерживаетъ меня въ моемъ трудномъ служеніи, то это именно та преданность и тѣ чувства, которыя мнѣ постоянно выражаются, съ такимъ единодушіемъ, во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какъ отъ васъ, господа дворяне, такъ и отъ всѣхъ другихъ сословій. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ, отъ всего сердца. Надѣюсь, что вы, господа дворяне, радушно примете въ свою среду вновь возведеннаго мною въ дворянское достоинство дворянина, вчерашняго крестьянина, который спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что этимъ онъ вполнѣ заслужилъ честь быть русскимъ дворяниномъ".

6-го апрѣля принесли поздравленія Его Величеству, отъ имени своихъ государей и правительствъ, пребывавшіе въ Петербургѣ представители иностранныхъ державъ.

Со всѣхъ концовъ Имперіи, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, поступали выраженія чувствъ радости русскихъ людей о спасеніи драгоцѣнной жизни Царя. Сословія и общества посылали депутаціи въ Петербургъ, отправляли телеграммы, писали адресы; въ движеніи этомъ участвовали всѣ званія и состоянія, учрежденія, учебныя и воспитательныя заведенія, общины, даже частныя лица; многіе знаменовали всенародный восторгъ дѣлами благотворенія. Единодушный порывъ вѣрноподданныхъ, глубоко проникъ въ сердце Вѣнценосца, какъ явствуетъ изъ письма его къ высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому: „Принявъ съ благоговѣніемъ присланную мнѣ вами икону святителя Алексѣя, искренно благодарю васъ и все московское духовенство за выраженныя чувства вѣрноподданнической преданности. Призванный на царство всемогущимъ Промысломъ, я возлагаю всѣ мои надежды на Вседержителя Бога, въ Его же десницѣ цари и народы, и глубоко вѣрую, что благое Провидѣніе охранитъ дни мои, доколѣ они будутъ нужны для дорогой мнѣ Россіи. Какъ ни тягостна моему сердцу мысль о покушеніи на мою жизнь, всецѣло отданную любимому отечеству, но она исчезаетъ предъ благою Божественною волею, отвратившею отъ меня опасность, а единодушное сочувствіе ко мнѣ всѣхъ сословій вѣрнаго моего народа, со всѣхъ концовъ обширной Имперіи, доставляетъ мнѣ ежеминутныя, трогательныя доказательства несокрушимой связи между мною и всѣмъ преданнымъ мнѣ народомъ. Эта священная связь да останется навѣки неизмѣннымъ залогомъ силы, цѣлости и единства нашего общаго, великаго отечества. Призываю святую церковь молиться о благоденствіи и славѣ Россіи".

Злодѣй, стрѣлявшій въ Государя, оказался, исключеннымъ за участіе въ безпорядкахъ изъ числа студентовъ, сперва казанскаго, а потомъ и московскаго университетовъ, дворяниномъ Саратовской губерніи, Дмитріемъ Каракозовымъ. Обнаруженіе причинъ, вызвавшихъ преступленіе и раскрытіе его соучастниковъ, возложено на особую слѣдственную коммиссію, предсѣдателемъ которой назначенъ графъ М. Н. Муравьевъ. Оказалось, что Каракозовъ принадлежалъ къ руководимому его двоюроднымъ братомъ, Ишутинымъ, московскому тайному кружку, состоявшему преимущественно изъ учащейся молодежи, вольно-

слушателей университета, студентовъ Петровской земледѣльческой академіи и воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній; что кружокъ этотъ имѣлъ конечною цѣлью совершеніе, насильственнымъ путемъ, государственнаго переворота; что средствомъ къ тому должно было служить ему сближеніе съ народомъ, обученіе его грамотѣ, учрежденіе мастерскихъ, артелей и другихъ подобныхъ ассоціацій, для распространенія среди простолюдиновъ соціалистическихъ ученій. Обнаружены также сношенія членовъ московскаго кружка съ петербургскими единомышленниками, со ссыльными поляками и русскими выходцами заграницею. Каракозовъ и его сообщники преданы верховному уголовному суду, который, признавъ Каракозова виновнымъ въ покушеніи на цареубійство, Ишутина—зачинщикомъ этого преступнаго замысла и большинство другихъ подсудимыхъ—соучастниками въ образованіи тайнаго общества съ цѣлью произвести насильственный переворотъ въ государствѣ, — приговорилъ: Каракозова и Ишутина къ смертной казни, чрезъ повѣшеніе, остальныхъ — къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ— однихъ въ каторжныя работы, другихъ— на поселеніе въ Сибирь. Казнь надъ Каракозовымъ совершена 3-го сентября, на Смоленскомъ полѣ; Ишутину Государь даровалъ жизнь, а прочимъ осужденнымъ въ значительной мѣрѣ сократилъ сроки наказаній.

Слѣдствіе обнаружило, сверхъ того, неудовлетворительное состояніе бо́льшей части учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, неблагонадежность преподавателей, духъ непокорства и своеволія студентовъ и даже гимназистовъ, увлекавшихся ученіемъ безвѣрія и матеріализма, съ одной стороны, самаго крайняго соціализма—съ другой, открыто проповѣдуемыхъ въ журналахъ, такъ называемаго, передового направленія. Изданіе двухъ главныхъ органовъ этого направленія, *Современника* и *Русскаго Слова*, прекращено по Высочайшему повелѣнію, а во главѣ министерства народнаго просвѣщенія поставленъ, вмѣсто уволеннаго Головнина, незадолго до того назначенный оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, графъ Д. А. Толстой. Тогда же князь Суворовъ оставилъ постъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора, должность коего упразднена, а завѣдываніе полиціею поручено, съ званіемъ оберъ-полиціймейстера, бывшему генералъ-полиціймейстеру въ Царствѣ Польскомъ и дѣятельнѣйшему сотруднику графа Берга по усмиренію мятежа, генералу Трепову. Наконецъ, вмѣсто старца князя Долгорукова, шефомъ жандармовъ назначенъ молодой и энергичный генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края, графъ П. А. Шуваловъ.

Печальныя явленія, раскрытыя слѣдствіемъ, вызвали слѣдующій рескриптъ Императора на имя предсѣдателя Комитета Министровъ, князя Гагарина: „Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко мнѣ ввѣреннаго Божіимъ Промысломъ управленію моему народа служитъ мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ я нахожу лучшую награду за мои труды для блага Россіи. Чѣмъ утѣшительнѣе для меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю я моею обязанностію охранять русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которые, со временемъ, могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было поставлено преградъ. Событіе, вызвавшее, со всѣхъ концовъ Россіи, доходящія до меня, вѣрноподданническія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Изслѣдованія, производимыя, учрежденною по моему повелѣнію, особою слѣдственною коммиссіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ, Провидѣнію угодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все, для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, не было допускаемо, ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго

и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной, семейной жизни, проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія. Не менѣе важно для истинныхъ пользъ государства въ его совокупности и, въ частности, для каждаго изъ моихъ подданныхъ, полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и Положеніями 19-го февраля 1861 года. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбудить сомнѣнія въ семъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка. Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ, призванныхъ на служеніе мнѣ и отечеству, состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства, и, даже, въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ, въ такихъ случаяхъ, болѣе вѣса ихъ словамъ и, тѣмъ самымъ, способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Подобные безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующія должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія предуказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти. Наконецъ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій, во всѣхъ слояхъ народа, надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной мною волѣ, надлежитъ, по всѣмъ частямъ управленія, оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользъ и нуждъ разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и, въ особенности, къ возбужденію вражды противъ дворянства и, вообще, противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положитъ предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя нынѣ съ достаточною ясностью обнаружились и долж-

ны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ мой, для надлежащаго руководства, всѣмъ министрамъ и главноначальствующимъ отдѣльными частями".

Царскій рескриптъ указывая всѣмъ, состоящимъ на государственной службѣ, на строгое и точное исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей, ни мало не видоизмѣнилъ, однако, направленія правительственной дѣятельности. Судебные уставы вводились въ округахъ петербургскомъ и московскомъ, а между тѣмъ, издавались дополнительные къ нимъ законы: Положеніе о нотаріальной части и согласованное съ уставами, новое изданіе Уложенія о наказаніяхъ. Посѣтивъ вновь отстроенное зданіе судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ, Государь обратился къ сопровождавшимъ его при осмотрѣ, чинамъ судебнаго вѣдомства со слѣдующими словами: „Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что̀, впрочемъ, одно и то же". На единодушный возгласъ присутствовавшихъ, что они употребятъ всѣ силы, дабы оправдать довѣріе Монарха, Его Величество прибавилъ: „И такъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло". Открытіе кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената послѣдовало 16-го апрѣля, а на другой день, въ день рожденія Государя—открытіе петербургскихъ судебной палаты и окружнаго суда.

Отпраздновавъ въ семейномъ кругу двадцати-пятилѣтіе своей свадьбы, Государь и Императрица, въ концѣ мая, переѣхали на жительство въ подмосковное село Ильинское, гдѣ провели цѣлый мѣсяцъ. Появленіе Императора въ первопрестольной столицѣ, въ первый разъ по чудесномъ избавленіи отъ руки убійцы, вызвало тѣ же проявленія бурнаго восторга населенія, что̀ и въ Петербургѣ. Москвичей озабочивало, въ то время, предстоявшее прекращеніе издательской дѣятельности Каткова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Пылкій публицистъ, отъ избытка патріотизма переступившій, въ полемикѣ противъ нѣкоторыхъ изъ правительственныхъ вѣдомствъ, главнымъ образомъ, противъ министерства народнаго просвѣщенія, за предѣлы благопристойности, получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ предостереженіе, которое отказался напечатать въ своей газетѣ и объявилъ, что предпочитаетъ вовсе прекратить ея изданіе. Пользуясь пребываніемъ Государя въ Москвѣ, Катковъ написалъ ему письмо, въ которомъ — какъ онъ предупреждалъ графа А. В. Адлерберга, взявшагося передать письмо по назначенію,—онъ „ни на что не жалуется и ничего не проситъ". Оканчивалось письмо просьбою, чтобы Государь въ издателяхъ *Московскихъ Вѣдомостей* призналъ *своихъ*. Послѣдствіемъ была аудіенція, данная Каткову, 20-го іюня, въ Петровскомъ дворцѣ. Императоръ принялъ его въ кабинетѣ, наединѣ. „Я тебя знаю", сказалъ онъ ему, „вѣрю тебѣ, считаю тебя своимъ". Государь казался растроганнымъ, слезы катились изъ глазъ Каткова. „Сохрани тотъ священный огонь", продолжалъ Императоръ, „который есть въ тебѣ. Я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за *Московскими Вѣдомостями*, постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь ли силу того, что говорю тебѣ? Нѣтъ ли у тебя чего на душѣ, чтобы передать мнѣ?" Взволнованный Катковъ отвѣчалъ нѣсколькими несвязными словами благодарности. Перейдя къ вопросу о сепаратизмѣ, въ обсужденіи котораго издатель *Московскихъ Вѣдомостей* проявлялъ крайнюю подозрительность къ нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, „не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ", замѣтилъ Государь, „всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть, я знаю, и съ тобой согласенъ. Величіемъ и единствомъ Имперіи я, конечно, дорожу не менѣе тебя... А я на тебя посердился. Предостереженіе все-таки надо было напечатать". При прощаніи Императоръ снова крѣпко пожалъ руку Каткова, прибавивъ: „Помни: я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ". Министру внутреннихъ дѣлъ сообщена Высочайшая воля, чтобы *Московскія Вѣдомости* были освобождены отъ наложеннаго на нихъ взысканія, и нѣсколько дней спустя, газета эта снова стала выходить подъ редакціей Каткова.

Къ 1-му іюля Дворъ, по обыкновенію, переселился въ Петергофъ. Въ тамошнемъ дворцѣ Государь принялъ, 27-го числа, въ

торжественной аудіенціи, посольство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, приплывшее въ Кронштадтъ на броненосной эскадрѣ адмирала Фаррагута. Стоявшій во главѣ посольства, помощникъ государственнаго секретаря по морскому департаменту, Фоксъ, вручилъ Его Величеству постановленіе конгресса республики съ выраженіемъ радости американскаго народа по случаю избавленія русскаго Царя отъ грозившей ему опасности.

Послѣ обычнаго лагернаго сбора и маневровъ въ Красномъ Селѣ, Государь, въ концѣ августа, съѣздилъ вторично въ Москву на одну недѣлю, съ 18-го по 25-е, для присутствованія при упражненіяхъ войскъ, расположенныхъ въ подмосковныхъ лагеряхъ, и ко дню своихъ именинъ возвратился въ Царское Село. Въ числѣ наградъ, дарованныхъ въ этотъ день, были алмазные знаки ордена Св. Андрея, пожалованные графу Муравьеву; награда не застала уже его въ живыхъ. Михаилъ Николаевичъ скончался въ Лужскомъ своемъ помѣстьи, 31-го августа. Императоръ Александръ отдалъ послѣдній долгъ усопшему, вѣрному слугѣ, и самъ присутствовалъ, вмѣстѣ со всѣми Великими Князьями, при погребеніи его въ Александро-Невской лаврѣ.

Наступило время великаго семейнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всенароднаго торжества. 17-го іюня, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ помолвленъ въ Копенгагенѣ съ дочерью короля датскаго, принцессою Дагмарою; 14-го сентября высоконареченная невѣста высадилась въ Кронштадтѣ, гдѣ встрѣтили ее Императоръ, Императрица, Августѣйшій женихъ и всѣ члены царской семьи. Оттуда Ея Высочество прослѣдовала въ Царское Село, а 17-го состоялся торжественный въѣздъ ея въ столицу. Св. муропомазаніе, съ нареченіемъ Великою Княжною Маріею Ѳеодоровною, и обрученіе, происходили 13-го октября, а 28-го того же мѣсяца, Высочайшій манифестъ огласилъ по всей Россіи радостную вѣсть о вступленіи въ бракъ Наслѣдника Престола: „Вручая судьбу новобрачныхъ всемилосердому Промыслу Божію, мы возвѣщаемъ о семъ отрадномъ, для родительскаго сердца нашего, событіи всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ и призываемъ ихъ вознести, вмѣстѣ съ нами, свои теплыя и всегда искреннія молитвы къ престолу Всевышняго: да осѣнитъ онъ эту любезную намъ чету Его всещедрою благодатію и да благословитъ союзъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ многолѣтнимъ, полнымъ и безмятежнымъ счастіемъ, къ утѣшенію нашему, любезнѣйшей супруги нашей, Государыни Императрицы Маріи Александровны, всего нашего Императорскаго дома, и ко благу любимой нами Россіи“. Другимъ манифестомъ, Императоръ Александръ „преклонилъ заботу къ участи скорбящихъ и бѣдствующихъ членовъ, ввѣренной ему святымъ Промысломъ, великой семьи народной“, и „всегда признавая возможность миловать и прощать, когда милосердіемъ не ослабляется сила закона“, даровалъ цѣлый рядъ облегченій осужденнымъ преступникамъ, смягчивъ и сокративъ сроки ихъ наказаній, а съ неисправныхъ плательщиковъ сложилъ цѣлый рядъ недоимокъ и взысканій. Въ день бракосочетанія, Наслѣдникъ Цесаревичъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Законодательная дѣятельность, въ продолженіе 1865 года, нѣсколько умѣрилась. По министерству государственныхъ имуществъ завершено устройство хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ, съ утвержденіемъ за ними ихъ прежнихъ надѣловъ и съ выдачею на нихъ владѣнныхъ записей; министерство внутреннихъ дѣлъ трудилось надъ составленіемъ Городового Положенія, къ концу года внесеннаго имъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Между тѣмъ, осенью, вслѣдствіе перемѣны, происшедшей во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, гдѣ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана замѣнилъ, въ должности виленскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ, а также въ виду предстоявшаго увольненія отъ мѣста главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, князя Черкасскаго, не пожелавшаго, послѣ удаленія Николая Милютина отъ дѣлъ, вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни, продолжать службу въ Варшавѣ,—въ обществѣ и въ печати, русской и заграничной, распространились слухи о перемѣнѣ въ направленіи правительства, вызвавшія слѣдующее правительственное сообщеніе, которое появилось сначала въ органѣ князя Горчакова, *Journal de Saint-Pétersbourg*, а затѣмъ перепечатано и въ *Сѣверной Почтѣ*: „Отозваніе генерала Кауфмана не обусловли-

ваетъ никакой перемѣны въ политической системѣ, принятой относительно Западныхъ губерній Имперіи, или въ Царствѣ Польскомъ. Первыя должны вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ исторія, областями существенно русскими, гдѣ народный православный элементъ, образующій громадное большинство населенія, долженъ пріобрѣсти принадлежащее ему преобладаніе. Что касается до Царства Польскаго, то императорское правительство будетъ смѣло продолжать исполненіе обязанности, возложенной на него волею Государя, и состоящей въ освобожденіи польскаго общества отъ пороковъ, которые растлѣваютъ его, и слишкомъ часто дѣлали его гнѣздомъ безпорядка, анархіи и революціи, жертвой всѣхъ враждебныхъ вліяній извнѣ, и подвергаютъ опасности его будущность, препятствуя сліянію его интересовъ съ интересами Россіи. Въ теченіе своего славнаго царствованія, нашъ возлюбленный Монархъ явилъ слишкомъ много доказательствъ своей твердости и настойчивости въ стремленіи, помимо всѣхъ препятствій, къ тому, что, по его искреннему убѣжденію, справедливо, мудро и обусловлено національными интересами Россіи, чтобы могло возникнуть какое-либо сомнѣніе на счетъ его намѣреній. Принятый имъ путь не есть результатъ теоретической системы, могущій измѣняться, смотря по впечатлѣніямъ минуты. Онъ былъ настоятельно предписанъ долговременнымъ и горестнымъ опытомъ. Ни Государь, ни народъ русскій, не могутъ забыть обязанностей, возлагаемыхъ такими уроками".

Въ Варшавѣ, послѣ удаленія съ политическаго поприща Николая Милютина и отъѣзда бо́льшей части его друзей и сотрудниковъ, руководство дѣлами сосредоточилось въ рукахъ намѣстника, графа Берга, возведеннаго въ званіе генералъ-фельдмаршала. Но сила обстоятельствъ побуждала правительство не сходить съ пути, на который оно вступило по усмиреніи мятежа. Мало-по-малу, совершилось сліяніе отдѣльныхъ частей управленія въ Царствѣ съ вѣдомствами Имперіи. Финансовыя дѣла перешли въ завѣдываніе министерства финансовъ, въ которомъ по дѣламъ Царства Польскаго образованъ особый отдѣлъ. Почтовая часть отошла въ вѣдѣніе вновь образованнаго министерства почтъ и телеграфовъ. Одновременно вводились законы, выработанные еще при Милютинѣ: указъ объ устройствѣ холмской греко-уніатской епархіи и новое положеніе о губернскомъ и уѣздномъ управленіи, раздѣлившее Царство, вмѣсто прежнихъ пяти, на десять губерній.

Къ концу 1866 года, Земскія Учрежденія введены повсемѣстно, въ 33-хъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи; но въ виду поступавшихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ жалобъ на чрезмѣрное обложеніе земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, состоялось Высочайшее повелѣніе, ограничившее болѣе тѣсными предѣлами пользованіе этимъ правомъ. Земскимъ собраніямъ предоставлено впредь облагать по своему усмотрѣнію лишь недвижимыя имущества въ городахъ и уѣздахъ; со свидѣтельствъ же на право торговли и промысловъ, съ билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія и съ патентовъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей, дозволено взимать земскіе сборы лишь съ цѣнности самыхъ помѣщеній, не включая въ оцѣнку, ни стоимости находящихся въ нихъ предметовъ или издѣлій, ни торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ, при томъ такъ, чтобы процентный сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ, винокуренныхъ заводовъ и заведеній для продажи питей не превышалъ 25%, а съ прочихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій,—10% налоговъ, платимыхъ ими въ казну. Распоряженіе это возбудило неудовольствіе земствъ. Петербургское губернское земское собраніе, которое уже въ первую сессію свою, въ декабрѣ 1865 года, высказалось въ пользу расширенія дарованныхъ земству правъ и созыва центральнаго земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству, не только вступило въ пререканіе съ губернаторомъ, но и постановило, по представленію губернской земской управы, принести жалобу въ Сенатъ на министра внутреннихъ дѣлъ, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ земства. Обстоятельство это, а равно бурный ходъ преній въ засѣданіяхъ, привели къ строгой правительственной мѣрѣ. „Въ виду того", какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, „что петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ законами, и вмѣсто

того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе, неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ, возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству", повелѣно: закрыть и распустить петербургское губернское земское собраніе; закрыть въ Петербургской губерніи губернскую и уѣздныя земскія управы; пріостановить въ ней дѣйствіе Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ. Принятая въ январѣ 1867 года, мѣра эта была уже отмѣнена въ іюлѣ того же года, послѣ того, какъ 13-го іюня изданъ законъ, расширявшій права предсѣдателей, какъ земскихъ, такъ и городскихъ, и всѣхъ сословныхъ собраній, возлагавшій на нихъ отвѣтственность за соблюденіе порядка въ засѣданіяхъ, ограничивавшій гласность совѣщаній и рѣшеній, и признававшій недѣйствительными, а слѣдовательно, не подлежащими ни исполненію, ни дальнѣйшему производству, постановленія собраній, противныя законамъ.

Въ первую годовщину покушенія на жизнь Государя, 4-го апрѣля 1867 года, произошло торжественное освященіе часовни, сооруженной, въ память чудеснаго избавленія, у воротъ Лѣтняго сада, въ присутствіи Ихъ Величествъ и всѣхъ членовъ Царской семьи. При возглашеніи многолѣтія, Государь обнялъ тутъ же находившагося Комиссарова.

Проведя въ Петербургѣ день своего рожденія, Императоръ Александръ, 20-го апрѣля, сопровождаемый Цесаревичемъ и Цесаревною, отправился въ Москву. Пребываніе въ первопрестольной столицѣ продолжалось двѣ недѣли и было посвящено посѣщенію супругою Наслѣдника Престола московскихъ святынь и историческихъ памятниковъ, представленію Ея Высочеству властей и знатныхъ лицъ обоего пола, устроеннымъ въ честь ея блестящимъ баламъ и народнымъ гуляньямъ, осмотру открытой подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, всероссійской этнографической выставки; заключилось оно поѣздкою Государя, Цесаревны и Цесаревича въ Троице-Сергіеву лавру. 2-го мая Его Величество и Ихъ Высочества возвратились въ Царское Село. Тамъ, 14-го мая, принялъ Императоръ депутацію отъ славянскихъ гостей, пріѣхавшихъ въ Россію для ознакомленія съ московскою этнографическою выставкою. Въ составъ депутаціи вошли двадцать шесть человѣкъ, сербовъ изъ княжества, австрійскихъ и лужицкихъ, болгаръ, чеховъ, русскихъ галичанъ, словаковъ и хорватовъ, но сопровождали ихъ въ Царское Село всѣ славяне, находившіеся въ Петербургѣ. Выслушавъ привѣтствіе серба Шафарика, Государь отвѣтилъ на него слѣдующими словами: „Благодарю васъ за ваши добрыя желанія. Мы сербовъ всегда считали за своихъ родныхъ братьевъ, и я надѣюсь, что Богъ готовитъ вамъ, въ скоромъ времени, лучшую будущность. Дай Богъ, чтобы всѣ желанія ваши скоро исполнились". Проходя чрезъ залу гдѣ находились прочіе славяне, не входившіе въ составъ депутаціи, Его Величество милостиво отвѣтилъ на ихъ почтительный поклонъ, сказавъ: „Здраствуйте господа! Я радъ видѣть васъ, славянскихъ братьевъ, на родной славянской землѣ. Надѣюсь, вы останетесь довольны пріемомъ какъ здѣсь, такъ и особенно въ Москвѣ! До свиданія!"

Два дня спустя, Императоръ Александръ, сопутствуемый двумя старшими сыновьями, Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, съ многочисленною свитою, въ составъ которой входилъ вице-канцлеръ, князь Горчаковъ, выѣхалъ изъ Царскаго Села за границу, для посѣщенія парижской всемірной выставки, обозрѣть которую Наполеонъ III приглашалъ всѣхъ европейскихъ государей. Въ Вержболовѣ состоялось слѣдующее, объявленное министру внутреннихъ дѣлъ шефомъ жандармовъ, Высочайшее повелѣніе: Всѣ дѣла политическаго свойства, касающіяся послѣдняго польскаго мятежа и безпорядковъ, имѣвшихъ отношеніе къ оному, не оконченныя еще производствомъ, какъ въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ, такъ и въ судебныхъ мѣстахъ, если лица, прикосновенныя къ этимъ дѣламъ, не обвиняются, кромѣ того, въ особыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ-то: въ убійствѣ, поджогѣ и т. п.—прекратить, освободивъ всѣхъ обвиняемыхъ отъ слѣдствія и суда; новыя дѣла, которыя могутъ возникнуть по обвиненіямъ въ принадлежности къ бывшему

мятежу или политическимъ безпорядкамъ, бывшимъ въ связи съ мятежомъ, не вчинать и подвергавшихся подобнымъ обвиненіямъ, если они не обвиняются, кромѣ того, въ особыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, оставить безъ преслѣдованія; уроженцамъ Царства Польскаго, высланнымъ по случаю политическихъ безпорядковъ въ разныя мѣста Имперіи въ административномъ порядкѣ, если они мѣстнымъ начальствомъ въ поведеніи одобрены, дозволить возвратиться на родину, а уроженцамъ Западныхъ губерній разрѣшить, если пожелаютъ, переселиться въ Царство Польское, не распространяя, впрочемъ, обоихъ этихъ разрѣшеній на лицъ духовнаго званія, возвращеніе которыхъ предоставить усмотрѣнію намѣстника Царства.

Проведя одинъ день въ Потсдамѣ, Государь продолжалъ слѣдованіе въ Парижъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, котораго сопровождалъ канцлеръ Сѣверо-Германскаго союза, графъ Бисмаркъ. Ихъ Величества прибыли во французскую столицу 20-го мая и были встрѣчены на вокзалѣ сѣверной желѣзной дороги императоромъ французовъ. Русскому Императору отведено помѣщеніе въ Елисейскомъ дворцѣ, то самое, которое занималъ Александръ I въ пребываніе свое въ Парижѣ въ 1814-мъ и 1815-мъ годахъ. Блестящія празднества устроены были въ честь Августѣйшихъ гостей: обѣдъ и балъ въ Тюильри, парадный спектакль въ Оперѣ, посѣщеніе выставки, скачки въ Лоншанѣ, наконецъ, большой смотръ французскихъ войскъ на Лоншанскомъ полѣ. При возвращеніи, 25-го мая, съ этого военнаго торжества, въ Булонскомъ лѣсу, въ коляску, въ которой ѣхали Императоры Александръ и Наполеонъ и оба Великіе Князя, полякъ Березовскій выстрѣлилъ изъ пистолета въ Государя и, къ счастью, далъ промахъ. Пуля, пролетѣвъ мимо, ранила лошадь ѣхавшаго возлѣ императорскаго экипажа, французскаго шталмейстера.

Вѣсть о вторичномъ покушеніи на священную особу Монарха съ быстротою молніи разнеслась по всей Россіи, какъ и въ предшедшемъ году, вызывая повсюду общее чувство негодованія къ злодѣю, радости и благодарности къ Богу за спасеніе драгоцѣнной жизни Царя. Императоръ Александръ еще нѣсколько дней остался въ Парижѣ, осматривая достопримѣчательности знаменитаго города, посѣщая прославленныя историческими воспоминаніями, окрестности его. 30-го мая, Его Величество выѣхалъ изъ французской столицы, остановился на нѣсколько часовъ въ Баденъ-Баденѣ, чтобы навѣстить королеву прусскую Августу, въ Штутгартѣ посѣтилъ сестру свою, королеву виртембергскую, Ольгу Николаевну, а въ Дармштадтѣ—семью Императрицы, и, проведя два дня въ Потсдамѣ, 6-го іюня, прибылъ въ Варшаву.

То было первое посѣщеніе Монархомъ польской столицы послѣ печальныхъ смутъ, коихъ она была позорищемъ въ теченіе семи лѣтъ. Въ 1867 году продолжалось безъ перерыва административное сліяніе Царства Польскаго съ Имперіей: упразднены правительственныя коммиссіи, финансовая и народнаго просвѣщенія, и образованъ Варшавскій учебный округъ, подчиненный, на общемъ основаніи, министерству народнаго просвѣщенія; перешли въ завѣдываніе подлежащихъ вѣдомствъ въ Имперіи, пути сообщенія, коннозаводство и контрольная часть; наконецъ, упразднены также Государственный Совѣтъ и Совѣтъ управленія Царства Польскаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ, обнародована дарованная въ Вержболовѣ амнистія участникамъ мятежа. Выстрѣлъ Березовскаго ни мало не измѣнилъ великодушныхъ намѣреній Государя въ отношеніи къ польскимъ его подданнымъ. Въ Варшавѣ онъ подписалъ два указа на имя намѣстника: первымъ прекращены розысканія имуществъ, принадлежащихъ преступникамъ, принимавшимъ участіе въ мятежѣ и подлежавшихъ конфискаціи, а также всякія дѣйствія относительно конфискаціи тѣхъ изъ имуществъ подобнаго рода, которыя, хотя и обнаружены, но не поступили еще окончательно въ казну; вторымъ—даровано вспомоществованіе оставшимся за штатомъ чиновникамъ упраздненныхъ учрежденій.

На варшавскомъ вокзалѣ встрѣтила Августѣйшаго супруга Императрица Марія Александровна съ младшими дѣтьми, Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ и Великою Княжною Маріею, а президентъ города поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль. Государь и Императрица въ открытой коляскѣ проѣхали въ Бельведерскій дворецъ. Тамъ, на дворцовомъ дворѣ, ожидала ихъ депутація въ 500 человѣкъ отъ крестьянъ,

въ числѣ болѣе 5.000 стекшихся въ Варшаву со всѣхъ концовъ Царства Польскаго ко дню царскаго пріѣзда. Принимая отъ нихъ хлѣбъ-соль, Императоръ произнесъ: „Я очень радъ васъ видѣть довольными, такъ какъ я сдѣлалъ все, что могъ для вашего благосостоянія". Изъ дворца Ихъ Величества отправились въ православный соборъ, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ—на Мокотовское поле, на которомъ произведенъ Высочайшій смотръ собраннымъ въ Варшавѣ войскамъ. На другой день Его Величество принималъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, губернаторовъ, предсѣдателей губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; на третій—въ Лазенковскомъ дворцѣ былъ обѣденный столъ для русскихъ должностныхъ лицъ, начальниковъ отдѣльныхъ воинскихъ частей и полковыхъ командировъ; на четвертый—Ихъ Величества почтили своимъ присутствіемъ балъ, данный въ ихъ честь въ русскомъ общественномъ собраніи; на пятый — 10-го іюня—Государь, проводивъ отправлявшуюся въ Ливадію Императрицу съ Августѣйшими дѣтьми до Скерневицъ, самъ выѣхалъ изъ Варшавы и имѣлъ ночлегъ въ Бѣлостокѣ.

12-го іюня, ровно въ полночь, императорскій поѣздъ прибылъ въ Вильно. Императоръ Александръ прослѣдовалъ, по ярко иллюминованнымъ улицамъ города, во дворецъ, гдѣ на слѣдующее утро принималъ властей и депутацію изъ 500 крестьянъ Сѣверо-Западнаго края. Посѣтивъ православный Свято-Духовъ монастырь, Его Величество остановился и у римско-католическаго собора, на паперти котораго ждало его духовенство въ облаченіи; потомъ помолился въ часовнѣ, воздвигнутой въ память жертвъ послѣдняго мятежа, а затѣмъ произвелъ смотръ войскамъ, послѣ котораго приступилъ къ подробному осмотру возобновленныхъ въ Вильнѣ древнихъ православныхъ храмовъ. Обзоръ начался съ церквей Пятницкой и Николаевской и заключился каѳедральнымъ Св. Николая и Предтеченскимъ митрополичьимъ соборами. Кромѣ того, Императоръ посѣтилъ сиротскій домъ младенца Іисуса и Маріинскій дѣвичій монастырь. Вечеромъ во дворцѣ былъ большой обѣдъ для высшихъ чиновъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ, къ которому изъ мѣстныхъ дворянъ приглашенъ былъ одинъ только графъ Тышкевичъ, отставной конногвардеецъ, ветеранъ наполеоновскихъ войнъ. 13-го іюня Государь удостоилъ особаго пріема членовъ виленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ и всѣхъ, вообще, находившихся въ Вильнѣ дѣятелей крестьянскаго дѣла. „Благодарю васъ, господа", сказалъ онъ имъ, „за вашу полезную службу; продолжайте ее съ прежнимъ усердіемъ; увѣренъ, что вы будете дѣйствовать съ полнымъ безпристрастіемъ". Его Величество вышелъ и къ крестьянамъ, наполнявшимъ дворцовый дворъ, и спросилъ, нѣтъ-ли между ними принявшихъ православіе? По вызовѣ вновь обращенныхъ изъ толпы, Его Величество произнесъ, обращаясь къ нимъ: „Очень радъ васъ видѣть православными. Увѣренъ, что вы перешли въ древнюю вѣру края съ убѣжденіемъ и искренно; знайте, что разъ принявшимъ православіе, я ни подъ какимъ видомъ не позволю и не допущу возвратиться въ католичество. Слышите-ли? Повторяю: радъ васъ видѣть православными". Послѣ ученья войскамъ, Государь посѣтилъ публичную библіотеку, навѣстилъ престарѣлаго митрополита литовскаго, высокопреосвященнаго Іосифа, заѣхалъ въ духовную семинарію, въ женскую гимназію, военный госпиталь и, отобѣдавъ во дворцѣ, въ кругу начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, вечеромъ отбылъ изъ Вильны.

Дальнѣйшій путь Императора лежалъ чрезъ Динабургъ, на Ригу. Въ Прибалтійскомъ краѣ уже нѣсколько лѣтъ умы были возбуждены ярою полемикою мѣстныхъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ, съ русскою печатью по вопросу о національности. Въ 1864 году правительству пришлось принять мѣры къ обузданію лифляндскаго суперъ-интенданта епископа Вальтера, при открытіи мѣстнаго ландтага произнесшаго слово, которымъ онъ приглашалъ дворянъ и крестьянъ оставаться вѣрными германизму. Но вскорѣ послѣ того были приняты строгія мѣры противъ обнаружившагося движенія посреди латышей къ переходу въ православіе; сочувствовавшій и содѣйствовавшій этому движенію, православный архіепископъ рижскій Платонъ переведенъ на другую каѳедру и въ предѣлахъ Балтійскаго края отмѣненъ законъ объ обязательномъ крещеніи въ православную вѣру

дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лютеранами.

Государь прибылъ въ Ригу вечеромъ 14-го числа. На платформѣ вокзала выстроились члены общества стрѣлковъ и поднесли хлѣбъ-соль Его Величеству представители общинъ старовѣрческой и еврейской. На плацу, передъ станціей, стояли городская конная стража, пожарная команда и пѣвческія общества. Вся Рига сіяла огнями. При пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, Императоръ проѣхалъ въ замокъ, а за нимъ, во слѣдъ направились туда и пѣвческія общества, нѣмецкое и русское, и при свѣтѣ факеловъ и фонарей, исполнили нѣсколько хоровъ.

На другой день, утромъ, представлялись Государю въ замкѣ военные и гражданскіе чины, духовенство, дворянство, представители города и купечества, а также эстляндскіе дворяне и депутація отъ города Ревеля. Его Величество обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью, на русскомъ языкѣ: „Вы знаете, господа, съ какимъ удовольствіемъ я посѣщаю каждый разъ вашъ край. Я умѣю цѣнить ваши вѣрноподданническія чувства, еще недавно столь сильно обнаруженныя по поводу вторичнаго избавленія меня Всевышнимъ отъ руки убійцы. Я знаю, что это чувство искренне въ васъ и наслѣдственно. То же самое я могу сказать и о моемъ къ вамъ довѣріи. Оно также во мнѣ наслѣдственно, и я ручаюсь вамъ, что передамъ его моимъ дѣтямъ. Но я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что принадлежите къ единой русской семьѣ и образуете нераздѣльную часть Россіи, за которую отцы ваши и братья, и многіе изъ васъ самихъ, проливали кровь. Вотъ почему я надѣюсь найти со стороны вашей, въ мирное время, содѣйствіе мнѣ и моему представителю въ средѣ вашей, генералъ-губернатору (Государь указалъ на генералъ-адъютанта Альбединскаго), на коего вполнѣ полагаюсь, къ приведенію въ исполненіе тѣхъ мѣръ и реформъ, которыя я считаю необходимыми и полезными для вашего края. Я увѣренъ, господа, что въ этомъ отношеніи, я не ошибусь въ моемъ къ вамъ довѣріи, и что вы оправдаете его на дѣлѣ. Мнѣ остается еще благодарить васъ за вашъ радушный пріемъ, которымъ я глубоко тронутъ". Послѣ посѣщенія православнаго собора въ цитадели и парада войскамъ, Императоръ поѣхалъ въ садъ стрѣлковаго общества, гдѣ собственноручно раздавалъ призы, а на память своего посѣщенія посадилъ дерево. День завершился баломъ отъ дворянства. За ужиномъ, въ отвѣтъ на тостъ за здоровье Его Величества, Императоръ провозгласилъ тостъ за лифляндское дворянство, но по возвращеніи въ Петербургъ, утвердилъ рѣшеніе Комитета Министровъ о возстановленіи обязательной силы, состоявшагося еще въ 1850 году, Высочайшаго повелѣнія, коимъ мѣстнымъ властямъ вмѣнялось въ обязанность всѣ дѣловыя сношенія и переписку вести на русскомъ языкѣ.

Пробывъ два дня въ Ригѣ, Императоръ Александръ возвратился въ Царское Село 18-го іюня. На Александровскую станцію собрались встрѣтить его всѣ, находившіеся въ столицѣ, члены царственной семьи, министры, высшіе придворные, военные и гражданскіе чины, и генералы, штабъ и оберъ-офицеры всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, одни пѣшіе, другіе верхами, для составленія почетнаго конвоя, наконецъ, несмѣтная толпа народа. Очевидецъ такъ описываетъ эту встрѣчу Царя, вторично спасеннаго Небеснымъ Промысломъ отъ грозившей ему смертельной опасности: „Ровно въ 5 часовъ 30 минутъ, раздался свистокъ локомотива, мчавшаго императорскій поѣздъ, и въ ту же минуту воздухъ огласился дружнымъ, продолжительнымъ „ура!" народной толпы, собравшейся за станціей у дороги. Стоявшій тамъ же, оркестръ военной музыки заигралъ „Боже, Царя храни!" Толпа на площади такъ и замерла въ ожиданіи, которое продолжалось, однако, одно мгновеніе. Двери станціи распахнулись и Государь Императоръ, въ синей венгеркѣ лейбъ-гусарскаго полка и въ красной фуражкѣ, показался на порогѣ. Забывши всякій этикетъ, руководимые только однимъ одушевлявшимъ ихъ чувствомъ, всѣ офицеры, составлявшіе первые ряды толпы, бросились на встрѣчу Государю: громовое, неумолкаемое „ура!" потрясло воздухъ. Публика махала шляпами, платками, простолюдины бросали вверхъ шапки. Его Величество милостиво остановился передъ загражданшею ему путь толпою и изволилъ сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ окружавшимъ его военнымъ. Привѣтствіе Государя было до того

милостиво, что, не помня о соблюденіи установленной формы, офицеры, по единодушному движенію, сняли свои кепи и каски и стали махать ими. Сопровождаемый Великими Князьями, на лицахъ которыхъ было написано глубокое радостное волненіе, Государь прошелъ ряды офицеровъ и, войдя въ самую средину толпы, направился къ своей коляскѣ, въ которой и помѣстился съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Нѣсколько минутъ коляска не могла тронуться съ мѣста отъ натиска восторженной толпы. Наконецъ, народъ разступился и экипажъ двинулся. Государь Императоръ ѣхалъ стоя, держась одною рукою за ободъ козелъ, а другою милостиво привѣтствуя народъ. Конные офицеры сплошною толпою помчались за коляскою. Съ площадки станціи далеко видна была усѣянная сплошь народомъ дорога, по которой мчался экипажъ Государя; вся окрестность гремѣла криками „ура!“ Прибывъ въ Царскосельскій дворецъ, Его Величество прежде всего отправился въ дворцовую церковь, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ“.

19-го іюня, въ Зимнемъ дворцѣ, Императоръ Александръ принималъ поздравленія дипломатическаго корпуса, а 20-го, къ вечеру, посѣтилъ Красносельскій лагерь. Къ царской ставкѣ собрались всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры расположенныхъ въ лагерѣ войскъ, а также послы испанскій и великобританскій, прусскій посланникъ и военные агенты австрійскій и прусскій. Для встрѣчи Государя офицеры стали по полкамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, отъ царской ставки вдоль царскосельскаго шоссе; хоры музыки всѣхъ частей войскъ были поставлены противъ царской ставки, а нижніе чины и пѣсенники полковъ стояли на переднихъ линейкахъ, впереди своихъ палатокъ. Густая толпа народа покрывала все пространство впереди лагеря. Близь самой ставки Государя собралось много дамъ. Когда показался императорскій экипажъ, въ которомъ сидѣлъ Государь съ королемъ Эллиновъ, музыка заиграла гимнъ и войска привѣтствовали Державнаго Вождя громкими перекатами „ура!“, раздававшимся на всемъ девятиверстномъ пространствѣ лагернаго расположенія. Главнокомандующій войсками гвардіи, Великій Князь Николай Николаевичъ, подалъ Императору почетный рапортъ, а затѣмъ, окруженный начальниками дивизій, командирами бригадъ и полковъ, поднесъ Его Величеству даръ отъ войскъ— золотой образъ-складень, съ изображеніемъ св. апостола Андрея Первозваннаго и съ надписью: *25-го мая 1867 года*. При этомъ Его Высочество сказалъ: „Ваше Величество, вся ваша вѣрная гвардія, отъ генерала до солдата, и воспитанники военно-учебныхъ заведеній, подносятъ вамъ этотъ складень съ изъявленіемъ величайшаго ихъ счастія и радости видѣть васъ, Государь, опять въ своей средѣ. Всѣ мы просимъ, чтобы складень этотъ былъ неразлучно съ вами, во всѣхъ вашихъ путешествіяхъ“. Императоръ снялъ фуражку, перекрестился, приложился къ образу и растроганнымъ голосомъ отвѣчалъ: „Благодарю васъ за все; благодарю за этотъ образъ, съ которымъ никогда не разстанусь“. Прижавъ къ груди и расцѣловавъ брата, Его Величество прибавилъ, обратясь къ генераламъ и офицерамъ: „Благодарю васъ всѣхъ, господа, отъ всей души“. Послѣ Высочайшаго объѣзда лагеря, началась заря съ церемоніей и войска стали на молитву. Конецъ вечера Его Величество провелъ въ Красносельскомъ театрѣ. Не менѣе торжественно и задушевно встрѣченъ Государь моряками, когда, нѣсколько дней спустя, Его Величество посѣтилъ Кронштадтскій рейдъ, въ сопровожденіи наслѣднаго принца итальянскаго Гумберта.

26-го іюня, въ Царскосельскомъ дворцѣ, состоялось, въ присутствіи Государя, обрученіе короля Эллиновъ, Георга I, со старшею дочерью Великаго Князя Константина Николаевича, Великою Княжною Ольгою Константиновною; съ 6-го по 11-е іюля—рядъ ученій и смотровъ войскъ Красносельскаго лагеря, а 18-го Государь выѣхалъ изъ Петербурга и, черезъ Москву, Тулу, Орелъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ, Елисаветградъ и Николаевъ, прибылъ въ Ливадію, гдѣ остался съ Императрицею и младшими дѣтьми до конца сентября. Бракосочетаніе короля Георга съ Великою Княжною Ольгою совершилось, въ отсутствіе Императора, 15-го сентября.

5-го августа русская церковь праздновала пятидесятилѣтіе служенія въ архіерейскомъ санѣ митрополита московскаго Филарета. Государь почтилъ маститаго архипастыря милостивымъ рескриптомъ,

въ которомъ, перечисливъ великія заслуги его церкви и отечеству, предоставилъ ему право, по кіевскому обычаю, предношенія креста при священнослуженіи, а также ношенія креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ. Владыка не долго пережилъ это торжество, безпримѣрное въ нашихъ церковныхъ лѣтописяхъ. 19-го ноября 1867 года не стало Филарета. Преемникомъ его на московской митрополичьей каѳедрѣ назначенъ, извѣстный своею миссіонерскою дѣятельностью въ отдаленной Сибири, архіепископъ камчатскій и алеутскій, Иннокентій.

1867 годъ завершился рядомъ законодательныхъ мѣръ по преобразованію административной и судебной частей на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ. 9-го декабря Высочайше утверждены и обнародованы положенія: о главномъ управленіи намѣстника кавказскаго, о карантинно-таможенной части, и правила о порядкѣ опредѣленія къ должностямъ и увольненія отъ оныхъ, а указомъ Правительствующему Сенату повелѣно новые судебные уставы привести въ дѣйствіе въ округѣ тифлисской судебной палаты, съ 1-го января 1868 года.

Неурожай 1867 года вызвалъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи голодъ, для устраненія котораго обычныя административныя мѣры оказались недостаточными. Бѣдствіе грозило принять обширные размѣры, а между тѣмъ, почти всюду, запасные хлѣбные магазины оказались истощенными. Для обезпеченія положенія нуждающихся и для обсѣмененія яровыхъ полей рѣшено обратиться къ частной благотворительности и открыть по всей Имперіи подписку для сбора въ пользу голодающихъ добровольныхъ денежныхъ пожертвованій; а для сосредоточенія и правильнаго распредѣленія ихъ, учреждена временная коммиссія, во главѣ которой сталъ Наслѣдникъ Престола. „Поручая Вашему Императорскому Высочеству", писали ему Государь и Императрица въ рескриптѣ за общею ихъ подписью, „почетное предсѣдательство въ оной, намъ отрадно видѣть, въ искренности и теплотѣ принимаемаго вами сердечнаго въ этомъ дѣлѣ участія, залогъ успѣшнаго достиженія предполагаемой благотворительной цѣли".

Въ связи съ этою мѣрою находится, состоявшееся 9-го марта, увольненіе статсъ-секретаря Валуева отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ; причемъ, однако, Государь изъявилъ ему душевную признательность за семилѣтнее управленіе этимъ вѣдомствомъ и, въ частности, за „неусыпныя старанія къ введенію и правильному дѣйствію законодательныхъ и административныхъ преобразованій", выразивъ надежду, что „послѣ нѣкотораго времени необходимаго отдыха для поправленія здоровья", Валуевъ снова посвятитъ себя дѣятельному участію въ дѣлахъ государственныхъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ бывшій начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Почтовое и телеграфное вѣдомство включены снова въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тогда же, уволеннаго Замятнина, во главѣ министерства юстиціи замѣнилъ статсъ-секретарь графъ Паленъ.

17-го апрѣля 1868 года Императору Александру исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Годовщина эта отпразднована въ тѣсномъ семейномъ кругу, но нѣсколько дней спустя л.-гв. гусарскій полкъ торжественно чествовалъ полвѣка, истекшіе со времени назначенія Его Величества шефомъ полка. 22-го апрѣля войскамъ гвардіи объявленъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича: „Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по волѣ, блаженныя памяти, Императора Александра I-го, я зачисленъ въ ряды доблестной гвардіи. Постоянно будучи свидѣтелемъ ея усердной службы и непоколебимой преданности Престолу и Отечеству и желая ознаменовать нынѣшній день знакомъ моего къ ней благоволенія, я жалую по 300 тысячъ рублей ежегодно, для выдачи пособій, въ размѣрѣ полугодовыхъ окладовъ жалованья всѣмъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, которые несутъ въ войскахъ гвардіи дѣйствительную службу. Оказывая этотъ новый знакъ попеченія моего о благосостояніи офицеровъ моей гвардіи, во вниманіе къ большимъ издержкамъ, требуемымъ отъ нихъ по особымъ условіямъ ихъ службы, я увѣренъ, что они и на будущее время также, какъ и доселѣ, будутъ своею примѣрною и безукоризненною службою поддерживать честь и славу русской гвардіи". Въ этотъ день Государь, прибывъ въ Царское Село, принялъ поздравленіе отъ полка и поднесенную ему лейбъ-гу-

сарами художественную группу, изображавшую гусаровъ, въ четыре минувшія и въ настоящее царствованія, и объявилъ, что жалуетъ полку новый штандартъ. Юбилейное торжество, отложенное на нѣсколько дней по нездоровью Императрицы, происходило 27-го апрѣля. Къ этому дню стеклись въ Царское Село многіе изъ прежде служившихъ въ лейбъ-гусарскомъ полку офицеровъ. Наканунѣ, вся гусарская семья приглашена была во дворецъ, гдѣ произошла церемонія прибивки вновь пожалованнаго штандарта къ древку. Императоръ вбилъ первый гвоздь; слѣдующіе гвозди, по его указанію, вбили: великій герцогъ саксенъ-веймарскій, Наслѣдникъ Цесаревичъ, наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскій, Великій Князь Николай Николаевичъ старшій, принцъ Александръ Гессенскій, военный министръ, Великіе Князья Сергій Александровичъ и Николай Николаевичъ младшій, прежніе командиры полка, нынѣшній командиръ и всѣ наличные офицеры, наконецъ, по четыре нижнихъ чина съ эскадрона. Обратясь къ прежнимъ офицерамъ полка, Государь ласково спросилъ: „Не хотятъ-ли и старые лейбъ-гусары вбить по гвоздику?“—что и было ими исполнено.

27-го апрѣля полкъ, въ парадной формѣ, выстроился на площади передъ дворцомъ, развернутымъ фронтомъ, съ флангами, загнутыми подъ угломъ къ дворцу. Старый штандартъ, по отданіи ему чести, отнесенъ въ царскосельскій главный караулъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи церемоніи, отнести его на храненіе въ Софійскій соборъ, а новый штандартъ торжественно вынесенъ изъ дворца и поставленъ для освященія къ аналою, въ открытую церковную палатку, раскинутую у главнаго дворцоваго подъѣзда. Съ появленіемъ къ полку Государя, Его Величество встрѣченный громкимъ, долго не умолкавшимъ „ура!“ самъ принялъ надъ нимъ начальство. Императрица и Цесаревна показались на балконѣ дворца въ бѣлыхъ лейбъ-гусарскихъ ментикахъ и были привѣтствованы тѣми же кликами. Началось благодарственное молебствіе. Протопресвитеръ Бажановъ окропилъ святою водою штандартъ, который держалъ колѣнопреклоненный полковой командиръ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, поддерживаемый одною рукою самимъ Императоромъ. По окончаніи молебна полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ передъ Императрицею. Во главѣ его ѣхалъ Августѣйшій шефъ; передъ первымъ дивизіономъ — Цесаревичъ, передъ 2-мъ—бывшій командиръ полка генералъ-адъютантъ Альбединскій; графъ Воронцовъ-Дашковъ ѣхалъ передъ 4-мъ эскадрономъ, а эскадронные командиры—передъ взводами. Послѣ церемоніальнаго марша полкъ сомкнулся въ колонну и Государь, окруживъ себя офицерами, поздравилъ полкъ съ полученіемъ новаго штандарта и, вызвавъ пѣсенниковъ, приказалъ ѣхать въ казармы на обѣдъ. Обѣдъ нижнихъ чиновъ происходилъ въ экзерциргаузѣ, въ два съ половиною часа, въ присутствіи Императора и всей Царской семьи. Съ чаркой въ рукѣ Александръ Николаевичъ обратился къ полку и провозгласилъ: „Пятидесятилѣтній шефъ пьетъ здоровье молодецкаго лейбъ-гусарскаго полка и благодаритъ его за лихую и молодецкую службу“. Въ пять часовъ во дворцѣ, былъ сбѣдъ на 450 приглашенныхъ, послѣ котораго Государь самъ раздавалъ гусарамъ свои фотографическіе портреты въ гусарской формѣ. Вечеромъ былъ парадный спектакль въ китайскомъ театрѣ, а по окончаніи его, ужинъ въ полковомъ манежѣ, который удостоили своимъ присутствіемъ Императоръ, Цесаревна и всѣ Великіе Князья. Оставляя манежъ, Его Величество снова обратился къ присутствовавшимъ съ милостивыми словами благодарности и поцѣловалъ полковаго командира. Въ этотъ день, какъ служащимъ, такъ и служившимъ въ полку, пожалованы обильныя и щедрыя награды.

6-го мая, въ Царскомъ Селѣ, совершилось радостное событіе: Государыня Цесаревна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Николаемъ. Государь былъ воспріемникомъ отъ купели своего перворожденнаго внука, вмѣстѣ съ датскою королевою Луизою, наслѣднымъ принцемъ датскимъ и Великою Княгинею Еленою Павловною. Высоконоворожденнаго несла, въ день крестинъ, на подушкѣ гофмейстерина княгиня Куракина, а покрывало поддерживали генералъ-фельдмаршалъ князь Барятинскій и государственный канцлеръ князь Горчаковъ. Въ этотъ день Императоръ Александръ далъ широкій просторъ своему милосердію, облегчивъ участь государственныхъ преступниковъ, а также лицъ,

подвергшихся административнымъ взысканіямъ за соучастіе въ политическихъ смутахъ: приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ даровалось освобожденіе отъ работъ и они водворялись на поселеніе въ Восточной Сибири; находившимся въ Сибири на поселеніи предоставлены права государственныхъ поселянъ, съ разрѣшеніемъ жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; сосланнымъ въ Сибирь на житье, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, предоставлено право приписки къ городамъ и сельскимъ обществамъ, но дозволено также просить о переводѣ на жительство въ отдаленныя губерніи Имперіи; всѣмъ, находившимся въ Сибири иностраннымъ подданнымъ, даровано прощеніе, но съ высылкою изъ предѣловъ Россіи, безъ права возвращенія; наконецъ, молодымъ людямъ ранѣе 20-ти-лѣтняго возраста, приговореннымъ къ какому-либо наказанію за участіе въ польскомъ мятежѣ, по суду или въ административномъ порядкѣ, за исключеніемъ лицъ, присужденныхъ къ каторгѣ, также даровано прощеніе, съ разрѣшеніемъ проживать—уроженцамъ Царства Польскаго—на ихъ родинѣ, а происходящимъ изъ Западнаго края—въ губерніяхъ Имперіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ.

14-го іюля, подписавъ указъ о поземельномъ устройствѣ и общественномъ управленіи лично свободныхъ поселянъ Бессарабской области (цараны), на началахъ Положеній 19-го февраля 1861 года, Государь отбылъ за границу, куда, за двѣ недѣли до того, выѣхала уже Императрица съ тремя младшими дѣтьми. Ихъ Величества выдержали курсъ леченія водами въ Киссингенѣ, потомъ провели цѣлый мѣсяцъ въ замкахъ Югенгеймѣ и Гейлигенбергѣ близъ Дармштадта. Отвезя Императрицу въ Фридрихсгафенъ, лѣтнее мѣстопребываніе королевы виртембергской Ольги Николаевны, Государь навѣстилъ въ Баденѣ прусскую королеву Августу, а въ Потсдамѣ, короля Вильгельма и чрезъ Варшаву и Вильну, 23-го сентября, возвратился въ Царское Село.

Въ продолженіе 1868 года, въ Царствѣ Польскомъ приняты двѣ мѣры къ дальнѣйшему сліянію края съ Имперіей: упразднена правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ всѣхъ губерній Царства министерству внутреннихъ дѣлъ, на общемъ основаніи, и предоставлено обывателямъ всѣхъ частей Имперіи, всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій, свободно переселяться для водворенія въ десяти польскихъ губерніяхъ. Во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, графа Баранова замѣнилъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, однимъ изъ первыхъ распоряженій котораго было снятіе военнаго положенія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Могилевской, Минской и Витебской, „съ тѣмъ, чтобы о семъ было объявлено на мѣстахъ въ счастливый для Россіи день, 17-го апрѣля“. Къ осени военное положеніе снято и съ прочихъ мѣстностей трехъ означенныхъ губерній, а равно и въ губерніи Виленской.

Тогда же завершила кругъ своей благотворной дѣятельности Высочайше учрежденная подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, коммиссія для сбора пожертвованій и распредѣленія пособій пострадавшимъ отъ неурожая. Изъ отчета, представленнаго Цесаревичемъ Императору, по возвращеніи Его Величества изъ заграничнаго путешествія, видно, что распоряженіями коммиссіи обезпечено было обсѣмененіе полей; доставлены пособія деньгами и хлѣбомъ въ 23 губерніяхъ и сверхъ того, значительное воспособленіе оказано жителямъ Финляндіи; наконецъ, милліонъ рублей, заимообразно отпущенный въ распоряженіе коммиссіи, къ 1-му сентября возвращенъ въ государственное казначейство. „Столь благіе результаты“, писалъ Государь Наслѣднику, „я по, справедливости, отношу къ участію, которое Ваше Императорское Высочество не переставали принимать въ дѣлѣ, особымъ довѣріемъ моимъ на васъ возложенномъ, и къ тому искреннему усердію, которое руководитъ постоянно вашими дѣйствіями и побужденіями, когда надлежитъ содѣйствовать къ облегченію участи нуждающихся. Мнѣ отрадно нынѣ выразить Вашему Императорскому Высочеству, за столь полезные и достохвальные труды ваши, предъ лицомъ всей Россіи, мою душевную признательность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увѣренность, что вы и впредь всегда будете неуклонно трудиться на пользу и благо нашего любезнаго Отечества“.

27-го октября состоялось Высочайшее

повелѣніе, открыть съ 1869 года, при главномъ управленіи по дѣламъ печати, изданіе единственной для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, оффиціальной газеты, подъ наименованіемъ *Правительственнаго Вѣстника*, и затѣмъ, отнявъ всякій оффиціальный характеръ у газетъ, служившихъ оффиціальными органами нѣкоторыхъ министерствъ и главныхъ управленій, подчинить ихъ на будущее время, дѣйствію общихъ законовъ о печати.

Законодательная дѣятельность въ 1869 году была преимущественно направлена на окраины. 10-го марта подписалъ Государь указъ Сенату о поземельномъ и административномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, на началахъ, одинаковыхъ съ тѣми, что̀ примѣнены къ устройству ихъ быта въ Имперіи. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ генералъ-губернаторъ Потаповъ, циркулярнымъ распоряженіемъ, пріостановилъ выкупную операцію, но всѣ возбужденные имъ вопросы о пересмотрѣ выкупныхъ актовъ въ пользу землевладѣльцевъ были рѣшены Главнымъ Комитетомъ по устройству сельскаго состоянія, на точномъ основаніи, изданныхъ въ 1863 и 1864 годахъ, законовъ, и генералъ-губернатору предоставлено принять всѣ необходимыя мѣры къ скорѣйшему окончанію составленія и приведенія въ исполненіе выкупныхъ актовъ. Такое положеніе Комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія, и старанія Потапова, видоизмѣнить направленіе правительственной политики въ этомъ краѣ, привели лишь къ увольненію значительнаго числа мировыхъ посредниковъ, назначенныхъ его тремя непосредственными предшественниками, да сверхъ того, двухъ изъ самыхъ выдававшихся русскихъ дѣятелей въ краѣ: виленскаго губернатора, контръ-адмирала Шестакова, и попечителя виленскаго округа, Батюшкова. Въ Юго-Западномъ краѣ, по смерти Безака, кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Въ Царствѣ Польскомъ дѣла холмской греко-уніятской епархіи переданы департаменту иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ; для завѣдыванія казенными сборами въ десяти губерніяхъ Царства, учреждены казенныя палаты; малонаселенные города обращены въ сельскіе посады; вмѣсто польской Главной Школы основанъ въ Варшавѣ русскій университетъ и русскій же институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства—въ Новой Александріи; наконецъ, цензурное вѣдомство подчинено главному управленію по дѣламъ печати.

Въ Пасху произошла перемѣна во главѣ министерства путей сообщенія: Мельниковъ уволенъ по разстроенному здоровью при милостивомъ рескриптѣ и преемникомъ ему назначенъ генералъ-маіоръ свиты Его Величества, графъ В. А. Бобринскій.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ селѣ Ильинскомъ и въ Москвѣ, съ 11-го по 25-е іюня, Государь провелъ первую половину іюля въ Петербургѣ, а 17-го числа, съ Императрицею и дѣтьми, отправился въ Крымъ. По дорогѣ, Ихъ Величества посѣтили, въ помѣстьѣ Деревенька (Курской губерніи), фельдмаршала князя Барятинскаго. По нездоровью Государя отмѣнены были предположенные смотры въ Батуринѣ и Кіевѣ, и Ихъ Величества безостановочно прослѣдовали, чрезъ Кіевъ и Одессу, въ Ливадію, куда прибыли 2-го августа, и гдѣ, 8-го, посѣтилъ ихъ, признанный русскимъ Дворомъ въ достоинствѣ князя Румыніи, принцъ Карлъ Гогенцоллернскій. Возвращеніе Императора Александра въ столицу состоялось 11-го октября.

24-го ноября произведена, въ Высочайшемъ присутствіи, закладка памятника Екатеринѣ II, на площади предъ Александринскимъ театромъ, а 26-го торжественно отпразднована столѣтняя годовщина, основаннаго великою Государыней, Военнаго Ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Къ этому дню съѣхались въ Петербургъ многочисленные георгіевскіе кавалеры, а старѣйшій изъ нихъ, король Вильгельмъ прусскій, получившій 4-ю степень ордена въ 1814 году, за сраженіе при Баръ-сюръ-Объ, прислалъ своимъ представителемъ брата, принца Альбрехта.

Выйдя къ собраннымъ въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца георгіевскимъ кавалерамъ, Императоръ Александръ, возложившій на себя въ этотъ день, въ качествѣ гросмейстера ордена, ленту св. Георгія, привѣтствовалъ ихъ слѣдующею прочувствованною рѣчью:

„Поздравляю васъ, господа, со столѣтнею годовщиною учрежденія георгіевскаго ордена. При этомъ я увѣренъ, что каждый изъ насъ съ благодарностью вспомнитъ о великой учредительницѣ нашего славнаго Военнаго Ордена, умѣвшей цѣнить службу Престолу и Отечеству и достойныхъ достойно награждать. Не забудемъ также и прежнихъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ, и изъ которыхъ многіе положили жизнь свою за дорогое намъ Отечество и во славу нашего оружія. Доблести прежнихъ поколѣній, къ счастью, съ ними не исчезли, а передались вполнѣ и нынѣшнему поколѣнію, какъ то свидѣтельствуютъ военныя отличія, которыя васъ украшаютъ. Вся армія наша и флотъ нашъ вами гордятся, вмѣстѣ со мною. Я радъ, что мнѣ суждено было праздновать эту знаменательную годовщину вмѣстѣ съ вами, и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за вашу вѣрную, усердную и славную боевую службу, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Тѣхъ, которые получили за ихъ заслуги георгіевскіе кресты при Императорахъ Александрѣ Павловичѣ и при покойномъ Родителѣ, благодарю ихъ именемъ и не забуду навсегда подвиги награжденныхъ этимъ орденомъ уже при мнѣ, какъ въ тяжкую годину защиты Севастополя, такъ и за кавказскую войну, и въ послѣднее время въ Туркестанѣ. Сожалѣю, что не всѣ кавалеры могли явиться къ сегодняшнему нашему военному семейному празднику, начиная съ фельдмаршала князя Барятинскаго; но я не забываю, что ему я обязанъ покореніемъ Кавказа. Я радъ, что могу передъ вами всѣми благодарить брата моего, Великаго Князя Михаила Николаевича, за окончательное умиротвореніе всего Кавказскаго края и главнаго помощника и того, и другого,—графа Евдокимова. Благодарю также брата моего, Великаго Князя Константина Николаевича, при которомъ началось усмиреніе польскаго мятежа, и фельдмаршала графа Берга за окончательное его усмиреніе. Не могу также не обратиться съ особымъ спасибо къ нашимъ морякамъ, которые, послѣ Синопа, доказали подъ Севастополемъ, что они и на сушѣ такіе же молодцы, какъ и на морѣ. Повинуясь волѣ учредительницы Военнаго нашего Ордена, положительно ею выраженной въ манифестѣ по случаю его основанія, я, какъ гросмейстеръ ордена, возложилъ на себя сегодня 1-ю степень сего ордена; но мнѣ, въ особенности, дорогъ крестъ 4-й степени, который я ношу, и день, въ который я удостоился его получить, принадлежитъ къ счастливѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни, и я увѣренъ, что каждый изъ васъ сохраняетъ въ памяти своей то же чувство. Еще разъ благодарю отъ души васъ всѣхъ за молодецкую службу. Да сохранитъ васъ Богъ! Дай Богъ, чтобы не нужно было намъ вновь вступать въ бой, но если то намъ суждено, то я увѣренъ, что армія и флотъ съумѣютъ, по прежнему, поддержать славу нашего оружія и честь русскаго имени".

Въ Георгіевской залѣ отслужено митрополитомъ Исидоромъ молебствіе св. великомученику и побѣдоносцу Георгію, завершившееся окропленіемъ святою водою знаменъ и штандартовъ. Послѣ молебна Государь присутствовалъ на обѣдѣ нижнихъ чиновъ, украшенныхъ знакомъ отличія Военнаго Ордена, и вслѣдъ затѣмъ, получилъ слѣдующую телеграмму изъ Берлина: „Его Величеству Императору Всероссійскому. Приношу вамъ мое поздравленіе съ сегодняшнимъ прекраснымъ праздникомъ, за которымъ я слѣжу мысленно, съ часу на часъ. Полковникъ Вердеръ только что сообщилъ мнѣ о великой чести, коей вы его удостоили, и я благодарю васъ за это изъ глубины сердечной. *Вильгельмъ*". Одновременно съ полученіемъ въ Петербургѣ вышеприведенной депеши, королю, въ Берлинѣ, была доставлена телеграмма русскаго Императора, отправленная еще до начала парада: „Благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское письмо ваше, присланное съ Альбрехтомъ, и въ минуту отправленія на военное торжество, позвольте предложить вамъ, отъ имени всѣхъ кавалеровъ св. Георгія, первую степень этого ордена, принадлежащую вамъ по праву. Мы всѣ будемъ гордиться, видя васъ украшеннымъ ею. Желаю, чтобы вы усмотрѣли въ ней новое доказательство соединяющей насъ дружбы, зиждущейся на воспоминаніяхъ вѣчно памятной эпохи, когда обѣ наши арміи сражались за святое дѣло. Я позволилъ себѣ дать крестъ четвертой степени вашему адъютанту Вердеру. *Александръ*". Поздно вечеромъ полученъ былъ въ Петербургѣ по телеграфу отвѣтъ короля: „Глубоко тронутый, со слезами на глазахъ, обнимаю васъ, благодаря за честь, на ко-

торую не смѣлъ разсчитывать. Но вдвойнѣ осчастливленъ я способомъ, коимъ вы мнѣ о ней сообщаете. Безъ сомнѣнія, я вижу въ ней новое доказательство вашей дружбы и память о великой эпохѣ, когда наши обѣ арміи сражались за одно святое дѣло. Во имя этой самой дружбы и того же воспоминанія, осмѣливаюсь просить васъ принять мой орденъ „pour le mérite“. Армія моя будетъ гордиться, видя васъ носящимъ этотъ орденъ. Да хранитъ васъ Богъ. *Вильгельмъ*“. Вмѣстѣ съ этою телеграммою была получена изъ Берлина и другая, на имя принца Альбрехта: „Нѣтъ, какова оказанная мнѣ честь! Я счастливъ въ высшей степени, но совершенно потрясенъ! Я уплачиваю долгъ, поднося Императору „pour le mérite“. Если у тебя съ собою два креста, то предложи ему одинъ изъ нихъ. *Вильгельмъ*“.

Обѣ телеграммы были доставлены въ Зимній дворецъ въ то время, когда Государь, со своими Августѣйшими гостями и членами Императорской фамиліи, находился на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ. По возвращеніи во дворецъ, принцъ Альбрехтъ зашелъ къ себѣ, чтобы переодѣться, какъ вдругъ быстро вошелъ къ нему въ спальню Императоръ и съ радостнымъ взоромъ сообщилъ отвѣтъ короля. Лишь по уходѣ Его Величества, принцъ ознакомился съ присланною ему депешею. Онъ тотчасъ же облекся въ полную парадную форму и, явясь къ Государю, вручилъ ему собственный свой крестъ „pour le mérite“.

Въ тотъ же день произошелъ обмѣнъ телеграммъ между Государемъ Александромъ Николаевичемъ и императоромъ Францомъ-Іосифомъ, получившимъ георгіевскій крестъ 4-й степени въ 1849 году, за взятіе крѣпости Рааба, находившейся во власти венгерскихъ мятежниковъ. Императоръ австрійскій телеграфировалъ Государю: „Только по возвращеніи моемъ въ Вѣну получилъ я извѣщеніе о предстоящемъ торжествѣ въ честь ордена св. Георгія. А потому, не имѣя возможности участвовать въ немъ такъ, какъ бы желалъ, хочу, по крайней мѣрѣ, заявить по этому случаю мое живое сочуствіе и выразить, что я сердечно раздѣляю тѣ чувства, которыя день этотъ долженъ пробуждать въ средѣ доблестной русской арміи. Я мысленно буду находиться среди кавалеровъ, украшенныхъ этимъ орденомъ, который я всегда считаю за честь носить, и который служитъ мнѣ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ дружбы. *Францъ-Іосифъ*“. Государь отвѣчалъ австрійскому монарху: „Именемъ всѣхъ кавалеровъ св. Георгія приношу вамъ мое поздравленіе съ днемъ столѣтней годовщины учрежденія этого ордена. Выраженія вашей любезной телеграммы меня глубоко тронули, также какъ и воспоминанія о незабвенной эпохѣ, со времени которой нашъ Военный Орденъ имѣетъ честь считать васъ въ числѣ своихъ кавалеровъ. *Александръ*“.

На другой день, 27-го ноября, на Александровской площади передъ Зимнимъ дворцомъ, происходилъ парадъ войскамъ, а на третій—всѣ георгіевскіе кавалеры были приглашены къ Высочайшему столу въ Гербовой и Георгіевской залахъ.

Зима 1869—1870 годовъ прошла безъ выдающихся перемѣнъ, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ личномъ правительственномъ составѣ. Съ осени учреждена была, для пересмотра дѣйствовавшихъ постановленій о цензурѣ и печати, и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту, коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Урусова, которому самъ Государь преподалъ слѣдующее наставленіе: „Правила о цензурѣ и печати, изданныя на основаніи указа 6-го апрѣля 1865 года, были установлены при переходномъ тогда состояніи судебной части, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта. Нынѣ, по введеніи въ дѣйствіе въ значительной части Имперіи судебныхъ уставовъ 1864 года, опытъ показалъ, что временныя правила 6-го апрѣля 1865 года во многихъ случаяхъ возбуждали недоразумѣнія и не всегда могли служить достаточно положительнымъ руководствомъ при судебномъ преслѣдованіи. Предоставляя отечественной печати возможныя облегченія и удобства, законъ долженъ вмѣстѣ съ симъ вооружить, какъ административную, такъ и судебную власть надлежащею силою для отвращенія вреднаго вліянія, могущаго произойти отъ необузданности и неумѣренности печатнаго слова“. Коммиссія учреждалась „для пересмотра“, и Высочайшій рескриптъ заключался выраженіемъ увѣренности Императора, что предсѣдатель и члены коммиссіи, проникнутые чувствомъ долга и со-

знаніемъ важности оказываемаго имъ Монаршаго довѣрія, исполнять возложенное на нихъ порученіе „съ твердостью и добросовѣстностію, не подчиняясь никакимъ увлеченіямъ". Плодомъ трудовъ коммиссіи былъ законъ 1872 года, предоставившій Комитету министровъ право разрѣшать окончательно вопросъ объ изъятіи изъ обращенія изданій, вышедшихъ въ свѣтъ безъ предварительной цензуры и признанныхъ вредными по своему направленію.

Въ началѣ 1870 года министръ внутреннихъ дѣлъ, внесъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Комитетъ министровъ проектъ объ административной реформѣ, съ тѣмъ, чтобы Комитетъ опредѣлилъ, какія изъ содержащихся въ немъ началъ должны быть положены въ основаніе дальнѣйшей разработки этого вопроса. Генералъ-адъютантъ Тимашевъ предлагалъ усилить губернаторскую власть, съ предоставленіемъ губернаторамъ права пріостанавливать рѣшенія всѣхъ губернскихъ учрежденій, за исключеніемъ судебныхъ и контрольныхъ; замѣнить губернскія правленія совѣтами при губернаторахъ; поставить полицію въ независимыя отношенія отъ органовъ судебной власти; учредить сельскую конную стражу. Большинство прочихъ министровъ не согласилось съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, проекту котораго не было дано дальнѣйшаго хода.

17-го апрѣля, въ день рожденія Государя, состоялось вызванное болѣзненнымъ состояніемъ графа В. Ѳ. Адлерберга, замѣщеніе его, въ должности министра Императорскаго Двора и удѣловъ, сыномъ его, ближайшимъ къ Императору лицомъ, личнымъ его другомъ и довѣреннымъ совѣтникомъ, графомъ Александромъ Владиміровичемъ.

Въ концѣ апрѣля Государь уѣхалъ за границу. Врачи предписали ему лѣченіе водами въ Эмсѣ, гдѣ онъ провелъ цѣлый мѣсяцъ, въ обществѣ своего друга и дяди, короля Вильгельма прусскаго; затѣмъ онъ посѣтилъ родственные Дворы, Дармштадтскій, Штутгартскій и Веймарскій, и чрезъ Дрезденъ, прибылъ въ Варшаву. Тамъ происходило, въ его присутствіи, открытіе памятника фельдмаршалу князю Паскевичу,—торжество, въ которомъ принялъ участіе и австрійскій императоръ, прославъ своимъ представителемъ эрцгерцога Альбрехта. 25-го іюня Императоръ Александръ возвратился въ Петергофъ.

16-го іюня, въ Веймарѣ, Государь подписалъ указъ Сенату, коимъ обнародовано Городовое Положеніе, выработанное особою коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и предоставлявшее право самоуправленія всѣмъ русскимъ городамъ, на всесословномъ выборномъ началѣ.

Вспыхнувшая, вскорѣ послѣ того, война между Германіею и Франціею не дозволила Императору Александру сопровождать Императрицу въ Ливадію; за исключеніемъ пяти дней, проведенныхъ въ Москвѣ, въ концѣ августа, съ 21-го по 26-е, Его Величество всю осень оставался въ Царскомъ Селѣ. Тамъ были приняты два важныя рѣшенія, косвенно вызванныя событіями на театрѣ войны, разгромомъ французскихъ войскъ и распаденіемъ имперіи Бонапартовъ. То были циркуляръ русскаго государственнаго канцлера, коимъ Россія объявила, что не считаетъ себя связанною постановленіями парижскаго договора 1856 года объ ограниченіи державныхъ правъ ея на Черномъ морѣ, и Высочайше утвержденный докладъ военнаго министра объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ воинской повинности на всѣ сословія государства.

Обѣ эти мѣры были встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ, выразившимся въ рядѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ отъ дворянскихъ и земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ. Особенною задушевностью отличался адресъ представителей Новороссійскаго края: „Прозрѣвая будущее, Ваше Величество не остановились, въ 1856 году, передъ пожертвованіями и горестью вашего вселюбящаго сердца, чтобы даровать вѣрноподданному вамъ народу блага мира и путемъ его вести Россію къ великимъ историческимъ ея судьбамъ. И теперь, тѣмъ же словомъ мира, но съ сердцемъ, исполненнымъ уже не горести, а лишь свѣтлаго сознанія правды, Ваше Величество приготовляете возвращеніе своему народу его естественнаго достоянія, возстановляя верховныя права ваши на Черномъ морѣ. Тамъ, гдѣ десятки милліоновъ тѣснятся дружно у монаршаго Престола, взирая на него съ любовію и преданностью,—тамъ слово Монарха есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и голосъ единаго, великаго народа! Такова могучесть, Августѣйшій Государь, словъ

вашихъ, предвозвѣщающихъ самостоятельность русскаго флага на Черномъ морѣ, безопасность развитія на берегахъ его отечественнаго судостроенія, охрану торговли, промышленности, имуществъ на Югѣ Россіи! И если всѣ русскія сердца восторженно откликнулись, Государь, на ваше торжественное о семъ слово, то Новороссійскій край и Бессарабія встрѣчаютъ это великое событіе съ чувствомъ сугубой радости: прилегая къ Черному морю, край этотъ, щедро одаренный богатствами природы, наиболѣе ощущалъ утрату права, нынѣ возстановляемаго. Съ усиленною дѣятельностью и вяще оживленнымъ духомъ, онъ будетъ продолжать развивать свои обильныя средства и, какъ всегда, воедино съ остальною Россіею, по мановенію своего Вѣнценоснаго Вождя, готовъ будетъ принести ихъ на алтарь Отечества!“ За всѣ адресы выражена Монаршая благодарность.

20-го декабря, Государь утвердилъ, по представленію военнаго министра, общія основанія для коммиссіи, коей было поручено составленіе новаго положенія о личной воинской повинности. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: защита отечества составляетъ священную обязанность каждаго русскаго подданнаго; ежегодному набору подлежатъ всѣ молодые люди, достигшіе 21-лѣтняго возраста; поступленіе на службу рѣшается жребіемъ; временныя освобожденія или отсрочки отъ призыва разрѣшаются лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, замѣщенія же или откупъ отъ военной службы вовсе не допускаются; срокъ службы въ арміи и во флотѣ полагается семилѣтній; окончившіе семилѣтній срокъ дѣйствительной службы перечисляются въ запасъ на восьмилѣтній срокъ; молодые люди, удовлетворяющіе извѣстнымъ требованіямъ общаго, спеціальнаго или техническаго образованія, допускаются на службу вольноопредѣляющимися на сокращенные сроки; всѣ, не поступившіе на дѣйствительную службу въ армію или во флотъ и способные къ оружію, могутъ быть, въ случаѣ войны, призваны въ составъ государственнаго ополченія.

XIV.

Внѣшняя политика.

1864—1871.

Прямымъ послѣдствіемъ дипломатическаго вмѣшательства трехъ державъ въ защиту польскаго возстанія было охлажденіе русскаго Двора къ Дворамъ лондонскому, парижскому и вѣнскому и одновременное скрѣпленіе дружественной связи его съ Дворомъ берлинскимъ. Въ самый разгаръ мятежа, когда еще было неизвѣстно, какъ примутъ державы-посредницы рѣшительный отпоръ Россіи ихъ притязаніямъ, Императоръ Александръ собственноручнымъ письмомъ предложилъ королю Вильгельму принять вызовъ и дѣйствовать сообща, не отступая даже предъ войной съ Англіею, Франціею и Австріею. Бисмаркъ убѣдилъ короля отклонить это предложеніе. Онъ признавалъ, что несомнѣнный разгромъ монархіи Габсбурговъ русскою силою доставитъ Пруссіи возможность легко достигнуть давно желанной цѣли—главенства въ Германіи, но притомъ опасался, какъ бы не пришлось Пруссіи вынести всю тяжесть войны съ Франціей,—войны, которая, къ тому же, могла бы завершиться примиреніемъ и непосредственнымъ соглашеніемъ Дворовъ петербургскаго и тюильрійскаго. „Тогда“, разсуждалъ прусскій министръ „Россія, оказалась-бы сидящею на длиннѣйшемъ концѣ рычага“. Соображенія эти король Вильгельмъ подробно и откровенно изложилъ въ отвѣтѣ своемъ Императору Александру, присовокупивъ, что лично онъ вполнѣ увѣренъ въ чистотѣ намѣреній царственнаго племянника, но не долженъ терять изъ виду возможности установленія въ Россіи, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, и другой политической системы, менѣе благопріятной для Пруссіи, намекая этими словами на предпочтеніе, все еще оказываемое Франціи вице-канцлеромъ княземъ Горчаковымъ.

Государь не настаивалъ. Между тѣмъ, послѣдовавшая 3-го ноября 1863 года, кончина короля датскаго, Фридриха VII, дала Бисмарку давно желанный поводъ, возбужденіемъ шлезвигъ-голштинскаго вопроса, дѣятельно приняться за осуществленіе своей политической программы, направленной къ достиженію трехъ главныхъ цѣлей: расширенія предѣловъ Пруссіи; исключенія Австріи изъ состава Германскаго союза; образованія изъ союза нѣмецкихъ государствъ (Staatenbund) германскаго союзнаго государства (Bundesstaat), другими словами—объединенія Германіи подъ наслѣдственною властью прусскихъ королей.

Нѣсколько лѣтъ спустя, ставъ уже канц-

леромъ возстановленной Германской имперіи, князь Бисмаркъ признавался, что болѣе всѣхъ прочихъ гордится онъ этимъ первымъ своимъ дипломатическимъ походомъ. Рѣшеніе пріобрѣсть при-эльбскія герцогства для Пруссіи принято имъ тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти датскаго короля.

Утвержденіе герцогствъ за Даніею было русскимъ дѣломъ. Въ царствованіе Екатерины II, цесаревичъ Павелъ Петровичъ уступилъ Даніи Голштинію и Шлезвигъ, къ которымъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, приданъ былъ и Лауэнбургъ. Тогда же Голштинія и Лауэнбургъ включены въ составъ Германскаго союза, членомъ коего состоялъ съ этихъ поръ датскій король. Въ 1848 году, подъ предлогомъ различія законовъ въ престолонаслѣдіи въ королевствѣ и въ герцогствахъ, засѣдавшее во Франкфуртѣ, нѣмецкое учредительное собраніе пыталось отдѣлить герцогства отъ Даніи и исполнителемъ его рѣшеній явилась Пруссія, объявившая Даніи войну. Но Императоръ Николай принялъ маленькое королевство подъ свое покровительство и защиту. Русская эскадра была отправлена къ Копенгагену и берлинскому Двору объявлено, что нападеніе на Данію вызоветъ вооруженное противодѣйствіе Россіи. Мало того: дѣйствуя въ согласіи съ Англіей, русскій Дворъ пригласилъ всѣ великія державы, договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ въ 1852 году, признать начало нераздѣльности Датской монархіи и право короля Фридриха VII передать всю совокупность своихъ владѣній, провозглашенному имъ наслѣдникомъ, принцу Христіану Глюксбургскому, который, по смерти его, и вступилъ на престолъ, подъ именемъ Христіана IX-го.

Обѣ великія нѣмецкія державы — Австрія и Пруссія—въ качествѣ участницъ Лондонскаго трактата, не могли отказать въ признаніи королю Христіану. Но прочія государства Германскаго союза возбудили на франкфуртскомъ сеймѣ вопросъ объ отторженіи Шлезвига и Голштиніи съ Лауэнбургомъ отъ Даніи и объ образованіи изъ нихъ отдѣльнаго государства, имѣющаго войти въ составъ союза, подъ властью претендента, герцога Фридриха Августенбургскаго. Подъ видомъ союзной экзекуціи въ Голштиніи, въ январѣ 1863 года, саксонскія и ганноверскія войска, въ силу опредѣленія сейма, заняли это герцогство, которое датчане очистили безъ выстрѣла, отступивъ за Эйдеръ—рѣку, служащую границей между Голштиніею и Шлезвигомъ.

Предлогомъ къ экзекуціи послужила конституція, данная еще Фридрихомъ VII Голштиніи, которую сеймъ призналъ несогласною съ правами Германскаго союза, и занятіе этого герцогства саксонско-ганноверскими войсками состоялось, не смотря на то, что король Христіанъ IX поспѣшилъ отмѣнить введеніе въ дѣйствіе помянутой конституціи. Но въ виды Бисмарка не входило дозволять второстепеннымъ государствамъ Германскаго союза распоряжаться въ областяхъ, смежныхъ съ Пруссіей, а потому онъ, по соглашенію съ Вѣнскимъ Дворомъ, предложилъ сейму уполномочить Австрію и Пруссію занять своими войсками Шлезвигъ, какъ залогъ исполненія Даній обязательствъ, якобы нарушенныхъ ею изданіемъ, въ первые же дни по воцареніи короля Христіана, конституціи, общей для королевства и Шлезвига. Сеймъ, подчиняясь вліянію Баваріи и Саксоніи, отвергнулъ австро-прусское предложеніе; тогда Пруссія и Австрія объявили, что займутъ Шлезвигъ, не въ качествѣ членовъ Германскаго союза, а какъ самостоятельныя великія державы.

Противъ такого притязанія выступила Англія, обратившаяся ко всѣмъ великимъ державамъ съ предложеніемъ оказать давленіе на Дворы берлинскій и вѣнскій, дабы побудить ихъ отказаться отъ вступленія въ Шлезвигъ, неразрывную часть Датской монархіи, къ тому же не включенную въ Германскій союзъ.

Когда рѣчь шла еще только о союзной экзекуціи въ Голштиніи, вице-канцлеръ, князь Горчаковъ, убѣждалъ великобританскаго посла въ Петербургѣ, что г. фонъ-Бисмаркъ одушевленъ въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ самыми умѣренными чувствами, и что экзекуція представляется мѣрою охранительною, такъ какъ союзныя войска обезпечатъ въ герцогствѣ порядокъ и не смѣшаютъ правоваго государственнаго вопроса, съ вопросомъ дипломатическимъ. Тогда же, по почину русскаго Двора, Россія, Англія и Франція отправили въ Копенгагенъ особыхъ уполномоченныхъ, чтобы убѣдить датскій Дворъ, неуступчивостью своею относительно требованій Германскаго союзнаго сейма не дово-

дить дѣла до крайности. Русскій посланецъ, старшій совѣтникъ министерства фонъ-Эверсъ, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, видѣлся и совѣщался съ Бисмаркомъ, и его вліянію слѣдуетъ приписать рѣшеніе датскаго Двора отмѣнить голштинскую конституцію и не сопротивляться занятію этого гергогства союзными нѣмецкими войсками. Такую же поддержку берлинскому Двору оказалъ русскій Дворъ, когда стало извѣстно о намѣреніи Австріи и Пруссіи сообща занять Шлезвигъ. Князь Горчаковъ убѣдилъ англійскаго посла принять во вниманіе, что Бисмаркъ сдерживаетъ короля Вильгельма, на котораго вліяютъ военные, съ цѣлью подвигнуть его на самыя крутыя мѣры. Онъ настаивалъ на необходимости разъяснить копенгагенскому Двору, что не слѣдуетъ сопротивляться занятію Шлезвига военными силами Пруссіи и Австріи, такъ какъ это занятіе оградитъ его отъ происковъ герцога Августенбургскаго и нѣмецкой революціонной партіи. Но Бисмаркъ хотѣлъ именно войны, которая, по его толкованію, могла одна развязать руки Пруссіи, связанныя приступленіемъ ея къ лондонскому договору 1852 года. Желаніе его исполнилось. 20-го января 1864 года австро-прусскія войска вступили въ Шлезвигъ. Датчане, удаляясь, обмѣнялись съ ними нѣсколькими выстрѣлами, и сосредоточились въ Дюппелѣ и на островѣ Альзенѣ.

Князь Горчаковъ не только не протестовалъ противъ вступленія союзныхъ нѣмецкихъ войскъ въ Шлезвигъ, но даже одобрилъ эту мѣру, объяснивъ англійскому послу, что въ этомъ вопросѣ Россія сочувствуетъ Германіи, и что если Швеція подастъ помощь Даніи, то выставитъ наблюдательный отрядъ въ Финляндіи, а прусскому представителю—„что вооруженное сопротивленіе Даніи освобождаетъ до нѣкоторой степени Австрію и Пруссію отъ обязательствъ лондонскаго договора, и что во всякомъ случаѣ Императоръ Александръ будетъ продолжать благопріятствовать обѣимъ нѣмецкимъ державамъ“. Такъ платилъ русскій Дворъ долгъ признательности Пруссіи за поддержку, ею оказанную Россіи, за годъ до того, въ польскомъ вопросѣ. Но въ Петербургѣ все еще надѣялись, что столкновеніе Германіи съ Даніей не поведетъ къ отторженію герцогствъ, и что начало нераздѣльности Датской монархіи нарушено не будетъ. Вице-канцлеръ писалъ по этому поводу русскому посланнику въ Берлинѣ, что, въ виду интересовъ Россіи въ Балтійскомъ морѣ, она долгомъ считаетъ воспротивиться всякой попыткѣ раздробленія владѣній короля Христіана IX, присовокупляя, что Австрія и Пруссія должны оцѣнить такое заявленіе русскаго Двора, какъ направленное къ тому, чтобы парализовать вооруженное вмѣшательство въ эту распрю Великобританіи. „Раздѣлъ Даніи“, заключалъ свою депешу князь Горчаковъ, „можетъ повести къ образованію великаго скандинавскаго государства, то-есть, къ осуществленію скандинавскаго единства; но наши интересы безусловно противны такой комбинаціи и я долженъ вамъ заявить, что мы воспротивимся ей всѣми нашими силами“.

Развивая эти мысли въ разговорѣ съ великобританскимъ посломъ, русскій вице-канцлеръ сказалъ ему, что Императорскій кабинетъ надѣется уладить дѣло мирнымъ путемъ. Онъ отвергалъ, впрочемъ, всецѣло мысль о матеріальной помощи Даніи, за то готовъ былъ оказать самое широкое содѣйствіе къ возстановленію мира мѣрами убѣжденія. Князь Горчаковъ признавался, что не считаетъ возможнымъ предугадать тайныя намѣренія и планы нѣмецкихъ державъ, и даже сомнѣвается, чтобы Австрія и Пруссія сами знали заранѣе, какимъ путемъ онѣ пойдутъ. При такой неясности положенія—разсуждалъ онъ—единственный исходъ—конференція. А до тѣхъ поръ слѣдуетъ направить всѣ усилія къ тому, чтобы не порвалась связь, приковывающая Дворы вѣнскій и берлинскій къ международнымъ договорамъ. Связь эта, по мнѣнію вице-канцлера, довольно тверда въ Вѣнѣ, но въ Берлинѣ оказывается болѣе слабою. Нужно вліять на оба Двора, чтобы она продержалась, вплоть до созванія конференціи.

Между тѣмъ, тайною цѣлью Бисмарка было не только отторженіе отъ Даніи герцогствъ, но и завладѣніе ими за счетъ Пруссіи. Мирное занятіе Шлезвига не приближало его къ этой цѣли, а потому онъ рѣшился сдѣлать еще шагъ, предложивъ вѣнскому Двору двинуться впередъ, и занять самую Ютландію. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній австрійское правительство, не желавшее дать вѣковой своей

соперницѣ опередить себя въ обще-нѣмецкомъ дѣлѣ, выразило на то свое согласіе. Въ концѣ февраля, австро-прусскія войска переступили границу собственно королевства Датскаго и заняли Ютландію.

Этотъ новый актъ насилія двухъ первостепенныхъ нѣмецкихъ державъ и вскорѣ послѣдовавшее за нимъ, взятіе штурмомъ Дюппельскихъ укрѣпленій, пробудили отъ апатіи нейтральные дворы. По настоянію Англіи, въ половинѣ апрѣля, въ Лондонѣ собралась, наконецъ, конференція изъ представителей державъ, подписавшихъ договоръ 1852 года, а именно: Россіи, Великобританіи, Франціи, Австріи, Пруссіи, Даніи и Швеціи, къ которымъ присоединился и особый уполномоченный отъ Германскаго союза. Русскимъ представителемъ на этомъ международномъ собраніи явился посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, главный участникъ помянутаго выше лондонскаго трактата, которымъ начало нераздѣльности Датской монархіи признано отвѣчающимъ общимъ интересамъ Европы.

Первымъ дѣломъ конференціи было установить между воюющими сторонами перемиріе на шесть недѣль. Вслѣдъ за этимъ, уполномоченные Австріи и Пруссіи заявили, что война прервала для этихъ Дворовъ обязательную силу договора 1852 года. Напрасно представители Англіи и Россіи оспаривали это утвержденіе. Ихъ австрійскій и прусскій сотоварищи остались при своемъ мнѣніи, поддержанномъ представителемъ Франціи. Вскорѣ послѣ того, они же потребовали полной автономіи Шлезвига и Голштиніи и „личнаго“ соединенія ихъ, въ особѣ короля Христіана, а когда датскіе уполномоченные отвергли это требованіе, то предложили отторженіе трехъ герцогствъ отъ Даніи и образованіе изъ нихъ самостоятельнаго нѣмецкаго государства, въ составѣ Германскаго союза. Баронъ Брунновъ выразилъ по этому поводу „прискорбіе и удивленіе“, вызванные въ немъ такимъ посягательствомъ на цѣлость Датской монархіи, а представители Даніи и Швеціи наотрѣзъ отказались обсуждать его. Тогда выступилъ графъ Россель съ предложеніемъ раздѣлить Шлезвигъ, оставивъ сѣверную часть его Даніи, а южную присоединивъ къ Голштиніи. По вопросу о пограничной чертѣ возникли оживленныя пренія. Но прежде чѣмъ приступить къ нимъ, конференція выслушала заявленіе русскаго уполномоченнаго. Отреченіе Австріи и Пруссіи отъ обязательствъ, наложенныхъ нанихъ трактатомъ 1852 года, сказалъ Брунновъ, побуждаетъ Императора Всероссійскаго вступить въ обратное пользованіе наслѣдственными правами на Голштинію и Шлезвигъ, принадлежащими Готторпскому дому, коего Его Величество является главою; но желая доказать на дѣлѣ полное свое безкорыстіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчить мирный исходъ спора, Императоръ Александръ означенныя права свои, въ полномъ ихъ объемѣ, уступаетъ великому герцогу Ольденбургскому.

Члены конференціи не могли сойтись на опредѣленіи разграничительной линіи между Голштиніею и Шлезвигомъ. Датчане, принявъ начало раздѣленія, отстаивали самую южную черту, нѣмцы—самую сѣверную, англичане—среднюю, между тою и другою. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Александръ Николаевичъ, проѣздомъ въ Киссингенъ, остановился на два дня въ Берлинѣ и вечеромъ 29-го мая, принявъ Бисмарка въ частной аудіенціи, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ.

Государь не скрылъ отъ своего собесѣдника, что онъ горячо желаетъ скорѣйшаго возстановленія мира. Если, говорилъ онъ, конференціи не удастся продлить перемирія, то пусть Пруссія терпѣливо сноситъ блокаду своихъ береговъ и не вступаетъ въ Данію, чтобы не вызвать Англію на вооруженное вмѣшательство въ пользу датчанъ. Бисмаркъ отвѣчалъ, что признаетъ опасность подобнаго оборота, но что еще хуже были бы послѣдствія такого рѣшенія вопроса, которое не обезпечило бы нѣмецкое населеніе Шлезвига отъ притѣсненія датчанъ, и явилось бы униженіемъ для короля Вильгельма, для его храбраго войска и для всего прусскаго народа. При этомъ случаѣ Бисмаркъ не преминулъ замѣтить, что такой исходъ дѣла оказался бы въ пользу революціи, давъ ей въ руки опасное оружіе, той революціи, борьба съ которою составляетъ первый долгъ правительствъ. Государь согласился съ этимъ взглядомъ и выразилъ желаніе, чтобы Пруссія всегда его придерживалась. „Для этого“, поспѣшилъ вставить Бисмаркъ, „должно воспрепятствовать нашимъ внѣшнимъ затрудненіямъ стать внутренними. Мы не можемъ

допустить, чтобы британскій кабинетъ тѣ внутреннія осложненія, что̀ самъ онъ создалъ себѣ, своею политикою въ датскомъ вопросѣ, перенесъ на Германію, и англійскіе кабинетные вопросы разрѣшилъ на счетъ нашего внутренняго спокойствія". Разговоръ перешелъ на будущую участь при-эльбскихъ герцогствъ. Государь выразилъ собесѣднику удовольствіе за то, что выставленная имъ кандидатура великаго герцога Ольденбургскаго дружественно принята въ Берлинѣ, но высказался очень опредѣленно противъ присоединенія герцогствъ къ Пруссіи. Бисмаркъ отвѣчалъ: „Мы изъ-за нихъ не вызовемъ европейской войны, но если намъ предложатъ соединеніе, то едва-ли мы будемъ въ состояніи отклонить его". Государь возразилъ, что до этого дѣло не дойдетъ, ибо кто же станетъ дѣлать Пруссіи такое предложеніе? Онъ совѣтовалъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Австріей и избѣгать частнаго соглашенія съ Франціей. Бисмаркъ увѣрялъ, что на такое соглашеніе Пруссія рѣшится лишь въ томъ случаѣ, если Австрія или Россія вступятъ третьимъ членомъ въ прусско-французскій союзъ. Государь предостерегалъ собесѣдника отъ всякаго задора по отношенію къ Англіи, чтобы та не перешла на сторону Франціи, такъ какъ Наполеонъ III носится съ опасными замыслами. Бисмаркъ успокоилъ его увѣреніемъ, что Англія одна не рѣшится на войну, Наполеонъ же не можетъ не знать, что борьба на Рейнѣ, за нѣмецкое національное дѣло, вызоветъ, не только дружный отпоръ со стороны Германіи, но и воскреситъ снова коалицію трехъ великихъ восточныхъ державъ, ибо ни одна изъ нихъ не можетъ допустить одолѣнія прочихъ французами, и если французскія побѣдоносныя войска займутъ Германію, то уже, во вниманіе къ положенію своему въ Польшѣ, Россія вынуждена будетъ вмѣшаться въ борьбу, независимо отъ того, отвѣчаетъ ли это ея склонности или нѣтъ? Императоръ заключилъ бесѣду подтвержденіемъ совѣта не подвергать опасности мира Европы и выраженіемъ своего убѣжденія, что Шлезвигъ должно подѣлить пополамъ между нѣмцами и датчанами; лондонскій же договоръ 1852 года назвалъ, при этомъ уже отошедшимъ въ область исторіи.

Какъ ни старался Бисмаркъ скрыть состоявшееся тайное соглашеніе свое съ Наполеономъ III, оно не замедлило обнаружиться въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій лондонской конференціи, когда прусскій уполномоченный возобновилъ давнее предложеніе Франціи: рѣшить вопросъ о пограничной чертѣ въ Шлезвигѣ, между датчанами и нѣмцами, опросомъ населенія. Баронъ Брунновъ съ жаромъ возсталъ противъ этого способа. Какъ ни тяжело ему—заявлялъ онъ—противорѣчить представителю державы, связанной съ Россіей узами тѣсной дружбы, но выше дружбы ставитъ онъ свой долгъ предъ собственнымъ правительствомъ. Было бы противно основнымъ началамъ русской политики допустить, чтобы подданныхъ спрашивали, хотятъ ли они остаться вѣрными своему государю? Нельзя довѣрить шлезвигскимъ крестьянамъ рѣшенія вопроса, надъ которымъ трудятся, собранные въ конференціи, уполномоченные великихъ державъ. Никогда не одобритъ онъ намѣренія подчинить приговоръ правительствъ Европы мнѣнію шлезвигской черни. На замѣчаніе прусскаго посланника, графа Бернсторфа, что рѣчь идетъ не о предоставленіи населенію Шлезвига права рѣшенія, а лишь о доставленіи имъ нужнаго для рѣшеній конференціи матеріала, русскій уполномоченный съ живостью возразилъ: „Предложеніе это обличаетъ намѣреніе насильственно отнять у короля датскаго его собственность. Я могъ лишь съ прискорбіемъ выразить сожалѣніе, что оно могло исходить отъ уполномоченныхъ его величества короля прусскаго". Съ Брунновымъ поспѣшили согласиться представители Англіи, Швеціи и даже Австріи. Франко-прусское предложеніе осталось, такимъ образомъ, безъ послѣдствій. Со своей стороны, подчиняясь убѣжденіямъ русскаго Двора, датское правительство объявило, что крайній предѣлъ его уступокъ—пограничная черта, предложенная Англіею, которую отвергали представители Австріи, Пруссіи и Германскаго союза. Съ послѣднимъ предложеніемъ: передать рѣшеніе спора на третейскій судъ, безуспѣшно выступилъ британскій уполномоченный, лордъ Кларендонъ. Между тѣмъ, истекъ срокъ перемирія и конференція разошлась.

14-го іюня возобновились военныя дѣйствія нападеніемъ австро-пруссаковъ на островъ Альзенъ. Не смотря на храброе сопротивленіе датчанъ, сражавшихся одинъ

противъ четверыхъ, укрѣпленный островъ этотъ занятъ союзниками, которые готовились уже перейти оттуда въ Фіонію и аттаковать Копенгагенъ. Даніи ничего не оставалось иного, какъ заключить миръ на условіяхъ, предписанныхъ побѣдителями. Предварительными статьями, подписанными въ Берлинѣ, 20-го іюля, и подтвержденными вѣнскимъ мирнымъ договоромъ 18-го октября, король Христіанъ всѣ свои права на Шлезвигъ, Голштинію и Лауэнбургъ уступилъ императору австрійскому и королю прусскому. Такъ совершилось, безъ малѣйшаго противодѣйствія, ни даже протеста съ чьей-либо стороны, расчлененіе Датской монархіи, за цѣлость которой, всего за двѣнадцать лѣтъ до того, сообща поручились всѣ великія державы Европы.

Лишь только состоялось отторженіе отъ Даніи при-эльбскихъ герцогствъ, какъ Бисмаркъ сталъ обнаруживать болѣе или менѣе явное намѣреніе Пруссіи завладѣть ими. Признаніе принца Фридриха Августенбургскаго герцогомъ соединенныхъ Шлезвига и Голштиніи онъ поставилъ въ зависимость отъ подчиненія его строгой опекѣ берлинскаго Двора и отреченія въ пользу Пруссіи отъ самостоятельнаго распоряженія военными и морскими силами, а также внѣшнею политикою новаго государства. Когда же претендентъ отвергъ эти требованія, то совѣщаніе прусскихъ коронныхъ юристовъ объявило лишенными всякаго основанія притязанія на наслѣдованіе въ герцогствахъ, какъ принца Августенбургскаго, такъ и великаго герцога Ольденбургскаго, признавъ законнымъ ихъ владѣльцемъ короля Христіана датскаго, а за уступкою имъ своихъ правъ Австріи и Пруссіи — императора Франца-Іосифа и короля Вильгельма. Тогда только въ Вѣнѣ поняли, что Австрія, въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ, сыграла въ руку Пруссіи, и рѣшительно отказались пойти на предложенную изъ Берлина сдѣлку объ отдачѣ ей при-эльбскихъ герцогствъ. Разладъ между недавними союзниками обозначался все болѣе, и послѣ краткаго перемирія, заключеннаго въ Гаштейнѣ, лѣтомъ 1865 года, привелъ ихъ къ необходимости разрубить узелъ мечомъ. Предметомъ распри былъ уже не вопросъ о томъ, кому владѣть герцогствами, а несравненно болѣе важный вопросъ о преобладаніи въ Германіи. Австрію поддерживали, за немногими исключеніями, всѣ второстепенныя государства Германскаго союза. Бисмаркъ не поколебался вступить въ тѣсную связь съ Италіею, давно искавшею удобнаго случая, чтобы предъявить свои притязанія на Венеціанскую область, которою владѣлъ австрійскій императоръ. Прусской дипломатіи удалось заручиться также поддержкою Наполеона III, объявившаго, что „онъ ненавидитъ договоры 1815 года“ и не считаетъ ихъ пригодными продолжать служить основою международнаго порядка въ Европѣ.

По мѣрѣ того, какъ обострялись отношенія Пруссіи къ Австріи, русскій Дворъ не скрывалъ своего сочувствія къ первой изъ этихъ державъ, и хотя, предъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, присоединился къ предложенію Франціи и Англіи, созвать европейскій конгрессъ съ цѣлью попытаться предупредить вооруженное столкновеніе Пруссіи и Италіи съ Австріей, но не иначе, какъ предваривъ о томъ заблаговременно берлинскій Дворъ. Но когда, вслѣдствіе отказа Австріи участвовать въ конгрессѣ, Бисмаркъ выступилъ во Франкфуртѣ съ предложеніемъ преобразовать на новыхъ началахъ Германскій союзъ, то князь Горчаковъ высказалъ неодобреніе этому предложенію, находя его противнымъ и частнымъ русскимъ, и вообще консервативнымъ интересамъ, причемъ напомнилъ, что союзная нѣмецкая конституція—общее дѣло державъ, собранныхъ на вѣнскомъ конгрессѣ, и не можетъ быть измѣнена иначе, какъ съ общаго же ихъ согласія. Свой взглядъ на дѣло русскій вице-канцлеръ сообщилъ Дворамъ тюильрійскому и сентъ-джемскому, приглашая ихъ поддержать его совмѣстнымъ представленіемъ въ Берлинѣ. Но вспыхнувшая война прекратила эту попытку въ самомъ зародышѣ.

Военныя дѣйствія продолжались недолго. Въ семь дней пруссаки сломили сопротивленіе австрійцевъ и нѣмецкихъ союзниковъ Австріи—Ганновера и южно-германскихъ государствъ, заняли безъ выстрѣла Саксонію, вторглись въ Богемію и, нанеся на поляхъ Кениггреца рѣшительное пораженіе главной австрійской арміи, въ первыхъ числахъ іюля уже стояли подъ стѣнами Вѣны. Австрійцы, хотя и разбили на голову итальянцевъ подъ Кустоццою и въ морскомъ сраженіи при Лиссѣ,

просили мира. Въ Никольсбургѣ, главной квартирѣ короля Вильгельма, велись уже переговоры между Бисмаркомъ и австрійскими уполномоченными, когда получена была отъ прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Редерна, телеграмма, извѣщавшая, что Императоръ Александръ желаетъ созванія конгресса, находя, что возбужденные войною вопросы касаются всей Европы и не должны быть разрѣшены безъ ея согласія. Тогда же и тюильрійскій кабинетъ предъявилъ Пруссіи притязаніе на посредничество въ мирныхъ переговорахъ.

Въ докладѣ королю графъ Бисмаркъ выразилъ мнѣніе, что какъ помянутая телеграмма, такъ и частныя письма Императора Александра къ своему дядѣ, указываютъ на неодобреніе Россіею требованій, предъявленныхъ Пруссіею вѣнскому Двору и его нѣмецкимъ союзникамъ. Князь Горчаковъ уже изъявилъ прусскому посланнику въ Петербургѣ желаніе ближе ознакомиться съ ними. Родственныя отношенія русскаго Императорскаго дома къ нѣмецкимъ династіямъ вызываютъ опасеніе, какъ бы, при послѣдующихъ переговорахъ, русскія симпатіи не оказались въ ихъ пользу. Въ силу этихъ соображеній, министръ совѣтовалъ своему государю не медлить заключеніемъ предварительныхъ условій мира съ Австріею, которыя и были подписаны въ Никольсбургѣ, 14-го іюля. Тогда же рѣшено сообщить ихъ содержаніе Императору Александру чрезъ нарочнаго посланнаго.

Между тѣмъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, Убри, передалъ временному замѣстителю Бисмарка, барону Вертеру, оффиціальное приглашеніе на конгрессъ, предупредивъ его, что такое же приглашеніе послано уже изъ Петербурга въ Лондонъ и Парижъ. Извѣстіе это, полученное въ Никольсбургѣ 15-го іюля, на другой же день по подписаніи предварительныхъ условій мира съ Австріею, крайне озаботило прусскаго перваго министра. Онъ предписалъ Вертеру отвѣчать Убри, что хотя Пруссія, до начала войны, и выразила согласіе на конгрессъ, но что она сдѣлала это лишь съ цѣлью предупредить войну. Теперь же, послѣ того, какъ Пруссія была вынуждена вести ее, поставивъ, такъ сказать, на карту самое свое существованіе, она не можетъ признать зависимость отъ конгресса плодовъ побѣдъ, столь дорого ей стоившихъ. А потому она согласится на созваніе конгресса лишь въ томъ случаѣ, если установлены будутъ основанія переговоровъ, которыя обезпечатъ Пруссіи пользованіе ея побѣдами. Король, замѣчалъ Бисмаркъ, ждетъ отъ справедливости и дружбы Императора Александра, что онъ не предприметъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ въ этомъ дѣлѣ, не войдя съ берлинскимъ Дворомъ въ предварительное соглашеніе.

Но прямыя извѣстія изъ Петербурга подтверждали, что русскій Дворъ настаиваетъ на конгрессѣ. Это побудило Бисмарка предписать прусскому военному агенту въ русской столицѣ, полковнику Швейницу, обратиться къ самому Императору съ нижеслѣдующимъ представленіемъ. Онъ долженъ былъ внушить Государю, „самымъ осторожнымъ и дружественнымъ образомъ“, что, подъ страхомъ вызвать революцію въ Пруссіи и Германіи, король Вильгельмъ не можетъ отказаться отъ достигнутыхъ успѣховъ и подчинить будущее устройство Германіи рѣшеніямъ европейскаго конгресса. Телеграмма заключалась предписаніемъ присовокупить, что король уже отбылъ изъ Никольсбурга и что Бисмаркъ будетъ совѣтовать ему, въ случаѣ, если вмѣшательство иностранныхъ державъ въ нѣмецкія дѣла приметъ обширные размѣры, разнуздать, съ цѣлью сопротивленія ему, всѣ національныя силы Германіи и *прилежащихъ къ ней странъ*, подъ которыми, очевидно, разумѣлись Венгрія и Польша.

Но прусскому военному агенту въ Петербургѣ не пришлось прибѣгать къ этой угрозѣ. При первомъ извѣстіи о намѣреніи короля Вильгельма отправить къ нему чрезвычайнаго посланца, Государь сказалъ Швейницу: „Король желаетъ, чтобы впредь до соглашенія съ нимъ я не дѣлалъ дальнѣйшихъ шаговъ. Хорошо. Я самъ не желаю ничего лучшаго. Конечно, трудно уговориться на письмѣ. Съ величайшею радостью приму я всякое лицо, пользующееся довѣріемъ короля и которое будетъ въ состояніи выяснить мнѣ задушевныя намѣренія королевскаго кабинета“.

Важное это порученіе возложено было королемъ Вильгельмомъ на генералъ-адъютанта своего, Мантейфеля. Вызванный къ королю въ Прагу, онъ выѣхалъ изъ

Берлина 24-го іюля, два дня спустя послѣ того, какъ французскій посолъ Бенедетти предъявилъ Бисмарку проектъ тайной конвенціи объ уступкѣ Франціи, „въ видѣ компенсаціи“, Майнца и всего лѣваго берега Рейна.

Графъ Бисмаркъ снабдилъ Мантейфеля инструкціею, въ которой поручилъ ему выставить на видъ силу общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, столь настойчиво требовавшаго приличнаго вознагражденія за принесенныя жертвы, что неудовлетвореніе его подвергло бы крайней опасности самые жизненные интересы монархіи. Сначала предполагалось потребовать отъ Саксоніи, Ганновера и Гессенъ-Касселя лишь значительныхъ земельныхъ уступокъ. Но скоро выяснилось, что населеніе этихъ государствъ предпочитаетъ быть присоединеннымъ къ Пруссіи въ цѣломъ составѣ, чѣмъ раздробленнымъ. Отсюда рѣшеніе оставить неприкосновенною Саксонію, а Ганноверъ и Гессенъ-Кассель присоединить къ Пруссіи. Во вниманіе къ близкой родственной связи Гессенъ-Дармштадта съ Россіей, ему будетъ предложено, за уступку Верхняго Гессена, какъ области, лежащей къ сѣверу отъ Майна, приличное вознагражденіе въ южной Германіи. Саксонія сохранитъ, въ составѣ вновь образуемаго Сѣверо-Германскаго союза, всѣ свои владѣнія, но должна будетъ уступить Пруссіи верховное право распоряжаться своими военными силами. Ради родства Виртемберга съ Россіей, отъ него не потребуется территоріальныхъ жертвъ. Въ дополнительной инструкціи Мантейфелю Бисмаркъ присовокупилъ, что, въ случаѣ, если ему будетъ выражено желаніе Россіи освободиться отъ стѣснительныхъ обязательствъ, наложенныхъ на нее парижскимъ договоромъ 1856 года, относительно Чернаго моря, онъ долженъ отвѣчать, „что Пруссія ни мало не заинтересована въ сохраненіи въ силѣ этихъ условій“.

Независимо отъ инструкцій министра, прусскій генералъ везъ собственноручное письмо своего государя къ Императору Александру, въ которомъ король, въ особенности, настаивалъ на томъ, что обаяніе прусской короны на его подданныхъ, составляющее послѣдній оплотъ монархіи въ Германіи, будетъ окончательно утрачено, если не будутъ приняты во вниманіе законныя требованія общественнаго мнѣнія страны.

По прибытіи Мантейфеля въ Петербургъ, князь Горчаковъ, въ краткой бесѣдѣ, заявилъ ему желаніе, чтобы Бисмаркъ явился на политическомъ горизонтѣ Европы не „метеоромъ, а звѣздою неподвижною“. Въ тотъ же вечеръ Императоръ Александръ принялъ генералъ-адъютанта своего дяди. Пріемъ былъ ласковый, но сдержанный, и даже отчасти строгій. Государь высказалъ чувства привязанности и дружбы къ особѣ короля, но прочтенныя Мантейфелемъ мирныя условія, заключавшіяся въ инструкціи Бисмарка, произвели на Его Величество прискорбное впечатлѣніе. Императоръ благодарилъ за снисхожденіе, оказанное Виртембергу и Гессенъ-Дармштадту, но выразилъ притомъ, что низведеніе съ престола нѣсколькихъ династій преисполняетъ его ужасомъ. Это не утвержденіе монархическаго начала, а униженіе его, такъ какъ династіи эти царствуютъ Божіею милостію, ни болѣе, ни менѣе, какъ и самъ прусскій королевскій домъ. Государь выразилъ также порицаніе союзу съ Италіей и опасеніе, какъ бы предположенный нѣмецкій парламентъ не вызвалъ революціонной опасности. На замѣчаніе Мантейфеля, что Бисмаркъ показалъ, что умѣетъ обходиться съ парламентами, Александръ Николаевичъ отвѣчалъ, что не сомнѣвается въ томъ, но что одно слово „парламентъ“ уже вызвало броженіе въ южной Германіи, такъ что въ Баденѣ и Дармштадтѣ выражаютъ желаніе вступить въ составъ Сѣверо-Германскаго союза, потому что Баварія не въ силахъ оказать имъ поддержки, а Австрія лишена отнынѣ возможности вліять на Германію. Чѣмъ удовлетворительнѣе будутъ успѣхи Пруссіи, возразилъ Мантейфель, тѣмъ тверже монархъ прусскій удержитъ бразды правленія въ королевской рукѣ своей.

Отъ южно-германскихъ государствъ разговоръ перешелъ къ Франціи, и прусскій генералъ передалъ царственному собесѣднику личное мнѣніе свое о тайныхъ замыслахъ Наполеона III, вызвавшихъ его посредничество между воюющими сторонами. „Императоръ сказалъ мнѣ“, доносилъ онъ королю, „что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ, Наполеонъ намѣренъ потребовать границъ 1814 года. Онъ судитъ и чувствуетъ о Наполеонѣ совершенно такъ же, какъ и Ваше Величество. Я рѣдко

встрѣчался съ подобнымъ единомыслiемъ". Отпуская Мантейфеля, Государь еще разъ выразилъ опасенiе, внушенное ему низведенiемъ съ престола нѣсколькихъ династiй, въ земляхъ, которыя предполагалось присоединить къ Пруссiи.

На слѣдующiй день Мантейфель имѣлъ продолжительное совѣщанiе съ княземъ Горчаковымъ, утромъ того же дня бывшимъ съ докладомъ у Императора. Вице-канцлеръ началъ съ повторенiя сказаннаго наканунѣ Государемъ. Его Величество, пояснилъ онъ, радуется возвышенiю Пруссiи. Если король Вильгельмъ воздержится отъ низверженiя цѣлыхъ династiй; если онъ, въ Саксонiи, не уничтожитъ обаянiя монарха отнятiемъ у него верховнаго права начальства надъ войсками и обезпечитъ существованiе южно-германскихъ государствъ, то пiобрѣтетъ положенiе, полное могущества, и избѣжитъ всякаго новаго столкновенiя съ Францiей. Наполеонъ III не посмѣетъ предъявить ему требованiя земельныхъ уступокъ, коль скоро король, уважая наслѣдственное право династiй, пребудетъ въ единомыслiи со старою Европою. Князь Горчаковъ коснулся и будущаго. Россiя, заявилъ онъ, не требуетъ нынѣ ни Дунайскихъ княжествъ, гдѣ дѣла принимаютъ лучшiй оборотъ, ни Галицiи, вопросъ о которой разрѣшенъ уже предварительными условiями мира, ни даже пересмотра постановленiй парижскаго трактата, двѣ стѣснительныя статьи котораго должны быть отмѣнены, но они упразднятся съ теченiемъ времени, сами собою. Когда наступитъ время ихъ похоронить, Императоръ надѣется на поддержку Пруссiи. Наконецъ, вице-канцлеръ выразилъ сомнѣнiе, чтобы между Австрiей и Францiей существовалъ тайный договоръ по вопросу о Галицiи.

Первыя донесенiя Мантейфеля по телеграфу изъ Петербурга и заключавшееся въ нихъ порицанiе предположенныхъ земельныхъ пріобрѣтенiй въ пользу Пруссiи вызвали, въ министрѣ короля Вильгельма, глубокое раздраженiе. Бисмаркъ зналъ, что тѣ изъ нѣмецкихъ Дворовъ, которымъ грозило низложенiе, а также и прочiе родственные русскому Дворы, отправили въ Петербургъ чрезвычайныхъ посланцевъ молить Императора Александра о принятiи ихъ подъ свою защиту. „Мы почти уже договорились съ Виртембергомъ и Дармштадтомъ", протелеграфировалъ онъ Мантейфелю, 30-го iюля, „на справедливыхъ основанiяхъ, изъ уваженiя къ Россiи. Если этого недостаточно, чтобы обезпечить намъ, по меньшей мѣрѣ, терпимость Россiи въ дѣлѣ присоединенiя Ганновера, Гессенъ-Касселя и Нассау, то мы не покончимъ сдѣлки съ Штутгартомъ и Дармштадтомъ. Давленiе извнѣ вынудитъ насъ провозгласить имперскую конституцiю 1849 года и прибѣгнуть, дѣйствительно, къ революцiоннымъ мѣрамъ. Ужъ коли быть революцiи, то лучше мы ее возбудимъ сами, чѣмъ станемъ ея жертвами. Опасенiе мы не можемъ принять въ уваженiе. Если Россiя потребуетъ болѣе чѣмъ вѣжливаго поклона, (mehr als höfliche Begrüssung), то придерживайтесь просто программы, которую мы, въ слѣдующiй понедѣльникъ, провозгласимъ въ палатѣ". Программа эта—былъ проектъ закона о присоединенiи къ Пруссiи владѣнiй короля Ганноверскаго, курфирста Гессенъ-Кассельскаго, герцога Нассаускаго и вольнаго города Франкфурта. Принятый прусскими палатами, онъ тотчасъ же былъ утвержденъ королемъ и вступилъ въ законную силу.

Передавая Императору и вице-канцлеру страстную отповѣдь графа Бисмарка, строгiй консерваторъ Мантейфель, лично не сочувствовавшiй беззастѣнчивости политическихъ пріемовъ перваго министра своего государя, старался, по возможности, смягчить ихъ, но въ то же время не скрывалъ своихъ опасенiй, что въ самомъ дѣлѣ можно ожидать отъ раздражительнаго нрава Бисмарка крайнихъ рѣшенiй. Послѣднею попыткою Императора Александра побудить короля Вильгельма не выступать изъ предѣловъ умѣренности было собственноручное письмо его къ дядѣ, отъ 31-го iюля, въ которомъ онъ распространился снова объ уваженiи охранительныхъ началъ монархическаго строя Европы, но заключилъ письмо увѣренiемъ, что даже, если доводы его не будутъ приняты во вниманiе, то и тогда Россiя „не примкнетъ къ противникамъ Пруссiи".

На это сообщенiе король Вильгельмъ отвѣчалъ также собственноручнымъ письмомъ, отъ 8-го августа. Выразивъ снова сожалѣнiе о томъ, что столь близкiя русскому Двору, Дворы Штутгартскiй и Дармштадтскiй, внушающiе Императору столько участiя, стояли въ первомъ ряду враговъ

Пруссіи, король выставилъ на видъ, что только изъ уваженія къ Императору, они получили столь благопріятныя для нихъ условія. Съ Виртембергомъ миръ уже подписанъ. „Что же касается до Дармштадта", продолжалъ король, „то я не отвергъ уполномоченнаго — перваго министра великаго герцога, Дальвигка, который столько лѣтъ велъ политику своего Двора въ направленіи, враждебномъ Пруссіи, но, соображаясь единственно съ вашими желаніями, согласился на предложенія Дальвигка. Мнѣ была крайне прискорбна невозможность столь же снисходительно поступить съ династіями Ганновера, Гессенъ-Касселя и Нассау. Но я долженъ былъ принести личныя свои чувства въ жертву благу государства. Я долженъ былъ принять во вниманіе настроеніе моего народа и войска, и прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя обезпечили бы страну отъ возобновленія положенія, разъ уже вынесеннаго нами. Оставить этимъ государямъ часть ихъ владѣній, значило бы раздробить оныя, чему, болѣе чѣмъ всему другому, воспротивилось бы мѣстное населеніе. Вы опасаетесь нѣмецкаго парламента и революціи. Вѣрьте мнѣ: ничто не вредило болѣе монархическому началу въ Германіи, чѣмъ существованіе этихъ маленькихъ и немощныхъ династій, которыя стремились продлить свое существованіе на счетъ національныхъ интересовъ, нерадиво исполняли державныя свои обязанности и такъ же компрометировали обаяніе монархическаго начала, какъ компрометируетъ обаяніе аристократіи размножившееся и обнищавшее дворянство. Общественное мнѣніе проникнуто убѣжденіемъ, что эти небольшія монархіи стоятъ въ естественномъ и неизбѣжномъ противорѣчіи къ національнымъ интересамъ. Въ случаѣ новаго кризиса, упадокъ національныхъ учрежденій вызвалъ бы тягчайшія опасности. Мое правительство должно было предотвратить ихъ, посредствомъ преобразованій. Съ революціею же я буду продолжать бороться въ Германіи, какъ боролся съ нею до сихъ поръ, и чрезвычайнымъ притязаніямъ нѣмецкаго парламента подчинюсь не болѣе, какъ такимъ же притязаніямъ прусскаго ландтага. Надѣюсь, что я этимъ успокоилъ ваши опасенія. Я ничего не принимаю такъ близко къ сердцу, какъ скрѣпленіе узъ, насъ соединяющихъ. Ни одна изъ моихъ политическихъ комбинацій не нарушитъ русскихъ интересовъ. Напротивъ, я почту себя счастливымъ, если мнѣ удастся найти въ будущемъ случай доказать вамъ, что я постоянно почитаю ихъ за интересы старѣйшаго и вѣрнѣйшаго союзника Пруссіи".

Русскій Дворъ уже не противился новому устройству, данному Германіи побѣдоносною Пруссіею. Пражскій мирный договоръ съ Австріею, подписанный 11-го августа, совершенно видоизмѣнилъ порядокъ, установленный въ Нѣмецкой землѣ заключительнымъ актомъ вѣнскаго конгресса, при участіи и за поручительствомъ восьми европейскихъ державъ. Монархія Габсбурговъ вытѣснена изъ Германіи. Всѣ государства на сѣверъ отъ Майна составили Сѣверо-Германскій союзъ, подъ главенствомъ Пруссіи, усиленной присоединеніемъ Шлезвига, Голштиніи, Лауэнбурга, Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и Франкфурта. Четыре южно-германскія государства: Баварія, Виртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ, сохранили съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ таможенную связь и, сверхъ того, тайными конвенціями отдали всѣ свои военныя силы въ распоряженіе короля прусскаго. На основаніи того же договора, союзница Пруссіи, Италія, довершила свое единство пріобрѣтеніемъ Венеціанской области.

Ни одна изъ великихъ державъ Европы не протестовала противъ такой передѣлки политической карты этой части свѣта. Мысль о конгрессѣ, возбужденная Россіею, не нашла отклика ни въ Англіи, гдѣ расположенные въ пользу Пруссіи торіи смѣнили виговъ у власти, ни во Франціи, гдѣ Наполеонъ III долго еще ублажалъ себя мечтою получить согласіе Пруссіи на присоединеніе къ Франціи, сначала лѣваго берега Рейна, потомъ—Бельгіи. Такимъ отреченіемъ великихъ державъ отъ принадлежавшихъ имъ правъ объяснилъ Императорскій кабинетъ и свою рѣшимость не вмѣшиваться въ новое поземельное и государственное устройство Германіи, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго правительственнаго сообщенія, появившагося въ *Journal de St.-Pétersbourg* и перепечатаннаго *Сѣверною Почтою*: „Императорское правительство предложило нейтральнымъ Дворамъ потребовать участія Европы въ разсмотрѣніи территоріальныхъ

и политическихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ равновѣсіи европейской системы, утверждающемся на основаніи подписанныхъ ими сообща договоровъ. Это предложеніе не было поддержано прочими кабинетами и такъ какъ, вслѣдствіе этого, принципъ европейской солидарности временно нарушенъ, въ настоящее время, тѣми самыми державами, взаимное согласіе которыхъ составляетъ существенное основаніе этой солидарности, то Императорское правительство сочло нужнымъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ представленій. Мнѣніе Россіи, ея права, какъ великой державы, остаются обезпеченными за нею. Она свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и руководствомъ для нея служатъ одни лишь національные интересы Россіи".

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій событій 1866 года было примиреніе императора Франца-Іосифа со своими венгерскими подданными и превращеніе австрійской Имперіи въ двойственную монархію, подъ именемъ Австро-Венгріи. Поставленный во главѣ ея общаго министерства иностранныхъ дѣлъ, личный противникъ Бисмарка, бывшій саксонскій министръ, баронъ, впослѣдствіи графъ, Бейстъ, вошелъ въ частное соглашеніе съ Наполеономъ III, что̀ вызвало еще бо̀льшее противъ прежняго скрѣпленіе дружественной связи между Россіею и Пруссіею, и въ частности, между Императоромъ Александромъ и королемъ Вильгельмомъ. Но въ то же время русскій Дворъ прилагалъ все стараніе, чтобы обострившіяся отношенія торжествующей Пруссіи къ считавшей себя обойденной и обманутой ею бонапартовской Франціи не привели къ вооруженному столкновенію обѣихъ державъ. Такъ, когда весною 1867 года, вслѣдствіе предположенной уступки императору французовъ королемъ нидерландскимъ великаго герцогства Люксембургскаго едва было, не возгорѣлась война, созванной, по почину Россіи, въ Лондонѣ, конференціи великихъ державъ, къ участію въ которой привлечены были Нидерланды и Бельгія, удалось примирить противоположные виды Дворовъ парижскаго и берлинскаго. Люксембургъ остался подъ властью короля нидерландскаго, но былъ объявленъ нейтральнымъ, за ручательствомъ великихъ державъ, а Пруссія обязалась вывести изъ Люксембургской крѣпости гарнизонъ, который она содержала въ ней въ эпоху принадлежности великаго герцогства къ составу Германскаго союза. Исчезнувшія съ политическаго горизонта Европы мрачныя тучи, грозившія всеобщему миру, позволили Императору всероссійскому и королю прусскому принять приглашеніе Наполеона III, посѣтить Парижскую всемірную выставку. Оба Государя отправились въ Парижъ вмѣстѣ и вмѣстѣ же выѣхали оттуда, проведя недѣлю во французской столицѣ, въ качествѣ гостей императора французовъ.

Пребываніе Императора Александра въ Парижѣ не осталось безъ вліянія на отношенія Императорскаго кабинета къ тюильрійскому Двору, съ которымъ онъ снова пришелъ къ соглашенію по дѣламъ европейскаго Востока.

Вмѣшательство западныхъ державъ въ польскія дѣла прервало переговоры, которые, съ весны 1860 года, Императорскій кабинетъ велъ съ ними объ улучшеніи участи турецкихъ христіанъ. Но рядъ событій, совершившихся въ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова, побудилъ великія державы снова заняться сообща ихъ судьбою. Такъ, три державы покровительницы Греціи, Россія, Англія и Франція, признали происшедшее, путемъ внутренняго переворота, низложеніе короля Оттона и избраніе греческимъ учредительнымъ собраніемъ въ короли Эллиновъ второго сына наслѣдника датскаго престола, принца Георга. Договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ, 2-го ноября 1863 года, Великобританія добровольно отказалась отъ предоставленнаго ей Вѣнскимъ конгрессомъ права покровительства надъ Іоническими островами, которые и были присоединены къ Греціи. Не такъ скоро пришли великія державы къ соглашенію по поводу состоявшагося, въ началѣ 1866 года, замѣщенія на престолѣ соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи князя Александра Кузы принцемъ Карломъ Гогенцоллернскимъ. Собранная для обсужденія этого вопроса, обще-европейская конференція разошлась безъ результата. Только два года спустя, русскій Дворъ, слѣдуя примѣру Порты, согласился признать принца Карла княземъ Румыніи.

Въ продолженіе 1867 года состоялись: подписанный въ Петербургѣ 18-го, марта, договоръ, коимъ Россія уступила Соеди-

неннымъ Штатамъ владѣнія свои въ Сѣверной Америкѣ, и возведеніе князя А. М. Горчакова, 15-го іюня, въ день исполнившагося пятидесятилѣтія его службы, въ достоинство государственнаго канцлера. Вспыхнувшее, между тѣмъ, вооруженное возстаніе на островѣ Критѣ опять привлекло вниманіе Императорскаго кабинета на Востокъ.

Русскій Дворъ пригласилъ правительства Англіи и Франціи уполномочить представителей своихъ въ Константинополѣ дѣйствовать сообща на Порту съ цѣлью побудить ее дать удовлетвореніе законнымъ требованіямъ Критянъ. Когда же Оттоманское правительство рѣшило подавить возстаніе силой, то князь Горчаковъ возложилъ на него отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ того послѣдствія. Въ то же время, русской средиземной эскадрѣ, въ видахъ человѣколюбія, дозволено, чтобы спасти семейства возставшихъ Критянъ отъ турецкой жестокости, перевозить ихъ съ острова на берега Эллады.

Борьба турокъ съ Критянами, поддержанными изъ Греціи, продолжалась цѣлые два года и вызвала броженіе не только среди грековъ, но и всѣхъ прочихъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Князь Михаилъ сербскій вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ аѳинскимъ правительствомъ, съ цѣлью уговориться объ общемъ дѣйствіи противъ Порты. По донесеніямъ нашихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, готовилось поголовное возстаніе турецкихъ христіанъ. Въ виду признаковъ близкаго разложенія Оттоманской Имперіи, тюильрійскій кабинетъ предложилъ русскому Двору возобновить соглашеніе, къ которому Россія и Франція едва было не пришли передъ польскимъ возстаніемъ. На предложеніе это князь Горчаковъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ принимаетъ его, и высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ на Востокѣ. Первымъ шагомъ къ умиротворенію онъ считалъ добровольную, со стороны Порты, уступку Греціи острова Крита, въ крайнемъ случаѣ, образованіе изъ него автономной области, поставленной къ Портѣ въ тѣ же вассальныя отношенія, какъ Румынія или Сербія. Но русскій министръ предвидѣлъ и случайность всеобщаго возстанія христіанскихъ подданныхъ султана, и полагалъ, что ни у одной изъ великихъ державъ Европы не хватитъ духа отстаивать турецкое владычество противъ „отчаянія христіанъ“. По мнѣнію его, всѣмъ имъ слѣдуетъ, въ данномъ случаѣ, строго держаться начала полнаго невмѣшательства, какъ доказательства собственнаго ихъ безкорыстія.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона, маркизъ Мутье, вполнѣ раздѣлилъ этотъ взглядъ князя Горчакова и предложилъ французскому послу въ Константинополѣ стараться убѣдить Порту, что собственный интересъ ея требуетъ скорѣйшей уступки греческому правительству возставшаго острова. Такія же наставленія дали своимъ представителямъ при султанѣ Дворы берлинскій, вѣнскій и флорентійскій. Одна Англія упорно отказывалась присоединиться къ совокупному давленію Европы, не желая, какъ выражались ея министры, ускорять ходъ событій и содѣйствовать распаденію Оттоманской имперіи. Но и сентъ-джемскій кабинетъ согласился, что такъ или иначе, но непремѣнно слѣдуетъ улучшить положеніе турецкихъ христіанъ. Императорскій кабинетъ разослалъ всѣмъ прочимъ, составленную русскимъ посломъ въ Константинополѣ, генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ, программу преобразованій, признаваемыхъ имъ самыми нужными и неотложными. Они обнимали новое дѣленіе Оттоманской имперіи на области по національностямъ, административное устройство ихъ, и въ нихъ—уѣздовъ и общинъ, организацію судебную и военную, финансы, народное просвѣщеніе. Но всѣ эти реформы, по убѣжденію русскаго Двора, могли быть дѣйствительны лишь подъ условіемъ, что будутъ введены при участіи делегатовъ великихъ державъ и дѣйствовать подъ надзоромъ и контролемъ ихъ представителей.

Результатомъ переговоровъ Петербурга съ Парижемъ, Берлиномъ, Вѣною и Флоренціею была коллективная нота, врученная министру иностранныхъ дѣлъ Порты, въ апрѣлѣ 1867 года, послами Россіи, Франціи, Сѣверо-Германскаго Союза и Италіи, съ подтвержденіемъ совѣта предоставить Критянамъ, путемъ плебисцита, высказаться относительно будущей участи острова, что было бы равносильно присоединенію его къ Греціи. Отказъ Порты послѣдовать этому совѣту вызвалъ тождественную декларацію помянутыхъ пяти

державъ, отъ 21-го сентября, которою они слагали съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія турецкаго ослѣпленія и предупреждали Порту, что она, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ разсчитывать ни на матеріальную, ни на нравственную помощь державъ, съ цѣлью вывести ее изъ затрудненій, созданныхъ собственнымъ ея упрямствомъ.

Послѣ устраненія великихъ державъ отъ вмѣшательства въ критское дѣло, Порта уже не стѣснялась въ средствахъ къ усмиренію возстанія на островѣ. Оно было окончательно подавлено къ концу 1868 года, и тогда Оттоманское правительство предъявило въ Аѳинахъ ультиматумъ, которымъ, подъ угрозою немедленнаго дипломатическаго разрыва и бомбардированія греческихъ портовъ сильною турецкою эскадрою, потребовало прекращенія прилива на Критъ греческихъ добровольцевъ и поддержанія возстанія присылкою боевыхъ снарядовъ и продовольствія. Общественное возбужденіе не позволило правительству короля Георга подчиниться требованію Порты. Война Турціи съ Греціей представлялась неминуемою.

Съ цѣлью предупредить столкновеніе столь неравныхъ силами противниковъ, Императорскій кабинетъ предложилъ созвать въ Парижѣ конференцію великихъ державъ, для изысканія способовъ къ мирному разрѣшенію греко-турецкаго спора. Конференція потребовала отъ аѳинскаго правительства принятія декларацiи, коею Греція обязывалась не благопріятствовать и не допускать: 1) образованія на своей территоріи вооруженныхъ шаекъ для нападенія на Турцію; 2) вооруженія въ своихъ гаваняхъ судовъ, предназначенныхъ содѣйствовать, какими-либо способами, всякой попыткѣ возстанія во владѣніяхъ султана. Князь Горчаковъ протелеграфировалъ русскому посланнику въ Аѳинахъ: „Императоръ твердо разсчитываетъ на принятіе декларацiи, которая, по мнѣнію Его Величества, не посягаетъ ни на достоинство, ни на истинные интересы Греціи". Король Георгъ послѣдовалъ этому дружескому совѣту. Новое, составленное имъ министерство приняло декларацію конференціи, и миръ между Греціею и Турціею нарушенъ не былъ.

Изъ балканскихъ христіанъ не одни греки были предметомъ заботливости русскаго Двора. Попечительность его распространялась и на славянское населеніе полуострова. Въ возникшей распрѣ между болгарами и великою константинопольскою церковью, онъ выступилъ примирителемъ, стараясь успокоить страсти и привести двѣ враждующія народности къ полюбовному соглашенію. Императорскій посолъ въ Константинополѣ являлся вліятельнымъ заступникомъ и покровителемъ всѣхъ угнетенныхъ подданныхъ султана. Онъ же энергично поддерживалъ предъ Портою требованія вассальныхъ государствъ, какъ, напримѣръ, настойчивое представленіе князя Михаила сербскаго о выводѣ турецкихъ гарнизоновъ изъ трехъ послѣднихъ, занятыхъ ими крѣпостей, въ княжествѣ: Смедерева, Шабаца и Бѣлграда. Убѣжденія Россіи, поддержанныя другими великими державами, имѣли, на этотъ разъ, успѣхъ. Порта согласилась на потребованную уступку, и, весною 1867 года, бѣлградская цитадель была торжественно передана сербскимъ войскамъ, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы на стѣнахъ ея, рядомъ съ сербскимъ, продолжало развѣваться и турецкое знамя. Когда же, годъ спустя, Михаилъ Обреновичъ палъ отъ руки убійцы, Императорскій кабинетъ настоялъ на признаніи султаномъ избраннаго скупщиною ему въ преемники малолѣтняго племянника, Милана, съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ и преимуществъ, коими пользовался князь Михаилъ.

Въ концѣ 1868 года, впервые прибылъ въ Петербургъ, для личнаго представленія Императору Александру, князь черногорскій Николай. Посѣщеніе имъ русскаго Двора сгладило и прекратило недоразумѣнія, возникшія, было, между нимъ и мѣстными нашими консульскими агентами. Обласканный Государемъ, радушно принятый и всѣми членами Царской семьи, молодой владѣтель Черногоріи проникся чувствомъ благоговѣйной преданности къ могучему покровителю своего народа,— русскому Царю, и самаго дружественнаго расположенія къ Россіи, преданность къ которой, съ этого дня, не переставалъ гласно выражать, тщательно соображая свои дѣйствія съ совѣтами и указаніями Императорскаго кабинета.

Пока всѣ эти событія совершались на Востокѣ, на Западѣ Европы накоплялись снова грозныя тучи, предвѣщавшія, въ болѣе

или менѣе близкій срокъ, неизбѣжное столкновеніе между ставшею во главѣ Сѣверной Германіи Пруссіею и Имперіею третьяго Бонапарта. Въ эти тревожные годы помыслы Императора Александра были направлены къ предотвращенію поводовъ разлада между великими державами или, по меньшей мѣрѣ, къ смягченію самыхъ условій войны. Въ 1867 году, Россія приступила къ Женевской конвенціи 2-го августа 1864 года объ улучшеніи участи раненыхъ воиновъ во время войны, а въ слѣдующемъ, 1868 году, по личному почину Государя, собралась въ С.-Петербургѣ конференція изъ представителей шестнадцати европейскихъ державъ, подписавшихъ 29-го ноября декларацію, коею державы, участвовавшія въ конференціи, принимали обязательство не употреблять въ своихъ войскахъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, въ случаѣ войны, разрывныхъ пуль или снарядовъ, вѣсящихъ менѣе 400 граммъ, признавъ такіе снаряды „противными законамъ человѣколюбія“.

Высокое уваженіе, оказанное королю прусскому Императоромъ Александромъ пожалованіемъ ему ордена св. Георгія первой степени, — а также обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе телеграммъ, которыми оба Государя обмѣнялись по этому поводу, обратили на себя общее вниманіе Европы, свидѣтельствуя о тѣсной дружбѣ, связывавшей съ любимымъ дядей царственнаго племянника. Но когда, полгода спустя, въ іюнѣ 1870 года, во время пользованія въ Эмсѣ Александра Николаевича минеральными водами, не только прибылъ туда король Вильгельмъ, но и были вызваны оба канцлера, князь Горчаковъ и графъ Бисмаркъ, то изъ этого заключили, что между Россіею и Пруссіею существуетъ и политическое единеніе. Едва успѣлъ Государь возвратиться въ Царское Село, какъ получилъ извѣстіе о раздорѣ Франціи съ Пруссіею, возникшемъ изъ за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ.

Искренно желая предотвратить кровавое столкновеніе двухъ государствъ, Императоръ Александръ обратился къ обѣимъ сторонамъ съ совѣтами благоразумія и умѣренности. Вліянію его на короля Вильгельма слѣдуетъ приписать согласіе этого монарха на отреченіе принца Леопольда отъ предложенной ему испанцами короны. Французскому послу, генералу Флёри, Государь сказалъ, что вполнѣ понимаетъ все, что это предложеніе заключаетъ въ себѣ оскорбительнаго для Франціи, въ виду того, что каковъ бы ни былъ кандидатъ, онъ все же, въ данную минуту, можетъ обратиться въ носителя прусскаго знамени, а князь Горчаковъ заявилъ австрійскому посланнику, что въ томъ же смыслѣ русскій Дворъ высказался и въ Берлинѣ. Когда же, не довольствуясь одобреніемъ, выраженнымъ королемъ прусскимъ племяннику за его отреченіе, французское правительство потребовало отъ берлинскаго Двора ручательствъ въ томъ, что кандидатура эта не будетъ возобновлена и впредь, русскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, сообщилъ великобританскому министру иностранныхъ дѣлъ проектъ протокола, который, по занесеніи въ него заявленія короля прусскаго, подписали бы уполномоченные всѣхъ великихъ державъ, что послужило бы для Франціи вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ за будущее. Но событія шли такъ быстро, что примирительная попытка русскаго дипломата не могла быть даже доведена до свѣдѣнія враждовавшихъ Дворовъ.

8-го іюля Франція объявила Пруссіи войну, а три дня спустя русскій Дворъ обнародовалъ слѣдующую декларацію: „Несогласія, возникшія въ послѣднее время между правительствами французскимъ и прусскимъ и поспѣшность, съ которою были приняты самыя крайнія рѣшенія, сдѣлали тщетными усилія Императорскаго правительства и другихъ державъ, стремящихся достигнуть той же цѣли. Съ глубокимъ сожалѣніемъ, Государь Императоръ взираетъ на бѣдствія, неизбѣжно сопряженныя съ войною на европейскомъ материкѣ. Его Императорское Величество принялъ твердую рѣшимость соблюдать строгій нейтралитетъ въ отношеніи воюющихъ державъ, до тѣхъ поръ, пока случайностями войны не будутъ затронуты интересы Россіи. Императорское правительство всегда готово оказать самое искреннее содѣйствіе всякому стремленію, имѣющему цѣлью ограничить размѣры военныхъ дѣйствій, сократить ихъ продолжительность и возвратить Европѣ блага мира“.

Согласно съ заявленіемъ о нейтралитетѣ, русскимъ подданнымъ Высочайше

воспрещено поступать добровольцами на службу обѣихъ воюющихъ сторонъ. Заключительныя слова декларацiи указывали на рѣшеніе Императора Александра обусловить свой нейтралитетъ невмѣшательствомъ и прочихъ великихъ державъ въ франко-нѣмецкую распрю. Такое рѣшеніе русскаго Государя побудило удержаться въ нейтральномъ положеніи Австро-Венгрію и Италію, не взирая на обязательства, связывавшія ихъ съ Франціей, и обѣщанную послѣдней союзную помощь. Скоро, по предложенію Англіи, четыре нейтральныя державы подписали договоръ, коимъ обязались, въ случаѣ выхода своего изъ нейтралитета, предупредить о томъ прочія державы заблаговременно. Такимъ образомъ, война 1870 года обратилась какъ бы въ поединокъ между Германіею и Франціею, и бѣдствія ея, ограниченныя сравнительно тѣсными предѣлами, не распространились на всю Европу.

Уже въ первый періодъ войны, послѣ сраженій подъ Вёртомъ и вокругъ Меца, вполнѣ обозначился перевѣсъ силъ нѣмцевъ надъ ихъ противниками. Это побудило Государя, какъ самъ онъ повѣдалъ о томъ послу Наполеона III, написать къ дядѣ письмо, въ которомъ убѣждалъ его, въ случаѣ, если Франція будетъ побѣждена окончательно, не предписывать ей мира унизительнаго, который, въ сущности, былъ бы только перемиріемъ и служилъ бы постоянною опасностью для прочихъ государствъ. На письмо это король Вильгельмъ отвѣчалъ, что ему трудно будетъ принудить общественное мнѣніе Германіи отказаться отъ присоединенія отвоеванныхъ отъ Франціи областей.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстій о неблагопріятномъ для французовъ исходѣ сраженій подъ Марсъ-ла-Туръ и Гравелоттомъ, генералъ Флёри въ бесѣдахъ съ Императоромъ Александромъ, выражалъ надежду на скорый поворотъ войны въ пользу французовъ, на что Его Величество отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, что императоръ Наполеонъ долженъ менѣе опасаться враговъ впереди, чѣмъ позади себя. Вѣсти изъ Парижа возбуждаютъ большое безпокойство“. Посолъ возразилъ, что опасеніе это лишено основанія, что армія слѣпо предана императору, и что снабженная чрезвычайнымъ полномочіемъ, въ званіи регентши, императрица Евгенія вполнѣ господствуетъ надъ положеніемъ въ столицѣ. „То же самое мы слышали здѣсь и въ 1848 году“, былъ отвѣтъ Государя; „тогда намъ также говорили, что правительство короля Людовика-Филиппа вполнѣ господствуетъ надъ положеніемъ, что нельзя сомнѣваться въ вѣрности и преданности арміи, и вотъ, спустя два дня, здѣсь было получено извѣстіе о провозглашеніи республики“. Вскорѣ событія оправдали прозорливость Императора Александра, и генералъ Флёри не могъ не воскликнуть при слѣдующемъ съ нимъ свиданіи: „О, Государь! вы оказались пророкомъ!“

Седанскій погромъ, взятіе въ плѣнъ Наполеона III, паденіе второй Имперіи и провозглашеніе республики въ Парижѣ не измѣнили, однако, доброжелательнаго расположенія Императора Александра къ Франціи. На запросъ правительства народной обороны: будетъ ли принятъ въ Петербургѣ Тьеръ, въ качествѣ его чрезвычайнаго уполномоченнаго? послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ князя Горчакова. Старецъ Тьеръ прибылъ въ русскую столицу 24-го сентября, и былъ тотчасъ принятъ канцлеромъ, предупредительно и ласково. „Вы найдете здѣсь“, сказалъ ему князь Александръ Михайловичъ, „живыя симпатіи къ Франціи, порожденныя предпочтеніемъ, питаемымъ въ Россіи къ вашей родинѣ, и старою общностью интересовъ, давно забытыхъ. Симпатіи эти вамъ будутъ выражать, но не заблуждайтесь на этотъ счетъ. Въ Россіи одинъ владыка—Императоръ, онъ одинъ правитъ. А Императоръ хочетъ мира и усиліямъ вашимъ воспротивится не племянникъ, а Государь, обязанный пещись о благѣ своего народа, и только его одного. Впрочемъ, онъ окажетъ вамъ помощь для переговоровъ, но и не больше. Вамъ помогутъ вступить въ переговоры безъ потери времени, и вѣрьте мнѣ: вотъ все, что можно для васъ сдѣлать“.

Самъ Тьеръ такъ отзывается о пріемѣ, котораго удостоилъ его Государь въ Царскомъ Селѣ: „Канцлеръ былъ правъ, и я скоро въ томъ убѣдился. Императоръ сдѣлалъ мнѣ честь принять меня. Государь этотъ—благороднѣйшій въ мірѣ человѣкъ, прилежный къ дѣламъ, понимающій въ нихъ толкъ, и исполненный откровенности и прямодушія. Онъ подтвердилъ мнѣ слова своего министра, сказавъ, что самъ войны

не поведетъ, но послужитъ намъ опорой въ переговорахъ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы Франція принесла возможно меньшія жертвы, земельныя и денежныя. Онъ честно сдержалъ слово".

Въ томъ же смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказались предъ Тьеромъ и другіе члены Царской семьи, настаивая на необходимости заключить, какъ можно скорѣе, миръ съ Германіею, цѣною жертвъ, которыя будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ долѣе станутъ ихъ откладывать. Между тѣмъ, Государь отправилъ въ главную прусскую квартиру, въ Версаль, письмо, на которое долго не получалъ отвѣта. Тьеръ уже назначилъ день своего отъѣзда изъ Петербурга, какъ вдругъ, князь Горчаковъ пригласилъ его къ себѣ и привѣтствовалъ слѣдующими словами: „Мы получили извѣстія. Миръ возможенъ. Но вамъ надо много взять на себя. Надо ѣхать въ Версаль, мужественно начать переговоры, и вы получите условія, которыя позволительно принять, особенно если Парижъ, хоть немного, но съумѣлъ защищаться. Проявите мужество мира (ayez le courage de la paix) и я повторяю вамъ, вы дадите миръ вашей родинѣ и всей Европѣ, особенно если счастіе чуть-чуть улыбнется французскому оружію подъ стѣнами Парижа". Тьеръ замѣтилъ своему собесѣднику, что для заключенія мира онъ не имѣетъ полномочія, что онъ не взялъ, да и не хотѣлъ взять его съ собою. „Будьте великимъ гражданиномъ", возразилъ канцлеръ, „и возьмите на себя отвѣтственность. Васъ ждутъ въ Версалѣ; вы будете приняты хорошо и получите все, что возможно получить въ настоящую минуту". Тьеръ отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ ему нужно будетъ съѣздить въ осажденный Парижъ и тамъ получить полномочіе отъ правительства народной обороны, безъ котораго подписанный имъ миръ оказался бы недѣйствительнымъ. Князь Горчаковъ доложилъ о томъ Государю, который вызвался уладить и это затрудненіе. По его настоянію, Тьеру выданъ былъ прусскими военными властями пропускъ въ Парижъ, и оттуда—въ главную нѣмецкую квартиру. Нѣсколько дней спустя, канцлеръ повѣдалъ англійскому послу въ Петербургѣ: „Императоръ Александръ пошелъ дальше всѣхъ прочихъ, потому что написалъ королю Вильгельму письмо съ выраженіемъ надежды, что онъ не потребуетъ отъ Франціи территоріальныхъ уступокъ".

Переговоры о мирѣ, веденные Тьеромъ съ графомъ Бисмаркомъ въ Версалѣ, во второй половинѣ октября, не привели къ соглашенію. Прошло еще три мѣсяца и выморенный голодомъ Парижъ сдался на капитуляцію. Паденіе столицы сломило силу сопротивленія Франціи. 14-го февраля 1871 года канцлеръ возстановленной Германской имперіи и Тьеръ, провозглашенный, созваннымъ въ Бордо, учредительнымъ собраніемъ главою французской республики, подписали предварительныя условія мира на всей волѣ побѣдителей.

О событіи этомъ, принявшій титулъ императора германскаго, король Вильгельмъ извѣстилъ Императора Александра слѣдующею телеграммою: „Съ невыразимымъ чувствомъ и вознося благодареніе Богу, увѣдомляю васъ, что предварительныя условія о мирѣ сейчасъ подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ, но безъ Бельфора, нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ,—уступлены Германіи; пять милліардовъ контрибуціи будутъ уплачены Франціею; по мѣрѣ выплаты этой суммы страна будетъ очищена, въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ частью занятъ, до утвержденія мира національнымъ собраніемъ въ Бордо. Подробности мирнаго договора будутъ обсуждаться въ Брюсселѣ. Если утвержденіе состоится, то мы, наконецъ, достигли конца войны, столь же славной, сколько кровопролитной, объявленной намъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ. Никогда Пруссія не забудетъ, что она вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Господь! До конца жизни, вашъ признательный другъ *Вильгельмъ*".

Государь отвѣчалъ по телеграфу же: „Благодарю за сообщеніе подробностей о предварительныхъ условіяхъ мира и раздѣляю вашу радость. Дай Богъ, чтобы послѣдствіемъ былъ твердый миръ. Счастливъ, что могъ, какъ преданный другъ, доказать вамъ мое сочувствіе. Да будетъ дружба, насъ связывающая, залогомъ счастія и славы нашихъ обоихъ государствъ. *Александръ*".

Предварительный версальскій и окончательный договоръ, заключенный Германіею съ Франціей во Франкфуртѣ, 28-го апрѣля, завершилъ начатое, нападеніемъ на Данію

въ 1864 году, видоизмѣненіе карты Европы. Вопросъ о разграниченіи Германіи и Франціи, рѣшенный въ 1814 и 1815 годахъ, подъ высшимъ руководствомъ русскаго Императора, съ общаго согласія Европы и сообразно требованіямъ европейскаго равновѣсія, разрѣшенъ теперь по уговору двухъ воевавшихъ сторонъ, или вѣрнѣе— по произволу державы-побѣдительницы. Ни Россія, ни одна изъ прочихъ великихъ державъ не потребовали представленія этой сдѣлки на утвержденіе соединенной Европы. Внутреннее переустройство Германіи, слiяніе всѣхъ государствъ, нѣкогда входившихъ въ составъ Германскаго союза, въ единую Германскую Имперію подъ наслѣдственною властью прусскихъ королей, было просто сообщено для свѣдѣнія европейскимъ державамъ и признано ими безпрекословно. Впрочемъ, всѣ эти мѣры приняты были не безъ предварительнаго соглашенія съ Россіею. На обстоятельство это указываетъ обмѣнъ военныхъ отличій между родственными Дворами. Въ день вступленія нѣмецкихъ войскъ въ побѣжденный Парижъ, императоръ Вильгельмъ назначилъ русскаго Государя шефомъ 1-го гвардейскаго гренадерскаго Императора Александра полка, „въ память того времени“, писалъ онъ ему, „когда наши арміи, связанныя между собою тѣснымъ братствомъ, вступили въ непріятельскую столицу подъ предводительствомъ почившихъ въ Бозѣ, Его Величества Императора Александра I-го и моего отца“. Со своей стороны, Государь назначилъ императора Вильгельма шефомъ 13-го драгунскаго полка Военнаго Ордена, а наслѣднаго принца Германской имперіи—вторымъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго, короля Фридриха - Вильгельма III, полка. Тогда же принцы Фридрихъ-Вильгельмъ и Фридрихъ-Карлъ и графъ Мольтке возведены въ званіе русскихъ генералъ-фельдмаршаловъ и получили орденъ св. Георгія 2-ой степени.

Устраняя себя отъ посредничества между побѣдителями и побѣжденными и отъ участія въ опредѣленіи, какъ внутренняго устройства Германіи, такъ и новыхъ границъ ея со стороны Франціи, русскій Дворъ воспользовался франко-нѣмецкою войною, чтобы возбудить и разрѣшить въ пользу Россіи вопросъ, составлявшій давній предметъ заботъ Императора Александра, а именно—о возстановленіи во всей ихъ полнотѣ державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ.

19-го октября 1870 года, государственный канцлеръ объявилъ всѣмъ державамъ, участницамъ Парижскаго договора 1856 года, что, въ виду неоднократныхъ нарушеній этого трактата во многихъ существенныхъ статьяхъ, Государь Императоръ долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: какія права и какія обязанности проистекаютъ для Россіи изъ этихъ перемѣнъ въ общемъ политическомъ положеніи и изъ этихъ отступленій отъ обязательствъ, которыя Россія не переставала соблюдать, хотя они и проникнуты духомъ недовѣрія къ ней? Зрѣлое обсужденіе этого вопроса, писалъ князь Горчаковъ, привело Его Величество къ слѣдующимъ заключеніямъ: „По отношенію къ праву, нашъ Августѣйшій Государь не можетъ допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многихъ существенныхъ и общихъ статьяхъ своихъ, оставались обязательными по тѣмъ статьямъ, которыя касаются прямыхъ интересовъ его Имперіи; по отношенію же къ примѣненію, Его Императорское Величество не можетъ допустить, чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергнуться нарушенію, вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости. Государь Императоръ“, продолжалъ канцлеръ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при Дворахъ великихъ державъ, „въ довѣріи къ чувству справедливости державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года, и къ ихъ сознанію собственнаго достоинства, повелѣваетъ вамъ объявить, что Его Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го (30-го) марта 1856 года, насколько они ограничиваютъ его верховныя права на Черномъ морѣ; что Его Императорское Величество считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностію заявить его величеству султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помянутому трактату конвенціи, опредѣляющей количество и размѣры военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ; что Государь Императоръ прямодушно увѣдомляетъ о

томъ державы, подписавшія и гарантировавшія общій трактатъ, существенную часть котораго составляетъ эта отдѣльная конвенція; что Его Императорское Величество возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его, во всей полнотѣ, точно также какъ возстановляетъ свои собственныя. При исполненіи этого порученія"—заключалъ циркуляръ, „вы употребите стараніе точно опредѣлить, что нашъ Августѣйшій Монархъ имѣетъ единственно въ виду безопасность и достоинство своей Имперіи. Въ мысль Его Императорскаго Величества вовсе не входитъ возбужденіе Восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполнѣ признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду прочихъ государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ-либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе Востока и европейское равновѣсіе. Его Императорское Величество убѣжденъ въ томъ, что это спокойствіе и это равновѣсіе пріобрѣтутъ еще новое ручательство, когда будутъ опираться на основаніяхъ, еще болѣе справедливыхъ и прочныхъ, чѣмъ при томъ положеніи, котораго не можетъ принять за естественное условіе своего существованія ни одна великая держава".

Общій циркуляръ князя Горчакова сопровождался разъясненіями по адресу каждой изъ державъ-участницъ Парижскаго договора 1856 года. Но, не смотря на успокоительныя объясненія, разосланныя русскимъ представителямъ при иностранныхъ Дворахъ, рѣшительная мѣра, принятая Россіею, вызвала бурю въ большинствѣ европейскихъ кабинетовъ.

Даже засѣдавшая въ Турѣ делегація правительства народной обороны Франціи отвѣчала уклончиво, ссылаясь на невозможность принять рѣшеніе, безъ предварительнаго совѣщанія съ сочленами, замкнутыми въ осажденномъ Парижѣ. Италія и Австрія выразили мнѣніе, что Россія могла быть освобождена отъ стѣснявшихъ ее условій парижскаго договора не иначе, какъ по предварительному соглашенію со всѣми державами, подписавшими этотъ трактатъ.

Но сильнѣе всѣхъ другихъ негодовала Англія. Великобританскому послу въ Петербургѣ поручено было прочесть князю Горчакову цѣлую лекцію по международному праву о ненарушимости трактатовъ и о невозможности допустить, чтобы одна изъ договорившихся сторонъ отрекалась отъ принятыхъ на себя обязательствъ безъ предварительнаго уговора съ прочими сторонами. Ученіе, усвоенное русскимъ Дворомъ, разсуждалъ лордъ Гренвиль, подчиняетъ всю обязательную силу и дѣйствительность трактатовъ самовольному контролю каждой изъ сторонъ, что имѣло бы послѣдствіемъ уничтоженіе договоровъ, въ ихъ совокупности и сущности.

При первомъ извѣстіи о декларацiи русскаго Двора, король Вильгельмъ былъ видимо удивленъ и сказалъ чтецу своему Шнейдеру: „Я хоть и зналъ, что нѣчто подобное готовится, но при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда ничего еще не рѣшено, эта мѣра Россіи состоялась въ неудобную для насъ минуту. Сама по себѣ, декларація совершенно правильна. Спрашивается только: какъ примутъ ее Англія и Австрія? Дальнѣйшее Бисмаркъ, конечно, передастъ мнѣ завтра". На сѣверо-германскаго канцлера вѣсть изъ Петербурга произвела столь же непріятное впечатлѣніе. Бисмаркъ, также какъ и король, находилъ что русское предложеніе несвоевременно, что надо было подождать еще недѣли три. Досаду свою онъ излилъ предъ своимъ обычнымъ застольнымъ обществомъ въ главной квартирѣ. „Обыкновенно думаютъ", говорилъ онъ, „что русская политика чрезвычайно хитра и искусна, полна разныхъ тонкостей, хитросплетеній и интригъ. Это неправда... Если бы они, въ Петербургѣ, были беззастѣнчивы, то воздержались бы отъ подобныхъ заявленій, стали бы спокойно строить суда на Черномъ морѣ и ждать, пока ихъ о томъ запросятъ. Тогда они сказали бы, что имъ ничего неизвѣстно, что нужно освѣдомиться, и затянули бы дѣло. Оно могло бы продлиться, при русскихъ порядкахъ, и въ концѣ концовъ, съ нимъ бы свыклись...".

Скоро узнали въ нѣмецкой главной квартирѣ, что въ Версаль ѣдетъ англійскій уполномоченный, Одо Россель, съ цѣлью

потребовать отъ сѣверо-германскаго канцлера „категорическихъ объясненій“ по поводу русской декларации. „Категорическихъ?“ воскликнулъ король Вильгельмъ. „Для насъ существуетъ одно категорическое объясненіе: капитуляція Парижа, и Бисмаркъ, конечно, скажетъ ему это!“

Дѣйствительно, въ первой же бесѣдѣ съ британскимъ посланцомъ, на вопросъ его—останется ли Германія нейтральною въ случаѣ войны Англіи съ Россіей, Бисмаркъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ обстоятельствъ, но что пока онъ не усматриваетъ поводовъ ко вмѣшательству въ эту распрю. Положеніе Германіи, пояснилъ онъ, измѣнилось, и ей незачѣмъ услуживать другимъ, доколѣ она не увѣрена, что ей самой отплатятъ услугой за услугу. „Какую же услугу можетъ оказать Англія Германіи?“ спросилъ Россель.—„Открытіе Дарданеллъ и Босфора для военныхъ судовъ всѣхъ націй“, былъ отвѣтъ канцлера.—„Это“, продолжалъ онъ, „было бы пріятно Россіи, открывъ ей доступъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, а также и Турціи, ибо она могла бы тогда всегда имѣть друзей своихъ подъ рукою, и американцамъ, у которыхъ отняло бы одинъ изъ поводовъ къ сближенію съ Россіей, а именно, удовлетворивъ ихъ желанію свободно плавать во всѣхъ моряхъ“. Въ заключеніе бесѣды Бисмаркъ повторилъ англійскому дипломату отзывъ свой о русской дипломатіи, которую обозвалъ наивною (candide). „Если бы она была смышленѣе“, замѣтилъ онъ, „то совершенно разорвала бы парижскій трактатъ. Тогда ей были бы благодарны за то, что она снова признала нѣкоторыя изъ его условій и удовольствовалась возстановленіемъ своихъ державныхъ правъ на Черномъ морѣ“. На второмъ совѣщаніи нѣмецкій канцлеръ предложилъ Росселю уладить споръ на конференціи изъ представителей великихъ державъ, указавъ на Петербургъ, какъ на мѣсто созванія конференціи; когда же англичанинъ предъявилъ возраженіе противъ такого выбора, то самъ Бисмаркъ назвалъ Лондонъ.

Приглашеніе великимъ державамъ собраться на конференцію нѣмецкій канцлеръ отправилъ въ тотъ же день—14-го ноября—по телеграфу, въ Петербургъ, Лондонъ, Вѣну, Флоренцію и Константинополь. Всѣ Дворы отвѣчали изъявленіемъ согласія на его предложеніе. Конференція уполномоченныхъ державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года, открыла свои засѣданія въ Лондонѣ, 5-го января 1871 года, а 20-го февраля была подписана конвенція, вносившая въ парижскій трактатъ слѣдующія существенныя измѣненія.

Отмѣнялись три статьи этого трактата, ограничивавшія число военныхъ судовъ, которыя Россія и Турція имѣли право содержать въ Черномъ морѣ, а также право ихъ возводить укрѣпленія по берегамъ его; подтверждался принципъ закрытія Дарданеллъ и Босфора, съ правомъ для султана открыть доступъ въ эти проливы военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, каждый разъ, когда Порта признаетъ это нужнымъ для поддержанія прочихъ постановленій парижскаго трактата; Черное море объявлялось, по прежнему, открытымъ для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй; существованіе международной Дунайской коммиссіи продолжено на двѣнадцать лѣтъ, съ 1871 по 1883 годъ; предоставлено прибрежнымъ къ Дунаю державамъ условиться о кругѣ дѣятельности особой коммиссіи изъ ихъ представителей, названной прибрежною (riveraine); признано право прибрежныхъ державъ взимать пошлину съ судовъ, плавающихъ по Дунаю, для покрытія расходовъ по очищенію русла этой рѣки отъ пороговъ; подтверждены нейтральность построекъ, возведенныхъ въ устьяхъ Дуная европейскою коммиссіею и, вообще, всѣ статьи и постановленія трактата 18-го (30-го) марта 1856 года, не отмѣненныя настоящею конвенціею.

Десять дней спустя, русскій государственный канцлеръ подписалъ съ турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ особую конвенцію, которою отмѣнялась та, что была заключена непосредственно, въ 1856 году, между Россіею и Турціею, по вопросу о Черномъ морѣ, и служила приложеніемъ къ парижскому договору.

Высочайшая ратификація этихъ двухъ актовъ послѣдовала 18-го марта, въ пятнадцатую годовщину заключенія парижскаго мира. Жалуя, по этому случаю, князю Горчакову титулъ свѣтлости, Императоръ Александръ писалъ въ рескриптѣ къ нему: „Даруя вамъ сіе высшее отличіе, я желаю,

чтобы это доказательство моей признательности напоминало вашему потомству о томъ непосредственномъ участіи, которое, съ самаго вашего вступленія въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, принимаемо было вами въ исполненіи моихъ мыслей и предначертаній, клонящихся непрестанно къ обезпеченію самостоятельности и упроченію славы Россіи".

XV.

Соглашеніе трехъ Императоровъ.

1871—1876.

Въ пятилѣтіе, истекшее съ окончанія франко-нѣмецкой войны до начала смутъ на европейскомъ Востокѣ, приведшихъ къ войнѣ Россіи съ Турціей за освобожденіе балканскихъ славянъ, внутренняя законодательная дѣятельность правительства ограничивается развитіемъ и постепеннымъ распространеніемъ на окраины Имперіи реформъ, первоначально введенныхъ лишь въ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи. Такъ, судебные уставы вводятся: въ 1871 году—въ девяти губерніяхъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, въ 1873—въ губерніяхъ Пермской и Вологодской, въ 1875—въ Дагестанской области и въ Царствѣ Польскомъ, а Земскія Учрежденія—въ землѣ Войска Донскаго; въ 1872 году общее Городовое Положеніе примѣнено въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и въ Закавказскомъ краѣ.

Въ высшихъ правительственныхъ кругахъ неоднократно возникали предположенія о возбужденіи и разрѣшеніи другихъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ, въ направленіи охранительномъ, главными представителями коего, въ совѣтахъ Императора Александра, являлись шефъ жандармовъ, графъ Шуваловъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ. Послѣдній внесъ, еще въ 1870 году, въ Государственный Совѣтъ проектъ объ объединеніи губернской администраціи, съ значительнымъ расширеніемъ предоставленной губернаторамъ власти, но проектъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія въ прочихъ вѣдомствахъ и остался безъ послѣдствій. Другой вопросъ, поднятый въ слѣдующемъ 1871 году, по почину бывшаго намѣстника кавказскаго, князя Барятинскаго, былъ вопросъ о замѣнѣ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія личнымъ. Фельдмаршалъ находилъ, что какъ общинное владѣніе, такъ и круговая порука, служатъ лишь къ ободренію праздности, къ развращенію крестьянъ и къ задержкѣ всякаго экономическаго успѣха. Онъ писалъ Государю, что если, при первоначальномъ введеніи крестьянской реформы, благоразуміе требовало придерживаться существующихъ фактовъ и не измѣнять разомъ всего, то теперь настала пора для руки, воздвигнувшей зданіе, дать и ключъ къ нему. „Послѣднее слово реформы", утверждалъ князь, „будетъ сказано, когда полное освобожденіе русскаго народа дойдетъ до отдѣльной личности. Поощрите частную собственность крестьянъ, и вы задушите зародыши коммунизма, упрочите семейную нравственность и поведете страну по пути прогресса. Нѣтъ прочнѣе гарантіи для законнаго преуспѣянія, какъ собственность и свобода личности". На письмо фельдмаршала отвѣчалъ, по Высочайшему повелѣнію, графъ П. А. Шуваловъ, сопровождавшій Императора въ путешествіи по Кавказу и писавшій Барятинскому изъ Гуниба: „Воспользовавшись досугомъ во время нашего плаванія по Волгѣ, я счастливъ, что могу, съ настоящей минуты, предсказать серьезную будущность великой, полезной идеѣ, вами покровительствуемой, т.-е. упраздненію второго рабства, быть можетъ, худшаго, чѣмъ крѣпостное — общиннаго пользованія землею. Его Величество, сочувствуя содержанію вашего письма, повелѣлъ мнѣ написать министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ, во время своего путешествія, выслушавъ нѣсколько жалобъ по этому поводу, желаетъ, чтобы дѣло было подвергнуто обсужденію Комитета Министровъ, не въ предсѣдательствѣ Государя, но тотчасъ по возвращеніи его въ Петербургъ. На мой взглядъ, этого совершенно достаточно, чтобы дать намъ возможность взять дѣло въ свои руки; а чтобы не придать этому важному вопросу характера партійной борьбы, даже въ средѣ правительственной, я представилъ Государю, какъ полезно было бы, въ настоящемъ случаѣ, совѣщаніе съ земскими собраніями, въ виду преимущественнаго экономическаго значенія вопроса, что̀ и входитъ въ кругъ дѣятельности земства. Я не сомнѣ-

ваюсь, что значительное большинство собраній выскажется въ смыслѣ вашихъ взглядовъ и тогда дѣло будетъ выиграно, вопреки всѣмъ петербургскимъ „краснымъ“, которые, при этомъ случаѣ, не преминутъ дать большое сраженіе, такъ какъ всѣ ихъ будущія надежды погибнутъ съ уничтоженіемъ этой соціальной и соціалистической язвы“.

Въ связи съ вопросомъ объ общинѣ находился и вопросъ объ установленіи, вмѣсто крестьянской волости, волости всесословной, разрабатывавшійся въ средѣ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но всѣ эти и имъ подобныя дѣла не достигли законодательнаго разрѣшенія и окончательно сошли съ очереди по оставленіи, въ 1874 году, графомъ Шуваловымъ поста шефа жандармовъ и по назначеніи его посломъ при великобританскомъ Дворѣ.

Тѣмъ не менѣе, надъ разработкою многихъ частныхъ преобразованій по всѣмъ частямъ управленія трудились многочисленныя коммиссіи, учрежденныя при разныхъ вѣдомствахъ. Въ 1869 году, по одному министерству внутреннихъ дѣлъ, такихъ коммиссій дѣйствовало 18; по министерствамъ: государственныхъ имуществъ—4, путей сообщенія—6, юстиціи—1, морскому—3, по вѣдомству православнаго исповѣданія—4, по II-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи—3, по Собственной канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго—1, а съ тремя самостоятельными коммиссіями, не включенными ни въ одно изъ вѣдомствъ, всего—43 коммиссіи.

Одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ, вызванныхъ широкимъ распространеніемъ среди учащейся молодежи соціально-революціонныхъ ученій, былъ разрѣшенъ закономъ 19-го мая 1871 года, о согласованіи дѣятельности корпуса жандармовъ съ участіемъ чиновъ судебнаго вѣдомства въ разслѣдованіи государственныхъ преступленій. Другою немаловажною мѣрою было выдѣленіе города С.-Петербурга въ отдѣльное градоначальство, съ переименованіемъ начальника столицы, генералъ-адъютанта Трепова, изъ оберъ-полиціймейстеровъ въ с.-петербургскаго градоначальника. Тогда же обнародованъ актъ Высочайшей милости и снисхожденія къ лицамъ, привлеченнымъ къ отвѣтственности за участіе въ государственныхъ преступленіяхъ и подвергшимся наказаніямъ по суду или административнымъ распоряженіямъ. 13-го мая 1871 года, въ день крещенія Царскаго внука, Великаго Князя Георгія Александровича, Государь даровалъ большія облегченія каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ изъ государственныхъ преступниковъ, и подъ извѣстными условіями, разрѣшилъ возвращеніе въ Европейскую Россію изъ Сибири значительнаго числа административно-ссыльныхъ.

Лѣтомъ 1871 года, Императоръ Александръ предпринялъ обычную поѣздку за границу, для лѣченія водами въ Эмсѣ, куда прослѣдовалъ чрезъ Берлинъ и Веймаръ, и гдѣ ждала его Императрица. Его Величество оставался въ этомъ городѣ четыре недѣли—съ 30-го мая по 23-е іюня. Съ императоромъ Вильгельмомъ Государь видѣлся въ Берлинѣ, а въ Эмсѣ посѣтили его великіе герцоги Ольденбургскій и Саксенъ-Веймарскій съ супругою. Александръ Николаевичъ навѣстилъ сначала въ Кобленцѣ, а потомъ въ Баденъ-Баденѣ, императрицу германскую. Окончивъ курсъ лѣченія въ Эмсѣ, онъ отдохнулъ пять дней въ замкѣ Петерсталь, близъ Дармштадта, а проѣздомъ оттуда въ Фридрихсгафенъ, остановился въ Страсбургѣ, и осмотрѣлъ тамошнюю крѣпость.

Государь съ Императрицею цѣлую недѣлю провели у сестры, королевы виртембергской, Ольги Николаевны, въ лѣтней резиденціи ея на Констанцкомъ озерѣ. Туда явилась къ нему депутація изъ 17 делегатовъ отъ протестантскихъ обществъ Европы и Америки съ ходатайствомъ въ пользу свободы совѣсти, якобы нарушаемой, въ русскихъ прибалтійскихъ областяхъ, по отношенію къ эстамъ и латышамъ. Императоръ не принялъ, ни депутаціи, ни привезенныхъ ею адресовъ, но направилъ ее къ находившемуся въ Фридрихсгафенѣ, канцлеру, князю Горчакову, который объявилъ депутатамъ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ предметъ убѣжденія Его Величества и что Государь останется вѣрнымъ примѣру своихъ предковъ, занесшихъ эти убѣжденія на всѣ страницы исторіи Россіи; что означенная исторія представляетъ, въ этомъ отношеніи, явленіе, которому подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ другихъ странъ; наконецъ, что

помянутыя начала—одно изъ достославныхъ отличій Россіи, которое она желаетъ сохранить, но что ручательствомъ въ томъ должно служить делегатамъ исключительно довѣріе, ими же самими выраженное, къ великодушію русскаго Императора. Князь Александръ Михайловичъ присовокупилъ, что удовлетвореніе выраженныхъ делегатами просьбъ имѣло бы послѣдствіемъ отмѣну нѣкоторыхъ законовъ Имперіи и что самый пріемъ депутаціи Государемъ представился бы вмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла, „а мы", заключилъ канцлеръ, „не можемъ допустить даже и тѣни такого вмѣшательства, съ чьей бы то ни было стороны".

Отвезя Императрицу въ Югенгеймъ, гдѣ посѣтилъ Ихъ Величества императоръ германскій, Государь предпринялъ обратный путь въ Россію и, чрезъ Берлинъ и Александрово, 14-го іюля, прибылъ въ Варшаву.

Въ Царствѣ Польскомъ продолжалось сліяніе этого края съ Имперіею. Весною 1871 года, за окончательнымъ введеніемъ въ дѣйствіе указовъ 19-го февраля 1864 года о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и за передачею гражданскихъ въ Царствѣ управленій въ непосредственное завѣдываніе министерствъ, упраздненъ, какъ „исполнившій свое назначеніе", учредительный комитетъ, съ состоявшею при немъ юридическою коммиссіею. Выражая намѣстнику благодарность за успѣшную и плодотворную дѣятельность этого комитета за семь лѣтъ его существованія, Императоръ писалъ графу Бергу: „Утвержденіе въ Царствѣ Польскомъ общихъ условій государственнаго устройства и гражданской жизни составляетъ существенную и непремѣнную потребность общаго государственнаго единства. Я твердо увѣренъ, что, слѣдуя и впредь по указанному мною пути, съ тою же бдительною неуклонностью, вы будете постоянно имѣть въ виду непреложность намѣреній моихъ относительно полнаго сліянія Царства Польскаго съ прочими частями государства".

Въ четырехдневное пребываніе въ Варшавѣ, Императоръ Александръ явилъ участникамъ послѣдняго польскаго мятежа новый знакъ Монаршей милости, дозволивъ эмигрантамъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и Западнаго края, самовольно удалившимся за границу, возвратиться, если пожелаютъ, въ отечество, съ тѣмъ, чтобы, подобно тому, какъ это было установлено послѣ возстанія 1830—31 годовъ, дѣла о нихъ разбирались въ подлежащихъ судебныхъ учрежденіяхъ, рѣшенія коихъ, по постановленіи приговора, повергались бы, вмѣстѣ съ участью подсудимыхъ, на Высочайшее благоусмотрѣніе.

20-го іюля Ихъ Величества возвратились въ Петергофъ, а послѣ обычнаго лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ, въ концѣ августа, Государь совершилъ путешествіе на Кавказъ,—край, не посѣщенный имъ, если не считать кратковременнаго объѣзда черноморской береговой полосы въ 1861 году,—съ самаго воцаренія.

Императоръ поѣхалъ туда въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей, проведя три дня въ Москвѣ, кружнымъ путемъ, внизъ по Волгѣ, останавливаясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ и Астрахани. Переѣздъ чрезъ Каспійское море совершилъ онъ на пароходѣ „Цесаревна Марія", и 7-го сентября высадился на кавказскій берегъ въ Петровскѣ. Его Величество направился затѣмъ вглубь замиреннаго Дагестана и, чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуру, прослѣдовалъ въ Гунибъ. „Съ высоты Гуниба", телеграфировалъ Государь фельдмаршалу князю Барятинскому, „повторяю тебѣ мое душевное спасибо за услуги твои, оказанныя Россіи покореніемъ всего Восточнаго Кавказа и плѣненіемъ самого Шамиля. Сожалѣю только, что не могу тебя здѣсь лично обнять, что̀ исполняю мысленно. Я вполнѣ всѣмъ доволенъ и въ восхищеніи отъ новыхъ дорогъ. Погода самая благопріятная".

По Дагестану и Чечнѣ Государь ѣхалъ съ однимъ конвоемъ изъ туземной милиціи. Чрезъ укрѣпленіе Воздвиженское и Слѣпцовскую станицу, 19-го сентября, достигъ онъ до Владикавказа, и на другой день, торжественно въѣхалъ въ Тифлисъ. Въ столицѣ Грузіи онъ провелъ пять дней, а оттуда, чрезъ Боржомъ, Кутаисъ и Поти, 30-го сентября, вернулся къ ожидавшей его Императрицѣ, въ Ливадію.

Радужныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ трехнедѣльнаго объѣзда Кавказа и Закавказья, Императоръ Александръ выразилъ въ слѣдующемъ рескриптѣ Августѣйшему брату Великому Князю Михаилу Николаевичу: „Ваше Императорское Высочество. Въ 1862 году я при-

зналъ за благо призвать васъ къ высшей государственной и военной дѣятельности, въ званіяхъ намѣстника на Кавказѣ и главнокомандующаго кавказскою арміею. Съ тѣхъ поръ важныя и существенныя измѣненія совершились въ этомъ отдаленномъ краѣ, ввѣренномъ мною вашему попеченію. Съ именемъ Вашего Императорскаго Высочества неразрывно будутъ связаны въ исторіи Кавказа воспоминанія о послѣднихъ боевыхъ подвигахъ русскихъ войскъ, закончившихъ, въ 1864 году, покореніе западной части края. Съ окончаніемъ Кавказской войны предстояло выполнить новую задачу, не меньшей государственной важности: окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить надъ горскими племенами нашу нравственную власть, которая составляетъ вѣрный залогъ спокойнаго обладанія страной. Справедливо оцѣняя всю важность этой задачи, Ваше Императорское Высочество посвятили ей особенныя ваши заботы. Цѣлый рядъ мѣропріятій, задуманныхъ и исполненныхъ подъ непосредственнымъ вашимъ руководствомъ, привелъ къ водворенію въ горскихъ обществахъ прочнаго порядка и настолько подвинулъ гражданское ихъ развитіе, что нынѣ признано возможнымъ многія изъ нихъ подчинить общимъ съ русскимъ населеніемъ гражданскимъ учрежденіямъ. Посѣтивъ нынѣ Кавказскій край и осмотрѣвъ войска кавказской арміи, я съ удовольствіемъ убѣдился, что неутомимые труды и заботы Вашего Императорскаго Высочества принесли благіе плоды, вполнѣ оправдавшіе мое всегдашнее къ вамъ довѣріе. Все, что я видѣлъ на Кавказѣ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что страна твердо поставлена на путь къ дальнѣйшему преуспѣянію въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, въ неразрывной связи съ прочими частями Имперіи. Въ войскахъ кавказской арміи я нашелъ все то, что можно требовать отъ войскъ въ мирное время. Молодецкій видъ солдатъ, отличное состояніе всѣхъ отраслей строевого ихъ образованія, порядокъ, находчивость и ловкость, съ которыми были произведены всѣ передвиженія и дѣйствія, какъ малыхъ, такъ и большихъ частей войскъ, всѣхъ родовъ оружія, даютъ мнѣ полную увѣренность, что войска кавказскія, подъ ближайшимъ руководствомъ Вашего Императорскаго Высочества, стремясь въ мирное время совершенствоваться въ дѣлѣ военнаго образованія, готовы, въ случаѣ нужды, показать себя на дѣлѣ достойными славныхъ преданій боевой кавказской арміи. Отъѣзжая нынѣ съ Кавказа, я уношу въ душѣ самое отрадное воспоминаніе о всемъ, мною видѣнномъ. Мнѣ истинно пріятно выразить Вашему Императорскому Высочеству мою душевную признательность за ваши долголѣтніе труды и заботы о благоустройствѣ ввѣреннаго вамъ края и за отличное состояніе ввѣренныхъ вамъ войскъ. Искренно васъ любящій и благодарный братъ и другъ, *Александръ*".

Принявъ въ Ливадіи молодого сербскаго князя Милана, явившагося туда въ сопровожденіи регента Ристича, Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ октября. Къ Георгіевскому празднику прибыла изъ Германіи депутація новопожалованныхъ кавалеровъ русскаго Военнаго Ордена, во главѣ которой находились кавалеры 2-й степени, русскіе фельдмаршалы, принцъ Фридрихъ-Карлъ и графъ Мольтке. На обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, 26-го ноября, Государь произнесъ слѣдующій тостъ: „За здоровье его величества императора - короля Вильгельма, старшаго кавалера ордена св. Георгія, и кавалеровъ нашего Военнаго Ордена его храброй арміи, достойныхъ представителей которой я горжусь видѣть сегодня между нами. Желаю и надѣюсь, что тѣсная дружба, насъ связывающая, увѣковѣчится въ будущихъ поколѣніяхъ, а равно боевое братство нашихъ обѣихъ армій, существующее со времени навсегда достопамятнаго: въ немъ я вижу лучшій залогъ для сохраненія мира и законнаго порядка въ Европѣ".

Ни политическому значенію новосозданной Германской имперіи, ни личной дружбѣ, связывавшей Императоровъ Александра и Вильгельма, не отвѣчало болѣе взаимное дипломатическое представительство при обоихъ Дворахъ, вслѣдствіе чего рѣшено было миссіи въ Петербургѣ и Берлинѣ преобразовать въ посольства. Русскій посланникъ при прусскомъ Дворѣ, Убри, возведенъ въ званіе посла, а посломъ императора германскаго при русскомъ Императорѣ назначенъ князь Рейсъ, 2-го декабря 1871 года вручившій Государю свои вѣрительныя грамоты.

Ослабѣвавшее здоровье Императрицы Маріи Александровны вызвало, раннею весною 1872 года, отъѣздъ ея съ тремя младшими дѣтьми на Южный берегъ Крыма. Въ концѣ марта прибылъ въ Ливадію и Государь, который, проведя двѣ недѣли въ кругу царственной семьи, къ Пасхѣ возвратился въ Петербургъ, но въ началѣ мая снова поѣхалъ въ Ливадію и вернулся въ столицу къ 30-му числу этого мѣсяца, дню чествованія двухсотлѣтней годовщины рожденія Петра Великаго. Событіе это было торжественно отпраздновано богослуженіемъ въ соборахъ Петропавловскомъ и Исаакіевскомъ. По докладу министра народнаго просвѣщенія, Императоръ Александръ учредилъ преміи за научные труды въ память безсмертнаго Преобразователя Россіи и повелѣлъ издать всѣ акты и бумаги, вышедшіе изъ подъ его пера. Въ тотъ же день объявлено повременнымъ изданіямъ объ отмѣнѣ силы предостереженій, коимъ они подверглись не менѣе, какъ за годъ до памятнаго юбилея, т.-е. ранѣе 30-го мая 1871 года.

Въ началѣ іюня, Государь съѣздилъ на три дня въ Москву, а въ половинѣ іюля отправился въ Ливадію, гдѣ оставался до 10-го августа.

Вниманіе его привлекали происшествія, совершавшіяся въ области внѣшней политики, въ особенности, начавшее обнаруживаться, вскорѣ по окончаніи франко-нѣмецкой войны, примиреніе и даже сближеніе Австро-Венгерской монархіи съ Германскою имперіею.

Въ виды Бисмарка никогда не входилъ разладъ съ державою, столь долго игравшею первенствующую роль въ Германіи, и ближайшею задачею прусскаго министра было лишь вытѣснить Австрію изъ состава Германскаго союза, чтобы поставить Пруссію на ея мѣсто, во главѣ его. Съ первыхъ дней вступленія своего въ должность перваго совѣтника короля Вильгельма, онъ, въ довѣрительныхъ бесѣдахъ съ австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, убѣждалъ вѣнскій Дворъ добровольно уступить Пруссіи главенство въ Германіи и перенести центръ тяжести монархіи Габсбурговъ въ Пештъ, другими словами—на Востокъ. Съ такимъ же предложеніемъ обратился онъ къ императору Францу-Іосифу, тотчасъ послѣ войны 1866 года, предлагая ему поддержку и союзную помощь Германіи для осуществленія давнихъ видовъ Габсбургскаго дома на „тыльныя“ балканскія области (Hinterländer), сопредѣльныя съ Далмаціею,—Боснію и Герцеговину. Предложенія эти были отклонены, пока въ Вѣнѣ питали еще надежду возвратить Австріи прежніе вѣсъ и значеніе въ Германіи при содѣйствіи Наполеона III. Но послѣ разгрома имперіи Бонапартовъ, тамъ уже стали внимательнѣе относиться къ неоднократно повтореннымъ Бисмаркомъ предложеніямъ дружбы и союза. Препятствіемъ на этомъ пути оставался еще, руководившій внѣшнею политикою императора Франца-Іосифа, личный соперникъ нѣмецкаго канцлера, графъ Бейстъ. Но въ концѣ 1871 года Бейстъ палъ, и преемникомъ ему въ качествѣ „общаго“ министра иностранныхъ дѣлъ назначенъ предсѣдатель совѣта венгерскихъ министровъ, графъ Андраши. Дипломатія князя Бисмарка издавна поддерживала съ Венгріею дружескія сношенія, и въ 1870 году вліяніе Андраши не было чуждо рѣшенію императора Франца-Іосифа не выходить изъ предѣловъ строжайшаго нейтралитета. Съ водвореніемъ мадьярскаго министра во главѣ вѣнской государственной канцеляріи, между Вѣною и Берлиномъ возобновились оживленные переговоры, результатомъ коихъ было принятіе австро-венгерскимъ монархомъ приглашенія, въ концѣ августа 1872 года, посѣтить императора германскаго въ собственной его столицѣ.

Крупную эту политическую новость сообщилъ Императору Александру, въ довѣрительномъ письмѣ, чтецъ императора Вильгельма, Шнейдеръ. Будучи давнимъ и ревностнымъ сторонникомъ тѣснаго союза Пруссіи съ Россіей, онъ не ограничился сообщеніемъ важнаго извѣстія, но заключилъ письмо свое выраженіемъ пожеланія, чтобы Императоръ Александръ самъ прибылъ въ Берлинъ ко времени, когда ожидали туда императора Франца-Іосифа. Единенію монарховъ Россіи, Пруссіи и Австріи, разсуждалъ Шнейдеръ, Европа, послѣ продолжительныхъ и разорительныхъ войнъ съ французскою революціею и преемникомъ ея Наполеономъ I, обязана была пятьюдесятью годами глубокаго мира. Конечно, было бы невозможно, да и безцѣльно, воскресить *Священный союзъ*, но съѣздъ въ Берлинѣ трехъ Императоровъ положилъ бы основаніе союзу *полез-*

ному и даже *весьма полезному*. Въ завѣщаніи своемъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ III сказалъ: „Пусть, прежде всего, Пруссія, Россія и Австрія никогда не разъединяются, ибо ихъ согласіе составляетъ краеугольный камень великаго европейскаго союза", и слова эти могутъ оправдаться снова. Пруссія въ правѣ гордиться тѣмъ, что осталась неизмѣнною по отношенію къ Россіи и, такимъ образомъ, соблюла завѣтъ „справедливаго" короля. Напротивъ, Австрія, виновная въ Шварценберговой неблагодарности, въ Ольмюцѣ и въ рѣшеніяхъ франкфуртскаго сейма 1866 года, не можетъ прямо смотрѣть въ лицо обѣимъ прежнимъ своимъ союзницамъ. Съ ея стороны свиданіе является чѣмъ-то въ родѣ обязательнаго завтрака (déjeuner de rigueur) послѣ дуэли. А каково будетъ спасительное впечатлѣніе, произведенное такимъ съѣздомъ трехъ Императоровъ на враждебные элементы въ Европѣ,—обнаружится скоро.

Мысли, высказанныя Шнейдеромъ, давно уже не были въ ходу при берлинскомъ Дворѣ и во многомъ находились въ прямомъ противорѣчіи съ политикою князя Бисмарка. Но онѣ какъ нельзя болѣе отвѣчали личнымъ взглядамъ и предпочтеніямъ Императора Александра. Къ тому же, съ удаленіемъ Бейста, значительно улучшились отношенія вѣнскаго Двора къ петербургскому. Князь Горчаковъ привѣтствовалъ назначеніе графа Андраши выраженіемъ ему полнаго довѣрія, какъ бы въ противоположность чувствамъ, которыя внушалъ его предшественникъ. По всѣмъ означеннымъ причинамъ, Государь, при ближайшемъ свиданіи съ германскимъ посломъ, спросилъ его: „Развѣ меня не хотятъ видѣть въ Берлинѣ?" Принцъ Рейссъ поспѣшилъ донести объ этомъ императору Вильгельму и желаемое приглашеніе тотчасъ же было отправлено въ Петербургъ. Со своей стороны, императоръ австрійскій командировалъ въ русскую столицу дядю своего, эрцгерцога Вильгельма, чтобы условиться о тройственномъ свиданіи.

10-го августа, Императоръ Александръ отплылъ изъ Ливадіи въ Керчь и Таганрогъ. Въ Новочеркасскѣ, принимая высшихъ чиновъ войска донскаго, онъ открылъ имъ побудительную причину съѣзда своего съ императорами германскимъ и австрійскимъ: „Въ настоящую минуту, я никакой опасности для насъ не предвижу. Для большаго еще обезпеченія мира, я рѣшился предпринять поѣздку за границу и надѣюсь, что она не останется безъ результата для насъ". Чрезъ Харьковъ, Чугуевъ, Елисаветградъ и Вержболово, Его Величество, 25-го августа, прибылъ въ Берлинъ, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, въ составъ которой входили: Великіе Князья—Наслѣдникъ Цесаревичъ, Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ, канцлеръ князь Горчаковъ, фельдмаршалъ графъ Вергъ, министръ Императорскаго Двора графъ А. В. Адлербергъ и шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ. На другой день въ прусскую столицу пріѣхалъ и императоръ Францъ-Іосифъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Андраши.

Начался пышный рядъ празднествъ, военныхъ и придворныхъ: парады, спектакли, охоты, торжественный обѣдъ въ Бѣлой залѣ королевскаго замка, за которымъ императоръ Вильгельмъ произнесъ тостъ за своихъ Августѣйшихъ гостей. Въ отвѣтъ на него, императоръ австрійскій поднялъ кубокъ за императора и императрицу германскихъ, а Императоръ Александръ—„за здоровье храброй прусской арміи". Тѣмъ временемъ, между тремя первенствующими министрами, Горчаковымъ, Бисмаркомъ и Андраши, происходили ежедневныя совѣщанія, приведшія къ слѣдующему соглашенію: три Монарха считаютъ своею общею задачею поддержаніе мира Европы. Но тогда же, между Германіею и Австріею, состоялся и другой уговоръ, оставшійся тайной для русской дипломатіи: первая обязалась содѣйствовать второй въ доставленіи ей вознагражденія на Балканскомъ полуостровѣ за понесенныя въ Германіи и Италіи земельныя утраты.

Три Императора, проведя пять дней въ дружественномъ общеніи, разстались 30-го августа, въ день именинъ русскаго Государя, который изъ Вержболова направился, чрезъ Мендибожъ, Бендеры и Одессу, прямо въ Ливадію, куда прибылъ 10-го сентября. Проведя шесть недѣль на Южномъ берегу Крыма, Его Величество, въ концѣ октября, возвратился въ Царское Село, а мѣсяцъ спустя переѣхалъ на жительство въ Зимній дворецъ.

На Георгіевскій праздникъ пригласилъ онъ пріѣхать въ Петербургъ второго брата императора Вильгельма, принца Карла прус-

скаго, получившаго, незадолго до того, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня назначенія его шефомъ русскаго полка, орденъ св. Георгія 2-й степени. Въ свитѣ принца находился и Шнейдеръ. Отпуская своего чтеца, старецъ-императоръ поручилъ ему передать царственному племяннику, что онъ „крайне несчастливъ“ (kreuz-unglück-lich) что не можетъ самъ совершить поѣздку въ Россію, но что ему еще нужно беречь себя, вслѣдствіе поврежденія ноги, минувшимъ лѣтомъ, въ Гастейнѣ. Когда, при представленіи Александру Николаевичу, Шнейдеръ исполнилъ порученіе своего государя, передавъ въ точности его слова, Его Величество отвѣчалъ: „Ну, такъ я вамъ скажу, что я „крайне счастливъ“, потому что дядя Карлъ привезъ мнѣ увѣреніе, что я увижу здѣсь императора въ будущемъ маѣ. Онъ сообразитъ свою поѣздку съ посѣщеніемъ вѣнской всемірной выставки и, конечно, будетъ чувствовать себя здѣсь, какъ дома. Да, онъ дома здѣсь, въ этихъ покояхъ! У меня вездѣ по близости его портреты. Посмотрите тутъ: это еще принцъ Вильгельмъ, въ мундирѣ гвардейской кавалеріи померанскаго ландвера, тамъ—новѣйшій портретъ шефа моего драгунскаго полка, а далѣе, въ Знаменной залѣ—онъ же, на большой картинѣ парада въ Потсдамѣ“.

Въ Георгіевъ день Императоры русскій и германскій обмѣнялись слѣдующими телеграммами: „Благоволите принять поздравленіе всѣхъ кавалеровъ св. Георгія съ орденскимъ праздникомъ, на которомъ мы были бы счастливы видѣть васъ присутствующимъ. Присутствіе Карла—большая радость для меня. Я позволилъ себѣ назначить его, какъ инспектора артиллеріи, шефомъ нашей артиллерійской бригады гренадерскаго корпуса. Съ гордостью ношу, вотъ уже три года, вашъ голубой крестъ, который врученъ былъ мнѣ, отъ вашего имени, несчастнымъ Альбрехтомъ—(принцъ этотъ скончался лѣтомъ 1872 года)—въ нынѣшній день, *Александръ*“. На депешу послѣдовалъ отвѣтъ изъ Берлина: „Благодарю васъ отъ души за вашу дорогую телеграмму и за новую милость, которую вы соблаговолили оказать Карлу, столь же осчастливленному ею, сколько и признательному за нее. У меня тяжело на сердцѣ отъ того, что не могу быть въ Петербургѣ въ настоящій день. Я уже получилъ телеграмму отъ Орденскаго полка, на которую отвѣчалъ тотчасъ же. Спасибо за воспоминаніе объ Альбрехтѣ. *Вильгельмъ*“.

Вильгельмъ I сдержалъ обѣщаніе и весною 1873 года посѣтилъ царственнаго племянника въ Петербургѣ. Императору германскому былъ оказанъ столь же торжественный, сколько и радушный пріемъ. 14-го апрѣля Государь встрѣтилъ его въ Гатчинѣ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями Константиномъ и Михаиломъ Николаевичами. Въ Петербургѣ, на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги, ждалъ его, во главѣ войскъ гвардіи, Великій Князь Николай Николаевичъ; въ Зимнемъ дворцѣ—всѣ прочіе члены Императорскаго дома. Императрица Марія Александровна отсутствовала. Болѣзненное состояніе вынудило Ея Величество, еще въ началѣ марта, отправиться съ Августѣйшею дочерью въ Сорренто.

Въ Вержболовѣ почетный караулъ со знаменемъ былъ отъ Кексгольмскаго гренадерскаго, короля Фридриха-Вильгельма III прусскаго, полка; въ Гатчинѣ—отъ драгунскаго полка Военнаго Ордена; на вокзалѣ въ Петербургѣ—отъ Калужскаго полка. Всѣ эти полки, коихъ Августѣйшій гость состоялъ шефомъ, были, къ его пріѣзду, вызваны въ Петербургъ и, вмѣстѣ съ гвардіею, расположены шпалерами по пути, отъ вокзала до Зимняго дворца, подъ общимъ начальствомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Во дворцѣ почетный караулъ былъ отъ 1-й роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Несмѣтная толпа народа наполняла площадь передъ дворцомъ. Она оглашала ее кликами „ура!“ при проѣздѣ Ихъ Величествъ, а также, когда оба Императора появились на дворцовомъ балконѣ.

Первый выѣздъ императора Вильгельма на слѣдующій день, 16-го апрѣля, былъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ онъ поклонился гробницамъ Николая I и любимой сестры своей, Императрицы Александры Ѳеодоровны. Поутру онъ принималъ фельдмаршаловъ князя Барятинскаго и графа Берга, ординарцевъ отъ шефскихъ полковъ; обѣдалъ въ Аничковомъ дворцѣ у Наслѣдника Цесаревича. Въ этотъ день Государь посѣтилъ, находившихся въ свитѣ императора германскаго, князя Бисмарка и графа Мольтке.

17-го апрѣля, въ день рожденія Госу-

даря, императоръ Вильгельмъ, въ мундирѣ гренадерскаго Кекгольмскаго прусскаго полка и съ георгіевской лентой, присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи въ большой церкви Зимняго дворца. Послѣ завтрака, на дворцовой площадкѣ, происходилъ разводъ съ церемоніей отъ Прусскаго полка, вслѣдъ затѣмъ, императоръ германскій принималъ членовъ дипломатическаго корпуса. Обѣдъ былъ на половинѣ императора Вильгельма.

Послѣ обѣда, предъ дворцомъ собрались соединенные оркестры всѣхъ гвардейскихъ полковъ, въ числѣ 1.300 музыкантовъ и 480 барабанщиковъ. Они исполнили нѣсколько музыкальныхъ пьесъ, причемъ русскія военныя и народныя мелодіи смѣнялись прусскими. Пять электрическихъ солнцъ освѣщали исполнителей и, наводнявшую площадь, несмѣтную толпу.

18-го апрѣля, принимая адресъ отъ депутаціи проживающихъ въ Петербургѣ германскихъ подданныхъ, императоръ Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой, выставилъ на видъ великое историческое значеніе совершившагося объединенія Германіи. Въ тотъ же день происходилъ смотръ императорскихъ конюшенъ и обѣдъ на собственной половинѣ Его Величества, къ коему приглашены были свита германскаго императора и члены нѣмецкаго посольства. День заключился баломъ въ Эрмитажѣ.

19-го апрѣля императоръ Вильгельмъ посѣтилъ инженерныя академію и училище и разсматривалъ въ музеѣ ихъ модели нашихъ крѣпостей. „Высокій гость русскаго Государя", повѣствуетъ біографъ графа Тотлебена, „обратилъ особенное вниманіе на прекрасную модель Севастопольской осады. По желанію Императора Александра, Тотлебенъ дѣлалъ необходимыя поясненія, которыя въ отношеніи къ Севастополю превратились въ лекцію, продолжавшуюся полтора часа времени. Императоръ Вильгельмъ съ величайшимъ вниманіемъ, стоя, выслушалъ импровизацію защитника Севастополя, и разставаясь съ нимъ, выразилъ Тотлебену полнѣйшее удовольствіе, пожаловавъ ему, въ знакъ признательности, орденъ pour le mérite". Оба Императора обѣдали у Великаго Князя Михаила Николаевича, а вечеръ провели на балѣ, данномъ с.-петербургскимъ дворянствомъ въ залѣ своего собранія, въ честь Августѣйшаго гостя.

20-го апрѣля происходилъ большой парадъ на Царицыномъ лугу. Послѣ парада Императоры и всѣ члены царствующаго дома, а изъ нѣмецкихъ гостей—Бисмаркъ, Мольтке и Рейссъ, завтракали у принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Одновременно былъ предложенъ завтракъ и 500 воспитанницамъ женскихъ институтовъ, смотрѣвшихъ на парадъ изъ дома Его Высочества. Вечеромъ, въ Большомъ театрѣ, состоялся парадный спектакль для приглашенныхъ.

21-го апрѣля, въ день, посвященный воспоминанію о покойной Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, утромъ была панихида въ Петропавловскомъ соборѣ у гробницы Государыни, а въ четыре часа, Ихъ Величества, въ сопровожденіи избранной свиты, отбыли въ Царское Село. Тамъ императоръ Вильгельмъ посѣтилъ, прежде всего, покои въ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ провела послѣдніе дни жизни и скончалась любимая сестра его. По осмотрѣ затѣмъ арсенала, обѣдъ былъ поданъ въ Большомъ дворцѣ. Къ вечеру Высочайшіе гости возвратились въ столицу.

Въ воскресенье, 22-го апрѣля, германскій императоръ присутствовалъ при богослуженіи въ лютеранской церкви св. Петра, затѣмъ—при разводѣ отъ Калужскаго, имени своего, полка, наконецъ, въ большомъ утреннемъ концертѣ въ Дворянскомъ собраніи, данномъ въ пользу с.-петербургскаго нѣмецкаго благотворительнаго общества. Въ 6 часовъ, въ Николаевской залѣ Зимняго дворца состоялся парадный обѣдъ на 636 приглашенныхъ. За этимъ обѣдомъ Государь произнесъ слѣдующій тостъ на французскомъ языкѣ: „Здоровье его величества императора и короля Вильгельма, моего лучшаго друга! Въ дружбѣ, насъ соединяющей, которую мы унаслѣдовали отъ нашихъ родителей и которую, надѣюсь, передадимъ нашимъ дѣтямъ, я усматриваю для Европы лучшій залогъ мира, въ коемъ всѣ нуждаются и котораго всѣ желаютъ. Да сохранитъ Господь его величество еще на многія лѣта и да дастъ ему наслаждаться въ мирѣ и спокойствіи его успѣхами и славой. Таковы искреннѣйшія желанія моего сердца!" Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ, также по-французски: „Августѣйшія слова, которыя Ва-

ше Величество изволили произнести, останутся навсегда запечатлѣнными въ моемъ, глубоко тронутомъ и признательномъ, сердцѣ. Эта признательность относится равномѣрно къ дружескому пріему, сдѣланному мнѣ лично вами и встрѣченному мною въ вашемъ государствѣ. Чувства и желанія, Вашимъ Величествомъ выраженныя, суть также и мои. Да услышитъ ихъ Всевышній для благоденствія нашихъ народовъ и для упроченія европейскаго мира!"

23-го апрѣля, въ день тезоименитства Великой Княгини Александры Петровны, оба Императора завтракали у Великаго Князя Николая Николаевича, обѣдали въ Зимнемъ дворцѣ. День заключился баломъ у Цесаревича и Цесаревны.

24-го апрѣля Августѣйшій гость осматривалъ Эрмитажъ и особенное вниманіе обратилъ на музей Керченскихъ древностей. Въ два часа, на Царицыномъ лугу происходило, въ его присутствіи, ученье 1-го батальона л.-гв. Семеновскаго полка и драгунъ Военнаго Ордена. Обѣдали оба Императора въ Михайловскомъ дворцѣ, у Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Въ этотъ день, по первоначальной программѣ, долженъ былъ состояться отъѣздъ германскаго императора. Но, уступая настояніямъ своего Державнаго племянника и друга, его величество отложилъ его еще на два дня.

25-го апрѣля, Вильгельмъ I воспользовался свободнымъ утромъ, чтобы, въ сопровожденіи посла своего при русскомъ Дворѣ, принца Рейса, совершить прогулку по городу. Онъ присутствовалъ на смотру столичной пожарной команды, произведенномъ на Дворцовой площади, и на ученьи сводной пѣхотной бригады изъ полковъ: Прусскаго и Калужскаго, на Царицыномъ лугу; обѣдалъ въ Мраморномъ дворцѣ у Великаго Князя Константина Николаевича. Въ этотъ день былъ большой балъ въ нѣмецкомъ посольствѣ у князя Рейса, гостями коего были оба Императора и всѣ прочія Высочайшія особы.

26-го апрѣля, послѣ двѣнадцатидневнаго пребыванія въ русской столицѣ, императоръ Вильгельмъ выѣхалъ изъ Петербурга. Государь и всѣ Великіе Князья провожали его до Гатчины. Тамъ, послѣ обѣда во дворцѣ, въ четыре часа пополудни, произошла, на вокзалѣ желѣзной дороги, трогательная сцена разставанья. Монархи нѣсколько разъ поцѣловались и обнялись, потомъ — какъ разсказываетъ свидѣтель, — императоръ германскій, съ наклоненною головою, съ растроганнымъ лицомъ, быстрыми шагами направился къ вагону, не оборачиваясь.

Не одинъ старецъ-императоръ показывалъ себя глубоко тронутымъ торжественностью и задушевностью пріема. По общему свидѣтельству очевидцевъ, никогда князь Бисмаркъ не обнаруживалъ болѣе чарующей любезности, чѣмъ во дни, проведенные имъ въ Петербургѣ, въ 1873 году. „Насколько извѣстно", пишетъ одинъ изъ біографовъ нѣмецкаго канцлера, „во все время этого пребыванія вовсе не было рѣчи о политикѣ; даже въ обращеніи съ княземъ Горчаковымъ, князь Бисмаркъ являлся болѣе старымъ и близкимъ знакомымъ петербургскаго общества, человѣкомъ, постоянно удостоеннымъ особой милости и благоволенія Царя, чѣмъ чужестраннымъ министромъ. Благодаря памяти, приводившей всѣхъ въ изумленіе, бывшій прусскій посланникъ припоминалъ тысячу происшествій, большихъ и малыхъ, случившихся въ продолженіе годовъ, проведенныхъ вмѣстѣ; не только чиновники посольства, но всѣ лица, важныя и неважныя, съ коими онъ находился въ сношеніяхъ въ періодъ съ 1859 по 1862 годъ, были узнаны имъ, и онъ привѣтствовалъ ихъ и напоминалъ имъ о былomъ человѣкѣ, который съ тѣхъ поръ преобразилъ міръ".

Хотя посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ его царственнаго друга и племянника и носило преимущественно родственный и семейный отпечатокъ, но событію этому нельзя отказать и въ важномъ политическомъ значеніи, такъ какъ оно знаменовало высшую степень проявленія дружбы, около столѣтія связывавшей Государей Россіи и Пруссіи. Такое именно значеніе придавали событію въ Европѣ. Такъ оцѣнивалъ его и полу-оффиціальный органъ нѣмецкаго канцлера, берлинская „Provinzial-Correspondenz": „Общность взглядовъ, создавшая союзъ Пруссіи и Россіи въ 1863 году, во время польскаго возстанія, была исходною точкою той нынѣшней политики обоихъ государствъ, которая, по поводу великихъ событій послѣднихъ лѣтъ, проявила свое могущество. Начиная отъ поведенія Россіи въ Шлезвигъ-Голштин-

скомъ вопросѣ и до важныхъ доказательствъ сочувствія, данныхъ Императоромъ Александромъ Германіи въ продолженіе послѣдней войны, все содѣйствовало тому, что означенный союзъ сталъ крѣпче прежняго". Еще опредѣленнѣе высказался въ томъ же смыслѣ самъ князь Бисмаркъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга повторившій многимъ изъ своихъ русскихъ друзей и знакомыхъ слѣдующія знаменательныя слова: *„Если бы я могъ только допустить мысль, что стану когда-нибудь враждебно относиться къ Императору и къ Россіи, то я почелъ бы себя измѣнникомъ* (Si j'admettais seulement la pensée d'être jamais hostile à l'Empereur et à la Russie, je me considèrerais comme un traître).

Нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ германскаго императора, въ Петербургъ прибылъ шахъ персидскій и провелъ здѣсь пять дней. Проводивъ его, Императоръ Александръ самъ отправился въ Вѣну, отвѣчая на приглашеніе императора Франца-Іосифа посѣтить вѣнскую всемірную выставку. Его Величеству сопутствовали Цесаревичъ, Цесаревна и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, а кромѣ обычной свиты—канцлеръ князь Горчаковъ. Государь оставался въ австрійской столицѣ цѣлую недѣлю—съ 20-го по 27-е мая—причемъ въ честь его, при Дворѣ и въ вѣнскомъ обществѣ, данъ былъ рядъ блестящихъ празднествъ. Изъ Вѣны Александръ Николаевичъ, чрезъ Штутгартъ, поѣхалъ въ Эмсъ, гдѣ съѣхался съ возвратившеюся изъ южной Италіи, Августѣйшею супругою. Въ замкѣ Югенгеймѣ, 29-го іюня, состоялась помолвка Великой Княжны Маріи Александровны со вторымъ сыномъ королевы великобританской, принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ.

На возвратномъ пути въ Россію, въ Варшавѣ, присоединился къ царскому поѣзду дядя императора Франца-Іосифа, генералъ-инспекторъ австро-венгерской арміи, фельдмаршалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, ѣхавшій для присутствованія на Красносельскихъ маневрахъ. Государь пожаловалъ по этому случаю побѣдителю при Кустоцѣ орденъ св. Георгія 1-й степени.

Осень Ихъ Величества, по обыкновенію, провели въ Ливадіи. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, 24-го ноября, состоялось въ его присутствіи торжественное освященіе памятника, воздвигнутаго Императрицѣ Екатеринѣ II на площади Александринскаго театра.

1873 годъ заключился знаменательнымъ рескриптомъ Императора Александра министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, возлагавшимъ на дворянство ближайшее наблюденіе за народнымъ образованіемъ. „Въ постоянныхъ заботахъ моихъ о благѣ моего народа", писалъ Государь, „я обращаю особенное мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, я утвердилъ, въ 1871 и 1872 годахъ, составленный, согласно съ такими моими видами, уставъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное, общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ—приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благого просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, я повелѣлъ учредить институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое, вслѣдствіе сего, значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніи, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова, съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга. Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклониться отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ,

собралась, крѣпла и возвеличилась Россія. Какъ лицо, призванное моимъ довѣріемъ къ осуществленію моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда васъ отличавшее рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе. Дѣло народнаго образованія, въ духѣ религіи и нравственности, есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить, не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ мое довѣріе, я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію".

Со всѣхъ концовъ Россіи дворянство, въ рядѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, съ единодушнымъ одушевленіемъ откликнулось на царскій призывъ, выражая благодарность за оказанное ему довѣріе и готовность исполнить Высочайшую волю. „Исторія русскаго дворянства", писали въ адресѣ своемъ дворяне московскіе, „свидѣтельствуетъ, что не вещественно выгодныя сословныя льготы, нынѣ упраздняемыя великими преобразованіями Вашего Императорскаго Величества, но дарованное ему грамотою Екатерины II, значеніе дворянство ставитъ выше всего".

1-го января 1874 года обнародованъ манифестъ о введеніи въ Россіи всеобщей воинской повинности. Начинался онъ слѣдующими словами: „Въ постоянной заботливости о благѣ нашей Имперіи и дарованіи ей лучшихъ учрежденій, мы не могли не обратить вниманія на существовавшій до сего времени порядокъ отправленія воинской повинности. По дѣйствовавшимъ донынѣ узаконеніямъ, повинность эта возлагалась лишь на мѣщанъ и крестьянъ и значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ обязанности, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна. Такой порядокъ, сложившійся при иныхъ обстоятельствахъ, не согласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта, не удовлетворяетъ и настоящимъ военнымъ требованіямъ. Новѣйшія событія доказали, что сила государства, не въ одной численности войска, но преимущественно, въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединяются на это святое дѣло". Манифестъ излагалъ исторію совершившагося преобразованія, къ разработкѣ котораго приступлено въ 1870 году, и упоминалъ съ признательностью о сочувственномъ откликѣ дворянства и другихъ, не подлежавшихъ рекрутству, сословій, выразившихъ радостное желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ тягости обязательной военной службы. „Мы приняли эти заявленія", свидѣтельствовалъ Государь, „съ отраднымъ чувствомъ гордости и благоговѣйною признательностью къ Провидѣнію, вручившему намъ скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ Отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее, достояніе всѣхъ сословій". Перечисливъ главныя основанія новаго устава, привлекающаго къ участію въ отправленіи воинской повинности все мужское населеніе Имперіи, безъ допущенія денежнаго выкупа или замѣны охотниками, по жеребью, опредѣляющему разъ навсегда, кто обязанъ идти на дѣйствительную службу и кто отъ нея свободенъ,—манифестъ заключался такъ: „Утвердивъ, составленный, согласно съ сими основаніями, Уставъ о воинской повинности и призы-

вая подданныхъ нашихъ, именемъ дорогой всѣмъ намъ Отчизны, къ ревностному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все наше царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы и лучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ намъ отъ Бога, почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія. Устройство могущественной военной силы не остановитъ и не замедлитъ этого развитія; оно, напротивъ, обезпечитъ правильный и непрерывный ходъ онаго, ограждая безопасность государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствіе. Даруемыя же нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ народѣ нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія".

Всѣ подготовительныя мѣры къ немедленному введенію въ дѣйствіе новаго Устава о воинской повинности были приняты заблаговременно, и первый призывъ новобранцевъ, на основаніи этого Устава, состоялся осенью того же 1874 года.

11-го января совершено бракосочетаніе дочери Императора, Великой Княжны Маріи Александровны, съ герцогомъ Эдинбургскимъ, въ присутствіи Августѣйшихъ родителей и всѣхъ членовъ Царской семьи, а также прибывшихъ къ этому дню, братьевъ жениха, принца Валлійскаго и принца Артура. Послѣ совершенія обряда, Государь съ новобрачными съѣздилъ въ Москву, но остался тамъ всего лишь три дня, спѣша возвратиться въ Петербургъ, чтобы принять императора австрійскаго, впервые посѣщавшаго сѣверную русскую столицу.

Императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ въ Петербургъ 1-го февраля, въ сопровожденіи своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Андраши, и провелъ тамъ одиннадцать дней. Въ честь его состоялся, при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ, рядъ празднествъ, независимо отъ военныхъ торжествъ. На парадномъ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, происходившемъ 3-го февраля, Государь въ слѣдующихъ словахъ привѣтствовалъ своего Августѣйшаго гостя: „Пью за здоровье друга моего, императора Франца-Іосифа, котораго мы радуемся видѣть посреди насъ. Въ дружбѣ, связывающей насъ обоихъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ королевой Викторіей, усматриваю я самый вѣрный залогъ мира въ Европѣ, столь всѣми желаемаго и для всѣхъ необходимаго". Императоръ австрійскій отвѣчалъ: „Преисполненный благодарности за дружескій пріемъ, здѣсь мною встрѣченный, и искренно раздѣляя убѣжденія и чувства, только что выраженныя Августѣйшимъ другомъ моимъ, я пью за здоровье Его Величества Императора, Ея Величества Императрицы и всего Августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними благословеніе Божіе!"

Проведя въ Петербургѣ день своего рожденія, Императоръ Александръ, 19-го апрѣля, выѣхалъ заграницу. Въ Берлинѣ, въ присутствіи его, состоялось обрученіе второго его сына, Великаго Князя Владиміра Александровича, съ принцессою Маріею Мекленбургъ-Шверинскою, а въ Штутгартѣ—бракосочетаніе племянницы, Великой Княжны Вѣры Константиновны, съ герцогомъ Вильгельмомъ Виртембергскимъ. Посѣтивъ въ Амстердамѣ короля нидерландскаго, по случаю двадцатипятилѣтія со дня его свадьбы, Государь спѣшилъ въ Англію, чтобы быть свидѣтелемъ супружескаго счастія любимой дочери. Его Величество отплылъ изъ Флиссингена 1-го мая, и въ тотъ же день высадился на берегъ въ Дуврѣ, а къ вечеру прибылъ въ Виндзорскій замокъ. Тамъ, и въ Лондонѣ, въ Букингамскомъ дворцѣ, Государь оставался цѣлые девять дней, чествуемый въ семейномъ королевскомъ кругу, при Дворѣ и въ обществѣ, какъ дорогой и желанный гость. При пріемѣ дипломатическаго корпуса, онъ выразился, что политика Россіи заключается въ сохраненіи мира на материкѣ Европы и что онъ надѣется, что европейскія правительства соединятся между собою для этой общей цѣли; а на завтракѣ, данномъ въ честь его лондонскимъ лордъ-мэромъ въ Гильдголлѣ, благодарилъ за гостепріимный, сердечный пріемъ, оказанный въ Англіи, какъ его Августѣйшей дочери, такъ и ему самому, и выразилъ надежду, что эти заявленія любви со стороны англійскаго народа еще тѣснѣе скрѣпятъ узы дружбы, соединяющія Россію и Великобританію, ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ.

На возвратномъ пути изъ Англіи, Императоръ Александръ навѣстилъ въ Брюсселѣ короля и королеву бельгійцевъ, и четыре недѣли провелъ въ Эмсѣ, куда въ то же время прибылъ для лѣченія императоръ Вильгельмъ. Государь съѣхался съ Императрицей въ Югенгеймѣ, гдѣ собрался, по случаю прибытія Августѣйшей невѣсты Великаго Князя Владиміра Александровича, семейный кругъ, въ которомъ принялъ участіе и императоръ германскій. Оттуда Его Величество заѣхалъ въ Веймаръ къ двоюродному брату, великому герцогу, и чрезъ Дрезденъ и Варшаву, 30-го іюня, возвратился въ Царское Село.

Въ продолженіе 1874 года, состоялось нѣсколько важныхъ перемѣнъ въ составѣ высшаго государственнаго управленія. Еще въ предшедшемъ году, по смерти генералъ-адъютанта Зеленаго, преемникомъ ему, въ званіи министра государственныхъ имуществъ, назначенъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, причемъ расширенъ кругъ дѣятельности ввѣреннаго ему министерства включеніемъ въ составъ онаго лѣсного департамента и государственнаго коннозаводства. Въ должности предсѣдателя Комитета Министровъ, умершаго князя П. П. Гагарина замѣстилъ генералъ-адъютантъ П. Н. Игнатьевъ. По смерти графа Берга, упразднена должность намѣстника Царства Польскаго и главнымъ начальникомъ Привислянскаго края опредѣленъ, въ званіи генералъ-губернатора, генералъ-адъютантъ Коцебу. Во главѣ министерства путей сообщенія, управленіе которымъ, по увольненіи въ 1871 году графа Владиміра Алексѣевича Бобринскаго, было ввѣрено графу Алексѣю Павловичу Бобринскому, послѣдняго замѣнилъ вице-адмиралъ Посьетъ. Наконецъ, отправленіе графа Шувалова посломъ въ Лондонъ, повлекло за собою назначеніе шефомъ жандармовъ генералъ-адъютанта Потапова, а генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края—генералъ-адъютанта Альбединскаго. Тогда же упразднена должность новороссійскаго генералъ-губернатора, а два года спустя и должность генералъ-губернатора въ Прибалтійскомъ краѣ.

Вскорѣ по совершившемся 16-го августа, бракосочетаніи Великаго Князя Владиміра Александровича съ Великою Княжною Маріею Павловною, Государь и Императрица отправились въ Ливадію, откуда Ея Величество, сопровождаемая Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, выѣхала въ Англію, чтобы потомъ всю зиму провести въ Санъ-Ремо, близъ Ниццы. Императоръ оставался въ Крыму до половины ноября и вернулся въ столицу къ Георгіевскому празднику.

Между тѣмъ, въ Брюсселѣ собралась, по приглашенію русскаго Двора, международная конференція изъ представителей шести великихъ державъ, а также Бельгіи, Даніи, Испаніи, Греціи, Нидерландовъ, Португаліи, Швейцаріи, Швеціи и Турціи. Предметомъ ея совѣщаній былъ, составленный въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, проектъ конвенціи объ опредѣленіи законовъ и обычаевъ войны, раздѣлявшійся на четыре отдѣла: о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга; о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ; о сношеніяхъ между воюющими сторонами и о репрессаліяхъ. По мысли нашего дипломатическаго вѣдомства, обнимающее эти вопросы соглашеніе между державами, вызванное интересами человѣколюбія, должно было быть дальнѣйшимъ шагомъ по пути, на который вступили онѣ подписаніемъ договоровъ: въ 1864 году, въ Женевѣ, о Красномъ Крестѣ и въ 1868 году, въ С.-Петербургѣ, о разрывныхъ пуляхъ. Но такая попытка обратить въ обязательныя постановленія нѣкоторыя отвлеченныя начала международнаго права не имѣла успѣха. Представители европейскихъ державъ на брюссельской конференціи, въ виду обнаружившихся между ними существенныхъ разногласій, не пришли къ соглашенію и разошлись, подписавъ протоколъ, въ которомъ выразили лишь желаніе, чтобы труды ихъ послужили основаніемъ къ окончательному разрѣшенію ихъ правительствами возбужденныхъ на конференціи вопросовъ. Рѣзкій отказъ Англіи продолжать переговоры по существу предмета, представлявшагося лондонскому Двору, да и многимъ изъ другихъ участвовавшихъ въ брюссельскихъ совѣщаніяхъ державъ, стѣсненіемъ законнаго права обороны государства въ случаѣ непріятельскаго въ него вторженія, положилъ дѣлу конецъ, а предположенная по тѣмъ же вопросамъ вторая конференція въ Петербургѣ—не состоялась.

25-го марта совершилось въ области духовной важное, издавна подготовленное со-

бытіе: возсоединеніе съ православною церковью послѣдней греко-уніатской епархіи въ Россіи—Холмской. Въ день Благовѣщенія, депутація, состоявшая изъ администратора епархіи, протоіерея Поппеля, соборныхъ протоіереевъ и всѣхъ благочинныхъ Люблинской и двухъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерній, а также изъ выборныхъ отъ прихожанъ, вручила императору въ Зимнемъ дворцѣ всеподданнѣйшее о томъ прошеніе и соборное постановленіе епархіальнаго духовенства. „Выслушавъ съ особеннымъ удовольствіемъ", отвѣчалъ Государь, „ваши заявленія, я прежде всего благодарю Бога, котораго благодать внушила вамъ благую мысль возвратиться въ лоно Православной Церкви. Къ ней принадлежали предки ваши и она, въ настоящее время, съ распростертыми объятіями, принимаетъ васъ. Благодарю васъ за то утѣшеніе, которое вы мнѣ доставили, вѣрю вашей искренности, и уповаю на Бога, что Онъ подкрѣпитъ васъ на томъ пути, который вы нынѣ добровольно избрали".

Императоръ Александръ готовился предпринять обычную поѣздку за границу для пользованія водами въ Эмсѣ, когда на долю его выпало выступить рѣшающимъ посредникомъ въ зарождавшейся между Германіею и Франціею, распрѣ и спасти миръ Европы отъ грозившей ему опасности.

Взаимныя отношенія Германіи и Франціи начали обостряться очень скоро по окончаніи франко-нѣмецкой войны. Уже въ 1874 году упоминаніе нѣсколькими французскими епископами, въ окружныхъ посланіяхъ къ своей паствѣ, объ утраченныхъ Франціею Лотарингіи и Эльзасѣ, послужило поводомъ къ грознымъ протестамъ берлинскаго Двора. Но главною причиною его раздраженія была изумительная быстрота, съ которою Франція оправилась отъ своихъ пораженій и возстановила, разгромленныя въ 1870—71 годахъ, военныя свои силы. Весною 1875 года, въ дипломатическихъ кругахъ Берлина и въ оффиціозной нѣмецкой печати усиленныя вооруженія Франціи выдавались за желаніе ея возобновить борьбу съ Германіей, тогда какъ въ Парижѣ подозрѣвали самого князя Бисмарка въ намѣреніи напасть на Францію, прежде, чѣмъ она успѣетъ преобразовать и усилить свою армію и укрѣпить границу. Понятна тревога, возбужденная во французскомъ правительствѣ этими опасеніями. Герцогу Деказу, вскорѣ по избраніи маршала Макъ-Магона президентомъ французской республики занявшему постъ министра иностранныхъ дѣлъ, единственнымъ спасеніемъ представлялось обращеніе къ покровительству русскаго Императора. Въ началѣ апрѣля, возвратившійся изъ отпуска, французскій посолъ въ Петербургѣ, генералъ Лефло, обратилъ вниманіе князя Горчакова на опасность, угрожавшую Франціи изъ Берлина. Канцлеръ отрицалъ предполагаемыя у Бисмарка намѣренія, приписывая толки о войнѣ желанію его повліять на депутатовъ рейхстага съ цѣлью добыть ихъ согласіе на потребованные имперскимъ правительствомъ новые военные кредиты, но въ видѣ заключенія преподалъ такой совѣтъ: „будьте сильны, очень сильны (il faut vous rendre forts, très forts). Тогда посолъ ознакомилъ министра съ полученными французскимъ правительствомъ довѣрительными свѣдѣніями, сводившимися къ тому, что рѣщенное въ Берлинѣ нападеніе на Францію непремѣнно состоится не далѣе, какъ въ слѣдующемъ сентябрѣ, и заключилъ выраженіемъ надежды, что Императоръ Александръ и его канцлеръ не допустятъ до такого насилія, гибельнаго не только для Франціи, но и для всей Европы. Князь Горчаковъ успокоилъ Лефло увѣреніемъ, что Россія сдѣлаетъ все, отъ нея зависящее, чтобы склонить берлинскій Дворъ къ умѣренности и къ миру, и что самъ Государь воспользуется своимъ предстоящимъ проѣздомъ чрезъ Берлинъ, чтобы повліять въ этомъ смыслѣ на императора Вильгельма.

Нѣсколько дней спустя, Императоръ Александръ, принявъ генерала Лефло въ частной аудіенціи, выразилъ ему удовольствіе по поводу состоявшагося принятія французскимъ національнымъ собраніемъ конституціоннаго закона, какъ залога правительственной устойчивости и прочности. Посолъ воспользовался этимъ, чтобы противопоставить успокоенію умовъ во Франціи ту тревогу, что̀ возбуждаютъ въ ней задорныя выходки нѣмецкой дипломатіи и ея руководителя. „Я понимаю эту тревогу", возразилъ Императоръ, „и скорблю о ея причинахъ. Впрочемъ, я убѣжденъ, что Германія далека отъ мысли начать войну и что всѣ эти, достойные сожалѣнія происки Бисмарка суть ничто иное, какъ

хитрость, къ которой онъ прибѣгаетъ, чтобы утвердить власть за собою распространеніемъ вѣры въ свою необходимость, посредствомъ возбужденія призрачныхъ опасностей. Я знаю достовѣрно, что императоръ Вильгельмъ — рѣшительный противникъ всякой новой войны, а еслибъ его не стало, то, я думаю, наслѣдный принцъ воспротивится ей не менѣе отца. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что я, подобно вамъ, желаю мира и что ничѣмъ не пренебрегу для того, чтобы помѣшать его нарушенію". „Франція питаетъ эту надежду, Государь", отвѣчалъ Лефло; „для предотвращенія опасностей, ей угрожающихъ, она разсчитываетъ на могущественное вмѣшательство Вашего Величества, такъ какъ ваше слово пользуется нынѣ такимъ вѣсомъ въ Европѣ". Посолъ прибавилъ, что Россіи дѣлаетъ честь то значеніе, котораго она достигла среди мира, не прибѣгая къ пушечнымъ выстрѣламъ, благодаря единственно мудрости ея правительства и личному характеру Государя, мнѣніе котораго будетъ, конечно, уважено въ Берлинѣ. Императоръ замѣтилъ, что если, французы жалуются на усиленныя воруженія нѣмцевъ, то и нѣмцы имѣютъ основаніе быть недовольными такими же вооруженіями французовъ. Выслушавъ возраженіе посла, что сравненіе это не вполнѣ вѣрно, по той причинѣ, что война только усилила военную мощь Германіи, тогда какъ она совершенно разстроила французскую армію, Его Величество продолжалъ: „Это правда! Я ее вполнѣ признаю и не только не порицаю васъ, но совершенно напротивъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю вамъ опять: нельзя объявить вамъ войны, доколѣ вы сами не подадите къ тому серьезнаго повода, а вы такого не дадите. Если же бы вышло иначе, то-есть, если бы Германія вздумала выступить въ походъ безъ причины или подъ вздорными предлогами, то она поставила бы себя передъ Европою въ то же положеніе, какъ Бонапартъ въ 1870 году, и—заключилъ Императоръ— она сдѣлала бы это на свой рискъ и страхъ. А потому не тревожьтесь, генералъ, и успокойте ваше правительство. Передайте ему мою надежду, что отношенія наши останутся всегда такими же, какъ нынѣ, совершенно искренними (cordiales). Вы знаете, какъ высоко мое уваженіе къ вамъ. Я питаю къ вамъ полное довѣріе и вѣрю всему, что вы мнѣ говорите. Имѣйте же такое же довѣріе ко мнѣ. Интересы нашихъ обоихъ государствъ тождественны, и если,— чему я отказываюсь вѣрить,—настанетъ день, когда вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, то вы узнаете о ней очень скоро, и узнаете—отъ меня".

Что опасенія французскаго правительства не были вполнѣ лишены основанія, въ Петербургѣ убѣдились, когда прибылъ туда одинъ изъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ сотрудниковъ князя Бисмарка, совѣтникъ имперскаго вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, Радовицъ, на котораго возложено было порученіе освѣдомиться подъ рукою, какое положеніе займетъ Россія, въ случаѣ возобновленія враждебныхъ дѣйствій между Германіею и Франціею? Въ бесѣдахъ съ русскими государственными людьми нѣмецкій дипломатъ намекалъ довольно прозрачно, что за дружественный нейтралитетъ Германія согласна отплатить Россіи содѣйствіемъ всѣмъ ея видамъ на Востокѣ. Но внушенія эти остались безъ отголоска. Радовицу дали понять, что русскій Дворъ не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, и на Востокѣ, какъ и на Западѣ, желаетъ лишь одного: мира и соблюденія территоріальнаго status quo, съ возможнымъ лишь облегченіемъ бѣдственной участи христіанскихъ подданныхъ султана.

Между тѣмъ, герцогъ Деказъ, получивъ отъ генерала Лефло донесеніе объ объясненіяхъ его съ княземъ Горчаковымъ и съ самимъ Императоромъ, и ободренный ихъ успѣхомъ, поручилъ послу сдѣлать еще шагъ, съ цѣлью обезпечить Франціи поддержку Россіи, въ случаѣ столкновенія съ Германіею. Онъ сообщилъ ему, что въ Берлинѣ замѣтно нѣкоторое успокоеніе и результатъ этотъ приписывалъ внушеніямъ русскаго Двора. „Отъ Императора Александра", писалъ онъ, „зависитъ довершить и упрочить свое дѣло. Я часто говорилъ вамъ, что въ моихъ глазахъ русскій Императоръ есть верховный хранитель мира вселенной. Въ настоящую минуту онъ можетъ утвердить его надолго, словами, которыя онъ произнесетъ проѣздомъ въ Берлинѣ, и тою энергіею, съ которою выразитъ свою волю не допустить, чтобы миръ этотъ былъ нарушенъ... Если я не успокоенъ въ той мѣрѣ, въ какой желаетъ это и совѣтуетъ князь Горчаковъ, то, конечно, не вслѣдствіе сомнѣнія въ под-

держкѣ, которую окажетъ намъ, противъ гибельныхъ стремленій, его Государь, ни въ рѣшающемъ значеніи его вмѣшательства, лишь бы только оно состоялось вовремя. Но потому именно, что миролюбивая его воля хорошо извѣстна въ Берлинѣ, потому что тамъ хорошо знаютъ, что онъ станетъ энергично протестовать противъ злобныхъ намѣреній,—я и опасаюсь, что они будутъ отъ него тщательно скрыты и что будетъ въ одинъ прекрасный день принято рѣшеніе, которое поставитъ его лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Я потеряю это опасеніе и чувство безопасности, испытываемое мною, будетъ полно, если только Его Величество соблаговолитъ объявить, что онъ почтетъ нечаянность (une surprise) за оскорбленіе, и что онъ не позволитъ совершиться этому беззаконію. Одно это слово утвердитъ миръ вселенной, и слово это будетъ достойно Императора Александра. Что до меня касается, то я не поколеблюсь присовокупить къ тому, что было такъ справедливо сказано вами въ подтвержденіе нашихъ мирныхъ рѣшеній, готовность дать Царю всякое ручательство, какое только онъ признаетъ нужнымъ, противъ какого-либо замысла о нападеніи, противъ малѣйшаго нарушенія всеобщаго мира, въ твердой рѣшимости повергнуть на Августѣйшее его посредничество всякій споръ, который можетъ возникнуть, и такимъ образомъ, поставить подъ охрану его мудрости то успокоеніе сердецъ и интересовъ, которое принято имъ подъ свое достославное покровительство. Его Величество изволилъ вамъ сказать, что въ часъ опасности мы будемъ предупреждены, и предупреждены имъ самимъ. Мы принимаемъ увѣреніе въ томъ съ тѣмъ бо́льшимъ довѣріемъ, что въ этотъ день мы обратимся къ его заботливости. Но, если Императоръ не будетъ самъ предувѣдомленъ заранѣе, то онъ соблаговолитъ признать, что и онъ явится обманутымъ и застигнутымъ врасплохъ; что онъ, такимъ образомъ окажется невольнымъ сообщникомъ западни, намъ поставленной. А потому я питаю вѣру, что онъ отомститъ за оскорбленіе, ставшее для него личнымъ, и защититъ своимъ мечомъ тѣхъ, которые положились на его поддержку".

Письмо герцога Деказа, съ многочисленными приложеніями, было сообщено въ подлинникѣ генераломъ Лефло князю Горчакову, который тотчасъ же довелъ его до свѣдѣнія Государя. На другой день канцлеръ возвратилъ его послу при слѣдующей запискѣ: „Императоръ вручилъ мнѣ самъ приложенныя бумаги и поручилъ благодарить васъ за этотъ знакъ довѣрія. Его Величество присовокупилъ, что подтверждаетъ все сказанное имъ вамъ на словахъ".

Тотчасъ было послано русскому послу въ Лондонѣ приказаніе условиться съ великобританскимъ Дворомъ объ общихъ мѣрахъ къ поддержанію мира. Встрѣтясь съ французскимъ посломъ на разводѣ, за два дня до своего отъѣзда за границу, Императоръ Александръ повторилъ ему выраженіе благодарности за выказанное ему довѣріе, похвалилъ умѣренность и благоразуміе французской дипломатіи въ виду нѣмецкихъ придирокъ, и заключилъ такъ: „Все это, надѣюсь, уладится. Во всякомъ случаѣ, вы знаете, что я вамъ сказалъ: я этого не забуду и сдержу обѣщаніе".

26-го апрѣля Государь выѣхалъ изъ Царскаго Села и остановился на два дня въ Берлинѣ. Въ разговорахъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ Бисмаркомъ онъ категорически заявилъ, что заботы Франціи о своей безопасности не могутъ служить поводомъ къ нападенію на нее. Старецъ-императоръ поспѣшилъ отвѣтить, что и не помышляетъ о нарушеніи мира, а Бисмаркъ свалилъ вину на Мольтке и на военную партію. Какъ бы то ни было, князь Горчаковъ могъ телеграфировать изъ Берлина русскимъ представителямъ при иностранныхъ Дворахъ: „Отнынѣ миръ обезпеченъ!"

Узнавъ о содержаніи этой циркулярной телеграммы, князь Бисмаркъ не сдержалъ предъ русскимъ канцлеромъ выраженія своей досады. Онъ старался увѣрить его, что никогда миру и не грозила опасность со стороны Германіи, что убѣжденіе въ противномъ свидѣтельствуетъ лишь о впечатлительности французовъ и о пылкомъ ихъ воображеніи, но тутъ же прибавилъ: „Вы, конечно, не будете имѣть повода радоваться тому, что рисковали потерять нашу дружбу ради пустого удовлетворенія собственнаго тщеславія. Скажу вамъ открыто: я добрый другъ моихъ друзей и врагъ моихъ враговъ". За то Деказъ писалъ къ Лефло въ Петербургъ: „Въ пер-

вый разъ за послѣднія шесть лѣтъ Европа пробудилась. Послушная голосу Россіи, она заявила о себѣ въ общемъ соглашеніи, и заявленіе это было рѣшающимъ... Успокоенные на счетъ настоящаго, мы можемъ, кажется, взирать на будущее съ нѣкоторымъ довѣріемъ. Императоръ Александръ заставитъ уважать свое дѣло, и Европа пріучилась уже слѣдовать за нимъ".

Личная размолвка Горчакова съ Бисмаркомъ не отразилась на взаимныхъ отношеніяхъ Императоровъ Александра и Вильгельма. Дядя навѣстилъ племянника во время пребыванія его въ Эмсѣ, а на возвратномъ пути въ Россію встрѣтилъ русскаго Государя въ Эгерѣ и проводилъ его до границы Саксоніи—императоръ Францъ-Іосифъ. Лѣто Александръ Николаевичъ провелъ въ Петергофѣ и въ Красносельскомъ лагерѣ, осень—въ Ливадіи, и вмѣстѣ съ Императрицею, къ концу ноября, возвратился въ Петербургъ.

XVI.

Завоеваніе Средней Азіи.

1864—1881.

Въ тотъ самый годъ, когда громы войны умолкли на покоренномъ Кавказѣ, началось поступательное движеніе Россіи въ глубь Средней Азіи, приведшее къ распространенію русскаго владычества на обширное пространство къ востоку отъ Каспійскаго моря, вплоть до вершинъ Тянь-Шаня и до подножія Гималайскаго хребта.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая, съ занятіемъ Заилійскаго края и съ учрежденіемъ Сыръ-Дарьинской линіи, укрѣпленіе Вѣрное, со стороны Сибири, и фортъ Перовскій, со стороны Оренбурга, были конечными точками русскаго военнаго господства въ Средней Азіи. По вступленіи Императора Александра на Престолъ, признано было необходимымъ соединить ихъ новою кордонною линіею, которая обезпечила бы наши предѣлы отъ вторженія дикихъ кочевниковъ и отъ нападеній со стороны средне-азіятскихъ ханствъ—Хивы, Бухары и Кокана. Съ этою цѣлью, въ маѣ 1864 года, два отряда выступили на соединеніе одинъ съ другимъ, первый, въ 2.500 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Черняева, изъ Вѣрнаго, второй—въ 1.500 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Веревкина, изъ форта Перовскій. Черняевъ занялъ съ бою коканскую крѣпость Ауліе-Ата, Веревкинъ—городъ Туркестанъ, послѣ чего оба отряда поступили подъ начальство Черняева, который двинулся съ ними къ Чемкенту и 22-го сентября взялъ его приступомъ. Первоначальная цѣль экспедиціи была достигнута. Учрежденная тогда же Ново-Коканская линія связала конечные пункты русскихъ владѣній на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ Заилійскомъ краѣ. Произведенный въ генералъ-маіоры, Черняевъ назначенъ начальникомъ ея, съ подчиненіемъ генералъ-губернатору Западной Сибири.

Объ этихъ движеніяхъ русскихъ войскъ въ Средней Азіи вице-канцлеръ князь Горчаковъ довелъ до свѣдѣнія иностранныхъ державъ пространнымъ циркуляромъ, въ которомъ объяснялъ, какъ вызвавшія ихъ причины, такъ и предѣлы, коими предполагалось ихъ ограничить. „Положеніе Россіи въ Средней Азіи", писалъ онъ, „одинаково съ положеніемъ всѣхъ образованныхъ государствъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ народами полудикими, бродячими, безъ твердой общественной организаціи. Въ подобномъ случаѣ интересы безопасности границъ и торговыхъ сношеній всегда требуютъ, чтобы болѣе образованное государство имѣло извѣстную власть надъ сосѣдями, которыхъ дикіе и буйные нравы дѣлаютъ весьма неудобными. Оно начинаетъ прежде всего съ обузданія набѣговъ и грабительствъ. Дабы положить имъ предѣлъ, оно бываетъ вынуждено привести сосѣдніе народцы къ болѣе или менѣе близкому подчиненію. По достиженіи этого результата, эти послѣдніе пріобрѣтаютъ болѣе спокойныя привычки, но, въ свою очередь, они подвергаются нападеніямъ болѣе отдаленныхъ племенъ. Государство обязано защищать ихъ отъ этихъ грабительствъ и наказывать тѣхъ, кто ихъ совершаетъ. Отсюда необходимость далекихъ, продолжительнѣйшихъ, періодическихъ экспедицій противъ врага, котораго общественное устройство дѣлаетъ неуловимымъ. Если государство ограничится наказаніемъ хищниковъ и потомъ удалится, то урокъ скоро забудется; удаленіе будетъ приписано слабости; азіятскіе народы, по преимуществу, уважаютъ только видимую и осязательную силу; нравственная си-

ла ума и интересовъ образованія еще нисколько не дѣйствуетъ на нихъ. Поэтому, работа должна начинаться постоянно снова. Чтобы быстро прекратить эти постоянные безпорядки, устраиваютъ среди враждебнаго населенія нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, надъ нимъ проявляютъ власть, которая мало-по-малу приводитъ его къ болѣе или менѣе насильственному подчиненію. Но за этою второю миссіею, другіе, еще болѣе отдаленные, народы скоро начинаютъ представлять такія же опасности и вызывать тѣ же мѣры обузданія. Такимъ образомъ, государство должно рѣшиться на что-нибудь одно: или отказаться отъ этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянныя неурядицы, дѣлающія невозможнымъ тамъ благосостояніе, безопасность и просвѣщеніе, или же, все болѣе и болѣе подвигаться въ глубь дикихъ странъ, гдѣ разстоянія съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ увеличиваютъ затрудненія и тягости, которымъ оно подвергается. Такова была участь всѣхъ государствъ, поставленныхъ въ тѣ же условія. Соединенные Штаты въ Америкѣ, Франція въ Африкѣ, Голландія въ своихъ колоніяхъ, Англія въ Остъ-Индіи,—всѣ неизбѣжно увлекались на путь движенія впередъ, въ которомъ менѣе честолюбія, чѣмъ крайней необходимости, и гдѣ величайшая трудность состоитъ въ умѣніи остановиться".

Изложивъ эти общія соображенія, князь Горчаковъ заявлялъ, что ни то, ни другое изъ приведенныхъ рѣшеній не отвѣчаетъ цѣли, которую предначерталъ себѣ Императоръ Александръ, и которая „состоитъ не въ томъ, чтобы расширить, внѣ всякой разумной мѣры, границы земель, подчиненныхъ его скипетру, но утвердить въ нихъ свою власть на прочныхъ основаніяхъ, обезпечить ихъ безопасность и развить въ нихъ общественное устройство, торговлю, благосостояніе и цивилизацію". Вслѣдствіе сего рѣшено устройство кордонной линіи, связывающей линіи Оренбургскую и Сибирскую, и притомъ такъ, чтобы она была расположена въ мѣстности довольно плодородной, дабы не только обезпечить ея продовольствіе, но и облегчить правильное ея заселеніе, и, наконецъ, „опредѣлить эту линію окончательнымъ образомъ, чтобы избѣжать, опасныхъ и почти неизбѣжныхъ увлеченій, которыя могли бы, отъ возмездія къ возмездію, привести къ безграничному расширенію". Циркуляръ заключался увѣреніемъ, что Россія не намѣрена переступать за Чемкентъ, долженствовавшій служить военнымъ и административнымъ центромъ вновь пріобрѣтеннаго Зачуйскаго края.

Соотвѣтственно этому рѣшенію, генералу Черняеву послано приказаніе прекратить дальнѣйшее наступленіе. Между тѣмъ, занятіе русскими войсками цѣлой области, принадлежавшей Кокану, вызвало сильное волненіе какъ въ этомъ ханствѣ, такъ и въ сопредѣльной Бухарѣ. Ссылаясь на сосредоточеніе въ Ташкентѣ значительныхъ коканскихъ силъ, угрожавшихъ нашимъ пріобрѣтеніямъ, и на необходимость предупредить ихъ нападеніе, Черняевъ, еще осенью 1864 года пытавшійся овладѣть Ташкентомъ, но безуспѣшно, весною 1865 года двинулся къ этому городу, подъ стѣнами его разбилъ многочисленное коканское войско и самый Ташкентъ взялъ приступомъ, 17-го іюля. Извѣстіе о томъ дошло въ Петербургъ, когда уже было видоизмѣнено первоначальное устройство нашихъ новыхъ средне-азіятскихъ владѣній. Все пространство отъ Аральскаго моря до озера Иссыкъ-Куля, занятое въ предшедшемъ году, соединено въ одну область, получившую названіе Туркестанской, управленіе которою ввѣрено военному губернатору — званіе это получилъ Черняевъ — подчиненному, какъ въ военномъ, такъ и гражданскомъ отношеніи, оренбургскому генералъ-губернатору и командующему войсками Оренбургскаго военнаго округа.

Въ сентябрѣ 1865 года, оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій, самъ отправился въ Ташкентъ, жители котораго просили о принятіи ихъ въ подданство русскаго Царя. Согласно съ рѣшеніемъ, постановленнымъ въ Петербургѣ, Крыжановскій объявилъ имъ, что желаніе это не можетъ быть исполнено и что городъ ихъ имѣетъ образовать отдѣльное владѣніе, подъ покровительствомъ Россіи, для чего онъ пригласилъ ихъ самимъ избрать себѣ хана. Но предложеніе генералъ-губернатора осталось безъ послѣдствій. По отъѣздѣ Крыжановскаго изъ края, бухарскій эмиръ задержалъ и посадилъ въ тюрьму посольство, отправленное къ нему Черняевымъ, и сталъ собирать войска на сѣверной границѣ ханства. Требованіе объ освобожденіи русскихъ по-

сланцевъ Черняевъ поддержалъ, въ январѣ 1866 года, движеніемъ къ бухарской крѣпости Джизаку, но зимній походъ не увѣнчался успѣхомъ и русскій отрядъ вынужденъ былъ отступить за Сыръ-Дарью.

Когда, весною того же года, генералъ Черняевъ былъ отозванъ и на мѣсто его военнымъ губернаторомъ Туркестанской области назначенъ генералъ Романовскій, нельзя было уже избѣжать войны съ Бухарою. Эмиръ собралъ всѣ свои силы вокругъ Ура-Тюбе и сталъ лагеремъ посреди урочища Ирджаръ, на Сыръ-Дарьѣ, выше Чиназа. Тамъ, 7-го мая, Романовскій, во главѣ трехтысячнаго отряда, аттаковалъ непріятеля, въ десять разъ сильнѣйшаго числомъ, и разбилъ его на голову. Эмиръ и остатки его войска искали спасенія въ бѣгствѣ, въ направленіи къ Джизаку и Самарканду. Романовскій ихъ не преслѣдовалъ, а пошелъ на, занятую бухарцами, коканскую крѣпость Ходжентъ и взялъ ее приступомъ. Послѣдствіемъ этихъ побѣдъ было: поздравленіе, принесенное генералу Романовскому коканскимъ ханомъ Худояромъ, освобожденіе изъ заключенія русскихъ посланцевъ въ Бухарѣ и отправленіе въ Оренбургъ бухарскаго посольства съ мольбою о мирѣ.

Генералъ-адъютантъ Крыжановскій вторично прибылъ въ Ташкентъ, во второй половинѣ августа, чтобы объявить о состоявшемся, между тѣмъ, Высочайшемъ соизволеніи на принятіе этого города въ подданство Россіи. Намѣреніе генералъ-губернатора было отклонить мирныя предложенія Худояръ-хана кокапскаго, который, по положенію своему,—утверждалъ онъ,—долженъ быть вассаломъ Россіи, но неблагопріятный исходъ мирныхъ переговоровъ, веденныхъ имъ съ бухарскимъ посломъ, побудилъ его возобновить военныя дѣйствія съ эмиромъ, чтобы силою оружія принудить его къ заключенію мира съ подчиненіемъ всѣмъ предъявленнымъ къ Бухарѣ требованіямъ. Принявъ лично начальство надъ дѣйствующимъ отрядомъ, Крыжановскій вступилъ въ бухарскія владѣнія и штурмомъ взялъ города Ура-Тюбе и Джизакъ. Въ Петербургѣ сочли, однако, эти дѣйствія нарушеніемъ преподанныхъ ему наставленій и, изъявъ Туркестанскій край изъ подчиненія оренбургскаго генералъ-губернатора, образовали изъ всѣхъ земель, занятыхъ съ 1847 года въ киргизскихъ степяхъ и въ Коканскомъ ханствѣ, туркестанское генералъ-губернаторство, во главѣ котораго поставленъ, съ званіемъ генералъ-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ.

26-го марта 1866 года, Императоръ Александръ принялъ въ Зимнемъ дворцѣ депутацію отъ новоприсоединеннаго края, прибывшую въ столицу для заявленія Бѣлому Царю вѣрноподданническихъ чувствъ. Депутатъ отъ города Туркестана, шейхъ Исламъ, потомокъ султана Азрета, гробница котораго, находящаяся въ этомъ городѣ, считается мусульманскою святынею, поднесъ Его Величеству адресъ отъ жителей области съ выраженіемъ преданности и признательности къ Монарху, принявшему ихъ въ свое подданство. Милостиво выслушавъ адресъ, Государь изъявилъ удовольствіе, что видитъ депутатовъ и что они, какъ новые подданные Россіи, довольны нынѣшнимъ своимъ положеніемъ, причемъ выразилъ надежду, что, со временемъ, положеніе ихъ еще болѣе улучшится. Въ ласковой бесѣдѣ съ депутатами, Его Величество освѣдомлялся о состояніи торговли въ краѣ, о народномъ образованіи, о положеніи мусульманскаго духовенства, и собственноручно роздалъ пожалованные имъ ордена, медали и перстни.

Между тѣмъ, военныя дѣйствія съ Бухарою не прекращались. Лѣтомъ 1867 года, бухарцы аттаковали нашъ передовой отрядъ, выставленный у Яны-Кургана, подъ начальствомъ полковника Абрамова, который въ нѣсколькихъ дѣлахъ нанесъ имъ полное пораженіе. Въ началѣ слѣдующаго, 1868 года, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, прибывъ во ввѣренный ему край, 29-го января заключилъ, въ силу Высочайше данныхъ ему полномочій, миръ съ правителемъ Кокана, признавшимъ за нами всѣ наши завоеванія, но не утвердилъ мирнаго договора, подписаннаго въ Оренбургѣ Крыжановскимъ съ посланцемъ бухарскаго эмира, а предъявилъ послѣднему новыя условія, которыя эмиръ отвергнулъ. Пришлось снова прибѣгнуть къ оружію и въ маѣ 1868 года, Кауфманъ вступилъ въ долину Зеравшана, разбилъ и разсѣялъ бухарскія полчища и занялъ священный городъ Самаркандъ, славный гробницею Тамерлана. Только послѣ ряда проигранныхъ сраженій, завершившихся 2-го іюня рѣшитель-

нымъ пораженіемъ на высотахъ Зирабулака, владѣтель Бухары принялъ предписанный ему миръ. Договоромъ 18-го іюня онъ не только призналъ принадлежность Россіи городовъ и земель, отвоеванныхъ у Кокана, но и уступилъ ей Ура-Тюбе, Джизакъ и весь Зеравшанскій округъ, съ городами Самаркандомъ и Катты-Курганомъ, а также выплатилъ значительную денежную контрибуцію. Какъ Коканъ, такъ и Бухара, предоставили, сверхъ того, русскимъ подданнымъ право свободной торговли въ своихъ владѣніяхъ, обязавшись строго наблюдать за ихъ безопасностью и сохранностью, и не препятствовать сооруженію торговыхъ складовъ, причемъ пошлина съ русскихъ товаровъ опредѣлена неизмѣнно въ $2^1/_2$% съ ихъ стоимости.

Такимъ образомъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, русскому владычеству въ Средней Азіи положено было прочное начало. Новообразованное туркестанское генералъ-губернаторство раздѣлялось на двѣ области—Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую, съ придачею къ нимъ Зеравшанскаго округа и съ военно-административнымъ центромъ въ Ташкентѣ, служившемъ мѣстопребываніемъ главному начальнику края. Бухара и Коканъ вполнѣ подчинились русскому вліянію. Съ другой стороны, въ 1870 году, кавказскія войска заняли, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, полуостровъ Мангишлакъ и основали укрѣпленіе, названное Красноводскомъ. Въ 1871 году, вспыхнувшее въ Западномъ Китаѣ возстаніе дунганей побудило генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана ввести русскій гарнизонъ въ Кульджу. Годъ спустя, онъ вступилъ въ сношенія съ правителемъ Кашгара, Якубъ-бекомъ, и заключилъ съ нимъ выгодный торговый договоръ. Изъ всѣхъ средне-азіятскихъ ханствъ, одна Хива оставалась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи, въ разсчетѣ на безнаказанность, обезпеченную ей недоступностью Хивинскаго оазиса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ песчаными и безводными пустынями.

Быстрые успѣхи Россіи въ Средней Азіи вызвали большую тревогу въ Англіи и опасенія за безопасность ея остъ-индскихъ владѣній. Выразителемъ этихъ опасеній явился сентъ-джемскій кабинетъ, уже въ 1865 году обратившійся къ русскому Двору съ предложеніемъ обмѣняться нотами для выясненія взаимнаго положенія обѣихъ державъ въ Средней Азіи. Предложеніе лорда Росселя было отклонено княземъ Горчаковымъ, но самъ Государь успокоилъ великобританскаго посла увѣреніемъ, что правительство его не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ въ этихъ краяхъ и что объясненія русской дипломатіи въ данномъ вопросѣ вполнѣ свободны отъ оговорокъ и заднихъ мыслей. Но по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась впередъ, росло возбужденіе въ Англіи, и въ 1869 году, подъ впечатлѣніемъ записки, составленной извѣстнымъ знатокомъ индійскихъ дѣлъ, сэръ Генри Раулинсономъ, утверждавшимъ, что если русскіе дойдутъ до Мерва, то въ рукахъ у нихъ окажется ключъ отъ Индіи, англійское правительство возобновило въ Петербургѣ свои запросы и представленія. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, освѣдомился у русскаго посла, нельзя ли, для успокоенія общественнаго мнѣнія въ Англіи и для предупрежденія несогласій или усложненій, условиться о созданіи между обоюдными владѣніями въ этой части Азіи нейтральнаго пояса, „который предохранилъ бы ихъ отъ всякаго случайнаго соприкосновенія“, разумѣя подъ этимъ Афганистанъ. На этотъ разъ предложеніе британскаго министра было принято княземъ Горчаковымъ, поручившимъ барону Бруннову объявить въ Лондонѣ, что оно, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ видамъ и намѣреніямъ Императорскаго кабинета. Приглашая сентъ-джемскій Дворъ отрѣшиться отъ закоренѣлыхъ предубѣжденій противъ Россіи, — „оставимъ“, писалъ канцлеръ, „эти призраки прошлаго, которые должны бы были исчезнуть при свѣтѣ нашего времени!.. Со своей стороны, мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азіи и мы въ правѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу. Но что можетъ смутить разсудокъ, такъ это взаимное недовѣріе!“ Въ заключеніе, Бруннову поручалось повторить англійскому правительству „положительное увѣреніе, что Его Императорское Величество считаетъ Афганистанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія можетъ быть призвана оказывать свое вліяніе, и что никакое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его на-

мѣренія". Тогда же Императоръ Александръ изложилъ великобританскому послу собственный взглядъ на средне-азіятскія дѣла. „Я убѣжденъ", сказалъ Государь сэръ Андрью Буханану, „что правительство ея британскаго величества вѣритъ мнѣ, когда я говорю, что не имѣю честолюбивыхъ замысловъ въ Средней Азіи. Оно должно, по собственному опыту, знать, что положеніе наше въ этихъ земляхъ въ высшей степени затруднительно. Наши дѣйствія не столько зависятъ тамъ отъ нашихъ намѣреній, сколько отъ образа дѣйствій, принятаго въ отношеніи насъ окружающими насъ туземными государствами". Императоръ прибавилъ, что, если, къ несчастію, въ Средней Азіи произойдутъ новыя столкновенія, то не онъ будетъ ихъ виновникомъ.

Но уже согласіе на сдѣланное имъ же самимъ предложеніе не удовлетворяло болѣе лорда Кларендона, объявившаго намъ, что не можетъ считать Афганистанъ нейтральною территоріею, въ виду того, что страна эта не удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ, и предложившаго признать за разграничительную линію, между сферами вліянія Россіи и Англіи, въ Средней Азіи—рѣку Аму-Дарью въ той части, что̀ протекаетъ къ югу отъ Бухары. Русскій Дворъ не согласился на это, по той причинѣ, что Хива лежитъ по ту сторону отъ предложенной Англіею линіи, а признаніе этого ханства нейтральнымъ дозволило бы владѣтелю его безнаказанно продолжать свои набѣги на русскія владѣнія.

Въ сентябрѣ 1869 года, князь Горчаковъ встрѣтился съ лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ, причемъ оба министра обмѣнялись мыслями по средне-азіятскому вопросу. Кларендонъ настаивалъ на необходимости создать между владѣніями двухъ державъ въ Средней Азіи „нейтральную полосу", увѣряя, что собственный опытъ убѣдилъ англійское правительство въ томъ, какъ трудно контролировать въ отдаленныхъ краяхъ дѣйствія военачальниковъ, обуреваемыхъ безмѣрнымъ честолюбіемъ. Съ разсужденіемъ его согласился Горчаковъ, осуждая образъ дѣйствій генерала Черняева, но утверждая, что того же нельзя ожидать отъ вновь назначеннаго генералъ-губернаторомъ Туркестанскаго края, фонъ-Кауфмана. Но все же онъ отвергалъ линію Аму-Дарьи, указывая на то, что владѣнія бухарскаго эмира переходятъ за эту рѣку и что Бухара должна остаться подъ вліяніемъ Россіи. Русскій канцлеръ находилъ, что всѣмъ условіямъ нейтральной полосы какъ нельзя лучше отвѣчаетъ Афганистанъ; но Кларендонъ отрицалъ это, утверждая, напротивъ, что границы Афганистана недостаточно опредѣлены, вслѣдствіе чего легко могутъ произойти несогласія между этой страной и прочими средне-азіятскими ханствами и повести къ прискорбнымъ послѣдствіямъ, другими словами, къ столкновенію съ Россіею.

Переговоры между Петербургомъ и Лондономъ продолжались въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ, касаясь преимущественно вопроса объ опредѣленіи границъ Афганистана. Русскій Дворъ, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, доказывалъ, что сѣверною границею афганскихъ владѣній должно считать Аму-Дарью, отъ сліянія ея съ Кушкой, до переправы Ходжа-Соля, но что къ сѣверо-востоку, власть афганскаго эмира не распространяется на Ваханъ и Бадахшанъ—двѣ области, которыя англійское правительство, напротивъ, желало включить въ составъ Афганистана. Въ началѣ 1870 года, князь Горчаковъ рѣшился на важную уступку и увѣдомилъ великобританское правительство, что Россія признаетъ принадлежность Вахана и Бадахшана эмиру афганскому, а равно самостоятельность Афганистана во всѣхъ дѣлахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Уступка была вызвана желаніемъ устранить противодѣйствіе Англіи рѣшенному тогда же, русскому походу на Хиву.

Намѣренія Россіи по отношенію къ этому ханству давно возбуждали ревнивую подозрительность сентъ-джемскаго Двора. Съ конца 1869 года, онъ не переставалъ обращаться въ Петербургъ съ запросами по этому предмету и получалъ въ отвѣтъ, что русское правительство надѣется избѣжать войны съ хивинскимъ ханомъ и воздѣйствовать на него мирными средствами. Однако, уже въ мартѣ 1870 года, великобританскій посолъ при русскомъ Дворѣ доносилъ, что Хива умышленно вызываетъ на ссору русское правительство. О переговорахъ, веденныхъ съ ханомъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ постоянно сообщало сэръ Андрью Буханану, и замѣстившему его, съ

1872 года, въ званіи посла, лорду Августу Лофтусу. „Если мы будемъ вынуждены наказать хана“, предупреждалъ послѣдняго директоръ азіятскаго департамента, „то все его государство развалится, какъ карточный домикъ. Мы сдѣлали возможное, со своей стороны, чтобы заставить хана быть благоразумнымъ, но безъ всякаго успѣха“.

Дѣйствительно, постоянные разбои, подстрекательства къ возмущенію подвластныхъ Россіи кочевниковъ, обложеніе налогами киргизовъ, признающихъ русскую власть, наконецъ захватъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ въ неволю,—таковы были причины, побудившія русское правительство предпринять военную экспедицію въ Хиву, съ цѣлью обуздать и наказать хана и на будущее время подчинить его русскому вліянію. Въ началѣ 1873 года, отправленъ былъ въ Лондонъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, съ порученіемъ объявить о томъ сентъ-джемскому кабинету, присовокупивъ „что Императоръ не только вовсе не желаетъ завладѣть Хивой, но и далъ положительное приказаніе дабы, предупредить возможность этого завладѣнія, и что Кауфману посланы инструкціи, предписывающія наложить на хана такія условія, чтобы занятіе Хивы ни въ какомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ“.

Хивинская экспедиція предпринята была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, долженствовавшихъ обезпечить ея успѣхъ. Подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана двинулись на Хиву съ трехъ сторонъ отряды: Туркестанскій, изъ Казалинска и Джизака, Оренбургскій, изъ Эмбинскаго форта и два Кавказскіе, изъ Мангишлака и Красноводска, численностью всего въ 13.000 людей, 4.600 лошадей и 20.000 верблюдовъ, при 56 орудіяхъ и 20 ракетныхъ станкахъ. Изъ всѣхъ этихъ отрядовъ, только одинъ Красноводскій не дошелъ до мѣста назначенія. Въ половинѣ іюня, въ Петербургѣ получена была слѣдующая телеграмма туркестанскаго генералъ-губернатора: „Войска Оренбургскаго, Кавказскаго и Туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія, къ городу Хивѣ, и, разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли, 29-го сего мая, павшую предъ ними столицу ханства. 30-го мая, въ годовщину рожденія Императора Петра Великаго, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе Государя Императора и панихида за упокой Петра I и сподвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивою. Ханъ хивинскій не выждалъ отвѣта отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана на сдѣланное ханомъ предложеніе полной покорности и сдачи себя и ханства, и, увлеченный воинственною партіею, бѣжалъ изъ города и скрывается нынѣ среди іомудовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности. Войска всѣхъ трехъ отрядовъ бодры, веселы и здоровы“.

Жалуя туркестанскому генералъ-губернатору орденъ св. Георгія 2-й степени, Императоръ Александръ воздалъ заслуженную хвалу храбрымъ войскамъ, которыя, подъ его предводительствомъ, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, „преодолѣвъ съ свойственною имъ твердостію всѣ препятствія природы, достигли блестящимъ образомъ предположенной нами цѣли“.

Вскорѣ, бѣжавшій къ туркменамъ, ханъ хивинскій самъ прибылъ съ повинною въ русскій лагерь, расположенный подъ его столицею, и изъявилъ полную готовность исполнить всѣ требованія и принять всякія условія, какія ему будутъ предъявлены командующимъ войсками. Возвративъ ему власть, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, въ залогъ его добрыхъ намѣреній, потребовалъ отъ него прежде всего уничтоженія въ Хивѣ невольничества. Актъ этотъ гласилъ: „Я, Сеидъ-Мухамедъ-Рахманъ-Богадуръ-ханъ, во имя глубокаго уваженія къ русскому Императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому“.

12-го августа, въ саду Гандеміана, въ ставкѣ командующаго войсками, ханъ подписалъ съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, мирный договоръ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора всероссійскаго, отказывается отъ

всякихъ непосредственныхъ дружескихъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями и ханами и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ, и безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи, не предприметъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ нихъ. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему хивинскія земли уступаются Россіи, причемъ ханъ обязуется не противиться переуступкѣ этихъ земель эмиру бухарскому, если послѣдуетъ на то воля Государя Императора. Русскимъ пароходамъ и другимъ судамъ, какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ, предоставляется свободное и исключительное плаваніе по Аму-Дарьѣ, а суда хивинскія и бухарскія пользуются этимъ правомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія русской высшей власти въ Средней Азіи. Русскіе получаютъ право устраивать и на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи пристани, за безопасность и сохранность коихъ отвѣчаетъ ханское правительство. Тамъ же могутъ устраивать они и свои факторіи для склада и храненія товаровъ, а ханское правительство обязуется отводить въ достаточномъ количествѣ земли, какъ для пристаней, такъ и для магазиновъ, купеческихъ конторъ и хозяйственныхъ фермъ, отвѣчая за сохранность ихъ и безопасность. Всѣ города и селенія хивинскаго ханства открыты для русской торговли и русскіе купцы и караваны могутъ свободно разъѣзжать по всему ханству, подъ особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей и подъ отвѣтственностью за ихъ безопасность ханскаго правительства. Они освобождаются отъ платежа всякихъ торговыхъ пошлинъ и пользуются правомъ безпошлиннаго транзита чрезъ хивинскія владѣнія, могутъ содержать въ Хивѣ и другихъ городахъ ханства своихъ агентовъ для сношеній съ мѣстными властями и для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговыхъ дѣлъ. Русскіе подданные пользуются правомъ владѣнія недвижимыми имуществами въ ханствѣ, облагаемыми поземельною податью, по соглашенію съ высшею русскою властью въ Средней Азіи. Ханское правительство обязуется безотлагательно разслѣдовать и удовлетворять претензіи со стороны русскихъ на хивинцовъ, а, въ случаѣ разбора претензій русскихъ и хивинцовъ, отдавать, при уплатѣ долговъ, преимущество первымъ надъ послѣдними. Жалобы хивинцовъ на русскихъ подданныхъ, даже внутри предѣловъ ханства, передаются ближайшему русскому начальству на разсмотрѣніе и удовлетвореніе. Ханское правительство не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго вида отъ русской власти, къ какой бы національности они ни принадлежали, а укрывающихся въ ханствѣ русскихъ преступниковъ задерживаетъ и выдаетъ русскому начальству. Всѣ невольники освобождаются на вѣчныя времена. На Хиву налагается, для покрытія расходовъ русской казны по веденію войны, вызванной ханомъ и его подданными, пеня въ размѣрѣ 2.200.000 рублей, уплата коихъ разсрочена на двадцать лѣтъ.

Одна часть земель, уступленныхъ Хивою на правомъ берегу Аму-Дарьи, отошла непосредственно къ Россіи и на ней возведено Петро-Александровское укрѣпленіе, занятое русскимъ гарнизономъ. Другая часть переуступлена эмиру бухарскому, который, въ благодарность за это, договоромъ, заключеннымъ въ Шаарѣ, 28-го сентября 1873 года, предоставилъ русскимъ подданнымъ въ Бухарѣ тѣ же преимущества, что были признаны за ними хивинскимъ ханомъ. Сверхъ того условлено, что постоянный бухарскій уполномоченый будетъ имѣть пребываніе въ Ташкентѣ, а дипломатическій представитель русскаго правительства—въ Бухарѣ, при особѣ эмира. Наконецъ, въ неугоду Государю Императору Всероссійскому и „для вящей славы“ Его Императорскаго Величества, эмиръ Сеидъ-Музафаръ постановилъ: „Отнынѣ въ предѣлахъ бухарскихъ прекращается на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человѣколюбія“.

Обнародованіе договоровъ съ Хивою и Бухарою снова вызвало бурю въ англійскихъ политическихъ кругахъ и въ печати, для успокоенія которыхъ министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гренвиль, возобновилъ дипломатическія представленія въ Петербургѣ. Великобританскому послу поручалось обратить вниманіе русскаго правительства на тѣ опасности, которыя грозятъ доброму согласію Россіи и Англіи, вслѣдствіе новаго положенія, созданнаго въ Средней Азіи завоеваніемъ Хивы. Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса, насколько условія мира, предписаннаго хивинскому

хану, противорѣчатъ увѣреніямъ, даннымъ въ Лондонѣ графомъ Шуваловымъ, англійскій министръ указалъ русскому Двору на тревогу, возбужденную въ Афганистанѣ и въ Индіи распространившимися тамъ слухами о предстоящемъ, будто бы, походѣ русскихъ на Мервъ или на туркменовъ, населяющихъ окрестныя земли. Если, замѣтилъ онъ, племена эти станутъ искать убѣжища на афганской территоріи, въ Гератѣ, то столкновеніе между эмиромъ афганскимъ и русскими войсками сдѣлается почти неизбѣжнымъ. Въ предупрежденіе этой опасности, лордъ Гренвиль выражалъ надежду, что русскій Дворъ не откажется признать, что независимость Афганистана составляетъ важное условіе для благосостоянія и безопасности британской Индіи и вообще для спокойствія Азіи.

Въ отвѣтѣ своемъ князь Горчаковъ повторилъ неоднократно уже сдѣланныя заявленія, что Россія считаетъ Афганистанъ лежащимъ внѣ сферы своего вліянія, но отказался признать за Англіею право вступаться за Мервъ и за туркменовъ, отъ которыхъ зависитъ жить въ мирѣ и согласіи съ Россіею, но наказать которыхъ за разбои и нападенія достанетъ у нея силы. Эмиръ кабульскій, присовокупилъ канцлеръ, могъ бы оказать дѣйствительную услугу этому племени, предваривъ его о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ его поведенія относительно Россіи.

Между тѣмъ, въ февралѣ 1874 года, произошла въ Лондонѣ перемѣна министерства. Торіи замѣнили виговъ у власти, лордъ Дерби занялъ въ кабинетѣ Дизраэли постъ министра иностранныхъ дѣлъ, а лордъ Салисбюри—министра по дѣламъ Индіи. Новые министры возобновили въ Петербургѣ настоянія своихъ предшественниковъ, чѣмъ вызвали, весною 1875 года, меморандумъ, въ которомъ русскій канцлеръ изложилъ взглядъ своего Двора на взаимныя отношенія Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Въ документѣ этомъ князь Горчаковъ предлагалъ слѣдующія три основанія соглашенія: 1) соперничество обѣихъ державъ въ этихъ краяхъ противорѣчитъ ихъ обоюднымъ пользамъ и просвѣтительной миссіи, къ которой обѣ державы призваны, каждая въ предѣлахъ своего вліянія; 2) вслѣдствіе сего, желательно сохранить между ними промежуточный поясъ, который предохранилъ бы ихъ отъ непосредственнаго взаимнаго сосѣдства; 3) Афганистанъ могъ бы образовать такой промежуточный поясъ, если бы самостоятельность его была одинаково признана неприкосновенною, какъ тою, такъ и другою стороною. Тогда же князь Горчаковъ еще разъ подтвердилъ, что русскій Императоръ не имѣетъ никакого намѣренія расширять предѣлы своей Имперіи, ни со стороны Бухары, ни со стороны Туркменской степи.

Принимая эти увѣренія къ свѣдѣнію, лордъ Дерби отстаивалъ полную свободу дѣйствій (complete liberty of action) Великобританіи по отношенію къ Афганистану, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ случаяхъ, что̀ вызвало слѣдующій отвѣтъ князя Горчакова, въ депешѣ къ графу Шувалову: „Благоволите передать лорду Дерби, что, согласно повелѣнію Августѣйшаго нашего Государя, мы вполнѣ присоединяемся къ заключеніямъ, въ силу коихъ оба кабинета, поддерживая взаимно состоявшееся между ними соглашеніе на счетъ границъ Афганистана, остающагося внѣ сферы дѣйствія Россіи, считаютъ покончеными переговоры о среднемъ поясѣ, признанные мало практичными, и, вполнѣ сохраняя свободу своихъ дѣйствій, будутъ, по обоюдному желанію, принимать въ справедливое вниманіе ихъ взаимные интересы и нужды, избѣгая, по мѣрѣ возможности, непосредственнаго сосѣдства между собою, равно какъ и столкновенія между азіятскими государствами, находящимися въ сферѣ ихъ вліянія“.

Случай для Россіи воспользоваться выговоренною ею для себя полною свободою дѣйствій скоро представился. Лѣтомъ 1875 года, въ Коканскомъ ханствѣ вспыхнули серьезные безпорядки, приведшіе къ низложенію Худояръ-хана и къ провозглашенію ханомъ старшаго его сына, Насръ-Эддина. Худояръ искалъ убѣжища въ русскихъ предѣлахъ. Между тѣмъ, броженіе среди коканцевъ усиливалось, дуваны и дервиши возбуждали народъ, проповѣдуя священную войну, подстрекая къ поголовному возстанію и мусульманское населеніе сосѣднихъ русскихъ областей. Вооруженныя шайки коканцевъ вторглись въ наши предѣлы и подступили къ Ходженту съ трехъ сторонъ.

По отраженіи ихъ нападенія, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, во главѣ отряда

изъ 16-ти ротъ пѣхоты и 9 сотенъ казаковъ, при 20-ти орудіяхъ, самъ перешелъ въ наступленіе и въ сраженіи при Махрамѣ на голову разбилъ пятидесятитысячное скопище коканцевъ, кипчаковъ и каракиргизовъ, собранныхъ вокругъ этой крѣпости, подъ предводительствомъ главы возстанія, Абдулъ-Рахмана Автобачи. Побѣда эта открыла Кауфману путь къ главному городу ханства Кокану. Новый ханъ Насръ-Эддинъ выѣхалъ самъ къ нему на встрѣчу съ изъявленіемъ покорности. 29-го августа туркестанскій генералъ-губернаторъ, сопровождаемый ханомъ, торжественно въѣхалъ въ его столицу а 25-го сентября заключилъ съ нимъ мирный договоръ, которымъ Насръ-Эддинъ уступилъ Россіи всѣ коканскія земли, лежащія на правомъ берегу Сыръ-Дарьи.

Но возстаніе продолжалось въ восточной части ханства. Разбитый подъ Махрамомъ, Абдулъ-Рахманъ сосредоточилъ до 70,000 человѣкъ въ Андижанѣ. Нападеніе русскаго отряда на этотъ городъ было отражено и отрядъ нашъ отступилъ къ Намангану. Въ самомъ Коканѣ произошелъ новый переворотъ: Насръ-Эддинъ былъ свергнутъ и, подобно отцу, бѣжалъ изъ ханства въ Ходжентъ.

Усмиреніе коканскаго возстанія генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ поручилъ молодому генералу, уже отличившемуся въ хивинскомъ походѣ, М. Д. Скобелеву. Съ горстью людей Скобелевъ прошелъ изъ конца въ конецъ все ханство, въ цѣломъ рядѣ сраженій разбивая и разсѣевая мятежныя скопища, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля по пятамъ. Послѣдствіемъ была сдача главныхъ вожаковъ возстанія и водвореніе русской власти на всемъ пространствѣ ханства Коканскаго.

5-го февраля 1876 года состоялось Высочайшее повелѣніе о присоединеніи Кокана къ Россіи, подъ названіемъ Ферганской области, первымъ военнымъ губернаторомъ которой назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ.

Война съ Турціею 1877—1878 годовъ пріостановила поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи. Однимъ изъ косвенныхъ ея послѣдствій былъ англійскій походъ въ Афганистанъ, обратившій эмира афганскаго въ вассала британской короны. Съ нашей стороны, въ 1879 году, рѣшена была экспедиція въ Закаспійскую степь, для обузданія ахалъ-текинскаго племени, не перестававшаго производить разбои и набѣги на сосѣднія наши области. Смерть, командовавшаго дѣйствующимъ отрядомъ, генералъ-адъютанта Лазарева была одною изъ причинъ неудачнаго штурма укрѣпленія Геокъ-тепе, повлекшаго за собою отступленіе отряда къ Каспійскому берегу.

Второй походъ въ туркменскую степь предпринятъ былъ въ слѣдующемъ, 1880 году, и начальство надъ дѣйствующими войсками, въ составѣ 64 ротъ, 19 сотенъ, при 103 орудіяхъ и 19 ракетныхъ станкахъ, всего численностью до 11,000 человѣкъ и 3,000 лошадей, ввѣрено генералъ-адъютанту Скобелеву. Текинцы, сосредоточенные въ Денгиль-тепе въ числѣ 25,000, рѣшились защищаться до крайности. Прибывъ въ Александровскій постъ 1-го мая, Скобелевъ, въ концѣ этого мѣсяца, занялъ передовымъ отрядомъ селеніе Бами, при входѣ въ Ахалъ-текинскій оазисъ, изъ котораго образовалъ операціонный базисъ для дальнѣйшаго наступленія. Въ іюлѣ онъ произвелъ рекогносцировку къ Денгиль-тепе, отстоящему отъ Бами на 115 верстъ. Осень прошла въ приготовленіяхъ къ зимнему походу. Для перевозки грузовъ отъ Каспійскаго моря до Бами, потребовалось около 20,000 верблюдовъ, что замедлило окончательное наступленіе на пять мѣсяцевъ. Въ октябрѣ, назначенныя въ составъ экспедиціи кавказскія войска перевезены изъ Красноводска въ Чикишляръ, а къ концу ноября, они уже прибыли въ Бами, куда, въ началѣ декабря, пришелъ и туркестанскій отрядъ, двинутый изъ Петро-Александровска подъ начальствомъ полковника Куропаткина. Во главѣ этихъ войскъ, Скобелевъ приблизился къ Денгиль-тепе на 12 верстъ, въ теченіе декабря произвелъ нѣсколько рекогносцировокъ и въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, началъ осадныя работы. Напрасно осажденные цѣлымъ рядомъ вылазокъ пытались помѣшать ихъ успѣху. 12-го января 1881 года, Денгиль-тепе взятъ приступомъ. Преслѣдованіе бѣжавшаго непріятеля продолжалось на пространствѣ пятнадцати верстъ.

Шесть дней спустя, передовой отрядъ полковника Куропаткина занялъ Асхабадъ, главное селеніе Ахалъ-текинскаго оазиса, но лишь 27-го марта явился туда, къ Скобелеву, предводитель текинской обороны Тыкма-Сардаръ, и вручилъ ему свою саблю.

Примѣру его послѣдовало вскорѣ все населеніе, просившее о принятіи его въ подданство русскаго Царя. Изъ земель, занятыхъ въ туркменской степи, образована Закаспійская область, состоящая изъ трехъ уѣздовъ: Мангишлакскаго, Красноводскаго и Ахалъ-текинскаго.

Взятіе Денгиль-тепе озарило блескомъ военной славы послѣдніе дни царствованія Императора Александра II. Въ справедливое признаніе заслугъ молодого, побѣдоноснаго вождя, Государь пожаловалъ генералъ-адъютанту Скобелеву орденъ св. Георгія 2-й степени.

Такъ, въ шестнадцать лѣтъ, совершилось покореніе русской державѣ обширнаго пространства въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ, отъ Каспійскаго моря, до Восточнаго Китая, отъ южныхъ границъ Сибири, до Афганистана и Индіи, нѣкогда привлекавшаго къ себѣ царственную мысль Петра Великаго. Блестящіе успѣхи русскаго оружія сопровождались цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдованій невѣдомыхъ до того, недоступныхъ и дикихъ странъ, насажденіемъ въ нихъ просвѣщенія и гражданственности, развитіемъ промышленности и торговли, словомъ, включеніемъ ихъ въ предѣлы и общеніе образованнаго міра, съ которымъ не замедлилъ соединить Среднюю Азію, проложенный въ безлюдной и безводной пустынѣ русскою военною силою, желѣзный путь.

XVII.

Преобразованіе арміи и флота.

1855—1881.

Въ царственной дѣятельности Императора Александра II, изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія, развитіе и совершенствованіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Имперіи занимаютъ едва ли не первое мѣсто. Верховный вождь относился къ арміи и флоту, какъ къ любимымъ своимъ дѣтищамъ; имъ посвящалъ онъ значительную часть своего времени, трудовъ и заботъ. Военныя занятія и упражненія служили для него самого какъ бы отдыхомъ и развлеченіемъ. Воскресный разводъ въ манежѣ зимою, лѣтомъ — лагерный сборъ въ Красномъ Селѣ, постоянные объѣзды войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, ученья, смотры, парады, маневры наполняли, такъ сказать, жизнь Государя. Онъ самъ вникалъ въ мельчайшія подробности строевой службы и военнаго быта, зналъ въ лицо всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, не только высшихъ, но часто и низшихъ, и себѣ одному предоставлялъ распоряженіе назначеніемъ на должности и производствомъ. Вполнѣ усвоивъ взглядъ Императора Николая I на военно-служащихъ, какъ на членовъ собственной семьи, Государь считалъ всѣхъ ихъ, отъ генерала до послѣдняго солдата, дѣтьми своими, а себя ихъ чадолюбивымъ и попечительнымъ отцомъ. При такой любви Императора Александра къ военному дѣлу, понятно дѣятельное вниманіе, съ которымъ относился онъ ко всѣмъ частямъ управленія арміею и флотомъ, къ вносимымъ въ нихъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на искреннее его миролюбіе, громъ брани не умолкалъ во все продолженіе двадцатишестилѣтнаго царствованія, которое началось въ самый разгаръ севастопольской борьбы и завершилось войною за освобожденіе славянъ, а промежутокъ между двумя великими войнами наполнялся непрерывными боевыми схватками, сначала на Кавказѣ, потомъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, наконецъ, въ Средней Азіи.

При вступленіи на Престолъ Императора Александра II должность военнаго министра занималъ князь В. А. Долгоруковъ, но тотчасъ по заключеніи мира онъ сдалъ ее генералъ-адъютанту Н. О. Сухозанету, товарищемъ котораго, съ 1858 года, состоялъ князь Васильчиковъ, замѣщенный въ этомъ званіи въ 1860 году бывшимъ начальникомъ штаба князя Барятинскаго во время покоренія Восточнаго Кавказа, генералъ-адъютантомъ Д. А. Милютинымъ.

За пять лѣтъ нахожденія Сухозанета во главѣ военнаго министерства приняты три существенныя мѣры въ видахъ облегченія тягостей, лежавшихъ на нижнихъ чинахъ: солдатскія дѣти исключены изъ военнаго вѣдомства и изъ кантонистовъ обращены въ свободныя податныя сословія; упразднены окончательно военныя поселенія; наконецъ, срокъ обязательной службы солдатъ сокращенъ въ сухопутныхъ войскахъ до 15, а во флотѣ до 14 лѣтъ. Преобразованія же по военному вѣдом-

ству только намѣчались и обсуждались въ разныхъ комитетахъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью. Ближайшею задачею министерства было приведеніе войскъ на мирное положеніе. Къ 1-му января 1856 года по спискамъ числилось въ регулярныхъ войскахъ 32.530 офицеровъ и 1.742.342 нижнихъ чиновъ; въ иррегулярныхъ 3.640 офицеровъ и 168.691 нижнихъ чиновъ; въ государственномъ ополченіи 5.647 офицеровъ и 364.421 нижнихъ чиновъ, всего 41.817 офицеровъ и 2.274.544 нижнихъ чиновъ. Ополченіе было тотчасъ же распущено, а регулярныя войска приводились въ мирный составъ, постепенно, вмѣстѣ съ расформированіемъ резервныхъ и запасныхъ частей. Всего, въ теченіе 1856 года, уволено нижнихъ чиновъ: въ отставку 68.912, въ отпуски безсрочные и временные 421.123, а въ общей сложности—около полумилліона.

Уменьшеніе численности арміи продолжалось и въ слѣдующіе годы, главнымъ образомъ, изъ видовъ экономическихъ, и только въ 1859 году, вслѣдствіе политическихъ усложненій въ Западной Европѣ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приведеніи на военное положеніе четырехъ армейскихъ корпусовъ. Впрочемъ, мѣра эта была вскорѣ отмѣнена, и къ 1-му января 1862 года, наличный составъ арміи выражался въ слѣдующихъ числахъ: дѣйствующихъ войскъ—28.850 офицеровъ и 763.911 нижнихъ чиновъ; резервныхъ—3.006 офицеровъ и 95.086 нижнихъ чиновъ; итого 31.856 офицеровъ и 858.997 нижнихъ чиновъ.

Въ продолженіе весны и лѣта 1861 года, Сухозанетъ дважды былъ командированъ въ Варшаву для исполненія обязанностей временнаго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, а въ отсутствіе его, вступалъ въ управленіе военнымъ министерствомъ товарищъ министра, Милютинъ, который, 9-го ноября того же года, окончательно утвержденъ въ званіи военнаго министра.

Генералъ-адъютантъ Милютинъ составилъ обширный планъ преобразованій, обнимавшихъ, какъ строевую организацію войскъ, такъ и всѣ многочисленныя отрасли военнаго управленія. Основныя начала задуманныхъ преобразованій изложены имъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, 15-го января 1862 года, повергнутомъ на Высочайшее воззрѣніе.

Цѣлью переустройства нашихъ военныхъ силъ военный министръ ставилъ согласованіе, по возможности, сокращенія числа наличныхъ войскъ въ мирное время, съ другимъ, не менѣе важнымъ, условіемъ—приготовленіемъ средствъ къ наибольшему развитію силъ въ случаѣ войны. Для достиженія этой цѣли предполагалось: 1) уменьшеніе нестроеваго элемента арміи сокращеніемъ или переформированіемъ тѣхъ частей, которыя исключительно несутъ службу мирнаго времени и не имѣютъ никакого полезнаго назначенія для развитія боевой силы въ случаѣ войны; 2) доведеніе резервныхъ войскъ до полной подвижности въ прямомъ значеніи резерва боеваго; 3) устройство кадровъ для войскъ запасныхъ, формируемыхъ въ случаѣ войны, съ тѣмъ, чтобы постоянно пополнять убыль людей въ частяхъ войскъ, дѣйствующихъ на театрѣ войны; 4) образованіе постепенно такого запаса людей, подготовленныхъ къ строю, какой дѣйствительно могъ бы пополнить разницу между штатомъ арміи по мирному и военному времени. Въ связи съ этими задачами предположено было также упраздненіе корпуса внутренней стражи, съ возложеніемъ отправленія караульной службы въ губернскихъ городахъ внутри Имперіи на резервныя войска, а съ выводомъ ихъ въ военное время,—на запасныя войска, для которыхъ должны быть содержимы въ мирное время небольшіе кадры; сокращеніе уѣздныхъ инвалидныхъ командъ и причисленіе ихъ къ мѣстнымъ кадрамъ запасныхъ войскъ; производство обученія рекрутъ въ военное время съ содѣйствіемъ запасныхъ войскъ.

Коренному преобразованію генералъ-адъютантъ Милютинъ считалъ необходимымъ подвергнуть и всѣ центральныя учрежденія ввѣреннаго ему министерства, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) сосредоточить въ военномъ министерствѣ только общее направленіе и главный контроль дѣйствій всѣхъ административныхъ органовъ, а фактическій мѣстный контроль надъ дѣйствіями разныхъ мѣстъ и лицъ военнаго вѣдомства передать главнымъ начальникамъ округовъ; 2) достигнуть единства въ системѣ управленія, для чего включить въ составъ военнаго министерства такія установленія, которыя имѣли дотолѣ съ нимъ связь только лишь въ порядкѣ высшаго управленія, а имен-

но: штабы генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части, главное управленіе военно-учебныхъ заведеній и т. п.; 3) сократить составъ военнаго министерства упраздненіемъ нѣкоторыхъ учрежденій, слитіемъ ихъ съ другими однородными, и уменьшеніемъ дѣлопроизводства, вслѣдствіе сложенія съ министерства надзора за дѣйствіями подвѣдомственныхъ ему учрежденій, который до того ограничивался, бо̀льшею частью, лишь канцелярскою повѣркою; 4) образовать, для установленія единства и общей связи въ управленіи нѣкоторыми частями, какъ-то: госпиталями, военными тюрьмами и т. п., а также для разработки нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, Главные Комитеты; 5) дать начальникамъ главныхъ управленій военнаго министерства одинаковыя права; 6) упразднить состоявшія при нѣкоторыхъ изъ главныхъ управленій общія присутствія.

Въ связи съ такимъ переустройствомъ центральныхъ учрежденій военнаго министерства находилось преобразованіе и мѣстныхъ органовъ военнаго управленія по выработанной генералъ-адъютантомъ Милютинымъ, *окружной системѣ*, преимущества которой онъ развивалъ въ нижеслѣдующихъ доводахъ: „Прежнее устройство отличалось крайнею централизаціей, которая уничтожала всякую инициативу административныхъ органовъ, стѣсняла ихъ мелочною опекою высшихъ властей и лишала эти послѣднія возможности неупустительнаго надзора и фактическаго контроля за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ и установленій. Такая же централизація, со всѣми вредными ея послѣдствіями, была развита и въ строевомъ управленіи войскъ, гдѣ недостатокъ инициативы въ частныхъ военныхъ начальникахъ, въ особенности въ военное время, проявлялся уже не разъ и приводилъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Войска и въ мирное время оставались соединенными въ дивизіи, корпуса и арміи, и такимъ образомъ, содержались всѣ штабы, отъ дивизіоннаго, до главнаго штаба арміи, включительно. Хотя такой системѣ и приписывалась та выгода, что, въ случаѣ приведенія на военное положеніе, армія имѣла уже готовые штабы, и войска выступали въ походъ подъ начальствомъ знающихъ ихъ и знакомыхъ имъ начальниковъ, командующихъ ими постоянно и въ мирное время, однако же эти выгоды не вполнѣ осуществлялись. На практикѣ весьма рѣдко случалось, чтобы не только арміи, но даже и корпуса дѣйствовали на театрѣ войны совокупно, въ нормальномъ своемъ составѣ мирнаго времени. Гораздо чаще, по разнымъ стратегическимъ соображеніямъ, на самомъ театрѣ войны формировались отряды изъ войскъ разныхъ корпусовъ, для которыхъ учреждались отрядные штабы. Такъ, въ войну 1853—1856 годовъ, ни одинъ корпусъ дѣйствительно не остался въ полномъ своемъ составѣ. Вообще же опытъ нѣсколькихъ послѣднихъ войнъ указалъ, что наши корпуса представляли слишкомъ крупныя тактическія единицы для постояннаго употребленія на театрѣ войны, въ цѣломъ ихъ составѣ“.

Исходя изъ этихъ соображеній, военный министръ находилъ, что средства, которыя тратились въ мирное время на содержаніе корпусныхъ штабовъ, не приносили существенной пользы въ военное время, а потому упраздненіе ихъ было бы выгодно въ экономическомъ отношеніи и не заключало бы въ себѣ никакихъ неудобствъ въ отношеніи военномъ. Принимая во вниманіе выраженную Государемъ волю, чтобы въ новое военное управленіе внесено было начало децентрализаціи, Милютинъ полагалъ, что вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ будетъ переходъ къ окружной системѣ, такъ какъ въ лицѣ начальника округа могутъ быть слиты обязанности и значеніе корпуснаго командира, генералъ-губернатора (по военной части) и окружного начальника внутренней стражи. Съ учрежденіемъ округовъ, обязанности военнаго министерства облегчатся посредствомъ болѣе обширнаго распредѣленія власти и обязанностей между военно-окружными начальниками, хозяйственное управленіе приметъ болѣе правильную организацію, а непосредственнымъ послѣдствіемъ предположенной мѣры будетъ усиленіе ближайшаго фактическаго наблюденія за дѣйствіями разныхъ мѣстныхъ установленій.

Въ заключеніе доклада, военный министръ предлагалъ, упразднивъ корпуса, оставить высшею тактическою единицею дивизію, что представило бы слѣдующія выгоды: вмѣстѣ съ мобилизаціей, войска могли бы быть соединены въ корпуса и отряды такой силы и такого состава, какіе признаны будутъ необходимыми; для

начальствованія могутъ быть избираемы наиболѣе способные генералы, при назначеніи коихъ высшее правительство не будетъ стѣснено положеніемъ, которое они занимали въ мирное время; штабы армій, корпусовъ и отрядовъ формировались бы выборомъ способнѣйшихъ офицеровъ изъ всей арміи; наконецъ, всѣ войска, учрежденія и раіоны, остающіеся въ тылу театра войны, поступивъ въ завѣдываніе военно-окружныхъ начальниковъ, находили бы въ нихъ прочно организованную мѣстную администрацію, а штабы облегчили бы трудную задачу военнаго министерства по устройству операціоннаго базиса и снабженія дѣйствующей на театрѣ войны арміи всѣми необходимыми запасами.

Всѣ предположенія генералъ-адъютанта Милютина были одобрены Государемъ и тотчасъ приступлено къ приведенію ихъ въ исполненіе. Проекты новыхъ положеній разработывались въ нѣсколькихъ коммиссіяхъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ военнаго министра, затѣмъ разсылались главнымъ военнымъ начальникамъ, какъ строевымъ, такъ и штабнымъ, а по полученіи отъ нихъ отзывовъ, вносились въ Военный Совѣтъ, по разсмотрѣніи которымъ подносились уже на Высочайшее утвержденіе.

Такимъ образомъ, военному министерству предстояло: 1) преобразовать составъ центральнаго управленія; 2) вновь устроить военно-окружныя управленія; 3) преобразовать строевыя управленія, согласивъ ихъ кругъ дѣятельности съ военно-окружнымъ управленіемъ; 4) устроить на новыхъ началахъ мѣстныя управленія; 5) издать положенія для управленія арміями, корпусами и отрядами, которые предполагалось формировать лишь въ военное время.

Работы по организаціи войскъ на новыхъ началахъ были прерваны, на первыхъ же порахъ, чрезвычайными мѣрами, которыя пришлось принять въ виду польскаго мятежа и вмѣшательства въ пользу его трехъ западныхъ державъ, грозившихъ намъ разрывомъ. Нѣсколько дивизій было приведено въ военный составъ, сформированы крѣпостные полки, а изъ резервныхъ полковъ образовано 16 новыхъ пѣхотныхъ дивизій. Соотвѣтственно усилена кавалерія и артиллерія, сформированіемъ пятыхъ и шестыхъ эскадроновъ въ драгунскихъ полкахъ, а также четвертыхъ резервныхъ батарей. Но когда опасность внѣшнихъ усложненій миновала, то снова приступлено къ сокращенію численнаго состава арміи и къ продолженію ея переустройства.

Организація, данная ей, на основаніи новоизданныхъ штатовъ для войскъ всѣхъ родовъ оружія, была слѣдующая. Всѣ расположенныя въ Европейской Россіи войска были раздѣлены на полевыя или дѣйствующія, и мѣстныя. Въ первыхъ уничтожено дѣленіе на арміи и корпуса и высшею тактическою единицею приняты: въ пѣхотѣ и кавалеріи—дивизія, въ артиллеріи и инженерныхъ войскахъ — бригада. Въ составъ мѣстныхъ войскъ отнесены: боевыя, по устройству своему неподвижныя, какъ-то крѣпостныя войска, а также линейные баталіоны; войска резервныя, предназначенныя для обученія рекрутъ въ мирное время; войска для внутренней службы, взамѣнъ упраздненнаго корпуса внутренней стражи, состоящія изъ мѣстныхъ баталіоновъ въ губерніяхъ и командъ въ уѣздахъ; наконецъ, части и команды вспомогательнаго назначенія: госпитальныя, жандармскія, артиллерійскія, инженерныя, военно-исправительныя, рабочія, военно-желѣзнодорожныя, телеграфныя и учебныя, а равно и фельдъегерскій корпусъ. Армія комплектовалась рекрутскими наборами. Въ началѣ 1871 года новая организація ея была завершена. Къ 1-му января этого года она состояла изъ слѣдующихъ частей: а) Полевыя войска: 1) пѣхота: 47 пѣхотныхъ дивизій; 8 стрѣлковыхъ бригадъ и 48 линейныхъ баталіоновъ; 2) кавалерія: 10 кавалерійскихъ дивизій; 3) артиллерія: 47 пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, каждая въ 4 батареи, и 4 отдѣльныя бригады, въ округахъ Сибирскомъ и Туркестанскомъ; 8 конно-артиллерійскихъ бригадъ; 8 парковыхъ бригадъ и шесть съ половиною отдѣльныхъ парковъ; 4) инженерныя войска: 10 саперныхъ баталіоновъ; 6 понтонныхъ полубаталіоновъ и парковъ; 6 военно-походныхъ телеграфныхъ и 2 полевыхъ инженерныхъ парковъ, соединенныхъ въ пять саперныхъ бригадъ и одну отдѣльную роту. б) Мѣстныя войска: 1) крѣпостныя: 25 баталіоновъ и двѣ команды пѣхоты и 57 ротъ артиллеріи; 2) резервныя войска: 8 баталіоновъ пѣхоты, 56 эскадроновъ кавалеріи, 4 пѣшихъ и 2 конныхъ артиллерійскихъ бригадъ, 4 инженерныхъ баталіона; 3) войска для внутренней службы:

70 губернскихъ баталіоновъ, 1 горнозаводскій баталіонъ, 510 уѣздныхъ и мѣстныхъ командъ, 70 этапныхъ, 18 конвойныхъ и 5 полковыхъ; 4) вспомогательныя части и команды и военныя заведенія: жандармскіе—гвардейскій полуэскадронъ, три дивизіона, 1 пѣшая и 15 конныхъ командъ; артиллерійскія части: 26 крѣпостныхъ управленій, 8 отдѣленій осадной артиллеріи, 24 мѣстныхъ команды, 3 арсенала, 3 оружейныхъ завода, 3 пороховыхъ завода, 2 капсюльныхъ заведенія, 1 ракетное заведеніе, 10 окружныхъ арсеналовъ, 140 мѣстныхъ парковъ, 8 лабораторій, 8 учебныхъ полигоновъ, 29 складовъ артиллеріи, ручного оружія, ракетъ и огнестрѣльныхъ припасовъ; инженерныя части: 11 крѣпостныхъ управленій; 36 инженерныхъ дистанцій, 7 мастеровыхъ командъ, 6 военно-рабочихъ ротъ, 2 осадныхъ инженерныхъ парка и инженерный арсеналъ; учебныя войска: пѣхотный баталіонъ и рота, эскадронъ, пѣшая и конная батарея и техническое гальваническое заведеніе; двѣ рабочія бригады.

Во всѣхъ регулярныхъ войскахъ, полевыхъ и мѣстныхъ, числилось, такимъ образомъ: 853½ баталіона, 287½ эскадроновъ, 234 батареи, болѣе 700 отдѣльныхъ ротъ и командъ,—всего, по спискамъ, 733.761 нижнихъ чиновъ.

По сравненію съ устройствомъ и составомъ войскъ въ 1862 году, новая организація регулярной арміи представляла слѣдующія преимущества: число собственно боевыхъ частей, могущихъ въ короткій срокъ приготовиться къ походу, увеличилось въ пѣхотѣ и въ артиллеріи: новыхъ формированій производить не предполагалось; переходъ съ мирнаго въ военный составъ для полевыхъ войскъ былъ вполнѣ обезпеченъ запасомъ людей, уже прошедшихъ чрезъ ряды арміи; число частей для внутренней службы и вообще, вспомогательнаго назначенія, уменьшилось.

Одновременно со введеніемъ въ строевыя части новой организаціи, преобразовывались постепенно и центральныя учрежденія военнаго министерства, къ концу 1869 года состоявшаго изъ слѣдующихъ составныхъ частей: Императорская главная квартира и военно-походная Его Императорскаго Величества Канцелярія; Военный Совѣтъ съ состоящими при немъ пятью главными комитетами: военно-кодификаціоннымъ, по устройству и образованію войскъ, военно-учебнымъ, военно-госпитальнымъ и военно-тюремнымъ; главный военный судъ; канцелярія военнаго министерства; главный штабъ съ военно-топографическимъ отдѣломъ, Николаевскою академіею генеральнаго штаба, военно-ученымъ комитетомъ, комитетомъ по передвиженію войскъ желѣзными дорогами и водою, и корпусами: офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ топографовъ и фельдъегерскимъ; главныя управленія и при нихъ комитеты: интендантское, артиллерійское съ Михайловскою артиллерійскою академіею, инженерное съ Николаевскою инженерною академіею, военно-медицинское съ военно-медицинскою академіею и военно-медицинскимъ ученымъ комитетомъ, военно-учебныхъ заведеній съ педагогическимъ комитетомъ, иррегулярныхъ войскъ съ комитетомъ того же наименованія, военно-судное съ военно-юридическою академіею; управленія: генералъ-инспектора кавалеріи и инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ. Къ министерству причисленъ и комитетъ о раненыхъ.

Образованіе военныхъ округовъ совершалось также постепенно, начиная съ 1862 года, округами — варшавскимъ, виленскимъ и кіевскимъ. Управленіе каждаго округа составлено изъ слѣдующихъ частей и отдѣловъ: военно-окружнаго совѣта и окружныхъ управленій—интендантскаго, артиллерійскаго, инженернаго и военно-медицинскаго, а также окружнаго инспектора госпиталей. Во главѣ округа поставленъ командующій войсками, которому подчинены всѣ находящіяся въ предѣлахъ округа войска и военныя учрежденія. По отношенію къ личному составу ему присвоена власть командира отдѣльнаго корпуса въ мирное время; по части же хозяйственной онъ дѣйствуетъ лишь какъ предсѣдатель военно-окружнаго совѣта.

Положенія: о военно-окружныхъ управленіяхъ съ ихъ штатами, объ управленіи пѣхотною и кавалерійскою дивизіями и объ управленіи мѣстными войсками въ округахъ, Высочайше утверждены 6-го августа 1864 года. Къ началу 1871 года Россія, Европейская и Азіятская, раздѣлялась на 14 военныхъ округовъ: петербургскій, финляндскій, виленскій, варшавскій, кіевскій, одесскій, харьковскій, московскій,

казанскій, кавказскій, оренбургскій, два сибирскихъ и туркестанскій.

Введеніе военно-окружной системы и преобразованіе центральныхъ учрежденій военнаго министерства повлекло за собою пересмотръ устава 1846 года объ управленіи войсками во время войны, который явилась необходимость согласовать съ новымъ управленіемъ. По обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ, положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время удостоилось Высочайшаго утвержденія 17-го апрѣля 1868 года.

Преобразовательная дѣятельность Д. А. Милютина, хотя и вносившая существенныя улучшенія во многія части военнаго управленія, подверглась, однако, упреку со стороны нѣкоторыхъ военныхъ авторитетовъ за ея слишкомъ бюрократическій характеръ. Какъ на главный ея недостатокъ, указывали на проведенныя во всѣхъ положеніяхъ и уставахъ преобладаніе штабнаго элемента надъ строевымъ, подчиненіе строевыхъ начальниковъ вліянію и контролю штабовъ и управленій. Рѣшительнымъ противникомъ этихъ нововведеній выступилъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. Основываясь на томъ, что положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, хотя и посланное на его разсмотрѣніе въ проектѣ, не дошло до него въ этомъ видѣ, онъ испросилъ у Государя дозволеніе представить на него свои замѣчанія, не взирая на то, что оно уже было Высочайше утверждено и обнародовано. Во всеподданнѣйшей запискѣ князь Александръ Ивановичъ перешелъ далеко за предѣлы вопроса, послужившаго къ ней поводомъ. Сущность возраженій фельдмаршала и страстныхъ обвиненій его по адресу военнаго министра сводится къ слѣдующему. Зачѣмъ, спрашиваетъ князь, учрежденія военнаго времени истекаютъ у насъ изъ учрежденій мирныхъ? Такъ какъ армія существуетъ для войны, то и выводъ долженъ бы быть обратный. Между тѣмъ, новое военное положеніе вышло изъ нынѣшняго мирнаго, послужившаго ему основною рамою. На военный уставъ 1846 года никто не жаловался, напротивъ, военными людьми всего свѣта онъ признанъ за совершенство. Но его подвергли измѣненіямъ, потому что онъ не согласовался съ окружною системою.

Фельдмаршалъ находилъ въ новомъ положеніи „униженіе военнаго начала предъ административнымъ, основаннымъ у насъ теперь на двойственной полуподчиненности и на оскорбительномъ чувствѣ взаимнаго недовѣрія, несвойственнаго военному духу“... „Боевой духъ арміи“, разсуждалъ онъ, „необходимо исчезаетъ, если административное начало, только содѣйствующее, начинаетъ преобладать надъ началомъ, составляющимъ честь и славу военной службы. Во избѣжаніе сего, въ нѣкоторыхъ первоклассныхъ державахъ, гдѣ арміи проникнуты превосходнымъ боевымъ духомъ, военный министръ избирается изъ гражданскихъ чиновъ, чтобы не допустить его до возможности играть роль въ командированіи. Отъ военнаго министра не требуется боевыхъ качествъ; онъ долженъ быть хорошій администраторъ. Оттого у насъ онъ чаще назначается изъ людей, неизвѣстныхъ арміи, въ военномъ дѣлѣ мало или вовсе опыта неимѣющихъ, а иногда, не только въ военное, но и въ мирное время, совсѣмъ солдатами не командовавшихъ. Впрочемъ, неудобства отъ этого быть не можетъ, если военный министръ строго ограниченъ установленнымъ для него кругомъ дѣйствій. Вождь арміи избирается по другому началу. Онъ долженъ быть извѣстенъ войску и Отечеству своими доблестями и опытомъ, чтобы въ военное время достойно и надежно исполнить должность начальника главнаго штаба при своемъ Государѣ или, въ данномъ случаѣ, замѣнить Высочайшее присутствіе“.

Очертивъ такимъ образомъ характеръ дѣятельности какъ военнаго министра, такъ и главнокомандующаго арміею въ военное время, фельдмаршалъ доказывалъ, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центральнаго военнаго управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсрата, давно осужденнаго исторіею. Мало того: въ положеніи 1868 года все управленіе арміею понижено въ значеніи, перемѣною названій чиновъ штаба, переименованнаго изъ главнаго въ полевой. Начальникъ этого штаба поставленъ относительно военнаго министерства въ зависимость вредную и небывалую. „Армія на войнѣ“, разсуждалъ князь Барятинскій, „подобна кораблю на океанѣ, снаряженному сообразно указанной ему

цѣли; онъ заключаетъ въ самомъ себѣ всѣ средства существованія и успѣха. Какъ корабль, армія составляетъ независимое цѣлое, довѣренное главнокомандующему на тѣхъ же основаніяхъ самостоятельной отдѣльности, какъ корабль отдается капитану, посылаемому вокругъ свѣта. Въ этомъ уподобленіи заключается та непогрѣшимая и священная истина, которая до сихъ поръ служила основою нашего устройства на войнѣ. При составленіи новаго положенія, военному министру слѣдовало, прежде всего, оградить эту основу отъ всякаго посягательства. Вмѣсто того, въ задачу составителями положенія поставлено было: сохранить прежде всего неприкосновенность отношеній, установленныхъ для мирнаго времени между министерствомъ и арміею. Значитъ, съ самаго же начала нарушено было должное отношеніе между главными сторонами дѣла. Нельзя примѣнять, во что бы то ни стало, незыблемое къ условному". Наконецъ,—и это былъ не меньшій изъ упрековъ фельдмаршала новому положенію,—„ниспровергающему", какъ онъ выражался, „завѣтныя основанія" нашего военнаго быта... „въ первый разъ съ 1716 года, въ русскомъ военномъ уставѣ о Государѣ не упоминается. Нѣтъ даже и представителя Монарха на войнѣ, вслѣдствіе чего единство командированія неизбѣжно сосредоточилось въ министерствѣ".

Записку Барятинскаго, съ собственноручными противъ нѣкоторыхъ пунктовъ замѣчаніями, Государь передалъ Милютину, представившему, въ свою очередь, пространное и обстоятельное возраженіе на нее, въ которомъ напоминалось, между прочимъ, „что Государь Императоръ продолжаетъ, по прежнему, руководить ежедневно дѣятельностью всѣхъ военныхъ управленій и что всѣ коренныя преобразованія послѣднихъ лѣтъ совершены по непосредственной иниціативѣ и по указаніямъ Его Императорскаго Величества". Первоначально выраженное Императоромъ, намѣреніе, подвергнуть пересмотру полевой уставъ 1868 года, осталось безъ послѣдствій.

Существенному преобразованію подверглись и всѣ отдѣльныя части военнаго управленія.

Бывшій департаментъ генеральнаго штаба слитъ съ инспекторскимъ департаментомъ въ одно общее учрежденіе: главный штабъ; въ расположеніи и размѣщеніи войскъ произведены измѣненія, вызванныя польскимъ мятежемъ и образованіемъ новыхъ войсковыхъ частей; выработанъ проектъ нормальной дислокаціи, утвержденный Государемъ въ окончательномъ видѣ 25-го марта 1875 года; приступлено къ постройкѣ казармъ на всемъ пространствѣ Имперіи съ цѣлью размѣстить въ нихъ, со временемъ, всѣ войска, въ особенности, мѣстныя, замѣнивъ квартирную повинность денежною; передвиженіе войскъ сообразовано съ развитіемъ желѣзно-дорожныхъ и водяныхъ путей и опредѣлено особыми положеніями; нижніе чины командированы на станціи желѣзныхъ дорогъ и телеграфныя для изученія желѣзно-дорожнаго и телеграфнаго дѣла, съ тѣмъ, чтобы образовать впослѣдствіи особыя команды, подготовленныя къ этому роду службы; приняты мѣры къ уменьшенію караульнаго наряда; установлены правила сборовъ войскъ для лѣтнихъ занятій; войска употреблялись для государственныхъ работъ въ крѣпостяхъ, при постройкѣ нѣкоторыхъ желѣзныхъ путей, въ особенности же, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, гдѣ они пролагали дороги, устраивали помѣщенія для войскъ, возводили укрѣпленія; собирались статистическія свѣдѣнія о Россіи и иностранныхъ государствахъ, преимущественно военныя; исполнялись геодезическія работы по измѣренію, вслѣдствіе международнаго соглашенія, дуги параллели 52° сѣверной широты, тригонометрическія измѣренія разныхъ мѣстностей, а также топографическія съемки; гвардейскій генеральный штабъ упраздненъ и всѣ офицеры генеральнаго штаба, гдѣ бы они ни служили, соединены въ одинъ нераздѣльный корпусъ, съ одинаковыми правами, преимуществами и мундиромъ.

Составленное изъ бывшихъ департаментовъ провіантскаго и коммиссаріатскаго, главное интендантское управленіе вполнѣ преобразовало находившуюся въ крайнемъ разстройствѣ, хозяйственную часть въ войскахъ. Въ основаніе преобразованія положено начало децентрализаціи. Видоизмѣнена организація интендантскихъ складовъ и провіантскихъ магазиновъ, при которыхъ учреждены особыя пріемныя коммиссіи; основана въ Москвѣ обмундировальная мастерская для резервныхъ и запасныхъ войскъ; измѣненъ размѣръ провіантскаго

и фуражнаго довольствія и опредѣлены способы ихъ заготовленія; заведены хозяйственные запасы для обезпеченія продовольствія войскъ; введено новое, упрощенное обмундированіе; заготовлены запасы вещеваго довольствія; установлены новыя правила пріема и отпуска вещей; войска снабжены обозомъ новаго образца; улучшено ремонтированіе лошадьми; преобразовано хозяйство въ полкахъ и отдѣльныхъ баталіонахъ, на комитетскомъ началѣ, съ установленіемъ строгой отчетности.

На долю преобразованнаго артиллерійскаго вѣдомства выпала сложная и трудная задача перевооруженія пѣхоты и артиллеріи, сообразно успѣхамъ техники и современнымъ требованіямъ военнаго дѣла.

Въ началѣ царствованія Императора Александра II, бо́льшая часть европейскихъ армій была вооружена нарѣзнымъ ружьемъ, заряжающимся съ дула. Къ перевооруженію такими ружьями и карабинами пашей пѣхоты и кавалеріи приступлено тотчасъ по окончаніи Крымской войны. Но уже, въ 1864 и въ 1866 годахъ, обнаружились преимущества ружей, заряжающихся съ казенной части и введенныхъ въ прусской арміи, что́ вызвало предположеніе о введеніи у насъ такихъ же ружей съ бумажнымъ патрономъ. Между тѣмъ, выяснилась бо́льшая пригодность ружей меньшаго калибра съ металлическимъ патрономъ и рѣшено ввести въ русской арміи ручное огнестрѣльное оружіе, приспособленное къ послѣднему. Такимъ образомъ, едва успѣвали ввести одно ружье, какъ приходилось вводить другое, болѣе совершенное, вслѣдствіе чего, къ началу 1877 года, т.-е. къ открытію военныхъ дѣйствій съ Турціею, русская пѣхота имѣла ружья трехъ различныхъ системъ: малокалиберныя винтовки Бердана (съ откиднымъ затворомъ)—270.962; винтовки Крынка (съ металлическимъ патрономъ)—572.700, и винтовки Карля (съ бумажнымъ патрономъ)—150.868. Драгуны были снабжены винтовками Крынка, вся прочая кавалерія—малокалиберными карабинами. Пистолеты въ войскахъ всюду замѣнены револьверами образца Смита-Вессона.

Важныя открытія въ области пиротехники обусловили и перевооруженіе артиллеріи какъ полевой, такъ и осадной, и крѣпостной, новыми усовершенствованными орудіями. Въ полевой артиллеріи, въ 1865 году приняты орудія, заряжающіяся съ казенной части и желѣзные лафеты; въ 1866 году окончательно установлены, какъ образцы орудій, стальныя пушки 9-ти и 4-хъ-фунтовыя, а въ 1870 году введены орудія скорострѣльныя. Но опытъ франко-нѣмецкой войны 1870—1871 годовъ указалъ на необходимость усиленія артиллеріи вообще, а потому рѣшено для каждой пѣшей артиллерійской бригады сформировать по двѣ батареи, т.-е. усилить пѣшую артиллерію въ полтора раза. Ко времени объявленія второй Восточной войны всѣ 47 артиллерійскихъ бригадъ были уже приведены въ шести-батарейный составъ.

Въ осадной артиллеріи гладкостѣнныя орудія также замѣнены нарѣзными, а мѣдныя—стальными, причемъ приняты два образца пушекъ: 24-хъ и 9-ти-фунтовыя и два образца мортиръ: 8-ми и 6-ти-дюймовыя. Положено имѣть въ Европейской Россіи два осадные парка, на Кавказѣ—полупаркъ, содержа въ каждомъ паркѣ по 400 орудій. Усиленъ калибръ и увеличено число усовершенствованныхъ по новымъ системамъ и образцамъ орудій крѣпостной и береговой артиллеріи.

Улучшенія по инженерной части замедлялись, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ. Такъ, введеніе нарѣзной артиллеріи вызывало соотвѣтственныя измѣненія въ сооруженіи нашихъ крѣпостей. Къ сожалѣнію, выработанный генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ планъ перестройки ихъ, хотя и былъ утвержденъ Государемъ, но такъ какъ онъ требовалъ затраты въ 48 милліоновъ рублей, то и не могъ быть осуществленъ въ полномъ объемѣ, а пришлось удовольствоваться нѣкоторыми частными, наиболѣе настоятельными улучшеніями и, не предпринимая новыхъ работъ, ограничиться приведеніемъ въ исправность и поддержаніемъ существующихъ укрѣпленій. Такимъ образомъ, вся наша оборонительная система осталась недовершенною, сухопутныя крѣпости—недостроенными, съ каменными постройками, не прикрытыми съ поля отъ разрушительнаго дѣйствія новыхъ артиллерійскихъ орудій. Совершенно открытой осталась вся западная граница Имперіи, за неокончаніемъ Кіевской крѣпости и за неимѣніемъ средствъ для возведенія предположенныхъ новыхъ укрѣпленій на Волыни и по Днѣстру. О со-

оруженіи же таковыхъ вдоль прусской границы не возбуждалось и вопроса.

Завѣдываніе медицинскою частью въ сухопутныхъ войскахъ сосредоточено въ переименованномъ изъ бывшаго военно-медицинскаго департамента, главномъ военно-медицинскомъ управленіи, которому подчинена военно-медицинская академія. Съ учрежденіемъ военныхъ округовъ, управленіе госпиталями изъято изъ интендантскаго вѣдомства и передано во вновь образованныя окружныя военно-медицинскія управленія. Преобразованы военно-фельдшерскія школы, изданъ новый госпитальный уставъ и установлена организація госпитальной части въ военное время. Усовершенствованъ санитарный обозъ. Врачебный персоналъ значительно усиленъ въ своемъ составѣ, а равно и санитарная прислуга.

Коренныя преобразованія произведены по военно-судной части. Они не ограничились пересмотромъ существующихъ узаконеній, а внесли въ военное судоустройство и судопроизводство общія начала судебной реформы. Выше уже упомянуто объ ограниченіи въ арміи тѣлесныхъ наказаній въ 1863 году. Тогда же издано положеніе объ охраненіи военной дисциплины и о дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Два года спустя, Высочайше утверждены главныя основанія устава о военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Затѣмъ аудиторіатскій департаментъ преобразованъ въ главное военно-судное управленіе, обнародованы военно-судный уставъ, воинскій уставъ о наказаніяхъ; основана военно-юридическая академія; открытъ главный военный судъ и новый уставъ постепенно введенъ во всѣхъ военныхъ округахъ; установлены точныя правила суда общества офицеровъ.

Не менѣе существенныя измѣненія внесены въ устройство военно-учебныхъ заведеній.

По смерти генералъ-адъютанта Ростовцова, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній назначенъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, а въ 1863 году, все это, бывшее до того самостоятельнымъ, вѣдомство включено въ составъ военнаго министерства, причемъ прежній штабъ военно-учебныхъ заведеній и управленіе училищъ военнаго вѣдомства соединены въ одно главное управленіе. Тогда же образованъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича, Комитетъ для коренаго преобразованія разсадниковъ военнаго воспитанія, который, признавъ ихъ неудовлетворяющими своему назначенію, пришелъ къ заключенію о необходимости слѣдующихъ мѣръ: 1) сохранить за военно-учебными заведеніями прежнее ихъ назначеніе: доставлять не только спеціальнымъ оружіямъ, но и армейскимъ войскамъ офицеровъ, получившихъ достаточное общее и основательное военное образованіе, для замѣщенія впослѣдствіи старшихъ воинскихъ должностей; 2) штатное число воспитанниковъ опредѣлить на такомъ основаніи, чтобы заведенія ежегодно могли выпускать отъ 400 до 800 офицеровъ; 3) отдѣлить спеціальные классы отъ общихъ и образовать изъ первыхъ особыя спеціальныя заведенія; 4) заведенія со спеціальными классами, названныя военными училищами, устроить такимъ образомъ, чтобы молодые люди, приготовляющіеся въ нихъ къ военному поприщу были какъ можно ближе поставлены въ условія военнаго воспитанія и могли быть вполнѣ подготовлены ко всѣмъ требованіямъ военной службы; 5) измѣнить устройство заведеній съ общими классами сообразно современнымъ требованіямъ педагогіи, прекративъ въ нихъ фронтовыя занятія, какъ не соотвѣтствующія возрасту воспитанниковъ, и обративъ ихъ въ военныя гимназіи; 6) уменьшить число военно-учебныхъ заведеній, согласно съ уменьшеніемъ цифры ежегоднаго выпуска изъ нихъ офицеровъ съ тѣмъ, чтобы могущія получиться при семъ сбереженія обратить на учрежденіе юнкерскихъ училищъ, а часть ихъ отдѣлить министерству народнаго просвѣщенія для увеличенія обще-образовательныхъ реальныхъ заведеній. По утвержденіи Государемъ этихъ предположеній приступлено къ постепенному приведенію ихъ въ исполненіе.

Спеціальные классы кадетскихъ корпусовъ соединены въ три военныя училища: Павловское и Константиновское въ С.-Петербургѣ и Александровское въ Москвѣ; самые же кадетскіе корпуса бо́льшею частью преобразованы въ военныя гимназіи, нѣкоторые упразднены, Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ переименовано въ кавалерійское училище, соотвѣтствующее училищамъ артиллерійскому и инженерному. Учреждены юнкерскія учи-

лища для образованія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ. Преобразованы корпуса пажескій и финляндскій кадетскій, съ установленіемъ въ нихъ спеціальныхъ классовъ. Военныя начальныя школы, возникшія изъ прежнихъ баталіоновъ кантонистовъ, преобразованы въ военныя прогимназіи. Существенныя измѣненія внесены въ устройство пяти спеціальныхъ академій: генеральнаго штаба, инженерной, артиллерійской, военно-медицинской и военно-юридической, подчиненныхъ, каждая, подлежащему главному управленію военнаго министерства, равно какъ и существующія при двухъ изъ нихъ училища: артиллерійское и инженерное. Для приготовленія преподавателей учреждены особые педагогическіе курсы и учительская семинарія.

Всего, въ 1880 году, существовало военно-учебныхъ заведеній, не считая пяти академій: военныхъ училищъ, включая спеціальныя училища и классы при корпусахъ пажескомъ и финляндскомъ—9; военныхъ гимназій съ приравненными къ нимъ подготовительными классами корпусовъ пажескаго и финляндскаго и приготовительнымъ пансіономъ Николаевскаго кавалерійскаго училища—23; юнкерскихъ училищъ—16 и военныхъ прогимназій—8.

Преобразовательная дѣятельность военнаго вѣдомства распространилась и на иррегулярныя войска. Новыя положенія для нихъ вырабатывались, во вновь образованномъ, въ составѣ военнаго министерства, главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ, особымъ комитетомъ съ приглашеніемъ въ него и депутатовъ отъ казачьихъ войскъ. При представленіи послѣднихъ Государю, 5-го ноября 1866 года, Его Величество въ слѣдующихъ словахъ выразилъ взглядъ свой на предстоявшую имъ дѣятельность: „Вы собраны сюда для того, чтобы съ вашею помощью разъяснить истинныя ваши нужды и пользы. Нынѣшнія положенія о казачьихъ войскахъ устарѣли и во многомъ требуютъ пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ услугъ Отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе. Твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ желаю, чтобы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ значеніе было, сколько возможно, согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія. Казачье населеніе, отбывая по прежнему военную свою обязанность, можетъ и должно, въ то же время, пользоваться общими для всѣхъ частей Имперіи благами гражданскаго благоустройства. Къ этой главной цѣли должны клониться ваши труды, и мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ее“.

Во исполненіе Высочайшей воли, въ первое десятилѣтіе управленія военнымъ министерствомъ генералъ-адъютанта Милютина, съ 1861 по 1871 годъ, преобразованія касались преимущественно гражданской части въ казачьихъ войскахъ, которыя перестали быть замкнутымъ учрежденіемъ. Открытъ выходъ изъ войсковаго сословія; лица другихъ сословій пріобрѣли право селиться и пріобрѣтать собственность въ земляхъ казачьихъ войскъ; въ административномъ, судебномъ и полицейскомъ отношеніяхъ, лица казачьяго сословія подчинены учрежденіямъ, или общимъ съ остальными сословіями, или же устроеннымъ весьма сходно съ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи. Во второе десятилѣтіе, съ 1871 по 1881 годъ, приступлено было къ переустройству военной части въ казачьихъ войскахъ, причемъ имѣлось въ виду поставить казаковъ въ военномъ отношеніи въ уровень съ регулярными войсками. Съ этою цѣлью изданы новыя положенія о воинской повинности и военной службѣ казаковъ; казаки снабжены новымъ оружіемъ, а казачьи части, находящіяся на дѣйствительной службѣ, поставлены въ одинаковыя условія и бо́льшею частью соединены съ регулярными войсками; приняты мѣры для обезпеченія скорѣйшей мобилизаціи вновь вызываемыхъ на службу казачьихъ частей, исправнаго ихъ снаряженія и вооруженія. На основаніи вновь введенныхъ положеній, къ концу царствованія, число частей, которыя должны были выставить въ военное время шесть казачьихъ войскъ: Донское, Уральское, Оренбургское, Семирѣченское, Забайкальское и Амурское, было: 568 эскадроновъ и сотень, 36 пѣшихъ сотень и 206 орудій. Новый уставъ о воинской повинности не былъ еще введенъ лишь въ четырехъ казачьихъ войскахъ: Кубанскомъ, Терскомъ, Астраханскомъ и Сибирскомъ.

Преобразованіе арміи и всѣхъ частей военнаго управленія по программѣ 1862 года было вполнѣ осуществлено въ продолженіе десяти лѣтъ. Но, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, опытъ войнъ австро-прусской и франко-германской, а также развитіе вооруженныхъ силъ государствъ Западной Европы, привели къ сознанію необходимости и для Россіи образовать новыя части въ подкрѣпленіе дѣйствующихъ войскъ. Предположенія военнаго министра объ умноженіи военныхъ силъ Имперіи удостоились Высочайшаго одобренія, и въ 1870 году, подъ главнымъ руководствомъ генералъ-адъютанта Милютина учреждены двѣ коммиссіи, одна—изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для разработки положенія о личной воинской повинности, другая — исключительно изъ военныхъ, для составленія новаго устава о запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ. Независимо отъ этихъ коммиссій, вопросъ о стратегическомъ положеніи Россіи и объ организаціи арміи разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, которое пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) усилить полевыя войска чрезъ увеличеніе боевыхъ единицъ; 2) формировать въ военное время резервныя войска и преобразовывать существовавшія крѣпостныя части, возложивъ на тѣ и другія пополненіе всѣхъ вспомогательныхъ дѣйствій въ тылу полевыхъ армій; 3) для непрерывнаго пополненія убыли полевыхъ и резервныхъ войскъ въ продолженіе военныхъ дѣйствій, формировать, вмѣстѣ съ ихъ мобилизаціей, запасныя части; 4) резервные пѣхотные баталіоны упразднить, а мѣстныя войска переформировать такимъ образомъ, чтобы они служили для усиленія и прочнаго устройства въ военное время кадровъ резервныхъ и запасныхъ войскъ. Въ полевыхъ войскахъ предположено ввести слѣдующія измѣненія: а) привести всѣ пѣхотные полки въ четырехбаталіонный составъ; б) сформировать пѣхотную дивизію и два уланскіе полка на Кавказѣ; в) ввести въ составъ кавалерійскихъ дивизій казачьи полки; г) увеличить число полевыхъ пѣшихъ батарей, прибавя къ каждой бригадѣ по двѣ батареи, а также преобразовать конную артиллерію; д) увеличить составъ инженерныхъ войскъ. Такимъ образомъ, рѣшено усилить пѣхоту, артиллерію и инженерныя войска, составъ же кавалеріи оставить почти безъ измѣненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предположено: въ пѣхотѣ и кавалеріи возстановить бригадное управленіе; часть полевыхъ войскъ соединить въ корпуса и усилить мѣстныя управленія, съ тѣмъ, чтобы они имѣли всѣ средства для исполненія обязанностей по комплектованію арміи, по учету и призыву чиновъ запаса и по первоначальному формированію резервныхъ и запасныхъ частей.

Плодомъ всѣхъ этихъ работъ былъ, обнародованный 1-го января 1874 года, уставъ о всесословной воинской повинности и вызванныя имъ положенія о новой организаціи всѣхъ частей арміи.

Провѣркою ихъ пригодности послужила мобилизація 1876—1878 годовъ. До наибольшаго развитія вооруженныя силы Имперіи достигли въ іюлѣ 1878 года. Къ тому времени, въ рядахъ регулярныхъ войскъ считалось 39.268 генераловъ и офицеровъ; 13.771 классныхъ чиновниковъ; 1.626.165 нижнихъ чиновъ и 244.641 лошадей.

Послѣ подписанія берлинскаго трактата началось приведеніе войскъ на мирное положеніе. Къ началу 1880 года, на службѣ состояли слѣдующія регулярныя части:

1) Дѣйствующія войска: пѣхота—48 дивизій и въ нихъ 192 полка, 32 стрѣлковыхъ и 36 линейныхъ баталіоновъ, а всего 836 баталіоновъ; кавалерія—56 полковъ и въ нихъ 224 дѣйствующихъ эскадроновъ; артиллерія — 292 пѣшихъ 26 конныхъ и 9 горныхъ батарей; инженерныя войска—15½ саперныхъ, 8½ понтонныхъ и 4 желѣзно-дорожныхъ баталіоновъ.

2) Резервныя войска: 97 баталіоновъ; 36 пѣшихъ батарей.

3) Крѣпостныя войска: 1 баталіонъ пѣхоты; 41 баталіонъ и 10 ротъ артиллеріи.

4) Войска для внутренней службы: 19 баталіоновъ и 660 командъ.

5) Войска запасныя: 56 эскадроновъ и 2 конныя батареи.

6) Войска учебныя: 1½ баталіона, 1 эскадронъ и 2 батареи; наконецъ—

7) 49 различныхъ частей вспомогательнаго назначенія.

Всего, въ 1880 году, числилось въ регулярныхъ войскахъ: 982½ баталіоновъ, 288 эскадроновъ, 367 батарей, 41 баталіонъ крѣпостной артиллеріи и болѣе 700 отдѣльныхъ ротъ и командъ. Въ нихъ зна-

чилось по спискамъ: 32.019 генераловъ и офицеровъ и 894.094 нижнихъ чиновъ. Полевыя войска составляли 70% общаго списочнаго состава регулярныхъ войскъ.

Главнымъ начальникомъ флота и морскаго вѣдомства, съ первыхъ же дней по воцареніи, и до самой кончины Императора Александра II, оставался генералъ-адмиралъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Живой и дѣятельный, получившій прекрасное общее и спеціально-морское образованіе, второй братъ Императора съ жаромъ принялся за порученное ему дѣло, но на первыхъ же порахъ встрѣтился съ неодолимымъ затрудненіемъ — недостаткомъ денежныхъ средствъ, обусловленнымъ печальнымъ состояніемъ финансовъ Имперіи. Возвратясь, лѣтомъ 1857 года, изъ заграничной поѣздки, имѣвшей цѣлью ознакомленіе съ морскими силами Англіи и Франціи, Великій Князь писалъ въ Тифлисъ князю Барятинскому: „Ты, любезный князь, управляешь, какъ намѣстникъ Государя, цѣлымъ царствомъ. Мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мнѣ кажется, что первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобы отбросить всякое личное славолюбіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, не блестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для будущаго, чтобы дѣти наши получили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять". Задачу свою Великій Князь полагалъ „не въ помыслахъ о морскихъ побѣдахъ, не въ созданіи вдругъ большого числа судовъ при большихъ пожертвованіяхъ, а въ томъ, чтобы безпрерывнымъ плаваніемъ небольшого числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ". „Я теперь ничто иное", съ грустью заканчивалъ онъ письмо свое къ Намѣстнику Кавказскому, „какъ генералъ-адмиралъ безъ флота и который только-что видѣлъ своими глазами гигантскіе флоты и морскіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ".

Вынужденный ограничить крайнимъ предѣломъ бережливости смѣту расходовъ морского вѣдомства, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, съ Высочайшаго одобренія, положилъ въ основу преобразованія флота три слѣдующія начала: 1) возможно бо́льшее плаваніе военныхъ судовъ въ дальнихъ моряхъ и океанахъ, необходимое какъ для созданія истинныхъ моряковъ, такъ и для поддержанія международнаго значенія Россіи; 2) независимость отъ иностранныхъ верфей и заводовъ въ дѣлѣ сооруженія военныхъ судовъ; 3) сокращеніе и упрощеніе береговой администраціи до крайней возможности, при сознаніи, что не флотъ существуетъ для администраціи, а администрація для флота. Соотвѣтственно этой программѣ, въ продолженіе четверти столѣтія, существенныя преобразованія произведены, какъ въ личномъ, такъ и въ судовомъ составѣ флота, а равно и въ управленіи морскимъ вѣдомствомъ.

Заключеніе парижскаго мира, а также необходимость денежныхъ сбереженій, побудили приступить немедленно къ сокращенію численнаго состава офицеровъ и матросовъ. Въ 1855 году первыхъ значилось по спискамъ 3.912, вторыхъ 125.169, что́ представляло значительный избытокъ противъ дѣйствительной потребности. Для уменьшенія этого избытка, нѣсколько офицеровъ уволено на выгодныхъ условіяхъ въ коммерческій флотъ, ограниченъ пріемъ въ морскія учебныя заведенія, наконецъ, немалое число адмираловъ и офицеровъ уволено въ резервъ. Къ концу царствованія, наличность офицеровъ въ морскомъ вѣдомствѣ была въ 3.209 человѣкъ, т.-е. на 703 человѣка менѣе, чѣмъ въ первый годъ. Еще бо́льшее сокращеніе произведено въ числѣ матросовъ, которое, въ 1880 году, не превышало 26.683 человѣкъ. Результатъ этотъ достигнутъ, главнымъ образомъ, уменьшеніемъ береговыхъ командъ, состоявшихъ въ 1855 году изъ 63.163 человѣкъ нижнихъ чиновъ, а въ 1880 году, всего изъ 822.

Съ цѣлью практическаго образованія командъ предприняты дальнія плаванія. Уже въ 1856 году снаряжена въ Средиземное море эскадра изъ пяти судовъ, въ томъ числѣ трехъ паровыхъ. Въ слѣдующемъ году, двѣ винтовыя эскадры отправлены изъ Кронштадта въ Черное море и одна къ устьямъ Амура. Въ 1858 году снаряжена въ кругосвѣтное плаваніе эскадра

изъ трехъ корветовъ и трехъ клиперовъ. Главною и лучшею школою для русскихъ моряковъ признавался Тихій океанъ, и за исключеніемъ трехъ лѣтъ, съ 1867 по 1869 годъ, когда, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, пріостановлены были океанскія плаванія,—число военныхъ судовъ въ Тихомъ океанѣ никогда не было ниже 10, а въ иные годы доходило и до 24. Волненія въ Сиріи, въ 1860 году, и критское возстаніе 1866 — 1868 годовъ вызвали усиленіе числа русскихъ военныхъ судовъ въ Средиземномъ морѣ, а въ 1863 году эскадра вице-адмирала Лесовскаго посѣтила главнѣйшіе порты Сѣверной Америки.

Ежегодно же производились практическія плаванія винтовыхъ судовъ Балтійскаго флота во внутреннихъ водахъ, въ видѣ особой, организованной для этой цѣли эскадры. Съ 1864 года стали входить въ составъ ея и броненосныя суда. Въ 1867 году установлено во внутреннихъ водахъ очередное плаваніе всѣхъ судовъ флота и во главѣ практической броненосной эскадры, сборнымъ пунктомъ которой сдѣлался Транзундскій рейдъ, поставленъ вице-адмиралъ Бутаковъ 1-й, сохранившій начальство надъ нею въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Подъ его руководствомъ, команды знакомились съ особенностями плаванія на броненосцахъ и управленія ими, упражняясь и въ артиллерійской стрѣльбѣ. Императоръ Александръ, ежегодно производившій смотръ балтійскому флоту въ Кронштадтѣ, дважды посѣтилъ Транзундскій рейдъ: въ 1869 и въ 1873 годахъ, для личнаго ознакомленія съ результатами хода морскаго образованія въ этой практической школѣ. Въ первое посѣщеніе, продолжавшееся два дня, Его Величество присутствовалъ при рядѣ ученій и опытовъ, относясь съ живымъ интересомъ ко всему видѣнному. По окончаніи смотра Государь вызвалъ къ себѣ на фрегатъ „Петропавловскъ“ всѣхъ флагмановъ и командировъ судовъ и обратился къ нимъ со слѣдующими знаменательными словами: „Я васъ позвалъ, господа, сюда для того, чтобы еще разъ васъ видѣть и искренно благодарить за то удовольствіе, которое вы мнѣ доставили во время моего кратковременнаго пребыванія съ вами. Сожалѣю очень, что не могу пробыть между вами болѣе. Благодарю васъ за тѣ успѣхи, которые вы сдѣлали до сихъ поръ. Я хочу сказать вамъ, чтобы вы не думали, что вы уже достигли совершенства, но я надѣюсь, что вы постараетесь достигнуть совершенства, по всѣмъ частямъ вашей многотрудной и разнообразной службы, и въ случаѣ надобности, поддержите честь русскаго флага, какъ это уже случалось нѣсколько разъ. Еще разъ, благодарю васъ, господа. Передайте мое спасибо офицерамъ и командѣ“. Четыре года спустя, при вторичномъ посѣщеніи броненосной эскадры на Транзундскомъ рейдѣ, Государь выразилъ удовольствіе свое въ слѣдующемъ тостѣ: „Пью за процвѣтаніе и благоденствіе нашего флота и благодарю за службу и труды, успѣхъ которыхъ я видѣлъ съ такимъ удовольствіемъ сегодня въ Транзундѣ. За здоровье здѣсь собранныхъ представителей этого флота. Ура!“

Императоръ Александръ всегда лично производилъ смотръ судамъ, возвращавшимся изъ заграничнаго плаванія, и неоднократно посѣщалъ адмиралтейства и заводы морскаго вѣдомства. Заботливая попечительность его распространялась на морскихъ офицеровъ не менѣе, чѣмъ на чиновъ сухопутныхъ войскъ. Въ его царствованіе денежное довольствіе ихъ увеличено болѣе, чѣмъ въ полтора раза; эмеритальная касса, основанная на остаточную сумму отъ морского бюджета, почти утроила размѣръ пенсіи лицъ, служащихъ во флотѣ и вообще въ морскомъ вѣдомствѣ. Особое вниманіе обращено на распространеніе среди моряковъ обще-образовательныхъ и спеціальныхъ знаній, предпринято изданіе сочиненій и матеріаловъ по исторіи флота, а равно журнала „Морской Сборникъ“, въ которомъ гласно и свободно обсуждались всѣ насущные, касающіеся флота, вопросы. Преобразованы всѣ морскія учебныя заведенія. Морской корпусъ переименованъ въ морское училище, а училища штурманское, инженерное и артиллерійское слиты въ одно, названное техническимъ. Постановлено воспитанниковъ морскихъ учебныхъ заведеній выпускать не прямо въ офицеры, а въ гардемарины и кондукторы, съ назначеніемъ на суда для дѣйствительной службы и съ правомъ производства въ первый офицерскій чинъ лишь по окончаніи двухъ кампаній. Улучшено и положеніе матросовъ, срокъ службы коихъ сокращенъ съ 25 до 10 лѣтъ, но изъ нихъ только 7, 6, 5 и

даже 3 года на дѣйствительной службѣ. Упрощены одежда матросовъ, а также и офицерское обмундированіе, улучшена пища и казарменныя помѣщенія, введено обученіе нижнихъ чиновъ грамотѣ; уничтожена должность деньщиковъ; облегчено фронтовое ученье, упрощенъ уставъ. Мѣры эти имѣли послѣдствіемъ значительное улучшеніе въ санитарномъ состояніи флота и уменьшеніе смертности. Въ 1856 году на одну тысячу приходилось умершихъ 49 человѣкъ, въ 1878—только 11. Наконецъ, во флотѣ, какъ и въ арміи, сначала значительно смягчены, а въ 1863 году и вовсе отмѣнены тѣлесныя наказанія.

Въ царствованіе Императора Александра II военное судостроеніе въ Россіи, какъ и всюду, находилось въ прямой зависимости отъ открытій и усовершенствованій въ этой области, слѣдовавшихъ, одно за другимъ, съ необычайною быстротою и въ концѣ концовъ, совершенно видоизмѣнившихъ боевой составъ и значеніе флота.

Когда кончилась Крымская война, морскія силы Россіи находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Черноморскаго флота не существовало, и мы даже были лишены права возстановить его. Балтійскій флотъ состоялъ, правда, изъ двухсотъ съ небольшимъ судовъ всѣхъ ранговъ, съ 3.373 пушками, но всѣ суда были парусныя, за исключеніемъ лишь девяти пароходофрегатовъ. Флотиліи въ моряхъ Охотскомъ, Бѣломъ и Каспійскомъ насчитывали небольшое число судовъ, лишенныхъ всякаго боеваго значенія.

Приступая къ постройкѣ новыхъ судовъ, морское вѣдомство рѣшило сооружать ихъ въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ, при участіи русскихъ техниковъ и мастеровъ; заказы же за границею дѣлать лишь въ видѣ исключенія, единственно для того, чтобы суда, построенныя на иностранныхъ верфяхъ, могли служить образцами для русскаго судостроенія. Въ первыя семь лѣтъ, слѣдовавшихъ за заключеніемъ парижскаго мира, сооружено для балтійскаго флота 26 винтовыхъ судовъ, изъ нихъ только пять за границею. То были: 3 трехдечные корабля, 7 фрегатовъ, 6 корветовъ, 7 клиперовъ и 3 морскія канонерскія лодки. Но въ этотъ періодъ времени дни деревяннаго флота уже были сочтены. Первоклассныя морскія державы — Англія, Франція, Сѣверо-Американскіе Штаты — строили уже суда, покрытыя желѣзною бронею. Необходимость броненоснаго судостроенія сознана у насъ еще въ 1858 году, но вслѣдствіе недостаточности средствъ, находившихся въ распоряженіи морского вѣдомства, только три года спустя оказалось возможнымъ заказать въ Англіи первое русское броненосное судно, батарею „Первенецъ“. Вслѣдствіе возникшихъ въ 1863 году политическихъ несогласій съ Великобританіею по польскому вопросу и ожидаемаго разрыва съ этою державою, названное судно было приведено въ Кронштадтъ недостроеннымъ и окончено въ Россіи.

Опасность разрыва съ морскими державами вызвала рядъ чрезвычайныхъ мѣръ для приведенія въ оборонительное состояніе Кронштадта и самаго Петербурга. Одни береговыя укрѣпленія признаны для того недостаточными, и Высочайше повелѣно морскому вѣдомству употребить всю свою дѣятельность на созданіе броненоснаго флота, имѣющаго спеціальнымъ назначеніемъ охрану доступовъ къ Кронштадту и къ самой столицѣ. Въ теченіе одного года построено, на казенныхъ и частныхъ верфяхъ, 10 мониторовъ и одна однобашенная лодка, снабженные вполнѣ обученными командами, обученіе коихъ новымъ пріемамъ обращенія съ броненосными судами произведено даже ранѣе спуска послѣднихъ на воду. Тогда же сооружены еще двѣ броненосныя батареи и превращены въ броненосцы два недостроенные деревянные фрегата. Эти 16 судовъ и послужили началомъ для русскаго броненоснаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

Переворотъ въ судостроеніи вызвалъ необходимость перестройки всѣхъ нашихъ адмиралтействъ: въ Кронштадтѣ, въ Петербургѣ и въ Ижорѣ. Возведены новые элинги, склады, механическія мастерскія, выписаны изъ-за границы и установлены многочисленные сложные механизмы съ машинами; приняты мѣры къ пріобрѣтенію русскими техниками новыхъ для нихъ свѣдѣній и опытности, къ обезпеченію нашихъ верфей и заводовъ запасами металловъ; наконецъ, вызвана къ жизни частная дѣятельность и при поддержкѣ морскаго министерства, создались новые желѣзодѣлательные, металлическіе и судостроительные заводы. Перечисленныя выше суда балтійскаго флота, а также, сооруженные съ 1864

по 1867 годъ, двѣ двухбашенныя лодки „Чародѣйка“ и „Русалка“, два двухбашенные фрегата „Адмиралъ Спиридовъ“ и „Адмиралъ Чичаговъ“ и два трехбашенные фрегата „Адмиралъ Грейгъ“ и „Адмиралъ Лазаревъ“, а также первый нашъ мореходный броненосный желѣзный фрегатъ „Князь Пожарскій“, построены всѣ на русскихъ верфяхъ, изъ русскаго матеріала, русскими мастерами. Заказы за границею прекращены совершенно, и распоряженія въ этомъ смыслѣ морскаго министерства, имѣвшія послѣдствіемъ прекращеніе зависимости нашего судостроенія отъ иностранцевъ и доставленіе отечественной промышленности новаго обширнаго поля дѣятельности, не только были вполнѣ одобрены Государемъ, но и поставлены въ примѣръ прочимъ вѣдомствамъ. 6-го октября 1866 года, Высочайше повелѣно: „Прекратить на будущее время правительственные заказы за границею, подобно тому, какъ это уже приведено въ исполненіе по морскому вѣдомству, и затѣмъ всѣ заказы какъ военнаго министерства, такъ и министерства путей сообщенія и другихъ вѣдомствъ, исполнять внутри государства, не смотря ни на какія затрудненія и неудобства, которыя это могло бы представить на первыхъ порахъ“.

Къ концу 1869 года, Россія имѣла уже въ Балтійскомъ морѣ 23 броненосныя судна, съ 61.390 тоннъ водоизмѣщенія, 7.110 номинальныхъ силъ машинъ, 162 орудіями большого калибра. Но всѣ эти суда, за исключеніемъ фрегата „Князь Пожарскій“, предназначались лишь для охраненія доступовъ къ Кронштадту и Петербургу, а потому имѣли малое углубленіе для плаванія по мелководіямъ. Особая коммиссія, Высочайше образованная въ 1870 году, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена, для выработки подробнаго плана обороны Кронштадта при совокупномъ дѣйствіи нашего броненоснаго флота и неподвижныхъ фортовъ и батарей, признала, что имѣющіеся броненосцы достаточны для этой цѣли и указала лишь на необходимость сооруженія, для пополненія обороны въ самыхъ мелководныхъ мѣстахъ, нѣкотораго числа мелкосидящихъ канонерскихъ лодокъ, носящихъ по одному нарѣзному орудію большого калибра. Такихъ лодокъ, въ 30 номинальныхъ силъ, съ однимъ 11-ти-дюймовымъ нарѣзнымъ орудіемъ, построено, къ концу царствованія, пять.

Между тѣмъ, на Западѣ, сооружались броненосцы уже не только для береговой обороны, но и для дальняго плаванія, и притомъ громадныхъ, небывалыхъ дотолѣ размѣровъ. Первымъ судномъ этого типа былъ у насъ броненосный корабль „Петръ Великій“, построенный въ Петербургѣ и спущенный на воду въ 1876 году. Хотя это судно и имѣло спеціальнымъ назначеніемъ служить мореходнымъ броненосцемъ, но, по неимѣнію рангоута, оно не могло удовлетворять условіямъ океанской крейсерской службы. Такихъ крейсеровъ, покрытыхъ бронею, съ 1870 по 1880 годъ, построено три— „Генералъ-Адмиралъ“, „Герцогъ Эдинбургскій“ и „Мининъ“,—а винтовыхъ, небронеоносныхъ клиперовъ—восемь. Къ нимъ присоединены, въ послѣдніе три года царствованія, еще четыре клипера, купленные въ Америкѣ во время послѣдней Восточной войны. Тогда же построено по особому типу 100 миноносокъ. Въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть о двухъ крупныхъ броненосныхъ судахъ, названныхъ по имени изобрѣтателя ихъ, генералъ-адъютанта Попова, „поповками“ и построенныхъ въ Николаевѣ для береговой обороны Чернаго моря, но оказавшихся не удовлетворяющими своему назначенію.

Въ тѣсной связи съ успѣхами судостроенія находилось и снабженіе броненосныхъ и винтовыхъ судовъ новыми усовершенствованными орудіями, калибръ и вѣсъ которыхъ постоянно увеличивались, по мѣрѣ утолщенія брони на судахъ. Къ началу шестидесятыхъ годовъ, бо́льшая часть старыхъ орудій замѣнена въ русскомъ флотѣ пушками 36-ти и 60-ти-фунтоваго калибра. Но со времени введенія броненосныхъ судовъ, въ морской артиллеріи совершился обусловленный ими, коренной переворотъ. Калибръ орудій и вѣсъ снарядовъ расли съ каждымъ новымъ усовершенствованіемъ, и орудія, доходившія до калибра въ 16 дюймовъ и до 5.000 пудовъ вѣса, стали приготовляться для нашихъ судовъ на основанномъ въ 1864 году, въ Петербургѣ, подъ покровительствомъ и контролемъ морскаго вѣдомства, Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ. Для поддержанія этого завода казна принесла большія жертвы, ссудивъ ему, независимо отъ авансовъ на заказы, до $4^1/_2$ милліоновъ рублей. Зато Обухов-

скій заводъ, не только поставилъ всѣ орудія, необходимыя для перевооруженія флота, но съ 1871 года, сдѣлался постояннымъ поставщикомъ стальныхъ орудій и военно-сухопутному вѣдомству. Имъ же производились снаряды, пушечные станки, стволы для винтовокъ, воздушные резервуары для минъ, а также желѣзно-дорожныя принадлежности и коммерческая сталь. Послѣдняя была употреблена на котлы и корпуса строившихся въ Россіи судовъ.

Къ концу царствованія, всѣ боевыя суда флота были снабжены нарѣзными стальными пушками, а въ портахъ начали образовываться запасы орудій. Общее число орудій во флотѣ, въ 1880 году, было, въ калибрѣ отъ 4 до 12 дюймовъ: обуховскихъ 498, заказанныхъ на заводѣ Круппа въ Эссенѣ 188, итого 686.

Широкое развитіе получило у насъ минное дѣло. Уже въ 1868 году отправляемый въ Тихій океанъ клиперъ „Гайдамакъ“ былъ снабженъ, съ боевою цѣлью, минами на откидныхъ шестахъ. Въ началѣ 1874 года, завѣдываніе минною частью выдѣлено въ самостоятельное управленіе, ввѣренное контръ-адмиралу Пилкину. Предполагалось образовать минный составъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, спеціально приготовленныхъ къ сознательному дѣйствію минами и составить запасъ наиболѣе усовершенствованныхъ минъ. Въ 1880 году числилось уже 70 минныхъ офицеровъ и 266 минеровъ, и, сверхъ того, обучалось въ офицерскихъ классахъ 30 офицеровъ и въ школѣ 90 нижнихъ чиновъ.

Коренному преобразованію подверглось, въ двадцатипятилѣтіе съ 1855 по 1880 годъ, и самое морское министерство на слѣдующихъ началахъ: разсредоточіе управленія; самостоятельность мѣстныхъ властей, съ расширеніемъ правъ ихъ и усиленіемъ отвѣтственности; наконецъ, уменьшеніе числа служащихъ и обезпеченіе ихъ быта. Утверждая проектъ новаго положенія объ управленіи морскимъ вѣдомствомъ, Императоръ Александръ поставилъ эти начала—какъ сказано въ собственноручной резолюціи Его Величества—„въ примѣръ всѣмъ г.г. министрамъ и главноуправляющимъ, надѣясь и возлагая на нихъ попеченіе достигнуть того же и по ввѣреннымъ имъ управленіямъ“. За упраздненіемъ, въ 1867 году, двухъ департаментовъ, кораблестроительнаго и коммиссаріатскаго, и за передачею дѣлъ ихъ въ порты, сокращеніе числа служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1853 году числилось чиновниковъ—въ министерствѣ 391 и въ портовыхъ управленіяхъ 743, всего 1,134; а въ 1880 году—въ министерствѣ 107, въ портовыхъ управленіяхъ 428, всего 535, т.-е. менѣе, чѣмъ на половину.

Сверхъ того, совершенно преобразована, на новыхъ раціональныхъ началахъ, система смѣтъ, счетоводства и отчетности; введенъ строгій контроль въ портовыхъ магазинахъ, адмиралтействахъ и заводахъ; пересмотрѣнъ морской уставъ; изданы положенія по части госпитальной, судебной, тюремной, денежнаго и матеріальнаго довольствія командъ; наконецъ, въ морскомъ вѣдомствѣ введено судоустройство и судопроизводство на началахъ судебныхъ уставовъ 1864 года.

Всеподданнѣйшій отчетъ по морскому вѣдомству, представленный Государю Императору въ двадцатипятилѣтнюю годовщину его царствованія и обнимающій періодъ времени съ 1855 по 1880 годъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ заключилъ слѣдующими словами: „Въ прошедшее двадцатипятилѣтіе нашъ военный флагъ развѣвался въ океанахъ и моряхъ всѣхъ частей свѣта и появлялся повсюду, гдѣ только требовала наша политика; при натянутыхъ нашихъ отношеніяхъ съ западными державами въ 1863 году, и съ Англіею въ 1878 году, онъ не укрывался за крѣпостными твердынями, но выходилъ въ океанъ для крейсерства, хотя наше географическое положеніе, ставящее этотъ выходъ подъ контроль враждебныхъ намъ державъ, и не позволяло дать этому крейсерству всего возможнаго развитія. Но естественный ходъ по пути, которому мы слѣдуемъ, ведетъ насъ къ тому, что теперь можно уже предвидѣть время, когда не порты замерзающаго Финскаго залива, но порты безпредѣльнаго Восточнаго океана будутъ служить опорнымъ пунктомъ для нашего флота: такъ окрѣпла связь съ ними при помощи кругосвѣтныхъ плаваній нашихъ военныхъ судовъ. Всѣ судостроительныя работы и сооруженіе всѣхъ, самыхъ сложныхъ механизмовъ исполняются у насъ въ Россіи, на нашихъ заводахъ, и въ этомъ отношеніи мы находимся совершенно въ независимости отъ

чужеземныхъ державъ. Теперь уже невозможно повтореніе того безысходнаго положенія, въ которое насъ поставило, въ началѣ 1850-хъ годовъ, введеніе винтоваго двигателя, и никакое новое изобрѣтеніе не можетъ насъ застать врасплохъ. По морскому и техническому образованію нашъ личный составъ флота не уступаетъ могущественнѣйшимъ флотамъ. Нѣтъ такихъ неожиданныхъ открытій и усовершенствованій въ другихъ флотахъ, которыя не могли бы сдѣлаться и не дѣлались бы достояніемъ нашихъ верфей и адмиралтействъ и не получили у насъ осуществленія. Въ нашемъ флотѣ имѣются суда, построенныя у насъ, которыя могутъ состязаться съ сильнѣйшими судами соотвѣтствующихъ типовъ въ заграничныхъ флотахъ. Мы имѣемъ средства выполнить всякія новыя требованія морской науки и практики, не такъ легко и быстро, какъ стоящія впереди насъ, въ дѣлѣ заводской промышленности, Англія и Франція, но не менѣе того, мы не будемъ вынуждены искать выхода изъ затрудненія у иностранцевъ. Доказательствомъ тому служитъ послѣдняя Восточная война. Мы имѣли для нея въ избыткѣ всякаго рода спеціалистовъ для морского дѣла, и какъ скоро ходъ войны показалъ громадное значеніе, которое можетъ имѣть въ ней новое орудіе разрушенія—мины, и намъ даны средства къ сооруженію многочисленной флотиліи миноносокъ, мы не затруднились соорудить такую флотилію у себя дома, въ нѣсколько мѣсяцевъ. Нашъ торговый паровой флотъ, благодаря правительственной поддержкѣ, также сдѣлалъ шаги впередъ. Наконецъ, что касается администраціи въ обширномъ смыслѣ этого слова, то морское министерство шло впереди другихъ вѣдомствъ въ многочисленныхъ и столь благодѣтельныхъ реформахъ, которыя были совершены по этой части въ первое двадцатипятилѣтіе царствованія Вашего Императорскаго Величества. Все это даетъ мнѣ смѣлость думать, что флотъ 1880 года имѣетъ болѣе правильныя основы, чѣмъ имѣлъ флотъ 1855 года, и что онъ представляетъ изъ себя живую силу, заключающую въ себѣ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія, хотя и требуется еще много затратъ, чтобы довести его до того положенія, которое соотвѣтствуетъ достоинству Россіи".

XVIII.

Финансы и народное хозяйство.

1855—1881.

Преобразовательное движеніе, обнимавшее, по волѣ Императора Александра II, всѣ стороны государственной и общественной жизни Россіи, нигдѣ не проявилось столь рѣшительно и наглядно, какъ въ переустройствѣ финансоваго управленія и въ находящейся въ прямой зависимости отъ него, области народнаго хозяйства. Разумѣется, и здѣсь не обошлось безъ неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ увлеченій, колебаній, не всегда удачныхъ опытовъ и, вообще, промаховъ, ошибокъ и недочетовъ. Но не смотря на это, во все продолженіе царствованія, государство быстро и неуклонно шло впередъ по пути экономическаго развитія. Коренныя преобразованія, видоизмѣнившія его внутренній строй, пробудили русское общество, вызвали въ немъ самодѣятельность и, при сильной правительственной поддержкѣ, промышленность и торговля страны въ короткое время сдѣлали замѣчательные успѣхи. Покрытая густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Россія 1881 года, въ экономическомъ отношеніи, явилась по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ она была въ 1855 году, совершенно неузнаваемою.

Между тѣмъ, на первыхъ порахъ, въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ государственныхъ финансовъ, Императору Александру пришлось бороться съ трудностями, долго казавшимися неодолимыми. Продолжавшаяся безъ малаго три года война съ четырьмя европейскими державами, къ тому же война неудачная, опустошила казну, истощила всѣ производительныя силы Россіи. Финансы Имперіи находились въ состояніи полнаго разстройства. Чрезвычайные военные расходы, выразившіеся въ громадной цифрѣ дефицита за 1853, 1854, 1855 и 1856 годы, простиравшагося, въ общей сложности, до 800.000.000 рублей, за отсутствіемъ кредита на иностранныхъ рынкахъ, пришлось покрывать исключительно изъ внутреннихъ источниковъ, каковыми служили заимствованія изъ вкладовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и усиленный выпускъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ выпущено, съ 1854 по 1857 годъ, на сумму 560.000.000, и къ

1-го января 1857 года находилось въ обращеніи 689.279.000 рублей. Фонды колебались; падалъ вексельный курсъ. Но съ заключеніемъ мира не прекратились издержки, вызванныя войною. Безвыходное положеніе государственной казны обличалъ бюджетъ на 1857 годъ. Доходы были исчислены въ немъ въ 258 милліоновъ рублей, изъ которыхъ, за вычетомъ 100 милліоновъ на уплату процентовъ по займамъ, военное и морское вѣдомства требовали 117 милліоновъ, такъ что на покрытіе потребностей государства по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ оставалось всего 41 милліонъ. Дефицитъ по смѣтѣ исчисленъ былъ въ 30 милліоновъ; на дѣлѣ онъ оказался гораздо значительнѣе, и вслѣдствіе недобора въ доходахъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ, достигъ 74 милліоновъ.

Такое плачевное состояніе казны естественно озабочивало Государя. Ознакомясь съ росписью 1857 года, представленною министромъ финансовъ Брокомъ, онъ повелѣлъ членамъ, засѣдавшаго подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, высшаго финансоваго Комитета изложить мнѣніе свое о томъ, „какія мѣры могли бы поставить государственные доходы и расходы въ надлежащую соразмѣрность и вообще вывести Россію изъ нынѣшняго затруднительнаго финансоваго положенія?“ Отвѣтъ Комитета былъ, что устраненіе дефицита составляетъ неотлагательный, жизненный вопросъ для государства, но что оно невозможно безъ значительнаго уменьшенія издержекъ, а потому, довольствуясь распоряженіемъ генералъ-адмирала о сокращеніи смѣты морского вѣдомства на 5 милліоновъ рублей, Комитетъ полагалъ поручить особой коммиссіи разсмотрѣть, совокупно съ военнымъ министромъ, смѣту военнаго вѣдомства съ тѣмъ, чтобы опредѣлить положительно, въ какой мѣрѣ и какими способами можно ввести расходы онаго въ норму 1847 года.

Такая коммиссія изъ трехъ членовъ—генералъ-адъютантовъ князя Меншикова, князя Горчакова и государственнаго контролера Анненкова—была Высочайше учреждена 9-го апрѣля 1857 года. Ей не удалось убѣдить военнаго министра сократить расходы своего вѣдомства до суммы, опредѣленной смѣтою 1847 года, и пришлось удовольствоваться предложенными имъ сокращеніями, не превышавшими 10 милліоновъ, но въ дѣйствительности оказавшимися призрачными. За то, для другихъ вѣдомствъ, она предложила опредѣлить, какъ высшій предѣлъ расходовъ, нормальныя смѣты, на основаніи десятилѣтней сложности или послѣдней смѣты, но съ убавленіемъ отъ 2 до 3%. Такая нормальная вѣдомость для всѣхъ министерствъ и управленій была составлена и поднесена на Высочайшее утвержденіе 31-го мая. Прочія предложенія коммиссіи Государь также одобрилъ и, указомъ отъ 1-го іюня, вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями: „не вводить въ свои смѣты никакихъ издержекъ, не указываемыхъ совершенною необходимостью, и вообще, ограничиваться расходами, лишь неизбѣжными и неотложными, рѣшительно не допускать расходовъ сверхсмѣтныхъ и превышенія противъ Высочайше утвержденныхъ смѣтъ, подъ какимъ бы предлогомъ ни было; рѣшительно отмѣнить разрѣшеніе расходовъ отдѣльно отъ смѣтъ, займами изъ кредитныхъ установленій, и затѣмъ всѣ вообще расходы каждаго вѣдомства вносить на будущее время въ смѣты по принадлежности“. Указъ ставилъ, сверхъ того, на видъ министрамъ и главноуправляющимъ, что сокращенія расходовъ должно стараться достигнуть и посредствомъ отмѣны многихъ формъ, а въ особенности, упрощеніемъ порядка дѣйствій разныхъ управленій, что̀ дало бы возможность уменьшить ихъ штаты.

Комитетъ финансовъ занялся также изысканіемъ способовъ къ уменьшенію расходовъ самого финансоваго вѣдомства и въ этихъ видахъ, предложилъ министру финансовъ понизить проценты по долгамъ казначейства банковымъ установленіямъ. Мѣра эта была приведена въ исполненіе. Означенные займы переложены на 56 лѣтъ съ пониженіемъ платежа процентовъ до 4% и погашенія до $^1/_2$%. Такой же размѣръ процентовъ и погашенія опредѣленъ и для будущихъ заимствованій. Но одновременно понижены были, съ 4 на 3, проценты, платимые кредитными установленіями по частнымъ вкладамъ, коихъ къ 1-му іюля 1857 года, состояло въ нихъ на 140 милліоновъ рублей; на вклады же казенныхъ учрежденій проценты понижены даже на половину частныхъ вкладовъ, а именно

съ 4 на $1^1/_2{}^0/_0$. Послѣдствіемъ этого распоряженія было быстрое уменьшеніе частныхъ вкладовъ. Уже къ 1-му января 1858 года наличность ихъ въ сохранныхъ казнахъ и банкахъ уменьшилась до 95 милліоновъ. Въ теченіе же слѣдующихъ мѣсяцевъ, обратное востребованіе вкладовъ приняло такіе размѣры, что грозило государственному кредиту серьезною опасностью. Для предупрежденія ея, выпущены были $4^0/_0$ непрерывно-доходные билеты, въ которые обязательно переведены сословные и общественные вклады, и $5^0/_0$ банковые билеты для обмѣна на нихъ билетовъ вкладныхъ. Тогда же пріостановлена выдача ссудъ изъ заемнаго банка, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія подъ залогъ и перезалогъ недвижимостей, но пониженіе процентовъ по оставшимся частнымъ вкладамъ до востребованія продолжалось. Они понижены съ $3^0/_0$ на $2^1/_2{}^0/_0$ въ годъ и объявлено, что съ 1860 года платежъ будетъ производиться только въ размѣрѣ $2^0/_0$ и то безъ начисленія сложныхъ процентовъ, а въ 1860 году вовсе прекращенъ пріемъ вкладовъ во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Всѣ эти распоряженія не только не поправили нашихъ финансовъ, но еще ухудшили ихъ положеніе, вызвавъ усиленный отливъ звонкой монеты за границу. Роспись 1858 года заключилась дефицитомъ въ 14 милліоновъ. Сокращенія смѣтъ по разнымъ вѣдомствамъ оказались самыми незначительными. За сбереженіе рессурсовъ министръ финансовъ, въ отчетахъ своихъ, выдавалъ расходы, оставшіеся неисполненными. 23-го апрѣля 1858 года, Государь принялъ отставку Брока и министромъ финансовъ назначилъ А. М. Княжевича. Ясно было, что корень зла заключается въ несовершенствѣ нашей финансовой системы, а исправленіе ея возможно лишь подъ условіемъ органическихъ измѣненій, какъ въ управленіи финансами, такъ и въ отчетности ихъ и контролѣ.

Сознавая эту истину, государственный контролеръ, еще въ 1856 году, командировалъ за границу трудолюбиваго и даровитаго чиновника своего вѣдомства, В. А. Татаринова, поручивъ ему изучить положеніе финансовой и отчетной части въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы. По возвращеніи въ Россію, Татариновъ представилъ обширный докладъ, въ которомъ, обозрѣвъ дѣйствующія въ иностранныхъ государствахъ постановленія, изложилъ и соображенія свои о примѣненіи въ Россіи основныхъ началъ, на которыхъ покоится въ нихъ государственная отчетность. Начала эти были слѣдующія: 1) для всѣхъ управленій, однообразное и раціональное составленіе, исполненіе и заключеніе смѣтъ; 2) единство кассы; 3) контроль предварительный; 4) ревизія государственныхъ оборотовъ въ учрежденіи независимомъ, по подлиннымъ документамъ, и соединеніе въ этомъ учрежденіи повѣрки исполнителей и распорядителей.

Ознакомясь съ запискою Татаринова, представленной Его Величеству при докладѣ государственнаго контролера, Государь надписалъ на ней: „По важности сего дѣла желаю, чтобы оно было прочитано въ Совѣтѣ министровъ. Я, со своей стороны, совершенно раздѣляю ваши взгляды и желалъ бы, чтобъ и прочіе министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей“. Совѣтъ министровъ собрался подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императора 5-го ноября 1858 года, и результатомъ этого совѣщанія было Высочайшее повелѣніе объ образованіи, „для разсмотрѣнія и обсужденія пользы и необходимости принятія коренныхъ началъ, кои должны служить основаніемъ для установленія правильнаго движенія капиталовъ и раціональной отчетности и ревизіи“, особой высшей коммиссіи, изъ предсѣдателей департаментовъ экономіи и законовъ Государственнаго Совѣта, члена Государственнаго Совѣта князя Гагарина, государственнаго контролера и министра финансовъ, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ, графа Гурьева, и съ назначеніемъ производителемъ дѣлъ коммиссіи Татаринова. По обсужденіи коренныхъ началъ и соображеніи ихъ съ отзывами и мнѣніями министровъ, а также съ опредѣленіемъ порядка разработки ихъ въ имѣющей учредиться коммиссіи для примѣненія ихъ къ дѣлу, высшая коммиссія должна была представить окончательное свое заключеніе на Высочайшее утвержденіе.

Въ заключительномъ своемъ докладѣ отъ 13-го февраля 1859 года, предсѣдательствуемая графомъ Гурьевымъ коммиссія

выработанныя Татариновымъ коренныя начала преобразованія государственной отчетности единогласно признала не только полезными, но и необходимыми, и формулировала ихъ въ слѣдующихъ одиннадцати пунктахъ: 1) составленіе смѣтъ по системѣ, однообразной для всѣхъ управленій; 2) тщательное отдѣленіе въ смѣтѣ расходовъ по взиманію доходовъ отъ общихъ расходовъ государства; 3) классификація расходовъ временныхъ; 4) единовременность разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ, съ разсмотрѣніемъ послѣдняго отчета по государству; 5) обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣтъ, съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормы всѣхъ главныхъ подраздѣленій; 6) заключеніе смѣтъ въ опредѣленный срокъ, послѣ котораго всѣ кредиты должны быть уничтожены; 7) установленіе единства кассы, т.-е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ государства въ рукахъ одного лишь министра финансовъ; 8) установленіе для производства ревизіи одной ревизіонной инстанціи—государственаго контроля, который бы повѣрялъ, по подлиннымъ актамъ и документамъ, какъ дѣйствія исполнителей, такъ и дѣйствія распорядителей; 9) введеніе въ ревизію государственнаго контроля потребностей государственныхъ и частію установленіе ревизіи предварительной; 10) по ревизіи послѣдующей, установленіе періодической присылки государственному контролю документовъ и счетовъ съ предоставленіемъ ему права производства мѣстной ревизіи, и 11) составленіе общаго, по государственнымъ оборотамъ, отчета самимъ государственнымъ контролемъ, съ установленіемъ движенія счетовъ и ревизіи такимъ образомъ, чтобы отчетъ сей былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе не позже конца года, слѣдующаго за отчетнымъ, и такимъ образомъ, могъ быть принимаемъ въ соображеніе при разсмотрѣніи смѣтъ на слѣдующій годъ. Коммиссія обсуждала также вопросъ объ изъятіи изъ ревизіи государственнаго контроля нѣкорыхъ статей, а именно: смѣты министерства Императорскаго Двора, суммъ, назначаемыхъ по другимъ вѣдомствамъ на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе, капиталовъ, принадлежащихъ дворянскимъ, городскимъ и мірскимъ обществамъ, а также благотворительнымъ учрежденіямъ. Она установила, наконецъ, программу занятій спеціальной коммиссіи, долженствовавшей развить и выработать окончательно приложеніе къ дѣлу и порядокъ введенія коренныхъ началъ въ подробностяхъ.

По утвержденіи Государемъ заключеній высшей коммиссіи, учреждена была, при государственномъ контролѣ, спеціальная коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ, возведеннаго въ званіе статсъ-секретаря, Татаринова. Первымъ трудомъ ея были: правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій. Главная цѣль преобразованія—ограничить произволъ отдѣльныхъ управленій и вѣдомствъ, подчинить хозяйственные ихъ разсчеты общимъ финансовымъ соображеніямъ государства и послѣднія сосредоточить въ рукахъ министра финансовъ. Новыя правила установляли: сумма, ассигнуемая на извѣстный предметъ, не можетъ быть переносима на другіе предметы, хотя бы въ ней и оказался остатокъ; замѣна недостатковъ сбереженіями допускается только по второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣтъ, а главныя статьи, въ теченіе всего смѣтнаго періода, остаются неизмѣняемыми нормами государственнаго кредита для каждаго вѣдомства; кредитъ уничтожается немедленно по окончаніи смѣтнаго срока и требуетъ ежегоднаго возобновленія; министерства и главныя управленія лишены неограниченнаго права на испрошеніе у Верховной власти суммъ помимо министерства финансовъ и ограничены въ своихъ расходахъ опредѣленнымъ разъ въ годъ кредитомъ; дополнительные кредиты разрѣшаются только въ экстренныхъ случаяхъ, но испрашиваются тѣмъ же порядкомъ, какъ и назначенія смѣтныя, то-есть не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ финансовъ, который, провѣривъ приведенныя въ подкрѣпленіе требованій законоположенія и данныя, увѣдомляетъ подлежащаго министра или главноуправляющаго, можетъ ли государственное казначейство принять на себя вновь испрашиваемый расходъ, и изъ какихъ именно суммъ его предполагается покрыть; частныя смѣты министерствъ и главныхъ управленій стекаются сперва къ министру финансовъ, который повѣряетъ ихъ, со-

ставляетъ изъ нихъ общую государственную роспись, и представляетъ ее въ Государственный Совѣтъ со своими замѣчаніями и заключеніями; одновременно съ нимъ и государственный контролеръ тоже разсматриваетъ всѣ смѣты, тоже повѣряетъ ихъ противъ существующихъ законоположеній и тоже представляетъ въ Государственный Совѣтъ со своими замѣчаніями и заключеніями. Но прежде разсмотрѣнія всѣхъ этихъ замѣчаній и самыхъ смѣтъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, они поступаютъ предварительно въ департаментъ государственной экономіи, который разсматриваетъ ихъ при содѣйствіи, тѣхъ министровъ, по смѣтамъ коихъ послѣдовали замѣчанія, или при содѣйствіи комитета финансовъ, если возникнутъ вопросы, до государственнаго кредита относящіеся, и притомъ разсматривается роспись въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства, обсуждается степень пользы и своевременности государственныхъ расходовъ, въ связи съ имѣющимися для ихъ удовлетворенія средствами. Только по исполненіи всѣхъ этихъ формальностей государственная роспись поступаетъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ представляется на Высочайшее утвержденіе.

Правила эти, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, утверждены Государемъ 22-го мая 1862 года.

Годъ спустя, та же коммиссія составила въ главныхъ чертахъ правила о порядкѣ поступленія государственныхъ доходовъ и производства государственныхъ расходовъ, вводившія такъ называемое единство кассы. Въ силу этого узаконенія, кассы министерства финансовъ, т.-е. казначейства главное, губернскія и уѣздныя, стали общими приходо-расходчиками всѣхъ казенныхъ управленій данной мѣстности и удовлетворяли всѣ потребности разныхъ вѣдомствъ по ихъ требованіямъ изъ кредитовъ, предварительно открытыхъ на эти кассы.

Кассовыя правила и правила счетоводства для распорядительныхъ управленій, Высочайше утверждены въ іюнѣ 1863 года, и введены въ дѣйствіе повсемѣстно съ 1-го января 1866 года. Наконецъ, коммиссіею при государственномъ контролѣ преобразовано и самое это учрежденіе на слѣдующихъ основаніяхъ. Отчетность всѣхъ кассъ вмѣстѣ съ ассигновками распорядителей и оправдывающими ихъ документами поступаетъ ежемѣсячно на ревизію въ учрежденія государственнаго контроля, образованныя временно по указу 21-го декабря 1864 года, и открытыя съ 1865 года въ 12-ти губерніяхъ, а съ 1866 года и во всей Имперіи. Учрежденія эти, названныя контрольными палатами, по составу своему, не причислены къ общимъ губернскимъ учрежденіямъ и состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи государственнаго контролера. Они производятъ самостоятельную ревизію мѣстныхъ по губерніи оборотовъ капиталовъ и обязаны наблюдать за правильностью движенія и сохранностью денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ и составлять особыя соображенія о выгодности хозяйственныхъ операцій, независимо отъ законности ихъ производства. Кромѣ того, контрольныя палаты обязаны производить внезапныя освидѣтельствованія мѣстныхъ кассъ при депутатѣ отъ подлежащаго вѣдомства. Всѣ учрежденія государственнаго контроля по дѣламъ ревизій имѣютъ характеръ коллегіальный.

Вскорѣ, во главѣ преобразованнаго контрольнаго вѣдомства былъ поставленъ статсъ-секретарь Татариновъ, сохранившій званіе государственнаго контролера до самой смерти, послѣдовавшей въ 1871 году. Преемниками его въ этой должности были послѣдовательно, до конца царствованія, А. А. Абаза, С. А. Грейгъ и Д. М. Сольскій.

Три съ половиною года, проведенные А. М. Княжевичемъ во главѣ министерства финансовъ, съ апрѣля 1858 по декабрь 1861 года, были переходнымъ временемъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Первою заботою новаго министра было, сколько возможно, уравновѣсить доходы государства съ расходами, и роспись 1859 года заключена съ дефицитомъ только въ пять милліоновъ рублей. Но въ слѣдующемъ году, дефицитъ снова возросъ до 24 милліоновъ. Въ виду этого, комитетъ финансовъ счелъ своею „священною обязанностью“ повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе и подкрѣпить своимъ вѣрноподданническимъ ходатайствомъ представленіе министра финансовъ „объ ограниченіи расходовъ 1860 года суммою исчисленныхъ на этотъ годъ доходовъ и о принятіи тѣхъ мѣръ сокращенія расходовъ, которыя окажутся необходимыми

для введенія цифры расходовъ въ предѣлы доходовъ". Комитетъ имѣлъ при этомъ въ виду преимущественно военное министерство, не только не сократившее своихъ расходовъ, но потребовавшее прибавку въ 16 милліоновъ рублей. Государь на докладѣ комитета положилъ такую резолюцію: „На счетъ сокращенія смѣты военнаго министерства будетъ сдѣлано все, что возможно безъ совершеннаго разстройства всего нашего военнаго устройства". Но возможнымъ оказалось весьма немногое. Военный министръ согласился на уменьшеніе своей смѣты лишь въ размѣрѣ 1.879.000 рублей.

Тогда комитетъ финансовъ повергнулъ на Высочайшее воззрѣніе слѣдующія мѣры: 1) разрѣшить, не стѣсняясь дѣйствующими положеніями, представить неотлагательно Государю Императору соображенія относительно коренныхъ измѣненій, могущихъ привести расходъ военнаго министерства въ мѣру, соотвѣтствующую текущимъ финансовымъ силамъ государственнаго казначейства; 2) предоставить министру финансовъ войти въ сношеніе съ военнымъ и морскимъ министерствами объ опредѣлительномъ назначеніи на будущее время суммы авансовъ и срока для отпуска таковыхъ; 3) вмѣнить въ обязанность министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями: а) соображенія ихъ о назначеніи новой, для каждаго вѣдомства, нормальной цифры, со всевозможнымъ уменьшеніемъ таковой, сообщить министерству финансовъ къ 1-му іюля 1860 года для представленія о томъ, съ его заключеніемъ, комитету финансовъ; б) могущіе быть по министерствамъ и отдѣльнымъ управленіямъ остатки отъ суммъ, назначенныхъ по смѣтамъ, представлять обратно въ государственное казначейство; в) заказы и покупки за границею машинъ, пароходовъ и проч., для уменьшенія усилившихся отпусковъ изъ Имперіи звонкой монеты, прекратить, ограничиваясь преимущественно тѣми лишь предметами, которыхъ безъ того нельзя получить у насъ въ требуемомъ количествѣ, не увлекаясь одною только дешевизною пріобрѣтенія противъ цѣнъ, существующихъ въ Россіи; г) рѣшительно не допускать сверхсмѣтныхъ расходовъ; въ случаѣ же крайней и безотложной надобности въ какихъ-либо новыхъ расходахъ, на отпускъ ихъ испрашивать Высочайшее разрѣшеніе, по предварительномъ сношеніи и соглашеніи съ министромъ финансовъ, и д) на мѣры, влекущія за собою увеличеніе расходовъ, испрашивать также Высочайшее разрѣшеніе не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ финансовъ. Государь согласился съ предположеніями комитета и въ этомъ смыслѣ составленъ Высочайшій указъ, объявленный всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями.

Независимо отъ сего, по Высочайшему повелѣнію, въ 1860 году, изъ разныхъ вѣдомствъ передано въ безусловное распоряженіе государственнаго казначейства, на погашеніе внутреннихъ нашихъ займовъ, принадлежавшихъ этимъ вѣдомствамъ, различныхъ капиталовъ, на сумму 29.642.000 рублей. Но и этихъ средствъ не хватило на покрытіе текущихъ расходовъ. Пришлось снова прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ, прекращенному Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся въ 1856 году. Къ 1-му января 1859 года, ихъ находилось въ обращеніи на 644.600.000 рублей; съ этого дня и по 1-е января 1862 года, количество ихъ возросло снова до 713½ милліоновъ.

Посреди всѣхъ этихъ затрудненій, министерство финансовъ приступило къ органическимъ преобразованіямъ отдѣльныхъ отраслей финансоваго управленія.

Предположенъ былъ пересмотръ всей существовавшей системы податей и налоговъ, и съ этою цѣлью, 10-го іюля 1859 года, образована особая коммиссія со слѣдующею широкою программою: 1) облегчить податныя сословія посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ и устранить всѣ стѣсненія, коими, по необходимости, сопровождалось взиманіе окладовъ при подушной системѣ; 2) устранить представляемыя подушною системою препятствія къ преобразованіямъ, согласно видамъ правительства, народныхъ переписей и паспортной системы; 3) положить твердое начало къ переходу, отъ кругового ручательства за исправное поступленіе налоговъ, къ личной отвѣтственности; 4) предупредить уменьшеніе въ государственныхъ доходахъ отъ перехода крестьянъ-собственниковъ въ сословія, не платящія податей, и 5) противодѣйствовать, безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ, излишнему дробленію крестьянскихъ дворовъ.

Общая коммиссія по пересмотру системы податей и налоговъ хотя и существовала до конца царствованія, но не разрѣшила, во всей совокупности, возложенной на нее задачи. Плодомъ ея занятій было, въ 1863 году, положеніе о замѣнѣ подушной подати съ мѣщанъ налогомъ на недвижимыя въ городахъ имущества и новый уставъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ; въ 1868 году—уставъ о гербовомъ сборѣ, а въ 1870 году—проектъ закона о переложеніи подушной подати на дворы и землю, находящуюся во владѣніи податныхъ сословій. Какъ этотъ проектъ, такъ и многія другія предположенія коммиссіи, наполняющія сорокъ объемистыхъ томовъ трудовъ ея, остались безъ осуществленія.

Плодотворнѣе были занятія частныхъ коммиссій по преобразованію двухъ отраслей финансоваго управленія первостепенной государственной важности. Первая работала надъ переустройствомъ системы государственныхъ кредитныхъ установленій, вторая—надъ замѣною акцизомъ питейнаго откупа.

Указомъ 31-го мая 1860 года учрежденъ Государственный Банкъ, въ составъ котораго включена и экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Назначеніе его—оживленіе торговыхъ оборотовъ и упроченіе денежной кредитной системы. Основной капиталъ былъ опредѣленъ въ 15 милліоновъ рублей, а резервный—въ 1 милліонъ. Въ Государственный Банкъ переданы всѣ вклады изъ упраздненныхъ прежнихъ кредитныхъ установленій, какъ-то: банковъ заемнаго и коммерческаго, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія. Вклады, ввѣряемые Государственному Банку, не подлежали ни описи, ни отчужденію, по какимъ бы то ни было взысканіямъ. Государственное казначейство обезпечивало банку всѣми средствами, въ распоряженіи правительства находящимися, выполненіе платежей по билетамъ на вклады, внесенные въ бывшія кредитныя установленія, по государственнымъ 5% банковымъ билетамъ, такъ, чтобы платежи эти, ни въ какомъ случаѣ, не обращались, ни на капиталы, довѣренные банку частными лицами, ни на собственные его капиталы. Крайній срокъ выдаваемыхъ банкомъ коммерческихъ ссудъ ограниченъ девятью мѣсяцами.

26-го октября 1860 года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, о прекращеніи отдачи на откупъ питейнаго сбора и объ объявленіи оптовой и раздробительной продажи вина—вольнымъ промысломъ. Со спирта, вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ установлялся акцизъ, для сбора котораго учреждалось особое акцизное управленіе, независимо отъ казенныхъ палатъ, обязанныхъ только контролировать его денежную отчетность. Положенія о питейномъ сборѣ и о новомъ акцизномъ управленіи изданы въ слѣдующемъ 1861 году, а введены въ дѣйствіе во всей Имперіи съ 1-го января 1863 года. Акцизный сборъ, давно уже производившійся съ сахара, распространенъ на соль, послѣ состоявшейся въ 1863 году отмѣны казенной соляной монополіи, а также на табачное производство.

Въ самомъ началѣ 1862 года, министромъ финансовъ назначенъ статсъ-секретарь М. Х. Рейтернъ, занимавшій эту должность цѣлыя пятнадцать лѣтъ.

Положеніе новаго министра было нелегкое. Состояніе финансовъ все еще представлялось крайне печальнымъ. Старыя учрежденія были упразднены, новыя не вошли еще въ жизнь и не могли дать ожидаемыхъ результатовъ, Внутреннія производительныя силы государства, истощенныя войною, не успѣли оправиться, окрѣпнуть, когда наступилъ кризисъ, вызванный измѣненіемъ земельныхъ отношеній освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Внѣшній кредитъ былъ поколебленъ. Роспись 1862 года заключалась дефицитомъ почти въ 10 милліоновъ, но въ близкомъ будущемъ, нельзя было не предвидѣть неизбѣжнаго усиленія расходовъ. Потребности государства продолжали рости. Каждая изъ новыхъ реформъ сопряжена была съ значительными затратами. Нарождавшійся польскій мятежъ и внѣшнія политическія усложненія вызывали, сверхъ того, усиленныя вооруженія, также требовавшія большихъ издержекъ.

Рейтернъ началъ съ мѣры, произведшей крутой переворотъ въ нашихъ финансахъ. Онъ сорвалъ съ нихъ покровъ тайны, прикрывавшій ихъ испоконъ вѣка отъ глазъ непосвященныхъ, и по его представленію, состоялось Высочайшее повелѣніе объ обнародованіи во всеобщее свѣдѣніе государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1862 годъ. Съ тѣхъ поръ, нашъ бюджетъ

обнародывается ежегодно, а съ 1866 года появляются въ печати и отчеты государственнаго контролера объ исполненіи росписи.

Другая мѣра, принятая вскорѣ по вступленіи Рейтерна въ управленіе финансовымъ вѣдомствомъ, оказалась менѣе цѣлесообразною. То была, предпринятая 1-го мая 1862 года, съ цѣлью возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, операція размѣна кредитныхъ билетовъ на золотую монету Государственнымъ Банкомъ, по заранѣе опредѣленнымъ цѣнамъ. Она завершилась полною неудачею и должна была быть прекращена въ августѣ 1863 года, вслѣдствіе усиленнаго отлива золота, поглотивъ значительную часть внѣшняго металлическаго займа въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, заключеннаго, въ 1862 году, въ Лондонѣ, остатки коего пошли на покрытіе вооруженій.

Печальный исходъ размѣнной операціи и усиленіе расходовъ по военно-сухопутному и морскому вѣдомствамъ ухудшили положеніе государственнаго казначейства. Не смотря на введеніе новыхъ налоговъ, на увеличеніе гербового сбора и поземельной подати, не смотря на рядъ займовъ, заключенныхъ внутри и внѣ Россіи, на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, — въ особенности два лотерейные займа 1864 и 1866 годовъ, въ 100 милліоновъ рублей кредитныхъ каждый— крупный дефицитъ сталъ постояннымъ явленіемъ,повторявшимся изъ-года-въ-годъ. Онъ составлялъ 15.700.000 рублей въ 1863 году, 47.605.000—въ 1864, 22.398.000— въ 1865 и 21.500.000 — въ 1866. Но цифры эти были только номинальными, въ дѣйствительности онѣ были гораздо выше. Такъ, напримѣръ, въ 1866 году, расходъ превышалъ доходъ на цѣлые 60 милліоновъ.

Наступившій осенью этого года финансовый кризисъ, выразившійся въ общемъ упадкѣ фондовъ и паденіи стоимости кредитнаго рубля до 68 металлическихъ копѣекъ, требовалъ принятія спѣшныхъ и энергичныхъ, чрезвычайныхъ мѣръ.

Въ довѣрительномъ докладѣ, министръ финансовъ откровенно изложилъ Государю печальное состояніе финансовъ Имперіи и тѣ бѣдственныя послѣдствія, къ которымъ оно неизбѣжно приведетъ, если зло не будетъ излечено въ самомъ корнѣ. 6-го октября 1866 года состоялось, подъ предсѣдательствомъ самого Императора, засѣданіе Совѣта министровъ, которые всѣ были приглашены во что бы ни стало, сократить, елико возможно, расходы по своимъ вѣдомствамъ. Въ засѣданіи этомъ выработаны были и главнѣйшія основанія финансовой политики послѣдующихъ лѣтъ, а именно рѣшено: пріостановить дальнѣйшіе расходы на вооруженія и вообще непроизводительныя издержки, сократить до послѣдней возможности сверхсмѣтныя ассигнованія и принять рѣшительныя мѣры къ увеличенію сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Послѣднее рѣшеніе знаменовало намѣреніе правительства искать средствъ для улучшенія финансоваго положенія въ развитіи производительныхъ силъ страны. Результаты его оказались самыми благотворными.

Для удовлетворенія текущихъ потребностей Государственнаго Банка ему снова разрѣшенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлено и право покупать золото по вольной цѣнѣ, что вскорѣ привело къ увеличенію размѣннаго металлическаго фонда до 231 милліона рублей. Умножено число отдѣленій и конторъ Государственнаго Банка въ провинціи, и на основаніи положеній, изданныхъ въ 1862 году, разрѣшено учрежденіе многочисленныхъ городскихъ и общественныхъ, а также и частныхъ коммерческихъ и земельныхъ банковъ. Мѣры эти повели къ оживленію торговли, но главною причиною поворота къ лучшему было дѣятельное содѣйствіе правительства постройкѣ многочисленныхъ линій желѣзныхъ дорогъ частными обществами, при поддержкѣ министерства финансовъ, независимо отъ правительственной гарантіи, взявшаго на себя посредничество между этими обществами и капиталистами на иностранныхъ рынкахъ. Дороги строились на облигаціонный капиталъ, доставляемый особымъ желѣзно-дорожнымъ фондомъ и покрываемый спеціальными желѣзнодорожными займами, производимыми за границею, за счетъ министерства финансовъ. Займы эти снова подняли нашъ государственный кредитъ, ибо заключались на весьма выгодныхъ условіяхъ и постоянно пользовались выгоднымъ курсомъ на европейскихъ биржахъ. Въ періодъ времени съ 1866 по 1876 годъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ затрачено полтора милліарда рублей. Конечно, выборъ намѣченныхъ линій представлялся въ извѣстной

степени спорнымъ, конечно, часть постройки обошлась дорого, но въ концѣ концовъ, положено начало обширной желѣзной сѣти и Черное море и Волга связаны стальными путями съ Балтійскимъ моремъ. Не будучи сторонникомъ казеннаго хозяйства, М. Х. Рейтернъ не только поощрялъ постройку желѣзныхъ дорогъ частными обществами, но передалъ имъ, на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ, и главныя линіи казенныхъ дорогъ, въ томъ числѣ Одесскую, Кіево-Брестскую, Московско-Курскую и даже Николаевскую дорогу.

Въ упомянутое десятилѣтіе, министръ финансовъ уже не прибѣгалъ къ займамъ для покрытія дефицита, который, постепенно уменьшаясь, совершенно исчезъ изъ бюджета въ 1871 году, когда исполненіе государственной росписи впервые, съ начала царствованія, представило избытокъ доходовъ надъ расходами въ $8^1/_2$ мил. рублей Въ послѣдующіе два года, вслѣдствіе неурожая и усиленныхъ военныхъ расходовъ, вызванныхъ снаряженіемъ экспедиціи въ Хиву и введеніемъ всесословной воинской повинности, дефицитъ хотя снова и возвращается, но уже выражается незначительными цифрами: въ 1872 году—200.000 рублей, въ 1873—1.198.000 рублей. За то, въ 1874 году, избытокъ доходовъ надъ расходами достигъ 14.416.000 рублей, а въ 1875—33.271.631 рублей. Къ 1-му января 1876 года государственное казначейство имѣло, по словамъ отчета контроля, совершенно свободныхъ остатковъ, образовавшихся отъ избытка доходовъ, слишкомъ 40 милліоновъ рублей.

Уже экономическій кризисъ, проявившійся по всей Европѣ въ теченіе 1876 года и не замедлившій отразиться на Россіи, поколебалъ равновѣсіе, съ такимъ трудомъ возстановленное въ нашемъ бюджетѣ. Окончательный ударъ нанесли ему вооруженія, вызванныя рѣшимостью русскаго правительства вести войну съ Турціею. Роспись 1876 года была еще исчислена съ излишкомъ доходовъ надъ расходами въ 86.000 рублей. Исполненіе ея заключилось огромнымъ дефицитомъ въ 86 милліоновъ.

Вопросъ о томъ, быть миру или войнѣ, рѣшался въ Ливадіи, гдѣ осенью 1876 года имѣлъ пребываніе Императоръ Александръ, вызвавшій туда на совѣщаніе, въ числѣ прочихъ министровъ, и министра финансовъ. Статсъ-секретарь Рейтернъ безъ обиняковъ объявилъ Государю, что для веденія войны Россія не имѣетъ средствъ. Онъ отрицалъ возможность заключенія внѣшняго займа, въ виду опасливаго настроенія европейскихъ денежныхъ рынковъ, испуганныхъ нашими вооруженіями, присовокупивъ, что одни слухи о войнѣ причинили уже русской казнѣ значительныя потери, вслѣдствіе паденія фондовъ и пониженія вексельнаго курса, съ трудомъ поддерживаемаго министерствомъ финансовъ, цѣною большихъ жертвъ. Въ запискѣ, представленной Государю, министръ съ благородною откровенностью изложилъ взглядъ свой на экономическое состояніе Имперіи. Благодаря новымъ кредитнымъ установленіямъ — разсуждалъ онъ—и общедоступности кредита, вся поземельная собственность въ Россіи преобразовалась въ подвижныя цѣнности, не успѣвшія еще пріобрѣсти той упругости и обезпеченности, которою подобныя бумаги пользуются въ Западной Европѣ. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, она несомнѣнно понизитъ ихъ стоимость и разоритъ не только ихъ владѣльцевъ, но и банки, и такимъ образомъ, подточитъ въ корнѣ источники, необходимые для оживленія сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Громадные капиталы, занятые Россіею за границей въ металлической валютѣ, употреблены для постройки обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, и возмѣщеніе занятыхъ капиталовъ, а также исправная уплата по нимъ процентовъ, могутъ производиться лишь подъ условіемъ продолжительнаго мира. Объявляя же войну, Россія, тѣмъ самымъ, поставитъ себя въ необходимость заключать внѣшніе займы на условіяхъ, крайне тяжелыхъ, не только для покрытія военныхъ расходовъ, но и для уплаты процентовъ и погашенія по своимъ долгамъ, то-есть, на долгіе годы удручитъ свои финансы тяжкимъ и совершенно непроизводительнымъ бременемъ. Вслѣдствіе войны, Россія сразу потеряетъ всѣ результаты, достигнутые ею, благодаря благодѣтельнымъ реформамъ, введеннымъ въ послѣднія 20 лѣтъ, и ей потребуется еще 20 лѣтъ, чтобы вернуться только къ экономическому положенію 1876 года, тѣмъ болѣе, что успѣшное окончаніе войны съ Турціей еще не обезпечитъ заключенія мира и можетъ вызвать новую, обще-евро-

пейскую войну. Министръ финансовъ заключилъ свой докладъ выраженіемъ убѣжденія, что обычныя послѣдствія войны—всеобщее обѣдненіе, застой въ промышленности и въ торговлѣ, послужатъ лишь удобною почвою для соціально-революціонной пропаганды, и безъ того получившей у насъ широкое развитіе, и набросятъ мрачную тѣнь на конецъ столь блестяще начатаго царствованія.

Но война была рѣшена. Государь не принялъ отставки Рейтерна и убѣдилъ его остаться на своемъ трудномъ посту, по крайней мѣрѣ, до ея окончанія. Тогда, министръ финансовъ усердно занялся пріисканіемъ средствъ для покрытія вызванныхъ войною громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Имѣя въ виду затруднительность внѣшнихъ займовъ, а также, что всякіе новые налоги могутъ дать увеличеніе доходовъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, статсъ-секретарь Рейтернъ заявилъ комитету финансовъ, что полагаетъ возможнымъ вести войну не иначе, какъ посредствомъ массоваго выпуска кредитныхъ билетовъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ его, комитетъ единогласно выразилъ убѣжденіе, что отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ должно ожидать послѣдствій, еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ отъ чрезмѣрнаго ихъ умноженія во время крымской войны, какъ потому, что въ 1853 году, наше денежное обращеніе не было поколеблено, какъ въ 1877 году, такъ и вслѣдствіе того, что платежи кредитными билетами производились тогда преимущественно внутри государства.

Въ 1877 году выпущено кредитныхъ билетовъ до 300 милліоновъ рублей; въ 1878 году количество ихъ возросло еще на 200 милліоновъ. Но суммъ этихъ не могло хватить на покрытіе, какъ военныхъ издержекъ, такъ и дефицита, по обыкновенному бюджету 1878 года исчисленному въ 36.213.000 рублей. Пришлось прибѣгнуть и къ другимъ источникамъ для пополненія государственной казны. Выпущено на 100 милліоновъ рублей банковыхъ билетовъ; заключенъ внѣшній заемъ на сумму 307.500.000 германскихъ марокъ; краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпущено на 236 милліоновъ рублей; наконецъ, заключено три внутреннихъ займа, названныхъ восточными: первый; на 200 милліоновъ, второй, на 300 милліоновъ и третій, также на 300 милліоновъ рублей кредитныхъ. Какъ ни велики были доставленныя этими операціями средства, они не удовлетворили потребностей государственнаго казначейства въ звонкой монетѣ, а потому Высочайше повелѣно, съ 1-го января 1877 года, всѣ таможенныя пошлины взимать въ золотой валютѣ. Мѣра эта была предположена еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но по обсужденіи въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ податною коммиссіею, ею не одобрена и оставлена безъ послѣдствій. Примѣненіе ея при самомъ началѣ Восточной войны равнялось возвышенію нашего таможеннаго тарифа на 33%.

При помощи всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ рессурсовъ покрыты расходы по веденію войны, не вошедшіе въ бюджетъ и простиравшіеся: въ 1876 году—до 51 милліона, въ 1877—до 429 милліоновъ, въ 1878—до 408 милліоновъ, въ 1879—до 132 милліоновъ, а въ 1880 году до 55 милліоновъ, всего же, свыше одного милліарда рублей, и даже государственная роспись на 1878 годъ заключилась остаткомъ въ 25 милліоновъ рублей.

Ликвидація этихъ счетовъ выпала на долю С. А. Грейга, замѣнившаго М. Х. Рейтерна въ должности министра финансовъ 7-го іюля 1878 года. Задача тяжелая, если принять во вниманіе, что одни только уплата процентовъ и погашеніе по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ издержекъ, увеличивали ежегодные расходы на сумму до 42 милліоновъ рублей. Сверхъ того, предстояли немалыя затраты по реорганизаціи арміи и пополненію запасовъ, да и нужно было озаботиться изъятіемъ изъ обращенія, хотя части, кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время войны, и которыхъ, къ концу 1878 года, находилось въ обращеніи болѣе, чѣмъ на милліардъ. Наконецъ, желѣзныя дороги требовали значительныхъ суммъ для приплаты по гарантіямъ и для приведенія въ порядокъ подвижного состава, разстроеннаго движеніемъ войскъ и военныхъ грузовъ. Не легко было, при всеобщемъ истощеніи, установить новые налоги для покрытія всѣхъ этихъ потребностей, и потому министръ финансовъ рѣшился энергически настаивать на необходимости добыть нужныя средства путемъ сокращенія издержекъ. „Уменьшеніе расходовъ", писалъ Грейгъ въ довѣрительномъ докладѣ Государю,

„по силѣ вещей, ускользаетъ изъ рукъ министра финансовъ. Въ отношеніи новыхъ расходовъ министръ финансовъ имѣетъ еще голосъ; согласіе его испрашивается по вновь возникающимъ предположеніямъ и противъ такихъ, которыя не выдвигаются настоятельною потребностью, онъ имѣетъ возможность бороться,—не всегда, впрочемъ, успѣшно. Въ отношеніи же расходовъ существующихъ, составляющихъ столь значительную долю смѣтныхъ исчисленій, министръ финансовъ совершенно безсиленъ. Министерство, правда, разсматриваетъ смѣты отдѣльныхъ управленій и представляетъ по нимъ свои заключенія Государственному Совѣту, но замѣчанія эти касаются преимущественно небольшихъ, сравнительно, суммъ и исчисленій, такъ какъ большинство расходовъ основано на штатахъ и постановленіяхъ, до которыхъ министерство не можетъ касаться. Въ такомъ же положеніи къ смѣтамъ поставленъ и государственный контроль. Даже департаментъ государственной экономіи, на разсмотрѣніе котораго поступаютъ всѣ смѣты министерствъ и главныхъ управленій и который подвергаетъ ихъ подробному обсужденію, въ связи съ замѣчаніями министерства финансовъ и государственнаго контроля, находится, въ этомъ отношеніи, въ положеніи, не болѣе выгодномъ. Останавливаясь передъ штатными и другими, имъ подобными, постоянными расходами, департаментъ можетъ производить сокращенія, или повѣркою исчисленій на расходы хозяйственные, или же уменьшеніемъ расходовъ временныхъ и единовременныхъ, штатами и постановленіями не опредѣленныхъ. Но въ числѣ этихъ послѣднихъ, обнимающихъ, впрочемъ, по суммѣ незначительную, говоря сравнительно, долю государственнаго бюджета, заключаются расходы на различныя улучшенія и усовершенствованія, такъ что департаментъ, для достиженія равновѣсія въ росписи, вынужденъ обращать вниманіе свое на сокращеніе расходовъ полезныхъ и оставлять въ росписи расходы, польза которыхъ для него сомнительна. Съ теченіемъ времени возникаютъ новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ требуетъ новыхъ расходовъ и расходы эти ассигнуются изъ года въ годъ, увеличивая расходный итогъ государственной росписи. Рядомъ съ симъ, многія изъ потребностей прежняго времени теряютъ значеніе при постоянномъ теченіи государственной и народной жизни; онѣ остаются, однако же, по прежнему бременемъ казны, или потому, что съ удержаніемъ ихъ въ смѣтахъ связаны личные интересы, или потому, что принятіе иниціативы въ подобнаго рода сокращеніяхъ не представляетъ отдѣльнымъ начальникамъ, занятымъ текущими дѣлами и улучшеніями во ввѣренныхъ имъ частяхъ,—особенно заманчивыхъ побужденій. Такимъ образомъ, предметы этихъ расходовъ продолжаютъ существовать среди новыхъ учрежденій обветшалыми памятниками прежнихъ порядковъ, или не вполнѣ удавшихся, но цѣнныхъ, нововведеній. Вообще, нельзя не сознаться, что наше государственное управленіе и наше государственное хозяйство оказываются одними изъ самыхъ дорогихъ въ свѣтѣ. Между тѣмъ, уравновѣшеніе росписи посредствомъ лишь увеличенія доходовъ, представляетъ большія неудобства, въ особенности, со стороны нравственной и политической. Бремя новыхъ налоговъ ложится на народъ и на общество русское, которые, въ виду очевидной необходимости, готовы, безъ особаго ропота, нести это бремя; но при этомъ они естественно ожидаютъ, что, рядомъ съ усиліями для увеличенія доходовъ, правительство сдѣлаетъ усилія и для сокращенія расходовъ. Предлагая обложить народъ, министръ финансовъ не исполнилъ бы своего долга, если бы онъ, въ то же время, не повергъ своихъ соображеній для достиженія сокращеній въ государственныхъ расходахъ“.

Соглашаясь съ доводами Грейга, Императоръ Александръ, указомъ отъ 1-го января 1879 года, повелѣлъ: съ цѣлью пріисканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ, учредить особую, высшую комиссію, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента экономіи Абазы, изъ министра финансовъ, государственнаго контролера и членовъ Государственнаго Совѣта—графа Баранова, барона Николаи, Заблоцкаго-Десятовскаго, Грота и Островскаго. Коммиссіи этой разрѣшено приглашать въ свои засѣданія министровъ, главноуправляющихъ, членовъ Государственнаго Совѣта, и вообще, всѣхъ лицъ, отъ коихъ она можетъ ожидать сообщенія полезныхъ, по роду ея занятій, свѣдѣній, а также предоставлено право подвергать

пересмотру смѣты министерствъ и отдѣльныхъ управленій, не стѣсняясь существующими штатами, постановленіями и порядками. Соображенія свои коммиссія должна была представлять Государю, по каждому роду или предмету расходовъ отдѣльно, и испрашивать Высочайшихъ указаній о дальнѣйшемъ направленіи ея предположеній.

Къ сожалѣнію, дѣятельность высшей коммиссіи оказалась совершенно безплодною. Сокращеній расходной смѣты не послѣдовало ни по одному вѣдомству, потребности которыхъ, напротивъ, росли съ каждымъ днемъ. Для возстановленія равновѣсія, пришлось возвысить нѣкоторые изъ существующихъ налоговъ и ввести новые. Возвышены пошлины на ввозный чугунъ и другіе металлы, дополнительнымъ акцизомъ обложены спиртные напитки и табакъ, увеличены гербовый сборъ и пошлины на страхованіе. Затѣмъ введены налоги на пассажирскіе билеты и перевозки большой скорости по желѣзнымъ дорогамъ. При помощи этихъ мѣръ, государственная роспись на 1879 годъ заключена съ остаткомъ въ 20 милліоновъ, но при исполненіи дала дефицитъ въ 138 милліоновъ, который, въ 1880 году, возросъ до 140 милліоновъ.

Въ ноябрѣ 1880 года, Грейгъ былъ уволенъ и министромъ финансовъ назначенъ А. А. Абаза. Нѣсколько дней по вступленіи его въ должность, обнародованъ указъ, отмѣнявшій одинъ изъ самыхъ тягостныхъ для населенія налоговъ—налогъ на соль. Происшедшая отъ того убыль въ доходахъ возмѣщена прибавкою на гильдейскія повинности и повышеніемъ на 10% таможеннаго тарифа. Измѣнена система взиманія акциза съ сахара и установлена пошлина на ввозную джуту. При всемъ томъ, смѣта на 1881 годъ не могла быть заключена безъ дефицита, исчисленнаго въ 50 милліоновъ. Такой результатъ самъ министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, сопровождавшемъ роспись, призналъ неблагопріятнымъ, выразивъ лишь надежду, что онъ, не составляя хроническаго явленія, можетъ быть устраненъ съ прекращеніемъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, вызванныхъ неурожаемъ 1880 года и по мѣрѣ ослабленія послѣдствій минувшей войны.

Для ускоренія такого поворота къ лучшему, 1-го января 1881 года принята рѣшительная мѣра, Съ цѣлью упрочить денежную единицу безъ стѣсненія денежнаго рынка, Высочайше повелѣно: 1) уплатить изъ средствъ государственнаго казначейства Государственному Банку сумму, потребную для уменьшенія до 400 милліоновъ рублей долга банку по произведеннымъ имъ за счетъ казны расходамъ; 2) погашать остальную сумму долга въ 400 милліоновъ рублей ежегодными, начиная съ 1881 года, уплатами изъ казны банку, въ размѣрѣ 50 милліоновъ въ годъ; 3) уничтожать кредитные билеты, по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка, по соображенію съ потребностью денежнаго обращенія.

Мѣра эта, вызванная паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля и равносильная самоограниченію права выпуска кредитныхъ билетовъ, была послѣднею финансовою мѣрою въ царствованіе Императора Александра II.

Подводя финансовый итогъ этого царствованія, должно отмѣтить быстрое возрастаніе государственныхъ доходовъ, которыхъ по росписи 1855 года значилось всего 206.800.000, и которые, въ 1880 году, достигли до 650.000.000 рублей, т.-е. болѣе чѣмъ утроились. Но и расходы государства росли съ неменьшею быстротою, и не только поглощали всѣ доходы, но требовали ежегодно значительныхъ приплатъ. Такъ, въ періодъ времени съ 1855 по 1880 годъ, только пять лѣтъ представляютъ избытокъ доходовъ надъ расходами, да и то только бо́льшею частью на бумагѣ. Всѣ прочіе годы заключаются дефицитомъ, предѣльными цифрами коего были: 200.000 въ 1872 году и 265.777.000—въ 1856 году. Обстоятельство это объясняетъ громадный ростъ государственнаго долга, который, въ началѣ царствованія, а именно въ 1857 году, простирался всего до 1.544 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ 612½ милліоновъ кредитныхъ билетовъ, а къ 1-му января 1880 года достигъ слѣдующихъ размѣровъ: 84½ милліоновъ голландскихъ гульденовъ, 113½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, 120½ милліоновъ рублей металлическихъ и 2.809 милліоновъ рублей кредитныхъ, изъ коихъ кредитныхъ билетовъ на сумму 1.162½ милліона рублей. Поучительно, что чрезвычайные расходы, вызванные двумя восточными войнами и составляющіе, за войну 1853—1856 го-

довъ—796.770.000 рублей, а за войну 1877—1878 годовъ—1.020.578.000 рублей, всего, безъ малаго, два милліарда, равняются почти двумъ третямъ совокупности нашего государственнаго долга.

Въ финансовомъ очеркѣ царствованія Императора Александра II нельзя не упомянуть объ обширной операціи, не стоившей казнѣ, въ сущности, никакихъ жертвъ, а между тѣмъ, совершенно видоизмѣнившей характеръ русскаго землевладѣнія: то былъ произведенный, при содѣйствіи правительства, выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.

На основаніи Положеній 19-го февраля 1861 года, содѣйствіе правительства къ выкупу крестьянскихъ земель заключалось въ выдачѣ землевладѣльцамъ выкупныхъ ссудъ въ размѣрѣ $^4/_5$ оцѣнки земель, выведенной по 6% капитализаціи назначеннаго съ крестьянъ въ пользу помѣщика оброка. Крестьяне, ставъ, по совершеніи выкупа, собственниками своихъ надѣловъ, обязаны были уплатить свой долгъ казнѣ по выкупной ссудѣ въ теченіе 49 лѣтъ, платежами въ размѣрѣ 6% съ ссуды, изъ коихъ 5% причиталось въ уплату роста, $^1/_2$% погашенія и $^1/_2$% на составленіе запаснаго капитала, изъ котораго покрывались издержки по выкупнымъ учрежденіямъ и случайные расходы или потери. Ссуды, общая сумма которыхъ превышала милліардъ рублей, выдавались землевладѣльцамъ частью особыми бумагами, названными выкупными свидѣтельствами, частью 5% банковыми билетами. Уплату процентовъ и погашеніе, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, правительство взяло на себя, само покрываясь взносимыми крестьянами выкупными платежами.

Первоначально выкупъ предполагался только по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, но въ 1863 году, признано было необходимымъ прекратить въ западныхъ губерніяхъ Имперіи обязательныя отношенія послѣднихъ къ первымъ и приступить къ обязательному выкупу. Такой же обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ рѣшено произвести въ 1864 году и въ Царствѣ Польскомъ.

Къ 1-му января 1881 года крестьянъ-собственниковъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, въ 37 внутреннихъ губерніяхъ, состояло 5.867.000 душъ, а въ 9 западныхъ — 2.716.000 душъ, всего $8^1/_2$ милліоновъ, т.-е. 84% бывшаго крѣпостнаго населенія 46 губерній. Къ тому же времени разрѣшено выкупныхъ ссудъ: во внутреннихъ губерніяхъ около 574 милліоновъ рублей, а въ Западномъ краѣ — около 160 милліоновъ, итого свыше 734 милліоновъ рублей, на каковую сумму выкуплено около 28 милліоновъ десятинъ удобной земли. Въ среднемъ выводѣ, на каждаго крестьянина-собственника выкупленной земли приходится нѣсколько болѣе $3^1/_2$ десятинъ, причемъ десятина обошлась ему въ 26 рублей 20 копѣекъ. Изъ перечисленныхъ ссудъ удержано долговъ съ помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ около 300 милліоновъ рублей и на 434 милліона выпущено процентныхъ бумагъ. Этимъ объясняется, что, не взирая на значительныя недоимки, выкупныхъ платежей всегда хватало на уплату процентовъ и погашенія по означеннымъ бумагамъ. Несоразмѣрность оклада платежей по выкупу съ достоинствомъ надѣла признана „очевидною“ Высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, 1-го февраля 1877 года, но соотвѣтственное пониженіе выкупныхъ платежей произведено лишь въ царствованіе Императора Александра III. Выкупная операція въ Царствѣ Польскомъ совершена не менѣе успѣшно. По іюль 1879 года, въ вознагражденіе землевладѣльцамъ выдано ликвидаціонныхъ листовъ на 63.869.000 рублей и изъ нихъ, въ 27 тиражей, погашено $13^1/_2$ милліоновъ.

Коренное измѣненіе условій производительнаго труда, какъ результатъ всѣхъ преобразованій царствованія, конечно, всего болѣе содѣйствовало успѣхамъ промышленности, на которую благотворно повліяло, между прочимъ, и широкое развитіе кредита, казеннаго и частнаго.

Основной капиталъ Государственнаго Банка доведенъ до 25 милліоновъ, а резервный до 3-хъ. Операціи этого учрежденія, по сравненію съ бывшимъ коммерческимъ банкомъ, который оно замѣнило, представляютъ слѣдующіе результаты: въ 1859 году ежегодный оборотъ коммерческаго банка достигалъ лишь 535 милліоновъ рублей, а въ 1878 году однѣ соотвѣтственныя операціи Государственнаго Банка превысили 29.327 милліоновъ, другими словами: *годовой* оборотъ перваго ока-

зался менѣе *еженедѣльнаго* оборота послѣдняго. За первыя 18 лѣтъ своего существованія Государственный Банкъ, съ его отдѣленіями и конторами, получилъ, по коммерческимъ операціямъ, чистой прибыли 72 милліона рублей.

Изъ прочихъ государственныхъ кредитныхъ установленій слѣдуетъ упомянуть о преобразованныхъ положеніемъ 1862 года сберегательныхъ кассахъ, платящихъ вкладчикамъ по 3%. Къ концу царствованія, ихъ насчитывалось 126, и сумма сбереженій, въ нихъ хранившихся, превышала 7 милліоновъ рублей.

Рядомъ съ кредитомъ казеннымъ развился и частный кредитъ. Въ 1862 году издано положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ, которые образовались почти во всѣхъ губернскихъ городахъ и въ бо́льшей части значительныхъ городовъ уѣздныхъ. Въ 1879 году ихъ было во всей Имперіи 278, а сумма вкладовъ въ нихъ простиралась до 188½ милліоновъ рублей.

Въ большомъ числѣ возникли и частные, акціонерные коммерческіе банки, въ Петербургѣ, Москвѣ и большихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ. Первымъ такимъ учрежденіемъ былъ, открытый въ 1864 году, С.-Петербургскій частный коммерческій банкъ. Въ 1880 году дѣйствовало въ Россіи 33 акціонерныхъ коммерческихъ банка, основные и запасные капиталы коихъ составляли болѣе 93-хъ милліоновъ рублей.

Въ какой степени общественные и частные банки содѣйствовали развитію торговыхъ оборотовъ, можно заключить изъ того, что къ 1855 году бывшій коммерческій банкъ съ его конторами имѣлъ въ затратѣ на учетъ векселей и краткосрочныя ссуды лишь 16½ милліоновъ рублей, тогда какъ сумма векселей, учтенныхъ общественными и частными банками и выданныхъ ими ссудъ составляла въ 1879 году около 389 милліоновъ, независимо отъ затратъ Государственнаго Банка на тѣ же операціи въ 175 милліоновъ рублей.

Министерствомъ финансовъ разрѣшено и образованіе обществъ взаимнаго кредита, сначала въ Петербургѣ, потомъ и въ другихъ городахъ. Въ 1879 году такихъ обществъ существовало 92, обороты коихъ по учетной и ссудной операціямъ простирались въ этомъ году до 114 милліоновъ рублей.

Съ цѣлью доставленія сельскимъ хозяевамъ дешеваго мелкаго кредита учреждены были ссудо-сберегательныя товарищества, коихъ въ 1878 году насчитывалось 691, съ 149.883 членами. Сумма паевыхъ взносовъ равнялась въ нихъ, въ теченіе этого года, 3.740.000 рублей; запасные капиталы 2.790.000 рублей; вклады—1.818.000 рублей; займы — 3.112.000 рублей, ссуды — 8.250.000 рублей и прибыль—636.000 рублей. Въ 1880 году число ссудо-сберегательныхъ товариществъ возросло до 862.

Меньшее, сравнительно, развитіе получилъ кредитъ подъ движимыя имущества. Ссудныя казны, состоявшія при С.-Петербургской и Московской сохранныхъ казнахъ, ограничивались выдачею ссудъ подъ залоги серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней. Всякое другое движимое имущество принималось въ залогъ лишь въ пяти частныхъ городскихъ ломбардахъ, съ капиталомъ свыше 4 милліоновъ рублей.

По прекращеніи въ 1859 году залога недвижимыхъ имуществъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, учреждено съ этою цѣлью 9 частныхъ кредитныхъ обществъ въ большихъ городахъ для городскихъ имуществъ и одинъ земскій банкъ въ Херсонѣ, а для прочей поземельной собственности—общества взаимнаго поземельнаго кредита, всѣ за круговою отвѣтственностью заемщиковъ. Для выдачи же долгосрочныхъ ссудъ подъ земельные участки внѣ городовъ разрѣшено открытіе, съ 1871 по 1873 годъ, 11-ти акціонерныхъ земельныхъ банковъ, а для покупки выпущенныхъ ими закладныхъ листовъ учрежденъ, въ 1873 году, Центральный банкъ русскаго поземельнаго кредита, который, однако, не смотря на сильную поддержку, оказанную ему казною, велъ дѣла свои неуспѣшно. Сверхъ того, въ Закавказскомъ краѣ основаны два поземельные банка и продолжена привиллегія, учрежденному въ 1825 году, земскому кредитному обществу въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1855 году, государственныя кредитныя установленія имѣли въ долгу, по долгосрочнымъ ссудамъ подъ залогъ зданій населенныхъ и ненаселенныхъ земель, около 650 милліоновъ рублей; въ 1880 году, частные банки долгосрочнаго кредита и городскіе общественные банки имѣли въ долгу на заемщикахъ свыше 853 милліоновъ, а если къ этой суммѣ прибавить остатокъ неуплаченнаго долга прежнимъ

казеннымъ учрежденіямъ въ 60 милліоновъ и 734 милліона выкупной ссуды за крестьянскіе надѣлы, то окажется, что долгосрочный кредитъ, подъ залогъ недвижимыхъ имѣній въ 1880 году, выражался въ цифрѣ 1.647 милліоновъ рублей, превосходя на 997 милліоновъ сумму, розданную въ долгосрочныя ссуды въ 1855 году.

О развитіи кредита вообще, какъ долгосрочнаго, такъ и краткосрочнаго, за четверть столѣтія, истекшую со дня вступленія на Престолъ Императора Александра II, можно судить по слѣдующимъ сравнительнымъ цифрамъ 1855 и 1879 годовъ: учетъ векселей—93.340.000 противъ 417.149.000 рублей; краткосрочныя ссуды подъ движимые залоги—9.726.000 противъ 271.213.000 рублей; долгосрочныя ссуды подъ залоги зданій и земель—649.993.000 противъ 1.647.569.000 рублей.

Съ наибольшими трудностями приходилось бороться, въ особенности, въ первые годы царствованія, сельскому хозяйству, выбитому освобожденіемъ крестьянъ и его послѣдствіями изъ вѣковой, торной колеи и пережившему довольно продолжительный кризисъ, въ переходное время отъ упраздненія крѣпостного права, до окончательнаго прекращенія, по выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Но мало-помалу и здѣсь свободный трудъ не замедлилъ проявить свою живительную силу, и если, за отсутствіемъ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, нельзя съ точностью опредѣлить успѣхи русскаго земледѣлія, въ отношеніи производства и потребленія, то на прогрессивное развитіе его указываютъ цифры вывоза хлѣба за границу, возроставшія съ каждымъ годомъ, не взирая на частые неурожаи. Такъ, въ 1856 году, зерноваго хлѣба вывезено изъ Россіи 7.356.000 четвертей; черезъ десять лѣтъ экспортъ, постепенно возвышаясь, дошелъ до 10 милліоновъ, а съ начала семидесятыхъ годовъ—и до 20 милліоновъ четвертей. Въ три года, предшествовавшіе второй Восточной войнѣ, вывезено зерна: въ 1874 году—26 милліоновъ, въ 1875 году 22½ милліона, а въ 1876—25 милліоновъ четвертей.

Еще замѣтнѣе быстрый ростъ заводской и мануфактурной промышленности, въ особенности, послѣ того, какъ, по пересмотрѣ таможеннаго тарифа въ 1868 году, усилена покровительственная пошлина, а въ 1876 году, всѣ таможенныя пошлины стали взимать въ золотой монетѣ, что было равносильно увеличенію ихъ въ полтора раза. Множество фабрикъ и заводовъ по всѣмъ родамъ промышленности возникло на частные и акціонерные капиталы, а прежніе, расширили и усовершенствовали свое производство. Всероссійскія промышленныя выставки, устроенныя, въ Петербургѣ—въ 1870 году, и въ Москвѣ—въ 1882 году, при щедрой правительственной поддержкѣ, дѣйствительно послужили наглядным выраженіемъ успѣховъ отечественнаго производства за 26 лѣтъ царствованія Императора Александра II.

Развитіе торговли какъ внутренней, такъ и внѣшней, было предметомъ особой заботливости правительства. Торговый уставъ 1863 года раздѣлилъ купцовъ на два разряда, не по величинѣ объявленнаго капитала, какъ то было прежде, а по роду торговли. Къ первому разряду отнесены купцы, занимающіеся оптовою торговлею, ко второй—розничною. Кромѣ этихъ двухъ родовъ торговли установленъ третій видъ ея—торговля мелочная, для лицъ, не принадлежащихъ къ купеческому сословію, ограниченная предметами ежедневной потребности. Независимо отъ патентовъ по тремъ разрядамъ, установленъ сборъ за торговопромышленныя заведенія, къ которымъ причислены купеческія, банкирскія, коммиссіонерскія и нѣкоторыя другія конторы, магазины, лавки, будки, амбары, складочные магазины, кладовыя, плитные и дровяные дворы, трактиры, фабрично-заводскія и ремесленныя заведенія, и т. п., а также типографіи, литографіи, фотографіи и аптеки. Впрочемъ, содержатели типографій, литографій и аптекъ освобождены отъ обязанности брать торговыя свидѣтельства. Иностранцы въ правахъ и обязанностяхъ совершенно сравнены съ русскими подданными, какъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ, такъ и во всѣхъ отношеніяхъ, промышленныхъ и торговыхъ.

Оживленію внѣшней торговли несомнѣнно способствовалъ свободный доступъ за границу, открытый русскимъ подданнымъ, съ значительнымъ пониженіемъ налога на заграничные паспорты, а также заключеніе цѣлаго ряда договоровъ о торговлѣ и мореплаваніи съ главнѣйшими государствами въ Европѣ и внѣ ея. Наконецъ, отмѣнены вовсе таможенныя пошлины, за нѣкото-

рыми, незначительными исключеніями, со всѣхъ товаровъ, вывозимыхъ за границу изъ Имперіи и Царства Польскаго по европейской торговлѣ.

Тарифъ на ввозные товары пересмотрѣнъ дважды: въ 1857 году, въ смыслѣ ученія о свободѣ торговли, что́ вызвало въ немъ пониженіе многихъ пошлинъ, охранявшихъ отечественную промышленность; и въ 1868 году, когда, подъ вліяніемъ опыта, интересы послѣдней снова приняты во вниманіе и ограждены, даже въ бо́льшей степени, чѣмъ прежде. Столь же благотворно отразилось на промышленности и взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ, введенное въ 1876 году, а также, послѣдовавшее въ 1880 году, общее повышеніе ввознаго тарифа на 10%.

Развитіе внѣшней торговли Россіи въ царствованіе Императора Александра II наглядно выражается въ сопоставленіи цифръ вывоза и привоза въ первый и въ послѣдній его годы: въ 1855 году вывезено товаровъ изъ Россіи на сумму 39.517.000 рублей, а привезено на сумму 72.699.000 рублей; въ 1880 году вывозъ былъ на 498.672.000 рублей, а ввозъ на 622.811.000 рублей.

Могучимъ средствомъ къ оживленію трудовой производительности и внутренней, и внѣшней торговли, послужили желѣзныя дороги. При воцареніи Императора Александра II въ Имперіи существовало только двѣ линіи: Царскосельская и С.-Петербурго-Московская, да въ Царствѣ Польскомъ—отъ Варшавы къ австрійской границѣ, съ общимъ протяженіемъ въ 937 верстъ. Тотчасъ по заключеніи парижскаго мира, у насъ стали изыскивать способы къ сооруженію желѣзныхъ путей въ разныхъ направленіяхъ.

Въ августѣ 1856 года разрѣшена барону Штиглицу постройка желѣзной дороги изъ Петербурга въ Петергофъ, а 26-го января 1857 года послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату такого содержанія: „Въ неослабномъ попеченіи о благѣ столь близкаго сердцу нашему отечества, мы давно сознали, что обильное дарами природы, но раздѣленное огромнымъ пространствомъ, оно нуждается особенно въ удобныхъ сообщеніяхъ. Сознаніе это вяще утвердилось среди личныхъ занятій, возложенныхъ на насъ, еще съ 1842 года, блаженныя памяти Родителемъ нашимъ по предсѣдательству комитета желѣзныхъ дорогъ, въ коемъ обсуждено сооруженіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и разныя предположенія по другимъ путямъ сего рода. Самое сооруженіе этой дороги, столь справедливо названной Николаевскою, выразило еще осязательнѣе всю пользу для нашей родины сего новаго способа сообщеній, всю необходимость его, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени; и желѣзныя дороги, въ надобности коихъ были у многихъ сомнѣнія еще за десять лѣтъ, признаны нынѣ всѣми сословіями необходимостью для Имперіи и сдѣлались потребностью народною, желаніемъ общимъ, настоятельнымъ. Въ семъ глубокомъ убѣжденіи, мы, вслѣдъ за первымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, повелѣли озаботиться о средствахъ къ лучшему удовлетворенію этой неотложной потребности. Внимательное обсужденіе указало, что для удобства и скорости лучше обратиться, по примѣру всѣхъ другихъ странъ, предпочтительно къ промышленности частной, какъ отечественной, такъ и иностранной; къ послѣдней и въ томъ вниманіи, чтобы воспользоваться значительною опытностью, пріобрѣтенною при постройкѣ многихъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ на западѣ Европы. На сихъ началахъ вызваны, сдѣланы, соображены разныя предложенія и, по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла въ Комитетѣ Министровъ и обсужденіи имъ онаго въ личномъ присутствіи нашемъ, признаны единогласно лучшими и нами утверждены условія, предложенныя обществомъ капиталистовъ русскихъ и иностранныхъ, во главѣ коихъ нашъ банкиръ, баронъ Штиглицъ. Условіями сими общество это обязуется: на свой счетъ и страхъ устроить въ теченіе десяти лѣтъ и потомъ содержать въ теченіе 85 лѣтъ указанную сѣть, около 4.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, съ однимъ лишь ручательствомъ правительства за вырученіе 5% съ опредѣленныхъ на сооруженіе суммъ, и съ тѣмъ, что по минованіи означенныхъ сроковъ, вся сѣть обращается безплатно въ принадлежность казны. На этихъ основаніяхъ правительство, избѣгая необходимости пожертвованій значительныхъ и неотложныхъ, возможетъ, силою одного лишь довѣрія къ строгой точности, съ коею постоянно, даже среди тяжкихъ годинъ отечественныхъ войнъ, оно выпол-

няло свои долговыя обязанности, достигнуть сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ русскихъ. Сѣть эта будетъ простираться: отъ С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, отъ Москвы до Нижняго - Новгорода, отъ Москвы чрезъ Курскъ и низовье Днѣпра до Ѳеодосіи, и отъ Курска или Орла, чрезъ Динабургъ до Либавы. Такимъ образомъ, непрерывнымъ, чрезъ 26 губерній, желѣзнымъ путемъ соединятся взаимно: три столицы, главныя судоходныя рѣки наши, средоточіе нашихъ избытковъ, и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные. Приступая, съ твердымъ упованіемъ на благодать Всевышняго, къ столь обширному и благотворному предпріятію народному, мы призываемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ къ усердному и добросовѣстному содѣйствію къ выполненію онаго". Указъ заключался повелѣніемъ Сенату привести въ исполненіе: Положеніе объ основныхъ началахъ для сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и Уставъ образовавшагося для этого сооруженія, Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Названное общество не вполнѣ оправдало возложенныя на него надежды: изъ предоставленныхъ ему четырехъ линій, оно выстроило только двѣ — С.-Петербурго-Варшавскую съ вѣтвью къ прусской границѣ и Московско-Нижегородскую. Верста первой линіи обошлась въ 104 тысячи рублей, вмѣсто предполагавшихся въ концессіи 62.500, а второй — въ 88 тысячъ рублей. Вслѣдствіе того, а также несогласій, послѣдовавшихъ между вѣдомствомъ путей сообщенія и компаніею, постройка прочихъ линій исключена, въ 1861 году, изъ обязательствъ Главнаго Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по соглашенію съ учредителями, управленіе дѣлами общества перенесено изъ Парижа въ Петербургъ.

Въ 1858 году, для обсужденія предварительныхъ мѣроположеній по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ учрежденъ особый комитетъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера графа Нессельроде.

Дальнѣйшее сооруженіе желѣзныхъ дорогъ не прерывалось до самаго конца царствованія. Въ 1858 году рижскому биржевому комитету выдана концессія на сооруженіе линій Риго-Динабургской и Динабурго-Витебской, первой съ правительственною гарантіею въ $4^1/_2\%$, а второй — въ 5%. Обѣ эти линіи выстроены подрядчиками англичанами, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, и обошлись уже гораздо дешевле линій Главнаго Общества, а именно: первая въ 53.500 рублей, а вторая въ 66.800 рублей съ версты. Въ томъ же 1858 году разрѣшена постройка дороги Волго - Донской, а въ 1859 — Московско-Ярославской и Риго-Митавской. Но за невозможностью собрать акціонерный капиталъ, линіи эти сооружены лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Обществу, которому была выдана концессія на проведеніе желѣзнаго пути отъ Москвы до Саратова, по той же причинѣ, разрѣшено ограничиться постройкой его до Рязани.

Въ періодъ времени съ 1857 по 1863 годъ, выдано нѣсколько концессій разнымъ обществамъ на линіи: Одесско - Либавско-Курскую, Одесско - Кіевскую, Московско-Севастопольскую, Орловско-Витебскую, но не смотря на правительственную 5% гарантію, вслѣдствіе переполненія денежнаго рынка другими бумагами, концессіонеры не могли выполнить своихъ обязательствъ и предположенныя акціонерныя общества не составились. Въ виду этихъ неудачъ, сознавая неотложную потребность соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ рельсовымъ путемъ, правительство начало строить на собственныя средства линію эту частями, отъ Одессы до Балты, отъ Москвы до Орла, а затѣмъ отъ Орла до Курска.

Скоро, однако, съ развитіемъ желѣзнодорожной промышленности, явилась возможность обратиться для сооруженія къ отечественнымъ, а не иностраннымъ предпринимателямъ. Первая такого рода концессія была выдана въ 1865 году фонъ-Дервизу на сооруженіе линіи отъ Рязани до Козлова, съ правительственною гарантіею 5% чистаго дохода. Въ 1866 году выдана концессія частному обществу на постройку Ряжско-Моршанской дороги, а воронежскому земству — дороги Козлово-Воронежской, наконецъ, частному обществу — дороги Курско - Кіевской. Въ 1867 году приступлено къ постройкѣ линій Орловско-Грязской и Шуйско-Ивановской.

Бо́льшая часть облигацій всѣхъ этихъ дорогъ помѣщались въ Пруссіи и онѣ скоро переполнили нѣмецкій рынокъ. Орловское земство, которому въ 1867 году выдана

была концессія на сооруженіе линіи отъ Орла до Витебска, впервые стало помѣщать облигаціи въ Англіи. Въ томъ же 1867 году выданы концессіи на дороги Риго-Митавскую и Поти-Тифлисскую, а въ 1868 году, на линію отъ Курска до Харькова, какъ части Курско-Харьково-Азовской дороги.

Разрѣшенная въ 1868 и 1869 годахъ, дорога отъ станціи Грязи до Царицына, обошлась уже безъ правительственной гарантіи, которую замѣнила гарантія тамбовскаго земства, а содѣйствіе правительства выразилось въ пріобрѣтеніи облигацій дороги. Успѣхъ этой комбинаціи вызвалъ Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ выдачи концессій съ правительственною гарантіею. На такомъ условіи разрѣшена постройка дорогъ: Козловско-Тамбовской, Рыбинско-Бологовской, Балтійской, отъ Петербурга до Балтійскаго Порта, и Харьково-Кременчугской. На одинаковыхъ основаніяхъ съ Грязе-Царицынскою дорогою, выдана саратовскому земству и обществу г. Саратова—концессія на линію отъ Саратова до Тамбова.

Соревнованіе земствъ съ частными предпринимателями, побудило правительство, осенью 1868 года, издать слѣдующія правила о порядкѣ выдачи концессій: 1) концессіи предварительно разсматриваются въ Комитетѣ Министровъ, который, при поднесеніи оныхъ на Высочайшее воззрѣніе, постановляетъ: слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ вызвать соискателей на конкуренцію между собою; 2) затѣмъ министръ финансовъ испрашиваетъ всеподданнѣйшимъ докладомъ соизволеніе на приглашеніе къ конкуренціи лицъ, которыхъ онъ признаетъ для дѣла полезными; 3) предложенія присылаются къ министру финансовъ въ запечатанныхъ конвертахъ и открываются въ совѣтѣ министра финансовъ, въ засѣданіе коего приглашаются соискатели; 4) соискателямъ объясняется, что Комитетъ Министровъ разсмотритъ представленныя предложенія и поднесетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе свое заключеніе о принятіи одного изъ предложеній, или объ отклоненіи всѣхъ. Начало состязанія впервые примѣнено при выдачѣ, въ декабрѣ 1868 года, концессіи на Московско-Смоленскую желѣзную дорогу. Тогда же разрѣшена постройка дорогъ Новоторжской и Константиновской.

Въ 1869 году, изъ 12 группъ соискателей, концессія на постройку Либавской желѣзной дороги выдана синдикату, предложившему наименьшую цѣну 43.500 рублей съ версты. Линія эта впослѣдствіи слита съ Либаво-Роменской. На тѣхъ же основаніяхъ разрѣшена постройка линій: Воронежско-Ростовской, соединенной вскорѣ съ Козлово-Воронежской, Скопинской и Иваново-Кинешемской. Вслѣдствіе ходатайства прусскаго правительства, концессія на сооруженіе Бресто-Граевской линіи утверждена за южно-прусскою желѣзною дорогой.

Въ 1870 году разрѣшена постройка дорогъ Смоленско-Брестской, сооруженіе которой предоставлено обществу Московско-Смоленской дороги и Путиловской, построенной на средства товарищества Путиловскаго завода. Въ томъ же году произведенъ первый опытъ постройки узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, постройкою на счетъ казны линіи отъ г. Ливенъ до Орловско-Грязской дороги. Концессіи на узко-колейныя линіи выданы на дорогу отъ Новгорода къ Чудовской станціи австрійскому синдикату, а на дорогу отъ Ярославля до Вологды—обществу Московско-Ярославской желѣзной дороги.

Далѣе, въ 1870 году, разрѣшено, вслѣдствіе состязанія между девятью конкурентами, сооруженіе линіи отъ Кіева до Бреста, причемъ общество, которому выдана концессія, вслѣдствіе заявленной имъ низшей цѣны по 44.550 металлическихъ рублей съ версты, обязывалось пріобрѣсти, уже построенный на средства казны, участокъ отъ Кіева до Жмеринки и Бердичева, и выстроить остальной участокъ, отъ Бердичева до Бреста и Радзивилова. Подъ именемъ Одесской дороги выдана концессія Русскому Обществу пароходства и торговли на пріобрѣтеніе построенныхъ казною участковъ отъ Одессы до Балты, отъ Балты до Кременчуга, отъ Кременчуга до Елисаветграда, и на постройку линіи отъ Кишенева до румынской границы. Разрѣшена постройка линіи отъ Риги до Больдераа, на устьѣ Западной Двины.

Между тѣмъ, состязательный порядокъ, введенный при выдачѣ концессій, скоро обнаружилъ важныя неудобства и вызвалъ, въ концѣ 1870 года, изданіе новыхъ, Высочайше утвержденныхъ, правилъ по этому предмету: 1) составляется проектъ нор-

мальной концессіи, который, чрезъ Комитетъ Министровъ, подносится на Высочайшее утвержденіе; 2) послѣ утвержденія нормальной концессіи, министръ путей сообщенія ведетъ переговоры о постройкѣ проектированной дороги или съ однимъ, или съ нѣсколькими надежными строителями по его выбору и условливается съ однимъ изъ этихъ лицъ относительно поверстной стоимости постройки; 3) время выдачи концессіи назначается Высочайшею властью, по всеподданнѣйшему докладу министровъ финансовъ и путей сообщенія, причемъ опредѣленіе условій, формы и времени выпуска бумагъ, лежитъ на обязанности министра финансовъ; 4) министръ путей сообщенія, по окончательномъ соглашеніи съ министромъ финансовъ, вноситъ предположеніе объ окончательной выдачѣ концессіи, чрезъ Комитетъ Министровъ, на Высочайшее благоусмотрѣніе.

На основаніи правилъ 1870 года выданы концессіи на Лозово-Севастопольскую дорогу, Ландварово-Роменскую и Митавскую, и передана частному обществу выстроенная на казенный счетъ Московско-Курская дорога.

Съ теченіемъ времени, помѣщеніе негарантированныхъ правительствомъ акцій становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе малодоходности вновь открываемыхъ дорогъ. Признавая дарованіе полной гарантіи новообразуемымъ обществамъ обременительнымъ для казны, министръ финансовъ и комитетъ желѣзныхъ дорогъ рѣшили замѣнить ее временною гарантіею на 15 лѣтъ. На этомъ условіи выданы концессіи на сооруженіе линій Ряжско-Вяземской, Моршанско-Сызранской и Ростово-Владикавказской.

Скоро и правила 1870 года о порядкѣ выдачи концессій оказались столь же мало примѣнимы, какъ и правила 1868 года, вслѣдствіе чего въ 1873 году выработаны опять новыя правила для разрѣшенія построекъ желѣзныхъ дорогъ, коими на министерство путей сообщенія возлагалась обязанность производить предварительныя изысканія и составлять разцѣночныя и техническія вѣдомости работъ, поставокъ и расходовъ по устройству признанныхъ нужными желѣзныхъ путей. По разсмотрѣніи этихъ условій въ Комитетѣ министровъ имъ разрѣшается вопросъ, какимъ способомъ должны строиться дороги, непосредственно отъ правительства или частною компаніею, и въ послѣднемъ случаѣ таковыя образуются слѣдующимъ порядкомъ: а) министръ путей сообщенія публикуетъ Высочайше утвержденные для дороги уставъ акціонернаго общества, техническія условія и разцѣночную техническую вѣдомость; затѣмъ, министръ путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, образуетъ правительственную учредительную коммиссію; б) коммиссія, съ утвержденія министра путей сообщенія, публикуетъ отъ имени министерства приглашеніе къ публичной подпискѣ на акціи учреждаемаго общества; в) по закрытіи подписки, коммиссія производитъ разверстку; г) разверстка акцій производится соразмѣрно количеству акцій, подписанныхъ каждымъ, съ опредѣленнымъ при объявленіи подписки правомъ на преимущество для подписавшихся на меньшее количество.

Правила 1873 года имѣли очевидною цѣлью устраненіе злоупотребленій, при которыхъ учредители желѣзно-дорожныхъ обществъ являлись ихъ безотчетными и безотвѣтственными распорядителями, въ ущербъ интересовъ акціонеровъ, лишенныхъ всякаго надъ ними фактическаго контроля. Примѣнены были эти правила къ образованнымъ въ слѣдующіе годы по подпискѣ, четыремъ акціонернымъ обществамъ для сооруженія Оренбургской, Фастовской, Привислянской и Уральской желѣзныхъ дорогъ, которымъ дарована была полная правительственная гарантія въ 5% и облигаціи которыхъ правительство оставило за собою. При этомъ, цѣль, которую преслѣдовали новыя правила, достигнута не была. Всѣ четыре дороги, остались въ дѣйствительности, въ рукахъ тѣхъ же строителей, подписавшихся на большинство акцій.

Обстоятельство это побудило правительство снова возвратиться къ прежнему порядку, и въ 1875 году издать въ этомъ смыслѣ новыя правила, предоставлявшія, министру путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, входить въ Комитетъ Министровъ съ отдѣльными представленіями: а) о сооруженіи такихъ вѣтвей или продолженій дороги, которыя могутъ быть, безъ отягощенія казны увеличеніемъ приплаты по гарантіи, соединены съ существующими уже дорогами и построенными

на облигаціонный капиталъ, если признано будетъ, что эти вѣтви послужатъ къ улучшенію положенія существующихъ дорогъ, и б) о сооруженіи такихъ дорогъ, которыя могутъ быть осуществлены бозъ всякаго со стороны казны пособія или гарантіи основного ихъ капитала.

Развитіе сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ царствованіе Императора Александра II выражается слѣдующими краснорѣчивыми цифрами: Къ 1-му января 1857 года находилось открытыхъ для движенія дорогъ въ Имперіи 671 верста, а въ Царствѣ Польскомъ 308 верстъ, всего 979 верстъ. Къ 1-му января 1863 года открытыхъ дорогъ было уже 3.071 верста; кромѣ того, въ постройкѣ находилось 287 верстъ. Къ 1-му января 1867 года: открытыхъ 4.242 версты; въ постройкѣ 1.694 версты и разрѣшенныхъ къ постройкѣ 940 верстъ. Къ 1-му января 1870 года: открытыхъ 7.654 версты, въ постройкѣ 5.030 верстъ, и разрѣшенныхъ къ постройкѣ 1.618 верстъ. Къ 1-му октября 1876 года: открытыхъ 17.658 верстъ, не считая 595 верстъ финляндскихъ дорогъ; въ постройкѣ 2.075 верстъ и разрѣшенныхъ къ постройкѣ 285 верстъ. Въ девятилѣтній періодъ, съ 1866 по 1875 годъ, включительно, основной капиталъ открытыхъ дорогъ увеличился на сумму 971½ милліоновъ рублей кредитныхъ; стоимость же построенныхъ дорогъ—на 789 милліоновъ рублей.

Распространенію на всю Россію желѣзныхъ путей соотвѣтствовало развитіе пароходства. Еще ранѣе приступленія къ постройкѣ желѣзнодорожной сѣти, 3-го августа 1856 года, Высочайше учреждено, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, русское общество пароходства и торговли съ цѣлью возобновленія, между портами Чернаго и Азовскаго морей, пароходныхъ сообщеній, производившихся на счетъ правительства до Крымской войны, а также въ видахъ развитія внѣшней торговли южнаго края Россіи. Въ короткое время общество это, при постоянной правительственной поддержкѣ, выразившейся, между прочимъ, въ щедрой помильной платѣ, расширило кругъ своей дѣятельности и суда его связали русскіе черноморскіе порты съ важнѣйшими портами Европейской и Азіятской Турціи и Египта. Мало-по-малу пароходныя общества учредились во всѣхъ нашихъ внутреннихъ моряхъ и по теченію судоходныхъ рѣкъ: Волги, Дона, Днѣпра, Буга, Днѣстра, Вислы, Нѣмана, Западной Двины, Невы, Сѣверной Двины и ихъ притоковъ, распространяясь и по ту сторону Урала на всѣ главныя рѣки Средней Азіи и Сибири, до Амура и Уссури включительно.

Быстрое развитіе паровыхъ сообщеній не препятствовало, а скорѣе побуждало къ расширенію и усовершенствованію естественныхъ водяныхъ путей, углубленію и расчисткѣ руслъ рѣкъ, поддержанію старыхъ и сооруженію новыхъ каналовъ. Значительныя работы произведены для улучшенія портовъ на Балтійскомъ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Шоссейныя дороги также не оставлены въ пренебреженіи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ казенныя шоссе Московской и Тульской губерній, въ видѣ опыта, переданы въ завѣдываніе мѣстныхъ земствъ, на десять лѣтъ, и тотъ же опытъ произведенъ въ 1877 году съ шоссейными путями Калужской и Ярославской губерній.

Соотвѣтственно общему хозяйственному развитію страны, развивались почтовыя и телеграфныя сообщенія, что вызвало расширеніе круга дѣятельности почтъ и телеграфовъ и коренное ихъ преобразованіе.

Въ началѣ царствованія, почтовою частью въ Имперіи вѣдалъ отдѣльный почтовый департаментъ, во главѣ котораго стоялъ главноначальствующій, а телеграфная часть была подчинена главному управленію путями сообщеній. Въ 1864 году почта и телеграфъ слиты въ одно общее управленіе, которое, въ 1866 году, наименовано министерствомъ почтъ и телеграфовъ. Министромъ назначенъ И. М. Толстой, а по смерти его, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, по назначеніи котораго, въ 1868 году, министромъ внутреннихъ дѣлъ, почтовое и телеграфное вѣдомство включено въ составъ этого министерства. Въ послѣдній годъ царствованія оно снова образовало отдѣльное министерство, во главѣ котораго поставленъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, Л. С. Маковъ.

По мѣрѣ того, какъ Россія покрывалась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, сокращалась перевозка писемъ и посылокъ на почтовыхъ лошадяхъ и, одинъ за другимъ, закрывались главные почтовые тракты или передавались въ завѣдываніе земствъ. Поверстная прогонная плата повышена и уничто-

жены подорожныя. Зато, внѣ желѣзнодорожнаго района, открывались новые почтовые тракты и станціи, такъ что въ 1878 году, уже всѣ населенныя мѣста Имперіи пользовались услугами почты, не исключая и отдаленныхъ краевъ: Туркестана и Амурской области. Уже въ 1857 году введены впервые почтовыя марки для оплаты внутреннихъ простыхъ писемъ, въ 1864 году разрѣшено оплачивать ими и иностранную корреспонденцію, а въ 1866 году—отправленія подъ бандеролью. Въ 1871 году изданы временныя постановленія по почтовой части, вводившія слѣдующія мѣры: 1) допущена пересылка не вполнѣ оплаченныхъ писемъ; 2) введенъ новый родъ корреспонденціи—открытыя письма; 3) установлена застрахованная пересылка государственныхъ и другихъ процентныхъ бумагъ; 4) понижена, почти до половины, страховая такса за денежныя и другія цѣнныя отправленія; 5) вмѣсто прежнихъ страховыхъ писемъ введены два рода корреспонденціи—цѣнные пакеты и заказныя письма; 6) установлена однообразная такса для посылокъ, уменьшенная, впрочемъ, для книгъ; 7) допущена пересылка подъ бандеролью по уменьшенной таксѣ образчиковъ товаровъ и печатныхъ произведеній; 8) введена пропорціональная процентная такса для пересылки повременныхъ изданій, сообразно съ цѣною ихъ и срокомъ выхода, и 9) установленъ опредѣленный, 2-хъ и 3-хъ-копѣечный, сборъ за доставку и выдачу корреспонденціи, который, однако, какъ предназначенный на увеличеніе содержанія почтальоновъ, былъ отмѣненъ въ 1874 году, послѣ того, какъ на этотъ предметъ Высочайше ассигнованъ дополнительный кредитъ изъ государственнаго казначейства.

Въ первые годы царствованія заключены почтовыя конвенціи съ пограничными государствами, Пруссіею, Австріею и Швеціею, а почтовыя сношенія съ прочими государствами производились чрезъ посредство прусскаго почтоваго управленія, которое установляло всѣ правила, опредѣлявшія эти сношенія, назначало таксы, вело расчеты и разбирало жалобы. Порядокъ этотъ былъ признанъ неудобнымъ и въ 1872 году заключены почтовыя конвенціи непосредственно съ Даніею, Нидерландами, Бельгіею, Франціею, Швейцаріею и Италіею, а также дополнительныя къ прежнимъ конвенціи съ сосѣдними Германіею и Австро-Венгріею, наконецъ—съ Румыніею.

Въ 1874 году делегатъ русскаго правительства участвовалъ въ международномъ конгрессѣ въ Бернѣ, на которомъ 22 государства сѣвернаго полушарія, составляющія сплошную группу въ 37 милліоновъ квадратныхъ верстъ, съ болѣе чѣмъ 350-ю милліоннымъ населеніемъ, образовали Всемірный почтовый союзъ, въ составъ котораго вошла и Россія, вслѣдствіе чего, съ 1875 года, установлена въ Россіи однообразная такса за письменную корреспонденцію, какъ международную—въ предѣлахъ союза,—такъ и всю, безъ исключенія, внутреннюю. Въ послѣдующіе годы въ Россіи вводились всѣ постановленныя періодическими съѣздами представителей Всемірнаго почтоваго союза улучшенія по почтовой части, какъ-то: однообразная такса для писемъ и бандерольныхъ отправленій, право страховать денежную корреспонденцію до мѣста ея назначенія и т. п.

Результаты всѣхъ этихъ преобразованій по почтовой части выражаются въ слѣдующихъ сравнительныхъ цифрахъ 1854 и 1878 годовъ: Почтовый доходъ 5.686.000 и 13.394.000 рублей; почтовый расходъ 8.743.000 и 14.217.000 рублей; общее число корреспонденцій 33.864.000 и 198.775.000. Переслано цѣнностей на 548.495.000 и 2.561.455.000 рублей; число почтовыхъ учрежденій было 2.437 въ 1878 году, противъ 1645 въ 1854 году.

Не меньшее развитіе получили, за тотъ же періодъ времени, и телеграфныя сношенія.

При воцареніи Императора Александра II въ Россіи существовало всего три линіи электрическаго телеграфа, исключительно для казенныхъ потребностей, на протяженіи около 2.000 верстъ, а именно: изъ Петербурга въ Кронштадтъ, чрезъ Москву въ Кіевъ, и чрезъ Варшаву къ австрійской границѣ, съ вѣтвью отъ Маріамполя къ прусскому пограничному мѣстечку Эйдкуненъ. Въ двадцать пять лѣтъ—съ 1855 по 1880 годъ—государственный телеграфъ, развиваясь постепенно, и преимущественно въ Европейской Россіи, образовалъ телеграфную сѣть въ 74.863 версты линій, 142.584 версты проводовъ съ 1.046 станціями. Въ 1880 году русская сѣть по про-

тяженію занимала уже первое мѣсто среди телеграфовъ прочихъ государствъ.

Только первыя линіи строились иностранными контрагентами и необходимыя къ нимъ принадлежности выписывались изъ-за границы. По мѣрѣ подготовленія русскихъ техниковъ, работы перешли въ ихъ руки, а съ 1866 года, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія о прекращеніи правительственныхъ заказовъ за границею, всѣ телеграфныя принадлежности стали производиться въ Россіи, за исключеніемъ кабелей, выдѣлка коихъ у насъ не производится. Такъ, русское производство поставило для нашихъ телеграфовъ, не считая главнаго строительнаго матеріала, лѣса, для столбовъ до 800.000 пудовъ проволоки, болѣе 3 милліоновъ изоляторовъ, болѣе 2 милліоновъ крюковъ, до 2.000 аппаратовъ Морзе и болѣе 180 аппаратовъ Юза. Расходъ на распространеніе государственной сѣти за 25-ти-лѣтній періодъ составляетъ до 14 милліоновъ рублей. Частное содѣйствіе ея сооруженію опредѣляется въ размѣрѣ до полумилліона рублей.

Въ Восточную войну 1877—1878 годовъ, сдѣланы распоряженія для примѣненія телеграфа къ военнымъ надобностямъ. Внутри Имперіи открыто нѣсколько станцій по случаю мобилизаціи войскъ, пополнены новыми линіями и проводами южная часть и кавказскій районъ нашей сѣти, а по Черноморскому и Балтійскому прибрежьямъ, устроены телеграфы для способствованія оборонѣ. Для устройства телеграфовъ и завѣдыванія какъ ими, такъ и почтовыми сообщеніями на европейскомъ театрѣ войны, учрежденъ, при Дунайской арміи, отдѣлъ почтъ и телеграфовъ. Всего въ послѣднюю войну устроено: на Балканскомъ полуостровѣ—линій 2.148 верстъ съ 3.933 верстами проводовъ и съ 61 станціей; на Кавказѣ и въ Малой Азіи—линій 1.436, проводовъ 1.860 верстъ и 60 станцій.

Сосредоточивая въ своихъ рукахъ устройство русской телеграфной сѣти, правительство выдавало концессіи иностраннымъ предпринимателямъ для осуществленія предпріятій международныхъ. По концессіямъ, даннымъ датскому обществу Great Northern Telegraph C°, открыты подводные пути, въ 1868 году, отъ Либавы черезъ островъ Борнгольмъ, до датскаго острова Мена, а въ 1869 году, отъ Ништадта до шведскаго берега у Грислегамна. Оба каната соединены съ кабелями, уложенными, отъ датскаго и шведскаго береговъ, къ берегамъ Великобританіи, образовавъ прямые, независимые отъ континентальныхъ телеграфовъ, пути для сношеній Россіи со скандинавскими государствами и съ Англіею. Франко-нѣмецкая война и обнаружившіяся во время ея затрудненія въ обмѣнѣ корреспонденціи съ Франціею по телеграфамъ материка, вызвали проложеніе тѣмъ же датскимъ обществомъ, въ 1873 году, кабеля отъ датскаго острова Фано прямо въ Калэ. Въ 1876 году, то же общество, погрузивъ для правительственной эксплоатаціи канатъ отъ Ништадта къ острову Аланду, продолжило его до шведскаго берега. Въ Черномъ морѣ уложенъ, въ 1874 году, обществомъ Black Sea Telegraph C° кабель между Одессою и Константинополемъ.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ независимыхъ отъ материка подводныхъ путей для сношеній Россіи съ отдаленными иностранными государствами, были приняты мѣры къ привлеченію всемірнаго транзита на нашу сѣть. Съ этою цѣлью, по концессіи, выданной извѣстнымъ телеграфнымъ строителямъ Сименсу и Гальске, устроена, въ 1870 году, для передачи корреспонденціи Европы съ Индіей, прямая линія, отъ Торна чрезъ Варшаву, Одессу и Кавказъ до Джульфы, продолженная, въ одну сторону, чрезъ Пруссію и Сѣверное море, до Лондона, а въ другую, чрезъ Персію, до устроенныхъ англичанами воздушныхъ и подводныхъ линій въ Индіи. Для обмѣна, чрезъ Россію, сношеній Европы и Америки съ Китаемъ и Японіею, Датское Сѣверное Общество, съ 1870 по 1872 годъ, проложило кабель отъ оконечной станціи Сибирской линіи во Владивостокѣ до Нагасаки, Шанхая и Гонгъ-Конга.

Послѣдній морской кабель чрезъ Каспійское море проложенъ въ 1879 году, между Баку и Красноводскомъ, по требованію кавказскаго начальства, на средства правительственныя и подъ наблюденіемъ правительственныхъ техниковъ.

Существеннымъ пособникомъ государственной сѣти въ передачѣ общей корреспонденціи служатъ желѣзнодорожные телеграфы, проведенные вдоль всѣхъ линій желѣзныхъ дорогъ и имѣвшіе, въ 1880 году, 1.472 станціи. Сверхъ того, протяженіе частныхъ телеграфныхъ линій въ

томъ же году составляло 481 версту, съ проводами въ 610 верстъ и съ 61 станціею.

Телеграфный обмѣнъ съ иностранными государствами опредѣляется международными договорами. Сначала были заключены конвенціи съ сопредѣльными державами: Пруссіей, Австріей, Швеціей, Румыніей и Турціей, но въ 1865 году, Россія приняла участіе въ обще-европейскомъ телеграфномъ съѣздѣ въ Парижѣ и приступила тамъ къ конвенціи, заключенной между всѣми государствами, представленными на съѣздѣ. Послѣ пересмотровъ, на очередныхъ конференціяхъ въ Вѣнѣ, въ 1868 году, и въ Римѣ, въ 1871 году, парижской конвенціи, телеграфный союзъ, расширившійся изъ предѣловъ Европы въ другія части свѣта, скрѣпился заключенною въ 1875 году, на общемъ съѣздѣ въ Петербургѣ, новою, замѣнившею парижскій договоръ, конвенціею. Собранная въ 1879 году, въ Лондонѣ, пятая телеграфная конференція ввела коренное измѣненіе въ международномъ тарифѣ, установивъ въ европейскихъ сношеніяхъ, взамѣнъ двадцатисловной тарифной системы, плату пословную. Это повело къ пониженію нашего внутренняго тарифа, въ который введена также плата пословная, низшій размѣръ которой опредѣленъ въ 10 словъ. Всѣ эти мѣры имѣли послѣдствіемъ значительное увеличеніе телеграфной корреспонденціи. Въ 1878 году принято внутреннихъ телеграммъ 4.404.000; телеграммъ международныхъ передано за границу, принято оттуда и прошло транзитомъ — 1.051.000; депешный сборъ въ 1878 году достигъ 6.921.000 рублей. Личный составъ телеграфнаго вѣдомства, въ 1880 году, состоялъ изъ 9.495 служащихъ, изъ нихъ 702 женщины, которыхъ разрѣшено назначать телеграфистками Высочайшимъ повелѣніемъ 26-го февраля 1865 года.

Въ теченіе двадцатипятилѣтія, съ 1855 по 1880 годъ, доходу по государственному телеграфу поступило до 75 милліоновъ рублей; на содержаніе телеграфной части израсходовано до 58 милліоновъ; чистой прибыли телеграфъ принесъ до 17 милліоновъ рублей.

XIX.

Церковь, просвѣщеніе, благотворительность.

1855—1881.

Развитіе просвѣщенія въ русскомъ народѣ и утвержденіе его въ вѣрѣ и благочестіи составляли предметъ постоянныхъ заботъ Императора Александра II, признававшаго въ томъ для Россіи, какъ самъ онъ выразился въ достопамятномъ манифестѣ 19-го марта 1856 года, „вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія".

Во все продолженіе двадцатишестилѣтняго царствованія, соблюдая завѣты державныхъ предковъ, Государь явилъ себя вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ православной церкви, ревнителемъ и защитникомъ православія. Дѣятельными сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были отечественные іерархи и, во главѣ ихъ, маститый первосвятитель московскій, Филаретъ, а по смерти его, митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ, занимавшій съ 1859 года и до самаго конца царствованія мѣсто первенствующаго члена Св. Синода. При вступленіи Императора Александра II на Престолъ, временно исправлялъ обязанности синодальнаго оберъ-прокурора тайный совѣтникъ Карасевской; съ 1856 по 1862 годъ должность эту занималъ графъ А. П. Толстой; съ 1862 по 1865 — свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ Ахматовъ; съ 1865 по 1880 г.—графъ Д. А. Толстой; наконецъ, въ послѣдній годъ царствованія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода назначенъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Въ самый день священнаго коронованія, 26-го августа 1856 года, въ Москвѣ, Св. Синодъ, въ полномъ собраніи своихъ членовъ, постановилъ увѣковѣчить это событіе приступленіемъ къ переводу всѣхъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ, не для употребленія церковно-служебнаго, для котораго славянскій текстъ этихъ книгъ долженъ былъ остаться неприкосновеннымъ, а для пособія къ лучшему уразумѣнію слова Божія чадами русской церкви. Громадный трудъ, надъ которымъ члены Синода работали въ продолженіе двухъ десятилѣтій, приведенъ къ окончанію въ 1876 году, когда впервые издана на русскомъ языкѣ вся Библія, въ полномъ ея объемѣ. Первое изданіе въ 24.000 экземпляровъ быстро

разошлось въ одинъ годъ и въ 1877 году предпринято второе изданіе, въ томъ же размѣрѣ. Государь, въ особомъ рескриптѣ, выразилъ искреннюю признательность Синоду за совершеніе великаго дѣла. „Молю Бога", писалъ онъ, „да явитъ Онъ спасительную силу своего слова къ преуспѣянію православнаго русскаго народа въ вѣрѣ и благочестіи, на коихъ зиждется истинное благо царствъ и народовъ".

Въ царствованіе Александра II проповѣдь слова Божія язычникамъ, населяющимъ нѣкоторыя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ, получила широкое развитіе. Подготовленные въ спеціальныхъ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ при духовныхъ академіяхъ и главнѣйшихъ семинаріяхъ, основательно изучивъ инородческіе языки и нарѣчія, православные миссіонеры дѣйствовали съ успѣхомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, просвѣщая свѣтомъ евангельской истины не только идолопоклонниковъ, но и мусульманъ. Миссіонерскіе станы, учрежденные по всему Поволжью, трудились надъ обращеніемъ черемисовъ, чувашей, вотяковъ, мордвы, а также татаръ, калмыковъ и киргизовъ; въ Сибири, въ Тобольской губерніи, дѣйствовали, въ сѣверныхъ ея предѣлахъ, миссіи Кондійская и Обдорская, въ Томской губерніи— Алтайская и Туруханская, въ Иркутской губерніи — Иркутская и Забайкальская; далѣе, къ востоку, священники съ походными церквами объѣзжали Якутскую область, проникая до самой Камчатки. Многолѣтнею апостольскою дѣятельностью въ этихъ отдаленныхъ краяхъ прославился преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій и алеутскій, распространившій проповѣдь Евангелія и на дикарей, поселенныхъ по Амуру, на Курильскихъ островахъ и въ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ въ Сѣверной Америкѣ. Въ то же время православные миссіонеры дѣйствовали на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ, трудясь надъ возстановленіемъ христіанства въ этихъ, нѣкогда христіанскихъ, областяхъ. Миссіонерская дѣятельность распространялась и за предѣлы Имперіи. Духовная миссія въ Пекинѣ утверждала въ вѣрѣ отцовъ православныхъ китайцевъ, потомковъ русскихъ выходцевъ, когда-то переселенныхъ изъ Албазина въ столицу Небесной имперіи. Вновь учрежденная духовная миссія въ Японіи положила прочное начало обращенію въ православіе японцевъ, и къ концу царствованія число обращенныхъ въ этой странѣ превышало уже 4.000 человѣкъ. Наконецъ, православная архіерейская каѳедра основана въ Сѣверной Америкѣ съ мѣстопребываніемъ епископа въ Санъ-Франциско.

Обращеніе въ православіе изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, римско-католическаго и протестантскаго, до извѣстной степени находилось въ зависимости отъ хода политическихъ событій въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Значительное число эстовъ и латышей приняли православную вѣру въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и послѣ небольшого перерыва, движеніе это продолжалось до послѣднихъ лѣтъ царствованія. Наибольшее число бѣлоруссовъ-католиковъ возвратилось въ лоно православной церкви въ Сѣверо-западномъ краѣ вскорѣ по усмиреніи въ немъ мятежа, преимущественно въ 1866 году, когда въ литовской епархіи обратилось 25 тысячъ, а въ минской 20 тысячъ душъ. Девять лѣтъ спустя, а именно въ 1875 году, болѣе 250 тысячъ, уніатовъ въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Люблинской и Сувалкской, возсоединились съ православною церковью.

Не насилуя совѣсти, правительство Императора Александра вмѣшательство свое въ дѣло утвержденія православія на окраинахъ Имперіи ограничило рядомъ мѣръ, направленныхъ къ возвышенію значенія православнаго духовенства, къ поднятію уровня его нравственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Съ этою цѣлью, какъ въ Западномъ, такъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, увеличены оклады содержанія духовныхъ лицъ, причтамъ православныхъ церквей дарованы земельные надѣлы изъ казенныхъ земель, которые, напримѣръ, въ рижской епархіи произведены въ размѣрѣ отъ 100 до 150 десятинъ на каждый приходъ. На министерство внутреннихъ дѣлъ возложена забота о постройкѣ православныхъ церквей въ Привислянскомъ, Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Таковыхъ построено, возобновлено или передѣлано: въ Царствѣ Польскомъ—250, въ девяти западныхъ губерніяхъ—1.337 и въ трехъ прибалтійскихъ—55.

Православное духовенство вело также непрерывную и оживленную борьбу съ расколомъ. Усиліями его сектанты присоеди-

нились къ господствующей церкви, частью безусловно, частью на началахъ единовѣрія. Въ 1869 году въ единовѣріе обратилось нѣсколько видныхъ представителей такъ называемой австрійской іерархіи, для которыхъ тогда же основанъ въ Москвѣ первый единовѣрческій монастырь.

Общее число обращенныхъ въ православіе за все царствованіе было, приблизительно, слѣдующее: изъ римско-католиковъ до 100 тысячъ, изъ греко-уніатовъ до 250 тысячъ, изъ армянъ до 2 тысячъ, изъ протестантовъ до 15 тысячъ, изъ раскольниковъ до 100 тысячъ, изъ евреевъ до 15 тысячъ, изъ магометанъ до 100 тысячъ, изъ язычниковъ до 80 тысячъ, всего свыше 600 тысячъ душъ.

Въ заботливости своей о священно- и церковно-служителяхъ отечественной церкви, Императоръ Александръ особое вниманіе обратилъ на крайнюю недостаточность ихъ средствъ, едва обезпечивавшихъ ихъ существованіе. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ Совѣтѣ Министровъ, послѣ чего, лѣтомъ 1862 года, состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, особаго присутствія для изысканія способовъ къ улучшенію быта православнаго духовенства, а именно: 1) къ расширенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно- и церковно-служителей путей для обезпеченія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ составъ присутствія назначены, подъ предсѣдательствомъ митрополита с.-петербургскаго, всѣ наличные члены Св. Синода, а изъ свѣтскихъ лицъ: министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, шефъ жандармовъ, синодальный оберъ-прокуроръ и директоръ духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ, статсъ-секретарь князь Урусовъ. Принимая живое участіе въ трудахъ особаго присутствія, Государь приказалъ всѣ его постановленія представлять на благоусмотрѣніе Его Величества и при этомъ отозвался, что хотя предметы, порученные обсужденію присутствія, относятся исключительно къ увеличенію матеріальныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ средѣ гражданскаго общества, а потому нисколько не касаются внутренняго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе ея святаго ученія, всегда неприкосновеннаго, но все же слѣдуетъ, при развитіи вышеуказанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій святой церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ. Сверхъ того, Императоръ выразилъ желаніе, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ Имперіи, сохраняющихъ независимость, закономъ для нихъ обезпеченную.

Особое присутствіе, приступивъ къ своимъ занятіямъ въ началѣ 1863 г., постановило затребовать изъ епархій свѣдѣнія о настоятельнѣйшихъ улучшеніяхъ по мѣстнымъ условіямъ и по программѣ, составленной присутствіемъ. Для начертанія этой программы Государь назначилъ двухнедѣльный срокъ и затребованныя свѣдѣнія приказалъ доставить не позже 1-го іюня 1863 г., а для изложенія присутствіемъ сущности подлежавшихъ его обсужденію вопросовъ опредѣлилъ срокъ двухмѣсячный. „Я вездѣ назначилъ сроки“, собственноручно надписалъ онъ на постановленіи присутствія, „дабы дѣло подвигалось дѣйствительно, а не протягивалось, какъ оно у насъ часто бываетъ, однимъ отписываніемъ“.

Первыми плодами трудовъ особаго присутствія были Высочайше утвержденныя и обнародованныя въ 1864 году, положенія о приходскихъ попечительствахъ и о церковно-приходскихъ школахъ. Первое изъ этихъ узаконеній призывало прихожанъ къ участію въ завѣдываніи церковными дѣлами прихода и къ содѣйствію въ улучшеніи положенія приходскаго духовенства; второе возлагало на сельское духовенство обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Государь съ любовью слѣдилъ за развитіемъ школъ этого рода, приказавъ подавать себѣ вѣдомости о ихъ состояніи, сначала за каждый мѣсяцъ, а впослѣдствіи дважды въ годъ. Впрочемъ, за вторую половину царствованія, послѣ изданія въ 1864 году положенія о народныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣще-

нія, число церковно-приходскихъ школъ начало сокращаться. Въ 1878 году ихъ насчитывалось въ Имперіи 5.974, съ 172 тысячами учащихся.

Возложенную на него задачу по улучшенію быта православнаго духовенства особое присутствіе при Св. Синодѣ разрѣшило во всей совокупности лишь въ 1869 году, когда удостоился Высочайшаго утвержденія рядъ выработанныхъ имъ законоположеній: 1) о пересмотрѣ состава приходовъ и церковныхъ причтовъ; 2) объ условіяхъ опредѣленія на священно- и церковно-служительскія мѣста; 3) о перемѣщеніи и увольненіи священно-служителей и 4) о правахъ духовенства по службѣ. Они были дополнены Высочайшимъ повелѣніемъ объ освобожденіи лицъ духовнаго званія отъ прежнихъ сословныхъ стѣсненій и о предоставленіи имъ права перехода въ иныя сословія.

Другое больное мѣсто вѣдомства православнаго исповѣданія было неудовлетворительное состояніе духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1860 году учрежденъ при Св. Синодѣ комитетъ для обсужденія мѣръ къ ихъ преобразованію, но приступить къ таковому оказалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ, по докладу синодальнаго оберъ-прокурора, Государь повелѣлъ отпускать на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній изъ государственнаго казначейства 1.500,000 рублей, постепенно, начиная съ 1867 года. „Съ благоговѣйною признательностью“, писалъ графъ Д. А. Толстой во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ, „и съ пламенною молитвою къ Богу о благоденствіи и спасеніи Вашего Величества, принялъ Св. Синодъ и, за нимъ, все русское православное духовенство Высочайшую милость“. Открытый, весною 1866 года, новый комитетъ изъ четырехъ духовныхъ и четырехъ свѣтскихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита кіевскаго Арсенія, быстро совершилъ возложенное на него дѣло преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1867 году, Высочайше утверждены уставы и штаты православныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, а два года спустя—и уставъ духовныхъ академій. Тогда же при Св. Синодѣ учрежденъ постоянный духовно-учебный комитетъ для высшаго руководства дѣломъ воспитанія и образованія православнаго духовенства. Ежегодный расходъ на содержаніе учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства возросъ съ 2-хъ милліоновъ въ 1855 году, до 5 милліоновъ рублей въ 1880 году. Сверхъ того, заведенія эти уже не предназначались исключительно для молодыхъ людей духовнаго званія, и свободный доступъ въ нихъ открытъ для лицъ всѣхъ прочихъ сословій.

Въ управленіи русскою церковью существенныхъ измѣненій не послѣдовало, но открыто шесть новыхъ епархій, изъ коихъ одна, алеутская и аляскинская, внѣ предѣловъ Имперіи, и значительно умножено число викаріатствъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ своихъ Св. Синодъ поддерживалъ духовное общеніе съ православными восточными патріархами по важнѣйшимъ вопросамъ, касающимся всей церкви Христовой, какъ, напримѣръ, по вопросу объ уклоненіи православныхъ іерарховъ отъ участія въ соборѣ, созванномъ въ Римѣ папою Піемъ IX въ 1869 году. Съ тѣми же патріархами вступилъ Св. Синодъ въ переписку для установленія правилъ, на которыхъ могло бы состояться принятіе въ лоно православной церкви нѣкоторыхъ протестантскихъ церквей, искавшихъ сближенія съ нею, какъ, напримѣръ, церковь епископальная въ Великобританіи и въ Америкѣ. Внимательно слѣдили русскіе іерархи и за старо-католическимъ движеніемъ, проявившимся въ Германіи и вообще, въ Западной Европѣ вскорѣ по провозглашеніи Ватиканскимъ соборомъ догмата о непогрѣшимости римскаго первосвященника. Въ православныхъ русскихъ заграничныхъ церквахъ, на Западѣ, разрѣшено совершать богослуженіе на иностранныхъ языкахъ. Но особое попеченіе имѣла русская церковь о поддержаніи духовной связи съ единовѣрцами нашими на Востокѣ. Съ этою цѣлью, тотчасъ по заключеніи парижскаго мира, учреждена русская духовная миссія въ Іерусалимѣ, во главѣ которой поставленъ епископъ. Вокругъ нея создалось во св. градѣ обширное русское подворье, пріютившее многочисленныхъ, стекающихся туда русскихъ паломниковъ. Щедрыя милостынныя дачи производились разнымъ восточнымъ монастырямъ, представители которыхъ допускались въ Россію для сбора подаяній; обители и церкви надѣлялись церковною утварью, облаченіями, богослужебными книгами; молодые единовѣрцы, предназначавшіе себя къ пастырской дѣя-

тельности, въ значительномъ числѣ принимались въ русскія духовно-учебныя заведенія и воспитывались въ нихъ на казенный счетъ. Св. Синодъ разрѣшалъ сборъ во всѣхъ церквахъ Имперіи на самыя разнообразныя нужды восточныхъ христіанъ. Такіе сборы производились: въ 1860 году въ пользу христіанъ Сиріи, пострадавшихъ отъ мусульманскихъ насилій, въ 1868 году—въ пользу возставшихъ критянъ, въ 1875 — босняковъ и герцеговинцевъ, въ 1876—черногорцевъ и сербовъ.

Война 1877—78 годовъ, предпринятая съ цѣлью освобожденія изъ подъ мусульманскаго ига единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ народовъ Балканскаго полуострова, вызвала въ русскомъ православномъ духовенствѣ пламенное сочувствіе. Призывая свою паству къ посильнымъ пожертвованіямъ на великое и святое дѣло, пастыри сами подавали ей въ томъ примѣръ. Еще до объявленія войны, Св. Синодъ установилъ особый сборъ въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и пригласилъ женскія обители и общины пріискать и подготовить, изъ среды подвизающихся въ нихъ, сестеръ милосердія для отправки въ военные лазареты. Когда же война была объявлена, Синодъ пожертвовалъ въ распоряженіе Краснаго Креста 100.000 рублей, а члены Синода, въ отдѣльности, отказались въ его пользу отъ получаемаго ими по сему званію жалованья. Обильныя приношенія стали поступать изъ всѣхъ епархій, отъ духовенства высшаго и низшаго. Монастыри устраивали госпитали для раненыхъ и пріюты для выздоравливающихъ, церковно-приходскія попечительства оказывали денежныя пособія семьямъ убитыхъ или нуждающихся воиновъ.

Всѣ эти заслуги пастырей русской церкви перечислены въ Высочайшей грамотѣ на имя Св. Синода, коею Императоръ Александръ выразилъ свою признательность, какъ Синоду, такъ и архіереямъ, главнымъ священникамъ, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и всему православному русскому духовенству. Не за однѣ матеріальныя жертвы благодарилъ ихъ Государь. „Повсюду, на обширномъ пространствѣ Имперіи“, свидѣтельствовалъ онъ, „приходскіе священники въ храмахъ и внѣ оныхъ, съ неутомимою ревностью трудились на пользу великаго дѣла, разъясняя пасомымъ значеніе священной брани, подъятой нами во имя любви и правды, ободряя и укрѣпляя народный духъ при неизбѣжныхъ тяготахъ военнаго времени, призывая и собственнымъ примѣромъ располагая прихожанъ къ посильнымъ приношеніямъ. И православный русскій народъ, искони пріобыкшій внимать живому слову и благому примѣру пастырей церкви и унаслѣдовавшій доблести, воодушевившись однимъ святымъ чувствомъ всецѣлой готовности на всякія жертвы за Вѣру, Престолъ и Отечество, выразилъ оную въ многочисленныхъ и разнообразныхъ пожертвованіяхъ на военныя потребности и нужды арміи и въ изумившихъ міръ подвигахъ мужества и терпѣнія тѣхъ сыновъ своихъ, которымъ выпалъ священный жребій стать въ ряды борцовъ за Вѣру и за спасеніе нашихъ присныхъ по ней. На поляхъ брани духовенство явилось участникомъ славныхъ дѣяній побѣдоноснаго нашего воинства; священнослужители военнаго вѣдомства, наряду со своею духовною паствою, совершали рѣдкіе подвиги неустрашимости и самоотверженія, среди опасностей ревностно исполняли свои пастырскія обязанности, преподавали утѣшеніе вѣры пострадавшимъ за Вѣру и Отечество, словомъ и примѣромъ ободряли и воодушевляли воиновъ“.

„Богъ мира“, такъ заключалась Высочайшая грамота, „даровавшій намъ силу и крѣпость благоуспѣшно совершить подвигъ брани, да ниспошлетъ дорогому нашему отечеству мирное развитіе и преуспѣяніе, въ духѣ вѣры и благочестія, искони возвѣщаемыхъ и утверждаемыхъ святою православною церковію“.

Годъ спустя, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, Св. Синодъ, именемъ отечественной церкви, въ свою очередь, принесъ къ подножію Престола выраженіе ея благоговѣйной признательности Монарху. Въ синодальномъ привѣтствіи перечислены всѣ дѣянія Государя ко благу и славѣ св. церкви, свидѣтельствующія о его попечительности о ней. Помянуты: переложеніе книгъ священнаго писанія на русскій языкъ; открытіе новыхъ епархій и викаріатствъ; многочисленныя присоединенія отъ римско-католичества къ православію въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; возстановленіе и сооруженіе вновь зна-

чительнаго числа св. храмовъ въ Западномъ краѣ; возникновеніе и развитіе многоразличныхъ церковныхъ учрежденій, православныхъ братствъ, церковно-приходскихъ попечительствъ и т. п.; усиленіе миссіонерскихъ дѣйствій среди инородцевъ—нехристіанъ; учрежденіе православнаго миссіонерскаго общества; насажденіе православнаго христіанства въ Японіи, уже представляющей юную вѣтвь церкви русской; основаніе православной церкви въ Сѣверной Америкѣ; сооруженіе православныхъ русскихъ храмовъ въ Парижѣ, Женевѣ, Эмсѣ, Ниццѣ и другихъ мѣстахъ за границею; наконецъ, всѣ правительственныя мѣры, направленныя къ улучшенію быта православнаго духовенства и развитію духовнаго просвѣщенія. „Посему", заявлялъ Св. Синодъ, „отечественная церковь чтитъ и будетъ чтить въ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ Царя, ее возвеличившаго и служителямъ ея благодѣявшаго".

Нижеслѣдующія цифры, относящіяся къ 1855 и къ 1880 годамъ, указываютъ на сравнительное положеніе русской церкви при воцареніи Императора Александра II и въ послѣдній годъ его царствованія.

Число епархій: 55 и 59; личный составъ духовенства: архіереевъ 69 и 90; монашествующихъ: мужескаго пола—5.174 и 6.688, женскаго пола—2.508 и 4.381; послушниковъ—5.274 и 3.490, послушницъ—6.606 и 12.496; бѣлаго духовенства: протоіереевъ—1.518 и 1.599; священниковъ—40.049 и 38.162; діаконовъ—15.216 и 9.424; причетниковъ—71.716 и 41.195; число монастырей: мужскихъ—464 и 390; женскихъ—129 и 170; число храмовъ: соборовъ—574 и 656; церквей—36.059 и 40.819; часовень и молитвенныхъ домовъ—11.685 и 13.264; духовно-учебныхъ заведеній и въ нихъ учащихъ и учащихся: академій—4—66—340 и 4—134—803; семинарій—47—674—13.835 и 53—980—14.003; духовныхъ училищъ: 201—1.102—37.180 и 185—1.117—29.322.

По метрическимъ книгамъ, число исповѣдующихъ православную вѣру въ Россіи простиралось въ 1855 году до 49.079.810 душъ, а въ 1880 году до 61.796.092.

Ревнуя о благѣ господствующей церкви, Императоръ Александръ не оставался равнодушнымъ къ духовнымъ нуждамъ и иновѣрныхъ своихъ подданныхъ, въ отношеніи коихъ руководящимъ его началомъ являлась безусловная вѣротерпимость.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ царствованія было возстановленіе конкордата, заключеннаго съ римскою куріею еще въ 1847 году, но при Николаѣ I не приводившагося въ исполненіе. На основаніи этого договора для католиковъ Поволжья и Южнаго края образована новая римско-католическая епархія, названная тираспольскою, съ мѣстопребываніемъ епископа въ г. Саратовѣ. Лишь когда, съ 1861 по 1864 годъ, латинское духовенство приняло явное и страстное участіе въ смутахъ и мятежѣ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, правительство вынуждено было принять мѣры къ его обузданію. Сокращенію монастырей въ Царствѣ предшествовало закрытіе значительнаго числа таковыхъ въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ въ 1868 году установлены особыя правила для наблюденія за проповѣдями ксендзовъ. За всѣмъ тѣмъ, въ этихъ мѣстностяхъ, осталось 19 римско-католическихъ обителей, мужскихъ и женскихъ. Конкордатъ съ Римомъ расторгнутъ въ 1866 году и вскорѣ послѣ того упразднены католическія епархіи каменецкая и минская, а въ 1868 году переведена въ С.-Петербургъ каѳедра могилевскаго архіепископа, митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бо́льшая часть ксендзовъ, высланныхъ за политическую неблагонадежность изъ Западнаго края, въ началѣ семидесятыхъ годовъ возвращены на родину, а нѣкоторые изъ нихъ вновь опредѣлены къ духовнымъ должностямъ. Русскій языкъ постепенно вводился въ дополнительное богослуженіе, не только католиковъ, но и протестантовъ, и въ 1869 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы иновѣрцы, которые роднымъ языкомъ своимъ считаютъ языкъ русскій, въ томъ или другомъ его нарѣчіи, не были лишены права пользоваться имъ въ дѣлахъ своей религіи.

Въ Прибалтійскомъ краѣ строгія мѣры были приняты лишь противъ небольшого числа протестантскихъ пасторовъ, произносившихъ проповѣди чисто политическаго свойства; но самое управленіе лютеранскою церковію въ Имперіи всегда пользовалось правительственнымъ покровительствомъ и въ предѣлахъ губерній Эстлянд-

*

ской, Лифляндской и Курляндской отмѣненъ даже законъ объ обязательномъ крещеніи въ православную вѣру дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ иновѣрцевъ съ православными.

Также точно выселеніе крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ въ Турцію вызвано было чисто политическими соображеніями, и мусульманское духовенство не было стѣсняемо въ свободномъ отправленіи обрядовъ своей вѣры. Значительныя облегченія дарованы евреямъ. Изъ 150 законодательныхъ актовъ царствованія, касающихся ихъ, до 70 разрѣшаютъ имъ льготы и прекращаютъ существовавшія до того стѣсненія по слѣдующимъ разнообразнымъ предметамъ: 1) мѣстожительства съ приписку; 2) владѣнія недвижимымъ имуществомъ; 3) торговли и промышленности; 4) занятія земледѣліемъ; 5) отбыванія рекрутской повинности; 6) образованія; 7) правъ по службѣ.

Наконецъ, царское милосердіе распространилось и на отщепенцевъ православія, русскихъ раскольниковъ, которымъ дарованы немалыя льготы и преимущества. 18-го октября 1858 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о примѣненіи къ раскольникамъ мѣръ терпимости и снисходительности, а также о допущеніи ихъ къ участію въ общихъ правахъ и льготахъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ. Въ силу этого закона, дѣтямъ ихъ дозволено обучаться въ общихъ школахъ безъ обязательнаго присутствія на урокахъ Закона Божія; основаннымъ раскольниками богадѣльнямъ дарованы новые уставы и тѣмъ обезпечено ихъ законное существованіе; бѣглые раскольничьи попы освобождены отъ преслѣдованія и розысковъ; разрѣшено исправленіе ихъ молитвенныхъ зданій и совершеніе въ нихъ богослуженій по ихъ обряду; заграничнымъ раскольникамъ, за исключеніемъ сектъ, признанныхъ безусловно вредными, дозволенъ въѣздъ въ Имперію, а русскимъ раскольникамъ—выѣздъ за границу. Сверхъ того, смягчены мѣры, стѣснявшія торговую и общественную дѣятельность раскольниковъ, которымъ разрѣшено: записываться въ гильдіи на общемъ основаніи; вступать на общественную службу и занимать должности по выборамъ; получать почетныя награды и знаки отличія. Наконецъ, для огражденія раскольниковъ въ пользованіи имущественными правами по наслѣдству и всѣми видами льготъ по семейному положенію, введена метрическая запись раскольниковъ гражданскими властями.

Распространеніе образованія въ Россіи было предметомъ непрерывныхъ заботъ и попеченій Императора Александра II.

Громъ брани не умолкъ еще въ Крыму и за Кавказомъ когда Государь, по представленію министра народнаго просвѣщенія, А. С. Норова, отмѣнилъ мѣру, принятую въ 1849 году, подъ впечатлѣніемъ революціонныхъ событій въ Западной Европѣ, и ограничившую тремя стами число студентовъ въ каждомъ университетѣ. Во вниманіе къ общему стремленію русскаго юношества къ высшему образованію, которое, какъ сказано въ докладѣ министра, доставитъ ему возможность быть полезными вѣрноподданными Государю и слугами отечеству, и къ той степени довѣрія, которое заслужили университеты, а также настоятельной надобности бо́льшаго распространенія высшаго образованія, Всемилостивѣйше дозволено принимать во всѣ университеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ. Годъ спустя, отмѣнена другая стѣснительная мѣра: Высочайше разрѣшено освободить молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ обязанности начинать государственную службу въ губернскихъ установленіяхъ и повелѣно принимать ихъ на службу въ министерства и главныя управленія, не требуя, чтобы они предварительно отслужили три года въ провинціи.

Незадолго до заключенія парижскаго мира, Императоръ Александръ потребовалъ отъ министра народнаго просвѣщенія подробнаго изложенія его мыслей относительно положенія учебнаго дѣла въ Россіи и мѣръ, предположенныхъ къ его улучшенію. Во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ А. С. Норовъ кореннымъ основаніемъ всего воспитанія и образованія отечественнаго признавалъ — святыя истины православной вѣры. Онъ указывалъ на неудовлетворительное состояніе преподаванія Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ и настаивалъ на необходимости назначить въ нихъ законоучителей, которые, не ограничиваясь формальною стороною дѣла, умѣли бы, по достопамятному выраженію Императора Николая, собствен-

нымъ примѣромъ и способомъ изложенія „разогрѣвать сердца юношей“. Относительно порядка преподаванія въ гимназіяхъ министръ находилъ, что его нужно привести въ соотвѣтствіе съ высшими нравственными потребностями общества, а также и съ вещественными пользами его, при неуклонномъ соблюденіи священныхъ основаній вѣры и народности, а потому, не отвергая важнаго значенія реальныхъ наукъ, онъ считалъ усиленный перевѣсъ ихъ въ воспитаніи вредною крайностью и полагалъ, въ видахъ умственнаго развитія и нравственно-эстетическихъ требованій, возвратить преподаванію классическихъ языковъ въ гимназіяхъ значительную часть его прежней силы. Съ этою цѣлью, министръ предлагалъ въ гимназіяхъ согласовать требованія строгаго классическаго образованія съ доставленіемъ юношеству и необходимыхъ свѣдѣній въ наукахъ реальныхъ, но лишь по скольку онѣ нужны въ жизни; для реальнаго же образованія учредить особыя спеціальныя училища. Норовъ обращалъ вниманіе Государя на то обстоятельство, что принятая въ Россіи система народнаго образованія имѣла доселѣ въ виду лишь одну половину населенія, мужской полъ, и что существующія женскія учебныя заведенія, подчиненныя особому вѣдомству, предназначены для одного лишь сословія, дочерей дворянъ и чиновниковъ. Между тѣмъ, лица средняго сословія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ лишены средствъ дать дочерямъ своимъ необходимое образованіе, соотвѣтственно скромному ихъ быту. „Отъ этого“, разсуждалъ министръ, „безъ сомнѣнія, зависитъ какъ развитіе въ массахъ народныхъ истинныхъ понятій объ обязанностяхъ каждаго, такъ и всевозможныя улучшенія семейныхъ нравовъ и вообще всей гражданственности, на которыя женщина имѣетъ столь могущественное вліяніе. Поэтому, учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и, такъ сказать, довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собою всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній и обоихъ половъ“. Далѣе министръ просилъ о дозволеніи командировать за границу молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія ихъ въ избранномъ предметѣ и основательнаго подготовленія къ профессорскому званію; напоминалъ Императору, что самъ онъ призналъ полезнымъ основаніе въ Сибири университета, приспособленнаго къ потребностямъ страны; наконецъ, настаивалъ на необходимости сосредоточить въ министерствѣ народнаго просвѣщенія руководство всѣми воспитательными и образовательными учрежденіями въ Имперіи. „Движимое высшими государственными соображеніями“, писалъ онъ по этому поводу, „правительство наше всегда заботилось о сосредоточеніи разнородныхъ стихій и частей государства въ одинъ плотный крѣпкій составъ, въ которомъ должны слиться многія рѣзкія, оттягивающія разности нравственныхъ и общественныхъ убѣжденій и интересовъ, всѣ мѣстные и провинціальные патріотизмы и влеченія. Этой великой цѣли невозможно достигнуть иначе, какъ постепенно, и притомъ мѣрами, не административными, а нравственными, сближая умы, племена и сословія единствомъ внутреннихъ началъ, которыя зависятъ отъ одного общаго плана воспитанія и отъ одной системы управленія въ сферѣ народнаго образованія. Къ сожалѣнію, должно сказать, что этому великому, всеобъемлющему и необходимому единству препятствуютъ многоразличныя раздробленія и отчужденія другъ отъ друга нашихъ воспитательныхъ учрежденій, подчиненіе ихъ разнымъ вѣдомствамъ, по особеннымъ административнымъ своимъ назначеніямъ, лишеннымъ даже возможности полагать первоначальныя основанія тѣсному сочетанію и обобщенію нравственныхъ и умственныхъ началъ въ государствѣ. Почти каждое изъ министерствъ имѣетъ въ кругу своемъ учебныя заведенія на особыхъ основаніяхъ, руководствующіяся правилами, не сообразованными съ духомъ и постановленіями общаго воспитанія и образованія въ Имперіи, коего органомъ предназначено быть министерству народнаго просвѣщенія. Поводомъ къ этому разъединенію духовныхъ силъ народа въ важнѣйшемъ дѣлѣ, какое только можетъ занимать правительство—въ воспитаніи, полагается обыкновенно потребность каждаго изъ упомянутыхъ вѣдомствъ въ спеціальныхъ дѣятеляхъ. Убѣжденный въ глубинѣ души моей сознаніемъ необходимости общаго плана воспитанія для

государства, опираясь на очевидныя свидѣтельства опыта, подтверждающія эту вѣковую истину всѣхъ образованныхъ странъ въ мірѣ, осмѣливаюсь сказать, что достиженіе спеціализма путемъ разъединенія воспитательныхъ учрежденій есть мѣра, несогласная съ истинными началами государственной пользы, и даже несоотвѣтствующая видамъ и цѣли, для которой предпринимается". Въ заключеніе министръ предлагалъ, во вниманіе къ тому, что наблюденіе за спеціальнымъ обученіемъ можетъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ только въ той правительственной сферѣ, гдѣ каждая наука имѣетъ своихъ представителей, безпрерывно слѣдящихъ за ея успѣхами, гдѣ сосредоточены всѣ учебныя, нравственныя и педагогическія средства воспитанія,—передать учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ однихъ военно-учебныхъ заведеній, въ завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія, какъ той „нравственной силы, которая, по своему назначенію, обязана пещись болѣе всего о гармоніи и единствѣ началъ въ высокомъ дѣлѣ общаго всенароднаго воспитанія и образованія".

Только съ этою заключительною частью доклада Норова не вполнѣ согласился Государь, приказавъ представить о томъ дополнительныя соображенія; всѣ же прочія предположенія министра онъ одобрилъ и предоставилъ ему немедленно же приступить къ ихъ осуществленію.

Первою законодательною мѣрою, поднесенною Норовымъ къ Высочайшему утвержденію, былъ проектъ преобразованія главнаго правленія училищъ. „Согласенъ въ главныхъ основаніяхъ", надписалъ на немъ Государь, „но желаю, чтобы главное правленіе училищъ было, сколь возможно, согласовано съ учрежденіемъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, и потому начальнику главнаго моего штаба по симъ заведеніямъ, быть членомъ сего управленія, такъ точно, какъ министръ народнаго просвѣщенія есть членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Равно желаю, чтобы ученый комитетъ былъ также образованъ, примѣняясь къ таковому же, существующему по военно-учебнымъ заведеніямъ. По соглашеніи съ генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ, буду ожидать окончательное ваше представленіе по симъ предметамъ".

Во исполненіе Высочайшей воли, Норовъ имѣлъ съ Ростовцовымъ нѣсколько совѣщаній, результатомъ коихъ былъ поднесенный ими сообща къ подписанію Императора слѣдующій указъ Правительствующему Сенату, отъ 5-го мая 1856 года: „Признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія нашей возлюбленной Россіи, мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ нашимъ наблюденіемъ и попеченіемъ. Въ этихъ видахъ, оставляя управленіе министерства народнаго просвѣщенія и подвѣдомственныя ему учрежденія въ настоящемъ устройствѣ, мы признаемъ нужнымъ о всѣхъ важнѣйшихъ распоряженіяхъ имѣть постоянныя свѣдѣнія и для того повелѣваемъ: 1) Журналы главнаго правленія училищъ, по всѣмъ дѣламъ, относящимся до измѣненія внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія, равно какъ и до измѣненій по части учебной и воспитательной, вообще, представлять непосредственно на наше воззрѣніе, въ подлинникѣ. 2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда по мнѣніямъ главнаго правленія училищъ и министра народнаго просвѣщенія возникнетъ разногласіе, министру всеподданнѣйше повергать на наше рѣшеніе особымъ докладомъ и мнѣніе свое, и мнѣніе главнаго правленія училищъ". Указъ заключался опредѣленіемъ отношеній главнаго правленія училищъ къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, порядка дѣлопроизводства въ немъ и возстановленія при немъ ученаго комитета.

На учебное вѣдомство не замедлило распространиться преобразовательное движеніе, охватившее, съ первыхъ дней царствованія Александра II, всѣ правительственныя сферы. По самому существу своему, вопросъ о народномъ образованіи выдвинулся на первый планъ. Во всѣхъ отрасляхъ воспитательнаго и образовательнаго дѣла выяснилась потребность не частныхъ улучшеній, а общаго обновленія. Редакціонныя коммиссіи, трудившіяся надъ составленіемъ положеній объ устройствѣ быта крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, возбудили вопросъ о начальныхъ народныхъ училищахъ; ученый комитетъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія приступилъ къ составленію плана

обще-образовательныхъ учебныхъ заведеній; совѣты университетовъ принялись, по приглашенію министерства, за пересмотръ университетскаго устава. Такому же пересмотру подвергся въ особомъ комитетѣ и цензурный уставъ. Руководство всею этою сложною и кипучею дѣятельностью скоро оказалось не по силамъ маститаго ветерана 1812 года, А. С. Норова. Цѣня и уважая его, какъ человѣка благороднѣйшаго образа мыслей, Государь не считалъ возможнымъ оставить его долѣе на занимаемомъ отвѣтственномъ посту, и въ Пасху 1858 года назначилъ министромъ народнаго просвѣщенія попечителя московскаго учебнаго округа, Е. П. Ковалевскаго.

На долю новаго министра выпала нелегкая задача защищать дѣло просвѣщенія противъ предубѣжденій и нападковъ нѣкоторыхъ изъ нерасположенныхъ къ нему дѣятелей прошлаго царствованія, все еще вліятельныхъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, и вообще, несочувственно относившихся къ предпринятымъ преобразованіямъ. Задача эта усложнялась броженіемъ въ значительной части русскаго общества, задорнымъ и враждебнымъ направленіемъ литературы, волненіями въ средѣ учащейся молодежи. Наконецъ, немаловажное затрудненіе представляло и оскудѣніе казны, недостатокъ денежныхъ средствъ для задуманныхъ улучшеній.

Еще въ 1856 году отклонено было ходатайство министра народнаго просвѣщенія объ усиленіи смѣты его министерства кредитомъ въ 300.000 рублей на самыя неотложныя надобности. На докладѣ о томъ Норова Государь написалъ: „На счетъ отпуска 300.000 руб. сер., не отвергая пользы сего пособія, нахожу, однако, въ теперешнее время невозможнымъ; имѣть это въ виду, когда финансовыя наши обстоятельства, съ Божіею помощью, придутъ въ лучшее состояніе“. Въ августѣ 1858 года Ковалевскій, изложивъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ бѣдственное положеніе учебныхъ заведеній его вѣдомства, напомнилъ Императору о его резолюціи и просилъ, по случаю предстоявшаго умноженія государственныхъ доходовъ отъ увеличенія откупныхъ сборовъ, удѣлить хотя нѣкоторую сумму на улучшеніе положенія низшихъ и среднихъ училищъ По соглашенію съ министромъ финансовъ, сумма эта опредѣлена въ 720,000 рублей ежегодно, изъ которыхъ 312½ тысячъ предполагалось на усиленіе штатовъ 76-ти гимназій, а 330½ тысячъ—385 уѣздныхъ и дворянскихъ училищъ, 17 тысячъ на учебныя заведенія Дерптскаго округа, 30 тысячъ на пособія приходскимъ училищамъ и 30 тысячъ на строительныя надобности. Утверждая эти предположенія въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1859 года, Государь сдѣлалъ на запискѣ министра народнаго просвѣщенія слѣдующую надпись: „Весьма радъ, что благое это дѣло можно наконецъ привести въ исполненіе“.

Изъ органическихъ реформъ за время управленія Е. П. Ковалевскаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, совершены двѣ: упраздненъ главный педагогическій институтъ и взамѣнъ его учреждены педагогическіе курсы при университетахъ для подготовки преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; а также издано, въ видѣ опыта, на три года, положеніе о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Послѣднія рѣшено учреждать въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ для дѣвицъ всѣхъ сословій, по мѣрѣ возможности, преимущественно на средства, жертвуемыя дворянскими собраніями, городскими обществами и частными благотворителями. Училища эти раздѣлялись на два разряда: перваго—съ шестилѣтнимъ курсомъ, и втораго—съ трехлѣтнимъ, и были приняты подъ покровительство Императрицы Маріи Александровны. Женскимъ училищамъ перваго разряда присвоено наименованіе Маріинскихъ.

Въ 1860 году совершенно новый типъ школъ возникъ по общественному почину. То были воскресныя школы, въ которыхъ лица всѣхъ сословій обучали грамотѣ, по воскресеньямъ и праздникамъ, простолюдиновъ, преимущественно ремесленниковъ и мастеровыхъ. Первыя такія школы были открыты при шести домахъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ. Онѣ быстро размножились по всему пространству Имперіи, гдѣ ихъ устраивали при учебныхъ заведеніяхъ, низшихъ и среднихъ. Признавая благодѣтельное вліяніе этихъ школъ на нравственное улучшеніе ремесленнаго сословія и считая ихъ существенно полезными для образованія рабочаго населенія, министръ народнаго просвѣщенія испросилъ Высочайшее соизволеніе на по-

мѣщеніе воскресныхъ школъ въ зданіяхъ военнаго вѣдомства, и съ этого дня ихъ стали устраивать при казармахъ полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ провинціальныхъ городахъ, при чемъ офицеры въ большомъ числѣ являлись въ нихъ преподавателями, вмѣстѣ со студентами, гимназистами, литераторами, лицами всѣхъ званій и состояній, обоего пола.

Между тѣмъ, стало выясняться, что въ воскресныхъ школахъ, подъ предлогомъ грамотности, проповѣдуются народу разрушительныя ученія, невѣріе и матеріализмъ въ области духовной, крайній соціализмъ въ области государственной. Объ этомъ шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ, представилъ Государю записку, въ которой настаивалъ на необходимости закрыть воскресныя школы. Защитникомъ ихъ выступилъ Ковалевскій. Императоръ Александръ приказалъ обсудить этотъ вопросъ въ Совѣтѣ министровъ, который рѣшилъ, не прибѣгая къ крайней мѣрѣ закрытія школъ, учредить за ними бдительный надзоръ и не допускать уклоненія ихъ отъ прямого назначенія. Согласно этому рѣшенію, состоялось въ началѣ 1861 года, объявленное министромъ народнаго просвѣщенія Высочайшее повелѣніе, въ которомъ изъяснено, что Его Величество, обративъ вниманіе на быстрое распространеніе воскресныхъ школъ и считая весьма важнымъ дѣло народнаго образованія въ оныхъ, одобрилъ циркулярное предложеніе министра попечителямъ округовъ о надзорѣ за воскресными школами и повелѣлъ: копію съ этого циркуляра препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для предложенія начальникамъ губерній о содѣйствіи съ ихъ стороны учебному вѣдомству въ наблюденіи за воскресными школами; отъ имени Его Величества подтвердить попечителямъ о неослабномъ наблюденіи за воскресными школами, согласно сдѣланнымъ министромъ народнаго просвѣщенія указаніямъ, и сообщить митрополитамъ въ обѣихъ столицахъ и оберъ-прокурору Св. Синода для распоряженія по прочимъ губерніямъ, о назначеніи епархіальнымъ начальствомъ въ каждую школу священника, который, сверхъ обязанности преподаванія Закона Божія, наблюдалъ бы, вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, чтобы въ школѣ не допускалось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности.

Къ сожалѣнію, не въ однѣхъ воскресныхъ школахъ сказывалось крайнее противорелигіозное и противогосударственное направленіе. Проявилось оно и въ большей части произведеній современной литературы, въ статьяхъ газетъ и журналовъ, съ начала царствованія высвободившихся изъ подъ строгой опеки цензуры и мало-по-малу начавшихъ подвергать обсужденію и критикѣ не только насущные государственные и общественные вопросы, но и дѣйствія и распоряженія правительства. Постепенно, направленіе это, изъ обличительнаго, переходило въ отрицательное, посягавшее на самыя основы государства и общества: вѣру, семью, собственность, порядокъ. Крайности эти печалили и озабочивали Государя. Онъ признавалъ пользу гласности, содѣйствіе ея къ разоблаченію злоупотребленій должностныхъ лицъ, но, внимательно слѣдя за статьями, появлявшимися въ повременныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ представлялись ему ежемѣсячныя извлеченія, онъ возмущался и скорбѣлъ, когда газеты и журналы переступали за предѣлы всякой пристойности. Сдержать и обуздать эти излишества онъ считалъ обязанностью государственной власти и въ этомъ смыслѣ приказалъ приступить къ пересмотру цензурнаго устава. Но дѣло затягивалось, и возмутительныя выходки органовъ печати умножались съ каждымъ днемъ. Впредь до преобразованія главнаго управленія цензуры, по совѣту министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, въ концѣ 1858 года, образованъ былъ негласный комитетъ, нѣчто въ родѣ французскаго „bureau de presse“, на который возложено было вступать въ личныя сношенія съ писателями и мѣрами вразумленія и убѣжденія наставлять ихъ на путь истинный. Членами этого комитета Императоръ Александръ назначилъ: ближайшее къ себѣ лицо, личнаго своего друга, генералъ-адъютанта графа А. В. Адлерберга, товарища министра народнаго просвѣщенія Н. А. Муханова и начальника штаба корпуса жандармовъ А. Е. Тимашева. Къ нимъ приданъ, въ качествѣ члена, завѣдывающаго перепискою и дѣлопроизводствомъ комитета, бывшій цензоръ, профессоръ С.-Петербургскаго университета и акаде-

микъ Никитенко, принимая котораго, Государь такъ изложилъ ему свой взглядъ на задачу комитета: „Желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ... Есть стремленія, которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуживались научнымъ образомъ. Наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики... Не надо думать, что дѣло ваше легко. Я знаю, что комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики. Опять повторяю, что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если комитетъ понимаетъ меня—при этихъ словахъ Императоръ выразительно взглянулъ на стоявшаго вблизи графа А. В. Адлерберга—то, не смотря на трудность, можетъ все-таки что-нибудь сдѣлать".

Негласный комитетъ просуществовалъ, однако, не болѣе года. Сами члены его, признавая усилія свои безполезными, ходатайствовали о сліяніи его съ главнымъ управленіемъ цензуры, которое, въ 1859 году, выдѣлено въ отдѣльное вѣдомство подъ главнымъ начальствомъ статсъ-секретаря барона Корфа, а въ началѣ 1862 года включено въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ, отрицательное направленіе литературы какъ нельзя болѣе вредно отражалось на незрѣлыхъ умахъ учащейся молодежи, воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣдствіемъ былъ цѣлый рядъ безпорядковъ, произведенныхъ студентами университетовъ въ столицахъ и другихъ университетскихъ городахъ. Студенты обнаруживали духъ своеволія и непокорства, явнаго неуваженія къ правительству и неповиновенія властямъ. Происходили постоянныя стычки ихъ, въ стѣнахъ университета съ академическимъ начальствомъ, внѣ ихъ—съ полиціею. Буйство студентовъ и вызывающій образъ дѣйствій увеличивались съ каждымъ днемъ. Всѣ мѣры, принимаемыя для водворенія порядка въ университетахъ, оказывались безсильными. Студентамъ строго было воспрещено изъявлять на лекціяхъ профессорамъ одобреніе или неодобреніе: оглушительными рукоплесканіями встрѣчали они популярныхъ наставниковъ передового направленія, шиканьемъ и свистомъ—профессоровъ, слывшихъ отсталыми. Также точно запрещены были всякія сборища и сходки: таковыя собирались въ университетахъ и внѣ его едва ли не каждый день, несмотря на нерѣдкія исключенія главныхъ зачинщиковъ изъ университетовъ и высылку ихъ въ отдаленныя мѣстности подъ надзоръ полиціи. Въ правительственныхъ совѣтахъ неоднократно обсуждался вопросъ о средствахъ къ прекращенію всѣхъ этихъ безпорядковъ. Высказывались различныя мнѣнія. Одни—графъ С. Г. Строгановъ—предлагали открыть доступъ къ высшему образованію одному только дворянству и имущимъ классамъ; другіе—баронъ М. А. Корфъ—выражали мнѣніе, что слѣдуетъ объявить преподаваніе въ университетѣ совершенно свободнымъ, отмѣнивъ такъ называемые учебные классы, пріемные и переходные экзамены студентовъ, допуская на лекціи всѣхъ желающихъ ихъ слушать и къ испытаніямъ на ученыя степени—молодыхъ людей, независимо отъ числа лѣтъ, проведенныхъ въ университетѣ. Одновременно Корфъ совѣтовалъ уничтожить студенческую корпорацію, подчинивъ студентовъ установленнымъ правиламъ лишь когда они находятся въ зданіи университета, а внѣ его, чтобы каждый разбирался и судился единственно по гражданскому своему званію, безъ всякаго участія въ томъ университета. Министръ Ковалевскій и большинство членовъ главнаго правленія училищъ не соглашались съ этими взглядами и полагали ограничиться установленіемъ особыхъ строгихъ экзаменовъ для пріема въ университетъ всѣхъ желающихъ поступить въ оный, не исключая и молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, для которыхъ, впрочемъ, вмѣсто полнаго, вводилось сокращенное испытаніе. Послѣднее мнѣніе было поднесено на воззрѣніе Императора и Высочайше утверждено.

Но волненія среди студентовъ не только не утихали, а принимали все значительнѣйшіе размѣры и простирались уже на бо́льшую часть университетовъ. Къ веснѣ 1861 года они настолько усилились, что вызвали гнѣвъ Государя. Онъ сказалъ Ковалевскому, что такіе безпорядки не мо-

гутъ быть терпимы и что онъ не остановится передъ крайнею мѣрою: закрытіемъ нѣкоторыхъ изъ университетовъ. Министръ возразилъ, что такое распоряженіе возбудитъ еще бо́льшее неудовольствіе въ обществѣ. „Такъ придумайте же сами, что̀ дѣлать", сказалъ Государь; „но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя, и я рѣшился на строгія мѣры". Вопросъ объ этихъ мѣрахъ обсуждался въ Совѣтѣ министровъ. Тамъ Ковалевскій развивалъ свой планъ, главная мысль котораго была такая: никакія репрессивныя мѣры, никакія строгости не приведутъ къ добру, а нужно усилить финансовыя средства университетовъ и дать имъ возможность развиваться въ научномъ отношеніи, соотвѣтственно потребностямъ времени и успѣхамъ знанія въ Западной Европѣ. Записку министра Государь поручилъ разсмотрѣть особой коммиссіи изъ генералъ-адъютантовъ графа С. Г. Строганова, князя В. А. Долгорукова и статсъ-секретаря графа Панина. Тогда Ковалевскій подалъ въ отставку. Преемникомъ ему въ званіи министра народнаго просвѣщенія назначенъ адмиралъ графъ Путятинъ.

Тотчасъ по вступленіи въ должность, графъ Путятинъ, по соглашенію съ тремя членами Высочайше учрежденной коммиссіи, проектировалъ рядъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлью усилить надзоръ за студентами и положить конецъ безпорядкамъ, безпрерывно возникавшимъ въ университетахъ. Предположенныя имъ мѣры, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія, были слѣдующія: министру народнаго просвѣщенія предоставлялось имѣть въ виду, при разсмотрѣніи проектированнаго уже устава гимназій, возстановленіе въ нихъ классическаго образованія; пріемные экзамены желающихъ поступить въ университетъ должны были впредь производиться въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ выпускными экзаменами гимназистовъ высшаго класса; предписывалось строго исполнять правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета и воспрещались всякія сходки студентовъ безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищемъ; установлялись правила относительно точнаго посѣщенія студентами лекцій съ соблюденіемъ порядка и тишины и съ воспрещеніемъ какихъ-либо съ ихъ стороны выраженій одобренія или порицанія профессорамъ; на университетское начальство возлагалась обязанность строго наблюдать за исполненіемъ студентами установленныхъ правилъ, а виновныхъ въ ихъ нарушеніи, не смотря на сдѣланныя имъ напоминанія, предписывалось увольнять изъ университета, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ; вольнослушатели могли быть допускаемы на лекціи по усмотрѣнію начальства университета, съ правомъ для профессоровъ удалять тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка; имѣлъ быть подвергнутъ пересмотру вопросъ о возстановленіи переходныхъ экзаменовъ студентовъ на первыхъ двухъ курсахъ; студенты не могли быть впредь принимаемы въ университетъ ранѣе достиженія 17-ти-лѣтняго возраста; форменная одежда отмѣнялась и не дозволялось ношенія какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, товариществъ или обществъ; положено, отъ ежегоднаго денежнаго взноса освободить только тѣхъ изъ дѣйствительно бѣдныхъ студентовъ, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, не болѣе двухъ для каждой губерніи, принадлежащей къ университетскому округу, не допуская другихъ исключеній ни подъ какимъ предлогомъ; пособія и стипендіи имѣли быть назначаемы только отличившимся бѣднымъ студентамъ; деньги, взыскиваемыя со студентовъ за право слушанія лекцій, обращались на увеличеніе содержанія профессоровъ и доцентовъ, а также на пособія и стипендіи бѣднѣйшимъ отличившимся студентамъ; постановлялось выборъ ректоровъ и проректоровъ производить впредь на точномъ основаніи устава 1835 года и пересмотрѣть инструкцію ректорамъ и деканамъ факультетовъ; окончившимъ полный университетскій курсъ и получившимъ аттестатъ сохранялись установленныя закономъ права при поступленіи на государственную службу; изыскивались способы къ увеличенію содержанія университетскимъ преподавателямъ. Независимо отъ этихъ мѣръ, кіевскому генералъ-губернатору предоставлено было право увольнять изъ университета Св. Владиміра всѣхъ неблагонадежныхъ студентовъ, а съ генералъ-губернаторомъ виленскимъ рѣшено войти въ сношенія о

возможности и удобствѣ открытія въ Сѣверо-западномъ краѣ высшихъ учебныхъ заведеній, юридическаго и медицинскаго, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Наконецъ, Государь одобрилъ мнѣніе коммиссіи о томъ, что полезно было бы помѣщать въ ученомъ или литературномъ отдѣлѣ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ статьи, заключающія въ себѣ опроверженія превратныхъ толкованій, которыя дозволяютъ себѣ редакторы нѣкоторыхъ изъ повременныхъ изданій.

Мѣропріятія, предположенныя графомъ Путятинымъ, при всей ихъ строгости, были только палліативомъ и не могли исцѣлить зло въ корнѣ, а неразумное примѣненіе ихъ къ дѣлу еще болѣе усугубило броженіе въ средѣ учащейся молодежи, и осенью 1861 года вызвало въ бо́льшей части университетовъ безпорядки, укрощать которые пришлось уже вооруженною силою. Императоръ Александръ не замедлилъ придти къ убѣжденію, что дѣйствительнаго улучшенія въ состояніи нашихъ разсадниковъ просвѣщенія можно ожидать лишь отъ кореннаго измѣненія всей системы народнаго образованія, высшаго, средняго и низшаго. Осуществленіе этой задачи онъ возложилъ на статсъ-секретаря А. В. Головнина, въ концѣ декабря 1861 года призваннаго занять постъ министра народнаго просвѣщенія.

Преобразовательную дѣятельность свою новому министру пришлось начинать при условіяхъ, въ высшей степени неблагопріятныхъ. Внезапный переходъ отъ многолѣтняго послабленія къ крайней строгости не только не обуздалъ и не смирилъ учащуюся молодежь, а еще болѣе раздражилъ ее. Волненіе среди студентовъ и воспитанниковъ прочихъ учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, росло, поддерживаемое болѣе или менѣе явнымъ подстрекательствомъ такъ-называемыхъ передовыхъ о́ргановъ печати, продолжавшихъ проповѣдывать самыя разрушительныя противорелигіозныя и противоправительственныя ученія. На сторону студентовъ склонялась и значительная часть учебнаго персонала, профессоровъ университетовъ и преподавателей гимназій, придерживавшихся того же, такъ-называемаго, передового образа мыслей. Разслѣдованіе по дѣлу о распространеніи подпольныхъ воззваній къ бунту и о пожарахъ, съ необычайною силою вспыхнувшихъ въ столицахъ и разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Имперіи, выяснило вредное направленіе преподаванія въ воскресныхъ школахъ, а также сношенія нѣкоторыхъ изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей съ кружкомъ русскихъ выходцевъ, сплотившихся въ Лондонѣ вокругъ издателей „Полярной звѣзды“ и „Колокола“, а также съ вожаками зарождавшагося революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ. Воскресныя школы и народныя читальни были, по Высочайшему повелѣнію, повсемѣстно закрыты, впредь до общаго пересмотра правилъ объ этихъ учрежденіяхъ, а нѣсколько сотрудниковъ передовыхъ журналовъ и ихъ единомышленниковъ арестованы и преданы суду Правительствующаго Сената.

Образъ дѣйствій статсъ-секретаря Головнина, съ первыхъ же дней вступленія его въ управленіе учебнымъ вѣдомствомъ, былъ примирительный. Петербургскій университетъ оставался закрытымъ, но преподавателямъ его и бывшимъ студентамъ новый министръ выхлопоталъ немаловажныя льготы: первые не уволены за штатъ, какъ предполагалось прежде; вторымъ разрѣшено держать выпускные экзамены на ученыя степени. Постепенно открыты факультеты: восточныхъ языковъ и физико-математическій. Испрошено Высочайшее разрѣшеніе на командировку за границу молодыхъ русскихъ ученыхъ, подготовляющихъ себя къ профессорской дѣятельности, а также на приглашеніе ученыхъ иностранныхъ къ занятію преподавательскихъ должностей въ русскихъ университетахъ и гимназіяхъ. Одна за другой учреждались новыя гимназіи; въ старыхъ вводились параллельные классы. Въ тотъ самый день, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о закрытіи воскресныхъ школъ, Государь утвердилъ обсужденное въ Совѣтѣ министровъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ Одессѣ въ Новороссійскій университетъ.

Но главною заботою Головнина было коренное преобразованіе ввѣренной ему части, надъ которымъ, подъ ближайшимъ его руководствомъ, трудились особыя коммиссіи. Въ 1863 году обнародовано новое учрежденіе министерства народнаго про-

свѣщенія и общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ; въ 1864 году—уставъ гимназій и прогимназій и положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Назначая Головнина министромъ, Императоръ Александръ самъ указалъ ему на необходимость преобразовать министерство народнаго просвѣщенія на началахъ, сходныхъ съ тѣми, что̀ были положены въ основу преобразованія морского министерства, а именно: усиленіе власти мѣстныхъ учрежденій въ губерніяхъ, и чрезъ то разсредоточеніе управленія; правильное распредѣленіе дѣлъ между разными учрежденіями центральнаго вѣдомства; сокращеніе и упрощеніе дѣлопроизводства; уменьшеніе личнаго состава служащихъ въ связи съ увеличеніемъ ихъ окладовъ. Соотвѣтственно этимъ требованіямъ нѣкоторыя изъ правъ, принадлежавшихъ министру, присвоены попечителямъ учебныхъ округовъ и директору департамента народнаго просвѣщенія; главное правленіе училищъ преобразовано въ совѣтъ министра; ученый комитетъ получилъ бо̀льшую самостоятельность, поставленъ къ министру въ ближайшее и непосредственное отношеніе и, съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣятельность его ограничена учено-учебными предметами; въ департаментѣ народнаго просвѣщенія начальники отдѣленій и столоначальники замѣнены дѣлопроизводителями разныхъ классовъ; личный составъ чиновниковъ центральнаго управленія сокращенъ до 47 лицъ, оклады содержанія коихъ увеличены въ значительномъ размѣрѣ безъ всякаго отягощенія смѣты новыми кредитами.

Надъ составленіемъ общаго университетскаго устава давно уже трудились разныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1858 году работа эта была возложена на совѣтъ Петербургскаго университета, проектъ котораго переданъ былъ на обсужденіе университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго. Всѣ эти матеріалы сосредоточены, въ декабрѣ 1861 года, въ особой коммиссіи, учрежденной при министерствѣ подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, и составленный ею проектъ университетскаго устава разосланъ, въ 1862 году, для разсмотрѣнія во всѣ совѣты университетскіе и разнымъ лицамъ духовнымъ и гражданскимъ, а также переведенъ на языки англійскій, французскій и нѣмецкій и доставленъ многимъ иностраннымъ ученымъ и педагогамъ. Полученныя отовсюду замѣчанія были приняты во вниманіе при переработкѣ устава въ ученомъ комитетѣ министерства, откуда проектъ поступилъ на обсужденіе особаго совѣщанія изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ-адъютанта графа Строганова, статсъ-секретаря барона Корфа, оберъ-гофмейстера барона Мейендорфа, шефа жандармовъ, и министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По докладѣ Государю въ Совѣтѣ министровъ заключенія совѣщанія, университетскій уставъ, съ внесенными въ него измѣненіями, былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и 18-го іюня 1864 года удостоился Высочайшаго утвержденія.

Въ представленіи въ Государственный Совѣтъ министръ народнаго просвѣщенія перечислилъ слѣдующія причины упадка нашихъ университетовъ: недостатокъ въ хорошихъ профессорахъ, причиненный, съ одной стороны, закрытіемъ профессорскаго института въ Дерптѣ, воспрещеніемъ вызывать для занятія каѳедръ иностранныхъ ученыхъ и затрудненіями при отправленіи молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу для усовершенствованія въ наукѣ, а съ другой—крайнею скудостью окладовъ профессорскаго содержанія; излишняя разнообразность обязательныхъ для студентовъ предметовъ научныхъ, которая влекла за собою необходимость жертвовать основательностью знанія и вводила большую снисходительность при испытаніяхъ; недостаточная подготовка поступавшихъ въ университетъ юношей, въ особенности по древнимъ и новѣйшимъ языкамъ; равнодушіе ученыхъ сословій къ интересамъ университетовъ и науки вообще, вызванное отчасти устраненіемъ ученыхъ коллегій отъ сужденія и распоряженія по дѣламъ, связаннымъ съ университетскою жизнью, отчасти равнодушіемъ общества къ интересамъ науки, отчасти матеріальною нуждою профессоровъ, наконецъ, не всегда удовлетворительнымъ составомъ профессорскихъ коллегій; скудость учебныхъ пособій университетовъ, не дозволявшая имъ идти въ уровень съ подобными же учрежденіями Западной Европы. „Вслѣд-

ствіе всего вышеизложеннаго", заключалъ статсъ-секретарь Головнинъ, „нынѣ оказывается, что ученая дѣятельность университетовъ незначительна; многія каѳедры, за отсутствіемъ системы постояннаго приготовленія профессоровъ, остаются вакантными, другія замѣщаются лицами, неимѣющими требуемыхъ по уставу ученыхъ степеней и самая академическая жизнь студентовъ, будучи невѣрно поставлена въ отношеніи къ университету, заключаетъ въ себѣ элементы безпорядковъ, обнаружившіеся, къ сожалѣнію, еще въ недавнее время прискорбными событіями почти во всѣхъ университетахъ".

Новый уставъ имѣлъ цѣлью устранить всѣ эти недостатки. Управленіе университетомъ ввѣрялъ онъ коллегіи профессоровъ, причемъ дѣла, касающіяся ученой дѣятельности, вѣдали: общія по университету—совѣтъ, состоявшій изъ всѣхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, а частныя, по каждому факультету — собраніе профессоровъ факультета, подъ предсѣдательствомъ декана; хозяйственными дѣлами и тѣми, что̀ касались студентовъ, завѣдывало правленіе, состоявшее изъ ректора и всѣхъ деканов; наблюденіе за порядкомъ возлагалось на проректора или инспектора, а нарушители порядка предавались университетскому суду, состоявшему изъ профессоровъ. Всѣ должности были выборныя, по избранію профессоровъ, и только утвержденіе въ нихъ предоставлялось министру. Совѣтъ и правленіе университета лишь нѣкоторыя важнѣйшія дѣла представляли на утвержденіе попечителя, который одни дѣла рѣшалъ собственною властью, другія передавалъ на рѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Попечителю предоставлено было, между прочимъ, и право пріостанавливать всякое рѣшеніе совѣта, несогласное съ уставомъ.

Преподаватели въ университетѣ раздѣлялись на профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ и лекторовъ. Никто не могъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соотвѣтствующихъ каѳедрѣ, доцентомъ — не имѣя степени магистра. Избиралъ преподавателей совѣтъ университета, а утверждалъ въ должности, профессоровъ—министръ, прочихъ—попечитель округа. Министру предоставлено право и по собственному усмотрѣнію назначать на вакантныя каѳедры лицъ, отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія и имѣющихъ требуемыя ученыя степени. Содержаніе профессоровъ значительно увеличено и доведено: ординарному профессору до 3.000 рублей, экстраординарному до 2.500 рублей и штатному доценту до 1.500 рублей.

Въ студенты университета принимались всѣ молодые люди, съ успѣхомъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ или другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ гимназическимъ курсомъ. Экзамены пріемные и переходные съ одного курса на другой уничтожены; остался только выпускной экзаменъ на ученую степень. Студенты при пріемѣ въ университетъ обязывались подпискою повиноваться учебному начальству и соблюдать установленныя имъ правила, за нарушеніе коихъ они подвергались взысканіямъ, а постороннимъ лицамъ воспрещался входъ въ университетъ. Плата за слушаніе лекцій опредѣлена съ каждаго студента: въ столичныхъ университетахъ въ 50 рублей, а въ прочихъ въ 40 рублей ежегодно; но недостаточнымъ студентамъ разрѣшено давать отсрочки, уменьшать плату на половину и даже вовсе освобождать ихъ отъ нея. За лицами, окончившими образованіе въ университетѣ, сохранены права на утвержденіе при поступленіи на государственную службу, доктора въ VIII классѣ, магистра въ IX, кандидата въ X, и дѣйствительнаго студента въ XII.

Всѣ эти и многія другія реформы, введенныя новымъ уставомъ, полагалъ министръ, должны были вызвать въ положеніи университетовъ перемѣну къ лучшему. Увеличеніе числа каѳедръ — разсуждалъ онъ—доставитъ возможность профессорамъ читать предметы свои основательнѣе и въ то же время расширитъ, сообразно современному состоянію науки, кругъ ученой дѣятельности университета. Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, ограничивая близкими одинъ къ другому, предметами кругъ занятій студентовъ дозволитъ имъ болѣе основательно изучить тѣ науки, которымъ они себя посвятили. Увеличеніе средствъ университетовъ на библіотеки, кабинеты, лабораторіи, вообще на учебныя пособія, доставитъ возможность профессорамъ преподавать, а студентамъ изу-

чать науку сообразно ея современному состоянію. Учрежденіе званія приватъ-доцентовъ дастъ постоянное, естественное средство къ замѣщенію профессорскихъ вакансій, создавъ въ самомъ университетѣ питомники профессоровъ и возбужденіемъ соревнованія между ними и приватъ-доцентами поддержитъ ученую дѣятельность какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Возвышеніе окладовъ содержанія привлечетъ къ должности профессора и удержитъ въ ней способнѣйшихъ и достойныхъ лицъ. Требованіе отъ поступающихъ въ университетъ гимназическаго аттестата измѣнитъ къ лучшему составъ аудиторій, наполнивъ ихъ молодыми людьми, достаточно подготовленными къ слушанію университетскаго курса. Всѣ эти мѣры, совокупнымъ дѣйствіемъ своимъ, будутъ споспѣшествовать главной цѣли министерства народнаго просвѣщенія при реформѣ университетовъ, т.-е. развитію и усиленію ихъ научной дѣятельности. Въ то же время составленныя каждымъ университетомъ и утвержденныя попечителемъ учебнаго округа правила о порядкѣ въ университетѣ и о наказаніяхъ по приговорамъ университетскаго суда возстановятъ спокойствіе въ университетской жизни. Наконецъ, бо́льшая степень участія всѣхъ профессоровъ въ дѣлахъ университета возбудитъ въ нихъ и бо́льшее участіе къ его интересамъ и свяжетъ ихъ общею нравственною отвѣтственностью за благоденствіе университета, а предоставленіе каждому университету начертанія для себя правилъ по разнымъ предметамъ академической жизни, придерживаясь указаній министерства только въ главныхъ основаніяхъ, доставитъ возможность каждому университету развиваться самобытно и своеобразно, смотря по мѣстнымъ потребностямъ.

Реформа университетовъ была связана съ значительнымъ увеличеніемъ ассигнованныхъ на ихъ содержаніе средствъ. Вмѣсто 988.000 рублей, предназначено къ отпуску изъ государственнаго казначейства на этотъ предметъ 1.872.000 рублей ежегодно, т.-е. почти вдвое болѣе противъ прежняго.

Новый уставъ введенъ во всѣхъ русскихъ университетахъ, за исключеніемъ Дерптскаго. Одновременно съ его обнародованіемъ снова открытъ въ полномъ составѣ С.-Петербургскій университетъ.

Подобно университетскому уставу, уставъ гимназій и прогимназій нѣсколько лѣтъ разрабатывался въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія; первоначальные проекты разсылались на разсмотрѣніе попечителей округовъ и другихъ педагоговъ, печатались во всеобщее свѣдѣніе, снова измѣнялись сообразно доставленнымъ на нихъ замѣчаніямъ. Окончательный же проектъ обсужденъ и отчасти видоизмѣненъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Высочайше утвержденъ 19-го ноября 1864 года.

Гимназіи, какъ заведенія, имѣющія цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища, по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, и по различію цѣлей гимназическаго обученія, раздѣлялись на классическія и реальныя. Въ учебный курсъ классическихъ гимназій вводились оба древніе языка — латинскій и греческій; Законъ Божій; русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность; исторія, географія и чистописаніе преподавались въ одинаковомъ объемѣ въ гимназіяхъ, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, но въ послѣднихъ въ увеличенномъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями классическими, преподавались математика, естественная исторія съ присоединеніемъ къ ней химіи, физика, космографія, языки нѣмецкій и французскій, рисованіе и черченіе; въ классическихъ гимназіяхъ обязательно было обученіе лишь одному изъ новѣйшихъ языковъ; въ реальныхъ — вовсе не преподавались языки латинскій и греческій. Окончившіе курсъ въ классическихъ гимназіяхъ получали право на поступленіе въ университетъ безъ экзамена; свидѣтельство объ окончаніи курса въ реальныхъ гимназіяхъ принималось лишь въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища на основаніи уставовъ этихъ училищъ. Учрежденіе гимназій и прогимназій съ классическимъ или реальнымъ курсомъ предоставлялось усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и учебнымъ средствамъ, въ такомъ числѣ, какое укажетъ опытъ.

Таковы были главныя измѣненія, внесен-

ныя новымъ уставомъ въ устройство общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Прочія касались преимущественно возвышенія окладовъ содержанія должностныхъ лицъ и преподавателей. Преобразованію, на началахъ новаго устава, подлежали 80 гимназій и 4 прогимназіи. Головнинъ желалъ одну половину обратить въ классическія, другую въ реальныя; но это оказалось невозможнымъ, потому что, съ одной стороны, еще не ощущалось потребности въ столь значительномъ числѣ реальныхъ заведеній, изъ которыхъ нельзя было поступить въ университетъ, а съ другой — по недостатку въ учителяхъ греческаго языка не скоро предвидѣлась возможность ввести во всѣ классическія гимназіи преподаваніе двухъ древнихъ языковъ. Поэтому, министерство предположило преобразованіе совершить постепенно, въ продолженіе пяти лѣтъ, начиная съ 1865 года, такъ, чтобы къ 1870 году, 20 гимназій и 1 прогимназія обращены были въ реальныя, 20 гимназій и 1 прогимназія—въ классическія съ двумя древними языками и 40 гимназій и 2 прогимназіи—также въ классическія, но съ однимъ только латинскимъ языкомъ. Введеніе новыхъ штатовъ увеличило расходъ на содержаніе гимназій и прогимназій съ 1.045.000 рублей до 1.808.000 рублей, что потребовало дополнительнаго ассигнованія къ смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 765.000 рублей ежегодно.

Вопросъ о распространеніи начальнаго образованія въ народѣ, объ обученіи крестьянъ грамотѣ, естественно истекалъ изъ перемѣны, происшедшей въ ихъ быту со времени освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости. Вотъ почему онъ привлекъ на себя вниманіе редакціонныхъ коммиссій, трудившихся надъ составленіемъ Положеній, обнародованныхъ 19-го февраля 1861 года. Коммиссіи считали необходимымъ повсемѣстное учрежденіе народныхъ училищъ по селамъ и деревнямъ, но находили, что крестьяне не имѣютъ средствъ, чтобы нести значительныя издержки по ихъ содержанію и потому правительству слѣдовало бы взять на себя починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ и принять хотя часть расходовъ по его осуществленію. По мнѣнію коммиссій, сельскія училища должны были быть подчинены министерству народнаго просвѣщенія лишь въ учебномъ отношеніи, завѣдываніе же хозяйственною въ нихъ частью надлежало предоставить сельскимъ обществамъ, при участіи и подъ руководствомъ мѣстнаго дворянства. Соображенія свои редакціонныя коммиссіи внесли, одновременно съ проектами положеній, въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, который, въ февралѣ 1861 года, по Высочайшему повелѣнію, передалъ ихъ на заключеніе министерства народнаго просвѣщенія. Вскорѣ послѣ того, вновь назначенный на должность министра графъ Путятинъ высказался въ Комитетѣ министровъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ поручить особому комитету изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, а также отъ православнаго духовнаго вѣдомства, начертать общій планъ устройства приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ и другихъ элементарныхъ школъ и училищъ. Утверждая состоявшееся въ этомъ смыслѣ положеніе Комитета министровъ, Государь, для составленія помянутаго проекта, назначилъ срокъ, не позже 1-го ноября 1861 года, послѣ чего проектъ имѣлъ поступить на разсмотрѣніе Главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія.

Высочайшая воля была исполнена и общій планъ составленъ особымъ комитетомъ. Согласно этому плану, всѣ народныя училища въ Имперіи должны были, въ учебномъ отношеніи, зависѣть отъ министерства народнаго просвѣщенія, хозяйственная же часть въ каждомъ училищѣ оставлялась въ завѣдываніи того общества, на счетъ котораго училище содержится. Управленіе всѣми народными училищами предполагалось поручить въ каждой губерніи особому директору, по назначенію министерства народнаго просвѣщенія, къ обязанностямъ котораго относилось опредѣленіе и увольненіе учителей народныхъ училищъ. Планъ особаго комитета Императоръ Александръ повелѣлъ препроводить прежде всего на заключеніе Св. Синода, послѣ чего онъ былъ внесенъ въ Главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія. Между тѣмъ, на разсмотрѣніе послѣдняго поступилъ и другой проектъ устройства народныхъ училищъ, составленный въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, во время управленія этимъ вѣдомствомъ Ко-

валевскаго, и ставившій эти училища въ полную зависимость помянутаго министерства въ отношеніяхъ, не только учебномъ, но и хозяйственномъ.

Въ такомъ положеніи находилось это дѣло, когда, въ декабрѣ 1862 года, статсъ-секретарь Головнинъ вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Государь приказалъ передать ему оба проекта на заключеніе. Новый министръ нашелъ, что, по важности значенія вопроса о народномъ образованіи, необходимо и тотъ и другой проекты, предварительно обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ, разослать для разсмотрѣнія по всему учебному вѣдомству и разнымъ лицамъ по выбору министра, а также сообщить ихъ, въ переводѣ на англійскій, французскій и нѣмецкій языки, извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ. Выслушавъ докладъ Головнина, Государь согласился съ нимъ и въ засѣданіи Совѣта министровъ, 18-го января 1862 года, слѣдующимъ образомъ разрѣшилъ возбужденный въ немъ вопросъ, въ чьемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища: „Учрежденныя школы и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища, оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ, по мѣрѣ возможности, и оставить на обязанности министерства народнаго просвѣщенія учреждать по всей Имперіи, по сношенію съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего министерства, причемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда министерство народнаго просвѣщенія признаетъ сіе нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе".

По полученіи отзывовъ отъ лицъ, коимъ были разосланы прежніе проекты, ученый комитетъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія приступилъ къ составленію предварительныхъ правилъ, которыя имѣли послужить основаніемъ для положенія о начальныхъ училищахъ Имперіи въ томъ числѣ, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, и о воскресныхъ школахъ. Правила эти были, по приказанію Государя, обсуждены въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Строганова, изъ министровъ: государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и оберъ-прокурора Св. Синода.

Въ этомъ собраніи статсъ-секретарь Головнинъ подробно и обстоятельно высказалъ свой взглядъ, не только на педагогическую сторону дѣла, но и на тѣсно связанные съ нимъ вопросы обще-государственнаго значенія. Въ ряду ихъ первое мѣсто занималъ вопросъ: въ какомъ отношеніи должны находиться между собою различныя правительственныя вѣдомства по завѣдыванію дѣлами народныхъ школъ и въ какомъ отношеніи должны состоять частныя общества и лица по этимъ дѣламъ къ вѣдомствамъ правительственнымъ? Министръ признавалъ невозможнымъ для правительства взять въ свои руки обширное дѣло начальнаго народнаго образованія и задачею его считалъ: прекратить существующій нынѣ антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ, какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами казенными и частными, и направить усилія всѣхъ различныхъ органовъ, дѣйствующихъ нынѣ въ пользу народнаго просвѣщенія, къ одной общей цѣли. Въ этихъ видахъ, Головнинъ предлагалъ учредить въ каждомъ уѣздѣ попечительный уѣздный совѣтъ изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя школы, поручивъ ему завѣдываніе начальнымъ народнымъ образованіемъ въ предѣлахъ уѣзда. На обязанности совѣта лежало бы разрѣшеніе открывать школы обществамъ и частнымъ лицамъ, снабжать ихъ учебными пособіями, пріискивать, въ случаѣ надобности, учителей и наблюдать за преподаваніемъ. Непосредственное же управленіе училищами слѣдовало бы, по мнѣнію министра, предоставить тѣмъ общинамъ или частнымъ лицамъ, на средства которыхъ содержатся училища. Вообще же обязанности министерства народнаго просвѣщенія по отношенію къ народнымъ школамъ должны заключаться, кромѣ наблюденія за ходомъ въ нихъ учебной части, въ составленіи хорошихъ учебниковъ и въ учрежденіи нѣкотораго числа образцовыхъ народныхъ училищъ, гдѣ ученіе совершалось бы сообразно съ требованіями здравой педаго-

гики. Духовенство, независимо отъ учрежденія новыхъ школъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, должно бы доставлять училищамъ законоучителей и наблюдать за преподаваніемъ въ нихъ Закона Божія. Министерству внутреннихъ дѣлъ надлежитъ содѣйствовать обществамъ, городскимъ и сельскимъ, въ изысканіи матеріальныхъ средствъ для содержанія училищъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы въ числѣ преподавателей и содержателей школъ не явились лица неблагонадежныя, которыя могли бы употребить школу орудіемъ вредныхъ или преступныхъ замысловъ. По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли подчинить всѣ народныя училища одному общему уставу или допустить для разныхъ училищъ мѣстныя отступленія, министръ признавалъ полезнѣе, въ виду различія мѣстныхъ условій, допустить согласованное съ ними разнообразіе, какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Онъ даже склонялся въ пользу допущенія начальнаго преподаванія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, не только въ краяхъ, населенныхъ инородцами, но и въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, съ тѣмъ, чтобы ученики народныхъ школъ постепенно переходили къ употребленію русскаго языка. Не считая возможнымъ введеніе у насъ ни прусской системы строго обязательнаго обученія грамотѣ, ни системы французской, вмѣняющей каждой общинѣ въ обязанность содержать на свой счетъ начальную народную школу, Головнинъ предлагалъ привлекать къ дѣлу народнаго образованія общества и частныхъ лицъ посредствомъ пособій и поощрительныхъ мѣръ со стороны правительства, а потому находилъ необходимымъ облегчить условія элементарнаго обученія грамотѣ и основнымъ пріемамъ ариѳметики для всѣхъ лицъ безъ различія, желающихъ посвятить себя этому дѣлу, поощряя частныхъ учредителей школъ и оставляя притомъ самыя школы въ полномъ ихъ распоряженіи по части хозяйственной. Относительно вопроса, должно ли быть обученіе въ начальныхъ школахъ даровое или за плату, министръ полагалъ цѣлесообразнымъ взимать съ обучающихся въ нихъ хотя бы самую незначительную плату, во вниманіе къ укоренившемуся въ русскомъ народѣ взгляду, что даровое обученіе не можетъ быть хорошимъ.

Особое совѣщаніе согласилось со всѣми доводами министра, за исключеніемъ одного, постановивъ, что во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе должно происходить непремѣнно на русскомъ языкѣ. Въ одобренномъ ихъ проектѣ полагалось: поощренія и пособія со стороны правительства, по мѣрѣ средствъ онаго, назначать училищамъ, учреждаемымъ обществами, частными лицами и духовенствомъ, при наблюденіи за всѣми помянутыми училищами со стороны правительства и оставляя за послѣднимъ учрежденіе казенныхъ школъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда это будетъ признано нужнымъ; для такого наблюденія и раздачи пособій, учредить губернскіе и уѣздные училищные совѣты, въ которыхъ соединить участіе всѣхъ вѣдомствъ и православнаго духовенства въ завѣдываніи начальными народными школами; подчинить этимъ совѣтамъ, какъ школы министерства народнаго просвѣщенія, такъ и министерствъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, удѣльнаго, горнаго и духовнаго вѣдомствъ, и всѣ вообще воскресныя школы. Особый сверхсмѣтный кредитъ на пособія народнымъ училищамъ исчисленъ на первый годъ въ 100.000 рублей, на второй въ 200.000, на третій и послѣдующіе въ 300.000. По изъявленіи на это согласія министромъ финансовъ, составленъ окончательный проектъ положенія о народныхъ начальныхъ училищахъ, доложенный Государю въ Совѣтѣ министровъ и, съ Высочайшаго соизволенія, въ іюлѣ 1863 года, внесенный на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ.

Между тѣмъ, нѣкоторые изъ губернскихъ дворянскихъ собраній, а именно Нижегородское и С.-Петербургское, по поводу введенія въ дѣйствіе положеній о земскихъ учрежденіяхъ, выразили мысль, что народныя школы слѣдовало бы подчинить этимъ учрежденіямъ. Съ мнѣніемъ ихъ согласился главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи баронъ Корфъ, на заключеніе котораго министръ народнаго просвѣщенія, еще ранѣе представленія въ Государственный Совѣтъ, передалъ проектъ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. Баронъ Корфъ находилъ, что предположенные училищные совѣты, какъ губернскіе, такъ и уѣздные, будутъ лишь подобіемъ и повто-

реніемъ существующихъ уже у насъ многочисленныхъ и разнородныхъ мѣстныхъ комитетовъ и коммиссій, общій характеръ которыхъ составляетъ бюрократическое направленіе, т.-е. форма, лишенная, въ бо́льшей части случаевъ, жизни; что въ членахъ училищныхъ совѣтовъ невозможно, по самому ихъ положенію, предполагать такого знакомства съ мѣстными потребностями, какъ въ представителяхъ земства, и еще менѣе можетъ быть рѣчь о сравненіи между тѣми и другими въ отношеніи къ средствамъ для устройства и поддержанія народныхъ училищъ; что члены предположенныхъ совѣтовъ превосходили бы представителей земства лишь въ отношеніи къ педагогическимъ познаніямъ и опытности, но что недостатокъ этотъ легко устранить приглашеніемъ въ засѣданія земскихъ собраній, по дѣламъ народнаго образованія, на правахъ членовъ, лицъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, баронъ Корфъ, признавалъ что земскія учрежденія представили бы болѣе ручательствъ въ успѣхѣ даннаго дѣла, нежели предположенные училищные совѣты. Тотъ же взглядъ развивалъ и защищалъ въ Государственномъ Совѣтѣ одинъ изъ предшественниковъ Головнина, Ковалевскій. Настаивая на предоставленіи земскимъ учрежденіямъ попеченія о народномъ образованіи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія обусловливалъ мнѣніе это необходимостью для русскаго общества принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ для воспособленія правительству въ финансовомъ отношеніи, такъ и для того, чтобы развить въ немъ самомъ начала хозяйственнаго самоуправленія и возбудить энергію къ общественнымъ дѣламъ, уснувшую отъ безпрерывно и вездѣ продолжавшейся надъ нимъ опеки, породившей въ немъ апатію и привычку все валить на правительство. Если общество—разсуждалъ Ковалевскій—будетъ призвано принять ближайшее участіе въ учрежденіи народныхъ школъ, то естественно ему же, въ лицѣ его представителей, земскихъ учреждевій, слѣдуетъ предоставить и наблюденіе за ними, тѣмъ болѣе, что на такое наблюденіе у самого правительства не хватитъ средствъ, не столько по недостатку агентовъ, сколько по существу дѣла.

Государственный Совѣтъ въ измѣненномъ, по его указаніямъ, проектѣ согласовалъ отчасти мнѣнія составителей проекта съ воззрѣніями барона Корфа и Е. П. Ковалевскаго. Въ положеніи, представленномъ на Высочайшее утвержденіе, оставлены училищные совѣты, но составъ ихъ измѣненъ. Уѣздный совѣтъ составлялся изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ православнаго духовнаго вѣдомства, изъ двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ отъ себя начальныя народныя училища. Предсѣдателя уѣздный совѣтъ избиралъ самъ, изъ своей среды, на два года. Совѣтъ губернскій состоялъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епархіальнаго архіерея, изъ начальника губерніи, директора училищъ и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Постановленія его сообщались для свѣдѣнія попечителю учебнаго округа, а жалобы на его рѣшенія приносились Правительствующему Сенату, по 1-му департаменту.

„Во всегдашнемъ попеченіи о благѣ любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ“, какъ сказано было въ указѣ Правительствующему Сенату, „признавая хорошее устройство первоначальныхъ училищъ весьма важнымъ способомъ къ религіозно-нравственному образованію народа“—Государь, 14-го іюля 1864 года, утвердилъ положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, провозглашавшее цѣлью ихъ—утвержденіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и распространеніе первоначальныхъ полезныхъ знаній. Дѣйствіе положенія распространялось на школы всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и духовнаго, на тѣ, что́ завѣдывались и содержались обществами и частными лицами, а равно и на воскресныя школы. Предметами учебнаго курса начальныхъ училищъ опредѣлялись: Законъ Божій (краткій катихизисъ и священная исторія); чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; письмо; первыя четыре дѣйствія ариѳметики, и церковное пѣніе, тамъ, гдѣ обученіе ему будетъ возможно. Преподаваніе въ начальныхъ народныхъ училищахъ имѣло совершаться повсемѣстно на русскомъ языкѣ.

Положеніе 1864 года введено въ губерніяхъ, составляющихъ учебные округа: С.-Петербургскій, за исключеніемъ губер-

ній Витебской и Могилевской, Московскій, Казанскій, Харьковскій и Одесскій, а также въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, приписанныхъ къ Кіевскому учебному округу. Не распространялось оно на шесть губерній Сѣверо-Западнаго и три губерніи Юго-Западнаго края, потому что волненія, возбужденныя въ нихъ польскимъ возстаніемъ, вынудили правительство принять еще ранѣе въ этихъ мѣстностяхъ чрезвычайныя мѣры по народному образованію. При первыхъ извѣстіяхъ о проникновеніи мятежа въ Литву и Бѣлоруссію, въ концѣ 1862 и въ началѣ 1863 годовъ, Западный комитетъ приступилъ къ обсужденію этого важнаго предмета. Онъ полагалъ, что надежнѣйшею опорою и пособникомъ правительству въ краѣ должно служить православное духовенство, которое — разсуждалъ онъ — находится въ самыхъ близкихъ, самыхъ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ, а посредствомъ обученія и устройства школъ, оно можетъ пріобрѣсти огромное вліяніе на народъ, и именно то вліяніе, которое всегда нужно въ интересахъ порядка и благоустройства, въ настоящее же время особенно необходимо для борьбы съ пропагандою, для поддержанія православія и распространенія истинныхъ началъ христіанскаго ученія, наконецъ, „для усиленія русскаго элемента, для поддержанія и усиленія преданности къ Государю и любви къ Россіи“. Въ этихъ видахъ комитетъ полагалъ поручить министру народнаго просвѣщенія начертать, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, правила объ устройствѣ сельскихъ школъ въ западныхъ губерніяхъ, не исключая и бѣлорусскихъ, составленныя преимущественно съ цѣлью предоставленія наивозможно бо́льшаго участія въ этомъ дѣлѣ правительству и православному духовенству и наивозможно меньшаго — помѣщикамъ и латинскому духовенству. Утверждая положеніе Западнаго комитета, Императоръ Александръ сдѣлалъ на немъ надпись: „Желаю, чтобъ правила эти были составлены безъ всякаго промедленія“. Воля Государя была исполнена, и временныя правила для народныхъ школъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ Высочайше утверждены 23-го марта 1863 года. Для завѣдыванія народными школами въ этихъ мѣстностяхъ учреждались особыя дирекціи въ губернскихъ городахъ и при нихъ училищные совѣты изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, на обязанность которыхъ возложено было наблюденіе за преподаваніемъ въ народныхъ школахъ, попеченіе объ открытіи новыхъ училищъ, разрѣшеніе открывать ихъ городскимъ и сельскимъ обществамъ, снабженіе ихъ учебными пособіями, назначеніе или утвержденіе учителей и учительницъ, представленіе ихъ къ наградамъ и пособіямъ, съ правомъ также, въ случаѣ нужды, представлять попечителю округа и подлежащему начальству о закрытіи училища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлено было, чтобы преподаваніе въ училищахъ производилось на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ лишь Закона Божія, который дѣтямъ римско-католическаго исповѣданія имѣлъ преподаваться на мѣстномъ ихъ нарѣчіи.

По назначеніи, въ маѣ 1863 года, М. Н. Муравьева главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края, онъ взялъ въ свои руки и энергично повелъ тамъ дѣло народнаго образованія. Уже къ 1-му января 1864 года открыто 389 новыхъ народныхъ училищъ, при денежномъ пособіи отъ казны, для чего генералъ-губернатору отпущены значительные кредиты изъ государственнаго казначейства. По его представленію, прогимназія въ Молодечно преобразована въ учительскую семинарію для образованія русскихъ и православныхъ народныхъ учителей, сокращено число гимназій съ учрежденіемъ вмѣсто нихъ низшихъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, разумѣется, при полномъ исключеніи польскаго языка изъ преподаванія и съ повсемѣстною замѣною его языкомъ русскимъ.

Между тѣмъ, главный начальникъ Юго-Западнаго края, со своей стороны, изыскивалъ способы къ обрусѣнію этого края путемъ образованія. Учрежденный генералъ-губернаторомъ Анненковымъ съ этою цѣлью въ Кіевѣ особый комитетъ пришелъ къ заключенію, что правительство должно оказать помощь сельскимъ и городскимъ обществамъ въ дѣлѣ устройства церковно-приходскихъ школъ для обученія грамотѣ и Закону Божію, полагая по одной школѣ на каждый приходъ, съ оставленіемъ ихъ въ завѣдываніи епархіальнаго начальства. Народныя же училища,

устраиваемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія и состоящія въ его вѣдѣніи, не должны были быть, по мнѣнію комитета, простыми начальными школами, подобными приходскимъ, а являться образцовыми въ учебномъ отношеніи и стать для народа высшими училищами, въ которыхъ, сверхъ Закона Божія и объяснительнаго чтенія, преподавались бы ариѳметика, въ примѣненіи ея къ быту поселянъ, свѣдѣнія изъ географіи и исторіи Россіи, въ особенности Западнаго края, и наконецъ, нѣкоторыя практическія свѣдѣнія по естествовѣдѣнію и сельскому хозяйству. Такихъ высшихъ народныхъ училищъ предполагалось устроить сначала по два, а затѣмъ довести ихъ число до 10 на каждый уѣздъ трехъ юго-западныхъ губерній. Сверхъ того, комитетъ указывалъ на необходимость устройства низшихъ народныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, въ городахъ, а равно учительскихъ семинарій.

Министръ народнаго просвѣщенія не уважилъ, однако, доводовъ Кіевскаго комитета, и въ составленномъ въ его совѣтѣ, а въ мартѣ 1866 года внесенномъ въ Комитетъ министровъ, проектѣ правилъ предложилъ распространить на Юго-Западный край правила о народныхъ училищахъ, введенныя за три года до того въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ силу коихъ церковно-приходскія школы, наравнѣ со всѣми прочими начальными народными училищами, подчинялись дирекціи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и состоящему при ней училищному совѣту, въ которомъ православное духовное вѣдомство имѣло быть представлено однимъ только членомъ. Противъ такого предположенія энергично высказался въ Комитетѣ министровъ оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой.

„Дѣятельность православнаго духовенства въ Юго-Западномъ краѣ на поприщѣ народнаго образованія“, писалъ онъ въ особомъ мнѣніи, „не приводитъ къ мысли о необходимости сліянія церковно-приходскихъ школъ съ народными, содержимыми министерствомъ народнаго просвѣщенія. Заслуги духовенства въ этомъ отношеніи неоспоримы. Оно приступило къ повсемѣстному открытію школъ безъ всякихъ пособій отъ казны, по бо́льшей части жертвуя для сего изъ собственныхъ скудныхъ средствъ, которыми и понынѣ ограничивается, не получая никакого на этотъ предметъ пособія изъ Государственнаго казначейства. Не смотря на это, его безкорыстными и неутомимыми, въ продолженіе многихъ лѣтъ, трудами учреждены и поддерживаются до 3.869 приходскихъ школъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, тогда какъ министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ семъ краѣ всего 51 школу и всѣ эти школы содержатся на счетъ казны. Довѣріе и сочувствіе сельскаго населенія къ школамъ, заведеннымъ духовенствомъ, выразившееся особенно въ послѣдніе годы, служитъ достаточнымъ ручательствомъ добросовѣстнаго веденія духовенствомъ дѣла народнаго обученія. Столь благотворная дѣятельность духовенства не можетъ не заслуживать полнаго одобренія и поощренія со стороны правительства и ни въ какомъ случаѣ не должна быть стѣсняема“. Графъ Толстой находилъ, что въ Юго-Западномъ краѣ православное духовенство одно всегда служило и служитъ единственнымъ охранителемъ православно-народнаго духа и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ всякихъ чуждыхъ вліяній, тамъ гдѣ высшія сословія составляютъ, за немногими исключеніями, поляки, а средняго сословія вовсе нѣтъ, и его мѣсто занимаютъ евреи. „Нѣтъ основанія опасаться“, доказывалъ онъ, „что при существованіи приходскихъ школъ вліяніе духовенства на народъ достигнетъ крайнихъ и вредныхъ предѣловъ. Примѣръ многихъ государствъ Европы, въ которыхъ первоначальное образованіе народа лежитъ исключительно на духовенствѣ, безъ всякихъ вредныхъ отъ сего послѣдствій, можетъ служить достаточнымъ тому подтвержденіемъ. Тѣмъ менѣе приложима къ православной церкви идея клерикализма: она находитъ себѣ удобную почву только въ римско-католическихъ государствахъ при ультрамонтанскихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ латинскаго духовенства присвоить себѣ вліяніе на дѣла свѣтскія и государственныя, что̀ вовсе не въ духѣ православнаго духовенства. Это послѣднее скорѣе можно упрекнуть въ недостаткѣ дѣятельности въ своей собственной сферѣ и посему, когда, къ счастію, дѣятельность эта пробудилась, то слѣдуетъ не стѣснять, а поощрять и поддерживать ее. Право-

славная церковь, охраняя и поддерживая чисто народныя, русскія начала, въ томъ же духѣ воспитываетъ и своихъ пастырей. Коренныя начала, . содержимыя нашею церковью, неизмѣнны, и ея служители посему всегда будутъ имѣть неоспоримое преимущество предъ всякими другими учителями народа, которые иногда могутъ увлекаться собственными воззрѣніями, не всегда полезными для правительства и государства. Въ виду этой пользы, приносимой пастырями церкви народному образованію, не усматривается основанія къ ограниченію духовенства въ отношеніи къ церковно-приходскимъ школамъ... По сему осуществленіе мысли о сліяніи приходскихъ школъ съ народными на самомъ дѣлѣ будетъ равняться отторженію приходскихъ школъ изъ вѣдѣнія духовенства. Новая организація народныхъ школъ на предположенныхъ началахъ ставитъ духовенство въ полную зависимость отъ училищныхъ совѣтовъ, въ коихъ одинокое положеніе члена отъ епархіальнаго вѣдомства будетъ лишено всякаго самостоятельнаго значенія, а самые совѣты подчинены непосредственно и исключительно попечителю учебнаго округа, который, по дѣламъ этихъ училищъ, превышающимъ его власть, входитъ съ представленіями къ министру народнаго просвѣщенія. Ничтожное, вслѣдствіе такого устройства школъ, участіе духовенства въ народномъ образованіи, постоянный контроль надъ нимъ посторонняго вѣдомства, неизбѣжно дадутъ духовенству поводъ думать о недовѣріи къ нему правительства, ослабятъ его рвеніе къ этому великому дѣлу и поколеблютъ его нравственное значеніе въ глазахъ простого народа. Поводомъ къ предполагаемому сліянію выставляется опасеніе, что существующее раздвоеніе въ устройствѣ училищъ будетъ ослаблять ихъ нравственное вліяніе и парализовать ихъ дѣятельность. Такое ослабленіе вліянія школъ возможно лишь при различіи религіозно-нравственнаго ихъ направленія, которое можетъ быть и при единствѣ ихъ устройства. Для достиженія единства недостаточно одного соединенія разнородныхъ, часто противорѣчащихъ элементовъ. Единство *управленія* не составляетъ еще единства *направленія*, а этого-то послѣдняго и слѣдуетъ достигнуть; оно можетъ послѣдовать и безъ предположеннаго сліянія въ управленіи, если лица учебнаго вѣдомства будутъ вести обученіе народа въ строго-православномъ духѣ, какъ это постоянно дѣлаютъ духовные пастыри. Отдѣльное существованіе церковно-приходскихъ школъ нисколько не препятствуетъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія; напротивъ того, совмѣстное существованіе оныхъ, какъ въ вѣдомствѣ его министерства, такъ и въ православно-духовномъ, возбудитъ лишь полезное между ними соревнованіе". По всѣмъ этимъ соображеніямъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода не признавалъ цѣлесообразнымъ, ни введенія въ Юго-Западномъ краѣ предположенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія временныхъ правилъ, ни распространенія на него общаго положенія о народныхъ училищахъ, по поводу котораго, замѣтилъ графъ Толстой, уже и въ настоящее время возникаютъ пререканія между представителями разныхъ вѣдомствъ, какъ явствуетъ изъ переписки въ дѣлахъ Св. Синода, такъ и изъ преній въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ. Со своей стороны, онъ считалъ необходимымъ оставить въ Юго-Западномъ краѣ церковно-приходскія школы, заведенныя духовенствомъ, въ его завѣдываніи, и если министръ народнаго просвѣщенія будетъ настаивать на введеніи въ этомъ краѣ временныхъ правилъ, то дѣйствіе ихъ не распространять на церковно-приходскія школы.

Въ „особомъ" мнѣніи, графъ Толстой выходилъ далеко за предѣлы обсуждавшагося въ Комитетѣ министровъ частнаго вопроса, который, подъ перомъ его, разростался въ общій государственный вопросъ: объ отношеніяхъ церкви къ государству и объ участіи ея въ направленіи и руководствѣ народнымъ образованіемъ во всей Имперіи. Заявлено оно было въ засѣданіи Комитета министровъ 5-го апрѣля 1866 года, т.-е. на другой день послѣ покушенія Каракозова на жизнь Государя Императора. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этого событія и обнаруженнаго дознаніемъ печальнаго настроенія умовъ въ средѣ учащейся молодежи, въ значительномъ большинствѣ зараженной ученіями невѣрія, грубаго матеріализма и самаго крайняго революціоннаго анархизма, мысли, высказанныя графомъ Толстымъ, вызвали Императора Александра на глу-

бокія размышленія. Онъ рѣшился поручить ему возстановить то единство въ направленіи между православнымъ духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ, пользу и необходимость котораго, во имя высшихъ потребностей государства, графъ такъ убѣдительно доказывалъ, и назначилъ его министромъ народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ званія синодальнаго оберъ-прокурора. На журналѣ Комитета министровъ Государь, 15-го апрѣля, собственноручно написалъ: „Раздѣляю вполнѣ особое мнѣніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, и такъ какъ онъ теперь назначенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, министромъ народнаго просвѣщенія, то предоставляю ему впослѣдствіи, если признаетъ нужнымъ, войти въ Комитетъ съ особымъ своимъ соображеніемъ по этому предмету".

Обѣ эти должности графъ Д. А. Толстой занималъ почти до самаго конца царствованія и, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, неизмѣнно пользуясь расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ Государя, произвелъ существенныя и многочисленныя преобразованія и перемѣны во всѣхъ отрасляхъ учебнаго дѣла.

Въ министерство графа Толстого университетскій уставъ 1863 года оставался въ своей силѣ, и только одна статья въ немъ подверглась измѣненію—та, что̀ устанавливала, что по истеченіи 25 лѣтъ службы, профессоръ сохраняетъ свою каѳедру не иначе, какъ если въ пользу оставленія ея за нимъ еще на пять лѣтъ выскажутся двѣ трети голосовъ въ Совѣтѣ университета. По представленію министра, Высочайше повелѣно баллотировку эту производить впредь простымъ большинствомъ. Но сознавая многія и важныя неудобства, проистекающія отъ широкой автономіи, предоставленной уставомъ профессорской коллегіи, графъ Толстой въ 1875 году испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, коммиссіи для пересмотра университетскаго устава. Коммиссія окончила возложенный на нее трудъ и выработала проектъ новаго устава, который получилъ законодательное утвержденіе лишь въ царствованіе Императора Александра III.

Періодически повторявшіеся безпорядки среди студентовъ вызвали необходимость усилить за ними надзоръ и правилами 1867 года для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣнными въ Комитетѣ министровъ и удостоившимися Высочайшаго утвержденія, вмѣнено полиціи въ обязанность извѣщать учебное начальство о проступкахъ учащихся, совершаемыхъ ими внѣ заведеній, и вообще, о всѣхъ дѣйствіяхъ, навлекающихъ сомнѣніе въ ихъ нравственной и политической благонадежности, а начальству учебныхъ заведеній—исполнять тоже по отношенію къ полиціи. Тогда же безусловно воспрещено устройство студентами концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній въ пользу недостаточныхъ товарищей, а деньги, выручаемыя съ такихъ собраній, устраиваемыхъ посторонними лицами, предписано доставлять не непосредственно студентамъ, а учебному начальству для распредѣленія пособій дѣйствительно нуждающимся и достойнымъ помощи студентамъ. Въ видахъ единства дѣйствій и распоряженій установлено также, чтобы высшія учебныя заведенія сообщали другъ другу дѣйствующія въ нихъ дисциплинарныя и другія правила.

Въ началѣ 1869 года, Императоръ Александръ, по случаю исполнившагося полустолѣтія со дня основанія С.-Петербургскаго университета учредилъ въ немъ 100 стипендій, названныхъ Императорскими, и въ милостивой грамотѣ на имя университета выразилъ надежду, „что ученое его сословіе, проникнутое сознаніемъ своихъ высокихъ обязанностей, будетъ, по прежнему, утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ, со временемъ, сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной дѣятельности и, подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужатъ свою службу Россіи". Но волненія среди студентовъ не прекращались. Въ мартѣ того же 1869 года они распространились почти на всѣ высшія учебныя заведенія въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, что̀ вынудило правительство усугубить строгія мѣры къ ихъ обузданію. Мѣры эти были проектированы въ особой коммиссіи, изъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣще-

нія, и затѣмъ разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ изъ министровъ: военнаго, государственныхъ имуществъ, финансовъ, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія и шефа жандармовъ, которые, соглашаясь съ коммиссіей въ томъ, что главныя начала нынѣ дѣйствующихъ дисциплинарныхъ правилъ вообще соотвѣтствуютъ своей цѣли, нашли, что слѣдуетъ только привести ихъ въ бо́льшее однообразіе, а равно и принять нѣкоторыя мѣры, какъ для устраненія наплыва въ высшія учебныя заведенія людей, подающихъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, такъ и для предупрежденія, по возможности, нарушенія порядка со стороны тѣхъ, кои уже приняты въ высшія учебныя заведенія.

Между тѣмъ, шло своимъ чередомъ преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній. Въ 1867 году, съ цѣлью образованія учителей для гимназій и другихъ среднеучебныхъ заведеній основанъ въ С.-Петербургѣ Императорскій историко-филологическій институтъ. Въ 1869 году польская Варшавская главная школа обращена въ русскій университетъ, а политехническій и земледѣльческо-лѣсной институтъ въ Новой Александріи—въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Въ 1874 году Нѣжинскій лицей князя Безбородко преобразованъ въ историко-филологическій институтъ, а Демидовскій лицей въ Ярославлѣ—въ лицей юридическій. Въ 1875 году для приготовленія учителей древнихъ языковъ основана въ Лейпцигѣ русская филологическая семинарія.

Въ 1875 году, назначая генералъ-адъютанта Казнакова генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, Государь повелѣлъ ему: „поднявъ уровень всеобщаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовлять изъ среды своей людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и, по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть, чрезъ министерство народнаго просвѣщенія, на Высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго, для всей Сибири, университета“. Сначала предполагалось университетъ учредить въ Омскѣ, но, въ виду ходатайствъ, поступившихъ отъ частныхъ жертвователей, а также отъ разныхъ сибирскихъ обществъ и учрежденій, окончательно рѣшено основать этотъ разсадникъ просвѣщенія въ городѣ Томскѣ, о чемъ и состоялось Высочайшее повелѣніе 16-го мая 1878 года.

Рядъ мѣропріятій по устройству высшаго образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра II завершился учрежденіемъ въ 1876 году въ С.-Петербургѣ Археологическаго института, назначеніемъ коего было приготовлять спеціалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ, правительственныхъ и частныхъ.

Особенное вниманіе графа Толстого привлекало состояніе среднихъ учебныхъ заведеній. Уставъ 1864 года, раздѣлившій гимназіи и прогимназіи на классическія и реальныя, хотя и возстановилъ въ первыхъ преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, но новый министръ находилъ эту реформу недостаточною и, будучи самъ рьянымъ сторонникомъ строго классической системы образованія, считалъ необходимымъ ввести ее у насъ во всей полнотѣ и неприкосновенности. Съ этою цѣлью онъ предполагалъ преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ не только ввести, но и усилить во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, безъ исключенія, съ предоставленіемъ права поступать въ университетъ безъ экзамена только ученикамъ, окончившихъ въ нихъ полный курсъ. Бывшія реальныя гимназіи имѣли быть преобразованы въ реальныя училища, ученики коихъ, по окончаніи курса, не принимались бы въ университеты. На этомъ главномъ основаніи предпринять пересмотръ устава гимназій и прогимназій, сначала въ ученомъ комитетѣ и въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія, потомъ въ особой, Высочайше учрежденной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Строганова, изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Валуева и Тройницкаго, министра народнаго просвѣщенія, членовъ его совѣта Постельса и Штейнмана и директора 3-й С.-Петербургской гимназіи Лемоніуса. На докладѣ графа Толстого, что коммиссія эта пришла къ единогласному заключенію по всѣмъ предложеннымъ на ея разсмотрѣніе вопросамъ, Государь надписалъ: „весьма радъ“. Но, сознавая важ-

ность предположеннаго преобразованія, долженствовавшаго въ корнѣ измѣнить всю систему средняго образованія въ Россіи, Его Величество повелѣлъ учредить особое присутствіе для разсмотрѣнія, какъ предположенныхъ коммиссіею измѣненій и дополненій въ гимназическомъ уставѣ 1864 года, такъ и выработанныхъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія положеній о реальныхъ и городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ. Предсѣдателемъ, особаго присутствія назначенъ былъ графъ С. Г. Строгановъ, а членами: Наслѣдникъ Цесаревичъ, принцъ П. Г. Ольденбургскій, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, графъ Литке и графъ Путятинъ, статсъ-секретари: графъ Панинъ, Валуевъ, Головнинъ, князь Урусовъ, Гротъ и Тройницкій и министры: военный, финансовъ и народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи присоединенъ къ нимъ В. П. Титовъ. Присутствію предоставлялось разсмотрѣть проектъ графа Толстого на правахъ департамента Государственнаго Совѣта и заключеніе свое внести въ общее его собраніе.

Вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ классической и реальной системы средняго образованія давно раздѣлялъ педагогическій міръ на два лагеря, которые вели между собою ожесточенную полемику въ печати. Существенное это разногласіе отразилось и на совѣщаніяхъ особаго присутствія, въ средѣ котораго возникли оживленныя пренія между сторонниками строго-классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и его противниками, по главному вопросу: должны-ли, на ряду съ классическими, существовать гимназіи и реальныя, дающія также право поступленія безъ экзамена въ университетъ? Министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что признаетъ только одно общее образованіе—классическое, отвергаетъ возможность всякаго дуализма и не допускаетъ, чтобы науки естественныя могли имѣть общеобразовательное значеніе. На этомъ основаніи онъ считаетъ общеобразовательными средними учебными заведеніями исключительно только классическія гимназіи съ двумя древними языками, упраздняетъ реальныя гимназіи, какъ устроенныя на ошибочномъ основаніи, и взамѣнъ ихъ учреждаетъ реальныя училища нѣсколькихъ родовъ, полагая ввести въ нихъ паралелльно общее образованіе и спеціальные курсы.

Противъ такого мнѣнія министра высказались шесть членовъ особаго присутствія: графы Литке и Панинъ, Чевкинъ, Милютинъ, Головнинъ и Гротъ. Допуская, со своей стороны, общеобразовательное значеніе древнихъ языковъ, они не допускали, однако, чтобы такое значеніе признавалось исключительно за этими языками и находили, что считать общеобразовательными заведеніями только однѣ классическія гимназіи значило бы идти совершенно въ разладъ съ самыми положительными указаніями современной педагогической теоріи и практики. Во всѣхъ государствахъ Западной Европы—утверждали они — въ настоящее время признаются два пути общаго образованія: классическій, основывающійся на изученія древнихъ языковъ и математики, и реальный—на изученіи естественныхъ наукъ, математики и отечественнаго и новыхъ языковъ. Согласно этому существуютъ и два рода общеобразовательныхъ заведеній — классическія гимназіи и реальныя училища, въ Пруссіи, въ Саксоніи, въ Виртембергѣ, въ Баваріи, въ Бельгіи, въ Швеціи и Норвегіи, наконецъ, въ Англіи. Въ виду этихъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ самыхъ классическихъ государствъ Европы, предложеніе графа Толстого, объ упраздненіи въ Россіи реальныхъ гимназій и о введеніи одного рода общеобразовательныхъ заведеній, классическихъ гимназій, является совершеннымъ анахронизмомъ; чтобы признать ошибочными педагогическія основы русскихъ реальныхъ гимназій по уставу 1864 года и вообще, не считать естественныя науки общеобразовательными, нужно доказать предварительно, что ошибается вся Европа, какъ разъ придерживающаяся противуположнаго мнѣнія.

Доводы эти, основанные, главнымъ образомъ, на примѣрѣ западно-европейскихъ государствъ, графъ Панинъ дополнилъ соображеніями, почерпнутыми изъ особенностей русской жизни. Съ жаромъ возсталъ онъ противъ утвержденія графа Толстого, что наука въ настоящемъ ея развитіи имѣетъ основаніемъ образованіе древнихъ народовъ и что въ этомъ образованіи ихъ находимъ и мы начало духовнаго развитія въ Россіи и полезныя поученія по всѣмъ почти предметамъ наукъ и, между прочимъ, важные источники для нашего каноническаго права и для изученія византійской юрис-

пруденціи и византійской исторіи, имѣющихъ особенную для насъ важность. Конечно, возражалъ графъ Панинъ, Европа воспріяла свое образованіе отъ наукъ, зародившихся въ Греціи и въ Римѣ, но христіанство положило грань между древнимъ и новымъ міромъ, видоизмѣнило воззрѣнія на всѣ вопросы какъ гражданской, такъ и частной жизни, и, сверхъ того, наука во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ получила въ новомъ мірѣ развитіе, совершенно неизвѣстное древнимъ. Православная вѣра, исповѣдуемая въ Россіи, тѣмъ отличается отъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій, что у насъ догматы и церковные обряды окончательно утверждены церковью и не подлежатъ обсужденію и изслѣдованію свѣтскихъ людей, а потому изученіе древнихъ языковъ, со включеніемъ еврейскаго и сирійскаго, въ видахъ ознакомленія съ предметами религіозными, необходимо для духовныхъ училищъ, а отнюдь не для мірянъ, такъ какъ все потребное для ихъ назиданія имѣется на русскомъ и славянскомъ языкахъ, изученіе же въ подлинникѣ книгъ Священнаго Писанія должно быть непремѣнно герменевтическимъ и производиться подъ руководствомъ духовныхъ лицъ, безъ чего книги эти могутъ подавать лишь поводъ къ опаснымъ заблужденіямъ. Признавая высокое совершенство поэзіи древнихъ и пользу ея вліянія на современные умы, графъ Панинъ сомнѣвался, однако, чтобы пониманіе ея было доступно на гимназическомъ уровнѣ ея изученія. Философія греческая, по мнѣнію графа, хотя и являетъ въ себѣ замѣчательные проблески человѣческаго ума, но отличается отвлеченностью и неопредѣленностью, во многомъ расходится съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, а потому изученіе ея въ гимназіяхъ не только не нужно, но и опасно, если преподаванію ея не будутъ намѣчены должные предѣлы. Древніе историки оставили, за исключеніемъ одного, только отрывки; къ тому же, всѣ они отличаются отсутствіемъ критики и познаній, пріобрѣтенныхъ во времена позднѣйшія, и для изученія древней исторіи, въ ея совокупности, приходится прибѣгать къ изслѣдованіямъ историковъ новѣйшихъ. Наконецъ, въ изученіи юриспруденціи хотя и нельзя обойтись безъ римскаго права и его источниковъ, но для примѣненія этого права къ русской жизни необходимо еще чаще обращаться къ тому развитію, которое римское право получило въ законодательствѣ современныхъ народовъ; византійское же право имѣетъ значеніе только для нашего права духовнаго. О математическихъ наукахъ и естествовѣдѣніи графъ Панинъ отозвался, что извѣстно, какое развитіе получили онѣ въ настоящее время и какъ онѣ важны для преуспѣянія промышленности и благосостоянія каждаго государства.

Съ неменьшею силою возставали шесть членовъ и противъ разсужденія графа Толстого, что вопросъ между древними языками и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно, и всего общества, и что надлежащее пониманіе учениками преподаннаго имъ изъ всѣхъ наукъ, кромѣ древнихъ языковъ и математики, особенно изъ естествовѣдѣнія, почти уходитъ изъ подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно, съ одной стороны развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой—образованіе самыхъ превратныхъ воззрѣній. Извѣстно, что науки сами по себѣ—доказывали они—не имѣютъ способности дѣлать человѣка нравственнымъ или матеріалистомъ, внушать ему скромность или самомнѣніе. Благодѣтельное или вредное вліяніе обученія зависитъ отъ способа его, отъ достоинствъ и недостатковъ учителя. Плохой учитель древнихъ языковъ весьма легко можетъ поселить въ ученикѣ отвращеніе ко всякому серьезному ученію, а отличный преподаватель естественныхъ наукъ воспользуется ими, чтобы развить въ дѣтяхъ внимательность, наблюдательность, способность сравнивать и соображать. Въ подтвержденіе шесть членовъ приводили мнѣніе, высказанное по этому предмету начальникомъ медико-хирургической академіи: „При правильномъ способѣ преподаванія реальныхъ наукъ, молодой умъ развивается стройно и основательно, въ постоянной работѣ синтеза и анализа, въ наведеніяхъ и выводахъ, восходящихъ съ непоколебимою, какъ законы природы, логическою постепенностью, отъ простого къ болѣе важному и трудному предмету пониманія. Реальныя науки, воспитывая человѣка въ пониманіи вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ природы, при неистощимой измѣняемости проявленія ихъ силъ, служатъ

простѣйшимъ и самымъ многостороннимъ средствомъ для нравственнаго воспитанія человѣка. Изъ методической научной провѣрки каждаго, невѣрно выведеннаго, умозаключенія, изъ неизбѣжной необходимости поправить его, вырабатывается правдивость и стойкость; изъ постояннаго сопоставленія ограниченности, несовершенствъ и непрочности собственныхъ силъ съ безпредѣльностью, совершенствомъ и вѣчностью силъ, управляющихъ и возобновляющихъ вселенную, слагается въ молодой душѣ почва для религіознаго вѣрованія". По поводу этого мнѣнія графъ Панинъ заключилъ: „что науки въ надлежащемъ ихъ развитіи, конечно, способны къ отвращенію умовъ отъ опасныхъ заблужденій, но только тогда, когда познанія соединены съ твердыми убѣжденіями въ истинахъ вѣры и гражданскихъ обязанностей; что средствами болѣе дѣйствительными къ предупрежденію зла слѣдуетъ признать наблюденіе, чтобы преподаватели сами не распространяли подобныхъ заблужденій, а удерживали отъ нихъ молодыхъ людей; что, сверхъ того, составленіе хорошихъ учебниковъ и самый объемъ преподаванія могутъ, болѣе всего, содѣйствовать къ тому, независимо отъ религіознаго и нравственнаго образованія.

Шесть членовъ напоминали, что матеріалистическое ученіе никогда не достигало такого распространенія и такихъ крайнихъ предѣловъ совершеннаго отрицанія религіи и всѣхъ вѣчныхъ нравственныхъ основъ семейной, общественной и государственной жизни, какъ въ теченіе прошлаго столѣтія, особенно во время французской революціи; школа же въ то время была одна — классическая. Точно также, и въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, религіозныя и нравственныя основанія общественнаго и государственнаго строя подвергались самымъ сильнымъ колебаніямъ въ Италіи, Испаніи и Франціи, то-есть, именно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ не было вовсе реальныхъ училищъ. Могла-ли бы, спрашивали они, извѣстная часть нашей молодежи до такой степени увлечься самыми наивными матеріалистическими идеями, совершенно противорѣчащими точнымъ выводамъ естественныхъ наукъ, если бы у насъ существовали такія же правильно устроенныя реальныя школы, какъ въ Пруссіи? Вооруженная такими познаніями молодежь наша не придала бы никакого значенія тѣмъ фантастическимъ теоріямъ, которыя, въ видѣ вывода изъ естественныхъ наукъ, проникли къ намъ въ нѣкоторыхъ плохихъ компиляціяхъ по естествовѣдѣнію.

Исходя изъ этихъ соображеній, меньшинство особаго присутствія полагало, что учрежденныя у насъ по уставу 1864 года, реальныя гимназіи, не только не должны быть упразднены, но что ихъ слѣдуетъ поставить на ту степень правильнаго устройства, на которой находятся въ настоящее время прусскія реальныя училища перваго разряда. Оно осуждало намѣреніе графа Толстого приноровить проектированныя имъ реальныя училища къ спеціальнымъ потребностямъ какой-либо промышленной дѣятельности, противуполагая ему ту педагогическую истину, подтвержденную опытомъ образованнѣйшихъ государствъ Европы, что школы, преслѣдующія одновременно цѣли формальныя, т.-е. развитіе способностей, и цѣли практическія или утилитарныя, т.-е. сообщеніе спеціальныхъ техническихъ знаній, не въ состояніи достигнуть ни тѣхъ, ни другихъ. Шесть членовъ находили предположенныя новыя реальныя училища съ учебною программою, отстаиваемою графомъ Толстымъ, неудовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ, и выражали мнѣніе, что слѣдуетъ сохранить существующія реальныя гимназіи, устроивъ ихъ наравнѣ съ классическими гимназіями, съ восьми-лѣтнимъ курсомъ и приготовительнымъ классомъ, съ болѣе основательнымъ преподаваніемъ математики, естествовѣдѣнія, отечественнаго и новыхъ языковъ, со введеніемъ въ нихъ преподаванія и латинскаго языка для тѣхъ изъ учениковъ, которые пожелаютъ ему обучаться, открывъ таковымъ свободный доступъ на физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ и въ медико-хирургическую академію.

Единогласному мнѣнію своему шесть членовъ дали такое заключеніе: „Если смотрѣть безъ предубѣжденія, то общеобразовательныя реальныя училища оказываются крайнею настоятельною необходимостью и имѣютъ за себя самую сильную опору, не въ умозрѣніи нѣкоторыхъ ученыхъ и педагоговъ, а въ самыхъ точныхъ и положительныхъ указаніяхъ опыта. Съ

другой стороны, обращаясь къ тому, съ какою осмотрительностью необходимо для Россіи слѣдовать примѣрамъ Западной Европы, нельзя не придти еще къ слѣдующимъ соображеніямъ. Западная Европа имѣетъ повсюду распространенное элементарное образованіе, огромное количество гимназій, реальныхъ училищъ, низшихъ промышленныхъ школъ, учительскихъ институтовъ для приготовленія преподавателей. При такой-то постановкѣ образованія и при существующемъ уже замѣщеніи различныхъ поприщъ образованными дѣятелями, прусское правительство, не только не отвергаетъ пользы общаго реальнаго образованія и не беретъ на себя рѣшать споръ между классическимъ и реальнымъ образованіемъ, но обращается къ своимъ университетамъ съ вопросомъ: слѣдуетъ-ли допустить къ слушанію университетскихъ лекцій учениковъ реальныхъ училищъ, и на основаніи отвѣтовъ шести университетовъ изъ девяти и представленій различныхъ прусскихъ обществъ, допускаетъ ихъ, хотя и съ ограниченіемъ. Таково-ли положеніе нашего отечества? Наше элементарное образованіе еще находится въ проектѣ, учительскіе институты — въ проектѣ, профессіональныхъ школъ—совершенно нѣтъ, реальныхъ гимназій—только девять, классическихъ—по одной на 380 тысячъ душъ мужского населенія. При этомъ на двухъ изъ главнѣйшихъ практическихъ поприщъ, учительскомъ и медицинскомъ, замѣчается крайній недостатокъ въ дѣятеляхъ. Имѣемъ-ли мы право, при такихъ данныхъ, въ настоящую минуту отвергнуть одинъ изъ двухъ путей общаго образованія, признаваемыхъ всею Западною Европою, и избрать исключительно другой, труднѣйшій? А вмѣстѣ съ тѣмъ, при характерѣ нашихъ университетовъ, имѣющихъ только наружную форму германскихъ университетовъ, а внутренній строй — вполнѣ схожій съ французскими спеціальными школами, можемъ-ли мы заявлять тѣ же исключительныя требованія относительно подготовленія въ нашихъ обще-образовательныхъ заведеніяхъ къ факультетскимъ занятіямъ? Не говоря уже о томъ, что наши высшія спеціальныя заведенія требуютъ окончившихъ общее образованіе до 600 человѣкъ (всѣ военно-учебныя заведенія здѣсь въ разсчетъ не принимаются), а всѣ гражданскія гимназіи, за выпускомъ прямо на службу и вступленіемъ въ университеты и медико-хирургическую академію, даютъ въ это число только до 150 человѣкъ, и что количество это, вслѣдствіе введенія во всѣ гимназіи еще греческаго языка, едва-ли увеличится — нужно припомнить, что физико-математическій факультетъ представляетъ единственный разсадникъ учителей математическихъ и естественныхъ наукъ для всѣхъ существующихъ заведеній средняго курса, а медицинскій факультетъ, въ послѣднее время столь уменьшившійся, вслѣдствіе огромнаго отвлеченія слушателей въ юридическій факультетъ, служитъ единственнымъ источникомъ медицинской помощи для цѣлой Россіи, исключая военнаго вѣдомства. Можемъ-ли мы, въ виду такихъ насущныхъ потребностей, еще неудовлетворенныхъ, затруднять полученіе высшаго образованія, вслѣдствіе только спора между приверженцами классицизма и реализма,—спора, который не берутъ на себя рѣшать и государства, богатыя по образованію, и право на рѣшеніе котораго у насъ связано съ предразрительнымъ распространеніемъ и упроченіемъ тѣхъ образовательныхъ учрежденій по всѣмъ категоріямъ, какія видимъ въ западныхъ странахъ, съ такимъ избыткомъ уже пользующихся ими, и однако же, не отвергающихъ тотъ путь, отъ котораго мы, при нашей скудости во всѣхъ степеняхъ образованія, такъ легко хотимъ отказаться".

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній шесть членовъ полагали: „1) Въ виду быстраго развитія, которое получили въ послѣднее время науки естественныя, и дознанной уже общеобразовательной силы ихъ, а также для удовлетворенія, въ благоразумныхъ размѣрахъ, видимо возрастающей потребности общества въ знаніяхъ по этимъ наукамъ, необходимо предоставить математикѣ и естествовѣдѣнію должное мѣсто въ общей системѣ образованія въ государствѣ. 2) Посему мысль, положенная въ основаніе устава 1864 года, что для средняго общаго образованія существуютъ два способа: классическій и реальный, должна и впредь служить основаніемъ нашихъ законоположеній для среднихъ учебныхъ заведеній. 3) Вслѣдствіе этого, денежныя средства, предоставленныя министру народнаго просвѣщенія на среднее

общее образованіе, должны, по справедливости и по настоятельной государственной потребности, быть равномѣрно употреблены на учебныя заведенія, въ которыхъ главнымъ способомъ развитія служатъ древніе языки, и на тѣ заведенія, гдѣ для сего употребляются науки естественныя и математика. 4) Слѣдуя этой основной мысли, изъ всего числа нынѣшнихъ гимназій: съ двумя древними языками, съ однимъ латинскимъ языкомъ и реальныхъ, должно бы имѣть половинное число классическихъ, и другую половину преобразовать постепенно въ реальныя, съ восьмилѣтнимъ курсомъ и приготовительнымъ классомъ. 5) Въ сіи послѣднія гимназіи ввести факультативное изученіе латинскаго языка, съ тѣмъ, чтобы окончившіе въ нихъ курсъ и изучавшіе латинскій языкъ были допускаемы, на общемъ основаніи, въ физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ. 6) Затѣмъ уже вовсе не учреждать предлагаемыхъ проектомъ министерства народнаго просвѣщенія реальныхъ училищъ съ различными профессіональными типами и поручить министру народнаго просвѣщенія представить, согласно съ вышеизложенными соображеніями, проектъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ уставѣ о гимназіяхъ 1864 года и проектъ самаго распредѣленія уроковъ въ реальныхъ гимназіяхъ".

Замѣнявшій министра финансовъ, товарищъ его, Грейгъ, соглашаясь съ проектомъ преобразованія всѣхъ гимназій въ классическія, предъявилъ возраженія противъ предположеннаго министромъ народнаго просвѣщенія устройства реальныхъ училищъ, настаивая на необходимости исключить изъ ихъ программы всѣ предметы спеціальные и прикладные и самыя спеціальныя названія училищъ опустить. Всѣ прочіе восемь членовъ присутствія присоединились къ мнѣнію графа Толстого. Въ защиту этого мнѣнія приведены были слѣдующіе доводы.

Не отрицая обще-образовательнаго значенія учебныхъ заведеній и другихъ родовъ, восемь членовъ признавали приготовительными къ университетамъ школами однѣ только гимназіи, то-есть, такія заведенія, въ которыхъ все ученіе сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на обоихъ древнихъ языкахъ, а затѣмъ на математикѣ. Они находили, что слѣдуетъ отдать этимъ предметамъ предпочтеніе надъ всѣми прочими, потому что, какъ по самому свойству своему, такъ и по выработанной вполнѣ методѣ ихъ преподаванія, помянутые предметы представляютъ незамѣнимое средство къ развитію способностей; что такого взгляда на среднее образованіе всегда держалось русское законодательство и что самый уставъ 1864 года исходилъ изъ него. По мнѣнію восьми членовъ, въ сохраненіи или отмѣнѣ установленнаго уже для реальныхъ училищъ ограниченія относительно поступленія учениковъ ихъ въ университеты—заключается, въ сущности, весь вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ народнаго образованія въ Россіи. Соглашаясь съ заключеніемъ министра народнаго просвѣщенія, они полагали основою общенароднаго университетскаго образованія сохранить исключительно систему классическую и внести въ гимназическій уставъ проектированныя графомъ Толстымъ измѣненія, принявъ къ ближайшему обсужденію и составленный имъ проектъ устава о реальныхъ училищахъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ предъявилъ еще нѣсколько возраженій по частнымъ вопросамъ: объ учрежденіи восьмого класса въ гимназіяхъ, о назначеніи инспекторовъ, о прибавкѣ жалованья преподавателямъ, но прочіе четырнадцать членовъ не согласились съ нимъ и одобрили предложенія графа Толстого.

При разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта и тамъ проявилось то же разногласіе, что̀ и въ особомъ присутствіи, по главному вопросу: должны-ли давать доступъ безъ экзамена въ университеты однѣ только классическія гимназіи или же на ряду съ ними также и реальныя училища? Въ пользу перваго мнѣнія высказалось 19 членовъ, въ пользу второго 29. Съ обѣихъ сторонъ приведены были, за и противъ, тѣ же доводы. Большинство усвоило заключеніе шести членовъ особаго присутствія, меньшинство вполнѣ раздѣлило взгляды министра народнаго просвѣщенія. Въ такомъ видѣ журналъ засѣданія общаго собранія 15-го мая 1871 года представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе. Питая къ графу Толстому неограниченное довѣріе и вполнѣ полагаясь на него, Императоръ Александръ повелѣлъ: исполнить по мнѣнію 19 членовъ.

Согласно такой Высочайшей волѣ, въ гимназическій уставъ внесены слѣдующія измѣненія и дополненія: при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учреждены приготовительные классы для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ; курсъ седьмого класса гимназіи продолженъ на два года, а впослѣдствіи образованъ послѣдній восьмой классъ; исключены изъ гимназическаго курса естественная исторія и космографія, сокращено число уроковъ по Закону Божію, русскому и новѣйшимъ языкамъ, географіи и исторіи, и взамѣнъ увеличено число учебныхъ часовъ, посвященныхъ преподаванію математики и въ особенности латинскаго и греческаго языковъ, уроки которыхъ доведены до 84 часовъ въ недѣлю; воспитаніе и обученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ поставлены въ ближайшую связь привлеченіемъ директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а учителей—къ воспитательной; улучшено матеріальное положеніе учителей увеличеніемъ ихъ содержанія; пансіоны при гимназіяхъ устроены не для однихъ низшихъ четырехъ классовъ, какъ то было по прежнему уставу, а для всѣхъ классовъ вообще, безъ ограниченія ихъ комплекта 80 учениками; облегчены условія для пріобрѣтенія сословіями, обществами и частными лицами права избранія почетныхъ попечителей гимназій и прогимназій съ предоставленіемъ этого права и земствамъ, и возстановлены права, коими почетные попечители пользовались по уставу 1828 года; уничтожено раздѣленіе гимназій и прогимназій на классическія и реальныя, съ тѣмъ, чтобы названіе гимназіи и прогимназіи присвоено было впредь исключительно среднимъ учебнымъ заведеніямъ съ полнымъ классическимъ курсомъ. На всѣ эти преобразованія потребовался дополнительный ежегодный кредитъ въ 94.600 рублей. Утверждая мнѣніе Государственнаго Совѣта, Императоръ Александръ повелѣлъ: не допускать впредь окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ ни въ одинъ изъ факультетовъ университетовъ; не превращать существующихъ классическихъ гимназій въ реальныя училища; составить, на основаніи принятыхъ измѣненій и дополненій, и поднести на Высочайшее утвержденіе новый уставъ, въ которомъ классическія гимназіи и прогимназіи именовать просто гимназіями и прогимназіями и изъ котораго исключить все относящееся до реальныхъ гимназій; а реальныя гимназіи оставить на прежнемъ основаніи, впредь до обсужденія Государственнымъ Совѣтомъ, внесеннаго министромъ народнаго просвѣщенія, проекта устава о реальныхъ училищахъ. Новый уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ получилъ Высочайшее утвержденіе 30-го іюля 1871 года и введенъ въ дѣйствіе съ начала учебнаго 1871—72 года.

Такъ введена въ Россіи остающаяся въ силѣ и понынѣ классическая система средняго образованія, въ основаніе которой положено исключительно изученіе латинскаго и греческаго языковъ. Графъ Толстой считалъ ее существенно отвѣчающею потребностямъ русскаго просвѣщенія и былъ глубоко убѣжденъ въ ея плодотворности для возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня русской молодежи. Повсемѣстное введеніе ея представляло, однако, не мало трудностей. Главное затрудненіе истекало изъ недостатка въ основательно подготовленныхъ преподавателяхъ обоихъ древнихъ языковъ, преимущественно греческаго. Для устраненія его, независимо отъ учрежденія историко-филологическихъ институтовъ и филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, усиленно привлекались въ Россію иностранные преподаватели классическихъ языковъ, въ особенности изъ чеховъ. Выступившіе въ печати горячими сторонниками и защитниками классической реформы, издатели „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ и Леонтьевъ, еще въ 1869 году основали въ Москвѣ образцовое частное учебное заведеніе съ пансіономъ, обнимающее курсъ гимназическій и университетскій, которому, по ихъ ходатайству, Всемилостивѣйше присвоено, въ память почившаго царскаго первенца, названіе „Лицея Цесаревича Николая“ и дарованы обширныя права, между прочимъ, для служащихъ въ немъ лицъ—права государственной службы.

Въ 1872 году Государь утвердилъ уставъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Подобно гимназическому, и этотъ уставъ первоначально выработанъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и затѣмъ разсмотрѣнъ и исправленъ коммиссіею, въ предсѣдательствѣ графа С. Г. Строганова, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: реальныя училища, имѣющія цѣлью до-

ставлять учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній, преобразуются изъ бывшихъ реальныхъ гимназій или учреждаются вновь съ различными учебными курсами, сообразно съ потребностями преобладающей мѣстной промышленности, такъ, чтобы одни изъ этихъ училищъ были агрономическими, другія коммерческими, или техническими съ преобладаніемъ механики, техническими съ преобладаніемъ химіи, горнозаводскими и технолого-агрономическими. Курсъ реальныхъ училищъ продолжается отъ четырехъ до семи лѣтъ и заключаетъ въ себѣ предметы обще-образовательные: математику, отечественный и новѣйшіе языки, исторію и географію, а также и предметы спеціальные; онъ разсчитанъ такъ, чтобы въ реальныя училища возможенъ былъ переходъ изъ училищъ уѣздныхъ или имѣющихъ ихъ замѣнить училищъ городскихъ, а также, чтобы они служили, по возможности, подготовленіемъ къ поступленію въ высшія спеціальныя училища. Реальныя училища, учреждаемыя отъ правительства взамѣнъ реальныхъ гимназій, должны служить образцами, по которымъ могли бы быть учреждаемы подобныя же училища, какъ промышленными классами мѣстныхъ населеній, такъ и вообще земствами, съ пособіемъ отъ казны или безъ онаго. Наконецъ, окончившимъ въ нихъ полный курсъ ученія предоставляется право поступать въ высшія спеціальныя училища только по повѣрочному испытанію, а при поступленіи въ гражданскую службу они сравниваются въ правахъ съ воспитанниками прочихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Вниманіе графа Толстого было обращено и на содѣйствіе, путемъ образованія, дѣлу обрусѣнія западныхъ окраинъ Имперіи. Въ 1865 году, еще въ министерство Головнина, по настоянію генералъ-губернатора Муравьева, въ Сѣверо-Западномъ краѣ упразднено нѣсколько дворянскихъ училищъ и учреждены взамѣнъ: прогимназія въ г. Гомелѣ, 20 двуклассныхъ уѣздныхъ училищъ и 21 одноклассное для обученія дѣтей женскаго пола. Вполнѣ раздѣляя взглядъ Муравьева, что гораздо полезнѣе учреждать въ этомъ краѣ училища для народа, чѣмъ для дѣтей высшихъ сословій, графъ Толстой, вскорѣ по вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, далъ этому взгляду еще болѣе широкое примѣненіе и въ 1868 году, упразднивъ двѣ гимназіи въ Свѣнцянахъ и Новогрудкѣ и прогимназію въ Тельшахъ, замѣнилъ ихъ въ этихъ трехъ городахъ двуклассными уѣздными училищами; Виленскую прогимназію преобразовалъ въ гимназію; изъялъ Слуцкую гимназію изъ управленія виленскаго реформатскаго синода и назначилъ постоянныя ежегодныя пособія по 700 рублей двукласснымъ и по 385 рублей однокласснымъ частнымъ женскимъ училищамъ въ 31 городѣ Сѣверо-Западнаго края.

Въ 1869 году училищная часть въ юго-западныхъ губерніяхъ была преобразована на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ: при управленіи кіевскаго учебнаго округа назначено шесть инспекторовъ народныхъ училищъ; для приготовленія учителей въ народныя училища учреждена учительская семинарія, на подобіе Молодеченской; упразднено пять сословныхъ дворянскихъ училищъ, одно уѣздное и одинъ женскій пансіонъ и взамѣнъ ихъ учреждены: 32 двуклассныхъ мужскихъ и столько же женскихъ училищъ—во всѣхъ городахъ края, женская гимназія въ Кіевѣ и три женскихъ прогимназіи—въ г. Немировѣ и въ мѣстечкахъ Бѣлой Церкви и Златополѣ. Сверхъ того, рѣшено въ одномъ изъ селеній каждой изъ трехъ юго-западныхъ губерній основать по одному двуклассному училищу по примѣру такихъ же городскихъ, но съ двугодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ, съ цѣлью распространенія болѣе основательнаго образованія въ средѣ крестьянскаго населенія и въ частности, для облегченія обществамъ возможности находить способныхъ людей для должностей сельскихъ учителей, волостныхъ писарей, старшинъ, сельскихъ старостъ и т. п. Съ тою же цѣлью основано 126 училищъ одноклассныхъ. Наконецъ, въ распоряженіе попечителя кіевскаго учебнаго округа ассигновано по 30.000 рублей ежегодно для производства изъ этой суммы пособій школамъ, основаннымъ въ деревняхъ и селахъ православнымъ духовенствомъ. Основою всѣхъ этихъ преобразованій служила мысль министра, что въ Западномъ краѣ правительству „сколько по нравственнымъ, столько же и по политическимъ соображеніямъ,

надобно не отвлекать отъ народа лучшія силы, ставя крестьянъ, путемъ гимназическаго образованія, въ несвойственное ихъ рожденію положеніе, а развивать эти силы путемъ приходскихъ и ремесленныхъ школъ, и сохранять ихъ народу для его же нуждъ, и что исключительнымъ талантамъ всегда найдется мѣсто въ существующихъ гимназіяхъ".

Въ концѣ 1861 года учебныя заведенія Царства Польскаго были изъяты изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и для управленія ими образована въ Варшавѣ самостоятельная правительственная коммиссія. Въ періодъ съ 1864 по 1866 годъ, вся учебная часть въ Царствѣ преобразована на началахъ, выработанныхъ Н. А. Милютинымъ, но съ сохраненіемъ еще польскаго языка въ преподаваніи, не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Привислянскаго края. Въ началѣ 1866 года изданы отдѣльные уставы гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и педагогическихъ курсовъ для польскаго и для русскаго населенія. Но въ маѣ слѣдующаго, 1867 года, упразднена польская правительственная коммиссія и возстановленъ Варшавскій учебный округъ, подчиненный, на общемъ основаніи, министерству народнаго просвѣщенія. Въ 1865 году изъ 55 среднихъ учебныхъ заведеній этого округа, въ 20-ти преподаваніе велось уже по всѣмъ предметамъ учебнаго курса на русскомъ языкѣ; изъ остальныхъ же 35, въ 33-хъ происходило на польскомъ и въ 2-хъ на нѣмецкомъ языкѣ, за исключеніемъ, однако, русскаго языка и словесности, а также исторіи и географіи Россіи, которые во всѣхъ этихъ 35 заведеніяхъ читались лицами русскаго происхожденія, на русскомъ языкѣ. Въ февралѣ 1868 года состоялось Высочайшее повелѣніе: во всѣхъ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ вести на русскомъ языкѣ преподаваніе физико-математическихъ и историческихъ предметовъ, а въ двухъ нѣмецкихъ—всеобщей исторіи и географіи. Въ маѣ 1870 года Высочайше повелѣно производить на русскомъ языкѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ учебнаго курсавъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, въ частныхъ же учебныхъ заведеніяхъ того же округа ограничить пока русское преподаваніе предметами физико-математическими и историческими, съ тѣмъ, чтобы, однако, со временемъ, ввести русскій языкъ и въ преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ, предупредивъ о томъ содержателей помянутыхъ заведеній. Мѣсяцъ спустя, вмѣсто прежней главной школы, открытъ въ Варшавѣ русскій Императорскій университетъ и преобразованъ въ русскій—земледѣльческій институтъ въ Новой Александріи. Въ 1871 году введено обязательное обученіе русскому языку во всѣ, безъ исключенія, начальныя училища Варшавскаго округа; въ 1872 году примѣненъ къ классическимъ гимназіямъ этого округа общій гимназическій уставъ; въ 1875 году отмѣнено наименованіе начальныхъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ по вѣроисповѣданіямъ, за исключеніемъ лишь училищъ еврейскихъ.

Заботясь о распространеніи русскаго языка и въ Прибалтійскомъ краѣ, графъ Толстой принялъ нѣсколько мѣръ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Такъ, въ 1867 году, испрошено имъ Высочайшее соизволеніе: на основаніе въ Ригѣ русской мужской гимназіи съ наименованіемъ ея Александровскою; на учрежденіе при каждомъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій дерптскаго учебнаго округа параллельныхъ классовъ русскаго языка; на опредѣленіе учителя русскаго языка въ дерптскую учительскую семинарію; на пересмотръ и исправленіе программъ по русскому языку въ дерптскомъ округѣ; на введеніе въ одной изъ гимназій онаго, въ видѣ опыта, преподаванія всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ; на преобразованіе дерптскаго русскаго однокласснаго начальнаго училища въ двуклассное; на сравненіе содержанія законоучителей православнаго исповѣданія съ таковымъ лицъ, преподающихъ Законъ Божій вѣроисповѣданія лютеранскаго. Въ 1868 году учреждена въ Ригѣ женская русская гимназія, названная Ломоносовскою. Въ 1869 году, въ виду усиленной дѣятельности лютеранскаго духовенства и дворянства въ пользу протестантскихъ народныхъ школъ, 369 православнымъ сельскимъ училищамъ Прибалтійскаго края Всемилостивѣйше назначено въ пособіе 20.000 рублей. Въ 1873 году всѣ эти училища подчинены министерству народнаго просвѣщенія и для завѣдыванія ими учреждены въ дерптскомъ округѣ должности инспекторовъ народныхъ училищъ. Для образованія преподавателей русскаго языка въ гимназіяхъ этого округа

основано шесть стипендій въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ.

Преобразованія, предпринятыя графомъ Толстымъ въ составѣ среднихъ учебныхъ заведеній, не ограничивались заведеніями мужскими, но распространялись и на женскія. Положеніе о послѣднихъ 1860 года пересмотрѣно, и въ 1870 году издано новое, на слѣдующихъ основаніяхъ. Женскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 1-го разряда переименованы въ женскія гимназіи, а 2-го разряда—въ женскія прогимназіи. За ними сохраненъ характеръ учебныхъ заведеній открытыхъ, предназначенныхъ для дѣвицъ всѣхъ сословій и содержаніе ихъ, по прежнему, предоставлено преимущественно мѣстнымъ земствамъ, сословіямъ и обществамъ, при пособіи отъ казны. Срокъ учебнаго времени въ женскихъ гимназіяхъ продолженъ съ шести до семи лѣтъ, въ прогимназіяхъ оставленъ трехлѣтній, но, сверхъ того, при гимназіяхъ учрежденъ еще дополнительный педагогическій курсъ, продолжающійся одинъ годъ. Въ общемъ учебномъ курсѣ сдѣланы измѣненія примѣнительно къ практическимъ потребностямъ женскаго образованія. Въ каждой губерніи, начальнику ея предоставлено учреждать особые комитеты для изысканія средствъ къ поддержанію существующихъ и къ открытію новыхъ женскихъ гимназій и прогимназій. Существенныя измѣненія внесены въ организацію управленія этими заведеніями. Учителямъ, учительницамъ и окончившимъ въ нихъ курсъ предоставлены значительныя права. Преобразованіе женскихъ училищъ вызвало дополнительный расходъ въ 150.000 рублей въ годъ, ассигнованныхъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія изъ средствъ государственнаго казначейства.

Новое положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ введено во всѣхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ дерптскаго, виленскаго и кіевскаго. Въ первомъ изъ нихъ женскія училища оставлены безъ измѣненія; въ двухъ послѣднихъ образованы, по особымъ условіямъ края, чисто правительственныя женскія гимназіи и прогимназіи.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о женскомъ образованіи находился выдвинутый временемъ вопросъ о допущеніи женщинъ на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія. Онъ обсуждался въ Совѣтѣ министровъ, въ Высочайшемъ присутствіи, и 14-го января 1871 года получилъ слѣдующее разрѣшеніе:

„Государь Императоръ, признавъ необходимымъ положительно опредѣлить кругъ полезной для государства и общества служебной дѣятельности лицъ женскаго пола, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и привлеченію на оныя какъ можно болѣе слушательницъ для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой отрасли. 2) Въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшить женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ. 3) Поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ нынѣ уже занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ. 4) Допускать женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятію мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ лишь въ опредѣленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ пропорціи общаго числа этихъ должностей, и б) по счетной части въ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по непосредственному усмотрѣнію Его Высочества, главноуправляющаго симъ отдѣленіемъ. 5) Затѣмъ воспретить пріемъ женщинъ, даже по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ. 6) О семъ объявить всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями къ должному исполненію, производящіяся же по сему предмету дѣла въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ считать конченными“.

Соотвѣтственно реформѣ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, при графѣ Толстомъ преобразованы, въ 1872 году, и низшія, 402 бывшія уѣздныя училища, переименованныя въ городскія, такъ какъ назначеніемъ ихъ было доставить начальное умственное и религіозно-нравственное образованіе дѣтямъ жителей городовъ всѣхъ сословій, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить, насколько возможно, такія прикладныя познанія, которыя соотвѣтствуютъ нуждамъ мѣстнаго городского населенія. Городскія училища раздѣлены на четыре разряда, по числу одного, двухъ, трехъ и четырехъ классовъ. Учебный курсъ ихъ обнималъ: Законъ Божій, русскій и славянскій языки, ариѳметику, практическую геометрію и черченіе, отечественную исторію и географію, свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, пѣніе и гимнастику. Одновременно, въ семи учебныхъ округахъ, за исключеніемъ дерптскаго, варшавскаго и кіевскаго, основано семь закрытыхъ учительскихъ институтовъ для подготовленія въ нихъ учителей въ городскія училища. На городскія училища положено отпускать ежегодно 1.009.500 рублей, а на учительскіе институты 202.000 рублей. Преобразованіе это, по отзыву графа Толстого, „завершило приведеніе нашей училищной системы въ правильное и прочное положеніе, на благо истиннаго просвѣщенія русскаго общества“.

Оставались еще сельскія народныя школы, въ примѣненіи къ коимъ положеніе 1864 года скоро оказалось не удовлетворяющимъ своему назначенію. Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ ихъ, при личномъ обозрѣніи учебныхъ округовъ, въ крайне незначительномъ числѣ и въ самомъ печальномъ состояніи. Главными тому причинами онъ считалъ несоотвѣтственный составъ училищныхъ совѣтовъ, какъ губернскихъ такъ и уѣздныхъ, недостаточную долю участія, отведенную въ нихъ представителямъ учебнаго вѣдомства, изъятіе ихъ изъ непосредственнаго подчиненія попечителямъ учебныхъ округовъ и самому министерству. Чтобы хотя нѣсколько исправить этотъ существенный недостатокъ, въ 1869 году, учреждены въ 34-хъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи, должности инспекторовъ народныхъ училищъ, по одному на каждую губернію. Но число это министръ признавалъ все еще недостаточнымъ, а потому, въ выработанномъ новомъ проектѣ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, предположилъ, для надзора и наблюденія за ними, назначить въ каждой губерніи по одному директору народныхъ училищъ, отдѣливъ эту должность отъ должности директора гимназіи, и по два къ нему помощника, получившихъ званіе инспекторовъ. Новый проектъ вносилъ въ прежнее положеніе многія существенныя перемѣны. Составъ училищныхъ совѣтовъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что, согласно обращенному Государемъ призыву къ дворянству: „стать на стражѣ народной школы“, предсѣдателемъ губернскаго училищнаго совѣта имѣлъ быть впредь, вмѣсто епархіальнаго архіерея, губернскій предводитель дворянства, а уѣзднаго — уѣздный предводитель. Совѣты эти, въ коихъ непремѣнными членами назначены директоры и инспекторы народныхъ училищъ, непосредственно подчинены какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственно-распорядительномъ отношеніяхъ попечителямъ учебныхъ округовъ и чрезъ нихъ—министерству народнаго просвѣщенія. Относительно самыхъ школъ графъ Толстой выражалъ мнѣніе, „что для успѣховъ народнаго образованія выгоднѣе устраивать меньшее число училищъ, но хорошихъ и обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ разводить множество плохихъ училищъ, приносящихъ мало пользы и даже нерѣдко вредныхъ въ томъ отношеніи, что они подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ образованію“. На содержаніе 34 директоровъ, 68 инспекторовъ народныхъ училищъ и канцелярій 34 губернскихъ и 358 уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ опредѣлено отпускать ежегодно по 404.000 рублей. Въ 1876 году число инспекторовъ увеличено на 74, и ассигновано на этотъ предметъ еще по 148.000 рублей въ годъ.

Въ царствованіе Императора Александра II ученымъ учрежденіямъ постоянно оказывалось дѣятельное покровительство; преобразованы штаты и увеличено содержаніе: академіи наукъ, публичной библіотеки, Николаевской Пулковской обсерваторіи, переведеннаго въ Москву Румянцовскаго музея; щедрыя вспомоществованія дарованы археографической коммиссіи и многимъ ученымъ обществамъ, какъ прежде существовавшимъ, такъ и возникшимъ вновь; нѣкоторыя изъ нихъ приня-

ты подъ покровительство членовъ Императорской фамиліи. Съ Высочайшаго соизволенія состоялись ученые съѣзды и международные конгрессы въ столицахъ и другихъ городахъ: естествоиспытателей, археологовъ, статистиковъ, оріенталистовъ и т. п.

Съ 1866 по 1879 годъ, сумма расходовъ министерства народнаго просвѣщенія возросла вслѣдствіе, главнымъ образомъ, размноженія учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ и наименованій, съ 6.769.000 рублей до 16.407.000 рублей. Изъ этой послѣдней суммы расходы административные составляли 762.000 рублей; содержаніе университетовъ — 2.484.000 рублей; гимназій и прогимназій — 5.275.000 рублей; реальныхъ училищъ—1.558.000 рублей; уѣздныхъ училищъ—1.245.400 рублей; приходскихъ и начальныхъ училищъ—229.000 рублей; народныхъ училищъ — 1.507.000 рублей; спеціальныхъ училищъ—1.537.500 рублей; строительные расходы—320.000 рублей; приготовленіе профессоровъ, учителей и командировки—117.000 рублей; пособія заведеніямъ и стипендіи—597.000 рублей; ученыя учрежденія — 602.000 рублей; разные расходы—59.000 рублей.

Какое важное значеніе придавалъ Императоръ Александръ II дѣлу народнаго просвѣщенія видно изъ многочисленныхъ собственноручныхъ отмѣтокъ его на докладѣ коммиссіи, разсматривавшей послѣдній отчетъ графа Толстого по ввѣренному ему министерству за 1879 годъ и заключившей свой докладъ слѣдующими словами: „Отъ нравственнаго и умственнаго направленія грядущаго потомства зависитъ будущее благоденствіе Россіи и для достиженія сей высокой цѣли правительство должно употреблять всѣ возможныя усилія и средства". „Да!" надписалъ Государь на подлинномъ журналѣ коммиссіи противъ этого заключенія.

24-го апрѣля 1880 года графъ Д. А. Толстой уволенъ отъ должности министра и управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія назначенъ статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ.

Не одна русская наука имѣла въ Императорѣ Александрѣ II просвѣщеннаго покровителя. Царственныя щедроты его простирались и на русское искусство во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ. Въ его царствованіе Императорскій Эрмитажъ обогатился новыми цѣнными пріобрѣтеніями; Императорская академія художествъ, во главѣ которой стояли, сначала старшая сестра Государя, Великая Княгиня Марія Николаевна, потомъ второй сынъ его, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, образовала и поощряла рядъ даровитыхъ художниковъ, живописцевъ, ваятелей и зодчихъ. Прикладное искусство, широко распространившееся на Западѣ послѣ первой Лондонской всемірной выставки 1851 года и учрежденія Кенсингтонскаго музея, получило и въ Россіи спеціальные органы для содѣйствія развитію русской художественной производительности: рисовальныя училища и при нихъ музеи, оба въ С.-Петербургѣ, изъ коихъ одно учрежденіе возникло при обществѣ поощренія художествъ, другое — создано на средства, пожертвованныя барономъ А. Л. Штиглицемъ. Широкое распространеніе получило музыкальное образованіе въ Россіи съ учрежденіемъ русскаго музыкальнаго общества, состоявшаго подъ покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны, а по смерти ея—Великаго Князя Константина Николаевича. Освобожденная отъ цензурныхъ стѣсненій, одушевленная общимъ подъемомъ народнаго духа, русская литература разцвѣла въ художественныхъ произведеніяхъ великихъ писателей, Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого, не считая цикла писателей даровитыхъ и своеобразныхъ, хотя и второстепенныхъ, романистовъ и поэтовъ. Изъ числа ихъ нѣкоторые, какъ князь Вяземскій, графъ Алексѣй Толстой, Тютчевъ, были ласково приняты въ Царской семьѣ и образовали близкій кружокъ Императрицы Маріи Александровны; другіе получили за свои литературные труды и заслуги значительныя пенсіи, переходившія на ихъ вдовъ и сиротъ.

Русская повременная печать, можно сказать, народилась при Александрѣ II и очень быстро развилась. До 1855 года политическій отдѣлъ имѣли только четыре ежедневныя газеты: Вѣдомости „С.-Петербургскія" и „Московскія", „Сѣверная Пчела" и „Русскій Инвалидъ". Вскорѣ по воцареніи, Государь разрѣшилъ основаніе новыхъ политико-литературныхъ органовъ, предоставивъ какъ имъ, такъ и прежде существовавшимъ изданіямъ, помѣщать само-

стоятельныя политическія извѣстія и изслѣдованія по вопросамъ юридическимъ и государственнымъ, въ томъ числѣ и по насущному крестьянскому вопросу. Уже въ 1862 году, появились временныя правила о цензурѣ, значительно облегчившія условія, въ которыя была поставлена повременная печать. Съ обнародованіемъ въ 1865 году закона о печати, дарованныя ей льготы еще болѣе расширены: допущено для столицъ изданіе безъ предварительной цензуры газетъ, журналовъ, самостоятельныхъ сочиненій и переводовъ; облегчено открытіе типографій, литографій и т. п. заведеній, а также книжныхъ лавокъ, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія; дозволена продажа въ разнось на улицахъ и площадяхъ всякаго рода произведеній печати и газетъ, отдѣльными номерами; разрѣшено, съ соблюденіемъ лишь самыхъ элементарныхъ условій государственнаго порядка, обсужденіе въ печати отдѣльныхъ законовъ, обнародованныхъ правительственныхъ распоряженій, и даже всей совокупности отечественнаго законодательства. Въ 1863 году всѣхъ повременныхъ изданій въ Россіи выходило и имѣло право выходить въ свѣтъ 195; въ 1880 году число ихъ возросло до 531, то есть увеличилось въ два съ половиною раза.

Въ заключеніе остается упомянуть о вѣдомствѣ, состоявшемъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Монарха и въ которомъ попеченіе о воспитаніи юношества тѣсно связано съ дѣломъ благотворительности. Вѣдомство это носитъ имя Августѣйшей своей основательницы, Императрицы Маріи, супруги Императора Павла, и въ царствованіе Александра II оно включено въ составъ IV отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Во главѣ его, почти за весь этотъ двадцати-шестилѣтній періодъ, стоялъ извѣстный своею благотворительною дѣятельностью, двоюродный братъ Государя, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. При жизни Августѣйшей вдовы Императора Николая I, державный сынъ оставилъ за нею главное попечительство надъ этимъ вѣдомствомъ, послѣ же кончины Императрицы Александры Ѳеодоровны забота эта перешла на царствующую Императрицу. „Проводивъ тѣло незабвенной матери нашей до послѣдняго жилища“, писалъ Государь въ рескриптѣ на имя Августѣйшей Супруги, „мы желаемъ, чтобы оплакивающія ее воспитательныя и благотворительныя заведенія, тридцать два года процвѣтавшія подъ кроткимъ и мудрымъ ея попечительствомъ, не оставались долѣе безъ покровительницы, и для сего поручаемъ ихъ Вашему Величеству, со всѣми правами, принадлежавшими блаженныя памяти Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Мы твердо увѣрены, что непосредственное ваше покровительство будетъ для означенныхъ учрежденій надежнѣйшимъ залогомъ къ дальнѣйшему ихъ преуспѣянію, на пользу Россіи, и что въ попеченіи о постоянно возрастающей семьѣ воспитывающихся и призрѣваемыхъ, вы найдете новую пищу для христіанской вашей дѣятельности и высокую для материнскаго сердца отраду. Любезнѣйшая же родительница наша, изъ горней обители, благословитъ заботы Вашего Величества о заведеніяхъ, кои она столь много и нѣжно любила“.

Положеніе о главномъ управленіи учрежденій Императрицы Маріи издано въ 1860 году, одновременно съ назначеніемъ главноуправляющимъ принца Ольденбургскаго; въ 1862 году обнародованъ уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ, названныхъ женскими гимназіями, и преобразованы патріотическія школы; въ 1864 и 1869 годахъ установленъ новый порядокъ управленія дѣтскими пріютами; въ 1873—74 годахъ главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній слитъ съ бывшими Опекунскими Совѣтами, петербургскимъ и московскимъ, въ одинъ общій Опекунскій Совѣтъ; въ 1880 году, по кончинѣ Государыни Маріи Александровны, главное попечительство надъ вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи Высочайше ввѣрено Цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Какъ быстро и широко разростался кругъ дѣятельности вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи видно изъ сличенія числа подвѣдомственныхъ ему заведеній, воспитательныхъ и благотворительныхъ, въ началѣ царствованія и въ концѣ его. Въ 1853 году заведеній этихъ числилось: женскихъ учебныхъ заведеній: 1-го разряда 22; 2-го—14; 3-го—7 и 4-го—3; институтовъ, училищъ, больницъ и благотворительныхъ заведеній въ завѣдываніи с.-петербургскаго и московскаго Опекунскихъ

Совѣтовъ—34; больницъ и богадѣленъ въ завѣдываніи с.-петербургскаго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія—9; школъ с.-петербургскаго женскаго патріотическаго Общества—15; дѣтскихъ пріютовъ: въ С.-Петербургѣ—19, въ Москвѣ—9, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ—53; школъ московскаго благотворительнаго общества—14; Императорскій Александровскій лицей; 2 коммерческія училища—въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ; Александровская мануфактура; 3 банка—въ Тулѣ, Томскѣ и Иркутскѣ; 4 попечительства о бѣдныхъ съ ихъ отдѣленіями—въ Москвѣ Пензѣ, Кіевѣ и Симбирскѣ; 4 дома трудолюбія; особому управленію ввѣренныя, 2 больницы въ С.-Петербургѣ, 2 больницы въ Москвѣ, и 5 богадѣленъ въ разныхъ городахъ; Общество садоводства съ находящимися при немъ училищемъ и собственною Ея Величества дачею, и 4 частныя благотворительныя учрежденія.

Въ 1878 году числилось по списку: 1) *Благотворительныя заведенія*: Въ С.-Петербургѣ—воспитательный домъ съ учительскою семинаріею, сельскими школами, училищами: женскими, нянь и фельдшерицъ, и съ дѣтскими пріютами въ округахъ, дома и родовспомогательное заведеніе съ Маріинскимъ гинекологическимъ отдѣленіемъ, повивальнымъ институтомъ и школою для сельскихъ повивальныхъ бабокъ; въ Москвѣ—воспитательный домъ съ малолѣтнимъ отдѣленіемъ, учительскою семинаріею и сельскими школами и родовспомогательное заведеніе съ тѣми же при немъ заведеніями, что и петербургское; больницы: въ С.-Петербургѣ—12 и двѣ лѣчебницы, въ Москвѣ—6 и три лѣчебницы; домовъ призрѣнія и богадѣленъ: въ С.-Петербургѣ—7, въ Москвѣ—14, въ губерніяхъ — 9; убѣжищъ и семейныхъ пріютовъ въ Москвѣ—8; дѣтскихъ пріютовъ: въ С.-Петербургѣ—23, не считая пріютовъ въ округахъ воспитательнаго дома, въ Москвѣ—12, въ губерніяхъ—78; благотворительныхъ обществъ: въ С.-Петербургѣ—4, въ Москвѣ—4, въ губерніяхъ—2. 2) *Воспитательно-учебныя заведенія*: мужскія: въ С.-Петербургѣ — Императорскій Александровскій лицей, въ Гатчинѣ—Николаевскій сиротскій институтъ, и сиротскій домъ въ Симферополѣ: женскія: институты—въ С.-Петербургѣ—9, въ Москвѣ—3, въ губерніяхъ—16; гимназіи—въ С.-Петербургѣ—11, въ Москвѣ—5, въ губерніяхъ—15; въ С.-Петербургѣ: женскихъ школъ патріотическаго общества—14, низшихъ женскихъ школъ—5; въ Москвѣ: школъ попечительства о бѣдныхъ—3, школъ благотворительнаго общества—15; въ губерніяхъ: низшихъ женскихъ школъ—11; заведеній для дѣтей обоего пола: въ С.-Петербургѣ—5, въ Москвѣ—13, не считая сельскихъ школъ воспитательнаго дома, въ губерніяхъ—3. Спеціальныя учебныя заведенія: мужскія: въ С.-Петербургѣ: коммерческое училище, учительская семинарія и фельдшерская школа; въ Москвѣ: училища — техническое и коммерческое, учительская семинарія, фельдшерская школа и школа садоводства; женскія: въ С.-Петербургѣ—9, въ Москвѣ—4; училище для глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ. 3) *Разныя учрежденія*: общества: садоводства и политехническое, банки: тульскій и иркутскій со сберегательною кассою при послѣднемъ; с.-петербургская карточная фабрика и при ней школа. Всего 459 учрежденій противъ 208, существовавшихъ въ 1855 году.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императора Александра II по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи основано: 5 больницъ, 12 богадѣленъ, 36 пріютовъ, 2 института, 33 гимназіи, 175 низшихъ училищъ, 1 высшее мужское учебное заведеніе и 5 частныхъ благотворительныхъ обществъ. Въ 1879 году воспитательные дома приняли подъ свой кровъ 21.072 незаконныхъ и 542 законныхъ младенцевъ (болѣе противъ 1854 года—первыхъ на 3.981, послѣднихъ—на 474); въ 1880 году состояло въ призрѣніи этихъ домовъ питомцевъ 62.251 и законныхъ дѣтей 518 (болѣе противъ 1854 года—первыхъ на 12.299, послѣднихъ на 315). Сравнительно съ 1854 годомъ находилось въ 1880 году: въ 22 больницахъ кроватей—6.727, болѣе на 2.943; въ нихъ лѣчилось 69.161 человѣкъ, болѣе на 31.552; больничныя амбулаторіи посѣтило 121.226 лицъ, болѣе на 67.841; въ 38 богадѣльняхъ призрѣвалось 5.731 лицо, болѣе на 2.364, въ томъ числѣ безплатно 3.406; въ 113 дѣтскихъ пріютахъ нашли убѣжище 12.463 дѣтей обоего пола, болѣе на 4.487, въ томъ числѣ 3.559 въ ночлежныхъ сиротскихъ отдѣленіяхъ на полномъ содержа-

ніи отъ заведеній; въ 30 институтахъ воспитывалось 7.566 дѣвицъ, болѣе на 2.066, въ томъ числѣ 2.485 на безплатныхъ вакансіяхъ; въ 31 женской гимназіи, включая педагогическіе курсы и прогимназію, обучались 11.786 ученицъ, въ томъ числѣ 342 пансіонерки; въ 225 низшихъ училищахъ состояло 10.885 учащихся дѣтей обоего пола, болѣе на 8.022; въ 5 мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось 2.275 учениковъ, болѣе на 1.104, въ томъ числѣ 812 на безплатныхъ вакансіяхъ. За время съ 1855 по 1880 годъ воспитывалось въ институтахъ 37.694 дѣвицы, обучалось въ женскихъ гимназіяхъ 41.400, въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ получили образованіе 8.807 юношей.

XX.

Восточный кризисъ.

1875—1877.

Второе десятилѣтіе царствованія Императора Александра Николаевича завершилось среди глубокаго мира. Забота о его поддержаніи была главною причиною, побудившею русскаго Государя вступить въ такъ называемое „соглашеніе трехъ Императоровъ“. Опасность войны или какихъ-либо международныхъ столкновеній, повидимому, исчезла съ политическаго горизонта Европы. Въ это время, небольшая черная точка показалась въ сѣверо-западномъ углу Балканскаго полуострова. Мало-по-малу, она разрослась въ громовую тучу, разразившуюся надъ европейскимъ Востокомъ грозою, которая совершенно видоизмѣнила, какъ его политическую поверхность, такъ и соотношенія великихъ державъ. То было возстаніе, вспыхнувшее лѣтомъ 1875 года въ нѣсколькихъ южныхъ округахъ Герцеговины.

Ближайшимъ поводомъ къ возстанію послужили притѣсненія христіанскаго населенія турецкими сборщиками податей, вызвавшія кровавыя схватки между христіанами и мусульманами. Въ дѣло вмѣшались войска, встрѣтившія неожиданное сопротивленіе. Все мужское населеніе округовъ Невесинскаго, Билечскаго и Гачковскаго ополчилось, оставило свои дома и удалилось въ горы; старики, женщины, дѣти, чтобы избѣжать поголовной рѣзни, искали убѣжища въ сосѣднихъ Черногоріи и Далмаціи. Усилія турецкихъ властей подавить возстаніе въ зародышѣ оказались безуспѣшными. Изъ южной Герцеговины оно скоро перешло въ сѣверную, а оттуда и въ Боснію, христіанскіе жители которой бѣжали въ пограничныя австрійскія области, а тѣ, что остались дома, также вступили съ мусульманами въ отчаянную борьбу.

Первыя извѣстія объ этихъ происшествіяхъ получены были въ Петербургѣ въ половинѣ іюня, вскорѣ по возвращеніи Государя изъ заграничнаго путешествія. По предложенію Петербургскаго кабинета, въ Вѣнѣ установленъ центръ соглашенія (un centre d'entente) трехъ Императорскихъ Дворовъ, съ цѣлью изыскать средства ограничить и прекратить безпорядки или, по меньшей мѣрѣ, не дать имъ разростись настолько, чтобы они могли угрожать всеобщему миру. Условясь относительно общихъ мѣръ, Дворы петербургскій, берлинскій и вѣнскій пригласили и прочія великія державы приступить къ состоявшемуся между ними уговору, дабы вызвать умиротвореніе возставшей турецкой области.

Всѣ великія державы откликнулись на этотъ призывъ и, заручившись согласіемъ Порты, послали въ Герцеговину коммиссію, состоявшую изъ мѣстныхъ ихъ консуловъ, поручивъ имъ вступить въ личныя сношенія съ вожаками возстанія, дѣйствуя, впрочемъ, не коллективно, а въ качествѣ агентовъ дружественныхъ державъ, въ согласіи съ турецкимъ коммиссаромъ. Мѣра эта успѣха не имѣла. Инсургенты отвѣтили консуламъ, что прежде всего должно быть заключено перемиріе и что, не полагаясь на обѣщанія турокъ, они не удовольствуются никакими реформами, если таковыя не будутъ поставлены подъ охрану и ручательство великихъ державъ. Оба эти требованія были отвергнуты Портою.

Между тѣмъ, возбужденіе росло въ сопредѣльныхъ съ возставшими областями странахъ, въ Черногоріи и въ Сербіи, которыя начали поспѣшно вооружаться. Изъ всѣхъ славянскихъ земель, не исключая и Россіи, посылались герцеговинцамъ и боснякамъ щедрыя денежныя пособія отъ

обществъ и частныхъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу ихъ освобожденія. Въ Вѣнѣ и Пештѣ всего болѣе опасались, какъ бы возстаніе не привело къ присоединенію Босніи къ Сербіи, а Герцеговины къ Черногоріи, какъ на то надѣялись въ Бѣлградѣ и въ Цетиньѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ давно питалъ надежду, что, рано или поздно, эти двѣ области послужатъ ему вознагражденіемъ за земельныя и другія утраты, понесенныя его монархіею въ Германіи и Италіи. Изъ боснякovъ и герцеговинцевъ, католическое меньшинство было расположено въ пользу присоединенія къ Австро-Венгріи. Но въ самой Дунайской монархіи общественное мнѣніе не сочувствовало такому пріобрѣтенію, по сю, какъ и по ту сторону Лейты. Пока усилія графа Андраши были направлены къ тому, чтобы, не допуская Босніи и Герцеговины, ни до соединенія съ двумя славянскими княжествами, ни до образованія автономной области, оставить ихъ подъ властью Порты, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ введены были реформы по плану, составленному австро-венгерскимъ министромъ, примѣненіе которыхъ было бы поставлено подъ ручательство великихъ державъ и подъ фактическій контроль вѣнскаго Двора.

Планъ свой графъ Андраши поручилъ австро-венгерскому представителю въ Петербургѣ передать на заключеніе Императорскаго кабинета.

Задача великихъ державъ, — писалъ онъ, — не только ограничить настоящее движеніе, но и, по возможности, предупредить повтореніе подобныхъ столкновеній, исправивъ существующее зло. Теперь настало тому время, послѣ того, какъ, съ одной стороны, сдѣлались извѣстны желаланія инсургентовъ, съ другой—выяснилась невозможность для нихъ достигнуть осуществленія ихъ собственными средствами. Графъ Андраши съ жаромъ возставалъ противъ образованія изъ Босніи и Герцеговины автономной области, подъ властью наслѣдственнаго правителя, еще болѣе—противъ раздѣла ихъ между Сербіею и Черногоріею. По мнѣнію его, нужно стараться уменьшить зло практическими реформами на почвѣ, какъ вещественной, такъ и нравственной. Нужно, чтобы въ этихъ областяхъ христіанская вѣра была поставлена de jure и de facto въ положеніе, равноправное съ Исламомъ. Нужно, кромѣ того, улучшить матеріальное положеніе христіанъ. Турецкое оружіе можетъ потушить пламя возстанія; оно несомнѣнно успѣетъ въ томъ, но прочное умиротвореніе края невозможно безъ соблюденія трехъ условій: 1) полная свобода вѣроисповѣданія для христіанъ; 2) прекращеніе отдачи податей на откупъ; 3) уничтоженіе феодальнаго порядка владѣнія землею, путемъ выкупа. Требовать этого отъ Порты не значитъ еще вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Державы имѣютъ на то право, въ силу постановленій Парижскаго трактата 1856 года. Австро-Венгрія болѣе всѣхъ прочихъ заинтересована въ прекращеніи постоянныхъ смутъ въ ближайшемъ своемъ сосѣдствѣ. О всѣхъ этихъ мѣрахъ графъ Андраши выражалъ желаніе условиться прежде всего съ Россіею, а потомъ и съ прочими великими державами, въ увѣренности, что если между ними будетъ достигнуто полное соглашеніе, то и Порта не отвергнетъ сдѣланныхъ ей отъ имени всей Европы предложеній.

Тѣмъ временемъ, въ Константинополѣ, не безъ страха помышляли объ опасности вмѣшательства великихъ державъ въ отношенія Порты къ христіанскимъ подданнымъ султана и, по совѣту русскаго посла, спѣшили предупредить ее принятіемъ рѣшеній въ томъ же направленіи, но самостоятельныхъ. Султанскіе „ираде“ и „фирманъ“, изданные нѣсколько времени спустя, даровали турецкимъ христіанамъ всевозможныя облегченія въ податяхъ и налогахъ и гражданскую равноправность съ мусульманами.

Взглядъ свой на положеніе дѣлъ на Востокѣ Императорскій кабинетъ выразилъ въ слѣдующемъ сообщеніи, появившемся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“:

„Важныя политическія событія, совершающіяся нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ, застали Россію не одну, а въ союзѣ съ двумя державами, одинаково съ нею одушевленными желаніемъ сохранить и упрочить европейскій миръ. Чуждый какихъ-либо корыстныхъ политическихъ цѣлей, основанный на взаимномъ довѣріи правительствъ и скрѣпленный свиданіемъ трехъ императоровъ, союзъ этотъ является предъ Европою, не рѣшителемъ судебъ ея, а охранителемъ ея свободы и блюстителемъ ея спокой-

ствія. Доступъ въ этотъ союзъ открытъ всѣмъ, ищущимъ мира. Но, участвуя въ этомъ союзѣ, Россія не принесла въ жертву ему того сочувствія, которое питала постоянно къ угнетенному христіанскому населенію Турціи и которое раздѣляла съ нею и, безъ сомнѣнія, раздѣляетъ и теперь, вся христіанская Европа. Жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для христіанъ Турціи, такъ велики, что даютъ Россіи право заявить объ этомъ сочувствіи и нынѣ предъ лицомъ всей Европы. Проникнутый прежними симпатіями къ христіанскому населенію Балканскаго полуострова и сознаніемъ опасности, угрожающей спокойствію Европы, Императорскій кабинетъ, нынѣ, какъ и прежде, при такихъ же обстоятельствахъ, не могъ остаться равнодушнымъ и безучастнымъ зрителемъ событій, совершающихся въ Герцеговинѣ, грозившихъ вовлечь въ неравную борьбу Сербію и Черногорію и возжечь войну, предѣлы которой трудно было предвидѣть. Онъ первый возвысилъ голосъ въ защиту бѣдственнаго населенія Герцеговины, доведеннаго до крайняго положенія непомѣрными налогами, и въ пользу сохраненія мира, столь необходимаго для Европы вообще, и для Турціи, въ особенности. По приглашенію его, правительства союзныхъ державъ, Германіи и Австро-Венгріи, движимыя тѣмъ же желаніемъ предупредить дальнѣйшія замѣшательства въ Турціи, поспѣшили оказать ему содѣйствіе для примиренія Порты съ возставшими подданными. Правительства Франціи, Англіи и Италіи, раздѣлявшія взгляды сѣверныхъ кабинетовъ на опасное для европейскаго мира положеніе дѣлъ въ Турціи, присоединили свои старанія для достиженія предположенной цѣли. Миролюбивые совѣты, преподанные Портѣ представителями державъ въ Константинополѣ, имѣли первымъ послѣдствіемъ — посылку въ Герцеговину консульской коммиссіи, долженствовавшей содѣйствовать примиренію инсургентовъ съ правительствомъ, а вторымъ — свободное и невынужденное обнародованіе его величествомъ султаномъ „ираде“, дарующаго христіанскимъ подданнымъ его значительныя облегченія въ налогахъ, равноправность съ мусульманами въ судахъ и лучшее административное устройство. Никто, конечно, не сомнѣвается въ искренности желанія его величества султана улучшить настоящее бѣдственное положеніе христіанскихъ подданныхъ его. Правительства всѣхъ великихъ державъ отнеслись сочувственно къ новому „ираде“, какъ несомнѣнному доказательству постоянной заботливости султана о благѣ этихъ подданныхъ. Но примѣры недавняго прошлаго, ясно указывающіе на то, что подобныя же сочувственныя христіанамъ заявленія воли султана оставались безслѣдными и что тѣ, сравнительно, ничтожныя права, которыми пользуются христіане нѣкоторыхъ мѣстностей Турціи, были даны имъ вынужденно, вслѣдствіе настоящей европейской дипломатіи, даютъ поводъ общественному мнѣнію Европы относиться къ новому султанскому „ираде“ не съ тѣмъ довѣріемъ, котораго онъ заслуживалъ бы, какъ выраженіе сочувствія его величества къ бѣдственному положенію христіанскихъ подданныхъ его. Довѣріе же сихъ послѣднихъ къ подобнымъ правительственнымъ актамъ поколеблено до того, что Портѣ трудно будетъ возстановить его вдругъ, безъ дружественнаго содѣйствія европейскихъ кабинетовъ. Въ этомъ содѣйствіи кабинеты, безъ сомнѣнія, не откажутъ Портѣ. Въ свою очередь, и Порта не преминетъ дать этимъ кабинетамъ осязательное доказательство твердой и непреложной рѣшимости своей выполнить точно нынѣшнія торжественныя обязательства относительно христіанъ и этимъ положить конецъ ненормальному положенію, внушающему столько опасеній Европѣ. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что бѣдственный порядокъ вещей, продолжавшійся доселѣ въ Турціи въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы, долженъ будетъ прекратиться“.

Рѣшеніе султана непосредственными уступками попытаться примирить съ Портою ея возставшихъ христіанскихъ подданныхъ, не доводя дѣла до вмѣшательства великихъ державъ, было приписано русскому вліянію и возбудило большое неудовольствіе въ Вѣнѣ. Дальнѣйшіе переговоры скоро выяснили, однако, что Императоръ Александръ не желаетъ отдѣляться въ восточныхъ дѣлахъ отъ своихъ союзниковъ и вполнѣ одобряетъ проектъ реформы, предложенный графомъ Андраши для Босніи и Герцеговины. Въ этомъ смыслѣ состоя-

лось второе правительственное сообщеніе отъ 4-го ноября такого содержанія:

„Обнаружившіяся въ нѣкоторой части европейской печати опасенія по поводу настоящихъ смутъ въ Герцеговинѣ, не оправдываются, ни общимъ политическимъ положеніемъ Европы, ни исключительнымъ состояніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Никогда еще Европа не находилась въ положеніи, болѣе благопріятномъ, чѣмъ теперь, для успѣшнаго и мирнаго устраненія всякихъ недоразумѣній, вліяющихъ на ея спокойствіе. Три сильныя державы Сѣвера стремятся соединенными усиліями, при содѣйствіи другихъ европейскихъ правительствъ, пріискать мирное разрѣшеніе затрудненій, возникшихъ въ Герцеговинѣ, и никто не можетъ помышлять о томъ, чтобы нарушить миръ и выступить наперекоръ общимъ миролюбивымъ стремленіямъ. Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать вновь, что какъ бы ни были прискорбны замѣшательства, нынѣ возникшія на Балканскомъ полуостровѣ и нарушившія спокойствіе Европы, соединенныя усилія трехъ державъ, съ содѣйствіемъ другихъ европейскихъ кабинетовъ, дадутъ этимъ замѣшательствамъ исходъ, соотвѣтствующій настоящему миролюбивому настроенію, и что, во всякомъ случаѣ, миръ Европы покоится такъ твердо на взаимномъ довѣріи и согласіи великихъ державъ, что въ нарушеніи его не предвидится никакой опасности".

18-го декабря графъ Андраши разослалъ всѣмъ великимъ державамъ, предварительно одобренный въ Петербургѣ, свой проектъ реформъ, введеніе которыхъ въ Босніи и Герцеговинѣ онъ считалъ единственнымъ средствомъ къ скорому и прочному умиротворенію этихъ областей. Сводились онѣ къ слѣдующимъ пяти статьямъ: 1) полная свобода вѣроисповѣданія; 2) уничтоженіе отдачи податей на откупъ; 3) употребленіе на мѣстныя нужды доходовъ областей; 4) учрежденіе смѣшанной коммиссіи изъ христіанъ и мусульманъ для наблюденія за исполненіемъ преобразованій, какъ тѣхъ, что̀ потребованы державами, такъ и дарованныхъ непосредственно Портою; 5) улучшеніе аграрнаго положенія сельскаго населенія. Султанъ приглашался подтвердить, въ оффиціальномъ сообщеніи державамъ, намѣренія свои, занесенныя въ „ираде" и „фирманъ" по отношенію ко всей Оттоманской Имперіи и въ частности, принять вышеизложенныя пять статей для примѣненія ихъ къ двумъ возставшимъ областямъ. „Этимъ способомъ", заключалъ австро-венгерскій министръ свою депешу, „христіане хотя и не получатъ ручательствъ въ той формѣ, которой они, повидимому, добиваются, но все же они найдутъ нѣкоторое обезпеченіе въ томъ, что необходимость реформъ будетъ признана державами и что Порта обяжется предъ оными привести ихъ въ исполненіе".

Требованія, заключавшіяся въ депешѣ графа Андраши, были поддержаны въ Константинополѣ представителями всѣхъ великихъ державъ, не исключая и Англіи, и, уступая ихъ давленію, Порта выразила готовность сообразоваться съ ихъ совѣтами. Оставалось получить отъ инсургентовъ обѣщаніе, что они удовлетворятся осуществленіемъ предположенныхъ въ Вѣнѣ преобразованій и положатъ оружіе. Вступить съ ними въ переговоры по этому предмету поручено, съ общаго согласія державъ, австрійскому намѣстнику въ Далмаціи, генералу барону Родичу.

Въ Петербургѣ были довольны такимъ оборотомъ дѣла, и, повидимому, не сомнѣвались въ успѣхѣ примирительной миссіи, возложенной на австрійскаго генерала. Русскій Дворъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ прочихъ державъ, чтобы настойчиво совѣтовать въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ не выходить изъ предѣловъ умѣренности и не перечить усиліямъ Европы водворить миръ и порядокъ въ возставшихъ областяхъ. Агентамъ нашимъ въ Сербіи и въ Черногоріи предписано было заявить князьямъ Милану и Николаю, что собственный интересъ ихъ требуетъ, чтобы они вліяніе свое на христіанъ Босніи и Герцеговины употребили для убѣжденія ихъ въ необходимости исполнить волю великихъ державъ, съ предупрежденіемъ, что, въ противномъ случаѣ, Россія не станетъ защищать ни Сербіи, ни Черногоріи, отъ могущей возникнуть для нихъ самихъ опасности. Однако, на жалобы сентъ-джемскаго Двора, что русскіе дипломатическіе представители въ этихъ странахъ открыто заявляютъ о своемъ сочувствіи возстанію и оказываютъ ему матеріальную поддержку, распредѣляя посту-

пающія къ нимъ отъ славянскихъ комитетовъ пожертвованія въ пособіе выходцамъ изъ возставшихъ областей, и что такое поведеніе ихъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ увѣреніями Императорскаго кабинета, государственный канцлеръ отвѣчалъ, что политика русскаго Двора ясна, какъ день, и не можетъ быть заподозрѣна ни въ чемъ, но что онъ не въ правѣ вмѣнить въ вину проявленіе человѣколюбія нашимъ консуламъ, которые вліяніемъ своимъ на князей сербскаго и черногорскаго не мало способствовали воздержанію ихъ отъ вмѣшательства въ дѣло возстанія. Со своей стороны, посолъ нашъ въ Константинополѣ, пользуясь личнымъ вліяніемъ своимъ на султана Абдулъ-Азиса и на верховнаго визиря Махмуда-пашу, не переставалъ внушать имъ, что простѣйшимъ средствомъ положить конецъ возстанію въ Герцеговинѣ было бы доставить удовлетвореніе князю Черногорскому уступкою ему нѣкоторыхъ пограничныхъ округовъ и гавани на Адріатическомъ морѣ. Когда слухъ о такихъ единоличныхъ попыткахъ генералъ-адъютанта Игнатьева воздѣйствовать на Порту помимо своихъ сотоварищей, пословъ прочихъ великихъ державъ, достигъ до Вѣны, то возбудилъ большую тревогу въ тамошнихъ дипломатическихъ кругахъ, тѣмъ болѣе, что вѣнскій Дворъ вовсе не былъ расположенъ благопріятствовать какому-либо земельному расширенію Черногоріи, а и того менѣе—открытію ей свободнаго доступа къ морю.

Потребовалось не мало времени, чтобы устранить всѣ препятствія къ предположенному съѣзду барона Родича съ вожаками возстанія. Онъ состоялся не ранѣе весны 1876 года, послѣ того, какъ Порта издала амнистію и согласилась на заключеніе перемирія съ инсургентами на двѣнадцать дней. Герцеговинскіе главари, прибывшіе въ Сутторину на свиданіе съ австрійскимъ генераломъ, объявили ему, что они не положатъ оружія иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) треть земель въ Герцеговинѣ будетъ предоставлена христіанамъ въ собственность; 2) турецкія войска навсегда очистятъ эту область, за исключеніемъ шести городовъ, въ которыхъ останутся турецкіе гарнизоны; 3) Порта обяжется выстроить вновь всѣ разрушенные церкви и дома, въ продолженіе года снабдить христіанъ продовольствіемъ, доставить имъ домашнюю утварь и нужныя земледѣльческія орудія и на три года освободить ихъ отъ платежа всякихъ налоговъ и податей; 4) христіане до тѣхъ поръ не положатъ оружія, пока не будутъ обезоружены всѣ мусульмане и не введутся всѣ обѣщанныя реформы и улучшенія; 5) по возвращеніи выходцевъ будутъ немедленно введены, при участіи ихъ главарей, обѣщанныя Портою преобразованія, на основаніи проекта графа Андраши; 6) распоряженіе средствами края должно быть поставлено подъ контроль европейской коммиссіи, которая будетъ наблюдать, чтобы они дѣйствительно были употреблены на возстановленіе церквей и домовъ, на пріобрѣтеніе домашней утвари и сельскохозяйственныхъ орудій, на снабженіе запасныхъ магазиновъ всѣмъ потребнымъ для возвращающихся выходцевъ продовольствіемъ; 7) правительства русское и австрійское назначатъ постоянныхъ агентовъ во всѣ шесть мѣстъ Герцеговины, гдѣ останутся турецкіе гарнизоны, для наблюденія за точнымъ исполненіемъ реформъ. Подобныя же притязанія предъявили и боснійскіе инсургенты. Порта наотрѣзъ отказалась принять ихъ въ соображеніе. и назначенный главнокомандующимъ ея военными силами въ возставшихъ областяхъ Мухтаръ-паша тотчасъ возобновилъ военныя дѣйствія противъ христіанъ.

Западно-европейскіе кабинеты признали притязанія инсургентовъ чрезмѣрными и не подлежащими удовлетворенію. Не таково было мнѣніе князя Горчакова. Русскій канцлеръ находилъ, что, предъявивъ свои требованія, главари Босніи и Герцеговины тѣмъ самымъ доказали, что подъ извѣстными условіями они готовы положить оружіе. Кромѣ того, всѣ выраженныя ими желанія ни мало не противорѣчатъ предложеніямъ графа Андраши. Они не стремятся къ полному освобожденію изъ подъ власти Порты и не добиваются земельнаго распаденія Оттоманской имперіи. Цѣль ихъ—получить ручательство въ точномъ исполненіи Портою принятыхъ на себя обязательствъ. Князь Горчаковъ выразилъ сожалѣніе, что условія инсургентовъ не были приняты во вниманіе, такъ какъ, по его убѣжденію, они могли

бы послужить основаніемъ къ соглашенію. Вину за разрывъ онъ возлагалъ на Порту, которая приказала Мухтару-пашѣ возобновить военныя дѣйствія. „Теперь", говорилъ онъ, „слово остается за пушками, и надо выждать дней десять результата боя". Вмѣстѣ съ тѣмъ, канцлеръ выражалъ представителямъ иностранныхъ державъ твердое намѣреніе поддержать соглашеніе, установившееся между ними и русскимъ Дворомъ. Россія, — свидѣтельствовалъ онъ,—не преслѣдуетъ своекорыстной политики; она не хочетъ матеріальныхъ пріобрѣтеній. Все, чего она желаетъ— это соблюденія мира въ Европѣ и улучшенія положенія турецкихъ христіанъ.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ получено было извѣстіе изъ Константинополя, что султанъ страшно раздраженъ противъ Черногоріи и что Порта замышляетъ нападеніе на нее съ двухъ сторонъ: изъ Герцеговины и Албаніи, съ тѣмъ, чтобы подавить возстаніе въ корнѣ. Князь Горчаковъ тотчасъ же поручилъ генералъ-адъютанту Игнатьеву энергично протестовать противъ такого рѣшенія и предупредить Порту, что подобный необдуманный шагъ можетъ повести къ разрушенію Оттоманской имперіи. 10-го апрѣля, собравъ у себя представителей великихъ державъ, канцлеръ, именемъ Императора, просилъ ихъ правительства поддержать въ Константинополѣ представленія русскаго посла. При этомъ случаѣ князь очень строго отозвался о дѣйствіяхъ Порты, которая до сихъ поръ не исполнила ни одного изъ своихъ обѣщаній Нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ Порта, въ обращеніи къ великимъ державамъ, заявила, что не намѣрена нападать на Черногорію и приписывала, напротивъ, Черногорскому князю намѣреніе вторгнуться въ турецкіе предѣлы, русскій канцлеръ повѣдалъ англійскому послу, что, по его глубокому убѣжденію, Порта никогда не выполнитъ обязательствъ, принятыхъ ею предъ Европою относительно улучшенія участи ея христіанскихъ подданныхъ, потому что она безсильна сдѣлать это. На замѣчаніе лорда Августа Лофтуса, что незачѣмъ было и требовать отъ нея того, что она не въ состояніи исполнить, князь Александръ Михайловичъ возразилъ: „Это правда; но когда ей были предъявлены наши требованія, мы думали, что Порта располагаетъ бо́льшими средствами, имѣетъ болѣе жизненности, что она не столь немощна, какъ оказалось съ тѣхъ поръ". Не смотря на это, канцлеръ все еще думалъ, что депеша графа Андраши могла быть согласована съ притязаніями, выраженными инсургентами, которымъ, по мнѣнію его, слѣдовало бы вступить въ прямые переговоры съ турецкими властями, помимо посредничества державъ. Но когда послы турецкій и англійскій обратились къ нему съ просьбой сдѣлать князю Черногорскому внушеніе, чтобы удержать его отъ вмѣшательства въ борьбу герцеговинскихъ христіанъ съ турками, канцлеръ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Выслушавъ сообщеніе турецкаго дипломата, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Кабули-пашѣ: „То, что вы мнѣ прочитали—романъ, а я хочу исторіи", и присовокупилъ, что оставитъ это сообщеніе безъ отвѣта; лорду же Августу Лофтусу сказалъ, что, въ виду неисполненія Портою обѣщаній и угрожающаго положенія, принятаго ею на границахъ Черногоріи, онъ не только не считаетъ себя въ правѣ произвести какое-либо давленіе на князя Николая, но и не можетъ поручиться за то, что послѣдній не будетъ вынужденъ обстоятельствами перейти къ дѣйствію. По мнѣнію канцлера, державамъ надлежало произвести общее давленіе на Порту, чтобы та, не медля долѣе, рѣшилась на уступки, которыя удовлетворили бы инсургентовъ и возстановили бы миръ въ возставшихъ областяхъ. И теперь, — заявилъ князь Горчаковъ, — какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ выставляетъ противъ Турціи начало невмѣшательства и самъ будетъ твердо его держаться. А потому, если усилія европейскихъ державъ вызвать примиреніе Порты съ инсургентами останутся безплодными, то онъ, хотя и не предприметъ ничего, чтобы возбудить Сербію и Черногорію къ дѣйствію, но и не станетъ ихъ долѣе удерживать. Тогда,—разсуждалъ князь, — возстаніе, безъ всякаго сомнѣнія, приметъ несравненно обширнѣйшіе размѣры и пламя его распространится на Болгарію, Эпиръ, Ѳессалію, Албанію, такое пламя, потушить которое не будетъ въ состояніи Порта съ ея истощенными средствами, и долгъ человѣколюбія, поддержанный общественнымъ мнѣ-

ніемъ, вынудитъ великія державы Европы выступить посредницами, чтобы остановить пролитіе крови.

Мысли эти были высказаны княземъ Горчаковымъ за недѣлю до отъѣзда Императора Александра за границу. По случаю проѣзда его чрезъ Берлинъ, туда, по приглашенію князя Бисмарка, отправился графъ Андраши для личнаго совѣщанія съ нѣмецкимъ канцлеромъ и съ русскимъ, который долженъ былъ сопровождать Государя. Выѣхавъ изъ Петербурга 27-го апрѣля, Его Величество прибылъ въ германскую столицу 29-го, и провелъ тамъ три дня, въ продолженіе которыхъ, между руководящими министрами Россіи, Германіи и Австро-Венгріи установилось по восточнымъ дѣламъ полное соглашеніе. Выраженіемъ ему служила декларація трехъ Императорскихъ Дворовъ, извѣстная подъ названіемъ „берлинскаго меморандума".

Исходною точкою этого акта были тревожныя вѣсти, полученныя изъ разныхъ городовъ Турціи о возраставшемъ возбужденіи мусульманскаго населенія, какъ въ Константинополѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Солунѣ, гдѣ разъяренная толпа мусульманъ умертвила германскаго и французскаго консуловъ. Три союзные Двора настаивали на необходимости общаго соглашенія великихъ державъ относительно отправленія военныхъ судовъ въ турецкія воды для огражденія безопасности, какъ своихъ подданныхъ въ Турціи, такъ и мѣстныхъ христіанъ, и вообще, для поддержанія спокойствія и порядка вооруженною рукою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Но, заявляли они, цѣль эта не можетъ быть достигнута вполнѣ, пока не будетъ устранена первоначальная причина всѣхъ этихъ волненій—умиротвореніемъ Босніи и Герцеговины. Напомнивъ о безуспѣшности всѣхъ усилій державъ побудить къ тому Порту, союзные Дворы выражали опасеніе, какъ бы возбужденіе національныхъ и религіозныхъ страстей не привело ко всеобщему возстанію христіанъ Балканскаго полуострова, желаніе предотвратить которое и вызвало посредничество державъ. Средствомъ къ тому Императорскіе Дворы признавали совокупное давленіе державъ на Порту, чтобы заставить ее исполнить, наконецъ, обязательства, принятыя на себя предъ Европой. Первое требованіе, которое слѣдовало предъявить ей „со всею энергіею, приличествующею общему голосу великихъ державъ", есть требованіе двухмѣсячнаго перемирія. Въ этотъ срокъ державы будутъ имѣть возможность повліять на инсургентовъ и на выходцевъ, чтобы вселить въ нихъ довѣріе къ бдительной попечительности Европы; на оба сосѣднія княжества, чтобы побудить ихъ не препятствовать этой примирительной попыткѣ, наконецъ, и на Оттоманское правительство, чтобы понудить его исполнить свои обѣщанія. Такъ подготовилось бы соглашеніе между христіанами Босніи и Герцеговины и Портою, путемъ прямыхъ переговоровъ, на основаніи желаній, выраженныхъ инсургентами, а именно: 1) выходцамъ, возвратившимся на родину, даны будутъ матеріалы для возстановленія разрушенныхъ церквей и домовъ и обезпечено продовольствіе до тѣхъ поръ, пока они получатъ возможность существовать плодами трудовъ своихъ; 2) распредѣленіе этихъ пособій будетъ производиться турецкимъ коммиссаромъ по соглашенію со смѣшанною коммиссіею изъ христіанъ и мусульманъ, составленною изъ выборныхъ лицъ обоихъ исповѣданій подъ предсѣдательствомъ христіанина, для наблюденія за введеніемъ реформъ и ихъ исполненіемъ на дѣлѣ; 3) для устраненія всякихъ столкновеній, турецкія войска будутъ сосредоточены въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ пунктахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока умы не успокоятся; 4) христіане сохранятъ оружіе, также, какъ и мусульмане; 5) консулы или делегаты державъ будутъ наблюдать за введеніемъ реформы вообще и, въ частности, за условіями возвращенія и водворенія выходцевъ. Въ случаѣ, однако, если бы всѣ эти мѣры не состоялись или не увѣнчались успѣхомъ, три Императорскіе Двора выражали убѣжденіе въ настоятельной необходимости „поставить ихъ дипломатическое дѣйствіе подъ охрану соглашенія, въ виду дѣйствительныхъ мѣръ, вызванныхъ заботою о поддержаніи всеобщаго мира, дабы остановить зло и воспрепятствовать его развитію".

Берлинскій меморандумъ былъ сообщенъ представителямъ въ Берлинѣ Англіи, Франціи и Италіи, съ выраженіемъ надежды трехъ Императорскихъ Дворовъ, что державы эти не откажутся приступить къ состоявшемуся между ними соглашенію и поддер-

жатъ въ Константинополѣ требованія, предъявленныя къ Портѣ. Въ тотъ же день, Императоръ Александръ выѣхалъ въ Эмсъ, куда послѣдовалъ за нимъ и князь Горчаковъ и гдѣ Его Величество оставался до 1-го іюня. Въ эти пять недѣль на Балканскомъ полуостровѣ произошелъ цѣлый рядъ событій, имѣвшихъ чрезвычайно важныя послѣдствія.

Франція и Италія примкнули къ соглашенію трехъ Императорскихъ Дворовъ и выразили готовность поддержать требованія, изложенныя въ берлинскомъ меморандумѣ; Англія отказалась послѣдовать этому примѣру. Напрасно послы русскій, германскій и австрійскій пытались убѣдить министра иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи, что единодушіе всѣхъ великихъ державъ—необходимое условіе успѣха ихъ воздѣйствія на Порту; напрасно въ этомъ смыслѣ высказались и представители въ Лондонѣ Франціи и Италіи. Лордъ Дерби стоялъ на томъ, что берлинскій меморандумъ не можетъ быть одобренъ правительствомъ ея британскаго величества.

Между тѣмъ, кровавый переворотъ произошелъ въ Константинополѣ. Ежедневно возраставшее возбужденіе мусульманъ привело сначала къ министерской перемѣнѣ,—смѣненъ былъ великій визирь Махмудъ-паша,—а затѣмъ, не безъ соучастія новыхъ министровъ, принадлежавшихъ къ партіи молодой Турціи,—и къ низложенію и умерщвленію султана Абдулъ-Азиса и къ провозглашенію султаномъ племянника его, Мурада V, который вскорѣ былъ, въ свою очередь низложенъ и замѣненъ на оттоманскомъ престолѣ братомъ своимъ, Абдулъ-Гамидомъ. Оба султана объявили при воцареніи амнистію возставшимъ своимъ подданнымъ и обѣщали ввести въ Турціи представительную конституцію по западному образцу. Но тогда же обнаружилась возмутительная жестокость, съ которою турки подавили попытку возстанія болгаръ въ окрестностяхъ Филиппополя. Дознаніемъ, произведеннымъ на мѣстѣ секретаремъ великобританскаго посольства, установлено, что, подъ предлогомъ усмиренія, мусульмане совершили надъ болгарами рядъ неслыханныхъ злодѣйствъ: участники возстанія преданы лютой казни; не пощажены ни старики, ни женщины, ни дѣти; дома и имущество болгаръ разграблены, церкви разрушены, цѣлыя селенія сожжены. Число жертвъ въ одномъ Филиппопольскомъ санджакѣ превышало 12.000.

Вопль негодованія пронесся по всей Европѣ и сильнѣе всего откликнулся въ Англіи. Общественное мнѣніе этой страны было глубоко возмущено турецкими звѣрствами, отвѣтственность за которыя падала до извѣстной степени и на потворствовавшее туркамъ правительство королевы. Вождь партіи виговъ, Гладстонъ, заклеймилъ виновниковъ болгарскихъ убійствъ и грабежей въ страстномъ воззваніи къ чувствамъ справедливости и человѣколюбія старой Англіи и всего образованнаго міра. Въ брошюрѣ, озаглавленной: „Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ“, онъ настаивалъ на совершенномъ изъятіи изъ турецкаго управленія Болгаріи, Босніи и Герцеговины; полное освобожденіе этихъ областей изъ подъ мусульманскаго ига составляетъ существенное удовлетвореніе, которое можно еще дать памяти груды убіенныхъ, поруганной и посрамленной цивилизаціи. Подъ впечатлѣніемъ возбужденія, вызваннаго въ Англіи воззваніемъ Гладстона, предсѣдательствуемый лордомъ Биконсфильдомъ сентъ-джемскій кабинетъ потребовалъ отъ Порты строгаго наказанія властей, руководившихъ усмиреніемъ болгарскаго возстанія, настаивая на необходимости немедленно ввести во всей Оттоманской имперіи возвѣщенныя Портою коренныя реформы.

Въ виду всѣхъ этихъ событій, опереженный ими берлинскій меморандумъ вовсе не былъ сообщенъ турецкому правительству. Желая воспользоваться негодованіемъ противъ турокъ, проявлявшимся во всѣхъ слояхъ англійскаго общества, князь Горчаковъ счелъ своевременнымъ возобновить переговоры о соглашеніи съ Англіею по Восточному вопросу. Изъ Эмса онъ написалъ русскому послу въ Лондонѣ депешу, въ которой повторилъ увѣреніе, что Россія не имѣетъ въ виду ничего иного, какъ положить конецъ смутамъ на Балканскомъ полуостровѣ и предупредить въ Турціи всеобщее столкновеніе. „Также какъ и г. Дизраели“, писалъ онъ, „мы не вѣримъ въ безконечное продолженіе ненормальнаго порядка вещей, представляемаго Оттоманскою имперіею. Но ничто еще не готово для того, чтобы замѣнить его, и внезапное его нарушеніе рисковало бы потрясти Востокъ и Европу. Вотъ почему желательно поддер-

жать политическое status quo дѣйствительнымъ улучшеніемъ участи христіанскаго населенія, каковое улучшеніе мы всегда считали, считаемъ и теперь, необходимымъ условіемъ существованія Оттоманской имперіи". Канцлеръ перечислялъ всѣ свои усилія, чтобы достигнуть этого результата общимъ и дружнымъ давленіемъ христіанскихъ державъ на Порту и выражалъ сожалѣніе объ отказѣ Англіи приступить къ берлинскому меморандуму и отсутствію единодушія въ европейскихъ кабинетахъ приписывалъ происшедшій на Востокѣ взрывъ. „Нынѣ", продолжалъ онъ, „предъ нами—новое положеніе, которое трудно еще опредѣлить. Въ сущности, совершившаяся въ Константинополѣ перемѣна не представляется намъ измѣняющею въ главныхъ чертахъ задачу, присущую Европѣ. Мы находимъ, что и теперь, какъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ, нѣтъ повода желать, чтобы на Востокѣ наступилъ окончательный кризисъ, такъ какъ обстоятельства недостаточно созрѣли еще для такого рѣшенія. Съ другой стороны, Европа не можетъ оставаться безучастною къ этимъ важнымъ событіямъ, которыя слишкомъ близко касаются ея, ни позволить имъ идти своимъ естественнымъ ходомъ. Ей остается лишь возобновить свои миротворныя усилія. Если лондонскій кабинетъ имѣетъ въ виду средства, пригодныя къ достиженію этой цѣли, либо на предложенныхъ уже основаніяхъ, либо путемъ болѣе коренныхъ рѣшеній, не вызывая, однако, всеобщаго столкновенія, мы готовы принять всякую мысль, сообщенную намъ съ искреннимъ желаніемъ соглашенія".

Еще ранѣе полученія въ Лондонѣ этой депеши, графъ Шуваловъ выразилъ лорду Дерби сожалѣніе о томъ недовѣріи, съ которымъ привыкли относиться въ Англіи къ намѣреніямъ русскаго правительства, прибавивъ, что прошлое Императора Александра должно было бы служить достаточнымъ ручательствомъ его миролюбія. Англійскій министръ отвѣчалъ, что никто и не сомнѣвается въ желаніи русскаго Государя поддержать миръ; что всѣмъ хорошо извѣстно, что Его Величество по принципу является противникомъ воинственной политики, но къ несчастью, слова и поступки русскихъ агентовъ на Востокѣ не всегда соотвѣтствуютъ личнымъ взглядамъ Императора и ни для кого не тайна—всеобщее сочувствіе, питаемое въ Россіи къ восточнымъ христіанамъ. На вопросъ русскаго посла: чего хочетъ, къ какой цѣли стремится англійская политика, лордъ Дерби объяснилъ, что переговоры, которые все еще ведутъ инсургенты съ Портою, приведутъ къ одному изъ двухъ результатовъ: или къ соглашенію, которое сдѣластъ ненужнымъ вмѣшательство державъ, или къ окончательному разрыву, который министръ признавалъ болѣе вѣроятнымъ. Но и въ этомъ случаѣ, по мнѣнію его, вмѣшательство державъ можетъ быть дѣйствительнымъ лишь подъ условіемъ принятія противъ Турціи понудительныхъ мѣръ, а на нихъ не согласится великобританское правительство. Инсургенты—продолжалъ лордъ—сражаются не ради административныхъ реформъ, а изъ-за независимости или автономіи, а Порта, хотя и согласна на реформы, болѣе или менѣе пространныя, но, конечно, не дастъ инсургентамъ автономіи иначе, какъ по принужденію. Такимъ образомъ, обоюдныя притязанія несогласуемы по существу и едва-ли, поэтому, обѣ стороны могутъ придти къ соглашенію. Державамъ, заключилъ лордъ Дерби, не остается ничего иного, какъ выждать исхода борьбы. Если туркамъ не удастся усмирить возстаніе, то, быть можетъ, султанъ и согласится признать Боснію и Герцеговину автономными областями, даровавъ имъ устройство, сходное съ тѣмъ, что̀ существуетъ въ Сербіи или Румыніи; а если, наоборотъ, потерпятъ пораженіе инсургенты, то они, въ свою очередь, выкажутъ бо́льшую податливость и примутъ организацію, сходную съ тою, что́ была дарована критянамъ послѣ возстанія 1866—67 годовъ; во всякомъ случаѣ, недалеко то время, когда державы могутъ вмѣшаться въ дѣло съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, но оно еще не наступило.

Ознакомившись съ этимъ взглядомъ англійскаго министра, князь Горчаковъ поручилъ графу Шувалову передать ему свои возраженія. Императоръ Александръ, сообщалъ канцлеръ, узналъ съ удовольствіемъ, что правительство королевы раздѣляетъ его мнѣніе объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на великія державы положеніемъ дѣлъ на Востокѣ. Его Величество увѣренъ, что не трудно европейскимъ кабинетамъ придти къ соглашенію относительно общихъ мѣръ къ удовлетворитель-

ному разрѣшенію существующихъ усложненій. Государь радъ былъ ознакомиться со взглядами сентъ-джемскаго Двора и повелѣлъ князю Горчакову отвѣчать на нихъ съ полною откровенностью. Съ русской точки зрѣнія, всякое столкновеніе христіанъ съ мусульманами затрогиваетъ честь христіанскихъ державъ и не позволяетъ имъ относиться къ нему безучастно. Поэтому, русскій Дворъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ лордомъ Дерби, что имъ слѣдуетъ уклониться отъ вмѣшательства, пока борьба инсургентовъ съ турками не приведетъ къ какому-либо исходу. С.-Петербургскій кабинетъ придерживается какъ разъ противуположнаго взгляда, находя, что державы обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы предупредить фанатическую истребительную войну, въ видахъ, какъ общаго человѣколюбія, такъ и частныхъ своихъ интересовъ. Послѣдствія такой войны были бы неисчислимы. Они погубили бы и побѣдителей, и побѣжденныхъ, и задушили бы въ зародышѣ будущее благосостояніе края, отъ водворенія въ которомъ гражданственности Европа могла бы только выиграть. Съ этою цѣлью, объяснялъ князь Горчаковъ, Россія старалась вызвать соглашеніе всѣхъ великихъ державъ. Наперекоръ возрастающему стремленію каждой изъ нихъ придерживаться начала невмѣшательства, русскій Дворъ полагалъ, что долго еще придется Европѣ проводить свое вліяніе на Востокѣ съ цѣлью умѣрять приходящія въ столкновеніе страсти и направлять мѣстныя населенія по пути мирнаго порядка и преуспѣянія. Задача эта недостижима, если только заинтересованныя правительства не примутся дружно за ея разрѣшеніе. Что же касается до мѣръ, вызываемыхъ настоящими обстоятельствами, то канцлеръ соглашался съ лордомъ Дерби, что лучшими изъ нихъ будутъ тѣ, которыя окажутся наиболѣе практичными, а потому русскій Дворъ склонялся въ пользу основанія вассальныхъ и платящихъ дань Портѣ автономныхъ христіанскихъ княжествъ. Такое разрѣшеніе вопроса не измѣнитъ политическаго и территоріальнаго status quo Турціи, а только облегчитъ бремя, истощающее нынѣ ея финансовыя средства. Планъ, на который недавно изъявила свое согласіе Россія, косвенно клонился къ той же цѣли, но, можетъ быть, лучше было бы установить яснѣе основное начало. Этотъ исходъ былъ бы, по мнѣнію князя Горчакова, еще полнѣе, если бы Порта уступила Черногоріи гавань на морѣ и нѣсколько сопредѣльныхъ съ нею округовъ въ Герцеговинѣ, а Сербіи отдала Малый Зворникъ. Такимъ образомъ, оба эти княжества были бы заинтересованы въ поддержаніи мирныхъ отношеній къ Турціи и создалось бы удовлетворительное положеніе для всѣхъ. Державамъ осталось бы только обезпечить его соблюденіе съ обѣихъ сторонъ. Русское правительство не намѣрено производить давленія на Порту, но если бы вышеизложенные виды были поддержаны всѣми державами и въ особенности Англіею, то и Россія поддержала бы ихъ. Всякіе иные компромиссы русскій канцлеръ признавалъ недостаточными. Онъ опасался, какъ бы организація, подобная той, что̀ введена на островѣ Критѣ, не была признана инсургентами Босніи и Герцеговины неудовлетворительною, а если турки одолѣютъ христіанъ, то они не согласятся и на такую уступку. Тогда неизбѣжнымъ явилось бы европейское вмѣшательство, чтобы не допустить поголовнаго истребленія христіанъ. Не лучше-ли прибѣгнуть къ нему нынѣ же, не доводя дѣла до такой крайности? Пора обсудить этотъ вопросъ. Русскій Дворъ, хотя и не питаетъ слишкомъ много довѣрія къ молодому султану, находящемуся подъ вліяніемъ окружающей его среды, но считаетъ его намѣренія добрыми и готовъ дать ему время, нужное для ихъ осуществленія. Россія согласна отложить на неопредѣленное время всякое совокупное дѣйствіе, но не хочетъ связывать себя обѣщаніемъ воздержаться отъ вмѣшательства каждыя три или четыре недѣли. Отъ державъ будетъ зависѣть опредѣлить время общаго дѣйствія, какъ только выяснится предъ ними программа новаго турецкаго правительства, а до тѣхъ поръ онѣ поступятъ благоразумно, воспользовавшись промежуткомъ времени, чтобы придти между собою къ полному соглашенію.

Таковы были русскія предложенія, сообщенныя одновременно въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Цѣлью дипломатическаго вмѣшательства Европы князь Горчаковъ ставилъ постепенное образованіе изъ христіанскихъ областей Оттоманской имперіи

вассальныхъ, но автономныхъ княжествъ, съ номинальнымъ лишь подчиненіемъ власти султана. Противъ такого рѣшенія возсталъ графъ Андраши. Онъ рѣшительно отвергалъ автономію, въ особенности, въ примѣненіи къ Босніи и Герцеговинѣ, утверждая, что она привела бы не къ замиренію этихъ областей, а къ увѣковѣченію въ нихъ борьбы между мусульманами и христіанами. Андраши полагалъ, что лучше предоставить событіямъ выяснить положеніе, прежде чѣмъ выступать съ новымъ дипломатическимъ посредничествомъ, которое не можетъ имѣть успѣха и только скомпрометируетъ будущую политику державъ.

На вызовъ князя Горчакова не замедлилъ дать отвѣтъ лордъ Дерби. Правительство королевы, сообщалъ онъ въ нотѣ русскому послу, не можетъ присоединиться къ мнѣнію, что возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ вызвано притѣсненіями турокъ. Христіанское населеніе этихъ областей борется не изъ-за реформъ, а изъза независимости, и никакія частныя улучшенія ихъ не удовлетворятъ. Лондонскій кабинетъ не думаетъ также, чтобы иностранныя правительства могли выработать планъ реформъ, пригодныхъ для турецкихъ областей. Такой планъ можетъ быть составленъ только въ общихъ выраженіяхъ и при примѣненіи къ дѣлу непремѣнно окажется несостоятельнымъ. Англія готова была бы содѣйствовать примиренію Порты съ Черногоріей и съ Сербіей, даже цѣною нѣкоторыхъ уступокъ послѣднимъ, но нельзя совѣтовать султану эти уступки въ такое время, когда вполнѣ выяснилось намѣреніе обоихъ княжествъ объявить Турціи войну. Быть можетъ, не поздно еще предостеречь ихъ отъ опасныхъ для нихъ послѣдствій неравной борьбы, въ особенности русскому правительству, вліяніе котораго такъ сильно въ Бѣлградѣ и въ Цетинье. Лордъ Дерби выражалъ убѣжденіе, что если такое предостереженіе послѣдуетъ въ тонѣ, не допускающемъ никакихъ сомнѣній, то дѣло умиротворенія совершится просто и легко. Въ этомъ направленіи великобританское правительство готово дѣйствовать въ тѣсномъ согласіи съ русскимъ Дворомъ.

Начатый въ Эмсѣ обмѣнъ мыслей съ Дворами Лондонскимъ и Вѣнскимъ продолжался и въ Югенгеймѣ, куда Императоръ Александръ прибылъ въ половинѣ іюня и гдѣ посѣтилъ его императоръ Вильгельмъ, проведшій съ нимъ и три послѣдніе дня пребыванія его въ Эмсѣ. 20-го іюня пришло извѣстіе объ объявленіи войны Турціи Сербіею и Черногоріею. Сербское войско, подъ главнымъ начальствомъ генерала Черняева, вторглось въ турецкіе предѣлы одновременно съ трехъ сторонъ, а князь Николай ввелъ своихъ черногорцевъ въ южную Герцеговину.

25-го іюня Государь выѣхалъ изъ Югенгейма и, проведя вечеръ въ Веймарѣ, на другое утро, встрѣченный въ Эгерѣ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ замокъ Рейхштадтъ, въ Богеміи. Тамъ, между обоими монархами, которыхъ сопровождали ихъ министры иностранныхъ дѣлъ, состоялось совѣщаніе, обнимавшее политическіе вопросы настоящаго и будущаго. Съ общаго согласія рѣшено было въ войнѣ, вспыхнувшей между Черногоріей и Сербіей съ Турціей, строго придерживаться начала невмѣшательства до той минуты, пока перевѣсъ не окажется въ пользу одной изъ воюющихъ сторонъ и тогда, сообща согласовать результаты войны съ интересами обѣихъ имперій. Въ случаѣ пораженія Сербіи и Черногоріи, условлено не допускать до измѣненія отношеній двухъ княжествъ къ Портѣ, ни посягательства послѣдней на ихъ земельную цѣлость; въ случаѣ же ихъ военныхъ успѣховъ, императоръ Францъ-Іосифъ заявилъ, что огражденіе жизненныхъ интересовъ его монархіи не позволитъ ему согласиться на образованіе за Дунаемъ единаго и сплоченнаго государства, славянскаго или иного, и что всякое измѣненіе территоріальнаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ вынудитъ его потребовать земельнаго вознагражденія въ пользу Австро-Венгріи, въ Босніи и въ части Герцеговины. Императоръ Александръ не оспаривалъ этого притязанія и съ своей стороны выразилъ намѣреніе предъявить права Россіи на участокъ Бессарабіи, прилегающій къ Дунаю и отторгнутый отъ нея по парижскому договору 1856 года. Оба Государя обмѣнялись обѣщаніемъ дѣйствовать въ восточныхъ дѣлахъ не иначе, какъ по предварительному уговору другъ съ другомъ во всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не исключая и окончательнаго распаденія Оттоманской имперіи. Въ послѣднемъ слу-

чаѣ предположено изъ Болгаріи, Албаніи и остальной части Румеліи образовать автономныя княжества; Ѳессалію и островъ Критъ присоединить къ Греціи, Константинополь же съ ближайшимъ его округомъ объявить вольнымъ городомъ. Отобѣдавъ въ Рейхштадтѣ, Императоръ Александръ въ три часа пополудни отправился въ дальнѣйшій путь. Императоръ Францъ-Іосифъ провожалъ своего Августѣйшаго гостя до пограничнаго города Боденбаха, въ Саксоніи. 28-го іюня Государь былъ уже въ Петергофѣ.

Въ Россіи, съ самаго начала возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, общественное мнѣніе высказалось въ пользу возставшихъ. Славянскіе благотворительные комитеты въ Нетербургѣ и въ Москвѣ собирали обильныя приношенія и доставляли ихъ на мѣсто чрезъ своихъ агентовъ. Независимо отъ денежной помощи, они организовали помощь врачебную для раненыхъ и больныхъ инсургентовъ, снабжали выходцевъ, удалившихся въ сопредѣльныя славянскія области Черногоріи, Сербіи и Австро-Венгріи, пищею и одеждою. По мѣрѣ того, какъ разросталось возстаніе, росло и сочувствіе русскаго общества къ братьямъ-славянамъ, жертвамъ турецкой жестокости. Когда же сербы и черногорцы вступили въ борьбу съ Турціею, провозгласивъ цѣлью ея освобожденіе всѣхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Балканскаго полуострова отъ многовѣковаго мусульманскаго ига, всеобщее одушевленіе охватило всю Россію. Всѣ сословія, званія и состоянія, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, соревновали въ щедрыхъ пожертвованіяхъ. Хотя министерство внутреннихъ дѣлъ и сдѣлало распоряженіе о воспрещеніи земствамъ удѣлять въ помощь южнымъ славянамъ земскія суммы, за то сборы въ ихъ пользу производились въ церквахъ, по благословенію духовнаго начальства, путемъ подписокъ, постановленій чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ о вычетѣ на обще-славянское дѣло извѣстнаго процента изъ получаемаго ими содержанія. Всѣ эти приношенія стекались въ общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, принявшее на себя доставленіе и раздачу ихъ по принадлежности, или прямо въ канцелярію Императрицы Маріи Александровны, Августѣйшей попечительницы общества. Русскій Красный Крестъ первый снарядилъ и отправилъ въ Черногорію и Сербію санитарные отряды, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Примѣру его не замедлили послѣдовать Петербургъ, Москва, бо́льшая часть провинціальныхъ городовъ. При отправленіи на театръ военныхъ дѣйствій врачей, сестеръ милосердія, происходили торжественные проводы, служились молебны о ниспосланіи побѣды славянскому оружію, съ провозглашеніемъ многолѣтія архистратигамъ славянскихъ силъ, произносились пламенныя рѣчи, совершались возліянія, провозглашались здравицы. Газеты и журналы громили и клеймили на своихъ столбцахъ варваровъ-турокъ и пѣли хвалебные гимны вождямъ и воинамъ христіанской рати, пророча первымъ пораженіе и гибель, обѣщая вторымъ — скорую и полную побѣду и одолѣніе противника. Наконецъ, толпы добровольцевъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ простыхъ солдатъ, офицеровъ и даже генераловъ, покинувшихъ службу, стремились въ Сербію и Черногорію, чтобы стать въ ряды бойцовъ за славянское дѣло.

Общественное движеніе было такъ сильно, до того проникло во всѣ слои и круги, не исключая и высшихъ, до самаго подножія Престола, что немногіе благоразумные голоса раздавались втунѣ, никѣмъ не услышанные. Такъ, маститый ветеранъ русской мысли и слова, князь П. А. Вяземскій, занесъ въ письмо къ близкому свойственнику предостереженія, оказавшіяся пророческими: „Все, что дѣлается по Восточному вопросу“, писалъ онъ, „настоящій и головоломный кошмаръ. Правительства не видать и не слыхать; а на сценѣ * и ** съ компаніею. Они распоряжаются судьбами Россіи и Европы. Если правительство съ ними, то дѣлается слишкомъ мало; если не съ ними—то черезчуръ много. Тутъ нѣтъ ни политическаго достоинства, ни политической добросовѣстности, нѣтъ и благоразумія. Всѣ плотины прорваны и потокъ бушуетъ и разливается на всѣ стороны: многое затопитъ онъ. Правительства не должны увлекаться сентиментальными упоеніями: они должны держаться принциповъ. Безъ принциповъ, правительство играетъ въ жмурки, да я и не вѣрю въ глубину и сознательность нынѣшняго народнаго движенія... Народъ не можетъ желать войны, а по не-

досмотрительности своей ведетъ къ войнѣ. Война теперь можетъ быть для насъ не только вредъ, но и гибель. Она можетъ наткнуться на государственное банкротство. У насъ, какъ у французовъ, нѣтъ въ жилетномъ карманѣ милліардовъ, не говоря уже о другихъ худыхъ послѣдствіяхъ войны... Видѣть Россію въ рукахъ * и ** и страшно, и грустно. За ними не видать правительства. Qui ne dit mot—consent. Слѣдовательно, правительство молча потакаетъ этой политической неурядицѣ и горько можетъ поплатиться за нее... Хороши и сербы! Россія стряхнула съ себя татарское иго, а послѣ наполеоновское, руками своими, а не хныкала и не попрошайничала помощи отъ сосѣдовъ. Неужели мы своими боками, кровью своею, можетъ быть, будущимъ благоденствіемъ своимъ должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали? Сербы—сербами, а русскіе—русскими. Въ томъ-то и главная погрѣшность, главное недоразумѣніе наше, что мы считаемъ себя болѣе славянами, нежели русскими. Русская кровь у насъ на заднемъ планѣ, а впереди—славянолюбіе. Единовѣрчество тутъ ничего не значитъ. Французы тоже единовѣрцы съ поляками. А что говорили мы, когда французы вступались за мятежныхъ поляковъ? Религіозная война хуже всякой войны и есть аномалія, анахронизмъ въ наше время. Турки не виноваты, что Богъ создалъ ихъ магометанами, а отъ нихъ требуютъ христіанскихъ, евангельскихъ добродѣтелей. Это нелѣпо. Высылайте ихъ изъ Европы, если можете, или окрестите ихъ, если умѣете; если нѣтъ, то оставьте ихъ и Восточный вопросъ въ покоѣ, до поры и до времени. Восточный вопросъ очень легокъ на подъемъ, и мы любимъ подымать его; но не умѣемъ поставить на ноги и давать ему правильный ходъ. Когда Наполеонъ III поднялъ итальянскій вопросъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ поднялъ и двухсоттысячную армію и въ три недѣли побилъ и разгромилъ Австрію. А мы дразнимъ и раздражаемъ, и совершенно безсовѣстно, Турцію, *, **, и санитарными отправленіями, при барабанномъ боѣ, шампанскомъ и разныхъ крикахъ, чуть ли не въ присядку, съ бубнами и ложками. Все это недостойно величія Россіи... Много виновато и общество покровительства раненыхъ. Изъ христіанскаго и евангельскаго подвига сдѣлали они machine de guerre. Крестъ Спасителя обратили въ пушку и стрѣляютъ изъ креста. Все это неправильно, недобросовѣстно, просто нечестно. И изъ чего подымаютъ всю эту тревогу, весь этотъ гвалтъ? Изъ чего такъ разнуздали и печать, и шайки разныхъ проходимцевъ?.. Изъ чего, того и смотри, загорится вся Европа и распространится всеобщая война? Ужели думаютъ, что Россія окрѣпнетъ силою возстановленныхъ славянскихъ племенъ? Нисколько, а напротивъ. Мы этимъ только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательство и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги. „Il est grand, il est beau de faire des ingrats!“ Это говоритъ поэзія, а политика не то говоритъ. Лучше для насъ имѣть сбоку слабую Турцію, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную демократическую Славянію, которая будетъ насъ опасаться, но любить насъ не будетъ. И когда были намъ въ пользу славяне? Россія для нихъ—дойная корова, и только. А всѣ сочувствія ихъ уклоняются къ Западу. А мы даемъ себя доить до крови... Сохраните письмо мое... Хочу, чтобы потомство удостовѣрилось, что въ „пьяной“ Россіи раздавались кое-какіе трезвые голоса“.

Тотчасъ по возвращеніи въ столицу, Императоръ Александръ совершилъ, въ первыхъ числахъ іюля, съ Августѣйшею супругою и дѣтьми, поѣздку въ Финляндію и затѣмъ принималъ въ Петергофѣ царственныхъ гостей: короля и королеву датскихъ, короля и королеву эллиновъ, принца и принцессу пьемонтскихъ. Обычный лагерный сборъ въ Красномъ Селѣ ознаменованъ слѣдующимъ, памятнымъ для гвардіи, происшествіемъ. 30-го іюля, послѣ общаго односторонняго маневра, за которымъ Государь, вся царская семья и августѣйшіе гости наблюдали съ высотъ Павловской слободы, Его Величество, подойдя къ лейбъ-гвардіи Павловскому полку, напомнилъ, что ровно 50 лѣтъ тому назадъ, онъ, въ этотъ самый день, еще семилѣтнимъ ребенкомъ, былъ поставленъ незабвеннымъ родителемъ во фронтъ этого полка, коего назначенъ шефомъ, и объявилъ, что теперь онъ, такимъ же образомъ, ставитъ во фронтъ Павловскаго полка своего старшаго семилѣтняго внука. Съ этими словами, взявъ за руку Великаго Князя Николая Александровича, бывшаго въ мундирѣ Павловскаго полка, Государь

поставилъ его во фронтъ роты Его Величества, причемъ самъ скомандовалъ ротѣ „на караулъ! "Полкъ отвѣчалъ дружнымъ и громкимъ „ура!" Послѣ этого Императоръ пригласилъ Павловскихъ офицеровъ въ царскій шатеръ и провозгласилъ тостъ въ честь полка, на который полковой командиръ отвѣчалъ тостомъ за здоровье Августѣйшаго шефа. Красносельскіе маневры завершились Высочайшимъ смотромъ, по окончаніи котораго, Государь, собравъ вокругъ себя офицеровъ, сказалъ имъ, что ему дорога честь Россіи, что усиліямъ его удалось доселѣ сохранить миръ, что самъ онъ желаетъ мира, но,—прибавилъ онъ,—если задѣта будетъ честь страны, то онъ полагается на вѣрную и храбрую свою армію. Царскія слова встрѣчены съ необычайнымъ одушевленіемъ.

Сильное впечатлѣніе произвели на чувствительное сердце Императора Александра подробности о возмутительномъ звѣрствѣ, съ которымъ подавили турки зарождавшееся возстаніе въ Болгаріи. Тогда же рѣшилъ онъ потребовать отъ Порты для болгаръ тѣхъ же правъ, что были уже потребованы въ пользу босняковъ и герцеговинцевъ. Заявляя о томъ великобританскому послу, князь Горчаковъ выразилъ надежду, что вся англійская нація исполнится негодованія противъ турокъ и станетъ на сторону христіанъ. Хотя первые успѣхи сербовъ скоро смѣнились пораженіями и сербскія войска уже были вынуждены отступить внутрь границъ княжества, но русскій канцлеръ, повидимому, питалъ еще надежду на успѣшный исходъ борьбы ихъ съ Турціей, замѣчая, что они обладаютъ большою оборонительною силою и что побѣды, одержанныя черногорцами, до извѣстной степени возмѣщаютъ сербскія неудачи. Князь Горчаковъ не терялъ изъ виду европейскаго вмѣшательства въ дѣло. По словамъ его, Россія не возьметъ на себя почина, но охотно присоединится къ предложенію другихъ державъ, созвать конференцію, когда настанетъ для того время, на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: что мѣстомъ конференціи не будетъ столица ни одной изъ великихъ державъ и что засѣдать въ ней будутъ министры иностранныхъ дѣлъ, которые властны принимать самостоятельныя рѣшенія, не ожидая инструкцій отъ своихъ правительствъ. Предложить конференцію должна Англія. Что же касается до Австро-Венгріи, то канцлеръ утверждалъ, что по вопросу объ умиротвореніи Востока онъ достигъ полнаго согласія съ графомъ Андраши по всѣмъ пунктамъ и на всѣ случайности. Тогда же Государь говорилъ австрійскому послу: „Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, мы должны держаться другъ за друга".

Вѣнскій Дворъ хотя и выражалъ желаніе дѣйствовать въ согласіи съ Россіей, но въ дѣйствительности, взгляды его на положеніе дѣлъ на Востокѣ въ значительной степени расходились съ воззрѣніями русскаго Двора. У насъ радовались тому, что Австро-Венгрія не только не препятствовала, но какъ бы покровительствовала возстанію въ сопредѣльныхъ съ нею турецкихъ областяхъ, выражала сочувствіе къ страданіямъ христіанъ, призрѣвала тѣхъ изъ нихъ, что искали убѣжища въ ея предѣлахъ, но вовсе не принимали въ соображеніе сопротивленіе ея всякому предложенію, клонившемуся къ дарованію Босніи и Герцеговинѣ политической автономіи, не говоря уже о раздѣлѣ ихъ между Сербіею и Черногоріею. Вмѣняли ей въ заслугу и то, что Австро-Венгрія не воспротивилась объявленію обоими славянскими княжествами войны Турціи. Дѣйствительно, одного ея слова было бы достаточно, чтобы сдѣлать эту войну невозможною. Но вѣнскій Дворъ принялъ всѣ мѣры, дабы исходъ войны не обратился ему въ ущербъ. Противъ Бѣлграда поставлены были на Дунаѣ два австрійскіе монитора, а въ Хорватіи и Банатѣ сосредоточенъ цѣлый корпусъ подъ начальствомъ генерала графа Сапари. Въ то же время графъ Андраши объявилъ князю Черногорскому, что онъ долженъ тщательно воздерживаться отъ всякихъ движеній, которыя затронули бы интересы австро-венгерской монархіи, правительство которой предоставляетъ себѣ, во всякомъ случаѣ, рѣшающее слово въ опредѣленіи результатовъ войны; если одолѣютъ черногорцы, то оно не допуститъ никакого территоріальнаго измѣненія, противнаго собственнымъ его видамъ, а если побѣда останется за турками, то ему же придется защищать Черногорію отъ чрезмѣрныхъ притязаній Порты. Дѣло въ томъ, что въ Вѣнѣ и въ Пештѣ предвидѣли неизбѣжный, бѣдственный для славянъ исходъ борьбы съ превосходными силами турокъ.

Разсчетъ вѣнскаго Двора не замедлилъ

оправдаться. Сербы съ величайшимъ трудомъ отбивались отъ турокъ, наступавшихъ со стороны Тимока, Моравы и Дрины, когда князь Миланъ, отчаявшись въ успѣхѣ, 12-го августа собралъ у себя представителей шести великихъ державъ и воззвалъ къ ихъ посредничеству для прекращенія, какъ выразился онъ, „безцѣльнаго кровопролитія“.

Всѣ державы изъявили согласіе на его просьбу, къ которой приступилъ вскорѣ и князь Черногорскій. Англія взяла на себя выступить въ Константинополѣ съ предложеніемъ перемирія.

Въ половинѣ августа, Императрица Марія Александровна съ младшими сыновьями и дочерью, герцогинею Эдинбургскою, отправилась въ Ливадію, а Государь, въ сопровожденіи Наслѣдника, поѣхалъ туда же чрезъ Варшаву, гдѣ пробылъ недѣлю. Тамъ принялъ онъ прусскаго фельдмаршала Мантейфеля, привезшаго ему собственноручное письмо отъ императора германскаго, писавшаго, что Германія никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ ей въ 1866 и въ 1870 годахъ русскимъ Государемъ, который поэтому и можетъ вполнѣ на нее положиться. Въ Ливадію Императоръ прибылъ за два дня до своихъ именинъ, 28-го августа. Въ свитѣ его находились государственный канцлеръ и военный министръ.

Между кабинетами великихъ державъ шли дѣятельные переговоры объ условіяхъ мира, которыя онѣ собирались сообща предъявить Портѣ. Сентъ-джемскій Дворъ опредѣлилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: status quo въ Сербіи и Черногоріи; административныя реформы, въ смыслѣ мѣстной автономіи, для Босніи и Герцеговины; подобныя же гарантіи противъ злоупотребленій въ Болгаріи. Ознакомясь съ этими основаніями, князь Горчаковъ выразилъ мнѣніе, что прежде всего нужно перемиріе. Первый долгъ державъ, говорилъ онъ, прекратить кровопролитіе, и русское правительство твердо рѣшилось настоять на этомъ, въ надеждѣ, что прочіе кабинеты не вынудятъ его дѣйствовать одиноко. Интересы Имперіи и выраженія общественнаго мнѣнія одинаково побуждаютъ его положить конецъ ужасамъ, причиненнымъ возстаніемъ и войною. Что же касается до англійскихъ основаній мира, то канцлеръ одобрилъ ихъ, дополнивъ лишь требованіемъ земельнаго приращенія въ пользу Черногоріи, а также выраженіемъ убѣжденія, что ихъ недостаточно совѣтовать Портѣ, а должно принудить ее къ ихъ принятію. Достоинство Европы,—заключилъ князь Горчаковъ,—не позволяетъ ей довольствоваться обѣщаніями, отъ исполненія коихъ Порта постоянно уклоняется.

Франція и Италія безусловно приняли англійскую программу, но графъ Андраши приступилъ къ ней не прежде чѣмъ лордъ Дерби успокоилъ его на счетъ значенія слова „автономія“ въ примѣненіи къ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, разъяснивъ, что подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать автономію, чисто мѣстную и административную, а отнюдь не политическую, равносильную образованію изъ этихъ областей вассальныхъ княжествъ. Германское правительство заявило, что хотя Германія и не заинтересована прямо въ восточныхъ дѣлахъ, но, желая содѣйствовать соглашенію по нимъ двухъ, равно ей дружественныхъ, союзныхъ державъ, Россіи и Австро-Венгріи, а также дорожа единомыслiемъ съ прочими державами, и въ особенности съ Англіею, она приступаетъ къ общей программѣ, которая, сама по себѣ, отвѣчаетъ и собственнымъ ея интересамъ.

Десятидневное перемиріе, на которое согласилась Порта, съ 4-го по 15-е сентября, истекло, однако, безъ того, чтобы всѣ заинтересованныя стороны пришли къ соглашенію о мирѣ. Турецкое правительство, отвѣчая на запросъ Англіи, предъявило условія мира до того неумѣренныя, что всѣ державы признали ихъ незаслуживающими даже разсмотрѣнія. Пока между кабинетами продолжались переговоры о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, русскій Дворъ выступилъ съ новымъ предложеніемъ. Генералъ-адъютантъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, 14-го сентября, привезъ въ Вѣну собственноручное письмо Императора Александра къ императору Францу-Іосифу, въ которомъ, въ виду проявленнаго турками упорства, предлагалось принять относительно Порты, съ цѣлью заставить ее исполнить требованія державъ, слѣдующія понудительныя мѣры: занятіе Босніи австро-венгерскими, а Болгаріи—русскими войсками и вступленіе въ Босфоръ эскадръ всѣхъ великихъ державъ. То же предложеніе сообщилъ, въ тотъ же день, лорду Дерби графъ Шуваловъ. Князь Горчаковъ

высказывалъ мнѣніе, что мѣры эти несомнѣнно приведутъ къ желанной цѣли: сломятъ упрямство Порты, прекратятъ войну и обезпечатъ участь восточныхъ христіанъ.

Вѣнскій Дворъ отклонилъ предложеніе совмѣстнаго занятія Босніи австрійскими и Болгаріи русскими войсками, по той причинѣ, что вопросъ о водвореніи австро-венгерскаго господства въ „тыльныхъ“ областяхъ монархіи не представлялся ему еще достаточно созрѣвшимъ, но сочувственно отнесся къ морской демонстраціи предъ Константинополемъ. На послѣднюю, однако, не согласился лондонскій кабинетъ. Тогда князь Горчаковъ предложилъ всѣмъ великимъ державамъ, чтобы прекратить кровопролитіе, потребовать отъ воюющихъ сторонъ немедленной пріостановки военныхъ дѣйствій и заключенія перемирія на шесть недѣль, съ цѣлью дать державамъ возможность условиться, между тѣмъ, объ окончательномъ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Сентъ-джемскій кабинетъ снова взялся передать это требованіе Портѣ, которая отвѣчала, что согласна на перемиріе, но не на шесть недѣль, а на шесть мѣсяцевъ, то-есть, до весны.

Такая податливость Турціи не удовлетворила князя Горчакова. Онъ отвергъ полугодовое перемиріе, объявивъ, что не станетъ совѣтовать Сербіи и Черногоріи принять его, находя, что обоимъ княжествамъ нельзя такъ долго оставаться въ неизвѣстности и что столь продолжительный срокъ перемирія крайне неблагопріятно отразится на финансовомъ и торговомъ положеніи Европы. Искренности Порты канцлеръ довѣрялъ тѣмъ менѣе, что, принимая перемиріе, она отклонила англійскія условія мира и проектъ созванія конференціи, а взамѣнъ реформъ, потребованныхъ въ пользу возставшихъ областей, султанъ даровалъ представительную конституцію всей имперіи. Такое выраженіе недовѣрія къ Европѣ можетъ ли быть принято ею, спрашивалъ князь Горчаковъ, и присовокуплялъ: Россія не приметъ его ни въ какомъ случаѣ. Никто больше ея не желаетъ обще-европейскаго соглашенія, въ интересахъ человѣколюбія и гражданственности. Она не преслѣдуетъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей; но существуютъ предѣлы, перейти за которые нельзя, безъ ущерба для чести и достоинства. Русскій Дворъ, — заключилъ канцлеръ, — отдаетъ свое поведеніе на судъ исторіи.

Въ Англіи такая настойчивость князя Горчакова показалась подозрительною. Лордъ Дерби повѣдалъ графу Шувалову, что, со времени заявленія о занятіи Болгаріи русскими войсками, въ общественномъ мнѣніи Великобританіи снова возродилось опасеніе, не посягаетъ ли Россія на цѣлость Турціи, не стремится ли она, подъ благовиднымъ предлогомъ улучшенія участи христіанъ, къ разрушенію Оттоманской Имперіи и къ захвату Константинополя? Впечатлѣніе это заглушило даже чувство негодованія, возбужденное въ англичанахъ турецкими звѣрствами и жестокостями, и до того встревожило правительство королевы, что послу ея въ Петербургѣ предписано было, для разъясненія сомнѣній, самому отправиться въ Ливадію, гдѣ имѣли пребываніе Императоръ Александръ и его канцлеръ.

Прочія державы, повидимому, не раздѣляли опасеній Англіи. Изъ Вѣны, Рима, Парижа слали въ Лондонъ совѣтъ не настаивать на полугодовомъ срокѣ и уступить русскому требованію перемирія, отъ одного мѣсяца до шести недѣль. Князь Бисмаркъ склонялся самъ въ пользу срока болѣе продолжительнаго, но императоръ Вильгельмъ убѣдилъ его, что надо избѣгать всего, что могло бы опечалить Русскаго Государя. Послѣдствіемъ было, что берлинскій кабинетъ заявилъ въ Константинополѣ и въ Лондонѣ, что будетъ поддерживать русское требованіе.

Между тѣмъ, въ Ливадіи, въ совѣтахъ Императора Александра обсуждался уже вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Россіи въ балканскую смуту. Дѣла на полуостровѣ принимали крайне серьезный оборотъ. Послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, въ половинѣ сентября, сербы терпѣли одно пораженіе за другимъ. Турки въ превосходныхъ силахъ аттаковали ихъ послѣдній оплотъ — укрѣпленныя позиціи на Моравѣ, отстоять которыя не было надежды. Для принятія участія въ совѣщаніяхъ вызваны въ Ливадію: Цесаревичъ, Великій Князь Николай Николаевичъ и министръ финансовъ. На совѣтѣ, происходившемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, 3-го октября, рѣшено, что, въ случаѣ разрыва съ Турціею, объектомъ военныхъ операцій будетъ Кон-

стантинополь; что для движенія на турецкую столицу будетъ мобилизовано четыре корпуса, которые, перейдя Дунай у Зимницы, двинутся къ Адріанополю, а оттуда—къ Царюграду, по одной изъ двухъ линій: Систово — Шипка или Рущукъ—Сливно, по послѣдней въ томъ случаѣ, если удастся въ самомъ началѣ овладѣть Рущукомъ. Но цѣлью войны ставилось отнюдь не распаденіе Оттоманской имперіи, а единственно освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго произвола и насилія, и занятіе Константинополя имѣлось въ виду лишь какъ крайнее средство для побужденія султана къ миру. Главное начальство надъ дѣйствующими войсками предположено ввѣрить: на Дунаѣ—Великому Князю Николаю Николаевичу, а за Кавказомъ—Великому Князю Михаилу Николаевичу. Впрочемъ, рѣшеніе вопроса—быть или не быть войнѣ, поставлено въ зависимость отъ исхода дипломатическихъ переговоровъ.

15-го октября прибылъ въ Ялту англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Августъ Лофтусъ, и два дня спустя былъ принятъ въ Оріандѣ княземъ Горчаковымъ, который сказалъ ему, что положеніе весьма серьезно, хотя вопросъ о перемиріи, по всей вѣроятности, и уладится между Портою и русскимъ посломъ, только что отбывшимъ въ Константинополь послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Ливадіи. Канплеръ находилъ, что если перемиріе состоится, то слѣдуетъ тотчасъ же созвать конференцію для опредѣленія условій мира. Россія, сказалъ онъ, должна настоять на такихъ реформахъ для трехъ христіанскихъ областей: Болгаріи, Босніи и Герцеговины, которыя оказались бы дѣйствительными на дѣлѣ, а не на словахъ, а Порта обязана дать ручательство въ точномъ исполненіи ихъ, предоставивъ Европѣ право надзора и контроля. Канцлеръ отозвался одобрительно о султанѣ и о намѣреніяхъ его, но прибавилъ, что Абдулъ-Гамидъ и его совѣтники находятся въ постоянномъ страхѣ народныхъ волненій и возбужденнаго мусульманскаго фанатизма, парализующихъ ихъ дѣйствія и рѣшенія. Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ князь признавалъ крайне опаснымъ и даже высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, султану придется прибѣгнуть къ покровительству державъ противъ фанатизма собственныхъ подданныхъ-мусульманъ. Посолъ, со своей стороны, сообщилъ, что англійское правительство, хотя и не можетъ взять на себя настоянія предъ Портою на принятіи русскаго срока перемирія, такъ какъ оно уже согласилось на заявленный Турціею шестимѣсячный срокъ, но не станетъ возражать противъ перемирія на одинъ мѣсяцъ или на шесть недѣль, если объ этомъ послѣдуетъ соглашеніе между Россіею и Портою. Уступая его просьбѣ, князь Горчаковъ согласился не исключать Турціи изъ конференціи, если таковая соберется для обсужденія основаній мира, подъ условіемъ, однако, что представители шести христіанскихъ великихъ державъ предварительно установятъ ихъ между собою, въ особомъ совѣщаніи.

Между тѣмъ, телеграфъ принесъ въ Ливадію вѣсть объ окончательномъ разгромѣ сербовъ, о взятіи турками Джуниса и Алексинаца и о безпрепятственномъ движеніи турецкой арміи, долиною Моравы, къ Бѣлграду. Тотчасъ же было послано генералу-адъютанту Игнатьеву по телеграфу Высочайшее повелѣніе: объявить Портѣ, что если въ двухдневный срокъ она не приметъ перемирія на одинъ мѣсяцъ или на шесть недѣль, и если она не отдастъ немедленно приказанія прекратить военныя дѣйствія, то русскій посолъ оставитъ Константинополь со всѣми чинами посольства и дипломатическія сношенія Россіи съ Турціей будутъ прерваны.

Русскій ультиматумъ сообщенъ былъ Портѣ 19-го октября, и на другой день послѣдовалъ ея отвѣтъ: она подчинялась всѣмъ изложеннымъ въ немъ требованіямъ.

21-го октября, по полученіи изъ Константинополя извѣстія о вѣроятномъ успѣхѣ рѣшительнаго дипломатическаго шага, Императоръ Александръ принялъ въ Ливадіи великобританскаго посла и удостоилъ его продолжительной и откровенной бесѣды. Государь выразилъ удовольствіе по поводу проявленной Портою уступчивости и объяснилъ своему собесѣднику, что рѣшился на отправленіе ультиматума, по полученіи извѣстія объ окончательномъ разгромѣ сербовъ, изъ опасенія, какъ бы вторженіе турокъ въ Сербію не сопровождалось тѣми же жестокостями, что были совершены ими въ Болгаріи. Цѣлью Государя было—предупредить напрасное кровопролитіе, и никто, замѣтилъ онъ, не былъ такъ удивленъ ультиматумомъ, какъ самъ

генералъ Игнатьевъ. Его Величество выразилъ желаніе, чтобы конференція собралась какъ можно скорѣе и чтобы посламъ въ Константинополѣ были даны немедленно инструкціи, которыя поставили бы ихъ въ возможность приступить къ обсужденію условій мира на основаніяхъ, выработанныхъ Англіею.

Спокойно и ясно изложилъ Императоръ послу взглядъ свой на положеніе Восточнаго вопроса. Онъ сказалъ, что далъ несомнѣнныя доказательства своего миролюбія и сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы привести къ мирному разрѣшенію существующихъ усложненій. Въ этихъ видахъ, онъ поддержалъ первоначально предложенное лордомъ Дерби перемиріе на шесть недѣль, которое отвергла Порта, замѣнивъ его простымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ продолженіе десяти дней, оказавшимся вполнѣ призрачнымъ. Государь находилъ, что отказъ Порты уважить совокупное обращеніе къ ней Европы—пощечина, данная ею державамъ. Его Величество терпѣливо снесъ оскорбленіе, лишь бы не отдѣляться отъ европейскаго согласія. Напомнивъ, затѣмъ, о дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ съ Турціей, не приведшихъ ни къ какому результату, Государь сказалъ, что Порта рядомъ ухищреній парализовала всѣ усилія соединенной Европы прекратить войну и вызвать всеобщее умиротвореніе; что если Европа согласна сносить такія оскорбительныя дѣйствія (rebuffs) Порты, то онъ не можетъ долѣе считать ихъ совмѣстными съ честью, достоинствомъ и интересами Россіи; что онъ по прежнему будетъ стараться не отдѣляться отъ европейскаго соглашенія, но что настоящее положеніе невыносимо, не можетъ быть терпимо долѣе, а потому, если Европа не станетъ дѣйствовать съ энергіею и твердостью, то онъ, Императоръ, вынужденъ будетъ дѣйствовать одинъ.

Государь перешелъ къ опредѣленію своихъ отношеній къ Англіи. Онъ выразилъ сожалѣніе, что въ странѣ этой доселѣ питаютъ застарѣлую подозрительность по отношенію къ русской политикѣ, и постоянный страхъ предъ, приписываемыми Россіи, наступательными и завоевательными замыслами. Сколько разъ онъ торжественно уже заявлялъ, что не хочетъ завоеваній; что не стремится къ увеличенію своихъ владѣній; что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія или намѣренія овладѣть Константинополемъ. Все, что говорилось или писалось о желаніи Петра Великаго и помыслахъ Екатерины II — иллюзіи и призраки, никогда не существовавшіе въ дѣйствительности, и самъ Государь считалъ бы пріобрѣтеніе Константинополя—несчастіемъ для Россіи. О немъ нынѣ нѣтъ и рѣчи, какъ не помышлялъ о немъ и покойный Императоръ Николай, доказавшій это въ 1829 году, когда его побѣдоносная армія остановилась всего въ четырехъ переходахъ отъ турецкой столицы. Императоръ, торжественно далъ „честное слово“, что не имѣетъ намѣренія пріобрѣсти Константинополь, прибавивъ, что если обстоятельства вынудятъ его занять часть Болгаріи, то только на время, пока не будутъ обезпечены миръ и безопасность христіанскаго населенія. Упомянувъ о предложеніи занять Боснію австрійскими войсками, а Болгарію русскими, и одновременно произвести морскую демонстрацію предъ Константинополемъ, въ которой преобладающая роль досталась бы на долю англійскаго флота, Государь указывалъ на это, какъ на лучшее доказательство того, что онъ далекъ отъ намѣренія занять турецкую столицу. Его Величеству непонятно, почему, коль скоро двѣ страны преслѣдуютъ общую цѣль, а именно поддержаніе мира и улучшеніе участи христіанъ, коль скоро самъ онъ далъ несомнѣнныя доказательства того, что онъ не хочетъ ни завоеваній, ни земельнаго приращенія,—почему бы не состояться между Англіею и Россіею соглашенію, основанному на политикѣ мира, одинаково выгодной ихъ обоюднымъ интересамъ и вообще интересамъ всей Европы. „Россіи приписываютъ намѣреніе“, сказалъ Императоръ, „покорить въ будущемъ Индію и завладѣть Константинополемъ. Есть-ли что нелѣпѣе этихъ предположеній? Первое изъ нихъ—совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю, самымъ торжественнымъ образомъ, что не имѣю, ни этого желанія, ни этого намѣренія“. Его Величество выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу недовѣрія, проявляемаго въ Англіи къ его политикѣ, и печальныхъ послѣдствій онаго, и просилъ посла сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы разсѣять эту тучу подозрительности и ничѣмъ неоправдываемаго недовѣрія къ Россіи, передавъ прави-

тельству королевы данныя имъ торжественныя завѣренія.

Отвѣчая на замѣчанія и вопросы лорда Августа Лофтуса, Императоръ Александръ объяснилъ, что пока еще нѣтъ рѣчи о признаніи Румыніи и Сербіи независимыми королевствами и что было бы неблагоразумно возбуждать этотъ вопросъ; что провозглашеніе королемъ князя Милана было дѣломъ арміи, но что онъ, Императоръ, его не одобрилъ и даже совѣтовалъ Милану не ѣздить въ главную квартиру. Впрочемъ, сербскій князь не послушался царскаго совѣта, ссылаясь на обязанность свою, въ нынѣшнихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, находиться при арміи. На замѣчаніе посла, что большое число русскихъ волонтеровъ въ Сербіи въ значительной степени способствовало лихорадочному возбужденію въ Россіи, Его Величество отозвался, что, разрѣшая русскимъ офицерамъ, по оставленіи службы, отправиться въ Сербію, онъ надѣялся успокоить волненіе, пустивъ въ него струю холодной воды. Упомянувъ о значительномъ числѣ русскихъ офицеровъ, павшихъ въ бою, и выразивъ мнѣніе, что общественное одушевленіе въ пользу сербовъ нѣсколько поумѣрилось въ Россіи, Государь все сказанное имъ послу свелъ къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: 1) перемиріе, которое, какъ Императоръ надѣялся, будетъ принято Портою; 2) немедленное созваніе конференціи, главною задачею коей будетъ соглашеніе о введеніи въ три области такихъ реформъ, которыя обезпечили бы интересы христіанъ и дали бы имъ потребную для того долю автономіи, и 3) надежныя ручательства въ томъ, что Порта приведетъ эти реформы въ исполненіе.

Послѣ аудіенціи, лордъ Августъ Лофтусъ былъ приглашенъ къ Высочайшему столу, и Императоръ Александръ, сообщивъ ему о полученіи оффиціальнаго согласія Порты на русскій ультиматумъ, замѣтилъ, что немного твердости вызвало этотъ успѣшный результатъ.

Англійскіе министры съ величайшимъ удовольствіемъ приняли заявленія, сдѣланныя Государемъ. Сентъ-джемскій кабинетъ поспѣшилъ разослать всѣмъ великимъ державамъ выработанную имъ программу совѣщаній будущей конференціи, въ которой извѣстнымъ уже основаніямъ умиротворенія предпослалъ два важныя заявленія: что державы будутъ уважать независимость и земельную цѣлость Оттоманской имперіи и что ни одна изъ нихъ не станетъ искать для себя какихъ-либо территоріальныхъ выгодъ и, вообще, никакого исключительнаго вліянія или уступокъ въ Турціи, которыя бы не достались одновременно на долю и всѣхъ прочихъ державъ.

26-го октября Государь и вся царская семья выѣхали изъ Ливадіи и 28-го прибыли въ Москву. Въ этотъ день, на банкетѣ лондонскаго лорда-мэра, графъ Биконсфильдъ произнесъ вызывающую и угрожающую рѣчь, въ которой отозвался иронически о русскомъ ультиматумѣ, сказавъ, что предъявленіе его походитъ на начатіе иска, послѣ того, какъ сумма его уже выплачена полностью. Заслугу добытаго перемирія онъ приписывалъ исключительно Англіи. Задачею конференціи, заявилъ онъ, будетъ утвержденіе мира посредствомъ уваженія къ существующимъ договорамъ, устанавливающимъ начало цѣлости и независимости Оттоманской имперіи, которое хотя и не можетъ быть обезпечено одною лишь работою пера и чернилъ, но цѣль эта будетъ достигнута безъ войны и даже безъ воззваній къ войнѣ, слишкомъ часто уже раздававшихся. Миръ составляетъ сущность политики Англіи, но если Англія хочетъ мира, то ни одна держава лучше ея не приготовлена къ войнѣ. И если Англія рѣшится на войну, то только за правое дѣло, и, конечно, не прекратитъ ея, пока право не восторжествуетъ.

На другой день, 29-го октября, принимая въ Кремлевскомъ дворцѣ московское дворянство и городское общество, представлявшія Его Величеству всеподданнѣйшіе адресы, Императоръ Александръ обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желаете мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сер-

бовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя сбезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, и увѣренъ, что, въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!"

1-го ноября Императоръ и Императрица возвратились въ Царское Село. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, со всѣхъ концовъ Россіи поступали отвѣтные адресы на московскую рѣчь Государя отъ всѣхъ сословій и обществъ, съ выраженіемъ пламеннаго сочувствія къ балканскимъ славянамъ и готовности принести всевозможныя жертвы дѣлу ихъ освобожденія.

Еще во второй половинѣ сентября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подготовленіи къ частной мобилизаціи войскъ Одесскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и части войскъ Кавказскаго военныхъ округовъ, а 12-го октября, въ Ливадіи,—четырехъ дивизій Московскаго военнаго округа. Въ самый день возвращенія въ Царское Село, Государь повелѣлъ приступить къ мобилизаціи двадцати пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллерійскими бригадами, четырехъ стрѣлковыхъ бригадъ, семи кавалерійскихъ дивизій съ ихъ конною артиллеріею, четырехъ артиллерійскихъ парковъ и двухъ саперныхъ бригадъ, донской казачьей дивизіи и десяти донскихъ полковъ. Вмѣстѣ съ мобилизаціей дѣйствующихъ войскъ мобилизовались и вновь формировались запасныя части. Численность всѣхъ этихъ войскъ, простиравшаяся по штатамъ мирнаго времени до 272.000 человѣкъ, возросла до 546.000. Къ началу 1877 года, въ составѣ Дунайской дѣйствующей арміи находилось: 107 баталіоновъ, 149 эскадроновъ и сотенъ, 472 орудія, а всего около 193 тысячъ человѣкъ; въ Одесскомъ округѣ, для охраненія прибрежья: 48 баталіоновъ, 39 эскадроновъ и сотенъ, 216 орудій, всего около 72 тысячъ человѣкъ; въ Кіевскомъ округѣ, какъ резервъ дѣйствующей арміи,—52 баталіона, 24 сотни, 210 орудій, всего 73 тысячи человѣкъ. Дѣйствующій корпусъ на кавказско-турецкой границѣ состоялъ изъ 79 баталіоновъ, 32 пѣшихъ сотенъ, 151 эскадроновъ и сотенъ, 256 орудій, всего 102 тысячи человѣкъ. Итого, въ войскахъ, приведенныхъ на военное положеніе и предназначенныхъ для дѣйствій, числилось къ 1-му января 1877 года: 286 баталіоновъ, 363 эскадрона и сотенъ и 1154 орудія, въ числѣ 460 тысячъ человѣкъ.

О мобилизаціи русскихъ военныхъ силъ возвѣстилъ Европѣ государственный канцлеръ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ Дворахъ. Напомнивъ о состоявшемся между великими державами соглашеніи относительно перемирія и основаній мира, а равно и объ установленіи въ христіанскихъ областяхъ, подвластныхъ султану, новаго порядка,—„Императорское правительство", писалъ князь Горчаковъ, „стремилось всѣми силами къ упроченію единодушія между великими державами, сохраняя непрестанно въ виду, что въ настоящемъ вопросѣ интересы политическіе должны уступить мѣсто болѣе возвышеннымъ интересамъ всего человѣчества и спокойствія Европы. Оно направитъ всѣ зависящія отъ него средства къ тому, чтобы это единодушіе привело, наконецъ, къ послѣдствіямъ существеннымъ, прочнымъ и согласнымъ съ требованіями справедливости и общаго мира. Но тогда, какъ дипломатія ведетъ, въ теченіе года, переговоры, имѣющіе цѣлью привести европейское соглашеніе къ дѣйствительному осуществленію, Порта воспользовалась возможностью вызвать изъ глубины Азіи и Африки темныя силы наименѣе обуздан-

ныхъ элементовъ исламизма, возбудить фанатизмъ мусульманъ и раздавить подъ тяжестью численнаго превосходства христіанскія населенія, вступившія въ борьбу за свое существованіе. Виновники ужасныхъ избіеній, справедливо возмутившихъ всю Европу, продолжаютъ пользоваться безнаказанностью, и въ настоящее время, слѣдуя ихъ примѣру, на всемъ протяженіи Оттоманской имперіи совершаются, на глазахъ негодующей Европы, повторенія тѣхъ же насилій и того же варварства. Въ виду такихъ усложненій, Государь Императоръ, принимая, со своей стороны, твердую рѣшимость преслѣдовать и достигнуть всѣми зависящими отъ него средствами предначертанную великими державами цѣль, призналъ необходимымъ мобилизовать часть своей арміи. Государь Императоръ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное, чтобы избѣжать ея. Но Его Величество не остановится въ своей рѣшимости до тѣхъ поръ, пока признанные всею Европою принципы справедливости и человѣколюбія, къ коимъ народное чувство Россіи примкнуло съ неудержимою силою, не возъимѣютъ полнаго и обезпеченнаго прочными гарантіями осуществленія».

Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею назначенъ великій князь Николай Николаевичъ. Въ составѣ его штаба учреждена должность завѣдывающаго гражданскими дѣлами, на котораго возложено было устройство гражданскаго управленія въ Болгаріи, по занятіи ея русскими войсками. При представленіи Его Величеству назначеннаго на эту должность князя В. А. Черкасскаго, Государь имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ и, соглашаясь съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ, подвергнуть зрѣлому и всестороннему обсужденію вопросъ о будущихъ мѣропріятіяхъ въ Болгаріи, замѣтилъ, что „тамъ, за Дунаемъ, слѣдуетъ ввести нѣчто въ родѣ того, что было сдѣлано нами въ Царствѣ Польскомъ“. Войска, имѣвшія составить дѣйствующую армію, сосредоточивались въ Бессарабіи. 19-го ноября Великій Князь главнокомандующій выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ главную квартиру, въ Кишиневъ.

Вѣсть о русскихъ вооруженіяхъ произвела потрясающее впечатлѣніе въ Европѣ. Она встревожила европейскія правительства, являясь какъ бы предвѣстницею неминуемаго вмѣшательства Россіи въ борьбу южныхъ славянъ съ турками. Какъ ни успокоительны были заявленія русской дипломатіи, какъ ни искренно звучали слова Государя, сказанныя англійскому послу,— имъ не вѣрили, относились подозрительно и къ побужденіямъ Россіи, и ко всѣмъ ея дѣйствіямъ. Взаимному раздраженію не мало способствовала оживленная полемика, которую не переставалъ вести Императорскій кабинетъ съ сентъ-джемскимъ Дворомъ.

Князь Горчаковъ старался оправдать принятую Россіею рѣшительную мѣру—мобилизацію части арміи. Но чѣмъ болѣе распространялся онъ объ исключительно человѣколюбивомъ и благотворительномъ направленіи ея политики, о совершенномъ ея безкорыстіи, тѣмъ сильнѣе возбуждалъ опасеніе въ существованіи тайныхъ замысловъ, въ намѣреніи воспользоваться восточнымъ кризисомъ для того, чтобы разрушить Оттоманскую имперію и на развалинахъ ея основать собственное преобладаніе на европейскомъ Востокѣ.

Опасенія эти всего живѣе сказывались въ Константинополѣ, гдѣ Порта поспѣшила выразить согласіе на созывъ конференціи, затѣмъ въ Лондонѣ, отчасти въ Вѣнѣ. Въ Парижѣ и въ Римѣ относились къ Россіи довѣрчивѣе; наконецъ, въ Берлинѣ хорошо были ознакомлены съ цѣлями и способами дѣйствія русскаго Двора, а потому и не сомнѣвались въ искренности и чистотѣ его великодушныхъ намѣреній. Но всюду, въ дипломатическихъ кругахъ западныхъ столицъ, заподозрѣвали русскаго посла въ Константинополѣ въ проведеніи иныхъ видовъ, чисто своекорыстнаго свойства, совершенно отличныхъ и даже прямо противоположныхъ тѣмъ, что исповѣдывалъ во всеуслышаніе Императорскій кабинетъ. Для наблюденія за нимъ и противодѣйствія ему на имѣвшей собраться въ турецкой столицѣ конференціи, или, какъ выразился лордъ Биконсфильдъ въ своей рѣчи, „для установленія болѣе широкаго основанія, чѣмъ то, что создалось бы собраніемъ мѣстныхъ дипломатовъ, которые часто смотрятъ на вещи со своей частной и ограниченной точки зрѣнія и не всегда ведутъ дѣло къ искреннему соглашенію“, большинство великихъ державъ, за исключеніемъ Россіи, Германіи и Италіи, рѣшилось назначить особыхъ уполномоченныхъ въ конфе-

ренцію, независимо отъ обычныхъ своихъ представителей при Портѣ.

Прежде чѣмъ открыть засѣданія конференціи, составленной изъ уполномоченныхъ всѣхъ державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года, представители христіанскихъ державъ собрались въ особомъ совѣщаніи, безъ участія уполномоченныхъ Турціи, дабы сговориться между собою на счетъ требованій, которыя имѣли быть предъявлены Портѣ отъ имени соединенной Европы. Совѣщаніе это собиралось девять разъ въ продолженіе первой половины декабря, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ пословъ, генералъ-адъютанта Игнатьева, и путемъ взаимныхъ уступокъ пришло къ полному соглашенію, выработавъ программу, какъ мирныхъ условій между Турціею, съ одной стороны, и Сербіею и Черногоріею съ другой —, такъ и преобразованій, которыя имѣли быть введены въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Черногорія получала значительную прирѣзку въ южной Герцеговинѣ и въ сѣверной Албаніи, съ крѣпостями Никшичемъ, Жаблякомъ и Спужемъ; гавани на Адріатикѣ ей не уступалось, но зато объявлялось свободное плаваніе по рѣкѣ Боянѣ. Сербія сохраняла прежнія свои границы, которыя должны были быть подвергнуты исправленію лишь со стороны Дрины, при участіи делегатовъ европейскихъ державъ. Боснія и Герцеговина соединялись въ одну область подъ властью одного генералъ-губернатора; Болгарія, напротивъ, раздѣлялась на два вилайета, одинъ, восточный, съ главнымъ городомъ Тырновомъ, другой, западный, съ главнымъ городомъ Софіею. Во всѣхъ этихъ областяхъ генералъ-губернаторы имѣли назначаться Портою съ согласія великихъ державъ, на пятилѣтній срокъ; учреждались выборныя областныя собранія; преобразовывались суды; провозглашалась полная свобода исповѣданій; христіане сравнивались въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ мусульманами и получали доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ; турецкія войска сосредоточивались въ крѣпостяхъ; образовывались мѣстная жандармерія и милиція; учреждалась, на срокъ одного года, международная коммиссія изъ делегатовъ великихъ державъ для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ порядковъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣщанія, русскій посолъ заявилъ, что правительство его принимаетъ сообща установленную программу, какъ минимумъ, не подлежащій сокращенію. Дабы предложенія, выработанныя представителями великихъ державъ имѣли полный успѣхъ, необходимо, сказалъ онъ, чтобы согласіе кабинетовъ было полное. Безопасность христіанъ, а равно и дѣйствительное исполненіе реформъ должны быть гарантированы присутствіемъ европейскихъ коммиссаровъ, опирающихся на тождественный, а если окажется нужнымъ, то и на угрожающій образъ дѣйствій всей Европы. Рѣчь свою генералъ-адъютантъ Игнатьевъ заключилъ прочтеніемъ слѣдующей телеграммы къ нему государственнаго канцлера: „Императоръ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи достигнуть дѣйствительнаго и осязательнаго улучшенія участи христіанъ въ трехъ областяхъ, на началахъ, принятыхъ всѣми кабинетами. Императорское правительство не сомнѣвается, что христіанскіе представители вмѣнятъ себѣ въ честь заставить Порту искренно принять общія ихъ предложенія, поддержанныя единодушными и твердыми рѣчами. Оно надѣется, что они не упустятъ изъ виду великой отвѣтственности, которая лежитъ на нихъ предъ исторіей и человѣчествомъ".

Предсѣдатель совѣщанія не замедлилъ извѣстить Порту, что представители Европы готовы сойтись съ уполномоченными Турціи въ общей конференціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ султана отвѣчалъ приглашеніемъ собраться на первое засѣданіе въ Портѣ, 11-го декабря.

Такимъ образомъ, вопросъ: быть или не быть войнѣ Россіи съ Турціей, былъ поставленъ въ зависимость отъ того: приметъ ли Порта единогласныя рѣшенія Европы или отвергнетъ ихъ?

Въ Берлинѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ событій на Востокѣ. Положеніе, занятое Германіею по отношенію къ нимъ, князь Бисмаркъ выяснилъ въ рѣчи, въ рейхстагѣ, по поводу предъявленнаго ему запроса о распоряженіи русскаго правительства касательно взиманія золотомъ таможенныхъ пошлинъ. Намъ не за что, сказалъ онъ, выпрашивать у Россіи какихъ-либо торговыхъ льготъ или уступокъ, потому, что въ восточныхъ дѣлахъ, она не требуетъ отъ насъ никакого содѣйствія. Императоръ Александръ чуждъ

всякихъ своекорыстныхъ намѣреній, и цѣль, преслѣдуемая имъ, есть въ то же время и цѣль Германіи: улучшеніе участи христіанскихъ подданныхъ султана. Германія дорожитъ дружбой Россіи; она хочетъ жить въ согласіи и мирѣ и со всѣми прочими державами и задачу свою полагаетъ въ примиреніи ихъ противоположныхъ интересовъ.

Въ Петербургѣ рѣчь нѣмецкаго канцлера произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Государь и князь Горчаковъ выразили ему горячую благодарность.

Зорко слѣдя за ходомъ событій, Бисмаркъ высказывалъ такіе взгляды: что во всякомъ случаѣ, Россіи не слѣдуетъ вступать въ бой, не обезпечивъ себѣ возможности съ самаго начала нанести рѣшительный ударъ противнику; затягивать приступленіе къ дѣлу представляетъ и выгоды, и неудобства. Все это надо взвѣсить. Кто поручится, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ не произойдетъ перемѣны въ Англіи и въ самомъ Берлинѣ? Съ этою случайностью должно считаться. Какъ знать, что произойдетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ, чрезъ три или четыре года, Восточный вопросъ непремѣнно снова станетъ на очередь?

Бисмаркъ всячески старался поощрять русскій Дворъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Посвященный въ тайну довѣрительныхъ переговоровъ, которые велись въ Вѣнѣ съ цѣлью выговорить нейтралитетъ Австро-Венгріи на случай русско-турецкой войны, онъ нѣсколько разъ объявлялъ, что перестанетъ поддерживать монархію Габсбурговъ, если та не отрѣшится отъ своихъ предубѣжденій противъ Россіи, будетъ дѣйствовать враждебно по отношенію къ ней или не исполнитъ принятыхъ предъ нею обязательствъ.

Когда, въ концѣ декабря, выяснилось, что Порта предпочитаетъ рискъ войны съ Россіей подчиненію требованіямъ конференціи, нѣмецкій канцлеръ оцѣнивалъ положеніе такъ: „Въ результатѣ“, говорилъ онъ, „сомнѣваться нельзя: Россія пойдетъ впередъ, она должна идти; необходимо, чтобы она открыла пальбу. Она выберетъ свое время. Переходъ чрезъ Дунай всегда труденъ; нѣтъ надобности предпринимать его, пока продолжается ледоходъ; Россія должна подготовиться такъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ и не дѣлать ни шагу впередъ, не удостовѣрясь въ возможности полной и блистательной побѣды. Быть можетъ, я и не зашелъ бы такъ далеко, какъ пошли въ Россіи. Я, вѣроятно, мобилизовалъ бы армію, не возвѣщая о томъ, не предупреждая всю Европу о намѣреніи занять турецкія области. Теперь Россія должна дѣйствовать. Нельзя допустить, чтобы сказали, что она отступила передъ турками. Это будетъ стоить человѣческихъ жертвъ. Я первый скорблю о томъ. Причинитъ это и матеріальныя потери, но онѣ поправимы и русскій министръ финансовъ не долженъ колебаться принесеніемъ въ жертву послѣдней трети суммъ, уже израсходованныхъ. Такое колебаніе было бы плохимъ разсчетомъ, Что будетъ, если Россія не извлечетъ меча? Это отразится на внутреннемъ положеніи, потому что вопросъ касается народной чести и страна дорожитъ, и имѣетъ полное право дорожить, законными своими преданіями. Она, конечно, покорно приметъ всякое рѣшеніе Императора. Но вскорѣ посыплются насмѣшки и колкости, которыя уронятъ правительство въ общественномъ уваженіи. Это вызоветъ внутри страны положеніе безпокойное, и я первый буду скорбѣть о томъ, потому что желаю видѣть Россію довольною, не хочу, въ интересахъ Европы, чтобы страна въ 70 милліоновъ жителей являлась недовольною и оскорбленною. Россія всегда была нашимъ искреннимъ другомъ. Въ продолженіе минувшихъ десяти лѣтъ дружественное расположеніе ея облегчило намъ нашу политическую роль и наши успѣхи. Германія обязана принять это въ разсчетъ и облегчить нынѣ Россіи политику ея и требованія въ національномъ и популярномъ вопросѣ“.

Слѣдуя принятому имъ направленію политики, князь Бисмаркъ хотѣлъ: прежде всего, соблюсти тѣсныя отношенія къ Россіи, какъ къ исконному и искреннему другу; во-вторыхъ—оказать услугу Русскому Императору и его политикѣ; въ-третьихъ, доставить удовлетвореніе и прочимъ державамъ, но Россіи прежде всего.

Въ Вѣнѣ шли у насъ дѣятельные переговоры съ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ съ цѣлью опредѣлить положеніе монархіи Габсбурговъ въ виду становившагося все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, разрыва Россіи съ Турціей.

Дворы с.-петербургскій и вѣнскій скоро сошлись на томъ, что, въ случаѣ разрыва

и войны между Россіею и Портою, Австро-Венгрія станетъ относительно Россіи въ положеніе доброжелательнаго нейтралитета (neutralité bienveillante); что она окажетъ Россіи свое дипломатическое содѣйствіе, дабы парализовать, насколько это зависитъ отъ нея, всякую попытку вмѣшательства или коллективнаго посредничества другихъ державъ; что, не отрицая дѣйствующей силы договора 3-го (15-го) апрѣля 1856 года, коимъ Австрія обязалась, сообща съ Англіею и Франціею, отстаивать независимость и цѣлость Турціи, вѣнскій Дворъ провозгласитъ свой нейтралитетъ и уклонится отъ посредничества, если таковое ему будетъ предложено на основаніи VIII статьи парижскаго трактата 18-го (30-го) марта 1856 года; что въ виду необходимости для русскихъ военныхъ цѣлей временнаго загражденія Дуная, Австро-Венгрія не будетъ протестовать противъ стѣсненій судоходства по этой рѣкѣ, Россія же обяжется возстановить по ней свободу плаванія, какъ только это окажется возможнымъ; что русскіе военные лазареты могутъ быть устраиваемы, съ соблюденіемъ постановленій женевской конвенціи, вдоль линій австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ, прилежащихъ къ границамъ Россіи и Румыніи, и что русскіе больные и раненые воины будутъ принимаемы въ военные и гражданскіе госпитали въ Галиціи и Буковинѣ, по тарифу, установленному для чиновъ австро-венгерской арміи; что правительство обѣихъ половинъ монархіи дозволитъ русскимъ правительственнымъ агентамъ и коммиссіонерамъ закупать въ предѣлахъ ея все нужное для русской дѣйствующей арміи, за исключеніемъ лишь военной контрабанды, но при опредѣленіи того, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ названіемъ, будетъ придерживаться толкованія, наиболѣе благопріятнаго Россіи; что отъ Австро-Венгріи зависитъ избрать время и способъ для военнаго занятія Босніи и причитающейся ей части Герцеговины; что ни въ какомъ случаѣ занятіе это не должно носить характера, враждебнаго Россіи, равно какъ и занятіе Болгаріи не должно быть угрожающимъ по отношенію къ Австро-Венгріи. Сверхъ того, обѣ стороны обязались не распространять своихъ военныхъ операцій: императоръ австрійскій—на Румынію, Сербію, Болгарію и Черногорію, а Императоръ Всероссійскій — на Боснію, Герцеговину, Сербію и Черногорію. Оба славянскія княжества и промежуточная между ними территорія имѣли служить нейтральною полосою, недоступною арміямъ обѣихъ имперій, и которая должна была предотвратить непосредственное соприкосновеніе между ихъ войсками. Впрочемъ, Австро-Венгрія не противилась союзному участію Сербіи и Черногоріи въ войнѣ Россіи съ Турціей, хотя только внѣ предѣловъ этихъ княжествъ. Но и это условіе было измѣнено впослѣдствіи, и вѣнскій Дворъ призналъ, съ нѣкоторыми оговорками, право Россіи перевести войска свои на правый берегъ Дуная въ предѣлахъ княжества Сербскаго.

Но если соглашеніе по всѣмъ этимъ вопросамъ установилось между договаривающимися сторонами легко и скоро, то тѣмъ труднѣе было согласовать ихъ виды относительно послѣдствій войны и будущаго территоріальнаго устройства Балканскаго полуострова. Соглашеніе было достигнуто путемъ взаимныхъ уступокъ. Россія согласилась на то, чтобы окончательный миръ ея съ Турціею или, въ случаѣ распаденія послѣдней, чтобы политическое устройство Балканскаго полуострова были опредѣлены при дѣятельномъ соучастіи Австро-Венгріи, и чтобы причитавшееся въ пользу послѣдней земельное приращеніе въ Босніи и части Герцеговины явилось послѣдствіемъ, не прекращенія турецкаго владычества въ Европѣ, а всякаго территоріальнаго измѣненія въ распредѣленіи балканскихъ земель. Со своей стороны, Австро-Венгрія приняла предложенное Россіей расширеніе предѣловъ Сербіи и Черногоріи съ предоставленіемъ имъ общей границы по рѣкѣ Лиму. Во всемъ прочемъ подтверждены были условія уговора, состоявшагося въ Рейхштадтѣ — о возвращеніи Россіи придунайской части Бессарабіи, о недопущеніи образованія на Балканскомъ полуостровѣ великаго и сплоченнаго государства, славянскаго или иного, и о будущей участи Румеліи, Албаніи, Оессаліи и Эпира, Крита, наконецъ, Константинополя.

Какъ и слѣдовало ожидать, Константинопольская конференція разошлась, не достигнувъ цѣли. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца—съ 11-го декабря по 8-е января—турецкіе уполномоченные, ссылаясь на

введенную во всей Оттоманской имперіи конституцію по западно-европейскому образцу, оспаривали программу реформъ, предложенную имъ отъ имени шести великихъ державъ. Въ заключеніе они изъявили согласіе на условное принятіе лишь нѣкоторыхъ статей ея, за исключеніемъ двухъ главнѣйшихъ—назначенія генералъ-губернаторовъ Портою съ согласія державъ и установленія коммиссій изъ представителей державъ для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе и исполненіемъ условленныхъ въ пользу христіанъ преобразованій. Тогда всѣ прочіе члены конференціи объявили, что правительства ихъ отзываютъ изъ Константинополя пословъ своихъ, возлагая на Турцію отвѣтственность за гибельныя для нея самой послѣдствія ея упорства. Русскій посолъ оставилъ турецкую столицу 15-го января, одновременно со всѣми своими сотоварищами, представителями великихъ державъ. Четыре дня спустя, князь Горчаковъ обратился къ европейскимъ кабинетамъ съ возвѣщеннымъ заранѣе запросомъ.

Въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ Дворахъ, государственный канцлеръ, подтвердивъ снова, что Россія считаетъ Восточный вопросъ вопросомъ человѣколюбія и общаго интереса, изложилъ подробно ходъ переговоровъ, приведшихъ къ созванію Константинопольской конференціи, завершившейся упрямымъ отказомъ Порты исполнить волю соединенной Европы. „Положеніе Востока“, писалъ князь, „не только не подвинулось по пути къ благопріятному рѣшенію, но еще ухудшилось и остается постоянною угрозою для спокойствія Европы, для чувствъ человѣколюбія и для совѣсти христіанскихъ народовъ. При такихъ обстоятельствахъ Государь Императоръ, прежде чѣмъ опредѣлить направленіе, въ коемъ онъ станетъ дѣйствовать, желаетъ знать то, на которомъ остановятся кабинеты, съ коими мы старались доселѣ, хотимъ и впредь, насколько это будетъ возможно, идти сообща“.

Въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ князь Бисмаркъ заявилъ, что радъ намъ быть полезнымъ, лишь бы мы не требовали участія прусскихъ баталіоновъ въ военномъ вмѣшательствѣ. Германія ни подъ какимъ видомъ не станетъ участвовать въ окупаціи турецкихъ областей. Для этого положеніе турецкихъ христіанъ не вызываетъ достаточнаго сочувствія въ странѣ и весь вопросъ для нея не представляется довольно важнымъ. Но Германіи все равно, приметъ или нѣтъ участіе въ окупаціи какая-либо иная держава. Чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше для Германіи, положеніе которой станетъ обезпеченнѣе. Что же касается до просимаго нами содѣйствія, то Бисмаркъ не прочь оказать намъ его, лишь бы мы доставили ему къ тому возможность, сказавъ, чего мы собственно хотимъ? Для этого онъ и спрашивалъ у русскаго посла инструкцій нѣсколько недѣль назадъ, такъ какъ ему одинаково легко распространить убѣжденіе, что война нужна и даже необходима или что она не нужна и можно избѣжать ея. Россія, повидимому, желаетъ обезпечить участь христіанъ Востока, не прибѣгая къ войнѣ. Но возможно ли это? Порта дала отказъ и державы едва ли рѣшатся на угрозы или на понужденіе. Между тѣмъ, Порта уступила бы только тѣмъ или другимъ. На какой же мѣрѣ остановиться въ виду такого положенія дѣлъ? „Я ея не вижу“, объявилъ Бисмаркъ: „вѣдь это такъ же трудно, какъ найти философскій камень“. Онъ не предвидѣлъ успѣха ни отъ новой тождественной ноты державъ, ни отъ письменнаго обѣщанія Англіи не поддерживать Порту въ ея упрямствѣ. Къ тому же, роль его, замѣтилъ онъ, затрудняется постоянными нападками на него печати вообще, и въ частности—русской. Когда Бисмаркъ высказывается въ пользу Россіи, его винятъ въ подстрекательствѣ къ войнѣ, а когда онъ этого не дѣлаетъ, то жалуются на его сочувствіе къ туркамъ. Впрочемъ, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить миръ.

Между тѣмъ, по совѣту Англіи, Порта объявила великимъ державамъ, что хотя она и отвергла ихъ формальное вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла, какъ посягательство на ея независимость, но намѣрена, по собственному почину, ввести большую часть потребованныхъ отъ нея улучшеній, не только въ трехъ возставшихъ областяхъ, но и на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи и притомъ, въ пользу не однихъ христіанъ, но и мусульманъ.

Заключеніе мира съ Сербіею и мирные переговоры, начатые Портою съ Черного-

ріею, въ связи съ уклончивымъ отвѣтомъ на русскій циркуляръ, полученнымъ отъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, вызвали въ Петербургѣ новыя колебанія. И Государь, и канцлеръ склонялись въ пользу мира, лишь бы найти благовидный исходъ изъ положенія, созданнаго предшедшими заявленіями русской дипломатіи. Въ письмахъ къ представителямъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ, князь Горчаковъ не скрывалъ своего разочарованія, утверждая, что Россія можетъ положиться только на самоё себя и что содѣйствіе союзныхъ съ нею державъ—не болѣе, какъ призракъ. Въ первыхъ числахъ февраля русскій посолъ въ Лондонѣ заявилъ, что Императоръ Александръ не упускаетъ изъ виду одну и ту же цѣль, хотя средства къ ея достиженію могутъ измѣняться, сообразно обстоятельствамъ. Цѣль эта та, что преслѣдуетъ и вся Европа—миръ между Турціей, Сербіей и Черногоріей и улучшеніе участи турецкихъ христіанъ на основаніяхъ, указанныхъ великими державами. Русскій Императоръ не разъ объявлялъ, что стремится къ такому разрѣшенію Восточнаго вопроса въ согласіи съ прочими державами и что пока согласіе это существуетъ, онъ не отдѣлится отъ нихъ. По мнѣнію князя Горчакова, главная опасность будетъ устранена, если состоится миръ между Портою и славянскими княжествами. Если, одновременно, Порта, согласно даннымъ ею обѣщаніямъ, дѣйствительно приметъ мѣры къ улучшенію участи своихъ христіанскихъ подданныхъ, то, конечно, Императоръ Александръ приметъ этотъ результатъ въ соображеніе. Нужно только, чтобы приступлено было къ дѣлу и чтобы дѣлалось оно не на однихъ словахъ. Тогда выяснится, должна ли Россія дѣйствовать сообща съ прочими державами или одиноко, на свой страхъ. Если великія державы отвѣтятъ ей, что онѣ продолжаютъ настаивать на своихъ требованіяхъ улучшить участь христіанскаго населенія турецкихъ областей и что единодушная воля Европы должна быть уважена Турціею; если установлено будетъ какъ основное начало, что Европа не оставляетъ на произволъ судьбы будущее этого населенія, то Россіи нѣтъ причинъ перестать стремиться къ этой цѣли совокупно съ прочими державами. Искреннее желаніе Императора Александра—достигнуть мирнаго разрѣшенія восточныхъ усложненій.

Такія же точно заявленія были сдѣланы и прочимъ великимъ державамъ. Всѣмъ имъ было объявлено, что хотя Россія и имѣетъ уже подъ ружьемъ и готовыми къ дѣйствію полмилліона воиновъ, но все же она предпочитаетъ мирный исходъ. Нужно только дать Россіи достаточныя основанія, чтобы оправдать разоруженіе и жертвы, возложенныя на страну. Зависитъ это отъ европейскихъ державъ, лишь бы онѣ провозгласили, что продолжаютъ считать необходимыми дѣйствительныя улучшенія участи балканскихъ христіанъ и что если такое улучшеніе не состоится, то они изыщутъ средства къ его осуществленію. Для разъясненія тѣхъ условій, при которыхъ Россія получила бы возможность приступить къ разоруженію, отправленъ былъ въ главныя европейскія столицы посолъ въ Константинополѣ, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Онъ объѣхалъ послѣдовательно Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣну, и всюду свидѣтельствовалъ о миролюбивомъ настроеніи Императора Всероссійскаго, внушая, что война можетъ повести къ разрушенію Турціи, равно не желательному для Россіи и Европы. Въ бытность его въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ вручилъ лорду Дерби проектъ протокола, подписаніе котораго представителями всѣхъ европейскихъ державъ должно было служить послѣднимъ предостереженіемъ Портѣ, послѣднимъ средствомъ предотвратить вооруженное вмѣшательство Россіи въ пользу турецкихъ христіанъ.

Въ бо́льшей части кабинетовъ снова возникла надежда на мирный исходъ дѣла. Сентъ-джемскій Дворъ хотя и предъявилъ множество возраженій противъ русскаго проекта протокола, множество поправокъ къ нему, но вошелъ съ нашимъ посломъ въ серьезное его обсужденіе. Вѣнскій Дворъ предложилъ свое посредничество для устраненія несогласій, проявившихся между Россіею и Англіею. Приступить къ протоколу обѣщали изъ Парижа и изъ Рима.

Одинъ только князь Бисмаркъ не сочувствовалъ этой примирительной попыткѣ, предсказывая ей тотъ же неуспѣхъ, что̀ постигъ всѣ предшествовавшія мѣры, рѣшенныя сообща великими державами. Русскій Дворъ, говорилъ онъ, самъ дол-

женъ рѣшить, хочетъ-ли онъ мира или войны и можетъ-ли онъ согласиться на измѣненія въ протоколѣ, на которыхъ настаиваетъ Англія? Если онъ рѣшится на войну, то дѣйствія его будутъ ограждены Германіею, которая не походитъ на прежнюю Пруссію и съ намѣреніями которой вынуждена считаться и Австрія.

19-го марта представителями шести великихъ державъ въ Лондонѣ подписанъ протоколъ, въ которомъ значилось: что державы считаютъ лучшимъ средствомъ для умиротворенія Востока поддержаніе установившагося между ними согласія и провозглашеніе участія своего къ улучшенію положенія христіанскаго населенія Турціи и къ реформамъ, которыя Турція приняла и обѣщала ввести въ Босніи, Герцеговинѣ и въ Болгаріи; что онѣ принимаютъ къ свѣдѣнію миръ, заключенный съ Сербіею; что относительно Черногоріи онѣ находятъ желательнымъ исправленіе границъ и свободу плаванія по рѣкѣ Боянѣ; что уговоръ Порты съ обоими княжествами державы считаютъ шагомъ къ умиротворенію, составляющему предметъ общихъ ихъ желаній; что онѣ приглашаютъ Порту упрочить его приведеніемъ ея арміи на мирное положеніе и введеніемъ возможно скорѣе реформъ въ трехъ помянутыхъ выше областяхъ; что, въ виду обнаруженныхъ Портою добрыхъ намѣреній, державы надѣются, что Порта не только приметъ всѣ мѣры, необходимыя для улучшенія участи христіанскихъ ея подданныхъ, но, вступивъ на этотъ путь, не покинетъ его и впредь, какъ единственный, отвѣчающій собственной ея чести и пользамъ; что державы, чрезъ посредство представителей въ Константинополѣ и мѣстныхъ своихъ агентовъ, будутъ внимательно наблюдать за исполненіемъ обѣщаній Порты на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи; что если, однако, надежды ихъ снова не оправдаются и положеніе христіанъ въ Турціи не улучшится настолько, чтобы предупредить повтореніе смутъ, періодически нарушающихъ спокойствіе Востока, то державы заявляютъ, что признаютъ такой порядокъ вещей не согласнымъ со своими частными интересами и съ интересами всей Европы, а потому и предоставляютъ себѣ, въ означенномъ случаѣ, принять сообща мѣры, которыя будутъ найдены наиболѣе цѣлесообразными для того, чтобы обезпечить благосостояніе христіанъ и интересы всеобщаго мира.

Къ протоколу были приложены двѣ декларації. Первая за подписью русскаго посла, графа Шувалова, гласила: „Если будетъ заключенъ миръ съ Черногоріей и Порта приметъ совѣтъ Европы и выкажетъ готовность привести армію въ мирное положеніе, а также серьезно приняться за введеніе реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть отправитъ она въ С.-Петербургъ нарочнаго посланника для переговоровъ о разоруженіи, на которое, со своей стороны, согласится Государь Императоръ. Если произойдетъ рѣзня, подобная той, что окровавила Болгарію, то всѣ мѣры къ демобилизаціи будутъ неизбѣжно пріостановлены". Во второй декларації, подписанной лордомъ Дерби, великобританское правительство заявляло, что согласилось подписать протоколъ, предложенный Россіею исключительно въ интересахъ мира Европы, и что если не будетъ достигнута эта цѣль, а именно взаимное разоруженіе Россіи и Турціи и миръ между ними, то оно будетъ считать помянутый протоколъ какъ бы несостоявшимся и лишеннымъ обязательной силы.

Лондонскій протоколъ былъ сообщенъ Портѣ повѣренными въ дѣлахъ великихъ державъ въ Константинополѣ, и 28-го марта высокомѣрно и рѣшительно отвергнутъ ею.

Послѣдняя надежда на миръ исчезла. Узелъ восточныхъ осложненій Императоръ Александръ рѣшился разрубить мечомъ.

XXI.

Вторая Восточная война.

1877—1878.

7-го апрѣля 1877 года, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. Его Величество сопровождали: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, князь Сергій Максимиліановичъ Романовскій и многочисленная свита. Царскій поѣздъ направился къ югозападу и къ утру 10-го прибылъ въ Жмеринку. Тамъ Государь произвелъ смотръ 5-й пѣхотной дивизіи, входившей въ со-

ставъ мобилизованныхъ войскъ. По окончаніи парада, Его Величество собралъ офицеровъ вокругъ себя и сказалъ: „Мнѣ жаль было пустить васъ въ дѣло и потому я медлилъ, доколѣ было возможно. Мнѣ жаль было проливать вашу, дорогую для меня, кровь... Но разъ, что честь Россіи затронута, я убѣжденъ, что мы всѣ, до послѣдняго человѣка, съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха! До свиданія". То были первыя слова, обращенныя къ войску и возвѣщавшія принятое Государемъ рѣшеніе: силою русскаго оружія освободить турецкихъ христіанъ.

Въ тотъ же день Императоръ смотрѣлъ въ Бирзулѣ 31-ю пѣхотную и 9-ю кавалерійскую дивизіи и къ ночи прибылъ въ Тирасполь, гдѣ встрѣтилъ Его Величество главнокомандующій дѣйствующею арміею, окруженный своимъ штабомъ. Произведя по утру смотръ находившимся въ этомъ городѣ войскамъ, Государь продолжалъ путь. Въ пограничной съ Румыніею станціи Унгены Его Величество встрѣтили молдавскій митрополитъ съ духовенствомъ, румынскій префектъ и депутація отъ города Яссъ. „Храни васъ Богъ, поддержите честь русскаго оружія!" повторялъ Императоръ офицерамъ частей, являвшихся ему на смотръ по пути. Въ 11-ть часовъ вечера, Государь и его спутники достигли конечной цѣли путешествія — Кишинева, гдѣ была расположена главная квартира дѣйствующей арміи.

На другой день, 12-го апрѣля, Императоръ Александръ, подписавъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи, отправился въ соборъ. Долго молился онъ, стоя на колѣняхъ у иконостаса, затѣмъ сѣлъ на коня и выѣхалъ къ войскамъ, собраннымъ на скаковомъ полѣ. Тамъ Государь вручилъ подлинный манифестъ преосвященному Павлу, епископу кишиневскому, который прочелъ его предъ фронтомъ. Въ актѣ этомъ излагался весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ, имѣвшихъ цѣлью побудить Порту улучшить участь своихъ христіанскихъ подданныхъ, и отказъ ея исполнить требованіе, предъявленное ей отъ имени всѣхъ великихъ христіанскихъ державъ. „Исчерпавъ до конца миролюбіе наше",— такъ заключался манифестъ, — „мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ, болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска наши, мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи".

Начался торжественный молебенъ. Государь, сойдя съ коня, скомандовалъ: „баталіоны на колѣни!" Колѣнопреклоненное войско, съ державнымъ вождемъ своимъ во главѣ, въ благоговѣніи внимало произнесенной преосвященнымъ Павломъ умилительной молитвѣ о ниспосланіи русскому оружію побѣды и одолѣнія надъ врагомъ. По возглашеніи многолѣтія, епископъ окропилъ знамена святою водою. Подойдя къ главнокомандующему, Императоръ крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ, потомъ снова сѣлъ на коня и пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. „Прощайте, до свиданія!"—говорилъ онъ проходившимъ мимо него полкамъ.—„Возвращайтесь поскорѣе со славою! Поддержите честь русскаго оружія! Да хранитъ васъ Всевышній!" Громкое „ура!" покрывало царскія слова.

Императоръ остался въ Кишиневѣ недѣлю, осматривая проходившія чрезъ этотъ городъ войска, походные госпитали и лазареты, всѣхъ ободряя своимъ участіемъ, очаровывая милостивыми и ласковыми словами. Тамъ получилъ Александръ II извѣстія о щедрыхъ пожертвованіяхъ на военныя надобности городскихъ думъ, дворянства и купечества обѣихъ столицъ, а также бессарабскаго дворянства и земства. 17-го апрѣля, день рожденія Государя, отпраздновано богослуженіемъ въ соборѣ, парадомъ и торжественнымъ обѣдомъ, даннымъ въ честь Его Величества дворянствомъ Бессарабской губерніи въ залѣ дворянскаго собранія. Когда подали шампанское

Государь сказалъ, обращаясь къ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему: „Я душевно радъ, что собственными моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое ты съумѣлъ дать, какъ твоему штабу, такъ и всѣмъ твоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ. Увѣренъ, что ты исполнишь свой долгъ. Пью за здоровье главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи!"

19-го апрѣля Императоръ выѣхалъ изъ Кишинева, на другой день посѣтилъ въ Одессѣ батареи, возведенныя на берегу моря для обстрѣливанія рейда, и смотрѣлъ на маневры миноносокъ; на третій—остановясь въ Кіевѣ, выслушалъ молебенъ въ Печерской лаврѣ и произвелъ смотръ войскамъ; на четвертый—къ вечеру прибылъ въ Москву.

На вокзалѣ Московско-Курской желѣзной дороги Его Величество встрѣтили, за нѣсколько минутъ до него прибывшія изъ Петербурга, Императрица и Цесаревна. Царская семья ѣхала по ярко освѣщеннымъ тысячами огней улицамъ первопрестольной столицы, посреди несмѣтнаго скопленія умиленнаго и ликующаго народа, оглашавшаго воздухъ восторженными кликами.

Утромъ, 23-го апрѣля, Государь принималъ въ Кремлевскомъ дворцѣ депутаціи отъ московскаго дворянства и городской думы, поднесшія всеподданнѣйшіе адресы. Выслушавъ ихъ, Императоръ произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: „Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго, роднаго Кремля, я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до-нельзя щадить дорогую русскую кровь; но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12-го апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно-патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за Вѣру, Царя и Отечество". Вслѣдъ за пріемомъ депутацій, состоялся Высочайшій выходъ съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ.

Посѣтивъ Троицкую лавру и помолясь у раки преподобнаго Сергія, царственная чета, 25-го апрѣля, возвратилась въ Петербургъ. Столица готовила Царю торжественную и задушевную встрѣчу. Войска были разставлены шпалерами по Невскому проспекту; генералы и офицеры гвардіи собрались на Николаевскомъ вокзалѣ. Выйдя изъ вагона, Государь, обратясь къ нимъ, сказалъ: „Я привезъ вамъ, господа, поклонъ отъ главнокомандующаго, который очень жалѣетъ, что вы не съ нимъ, но я еще надѣюсь, что и вамъ удастся принять участіе въ походѣ, и увѣренъ, что вы съумѣете поддержать славу русской арміи". Его Величество прибавилъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій находился уже въ огнѣ у Браилова, гдѣ пять турецкихъ броненосцевъ обстрѣливали городъ, не причинивъ, однако, никакого вреда, и что войска дѣйствующей арміи представились ему въ самомъ блестящемъ состояніи, несмотря на дурныя дороги и ненастную погоду.

Петербургское дворянство и городское общество спѣшили также представить Монарху сочувственные адресы. На привѣтствіе городскаго головы и депутаціи отъ думы Государь отвѣчалъ слѣдующими словами: „Благодарю васъ, господа, за выраженныя вами чувства. Я былъ увѣренъ, что послѣ словъ, сказанныхъ мною въ Москвѣ, и моего манифеста, вы проявите тѣ чувства, которыя мнѣ отрадно видѣть въ васъ. Вы знаете, что мною было сдѣлано все отъ меня зависящее, чтобы дѣло рѣшилось мирнымъ путемъ для избѣжанія пролитія дорогой мнѣ русской крови, и чтобы устранить замѣшательства промышленности. Всевышнему угодно было указать пути для достиженія цѣли и намъ остается лишь уповать на милость Божію, чтобы цѣль наша была достигнута скорѣе. Выраженныя вами чувства радуютъ меня,

тѣмъ болѣе, что я вижу въ нихъ не одни лишь слова, но дѣло. Пожертвованіе ваше облегчитъ положеніе жертвъ, неизбѣжныхъ въ такомъ дѣлѣ. Душевно благодарю васъ и поручаю вамъ выразить мою благодарность всему городскому обществу". Къ этимъ словамъ Императрица, пожелавшая также принять думскую депутацію, прибавила слѣдующее: „Значительное пожертвованіе отъ города С.-Петербурга на военныя потребности, представленное городскою думою въ мое распоряженіе, даетъ мнѣ новый случай выразить мою сердечную благодарность. Я высоко цѣню то чувство, которое руководило вами при назначеніи этого щедраго пожертвованія. Въ чувствахъ вашихъ и въ готовности на жертвы я никогда не сомнѣвалась. Отъ всей души благодарю васъ и, въ лицѣ вашемъ, весь городъ". Въ такихъ же выраженіяхъ благодарили Императоръ и Императрица петербургское дворянство за крупное пожертвованіе въ пользу женъ и дѣтей пострадавшихъ отъ войны.

Въ самый день отъѣзда Государя въ Кишиневъ, т.-е. за пять дней до обнародованія манифеста объ объявленіи войны, государственный канцлеръ возвѣстилъ великимъ державамъ о рѣшеніи, принятомъ Императоромъ. Въ циркулярѣ его представителямъ Россіи при иностранныхъ Дворахъ, какъ и въ Высочайшемъ манифестѣ, подробно изложенъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ и неуспѣшный ихъ исходъ. „Отказъ Порты и побужденія, на коихъ онъ основанъ", писалъ князь Горчаковъ, „не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможнымъ миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ обстоятельствахъ попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха и остается одно изъ двухъ: или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и интересами Европы вообще, или попытаться достигнуть, путемъ понужденія, того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты, путемъ убѣжденія". Слѣдовало сообщеніе, что русскій Императоръ рѣшился принять на себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго вмѣстѣ съ собою приглашалъ всѣ великія державы, и повелѣлъ своимъ войскамъ переступить границы Турціи. „Возлагая на себя это бремя", заключалъ циркуляръ, „нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы".

11-го апрѣля русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ нотою извѣстилъ Порту, что, вслѣдствіе отказа ея подчиниться требованіямъ великихъ державъ, ему предписано порвать съ нею дипломатическія сношенія и оставить Константинополь въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ Императорскаго посольства и русскихъ консуловъ въ Турціи. Къ этому сообщенію онъ присовокупилъ, что обязанъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, предупредить Порту, что на нее падетъ тяжкая отвѣтственность въ случаѣ, если подверглись бы опасности не только русскіе подданные, но и вообще христіане, подданные султана или иностранныхъ державъ, въ какой бы ни было мѣстности Оттоманской имперіи. 12-го мая, Правительствующій Сенатъ обнародовалъ Высочайшее повелѣніе съ изложеніемъ правилъ, коими, во все продолженіе войны, русскія власти должны были руководствоваться, какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, такъ и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ и ихъ уроженцевъ. Правилами этими установлялось: 1) разрѣшеніе турецкимъ подданнымъ свободнаго проживанія и мирныхъ занятій въ предѣлахъ Россіи, подъ защитою дѣйствующихъ законовъ; 2) дозволеніе турецкимъ торговымъ судамъ, застигнутымъ объявленіемъ войны въ русскихъ портахъ, свободно выходить въ море въ продолженіе срока, достаточнаго для нагрузки товаровъ, не составляющихъ военной контрабанды; 3) право подданныхъ нейтральныхъ государствъ продолжать безпрепятственно торговыя сношенія съ русскими портами и городами, подъ условіемъ соблюденія законовъ Имперіи и началъ международнаго

права; кромѣ того: 4) военныя власти обязаны были принимать всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить свободу законной торговли нейтральныхъ государствъ, насколько она допускается условіями военныхъ дѣйствій; 5) подтверждалась сила декларації парижскаго конгресса по морскому праву объ отмѣнѣ каперства, о правѣ нейтральнаго флота покрывать непріятельскій грузъ и о нейтральныхъ товарахъ, не подлежащихъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ—за исключеніемъ военной контрабанды, а также объ обязательности лишь дѣйствительной блокады непріятельскаго берега, причемъ постановленія эти предписано примѣнять ко всѣмъ нейтральнымъ державамъ, не исключая и тѣхъ, которыя, подобно Испаніи и Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, не приступили къ парижской декларації 1856 года; 6) въ точности опредѣлены предметы, составляющіе военную контрабанду и подлежащіе захвату на нейтральныхъ судахъ, если они предназначены въ непріятельскій портъ; 7) нейтральныя суда, которыя занимаются перевозкою непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставкою и подвозомъ непріятелю военныхъ припасовъ не только захватываются, но и конфискуются; 8) военное начальство обязывается не препятствовать судоходству и законной торговлѣ на Дунаѣ и его берегахъ, подвергая ихъ лишь тѣмъ временнымъ стѣсненіямъ, которыя являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны; 9) оно должно оказывать особенное покровительство сооруженіямъ, работамъ и личному составу Европейской Дунайской коммиссіи; 10) оно обязано уважать постановленія Женевской конвенціи 1864 года относительно неприкосновенности непріятельскихъ госпиталей, походныхъ лазаретовъ и врачебнаго персонала, подъ условіемъ соблюденія взаимности со стороны непріятеля; 11) въ силу Петербургской декларації 29-го ноября 1868 года воспрещается употребленіе разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ менѣе 400 граммовъ; 12) въ виду смягченія бѣдствій войны и съ цѣлью согласовать, по мѣрѣ возможности, и подъ условіемъ взаимности, военныя дѣйствія съ требованіями человѣколюбія, военное начальство должно сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, заявленныхъ Брюссельскою конференціею 1874 года, насколько они примѣнимы къ Турціи и къ цѣлямъ настоящей войны.

Объявленіе Россіею войны Турціи, давно уже казавшееся неизбѣжнымъ, тѣмъ не менѣе произвело сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Испуганная Порта обратилась къ державамъ, подписавшимъ договоръ 1856 года, съ просьбою, на основаніи VIII статьи этого договора, взять на себя посредничество между нею и Россіею, но просьба эта не была уважена, вслѣдствіе заявленія князя Горчакова, что о мирѣ теперь думать поздно.

Всѣ европейскія державы издали декларації о своемъ нейтралитетѣ, которыя сопровождались болѣе или менѣе опредѣленными поясненіями.

О рѣшеніи своемъ объявить Портѣ войну Императоръ Александръ извѣстилъ Императора Вильгельма собственноручнымъ письмомъ. Германскій Императоръ отвѣтилъ на него выраженіемъ своей непоколебимой дружбы къ Государю, сердечнаго расположенія къ боевымъ своимъ товарищамъ русской арміи, пожеланія ей успѣховъ, а также сочувствія дѣлу освобожденія турецкихъ христіанъ. Отправленіе князя Рейса посломъ въ Константинополь князь Бисмаркъ объяснилъ необходимостью охранять тамъ интересы, не только Германіи, но и Россіи, подданные которой, оставшіеся въ Турціи, ввѣрены попеченію германскихъ дипломатическихъ и консульскихъ представителей. По поводу отъѣзда Императора Александра въ дѣйствующую армію, нѣмецкій канцлеръ выразилъ полное удовольствіе и повторилъ увѣренія въ дружественномъ и прямодушномъ расположеніи къ Россіи, но при этомъ случаѣ высказалъ также надежду, что, по одержаніи побѣды, Россія покажетъ себя умѣренною и великодушною къ противнику, прибавивъ, что какъ только Дворъ нашъ пожелаетъ завести рѣчь о мирѣ, то Рейсъ можетъ содѣйствовать ему въ томъ въ Константинополѣ, разумѣется, только съ нашего согласія.

Австро-венгерскому правительству пришлось успокоивать общественное мнѣніе, встревоженное вступленіемъ русскихъ войскъ въ Турцію и войною, вспыхнувшею въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дунайскою монархіею. На запросы въ палатахъ австрійскіе и венгерскіе министры отвѣчали, что вѣнскій Дворъ употребилъ всѣ усилія,

дабы русско-турецкая война не обратилась въ обще-европейское столкновеніе, и сохранилъ за собою право повліять на послѣдствія войны и на окончательное устройство Востока въ той мѣрѣ, которая обусловливается географическимъ положеніемъ Австро-Венгріи и политическими ея интересами.

Съ нескрываемыми досадою и раздраженіемъ относилась къ Россіи одна только Англія. Сентъ-джемскій кабинетъ оспаривалъ заключенія русскаго циркуляра о войнѣ; онъ не соглашался съ высказаннымъ княземъ Горчаковымъ мнѣніемъ, что отвѣтъ Порты на сообщенный ей лондондонскій протоколъ не оставлялъ ни малѣйшей надежды на подчиненіе ея волѣ и требованіямъ христіанскихъ державъ и дѣлалъ невозможнымъ заключеніе мира съ Черногоріей, а также взаимное разоруженіе. Еще менѣе допускали министры королевы Викторіи, что, объявивъ войну Турціи, Россія дѣйствовала въ согласіи съ чувствами и интересами Европы. Лордъ Дерби прямо выражалъ мысль, что, поступая такимъ образомъ, Россія нарушаетъ обязательство, наложенное на нее VIII статьей Парижскаго трактата. „Начавъ дѣйствовать противъ Турціи за свой собственный счетъ", писалъ онъ, „и прибѣгнувъ къ оружію безъ предварительнаго совѣта со своими союзниками, русскій Императоръ отдѣлился отъ европейскаго соглашенія, которое поддерживалось доселѣ, и въ то же время отступилъ отъ правила, на которое самъ торжественно изъявилъ согласіе. Невозможно предвидѣть всѣ послѣдствія такого поступка". Выслушавъ эти рѣзкія замѣчанія изъ устъ великобританскаго посла, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что, желая избѣгнуть раздражающей полемики, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ повести къ добру, онъ оставитъ англійскую депешу безъ отвѣта.

Но этимъ сообщеніемъ не ограничился лондонскій Дворъ. Узнавъ о предстоявшемъ отъѣздѣ въ Петербургъ русскаго посла, графа Шувалова, лордъ Дерби вручилъ ему ноту, въ коей, „во избѣжаніе недоразумѣній", перечислилъ тѣ пункты, распространеніе на которыхъ военныхъ дѣйствій затронуло бы интересы Англіи и повлекло бы за собою прекращеніе ея нейтралитета и вооруженное вмѣшательство въ войну Россіи съ Турціей. То были: Суэцкій каналъ, Египетъ, Константинополь, Босфоръ и Дарданеллы, наконецъ, Персидскій заливъ. Для успокоенія общественнаго мнѣнія Англіи, министръ иностранныхъ дѣлъ королевы требовалъ положительнаго отвѣта на свое сообщеніе. Желаніе его было исполнено. Съ Высочайшаго соизволенія, князь Горчаковъ поручилъ графу Шувалову передать лорду Дерби, что Россія не намѣрена ни блокировать, ни загражданть Суэцкаго канала, ни угрожать ему какимъ бы ни было образомъ, почитая его международнымъ сооруженіемъ, важнымъ для всемірной торговли; что хотя Египетъ и является составною частью Оттоманской имперіи, а египетскія войска участвуютъ въ войнѣ противъ Россіи, но, въ виду того, что въ Египтѣ замѣшаны европейскіе интересы и въ особенности интересы Англіи, Россія не включитъ эту страну въ сферу своихъ военныхъ операцій; что, не предрѣшая результатовъ войны, Россія признаетъ во всякомъ случаѣ, что участь Константинополя составляетъ вопросъ, представляющій общій интересъ, который можетъ быть разрѣшенъ только общимъ соглашеніемъ, и что если возбудится вопросъ о принадлежности этого города, то онъ не можетъ принадлежать ни одной изъ европейскихъ державъ; что Босфоръ и Дарданеллы, хотя оба берега ихъ и принадлежатъ одному государю, являются истокомъ двухъ обширныхъ морей, въ которыхъ заинтересованы всѣ державы, а потому слѣдуетъ, при заключеніи мира, разрѣшить этотъ вопросъ съ общаго согласія, на основаніяхъ справедливыхъ и дѣйствительно обезпеченныхъ; что русское правительство не посягнетъ ни на Персидскій заливъ, ни на какой-либо иной путь въ Индію. Императорскій кабинетъ, заявлялъ канцлеръ, вообще не распространитъ войну за предѣлы того, чего требуетъ цѣль войны, громко и ясно возвѣщенная Императоромъ. Онъ будетъ уважать интересы Англіи, доколѣ та станетъ соблюдать нейтралитетъ, въ надеждѣ, что и Англія приметъ во вниманіе интересы Россіи, заключающіеся въ томъ, чтобы положить конецъ бѣдственному состоянію турецкихъ христіанъ и вызываемымъ имъ непрерывнымъ кризисамъ, одинаково вліяющимъ какъ на внутреннее, такъ и на внѣшнее положеніе Россіи. Улучшеніе ихъ участи не противно ни одному изъ европейскихъ инте-

ресовъ. Императоръ Александръ не положитъ оружія, пока цѣль эта не будетъ достигнута и обезпечена надлежащимъ образомъ.

Такъ, всѣ великія державы Запада заняли выжидательное положеніе къ начинавшейся войнѣ. Изъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова, одна только Черногорія выступила, какъ дѣятельная союзница Россіи. Въ самый день объявленія войны, князь Николай возобновилъ военныя дѣйствія противъ турокъ. Румынія не послѣдовала его примѣру. Она, хотя и заключила съ нами конвенцію о свободномъ пропускѣ русскихъ войскъ чрезъ ея владѣнія, но лишь послѣ того, какъ обращеніе ея къ великимъ державамъ о признаніи ея нейтралитета осталось безъ отклика. По вступленіи русскихъ войскъ въ Румынію, румынскія войска не соединились съ ними, но отступили и сосредоточились въ западныхъ областяхъ княжества. Лишь послѣ того, какъ Порта объявила Румыніи войну, румынскія палаты, 10-го мая, провозгласили княжество независимымъ, а князь Карлъ оказалъ главнокомандующему русскою дѣйствующею арміею, перенесшему свою главную квартиру въ г. Плоешти, почетный и радушный пріемъ. Сербія и Греція не двинулись. Объ удержаніи ихъ въ нейтральномъ положеніи усердно хлопотала англійская дипломатія.

Впрочемъ, Императорскій кабинетъ не только не искалъ побудить правительства Румыніи, Сербіи и Греціи къ дѣятельному участію въ войнѣ, но даже предпочиталъ, чтобы они не участвовали въ поединкѣ Россіи съ Турціей. Князь Горчаковъ полагалъ, что въ военныхъ операціяхъ слѣдуетъ ограничиться самымъ необходимымъ, не заходить слишкомъ далеко, не давать войнѣ разростаться, словомъ, вести ее „умѣреннымъ образомъ“. Цѣлью войны, разсуждалъ онъ, должно быть понужденіе султана къ дарованію своимъ христіанскимъ подданнымъ правъ и преимуществъ, выговоренныхъ въ ихъ пользу Европою, но отнюдь не распаденіе Оттоманской имперіи и окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Для этой цѣли достаточно русскихъ силъ, и всякое участіе въ войнѣ христіанскихъ балканскихъ государствъ можетъ только затруднить ея достиженіе, не говоря уже объ опасности вызвать вмѣшательство западныхъ державъ и, такимъ образомъ, зажечь пожаръ, который распространился бы далеко за предѣлы Балканскаго полуострова, и пламя котораго охватило бы всю Европу, весь міръ. Умѣренный способъ веденія войны русскій канцлеръ считалъ единственнымъ средствомъ удержать державы Запада въ состояніи нейтралитета, а для того, чтобы сломить упорство Порты, двѣ или три наши побѣды надъ турками представлялись ему вполнѣ достаточными.

Исходя изъ этихъ соображеній, въ совѣтахъ Императора Александра, русская дипломатія настаивала и теперь, какъ въ 1828 году, на томъ, чтобы задунайскій походъ предпринятъ былъ съ силами, которыя большинство русскихъ военачальниковъ признавало далеко не отвѣчающими силамъ противника. Уступая убѣжденіямъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею и прочихъ призванныхъ на совѣщаніе генераловъ, Государь, въ бытность свою въ Кишиневѣ, повелѣлъ, въ дополненіе къ произведенной въ ноябрѣ 1876 года мобилизаціи четырехъ корпусовъ, составлявшихъ дунайскую армію, мобилизовать семь пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскія дивизіи съ ихъ артиллеріей и одну саперную бригаду, а въ маѣ 1877 года мобилизована еще одна пѣхотная дивизія для подкрѣпленія закавказскихъ войскъ.

Но и съ этими силами предполагалось не переносить войны за Балканы, если только Порта станетъ просить мира ранѣе, чѣмъ будетъ предпринято это движеніе. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Императорскаго кабинета, миръ могъ состояться на слѣдующихъ условіяхъ: Болгарія до Балканъ будетъ возведена на степень васальнаго, но автономнаго княжества, за ручательствомъ Европы; изъ нея будутъ удалены турецкія войска и чиновники, крѣпости будутъ срыты, установлено самоуправленіе и народная милиція; Южной Болгаріи, по ту сторону Балканъ, и всѣмъ прочимъ христіанскимъ областямъ Оттоманской имперіи державы выговорятъ наилучшія гарантіи правильной администраціи; Черногорія и Сербія получатъ земельное приращеніе, опредѣленное съ общаго согласія великихъ державъ; Босніи и Герцеговинѣ будутъ дарованы учрежденія, признанныя отвѣчающими ихъ внутреннему положенію и обезпечивающими имъ хорошее управленіе изъ туземцевъ, причемъ

Австро-Венгріи предоставленъ будетъ преобладающій голосъ въ устройствѣ ихъ участи; Сербія, какъ и Болгарія, останется въ вассальномъ отношеніи къ султану, но отъ державъ будетъ зависѣть настоять предъ Портою на признаніи независимости Румыніи; Россія не потребуетъ для себя другого вознагражденія, кромѣ возвращенія ей части Бессарабіи до Дуная, отторгнутой отъ нея въ 1856 году, и уступки Батума; вознагражденіемъ Румыніи можетъ служить въ такомъ случаѣ или признаніе ея независимости, или, если она останется вассальною,—часть Добруджи; если Австро-Венгрія потребуетъ вознагражденія и для себя, то Россія не воспротивится тому, чтобы она искала его въ Босніи и Герцеговинѣ.

Эти условія мира и обязательство не переступать за Балканы, если Порта своевременно выразитъ на нихъ согласіе, были довѣрительно сообщены Дворамъ берлинскому, вѣнскому и лондонскому, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ отклоненія ихъ Портою, Россія должна будетъ вести войну до тѣхъ поръ, пока не вынудитъ Турцію къ миру. Графу Шувалову поручено было заявить лорду Дерби, что цѣль Россіи—положить конецъ смутамъ, столь часто повторяющимся на Востокѣ, съ одной стороны, убѣдивъ турокъ въ неревѣсѣ своихъ силъ, такъ, чтобъ они впредь уже не смѣли вызывать ее на бой, а съ другой—обезпечить турецкихъ христіанъ, и въ особенности болгаръ, отъ злоупотребленій турецкой администраціи. Цѣль Англіи—поддержать начало цѣлости Оттоманской имперіи и неприкосновенность Константинополя и Проливовъ. Обѣ эти цѣли С.-Петербургскій кабинетъ не признавалъ несогласуемыми. Отъ Англіи зависитъ, утверждалъ онъ, путемъ воздѣйствія на Порту и склоненіемъ ея къ миру, предупредить переходъ русскихъ войскъ за Балканы и окончательное распаденіе Оттоманской имперіи.

Между тѣмъ, военныя дѣйствія открылись на обоихъ театрахъ войны. Въ самый день ея объявленія. 12-го апрѣля, дунайская армія перешла чрезъ Прутъ четырьмя колоннами, подъ начальствомъ генераловъ: барона Дризена, Вапновскаго, Радецкаго и князя Шаховскаго, а передовой отрядъ полковника Струкова занялъ Барбошскій мостъ, на Серетѣ, близъ Галаца. Въ тотъ же день войска кавказской арміи вступили въ Малую Азію, также въ четырехъ колоннахъ, которыми начальствовали генералы: Лорисъ-Меликовъ, направившійся къ Карсу, Тергукасовъ—къ Баязету, Девель—къ Ардагану и Оклобжіо—къ Батуму.

Первыя дѣйствія русскихъ войскъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, ознаменовались блестящими успѣхами. Въ продолженіе мая, дунайская армія, занявъ лѣвый берегъ Нижняго Дуная, сосредоточилась въ окрестностяхъ Бухареста, кавалерія же расположилась вдоль по Дунаю, отъ впаденія въ него Ольты, до Килія. Главная квартира перенесена была въ Плоешти. Прибывшая къ Браилову осадная артиллерія открыла перестрѣлку съ турецкою артиллеріею, находившеюся по ту сторону Дуная. Удачными выстрѣлами ея затопленъ турецкій броненосецъ. Другой непріятельскій броненосецъ взорванъ съ миноноснаго катера лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ. Минныя загражденія устроены: на нижнемъ Дунаѣ—у Браилова, на среднемъ—между Парапаномъ и Корабіей. Въ Малой Азіи крѣпости Ардаганъ и Баязетъ взяты приступомъ, послѣ чего приступлено къ обложенію крѣпости Карса.

Императоръ Александръ желалъ быть личнымъ свидѣтелемъ боевыхъ подвиговъ доблестныхъ своихъ войскъ. 21-го мая, въ 11 часовъ вечера, Его Величество, сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ, выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію. Въ свитѣ Государя находились: канцлеръ князь Горчаковъ, министры: Императорскаго Двора и военный. Вечеромъ 24-го мая, Царскій поѣздъ въ Унгенахъ переступилъ русскую границу, а на другой день, въ началѣ второго часа пополудни, прибылъ въ Браиловъ. Тамъ ждали Императора: Августѣйшій Главнокомандующій, Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ младшій, начальники частей и главные чины полевого штаба, а также генералы и офицеры, отличившіеся въ дѣлахъ съ непріятелемъ и получившіе уже георгіевскіе кресты и другія боевыя отличія. Обнявъ брата и поблагодаривъ военныхъ чиновъ за проявленную храбрость, Государь продолжалъ путь въ

Плоешти — главную квартиру дѣйствующей арміи, куда и прибылъ въ тотъ же вечеръ. На слѣдующій день пріѣхалъ привѣтствовать Его Величество князь Карлъ Румынскій, которому Императоръ не замедлилъ отдать визитъ въ Бухарестѣ. Румынскія власти, войска и весь народъ громкими кликами радости встрѣтили того, кого, въ привѣтственной рѣчи, предсѣдатель румынской палаты депутатовъ г. Россети назвалъ «освободителемъ Румыніи».

Въ продолженіе трехъ недѣль половодье на Дунаѣ не дозволяло предпринять переправы чрезъ эту рѣку. Между тѣмъ, Государя занималъ пересмотръ важныхъ политическихъ вопросовъ. По прибытіи въ армію, онъ скоро убѣдился, что принятое въ Петербургѣ рѣшеніе не переступать за черту Балкановъ и удовольствоваться согласіемъ Порты на раздѣленіе Болгаріи на двѣ области, изъ которыхъ та, что расположена къ сѣверу отъ Балканской цѣпи, составила бы автономное княжество, а вторая осталась бы подъ непосредственною властью султана—не отвѣчаетъ побужденіямъ, вызвавшимъ войну, потому что, при этихъ условіяхъ, пришлось бы оставить подъ турецкимъ владычествомъ тѣхъ именно болгаръ, которые наиболѣе пострадали отъ насилія и произвола мусульманъ. Въ этомъ смыслѣ поручено было русскимъ посламъ объясниться съ кабинетами берлинскимъ, вѣнскимъ и лондонскимъ, предупредивъ ихъ, что, по зрѣломъ размышленіи, русскій Дворъ находитъ, что Болгарія по обѣ стороны Балканъ должна составить одну область, состоящую въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, но пользующуюся полною самостоятельностью внутренняго управленія. Въ сознаніи военныхъ потребностей измѣнился взглядъ Императора Александра и на движеніе русской арміи за Балканы и на участіе въ войнѣ Сербіи и Румыніи. Сербскій князь Миланъ, прибывшій въ Плоешти въ сопровожденіи перваго министра Ристича, удостоенъ милостиваго пріема и обнадеженъ согласіемъ Россіи на возобновленіе Сербіей, въ союзѣ съ нею, военныхъ дѣйствій противъ турокъ; съ Румыніей заключено соглашеніе о дѣятельномъ содѣйствіи румынскихъ войскъ операціямъ русской дѣйствующей арміи.

Мѣстомъ перехода главныхъ русскихъ силъ чрезъ Дунай, въ глубочайшей тайнѣ, избрана главнокомандующимъ Зимница, мѣстечко, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки, противъ лежащаго на правомъ берегу, болгарскаго города Систова. Дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого пункта, въ ночь на 10-е іюня, передовой отрядъ 14-го корпуса успѣшно переправился чрезъ Нижній Дунай у Галаца и заняль на турецкомъ берегу высоты Буджака. Въ тотъ же день Государь отправился въ Галацъ, куда прибылъ на слѣдующій, въ пять часовъ утра. Первымъ вопросомъ Его Величества было: „Сколько жертвъ стоила эта переправа?“ Узнавъ, что раненые офицеры и нижніе чины свезены въ Галацкій госпиталь, Императоръ пожелалъ немедленно навѣстить ихъ. Съ глазами, полными слезъ, утѣшалъ онъ увѣчныхъ и страждущихъ воиновъ, благодарилъ за службу и за пролитую кровь, роздалъ имъ кресты и другія награды, щедро одаряя ихъ и деньгами. Съ этого дня и до самаго отъѣзда изъ арміи, посѣщеніе госпиталей и лазаретовъ сдѣлалось главною заботою Государя. Онъ являлся въ нихъ ангеломъ-утѣшителемъ, ободряя раненыхъ, ласково бесѣдуя съ ними, разспрашивая ихъ о желаніяхъ и нуждахъ, осыпая выраженіями царской милости, какъ ихъ, такъ и санитарный персоналъ, врачей и сестеръ милосердія, съ неутомимымъ рвеніемъ совершая свой человѣколюбивый подвигъ.

Въ Галацѣ и Браиловѣ Императоръ Александръ присутствовалъ при посадкѣ на суда остальныхъ частей 14-го корпуса, переправлявшихся на правый берегъ Дуная и скоро занявшихъ, безъ выстрѣла Мачинъ, Тульчу и Исакчу. По возвращеніи въ Плоешти, вечеромъ 11-го іюня, Его Величество подписалъ воззваніе на болгарскомъ языкѣ, которое войска наши, перешедшія Дунай, должны были распространять среди христіанскаго населенія Болгаріи.

„Болгаре“,—гласило оно—„мои войска перешли Дунай, и вступаютъ нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ завѣтномъ единомысліи всего православнаго русскаго народа, мои прародители успѣли, въ былые годы, своимъ вліяніемъ и оружіемъ послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой

политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она, съ равнымъ благоволеніемъ и любовію относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ великой христіанской семьи на Востокѣ. На храброе войско мое, предводимое моимъ любезнымъ братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніями моими возложено—оградить навѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли, не силою вооруженнаго сопротивленія, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки. Жители страны Болгарской! Задача Россіи—созидать, а не разрушать. Она призвана Всевышнимъ Промысломъ согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной вѣры. Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина; ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе безпощадно послѣдуетъ законное наказаніе. Жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ, будутъ одинаково обезпечены. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ". Слѣдовало обращеніе къ мусульманамъ, живущимъ въ Болгаріи. Русская власть не будетъ возмещать содѣянныхъ ими жестокостей и преступленій надъ согражданами-христіанами, если только они чистосердечно признаютъ судъ Божій, надъ ними совершающійся, и безусловно покорятся русскимъ властямъ. Подъ этимъ условіемъ обѣщалось, что вѣра ихъ останется неприкосновенною и будутъ охраняемы жизнь, достояніе и честь, какъ ихъ, такъ и ихъ семействъ. Христіане Болгаріи также приглашались явить примѣръ христіанской любви, забыть старыя домашнія распри, сплотиться вокругъ русскаго знамени, и, всѣми силами содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, служить прочному возрожденію болгарскаго края. Воззваніе заключалось слѣдующими словами: „По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, содѣйствуя, подъ высшимъ руководствомъ мною установленной для сего власти, и новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностью честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія—докажите вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ, съ такимъ трудомъ и пожертвованіями, для васъ готовила. Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ сила и спасеніе. Смиренно молю Всевышняго, да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства и да ниспошлетъ свыше благословеніе свое на правое дѣло. *Александръ*".

Проведя въ Плоештахъ весь день, 12-го іюня, Императоръ выѣхалъ оттуда 13-го, въ четыре часа пополудни, и къ утру слѣдующаго дня, доѣхавъ до Слатина по желѣзной дорогѣ, прослѣдовалъ въ экипажѣ на курганъ, возвышавшійся на самомъ берегу Дуная, въ трехъ верстахъ отъ румынскаго города Турнъ-Магурелли и почти насупротивъ турецкой крѣпости Никополя. Тамъ нашелъ Государь главнокомандующаго, вмѣстѣ съ которымъ онъ долго наблюдалъ за пушечной перестрѣлкой нашихъ береговыхъ осадныхъ батарей съ непріятельскою крѣпостью. Усиленная эта пальба предпринята была съ цѣлью отвлечь вниманіе турокъ отъ Зимницы, гдѣ все готовилось къ переправѣ, которая началась въ ночь съ 14-го на 15-е. Ночь эту Императоръ провелъ въ Драчѣ, деревнѣ, расположенной неподалеку отъ Турнъ-Магурелли, а рано поутру онъ, въ сопровожденіе Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, снова выѣхалъ на придунайскій курганъ. Пока Государь глядѣлъ въ подзорную трубу въ направленіи къ Зимницѣ, главнокомандующій, взобравшись на

козлы телеграфной кареты, самъ переговаривался съ Зимницкой телеграфной станціей и тотчасъ же передавалъ Его Величеству свѣдѣнія о ходѣ переправы. Трудная и сложная операція эта удалась какъ нельзя лучше. Къ одиннадцати часамъ утра, поставленная на понтоны, 14-я пѣхотная дивизія генерала Драгомирова была уже вся перевезена на лѣвый берегъ рѣки, а турки поспѣшно отступили къ Систову. Вслѣдъ за 14-ю поплыла 9-я дивизія и стрѣлки. Уже по возвращеніи Государя въ Драчу къ обѣду, получена была телеграмма изъ Зимницы отъ начальника штаба арміи, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, извѣстившая, что переходъ чрезъ Дунай двухъ пѣхотныхъ дивизій, трехъ батарей артиллеріи и сотни казаковъ совершился съ полнымъ успѣхомъ и что переправившіяся на правый берегъ войска наши овладѣли Систовымъ и окружающими высотами. Государь былъ въ восторгѣ, и тутъ же возложилъ на брата знаки ордена св. Георгія II степени. „Съ малолѣтства сроднившись съ арміей“, сказалъ онъ обступившимъ его генераламъ и офицерамъ Императорской квартиры, „я не вытерпѣлъ и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ нею труды и заботы. Я радъ, что хоть частичкѣ моей гвардіи досталось трудное дѣло и она геройски исполнила его. Дай Богъ, чтобы всегда такъ было“.

На другой день, 16-го іюня, на разсвѣтѣ, Государь летѣлъ въ Зимницу, гдѣ уже опередилъ его прибытіемъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Ровно въ полдень, при оглушительныхъ кликахъ „ура!“, Императоръ Александръ сѣлъ въ приготовленный для него понтонъ и высадился на противоположномъ турецкомъ берегу, гдѣ встрѣтилъ его главнокомандующій, окруженный блестящею свитою. Въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ верховный вождь русской арміи начальниковъ частей за ихъ труды и распоряженія, увѣнчавшіяся столь блестящимъ успѣхомъ

Сѣвъ на коня, Государь поднялся въ гору къ Систову, поздравляя съ побѣдою разставленные по пути полки 8-го корпуса, на долю котораго выпала честь первымъ вступить на непріятельскую землю. Впереди Систова на встрѣчу Государю вышло православное духовенство съ хоругвями, крестомъ и св. водою и все болгарское населеніе города. Мужчины кричали „живіо!“, женщины и дѣти усыпали царскій путь цвѣтами, старики плакали отъ радости, всѣ цѣловали стремена и ноги Государя. Приложившись ко кресту, Его Величество направился въ соборъ, гдѣ отстоялъ литургію и молебствіе, потомъ проѣхалъ на наши аванпосты, расположенные на западъ отъ города, почти на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля и, осмотрѣвъ войска и мѣстность, принялъ почетныхъ жителей и стариковъ. Къ обѣду Государь вернулся въ Зимницу.

Въ Зимницѣ Императоръ Александръ провелъ болѣе двухъ недѣль въ небольшомъ домѣ, принадлежавшемъ князю Ипсиланти. Сначала Государь слѣдилъ за постройкой моста и за постепеннымъ переходомъ по немъ нашихъ главныхъ силъ, раздѣленныхъ на четыре отряда. 12-й и 13-й корпуса подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича составили рущукскій отрядъ, расположенный между рѣками Янтрою и Ломомъ, для обезпеченія лѣваго фланга арміи; 9-й корпусъ приступилъ къ осадѣ Никополя; остальныя войска сосредоточивались вокругъ главной квартиры, перенесенной, 25-го іюня, въ Царевицы; наконецъ, передовой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Гурко, былъ двинутъ въ направленіи къ Тырнову и Балканамъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ назначенъ главнымъ начальникомъ собранныхъ на Дунаѣ морскихъ частей, а Великій Князь Владиміръ Александровичъ — командующимъ 12-мъ корпусомъ.

По отъѣздѣ изъ Зимницы брата и двухъ старшихъ сыновей, Государь время свое раздѣлялъ между смотрами подходившихъ къ мосту войскъ, посѣщеніемъ госпиталей и поѣздками по окрестностямъ. Скоро получилъ онъ извѣстіе о занятіи Тырнова отрядомъ генерала Гурко и о перенесеніи главной квартиры въ эту древнюю столицу болгарскихъ царей. Императоръ томился отдаленностью своего мѣстопребыванія отъ театра военныхъ дѣйствій. Его тянуло за Дунай, поближе къ полямъ сраженій, на которыхъ рѣшалась участь похода. Предоставивъ главнокомандующему полную свободу распоряжаться движеніями арміи, Государь считалъ своимъ царственнымъ долгомъ заботу о жертвахъ войны, о страждущихъ воинахъ, раненыхъ и больныхъ. Онъ хотѣлъ находиться среди нихъ, „бра-

томъ милосердія", какъ выражался онъ самъ о своемъ человѣколюбивомъ подвигѣ. 3-го іюля Его Величество и слѣдовавшая за нимъ Императорская квартира перебрались за Дунай и расположились на ночлегъ въ деревнѣ Царевицахъ, въ пяти верстахъ отъ переправы. При Императорѣ находился Великій Князь Сергій Александровичъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ остался въ Зимницѣ, чтобы руководить работами и дѣйствіями нашихъ моряковъ на Дунаѣ. Къ вечеру этого дня Государь получилъ извѣстіе о переходѣ передового отряда генерала Гурко чрезъ Хаскіоскій перевалъ за Балканы.

Въ ночь съ 3-го на 4-е іюля въ Царскомъ лагерѣ вызвала тревогу телеграмма изъ Систова, извѣщавшая о появленіи турокъ подъ этимъ городомъ. Государь тотчасъ приказалъ разбудить свою свиту и, во главѣ ея, выступилъ въ направленіи къ селу Павло, гдѣ расположена была штабъ-квартира Наслѣдника. Къ счастью, извѣстіе оказалось ложнымъ. Встрѣченный Цесаревичемъ, Императоръ, по прибытіи въ Павло, получилъ отъ командира 9-го корпуса, генерала Криднера, телеграмму: „Никополь у ногъ Вашего Величества". Турецкая крѣпость, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося цѣлый день, сдалась на капитуляцію; взято въ плѣнъ двое пашей и до 6.000 человѣкъ регулярнаго войска.

6-го іюля Государь разстался съ Наслѣдникомъ, перенесшимъ свою главную квартиру далѣе къ Лому, а 8-го самъ переѣхалъ въ Бѣлу, городъ на Янтрѣ, гдѣ и оставался до конца іюля.

Еще въ Зимницѣ получены были съ Кавказа неблагопріятныя вѣсти. Послѣ пораженія, нанесеннаго отряду генерала Геймана Мухтаромъ-пашою у Зивина, генералъ Лорисъ-Меликовъ вынужденъ былъ снять осаду Карса. Не малаго труда стоило генералу Тергукасову освободить русскій гарнизонъ, осажденный въ Баязетской цитадели, превосходными силами непріятеля. Въ послѣднихъ числахъ іюля всѣ отряды кавказскаго дѣйствующаго корпуса перешли обратно за русскую границу.

На европейскомъ театрѣ войны—первою неудачею было отраженіе Османомъ-пашею, 8-го іюля, дивизіи генерала Шильдеръ-Шульднера при нападеніи его на Плевну. Предпринятая десять дней спустя вторичная попытка овладѣть этимъ городомъ, соединенными силами 9-го и 11-го корпусовъ, окончилась еще болѣе чувствительною неудачею. Въ этотъ промежутокъ времени, главнокомандующій западною турецкою арміею, Османъ-паша, окопавшись впереди Плевны, обратилъ свою позицію въ обширный уврѣпленный лагерь и отбилъ произведенный на него штурмъ съ сильною потерею для нападавшихъ. Уронъ нашъ въ этомъ бою простирался до 6.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ тотъ же день, генералъ Гурко, по овладѣніи Шипкинскимъ переваломъ и долиною Тунджи съ городами Казанлыкомъ, Эски-Загрою и Іени-Загрою, встрѣтился со значительно превосходившею числомъ отрядъ его арміею Сулеймана-паши, и оттѣсненный ею, вынужденъ былъ отступить за Балканы, удержавъ, однако, за нами горные перевалы, въ томъ числѣ и важнѣйшій изъ нихъ, Шипкинскій.

Тотчасъ по полученіи извѣстія объ отбитіи второй атаки на Плевну и не зная еще объ отступленіи генерала Гурко за Балканы, Императоръ Александръ пригласилъ главнокомандующаго прибыть къ нему въ Бѣлу, для совѣщанія. На военномъ совѣтѣ, происходившемъ 19-го іюля въ Высочайшемъ присутствіи, въ которомъ приняли участіе Великій Князь Николай Николаевичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, военный министръ и начальникъ штаба дѣйствующей арміи, рѣшено мобилизовать и двинуть за Дунай весь гвардейскій корпусъ, за исключеніемъ кирасирской дивизіи, а также 24-ю пѣхотную дивизію. Вѣсть о неудачахъ, постигшихъ отрядъ Гурко, не поколебала твердости Императора. Бодрость свою онъ искалъ передать войскамъ, говоря офицерамъ различныхъ частей, проходившихъ чрезъ Бѣлу: „Вы слышали о неудачѣ? Не унывайте, Богъ милостивъ. Я потребовалъ гвардію".

Между тѣмъ, главная квартира Великаго Князя Николая Николаевича перенесена была изъ Тырнова въ Горный Студень. Туда же рѣшился переѣхать и Государь со своею свитою, главнымъ образомъ, вслѣдствіе настоянія лейбъ-медика Боткина, находившаго климатъ Бѣлы нездоровымъ и способствующимъ усиленію лихорадки, которою уже началъ страдать Императоръ. 2-го августа Государь прибылъ въ

Горный Студень совершивъ верхомъ сорокапяти-верстный переходъ туда изъ Бѣлы. Для Его Величества приготовленъ былъ небольшой деревянный домъ въ шесть комнатъ, которыя Государь раздѣлилъ съ министрами: Императорскаго двора, графомъ А. В. Адлербергомъ, и военнымъ—генералъ-адъютантомъ Милютинымъ; въ подвальномъ этажѣ дома помѣстился генералъ-адъютантъ князь Суворовъ. Царская свита расположилась вокругъ, въ палаткахъ.

Здѣсь царственному подвижнику суждено было пережить тяжелые, нерадостные дни. Ближайшія къ нему лица не разъ, тотчасъ по переходѣ арміи за Дунай, пытались убѣдить его оставить армію и возвратиться въ Петербургъ. Они опасались вреднаго вліянія на его нервную и впечатлительную натуру печальныхъ извѣстій съ мѣста боя, бѣдствій, неразрывно сопряженныхъ съ войною, переполненія госпиталей и лазаретовъ ранеными, трепетали и за личную его безопасность при томъ неблагопріятномъ оборотѣ, который принимали дѣла въ нашемъ центрѣ и на правомъ флангѣ, гдѣ съ минуты на минуту можно было ожидать перехода непріятеля въ наступленіе. Но Императоръ Александръ и слышать не хотѣлъ объ оставленіи арміи. Не взирая на невыносимый лѣтній зной, какъ впослѣдствіи на приближеніе ненастной осени, на всѣ лишенія, сопряженныя съ походною жизнью въ дикой, опустошенной странѣ, на болѣзненное состояніе своего здоровья, онъ рѣшился съ христіанскимъ смиреніемъ совершить свой подвигъ—до конца.

Въ Горномъ Студнѣ Государь вставалъ около восьми часовъ утра, никогда не измѣняя этого часа, даже послѣ тревожныхъ ночей, часто проведенныхъ безъ сна, отвѣчая на замѣчанія своего врача: „Я не могу вставать позже потому, что не успѣю иначе всего сдѣлать“. До кофе онъ совершалъ утреннюю прогулку пѣшкомъ, иногда заходя въ лазареты; потомъ принимался за обычныя занятія, читалъ телеграммы и разныя донесенія, просматривалъ и газеты, внимательно слѣдя за военными дѣйствіями, изучая ихъ на картѣ, дѣлая отмѣтки, сообразно полученнымъ свѣдѣніямъ. Въ двѣнадцать часовъ подавали завтракъ въ большемъ шатрѣ, къ которому собиралась вся свита. Телеграммы, получаемыя во время завтрака или обѣда, читались вслухъ. Послѣ полудня Его Величество удалялся къ себѣ и нѣсколько часовъ посвящалъ работѣ надъ бумагами, присылаемыми изъ Петербурга, читалъ ихъ и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія или писалъ резолюціи. Въ эту пору дня слушалъ онъ доклады не отлучавшихся отъ него министровъ—Императорскаго двора, военнаго, и шефа жандармовъ, переписывался съ оставшимся въ Бухарестѣ государственнымъ канцлеромъ, принималъ посланныхъ къ нему лицъ или курьеровъ. Въ четыре часа Государь ложился отдохнуть, всегда приказывая разбудить себя, если получится какое-либо важное извѣстіе. Отдохнувъ съ часъ времени, онъ совершалъ прогулку въ экипажѣ по лагерю и ежедневно навѣщалъ то тотъ, то другой лазаретъ. Обѣдалъ Государь въ семь часовъ въ томъ же шатрѣ, окруженный свитою. Послѣ обѣда; за чаемъ, читались вслухъ выписки изъ газетъ иностранныхъ и русскихъ. Въ одиннадцать часовъ вечера всѣ расходились, но Императоръ, погулявъ немного, долго еще работалъ у себя, обыкновенно, до часу ночи, иногда и долѣе, когда въ часы, назначенные для дневной работы, ему приходилось выѣзжать на позиціи.

Послѣ второй Плевны и отступленія передового отряда генерала Гурко за Балканы, наступило повсемѣстное затишье, продолжавшееся безъ малаго три недѣли. Прервано оно было 4-го августа неудавшеюся попыткою турокъ прорваться чрезъ Хаскіоскій перевалъ. Пять дней спустя, 9-го августа, Сулейманъ-паша съ значительными силами атаковалъ перевалъ на Шибкѣ. Въ этотъ день отбито нѣсколько приступовъ, но турки съ необычайнымъ упорствомъ возобновляли ихъ въ продолженіе шести послѣдующихъ дней, атакуя наши позиціи по десяти и болѣе разъ въ сутки. Въ шестидневномъ бою генералъ Радецкій отстоялъ перевалъ, благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ и беззавѣтной храбрости и самоотверженію войскъ.

Съ безпокойствомъ и тревогою слѣдилъ Императоръ Александръ за перипетіями кровавой бойни, отъ исхода которой зависѣла участь похода. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ телеграммъ съ мѣста сраженія, самъ принималъ, разспрашивалъ и выслушивалъ всѣхъ прибывшихъ съ Шибки офицеровъ, русскихъ и иностранныхъ, даже корреспондентовъ газетъ. „Что же это, наконецъ,

второй Севастополь!"—воскликнулъ онъ, когда развернулась предъ нимъ картина ужаса, страданій и смерти, отражавшаяся какъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ, такъ и въ разсказахъ очевидцевъ. Вѣсти о многочисленныхъ жертвахъ боя раздирали ему сердце. Безпрерывная внутренняя тревога отразилась на его здоровьѣ. Видъ его былъ истомленный; онъ похудѣлъ, осунулся, какъ будто сгорбился подъ тяжестью заботъ. Труднѣе прежняго переносилъ онъ стоявшую невыносимую жару. Единственною отрадою Императора было непрекращавшееся ежедневное посѣщеніе имъ госпиталей. „Государь", свидѣтельствуетъ обычный спутникъ его въ этихъ посѣщеніяхъ, С. П. Боткинъ, „относится съ такою истинною сердечностью къ раненымъ, что невольно становится тепло при этихъ сценахъ. Солдатики, какъ дѣти, бросаются на подарки и радуются чрезвычайно наивно. Сколько мнѣ приходилось видѣть этихъ прекрасныхъ синихъ глазъ, слегка овлажненныхъ слезою. Я до сихъ поръ не могу смотрѣть на эти сцены безъ особаго чувства теплоты и умиленія".

Едва прекратились отчаянные приступы Сулеймана-паши на Шибку, какъ перешли въ наступленіе Османъ-паша на нашемъ правомъ флангѣ и Мехмедъ-Али—на лѣвомъ. Нападеніе на войска Западнаго отряда, стоявшаго противъ Плевны, подъ начальствомъ генерала Зотова, было отражено 19-го августа подъ Пелишатомъ; наканунѣ—18-го—передовыя войска рущукскаго отряда были оттѣснены турками, возобновившими 24-го свое нападеніе на отрядъ Цесаревича по всей линіи, но—безуспѣшно.

Между тѣмъ, въ дѣйствующую армію прибыли подкрѣпленія: 2-я и 3-я пѣхотныя дивизіи и 3-я стрѣлковая бригада, а также двадцатипяти-тысячная румынская армія, перешедшая чрезъ Дунай, подъ личнымъ предводительствомъ князя Карла, который, 16-го августа, посѣтилъ Императора въ Горномъ Студнѣ. Тамъ, на военномъ совѣтѣ, рѣшено, что румынскія войска, вмѣстѣ съ русскими 4-мъ и 9-мъ корпусами, войдутъ въ составъ Западнаго отряда, который поступитъ подъ главное начальство князя Карла.

Съ этими силами признано было возможнымъ возобновить въ третій разъ нападеніе на Плевну и защищавшія ее войска Османа-паши. Съ Западнымъ отрядомъ соединился отрядъ генерала князя Имеретинскаго, взявшій съ бою Ловчу. 26-го августа, всѣ собранныя подъ Плевною части придвинулись къ этому городу, и съ возведенныхъ въ одну ночь батарей—въ числѣ ихъ и двѣ батареи осадной артиллеріи—открыли огонь по турецкому укрѣпленному лагерю. Рѣшено, по предварительной подготовкѣ артиллерійскимъ огнемъ,—штурмовать Плевну.

Государь пожелалъ быть свидѣтелемъ этого рѣшительнаго боя. 24-го августа онъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, переѣхалъ изъ Горнаго Студня въ Чаушъ-Махала, а 26-го выѣхалъ на позиціи подъ Плевною. Съ возвышенности, находившейся между центромъ и правымъ нашимъ флангомъ и получившей названіе „Царскаго валика", Его Величество, въ этотъ и три послѣдующіе дня, наблюдалъ за дѣйствіемъ бомбадированія, а 30-го августа слѣдилъ за ходомъ предпринятаго штурма.

Въ день тезоименитства Государя, въ полдень, на Царскомъ валикѣ отслуженъ былъ молебенъ, въ присутствіи Императора, главнокомандующаго и многочисленной свиты.

Бой начался на лѣвомъ флангѣ въ одиннадцать часовъ утра, но, согласно диспозиціи, штурмовыя колонны двинулись на приступъ только въ три часа пополудни. „Боже мой, Боже мой, какой ужасный ружейный огонь", молвилъ Императоръ Александръ, выѣхавъ на двѣ версты впередъ отъ валика, чтобы ближе слѣдить за ходомъ сраженія. Не добрыя вѣсти приносились съ мѣста боя. Всѣ наши атаки были послѣдовательно отбиты. Войска отступали со страшнымъ урономъ. Подъ этимъ удручающимъ впечатлѣніемъ, Государь, въ восемь часовъ вечера, уѣхалъ на ночлегъ въ селеніе Радоницы. Лишь на другое утро Государю доложили, что на лѣвомъ флангѣ генералъ Скобелевъ 2-й овладѣлъ двумя турецкими редутами, а на правомъ флангѣ большой Гривицкій редутъ взятъ приступомъ архангелогородскимъ полкомъ, поддержаннымъ румынами. „Скорбь Государя дѣйствительно искренняя и горячая",—пишетъ близко присматривавшійся къ нему, довѣренный врачъ его, Боткинъ. „Но знаетъ-ли онъ причину всѣхъ этихъ погромовъ? Не извѣстно. Его кругомъ обманываютъ, и кто же изъ спе-

ціалистовъ рѣшится прямо и откровенно высказать свое мнѣніе? Все окружающее не блеститъ такимъ гражданскимъ мужествомъ, которое бы давало право говорить правду тамъ, гдѣ нужно"...

Съ разсвѣтомъ 31-го августа Императоръ снова выѣхалъ на позицію, на Царскій валикъ, который, по образному выраженію Боткина, въ эти скорбные дни, былъ его „Голгоѳою". Онъ ясно видѣлъ оттуда, какъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, тѣснимый превосходными силами непріятеля, Скобелевъ вынужденъ былъ, отступая шагъ за шагомъ, очистить занятые имъ наканунѣ два редута. Поддержать его было нечѣмъ. Всѣ резервы были уже введены въ дѣло и также, какъ и всѣ прочія участвовавшія въ штурмѣ войска, понесли громадныя потери. За два дня мы лишились убитыми и ранеными болѣе 15.000 человѣкъ, румыны—3.000.

Страшный, непомѣрный уронъ, ослабившій и разстроившій всѣ части, отсутствіе резервовъ, отдаленность шедшихъ изъ Россіи подкрѣпленій—таковы были соображенія, въ силу которыхъ главнокомандующій признавалъ невозможнымъ оставаться на занимаемыхъ подъ Плевною позиціяхъ. Онъ не скрылъ отъ Государя, что считаетъ необходимымъ отступленіе арміи къ Дунаю, ссылаясь на то, что война начата была съ недостаточными силами... Противъ этого мнѣнія съ жаромъ возсталъ военный министръ Милютинъ, возразившій, что отступленіе невозможно и было бы для арміи позоромъ; что нельзя отступать когда ничего еще неизвѣстно о намѣреніяхъ непріятеля, который, быть можетъ, отступитъ и самъ; что никто насъ не тѣснитъ; что мы должны стоять, пока не подойдутъ подкрѣпленія...

Съ самаго пріѣзда въ армію, Государь тщательно отстранялъ себя отъ руководительства военными дѣйствіями, предоставляя, въ этомъ отношеніи, полную свободу и независимость главнокомандующему и, по словамъ Боткина, „держалъ себя безукоризненно, не вмѣшиваясь иначе, какъ добрымъ совѣтомъ". Такъ, онъ не разъ сдерживалъ порывы и увлеченія полеваго штаба, напоминалъ главнокомандующему о необходимости оградить себя съ фланговъ, обезпечить систовскую переправу и не слишкомъ зарываться впередъ. Передъ второю Плевною, Государь совѣтовалъ быть осторожными, не давать сраженія, не сосредоточивъ противъ Османа силъ, равныхъ тѣмъ, которыми располагалъ паша. Теперь, послѣ третьей неудачи подъ Плевною, въ торжественную и рѣшительную минуту, когда отъ принятаго рѣшенія зависѣли, не только исходъ войны, но и будущая судьба Россіи, ея обаяніе въ мірѣ, Императоръ Александръ, „въ сознаніи отвѣтственности своей передъ Россіею", какъ самъ онъ выражался, разсказывая объ этомъ эпизодѣ близкимъ ему лицамъ, нашелъ, что Царю принадлежитъ послѣднее, рѣшающее слово. Личное мнѣніе его было уже составлено. Онъ считалъ нужнымъ, не отступая ни на шагъ, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, приступить къ правильной осадѣ или, по меньшей мѣрѣ, къ обложенію Плевны и во что бы ни стало—покончить съ Османъ-пашою прежде, чѣмъ предпринимать какое-либо другое движеніе. Желая однако выслушать и мнѣніе главныхъ чиновъ полевого штаба и начальниковъ частей, онъ созвалъ военный совѣтъ, для окончательнаго обсужденія плана дальнѣйшихъ дѣйствій.

Совѣтъ открылся на другой день, 1-го сентября, на Царскомъ валикѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Въ немъ приняли участіе: главнокомандующій, военный министръ и генералы: Непокойчицкій, Зотовъ, князь Масальскій и Левицкій. Императоръ, обведя весь кружокъ вопросительнымъ взоромъ, остановилъ его на главнокомандующемъ, который изложилъ подробно соображенія, побуждавшія его настаивать на необходимости отступленія къ Дунаю. Генералы Зотовъ и князь Масальскій предлагали отвести войска Западнаго отряда на позиціи, которыя занимали они до послѣдняго движенія къ Плевнѣ, за Осмою, и тамъ ждать прихода подкрѣпленій. Энергично возсталъ противъ всякаго отступленія генералъ Левицкій. Онъ выразилъ мнѣніе, что отступать въ настоящую минуту, послѣ новаго пораженія, отнюдь не слѣдуетъ ни одной пяди; что отступленіе невозможно, ни въ политическомъ смыслѣ, по нашимъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ державъ, ни въ смыслѣ нравственномъ, по отношенію къ противнику, къ своей собственной арміи и, наконецъ, къ Россіи; что намъ теперь не отступать, а напротивъ надо еще тѣснѣе сплотиться вокругъ Плевны, при-

тянуть къ ней изъ Россіи возможно большія силы, взять сюда гвардію и гренадеръ и, стянувъ вокругъ Османа, такъ сказать, желѣзное кольцо, пресѣчь ему пути сообщенія съ Виддиномъ и Софіей, и такъ или иначе, посредствомъ блокады или осады, вынудить его, наконецъ, къ безусловной сдачѣ; что таковъ нашъ долгъ, котораго требуетъ отъ насъ не только честь арміи, но и честь государства. Военный министръ еще болѣе вѣскими доводами поддержалъ и развилъ мнѣніе помощника начальника штаба дѣйствующей арміи.

Мысли, высказанныя генералами Милютинымъ и Левицкимъ, вполнѣ отвѣчали собственному убѣжденію Императора, и Его Величество приказалъ принять ихъ за основаніе будущихъ дѣйствій. Рѣшено мобилизовать три гренадерскія дивизіи, и 1-ю отправить на Кавказъ, а 2-ю и 3-ю—за Дунай. Тогда же, по Высочайшему повелѣнію, вызванъ въ дѣйствующую армію изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Государю оставалось исполнить еще одинъ послѣдній, столь милый его отеческому сердцу долгъ: навѣстить и утѣшить многочисленныя жертвы боя, увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ. На другой день по посѣщеніи госпиталя въ Булгареняхъ, Его Величество возвратился въ Горный Студень. Туда же послѣдовалъ за нимъ и главнокомандующій со своимъ штабомъ.

Вторичное пребываніе Императора въ Горномъ Студнѣ продолжалось шесть недѣль. За все это время подъ Плевною было сравнительно спокойно, но турки возобновили отчаянныя нападенія свои на Шибку и на рущукскій отрядъ Цесаревича. Настроеніе Государя было крайне тревожное и не замедлило отразиться на его здоровьѣ. Со времени прибытія въ армію онъ, правда, менѣе страдалъ грудною астмою, за то заболѣвалъ очень часто, въ Плоешти, лихорадкой съ катарромъ бронхъ; въ Бѣлѣ—эпидемическимъ катарромъ желудка и кишекъ; въ Горномъ Студнѣ—кровавымъ поносомъ. По возвращеніи изъ подъ Плевны, когда нестерпимую лѣтнюю жару смѣнила сырая и холодная осенняя погода, Государь серьезно занемогъ мѣстною лихорадкою. Врачъ его, Боткинъ, приписывалъ болѣзнь непривычкѣ держать себя въ данной мѣстности сообразно требованіямъ извѣстной гигіены. Припадки лихорадки были довольно продолжительны, сонъ тревожный, температура доходила до 40°. Озабоченные нездоровьемъ отца, поспѣшили къ нему: Цесаревичъ, Великіе Князья Владиміръ и Сергій и прибывшій изъ Петербурга Павелъ Александровичъ. Но Государь скоро оправился. Быстрому его выздоровленію содѣйствовало прибытіе гвардіи на театръ войны. Государь выѣзжалъ самъ на встрѣчу гвардейскимъ частямъ, проходившимъ чрезъ Горный Студень, съ любовью привѣтствовалъ ихъ и поощрялъ къ предстоявшимъ подвигамъ ласковыми и милостивыми словами. „Вы пойдете на святое дѣло“, говорилъ онъ офицерамъ. „Дай Богъ, чтобы больше изъ васъ вернулось назадъ... Вы не знаете, какъ каждый изъ васъ мнѣ дорогъ... Я увѣренъ, что вы свято исполните свой долгъ... Я, впрочемъ, васъ еще увижу, пріѣду къ вамъ. До свиданья!„

15-го сентября въ Горный Студень прибылъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Его поразилъ болѣзненный видъ Императора, „но“, — замѣчаетъ онъ — „страданія его скорѣе нравственнаго свойства... Онъ добръ и милостивъ, какъ всегда, истинный рыцарь... Если бы всѣ были такими, все бы пошло лучше“. Защитникъ Севастополя приглашенъ былъ на военный совѣтъ, состоявшійся въ Высочайшемъ присутствіи, и въ которомъ участвовали: главнокомандующій, Наслѣдникъ Цесаревичъ, военный министръ и начальникъ полевого штаба. Постановлено обратить главныя силы дѣйствующей арміи противъ Плевны, чтобы покончить, наконецъ, съ этою неожиданно созданною твердынею.

Окончательно ободрили Государя побѣдныя вѣсти съ Кавказа: 15-го сентября отбито нападеніе Измаила-паши на отрядъ генерала Тергукасова; 20-го войска наши атаковали лѣвый флангъ расположенія Мухтара-паши и овладѣли горою Большіе Ягны, принудивъ турокъ отступить къ Авліару; 3-го октября, на Авліарскихъ высотахъ, армія Мухтара-паши разбита на голову и отрѣзана отъ Карса. Послѣдствіемъ этой побѣды было вторичное обложеніе Карса русскими силами.

Главнокомандующему кавказскою арміею Великому Князю Михаилу Николаевичу посланъ орденъ св. Георгія 1-й степени при милостивой грамотѣ.

По объѣздѣ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ плевненскихъ позицій, знаменитый защитникъ Севастополя, ознакомившись съ мѣстностію и расположеніемъ войскъ Западнаго отряда, высказался рѣшительно, какъ противъ повторенія штурма, такъ и противъ приступленія къ осадѣ. Цѣлью дѣйствій онъ поставилъ: блокаду Плевны и плѣненіе непріятельской арміи. Соотвѣтственно этому взгляду, вполнѣ одобренному Его Величествомъ, Западный отрядъ усиленъ всѣми прибывшими въ Болгарію войсками гвардейскаго корпуса, и помощникомъ князя Карла Румынскаго, по званію начальника этого отряда, назначенъ Тотлебенъ.

Во исполненіе его плана, сильный отрядъ, въ составъ котораго вошли гвардейскія 1-я и 2-я пѣхотныя и 2-я кавалерійская дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Гурко, перейдя на лѣвый берегъ рѣки Вида, двинулся на софійско-плевненское шоссе. Ближайшею задачею его было овладѣть турецкими укрѣпленіями въ тылу плевненскаго укрѣпленнаго лагеря. 12-го октября взятъ съ боя Горный Дубнякъ. Въ этомъ дѣлѣ гвардія покрыла себя славою, но побѣда стоила намъ большихъ жертвъ: болѣе 2,500 человѣкъ выбыло изъ строя; послѣ усиленной бомбардировки, 16-го сдался Телишъ; 20-го занятъ Дольній Дубнякъ. Такимъ образомъ, вокругъ Османа-паши постепенно стягивалось стальное кольцо. Къ концу октября Плевна была уже обложена со всѣхъ сторонъ.

Какъ только возобновились военныя дѣйствія вокругъ Плевны, Государь выразилъ намѣреніе приблизиться къ нимъ. 14-го октября, Императорская квартира перенесена въ Порадимъ, въ десяти верстахъ отъ Плевны, гдѣ уже помѣщалась штабъ-квартира князя Румынскаго. 25-го октября Его Величество произвелъ смотръ гвардейскимъ частямъ, расположеннымъ лагеремъ по лѣвую сторону рѣки Вида.

Тогда же отрядъ генерала Гурко выдѣленъ изъ состава Западнаго отряда, переименованнаго въ отрядъ обложенія Плевны, и двинутъ на юго-западъ отъ Плевны, въ направленіи къ Балканамъ и къ Софіи. На прежнихъ позиціяхъ за Видомъ смѣнили его 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи, подъ начальствомъ командира гренадерскаго корпуса, генералъ-адъютанта Ганецкаго. Получившій названіе Западнаго, отрядъ Гурко взялъ г. Врацу и занялъ Розолитскій перевалъ. Слѣдуя далѣе къ югу, онъ овладѣлъ укрѣпленною позиціею подъ Правецомъ, взялъ съ бою Этрополь, занялъ Орханіэ, и настигъ отступавшаго предъ нимъ непріятеля, засѣвшаго въ неприступной горной мѣстности, подъ Арабъ-Конакомъ. Здѣсь остановило Гурко Высочайшее повелѣніе: не идти впередъ, пока не падетъ Плевна. Распоряженіе это состоялось по настоянію Тотлебена, представившаго Его Величеству, что дѣйствія Гурко не соотвѣтствуютъ силѣ его отряда и что онъ заходитъ слишкомъ далеко, оставляя линію своихъ сообщеній безъ прикрытія.

Подвигаясь впередъ, отдѣльные отряды постепенно расширяли раіонъ нашего расположенія въ Болгаріи. Начальникъ Сельви-Ловчинскаго отряда, генералъ Карцовъ, взялъ Тетевень; румыны овладѣли Раховымъ и Ломъ-Паланкою. Подъ Плевною, генералъ Скобелевъ 2-й занялъ первый кряжъ Зеленыхъ горъ и придвинулся еще ближе къ расположенію непріятеля. Но предположенное имъ дальнѣйшее наступленіе было пріостановлено Тотлебеномъ, какъ не соотвѣтствующее общей цѣли нашихъ дѣйствій. „Четвертой Плевны не будетъ“ — сказалъ герой Севастополя Императору Александру Николаевичу, принимая начальство надъ отрядомъ обложенія, и — сдержалъ слово. „Нужно гораздо больше рѣшимости“, разсуждалъ онъ, „чтобы противиться безразсуднымъ предпріятіямъ и систематически слѣдовать зрѣло обдуманному плану, чѣмъ идти наобумъ на штурмъ, который былъ бы весьма желателенъ непріятелю и разстроилъ бы наши силы. Весь вопросъ заключается теперь въ томъ: на сколько времени хватитъ у Османа продовольствія? Разъ окажется недостатокъ въ продовольствіи, тѣсное обложеніе приведетъ къ цѣли безъ значительныхъ потерь“. Ознакомясь съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, Государь вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе Тотлебена. „Только терпѣніемъ“, сказалъ онъ ему послѣ перваго посѣщенія возведенныхъ имъ укрѣпленій, „преодолѣваются всякія затрудненія“. Съ этого дня, Императоръ энергично поддерживалъ Эдуарда Ивановича во всѣхъ случаяхъ, когда тому приходилось оспаривать предположенія полеваго штаба или сдерживать порывы не въ мѣру нетерпѣливыхъ частныхъ начальниковъ.

Между тѣмъ, дѣла на Кавказѣ съ каждымъ днемъ принимали болѣе благопріятный оборотъ. Преслѣдуя отступающаго непріятеля, войска наши перешагнули за Саганлугскій хребетъ, кавалерія находилась уже въ 18 верстахъ отъ Эрзерума. 23-го октября, соединенные отряды генераловъ Геймана и Тергукасова разбили армію Мухтара и Измаила-пашей на укрѣпленной позиціи подъ Деве-Бойну. Турки бѣжали въ полномъ разстройствѣ, бросивъ лагерь, оружіе, запасы. Не менѣе успѣшно шла осада Карса: вылазки гарнизона всѣ были отбиты, съ урономъ для непріятеля.

Получивъ извѣстіе объ этихъ дѣлахъ, Государь телеграфировалъ Великому Князю намѣстнику кавказскому отъ 26-го октября: „Благодарю Бога за вновь дарованную побѣду 23-го числа. Честь и слава нашимъ молодецкимъ войскамъ и достойнымъ ихъ начальникамъ! Ты поймешь мою и общую радость. Буду ждать съ нетерпѣніемъ подробностей и дальнѣйшихъ извѣстій. Сегодня 27 лѣтъ, какъ я удостоился получить георгіевскій крестъ въ рядахъ славныхъ кавказскихъ войскъ. Передай мое сердечное спасибо всѣмъ. Иду сейчасъ къ молебну. Радуюсь успѣшнымъ дѣйствіямъ князя Меликова въ Дагестанѣ и генерала Лазарева подъ Карсомъ. Кутаисскому полку мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоею командою. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами!“

6-го ноября, Императоръ Александръ поѣхалъ въ деревню Згалевицы для осмотра помѣщеннаго тамъ центральнаго военно-временнаго госпиталя. Туда прискакалъ верхомъ начальникъ Императорскихъ военно-походныхъ телеграфовъ и, подавая Государю депешу, воскликнулъ: „Ваше Величество! Имѣю честь поздравить... Карсъ взятъ!“ Государь снялъ фуражку, перекрестился и, взволнованнымъ голосомъ, вслухъ прочиталъ телеграмму окружавшимъ его лицамъ. На другой день, Его Величество приказалъ, чтобы ровно въ полдень, во всѣхъ отдѣльныхъ отрядахъ и корпусахъ, находящихся за Дунаемъ, въ виду турецкихъ позицій, было отслужено благодарственное молебствіе, во время котораго, при возглашеніи многолѣтія россійскому воинству и вѣчной памяти убіеннымъ, вся артиллерія должна была салютовать боевыми залпами по непріятельскимъ позиціямъ. Самъ Государь присутствовалъ на молебнѣ, на Тученицкомъ редутѣ, въ память этого дня получившаго названіе Царскаго. Салютаціонные залпы производились со всѣхъ редутовъ и батарей, окружавшихъ Плевну. Послѣ молебна Императоръ обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью, въ которой возвѣстилъ имъ о взятіи Карса, числѣ плѣнныхъ, орудій и прочихъ трофеевъ, и пожелалъ скорѣйшаго и побѣдоноснаго окончанія съ Плевной.

Карсъ былъ взятъ ночнымъ приступомъ и успѣхъ этого блестящаго штурма снова возбудилъ въ военныхъ кругахъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли выйдти изъ тяжкаго выжидательнаго положенія, рѣшившись въ четвертый разъ штурмовать Плевну? Намѣренію этому генералъ-адъютантъ Тотлебенъ воспротивился всею силою своихъ убѣжденій. „До сихъ поръ“, говорилъ онъ, „все шло по зрѣло обдуманному плану. Теперь же хотятъ дѣйствовать быстрѣе, чѣмъ возможно. Мы должны спокойно выжидать результатовъ обложенія. Я употребляю всѣ усилія, чтобы тормозить“. Мнѣніе Тотлебена восторжествовало потому, что встрѣтило могучую опору въ Государѣ, пребываніе котораго въ отрядѣ, какъ занесъ въ свой дневникъ защитникъ Севастополя,— „было въ высшей степени благотворно“.

„Нужно отдать полную справедливость Государю“, писалъ тогда же Боткинъ, „который до сихъ поръ геройски переноситъ какъ физическія, такъ и нравственныя невзгоды“... Лейбъ-медикъ прибавлялъ, что „имъ надо любоваться“, тогда какъ „разлагающіеся человѣческіе остатки“— подъ которыми Боткинъ разумѣетъ тѣхъ изъ окружавшихъ Его Величество, которые тяготились продолжительнымъ пребываніемъ въ арміи въ непривычной и неприглядной обстановкѣ, сопряженной съ неизбѣжными лишеніями,—„самымъ тщательнымъ образомъ скрываютъ предъ нимъ свое нравственное состояніе“.

Ежедневно заѣзжая то на ту, то на другую изъ нашихъ позицій, Императоръ, 15-го ноября, посѣтилъ и румынскій лагерь. Князь Карлъ принялъ державнаго союзника въ нововыстроенномъ фортѣ, названномъ въ честь его фортомъ „Александръ“ и поднесъ Его Величеству медаль „за военныя достоинства“. Государь надѣлъ ее при вос-

торженныхъ кликахъ румынскихъ солдатъ, которыхъ самъ щедро надѣлилъ знаками отличія военнаго ордена.

26-го ноября Государь отпраздновалъ въ Парадимѣ георгіевскій праздникъ. Послѣ обѣдни, за завтракомъ, онъ провозгласилъ обычный тостъ за своего „лучшаго друга и старѣйшаго кавалера св. Георгія, Императора Вильгельма“, За которымъ слѣдовалъ другой тостъ: „За второго моего друга Императора Австрійскаго“. Потомъ, обращаясь къ присутствовавшимъ за столомъ георгіевскимъ кавалерамъ, Государь сказалъ: „За ваше здоровье, господа. Мое сердечное спасибо за вашу службу. Дай Богъ вамъ здоровья. Вы знаете, какъ вы всѣ мнѣ дороги“.

Пораженіе, нанесенное турками на лѣвомъ флангѣ, подъ Еленою, отряду генерала князя Святополкъ-Мирскаго 2-го, снова опечалило и встревожило Императора Александра. Неудача эта была послѣднею. Приближалась страстно желаемая, всѣми нетерпѣливо ожидаемая развязка.

Въ штабѣ отряда обложенія и въ главной нашей квартирѣ давно уже имѣлись свѣдѣнія о томъ, что, истощивъ весь запасъ продовольствія, Османъ-паша рѣшился на отчаянную попытку: прорваться чрезъ окружавшія его со всѣхъ сторонъ русскія войска, чтобы открыть своей арміи путь къ Виддину или къ Софіи. 27-го ноября стало извѣстно намѣреніе непріятеля ударить, съ этою цѣлью, на гренадеръ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вида, о чемъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ предупредилъ командира гренадерскаго корпуса генерала Ганецкаго, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія о своевременномъ подкрѣпленіи его войсками сосѣднихъ участковъ.

28-го ноября, на разсвѣтѣ, Великій Князь главнокомандующій протелеграфировалъ Государю, что Османъ-паша всѣми своими силами напалъ на гренадерскія дивизіи. Въ девятомъ часу утра Его Величество выѣхалъ на позиціи, сначала на Царскій валикъ, откуда, около полудня, прибылъ на Императорскій редутъ, между Радишевымъ и Тученицею. Но войска наши не находились уже на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Великій Князь Николай Николаевичъ лично повелъ ихъ впередъ и занялъ Плевну въ тылу оставившей ее турецкой арміи. Государь провелъ на редутѣ нѣсколько часовъ въ томительномъ ожиданіи исхода боя, кипѣвшаго за Видомъ, раскаты котораго доносились до него. Посланные имъ въ разныя стороны за свѣдѣніями флигель-адъютанты долго не возвращались. Но уже по утихнувшей пальбѣ можно было заключить, что сраженіе кончилось и—въ нашу пользу. Лицо Государя просіяло. Подойдя къ военному министру, онъ сказалъ, указывая на него окружавшимъ лицамъ: „Я говорю, что если мы здѣсь, если мы имѣемъ сегодня этотъ успѣхъ, то этимъ мы ему обязаны. Я этого никогда не забуду“. Прошло еще съ полчаса времени. Наконецъ, около четырехъ часовъ пополудни, замѣтили всадника, скакавшаго по направленію къ Императорскому редуту и махавшаго фуражкой. То былъ помощникъ коменданта главной квартиры полковникъ Моравскій. Завидѣвъ Государя, онъ издали закричалъ: „Ваше Императорское Величество, Османъ-паша сдается!“ Государь быстрыми шагами пошелъ къ нему на встрѣчу. „Правда-ли?“ переспросилъ онъ. „Ей-Богу такъ, Ваше Величество“, отвѣчалъ Моравскій. „Спасибо, молодецъ“, молвилъ Императоръ, подавая ему руку и тутъ же поздравилъ Моравскаго флигель-адъютантомъ; потомъ снялъ фуражку и съ выступившими на глазахъ слезами осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. „Ура!“ вырвалось изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ. „Господа“, сказалъ Государь, обращаясь къ свитѣ, „сегодняшнимъ днемъ и тѣмъ, что мы здѣсь, мы обязаны Дмитрію Алексѣевичу Милютину. Поздравляю васъ, Дмитрій Алексѣевичъ, съ Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени“.

Пять минутъ спустя прискакалъ къ редуту ординарецъ главнокомандующаго, посланный Его Высочествомъ съ донесеніемъ о безусловной сдачѣ турецкой арміи и ея главнокомандующаго. Атака Османа-паши на гренадеръ была такъ стремительна, что турки, смявъ нашу первую линію, ворвались въ траншеи и овладѣли орудіями; но приспѣвшія на помощь войска второй линіи выбили ихъ оттуда и оттѣснили за Видъ. Послѣ пятичасоваго жаркаго боя, непріятель выкинулъ бѣлый флагъ. Въ три часа пополудни Османъ-паша вручилъ свою саблю генералу Ганецкому. Трофеями побѣды были: плѣнныхъ 40 пашей, 2.000 офицеровъ и 44.000 нижнихъ чиновъ, 84 пушки, множество оружія и снарядовъ, весь турецкій лагерь и обозъ.

Прежде чѣмъ покинуть редутъ, Государь обратился снова къ военному министру: „Дмитрій Алексѣевичъ“, сказалъ онъ, „испрашиваю у васъ, какъ у старшаго изъ присутствующихъ георгіевскихъ кавалеровъ, разрѣшеніе надѣть георгіевскій темлякъ на саблю. Кажется... я это заслужилъ“... Министръ молча низко поклонился Государю. Свита снова крикнула: „ура!“

По возвращеніи въ Парадимъ, Императоръ Александръ самъ возвѣстилъ своему конвою о полной побѣдѣ надъ храбрымъ и упорнымъ противникомъ. Всеобщая радость превосходила всякое описаніе. Въ тотъ же день вечеромъ Государь отправилъ слѣдующую телеграмму въ Петербургъ Императрицѣ Маріи Александровнѣ: „Ура! Полная побѣда. Османъ-паша сдѣлалъ сегодня утромъ попытку прорваться сквозь наши линіи по направленію къ Виду, но былъ отброшенъ къ занятой уже нами Плевнѣ и вынужденъ сдаться безъ всякихъ условій, со всей своею арміею. Тебѣ понятны моя радость и исполняющая мое сердце благодарность къ Богу. Я только лишь въ шесть часовъ вернулся съ нашихъ батарей. Желалъ бы, чтобы въ большой церкви былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

На другой день, посреди непріятельскаго лагеря, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ставка Османа-паши, собрались всѣ высшіе чины армій русской и румынской, имѣя во главѣ Великаго Князя Николая Николаевича и князя Карла. Въ половинѣ перваго туда же прибылъ Императоръ Александръ. Выйдя изъ экипажа, Государь съ сіяющей улыбкой направился къ августѣйшему брату, спѣшившему ему на встрѣчу. Они сошлись и бросились въ объятія другъ другу. Разцѣловавъ главнокомандующаго, Императоръ собственноручно возложилъ на него георгіевскую ленту. Затѣмъ сѣлъ на коня и объѣхалъ собранныя войска, поздравляя ихъ съ побѣдой. Отличившіяся части были удостоены особымъ Монаршимъ вниманіемъ. Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ отслужено тутъ же, подъ открытымъ небомъ.

Сопровождаемый главнокомандующимъ, княземъ Карломъ, многочисленною и блестящею свитою, Государь верхомъ въѣхалъ въ Плевну и направился къ церкви, на порогѣ которой встрѣтило его болгарское духовенство, въ убогомъ облаченіи, но со свѣчами и хоругвями, съ крестомъ и святою водою. Принявъ благословеніе отъ старшаго протоіерея и выслушавъ привѣтствіе его, Его Величество помолился въ церкви, окруженный толпою болгарскихъ жителей Плевны, громкими кликами радости привѣтствовавшихъ своего Освободителя.

Въ одномъ изъ лучшихъ болгарскихъ домовъ былъ приготовленъ завтракъ для Императора и его свиты. Его Величество находился еще за столомъ, когда на дворѣ раздалось: „браво! браво!“ То былъ привѣтъ русскихъ офицеровъ храброму предводителю плѣненной непріятельской арміи, несмотря на рану явившемуся, чтобы представиться Державному вождю русскаго воинства. Разговоръ Императора Александра съ Османомъ-пашою происходилъ чрезъ драгомана. „Что васъ побудило прорваться?“ спросилъ Государь. Муширъ отвѣчалъ, что поступилъ такъ, какъ обязанъ поступить солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, что сдѣлать эту попытку предписалъ ему его воинскій долгъ.—„Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости“, промолвилъ Государь, „хотя она и была направлена противъ моей арміи“. — Спросивъ пашу, зналъ-ли онъ о взятіи нами позицій, лежавшихъ въ его тылу, Врацы, Правца, Этрополя и Орханіэ, а также много-ли у него оставалось продовольствія, Его Величество получилъ въ отвѣтъ, что послѣ потери Горнаго Дубняка, въ продолженіе 45 дней, никакая вѣсть извнѣ не проникала въ Плевну, и что продовольствія у Османа оставалось всего на пять дней, каковое и было выдано людямъ наканунѣ вылазки. „Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости“, сказалъ Императоръ, отпуская Османа-пашу, „я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ, въ Россіи, гдѣ, надѣюсь, вы не будете имѣть причины къ какому-либо недовольству“.

30-го ноября Государь собралъ у себя въ Парадимѣ совѣщаніе для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій Дунайской арміи. Генералъ-адъютантъ Обручевъ, незадолго до того прибывшій въ главную квартиру дѣйствующей арміи съ Кавказа, указывалъ на опасность, грозившую Зимницкой переправѣ отъ близости къ ней турецкаго корпуса Мехмета-Али, предлагая перенести мостъ далѣе, вверхъ по Дунаю, противъ

Ломъ-Паланки, на высотѣ румынскаго города Краіова; тогда и армія могла бы свободно двинуться на Софію, вступивъ въ связь съ сербами, уже готовыми выступить въ походъ. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ настаивалъ на необходимости сосредоточить главныя силы на лѣвомъ флангѣ и заняться осадою Рущука, по взятіи котораго, съ наступленіемъ весны, идти за Балканы. Послѣднимъ говорилъ Великій Князь главнокомандующій, развившій свой планъ немедленнаго зимняго перехода чрезъ Балканскій хребетъ. Признавая всякое замедленіе нашего наступленія выгоднымъ только для непріятеля, Его Высочество полагалъ, не взирая на наступившую стужу, дѣйствовать наступательно, сначала нашимъ правымъ флангомъ, а потомъ центромъ, оставляя нашъ лѣвый флангъ на мѣстѣ, т.-е. „произвести стратегическое захожденіе налѣво". Съ этою цѣлью, войска, взявшія Плевну, предположено распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 9-й корпусъ и 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію присоединить къ отряду генерала Гурко; 4-й корпусъ и 1-ю кавалерійскую дивизію—двинуть на Шипку для подкрѣпленія генерала Радецкаго; гренадерскій корпусъ, составлявшій центральный резервъ, направить къ Габрову. Первымъ долженъ былъ перейти Балканы генералъ Гурко, обойдя сильно укрѣпленныя турецкія позиціи у Арабъ-Конака, Златицы и Лютикова. Вслѣдъ за нимъ имѣлъ перевалить чрезъ Траянскій проходъ генералъ Карцовъ съ 3-ею пѣхотною дивизіею; наконецъ, генералу Радецкому предстояло совершить Забалканскій переходъ чрезъ сосѣдніе съ Шипкою перевалы, послѣ чего всѣ наши силы имѣли продолжать наступленіе къ Адріанополю.

Смѣлый планъ Великаго Князя былъ принятъ совѣтомъ и утвержденъ Государемъ. Осуществленіе его облегчалось блестящею побѣдою, одержанною 30-го ноября подъ Мечкою Восточнымъ отрядомъ подъ предводительствомъ Наслѣдника Цесаревича надъ турецкою рущукскою арміею.

Ничто уже не удерживало Государя въ дѣйствующей арміи, а важныя дѣла, внутреннія и внѣшнія, настоятельно требовали скорѣйшаго возвращенія его въ столицу. Отъѣздъ Его Величества былъ назначенъ на 3-е декабря. Наканунѣ офицеры гвардейскаго почетнаго конвоя поднесли ему золотую саблю съ надписью „за храбрость". Принимая ее, Императоръ сказалъ офицерамъ, доложившимъ, что сабля эта будетъ замѣнена впослѣдствіи другою, изъ чистаго золота: „Благодарю васъ, я очень доволенъ и этою саблею и другой мнѣ не нужно. Буду ее постоянно носить. Искренно благодарю васъ за эту дорогую память о васъ и еще разъ спасибо за службу. Теперь я долженъ черезъ день разстаться съ вами и пошлю васъ служить къ Цесаревичу, но надѣюсь, до скораго свиданія! Воображаю, какъ Цесаревичъ вамъ обрадуется! А теперь поцѣлуйте меня всѣ"... Перецѣловавъ по очереди всѣхъ офицеровъ конвоя, Государь присовокупилъ: „Больше полугода мы прожили вмѣстѣ, время прошло незамѣтно... Прощайте, господа!"

Въ тотъ же день, желая проститься съ войсками, Императоръ назначилъ общій парадъ русскимъ и румынскимъ частямъ на той самой позиціи, между Дольнымъ Дубнякомъ, Горнымъ Метрополемъ и рѣкою Видомъ, гдѣ, въ день паденія Плевны, гренадеры грудью отразили стремительный напоръ Османа-паши. Государь объѣхалъ войска и каждую часть благодарилъ отдѣльно за стойкость и храбрость ихъ въ послѣднемъ сраженіи.

3-го декабря, въ 6½ часовъ утра, въ Парадимѣ, рота почетнаго конвоя выстроилась у „дворца", какъ звали въ Императорской квартирѣ убогій домъ, занимаемый Государемъ. Ровно черезъ часъ, Его Величество вышелъ на крыльцо, одѣтый въ зимнее форменное пальто. Музыка заиграла преображенскій маршъ. Поздоровавшись съ людьми, Императоръ сказалъ: „Еще благодарю за солдатскую службу при мнѣ, а также за вашу боевую службу и, надѣюсь, до свиданія. Гг. офицеровъ еще разъ благодарю за саблю и всѣмъ вышлю отъ себя по саблѣ". Съ этими словами Государь сѣлъ въ экипажъ, быстро умчавшій его по дорогѣ въ Брестоваць, штабъ-квартиру Цесаревича, куда Его Величество прибылъ въ 4 часа пополудни. Встрѣченный Наслѣдникомъ, Государь нѣжно обнялъ его и самъ надѣлъ на него георгіевскій крестъ 2-й степени.

На другой день, 4-го, Его Величество прощался съ войсками рущукскаго отряда и милостиво благодарилъ ихъ за службу и боевые подвиги. Императоръ предложилъ

Цесаревичу сопровождать его въ Петербургъ, сдавъ генералъ-адъютанту Тотлебену начальство надъ ввѣреннымъ ему отрядомъ. Но Великій Князь Александръ Александровичъ не пожелалъ оставить армію прежде окончанія войны. 5-го декабря онъ проводилъ Державнаго Родителя за Дунай и простился съ нимъ въ Петрошанахъ. Садясь въ вагонъ, Государь въ послѣдній разъ обратился съ прощальнымъ словомъ къ провожавшимъ его военнымъ чинамъ: „Прощайте, господа, дай Богъ, чтобы намъ скорѣе побѣдоносно кончить кампанію". Къ полудню Его Величество прибылъ уже въ Бухарестъ.

Въ румынской столицѣ ожидала Государя торжественная встрѣча. Восторженно привѣтствовали его князь Карлъ, дворъ, правительство, палаты, войско и народъ. Императоръ оставилъ Бухарестъ въ тотъ же вечеръ, отдавъ тамъ прощальный приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи:

„Возвращаясь въ свою столицу послѣ болѣе пятимѣсячнаго пребыванія въ войскахъ дѣйствующей арміи, я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благоговѣнія къ воспоминаніямъ о воинскихъ доблестяхъ русскихъ воиновъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, коими всегда славилось наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ Престолу и къ долгу чести и службы, неустрашимость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ военное время, искони отличавшія русскаго солдата, постоянно ему присущи и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣтелемъ неоднократныхъ доказательствъ таковыхъ достоинствъ горячо мною любимыхъ войскъ моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ, въ твердомъ упованіи на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ, подъ симъ благословеніемъ, войска мои не знаютъ преградъ".—Слѣдовало выраженіе царской признательности главнокомандующему, начальникамъ частей, всѣмъ чинамъ арміи, отъ высшихъ до низшихъ, и перечисленіе совершенныхъ ими боевыхъ подвиговъ. Особая похвала выражена Цесаревичу и состоявшему подъ его начальствомъ рущукскому отряду. „Благодарю всю армію", такъ заключался приказъ, „отъ всего сердца и молю Бога о ниспосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ".

Вся Россія вздохнула свободнѣе, узнавъ о паденіи Плевны и о плѣненіи Османа-паши со всею его арміею. Съ кликами восторга, со слезами умиленія, встрѣчала она возвращавшагося изъ арміи Царственнаго подвижника. Въ Гатчину, на встрѣчу Его Величеству, выѣхали Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ Младшій. Въ Петербургѣ, на варшавскомъ вокзалѣ встрѣтили его Великія Княгини и Княжны. Императрица, по нездоровью, не могла покинуть Зимній Дворецъ.

Государь, сопровождаемый Великими Князьями Сергіемъ Александровичемъ и Константиномъ Константиновичемъ, прибылъ въ свою столицу 10-го декабря, въ 10 часовъ утра. Въ многочисленной толпѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, собравшейся на вокзалѣ, находились и депутаціи отъ городского общества и сословій—купеческаго и мѣщанскаго. Принявъ отъ нихъ адресы и хлѣбъ-соль, Императоръ обратился къ представителямъ города со слѣдующими словами: „Благодарю васъ, господа, за ваше сочувствіе. Очень радъ видѣться съ вами, особенно послѣ того утѣшенія, которое я имѣлъ въ послѣдніе дни подъ Плевною и у моихъ дѣтей. Многое нами сдѣлано, но намъ предстоитъ еще многое впереди. Да поможетъ намъ Богъ привести къ концу это святое дѣло". Со станціи Государь отправился въ Казанскій соборъ и оттуда въ Зимній Дворецъ, гдѣ ждала его Императрица. Тотчасъ же было отслужено въ большой дворцовой церкви благодарственное молебствіе.

Задушевнымъ адресомъ привѣтствовало возвращеніе Царя въ столицу с.-петербургское дворянство: „Съ невыразимою радостью вѣрное дворянство сѣверной столицы Вашего Императорскаго Величества имѣетъ счастіе привѣтствовать васъ, Государь, съ благополучнымъ возвращеніемъ подъ кровъ вашей царственной обители. Съ молитвою и благословеніями слѣдили мы за тѣмъ великимъ подвигомъ, который ежечасно совершали Ваше Императорское Величество во все время долгаго и достопамятнаго пребыванія среди славнаго и доблестнаго войска вашего. Россія цѣнитъ этотъ подвигъ и сохранитъ его навѣки въ своей памяти. Россія знаетъ, съ какимъ само-

отверженіемъ обрекли вы себя, Государь, на всѣ лишенія труднаго похода, съ какимъ непоколебимымъ мужествомъ, неослабнымъ терпѣніемъ и неизмѣнною кротостью переносили вы палящій зной полуденнаго лѣта и всѣ тягости зимнихъ непогодъ въ первобытной странѣ, гдѣ палатка была вашимъ чертогомъ и убогая комната вашимъ дворцомъ. Россія знаетъ, какимъ ангеломъ утѣшенія являлись вы, Государь, среди больныхъ и раненыхъ воиновъ, ободряя ихъ милостивымъ словомъ теплаго участія и облегчая ихъ страданія съ тою безпредѣльною добротою, которою преисполнено ваше любящее сердце. Россія знаетъ, какъ спасительное присутствіе ваше на мѣстѣ военныхъ дѣйствій воодушевляло войско, которое вѣрило въ своего Царя, какъ Царь вѣрилъ въ свое войско. Съ несокрушимою стойкостью и отвагою, отражая безпрерывные натиски многочисленнаго врага, оно завершило рядъ блестящихъ дѣлъ взятіемъ съ боя, подъ глазами Вашего Императорскаго Величества, мощной твердыни, сооруженной и защищаемой лучшимъ военачальникомъ и лучшими войсками Оттоманской имперіи. Россія знаетъ, Государь, съ какимъ смиреніемъ вы уклоняетесь отъ славы, предоставляя на свою долю одни лишенія, труды и заботы. Но слава сама осѣнила главу вашу своимъ лучезарнымъ вѣнцомъ. Отъ предгорій Балканъ, до береговъ Невы, благословенный путь вашъ сопровождался немолчными кликами восторга, и Ваше Императорское Величество еще разъ извѣдали всю глубину преданности и любви къ вамъ русскаго народа и русскихъ войскъ. Съ тою же преданностью, съ тою же любовью, предстаемъ и мы предъ вами, великій Государь, и безъ лести во языцѣ повергаемъ къ державнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества искреннѣйшее выраженіе сердечныхъ и неизмѣнныхъ чувствъ с.-петербургскаго дворянства. Да благословитъ васъ, Государь, Господь Богъ Всемогущій на славное окончаніе ознаменованной уже столь славными подвигами войны". На всеподданнѣйшемъ адресѣ петербургскихъ дворянъ Его Величество начерталъ собственноручно: „Прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ и благодарю отъ всего сердца".

Два дня спустя по возвращеніи Государя въ столицу, 12-го декабря, торжественно отпразднована столѣтняя годовщина рожденія Императора Александра I. Послѣ панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ, Государь возложилъ на гробницу Благословеннаго золотую медаль, выбитую по этому случаю. Въ залахъ Зимняго Дворца происходилъ парадъ въ присутствіи депутацій отъ армій германской и австрійской.

Первопрестольная столица не отстала отъ Петербурга въ выраженіи вѣрноподданническихъ чувствъ и прислала депутаціи отъ московскихъ дворянъ, земства и городской думы съ адресами. Всѣ онѣ были приняты Государемъ. Думскую депутацію онъ благодарилъ за выраженныя чувства, сказавъ, что не сомнѣвается, что Москва горячо приметъ къ сердцу послѣдніе успѣхи русскаго оружія, но что еще много предстоитъ дѣла, для довершенія котораго надо надѣться на милость Всевышняго. На привѣтствіе депутацій отъ московскаго дворянства и земства Императоръ, принявшій ихъ въ самый день Рождества Христова, отвѣчалъ такъ: „Благодарю васъ, господа, за выраженіе чувствъ вашихъ. Чувства эти я давно знаю, въ искренности ихъ никогда не сомнѣвался и твердо увѣренъ, что они во вѣкъ останутся неизмѣнными. Да поможетъ намъ Господь со славою и честію довести до конца святое дѣло наше. Жалѣю, что васъ нѣсколько задержалъ. Желаю вамъ въ радости, съ семьями вашими, провести конецъ праздниковъ. Вчера, подъ самое Рождество, получилъ я радостную вѣсть отъ брата. Дѣло наше всѣмъ намъ близко къ сердцу; хочу съ вами подѣлиться своею радостью". Государь прочелъ вслухъ слѣдующую телеграмму главнокомандующаго дунайскою арміею: „Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ окончаніемъ блистательнаго перехода чрезъ Балканы. Генералъ Гурко, послѣ восьмидневной, гигантской борьбы съ горами, морозами, снѣгомъ, бурями и метелями, перешелъ чрезъ Балканы, спустился въ Софійскую долину и 19-го декабря, послѣ упорнаго боя у Ташкисена, продолжавшагося до 6 часовъ вечера, овладѣлъ этою укрѣпленною позиціею... Ночью турки бросили всѣ свои позиціи и 20-го декабря, рано утромъ, наши войска, занявъ Арабъ-Конакъ, Шандорникъ и Дольные Колодцы, начали преслѣдовать турокъ... Самъ Гурко, давъ наиболѣе утомленнымъ войскамъ столь необходимый отдыхъ, идетъ на Софію".

23-го декабря занята была Софія, и отрядъ генерала Гурко вступилъ въ связь съ сербскою арміею.

Военныя приготовленія Сербіи начались съ самаго перехода нашего чрезъ Дунай, тотчасъ по возвращеніи князя Милана изъ Плоешть, гдѣ сербскій князь, въ концѣ мая, посѣтилъ Императора Александра и главнокомандующаго. Они нѣсколько замедлились послѣ неудачъ нашихъ подъ Плевною, но возобновились тотчасъ послѣ прибытія гвардіи на театръ войны и движенія ея за Видъ. Два дня спустя по паденіи Плевны, 1-го декабря, Сербія объявила Турціи войну и сербскія войска, перейдя турецкую границу, обложили Нишъ, 16-го взяли Пиротъ, а 24-го и самый Нишъ.

Вѣсть о переходѣ Балканъ отрядомъ генерала Гурко получена была Государемъ наканунѣ Рождества. За два дня до Новаго года онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ о еще болѣе рѣшительномъ успѣхѣ. „Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество“, телеграфировалъ главнокомандующій, „съ блистательною побѣдою: сегодня, 28-го декабря, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Плевны, взята въ плѣнъ, послѣ упорнаго боя, вся Шипкинская армія.“

Тотчасъ по переходѣ Балканъ отрядомъ генерала Гурко, а именно 21-го декабря, генералъ Карцовъ, со своимъ отрядомъ, форсировалъ Троянскій перевалъ. Три дня спустя, 24-го, генералъ Радецкій направилъ чрезъ Балканы для обхода турокъ съ обоихъ фланговъ и дѣйствія въ тылъ непріятелю, двѣ колонны: лѣвую—генерала князя Святополкъ-Мирскаго, и правую—генерала Скобелева 2-го. Первая спустилась съ горъ 26-го декабря и 27-го выдержала жаркій бой со всѣми силами непріятеля. Чтобы выручить ее изъ затруднительнаго положенія, генералъ Радецкій повелъ съ горы св. Николая атаку на турокъ съ фронта. Лишь 28-го, по появленіи правой колонны Скобелева, въ тылу непріятеля, турки выкинули парламентерскій флагъ. Главнокомандующій Вессель-паша сдался со всею двадцатипятитысячною арміею. Трофеями побѣды были: знамена, орудія, весь непріятельскій лагерь.

Послѣдствіемъ успѣшнаго перехода за Балканы нашихъ главныхъ силъ были слѣдующія распоряженія главнокомандующаго, 31-го декабря перенесшаго главную квартиру въ Казанлыкъ: отъ Софіи отрядъ генерала Гурко двинутъ къ Филиппополю, съ приказаніемъ, по взятіи этого города идти на Адріанополь, чрезъ Хаскіой и Демотику; отрядъ генерала Карцова направленъ на Чирпанъ; изъ Казанлыка, передовой отрядъ генерала Скобелева 2-го и слѣдовавшій за нимъ, гренадерскій корпусъ пошли къ Адріанополю прямымъ, ближайшимъ путемъ, чрезъ Германлы и Мустафа-Пашу, тогда какъ 8-й корпусъ Радецкаго шелъ туда же, чрезъ Ески-Загру и Ямболи; крайняя лѣвая колонна генерала Деллингсаузена наступала чрезъ Твардицкій перевалъ и Сливно, охраняя лѣвый флангъ и тылъ главныхъ силъ и вступая въ связь съ занимавшимъ Добруджу 14-мъ корпусомъ генерала Циммермана. Одновременно, войскамъ Восточнаго отряда предписано произвести общее наступленіе къ Рущуку, Разграду, Ески-Джумѣ и Османъ-Базару.

Стремительнымъ и неудержимымъ потокомъ, окрыленныя побѣдою, войска наши быстро и безостановочно шли впередъ. Въ трехдневномъ упорномъ бою подъ Филиппополемъ, съ 3-го по 5-е января, Гурко разбилъ на голову и разсѣялъ армію Сулеймана-паши, разрѣзанную надвое, потерявшую 110 орудій, а Карцовъ занялъ Хаскіой. При приближеніи къ Адріанополю авангарда передового отряда Скобелева подъ начальствомъ генерала Струкова, турки очистили укрѣпленія, возведенныя въ этомъ городѣ и поспѣшно отступили. Непріятель совершенно потерялъ голову. Турецкіе баталіоны клали оружіе предъ кавалерійскими разъѣздами, казаки забирали непріятельскія орудія. Струковъ занялъ Адріанополь безъ выстрѣла 8-го января; 10-го вступилъ туда Скобелевъ, а 14-го прибылъ по желѣзной дорогѣ изъ Германлы Великій Князь главнокомандующій съ главною квартирою.

Сила сопротивленія турокъ была сломлена. Порта молила о пощадѣ, о мирѣ.

Въ первыхъ числахъ іюля, въ Бѣлѣ, послѣ перехода чрезъ Дунай, взятія Никополя, занятія Тырнова и перваго движенія передового отряда генерала Гурко за Балканы, послѣ овладѣнія Ардаганомъ и Баязетомъ и приступленія къ осадѣ Карса, Императоръ Александръ заявилъ сопровождавшему Его Величество въ походѣ англійскому военному агенту, полковнику Веллеслею, что, не смотря на эти значительные успѣхи, онъ готовъ заклю-

чить миръ на сообщенныхъ еще до начала войны лондонскому Двору условіяхъ, если Порта сама обратится къ нему съ просьбою о мирѣ. Но неудачи наши за Кавказомъ и подъ Плевною возбудили въ султанѣ и его совѣтникахъ надежду на окончательное вытѣсненіе русскихъ изъ Болгаріи и Малой Азіи. Въ Константинополѣ отвергали всякую мысль о мирѣ, который допускали не иначе, какъ на основаніи status quo ante bellum, а въ концѣ октября, сентъ-джемскій кабинетъ предложилъ намъ свое посредничество даже на условіи ограниченія правъ Румыніи и занятія бѣлградской цитадели турецкимъ гарнизономъ.

Послѣ паденія Плевны основанія мира, выработанныя до войны, уже не соотвѣтствовали обстоятельствамъ. Новыя условія, обнимавшія всѣ подробности переустройства Балканскаго полуострова, составлены были въ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, одобрены Государемъ, и прямо изъ Парадима довѣрительно сообщены союзнымъ Дворамъ: берлинскому и вѣнскому. Изъ Берлина отвѣчали, что Германія согласна на всякія условія, которыя будутъ установлены съ общаго согласія Россіи и Австро-Венгріи. Но графъ Андраши медлилъ отвѣтомъ. Ему нужно было сообразить и согласовать съ мирными условіями мѣры, направленныя къ занятію австро-венгерскими войсками Босніи и Герцеговины.

Плевненскій погромъ разсѣялъ мечтанія турокъ, лишивъ ихъ всякой надежды на успѣшный для нихъ исходъ войны. 7-го декабря Порта рѣшилась обратиться къ великимъ державамъ съ просьбою о посредничествѣ, а когда просьба эта была отклонена въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, въ Римѣ и въ Парижѣ, то стала просить лондонскій Дворъ принять посредничество на себя. 15-го декабря лордъ Дерби поручилъ великобританскому послу въ Петербургѣ освѣдомиться у князя Горчакова, согласна-ли Россія вступить въ переговоры о мирѣ? Канцлеръ отвѣчалъ, что Императоръ Александръ ничего не желаетъ болѣе, какъ достигнуть мира (d'arriver à la paix), но что для этого Порта должна обратиться къ главнокомандующимъ русскими арміями въ Европѣ и въ Азіи, которые сообщатъ ей условія, на коихъ можетъ быть заключено перемиріе, вслѣдствіе чего недѣлю спустя, по переходѣ отряда генерала Гурко чрезъ Балканы, въ самый день Шейновскаго боя и взятія въ плѣнъ арміи Весселя-паши, турецкій военный министръ Реуфъ-паша, телеграммою на имя Великаго Князя Николая Николаевича, просилъ Его Высочество извѣстить его, куда слѣдуетъ отправить уполномоченныхъ для заключенія перемирія и на какихъ условіяхъ? Главнокомандующій отвѣчалъ по телеграфу же, что мирныя условія будутъ сообщены имъ лицу, которое явится къ нему съ полномочіемъ отъ Порты для принятія ихъ, перемиріе же не можетъ быть заключено иначе, какъ по подписаніи предварительныхъ условій мира.

Но самыя эти условія еще не были установлены въ Петербургѣ, вслѣдствіе неполученія отзыва австро-венгерскаго правительства на наше сообщеніе. Между тѣмъ, время шло, русскія войска быстро подвигались въ направленіи къ Царюграду, не встрѣчая болѣе никакихъ препятствій по пути. Нельзя было оставлять долѣе главнокомандующаго безъ опредѣленныхъ наставленій на случай прибытія къ нему турецкихъ пословъ съ мольбою о мирѣ.

Предвидя возраженія Австро-Венгріи на составленную въ Парадимѣ программу, рѣшили сдѣлать изъ нея краткое извлеченіе. Въ немъ опустили всѣ подробности и лишь въ общихъ чертахъ перечислили главныя основанія будущаго мира: 1) образованіе изъ Болгаріи вассальнаго, но автономнаго княжества; 2) независимость и земельное приращеніе Черногоріи; 3) независимость Румыніи и Сербіи съ территоріальнымъ вознагражденіемъ для первой и съ исправленіемъ границъ для второй; 4) автономное управленіе для Босніи и Герцеговины и введеніе реформъ въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Турецкой имперіи; 5) вознагражденіе Россіи за военныя издержки, земельное или денежное. По принятіи Портою этихъ пяти статей и по составленіи о томъ формальнаго протокола, могли открыться переговоры о предварительныхъ условіяхъ мира въ Севастополѣ или Одессѣ, куда должны были отправиться турецкіе уполномоченные, и лишь по подписаніи таковыхъ рѣшеній разрѣшается заключить перемиріе. Условіемъ послѣдняго поставлено очищеніе придунайскихъ крѣпостей и Эрзерума и, сверхъ того, занятіе рус-

скими войсками важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ по усмотрѣнію главнокомандующихъ на обоихъ театрахъ войны.

Инструкція въ этомъ смыслѣ Высочайше утверждена 17-го декабря, а 21-го декабря, съ нарочнымъ фельдъегеремъ, отправлена къ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ.

29-го декабря, на просьбу о скорѣйшей присылкѣ инструкціи главнокомандующаго Дунайскою арміею, отвѣчено, что таковая уже послана, но что не слѣдуетъ торопиться сообщеніемъ условій туркамъ, а стараться протянуть дѣло, отнюдь не ослабляя энергіи военныхъ дѣйствій и не останавливая движенія арміи впередъ.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ съ нетерпѣніемъ ждали сообщенія мирныхъ условій, отъ которыхъ зависѣла будущая судьба Оттоманской Имперіи. Въ самый Новый годъ султанъ обратился непосредственно къ Императору Александру съ телеграммой, въ которой, упомянувъ о бѣдствіяхъ войны и о живѣйшемъ желаніи своемъ положить ей конецъ, извѣщалъ, что два лица, снабженныя надлежащими полномочіями отправлены имъ въ главную квартиру русской арміи для переговоровъ объ условіяхъ мира, и выразилъ надежду, что Его Величество немедленно прикажетъ пріостановить военныя дѣйствія на все время переговоровъ. Государь отвѣчалъ также по телеграфу, что и онъ желаетъ мира и возстановленія дружественныхъ отношеній къ Турціи, но что на перемиріе онъ можетъ согласиться не иначе какъ по принятіи Портою предварительныхъ условій мира.

Фельдъегерь, везшій инструкціи, прибылъ въ Казанлыкъ, главную квартиру Дунайской арміи, 2-го января, а 7-го явились туда же и турецкіе послы—министръ иностранныхъ дѣлъ, Серверъ-паша, и министръ Двора султана, Намыкъ-паша. Въ тотъ же день Великій Князь получилъ телеграмму отъ канцлера, извѣщавшаго, что Государь желаетъ, чтобы Его Высочество повременилъ сообщеніемъ турецкимъ уполномоченнымъ предварительныхъ условій мира, самъ спросилъ бы ихъ, на какихъ условіяхъ предлагаетъ намъ миръ Турція и содержаніе ихъ отвѣта протелеграфировалъ бы въ Петербургъ. Намъ важно, пояснялъ князь Горчаковъ, выиграть время, чтобы придти къ соглашенію съ Австро-Венгріею, предъявившею возраженія на нѣкоторыя изъ нашихъ мирныхъ статей. Государь отправилъ по этому поводу собственноручныя письма императорамъ германскому и австрійскому и желательно дождаться полученія на нихъ отвѣтовъ.

Но Великій Князь не счелъ возможнымъ сообразоваться съ выраженнымъ ему канцлеромъ желаніемъ. Его Высочество разсуждалъ, что коль скоро въ виды наши не входитъ овладѣніе Константинополемъ, о чемъ неоднократно писали ему и военный министръ, и самъ Государь, то лучше скорѣе кончить дѣло заключеніемъ перемирія; къ тому же, Императоръ Александръ сообщилъ непосредственно султану, что главнокомандующему посланы и условія мира, и полномочіе для переговоровъ съ турецкими послами, а потому, принявъ Сервера и Намыка 8-го января, Великій Князь хотя и началъ съ предложенія имъ вопроса: какія мирныя условія предлагаетъ намъ Порта, но, получивъ въ отвѣтъ, что побѣжденный не можетъ предъявлять побѣдителю никакихъ требованій, и что султанъ повергаетъ себя и свою имперію на великодушіе русскаго Императора,—главнокомандующій вручилъ посламъ текстъ полученныхъ изъ Петербурга пяти статей и потребовалъ отъ нихъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта, отъ котораго, прибавилъ онъ, зависитъ и столь желаемая Портою пріостановка военныхъ дѣйствій. Ознакомясь съ содержаніемъ бумаги, послы съ ужасомъ воскликнули: „Это конецъ Турціи!“ Отвѣтъ обѣщали они дать на слѣдующій день.

9-го января, снова явясь къ главнокомандующему, турецкіе уполномоченные вручили ему ноту, въ которой бо́льшая часть нашихъ условій прямо отвергалась, остальныя принимались съ существенными оговорками и ограниченіями. Великій Князь объявилъ, что не допуститъ никакихъ измѣненій и что турецкій отвѣтъ долженъ быть: да или нѣтъ. Снисходя, однако, на ходатайство пословъ, онъ разрѣшилъ имъ сообщить наши условія въ Константинополь и запросить оттуда окончательныхъ инструкцій отъ Порты, предупредивъ, однако, что и онъ отнесется обо всемъ въ Петербургъ и впредь до полученія новыхъ повелѣній Государя не остановитъ наступленія и не будетъ считать себя связаннымъ содержаніемъ предъяв-

ленныхъ турецкимъ посламъ статей, предоставляя себѣ измѣнить ихъ или дополнить, сообразно обстоятельствамъ.

Нерѣшительность оттоманскихъ уполномоченныхъ соотвѣтствовала вполнѣ выраженному канцлеромъ желанію выиграть время. Но событія шли съ такою быстротою, что не могли не повліять на образъ мыслей и дѣйствій главнокомандующаго. Донося Государю о занятіи Адріанополя, онъ выражалъ мнѣніе, что намъ нельзя остановиться въ этомъ городѣ и что лучше прямо идти къ Царюграду и тамъ „покончить дѣло“. Но при этомъ, замѣчалъ Великій Князь, нужно непремѣнно занять и Галлиполи, дабы заградить англійскому флоту входъ въ Мраморное море и въ Босфоръ. Его Высочество сообщалъ, что впредь до полученія Высочайшихъ указаній не будетъ кончать дѣла съ уполномоченными, а съ Богомъ „пойдетъ впередъ“. Занятіе какъ Константинополя, такъ и Проливовъ считалъ онъ необходимымъ, какъ драгоцѣнный залогъ, обезпечивающій положеніе нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ.

14-го января главнокомандующій перенесъ въ Адріанополь свою главную квартиру. Между тѣмъ, войска наши безостановочно продолжали наступленіе. Передовые отряды высланы, въ восточномъ направленіи къ Каракилиссѣ, въ южномъ—къ Демотикѣ. Авангардъ Струкова, подвигаясь вдоль желѣзной дороги по прямому направленію къ Константинополю, занялъ Люле-Бургасъ и 17-го января взялъ съ бою Чорлу, городъ, отстоящій всего въ трехъ переходахъ отъ Царяграда.

16-го января, въ Адріанополѣ, главнокомандующій получилъ телеграфическій отвѣтъ Государя на послѣднія свои сообщенія. Онъ приглашался не требовать отправленія турецкихъ уполномоченныхъ въ Севастополь или Одессу для переговоровъ о мирѣ, такъ какъ съ этою цѣлью посылается въ Адріанополь бывшій посолъ при султанѣ, графъ Н. П. Игнатьевъ. Далѣе ему предписывалось назначить Серверу и Намыку трехдневный срокъ для принятія нашихъ предложеній, и если такового не послѣдуетъ, то двинуться впередъ и рѣшить дѣло „подъ стѣнами Константинополя“. При этомъ, однако, отнюдь не дозволялось 4 ни приближаться къ Босфору и Дарданелламъ, ни занимать Галлиполи и всего полуострова этого имени.

На другой день, по полученіи царской телеграммы, 17-го января, турецкіе послы объявили Великому Князю, что, не имѣя болѣе средствъ сопротивляться, Порта принимаетъ всѣ наши условія, въ надеждѣ, что непріязненныя дѣйствія будутъ немедленно пріостановлены.

Въ виду изъявленной Портою полной покорности, Великій Князь Николай Николаевичъ не счелъ себя въ правѣ медлить долѣе подписаніемъ предварительныхъ условій мира и заключеніемъ перемирія. Приказанія, полученныя имъ изъ Петербурга, были нѣсколько противорѣчивы. Съ одной стороны, ему предписывалось требовать отъ Порты рѣшительнаго отвѣта на наши условія, съ другой—сообщалось о скоромъ прибытіи въ Адріанополь графа Игнатьева для переговоровъ о мирѣ. Разрѣшеніе идти къ Константинополю было поставлено въ зависимость отъ отказа Порты отвѣтить на нашъ запросъ и въ то же время строго воспрещено занятіе Проливовъ, которое одно могло обезпечить положеніе русской арміи подъ стѣнами турецкой столицы. Канцлеръ хотя и выражалъ мнѣніе, что лучше дождаться установленія окончательнаго соглашенія съ Австро-Венгріею объ основаніяхъ мира, но не увѣдомлялъ, есть-ли надежда на такое соглашеніе и въ какой срокъ оно можетъ послѣдовать, а между тѣмъ, извѣщалъ о грозящемъ разрывѣ съ Англіею и о намѣреніи ея ввести свою эскадру въ Босфоръ. Послѣднее извѣстіе положило конецъ колебаніямъ Великаго Князя. Онъ приказалъ тотчасъ же приступить къ составленію конвенціи о перемиріи и 19-го января самъ подписалъ съ турецкими уполномоченными предварительныя условія мира.

Взявъ перо, Намыкъ-паша долго не рѣшался приложить свою подпись къ протоколу, заключавшему, по словамъ его, смертный приговоръ Турціи. Великій Князь протянулъ ему руку, выразивъ надежду, что, напротивъ, миръ упрочитъ существованіе Оттоманской Имперіи, такъ какъ отнынѣ Россія и Турція будутъ жить въ согласіи и дружбѣ.

Подписанныя Великимъ Княземъ, Серверомъ и Намыкомъ пашами основанія мира были слѣдующія: „1) Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, и которые, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть менѣе пре-

дѣловъ, указанныхъ на Константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ, и туземною милиціею. Оттоманская армія не будетъ тамъ находиться. 2) Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соотвѣтствующее тому приращенію, которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. Окончательныя границы опредѣлятся впослѣдствіи. 3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное земельное вознагражденіе, а для второй произведено исправленіе границъ. 4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразованія будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. 5) Порта приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и за потери, которымъ она должна была себя подвергнуть. Способъ сего вознагражденія—деньгами, либо поземельною уступкою, либо чѣмъ инымъ,—будетъ опредѣленъ впослѣдствіи. Его величество султанъ войдетъ въ соглашеніе съ Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ. Немедленно будутъ открыты переговоры, въ главной квартирѣ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго, между уполномоченными двухъ правительствъ, для установленія предварительныхъ условій мира. Какъ только настоящія основанія мира и условія о перемиріи будутъ подписаны, послѣдуетъ пріостановленіе непріязненныхъ дѣйствій между воюющими арміями, включая румынскую, сербскую и черногорскую, на все время продолженія переговоровъ о мирѣ. Главнокомандующіе обоюдными арміями въ Азіи немедленно будутъ о томъ увѣдомлены для заключенія между ними перемирія, которое равномѣрно пріостановитъ военныя дѣйствія. Императорское Оттоманское правительство дастъ приказаніе Оттоманскимъ войскамъ очистить, какъ только перемиріе будетъ подписано, крѣпости: Виддинъ, Рущукъ и Силистрію, въ Европѣ, и крѣпость Эрзерумъ, въ Азіи. Кромѣ того, русскія войска будутъ имѣть право на военное занятіе, въ продолженіе переговоровъ, извѣстныхъ стратегическихъ пунктовъ, обозначенныхъ въ условіяхъ о перемиріи, на обоихъ театрахъ войны".

Въ тотъ же день, генералы Непокойчицкій и Левицкій подписали съ турецкими военными уполномоченными конвенцію о перемиріи, заключенную на все время переговоровъ о мирѣ, впредь до благопріятнаго окончанія ихъ или перерыва. Актомъ этимъ установлялась демаркаціонная линія между арміями русскою и турецкою на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова. Турки обязывались немедленно очистить дунайскія крѣпости: Виддинъ, Силистрію и Рущукъ, а также Эрзерумъ въ Малой Азіи. Русская армія занимала всю Болгарію, за исключеніемъ четыреугольника вокругъ Варны и Шумлы, ограниченнаго берегомъ Чернаго моря, между Бальчикомъ и Мисиври. Далѣе разграничительная линія шла отъ Деркоса на Черномъ морѣ до впаденія рѣки Карасу въ Мраморное море. Пространство между русскою и турецкою линіями составляло нейтральную полосу, на которой не дозволялось, ни воздвигать, ни усиливать, ни исправлять укрѣпленій, во все время продолженія перемирія. Русскія войска занимали Родосто на Мраморномъ морѣ и Дедеагачъ въ Архипелагѣ, не переступая, однако, за перешеекъ, отъ Таркіой до Урши, отдѣляющій отъ материка полуостровъ Галлиполи. Тою же конвенціею снимались турецкая блокада съ русскихъ черноморскихъ портовъ и русскія загражденія на Дунаѣ. Приказаніе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій тотчасъ же было отправлено во всѣ отряды Дунайской арміи, въ Малую Азію и на Кавказъ.

XXII.

Санъ-Стефанскій миръ и Берлинскій конгрессъ.

1878.

Война кончилась. Побѣжденная и разгромленная Турція приняла главныя основанія будущаго мира. Оставалось достигнуть утвержденія ихъ Европою.

Во все продолженіе войны великія державы Запада не выходили изъ предѣловъ нейтралитета. Италія и Франція, внутри

которой происходилъ переломъ, выразившійся въ переходѣ власти отъ монархистовъ-консерваторовъ въ руки республиканцевъ,—довольно безучастно относились къ военнымъ событіямъ на Востокѣ. Но Германія и Австро-Венгрія, въ особенности Англія, зорко слѣдили за ихъ ходомъ. Паденіе Плевны произвело потрясающее впечатлѣніе въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ; еще бо́льшее—зимній забалканскій походъ, въ шесть недѣль перенесшій побѣдоносную русскую армію отъ Балканъ къ берегамъ Чернаго и Эгейскаго морей.

Составленныя въ Парадимѣ, наканунѣ отъѣзда Императора Александра изъ арміи, мирныя условія были довѣрительно сообщены однимъ только двумъ союзнымъ императорскимъ Дворамъ: берлинскому и вѣнскому. Изъ Берлина, по обыкновенію, отвѣтили, что Германія согласна на все, что будетъ соглашено между Россіею и Австро-Венгріею, но графъ Андраши долго медлилъ отвѣтомъ на русское сообщеніе, и только въ концѣ декабря предъявилъ въ Петербургѣ свои возраженія, касавшіяся, главнымъ образомъ, объема будущей Болгаріи, который онъ находилъ слишкомъ обширнымъ, создающимъ на Балканскомъ полуостровѣ то самое „сплошное славянское государство“, образованіе коего не допускалось соглашеніемъ, состоявшимся между Россіею и Австріею до войны. Вѣнскій Дворъ напоминалъ о предоставленномъ ему этимъ соглашеніемъ правѣ голоса въ опредѣленіи мирныхъ условій и не скрылъ своего неудовольствія, когда узналъ о прибытіи турецкихъ пословъ въ русскую главную квартиру и о начатыхъ съ ними переговорахъ, не только о перемиріи, но и объ основаніяхъ мира. Упрекая нашъ Дворъ въ уклоненіи отъ обязательства: ничего не рѣшать безъ предварительнаго уговора съ Австро-Венгріею, графъ Андраши заявилъ одновременно, въ Петербургѣ и въ Константинополѣ, что вѣнскій Дворъ признаетъ дѣйствительными лишь такія мирныя условія, которыя будутъ согласны съ собственными его интересами, а посколько они касаются общихъ интересовъ Европы—получатъ утвержденіе всѣхъ державъ, участницъ парижскаго договора 1856 года.

Крайнюю тревогу и безпокойство, по мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ къ Царюграду и Проливамъ, проявила Англія. Отказавъ туркамъ въ оффиціальномъ посредничествѣ, сентъ-джемскій кабинетъ, тѣмъ не менѣе, выступилъ усерднымъ ходатаемъ за нихъ въ Петербургѣ. Тотчасъ послѣ паденія Плевны, лордъ Дерби заявилъ графу Шувалову, что, не взирая на успокоительныя завѣренія, данныя русскимъ Дворомъ въ началѣ войны относительно Константинополя, великобританское правительство признаетъ нежелательнымъ даже временное занятіе этого города русскими войсками, по той причинѣ, что оно непремѣнно встревожитъ общественное мнѣніе въ Англіи, которое станетъ требовать отъ правительства принятія мѣръ противодѣйствія и предосторожности; а потому лордъ Дерби выразилъ надежду, что, по переходѣ чрезъ Балканы, русская армія не займетъ ни Константинополя, ни Дарданеллъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, Англія, вынуждена будетъ принять мѣры для огражденія британскихъ интересовъ. На это сообщеніе князь Горчаковъ отвѣчалъ повтореніемъ прежнихъ своихъ заявленій: что намѣренія Императора Александра не измѣнились и что пріобрѣтеніе Константинополя не входитъ въ виды Его Величества; что Государь считаетъ будущую участь этой столицы дѣломъ обще-европейскаго интереса, которое можетъ быть рѣшено не иначе, какъ съ общаго согласія, и что если возбужденъ будетъ вопросъ о судьбѣ Константинополя, то Его Величество полагаетъ, что онъ не долженъ принадлежать ни одной изъ великихъ державъ Европы. Но, съ другой стороны, канцлеръ удивлялся тому, что свобода военныхъ дѣйствій, необходимая для понужденія непріятеля къ миру, можетъ, по толкованію англійскаго правительства, затронуть въ чемъ - либо интересы Великобританіи, и просилъ лорда Дерби точно опредѣлить: какіе именно англійскіе интересы считалъ бы онъ нарушенными ходомъ войны, въ предѣлахъ, намѣченыхъ заявленіемъ русскаго Двора, „дабы изыскать сообща средство согласовать ихъ съ интересами Россіи, обезпечить которые обязанъ Государь Императоръ“.

Лондонскій кабинетъ не замедлилъ откликнуться на этотъ вызовъ и указалъ, какъ на препятствіе къ признанію Англіею прямого примиренія между Россіею и Турціею, на всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлью поставить подъ контроль Россіи проходъ чрезъ Дарданеллы. Заявленіе это вызвало отвѣтъ князя Горчакова, что Россія не на-

мѣрена распространять военныя дѣйствія на Галлиполи, если только турки не сосредоточатъ своихъ военныхъ силъ на полуостровѣ этого имени и если само англійское правительство не займетъ его своими войсками. Дерби поспѣшилъ удостовѣрить, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ виды Англіи не входитъ занимать эту позицію.

Но этою перепискою не ограничилось дипломатическое вмѣшательство Англіи въ дѣло примиренія обѣихъ воюющихъ сторонъ. По совѣту лондонскаго Двора, Порта рѣшилась послать уполномоченныхъ въ русскую главную квартиру. Въ Петербургѣ великобританскій посолъ не переставалъ настаивать, чтобы русскій Дворъ не медлилъ заключеніемъ перемирія; когда же выяснилось, что главнокомандующій дѣйствующею арміею потребовалъ отъ турецкихъ пословъ, прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ о перемиріи, безусловнаго принятія главныхъ основаній мира, то лордъ Дерби объявилъ въ Петербургѣ и въ Константинополѣ, „что всякій договоръ, заключенный между Россіею и Портою, касающійся (affecting) договоровъ 1856 и 1871 годовъ, долженъ быть трактатомъ европейскимъ, и не будетъ дѣйствителенъ (valid) безъ согласія державъ-участницъ помянутыхъ договоровъ“. Заявленіе это сопровождалось воинственными демонстраціями: созваніемъ парламента и испрошеніемъ у него чрезвычайнаго кредита въ 6.000.000 фунтовъ стерлинговъ для вооруженій. Тогда же дано было приказаніе англійской средиземной эскадрѣ вступить въ Дарданеллы, но приказаніе это отмѣнено и эскадра, съ согласія султана вступившая-было въ Мраморное море, возвратилась на прежнюю стоянку, въ бухтѣ Безика, послѣ того, какъ стало извѣстно, что Порта приняла русскія предварительныя условія мира. Эти условія были довѣрительно сообщены графомъ Шуваловымъ лорду Дерби, равно какъ и увѣреніе русскаго канцлера, что принятіе ихъ Турціею хотя и признано ненообходимымъ для заключенія перемирія, но что ихъ слѣдуетъ считать только условіями предварительными, отнюдь не окончательными по отношенію къ Европѣ, и что вопросы, затрогивающіе обще-европейскіе интересы, будутъ рѣшены по соглашенію съ великими державами. Важное это заявленіе русскій канцлеръ сообщилъ и всѣмъ державамъ-участницамъ договоровъ 1856 и 1871 годовъ.

Подписаніе предварительныхъ мирныхъ условій и перемирія русскимъ главнокомандующимъ и турецкими послами послѣдовало въ Адріанополѣ, 19-го января 1878 года. Русскій Дворъ, по общимъ политическимъ соображеніямъ, желалъ скорѣйшаго заключенія этихъ актовъ, дабы не подавать повода къ подозрѣнію, будто Россія нарочно тянетъ переговоры, съ цѣлью ближе подойти къ Царюграду, и въ этомъ смыслѣ посланы были приказанія Великому Князю Николаю Николаевичу. Движеніе къ Константинополю,—сообщали ему,— не должно входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія. Извѣстіе о подписаніи основаній мира и перемирія было принято въ Петербургѣ съ радостью, хотя въ высшихъ правительственныхъ кругахъ и сознавали вполнѣ, что для достиженія окончательнаго мира придется еще преодолѣть не мало трудностей. „Поздравляю васъ, господа, съ заключеніемъ перемирія на столь выгодныхъ для насъ условіяхъ“, сказалъ Государь, обращаясь къ генераламъ и офицерамъ на разводѣ, происходившемъ 22-го января. „Мы этимъ обязаны славнымъ нашимъ войскамъ, которыя доказали, что для нашихъ молодцовъ ничего невозможнаго нѣтъ. Но этимъ дѣло далеко еще не кончено и мы должны оставаться на готовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира. Да поможетъ намъ Богъ и въ этомъ!“.

По этому важному вопросу происходили едва ли не ежедневно совѣщанія высшихъ сановниковъ Имперіи въ Зимнемъ дворцѣ, въ кабинетѣ Государя, подъ личнымъ его предсѣдательствомъ. На одномъ изъ нихъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ выступилъ со смѣлымъ предложеніемъ: идти прямо на Константинополь, занять его и оттуда возвѣстить Россіи и Европѣ объ окончаніи многовѣковой борьбы христіанства съ исламомъ и о прекращеніи турецкаго владычества надъ христіанами, послѣ чего Россія, довольная совершеннымъ ею подвигомъ и ничего не требуя для себя, созвала бы въ Царьградъ представителей европейскихъ державъ, дабы сообща воздвигнуть, на очищенной ею отъ обломковъ прошлаго почвѣ, зданіе, достойное XIX вѣка.

Но мысль генералъ-адмирала не отвѣчала настроенію большинства участниковъ

совѣщанія и не была одобрена Государемъ. Веденіе переговоровъ о „предварительномъ“ мирѣ съ Турціею поручено отправленному въ Адріанополь, бывшему послу при султанѣ, генералъ-адъютанту графу Игнатьеву. Въ данныхъ ему инструкціяхъ предписывалось не придавать трактату, который онъ имѣлъ заключить съ турецкими уполномоченными, вида формальнаго и окончательнаго договора, а только прелиминарнаго протокола, не вдаваясь въ слишкомъ опредѣленныя подробности, такъ какъ всѣ вопросы, затрогивающіе интересы другихъ державъ или совокупной Европы, предполагалось рѣшить сообща, на обще-европейской конференціи.

Основанія мира и актъ перемирія 19-го января сообщены были русскимъ Дворомъ всѣмъ европейскимъ кабинетамъ. Въ Берлинѣ не возражали противъ нихъ, но снова выразили желаніе, чтобы Россія дѣйствовала въ согласіи съ Австріею. Зато графъ Андраши предъявилъ рѣзкій протестъ, находя, что адріанопольскія условія представляютъ цѣлую политическую программу, противную видамъ Австро-Венгріи, которая лишена ими законно принадлежащаго ей права участія въ опредѣленіи основаній будущаго мира. Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія, который позволилъ бы вѣнскому Двору не отступать отъ своего уговора съ Россіей—представлялось Андраши созваніе европейской конференціи, которую австро-венгерскій министръ предложилъ собрать въ Вѣнѣ, и, не дожидаясь отвѣта русскаго Двора, разослалъ приглашенія всѣмъ великимъ державамъ.

Князь Горчаковъ согласился на конференцію и на передачу ей на обсужденіе всѣхъ постановленій о мирѣ, носящихъ обще-европейскій характеръ, но рѣшительно воспротивился созыву ея въ австрійской столицѣ, утверждая, что это воскресило бы печальныя воспоминанія о совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Вѣнѣ во время севастопольской войны, и возмутило бы русское народное чувство. Россія, поясняетъ канцлеръ, несла одна всю тяжесть войны и дорого обошлись ей побѣды, которыя сломили упорство турокъ и вынудили ихъ подчиниться волѣ Европы. Она имѣла бы преимущественное право пригласить уполномоченныхъ прочихъ державъ собраться въ Петербургѣ, но русскій Дворъ не руководится въ данномъ случаѣ побужденіями честолюбія или тщеславія. Онъ предпочитаетъ созвать конференцію въ какомъ-либо городѣ, не принадлежащемъ ни одной изъ великихъ державъ, съ тѣмъ, чтобы приняли въ ней участіе сами первенствующіе министры, руководящіе политикою своихъ государствъ. Мѣстомъ сбора князь Горчаковъ предлагалъ назначить Баденъ-Баденъ или Дрезденъ.

Отказъ Россіи крайне раздражилъ графа Андраши, сдѣлавъ его еще болѣе несговорчивымъ, и не безъ труда согласился онъ на предложеніе Германіи подвергнуть предварительному обсужденію спорные между Австріею и Россіею вопросы на частномъ совѣщаніи представителей трехъ императорскихъ Дворовъ въ Вѣнѣ, чтобы придти къ соглашенію и потомъ дѣйствовать на конгрессѣ сообща, по заранѣе условленной программѣ.

Въ Нетербургѣ разсчитывали на дѣятельное посредничество князя Бисмарка для устраненія возникшихъ несогласій съ Австріею. Съ этою просьбою Императоръ Александръ, въ собственноручномъ письмѣ, лично обратился къ императору Вильгельму. Въ то же время князь Горчаковъ сообщилъ нѣмецкому канцлеру возраженія свои на австрійскія замѣчанія. Считая соглашеніе трехъ императорскихъ Дворовъ „осью политическаго положенія и вѣнцомъ свода европейскаго мира“, русскій канцлеръ выразилъ надежду, что вліянію Германіи удастся удержать вѣнскій Дворъ въ лонѣ этого сочетанія, согласить противоположные взгляды Россіи и Австріи и остановить послѣднюю на пути сближенія или какой-либо сдѣлки съ Англіею.

Князь Горчаковъ настаивалъ на предоставленіи Болгаріи полной автономіи. Достиженіе ея было главною цѣлью войны. Она—minimum того, чѣмъ можетъ удовольствоваться Россія за всѣ принесенныя ею жертвы. Отступиться отъ нея не позволяютъ Россіи ни честь, ея, ни ея интересы. Также точно Россія должна требовать, чтобы автономная, хотя и вассальная Болгарія, составляла единое государство, а не была раздѣлена на двѣ области, какъ то было предположено константинопольскою конференціею. Напрасно вѣнскій Дворъ считаетъ единую Болгарію несогласуемою съ дальнѣйшимъ существованіемъ Оттоманской имперіи. Россія, напротивъ, полагаетъ, что она является единственнымъ

средствомъ продлить существованіе турецкаго владычества въ Европѣ доставленіемъ христіанскимъ подданнымъ султана хоть сколько-нибудь сноснаго существованія. Отъ Австріи зависитъ, впрочемъ, взять себѣ соотвѣтствующее вознагражденіе въ Босніи и Герцеговинѣ. Россія не станетъ этому препятствовать, хотя и не осуществились вполнѣ предположенія, коими уступка эта была обусловлена въ Рейхштадтѣ. Предѣлы будущей Болгаріи могутъ быть точно опредѣлены только на мѣстѣ, особыми коммиссарами по разграниченію, но основное начало, соотвѣтствующее и новѣйшему праву, и требованіямъ справедливости — соображаться съ національностью большинства населенія. Двухлѣтнее занятіе Болгаріи русскими войсками вызывается необходимостью этого срока для введенія во вновь образуемомъ княжествѣ правильной государственной и военной организаціи. Сопротивленіе Австріи этой естественной и вполнѣ необходимой мѣрѣ представляется совершенно непонятнымъ. Вопросъ о вознагражденіи Россіи за принесенныя жертвы возвращеніемъ участка Бессарабіи, отторгнутаго отъ нея въ 1856 году, касается лишь воюющихъ сторонъ. Вопросъ о Проливахъ предоставляется рѣшить европейской конференціи. Въ заключеніе, канцлеръ заявлялъ, что принятыя Турціею главныя основанія мира составляютъ предѣлъ, за который Россія не отступитъ въ своихъ требованіяхъ, но что новыя обстоятельства, какъ, напримѣръ: вступленіе иностранныхъ эскадръ въ Босфоръ и вызванное имъ занятіе Царяграда русскими войсками, могутъ повести къ болѣе радикальнымъ рѣшеніямъ. Въ такомъ случаѣ, Россія будетъ придерживаться условій Рейхштадтскаго Уговора съ однимъ только исключеніемъ: она откажется отъ мысли обратить Константинополь въ вольный городъ и предпочтетъ оставить его во власти турокъ, въ качествѣ уполномоченныхъ Европы, на обязанность которыхъ будетъ возложено охраненіе Проливовъ.

Князь Бисмаркъ, проведя всю осень и начало зимы въ сельскомъ уединеніи въ Варцинѣ, возвратился въ Берлинъ 2-го февраля. Пріѣздъ его былъ вызванъ предъявленнымъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ запросомъ о политикѣ Германіи въ Восточномъ вопросѣ. Гласныхъ заявленій нѣмецкаго канцлера съ большимъ нетерпѣніемъ ждали какъ у насъ, такъ и во всей Европѣ.

Въ пространной рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 7-го февраля, Бисмаркъ съ замѣчательною откровенностью изложилъ свой взглядъ на событія, совершившіяся за Дунаемъ и Балканами, и точно опредѣлилъ образъ дѣйствій, котораго держалась и впредь намѣрена была держаться Германія. О подписанныхъ въ Адріанополѣ главныхъ основаніяхъ мира онъ отозвался, что постановленія, касающіяся Болгаріи, Черногоріи, Румыніи, Сербіи, Босніи и Герцеговины, не затрогиваютъ германскихъ интересовъ настолько, чтобы побудить Германію поставить на карту (auf's Spiel setzen) дружественныя отношенія свои къ сосѣднимъ государствамъ. Что же касается до условленнаго въ пользу Россіи вознагражденія, то опредѣленіе денежнаго вознагражденія касается лишь воюющихъ сторонъ, а земельнаго—державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года и требуетъ ихъ утвержденія. Важность для Германіи представляютъ только два вопроса: о Проливахъ и о Дунаѣ. Она заинтересована въ томъ, чтобы оба эти водные пути оставались открытыми для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Сверхъ того, она не можетъ быть безучастна къ улучшенію участи турецкихъ христіанъ. Одобривъ, такимъ образомъ, русскія условія мира въ общемъ ихъ объемѣ, имперскій канцлеръ перешелъ къ обсужденію вопроса о томъ, какъ будетъ относиться Германія къ совершившимся на Балканскомъ полуостровѣ перемѣнамъ. Тѣ изъ нихъ, объявилъ онъ, что̀ видоизмѣняютъ постановленія парижскаго трактата, могутъ совершиться не иначе, какъ съ общаго согласія Европы. Въ этомъ и заключается задача предстоящей европейской конференціи. Въ интересѣ всѣхъ державъ, не исключая и Россіи, избѣжать войны и покончить всѣ несогласія миромъ. Германія никому не станетъ навязывать своихъ взглядовъ, не будетъ разыгрывать изъ себя третейскаго судью, а ограничится ролью *честнаго маклера*, желающаго, чтобы между спорящими сторонами дѣйствительно состоялось соглашеніе. Бисмаркъ распространился по этому поводу о сущности политической связи, соединяющей три Императорскіе Двора, которая не покоится на письменныхъ обязатель-

ствахъ, и ни одинъ изъ трехъ императоровъ не обязанъ подчиниться рѣшенію двухъ другихъ. Связь эта зиждется на личныхъ взаимныхъ симпатіяхъ трехъ монарховъ, на личномъ ихъ довѣріи другъ къ другу и на долголѣтнихъ, также личныхъ, отношеніяхъ руководящихъ министровъ трехъ державъ. Когда между Россіею и Австро-Венгріею возникали несогласія, Германія всегда избѣгала высказываться въ пользу той или другой. Такъ будетъ поступать она и впредь. И безъ нея Россія добровольно принесетъ миру Европы всѣ тѣ жертвы, которыя допуститъ ея народное чувство и интересы 80 милліоновъ русскихъ. Она не простила бы Германіи, если бы та, во имя европейскаго интереса, потребовала отъ нея бо̀льшаго. Это подало бы лишь поводъ тѣмъ изъ русскихъ людей, которые не долюбливаютъ нѣмцевъ и хотя, къ счастію, не находятся у власти, но, конечно, стремятся къ ней, — къ такому упреку: что достиженію возвышеннаго русскаго народнаго идеала воспротивилась, не Англія и не Австрія, а Германія, которой Россія оказала въ прошедшемъ столько услугъ. „Никогда“,—заключилъ Бисмаркъ первую часть своей рѣчи,— „мы не примемъ на себя отвѣтственности за то, чтобы желанію играть роль третейскаго судьи въ Европѣ пожертвовать вѣрною и за нѣсколько поколѣній испытанною дружбою“.

Возражая затѣмъ ораторамъ оппозиціи, утверждавшимъ, что послѣдняя война доставила Россіи на Востокѣ могущественное положеніе, крайне опасное для всей Европы, и что Германія должна была предупредить это своевременно, не допуская Россію до единоборства съ Турціей, Бисмаркъ привелъ, изъ новѣйшей европейской исторіи, нѣсколько примѣровъ вмѣшательствъ, обратившихся въ ущербъ державъ-посредницъ, а на замѣчаніе, что тому, кто владѣетъ Дарданеллами, принадлежитъ и владычество надъ міромъ, язвительно отвѣтилъ: что никто въ Пруссіи не ощущалъ доселѣ чувства, что живетъ подъ турецкою властью, хотя султанъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, обладалъ этимъ проливомъ. „Впрочемъ,“—продолжалъ князь,—„я и не утверждалъ никогда, что ключъ отъ Дарданеллъ не имѣетъ важнаго значенія. Я утверждаю только, что въ настоящую минуту Россія не стремится овладѣть этимъ ключемъ, что она, въ угоду заинтересованнымъ державамъ, не вошла въ Константинополь и что слово Императора Александра ручается намъ въ томъ, что онъ не сохранитъ Константинополя за собою. А останется-ли послѣ того Турція, подчиненная преобладающему вліянію Россіи—этого мы еще не знаемъ...“

Тройственное совѣщаніе въ Вѣнѣ не привело къ желаемому результату. Предложенія русскаго Двора Андраши нашелъ неудовлетворительными уже по одной ихъ неопредѣленности. Князь Горчаковъ, желая установить соглашеніе трехъ Императорскихъ Дворовъ до собранія конференціи, полагалъ, что въ случаѣ, если она не приведетъ къ миру, трехдержавный союзъ все же останется „якоремъ спасенія“, тогда какъ австро-венгерскій министръ настаивалъ, напротивъ, на скорѣйшемъ созваніи европейскаго ареопага. Послѣ русскаго отказа отъ конференціи въ Вѣнѣ, Андраши разослалъ великимъ державамъ приглашеніе собраться въ Баденъ-Баденѣ, на 26-е февраля. Предложеніе это было принято всѣми кабинетами, но князь Бисмаркъ и лордъ Дерби заявили, что сами они не примутъ личнаго участія въ совѣщаніяхъ. Тогда Горчаковъ обратился къ Бисмарку съ просьбой: созвать въ Берлинѣ уже не конференцію, а европейскій конгрессъ, состоящій изъ первенствующихъ министровъ, подъ личнымъ его предсѣдательствомъ, причемъ выразилъ надежду, что нѣмецкій канцлеръ будетъ руководить преніями въ духѣ прямодушнаго расположенія къ Россіи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ изъявили свое согласіе, что̀ возбудило живѣйшую радость въ Петербургѣ. Русскій канцлеръ горячо благодарилъ германскаго императора и его министра за важную услугу, оказываемую ими Россіи и дѣлу европейскаго мира. Всѣ великія державы не замедлили принять, безъ всякихъ оговорокъ, приглашеніе Германіи на конгрессъ въ ея столицѣ. Совершенно неожиданныя возраженія предъявила Англія.

Въ Лондонѣ никакія примирительныя увѣренія, никакія уступки русскаго Двора не въ состояніи были успокоить общественнаго возбужденія, возраставшаго съ каждымъ извѣстіемъ, приходившимъ съ театра войны. Крайне встревожила сентъ-джемскій кабинетъ та изъ статей адріанополь-

скихъ основаній мира, которою русскій Императоръ и султанъ обязались условиться объ обезпеченіи правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ. На протестъ великобританскаго посла въ Петербургѣ князь Горчаковъ отвѣчалъ, что и самъ онъ находитъ эту статью неопредѣленною и ненужною, и готовъ даже вовсе ее отмѣнить, такъ какъ Россія считаетъ вопросъ о Проливахъ подлежащимъ разрѣшенію только съ общаго согласія всѣхъ европейскихъ державъ.

Вѣсть о занятіи Чаталджи русскимъ передовымъ отрядомъ послужила поводомъ къ новому представленію англійской дипломатіи въ Петербургѣ. Движеніе это она сочла первымъ шагомъ къ занятію Константинополя, которое, какъ заявилъ лордъ Августъ Лофтусъ русскому канцлеру, не можетъ уже быть вызвано военными соображеніями и, слѣдовательно, противорѣчило бы положительному обѣщанію Императора Александра. Недожидаясь отвѣта русскаго канцлера, великобританское правительство рѣшилось, въ предупрежденіе опасности, на чрезвычайную мѣру: англійской средиземной эскадрѣ вторично предписано вступить въ Дарданеллы. Извѣщая русскаго посла объ этомъ важномъ рѣшеніи, лордъ Дерби старался увѣрить его, что принято оно исключительно для огражденія безопасности проживающихъ въ Константинополѣ англичанъ и ихъ собственности отъ проявленія мусульманскаго фанатизма. Въ дѣйствительности же, оно имѣло цѣлью предупредить русскихъ въ Константинополѣ и на Босфорѣ.

Вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы было вопіющимъ нарушеніемъ обязательства, принятаго Англіею предъ Россіею, которымъ и были обусловлены всѣ наши ей уступки. Графъ Шуваловъ не скрылъ отъ великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ своего негодованія и рѣшительно и твердо объявилъ ему, что мѣра эта повлечетъ за собою послѣдствія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя ожидало отъ нея англійское правительство. Она освобождаетъ русскій Дворъ отъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ съ цѣлью ея предупрежденія. Заключеніе перемирія исключало возможность русскаго занятія Константинополя и Галлиполи, но появленіе англійской эскадры въ Мраморномъ морѣ неминуемо повлечетъ за собою вступленіе нашихъ войскъ въ Галлиполи, въ самую турецкую столицу.

Князь Горчаковъ вполнѣ одобрилъ заявленіе русскаго посла въ Лондонѣ. Столь явно враждебный Россіи шагъ переполнилъ мѣру терпѣнія и уступчивости Императорскаго кабинета. 29 го января была обнародована во всеобщее свѣдѣніе слѣдующая телеграмма государственнаго канцлера къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при Дворахъ великихъ державъ: „Великобританское правительство, по донесенію своего посла въ Константинополѣ, рѣшилось воспользоваться фирманомъ, ранѣе полученнымъ, для направленія части своего флота въ Константинополь въ видахъ охраненія жизни и безопасности великобританскихъ подданныхъ. Другія державы приняли эту же самую мѣру для своихъ подданныхъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ обязываетъ насъ позаботиться и съ нашей стороны о средствахъ оказать покровительство христіанамъ, жизни и имуществу коихъ будетъ угрожать опасность, и для достиженія этой цѣли-имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь".

Рѣшеніе русскаго Двора—занять турецкую столицу привело англійскихъ министровъ въ крайнее смущеніе, выразившееся въ томъ, что, несмотря на ясный смыслъ петербургской телеграммы, лордъ Дерби запросилъ графа Шувалова, чѣмъ собственно вызвана возвѣщенная княземъ Горчаковымъ мѣра: заботою о безопасности христіанскаго населенія или же требованіями военной чести, чтобы въ то время, когда Англія и другія державы развѣваютъ свои флаги въ Константинополѣ, тамъ появилось бы и русское знамя? Отвѣтъ канцлера былъ, что русское правительство руководствуется побужденіями тождественными съ англійскими, съ тѣмъ лишь оттѣнкомъ, что считаетъ долгомъ оказать свое покровительство, не однимъ своимъ подданнымъ въ Царьградѣ, но и всѣмъ христіанамъ вообще; что оба правительства исполняютъ, такимъ образомъ, долгъ человѣколюбія, и что общее ихъ миролюбивое дѣло не должно, поэтому, имѣть видъ взаимной враждебности. Лордъ Дерби не согласился съ такимъ взглядомъ, утверждая, что положеніе Англіи и Россіи неодинаково, такъ какъ первая состоитъ въ дружбѣ

съ Турціей, а вторая ведетъ съ нею войну, вслѣдствіе чего появленіе англійскаго флота въ Дарданеллахъ не можетъ быть приравнено къ занятію Константинополя русскими войсками въ нарушеніе заключеннаго перемирія.

Не вдаваясь въ эти разсужденія, графъ Шуваловъ въ объясненіяхъ своихъ съ лордомъ Дерби твердо стоялъ на томъ, что Россія отнынѣ свободна отъ всякихъ обязательствъ предъ Англіею. Рѣшительный тонъ его рѣчей не замедлилъ произвести надлежащее дѣйствіе. По обсужденіи вопроса въ совѣтѣ министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи уже не настаивалъ на отреченіи Россіи отъ возвѣщеннаго занятія турецкой столицы, но ограничился замѣчаніемъ, что если, одновременно со вступленіемъ въ Константинополь, русскія войска будутъ направлены и на Галлиполи, то Англія сочтетъ это движеніе за casus belli, потому что оно подвергло бы опасности ея эскадру, которая, по загражденіи Дарданеллъ минами, очутилась бы въ Мраморномъ морѣ, какъ въ мышеловкѣ. Въ такомъ случаѣ возбужденіе въ Англіи достигло бы крайнихъ предѣловъ и неминуемо вызвало бы объявленіе Россіи войны. Изъ этого сообщенія графъ Шуваловъ заключилъ, что занятіе Царяграда не вызоветъ войны съ Англіей, и совѣтовалъ не отказывать сентъ-джемскому Двору въ обѣщаніи не занимать Галлипольскаго полуострова и линіи Булаира, подъ тѣмъ условіемъ, что и Англія не высадитъ ни единаго человѣка, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ берегу. Уполномочивая посла въ Лондонѣ дать лорду Дерби это завѣреніе, князь Горчаковъ присовокупилъ, что такъ какъ англійская эскадра уже вошла въ Дарданеллы, не взирая на протестъ Порты, то временное занятіе Константинополя частью нашихъ войскъ стало неизбѣжнымъ. Нѣсколько дней спустя, лондонскій кабинетъ, принявъ къ свѣдѣнію заявленіе о Дарданеллахъ, все же возобновилъ протестъ свой противъ введенія русскаго отряда въ турецкую столицу безъ предварительнаго согласія султана, грозя, хотя и не войною, но отозваніемъ великобританскаго посла изъ Петербурга и отказомъ принять участіе въ конгрессѣ. На это новое притязаніе князь Горчаковъ, напомнивъ, что англичане сами вступили въ Дарданеллы вопреки протесту Порты, отвѣчалъ: „Пусть британское правительство поступаетъ какъ ему угодно. Исторія, а быть можетъ, и современники, произнесутъ свой приговоръ надъ этимъ полнымъ отсутствіемъ логики и надъ этимъ презрѣніемъ ко всеобщему миру“.

Еще до заключенія мира вопросъ о появленіи англійскихъ морскихъ силъ въ Проливахъ озабочивалъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею. На запросъ его, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ, послѣдовалъ отвѣтъ изъ Петербурга: если британская или какая-либо иная иностранная эскадра вступитъ въ Босфоръ, то должно войти съ нею въ дружественное соглашеніе для водворенія общими силами порядка въ Царьградѣ; если иностранный десантъ займетъ Константинополь, то избѣгать столкновенія съ нимъ, и наши войска оставить подъ стѣнами города; ввести русскія войска въ городъ въ томъ только случаѣ, если о томъ будутъ просить сами жители или представители другихъ державъ; наконецъ, ни въ какомъ случаѣ не занимать Галлиполи, а если на полуостровѣ этого имени будетъ находиться турецкій отрядъ, то выдвинуть нашъ наблюдательный отрядъ только къ перешейку, соединяющему полуостровъ съ материкомъ.

Ни одна изъ предвидѣнныхъ случайностей не осуществилась, а потому, по подписаніи перемирія, русская армія, согласно этому акту, остановилась на линіи Деркосъ—Буюкъ-Чекмедже, на разстояніи трехъ переходовъ отъ турецкой столицы. Въ концѣ января имѣли открыться въ Адріанополѣ переговоры о заключеніи „предварительнаго“ мира между русскими уполномоченными, графомъ Игнатьевымъ и А. И. Нелидовымъ, и турецкими—Савфетомъ-пашою и Саадуллахъ-беемъ. Ни Румынія, ни Греція,—всего за нѣсколько дней до того объявившая войну Турціи и введшая войска свои въ Ѳессалію,—не участвовали въ мирныхъ совѣщаніяхъ, равно какъ Сербія и Черногорія, которыя, впрочемъ, прислали въ русскую главную квартиру своихъ агентовъ для заявленія желаній и отстаиванія интересовъ. Но не успѣли еще съѣхаться русскіе и турецкіе уполномоченные, какъ пришло въ Адріанополь извѣстіе, что шесть англійскихъ броненосцевъ, подъ флагомъ адмирала Горнби, подошли къ Дарданелламъ и требуютъ отъ Порты свободнаго пропуска въ Мраморное

море. Одновременно, Великій Князь главнокомандующій получилъ изъ Петербурга приказаніе: въ виду появленія англійскихъ морскихъ силъ въ Проливахъ, войти съ турецкими уполномоченными въ соглашеніе о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь, а въ случаѣ, если они тому воспротивятся, то быть готовымъ занять Царьградъ даже силою. Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ, сообщалъ брату Императоръ Александръ, слагаетъ съ насъ прежнія обязательства относительно Галлиполи и Дарданеллъ. Если англичане сдѣлаютъ гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное введеніе нашихъ войскъ въ Константинополь. Великому Князю Николаю Николаевичу предоставлялась при этомъ полная свобода дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ, однако, чтобы избѣжать непосреднаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не начнутъ враждебныхъ намъ дѣйствій.

Насильственное вторженіе англійскаго флота въ Дарданеллы и появленіе его подъ стѣнами Константинополя было не только нарушеніемъ обще-европейскаго договора о недоступности Проливовъ военному флагу всѣхъ державъ; оно грозило столкновеніемъ между британскими морскими и русскими сухопутными силами въ непосредственномъ сосѣдствѣ турецкой столицы, столкновеніемъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго было бы возобновленіе войны, только-что прекращенной перемиріемъ, и обращеніе ея въ войну всеобщую, въ которую неминуемо вмѣшались бы и другія державы. Средствомъ предупредить это бѣдствіе представлялось Императору Александру введеніе части русскихъ войскъ въ Константинополь, съ согласія Порты. Съ этою цѣлью Государь обратился прямо къ султану съ телеграммой, въ которой, ссылаясь на поступокъ англичанъ, предупреждалъ, что и самъ онъ вынужденъ послѣдовать ихъ примѣру, но исключительно съ мирною цѣлью, а именно, для поддержанія порядка и спокойствія въ Константинополѣ. Въ отвѣтѣ своемъ, Абдулъ-Гамидъ увѣрялъ, что въ столицѣ его все спокойно; что переговоры его уполномоченныхъ съ русскими не замедлятъ привести къ скорому миру; что сами англичане, въ виду предъявленнаго Портою протеста, остановились предъ Дарданеллами, а потому султанъ надѣется, что и русскій Императоръ не дастъ хода заявленному имъ намѣренію и не будетъ настаивать на вступленіи русскихъ войскъ въ Константинополь. Оказалось, однако, что англійская эскадра пренебрегла турецкимъ протестомъ и, не взирая на отказъ въ фирманѣ для пропуска, 1-го февраля вошла въ Мраморное море и бросила якорь у Принцевыхъ острововъ. Государь протелеграфировалъ султану, что, въ случаѣ вступленія британскихъ броненосцевъ въ Босфоръ, ему невозможно будетъ не ввести въ Константинополь на время части своей арміи. „Ваше величество“, замѣтилъ по этому поводу Императоръ, „слишкомъ сознаете собственное достоинство, чтобы не признать, что, въ данномъ случаѣ, я не могу поступить иначе“. Абдулъ-Гамидъ просилъ отложить эту мѣру, по крайней мѣрѣ, до полученія отвѣта на письмо, съ которымъ онъ обратился къ королевѣ Викторіи, умоляя ее отозвать флотъ. На это Государь согласился. Сентъ-джемскій кабинетъ не уважилъ, однако, ходатайства султана и только предписалъ адмиралу Горнби отойти отъ Принцевыхъ острововъ и стать на якорѣ въ заливѣ Манданіи, въ Мраморномъ морѣ, на болѣе значительномъ разстояніи отъ Босфора. Тогда Императоръ Александръ снова самъ извѣстилъ султана, что временное занятіе Константинополя русскими войсками не можетъ быть, ни оставлено, ни отложено, коль скоро англійская эскадра остается въ Мраморномъ морѣ, вмѣсто того, чтобы уйти обратно за Дарданеллы. Тогда же Великому Князю главнокомандующему подтверждено, въ случаѣ вступленія англійской эскадры въ Босфоръ, стараться занять нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ на европейскомъ берегу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ускорить исполненіе предположеннаго занятія „ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій“, а на случай отказа султана въ согласіи на эти мѣры, приготовить достаточныя силы. Вообще, Его Высочеству предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не ожидая особыхъ разрѣшеній изъ Петербурга.

Озабочиваясь исполненіемъ Высочайшей воли, Великій Князь Николай Николаевичъ отправилъ въ Константинополь перваго драгомана посольства, чтобы развѣдать,

въ какой мѣрѣ расположена Порта допустить временное занятіе Константинополя русскими войсками. По отзыву этого дипломата, турецкіе министры противились лишь для виду и только на словахъ. Султанъ, доносилъ онъ, пошлетъ въ Адріанополь Намыка-пашу, чтобы постараться убѣдить Великаго Князя отказаться отъ заявленнаго намѣренія, но кончится тѣмъ, что Порта поторгуется и подъ конецъ уступитъ. Турки называли уже русскому драгоману константинопольскія казармы, которыя могли бы пріютить русскихъ солдатъ: Даудъ-паша, Ильдызъ-Чифтликъ, на высотахъ Эюба.

Между тѣмъ, первый турецкій уполномоченный, Савфетъ-паша, прибылъ въ Адріанополь, и графъ Игнатьевъ предъявилъ ему, именемъ Великаго Князя Николая Николаевича, требованіе перенесенія русской главной квартиры, въ сопровожденіи отряда въ 10.000 человѣкъ, въ Санъ-Стефано, мѣстность, расположенную на берегу Мраморнаго моря и отстоящую отъ Константинополя въ 10 верстахъ. Порта долго медлила отвѣтомъ, что̀ побудило главнокомандующаго объявить ея уполномоченному, что если отвѣтъ этотъ не будетъ полученъ въ теченіе трехъ дней, то русская армія двинется впередъ и займетъ впереди Константинополя всѣ тѣ позиціи, которыя признаетъ нужнымъ; всякая же попытка турокъ оказать сопротивленіе будетъ признана за нарушеніе перемирія. Угроза подѣйствовала. Порта выразила согласіе на русское требованіе, и 12-го февраля Великій Князь Николай Николаевичъ со своимъ штабомъ прибылъ въ Санъ-Стефано. Русскія войска, переступивъ за установленную перемиріемъ демаркаціонную черту, расположились вокругъ этой мѣстности, не дойдя, однако, ни до высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ, ни до Босфора. Состоявшееся между тѣмъ соглашеніе съ Англіей не дозволило имъ также распространить наше занятіе до Галлиполи и береговъ Дарданеллъ.

Такъ понялъ и исполнилъ главнокомандующій преподанныя ему изъ Петербурга наставленія. Въ нихъ занятіе Константинополя и европейскаго берега Босфора было обусловлено, съ одной стороны, согласіемъ Порты, съ другой—вступленіемъ англійской эскадры въ Босфоръ. Но Порта не соглашалась, а англичане, не только въ Босфоръ не вошли, но, оставаясь въ Мраморномъ морѣ, отступили отъ Принцевыхъ острововъ къ Манданіи. Къ тому же, какъ доносилъ Великій Князь Государю, перемиріе измѣнило наше положеніе далеко не въ нашу пользу. Численность турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ впереди столицы, увеличивалась съ каждымъ днемъ и доступъ къ ней былъ уже не такъ легокъ, какъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ. Занятіемъ Санъ-Стефано и его окрестностей главнокомандующій хотѣлъ поставить нашу армію въ положеніе, сходное съ тѣмъ, которое англійская эскадра занимала въ Мраморномъ морѣ. Государь одобрилъ его рѣшеніе и выразилъ удовольствіе по поводу водворенія его въ „предмѣстьи“ Константинополя, съ согласія султана. Къ сожалѣнію, предмѣстье это отстояло отъ столицы на цѣлыя 10 верстъ. Между нимъ и Царьградомъ сосредоточились, на командующихъ позиціяхъ, всѣ наличныя военныя силы Турціи. Берега Босфора и Дарданеллъ остались внѣ района нашего расположенія, хотя между русскими и турецкими войсками и не было проведено новой демаркаціонной черты, и намъ, въ первую минуту, вольно было занять все, что бы мы ни пожелали.

Въ Санъ-Стефано продолжались, начатые въ Адріанополѣ переговоры о заключеніи „предварительнаго“ мира. Турецкіе уполномоченные затягивали ихъ елико возможно, въ надеждѣ, что вмѣшательство европейскихъ державъ избавитъ ихъ отъ печальной необходимости подписать трактатъ, который представлялся имъ смертнымъ приговоромъ Турціи. Это же соображеніе побуждало Императорскій кабинетъ настаивать на скорѣйшемъ заключеніи договора. Русскимъ уполномоченнымъ поручено объявить туркамъ, что пока не будетъ подписанъ съ нами миръ, Россія не согласится на созваніе конференціи. Султанъ, въ надеждѣ на смягченіе русскихъ условій, выразилъ намѣреніе отправить въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, но̀ получилъ въ отвѣтъ, что турецкій посолъ будетъ принятъ не ранѣе, какъ по заключеніи мира. Чтобы скорѣе достигнуть цѣли, графу Игнатьеву и Нелидову предписано не выходить изъ предѣловъ данныхъ имъ инструкцій и даже поступиться нѣкоторыми изъ первоначально заявлен-

ныхъ требованій, въ томъ числѣ уступкою, въ счетъ слѣдующаго Россіи денежнаго вознагражденія, турецкихъ броненосцевъ, занесеннымъ въ актъ перемирія а также обязательствомъ Турціи вступить въ тайное соглашеніе съ Россіей по вопросу о Проливахъ. Русскіе уполномоченные спѣшили окончить переговоры [ко дню восшествія Императора Александра II на Престолъ и, чтобы подписаніе трактата могло состояться въ этотъ день, рѣшились не настаивать на двухъ статьяхъ, возбуждавшихъ сопротивленіе турокъ: о согласныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Турціи на будущемъ европейскомъ конгрессѣ и о дозволеніи сажать на суда русскія войска, предназначенныя къ возвращенію на родину, въ Буюкъ-Дерѣ, на берегу Босфора.

19-го февраля графъ Игнатьевъ и Нелидовъ съ русской стороны, Савфетъ-паша и Саадуллахъ-бей—съ турецкой, приложили свои подписи къ акту „предварительнаго" мира между Россіею и Турціею. О событіи этомъ, закончившемъ продолжительную, славную, но стоившую многихъ тяжкихъ жертвъ, войну, Великій Князь главнокомандующій объявилъ собраннымъ на парадѣ въ Санъ-Стефано, въ виду Царяграда и святой Софіи, войскамъ дѣйствующей арміи.

Санъ-стефанскій мирный договоръ совершенно видоизмѣнялъ политическую поверхность Балканскаго полуострова. За Турціей, оставались на европейскомъ материкѣ, лишь Константинополь, Адріанополь, Солунь, Эпиръ, Ѳессалія, Албанія, Боснія и Герцеговина. Вся Болгарія, отъ Дуная до Эгейскаго моря, отъ Чернаго моря до Охридскаго озера, обращалась въ княжество, хотя и вассальное по отношенію къ султану, но вполнѣ самостоятельное, съ христіанскимъ управленіемъ и народною милиціею, съ правомъ избранія князя; турецкія войска выводились изъ Болгаріи, дунайскія крѣпости имѣли быть срыты; впредь до образованія болгарской милиціи, русскія войска занимали княжество въ продолженіе двухъ лѣтъ. Порта признавала независимость Черногоріи, получавшей значительное земельное приращеніе со стороны, какъ Албаніи, такъ и Герцеговины, а равно и по Адріатическому побережью. Провозглашалась независимость Румыніи и Сербіи. Отъ Румыніи отходилъ къ Россіи участокъ Бессарабіи, отторгнутый по парижскому миру 1856 года, взамѣнъ котораго она получала Добруджу; предѣлы Сербіи расширялись къ югу, въ направленіи къ Старой Сербіи. Въ Босніи и Герцеговинѣ вводились преобразованія, проектированныя константипольскою конференціею 1877 года, съ измѣненіями, которыя будутъ установлены съ общаго согласія Россіи и Австро-Венгріи. Чтобы сохранить связь между этими двумя областями и прочими владѣніями султана, Черногорія и Сербія не получили общей границы по рѣкѣ Лиму, и Ново-Базарскій дефилей оставленъ за Турціею. Устройство, сходное съ тѣмъ, что́ съ 1868 года введено было на островѣ Критѣ, распространялось на Эпиръ, Ѳессалію и Албанію. Улучшенія и реформы обѣщались армянамъ, а равно огражденіе ихъ безопасности отъ курдовъ и черкесовъ. Размѣръ денежнаго вознагражденія, слѣдовавшаго Россіи за военныя издержки и убытки, понесенные русскими областями и подданными, вслѣдствіе войны, опредѣленъ въ 1.410 милліоновъ рублей. Россія принимала въ уплату бо́льшей части этой суммы, а именно 1.100 милліоновъ, независимо отъ участка Бессарабіи и Добруджи, предназначенной въ вознагражденіе Румыніи, уступку въ Малой Азіи Ардагана, Карса, Батума, Баязета, съ окружающею ихъ территоріею, вплоть до Саганлугскаго хребта. Остальная часть контрибуціи, 310 милліоновъ рублей, имѣла быть выплачена деньгами. Порта обязывалась разсмотрѣть и удовлетворить предъявленные къ ней или къ ея подданнымъ иски русскихъ подданныхъ. Русскимъ духовнымъ лицамъ и паломникамъ обезпечивались, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіятской Турціи, всѣ права и преимущества, предоставленныя иностранцамъ другихъ исповѣданій. Признавалось право покровительства какъ имъ, такъ и русскимъ духовнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ въ Палестинѣ и въ другихъ мѣстахъ, императорскихъ—посольства въ Константинополѣ и консульствъ въ Оттоманской имперіи. Тѣ же права и преимущества признавались за аѳонскими монахами русскаго происхожденія. Подтверждались неотмѣненные статьями санъ-стефанскаго договора прежніе трактаты и конвенціи, заключенные между Россіею и Турціею. Для вывода русскихъ войскъ изъ Европейской Турціи назначался трехмѣсячный срокъ, а изъ Азіятской — шестимѣсячный. Порта

объявляла всеобщую амнистію. Возвращеніе военноплѣнныхъ имѣло состояться немедленно по ратификаціи договора Государемъ и султаномъ. Обмѣнъ ратификацій долженъ былъ послѣдовать въ С.-Петербургѣ, въ пятнадцатидневный срокъ.

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира“, телеграфировалъ Императору Александру Великій Князь главнокомандующій. „Господь сподобилъ насъ, Государь, окончить предпринятое вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ, вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго“. Императоръ отвѣчалъ выраженіемъ благодарности Всевышнему, признательности брату и побѣдоносной его арміи. Но тутъ же вырвалось у него восклицаніе: „Дай Богъ, чтобы конференція не испортила достигнутаго результата!“

Въ день заключенія мира султанъ поздравилъ Государя по телеграфу съ годовщиною восшествія на Престолъ. Въ отвѣтѣ своемъ Императоръ Александръ выразилъ надежду, что миръ послужитъ къ возстановленію между нимъ и Абдулъ-Гамидомъ добрыхъ отношеній, долговѣчныхъ и прочныхъ. Султанъ не замедлилъ ратификовать прелиминарный мирный договоръ и съ нимъ отправилъ въ Россію чрезвычайнымъ посломъ сераскира Реуфа-пашу, прибывшаго въ Петербургъ въ сопровожденіи графа Игнатьева. 4-го марта произошелъ обмѣнъ ратификацій. Санъ-стефанскій трактатъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе и сообщенъ правительствамъ великихъ державъ.

Оставалось собраться европейскому конгрессу въ Берлинѣ, когда со стороны Англіи возникли неожиданныя препятствія. Принимая приглашеніе на конгрессъ, сентъджемскій кабинетъ условіемъ своего согласія поставилъ, что разсмотрѣнію конгресса будутъ подлежать всѣ вопросы, затронутые въ мирномъ договорѣ, заключенномъ Россіею и Турціею, и что никакое измѣненіе порядка, установленнаго прежними трактатами, не будетъ признано дѣйствительнымъ иначе, какъ съ общаго согласія державъ. Требованіе это князь Горчаковъ счелъ оскорбительнымъ для Россіи, которая, если бы оно было удовлетворено, явилась бы на конгрессѣ, не въ качествѣ равноправной участницы, а какъ бы въ роли подсудимой, а потому, канцлеръ рѣшительно отклонилъ притязаніе Англіи, замѣтивъ, что русскій Дворъ уже согласился на обсужденіе конгрессомъ вопросовъ, касающихся европейскихъ интересовъ, и что дальше этого онъ пойти не можетъ. Рѣшеніе это канцлеръ такъ пояснилъ въ телеграммѣ графу Шувалову: „Правительство королевы, какъ и всѣ прочія великія державы, предоставляетъ себѣ на конгрессѣ полную свободу сужденій и дѣйствій. Не отрицая этой свободы для другихъ, Россія требуетъ ея и для себя, и она бы ограничила ее, если бы одна, изъ всѣхъ державъ, приняла на себя предварительное обязательство“. Въ Лондонѣ не удовлетворились этимъ заявленіемъ и снова потребовали, чтобы Россія представила весь санъ-стефанскій мирный договоръ на обсужденіе и рѣшеніе конгресса. Отвѣтъ князя Горчакова гласилъ: „Въ виду различныхъ толкованій свободы сужденій и дѣйствій, которую Россія долгомъ считаетъ сохранить за собою на конгрессѣ, Императорскій кабинетъ опредѣляетъ точный смыслъ ея слѣдующимъ образомъ: онъ предоставляетъ прочимъ державамъ право возбуждать на конгрессѣ какіе бы то ни было, признанные нужными, вопросы, а за собою сохраняетъ право принять или не принять эти вопросы къ обсужденію“.

Скоро, однако, оказалось, что англійскія оговорки и ограниченія лишь прикрывали рѣшимость великобританскаго правительства прибѣгнуть къ оружію. Парламентъ вотировалъ потребованный отъ него на вооруженія кредитъ въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Первый министръ, лордъ Биконсфильдъ, настаивалъ на немедленномъ созваніи резервовъ, и мѣра эта, рѣшенная большинствомъ министровъ, побудила лорда Дерби сложить съ себя званіе министра иностранныхъ дѣлъ. Преемникомъ ему назначенъ лордъ Салисбюри.

Новый министръ не замедлилъ обнародовать циркуляръ къ дипломатическимъ представителямъ Англіи, явившійся грознымъ обвинительнымъ актомъ по адресу Россіи. Всѣ постановленія санъ-стефанскаго мира представлялись въ немъ направленными къ распространенію и утвержденію преобладанія Россіи на Востокѣ. Такое именно значеніе приписывалъ лордъ Салисбюри и созданію единой Болгаріи, простирающейся отъ Чернаго моря до Эгейскаго, и предоставленію Россіи права наблюдать за введеніемъ преобразованій

въ прочихъ христіанскихъ областяхъ, оставленныхъ за Турціею, и оторванности Константинополя отъ этихъ областей, и значительному земельному приращенію Россіи на Дунаѣ и въ Малой Азіи; наконецъ, выговоренному въ пользу ея денежному вознагражденію, значительно превышающему платежныя средства Порты. Допустить этого Англія не можетъ, въ особенности—подчиненія исключительно русскому вліянію оттоманскаго правительства, владѣющаго мѣстностями, съ коими столь тѣсно соприкасаются британскіе интересы: Босфоромъ и Дарданеллами, берегами Леванта, Краснаго моря и Персидскаго залива. Соглашаясь съ необходимостью улучшенія участи христіанскихъ подданныхъ султана, сентъ-джемскій кабинетъ требовалъ, чтобы существующіе договоры были измѣнены не иначе, какъ съ согласія всѣхъ державъ-участницъ этихъ договоровъ на обще-европейскомъ конгрессѣ.

Князь Горчаковъ не оставилъ обвиненій лорда Салисбюри безъ возраженія. Въ отвѣтномъ циркулярѣ онъ искалъ установить, что при переустройствѣ Востока Россія не преслѣдуетъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, не ищетъ подчинить своему исключительному вліянію ни новосозданную Болгарію, ни прочія христіанскія государства и народности Балканскаго полуострова, ни самую Порту. Единственная выгода, выговоренная ею въ свою пользу—присоединеніе участка Бессарабіи, оттороннутаго отъ нея въ 1856 году, и уступка трехъ крѣпостей въ Азіи—далеко не возмѣщаетъ принесенныхъ ею жертвъ. Единственная цѣль ея—обезпечить христіанъ Востока отъ произвола и насилія мусульманъ и тѣмъ самымъ поддержать существованіе Оттоманской имперіи.

Не менѣе рѣшительныя возраженія противъ санъ-стефанскаго договора, чѣмъ Англія, предъявила и Австро-Венгрія.

Графъ Андраши долго не высказывалъ своего мнѣнія о частностяхъ русско-турецкаго мирнаго трактата, ограничиваясь общими замѣчаніями и упреками въ нарушеніи Россіею уговора, заключеннаго съ Австро-Венгріею до войны. Въ Петербургѣ причиною разногласія съ Вѣною считали простое недоразумѣніе, для разъясненія котораго Императоръ Александръ отправилъ въ Вѣну графа Игнатьева, снабдивъ его собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Іосифу. Русскому дипломату не удалось убѣдить вѣнскій Дворъ въ полномъ соотвѣтствіи санъ-стефанскаго мира съ условіями австро-русскаго соглашенія 1877 года, но онъ успѣлъ настоять на предъявленіи графомъ Андраши замѣчаній на тѣ изъ статей договора, которыя австро-венгерскій министръ считалъ несогласными съ интересами монархіи Габсбурговъ, а также измѣненій, которыя онъ желалъ бы въ него внести. Послѣднія сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) занятіе Австро-Венгріею не только Босніи и Герцеговины, со включеніемъ и южныхъ округовъ, присужденныхъ въ Санъ-Стефано Черногоріи, но и Ново-Базарскаго санджака, т.-е. мѣстности, расположенной къ югу отъ Герцеговины, между границами Сербіи и Черногоріи, а также крѣпости Ада-Кале на островѣ Дунаѣ; 2) отказъ въ согласіи на дарованіе Черногоріи какого-либо порта на Адріатическомъ морѣ; 3) измѣненіе западной границы Сербскаго княжества, установленной санъ-стефанскимъ трактатомъ со стороны Босніи и Старой Сербіи; 4) исключеніе изъ состава Болгаріи всей Македоніи, т.-е. округовъ, расположенныхъ къ западу отъ водораздѣла между морями Чернымъ и Адріатическимъ, а также проведеніе южной границы княжества въ разстояніи, менѣе близкомъ къ Адріанополю; наконецъ, 5) сокращеніе срока занятія Болгаріи русскими войсками съ двухъ лѣтъ на шесть мѣсяцевъ. Въ случаѣ согласія Россіи на эти перемѣны, Австро-Венгрія обязывалась оставаться вѣрною своему съ нею соглашенію, не вступать въ сдѣлку съ Англіей, поддержать требованіе Россіи о возвращеніи ей Дунайскаго участка Бессарабіи и вообще, поддерживать на будущемъ конгрессѣ ея дипломатическую программу. Въ противномъ случаѣ вѣнскій Дворъ уже не будетъ считать себя связаннымъ прежними обязательствами и предоставитъ себѣ полную свободу дѣйствій.

Въ Петербургѣ были тѣмъ менѣе расположены удовлетворить требованіямъ графа Андраши, что тѣ изъ нихъ, которыя касались распространенія австрійскаго занятія на южную Герцеговину и на Ново-Базарскій округъ, а также лишеніе Черногоріи доступа къ морю, составляли прямое отступленіе отъ условій австро-русскаго уговора. Не прерывая довѣрительныхъ перего-

воровъ съ Вѣною, у насъ стали дѣятельно готовиться къ войнѣ, не только съ Англіею, но и съ Австріею, тѣмъ болѣе, что громкіе протесты противъ санъ-стефанскаго мира стали раздаваться и въ нѣкоторыхъ изъ Балканскихъ государствъ. Румынія возставала противъ рѣшенной помимо ея, и вопреки ей, уступки Бессарабскаго участка; Грецiя, выведшая свои войска изъ Ѳессаліи, требовала отъ Англіи награды за воздержаніе отъ участія въ войнѣ Россіи съ Турціей и допущенія своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ. Даже Сербія выражала неудовольствіе, признавая недостаточнымъ выговоренное въ ея пользу земельное приращеніе.

Въ нашемъ главномъ штабѣ составленъ былъ планъ военныхъ дѣйствій на случай объявленія Россіи войны Англіею и Австріею. Рѣшено собрать на австрійской границѣ армію, составленную изъ войскъ, не принимавшихъ участія въ походѣ 1877 года, съ подкрѣпленіемъ ихъ нѣкоторыми частями, которыя предполагалось вызвать съ Кавказа и изъ-за Дуная. Но послѣдняя мѣра могла быть принята лишь подъ условіемъ предварительнаго овладѣнія берегами Босфора и загражденія этого пролива, которое воспрепятствовало бы англійскому флоту проникнуть въ Черное море и дѣйствовать, какъ на сообщенія обѣихъ нашихъ армій, дунайской и кавказской, такъ и на Черноморское наше побережье.

Тотчасъ по подписаніи санъ-стефанскаго мира Великому Князю Николаю Николаевичу предписано было принять заблаговременно мѣры къ сосредоточенію значительныхъ силъ въ ближайшемъ къ Константинополю и къ Галлиполи районѣ, на случай войны съ Англіей и съ Австріей, и для воспрепятствованія прорыва англійскаго флота чрезъ Босфоръ. Въ особенности интересовались въ Петербургѣ вопросомъ: можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ, какъ увѣрялъ находившійся въ русской столицѣ сераскиръ Реуфъ-паша, или придется овладѣть Босфоромъ силою? Мѣстные признаки указывали на несостоятельность перваго предположенія. На требованіе Великаго Князя главнокомандующаго, разрѣшить посадку русскихъ войскъ на суда въ Буюкъ-Дере для возвращенія ихъ въ Россію, Порта отвѣчала, что не можетъ допустить этого, такъ какъ появленіе русскихъ въ этой мѣстности будетъ сочтено англійскимъ правительствомъ за занятіе Константинополя и повлечетъ за собою вторженіе британской эскадры въ Босфоръ. Вообще, Порта заявила, что станетъ протестовать противъ всякаго движенія нашихъ войскъ къ Бѣлградскому лѣсу или къ Буюкъ-Дере, то-есть, въ направленіи къ Босфору.

Вопросъ о томъ, какъ отнесется Турція къ разрыву Россіи съ Англіей и какое положеніе займетъ она между воюющими сторонами, поставленъ былъ прямо Великимъ Княземъ главнокомандующимъ султану при первомъ личномъ свиданіи съ нимъ, происходившемъ въ Илдызъ-Кіоскѣ, 15-го марта. Отвѣтъ Абдулъ-Гамида звучалъ уклончиво. Спрашивать его объ этомъ—несправедливо послѣ того, какъ ему обломали руки и ноги и довели Турцію до состоянія полнаго безсилія. Не могъ же онъ силою задерживать англійскій флотъ предъ Дарданеллами въ то самое время, когда русская армія, подобно неудержимому потоку, наступала на его столицу? И теперь всякая попытка съ его стороны воспротивиться дѣйствіямъ англичанъ обрекла бы Константинополь на гибель. Вѣдь не для чего иного, какъ для спасенія Константинополя принялъ султанъ тяжкія русскія условія мира. Положеніе его между русскими и англичанами—то же, что между молотомъ и наковальнею. Съ ужасомъ помышляетъ онъ о возможности,—впрочемъ, мало вѣроятной, по его мнѣнію, — вступленія англійской эскадры въ Босфоръ. Голова идетъ у него кругомъ отъ одной этой мысли, и спрашивать, какъ онъ поступитъ въ данномъ случаѣ, все равно, что спросить его: что станется съ нимъ на томъ свѣтѣ? Онъ самъ этого не знаетъ. Безспорно лишь то, что Россія довела Турцію до нынѣшняго состоянія безпомощности. Но отъ нея же зависитъ предупредить всѣ эти грозныя случайности. Чего ради англичане вступили въ Мраморное море? Изъ опасенія занятія Константинополя русскими. Теперь миръ подписанъ и русская армія удалится отсюда. Удаленіе ея, конечно, повлечетъ и удаленіе англичанъ за Дарданеллы. Султанъ пригласитъ ихъ къ тому, какъ только русскія войска начнутъ отступленіе. Но Великій Князь настаивалъ на первоначальномъ своемъ вопросѣ. Тогда Абдулъ-Гамидъ снова распространился о намѣреніи соблюдать относительно Рос-

сіи доброжелательный нейтралитетъ, о несчастіяхъ Турціи, о ея безсиліи, о невозможности предвидѣть то, какъ поступитъ она въ случаѣ ужасной катастрофы, подъ которою султанъ разумѣлъ столкновеніе Россіи съ Англіей, и едва ли, не разрушеніе Константинополя. „Если", прибавилъ онъ, „русскій Императоръ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ болѣе, то пусть и онъ сдѣлаетъ что-нибудь для насъ". Турцію надо поддержать, возвратить ему, султану, хоть нѣсколько обаянія, смягченіемъ подавляющихъ условій мира. Подъ этимъ Абдулъ-Гамидъ разумѣлъ примѣненіе къ Болгаріи постановленій константинопольской конференціи 1877 года, дабы доказать, что Россія не желаетъ окончательнаго распаденія Турціи. Въ такомъ только случаѣ онъ будетъ въ состояніи дать оттоманской политикѣ новое направленіе и, быть можетъ, даже заключитъ съ Россіею оборонительный и наступательный союзъ, а это было бы ей небезполезно въ случаѣ составленія противъ нея обще-европейской коалиціи. Такъ не лучше ли сдѣлать это нынѣ же, оказать болѣе справедливости несчастнымъ туркамъ, преслѣдуемымъ дикарями-болгарами, не заслуживающими того сочувствія, которое питаетъ къ нимъ Россія?..

Но въ Петербургѣ не были расположены на какія-либо уступки въ пользу Турціи, а потому находили, что бесѣда султана съ Великимъ Княземъ ничего хорошаго не обѣщаетъ. Однако, въ виду представлявшагося съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неизбѣжнымъ разрыва съ Англіей, Великому Князю Николаю Николаевичу подтверждено, чтобы онъ приготовивъ все нужное для рѣшительныхъ дѣйствій, потребовалъ отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она поступить въ случаѣ войны между Россіею и Великобританіею? Если Порта захочетъ дѣйствовать за одно съ нами, то должна передать намъ немедленно укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ, на европейскомъ берегу, и войти въ соглашеніе относительно распредѣленія ея военныхъ силъ. Если же оттоманское правительство признаетъ себя слишкомъ слабымъ для принятія дѣятельнаго участія въ войнѣ противъ Англіи, то ему слѣдуетъ, по сдачѣ намъ всѣхъ прибрежныхъ укрѣпленій, прекратить всякія вооруженія, распустить или удалить свои войска, которыя затрудняли бы наши дѣйствія, разоружить военныя суда свои въ Черномъ морѣ, поставить ихъ въ указанные нами порты, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, русскія войска не должны были вступать въ самый Константинополь, а только утвердиться на берегахъ Босфора, чтобы установить въ немъ загражденія.

Непредвидѣннымъ остался третій случай: уклоненіе Порты отъ всякаго соглашенія съ нами, полное подчиненіе ея внушеніямъ англійской и австрійской дипломатіи и открытый переходъ на сторону Великобританіи и Австро-Венгріи въ тотъ день, когда державы эти вступили бы съ Россіею въ вооруженную борьбу. На такой именно исходъ указывали всѣ ея дѣйствія и распоряженія: отказъ въ разрѣшеніи сажать русскія войска на суда въ Босфорѣ, замедленіе въ выводѣ турецкихъ гарнизоновъ изъ Варны, Шумлы и Батума, и въ сдачѣ этихъ крѣпостей, наконецъ, сосредоточеніе всѣхъ наличныхъ оттоманскихъ военныхъ силъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ и возведеніе вокругъ столицы многочисленныхъ и сильныхъ укрѣпленій. При такихъ условіяхъ Высочайшая воля объ обезоруженіи турецкой арміи и флота и о занятіи и загражденіи Босфора могла быть исполнена не иначе, какъ открытою силою, то-есть, съ нарушеніемъ мира и съ возобновленіемъ противъ Турціи военныхъ дѣйствій. Не взирая на неблагопріятныя стратегическія условія, въ коихъ находилась, со времени заключенія мира, русская армія, на ослабленіе ея численнаго состава, на сильно развитую въ ней смертность отъ тифа и другихъ заразныхъ болѣзней, не смотря также на ежедневное возрастаніе силъ непріятеля, на занимаемыя имъ грозныя позиціи и на близость великобританской эскадры, Великій Князь главнокомандующій не отказывался предпринять эту отчаянную попытку, но, въ виду тяжкой отвѣтственности, которой подвергла бы его возможная неудача, настаивалъ, чтобы ему было дано на то точное и опредѣленное приказаніе.

Такого приказанія не послѣдовало. 17-го апрѣля, Великій Князь Николай Николаевичъ былъ, по собственной просьбѣ, вы-

нужденной разстроеннымъ состояніемъ его здоровья, отозванъ въ Петербургъ съ производствомъ въ генералъ-фельдмаршалы, въ каковое званіе возведенъ въ тотъ же день и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, а главнокомандующимъ дѣйствующею арміею назначенъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Первою заботою новаго вождя было изслѣдовать на мѣстѣ положеніе арміи и обсудить вопросъ о планѣ будущихъ военныхъ дѣйствій на случай войны съ Англіей. Успѣшное загражденіе Босфора минами онъ призналъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, „немыслимымъ дѣломъ", такъ какъ при сопротивленіи турокъ, владѣющихъ обоими берегами пролива, мы бы не успѣли, подъ огнемъ непріятеля, погрузить достаточное число минъ до появленія англійской эскадры въ Босфорѣ, а потому Тотлебенъ находилъ и самое занятіе Босфора безцѣльнымъ, ибо оно не помѣшало бы англичанамъ проникнуть въ Черное море. Весьма трудною и рискованною операціею считалъ также Тотлебенъ штурмъ константинопольскихъ укрѣпленій и взятіе съ боя турецкой столицы, хотя и допускалъ, что занятіе ея русскими войсками произвело бы сильное нравственное впечатлѣніе на турокъ и на Европу. Но, разсуждалъ онъ, пріобрѣтенныя этимъ выгоды будутъ лишь временными. Война этимъ не окончится, а только затянется на продолжительное время, въ теченіе котораго, русская армія можетъ быть вынуждена къ отступленію, вслѣдствіе недостатка продовольствія, развитія болѣзней и рѣшительныхъ дѣйствій непріятеля на растянутую до-нельзя и совершенно необезпеченную линію нашихъ сообщеній. Съ другой стороны, въ случаѣ неудачнаго штурма, армія будетъ поставлена въ самое затруднительное положеніе и могутъ быть утрачены всѣ результаты, добытые предшедшею кампаніею. Лучшимъ исходомъ представлялось Тотлебену добровольное отступленіе арміи къ Адріанополю, по очищеніи турками Шумлы и Варны, при надлежащемъ обезпеченіи тыла, что дало бы намъ возможность отбить всѣ попытки непріятеля къ овладѣнію завоеванною нами Болгаріею и пользуясь обстоятельствами,—разбить его въ полѣ. Только при этомъ условіи главнокомандующій считалъ возможнымъ отдѣлить отъ дунайской арміи два корпуса для подкрѣпленія ими войскъ, сосредоченныхъ вдоль австрійской границы.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Императорскому кабинету не оставалось ничего иного, какъ продолжать вести съ Австріей и Англіей довѣрительные переговоры и всѣ усилія направить къ достиженію мирнаго разрѣшенія возникшихъ съ этими державами несогласій. При этомъ естественно рождался вопросъ: которую изъ двухъ державъ легче удовлетворить, которая изъ нихъ удовольствуется меньшими уступками? По мнѣнію большинства русскихъ дипломатовъ, слѣдовало установить прежде всего соглашеніе съ Австро-Венгріею, какъ потому, что потребованныя ею измѣненія въ санъ-стефанскомъ трактатѣ представляли меньшую важность, по сравненію съ англійскими, такъ и потому, что, по общему убѣжденію, въ случаѣ войны съ Австріею, Англія непремѣнно приняла бы въ ней участіе, но едвали бы рѣшилась вести войну съ Россіею одинъ на одинъ, безъ поддержки австрійцевъ. Въ Петербургѣ не безъ колебаній рѣшились на уступки вѣнскому Двору, къ тому же не сразу, выразивъ сначала лишь согласіе на распространеніе австрійскаго занятія на южные округа Герцеговины и на заключеніе Австро-Венгріею съ сосѣдними княжествами торговыхъ и таможенныхъ договоровъ, потомъ—даже на отдѣленіе восточной части Болгаріи въ особое автономное княжество, пользующееся одинаковыми правами и преимуществами съ Болгаріею западною; за то настаивали на дарованіи Черногоріи гавани на Адріатическомъ морѣ и не соглашались ни подъ какимъ видомъ на уступку Австріи Ново-Базарскаго санджака, т.-е. узкой полосы земли, отдѣляющей Черногорію отъ Сербіи, въ томъ уваженіи, что владѣніе этимъ участкомъ (enclave) доставило бы Австріи преобладающее военное и политическое положеніе во всей западной половинѣ Балканскаго полуострова и обратило бы въ ея подручницы, какъ Черногорію, такъ и Сербію. Россія,—разсуждали у насъ—естественная покровительница славянскихъ народностей; она можетъ допустить отсрочку полнаго ихъ освобожденія, но не въ правѣ подвергать опасности будущее ихъ развитіе и самое существованіе.

Предложенія русскаго Двора не удовле-

творили графа Андраши, признавшаго ихъ недостаточными. Онъ объявилъ, что доселѣ противостоялъ всѣмъ заискиваніямъ англичанъ, оспаривалъ ихъ доводы противъ созванія конгресса и даже отвергъ ихъ планъ раздѣленія Болгаріи на сѣверную и южную, но что, если не состоится соглашеніе съ Россіей, то Австро-Венгріи поневолѣ придется вступить въ сдѣлку съ Англіей, чтобы не очутиться одинокою на предстоящемъ конгрессѣ.

Русская дипломатія все еще разсчитывала на содѣйствіе князя Бисмарка для образумленія Австріи и удержанія ея въ составѣ трехдержавнаго союза. Но нѣмецкій канцлеръ упорно держался политики, возвѣщенной имъ съ самаго начала восточнаго кризиса, отказываясь произвести какое-либо давленіе на вѣнскій Дворъ. Онъ находилъ, что для Россіи даже выгодно дозволить Австріи зарваться (s'enferrer) на Балканскомъ полуостровѣ и, во всякомъ случаѣ, не стоитъ рисковать войною съ сосѣднею великою державою изъ-за большаго или меньшаго протяженія границъ Болгаріи. Если, не взирая на это, война все же вспыхнетъ между ними, то Германія, говорилъ Бисмаркъ, останется нейтральною, такъ какъ ей одинаково было бы непріятно пораженіе какъ той, такъ и другой изъ воюющихъ сторонъ.

Уклоняясь, такимъ образомъ, отъ вмѣшательства въ пререканія с.-петербургскаго кабинета съ вѣнскимъ, Бисмаркъ самъ предложилъ, для предотвращенія столкновенія англійскихъ морскихъ силъ съ русскою арміею подъ стѣнами Царяграда, выступить посредникомъ между Россіею и Англіею и устроить соглашеніе между ними, въ силу котораго, англійская эскадра ушла бы изъ Мраморнаго моря за Дарданеллы, одновременно съ удаленіемъ отъ турецкой столицы русскихъ войскъ. Предложеніе это было принято, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Лондонѣ, но оно не привело къ желаемому соглашенію. Англичане требовали удаленія русской арміи на линію Мидія-Адріанополь-Дедеагачъ, т.-е. на разстояніе, несравненно дальнѣйшее отъ Константинополя, чѣмъ то, что отдѣляетъ этотъ городъ отъ бухты Безика, обычной стоянки британскаго флота въ Архипелагѣ. На это, разумѣется, не согласились въ Петербургѣ, а также не сошлись и на срокѣ, предположенномъ на случай новаго разрыва и возвращенія обѣихъ сторонъ на прежнія позиціи.

Прошло уже два мѣсяца со дня подписанія санъ-стефанскаго мирнаго договора, а вопросъ о мирѣ или войнѣ ни на шагъ не приблизился къ развязкѣ. Вооруженія Англіи и Австріи вызывали усиленныя вооруженія Россіи, мобилизацію всѣхъ ея военныхъ силъ, сосредоточеніе одной арміи на австрійской границѣ и другой вдоль Черноморскаго побережья. Дипломатическіе переговоры тянулись вяло и безплодно, не подавая надежды на успѣхъ. Въ особенности тяжко было это положеніе для Россіи, средства которой были истощены войною предшедшаго года, тогда какъ громаднымъ чрезвычайнымъ расходамъ на военныя надобности не предвидѣлось конца. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля въ Петербургѣ рѣшились, чтобы выйти изъ состоянія томительной неизвѣстности, снова воззвать къ содѣйствію Германіи. Рѣшено было отдать на судъ князя Бисмарка и самого императора Вильгельма поведеніе, какъ Англіи, такъ и Австро-Венгріи, и просить ихъ, съ одной стороны, произвести на сентъ-джемскій кабинетъ давленіе, дабы побудить его не воздвигать препятствій къ собранію европейскаго конгресса, который одинъ можетъ обезпечить миръ Европы, а съ другой— повліять на вѣнскій Дворъ въ томъ смыслѣ, чтобы онъ удовлетворился нашими уступками, не вступая въ стачку съ Англіей и не разрывая связи, соединявшей въ общемъ соглашеніи три сосѣднія имперіи.

Сообщеніе это не нашло уже въ Берлинѣ князя Бисмарка, подъ предлогомъ нездоровья удалившагося въ помѣстье свое Фридрихсруэ, близъ Гамбурга, гдѣ канцлеръ германской имперіи и остался выжидать выясненія общаго политическаго положенія.

Никому тягостное положеніе, въ которомъ находилась Россія, несшая все бремя войны и лишенная возможности воспользоваться ея выгодами, не представлялось яснѣе, чѣмъ послу нашему въ Лондонѣ. Графъ Шуваловъ признавалъ необходимымъ во что бы ни стало выйти изъ этого положенія, но не считалъ пригоднымъ къ тому средствомъ одновременное удаленіе отъ Константинополя русской арміи и англійскаго флота, находя, что подобная мѣра состоялась бы въ исключительную пользу англичанъ. Не былъ онъ сторонникомъ и европейскаго

конгресса, на которомъ, какъ предвидѣлъ онъ, должно было неминуемо произойти сближеніе между представителями Великобританіи и Австро-Венгріи, въ ущербъ Россіи. Но идею конгресса выдвинулъ впередъ самъ князь Горчаковъ еще до начала русско-турецкой войны и снова выступилъ съ нею по ея окончаніи. По мнѣнію графа, если конгрессъ былъ неизбѣженъ, то слѣдовало попытаться предупредить на немъ стачку австрійцевъ съ англичанами. Средствомъ къ тому представлялось Шувалову предварительное соглашеніе съ сентъ-джемскимъ Дворомъ по главнымъ статьямъ санъ-стефанскаго трактата.

Въ бесѣдахъ своихъ съ лордомъ Салисбюри графъ Шуваловъ старался внушить ему, что долгъ обоихъ правительствъ сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы избѣжать войны и сохранить миръ, и что даже конгрессъ можетъ повести къ войнѣ, если Россія и Англія не условятся предварительно о взаимныхъ уступкахъ дѣлу мира. Поэтому, имъ непремѣнно слѣдуетъ объясниться: какія изъ статей санъ-стефанскаго мира могутъ быть удержаны, какія измѣнены и въ какомъ смыслѣ? Если удастся придти къ соглашенію по спорнымъ вопросамъ, то успѣхъ конгресса и мирный его исходъ будутъ вполнѣ обезпечены.

Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и совѣщанія съ первымъ министромъ, лордомъ Биконсфильдомъ, согласился на предложенный нашимъ посломъ обмѣнъ мыслей, но подъ условіемъ глубочайшей тайны. Дабы избѣжать всякой огласки, рѣшено, что переговоры лорда Салисбюри съ графомъ Шуваловымъ будутъ происходить только на словахъ, что русскій посолъ не будетъ доносить о нихъ своему Двору письменно, а самъ отправится въ Петербургъ, чтобы довести до свѣдѣнія Государя и канцлера о достигнутомъ результатѣ. На такой способъ веденія переговоровъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, обоюднымъ уполномоченнымъ удалось установить главныя основанія будущаго соглашенія. Англія изъявила согласіе на присоединеніе къ Россіи придунайскаго участка Бессарабіи, Карса и Батума, но требовала раздѣленія Болгаріи на двѣ части: сѣверную и южную, границею которыхъ должны были служить Балканы. Оставалось найти формулу созванія конгресса, которая не слишкомъ бы противорѣчила противоположнымъ заявленіямъ по этому предмету Дворовъ петербургскаго и лондонскаго. Графъ Шуваловъ предложилъ посвятить князя Бисмарка въ тайну англо-русскаго соглашенія и просить его созвать конгрессъ въ Берлинѣ на слѣдующемъ основаніи: каждая изъ державъ-участницъ конгресса, принимая приглашеніе на конгрессъ, тѣмъ самымъ выражаетъ готовность подвергнуть обсужденію его всѣ статьи санъ-стефанскаго договора.

Отправляясь изъ Лондона въ Петербургъ, графъ Шуваловъ заѣхалъ къ князю Бисмарку въ Фридрихсруэ. Нѣмецкій канцлеръ былъ крайне удивленъ извѣстіемъ, что русскому послу въ Лондонѣ удалось убѣдить англійскихъ министровъ согласиться на земельное приращеніе, выговоренное въ Санъ-Стефано въ пользу Россіи, не только въ Европѣ, но и въ Азіи. „Въ такомъ случаѣ“, сказалъ онъ, „вы хорошо сдѣлали, что уговорились съ Англіей. Она одна объявила бы вамъ войну, тогда какъ Австрія не двинется безъ союзниковъ“. Бисмаркъ принялъ условленную между Шуваловымъ и Салисбюри формулу приглашенія на конгрессъ и вообще, обѣщалъ оказать намъ, въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла, полную поддержку. То же обѣщаніе повторилъ и императоръ Вильгельмъ, которому графъ Петръ Андреевичъ представился проѣздомъ чрезъ Берлинъ.

Прибывъ въ Петербургъ 30-го апрѣля, Шуваловъ нашелъ высшіе правительственные круги утомленными войною и единодушно расположенными въ пользу мира. Средства государства были истощены, боевые запасы израсходованы. Въ трудности, едва ли не въ полной невозможности продолжать войну увѣряли посла высшіе государственные сановники, гражданскіе и военные.

Императоръ Александръ былъ не менѣе князя Бисмарка удивленъ неожиданною податливостью англійскихъ министровъ, и отнесся къ ней нѣсколько скептически. Выслушавъ докладъ Шувалова, онъ сказалъ, что для него все равно—будетъ-ли одна, двѣ или даже три Болгаріи; важно лишь, чтобы всѣ онѣ получили учрежденія, которыя обезпечили бы ихъ отъ возможности повторенія турецкихъ звѣрствъ и неистовствъ. Что же касается до согласія Англіи на уступку Россіи Карса и Батума, то

Государь просто отказывался ему вѣрить, утверждая, что какъ только дѣло дойдетъ до подписанія договора, то англичане отступятся отъ своихъ обѣщаній, словомъ, что они „проведутъ“ графа Шувалова. Вопросъ о соглашеніи съ Англіей обсуждался въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ подъ предсѣдательствомъ Императора. Изъ всѣхъ условій самымъ тяжкимъ для Его Величества было право, выговоренное Англіею въ пользу Турціи—занять линію Балканъ ея войсками. Но какъ оно, такъ и всѣ прочія, были приняты совѣщаніемъ, утверждены Государемъ, и графъ Шуваловъ снабженъ полномочіемъ для подписанія съ маркизомъ Салисбюри тайной конвенціи. Отпуская посла, Императоръ Александръ объявилъ ему, что назначаетъ его первымъ уполномоченнымъ на конгрессѣ. Вторымъ уполномоченнымъ имѣлъ быть посолъ при германскомъ Дворѣ, П. П. Убри.

„Пріѣздъ графа Шувалова“, писалъ Государь главнокомандующему дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Тотлебену, „далъ намъ нѣкоторую надежду на сохраненіе мира... Переговоры съ Австріей еще не привели ни къ какому положительному результату, но главный вопросъ долженъ рѣшиться надняхъ въ Лондонѣ. Если соглашеніе съ Англіей состоится, то не вѣроподобно, чтобы Австрія одна рѣшилась объявить намъ войну, а если бы была довольно безумна, чтобы на это рѣшиться, то можно полагать, что Турція будетъ скорѣй на нашей сторонѣ, въ виду нескрываемаго Австріею желанія занять Боснію и Герцеговину, не временно, а постоянно...“

На возвратномъ пути въ Лондонъ графъ Шуваловъ снова заѣхалъ въ Фридрихсруэ, чтобы условиться съ княземъ Бисмаркомъ относительно времени созванія конгресса. Отъ него узналъ онъ, что, по отъѣздѣ его изъ Петербурга, Государь, уступая просьбамъ старца-канцлера, согласился на назначеніе первымъ уполномоченнымъ на конгрессѣ князя Горчакова, причемъ Шуваловъ становился вторымъ, а Убри третьимъ. Извѣстіе это произвело на Бисмарка крайне раздражающее впечатлѣніе. Лично дружный съ Шуваловымъ, но весьма не расположенный къ князю Горчакову, онъ воскликнулъ: „Теперь все измѣнилось. Мы съ вами останемся друзьями на конгрессѣ, но я не позволю Горчакову снова влѣзть ко мнѣ на плечи и обратить меня въ свой пьедесталъ!“ Не малаго труда стоило Шувалову убѣдить нѣмецкаго канцлера, что рѣчь идетъ не о личныхъ отношеніяхъ его къ Горчакову, а о дружественномъ расположеніи Германіи къ Императору Александру и къ Россіи, и объ исполненіи ея обязательствъ предъ ними.

По возвращеніи въ Лондонъ, графъ Шуваловъ, 18-го мая, подписалъ съ лордомъ Салисбюри три тайныя конвенціи, главныя условія которыхъ были слѣдующія:

Болгарія раздѣлялась на двѣ части: одна къ сѣверу, другая къ югу отъ Балканъ; сѣверная область получала политическую автономію подъ управленіемъ князя, а южная лишь широкую административную автономію, подъ властью генералъ-губернатора изъ христіанъ, назначаемаго Портою, съ согласія Европы, на пятилѣтній срокъ. Южная Болгарія не должна была доходить до Эгейскаго моря; восточныя границы обѣихъ областей также измѣнялись, съ тѣмъ, чтобы оставить внѣ ихъ населеніе не-болгарскаго происхожденія; турецкія войска выводились, какъ изъ сѣверной, такъ и изъ южной Болгаріи, но Англія предоставляла себѣ выговорить на конгрессѣ право для султана, въ извѣстныхъ случаяхъ и подъ нѣкоторыми ограниченіями, вводить свои войска въ южную Болгарію, располагать ихъ вдоль ея границъ, назначать съ согласія державъ начальниковъ милиціи въ этой области.

Обѣщанныя Портою права и преимущества ея христіанскимъ подданнымъ въ европейскихъ областяхъ, какъ-то: въ Эпирѣ, въ Ѳессаліи и другихъ, а также армянамъ въ Малой Азіи, будутъ поставлены подъ наблюденіе не одной Россіи, но и всѣхъ прочихъ великихъ державъ.

Англія хотя и относится съ глубокимъ сожалѣніемъ къ намѣренію Россіи присоединить участокъ Бессарабіи, отторгнутый отъ нея въ 1856 году, но не будетъ препятствовать осуществленію этого намѣренія. Соглашаясь на присоединеніе къ Россіи Карса и Батума, Англія принимаетъ къ свѣдѣнію обѣщаніе русскаго Императора, что русская граница не будетъ впредь распространяема со стороны Азіятской Турціи. Зато Россія отказывается отъ пріобрѣтенія Алашкертской долины съ крѣпостью Баязетомъ, и взамѣнъ ихъ будетъ настаивать на уступкѣ Персіи Портою города Хотура съ его округомъ.

Россія обязуется не обращать въ земельное приращеніе выговоренное въ ея пользу, денежное вознагражденіе за военныя издержки, которое не лишитъ Англію ея правъ въ качествѣ кредитора Порты и ничего не измѣнитъ въ положеніи, что́ занимала она въ этомъ отношеніи до войны.

Таковы были главныя статьи англо-русскаго соглашенія, сверхъ которыхъ Англія оставляла за собою право возбудить на конгрессѣ нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ, какъ-то: участіе Европы въ организаціи обѣихъ Болгарій; срокъ русскаго военнаго занятія Болгаріи и прохода чрезъ Румынію; условія судоходства по Дунаю; всѣ постановленія, касающіяся Проливовъ, и т. п.

Четыре дня спустя, 22-го мая, германское правительство разослало всѣмъ державамъ-участницамъ парижскаго трактата 1856 года приглашеніе съѣхаться на конгрессъ въ Берлинъ для обсужденія условій прелиминарнаго мирнаго договора, заключеннаго между Россіей и Турціей.

Конгрессъ съѣхался въ Берлинѣ къ назначенному дню. Первыми уполномоченными великихъ державъ явились на немъ первенствующіе министры, руководившіе ихъ внѣшнею политикою: за Германію—князь Бисмаркъ, за Австро-Венгрію—графъ Андраши, за Великобританію—первый министръ графъ Биконсфильдъ и министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Салисбюри, за Францію, Италію и Турцію — министры иностранныхъ дѣлъ: Ваддингтонъ, графъ Корти и Каратеодори-паша. Государственный канцлеръ князь Горчаковъ хотя и считался первымъ уполномоченнымъ Россіи, но по старости и крайне разстроенному состоянію здоровья не принималъ дѣятельнаго участія въ совѣщаніяхъ, на которыхъ отстаивать интересы Россіи выпало, главнымъ образомъ, на долю второго уполномоченнаго, графа Шувалова. Христіанскія балканскія государства: Грецію, Румынія, Сербія и Черногорія, также прислали въ Берлинъ своихъ представителей, но они не были допущены на конгрессъ и приглашались къ переговорамъ съ уполномоченными великихъ державъ только внѣ засѣданій.

Важнѣйшіе вопросы обсуждались и разрѣшались, не въ самыхъ засѣданіяхъ конгресса, а бо́льшею частью въ частныхъ собраніяхъ, имъ предшествовавшихъ, между представителями Россіи, Англіи и Австро-Венгріи. Тѣ изъ нихъ, которые составляли предметъ спора Великобританіи съ Россіей, были уже предрѣшены соглашеніемъ, состоявшимся до конгресса между графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Салисбюри. Но такого соглашенія не послѣдовало между Дворами петербургскимъ и вѣнскимъ, которымъ пришлось согласовать свои противоположные виды на самомъ конгрессѣ. Посредничеству князя Бисмарка обязанъ графъ Андраши, что всѣ его требованія были признаны какъ англійскими, такъ и русскими уполномоченными. Съ другой стороны, нѣмецкій канцлеръ, вѣрный своему слову, не разъ, вмѣшательствомъ своимъ, рѣшалъ въ пользу Россіи пререканія, возникавшія по второстепеннымъ или вновь возбужденнымъ на конгрессѣ вопросамъ между представителями Россіи и Великобританіи.

Предсѣдательствуемый княземъ Бисмаркомъ берлинскій конгрессъ засѣдалъ ровно одинъ мѣсяцъ. Первое его засѣданіе происходило 1-го іюня, а 1-го іюля подписанъ заключительный актъ, извѣстный подъ названіемъ берлинскаго трактата. Въ главныхъ чертахъ конгрессъ подтвердилъ результаты, добытые русско-турецкою войною и занесенныя въ санъ-стефанскій мирный договоръ, но значительно видоизмѣнилъ ихъ въ смыслѣ интересовъ западныхъ державъ, преимущественно Англіи и Австро-Венгріи.

Подъ именемъ Болгаріи конгрессъ разумѣлъ лишь болгарскія области къ сѣверу отъ Балканъ, возведенныя на степень вассальнаго, но вполнѣ автономнаго княжества, съ правомъ избранія князя, утверждаемаго султаномъ, съ согласія великихъ державъ, а также — содержать войско, и выработать органическій статутъ. Впредь до введенія въ княжествѣ новаго государственнаго устройства, управленіе имъ возлагалось на Императорскаго русскаго коммисара, для содѣйствія коему, „съ цѣлью контроля“, приданы были оттоманскій коммиссаръ и консулы великихъ державъ. Временное управленіе имѣло продолжаться не долѣе девяти мѣсяцевъ со дня ратификаціи берлинскаго договора, послѣ чего слѣдовало приступить къ избранію князя и Болгарія вступала въ полное пользованіе своею автономіею. Турецкія войска очищали Болгарію, а крѣпости подлежали

срытію и не могли быть впредь возстановляемы болгарскимъ правительствомъ.

Болгарія къ югу отъ Балканъ, составляла отдѣльную область, получившую названіе Восточной Румеліи, которая хотя и оставлялась подъ непосредственною военною и политическою властью султана, но пользовалась полною административною автономіею. Границы ея не доходили къ югу до Эгейскаго моря, а къ востоку не простирались далѣе бывшаго Филиппопольскаго санджака. Во главѣ области ставился генералъ-губернаторъ изъ христіанъ, назначаемый на пятилѣтній срокъ Портою, съ согласія великихъ державъ. Въ Восточной Румеліи вводилась мѣстная милиція, подчиненная начальнику, назначенному султаномъ, но турецкія войска сохраняли право занимать границы области, не исключая сѣверной, т.-е. линіи Балканъ, воздвигать на нихъ укрѣпленія, а въ случаѣ опасности внутренней или внѣшней, могли даже вступить и внутрь области. Организація Восточной Румеліи поручалась международной коммиссіи изъ представителей великихъ державъ и Порты, которая должна была управлять ея финансами впредь до введенія новаго управленія. Русскія войска, занимавшія, какъ Болгарію, такъ и Восточную Румелію, не должны были превышать состава въ 50.000 человѣкъ, а срокъ ихъ пребыванія опредѣленъ въ девять мѣсяцевъ со дня ратификаціи берлинскаго трактата. Въ слѣдующіе затѣмъ три мѣсяца Россія обязывалась окончательно очистить отъ войскъ своихъ и Румынію.

Все пространство къ востоку отъ Болгаріи и Восточной Румеліи до границы Албаніи, включая и часть побережья Эгейскаго моря, отнесенную по санъ-стефанскому договору къ Болгаріи, оставлялось за Турціею, которая обязывалась ввести, какъ въ этихъ областяхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ подвластныхъ ей частяхъ Европейской Турціи, населенныхъ христіанами, областное устройство, сходное съ тѣмъ, которое въ 1868 году введено на островѣ Критѣ, съ предоставленіемъ мѣстному населенію участія въ составленіи новыхъ правилъ.

Греціи предоставлялось условиться съ Портою относительно исправленія границъ, а если обѣ державы не успѣютъ придти къ соглашенію, то великія державы предложатъ имъ свое посредничество.

Австро-Венгрія получала право занять своими войсками и ввести свое управленіе въ Босніи и Герцеговинѣ, а также держать гарнизоны въ Ново-Базарскомъ санджакѣ, оставленномъ за Портою, и проложить въ этой области военныя и торговыя дороги.

Великія державы и Порта признавали независимость Черногоріи, получавшей земельное приращеніе со стороны Герцеговины и Албаніи, хотя и значительно меньшее, чѣмъ то, что было присуждено ей по санъ-стефанскому трактату. На Адріатическомъ побережьи получала она портъ Антивари, но безъ права содержать военныя суда подъ своимъ флагомъ. Морская полиція въ черногорскихъ водахъ предоставлялась Австро-Венгріи, которая обѣщала торговому флагу Черногоріи покровительство своихъ консульскихъ агентовъ.

Провозглашалась независимость отъ Порты Сербіи и Румыніи. Къ Сербіи прирѣзывалось нѣсколько округовъ, но въ болѣе восточномъ направленіи, чѣмъ по санъ-стефанскому миру. Румынія получала Добруджу въ обмѣнъ придунайскаго участка Бессарабіи, который присоединялся къ Россіи, хотя и безъ устьевъ Дуная, оставленныхъ за Румыніей. Подтверждались и расширялись права Дунайской европейской коммиссіи, въ составъ которой вступала Румынія.

Ардаганъ, Карсъ и Батумъ съ ихъ округами присоединялись къ Россіи, которая возвращала Портѣ уступленныя ей въ Санъ-Стефано Алашкертскую долину и городъ Баязетъ. Батумъ провозглашался вольною гаванью, исключительно торговою. Хотуръ отходилъ къ Персіи. Порта обязывалась ввести въ областяхъ своихъ, населенныхъ армянами, улучшенія и преобразованія, вызываемыя мѣстными потребностями, и о ходѣ ихъ періодически сообщать великимъ державамъ.

Въ Румыніи, Сербіи и Черногоріи, равно и въ Болгаріи и Восточной Румеліи, наконецъ, во всѣхъ владѣніяхъ султана: провозглашалась полная свобода вѣроисповѣданія и пользованіе всѣми гражданскими и политическими правами, распространялось на лицъ всѣхъ исповѣданій. Порта обѣщала предоставить эти же преимущества и духовнымъ лицамъ всѣхъ народностей въ своихъ владѣніяхъ, какъ европейскихъ, такъ и азіятскихъ, признавъ

право покровительства надъ ними, а также надъ ихъ церковными и благотворительными учрежденіями, за дипломатическими и консульскими представителями великихъ державъ. Оговорены при этомъ исконныя права Франціи и установлено, что положеніе, существующее въ Святыхъ Мѣстахъ, не можетъ быть видоизмѣнено.

Наконецъ, въ заключеніе, утверждены всѣ не отмѣненныя или не измѣненныя берлинскимъ трактатомъ постановленія парижскаго договора 1856 года и лондонскаго—1871 года.

Ратификація берлинскаго трактата Императоромъ Александромъ послѣдовала 15-го іюля.

XXIII.

Внѣшнія сношенія послѣ войны.

1878—1881.

Заключая миръ съ Портою послѣ побѣдоносной войны, приведшей русскую армію къ стѣнамъ Царяграда, Императоръ Александръ имѣлъ въ виду согласовать результаты войны съ существованіемъ Турціи, какъ независимой державы, и избѣжать конечной развязки Восточнаго вопроса, другими словами, разрушенія Оттоманской имперіи. Въ Петербургѣ ласкали себя надеждою, что дарованіе самостоятельнаго управленія христіанскимъ подданнымъ султана въ Европѣ прекратитъ всякій поводъ къ несогласіямъ Россіи съ Турціею. Но мысль о сближеніи съ Россіею послѣ войны, хотя и не была чужда Абдулъ-Гамиду и нѣкоторымъ изъ его совѣтниковъ, однако, не иначе, какъ подъ условіемъ значительнаго смягченія тяжкихъ для Турціи постановленій санъ-стефанскаго договора.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ и слышать не хотѣли о какихъ-либо измѣненіяхъ въ статьяхъ прелиминарнаго договора, послѣдствіемъ чего явилось заключеніе между Англіею и Турціею союзнаго трактата, коимъ Англія обѣщала защищать азіатскія владѣнія султана отъ русскаго нападенія, а Порта обязалась предъ ней даровать подданнымъ султана въ Азіи тѣ же права и преимущества, что́ и въ Европѣ, и сверхъ того предоставила Англіи занять своими войсками островъ Кипръ и ввести въ немъ свое управленіе.

Такимъ образомъ, вліяніе Англіи стало преобладающимъ въ Портѣ, которая не дѣлала ни шагу, не спросясь совѣта и не сообразуясь съ указаніями великобританскаго посла, въ чаяніи, что лондонскому Двору удастся, на предстоявшемъ конгрессѣ, добыть ей тѣ облегченія, которыхъ ей не удалось достигнуть посредствомъ прямого соглашенія съ Россіей. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вновь назначенному послу въ Константинополѣ князю А. Б. Лобанову-Ростовскому приходилось вести съ турецкими министрами переговоры по важнымъ вопросамъ, не разрѣшеннымъ санъ-стефанскимъ трактатомъ, вслѣдствіе торопливости, съ которою заключенъ былъ этотъ актъ. Тотчасъ по подписаніи берлинскаго трактата посолъ заявилъ Портѣ, что отступленіе русской арміи отъ Царяграда, послѣ того какъ турецкими войсками будутъ очищены и сданы намъ крѣпости Шумла, Варна и Бургасъ. Сдача этихъ крѣпостей послѣдовала: Шумлы—7-го іюля, Варны—25-го и Бургаса—25-го августа, а 5-го августа, послѣ блестящаго смотра, произведеннаго главнокомандующимъ въ Санъ-Стефано, въ присутствіи высшихъ турецкихъ сановниковъ и иностранныхъ пословъ, въ виду Константинополя, началось возвращеніе русскихъ войскъ въ отечество. Одна часть ихъ отплыла на судахъ моремъ въ Одессу и Севастополь; другая отступила сухимъ путемъ въ направленіи къ границамъ Восточной Румеліи и Болгаріи. Въ первыхъ числахъ сентября главная квартира дѣйствующей арміи перенесена въ Адріанополь.

Въ этомъ городѣ она пробыла цѣлые пять мѣсяцевъ. Дальнѣйшее отступленіе пришлось пріостановить вслѣдствіе ряда происшествій, возбуждавшихъ опасеніе, что обязательства, наложенныя на Порту берлинскимъ трактатомъ, не будутъ ею исполнены. То были: возстаніе мусульманъ, вспыхнувшее въ Родопскихъ горахъ; образованіе албанской лиги и сопротивленіе ея передачѣ черногорцамъ территорій, присужденныхъ имъ конгрессомъ; жестокости, совершенныя турками надъ христіанами въ мѣстностяхъ, очищенныхъ русскими войсками, по мѣрѣ возвращенія въ нихъ оттоманскихъ властей. Но главною причиною продолжительнаго пребыванія въ Адріанополѣ главнокомандующаго съ его штабомъ и задержанія отступленія арміи было уклоненіе Порты

отъ заключенія съ Россіей окончательнаго мирнаго договора, который подтвердилъ бы всѣ статьи санъ-стефанскаго прелиминарнаго трактата, не отмѣненныя берлинскимъ конгрессомъ.

Трудная задача эта была возложена на князя Лобанова, Не малымъ препятствіемъ успѣху переговоровъ служили безпрерывныя перемѣны въ личномъ составѣ оттоманскаго правительства. По этому поводу Императоръ Александръ, по возвращеніи въ Петербургъ, изъ Ливадіи, гдѣ по обыкновенію проводилъ осень, писалъ главнокомандующему отъ 12-го декабря: „Политическія дѣла, къ сожалѣнію, продолжаютъ находиться въ томъ же неопредѣлительномъ положеніи, которое для насъ столь томительно. Перемѣна министерства въ Константинополѣ вновь замедлила заключеніе окончательнаго мирнаго договора съ Портою. По послѣднимъ свѣдѣніямъ князя Лобанова, преемникъ Савфета-паши, Каратеодори высказалъ завѣреніе о желаніи его окончить это дѣло въ возможно скорѣйшемъ времени; но я не вполнѣ довѣряю этимъ завѣреніямъ, зная изъ достовѣрныхъ источниковъ, что англійскій посолъ Лэйярдъ продолжаетъ употреблять всѣ средства, чтобы препятствовать исполненію нашихъ требованій. Съ другой стороны, обнаружившіяся несогласія между членами румелійской коммиссіи не предвѣщаютъ ничего хорошаго; европейскіе ея члены, какъ кажется, хотя и убѣдились въ непрактичности будущей ея организаціи на основаніи берлинскаго трактата, но не имѣютъ довольно смѣлости въ томъ признаться публично. Изъ этого возникаетъ новая комбинація объ occupation mixte. Если она намъ будетъ предложена, то мы, разумѣется, не иначе можемъ на нее согласиться, какъ по окончаніи предоставленнаго намъ срока оккупаціи и съ тѣмъ, чтобы и мы въ ней участвовали наравнѣ съ прочими. Покуда всѣ войска наши должны оставаться на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ, до сдачи Портою Подгорицы и подписанія и ратификаціи окончательнаго мирнаго договора... Я самъ-было простудился въ Москвѣ; и вслѣдствіе того не могу еще отдѣлаться отъ кашля. Слабость, которую я послѣ того чувствовалъ, начинаетъ проходить и силы возвращаются, хотя заботъ у меня не мало. Да поможетъ намъ Богъ, какъ можно скорѣе выйти изъ теперешнихъ комплікацій, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ“. Отвѣчая на поздравленіе главнокомандующаго съ наступленіемъ новаго 1879 года, Императоръ телеграфировалъ ему: „Благодарю и поздравляю также съ новымъ годомъ тебя и всѣ славныя войска твоей арміи. Дай Богъ, чтобы намъ удалось, наконецъ, заключить окончательный миръ и воротить васъ домой. Въ этомъ заключаются ежедневныя мои молитвы“. Тотчасъ по подписаніи окончательнаго мира съ Портою, Высочайше повелѣно Тотлебену принять всѣ мѣры къ немедленному возвращенію дѣйствующей арміи въ Россію. „Ни въ какомъ случаѣ“, подтвердилъ ему Государь въ письмѣ отъ 23-го января, „не допускаю возможности, не только дальнѣйшаго оставленія арміи заграницею, но и продленія оккупаціи далѣе срока, назначеннаго берлинскимъ трактатомъ. Сообщи это категорически князю Дондукову“.

Четыре дня спустя, 27-го января, князь Лобановъ, преодолѣвъ всѣ затрудненія, подписалъ въ Константинополѣ съ уполномоченнымъ Порты, министромъ иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-пашою, окончательный мирный договоръ. Актомъ этимъ устанавливались миръ и дружба между обѣими имперіями; объявлялось, что постановленія берлинскаго трактата замѣнили статьи трактата санъ-стефанскаго, измѣненныя или отмѣненныя конгрессомъ; слѣдующее Россіи отъ Турціи денежное вознагражденіе опредѣлено въ 802½ милліона франковъ, а способъ уплаты предоставленъ позднѣйшему соглашенію; вознагражденіе русскимъ подданнымъ за убытки ограничено суммою въ 2.675.000 франковъ; положено свести и уплатить взаимные счеты по содержанію военнопленныхъ; предоставлено жителямъ уступленныхъ Россіи мѣстностей оставить оныя въ трехлѣтній срокъ съ правомъ продажи ихъ недвижимыхъ имуществъ; обѣщано прощеніе лицамъ, компрометированнымъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ во время войны, и дозволено тѣмъ изъ оттоманскихъ подданныхъ съ ихъ семьями, которые того пожелаютъ, удалиться вслѣдъ за русскою арміей; дарована амнистія всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ, принимавшимъ участіе въ событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ, и подвергнутыхъ за это ссылкѣ или какому-либо иному наказанію; введены снова

въ дѣйствіе пріостановленные войною всѣ договоры и обязательства обѣихъ сторонъ, касающіяся торговли или правъ, предоставленныхъ въ Турціи русскимъ подданнымъ; Порта обязалась покончить полюбовно всѣ иски русскихъ подданныхъ и доставить имъ удовлетвореніе.

Миръ съ Турціей, по ратификаціи, обнародованъ Высочайшимъ манифестомъ.

Императоръ Александръ былъ крайне обрадованъ вѣстью о заключеніи окончательнаго мира. „Дай Богъ, чтобы онъ былъ проченъ", телеграфировалъ Государь главнокомандующему дѣйствующей арміи, „и чтобы вы всѣ благополучно вернулись домой. При этомъ не могу не повторить мое сердечное спасибо тебѣ и всѣмъ участникамъ въ минувшей войнѣ. Вы всѣ честно и славно исполнили свой долгъ". Но все еще политическій горизонтъ представлялся Императору Александру довольно мрачнымъ. „Не могу скрыть отъ тебя", писалъ онъ Тотлебену отъ 6-го февраля, „моихъ опасеній о тѣхъ компликаціяхъ, которыя насъ еще ожидаютъ, благодаря непрактичности рѣшеній берлинскаго конгресса. Никому лучше не извѣстно, какъ тебѣ, что затрудненія эти начали уже обнаруживаться. Несмотря на то, намъ слѣдуетъ держаться того, что было рѣшено еще во время пребыванія твоего въ Ливадіи... Мнѣ остается желать, чтобы эвакуація арміи нашей исполнилась, согласно твоему плану, въ должномъ порядкѣ и чтобы не повторилось теперь того же, что произошло при отступленіи нашемъ изъ Санъ-Стефано. Опасаюсь еще бо́льшихъ безпорядковъ, когда придется намъ совершенно очистить Восточную Румелію. Всѣ мѣры, нынѣ нами предпринимаемыя относительно сей отторгнутой части Болгаріи, должны бы доказать Европѣ правильность нашихъ дѣйствій, и потому отвѣтственность за тѣ волненія, которыя могутъ произойти тогда между болгарами, падетъ не на насъ, а на прочія великія державы, участвовавшія въ берлинскомъ конгрессѣ. Ты хорошо сдѣлалъ, что отклонилъ вмѣшательство ихъ представителей въ такъ называемой европейской коммиссіи въ дѣла, касающіяся собственно нашего управленія..."

Высочайшая воля была исполнена. 6-го февраля начался отходъ войскъ съ передовыхъ пунктовъ. Къ началу марта турецкія владѣнія въ Европѣ и въ Азіи были всѣ очищены отъ русскихъ войскъ. Окупаціонный русскій корпусъ остался, на точномъ основаніи постановленія берлинскаго конгресса, лишь въ Восточной Румеліи и въ Болгаріи для обезпеченія вводимаго тамъ новаго государственнаго устройства.

Дѣло это берлинскій конгрессъ возложилъ на русскую власть только въ сѣверной Болгаріи и то—подъ наблюденіемъ коммиссаровъ великихъ державъ. Въ Болгаріи южной, составленіе органическаго статута поручено было коммиссіи, изъ делегатовъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ конгрессѣ. Впредь до введенія новаго устройства въ обѣихъ областяхъ, онѣ оставлены подъ русскимъ управленіемъ.

По кончинѣ начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи, князя Черкасскаго, умершаго въ Санъ-Стефано въ самый день подписанія прелиминарнаго мирнаго договора, Императоръ Александръ главою этого управленія назначилъ, съ званіемъ Императорскаго коммиссара, генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, избравшаго мѣстомъ своего пребыванія Филиппополь. Но когда состоялось на конгрессѣ раздѣленіе Болгаріи на вассальное княжество и автономную область, Императорскій коммиссаръ переѣхалъ въ сѣверную Болгарію, а во главѣ временнаго управленія Восточною Румеліею поставленъ особый генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Столыпинъ. Скоро прибыла въ Филиппополь и европейская коммиссія, приступившая къ выработкѣ основного закона области и, согласно постановленію конгресса, принявшая въ свое завѣдываніе ея финансы. Между иностранными коммиссарами, съ одной стороны, русскими властями и болгарскимъ населеніемъ—съ другой, происходили частыя пререканія и даже столкновенія, устранять и сглаживать которыя выпадало на долю примиряющаго вліянія русскаго посла въ Константинополѣ.

Императоръ Александръ самъ глубоко скорбѣлъ о расчлененіи Болгаріи. „Симпатіи болгаръ, находящихся подъ нашимъ управленіемъ", писалъ онъ Тотлебену, „къ ихъ соплеменникамъ, оставшимся подъ владычествомъ Турціи, вполнѣ понятны. Поэтому, я опасаюсь, что образованіе такъ называемой Восточной Румеліи, согласно берлинскому трактату, окажется на дѣлѣ неисполнимымъ. Самое выгодное было бы для насъ, если бы члены европейской румелійской коммиссіи сами могли въ томъ убѣдиться..."

Государь одобрялъ распоряженія главнокомандующаго объ устраненіи европейскихъ коммиссаровъ отъ вмѣшательства въ управленіе области и объ образованіи мѣстной милиціи, съ русскими кадрами и инструкторами. По представленію генералъ-адъютанта Тотлебена, онъ разрѣшилъ передать въ военные склады обѣихъ Болгарій всѣ ружья системы Крынка, оставшіяся безъ употребленія послѣ перевооруженія нашей пѣхоты ружьями Бердана, „дабы дать", какъ выразился онъ въ письмѣ къ главнокомандующему, „болгарамъ возможность, подобно албанцамъ, отстаивать свою независимость". Въ другомъ письмѣ къ нему же Императоръ развивалъ слѣдующія мысли: „Тѣ мѣры, которыя ты предлагаешь... я одобряю, какъ существенное средство, могущее остановить переселеніе христіанъ изъ Восточной Румеліи, когда настанетъ время очищенія ея нашими войсками, и ты справедливо говоришь, что намъ никогда не представится болѣе благопріятнаго случая подготовить болгаръ къ самозащитѣ, какъ въ настоящее время, когда всѣ распоряженія зависятъ еще отъ нашихъ властей. При этомъ, весьма вѣроятно, какъ ты самъ говоришь, что Порта будетъ протестовать противъ учрежденія большихъ складовъ оружія и обученія стрѣльбѣ большого числа охотниковъ и что въ своихъ протестахъ найдетъ сочувствіе и другихъ державъ. Но я полагаю, какъ и ты, что ни одно государство по этому вопросу не объявитъ намъ войны и что все ограничится протестами, а между тѣмъ, дѣло будетъ сдѣлано и независимость болгаръ обезпечена не менѣе Албаніи, которая, и я полагаю, по всей вѣроятности, отложится отъ Турціи. Назначеніе турецкихъ офицеровъ въ болгарскую милицію—немыслимо и не можетъ состояться, ибо по берлинскому договору Порта обязана назначать таковыхъ той же національности, которой принадлежитъ большинство милиціонеровъ. Наблюденіе за этимъ есть одна изъ главныхъ обязанностей румелійской коммиссіи, въ которой участвуютъ и наши делегаты. Совершенно правильныя ихъ дѣйствія даютъ мнѣ полную надежду, что они не попустятъ никакого отступленія отъ настоящаго смысла берлинскаго договора, котораго исполненіе равно обязательно для всѣхъ державъ, въ немъ участвовавшихъ".

Императора продолжало озабочивать движеніе въ средѣ болгарскаго населенія, направленное противъ разъединенія Болгаріи. Въ концѣ февраля 1879 г., Его Величество такъ выражалъ Тотлебену опасенія свои по этому поводу: „Изъ телеграммъ явствуетъ, что умы болгаръ находятся въ большомъ волненіи, и что они не могутъ привыкнуть къ мысли отчужденія отъ княжества Восточной Румеліи и Македоніи, и хотятъ обратиться съ протестомъ на рѣшеніе берлинскаго договора ко всей Европѣ и будто бы въ этомъ находятъ поддержку, какъ въ англійскомъ, такъ и въ австрійскомъ делегатахъ. Признаюсь, на поддержку эту я смотрю съ большимъ недовѣріемъ и опасаюсь намѣренія ихъ вовлечь болгаръ въ такія дѣйствія, которыя могли бы оправдать въ глазахъ Европы вооруженное вмѣшательство Турціи, тѣмъ болѣе, что изъ секретныхъ свѣдѣній мы знаемъ достовѣрно, что англійское правительство совѣтуетъ туркамъ ускорить занятіемъ и укрѣпленіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ Балканахъ. Къ сожалѣнію, по берлинскому трактату, турки имѣютъ на это право, но, однако, не прежде окончательнаго проведенія пограничной линіи между княжествомъ Болгарскимъ, и Восточною Румеліею, на чемъ я и настаиваю".

По мѣрѣ приближенія опредѣленнаго конгрессомъ срока вывода русскихъ войскъ изъ Восточной Румеліи и передачи управленія этою областью назначенному султаномъ, съ согласія великихъ державъ, генералъ-губернатору, Императоръ Александръ все болѣе и болѣе утверждался въ убѣжденіи, что отказъ Порты отъ пользованія предоставленнымъ ей конгрессомъ правомъ содержать турецкіе гарнизоны въ Балканахъ, было бы лучшимъ средствомъ успокоить волненіе умовъ въ болгарскомъ населеніи, предотвратить безпорядки, и до извѣстной степени, примирить болгаръ съ раздѣленіемъ ихъ отечества на двѣ, или, точнѣе, на три части. Взглядъ свой Государь изложилъ въ собственноручномъ письмѣ къ султану, которое отправилъ въ Константинополь съ генералъ-адъютантомъ Обручевымъ. Абдулъ-Гамидъ внялъ благоразумному совѣту и уполномочилъ русскаго генерала объявить населенію Восточной Румеліи, что Порта, не отрекаясь отъ своихъ правъ, не имѣетъ, однако, въ настоя-

щую минуту намѣренія вводить турецкія войска въ автономную область.

Изъ Константинополя генералъ-адъютантъ Обручевъ направился въ Филиппополь. 24-го апрѣля онъ всенародно прочиталъ воззваніе русскаго Императора къ болгарамъ Восточной Румеліи. Государь объявлялъ имъ о твердой рѣшимости своей исполнить въ точности постановленія берлинскаго трактата, который одинъ можетъ обезпечить имъ пользованіе правомъ, добытымъ русскимъ оружіемъ, и о приказаніи, данномъ русскимъ войскамъ—очистить эту область въ установленный конгрессомъ срокъ. Его Величество благодарилъ населеніе за чувства преданности и признательности, неоднократно выраженныя русскому Царю и Россіи, и изъявлялъ надежду, что чувства эти будутъ переданы нынѣшнимъ поколѣніемъ дѣтямъ и внукамъ. Перечисливъ права, обезпеченныя жителямъ области органическимъ статутомъ, выработаннымъ международною коммиссіею: охрана жизни, чести и собственности, мирное самоуправленіе и распоряженіе финансовыми средствами страны, подъ властью генералъ-губернатора, христіанина и единовѣрца,—Императоръ приглашалъ ихъ пользоваться этими правами въ духѣ мирнаго развитія ихъ гражданской жизни. Онъ выражалъ строгое порицаніе замысламъ, имѣющимъ цѣлью насильственное низверженіе порядка, установленнаго въ краѣ съ общаго согласія великихъ державъ, которое могло бы навлечь на страну лишь новыя бѣдствія и подорвать въ корнѣ дѣло національнаго возрожденія. Царскія слова генералъ-адъютантъ Обручевъ пояснилъ въ рѣчи, непосредственно обращенной къ народу, въ которой упомянулъ и объ обѣщаніи султана не вводить турецкихъ войскъ въ Восточную Румелію, пока не будетъ нарушенъ въ этой области законный порядокъ.

Императорское воззваніе произвело на обитателей Восточной Румеліи ожидаемое дѣйствіе. Введеніе въ область новаго управленія и водвореніе въ ней генералъ-губернатора по назначенію султана произошли въ полномъ порядкѣ.

Одновременно, новое государственное устройство введено и въ Болгарскомъ княжествѣ.

Основной законъ страны, названный органическимъ уставомъ, выработанъ былъ въ совѣтѣ Императорскаго коммиссара въ Болгаріи и пересмотрѣнъ въ особой коммиссіи, при II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Проектъ устава, по утвержденіи Государемъ, былъ переданъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ на обсужденіе созваннаго имъ въ Тырновѣ собранія именитыхъ людей Болгаріи, открытіе котораго состоялось 13-го февраля.

Сессія Тырновскаго учредительнаго собранія продолжалась около шести недѣль, въ теченіе которыхъ оно пересмотрѣло и переработало проектъ органическаго устава переименовавъ его въ „конституцію Болгарскаго княжества".

17-го апрѣля, въ день рожденія Императора Александра, въ Тырновѣ, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго на площади, предъ конакомъ, Императорскій коммиссаръ открылъ великое народное собраніе, созванное уже на основаніи конституціи для избранія князя и которое единогласно провозгласило принца Александра Баттенбергскаго владѣтельнымъ и наслѣдственнымъ княземъ Болгаріи.

Вѣсть объ избраніи племянника Императрицы Маріи Александровны болгарскимъ княземъ Императоръ Александръ получилъ въ Ливадіи, гдѣ, вмѣстѣ съ Августѣйшею супругою, проводилъ часть весны 1879 года. Туда же прибылъ вскорѣ принцъ Александръ Баттенбергскій и тамъ принялъ депутацію отъ Тырновскаго собранія, привезшую ему постановленіе о выборѣ. Напутствуемый наставленіемъ и щедро одаренный милостями русскаго Государя, молодой князь посѣтилъ Дворы великихъ державъ, въ Константинополѣ принялъ изъ рукъ султана фирманъ, утверждавшій его избраніе, и 25-го іюня высадился на болгарскій берегъ въ Варнѣ гдѣ встрѣтилъ его князь Дондуковъ.

Строго придерживаться духа и буквы берлинскаго трактата, добросовѣстно исполнить всѣ его постановленія—такова была программа, указанная Высочайшею волею дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ Дворахъ. Если послѣдствіемъ ея будетъ всеобщее умиротвореніе, разсуждалъ князь Горчаковъ, то Россія можетъ только выиграть отъ прекращенія неопредѣленнаго положенія, тяжкимъ бременемъ лежащаго на ней; если же, напротивъ, она приведетъ къ усложненіямъ, то лучше для Россіи встрѣтить-

ся съ ними, сосредоточивъ внутри себя свои силы. Не взирая, однако, на такой образъ мыслей и тщательно согласованный съ нимъ образъ дѣйствій русскаго Двора, отношенія его къ прочимъ великимъ державамъ не только не улучшились, но, можно сказать, обострялись съ каждымъ днемъ.

Всѣхъ больше подозрительности, вовсе не скрываемой враждебности, проявляла Англія. Первымъ поводомъ къ пререканіямъ съ нею послужили афганскія дѣла. Въ промежутокъ времени между заключеніемъ санъ-стефанскаго мира и собраніемъ берлинскаго конгресса, когда у насъ ожидали объявленія войны англичанами и готовились къ ней, часть войскъ ташкентскаго военнаго округа была двинута за Аму-Дарью къ границамъ Афганистана, а въ Кабулъ, къ эмиру Ширъ-Али, отправлено посольство, съ цѣлью привлечь его къ союзу противъ Великобританіи. Вѣсть о прибытіи въ столицу Афганистана генераловъ Столѣтова и Разгонова и о почетномъ пріемѣ, оказанномъ имъ эмиромъ, получена была въ Лондонѣ вскорѣ по возвращеніи туда изъ Берлина лордовъ Биконсфильда и Салисбюри. Она крайне встревожила правительство и общественное мнѣніе Англіи и вызвало обращеніе сентъ-джемскаго кабинета въ Петербургъ съ требованіемъ немедленнаго отозванія русскихъ посланцевъ изъ Кабула, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ силу соглашенія, состоявшагося между Россіею и Англіею въ 1873 году, Россія обязалась не включать Афганистанъ въ сферу своего вліянія. Русскій Дворъ отвѣчалъ, что дѣйствіе этого соглашенія прервано событіями послѣдняго времени, но что онъ не прочь возобновить его, если Англія обѣщаетъ уважать независимость Афганистана. Лордъ Салисбюри далъ это завѣреніе, хотя и не безъ существенныхъ оговорокъ, вслѣдствіе чего между нимъ и русскимъ посломъ въ Лондонѣ состоялся обмѣнъ писемъ, коими англо-русское соглашеніе по средне-азіатскимъ дѣламъ признано сохранившимъ для обѣихъ сторонъ обязательную силу. Русское посольство было отозвано изъ Кабула, а англо-индійскія войска тремя колоннами вступили въ Афганистанъ.

Между тѣмъ эмиръ Ширъ-Али объявилъ народу, что не хочетъ вступать ни въ какія сдѣлки съ англичанами и самъ поѣдетъ въ Петербургъ, чтобы несогласія свои съ ними отдать на судъ Императора всероссійскаго. 1-го декабря 1878 года онъ выѣхалъ изъ Кабула, назначивъ сына своего, Якубъ-хана, правителемъ на время своего отсутствія, и въ сопровожденіи генерала Разгонова прибылъ въ Мазаришерифъ, мѣстность, находящуюся въ русскихъ владѣніяхъ. Туркестанскому генералъ-губернатору предписано было принять эмира съ честью, но задержать его въ Ташкентѣ, отнюдь не допуская продолжать слѣдованіе въ Петербургъ. Ширъ-Али умеръ отъ гангрены 9-го февраля, въ Ширъ-Абадѣ, не доѣхавъ даже до Ташкента.

Миръ, предписанный англичанами его сыну и преемнику Якубъ-хану, окончательно подчинилъ Афганистанъ вліянію Великобританіи. Не считая возможнымъ противодѣйствовать такому распространенію англійскаго могущества въ Средней Азіи, въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ, русское правительство рѣшило, со своей стороны, расширить наши средне-азіатскія владѣнія, включивъ въ нихъ туркменскую степь, къ востоку отъ Каспійскаго моря, и для того овладѣть Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ, отстоящимъ отъ Мерва на разстояніи 200 верстъ. Предпринятая лѣтомъ 1879 года, экспедиція въ степь не увѣнчалась успѣхомъ, но была возобновлена въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Скобелева, который, 12-го января 1881 года, взялъ Денгиль-Тепе приступомъ и привелъ туркменъ въ подданство Бѣлому Царю.

Въ продолженіе переговоровъ, происходившихъ по средне-азіатскимъ дѣламъ, англійскіе министры выказали большую раздражительность. Еще болѣе вызывающаго образа дѣйствій относительно Россіи держались они во всѣхъ вопросахъ, касавшихся введенія новаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ.

Горькій опытъ недавняго прошлаго окончательно подорвалъ вѣру Императорскаго кабинета въ возможность войти въ соглашеніе съ Англіею, явно выступившею противницею Россіи на Западѣ, какъ и на Востокѣ. Въ Петербургѣ убѣдились, что главная цѣль сентъ-джемскаго кабинета утвердить свое вліяніе въ Константинополѣ, совершенно вытѣснивъ изъ совѣтовъ Порты вліяніе Россіи, а Императоръ Александръ прямо заподозривалъ Англію въ стремленіи

къ овладѣнію проливами Босфорскимъ и Дарданелльскимъ. Тѣмъ болѣе расположенъ былъ русскій Дворъ поддерживать тѣсное и дружественное единеніе съ Берлиномъ и Вѣною, такъ называемое „соглашеніе трехъ Императоровъ", нѣсколько ослабѣвшія узы котораго, повидимому, были возобновлены на берлинскомъ конгрессѣ. Князь Бисмаркъ продолжалъ увѣрять насъ, что Германія заранѣе согласна на все, что будетъ рѣшено и установлено сообща Россіею и Австро-Венгріею, а вѣнскій Дворъ, въ возмездіе всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ ему русскими уполномоченными на конгрессѣ, положительно обязался оказывать дипломатическое содѣйствіе усиліямъ Россіи къ устраненію трудностей, которыя могли бы встрѣтиться при приведеніи въ исполненіе рѣшеній конгресса. Говоря объ этомъ содѣйствіи, обѣщанномъ намъ изъ Берлина, какъ и изъ Вѣны, Государь, въ письмѣ къ Тотлебену отъ 19-го октября 1878 года, писалъ: „Весьма желательно въ теперешнихъ обстоятельствахъ дѣйствовать намъ за одно съ сими двумя кабинетами... Въ этомъ тройственномъ согласіи вижу лучшее обезпеченіе сохраненія мира".

Къ сожалѣнію, скоро обнаружилась тщетность этихъ ожиданій. Въ началѣ 1879 года, въ Петербургѣ уже считали соглашеніе трехъ Императоровъ фактически расторгнутымъ поведеніемъ нашихъ союзниковъ въ отношеніи къ Россіи.

Скоро прибавился новый поводъ къ неудовольствію на дѣйствія правительствъ германскаго и австро-венгерскаго. То были стѣснительныя для русской торговли мѣры, принятыя ими сообща вдоль русскихъ границъ, для воспрепятствованія чумѣ, появившейся въ низовьяхъ Волги, проникнуть изъ Россіи въ Западную Европу. Мѣры эти приняты безъ предварительнаго извѣщенія о нихъ русскаго правительства, что и было сочтено Императоромъ Александромъ за нарушеніе международныхъ приличій. Въ августѣ, онъ обратился къ императорамъ Вильгельму и Францу-Іосифу съ собственноручными письмами, въ которыхъ звучалъ упрекъ за противорѣчіе между ихъ личными увѣреніями въ дружбѣ и поведеніемъ ихъ правительствъ, и высказывалось опасеніе, что если настоящія отношенія двухъ императорскихъ Дворовъ къ Россіи не измѣнятся, то какъ бы они не привели, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, къ разрыву съ нею. Особенною грустью и горечью было проникнуто письмо къ тому изъ монарховъ, котораго Государь считалъ своимъ ближайшимъ и лучшимъ другомъ—къ императору германскому. „Канцлеръ вашего величества", писалъ Александръ Николаевичъ, „забылъ обѣщанія 1870 года..."

Искренній и задушевный тонъ письма подѣйствовалъ на старца-императора, поспѣшившаго отправить въ Варшаву, гдѣ находился Императоръ Александръ, фельдмаршала Мантейфеля съ отвѣтнымъ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ племянника тотчасъ же съѣхаться съ нимъ на русской границѣ. Свиданіе обоихъ монарховъ произошло въ пограничномъ мѣстечкѣ Александровѣ, 22-го и 23-го августа. Императоры Александръ и Вильгельмъ обмѣнялись новыми увѣреніями въ личной дружбѣ и словомъ: ни въ какомъ случаѣ не допускать, чтобы взаимныя несогласія ихъ правительствъ могли довести дѣло до войны между Россіею и Германіею.

Отправленіе императора Вильгельма на свиданіе съ русскимъ Государемъ и обмѣнъ дружескихъ съ нимъ увѣреній не согласовались съ видами князя Бисмарка, который хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы осуществить давнюю свою мечту: соединить узами тѣснаго союза австро-венгерскую монархію съ германскою имперіею. Незадолго до съѣзда монарховъ въ Александровѣ, онъ вызвалъ въ Гастейнъ, гдѣ лѣчился водами, графа Андраши и выработавъ съ нимъ главныя основанія австро-нѣмецкаго союзнаго договора самъ поѣхалъ въ Вѣну. Проектъ трактата, составленный въ Вѣнѣ Бисмаркомъ и Андраши и уже принятый австрійскимъ императоромъ, Бисмаркъ отправилъ къ своему государю въ Баденъ-Баденъ съ вице-канцлеромъ графомъ Штольбергомъ. Императоръ Вильгельмъ уступилъ, давленію лицъ, его окружавшихъ, членовъ королевской семьи и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ, и утвердилъ проектъ трактата. Самый союзный договоръ подписанъ былъ въ Вѣнѣ графомъ Андраши и германскимъ посломъ, принцемъ Рейсомъ, 26-го сентября.

Во вступленіи къ договору изложены причины, побудившія къ заключенію союза: забота о безопасности обоихъ государствъ и о спокойствіи ихъ народовъ. Договоръ состоялъ изъ трехъ статей. Пер-

вою статьею обѣ стороны обязывались, въ случаѣ нападенія на нихъ Россіи, помогать другъ другу всѣми силами и не заключать мира съ нею иначе, какъ сообща, на одинаковыхъ условіяхъ. Вторая статья установляла, что если на одну изъ сторонъ нападетъ какая-либо иная держава, то другая сторона не должна ни въ какомъ случаѣ ее поддерживать, но соблюдать, по отношенію къ первой, дружественный нейтралитетъ; если же нападающую державу поддержитъ Россія, то обязательство военной помощи, изложенное въ первой статьѣ, вступаетъ немедленно въ силу. Третья статья постановила хранить въ тайнѣ союзный договоръ и сообщать его посторонней державѣ не иначе, какъ по взаимному согласію обѣихъ сторонъ. Заключалась она такъ: „Во вниманіе къ чувствамъ, выраженнымъ Императоромъ Александромъ при свиданіи въ Александровѣ, обѣ высокія, договаривающіяся стороны питаютъ надежду, что вооруженія Россіи не окажутся, въ дѣйствительности, угрожающими для нихъ и, слѣдовательно, у нихъ, въ настоящую минуту, нѣтъ никакой причины сдѣлать сообщеніе. Но въ случаѣ, если, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, надежда эта не оправдается, то обѣ договаривающіяся стороны почтутъ за долгъ чести, по меньшей мѣрѣ, предупредить довѣрительно Императора Александра, что онѣ обязаны признать нападеніе на одну изъ нихъ за направленное противъ ихъ обѣихъ“.

Къ концу 1879 года Европа находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Но, мало-по-малу, тревога улеглась, и дѣла приняли болѣе мирный и спокойный оборотъ. На такую перемѣну повліяла происшедшая въ апрѣлѣ слѣдующаго, 1880 года, перемѣна въ англійскомъ министерствѣ: замѣна торіевъ у власти вигами, съ Гладстономъ во главѣ новаго кабинета.

Натянутость отношеній между Петербургомъ съ одной стороны, Берлиномъ и Вѣною съ другой, также нѣсколько ослабла, послѣ того, какъ государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, удалился на покой, сохранивъ, впрочемъ, свое званіе и только изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ, но зиму и лѣто проводя за границею, причемъ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ ввѣрено было его товарищу, статсъ-секретарю Гирсу.

Соглашеніе трехъ императоровъ отошло въ область исторіи. Но неизмѣнною осталась, пережившая всѣ испытанія, личная дружба, связывавшая Императора Александра съ императоромъ Вильгельмомъ. Она выразилась 19-го февраля 1880 года, въ день празднованія двадцатипятилѣтія годовщины вступленія Государя на Престолъ въ кабинетномъ письмѣ императора германскаго, обнародованномъ тогда же во всеобщее свѣдѣніе. „Предстоящій возвратъ того дня“, писалъ маститый монархъ, „въ который Ваше Величество двадцать пять лѣтъ тому назадъ приняли бразды правленія, даетъ мнѣ желанный случай выразить мою радость о томъ, что дружба, связывавшая нашихъ въ Бозѣ почивающихъ родителей сохранилась и въ нашихъ настоящихъ отношеніяхъ“.

Императоръ Александръ не остался въ долгу у дяди. 10-го марта того же года, въ день рожденія его, Государь привѣтствовалъ его телеграммой, въ коей говорилъ что болѣе, чѣмъ когда-либо, полагается на старую и постоянную дружбу Императора для поддержки и упроченія добрыхъ отношеній между Россіею и Германіею, согласно съ ихъ общими интересами.

XXIV.

Крамола.

1861—1880.

Первыя шесть лѣтъ царствованія Императора Александра II протекли среди глубокаго мира внутренняго. Въ продолженіе ихъ никто въ Россіи не посягалъ на государственный порядокъ, общественное спокойствіе ни разу не было нарушено. Кротость и милосердіе Государя, великодушно простившаго и возвратившаго изъ ссылки и заточенія политическихъ преступниковъ, осужденныхъ въ предшедшее царствованіе, привлекли къ нему всѣ сердца. Общество съ радостью привѣтствовало благія начинанія молодого Императора, направленныя къ преобразованію всѣхъ отраслей управленія, съ довѣріемъ относилось къ нему.

Но какъ только разгорѣлась въ Варшавѣ польская смута, въ непосредственной связи съ нею, начали проявляться и въ Россіи признаки революціоннаго настроенія нѣкоторой, хотя впрочемъ весьма небольшой

части русскаго общества. Съ весны 1861 года въ Петербургѣ разбрасывались летучіе листки, отпечатанные въ тайной типографіи и требовавшіе независимости Польши и созванія учредительнаго собранія или земскаго собора для начертанія конституціи для Россіи. Воззванія эти, исходившія отъ нѣсколькихъ тайныхъ кружковъ различныхъ наименованій: „Великоруссъ", „Земская дума", „Земля и Воля", становились все радикальнѣе; въ одномъ изъ нихъ, распространенномъ въ сентябрѣ и озаглавленномъ „Къ молодому поколѣнію", заявлялись самыя крайнія требованія: насильственный переворотъ, ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя, всеобщій передѣлъ земли, замѣна постояннаго войска народнымъ ополченіемъ, введеніе представительнаго образа правленія и ограниченіе самодержавной власти.

Появленіе послѣдняго листка совпало съ безпорядками, происшедшими, осенью 1861 года, среди студентовъ С.-Петербургскаго университета, скоро распространившимися и на всѣ университеты провинціальные. Послѣдствіемъ ихъ было исключеніе изъ университетовъ значительнаго числа студентовъ, участниковъ безпорядковъ, и высылка ихъ подъ надзоръ полиціи въ разные города Имперіи. Та же мѣра принята и относительно лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло распространенія революціонныхъ воззваній, составители которыхъ и главные зачинщики преданы суду Правительствующаго Сената и осуждены на каторгу.

Въ теченіе 1862 года броженіе, охватившее такъ называемые передовые круги и, въ частности, учащуюся молодежь, не только не улеглось и не успокоилось, но приняло еще бо́льшіе размѣры. Поддерживаемое нѣкоторою частью повременной печати, только что освобожденною отъ цензурныхъ стѣсненій, оно увлекало лицъ обоего пола, мущинъ и женщинъ различныхъ общественныхъ классовъ, молодыхъ писателей, офицеровъ, врачей, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, отчасти преподавателей и даже университетскихъ профессоровъ. Къ этому времени относятся первыя попытки распространить революціонныя начала и въ народѣ, подъ предлогомъ обученія его грамотѣ въ воскресныхъ школахъ. Подпольные листки самаго возмутительнаго содержанія продолжали появляться въ большомъ числѣ. Ихъ разсылали по почтѣ, разбрасывали по улицамъ столицы и даже въ Зимнемъ дворцѣ, въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, во время заутрени. Листокъ „Молодая Россія" прямо взывалъ къ бунту, кровавому и безпощадному, къ всеобщей рѣзнѣ, съ цѣлью переустройства общества на иныхъ началахъ и провозглашенія въ Россіи соціальной и демократической республики. Вслѣдъ за появленіемъ этого воззванія вспыхнули въ Петербургѣ пожары, въ короткое время принявшіе огромные размѣры и повторившіеся въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Имперіи.

Такой оборотъ дѣла побудилъ правительство прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ и энергическимъ мѣрамъ. По Высочайшему повелѣнію, закрыты воскресныя школы, пріостановлено изданіе печатныхъ органовъ, виновныхъ въ распространеніи разрушительныхъ ученій, и для обнаруженія тайныхъ революціонныхъ сообществъ, такъ нагло заявлявшихъ о своемъ существованіи, образована особая слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя А. Ѳ. Голицына. Коммиссія эта произвела рядъ обысковъ и многочисленные аресты. Лица, изобличенныя въ преступныхъ дѣяніяхъ, преданы суду Сената, присудившаго главнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ писателя Чернышевскаго, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на продолжительные сроки, а менѣе виновныхъ — къ поселенію въ Сибири же. Но большинство арестованныхъ лицъ постигла административная кара: они высланы въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности, гдѣ и водворены подъ полицейскимъ надзоромъ.

Не столько, однако, эти мѣры строгости, сколько вспыхнувшій въ началѣ 1863 года мятежъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ Краѣ, произвелъ въ настроеніи русскаго общества коренной и спасительный переломъ. Совращенная съ праваго пути, русская молодежь очнулась, отрезвилась и примкнула къ единодушному выраженію патріотическихъ чувствъ всѣхъ званій и состояній русскаго народа, спѣшившихъ излить ихъ предъ Государемъ, какъ олицетвореніемъ отечества, верховнымъ блюстителемъ его цѣлости, незави-

симости и достоинства. Посреди всеобщаго, всенароднаго одушевленія, какъ дымъ, разсѣялись революціонныя бредни ничтожнаго и безпочвеннаго меньшинства. Напрасно пытались снова сплотить и возмутить его лондонскіе выходцы, открыто выступившіе защитниками польскихъ притязаній; напрасно старался повліять на русскихъ людей польскій революціонный комитетъ, руководившій возстаніемъ и имѣвшій въ русской столицѣ сильныя связи, даже въ высшихъ правительственныхъ кругахъ: воззванія, печатаемыя въ Лондонѣ, распространяемыя въ Россіи по распоряженію варшавскаго жонда и обращенныя къ русскимъ образованнымъ классамъ, къ офицерамъ и солдатамъ, къ казакамъ, наконецъ, къ крестьянамъ, оставались безъ отклика. Не оправдались и надежды, возлагаемыя поляками на дѣйствіе подложнаго манифеста, составленнаго отъ царскаго имени и раскинутаго по всему Поволжью, въ которомъ объявлялась Высочайшая воля о предоставленіи крестьянамъ всей земли, оставшейся, за надѣломъ ихъ, въ собственности государства и землевладѣльцевъ. Великорусскіе крестьяне также мало поддались на это прельщеніе, какъ крестьяне малорусскіе на обѣщанія золотой грамоты, изданной отъ имени жонда народоваго съ приглашеніемъ ихъ возстать противъ русскаго правительства, за что́ вся земля, которою они пользовались, предоставлялась имъ въ безмездную собственность. Крестьяне повсюду предъявляли грамоты въ полицію и выдавали властямъ ихъ распространителей. Такъ разсыпались въ прахъ революціонныя мечтанія при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Заступничество за поляковъ окончательно подорвало вліяніе на русское общество и лондонскихъ выходцевъ, первый ударъ которымъ нанесъ въ русской печати Катковъ, громовою статьею отвѣтившій на вызовъ Герцена и возложившій на него отвѣтственность за гибель множества молодыхъ людей, совращенныхъ или увлеченныхъ его проповѣдью. „Колоколъ“, расходившійся въ первые годы своего существованія въ количествѣ отъ 2.000 до 2.500 экземпляровъ, спустился до 500, а съ 1868 года прекратился вовсе.

Послѣ подавленія польскаго мятежа совершенно прекратились острыя проявленія революціоннаго броженія въ Россіи. Государственныя преобразованія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, судебная реформа и введеніе земскихъ учрежденій открывали молодежи широкій доступъ къ участію въ дѣлахъ управленія.

Выстрѣлъ Каракозова зловѣщимъ свѣтомъ озарилъ внутреннее положеніе Россіи. Предсѣдательствуемая графомъ Муравьевымъ слѣдственная коммиссія хотя и установила, что злодѣйская попытка цареубійства не истекала изъ заговора, а зародилась въ головѣ одного безумца, подъ впечатлѣніемъ окружавшей его среды и исповѣдуемыхъ ею разрушительныхъ ученій, но она же обнаружила въ высшей степени серьезное явленіе: повальное зараженіе цѣлаго поколѣнія русской учащейся молодежи язвою соціализма.

Результаты, добытые слѣдствіемъ о злодѣяніи Каракозова, заключаютъ въ себѣ въ зародышѣ все послѣдующее развитіе соціально-революціоннаго движенія въ Россіи. Такъ, выяснено, что небольшой по числу своихъ членовъ, Ишутинскій кружокъ въ Москвѣ, состоявшій преимущественно изъ студентовъ и къ которому принадлежалъ цареубійца, замышлялъ подготовить государственный переворотъ слѣдующими дѣйствіями: 1) пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; 2) возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и, вообще, противъ властей; 3) устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему идеи соціализма; 4) заведеніе въ провинціи библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, для привлеченія и подготовленія новыхъ членовъ, съ тѣмъ, чтобы провинціальные кружки состояли въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получали отъ него направленіе; 5) распространеніе въ народѣ соціалистическихъ ученій чрезъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; 6) соціально-революціонная пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній. Въ будущемъ развитіи предполагалось раздѣлить тайное сообщество на отдѣлы, съ различными наименованіями: „взаимнаго вспомоществованія“, „переводчиковъ и переводчицъ“, „поощренія частнаго труда“. От

дѣлы эти имѣли быть облечены законною формою и, для прикрытія революціонной цѣли, предполагалось исходатайствовать имъ утвержденіе правительства. Московскій кружокъ намѣренъ былъ войти въ близкія сношенія съ другими подобными же кружками, въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, и постепенно распространить свою агитаціонную дѣятельность на всю Имперію.

Все это были только предположенія, едва намѣченныя и далекія еще отъ осуществленія, но они несомнѣнно указывали на то, что соціалистическія начала получили широкое распространеніе среди учащейся молодежи и пустили въ ней глубокіе корни. Не смотря на это, ни одна изъ правительственныхъ мѣръ не была направлена прямо къ искорененію зла.

Члены Ишутинскаго кружка Верховнымъ Уголовнымъ судомъ приговорены къ каторжнымъ работамъ на разные сроки; значительное число ихъ единомышленниковъ высланы въ разные города подъ надзоръ полиціи; запрещены окончательно два органа такъ-называемаго передового направленія: „Современникъ“ и „Русское Слово“; во главѣ III отдѣленія поставленъ графъ П. А. Шуваловъ, а во главѣ столичной полиціи—генералъ-адъютантъ Треповъ; наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Д. А. Толстой.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ, князя П. П. Гагарина, Государь хотя и выразилъ твердое намѣреніе охранить русскій народъ отъ зародышей вредныхъ лжеученій и волю свою, чтобы на воспитаніе юношества было обращено особое вниманіе и чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, но мудрыя слова эти остались мертвою буквою и не нашли себѣ примѣненія въ рядѣ мѣръ, принятыхъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія по ввѣренному ему вѣдомству.

Вниманіе графа Толстого обращено было исключительно на поддержаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ внѣшняго порядка и благоустройства. Усугублены суровыя мѣры противъ студенческихъ сходокъ въ стѣнахъ университета и внѣ его; студенты лишены права распоряжаться кассою взаимопомощи, устраивать въ пользу ея спектакли и концерты, собирать пожертвованія для неимущихъ товарищей, завѣдывать собственною библіотекою. Распоряженія эти вызывали въ университетской молодежи крайнее раздраженіе, выражавшееся въ непрерывныхъ волненіяхъ и попыткахъ сопротивленія ближайшему начальству. Весною 1869 года волненія эти приняли обширные размѣры. Безпорядки начались въ С.-Петербургскомъ университетѣ и быстро распространились на прочія высшія учебныя заведенія столицы: Медико-Хирургическую академію, институты Технологическій и Земледѣльческій, а вслѣдъ затѣмъ и на провинціальные университеты. Послѣдствіемъ ихъ было массовое увольненіе студентовъ изъ заведеній, высылка ихъ изъ столицъ и университетскихъ городовъ и водвореніе, въ качествѣ поднадзорныхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Въ гимназіяхъ, введенная въ 1871 году, такъ-называемая, классическая реформа дала не менѣе горькіе плоды. Всѣ усилія педагоговъ были исключительно направлены на обученіе юношества двумъ древнимъ языкамъ въ ущербъ прочимъ предметамъ преподаванія, и также, какъ и въ университетахъ, совершенно упущено изъ виду воспитательное воздѣйствіе на развитіе образа мыслей и чувствъ, на утвержденіе въ преданіяхъ родной исторіи, въ началахъ вѣры и нравственности подростающихъ поколѣній.

Послѣдствія такой образовательной системы не замедлили сказаться, и въ десятилѣтіе съ 1866 по 1876 годъ, невѣріе въ области религіи, матеріализмъ въ наукѣ, соціализмъ въ политикѣ — окончательно овладѣли незрѣлыми умами русской учащейся молодежи. Результату этому не могло воспрепятствовать запрещеніе внутри Россіи изданій, распространявшихъ эти пагубныя лжеученія. Не находя ихъ на родинѣ, юные соціалисты обращались за ними заграницу, откуда имъ безпрепятственно доставляли ихъ русскіе эмигранты, водворившіеся въ Англіи и Швейцаріи. Женева и въ особенности Цюрихъ сдѣлались мѣстами паломничества большого числа юношей и дѣвицъ, студентовъ и студентокъ. Слушая лекціи въ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, они болѣе или менѣе почерпали крайнія анархическія ученія у самаго источника, въ Юрской секціи Интернаціонала, создателемъ и руководи-

телемъ которой былъ Бакунинъ. Когда, въ 1871 году, правительство рѣшилось на энергическую мѣру и подъ угрозою лишенія правъ русскаго подданства вызвало обратно русскихъ женщинъ, изучавшихъ естественныя науки въ Цюрихскомъ университетѣ, большинство, хотя и повиновалось, но вернулось на родину съ твердо усвоенными соціалистическими убѣжденіями, которыя и принялось усердно распространять среди соотечественниковъ.

Между тѣмъ, въ Россіи очагами анархизма были уже не однѣ столицы или университетскіе города, но и всѣ тѣ мѣстности, въ разныхъ концахъ Имперіи, въ которыхъ разселены были поднадзорные, получавшіе опредѣленное содержаніе отъ казны и, сверхъ того, не замедлившіе, въ силу своего полуобразованія, добыть вліятельное положеніе въ мѣстномъ обществѣ и немаловажныя должности въ общественныхъ учрежденіяхъ, не исключая и школъ. Обстоятельство это, какъ показалъ опытъ, не мало содѣйствовало быстрому и широкому распространенію умственной заразы. Мало-по-малу вся Россія покрылась густою сѣтью такъ-называемыхъ „кружковъ самообразованія", въ которыхъ учащаяся молодежь, воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, пропитывались ученіемъ анархизма, жадно прислушиваясь къ голосамъ вожаковъ, ихъ товарищей, исключенныхъ изъ университетовъ и гимназій, или тѣхъ изъ нихъ, что̀ побывали заграницею и по возвращеніи на родину продолжали поддерживать съ политическими выходцами непрерывныя сношенія. Въ кружкахъ участвовало не малое число женщинъ и дѣвицъ, фанатическихъ сторонницъ полной эмансипаціи своего пола, не замедлившихъ получить выдающееся въ нихъ значеніе и играть въ ихъ дѣйствіяхъ преобладающую роль.

Явленіе это долго ускользало отъ вниманія и педагогическаго начальства, и полицейскихъ властей, судя по бездѣйствію ихъ въ виду нарождавшейся опасности. Мѣры предупрежденія или пресѣченія вызывались лишь единичными случаями и не выходили изъ предѣловъ обычныхъ распоряженій: обыска, ареста, административной высылки. На слѣдъ образовавшагося, въ 1869 году въ Москвѣ, тайнаго сообщества, подъ именемъ „Общества Народной Расправы", преслѣдовавшаго прямо революціонныя цѣли, навело полицію убійство одного изъ участниковъ, заподозрѣннаго товарищами въ измѣнѣ. Слѣдствіе по этому дѣлу,— главный зачинщикъ котораго, Нечаевъ, успѣлъ бѣжать заграницу и выданъ лишь два года спустя швейцарскимъ правительствомъ,—произведено было судебными властями на точномъ основаніи новаго Устава уголовнаго судопроизводства. Къ нему привлечено, въ качествѣ обвиняемыхъ, 87 человѣкъ, преданныхъ суду судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Изъ нихъ 4 лица присуждены къ каторжной работѣ, 2—къ ссылкѣ на житье, 27—къ тюремному заключенію; остальные оправданы, за недостаткомъ юридическихъ уликъ. Но бо̀льшая часть лицъ послѣдней категоріи высланы административно; та же участь постигла многихъ заарестованныхъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности, но не привлеченныхъ къ слѣдствію и суду.

Нечаевскій процессъ обнаружилъ, между прочимъ, несоотвѣтствіе лежавшихъ на корпусѣ жандармовъ обязанностей по раскрытію государственныхъ преступленій съ Судебными уставами 20-го ноября 1864 года, не предоставлявшими этому корпусу ни малѣйшаго участія въ производствѣ дознаній по означеннаго рода дѣламъ. Закономъ, изданнымъ 19-го мая 1871 года, устранено это неудобство и измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ политическимъ, возложеніемъ производства по нимъ дознаній на чиновъ жандармскаго управленія, при участіи прокуроровъ. Тѣмъ же закономъ установлено, что оконченныя такимъ порядкомъ дознанія представляются министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, или дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія, или испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе на прекращеніе производства, либо на разрѣшеніе его въ порядкѣ административномъ. Въ слѣдующемъ году въ законодательство о государственныхъ прступленіяхъ внесены два другія существенныя измѣненія: увеличены нѣсколькими степенями наказанія за принадлежность къ преступнымъ тайнымъ сообществамъ и создана для дѣлъ этого рода, бывшихъ по Судебнымъ Уставамъ подсудными судебнымъ палатамъ, новая юрисдикція: особое присутствіе Правительствующаго Сената по дѣламъ о государ-

ственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Между тѣмъ, проповѣдь соціализма продолжалась въ средѣ русской молодежи безпрерывно и почти безпрепятственно: съ каждымъ днемъ увеличивалось число его убѣжденныхъ сторонниковъ. Набирались они преимущественно среди воспитанниковъ учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, но въ числѣ ихъ были и лица болѣе возмужалыя. Люди различныхъ категорій покидали, кто службу, кто школу, кто семью, поселялись на общихъ квартирахъ, въ такъ называемыхъ коммунахъ, составляя отдѣльные кружки, различавшіеся по оттѣнкамъ, но согласные въ общемъ стремленіи преобразовать на соціалистическихъ началахъ существующій въ Россіи государственный и общественный строй. Кружки эти поддерживали тѣсныя сношенія, какъ между собою, такъ и съ русскими политическими выходцами за границею. На сходкахъ кружковъ, а также въ заграничныхъ революціонныхъ изданіяхъ, обсуждался вопросъ о способахъ для произведенія переворота, который, по общему сознанію, представлялся невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока идеи анархизма не проникнутъ въ народъ и не возбудятъ его къ возстанію. Съ начала семидесятыхъ годовъ, отдѣльныя личности изъ соціалистовъ искали сближенія съ простонародьемъ, водворяясь въ деревняхъ и пріурочивая себя къ дѣятельности сельскихъ учителей, волостныхъ писарей, фельдшеровъ и другихъ профессій, близкихъ къ крестьянскому быту. Съ 1872 года петербургскіе кружки занялись систематическимъ совращеніемъ рабочихъ столичныхъ фабрикъ и заводовъ. Съ этою цѣлью они поселялись въ частяхъ города, гдѣ жили рабочіе: на Васильевскомъ Острову, на Выборгской Сторонѣ, за Невскою заставой, и, привлекая рабочихъ въ трактиры или въ свои помѣщенія, подъ предлогомъ обученія ихъ чтенію и письму, заводили съ ними рѣчь о бѣдственномъ ихъ положеніи, о несправедливости распредѣленія богатствъ между трудомъ и капиталомъ, объ успѣхахъ рабочаго сословія на Западѣ въ борьбѣ за свое освобожденіе изъ-подъ ига хозяевъ, читали имъ лекціи по исторіи и естественнымъ наукамъ, стараясь подорвать въ нихъ вѣру въ Бога и Царя. Пропаганда эта велась цѣлые два года, не въ одномъ Петербургѣ, но и во многихъ другихъ городахъ, преимущественно университетскихъ. Она обратила на себя вниманіе полицейскихъ властей лишь въ концѣ 1873 и въ началѣ 1874 годовъ. Въ Петербургѣ произведено по этому поводу нѣсколько обысковъ, задержано нѣсколько лицъ, но только немногіе подверглись административнымъ взысканіямъ, бо́льшая же часть выпущена на свободу за недостаткомъ уликъ.

Отчасти затрудненіе, встрѣченное въ продолженіи пропаганды среди городскихъ рабочихъ, отчасти убѣжденіе въ томъ, что громадное большинство населенія въ Имперіи составляютъ крестьяне, побудили соціально-революціонные кружки расширить рамки своей проповѣди—перенести пропагаторскую дѣятельность свою изъ города въ деревню. Раннею весною 1874 года, участники ихъ, какъ по условленному сигналу, двинулись на пропаганду—въ народъ. Съ этою цѣлью запаслись они поддѣльными паспортами и цѣлою массою отпечатанныхъ за границею брошюръ, въ которыхъ, доступнымъ пониманію русскаго крестьянина простонароднымъ языкомъ излагались основныя начала соціализма въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, а именно, въ формѣ разсказовъ, разсужденій, проповѣдей и проч. Чтобы проникнуть въ народъ и внушить ему довѣріе, пропагандисты, какъ мущины, такъ и женщины, одѣвались въ крестьянское платье, стараясь и внѣшнимъ видомъ, и образомъ жизни походить на простолюдиновъ. Одни превращались въ офеней, торгующихъ по деревнямъ книгами; другіе нанимались въ работники на хуторахъ, фабрикахъ и заводахъ; третьи изучали какое-либо ремесло. Съ этою цѣлью устроено было ими нѣсколько мастерскихъ столярныхъ, слесарныхъ, башмачныхъ. Сближаясь съ крестьянами, они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы распространять среди нихъ тѣ же ученія, что проповѣдывались городскимъ рабочимъ, и раздавать имъ принесенныя съ собою соціалистическія книжки и воззванія.

Исходнымъ пунктомъ движенія былъ Петербургъ, откуда пропагандисты двинулись „въ народъ“ по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и сѣверо-восточному. Тѣ, что̀ пошли въ Кіевъ, Харьковъ и Одессу, нашли на югѣ Россіи многочисленныхъ единомышленниковъ, спло-

ченныхъ въ разные кружки, преслѣдовавшіе одинаковыя цѣли, и не замедлившіе послать и своихъ членовъ вести пропаганду по деревнямъ. Другая часть, чрезъ Москву, направилась къ Волгѣ, въ Ярославль, Нижній, Казань, Саратовъ и Самару. Появленіе петербургскихъ агитаторовъ вызывало во всѣхъ городахъ Поволжья образованіе новыхъ кружковъ изъ мѣстной молодежи, по слѣдамъ ихъ также устремившейся въ народъ. Къ половинѣ лѣта соціально-революціонная проповѣдь раздавалась уже во всѣхъ концахъ Россіи. Кромѣ перечисленныхъ выше мѣстностей, слѣды ея обнаружены въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Владимірской, Тамбовской, Пензенской, Оренбургской, Уфимской и Вятской, въ Землѣ Войска Донскаго, въ Таганрогѣ и Ростовѣ-на-Дону. Но нигдѣ пропагандисты не нашли даже того относительнаго успѣха, который имѣли въ дѣлѣ совращенія, весьма, впрочемъ, незначительнаго числа, городскихъ рабочихъ. Освобожденные царскою волею, надѣленные землею, крестьяне оставались глухи къ разглагольствіямъ объ уничтоженіи собственности вообще и, въ частности, поземельной; къ пропагандистамъ относились они не только съ недовѣріемъ и подозрительностью, но и прямо враждебно, отвергая раздаваемыя ими книжки, задерживая проповѣдниковъ и выдавая ихъ властямъ.

Соціалистическіе кружки хотя и дѣйствовали самостоятельно одинъ отъ другого, но поддерживали между собою тѣсную связь и постоянныя сношенія. Вотъ почему обнаруженіе въ маѣ 1874 года въ Саратовѣ одного изъ притоновъ пропаганды скоро привело къ раскрытію ея преступной дѣятельности во всей Имперіи. Производство о ней одного общаго дознанія поведено было съ большою энергіею. Обыски и аресты произведены во всѣхъ мѣстностяхъ, служившихъ полемъ дѣятельности пропаганды. Привлечено къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ 770 человѣкъ (612 мужчинъ и 158 женщинъ); изъ нихъ оставлены подъ стражею 265.

Но всѣ эти мѣры не остановили движенія соціалистовъ въ народъ. Обнаружены и задержаны были далеко не всѣ его участники. Многіе изъ нихъ скрылись отъ преслѣдованія, другіе бѣжали изъ мѣстъ заточенія. Убыль въ рядахъ пропагандистовъ быстро пополнялась новыми дѣятелями изъ насквозь пропитанной анархическимъ ученіемъ учащейся молодежи, а также изъ эмигрантовъ, мужчинъ и въ особенности женщинъ, спѣшившихъ возвратиться въ Россію, чтобы принять участіе въ „общемъ дѣлѣ“. Лѣтомъ 1875 года образовался въ Москвѣ кружокъ съ болѣе опредѣленною организаціею, чѣмъ всѣ предшествовавшіе, принявшій всѣ мѣры, чтобы затруднить раскрытіе своей дѣятельности. Члены кружка, въ составъ котораго вошло нѣсколько бывшихъ цюрихскихъ студентокъ, жили по поддѣльнымъ видамъ, называли другъ друга условными именами и кличками, завели общую кассу, тайный шифръ для переписки съ единомышленниками, притоны для укрывательства членовъ, возбудившихъ подозрѣніе властей. Они поступали рабочими на заводы и фабрики въ Москвѣ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ Тулѣ, завели сношенія съ пропагандистами въ Кіевѣ, гдѣ послѣ разгрома предшедшаго года быстро возстановились соціально-революціонные кружки, продолжавшіе прежнюю дѣятельность. То же явленіе повторилось въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Саратовѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но къ концу 1875 года обнаружена была бо̀льшая часть и этихъ кружковъ и дѣятели ихъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, задержаны и привлечены къ новымъ дознаніямъ.

Обширные размѣры соціально-революціонной пропаганды, не взирая на полный неуспѣхъ ея въ народѣ, озаботили Императора Александра. Въ 1875 году Государь поручилъ Особому Совѣщанію, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева, изъ министровъ юстиціи, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи и шефа жандармовъ,—изыскать мѣры противъ распространенія въ русскомъ обществѣ разрушительныхъ ученій. Въ числѣ прочихъ предметовъ Высочайше повелѣно совѣщанію разсмотрѣть вопросъ объ устраненіи тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя обнаружились вслѣдствіе высылки политически неблагонадежныхъ лицъ во внутреннія губерніи Россіи, причемъ обсудить и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли сосредоточить этихъ лицъ въ какой-либо одной мѣстности?

Совѣщаніе пришло къ заключенію, что единственно возможный надзоръ въ Россіи можетъ заключаться въ постановкѣ политически неблагонадежныхъ лицъ въ такую среду, гдѣ наблюденіе за ними облегчено и гдѣ менѣе удобствъ для распространенія вреднаго ихъ вліянія, и что въ этомъ отношеніи административная высылка вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, имѣя, сверхъ того, нѣкоторый устрашающій характеръ, могущій остановить многихъ отъ преступныхъ увлеченій. На основаніи этихъ соображеній, совѣщаніе положило, оставить въ силѣ существующій порядокъ административной высылки и, отвергнувъ мысль о сосредоточеніи ссылаемыхъ въ какой-либо отдѣльной мѣстности, какъ мысль, практически не примѣнимую, остановилось на слѣдующихъ двухъ мѣрахъ, которыя, по мнѣнію большинства, если не совершенно, то, по крайней мѣрѣ, въ возможныхъ предѣлахъ должны были устранить недостатки высылки, а именно: во-первыхъ, на опредѣленіи такихъ мѣстностей для водворенія ссылаемыхъ, которыя въ политическомъ отношеніи представляются средою, наиболѣе безопасною отъ вліянія этихъ лицъ и, во-вторыхъ, на усиленіи средствъ мѣстнаго начальства для надзора за высылаемыми. 30-го мая 1875 года Государь утвердилъ предположенія особаго совѣщанія, но осуществлены они не были. Совѣщаніе, хотя и намѣтило нѣкоторое число городовъ въ Европейской Россіи, пребываніе въ коихъ политическихъ ссыльныхъ, по мнѣнію его, представлялось наименѣе вреднымъ, установивъ, что не слѣдуетъ скучивать поднадзорныхъ болѣе извѣстнаго числа лицъ въ одномъ пунктѣ, но число это скоро оказалось далеко недостаточнымъ, такъ какъ количество поднадзорныхъ, коихъ насчитывалось въ 1875 году въ Европейской Россіи не болѣе 260 человѣкъ, разселенныхъ въ 92 городахъ, въ продолженіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ учетверилось, не смотря на высылку нѣсколькихъ сотъ человѣкъ въ Сибирь, такъ что пришлось административно-ссыльныхъ распредѣлять въ такихъ мѣстахъ, которыя само Особое Совѣщаніе находило неудобными, какъ мѣста ссылки. Проектъ правилъ о мѣстномъ надзорѣ, составленный коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, остался безъ дальнѣйшаго движенія, а усиленіе полицейскихъ средствъ надзора состоялось лишь нѣсколько лѣтъ спустя, учрежденіемъ въ 1878 году конно-полицейскихъ стражниковъ (урядниковъ), а въ 1879 году ассигнованіемъ на указанный предметъ дополнительнаго кредита, сверхъ прежде отпускавшихся въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 30.000 рублей, еще 40.000 ежегодно.

Смута на Балканскомъ полуостровѣ и вскорѣ послѣдовавшая война Россіи съ Турціей отвлекли вниманіе правительства отъ внутренняго положенія. Къ тому же, въ правительственныхъ кругахъ господствовало убѣжденіе, что, за задержаніемъ большинства пропагандистовъ, походъ ихъ противъ государства можетъ почитаться оконченнымъ, а сообщество — разрушеннымъ. На дѣлѣ было далеко не такъ. Произведенные въ рядахъ сообщества арестами 1875 года, пробѣлы быстро пополнились новобранцами, все изъ той же среды учащагося юношества. Правда, часть соціалистовъ была оттянута въ Сербію въ качествѣ добровольцевъ въ 1876 году, а въ слѣдующемъ году—за Дунай, мужчины въ должности фельдшеровъ, женщины — сестеръ милосердія. Но тѣ, что̀ остались въ Россіи, по прежнему составляли кружки въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, а петербургскіе соціалисты сплотились въ одинъ кружокъ, которому искали придать руководящее значеніе въ „партіи“, усвоившей названіе „соціально-революціонной“.

Полный неуспѣхъ, постигшій пропаганду соціалистовъ въ крестьянской средѣ, не убѣдилъ ихъ въ неосуществимости преслѣдуемой ими конечной цѣли: произвести переворотъ въ государствѣ путемъ народнаго возстанія. Но продолжая стремиться къ ней, они нашли нужнымъ измѣнить средства и способы дѣйствія. Вмѣсто проповѣди отвлеченныхъ началъ космополитическаго соціализма, недоступныхъ пониманію русскихъ простолюдиновъ, рѣшено приноравливать пропаганду къ тѣмъ желаніямъ, которыя предполагались у крестьянъ, а именно, внушать крестьянамъ, что имъ однимъ должна принадлежать воздѣлываемая ими земля, что не слѣдуетъ платить податей, что управлять міромъ должны одни только выборныя должностныя лица. Съ этого времени движеніе принимаетъ такъ-называемый народническій оттѣнокъ, и мирную пропаганду замѣняетъ чисто революціон-

ная агитація. Соціалисты шли въ народъ, но уже не для того, чтобы скитаться по деревнямъ и селамъ, по фабрикамъ и заводамъ, а селиться среди крестьянъ, занимая постоянныя должности волостныхъ писарей, сельскихъ учителей и учительницъ, фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы волновать умы крестьянъ, разжигать въ нихъ страсти, возбуждать къ сопротивленію властямъ, къ бунтамъ. Такія „поселенія" основаны, въ продолженіе 1876 и 1877 годовъ, петербургскими пропагандистами въ губерніяхъ Псковской, Тамбовской, Саратовской и Самарской. Соціалисты въ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ сплотились также въ одно сообщество, принявшее названіе „Южно-русскаго рабочаго союза". Они искали возбудить крестьянъ въ Малороссіи распространеніемъ слуховъ о предстоящемъ будто бы земельномъ передѣлѣ; нѣкоторымъ изъ нихъ удалось даже совратить нѣсколько сотъ крестьянъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, которымъ они выдавали себя за коммиссаровъ, тайно посланныхъ Царемъ для образованія изъ нихъ боевыхъ дружинъ, призванныхъ дѣйствовать противъ пановъ и чиновниковъ. Организація эта просуществовала полтора года и была обнаружена лишь осенью 1877 года. Но три устроителя ея хотя и были арестованы, успѣли бѣжать изъ Кіевскаго тюремнаго замка. Вообще, бѣгство, не только изъ-подъ стражи, но и изъ мѣстъ высылки, изъ самыхъ сибирскихъ остроговъ, стало явленіемъ весьма частымъ, такъ какъ къ освобожденію заключенныхъ направлены были всѣ старанія остававшихся на свободѣ товарищей, которымъ не разъ удавалось отбивать ихъ даже отъ сопровождавшаго вооруженнаго конвоя.

Одновременно, какъ петербургскіе, такъ и провинціальные кружки продолжали вести дѣятельную пропаганду среди городскихъ рабочихъ и такъ-называемой „интеллигентной" молодежи, вербуя изъ нея новыхъ сочленовъ и пополняя убыль въ своихъ рядахъ. Съ этою послѣднею цѣлью заведена въ Петербургѣ, осенью 1877 года, тайная типографія, печатавшая возмутительные листки и брошюры. Были даже попытки производить уличныя демонстраціи. Въ мартѣ 1876 года, по случаю похоронъ умершаго въ домѣ предварительнаго заключенія одного изъ обвиняемыхъ соціалистовъ, собралась большая толпа молодежи, силою овладѣвшая гробомъ и демонстративно пронесшая его на рукахъ вплоть до самаго кладбища.

Дознаніе надъ тысячью слишкомъ привлеченныхъ къ отвѣтственности молодыхъ людей за соціально-революціонную пропаганду продолжалось нѣсколько лѣтъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли предать соціалистовъ суду или рѣшить ихъ участь административнымъ порядкомъ, обсуждался въ Комитетѣ Министровъ, который высказался въ пользу гласнаго суда по слѣдующимъ соображеніямъ. „Комитетъ", — читаемъ въ Высочайше утвержденномъ журналѣ 18-го и 26-го марта 1875 года, — „остановился на соображеніи, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ удостовѣреннаго нынѣ прискорбнаго равнодушія благонамѣренныхъ общественныхъ элементовъ къ распространяющейся пропагандѣ разрушительныхъ началъ, представляется всеобщая до сего времени неизвѣстность, не только для большинства публики, но и для членовъ государственнаго управленія, въ томъ числѣ и для большинства членовъ Комитета Министровъ, обнаруженныхъ произведенными въ послѣднее время дознаніями размѣровъ пропаганды. По мнѣнію Комитета, при такой неизвѣстности нельзя ставить прямымъ укоромъ обществу отсутствіе серьезнаго отпора лжеученіямъ; нельзя ожидать, чтобы лица, не вѣдающія той опасности, которой лжеученія сіи грозятъ общественному порядку, могли столь же энергически и рѣшительно порицать дѣятельность революціонныхъ агитаторовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда опасность эта была бы для нихъ ясна и имъ были бы извѣстны тѣ пути, коими приверженцы революціи, называющіе себя друзьями народа, хотятъ придти къ нему на помощь. Такое сознаніе обусловливаетъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ легкомысленные упреки правительству за принимаемыя мѣры преслѣдованія злоумышленниковъ и ихъ аресты, приписываемые часто одному лишь произволу администраціи и возбуждающіе обыкновенно состраданіе къ арестуемымъ и розыскиваемымъ лицамъ. Между тѣмъ, по глубокому убѣжденію Комитета, едва-ли изложенная въ представленной генералъ-адъютантомъ Потаповымъ запискѣ одного изъ передовыхъ дѣятелей агитаціи, картина будущности, которую революціонные

пропагандисты готовятъ настоящему поколѣнію, могла бы возбудить какое-либо сочувствіе, не только въ благонадежныхъ общественныхъ сферахъ, но даже въ натурахъ неразвитыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи. Сами составители записки и программы пропаганды это чувствуютъ и постоянно указываютъ на необходимость для успѣха дѣла скрывать его конечныя цѣли. Они, съ неимовѣрнымъ цинизмомъ обсуждаютъ всѣ страшныя послѣдствія желаемаго ими возстанія и указываютъ на необходимость гибели настоящаго поколѣнія въ потокахъ крови, въ видахъ доставленія благоденствія грядущимъ поколѣніямъ, по заранѣе опредѣленнымъ ими законамъ общежитія. Они прямо высказываютъ, что для достиженія ихъ идеаловъ необходимы ручьи, рѣки, наводненія крови. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что подобный бредъ фанатическаго воображенія не можетъ возбудить къ себѣ сочувствія; но для того, чтобы общественное мнѣніе отвратилось отъ провозвѣстниковъ такого ученія, начала этого ученія не должны оставаться во мракѣ. Признавая, такимъ образомъ, полезнымъ и настоятельно необходимымъ не только продолжать систему гласности, принятую по тѣмъ тремъ политическимъ дѣламъ, которыя производились въ судебныхъ учрежденіяхъ въ послѣднее время, но допустить гласность еще въ бо́льшихъ размѣрахъ для полнаго разъясненія въ обществѣ нашемъ возмутительнаго ученія агитаторовъ, Комитетъ находитъ, что естественнымъ и самымъ прямымъ путемъ для такой благотворной гласности представляется судъ, въ которомъ, при судебномъ слѣдствіи, можетъ быть разоблачена вся тлетворность изъясненныхъ ученій и степень угрожающей отъ нихъ опасности".

Въ январѣ 1877 г. открылся рядъ отдѣльныхъ политическихъ процессовъ въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Завершился онъ въ январѣ 1878 г. общимъ дѣломъ о революціонной пропагандѣ въ Имперіи къ которому въ качествѣ обвиняемыхъ привлечено 193 человѣка. Во вниманіе къ продолжительности предварительнагос лѣдствія, Сенатъ постановилъ относительно большинства подсудимыхъ снисходительный приговоръ.

На другой день, по воспослѣдованіи сзначеннаго приговора, Вѣра Засуличъ выстрѣломъ изъ пистолета тяжело ранила с.-петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Трепова.

Выстрѣлъ Засуличъ послужилъ сигналомъ цѣлаго ряда террористическихъ преступленій. 30-го января, при обыскѣ, произведенномъ въ Одессѣ въ квартирѣ, занимаемой соціалистами, жильцы ея оказали жандармамъ и полиціи вооруженное сопротивленіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ, такъ что пришлось прибѣгнуть къ помощи войскъ, чтобы проникнуть въ квартиру и задержать лицъ, въ ней находившихся. 1-го февраля убитъ въ Ростовѣ-на-Дону рабочій, заподозрѣнный соціалистами въ доносѣ. 23-го того же мѣсяца, вечеромъ, въ Кіевѣ, въ товарища прокурора Котляревскаго произведено три выстрѣла, къ счастью, безъ вреда. На другой день появилось печатное воззваніе, грозившее новымъ покушеніемъ, не только Котляревскому, но и офицеру Кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія барону Гейкингу. Воззваніе это было расклеено на стѣнахъ домовъ, причемъ между лицами, занимавшимися расклеиваніемъ, и чинами полиціи произошла схватка: соціалисты стрѣляли въ городовыхъ и жандармовъ. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ марта вспыхнули серьезныя волненія между студентами университета св. Владиміра. 120 студентовъ исключены изъ университета, а 15 высланы административно въ отдаленныя сѣверныя губерніи. При проѣздѣ послѣднихъ чрезъ Москву, студенты московскихъ учебныхъ заведеній устроили имъ сочувственную демонстрацію, окончившуюся неожиданнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло торговцевъ Охотнаго ряда и толпы изъ простонародья, пришедшихъ на помощь полиціи и кинувшихся на студентовъ съ крикомъ: „Бей измѣнниковъ русскаго Царя!"

Всѣ эти происшествія отразились и на настроеніи петербургскаго студенчества. Похороны одного изъ заключенныхъ соціалистовъ послужили снова поводомъ къ шумной демонстраціи на улицѣ. Такъ же демонстративно привѣтствовала толпа молодежи 31-го марта оправдательный вердиктъ, вынесенный присяжными Вѣрѣ Засуличъ по обвиненію въ покушеніи на убійство генералъ-адъютанта Трепова. Освобожденная изъ-подъ стражи подсудимая была уведена единомышленниками посреди невообрази-

маго смятенія, при чемъ въ полицію было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ.

Въ виду всѣхъ этихъ событій, правительство рѣшилось усугубить мѣры строгости.

Высочайшею властью главному начальнику III Отдѣленія предоставлено всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу противоправительственной пропаганды, виновность которыхъ въ дѣятельности, направленной къ разрушенію государственнаго и общественнаго строя очевидна и оставленіе которыхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ представляется опаснымъ — высылать административнымъ порядкомъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири для водворенія, по его усмотрѣнію, въ мѣстностяхъ ввѣреннаго ему края, на жительство, подъ надзоръ полиціи. Впрочемъ, очень многіе изъ высланныхъ успѣли бѣжать, одни съ пути, другіе съ мѣстъ высылки, и усилили боевые ряды соціально-революціоннаго сообщества. Тогда же снова измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ; возстановлена юрисдикція судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей и для особо тяжкихъ преступленій учрежденъ опять Верховный уголовный судъ. Другой законъ изъялъ изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ всѣ дѣла о нападеніи на должностныхъ лицъ, ввѣривъ производство оныхъ судебнымъ органамъ, учрежденнымъ для сужденія государственныхъ преступленій.

Между тѣмъ, среди участниковъ соціально-революціоннаго сообщества, избѣгшихъ преслѣдованія и оставшихся на свободѣ, ожесточеніе росло и все болѣе и болѣе распалялись страсти. 24-го мая, въ Кіевѣ, убитъ жандармскій капитанъ баронъ Гейкингъ ударомъ кинжала.

4-го августа, главному начальнику III Отдѣленія и шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту Мезенцову, во время прогулки, нанесена смертельная рана кинжаломъ въ животъ. Убійца и сопровождавшій его сообщникъ скрылись. Мезенцовъ скончался вечеромъ того же дня. Въ брошюрѣ, отпечатанной въ Петербургѣ, въ тайной типографіи, три мѣсяца спустя по совершеніи преступленія, воздержаніе отъ дальнѣйшихъ политическихъ убійствъ ставилось въ зависимость отъ слѣдующихъ трехъ условій: прекращеніе преслѣдованій противъ членовъ соціально-революціоннаго сообщества; отказъ правительства отъ всякихъ административныхъ мѣръ взысканія и въ частности — отъ высылки административнымъ порядкомъ; полная амнистія всѣмъ обвиненнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ, осужденнымъ за совершеніе ихъ.

Убійство главы государственной полиціи на улицѣ, въ центрѣ столицы, среди бѣла дня, побудило Императора Александра прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для подавленія революціоннаго движенія, которое успѣло въ короткое время такъ широко разрости и главные виновники котораго ускользали изъ рукъ правосудія. Мѣры эти были предложены, обсуждены и рѣшены въ засѣданіи Совѣта министровъ, собраннаго въ Зимнемъ дворцѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя.

Право заарестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, предоставленное по закону 19-го мая 1876 года лицу производящему дознаніе, распространено на всѣхъ офицеровъ корпуса жандармовъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія, на полиціймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ, и не только задержаніе лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія, но и тѣхъ, что участвуютъ въ уличныхъ безпорядкахъ или сходкахъ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ, если они подлежатъ административной высылкѣ, Высочайше повелѣно ссылать преимущественно въ Восточную Сибирь; поднадзорныхъ, покушавшихся на побѣгъ или совершившихъ таковой, наказывать ссылкою въ Якутскую область; всѣхъ, оказавшихъ сопротивленіе силою при обыскѣ или арестѣ, предавать военному суду, приговоръ котораго — конфирмовать и приводить въ исполненіе безотлагательно; приступить къ устройству въ Сибири колоній для поселенія въ нихъ государственныхъ преступниковъ и административно ссыльныхъ, а въ одной или двухъ губерніяхъ Европейской Россіи особыхъ тюремъ для временнаго содержанія въ нихъ политическихъ пропагандистовъ, предназначенныхъ къ высылкѣ. Въ развитіе этихъ распоряженій изданы особыя правила, представлявшіяся необходимыми, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, въ виду развитія преступной соціально-революціонной дѣятельности, сопровождаемой угрозами отно-

сительно должностныхъ лицъ, убійствомъ и другими злодѣяніями.

Независимо отъ этихъ мѣръ, изданъ Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, въ которомъ изображено: „Повторяющіеся въ послѣднее время случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя. Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка, неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, не останавливаются ни предъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, и дерзкими совершеніями самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгую наказуемость оныхъ. Въ сихъ видахъ, мы признали за благо подчинить временно дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ для военнаго времени". Указъ заключался повелѣніемъ предавать военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, или нападеніе на чиновъ войска и полиціи, и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или обжоговъ.

20-го августа, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось сообщеніе, приглашавшее русское общество оказать правительству дружное содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Правительство, говорилось въ немъ, съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности. „Но", —продолжало сообщеніе,— „какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ, правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій. Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступленіямъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрноподданный русскаго Государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага". Въ заключеніе правительство обращалось къ молодому учащемуся поколѣнію съ увѣщаніемъ,—зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ средѣ его лжеученіями: „Добросовѣстное и здравое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся среди сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно не мало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ

надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность".

Принявъ перечисленныя выше важныя рѣшенія, Императоръ Александръ 15-го августа выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ливадію.

Въ Ливадіи Государь назначилъ генералъ-адъютанта Дрентельна главнымъ начальникомъ III Отдѣленія и шефомъ жандармовъ на мѣсто убитаго Мезенцова, а по возвращеніи въ Петербургъ, 22-го ноября, уволилъ, согласно прошенію, генералъ-адъютанта Тимашева отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, ввѣривъ управленіе министерствомъ статсъ-секретарю Макову.

Осень 1878 года ознаменовалась новыми волненіями среди студентовъ. Начались они въ Харьковѣ по поводу прекращенія лекцій въ тамошнемъ ветеринарномъ институтѣ и оттуда распространились и на прочіе университетскіе города. Обширныхъ размѣровъ достигли они въ Петербургѣ, гдѣ приняли въ нихъ участіе студенты не только университета, но и всѣхъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ цѣломъ рядѣ сходокъ, они составили прошеніе на имя Наслѣдника Цесаревича съ жалобами на притѣсненія начальства и съ требованіемъ возвращенія имъ права совѣщаться объ общихъ дѣлахъ и распоряжаться своими кассою, столовыми и библіотеками. Особенно буйнымъ характеромъ отличались собранія студентовъ военно-медицинской академіи, для водворенія порядка въ стѣнахъ и на дворѣ которой пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Около полутораста студентовъ-медиковъ было арестовано и заключено въ казармахъ лейбъ-гвардіи московскаго полка. Тогда же задержаны въ значительномъ числѣ и студенты другихъ заведеній. Дѣло кончилось исключеніемъ изъ нихъ и высылкою подъ надзоръ полиціи въ разныя мѣстности нѣсколькихъ сотъ юношей.

Кружокъ петербургскихъ соціалистовъ воспользовался всѣми этими происшествіями, чтобы привлечь къ себѣ новыхъ сторонниковъ изъ учащейся молодежи, поддерживая въ средѣ ея броженіе, возбуждая противъ правительства и властей, увѣряя студентовъ въ полной солидарности съ ними соціально-революціоннаго сообщества. Такую же агитацію вело это сообщество и среди петербургскихъ рабочихъ, подстрекая ихъ къ стачкамъ противъ хозяевъ, распаляя ихъ страсти, всячески распространяя между ними соціалистическія и анархическія ученія. Петербургскій кружокъ организовался въ партію, принявшую названіе: „Земля и Воля".

Одною изъ главныхъ заботъ коноводовъ соціальной революціи было поддерживать возможно частыя сношенія съ заключенными товарищами и содѣйствовать ихъ побѣгу изъ тюремъ или мѣстъ ссылки. Побѣги эти, за недостаткомъ присмотра, сдѣлались заурядным явленіемъ, но тѣ изъ заключенныхъ, которымъ не удавалось вырваться на свободу, предавались мрачному отчаянію, выразившемуся, между прочимъ, въ рядѣ такъ-называемыхъ „голодныхъ" бунтовъ, въ Петропавловской крѣпости, въ тюрьмахъ Бѣлогородской и Новоторжской, состоявшихъ въ томъ, что заключенные отказывались отъ пищи и пытались заморить себя голодомъ. Энергическія мѣры, принятыя противъ такихъ бунтовъ въ послѣднихъ двухъ тюрьмахъ харьковскимъ губернаторомъ, княземъ Крапоткинымъ, возбудили противъ него крайнее раздраженіе и злобу революціонеровъ. 9-го февраля 1879 года онъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера.

За убійствомъ князя Крапоткина въ Харьковѣ, послѣдовало, 13-го марта, въ Петербургѣ, покушеніе на убійство шефа жандармовъ Дрентельна. 2-го апрѣля, въ девятомъ часу утра, при возвращеніи Императора Александра съ прогулки въ Зимній дворецъ, шедшій ему на встрѣчу человѣкъ, одѣтый въ пальто при форменной гражданской фуражкѣ съ кокардой, подойдя на близкое разстояніе, сдѣлалъ въ Его Величество пять выстрѣловъ изъ револьвера. Къ счастью, Государь даже не былъ раненъ. Сбѣжавшаяся толпа схватила преступника, оказавшагося сельскимъ учителемъ изъ исключенныхъ изъ университета студентовъ, Александромъ Соловьевымъ.

Вѣсть о новомъ покушеніи на священную особу Монарха быстро разнеслась по городу. Высшіе военные и гражданскіе чины и дамы, имѣющія пріѣздъ ко Двору, спѣшили въ Зимній дворецъ, чтобы выразить предъ Царемъ радость о его чудесномъ спасеніи. Императоръ вышелъ къ нимъ въ Бѣлую залу послѣ обѣдни и благодарственнаго молебствія въ малой церкви. Встрѣченный оглушительными кликами „ура!", Государь произнесъ слѣдующія сло-

ва, обращенныя къ присутствовавшимъ: „Я глубоко тронутъ и сердечно благодарю за чувства преданности, высказанныя вами. Сожалѣю только, что поводомъ къ этому послужилъ столь грустный случай. Богу угодно было въ третій разъ избавить меня отъ вѣрной смерти, и сердце мое преисполнено благодарности за его милости ко мнѣ. Да поможетъ онъ мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливою и развивающеюся мирно, какъ я того желалъ бы. Благодарю васъ еще разъ".

Покушеніе на цареубійство ясно доказало недостаточность мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ преступныхъ дѣйствій шайки злоумышленниковъ, не отступавшихъ ни предъ какимъ преступленіемъ. На совѣщаніи высшихъ сановниковъ, происходившемъ, въ присутствіи Государя, въ кабинетѣ Его Величества, рѣшено прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, еще неиспытанной: учрежденію временныхъ генералъ-губернаторствъ, съ предоставленіемъ генералъ-губернаторамъ чрезвычайныхъ полномочій. Временныхъ генералъ-губернаторовъ положено назначить въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, а предоставленныя имъ права распространить и на генералъ-губернаторовъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Во всѣхъ этихъ и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ Высочайше повелѣно: всѣ мѣстныя гражданскія управленія подчинить генералъ-губернаторамъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ подчиняются главнокомандующему арміею губерніи и области, объявленныя на военномъ положеніи, а также подчинить имъ же учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ по предметамъ, относящимся до охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; предоставить генералъ-губернаторамъ лицъ гражданскаго вѣдомства предавать военному суду, а равно и нижеслѣдующія права: высылать административнымъ порядкомъ изъ ввѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; подвергать личному задержанію, по непосредственному своему усмотрѣнію, всѣхъ лицъ, не смотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; пріостанавливать или вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ ими признаваемо вреднымъ, и вообще принимать тѣ мѣры, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ. Временными генералъ-губернаторами назначены три генерала, покрывшіе себя славою въ минувшую войну съ Турціей: въ С.-Петербургѣ—генералъ-адъютантъ Гурко, въ Одессу—генералъ-адъютантъ, графъ Тотлебенъ и въ Харьковъ—генералъ-адъютантъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, только-что успѣшно окончившій Высочайше возложенное на него порученіе по принятію мѣръ противъ распространенія чумы, появившейся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Астраханской губерніи.

Дознаніе по дѣлу о покушеніи на жизнь Государя хотя и обнаружило принадлежность преступника Соловьева къ соціально-революціонному сообществу и многолѣтнее участіе его въ преступной дѣятельности, но не повело къ раскрытію, ни организаціи „партіи" въ Петербургѣ, ни сообщниковъ преступленія. Соловьевъ предсталъ одинъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, приговорившимъ его къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе и преступникъ казненъ 28-го мая.

Вторую половину апрѣля и весь почти май Императоръ Александръ провелъ въ Ливадіи вмѣстѣ съ Императрицею Маріею Александровною, болѣзненное состояніе которой вызвало эту поѣздку въ Крымъ. Отъѣзжая изъ столицы Государь поручилъ снова Особому Совѣщанію изъ министровъ военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и шефа жандармовъ, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева, въ отсутствіе его, изслѣдовать и выяснить причины быстраго распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительныхъ ученій и изыскать дѣйствительныя практическія мѣры положить предѣлъ ихъ растлѣвающему вліянію. Комитетъ министровъ, которому предсѣдатель совѣщанія представилъ на разсмотрѣніе программу будущихъ его занятій, нашелъ, что неизбѣжное оглашеніе дѣятельности высшей коммиссіи вызоветъ, при существующемъ возбужденіи умовъ, разные толки и превратныя сужденія, а потому полагалъ осуществленіе программы, проектированной коммиссіею отложить до обстоятельствъ, болѣе

*

благопріятныхъ. Но Государь настоялъ на точномъ исполненіи своей воли, и во второй половинѣ іюня статсъ-секретарь Валуевъ внесъ на обсужденіе Комитета Министровъ плодъ трудовъ состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ, Совѣщанія.

Совѣщаніе это хотя и не признавало положенія дѣлъ безъисходнымъ, но, сознавая его затруднительность, не скрывало и опасности, которою оно грозитъ государству.

Заключеніе Особаго Совѣщанія распадалось на двѣ части: въ первой изложены проектированныя имъ мѣры судебно-административныя, во второй части — тѣ, что̀ по мнѣнію его должны были быть приняты по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Мѣры первой категоріи были слѣдующія: 1) въ видахъ предоставленія полиціи большей самостоятельности и для возвышенія ея значенія и авторитета въ общественной средѣ, отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ предостереженія; 2) предоставить полиціи право приносить жалобы на мировыхъ судей прямо, а не черезъ товарищей прокурора; 3) въ виду неудобствъ, происходящихъ отъ непризнанія за полицейскими показаніями и протоколами силы полнаго судебнаго доказательства и отъ того, что мировые суды не дѣйствуютъ съ безпрерывностью, которая требуется для полицейскихъ дѣлъ, пересмотрѣть вообще узаконенія о мировыхъ судьяхъ; 4) въ виду того, что нынѣшній составъ полиціи не соотвѣтствуетъ возложеннымъ на нее требованіямъ закона, не ожидая пересмотра всѣхъ узаконеній о полиціи, усилить ея нынѣшній составъ; 5) въ виду неразборчиваго выбора земскими и городскими управленіями служащихъ по ихъ вѣдомствамъ лицъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчаются агенты революціонной пропаганды, распространить дѣйствіе правилъ 1866 года о предварительномъ испрошеніи согласія губернатора на опредѣленіе извѣстныхъ должностныхъ лицъ на земскія и городскія управленія; 6) въ виду постоянно и систематически вреднаго вліянія періодической печати и недостаточности дѣйствующихъ о ней постановленій, проектировать новыя правила о денежныхъ съ періодическихъ изданій взысканіяхъ; 7) въ виду распространяемаго въ крестьянскомъ сословіи возбужденія на счетъ обремени-тельности лежащихъ на немъ повинностей и недостатка предоставленнаго по закону земельнаго надѣла — принять мѣры къ прекращенію агитаціи, направленной противъ коренныхъ началъ положеній 19-го февраля и къ опроверженію ложныхъ надеждъ на дополнительный надѣлъ; 8) принимая во вниманіе, что необходимо ободрить и сплотить, для противодѣйствія революціонной пропагандѣ тѣ элементы населенія, въ которыхъ должны естественно и преемственно заключаться разумныя и охранительныя силы, что такія силы дѣйствительно заключаются въ частномъ потомственномъ землевладѣніи, потому что онѣ возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами и что вліяніе этого охранительнаго элемента до сихъ поръ парализуется отсутствіемъ всякой территоріальной связи между разными частями населенія—возвратиться къ давнему предположенію министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ территоріальныхъ волостей и вообще, оказать частному землевладѣнію ободрительное со стороны правительства вниманіе; 9) въ виду того, что другой охранительный элементъ въ настоящее время явно обнаруживается въ средѣ раскольниковъ, что эта среда до сихъ поръ остается недоступною революціонной пропагандѣ и что такое настроеніе ея полезно поддержать и упрочить—дать исполнительное движеніе Высочайше утвержденнымъ въ 1864 году предположеніямъ относительно послѣдователей сектъ, не признаваемыхъ особенно вредными, съ тѣмъ, чтобы соотвѣтствующія мѣры были приняты административнымъ порядкомъ безъ законодательной торжественности; 10) въ видахъ устраненія административной розни между разными частями Имперіи и во вниманіе къ тому, что революціонная агитація не находитъ удобной для себя почвы въ населеніи, принадлежащемъ къ польскому племени, отмѣнить дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ исключительныя постановленія и правила, не касаясь, впрочемъ, закона 10-го декабря 1865 года.

Относительно мѣръ, которыя надлежало бы принять для улучшенія строя учебныхъ заведеній, между членами совѣщанія произошло разногласіе, выразившееся въ оживленныхъ преніяхъ, а также и въ томъ, что они не пришли къ общему соглашенію по этому важному вопросу.

Министръ финансовъ указывалъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія высшихъ учебныхъ заведеній, на наплывъ въ нихъ такихъ элементовъ, которые не представляютъ достаточнаго обезпеченія, ни къ окончанію начатаго курса ученія, ни къ размѣщенію въ общественной средѣ, если бы при помощи разныхъ льготъ имъ удалось его окончить. Дешевизна платы за ученіе, — доказывалъ генералъ-адъютантъ Грейгъ, — освобожденіе даже и отъ этой платы, многочисленныя стипендіи и разныя другія воспособленія, оказываемыя учащимся, искусственно увеличиваютъ число лицъ, стремящихся къ перемѣщенію изъ одного слоя общества въ другой. Не смотря на оказываемыя имъ льготы и пособія, они подвергаются, во время состоянія въ заведеніяхъ, ожесточающей ихъ нуждѣ и тѣмъ легче поддаются вліянію злонамѣренныхъ агитаторовъ, которые заранѣе увѣрены въ томъ, что именно на этой почвѣ имъ всегда удобнѣе искать себѣ пособниковъ и находить слѣпыя исполнительныя орудія. Между тѣмъ, наша печать, при всякомъ удобномъ случаѣ старается возбуждать участіе къ учащейся молодежи, хвалить ея направленіе и защищать ту именно систему, которая переполняетъ заведенія вреднымъ и опаснымъ контингентомъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, приписывалъ неустройство университетовъ недостаткамъ устава 1863 года, который, по мнѣнію его, почти совершенно устраняетъ правительственную власть отъ вліянія на учащихся и на учащихъ, въ особенности права и способы вліянія попечителей учебныхъ округовъ, и предоставляетъ профессорскимъ коллегіямъ неудобную, во всѣхъ отношеніяхъ, автономію. Но недостатки эти, заявилъ графъ Толстой, будутъ устранены въ новомъ университетскомъ уставѣ, уже готовомъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ. Для предупрежденія же наплыва студентовъ въ столичные университеты, министръ народнаго просвѣщенія выразилъ желаніе сосредоточить въ своемъ вѣдомствѣ всѣ вообще казенныя университетскія стипендіи, дабы распредѣлять ихъ между университетами по своему усмотрѣнію, предоставивъ дальнѣйшую разверстку по факультетамъ попечителямъ, а не коллегіямъ или совѣтамъ. Сверхъ того, графъ Толстой признавалъ необходимымъ возстановить, какъ въ университетахъ, такъ и въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, болѣе точную учебную дисциплину, настоять на своевременномъ начатіи лекцій, воспретить произвольное со стороны преподавателей сокращеніе курсовъ и напомнить учащему сословію, что оно должно, при исполненіи своихъ обязанностей, соблюдать установленную форму для одежды.

Перейдя къ вопросу о народныхъ училищахъ, министръ народнаго просвѣщенія признавалъ недостаточность надзора за ними, потому что инспекторовъ приходится на одну губернію отъ двухъ до четырехъ, тогда какъ ихъ слѣдовало бы имѣть по одному на каждый уѣздъ. Онъ находилъ, что слѣдуетъ напомнить предводителямъ дворянства о лежащей на нихъ обязанности заботиться о правильномъ и сообразномъ съ видами правительства направленіи начальнаго народнаго образованія, а вниманіе Св. Синода обратить на предоставленный духовенству положеніемъ о народныхъ училищахъ надзоръ въ дѣлѣ наблюденія за нравственнымъ направленіемъ школы. Министръ упомянулъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ по наблюденію за школами, содержимыми на счетъ земства, о мѣрахъ, принятыхъ для обезпеченія преподаванія въ нихъ Закона Божія и о болѣе удовлетворительномъ состояніи многочисленныхъ школъ, содержимыхъ на счетъ православнаго духовенства. Тѣмъ не менѣе, графъ Толстой настаивалъ на необходимости приготовлять для народныхъ школъ учителей, знакомыхъ съ педагогическими пріемами, и съ похвалою отозвался объ учрежденныхъ имъ учительскихъ семинаріяхъ, выразивъ сожалѣніе лишь о томъ, что число ихъ не соотвѣтствуетъ ощущаемымъ въ нихъ потребностямъ.

Генералъ-адъютанты Грейгъ и Дрентельнъ высказали по этому поводу мнѣніе, что учительскіи семинаріи едва-ли могутъ принести ожидаемую отъ нихъ пользу, потому что выходящіе изъ нихъ учителя, хотя и взятые изъ народной среды, отчуждаются отъ этой среды во время прохожденія курсовъ, не удовлетворяются своимъ положеніемъ, легко переходятъ въ разрядъ недовольныхъ условіями своего быта, вслѣдствіе чего могутъ поддаваться и вліянію революціонной пропаганды. Министръ финансовъ и шефъ жандармовъ

выразили убѣжденіе, что задача первоначальнаго обученія не такъ сложна, чтобы улучшенные педагогическіе пріемы были для нея безусловно необходимы. Она заключается въ томъ, чтобы научить дѣтей читать, писать, считать и молиться Богу, и потому могла бы быть преимущественно ввѣрена духовенству при улучшеніи его матеріальнаго быта тѣми средствами, которыя теперь предназначаются для школъ, не состоящихъ въ прямомъ его завѣдываніи.

Графъ Толстой съ жаромъ защищалъ преимущество спеціалистовъ-педагоговъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. Дѣло это, утверждалъ онъ, не такъ легко, какъ кажется на первый взглядъ. Въ народныхъ школахъ правильный исходъ преподаванія важнѣе, чѣмъ въ среднемъ учебномъ заведеніи или даже съ университетской каѳедры, потому что учитель имѣетъ дѣло съ неразвитыми и неподготовленными учениками. Такъ какъ духовныя лица готовятся не къ учительскимъ, а къ несравненно болѣе важнымъ, пастырскимъ обязанностямъ, то во всей Европѣ, не исключая и католическихъ странъ, въ учительскихъ семинаріяхъ воспитываютъ учителей для начальнаго преподаванія народу. Русское духовенство чуждо антагонизма со свѣтскими властями и сочувственно встрѣтило учрежденіе учительскихъ семинарій въ Россіи. Графъ Толстой проводилъ мысль, что преподаваніе въ сельской школѣ учителемъ, приготовленнымъ къ этому дѣлу въ учительскихъ семинаріяхъ, нисколько не нарушаетъ естественнаго и законнаго вліянія пастырей церкви на воспитаніе ихъ прихожанъ. Положеніемъ о народныхъ училищахъ духовенству предоставлено не одно преподаваніе Закона Божія, но и высшее наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ школахъ. Кромѣ того, церковно-приходскія школы при церквахъ и монастыряхъ находятся въ исключительномъ завѣдываніи духовенства, а такихъ школъ—около трети всѣхъ существующихъ. Бо́льшее участіе духовенства въ этомъ дѣлѣ министръ признавалъ невозможнымъ, считая его неподготовленнымъ къ преподаванію, слишкомъ занятымъ своими приходскими обязанностями, а равно и заботою о своемъ матеріальномъ положеніи, по крайней недостаточности получаемаго содержанія.

Предсѣдательствовавшій въ Совѣщаніи министръ государственныхъ имуществъ присоединился къ общему взгляду министра финансовъ и шефа жандармовъ. Онъ заявилъ при этомъ, что всегда признавалъ и теперь признаетъ дѣло народнаго образованія существенно единымъ по своему государственному значенію; что онъ прежде находилъ и теперь находитъ неудобнымъ то участіе, которое въ немъ предоставлено земскимъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ неодинаково, въ разное время и въ разныхъ губерніяхъ; что онъ считаетъ необходимымъ объединеніе дѣла въ однѣхъ рукахъ и его повсемѣстное одинаковое направленіе къ одной цѣли; что при данныхъ условіяхъ нашей обширной территоріи, нашего климата, малой густоты населенія и ограниченности данныхъ средствъ, онъ сомнѣвается въ возможности устройства нашихъ сельскихъ школъ по какому-нибудь усовершенствованному европейскому образцу и что по этимъ уваженіямъ, онъ, со своей стороны, признаетъ особенно желательнымъ поручить эти школы прямому попеченію приходскаго духовенства, ввѣривъ ему пріисканіе учителей и надзоръ за ними и предоставивъ ему на этотъ конецъ тѣ денежныя средства, которыя могли бы быть сбережены при устройствѣ и содержаніи школъ на такихъ основаніяхъ.

Съ общимъ взглядомъ Особаго Совѣщанія согласился и Комитетъ министровъ, одобрившій бо́льшую часть предложенныхъ Совѣщаніемъ судебно-полицейскихъ мѣръ.

Не менѣе оживленныя пренія, какъ въ Особомъ Совѣщаніи, происходили и въ Комитетѣ министровъ по вопросу о народномъ образованіи.

Комитетъ министровъ, выразивъ убѣжденіе, что проектированіе мѣръ по части народнаго образованія требуетъ, по важности ихъ послѣдствій, особой осторожности и строгаго соображенія со всей системой веденія учебнаго дѣла, чтобы отдѣльными мѣропріятіями не нарушить стройности системы, приступилъ къ обсужденію возбужденныхъ Особымъ Совѣщаніемъ двухъ главныхъ и существенныхъ по учебному дѣлу вопросовъ: 1) не слѣдуетъ-ли положить предѣлъ искусственной поддержкѣ весьма распространеннаго стремленія перемѣщаться, путемъ высшаго образованія, изъ одного слоя общества въ другой, и 2) должно-ли поддерживать и

развивать нынѣшній порядокъ приготовленія учителей для народныхъ школъ посредствомъ учительскихъ семинарій или измѣнить систему народнаго образованія, установивъ преобладающее вліяніе духовенства на школу?

По первому вопросу Комитетъ высказался утвердительно, вполнѣ раздѣливъ взглядъ на предметъ, выраженный генералъ-адъютантомъ Грейгомъ. Если,—разсуждалъ онъ,—доступность высшаго образованія и составляетъ потребность нынѣшняго вѣка, то едва-ли правильно искусственно возбуждать стремленіе къ нему въ Россіи, гдѣ существуютъ столь рѣзкія грани въ бытѣ различныхъ общественныхъ слоевъ. Въ силу этихъ соображеній Комитетъ положилъ: „Предоставить подлежащимъ министрамъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія, принять къ руководству изъясненное общее начало о положительномъ вредѣ искусственнаго возбужденія въ Россіи стремленія къ высшему образованію съ тѣмъ, чтобъ каждый изъ нихъ принялъ по своему вѣдомству мѣры, коими могутъ быть достигнуты успѣшные результаты въ смыслѣ ослабленія означеннаго явленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено сосредоточить въ министерствѣ народнаго просвѣщенія всѣ казенныя университетскія стипендіи, и предложено министру внести „въ возможно неотлагательномъ времени“ въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава.

По вопросу о народной школѣ, Комитетъ, хотя и призналъ, „что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами“, но въ то же время нашелъ, что „полное повсемѣстное подчиненіе народной школы православному духовенству представляется нынѣ на практикѣ затруднительнымъ“, а потому и ограничился тѣмъ, что поставилъ достиженіе этого „цѣлью согласованныхъ стараній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства“, выразивъ мнѣніе, „что при значительной потребности въ народныхъ школахъ, при практической невозможности, чтобы самое преподаваніе въ нихъ лежало исключительно на обязанности сельскаго духовенства, и, наконецъ, при большомъ числѣ мѣстностей, населенныхъ неправославными и даже нехристіанами — оканчивающіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ найдутъ себѣ занятія, соотвѣтствующія ихъ назначенію“. Въ заключеніе Комитетъ министровъ выразилъ пожеланіе, чтобы изысканы были средства къ улучшенію матеріальнаго положенія сельскихъ священниковъ и чтобы духовное вѣдомство всемѣрно облегчило способы къ возстановленію, исподволь, упраздненныхъ за послѣдніе годы, самостоятельныхъ приходовъ.

Такова была совокупность мѣръ для борьбы съ крамолою, проектированныхъ Особымъ Совѣщаніемъ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ поднесенныхъ Комитетомъ министровъ на утвержденіе Государя. Изъ нихъ весьма немногія были осуществлены своевременно; бо́льшую же часть опередили событія и онѣ не вышли изъ области предположеній.

Къ числу первыхъ относятся: обнародованный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, объявлявшій, по особому Государя Императора повелѣнію, „что ни теперь, ни въ послѣдующее время, никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ“, а также Высочайшее повелѣніе о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права, впредь до утвержденія новаго общаго устава университетовъ, издать инструкцію для университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій.

Между тѣмъ, генералъ-губернаторы широко примѣняли чрезвычайныя свои полномочія для подавленія соціально-революціоннаго движенія. Ими изданъ длинный рядъ обязательныхъ постановленій о разныхъ предметахъ, состоявшихъ болѣе или менѣе въ связи съ этимъ движеніемъ, съ наложеніемъ крупныхъ денежныхъ штрафовъ за ихъ нарушеніе. Постановленія эти установляли: строгое наблюденіе за своевременною и точною прописью видовъ, а въ столицахъ — постоянное дежурство дворниковъ; правила ношенія, храненія и продажи оружія; правила о продажѣ легко воспламеняющихся и взрывчатыхъ веществъ, о надзорѣ за типогра-

фіями и т. п. Усиленные обыски и аресты производились среди лицъ, заподозрѣнныхъ въ соучастіи съ злоумышленниками; бо́льшая часть арестованныхъ высылалась изъ Петербурга и университетскихъ городовъ, подъ надзоръ полиціи, въ разныя мѣстности.

Не взирая, однако, на всю строгость преслѣдованія, а равно и на то, что нѣкоторые изъ коноводовъ движенія на югѣ попали въ руки правосудія и понесли заслуженную кару, самое движеніе не только не ослабѣвало, но развивалось и проявлялось все съ бо́льшею силою.

Главные вожаки и организаторы движенія все еще ускользали отъ преслѣдованія и при помощи ложныхъ именъ и фальшивыхъ паспортовъ, свободно разъѣзжали по Россіи. Въ послѣднихъ числахъ іюня назначенъ былъ въ Воронежѣ годовой съѣздъ членовъ партіи „Земля и Воля“, мало-по-малу, сплотившей въ одно сообщество разсѣянные по всему пространству Россіи соціалистическіе кружки. На съѣздѣ предполагалось обсудить какъ цѣли, преслѣдуемыя „партіею“, такъ и средства и способы къ ихъ осуществленію. Большинство участниковъ склонялось въ пользу исключительно соціальнаго переворота, помимо переворота политическаго, а потому возставало противъ политическихъ убійствъ, какъ не ведущихъ къ цѣли. Но въ средѣ сообщества выдѣлилось нѣсколько человѣкъ, настаивавшихъ на политическомъ переворотѣ, какъ на необходимомъ условіи свободнаго и успѣшнаго распространенія соціалистическихъ началъ въ русскомъ народѣ. Прежде, чѣмъ отправиться въ Воронежъ, соціалисты, придерживавшіеся послѣдняго взгляда, собрались въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, и тамъ совѣщались въ продолженіе четырехъ дней.

Число лицъ, съѣхавшихся въ Липецкѣ, не превышало пятнадцати человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, но то были самые рѣшительные изъ коноводовъ революціи, отчаянныя головы, не отступавшія ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Пропаганда соціализма—разсуждали они—невозможна въ Россіи при существующемъ образѣ правленія, а потому слѣдуетъ стремиться къ его ниспроверженію, къ ограниченію самодержавной власти, къ дарованію политическихъ вольностей или къ созыву народнаго представительства. Средствомъ къ достиженію этой цѣли долженъ былъ служить терроръ, подъ которымъ заговорщики разумѣли убійство должностныхъ лицъ и прежде всего цареубійство. На липецкихъ совѣщаніяхъ рѣшено предпринять рядъ покушеній на Священную Особу Государя Императора. Тамъ же выработана организація новаго сообщества, выдѣлившагося изъ партіи „Земля и Воля“ и принявшаго названіе „Народная Воля“. Три члена выбраны въ такъ-называемую „распорядительную коммиссію“, поставленную во главѣ сообщества для направленія и руководства его дѣятельностью. Всѣ прочіе участники съѣзда составили „исполнительный комитетъ“, назначеніемъ котораго было организовать и совершить предположенныя злодѣянія.

Изъ Липецка члены новаго сообщества отправились въ Воронежъ, гдѣ напрасно старались увлечь въ свою организацію прочихъ своихъ товарищей. Расколъ въ средѣ партіи „Земля и Воля“, уже обнаружившійся на воронежскомъ съѣздѣ, происходившемъ въ концѣ іюня, окончательно рѣшенъ на сходкѣ въ Петербургѣ, 15-го октября. Въ противоположность партіи „террористовъ“, называвшейся „Народная Воля“,—народники образовали свое отдѣльное сообщество, подъ именемъ „Черный Передѣлъ“. Оба кружка завели свои печатные органы. Расходясь въ средствахъ, они сходились въ одной общей задачѣ—переустройство Россіи на анархическихъ началахъ—и оказывали одинъ другому взаимную поддержку и помощь.

Проповѣдь соціализма въ народѣ и въ образованныхъ классахъ—такова была задача, которую поставили себѣ „народники“. „Террористы“ всѣ свои усилія направили на одну цѣль—совершеніе цареубійства.

На собраніяхъ такъ-называемаго „исполнительнаго комитета Народной Воли“, состоявшихся въ Петербургѣ въ концѣ августа, рѣшено совершить нѣсколько покушеній на жизнь Императора Александра осенью 1879 году, на обратномъ пути Его Величества изъ Ливадіи,—гдѣ Государь по обыкновенію проводилъ осень—въ Петербургъ, и притомъ съ примѣненіемъ къ дѣлу динамита.

Приготовленія начались съ сентября. „Техники“ сообщества, съ этою спеціальною цѣлью занявшіеся изученіемъ химіи и въ частности—взрывчатыхъ веществъ,

изготовляли въ устроенныхъ въ Петербургѣ лабораторіяхъ въ большомъ количествѣ динамитъ. Двое заговорщиковъ, мущина и женщина, отправились въ Одессу и тамъ, поступивъ въ качествѣ сторожа и жены его на желѣзную дорогу, поселились въ сторожевой будкѣ на 14-й верстѣ отъ Одессы и занялись подведеніемъ мины подъ рельсы, при помощи товарищей, жившихъ въ Одессѣ и доставлявшихъ имъ динамитъ. Тогда же, другой заговорщикъ, въ сопровожденіи женщины и двухъ рабочихъ, прибылъ въ г. Александровскъ и поселился тамъ близъ станціи желѣзной дороги, выдавая себя за лице, намѣревавшееся выстроить въ этой мѣстности кожевенный заводъ. Работая ночью, они заложили подъ насыпью рельсоваго пути, на 4-й верстѣ отъ станціи, подъ глубокимъ оврагомъ, два цилиндра, наполненные динамитомъ, съ электрическими запалами. Въ Москвѣ, въ 20 саженяхъ отъ линіи Курской желѣзной дороги, пріобрѣтенъ былъ домъ, въ которомъ помѣстились, подъ видомъ хозяевъ, два злоумышленника, мущина и женщина. По ночамъ собирались тамъ всѣ находившіеся въ Москвѣ или прибывшіе туда члены сообщества и общими силами проводили оттуда подземный подкопъ подъ полотно дороги. Галлерея имѣла въ основаніи 0,37 сажени ширины и въ высоту 0,5 сажени. Спираль Румкорфа хранилась въ домѣ, въ сундукѣ, а гальваническая баттарея въ сараѣ. Подъ полотномъ, на глубинѣ двухъ саженей заложена была мина изъ динамита. Мѣдныя трубы для мины ковались въ Харьковѣ завлеченнымъ въ сообщество кузнецомъ. Оттуда же развозились въ трехъ направленіяхъ, въ Одессу, Александровскъ и Москву, всѣ прочія приспособленія и динамитъ.

Всѣ эти приготовленія продолжались безпрепятственно цѣлые три мѣсяца и ни одно изъ трехъ готовившихся злодѣяній не было своевременно обнаружено. Когда стало извѣстно, что Императоръ Александръ слѣдуетъ обратно изъ Крыма въ Петербургъ не чрезъ Одессу, а чрезъ Москву, то предупрежденные о томъ злоумышленники распорядились отправить оказавшійся ненужнымъ въ Одессѣ динамитъ въ Москву. Лице, везшее этотъ динамитъ, задержано 9-го ноября на станціи Елисаветградъ. Но и это обстоятельство не повело къ своевременному раскрытію, ни минъ подъ Александровскомъ, ни московскаго подкопа.

Между тѣмъ, Государь, выѣхавшій изъ Петербурга 15-го августа, чрезъ Динабургъ, Вильну и Гродно, прибылъ въ Варшаву; оттуда Его Величество ѣздилъ на свиданіе съ германскимъ императоромъ въ Александрово, и чрезъ Брестъ и Одессу проѣхалъ въ Ливадію, гдѣ пробылъ два мѣсяца. Изъ Ливадіи Императрица Марія Александровна отбыла прямо въ чужіе края, въ г. Каннъ, на югѣ Франціи, а Императоръ 17-го ноября предпринялъ обратный путь въ Петербургъ. При проѣздѣ Императорскаго поѣзда чрезъ г. Александровскъ 18-го ноября, въ десять часовъ утра, три заговорщика подъѣхавъ на телѣгѣ къ мѣсту, откуда начата была укладка проволоки, соединявшей спираль Румкорфа съ миною подъ полотномъ желѣзной дороги, сомкнули цѣпь, но взрыва не послѣдовало. На другой день, 19-го, въ 10 часовъ 25 минутъ вечера, на 4-й верстѣ отъ пассажирской станціи Курской желѣзной дороги въ Москвѣ, произошелъ взрывъ, но, къ счастью, не подъ Императорскимъ, а подъ слѣдовавшимъ непосредственно за нимъ, такъ-называемымъ, свитскимъ поѣздомъ. Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, паровозъ оторвался. нѣсколько вагоновъ опрокинулось, но, за исключеніемъ легкихъ пораненій, несчастій съ людьми не произошло.

20-го ноября, послѣ обычнаго выхода съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ, Императоръ Александръ, принимая въ Кремлевскомъ дворцѣ представителей сословій, сказалъ имъ: „Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и мнѣ“.

Проведя два дня въ Москвѣ, Государь 22-го ноября благополучно возвратился въ Петербургъ.

Попытка взорвать царскій поѣздъ вызвала новые обыски и аресты, но безъ успѣха. Виновники преступленія остались необнаруженными. Въ Петербургѣ такъ-называемый „исполнительный комитетъ“ вы-

пустилъ отпечатанное въ тайной типографіи воззваніе, въ которомъ грозилъ новымъ покушеніемъ на жизнь Монарха. Организація террористическаго сообщества все еще оставалась неизвѣстною властямъ. Къ раскрытію ея не повело и случайное задержаніе въ Петербургѣ, въ концѣ ноября, нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ ней злоумышленниковъ, у одного изъ которыхъ найденъ планъ Зимняго дворца, на которомъ императорская столовая отмѣчена была крестомъ. Въ типографіи сообщества сталъ выходить, съ 6-го октября, періодическій его органъ, соціально-революціонное обозрѣніе, подъ заглавіемъ: „Народная Воля". Программа „исполнительнаго комитета", излагавшая устройство террористической партіи, ея намѣренія, цѣли и средства, въ тысячахъ печатныхъ экземпляровъ распространялась въ Петербургѣ между единомышленниками и разсылалась во всѣ концы Россіи. Надежды свои возлагали заговорщики на готовившееся новое покушеніе, мѣстомъ совершенія котораго должно было служить уже самое жилище Государя—Зимній дворецъ.

Еще въ сентябрѣ, въ число столяровъ, работавшихъ въ Зимнемъ дворцѣ и помѣщенныхъ въ подвальномъ его этажѣ, поступилъ, подъ чужимъ именемъ и съ поддѣльнымъ видомъ, одинъ изъ „распропагандированныхъ" рабочихъ, принадлежавшихъ къ террористическому сообществу. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ, мало-по-малу, сносилъ туда динамитъ въ свой сундукъ, стоявшій въ комнатѣ, расположенной какъ разъ подъ царской столовой, а когда динамиту накопилось около трехъ пудовъ, 5-го февраля, въ шесть часовъ вечера, т.-е. въ обычное время обѣда Императорской семьи, воспламенивъ чрезъ огнепроводный шнуръ приспособленную къ сундуку капсюль съ гремучекислою ртутью, самъ удалился изъ дворца. Нѣсколько минутъ спустя послѣдовалъ взрывъ.

Государь находился въ это время въ малой фельдмаршальской залѣ, куда вышелъ на встрѣчу принцу Александру Гессенскому и сыну его князю болгарскому, замедленіе въ пріѣздѣ которыхъ и было причиною того, что обѣдъ не былъ поданъ въ установленный часъ. Отъ сильнаго удара поколебались стѣны, разбились въ дребезги стекла, газъ потухъ во дворцѣ. Но разрушительное дѣйствіе взрыва не распространилось далѣе главной гауптвахты, расположенной въ первомъ этажѣ надъ подвальнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ заложена была мина, и подъ столовою залою. Изъ находившихся въ этой комнатѣ, занимавшихъ въ этотъ день караулъ во дворцѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка убито 10 и ранено 56 человѣкъ. На полу столовой оказалась лишь небольшая трещина.

На слѣдующій день, въ Большой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи Императора и всей Царской Семьи, а также при стеченіи толпы придворныхъ, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ происходилъ благодарственный молебенъ. Слѣдуя въ соборъ, Государь, остановился предъ офицерами Финляндскаго полка и въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за отличное исполненіе чинами полка службы наканунѣ, во время и послѣ взрыва. Не смотря на страшное опустошеніе, произведенное въ рядахъ караула, на обезображенные трупы товарищей, на собственныя раны и увѣчья, уцѣлѣвшіе часовые оставались всѣ на своихъ мѣстахъ и даже по прибытіи вызванной смѣны отъ л.-гв. Преображенскаго полка не уступали прибывшимъ своихъ мѣстъ, пока не были смѣнены своимъ разводящимъ ефрейторомъ, который тоже былъ раненъ при взрывѣ. Его Величество выразилъ глубокое сожалѣніе о жертвахъ печальнаго происшествія и объявилъ, что семьи пострадавшихъ будутъ обезпечены.

Двѣ недѣли спустя, 19-го февраля 1880 года, Россія праздновала двадцать-пятую годовщину вступленія Императора Александра II на Престолъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ ея, отъ всѣхъ сословій, учрежденій и множества отдѣльныхъ лицъ неслись теплыя выраженія любви, признательности, вѣрноподданнической преданности Монарху.

Въ Петербургѣ день начался исполненіемъ нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ на площадкѣ, предъ Зимнимъ дворцомъ, соединенными хорами всѣхъ гвардейскихъ полковъ, при громѣ салютаціонныхъ орудій, разставленныхъ вдоль набережной Васильевскаго Острова. Государь слушалъ это исполненіе съ дворцоваго балкона и на оглушительное „ура!" войска и народа, снявъ каску, отвѣчалъ милостивыми по-

клонами. Вслѣдъ за этимъ, въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца, состоялся пріемъ поздравленій отъ военныхъ чиновъ. Принявъ поднесенный отъ гвардіи образъ-складень, Государь, имѣя возлѣ себя Наслѣдника Цесаревича, подозвалъ командировъ гвардейскихъ полковъ и сказалъ: что 25 лѣтъ тому назадъ покойный Императоръ передалъ ему шефство надъ гвардейскими частями, въ которыхъ онъ, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, самъ началъ службу; что, еще будучи Наслѣдникомъ, онъ гордился командуемыми ими гвардейскими частями и былъ увѣренъ, что онѣ всегда отлично исполнятъ свое дѣло; что гвардія доказала это въ двѣ войны его собственнаго царствованія: въ 1863 году, при усмиреніи польскаго мятежа, и въ войну 1877—1878 годовъ. Поблагодаривъ гвардію за ея ревностную и вѣрную службу, Императоръ Александръ выразилъ увѣренность, что когда его не станетъ, гвардія также точно будетъ служить и его преемнику. Обойдя затѣмъ ряды генераловъ и офицеровъ, Государь прибавилъ, обращаясь къ послѣднимъ, что увѣренъ, что переживаемыя нынѣ тяжкія времена пройдутъ, въ особенности, при содѣйствіи всѣхъ благонамѣренныхъ людей, къ числу которыхъ принадлежатъ и офицеры гвардіи, въ вѣрности которыхъ Его Величество не сомнѣвается и вполнѣ полагается на нее.

Послѣ благодарственнаго молебна, отслуженнаго въ придворномъ соборѣ, Императоръ принималъ поздравленія высшихъ учрежденій Имперіи. Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, прочитанъ журналъ засѣданія Совѣта, состоявшагося въ тотъ же день, слѣдующаго содержанія:

„Государственный Совѣтъ въ чрезвычайномъ собраніи 19-го февраля 1880 года, въ торжественный день совершившагося двадцати-пятилѣтія со дня восшествія Государя Императора на прародительскій Престолъ, слѣдуя сердечному влеченію, призналъ священнымъ долгомъ принести къ подножію престола Его Императорскаго Величества вѣрноподданническое поздравленіе вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ Совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности.

„Государственный Совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предначертаній Государя по законодательству и высшему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ Монарха по главнымъ отраслямъ державнаго его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразованія и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви Его Императорскаго Величества къ Россіи и неусыпной заботливости его о благѣ ввѣреннаго ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ великое счастіе быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

„Наиболѣе важное изъ нихъ — освобожденіе крестьянъ — возымѣло начало отъ лица самого Государя, развилось и созрѣло подъ непосредственнымъ благотворнымъ руководствомъ Его Императорскаго Величества и исполнено успѣшно силою державной воли его, встрѣченной единомышленнымъ сочувствіемъ дворянства, при спокойствіи и довѣріи сельскаго населенія.

„Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за него милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ, радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Наименованіе Освободителя въ благодарной памяти народной, неразрывно связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчиво-простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

„Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, по всѣмъ отраслямъ управленія, узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческою заботливостью Монарха, дали странѣ новую жизнь, Россія возмужала и развилась.

„Не легокъ былъ путь, пройденный царственнымъ труженикомъ; не мало разнообразныхъ препонъ дано было ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу его дѣяній удаленіемъ отъ него той тяготы, которая, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, бываетъ неразлучна съ трудомъ созиданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранниковъ

Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали его сердце, не ослабляли и не останавливали воли, благодѣющей Россіи.

„Гордое вѣнценоснымъ своимъ Вождемъ, отечество съ молитвою торжествуетъ нынѣ двадцати-пятилѣтіе его царствованія. Стекающіяся изъ всѣхъ концовъ обширной Имперіи, отъ всѣхъ сословій и обществъ, горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности Его Императорскому Величеству, сопровождаемыя щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ Монарху его вѣрноподданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на его главу новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и неимущихъ и призрѣніе страждущихъ—вполнѣ достойное чествованіе Царя-Освободителя.

„Богъ Всемогущій да сохранитъ его на многіе годы!“

Выслушавъ чтеніе журнала, Императоръ произнесъ, обращаясь къ членамъ Государственнаго Совѣта: „Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ моего царствованія. Благодарю всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ, начиная съ тебя“—слова эти были обращены къ Великому Князю, генералъ-адмиралу—„перваго моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера. Надѣюсь, что Совѣтъ будетъ по прежнему помогать мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ. Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молитесь, вмѣстѣ со мною, и Господь выведетъ насъ изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ васъ!“

Вслѣдъ за Государственнымъ Совѣтомъ Императоръ Александръ принялъ Сенатъ, постановленіе котораго, состоявшееся въ торжественномъ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, прочиталъ министръ юстиціи. Въ актѣ этомъ Сенатъ помянулъ всѣ великія преобразованія царствованія: освобожденіе крестьянъ, судебную реформу, всеобщую воинскую повинность, земскія и городскія учрежденія, финансовыя мѣры, преобразованіе государственнаго контроля, гласность смѣты и отчеты по ея исполненію. „Преобразованія, предназначенныя Его Императорскимъ Величествомъ въ мудрой заботливости о благѣ отечества—свидѣтельствовалъ Сенатъ, — исполнены твердою державною волею съ вѣрнымъ сознаніемъ дѣйствительныхъ нуждъ государства. Правительствующій Сенатъ, вѣруя въ великую благость Божію, сохраняющую на счастіе и радость русскаго народа священную жизнь Его Императорскаго Величества, уповаетъ, что Россіи суждено еще долгіе годы идти путемъ мирнаго развитія подъ Августѣйшимъ и мудрымъ руководительствомъ Императора Александра II. Временная потребность въ принятіи чрезвычайныхъ мѣръ къ искорененію ненавистной для всей Россіи горсти крамольниковъ не поколебали вѣры Царя въ преданность Престолу народа русскаго. Россія сильна любовью Царя къ своему народу и непоколебимою преданностью народа своему Царю. Великими преобразованіями, совершенными Императоромъ Александромъ II, посѣяны сѣмена умственнаго и нравственнаго развитія, трудолюбія и уваженія къ законамъ, неуклонное исполненіе коихъ есть незыблемое основаніе, утверждающее благоустройство, могущество и счастіе народное“.

На привѣтствіе сенаторовъ Государь отвѣтилъ: „Благодарю васъ, господа, за выраженныя вами чувства. Я увѣренъ, что Правительствующій Сенатъ всегда, также какъ въ прежнемъ своемъ составѣ и въ настоящемъ его видѣ, будетъ руководствоваться тѣми же правилами, дѣйствуя на благо и славу Россіи. Убѣжденъ, что дѣятельность ваша всегда будетъ направлена къ упроченію законнаго порядка. Еще разъ благодарю и надѣюсь, что мнѣ и впредь придется благодарить васъ за столь же добросовѣстное исполненіе вами вашихъ обязанностей“.

Среди безчисленныхъ адресовъ, привѣтствій, поздравленій представлено было Его Величеству и всеподданнѣйшее письмо Святѣйшаго Синода, прочитавъ которое, Государь начерталъ собственноручно: „Благодарю искренно. Да не оставитъ насъ Богъ въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. На Него возлагаю, какъ всегда, всю мою надежду! Да будетъ воля Его!“

XXV.

Послѣдній годъ царствованія.

1880—1881.

1-го января 1880 года, на мѣсто умершаго генералъ-адъютанта графа П. Н. Игнатьева, предсѣдателемъ Комитета Министровъ назначенъ статсъ-секретарь Валуевъ, котораго въ должности министра государственныхъ имуществъ замѣнилъ князь Ливенъ.

П. А. Валуевъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ Императора Александра II, который часто совѣщался съ нимъ по дѣламъ общегосударственнаго значенія. Въ послѣдніе годы онъ состоялъ предсѣдателемъ нѣсколькихъ высшихъ коммиссій, учрежденныхъ съ цѣлью изыскать способы къ подавленію соціально-революціоннаго движенія, о которомъ ему неоднократно приходилось бесѣдовать съ Государемъ. Въ виду приближенія двадцати-пятилѣтняго юбилея царствованія, Валуевъ находилъ, что правительственная мѣра, которая расширила бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, благопріятно повліяла бы на русское общество и содѣйствовала бы успокоенію умовъ, возбужденныхъ до крайности безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы.

Предложеніе П. А. Валуева было обсуждаемо въ Особомъ Совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, но вслѣдствіе высказанныхъ противъ него опроверженій, основанныхъ преимущественно на опасеніи болѣе возмутить, чѣмъ успокоить умы, Императоръ рѣшилъ не давать хода обсуждавшемуся предложенію.

Произведенный 5-го февраля взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ снова поставилъ на очередь вопросъ о рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣрахъ для борьбы съ крамолою. На совѣщаніи, происходившемъ у Государя 8-го февраля, въ которомъ приняли участіе предсѣдатель Комитета Министровъ, министры: Императорскаго Двора, военный, внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, Цесаревичъ выступилъ съ предложеніемъ учредить Верховную слѣдственную коммиссію съ обширнымъ полномочіемъ, которое не ограничивалось бы извѣстною мѣстностью, а распространялось бы на всю Россію. Императоръ Александръ, сначала не сочувствовавшій выполненію этой мысли, усвоилъ ее вслѣдствіе настоянія Наслѣдника, и на другой день, 9-го февраля, объявилъ, что такая коммиссія будетъ немедленно учреждена, а генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ поставленъ во главѣ ея.

Выработать основанія будущей дѣятельности новаго учрежденія и опредѣлить его полномочія Императоръ Александръ поручилъ Особому Совѣщанію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева. Утвердивъ поднесенный къ его подписи указъ Правительствующему Сенату, Его Величество надписалъ на немъ: „Давай Богъ въ добрый часъ“.

Указъ отъ 12-го февраля гласилъ, что учрежденіе Верховной Распорядительной Коммиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и назначеніе графа Лорисъ-Меликова ея главнымъ начальникомъ вызваны „твердымъ рѣшеніемъ“ Государя Императора „положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ“; что члены коммиссіи назначаются Высочайшею властью по представленію главнаго начальника, которому предоставляется, сверхъ того, право призывать въ коммиссію всѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ будетъ имъ признано полезнымъ; что, въ видахъ объединенія дѣйствій всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, главному начальнику коммиссіи предоставляются по всѣмъ дѣламъ такого рода: а) права главноначальствующаго въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника; б) прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и С.-Петербургскомъ военномъ округѣ, и в) верховное направленіе означенныхъ дѣлъ по всѣмъ другимъ мѣстностямъ Имперіи. Далѣе установлялось, что всѣ требованія главнаго начальника Верховной распорядительной коммиссіи по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія подлежатъ немедленному исполненію, какъ мѣстнымъ начальствомъ, генералъ-губернаторами, губернаторами и градоначаль-

никами, такъ и со стороны всѣхъ вѣдомствъ, не исключая военнаго; что всѣ вѣдомства обязаны оказывать ему полное содѣйствіе; что онъ непосредственно испрашиваетъ у Государя Императора повелѣнія и указанія, когда признаетъ это нужнымъ; что, независимо отъ того, онъ дѣлаетъ всѣ распоряженія и принимаетъ вообще всѣ мѣры, которыя признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, съ правомъ опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе этихъ распоряженій, а также порядокъ наложенія взысканій; что распоряженія главнаго начальника и принимаемыя имъ мѣры должны подлежать безусловному исполненію всѣми и каждымъ и могутъ быть отмѣнены лишь имъ самимъ или особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. За симъ, упразднялась должность временнаго С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, учрежденная указомъ 5-го апрѣля 1879 года.

По представленію графа Лорисъ-Меликова членами Верховной Распорядительной Коммиссіи Всемилостивѣйше назначены: членъ Государственнаго Совѣта Побѣдоносцевъ, генералъ-адъютантъ князь Имеретинскій, управляющій дѣлами Комитета министровъ статсъ-секретарь Кахановъ, сенаторы Ковалевскій, и Шамшинъ, оберъ-прокуроръ Сената Марковъ, товарищъ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ генералъ-маіоръ Черевинъ, генералъ-маіоръ Батьяновъ и правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Перфильевъ.

Первымъ шагомъ графа Лорисъ-Меликова по вступленіи въ должность главнаго начальника Верховной Распорядительной Коммиссіи было напечатанное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ обращеніе „къ жителямъ столицы“. „Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности“, заявлялъ онъ въ немъ, „и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы, съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой—успокоить и оградить законные интересы его здравомыслящей части. Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергнувшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать вмѣстѣ къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества“. Жители столицы, какъ ближайшіе свидѣтели злодѣяній террористовъ, приглашались отнестись спокойно и съ достоинствомъ къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами. „Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію“—такъ заключалось воззваніе—„вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой,—возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его вождя“.

Отвѣтомъ злоумышленниковъ на эту программу было совершенное 11-го февраля, всего пять дней по ея обнародованіи, покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова. Выстрѣлившій въ него изъ револьвера преступникъ далъ промахъ, не нанеся графу никакого вреда. Преданный военному суду, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, и приговоръ приведенъ въ исполненіе въ двадцать четыре часа.

Чрезвычайныя полномочія, дарованныя главному начальнику Верховной Распорядительной Коммиссіи, требовалось согласовать съ дѣятельностью III Отдѣленія и съ тѣми правами, которыя были предоставлены генералъ-губернаторамъ, постояннымъ и временнымъ, въ предшедшемъ году. Послѣдовавшее вскорѣ увольненіе отъ должности шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Дрентельна, имѣло послѣдствіемъ фактическое подчиненіе III Отдѣленія графу Лорисъ-Меликову. Но генералъ-губернаторы, оставались независимыми отъ него, а потому Императоръ Александръ возложилъ на Особое Совѣщаніе задачу установить единство въ дѣйствіяхъ ихъ съ дѣйствіями Коммиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго

спокойствія и разъяснить отношенія ихъ къ главному ея начальнику. Членами Совѣщанія были, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, министры финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и самъ графъ Лорисъ Меликовъ, а въ засѣданіе, происходившее 27-го февраля, приглашены вызванные въ С.-Петербургъ генералъ-губернаторы: варшавскій—Коцебу, московскій—князь Долгоруковъ, кіевскій — Чертковъ, одесскій—Тотлебенъ и харьковскій—замѣнившій въ этой должности Лорисъ-Меликова—князь Дондуковъ-Корсаковъ.

Совѣщаніе пришло къ заключенію, что за генералъ-губернаторами слѣдуетъ сохранить всѣ, принадлежащія имъ по общимъ законамъ и временно особенными постановленіями предоставленныя, права, съ тѣмъ, чтобы они поставляли въ извѣстность, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и главнаго начальника Верховной Распорядительной Коммиссіи о всѣхъ лицахъ, высылаемыхъ ими административнымъ порядкомъ съ приведеніемъ причины высылки, а также сообщали имъ, со своими соображеніями, всѣ нужныя свѣдѣнія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Между тѣмъ, Верховная Распорядительная Коммиссія приступила къ дѣлу. Въ первомъ засѣданіи ея, 4-го марта, графъ Лорисъ-Меликовъ указалъ на двѣ главныя ея задачи: принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ подавленію преступныхъ дѣйствій анархистовъ и изысканіе средствъ для уврачеванія причинъ, породившихъ крамолу и поддерживающихъ ее. Необходимымъ средствомъ къ достиженію этихъ обѣихъ цѣлей почиталось прежде всего, объединеніе дѣйствій всѣхъ судебныхъ и административныхъ органовъ, призванныхъ къ обнаруженію и преслѣдованію преступныхъ замысловъ и дѣйствій. Какъ на другую причину, затрудняющую борьбу правительства съ крамолой, указывалось на крайнюю медленность производства дознаній и дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Третій вопросъ, предложенный графомъ на обсужденіе Коммиссіи, было разсмотрѣніе и точное опредѣленіе двухъ мѣръ, обыкновенно принимаемыхъ противъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности: высылки и полицейскаго надзора. Наконецъ, графъ обратилъ вниманіе Коммиссіи на то, что понятіе о политической неблагонадежности допускаетъ много степеней, разграничить которыя полиція не всегда бываетъ въ состояніи, а это влечетъ за собою неосмотрительность при опредѣленіи административныхъ взысканій. Въ заключеніе, главный начальникъ предложилъ Коммиссіи заняться разработкою этихъ четырехъ вопросовъ, а Коммиссія постановила: собрать подробныя свѣдѣнія какъ о личномъ составѣ, такъ и о стоимости всѣхъ органовъ правительственныхъ и общественныхъ, призванныхъ къ охраненію порядка и обнаруженію преступныхъ замысловъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Съ цѣлью ускоренія производства дознаній и дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Коммиссія поручила своимъ членамъ разсмотрѣть и провѣрить списки арестованныхъ, а также привести въ извѣстность всѣхъ лицъ, подвергшихся административнымъ взысканіямъ, высланныхъ или отданныхъ подъ надзоръ полиціи.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Верховная Распорядительная Коммиссія приняла рядъ мѣръ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ облегченію участи лицъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности, и поручила сенатору Ковалевскому, изслѣдовавъ вопросъ объ административной высылкѣ, установить по возможности однообразныя правила по этому предмету. По представленію ея главнаго начальника состоялось Высочайшее повелѣніе о рѣшеніи впредь всѣхъ политическихъ дѣлъ по личнымъ всеподданнѣйшимъ докладамъ графа Лорисъ-Меликова, или же въ его присутствіи,—по докладамъ министра юстиціи, а также объ освобожденіи отъ полицейскаго надзора лицъ, исправившихся въ поведеніи и нравственности.

Въ началѣ апрѣля графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ Императору Александру пространный докладъ, съ изложеніемъ отчета о дѣятельности Коммиссіи и взглядовъ выработанныхъ ея предсѣдателемъ. Указавъ на возложенную на него Высочайшимъ довѣріемъ задачу,—охранить государственный порядокъ и общественное спокойствіе и объединить направленныя къ тому дѣйствія всѣхъ властей, графъ признавалъ предоставленныя ему для того полномочія столь широкими, „что идти далѣе по этому пути—совершенно невозможно“. Впечатлѣніе, произведенное указомъ объ учрежденіи Верховной Распоря-

дительной Коммиссіи онъ находилъ „въ высшей степени благотворнымъ“, такъ какъ мѣра эта устрашила злоумышленниковъ, доказавъ имъ твердое рѣшеніе правительства положить, во что бы то ни стало, предѣлъ ихъ покушеніямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудила надежды благомыслящей части общества и отечества, успокоила ее, намѣтивъ рѣшимость правительства не останавливаться на мѣрахъ внѣшняго свойства.

„Произведенное указомъ 12-го февраля впечатлѣніе“, развивалъ графъ мысль свою, „не есть случайное и отнюдь не должно быть скоропреходящимъ. Въ этомъ впечатлѣніи выразилась не только исторически выработавшаяся, завѣтная черта русскаго народа,—довѣріе къ мудрымъ предначертаніямъ своего Государя, но и упованіе, что тотъ Монархъ, который вѣрною рукою поставилъ Россію, въ другую, страшную для нея годину, на путь процвѣтанія, столь же твердо и рѣшительно укажетъ исполнителямъ его воли на способы къ избавленію той же Россіи отъ встрѣченныхъ ею на томъ же пути искусственныхъ преградъ. Такія чувства—лучшій залогъ для будущаго и ими нельзя не дорожить. Съ ними не страшны для государственной власти въ Россіи, ни лжеученія Запада, ни доморощенные безумцы. Но чувства эти должны быть удовлетворены, насколько это, въ настоящее время, возможно, иначе государственная язва будетъ все болѣе и болѣе захватывать здоровыя части государственнаго организма, тѣсно связанныя между собою. Правительство въ эпоху, переживаемую нынѣ Россіею, должно уяснить себѣ разнородныя явленія, порождаемыя общимъ теченіемъ государственной жизни въ связи ихъ между собою и съ прошедшимъ государства, и отдѣлить въ нихъ случайное отъ неизбѣжнаго. Только такое сознательное отношеніе къ этимъ явленіямъ можетъ указать на дѣйствительныя средства къ уврачеванію болѣзни“.

Докладъ перечислялъ мѣры, принятыя въ продолженіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ съ цѣлью, съ одной стороны, объединить и усилить охранительную дѣятельность въ мѣстѣ пребыванія Государя, а съ другой—изучить разнородныя причины приведенія къ настоящему затруднительному положенію, разъяснить общественное настроеніе и изыскать способы къ полному возстановленію порядка. То были: объединеніе дѣятельности полицейскихъ и жандармскихъ властей, преобразованіе розыскной части въ столицѣ и усиленіе полицейскихъ средствъ, установленіе болѣе быстраго движенія донесеній и болѣе внимательнаго къ нимъ отношенія. Отъ всѣхъ этихъ мѣръ графъ Лорисъ-Меликовъ ожидалъ наилучшихъ послѣдствій и выразилъ намѣреніе, въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, продолжать неуклонно слѣдовать усвоенной имъ и Высочайше одобренной системѣ.

„Время особаго усиленія соціалистическихъ ученій въ Европѣ“, гласилъ докладъ, „совпало съ тѣмъ временемъ, когда общественная жизнь въ Россіи находилась въ періодѣ великихъ преобразованій, ознаменовавшихъ славное царствованіе Вашего Величества. Ученія эти находили здѣсь, какъ и вездѣ, послѣдователей, но число таковыхъ не могло быть велико и вліяніе ихъ не было замѣтно на первыхъ порахъ. Внутри государства не существовало удобнаго для нихъ класса — земледѣльческаго пролетаріата, а созданная реформами жизнь занимала и во многомъ удовлетворяла умственныя силы развитыхъ элементовъ общества; подраставшее же поколѣніе, такъ-называемая учащаяся молодежь, не могло не помнить прежнихъ порядковъ и съ довѣріемъ относилось къ будущему. Никогда, и, можетъ быть, нигдѣ, сила правительственной власти не выражалась блистательнѣе и торжественнѣе, какъ въ то время, и никогда составныя части русскаго общества не были одушевлены болѣе сознательною приверженностью къ лицу своего Монарха. Прочность такого настроенія зависѣла отъ хода самыхъ преобразованій, отъ правильной ихъ постановки, отъ урегулированія и пополненія ихъ. При продолжительности же этого настроенія законный порядокъ, приноровленный къ потребностямъ времени и историческимъ условіямъ Россіи, успѣлъ бы настолько укорениться, что предстоявшая неизбѣжная борьба началъ порядка съ народившимися лжеученіями не могла бы сопровождаться особенною опасностью для государственнаго строя“.

„Къ несчастью“, — продолжалъ докладъ,—„не таковъ былъ ходъ дѣла. Новые порядки создали во многихъ отрасляхъ управленія новое положеніе для представителей власти, требовавшее другихъ зна-

ній, другихъ пріемовъ дѣятельности, иныхъ способностей, чѣмъ прежде. Истина эта не была достаточно усвоена и далеко не всѣ органы власти заняли подлежащее имъ мѣсто. Ложно понятое назначеніе въ общемъ государственномъ строѣ повело къ ряду нарушеній прямыхъ обязанностей, къ ряду столкновеній. Неизбѣжныя ошибки, часто увлеченіе, еще чаще неумѣніе приноровиться къ новымъ порядкамъ и руководить обстоятельствами и людьми, вызывали отдѣльные прискорбные факты, изъ которыхъ стали выводиться общія заключенія въ невыгоду новыхъ началъ, проведенныхъ въ жизнь. Разнообразіе взглядовъ, проявившееся въ обществѣ, проникло и въ правительственныя вліятельныя сферы, гдѣ также стала образовываться пародія партій, стремившихся провести въ дѣло свои убѣжденія при каждомъ удобномъ случаѣ. Затаенная борьба увлекала мнѣнія въ крайности. Одни стремились, не только къ урегулированію реформъ, но и къ упраздненію ихъ послѣдствій. Другіе стали на ихъ сторону, защищая съ одинаковою горячностью основныя ихъ начала и неизбѣжные недостатки. Самыя умѣренныя попытки урегулировать дѣйствіе реформъ и пополнить недостатки законодательства по нетронутымъ отраслямъ управленія встрѣчались съ противодѣйствіемъ, явнымъ или скрытымъ, или оставались безъ движенія. Такая участь постигла предуказанные Высочайшею волею вопросы первой важности, каковы: возвышеніе нравственнаго уровня нашего духовенства, реформа податная, преобразованіе губернскихъ административныхъ учрежденій, установленіе отношеній нанимателей къ рабочимъ, дарованіе правъ раскольникамъ, переустройство тюремъ и многіе другіе. Безчисленный рядъ коммиссій, безконечныя, безплодныя переписки, раздражали общественное мнѣніе и не удовлетворяли никого. Все тонуло въ канцеляріяхъ и застой этотъ отражался на дѣятельности вновь созданныхъ учрежденій".

Докладъ указывалъ затѣмъ на неудовлетворительный ходъ и развитіе главнѣйшихъ преобразованій царствованія: „Крестьянское дѣло послѣ кипучей дѣятельности первыхъ дней вошло въ общую колею и неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ создало такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которая могла казаться полезной лишь въ первые дни великой реформы. Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе, не смягчаемое нисколько вліяніемъ прокуратуры, далеко не усвоившей себѣ надлежащаго значенія. Личный составъ судебныхъ учрежденій, неосторожно критическими, а часто непріязненными отношеніями къ окружающимъ его порядкамъ, усилилъ подобное же отношеніе къ этимъ порядкамъ въ другихъ общественныхъ слояхъ. Адвокатура заняла мѣсто, непонятное для простого ума, и затронула многія, молчавшія до того струны. Духовенство продолжало, за рѣдкими исключительными явленіями, коснѣть въ невѣжествѣ и мало-по-малу лишалось и того вліянія, какое имѣло прежде. Оно отовсюду систематически устранялось, приходы закрывались, духовныя семинаріи оставались прежними бурсами. Значеніе дворянства, какъ сословія, стушевалось; мало чѣмъ поддерживаемое земство, привлекшее сначала лучшія силы мѣстнаго населенія, не могло остаться долго на той же высотѣ, при отсутствіи средствъ къ болѣе широкому исполненію мѣстныхъ задачъ и при недостаткѣ оживляющей правительственной поддержки. Городское самоуправленіе рѣдко гдѣ встрѣтило на первыхъ же шагахъ сочувственное отношеніе администраціи къ своимъ нуждамъ и правамъ. Кромѣ того, общія потребности населенія возрастали, а положеніе нашихъ финансовъ разстроилось чрезвычайными военными издержками. Цѣнность бумажнаго рубля упала, цѣнность продуктовъ увеличилась, появились новые налоги. Всѣ возбужденныя такими и подобными явленіями неудовольствія, болѣе или менѣе основательныя разочарованія, при застоѣ насущныхъ вопросовъ, указанныхъ уже Вашимъ Величествомъ къ разрѣшенію, усиливали съ каждымъ годомъ число недовольныхъ и уменьшали устойчивость почвы подъ началами государственнаго порядка. Параллельно съ этимъ увеличивалась рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ учрежденій, призванныхъ къ охраненію порядка, и вліяніе соціальныхъ ученій зрѣло".

Начертавъ общую картину внутренняго состоянія Россіи, графъ Лорисъ-Меликовъ переходилъ къ положенію учебной и вос-

питательной части въ связи съ настроеніемъ учащейся молодежи: „Народившееся за это время молодое поколѣніе не было уже свидѣтелемъ до-реформенныхъ безобразій; точка отправленія его ожиданій была уже не та, что̀ для прежнихъ поколѣній, и воспріимчивость къ впечатлѣніямъ окружающей жизни была сильнѣе. Необходима была рука твердая, но не рѣзкая, руководимая не исключительно системою, но и извѣстною долею сердечности, чтобы сдержать наружныя проявленія горячей учащейся молодежи, чтобы направить ея стремленія, чтобы приготовить изъ нея полезныхъ и надежныхъ дѣятелей для будущаго. Къ несчастью, въ эту эпоху, руководство учебнымъ вѣдомствомъ не было сопутствуемо описанными чертами, что̀ было тѣмъ болѣе прискорбно, что руководящая власть была вооружена новою учебною системою и новыми уставами среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣвшими за собою поддержки общественнаго мнѣнія. Чтобы возбудить эту поддержку, необходима была извѣстная мягкость пріемовъ и формъ. Противоположный способъ привелъ къ еще бо̀льшему раздраженію общественнаго мнѣнія и масса молодыхъ людей враждебно отнесшаяся къ предъявленнымъ къ ней требованіямъ, встрѣтила въ семьѣ и обществѣ не осужденіе, а сочувствіе. Молодые люди, не кончивъ научной подготовки, не приспособленные къ труду и къ практической дѣятельности, стали выбрасываться школою въ жизнь и стали искать исхода въ дѣятельности внѣ закона, пополняя собою ряды послѣдователей соціальныхъ лжеученій. Семья и общество, мало знакомыя, собственно говоря, съ сущностью этихъ лжеученій и подъ впечатлѣніемъ чувства неудовлетворенности общимъ ходомъ дѣлъ, отнеслись равнодушно къ проявленіямъ крайнихъ теорій. Не находя себѣ отпора или даже авторитетныхъ порицателей, теоріи эти, схватываемыя безъ критики и клочками, загнѣздились въ цѣлыхъ кружкахъ и начали проявляться наружу. Первыя подобныя проявленія были признаны за болѣзненные наросты, а не за выраженія болѣзни, требующей внимательнаго изученія и въ особенности, санитарныхъ мѣръ для сокращенія ея эпидемическихъ свойствъ. Сообразно сему и мѣры были приняты исключительно полицейскаго характера: обыски, аресты, административная высылка и военный судъ. Мѣры эти, принимавшіяся безъ системы, подъ вліяніемъ раздраженія, не излѣчили зла, а народили новую массу недовольныхъ, тѣмъ болѣе, что при разрозненности и торопливости дѣйствій правительственныхъ властей, допускалось смѣшеніе всѣхъ родовъ и видовъ теорій, если онѣ не согласовались съ установленнымъ порядкомъ вещей, а въ этомъ смѣшеніи часто упускались крайніе анархисты“. Въ довершеніе обзора докладъ упоминалъ еще о двухъ фактахъ, вліявшихъ на общественное неудовольствіе: обнаруженіе судомъ прискорбной неправильности дѣйствій многихъ административныхъ лицъ и отсутствіе надлежащаго руководства періодическою печатью.

Обращаясь къ желаніямъ и ожиданіямъ, проявлявшимся въ русскомъ обществѣ, графъ Лорисъ-Меликовъ свидѣтельствовалъ, что какъ тѣ, такъ и другія—чрезвычайно разнообразны, истекая изъ личныхъ воззрѣній. Одни удовольствовались бы единичными частными улучшеніями, другіе желаютъ преобразованій болѣе общихъ, третьи хотятъ возврата отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному порядку, четвертые—облегченія тяжестей налоговъ, улучшенія финансоваго управленія. Жалуются на распущенный порядокъ разныхъ вѣдомствъ, на чрезмѣрное отягощеніе бюджета, на недостатки духовенства, въ особенности—на учебное вѣдомство, которое, по отзыву графа, „возбудило противъ себя и государственныхъ сановниковъ, и духовенство, и дворянство, и ученое сословіе, и земство и города; однимъ словомъ,—всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія“.

Предположенныя графомъ Лорисъ-Меликовымъ направленныя къ установленію лучшихъ порядковъ государственныя мѣропріятія были слѣдующія:

„1) Идти твердо и рѣшительно въ дѣлѣ преслѣдованія злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, но не смѣшивать съ ними людей, не участвующихъ въ преступной соціальной партіи, а виновныхъ лишь въ проступкахъ, не имѣющихъ прямого соотношенія къ соціально-революціоннымъ проявленіямъ“.

„2) Всемѣрно стремиться къ установленію полнаго единства дѣйствій всѣхъ

органовъ правительственной власти, призванныхъ къ борьбѣ съ преступными лжеученіями. Сюда относятся преобразовательныя мѣропріятія къ объединенію, сосредоточенію и усиленію дѣятельности разнаго рода полицій и направительное руководство министерства юстиціи, судебныхъ учрежденій и въ особенности—прокуратуры, безъ чего успѣхъ мѣропріятій полицейскихъ затрудненъ".

„3) Съ постепеннымъ достиженіемъ указанныхъ въ предъидущихъ пунктахъ цѣлей, стремиться къ возвращенію отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ".

„4) Побудить правительственныя учрежденія и лица къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ народа и общества и къ его представителямъ. Нельзя не оказывать благорасположеннаго участія къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства, къ потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены Высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества и осуществленіе коихъ останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода коммиссіяхъ. Полезно было бы привлекать и дворянство, и земство, и города къ участію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ".

„5) Возстановить утраченное учебнымъ вѣдомствомъ довѣріе всѣхъ сословій и всѣхъ слоевъ общества, не касаясь коренныхъ основъ учебной системы. Необходимыя для этого измѣненія въ личномъ составѣ управленія учебнымъ вѣдомствомъ будутъ встрѣчены величайшимъ сочувствіемъ всею Россіею. Безъ этихъ измѣненій успѣхъ принимаемыхъ мѣръ будетъ постоянно парализоваться новымъ наслоеніемъ вредныхъ элементовъ, тревожныхъ для настоящаго и грустныхъ для будущаго".

„Направленіе вѣдомства"—такъ кончался докладъ—„зависитъ преимущественно отъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. Задача ихъ—быть точными исполнителями благихъ предначертаній Вашего Величества на счастіе Россіи и ея народовъ. Велика ихъ отвѣтственность передъ потомствомъ и глубоко должно быть сознаніе ихъ въ томъ, что они—слуги своего дѣла и что одна изъ существеннѣйшихъ ихъ цѣлей есть привлеченіе сердецъ къ источнику власти въ Россіи. Въ тяжкія минуты государственной жизни, подобныя переживаемымъ нынѣ, они болѣе, чѣмъ когда-либо, должны стоять на высотѣ своего призванія, и по складу способностей, и по любви къ управляемымъ. Безъ этихъ условій, вмѣстѣ соединенныхъ, они не могутъ быть достойными исполнителями волп своего Государя и приносятъ не пользу, а вредъ, грозящій усиленіемъ тѣхъ осложненій, которыя привели насъ къ настоящему тяжелому времени".

Одобренныя Императоромъ Александромъ мысли, изложенныя въ докладѣ графа Лорисъ-Меликова, легли въ основаніе всей его дальнѣйшей дѣятельности. Одновременно графъ Толстой уволенъ отъ должностей министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода и замѣненъ въ первой изъ нихъ А. А. Сабуровымъ, во второй — К. П. Побѣдоносцевымъ. Облеченный безграничнымъ Монаршимъ довѣріемъ, графъ Лорисъ-Меликовъ въ циркулярѣ къ генералъ-губернаторамъ, сообщилъ имъ новыя начала, усвоенныя правительствомъ въ борьбѣ съ соціально-революціоннымъ движеніямъ, и пригласилъ ихъ сообразоваться съ ними, указавъ на двойную цѣль, къ коей должны быть направлены всѣ усилія властей: неуклонное преслѣдованіе злоумышленниковъ и успокоеніе благонадежныхъ общественныхъ элементовъ возбужденіемъ въ нихъ сочувствія къ правительственной дѣятельности.

Вскорѣ Императорскій Домъ, а съ нимъ и вся Россія, облеклись въ глубокій трауръ. Тяжкая болѣзнь, которою нѣсколько лѣтъ уже страдала Императрица Марія Александровна, вызвала, еще осенью 1879 года, отправленіе Ея Величества на зиму въ г. Каннъ, въ южной Франціи, но, чувствуя приближеніе смерти, Государыня пожелала возвратиться въ Россію, къ семьѣ своей. 23-го января она прибыла обратно въ Петербургъ; силы ея быстро падали; она уже не вставала съ постели, и 22-го мая мирно опочила. Тѣло усопшей Императрицы предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ 28-го числа того же мѣсяца.

Между тѣмъ, озабочиваясь примѣненіемъ къ дѣлу своихъ соображеній о вредѣ, причиняемомъ медленностью въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, графъ Лорисъ-Меликовъ поспѣшилъ предать военному суду нѣсколько

лицъ, задержанныхъ при обнаруженіи полиціею, въ январѣ 1880 года, трехъ тайныхъ типографій въ Петербургѣ, а также небольшаго числа участниковъ злодѣяній предшедшихъ годовъ.

Признанія одного изъ главныхъ участниковъ террористической шайки, образовавшейся на Липецкомъ съѣздѣ, Гольденберга, убійцы князя Крапоткина, задержаннаго въ Харьковѣ, въ октябрѣ 1879 г., навели власти на слѣдъ этого преступнаго сообщества и обнаружили остававшіяся дотолѣ неизвѣстными подробности покушеній на цареубійство, произведенныхъ осенью того-же года въ Александровскѣ и въ Москвѣ. Разслѣдованіе на мѣстѣ подтвердило вполнѣ эти показанія, но не повело къ розысканію и задержанію дѣятельнѣйшихъ изъ террористовъ. Не видя острыхъ проявленій революціонной дѣятельности, графъ Лорисъ-Меликовъ вѣрилъ въ успокоеніе умовъ, вызванное перемѣною правительственной системы даже въ средѣ наиболѣе закоренѣлыхъ злоумышленниковъ, и убѣжденіе это успѣлъ вселить и въ самого Императора. 6-го августа состоялся именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, въ которомъ изображено: „Слѣдя, со дня учрежденія Верховной Распорядительной Коммиссіи, за мѣропріятіями главнаго начальника оной, мы убѣдились, что ближайшая цѣль учрежденія Коммиссіи — объединеніе дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою — настолько уже достигнута вполнѣ, согласными съ видами нашими, распоряженіями генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, что дальнѣйшія указанія наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ общеустановленномъ законномъ порядкѣ, съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ".

Въ силу этихъ соображеній, а также съ цѣлью бо̀льшаго на будущее время упроченія единства дѣйствій, существующихъ органовъ правительственной власти, закрыта была Верховная Распорядительная Коммиссія, съ передачею дѣлъ ея въ министерство внутреннихъ дѣлъ; упразднено III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи съ передачею и его дѣлъ въ вѣдѣніе того же министерства и съ образованіемъ, для завѣдыванія ими въ составѣ онаго, департамента государственной полиціи, впредь до возможности полнаго сліянія высшаго завѣдыванія полиціею въ государствѣ въ одно учрежденіе упомянутаго министерства; завѣдываніе корпусомъ жандармовъ возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, на правахъ шефа жандармовъ; ему же предоставлено завершеніе возбужденныхъ Верховною Распорядительною Коммиссіею вопросовъ, съ правомъ приглашать для сего въ особыя совѣщанія членовъ закрытой Коммиссіи; генералъ-губернаторамъ и другимъ учрежденіямъ и начальствующимъ лицамъ повелѣно относиться и впредь къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому ввѣрено высшее направленіе всѣхъ слѣдственныхъ по государственнымъ преступленіямъ дѣлъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ таковое направленіе принадлежало главному начальнику Верховной Распорядительной Коммиссіи.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ; товарищемъ министра—ближайшій его сотрудникъ и довѣренный совѣтникъ, статсъ-секретарь Кахановъ; вторымъ товарищемъ—свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Черевинъ. Почта, телеграфъ и иностранныя исповѣданія выдѣлены изъ состава министерства внутреннихъ дѣлъ, и во главѣ ихъ поставленъ статсъ-секретарь Маковъ, въ званіи министра почтъ и телеграфовъ и главноначальствующаго надъ департаментомъ иностранныхъ исповѣданій.

Тотчасъ по вступленіи въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ на благоусмотрѣніе Государя соображенія свои о важной правительственной мѣрѣ. „Къ числу самыхъ правильныхъ средствъ", писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 11-го августа, „къ повѣркѣ дѣйствій мѣстныхъ властей и къ изученію потребностей различныхъ частей обширной Россійской Имперіи, принадлежали, въ царствованіе въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича, ревизіи губерній особо назначавшимися сенаторами. Ревизіи эти имѣли всегда самыя благотворныя послѣдствія и, содѣйствуя къ оживленію мѣстной жизни, доставляли высшему правительству неоцѣнимые матеріалы, какъ для точнаго опредѣленія

дѣйствительнаго положенія обревизованныхъ губерній, такъ и для выясненія необходимыхъ мѣръ къ исправленію замѣченныхъ неустройствъ". Такія ревизіи, и съ тою же цѣлью, министръ признавалъ крайне полезными и въ настоящее время, въ видахъ прочнаго охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. По мнѣнію его, онѣ послужили бы также къ выясненію разнообразныхъ воззрѣній, и, вообще, настроенія умовъ внѣ столичныхъ центровъ, и къ пополненію современными данными, имѣющихся въ разныхъ вѣдомствахъ свѣдѣній по слѣдующимъ, подлежащимъ разрѣшенію, вопросамъ: преобразованіе административныхъ губернскихъ учрежденій сообразно потребностямъ времени, способы къ прочному объединенію полицейскихъ властей, уясненіе степени распространенія соціально-революціонной пропаганды, изученіе вліянія административныхъ высылокъ и проч. „Настоящая минута", продолжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ, „была бы въ высшей степени удобною для назначенія сенаторскихъ ревизій въ шести или семи губерніяхъ различныхъ полосъ Имперіи. Ревизіи эти были бы крайне полезны не только для вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, но, безъ сомнѣнія, и для другихъ вѣдомствъ, которыя могли бы также дополнить этимъ путемъ свѣдѣнія свои по многимъ, весьма важнымъ предметамъ, какъ, напримѣръ, по предрѣшенному уже Вашимъ Величествомъ вопросу о замѣнѣ подушной подати. Самое назначеніе ревизій не можетъ, по моему убѣжденію, не произвести весьма успокоительнаго впечатлѣнія на общество, какъ новое доказательсво Высочайшаго Вашего Величества попеченія о благѣ народномъ".

Императоръ Александръ утвердилъ предположенія министра внутреннихъ дѣлъ, согласно коимъ назначены для производства ревизіи сенаторы: Ковалевскій—въ губерніяхъ Казанской и Костромской, впослѣдствіи въ Оренбургской и Уфимской; Мордвиновъ—въ Тамбовской и Воронежской; Половцовъ—въ Кіевской и Черниговской; Шамшинъ — въ Самарской и Саратовской.

Коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ выработала особое наставленіе ревизующимъ сенаторамъ, поднесенное министромъ юстиціи на Высочайшее утвержденіе. Наставленіе это представляло программу, широко охватывавшую всѣ главнѣйшія отрасли внутренняго управленія. Сенаторы приглашались подвергнуть тщательному изслѣдованію и подробной разработкѣ нижеслѣдующіе вопросы:

1) *По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ*: о распространеніи въ Россіи соціально-революціонныхъ лжеученій; объ административной высылкѣ и ея послѣдствіяхъ; о настроеніи умовъ крестьянскаго населенія, въ особенности, по поводу слуховъ о новомъ надѣленіи землею; объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія въ связи съ причинами упадка народнаго благосостоянія и общественной нравственности; о недостаткахъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и въ частности, общественнаго крестьянскаго управленія; о предоставленномъ сельскимъ обществамъ правѣ исключать или не принимать обратно порочныхъ своихъ членовъ; о дѣятельности земскихъ учрежденій и о степени удовлетворительности личнаго ихъ состава, а также о пререканіяхъ земствъ съ правительственными органами; о правильности примѣненія Городового Положенія; о преобразованіи и объединеніи дѣйствій всѣхъ административныхъ учрежденій въ губерніяхъ и уѣздахъ, а равно и полицейскихъ властей различныхъ наименованій; объ отношеніяхъ Корпуса жандармовъ къ общей полиціи; о санитарныхъ условіяхъ городовъ; о положеніи раскольниковъ и евреевъ. 2) *По судебному вѣдомству*: объ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ; о личномъ и количественномъ его составѣ; о состояніи мѣстъ заключенія и о надзорѣ за арестантами; объ участіи полиціи въ разслѣдованіи преступленій; объ улучшеніи порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей; о степени удовлетворительности мировыхъ судебныхъ установленій; о присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ лицахъ, коимъ предоставлено право ходатайствовать предъ судомъ; о порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ. 3) *По финансовому вѣдомству:* о предположенномъ сліяніи управленій акцизнымъ сборомъ съ казенными палатами; о тяжести и недостаткахъ подушной подати; о причинахъ накопленія недоимокъ, какъ постоянныхъ, такъ и

случайныхъ, и о мѣрахъ къ ихъ предотвращенію; объ отмѣнѣ акциза на соль; о положеніи ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго населенія; о техническомъ образованіи и недостаткѣ въ техникахъ; о вліяніи сельскихъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ на благосостояніе крестьянъ; о положеніи евреевъ въ промышленности и торговлѣ; о недостаткахъ паспортной системы. 4) *По вѣдомству государственныхъ имуществъ*: о сліяніи мѣстныхъ органовъ этого министерства съ общими губернскими учрежденіями; о недостаткахъ существующаго порядка сдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей; о сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; о переселенческомъ движеніи; о привлеченіи земствъ и частныхъ лицъ къ совокупной съ министерствомъ дѣятельности по сельскому хозяйству; о введеніи правильнаго лѣсного хозяйства и о мѣрахъ къ охраненію лѣсовъ; о взаимныхъ отношеніяхъ сельскихъ хозяевъ и рабочихъ; о введеніи минеральнаго топлива. 5) *По вѣдомству народнаго просвѣщенія*: о состояніи университетовъ Казанскаго и св. Владиміра въ Кіевѣ, и о взаимныхъ отношеніяхъ попечителей учебныхъ округовъ съ университетскими совѣтами; о среднемъ образованіи вообще и въ частности, о положеніи реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, училищъ городскихъ и народныхъ; о привлеченіи земствъ и городовъ къ болѣе дѣятельному участію въ народномъ образованіи. 6) *По вѣдомству путей сообщенія*: о содержаніи и распредѣленіи бечевниковъ и о денежныхъ сборахъ съ судовъ; о порядкѣ завѣдыванія шоссейными дорогами; о привлеченіи земствъ и городовъ къ устройству подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ и къ судоходнымъ рѣкамъ и каналамъ.

Осенью 1880 года ревизующіе сенаторы отправились къ мѣстамъ своего назначенія.

17-го августа Императоръ Александръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Ливадію. Тамъ, 30-го того же мѣсяца, въ день своихъ именинъ, Его Величество пожаловалъ графу Лорисъ-Меликову орденъ св. Андрея Первозваннаго при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ такъ выразился о его заслугахъ: „Настойчиво и разумно слѣдуя въ теченіе шести мѣсяцевъ указаннымъ мною путемъ къ умиротворенію и спокойствію общества, взволнованнаго дерзостью злоумышленниковъ, вы достигли такихъ успѣшныхъ результатовъ, что оказалось возможнымъ, если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ мѣръ, и нынѣ Россія можетъ вновь спокойно выступить на путь мирнаго развитія“. Въ Ливадіи же состоялось увольненіе генералъ-адъютанта Грейга отъ должности министра финансовъ и назначеніе на этотъ постъ А. А. Абазы. Проведя всю осень на южномъ берегу Крыма, Государь возвратился въ С.-Петербургъ 21-го ноября. Два дня спустя обнародованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отмѣнявшій акцизъ на соль съ 1-го января будущаго 1881 года.

Между тѣмъ, нѣсколько коммиссій дѣятельно трудились надъ преобразованіемъ и улучшеніемъ разныхъ частей управленія. Одной изъ нихъ порученъ былъ пересмотръ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній о печати; другая занималась разсмотрѣніемъ списковъ административно-ссыльныхъ и поднадзорныхъ и примѣненіемъ къ нимъ новыхъ, выработанныхъ сенаторомъ Ковалевскимъ, правилъ.

Наступилъ 1881 годъ.

Въ концѣ января графъ Лорисъ-Меликовъ свидѣтельствовалъ, во всеподданѣйшемъ докладѣ, о благотворныхъ послѣдствіяхъ принятой правительствомъ системы постепеннаго возвращенія государственной жизни къ правильному ея теченію, удовлетворяющему, по его выраженію, внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляющему временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи. Результаты эти графъ приписывалъ ряду государственныхъ мѣръ, принятыхъ со времени назначенія его начальникомъ Верховной Распорядительной Коммиссіи, и впослѣдствіи— министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но, разсуждалъ онъ, въ видахъ прочнѣйшаго порядка, слѣдуетъ воспользоваться наступившимъ успокоеніемъ умовъ. „Великія реформы царствованія Вашего Величества,“— читаемъ далѣе въ докладѣ, — „вслѣдствіе событій, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, пред-

ставляются до сихъ поръ, отчасти не законченными, а отчасти не вполнѣ согласованными между собою. Кромѣ того, многіе, первостепенной государственной важности вопросы, давно уже предуказанные Державною волею, остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для закончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ въ центральныхъ управленіяхъ имѣется уже много матеріаловъ, добытыхъ опытомъ прошедшихъ лѣтъ и пріуготовительными работами. Сенаторскія ревизіи, имѣющія главною цѣлью изслѣдованіе настоящаго положенія провинціи и мѣстныхъ потребностей, должны внести богатый вкладъ въ эти матеріалы и уяснить мѣстными данными то направленіе, какое для успѣха дѣла необходимо будетъ дать предстоящимъ преобразовательнымъ работамъ центральныхъ учрежденій; но и эти данныя, при окончательной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями".

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ, что призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій и есть именно то средство, которое „и полезно, и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою". Важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію представлялся при этомъ способъ осуществленія этой мысли.

Графъ Лорисъ-Меликовъ снова и энергически высказался противъ организаціи народнаго представительства въ Россіи, а почиталъ наиболѣе цѣлесообразнымъ порядокъ разсмотрѣнія предстоявшихъ разрѣшенію правительства задачъ, уже испытанный въ первые годы царствованія Императора Александра II.

По его мнѣнію, слѣдовало остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ коммиссій, на подобіе организованныхъ въ 1859 году редакціонныхъ коммиссій съ тѣмъ, чтобы работы этихъ коммиссій были подвергаемы разсмотрѣнію, съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ".

1-го марта, въ $12^1/_2$ часовъ дня, Государь одобрилъ составленный въ этомъ смыслѣ проектъ правительственнаго сообщенія, повелѣвъ, чтобы до напечатанія его въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" проектъ былъ выслушанъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ, созванномъ на 4-е марта.

XXVI.

Кончина.

1881.

Мѣрами снисхожденія и кротости графъ Лорисъ-Меликовъ надѣялся образумить отуманенную соціально-революціонными лжеученіями молодежь, свести ее съ пути преступленія, примирить съ правительствомъ и обществомъ. Разсчетъ этотъ не оправдался по отношенію къ закоренѣлымъ преступникамъ, участникамъ террористической шайки, присвоившей себѣ названіе „Народной Воли". Болѣе, чѣмъ когда-либо, злодѣи рѣшились упорствовать въ своихъ преступныхъ замыслахъ и достигнуть конечной цѣли совершеніемъ цареубійства.

Разоблаченія Гольденберга обнаружили весь личный составъ этой шайки, образовавшейся въ Липецкѣ лѣтомъ 1879 года, но полицейскимъ властямъ производившимъ дознаніе, удалось задержать весьма немногихъ. Большинство успѣло скрыться отъ преслѣдованія, въ особенности со времени ослабленія его, и подъ вымышленными именами съ подложными видами продолжали свободно разъѣзжать по Россіи. Къ осени 1880 года всѣ почти члены террористическаго сообщества стеклись въ Петербургъ съ цѣлью возобновить покушенія на священную Особу Монарха.

Въ концѣ декабря, счастливая случайность вызвала въ Петербургѣ арестъ главнаго вожака шайки, Александра Михайлова, послѣ чего руководство ею и направленіе ея преступной дѣятельности перешло въ руки Андрея Желябова, устроителя минъ подъ полотномъ желѣзной дороги въ г. Александровскѣ и подъ Каменнымъ мостомъ въ Петербургѣ. Тотчасъ же заговорщики приступили къ дѣятельнымъ приготовленіямъ къ цареубійству.

Зимою 1880—1881 годовъ они имѣли въ Петербургѣ нѣсколько, такъ называемыхъ, конспиративныхъ квартиръ. Въ одной изъ нихъ помѣщалась тайная типографія, печатавшая органъ сообщества, соціально-

революціонное обозрѣніе: „Народная Воля“ и другія возмутительныя воззванія и листки; въ другой—производились химическіе опыты техниками и приготовлялся по ихъ указаніямъ динамитъ, а также вновь изобрѣтенные однимъ изъ нихъ, разрывные метательные снаряды. Опыты съ этими снарядами производились за городомъ, въ пустынныхъ мѣстахъ. Одновременно велась усиленная пропаганда среди учащейся молодежи и въ рабочихъ кругахъ, вербовались новые члены сообщества, участники готовившагося злодѣянія. За всѣми выѣздами Государя устроено было постоянное наблюденіе, съ цѣлью изученія направленій, по которымъ Его Величество обыкновенно слѣдовалъ.

При обсужденіи способовъ совершенія покушенія, злодѣи остановились на подкопѣ подъ одну изъ улицъ столицы и на метательныхъ снарядахъ.

На общей сходкѣ, происходившей 28-го февраля, любовница Желябова, Софья Перовская, уже принимавшая дѣятельное участіе въ предшедшихъ покушеніяхъ на цареубійство, между прочимъ, во взрывѣ подъ Москвою, настояла на немедленномъ совершеніи злодѣйскаго замысла. Въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта заговорщики снарядили и заложили мину въ подкопѣ подъ Малой Садовой, и изготовили три метательные снаряда. Рѣшено было взорвать подкопъ въ воскресенье, 1-го марта, при проѣздѣ Государя изъ Зимняго дворца въ Михайловскій манежъ, для присутствованія при обычномъ воскресномъ разводѣ. Рано утромъ этого дня Перовская, на одной изъ конспиративныхъ квартиръ раздала по одному метательному снаряду тремъ юношамъ-фанатикамъ: Рысакову, Гриневецкому и Емельянову, недавно принятымъ въ сообщество и самимъ вызвавшимся совершить ужасное злодѣйство. Главную надежду возлагали заговорщики на дѣйствіе мины, къ метательнымъ же снарядамъ предполагали прибѣгнуть лишь въ случаѣ неудачи взрыва подъ улицей.

Въ субботу, 28-го февраля, Императоръ Александръ, по обыкновенію говѣвшій на первой недѣлѣ Великаго поста, причастился Св. Таинъ, въ Малой церкви Зимняго дворца, вмѣстѣ со всѣми членами Царственной семьи своей. Утромъ 1-го марта Его Величество принялъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ и, позавтракавъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, отправился въ закрытой каретѣ въ Михайловскій манежъ на разводъ. Когда царскій экипажъ выѣхалъ изъ дворца все уже было готово для взрыва въ Малой Садовой, а три метальщика, вооруженные снарядами, стояли на условленныхъ мѣстахъ.

Но, вопреки предположеніямъ злодѣевъ, Государь прослѣдовалъ въ манежъ, не по Невскому и Малой Садовой, а болѣе прямымъ путемъ, по набережной Екатерининскаго канала. По окончаніи же развода Его Величество поѣхалъ въ Михайловскій дворецъ, гдѣ посѣтилъ Великую Княгиню Екатерину Михаиловну. Наблюдавшей за этимъ Перовской ясно стало, что Императоръ возвратится въ Зимній дворецъ тѣмъ же путемъ, т.-е. вдоль Екатерининскаго канала. По данному ею сигналу, метальщики заняли мѣста у рѣшетки канала: первымъ, саженяхъ въ 50-ти отъ угла Инженерной улицы, сталъ Рысаковъ, вторымъ Гриневецкій, третьимъ Емельяновъ. Сама Перовская перешла на противоположную сторону канала, и остановилась противъ Инженерной улицы.

Когда, въ 2 часа 15 минутъ пополудни, Императорская карета отъѣхала отъ Михайловскаго дворца, Перовская, махнувъ платкомъ, дала о томъ знать метальщикамъ. Государь сидѣлъ въ каретѣ одинъ; за нимъ въ однихъ саняхъ ѣхалъ полиціймейстеръ Дворжицкій, въ другихъ—корпуса жандармовъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. Конвой изъ конныхъ казаковъ окружалъ экипажъ.

Карета быстро неслась по набережной Екатерининскаго канала и уже миновала Рысакова, когда тотъ бросилъ подъ нее бомбу. Послѣдовалъ страшный взрывъ. Нѣсколько человѣкъ упало; въ числѣ ихъ одинъ изъ казаковъ конвоя и мастеровой мальчикъ—тяжело раненые. Государь приказалъ лейбъ-кучеру остановить экипажъ и, выйдя изъ кареты, направился къ мѣсту взрыва, близъ котораго толпа изъ солдатъ и народа уже схватила Рысакова. На вопросы обступившихъ его офицеровъ, не раненъ-ли онъ, Императоръ отвѣчалъ: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...“, указывая при этомъ на лежавшихъ на мостовой раненыхъ. Государь подошелъ затѣмъ къ Рысакову и спросилъ его, онъ-ли стрѣлялъ и кто онъ такой? Злодѣй отвѣчалъ утвердительно, но назвалъ себя вымыш-

леннымъ именемъ. „Хорошъ!“ — молвилъ Императоръ и повернувъ назадъ, въ направленіи къ своей каретѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели вдоль канала. Второй метальщикъ, Гриневецкій, стоявшій опершись на рѣшетку, бросилъ свою бомбу въ ту минуту, какъ Императоръ проходилъ мимо него, подъ самыя ноги. Произошелъ второй, оглушительный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: обнажившіяся ноги Царственнаго Страдальца были раздроблены; кровь сильно струилась по нимъ, лицо было все въ крови. „Помоги“, едва внятнымъ голосомъ произнесъ Государь, обращаясь къ лежавшему возлѣ него, тяжело раненому полковнику Дворжицкому. Когда сбѣжавшіеся прохожіе, въ ихъ числѣ нѣсколько юнкеровъ Павловскаго военнаго училища и матросы 8-го флотскаго экипажа, возвращавшіеся съ караула, стали поднимать Государя, онъ уже потерялъ сознаніе. По распоряженію прибывшаго изъ Михайловскаго дворца Великаго Князя Михаила Николаевича, Императора положили на сани полиціймейстера и всего, истекающаго кровью, повезли въ Зимній дворецъ.

Государя внесли на рукахъ въ кабинетъ его и положили на выдвинутую посрединѣ комнаты постель. Лейбъ-хирургъ Круглевскій перевязалъ ему раны. Подоспѣвшій лейбъ-медикъ Боткинъ прибѣгнулъ ко всѣмъ извѣстнымъ способамъ, чтобы возвратить страдальцу сознаніе. Голову Государя вспрыскивали водою, виски натирали эѳиромъ, давали вдыхать ему кислородъ. Все напрасно. Обильное кровотеченіе истощило силы Царя-Мученика. На спасеніе его не было никакой надежды.

Скоро прибыли въ Зимній дворецъ Цесаревичъ съ Цесаревною и прочіе члены Августѣйшей семьи, окружившіе одръ умирающаго Императора. Залы дворца наполнились высшими государственными и придворными сановниками, военными и гражданскими чинами. Несмѣтная толпа народа, въ нѣмомъ ужасѣ, наводняла площадь предъ дворцомъ.

Наслѣдникъ Александръ Александровичъ приказалъ ввести протоіерея придворнаго собора Рождественскаго съ запасными дарами. Государя пріобщили Св. Таинъ. Всѣ присутствующіе опустились на колѣни. Протоіерей началъ читать отходную.

Въ 3 часа 35 минутъ пополудни не стало Императора Александра II.

Произносить надъ царствованіемъ Императора Александра II окончательный приговоръ не настало еще время. Современный историкъ слишкомъ близко стоитъ къ этой достопамятной эпохѣ, онъ не можетъ судить о ней совершенно безпристрастно, на основаніи вполнѣ выясненныхъ, подробно изслѣдованныхъ, тщательно оцѣненныхъ фактовъ. Но собранныхъ и приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ данныхъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы уяснить свѣтлую духовную личность Государя, явившагося на русскомъ Престолѣ достойнымъ продолжателемъ трудовъ, исполнителемъ завѣтовъ державныхъ своихъ предшественниковъ, на благо Россіи.

Въ первомъ актѣ своего царствованія, въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о вступленіи на Престолъ, Императоръ Александръ Николаевичъ выразилъ твердую рѣшимость исполнить виды и намѣренія Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и нѣжно имъ любимаго, незабвеннаго отца. Подобно имъ, служеніе Отечеству вмѣнялъ онъ себѣ въ священный долгъ, всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ обнималъ царскою любовью и преобразовательную дѣятельность свою,—выражаясь собственными его словами,—почиталъ за высокій жребій, чрезъ теченіе событій поданный ему рукою Провидѣнія.

Сѣмена правды и добра, вложенныя въ его отзывчивую душу людьми, призванными на дѣло его воспитанія, въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности Александръ II остался вѣренъ до конца. Имъ одушевлены были его помыслы и дѣйствія, и если не всѣ его начинанія принесли ожидаемые плоды, то причина тому—присущее человѣческой природѣ несовершенство, неподготовленность русскаго общества, наконецъ, ошибки и увлеченія, заблужденія и страсти ближайшихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ Императора, слишкомъ полагавшагося на нѣкоторыхъ изъ нихъ по избытку, свойственнаго душамъ возвышеннымъ, довѣрія, чуждаясь всеугнетающей, всеубивающей подозрительности. Вотъ чѣмъ всего болѣе объясняются недочеты и внутренней, и внѣшней политики

этого продолжительнаго царствованія, самый его трагическій исходъ. Несомнѣнно то, что Императоръ Александръ II всегда и во всемъ желалъ добра, желалъ искренно—снова приводимъ его слова—„видѣть народъ свой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраняемымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ".

Чуткій ко всему, что касалось чести и достоинства Богомъ ввѣренной ему державы, Государь Александръ Николаевичъ обнаруживалъ непоколебимую стойкость въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось давать отпоръ враждебнымъ посягательствамъ на это высшее достояніе Россіи. За то, во всемъ прочемъ, онъ, быть можетъ, слишкомъ часто внушеніе разума подчинялъ влеченію чувства.

Исторія не вмѣнитъ ему этого въ вину, потому что нѣтъ въ мірѣ бо́льшаго величія, какъ величіе нравственное. Самъ Государь палъ жертвою своего доброжелательства, своего довѣрія къ людямъ, своего человѣколюбія и кротости. Но слѣдующія поколѣнія уже начинаютъ пожинать плоды его царственныхъ подвиговъ. Милліоны, не однихъ русскихъ людей, но и родственныхъ имъ по вѣрѣ и племени народовъ, свято чтутъ память Императора Александра II.

С. Татищевъ.

1) Дѣла и документы архивовъ, русскихъ и иностранныхъ, правительственныхъ и частныхъ.

2) Полное Собраніе Законовъ.

3) Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1861—1881.

4) Souvenirs de l'Impératrice Alexandra Féodorovna, 1817—1820 (manuscrit).

5) Камеръ-фурьерскій журналъ 1818 г.

6) Исторія царствованія Императора Александра I-го и Россія въ его время, М. И. Богдановича. V. С.-Петербургъ, 1871.

7) Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го, барона М. А. Корфа. С.-Петербургъ, 1857.

8) Mémoires du maréchal Marmont, Duc de Royme. VIII. Paris, 1857.

9) Формулярный списокъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича 1818—1855.

10) Сочиненія В. А. Жуковскаго. II и VI. С.-Петербургъ, 1885.

11) Годы ученія Императора Александра II. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. XXX и XXXI. С.-Петербургъ, 1880.

12) Записки К. К. Мердера, Русская Старина 1885 г. XLVI, XLVII, XLVIII.

13) Письма Цесаревича Александра Николаевича къ его воспитателю К. К. Мердеру, Русская Старина 1886 г. XLIX.

14) Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, Empereur de Russie, par Paul Lacroix, IV—VIII. Paris, 1867—1873.

15) Alexandra Feodorovna, Kaiserin von Russland von A. Th. von Grimm, I und II, Leipzig und St.-Petersburg, 1866.

16) Императоръ Николай въ Св. Сунодѣ, Н. И. Григоровича, Русскій Архивъ, 1869 г.

17) Дорожныя письма Е. А. Юрьевича, во время путешествія по Россіи съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 г., Русскій Архивъ, 1887 г. I и II.

18) La Russie en 1839 par le Marquis de Custine, I. Paris, 1843.

19) Mémoires du Prince de Metternich. VIII, Paris, 1884.

20) Souvenirs et Correspondance du Prince Emile de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg. I, Paris 1888.

21) Послѣдніе часы жизни Императора Николая I. С.-Петербургъ, 1855.

22) Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи, Даневскаго. С.-Петербургъ, 1859.

23) Исторія Восточной войны 1853—1856 годовъ, М. И. Богдановича. I—IV. С.-Петербургъ, 1877.

24) Восточная война 1853—1856 годовъ, Н. Ѳ. Дубровина. С.-Петербургъ, 1878.

25) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, I—II. Paris, 1874.

26) Actenstücke zur Orientalischen Frage zusammengestellt von D-r I. von Jasmund. I—III. Berlin, 1855—1859.

27) Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г. Русская Старина, 1883 г. XXXVII и XXXIX.

28) Переписка Императора Александра Николаевича съ княземъ Ѳ. И. Паскевичемъ и княземъ М. Д. Горчаковымъ въ 1855 г. Русская Старина 1881 г. XXXII.

29) Une ambassade en Russie. Extrait des mémoires de Duc de Morny. Paris, 1892.

30) Aus Drei Viertel Jahrhunderten, Erinnerungen und Aufzeichnungen von Fr. Ferd. Graf von Beust. I. Stuttgart, 1887.

31) Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856 von Heinrich Geffcken. Berlin, 1881.

32) Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Заблоцкаго-Десятовскаго. IV. С.-Петербургъ. 1882.

33) Собраніе трактатовъ и конвенцій профессора Ф. Ф. Мартенса. VII. С.-Петербургъ. 1888,

34) Preussen im Bundestage, 1851 bis 1859, herausgegeben von D-r Ritter von Poschinger. III—IV. Leipzig, 1882—1885.

35) The life of the Prince Consort, by Theodore Martin. III—V. London, 1877—1880.

36) Сборникъ въ память двадцатипятилѣтія управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ княземъ А. М. Горчаковымъ, 1856—1881. С.-Петербургъ, 1881.

37) Aus meinem Leben und aus meiner Zeit, von Ernst II. Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha, II. Berlin, 1888.

38) Bismarckbriefe, 1844 — 1870, Bielefeld und Leipzig, 1880.

39) Записка князя М. Д. Горчакова о мѣрахъ въ случаяхъ возстанія въ Венгріи, Русская Старина 1884 г. XLI.

40) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, И. П. Барсукова. I и II. Москва, 1891.

41) Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, А. Л. Зиссермана, II. Москва, 1890.

42) Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій на Кавказѣ въ 1859 г. М. Я. Ольшевскаго. Русская Старина 1880 г. XXIX.

43) Записка Императора Александра II о Кавказѣ, 1860 г., сообщена А. П. Берже, Русская Старина 1882 г. XXXVI.

44) Приказы кн. Барятинскаго къ войскамъ Кавказской арміи. Русская Старина. XXVII.

45) Императоръ Александръ Николаевичъ на Западномъ Кавказѣ въ 1861 г. М. Я. Ольшевскаго. Русская Старина 1884 г. XLII.

46) Къ исторіи отмѣны крѣпостнаго права. Русскій Архивъ 1884. III.

47) Записка графа С. С. Ланского. Русскій Архивъ 1869 г.

48) Достспамятныя минуты въ моей жизни А. И. Левшина. Русскій Архивъ 1885 г. II.

49) Первые шаги къ освобожденію крестьянъ въ Россіи, Еленева. Русскій Архивъ 1886 г. II.

50) Предсмертная записка Я. И. Ростовцева о крестьянскомъ дѣлѣ. Русская Старина 1880 г. XXVII.

51) Крестьянское дѣло въ Главномъ Комитетѣ, Русская Старина 1884 г., XLI.

52) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. I—III. Берлинъ, 1861—1862.

53) Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II, хроника дѣятельности Коммиссій по крестьянскому дѣлу, Н. П. Семенова. I—IV. С.-Петербургъ, 1889—1892.

54) Записка Я. А. Соловьева. Крестьянское дѣло въ 1856 — 1859 годахъ. Русская Старина 1880—1883 гг. XXVII, XXX, XXXI, XXXIII, XXXIV.

55) Письма Н. А. Милютина къ Ю. Ѳ. Самарину и Я. А. Соловьеву. Русская Старина 1880 г. XXXVII.

56) Рѣчь Императора Александра II въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, 28 января 1861 г. Русская Старина 1880. XXVII.

57) Дневникъ гр. П. А. Валуева. Русская Старина 1891. LXX, LXXI и LXXII.

58) 8 сентября 1862 г. Изъ воспоминаній графа Валуева. Русская Старина 1888 г. LVII.

59) Изъ записокъ графа Толстого-Знаменскаго. Русскій Архивъ 1885 г. II.

60) Послѣдняя польская смута по перепискѣ, съ 16 февраля 1861 г. по 15 іюня 1862 г. Русская Старина 1882 г. XXXVI и XXXVII.

61) Записка Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862. Москва, 1873.

62) Седмицы польскаго мятежа 1861 — 1864 Н. И. Павлищевъ. I—II. С.-Петербургъ, 1887.

63) Le Marquis Wielepolski, sa vie et son temps, par Henry Lisicki, I—II. Vienne, 1880.

64) 1863-й годъ, Собраніе статей по польскому вопросу М. Н. Каткова. I—II. Москва, 1887.

65) Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, записка князя Н. А. Орлова. Русская Старина 1881 г. XXXI.

66) Correspondence relating to the affairs of Poland (Blue-Book). London, 1863.

67) Documents diplomatiques sur les affaires de Pologne (Livre Jaune). Paris. 1863.

68) Ausgewählte Reden des Fürsten von Bismarck 1862—1881. I—III. Berlin, 1882.

69) Fürst Bismarck, Sein politisches Leben und Wirken von Ludwig Jahn I—IV. Berlin 1878—1886.

70) Четыре записки графа М. Н. Муравьева о Сѣверо-Западномъ краѣ. Русскій Архивъ 1885 г. II.

71) Записки графа М. Н. Муравьева о мятежѣ въ Сѣверо-Западной Россіи въ 1863—1865 годахъ, Русская Старина 1882 и 1883 гг. XXXVI, XXXVII и XXXVIII.

72) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, VII, С.-Петербургъ, 1882.

73) М. Н. Катковъ и его историческая заслуга, Н. А. Любимова. С.-Петербургъ, 1889.

74) Die Begründung des Deutschen Reiches und Wilhelm I, von Heinrich von Sybel, I—VI. München und Leipzig, 1894.

75) Graf von Bismarck und seine Leute im Jahre 1870—1871 von Moritz Busch, Leipzig, 1878.

76) Unser Reichskanzler von Moritz Busch, Leipzig, 1884.

77) Aus dem Leben Wilhelm I von Louis Schneider, I—III, Berlin, 1888.

78) Enquête parlementaire sur les actes du Gouvernement de la Défense nationale, I. Versailles 1872.

79) L'Empereur Alexandre II et la France le 1875. Révélations du Général Le Flô, le Figaro, Paris, 1887.

80) Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія въ него русскихъ, Макшеева, С.-Петербургъ, 1890.

81) Россія и Англія въ Средней Азіи, Ѳ. Ѳ. Мартенса, С.-Петербургъ, 1879.

82) Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 гг., I—VI, С.-Петербургъ, 1879—1881.

83) Секретный всеподданнѣйшій отчетъ по морскому вѣдомству съ 1855 по 1880 гг., С.-Петербургъ. 1880.

84) Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 гг., I—II, С.-Петербургъ, 1880.

85) Финансы Россіи XIX столѣтія. Исторія. Статистика. И. С. Бліоха, I—IV, С.-Петербургъ, 1882.

86) Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, И. С. Бліоха, I—V, С.-Петербургъ, 1878.

87) Государственныя росписи приходовъ и расходовъ съ 1862 по 1881 гг.

88) Виды внѣшней торговли 1855 г.

89) Обзоръ внѣшней торговли Россіи 1880 г.

90) Государственные долги Россіи, Бржескаго, С. Петербургъ, 1884.

91) Всеподданнѣйшій отчетъ по Министерству Путей Сообщенія съ 1855 по 1880 гг., С.-Петербургъ, 1880.

92) Краткій отчетъ дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ 1855 по 1880 гг., С.-Петербургъ, 1880.

93) Всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора Св. Синода съ 1855 по 1881 гг.

94) Всеподданнѣйшіе отчеты министра народнаго просвѣщенія съ 1855 по 1881 гг.

95) Сборникъ постановленій по М-ву Н. Пр., III—VII, С.-Петербургъ, 1876—1883.

96) Пятидесятилѣтіе IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи: хроника и монографія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, I—II, С.-Петербургъ, 1878.

97) Das Staatsarchiv, Sammlung der offiziellen Actenstücke zur Geschichte der Gegenwart XXX—XXXV, Leipzig, 1876—1879.

98) Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ. С.-Петербургъ, 1880.

99) Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году, Л. М. Чичагова, С.-Петербургъ, 1887. Изд. 2-е.

100) Письма изъ Болгаріи въ 1877 г., С. П. Боткина. С.-Петербургъ, 1893.

101) Полный сборникъ оффиціальныхъ телеграммъ Восточной войны 1877—1878 гг., I—II, С.-Петербургъ, 1877—1878.

102) Графъ Э. И. Тотлебенъ, Н. К. Шильдера, I—II, С.-Петербургъ. 1885—1886.

103) Le Congrès de Berlin par le Baron d'Avril, Paris, 1889.

104) Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса, П. А. Матвѣева, С. Петербургъ, 1890.

105) Обвинительные акты, отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и приговоры по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ съ 1871 по 1881 гг.

106) Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи, С.-Петербургъ, 1880.

107) Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887. St.-Pétersbourg, 1890.

108) Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland von Alphons Thun. Leipzig, 1883.

109) Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, par Victor Laferté. Bâle-Genève-Lyon, 1882.

110) Историческій очеркъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи, Н. К. Шведова, С.-Петербургъ, 1882.

111) Сѣверная Почта съ 1862 по 1869 гг.; Правительственный Вѣстникъ съ 1869 по 1881 гг.; Русскій Инвалидъ и Journal de Saint-Pétersbourg съ 1855 по 1881 гг.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ОШИБКИ.

Стран.	*Столбец.*	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
23	2	4 снизу	А. Змѣевъ	Л. Змѣевъ
83	2	19 »	1627	1628
85	1	23 »	1700 — 73 = 1627	1700 — 72 = 1628.
88	1	9 »	въ исторіи	къ исторіи.
130	2	5 снизу	роду	орду
139	2	11 сверху	отличаещіеся	отличающіеся
141	1	26 »	понедѣльникъ	вторникъ
163	2	5 снизу	10-го	1-го
164	2	15 »	2-го	1-го
184	2	17 сверху	Надъ	Подъ
193	1	15 »	14-го	16-го
198	1	15 снизу	9-го	10-го
199	2	6 сверху	октября	ноября
199	2	22 »	партій	армій
205	1	9 снизу	іюня	іюля 1806 года
205	1	3 »	3-го сентября	30-го августа
214	2	1 »	заставить	союзники заставятъ
218	2	19 »	ноября	октября
221	1	24 »	26-го	21-го
221	1	18 »	22-го	20-го
236	1	3 »	озадачивала	озабочивала
248	2	3 »	отступивъ	вступивъ
267	2	22 »	«Болѣзненная	«Болѣзненная и великая
270	2	22 сверху	Уенковицъ	Іенковицъ
276	1	14 снизу	вечера,	вечера;
276	1	14 »	погода	пальба
276	1	13 »	войсками;	войсками,
277	1	9 »	въ Пирнъ	въ Пирну
278	2	4 сверху	Гессенъ-Гамбургскаго	Гессенъ-Гомбургскаго
279	1	8 снизу	200	2000
279	1	1 »	Коллорадо	Коллоредо
281	2	23 сверху	евъ Россіи	въ Россіи
282	1	3 »	минуло	минуло какъ
282	1	13 »	такомъ	таковомъ
282	1	10 снизу	полезную	посильную
283	2	4 сверху	напротивъ	но противъ
290	1	17 »	à Paris	à Paris seulement
300	1	11 снизу	церковь русская была устроена	церковь русская въ то же время была устроена

Стран.	*Столбец.*	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
304	2	22 снизу	французской	парижской
312	2	21 сверху	возможнаго	возможности
312	2	21 »	неимущимъ изувѣченнымъ	неимущимъ и изувѣченнымъ
312	2	24 »	объ нихъ доклады свои чрезъ	объ нихъ ко мнѣ чрезъ
316	2	10 »	соизволяетъ	изволяетъ
317	1	15 снизу	благоразумное	благородное
330	2	27 сверху	чтбоы	чтобы
331	2	20 снизу	ce que	et que
332	1	12 »	разговоры	разговоры».
335	1	27 »	trahi	trahis
338	2	20 сверху	іюля	іюня
343	1	19 »	фасадамъ	фасамъ
345	2	22 снизу	не мого	не могу
356	1	6 сверху	и имѣли	ее имѣли
356	1	25 »	28-го	23-го
356	1	25 »	9-го	4-го
359	2	1 снизу	составляютъ	составляющихъ
378	2	10 сверху	3-го Украинскаго	3-го Украинскаго Уланскаго
409	1	5 снизу	именины,	день рожденія,
422	1	13 »	Кирасирскаго	Гатчинскаго кирасирскаго
432	1	27 сверху	Клястицкаго	Курляндскаго
446	1	13 »	Занемогшаго холерою	Внезапно занемогшаго на смотру
497	1	25 снизу	именины	день рожденія
497	1	24 »	были	былъ
515	1	7 сверху	Кіото	Токіо.
574	2	27 снизу	купоросомъ	асафетицомъ
575	1	16 сверху	шесть	пять
641	1	20 »	въ Парижѣ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, котораго	въ Парижѣ, куда вслѣдъ за нимъ прибылъ и король прусскій, котораго
682	2	27 снизу	со дня его свадьбы	со дня его вступленія на престолъ.